START

The Emma Goldman Papers

REEL

49

The Emma Goldman Papers

A Microfilm Edition

Reel 49

Goldman Writings

January 1, 1920 to December 31, 1924

Edited by

Candace Falk

Ronald J. Zboray

and

Daniel Cornford

CHADWYCK-HEALEY INC.

Alexandria, Virginia Cambridge, England

The Emma Goldman Papers Project

Editors

Candace Falk, Ph.D
Editor and Director

Ronald J. Zboray, Ph.D
Microfilm Editor

Daniel Cornford, Ph.D
Associate Editor, Correspondence Series

Alice Hall, J.D.
Associate Editor, Government Documents

Administrative Staff

Sally Thomas
Administrative Analyst

Ami Samuels
Administrative Assistant

Jennifer Collins
Administrative Assistant

Susan Wengraf
Exhibit Designer

Research Associates

Robert Cohen, Ph.D
Dennis McEnnerney

Sarah Crome

Barbara Loomis, Ph.D
Tom Peabody

Production Editors

Ellen Ratcliffe

Jennifer Smith

Kurt Thompson

Editorial Assistants

Brigida Campos
Christopher Gales
Leigh Anne Jones
Joanne Newman
Rachel Rivera

Colleen Cotter
Susan Grayzel
Michael Katz
Kristin Penner
Maxine Snow
Jessica Weiss

Oz Frankel
Marilynn Johnson
Sherry Katz
Julia Rechter
Françoise Vergès

International Search Coordinators

Brenda Butler

Karen Hansen

International Researchers

Henrik Berggren
Paul Durden
Professor Lu Zhe
Barry Pateman

Furio Biagini
Wolfgang Haug
Gaetano Manfredonia
Eleni Varikas

Maria José Del Rio
Miguel Flamarich I Tarrasa
Kazuko Ohta
Susumu Yamaizumi

Research Assistants and Translators

Elena Balashova
Sigrid Brauner
Yvette Chalom
Simonetta Falasca-Zamponi
Jeffrey Garrett
Catherine Houndshell
Gerd Horton
Susan Kahn
Rae Lisker
Nancy Mackay
Caroline Pincus
Naomi Seidman
Elizabeth Station
Lars Tragardh

Howard Besser
Leif Brown
Roger Cook
Karl Fields
Rose Glickman
Andrew Heinz
Yoshi Igarashi
Vivian Kleiman
Delfina Marcello
Mary Odem
Elizabeth Reis
Paola Sesia-Lewis
Tyler Stoval

Khojesta Beverleigh
June Brumer
Erik Ellner
Salvador Garcia
John Guo
Rebecca Hyman
Titch Jones
Liu Zi-Jian
Caroline Massee
Sheila O'Neil
Byron Schiffman
Daniel Soyer
Jennifer Terry
Marcia Yonemoto

CHADWYCK-HEALEY INC.
Alexandria, Virginia; Cambridge, England; Paris

Copyright © 1990 by
The Emma Goldman Papers

Documents included in this publication have been reproduced with the permission of the archives in which the original documents are located.

Documents from private collections have been reproduced with the permission of the successors and heirs of the collections. Every attempt has been made to contact all successors and heirs of the private collections.

The arrangement of the pages on microfilm is the property of Chadwyck-Healey Inc., and no copy of this complete reel of microfilm may be made without the written permission of Chadwyck-Healey Inc.

In memory of Brenda J. Butler (1953-1990)

who, from 1987 to 1990, coordinated the search for Goldman documents in Europe, Asia and the Soviet Union, thus expanding the Goldman Papers collection to reflect the international dimension of Goldman's life and work.

Contents

Reel 49

Goldman Writings:
January 1, 1920 to December 31, 1924

[Minorities versus majorities. In Japanese] Shosù to Tasù / Emma Goldman. – pp. 703-713 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. – Tokyo : [192?].

[Marriage and love. In Japanese] Kekkon to Renai / Emma Goldman. – pp. 714-729 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. – Tokyo : [192?].

[The tragedy of woman's emancipation. In Japanese] Fujin Kaiho no Higeki / Emma Goldman. – pp. 730-745 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. – Tokyo : [192?].

[Letters from Russia. In Spanish] Cartas desde Rusia. Estimado señor Harris / Emma Goldman. – pp. 14-16 ; 22 cm. *In* ¿Soviet o Dictadura? – Buenos Aires ; Editorial Argonauta, [192?].

[Letters from Russia. In Spanish] Cartas desde Rusia. Estimada compañera Comyns / Emma Goldman. – pp. 16-17 ; 20 cm. *In* ¿Soviet o Dictadura? – Buenos Aires : Editorial Argonauta, [192?].

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman. – translated by E. Armand. – Orléans : Editions de l'en dehors [192?].

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman. – 3rd. ed. – New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman]. – [192?, draft].

[The teachings of the Russian revolution. In Italian] Gli insegnamenti della Rivoluzione Russa / Emma Goldman. – [(192?, newsclipping)].

[The revolutionary movement abroad. In German] Die Revolutionäre Bewegung des Auslandes / [Emma Goldman]. – p. 3 ; 33 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. – Vol 13, no. 43 (1920).

[Letters of Emma Goldman. In Russian] Pisma Emma Goldman / Emma Goldman. – pp. 24-26 ; 25 cm. *In* Volna. – no. 4 (1920).

The Tragedy of Woman's Emancipation / Emma Goldman. – p. 38 ; 41 cm. *In* The Spur [London]. – Vol. 6, no. 8 (Jan. - Feb. 1920, fragments).

[Interview] Nella repubblica del dollaro [In the republic of the dollar. In Italian] / Emma Goldman. – p. 1 ; 29 cm. *In* Il Libertario [Spezia]. – (Jan. 1, 1920).

[Revolutionary document. In Italian] Documenti Rivoluzionari / Emma Goldman. – 38 cm. *In* Il Risveglio [Geneva]. – (Jan. 17, 1920).

[Declaration of Emma Goldman to the commissioner of immigration. In Italian] Dichiarazioni di Emma Goldman al Commissariato dell' Immigrazione / Emma Goldman. – p. 4 ; 29 cm. *In* Cronaca Sovversiva [Turin]. – no. 19 (Jan. 17, 1920, transcript).

[Interview] Soviet Ark Lands Its Reds in Finland / Emma Goldman. – pp. 1,3 ; 29 cm. *In* The New York Times. – (Jan. 18, 1920).

[Interview] Bolsheviki Threaten Red Emma / Emma Goldman. – p. 1 ; 29 cm. *In* The Los Angeles Times. – (Jan. 19, 1920).

[Interview] Women Don't Want Special Comforts / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The World. – (Jan. 19, 1920).

[Interview] Crowds Welcome Ark's Passengers into Soviet Union / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The World. – (Jan. 20, 1920).

[Interview] Gli scioperi colossali di America [Colossal strikes in America. In Italian] / Emma Goldman. – p. 1 ; 36 cm. *In* Avanti [Rome]. – (Jan. 20, 1920).

[Interview] Goldman in Red Russia / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 43 cm. *In* The Los Angeles Times. – (Jan. 20, 1920).

[Interview] Bondage to Freedom / Emma Goldman. – 19 cm. *In* The Herald. – (Jan. 22, 1920).

On Release from Prison / Emma Goldman. – p. 45 ; 40 cm. *In* The Spur [London]. – Vol. 6, no. 9 (March 1920).

Emma Goldman in Diary She Kept Aboard "Soviet Ark," Repeatedly Says She Still Loves America / Emma Goldman. – p. 2 ; 42 cm. *In* The World. – (March 7, 1920).

What I Believe / Emma Goldman. – pp. 52-53 ; 40 cm. *In* The Spur [London]. – Vol. 6, no. 9 (May 1920).

Emma Goldman "Homesick" / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The New York Times. – (May 8, 1920).

[Interview] Emma Goldman Sees Tyranny in Russia / Emma Goldman. – 36 cm. *In* The New York Times. – (June 18, 1920).

Emma Goldman Sighs for a "Tongue of Fire" / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The World. – (July 1, 1920).

[A letter from Emma Goldman. In Italian] Una Lettera di Emma Goldman / Emma Goldman. – p. 5 ; 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. – (July 25, 1920).

Emma Goldman on Bolshevism / Emma Goldman. – 24 cm. *In* The New York Times. – (Oct. 9, 1920).

"I Still Love America," Writes Emma Goldman. Describes Conditions in Land of Soviets / Emma Goldman. – p. II: 6 ; 44 cm. *In* The San Francisco Examiner. – (Nov. 28, 1920).

[Interview] When Dreams Become Nightmares / Emma Goldman. – p. 12 ; 11 cm. *In* Newark Morning Ledger. – [1921?].

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. – Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.

[Against the persecution of anarchists in Soviet Union. In Russian] Protest-vozvania Rusk Anarchistov / Emma Goldman, *et al.* – pp. 20-22 ; 19 cm. *In* Volna. – no. 3 (1921).

[Bolshevik reaction against anarchists in Russia. In German] Die bolschewistische Reaktion gegen die Anarchisten und Anarcho-Syndikalisten in Rußland / Emma Goldman, *et al.* – p. 1 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – no. 18 (1921).

[The Peter-Kropotkin Memorial Committee. In German] Peter Kropotkin Memorial-Komitee / Emma Goldman, *et al.* – p. 3 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. – Vol. 14, no. 3 (1921).

[Bolshevik reaction against the anarchists in Russia. In German] Die bolschewistische Reaktion gegen die Anarchisten und Anarcho-Syndikalisten in Rußland / Emma Goldman, *et al.* – pp. 2-3 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. – Vol. 14, no. 19 (1921).

[On the Anarchist and Anarcho-Syndicalist press in all countries. In German] An die anarchistische und anarcho-syndikalistische Presse aller Länder / Emma Goldman, *et al.* – 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – no. 17 (1921).

[The Peter Kropotkin Memorial Committee. In German] Peter Kropotkin Memorial-Komitee / Emma Goldman, *et al.* – p. 1 ; 34 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 20 (ca. April, 1921).

[Anarchy. In Italian] Anarchia / Emma Goldman.– p. 3 ; 37 cm. *In* Il Risveglio [Geneva]. –(April 2, 1921).

[An appeal of anarchists and syndicalists from Russia. In German] Ein Anarchistischer und Syndikalistischer Hotschrei von Rußland / Emma Goldman, *et al.* – 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. –(April 10, 1921).

[Excerpt from Letter] Emma Goldman Complains / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The New York Times. –(April 17, 1921).

[The consequences of dictatorship. In Italian] Frutti Dittatoriali / Emma Goldman, *et al.* – 28 cm. *In* Il Risveglio [Geneva]. –(May 28, 1921).

[An appeal of anarchists and syndicalists from Russia. In German] Ein Anarchistischer und Syndikalistischer Hotschrei von Rußland / Emma Goldman, *et al.* – 30 cm. *In* Erkenntis und Befreiung [Bonn]. –(June 5, 1921).

[The Peter Kropotkin Memorial-Committee. In German] Das Peter Kropotkin Memorial-Komitee / Emma Goldman, *et al.* – p. 4 ; 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. –No. 29 (June 19-26, 1921).

[Interview] Emma Goldman on Verge of Collapse, Homesick / Emma Goldman.– p. 2 ; 29 cm. *In* The Los Angeles Times. –(Aug. 8, 1921).

[Interview] Emma Goldman on Verge of Collapse / Emma Goldman.– p. 2 ; 27 cm. *In* The World. –(Aug. 8, 1921, fragment).

[Interview] Note Americane: Intervista con Emma Goldman [From America: interview with Emma Goldman. In Italian] / Emma Goldman.– 27 cm. *In* Il Libertario [Spezia]. –(Sept. 1921).

[Interview] Not Yet Repentant, Says Emma Goldman / Emma Goldman.– 36 cm. *In* The New York Times. –(Dec. 11, 1921).

[Interview] Emma Goldman Not Penitent, She Declares / Emma Goldman.– p. 1 ; 29 cm. *In* The Los Angeles Times. –(Dec. 11, 1921).

[Anarchism and its organization. In Japanese] Museifu Shugi to Soshiki / Emma Goldman.– p. 1 ; 36 cm. *In* Ròdò Undò. –no. 1 (Dec. 26, 1921).

[Appeal of the foreign office for the creation of the Russian anarcho-syndicalist confederation. In French] Appel du bureau étranger pour la création de la Confédération Anarchiste Syndicaliste Russe... / Emma Goldman, *et al.* – [1922?, circular].

Persecutions of Syndicalists and Anarchists in Russia / Alexander Berkman and Emma Goldman. – [1922, government translation].

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman. – London : Freedom Press, 1922.

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.

[To the proletariat of the world! In German] An das Weltproletariat! / Emma Goldman, *et al.* – pp. 1-2 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeter [Berlin]. –no. 37 (1922).

[Against the impending crimes of the Russian and Polish governments. In German] Gegen das bevorstehende Verbrechen der russischen und polnischen Regierungen / Emma Goldman, *et al.* – pp. 1-2 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. –no. 43 (1922)..

[Letter from Moscow. In German] Brief aus Moskau / [Emma Goldman?].– 20 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 2 (1922).

[Urgent-appeal for help from Russian prisons. In German] Ein Not- und Hilfeschrei aus Russischen Gefängnissen / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro. – p. 1 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 3 (1922).

[The crushing of the Russian revolution. In German] Ursachen des Niederganges der russischen Revolution [Part 1] / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 21 (1922).

[The crushing of the Russian revolution. In German] Ursachen des Niederganges der russischen Revolution [Part 2] / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 34 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 22 (1922).

[The crushing of the Russian revolution. In German] Ursachen des Niederganges der russischen Revolution [Part 3] / Emma Goldman. – p. 1 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 23 (1922).

[The situation of children in Russia. In German] Die Lage des Kindes in Rußland [Part 1] / Emma Goldman. – p. 1 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 25 (1922).

[The situation of children in Russia. In German] Die Lage des Kindes in Rußland [Part 2] / Emma Goldman. – p. 1 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 26 (1922).

[Reminiscences of Kropotkin. In German] Erinnerungen an Kropotkin [Part 1] / Emma Goldman. – p. 1 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 27 (1922).

[Reminiscences of Kropotkin. In German] Erinnerungen an Kropotkin [Part 2] / Emma Goldman. – p. 1 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 28 (1922).

[The trade unions in Russia. In German] Die Gewerkschaften in Russland / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 30 (1922).

[Appeal to the proletariat of the world. In German] Aufruf an das Weltproletariat / Emma Goldman, *et al.* – pp. 1-2 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 35 (1922).

[The fate of Spiridonova. In German] Das Schicksal Spiridonowas / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 20 cm. *In* Die Revolution. – Vol. 2, no. 33 (Jan. 1922).

Bolsheviks Shooting Anarchists / Alexander Berkman and Emma Goldman. – p. 4 ; 35 cm. *In* Freedom [London]. –(Jan. 1922).

[Persecution of syndicalists and anarchists in Russia. In Swedish] Syndikalist-och anarkist-förföljelse i Ryssland / Alexander Berkman and Emma Goldman. – p. 2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. –(Jan. 7, 1922).

[Interview. The Russian revolution illuminated by Russian revolutionaries. In Swedish] Den ryska revolutionen belyses av ryska revolutionärer / Alexander Berkman, Emma Goldman and [Alexander] Schapiro. – pp. 1-3 ; 55 cm. *In* Arbetaren [Stockholm]. –(Jan. 7, 1922).

[Persecution of anarchists and syndicalists in Russia. In Swedish] Syndikalist-och anarkistförföljelse i Russland / Alexander Berkman and Emma Goldman. – pp. 1,4; 32 cm. *In* Arbetaren [Stockholm]. –(Jan. 10, 1922).

Russian Red Rule Called Barbarous by Emma Goldman / Emma Goldman and Alexander Berkman. – 22 cm. *In* The New York Evening World. –(Jan. 10, 1922).

[From Russian prisons. In German.] Aus russischen Gefängnissen / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro. – pp. 1-2 ; 35 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. –no. 3 (Jan. 12, 1922).

[From Russian prisons. In Swedish] I Ryska Fängelser / Alexander Berkman, A[lexander] Schapiro, and Emma Goldman. – 39 cm. *In* Brand [Stockholm]. –(Jan. 21, 1922).

[Cult of personality and power. Dear Pfemfert! In German] Bonzenkult und Leistung. Lieber Pfemfert! / Emma Goldman. – pp. 128-129 ; 43 cm. *In* Die Aktion. –(Jan. 21, 1922).

[From Russian prisons. In Russian] V'Tyormach Rossi / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro. – pp. 45-46 ; 25 cm. *In* Volna. –no. 26 (Feb. 19, 1922).

An Introduction: A Sketch of Alexander Berkman / Emma Goldman. – 1922 March, draft.

Emma Goldman Tells How Bolshevism Killed Real Russ Revolution. Part 1 of 10 / Emma Goldman. – 34 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 9, 1922).

Russ Revolution a Failure, Slain by Reds Themselves, Opinion of Emma Goldman. Part 2 of 10 / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 10, 1922).

Peasants Turn against Communism When Food Is Seized by Boslsheviki. Part 3 of 10 / Emma Goldman. – 35 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 12, 1922).

Torture System of Dark Ages Used by Bolsheviki to Compel "Confessions". Part 4 of 10 / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 13, 1922, fragment).

How Fares Child in Russia? Fallen into Evil Days; Ill Fed and Ill Treated. Part 5 of 10 / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 14, 1922).

On Behalf of Russian Anarchists / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro. – translated by D. DiLillo, "[Report to] Department of Justice." –(March 15, 1922).

Only One Happy Child's Laugh Heard in Whole of Russia by Emma Goldman. Part 6 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 15, 1922).

Her Body Dying by Torture, Maria Spiridonova's Spirit Still F[la]mes for Russia. Part 7 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 16, 1922).

Emma Goldman Writes of Interview She Had with Noted Slav Revolutionist. Part 8 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 17, 1922).

Rising Tide of Russian People's Energies Dammed by Bolshevik Autocracy. Part 9 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 18, 1922, fragment).

Emma Goldman Tells How Bolsheviki Whipped Trade Unions into Submission. Part 10 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 19, 1922).

Emma Goldman to Tell of Torture / Emma Goldman. – p. 1 ; 25 cm. *In* The World. –(March 22, 1922, advertisement).

Emma Goldman Quits Russia Breaking Two-Years' Silence, to Reveal Bolshevik Failure. Part 1 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. –(March 26, 1922).

Russian Revolution a Failure, Says Miss Goldman, and Slain by the Bolsheviki Themselves. Part 2 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. –(March 27, 1922).

Russia's Peasants, Their Food Seized by Bolsheviki, Turned against Rule of Communism. Part 3 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. –(March 28, 1922).

Red Terror of the Cheka, Spy, Policeman, Judge, Executioner, Described by Miss Goldman. Part 4 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. –(March 29, 1922).

How Fares the Child in Russia? It Has Fallen into Evil Days, and Miss Goldman Tells Why. Part 5 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. – (March 30, 1922).

Miss Goldman Heard but One Happy Child's Laugh in Russia; Starved to Feed "Dead Souls." Part 6 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. – (March 31, 1922).

[To the Revolutionary proletariat of the world! In German] An das Revolutionäre Proletariat der Welt! / Emma Goldman, *et al.* – p. 1 ; 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. – (April 1922).

[Appeal for the anarchists and syndicalists in Russia. In Japanese] / Emma Goldman and Alexander Berkman. – p. 3 ; 35 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. – (April 1922).

Her Body Dying under Torture, Spirit of Maria Spiridonova Still Flames for Her Russia. Part 7 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. – (April 1, 1922).

Emma Goldman's Articles Decrying Soviets Reviewed / Emma Goldman. – p. 3 ; 29 cm. *In* The World. – (April 2, 1922).

A Reminiscence of Kropotkin... Part 8 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. – (April 2, 1922).

Bolsheviki Dammed Rising Tide of Russian People's Energies, Kropotkin Told Miss Goldman. Part 9 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1, 4 ; 36 cm. *In* The World. – (April 3, 1922).

Russian Trades Unions Whipped into Submission by Bolsheviki; Yet Miss Goldman Sees Hope. Part 10 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. – (April 4, 1922).

[Appeal of the Russian revolutionaries. In Italian] Apello dei Rivoluzionari Russi / Emma Goldman, *et al.* – 24 cm. *In* L'Adunata dei Refrattari [New York]. – Vol. 1, no. 1 (April 15, 1922).

[Workers, save Maria Spiridonova! In Swedish] Arbetare, rädda María Spiridonova! / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. – no. 17 (April 29, 1922).

[The situation of children in Russia. In Swedish] Barnens ställning i Ryssland / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. – (May 20, 1922).

[Save Maria Spiridonova. In Swedish] Rädda Maria Spiridnova! / Emma Goldman. – 21 cm. *In* Brand [Stockholm]. – (May 20, 1922).

[Emma Goldman and her anarchism. In German] Emma Goldman und ihr Anarchismus / Emma Goldman. – (May 20, 1922, newsclipping).

[The situation of children in Russia. In Swedish] Barnens ställning i Ryssland / Emma Goldman. – p. 3 ; 30 cm. *In* Brand [Stockholm]. – (May 27, 1922).

[The trade unions in Russia. In Swedish] Fackföreningarna i Ryssland / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. – (June 10, 1922).

[How bolshevism killed the Russian revolution. In Italian] Come il bolscevismo uccise la Rivoluzione Russa / Emma Goldman. – p. 2 ; 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. – (June 17, 1922).

[The Bolsheviks and the Russian revolution. In Italian] I Bolscevichi e la Rivoluzione Russa [Part 1] / Emma Goldman. – 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. – (June 20, 1922).

[Impenitent cheaters. In Italian] Turlupinatori Impenitenti / E[mma] G[oldman]. – 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. – (June 22, 1922).

[The bolsheviks and the Russian revolution. In Italian] I Bolscevichi e la Rivoluzione Russa. Part 2 / Emma Goldman. – 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(June 22, 1922).

[The bolsheviks and the Russian revolution. In Italian] I Bolscevichi e la Rivoluzione Russa. Part 3 / Emma Goldman. – p. 2 ; 41 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(June 25, 1922).

[To the proletariat of the world! In German] An das Weltproletariat! / Emma Goldman, *et al.* – pp. 1-2 ; 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. – Vol. 4, no. 33 (July 1922).

[The Red terror in Russia. In Italian] Il terrore rosso in Russia. Part 1 / Emma Goldman. – p. 2 ; 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(July 6, 1922).

[The Red terror in Russia. In Italian] Il terrore rosso in Russia. Part 2 / Emma Goldman. – p. 2 ; 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(July 7, 1922).

[The Bolshevik state and the education of children. In Italian] Lo Stato bolscevico e l'educazione dell'infanzia [Part 1] / Emma Goldman. – 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(July 9, 1922).

[The Bolshevik state and the education of children. In Italian] Lo Stato bolscevico e l'educazione dei bambini. Part 2 / Emma Goldman. – p. 2 ; 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(July 12, 1922).

Persecution of Russian Anarchists: An Appeal to International Labour / Emma Goldman, *et al.* – pp. 57-58 ; 34 cm. *In* Freedom [London]. –(Aug. 1922).

[The Bolsheviks and the Russian revolution. In Spanish] Los Bolcheviquis y la Revolución Rusa. Parts 1 and 2 / Emma Goldman. – pp. 3-4 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. –(Aug. 7, 1922).

[The Bolsheviks and the Russian revolution. In Spanish] Los Bolcheviquis y la Revolución Rusa. Part 3 / Emma Goldman. – 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. –(Aug. 14, 1922).

[The Bolshevik dictatorship. In Japanese] Bolushebiki no Bòsei / Emma Goldman. – pp. 266-315 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. –Nos. 7-11 (Sept. 1922-Feb. 1923).

[A sketch of Alexander Berkman. In Spanish] Esbozo Biográfico de Alejandro Berkman / Emma Goldman. – pp. 5-6 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. –(Sept. 11, 1922).

[To the workers of the world. In Swedish] Till världens arbetare! / Emma Goldman, *et al.* – p. 2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. –(Sept. 25, 1922).

[To the workers of the world. In Swedish] Till världens arbetare! / Emma Goldman, *et al.* – 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. –(Sept. 30, 1922).

[The fall of the soviet. In Japanese] Sobiet no Tsuiraku / Emma Goldman. – pp. 274-275 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. –No. 8 (Oct. 1922).

[For the liberation of the Russian anarchists. In Italian] Per la liberazione degli Anarchici Russi: Ai Lavoratori del Mondo / E[mma] Goldman, *et al.* – 48 cm, *In* L'Adunata Dei Refrattari [New York]. –Vol. 1, no. 13 (Oct. 15, 1922).

[Against the impending crimes of the Russian and Polish governments. In Italian] Contro un misfatto preparato dal governo Russo e Polacco / E[mma] Goldman, *et al.* – 49 cm. *In* L'Adunato dei Refrattari [New York]. –Vol. 1, no. 16 (Nov. 30, 1922).

[For the persecuted Russian anarchists. In German] Für die Gemarterten Anarchisten Rußlands / Emma Goldman, *et al.* – 33 cm. *In* Die Freie Arbeiter [Berlin]. –[(1923?)].

Emma Goldman Sees the Truth / Emma Goldman. – [(1923?, newsclipping)].

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923.

Table of Contents [For My Disillusionment in Russia] / [Emma Goldman]. – [1923, draft].

[Appeal against the persecution of the Russian anarchists. In Russian] A Pomaschi Muchimim Anarchistam V'Russi / Emma Goldman. – pp. 19-20 ; 25 cm. *In* Volna. – no. 42 (1923).

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft.

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman. – 1923 March, draft, transcript.

Rudolf Rocker – 50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman. – 1923 March, draft.

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman. – 1923 March, draft.

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment].

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman. – pp. 73-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. – (1923).

[Alexander Berkman, a sketch by Emma Goldman. In German] Alexander Berkman, eine Skizze von Emma Goldman / Emma Goldman. – pp. 5-14 ; 16 cm. *In* Der Russische Tragödie / Alexander Berkman – Berlin : Verlag "Der Syndicalist", 1923.

[For the persecuted Russian anarchists. In German] Für die gemarterten Anarchisten Rußlands / Emma Goldman, *et al.* – p. 3 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – Vol. 5, no. 7 (1923).

[For the second anniversary of P.A. Kropotkin's death. In Russian] Vtoria Godovshina Smertu P.A. Kropotkin / Emma Goldman. – pp. 6-8 ; 25 cm. *In* Volna. – No. 37 (1923).

Behind the Scenes in the Ruhr Occupation / Emma Goldman. – 1923 April 3, draft.

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman. – 1923 Nov., draft.

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland / Emma Goldman. – 28 cm ; pp. 3,8. *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 4, 1923, advertisement).

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland / Emma Goldman. – 27 cm ; pp. 1,3. *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 5, 1923, advertisement).

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland / Emma Goldman. – 28 cm. *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 6, 1923, advertisement).

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

What Emma Goldman Saw in Russia / Emma Goldman. – p. 9 ; 28 cm. *In* San Francisco Examiner. – (Dec. 2, 1923).

Emma Goldman's Blue Days in Red Russia / Emma Goldman. – pp. 35-36 ; 21 cm. *In* The Literary Digest [New York]. – (Dec. 15, 1923).

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment].

Preface [to My Further Disillusionment in Russia. 2nd. rev. ed.] / [Emma Goldman]. – [1924, draft].

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman. – Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.

[Summary of Lecture] Experience in Russia / Emma Goldman. – pp. 11-14 ; 21 cm. *In* War Against War. – De Bilt : International Anti-Militarist Bureau, 1924.

[Lozovski lets the cat out of the bag. In German] Losowski lüftet den Vorhang / Emma Goldman. – p. 2 ; 34 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – Vol. 5, no. 17 (1924).

Wladimir Iljitsch Uljanow Lenin / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 44 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – Vol 6, no. 8 (1924).

["Fahnen" at the Volskbühne in Berlin. In German] "Fahnen" in der Berliner Volksbühne / Emma Goldman. – p. 1 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – Vol. 6, no. 26 (1924).

[Summary of Lecture. War to the war. In German] Krieg dem Kriege! / Emma Goldman. – pp. 2-3 ; 34 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – Vol. 6, no. 35 (1924).

Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin / Emma Goldman. – 1924, Feb., draft.

[Paral[l]el Between the Christian and the Bolshevik Myth] / [Emma Goldman]. – [1924 Feb., draft].

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman. – 1924 March, draft.

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman. – 1924 March, draft.

[Summary of Lecture] Emma Goldman Urges Workers to Down Soviets / Emma Goldman. – 18 cm. *In* Chicago Tribune. – (April 25, 1924).

[Excerpt from Lecture] Howl Down Emma Goldman / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The New York Times. – (April 26, 1924).

[Lozovsky lets the cat out of the bag. In Russian] Lozovskii Pripodimayet Zavecu / Emma Goldman. – pp. 36-37 ; 26 cm. *In* Anarkhicheskii Vestnik [Berlin]. – no. 7 (May 1924).

[The first of May in Petrograd. In German] Der erste Mai in Petrograd / Emma Goldman. – p. 1 ; 33 cm. *In* Der Frauen-Bund [Berlin]. – no. 1 (May 1924).

Preface [to My Further Disillusionment in Russia, 2nd. rev. ed.] / Emma Goldman. – 1924 June, draft.

[Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin. In Japanese] Iwan Iri'ichi Reenin Ron / Emma Goldman. – pp. 356-357 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. – no. 4 (June 1924).

"Fahnen" at the "Volksbuhne," Berlin. A Dramatic Novel in 19 Scenes by Alfons Paquet / Emma Goldman. – 1924, June, draft.

[Lozovski lets the cat out of the bag. In Spanish] Losovski levanta el telón / Emma Goldman. – pp. 3-4 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. – (June 23, 1924).

[Lozovski lets the cat out of the bag. In Japanese] Rozofusukii Doro o haku / Emma Goldman. – p. 365 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. – No. 5 (July 1924).

To the Editor [The Commune? The Persecutions in Russia] / Emma Goldman, *et al.* – 1924 July, draft.

[Summary of Lecture] Goldman in Talk Flays Soviet Rule / Emma Goldman. – p. 1 ; 29 cm. *In* The Los Angeles Times. – (July 31, 1924).

[Fahen, (Banners) at the Volksbühne in Berlin. In Spanish] Fahen, (Banderas) en el Volksbühne de Berlin. (Novela dramática en 19 cuadros), por Alfons Paquet / Emma Goldman. – p. 7 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. – (Sept. 8, 1924).

[Interview] "Red Emma" Comes to London / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Daily Express [London]. – (Nov. 10, 1924).

[Speech, Against the Bolshevik Regime, London] / Emma Goldman. – [1924 Nov. 12, draft].
[Speech, Against the Bolshevik Regime, London] / Emma Goldman. – [1924 Nov 12].
[Excerpt from Lecture] Emma Goldman on Russia / Emma Goldman. – 32 cm. *In* The Daily Herald [London]. – [(Nov.? 13?, 1924?)].
[Excerpt from Lecture] Woman Anarchist in New Role / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The Westminster Gazette. – [(Nov. 13?, 1924)].
[Excerpt from Lecture] Emma Goldman in Her New Role / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The New York Times. – (Nov. 13, 1924).
[Excerpt from Lecture] Emma Goldman Says Bolshevik Tyranny Exceeds That of Czars / Emma Goldman. – 30 cm. *In* The Minneapolis Mo[rning?]. – (Nov. 13, 1924).
[Excerpt from Lecture] Emma Goldman Says She Can Come to U.S. / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The World. – (Nov. 13, 1924).
[Excerpt from Lecture] Emma Goldman in London / Emma Goldman. – 22 cm. *In* The Manchester Guardian. – (Nov. 13, 1924).
[Summary of Lecture] "Horrors of Soviet Russia." Miss Emma Goldman's Visit to England / Emma Goldman. – p. 12 ; 29 cm. *In* The Times. – (Nov. 13, 1924).
[Excerpt from Lecture] Miss Goldman Hits Soviet / Emma Goldman. – 28 cm. *In* Los Angeles Daily Times. – (Nov. 13, 1924).
[Interview] U.S. Election Dims Emma Goldman's Hope of Returning / Emma Goldman. – [(Nov. 16?, 1924, newsclipping)].
[Excerpt from Lecture] Tells of Soviet Terror... / Emma Goldman. – 36 cm. *In* The New York Times. – (Nov. 22, 1924).
[Summary of Lecture] Emma Lives and Learns / Emma Goldman. – p. 4 ; 29 cm. *In* Los Angeles Times. – (Nov. 22, 1924).
International News: Greetings from Emma Goldman / Emma Goldman. – p. 5 ; 29 cm. *In* The Road to Freedom [New York]. – Vol. 1, no. 2 (Dec. 1924).
[Excerpt from Lecture] "Red" Emma / Emma Goldman. – p. 34 ; 36 cm. *In* The Commune [London]. – Vol. 2, no. 4 (Dec. 1924, fragment).
[The tragedy of woman's emancipation. In Italian] La tragedia dell'emancipazione femminile / Emma Goldman. – 50 cm. *In* L'Adunata Dei Refrattari [New York]. – Vol. 3, no. 48 (Dec. 6, 1924).
[Interview] Emma Goldman Weary of Bolshevism / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The New York Times. – (Dec. 7, 1924).
Emma Goldman and Russia / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The Star. – (Dec. 8, 1924).
[The Bolshevik government in Russia. In Italian] Governo Bolscevista in Russia / Emma Goldman. – pp. 27-29 ; 27 cm. *In* La Rivista Internazionale Anarchica [Paris]. – (Dec. 15, 1924).
Bolshevist Tyrants Have Made Russia a Land of Slaves, Says Emma Goldman / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 28 cm. *In* The New York Herald-New York Tribune. – (Dec. 21, 1924).

Introduction to Reels 47 through 55

The Goldman Writings Series is a collection of Goldman's published essays, essay drafts, and lectures, as well as summaries of (and excerpts from) speeches as they appeared in newspaper articles and interviews from 1890 to 1940.

The collection emphasizes Goldman's lesser-known essays and previously unpublished drafts. Essays available in recent editions or published in book form have not been included. Where possible, various editions of popular essays are part of the collection.

This document series also includes drafts of articles and lectures. Selected translations of Goldman's writings in French, Italian, German, Danish, Swedish, Norwegian, Spanish, Japanese, Chinese, Russian, and Yiddish, illustrate the international influence of Goldman's ideas during her life.

The newspaper articles reveal the public Emma Goldman as she was portrayed by the contemporary press. The articles underscore her wit, humor, and intellectual curiosity as well as her composure when confronted with hostility and sexism.

The Goldman Writing Series follows the public life of Emma Goldman from 1890 to 1940. Four periods stand apart in terms of both her activity and the attention focused on her: the years she published, edited, and wrote for *Mother Earth*, with the lively narratives of her lecture tours across the United States; her return from the Soviet Union, including her criticism of Leninism, the attacks from the Left against her anti-Leninist positions, and her responses; her brief return to the United States in 1934, a respite from the exile that separated her from her family and comrades in the United States;

and finally, the years of the Spanish Civil war: her visits to Barcelona and Madrid, her analysis of the transformations in Spain and of the controversies concerning the alternative tactics employed by Spanish anarchist organizations in their militant and political struggle against Fascism.

The Goldman Writing Series is largely self-explanatory. Users seeking contextual information about Emma Goldman's activities should turn to the informational text accompanying the Correspondence series of the microfilm.

16X

1.0
1.1
1.25
1.4
1.6
2.8
3.2
3.6
2.5
2.2
2.0
1.8

881108000

The Emma Goldman Papers

[Minorities versus majorities. In Japanese] Shosû to Tasû / Emma Goldman. — pp. 703-713 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

少數と多數

（エマ・ゴオルドマン）

一

私は現代の傾向を要約して『量』（クヮンティティ）であると云ひたい。群衆と群衆精神とは到る處にはびこつてゐる。今や私共の全生活——生産、政治、教育——は全く數と量との上に置かれてゐる。曾つて自己の作品の完全と質とにプライドを持つてゐた勞働者は、自己に對しては無價値であり一般人類にとつては有害な、多額の物品を徒らに産出する無能の自働機械に變つてしまつた。からして『量』は人生の慰藉と平和とを助くる事はせずに、ただ人間の重荷を增したに過ぎない。

政治に於ては量以外に何物も省みられない。量の增加につれて、主義、理想、正義さへは悉く多數者の爲めに沒却されてしまふ。政治上の種々な黨派は、常に虚僞と欺瞞と狡猾と陰謀を逞うして相互に主權を爭つてゐる。成功さへすれば勝利者として必ず多數者の歡迎を受ける——彼等は

881108000

The Emma Goldman Papers

[Minorities versus majorities. In Japanese] Shosù to Tasù / Emma Goldman. — pp. 703-713 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

皆なさう信じてゐる。成功——それのみが唯一の神。品性に對してどれ程の恐しい價を拂つてゐるかといふ事はまるで問題にもしてゐない。私どもは今更ら進んでこの悲しい事實を證據立てる必要はない。

政府の腐敗と墮落とがあばかれて、今のやうにはつきりと目前に示されたことはこれまでにないことである。數年の間、人民の權利自由の保護者と仰がれ、社會制度の本綱として全然批難の外に立つてきた政府が、かほどまでにユダのやゝな性質を現はさうとは、私どもの全く思ひ設けなかつたところである。

黨派の罪惡が次第に厚顏になつてきて、盲人さへそれを見分ける事が出來るやうになつた時、彼等は自黨に對する阿諛追從者を頻りに召集するの必要に迫られた。而してその權勢は愈々確立された。幾度となく欺かれ、裏切られ、蹂躙された犧牲者等はただ勝利者のたゝにのみ計つた。困惑した少數者はこの時、アメリカの自由はどうしてこんなに多數者のために裏切られたのか？と訊ねた。こんなことを敢へて行つた多數者の判斷と推理力とは何處にあつたのだらう？　多數者には推理などいふことは出來ないのだ。判斷などいふものは皆無なのだ——ただそれだけだ。徹頭徹尾獨創力と道義的勇氣とを缺いてゐる多數者は、常に自己の運命を他の手に托した。自己

の責任を負ふて立つことが出來ない彼等は、指導者の導くままに、奈落の淵までも追從しようとするのである。『われ〳〵の中で最も恐るべき、眞理と正義との敵は、團結した多數者である。呪はれた群衆である』と叫んだストツクマンは正しかつた。凡そ群衆のやうに革新を憎むものはあるまい。彼等には新しい第一步を踏み出す力もなければアンビションもないのである。彼等は常に新しい眞理の革新者、先驅者を彈劾し迫害し來つたのである。

現代は個人主義の時代であり、少數者の時代であるとは總ての政治家、社會主義者を問はず一樣に提唱し又屢々繰返される言葉である。ただ淺薄皮相に止まる人々だけはこんな見解に惑はされるかも知れない。如何にも、少數者は世界の富を蓄積した。彼等は實に現代の主人であり、絕對の帝王である。然し彼等の成功は決して個人主義の影響によるものではない。否、全く群衆の性情と怠慢と絕對服從とに起因してゐるのである。群衆はただ支配され、壓倒され、指導されんことのみを求めてゐる。凡そ現代のやうに個人主義がその完全な發想の機會を失ひ、健全な狀態で自から肯定する事の出來ぬ時代は、人類の歷史以來始めてのことではあるまいか。

正直な目的のために沒頭した、個人的特色をもつた教育家、獨創的思想を抱く文學者及び藝術家、獨立不羈の科學者或は探究家、妥協せぬ社會改良家——これ等の人々は老衰のために學識と

2

881108000

The Emma Goldman Papers

[Minorities versus majorities. In Japanese] Shosù to Tasù / Emma Goldman.— pp. 703-713 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

創造力とを全く失つてしまつた人々の爲めに、日々壁の一隅に押付られてゐる。

フエルレル型の教育者（Francisco Ferrer—革命教育家、一九〇九年九月一日、教権に反抗したとの廉でスペイン政府に捕へられ、同十月十三日獄中で銃殺された。——譯者）は現社會では何處にも容れられないのである。衆愚と自働機械の時代には、俗流に媚びるエリオツト、或はパツトラア教授のやうな人々でなければ、成功と永續とは覺束ないのである。文界及び劇界にでもヘンフレイ・ワアズ或はクライド・フイチエスのやうなのが群衆の偶像であるにひきかへて、エマアソン、トロウ、ホイツトマン、イプセン、イエツ、ステフエン・フイリツプスのやうな天才の美を認識する者は極めて少數に過ぎない。彼等は群衆地平線の遙かかなたに輝く孤獨の星辰である。出版業者、演劇主任、謂ゆる批評家等は、創作と離してはならぬ『質』を無視して、その賣れ行きと俗受けとを先づ問題にする。悲しいかな、俗衆の口は塵芥箱のやうに、心力の咀嚼を必要としないもののみを受け容れようとする。その結果、平凡陳腐な作物のみが代表的作品として歡迎されるのである。

藝術界に於いても同じ悲しき事實に面することは改めて云ふまでもない。謂ゆる藝術製造品の俗惡と醜さとが知りたければ、公園や大通りを觀察して歩けば直にわかることである。俗惡な多

數の趣味以外に、なにものかこんな藝術の蹂躙を默許することが出來よう。都市の隨所に簇立してゐる銅像の類は、悉く低級虚僞の作品のみであつて、眞の藝術に比べると恰かもミケルアンヂエロの作物に對する土人の偶像があるかの觀がある。然し、それ等が成功に價する唯一の藝術品である。社會の既成觀念に囚はれず、自在に獨創を發揮し、ひたすらライフに眞實でありたいと努力する藝術的天才は、常に慘憺零落の生涯を送る。勿論、彼の作物もいつか彌次馬の玩弄品となる時があるかも知れない。然し、それは少なくとも彼の心血が悉く注ぎ盡された後である。

今日の藝術家は、プロメシウスのやうに絶へず經濟的必迫の巖上に縛られるので、自由な創造に從事することが出來ないのであると、一般に云はれてゐる。然し、それはいつの時代にも常に眞の藝術家に伴つてゐたことなのである。ミケルアンヂエロすら保護者に依立してゐた。唯だ當時の藝術鑑識家は、現代の盲目な群衆とは遙かにその趣きを異にしてゐたのである。彼等は眞に藝術の殿堂に參することを光榮と感じてゐた人々である。

現代の藝術保護者は弗といふ唯一つの標準價値を知つてゐる。彼は傑作の眞價に關して全く沒交涉である。彼は藝術品のために支拂はるる金の價ばかりに重きを置くものである。ミルボウの「商賣は商賣だ」中の財政家はある不明な畫を指して『如何です、この傑作は、なんしろ五萬フ

881108000

The Emma Goldman Papers

[Minorities versus majorities. In Japanese] Shosù to Tasù / Emma Goldman. — pp. 703-713 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

ランですからな——』と云つた。現代成金の口吻そのままである。藝術品のために拂はるる無意味の金高は、彼等の貧弱な趣味の埋合せをしなければならない。

二

思想の獨立といふことが文明社會に於て最も許すべからざる罪になつてゐる。之が民主主義を標榜してゐる國に最も著しく現はれてゐるといふことは、甚だ意味深いことでなければならない。恐るべき多數者の力。

ウエンデル・フイリツプスは五十年以前に云つた。『絶對民主平等のわが國では輿論は萬能(オムニポテント)である許りでなく、遍在(オムニプレゼント)でもある。輿論の暴戻から逃るべき隱るべき場所もない。假令諸君が古ギリシヤの提燈(ランタン)を持つて探しまはつても、世間の評判の爲めに自己の社會上の位置や仕事の上に何んの利害得失も蒙らない人を見付出すことは不可能であらう。吾々は自己の確信を臆することなく吐露する個人の集團ではなく、他の國民に比して極めて臆病な群衆である。吾吾は相互に恐れ合つてゐるのである。』これによつて見ると、現代はウエンデル・フイリツプスを障げた當時の狀態から幾許も進んではゐないのである。

今日も當時に於ける輿論は遍在せる暴君である。現代の多數者は臆病者の群衆を代表し、自己の心靈の貧弱を遠慮なく映す人間を喜んで歡迎してゐる。それはルウズヴエルトのやうな人間が前例にない程の位置を得てゐるのでも解かる。彼は群衆心理の最惡の要素を體現してゐる政治家である。群衆の欲多數者が理想と純潔とを無視してゐるといふことをよく知りぬいてゐるのでも解かる。彼は群衆心理の最惡の要素を體現してゐる政治家である。群衆の欲求するものは見世物である。それが犬芝居であらうが、縣賞決鬪(リンチ)であらうが、黑奴の私刑であらうが、結婚披露であらうが、かまはない。精神顚倒が恐しければ恐しい程、群衆の歡喜と稱讃とが激烈になるのである。かくして貧弱な理想と俗惡な精神とをもつたルウズヴエルトのやうな人間が、時代の寵兒として名譽を博することになるのである。

然るに一方では、こんな政治上の小人の上に高く位する、教養あり眞に才能ある人々が、懦夫として嘲弄されてゐる。現代を個人主義全盛の時代であるなどと主張するのは、極めて滑稽である。現代は歷史上に繰返される總ての現象中の最も有害なものである。宗教と云はず、政治經濟上の自由と云はず、人類の進歩に對する總ての努力はすべて少數者から發生するのである。そして今日に於てもなほ少數者はたへず誤解され、迫害され、投獄され、或は殺戮されてゐるではないか。

881108000

The Emma Goldman Papers

[Minorities versus majorities. In Japanese] Shosù to Tasù / Emma Goldman. — pp. 703-713 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

ナザレの叛逆者によつて說かれた同胞主義は、それが少數者の光明である間は、生命、眞理、正義の芽を保存してゐた。然し、多數者がそれを捉へた瞬間、その偉大な主義は一種の符牒となり、到る處に苦痛と災厄とを傳播する血と火の先驅者になつた。カルヴイン、ルウテル等の巨人が、ロオマの萬能に對する攻撃は、夜の暗黑に歸く旭日のやうであつた。然しルウテルとカルヴインが政治家と變り貴族並びに群衆精神に呼應し始むると同時に、彼等は改革の本旨を危地に陷れた。彼等は多數者の味方を得て遂に成功した。けれどもその多數者は、かの舊敎の怪物と同じく、理想と理性に對する殘酷な迫害者であつた。群衆の輿論の前に低頭せぬ少數異端者は……る かな。不斷の熱誠と忍耐と犧牲とによつて、人心は遂に宗敎的妄想から覺醒し、初めて自由を得るのである。少數者は新らたな勝利の前途に猛進する。然るに年と共に虛僞に變つてゆく眞理を背負ふ多數者は、疲れた歩みを常にひきづつてゐるのである。

王者及び壓制者の權力に反抗して、一歩々々自己勝算の道を踏みしめつつ惡戰するジョン・ボール・ワツト・テイラア、テルのやうな巨人等は澤山出て來なければ、人類は永久に絶對的奴隷狀態を脫する事は至難であらう。個人的先驅者の力によらなければ、かのフランス革命の巨濤も遂に社會をその根底から震撼させることは出來なかつたであらう。大事は常に小事によつて先立た

れてゐる。カミイル・デスモリンの熱烈な雄辯は、バスチル牢獄と苛酷な政治とあらゆる傳習とを顚覆するエリコの前の喇叭であつた。

如何なる時代に於ても、少數者は常に偉大な思想と自由の旗幟を眞先に翻がへすのである。鉛のやうに縛られたる群集は何事もなし得ない。この事實はロシアで最も力强く證明された。數千の生命は血政のために犧牲となつた。しかも玉座の怪物は依然として滅ぼされない。最深最善の情緒が鐵の腕の下に呻吟してゐる時、どうして文學、敎養、思想の發達進歩を見ることが出來よう？ 惰眠を貪る不活潑愚昧のロシア農民は、言語に絶する悲慘、鬪爭、犧牲の一世紀が經つた後もなほ『白い手の人々』を絞殺した繩は幸運の御呪になると信じてゐるのである。

アメリカに於ける自由獲得の歷史でも、多數者は常にその障碍である。今日もなほジヤフアソン、パトリツク・ヘンリイ、トーマス・ペイン等の思想は後世のために拒否され、或は濱られてゐる。群衆にとつてはかういふ思想は無用なのである。リンコルンの偉大と勇氣とは當時の背景を創造した人々に於ては全く忘れられてゐる。黑人の眞の保護者はボストン、ロイド・ガリソン、ウエンデル・フイリツプス、トロウ、マダガレツト・フラア、セオドル・パアカア等の少數者によつて代表された。その人々の不屈の勇氣は巨人ジョン・ブラウンとなつて現はれた。彼等の不撓

881108000

The Emma Goldman Papers

[Minorities versus majorities. In Japanese] Shosù to Tasù / Emma Goldman. — pp. 703-713 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

の熱心と雄辯と忍耐とは遂に南方領主の要塞を顚覆した。リンコルン及び彼の徒は奴隷廢止が實行となつて現はれ、萬人によつて承認された時、始て運動に從事したのである。

約五十年以前、彗星のやうな思想が世界の社會的地平線に現出した。其の思想は全世界の壓制者を驚かし、戰慄せしめた。遠大な革命的な思想は又萬人の歡喜であり希望であつた。バイオニヤアは彼等を遮る道の如何に險惡であるかを自覺してゐた。あらゆる迫害と反抗と艱難と痛苦とが彼等を待つてゐるといふ事を知りぬいてゐた。然し彼等は自若として彼等の信ずる道に進み、進んだ。今や其の思想は全世界のスロオガンとなつた。今日では人は皆な一個の社會主義者である。富豪とその哀れむべき犧牲者と、法律と權威の維持者と不幸なる犯罪者と、自由思想家と虛僞の宗教德道者と、流行界にときめく淑女と襤褸をまとふ工女と、皆な等しく社會主義者である。然るに五十年以前の眞理は全く虛僞と變つてしまつた。當時の盛なる青春の意氣と勢力と革命的理想とは悉く萎縮し去つたのである。何故にこんな現象が生じたのであらう？　その思想は今は美しい幻影ではなく、多數者の意志を基礎として行はるる『實際的計劃』と變つたからである。政治權謀は永久に虐げられた哀れな群衆の稱讚を歌つてゐる。

三

私は總ての選擧者と共に、如何に群衆が常に簒奪され、利用されつつあるかを知つてゐる。此の恐るべき狀態に對して當然責任をもつべきは寄生虫ばかりでなく、群衆それ自身であると主張したい。群衆は常にその主人に屈從し、鞭韃さるるを好む。而も一度、朽廢した制度と資本家の神聖に對する反抗の聲が擧がる時、『十字架につけよ！』と眞つ先に叫ぶ者は實に彼等である。群衆が兵士で、獄吏で、死刑執行者である意志がなければ、如何して當局者と私有財産の存在を維持することが出來よう。私が改めて云ふまでもなく、これは社會黨の首領もよく心得てゐる事である。然し、彼等の生活法が權力の永續を意味してゐるので、彼等は多數者の効力といふ神話を主張してゐる。如何にも、權力と强迫と從屬とは群衆を基礎として成立されてゐる。然し、個人の自由を主張し得る自由な社會の出現は、到底望むことが出來ないのである。

から云ふ私は、必ずしも地上の追放者と被壓制者に對する同情がないからではない。又、彼等の送る生活が如何に悲慘であり、侮辱されたるものであるかを知らないからでもない。私はただ善の創造力を缺いてゐる故に、群衆を唾棄するのである。否、否、私は唯だ彼等が一團の群衆と

881108001

The Emma Goldman Papers

[Marriage and love. In Japanese] Kekkon to Renai / Emma Goldman. – pp. 714-729 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. – Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

して何んの正義平等も代表し得ない事を、あまりによく知りぬいてゐるから。彼等は人類の精神を壓服し、肉體を束縛した。群衆は人生を沙漠のやうに單調な灰色化することばかりを目的とする。彼等は常に獨創と個人主義と自由思想の絶滅者である。『群衆は淺薄で不具で彼等の要求と勢力とは常に有害である。彼等に媚びる必要は決してない。彼等はただ教育さるべきである。私は群衆に對して讓歩すべき何ものも持つてはゐない。私は彼等を訓練し分離させて、優秀なる個人を選拔しようと欲するばかりである。群集！　彼等は禍だ。群衆は無用である。私は唯だ正直な男子と美しく愛らしい賢い婦人とを要求する』とエマアソンは云つた。私はその言葉を彼と共に信ずる。

言葉を換へて云へば、健全な社會狀態の幸福と眞理とは、ただ聰明な少數者の妥協せざる熱心と勇氣と決斷によつて實現されるのである。

結婚と戀愛

（ゴオルドマン）

一

結婚と戀愛に關する一般の觀念は、それが同意義であり、同じ動機から湧き出し同じ人間の必要を蓋ふてゐると云ふのである。大抵の通俗觀念と同樣にこれも亦事實に基づかず、迷信に基づいてゐるのである。

結婚と戀愛とは共通の何物も持つてはゐない。兩者はまるで兩極のやうに離れてゐる。實際、相互に敵視してゐるのである。勿論ある結婚は戀愛の結果であつた。然し、戀愛が結婚に於てのみそれ自身を肯定することが出來るからだと云ふのではない。寧ろ大抵の人が習俗をまつたく脫する事が出來ないからだ。今日では多數の男女にとつて、結婚は喜劇以外の何物でもない。ただ輿論の爲めにそれに服從してゐるばかりである。兎に角或る種の結婚は戀愛を土臺としてゐるこ

881108001

The Emma Goldman Papers

[Marriage and love. In Japanese] Kekkon to Renai / Emma Goldman. – pp. 714-729 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. – Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

とは事實でもるし、また、その戀愛が結婚してからも繼續してゐるものもあるのは事實ではあるが、私はそれが結婚とはまつたく關係がないものであり、又それが爲めだと云ふやうなことを主張したくないのである。

それに又、戀愛が結婚の結果だと云ふのが既に全然間違つてゐる。極く稀れな場合に、夫婦が結婚後初めて戀に落ちると云ふ奇蹟的現象を聞くこともあるが、よくよく檢べて見ると、やむを得ない場合に於ける單なる調停妥協だと云ふことが發見されるだらう。相互間に漸次に生じて來る戀愛は、自發、熱烈性、戀愛美などと云ふものからは遙かに遠い。それ等のものが缺けてゐれば、結婚は男女兩者にとつてみじめなものとならなければならない。

結婚は元來經濟的の取り極めであり、保險の契約のやうなものである。普通の生命保險の契約と違ふところは、ただそれが一層結合的で精確だと云ふにとどまつてゐる。その拂ひ戻しは掛金に比べてふ話しにならないほど僅少である。保險にはいる人は一時に澤山拂ひ込んでも僅かづつ拂ひ込んでも、或は都合上支拂ひを途中で中止してもそれは自由である。然し女が一度結婚保險にはいれば自分の名前、私生活、自尊、並に生命までも『死が分かつまで』捧げて一生夫の爲めに支拂はなければならない。更に結婚保險は女に生涯の從屬を宣告し、個人としても公人として

も全然不用な寄生的なものとする。男も亦結婚稅を支拂ふ、けれど女よりその範圍が廣いから、女の場合のやうに結婚は男を制限しない。男はただ自分の束縛を經濟的の意味で一層感ずるようになる。

斯うしてダンテの地獄の扉銘が、同じ力を以て結婚に應用される。

『此處に入り込む汝等は總ての希望を後に見棄つ。』

二

結婚が失敗だと云ふことは餘ほどの馬鹿でない以上は拒まないであらう。離婚の統計を一目見たら、誰れでも結婚がどれほど苦い失敗であるかを明らかに見ることが出來るだらう。また、離婚法が緩漫になり、彼女が段々ふしだらになつて來たと云ふ、型にはまつたフイリスチン流の議論も左の事實を說明することは出來ないだらう。第一、結婚は十二に一つ離婚に終つてゐる。第二、一八七〇年以來、離婚の數が十萬の人口に對して二八パアセントから三七パアセントに增加した。第三、一八六七年以來、離婚條件としての姦通の數が二七〇・八パアセント增加した。第四、置き去りが三六九・八パアセント增加した。

8

881108001

The Emma Goldman Papers

[Marriage and love. In Japanese] Kekkon to Renai / Emma Goldman. – pp. 714-729 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. – Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

これ等の驚くべき統計に加ふるに更にこの問題を說明する文學戲曲の取材が多量にある。ロバアト・ヘリックの "Together"、ビネロの "Mid Channel"、ユジエンオルタアの "Paid in Full" それからまだ外に澤山の著者が結婚の乾燥、單調、陋劣、不滿足等を擧げ、調和と理解の要素を缺いてゐるものだと論じてゐる。

考へ深い社會研究學者は、この現象に對する淺薄な通俗的辯解では滿足しないだらう。彼はもつと深く兩性の內部生命に突き入つて、なぜ結婚がそんなに悲慘なものであるかを知らうと欲するであらう。

有ゆる結婚の裏面には兩性の一生の累圍氣がまつわつてゐる。その累圍氣はお互ひに異つてゐるので、男と女とは永久に他人でなければならないとエドワアド・カアペンタアは云つてゐる。迷信や風俗や習慣の超へ難い障壁によつて分離されてゐても、結婚はお互ひに對する知識や尊敬を發達させる力を持つことは出來ない。それが無くてはどんな結合も失敗に終るのである。

有ゆる社會的虛僞の憎惡者ヘンリツク・イブセンは恐らくこの大眞理を實現しようとした最初の人であつた。ノラが夫を棄てる——それは愚劣な批評家が云ふやうに、彼女が自分の責任に倦惡を來たし、婦人の權力の必要を感じたからではなく、彼女が八年間見ず知らずの他人と生活し

て子供を生んだと云ふ事を自覺したからだ。二人のあかの他人が一生親密の關係を送ると云ふより以上に、陋劣な墮落した事があり得ようか。女は夫の收入以外に夫に就いては何事も知る必要がないのだ。また男が女に對する知識と云つては彼女が御氣に召す顏付きをしてゐると云ふほか何もないのだ。彼等は未だ女には靈魂がなく、彼女は單に男の附屬品で便宜上自分自身の影法師を恐がつてゐる程、强い男の肋骨から造られたものだと云ふ神學的の神話以上に、進んではゐないのだ。

恐らく、女が劣等だと云ふ事に就いては女の作られた材料の哀れな性質が責任を持つことであらう。兎に角女には靈魂がない——女に就いて知るべき何物があるのだ？　のみならず、女に靈魂の分子が少なければ少ない程、妻としての價値が大きくなり、更に容易に夫に同化し得ると云ふのだ。永い間、謂ゆる結婚制度なるものを保存したのは、この男尊說に對する奴隸的默從である。今や女は眞に主人の恩惠から離れた存在物として自覺し始めた。そして神聖な結婚制度は次第に顚覆されつつある。そしてどんな感傷的悲哀もそれをとどめることは出來ない。

881108001

The Emma Goldman Papers

[Marriage and love. In Japanese] Kekkon to Renai / Emma Goldman. – pp. 714-729 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. – Tokyo : [192?].

Obtained from the University of Califomia, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

一般の娘達は大抵幼い時から結婚が彼女の最終目的であると話される。だから彼女の訓練と教育とはその目的に向つて導かれなければならない。口のきけない動物が屠殺の爲めに肥らせられるやうに、彼女は結婚の爲めに用意される。けれど、可笑しいことには、彼女が妻や母としての職務に就いて知ることを許されてゐるのは、普通の工人がその職業に關して知るよりはずつと少ない。立派な少女が結婚關係に就いて知るのは無作法で野卑だと云ふのだ。おお、その尊敬の矛盾の爲め、結婚醵約を必然に不潔なものから最も純潔な最も神聖な取り極めに轉じて、何人も敢へてそれを尋ね、或は批判することを許さない。けれど、それが確に結婚主張者の一般の態度である。未來の妻と母とは性と云ふ優先的範圍での彼女の唯一の財產に關して全く無知にされてゐる。かうして彼女は或る男と一生の關係にはいつて發見するのは、自分が性と云ふ最も自然な健康な本能によつて限りなくおびやかされ、反抗され、蹂躙されてゐることだ。結婚によつて生ずる不幸、悲慘、失望、並に生理的苦痛の大部分は、かの立派な德として讃美されてゐる性の事柄に關する罪惡的無知に歸すると云つても差支はなからう。この悲しむべき事實の爲め、多くの家庭が破滅に終つたと私が云ふのは、決して誇張ではない。

けれど、若し女が充分自由に成長して、國家若しくは敎會の裁可なしに性の秘密を學ぶなら、

彼女はまつたく『善良』な男の妻となるに不適當だとして罪を宣告されるだらう。男の善良と云ふのは空つぽな頭と金が澤山にあると云ふに過ぎない。生命と情熱とに充ち、健康で成熟した婦人が自然の要求を否定し自分の最も痛切な欲求を抑制し、その健康を毀がへし、精神を破り、夢想を妨げ、性的經驗の深さと光榮とを捨てて、『善良』な男が妻として彼女を連れに來るまで待つと云ふこと以上にもつと殘酷な事があるだらうか？　結婚とは確かにこれなのだ。このやうな組み立てが失敗に終らないで何に終るだらう？　これがかなり重要な結婚の一要素で、結婚を戀愛から區別するものなのである。

今は實際的時代である。ロメオとジュリエツトが、かれ等の兩親の憤怒を買して戀し合ひ、グレチエンが戀愛の爲めその隣人の噂さに上つた時代は過ぎた。たとへ稀れな場合に若い人等が贅澤なロオマンスに耽ける事があつても、かれ等は年長者の監視を受け、かれ等が『性根づく』まで訓練され、搗き碎かれる。

少女に注ぎ込まれる敎訓は、男がどのやうに彼女の愛を呼び起したかではなく、寧ろ『いくら』かと云ふ事にある。男が生活することが出來るか？　彼は妻を扶養することが出來るか？　これが實際的アメリカ生活の重要な唯一の神だ。そして結婚を正當と認める唯一の條件なのだ。これ

10

881108001

The Emma Goldman Papers

[Marriage and love. In Japanese] Kekkon to Renai / Emma Goldman. — pp. 714-729 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

が次第にあらゆる少女の思想に浸透する。彼女の夢は月光と接吻でもなく、笑と涙とでもない。彼女は買物まわりと帳場とを夢見る。この靈性の貧弱と野卑とが結婚制度に固有な要素である。國家と教會とは他の何等の理想をも承認しない。何故なら、國家と教會とは單に男女を支配する必要上の手段に過ぎないからである。

勿論、戀愛を金錢以上に考へてゐる人達がないことはない。特に此の事は經濟的必要が餘儀なく獨立を促した階級の人々にとつて眞である。かの巨大な原動力によつて動かされた驚くべき婦人の地位の變化は、婦人が產業の角逐場に入りこんで以來、如何に僅少の時日を經過したかを省みる時には、誠に驚嘆せざるを得ないのである。六百萬の婦人賃銀勞働者、男子と同等な權力を有し、男子と等しく利用せられ掠奪せられ、ストライキを企て、否、餓死にすら與かる六百萬の婦人！　閣下、これ以下の事がありませうか？　さうです、人生のあらゆる道程にあつて最高な頭腦の勞働から鑛山或は鐵道の勞働、否、探偵及び巡査の職にすら從事する六百萬の婦人賃銀勞働者。たしかに解放は完成されたのです。

併しこれにも關はらず、婦人賃銀勞働者の大軍中の極めて少數は、男子と同じく勞働を不斷の流出と見做してゐる。男子は如何に老衰しても、自由獨立を敎へられた人間だ。おお、私は何人

もわが經濟的踏み臺中に在つて眞に獨立することの出來ないのを知つてゐる。而も尤も哀れな男の標本も寄生者たることを惡む。否、少なくとも寄生者であると知られることを憎んでゐる。

婦人勞働者は自己の位置を一時的と考へ、最初の入札者によつて投げ出されることを豫期してゐる。それが男子より婦人の組合を組織する事が如何に困難であるかの理由である。『どうして私は組合などに加盟しませう？　私は結婚して家庭を造らうとしてゐるのです。』彼女は幼少からそれを以て最終の天職と見做すことを敎へられなかつただらうか。然し、彼女は家庭がたとへ工場のやうな大きな牢獄でないとしても、一層堅固な戸と閂を持つてゐることを學ぶのである。家庭はどんなものでも脫れることが出來ない忠實な番人を持つてゐることは、家庭が、もはや賃銀奴隷から彼女を自由にするところではなく、單に彼女の仕事を增加することである。

『勞働、賃金、並に人口集積』に關する委員に附托された最近の統計によると、ニユウヨオク市の勞働者中既婚者は僅かにその一割に過ぎない。而もかれ等は世界中で最も低廉な賃金によつてその勞働を繼續しなければならないのだ。この恐るべき現象に加ふるに家庭の勞役が伴ふのである。斯うして家庭の保護と光榮の何ものが殘されるのであらう？　實際、結婚した中流の少女で

881108001

The Emma Goldman Papers

[Marriage and love. In Japanese] Kekkon to Renai / Emma Goldman. — pp. 714-729 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

さへ自分の家庭に就いて話す事は出來ないのだ。彼女の周圍を作り出すのは男だからだ。夫が獸か愛人かと云ふことは重要ではない。私が證據立てようと望むのは、結婚が婦人に家庭を保證するのは單に夫の恩惠によつてのみだと云ふことだ。そこで彼女は年中夫の家庭で働きまわつてゐる。その中に彼女の人生や人事に對する見解が彼女の周圍のやうに平凡、狹隘、蕪雜になる。よし彼女がグヅでくだらなくなく、口やかましく、おしやべりで堪らないやうにして、遂に男を家庭から運び出すやうになつても少しも不思議はない。彼女は行きたくても行くことが出來ない。行くべき場所がないからだ。のみならず、大抵の婦人は結婚すると間もなく有ゆる能力を全く失ひ、外界に對しては絶對に無能なものになる。彼女の外貌は不注意になり、動作は醜くなり、決斷が從屬的になり、判斷が朦病になり、大抵の男が憎惡侮蔑するやうな荷厄介なものになる。

併し若し結婚がないとしたら、子供はどうして保護されるだらうか？　結局これが尤も重要な理由なのではあるまいか？　何と云ふ虛僞、僞善的な言ひぐさだらう！　結婚が子供を保護しても、貧乏で家のない子供達が數千人ゐるではないか。結婚が子供を保護しても、孤兒院と感化院とは充ち溢れてゐるではないか。そして小兒虐待防止會は常に『愛する』兩親から小さい犧牲者を救ひ出し、かれ等の兩親より更に親切な小兒保護會の手許に彼等を置かうと努めつつあるではな

いか。嘘、なんと云ふ侮辱だらう。

結婚は『馬を水邊に連れて行く』力を持つてゐるかも知れない。然し、馬に水を飲ませる力は持つてゐない。法律は父を捕縛して彼に囚人の衣服を着せる。だが、それで子供の飢餓をとどめる事が出來たか？　若し父親が仕事を持たず、或は僞名した場合に、結婚はどうするか？　結婚は法律に訴へてその男を『Justice』（裁判）に連れて來る、彼を家内に安全に閉ぢ込める。然し彼の勞働は子供の爲めにはならず、國家の爲めになる。子供はただ父の着物のかすかな記憶を受取るばかりである。

四

謂ゆる婦人の保護――そこに結婚の呪咀が横たわるのだ。結婚は眞に彼女を保護しないばかりでなく、保護といふ思想そのものが既に嫁忌すべきである。これは實に人生を蹂躙侮辱し、人間の威嚴を貶すものである。この寄生的制度は永久に廢却すべきである。

それは資本制度と相對する根本組織と相似てゐる。それは人間天賦の權を剝奪し、その生長を防止し、肉體を毒し、人間を無智、貧窮、從屬的にし、而して後、人間自身の最後の痕跡に榮ゆる

881108001

The Emma Goldman Papers

[Marriage and love. In Japanese] Kekkon to Renai / Emma Goldman. — pp. 714-729 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

慈善を形成する。

結婚制度は婦人を寄生者とし、絶對の從屬者とする。結婚は、生の闘爭に對して彼女を無能にし、彼女の社會的意識を根絶し、彼女の想像力を麻痺し、而して後、その恩惠的保護を称する。それは眞に人間品性に對する係蹄であり、モヂリ詩文である。

若し母たることが女性の最高の完成なら、戀愛と自由以外のどんな保護が必要だらう？ 結婚は單に彼女の完成を蹂躙し、腐敗させる。結婚は婦人に對して『おまへが私について來る時にだけおまへは生命を産み出すだらう』と云はないであらうか？ 若し彼女が母權を買ふのに彼自身を賣ることを拒むなら結婚は彼女を貶しめ、辱しめないだらうか？ 結婚はたとへ彼女が憎惡と強迫によつて受胎することがあつても、母權を裁可！ないのであらうか？ 若し母たることが自由撰擇であり、戀愛と大歡喜と熾烈な情熱の結果であるなら、結婚は無辜の頭上に荊棘の冠を置き、血文字にて私生兒てふ恐るべき言葉を彫きないであらうか？ 若し結婚がその宣言するあらゆる諸德を含んでゐるなら、母たることに反する罪惡は結婚を永久に愛の領土から放逐するであらう。

人生の全般にわたつて最も强く最も深い要素である戀愛、希望と歡喜と至樂の先驅者、あらゆる律法と因習の侮蔑者、人間運命の最も自由にして最も力强い型成者たる戀愛——此の總てを壓倒する力が、なんで國家と教會から生れた雜草の如き結婚と同意義であり得よう？

自由戀愛？ まるで戀愛が自由以外のもののやうだ！ 人間は澤山の知慧を買つた。けれど全世界の數百萬人は戀愛を買ふことに失敗した。人間は肉體を征服した。けれど地上のあらゆる權力も遂に戀愛を征服することは不可能であつた。人間は總ての國民に打勝つた。けれどその軍隊は戀愛を征服することが出來なかつた。人間は精神を拘束した。けれど彼は戀愛の前には全く無力であつた。黄金の力が及ぶ限り綺羅を盡した王位に高く座しても、戀愛が彼をよけて通れば、その人は寂しく哀れである。戀愛のある處は、最も貧しい小屋でも生命と色彩で溫かく輝いてゐる。かくして戀愛は乞食を王者と化す魔力を有つてゐる。さうだ、戀愛は自由である。戀愛は自由以外の如何なる雰圍氣中にも住むことが出來ない。自由に於てのみ戀愛はそれ自身を充分完全に與へることが出來る。宇宙に於けるどんな律法も、どんな法廷も、一度根ざした戀愛を土から引き放すことは出來ない。けれど、若し土地が不毛なら、結婚はどうして果實を收穫することが出來るか？ それは消え行く生命の死に對する最後の絶望的闘爭のやうなものである。

戀愛は保護を必要としない。それはそれ自からの保護をもつてゐる。戀愛が生命を生んでゐる

13

881108001

The Emma Goldman Papers

[Marriage and love. In Japanese] Kekkon to Renai / Emma Goldman. — pp. 714-729 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

間、愛情の缺乏の爲めに子供が棄てられたり、飢えたり、餓死したりすることはない。私はこれが眞であるのを知つてゐる。どんな子供等でも自由に母になつた婦人を澤山に知つてゐる。私は自分の愛した男によつて自由に母になつた婦人を澤山に知つてゐる。とはむづかしからう。

政府の擁護者は自由母權の到來を恐れてゐる。それはかれ等の餌食を奪はれることを心配するからだ。誰れが戰爭をするのか？　誰れが富を造り出すのか？　若し婦人が小兒の無差別な養育を拒むなら、誰れが巡査になり、獄吏になるのか？『種族！　種族！』と帝王や、大統領や資本家や、牧師が叫ぶ。婦人が墮落して單なる機械になつても種族が保存されなければならない——そして結婚制度は婦人の有害な性の目覺めに對する唯一の安全な扉だと云ふのだ。けれど奴隷狀態を維持しようとするこれ等の暴虐な努力は無駄だ。教會の布告も、支配者の狂的攻撃も、律法の權力も無駄だ。婦人は最早病弱不具な、そして貧乏と奴隷の軛を打破する力も道義心をも持たないやうなみじめな人間の生産に與かることを願はない。彼女はそれに引きかへ戀愛と自由撰擇によつて生れ、育てられる少數のよりよき子供等を願望する。結婚の科するやうな强迫によつてではないのだ。わが似非道學者等は自由戀愛が婦人の胸中に喚び覺した小兒に對する深い義務の

觀念を學ばなければならない。滅亡と死のみを呼吸する寮園氣中に生命を產出するより、寧ろ彼女は母權の光榮を永久に棄てるであらう。若し彼女が母になるなら、彼女の存在が與へ得る最善のものを子供に與へるべきである。子供と一緒に生長することが彼女の座右銘だ。かくしてのみ、彼女は眞の男と女との建設を助くることが出來るのを知つてゐる。

イプセンは、彼が巧妙にアルギング夫人を描いた時は、自由の母のまぼろしを見てゐたにちがひない。彼女は理想の母であつた。彼女は結婚とそのあらゆる恐怖を乘り越した。彼女は自からの鎖を打破して、彼女の自由精神を高揚せしめ、遂に再新せる强い人格を得た。惜しいことに、彼女は彼女の生の喜びであるオスワルドを救ふに間に合はなかつた。然し自由戀愛が美しい生活の唯一の條件だと云ふことは充分に實現し得たアルギング夫人の如く、血と涙を拂つて精神的覺醒を得た人々は、結婚を虛僞、淺薄、空虛な侮辱として拒絕する。かれ等は戀愛がただ短期間續くとも、或ひは永遠に續くとも、それが新種族新世界を創造し、鼓舞し、高揚する唯一の根底であることを知つてゐる。

われ〳〵の現在の矮小な狀態に於ては、戀愛は實際大抵の人々にとつてあかの他人である。誤解され嫌忌されて、根ざすことは稀れだ。よし偶々根ざしても、やがて枯れ凋んでしまふ。戀愛

14

881108002

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In Japanese] Fujin Kaiho no Higeki / Emma Goldman.— pp. 730-745 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

のデリケエトな織綵は日々挽き碎かれる壓迫に耐へることが出來ない。その靈魂はあまりに複雜だから、社會組織の粗り強い綵にそれ自からを適合させることが出來ない。戀愛はそれを要求する人々と共に歎げき、悶え苦しむ。而も愛の絶頂に登る能力を缺いてゐる。

いつか、いつか男と女とは立つて、その最高峰に到達するであらう。かれ等は大きく、强く自由に生長して出合ふだらう。そしてかれ等は準備して相互に愛の光輝に與かりその中に浴するであらう。どんな幻想、どんな想像、どんな詩的天才が、男女の生活中にかくの如き力の可能を先見し得るだらう。若し世界が眞の交友と一致團結とを生み出すとすれば、その親は結婚ではなく戀愛だらう。

婦人解放の悲劇

（ゴオルドマン）

一

人類の間に存する種々なる集團の根本的差異を論ずるあらゆる政治及び經濟上の學說、階級と種族の差異、女權と男權とを劃する總ての人工的境界線などといふ、樣々なものが在るにもかかはらず、私は、このやうな色々な差異は次第に成長して、完全な一つのものになる日が、いつか來るといふ確信を抱いてゐる者だといふことを、豫め含んで置いて頂きたい。

と云つた處で、私は別に平和條約を提供しようといふのではない。今日の社會生活の全般を通じての、幾多の矛盾せる利害關係の勢力から生じて來る社會的鬪爭は、正しい經濟上の原理を基礎とした社會的生活改造の實現と同時に微塵に碎かれてしまふであらう。

兩性や個人間の平和とか、調和といふことは、必ずしも人類の淺薄な平等といふ事にのみ基づ

15

881108002

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In Japanese] Fujin Kaiho no Higeki / Emma Goldman.— pp. 730-745 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

くものではない。或は又、個性及び個人の特長を沒却するといふことでもない。一番近い將來が解決しなければならない、今日當面の問題は、如何すれば人は自分自身であると同時に、他の人人とも一つになり、全人類と深く感ずると共に、各自の個性を維持してゆけるかといふことである。これが群集と個人と、眞の民主々義者と個人主義者と、或は男と女との間の如何を問はず、悉く何等の反抗衝突なしに握手し得る根底土臺であると私には思はれる。私どもの座右銘は『おたがひに許しあへ』と云ふのではなく、寧ろ『おたがひに理解せよ』と云ふのでなければならない。よく引照されるスタエル夫人の『總てを理解するといふことは總てを許すことである』といふ文句に對して、私はこれまで特に感心したことは一度もない。その文句には、なんとなく懺悔室の臭ひがついてゐる。自分の同胞を許すといふ言葉は、傲慢なパリサイ人でも云ひさうな文句である。同胞を理解すると云へばそれで澤山だ。婦人解放とその全性に及ぼす影響に對する私の見解の根本的方面が、これによつてほぼ讀者に推察せらるる事と思ふ。

解放は婦人をして最も眞實な意味に於て人たらしめなければならない。肯定と活動とを切に欲求する女性の中のあらゆるものが、その完全な發想を得なければならない。總ての人工的障碍が打破されなければならない。大なる自由に向ふ大道に、數世紀の間横たはつてゐる服從と奴隷の

足跡が拂拭せられなければならない。

これが婦人解放運動のそも〳〵の目的であつた。然るにその運動の齎らした結果は反つて婦人を孤立せしめ、女性にエッセンシャルである幸福の泉を彼女から奪つてしまつたのである。單なる外形的解放は、近代の婦人を人工的の者と化し去つた。それは恰かもかのフランスの植木家がつくる、ピラミツト形、車輪形、或は花環形の奇體な草木をただ聯想させるだけで、婦人の本性の內的な發想によつてのみ達せらるる何の形をも現はしてはゐないのである。斯うして人工的に成長した女性植物の大多數は、特に現社會の謂ゆる知識階級中に見出されるのである。

婦人のための自由と平等！　この言葉が、初めてかの高潔勇敢なる人々によつて發言せられた時、どんな希望と向上心を女性の間に呼び醒したであらう。太陽はあらゆる光輝と榮光をもつて新世界に臨まうとした。そして、この新しい世界で、婦人は自己の運命を導くために自由にならうとした——其の目的は確かに偏見と無知の世界に對し、總てのものを賭して戰つた男女先驅者の偉大なる熱誠と勇氣と忍耐と不斷の努力とに値したのである。

私の希望も亦、素よりその目的に向つて進んでゐるのである。しかし私は今日實際解釋され、適用されてゐる婦人の解放は、その偉大なる目的に達する事を誤つたと主張したい。今や、眞に

16

881108002

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In Japanese] Fujin Kaiho no Higeki / Emma Goldman.— pp. 730-745 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

自由を切望する婦人は、其の解放から再び自己を解放せねばならぬ必然に面してゐるのである。これは如何にもパラドキシカルに聞えるかも知れない。しかも、それは唯だあまりに眞である。

婦人は解放を通じて如何なることを成し遂げ得たか？　結果は僅かに數洲に於ける選擧權の獲得となつて現はれたに過ぎない。（これは米國の場合に就いて云つてゐるのです、——譯者）それは果して多くの好意を抱いてゐる代表者が豫言したやうに、わが國の政界を純化し得たであらうか？　確かにさうではない。從つて今や健全明晰なる判斷を有する人々は、かの學校の寄宿舍でのやうな口吻で、政界の腐敗を論ずることを當然止めなければならない。政治の腐敗は種々な政治上の人物の德不德と何の交涉もないのである。その原因は全く物質的のものなのである。『奪ふ者は與ふる者よりも幸福なり』『安く買つて高く賣れ』『汚れたる一つの手は他の汚れたる手を洗ふ』——政治とは畢竟斯ういふ座右銘を有つてゐる實業界の反映に過ぎないのである。謂ゆる選擧權をもつてゐる婦人でも、こんな政治界を廓清する希望は殆んど絕無なのである。

二

解放は又男子と平等の經濟的獨立を婦人に與へた。卽ち婦人は各自の好きな職業に從事することが出來るやうになつた。然しながら、婦人の過去と現在の體力修養が、男子に拮抗すべき必然力を充分具へて置かなかつたが爲に、婦人は屢々男子と同等な市價を得るためには全神經を緊張させ、全精力を消耗し盡さなければならない。結果は婦人の不成功に終つてゐる。女教師、女醫者、女辯護士、女建築家、女技師等は、男子の競爭者のやうな信用と報酬とを得てはゐない。そして偶々その憧憬れた平等に達する事が出來たとしても、一般に身體と精神の健全とを犧牲にしてゐるのである。大多數の婦人勞働者のやうに、家庭の狹隘と自由の缺乏とが唯だ、工場、デパアトメントストア、事務所等に移されたばかりだとすれば、果してどれほど眞の獨立を得て居るであらうか。のみならず、終日の激しい勞働の後、『ホーム、スヰートホーム』を求むる多數の婦人の上に冷やかで氣持の惡い、不秩序で不快な家庭の重荷が背負はされるのである。光榮ある獨立よ！　數百の少女が、帳場、ミシン機械、或はタイプライタアの後にかくれた『獨立』に痛み疲れて、結婚の最初の申込をよろこんで承諾するのは少しも怪しむにたらぬ事である。彼等は親權の桎を脫れようとする中流の少女のやうに結婚を待ち望んでゐる。單に衣食の道を得させる謂ゆる獨立とは、そのために總てを犧牲にする事を婦人に期待するほど理想的なものでもなく、又歡慕すべきものでもない。私共があまりに高く賞めすぎる獨立とは、畢竟、婦人の天性、愛の本

17

881108002

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In Japanese] Fujin Kaiho no Higeki / Emma Goldman.— pp. 730-745 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

能、及び母の本能等を鈍痲する方法に過ぎないのである。

それにも拘らず、少女勞働者の位置は、より多く敎養を要する職業に從事する、一見しては幸福のやうに見ゆる姉妹達の位置よりも、より自然で又人間的である。かの體面を維持するに急がしい敎師、醫師、法律家、技師等の姉妹の內部生活は、其の實、日に日に空虛に凋死しつつあるのである。

現在に於ける、婦人の獨立と解放の觀念が狹義に解されること、自分と社會上の位置の同等でない男子を戀する恐怖、戀愛が自分の自由と獨立とを奪うだらうとの危惧、母としての愛と喜びが職業に全力を捧ぐることを障げる事の杞憂——總てかういふ意識の集合は、近代の解放された婦人を强迫的に尼僧にしようとするのである。人生は、彼女の前に、其の偉きな清い悲哀と、深く恍惚させる歡喜を抱きながら、少しも彼女のたましひに觸れずに回轉するのである。

大多數の論者によつて解されるやうな、謂ゆる解放といふのは、眞に自由な婦人、愛人、母等の深い情緒中に含まれた無限の愛と歡喜とを許すには、その範圍があまりに狹ますぎるのだ。

經濟的に自主自由な婦人の悲劇は、經驗の過多から生ずるのではなくて、却つてその過少に起因してゐるのである。彼女の社會及び人生に對する知識は、過去の姉妹に比して遙かにすぐれて

ゐる。何故なら、彼女は常に人生の核の缺乏を痛感してゐるからである。それのみが唯だ人類の精神を豐富にする。それを把まないでは、婦人の大多數は單に職業的自働機械と化してしまふのである。

斯んな狀態の來ることは、倫理學の領域で、當然男子が婦人に卓越した時代の多くの遺物が猶ほ殘存してゐるといふことを明らかにした人々によつて、夙くから先見されてゐた。そしてその遺物は今なほ有益であると考へられてゐる。更らに重要な事は、解放された婦人の大多數が、その遺物を必要としてゐることである。現存のあらゆる制度を破壞し、社會を更らに進步した更らに完全なものに改めようとする運動は、理論では最も急進的思想を抱いてゐる人々によつて行なはれてゐる。が、彼等はそれに反して、その日常の行爲では月並な俗人と少しも變らず體面を裝ひ、反對者の贊成を得ることを切りに求めてゐる。例へば、『財產は盜奪なり』といふ思想を代表してゐる社會主義者、或は無政府主義者の中にすらも、留針半ダース程の價を返濟しないといふので、怒り出す者がある。

881108002

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In Japanese] Fujin Kaiho no Higeki / Emma Goldman.— pp. 730-745 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

同型の俗人が又婦人解放運動中にも發見されるのである。黄色新聞雑誌記者や浮薄な文士等は屢々解放された婦人を描いて、善良な市民とその愚鈍な妻とを戰慄させた。女權擴張運動者は悉く、道徳を絶對に無視するヂョオジ・サンドのやうに描き出されたのである。彼女はその眼中に神聖な一物ももたず、兩性間の理想的關係に對する何んの尊敬ももたぬ女として現はされた。要するに解放とは社會と宗教と道徳とを無視する放恣と罪惡の無分別であるかのやうに見做されたのである。女權論の代表者はかういふ誤解に對して甚だしく憤慨した。かれ等はユウモアを缺いてゐるので、謂ゆる世俗が解するやうな女とは全然正反對であることを、極力辯明しようと勞めた。勿論、婦人が男子の奴隷であつた間は、善良にも純潔にもなり得なかつた。然し、今では自由でもあり、獨立もしてゐるのであるから、どれほど自分が善良であるか、そして社會全般の制度を純化する上にどれほどの効果を與へる事が出來るかといふ事を證據立てなければならない。實際、女權論者の運動は多くの舊い繩墨を破壞した。然し又同時に新しいものを造り出したのである。偉大なる眞の解放運動は單に皮相の自由のみを認めた多數の婦人と面を遇はせなかつた。彼等の偏狹な清教徒的空想は、男子を女性の惑亂者或は邪魔者と見做して、かれ等の情緒生活外に放逐した。如何にも男子は父としての資格以外に——父なしで生れる子供はないから——どん

な賠償を拂つても許さるる資格を缺いてゐた。幸にして、如何ほど嚴格な清教徒と雖も守となることの內的欲求を殺すほど強くはない。併し女子の自由は男子の自由と離して見ることは出來ない。そして解放されたる多くの姉妹は、自由に生れた子供はその傍にある男女兩者の愛と献身とを必要とするものであるといふ事實を見逃してゐるやうに思はれる。近代の男女の生活に大きな悲劇を猶らしたのは、不幸にして、人間關係に對する此の狹い觀念なのである。

今から十五年前に素晴しいノルウエイ婦人ラウラ・マルホルムのペンから "Woman a Character Study." といふ著作が現はれた。彼女は現在の婦人解放に對する觀念の空虛で狹い事、及び婦人の內部生活に及ぼす其の悲劇的結果に對して注意を促がした最初の一人であつた。ラウラ・マルホルムは彼女の著述の中に、天才エレオノラ・デュウゼ、大數學者著述家ソニア・コヴレフスキイ、夭死した詩人風の藝術家マリイ・バシュカアトシエフのやうな、世界的名聲をもつた天賦ある數人の運命に就いて語つてゐる。かういふ異常な心力をもつた婦人の生涯の記述を通じて、圓滿完全な美しい生活に對する不滿の欲求と、その缺乏から生ずる不安と寂寞の著しい足跡が印されてゐる。これ等の立派な心理的描寫を通じて、吾々は婦人の智力が發達すればする程、彼女にその性ばかりでなく、人類、友人、伴侶、及び强い個性を認めるやうな配偶者に出遇ふことが、急々む

19

881108002

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In Japanese] Fujin Kaiho no Higeki / Emma Goldman.— pp. 730-745 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

づかしくなつてゆくのを見ない譯にはゆかない。彼女の配偶者は彼女の性格の一點一劃をも見逃してはならないのである。

男子は一般に自負心をもつてゐる。そして女性に對して當然保護の力あるもののやうに滑稽なる虚勢を示すものが多い。かういふ男子はラウラ・マルホルムによつて描かれた婦人の配偶者たるべく到底不可能である。又ただ彼女に智力と天才とを認むるばかりで、婦人の天性を覺醒することをあやまるやうな男子も等しく彼女に協はない者である。

豐富な智力と美しい心とは普通に深く美しい性格の必然の屬性と考へられてゐる。近代婦人の場合では、これ等の屬性は彼女の存在の完全な肯定に對して障害となつてゐるのである。『死が別離を餘儀なくするまで』といふやうな言葉をもつてゐる聖書を基礎とした舊い結婚の形式が、百年以上も婦人を壓服する男子の主權、男子の氣まぐれと、命令に對する女子の絶對服從、彼の名と扶助に對する絶對の依賴等を代表する制度として定められてゐた。舊い結婚關係が、婦人をただ男子の下婢であり、子供の携帶者としたものであるといふ事は、これまでも度々斷乎として證明された。然るに解放された多くの婦人が、獨身世界の狹いのを厭つて、いろ〳〵の缺陷があるのにもかかはらず、結婚生活に走る傾向がある。これは、全く女子の本性を拘束する道德上及び

社會上の偏見の鐵鎖が、頗はしく耐へがたいものになつてきたからである。

多數の進歩した婦人が、こんな矛盾に陷る理由は、解放の意義を實は理解してゐなかつたといふ事實によつてのみ說明される。かれ等はただ外部からの壓迫を脫けて獨立する事ばかりを必要と考へた。そして人生と成長とに、更に更に有害な內部壓制者である道德及び社會上の習俗は、そのままに打捨てて省みなかつたのである。習俗はそのとるべき道を進んだ。そしてそれは今猶ほ吾々の祖母の頭と心とに榮えたやうに、依然として婦人解放論者の最も活躍した代表者の頭と心とにも美しく生きてゐるやうに思はれる。

これ等の內部壓制者は、輿論の形で、或は父母、兄弟、親戚の言葉となつて現はれてゐる。グランデイ夫人、コムストツク氏、雇主、文部省等はなんと云つてゐるか？ 總てこれ等の御世話好きと、品行探偵と人間精神の獄吏——この人等はなんと云つてゐるか？ 總てかういふ者をものとせずして、自己の立場を確立し、何んの拘束もない自由を主張し、自己本然の聲——それが生の最大寶庫である男子に對する愛にせよ、或は最も光榮ある分娩の特權にせよ——に耳傾くることを學ぶまでで、婦人は眞によく解放されたと稱することは出來ないのである。解放された婦人で、自己の胸底に絶へず波動しつつ、聞かれんことを求め、滿されんことを望んでゐる愛の聲

20

881108002

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In Japanese] Fujin Kaiho no Higeki / Emma Goldman.— pp. 730-745 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

を、眞に自分の天職だと信じ、進んでそれを承認しようとする婦人は、果してどれ程あるであらう？

フランスの作家ジエーン・ライプラハは小説 "New Beauty" の中に解放された理想的美人を描き出さうと企ててゐる。その理想は醫師を職業とする一少女に體現されてゐる。彼女は育兒法に就いて極めて巧妙に話す。彼女は又親切で貧しい多くの母に、自由に藥を供給する。彼女はあるも知己の青年と、未來の衞生狀態に關して會話する。そして汚れたボロを捨て、石の壁と床を使ふそこによつて多くの黴菌が驅除されるといふ事などを話す。彼女は勿論、甚だ質素で實用的な服裝をしてゐる。着物の色はたいてい黑である。青年は彼女との最初の會合で、解放された友人の知識に敬服する。彼は次第に彼女を理解しようとする。そしてあるうららかな日に、彼はとうたう彼女を愛してゐるといふ意識を持つ。彼等は二人とも若い。女は親切で美しい。たとへ服裝はキチンと整ひすぎてはゐるが一點の汚れもない。白いカラアとカウスとで柔かい感じを與へてゐる。讀者は青年が彼女に戀を打明けることを期待するであらう。然し彼は馬鹿々々しいロオマンスを實行するやうな人間ではない。詩と戀の情熱とはその婦人の純潔な美の面前に紅葉する顏を被ふてしまふ。青年は自分の自然の聲を默殺して方正な態度をとる。彼女もまたいつもキチヨウ

メンで、理性的で、品行方正である。若し彼等が結合を作つたなら、青年は恐らく凍死する危險を冒さなければならなかつたかも知れないと私は氣づかつてゐる。私はこの新しい美人に何んの美も發見する事が出來ないものであることを告白しなければならない。彼女はその夢想する石の壁や床のやうに冷淡なのである。私はかの物尺で計るやうな品行方正よりも、寧ろロマンチツクにして、梯と繩とによる月夜の出奔を讃美したい。戀愛が無制限に與へ取ることを知らないならば、それは戀愛でもなんでもない。單にプラスとマイナスに力癆を入れることを忘れない取引のやうなものである。

四

現代に於ける婦人解放の最大缺點は、人工的に堅苦しいこと、及び狹い虛勢を張らうとしてゐる處にある。かうして婦人の靈魂に空虛が生じ、彼女は生命の泉を飮む事が出來ないやうになつてしまふのである。私は嘗て眞に新しい婦人と謂ゆる普通の解放された姉妹との間の關係よりも、常に子供の幸福と、自分の愛する人々の幸福を祈る舊い母と主婦と、眞に新しき婦人との間

881108002

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In Japanese] Fujin Kaiho no Higeki / Emma Goldman.— pp. 730-745 ; 19 cm. *In* Ito Noe Zenshu / translated by Ito Noe. — Tokyo : [192?].

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

の關係が遙かに深いものであるといふことを述べたことがある。單純な解放論者は私を異端視し火刑に處すべき者であると公言した。盲目な情熱に走るかれ等は、私の新舊婦人の比較のどんなものかを洞察する事が出來なかつたのである。私は今日諸官省學校等に散在してゐる謂ゆる解放されたる多數の職業的婦人よりも、我々の祖母の多數の方がその脈管中により多くの血をもち、更に多くの機智と諧謔と、自然らしさと、素朴と親切の多量をもつてゐたといふ事を證據立てようとしたのみである。これは徒に過去に婦人をかへさうといふのでもなければ、又婦人を彼女の舊い敷圍氣である處所と育兒室に押込めようとするのでもない。

救濟は、更らに光明ある未來へ全力を擧げて猛進する處にある。我々は舊い傳說と習慣の拘束を脫して自由に成長する事を必要とする。婦人解放運動はその方向に向つてただ一步を進めたのみである。私はこれから更に力を集中してその第二步を進まんことを希望する。選擧權或は公民權は如何にもよい要求であるかも知れない。が、眞の解放は選擧場或は法廷では始まらないのである。解放は先づ婦人の心靈中に始まる。總ての壓服された階級は、それ自らの努力によつてのみ眞の自由を得てゐることは歷史が我々に語つてゐる。故に婦人はその教訓を學び、自由は自己の自由に對する努力次第で達せられるものであるといふことを實現させることが必要である。故

に、あらゆる偏見と傳說と習俗の羈絆を切斷し、自己心內の新生を創始する事が遙かに重要である。人生のあらゆる方面にわたる權利の平等を要求することは正しく公平なことである。しかしながら、最も根本的の權能は、畢竟、愛し愛されることである。實際、婦人解放が完全で眞正なものとなる瞬には愛さるることと——即ち戀人であり母であること——が、奴隸であり附屬品であるといふことと同意義であると云ふやうな滑稽な觀念は、排除されてしまはなければならない。或は又、男性と女性とは二個の相反せる世界を實現するものであるといふやうな性的二元說の無稽なる觀念も、等しく取去られなければならないであらう。

瑣々たるものは分離し、廣いものは結びつく。私等は相互に博大な心を持つべきである。我々の周圍に群がる有象無象のために、ものの根本を見逃してはならない。兩性關係の眞の意義は、征服者、被征服者と云ふやうな關係を許さない。それは唯だ一つの偉大なことを知つてゐる——即ち自己をより豐富に、より深く、よりよくするために、自己を限りなく與ふると云ふことである。それのみがただ空虛を滿たし、婦人解放の悲劇を無限の歡喜に變ずるであらう。

840305213

The Emma Goldman Papers

[Letters from Russia. In Spanish] Cartas desde Rusia. Estimado señor Harris / Emma Goldman.— pp. 14-16 ; 22 cm. In ¿Soviet o Dictadura? — Buenos Aires ; Editorial Argonauta, [192?].

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Tamiment Library, New York University.

?

MOSTRAR el ideal comunista y libertario que se agita en el seno del movimiento revolucionario mundial.

PUBLICAR los mejores pensamientos y las realizaciones más importantes llegadas de todos los paises, en todos los idiomas, sobre todas las cuestiones — siempre que contengan algo de ese ideal de igualdad y de libertad.

IMPRIMIR verdades solamente: que todas nuestras publicaciones sean auténticas, claras, exactas. No amoldar las ideas ajenas a los caprichos de individuos, ni a los intereses del momento.

PUBLICAR ideas únicamente; no frases vanales, ni disputas inútiles.

PUBLICAR ideas una vez más; no comerciar con ellas, ni tratar de imponerlas.

UNA empresa de desinterés, de honestidad, de libre acuerdo.

UNA publicación rara, posiblemente... y quizás única.

UNA publicación de compañeros, en una palabra.

UNA publicación que sólo busca la ayuda igualmente desinteresada, igualmente honesta, igualmente libre, de aquellos que también se sienten compañeros en una causa y en un ideal.

Tales son los propósitos que animan a la

Editorial Argonauta

¿SOVIET o DICTADURA?

EDITORIAL ARGONAUTA
BUENOS AIRES
1290

BEST COPY AVAILABLE

840305213

The Emma Goldman Papers

[Letters from Russia. In Spanish] Cartas desde Rusia. Estimado señor Harris / Emma Goldman.— pp. 14-16 ; 22 cm. In ¿Soviet o Dictadura? — Buenos Aires ; Editorial Argonauta, [192?].

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Tamiment Library, New York University.

Cartas desde Rusia

Con cierta frecuencia la prensa capitalista, especialmente la de los Estados Unidos, ha venido hablando de supuestas impresiones sumamente desfavorables para la revolución rusa emitidas por los deportados de Norte América y, en especial nuestra, por Emma Goldman y Alejandro Berkman, esas grandes figuras anarquistas tan conocidas y estimadas en todos los países del mundo.

El riguroso bloqueo que hoy existe en todo lo que se refiere a Rusia favorece a las mil maravillas el desarrollo de tales patrañas por parte de corresponsales inescrupulosos y de diarios amarillos. Por otra parte resulta poco menos que imposible llegar a obtener las verdaderas impresiones que a esos revolucionarios debe haber producido la gran epopeya rusa. Esperamos, sin embargo, poder publicar antes de mucho detalladas impresiones y comentarios de fuerte comunista-anárquico sobre la obra, al par destructiva que reconstructiva, de los revolucionarios de aquel país.

Por el momento resultará al menos una satisfacción para todos los que en estos últimos veinte años han seguido de cerca la actuación de Emma Goldman y de Berkman, la publicación que hacemos de unas breves cartas suyas (las primeras llegadas a este continente), dirigidas al conocido publicista Mr. Frank Harris, a la compañera Comyns (sobrina de Emma Goldman) y a la compañera Pucherhold respectivamente.

Petrogrado, enero 29 de 192).

Estimado señor Harris:

Nuestro viaje en ferrocarril a través de Finlandia, en carros cerrados y con Guardias Blancas a la vista, fué una pesadilla. Mannerheim no hace ya más carnicerías en Finlandia, pero evidentemente su espíritu se mantiene vivo. Durante 24 horas se nos trató atrozmente; después nuestros carceleros aflojaron algo la rígida disciplina. Súbitamente se tornaron más corteses. Luego supimos que había sido la noticia del levantamiento del bloqueo la causa de este cambio de actitud en ellos.

Nuestra recepción en la Rusia del Soviet tuvo lugar en Beloostrov, la primera estación rusa en la frontera finlandesa, no lejos de Wiborg. El Comité del Soviet estaba compuesto por la señora Andreyev, esposa de Máximo Gorky, Feinberg del Comisariado de Relaciones Exteriores y Zoris, miembro del Soviet de Petrogrado. A los tres se les permitió cruzar la frontera finlandesa, mediante un permiso del Gobierno de Finlandia, para que tuviesen una conferencia con el comité de deportados. Después de esto, todo el grupo de los desterrados entró en territorio ruso siendo agasajado con cantos y músicas por parte del Ejército Rojo.

En la estación estaba un tren esperándonos todo el día para llevarnos a Petrogrado, pero antes de la partida asistimos a nuestra primera reunión en la tierra de los Soviets. La reunión, realizada bajo los auspicios del Consejo local de mujeres, fué conmovedora: el salón, terriblemente frío y alumbrado apenas por unas cuantas bujías en la plataforma, los rostros lívidos de mis compañeros de penurias que arrojados de América venían

ahora a oir voces de compañerismo en su propio idioma, la mujer que habló al auditorio, rodeada de muchas otras, todas ellas llenas de sufrimientos, como lo demostraban sus caras de Madonna... todo, todo era patético.

A nuestra llegada a Petrogrado fuimos recibidos con discursos, músicas y banderas por un gentío inmenso. La Revolución ha desarrollado la lengua extraordinariamente; ni el hambre más terrible, ni el más espantoso frío son capaces de impedir el desbordamiento de elocuencia. La noche nos tomó en la Casa de Uritzky (la que antes era el Palacio de Táurida) en donde se alimentó y alojó a los desterrados. La mañana siguiente fueron llevados al Smolny, donde permanecerán hasta tanto obtengan el trabajo que deseen. Ayer se les dió vestidos abrigados y cinco mil rublos a cada uno. La Rusia del Soviet es el primer país en el mundo que implanta como axioma social el principio de que el obrero debe ser primero un buen consumidor para poder luego ser un buen productor.

Como sólo llevo diez días de permanencia aquí no he tenido el tiempo suficiente para observar la obra de la Revolución bolsheviki y para hablar conscientemente al respecto. He podido sin embargo observar que hay una verdadera igualdad en el hambre. Todos por igual son torturados por la falta de alimentos y de calefacción. Pero no tiene la culpa de esta muerte lenta de todo el pueblo ruso por el hambre ni la Revolución, ni el Gobierno bolsheviki. La culpa de tamaña atrocidad está en los capitalistas imperialistas, en aquellos precisamente que a pulmón lleno proclamaban antes las atrocidades de los "junkers" alemanes pero que han logrado a su vez sobrepasar a la Alemania de los "junkers" con este bloqueo criminal.

La razón de este crimen está en que, mientras el bloqueo debilita el cuerpo del pueblo ruso, tiene sobre la mentalidad rusa el efecto contrario al que procuraban obtener sus inquisidores. Tal vez sea la casi sobrehumana capacidad para el sufrimiento que ha desarrollado este valeroso pueblo, tal vez sea la fe ardiente que tiene en la causa revolucionaria. Yo no lo sé. Sólo sé decir que la conspiración de los imperialistas ha fortalecido el espíritu revolucionario.

Es necesario pensar en ello. Con una temperatura de 30 grados bajo cero y con el Rey Hambre a las puertas, este pueblo va a sus fuentes diarias con la convicción de que es necesario defender la Revolución hasta el último momento. Con tal pensamiento celebra uniones en salones sin calefacción alguna, olvidando todas sus miserias físicas. Se reunió así en el Palacio de Invierno para rendir un homenaje a la memoria del gran Alejandro Herzen —el desterrado por uno de los zares que reinó en ese mismo Palacio de Invierno. El pueblo ruso, semi helado, semi muerto de hambre, se reune por millares en la plaza que fué regada con la sangre de los trabajadores asesinados con el Padre Gapa y rememora allí a las víctimas de la Revolución de 1905. Luego se dirige en carros abiertos al cementerio para colocar coronas sobre las tumbas de los mártires.

BEST COPY AVAILABLE

840305213

The Emma Goldman Papers

[Letters from Russia. In Spanish] Cartas desde Rusia. Estimado señor Harris / Emma Goldman.— pp. 14-16 ; 22 cm. In ¿Soviet o Dictadura? — Buenos Aires ; Editorial Argonauta, [192?].

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Tamiment Library, New York University.

Y, milagro de milagros, el pueblo ruso, alimentado salamente con una libra de pan, sopa agenda y "kasha", ha desarrollado un ardiente amor por las artes y las letras. Permanece agrupado en las clases, suspenso de la palabra de los maestros y conferencistas; escucha temblando durante seis horas la representación de Otelo; sigue con arrebato a Chaliapin en Russalka; una noche escucha a Andreyev con Gorky como intérprete y hace luego mil cosas más, asombrosas y extraordinarias, que acabarían con la vitalidad de cualquier otra nación normalmente alimentada.

Aunque sólo he permanecido aquí unos pocos días he podido observar que la conspiración de los imperialistas ha fracasado en su deseo de dominar el espíritu de este pueblo. Corresponde a los hombres de América bien intencionadas trabajar enérgicamente contra este bloqueo que, más que inútil, es inhumano: es el crimen más negro en la historia de la humanidad.

EMMA GOLDMAN.

Estimada Compañera Comyns:

Hoy he recibido carta de Berkman, quien se halla en Moscú desde el 15 del corriente, incluyéndome copias de dos cablegramas tuyos. He recibido también tu carta fechada en marzo. Ésta ha sido la primera correspondencia que me llegara de uno de vosotros de América. Hemos quedado muy contentos al saber de no habernos equivocado de la confianza que merecen nuestros amigos que te han remitido nuestra correspondencia del "Buford". Era de esperar que se probara de ponernos entuda la autenticidad por quien no se convenciera aún que, la verdad, de un modo o de otro, siempre sale a la luz. Quisiera aquandié somos enviar desde aquí nuestras cartas para los diarios pero por el momento eso no es posible.

Los componentes de la misión laborista inglesa han estado aquí en Petrogrado. Ahora están en Moscú. Bertrand Russell se halla con ellos. Es un hombre muy interesante. ¡Si al menos se diesen cuenta de toda la infamia que el mundo está cometiendo contra Rusia! Ellos se han mostrado demasiado sensibles por la hospitalidad afectuosa que en Rusia se les ha brindado. De regreso a su país, ¿sabrán ellos al menos expresar su protesta con las palabras que conviene?

Berkmann y yo hemos empleado mucho tiempo con los delegados laboristas y con Russell. Nada descuidamos de cuanto valiera para poder imprimir en sus mentes toda la deuda degratitud que el mundo ha contraído con la Rusia revolucionaria con este pueblo maravilloso que tanto ha sufrido ya. Quisiera tener una lengua de fuego para trasfundir con palabras ardientes en el corazón de los americanos la noción profunda del crimen que se está cometiendo contra este gran país.

De nosotros no hay mucho que decir. Físicamente, estamos bastante bien. Hasta ahora no hemos tenido necesidad de nada. Las provisiones que llevamos con nosotros, nos ha bastado

hasta la fecha; después una gran cantidad de material nos ha sido proporcionado por un amigo de Reval. Dejaremos Petrogrado dentro de poco para hacer una gira a través de Rusia, que durará un mes. Es menester entrar en contacto con la nueva Rusia, que es muy diferente de la vieja. Después volveremos a Petrogrado. Muy probablemente me ocuparé en el Departamento de Higiene Pública. Se está realizando un trabajo maravilloso, para el cual he sido solicitada a colaborar. Nos han hecho varias propuestas, pero nosotros pensamos hacer todo aquello que pueda aportar el mayor beneficio al pueblo de Rusia permitiéndonos permanecer fieles a nuestras ideas. Pero antes que toda otra cosa, es necesario que nos pongamos en contacto con el pueblo ruso.

Dirás a los amigos que hemos conseguido ponernos en comunicación directa con el compañero editor del "Arbeiter Fraund" (Rudolfo Rocker). Es muy activo en el movimiento obrero de Alemania.

Saludos a todos los amigos y compañeros.

EMMA GOLDMAN.

Estimada compañera M. E. Pichenhold:

...Y ahora han pasado otros dos meses sin recibir una sola línea de los nuestros. Digo dos meses, pero son en verdad únicamente dos meses? Cuesta creerlo. Parece ser dos años. Si no temiera que me tomen por exagerado diría veinte, no dos años, pues así me imagino el tiempo. Emma siente lo mismo a este respecto. Desde que dejamos aquel país hemos sobrevivido tanto, hemos tenido tantas nuevas impresiones y visto tanto que el recuerdo hasta resulta extravagante y horroroso, siendo poco menos que imposible imaginarse todo ello en dos meses escasos.

Lo que nos hace más pesada la situación es el tener que estar en completa ignorancia de lo que ocurre en esa, en casa, y de todo lo acontecido con nuestros más allegados, con nuestros amigos y camaradas de los Estados Unidos. Hasta ayer no habíamos visto ningún periódico americano desde el 21 de diciembre. Por una simple casualidad conseguimos el "New York Call" del 24, 22 y 25 de diciembre. Por ellos nos enteramos que ya sabéis lo ocurrido con nosotros en la noche del 20 de diciembre. Suponemos que también habréis recibido el cablegrama que os mandamos desde el "Buford" alrededor del 8 de enero con las palabras: "Todo va bien"; fué lo única que pudimos telegrafiar.

(Luego expresa Berkman que ha enviado infinidad de cartas a diferentes puntos, las cuales no han llegado a su destino).

Estamos ahora de visita en Moscú, después de pasar unas semanas en Petrogrado. Nos sentimos los dos como solitarios. Resulta difícil, aun en circunstancias normales, acclimatarse nuevamente a un país abandonado treinta años antes. Pero las circunstancias ahora son muy anormales, siendo la situación tanto más pesada. El bloqueo es culpable de un hambre desastrosa y de un gran sufrimiento. Vuestra natural imaginación no puede

BEST COPY AVAILABLE

890709006

The Emma Goldman Papers

[Letters from Russia. In Spanish] Cartas desde Rusia. Estimada compañera Comyns / Emma Goldman.– pp. 16-17 ; 20 cm. In ¿Soviet o Dictadura? – Buenos Aires : Editorial Argonauta, [192?].

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Tamiment Library, New York University.

Y, milagro de milagros, el pueblo ruso, alimentado solamente con una libra de pan, sopa agnada y "kasha", ha desarrollado un ardiente amor por las artes y las letras. Permanece agrupado en las clases, suspenso de la palabra de los maestros y conferencistas; escucha temblando durante seis horas la representación de Otelo; sigue con arrebato a Chaliapin en Russalka; una noche escucha a Andreyev con Gorky como intérprete y hace luego mil cosas más, asombrosas y extraordinarias, que acabarían con la vitalidad de cualquier otra nación normalmente alimentada.

Aunque sólo he permanecido aquí unos pocos días he podido observar que la conspiración de los imperialistas ha fracasado en su deseo de dominar el espíritu de este pueblo. Corresponde a los hombres de América bien intencionados trabajar enérgicamente contra este bloqueo que, más que inútil, es inhumano: es el crimen más negro en la historia de la humanidad.

EMMA GOLDMAN.

Estimada Compañera Comyns:

Hoy he recibido carta de Berkman, quien se halla en Moscú desde el 15 del corriente, incluyéndome copias de dos cablegramas tuyos. He recibido también tu carta fechada en marzo. Esta ha sido la primera correspondencia que me llegara de uno de vosotros de América. Hemos quedado muy contentos al saber de no habernos equivocado de la confianza que merecen nuestros amigos que te han remitido nuestra correspondencia del 'Buford". Era de esperar que se probara de ponernos cuidada la autenticidad por quien no se convencido aun que, la verdad, de un modo o de otro, siempre sale a la luz. Quisiera que pudié semos enviar desde aquí nuestras cartas para los diarios pero por el momento eso no es posible.

Los componentes de la misión laborista inglesa han estado aquí en Petrogrado. Ahora están en Moscú. Bertrand Russell se halla con ellos. Es un hombre muy interesante. ¡Si a menos se diese cuenta de toda la infamia que el mundo está cometiendo contra Rusia! Ellos se han mostrado demasiado sensibles por la hospitalidad afectuosa que en Rusia se les ha brindado. De regreso a su país, ¿sabrán ellos al menos expresar su protesta con las palabras que convienen?

Berkman y yo hemos empleado mucho tiempo con los delegados laboristas y con Russell. Nada descuidamos de cuanto valiera para poder imprimir en sus mentes toda la deuda degratitud que el mundo ha contraído con la Rusia revolucionaria con este pueblo maravilloso que tanto ha sufrido ya. Quisiera tener una lengua de fuego para trasfundir con palabras ardientes en el corazón de los americanos la noción profunda del crimen que se está cometiendo contra este gran país.

De nosotros no hay mucho que decir. Físicamente estamos bastante bien. Hasta ahora no hemos tenido necesidad de nada. Las previsiones que llevamos con nosotros, nos ha bastado

hasta la fecha; después una gran cantidad de material nos ha sido proporcionado por un amigo de Reval. Dejaremos Petrogrado dentro de poco para hacer una gira a través de Rusia, que durará un mes. Es menester entrar en contacto con la nueva Rusia, que es muy diferente de la vieja. Después volveremos a Petrogrado. Muy probablemente me ocuparé en el Departamento de Higiene Pública. Se está realizando un trabajo maravilloso, para el cual he sido solicitada a colaborar. Nos han hecho varias propuestas, pero nosotros pensamos hacer todo aquello que pueda aportar el mayor beneficio al pueblo de Rusia permitiéndonos permanecer fieles a nuestras ideas. Pero antes que toda otra cosa, es necesario que nos pongamos en contacto con el pueblo ruso.

Dirás a los amigos que hemos conseguido ponernos en comunicación directa con el compañero editor del "Arbeiter Freund" (Rodolfo Rocker). Es muy activo en el movimiento obrero de Amsterdam.

Saludos a todos los amigos y compañeros.

EMMA GOLDMAN.

Estimada compañera M. E. Pichenhold:

...) ahora han pasado otros dos meses sin recibir una sola línea de los nuestros. Digo dos meses, pero son en verdad únicamente dos meses? Cuesta creerlo. Parece ser dos años. Si no temiera que me tomen por exagerado diría veinte, no dos años, pues así me imagino el tiempo. Emma siente lo mismo a este respecto. Desde que dejamos aquel país hemos sobrevivido tanto, hemos tenido tantas nuevas impresiones y visto tanto que el recuerdo hasta resulta extravagante y horroroso, siendo bien menos que imposible imaginarse todo ello en dos meses escasos.

Lo que nos hace más penosa la situación es el tener que estar en completa ignorancia de lo que ocurre en esa, su casa, y de todo lo acontecido con nuestros más allegados, con nuestros amigos y camaradas de los Estados Unidos. Hasta ayer no habíamos visto ningún periódico americano desde el 21 de diciembre. Por una simple casualidad conseguimos el "New York Call" del 21, 22 y 25 de diciembre. Por ellos nos enteramos que ya sabéis lo ocurrido con nosotros en la noche del 20 de diciembre. Suponemos que también habréis recibido el cablegrama que os mandamos desde el "Buford" alrededor del 8 de enero con las palabras: "Todo va bien"; fué lo único que pudimos telegrafiar.

(Luego expresa Berkman que ha enviado infinidad de cartas a diferentes puntos, las cuales no han llegado a su destino).

Estamos ahora de visita en Moscú, después de pasar unas semanas en Petrogrado. Nos sentimos los dos como solitarios. Resulta difícil, aun en circunstancias normales, acostumbrarse nuevamente a un país abandonado treinta años antes. Pero las circunstancias ahora son muy anormales, siendo la situación tanto más penosa. El bloqueo es culpable de un hambre desastrosa y de un gran sufrimiento. Vuestra natural imaginación no puede

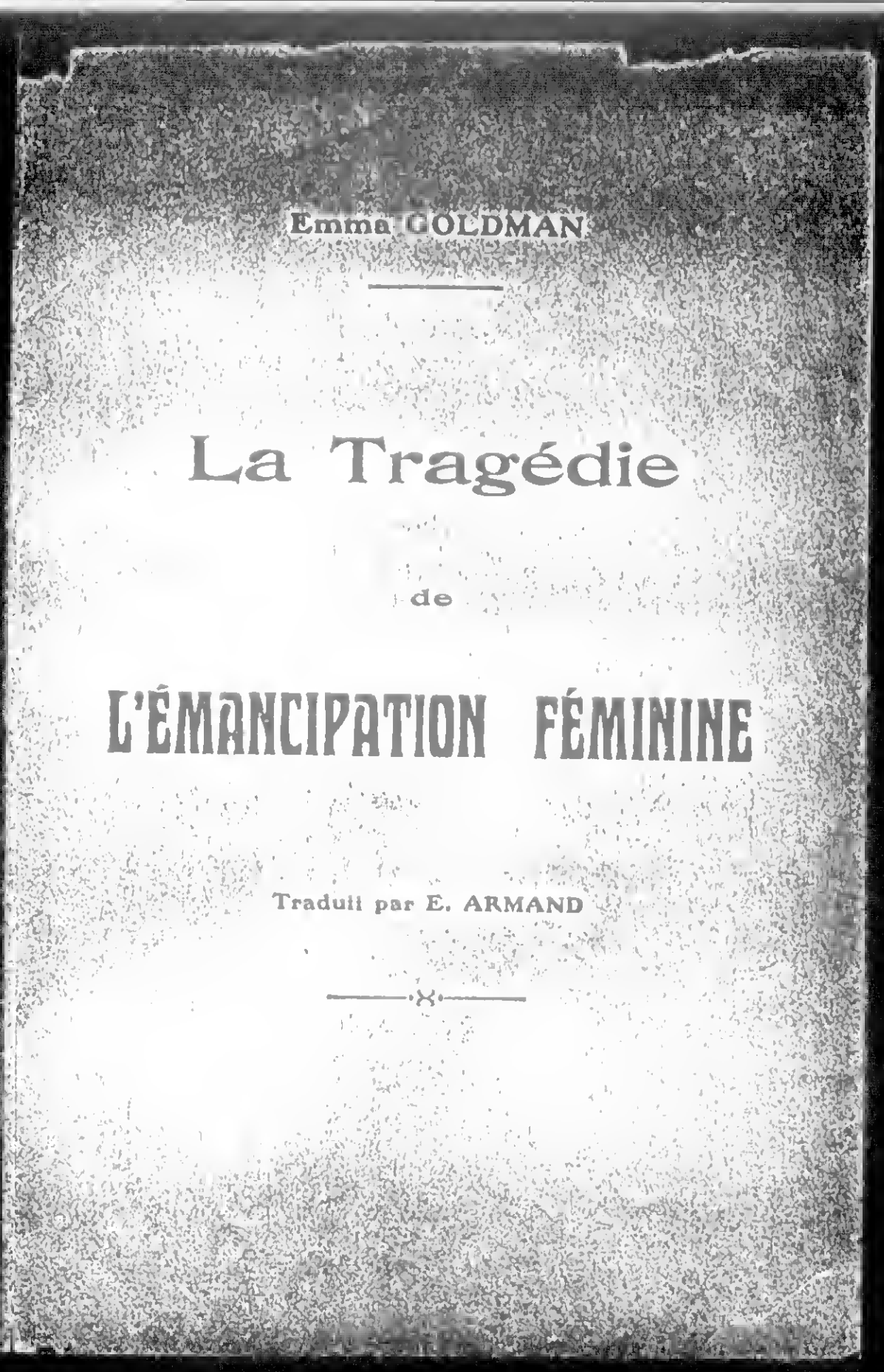
BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

Emma GOLDMAN

La Tragédie

de

L'ÉMANCIPATION FÉMININE

Traduit par E. ARMAND

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.– translated by E. Armand. –Orléans : Editions de l'en dehors [192?].– 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

La Tragédie

de

l'Emancipation Féminine

Je commencerai par une affirmation : laissant de côté toutes les théories politiques et économiques, les distinctions de classes et de races, les frontières tracées artificiellement entre les droits de la femme et ceux de l'homme, je maintiens qu'il est un point où ces divergences peuvent se rencontrer et se fondre dans un tout parfait.

La paix ou l'harmonie entre les sexes et les individus ne dépend pas nécessairement d'un nivellement superficiel des êtres humains ; elle n'exige pas non plus l'élimination des particularités et des traits individuels. Le problème que nous avons à envisager aujourd'hui et qu'un avenir rapproché aura à résoudre est celui-ci : comment être soi-même et cependant se trouver en unité avec autrui, comment se sentir en profonde communion avec tous les êtres humains et conserver intactes ses qualités caractéristiques? Ce me semble être le terrain sur lequel pourraient se rencontrer sans antagonisme et sans opposition et la masse et l'individu, et le vrai démocrate et l'individualiste véritable, et l'homme et la femme. La formule ne doit pas être : se pardonner l'un l'autre, mais bien : se comprendre l'un l'autre. La phrase si souvent citée de Mme de Staël : « tout comprendre, c'est

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

tout pardonner » ne m'en a jamais particulièrement imposé; elle sent le confessionnal ; pardonner autrui évoque l'idée d'une supériorité pharisaïque. Comprendre son prochain suffit et c'est cette affirmation qui incarne en partie mes idées sur l'émancipation de la femme et ses effets sur son sexe tout entier.

Son émancipation devrait donner à la femme possibilité d'être humaine dans le sens le plus vrai. Tout ce qui en elle réclame la soi-affirmation et l'activité devrait atteindre son expression la plus complète ; et on devrait débarrasser de toutes les traces des siècles de soumission et d'esclavage la route qui mène à une liberté plus grande.

Ce fut le but originel du mouvement en faveur de l'émancipation féminine. Mais les résultats obtenus jusqu'ici ont isolé la femme et l'ont dépouillée des sources d'un bonheur qui lui est si essentiel. L'émancipation extérieure a simplement fait de la femme moderne un être artificiel qui fait penser aux produits de l'arboriculture française avec ses arbres et ses arbustes fantaisistes taillés en pyramides, en cônes, en cubes, etc. Et c'est spécialement dans la soi-disant sphère intellectuelle de notre vie qu'on peut rencontrer en grand nombre ces plantes féminines artificielles.

La liberté et l'égalité pour la femme ! Que d'espérances et d'aspirations ces mots ont éveillé lorsqu'ils ont été prononcés pour la première fois par quelques-uns des cœurs les plus nobles et les plus braves de nos jours. Le soleil, dans toute sa gloire et dans tout son éclat, allait se lever sur un nouveau monde où la femme serait libre d'orienter sa propre destinée, — but certainement digne de l'enthousiasme, du courage, de la persévérance, de l'effort incessant de la cohorte de pionniers des deux sexes qui risquèrent tout pour se dresser contre un monde pourri de préjugés et d'ignorance.

Mes espérances également tendent à cette fin, mais je maintiens que l'émancipation de la femme, telle qu'on la pratique et qu'on l'interprète aujourd'hui, a totalement

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

échoue. La femme, actuellement, se trouve dans la nécessité de *s'émanciper de l'émancipation* si elle désire s'affranchir. Cecl peut sembler paradoxal; ce n'est pourtant que trop exact.

Qu'a-t-elle obtenu grâce à son émancipation ? Le droit de vote dans quelques Etats. Ce résultat a-t-il purifié la vie politique comme l'avaient prophétisé de nombreux protagonistes du suffrage féminin ? Certes non. En passant, il est réellement grand temps que les personnes douées d'un jugement sain et clair cessent de parler de la « corruption dans le domaine politique » sur un ton de salon bien pensant. La corruption, en politique, n'a rien à faire avec la morale ou le relâchement moral de diverses personnalités politiques. Son origine est purement matérielle. La politique est le reflet du monde commercial et industriel dont voici les devises : « *il y a plus de bonheur à prendre qu'à donner* », « *achetez bon marché et revendez cher* », « *une main sale lave l'autre.* » Il n'y a pas à espérer que la femme pourvue du droit de vote purifie jamais l'atmosphère politique.

L'émancipation a fait de la femme l'égale économique de l'homme ; c'est-à-dire qu'elle peut choisir sa profession ou son métier. Mais comme son éducation physique passée et présente ne l'a pas douée de la force nécessaire pour concurrencer l'homme, elle est souvent obligée de consumer toute son énergie, d'épuiser sa vitalité et de tendre tous ses nerfs à l'excès pour atteindre sa valeur marchande. Très peu même y parviennent, car c'est un fait reconnu que les institutrices, les doctoresses, les femmes architectes et ingénieurs ne sont pas accueillies avec la même confiance que leurs collègues masculins et que souvent elles ne reçoivent pas une rémunération équivalente à la leur. Et pour celles qui atteignent cette égalité trompeuse, c'est généralement aux dépens de leur bien-être physique et psychique. Quant à la grande masse des ouvrières, quelle indépendance ont-elles gagnée en échangeant l'étroi-

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

tesse de vues et le manque de liberté du foyer pour l'étroitesse de vues et le manque de liberté de l'usine, de l'atelier de confection, du magasin ou du bureau ? Qu'on y ajoute pour nombre de femmes le souci de retrouver un chez-elle froid, sec, en désordre et inaccueillant au sortir de leur rude tâche journalière. Glorieuse indépendance en vérité ! Rien d'étonnant à ce que des centaines de jeunes filles se montrent si empressées d'accepter la première offre de mariage qui se présente, dégoûtées et lasses qu'elles sont de leur "indépendance" derrière un comptoir, une machine à coudre ou une machine à écrire. Elles courent le mariage tout autant que les jeunes filles de la classe moyenne qui aspirent à rejeter le joug de l'autorité parentale. Une indépendance qui aboutit au gain d'une subsistance médiocre n'est si attirante ni si idéale qu'on puisse attendre de la femme qu'elle s'y sacrifie. Après tout, notre indépendance si hautement vantée n'est qu'une méthode lente d'endormir et d'étouffer la nature féminine dans ses instincts de l'amour et de la maternité.

L'étroitesse de la conception existante de l'indépendance de la femme et de son émancipation ; la crainte d'aimer un homme qui n'est pas son égal au point de vue social ; la crainte que l'amour la dépouillera de sa liberté ou de son indépendance ; la terreur que l'amour ou la joie de la maternité nuise à l'exercice de sa profession ; — toutes ces appréhensions font de la femme moderne émancipée une vestale par force, devant laquelle passe la vie — avec ses grandes douleurs qui purifient et ses joies profondes qui ravissent — sans que son âme en soit touchée ou entraînée.

L'émancipation féminine telle qu'elle est comprise par la majorité de celles qui l'acceptent ou l'exposent, occupe un horizon trop rétréci pour laisser place à l'expansion, en pleine liberté, aux émotions profondes de la femme véritable, amante et mère. Or, s'il est vrai que la femme économiquement ou se subvenant à elle-même surpasse sa

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

sœur des générations passées dans la connaissance du monde et de la nature humaine, c'est précisément à cause de cela qu'elle ressent profondément l'absence de l'essentiel à la vie : l'amour, qui peut seul enrichir l'âme humaine et faute duquel la majorité des femmes sont devenues de simples automates professionnels.

Tout mouvement qui vise la destruction des institutions existantes et leur remplacement par quelque chose de plus avancé, de plus parfait, compte des partisans, lesquels, théoriquement, défendent les idées les plus radicales, mais dans la pratique de la vie quotidienne ne dépassent pas le Philistin moyen, feignent d'être respectables et recherchent la bonne opinion de leurs adversaires. On trouve ainsi des socialistes, voire des anarchistes, qui exposent l'idée que « la propriété, c'est le vol » mais qui s'indigneraient que quelqu'un leur doive la valeur d'une demi-douzaine d'épingles.

On rencontre des Philistins du même genre dans le mouvement féministe. Les journalistes jaunes et les littérateurs à la mie de pain ont tracé de la femme émancipée des tableaux à faire se dresser les cheveux du bon citoyen et de sa morne compagne. On dépeignait chaque adhérente au mouvement comme une George Sand sous le rapport de son mépris pour la moralité. Rien ne lui était sacré. Emancipation féminine devenait synonyme d'une vie de débauche et de luxure, asociale, areligieuse, amorale. Les partisantes des droits de la femme s'indignèrent d'une telle caricature ; manquant d'humour, elles mirent toute leur énergie à prouver qu'elles n'étaient pas aussi mauvaises qu'on les dépeignait, mais tout le contraire. Certes, aussi longtemps que la femme avait gémi sous le joug de l'homme, elle ne pouvait être ni bonne ni pure. Mais à présent libre et indépendante, elle entendait montrer combien bonne elle pourrait être et prouver que son influence aurait un effet purifiant sur toutes les institutions de la société !

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

Le mouvement grandiose [illegible] pour l'une émancipation *réelle* n'a pas trouvé sur son chemin une grande race de femmes capables de regarder la liberté en face. Leur point de vue puritain, hypocrite, bannit l'homme de leur vie émotionnelle comme un perturbateur et un suspect ; c'est tout juste si on l'a toléré comme père de l'enfant, parce qu'on ne pouvait guère s'en passer. Heureusement que les puritains les plus rigides ne seront jamais assez forts pour tuer l'aspiration innée à la maternité. Or, la liberté de la femme est étroitement liée à celle de l'homme ; et nombre de mes sœurs soi-disant émancipées paraissent négliger le fait qu'un enfant né dans la liberté réclame l'amour et le dévouement de tous les êtres humains qui l'environnent, de l'homme comme de la femme. Malheureusement, c'est cette conception étroite des relations humaines qui a produit la tragédie qui se joue dans les vies des femmes et des hommes contemporains.

Une riche intelligence et une belle âme sont généralement considérées comme les attributs nécessaires d'une personnalité noble et bien trempée. En ce qui concerne la femme moderne, ces attributs servent d'obstacles à la complète affirmation de son être. Voilà bien plus d'un siècle que l'antique et biblique formule du mariage " jusqu'à ce que la mort les sépare " a été dénoncée comme une institution impliquant souveraineté de l'homme sur la femme, soumission absolue de cette dernière à ses caprices et à ses ordres, sa dépendance complète et pour le nom et pour l'entretien. Maintes et maintes fois, on a prouvé irréfutablement que les vieilles relations matrimoniales réduisaient la femme aux fonctions de domestique de l'homme et de procréatrice de ses enfants. Et cependant nous rencontrons nombre de femmes émancipées qui préfèrent le mariage, avec toutes ses imperfections, à l'isolement d'une vie de célibat : vie restreinte et insupportable à cause des préjugés moraux et sociaux qui mutilent et tuent la nature féminine.

L'explication de pareille inconséquence de la part de

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

maintes femmes avancées provient du fait qu'elles n'ont jamais compris véritablement ce que signifie l'émancipation. Elles se sont imaginées qu'elles avaient tout accompli en se rendant indépendantes des tyrannies extérieures. Les conventions éthiques et sociales, les tyrans intérieurs bien plus dangereux pour la vie et la croissance individuelles, on les laissa se soigner tout seuls. Et ils paraissent occuper une place aussi considérable dans les têtes et les cœurs des plus actives de nos propagandistes féministes que dans les têtes et dans les cœurs de nos aïeules.

Qu'importe que ces tyrans intérieurs se présentent sous la forme de l'opinion publique ou de ce qu'en dira maman ou ma tante — ou les voisins, le père la Pudeur, le patron ou le Conseil de discipline ?... — Jusqu'à ce que la femme ait appris à défier tous ces grognons, tous ces « détectives » moraux, tous ces geôliers de l'esprit humain, — jusqu'à ce qu'elle ait appris à demeurer ferme sur son terrain et à insister sur l'exercice de sa liberté propre, sans restrictions, d'écouter la voix de sa nature, soit qu'elle l'appelle au plus grand trésor de la vie : le droit de mettre un enfant au monde — jusque là elle ne peut s'appeler émancipée.

Dans un de ses livres, un romancier moderne a essayé de dépeindre la femme idéale, belle, émancipée. Cet idéal s'incarne dans une jeune fille, une doctoresse. Elle discourt avec beaucoup d'habileté et de sagesse sur la manière d'élever les enfants ; elle est charitable et fournit gratuitement des médicaments à de pauvres mères. Elle converse avec un jeune homme qu'elle connaît sur les conditions sanitaires de l'avenir et explique comment les bacilles et les germes seront exterminés par l'emploi des parquets et des murs en pierres, par la disparition des tapis et des rideaux. Elle est, naturellement, habillée très simplement, très pratiquement, en noir. Le jeune homme qui, à leur première rencontre, avait été intimidé par le savoir de son amie émancipée, apprend graduellement à la comprendre

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

et s'aperçoit un beau jour qu'il l'aime. Ils sont jeunes, elle est bonne et belle, et bien que rigidement vêtue, un col blanc immaculé et des manchettes adoucissent son aspect sévère. On s'attendrait à ce qu'il l'entretienne de son amour, mais ce n'est pas quelqu'un à commettre des absurdités romantiques, certes non! Voici qu'il impose silence à la voix de sa nature et reste correct. Elle, de même, continue à se montrer exacte, raisonnable, bien élevée. Je crains bien, s'ils s'étaient unis, que le jeune homme eût risqué de geler vif. J'avoue que je ne vois rien de grandiose dans cette « nouvelle beauté », aussi froide que les murs et les parquets auxquels elle rêve. Je préfère les ballades amoureuses des siècles romantiques, Don Juan, les enlèvements au clair de lune, les échelles de corde, les malédictions paternelles, les gémissements de la mère et les commentaires des voisins indignés, à cette correction et à cette netteté mesurées au cordeau. Si l'amour ne sait pas comment donner et prendre sans restrictions, ce n'est pas de l'amour mais une transaction qui ne manque jamais de considérer en premier lieu le bénéfice ou la perte qui doit résulter de l'opération.

Le salut réside dans une marche énergique vers un avenir plus brillant, plus clair. Ce qu'il nous faut, c'est nous dégager des vieilles traditions, des habitudes désuètes, puis aller de l'avant. Le mouvement féministe n'a accompli que le premier pas dans cette direction. Il faut espérer qu'il gagnera assez de force pour en faire un second. Le droit au vote, aux capacités civiques égales peuvent constituer de bonnes revendications, mais l'émancipation réelle ne commence pas plus à l'urne qu'à la barre. Elle commence dans l'âme de la femme. L'histoire nous dit que c'est par leurs propres efforts qu'à toute époque les opprimés se sont réellement délivrés de leurs maîtres. Il est de toute nécessité que la femme retienne cette leçon : que sa liberté s'étendra jusqu'où s'étend son pouvoir de se libérer elle-même. Il est donc mille fois plus important pour elle

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.– translated by E. Armand. –Orléans : Editions de l'en dehors [192?].– 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

de commencer par sa régénération intérieure, de laisser tomber le faix des préjugés, des traditions, des coutumes. La revendication des droits égaux dans tous les domaines de la vie est équitable et juste, mais, somme toute, le droit le plus vital c'est celui d'aimer et d'être aimée. Si l'émancipation féminine partielle doit se transformer en une émancipation complète et véritable de la femme, c'est à condition qu'elle fasse litière de la notion ridicule qu'être aimée, être amante et mère, est synonyme d'être esclave ou subordonnée. *Il faut qu'elle se débarrasse de l'absurde notion du dualisme des sexes*, autrement dit que l'homme et la femme représentent deux mondes antagonistes.

La mesquinerie sépare ; la largeur réunit. Soyons larges et généreuses. Une conception véritable des relations sexuelles n'admet ni vainqueur ni vaincu ; elle ne reconnaît qu'une chose : le don de soi, illimité, afin de se retrouver plus riche, plus affirmée, meilleure. Cela seul peut combler le vide et transformer la tragédie de l'émancipation féminine en une joie, une joie sans bornes.

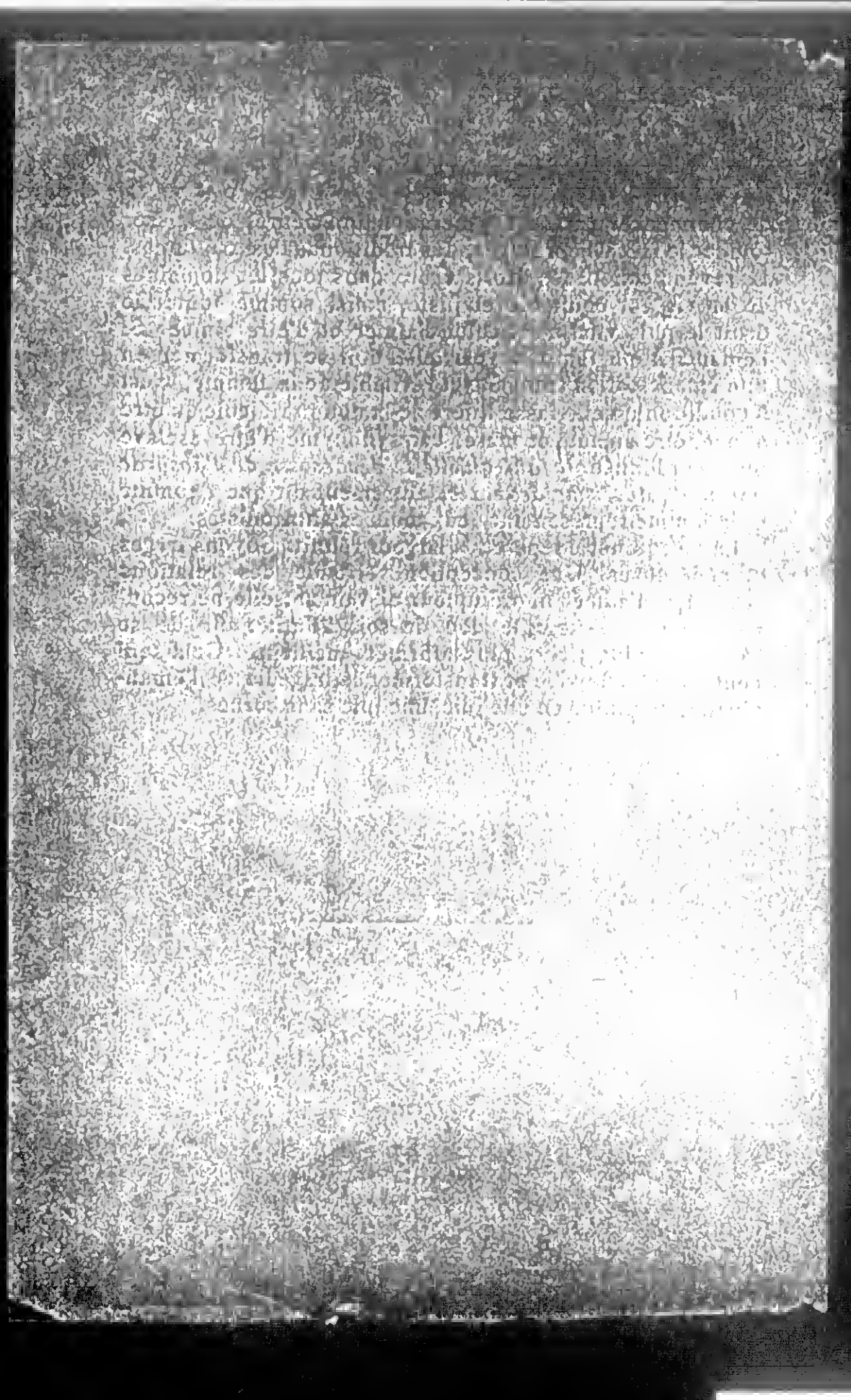
BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

Un grand nombre de Préjugés règnent à l'endroit de l'Individualisme considéré au point de vue anarchiste

Pour les dissiper, procurez-vous et répandez nos Tracts et nos Brochures

par **E. Armand**

La Valeur et les conséquences de son abolition . . . Tract 0 25
Mon pt de vue de l'anarchisme individualiste . . 0 15
L'anarchisme comme vie et comme activité. . . 0 10
Les ouvriers, les syndicats et les anarchistes. 0 20
La vie comme expérience. Fierté 0 20
La procréation au pt de vue individualiste . . . »
Les besoins factices, les stimulants et les individualistes 0 10
A vous, les humbles (placard pap. couleur) . 0 20
Le plus grand danger de l'après-guerre 0 25
Lettre ouverte aux travailleurs des champs. 0 25
L'illégalisme anarchiste, le mécanisme judiciaire et le point de vue individualiste. . 0 30
Amour libre et Liberté sexuelle. Variations sur la volupté. 0 55
Mon athéisme 0 15
Est-ce cela que vous appelez « vivre » ? — La Ruse. — L'en dehors (en français et en *ido*) 0 15

par **Benj. R. Tucker**

Ce que sont les anarchistes individualistes. . 0 10

par **Voltairine de Cleyre**

L'idée dominante (Edition augmentée) 0 20

par **Albert Libertad**

La joie de vivre 0 20

par **Gérard de Lacaze-Duthiers**

Les vrais révolutionnaires, (en français et ido) 0 10

par **Alba Satterthwhaite**

Le Grand Fléau : Le Christianisme. Si j'étais Dieu. 0 10

Notre " Individualiste (texte français et *ido*), " Pour la fin de la guerre" 0 10

Les 25 brochures au tracts franco : fr. 3.00. (sous enveloppe : 3 fr. 50)

Collections

par delà la mêlée, nos 11 à 42 . . . . . 7 50
l'en dehors, premier format, n° 1 à 16/17 . . 4 »
l'en dehors, nouveau format, nos 18 à 45/46. 4 75

Cartes postales, la série de 10 . . . . . 1 »
— (5 séries) . . . . . 4 »
Piqûres d'aiguilles, 10 feuilles (140 textes) . 1 » »

301.412
G6195E

BEST COPY AVAILABLE

82102201

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In French] La Tragédie de l'émancipation féminine / Emma Goldman.— translated by E. Armand. —Orléans : Editions de l'en dehors [192?].— 13 p. ; 19 × 12 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

franco

E. ARMAND. — *L'Initiation individualiste anarchiste*, en recommandé. 8 »

— *Sous les Verrous* (poèmes) 0 30

— Où il est question de l'illégalisme anarchiste, de l'affaire des Bandits tragiques, de Chez les Loups, etc. 0 20

DARROW (Cl.) — Qui jugera le criminel? (les 2) 0 10

GOLDMAN (Emma). — La Tragédie de l'émancipation féminine 0 20

STIRNER, TUCKER, MACKAY. — Contre l'Etat, son immorale, son enseignement

LABADIE. — L'anarchisme : Ce qu'il est et ce qu'il n'est pas

CHARDON (Pierre) et E. ARMAND. — Actuels ou inactuels. Controverse

E. ARMAND. — L'A. B. C. des revendications individualistes

— Fleurs de Solitude et Points de Repère

— Pour le faire réfléchir

— Ainsi chantait un « en dehors »

— *les Illégaux*, pièce en 3 actes

— *A l'encontre du bon sens*, thèse en un acte 0 65

— Entretien sur la *Liberté de l'amour*. L'amour protéiforme. Tout simple amour. Sensibilité. — A. LIBERTAD : Ultime Bonté 0 40

Si vous n'avez pas lu

L'INITIATION INDIVIDUALISTE ANARCHISTE

vous ignorez tout du mouvement individualiste.

Envoi contre 8 fr. 40 recommandé (extérieur 8 fr. 75).

Edition de ***l'en dehors***

bi-mensuel

ABONNEMENTS : un an : 6 francs (Extérieur : 8 francs.

25 cent. l'exemplaire (tout numéro antérieur au courant : 0 fr. 35).

S'adresser pour tous renseignements à *E. Armand, 22, cité St-Joseph, Orléans.*

BEST COPY AVAILABLE

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.— 3rd. ed. —New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].— 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

P101087

PATRIOTISM:
A MENACE TO LIBERTY

BY
EMMA GOLDMAN

Third Edition

277

PUBLISHED BY
THE MOTHER EARTH PUBLISHING ASSOCIATION
74 WEST 119th STREET, NEW YORK

BEST COPY AVAILABLE

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.— 3rd. ed. —New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].— 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

Mother Earth

A Monthly Magazine Devoted to Social Science and Literature

10c per Copy - $1.00 per Year

Publisher - - - EMMA GOLDMAN
Editor - - - ALEXANDER BERKMAN

74 WEST 119th STREET, NEW YORK

PATRIOTISM

A MENACE TO LIBERTY

What is patriotism? Is it love of one's birthplace, the place of childhood's recollections and hopes, dreams and aspirations? Is it the place where, in childlike naivety, we would watch the fleeting clouds, and wonder why we, too, could not run so swiftly? The place where we would count the milliard glittering stars, terror-stricken lest each one "an eye should be," piercing the very depths of our little souls? Is it the place where we would listen to the music of the birds, and long to have wings to fly, even as they, to distant lands? Or the place where we would sit at mother's knee, enraptured by wonderful tales of great deeds and conquests? In short, is it love for the spot, every inch representing dear and precious recollections of a happy, joyous, and playful childhood?

If that were patriotism, few American men of today could be called upon to be patriotic, since the place of play has been turned into factory, mill, and mine, while deafening sounds of machinery have replaced the music of the birds. Nor can we longer hear the tales of great deeds, for the stories our mothers tell today are but those of sorrow, tears, and grief.

PAE

BEST COPY AVAILABLE

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.— 3rd. ed. —New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?]. — 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

What, then, is patriotism? "Patriotism, sir, is the last resort of scoundrels," said Dr. Johnson. Leŏ Tolstoy, the greatest anti-patriot of our times, defines patriotism as the principle that will justify the training of wholesale murderers; a trade that requires better equipment for the exercise of man-killing than the making of such necessities of life as shoes, clothing, and houses; a trade that guarantees better returns and greater glory than that of the average workingman.

Gustave Hervé, another great anti-patriot, justly calls patriotism a superstition—one far more injurious, brutal, and inhumane than religion. The superstition of religion originated in man's inability to explain natural phenomena. That is, when primitive man heard thunder or saw the lightning, he could not account for either, and therefore concluded that back of them must be a force greater than himself. Similarly he saw a supernatural force in the rain, and in the various other changes in nature. Patriotism, on the other hand, is a superstition artificially created and maintained through a network of lies and falsehoods; a superstition that robs man of his self-respect and dignity, and increases his arrogance and conceit.

Indeed, conceit, arrogance, and egotism are the essentials of patriotism. Let me illustrate. Patriotism assumes that our globe is divided into little spots, each one surrounded by an iron gate. Those who have had the fortune of being born on some particular spot, consider themselves better, nobler, grander, more intelligent than the living beings inhabiting any other spot. It is, therefore, the duty of everyone

living on that chosen spot to fight, kill, and die in the attempt to impose his superiority upon all the others.

The inhabitants of the other spots reason in like manner, of course, with the result that, from early infancy, the mind of the child is poisoned with blood-curdling stories about the Germans, the French, the Italians, Russians, etc. When the child has reached manhood, he is thoroughly saturated with the belief that he is chosen by the Lord himself to defend *his* country against the attack or invasion of any foreigner. It is for that purpose that we are clamoring for a greater army and navy, more battleships and ammunition. It is for that purpose that America has within a short time spent four hundred million dollars. Just think of it—four hundred million dollars taken from the produce of *the people.* For surely it is not the rich who contribute to patriotism. They are cosmopolitans, perfectly at home in every land. We in America know well the truth of this. Are not our rich Americans Frenchmen in France, Germans in Germany, or Englishmen in England? And do they not squandor with cosmopolitan grace fortunes coined by American factory children and cotton slaves? Yes, theirs is the patriotism that will make it possible to send messages of condolence to a despot like the Russian Tsar, when any mishap befalls him, as President Roosevelt did in the name of *his* people, when Sergius was punished by the Russian revolutionists.

It is a patriotism that will assist the arch-murderer, Diaz, in destroying thousands of lives in Mexico, or that will even aid in arresting Mexican revolutionists on American soil and keep them incarcerated in

BEST COPY AVAILABLE

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.— 3rd. ed. —New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].— 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

American prisons, without the slightest cause or reason.

But, then, patriotism is not for those who represent wealth and power. It is good enough for the people. It reminds one of the historic wisdom of Frederick the Great, the bosom friend of Voltaire, who said: "Religion is a fraud, but it must be maintained for the masses."

That patriotism is rather a costly institution, no one will doubt after considering the following statistics. The progressive increase of the expenditures for the leading armies and navies of the world during the last quarter of a century is a fact of such gravity as to startle every thoughtful student of economic problems. It may be briefly indicated by dividing the time from 1881 to 1905 into five-year periods, and noting the disbursements of several great nations for army and navy purposes during the first and last of those periods. From the first to the last of the periods noted the expenditures of Great Britain increased from $2,101,848,936 to $4,143,226,885, those of France from $3,324,500,000 to $3,455,109,900, those of Germany from $725,000,200 to $2,700,375,600, those of the United States from $1,275,500,750 to $2,650,900,450, those of Russia from $1,900,975,500 to $5,250,445,100, those of Italy from $1,600,975,750 to $1,755,500,100, and those of Japan from $182,900,500 to $700,925,475.

The military expenditures of each of the nations mentioned increased in each of the five-year periods under review. During the entire interval from 1881 to 1905 Great Britain's outlay for her army increased

fourfold, that of the United States was tripled, Russia's was doubled, that of Germany increased 35 per cent., that of France about 15 per cent., and that of Japan nearly 500 per cent. If we compare the expenditures of these nations upon their armies with their total expenditures for all the twenty-five years ending with 1905, the proportion rose as follows:

In Great Britain from 20 per cent. to 37; in the United States from 15 to 23; in France from 16 to 18; in Italy from 12 to 15; in Japan from 12 to 14. On the other hand, it is interesting to note that the proportion in Germany decreased from about 58 per cent. to 25, the decrease being due to the enormous increase in the imperial expenditures for other purposes, the fact being that the army expenditures for the period of 1901-5 were higher than for any five-year period preceding. Statistics show that the countries in which army expenditures are greatest, in proportion to the total national revenues, are Great Britain, the United States, Japan, France, and Italy, in the order named.

The showing as to the cost of great navies is equally impressive. During the twenty-five years ending with 1905 naval expenditures increased approximately as follows: Great Britain, 300 per cent.; France 60 per cent.; Germany 600 per cent.; the United States 525 per cent.; Russia 300 per cent.; Italy 250 per cent.; and Japan, 700 per cent. With the exception of Great Britain, the United States spends more for naval purposes than any other nation, and this expenditure bears also a larger proportion to the entire national disbursements than that of any other power. In the period 1881-5, the expenditure

BEST COPY AVAILABLE

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.— 3rd. ed. —New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].— 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

for the United States navy was $6.20 out of each $100 appropriated for all national purposes; the amount rose to $6.60 for the next five-year period, to $8.10 for the next, to $11.70 for the next, and to $16.40 for 1901-5. It is morally certain that the outlay for the current period of five years will show a still further increase.

The rising cost of militarism may be still further illustrated by computing it as a per capita tax on population. From the first to the last of the five-year periods taken as the basis for the comparisons here given, it has risen as follows: In Great Britain, from $18.47 to $52.50; in France, from $19.66 to $23.62; in Germany, from $10.17 to $15.51; in the United States, from $5.62 to $13.64; in Russia, from $6.14 to $8.37; in Italy, from $9.59 to $11.24, and in Japan from 86 cents to $3.11.

It is in connection with this rough estimate of cost per capita that the economic burden of militarism is most appreciable. The irresistible conclusion from available data is that the increase of expenditure for army and navy purposes is rapidly surpassing the growth of population in each of the countries considered in the present calculation. In other words, a continuation of the increased demands of militarism threatens each of those nations with a progressive exhaustion both of men and resources.

The awful waste that patriotism necessitates ought to be sufficient to cure the man of even average intelligence from this disease. Yet patriotism demands still more. The people are urged to be patriotic and for that luxury they pay, not only by supporting their

"defenders," but even by sacrificing their own children. Patriotism requires allegiance to the flag, which means obedience and readiness to kill father, mother, brother, sister.

The usual contention is that we need a standing army to protect the country from foreign invasion. Every intelligent man and woman knows, however, that this is a myth maintained to frighten and coerce the foolish. The governments of the world, knowing each other's interests, do not invade each other. They have learned that they can gain much more by international arbitration of disputes than by war and conquest. Indeed, as Carlyle said, "War is a quarrel between two thieves too cowardly to fight their own battle; therefore they take boys from one village and another village, stick them into uniforms, equip them with guns, and let them loose like wild beasts against each other."

It does not require much wisdom to trace every war back to a similar cause. Let us take our own Spanish-American war, supposedly a great and patriotic event in the history of the United States. How our hearts burned with indignation against the atrocious Spaniards! True, our indignation did not flare up spontaneously. It was nurtured by months of newspaper agitation, and long after Butcher Weyler had killed off many noble Cubans and outraged many Cuban women. Still, in justice to the American Nation be it said, it did grow indignant and was willing to fight, and that it fought bravely. But when the smoke was over, the dead buried, and the cost of the war came back to the people in an increase in the

BEST COPY AVAILABLE

44

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.– 3rd. ed. –New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].– 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

price of commodities and rent—that is, when we sobered up from our patriotic spree—it suddenly dawned on us that the cause of the Spanish-American war was the consideration of the price of sugar; or, to be more explicit, that the lives, blood, and money of the American people were used to protect the interests of American capitalists, which were threatened by the Spanish government. That this is not an exaggeration, but is based on absolute facts and figures, is best proven by the attitude of the American government to Cuban labor. When Cuba was firmly in the clutches of the United States, the very soldiers sent to liberate Cuba were ordered to shoot Cuban workingmen during the great cigarmakers' strike, which took place shortly after the war.

Nor do we stand alone in waging war for such causes. The curtain is beginning to be lifted on the motives of the terrible Russo-Japanese war, which cost so much blood and tears. And we see again that back of the fierce Moloch of war stands the still fiercer god of Commercialism. Kuropatkin, the Russian Minister of War during the Russo-Japanese struggle, has revealed the true secret behind the latter. The Tsar and his Grand Dukes, having invested money in Corean concessions, the war was forced for the sole purpose of speedily accumulating large fortunes.

The contention that a standing army and navy is the best security of peace is about as logical as the claim that the most peaceful citizen is he who goes about heavily armed. The experience of every-day life fully proves that the armed individual is invariably anxious to try his strength. The same is historically true of governments. Really peaceful countries do not waste life and energy in war preparations, with the result that peace is maintained.

However, the clamor for an increased army and navy is not due to any foreign danger. It is owing to the dread of the growing discontent of the masses and of the international spirit among the workers. It is to meet the internal enemy that the Powers of various countries are preparing themselves; an enemy, who, once awakened to consciousness, will prove more dangerous than any foreign invader.

The powers that have for centuries been engaged in enslaving the masses have made a thorough study of their psychology. They know that the people at large are like children whose despair, sorrow, and tears can be turned into joy with a little toy. And the more gorgeously the toy is dressed, the louder the colors, the more it will appeal to the million-headed child.

An army and navy represents the people's toys. To make them more attractive and acceptable, hundreds and thousands of dollars are being spent for the display of these toys. That was the purpose of the American government in equipping a fleet and sending it along the Pacific coast, that every American citizen should be made to feel the pride and glory of the United States. The city of San Francisco spent one hundred thousand dollars for the entertainment of the fleet; Los Angeles, sixty thousand; Seattle and Tacoma, about one hundred thousand. To entertain the fleet, did I say? To dine and wine a few superior officers, while the "brave boys" had to mutiny to get

BEST COPY AVAILABLE

45

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.– 3rd. ed. –New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].– 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

sufficient food. Yes, two hundred and sixty thousand dollars were spent on fireworks, theatre parties, and revelries, at a time when men, women, and children through the breadth and length of the country were starving in the streets; when thousands of unemployed were ready to sell their labor at any price.

Two hundred and sixty thousand dollars! What could not have been accomplished with such an enormous sum? But instead of bread and shelter, the children of those cities were taken to see the fleet, that it may remain, as one of the newspapers said, "a lasting memory for the child."

A wonderful thing to remember, is it not? The implements of civilized slaughter. If the mind of the child is to be poisoned with such memories, what hope is there for a true realization of human brotherhood?

We Americans claim to be a peace-loving people. We hate bloodshed; we are opposed to violence. Yet we go into spasms of joy over the possibility of projecting dynamite bombs from flying machines upon helpless citizens. We are ready to hang, electrocute, or lynch anyone, who, from economic necessity, will risk his own life in the attempt upon that of some industrial magnate. Yet our hearts swell with pride at the thought that America is becoming the most powerful nation on earth, and that it will eventually plant her iron foot on the necks of all other nations.

Such is the logic of patriotism.

Considering the evil results that patriotism is fraught with for the average man, it is as nothing compared with the insult and injury that patriotism

heaps upon the soldier himself,—that poor, deluded victim of superstition and ignorance. He, the savior of his country, the protector of his nation,—what has patriotism in store for him? A life of slavish submission, vice, and perversion, during peace; a life of danger, exposure, and death, during war.

While on a recent lecture tour in San Francisco, I visited the Presidio, the most beautiful spot overlooking the Bay and Golden Gate Park. Its purpose should have been playgrounds for children, gardens and music for the recreation of the weary. Instead it is made ugly, dull, and gray by barracks,—barracks wherein the rich would not allow their dogs to dwell. In these miserable shanties soldiers are herded like cattle; here they waste their young days, polishing the boots and brass buttons of their superior officers. Here, too, I saw the distinction of classes: sturdy sons of a free Republic, drawn up in line like convicts, saluting every passing shrimp of a lieutenant. American equality, degrading manhood and elevating the uniform!

Barrack life further tends to develop tendencies of sexual perversion. It is gradually producing along this line results similar to European military conditions. Havelock Ellis, the noted writer on sex psychology, has made a thorough study of the subject. I quote: "Some of the barracks are great centers of male prostitution. . . . The number of soldiers who prostitute themselves is greater than we are willing to believe. It is no exaggeration to say that in certain regiments the presumption is in favor of the venality of the majority of the men. . . . On summer even-

BEST COPY AVAILABLE

46

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.– 3rd. ed. –New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].– 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

ings Hyde Park and the neighborhood of Albert Gate are full of guardsmen and others plying a lively trade, and with little disguise, in uniform or out. . . . In most cases the proceeds form a comfortable addition to Tommy Atkins' pocket money."

To what extent this perversion has eaten its way into the army and navy can best be judged from the fact that special houses exist for this form of prostitution. The practice is not limited to England; it is universal. "Soldiers are no less sought after in France than in England or in Germany, and special houses for military prostitution exist both in Paris and the garrison towns."

Had Mr. Havelock Ellis included America in his investigation of sex perversion, he would have found that the same conditions prevail in our army and navy as in those of other countries. The growth of the standing army inevitably adds to the spread of sex perversion; the barracks are the incubators.

Aside from the sexual effects of barrack life, it also tends to unfit the soldier for useful labor after leaving the army. Men, skilled in a trade, seldom enter the army or navy, but even they, after a military experience, find themselves totally unfitted for their former occupations. Having acquired habits of idleness and a taste for excitement and adventure, no peaceful pursuit can content them. Released from the army, they can turn to no useful work. But it is usually the social riff-raff, discharged prisoners and the like, whom either the struggle for life or their own inclination drives into the ranks. These, their military term over, again turn to their former life of crime,

more brutalized and degraded than before. It is a well-known fact that in our prisons there is a goodly number of ex-soldiers; while, on the other hand, the army and navy are to a great extent supplied with ex-convicts.

Of all the evil results I have just described none seems to me so detrimental to human integrity as the spirit patriotism has produced in the case of Private William Buwalda. Because he foolishly believed that one can be a soldier and exercise his rights as a man at the same time, the military authorities punished him severely. True, he had served his country fifteen years, during which time his record was unimpeachable. According to Gen. Funston, who reduced Buwalda's sentence to three years, "the first duty of an officer or an enlisted man is unquestioned obedience and loyalty to the government, and it makes no difference whether he approves of that government or not." Thus Funston stamps the true character of allegiance. According to him, entrance into the army abrogates the principles of the Declaration of Independence.

What a strange development of patriotism that turns a thinking being into a loyal machine!

In justification of this most outrageous sentence of Buwalda, Gen. Funston tells the American people that the soldier's action was "a serious crime equal to treason." Now, what did this "terrible crime" really consist of? Simply in this: William Buwalda was one of fifteen hundred people who attended a public meeting in San Francisco; and, oh, horrors, he shook hands with the speaker, Emma Goldman. A terrible

BEST COPY AVAILABLE

47

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.– 3rd. ed. –New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].– 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

crime, indeed, which the General calls "a great military offense, infinitely worse than desertion."

Can there be a greater indictment against patriotism than that it will thus brand a man a criminal, throw him into prison, and rob him of the results of fifteen years of faithful service?

Buwalda gave to his country the best years of his life and his very manhood. But all that was as nothing. Patriotism is inexorable and, like all insatiable monsters, demands all or nothing. It does not admit that a soldier is also a human being, who has a right to his own feelings and opinions, his own inclinations and ideas. No, patriotism can not admit of that. That is the lesson which Buwalda was made to learn; made to learn at a rather costly, though not at a useless price. When he returned to freedom, he had lost his position in the army, but he regained his self-respect. After all, that is worth three years of imprisonment.

A writer on the military conditions of America, in a recent article, commented on the power of the military man over the civilian in Germany. He said, among other things, that if our Republic had no other meaning than to guarantee all citizens equal rights, it would have just cause for existence. I am convinced that the writer was not in Colorado during the patriotic régime of General Bell. He probably would have changed his mind had he seen how, in the name of patriotism and the Republic, men were thrown into bull-pens, dragged about, driven across the border, and subjected to all kinds of indignities. Nor is that Colorado incident the only one in the growth of mili-

tary power in the United States. There is hardly a strike where troops and militia do not come to the rescue of those in power, and where they do not act as arrogantly and brutally as do the men wearing the Kaiser's uniform. Then, too, we have the Dick military law. Had the writer forgotten that?

A great misfortune with most of our writers is that they are absolutely ignorant on current events, or that, lacking honesty, they will not speak of these matters. And so it has come to pass that the Dick military law was rushed through Congress with little discussion and still less publicity,—a law which gives the President the power to turn a peaceful citizen into a bloodthirsty man-killer, supposedly for the defense of the country, in reality for the protection of the interests of that particular party whose mouthpiece the President happens to be.

Our writer claims that militarism can never become such a power in America as abroad, since it is voluntary with us, while compulsory in the Old World. Two very important facts, however, the gentleman forgets to consider. First, that conscription has created in Europe a deep-seated hatred of militarism among all classes of society. Thousands of young recruits enlist under protest and, once in the army, they will use every possible means to desert. Second, that it is the compulsory feature of militarism which has created a tremendous anti-militarist movement, feared by European Powers far more than anything else. After all, the greatest bulwark of capitalism is militarism. The very moment the latter is undermined, capitalism will totter. True, we have no con-

BEST COPY AVAILABLE

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.— 3rd. ed. —New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].— 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

scription; that is, men are not usually foreed to enlist in the army, but we have developed a far more exacting and rigid force—necessity. Is it not a fact that during industrial depressions there is a tremendous increase in the number of enlistments? The trade of militarism may not be either lucrative or honorable, but it is better than tramping the country in search of work, standing in the bread line, or sleeping in municipal lodging houses. After all, it means thirteen dollars per month, three meals a day, and a place to sleep. Yet even necessity is not sufficiently strong a faetor to bring into the army an element of character and manhood. No wonder our military authorities complain of the "poor material" enlisting in the army and navy. This admission is a very encouraging sign. It proves that there is still enough of the spirit of independence and love of liberty left in the average American to risk starvation rather than don the uniform.

Thinking men and women the world over are beginning to realize that patriotism is too narrow and limited a conception to meet the necessities of our time. The centralization of power has brought into being an international feeling of solidarity among the oppressed nations of the world; a solidarity which represents a greater harmony of interests between the workingman of America and his brothers abroad than between the American miner and his exploiting compatriot; a solidarity which fears not foreign invasion, because it is bringing all the workers to the point when they will say to their masters, "Go and do your own killing. We have done it long enough for you."

This solidarity is awakening the consciousness of

even the soldiers, they, too, being flesh of the flesh of the great human family. A solidarity that has proven infallible more than once during past struggles, and which has been the impetus inducing the Parisian soldiers, during the Commune of 1871, to refuse to obey when ordered to shoot their brothers. It has given eourage to the men who mutinied on Russian warships during recent years. It will eventually bring about the uprising of all the oppressed and downtrodden against their international exploiters.

The proletariat of Europe has realized the great force of that solidarity and has, as a result, inaugurated a war against patriotism and its bloody spectre, militarism. Thousands of men fill the prisons of France, Germany, Russia, and the Scandinavian countries, because they dared to defy the ancient superstition. Nor is the movement limited to the working class; it has embraced representatives in all stations of life, its chief exponents being men and women prominent in art, science, and letters.

America will have to follow suit. The spirit of militarism has already permeated all walks of life. Indeed, I am convinced that militarism is growing a greater danger here than anywhere else, because of the many bribes capitalism holds out to those whom it wishes to destroy.

The beginning has already been made in the schools. Evidently the government holds to the Jesuitical conception, "Give me the child mind, and I will mould the man." Children are trained in military tactics, the glory of military achievements extolled in the curriculum, and the youthful minds

BEST COPY AVAILABLE

82102216

The Emma Goldman Papers

Patriotism: A Menace to Liberty / Emma Goldman.— 3rd. ed. —New York : Mother Earth Pub. Ass'n., [192?].— 11 p. ; 20 × 25 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

perverted to suit the government. Further, the youth of the country is appealed to in glaring posters to join the army and navy. "A fine chance to see the world!" cries the governmental huckster. Thus innocent boys are morally shanghaied into patriotism, and the military Moloch strides conquering through the Nation.

The American workingman has suffered so much at the hands of the soldier, State and Federal, that he is quite justified in his disgust with, and his opposition to, the uniformed parasite. However, mere denunciation will not solve this great problem. What we need is a propaganda of education for the soldier: anti-patriotic literature that will enlighten him as to the real horrors of his trade, and that will awaken his consciousness to his true relation to the man to whose labor he owes his very existence.

It is precisely this that the authorities fear most. It is already high treason for a soldier to attend a radical meeting. No doubt they will also stamp it high treason for a soldier to read a radical pamphlet. But, then, has not authority from time immemorial stamped every step of progress as treasonable? Those, however, who earnestly strive for social reconstruction can well afford to face all that; for it is probably even more important to carry the truth into the barracks than into the factory. When we have undermined the patriotic lie, we shall have cleared the path for that great structure wherein all nationalities shall be united into a universal brotherhood,—a truly FREE SOCIETY.

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldnan Archive.

Lecture on Feminism

To the American Observer there is much food for refleotion in the outspoken feminism of the conti..ental movement. One sees very little evidence of trucking to narrow-minded criticism. All questions of importanoe are thrashed out in the open, at conventions and in the feminist press. The consequence is that the foreign movement has developed a very strong power of self-direction and a keen, steady conscieousness of woman's caried interestsxx as a sex.

These feminist periodioals oorrespond in purpose to the American suffrage journals. But in no sense are they to be compared with the so-called women's magazines, the commercialized monthly journals which really exploit, with cold-blooded cunning all the immaturities in woman which feminism is trying so laboriously to remove.

With the establishment of this society, the Mutterschutz Idea became a system. It had already been partly formulated by individuals and leaders primarily by Ellen Key and Kily Braun But a society now existed, based on the Mutterschutz Idea with international connections and systematized aotivities. Its purpose was stated to be the reform of sexual ethios and the protection of motherhood.

It soon dakxx developed that among their other activities, they had to carry on a oeaseless crusade against hypocrisy. They had to reckon not so much with guilty consciences. That the latter formed the chief contingent of the opposition was soon discovered by those who did the practical work of the organization. The rapidly accumulating statistics held a mirror up to the social station of the unwedded parents, showing how overwhelmingly ill-matched these parents were. The mother belonged to a humble class, mainly the serving class, while the father not unusally belonged to middle class circles. Frequently he was a person of unquestioned

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

respectability. In type and social class, he corresponded to the kind of citizen who volunteered in greatest numbers to defend society against the Mutterschutz peril. This explains why the literature of the movement contains so many polemics against hypocrisy. These writers have done much to arouse popular distaste of hypocrisy in all its manifestations - a distaste which constitutes almost a mental staple in the continental habit of though while it still remains a rare luxury in popular Anglo-Saxon ethics.

What is morality in the sex relation? The inquirers placed themselves before this question as if it had not been answered once for all by the Catholic Church in the earliest centuries and again once for all by Martin Luther some thousand years later. They submitted that sexual ethics, as well as other branches of ethics, could not be settled once for all, but must be revised from age to age by the light of human and social experience. They felt that it was time that certain new ideas should be embodied in the accepted sex code and these new ideas they called the New Ethics (Die Neue Ethik) over which so much ink has been spilled in the last decade.

The movement was denounced as a menace to the family, the church, and the state. That women should come before the public and discuss such subjects was peculiarly resented. But for the fact that they were so ably championed by such continental celebrities as Professor August Forel of Switzerland, Dr. Rutgers of Holldand, Dr. Sigmund Freud of Austria, and Minister of Justice Castberg of Norway, the feminine contingent would have had a much thornier path to tread than they actually did. Much of the critisoism took rather low ground, resembling that of the gentleman who sat next to Dr. Helene Stocker at a dinner and whose outraged feelings exploded in the remark "You talk as if you thought that all women should

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

sow their wild oats and all men should be chaste" Ellen Key's ~~biography~~ was perhaps more severely punished in her country for her doctrines than was Dr. Stocker in hers.

Briefly explained, the New Ethicists are practical evolutionists. They proceed from the fundamental prinoipal that some system of applied evolution is the only possible ethical guide in the matter of sex relationships. For the old ascetic conscience, they would substitute the modern eugenic conscience. In the matter of ethical laws and institutions, as well as other laws and institutions, change cannot be presented and so the only to rationalize the inevitable changes is to control them in the light of the teachings of science of evolution. Popular ideals of sexual ethics are ezpecially backward as they have been kept so long in the drakest cellar of the humann consciensness. The first condition of progress in sexual reform is a general enlightenment as to existing sexual conditions, - the accepted sexual code, its observances and its evasions, - in the most civilized of modern states. Women especially must participate in this era of sexual enlightenment. (Sexuelle Aufklarung) because the innocence-fetich has kept them ignorant in this regard.

Thou shall not propagate, but elevate, the race.". This principae is opposed to all casual parentage; sex must be placed at the service of evolution. Volitional breeding must take the place of accidental breeding, quality of offspring must take the place of blind numbers. Here we recognize the teachings of the new eugenics movement as well, whose principles are one with that phase of the woman movement which seeks to liberate and empower the mother in woman.

According to Ellen Key, the New Morality gives a new definition of chastity. "Chastity consists in the harmony between the soul and the senses, and no sexual relationship is moral without such relationship". Lack of chastity may degrade

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

the legalized union as well as the unlegalized one, and chastity may justify the sex union which the state and church have not sanctioned. Ethically, there is nothing to choose between the sonscience-marriage of George Eliot and Henry Lewes and the legal marriage of an Elizabeth Barrett and Robert Browning. Although many of the followers of the New Ethics (all of them in fact so far as I have been able to follow their writings) believe that the monogamous union is the highest ideal of marriage, they protest against its exclusive adoption as an ethical standard. This is the kernel of the New Ethics. It will be seen that it is not so much a proclamation of an actual new ethics as it is a questioning and criticism of the ~~old-ethics, the "official ethics" as its critics call it.~~---To old ethics, the "official ethics" as its critics call it. To the American readers of Ellen Key's workds these ideas are already familiar. Their importance for European feminism lies in the currency they have achieved through organization and propoganda.

"The Journal of American Medicine for April 10, 1915, reports that "The year 1914 in Berlin closed with a birth-rate which was 3,500 less than that of the preceding year. The five years from 1909 to 1913 produced 45,960, 44,188, 432201, 42,581, 40,832 living births. The year 1914 on the other hand, showed only about 37,300. The figures for 1914 are a temporary estimate, but it might be increased at the most on account of delayed reports by a few dozen. The mortality increased in 1914 by about 1,600. for 1914, a current estimate gives 29,650 births without still-births. The excess of births over deaths for the years 1909-13 amounted to 14,116, 14,036, 10,894, 12,600, 12,767, but for 1914 only about 7,650. In 1914 the excess of births was about 5,100 less than for 1913, that is about 40 per cent.

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

To the many million practicants - if I may use this term for whose who have felt and still feel in their own lives the wretchedness of undesired and unwilled motherhood, for them the Rutgers book speaks a saving word; it speaks the last word in the woman movement. The woman question is not a spinsters' question as perhaps one was formerly inclined to regard it. It concerns itself with the complete human being, all the rights, of personality of the full grown woman. Only short-sighted blindness can lend itself to the delusion that this can be achieved without the exandipation of woman as a sex-being. All her other achievements in the economic, social and intellectual fields, and together with them, all her general cultural achievements, remain illusory, or at best limited to a comparatively small group, so long as women do not have the responsibility of their lives as mothers; - so long as, in this most fundamental point of the woman's sphere, they leave the dominion in the hands of blindly swaying natural forces which civilized man masters in all other spheres and yokes -- in the service of his own will and purposes. Thus the question herew unrolled includes for all those who have learned to think their thoughts to the end the real innermost core of the woman question. Thus in a certain sense the population question is to be regarded as the woman question, and at the same time as the economic and social, as the vocational, legalm moral, and last but not least as the educational problem.

"Henceforth the woman will not sigh beneath her fertility as beneath the curse of the lost paradise; through physiological knowledge she has again come to be the mistress of her own body and of her own fate". These brave words of Dr. Rutgers are already partly true for the educated and possessing classes, thanks to the means of medical science in the last three decades and the practical Malthusianism rounded thereupon which has been growing more and more at home in our own country. In view of this

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

fact, however, it is a pressing, an undeniable duty of the middle class woman movement which embraces all these circles, to share its blessings, primarily by means of a general educational propaganda, with those who need them even more, for whomthey area life-and-death question--the weary and heavy-laden mothers of the working people.

Although the society does not call itself a philanthropic organization, much of its work is necessarily of that character. An important branch of its work is to provide legal aid for the women who need such advice. It also helps the mother to find employment for herself and a home for the child. At the Mutterschutzhaus near Berlin, children whose mothers must be necessarily separated from them are kept until the age of six. In every way, the society seeks to strengthen the bond between the mother and the child, which like all other human bonds is susceptible to sharing, and thus to prevent the life of prostitution. It is known that the maternity wards and hospitals are a source for recruits to the brothel population of the great cities. This is vividly brought out in Else Jerusalem's psychological novel dealing with brothel life. The author describes the way in which Madam Goldscheider managed to articulate her establishment with the maternity hospitals.

Madam Goldscheider had opened yet a last and more certain source from which she could procure, with impunity, girls whom she took into her school, trained, and exploited. This source was the public maternity hospitals and institutes. She maintained friendly and well-paid relations with the porters and attendants and could depend upon it with certainty that she would be immediately informed as soon as any material of her sort had been admitted.

They were for the most part social outcasts, crea-

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].— [192?, draft].— 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

tures harassed by advarse fate, to whom it was a burden to go on living, and they listened with avidity to the descriptions and promises of a care-free life. From the lips of the attendants there flowed, sweeter than honey, the story of how glorious the place was, how fine and leasurable the days as they passed. Then after her path had thus been smoothed Madame Goldscheider came and removed the last resistance with a resolute hand; that is, she provided for the child with one of the country women who were daily at hand and it was clear that most of the girls were heartily glad to be relieved of the overwhelming burden.. For them all, motherhood was the cruel awakening after a frivolous and pleasure-loving dream of the senses.

Where they lay in the iron bed-steads between the coarse gray linen sheets, governesses beside servant-maid , working women beside middle-class girls who had forsaken their native provinces, and wholly immature proletarian children, from fourteen to sixteen years old, who lay pale and wated in their beds, glad to have a roof above their misery. On these and similar business excursions, Milada was required to accompany her Madame; she sat beside the driver and contemplated the meager luggage which the recruit carried with her. From the interior of the carriage she heard at the start continuing wails and outcries but the voice of Madame Goldscheider went on speaking with friendly calmness, so that by the time they arrived at Carlotta's or the Red House the eyes of the "fresh" girls brightened with eager expectation. This very direct and undeniable gravitaion of Madame Goldscheider toward medium types, who might maintain their place between the paid prostitute and the respectable girl, gave her salon its individuality and the "nuances" which attracted great attention in the smart world."

On the other hand, the foreign feminists have no

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

desire to stress the economic valuation of maternity to a degree which would mean the denial of the mother's right to work, or her exclusion from the ordinary wage-earning occupations. But they do maintain that her hard-won and dear-bought economic independence shall not be sacrificed as a condition for maternity. Ellen Key's program requires the state to support the mother and child for a period of three years. Henriette Furth, whose demands are tied down to the essentially practical, merely asks that the mother shall be reimbursed for the wages she loses and for a period of six to eight weeks following her confinement and eight weeks preceding it. Along these lines, the emancipation of the mother from sex-slavery becomes a practical and feasible prospect and not a Utopian dream.

The payment of a definite sum directly to the mother as maternity insurance marks the beginning of her transition from a use-value world to an exchange-value world. Hitherto, maternity has never been organized into the economic world at all. Its value was subjective only and the mother's affection was its own reward. This is why many people, women especially, dislike the thought that child-bearing and child-bearing should be associated with any schedule of money payments. The mother's care of her child is something whose psychological and spiritual value is inestimable; it is, admittedly, one of the greatest of cultural influences. It is a tremendous contribution, but it cannot be bought. All this, of course, is very true. But if we consider the number of paid vocations to-day which were once their own reward,--the paid minister of the gospel, the paid teacher, the paid social worker,--we almost wonder why paid maternity was not long ago the rule in civilized states. A government which professes to place as high a value on its cultural influences as Germany professes to do, should see to it that the natural guardians of infancy should be protected from want. After all, we live in an economic world and not in a Paul-and-Virginia paradise.

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Only the exclusion from the home is new. We have to do with an economic renaissance harking back, as we have said, to the very beginning back, so we have said, to the very beginnings of German society. In the middle ages, especially, women were prominent in the economic scheme. The records show that they were not excluded from any occupation. Spinning and weaving were almost exclusively women's work. Handicrafts were carried onwith great expertness in the medieval cloisters, an environment in which women found careers as well as a religious retreat. They also followed the intellectual occuaptions, as documents still in existence show. There were women physicians in Frankfurt am Main in the fifteenth century, women were members of the guilds, and there were some guilds composed entirely of women, with mastercrafts women at the head and girl apprentices. They werre active as silk-spinners and silk-weavers, yarn-spinners, gold-spinners, hat-makers and embroiderers; in short, they were quite generally engaged in the highly-skilled production of apparel and tapestries of all kinds.

THE VALKYRIE VOTE.

The most nobly planned woman of all mythology is the creation of Germanic and Scandinavian folk-lore. The Valkyire has no equal in Oriental or Southern myths. The dominant female types of the latter were an Eve, who embodied the idea of sin; a Venus, who embodied the idea of love; and a Helen, who embodied the idea of beauty. It was left to the youngest of the pagan religions, --for it is still less than a thouaand years since the Norwegians abandoned the worship of Wotan,--to personify in the character of the Valkyrie, the idea of choice. She is not the beautiful temptress, but she is the strong chooser, the elector of the brave for the seats of Valhalla. Her hand is formed to rein a horse and to wield a lance, and her favor is only for him who can overcome her at wrestling and other feats of strength. In her physical

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

prowess, the Valkyrie represents the strong woman of the Northern races and in her character of chooser, she typifies the mystical element in the theory of democracy--a belief in the ultimate and individual will.

"The abuse of Woman's Strength," that the emancipators of woman were making a mistake in seeking new fields of work and power instead of freeing and enhancing the field of work which was peculiarly hers. The suffragists, especially, were accused of forgetting, in their race for political rights, the claims of the woman as a sex-being (Geschlechtswesen). The desire for economic independence was roundly criticised as an indiscriminating rush into men's occupations while the maternal function was exalted as the sole legitimate work for women.

Two Scandinavian writers of the nineteenth century, Fredrika Bremer of Sweden and Camilla Collett of Norway, well exemplify the principle of beginning where one stands. They opened the gates to the woman's revolt in their respective countries by their criticisms of family relationships and marriage. Fredrika Bremmer dwelt especially upon the unworthy position of the daughter in the home and Camilla Collett upon the unworthy position of the woman in betrothal and marriage.

It is difficult to realize when we read to-day the sentimental and pious fiction of Fredrika Bremerthat these books represent the first open revolt of the middle-class daughter . For their time, they were a shameless defense of intractability. Yet there is nothing in Fredrika's pictures of Swedish family life to indicate that she had any vision of the emancipated daughter against any other background than the home of her childhood. She conceived of the daughter as a permanent fixture in the large, populouss family which the early nineteenth century regarded as a normal household, and she only contended that the daughter should enjoy the rights

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

of an adult in this small-sized community when she had reached an adult's estate.

The fifty years which intervene between Fredrika Bremer and ourselves have brought about a progressive disintegration of the consanguineous family. Not the feminist movement but economic and social conditions have wrought this change. Neither is it accurate to describe what is happening as the destruction of the family. It is merely the dissection of the family into smaller and more mobile economic units. Nevertheless, this shrinkage in the diameter of the home and the readjustments which it causes are matters of tremendous import to women. Theexodus of the unmarried daughter from her home has produced a new problem by which we may measure how far we now stand from where Fredrika Bremer stood when she wrote Hertha. This new problem is the isolation of the economically independent woman and her want of human contacts. The development of cooperative living arrangements, the establishment of women's clubs and womne's hotels is a part of the effort to deal with this problem.

Camilla Collett, the first great feminist of Norway, found the Norwegian women completely submerged under the injunction of silence imposed by the church. A modern Norwegian feminist tells us that, under the incessant counsels to humility and submission, "they had finally settled into a resignation which was not unlike a spiritual paralysis." Out of the Camp of the Mute, started a healthy reaction against the devitalizing effects of this over-praised silence. The arguments for women's rights contained in this book, and in an earlier work, The Magistrate's Daughters, made a strong impression on the mind of the young dramatist Henrik Ibsen, and were the direct source of the consistent vein of feminism which rims through all his works. By that same token, they were the remote source of the feminist philosophy distilled by G. B. S. from the plays of the Norwegian dramatist and couched

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

in his essay on the "Womanly Woman"--the essay which is the quintessence of The Quintessence of Ibsenism.

In 1911, a feminist book was published in Germany which was considered very audacious. It was quite as audacious for 1911 as Mary Wollstonecraft's Vindication of the Rights of Woman was for 1792, and that is saying a great deal. The book is called Das Ratsel; Weib (The Riddle: Woman); and on the title page on reads, "Dies ist ein Buch der Tranen und des Zorns" (This is a bookof tears and anger). It was written in the aphoristic style which Nietzsche has made so popular in Germany and with an untrammeled emotional sincerity which the German public likes in its masculine poets but deprecates in a woman writer. Here are a few characteristic sentences:

The celebrated intuition of women is nothing but an astonishing refinement of the sensibilities through fear and trembling.

The life of woman is one long waiting. Nothing is more exhausting, nothingmakes one so nervous, as continuously to wait. But waiting was made the life taks of her sex.

No human being, no class, no sex, can long endure unlimited authority without stern responsibility. Man ad woman shoudl hold the balance and keep the world in equilibrium: the man has degenerated into a tyrant, the woman into a slave.

The man will yet prepare great surprises for himself in the moral field; he has not the least idea how well he can control himself.

Dear friend, we have had enough of veing your devoted servants, your cleaning and scrubbing women, yo r maids

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].— [192?, draft].— 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

to set things in order, your healing assistants. It no longer becomes us only to mend what you have torn, to patch, to paste what you have broken; this is of little service to us.....

We will ourselves design, dip into the reservoirs, lay out large plans. We will create. And we are ready to bear our responsibility.

What the sexes need is not completion--thereby the woman fares badly--but mutuality.

With the moral relentlessness of a Savonarola, she charges women with consenting to their own inferiority. They have refused, she says, as a sex to accept the task which men, as a sex, have accepted. There may be exceptional individuals in both sexes, but the proof of the woman's guilt is her present position. "One half of humanity has sold out to the other half."

This is a novel and healthy point of view for feminist circles which have grown too accustomed to the invariable formula of the "enslavement of woman." It is ethically desirable that women who take a broad interest in the position of their sex--they are, of course, the feminists--should also take a more critical attitude toward its origin. Marie Enckendorff goes so far as to say that woman's subjection was not due to her weaker physique or even to her defenselessness at the time of childbirth, but to her moral defectiveness. She thought that she was "good" if she let her life be taken away from her. "Where were the women when the world was divided?" And she chides them for having chosen the petty fear of an individual master instead of the great struggle for existence.

All human beings strive somehow, sometime, to find shelter against life

BEST COPY AVAILABLE

781229009

The Emma Goldman Papers

[The Continental Feminist Movement] / [Emma Goldman].– [192?, draft].– 14 p. ; 37 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

individuals by how soon or how late they do it. For fear of life they creep under any sort of cover that shuts it off, a post, an institution, a religious faith, in which they may sit down and rest. But the instant this happens, the pulsating inner life ceases. In the case of women, this sitting down to rest is the thing with which they begin. It is a principle of their lives, not merely a tiresome necessity.

BEST COPY AVAILABLE

890127096

The Emma Goldman Papers

[The teachings of the Russian revolution. In Italian] Gli insegnamenti della Rivoluzione Russa / Emma Goldman. – [(192?, newsclipping)]. – 2 p. ; 42 × 29 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Alexander Berkman Archive.

Settimanale anarchico di Coltura e di Difesa

Indirizzare per quanto riguarda Amministrazione e Redazione: "FEDE" Casella Postale "ORLAC 14" ROMA

« Signore, io difendo la vostra opinione, non quella che esprimete per dispensare il vostro diritto di esprimerla liberamente ».

Voltaire ad un suo avversario

Indir... num... "FEDE"

Lo Stato e la pena di morte

La polemica giornalistica sulla pena di morte, quasi univoca, segue il suo corso, deficiente il contraddittorio che sufficientemente le è stato tracciato. Vanno, a vide gonfie, o ...fiato che dir... si voglia, verso la for... ...no qualche nobile attentato del genere, per mettere nella mente anche se era nuova nella forma.

Potremmo ben dire con un certo senso d'impegno, e per la nostra stirpe e per le forti penne nostrane, che i giornali forcaioli sono tanti che a confronto ne potrebbero il conto. E quelli fondamentali. Purtroppo dei vecchi giornali fatto capire che la fucilazione [illegible] sull'altare di Dio. Ed i nuovi, è risaputo, parlano nel nome di Cristo. Un condannato anche quella alla pena di morte.

Ma come si è composta nella coscienza umana questa mostruosità? Come è entrata nella coscienza positiva — non diciamo popolare — una bestemmia contro la civiltà, contro la [illegible] rappresentanza della parola — ha voluto rendere il suo piccolo servizio di [illegible]. E per far questo il peggio possibile ci è servito di un argomento molto serio: Enrico Ferri. Partigiano di molte, troppe riforme, sempre disposto alla lotta, la ha fatta la sua bella capitale. Uno di più, tutto di stoffa...

In conclusione i più degli uomini liberali sono d'accordo, e trovano [illegible] d'essere d'accordo, sul principio molto quasi ...ltro genere di [illegible]. Per le masse la pubblica [illegible] sui giornali.

Meno di quel quella dei giornalisti inscritti e che ha il coraggio delle proprie opinioni!

Ben venga dunque la pena di morte che i nervi e i muscoli del boia non [illegible]!

***

I [illegible] democratici [illegible] sentimentali quali che protestano e si ottundono [illegible] alla fobia di [illegible], certo del, una Rosalinda Russo, pure fosse stata da mettere nel [illegible] Rocco [illegible] [illegible] [illegible]

890127096

The Emma Goldman Papers

[The teachings of the Russian revolution. In Italian] Gli insegnamenti della Rivoluzione Russa / Emma Goldman. – [(192?, newsclipping)]. – 2 p. ; 42 × 29 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Alexander Berkman Archive.

BEST COPY AVAILABLE

890801039

The Emma Goldman Papers

[The revolutionary movement abroad. In German] Die Revolutionäre Bewegung des Auslandes / [Emma Goldman]. – p. 3 ; 33 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. – Vol 13, no. 43 (1920).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

worden sind, keiner wird behaupten, dass unter ihnen nicht solche und sogar in grosser Zahl existieren, deren Haltung diktiert ist durch das Ideal selbst, durch starke Beharrlichkeit durch philosophische und moralische Ideen, ohne dass sie sich um die ökonomische Ordnung kümmern oder sich davon beeinflussen lassen.

»Wenn Neger und chinesische Kulis«, sagt Menger, in den deutschen Fabriken arbeiteten, so würde nie mals eine sozialistische Demokratie geboren worden sein, selbst vorausgesetzt, dass alle Vorbedingungen der ökonomischen Ordnung vereinigt sind.«*) Was kann man dazu anderes sagen, als dass der Oekonomismus ein einseitiger Determinismus ist, dass, wenn die ökonomischen Umstände oft ein politisches Phänomen bedingen, sie es nicht erheischen, es nicht hervorbringen, und dass nicht sie bei endgültiger Analyse der wirkende Faktor sind, sondern der geistige, der psychologische Zustand der handelnden Personen.

* * *

Die ökonomischen Umstände genügen nicht mehr, um die Philosophien, die Moral'ehren, Religionen zu erklären. Die Religionen, diese kindlichen Phil sophien, sind weit davon entfernt, wie die Marxisten es wollen, ein reiner Reflex der ökonomischen Lage zu sein, sie sind nicht einfach ein betrügerischer Trost, eine Wolke, welche die Wirklichkeit des Lebens verdeckt, und das religiöse Gefühl ist in Wirklichkeit eine ganz andere Sache, als das umgekehrte, materielle Bedürfnis, das in den eingebildeten Jenseits Befriedigung sucht, die ihm auf dieser Erde fehlt. Das ist eine sehr armselige, sehr naive und sehr einseitige Vorstellung von der Genesis und dem Charakter der Religionen. Diese sind vor allem in Wirklichkeit Versuche, das Universum und seine Phänomene zu erklären, verfrühte Versuche einer Kosmologie, Resultate und Aeusserungen des Bedürfnisses zu verstehen, des intellektuellen, synthetischen Bedürfnisses, des philosophischen Bedürfnisses, das den Menschen charakterisiert und ihn über seine tierischen Ahnen erhebt. Und zu wollen, dass ihre Ideologie nichts anderes ist, als das Ergebnis des materiellen Lebens, ist wirklicher Missbrauch des Paradoxons, ist wirkliches Quälen der Dialektik und des gesunden Menschenverstandes. Wie kann man zum Beispiel behaupten, dass die Predigt von Jesus von Nazareth oder von Buddha Cakia Mouni nur Ergebnisse einer technischen Revolution, einer Umwälzung der Produktion und des Austausches gewesen sind. Und wie kann man behaupten, dass alle katholischen Dogmen, die im Laufe der Religionsgeschichte unseres Westeuropas proklamiert worden sind, nur fatalistisches Ergebnis und der Reflex seiner ökonomischen Geschichten wären? Die ganze sophistische Spitzfindigkeit der Interpreten von Karl Marx wird ein gut Stück Arbeit haben, sie wird nicht so weit kommen, diese Absurdität aufrecht zu erhalten oder zu beschönigen: die ökonomische Erklärung der Religionen und der Philosophien.

Und wenn die ökonomischen Umstände nicht genügen, um die Philosophien und Religionen zu erklären, wie sollten sie die juristischen und moralischen Begriffe erläutern? Diese sind, wie man auch immer denken mag, abhängig von den anderen. Wenn die ersteren nicht durch sie im ganzen geschaffen sind, so schulden sie ihnen doch einen grossen Teil ihrer Elemente, und es wäre zum Beispiel schwer, das göttliche Recht ohne Religion zu verstehen, wie es schwer wäre, eine wirklich menschliche Moral, eine humanitäre und dogmenlose Moral zu verstehen, ohne eine Kosmologie, ohne eine synthetische Vorstellung, die sie rechtfertigt und sie beseelt. Ist sie nicht eine ganze Philosophie, diese Devise: »Weder Gott, noch Herr«, die sich jeden Tag mehr bestätigt als die noch zu oft schlecht verstandene Parole der Zukunft?

* * *

Und die Oekonomie erklärt nicht nur die herrschenden juristischen und moralischen Begriffe, die sich auf diese Weise aus der Philosophie ergeben, die von ihr bewusst oder unbewusst abgeleitet werden, sondern im Gegenteil, die juristischen und moralischen Begriffe geben den Schlüssel zur ökonomischen Ordnung, welche sie beherrschen. Man muss die von Karl Marx aufgestellten äusseren Glieder des Verhältnisses umkehren. Der kosmologische Begriff, der juristische Begriff und der moralische Begriff, die aus einander resultieren, hervorgehen, haben zweifellos den Vorrang in der menschlichen Welt, sie bestimmen und beherrschen die soziale Organisation, deren Seele sie sind.

Falsch ist es auch zu sagen — mit der marxistischen Auslegung der Statuten der Internationale, welche den Irrtum und den metaphysischen Standpunkt von Karl Marx so klar zusammenfasst —, dass »die wirtschaftliche Abhängigkeit des Arbeiters von dem wirklichen Besitzer der Arbeitsmittel die primäre Ursache seiner Knechtschaft in allen ihren Formen ist.« Diese primäre Ursache ist gar nicht primär. Sie hat ihre Quelle in einem juristischen Begriff, in einem Eigentumsbegriff und dieser — seinerseits gegründet auf einem philosophischen Irrtum: die absolutistische Illusion, die Illusion von der autoritären Schöpfung, — gibt ihr Lebenskraft und Stärke, gibt ihr die moralische Kraft, ohne die jede ökonomische Ordnung nur ein Körper ohne Seele, ein Körper ohne Leben ist.

Primäre Ursache gibt es überhaupt nicht. Sie existiert so wenig auf diesem wie auf irgend einem anderen Gebiete. Wir haben nur mit dieser vergeblichen Metaphysik zu tun. Und der materialistische Aberglaube von Marx ist in unseren Augen nicht mehr wert, als der entgegengesetzte Aberglaube, der reine Idealismus, den er so eifrig bekämpft.

Gewiss, es ist wahr! Es gibt keine ideale Ausführung ohne günstige materielle Grundlage. Aber diese ist nur Bedingung, sie ist nicht die Ursache, nicht die motorische Kraft der Handlung: Es ist wichtig, das nicht zu verwechseln. Und das tut der Marxismus: Er verwechselt Bedingung und Ursache.

*) Menger, »Etat populaire du Travail«, p. 219.

Die bewegende Kraft unserer Handlungen liegt in uns: sie liegt in den verschiedenen Bedürfnissen unserer Natur. Und hier greift man uns noch an, versucht man noch einmal uns anzugreifen. Man muss leben, sagt man uns, ehe man philosophiert. Primum vivere, deinde philosopharf. — Ohne Zweifel, wenn philosophieren so viel bedeutet, wie sich mit Metaphysik beschäftigen. Aber durchaus nicht, wenn es bedeutet, suchen was richtig ist. Zugegeben, dass man lebt, ehe man denkt. Aber ist denn das Richtige unter diesen verschiedenen Ansichten nicht das Gesetz des Lebens selbst, das Gesetz der Kraft? Und unterwirft sich nicht jedes lebende Wesen, welches es auch sein mag, sogar das fast unbewusste, diesem Gesetze, und fühlt es dasselbe nicht instinktiv? Dieser Instinkt ist der Keim der moralischen Kraft, der Keim der menschlichen Würde. Die blosse Tatsache seiner Existenz macht aus der materialistischen Amoralität eine Verirrung, einen Unsinn.

Paul Ollie.

Der Parlamentarismus.

Als die alte Staatszuchtmeisterei nicht mehr recht taufen wollte; als der Respekt vor den fürstlichen Autoritäten in den Gehirnen der Untertanen ranzig wurde und die ganze Tyrannisierungs-Herrlichkeit in die Brüche zu gehen drohte, da setzten die Maschinisten am Dampfkessel des Staates ein Sicherheitsventil ein. Auf der Klappe stand geschrieben: Parlamentarismus.

Periodisch pfiffen von nun ab unter dieser Klappe die Dämpfe heraus und der Spektakel verlieh dem ganzen Mechanismus einen anderen Anstrich — weiter nichts; denn die Maschine lief genau so, wie zuvor, nur wurde sie wieder eifriger und freudiger bedient.

Der neue Anstrich bestand in dem Aberglauben, dass Vater Dampf — das Volk — nunmehr nicht bloss, wie zuvor, die bewegende Kraft bilde, sondern auch etwas zu sagen habe.

Regiert und mit Gesetzen auf allen Seiten behangen wie ein Kamel mit Lasten, meinte das Volk in seiner urwüchsigen Dummheit, müsse es natürlich nach wie vor werden, aber es wolle selber dabei mitzureden haben, resp. die Bank, auf der es seine Stockhiebe empfangen solle, abhobeln und beschlagen helfen.

Da sich jedoch der grosse Haufe zu massenhaft vorkam, um die Arbeit, sich selber die Hosen zu spannen, eigenhändig zu besorgen, so liess er sich einreden, eine »Repräsentanz« sei zu diesem Zwecke ebenso geeignet. Es leuchtete ihm vollkommen ein, dass eine Volksvertretung eigentlich nur das kondensierte Volk und mithin mit demselben identisch sei.

Wer die Auserwählten werden sollten, darüber, so dachte man, kann gerechterweise nur die Majorität entscheiden; ebenso war man sich darüber einig, dass im Parlament wiederum die Mehrheit massgebend sein müsse. Und wenn heute irgendwo über schlechte Gesetze geklagt wird, so zuckt der parlamentarisch befangene Mensch die Achseln und meint, die Majorität habe es nicht besser haben wollen.

Wer sich jedoch die Mühe gibt, zu rechnen, der kommt zu ganz anderen Resultaten.

Rechnen wir hier nur mit runden Zahlen. Ein Land mit 40 Millionen Einwohnern mag nach den bisherigen Begriffen vom weitgehendsten Männer-Stimmrecht etwa zehn Millionen Wähler haben; davon gehen aber ein Drittel Nichtwähler ab, das heisst es gehen in diesem Falle rund sieben Millionen Wähler zu den Urnen.

Die einen der Kandidaten werden geschlagen, die anderen dringen durch. Jedenfalls haben die Siegreichen nicht mehr als vier Millionen Stimmen aufzuweisen.

Durchschnittlich betrachtet sich ein Parlament bei Anwesenheit der Hälfte seiner Mitglieder für kompetent, so dass also die Vertreter von zwei Millionen Stimmen an die Gesetzgeberei praktisch herantreten. Einfache Majorität entscheidet endgültig. Wenig mehr als eine Million Stimmen ist daher und — wohl gemerkt! — auch nur in indirekter Weise von einer Einwohnerschaft von 40 Millionen Köpfen, bis es zum Klappen kam, ins Spiel getreten; 39 Millionen sind auf dem Wege der verschiedenen parlamentarischen Filtrierungen total nulliziert worden. Das Volk aber lässt sich trotz alledem noch immer vorgaukeln, die Majorität sei Trumpf.

Bei unserer obigen Mathematik haben wir aber noch gar keine weiteren Umstände in Betracht gezogen, vielmehr angenommen, dass die Stimmen wirklich mit gleichberechtigter und vollgewichtiger Qualität in die Schranken treten. In der Tat aber ist bei Praktizierung des Parlamentarismus auch hiervon keine Rede.

Die in ökonomischer Beziehung massgebende Klasse, die Bourgeoisie, nebst ihrer hurenbürgerlichen Staatsdienerschaft inszeniert den ganzen parlamentarischen Rummel, weil sie eben Kraft ihres Besitztums auch die politische Macht in Händen hat. Alle Habenichtse sind ferner von ihr abhängig. Fast alle Publikationsmittel befinden sich wiederum, kraft ihres Reichtums, in ihren Händen, so dass sie die öffentliche Meinung dirigieren und mithin die Wahlagitation inspirieren und korrumpieren kann.

Aus diesen Gründen sieht sich nicht etwa lediglich eine Minorität durch die Urnen und Gesetzgebungshallen, sondern eine von der herrschenden Klasse gewollte und festgelegte Minorität.

Wie wollen unter solchen Umständen die Proletarier parlamentarisch zu ihrem Rechte und zur politischen Macht, wie sie das Ding nennen, gelangen?

Ihre gelegentlichen Abstimmungserfolge in einzelnen Stimmdistrikten sind ja bloss Kalkulationsfehler der Bourgeoisie und Ausnahmen, welche die Regel nicht im geringsten alterieren können, wie eine langwierige Praxis zur Genüge beweisen dürfte.

Da der Wahlteufel fortwährend spukt, so hat man stets am Tage nach der Abstimmung Gelegenheit über das hier Gesagte nachzudenken. Wer nicht total vernagelt ist, wird finden dass wir recht haben

J. Most.

Achtung! Achtung!

Alle für Redaktion und Verlag bestimmten Briefe und Geldsendungen richte man nur an die **persönliche Adresse** von Rudolf Oestreich, Berlin O 17, Bödikerstraße 30.

Postscheckkonto Nr. 84 161.

Die revolutionäre Bewegung des Auslandes.

Russland. Solange die Zustände in Russland sich in Gährung befanden und unbestimmt waren, konnte man sich der Hoffnung hingeben, dass sich die freiheitliche Bewegung durchsetzen werde. Wir wollen den Revolutionären Russlands das Verdienst nicht schmälern, mit den Kapitalisten tabula rasa gemacht zu haben, aber das allein ist für uns nicht das Entscheidende. Uns verlangt es zu wissen, wie sich nach der Ausschaltung der Kapitalisten in Russland das Volk steht. Ob es sich nun einer grösseren Freiheit als früher erfreut? Ob es besser lebt als sonst? Denn was ist eine Revolution wert, wenn sie nichts Besseres an die Stelle des Alten setzen kann? Was hat ein Volk davon, wenn eine Herrschaft von der Herrschaft anderer abgelöst wird, sich aber an seinen Lebensbedingungen nicht nur nichts zu seinem Vorteil ändert, sondern eher noch verschlechtert? Das aber ist in Russland leider der Fall.

Schon Emma Goldmann hat darauf hingewiesen, dass die geringe Bewegungsfreiheit, die das kapitalistische Wirtschaftssystem dem schaffenden Volk noch gelassen hat, nun auch noch zum Teufel gegangen ist. Wir haben nun die erschütternde Kunde vernommen, wie Peter Kropotkin behandelt wird. Wunder nimmt uns übrigens eine solche Behandlung nicht, nachdem wir gehört haben, dass die Herren Bolschewiki die Anarchisten als Konterrevolutionäre bezeichnen. Ein bequemes Mittel, Menschen, die sich der Diktatur der Bolschewiki-Hierarchie nicht beugen wollen, mit einem Etikett zu versehen und als Konterrevolutionäre zu brandmarken!

Wehe, wenn der Kommunismus die Starrheit eines Dogmas erhält und alle organische Weiterentwicklung der kommunistischen Lehre dadurch unterbunden wird! Kann man von Anarchisten wie unserem Kropotkin, unserem Alexander Berkmann verlangen, dass sie sich in einen Parteistall hineinzwängen lassen? Inzwischen macht ihre Unduldsamkeit weitere Fortschritte. Auch Gorki sieht sich veranlasst, sich protestierend in einem Brief an Lenin zu wenden:

»Man hat hier ein Schock bekannter russischer Gelehrter verhaftet... Ich erachte es als notwendig, Ihnen ganz freimütig meine Meinung darüber zu sagen. Ich glaube, der Reichtum und die Macht eines Landes werden nach der Stärke und Grösse seiner intellektuellen Kräfte gemessen. Die Revolution hat nur Sinn, wenn sie die Entwicklung dieser Kräfte begünstigt. ... Es bleibt uns keine Hoffnung auf den Sieg, wenn die Elite der Zivilisation ausgerottet wird. Diese Methode ist nur der Beweis für die Schwäche und Müdigkeit und der Wunsch, uns an unserer eigenen Unfähigkeit zu rächen. Ich protestiere gegen dieses Vorgehen, welches das Gehirn unseres geistig schon so armen Volkes tötet... usw.«

Man sieht auch hieraus, wie schlecht es mit der persönlichen Freiheit in Russland bestellt ist. Der Zar hat es seinerzeit nicht gewagt, seine Hand auf Tolstoi zu legen. Wird Lenin es wagen, Gorki, der es »vorzieht, (wenn schon eine Unterdrückung stattfinden soll) lieber noch von den »Weissen« als von den »Roten« unterdrückt zu sein, anzugreifen? Das sind übrigens alles Erscheinungen, die jede Diktatur mit sich bringt.

England. Der Bergarbeiterstreik, der nun doch ausgebrochen ist, hat eine ungeheure Ausdehnung angenommen. Natürlich kennt auch die englische Kapitalistenregierung kein anderes Mittel gegen die Streikenden als die brutale Gewalt der Waffen. Wir wollen hoffen, dass sie wenig Erfolg damit hat. Ja, vielleicht ist gerade dies das Mittel, das auch die Eisenbahner und Transportarbeiter veranlasst mit in den Sympathiestreik einzutreten. Welchen kolossalen Einfluss dieser Streik auf die gesamte Weltwirtschaft in diesem Augenblick haben wird, das wird sich binnen kurzem zeigen.

Dritte öffentliche Tagung des Bundes entschiedener Schulreformer (2.—6. 10. 20).*)

Auf dem Programm dieser Tagung stand folgendes: „Immer härter drängt uns die Not, immer deutlicher wird die Unzulänglichkeit alles Flickwerks, immer unentrinnbarer wird die Erkenntnis: Diese Zeit des Zerbrechens muß den Neubau schaffen! Nicht kann länger die revolutionierende Reform verschoben werden, bis wir wieder volle Kassen und „zuverlässige“ Menschen haben! Damit wir zu neuem Menschentum, neuer Würde, neuer Wohlfahrt gelangen, muß vielmehr die Schul- und Erziehungsreform zusammen mit der Neugestaltung unserer Lebensführung und Produktionsweise einsetzen: Keine Romantik, sondern nüchternste und doch seelenvollste Einstellung.

Alles ist noch zu tun! Unsere Tagung soll den Versuch machen, die Erziehungs-, Siedlungs- und Produktionsprobleme in dem Zusammenhang zu erfassen und zu erörtern, ohne den alle Arbeit an ihnen nur Eigenbrödelei, keine Synthese bedeutet.

*) Der Artikel ging uns bereits am 8. Oktober zu, konnte aber aus Gründen, die außerhalb unserer freien Entschließung lagen, erst in dieser Nummer erscheinen. D. Red.

881017021

The Emma Goldman Papers

[Letters of Emma Goldman. In Russian] Pisma Emma Goldman / Emma Goldman.– pp. 24-26 ; 25 cm. *In* Volna. –no. 4 (1920).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Кореспонденціи

ПИСЬМО ЭММЫ ГОЛДМАН.

(Из Фридом)

Стела увѣдомляет меня, что вам хотѣлось бы знать кое что о моей тюремной жизни. Много нашлось бы о чем писать, но ограниченные два листка бумаги, которые назначаются, позволяют мнѣ писать лишь о самых важных пунктах. Однако, если вы не совсѣм разсердитесь, я в слѣдующій раз напишу больше.

Я вижу большую перемѣну в харатерѣ и духѣ вашего журнала. Во-первых я замѣтила измѣненіе в ноябрьском выпускѣ. С тѣх пор »Освободитель« представляет собой все, что подразумѣвается нод его именем — полон огненно-смѣлой революціонной атмосферой. Я не хотѣла бы пропустить его теперь, но мнѣ очень жаль было замѣтить в нем также возобновленіе того же раз'ѣдающаго стараго жала против критики; каждая соціалная философія или общежительная система, которая не осмѣливается подвергаться критикѣ, носит приговор гибели. Но мстительная атака, под которой автор даже не подписывает имени — не критика. Разница между передовой статьей и статьей анонимнаго автора слишком очевидна. Для большей увѣренности Макс повторяет все то же старое мнѣніе, что анархизм неисполнимая теорія.

Есть какая то мягкость и посредственност, которая удаляет жало онозиціи. Характер же в статьѣ анонимнаго автора напоминает мнѣ Данііла Де-Ліона, для котораго жизнь не имѣла смысла без ругательств и грязи против анархизма. Позвольте же мнѣ выразиться, что Боб Майнор теперь воздержался от критикѣ и на буржуазной газетѣ соединенными силами реакціи не снаряжал бы строя против большевиков. Но помните, что тѣ же силы стараются против анархизма. Итак, если статья Боба плохо выбрана, такова и статья Х., только послѣдняя не имѣет в себѣ чистоты и прелести Боба.

»Анархизм есть природная философія для артиста«. Зачѣм же такое исключеніе, дорогой Макс? Вы, безусловно, не желаете, чтобы рабочій был вѣчным рабом и оставал ся бы таким же автоматом, каков он — теперь. Вы безусловно хотите, чтобы он превратился в созидателя вмѣсто жалкаго созданія обстоятельств его жизни. Если так анархизм и есть природная философія для рабочаго т. к. и для артиста, или даже больше, т. к. рабочій в нуждѣ обойдется без артиста, но артист без рабочаго никогда. Теперь пока рабочій не поймет, что общество должно устроиться на свободных началах по возможности выражающит его волю, будущее принесет очень мало перемѣны как для артиста так и для рабочаго.

»Анархизм не теорія, а душевное преображеніе и не практическое движеніе человѣка«. Не странно ли, как только соціалисты кончают теорію и начинают практику, они перестают быть теористами а пронитываются душевным преобразованіем анархизма. Когда большевики лишили власти временное правительство, употребляли ли они научные соціалистическіе законы, или пользовались запретным прямым дѣйствіем анархизма? Когда они разрушили учредительное собраніе, которое Ленин назвал буржуазным суевѣріем, был ли в том научный соціализм? Или было это то, что мы анархисты предсказывали? Эти революціонныя перемѣны никогда не были и не будут созданы большинством или посредством политических актов и реформ. Это будет идеализм вмѣстѣ с интелигенством извѣстнаго меньшинства, которое ударяет первым и будет продолжать, чтобы доказать своим дѣйствіем правду и логику своего идеала. Я далеко не признаю большевикон анархистами, но только »слѣные« могут отвергать факт, что они употребляли анархическіе методы.

»Анархизм не практическое движеніе человѣка«. О уясненіи этой огромной роли, которой анархисты играли в прошлом и недавном времени, это обозрѣніе звучит каким то дѣтским, не основательным фактом.

Я не имѣю мѣста для многих исторических данных, но нѣкоторыя заслуживают. Рабочее

BEST COPY AVAILABLE

68

881017021

The Emma Goldman Papers

[Letters of Emma Goldman. In Russian] Pisma Emma Goldman / Emma Goldman.— pp. 24-26 ; 25 cm. *In* Volna. —no. 4 (1920).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

движеніе во Франціи выросло из консервативнаго корня и преобрзовалось в Генеральную Конфедерацію Рабочих с своими синдикальными дѣйствіями и простором работы анархистов как Пелатьер, Погет Де Лассаль и других. Может ли Макс отвергать, что Конфедерація есть практическое движеніе человѣка? Генеральная забастовка, преслѣдуемая и униженная предводителями соціалистов, которые в продолженіе лѣт видѣли в этом ничтожность, теперь признана рабочими как их главное орудіе. Все это было признано анархистами впервые. За восьмичасовой день в этой странѣ Парсон, Спасс и др. товарищи пожертвовали своею жизью. Было ли это важным событіем побужденія фактическаго начала революціоннаго напряженія рабочаго, практическое движеніе человѣка? Цѣнь семидесяти современных школ в Испаніи взяла свое начало от анархистов и были орѓанизованы с помощью их. За этот великій риск Франциско Феррер был разстрѣлян против стѣн Монтжуйской тюрьмы. Было ли это не практическим движеніем людей? А дѣло Муни, Биллингз теперь так важное міру. Первые тристa долларов были собраны анархистами. Они взялись за это дѣло, когда всѣ другіе сторонились от жертв. Безпрерывно работали анархисты с помощью личных друзей Муни. Беркман, Майнор. Фитзгеральд. Без их увердія Муни бы уж давно в живых не было. Это Беркман стучался в дверь почти каждой организаціи, пока не разбудил всю страну, даже и соціалистов. За это он навлек на себя гнѣв Фвкера и находится под висячим судом. А демонстрація за Муни в Петроградѣ, которая дала дѣлу интернаціональную быстроту движенія, была организована анархистами. Собраніе в пользу Муни, которое вы, дорогой Кристаль, описываете с таким восхищеніем в номерѣ Марта, было задумано анархистами два года тому назад и было доведе с помощью неутомимой маленькой женщиной — анархисткой. Но зачѣм продолжать, когда каждый, кто знаком с событіями, знает какую роль анархисты играли в каждом движеніи?

Статья неизвѣстнаго прибавляет обиду к оскорбленію. Он начинает искаженіем фактов и кончает тѣм же. Я читала статью Майнора. Нигдѣ не претендует, что революція большевиков является преждевременной под иной работой анархистов, а признает, что анзрхисты играли в этом важную роль. Я хочу прибзвить, что очень легко возможно без этой помощи революція не имѣла бы такого успѣха, т. к. большевики, как я упомнила ниже. Анархисты, которых всегда было больше и Россіи, заброшены в эту страну как политическіе преступники, и большинством вернулись в Россію послѣ революціи. Между ними были сотрудники »Голоса Труда« такія замѣчательныя личности, как Владимір Шатов и Раевскій во главѣ. Анзрхисты оставили эту страну с намѣреніем помочь большевикам, что навѣрное удивит Незнакомаго. Они пришли к этому заключенію послѣ замѣчательной рѣчи Троцкаго перед его от'ѣздом. Многіе анархисты присуствовали на собраніи в том числѣ Беркман и я. В своей рѣчи Троцкій об'яснил всѣ нужды Россіи и дал задуманные планы. Все это было до того близко нам, что анархисты тут же обѣщали свою помощь и я знаю, что они сдержали свое обѣщаніе.

Х. говорит, что когда он пріѣхал, то нашел анархистов в опалѣ. Это не ново послѣ того, как анархисты сжигают руки в огнѣ, рискуя жизнью; они всегда унижаемы соціалистами. Да, еще ко дня Марвса Энгельса и Бакунина. Спустя шесть мѣсяцев по посвященіи большевиков во власть, анархисты больше не нужны были — и понятно они и были в опалѣ. Но это было потому, что к ним присоединилась мелкзга аристократіи, и обвинять анархистов за это было бы также безразсудно, как нам анархистам обвинять американских соціалистов за дѣянія буржуев, как Россель, Спаргос и другіе. Вѣдь послѣ всего я предполагаю, что подонки аристократіи отнимали кошельки и одежду у своего же брата, т. к. у рабочего кошелек был пустой, а хорошая одежда рѣдкость. Между тѣм буржуа-соціалисты нападали на соціалистов, распространяя подозрѣніе и недовѣріе в их рядах, и по могли напасть на своих бывших товарищей, и отдавали их в распоряженіе Нью Іорк Таймс, Трибюн и Шпіонских Законов. Обвиняли ли мы, анархисты, соціалистов в этом, которые слѣпо и послѣдовательно поддерживали интернаціональный протест истерики войны? Безусловно нѣт.

»Они были за разрушеніе и помогали дѣй-

BEST COPY AVAILABLE

69

881017021

The Emma Goldman Papers

[Letters of Emma Goldman. In Russian] Pisma Emma Goldman / Emma Goldman.— pp. 24-26 ; 25 cm. *In* Volna. —no. 4 (1920).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ствовать против преобразованія Россіи«. Как это не соотвѣтствует с предложеніем в статьѣ Джана Рида на счет документов Сиссона: Циун и Жанчук, предполагаемые в Германіи анархисты и мои друзя, во время подозрѣнія были в Россіи заняты образованіем фабрик, чтоб не остановить ход продукціи. Как замѣчательно! Анархисты неспособные к практическому движенію человѣка, анархисты разрушители заняты образованіем фабрик, чтобы не остановить ход продукціи. Луиса Брайт в своей книгѣ »Шесть красных мѣсяцев в Россіи«, на стр. 275 говорит о активности Шатова. Он стал членом Военно-Революціоннаго Комитета, а также и организатором Союза Изборщиков Комитета на фабрикѣ. Луиса забывает прибавить, что Шатов — анархист. И что еще больше Шатов в Америкѣ был во главѣ многих забастовок. В едном из своих писем Луиса замѣчает, что Шатову удалось перевести болѣшинство анархистов к большевикам, как видно Луисѣ пришлось быть в Россіи не на много раньше Незнакомца, когда большевики были уже в силѣ, и когда по его словам анархисты были разрушительными. Как странно, что люди так противорѣчат друг другу в данных того же факта.

Однако мнѣ не важно, что Х. написал свою статью, но дух которым она пропитана. А вѣдь послѣ всего Х. как и всѣ мы протестует против злословія и искаженія, которыя буржуазія бросала против большевиков, индустріалистов и соціалистов. Гдѣ же разница правдивости и честности между ними и Х.? И каким образом надѣется он помочь большевикам, нападая на анархистов. Мнѣ жаль Х. также как и бѣдную Бабушку, только она уже очень много жертвовала народу и заслуживает прощенія за тѣ ужасныя ошибки, которыя она совершает теперь. А Х. все еще молод. Он не знает всѣх ужасов ада, которые пережила Бабушка и многіе из анархистов. Все же он берется нападать и осуждать, не заслуживая тѣм никакого вниманія. И если Бабушка присоединилась к тѣм силам, которыя против рабочих и убивают каждую свободную мысль, дѣйствительно это ужасает меня. Но все же она давала столько вдохновенія революціонерам в прошлом. Чего больше ожидать? Почему и зачѣм требовать от нея того, что неизбѣжно в старости. Что бы она ни сдѣлала теперь, оно не вытерет ея блестящаго геройскаго прошлаго. Может ли Х. или кто из нас надѣяться на столько.

Ваша за братство,

Эмма Голдман.

Примѣчаніе. Помѣщая это письмо в нашем органѣ »Волна«, мы имѣли цѣль дать возможность читающим познакомиться не с содержаніем его, а с тѣми фактами, которые всегда встают между анархистами и соціалистами. Возраженія Эммы Голдман на критику Неизвѣстнаго заслуживают своего вниманія.

Редакціонная Коллегія.

СЛАВУТА.

Тихо в тюремной больницѣ на »Островѣ Слез«. Исчез кудато, больничный служитель, стараясь не слышать стонов и воплей несчастных больных, оставив их таким образом на произвол судьбы.

Лежат они подобно каменным изваяніям, не в состояніи двинуть ни единым членом их-няго тѣла.

На кроватях у них лежат ухніе тюремные паспорта или »Вариант«, на которых виднѣются надписи, означающія: »Кто они?« и »Кто мы?«

Мы — говорится на бумагѣ — Департмент труда в Соединенных Штатах; Мы департмент юстиціи; Мы демократическое правительство Америки.

Вы, Россійскіе граждане, подлежащіе депортаціи в Совѣтскую Россію и заключенные на Элис-Айландѣ, как самые ужасные преступники общества »Криминальные Анархисты . . .«

Подойдет ли служитель, в котором всякое чувство милосердія и братскаго сочувсвія к умирающему больному убито: ложно-патріотическим ученіем не павидеть своего брата и по Христу пророку учителю и по общему рабскому

BEST COPY AVAILABLE

70

880525003

The Emma Goldman Papers

The Tragedy of Woman's Emancipation / Emma Goldman. – p. 38 ; 41 cm. *In* The Spur [London]. – Vol. 6, no. 8 (Jan. - Feb. 1920, fragment).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Interlibrary Borrowing Service, Doe Library.

The Tragedy of Woman's Emancipation

[illegible] the mistress' servant [illegible] the nature of his work you will find many emancipated women [illegible] with all its deficiencies to the [illegible] an unharried life; narrow and inner- [illegible] Because of the chains of moral and social [illegible] that cramp and blind her nature.

[illegible] cause for such inconsistency on the part of [illegible] advanced women is to be found in the fact that they never truly understood the meaning of emancipation. They thought that all that was needed was independence from external tyrannies; the internal tyrants, far more harmful to life and growth—ethical and social conventions—were left to take care of themselves; and they have taken care of themselves. They seem to get along beautifully in the heads and hearts of the most active exponents of woman's emancipation, as in the heads and hearts of our grandmothers.

These internal tyrants, whether they be in the form of public opinion or what will mother say, or brother, father, aunt or relative of any sort; what will Mrs. Grundy, Mr. Comstock, the employer, the Board of Education say? All these busybodies, moral detectives pillars of the human spirit, what will they say? Until woman has learned to defy them all, to stand firmly on her own ground and to insist upon her own unrestricted freedom, to listen to the voice of her nature, whether it call for life's greatest treasure, love for a man, or her most glorious privilege, the right to give birth to a child, she cannot call herself emancipated. How many emancipated women are brave enough to acknowledge that the voice of love is calling, wildly beating against their breasts demanding to be heard, to be satisfied?

The French novelist, Jean Reibrach, in one of his novels, "New Beauty," attempts to picture the ideal, beautiful, emancipated woman. This ideal is embodied in a young girl, a physician. She talks very clearly and wisely of how to feed infants, she is kind and administers medicines free to poor mothers. She converses with a young man of her acquaintance about the sanitary conditions of the future and how various bacilli and germs shall be exterminated by the use of stone walls and floors, and the doing away of rugs and hangings. She is, of course, very plainly and practically dressed, mostly in black. The young man, who, at their first meeting, was overawed by the wisdom of his emancipated friend, gradually learns to understand her, and recognises one fine day that he loves her. They are young and she is kind and beautiful, and though always in rigid attire, her appearance is softened by a spotlessly clean white collar and cuffs. One would expect that he would tell her of his love, but he is not one to commit romantic absurdities. Poetry and the enthusiasm of love cover [illegible] the moral commandments of [illegible] those correctness and propriety measured by yardsticks. If love does not know how to give and take without restriction, it is not love, but a tradefiction that never fails to lay stress on a plus and a minus.

The greatest shortcoming of the emancipation of the present day lies in its artificial stiffness and its narrow respectabilities, which produce an emptiness in woman's soul that will not let her drink from the fountain of life. I once remarked that there seemed to be a deeper relationship between the old-fashioned mother and hostess, ever on the alert for the happiness of her little ones and the comfort of those she loved, and the truly new woman, than between the latter and her average emancipated sister. The disciples of emancipation pure and simple declared me a heathen, fit only for the stake. Their blind zeal did not let them see that my comparison between the old and the new was merely to prove that a goodly number of our grandmothers had more blood in their veins, far more humour and wit, and certainly a greater amount of naturalness, kind-heartedness and simplicity than the majority of our emancipated professional women who fill our colleges, halls of learning, and various offices. This does not mean a wish to return to the past, nor does it condemn woman to her old sphere, the kitchen and the nursery.

Salvation lies in an energetic march onward towards a brighter and clearer future. We are in need of unhampered growth out of old traditions and habits. The movement for woman's emancipation has so far made but the first step in that direction. It is to be hoped that it will gather strength to make another. The right to vote, equal civil rights, are all very good demands, but true emancipation begins neither at the polls nor in courts. It begins in woman's soul. History tells us that every possessed class gained its true liberation from its masters through its own efforts. It is necessary that woman learn that lesson, that she realise that her freedom will reach as far as her power to achieve her freedom reaches. It is therefore far more important for her to begin with her inner regeneration, to cut loose from the weight of prejudices, traditions, and customs. The demand for various equal rights in every vocation in life is just and fair, but, after all, the most vital right is the right to love and be loved. Indeed, if the partial emancipation is to become a complete and true emancipation of woman, it will have to do away with the ridiculous notion that to be loved, to be sweetheart and mother, is synonymous with being slave or subordinate. It will have to do away with the absurd notion of the dualism of the sexes, or that man and woman represent two antagonistic worlds.

Pettiness separates, breadth unites. Let us be broad and big. Let us not overlook vital things, because of the bulk of trifles confronting us. A true conception of the relation of the sexes will not admit of conqueror and conquered; it knows of but one great thing: to give of one's self boundlessly, in order to find oneself richer, deeper, better. That alone can fill the emptiness and replace the tragedy of woman's emancipation with joy, limitless joy.

MALATESTA

Errico Malatesta has returned to Italy and will resume his Anarchist propaganda in that country. Though he had some difficulty in persuading the British Government to grant him a permit to leave those "hospitable" shores, it is hardly likely that he will find an asylum here again, in view of the common agreement which now exist between bourgeois governments to deny political asylum to proletarian agitators. This fact warrants a hunt through our newspaper cuttings in order to glean some particulars about his career.

Malatesta was born in 1853, and came from a wealthy and titled family. He was a social revolutionist at the age of seventeen and resolved to abandon wealth, position, and his career in order to propagate his Anarchist ideas. In 1870 he was studying medicine at the University of Naples. But this profession oppressed him because it was so far removed from the life of the workers. He turned from it, therefore, and took to engineering, and became more ardent than ever in his revolutionary propaganda and his [illegible] for the International Working Man's [illegible]

In [illegible] 1877, at Benevento, Malatesta first came into [illegible] conflict with the authorities. On this [illegible] which [illegible] was said to have been made by about 30 men, against whom 30,000 soldiers were brought. After being [illegible] in prison for over a year without trial, he was released. But he was frequently prosecuted for his propaganda, and left Italy on a number of occasions.

In [illegible] he was living [illegible] stile, menaced by a heavy sentence which had been passed on him in his absence, when the cholera epidemic broke out at Naples. Risking the action of the authorities, he returned to Naples in order to assist the government and the people to overcome the scourge. To their credit the authorities suspended the sentence against him, and granted him the provisional degree of doctor, so that he might utilise his medical knowledge in the work of relief. When his task was finished, and Naples again a healthy city, he went to South America.

Three years later he was back in London, taking part in an International Congress, and shortly afterwards he was sentenced to a lengthy imprisonment in Florence.

In 1893, the Spanish Government blamed him for the rising of the starving peasantry at Xeres. This Government garrotted eight officials of labour unions who held Anarchist opinions and condemned Malatesta to death. But he escaped from the country and found refuge in London.

In 1896, he was present at the International Socialist and Trade Union Congress which was held at the Queen's Hall, London. H. M. Hyndman has told the story of this Congress in his *Further Reminiscences*.

"We were there invited with a plague [illegible] of anarchists. . . . Why men of this feature of mind should wish to force themselves upon a Socialist and Trade Union Congress I am at a loss to this day to understand. But there they were—Malatesta, Merlino, Domela Nieuwenhuis, and a good many more. . . . The shindy began on the point of verification of details. Naturally. Opposed as they were to everything the rest of the delegates [illegible] as much right to [illegible] on the [illegible] of the Queen's [illegible] an indisputable habitude."

Hyndman's compilation is of great length of the [illegible] in which Keir Hardie and Tom Mann [illegible] the Anarchists, but acknowledges that [illegible] who spoke for the Anarchists stated his case well.

The following year Malatesta returned to Italy and founded a journal called *L'Agitazione* at Ancona. An insurrection now broke out, which he was said to have incited and he was brought to trial before the Correctional Court.

His trial lasted over a week and during that time popular excitement became intense. Thousands paraded the streets near the courts demanding his release. Fourteen of the most prominent advocates of the Italian Bar, representing various shades of opinion volunteered to defend him, and nearly all of them actually engaged themselves in his trial. He made a splendid speech lasting over hours. The result was that, whereas politicians like Turati and De Andreas were sentenced to twelve and twenty years imprisonment respectively, Malatesta received the light punishment of six months imprisonment.

He was confined on the island of Lampedusa but escaped and reached London, vie Tunis and Malta.

Malatesta inherited considerable landed property from his father but allowed the tenants to live rent free and declined to draw any income from them.

In 1891, the Italian Government demanded in vain his repatriation from Switzerland on the ground that he had created insurrection in Italy and should be imprisoned.

Some years perviously he had been expelled from France for placing flowers upon the graves of the Communards in *Pere la Chaise* Cemetery.

During his years of exile in England, Malatesta often had but bread for his supper and a bed for his furniture. At times he was without even so much as a room that he could call his own. Unable to follow his work as an engineer owing to victimisation, he would sell sherbet in the streets of London to get a living, and in the evenings write brilliant articles for the Italian revolutionary papers. Later, when he possessed a tiny workshop of his own, he would share it, and his more than modest room, and the bread he had on his table, with every man in whom he saw a victim of political persecution without enquiring what were his exact opinions upon this or that subject.

In May 1910, Malatesta was indicted before the Common Sergeant at the Old Bailey for publishing a libel concerning Ennio Bellelli, an alleged professor of Italian history, who came to this country in 1902. Bellelli resided in Newport St., Soho, and was friendly with Malatesta until the outbreak of the Italian war in Tripoli, when, owing to Bellelli's pro-war opinions, relations were broken off.

Malatesta replying to a charge that he was a Turkish spy which Bellelli was alleged to have made —issued a circular denouncing Bellelli's support of Italian militarism in the following terms:—

> "Then came the Italian expedition to Tripoli, and Bellelli, after some hesitation, declared himself a partisan of the war with all its worst consequences, annexation, massacre of the Arabs, and the scaffold. Such an opinion, which in another mind might have been honest, cannot be so in Bellelli who used to call himself an Anarchist. For what interest did he sustain the cause which is offered to all ideas and sentiments which constitute Anarchism?"

The result of this trial was that Malatesta was sentenced to three months imprisonment with hard labour and recommended for deportation. Malatesta appealed against this conviction and sentence, and the case came before the Court of Criminal Appeal, consisting of the Lord Chief Justice, Mr. Justice Darling, and Mr. Justice Avory. These three gentlemen, after much learned disquisition upheld the sentence and the recommendation for deportation. But the huge meeting, convened by the Malatesta Release Committee and the protests made throughout the country, brought pressure to bear on the Home Secretary, and the deportation threat was withdrawn.

Some time after his release Malatesta returned to Italy of his own accord and became the Editor of an Anarchist paper. But after a widespread [illegible] communist insurrection had broken out and been suppressed, he was compelled to flee the country in disguise, and to return once more to London.

Down to August 1914, Malatesta was on the most friendly terms with Kropotkin. But, true to his citizenship of the world, and the instinct which prompted him to break with Bellelli, when the latter supported the Italian war on Tripoli, Malatesta repudiated and opposed his one time friend Kropotkin when the latter plunged himself into the European war, a supporter of the Capitalist governments, and an advocate of Imperialism against Imperialism, instead of a proletarian war on war. Malatesta remained the Internationalist and Social Revolutionist. As such, he has returned to Italy, in order to speed the day.

BEST COPY AVAILABLE

890109012

The Emma Goldman Papers

[Interview] Nella repubblica del dollaro [In the republic of the dollar. In Italian] / Emma Goldman. – p. 1 ; 29 cm. *In* Il Libertario [Spezia]. –(Jan. 1, 1920).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

superare tutte le difficoltà.

Ed è con altera soddisfazione che vediamo vecchi e nuovi compagni schierati al nostro fianco per la buona battaglia. Son tornati dalle trincee, dagli ergastoli, dall'esilio i lettori, gli abbonati nostri. E loro primo pensiero è stato quello di mandare un saluto a questo vecchio vessillifero nostro, risorto più vigoroso dopo la burrasca che ne soppresse per quasi due anni l'esistenza. La nostra soddisfazione è stata tanto più grande in quanto che abbiamo potuto constatare che i vecchi compagni son tornati alla lotta più fieri, più temprati, più risoluti, mentre una balda coorte di giovani porta una nota simpaticamente vivace nel nostro campo e mentre le masse seguono con vivo interesse pieno di speranze, l'opera nostra.

Non abbiamo avuto bisogno di fare incitamenti o fervorini.

Il *Libertario* è stato sostenuto spontaneamente in tempi in cui la vita è pur difficile per tutti.

Che faremo nel nuovo anno? Non facciamo promesse.

I nostri lettori conoscono la nostra tenacia, la nostra buona volontà. Faremo quello che abbiamo fatto sempre per tener alte le nostre idealità, per far trionfare le nostre dottrine.

E non facciamo neppure fervorini o incitamenti che sarebbero superflui.

Solo formuliamo il fervido augurio che il nuovo Anno sia apportatore della vera pace, del vero benessere, soltanto possibili nella realizzazione del Comunismo Anarchico.

Salve, o compagni!

IL LIBERTARIO

Una Pubblicazione di UMANITÀ NOVA

Ai primi di Gennaio, prima ancora dell'uscita del quotidiano anarchico « Umanità Nova » diretta da Errico Malatesta, verrà posto in vendita « IL CANZONIERE DEI RIBELLI » edizione accurata, che conterrà tutti gli inni sovversivi nella loro esatta forma originale, con l'aggiunta di nuovi inni.

Indirizzare le richieste col relativo importo ad « UMANITA' NOVA » Casella Postale 71 - Milano.

Prezzo del Canzoniere L. 0,60 la copia.

antimeridiane, ed il Congresso lo accoglie con una ovazione affettuosa e sincera. *Faggi*, commosso, ringrazia e pronuncia un conciso discorso ricordando i sacrifici dei militanti della I. W. W. d'America. Al grido di viva gli internazionalisti Francesi il compagno *Mommouseau* perla ancora vivemente applaudito.

[illegible] vibrante saluto; l'entusiasmo è grande. Sull'unità proletaria sono votati all'unanimità i seguenti ordini del giorno:

« Il Congresso dell'Unione Sindacale Italiana udita la relazione del compagno *Bonazzi* sul teme *unità proletaria*, dopo esauriente discussione.

Constata come tutte le pratiche espletato dal C. C. per raggiungere la *unità proletaria* siano naufragate per malvolere della Confed. G. del Lavoro che per sua natura mantiene il carattere riformistico e collaborazionista.

Considerato che l'unità nel presente periodo storico non può sorgere che per il risultato della fusione di tutte le forze vive del proletariato rivoluzionario.

Udite le dichiarazioni del rappresentante del Sind. Ferr. Italiani delibera di invitare il C. C. a prendere accordi con il Sin. Ferr. e con le altre organizzazioni proletarie che si sono mantenute sul terreno della rigida lotta di classe per raggiungere il vagheggiato fronte unico rivoluzionario. »

***

Sciopero Generale.

« Il Congresso dell'U. S. I. mentre riafferma la sua fiducia nei metodi di lotta nell'azione diretta riconferma le sue aspirazioni unitarie sul terreno rivoluzionario e si dichiara favorevole a tutte le proposte di unità proletaria che non manomettano la dignità della nostra organizzazione e che non ci pongano in condizioni di inferiorità in confronto delle altre organizzazioni.

Sul tema dello sciopero generale il Congresso riconferma i principi classisti per cui lo sciopero generale, senza escluderlo nè condannarlo per le necessità difensive contro la reazione nei suoi multipli aspetti, deve tendere ad acquistare il suo valore di attacco al regime capitalista e deve segnare la dichiarazione di guerra del proletariato contro la società borghese; ma considera che lo sciopero generale di attacco deve convertirsi immediatamente in una presa di possesso diretta delle fabbriche e delle materie prime, delle ferrovie delle miniere e di tutti i mezzi di produzione per ripre-

rivoluzionarie, anarchiche, sindacaliste e socialiste intendono sostenere nell'insieme una nuova internazionale;

Delibera di invitare fin d'ora il rappresentante della minoranza sindacalista francese intervenuto al Congresso di comunicare questo voto ai compagni francesi, perchè cooperino con l'U. S. I. alla effettuazione di tale iniziative. »

Ultimo ord. del giorno.

« Il Congresso saluta ogni passo in avanti del proletariato e delle forze politiche verso la concezione primitiva del socialismo negante ogni capacità demolitiva o ricostruttiva alle istituzioni storiche tipiche della democrazia borghese che è il parlamento cuore dello stato;

considera la concezione sovviettistica della ricostruzione sociale nuova come antitetica dello stato e dichiara che ogni sovrapposizione alla autonomia e libera funzione dei Soviet di tutta la classe produttrice unita nell'azione difensiva contro le iniziative di ritorno reazionario e dalle necessità amministrative della vita sociale va considerato dal proletariato come un attentato allo sviluppo della rivoluzione e alla attuazione della eguaglianza nella libertà;

dichiara perciò tutta la sua simpatia ed incoraggiamento a quelle iniziative proletarie, come i consigli di Fabbrica, tendenti a trasferire alla massa operaia tutte le facoltà d'iniziative rivoluzionarie e gestitrici della vita sociale;

mettendo bene in guardia però i lavoratori da ogni possibile deviazione ed escamotaggio riformista contro la natura rivoluzionaria di tali iniziative contrariamente alle stesse intenzioni avanguardistiche della parte migliore del proletariato. Invita questa parte del proletariato el fronte unico. »

I° CONGRESSO DELLA GIOVENTÙ RIVOLUZIONARIA ITALIANA

Parma, 22 Dicembre 1919.

Nei locali dell'U. P. P. ha avuto luogo il convegno della G. R. I.

Erano rappresentati: Federazione Giovanile, Comunista Pugliese, Circolo Giovanile Sindacalista Cerignola, Circolo Giovanile Sindacalista Minervino Murge, Circolo Giovanile Socialista Pudignano (Bari), Andria, Lavella, (Potenza), la Federazione Giovanile Rivoluzionaria Romana, Gruppo Giovanile Comunista Brescia, Circolo Giovanile Sindacalista Sestri Ponente, Gruppo Giovanile Comunista Anarchico Spezia, Circolo Giovanile Sindacalista Tagliolo Monferrato, Gruppo Libertario Giovanile

za del compagno MODUGNO che prima d'iniziare i suoi lavori manda un fervido saluto di solidarietà ai bolcevichi Russi, ai Comunisti Ungheresi, all'I. W. W. d'America fatti segno dalla reazione feroce del capitalismo del dollaro.

Sono stati mandati saluti fraterni a tutte le vittime della reazione militare, borghese, ad *Errico Malatesta*, ad *Angelo Faggi* e alla *Gioventù Rivoluzionaria* di Bazzano, al proletariato di Mantova, al compagno Maroni *Romoggia* arreetato alla vigilia del Convegno.

Dopo una discussione vivace ma serena la relazione morale fatta del compagno *De Dominicis* è stata approvata all'unanimità insieme a quella finanziaria.

La seduta inaugurale antimeridiana è chiusa con il saluto portato da vari congressisti per la magnifica riuscite del Convegno.

Sempre sotto la presidenza del compagno *Modugno* è aperta le seduta pomeridiana del 20 corrente con un forte discorso del compagno *Di Vittorio* relatore del comma - *Scopi e Caratteri del Movimento Giovanile Rivoluzionario*. Sul discorso programma del compagno *Di Vittorio* interloquirono *Rubino* di Torino, *Pasotti* di Pontelagoscuro, Italiano di Minervino Murge; Modugno il quale legge la relazione programma del compagno *Camoglio Costantino* che si assimila a quello fatto oralmente dal compagno *Di Vittorio*; *De Dominicis* di Roma *Zanivrini* di Bologna, *Capello*, *Ghiberti*, *Rossi* di Ravenna, *Pettazzoni* di Sestri P., *Marzocchi* di Spezia e molti altri. In ultimo viene approvato l'ordine del giorno col quale si prende atto con piacere del programma antilegalitario ed antiparlamentare a cui deve ispirarsi il *Movimento Giovanile Rivoluzionario*.

L'ordine del giorno è firmato da *Modugno*, *Rubino*, *De Dominicis* e molti altri.

Nella seconda giornata dopo aver approvato in linea di massima il proprio programma ha deliberato di denominare le forze G. R. intervenute al Convegno di Parma col nome di U. G. R. I. dopo di ciò venne nominato il Comitato coordinatore che ha sede in Roma nelle persone di C. Camoglio *De Dominicis Esposito* ecc. ed un Consiglio generale che abbia l'incarico della propaganda nelle varie località. Si deliberò che la *Gioventù Rossa* sia l'organo della G. R. I. Di questo Consiglio generale fanno parte i rappresentanti degli eggrupamenti provinciali e regionali.

Vennero stabilite altresì le norme pel finanziamento dell'U. R. G. I. con la stampa delle tessere ecc. del nuovo organismo lasciando la libertà ai singoli circoli, gruppi di regolarsi come credono in proposito.

LAVORATORI!

boicottate la stampa borghese, propalatrice di menzogne.

Chi legge i giornali borghesi tradisce la classe operaia.

quale parlarono, oltre Malatesta, Galleani, il compagno Binazzi ed altri. Erano presenti Armando Borghi, Virgiglia D'Andrea, Amedeo Boschi, A. Meschi e moltissimi altri compagni.

Massima cordialità. Nessun incidente.

A mezzo nostro, il compagno Malatesta ringrazia vivamente il proletariato tutto, che gli ha dato una così commovente prova di affetto e di solidarietà.

Questa [illegible] popolare è stata una lezione pei governanti i quali cercano il modo di ostacolare le aspirazioni delle masse, ed è stata pure una soddisfazione morale pei veri rivoluzionari insofferenti di ogni coercizione, che hanno imposto la loro volontà perchè il caro compagno tornasse fra noi.

Nella repubblica del dollaro

Ronconi telegrafa al *XIX* in data 22 corr.:

« Questa mattina è partito un trasporto militare che i giornalisti hanno denominato « L'arca dei Soviet » recante 247 sovversivi europei, in massima parte bolcevichi russi arrestati in ogni parte del paese e che vengono deportati per ordine del Comitato dell'emigrazione.

La nave è partita per destinazione ignota; l'indicazione della destinazione è stata consegnata al comandante della nave in un plico suggellato che dovrà venir aperto soltanto dopo due giorni di navigazione.

Venne imbarcata anche una forte scorta militare che sorveglia costantemente i sovversivi. E' probabile che lo sbarco avvenga ad Arcangelo o in un porto di Finlandia.

Due « Destroyers » scortarono il trasporto al largo della baia. Al momento della partenza i deportati cantarono l'internazionale e gridarono molti evviva alla prossima rivoluzione in America, lanciando ogni sorta di imprecazioni agli Stati Uniti e di invettive e motti ironici alla statua della Libertà all'entrata del porto. Alcuni piansero.

Il noto anarchico Berkmann esclamò « Torneremo e ci vendicheremo ». Emma Goldmann, compagna di Berkmann, disse: « Neppure il governo czarista è ricorso a simili metodi, andremo nella terra della vera libertà, ma l'opera nostra in America sarà continuata dai nostri seguaci ».

Fra i deportati vi sono 3 donne. Durante il viaggio rimarranno sotto coperta, eccetto nei brevi momenti della passeggiata. Altre deportazioni, fatte coi medesimi metodi, sono imminenti ».

Non commentiamo. Solo additiamo ai lavoratori questo *bell' esempio* di libertà repubblicana!

871215013

The Emma Goldman Papers

[Revolutionary document. In Italian] Documenti Rivoluzionari / Emma Goldman.—38 cm. *In* Il Risveglio [Geneva]. —(Jan. 17, 1920).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archivio Famiglia Berneri, Pistoia, Italy.

IL RISVEGLIO COMUNISTA-ANARCHICO ANNO XX N° 530
17 gennaio 1920.

DOCUMENTI RIVOLUZIONARI

Diamo le dichiarazioni della nostra compagna Emma Goldman, che, appena uscita dal carcere dopo avervi scontati due anni, veniva citata davanti agli agenti governativi per essere espulsa. Ognuno potrà constatare come Svizzera ed America, entrambe repubblicane e democraticissime, agiscano con un commorente accordo nel perseguitare gli spiriti ribelli.

Fin dal principio di questa udienza, non posso fare a meno dall'elevare la mia protesta contro il modo di procedere di questa Camera stellata, animata da uno spirito tale, ch'essa rinnova i lontani giorni della Inquisizione di Spagna, o per meglio dire il più recente ma pur esso trapassato sistema della terza sezione della Russia degli czar.

L'udienza d'oggi non è altro che una smentita alle insistenti affermazioni da parte del governo, che in questo paese vi sia libertà di parola e di stampa e che ogni trasgressore della legge — fosse pure il più amabile degli uomini — è chiamato ai giorni nostri a comparire davanti ad una pubblica corte, formata di giurati suoi pari.

Se col vostro modo di procedere, intendete provare aver io commesso non so quale offesa, non so quale atto diabolico od anti-sociale, protesto contro il metodo segreto, identico a quello della terza sezione czarista, usato in questo sedicente processo. Ma io non sono accusata di alcuna specifica azione od offesa, e se — come ho ragione di credere — si tratta semplicemente d'una inchiesta sulle mie opinioni sociali e politiche, insorgo allora più fortemente e vigorosamente contro tutto un modo di procedere assolutamente tirannico e diametralmente opposto alle guarentigie fondamentali di una vera democrazia.

Ogni essere umano ha diritto d'avere quelle opinioni che meglio gli aggradano, senza essere perciò soggetto a persecuzioni. Da quando sono venuta in questo paese — e vi ho vissuto quasi tutta la mia vita — udii sempre ripetere che sotto le istituzioni di questa cosidetta democrazia, ognuno è libero di pensare a modo suo e di avere quelle vedute che gli paiono più giuste. Che avviene della sacrosanta garanzia della libertà di pensiero e di coscienza, quando si è perseguitati per tutti quei moventi e propositi, pei quali i pionieri che hanno edificato questo paese diedero la loro vita?

E quali sono gli obbiettivi di questo procedimento della Camera stellata, prettamente basato sulla cosidetta legge contro gli anarchici? Il proposito di questa legge non è forse la deportazione in massa, per sopprimere ogni sintomo di quel malcontento popolare, che ora si manifesta attraverso gli Stati Uniti, come pure in tutti i paesi d'Europa? Non necessita un gran talento profetico per prevedere che il nuovo uso fatto dal governo della deportazione, non è che un primo passo verso l'introduzione del vecchio sistema russo di esiliare per alto tradimento chi ha un'idea nuova di vita sociale e di ricostruzione industriale. Oggi i cosidetti stranieri vengono deportati; domani i cittadini americani verranno banditi. Già alcuni patriotti vanno suggerendo che i figli di americani, pei quali la democrazia non è un'impostura, ma un sacro ideale si debbano esiliare. A dir vero l'America non possiede un luogo adatto come la Siberia, dove i suoi figli esiliati possano venir trasportati, ma avendo incominciato ad occuparsi di possedimenti coloniali, contrariamente ai principii che ebbe per oltre un secolo, non le sarà difficile il trovare una Siberia americana, quando il precedente dell'esilio sarà stabilito.

* * *

La nuova legge contro gli anarchici confonde le più varie filosofie e i più diversi sistemi sociali per poter coprire, diciamo così, col medesimo manto ogni elemento di protesta sociale, dimodochè essa possa servire volta a volta contro gli scioperanti, o metallurgici, o ferrovieri, o d'ogni altra categoria d'operai, i quali verrebbero accinffati in massa per scernerne i più attivi e mandarli fuori del paese, in ossequio agli interessi dei nostri re dell'industria.

Il contratto collettivo per gli operai è ora ammesso giuridicamente, riconosciuto dagli alti funzionari del paese ed accettato dagli elementi più reazionari. Ma quando gli operai metallurgici, dopo un quarto di secolo di lotte disperate per il diritto di negoziare collettivamente, sono riusciti a creare un sufficiente spirito di coesione per entrare in lotta contro i baroni dell'acciaio, in base appunto a tale fondamentale diritto, l'intero meccanismo governativo, statale e federale venne messo in movimento per fiaccare quello spirito e per sopprimere la possibilità di stabilire condizioni più umane in industrie, dove non si rivelano migliori che sotto il più brutale dei feudalismi. Gli operai delle industrie dell'acciaio non hanno mai professato alcuna particolare filosofia sociale. Costoro non sono certamente in isciopero per « rovesciare il governo con la forza o la violenza », eppure la legge antianarchica viene usata come mezzo per colpire le semplici coalizioni di sfruttati ed oppressi, i quali esposero per tant'anni la loro vita per formare il mostro divoratore nomato *Steel Trust*. Il regno del terrore fu messo in pratica nelle regioni dello sciopero. I cosacchi americani, chiamati *State Constabulary*, calpestano uomini, donne e bambini; i delegati del dipartimento di giustizia entrano nelle case degli scioperanti, violando la nobile tradizione anglo-sassone, che fa della casa dell'uomo un asilo dove è proibito entrare senza il mandato prescritto dalla legge. E per aggiungere un'ultima pennellata a questo quadro della libertà americana, le autorità d'emigrazione, gli uomini del vostro dipartimento, prendono gli scioperanti secretamente e ne ordinano la deportazione col procedimento più sommario, come oggi toccherà pure a me, senza che abbia commesso la minima offesa alle istituzioni americane, salvo quella — che costituisce ora il più grande crimine — di proclamare il diritto dei lavoratori alla vita, alla libertà ed alla maggiore felicità possibile, un diritto che è cresciuto in America e non vi venne importato dagli stranieri.

Una commissione scelta dal vostro dipartimento ha trovato che l'ottanta per cento della ricchezza del paese è prodotta dai tanto disprezzati stranieri e dai loro figli. In compenso sono maltrattati e perseguitati come delinquenti e nemici.

Sotto la maschera della stessa legge anti-anarchica, qualsiasi critica alle corrotte amministrazioni, ogni attacco agli abusi governativi, ogni manifestazione di simpatia per la lotta d'altri paesi, inizio d'un nuovo loro rinascimento — in breve, ogni espressione del pensiero libera, senza pastoie, viene senza indugi soppressa, facendo pure a meno di un interrogatorio regolare o di un processo imparziale. E' specialmente per queste ragioni, che io protesto strenuamente contro una legge dispotica, contro i procedimenti di questa Camera stellata. Io protesto contro l'estensione d'un simile spirito, proprio a un isterismo irresponsabile, risultato della terribile guerra e della perversa tendenza di bigottismo, persecuzione e violenza, in cui vengono a culminare cinque anni di spargimento di sangue.

Nelle circostanze attuali appare evidente che il proposito reale di tutte le misure di repressione — prima fra queste la legge anti-anarchica — è di mantenere lo *statu quo* del capitalismo negli Stati Uniti. Sono vane le pretese che la salvezza del paese o il benessere del popolo americano richiedano le misure draconiane di metodi prussiani. In realtà il popolo non può che trarre profitto dalla libera discussione delle nuove idee, che germogliano nelle menti d'uomini e donne unite in società. L'espressione libera delle speranze e aspirazioni dei popoli è la più grande, è la sola salvezza per una società sana. E da tale libera espressione e discussione nascerà appunto il massimo vantaggio per lo sviluppo del progresso umano. Ma la deportazione e la legge anti-anarchica, come tutte le misure consimili, mirano ad un fine interamente opposto, a strangolare la voce del popolo, a soffocare ogni aspirazione proletaria. Questa è in realtà la terribile minaccia della Camera stellata co' suoi procedimenti e la sua tendenza ad esiliare e bandire chiunque non saprà adattarsi ai vergognosi istituti che i nostri lords industriali sono tanto ansiosi di perpetuare.

Con tutta la forza ed intensità del mio essere, protesto contro la cospirazione del capitalismo imperialista a danno della vita e della libertà del popolo americano.

Emma Goldman.

New-York, 27 ottobre 1919.

PIETRO KROPOTKINE

La Grande Rivoluzione (due vol., 700 pag.)	2 —
La Scienza moderna e l'Anarchia (320 pag.)	1 —
[illegible] (300 pag.)	1 —
La Morale anarchica	0 25
La Guerra	0 10

In vendita presso il *Risveglio*. Unire all'ordinazione l'importo in francobolli.

890215002

The Emma Goldman Papers

[Declaration of Emma Goldman to the commissioner of immigration. In Italian] Dichiarazioni di Emma Goldman al Commissariato dell' Immigrazione / Emma Goldman.— p. 4 ; 29 cm. *In* Cronaca Sovversiva [Turin]. —no. 19 (Jan. 17, 1920, transcript).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archivio Famiglia Berneri, Pistoia, Italy.

FONDAZIONE
ARCHIVIO FAMIGLIA BERNERI
P.za dello Spirito Santo, 2
51100 PISTOIA - ITALIA

Secret. dist #14 OR

XIIP, F8

Pistoia 3 Febbraio 1989

Cara Brenda,

quella che segue è la trascrizione dell'articolo che vi serve pubblicato su "Cronaca Sovversiva" di Torino, che è conservata presso l'Archivio Famiglia Berneri.

"Cronaca Sovversiva", Anno 1, N. 19, 17 Gennaio 1920, p. 4

DICHIARAZIONI DI EMMA GOLDMAN
AL COMMISSARIATO DELL'IMMIGRAZIONE

Incominciando la seduta desidero si ponga a verbale la mia protesta contro questo procedimento segreto che risuscita di fatto e di spirito i giorni lontani dell'Inquisizione di Spagna e il più recente sistema di tortura della defunta Russia czarista.

Questa udienza clandestina è inoltre, una palese smentita alla pretesa del governo che negli Stati Uniti esista libertà di parola e di stampa, e che tutti i violatori della legge - anche il più umile degli uomini - abbia diritto ad essere pubblicamente ascoltato e giudicato dai suoi concittadini.

Se i procedimenti di cui sono vittima mirano a provarmi colpevole di reato o di qualsiasi azione indegna, io protesto contro la condotta segreta ed inquisitoriale di questo preteso "processo". Ma se nessuna colpa specifica mi si addebita, se - come ho ragione di credere - si vogliono inquisire le mie opinioni politiche e i miei principi sociali, allora io protesto ancora più energicamente contro questa procedura tirannica, in aperta antitesi con le garanzie d'una vera democrazia.

Ognuno ha diritto di pensare e di sentire secondo le proprie facoltà, senza esporsi alla persecuzione. Durante la mia residenza in questo paese, dove ho passato quasi tutta la mia vita, ho sempre sentito dire che sotto l'egida delle vostre istituzioni democratiche, ognuno è libero di pensarla come vuole. Dove va a finire la libertà di pensiero e di coscienza quando si perseguita gente e si deporta per quelle stesse ragioni, per quegli stessi fini per cui diedero in olocausto la vita i padri della Repubblica?

Che cosa si vuole da questo processo segreto, notoriamente autorizzato dalla "Anti-Anarchist law"? Che cosa si vuole da codesta legge e dalle deportazioni in massa, se non la soppressione del minimo sintomo del malcontento popolare che si manifesta in questo paese come in tutta Europa?

Non occorre essere profeti per vedere che l'uso della deportazione non è che un passo verso l'introduzione dell'antico sistema russo delle proscrizioni e dell'esilio per il grave delitto di possedere idee nuove sull'ordinamento sociale. Oggi si deportano gli alieni, domani si bandiranno gli indigeni. Già alcuni patriottardi consigliano l'esilio per quei figli d'America per i quali la Democrazia non è frode, ma sacro ideale...

Il diritto di trattare collettivamente gli interessi comuni, è ammesso e riconosciuto agli operai dalle maggiori autorità ed acoettato dagli elementi più reazionari. Eppure quando i metallurgici - dopo un quarto di secolo di lotte disperate per la conquista del diritto ai contratti collettivi - hanno raccolto lo spirito e la forza per incominciare una lotta contro i baroni dell'acciaio, perchè anche ad essi fosse riconosciuto quel diritto, tutto il macchinario governativo dello stato e della Federazione è messo in movimento onde fiaccare ogni entusiasmo ed impedire che condizioni più umane siano stabilite in un'industria le cui condizioni sono peggiori di quelle esistenti nel più tenebroso feudalismo.

Gli operai metallurgici non hanno espresso alcuna speciale filosofia. Non scioperano di certo per "rovesciare il governo con la forza o la violenza", eppure, la "Anti-Anarchist law" allunga i suoi artigli su questi uomini usati ad un lavoro duro e pericoloso, nel quale arrischiano la vita per le fortune di quel mostro divoratore che è il trust dell'acciaio. Nelle regioni dello sciopero è istituito il regno del terrore. I cosacchi americani, conosciuti col nome di "Constabulary" di stato cavalcano sugli uomini, le donne, i bambini; gli agenti del dipartimento di giustizia invadono le case degli scioperanti violando l'antica sacra tradizione anglo-sassone per cui il domicilio è inviolabile e non può essere violato che con legale mandato; e, per completare il quadro di questa libertà americana, le

890215002

The Emma Goldman Papers

[Declaration of Emma Goldman to the commissioner of immigration. In Italian] Dichiarazioni di Emma Goldman al Commissariato dell' Immigrazione / Emma Goldman.– p. 4 ; 29 cm. *In* Cronaca Sovversiva [Turin]. –no. 19 (Jan. 17, 1920, transcript).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archivio Famiglia Berneri, Pistoia, Italy.

autorità vigilanti sull'immigrazione, gli uomini del vostro dipartimento, s'impossessano segretamente delle persone di scioperanti, e ne ordinano, con procedura simile a questa di cui sono vittima io, oggi, la deportazione immediata; pur senza essersi resi colpevoli della minima offesa alle istituzioni americane, che non sia quella - il peggiore dei delitti oggigiorno - di reclamare per gli operai il diritto alla vita, alla libertà, a tutte le gioie - diritto nato in America e non importato dagli odiati stranieri.

Una commissione del vostro dipartimento, scopre ed annuncia che l'ottanta per cento della ricchezza nazionale è prodotta da codesti alieni o dai loro figli. In compenso essi sono inseguiti e perseguitati come criminali e nemici...

Per queste ragioni io protesto contro la legge dispotica ed il suo metodo di procedure segrete. Protesto con tutte le mie forze contro lo spirito cha la domina - spirito di un isterismo irresponsabile risultante dalla grande guerra e da una deplorevole tendenza al bigottismo, alla persecuzione alla violenza: fatale epilogo di cinque anni di carneficine.

In queste circostanze è evidente che il fine vero delle misure repressive - e soprattutto della "Anti-Anarchist law" - è di difendere negli Stati Uniti lo "stato quo" capitalista. E' vano pretendere che misure draconiane richiedano la salvezza del paese ed il benessere del popolo. Il quale non ha che da profittare dalla libera discussione delle nuove idee germoglianti nel cervello dei pensatori. La libera espressione delle speranze e delle aspirazioni d' un popolo è la più sicura salvezza di una società sana. Invero, solo la discussione libera può aprire all'umano progresso il varco ai maggiori benefici.

Ma lo scopo delle deportazioni, e della "Anti-Anarchist law" e di tutte le misure analoghe, è invece, di soffocare la voce dei popoli, d'infrangere tutte le speranze del proletariato. Tale è la terribile minaccia dei procedimenti segreti e della tendenza ad esiliare o proscrivere chiunque non si pieghi all'ordine di cose che i signori dell'industria sognano di perpetuare.

Con tutte le mie energie, protesto contro la cospirazione del capitalismo imperialista ai danni della vita e della libertà del popolo americano.

EMMA GOLDMAN

FONDAZIONE
ARCHIVIO FAMIGLIA BERNERI
P.zza dello Spirito Santo, 2
51100 PISTOIA - ITALIA

Cara Candace,

Mi caro saluto da me e

Furio -

tuo Aurelio Chessa

La tua lettera è
del 18.1.1989, ricevuta ieri

850513019

The Emma Goldman Papers

[Interview] Soviet Ark Lands Its Reds in Finland / Emma Goldman.— pp. 1,3 ; 29 cm. *In* The New York Times. —(Jan. 18, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Recalls the Time When Religion Might Have Served as a Similar Excuse.

NEWTON FINDS ASSISTANCE

Stanchfield and Littleton Will Advise Atorney General In Presenting Case.

SOVIET ARK LANDS ITS REDS IN FINLAND

Buford Reaches Hango and Deported Radicals Go on to Russia by Train.

VOYAGE WAS UNEVENTFUL

No Tidings Yet as to Possible Action to Bar Them from Russia.

He Is Cheered by Brilliant Assemblage at Versailles and by Street Crowds.

PLANNING TRIBUTE TO TIGER

Some Admirers Would Vote Him "Savior of His Country"—Others for Money Reward.

By EDWIN L. JAMES.

Copyright, 1920, by The New York Times Company

Special Cable to THE NEW YORK TIMES

PARIS, Jan 17 - Paul Deschanel was elected President of the French Republic today. At the meeting of the National Assembly at the Palace in Versailles this afternoon he received 734 votes out of 889, being elected on the first ballot. His term is for seven years, and he will take office Feb. 18.

M Deschanel's election is of the deepest import to the French Republic and of great interest for all the world because it marks the defeat of Premier Georges Clemenceau, who up to last night was a candidate for the Presidency. Tomorrow morning M. Clemenceau, known as "the Tiger of France," the man who led the republic to victory, will retire from public life. The sudden turn of the tide against Clemenceau is a political event which could happen in few countries except France. It was the product of many factors, not least of which was the personal hatred for him which has rankled for a long time in the bosoms of many French politicians. There was nothing in the Deschanel platform except the defeat of Clemenceau.

There must go through the allied world tonight a feeling of sympathy for Clemenceau. He was not a candidate at the election today, having withdrawn last night after Deschanel's showing of greater strength in the caucus. He had never sought the candidacy, and consented to it only three days ago, after his friends had told him that France called again for his hand and brain. Then he consented, to find that his political enemies, who backed him in war time, now believed the time had come to shelve him. Perhaps the politicians regard him as too strong for the Presidency. The shadow of the grand old man was across the Assembly today, and after they had elected another President the Senators and Deputies circulated the following statement:

"The Deputies and Senators now in the National Assembly Jan 17, 1920, transmit to M. Georges Clemenceau, President of the Council, their recognition of his immmerable services to his country."

Many of Clemenceau's friends refused to sign the document because it was circulated by his political foes. Tomorrow morning Clemenceau will lead his Cabi-

BEST COPY AVAILABLE

76

850513019

The Emma Goldman Papers

[Interview] Soviet Ark Lands Its Reds in Finland / Emma Goldman.— pp. 1,3 ; 29 cm. *In* The New York Times. —(Jan. 18, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

a solemn oath to support said
n and of the provision ex-
making each house of the Leg-
the judge of the qualifications
members.
the Guthrie resolution merely
suspension of judgment. It
down by 131 to 100 after a
an hour on the merits of
in the Assembly.
association adopted a motion
George W. Wickersham limit-
ide to one-half hour, and
Mr. Hughes in charge of the
to the Legislature and Mr.
in charge of its defense. After
several members sprang to
with resolutions of pittspoken
ation for the Assembly. Henry
who presided, ruled, however,
vote on the Guthrie resolution
ly disposed of the question un-
rules of the debate adopted
motion of Mr. Wickersham
ed.

Them Personally Unfit.

avitt, who opened the debate,
length that the critics of the
had been mistaken in failing
ate the "personal unfitness"
cialist members, if the charge
belonged to the Socialist Party
a and were committed to revo-
violence in this country were

ued on Page Fourteen.

n Profiteers; Before Congress

will be arranged for presenta-
ongress.
s will be asked to pass a bill
ates the right to institute pro-
against profiteers, and amend-
the cold storage bill now pend-
be offered. The Chicago dele-
o will ask that certain features
ir act be embodied in a per-
w directed against food profit-

STON, W. Va., Jan. 17.—W.
and Fred Moore, officers of a
store company here, today
ted under a Federal warrant
with selling women's dresses at
fits during November and De-

ment agents, who have been in-
merchandising in Charles-
ed that the company had sold
t. for which it had paid

Taylor, in J. Hartley Manners'
ht in Rome" moves to the Gal
Theatre Tomorrow Night.—Advt.

ND EVA." Biggest Comedy Hit
York. Longacre Theatre.—Advt.

ing. The Reds made up a motley throng, their faces being full of curiosity as to what their future might be, while there were traces of anxiety lest they might be attacked after they had left the protection of their American guardians. Finnish authorities will look after the safety of the deportees.

Berkman and Goldman Defiant.

After they had landed, Berkman and Miss Goldman talked willingly with newspapermen. Asked to give her opinion of her deportation, the latter replied: "It was melodrama to keep it secret."

"It was unfair and stupid," interjected Berkman. "You can't kill an idea like that. The Czar tried and failed. He is dead and forgotten."

"Do you want to overthrow the American Government?" Miss Goldman was asked.

"You need a new government," she answered, "and I hope the election will provide it."

Asked what her plans were, Miss Goldman said:

"I shall not impose my advice upon the Russian government, but shall remain affiliated with the Bolsheviki. I hold my deportation was an injustice. We were not given a chance to prepare for it."

She drew a sharp distinction between Bolshevism, as it is known in America and Germany and as it is practiced in Russia, and explained the significance of world Bolshevism or anarchy. She asserted it was nearly 200 years old and meant, approximately, a brotherhood which disapproved of all Governments and demanded equality among all citizens and a division of all clothing, supplies, and products. She evaded making any reply when objections were raised to this program.

"Bolshevism of my kind, not the American or German sort," she said, "can never be suppressed."

Miss Goldman complained because she was compelled to eat her meals in the Buford's dining room, where she was "an object for all eyes," instead of with her comrades. She added that she was obliged to waive her objections "so as to protect two girls, one of whom was taken to America as a baby and has no friends in Russia, while the other has but two friends in Russia, but their whereabouts are unknown."

Berkman to Write Articles.

Berkman is under contract to write for an American monthly publication a series of articles about former American prison wardens, among them

Continued on Page Three.

to shelve him. Perhaps the politicians regard him as too strong for the Presidency. The shadow of the grand old man was across the Assembly today, and after they had elected another President the Senators and Deputies circulated the following statement:

"The Deputies and Senators met in the National Assembly Jan. 17, 1920, transmit to M. Georges Clemenceau, President of the Council, their recognition of his innumerable services to his country."

Many of Clemenceau's friends refused to sign the document because it was circulated by his political foes. Tomorrow morning Clemenceau will lead his Cabinet to the Elysée and hand its resignation to President Poincaré. His work is done.

Picturesque Setting of the Ceremony.

The Presidential election day is the flower day of France. Scenes of worldly glory are dear to the heart of the Frenchman, and Versailles, the scene of so much history-making, presented a show today that met the expectations of all lovers of picturesque pomp and show, staged as only France can stage them.

The election took place in the old Chamber of Deputies wing of the Palace. Soldiers and music and clashing swords, frockcoats, and silks and satins, political fears and hatreds—all were there. Peace Conferences and meetings of Premiers and all such things were not in order, for it was election day at Versailles.

The ceremony opened at 1 o'clock. But by 9 o'clock in the morning crowds began to arrive in the historic little city. At 11 o'clock began the luncheons at the Hotel des Reservoirs, where diplomats meet to talk over the great affairs of the day. Ambassador Wallace got a table with the Spanish Ambassador and spent an interesting hour watching the prologue to the election.

Those who could not get into the hotel for luncheon went to the Palace in search of good seats. Then the trouble began. There was room in the election hall for perhaps 1,000 visitors besides the members and officers of the National Assembly. In their wish to please, French politicians had sent tickets to almost every one who asked for them. But most of these tickets had a little red mark on one corner. When they reached the Palace the holders learned that such tickets carried the privilege of admission only to the courtyard or

Continued on Page Three.

Declares Source Is the Place for Meet the Re

The American re
to Russia in the ori
Chairman of the in
country by Presiden
ances of friendship
except for the langua
promises, he conten
the former Secretary
perplexing Russian
voiced in an address
ner of the American
of Commerce in thi
which no reporters
the request of memb
zation. Mr. Root co
his remarks made pu

After denouncing t
of cut-throats and a
control in Russia, M
they could be fough
by supplying the "s
who are now trying t
try" with munitions
clothing and money t

"There are three
would like to say." M
is that we are in de
the American people
have given assuranc
We have made pr
the strongest wo
language. We have
was no limit to the fr
were ready to show
we have shown no
Russia except in wor

"Many opportuniti
have been allowed to
ations have arisen in
the American people
one-tenth of what th
were ready to do, th
bright in Russia today
allowed to pass witho
never been ready whe
come, and we have do
are many things we
am not going to critic
assume that our Gov
reasons for not actin
voring occasions whic
lenge action in behalf
going to assume ther

Continued on

"APHRODITE," Biggest Sensation in New York. Matinees Wed. & Sat., 50c. to $2. Century Theatre. Evenings 8 sharp.—Advt.

MORRIS GEST MIDNIGHT WHIRL. Century Grove, Nightly, at 11:30.—Advt.

REMOVAL: JOHN H. WOODBURY, Face and Feature Specialties, now at 1,642 Broadway, cor. 51st. Circle—4183.—Advt.

Prevent That Cold at the Start with HORIBURT'S CAMPHOR PILLS.—Advt.

"Winter—Best for He
brier, White Sulphur
ginia. Bookings Plaza

TAKE BELL-ANS AFT
her the GOOD DIGESTION

BEST COPY AVAILABLE

850513019

The Emma Goldman Papers

[Interview] Soviet Ark Lands Its Reds in Finland / Emma Goldman.— pp. 1,3 ; 29 cm. *In* The New York Times. —(Jan. 18, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

ugles in Stuttgart Suit.

ERIN MAY BE NUN.

That She May Enter American Convent.

17. -The former German ess Victoria, who is at slain, contemplates enter- nt convent in England or rding to a report from

s reported bad, but it is is not in a serious con-

But one may find another and more on ble reason for opposition to Clemenceau, and that is the dissatisfaction felt at the present internal conditions in France. The high cost of living was a factor in this afternoon's results. I have told in other dispatches how angered Frenchmen were over the new taxes which greatly increased the cost of living and which were promulgated by M. Klotz, Clemenceau's Finance Minister. There is no theatre whose comedians have not something sparkling to say about Klotz, and the joke always get applause. Louis Loucheur has been a target, too.

SOVIET ARK LANDS ITS REDS IN FINLAND

Continued from Page 1, Column 4.

Thor is Most Outspoken. He will also write a number of Russian sketches, he said. Asked if the Reds would labor, or would confine their activities to politics, Berkman replied they would be employed in mines but "naturally would participate in political matters." He declared he would form a "League of Russian Friends of America." The efforts of which would reciprocate those of the American Friends of Russia. Of the latter organization he said:

"It has grown so eminently respectable that even former President Taft is a member.

During the three-day journey from Kiel to Hango the voyage was dangerous in that extreme because marine mines in the Baltic have not been removed by the German Government, according to various officers of the Bifford, who left the boat for a visit to the little town. An expert German pilot named Schmidt was in charge of the vessel, zigzagging the ship around in wide curves or turning sharp angles. Once he stopped during the night while the radiator chains grounded with a dwarfed sound. Matters became worse the second night out, when a mysterious and mutilated wireless message was received ordering a different port of debarkation than had been originally planned. This caused a delay in landing here.

While the women and some of the men were seasick during storms, there was not a single case of serious illness, and every one arrived in good health. Superintendent Martin Berkshire, in charge of the prisoners, had to warn Berkman and Miss Goldman repeatedly that they were prisoners, and not passengers or guests.

HELSINGFORS, Jan. 17.—Finnish authorities have informed the Soviet Government of Russia of the plan to send Alexander Berkman, Emma Goldman and their radical "comrades" across the border, but no reply has as yet been received from the Bolsheviki. The Finnish communication requested that the Bolshevik troops cease firing when the party makes its appearance.

The radicals deported from America will be placed on board locked cars and taken to Terijoki, about two miles from the frontier, being accompanied by a Finnish military guard and a detachment of American marines. There are two ways of entering Soviet Russia. The first is across a bridge near Terijoki, where the Bolshevist and Finnish lines are drawn along the banks of a little river. The other is further north toward Raahi, where the respective lines are separated by a thick forest. The former is the more direct route, and, it used, the American Reds will safely reach Soviet territory. The other is known as "the route of death," owing to the large number of political prisoners who have been dispatched in the forest after having been deported. People of Finland acquainted with the history of deportations are keenly interested to learn which route will be chosen.

Special to The New York Times.

WASHINGTON, Jan. 17.—A statement issued tonight by Anthony Caminetti, Commissioner of Immigration, said:

"The transport Buford arrived at Hango, Finland, Friday, at 6 P. M. The deportees have been orderly and obedient throughout the entire trip. It can be stated, without fear of successful contradiction, that any statement, no matter where it emanated, stating that any of the deportees have made any statement to be given out to the public is absolutely without foundation."

The Commissioner denied that the voyage had been disorderly, and stated that he did not believe that Berkman had made magazine contracts with an American publication. He also denied that any favoritism was shown to Goldman and Berkman, and added that this voyage "was one time when they had to practice what they preached—the doctrine of complete equality."

BEST COPY AVAILABLE

830308045

The Emma Goldman Papers

[Interview] Bolsheviki Threaten Red Emma / Emma Goldman. – p. 1 ; 29 cm. *In* The Los Angeles Times. –(Jan. 19, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

L. A. Times Jan 19, 1920

BOLSHEVIKI T[illegible]EATEN RED EMMA

RUSSIANS MAY SLAY DEPORTED RADICALS.

Governor said that [illegible]

[illegible] Orleans, [illegible] the ships carrying the Bolsheviks and sympathizers deported from the United States that left here last evening, that all possible measures were provided for the [illegible]. This it would permit the party to cross the Russian border and that the deportees would not be molested.

Grave rumors had come from the border that Berkman and Goldman and their sympathizers would be killed by the Bolsheviki and, while there was apparently no authority to confirm this threat, it was deemed advisable to take all precautions.

The undesirables disembarked yesterday afternoon from the Buford and were placed in box cars fitted up with plank benches, bunks and beds. Each car contained seven tubs of army rations.

It was originally planned to send American officials as far as the border, but this was found unnecessary because the Finnish government through the American vice-consul volunteered to take over the undesirables as a favor to the United States.

Emma Goldman conversed with the correspondent a few minutes before she trudged down the long path to the train, carrying part of her baggage. Asked if she had a final greeting to America, she said:

"I don't know whether I have. Would you be willing to tell your feelings on departing? Naturally my emotions are conflicting. I am anxious about what is ahead in Russia, but naturally I am leaving very much behind in America."

She amazed the correspondent by throwing her arms around his neck and giving him a resounding kiss before he could struggle away. Details of trouble with the Reds while crossing have been disclosed since the vessel arrived at Hango, but the trouble was not of serious importance. One grumbler put in a bill for $48 for alleged night work, demanding payment before leaving the ship.

The officers of the Buford informed the correspondent that there was no reason to believe the Bolsheviki would refuse to receive any member of the party. The deportees themselves did not appear apprehensive. Emma Goldman saying [illegible] Bolshevik had been [illegible] coming by courier [illegible]

"No Uncle Sam [illegible] Act Be Acts Like [illegible] About Something"

[illegible] BULLETINS

BEST COPY AVAILABLE

881206005

The Emma Goldman Papers

[Interview] Women Don't Want Special Comforts / Emma Goldman.— 29 cm. *In* The World. —(Jan. 19, 1920).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Rare Books and Manuscripts Division.

WOMEN DON'T WANT SPECIAL COMFORTS

Emma Goldman Says Educated Deportees Received Better Service on Ark.

Copyright, 1920, by The Press Publishing Co. (The New York World).

(Special Cable Despatch to The World.)

HELSINGFORS, Jan. 18 (Delayed in transmission).—When the Soviet Ark Buford docked at Hango on Friday, the vice consular clerks who had journeyed from Helsingfors were kept busy until this morning, upon the request of Alexander Berkman, speaking for the deportees who desired power of attorney to convey their money in American savings banks to their families.

Berkman said many had not had opportunity to dispose of their savings, nor indeed to see their families, since their arrest. They had conveyed $47,000. He said about $100,000 had to be left behind by others, unwilling to trust their savings in the hands of the American officials.

As the files of the deportees emerged from the hold of the ship, the only three women in the party, headed by Emma Goldman, stood apart, refusing to enter the comfortable compartment train in waiting to convey them across Finland unless all were treated alike.

Miss Goldman said that during the voyage special rations and special food had been given to the educated deportees, under the mistaken notion that they would be grateful for the distinction while the others had been crowded into the hold, full of coke water.

All Rode Third Class.

To-day's complaint was settled on the train by putting all in third class carriages, which even then were no more crowded than are ordinary trains nowadays. Each coach was guarded by [illegible] Finn, but Berkman received permission to go through the train at will and to arrange the distribution of food and space. He demanded by cable and simultaneously posted to the correspondents this disproof of the charge that Anarchists do not believe in organization and are incapable of it.

One fact generally unknown is that the Finnish Government at first proposed to retain the American deportees in Finland as hostages for certain Finns behind Red lines. Mr. Haynes, American Commissioner in Finland, promptly pointed out that the Soviets had given no sign that they wanted the deportees, most of whom are Anarchists and not Bolsheviki, and therefore consent to an exchange was not likely. He said the American Government had promised their safe delivery in Russia. Passage for the deportees was finally arranged on payment to the Finnish Government for transportation, attendance and soldiers.

Finns Are Disgruntled.

In spite of this arrangement, Finns, whose revolution of a little more than one year ago has left violently anti-Bolshevist groups surrounding the Government, view with certain bitterness the safe transport of the deportees through their territory.

"There go more recruits for the Red Army," said one member of the Foreign Office staff, mindful of the thousands of Finns now in the Red army, fighting against their own country.

Commissioner Haynes conducted negotiations with the Soviets through the Finns, but no definite answer came from Moscow until after the train had left Hango on its twenty-hour trip to the frontier at Terijoki. To-day, however, a wireless message came from Foreign Minister Chicherin that the Soviet Government would take charge the Finn White Guards leave them. Only a footbridge and a walk of 200 yards separate the world of Whites and the world of Reds.

The only Americans with the party to-day are two correspondents, the consular staff having finished its work yesterday and returned to Helsingfors. Actual crossing of the border will take place to-morrow at noon. Questioned regarding her plans in Russia, Miss Goldman said:

Emma Goldman's Plans.

"I have only one plan. It occurred to me on the voyage, in thinking over my thirty-five years in America. When I arrived there as a political exile I joined a society called American Friends of Russian Freedom, founded by Ernest Crosby and George Kennan. The founders are dead, Russian revolution has become a reality, freedom from capitalistic attack is coming, and the United States has turned me out.

"I am going to start in Russia a society to be called Russian Friends of American Freedom. How many people at home would join, do you think? I haven't any idea of imposing my Anarchism upon Russia. Revolution still has capable defenders, and I am a friend to any revolution, so long as it is true to the working class.

"Probably I can learn much from the men and women who have worked the great change in Russia, and I guess there will be plenty of work in the Soviet shops for the boys who are with me. They are nearly all skilled artisans, as you may judge from the money they have saved. Of course, they earned it themselves. The Government knows all about that.

Are Ignorant of Government.

"Scores of them have only the vaguest ideas of society or government. They were unlucky enough to join a society of adherents of the Russian revolution in the early days of that upheaval, in the hope of getting home quickly. They thought that when the lid of Czar bureaucracy was lifted there would be a better life for them in Russia than in America. Hundreds of them would like to have gone to Russia, but they never got the chance.'

"Then the American Bolshevik scare came. The next the boys knew the police were asking them if they believed in Soviets or in Bolshevism. If they said they did they were put into jail, and now some of them are here with us. Most of them were hustled to jail in the clothes they stood in. We have been sharing underclothing and extra things for cold weather with them.

"I don't suppose they love the American Government, but they do love America, for there they made money, and it is better than the Czar ridden Russia that they quit. Some tell me they will want to go back to the United States some day, as I do. That wish will make them good recruits for our Russian Friends of American Freedom Society."

90 Per Cent. Are Anarchists.

According to a census taken by the deportees on the Buford, 125 of a total of 248 are Anarchists, about twenty believe in the Soviet form of government, without having seen it in present operation, and some disclaim any particular political leanings.

18 Prisoners Taken in Raids on Alleged Reds

Department of Justice agents and Police Department detectives made two raids yesterday on alleged Reds and arrested eighteen persons and seized a large quantity of printed matter.

The first raid was made on an apartment at No. 524 East 16th Street where six men, none of whom is believed to be a citizen, were taken. They are said to be companions of Peter Blanki, who was sent back to Russia on the Soviet Ark.

The raiders then went to a Russian printing office at No. 218 East 13th Street where twelve arrests were made and a mass of printed matter was seized, including copies of the Workman and Peasant, a newspaper alleged to be published at the place.

Rose Weiss, who with Charles Recht, is acting as counsel for the radical group on Ellis Island, armed with $28,000 in Liberty Bonds early yesterday visited the island in an endeavor to obtain the release of twenty-eight Reds. The effort was unsuccessful owing to considerable Government red tape in connection with making out papers in each case. Miss Weiss said she was going to take four girl stenographers with her to-day to assist in the work.

POLISH MINISTER WARNS AMERICA

Says Menace to Us of Bolshevism Is Greater Than Militarism Was in 1917.

(Special to The World.)

WASHINGTON, Jan. 19.—Walter M. Chandler, former Representative in Congress from New York, took exception before the House Ways and Means Committee to-day to the statement last week of Gen. Bliss that Poland is the only bulwark against the Bolsheviki. He declared the Republics of Esthonia, Latvia, Lithuania, Azerbaijan and Georgia are distinct nationalities and each one "an immovable barrier against Bolshevism for more than two long years." Mr. Chandler appeared before the committee to urge the loan of $150,000,000 for food relief requested by Secretary Glass and recommended by Herbert Hoover.

Prince Lubomirski, Polish Minister to the United States, said Hoover aptly described Poland's situation before the committee when he said it was "the most appealing situation in Europe."

"The same peril that confronted you in 1917 exists to-day in Bolshevism," continued the Polish Minister. "Again you may wait, trusting that Poland may ward off the menace, but not taking this danger seriously until disaster is again hovering over your heads. Herbert Hoover knew how true this was when he said, 'Poland is the sole shield of Europe from Bolshevik invasion.'

"Now it is war with foolish ideas and dreamful philosophies. These are things that jump over the seas and other neutral obstacles like lightning, and it is dangerous to postpone the prophylaxis of help, for in such matters threatened Warsaw may easily become a suburb of New York."

HOW PARLOR REDS SPREAD THEIR IDEAS

Supt. Ettinger Tells the Lusk Committee—For Compulsory Education of Foreigners.

That parlor Bolshevists are largely responsible for the spread of radicalism was the opinion expressed by Superintendent of Schools Ettinger

BEST COPY AVAILABLE

810409264

The Emma Goldman Papers

[Interview] Crowds Welcome Ark's Passengers into Soviet Union / Emma Goldman.— 29 cm. *In* The World. —(Jan. 20, 1920).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Emma Goldman Scrapbook, Rare Books and Manuscripts Division.

20.

CROWDS WELCOME ARK'S PASSENGERS INTO SOVIET RUSSIA

Deported Aliens, Headed by Berkman and Emma Goldman, Cross Finnish Frontier.

WOMEN REFUSED SPECIAL COMFORTS ON TRAIN RIDE.

Scores of the Exiles Have Only the Vaguest Ideas of Government, Leader Admits.

TERIJOKI, Finnish-Russian Border, Jan. 19 (Associated Press).— The undesirable aliens, headed by Berkman and Emma Goldman, deported from the United States, enterest Soviet Russia at 2 o'clock this afternoon. They received an enthusiastic welcome.

The deportees, laden with suitcases and boxes, trudged through the deep snow laughing and singing revolutionary songs as they neared the border. Hearty cheers were raised by the Russians waiting for them on the other side of the frozen Systerbak River, which separates the Finnish and Bolshevik lines.

Willing hands helped them to scramble up the steep banks and amid the ruins of the war-wrecked town of Bielo-Ostroff, overlooking the stream. The Bolsheviki gave the exiles a vociferous greeting that stirred up a frenzy of enthusiasm and delight among the newcomers. They dropped their luggage, whipped off their caps as a military band played the Bolshevik anthem, and cheering wildly broke open their boxes of food and cigarettes brought from the Buford, distributing them lavishly among the crowd.

An amusing sight was a Bolshevik officer waving a can of American pork and beans as he gave orders to the soldiers. A mounted brigadier commanded the troops, which included boys, who appeared to be scarcely more than twelve years old. Emma Goldman and Alexander Berkman were last to cross the river, waiting until the others were safely over.

"This is the greatest moment of my life," exclaimed Miss Goldman to the Associated Press. "After thirty-five years of absence I am returning to Russia with a feeling of awe. I am glad to leave America, but I love the American people and expect to return there some day."

Discussing her plans, she said she would continue to write for American publications.

81

810331014e

The Emma Goldman Papers

[Interview] Gli scioperi colossali di America [Colossal strikes in America. In Italian] / Emma Goldman. – p. 1 ; 36 cm. *In* Avanti [Rome]. – (Jan. 20, 1920).

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 165.

...ppresentante del governo ha già di...iarato che un tale diritto non sus...ste. Il prender visione del bilancio ...riduce quindi a una commedia, tan...più che, come è nota, i bilanci pos...no esser raffazzonati come si vuole, ...mado da trarre in inganno anche ...più abili e i più astuti.

...nteressante è poi, sotto questo a...etto, il progetto-compromesso. I ...rtiti della maggioranza vogliono ...e il diritto di controllo del bilancio ...riconosciuto soltanto nelle azien... che hanno almeno 10 impiegati o ...operai. Ciò vale, adunque, sal...to per le grandi aziende che, ordi...riamente, hanno la forma di socie... per azioni. Ma simili società sono ...obbligate per legge a pubblicare ...oro bilanci, i loro guadagni e le ...perdite. Al Consigli di Fabbrica ...farebbe quindi una concessione, ...vien fatta... a qualsiasi altro mor...e, il quale si diletti di bilanci.

...Ma, a tacere di altre maggiori e ...ori mende, a complemento della ...re sui Consigli di Fabbrica, il go...no « promette » alla classe opera... una legge « sociale », la quale sa...e una vera violazione di uno dei ... elementari diritti, di cui gode ora ...roletariato. Si annuncia cioè una ...re, che rende obbligatorio l'arbi...gio nei conflitti fra lavoro e capi... stabilendo che uno sciopero non ... avvenire, se non è approvato da...perai in votazione segreta con ... maggioranza di due terzi dei vo...ti. La Repubblica di Ebert e di ...eidemann e Bauer e Noske sem...cioè voler richiamare in onore la ...usa « legge della reclusione », ...ro la quale, sotto gli Hohenzol... avevano tanto infetto gli onore... Noske, Bauer, Scheidemann e ...t...

...a meravigliare se gli operai ri...zionari scendono in piazza a pro...re contro una tal legge?

genossse.

Situazione a Berlino

« BERLINO, 14. (Ritardato).
...serata e così pure la notte sono ...e calme. Il Reichstag e gli edifici ...ci sono occupati dalla polizia e ...può giungere ad essi che con un ...passare. — (Stefani).

...luito « *graft* ».

Le Commissioni statali incaricate di fissare e controllare i prezzi, hanno altro da pensare. Ci sono le elezioni vicine ed inimicarsi il Tizio e il Caio è dannosissimo.

I poliziotti, i pompieri, gli scaricatori del porto, i metallurgici, i tipografi ed i sarti hanno, in tutta la Federazione, poco tempo fa, incrociato le braccia reclamando condizioni migliori. La lotta fu bene impostata e conseguentemente vinta.

* * *

Ma tutte queste numerosissime categorie di salariati, unite in una sola non possono rappresentare che una leggera minoranza in confronto al colosso che ha minacciato per ben due giorni l'intera nazione americana e due terzi dell'Europa.

I minatori. Quattrocentomila sono gli organizzati e quattrocentomila sono stati gli scioperanti. Non uno solo è rimasto nelle cave. E questo è stato il primo passo verso la vittoria. Che cosa domandavano? Trentacinque ore di lavoro settimanali, il sessanta per cento di aumento e la *statizzazione delle miniere*.

Hanno dato tre mesi di tempo per la risposta. L'ultima ora fu la più tragica. Si contavano i minuti, i secondi come il medico conta i battiti del febbricitante. La massa dei « *miners* », in una compattezza granitica ed in una calma cenobitica, attendeva nelle profondità delle miniere l'estrema decisione.

Quando la mezzanotte del 23 novembre suonò, il « *wire* » telegrafico recava a tutte le « *mine towns* » l'ordine imperativo di « *all out* ».

Da principio si rise. I più scaltri « *operators* » credevano di ridurre in pochi giorni alla capitolazione i loro sottopasti. Il minatore beve molto, fuma troppo, è saturo di vizi. Appena avrà consumato l'ultimo « penny » verrà sicuramente a bussare alle nostre porte ».

Non fu così. Il colasso era di creta. Tutto era stato prevedulo dai capi dell'Unione. E alla distanza di venti giorni la faccia del minatore è riapparsa nella miniera, non con una ruga di mestizia, ma con un sorriso di bontà e di fierezza. Aveva vinto.

Ma l'ingerenza del Governo nelle vertenze fra capitale e lavoro è delle nazioni in lotta col dispotismo. E noi, che abbiamo lottato e lottiamo per distruggere questo dispotismo, non [illegible]

...« citizen » americana. La Suprema Corte degli Stati Uniti non sa perciò quale decisione prendere e la sua ultima ordinanza sembra favorevole alla « *not Réportation* ».

Ho interrogato da Goldman giorni or sono ad Ellis Island ove essa è confinata in attesa della decisione.

— E così — le ho chiesto — se la Corte ti consentirà di rimanere in America, cosa farai?

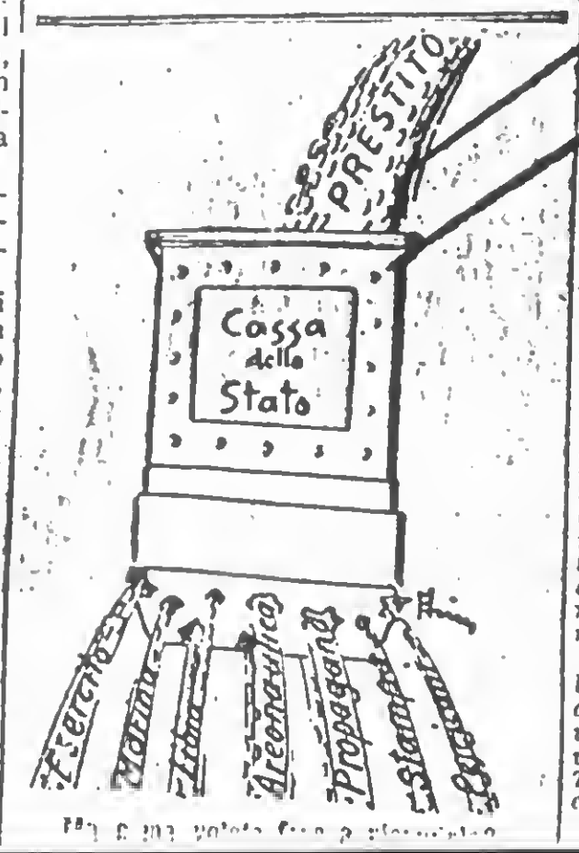
Ella mi ha guardato attraverso il cristallo dei suoi grandi occhiali, e con un sorriso piena di malizia e di verità mi ha risposto:

— No, no, in questa terra di eunuchi io non rimarrò un solo minuto. Preferisco essere rinviata nella mia Russia comunista. *Qua ritornerò fra cinque anni sicura epoca della proclamazione del Soviet americano.*

Mi ha stretto la mano, raccomandandomi di salutare tutti i compagni d'Italia, e non ha parlato più. Ha detto fin troppo!

La ripresa dei rapporti politici ra l'Inghilterra e la Germania

LONDRA, 15 (ritardato).
Kilmarnechk, rappresentante della Gran Bretagna a Berlino, è partito per la Germania.

...cedente non può parla...smo più di quello che...ne nel 1913. Astensionis...oggi come allora, ma che oggi...

Tardiva confessione, resto noi non avevamo...

Il cittadino democra...dana ha scoperto che... hanno i loro segreti e ... spiratori, se li tengon... mente e non li rivelan... Il democratico cittadi... e perciò salito sul ... rio giornale e — ass... rie trionfali di cui si ... elettorale sulle col... che gli era benevol... no perentorio:

— Fuori le vostre co... i segreti di Partito! ... Potremmo rispondergl... biamo nè le une, nè g... ricordargli che il n... sempre fatto — purtro... sue all'aperto, tanto da... visto e controllato in o... blico. Noi diamo pubbl... bali delle nostre assemb... lanci; i nostri fondi, seg... paganda, per l'organiz... nostre lotte — per quel... me per quelle economich... mente esposti nelle colo... li del Partito. Sui nostri ... nelle conventicole — cr... plichiamo, quando è nec... che dei compagni mig... le cose nostre è nasco... Se un poco di vita aperta... ve oggi giorno nel pa... talia — in quelli che e... quello del nostro signor ... deve in gran parte all'o... lo Socialista. E' inconte...

Quali sono dunque le ... ci invita a sortir fuori ... Vuoi forse sapere qual... pera il compagno Fulvio ... sua bella barba folta e b... forse conoscere l'ultima ... Amorosi? Sapere perchè ... Serrati prende spesso il b... rano? E perchè Bombacci ... pello a larghe falde c... ta dernier cri? Intende str... tini la rivelazione del lu... ove si ascondono i milio... regalatici dal kaiser? Oppu... to! — vuol conoscere la ... quale i nostri compagni c... no tutto i fiaschi per forn... no al direttore dell'Avan...

Evidentemente questi so... li che noi non ci sentiam... a rivelarti. Scommettiamo... volgessimo con simili d... vecchia e barbuta ramerie... Tutto ci canterebbe anch... chio pezzo:

Oscar lo sa...

BEST COPY AVAILABLE

82

890713005

The Emma Goldman Papers

[Interview] Goldman in Red Russia / Emma Goldman.– pp. 1-2 ; 43 cm. *In* The Los Angeles Times. –(Jan. 20, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

LOS ANGELES Times

Liberty Under Law Equal Rights Free Industrial Freedom

...s Not Pass

...Mrs. Lea ... defends ... she will be taken up ... of the peculiar ... of any ministry to ... Free ... political life. ... to become President ... the Legion of Honor ... becomes automatically ... el is known as one of ... ree born in Brussels in ... Emile Deschanel, Sen... ...that I entered polit... ...en Minister of the In... ...Jules Simon, president ...amber of Deputies, be... ...Deschanel was elected ...office until 1902, when ...ing the presidency of ...nt of the preliminary ...position he filled from ...dad Henri Brisson, M... ...the Chamber of Depu... ...aving succeeded to the ...s written several books ...timo M. Deschanel has ...c. In 1913 he entered ...by eighteen votes.

...DE VALERA, VISITING IRISH, ...TIES LITTLE BETTER ...SHEVIKI, ASSERTS ...ANT DELEGATION

...SPECIAL DISPATCH ... Jan. 19 ... de Valera ... public ... ...ers ... ...ed ... ...er of ... ... Ty... ...ard Wa...

SAVE ALL ON TRANSPORT.

Liner Cobra Wins in Sea Fight.

... to New York on ... New York, Over ... Passenger

Passengers Have of Gale Light as Ketches and with Dear Escapes

[BY A. P. NIGHT WIRE.]

BOSTON, ... 19.—The White Star ... reported by radio tonight she ... taken off the passengers ... the army transport Powhatan ... 300 miles southeast of Halifax ... was bringing them to ... The Cobra is bound from Liverpool for New York.

NEW YORK, Jan. 19.—Lightered and helpless with her engines dead as the result of a leak which flooded her boilers, the army transport Powhatan which left here Friday for Antwerp, is struggling tonight in a storm-swept sea about 200 miles southeast of Halifax. On board is a crew of more than 200 men.

Wireless calls sent out Sunday afternoon telling of the vessel's plight have brought around her a half-dozen or more trans-Atlantic steamers ready to give aid. Waiting at Halifax and northern ports are tugs and destroyers with steam up ready to put to sea if they are needed.

Late wireless advices state that the leak in the ship's hull has been sealed.

A message late today from Capt. Randall indicated the passing of the storm.

The freighter Yarmouth, disabled off Cape May, N. J., during a storm, was being towed to New York today by the coast guard cutter Itasca, according to wireless reports. The craft left this port Saturday for Havana with a cargo of liquor valued at $2,000,000.

BULLETINS.

[BY THE ASSOCIATED PRESS.]

NEW YORK, Jan. 19.—Railroads in Central and Northern New York were ... today with one of the worst blizzards in years, which has raged intermittently since Friday. Traffic virtually has been suspended on the Adirondack, St. Lawrence and Ontario divisions of the New York Central. Reports told of passenger trains in the northern part of the State snowbound for twenty-four hours or longer.

EL PASO, Jan. 19.—The Mexican Consul-General here has received instructions from his government not to vise passports of persons who have appeared as witnesses before the U. S. Senate's subcommittee investigating Mexican affairs. It became known tonight. No distinction as to nationality will be made in enforcing the ruling, it was said.

PARIS, Jan. 19.—Premier Millerand conferred today with the members of his newly appointed Cabinet and then went to the Elysee Palace alone to visit President Poincare. It was announced that M. Millerand would present the ministers to M. Poincare Tuesday and later to President-elect Deschanel. Some senator, it is understood will be appointed to head the Ministry of Pensions.

AMERICAN CONSULS BAR ITALIAN RED SUSPECTS

...

CAUZA BLUEBIRD CATASTROPHE.

Ellen Stockings ... and Cyclic Heats Must Have Mackerelinch

...

NEW YORK ... 19. ... Hats to ... with. Electrical ... jewels that ... to the ... for ... and that ... and it ... ...

890713005

The Emma Goldman Papers

[Interview] Goldman in Red Russia / Emma Goldman.– pp. 1-2 ; 43 cm. *In* The Los Angeles Times. –(Jan. 20, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Los Angeles Daily Times. JANUARY 20, 1920.—[PART I.]

URGES BALTIC STATES RECOGNITION AND AID.

LITTLE NON-BUSSIAN REPUBLICS DESERVING OF AMERICAN HELP IS CLAIM.

[SPECIAL DISPATCH.]

WASHINGTON, Jan. 19.—A plea [illegible] Baltic States, created upon Russian [illegible] Estonia, Latvia, Lithuania and Georgia was [illegible] House Ways and [illegible] by former Senator Walter M. Chandler [illegible]

[illegible] urged that these [illegible] be given a share [illegible] Russian [illegible] Chandler [illegible] Wilson [illegible] the light of [illegible] what I myself [illegible] are." Mr. Chandler [illegible] against the [illegible] that I represent has [illegible] and I am here [illegible] it.

[illegible] HAVE SELF-GOVERNMENT.

[illegible] the Baltic and the [illegible] peoples have proclaimed their independence, have fought [illegible] for two years to establish [illegible] are now asking recognition [illegible] from the nations of the [illegible] and should excite the sympathy [illegible] and command the support of [illegible] of liberty everywhere.

The President and the Senate of the United States should [illegible] the independence of all these [illegible] Baltic nations and have [illegible] it to the death.

[illegible] the claims of the [illegible] to be voted [illegible] admitted [illegible] and placed in their hands [illegible] to receive them, and that [illegible] and encouragement [illegible] from the friendship [illegible] of the people [illegible] them."

The committee debated [illegible] Chandler [illegible] to learn [illegible] organization is [illegible]

OLNEY GETS BARROWS' AID IN FRAT BATTLE

LOS ANGELES GREEK LETTER MEN TO ASSIST PHI BETA BOYS WHO DISOBEY LAW.

[illegible]

UTILITIES LEASE GIVEN APPROVAL

Railroad Commission Permits Northern Merger.

Will Try for Standard Gas for Entire State.

Telegraph and Wireless Company in Petition.

[BY A. P. DAY WIRE.]

SAN FRANCISCO, Jan. 19.—The proposed lease by the Sierra and San Francisco Power Company of its properties to the Pacific Gas and Electric Company for a term of [illegible] years has been approved by the State Railroad Commission, according to a decision by Commissioner Irving Martin, which was [illegible] down today.

In addition to paying all taxes and government charges the Pacific Company is to pay a rental of $[illegible] a year for two years, $100,- [illegible] the third and $150,000 for [illegible] of the remaining years of the [illegible]

[illegible] nearly two years the Sierra [illegible] has been unable to sell its [illegible] and as a result had been unable to construct necessary power [illegible] and improvements, the decision said.

The Sierra company distributes [illegible] in Tuolumne county and electricity in Tuolumne, Calaveras, [illegible] San Joaquin, Contra [illegible] Alameda, Santa Clara, San [illegible] and Monterey counties and [illegible] of San Francisco.

TO HOLD GAS TESTS.

[illegible] tentative arrangements for gas tests to be held jointly at Santa Barbara and San Jose in order that a standard gas for the whole State may be evolved were announced by the commission here today. A joint [illegible] to direct the tests at [illegible] on the results has been [illegible] representing the [illegible] gas companies [illegible] for the test were [illegible] members of the commission [illegible] Federal Telegraph [illegible] Company, which [illegible] with the Federal [illegible] for the erection [illegible] wireless station [illegible] Mr. Chandler [illegible] against the [illegible] that I represent has [illegible] and I am here [illegible] it.

[illegible] ANTI-COUNTY PETITION.

[illegible] petition asking the commission [illegible] the rates to be charged by [illegible] for the service of water [illegible] what is known as the Nevada [illegible] in Nevada county was [illegible] of the State Railroad Commission [illegible] Pacific Gas and Electric Company here today.

BALTIMORE LANDS ONE MORE GREAT SHIPYARD

WILL BE EQUAL TO SIMILAR PLANTS NOW BEING OPERATED IN VICINITY.

[SPECIAL DISPATCH.]

BALTIMORE, Jan. 19.—Arrangements have just been completed for the [illegible] by Bethlehem Steel Company of another great shipbuilding or ship repairing plant.

Those interested in the project [illegible] have been at work on it for nearly a year. [illegible] within the last [illegible] months [illegible] here have been [illegible] to publicity.

The plant is to be [illegible] and the Union Company of Maryland property will be incorporated this week by [illegible] men of the city. [illegible] will be the [illegible] with [illegible] Baltimore [illegible] the property.

DANIELS DUE TO GET AN INQUIRY.

Senate Investigation of Navy Conduct in War.

Medal Row Results in Expose of the Department.

Secretary is Defiant; Hurls Insults at Admiral.

(Continued from First Page.)

would undermine any military organization," declared Admiral Sims.

No recommendations the investigating committee might make regarding award of decorations of officers would cause him to change his own recommendations, he added.

"The committee is not conversant with the facts and could not change my final opinion one iota," he declared.

"No one who did not sweat blood with these officers during the war would be competent to say who deserved medals."

Chairman Hale said: "The committee is not here to award medals, but to investigate the facts surrounding the awards already made."

DANIELS IS READY

Unless the Senate investigation of Rear-Admiral Sims's charges of failure of the Navy Department to cooperate fully with the Allies during the war is made to the entire satisfaction of the American people, inquiry will be made by a naval board, Secretary Daniels announced today. He added that "no organization in the history of the world ever did a better job than the American Navy."

While refusing to discuss Admiral Sims's letter of criticism of the department, Mr. Daniels indicated the admiral frequently clashed with the department through his insistence that more destroyers be withdrawn from troop convoys to augment the anti-submarine forces in European waters.

The paramount duty of the American Navy," Mr. Daniels declared, was to protect the passage of American troops to France and the safeguarding of [illegible] shipping, and as that was [illegible]

SIMS UNDER MAYO.

Secretary Daniels explained that [illegible] to a position [illegible] Admiral Sims, throughout the war [illegible] subordinate to Admiral Mayo, under in chief of the Atlantic [illegible] He indicated that on the [illegible] of discretion desirable [illegible] Admiral Sims was controlled by Admiral Mayo as well as the department.

"Every naval order [illegible] department bearing on the [illegible] Mr. Daniels continued, [illegible] the light of [illegible] and the more thoroughly [illegible] record is laid before the people of this country, the greater the pride they can have in the achievements of their navy. The country will be entirely reassured when matters are brought to a showdown."

CAUSTIC COMMENT.

Secretary Daniels said that in the first summer of the war, Admiral Sims was given the title of commander of the United States naval forces in European waters, but that, as a matter of fact, his duties were not afloat.

"The business of Rear-Admiral Sims was to obey orders," declared the Secretary. "His duties were to make recommendations, give us all the information and all the facts and then carry out instructions from the department. The country and the world know, already, that the job of the navy was very well done. Whether on the twenty-seventh of June, or the twenty-seventh of July, or some particular date, we should or should not have sent so many destroyers to a certain place, or whether they could be made ready at that time, or whether that was important to retain some to protect our coasts were, of course, matters of naval strategy. There can be differences of opinion between naval officers as to these matters, but there is nothing about this big job the navy did that I am not only willing but glad and happy for all the people in America to know about.

OUR JOB.

"There wasn't a minute during the war when we did not do every [illegible] naval effort and add naval craft to fight submarines and protect our troops. We ordered 200 destroyers and there wasn't a minute during the war that work was not pressed to the full capacity of the yards. We wanted every ship in America that was fit [illegible] We utilized the only [illegible] that we had [illegible] [illegible] we pressed [illegible] to the limit to [illegible] [illegible] [illegible]

900702002

The Emma Goldman Papers

[Interview] Bondage to Freedom / Emma Goldman.— 19 cm. *In* The Herald. —(Jan. 22, 1920).

Obtained from the private collection of Heiner Becker. Institutional Location: the International Institute of Social History.

BONDAGE TO FREEDOM

Exiled Americans Enter Russia

Herald — Jan. 22/20

CHEERS AND TEARS

From Our Special Correspondent
GRIFFIN BARRY

HELSINGFORS, Wednesday.—American deportees crossed the Finnish border in a snow-storm at noon yesterday, guarded till the last moment. On the Russian side a military band played the "Internationale," and a company of Soviet soldiers stood at the salute. Cheers of welcome were heard from civilians.

Down the long files of weary-looking revolutionists and deported workmen I heard sounds of weeping as they stood on the last bit of ground of the capitalist world and heard the shouts of their friends on the other side. Half an hour later they had all crossed the ice.

Emma Goldman's Story

Her face wet with tears, Emma Goldman, the famous American anarchist, said: "I feel the same emotion entering Russia as my Jewish people felt thousands of years ago upon entering the Inner Temple. Liberty changes habitation, but it is eternal. The character of the present Government of Russia is shown by its reception of us, though it knows the anarchists among us to be opposed to Bolshevism, unless freedom is preserved for the individual to do what he likes with his own body and mind so long as he does not involve others to their harm.

"I believe the end of Russian Imperialism began early in the last century, when the first political exiles were sent to Siberia. We are the first political exiles from American Imperialism.

"No; I sha'n't accept a paid post under the Soviet Government. I don't even know if they'll want me. But I'm a trained nurse, and will gladly work at the front without remuneration. Meanwhile I shall keep in touch with America by literary and dramatic criticism from Russia, if I can find a way to get out my writings."

890404000

The Emma Goldman Papers

On Release from Prison / Emma Goldman. – p. 45 ; 40 cm. *In* The Spur [London]. – Vol. 6, no. 9 (March 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

ON RELEASE FROM PRISON.

By EMMA GOLDMAN.

I think it would be telling an untruth if I were not to admit that I longed very intensely for the moment when I would be able to see familiar faces again and hear sympathetic, familiar voices; for the most terrible hours for American prisons for the political prisoner is his or her utter spiritual isolation. It may be true that fifty years ago, when the great pioneers of Russia were sent to Siberia or to prison, they too were in the same position as the political prisoners find themselves in America to-day. The worst hardship in prison does not consist in the fact that the attempt is being made to break your will, to degrade you and humiliate you every minute of the day. The hardships are not in the fact that you are forced to work long hours at hard toil and are given wretched food. The hardships consist in the spiritual isolation—the fact that you have no one who speaks your language or understands your thoughts, or has some point of contact with you. So you will believe me when I tell you that I longed for this moment—not for the dinner, but for the moment of seeing you all again, my friends, and those even who are not my friends, just to see people who think in their own way whatever their thoughts may be. I looked forward to this moment, and yet something happened at Ellis Island this afternoon which made such a deep impression upon me that it was sheer torture to come down to the dinner to-night. If I could have found a way of backing out or of letting you know that I could not come, I would have gladly done it. The thing which happened at Ellis Island did not consist in the five hours' drilling, of the kind practiced only during the Spanish inquisition, and to which I was subjected to-day. The thing which impressed itself upon me was a little girl, barely twenty years of age, a girl by the name of Molly Steimer—a little, frail girl, who seemingly has not the energy to live to the next day. Friends, Mollie Steimer is to-day on a hunger strike, already the fourth day she is striking, and not one single paper of this city has had the courage to let you know what is going on at Ellis Island. It was by mere accident that I learned that Mollie Steimer with eight other political offenders are on a hunger strike. This is what happened: the male political prisoners on Ellis Island were allowed to go into the dining-room, but Mollie was brought in and placed in a corner opposite the men, and when one of the men attempted to speak to Mollie, he was threatened and told that in America men and women prisoners are not allowed to mingle. Mollie said, in her very quiet way, "In Russia, the political prisoners, men and women, make no distinction of sex. They are allowed to mingle; and until I will be allowed to mingle with my comrades who are here for the same thing, I will not eat." The Commissioner thought that if he would permit me to speak to Mollie Steimer, perhaps I would induce her to break the strike—perhaps I would become a strike breaker.

I talked to Mollie about the purpose of her strike and I suggested that the main thing for her to consider is what is the most important thing she wants to do—if she finds that the purpose of the strike is worth while, by all means she ought to do it. And Mollie said, "Every little thing is important in the great social struggle against the ever-increasing reactionary forces of the country." In other words, Mollie Steimer is made of the material that has given to Russia its greatest martyrs and that is giving to the world its greatest martyrs; and I, who for twenty-seven years have been in this country, going up and down the land, trying to discover someone who would have the courage of their conviction to stand up for what they considered sacred (I do not mean mature women or mature men; there are thousands of mature men and women—Americans and foreigners in the United State who are thinking and who are brave enough to go to prison for their ideals), but I have hoped for twenty-seven years that the time would come when the young generation will begin knocking at the door, for I believe as firmly and fervently as I believed when I entered the revolutionary movement, that only the young generation can usher in the new day. I remembered my own struggle when I was Mollie's age and the wonderfully wise advice given to me by older people. They were right from their point of view; but to me they seemed awfully cold, awfully remote, awfully practical, and I felt to-day that I had no right to tell Mollie what I was told when I was twenty years of age. In other words, I considered that although the purpose of Mollie's strike may be ever so unimportant, the fact that a little, frail girl of twenty can be so brave and so courageous and so consistent that through her hunger strike she would annoy and harass the Commissioner—and he was very much worried, I can tell you—she will have accomplished a great thing. For, as she justly said, in conclusion, "Somebody has to make the beginning for the recognition of the political prisoner for his or her status, and why should it not be I?" So, after holding Mollie's cold hand and feeling her throbbing pulse—after four days of hunger—I went away with a lump in my throat. I hated the idea of coming back to a comfortable place like this, and sitting down at a good meal, meeting many friends, receiving ovations, etc. It is a torture—much greater torture than sitting in the prison shop and making a task every day. But I came here, friends, because I want you to realise that not Berkman and I are to be ovated, nor we are to receive applause, for we are out.

As to prisons, as my friend and comrade Alexander Berkman has said, they have not changed. They are brutal, hideous. The so-called common criminal becomes more embittered and dehumanised in them. And as for the political offender, prisons are an absolute failure. Jails have never yet broken the spirit of a social rebel. They are the places where your spirit is straightened. For one thing you have time on your hands—not so much time in your Missouri penitentiary as my friend Alexander Berkman had in solitary confinement for seven and a half months in the Atlanta prison, because in the Missouri penitentiary you have to work nine hours a day—really eleven hours a day in order to make the task. But nevertheless you have time on your hands—you have a chance to take an inventory of yourself. You are able to weigh and measure whether what you have done is right, whether it was the just thing to do, etc. You see so much injustice and so much cruelty every day of your life, that your spirit, instead of being crushed, is always at red-white heat. I can say with absolute truth that never at any time in my twenty-seven years did I feel so rebellious against the existing institutions, not merely the prison institutions, but the entire concentrated fabric of force and violence, hatred and cruelty, as I did during the twenty months in the Missouri prison.

No government ever learns from experience or history. None of them ever learn that the more you persecute a person for his social, political, or industrial opinions, the more will these opinions be strengthened. Surely America should take an example from Russia; not Bolshevist Russia—God forbid.

But America should take an example from Czarist Russia. Every method imaginable was employed there to crush the spirit of the revolutionist, of the Spiridonovas, the Breshkovskayas, the Perovskayas, and others. But of what avail? One day the Russian people rose and sent the Czar about his business—took him off his mighty place and proved to the Russian people that the Czar is not God-annointed, and proved to the American people that the Czar is not a poet and a dreamer, for that is what the American people were led to believe. And so it might happen in America—not the rebels outside of prisons are the menace to the United States Government, not Alexander Berkman or Emma Goldman, who are out of prison, are the menace, not those of us who are now at large are the menace; but the Kate Richards O'Hares, the Eugene Debses, and the hundreds of others who are in the prisons to-day. They are the real menace, and if the United States Government knows what is good for itself, it will open every door of every prison and let the political and industrial prisoners go free.

It was not a virtue on my part to go to prison for my ideas. I could not do otherwise. If I had not at the psychological moment, in the most crucial period in the life of the American people—if I, who have spent so many years of my life in Anarchist propaganda, had not remained true to myself, I would have done what Ibsen said in the "Enemy of Society"; I would have felt as if I spat myself in the face. I will frankly admit to you that it is not so much the opinion of my friends, and still less is it the opinion of my enemies which has the slightest effect on my actions. But I do want to be at peace with myself. I want to be able to look myself in the face, and that is the only reason why I could not have done otherwise in 1917—and I am sure that this is also the feeling of Alexander Berkman. We deserve no credit for what we have done; none whatever. But now that we are out, it is our mission to do what was suggested by Alexander Berkman so very forcibly: first of all to exert every effort to open the prison doors for the political prisoners. What a disgrace and shame for this country to keep men like Eugene Debs in prison! How dare an American point to Germany or to Russia or to any other country! How dare he point to another country so long as Debs is in prison! Why, under the Kaiser, Liebknecht was given only four years for high treason, while under the freest and most democratic President we have supposedly ever had, Eugene Debs was given ten years for a speech.

We insist upon the necessity of political amnesty; not so much for the sake of the men and women who are in prison, but for the sake of you men and you women who are outside of prison. How can you go about your business, eat your three meals a day, and enjoy the theatre and music? How can you enjoy these things when you know that in the name of democracy, in the name of liberty, men and women are tortured in prison for opinion's sake. Therefore, political amnesty—not for the sake of those who are in prison, but for the sake of those who are outside of prison.

And now about deportation. I shall not take up much time about it. As far as my own deportation is concerned, I feel with Thomas Paine that the world is my country; wherever there are men and women who are willing to think, who are willing to listen to the truth that is where I will feel at home. But the question of deportation does not concern only Emma Goldman and Alexander Berkman. It concerns the hard-driven, hard-pressed working-men who are now on the steel strike. It concerns the miners. It concerns all these hundreds and thousands of foreigners who came to this country and who built up the great American wealth and who are now to be kicked out of this land. Friends, by means of this new anti-Anarchist law, they are being driven out, deported—nor is it because of their social views. The Bohemians, the Russians, the Lithuanians, Italians and workers of other nationalities are not all conscious social rebels. Do they want to overthrow the government by force? Do they want to change the institutions? Not in the least. Many of them have no political viewpoint. Many of them have no social philosophy. But they have something more important than any philosophy. They are still primitive enough and simple enough to feel that they are being robbed, and in order that they may not strike, that strikes may not be possible in America, that the [illegible] this new method of [illegible] native Americans to the Philippines [illegible] would do Americans any harm, on the contrary, [illegible] lishment. I believe most of you [illegible] had very much to say. Therefore, you [illegible] the freedom you wanted.

I am not so much concerned about Americans and their punishment. I think it would do them good to have a little experience. But it is the principle of deportation and banishment that concerns me. If you will permit political prisoners to continue in prison, if you will allow strikers—whether they be Socialists, anarchists, or industrial workers—to be deported, you will soon have a convict colony in the Philippine Islands, and the native sons and daughters will be sent there. So it is up to us, friends, to begin the work to arouse public sentiment, to create a popular opinion which shall cry out from one end of the land to the other that we will not stand for such things being introduced in the United States; that we, who have been boasting from day to day and year to year that this is the freest democracy, who have gotten thousands of young men to go to war and lay their lives down upon the altar of militarism, we will not tolerate Czarism in America.

I hope there are still enough Americans in the United States who will have courage enough to stand up against these terrible things. But they have not the courage, I can assure them that there are enough foreigners in the United States who have that courage. And, friends, if it is true that people learn by example much better than they do from theories and discussions, then the foreigners will give you a wonderful example how to stand up, how to speak out, how to go to prison—aye, even how to die for your freedom.

In closing, I would just call your attention to one little thing which a very great American said about fifteen years ago. He died since without knowing how prophetic his words were, the words of the great American, Ernest Crosby. When Russian revolutionists came to America to ask help to free Russia, Ernest Crosby said at a meeting in Carnegie Hall: "Friends, to-day the Russians have come to us to ask us for our help to free Russia. The time is coming when we Americans will have to go to Russia to ask the Russians to help us free America." The words of Ernest Crosby have come true. Russia does not need American help any more. What Russia needs is that America keep hands off. She will work out her own destiny in her own way. She will make mistakes, but she will come out more wonderful, more sublime, more creative, than she has ever been before. But the time has come when we Americans must go to the Russians and say to them, "Help us free our country!" We have not only one Czar here, but hundreds of Czars, and we need help. If I remain in this country a long or a short time, I shall continue to give help. I know Jefferson Prison is waiting for me to return; in fact, I have a standing invitation to come there any time I want. I am not anxious to go to prison, but I am anxious to continue my work, and without any desire to threaten or to be sensational, I can assure the gentlemen from the Department of Justice that there is no power on earth that is ever going to stop me from continuing my work.

TO THE ORGANISER.

Dear Comrade,

I hope your mission under our auspices will prove a big success. The aim of our propaganda in Shettleston has been to point out always the futility of running men for parliament. But we recognise that this is not the S.L.P. position. So thump that anti-parliamentary truth home as much as you have a mind to. We realise that the only road to the workers' emancipation is to get the workers to make straight for their objective. There must be no parliamentary side-stepping. Party means nothing to most of us. With best wishes for the speedy realisation of our aim, yours in the revolution,

J. BOWMAN,
(Sec., Shettleston S.L.P.)

Parkhead, Feb. 1st, 1920.

Dear Guy,

A motor driver pulled up the other day and said "Hello." In the course of the "crack" he spoke about you, and said that he never enjoyed "speaking" so much as when you tackled an ex-soldier at Dunfermline. His opinion was that when you were "at grips" you excelled yourself and folk would forget what you had said when you were lecturing, to remember what you had said when you were on the heavy side of the business. In military phraseology—the machine gun activity was more effective than the artillery work. Thought I would let you know.

Yours,
Dunfermline. R. MORLETT.

Dear Comrade,

Last Sunday saw our political [illegible] and Smillie worshippers left without a leg to stand upon. There has been more discussion since your meeting than there has been for some time, and I [illegible]

Although a student in Marxian Economics I must confess that I learned more last Sunday than I have done for a long time. I will now close, thanking you for your inspiring address, with kindest regards.

Yours fraternally,
Blantyre, Jan. 1, 1920.

BEST COPY AVAILABLE

880712002

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman in Diary She Kept Aboard "Soviet Ark," Repeatedly Says She Still Loves America / Emma Goldman. — p. 2 ; 42 cm. *In* The World. —(March 7, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

EMMA GOLDMAN IN DIARY SHE KEPT ABOARD "SOVIET ARK," REPEATEDLY SAYS SHE STILL LOVES AMERICA

"I Long for the Land That Made Me Suffer So. Have I Not Also Known Love and Joy There?"—"My Plans for Russia Are to Work for America"—"Our Sentries Are Now Humming Revolutionary Tunes; a Few Weeks More and They Would Be Organizing Soldiers and Sailors' Councils"—Depressed by Conditions Aboard the Buford. "The Mad Dump of the Old Thing Would Put the Universe Upside Down" At Kiel She Managed to Send Ashore a Letter for a German Socialist Paper.

"LOVING AMERICA, MY PLANS FOR RUSSIA ARE TO WORK FOR AMERICA," SHE WRITES.

Yesterday's story of her sudden departure from America, Emma Goldman in her diary says among other things:

"I long for the land that has made me suffer. Have I not also known love and joy there, and the work that I have built up so painfully. The friends I have made? I have been very rich, in spite of all. Why should I not long for what I have left behind?

"I truly love America. What if ours is the most brazen and unscrupulous capitalistic regime, if our politics are corrupt, if our newspapers are foul, if our police are brutal? The Rocky Mountains still retain their grandeur, the Niagara gushes its mighty waters, California scenery remains enchanting. Yes I love America, the real America, and the men and women who crave beauty and freedom. And loving America, my plans for Russia are to work for America.

"Some of the soldiers here are marvellous. It would take us very little to get them on our side.

"At the Finnish Port Hango. Still on board the Buford. This is our last night on this our floating prison. We are to be put on a train in the morning and sent direct to Petrograd. I have not the faintest idea how that can be done, but I suppose our protectors know the ropes. There have been so many changes in our routes that we dare not be sanguine that tomorrow morning we are actually released from four weeks' imprisonment.

"Soon We Are to Behold a Miracle."

"Only two days ago we were heading for Libau. Then the wireless came reporting fierce fighting between the Letts and the Bolsheviki. Of course Uncle Sam could not risk our lives. The chap has been worried sick on this trip about our safety. The Buford changed its course I don't know how many times, and made for Finland.

"To-morrow morning we are to see Soviet soil. It seems too wonderful to be true. Four weeks in a floating prison! Sentries at the cabin door day and night with drawn cannons, huge revolvers in their pockets, patrolling the deck when we are taken up for a bit of air. Secret Service men at our heels, always watched. I cannot tell you how depressing it was.

"Soon we political pilgrims are to behold a miracle. Soon we will see with our own eyes a people famished, starved, besieged by the whole world, yet holding doggedly to their ideals. I feel like the forbears of my race must have felt when they were about to enter the Holy Temple, humble, awed, and full of wonder.

"I told two newspaper men who came on board that I really loved America. What if ours is the most brazen and unscrupulous capitalist regime, if our politics are corrupt, or newspapers foul, if or police are brutal? The Rocky Mountains still retain their grandeur, the Niagara gushes its mighty waters, California scenery remains enchanting. Dear old Walt (Whitman) out of the pages of 'Leaves of Grass' continues to sing of the sweet love of comrades. Yes, I love America and the men and women who crave beauty and freedom. And loving America my plans for Russia are to work for America.

Has Faith Strengthened.

"Nothing I have endured during thirty years of struggle for my ideals has so strengthened my faith in the sheer beauty and fustness as these four weeks on the floating prison. The pain of it, the terrible longing, the conflicting emotions between the love for the land that has thrust me out, the desert whose ground I have broken, ploughed and sown, and the new land, Russia of my childhood, Russia reborn.

"Our people tried in their endurance to the breaking point, are bearing up magnificently. You should hear them sing while on deck shivering with cold. Their music more than their Bolshevism must have struck deep into the hearts of the soldiers who are being sent to crush them. Even our sentries are now humming revolutionary tunes. A few weeks more and they who have been sent to kill us on the slightest provocation would organized Soldiers and Sailors' Councils.

EMMA GOLDMAN.

"Member of the first group of pilgrims forced out of America. May we never initiate the blunders and follies of the Pilgrim Fathers who laid the foundation of the American Constitution!"

Emma Goldman, fiery leader of Anarchists in America, now reported to be basking in the good graces of Soviet Russia, kept a diary on her eventful trip on the Soviet Ark. In this diary are contained her reactions and opinions of America, Soviet Russia, the Buford, German Socialists and landlopers, as well.

Revealed in the diary also is the fact that despite her fears, guard the interests propagandist, by an ingenious and daring ruse managed to get her ideas from the Buford into Germany. Her main regret, it would seem, was her failure to "convert" the soldiers guarding her and the Buford crew.

The World has obtained copies of the diary, which arrived here last week, from Mrs. Stella Ballantine, secretary and confidant of Miss Goldman. It was brought to Mrs. Ballantine by a courier, a mysterious personage who made the trip back and forth between the Buford and Soviet Russia and who was hailed by the Anarchist leader to bring to her niece this record of her momentous adventure.

"Member," She Says, "of the First Group of Pilgrims Forced Out of America"

The diary, as the following extracts show, was not entirely what the Anarchist expected. Instead of seeing Russia at first hand, although toward the end of her journey she dwells on the experience before her. The day before the deportees arrived at Hango, the Finnish port, Miss Goldman sorrowfully says she "longs for the land that has made me suffer so."

It is to be noted that these were days when the entire outlook was dark. But, taken together, the extracts given fairly complete an outline of her trials and tribulations on the trip to the Soviet Ark.

On Jan. 2 she writes:

"It is now one week since we were kidnapped from Ellis Island, and yet it seems ages. I do not know if it is the uncertainty of our destination or the slow progress of this miserable old leaky tub which makes each day seem so long. We have been told that the Buford makes the trip from New York to Antwerp in a week. But on one occasion she even broke the record in five days and some hours. Making all allowances for the Baltic sea virus, we should still be further away from New York but at the writing we have only gone twelve hundred miles.

The "Mystery Ship."

"It is evident that the boat built in 1865 is decrepit with age slow of progress, and the sea always in its face. In fact the boat in the grip of the ever-rising waves is like a man in the grasp of fate. I read about an hour, until it seems as if the Buford and its human cargo will be dashed to the bottom of the sea. I myself have always been a good sailor but the mad dump of the old thing would put the universe upside down. Nearly everybody, including our entire military retinue, have been ill all week. We have not the faintest idea when we will reach land and where. The crew calls this the mystery ship and none seems to know our destination. Everybody is very curious and very excited. What I am going to write will read like a page of old Russia if only I could make it as vivid. For, after hours of suspense on the dreary night of Dec. 30, we were taken out of our pen on Ellis Island into the open.

"We three women were placed in an overheated, filthy cabin, with scores of cruel eyes staring us in the face. Over us on the deck were our comrades, some of them in rags, some without overcoats, among them a boy of eighteen and a man who was taken from the hospital. The whole scene was something like the poor I had read about in Russian literature, the tales of the great writers, the hurrying transport of political exiles to Siberia. I usually had to rub my eyes to make sure I was not dreaming. It was not a case of overwrought nerves.

"Such a Pouch and Jaws Shown."

"No, it was not the Russia of the past. It was the America of the present, of the 'free land of the brave.' It is ridiculous that my sense of humor never leaves me. The wise, stupid personages with its ridiculous display of authority and inflated importance made me laugh. One of the officials asked me why I was amused. I told him I thought it was very funny for a would-be mighty Government to engage in such a bunch and Bolo show in order to scare itself out of a few social rebels. How weak the Government must feel—and how afraid.

"It has been my dream for many years to make a long sea voyage where I should be free from the harrassing thought of lecture dates, just to drift awhile, carried along by the waves not knowing where, but not in my wildest dreams did I hope to travel in company with military retinue, if you please—and such sentries stationed at our cabin doors. When we are taken on deck soldiers officers and sailors patrol the deck. Besides, we have special guards. The attention and solicitation is very touching. From captain to humblest cabin boy all are at our service. The food, too, is not bad. As to the care given the man, that is another matter. They are herded like cattle, fifty in a cabin too small for twenty. Three bunks on top of each other, so low that those who must sleep in the lower box wake up with bruised heads and scratched faces. The water comes in with every rising wave. The men's quarters are always covered with water. Salt water only for we sing and go mad. You can imagine how clean the men can be. Added to this are the agonizing mentality and the

courier, for she speaks of sending some of the extracts of her diary "into some English port" to be mailed to Mrs. Ballantine from there.

She continues:

"I long for the land that has made me suffer so. Have I not also known love and joy there, and the work that I have built up so painfully. The friends I have made? I have been very rich, in spite of all. Why should I not long for what I have left behind?

"Some of the soldiers here are marvellous. It would take us very little to get them on our side.

"At the Finnish Port Hango. Still on board the Buford. This is our last night on this our floating prison. We are to be put on a train in the morning and sent direct to Petrograd. I have not the faintest idea how that can be done, but I suppose our protectors know the ropes. There have been so many changes in our routes that we dare not be sanguine that tomorrow morning we are actually released from four weeks' imprisonment.

"Soon We Are to Behold a Miracle."

"Only two days ago we were heading for Libau. Then the wireless came reporting fierce fighting between the Letts and the Bolsheviki. Of course Uncle Sam could not risk our lives. The chap has been worried sick on this trip about our safety. The Buford changed its course I don't know how many times, and made for Finland.

"To-morrow morning we are to see Soviet soil. It seems too wonderful to be true. Four weeks in a floating prison! Sentries at the cabin door day and night with drawn cannons, huge revolvers in their pockets, patrolling the deck when we are taken up for a bit of air. Secret Service men at our heels, always watched. I cannot tell you how depressing it was.

"Soon we political pilgrims are to behold a miracle. Soon we will see with our own eyes a people famished, starved, besieged by the whole world, yet holding doggedly to their ideals. I feel like the forbears of my race must have felt when they were about to enter the Holy Temple, humble, awed, and full of wonder.

"I told two newspaper men who came on board that I really loved America. What if ours is the most brazen and unscrupulous capitalist regime, if our politics are corrupt, or newspapers foul, if or police are brutal? The Rocky Mountains still retain their grandeur, the Niagara gushes its mighty waters, California scenery remains enchanting. Dear old Walt (Whitman) out of the pages of 'Leaves of Grass' continues to sing of the sweet love of comrades. Yes, I love America and the men and women who crave beauty and freedom. And loving America my plans for Russia are to work for America.

Has Faith Strengthened.

"Nothing I have endured during thirty years of struggle for my ideals has so strengthened my faith in the sheer beauty and fustness as these four weeks on the floating prison. The pain of it, the terrible longing, the conflicting emotions between the love for the land that has thrust me out, the desert whose ground I have broken, ploughed and sown, and the new land, Russia of my childhood, Russia reborn.

"Our people tried in their endurance to the breaking point, are bearing up magnificently. You should hear them sing while on deck shivering with cold. Their music more than their Bolshevism must have struck deep into the hearts of the soldiers who are being sent to crush them. Even our sentries are now humming revolutionary tunes. A few weeks more and they who have been sent to kill us on the slightest provocation would organized Soldiers and Sailors' Councils.

EMMA GOLDMAN.

"Member of the first group of pilgrims forced out of America. May we never initiate the blunders and follies of the Pilgrim Fathers who laid the foundation of the American Constitution!"

OLD MAN'S BOOK WINS.

ORLAND VALLEY, Cal., March 6.—After writing a book entitled "Viewing Life After Eighty-five Years," Benjamin Sanford of this place has commenced a sales campaign in which he has essayed the part of sales manager, salesmen and office force. He is visiting the houses of the city and is meeting with success in the sale of his book.

He has a sound philosophy that seems to make a hit with the people, and they buy the book without hesitation.

Sanford works all day long and at night shows no indication that he is tired. For many years he owned and operated a fruit orchard in the Smartsville district and sold fruit in this city and Nevada City for half a century. During the past few years he has lived with his children in different parts of the State, and in his declining years is selling a great deal of [illegible]

HURRY CALL FOR FARM LABORERS

"I Almost Fear a Famine," One Farmer Writes; "Help Everywhere Is Flocking to the City."

Farmers in New York, New Jersey and Connecticut have written to the American Land Service, No 11 West 17th Street, requesting more than 5,000 farm workers for their emergency periods this summer. It is announced.

The letters indicate a great shortage of farm labor and a consequent curtailment of production.

"The time is near," wrote a farmer at East Chatham, N. Y., "when we farmers will have to curtail production and raise only what we need for our own use and let the other fellows look out for themselves."

Another farmer wrote: "I almost fear a famine. Farm help everywhere is flocking to the city, lured by short hours, high wages and the promise of a good time. Some one, I fear, is going to suffer if this condition is not remedied shortly."

The Department of Agriculture has just made public the results of an investigation of 3,775 representative farms in New York State.

"It was disclosed," the report says

"Gives me the most comfort I ever had, and the best looking figure."

Extract from a letter referring to

"La Camille"

A front lace corset which has three exclusive, patented features.

The VENTILO BACK permits ventilation, and prevents pressure on the spine and the delicate nerves surrounding it.

The VENTILO FRONT SHIELD fulfills a fourfold service. It prevents the laces from scoring the flesh, permits broader range of adjustment, insures ventilation, and prevents bulging.

And the LOX-IT NON-TILTING CLASP does not sag and come unfastened.

There are models for all types of figures. The most complete line of front lace corsets and the most expert fitting service.

"La Camille" Corset Studio
543 Fifth Avenue New York

Q·R·S PLAYER fo

MAR

Dealers who offer have your future

March W

3008—Adirondacks. Fox Trot. Played by "Zez" Confrey. $1.25
1004—All That I Want Is You. Waltz-Ballad. Played by Ted Beaton and Miss Kentlander. 1.25
1044—Bull Moo Blues. (From "Look Who's Here") Fox Trot. Played by Pete Woodbine. 1.25
1038—Buddies. One Step. Played by "Zez" Confrey. 1.25
1033—China's Lily's Jazz Bonnet. Fox Trot. Played by Miss Kentlander. 1.25
1034—Come On and Play Wit Me. One Step. Old Breast Bolero) Played by Pete Woodbine. 1.25
1048—Cyclone. Fox Trot. Played by J. Russel Robinson. 1.25
1030—Everyone Is Missed For Someone. Waltz. Played by Ted Beaton and Miss Kentlander. 1.25
1035—Farewell Manda. March-One Step. 1.25
1040—Grand Night Amphion. Fox Trot. Played by Miss Kentlander. 1.25
1027—If You Could Care. (From "As You Were") Waltz-Ballad. Played by Lou S. Robinson. 1.25
1023—I'll Know Looking for the Rose. Fox Trot. Played by Victor Arden. 1.25
1029—I'll See You In C-U-B-A. Fox Trot. Played by Ted Beaton and Miss Kentlander. 1.25
1025—I've Always Fallen in Love With the Other Fellow's Girl. Fox Trot. Played by Pete Woodbine. 1.25
1036—I've Waiting For Tomorrow to Come. Ballad. Played by Phil Ohman. 1.25
1031—Just Like the Rose. Fox Trot. Played by Victor Arden. 1.25
1028—Oriental Moon. One Step. Played by Pete Woodbine. 1.25

Ask your music dea
Bulletin of Mar

If you don't own a player piano,' you are denying yourself the most wholesome enjoyment in the world.

CUT YOUR OWN HAIR EASIER THAN SHAVING

AGENTS WANTED DUPLEX MFG. CO., Dept. X-15 DETROIT, MICH.

OFFICERS' DRESS SHOE
EVERY PAIR INSPECTED
From Boston Makers who produced them by the thousands for the government. Every pair stamped by the inspector just the same as an army regulation. Sales passed not culled.

6.90 on arrival

BEST COPY AVAILABLE

880525001

The Emma Goldman Papers

What I Believe / Emma Goldman. – pp. 52-53 ; 40 cm. *In* The Spur [London]. – Vol. 6, no. 9 (May 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Interlibrary Borrowing Service, Doe Library.

WHAT I BELIEVE

(By EMMA GOLDMAN.)

(Abridged from an article contributed to the "New York World," July 19th, 1908.)

"What I believe" is a process rather than a finality. Finalities are for gods and governments, not for the human intellect. While it may be true that Herbert Spencer's formulation of liberty is the most important on the subject, as a political basis of society, yet life is something more than formulas. In the battle for freedom, as Ibsen has so well pointed out, it is the *struggle* for, not so much the attainment of, liberty, that develops all that is strongest, sturdiest, and finest in human character.

Anarchism is not only a process, however, that marches on with "sombre steps," coloring all that is positive and constructive in organic development. It is a conspicuous protest of the most militant type. It is so absolutely uncompromising, insisting and permeating a force as to overcome the most stubborn assault and to withstand the criticism of those who really constitute the last trumpets of a decaying age.

Anarchists are by no means passive spectators in the theatre of social development; on the contrary, they have some very positive notions as regards aims and methods.

That I may make myself as clear as possible without using too much space, permit me to adopt the topical mode of treatment of "What I Believe":

I.—AS TO PROPERTY.

"Property" means dominion over things and the denial to others of the use of those things. So long as production was not equal to the normal demand, institutional property may have had some *raison d'Etre*. One has only to consult economics, however, to know that the productivity of labour within the last few decades has increased so tremendously as to exceed normal demand a hundred-fold, and to make property not only a hindrance to human well-being, but an obstacle, a deadly barrier, to all progress. It is the private dominion over things that condemns millions of people to be mere nonentities, living corpses without originality or power of initiative, human machines of flesh and blood, who pile up mountains of wealth for others and pay for it with a gray, dull, and wretched existence for themselves. I believe that there can be no real wealth, social wealth, so long as it rests on human lives—young lives, old lives, and lives in the making.

It is conceded by all radical thinkers that the fundamental cause of this terrible state of affairs is (1) that man must sell his labour; (2) that his inclination and judgment are subordinated to the will of a master.

Anarchism is the only philosophy that can and will do away with this humiliating and degrading situation. It differs from all other theories inasmuch as it points out that man's development, his physical well-being, his latent qualities and innate disposition alone must determine the character and conditions of his work. Similarly will one's physical and mental appreciations and his soul cravings decide how much he shall consume. To make this a reality will, I believe, be possible only in a society based on voluntary co-operation of productive groups, communities, and societies loosely federated together, eventually developing into a free communism, actuated by a solidarity of interests. There can be no freedom in the large sense of the word, no harmonious development, so long as mercenary and commercial considerations play an important part in the determination of personal conduct.

II.—AS TO GOVERNMENT.

I believe government, organised authority, or the State, is necessary *only* to maintain or protect property and monopoly. It has proven efficient in that function only. As a promoter of individual liberty, human well-being, and social harmony, which alone constitute real order, government stands condemned by all the great men of the world.

I therefore believe, with my fellow Anarchists, that statutory regulations, legislative enactments, constitutional provisions, are invasive. They never yet induced man to do anything he could and would not do by virtue of his intellect or temperament, nor prevented anything that man was impelled to do by the same dictates. Millet's pictorial description of "The Man with the Hoe," Meunier's masterpieces of the miners that have aided in lifting labour from its degrading position, Gorki's descriptions of the underworld, Ibsen's psychological analysis of human life, could never have been induced by government any more than the spirit which impels a man to save a drowning child or a crippled woman from a burning building has ever been called into operation by statutory regulations or the policemen's club. I believe—indeed, I know—that whatever is fine and beautiful in the human, expresses and asserts itself in spite of government, and not because of it.

The Anarchists are therefore justified in assuming that Anarchism—the absence of government—will insure the widest and greatest scope for unhampered human development, the cornerstone of true social progress and harmony.

As to the stereotyped argument that government acts as a check on crime and vice, even the makers of law no longer believe it. This country spends millions of dollars for the maintenance of her "criminals" behind prison bars, yet crime is on the increase. Surely this state of affairs is not owing to an insufficiency of laws! Ninety per cent. of all crimes are property crimes, which have their root in our economic iniquities. So long as these latter continue to exist we might convert every lamp-post into a gibbet without having the least effect on the crime in our midst. Crimes resulting from heredity can certainly never be cured by law. Surely we are learning even to-day that such crimes can effectively be treated only by the best modern medical methods at our command, and, above all, by the spirit of a deeper sense of fellowship, kindness, and understanding.

III.—AS TO MILITARISM.

I should not treat of this subject separately, since it belongs to the paraphernalia of government, if it were not for the fact that those who are most vigorously opposed to my beliefs on the ground that the latter stand for force are the advocates of militarism.

The fact is that Anarchists are the only true advocates of peace, the only people who call a halt to the growing tendency of militarism, which is fast making of this erstwhile free country an imperialistic and despotic power.

The military spirit is the most merciless, heartless, and brutal in existence. It fosters an institution for which there is not even a pretense of justification. The soldier, to quote Tolstoi, is a professional man-killer. He does not kill for the love of it, like a savage, or in a passion, like a homicide. He is a cold-blooded, mechanical, obedient tool of his military superiors. He is ready to cut throats or scuttle a ship at the command of his ranking officer, without knowing or, perhaps, caring how, why or wherefore. I am supported in this contention by no less a military light than Gen. Funston. I quote from the latter's communication to the New York *Evening Post* of June 30th, dealing with the case of Private William Buwalda, which caused such a stir all through the North-west. "The first duty of an officer or enlisted man," says our noble warrior, "is unquestioning obedience and loyalty to the government to which he has sworn allegiance; it makes no difference whether he approves of that government or not."

How can we harmonise the principle of "unquestioning obedience" with the principle of "life, liberty, and the pursuit of happiness"? The deadly power of militarism has never before been so effectually demonstrated in this country as in the recent condemnation by court-martial of William Buwalda of San Francisco. Company A, Engineers, to five years in military prison. Here was a man who had a record of fifteen years of continuous service. "His character and conduct were unimpeachable," we are told by Gen. Funston, who, in consideration of it, reduced Buwalda's sentence to three years. Yet the man is thrown suddenly out of the army, dishonoured, robbed of his chances of a pension, and cast to prison. What was his crime? Just listen, ye free-born Americans! William Buwalda attended a public meeting, and after the lecture he shook hands with the speaker. Gen. Funston in his letter to the *Post*, to which I have already referred above, asserts that Buwalda's action was a "great military offense, infinitely worse than desertion." In another public statement, which the General made in Portland, Ore., he said that "Buwalda's was a serious crime, equal to treason."

It is quite true that the meeting had been arranged by Anarchists. Had the Socialists issued the call, Gen. Funston informs us, there would have been no objection to Buwalda's presence. Indeed, the General says, "I would not have the slightest hesitancy about attending a Socialist meeting myself." But to attend an Anarchist meeting with Emma Goldman as speaker, could there be anything more "treasonable"?

For this horrible crime a man, a free-born American citizen, who has given this country the best fifteen years of his life, and whose character and conduct during that time were "unimpeachable," is now languishing in a prison, dishonoured, disgraced, and robbed of a livelihood.

Can there be anything more destructive of the true genius of liberty than the spirit that made Buwalda's sentence possible—the spirit of unquestioning obedience? Is it for this that the American people have in the last few years sacrificed four hundred million dollars and their hearts' blood?

I believe that militarism, a standing army and navy in any country, is indicative of the decay of liberty and of the destruction of all that is best and truest in our nation. The steadily growing clamour for more battleships and an increased army on the ground that these guarantee us peace is as absurd as the argument that the peaceful man is he who goes well armed.

The same lack of consistency is displayed by those peace pretenders who oppose Anarchism because it supposedly teaches violence, and who would yet be delighted over the possibility of the American nation soon being able to hurl dynamite bombs upon defenseless enemies from flying machines.

I believe that militarism will cease when the liberty-loving spirits of the world say to their rulers: "Go and do your own killing. We have sacrificed ourselves and our loved ones long enough fighting your battles. In return you have made parasites and criminals of us in times of peace, and brutalised us in times of war. You have separated us from our brothers and have made of the world a human slaughterhouse. No, we will not do your killing or fight for the country that you have stolen from us."

Oh, I believe with all my heart that human brotherhood and solidarity will clear the horizon from the terrible red streak of war and destruction.

IV.—AS TO FREE SPEECH AND PRESS.

Many good people imagine that the principles of free speech or press can be exercised properly and with safety within the limits of constitutional guarantees. That is the only excuse, it seems to me, for the terrible apathy and indifference to the onslaught upon free speech and press that we have witnessed in this country within the last few months.

I believe that free speech and press mean that I may say and write what I please. This right, when regulated by constitutional provisions, legislative enactments, almighty decisions of the Postmaster General or the policeman's club, becomes a farce. I am well aware that I will be warned of consequences if we remove the chains from speech and press. I believe, however, that the cure of consequences resulting from the unlimited exercise of expression is to allow more expression.

Mental shackles have never yet stemmed the tide of progress, whereas premature social explosions have only too often been brought about through a wave of repression.

V.—AS TO THE CHURCH.

At the recent convention of the politicians of a once revolutionary idea it was voted that religion and vote-getting have nothing to do with each other. Why should they? So long as man is willing to delegate to the devil the care of his soul he might, with the same consistency, delegate to the politician the care of his rights. That religion is a private affair has long been settled by the Bismarckian Socialists of Germany. Our American Marxians, poor of blood and originality, must need go to Germany for their wisdom. That wisdom has served as a capital whip to lash the several millions of people into the well-disciplined docility of Socialism. It might do the same here. For goodness' sake, let's not offend respectability, let's not hurt the religious feelings of the people.

Religion is a superstition that originated in man's mental inability to solve natural phenomena. The Church is an organised institution that has always been a stumbling block to progress.

Organised churchism has stripped religion of its naiveté and primitiveness. It has turned religion into a nightmare that oppresses the human soul and holds the mind in bondage. "The Domination of Darkness," is the last term Count Leo Tolstoi calls the Church, has been a foe to human development, to free thought, and to joy. It has no place in the life of a truly free people.

VI.—AS TO MARRIAGE AND LOVE.

I believe these are probably the most tabooed subjects in this country. It is difficult [illegible] to talk about them without exciting the crystallised prejudices of a lot of good folk. Nowhere is so much ignorance prevalent relative to these questions. Nothing short of an open, truly and intelligent discussion will purify the [illegible] love, sentimental cobwebs that [illegible] vital subjects vital to individual as well as social well-being.

Marriage and love are not synonymous—on the contrary, they are often [illegible]. I am aware of the fact that [illegible] actuated by love, but the moment property [illegible] of marriage as it is speedily [illegible] flower of affection.

Marriage [illegible] State and Church with [illegible] the means of paying [illegible] which [illegible] people have long considered [illegible] their own most sacred affairs. [illegible] powerful factor of human [illegible] the monumental [illegible] broken through the [illegible] Church and morality. Marriage [illegible] arrangement purely [illegible] perpetuation of [illegible] That is marriage, or the [illegible] the wife on the [illegible] which [illegible] right of [illegible] mortgage on [illegible]

How can such [illegible] anything in common with love, with [illegible] the world to [illegible] its own world of [illegible] But this is not the age of [illegible] and Juliet. Trust to Morpheus or moonlight [illegible], of flowers and songs. That is a practical age. The [illegible] is to become. So much the worse for us if we have reached the era when the soul's highest flights are to be checked. No true love can develop without the love element.

But if two people are to worship at the shrine of love, what is to become of the golden calf, marriage? "It is the only security for the woman, for the child, the family, the State." But it is no security to love; and without love no true home can or does exist. Without love no child should be born, without love no true woman can be related to a man. The fear [illegible] is out of date. I believe when woman signs her own emancipation, her first declaration of independence will consist in admiring and loving a man for the qualities of his heart and mind and not for the quantities in his pocket. The second declaration will be that she has the right to follow that love without let or hindrance from the outside world. The third and most important declaration will be the absolute right to free motherhood.

BEST COPY AVAILABLE

880525001

The Emma Goldman Papers

What I Believe / Emma Goldman. – pp. 52-53 ; 40 cm. *In* The Spur [London]. – Vol. 6, no. 9 (May 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Interlibrary Borrowing Service, Doe Library.

In such a mother and an equally free father rests the safety of the child. They have the strength, the sturdiness, the harmony to create an atmosphere wherein alone the human plant can grow into an exquisite flower.

VII.—AS TO ACTS OF VIOLENCE.

And now I have come to that point in my beliefs about which the greatest misunderstanding prevails in the minds of the American public. "Well, come, now, don't you propagate violence, the killing of crowned heads and Presidents?" Who says that I do? Have you heard me, has anyone heard me? Has anyone seen it printed in our literature? No, but the papers say so, everybody says so, consequently it must be so. Oh, for the accuracy and logic of the dear public!

I believe that Anarchism is the only philosophy of peace, the only theory of the social relationship that values human life above everything else. I know that some Anarchists have committed acts of violence, but it is the terrible economic inequality and great political injustice that preci[illegible] such acts—not Anarchism. Every instance to-day rests on violence, our very atmosphere is saturated with it. Seeking as such a state exists we might as well strive to stop the rush of Niagara as hope to do away with violence. What is the remedy? Simply this. No act committed by an Anarchist has been for personal gain or aggrandizement, or profit, but rather a conscious protest against some repressive arbitrary social or economic condition. [illegible]

President Carnot, of France, was killed by Caserio in response to Carnot's refusal to commute the death sentence of Vaillant, for whose life the entire literary, scientific, and humanitarian world of France had pleaded.

Ferrer went to his death [illegible] in spite of the world-wide protest against the brutal execution. Why did the Czar of Russia [illegible] to show mercy to Vogel, executed Premier Minister Stolypin for the same reason? Even Spain [illegible] Sagasta from attempted murder. President Moore [illegible] attempted assassination of Harvey C. Brown during the Homestead [illegible] because of [illegible] to the Pinkerton [illegible] Mr. [illegible]

[illegible]

[illegible]

[

850513023

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman "Homesick" / Emma Goldman.— 29 cm. *In* The New York Times. —(May 8, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

bodies or tribunals before which its of every controversy could l, and the conclusion of such a would carry a moral weigh o country could disregard.
s by no means clear that a of Nations would produce dis- nt. There can be no doubt what- t disarmament would produce ue of Nations, for the purpose of establishing tribunals to hear ional disputes in the hope of g them by peaceful discussion. history shows that peace can e permanent unless it rests on The whole law and gospel of ional justice will be found in ditions which President Wilson, lose of the war, declared to be ntials of permanent peace. No ever waged for any other pur- n to violate some of the prin- mbodied in the fourteen points, hile the world lasts, will remain st statement and most accurate n of internatinnal moral law.
n unarmed world the Fourteen ill enforce themselves. Freedom seas would never be abridged country could maintain a navy whelming force to control or he operations of commerce. eople, great and small, would o establish the government they hen no nation would possess a army by which it could chal- disturb the right of a weaker o determine the political condi- its own existence.
ppeal to the soldiers who risked es that peace might be made t and universal; to the widows usbands and the fathers and whose sons gave their lives for glorious cause; to all men of whose enterprises are embar- nd impeded by crushing bur- axation; to all men and women daily toil whose task of sup- families is made desperate the ever increasing cost of liv- tive co-operation with the De- of the United States in driv- the face of the earth those

It is first in the cities in the class of over 100,000 thus far announced to show a decrease.

Between 1900 and 1910 Spokane's population increased 103.3 per cent.

Chico, Cal., whose census returns were announced today, shows an increase of 5,122, or 136.6 per cent. over 1910. The present population is 8,872.

Other census announcements today were:

Waterville, Me., 13,351, increase 1,893, or 16.5 per cent.

Pittsburgh, Kan., 18,052, increase 3,297, or 22.3 per cent.

Belmont, Mass., 10,744, increase 5,202, or 93.9 per cent.

EMMA GOLDMAN 'HOMESICK.'

Deported Radical Finds Post-War Russia No Haven of Rest.

CHICAGO, May 7.—Emma Goldman, the radical leader deported to Russia with Alexander Berkman and others on the Soviet "ark" Buford, has found it difficult to acclimatize herself in the land of her birth and is "homesick" for the United States, according to a letter from her to Dr. Ben L. Reitman, long her friend, made public today. The letter was dated Moscow, March 8.

"I miss America. I lived there thirty years, you know," the letter said. "However, if I could at least hear from those dear to me I left behind it would not be so difficult."

Her lack of knowledge of the Russian language and of familiarity with "the new and strange situation" had kept her from becoming active in social work, she wrote.

"It is very difficult for one of my age to acclimatize one's self in a new country, even in the best conditions in normal times," added the letter. "But Russia, bled white by over four years of war and starved by the blockade, is not a place where one may hope to take root easily."

e Closes at 5 P. M.

& Taylor

IFTH AVENUE— 39th Street

ardoned some enthusiasm
senting to you our

Jersey Suits
r Women

smart and practical out-of-door attire
ry; plain colors and heather mixtures,
ced for to-day at

2.50 & $35.00

Copyright, Hart Schaffner & Marx.

Regular clothes for regular fellows

For years, we steadfastly refused to sell boys' clothes, because we could not get the sort we considered good enough for the sort of boys we know.

Boys' Clothes by Hart Schaffner & Marx

(sizes: 8 to 18)

Now, Hart Schaffner & Marx are making them for us, it's a different story. And our money-saving values at $25, $30, $33, $35, $38 and $40 are the finest part of the story.

Wallach Bros.

850513025

The Emma Goldman Papers

[Interview] Emma Goldman Sees Tyranny in Russia / Emma Goldman.— 36 cm. *In* The New York Times. —(June 18, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

EMMA GOLDMAN SEES TYRANNY IN RUSSIA

Says Bolshevist Government Has Taken Away Freedom of People.

PREFERS EVEN CAPITALISM

Deported Anarchists in Petrograd Refuse to Do Any but Humanitarian Work for Lenin.

Co... 1920, by The Chicago Tribune.

PARIS, June 17. On the bureau of Baron Gerard's room in the Hotel Astoria at Fontainebleau, draped over the corner of a picture of his niece, the American Miss Louise Graham, deported from Soviet Russia as an anarchist, [illegible]

[illegible] living at the Hotel Jacob with her a little about it, but [illegible]

[illegible] of the Lusitania's commander, [illegible] Atlantic, for [illegible] Ambassador Wilson [illegible] Russia. When I [illegible] Miss Goldman.

"What do you think of it? You have been [illegible] Russia. How do you feel about [illegible]

"[illegible] I expect [illegible] to return to [illegible]

[illegible] Europe, [illegible] Russia, [illegible] Russian [illegible] Russian [illegible] Russian

890404001

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Sighs for a "Tongue of Fire" / Emma Goldman.— 28 cm. *In* The World. —(July 1, 1920).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Rare Books and Manuscripts Division.

World.

ESTABLISHED BY JOSEPH PULITZER.

Published every day in the year by The Press Publishing Company, 53 to 63 Park Row, New York.

RALPH PULITZER, President, 63 Park Row.
J. ANGUS SHAW, Treasurer, 63 Park Row.
JOSEPH PULITZER, JR., Secretary, 63 Park Row.

Address all communications to THE WORLD, PULITZER BUILDING, Park Row, New York City. Remit by Bank Draft, Money Order, Draft, Post Office Order or Registered Letter.

THURSDAY, JULY 1, 1920.

EMMA GOLDMAN SIGHS FOR A "TONGUE OF FIRE"

Wants to Burn Into American Hearts the "Crime" Against Great Russia.

A letter from Emma Goldman, recently deported to Russia last winter, has been received by a relative in Boston. It voices the radical leaders' attitude among the Russian Soviets. The letter reads, in part, as follows:

"The English Mission was treated as new as Mrs. Snowden disgusted us with them. He never met a decent man.

"If only they will grasp the basic crime that the world is committing against Russia! They are very touched by the hospitality they received here in Russia. Will their protests, when they reach home, express itself in adequate words?

"Berlin, as you see, I spent much time with the Labor men, with Russell. We left Berlin and left Europe upon their hands the duty to tell the crimes of Russia to the many people who have already suffered so much.

"If only I had a tongue of fire, I would burn it into the hearts of the American people what a crime is being committed against this great people.

"We are quite all right physically. So far we have not want of anything. The things we took with us lasted until quite recently, and then a lot of stuff was brought to us by a friend coming from Reval.

"We will soon leave Petrograd for a month's trip through Russia. We need to get in touch with the new Russia, which is so different from the old. We will come back to Petrograd.

"I may then go into the work of the Board of Health. They are doing wonderful work. They have asked us to join them. In fact, we have had all sorts of offers. But we want to do what will bring the greatest good to the Russian people and yet let us remain true to our ideal. But first of all we must get close to the Russian people."

BEST COPY AVAILABLE

890223003

The Emma Goldman Papers

[A letter from Emma Goldman. In Italian] Una Lettera di Emma Goldman / Emma Goldman. – p. 5 ; 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(July 25, 1920).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Lettere dall' Inghilterra

Guerra senza quartiere in Irlanda — Feroci propositi del Commissario di polizia — Fucilazioni a vista — La politica del Sinn Fein — Occhio per occhio... — Fatti e non chiacchiere — L'inaspettata visita dei congiurati — Il commissario giustiziato — L'organizzazione segreta del Sinn Fein — Metodi vecchi ma d'attualità

Londra, 20. — Il 10 corr. la stampa riportava un discorso — di cui si ebbe ad occupare l'altro ieri la Camera dei Comuni — che il Colonnello Smith, Commissario divisionale della polizia irlandese, avrebbe pronunziato dinanzi agli agenti constabulari di Listowel in contea di Kerry.

Fra l'altro, il fiero custode dell'ordine avrebbe detto che «il Sinn Fein doveva essere battuto coglistessi suoi mezzi», e che all'uopo il governo gli «aveva promesso tante armi quante ne occorressero». Anzi «migliaia di uomini giungevano giornalmente» ed altri «7000 agenti di polizia» erano già stati inviati dall'Inghilterra.

Fatta così la rassegna delle sue forze, il colonnello Smyth passa a spiegare ai suoi dipendenti il modo come meglio utilizzarle: lattica sapiente che i rivoluzionari di casa nostra farebbero bene ad imitare.

I Sinnfeinisti «appiccano il fuoco ad una caserma»? Ebbene, «impossessiamoci subito della migliore abitazione della località e gettiamo i suoi occupanti sul lastrico, ove li lasceremo morire».

«Mettiamoci in agguato — continua questa perla di poliziotto — e quando un civile si avvicina gridiamogli: «Braccia in alto». Se l'ordine non viene immediatamente obbedito, lo si fucili».

Naturalmente «qualche volta accade che nell'esecuzione di tali ordini errori possano essere commessi, e che innocenti persone ne soffrano», ma «ciò non può essere evitato e gli agenti avranno tutta la mia protezione».

In Irlanda i Sinnfeinisti incarcerati ricorrono di solito allo sciopero della fame quale protesta contro i maltrattamenti e le sevizie cui sono fatti segno, ma il colonnello Smyth conclude il suo discorso promettendo che da ora innanzi gli scioperanti «saranno lasciati morire».

La rivelazione di tali propositi da parte di un così alto funzionario della polizia, fatta a quel che pare da alcuni degli agenti romanzi ai quali vennero espressi, e che si dice siano stati poi licenziati o costretti a dimettersi, ha prodotto una grande impressione in tutto il paese.

Ad onor del vero il colonnello Smyth ha successivamente smentito il discorso attribuitogli; ma il Sinn Fein non gli ha creduto.

In Irlanda, come in Italia, i rivoluzionari vengono minacciati, arrestati, condannati, imprigionati, torturati, sbudellati; ma, a differenza dell'Italia, non si minaccia, non si arresta, non si condanna, non si imprigiona, non si tortura, non si sbudella impunemente, in Irlanda!

Proteste verbali fuori o dentro il Parlamento; minaccie sui giornali; ordini del giorno altisonanti?

Zavorra, null'altro che zavorra.

Nel paese del Sinn Fein non si segue che la politica del: chi la fa l'aspetti, dell'occhio per occhio, dente per dente: politica primitiva antica quanto il mondo, ma la sola ormai atta ad infrenare la foga omicidiaria dei nostri nemici.

Come dicevo, il Sinn Fein non ha creduto allo smentito del colonnello Smith.

Così, stamane, senza por tempo in mezzo, dodici uomini mascherati si presentano al Club frequentato dall'alto gallonato.

Sei, il revolver in pugno, tengono a posto gl'inservienti; gli altri penetrano nei locali.

I giornali raccontano che uno degli inaspettati visitatori si sia avvicinato al colonnello Smith e gli abbia domandato se era lui «che aveva ordinato alla polizia di sparare *a vista*». E che facendo un bisticcio inconcepibile, subito dopo abbia soggiunto: «Ora, in vista, ci siete voi».

Indi due colpi di revolver, fulmineamente.

Ferito, il colonnello si alza e tenta di guadagnare la porta, ma una nuova scarica lo atterra.

Giustizia è fatta.

***

Si parla molto del Sinn Fein, ma pochi conoscono — diceva il corrispondente speciale di un grande giornale londinese da cui estraggo i dati che seguono — il potere che è dietro di loro: la «Fratellanza repubblicana irlandese», che risale all'epoca dei feniani, e che ebbe una parte considerevole nella campagna della «Lega della terra».

Si cominciava a dimenticarne l'esistenza, ma negli ultimi dieci anni, favorita dalla politica reazionaria del governo inglese, ha ripreso nuovo vigore e presentemente è l'organizzazione che sfida il governo britannico in quasi tre parti d'Irlanda.

L'obiettivo della Fratellanza repubblicana irlandese consiste nell'allestire ed equipaggiare i suoi membri come corpo militare onde assicurare per forza d'armi l'indipendenza dell'Irlanda.

Prima che una recluta sia ammessa al «Circolo», cellula primigenia di tutto l'organismo, le più scrupolose investigazioni vengono fatte circa il carattere, le abitudini e le intenzioni sue. Se il «Centro», che è la testa del Circolo, è persuaso della lealtà del candidato, lo accetta e l'impegna sotto giuramento di non rivelare, pena la vita, i segreti della Fratellanza o di semplicemente discuterne fuori del Circolo.

Il Circolo è suddiviso in sezioni di non più di dieci individui. Ogni sezione è sotto la direzione di un capo responsabile degli atti de' suoi uomini.

Immediatamente dopo il Circolo viene per ordine gerarchico il Distretto, ogni Contea d'Irlanda componendosi di due distretti. Attualmente la Fratellanza Rep. irl. è ripartita in undici divisioni, otto delle quali sono in Irlanda, una in Scozia, una nel Nord ed una nel Sud d'Inghilterra, la quale ha il suo quartiere generale a Londra.

E' il consiglio militare che conduce la campagna contro le caserme di polizia.

L'esercito viene con molta cura allenato alla guerra di guerriglia, e non v'ha dubbio che ne ha molto approfittato.

Gli attentati individuali contro le persone sono diretti dal potere esecutivo di tre ed è — secondo il corrispondente citato — la parte più pericolosa delle operazioni della fratellanza.

Metodi, come si vede, d'altri tempi; ma che sono i metodi moderni se una fede, una ardente fede, non li sostiene?

La questione è tutta lì.

NEMO.

Verso la dittatura?

Debbo protestare contro certi metodi dannosi al proletariato organizzato e non organizzato.

Al Congresso di Bologna fu votato un ordine del giorno Boldrini-Malatesta che è bene qui riprodurre:

«Il Congresso dell'U. A. I., visto che in certe località si obbligano i lavoratori ad entrare nelle organizzazioni sotto pena di non poter lavorare;

«ritenendo che tutti hanno diritto al lavoro e che le organizzazioni debbono essere il portato della crescente coscienza dei lavoratori e non già imposte dalla forza;

«protesta contro questa violazione di libertà che poi risulta a danno delle organizzazioni stesse sia perchè toglie loro ogni contenuto idealistico ed ogni spirito di lotta e costituisce un germe di dissoluzione in seno ad esse».

Ma eccoci, anche dopo l'approvazione di detto o. del g. a constatare questa «violazione di libertà».

Qui in Versilia si è fatto obbligo «sotto pena di non poter lavorare» di entrare nell'organizzazione a coloro che ancora eran privi di tessere.

Un'apposita commissione incaricata dalla C. del L. di Serravezza, ha visitato le Cave marmifere della Versilia per constatare chi sono i non tesserati o per ingiungere ad essi, entro un dato termine, il tesseramento od il via dal lavoro.

Tale imposizione è stata fatta anche al nostro compagno Corucci Sguardo, ex gerente dell'*Avvenire Anarchico*, e non son valse le proteste nostre. Non sappiamo come possa accadere ciò con una C. del L. Sindacalista, ed un segretario che si vanta di essere anarchico.

Noi anarchici abbiamo le più vive simpatie per l'U. S. I., ma appunto per questo ci duole quando essa, in qualche sua sezione, viene meno ai principi di libertà e fida per il suo reclutamento sull'imposizione anzichè sulla forza della persuasione e dell'esempio.

Sento intanto il dovere di protestare dalle colonne del nostro quotidiano contro queste imposizioni, le quali non faranno altro che mettere lavoratori contro lavoratori, disgregando le file proletarie, dando agio alla borghesia di approfittarne onde seminare discordia.

Sia dunque lasciata intatta la volontà individuale di ogni singolo.

Seravezza, 21 luglio.

LEONI MATTIA.

Nella Puglia rossa

I fatti di S. Severo

Sansevero (Puglie) (F. Amoroso) — Prima di tutto è bene che vi dica che in Sansevero dal mese di marzo i contadini hanno lavorato abusivamente nei campi e nessun proprietario si è rifiutato di pagare. Quei pochi che non avrebbero voluto pagare, visto la *coccolaggine* della massa, fiovellero far buona cera a cattivo giuoco.

Il 12 u. s. quaranduno contadini si recarono nel vigneto del dottor Attilio D'Anzeo, dove l'erba era più alta della sua lurida persona, e vi lavorarono. La sera seguente si presentò una commissione dal D'Anzeo e domandò il giusto pagamento a 41 famiglie che aspettavano i soldi per comprarsi il pane. Il valente dottore rispose che non avrebbe mai pagato; la commissione aggiunse che i contadini di Sansevero non erano quelli di Gioia del Colle.

Il dottore vistosi a mal partito, prese la via della polizia; ma, ahimè!, varcò solo la soglia del portone, perchè già i contadini lo tempestavano di pugni. Corsero in suo aiuto tre guardie investigative, che ebbero anche qualche cosa, e il fratello del D'Anzeo, l'ex pretore. Costui, al par di un Orlando, col bastone nelle mani si fece largo ed arrivò infatti fino dal fratello il quale vistolo in suo aiuto, si cavò la rivoltella e tirò (credeva lui) al compagno Malizia. La palla intanto, ancora più maliziosa, andò a visitare il pretore il quale trovasi in brutte condizioni.

Ecco scatenarsi la reazione più indecente! Nella notte di domenica u. s. arrestarono cinque compagni fra cui il Malizia i quali immediatamente furono spediti alle carceri di Lucera.

Il processo — sembra — sarà uno dei lunghi, giacchè si tenta di arrestare anche i testimoni a discarico degli imputati e, abbiamo appreso, v'è coinvolto anche il prof. Emilio Amorosi.

La città sembra una fortezza espugnata. Di notte, di giorno, battaglioni di carabinieri e soldati girano con aria marziale.

Ieri furono operati arresti di chi aveva armi in casa. Fra le prime abitazioni perquisite vi è quella del vostro corrispondente dove si è recato un delegato e un brigadiere delle guardie investigative.

Il proletariato è esasperato; i socialisti piangono perchè dei tre deputati da loro eletti, nessuno si fa vivo. Martinosso ha telegrafato da Lucera che è impegnato per cause, Mucci è inviato a Roma, e Majolo non può abbandonare Monteciorio.

Senza commenti!...

Una lettera di Emma Goldmann

Un'altra smentita alle asserzioni della stampa forcaiola

New York luglio (E. S. Abate) — Qualche tempo fa dal «New York Times» — organo massimo dell'alta finanza americana — veniva pubblicata una supposta intervista del suo corrispondente in Russia con Emma Goldmann, in cui si faceva apparire la nostra compagna come stanca e disgustata del regime sovietistico e tutta desiderosa di ritornare in America a godere le... libertà della grande repubblica. Vi si parlava pure d'una bandierina americana che la Goldmann terrebbe esposta sul suo scrittoio.

Inutile aggiungere che la presunta intervista occupava un posto prominente sul «Times» ed è stata subito ripresa da tutta la stampa pescecanesca americana (1). A pochi giorni di distanza però la signorina Comyns, inviata della compagna Goldmann, ha ricevuto da Pietrogrado una lettera di quest'ultima, lettera di cui vi trasmetto la traduzione, sicuro che riuscirà d'interesse ai compagni d'Italia. Eccola:

«Oggi ho ricevuto lettera da A.B. (Alessandro Berkmann) che trovasi a Mosca fin dal 15 corr. con accluso copie dei tuoi due cablogrammi. Ho pure ricevuto tua lettera scritta fine marzo. Questa è stata la prima corrispondenza che mi giungesse da uno di voi di America. Siamo rimasti molto contenti nell'apprendere di non esserci sbagliati sul conto dei nostri amici che vi han rimesso le nostre lettere dal «Buford» (nome del piroscafo americano che compì il tragitto di deportazione). Era da aspettarsi che si tentasse di metterne in dubbio l'autenticità da chi non si è ancora persuaso che, in un modo o nell'altro, la verità vien sempre alla luce. Vorrei che potessimo mandare di qui le nostre lettere per la stampa; ma pel momento ciò non è possibile.

«I componenti la missione laburista inglese sono stati qui a Pietrogrado. Ora sono a Mosca. Bertrand Russell si trova con loro. Egli è un uomo assai interessante. Se almeno essi riescissero a rendersi conto di tutta l'infamia che il mondo sta commettendo ai danni della Russia! Essi si sono mostrati assai sensibili per la cordiale ospitalità ricevuta qui in Russia. Di ritorno al loro paese, sapranno essi almeno esprimere la loro protesta con le parole che convengono?

«Berkmann ed io abbiamo speso parecchio tempo con i delegati laburisti e con Russell. Nulla trascureremo di quanto valesse ad imprimere nelle loro menti tutto il debito di gratitudine che il mondo ha contratto con la Russia rivoluzionaria, con questo popolo meraviglioso che ha già tanto sofferto. Vorrei avere una lingua di fuoco per trasfondere con parole roventi nel cuore degli americani la nozione profonda del crimine che si sta commettendo contro questo grande paese.

«Di noi non v'è molto da dire. Fisicamente stiamo abbastanza bene. Finora non abbiamo avuto bisogno di alcunchè. Le provviste che portammo con noi ci son bastate fino a recente data; poi una gran quantità di materiale c'è stato portato da un amico da Reval. Lasceremo Pietrogrado fra poco per compiere un giro attraverso la Russia, che durerà un mese. Ci occorre prendere contatto con la nuova Russia, che è tanto differente dalla vecchia. Poi ritorneremo a Pietrogrado. Molto probabilmente mi occuperò nel dipartimento dell'Igiene pubblica. Vi si sta facendo un lavoro meraviglioso, al quale sono stata richiesta di associarmi. Ci vennero fatte parecchie proposte; ma noi intendiamo fare ciò che potrà apportare il più gran bene al popolo della Russia pur permettendoci di rimaner fedele alle nostre idee. Prima di ogni altra cosa occorre di metterci in contatto col popolo russo.

«Dirai agli amici che abbiamo potuto metterci in comunicazione diretta col compagno editore dell'«Arbeiter Freund» (Rod. Rocker). Egli è molto attivo nel movimento operaio in Germania.

«Saluti a tutti gli amici e compagni. *Emma Goldmann*».

(1) E dal qualche organo forcaiolo continentale e «nostrano» (N.d.R.).

93

BEST COPY AVAILABLE

850513027

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman on Bolshevism / Emma Goldman.— 24 cm. *In* The New York Times. —(Oct. 9, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

[illegible] miles from Stamford [illegible] is unrestricted as to [illegible] of State universities. It is [illegible] the University of California [illegible] is open to Columbia.

JOHN D. SEATON,
Director, Board of Education,
Educational Church.
Sept. 26, 1920.

PILGRIM FATHERS.

1620.

[illegible] ceremony, and the spell
[illegible] enchained words that once
prayer,
the clarity of prison-cell—
ered freedom for their ghostly

whose loyalty unto their Lord
ed obedience to their King's
and
ed by the double sword,
led, exiles, from their native

bittered, and with courage

ms they adventured forth to

Mayflower. None could tell
fate
New World, save that they
be free.
a welcome on those wintry

and closed inhospitable doors.

1920.

an age dawned slowly and
late
New England men of honor

f Freedom, and did found a

al charter that of Holy Writ,
en of a mighty nation come,
ed in spirit, to the Mother-

verfed men. That early home
ound where pilgrim-feet shall

he sound of those same feet
ard,
e and dread, by tyrant foes
ened liberty. Thousands did

them swift as that fierce
ge rose.
ho fought as Pilgrims in the

of England open ever more.
LAM TURNER HUNTER.
Ancraft Moor, Berwick-on-
Sept. 24, 1920.

[illegible] to the future citizens of this great metropolis an[illegible] cosmopolitan city?

GEO. A. PLIMPTON,
Treasurer of Barnard College.
New York, Sept. 27, 1920.

Emma Goldman on Bolshevism.

To the Editor of The New York Times:

That Goldman, "the world's arch-anarchist deported from the United States to Russia, can be considered a competent judge on Bolshevism after she has observed Soviet Russia during four months. She expressed her views in the Tribune Libre (Free Workingman) as follows:

"Everything is rotten here. Russia is undergoing the most painful decadence. Indeed, we could not expect to see anything else. We knew that Marxism would bring about only tyranny. During the four months that I have lived in Russia I am persuaded that there is nothing healthy in that theory. State capitalism, or the State capitalism—use any term you like—made of Russia what it would be of any other country: It deprived men of the last crumb of liberty which they had under capitalism, and submitted them to the caprices of bureaucracy which excuses its tyranny, saying that all these things were done in the interests of the workmen. Every form of government is bad, but, bound to make the choice between State capitalism and private capitalism, I would prefer the latter form. The best remedy for Bolshevism seems to me a journey through Bolshevist Russia, for a large number of those who came here as pro-Bolshevists returned hence as anti-Bolshevists."

It is evident that Emma Goldman has not lived in this country over thirty years in vain.

PETER J. POPOFF.
Flushing, N. Y., Oct. 5, 1920.

Questions About the Japanese Here.

To the Editor of The New York Times:

Why do Americans condemn and discriminate unjustly against diligent, efficient Japanese laborers who are law-abiding, while we endure and receive inefficient laborers from Southern and Central Europe who are to a great extent law-defying boarders?

Did you ever know of a case where the Japanese formed socialistic or communistic radical organizations and sought to blow up banks, bridges or overthrow our form of Government?

When we preach the necessity of greater production, more saving and economizing, which the thrift of the Japanese exemplifies, are we consistent in damning them for not striking for more wages and damning them again if they do?

Our territory of Hawaii would cease to prosper without the Japanese, who number virtually one-half the total population. Why do 5,000,000 people in California object to the presence of merely 80,000 Japanese and deny them a square deal?

No more Orientals can now enter this country, its mainland or territorial possessions, therefore these questions apply only to the Japanese now residing among us.

C. FREDERICK CHILDS.
New York, Sept. 30, 1920.

C. J. Andre Puts Annual Loss in Fraudulent Stocks at $500,000,000.

BOSTON, Oct. 8.—The annual loss to the American public through the purchase of fraudulent securities was estimated at $500,000,000 by Charles J. Andre, Secretary of the National Association of Securities Commissioners, in testimony before the special State "blue sky" law commission. Mr. Andre said that about 10 per cent. of the stock offered to the public was worthless, and that although thirty-eight States have "blue sky" laws "some are so loose that practically everything gets through."

Mr. Andre's estimate of worthless stocks was cut by Roy C. Osgood of Chicago, President of the Investment Bankers' Association of America, who told the commission that only 5 per cent. of stock issues were bad. He said that investment bankers do not oppose reasonable regulation.

George W. Hodges of New York, former President of the association, expressed the opinion that 80 per cent. of the promoters now selling fraudulent or questionable stock could be put out of business in ninety days if existing laws were enforced.

MANY CITY JOBS OPEN.

Applications Now Being Received by Municipal Civil Service Commission.

Applications for a number of positions in the city service in which there are vacancies are being received by the Municipal Civil Service Commission, Room 1,400, Municipal Building. Candidates must be citizens and residents of the State of New York and have had the experience necessary to meet the requirements prescribed by the commission. All city employes are eligible for promotion. They also have the protection of the city employes' retirement system, including ordinary life insurance, accidental death and disability insurance, old age pension and annuity benefits.

Positions for which applications are being received include probation officer, salary $1,350 a year; junior chemist, salary $1,420; foreman of asphalt workers, salary $7 and $7.50 a day; assistant inspector of combustibles, bookbinder, salary $2,150; janitor engineer, compensation depending upon assignment; clerk, grade 1, salary $420 to $900; tabulating machine operators, Powers, salary $1,560; Hollerith, salary $960 to $1,560; Moon-Hopkins, salary $960 to $1,500; typewriter copyist, salary $960.

Applications for these positions should be made at once to the Municipal Civil Service Commission.

forty-four members, sections had not gathered to obtain an and it is believed that resentation will be yet as to bring abo tions.

The British House members, but 40 the quorum.

EX-KAISER AT E

Wedding of His Ad tess Bentinck Like

Copyright, 1920, by The N

Special Cable to THE

THE HAGUE, Oct. the ex-Kaiser's Adjut to Countess Elizabe ter of the ex-Ingrand Amerongen today Potsdam splendor, small and humble a great social even the history of Ame of the countryside. mony in the Amero bride and bridegroo cluding the Hohenzol the old family chur where all the Bentinc ried and buried fo church, which was with flowers, was c and a cordon of around in an effort and photographi... each, drawn by whi by Jonkheer Van Log

Besides the ex-Kais Count Bentinck and Count Bentinck-Zuyle the guests included Gontahard and other ex-Kaiser's staff, the Aldermen of Doorn, voort, Leersum and n of the surrounding co

The ex-Kaiser appe and chatted with eve

The whole festival Kaiserism and feudal being one of the olde

HUNGARY REST

Expulsion Is Order Have Arrived

VIENNA, Oct. 7 (J Agency).—The Hunga the Interior has ord expulsion from Hunga have arrived in that according to a Budap

Reports from the state that during th days soldiers entered gogues and ill-treated A number of Jews w streets, the reports

BEST COPY AVAILABLE

94

890529012

The Emma Goldman Papers

"I Still Love America," Writes Emma Goldman. Describes Conditions in Land of Soviets / Emma Goldman. – p. II: 6 ; 44 cm. *In* The San Francisco Examiner. –(Nov. 28, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

ITISH
GANDA
BOOKS

Taught to Be
r car Revolu-
Irish Society

'I Still Love America,' Writes Emma Goldman

Describes Conditions in Land of Soviets

Well-known Anarchist Makes Plea to Friends in the U. S. to Send Necessities.

Advises Friend Not to Undertake Trip to Russia Because of the Want There.

Herewith is printed an extraordinary letter from Emma Goldman, deported for anarchy, the first published in full since she was landed in Russia. The letter is in three parts, evidently written at different times. It was sent to John Reed, author and agitator.

After getting the letter he hastened to Russia to meet her. Several weeks ago cable dispatches came that he died suddenly of typhus.

She advised him to have the important points of the letter typewritten or mimeographed and distributed among "our comrades" in the United States. It was through one of these that a copy of the letter fell into the hands of the Hearst newspapers.

Hitherto all that has come from Emma Goldman and her associates that were deported with her has been a few brief messages to friends here. The letter below gives a vivid impression of conditions in Russia as seen through her eyes. Also is described the ocean voyage on the "Soviet Ark," the prison ship Buford on which they were deported.

[illegible] and the hole in the ceilings which make the cold more acute. I sit in my warm robe, with blankets over [illegible] to write. Most of the workers are [illegible] Moscow is the worst favored. You can imagine how [illegible] suffer. I was called up by a woman who is the sister of a photographer our dear Helena once worked for. Bold on. She said: I would love to come to you but my hands and feet are swollen and I have been frostbitten. It's dreadful. But the spirit of the revolution burns here as in the flame. It is truly miraculous.

Beloved, mine, I long for you with all the intensity of my being. I gave the years of my life to be able to [illegible] upon you, hold you close to my heart, beloved baby. No such red cheeks and shining eyes as Dan's here. No such well fed, precious bodies. Yet, pale and frail as the children are they, too, are consecrated by the divine spirit which has imbued the Russian people and made them invincible against the whole world.

I visited a children's home [illegible] where some of the children were quarantined. A little tot of about eight said to the physician in charge: We've been imprisoned long enough. We want to get out. Imagine, my heart is full with the woe and the marvel of Russia.

Darling, I wonder when I will hear from you. I am sick with anxiety. Let me be prepared with the parts which will help you. This is not a book but only way until the blockade is lifted.

LOVE TO NEW YORK FRIENDS.

The other evening we attended a meeting to Alexander Herzen. It took place in one of the gorgeous rooms of the White Palace. A [illegible] man of the Fire Department in uniform and helmet marched in on tiptoes [illegible] to disturb the meeting. It was [illegible] and attentive, no attempt to see these soldiers raise the very dust under the feet of the Czar actually using the Winter Palace as their own. It all seems a dream, yet it is vividly real. Darling, I wish I could write even one-millionth part of what is going on within me. More than ever I agree with Ibsen that it is the struggle for the attainment of the ideal which alone makes life rich and full. The ideal achieved means the ideal fettered, crushed.

"I think it will be best to take out the most important points of this letter and have them typewritten or mimeographed and sent to our comrades. [illegible]

"SEND US GOLD"

"Among those who will be deported next [illegible] will be some delightful people who will bring us [illegible] For instance, [illegible] wife. You can imagine her [illegible] Mr. Alexander, [illegible] East One Hundred and [illegible] first street. You or I might [illegible] But to [illegible] It is too bad [illegible] paper money will [illegible] the importance of [illegible] or fear I paid [illegible] for a little electric [illegible] American paper money [illegible] box. $5. You [illegible] idea we are not [illegible] we will not [illegible] Russia at all [illegible] the fact that we must retain [illegible] depreciated [illegible] to do. It [illegible] matter whether we can [illegible] the Soviet regime.

[illegible] Russia. The [illegible] are beyond description. [illegible] as I have said, [illegible] possible, under [illegible] food. It is [illegible] edge of the [illegible] awful. We [illegible] suffer in America. [illegible] were [illegible] to the crowds of [illegible] Americans. As [illegible] Americans were [illegible] to the crowds of [illegible] dead.

[illegible] Moscow the [illegible] Vladimir Mayakovsky [illegible] and [illegible] street. They [illegible]

"SEND UP SOAP"

"Take care of the example. Don't you think Mrs. [illegible] could be induced to [illegible] a cake of soap [illegible] This [illegible] Petrograd [illegible] Factories [illegible] People [illegible] Buford [illegible] supply of [illegible] powder, [illegible] soothing aspensalt, etc. We need disinfectant.

"The Petrograd climate is rotten; nearly all our people have a cold. Aside from our own needs we'd like a trunkful for the unfortunate sick here. It ought to be possible to get things wholesale, so that each departure can [illegible] the extra trunk of food for the hungry children of Russia.

"What became of Mrs. Vanderlip's [illegible]

"THEY LISTEN RAPT."

They listen rapt to the men in the class room, sit through six hours of performance of Othello, go wild with enthusiasm over Shakspere and actors attend an Anglo-French concert with Ibsen and others as leaders, and do a thousand other extraordinary and amazing things which would test the vitality of people normally fed and clothed. And this starved people the imperialists expected to whip under the comfort of capitalism.

The rich or poor only a few days. I can already see that the wanton campaign has [illegible] Our [illegible] fear of bolshevism [illegible] United America. You [illegible] to the [illegible] and inhuman [illegible] the Present crime of the historical [illegible] I go to Moscow in order [illegible] to see for myself [illegible] meet the best of [illegible] Moscow [illegible] the seat of government. [illegible] to [illegible] to avoid [illegible] experience. I [illegible] EMMA GOLDMAN.

THE PRISON SHIP

We were four weeks on that [illegible] prison ship. Some time ago there was moored in the Hudson an old English convict ship. I used to see it on my walks on Riverside Drive. How far was the thought from me that I myself would be forced to go on a convict ship—that such a thing would be introduced in America in the year 1919! But the reality is always wilder than the wildest imaginings. It is amazing how much the human animal can endure when forced to meet reality.

[illegible] get and [illegible] to serve [illegible] Law [illegible] Law [illegible] [illegible] The [illegible] [illegible] [illegible]

890529012

The Emma Goldman Papers

"I Still Love America," Writes Emma Goldman. Describes Conditions in Land of Soviets / Emma Goldman. – p. II: 6 ; 44 cm. *In* The San Francisco Examiner. –(Nov. 28, 1920).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

NG'S PLOT

Hold Cala
on January 29

without fear or favor whether we can work within the Soviet regime.

We want to help Russia. The misery and distress are beyond description. No medicines of any sort. [illegible] musings, under [illegible] and rocking of God. It is appalling. The suffering of the sick [illegible] awful. Why not get a few women together in America, organize, relief work? It must be organized, otherwise the [illegible] will be of little use. America, as far as we know, no restrictions were placed on private relief as to the amount of [illegible] the deputies carried.

"I could have taken twelve or more babies, so could every one else if we had only known. Sasi's and my trunks were opened on Ellis Island, and superficially looked over. We did not go after Lillian Wald. Villard, the Musey and Lewisch sisters, and others who can contribute? They are rich folks.

"SEND UP SOAP."

"Take soap, for example. Don't you think Mrs. Fels could be induced to contribute a substantial quantity? Then, [illegible] medicine. Between Lillian Wald, Dr. Woolsin and his connections a whole hospital could be equipped. The doctor of the ship, the Buford, gave me a small supply of aspirin, quinine, calomel, carbine, codine aspensalt, etc. We need disinfectants.

"The Petrograd climate is rotten; nearly all our people have a cold. Aside from our own needs we'd like a trunkful for the unfortunate sick here. It ought to be possible to get things wholesale, so that each delegation can be given the extra trunk of food for the hungry children of Petrograd.

What became of Mrs. Vanderlip's $100,000? Couldn't she be induced to help carry out our project? You don't know what it would mean to the children. Sonya Kolomburovna, care of I. Zorin, Hotel Astoria, Petrograd is my address. We're going to Moscow in about ten days but will return to Petrograd to live. This is the revolutionary workers' center, while Moscow is the seat of the government. Needless to say we prefer to be far distant from Moscow. But we must go to meet Lenine and the Reds.

"Of the leading men in Petrograd, we've met only two so far, Zinoviev and Zorin. We saw the former only for an hour. But the latter has devoted much of his time to us. He's a most lovable personality. In fact, [illegible] and so earnest and dedicated. All work themselves to death. They're starved and exhausted but their spirit is beyond belief. And yet we may not be able to work, will [illegible]

BEGS FOR BABY CLOTHES.

The situation is such that we are now going through the deepest spiritual [illegible] lives.

"You can imagine our joy when we found Ed Stacey was [illegible] to the same house [illegible]. I dread to [illegible] The mothers are poorly [illegible] and without anything for [illegible] Imagine the [illegible] paper for the baby. He fell on [illegible] what I gave her a box of [illegible] powder and a piece of castile soap. Dearest, I want you and Rose [illegible] to get one or two outfits for [illegible]. Be sure to include a [illegible] hot water bottle, diaper, skirts, [illegible] small dresses, coat, little sweater [illegible] or wooden jackets, cap, little [illegible] shoes and stockings and anything else you can think of. Dear old Bill has played a tremendous part in the revolution.

"Everything, except women is nationalized here. The open market, though it is tolerated as an evil, has few things and sells at terrible prices. I have been promised what is called a perpetual pass to Stanislovsky's theater when I get to Moscow. So far I have attended only two things, a rotten performance of 'Othello,' abominably cut, and the opera 'Rinaldo,' with Shaliapin. We were to meet Gorki this week, but had to postpone it until next. Everybody [illegible] strong wish to meet [illegible] hear him on Monday in a reading in 'Andegov.' Gorki is a very poor reader, but his personality warms your whole being. He is very, very simple and tender. I can hardly wait for the event of meeting him intimately.

"We're lodged in the famous Astoria Hotel—now called the Soviet House. Several hundred Soviet officials live here. Nothing has remained of the old splendor, except the spacious [illegible] beloved baby. No such red cheeks and shining eyes as Dan's here. No such well-fed, precious bodies. Yet, pale and frail as the children are, they, too, are consumed by the divine spirit which has imbued the Russian people and made them invincible against the whole world.

"I visited a children's home for defective children. Some of them were quarantined. A little tot of about eight said to the physician in charge, 'We've been imprisoned long enough; we want to get out.' Imagine; my heart is full with the woe and the marvel of Russia.

"Darling, I wonder when I will hear from you. I am sick with anxiety. Be sure to arrange with the party who will bring you this to send back mail. He will instruct you how. It will be the only way until the blockade is lifted.

LOVE TO NEW YORK FRIENDS.

The other evening we attended a memorial to Alexander Herzen. It took place in one of the gorgeous rooms of the Winter Palace. A division of the Fire Department in uniform and helmet marched in on tiptoes not to disturb the meeting. It seemed a dream, not a reality, to see these soldiers once the very dust under the feet of the Czar actually using the Winter Palace as their own. It all seems a dream, yet it is vividly real. Darling, I wish I could write even one-millionth part of what is going on within me. More than ever I agree with Ibsen that it is the struggle for the attainment of the ideal which alone makes life rich and full. The ideal achieved means the ideal fettered, crushed.

"I think it will be best to take out the most important points of this letter and have them typewritten or mimeographed and sent to our comrades. They ought to see how urgently their help is still needed. Of course you will see all our New York friends. Ellen K., Gertrude [illegible], Dorothy Miller, Elwire B. and —— ? Sarah Grubeth and her family. My love to them all. Tell Sarah she'll save my life if she'll send me several summer dresses. There is absolutely nothing, nothing to be had here. In a few days Ella will be free. My love to her. I hope when she returns to Italy she will not find herself so out of place as we do here just now.

"I haven't it in my heart to urge you to come here. It isn't only because of the dreadful poverty, it is the extreme difference of viewpoint on life in general and our ideas in particular. We're in a strange world altogether. But if you decide to join us it will be a great adventure for you. I wonder how you are and what doing in New York, how dear the old burg has grown to me.

"P. S. I guess you come here and help me carry out the plans we talked about so often, you'll never see me again. This country has one quality, however; it helps you to reduce! If I stay here any length of time I will come back a perfect lily of the valley, lithe and rhythmic like a nymph. I don't have to tell you, old man, how much I'd love to see you, but I would not wish it on you to be here now. It is awful, not the revolution, but the want. But let's talk of more cheerful things.

"Affectionately, E. G."

ANOTHER CHAPTER.

"The Revolution has made the Russian people articulate beyond belief, but even cutting cold and gnawing hunger have checked their flow of speech.

"Yesterday we were each given 5,000 rubles, which is the wage paid everyone in the Soviet State. Today the American refugees were furnished with warm clothing. Our American democracy did not give the men as much after they had toiled for years. This Soviet Russia is the first to apply the communist axiom that a worker must first be a consumer before he can become a producer.

"There is one outstanding feature. It is the equality of hunger. From the most humble worker, all are tortured alike by the lack of food. But not the revolution is to be blamed for that. The blame for the slow starvation of the Russian people lies with the capitalist, imperialists with them, who produced a fourth against the atrocities of the German junkers and then out-junkered Germany by the atrocious blockade. The bitter irony of this black crime is this: The blockade, while depleting the bodies of the Russian people, has had the very opposite effect upon their spirit.

"Perhaps it is the almost unlimited human capacity for suffering—perhaps it is their fervent glowing faith in the revolution. I do not know. I only know that the imperialistic [illegible] ica in the year 1919! But the reality is always wilder than the wildest imaginings. It is amazing how much the human animal can endure when forced to meet reality.

"There were strippes at our cabin door night and day. Secret service men at our heels on deck. Watched always. I cannot tell you how depressing, how benumbing of body and spirit, surveillance is. The contrast especially between the ocean huge, majestic, glorious and the humans who were sent to watch us—how ridiculous, how puny they seemed!

"I STILL LOVE AMERICA."

"Nothing I have endured for my ideal in the intellectual spiritual desert that has thrust me out has quite convinced me of the sheer beauty of that ideal as these four weeks on our floating prison. The total of all the conflicting emotions that pulled me back to that desert, America, whose soil I have broken and plowed and sown. You see I still love America. I love her for the Niagara, awe-inspiring, for the Rockies, forbidding and majestic, the canyons, mysterious and fascinating, California so lavish in floral beauty. Above all, I love America, who hungers and struggles for freedom.

"Do you know that little German refrain 'Wo Menschen siegen lasst Buchmeder, schleckte menschen haben keine noten'? No other people in all the world could have kept up that song under such stress and sufferings as the Russians who came back with us deported. I wonder whether that does not explain the triumph of Russia of the last two and a half years—a triumph in the face of almost universal opposition? Her music, more than Bolshevism, strikes into the hearts of even the soldiers sent to crush her. You should have heard our sentries hum Russian songs.

"The sentries who were to kill us at the least provocation! A few weeks longer and they would have organized soldiers' council. What an infectious element is the struggle for freedom, expressed in terms of music!

"I can't close. What I have written here will read pale and inadequate.

"Thankfully,

"E. G."

Business Notices.

For Corns Little or Big – Use "Gets-It"

Stops Corn Pain Instantly and Removes Them Completely.

Whether your "pet" is on top or between the toes, no matter how big or how small or how "tender," three drops of "Gets-It" will lift you right

The Only Way to Cure a Corn is to Remove It, with "Gets-It"

out of your misery. You will laugh to see how quickly your corn lets go [illegible] dies so you can lift it off with your fingers. It's folly and nonsense to pare and trim a corn trying to ease its pain when "Gets-It" will easily rid you of it entirely.

"Gets-It" is sold at all drug stores and costs but a trifle. Your money back on request. Mfd. by E. Lawrence & Co., Chicago. Sold in San Francisco at all stores of The Owl Drug Co. and recommended as the world's best corn remedy by The Owl Drug Co.

ed as follows: Hall and apt. Herbert J. Wright, erg. Robert L. Morton; t. James Kelly; music apt. Marcus Anderson; Mayor, Commissioner publicity, George E. s and programs, Lieut. ey' invitations, Corp. pman; transportation, Fleeger.

BEST COPY AVAILABLE

810409272

The Emma Goldman Papers

[Interview] When Dreams Become Nightmares / Emma Goldman.– p. 12 ; 11 cm. *In* Newark Morning Ledger. –[1921?].

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Emma Goldman Scrapbook, Rare Books and Manuscripts Division.

Newark Morning Ledger

WHEN DREAMS BECOME NIGHTMARES

"I'm going back to America to find freedom," Emma Goldman tells a reporter. "Why, here in Russia I am not even allowed to print anarchist literature. You know this government would not stand for it. I will go back to *my* country to educate the American people."

Miss Goldman went joyously to Russia as a land of liberty. She has been disillusioned. She would be just as much so by witnessing any attempt anywhere to put into effect her theories. There are many dreams which look fine to impractical persons so long as they are described on paper or on the lecture platform, but which when actually experienced, turn out to be nightmares.

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Гольдман, Э.

Эмма Гольдман.

АНАРХИЗМ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА"
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.
1921.

98

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. – Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. – 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

HX 844
G 619

14893

Типография „ГОЛОС ТРУДА". Петербург.

Предисловие.

Около 25 лет тому назад я услыхала первого великого анархистского оратора—несравненного Джона Моста. Мне казалось тогда и в продолжение многих лет спустя, что слово, брошенное в толпу с таким удивительным красноречием, с таким энтузиазмом и огнем, никогда не может быть изглажено из человеческой души. Как могли все те люди, которые стекались на митинги Моста, избежать магнетического влияния его пророческого голоса. Казалось, достаточно для них послушать его, чтобы отбросить прежнюю веру и увидеть истину и красоту анархизма.

Мое тогдашнее единственное желание сводилось к тому, чтобы я могла говорить, как Джон Мост, и чтобы я так же могла захватить своим красноречием народные массы. О, наивность и энтузиазм юных дней! Это—момент в жизни человека, когда самые трудные вещи кажутся совсем легкими. Это, может быть, единственный период, когда стоит жить. Увы, он продолжается недолго. Как и весна в природе, это бурное время в жизни пропагандиста дает затем нежный, слабый росток, который или крепнет или гибнет смотря по тому, насколько он способен сопротивляться тысяче неблагоприятных обстоятельств.

Моя вера в чудодейственную силу устного слова уже исчезла. Я поняла, насколько оно

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

слабо, чтобы вызвать в слушателе мысль или даже внешнее волнение. Постепенно и не без борьбы я пришла к заключению, что устная пропаганда в лучшем случае есть лишь средство к тому, чтобы только пробудить людей от сна,—но она не оставляет никакого длительного впечатления. Уж один тот факт, что в большинстве случаев люди приходят на митинг или потому, что заинтересованы газетными сенсациями, или потому, что хотят просто развлечься, есть ясное доказательство того, что у них нет серьезного желания научиться чему-либо.

Совершенно другое приходится сказать о писанном или печатном слове. Никто не станет браться за серьезные книги, если он на самом деле не интересуется передовыми идеями. Это приводит меня к другому открытию, сделанному мною после многих лет общественной деятельности,—именно, что несмотря на все влияние воспитания человек воспринимает только то, в чем заинтересован его ум. Эта истина уже признается теперь многими современными авторитетами в педагогике по отношению к детям. Но я думаю, что то же можно сказать и о взрослых. Анархистов или революционеров можно сделать не больше, чем музыкантов. Все, что можно сделать, это лишь заронить семена мысли. Разовьется ли из этого что-либо сильное и здоровое или нет, зависит от плодородности человеческой почвы, хотя имеет значение также и качество идейного семени.

На митингах внимание аудитории отвлекается тысячами посторонних вещей. Оратор хотя он был очень красноречив, не может

е подпасть под влияние беспокойной толпы, в результате он не в состоянии затронуть убокие струны в душах слушателей. Часто н не может даже проявить все свои досто-ства.

Отношение между писателем и читателем олее интимно. Правда, книги являются только ем, чем мы хотим, чтобы они были, или ско-ее тем, что мы хотим в них найти. Это до-азывает, насколько писаное слово важнее тного. Именно это соображение и заставило еня собрать в одном томе мои идеи на раз-ичные темы. Они рисуют процесс моего ственного и душевного развития в течение года и представляют собою выводы, к ко-рым я пришла после многих перемен и обду-ываний.

Я далеко не надеюсь, что мои читатели удут столь же многочисленны, как и слуша-ели, приходившие на мои лекции. Но я редпочитаю иметь дело с немногими, кото-ые на самом деле желают научиться, чем с олпой, которая являлась на митинги, ища азвлечения.

Что касается книги, то пусть она говорит себя. Пояснительные заметки лишь отвле-ают внимание от излагаемых мыслей. Однако, желала бы заранее предупредить два воз-ажения, которые будут без сомнения выдви-уты против меня. Одно из них относится к аве „Анархизм", а другое к главе „Мень-инство против большинства".

—„Почему вы не говорите о том, как все удет устроено при анархизме?—вопрос, ко-орый я слышала тысячу раз. Потому что я ерю, что последовательный анархизм не мо-

BEST COPY AVAILABLE

100

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

жет навязывать точно выработанную програ
му или метод действия на все будущее врем
Предрассудки, против которых должно б
роться каждое новое поколение и котор
оно в конце концов может преодолеть, явля
ются пережитком прошлого, которое держи
нас всех в своих сетях. Анархизм, как я е
по крайней мере понимаю, предоставля
потомству свободу развивать свои систем
соответственно своим нуждам. Наше сам
пылкое воображение не может предвидет
все возможности, которые встанут перед ч
ловечеством. освобожденным от всякого вне
шнего принуждения. В таком случае, как мо
жно браться за то, чтобы вырабатывать ли
нию поведения для тех, кто придет после нас
Мы, которые платим так дорого за кажды
глоток чистого свежего воздуха, должны воз
держиваться от тенденции стеснять будуще
свободное развитие. Если мы достигнем хот
бы того, что расчистим почву от остатков
обломков прошлого и настоящего, то мы оста
вим потомству величайшее и надежнейше
наследство.

Самая неприятная черта, часто встречаю
щаяся среди читателей,—это вырвать какую
нибудь фразу из книги и пользоваться ей
как критерием мыслей автора или его лично
сти. Фридриха Ницше, например, называют
ненавистником слабых, потому что он верил
в „сверхчеловека". Мелочным критикам этого
гигантского ума даже не приходит в голову
что идея о сверхчеловеке подразумевает тако
состояиие общества, в котором не может быть
ни слабых, ни рабов.

Та же узкая точка зрения видит в Максе

тирнере только апостола теории „каждый
себя, и пусть дьявол берет себе отсталых".
и этом совершенно игнорируется, что
дивидуализм Штирнера содержит величай-
е социальные возможности. Тем не менее
но, что, если общество когда-либо будет
бодно то это произойдет благодаря осво-
ившимся индивидуумам, свободные усилия
орых создают общество.

Эти примеры приводят меня к возражению,
орое делается по поводу главы „Меньшин-
о против большинства", Без сомненья на
я будут указывать, как на врага народа,
я отрицаю значение масс, как творческого
тора. Я предпочитаю такое обвинение и
стану говорить демагогических общих фраз,
орые часто употребляются для привлече-
на свою сторону симпатий народа. Я по-
маю слишком хорошо горькое чувство при-
леиного и обездоленного народа, но я
казываюсь преподносить обычные смешные
лиативы, которые не дают пациенту ни
ть, ни умереть. В борьбе против социаль-
х зол допустимы все крайности, ибо крайние
ляды большею частью самые правильные
что я не верю в большинство, диктуется
й верой в возможиости отдельного чело-
а. Только когда последний сможет свобо-
выбирать себе товарищей для достиже-
общих целей, мы можем надеятся на вод-
рение порядка и гармонии вместо хаоса и
справедливости, царящих теперь в мире.

В дальнейшем пусть моя книга говорит
себя.

Эмма Гольдман.

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Анархизм.

За что он стоит.

Анархия.

Всегда оклеветанная, проклинаемая, никогда не понимаемая,
Ты являешься свирепым ужасом нашего времени.
„Ты—разрушение всякого порядка," кричит толпа,
„Война и безудержная злоба убийств".
Пусть они кричат. Тем, кто никогда не стремился.
Найти истину, скрывающуюся за словом,
Тем не дано понять его истинное значение.
Они останутся навсегда слепыми среди слепых.
Но ты, о слово, такое ясное такое сильное и чистое,
Ты провозглашаешь все, что я поставил себе целью.
Я отдаю тебя будущему! Ты будешь жить,
Когда каждый пробудится в самом себе.
Придет ли это при свете солнца или под свист бури,
Я не могу сказать, но земля это увидит.
Я—анархист! Поэтому я не стану
Управлять, но не желаю и быть управляемым.

Джон Генри Макей.

История человеческого развития есть в то же время история отчаянной борьбы каждой новой идеи, возвещающей более светлое будущее. В своей упорной любви к укоренившимся традициям приверженцы старины никогда не колеблются пустить в ход самые подлые и жестокие методы борьбы, чтобы только задержать наступление нового, в какой-бы форме оно ни выражалось. Нам не

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

все пожирает и несет в себе разрушение и насилие.

Разрушение и насилие! Но откуда же знать обыкновенному человеку, что самым свирепым элементом в обществе, несущим в себе насилие, является невежество, что анархизм выступает именно протнв разрушающей силы невежества? Он не знает также, что анархизм, который основывается на самой природе, разрушает не здоровые ткани общественного организма, а паразитические наросты, вытягивающне все жизненные соки из общества. Анархизм лишь очищает почву от всякой гадостн и дряни, чтобы она могла затем принестн здоровые плоды.

Кто-то сказал, что гораздо меньшее умственное усилие требуется для того, чтобы осуждать, чем для того, чтобы думать. Распространенная всюду умственная лень, господствующая в обществе, доказывает, что это верно. Вместо того, чтобы основательно разобраться в вопросе, рассмотреть его происхождение и значение, большинство людей предпочитают или огулом осуждать или полагаться на поверхностные илн пристрастные характеристнки второстепенных мелочей.

Анархизм заставляет человека думать, рассследовать и анализировать каждое предложение. Но, чтобы не обременять читателя излишнними деталями, я также начну с определения, которое затем постараюсь развить.

Анархизм есть филсофня нового общественного строя, основанного на свободе, неограниченной какими бы то нн было человеческнми законамн: это есть теория, согласно которой все формы правления основываются на насилии и поэтому являются ложными, вредными и также ненужными.

Новый общественный строй основывается, конечно, на материальной базе, но, хотя все анархнсты согласны, что главное зло сегодняшнего дня заключается в экономике, они полагают, что устраннть это зло можно только путем разрешения всех вопросов, касающихся всех сторон жизни,—как индивидуальной, так и общественной, как внутренней, так и внешней.

Подробное изучение истории человеческого развития раскрывает перед нами два элемента, резко сталкивающиеся друг с другом, хотя теперь начинают понимать, что эти элементы не чужды друг другу, но тесно связаны между собой и гармоничны, если только нх поставнть в надлежащие условия. Это—индивидуальные и социальные ннстинкты. Личность и общество вели в течение долгих веков беспощадную кровавую борьбу между собой, при чем каждый стремился к превосходству, не понимая значения и важности другого. Индивидуальные инстинкты являются самым важным фактором человеческого развития, роста, стремлений, усилнй и осуществлений; социальные инстннкты являются столь же важным фактором взаимной помощи и общественного благополучия.

Об'ясненне борьбы между человеком, и окружающей его средой, напрашивается само собой. Первобытный человек, будучи не в состоянии понять самого себя и еще менее идею единства всей жизни, чувствовал себя в абсолютной зависнмости от слепых, тайных сил природы, всегда готовых посмеяться

BEST COPY AVAILABLE

103

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

над ним и дразнить его. Из этого положения вытекало религиозное представление о человеке, как ничтожной пылинке, зависящей от верховных сил на небе, которых можно умилостивить лишь полным смирением. Все старые сказки и саги основаны на этой идее, которая продолжает быть главным мотивом библейских преданий, говорящих об отношениях человека к богу, государству и обществу. Всюду и везде повторяется одна мысль: человек ничто, силы—все". Так Егова терпит человека только на условии полного смирения и предания себя на милость его. Человек может иметь всю славу и величие на земле, но не должен сознавать себя. Государство, общество, нравственные законы, все поют ту же песню: человек может иметь всю славу на земле, но не должен сознавать себя.

Анархизм есть единственная философия, которая дает человеку сознание самого себя, которая утверждает, что бог, государство и общество не существуют, что их обещания пустые, ничего не значущие слова, так как они могут быть исполнены лишь при условии полного подчинения человека. Анархизм поэтому есть учитель единства жизни не только в природе, но и в человеке. Нет конфликта между личностью и социальными инстинктами как не может быть конфликта между сердцем и легкими; первое есть приемник драгоценной жизненной эссенции, второе—хранилище элемента, который делает эссенцию чистой и сильной. Личность есть сердце общества, хранящее в себе эссенцию социальной жизни; общество—легкие которые, распределяют элемент, делающий жизненную эссенцию —то есть личность,—чистой и сильной.

—„Единственная ценная вещь в мире", сказал Эмерсон, „есть активная душа; каждый человек имеет это внутри себя. Активная душа видит абсолютную истину, высказывает истину и творит". Другими словами, индивидуальный инстинкт есть ценная вещь в мире. Истинная душа видит и создает живую истину, из которой рождается еще большая истина,—возрожденная социальная душа.

Анархизм—великий освободитель человека от миражей, которое держали его до сих пор в плену, судья и умиротворитель двух сил индивидуальной и социальной гармонии. Чтобы завершить это единство, анархизм об'явил войну всем гибельным влияниям, которые до сих пор мешали гармоничному единению индивидуальных и социальных инстинктов, личности и общества.

Религия—область человеческого ума; собственность—область человеческих нужд и потребностей; и правительство—область человеческого поведения; все это является оплотом порабощения человека и всех ужасов, к которым оно ведет. Религия! Как она господствует над умом человека и унижает его и развращает его душу. „Бог есть все и человек ничто," учит нас религия. Но из этого ничего бог создал царство столь деспотическое, тираническое, столь жестокое, столь ужасно требовательное, что с тех пор, как начались боги, миром управляли лишь слезы, кровь и мрак. Анархизм поднимает человека на восстание против этого черного чудовища. „Разбей свои умственные цепи", говорит анархизм

104

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. — Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. — 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

человеку, потому что, пока ты не будешь думать и разсуждать сам за себя, ты не освободишься от власти тьмы, величайшего препятствия на пути к всеобщему прогрессу.

Собственность, область человеческих нужд есть в то же время отрицание на право удовлетворения нужд человека. Было время, когда собственность претендовала на божественное право, когда она обращалась к человеку, с теми же словами, как и религия: „жертвуй собой! откажись от себя! подчинись!" Дух анархизма поднял человека из его прострации. Теперь он гордо выпрямился и его лицо обращено к свету. Он научился видеть, сколь ненасытна, всепожирающа и опустошительна природа собственности, и он готов теперь нанести этому чудовищу смертельный удар.

—„Собственность есть воровство", сказал великий французский анархист Прудон. Но без риска и опасности для вора. Захватывая в свою монополию соединенные усилия человека, собственность ограбила у него принадлежащие ему по рождению права и выгнала его на улицу бедняком и отверженцем. Собственность не имеет даже обычной надоевшей отговорки, что человек не создает достаточно для удовлетворения всех своих нужд. Каждый начинающий студент политической экономии знает, что продуктивность труда в течение последних десятилетий далеко превысила нормальные потребности. Но каковы могут быть нормальные потребности у ненормального учреждения. Единственная потребность, которую признает собственность, есть ее жадный аппетит к все большему и большему богатству, ибо богатство обозначает власть,

право подчинять себе, давить, эксплоатировать, порабощать, оскорблять и развращать, Америка особенно гордится своим могущественством, своим огромным национальным богатством. Бедная Америка! На что ей все ее богатства, если люди, составляющие ее нацию бедны и жалки, если они живут в нищете, грязи, среди преступлений, без луча надежды и радости,—бездомная, бездушная армия, людская масса, готовая стать добычей эксплоататоров!

Все признают истину, что в любом деле, если доходы не покрывают расходы, банкротство неизбежно. Однако те, кто занят в деле производства богатства, не научился даже такой простой истине. Каждый год стоимость производства в человеческих жизнях ростет больше и больше (50,000 убитых и 100,000 раненых в Америке за прошлый год); доходы тех масс, помогающих созданию богатств, все уменьшаются. Однако, Америка продолжает закрывать глаза на неизбежность банкротства в деле пронзводства. Но это не единственное их преступление. Еще более фатально преступление превращения производителя в простую частичку машины, которая имеет меньше воли и решительности, чем его стальной и железный господин. У человека отняты не только продукты его труда, но и право свободной инициативы, оригинальности, интерес к вещам, которые он производит, и самое желание производить их.

Истинное богатство состоит в полезных и красивых вещах, которые помогают создать сильные, красивые тела, и обстановку рождающую желание жить. Но, если человеку су-

BEST COPY AVAILABLE

105

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ждено в течение 30 лет своей жизни наматывать хлопок на веретено, или катать уголь или строить дороги, то не может быть никакого розговора о богатстве. Он может дать миру только безобразные вещи, отражающие скучное и безобразное существование,—слишком слабое, чтобы жить, и слишком трусливое, чтобы умереть. Удивительно, что есть еще люди, которые восхваляют этот мертвящий метод централизованного производства, как самое великолепное достижение нашей эпохи. Они совершенно не в состоянии понять что, если мы будем продолжать подчиняться таким образом машине, то наше рабство будет более полно, чем во времена короля. Они не хотят знать, что централизация есть не только смерть свободе, но также здоровью и красоте, науке и искусству, ибо все это невозможно в машинообразной атмосфере, где все протекает по часам.

Анархизм может только отвергнуть такой способ производства; его цель—самое свободное по возможности выявление всех открытых сил человека. Оскар Уайльд описывает совершенную личность, как такую, которая развивается при совершенных условиях, и которая не ранена, не изуродована и не находится в опасности". Совершенная личность, таким образом, возможна только в таком состоянии общества, где человек может свободно выбирать себе характер работы, условия работы, и самую работу. Ибо делать стол, строить дом или обрабатывать землю может быть для одного человека тем же, что для художника рисовать, для научного деятеля заниматься открытиями—работой вдохнов-

ния, страстного желания и глубокого интереса к делу, что дает человеку творческую силу. Если идеал анархизма таков, то его экономическая система должна сводиться к добровольным производительным и распределительным ассоциациям, постепенно развивающимся в свободный коммунизм, как лучший способ производства с наименьшей потерей человеческой энергии. Однако анархизм признает также за каждым отдельным человеком или группой людей право устраивать в любое время другие формы работы, соответствующие их вкусам и желаниям.

Так как такое свободное проявление человеческой энергии возможно только при полной индивидуальной и социальной свободе, то анархизм направляет свои силы против третьего и величайшего врага всякого социального равенства,—именно государства, организованной власти и установленного закона, регулирующих человеческое поведение.

Как религия сковала человеческий ум, и как собственность или монополия на вещи подчинила себе и сузила человеческие потребности, так государство поработило человеческий дух, диктуя ему каждый шаг поведения... „Всякое правительство", говорит Эмерсон, „есть, в сущности, тиранния". Совершенно не важно, действует ли правительство именем божественного права или именем большинства. В каждом случае оно стремится к абсолютному подчинению себе человеческой личности.

Рассуждая об американском правительстве, величайший американский анархист Давид Торо говорит: — „Правительство есть

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ничто иное, как традиция не очень давнего происхождения; оно стремится к тому, чтобы перейти к потомству в неизменном виде, но каждый раз теряет в своей целостности; оно не имеет жизненности и силы отдельного человека. Закон никогда не сделал ни одного человека справедливее ни на ноту; и именно вследствие своего уважения к закону даже наилучшие люди ежедневно превращаются в агентов и слуг несправедливости".

На самом деле, основная черта всякого правительства есть несправедливость. С высокомерием и самонадеянностью короля, который не может поступать неправильно, правительство приказывает, судит, осуждает и наказывает за самые незначительные проступки, удерживаясь само у власти посредством величайшего из всех преступлений,— уничтожения индивидуальной свободы. Уйда права, когда она говорит: „государство имеет в виду внушить своему народу только те качества, при которых его приказания будут исполняться и его казна будет наполняться. Величайшим достижением государства является низведение человечества до степени часовой бездушной машины. В его атмосфере все те более тонкие и деликатные свободы, которые требуют ухода за собой и свободного воздуха, неизбежно засыхают и гибнут. Государство требует машины, платящей налоги и работающей без перебоя, казны, в которой никогда не бывает дефицита, и народа послушного, безцветного, монотонного, бездушного идущего, как стадо овец, вдоль прямой дороги между двух стен".

Однако, даже стадо овец восстало бы про-

тив интриг государства, если бы оно не употребляло для своих целей тираннических, репрессивных и развращающих методов. Поэтому Бакунин отвергает государство, как синоним отречения от свободы личности и меньшинства, синоним разрушения общественных отношений, урезывания или даже полного отрицания самой жизни ради интересов государства. Государство есть алтарь политической свободы и как религиозный алтарь, он поддерживается для человеческого жертвоприношения.

Вообще вряд ли есть хотя бы один из современных мыслителей, кто бы не согласился, что правительство, организованная власть или государство нужно *только* для поддержания или защиты собственности и монополии. Оно доказало свою состоятельность только в этом отношении.

Даже Бернард Шоу, который надеется на чудеса от государства при фобианизме, признает тем не менее, что „в настоящее время государство есть громадная машина для ограбления и превращения бедняков путем грубой силы в рабов". Раз это так, то трудно понять, почему этот умный пропагандист все-таки желает сохранить государство даже после того, как бедность перестанет существовать.

К несчастью, есть еще много людей, которые продолжают упорно верить, что правительство основано на законе природы, что оно поддерживает общественный порядок и гармонию, что оно уменьшает преступление и не дает лентяю обманывать своих ближних. Рассмотрим эти утверждения.

BEST COPY AVAILABLE

107

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Закон природы есть такой фактор в человеке, который проявляется свободно, внезапно, без всякого внешнего принуждения и в полной гармонии с требованиями природы. Например, требования питания, света, воздуха, физических упражнений, половые потребностн,—это закон природы. Но для своего выявлення он не нуждается в правительственном аппарате, в палке полицейского, в оружии, в наручниках и в тюрьме. Чтобы повиноваться естественному закону, если это вообще можно называть повиновением, требуется лишь отзывчивость и свобода. Что правительства не основываются на таких гармоничных факторах, доказывается уже тем ужасным спнском наснлий и принуждений, к которым прнбегают все правительства мира для поддержания своего существования. Блэкстон был прав, когда сказал: „человеческие закоиы плохи, потому что они противны естественным законам природы".

Трудно себе представить, чтобы правительство было способно к водворению порядка нлн социальной гармонии, если только под этнм не понимать того пресловутого порядка, который царствовал в Варшаве после избиения тысячей людей. Порядок, достнгнутый путем подчнненния и поддерживаемый террором, не есть еще надежная гарантия; однако это—единствеиный порядок, который поддерживают все правительства. Подлинная соцнальная гармоння выростает из солидарностн интересов. В обществе, где люди, работающие постоянно, не имеют ничего, а никогда не работающие нмеют все, солидарности интересов, конечно, нет; отсюда и социальной гармонии быть не может. Но организованная власть реагирует на это важное положение только тем, что раздает еще большие привиллегии тем, кто уже монополизировал в своих интересах всю землю и еще больше порабощает обездоленные массы. Таким образом весь арсенал правнтельственных мероприятий, — законы, полнция, солдаты, суды, парламенты, тюрьмы,—все это ревностно работает над „приведением в гармонию" самых враждебных элементов в обществе.

Но самая абсурдная защита власти и закона, что они якобы достигают уменьшения преступлений. Не говоря уже о том, что государство само по себе есть велнчайший преступник, который нарушает все писанные и естественные законы, ворует под видом налогов, убивает под вндом войны и смертной казни, государство прншло к полному нулю в борьбе с преступлениями. Оно оказалось совершенно не в силах уинчтожить или даже уменьшить ужасный бич, который оно само же создало.

Преступление есть ничто иное, как неверно направленная энергия. Пока все существующие теперь учреждения н положения, экономические, политические, общественные и моральные, работают лишь в одиом духе, направляя человеческую энергию в ложные каналы; пока большннство людей чувствуют себя не на месте, делая работу, которую они ненавидят, ведя жизнь, которая нм противна, преступление останется неизбежным злом, и все законы и статуты могут только увеличить, но не уничтожнть его. Что знает обще-

108

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ство в том виде, как оно сейчас существует, об отчаянии, о бедности и нищете, об ужасной борьбе, через которую должен пройти человек по пути к преступлению и падению? Тот же, кто знает этот етрашный процесс, не может не видеть истину в следующих словах Петра Кропоткина:

— „Те, кто сравнит выгоды, приписываемые закону и наказанию, с развращающим влиянием, которое они оказывают на человечество; те, кто поймет, какое страшное разложение вносит в человеческое общество сыщик, покровительствуемый судьей и оплачиваемый монетой правительством под тем предлогом, что он помагает разоблачать преступления; те, кто пойдут по тюрьмам и увидят там, во что превращается человеческое существо когда оно лишено свободы, когда оно подвергается грубому обращению тюремщихов, жестоким, грубым словам, тысячам язвительных, оскорбительных унижений, те согласятся с нами, что весь аппарат тюрьмы и наказания есть проклятие, которое должно быть совершенно уничтожено".

Устрашающее влияние закона на ленивого человека слишком ничтожно, чтобы о нем нужно было говорить. Если общество будет избавлено от напрасной траты сил и средств, от расходов по содержанию ленивого класса и таких же громадных расходов, которые этот ленивый класс требует на свою охрану, то общественный стол будет иметь всего в достаточном изобилии для всех граждан, включая сюда и случайного ленивца. Кроме того, нужно помнить, что лень является результатом или специальных привиллегий или

физической и умственной ненормальности. Наша теперешняя нездоровая система производства покровительствует и тому и другому, и в высшей степени удивительно, что народ вообще желает еше работать. Анархизм имеет в виду очистить труд от этого мертвящего, скучного элемента, от унижения и принуждения и стремится к тому, чтобы сделать работу средством к увеличению радости, силы, ярких красок, истинной гармонии так, чтобы самый бедный человек мог почерпнуть в работе и развлечение, и иадежду.

Чтобы добиться такого устройства жизни, правительство с его несправедливыми, произвольными, репрессивиыми мерами должно быть уничтожено. В лучшем случае оно может лишь навязать однообразную систему жизни для всех граждан, не разбираясь в индивидуальных и социальных различиях и нуждах. Уничтожая правительство и установленные законы, анархизм предлагает восстановить самоуважение, независимость личности и свободу от всяких стеснений и вмешательств власти. Только при свободе человек может вырости во весь свой рост Только пр свободе он научится думать, действовать и проявлять свои лучшие стороны. Только при свободе он уяснит себе истинную силу общественных связей, которые соединяют людей воедино и являются настоящим основанием нормальной общественной жизни. Но что сказать о человеческой натуре? Может ли она измениться? И если нет, то вынесет ли она анархизм?

Бедная человеческая натура, какие только ужасиые преступлеиия не совершались ради

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

твоего имени! Каждый глупец от короля до полицейского, от ограниченного тупого пастора до безидейного работника науки претендует говорить от имени человеческой натуры. И чем больше какой-нибудь шарлатан, тем сильнее он настаивает на скверности и слабости человеческой природы. Но как может кто-либо говорить об этом теперь, когда душа каждого человека заключена в тюрьму, а сердце заковано, связано, изранено и искалечено?

Джои Борроуз устаиовил, что экспериментальное изучение животных, находящихся в заключении, совершенно бесполезно. Их характер, привычки, аппетиты, все это подвергается полиой перемене, когда они оторваны от их почвы на поле и в лесу. Когда человек заключеи в тесиую клетку и каждый деиь подвергается побоям, то как мы можем говорить о его развитии и прогрессе?

Свобода, широкие рамки, случай и больше всего мир и спокойствие могут нас иаучить, каковы на самом деле главные факторы человеческой природы и всех ее удивительиых возможностей.

Анархизм, таким образом, стоит за освобождеиие человеческого ума от владычества религии, за освобождение человеческого тела от владычества собственности, за освобождение от оков и стеснений правительства. Анархизм стоит за порядок, осиованный иа свободной группировке людей в целях производства истинного общественного богатства; за порядок, который гарантирует для каждого человека свободный доступ к земле и полное пользование всеми необходимыми

для жизни вещами, согласно индивидуальным желаниям, вкусам и наклонностям.

Это не есть дикая фантазия или увлечение ума. К такому заключению пришли очень и очень многие интеллигентные мужчины и женщины в мире, и их заключение основано на внимательном и точном изучении главных тенденций современного общества: индивидуальной свободы и экономического равенства, которые вызывают в человеке все, что в нем есть лучшего и благородиого.

Теперь о методах. Анархизм ие есть, как некоторые могут предполагать, теория будущего, которая должна быть осуществлена путем божествеиного вдохновения. Это—живая сила в нашей жизни, постоянно создающая новые условия. Поэтому методы анархизма не содержат в себе точно выработанной программы, которая должиа быть выполнена при всяких условиях. Методы должны вырости из экономических нужд и потребностей каждого места и климата и сообразоваться с интеллектуальными и личными особенностями индивидуума. Спокойный, ясный характер Толстого будет требовать совсем других методов для общественной перестройки, чем глубокая, стремительная личность Михаила Бакунина или Петра Кропоткина. Также должно быть ясно, что экономические и политические нужды России потребуют более решительных мер, чем Англия или Америка. Анархизм не стоит за военную выправку и однообразие. Он стоит за мятеж и восстаиие во всякой форме против всего, что мешает человеческому прогрессу. Все аиархисты сходятся в этом точио также, как оии сходятся

110

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. — Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. — 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

в своем отрицании политической парламентской борьбы, как средства достижения больших социальных перемен.

„Всякое голосование",— сказал Торо, „есть своего рода игра, как игра в карты, не больше и не меньше; его идейное значение столь же ничтожно, как и его целесообразность. Даже голосование за правильный принцип ровно ничего для него не делает. Разумный человек не оставит своего права на произвол случая и не захочет подкреплять его властью большинства". Внимательное изучение политического аппарата и его достижений приведет нас к тем же выводам, что и Торо.

Что показывает история парламентаризма? Ничего кроме провалов и неудач,—ни одной реформы, улучшающей экономическое и общественное положение народа. Принимались законы, издавались постановления для улучшения и охраны труда, но толку от этого не получалось никакого. Так только в прошлом году было доказано, что в Штате Иллинойс с его самыми строгими законами относительно охраны труда в копях произошла самая ужасная катастрофа в рудниках. В штатах, где существуют законы об охране детского труда, эксплоатация детского труда свирепствует более, чем где бы то ни было. Хотя у нас рабочие пользуются всеми политическими привилегиями, капитализм достиг в Америке наивысшего развития.

И даже если бы рабочие могли иметь своих собственных представителей, чего добиваются наши социалисты, то какие шансы они имели бы для проявления своих добрых намерений? Нужно только вспомнить, что та-

[illegible] самый процесс политической борьбы, к [illegible]ким средствам прибегают политические деяте[illegible]ли для достижения своих целей: забегание [illegible] задней двери, интриги, ложь, обман, все [illegible]то пускается в ход. К этому нужно прибавить обыкновенно полное отсутствие честности и убеждений, чтобы понять, что от таких людей ничего хорошего ждать нельзя. Неоднократно народ по своей доверчивости обращался к ним, поддерживал их, верил, отдавал последнюю копейку, и каждый раз они обманывали его.

Можно возразить, что действительно честные люди не поддадутся влиянию этой политической мельницы. Может быть и нет. Но такие люди будут совершенно безпомощны, чтобы оказать хотя бы малейшее влияние в защиту интересов труда, что было уже доказано многими примерами. Государство— экономический хозяин своих слуг. Хорошие люди, если таковые есть, или останутся верными своим политическим убеждениям и потому не будут встречать поддержки, или они станут на сторону своего экономического хозяина и не будут способны ни к чему хорошему. Политическая арена не оставляет никакой другой альтернативы,—входящие на нее должны быть или глупцами или негодяями.

Политические предрассудки все еще владеют умами и сердцами народных масс, но истинные любители свободы должны от них освободиться. Вместо этого они будут верить вместе с Штирнером, что человек получает такую свободу, какую он хочет иметь. Анархизм поэтому стоит за прямое действие, за

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

теорией социальной гармонии и великой, ра-
стущей, живой силой, которая имеет в вид
перестроить весь мир, и уже приближает на
к заре будущего.

Меньшинство против большинства.

Если бы мне нужно было указать наиболее характерную черту нашего времени, то я бы сказала: количество. Количество, множество доминирует всюду, подавляя качество. Вся наша жизнь,—производство, политика, образование,—основана на количестве, на численности. Рабочий, который когда-то гордился совершенством и качеством своей работы, заменен ныне безмозглыми, некомпетентными автоматами, которые производят огромное количество продуктов, не имеющих для них никакой цены, и вообще зачастую вредных для остального человечества, Так количество, вместо того, чтобы увеличить комфорт и мир в жизни, увеличило лишь тяжесть, лежащую на человеке.

В политике ничто, кроме количества, не имеет значения. Соответственно с этим идеалы, принципы, справедливость и прямота потеряли, будучи совершенно поглощены численностью. В борьбе за превосходство различные политические партии соперничают одна с другой в ловкости, хитрости, обмане и темных махинациях, будучи уверены, что та, которая победит, может расчитывать в качестве победителя на апплодисменты большинства. Есть только один бог—успех. А за счет чего, ка-

BEST COPY AVAILABLE

112

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. – Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. – 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

кой ужасной ценой он получен, это считается неважным. Нам не приходится ходить далеко, чтобы доказать эту печальную истину

Никогда раньше такое разложение, такое полное падение нашего правительства не было так ясно у всех перед глазами; никогда раньше американский народ не стоял лицом к лицу перед такой подлой организацией, которая втечение долгих лет претендовала на безупречность, выставляя себя главной основой всех наших учреждений и защитницей и покровительницей народных прав и свобод. Однако, когда преступления партии сделались настолько вопиющими, что даже слепой мог их увидеть, правительству стоило только пустить в ход своих агентов,—и его превосходство было обеспечено. Таким образом, сами жертвы, обманутые, одураченные, оскорбленные тысячу раз, решили не против, а в пользу победителя. Некоторые удивленно спрашивали потом, какже большинство предало традиции американской свободы? Где же был его разум, способность рассуждать. В том то и дело, что большинство не может рассуждать, у него нет разума. Не имея совершенно ни оригинальности, ни нравственного мужества, большинство всегда вручало свою судьбу в руки других. Неспособное нести ответственность, оно всегда следовало за своими лидерами, хотя бы они вели его к гибели. Доктор Штокман был прав, говоря: „самый опасный враг истины и справедливости среди нас есть сплоченное большинство, проклятое сплоченное большинство". Без амбиции и инициативы сплоченная масса ничто так не ненавидит, как всякое новшество; она всегда противилась, осуждала и преследовала новатора, пионера новой истины.

Теперь часто повторяют среди политиков, включая и социалистов, следующие слова: „Наше время—есть эра индивидуализма, меньшинства." Только те, кто не отличается глубиной мысли, могут так думать. Разве богатство мира не собрано в руках немногих? Разве они не хозяева, не самодержавные короли положения? Однако, их успех не есть результат индивидуализма, а инерции, запуганности и полного подчинения народной массы. Она только того и хочет, чтоб над ней доминировали, ею руководили, ее усмиряли. Что касается индивидуализма, никогда еще в истории человечества он не имел меньше шансов чем теперь, на свое выявление и утверждение в нормальном и здоровом виде. Оригинальный и честный воспитатель, артист или писатель, с ярко выраженной индивидуальностью, независимый научный деятель или исследователь, не поклоняющийся принятым авторитетам, и реформатор, не желающий итти на компромиссы, ежедневно принуждены отступать на задний план перед людьми, знание и творческая способность которых пришли уже в упадок.

Воспитателей типа Феррера не терпят нигде в то время, как люди, жующие давно пережеванную жвачку, вроде профессоров Эллиота и Бутлера, являются успешными продолжателями века глупых ничтожеств. В литературе и драме имена Хэмфри Уордс и Кляйда Фитча боготворятся массой в то время, как немногие знают и ценят красоту и гений Эмерсона, Торо, Уитмэна, Ибсена,

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Гаутпмана, Бэтлер Иэтса или Стиведа Филлипса. Они, как одинокие звери, находятся далеко за горизонтом и неизвестны большинству.

Издатели театральные антрепренеры и критики не интересуются действительно художественными качествами творческого искусства, а спрашивают лишь, принесет ли данное произведение барыш, и понравится ли оно толпе? Увы, это плохой критерий; толпе нравится только то, что не требует умственного напряжения. В результате, на литературном рынке появляются главным образом лишь посредственные, ординарные, мещанские произведения.

Должна ли я сказать, что те же печальные выводы относятся и к изобразительным искусствам? Нужно только пройти по нашим паркам и улицам, чтоб убедиться в вульгарности и отвратительном безобразии нашего искусства. Только большинство могло допустить такие оскорбительные для истинного искусства произведения. Ложные в своей компановке и варварские по исполнению, статуи, наполняющие американские города, имеют такое же отношение к истинному искусству, как языческие идолы к статуям Микель Анджело. И только такое искусство имеет успех. Истинный артистический гений, который не подделывается под принятые взгляды, который творит оригинально и хочет быть верным жизни, влачит неизвестное и жалкое существование. Его работа может однажды стать предметом поклонения толпы, но не раньше, чем его истощенное сердце перестанет посылать кровь в жилы, когда в нем умрет искатель

новых путей, и когда толпа безидейных и ограниченных людей убьет наследство великого мастера.

Сказано, что артист ныне не может творить, потому что он, как Прометей, прикован к скале экономической необходимости. Однако, это относится к искусству всех времен и эпох. Микель Анджело зависел от своего святейшего патрона не меньше, чем теперешний скульптор или художник, при чем знатоки искусства тех времен были головой выше нашей глупой толпы. Они считали за честь, когда им разрешалось помолиться у гробницы маэстро.

Покровитель искусства нашего времени знает только один критерий, одну ценность— доллар. Его не интересует художественная сторона произведения, а лишь количество долларов, которое придется платить. Так, в пьесе Мирбо: „Les affaires sont les affaires" один финансист говорит, указывая на какую-то мазню в красках: „Посмотрите, какое великое произведение; оно стоит 50.000 франков". Точно также рассуждают наши разбогатевшие буржуа. Баснословные цифры, уплаченные ими за их великие произведения и открытия, искупают бедность их вкуса.

Самым непростительным грехом в нашем обществе считают независимость мысли. То, что об этом грехе так много говорят в стране, символом которой считается демократия, весьма многозначительно указывает на огромную силу большинства.

Венделл Филлипс сказал 50 лет тому назад: „В нашей стране абсолютного демократического равенства общественное мнение не

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. – Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.– 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

только всемогуще, но и всезнающе. Нет никакого убежища от его тирании, некуда спрятаться от его влияния и в результате, если вы возмете фонарь и начнете искать, среди сотни людей вы не найдете ни одного американца, который не был бы убежден, что он может что нибудь выиграть или проиграть в его самолюбии, в его общественной жизни или деле от того или иного мнения о нем его соседей и от их голосования. Следствием этого является то, что вместо того, чтобы быть коллективом индивидуумов, из которых каждый без всякого страха и опасения высказывает свои мысли, мы как нация по сравнению с другими народами, являемся нацией трусов. Мы более, чем какой-либо другой народ, боимся друг друга".

Очевидно, что со времени Венделля Филлипса мы не подвинулись вперед и мало ушли от этих условий. Теперь, как и тогда, общественное мнение есть вездесущий тиран; теперь, как и тогда, большинство представляет собой массу трусов, которые готовы принять всякого наглеца, хотя бы он не скрывал своей духовной бедности и скудости. Этим об'ясняется такой небывалый рост популярности человека вроде Рузвельта. Он воплощает в себе наихудшие элементы психологии толпы. Как политик, он знает, что большинство мало интересуется идеалами или целостностью личности. Оно жаждет всякого рода зрелищ, хотя бы это была собачья выставка, или состязание борцов, или линчевание негра, или преследование и арест мелкого воришки, или свадьба богатой наследницы или акробатические выходки и речи бывшего президента.

Чем отвратительней выходка, тем больший восторг и апплодисменты толпы она вызывает. Поэтому бедный идеями и вульгарный своей душой Рузвельт продолжает быть героем дня.

С другой стороны люди, возвышающиеся над уровнем этих политических пигмеев, люди утонченной культуры и способностей, подвергаются насмешкам и должны молчать. Нелепо говорить, что наше время есть эра индивидуализма. Наше время есть просто яркое повторение всемирноисторического явления: каждое усилие в направлении прогресса, каждый шаг вперед в просвещении, в науке, в религиозной, политической и экономической свободе делается меньшинством, а не массой. Сегодня, как и всегда, немногие отдельные люди не понимаются, разыскиваются полицией, арестовываются, подвергаются пытке и убиваются.

Принцип братства, возвещенный агитатором из Назарета, заключал в себе жизненное зерно истины и справедливости, пока он оставался маяком света для немногих. Но с того момента, когда большинство ухватилось за него, великий принцип сделался ничего незначущим ярлыком и предвестником крови и огня, несущим в себе страдание и несчастие. Аттака на всемогущество Рима, руководимая такими колоссами, как Гусс, Кальвин и Лютер, была первым солнечным лучем среди ночной темноты. Но как только Лютер и Кальвин обратились в политиков и начали подделываться к маленьким князькам, дворянству, и к духу толпы, так сейчас же они подвергли опасности все великие возможно-

BEST COPY AVAILABLE

115

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

сти Реформации. Они добились успеха у большинства, но это большинство оказалось не менее жестоко и кровожадно в преследовании мысли и разума, чем католики. Горе еретикам и меньшинству, которое не преклонится перед их предписаниями. После безконечных усилий, терпения и жертв человеческий ум, наконец, свободен от религиозных миражей. Меньшинство добивается теперь новых завоеваний, новых достижений, а большинство толчется сзади, без всякого движения, ибо оно связано по рукам и ногам старыми истинами, которые уже превратились в ложь.

Политически человечество пребывало бы до сих пор в рабстве, если бы не Джоны Боллы, Уоты Тайлёры, Вильгельмы Телли и другие бесчисленные борцы—гиганты, которые сражались шаг за шагом против власти королей и тиранов. Если бы не отдельные борцы, то мир не был бы потрясен до самого основания огромной волной французской революции. Великим событиям обыкновенно предшествуют мелкие по внешности инциденты. Так красноречие и огонь Камилла Дэмулена прозвучали, как иерихонская труба, разрушая до самого основания Бастиллию, символ пытки, оскорблений и ужасов.

Всегда и во все времена знаменосцами великой идеи и освободительных усилий, были немногие храбрецы, но не толпа, которая всегда была мертвым балластом, мешающим движению вперед. Эта истина доказана в России яснее, чем где бы то ни было. Тысячи жизней принесены в жертву кровавому царскому режиму, но чудовище на троне все еще

не насытилось. Как это возможно, чтобы в стране, где существует высокондейная, культурная интеллигенция, искусство и литература, лучшие элементы стонали под железным игом самодержавия? Большинство—вот, об'яснение; эта сплоченная, неподвижная, сонная масса русских крестьян, которые все еще верят, что веревка, на которой вешают „белоручек", приносит счастье.

В истории американской борьбы за свободу большинство было неменьшим препятствием к прогрессу. До сих пор идеи Джефферсона, Патрика Генри, Томаса Пэйна не признаются их потомками, ибо масса не желает их знать. Величие и мужество, боготворимое в Линкольне, было подготовлено его предшественниками, но это забывается. Негритянский вопрос был выдвинут еще деятелями из Бостона, каковы были Ллойд Гаррисон, Венделль Филлипс, Торо, Маргарет Фуллер и Теодор Паркер, во главе которых по своему мужеству и твердости стоял мрачный гигант, Джон Браун. Именно их неустанные усилия, красноречие и упорство подорвали могущество южно-американских рабовладельцев. Линкольн и его сторонники пришли уже, когда вопрос об отмене рабства стал практической задачей дня, признанной всеми.

Около 50 лет тому назад на политическом горизонте мира сверкнула метеором ослепительная идея социализма,—она была столь многообещающа, столь революционна и всеоб'емлюща, что страх закрался в сердца всех тиранов. С другой стороны для многих миллионов эта идея была вестником радости, счастья и надежды. Пионеры знали о трудно-

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

стях на их пути, знали о сопротивлении, преследованиях и лишениях, которые они должны вынести, но гордо и безстрашно они выступили вперед. Теперь эта идея стала обычным избитым лозунгом. Почти каждый человек ныне социалист: богач так же, как его бедная жертва; защитники закона и власти так же, как и их несчастные нарушители, вольнодумец так же, как и ханжа, упорно держащийся религии; модно наряженная дама так же, как и бедно одетая девица. Почему же нет? Ведь эта истина, появившаяся 50 лет тому назад, стала теперь ложью, когда ее окарнали со всех сторон, обрезали, отняли у ней юношеское вдохновение, лишили ее силы и революционного идеала. Почему же нет? Теперь это уже не прекрасная мечта, а „практически осуществимая схема", основывающаяся на воле большинства. Почему же нет? Политический интриган всегда возносит фимиамы большинству,—бедное, обманутое, одураченное большинство, если бы только оно последовало за нами!

Кто не слышал эту песню? Кто не знает, как ее неустанно напевают все политиканы? Что народ истекает кровью, что его грабят и эксплоатируют, я знаю так же хорошо, как и эти господа, ловящие голоса избирателей. Но я утверждаю, что не кучка паразитов, а сами массы ответственны за это ужасное состояние вещей. Большинство раболепствует перед своими господами, обожает кнут и готово первое кричать: „распни его", как только кто нибудь возвышает голос против святости капиталистической власти или другого отжившего учреждения. И неизвестно еще как долго

просуществовала бы власть и частная собственность, если бы не готовность народных масс служить солдатами, полицейскими, тюремщиками и палачами. Социалистические демагоги знают это так же хорошо, как и я, но они поддерживают миф о достоинствах большинства, потому что их программа также стоит за продолжение власти. А как можно добиться власти без большинства? Власть, принуждение, подчинение основывается на большинстве, но свобода или свободное развитие человека или создание свободного общества от большинства не зависят.

Я отрицаю большинство, как творческую силу, не потому, что я не сочувствую всем притесненным и обездоленным, и не потому, что не знаю ужасные, позорные условия, в которых живут народные массы. Вовсе нет и нет! Но я отрицаю большинство потому, что я знаю слишком хорошо, что массы никогда не стояли за справедливость и за равенство. Большинство всегда подавляло человеческий голос, подчиняло человеческий дух, и заковывало в оковы человеческое тело. Его целью всегда было сделать жизнь однообразной, серой, монотонной, как пустыня. Как большинство, оно всегда уничтожало индивидуальность, свободную инициативу и оригинальность. Поэтому я верю вместе с Эмерсоном, что „массы—грубы, убоги; их влияние, их требования вредны; им нельзя льстить, их нужно только учить и учить. Я не желаю делать им никаких уступок, их следует тренировать, разделить, разбить и вырвать из них отдельные личности! Массы! Массы—это бедствие. Я не хочу никаких масс, и же-

117

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

лаю иметь дело только с отдельными честными людьми и вежливыми, милыми женщинами".

Другими словами, всякая живая правильная мысль об общественном и экономическом процветании может стать реальностью только благодаря энергии, мужеству и твердой решимости интеллигентного меньшинства, но ни в коем случае не благодаря большинству.

Психология политического насилия.

Анализировать психологию политического насилия (убийства или покушения) не только чрезвычайно трудно, но и очень опасно. Если к таким актам относиться со вниманием, то тебя сейчас же обвинят в восхвалении политического убийства. Если, с другой стороны, выражаешь симпатию к самому виновнику политического преступления, то рискуешь быть заподозренным в соучастии. Однако, только понимание и симпатия могут поставить нас лицом к лицу с самим источником человеческих страданий и указать на выход из положения.

Примитивный человек не имел понятия о силах природы, боялся их и прятался от опасностей, когда они ему угрожали. Когда человек научился понимать явления природы, он уразумел, что, хотя они могут убить и причинить много вреда, но в то же время они могут принести и облегчение. Для человека, занимающегося данным вопросом, должно быть ясно, что накопляющиеся в нашей общественной и экономической жизни силы, прорывающиеся в акте политического насилия, подобны накопляющимся силам в нашей атмосфере, которые проявляются в буре и молнии.

Чтобы понять вполне правильность этого

118

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. — Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. — 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

вагляда, необходимо глубоко созиавать иесправедливость иаших обществеиных зол, и чувствовать горе, отчаяиье и страдаиия, которые претерпевают ежедневио миллиоиы народа. Вообще, если мы не являемся частицей человечества, мы ие можем даже в слабой стеиеии представить себе справедливое негодование, иакипающее в человеческой душе, бурную охватывающую страсть, которая затем неизбежно разражается вспышкой.

Невежествеииые массы смотрят иа человека, яростио протестующего против иашего социальиого и экоиомического иеравеиства, как на дикого зверя, как иа жестокое бессердечное чудовище, для которого высшая радость состоит в том, чтобы убить человека и выкупаться в крови; или же на иего смотрят как на безответственного сумасшедшего. Одиако это совершенно не верно. Ибо те, кто интересовался характером и личиостью этих людей, или приходил в коитакт с иими, согласиы, что имеиио их чрезмерио развитая чувствительность и отзывчивость иа все иесправедливости и недостатки иашей жизии заставляет их платить дань иашим социальным преступлеииям. Самые известиые писатели и поэты, говоря о психологии политических преступиików, всегда оказывали им величайшее уважеиие. Может ли кто вообразить, что оии сами стоят за политические убийства и советуют совершать их? Конечио иет. Оии относились к этому, как к предмету изучения, как люди, которые зиают, что за каждым политическим преступлеиием есть какая нибудь важная причииа.

Бьернстерне Бьернсои во второй части

своей пьесы: „Свыше человеческих сил“ указал, что имеино среди анархистов мы должны искать современиых мучеников, которые платят за свои убеждеиия кровью, которые приветствуют смерть улыбкой, так как верят, как верил Христос, что их мучеиичество искупит человечество.

Фраицузскиий писатель, Фраисуа Коппэ говорит о психологии политического преступника следующее:

—„Чтеиие описания казии Вальяиа заставило меия задуматься. Я представлял себе, как ои расправлял свою грудь под веревками, как ои шел твердым шагом, иапрягал свою волю и собирал свою эиергию и с глазами, устремлеиными на гильотину, бросил свое последнее проклятие обществу. Одиако, против моей воли другое зрелище встало виезапно перед моими глазами. Я видел толпу мужчии и женщии, робко жмущихся друг к другу посреди арены цирка под взором тысячи глаз, в то время, как со всех ступеиь громадного амфитеатра несется ужасиый вопль: „отдать их львам на с'едение!“, а внизу арены уже растворяются клетки зверей...“

„Я ие думал что Вальян будет казиеи. Прежде всего ии одиа жертва преступления убита ие была, а у иас давио образовалась традиция ие наказывать виновииков иеудавшегося покушения высшей формой иаказания. Затем это преступление, как бы отвратительно оно ие было, ие преследовало никаких выгод и совершено ради отвлечеииой идеи. Прошлое преступиика, его заброшеиность в детстве, полиая лишеиий жизнь говорили в его пользу. В иезависимой прессе громко раздавались мно-

119

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

гочисленные голоса в его пользу. Кто-то с презрением сказал: „чисто литературное течение!". *Однако, люди искусства и мысли считают честью выразить лишний раз свое отвращение к эшафоту.*

Зола также в своих романах: „Жерминаль" и „Париж" описывает нежность и мягкость, глубокую симпатию к человеческим страданиям у этих людей, которые кончают свою жизнь отчаянным преступлением против всей нашей системы.

Наконец, лучше всех, может быть, понимает психологию политического преступника М. Амон, автор блестящего труда: „Психология профессионального военного", который пришел к следующим выводам.

—„Позитивный метод, подтверждаемый рациональным методом, дает нам возможность установить идейный тип анархиста, духовная физиономия которого является собранием обычно распространенных психологических особенностей. Каждый анархист заимствует от этого идеального типа достаточно черт, чтобы отличить его от других людей. Итак типичный анархист может быть охарактеризован следующим образом: человек, одержимый мятежным духом в одной из 4 его форм: сопротивление, исследование, критика и новаторство; к этому нужно еще прибавить сильную любовь к свободе, и большую любознательность. Эти черты дополняются также пылкой любовью к ближним, высоко развитой моральной чувствительностью, глубоким сознанием справедливости, соединенным с миссионерским пылом".

К этой характеристике, как говорит в своей

работе: „Париж и социальная революция" Альвин Ф. Санборн, должны быть прибавлены еще следующие ценные качества. Редкая любовь к животным, необычайная мягкость во всех обычных житейских отношениях, исключительная трезвость и чистота поведения, бережливость и аккуратность, аскетизм в личной жизни и выдающееся мужество.

—„Есть одна обще-известная истина, которую однако люди обыкновенно всегда забывают, когда они бранят анархистов или какую-нибудь другую партию, которая в данный момент возбуждает их ненависть, как виновница какого-нибудь только что совершенного преступления. Это неоспоримый факт, что политические убийства всегда с самых незапамятных времен являлись ответом со стороны раздраженных и впавших в отчаянье классов и раздраженных и доведенных до отчаянья людей,— ответом на несправедливости от их сограждан, которые они сочли невыносимыми для себя. Таким образом, эти акты суть далеко не насилие, а последнее отчаянное средство борьбы оскорбленных и униженных людей за право дышать на свете. Их поступок не есть результат особых убеждений, об'яснение его нужно искать в глубине самой человеческой природы. Вся политическая и социальная история является доказательством этого. Чтобы не ходить далеко, возьмем три наиболее известных примера политических партий, принужденных прибегнуть к насилию за последние 50 лет: мадзинианцы в Италии, синфейнеры в Ирландии и террористы в России. Разве они анархисты? Ничего подобного. Имеют ли они все одинаковые полити-

120

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ческие убеждения? Также нет. Мадзиниапцы были республикаицы, синфейнеры-сепаратисты русские социал-демократы или конституционалисты. Но все они были заставлены силой ужасных обстоятельств начать террористическую борьбу. Когда от партий мы переходим к отдельным личностям, действующим таким же образом, то нас поражает количество людей, которые с отчаянья бросились на путь, очевидно противный их общественным инстинктам".

„Теперь, когда анархизм сделался новой двигающей силой в обществе, террористические действия иногда совершались анархистами, а иногда людьми других убеждений. Ибо как бы человечно и мирно не было новое учение, его первое появление на земле всегда приносит не мир, а меч, и не потому, что оно заключает в себе что-либо насильственное и противо-общественное, а только потому что каждая новая творческая идея возбуждает брожение в умах людей независимо от того, принимают ли они ее или отвергают. Идея анархизма, который с одной стороны угрожает всем существующим интересам, а с другой рисует идеал свободной и благородной жизни, которую нужно еще выиграть в борьбе против теперешних зол, должен, конечно, вызвать самое яростное сопротивление приверженцев старины, которые употребляют всю свою силу, все средства против нового бурного движения".

„Когда человек живет в ужасиых условиях всякая перспектива возможности улучшения их делает для него иынешнюю жизнь еще более невыносимой и заставляет его решиться

на самые отчаянные средства, чтобы только улучшить свою судьбу; если же это не удается и приводит к ухудшению его положения, то он впадает в полное отчаянье. В нашем обществе, например, если рабочий, живущий заработной платой, начинает понимать, какова могла и должна быть его жизнь и работа, то его теперешняя работа и нищета становится для него невыносимой. И даже если он мужественно решается продолжать работать и ждать, когда новые идеи проникнут в общество и проложат дорогу к светлому будущему, то уже один тот факт, что он имеет такие идеи и старается распространять их, приводит его к столкновению с его хозяевами. Сколько тысяч социалистов и особенно анархистов потеряли работу из-за того лишь, что они имеют свои политические убеждения. Только особо квалифицированные и талантливые рабочие могут надеяться на получение работы, несмотря на, что они пропагандисты. Можно себе представить, что происходит с человеком, голова которого полна новых идей, который мечтает о заре нового будущего для рабочих, и который знает, что страдание его и его товарищей по несчастью не есть простая случайность, а результат несправедливости других людей,—что должен он чувствовать, когда не только он сам голоден, но и дорогая ему сердцу семья страдает? Некоторые люди в таком положении становятся способными на самые отчаянные поступки, хотя бы они вовсе не были настроены противообщественно; при этом они даже чувствуют, что совершают насилье не против общества, а ради общества, что, нанося удар, как и чем они могут, они

121

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.– Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.– 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

делают это не ради самих себя, а ради человека вообще, оскорбленного и униженного в их лице и в лице их сотоварищей. И можем ли мы, которое не переживаем этого ужасного положения, стоять равнодушно в стороне и осуждать этих жалких жертв отвратительного общественного строя?

Можем ли мы называть преступниками этих людей, которые действуют с героической преданностью, жертвуя своею жизнью в виде протеста против общественных зол там, где другие менее преданные долгу и энергичные люди смиряются и униженно пресмыкаются перед несправедливостью и злом? Неужели мы присоединимся к подлым и невежественным выкрикам о том, что эти люди—чудовища преступности, вносящие по своей воле без всякого к тому повода насилие и преступление в тихое невинное общество, где царствует мир и гармония. Нет! Мы ненавидим убийство такой ненависти, которая покажется абсурдной и преувеличенной тем, кто оправдывает убийства матабелов, примеряется с виселицами и бомбардировками, но мы не можем согласиться на то, чтобы в случаях политических убийств вся ответственность была возложена на лицо, совершившее его,—это было бы чудовищной несправедливостью. Вина этих убийц лежит на каждом мужчине и женщине, которые умышленно или вследствие холодного равнодушия помогают поддерживать социальные условия, доводящие человека до страданья. Человек, который вкладывает всю свою жизнь, рискуя ее потерять, в попытку протестовать против страданий своих ближних есть святой по сравнению с

активными и пассивными сторонниками, жестокостей и несправедливостей, хотя бы его протест повел к смерти других людей. Пусть тот, кто в обществе без греха, бросит в него первый камень".*)

Нас нисколько не удивляет, что каждый акт политического насилия приписывается теперь анархистам. Однако всем, кто знаком с анархическим движением, известно, что очень много актов, за которые анархисты должны были пострадать, или были созданы капиталистической прессой или спровоцированы, если не прямо совершены полицией.

Втечение многих лет в Испании совершались политические преступления, ответственность за которые возлагалась на анархистов, поэтому их ловили, как диких зверей, и бросали в темницы. Затем было раскрыто, что виновники этих преступлений были не анархисты, а члены департамента полиции. Скандал сделался настолько гласным, что консервативные испанские газеты потребовали предания суду и наказания начальника шайки Жуана Рулля, который был затем присужден к смерти и повешен. Сенсационные показания, сделанные на суде, заставили инспектора полиции Моменто оправдать совершенно анархистов и отрицать какую бы то ни было их связь с преступлениями за долгий период. Это повело к увольнению многих полицейских чиновников, среди которых был инспектор Трессольс, который в отместку раскрыл факт, что сзади полицейской шайки бомбометчиков

*) Из брошюры изданной Лондонской группой „Freedom".

BEST COPY AVAILABLE

122

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

были другие, занимавшие более высокие посты, которые снабжали их средствами и защищали их.

Это один из многих ярких примеров того, как создаются мнимые анархические конспиративные заговоры.

Неоднократно было доказано, что американская полиция может лгать на суде под присягой с такою же легкостью, что она столь же жестока, груба и хитра, как и ее европейские собратия. Стоит только вспомнить трагедию 11 Ноября 1887 года, известную более под именем „беспорядки в Хэймаркет".

Все, кто знает это дело, убеждены, что анархисты, убитые по суду в Чикаго, умерли жертвами лживой и кровожадной прессы и заговора жестокой полиции. Судья Гари сам сказал: „Вы привлекаетесь к суду не потому, что именно вы бросили бомбу в Хеймаркет, но потому что вы анархисты".

Беспристрастный и детальный анализ губернатором Ольтгельдом этого пятна на американской юстиции только подтверждает грубое откровенное заявление судьи Гари. Это заставило Ольтгельда помиловать трех анархистов, чем он заслужил навсегда уважение всех свободолюбивых граждан в мире.

Когда мы приближаемся к трагедии 6 Сентября 1911 года, мы сталкиваемся с одним им самых поразительных примеров того, как мало социальные теории ответственны за акт политического насилия. „Леон Жолгож, анархист, был подстрекаем Эммой Гольдман к совершению акта". Конечно, разве она не подстрекала к насилию еще до своего рождения и разве она не будет продолжать это

делать после своей смерти? У этих анархистов все возможно!

Теперь, 9 лет спустя после этой трагедии, после чего было сто раз доказано, что Эмма Гольдман не имела ничего общего с этим делом, и что нет никаких доказательств того, чтобы Жолгож когда-либо называл себя анархистом, ясно, что перед нами опять та же ложь, сфабрикованная полицией и раздутая прессой. Ни одна живая душа не слыхала, чтобы Жолгож сделал такое заявление, и нет ни одного документа, подтверждающего обвинение. Все сводится к невежеству и истерии, которые никогда и нигде не могли разрешить ни одного самого простого дела.

Президент свободной Республики убит! Каково же может быть об'яснение этого события кроме того, что или преступник сумасшедший, или его подстрекнули на убийство.

Свободная республика! Как этот мир может еще держаться, как он может обманывать и дурачить даже сравнительно интеллигентных людей, не уясняющих себе чудовищной абсурдности этого названия! Свободная Республика! Однако, втечение последних 30 лет небольшая кучка паразитов сумела ограбить американский народ и топтать ногами основные принципы, заложенные основателями Америки, которые обещали каждому мужчине, женщине и ребенку, „жизнь, свободу и счастье". Втечение 30 лет они увеличивали свое богатство и власть за счет громадной массы рабочих, увеличивая в то же время армию безработных, голодных, бездомных людей, не имеющих друзей, которые бродили по всей стране с востока на запад и с севера на юг,

BEST COPY AVAILABLE

123

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. — Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. — 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

напрасно ища работы. Втечение многих лет дома их были оставлены на попечение маленьких детей, пока родители выбивались из сил, работая и получая жалкую милостыню. Втечение 30 лет молодые, крепкие сыны Америки приносились в жертву на поля битвы индустриальной войны, а дочери оскорблялись в развращенной фабричной атмосфере. Втечение долгих лет продолжался этот процесс, подрывавший здоровье, силу и гордость нации. Обезумев от успеха и сознания победы, денежные короли нашей „свободной страны" сделались еще более смелыми и дерзкими в их жестоких безсердечных стараниях конкурировать из-за верховенства с прогнившими и разложившимися тиранниями в Европе. Напрасно лживая уличная пресса называла Леона Жолгожа иностранцем. Юноша был чистейшим продуктом американской почвы. Кто может сказать, сколько раз он участвовал в празднованиии праздника 4-го Июля или „дня украшений", когда чествуются умершие за нацию герои? Кто знает, что он также хотел „сражаться за свою страну и умереть за свободу", пока его не осенила мысль, что рабочие к которым он принадлежал, не имели родины, ибо у них было отнято все, что они производили; пока он не понял, что свобода и независимость, игравшие такую роль в его юношеских мечтах, есть ничто иное, как пустой фарс и издевательство. Бедный Леон Жолгож! Твое преступление состоит в том, что ты слишком чувствовал общественную совесть; ты не походил на твоих безидейных и безмозглых американских братьев; твои идеалы возвышались далеко над интересами

желудка и кармана. Не удивительно, что Жолгож произвел совершенно особое впечатление на одну корреспондентку, бывшую на его процессе среди других озлобленных против него журналистоп,—он показался ей идеалистом, мечтателем, совсем забывшим об окружающей его обстановке. Его большие мечтательные глаза видели в это время перед собой новую светлую зарю будущего.

Теперь обратимся к недавнему примеру сфабрикованного полицией анархического заговора. В Чикаго один молодой человек по имени Авербух покушался на жизнь начальника полиции Шиппи. Немедленно было разослано сообщение во все концы света, что Авербух был анархист, и что на анархистах лежит ответственность за этот акт. Каждый, про кого только было известно, что он придерживается анархических взглядов, подвергся усиленному надзору; многие были арестованы, библиотека анархической группы конфискована, и митинги стали невозможны. Само собой разумеется, что, как и во всех предыдущих случаях я должна была считаться ответственной за случившееся. Очевидно американская полиция считает меня обладающей оккультными силами. Я не знала Авербуха, никогда раньше не слыхала его имени, и, если я вела с ним „конспирацию", то очевидно только в виде астрального тела. Но полиции не нужна ни логика, ни справедливость. Они ищут только мишень, чтобы замаскировать свое полное незнание дела и психологии политического акта. Был ли Авербух анархистом? Доказательств этого нет. Он был в Америке всего три месяца, не знал языка, насколько

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

я могла удостовериться, не был совершенно известен анархистам Чикаго.

Что привело его к преступлению? Авербух, как и большинство молодых русских эмигрантов, без сомнения верил в мифическую свободу Америки. Он получил свое первое крещение, когда полицейский избил его палкой в момент, когда полиция грубо рассеивала толпу на демонстрации безработных. Дальше он испытал на себе, что такое американское равенство и свобода во время напрасных поисков работы. Коротко говоря, три месяца пребывания в этой чудесной стране поставили его лицом к лицу перед неоспоримым фактом, что обездоленные в Америке находятся в том же ужасном положении, как и везде на свете. В своей родной стране он вероятно узнал, что необходимость не знает законов,— не было никакой разницы между русским полицейским и американским.

Для человека, изучающего социальные науки, вопрос не в том, практичны ли действия Жолгожа и Авербуха или нет, как нельзя обсуждать, практична ли гроза или нет. Каждый думающий и чувствующий человек неизбежно понял бы, что один вид грубой полицейской расправы над невинными жертвами в так называемой „свободной республике" и унизительная борьба за кусок хлеба дали ту искру, которая воспламенила накопившиеся горючие материалы в переутомленной исстрадавшейся душе Жолгожа и Авербуха. Никакое преследование, сажание в тюрьму или другое наказание не могли уже остановить эту вспышку.

Часто задают вопрос, а разве настоящие

убежденные анархисты не совершали политических убийств? Конечно, совершали, но они были всегда готовы взять на себя всю ответственность за свои действия. Я утверждаю, что они были побуждаемы к этому не учением анархизма, как таковым, но давлением обстоятельств, которое делало жизнь невыносимой для чувствительных натур. Очевидно, что анархизм как и всякая другая социальная теория, превращая человека в сознательную общественную единицу, действует на него, как революционные дрожжи. Это не только мое утверждение, но факт, проверенный на опыте. Более подробное рассмотрение всех деталей вопроса в дальнейшем выяснит еще более мою точку зрения.

Теперь мы обратимся к рассмотрению важнейших анархических актов в течение последних 20 лет. Читателям может быть покажется странным, что одно из самых значительных деяний политического насилия произошло именно в Америке в связи с стачкой в Хомстэде в 1892 г.

В это время Стальная Компания Карнеджи задумала раздавить Ассоциацию железо-и сталелитейных рабочих. Директор Компании Генри Клэй Фрик получил инструкции выполнить эту благородную задачу. Он не терял времени и сразу же приступил к проведению политики уничтожения рабочего союза, в чем он с успехом практиковался уже раньше, наводя террор во время своего управления угольными копями. Под шумок переговоров с рабочими, которые он намеренно затягивал, он сделал необходимые военные приготовления,—укрепление фабрики, возведение высокого дере-

BEST COPY AVAILABLE

125

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. — Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. — 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

вяного забора с гвоздями наверху и отверстиями для ружейных стволов. Затем среди глухой ночи он ввел туда армию пинкертоновских молодцов, что повело к ужасной бойне. Недовольный смертью 11 жертв, убитых во время стычки, Фрик, как добрый христианин и свободный американец, начал кампанию против беззащитных вдов и сирот расстрелянных рабочих, приказав немедленно выбросить их вон на улицу из жалких помещений, которые давала им компания.

Вся Америка была взволнована этими бесчеловечными насилиями. Сотни голосов раздались, протестуя и призывая Фрика прекратить его политику и не заходить слишком далеко. Но эти сотни людей протестовали лишь на словах, небрежно, как отмахиваются от назойливых мух. Нашелся только один человек, который активно ответил на преступления Фрика,—это был Александр Беркман. Да, он был анархист. Он гордился этим, потому что это была единственная сила, дававшая ему душевное спокойствие. Однако не анархизм, как таковой, а зверское убийство 11 рабочих заставило Беркмана сделать покушение на жизнь Фрика.

История политических убийств и покушений в Европе дает нам много ярких примеров влияния окружающей обстановки на восприимчивого человека.

Речь в суде Вальяна, который в 1894 году бросил бомбу в Палате Депутатов, дает ясное представление о психологии таких актов.

„Господа присяжные заседатели", сказал он, „через несколько минут вы должны будете нанести мне ваш удар, но, принимая ва

вердикт, я по крайней мере буду иметь удовлетворение, что я ранил нынешнее общество,— это проклятое общество, в котором можно часто видеть, как один человек, безпечно тратит деньги, на которые можно прокормить тысячи голодных семей; бесстыдное общество, которое позволяет немногим отдельным лицам монополизировать в своих интересах все общественное богатство в то время, как есть сотни тысяч несчастных бедняков, не имеющих даже куска хлеба, который бросают собакам, и в то время, как целые семьи совершают самоубийства, потому что у них нет чамого необходимого для жизни.

„Да, господа, если бы только правящие классы могли спуститься вниз к этим несчастным! Но нет, они предпочитают оставаться глухими к их мольбам. Очевидно сама судьба неудержимо влечет их, как королевскую власть в XVIII веке, в пропасть, которая поглотит их, ибо горе тем, кто, считая себя высшими существами, присваивают себе право эксплоатировать тех, кто ниже их! Наступает момент, когда народ больше не рассуждает, а поднимается, как ураган, и сметает перед собой все, как вихрь. Тогда мы видим окровавленные головы, надетые на пики.

Среди эксплоатируемых, господа присяжные, есть два рода людей. Одни, которые не понимают, что они представляют собой, и чем вообще они могут быть, которые полагают, что они рождены быть рабочими и довольствуются тем немногим, что им дается в награду за их труд. Но есть другие, которые наоборот думают, изучают и видят социальное неравенство. Виноваты ли они, что ясно

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. — Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. — 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

видят и страдают от вида страданий других? Они бросаются с головой в борьбу и являются глашатаями народных требований.

„Господа присяжные, я принадлежу ко второму разряду. Куда бы я неехал, где бы я не был, везде я встречал несчастных, согбенных под игом капитала. Везде я видел те же раны, вызывавшие у меня кровавые слезы, даже в отдаленнейших уголках Южной Африки, где я имел право думать, что человек, уставший от болезней цивилизации, может отдухнуть под тенью пальм и обратиться к изучению природы. Но даже и там и более, чем где бы то ни было, я видел, что капитал, как вампир, высасывал кровь из несчастных рабов.

„Затем я приехал назад во Францию, где мне было суждено видеть, как ужасно страдала моя семья. Это было последней каплей, переполнявшей чашу. Уставши вести такую горькую и подлую жизнь, я бросил бомбу в тех, кто был в первую голову ответственен за социальные бедствия.

„Меня упрекают, что многие были ранены этой бомбой. Позвольте мне указать, между прочим, что, если бы буржуа не убивали и не громили во время Революции, то весьма вероятно они до сих пор пребывали бы под игом дворянства. С другой стороны, представьте себе всех убитых и раненых в Тонкине, Мадагаскаре и Дагомее, прибавьте сюда тысячи и миллионы несчастных, которые умирают на фабриках, в рудниках и везде, где чувствуется мельничный жернов капитала. Присоедините сюда еще тех, кто умирает от голода,—и все это с согласия наших депута-

тов. Как мало рядом с этим значат упреки, которые вы мне делаете.

„Совершенно верно, что нельзя убивать друг друга. Но разве мы не осуществляем наше право на самооборону, когда отвечаем на удары, получаемые нами сверху? Я хорошо знаю, что мне скажут, что я должен был ограничиться устными выступлениями в защиту прав народа. Но что же делать! Нужно иметь слишком громкий голос, чтобы мертвые вас услышали. Слишком долго они отвечали нам на наши требования тюрьмами, виселицами и ружейными залпами. Не делайте ошибки,— взрыв моей бомбы не есть лишь голос буитаря Вальяна, но голос целого класса, который требует своих прав и скоро присоединит к своим словам действия. Будьте уверены, что господа депутаты напрасно проводят законы. Идеи мыслящих людей не останавливаются, как в прошлом столетии, все силы правительства не могли помешать Дидро и Вольтеру распространять свои идеи среди народа, точно также теперь все силы правительства не помешают Реклю, Дарвину, Спенсеру, Ибсену и Мирбо распространять их идеи справедливости и свободы, которые уничтожат предразсудки, держащие массы в невежестве. Эти идеи, дорогие для сердца несчастных, распустятся затем пышными цветами в бунтарских актах, как это уже случилось со мной, и это будет продолжаться до того времени, пока не наступит день, когда уничтожение власти позволит всем людям организоваться свободно по своему выбору, когда каждый человек будет в состоянии пользоваться плодами своих трудов, и когда все

BEST COPY AVAILABLE

127

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

нравственные болезни, называемые предрассудками, исчезнут, позволяя человеческим существам жить в полной гармонии, не имея никаких других желаний и интересов кроме изучения наук и любви к своим ближним.

„Я кончаю, господа присяжные заседатели, и говорю, что общество, в котором наблюдается такое социальное неравенство, как у нас, в котором мы каждый день видим самоубийства, вследствие нищеты и голода, и проституцию, процветающую на каждом углу, —общество, в котором главные здания—казармы и тюрьмы,—такое общество должно быть преобразовано как можно скорее, потому что иначе ему грозит в самом ближайшем будущем исчезновение с лица земли. Слава тому, кто работает какими бы то ни было средствами ради этой цели. Именно эта идея привела меня к единоборству с правительством, но так так в этом поединке я только ранил своего врага, то теперь он в свою очередь нанесет мне удар.

„Господа присяжные, мне совершенно все равно, к какому наказанию вы меня присудите, ибо, смотря на вас глазами разума, я не могу не улыбаться, видя, как вы, атомы, затерянные в материи, и мыслящие только потому что у вас есть удлинение спинного мозга, присваиваете себе право судить одного из ваших сограждан.

„Как мало значит ваше собрание и ваш приговор в истории человечества; и как мало история человечества значит в том вихре, который несется в безконечности, и которому суждено исчезнуть или по крайней мере подвергнуться преобразованию, чтобы начать

сызнова ту же историю и тот же процесс,— вечная игра космических сил, постоянно возрождающихся и преобразующихся".

Кто посмеет сказать, что Вальян был невежественный, скверный человек или сумасшедший? Разве его ум не обладал поразительной ясностью и способностью анализировать? Не удивительно, что лучшие интеллигентные люди во Франции высказались в его пользу и послали петицию Президенту Карно, прося его смягчить смертный приговор Вальяна.

Карно не пожелал слышать никаких просьб и настаивал на более чем на фунте мяса; он требовал жизни Вальяна, и тогда—случилось неизбежное. Президент Карно был убит, а на ручке кинжала, который был употреблен для этого убийцей, было выгравировано многозначительное имя- Вальян!

Санто Казерио был анархист. Он мог бежать и спастись, но остался на месте и подвергся всем последствиям своего поступка.

Его основания для убийства были высказаны в такой простой, достойной, детской форме, что невольно вспоминается трогательный отзыв о Казерио его сельской учительницы Ады Негри, известной итальянской поэтессы, которая говорила о нем, как милом нежном растении с слишком тонкой чувствительной структурой, чтобы он мог вынести жестокое напряжение в этом мире.

„Господа присяжные заседатели", сказал он, „я не имею в виду защищать себя, но хочу лишь об'яснить мой поступок.

„С самой ранней юности я начал понимать, что настоящее общество плохо организовано,

BEST COPY AVAILABLE

128

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. — Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. — 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

так плохо, что ежедневно многие несчастные налагали на себя руки, оставляя жен и детей в самых ужасных обстоятельствах. Рабочие тысячами ищут работы и не могут найти. Бедные семьи просят милостыню и мерзнут от холода; они страдают ужасным образом, дети просят у своих несчастных матерей пищи, а матери не могут им дать, потому что у них ничего нет. То немногое, что было в доме, продано или заложено. Все, что они могут сделать, это пойти по улицам и просить подаяния, но их часто арестовывают, как бродяг.

„Я ушел из моего родного села, потому что я часто был доведен до слез, видя, как маленькие девочки 8 или 10 лет были принуждены работать по 15 часов в день за ничтожную плату в 20 сантимов. Молодые женщины 18 или 20 лет также работали по 15 часов в день за небольшую до смешного плату. И это случается не только с моими согражданами, но и со всеми рабочими, которые работают в поте лица весь день из-за корки хлеба, в то время, как они своим трудом создают большие богатства. Рабочие принуждены жить в самых ужасных условиях и их пища состоит из небольшого количества хлеба, нескольких ложек риса и воды; так что к 30 или 40-летнему возрасту они уже истощены и отправляются умирать в госпиталь. Кроме того вследствие дурной пищи и переутомления, эти несчастные создания умирают сотнями от проказы, — болезнь, которая в моей стране, по словам врачей, поражает тех, кто плохо питается и ведет жизнь, полную труда и лишений.

„Я понял, что очень многие голодают и много детей страдает от холода, в то время, как в городах есть в изобилии и хлеба, и платье. Я видел много больших магазинов, полных костюмами и шерстяными материями; я видел товарные склады, полные хлеба и индийского зерна, подходящего для тех, кто нуждался. С другой стороны я видел тысячи людей, которые не работают, ничего не производят и живут трудом других; которые тратят ежедневно тысячи франков на свои забавы и развлечения; которые развращают дочерей рабочих и имеют квартиры в 40 или 50 комнат, 20 или 30 домов, много слуг, — вообще пользуются всеми удовольствиями жизни.

Я верил в бога, но когда я увидел такое большое неравенство между людьми, я понял, что не бог создал человека, а человек создал бога. И я понял, что те, кто хотят, чтобы их собственность была цела, и заинтересованы в пропаганде рая и ада и в том, чтобы народ продолжал коснеть в невежестве.

„Недавно Вальян бросил бомбу в Палате Депутатов, чтобы протестовать против существующей системы общества. Он никого не убил, и только несколько человек были ранены. Однако буржуазная юстиция присудила его к смерти. Но не удовлетворившись осуждением виновного, буржуа начали преследовать анархистов и арестовывать не только тех, кто знал Вальяна, но даже тех, кто вообще присутствовал на любой анархистской лекции.

„Правительство не заботилось о их женах

BEST COPY AVAILABLE

129

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

детях, и не подумало о том, что страдают не только те, кто был посажен в тюрьму, но и их семьи, в которых маленькие дети просили хлеба. Буржуазная юстиция не считала нужным позаботиться об этих невинных созданиях, которые еще не знают, что такое общество. Не их вина, что их отцов посадили в тюрьму, они только хотят хлеба.

„Правительство продолжало обыскивать частные дома, вскрывать частные письма, запрещать лекции и митинги и вообще начало против нас самые ужасные репрессии. Даже теперь сотни анархистов арестованы за то, что поместили статью в газете или выразили публично свое мнение.

„Господа присяжные заседатели! Вы — представители буржуазного общества: Если вы хотите моей головы, берите ее, но не воображайте, что этим вы остановите анархическую пропаганду. Берегитесь, ибо люди пожинают то, что они сеют".

Во время религиозной процессии в Барселоне в 1896 году была брошена бомба. Сейчас же были арестованы 300 человек мужчин и женщин. Некоторые из них были анархисты, но большинство члены профессиональных союзов и социалисты. Всех их бросили в ужасную тюрьму Монтжуих и подвергли самым невероятным пыткам. После того, как многие из них были убиты или сошли с ума, дело их было поднято либерально прессой в Европе, и в результате несколько человек были освобождены.

Человек, главным образом ответственный за это возрождение инквизиции, был премьер-министр Испании Кановас-дель-Кастильо. Это

он приказал пытать несчастных,—их тело жгли, кости раздавливали, языки им вырезывали и т. д. Кановас напрактиковался в этом жестоком искусстве еще во время своего управления на острове Кубе и оставался совершенно глух к просьбам и протестам пробудившегося сознания цивилизованного мира.

В 1897 году Кановас-дель-Кастильо был убит юным итальянцем Анджолильо. Он был редактором газеты на своей родине и его смелые статьи скоро привлекли внимание властей. Начались преследования, и Анджолильо бежал из Италии в Испанию, затем во Францию и Бельгию, и наконец, поселился в Англии. Здесь он нашел работу в качестве наборщика и сразу же сделался любимцем всех своих товарищей. Один из них так описывал Анджолильо:

„Его внешность скорее напоминала журналиста, чем наборщика. Его нежные руки показывали, что он не чернорабочий. С красивым открытым лицом, темными мягкими волосами, смелым выражением он имел вид типичного живого южанина. Анджолильо говорил по-итальянски, испански и французски; английского языка он не знал; мое скудное знание французского языка было недостаточно, чтобы вести продолжительный разговор. Однако Анджолильо скоро начал осваиваться с английским; он учился быстро, шутя и в скором времени стал очень популярен среди наборщиков. Его вежливые, хотя и простые манеры, его всегда внимательное отношение к товарищам сделали его всеобщим любимцем".

Анджолильо скоро ознакомился с англий-

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ской прессой. Он прочел о волне всеобщей симпатии к беспомощным жертвам Монтжуихской тюрьмы. На Трафальгарской площади он увидел своими глазами результаты ужасных пыток, когда несколько испанцев, избегнувших когтей Кановаса-дель-Кастильо, приехали в Англию искать себе убежище. Здесь на большом митинге они открыли свои рубашки и показали ужасные шрамы от поджигания. Анджолильо видел это, и полученное им впечатление превзошло всякие теории,—оно было сильнее слов, сильнее аргументов, сильнее его самого.

Синьор Антонио Кановас-дель-Кастильо, премьер-министр Испании, жил в Санта Агведа. Как всегда в таких случаях, ни один иностранец не допускался до его высокой особы. Однако было сделано одно исключение в пользу изящного, элегантно одетого итальянца, представителя, как полагали, одной важной газеты. Этот изящный господин был Анджолильо.

Сеньор Кановас, собираясь уходить из дома, вышел на веранду. Неожиданно Анджолильо появился перед ним. Грянул выстрел и Кановас лежал мертвый.

Жена премьер-министра прибежала на помощь. „Убийца, убийца!" кричала она, показывая на Анджолильо. Он поклонился: „простите, мадам", сказал он, „я уважаю вас, как женщину, но сожалею, что вы были женой этого человека".

Анджолильо спокойно встретил смерть,—смерть в самой ужасной форме для человека, душа которого была еще душой ребенка.

Он был удавлен *). Его тело лежало под лучами солнца, пока не настал вечер. Приходили люди, указывали на него в страхе и ужасе пальцем и говорили: „смотри,—вон жестокий убийца".

Как глупо и жестоко невежество! Оно никогда не понимает и всегда осуждает.

Замечательную параллель делу Анджолильо мы находим в акте Гаэтано Бресчи, убившего итальянского короля Умберто и сделавшего этим американский город Патерсон знаменитым.

Бресчи приехал в Америку, эту страну случая, где нужно только попробовать, чтобы иметь успех. Бресчи решил попробовать счастья,—он будет работать усердно и старательно. Работа ему не страшна, если только она гарантирует ему независимость и самоуважение.

Так, полный энтузиазма и надежд, он поселился в Патерсоне и там нашел работу за 6 долларов в неделю на одной из ткацко-прядильных фабрик. Шесть долларов, без сомнения, для Италии были состоянием, но этого недостаточно, чтобы иметь возможность вздохнуть в Америке. Бресчи любил сидеть у себя дома в своей маленькой квартирке. Он был хорошим мужем и преданным отцом,—у него была маленькая девочка Бланка, которую он обожал. Он работал и работал втечение нескольких лет. Из шести долларов в неделю он ухитрился отложить и сберечь 100 долларов.

У Бресчи были идеалы и убеждения. Из

*) Особым железным ошейником.

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

вестно, что для рабочего глупо иметь идеалы. В Патерсоне издавалась анархическая газетка: „La Question Sociale" (Социальный Вопрос).

Каждую неделю, хотя усталый от работы, Бресчи приходил помогать в работе над газетой. Он засиживался над этим до поздних часов. Когда газета истратила все свои деньги, и товарищи были в отчаянии, Бресчи принес свои 100 долларов, все сбереженья за целый год. Это должно было помочь газете продержаться.

На его родине люди голодали. Урожай был плохой, и перед крестьянами встал призрак голода. Они обратились к своему доброму королю Умберто,—он поможет. И он помог! Жены крестьян, которые пошли к дворцу короля, в немом молчанье прижимали к себе детей. Наверно это тронет его. Но вместо того, солдаты начали стрелять и убили этих несчастных.

Бресчи, работая на фабрике в Патерсоне, прочел об этом ужасном побоище. Перед его умственным взором носилась картина беззащитных женщин и невинных детей, расстрелянных перед добрым королем. Его душа застыла в ужасе. Ночью ему слышались стоны раненых. Некоторые из них были может быть его товарищи, его родные. Зачем, зачем такое подлое убийство?

Небольшое собрание итальянской анархической группы в Патерсоне кончилось почти дракой. Бресчи потребовал назад свои 100 долларов. Товарищи просили его, умоляли дать им на это время. Ведь газета погибнет, если они вернут ему деньги. Бресчи не желал ничего слышать и настаивал на возвращении денег.

Как жестоко и глупо непонимание! Бресчи получил деньги, но потерял доброе отношение и доверие своих товарищей. Они не желали иметь ничего общего с человеком, у которого жадность выше идеалов.

29 июля 1900 года Король Умберто был убит в Монцо. Молодой итальянский ткач из Патерсона Гаэтано Бресчи убил доброго короля.

Патерсон был отдан под надзор полиции; каждого, кто был известен, как анархист, выслеживали и преследовали; деяние Бресчи было приписано анархической пропаганде. Как будто анархическое учение в самой крайней форме может сравняться по своей силе с убитыми женщинами и детьми, которые пошли просить короля о помощи. Как будто любое сказанное слово, как бы оно красноречиво ни было, может зажечь человеческую душу таким сильным огнем, как кровь, которая капля по капле текла из этих умирающих тел. Обыкновенного человека трудно взволновать словом или делом, но те люди, для которых общественный долг есть величайшая живая сила, не нуждаются в мольбах о помощи против ужасов и зол нашего общества.

Если социальная теория есть сильный фактор, побуждающий людей к актам политического насилия, то как мы можем об'яснить последние отчаянные вспышки в Индии, где анархизм едва появился на свет. Учение индусов более, чем какая либо другая философия, ставит выше всего пассивное

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

анархистом. Я скажу, что сопротивление тирании есть величайший идеал человека. Пока существует тирания в какой бы то ни было форме, человек естественно должен ей сопротивляться, как естественно он должен дышать.

По сравнению со всеми насилиями капитала и правительства, политические акты насилия являются лишь каплей в море. То, что это делают лишь немногие, является самым сильным доказательством того, насколько силен должен быть конфликт между их задушевными убеждениями и невыносимым социальным неравенством.

Одаренные высокой чувствительностью, с душой, натянутой, как струна, они мучаются видя, как жестока, упорна и чудовищно несправедлива наша жизнь. В момент отчаянья струна лопается. Непосвященные и непонимающие слышат при этом только диссонанс. Но те, кто чувствуют крик агонии, понимают высочайшую гармонию этого момента и видят в нем выполнение величайшего человеческого долга.

Такова психология политического насилия.

Тюрьмы.

Преступление и неудача общества.

В 1849 году Федор Достоевский написал на стене своей камеры в тюрьме следующий рассказ: „Поп и дьявол“:

— „Здорово, толстый поп“, сказал дьявол попу. „Что заставило тебя врать этому бедному сбитому с толку народу? О каких пытках в аду ты говоришь им? Разве ты не знаешь, что они уже на земле испытывают адовы мучения? Разве ты не знаешь, что ты сам и земные власти—мои представители на земле? Это ты заставляешь их терпеть муки ада, которыми угрожаешь им на том свете. Разве ты не знал об этом? Тогда пойдем со мной!“.

Дьявол схватил попа за шиворот, поднял высоко на воздух и принес его на литейный завод. Там он увидел, как рабочие бегали взад и вперед и работали в ужасающей жаре. Очень скоро тяжелый душный воздух и жара подействовали на попа. Со слезами на глазах он стал умолять дьявола: „Возьми меня отсюда! Пусти! Дай мне уйти из этого ада“.

— Эй дружище Я должен показать тебе еще много других мест“. Дьявол схватил его опять и потащил в именье помещика. Здесь он увидел рабочих, которые молотили хлеб. Пыль и жара были невыносимы. Надсмотрщик кругом ходил с кнутом и нещадно бил каждого, кто падал на землю от усталости и голода.

133

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. — Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. — 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Дальше попу были показаны жалкие лачуги, в которых жили рабочие со своими семьями,—грязные, холодные, дымные, вонючие дыры. Дьявол ухмыльнулся и указал на нищету и страдания кругом.

— „Что, мало?", спросил он. Казалось даже, что он, дьявол, жалеет этих несчастных. Благочестивый слуга Всевышнего не мог вынести этого; подняв руки к небу, он стал просить: „Отпусти меня. Да, да, это ад на земле!".

— „Ага, так видишь! А ты говоришь им о другом аде. Ты мучаешь их духовно, мучаешь до смерти, когда они уже почти умерли физически. Пойдем я покажу тебе еще один ад,—еще один, самый ужасный!".

Он взял его в тюрьму и показал каземат с душным спертым воздухом, где человеческие тени больные, ослабевшие, потерявшие всякую энергию, валялись на полу, покрытые паразитами, которые пожирали их несчастные, голые, исхудавшие тела.

„Снимай свою шелковую рясу", сказал дьявол попу, „надень на ноги тяжелые цепи, которые носят эти несчастные; ложись на холодный, грязный пол,—и тогда говори им об аде, который ожидает их в будущем".

— „Нет, нет", сказал поп, „я не могу представить себе ничего хуже этого. Умоляю тебя, возьми меня отсюда".

— „ Да, это ад. Хуже этого ада ничего быть не может. Разве ты этого не знал? Не знал, что эти мужчины и женщины, которых ты пугал картиной будущего ада, уже находятся в аду здесь, раньше чем они умерли?".

Это было написано 50 лет тому назад в

глухом углу России на стене одной из самых ужасных тюрем. Но кто может сказать, что это не относится с одинаковой силой к настоящему времени даже в американских тюрьмах?

Со всеми нашим хваленными реформами, социальными переменами и важными открытиями человеческие существа продолжают посылаться в отвратительные места заключения, где их оскорбляют, развращают и мучают для того, чтобы „защищать" общество от призраков, которые оно само себе сделало.

Тюрьма—защита общества? Какой чудовищный ум это выдумал? С таким же правом можно сказать, что здоровье увеличивается путем распространения эпидемии.

После полуторогодового пребывания в ужасной английской тюрьме, Оскар Уайльд дал миру свое великое произведение: „Балладу Рэдингской тюрьмы":

„Самые мерзкие дела, как ядовитые растения,
Цветут в тюремном воздухе.
И только то, что есть хорошего в человеке,
Гибнет и увядает там.
Бледный ужас охраняет тяжелые ворота,
И тюремщиком является отчаянье".

Но общество упорно сохраняет этот ядовитый воздух, не понимая, что из него не может выйти ничего другого, кроме самых скверных, ядовитых последствий.

134

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Мы тратим в настоящее время 3,500,000 долларов в день или 1,000,095,000 долларов в год на поддержание наших тюремных учреждений и это в демократической стране,— сумма почти равняется соединенной стоимости годового производства пшеницы, оцениваемой в 750,000,000 долларов, и угля, оцениваемого в 350,000,000 долларов. Вашингтонский профессор Бушнелль оценивает стоимость тюрем в 6,000,000,000 долларов в год, а доктор Дж. Франк Лидстон, выдающийся американский писатель по криминологии, дает цифру 5,000,000,000 долларов. Таковы неслыханные чудовищные расходы ради поддержания громадной армии людей, запрятанных как дикие звери в клетки! *).

И однако число преступлений все растет. Мы знаем, что число преступлений, приходящихся на каждый миллион жителей, теперь в 4½ раза больше, чем 20 лет тому назад.

Самое ужасное то, что у нас главным образом совершается убийство, а не грабеж, присвоение и воровство, как на юге. Лондон в 5 раз больше, чем Чикаго, и однако в Чикаго ежегодно совершается 118 убийств, а в Лондоне всего 20. Но и Чикаго является у нас не первым городом по преступлениям, а всего седьмым, а во главе стоят четыре южных города, а также Сан-Франциско и Лос-Анджелос. В виду такого ужасного положения вещей смешно распространяться о той защите, которую общество якобы получает от тюрем.

Человек среднего ума медленно воспри-

*) У. С. Оуэн: „Преступление и преступники".

нимает истину, но когда самое организованное, централизованное учреждение, содержимое за счет громадных народных сумм, являет собой полное фиаско, то даже ограниченные люди должны спросить, имеет ли оно право на существование. Прошло то время, когда мы могли быть довольны нашим социальным строем только потому, что он „освященный божественным правом" или авторитетом закона.

Неоднократно предпринимаемые за последние годы исследования тюрем, агитация и распространение образования являются достаточным доказательством того, что люди начинают изучать самые основы общества, стараясь добраться до причин этого ужасного несоответствия между общественной и личной жизнью.

Почему же тюрьмы—общественное преступление и приводят к полному фиаско? Чтобы ответить на этот важный вопрос, нам надлежит обратиться к рассмотрению природы и причин преступлений, методов борьбы с ними и того результата, который эти методы дают для избавления общества от ужасного бича преступлений.

Прежде всего о природе преступлений.

Хэвелок Эллис разделяет преступления на четыре разряда,—совершенные по политическим соображениям, по мотивам чувства, вследствие безумия или ненормальности и случайные преступления. Он говорит, что политический преступник есть жертва стараний более или менее деспотического правительства сохранить свою власть. Он не обязательно виновен в совершении анти-обще-

BEST COPY AVAILABLE

135

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. — Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. — 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ственного преступления, он просто пытается опрокинуть известный политический порядок, который сам по себе может быть анти-общественен. Эта истина признается во всем мире кроме Америки, где все еще господствует глупая мысль, что в демократии нет места для политических преступников. Однако Джон Браун был политическим преступником, то же можно сказать о Чикагских анархистах и о каждом стачечнике. Поэтому, говорит Хэвелок Эллис, политический преступник нашего времени может стать героем, мучеником и святым следующей эпохи. Ломброзо называет политического преступника истинным предшественником прогрессивного движения человечества.

„Преступник, совершивший преступление в состоянии страсти, есть обыкновенно человек здорового происхождения и честной жизни, который под давлением какого-нибудь сильного незаслуженного оскорбления или обиды, сам восстанавливает для себя справедливость".

Хью С. Уэйр в своем труде: „Угроза полиции" указывает на пример некоего Джима Флагерти, преступника по страсти, который мог бы быть спасен обществом, но вместо того был обращен в пьяницу и рецидивиста, и в результате семья его была разорена и впала в нищету.

Еще более трагична история Арчи, героя романа Бранда Уитлока: „Поворот судьбы",— лучший американский роман, рисующий историю преступника. Арчи даже в большей степени, чем Флагерти, был приведен на путь преступления силой неблагоприятных обстоятельств и бездушным преследованием юридической машины. Арчи и Флагерти—типичные представители многих тысяч; на них мы видим, как взгляд закона на преступление и методы борьбы с преступлениями приводит лишь к усилению этой болезни, подрывающей всю нашу социальную жизнь.

„Безумный преступник не может считаться преступником более, чем ребенок, так как, с точки зрения умственного развития, он находится на той же ступени, что малолетний ребенок или животное" *).

Закон уже признает это, но только в редких случаях особено выдающегося характера или, когда богатство преступника позволяет роскошь признания безумным. Теперь стало даже модным быть признанным параноиком. Но в общем закон продолжает наказывать безумного преступника со всей строгостью своей власти. Так Эллис цитирует статистические данные доктора Рихтера, показывающие, что в Германии 106 человек из общего числа 144 безумных преступников были присуждены к суровому наказанию.

Случайный преступник „представляет наибольшую по численности категорию нашего тюремного населения и потому является наибольшей угрозой для нашего социального порядка". Каковы причины, заставляющие громадную массу людей совершать преступления и предпочитать отвратительную жизнь в тюрьме жизни на свободе? Ясно, что причины должны безусловно доминирующие, не оставляющие никакого иного выхода, ибо

*) Хэвелок Эллис: „Преступник".

BEST COPY AVAILABLE

136

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. – Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. – 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

даже самый уродливый человек любит свободу.

Эта страшная сила заключается в наших жестоких социальных и экономических условиях. Я не отрицаю биологические, физиологические и психологические факторы в создании преступлений. Но вряд ли найдется хоть один современный криминолог, который не согласится, что социальные и экономические влияния самые сильные, беспощадные и ядовитые факторы преступления. Даже если допустить, что есть врожденные преступные наклонности, тем не менее верно, что эти наклонности находят богатую почву для своего развития в нашей социальной обстановке.

Есть внутренняя связь, говорит Хэвелок Эллис, между преступлениями против человека и ценами на алкоголь, между преступлениями против собственности и ценами на пшеницу. Он цитирует Кэтлэ и Лакассаня, из которых первый смотрит на общество, как на инстанцию, подготовляющую преступления, а на преступников, как исполнительные органы, которые совершают их; Лакассань находит, что „социальная обстановка есть среда для культивирования преступности, что преступник есть микроб, элемент, который только тогда становится важным, когда находит среду, которая заставляет его придти в движение; *вообще каждое общество имеет преступников, которых оно заслуживает*" *).

*) Хэвелок Эллис: „Преступление".

Самый „счастливый" период процветания промышлениости не позволяет рабочему заработать достаточно, чтобы поддерживать свое здоровье и силу. А так как процветание даже в лучшем случае существует в воображении, то тысячи людей постоянно прибавляются к толпам безработных. От востока до запада и от юга до севера громадная армия бродяг ищет работы или пищи, и находят лишь работные дома или жалкие лачуги в бедных кварталах. Те, у кого осталась хоть капля самоуважения, предпочитают открытую борьбу, предпочитают преступление унизительной и изнурительной бедности.

Эдвард Карпентер говорит, что 5/6 преступлений состоит в нарушении прав собственности, но эта цифра слишком низка. Детальное исследование показало бы, что 9 преступлений из 10 вытекают прямо или косвенно из нашей системы беспощадной эксплоатации и грабежа. Нет ни одного преступника, как бы глуп он ни был, который бы не признавал этого ужасного факта, хотя может быть они не в состоянии об'яснить его.

Труды по криминологии Ломброзо, Хэвелока Эллиса и других выдающихся писателей, показывают, что преступник чувствует очень ясно, что именно общество само приводит его к преступлению. Один милайский вор сказал Ломброзо: „Я не ворую, а лишь беру у богатых их излишки; кроме того разве адвокаты и купцы не воруют?". Убийца написал: „Зная, что три четверти общественных добродетелей суть подлые пороки, я решил, что открытое нападение на богатого человека менее неблагородно, чем хитрая комби-

BEST COPY AVAILABLE

137

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. – Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. – 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

нация обмана и мошенничества". Другой написал: „Я посажен в тюрьму за кражу полдюжины яиц. А министры, которые крадут миллионы, пользуются почетом и уважением. Бедная Италия!". Один образованный арестант сказал Дэвитту: „Законы общества составляются в интересах обеспечения власти за богатыми, и этим у большей части человечества отнимаются его права и возможности. Почему они должны наказывать меня за то, что я такими же способами беру немного у тех, кто взял гораздо больше, чем они имели на то право?". Тот же человек прибавил: „Религия отнимает у человека независимость; патриотизм есть глупое обожание, мира, ради которого счастье и мир жителей приносится в жертву тем, кто от этого получает выгоду; законы же страны, ограничивая естественные желания человека, об'являют этим войну естественному закону человеческих существ. По сравнению с этим" прибавил он, „воровство есть почетное занятие" *).

Поистине, в этих словах гораздо больше мудрости и истины, чем во всех юридических нравственных книгах общества.

Если экономические, политические, моральные и физические факторы являются микробами преступления, то как общество относится к этому?

Методы борьбы с преступлениями несомненно претерпевали много раз перемены, но главным образом лишь в теоретическом смысле. На практике же общество всегда сохра-

*) Хэвелок Эллис: „Преступник"

няло свой первоначальный мотив по отношению к преступнику,—месть. Оно усвоило себе также теологическую идею, —наказание. Юридические „цивилизованные" методы состоят в устрашении и реформе. Мы сейчас увидим, что все четыре метода привели к полному фиаско, и что мы сегодня не ближе к разрешению вопроса, чем в средние века.

Естественный импульс примитивного человека ударить в ответ на оскорбление, отомстить за несправедливость – теперь отжил. Вместо этого цивилизованный человек, лишенный мужества и смелости, передал организованной машине обязанность отомщения за нанесенные ему оскорбления в глупой уверенности, что государство имеет оправдание делать то, что он по недостатку мужества и последовательности не может делать. „Его величество закон" основывается на разуме и логике и не унижается до примитивных инстинктов. Его миссия более „высокого" характера. Правда, он все еще путается в теологических бреднях и об'являет наказание средством нравственного очищения или смягчения греха. Но юридически и практически закон прибегает к наказанию не только, как к причинению боли и неприятности преступнику, но также в целях устрашения других.

Что же является главным основанием наказания? Идея свободной воли, представление, что человек всегда является свободным в смысле выбора добра или зла; если он выбирает последнее, то должен платить за это высокой ценой. Хотя эта теория давно опровергнута и выброшена в корзину для старых

138

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

бумаг, она продолжает ежедневно применяться всей правительственной машиной, сделавшись самым жестоким и грубым мучителем человеческой жизни. Единственным основанием для ее продолжения является еще более жестокая идея, что чем больший террор наводит наказание, тем вернее оно может предупредить преступления.

Общество употребляет самые суровые методы против нарушителя законов. Почему же это не пугает его? Хотя в Америке человек считается невинным, пока не доказана его вина, аппарат закона и полиция наводят террор, производя аресты без разбору, избивая, оскорбляя людей, колотя палками, употребляя варварский способ „третьей степени", запирая в каморках с отвратительным воздухом в полицейских участках, и осыпая еще более отвратительными ругательствами. Однако преступления быстро увеличиваются, и общество платит высокой ценой за свою политику. С другой стороны, мы видим, что, когда несчастный гражданин получил в полной мере „милость" закона и ради безопасности общества запрятан в отвратительную тюремную камеру, тогда начинается его настоящее мучение. Лишенный всех человеческих прав, низведенный до роли автомата без воли и желаний, завися всецело от милости грубых тюремщиков, он ежедневно подвергается процессу „обезчеловечивания", по сравнению с которыми месть дикаря есть детская игра.

В Соединенных Штатах нет ни одного тюремного учреждения, где бы людей не мучили, чтобы их „сделать лучше" посредством розог, палок, смирительной рубашки, „лечения водой", „поющей птицы" (приспособление, посредством которого электрический ток пропускается через человеческое тело), карцера и голодной диэты. Воля человека в этих заведениях разбивается, душа унижается, его личность подавливается мертвящей монотонностью и рутиной тюремной жизни. В Огайо, Иллинойсе, Пенсильванин, Миссури и на юге эти ужасы сделались настолько вопиющими, что получили широкую огласку; в большинстве же других тюрем применяются такие же „христианские" методы. Но тюремные стены редко пропускают крики своих жертв, тюремные стены толсты и заглушают звуки. Общество могло бы с большей уверенностью в своей безопасности уничтожить разом все тюрьмы, чем надеяться на защиту путем этих ужасных застенков XX века.

Год за годом тюремные ворота отворяются и возвращают миру истощенных, изуродованных, безвольных людей, потерпевших крушение в жизни, с печатью Каина на лбу и с разбитыми надеждами впереди; их естественные наклонности извращены; их ждет на свободе лишь голод и вражда, и они скоро возвращаются на путь преступления, ибо это для них единственный способ существования.

Вполне обыкновенная вещь — встретить мужчин и женщин, проведших половину своей жизни или даже всю жизнь в тюрьме. Я знала женщину на Блэкуелль-Айланд, которая была 38 раз в тюрьме; один мой друг помогал юноше 17 лет, сидевшему в исправительной тюрьме, и не знавшему никогда, что такое свобода. От тюрьмы до исправительного заведения и обратно,—таков был

139

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

путь его жизни, пока, наконец, он не умер от истощения. Эти личные мои впечатления подтверждаются многочисленными данными, которые вполне доказывают полную бесполезность тюрем, как средства устрашения или исправления.

Некоторые честные хорошие люди работают сейчас над новым направлением в тюремном деле, которое имеет ввиду восстановление человека, возрождение его, предоставление ему возможности сделаться снова членом общества. Как ни похвально это стремление, я боюсь, что не следует возлагать надежды на новое вино, налитое в старые меха. Только полная перестройка общества избавит человечество от язвы преступления. Все же если допустить пока паллиативы, можно пытаться улучшать наши тюремные заведения. Но прежде всего необходимо возродить общественную совесть, которая находится в жалком состоянии. Общество должно пробудиться, сознать, что преступление есть лишь вопрос степени, что мы все носим в себе зародыши преступления более или менее в зависимости от нашей умственной, физической и общественной обстановки; отдельный преступник есть лишь отражение направления всего общества.

Когда общественная совесть пробудится, то люди вероятно откажутся от „чести" быть борзой собакой закона. Человек перестанет преследовать, презирать преступника или не доверять ему и даст ему возможность жить и дышать среди его друзей. Учреждения, конечно, не сразу поддадутся новому течению,— они холодны, непроницаемы и жестоки; однако наверно будет возможно избавить тюремные жертвы от жестокостей начальства, стражи и надсмотрщиков. Общественное мнение—могучее оружие, и тюремщики боятся его. Их можно научить быть хоть немного вежливее,—особенно, когда они поймут, что от этого будет зависеть вся их служба.

Но самый важный шаг состоит в требовании для заключенного права работать, пока он находится в тюрьме, за некоторое денежное вознаграждение, которое даст ему возможность отложить немного денег до дня его освобождения, когда начнется новая для него жизнь.

Смешно надеяться на получение многого от тюремного общества, когда мы вспомним, что рабочие сами выражают протест против работы заключенных. Я не буду разбирать подробно это возражение, и укажу только, что оно не практично. Начать прежде всего с того, что возражение против организованного труда заключенных ломится в открытую дверь, ибо заключенные уже всегда работали; только государство было их эксплоататором совершенно так же, как частный хозяин грабил организованных рабочих. Штаты или заставляли заключенных работать на правительство, или отдавали их в наем частным предпринимателям. 29 Штатов придерживались этой системы. Федеральное правительство и 17 отдельных Штатов отказались от нее также, как и руководящие народы Европы, так как эта система вела к ужасной эксплоатации заключенных и бесконечным злоупотреблениям и лихоимству.

—„Род Айленд, штат, управляемый Ольдри-

BEST COPY AVAILABLE

140

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

хом, является, может быть, наихудшим в этом отношении. Согласно контракту, заключенному на 5 лет 7 июля 1906 года и возобновляемому при желании контрагентов еще на 5 лет, труд заключенных в Род Айлендской тюрьме, а также в Провиденс-Каунтской тюрьме запродан частной компании Релайенс-Стерлинг К° за ничтожную плату, менее 25 центов в день за человека. Эта компания есть в сущности гигантский трест для эксплоатирования труда заключенных, ибо она берет по контракту труд заключенных в тюрьмах в Конектикуте, Мичигане, Индиане, Небраске, и Южной Дакоте, а также в исправительных тюрьмах в Иллинойсе, Нью-Джерсей, Индиане и Висконсине,—всего в 11 заведениях."

„О громадности злоупотреблений и лихоимства по этому контракту можно судить по тому, что та же компания в Небраске платит 62½ цента в день за труд заключенного, и что Теннесси, например, получает 10 долларов 10 пенсов в день за труд заключенного от компании Грэй-Дэлей Хардвер; Миссури получает 70 центов в день от Стар Оверолль Компании; Западная Виргиния получает 65 центов в день от Компании Крафт и Мэрилэнд получает 55 центов в день от Компании Оппенгейм Оберндорф; все эти компании занимаются приготовлением рубашек. Такая разница в ценах указывает на громадное лихоимство. Например. Релайенс-Стерлинг Ко приготовляет рубашки, при чем свободный труд обходится ей не менее 1 доллара 20 центов за дюжину, между тем как она платит Род-Айленд всего 30 центов за дюжину. Далее, государство не берет с этого треста никакой арендной платы

за пользование громадной фабрикой, не берет ничего за двигательную силу, отопление, освещение и даже за канализацию, и, наконец не берет с нее никаких налогов. Что за мошеническая сделка!"*)

Высчитано, что трудом заключенных в Америке производится ежегодно рубашек и рабочих передников на сумму свыше 12,000,000 долларов. Это область женского труда, и первая мысль, которая приходит в голову, что громадное количество женщин, благодаря такой организации, остается без работы. Вторая мысль та, что заключенные мужчины, которые должны были бы изучать ремесла, которые дадут им возможность поддерживать себя трудом после освобождения из тюрьмы, сидят на работе, которая не может дать им ни одного доллара. Это тем более серьезно, когда мы вспомним, что все это происходило в исправительных тюрьмах, которые так громко заявляют, что они подготавливают своих заключенных быть полезными гражданами. Третья и самая важная мысль, что огромные прибыли, выжатые таким образом из труда заключенных, являются постоянным стимулом для контрагентов вымогать из своих несчастных жертв такие работы, которые им совершенно не под силу, и наказывать их жестоко, когда их работа не удовлетворяет чрезмерных требований хозяев.

Кроме того, мы должны осудить попытки заставлять заключенных делать работу, которой впоследствии они не смогут жить по от-

*) Цитируется из изданий Национального Комитета о заключенных.

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

бытии наказания. Индиана, например, есть штат, который очень много говорил об образцовом устройстве своих тюремных учреждений. Однако, согласно опубликованному в 1908 году отчету школы местной исправительной тюрьмы, оказывается что 135 человек были заняты вышивкой цепочек, 207 — шитьем рубашек и 255 работали в литейной мастерской: всего 597 человек по 3 специальностям. Но у сидящих в исправительной тюрьме заключенных насчитывалось всего 59 профессий, из которых 39 были связаны с сельским хозяйством. Между тем, Индиана, как и другие штаты, заявляет, что она тренирует своих заключенных, подготовляя к профессиям, которыми они смогут впоследствии зарабатывать себе существование.

Фактически же Индиана посадила их на работу по приготовлению цепочек, рубашек и щеток,—последние изготовлялись для компании Луизвилль Фэнси Гросери Ко. Но выделка щеток есть ремесло, монополизированное главным образом слепыми, а шитье рубашек делается женщинами, и наконец в штате есть только одна фабрика цепочек, на которую вынужденные арестанты не могут даже надеяться попасть на работу. Таким образом весь план обращается в жестокую комедию.

Если таким образом штаты помогают лишь грабить этих несчастных на такие громадные суммы, то не настало ли время для организованных рабочих прекратить эту пустую болтовню и настаивать на приличном вознаграждении для заключенных, равном тому, которое рабочие требуют для себя? Этим путем они убили бы самую возможность превращения заключенного в врага интересов рабочего класса. Я уже сказала, что тысячи заключенных, не обученных никакому ремеслу, без всяких средств к жизни, выбрасываются назад на общественную арену. Эти мужчины и женщины должны жить, ибо даже бывший арестант имеет потребности. Тюремная жизнь сделала их анти-общественными существами, и наглухо закрытые двери, которые встречают их всюду по освобождении, не смягчают их горечи. Неизбежным результатом всего этого является то, что они образуют те свободные от дела кадры, из которых фабрикуются стачконарушители, сыщики и полицейские, готовые на все по приказу хозяина. Таким образом организованные рабочие своей глупой оппозицией работе заключенных подрывают сами свои собственные интересы и помогают создать те ядовитые газы, которые мешают всякой попытке улучшить их положение. Если рабочий хочет избежать этого, он должен *настаивать* на праве заключенных на труд, он должен встретить их, как братьев, принять их к себе в организацию и *с их же помощью пойти прочь от той системы, которая давит их обоих.*

В заключение я должна указать на то, что все начинают понимать несправедливость и жестокость судебных приговоров. Те, кто спешит в грядущую перемену и работает для нее, скоро приходит к заключению, что каждый человек должен иметь шанс и возможность проявить свои хорошие стороны. Но чтобы он может это сделать, когда на нем висит приговор тюремного заключения на 10,

BEST COPY AVAILABLE

142

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

15 или 20 лет? Надежды на свободу и счаст
ливый случай есть единственный стимул к
жизни особенно для заключенного. Обществ
грешило против него слишком долго,—
должно ему дать хоть это. Я не верю ос
бенно, чтобы общество согласилось на это,
не верю, что вообще может произойти дей
ствительное улучшение в этом отношени
пока не будут уничтожены навсегда самы
условия, воспитывающие и тюремщика,
арестанта.

„Из его уст красная, красная роза!
Из его сердца белая роза!
Ибо кто может сказать, каким стран-
ным путем
Христос исполняет свои желания,
Раз даже сухой жезл, который нес
пилигрим,
Зацвел вдруг на глазах Папы.

Патриотизм.

Угроза свободе.

Что такое патриотизм? Есть ли это любовь к нашей родине, к месту наших детских воспоминаний и надежд, мечтаний и ожиданий? Есть ли это место, где в детской наивности мы следили за плывущими облаками и удивлялись, почему мы также не можем улететь с ними? Место, где мы считали миллиарды сверкающих звезд, боясь, что это все чьи-то глаза, пронизывающие наши души? Есть ли это место, где мы слушали пение птиц и желали иметь крылья, чтобы лететь с ними в далекие земли? Или место, где мы сидели на коленях матери, завороженные удивительными рассказами о великих подвигах и завоеваниях? Вообще есть ли это место, где на каждом шагу нас охватывают милые и дорогие воспоминания о счастливых радостных днях детства?

Если это есть патриотизм, то очень немногих американцев можно заставить быть патриотами, так как место их детских игр давно обращено в фабрику, завод или рудники, а оглушающий стук машин заменил собой пение птиц. Мы не можем также слушать рассказы о великих деяниях, так как наши матери не могут рассказывать нам ничего другого кроме истории страдания, горя, слез и нищеты.

Что же такое патриотизм? Доктор Джонсон говорит: „патриотизм есть последний аргумент прохвостов".

BEST COPY AVAILABLE

143

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Лев Толстой, виличайший противник патриотизма нашего времени, определяет его, как принцип, который оправдывает подготовку массовых убийц; как ремесло, которое требует более тщательной тренировки в деле убийства человека, чем приготовление необходимых нам вещей, как обувь, платье и дома; как занятие, которое обеспечивает лучшие доходы и большую славу, чем труд обыкновенного рабочего.

Гюстав Эрве, другой великий анти-патриот, справедливо называет патриотизм предрассудком гораздо более вредным, грубым и бесчеловечным, чем религия. Религия явилась результатом неспособности человека об'яснить естественные явления природы. Когда первобытный человек слышал гром или видел молнию, он не мог об'яснить себе ни того, ни другого и поэтому решил, что сзади этих явлений таится сила гораздо большая, чем он сам. Также он видел сверхестественную силу в дожде и в других переменах в природе. Патриотизм же наоборот есть предрассудок, искусственно созданный и поддерживаемый целой сетью лжи и неправды, предрассудок, лишающий человека самоуважения и достоинства и увеличивающий его высокомерие и гордость.

Действительно высокомерие, гордость и эгоизм являются составными частями патриотизма. Иллюстрируем это примерами. Патриотизм полагает, что наш земной шар разделен на маленькие участки, каждый из которых окружен железной решеткой. Те, кто имел счастье родится в определенном месте, считают себя лучше, благородней, интеллигентней, чем живые существа, обитающие в других местах. Поэтому тот, кто живет на данном избранном месте, должен сражаться, убивать и если нужно умереть, стараясь навязать свое превосходство другим.

Обитатели других мест рассуждают таким же образом, и в результате с самого раннего детства ум ребенка отравлен историями, от которых стынет кровь, относительно немцев, французов, итальянцев, русских и т. д. Когда ребенок достигает зрелого возраста, он уже весь проникнут убеждением, что сам бог избрал его для защиты *его* страны против нападений или вторжений иностранцев. Именно для этой цели мы требуем увеличения армии и флота, требуем больше броненосцев и аммуниции. Для этой цели Америка втечение короткого времени истратила 400,000,000 долларов. Только подумайте.—400,000,000 долларов отняты из того, что произведено *народом*. Ибо, конечно, не богатые доставляют средства на патриотизм. Богатые—космополиты, им удобно и хорошо везде во всяком государстве. Мы в Америке знаем это слишком хорошо. Разве наши богатые американцы не являются французами во Франции, германцами в Германии и англичанами в Англии? И разве они не тратят с изящным равнодушием средства, созданные трудом фабричных детей и рабов в Америке? Таков их патриотизм, который позволяет им посылать соболезнующие телеграммы различным деспотам вроде русского царя, когда с ним случается несчастье,—как это сделал Президент Рузвельт от имени своего народа, когда ве-

144

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ликий князь Сергей был убит русскими революционерами.

Этот патриотизм готов поддерживать архиразбойника и убийцу президента Диаца, когда он убивал людей тысячами в Мексике, и даже готов помогать ему арестовывать мексиканских революционеров на американской почве и держать их в американских тюрьмах без всякого к тому повода или основания.

Но, конечно, патриотизм предполагается не только для тех, кто имеет власть и деньги, а для всего народа. Это напоминает нам исторический рассказ о Фридрихе Великом, интимном друге Вольтера, который сказал: „Религия есть обман, но ее нужно поддерживать для народа."

Патриотизм—очень дорогое учреждение,— в этом нельзя сомневаться после указываемых нами ниже цифр. Прогрессивное увеличение расходов на крупнейшие армии и флоты всего мира втечение последней четверти века таково, что должно поразить каждого вдумчивого экономиста. Чтобы дать вкратце представление об этом, мы разделим время от 1881 года до 1905 года на 5-летние периоды и сравним расходы на армию и флот главных наций в первом и последнем периоде. Получаем следующие цифры: расходы Великобритании увеличились с 2,101,848,936 долларов до 4,143,226,885 долларов; Франции — с 3,324,.500,000 долларов до 3,445,109,000 долларов; Германии—с 725,000,200 долларов до 2,700,375,600 доллар.; Америки—с 1,275,500,750 долларов до 2,650,900,450 долларов; России—с 1,900,975,500 долларов до 5,250,445,100 долларов, Италии—с 1,600,975,750 долларов до

1,755,500,100 долларов; Японии—с 182,900,500 долларов до 700,925,475 долларов.

Военные расходы каждой из этих наций увеличились за каждый из 5-летних периодов. Втечение всего промежутка от 1881 года до 1905 расходы Англии на армию увеличились в 4 раза, Америки в 3 раза, России в 2 раза, Германии на 35%, Франции на 15%, и Японии почти на 500%. Если мы сравним расходы на армии с цифрой всех расходов за те же 25 лет, кончая 1905 годом, то пропорциональное увеличение выражается следующими цифрами: в Великобритании с 20% до 37%, в Америке с 15% до 23%, во Франции с 16% до 18%, в Италии с 12% до 15% и в Японии с 12% до 14%. С другой стороны, интересно отметить, что в Германии наблюдается уменьшение с 58% до 25%, но это об'ясняется огромным увеличением имперских расходов на другие расходы; фактически же расходы на армию за периоды 1901—1905г.г. были выше, чем в любой из предыдущих 5-летних периодов. Статистика показывает, что странами с наибольшими военными расходами соответственно общей сумме доходов являются по порядку: Англия, Америка, Япония, Франция и Италия.

Сравнительные цифры расходов на флот ие менее красноречивы. Втечение 25 лет, кончая 1905 годом, морские расходы крупнейших держав увеличивались следующим образом: Великобритании на 300%, Франции на 60%, Германии на 600%, Америки на 525%, России на 300%, Италии на 250%, и Японии на 700%. Если не считать Англии, Соединенные Штаты тратят на флот больше, чем какая бы то ии было другая нация, и эти расходы составляют

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

большую часть всех расходов государства, чем у любой другой державы. За период 1881—85г.г. в Америке на морские расходы приходилось 6 долларов 20 центов из каждых 100 долларов общих расходов; втечение следующего пятилетия цифра возросла до 6 долларов 60 центов, затем до 8 долларов 10 центов, дальше до 11 долларов 70 центов и за период 1901—1905 г.г. до 16 долларов 40 центов. Несомненно, что теперь расходы на флот увеличились еще больше.

Стоимость непреодолимо растущего милитаризма может быть еще показана посредством суммы, приходящейся на голову населения. С первого до последнего пятилетия сравнительные цифры показывают следующее увеличение: в Англии с 18 долл. 47 цент. до 52 долл. 50 цент.; во Франции с 19 долл. 66 цент. до 23 долл. 62 цент.; в Германии с 10 долл. 17 цент. до 15 долл. 51 цент.; в Америке с 5 д. 62 ц. до 13 д. 64 ц.; в России с 6 д. 14 ц. до 8 д. 37 ц.; в Италии с 9 д. 59 ц. до 11 д. 24 ц. и в Японии с 86 ц. до 3 д. 11 ц.

Тяжесть экономического бремени милитаризма особенно ясно вырисовывается из этой таблицы, ибо, по имеющимся у нас данным, видно, что увеличение расходов на армию и флот быстро обгоняет рост населения в каждой из упомянутых выше стран. Другими словами, продолжение роста милитаризма угрожает этим нациям прогрессивным вырождением и истощением, как их людского материала, так и естественных рессурсов.

Эта безумная трата сил и средств должна быть достаточна, чтобы излечить даже человека средней интеллигентности от болезни

патриотизма. Однако, он требует еще большего. Народ заставляют быть патриотичным, и за эту роскошь он должен платить, не только поддерживая своих „защитников", но и жертвуя своими детьми, ибо патриотизм требует верности знамени, а это значит послушание и готовность убить отца, мать, брата и сестру.

Обычно утверждают, что нам необходимо иметь постоянную армию для защиты страны от иностранного вторжения. Однако, каждый интеллигентный мужчина и женщина знает, что это миф, поддерживаемый затем, чтобы пугать и принуждать глупых людей. Правительства всех стран мира, зная интересы друг друга, не вторгаются в чужие владения. Они научились той истине, что можно больше выиграть посредством международного арбитража, чем посредством войны и завоевания. Карлейль сказал: „Война есть ссора между двумя ворами, которые слишком трусливы, чтобы сражаться самим; поэтому они берут юношей из одного и другого селения, одевают их в мундиры, дают им оружие и выпускают, как диких зверей, драться друг против друга."

Не нужно быть слишком умным, чтобы быть в состоянии проследить каждую войну к одной и той же общей причине. Возьмем нашу испано-американскую войну, которая считается великим и патриотическим событием в истории Соединенных Штатов. Как наши сердца в то время горели негодованием против жестоких испанцев! Правда, наше вдохновение не вспыхнуло сразу. Оно подогревалось втечение нескольких месяцев газетной агитацией и долго спустя после того, как Вейлер убил многих кубанцев и оскорбил многих кубанских

146

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

женщин. Тем не менее, воздавая должную справедливость американскому народу, нужно сказать, что он на самом деле был полон негодования и был готов сражаться и сражался храбро. Но когда пыл простыл, когда мертвые были похоронены, и стоимость ведения войны предстала перед народом в виде возросших цен на товары и квартиры,—вообще когда мы пришли в себя после патриотического опьянения, то нам сразу стало ясно, что причина испано-американской войны сводится в сущности к тому, какая будет цена на сахар. Иначе говоря, жизнь, кровь и средства американского народа были потрачены на то, чтобы охранить интересы американских капиталистов, которым угрожало испанское правительство. Это не есть преувеличение, но основывается на абсолютных фактах и цифрах и доказывается отношением американского правительства к кубанским рабочим. Когда Куба очутилась во власти Америки, то тем же самым солдатам, которые были посланы для освобождения Кубы, было приказано стрелять в кубанских рабочих сигарных фабрик во время большой стачки, которую они организовали вскоре после войны.

Но мы не одни виноваты в том, что начинали войну из-за таких соображений. Занавес начинает немного приподниматься над историей ужасной русско-японской войны, которая стоила столько крови и слез, и мы видим, что сзади страшного Молоха войны опять таки стоит еще более страшный бог выгоды и наживы. Куропаткин, русский военный министр, раскрыл истинный секрет начала войны. Оказывается, что царь и великие князья вложили

деньги в корейские концессии, и война была предпринята единственно ради того, чтобы можно было поскорее получить большие капиталы.

Утверждение, что постоянная армия и флот являются лучшим обеспечением мира, столь же логично, как положение, что самые мирные граждане в городе те, кто лучше других вооружен. Опыт каждого дня показывает, что вооруженный человек обязательно хочет попробовать свою силу. То же исторически прилагается к правительствам. Действительно, мирные страны не тратят свою жизнь и энергию на подготовление к войне и тем самым лучше охраняют интересы мира.

Требование увеличений армии и флота нисколько не вызывается внешней опасностью, а страхом перед растущим недовольством народных масс и перед духом международного единения среди рабочих. Державы вооружаются именно для борьбы с внутренним врагом, — врагом, который раз пробудившись, будет в тысячу, раз более опасен, чем вторгающийся неприятель.

Державы втечение столетий были заняты порабощением народных масс и хорошо изучили их психологию. Они знают, что народные массы похожи на маленьких детей, горе и слезы которых легко обратить в радость, дав им маленькую игрушку. И чем ярче одета игрушка, чем пестрей ее окраска, тем более она им нравится.

Армия и флот представляют собой такие игрушки для народа. Чтобы сделать их более привлекательными и приемлемыми, сотни и тысячи долларов тратятся на показывание этих

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

игрушек. Американское правительство оборудовало флот и послало его к тихоокеанскому побережью, чтобы каждый американский гражданин чувствовал гордость и славу Соединенных Штатов. Город Сан-Франциско истратил 100,000 долларов на прием и угощение флота; Лос-Анджелос—60,000 долларов; Сиаттль и Такома—около 100,000 долларов. Прием и угощение флота? Это значит обед и вино для высших офицеров в то время, как „храбрые молодцы" должны были прибегнуть к мятежу, чтобы получить достаточно пищи. Да, 260,000 долларов были потрачены на фейерверки, театры и развлечения в то время, как мужчины, женщины и дети в стране голодали на улицах, и когда тысячи безработных были готовы продать свой труд за любую плату, лишь бы не умереть с голоду.

260,000 долларов! Чего только нельзя было сделать на такую громадную сумму! Но вместо хлеба и убежища дети этих городов были взяты на смотр флота, чтобы это могло остаться, как выразилась одна газета, „в памяти ребенка навсегда."

Хорошие вещи предлагают запомнить детям! Орудия цивилизованного убийства! Если память ребенка должна быть отравлена такими воспоминаниями, то куда же годятся наши надежды на осуществление всемирного братства?

Мы, американцы, претендуем на то, что мы являемся миролюбивым народом. Мы ненавидим пролитие крови и противимся всякому насилию. Однако мы чуть не впадаем в истерику от радости по поводу того, что с аэропланов можно бросать динамитные бомбы в

беззащитных граждан. Мы готовы вешать, линчевать или казнить электрическим током кого угодно, кто под влиянием нужды рискнет своею жизнью и устроит покушение на жизнь какого-нибудь промышленного короля. Наши сердца наполняются гордостью при мысли, что Америка становится самой могучей нацией в мире, и что она сможет при случае поставить свою ногу на шею всем другим народам.

Такова логика патриотизма.

Патриотизм оказывает весьма скверное влияние на среднего обыкновенного человека, но это ничто в сравнении с оскорблениями и унижениями, которым патриотизм подвергает солдата,—эту бедную обманутую жертву невежества и предрассудка. Что патриотизм готовит в будущем для него—защитника страны и хранителя нации? Ничего другого кроме жизни, полной рабского подчинения, порока и разврата во время мира и опасности, лишений и даже смерти во время войны.

Когда я в последний раз лектировала в Сан-Франциско, я посетила Президио, самый очаровательный уголок с видом на бухту и парк. Там следовало бы устроить площадку для детских игр, сад и музыку для отдыха усталым. Вместо этого все местечко изуродовано безобразными, серыми казармами, в которых любой богач не поселил бы даже своих собак. В этих ужасных казармах солдаты напиханы, как скот; здесь они проводят свою молодость, чистя сапоги и полируя медные пуговицы старших офицеров. Здесь, как я видела, установлен принцип различия классов: сыны свободной республики, вытянувшись в линию, как арестанты, отдавали честь каждо-

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

му проходящему молокососу лейтенанту. Пресловутое американское равенство на самом деле унижает человеческое достоинство и ставит выше всего мундир!

Казарменная жизнь развивает тенденции полового извращения и постепенно приводит к тем же результатам, которые получаются в европейских милитаризованных странах. Хэвелок Эллис, известный писатель по вопросам половой психологии, подробно изучает этот вопрос и говорит: „Некоторые из казарм являются большими центрами мужской проституции... Число проституирующих солдат больше, чем мы хотели бы верить. Без всякого преувеличения можно сказать, что в некоторых полках большинство солдат продают себя... В летние вечера Гайд-Парк и местность около Альберт-Гейт полны гвардейскими и другими солдатами в форме и без нее, почти открыто занимающимися этим делом... В большинстве случаев это дает приличный заработок в добавление к карманным деньгам Томми Аткинса.“

До каких размеров этот разврат проник в армию и флот, можно видеть из того, что, оказывается, существуют особые дома для этой формы проституции. Такая практика наблюдается не только в Англии, но и во всех других странах. „За солдатами гоняются во Франции не менее, чем в Англии или Германии. В Париже и других городах, где стоят гарнизоны, существуют особые дома для военной проституции.“

Если бы Хэвелок Эллис включил в свое исследование половых извращений также Америку, то он увидел бы здесь такую же картину в нашей армии и флоте. Увеличение по-

стоянной армии неизбежно усиливает рост половых извращений,—казармы в этом отношении играют роль инкубаторов.

Но оставляя в стороне дурное влияние казарменной жизни на половые инстинкты, мы находим, что она делает солдата неспособным ни к какой полезной работе после оставления им армии. Люди, знающие какое-нибудь ремесло, редко идут в армию и флот, но даже они после военной службы становятся неспособными к своей прежней профессии. Они усваивают привычки к праздности и вкус к возбуждению и приключениям; поэтому мирная работа не может удовлетворять их. Отпущенные из армии, они не могут уже вернуться к полезной работе. Обычно, именно социальные отбросы, отбывшие наказание арестанты и т. п. идут в армию, куда их загоняет жизненная борьба и наклонность к ничего не деланию. По освобождении из армии они опять вступают на прежний путь преступлений, еще более огрубелые и развращенные, чем раньше. Известно, что в наших тюрьмах есть большой процент преступников, прежних солдат. С другой стороны, армия и флот в большой степени пополняются бывшими преступниками!

Дух патриотизма не терпит целостности и независимости личности,—особенно характерен в этом отношении случай с солдатом Вильямом Бувальда. Он глупо верил, что можно быть солдатом и в то же время пользоваться своими правами человека,—военные власти подвергли его за это суровому наказанию. Правда, он в армии служил более 15 лет, и втечение этого времени его послужной список был безупречен. Поэтому генерал Фун-

149

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ничего не знают о текущих событиях, или по недостатку честности не желают говорить о неудобных для них предметах. Военный закон Дика был быстро проведен через Конгресс, дебатов при этом почти не было, и еще меньше было об этом сообщений в газетах,—этот закон дает Президенту право обратить каждого мирного гражданина в кровожадного убийцу; на словах это предполагается делать ради защиты страны, а на деле ради охраны интересов той партии, представителем которой является президент.

Наш писатель заявляет, что милитаризм никогда не может сделаться в Америке такой силой, как заграницей, потому что военная служба у нас основана на добровольном принципе, а там на принуждении. Но он при этом забывает два важных факта. Во первых, воинская повинность вызвала в Европе среди всех классов общества глубокую ненависть к милитаризму. Тысячи молодых солдат попадают в армию, протестуя против этого, и очутившись в армии, они прибегают ко всевозможным способам, чтобы дезертировать. Во вторых, именно принудительность военной службы и создала антимилитаристское движение, которого европейские державы боятся больше, чем чего бы то ни было. Понятно, что милитаризм есть сильнейший оплот капитализма. Как только милитаризм ослабеет, капитализм неизбежно пошатнется. Правда, мы в Америке не имеем всеобщей воинской повинности; это значит, что наши мужчины обыкновенно не принуждаются вступать в армию, но зато мы развили другую, еще более суровую и требовательную силу, —это необходи-

мость. Разве не правда, что во время промышленного застоя количество вступающих в армию, увеличивается в колоссальной степени? Военная профессия, может быть, не очень выгодна и почтенна, но все-таки это лучше, чем бродить по стране в поисках работы, или стоять в очереди за хлебом, или спать в муниципальных ночлежках. Кроме того, это все-таки значит 13 долларов в месяц, еда три раза в день и место, где можно спать. Но даже необходимость не является достаточно сильным фактором, чтобы соблазнить в армию людей сильных и с характером. Не удивительно, что наши военные власти жалуются на „плохой материал", попадающий в армию и флот. Это признание чрезвычайно приятный признак, который показывает, что в среднем американце есть еще достаточно духа независимости и любви к свободе, чтобы рискнуть скорее голоданьем, чем согласиться напялить на себя военный мундир.

Мыслящие мужчины и женщины во всем мире начинают понимать, что патриотизм есть слишком узкая и ограниченная идея, чтобы отвечать всем потребностям нашего времени. Централизация власти вызвала чувство международной солидарности среди придавленных наций мира,—солидарности, которая представляет большую гармонию интересов между американским рабочим и его товарищем заграницей, чем между американским углекопом и его эксплоатирующим согражданином; солидарности, которая не боится иностранного вторженния, потому что это приведет всех рабочих к моменту, когда они скажут своим хозяевам: „ступайте и делайте ваше дело убийства. Мы делали это слишком долго для вас."

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.– Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.– 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Эта солидарность пробуждает сознание даже между солдат, которые являются плотью от плоти одной человеческой семьи. Эта солидарность доказала более чем один раз свою полезность во время прошлых конфликтов и побудила солдат во время Коммуны 1871 года отказаться расстреливать своих братьев. Она придала бодрости русским матросам, когда они подымали бунты на русских броненосцах втечение последних лет, и она приведет когда-нибудь к восстанию всех притесненных и страдающих против их международных эксплоататоров.

Пролетариат Европы понял, какая громадная сила кроется в этой солидарности, и начал войну против патриотизма и его кровавого отражения,—милитаризма. Тысячи людей наполняют тюрьмы во Франции, Германии, России и Скандинавских странах, потому что они посмели сделать вызов этому устарелому предрассудку. Движение это не ограничилось рабочим классом, но захватило представителей всех классов и положений; его главными сторонниками являются мужчины и женщины, выдающиеся в искусстве, науке и литературе.

Америка должна последовать за ними. Дух милитаризма уже распространился повсюду. Я убеждена, что милитаризм в Америке вырастает в большую опасность, чем где бы то ни было, потому что капитализм здесь подкупает тех, кого он хочет уничтожить.

Начало уже сделано в школах. Повидимому, правительство держится иезуитского правила: „отдай мне ум твоего ребенка, и я сделаю из него человека." Детей учат военной тактике, слава военных подвигов в школе ставится выше всего, и юные умы развращ-

ются, чтобы угодить правительству. Кроме того, всюду развешаны яркие плакаты, в которых юношество убеждается присоединиться к армии или флоту. „Прекрасный случай увидать весь мир". кричит правительственный агент. Так невинных мальчиков начкают патриотизмом, и Молох милитаризма захватывает нацию.

Американский рабочий выиес так много от солдата федеральных войск и штатов, что он совершенно прав в своем отвращении и оппозиции к обмундиренному паразиту. Однако, простое отрицание не разрешает этой великой проблемы. Нам необходима воспитательная пропаганда среди солдат,—антипатриотическая литература даст ему понятие о позоре его профессии, и это пробудит в нем совесть и сознание его настоящего отношения к человеку, от труда которого зависит его собственное существование.

Именно этого правительство и опасается больше всего. Оказывается, что для солдата присутствовать на радикальном митинге есть уже государственная измена. Без сомненья, они об'явят чтение солдатом радикальной брошюры также изменой государству. Но разве мы не знаем, что правительства всех времен и народов всегда каждый шаг вперед называли изменой. Те, кто серьезно хочет работать для перестройки общества, может не обращать на это внимания и должен быть готовым на все, ибо, может быть, гораздо важнее сказать правду в казармах, чем на фабрике. Когда мы уничтожим ложь патриотизма, тогда мы очистим путь для построения здания нового, истинно свободного общества, где все национальности соединятся на основе всеобщего братства.

BEST COPY AVAILABLE

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman. — Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921. — 56 p. ; 18 × 23 cm.
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Содержание.

стр.

Предисловие . . . . . 3.

Анархизм. . . . . 9.

Меньшинство против большинства. . . . . 33.

Психология политического насилия . . . . . 45.

Тюрьмы . . . . . 77.

Патриотизм . . . . . 97.

С. Заяц.—Как мужики остались без начальства.
Ж. Ивто.—Азбука Синдикализма (разошлось).
М. Кори.—Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью и др.
П. Кропоткин. — Записки Революционера. Под редакцией автора и с предисловием Георга Брандеса.
Его же. — Речи Бунтовщика, с предисловием и послесловием автора к новому изданию.
Его-же.—Хлеб и Воля, с предисловием автора к новому изданию.
Его-же.—Современная Наука и Анархия (перевод под редакцией автора).
Его же.—Поля, Фабрики и Мастерския.
Его-же.—К чему и как прилагать труд ручной и умственный (сокращенное изложение книги „Поля, фабрики и мастерския").
Его же.—Справедливость и Нравственность.
Его-же.—Анархия.
Его-же.—Анархическая работа во время Революции.
Его-же.—Коммунизм и Анархия.
Его-же.—К молодому поколению (разошлось).
Его-же.—Политические права.
Его-же.—Новый Интернационал.
Н. К. Лебедев.—Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель.
Его-же. К истории Интернационала. Этапы международного об'единения трудящихся.
Э. Малатеста.—Избранные сочинения.
Его-же. Анархизм.
Его же.—Краткая Система Анархизма.
Его-же.—Крестьянские Речи.
М. Неттлау.—Жизнь и деятельность Михаила Бакунина.
Его-же.—Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса.
Э. Пато и Э. Пуже.—Как мы совершим революцию, с предисловием П. А. Кропоткина.
Ф. Пеллутье.—История Бирж Труда.
М. Р—ский.—Франциско Феррер и его Новая Школа.
Элизе Реклю. — Избранные сочинения (с предисловием П. А. Кропоткина).
Свободное Трудовое Воспитание.—Сборник статей под редакцией Н. К. Лебедева.
Б. Траутман, Дж. Эттор и В. Сэнт Джон.—Производственный Синдикализм (Сборник статей об индустриализме, с предисловием А. Шапиро).

BEST COPY AVAILABLE

152

890223000

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and other essays. In Russian] Anarkhism / Emma Goldman.— Moscow: Knigoizdate'stvo Golos Truda, 1921.— 56 p. ; 18 × 23 cm.

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

С. Фор.—Преступления Бога (второе над.)
В. Черкезов. — Предтечи Интернационала; Доктрины Марксизма; Распад среди социалистов государственников; Наконец-то сознались (ответ Каутскому).

Печатаются и в скором будущем выйдут в свет:

Дж. Гильом.—Интернационал (Воспоминания и Материалы) в четырех томах.
П. Кропоткин.—Взаимная Помощь.
Э. Пуже.—Избранные сочинения по вопросам Синдикализма.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Серия биографических очерков:

Н. Проферансов о Прудоне; А. Суши о Ландауэре.

КНИГИ:

Жан Грав.—Свободная земля.
П. Кропоткин.—Этика.
Г. Ландауэр.—Призыв к Социализму.
П. Ж. Прудон.—Об общей идее Революции.
Эли Реклю.—Парижская Коммуна изо дня в день (Дневник событий 1871 года).
Л. Фаббри.—Синдикализм и Анархизм.

БРОШЮРЫ:

Ф. Барвик.—Коммунистическое построение синдикализма в противовес партийному коммунизму и Государственному Социализму.
П. Кропоткин.—Парижская Коммуна.
Его-же—Государство, его роль в истории.
Ф. Эртер.—Чего хотят синдикалисты.

BEST COPY AVAILABLE

881017020

The Emma Goldman Papers

[Against the persecution of anarchists in Soviet Union. In Russian] Protest-vozvania Rusk Anarchistov / Emma Goldman, *et al.*— pp. 20-22 ; 19 cm. *In* Volna. —no. 3 (1921).
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

БОЛЬШЕВИТСКАЯ РЕАКЦИЯ ПРОТИВ АНАРХИСТОВ И АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ В РОССИИ.

Следующий документ является дословным переводом открытого письма, которое адресовано нашими русскими братьями к теперешним власти телям России. В то же время это отчаянный призыв к солидарности иностранных товарищей, воззвание ко всем истинным социалистам и революционерам: придти на помощь русским товарищам посредством международн. протеста. Как раньше при автократическ режиме царизма так и сегодня, свирепствует новая реакция, скрывающаяся под маской "Диктатуры Пролетариата" против наших идейных товарищей, несмотря на то, что наши русские братья стояли в первых рядах, когда приходилось отстаивать революцию от ударов реакции и заговоров иностранного милитаризма. Много сотен из них принесли свои жизни в жертву и с чистым сердцем шли на смерть во имя Свободы. В благодарность за это их травят сегодня как диких зверей, они лишены даже и тех прав, которыми наше движение пользуется в явно капиталистических государствах. Факт, что этот документ подписан такими товарищами, как Александр Беркман, Эмма Гольдман и А. Шапиро—товарищами, имена которых известны во всех странах и о которых известно, что они не судят легкомысленно и обладают высоко развитым сознанием ответственности,—говорит сам за себя. Все другие комментарии излишни.

. . . . От редакции "Дэр Синдикалист", Берлин.

ПРОТЕСТ-ВОЗВАНИЕ РУССК. АНАРХИСТОВ

В. И. Ленину, Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов, Центральному Комитету Коммунистической Партии России, Коммунистическому Интернационалу, Всероссийскому Генеральному Совету Индустриальных Соглашений, Интернациональному Совету Красных Ремесленных Союзов. .. .. Копии этого документа были посланы также: Совету Народных Комиссаров и Совету Рабоче-Крестьянских Представителей. .. ..

Ниже подписанные Анархо-Синдикалистические организации, детально обсудив положение, которое создалось в последнее время, и приняв во внимание всеобщие преследования анархистов в Москве, Петрограде, Харькове и других городах России и Украины, в связи с насильственным подавлением анархических организаций, клубов, изданий и т. п.—выражают свой решительный и энергичный протест против неслыханного угнетения, которое делает невозможной — не только агитационную и пропагандическую деятельность,—но и культурную работу анархистических организаций.

Систематическая охота на анархистов, вообще, и на анархо-синдикалистов, в особенности,—в результате которой все тюрьмы и остроги Советской России наполнены нашими товарищами,—совпало как раз со временем и духом речи Ленина, которую он держал на десятом конгрессе Комм. партии. Ленин об'явил тогда, что беспощадная война должна вестись против тех, которых он назвал "мелко-буржуазными анархическими элементами", которые, по его уверению, развиваются и в Комм. партии, благодаря "анархо-синдикалистским тенденциям "Рабочей Оппозиции"*). В тот самый день, когда Ленин выступил с своим заявлением, значительное число анархистов было арестовано по всей стране без всяких причин или об'яснений. Никаких обвинений не было выставлено против кого-либо из наших арестованных товарищей, хотя некоторые из них уже присуждены к тюремному заключению без всякого суда и заочно. Обстоятельства этих арес-

154

881017020

The Emma Goldman Papers

[Against the persecution of anarchists in Soviet Union. In Russian] Protest-vozvania Rusk Anarchistov / Emma Goldman, *et al.* – pp. 20-22 ; 19 cm. *In* Volna. – no. 3 (1921).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

тов отличаются необыкновенной грубостью и зверством. Один из арестованных, тов. Максимов, после безрезультатных протестов против, ниже всякой критики, невероятных несанитарных условий, в которых принудили быть в "Таганках" (одиночках в сырых погребах, без постелей, без матраца и без одеяла.—Ред.), вынужден был прибегнуть 1-го апреля к единственному оставремуся средству защиты.—к голодовке. Другой товарищ, Ярчук, которого было освободили после шестидневного заключения, снова был арестован вскоре, без пред'явления каких-либо обвинений, как в первый, так и во второй раз.

Из достоверных источников, полученных нами, мы узнали, что некоторых из арестованных анархистов послали в тюрьмы Самары—далеко от их родных и друзей и, таким образом, лишили их и той небольшой товарищеской помощи, которую они получили бы, находясь вблизи от родных. Многие из заключенных товарищей, благодаря ужасным условиям, вынуждены были прибегнуть к голодовке.

Даже телесные ваказания применяются к нашим захваченным товарищам. Письменное заявление анархистов Бутырской тюрьмы в Москве, подписанное 38-ью анархистами, которое было послано 16-го марта Исполнительному Комитету Чрезвычайки,—включает следующее обвинение: "15го марта, тов. Тихон Каширин, был зверски атакован и избит ваним агентом и сотрудником, Маго, в особом отделении Чрезвычайки, в присутствии тюремного надзирателя, Дукиса".

Не довольствуясь массовыми арестами и зверским насилием, которое применяется к нашим товарищам, правительство ведет также систематическую борьбу и против воспитательной работы анархических организаций. Значительная часть наших клубов, а также Московская контора анархо-синдикалистского издательства "Голос Труда",—закрыто правительством.

Подобная же охота за людьми происходила и в Петрограде, 15-го марта. Много анархистов было арестовано без всякого повода; контора и типография группы "Голос Труда" были запечатаны и сотрудники арестованы. Никаких обвинений никому из арестованных не было пред'явлено, и все они и по сей день находятся в тюрьме.

Совет Народных Комиссаров не имел достаточно мужества и смелости опубликовать свой ответ на протест анархо-синдикалистической группы "Голос Труда" и занести в протокол разгром, совершенный агентами Чрезвычайки в помещении издательства. Совет Комиссаров позволил лишь снять печать с конторы издательства "Г. Т." в Москве, не известив даже организацию; а потом снова сделал тщательный обыск в отсутствии предетавителей группы. Требование снятия запрета с конторы и типографии "Голоса Труда" в Петрограде не дало никаких результатов. Притеснения издательской группы "Голос Труда" парализуют главную работу Комитета Памяти Кропоткина по изданию его трудов. Бесконечные препятствия ставятся этому Комитету, даже в отношении помещения, телефонного сообщения и тому под.

Эта невыносимая автократическая тактика со стороны правительства против анархистов,—дошедшая до конфискации венков с могилы Кропоткина для употребления на других похоронах,—без сомнения, является результатом общего направления политики правительств, находящейся под исключительным контролем Коммунистической партии. Такое положение дел, при котором анархисты абсолютно лишены возможности вести какую-либо систематическую работу; не имея никакой гарантии в том, что наши чисто культурные и воспитательные старания—как издание книг, организация музея Кропоткина и т. д.—не будут подавлены без всякой причины,—заставляет нас возвысить свой голос протеста против мелочно-зверских притеснений анархического движения большевистским правительством.

Здесь, в России, наш голос слаб. Он придушен. Властвующая Коммунистическая партия стремится уничтожить всякую возможность или попытку анархистов наладить свою деятель-

881017020

The Emma Goldman Papers

[Against the persecution of anarchists in Soviet Union. In Russian] Protest-vozvania Rusk Anarchistov / Emma Goldman, *et al.* – pp. 20-22 ; 19 cm. *In* Volna. – no. 3 (1921).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ность и пропаганду. Анархисты, таким образом, поставлены в условия полной духовной голодовки, ибо советское правительство лишает нас возможности осуществить даже те работы и проэкты, в проведении которых само недавно обещалось помочь.

Видя яснее, чем когда бы то ни было раньше, правильность нашего анархического идеала и безусловную необходимость проведения его в жизнь,—мы уверены, что революционный пролетариат всего мира—с нами!

..За анархо-синдикалистическую лигу "Голос Труда": А. Шапиро, Секретарь: А. Цветков,—От издательства.

(Печать)

..За Российскую Конфедерацию Анархо-Синдикалистов: С. Маркус,—Член Исп. Ком. (Два других члена в тюрьме)

.. .. (Печать конфискована Ч. К.-ой)

..За Лигу Анархической Пропаганды:

..Алексей Боровой,—Секретарь.

(Печать)

Мы всецело присоединяемся к этому протесту: **ЭММА ГОЛЬДМАН. АЛЕКСАНДР БЕРКМАН**

*) Часть Коммунистической партии. которая находит нужным передать все управление производством и распределение продуктов в руки индустриальных союзов. Согласно решению десятого с'езда Коммунистической партии эта, так называемая "Рабочая Оппозиция" была раскассирована. В решении сказано, что "пропаганда принципов, которым следует Рабочая Оппозиция, не совместима с принадлежностью к Партии".

Сравните заключительную речь Ленина к докладу центрального комитета партии на последнем с'езде.

От Ред.: Просим все газеты внутри и вне страны перепечатать это письмо, оригинал которого находится у нас на руках.

Исполнительный Комитет Ф. А. У. Д. (Синдик.)

———o———

От Ред. Колл.: Товарищи! Это не первый призыв, с которым обращаются к нам за помощью наши товарищи-братья анархисты из далекой России, не в состоянии сами противиться дикому разгулу правительственной реакции и насилию новых татарских баскаков—большевистских комиссаров. Всецело присоединяясь к Протесту, мы призываем пролетариат всего мира к восстанию против правительства и их хозяев-капиталистов, мы призываем наших товарищей к активной борьбе с новым засильем над нашими братьями—рабочими и крестьянами России—диктатурой Коммунистической партии. **Пора положить конец, зверским издевательствам разного рода паразитов над трудовым людям! Время убить фетиш власти!!!**

Ред. Колл. "Волны".

———o———

"Мы не знаем в мире зрелища более гнусного, более отвратительного, как возведение **рабства** в науку; это та последняя степень нравственного падения, перед которой бледнеют взятки, телесные наказания крепостное право".—

Герцен.

———o———

"Ненавистен и отвратителен тот, кто никогда не хочет заупрямиться, кто молча проглатывает ядовитую слюну и злобные взгляды, слишком терпеливый, все выносящий, всему покоряющийся, —ибо это есть рабья порода".—**Ницше.**

———o———

"В наши дни воруют при помощи монопольничества, злоупотребления доверием, игры, лотерей; воруют посредством ростовщичества, ренты, наемной платы, откупов; воруют под видом коммерческих и промышленных прибылей... " —

Прудон.

ЗАЯВЛЕНИЕ:

Статья П. А. Кропоткина, "Анархо-Коммунизм". за недостатком места не была продолжена. Желающие могут найти ее в книге "Хлеб и Воля", того же автора. Некоторые статьи не были помещены по той же причине. По желанию статьи возвращаются с указанием недостатков. **С тов. прив. Редак. Колл.**

156

890801007

The Emma Goldman Papers

[Bolshevik reaction against anarchists in Russia. In German] Die bolschewistische Reaktion gegen die Anarchisten und Anarcho-Syndikalisten in Rußland / Emma Goldman, *et al.* — p. 1 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. —no. 18 (1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

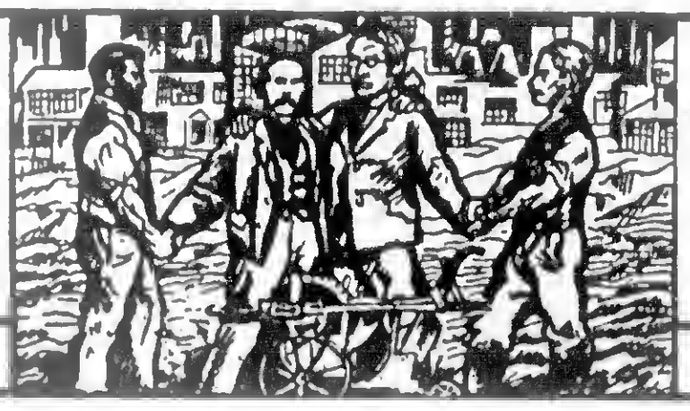
Der Syndikalist

Organ der Freien Arbeiter-Union Deutschlands

„Der Syndikalist",
(hervorgegangen aus der „Einigkeit", die am 4. August 1914 nach 18jährigem Bestehen verboten wurde),
erscheint jede Woche einmal Sonnabends.

Verlag und Expedition:
Fritz Kater, Berlin O. 34,
Kopernikusstr. 28, II

Nr 18 - 1921

Abonnementspreis

für die angeschlossenen Gewerkschaften pro Exemplar 35 Pf., durch die Post ohne Bestellgeld 5,25 Mk. vierteljährlich, durch die Expedition unter Kreuzband 7,50 Mk., Ausland 10,— Mk.

Vereinsanzeigen für angeschlossene Gewerkschaften 2,— Mk., für andere Vereine werden 4,— Mk. für die dreigespaltene Petitzeile oder deren Raum berechnet.

III. Jahrgang

Die bolschewistische Reaktion gegen die Anarchisten und Anarcho-Syndikalisten in Rußland

Das nachfolgende Dokument ist die wortgetreue Uebersetzung eines offenen Schreibens, das unsere russischen Brüder an die gegenwärtigen Gewalthaber Rußlands adressiert haben. Es ist in derselben Zeit ein verzweifelter Appell an die Solidarität der ausländischen Kameraden, ein Appell an alle aufrichtigen Sozialisten und Revolutionäre, den russischen Kameraden durch die Entfachung einer internationalen Protestbewegung zu Hilfe zu kommen. Wie früher unter dem autokratischen Regime des Zarismus, so wütet heute eine neue Reaktion, die sich unter der Maske der „Diktatur des Proletariats" versteckt, gegen unsere Gesinnungsgenossen, ungeachtet darauf, daß unsere russischen Brüder stets in den ersten Reihen standen, wenn es galt, die Revolution zu verteidigen gegen die Anschläge der Reaktionäre und gegen die Komplotte des ausländischen Imperialismus. Viele Hunderte von ihnen haben ihr Leben zum Opfer gebracht und sind freudigen Herzens in den Tod gegangen, um Rußland die Freiheit zu erkämpfen. Als Dank dafür hetzt man sie heute wie wilde Tiere und raubt ihnen alle Rechte, die unsere Bewegung sogar in ausgesprochenen kapitalistischen Staaten genießt. Die Tatsache, daß dieses Dokument unterschrieben ist von Genossen wie Alexander Berkmann, Emma Goldman und A. Schapiro, Genossen, deren Namen in allen Ländern bekannt sind und von denen man weiß, daß sie nicht leichtfertig urteilen und ein hochentwickeltes Verantwortlichkeitsgefühl besitzen, spricht für sich selbst. Jedes weitere Kommentar ist überflüssig.

* * *

An V. J. Lenin, das Allrussische Zentral-Exekutivkomitee der Sowjets, das Zentralkomitee der Kommunistischen Partei Rußlands, die Kommunistische Internationale, den Allrussischen Generalrat der industriellen Vereinigungen, den Internationalen Rat der roten Gewerkschaften.

Abschriften dieses Dokuments wurden ebenfalls gesandt an den Rat der Volkskommissare und an den Rat der Arbeiter- und Bauernvertreter.

Die unterzeichneten anarcho-syndikalistischen Organisationen, nach einer sorgfältigen Erwägung der Lage, die sich in letzter Zeit entwickelt hat und bezugnehmend auf die allgemeinen Verfolgungen gegen die Anarchisten in Moskau, Petrograd, Charkow und anderen Städten Rußlands und der Ukraine, verbunden mit der gewaltsamen Unterdrückung anarchistischer Organisationen, Klubs, Publikationen usw., protestieren mit aller Entschiedenheit und Energie gegen diese unerhörte Vergewaltigung, die nicht nur jede agitatorische und propagandistische Tätigkeit, sondern sogar die rein kulturelle Arbeit der anarchistischen Körperschaften unmöglich macht.

Die systematische Menschenjagd auf Anarchisten im allgemeinen und auf Anarcho-Syndikalisten im besonderen hat alle Kerker und Gefängnisse in Sowjet-Rußland mit unseren Kameraden gefüllt und entspricht völlig, sowohl der Zeit als dem Geiste nach, der Rede Lenins auf dem 10. Kongreß der Kommunistischen Partei Rußlands. Bei dieser Gelegenheit erklärte Lenin, daß der unbarmherzigste Krieg geführt werden müsse gegen jene, die er als „kleinbürgerliche anarchistische Elemente" bezeichnete, und die sich, seiner Behauptung nach, sogar innerhalb der Kommunistischen Partei entwickeln, dank der „anarcho-syndikalistischen Bestrebungen" der Arbeiter-Opposition.*) An demselben Tage, als Lenin mit dieser Erklärung an die Oeffentlichkeit trat, wurden eine große Zahl von Anarchisten in allen Teilen des Landes verhaftet oder irgendeine Ursache oder Erklärung. Gegen keinen unserer verhafteten Kameraden wurde eine formelle Anklage erhoben, trotzdem hat man bereits einige von ihnen zu Gefängnisstrafen verurteilt, und zwar in ihrer Abwesenheit, d. h. ohne daß man sie vor Gericht stellte. Die Bedingungen, denen sie in der Gefangenschaft unterworfen sind, sind außergewöhnlich schlecht und brutal. Einer von ihnen, unser Genosse Maximow, nachdem er wiederholt vergeblich protestiert hatte gegen die jeder Kritik Hohn sprechenden unsanitären Bedingungen, denen er im Taganka-Gefängnis unterworfen war,*) hat bereits am 1. April zu dem einzigen Mittel, das ihm noch geblieben war, seine Zuflucht genommen — zum Hungerstreik. Ein anderer Genosse, Jarschuk, wurde, nachdem er sechs Tage gefangen saß, entlassen; aber bald darauf verhaftete man ihn wieder, ohne daß man gegen ihn weder nach seiner ersten noch nach seiner zweiten Verhaftung eine Anklage erhoben hätte.

Nach zuverlässigen Berichten, die uns zugegangen sind, hat man einige der verhafteten Anarchisten nach dem Gefängnis zu Samara gesandt, weit hinweg von ihrer Heimat und ihren Freunden, und beraubte sie auf diese Weise der kleinen kameradschaftlichen Unterstützungen, die sie in der Nähe ihrer Heimat erhalten konnten. Eine andere Anzahl von Kameraden sind durch die fürchterlichen Bedingungen ihrer Gefangenschaft gezwungen gewesen, zum Hungerstreik zu greifen.

Ja, man wendet sogar physische Gewalt gegen unsere gefangenen Genossen an. Ein Schreiben der im Butirka-Gefängnis in Moskau inhaftierten Anarchisten, daß die Unterschrift von 38 Kameraden trägt und am 16. März an das Exekutivkomitee der Allrussischen Außerordentlichen Kommission gesandt wurde, enthält unter anderem die folgende Erklärung: „Am 15. März wurde der Genosse Tichon Kaschirin von ihrem Agenten und Mitheller Mago im Gefängnis der besonderen Abteilung der Außerordentlichen Kommission, im Beisein des Gefangenenwärters Dukis, brutal attakiert und geschlagen."

Nicht zufrieden mit den Massenverhaftungen und mit der brutalen Gewalt, die man gegen unsere Genossen in Anwendung bringt, führt die Regierung einen systematischen Kampf gegen die Erziehungsarbeit aller anarchistischen Organisationen. So hat sie eine ganze Anzahl unserer Klubs und ebenso die Moskauer Geschäftsstelle des anarcho-syndikalistischen Verlags „Golos Truda" geschlossen.

Eine ähnliche Menschenjagd setzte am 15. März in Petrograd ein. Eine große Anzahl Anarchisten wurde ohne Grund verhaftet; das Büro und die Druckerei der Gruppe „Golos Truda" wurde auch dort geschlossen und die dort beschäftigten Arbeiter verhaftet. Keine Anklage irgendwelcher Art wurde gegen unsere verhafteten Genossen vorgebracht, und alle befinden sich noch im Gefängnis.

Der Rat der Volkskommissare hatte nicht den Mut, dem Protest der anarcho-syndikalistischen Gruppe „Golos Truda" stattzugeben und die Verwüstungen, welche die Agenten der Außerordentlichen Kommission in den Räumlichkeiten des Verlags angerichtet hatten, zu Protokoll zu nehmen. Der Rat ließ in Moskau die Siegel von dem Büro des Verlags „Golos Truda" abnehmen", ohne die Organisation davon in Kenntnis zu setzen und unterzog die Räumlichkeiten einer Durchsuchung, ohne daß ein Vertreter der Gruppe dabei herangezogen wurde. Der Forderung, das Büro und die Druckerei der Gruppe „Golos Truda" in Petrograd zu „entsiegeln", wurde nicht stattgegeben.

Die wirksame Unterdrückung der Verlagsarbeit der anarcho-syndikalistischen Gruppe „Golos Truda" lähmt auch die vornehmliche Tätigkeit des Peter-Kropotkin-Memorial-Komitees, nämlich die Herausgabe der Werke Peter Kropotkins. Dazu legt man der Arbeit des Komitees endlose Hindernisse in den Weg in bezug auf Räumlichkeiten, Telephonverbindungen usw.

Diese unerträgliche autokratische Taktik, welche die Regierung gegen die Anarchisten in Anwendung bringt und die sogar dazu führte, daß man die Kränze auf Kropotkins Grab konfiszierte und sie für andere Begräbnisse verwendete, ist ohne Zweifel das Ergebnis der allgemeinen Politik der Regierung, die unter der ausschließlichen Kontrolle der Kommunistischen Partei steht.

Dieser Zustand der Dinge, der die Anarchisten jeder Möglichkeit beraubt, systematische Arbeit irgendwelcher Art aufführen zu können, und der uns sogar keinerlei Garantien gibt, daß Versuche rein kultureller und erzieherischer Natur, wie z. B. die Herausgabe von Schriften oder die Organisationsarbeit für das Kropotkin-Museum usw. nicht plötzlich und auf willkürliche Weise unterdrückt werden, zwingt uns, unsere Stimme zu lautem Proteste gegen die kleinlich-brutale Unterdrückung der anarchistischen Bewegung durch die bolschewistische Regierung zu erheben.

Hier in Rußland ist unsere Stimme schwach. Man erstickt sie. Die Politik der herrschenden Kommunistischen Partei verfolgt die Absicht, jede Möglichkeit, jeden Versuch einer anarchistischen Tätigkeit und Propaganda gründlich zu unterbinden. Die Anarchisten in Rußland werden auf diese Weise in die Bedingungen eines moralischen Hungerstreiks hineingezwungen, indem die Sowjet-Regierung ihnen jede Möglichkeit raubt, sogar die Pläne und Projekte ausführen zu können, die sie selbst noch vor kurzem zu unterstützen versprochen hat.

Indem wir heute klarer als je vorher die Wahrheit unseres anarchistischen Ideals empfinden und von der unbedingten Notwendigkeit seiner praktischen Anwendung im Leben überzeugt sind, glauben wir annehmen zu dürfen, daß das revolutionäre Proletariat aller Länder mit uns ist.

Für die anarcho-syndikalistische Liga „Golos Truda":
A. Schapiro, Sekretär. A. Zwetkow, Verlagsverwalter.
(Stempel.)

Für die Russische Konföderation der Anarcho-Syndikalisten:
S. Markus, Mitglied des Exekutivkomitees.
(Zwei andere Mitglieder sind im Gefängnis.)
(Stempel konfisziert durch die Außerordentliche Kommission.)

Für die Liga für Anarchistische Propaganda:
Alexei Borowoi, Sekretär.
(Stempel.)

Wir schließen uns voll und ganz diesem Proteste an:
Emma Goldman. Alexander Berkman.

Moskau, den 10. April 1921.

* * *

Wir ersuchen alle unsere Organisationen im Lande, umgehend zu dem Inhalt des Briefes unserer russischen Kameraden in ihren Versammlungen Stellung zu nehmen und ihre Ansichten zu der Entwicklung in Rußland an den deutschen Vertreter der russischen Sowjet-Regierung, Herrn Victor Kopp, Berlin W 10, Lützowufer 1, in Briefen mitzuteilen.

Alle Zeitungen des In- und Auslandes bitten wir um Nachdruck des Briefes, dessen Original sich in unseren Händen befindet.

Die Geschäftskommission der F. A. U. D.
(Syndikalisten).

*) Eine Sektion innerhalb der Kommunistischen Partei, die den Standpunkt vertritt, daß es lebensnotwendig sei, die Verwaltung der Produktion und der Verteilung den Gewerkschaften zu übergeben. Auf den Beschluß des 10. Kongresses der Kommunistischen Partei wurde diese sogenannte „Arbeiter-Opposition" aufgelöst. In dem Beschluß wird erklärt, daß die „Propaganda von Prinzipien, wie sie die Arbeiter-Opposition betreibt, mit der Zugehörigkeit zur Partei unvereinbar sei". — Vergleiche auch das Schlußwort Lenins über den Bericht des Zentralkomitees der Partei auf dem letzten Kongreß.

*) Einzelhaft in einer feuchten Zelle, ohne Bett, Matratze oder Zudecke.

An das Proletariat!

Das würgende Gespenst des Krieges geht von neuem in Deutschland um!

Besonders in Bayern, dem stinkenden Sumpf der monarchistischen Bewegung, ballt sich die reaktionäre Gefahr hinter zusammen und wartet nur noch auf den Tag, um ganz Deutschland zu verschlingen und uns erneut als Kanonenfutter dem Kriegsmoloch in den Rachen zu schleudern. Kriegswolken türmen sich erneut am Horizont!

Du Proletariat, das du von jeher dem Kriege die größten Opfer bringen mußtest, rolle dich auf aus der Gleichgültigkeit, entreiße dich dem hypnotischen Banne

157

890801042

The Emma Goldman Papers

[The Peter-Kropotkin Memorial Committee. In German] Peter Kropotkin Memorial-Komitee / Emma Goldman, *et al.* — p. 3 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. — Vol. 14, no. 3 (1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

verblöden die Massen vollends. Man muß sie gesehen haben, diese Fußballspieler in roten Hemden, die neben dem Schlachtplatz des Mordmilitarismus, zum Takt der Schüsse, die ihren Herzen galten, ihre Hülle warfen. Sport ist Spiel. Die Zeit ist nicht angetan zum Spielen. Ihr wollt euch amüsieren, meint ihr? — Verblöden wollt ihr. Wie eine Epidemie kommt es über euch: dieser Sportsein und Spielen zu einer Zeit, wo alles gärt und lodert. Freilich, solche harmlosen Sportler kann der Staat gebrauchen, darum begünstigt er den Sport. Wer spielt und sportet, begeht keine andere Torheit; wer spielt und sportet, wird abgelenkt von dem großen Anklagezustand, zu dem sich sozialistische Staatsbureaukraten, Diebe, Mörder und Lügner in gleicher Weise bekennen. Wer spielt und sportet, empört sich nicht.

Es ist ein Verbrechen die Jugend auf ein Parteiprogramm zu vereidigen, auf naturfremde Dogmen schwören zu lassen. Besser wäre es, wir ließen uns von der Jugend leiten, denn nur sie kann uns wieder zurückführen zu natürlichem Empfinden. Die Jugend wird regelrecht vergiftet. Drei Dinge sind es gewöhnlich, drei Gifte, die ihren Zerfall beschleunigen: die erste Zigarrette, der erste Tanz und die erste parteipolitische Versammlung. Solange die Jugend noch nicht von diesen Giften gekippt, pflegt sie empfänglich zu sein für alles Natürliche, für die Wunder der Tier- und Pflanzenwelt, für das Geheim, die Himmelskörper; rollen aber erst die Giftkörperchen im Blut, dann ist es geschehen, dann hält es schwer, den Verlorenen zu retten. Fluch den kurzsichtigen Vätern und Müttern, die nicht auf die leise Stimme, die aus der Jugend spricht, hören; Fluch den Lehrern, die die natürlichen, immer wieder aufprallenden Triebe durch überlisteigen, meist naturwidrigen Formelkram zu ersticken; Fluch den Parteipolitikern, die die Jugend verleiten, sich um geringfügiger Abweichungen willen blind zu beißen.

Ich habe mich viel mit der Jugend beschäftigt. Als Naturforscher bin man stets von einer Gruppe eifriger, lernbegieriger Schüler umgeben. Es liegt mir fern, ihnen Weisheiten aufzudrängen, ich behandle sie als Menschen und versuche, die natürlichen Instinkte wach zu rufen. Ich zerstöre rücksichtslos ihre falschen Ideale, die fasche Propheten in ihre Seele pflanzten. Die Ueberweisheit, die schreckliche Zeitkrankheit, sie hat die meisten schon derart gelähmt, daß es schwer hält, einfache gesunde Grundgedanken wach zu rufen. Das ist ein furchtbarer Zustand, dieses Vielwissen auf Kosten des Naturnotwendigen.

Meine ersten trübe Erfahrung machte ich mit der proletarischen Großstadtjugend. Los, elöst von der Erde, von allem Natürlichen, vegetierte sie im schattigen Gemäuer dahin. Schlechter noch, indem, bitterer noch, kämpfend, wie meine jugendgenossen, wurde ich bald ein Einsiedler — und fand den Weg zur Trösterin, Natur zurück. Sie ist mir immer Leitstern gewesen, in guten wie in bösen Tagen. Ihr danke ich es, daß ich heute noch die Kraft besitze, dieses Chaos zu ertragen. Meine jugendgenossen sind durchweg auf ihrer Stufe stehen geblieben, es sind biedere Proletarier, mehr oder weniger revolutionär, aber ostwärts sind sie fast alle. Einige haben die Heilkraft der Natur erkannt, Übermäßige Borgen machen die Segnungen aber immer wieder illusorisch. Auch heute, wo sich die Proletarierjugend vielfältig organisiert hat, ja sogar wandert, vermisse ich die Hingabe an die Natur, vermisse ich die große Erkenntnis, daß der allgemeine Mensch als krankhaftes Wesen in diesem Garten Erden wandelt. Die Jungproletarier sind meist Parteipolitiker, nur einige wenige, die ich kenne, haben das Verderbliche einer Parteipolitik erkannt und werden hoffentlich noch zu gewinnen sein. Ueber die außerparlamentarische Proletarierjugend kann ich mir kein Urteil erlauben, ich kenne sie nicht. Ich glaube — diese Gruppe ist sehr schwach.

Nun das bürgerliche Element. Am natürlichsten lebt da der Wandervogel. Ich lernte ihn vor dem Kriege kennen. Seine schlichten Volksweisen paßten so wenig zu der Mordbrunst, die im Volke wütete, daß der Widerspruch mich direkt entsetzte. Seine schlichte, natürliche Lebensführung, sein Kampf gegen das Geckentum, die Großstadtlaster, die Blasiertheit ließ die Hoffnung aufkeimen, der Gesellschaft diese Jugend zu rauben. In naturkundlichen Dingen war ich ihr Führer. Sie sollten nicht ahnungslos durch die Fluren und Wälder pilgern, sie sollten begreifen lernen, daß das heutige Erwerbssystem die Schönheit der Natur zerstörte, verwandelte, daß ein feiner Zusammenhang besteht zwischen dem erkennenden Menschentum und den Naturgebilden, vornehmlich den Tieren, die, mögen sie niedere oder hochentwickelte sein, vor allem eine achten: das Freiheitsprinzip, die Erhaltung und Hochzüchtung der Art. Die Sinne sollten wieder rege werden. Empörung gegen die eigene Muttersau — wie Pasche sagt —, das war auch mein geheimes Streben. Bald, nun fühlte ich, daß der Nationalismus, die völkische Prahlsucht Übergewicht erlangte. Der Wandervogel war für die Menschheitserhebung verloren. Das ist bedeutet er etwas. Eine klaffende Kluft besteht zwischen ihm und der Masse der Asphaltjünglinge und es ist möglich, daß die Besten den wahren Weg finden werden. Sie wollen Zeichen und Wunder sehen, dann werden die tatlosesten dieser frischen Bürgersöhnchen und Mädels ihren nationalistischen Führern den Laufpaß geben.

Enttäuschter war ich von dem Wandervogel schließlich. Neuerdings hat der Spießer kläglich unter dem Wandervogel gewütet. Unsäglich Trümmer liegen da, notdürftig zusammengehalten durch Arbeitsgemeinschaften und Kompromisse. Eine antinationale, pazifistische Richtung, die Freideutschen, verdienen noch Beachtung. Der Krieg und seine Verbrechen haben diese Scheidung vollbracht. Von einem Zuendedenken des Pazifismus vor einem radikalen Antimilitarismus schreckt die Freideutsche Jugend noch zurück. Das ist ihnen doch zu gefährlich in einem Staat, in dem der preußische Unzeist wieder erstarkt, wieder mächtig werden und dann Tatzenhiebe austeilen kann. Zur rechten Hobbesluft kann sich diese freideutsche Jugend nicht aufschwingen. Das ist traurig. Prachtvolle Menschen habe ich unter ihnen gefunden. Vor allem adelt sie das freie Bekenntnis, daß sie ehedem auf Irrwegen gewandelt. Sie machen jedes Jahr ausgedehnte Wanderungen durch und verführen uns, zu hoffen, daß sie bald dort landen werden, wo jegliches Diskutieren überflüssig wird. Jedenfalls ist bei ihnen mehr Hoffnung als bei der parteipolitisch beeinflußten Proletarierjugend. Sie bekennen selbst, daß Parteipolitik ins Verderben führt. Sie suchen und tasten — und an uns liegt es, ihnen den Weg zur Erkenntnis nicht zu versperren. Diejenigen die ich kenne, sind für ein Naturleben ohne bürgerliche Herrschaft, ohne den Firnis der Kultur, so gut wie gewonnen.

Was Naturerkenntnis anbetrifft, sind diese bürgerlichen Wanderer den proletarischen weit voraus. Das macht die Schulbildung, gegen die meisten. Die Naturwissenschaft wird aber in den höheren Schulen oft recht stiefmütterlich behandelt. Metaphysik und sonstige „Wissenschaften" sind Hirnballast und die Proletarier können sich glücklich schätzen, wenn man ihnen recht wenig davon einimpft. Wir suchen den Ursprung, der die bürgerliche Jugend vor der proletarischen hat, andern zu erhalten. Ich halte das bürgerliche Wohnen, den oft reinen Anstand, die Reinheit der Sprache, die Gesittung, wie sie in Durchschnittsbürgerfamilien herrscht, für die Norm des Lebens. Auf diese Stufe sollte zunächst jeder Proletarier kommen, diese Stufe sollte er sich erkämpfen. Wir wollen nicht in den Fehler der Parteipolitiker verfallen und den Massen schmeicheln, damit sie uns zu solch einem reinem Leben verhelfen. Wir, d. h. in deren Namen ich spreche, sind ja schon längst über dieses Leben hinweg, wir leben länger in einer reineren, einfacheren und natürlicheren Welt, allerdings jeden Augenblick eines Racheakts vonseiten des Staats und seiner Träger gewärtig. Wir suchen Menschen, aufrechte Menschen, und der Natur ist es einerlei, aus welchen Schichten und Klassen die Erwünschten zu ihr strömen. Die bürgerjugend politisiert viel weniger wie die proletarische, und was die körperliche Reinheit anbetrifft, die Behandlung des Rechtsproblems — so habe ich bei den bürgerlichen viel mehr Empfänglichkeit gefunden wie bei den Proletariern; geradezu erstaunlich ist der Unterschied beim weiblichen Geschlecht. Hier ein freies, großes Verständnis, ja Begeisterung — dort kichern, Mißtrauen und viele gemeine Lächeln.

Ich gebrauche hier absichtlich die Begriffe bürgerlich und proletarisch, weil sie unter den jetzigen Verhältnissen, in diesem Zeitalter des Materialismus sich nicht überbrücken lassen. Dieser verrückte Arbeitsprozeß, dieser blinde Glaube an den Industrialismus wird die Scheidelinie nicht verwischen. Die besten Jugendfreunde verzweifeln an dem Problem der Erziehung der Jugend, immer wieder stellen sich Gegensätze ein. Nur bietet sich aber der Gedanke der Siedlung, der Rückkehr zu naturnaher Tätigkeit mehr und mehr Bahn — und wer ist es, der zuerst nach dieser Tätigkeit begehrt, zuerst zur Tat schreitet? Seien wir ganz ehrlich — bürgerliche Wandervögel, die den Schwindel der Arbeitsteilung erkennen.

Wir rufen Menschen auf zur Selbstbesinnung. Das Schmeicheln des armen, betrogenen Proletariers liegt uns fern. Wer nicht mehr soviel Rebellenblut in den Adern hat, daß er sich gegen das Geschmeiß der Blutsauger empört, der ist rettungslos versklavt. Diese bedauerlichen Elemente sind die Säulen des heutigen Systems. Wir müssen fortfahren, Ein, etwas zu sein, jeder auf seine Art, Empörung nicht nur gegen die Tyrannen, Empörung auch gegen die eigenen Sklaven, die unsere reine Lehre verachten. Wir müssen fortfahren, der bürgerlichen Gesellschaft die Jugend zu rauben, damit sie den Weg finde in das neue Land, in dem es keine [illegible] proletarische Schicht, sondern nur bodenständige [illegible] gibt. Die Natur ist Brücke [illegible]

Peter Kropotkin [illegible]

Moskau, den 20. Februar 1921.
No 1. A.

Kameraden und Freunde von Ueberall!

Peter Kropotkin ist tot. — Es wäre nichtssagend, hier zu erklären, daß wir in ihm einen Lehrer, einen Genossen, einen Freund verloren haben. Wir haben mehr verloren, viel mehr. Sein Tod hat der Menschheit einen Verlust zugefügt, der nicht ersetzt werden kann. Das Leben und Werk Peter Kropotkins ist Euch, liebe Freunde und Kameraden, zu gut bekannt, als daß wir an dieser Stelle noch besonderen Nachdruck darauf legen müßten. Aber das Volk im allgemeinen, die Millionen, die sich im Joche der Sklaverei winden, sie haben in ihrer übergroßen Mehrheit nicht die kleinste Ahnung von dem gewaltigen Verlust, der sie durch den Tod Peter Kropotkins, des leidenschaftlichen Menschenfreundes und Geistesbefreiers der Menschheit, erfüllen haben.

Sophie O. Kropotkin
Vorsitzender.
Alexander Berkman
Sekretär
A. Shapiro
Schatzmeister.
Emma Goldman
Geschäftsführer
Komitee:
B. Alenkaoll
Alexander S Kropotkin
H. Sandomirsky.
Wolin.
A. Borowoy.
N. Lebedeff.

Der Weg des Lebens ist ein dornenvoller Pfad, beleuchtet von Irrlichtern und Fata Morganen. Jedes Blatt seiner Geschichte ist geschrieben mit dem Blut und den Tränen unterdrückter, in ihrer Menschenwürde [illegible] Massen. Es ist die Geschichte des ewigen Kampfes der Freiheit gegen die Tyrannei, der Paias gegen die [illegible]. Es ist das schwerste Buch menschlichen Elends und [illegible] Entsagung und Verzweiflung. Doch gelegentlich [illegible] in diesem Buche als äußerst seltene Unterbrechung, eine solche leuchtenden Beispiels und heldenhafter Hingabe. Eine solche Stelle hoffnungsvoller Inspiration in der Geschichte der Menschheit war Peter Kropotkin. Vielleicht wird die Zukunft in ihm den größten Menschen der Vergangenheit erkennen. Er war ein großer Gelehrter und eine große Persönlichkeit; aber solche gab es schon vor ihm. Wissenschaft, Kunst, Literatur haben der Menschheit schätzbare Dienste geleistet, aber sie haben uns nicht frei gemacht. Es gibt nur eine Macht, welche die Welt von dem Chaos einer krankhaften Zivilisation erlösen und dem Menschen seine persönliche Freiheit im Rahmen eines gesellschaftlichen Wohlstandes für alle sichern kann — die Macht des größten menschlichen Ideals von Freiheit und gegenseitiger Hilfe, des anarchistischen Kommunismus, dessen größter Lehrer und klarsehendster Prophet Kropotkin gewesen ist.

Kropotkin starb in einer Zeit, in der sich unsere Zivilisation in der Schwebe befand. Der alte Gesellschaftsbau zerfällt in Trümmer und eignet sich nicht länger als menschlichen Heimstätte. Die neue Welt ist bereits im Bau begriffen und der erste Anstoß ging aus von jenem seltsamen Land eines jahrhundertelangen Despotismus, das der Welt in derselben Zeit drei der größten anarchistischen Denker geschenkt hat — Bakunin, Tolstoj, Kropotkin. Die neue Welt ist im Bau begriffen; rögernd, verweilend, oft sogar in falschen Bahnen schreitet die Arbeit vorwärts und im Kampfe für ihre Existenz gegen eine Welt von Feindschaft und Hindernissen. Aber der Versuch wird gemacht und alle anderen Völker stehen bereits auf der Schwelle ähnlicher Erfahrungen. Die soziale Revolution ist mit uns. Ihr Charakter und ihre Entwicklung werden abhängig sein von dem Grade, in welchem sie durchdrungen sein wird von den Idealen und Lehren Kropotkins, vom Geiste freier Genossenschaft und gegenseitiger Hilfe, vom Geiste der regierungslosen Kommunismus.

Möge der Tod des größten Verkünders des freiheitlichen Kommunismus beitragen, ein jeder seine Freunde und Kameraden, die Arbeiter der ganzen Welt, alle freiheitlichen Männer und Frauen zu inspirieren, das Ausbrechen des neuen Tages zu beschleunigen, indem sie den Geist und die Lehre Kropotkins unter den versklavten und ausgebeuteten Massen aller Länder verbreiten. Eine neue Gesellschaft auf der Basis persönlicher Freiheit und des allgemeinen Wohlstands, für welche Kropotkin sein ganzes Leben lang mit größter Hingabe gewirkt hat, wird das würdigste Monument sein, das wir ihm errichten können.

Aus dem Kreise seiner Kameraden bildete sich in Rußland ein „Petur Kropotkin Memorial-Komitee". Die erste Aufgabe dieses Komitees war die Gründung eines Kropotkin-Museums in Moskau. Zu diesem Zwecke wurde das Haus, in dem Kropotkin geboren und erzogen, wurde bereits erworben und alle Vorbereitungen zur Arbeit in diesem Sinne getroffen. Unser Plan ist, dieses Museum zu einem internationalen Mittelpunkte der anarchistischen Gedankenwelt zu gestalten, um von dort aus die Vorbereitung von Kropotkins Ideen und Lehren wirksamer betreiben zu können.

Das Memorial-Komitee appelliert hiermit an alle Freunde und Kameraden Kropotkins, an die Arbeiter der ganzen Welt und an alle Freunde der Freiheit im allgemeinen, unser Werk mit allen Kräften zu unterstützen. Man sammele Briefe und Manuskripte Kropotkins, Ausgaben seiner Werke (Bücher und Broschüren), sowie die einzelnen Nummern der lokalen anarchistischen Presse in allen Sprachen, um sie dem Kropotkin-Museum als Geschenk zu überweisen.

Das Peter Kropotkin Memorial-Komitee in Rußland wird in jedem Lande einen Vertreter haben, um die Verbindungen zwischen dem Kropotkin Memorial-Komitee der verschiedenen Länder mit dem russischen Komitee zu erleichtern.

Für Deutschland bestimmte unser Komitee den Genossen Rudolf Rocker, Berlin-[illegible], Kirchhofstraße 3 II, als seinen Vertreter.

Wir erbitten eure brüderliche tatkräftige Hilfe zu dem gemeinsamen Werk. Alle Zuschriften, Materialien, Gelder usw. bitten wir an die Adresse unseres Vertreters zu senden.

Für das soziale Revolutionäre im Auftrage des Peter Kropotkin-Memorial-Komitees:

Sophie Kropotkin, Vorsitzende.
Alexander Berkman, Sekretär.

Es werde Licht.....!

In unserem französischen Bruderblatt „La Vie Ouvrière" wird folgender interessante Artikel veröffentlicht:

Von der tiefen Umwälzung, die sich im Geiste mancher freiheitlich gesinnten Russen [illegible] infolge der ungeheuren Erfahrung zweier Revolutionen und eines dreijährigen unversöhnlichen Kampfes gegen äußere und innere Feinde vollzogen hat, sollen hier einige Stellen zeugen, die einer Broschüre des Kameraden A. L. Gordin über l'Anarchisme Universaliste (Moskau 1920) entnommen sind.

Die Persönlichkeit des Verfassers ist von besonderer Bedeutung. A. L. Gordin ist ein Mitkämpfer aus den Tagen des Juli und Oktober. Zweimal ist er an der Seite der Bolschewiki verwundet worden, was ihn nicht hinderte, bald darauf ihr heftigster Gegner zu werden. Der kleine, sarkastische Mann bekämpfte die revolutionären Diktatoren mittels Pamphlet, Buch und der Zeitung (l'Anarchie, Tageszeitung. Moskau 1917), auf der Tribüne des Moskauer Sowjets, in den Geschäften und auf der Straße. Und er blieb dabei wohlgeachtet als Gegner — nicht als Feind — der Kommunisten. Nun also: Hier bringen wir die Folgerungen, zu welchen er ebenso wie die anderen Begründer der universellen anarchistischen Gruppe gelangte. Man wird erkennen, daß sie sich fühlbar von der früheren freiheitlichen Tradition entfernen. So vor allem, indem die alten Universalisten sich nicht mehr auf den alten Föderalismus der Juralföderation verstellen, indem sie lernen das Prinzip der Diktatur gelten lassen und sich nichts mehr auf ihre Verneinung der Politik zugute halten, und indem sie die Ueberlegenheit des Staatskommunismus für die Uebergangszeit anerkennen.

A. L. Gordin ist der Verfasser verschiedener Werke, die er in der Zusammenarbeit mit seinem Bruder veröffentlicht hat: „Plaudereien eines freiheitlichen Philosophen", „Werte eines Anarchisten", „Die Anarchie und der Geist".

Der Anarchismus ist nicht unpolitisch!

Der Anarchismus ist die Verneinung gewisser Formen der Politik, aber nicht der Politik an sich. Er leugnet die Politik zurzeit als Profession, als eine praktische Spezialität. Er will, daß sie jedem wie die Grammatik oder das Alphabet zugänglich werde.

Was ist Politik? Sie ist die Lehre von den besten Formen der sozialen Ordnung, die Regelung der individuellen Beziehungen. Sie ist die Kunst, die Methoden zu verwalten, mittels welchen man eine Kollektivität von Menschen leitet. Sie ist die Theorie und Praxis der Verwaltungstätigkeit.

Föderalismus und Anarchismus!

Der Anarchismus proklamiert die Freiheit, d. h. die Unabhängigkeit und die Initiative des Individuums, das mit seinesgleichen verbunden ist.

Der Föderalismus geht stets von Gruppen aus, von Gesamtheiten, oder besser gesagt von Bezirken, Gegenden und Ländern.

Der Föderalismus sieht nur eine gewisse Freiheit der Bezirke, der Oerter vor oder die Freiheit von territorialen und nationalen Vereinigungen oder von Staaten, die nicht souverän regiert werden.

Der Föderalismus ist daher lediglich eine Linderung der Autorität und der Staatsbarbarei. Er verörtlicht sie.

Der Anarchismus dagegen ist die Verneinung der Autorität.

BEST COPY AVAILABLE

158

890801041

The Emma Goldman Papers

[Bolshevik reaction against the anarchists in Russia. In German] Die bolschewistische Reaktion gegen die Anarchisten und Anarcho-Syndikalisten in Rußland / Emma Goldman, *et al.* — pp. 2-3 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. — Vol. 14, no. 19 (1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

Der freie Arbeiter vol 14, no 19 (1921) pp. 2-3

Phase 7. Man sollte meinen, nun gäbe es keinen Behang mehr. Eines Tags tragen alle einen ledernen Quergurt, 1½ m lang, über der Schulter. Ich stelle wieder eine Lederrechnung auf. Die Regierung klagt der Entente: Wir haben keine Rohstoffe, kein Leder, wir sind arm. Patrouillen zu Roß traben klirrend durch die Straßen, ein beängstigender Anblick. Man hat das Gefühl, als müsse sich die Masse, zu Tode verzweifelt, von Scham und Groll verzehrt, auf diese Gebilde stürzen. Sie glotzt, wie immer, den feschen Reitern nach. Neben mir steht ein Sipomann auf der Straßenbahn. Er spricht zu einem Bekannten: Ach ja, das Leben ist ganz schön, bequemer Dienst, vor allem eine gesicherte Existenz. Ich habe nicht übel Lust, den Menschen zu packen, aber würde er mir das danken? Existenz — Schmarotzer schützen, Arbeiter, Brüder morden. Laßt erst wieder einen Sonnenblick durch das giftschwangere Gewölk dringen — eure Existenz ist erledigt.

Phase 8. Nun gibt's doch nichts Neues mehr. Nun muß doch der Höhepunkt erreicht sein. Auf die Aufforderung der Entente, die Sipo aufzulösen, werden noch mehr eingestellt. An der Straßenecke steht einer, der außer dem Seitengewehr einen Knüppel am Gurt zu hängen hat. Volk, bist du ganz auf den Hund gekommen? Ich habe nichts gegen einen Knüppel. In England sah ich Polizisten damit den Verkehr regeln. Aber Knüppel, Revolver, Schwert — alles am Gurt, Maschinengewehr, Maschinenpistole, Handgranate, Flammenwerfer in der Kaserne — das ist denn doch zuviel, um noch ernst genommen zu werden. Ich bin mit meiner Betrachtung der Phasen zu Ende. Ich weiß nicht, was das Neueste sein wird. Vielleicht weiß es ein anderer.

Ich glaube hiermit einen Beitrag zu liefern für die Psychologie der Sipo. Und das erscheint mir notwendig. Wenn eine Epidemie auftritt; sollte man immer schnell bei der Hand sein, um sie wissenschaftlich festzuhalten. Neuerdings habe ich Langeweile bei einigen Sipomännern festgestellt. Man bedenke: einen körperlich gesunden, erwachsenen Menschen stundenlang ins Großstadtgewirr zu stellen. Sie vertreiben sich die Zeit damit, den Großstadtdamen nach den Waden zu sehen. Und da die Röcke immer kürzer, die Strümpfe immer dünner werden, so haben sie allerhand Studienobjekte.

Wie soll das enden? Wie lange soll diese muffige Atmosphäre noch anhalten? Nicht lange, das ist gewiß. Aber der Anblick ist für einen selbstbewußten Menschen eine tägliche Folter.

Ihr Sipoleute in West und Ost, wenn man euch eurer strotzenden Montur, eures Kopfputzes, eures Leder- und Metallbehanges entkleidet hat, wenn ihr wieder ein vernünftiges Werkzeug in den Händen haltet, irgend etwas, ein Grabscheit, eine Mistgabel, einen Hammer, dann denkt an diese Zeilen. Sie sind für jene geschrieben, die da in dem Wahne leben, die Sipo solle nun dauernder Bestand des deutschen Reiches bleiben; für jene, die da glauben, ihre Existenz des Brudermordens sei nun gesichert. Für einen Denkfähigen sind diese grünen Polizeischaren eben Eintagsgebilde, und sie segnen jenen Tag, wo uns ein Sonnenstrahl von dieser muffigen Stickluft befreien wird. Mit dem Sonnenstrahl werden auch die Schattengebilde der Sipo verschwinden.

Die bolschewistische Reaktion gegen die Anarchisten und Anarcho-Syndikalisten in Rußland.

Das nachfolgende Dokument ist die wortgetreue Uebersetzung eines offenen Schreibens, das unsere russischen Brüder an die gegenwärtigen Gewalthaber in Rußland adressiert haben. Es ist in derselben Zeit ein verzweifelter Appell an die Solidarität der ausländischen Kameraden, ein Appell an alle aufrichtigen Sozialisten und Revolutionäre, den russischen Kameraden durch die Entfachung einer internationalen Protestbewegung zu Hilfe zu kommen. Wie früher unter dem autokratischen Regime des Zarismus, so wütet heute eine neue Reaktion, die sich unter der Maske „Diktatur des Proletariats" versteckt, gegen unsere Gesinnungsgenossen, ungeachtet darauf, daß unsere russischen Brüder stets in den ersten Reihen standen, wenn es galt, die Revolution zu verteidigen gegen die Anschläge der Reaktionäre und gegen die Komplotte des ausländischen Imperialismus. Viele Hunderte von ihnen haben ihr Leben zum Opfer gebracht und sind freudigen Herzens in den Tod gegangen, um Rußland die Freiheit zu erkämpfen. Als Dank dafür hetzt man sie heute wie wilde Tiere und raubt ihnen alle Rechte, die unsere Bewegung sogar in ausgesprochen kapitalistischen Staaten genießt. Die Tatsache, daß dieses Dokument unterschrieben ist von Genossen wie Alexander Berkman, Emma Goldman und A. Schapiro, Genossen, deren Namen in allen Ländern bekannt sind und von denen man weiß, daß sie nicht leichtfertig urteilen und ein hochentwickeltes Verantwortlichkeitsgefühl besitzen, spricht für sich selbst. Jeder weitere Kommentar ist überflüssig.

* * *

An
V. J. Lenin,
das allrussische Zentral-Exekutivkomitee der Sowjets,
das Zentralkomitee der kommunistischen Partei Rußlands,
die Kommunistische Internationale,
den All-russischen Generalrat der industriellen Vereinigung,
den Internationalen Rat der roten Gewerkschaften.

Abschriften dieses Dokuments wurden ebenfalls gesandt an den Rat der Volkskommissare und an den Rat der Arbeiter- und Bauern-Vertreter.

Die unterzeichneten anarcho-syndikalistischen Organisationen, nach einer sorgfältigen Erwägung der Lage, die sich in letzter Zeit entwickelt hat und bezugnehmend auf die allgemeinen Verfolgungen gegen die Anarchisten in Moskau, Petrograd, Charkow und andern Städten Rußlands und der Ukraine, verbunden mit der gewaltsamen Unterdrückung anarchistischer Organisationen, Klubs, Publikationen usw., protestieren mit aller Entschiedenheit und Energie gegen die unerhörte Vergewaltigung, die nicht nur jede agitatorische und propagandistische Tätigkeit, sondern sogar die rein kulturelle Arbeit der anarchistischen Körperschaften unmöglich macht.

Die systematische Menschenjagd auf Anarchisten im allgemeinen und auf Anarcho-Syndikalisten im besonderen hat alle Kerker und Gefängnisse in Sowjetrußland mit unseren Kameraden gefüllt und entspricht völlig, sowohl der Zeit als dem Geiste nach, der Rede Lenins auf dem 10. Kongreß der Kommunistischen Partei Rußlands. Bei dieser Gelegenheit erklärte Lenin, daß der unbarmherzige Krieg ausgeführt werden müsse gegen jene, die er als „kleinbürgerliche anarchistische Elemente" bezeichnete, und die sich, seiner Behauptung nach, sogar innerhalb der Kommunistischen Partei entwickeln, dank der „anarcho-syndikalistischen Bestrebungen" der Arbeiter-Opposition.*) An demselben Tage als Lenin mit dieser Erklärung an die Oeffentlichkeit trat, wurden eine große Zahl von Anarchisten in allen Teilen des Landes verhaftet ohne irgend eine Ursache oder Erklärung. Gegen keinen unserer verhafteten Kameraden wurde eine formelle Anklage erhoben, trotzdem hat man bereits einige von ihnen zu Gefängnisstrafen verurteilt, und zwar in ihrer Abwesenheit, d. h., ohne daß man sie vor Gericht stellte. Die Bedingungen, denen sie in der Gefangenschaft unterworfen sind, sind außergewöhnlich schlecht und brutal. Einer von ihnen, unser Genosse Maximow, nachdem er wiederholt vergeblich protestiert hatte gegen die jeder Kritik Hohn sprechenden unsanitären Bedingungen, denen er im Taganka-Gefängnis unterworfen war,**) hat bereits am 1. April zu dem einzigen Mittel, das ihm noch geblieben war, seine Zuflucht genommen — zum Hungerstreik. Ein anderer Genosse, Jarschuk, wurde, nachdem er sechs Tage gefangen saß, entlassen; aber bald darauf verhaftete man ihn wieder, ohne daß man gegen ihn weder nach seiner ersten, noch nach seiner zweiten Verhaftung eine Anklage erhoben hätte.

Nach zuverlässigen Berichten, die uns zugegangen sind, hat man einige der verhafteten Anarchisten nach dem Gefängnis in Samara gesandt, weit hinweg von ihrer Heimat und ihren Freunden, und beraubte sie auf diese Weise der kleinen kameradschaftlichen Unterstützungen, die sie in der Nähe ihrer Heimat erhalten konnten. Eine andere Anzahl von Kameraden sind durch die fürchterlichsten Bedingungen ihrer Gefangenschaft gezwungen, zum Hungerstreik zu greifen.

Ja, man wendet sogar physische Gewalt gegen unsere gefangenen Genossen an. Ein Schreiben der im Butirka-Gefängnis in Moskau inhaftierten Anarchisten, das die Unterschrift von achtunddreißig Kameraden trägt und am 16. März an das Exekutivkomitee der All-russischen Außerordentlichen Kommission gesandt wurde, enthält unter anderem die folgende Erklärung: „Am 15. März wurde der Genosse Tichon Kaschirin von Herrn Agenten und Mitheiter Mago im Gefängnis der besonderen Abteilung der Außerordentlichen Kommission, im Beisein des Gefängniswärters Aukis, brutal attackiert und geschlagen."

Nicht zufrieden mit den Massenverhaftungen und mit der brutalen Gewalt, die man gegen unsere Genossen in Anwendung bringt, führt die Regierung einen systematischen Kampf gegen die Erziehungsarbeit aller anarchistischen Organisationen. So hat sie eine ganze Anzahl unserer Klubs und ebenso die Moskauer Geschäftsstelle des anarcho-syndikalistischen Verlags „Golos Truda" geschlossen.

Eine ähnliche Menschenjagd setzte am 15. März in Petrograd ein. Eine große Anzahl Anarchisten wurde ohne Grund verhaftet; das Büro und die Druckerei der Gruppe „Golos Truda" wurde auch dort geschlossen und die dort beschäftigten Arbeiter verhaftet. Keine Anklage irgend welcher Art wurde gegen unsere verhafteten Genossen vorgebracht, und alle befinden sich noch im Gefängnis.

Der Rat der Volkskommissare hatte nicht den Mut, dem Protest der anarcho-syndikalistischen Gruppe „Golos Truda" stattzugeben und die Verwüstungen, welche die Agenten der Außerordentlichen Kommission in den Räumlichkeiten des Verlags angerichtet hatten, zu Protokoll zu nehmen. Der Rat ließ in Moskau die Siegel von dem Büro des Verlags „Golos Truda" abnehmen, ohne die Organisation davon in Kenntnis zu setzen und unterzog die Räumlichkeiten einer Durchsuchung, ohne daß ein Vertreter der Gruppe dabei herangezogen wurde. Der Forderung, das Büro und die Druckerei der Gruppe „Golos Truda" in Petrograd zu „entsiegeln", wurde nicht stattgegeben.

Die wirksame Unterdrückung der Verlagsarbeit der anarcho-syndikalistischen Gruppe „Golos Truda" lähmt auch die vornehmlichste Tätigkeit des Peter Kropotkin-Memorial-Komitees, nämlich die Herausgabe der Werke Peter Kropotkins. Dazu legt man der Arbeit des Komitees endlose Hindernisse in den Weg in Bezug auf Räumlichkeiten, Telephonverbindungen usw.

Diese unerträgliche autokratische Taktik, welche die Regierung gegen die Anarchisten in Anwendung bringt und die sogar dazu führte, daß man die Kränze auf Kropotkins Grab konfiszierte und sie für andere Begräbnisse verwendete, ist ohne Zweifel das Ergebnis der

*) Eine Sektion innerhalb der Kommunistischen Partei, die den Standpunkt vertritt, daß es lebensnotwendig sei, die Verwaltung der Produktion und der Verteilung den Gewerkschaften zu übergeben. Auf den Beschluß des 10. Kongresses der Kommunistischen Partei wurde diese sogenannte „Arbeiter-Opposition" aufgelöst. In dem Beschluß wird erklärt, daß die „Propaganda von Prinzipien", wie sie die Arbeiter-Opposition betreibt, mit der Zugehörigkeit zur Partei unvereinbar sei. — Vergleiche auch das Schlußwort Lenins über den Bericht des Zentralkomitees der Partei auf dem letzten Kongreß.

**) Einzelhaft in einer feuchten Zelle, ohne Bett Matratze oder Zudecke.

Feuilleton

Die ästhetische Erziehung.

Die moralische Erziehung hat den Zweck: Die Entwicklung und Pflege des Gefühls, des Willens und der Freiheit. Sie muß mit aller Kraft anstreben: in dem Kinde die Liebe zum Schönen, zum Wahren und Nützlichen zu erwecken. Die Kultur des Schönen auf allen Gebieten: der Kunst, Literatur, Musik, Architektur, Plastik, Malerei, mit einem Wort: Die ästhetische Erziehung. Im antiken Griechenland war die Kunst mit vollem Recht hoch geachtet als das beste Instrument der moralischen Erziehung. Das selbst noch ganz kleine Kind ist empfindlich für das Schöne. Verschiedene Anzeichen bezeugen, daß es das Schöne vom Häßlichen zu unterscheiden weiß. Ein hübsches Spielzeug mit lebhaften Farben gefällt ihm, und es zieht es einem Spielwerk vor, das unförmig, von unbestimmter Farbe und von häßlicher Form ist. Die Plastik, die Malerei enthüllen die Anmut und die Eleganz der Bewegungen des Körpers. Die Musik und die Poesie erheben und entzücken uns. Alle diese Künste lassen uns die Genüsse einer erhabenen Ordnung erleben und sind Vergnügungen, die weder etwas verwirrendes noch verwüstendes zur Folge haben.

Die Stunden der Muße werden durch sie besser ausgenützt, als durch andere Unterhaltungen.

Das Schöne, das ist die Harmonie der Ordnung.

Das Häßliche, das ist die Dissonanz, die schlechte Verbindung der Töne, ist der Mischmasch, die Unordnung, Disharmonie.

Weshalb ist in unserer Zeit die ästhetische Erziehung aus der Kindererziehung fast ganz verschwunden?

Man wird einwenden können, daß das Kind in der ersten Schule soviel Dinge zu lernen hat, daß man also ihm nicht noch ein Sammelstudium artistischer Dinge auferlegen kann.

Diese Beweggründe sind nicht stichhaltig! Wieviel Unnützes, ja mehr als das, wieviel Lügen und Irrtümer lehrt gewöhnlich die Schule, welche glücklicher ersetzt werden könnten durch kindliche Unterhaltung über die natürlichen Schönheiten und die Schöpferwerke, welche von Menschengeist und Menschenhand erfunden und geschaffen worden!

Der eigentliche Beweggrund ist ein ganz anderer: Es ist der Grund, die heutige Ordnung zu erhalten, wie wir konstatieren müssen, wenn man den Kindergeist mit Trugbildern der Hölle und des Himmels verwirrt und verdüstert, anstatt ihn empfänglich zu machen für das Wesen und die Schönheit der natürlichen und künstlerischen Dinge.

Setzen wir voraus, daß auf dem Land der Erzieher die Aufmerksamkeit des Kindes auf die Werke der Natur lenkt, die Bäume, die Blumen, die Vögel, die Tiere und Insekten, daß er die Kinder bestaunen und bewundern läßt das majestätische Auf- und Untergehen des Sonnengestirns. Setzen wir voraus, daß in der Stadt die Kinder unter Leitung ihrer Erzieher häufig die Galerien und Museen besuchen, begleitet von Festtagen, an denen Musik und Gesang die kindlichen Herzen erheben und sie herzuheben aus dem armseligen und täglichen Elend des Alltags.

Nach und nach werden die Kinder auf dem Punkt ankommen, ohne Anstrengung das Schöne vom Häßlichen, das Angenehme vom Abstoßenden, das Nützliche vom Schädlichen auf unterscheiden.

Dann wird es leicht sein, im Gedanken des Kindes die innigen Beziehungen des künstlerischen mit dem täglichen Leben zu zeigen. Der Vergleich ist nicht immer das Richtige, aber er ist oft eine unendliche Hilfe, hier auf diesem Gebiet eine vorzügliche Gelegenheit zu vermitteln.

Die künstlerische Schönheit verschafft von selbst dem Kinde Freude, und durch die Häßlichkeit wird in ihm von selbst Abneigung und Leiden hervorgerufen.

Die Schönheit der täglichen Dinge, das eigene, saubere Heim, hell, heiter, gut gelüftet, das Wohlbefinden, die Zuneigung seiner Eltern, seiner Freunde, werden für das Kind zu einer Glücksquelle, während das Elend, der Mangel der notwendigen Dinge des Lebens, Streitigkeiten zwischen denen, die ihm teuer sind, einen Ekel in ihm hervorrufen und Steigerung seines Leides bewirken.

Ist das Kind erwachsen, wird es dann nur einen Schritt vorschend vorwärts zu tun brauchen, um die Ursache all der Häßlichkeiten, des Elends, das es umgibt, zu finden.

Sind ihm die Augen geöffnet, wird bei ihm die heilige Empörte gegen die heutige Unordnung hervorbrechen!

Um den Menschen für diese heutige Ordnung zu formen, unterrichtet man nur in einer Schablonengrammatik, einer lügnerischen Geschichtskunde, der Staatsbürgerkunde und einer heuchlerischen Moral; anstatt schon in dem Herz des Kindes die Liebe zum Schönen und den Haß gegen das Häßliche zur Entfaltung zu bringen.

Unter dem Vorwande, es mangele an Zeit, unterläßt man mit Willen und Wissen die notwendige Erziehung des Schönheitsgefühls in der Geschmacksausbildung. Doch wäre es unnütz, Hoffnungen zu setzen auf eine Umbildung eines Teils des offiziellen Unterrichts. Die Herrschenden von heute können auch nicht gutheißen, daß man rüttelt an dem Gebäude,

890801041

The Emma Goldman Papers

[Bolshevik reaction against the anarchists in Russia. In German] Die bolschewistische Reaktion gegen die Anarchisten und Anarcho-Syndikalisten in Rußland / Emma Goldman, *et al.* — pp. 2-3 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. — Vol. 14, no. 19 (1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

allgemeinen Politik der Regierung, die unter der ausschließlichen Kontrolle der Kommunistischen Partei.

Dieser Zustand der Dinge, der die Anarchisten jeder Möglichkeit beraubt, systematische Arbeit irgend welcher Art ausführen zu können, und der uns sogar keinerlei Garantie gibt, daß Versuche rein kultureller und erzieherischer Natur, wie z. B. die Herausgabe von Schriften oder die Organisationsarbeit für das Kropotkin-Museum usw. nicht plötzlich und auf willkürliche Weise unterdrückt werden, zwingt uns, unsere Stimme zu lautem Proteste gegen die kleinlich-brutale Unterdrückung der anarchistischen Bewegung durch die bolschewistische Regierung zu erheben.

Hier in Rußland ist unsere Stimme schwach. Man erstickt sie. Die Politik der herrschenden Kommunistischen Partei verfolgt die Absicht, jede Möglichkeit, jeden Versuch einer anarchistischen Tätigkeit und Propaganda gründlich zu unterbinden. Die Anarchisten in Rußland werden auf diese Weise in die Bedingungen eines moralischen Hungerstreiks hineingezogen, indem die Sowjetregierung ihnen jede Möglichkeit raubt, sogar die Pläne und Projekte ausführen zu können, die sie selbst noch vor kurzem zu unterstützen versprochen hat.

Indem wir heute klarer als je vorher die Wahrheit unseres anarchistischen Ideals empfinden und von der unbedingten Notwendigkeit seiner praktischen Anwendung im Leben überzeugt sind, glauben wir annehmen zu dürfen, daß das revolutionäre Proletariat aller Länder mit uns ist.

Für die anarcho-syndikalistische Liga „Golos Truda":
A. Schaptro, Sekretär.
(Stempel) A. Zwelkow, Verlagsverwalter.

Für die Russische Konföderation der Anarcho-Syndikalisten:
(Stempel konfisziert durch die außerordentliche Kommission) S. Markus, Mitglied des Exekutivkomitees. (Zwei andere Mitglieder sind im Gefängnis).

Für die Liga für Anarchistische Propaganda:
(Stempel) A. Borowoj, Sekretär.

Wir schließen uns voll und ganz diesem Proteste an:
Emma Goldman. Alexander Berkman.
Moskau, den 10. April 1921.

Internationale Bewegung.

Schweden. Die Abwesenheit all und jeder wirklichen Verbindung zwischen uns und den anderen Ländern, das Vorherrschen der kommunistischen Zeitungen könnte leicht den Anschein erwecken, daß wir die einzigen Gegner der Diktatur des Proletariats sind. Doch, einmal in Verbindung mit Schweden getreten, bemerkt man bald, daß die Anarchisten und revolutionären Syndikalisten im Einklang in bezug auf das Prinzip der Diktatur stehen.

In Schweden sind die Anarchisten-Gruppen, der Zahl nach 5000—6000, das geblieben, was sie vor dem Kriege waren, nämlich Anarchisten; sie weisen die Diktatur ab.

Was die Syndikalisten betrifft, so sind die 35 000 Syndikalisten dort der Meinung wie ihre deutschen Kameraden. Obwohl strenge Föderalisten, werden sie nach Moskau gehen, um Zentralismus bekämpfen und versuchen, der politischen Bevormundung den revolutionären Syndikalismus entgegenzusetzen.

Anti-politiker und Antimarxisten stehen sie damit im Einklang mit Marx selber, der da schrieb: „Die Befreiung der Arbeiter darf nur das Werk der Arbeiter selbst sein!"

Tschecho-Slowakei. Der Kongreß des Syndikats der Land- und Forstarbeiter, der mit 600 Delegierten 250 000 Arbeiter umfaßt, hat sich gegen die Sozialisten der Rechten ausgesprochen. Das Sprachrohr der Landarbeiter ist das bedeutendste der Tschecho-Slowakei. Gegen Ende des Jahres 1918 zählte es 167 000 Mitglieder und im folgenden Jahre 129 650; 50 Proz. waren Landarbeiter und Frauen.

Jugo-Slavien. Seit der letzten schönen Bewegung, welche die Arbeiterklasse vor einiger Zeit führte, sehen dieses Land [illegible] eingeschlafen zu sein. Der Landarbeiter, der eigentlich das Herz der Revolution war, wurde das Zentrum der [illegible]. Alle Versammlungen der Arbeiter wurden [illegible] Weise, die in [illegible] der Arbeiter [illegible]

[illegible] wäre nur Untergang. Übrigens kennen [illegible] Vereinigungen der Reformisten und wünschen sie nach [illegible].

[illegible] Brüder Italiens zeigen zu haben, wo unsere [illegible] Vereinigungen Unterricht genießen, eine Erziehung [illegible] Geister und Anschauungen durch die Mitwirkung der [illegible] unter uns.

Léon Rouget.

—(Uebers. aus dem Französischen. C.K.)—

Die „bewußte" Zeugung.

Es ist wohl die größte Tragik in der Menschheit, daß sie nicht mehr fähig ist, den heiligsten und verantwortungsvollsten Akt, den es im Leben gibt, die Zeugung eines neuen Wesens, mit Bewußtsein, mit voller seelischer Konzentration und innerer Reinheit zu vollführen. Deshalb sehen wir auch, daß die Menschen sich in ihren Nachkommen nicht aufwärts zu höheren, besseren Wesen, sondern abwärts zu Krüppeln, zu degenerierten Geschöpfen entwickeln. Bewußtsein ist das, wodurch sich der Mensch vom Tier abhebt. Aber der Mensch ist tief unter das Tier gesunken. Während das Tier noch in allen Monaten zu lieben weiß, ist der Mensch vielfach unersättlich in seiner geschlechtlichen Wollust. Die Entartung ist so weit, daß man [illegible] glaubt, der Mann müsse durch den Beischlaf sich seines Samens entledigen. Diese wollüstige Brunst kann doch unmöglich etwas naturgemäßes sein. Im Menschen, dem Herrn über die ganze Natur. Der Mensch muß unbedingt seine ganzen körperlichen Gefühle und Regungen in der Gewalt haben. Wenn so wenige sich aus der jammerlichen Sklaverei der Geschlechtsorgane befreit haben, das daran, weil die Leiter [illegible] durch nicht und verpönt sind. Als zur Zeit der Griechen und des klassischen Altertums die Kultur [illegible] vor allem, weil die Menschen [illegible] ben und ihren Körper durch [illegible] geistiges Leben pflegten. [illegible] cher der Geschlechtsakt, als [illegible] hebt sich entwickelt [illegible] starken Kindern das Leben [illegible] und der rechten Zeit, [illegible] die kostbaren Säfte aus [illegible] an neue Gebilde zu verschwenden, sondern sie auch für die Entwicklung seines eigenen Körpers und Geistes zu verwenden. Da behielten die Frauen bis ins hohe Alter ihre Schönheit und ihre schlanke Erscheinung. Es besteht jetzt eine heillose Verwirrung in der Frage der „freien Liebe". Die Menschen können nicht die Kraft aufbringen, die Zeugung nur bewußt, in strengster Selbstbeherrschung auszuführen, weil ihre Unterleiber infolge der widersinnigen mechanischen Lebensweise in starker fieberhafter Erregung sind. Da brüllt man sich gegenseitig in die Ohren: Man muß Abtreibungsmittel gebrauchen! Jedes Abtreibungsmittel ist ein furchtbarer Frevel gegen die Natur. Und wenn man der großen Masse von „freier Liebe" erzählt, dann sind die Menschen noch so wenig reif, daß sie nuntunter direkt moralisch vergiftet werden. Es liegt da noch ein Arbeitsfeld vor uns, dessen Erträge erst in späteren Generationen zutage treten werden. Gänzliche Umstellung der Gesellschaftsordnung, daß jeder genug Zeit und Muße behält zur Körper- und Geistespflege. Abschaffung der Kirche mit ihrer wahnsinnigen Sexualmoral und allem Kontinenzschwindel, Reine Diät, tägliche Geschlechtsbehandlung und Einswerden mit der Natur. Dann spannen uns die Geschlechtsorgane nicht ins Joch, sondern wir bleiben Herr über sie und [illegible] den neuen befähigte Kräfte aus ihrer harmonischen [illegible] den Neugezeugten oder in unseren eigenen Organismus [illegible] die Früchte unseres Wollust unterliegen, müssen sie uns [illegible] eine Belastung verursachen [illegible] Zeit ist, wo die Schwangere [illegible] von [illegible] hat, seine Organe [illegible] dem [illegible] Natur [illegible] stand in dem Fötus [illegible] Gedanke [illegible] nahe, nach diesem Fötus [illegible] oder ein Modell zu gestalten. Die [illegible] werden 12 Tage nach der Regel gezeugt, das entspricht auch dem Naturgesetz, daß die Regel der Frau zur Neumondszeit erfolgen soll, und daß bei Vollmond die Zeugung am kräftigsten wirkt. Bei Vollmond ist ja auch die Inbrunst der Tierwelt bei den Gatten am stärksten. Wie die Natur zu Ostern am mächtigsten aufblüht und ihre höchsten Kräfte entfaltet, so werden im Frühling auch die besten Samen für die kommende Generation gelegt. Die Weihnachtsgeburten entwickeln meist die zähesten Kinder. Wer kennt nicht die verrufenen Hochzeitsnächte, wo im Festfieber die unglückseligsten Geschöpfe gezeugt werden. Wer an seinen Kindern Freude haben will, muß unbedingt das Opfer bringen, daß er nur mit völlig ausgeruhtem Körper die Zeugung vornimmt: am Morgen, wo die starke Sonne die Erde küßt und der ganzen Natur den reichsten Segen spendet. Der Mensch muß in allen Handlungen bewußt vorgehen: im Essen, im Atmen, im Sprechen, vor allem aber in der allerschwierigsten und folgenschwersten Handlung: in der Zeugung.

Fr. Fohr.

Internationaler Antimilitaristenkongreß.

Obwohl der demonstrative Teil des Internationalen Antimilitaristenkongresses, der vom 26. bis zum 31. März 1921 im Haag, Holland, abgehalten wurde, einen ausgezeichneten Erfolg hatte, war dieser Teil den internationalen Antimilitaristen nicht die Hauptsache. Es handelte sich vor allen Dingen darum, eine enge internationale Fühlung zu erlangen und die Grundlage zu kräftigem internationalem Zusammenwirken zu schaffen. Aus diesem wichtigen Grunde hatten sich mehrere Geistesfreunde aus anderen Ländern trotz der Paßverweigerung doch eingefunden: u. a. Adamas, Daenons und Léa Gerard aus Belgien, F. Cordes aus Westfalen, L. Houssard aus Paris, Rudolf Großmann (Pierre Ramus) aus Wien und C. J. Björklund aus Stockholm.

Außer in den öffentlichen Versammlungen trat man in sechs Konferenzen zusammen, so daß also diejenigen, die den öffentlichen Sitzungen nicht beiwohnen konnten, dennoch vollkommen über den Verlauf des Kongresses unterrichtet waren und man daher alle grundsätzlichen Beschlüsse nach gemeinsamer Beratung fassen konnte.

Folgende Organisationen waren vertreten: Internationaler Frauenbund für Frieden und Freiheit und Frauen-Friedenverein in den amerikanischen Vereinigten Staaten, R. Morgan French; Internationaler Anti-Militaristischer Verein (I. A. M. V.), Landesverband Belgien, Adamas und Léa Gerard; Landesorganisation konsequenter Antimilitaristen in Dänemark (Landesverband des I. A. M. V.) J. van Langen; Anarchistische Jugend Rheinlands und Westfalens, F. Cordes; Bund der Kriegsdienstgegner (Deutschland) G. W. Meyer und Fr. Dr. Helene Stöcker; Bund „Neues Vaterland", Ortsgruppe Berlin des Deutschen Friedensvereins und Deutscher Landesverband des Internationalen Frauenbundes für Frieden und Freiheit durch Fr. Dr. Helene Stöcker; Bewegung [illegible] (No more War Movement), England, durch W. Wenek; Anarchistische Föderation Paris durch L. Houssard; Christliche Friedensbewegung in Frankreich durch Pfarrer H. Huchet; Französische Schriftsteller-Gesellschaft durch M. Sauvage; Anarchistische Gruppen Nordfrankreichs, Syndikalistische Jugend und Landesverband des I. A. M. V. Frankreichs durch L. Wastinx, Landesverband Niederlande des I. A. M. V. durch J. Hooyberg und L. Pol. Jr.; Niederländisches Arbeitersekretariat durch B. Lansink Jr. Ferner folgende Landes- und Ortsorganisationen, Holländ. Bund Religiöser Anarcho-Kommunisten (Freier Kommunisten), Freie Sozialisten, Sozial-Anarchisten, Freidenkerverein „De Dageraad" (Der Tagesanbruch), [illegible] Partei, Guttempler, Sozialistische Partei [illegible] Frauenvereine, Metallarbeiter, Putzhutten, Stuckateure, Schneider, Generalsekretariat usw.; Bund Herrschaftsloser Sozialisten in Oesterreich, vertreten durch Pierre Ramus; Neusozialistische Partei Schwedens durch C. J. Björklund; Kommunistische Jugend der Schweiz durch F. Lieb; Internationale Absolutisten durch C. Donker, H. Prestinari, P. Schlatter. Es konnten wegen Paßverweigerung nicht anwesend sein: [illegible]

BEST COPY AVAILABLE

160

890801006

The Emma Goldman Papers

[On the Anarchist and Anarcho-Syndicalist press in all countries. In German] An die anarchistische und anarcho-syndikalistische Presse aller Länder / Emma Goldman, *et al.* – 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 17 (1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

Der Syndikalist

Nr. 17 - 1921 **Beilage** **III. Jahrgang**

An die anarchistische und anarcho-syndikalistische Presse aller Länder.*)

Moskau, den 14. Februar 1921.

Teure Kameraden!

Wir senden Euch hier einen vollständigen Bericht des „Kropotkin Begräbnis-Komitees", das von den „Vereinigten anarchistischen Organisationen" erwählt wurde. Wir bitten Euch, diesen Bericht vollständig und, wenn möglich in einer speziellen Kropotkin-Nummer Eures Blattes zum Abdruck zu bringen. Sollte es sich für Euch als notwendig erweisen, diesen Bericht nur auszugsweise zu veröffentlichen, so müssen wir darauf bestehen, daß keine Veränderungen irgendwelcher Art vorgenommen werden, und daß dabei ausdrücklich erklärt werde, daß die Redaktion von einer Veröffentlichung des vollständigen Inhalts Abstand nehmen mußte.**)

Wir ergreifen diese Gelegenheit, Euch aufzufordern, mit dem jüngst geformten „Internationalen Kropotkin-Memorial-Komitee" zwecks gemeinschaftlicher Arbeit so bald als irgend möglich in Verbindung zu treten.

Mit Brudergruß

Alexander Berkman.

Für das Redaktionskomitee

A. Shapiro.

* * *

Ende vergangenen Jahres verbreiteten sich in Europa Gerüchte, die Bezug nahmen auf Peter Kropotkin und sein Leben in Rußland. Diese Gerüchte fanden zuletzt Eingang in verschiedenen kapitalistischen Zeitungen, wie auch in revolutionären und anarchistischen Blättern. In der Form einer bestimmten Erklärung, daß Kropotkin sich in einem halben Hungerzustande befinde, und daß die Sowjetregierung ihm die Ausreise nach dem Ausland verweigert habe. Als Kropotkins Aufmerksamkeit auf eine solche Erklärung, wie sie im Berliner „Syndikalist" erschienen war, gelenkt wurde, sandte er unverzüglich einen Brief an diese Zeitschrift, in dem er folgendes feststellte: 1. daß seine materiellen Bedingungen — obwohl dieselben vor ungefähr zwei Jahren viel zu wünschen übrig ließen — sich seither viel verbessert hätten, Dank der Hilfe der Kameraden, die für seine Bedürfnisse Sorge trugen und dank der Rationen für Männer der Wissenschaft, die er nun erhalte, sodaß er seine materiellen Verhältnisse als viel besser betrachten müsse als die vieler Arbeiter in Deutschland; 2. daß er **nicht** wünsche, daß Sammlungen irgendwelcher Art für ihn unternommen werden möchten und daß man die bereits kollektierten Gelder für nötigere Zwecke am Orte verwenden möge; 3. daß, was die Paßangelegenheit anbetreffe, er nie um die Erlaubnis, Rußland zu verlassen, eingekommen sei und ihm daher auch kein Paß verweigert werden konnte.†) Was tatsächlich vorkam (und zu dem Gerücht wohl Veranlassung gegeben hat), war, daß die „Liga zum Schutze russischer Kinder" die Absicht hatte, eine Kommission, bestehend aus Vera Figner, dem allbekannten russischen Autor Korolenko und Kropotkin selbst ins Ausland zu senden und daß die Aufgabe dieser Kommission nicht die Anerkennung der Regierung gefunden hatte.

Die Veröffentlichung der erwähnten Gerüchte erregten in ganz Europa und Amerika großes Aufsehen und führte zu zahlreichen Protesten gegen das Verhalten der Sowjet-Regierung.

Als Mitte Januar die erste Nachricht von Kropotkins Krankheit in Dmitroff nach Moskau gelangte und zu Lenins Kenntnis kam, befaßte man sich sofort mit der Sache. Ein besonderer Zug mit Semaschko, dem Kommissar für Volksgesundheit, fünf der besten Spezialärzte, Krankenpflegerinnen und Medikamenten ging unverzüglich nach Dmitroff, sechzig Werst nördlich von Moskau ab, wo Kropotkin und seine Familie die letzten zwei Jahre lebte. Tägliche Berichte über den Zustand des Patienten wurden herausgegeben und durch den Rat der Volkskommissare auf drahtlosem Wege nach dem Ausland gesandt. Ende Januar schien es, daß der Gesundheitszustand Kropotkins sich genügend gebessert habe, um Hoffnungen auf eine vollständige Wiederherstellung zu erwecken. Unglücklicherweise trat ein Rückschlag ein, und eine zweite Attacke, die seine Freunde das Schlimmste befürchten ließ, führte zu einer temporären Paralyse des Gehirns. Kropotkin blieb nichtsdestoweniger während der ganzen Periode seiner Krankheit bei vollem Bewußtsein und erkannte alle Freunde, die um ihn waren fast bis zum letzten Moment. Zwei Stunden vor seinem Tode tauschte er sogar noch scherzhafte Bemerkungen mit denen aus, die an seinem Bette versammelt waren. Herzerschöpfung kompliziert durch Entzündung der Lungen führten zuletzt zu einer Art Schlafsucht, die ihn langsam hinüberführte. Dank der Abgeschlossenheit von Dmitroff, die durch den strengen Winter und die ungenügende Eisenbahnverbindung verursacht wurde, waren nur die ärztlichen Pfleger und die nächsten Familienangehörigen bei den letzten Augenblicken unseres geliebten Lehrers, Freundes und Kameraden zur Stelle. Dienstag, den 8. Februar 1921, um drei Uhr zehn des Morgens trat der Tod ein.

Als die nächsten Freunde die unheilvollen Zeichen des nahen Todes erkannten, benachrichtigten sie sofort die anarchistischen Organisationen Moskaus. Am Sonntag, den 6. Februar um Mitternacht formierte man ein besonderes Komitee, um auf alle Fälle vorbereitet zu sein. Drei Mitglieder dieses Komitees wurden unverzüglich nach Dmitroff delegiert, um der Familie Hülfe zu leisten, an den Krankenwachen teilzunehmen und alles zu tun, was sich als notwendig erweisen sollte. Die Delegation erreichte Kropotkins Haus eine halbe Stunde nach seinem Tode und traf sofort alle erforderlichen Schritte zur Vorbereitung des Begräbnisses. Es wurde sofort beschlossen, daß die anarchistischen Organisationen mit der ausschließlichen Leitung des Leichenbegängnisses und allem, was damit verbunden ist, betraut werden sollen; daß das Begräbnis in Moskau stattfinden solle; daß die Leiche im Gewerkschaftshaus ausgestellt werde; und daß die Beisetzung am Sonntag, den 13. Februar erfolgen solle.

Einige Stunden nach dem Tode Kropotkins hat der Dmitroffer Arbeiterrat die anarchistische Delegation zu einer Besprechung mit seinem Exekutivkomitee ein, um die nötigen Vorkehrungen in Dmitroff zu treffen. Ein Sub-Komitee des „Anarchistischen Kropotkin-Begräbnis-Komitees" in Moskau wurde gebildet, das durch Vertreter des Dmitroffer Arbeiterrats, des Lokalkomitees der Kommunistischen Partei und des lokalen Gewerkschaftsrates verstärkt wurde. Das Gewerkschaftshaus von Dmitroff wurde dem Sub-Komitee zur Verfügung gestellt.

Zusammen mit dem Sub-Komitee in Dmitroff unternahm das Anarchistische Begräbnis-Komitee in seiner ersten Sitzung sofort die nötigen Schritte. Seine erste Handlung war die Zusendung des folgenden Telegrammes an Lenin:

8. Februar, 3 Uhr nachm.

Kremlin, Lenin. — — „Das mit dem Arrangement von P. A. Kropotkins Leichenbegängnis betraute Komitee der anarchistischen Organisationen ersucht sie, die Entlassung aller gefangenen Anarchisten zur Beteiligung an Kropotkins Begräbnis zu veranlassen."

Zu derselben Zeit ging per Telephon die folgende Botschaft an die besondere Abteilung der „Allrussischen Außerordentlichen Kommission" ab:

„Die mit dem Begräbnis Peter Kropotkins betrauten anarchistischen Organisationen bitten Sie, die gefangenen Anarchisten von dem Tode Kropotkins in Kenntnis zu setzen, der ihm um 3 Uhr morgens in Dmitroff ereilte."

Außerdem wurden die folgenden drei Radiogramme abgesandt:

1. An die anarchistische und anarcho-syndikalistische Presse aller Länder. — Peter Kropotkin ist am Dienstag, den 8. Februar, zehn Minuten nach drei Uhr morgens, friedlich entschlafen, nach einer dreiwöchentlichen Erkrankung an Entzündungen der Lungen. Der Tod wurde durch Herzschwäche verursacht. Er war fast bis zuletzt bei vollem Bewußtsein, ruhig und heiter und bei guter Laune. Die vereinigten anarchistischen Organisationen Rußlands haben alle Arrangierungen übernommen und planen die Eröffnung eines Kropotkin-Museums. Das Begräbnis wird am Sonntag, den 13. Februar stattfinden.

2. An Alle, Alle, Alle. — „Die von tiefer Trauer ergriffenen Anarchisten Rußlands benachrichtigen die Revolutionäre und Arbeiter der ganzen Welt, daß Peter Alexiewitsch Kropotkin, der große Revolutionär, der sein ganzes Leben dem unermüdlichen Kampf für die vollständige Befreiung aller Unterdrückten geweiht hatte, am 8. Februar um 3 Uhr morgens in Dmitroff gestorben ist. Möge dieser Tag sich dem Gedächtnis aller von Kapital und Staat Ausgebeuteten für immer einprägen und als Tag internationaler Trauer und revolutionären Protestes gegen jede Tyrannei stets gefeiert werden."

3. An die Arbeiter Rußlands. — „Am 8. Februar um 3 Uhr morgens starb in Dmitroff Peter Alexiewitsch Kropotkin, unser von allen geliebter Lehrer, der während langer Jahre mit größter Ergebenheit für die vollständige Befreiung der Unterdrückten aller Länder kämpfte. Während dieser langen Jahre inspirierte er fortgesetzt unsere Hoffnungen und stärkte unseren Glauben in die revolutionäre Sache. Sein Werk ist unser Werk. Er lebt in uns. Laßt uns das Andenken seines großen Lebens und den für uns so peinvollen Tag seines Todes unserem Gedächtnis für immer einprägen. Laßt uns dafür Sorge tragen, daß der 8. Februar sich zum internationalen Trauertage, zum Tag des revolutionären Protestes gegen jeden Despotismus gestalte, solange die Arbeit noch der Ausbeutung des Kapitals und des Staates unterworfen ist. Möge auf diese Weise auch sein Tod dazu beitragen, daß der revolutionäre Funke im Bewußtsein der im Joche der Sklaverei frohnenden Arbeiter nie erlöschen wird."

Das Anarchistische Begräbnis-Komitee" tagte ununterbrochen vom Dienstag morgen, den 8., bis Sonntag Nacht, den 13. Februar. Dank der Verstaatlichung aller öffentlichen Beförderungsmittel, Druckereien, Materialien usw. war das Komitee gezwungen, sich an den Moskauer Sowjet zu wenden, um das Programm des Begräbnisses erfolgreich durchführen zu können. Der Moskauer Sowjet delegierte zum „Anarchistischen Begräbnis-Komitee" einen seiner Vertreter, der nur beratende Stimme hatte und als Vermittler zwischen dem Komitee und den staatlichen Autoritäten figurierte. Das Komitee lud die Moskauer Künstler ein, ihre Dienste zur Herstellung der notwendigen Malereien und Dekorationen zur Verfügung zu stellen. Dieser Aufruf fand einen freudigen Widerhall; die besten Künstler beeilten sich, freiwillig ihre Zeit und ihr Können anzubieten und arbeiteten mehrere Tage und Nächte ohne Unterbrechung. Auch die Chöre des „Proletkult" und der Großen Oper, ebenso die Orchester der Blas- und Streichinstrumente in Moskau und Dmitroff stellten ihre Dienste frei zur Verfügung.

Da die anarchistische Bewegung Rußlands und besonders die Bewegung Moskaus ihrer eigenen Presse beraubt ist, war man gezwungen, bei den Behörden um die notwendigen, auf die Arrangierung des Begräbnisses Bezug nehmenden Publikationen einzukommen. Nach langen Auseinandersetzungen und Verzögerungen wurde die Erlaubnis für das Erscheinen zweier Handzettel und einer vierseitigen Denkschrift zu Ehren unseres großen Toten erteilt. Das Komitee forderte, daß die Denkschrift hergestellt werden sollte, ohne die Zensur passieren zu müssen, indem es darauf hinwies, daß der Lesestoff nur aus Würdigung unseres toten Kameraden bestehen würde und jede polemische Auseinandersetzung ausgeschlossen sei. Dieses Verlangen wurde kategorisch **verweigert**. Der heiße Wunsch des Komitees die Denkschrift herauszubringen und die Unmöglichkeit, dieselbe auf einem anderen Wege herstellen zu können, zwang es, sich zu fügen, und die Manuskripte wurden dem Zensor ausgehändigt. Das Komitee forderte die Herstellung einer vierseitigen Denkschrift in 300 000 Exemplaren. Die Behörden gaben nur die Erlaubnis zur Herstellung von 40 000 vierseitigen Exemplaren. In der Wirklichkeit bestand die Denkschrift nur aus zwei Seiten. (Wir fügen hier einige Handzettel und Exemplare der Denkschrift bei, die in der Regierungsdruckerei hergestellt wurden.)

Die Befürchtung, daß durch das Hinausziehen der Verhandlungen mit den Behörden, das Erscheinen der Denkschrift überhaupt in Frage gestellt werden könnte, führte das Komitee zu dem Entschluß, eine anarchistische Druckerei, die von der Regierung geschlossen und unter Siegel gelegt worden war, zu öffnen und die Verantwortlichkeit für diese Handlung auf sich zu nehmen. In dieser Druckerei wurden zwei Handzettel hergestellt, die wir hier mit beifügen.

Während diese Verhandlungen stattfanden, wurde dem Komitee ein Extrazug mit zehn Wagen zur Verfügung gestellt, um die sterblichen Reste Peter Kropotkins von Dmitroff nach Moskau überzuführen. Der Zug mit dem Sarge und den Delegationen der Anarchisten und Arbeiterorganisationen verließ Dmitroff am Donnerstag Morgen, den 10. Februar. Der Dmitroffer Sowjet hatte beschlossen, am Tage, wo die Leiche nach Moskau überführt wurde, jede öffentliche Tätigkeit in der Stadt einzustellen, sodaß faktisch die ganze Bevölkerung von Dmitroff und der Umgegend dem Sarge des Toten vom Hause Kropotkins bis zum Bahnhof folgte. Am Bahnhof angekommen, sollten die Vertreter der verschiedenen revolutionären und Arbeiterorganisationen dem Manne, der Dmitroff durch den zweijährigen Aufenthalt in seinen Mauern geehrt hatte, den letzten Tribut. Der freie Antrieb und der ganze Geist, der diese Prozession beherrschte, legte glänzendes Zeugnis ab für die große Liebe und Bewunderung, die die Bevölkerung dem berühmten Anarchisten entgegenbrachte, der in ihrer Mitte gelebt hatte.

Als der Zug mit der Leiche am Abend desselben Tages im Moskauer Bahnhof einfuhr, wurde er von einer riesigen Menschenmasse erwartet, die sich zu einer langen Prozession zusammenschloß, die schwarze und rote anarchistische Fahnen mit sich führte und dem Sarge bis zum Gewerkschaftshaus nachfolgte. Der feierliche Zug bewegte sich dann durch die Stadt unter den Klängen anarchistischer Musik und Gesänge. Als die Prozession am Butirki-Gefängnis vorüberkam, wo eine Anzahl Anarchisten — Freunde Peter Kropotkins — eingekerkert sind, machte der Zug Halt. Die Fahnen und Banner senkten sich und die Massen standen einige Minuten mit entblößten Häuptern, um unseren leidenden Brüdern — den Opfern einer Revolution, die in einer Sackgasse angelangt ist — ihr Mitgefühl auszudrücken. Dieser Gruß wurde vom Gefängnisspital aus erwidert.

Im Gewerkschaftshause, das zu diesem Zwecke entsprechend geschmückt war, lag die Leiche drei Tage lang ausgestellt. Eine Ehrenwache, die ausschließlich aus Anarchisten bestand, wachte Tag und Nacht bei dem Sarge. Der Sarg war umgeben von einer doppelten Reihe von Kränzen, die von allen anarchistischen Gruppen, Arbeiterorganisationen, wissenschaftlichen und literarischen Körperschaften und von persönlichen Freunden gesandt worden waren. Schwarze und rote Banner mit anarchistischen Aufschriften gaben dem Ganzen einen

---

*) Wie ich nachträglich aus einer durchaus einwandfreien Quelle in Erfahrung brachte, wurde eine Abschrift dieses Dokumentes direkt nach dem Begräbnis Kropotkins von den russischen Kameraden an meine Adresse in Berlin gesandt. Ich habe dieselbe bis heute nicht erhalten. Erst durch die Vermittlung von Londoner Freunden erhielt ich am 9. April eine andere Abschrift. Daher die späte Veröffentlichung.
Rudolf Rocker.

**) Wir erfüllen hiermit mit Freuden den Wunsch unserer russischen Genossen und veröffentlichen hier eine wortgetreue Uebersetzung des englischen Originals.
Die Redaktion.

†) Wir haben einen solchen Brief unseres verstorbenen Genossen leider nie erhalten und können daher erst jetzt seinem Wunsche gerecht werden. D. Red.

BEST COPY AVAILABLE

161

890801006

The Emma Goldman Papers

[On the Anarchist and Anarcho-Syndicalist press in all countries. In German] An die anarchistische und anarcho-syndikalistische Presse aller Länder / Emma Goldman, *et al.* – 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 17 (1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

passenden Hintergrund. Eine ununterbrochene Schar von Arbeitern, Bauern, Soldaten, Studenten und Schulkindern strömte unaufhörlich durch den Saal, um einen letzten Blick auf das Antlitz des geliebten Lehrers zu werfen.

Als Antwort auf das Telegramm an Lenin, erhielt das „Anarchistische Begräbnis-Komitee" am Freitag, den 11. Februar, spät bei Nacht den folgenden Auszug aus dem Protokoll einer Sitzung des Allrussischen Zentralen Exekutivkomitee der Sowjetorganisationen, die am 10. Februar stattgefunden hatte:

„Zur Beratung:
Gesuch der anarchistischen Organisationen, alle gefangenen Anarchisten zur Beteiligung am Begräbnis P. A. Kropotkins entlassen zu wollen.

Beschlossen:
Der „Allrussischen Außerordentlichen Kommission" vorzuschlagen, nach ihrem eigenen Guldünken gefangene Anarchisten zur Beteiligung am Begräbnis P. A. Kropotkins zu entlassen."

Das „Anarchistische Begräbnis-Komitee" erwählte sofort zwei Delegierte, um unsere gefangenen Kameraden zu besuchen und ihnen über die Entwicklung der Dinge Bericht zu erstatten. Man besuchte die Genossen Wolin (im Butirki-Gefängnis) und Baron (im Gefängnis der „Allrussischen Außerordentlichen Kommission") mit der Erlaubnis der „Außerordentlichen Kommission", am Sonnabend, den 12. Februar, und unsere Delegierten baten sie, die übrigen gefangenen Genossen über alles zu informieren. Während der Verhandlung mit der „Außerordentlichen Kommission" stellte man unseren Genossen die Frage, ob das „Anarchistische Begräbnis-Komitee" bereit sei, die Garantie dafür zu übernehmen, daß die entlassenen Anarchisten nach dem Begräbnis ins Gefängnis zurückkehren würden. Die Antwort war, daß sich das Komitee mit dieser Seite der Frage noch nicht beschäftigt hätte. Daraufhin versprach die „Außerordentliche Kommission", dem „Anarchistischen Begräbnis-Komitee" binnen zwei Stunden ihren endgültigen Beschluß mitzuteilen. Zu der bestimmten Zeit traf dann auch das folgende Schreiben der „Außerordentlichen Kommission" ein:

Geheimabteilung.

„An die von den anarchistischen Organisationen mit der Arrangierung von P. A. Kropotkins Begräbnis betraute Kommission.

Betreffs der Frage, die inhaftierten Anarchisten zu entlassen, damit dieselben am Begräbnis P. A. Kropotkins teilnehmen könnten, gelangte das Präsidium der „Allrussischen Außerordentlichen Kommission" zu folgendem Beschluß: In Anbetracht, daß das „Anarchistische Begräbnis-Komitee", das die Frage wegen der Entlassung der gefangenen Anarchisten, zwecks ihrer Beteiligung an dem Begräbnis, angeregt hat, sich weigerte, die Garantie für die Rückkehr der Gefangenen unter die Aufsicht der Gefängnisbehörde zu übernehmen, wird das Gesuch des Komitees **verworfen**.

(gez.) Für die „Außerordentliche Kommission"
M. Brener.

Das Anarchistische Begräbnis-Komitee, welches bis dahin die Frage der Garantieleistung noch gar nicht erörtert hatte und daher glaubte, daß die obige Mitteilung einem Mißverständnis entsprungen sei, teilte sofort der „Außerordentlichen Kommission" mit, daß der Anarchistische Begräbnis-Ausschuß als kollektive Körperschaft die Garantie für die Rückkehr aller zu entlassenden Anarchisten übernehme. Darauf erfolgte die folgende endgültige Antwort der „Außerordentlichen Kommission":

„Zur Information.

Betreffs der Entlassung der anarchistischen Kameraden zur Beteiligung an dem morgen stattfindenden Begräbnis läßt der Genosse Xenofontoff*) mitteilen, daß dieselben nicht entlassen werden können, in Anbetracht dessen, daß solche Anarchisten nicht vorhanden sind."

13. Februar 1921.
Offizier im Dienste der „Außerordentlichen Kommission"
(Unterschrift unlesbar.)

Um 9 Uhr morgens, am Tage des Begräbnisses, teilte der Anarchistische Begräbnis-Ausschuß der Familie Kropotkins mit, daß unsere gefangenen Kameraden nicht entlassen werden.

Das Requiem war für 11 Uhr des Morgens angesetzt. Doch bereits lange vor 9 Uhr war der Saal des Gewerkschaftshauses dicht gefüllt mit den nächsten Freunden und Kameraden Peter Kropotkins, mit den Vertretern zahlreicher anarchistischer und revolutionärer Arbeiterorganisationen, wissenschaftlicher und literarischer Vereinigungen und anderer sozialer Gruppen. Die Säulenhalle des Gewerkschaftshauses, in der Kropotkins Leiche aufgebahrt lag, repräsentierte ein Bild geschmackvoller Einfachheit und natürlicher Kunst. Von dem stimmungsvollen Hintergrunde mit seinen roten und schwarzen Fahnen und den charakteristischen Aufschriften, in denen das Leben und Werk des großen Lehrers einen würdigen Ausdruck fand, hob sich im Bas-relief der erhöhte Sarg ab, der von einer doppelten Reihe von Kränzen umgeben war und zwar so, daß die geliebten Züge unseres teuren Kameraden, der in seinem letzten Schlafe einen herrlichen und friedlichen Eindruck machte, jedem sichtbar waren. Draußen auf dem freien Platze vor dem Gewerkschaftshaus wogte unterdessen ein wahres Menschenmeer, dessen Wellen bis hinein in die angrenzenden Straßen schlugen. Zahlreiche schwarze, dunkel- und hellrote Banner gaben dieser wogenden Menschenmasse Farbe und Stimmung. Der Geist, der das Ganze beherrschte und die in ihrer Art einzige Atmosphäre, die über diesem Bilde lag, legten beredtes Zeugnis dafür ab, welche große Liebe, Achtung und Bewunderung sich unser toter Kamerad erworben hatte. Es war der Aufschrei der Menschenseele, die da instinktiv erfaßte, welch entsetzlicher Verlust hier die Menschheit heimgesucht hatte. Es war der Ausbruch eines Volkes in tiefer Trauer — und nur die gefangenen Kameraden des toten Anarchisten waren nicht dabei.

Tief verletzt durch die Weigerung der „Außerordentlichen Kommission", den Kameraden in den Moskauer Gefängnissen zu gestatten am Begräbnis teilzunehmen, beschloß das Anarchistische Begräbnis-Komitee, im vollsten Einverständnis mit den Gefühlen und Wünschen der Familie des Verstorbenen, dem versammelten Volke die Abwesenheit unserer gefangenen Genossen und die Ursachen davon mitzuteilen und dem Protest der Familie und der Vereinigten anarchistischen Organisationen Rußlands dadurch Ausdruck zu geben, daß man alle Kränze, die von offiziellen bolschewistischen Körperschaften in der Halle oder am Grabe niedergelegt wurden, entfernen wollte.

Die Vertreter des Moskauer Sowjets, von diesem Beschlusse Kenntnis nehmend, versuchten nun mit allen Möglichkeiten einen öffentlichen Skandal zu vermeiden und versprachen, daß alle in Moskau gefangenen Anarchisten entlassen würden, um am Begräbnis Anteil nehmen zu können. Der Vertreter des Sowjets, in der Person seines Vorsitzenden, gab der Vermutung Ausdruck, daß es sich hier wohl um ein unvorhergesehenes Mißverständnis handeln müsse, das zu dieser unerfreulichen Situation geführt habe.

Diese Entwicklung der Dinge verursachte eine bedeutende Verspätung, und es war bereits 1 Uhr mittags, bis die entlassenen Kameraden aus einem Gefängnis anlangten. Der berühmte Chor der Großen Oper sang das Requiem „Zum ewigen Gedächtnis". Als die letzten Klänge der ergreifenden Musik über die Versammlung dahinflouten, betraten die Genossen, die gerade aus dem Gefängnis entlassen waren, den Saal und wurden schweigend begrüßt durch das Senken der anarchistischen Banner. Nur sieben unserer Genossen, die alle in der besonderen Abteilung der „Allrussischen Außerordentlichen Kommission" gefangen saßen, wurden entlassen. Die übrigen Anarchisten, über zwanzig an der Zahl, im Butirki-Gefängnis wurden überhaupt nicht entlassen.

Man erwies den Genossen, die aus dem Gefängnis kamen, öffentliche Ehre, indem man sie mit dem Dienste der Ehrenwache am Sarge Peter Kropotkins betraute.

Unter den Klängen von Chopins Trauermarsch wurde der Sarg von den aus dem Gefängnis entlassenen Kameraden ins Freie getragen. Die ungeheure Masse formte sich in Reihen, und der letzte Marsch hinter dem geliebten Lehrer nach seinem letzten Ruheplatz, nahm seinen Anfang. Während die Prozession ihren Weg dahinzog, wurden von einem Flieger hoch in der Luft Flugschriften herabgeworfen, die von dem Begräbnis-Ausschuß zum Andenken Peter Kropotkins herausgegeben wurden. Auch wurden Exemplare der Denkschrift unter die Massen verteilt, die am Leichenbegängnis Anteil nahmen.

Auf dem Friedhof von Nowo-Dewitschi stand der letzte Ruheplatz offen, um die sterblichen Reste zu empfangen. Der Friedhof war bald mit Schülern des großen Dahingeschiedenen gefüllt, die noch einen letzten Blick auf Kropotkin werfen wollten. Ehe der Sarg in die Grube gesenkt wurde, sprachen verschiedene Redner über die große Persönlichkeit, die aus unserer Mitte geschieden war. Zuerst sprach unser Kamerad Sandomirski im Auftrage der Vereinigten anarchistischen Organisationen Rußlands. Steinberg sprach für die linken Sozialisten-Revolutionäre und die Maximalisten, Mostowenko für die Kommunistische Partei, Wetscheapin für die Partei der Sozialisten-Revolutionäre, Rosner für das Exekutivkomitee der Dritten Internationale, Jansen für die holländische Sektion der Dritten Internationale, Bulgakoff für die tolstoischen Gruppen, Levine für die Moskauer Studentenschaft, Emma Goldmann für die Anarchisten Amerikas und für die schwedischen, norwegischen und dänischen Anarcho-Syndikalisten, Pawlow, Ferens und Borowoj für die anarchistische Bewegung und Baron, einer für die Dauer des Begräbnisses entlassenen Genossen, sprach für die Anarchisten in den russischen Gefängnissen.

Nur ein bedauerlicher Zwischenfall störte die letzte Handlung. Der Vertreter einiger Petrograder Kameraden begann mit der Verlesung einer Streitschrift, die gegen Kropotkin und die russischen Anarchisten gerichtet war. Doch die Versammlung, empört über eine solche Taktlosigkeit und unzeitgemäße Polemik, unterbrach ihn und veranlaßte ihn, dem nächsten Sprecher Platz zu machen.

Nach der Versenkung des Sarges, wurde das Grab mit zahlreichen Kränzen bedeckt; die Massen formten sich wieder in Reihen und zogen unter dem Gesange anarchistischer Lieder in die Stadt zurück.

Sofort nach der Rückkehr in die Stadt fand eine Sitzung des Begräbnisausschusses statt, wo man über die nötigen Schritte beriet, um dem Andenken Kropotkins gerecht zu werden. Es wurde beschlossen, eine „Kropotkinwoche" zu organisieren, in der täglich in ganz Moskau und der Umgegend **Vorträge über Kropotkin, sein Leben und sein Werk** gehalten werden sollen und die verschiedene Arbeiterorganisationen und andere Körperschaften, die Kropotkin-Abende zu veranstalten die Absicht haben, mit anarchistischen Rednern zu unterstützen. Weiter wurde beschlossen, in allernächster Zukunft in Moskau und Petrograd zwei große Konzertversammlungen zu arrangieren, zu denen die bedeutendsten Vertreter der Wissenschaft, Literatur und Kunst zugezogen werden sollen. Ein besonderer Memorial-Ausschuß wurde gewählt, der die nötigen Schritte ergreifen soll, um dazu geeignete Straßen in Moskau und Petrograd zu Ehren Kropotkins mit seinem Namen zu benennen und um dafür Sorge zu tragen, daß das Haus in Moskau, in dem Kropotkin geboren wurde und seine erste Jugend verbrachte, der Oeffentlichkeit übergeben und in ein **Kropotkin-Museum** umgewandelt werde. Auch wurde beschlossen, das kleine Haus in Dmitroff, in welchem Kropotkin die letzten beiden Jahre seines Lebens verbrachte, für die Familie unseres Kameraden zu erwerben. Eine besondere **Kropotkin-Memorial-Schrift** soll für den Weltfeiertag des revolutionären Proletariats — den 1. Mai — vorbereitet werden. Die baldige Herausgabe einer **Gesamtausgabe von Kropotkins Werken** wurde ebenfalls in die Hand genommen. Die Sitzung des Anarchistischen Begräbnis-Ausschusses beschloß zuletzt noch, das folgende Radiogramm an die anarchistische und die allgemeine Presse in Europa und Amerika zu senden:

„An Alle, Alle, Alle! Moskau, den 13. Februar. — Das Begräbnis Kropotkins am heutigen Tage, das von den anarchistischen Organisationen Rußlands vorbereitet wurde, hatte einen ergreifenden und stimmungsvollen Charakter, der unvergeßlich bleiben wird. Es war eine einzigartige Demonstration, wie sie wohl noch in keinem anderen Lande gesehen wurde. Lange Menschenreihen, bestehend aus den Mitgliedern anarchistischer Gruppen, Arbeiterorganisationen, wissenschaftlicher und literarischer Körperschaften und studentischer Vereine, marschierten über zwei Stunden vom Gewerkschaftshaus, wo die Leiche Kropotkins drei Tage lang ausgestellt war, bis zum Begräbnisort, der sieben Werst entfernt lag. Der Sarg wurde hinausgeleitet unter dem Gesang des Requiem „Zum ewigen Gedächtnis", das von 200 Stimmen des berühmten Chors der Großen Oper in wunderbarer Weise vorgetragen wurde. An der Spitze der Prozession marschierten endlose Reihen von Studenten und Kinder, welche Kränze trugen, die von allen anarchistischen Vereinen und fast von allen übrigen sozialistischen und Arbeiterorganisationen, sowie von wissenschaftlichen Vereinigungen gesandt worden waren. Die heitere Wintersonne schien auf hunderte anarchistische Banner von tiefem Schwarz, das durch leuchtendes Rot unterbrochen wurde. Die roten Banner der nichtanarchistischen Organisationen beschlossen den meilenlangen Zug. Die Bürgerwehr oder Soldaten der Roten Armee waren nirgends zu erblicken, ebenso wenig bedurfte man ihrer während der gewaltigen Prozession, die mehrere Stunden in Anspruch nahm. Die Massen hielten eine musterhafte Ordnung und ordneten sich ganz von selbst in geschlossenen Reihen, während die Studenten und Arbeiter zu beiden Seiten der Prozession eine lebendige Kette bildeten. Die Aufschriften auf den schwarzen und roten Fahnen legten Zeugnis ab für die große Liebe und Bewunderung, die man dem großen Anarchisten Kropotkin entgegenbrachte — dem Vorkämpfer der befreiten Menschen und einer Gesellschaft ohne Regierung, die auf dem Wohlstand aller und dem freien Kommunismus begründet ist. Die charakteristischste Erscheinung war der Anblick von sieben Anarchisten, die auf das Verlangen der Vereinigten anarchistischen Organisationen heute aus dem Gefängnis entlassen wurden, um an dem Begräbnis Anteil nehmen zu können und die in der Prozession als Sargträger fungierten. Der anderen gefangenen Anarchisten wurde durch bezeichnende Aufschriften auf den Bannern gedacht, welche die Befreiung aller im Gefängnis schmachtenden Kameraden forderten. Zahlreiche Redner zollten Kropotkin, dem Manne der Wissenschaft, dem Revolutionär, dem Anarchisten und Menschenfreund, den letzten Tribut. Sechs davon waren Anarchisten, die übrigen vertraten die Maximalisten, die linken Sozialisten-Revolutionäre, die Partei der Sozialisten-Revolutionäre, die Parteien der Menschewiki und der Bolschewiki und die Dritte Internationale. Das Ausland war vertreten durch Rosner für die französischen Syndikalisten, Emma Goldmann für die Anarchisten Amerikas und die schwedischen, norwegischen und dänischen Anarcho-Syndikalisten und andere. Für die gefangenen Anarchisten sprach einer der sieben Kameraden, die man, nach dem sie ihr Ehrenwort gegeben hatten, aus dem Gefängnis entlassen hatte und die morgen wieder in die Gefangenschaft zurückkehren werden. Die Sonne stand schon tief am Horizont, als dieses einzige Begräbnis des großen kommunistischen Anarchisten seinen Abschluß erreicht hatte und die gewaltigen Menschenmassen unter dem Gesange anarchistischer Lieder wieder zur Stadt zurückströmten.

Das Begräbnis-Komitee der anarchistischen Organisation.

Aus diesem Radiogramm hatte man die folgenden Sentenzen gestrichen:

„Die charakteristischste Erscheinung war der Anblick von sieben Anarchisten, die auf das Verlangen der Vereinigten anarchistischen Organisationen heute aus dem Gefängnis entlassen wurden, um an dem Begräbnis Anteil nehmen zu können und die in der Prozession als Sargträger fungierten. — Der anderen gefangenen Anarchisten wurde durch bezeichnende Aufschriften auf den Bannern gedacht, welche die Befreiung aller im Gefängnis schmachtenden Kameraden forderten."

und:

„Für die gefangenen Anarchisten sprach einer der sieben Kameraden, die man, nachdem sie ihr Ehrenwort gegeben hatten, aus dem Gefängnis entlassen hatte und die morgen wieder in die Gefangenschaft zurückkehren werden."

Am Tage nach dem Begräbnis, am 14. Februar 1921 nahm der Moskauer Sowjet, anläßlich des Todes Peter Kropotkins, die folgende Resolution an:

1. Den Namen der Pretschistenkastraße in Kropotkinstraße umzuwandeln;
2. die „Schatini Pereulok", in der das Geburtshaus Peter Kropotkins steht, von nun an P. A. Kropotkin-Allee zu nennen;
3. das Haus Nr. 26, in dem der Genosse Kropotkin geboren wurde, in ein Kropotkin-Museum umzuwandeln und an demselben eine Gedenktafel anzubringen;
4. den Namen einer der großen Bibliotheken, die unter der Verwaltung der Moskauer Abteilung für öffentliche Erziehung steht, in Kropotkinbibliothek umzuwandeln;
5. das Haus in Dmitroff, in dem Genosse Kropotkin starb, seiner Familie zur Verfügung zu stellen und an demselben eine Gedenktafel im entsprechenden Sinne anzubringen;
6. die Verlagsabteilung der Regierung zu ersuchen, die bedeutendsten Werke des Genossen Kropotkin und vor allem seine „Geschichte der großen französischen Revolution" herauszugeben;
7. daß die Verlagsabteilung der Regierung dem anarchistischen Verlag „Golos Truda" (Arbeiterstimme) alle nur mögliche Unterstützung gewähren möge, um die Werke des Genossen Kropotkin herausgeben zu können."

(Bemerkung: — Bezugnehmend auf den Beschluß des Moskauer Sowjets hat es der „Anarchistische Begräbnisausschuß für angebracht, im Namen aller Anarchisten Rußlands, sowohl als im Namen der Familie Kropotkin, hier zu erklären, daß es sich einer Herausgabe von Kropotkins Werke durch irgendeine Re-

*) Vizepräsident der „Allrussischen Außerordentlichen Kommission".

BEST COPY AVAILABLE

890801006

The Emma Goldman Papers

[On the Anarchist and Anarcho-Syndicalist press in all countries. In German] An die anarchistische und anarcho-syndikalistische Presse aller Länder / Emma Goldman, *et al.* — 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. —no. 17 (1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

gierung — die Sowjetregierung mit eingeschlossen — mit aller Energie widersetzt.)

Kameraden, Freunde, Anhänger der Freiheit von überall!

Wir wissen, daß Ihr die weltumfassende Bedeutung Peter Kropotkins vollauf zu würdigen versteht. Wir sind überzeugt, daß Ihr vollständig mit uns übereinstimmt, wenn wir versuchen, in angemessener Weise das Gedächtnis des großen Lehrers der gegenseitigen Hilfe und des anarchistischen Kommunismus in ewiger Erinnerung zu halten.

Zu diesem Zweck hat sich ein „Kropotkin-Memorial-Komitee" konstituiert, das auf die Mitarbeit aller rechnet. Dieses Komitee wird in allernächster Zukunft mit Europa und Amerika in Verbindung treten.

Zuschriften können vorläufig an folgende Adresse gerichtet werden:

„Kropotkin-Memorial-Komitee"
Millutinsky Perenlok 8, Moskau.

Der Anarchistische Begräbnis-Ausschuß:

G. Anossoff (Allrussische Föderation Anarchistischer Kommunisten).
M. Askaroff (Moskauer Sektion der Anarchisten-Universalisten).
V. Hammarsch (Moskauer Sektion der Anarchisten-Universalisten).
Alexander Berkman.
Alexis Borowoj (Anarcho-Syndikalistische Liga).
Lydia Gogoslia.
Emma Goldman.
Sonja Krasnoschtschokaja (Liga zur Förderung anarchistischer Ideale).
Nikolai K. Lebedeff.
S. Markus (Russische Konföderation der Anarcho-Syndikalisten).
G. Maximoff (Russische Konföderation der Anarcho-Syndikalisten).
Nikolai Pawloff (Liga der anarchistischen Arbeiter).
J. Piro (Liga zur Förderung anarchistischer Ideale).
M. Sandomirski (Anarcho-Syndikalistische Liga).
Alexander Shapiro (Anarcho-Syndikalistische Gruppe: „Golos Truda").
Tanja Shapiro (Anarcho-Syndikalistische Gruppe: „Golos Truda").
E. Jerschuk (Russische Konföderation der Anarcho-Syndikalisten).

Aus der Korrespondenz.

Herrn J. Oudegeest,
Sekretär des Internationalen Gewerkschaftsbundes.
Amsterdam (Holland)
Vondelstraat 6t.

Werte Kameraden!

Es dürfte auch das Bureau des Internationalen Gewerkschaftsbundes interessieren, zu erfahren, daß in Deutschland in verstärktem Maße wieder Kriegswaffen und Munition hergestellt werden.

Nach einem Bericht, der in einer Generalversammlung des Berliner Metallarbeiterverbandes am 11. April gegeben wurde, begründete der Obmann des Betriebsrats vom Messingwerk Reinickendorf einen Dringlichkeitsantrag, der bezweckte, die Stellungnahme der Generalversammlung über die Herstellung von Munition herbeizuführen. Er berief sich dabei auf die diesbezüglichen internationalen Beschlüsse, die in Hinblick meraut auf der Internationalen Metallarbeiter-Konferenz in Kopenhagen gefaßt sind, dahingehend, Munition und Waffen nicht mehr anzufertigen.

Der Betriebsrat der Messingwerke hat auch festgestellt, daß in vielen anderen Betrieben Waffen und Munition hergestellt werden.

Der Bericht sagt dann weiter: „Nach längerer Debatte stimmte die Generalversammlung gegen wenige Stimmen folgendem Antrage zu:

„Solange nicht eine zentrale Regelung der Angelegenheit erfolgt ist, bleibt es der Betriebsgewalt des Messingwerks überlassen, ob sie weiter Munition herstellen will. Prinzipiell steht die Generalversammlung auf dem Standpunkt, daß die Herstellung von Waffen und Munition baldmöglichst einzustellen ist."

Wir wissen nicht, inwieweit das Sekretariat von diesen Dingen unterrichtet ist und ob es schon zu einer zentralen Regelung der Waffen- und Munitionsherstellung Schritte unternommen hat. Auf jeden Fall halten wir Syndikalisten als prinzipielle Antimilitaristen und antiautoritäre Sozialisten dafür, daß das Sekretariat des Internationalen Gewerkschaftsbundes mit dem Sekretär des Syndikalistischen Internationalen Informationsbureaus gemeinsam an die Arbeiter der Welt im allgemeinen, an die deutschen Arbeiter aber im besonderen einen Aufruf erläßt dahingehend:

1. Keinerlei Waffen und Munition zu militärischen Zwecken mehr herzustellen;

2. Alle Arbeiter, wo und wie sie auch organisiert sein mögen, bei ihrem Kampfe gegen die Herstellung von Waffen und Munition moralisch und finanziell zu unterstützen.

Wir machen noch besonders aufmerksam, daß die „Rheinische Metallwaren-Fabrik, Zweigstelle Sömmerda in Thüringen seit einigen Wochen dabei ist, größere Abteilungen dieses Betriebes ebenfalls wieder zur Herstellung von Granatzündern für schwere und leichtere Geschütze einzurichten. Die Arbeiter dieses Betriebes rufen uns um Beistand und Hilfe an. Sie sind nicht gewillt, dem Ansinnen der Kapitalisten und Militaristen Folge zu leisten, sondern den Kampf mit allen wirtschaftlichen Mitteln dagegen aufzunehmen.

Wir bitten auch, soweit es in Ihrer Macht steht und Ihr Einfluß reicht, dem Hauptvorstand des Deutschen Metallarbeiterverbandes, dem wir ebenfalls berichten werden, zur Solidarität anzuregen.

Gleichzeitig werden wir uns zwecks internationaler Publikation und solidarischen Zusammenwirkens mit ihnen wenden an das Antimilitaristische Bureau in Utrecht und an den Sekretär des Internationalen syndikalistischen Informationsbureau, den Kameraden B. Lansink jun., Amsterdam, Nassaukade 101.

Auf eine wohlwollende Prüfung und Inhandnahme einer durchgreifenden Aktion hoffend, zeichnet mit kameradschaftlichem Gruß

Für die Geschäftskommission der F.A.U.D. (Syndikalisten)
Fritz Kater.

•

Dieses Schreiben ging gleichzeitig dem Internationalen Antimilitaristischen Bureau und dem Internationalen Syndikalistischen Informationsbureau zu.

Aus der Internationale.

Die Lage in Italien.

Minister Giolitti läßt für Mitte Mai Wahlen ausschreiben, nachdem er die Kammer auflöst. Nach langem Schlachzug erhielt er das Dekret zur Auflösung vom König bestätigt. Er will damit zwei Fliegen mit einem Schlag treffen. Erstens will und hofft er, daß die Abgeordnetenzahl der Sozialisten sich verminderte, was er übrigens auch von den Popolari (Partei der Katholiken) voraussetzt. Die Wahlen wollen die Sozialisten aufschieben. Treves äußerte sich, daß er befürchte, daß die kommunistische Partei gestärkt aus dem Wahlkampf hervorgehe. Zum ersten Male werden in Italien auch die Frauen stimmen, nachdem das Gesetz schon vor Monaten in der Kammer erledigt wurde.

Am 23. März trat der alte bekannte Anarchist Malateata in den Hungeratreik, um endlich nach fünf Monaten langer Präventivhaft prozessiert zu werden.

Die „Umanita Nova", anarchistisches Organ, rüttelte die Arbeiter auf: „Malatesta geht dem Tode entgegen. Wir übertreiben nicht". Zwei Advokaten und der sozialistische Bürgermeister Mailands, Filippelli, begaben sich in das Gefängnis, welche bestätigten, daß der Organismus Malatestas sehr geschwächt sei. Mit Malatesta streikten auch Borghi und andere Anarchisten. Die Meinungen der Zeitungen, einbegriffen der bürgerlichen, waren einstimmig damit einverstanden, entweder Malatesta zu befreien oder zu prozessieren.

Die Situation im Lande wurde von Tag zu Tag kritischer. In Genua mußte der große Atlantikdampfer „Canopic" seine Abfahrtszeit nach Amerika verschieben, die Seeleute streikten zum Proteste, daß Malatesta Hungers im Kerker stirbt. Ihr Vertreter kam nach Mailand und besuchte Malatesta. Die Fabriken streikten für eine Stunde. Der Streik wurde von der Gewerkschaft beschlossen, sonst ging aber die Arbeit weiter.

Da, am 24. März, wurde in einem Theater zweiten Ranges eine Bombe gelegt. 18 Tote und hunderte Verwundete gab es.

Sofort nach der Explosion begaben sich die „Fascisten" (Nationalisten) mit Autos, organisiert zum „Avanti" (neue Druckerei) und zerstörten einige Maschinen, während die „Umanita Nova" zum Teil verbrannt wurde, so daß sie bis heute noch nicht erschienen ist.

Die allgemeine Meinung teilte sich: die einen sagten, das Attentat, dem auch Proletarier zum Opfer gefallen sind, hätten die Anarchisten verübt. Andere sagen, die Fascisten. Bis zur Stunde weiß man überhaupt noch nicht, wer diesen Anschlag verübte. Im Verfolg dieser Ereignisse wurden natürlich eine Menge Anarchisten verhaftet, bisher ohne Resultat. Die syndikalistische Unione Sindacale wurde verboten.

Nach diesem Vorfall beschlossen Malatesta und seine Genossen, die Nahrung wieder aufzunehmen. Die Camera del Lavoro wandte sich in einem Appell an die Arbeiter, den Bürgerkrieg und die Gewalttätigkeiten zu unterlassen. „Umanita Nova" ist bis auf weiteres eingestellt.

Mittlerweile regnet es Verhaftungen. Täglich laufen natürlich Hunderte von anonymen Briefen ein, auf Grund welcher dann verhaftet wird. Die Untersuchungen und Arretierungen ziehen sich schon fast zwei Wochen hin.

„Fiat", die große Automobilfabrik, schließt endlich alle ihre Werkstätten und Fabriken, „gezwungenermaßen durch die Unversöhnlichkeit der Arbeiter", wie sich die bürgerlichen Blätter ausdrücken.

Auch in Ligurien (Provinz Genua) herrscht Arbeitslosigkeit.

Die Krise des Absatzes, der Warenstockung, des Kapitalmangels greift auch auf Italien über. Die Krise, die in Amerika und England begann, scheint sich auch auf dem europäischen Kontinent auszudehnen.

Die Ursachen sind hauptsächlich auch darin zu finden, daß der ganze Osten Eurasiens teilweise kaufunfähig ist, teilweise hermetisch von dem Weltaustauschwarenverkehr ausgeschlossen ist, was eben die Zirkulation der Produktion unterbricht.

Der Kapitalismus befindet sich wieder in einer großen periodischen Krise, die erste nach dem Krieg, die sich noch vertiefen und ausbreiten kann. Viel zur Lösung der Krise (ob diese zum Sturz der bestehenden Ordnung führt oder ein erneuter Aufschwung des alten Systems stattfindet) wird die politische und ökonomische Entwicklung Rußlands beitragen.

John.

•

Milano, den 9. 4. 21.

Die große Automobilfabrik „Fiat" in Turin hat endlich nach längerer chronischen Krise ihre Fabriken geschlossen.

Wegen schon lange in Frage stehenden Kündigungen und Disziplinarfragen wurden zwischen den Industriellen und Arbeitern Verhandlungen geführt. Diese wurden abgebrochen und am gleichen Abend wurden die Werkstätten „bis auf weitere Dispositionen" geschlossen.

Um 2 Uhr nachts wurden die Fabriken vom Militär besetzt. Eine neue Methode, welche der Bourgeoisie sehr gefallen muß, denn das bürgerliche Blatt „Corriere della Sera" knüpfte hieran die Bemerkung, warum Giolitti das nicht schon im September bei der Besetzung der Fabriken anordnete. Ja, damals „machte Giolitti den Sozialisten den Hof, heute aber sind sie im Werte gefallen und die Fascati sind obenauf". Die Wahlen rücken heran, und da muß Giolitti doch ein bißchen Energie zeigen. Die Arbeiter sind sehr ruhig. Kein Pfiff oder Protestruf ertönte, als die Arbeiter in der Frühe die Arbeitsstätten geschlossen fanden und auf den Toren die lakonische Ordre stand: Bis auf weiteres geschlossen. Man fürchtet, daß andere Fabriken von Fiat in diese Krise mit hineingezogen werden.

Die holländische syndikalistische Bauarbeiter-Föderation und die Rote Gewerkschaftsinternationale.

Wir werden um Aufnahme folgender Notiz gebeten:

In einem Bericht der Nr. 12 des „Syndikalist" befindet sich unter dem Titel: „Wie die Rote Gewerkschafts-Internationale" berichtet, folgende Notiz:

„Genosse Bouwman, nicht Bourman, ist freilich ein Befürworter des Anschlusses seiner Gewerkschaft (der Arbeiter des Transportbetriebes). Diese ist aber dem N.A.S. angeschlossen. Und das N.A.S. ist hierüber noch anderer Ansicht."

Aus diesem Satz könnte man vielleicht entnehmen, daß das N.A.S. Hollands nicht für einen Anschluß an die R.G.I. zu haben sei. In Wirklichkeit hat das N.A.S. sich noch nicht entschieden. Es wurde aber eine Delegation ernannt, die nach Moskau geht mit dem Auftrag, mit dem provisorischen Rat der R.G.I. zu verhandeln. Diese Abordnung hat sich dabei auf den Boden der Plattform zu stellen, die auf der Berliner internationalen syndikalistischen Vorkonferenz beschlossen wurde. Nach der Rückkehr werden sich die Mitglieder über einen eventuellen Anschluß aussprechen. Dann wird es sich erst herausstellen, ob das N.A.S. über den Anschluß an die R.G.I. anderer Ansicht ist als Bouwman.

Zaandam (Holland), 9. April 1921.

A. de Groot.

An alle Hand- und Kopfarbeiter und Arbeiterinnen!

Kameraden, Kameradinnen!

Vor mehr als zwei Jahren war es, wo die Menschheit einen Geschichtsteil abschloß, der, wenn wir an diese Periode zurückdenken, das Blut in unsern Adern erstarren läßt. Jene Zeit, die die Menschheit damit vergeudete, Menschen hinzuschlachten und ungeheure Werte zu vernichten.

War es nicht heller Wahnsinn, daß man, statt Menschen glücklich zu machen, Menschen mordete, statt Werte für das Wohlleben der Menschen zu erzeugen, diese Werte vernichtete, ja sogar noch das Material, welches für die Produkte, die der Menschheit zum Wohle gereichten, zu Produkten verarbeitete, die die Menschen vernichtet haben?

Denkt einmal darüber nach, dann werdet ihr finden, daß es geradezu ein Verbrechen war, jenen Leuten, jenen Verbrechern noch hilfreiche Hand dazu geboten zu haben, Mordwerkzeuge herzustellen, von denen wir heute wissen, daß sie nur ungeheures großes Elend gerade denjenigen Kreisen der Menschheit gebracht haben, die diese Mordwerkzeuge hergestellt haben.

Ist es nicht geradezu Selbstmord, was die Arbeiterklasse verübt hat?

Seht um euch, findet ihr Freude? Nein, nirgends, immer nur Elend und Not, täglich sich immer mehr aufhäufendes Unglück.

Ueberall, wo ihr hinschaut, sind die Folgen jenes furchtbaren und gemeinen Verbrechens, das 4½ Jahre lang den Kameraden im Schützengraben ständige Todesgefahr und Versklavung, den Angehörigen daheim schlaflose Nächte und die Herzen voll Kummer und Sorgen gebracht haben.

Kameraden und Kameradinnen, denkt daran. Beantwortet euch die Frage, warum all das Elend?

Wer ist der Schuldige? Sind nicht wir es, die den Intriganten und gewissenlosen Verbrechern, den sogenannten „Lenkern" des Weltkrieges die Mittel zum Morden geliefert haben?

Wäre es möglich gewesen, daß dieses gemeine Verbrechen an der Menschheit begangen werden konnte, wenn das schaffende Volk keine Mordwerkzeuge produziert hätte und wenn das schaffende Volk sich nicht zum Morden von Menschen hergegeben hätte?

Nein? Niemals hätte dies geschehen können.

Nun, Kameraden und Kameradinnen, so wollen wir dafür sorgen, daß eine Wiederholung eines Krieges unmöglich wird. Glaubt nicht in eurer gleichgültigen Art, daß ein neuer Krieg gar nicht möglich ist. Wir sagen euch, daß es wieder zu neuem Völkermorden kommt, wenn das schaffende Volk nicht aufwacht aus der Gleichgültigkeit. Man versucht es schon wieder, natürlich auf ganz versteckte Art, der Arbeiterschaft die Herstellung von Mordwerkzeugen als Notwendigkeit schmackhaft zu machen. Vorerst nur ein kleiner Posten Granatzünder, um die Arbeiter beschäftigen zu können". Zurzeit ist man sich noch nicht einig um das Blutgeld, welches man für die Herstellung der Mordwerkzeuge benötigt, damit für den Unternehmer noch ein „kleiner" Verdienst herausspringt.

Kameraden und Kameradinnen, seid ihr bereit, Mordwerkzeuge zu produzieren, dann habt ihr kein Anrecht auf eine bessere Zeit, denn Wohlstand der Menschheit erkämpft man nicht mit Mordwerkzeugen, das beweist uns die Vergangenheit.

Deshalb rufen wir euch zu:

Verweigert die Herstellung jeglicher Mordwerkzeuge. Nieder mit dem Krieg!
Nieder mit den Mordwerkzeugen!

BEST COPY AVAILABLE

163

90060102

The Emma Goldman Papers

[The Peter Kropotkin Memorial Committee. In German] Peter Kropotkin Memorial-Komitee / Emma Goldman, *et al.* – p. 1 ; 34 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 20 (ca. April, 1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

Der Syndikalist

Nr. 20 - 1921 (ca. April) **Beilage** **III. Jahrgang**

Wir.*)

Von Hermann Claudius.

Wann wir schreiten Seit' an Seit'
und die alten Lieder singen,
und die Wälder widerklingen,
fühlen wir, es muß gelingen:
mit uns zieht die neue Zeit.

Einer Woche Hammerschlag,
einer Woche Häuserquadern
zittern ooch in unsern Adern.
Aber keiner wagt zu hadern:
herrlich lacht der Sonnentag.

Birkengrün und Saatengrün:
wir mit bitternder Gebärde
hält die alte Mutter Erde,
daß der Mensch ihr eigen werde,
ihm die vollen Hände hin.

Wort und Lied und Blick und Schritt,
wie in uralt-ew'gen Tagen
wollen sie zusammenschlagen.
Ihre starken Arme tragen
unsre Seelen fröhlich mit.

Mann und Weib und Weib und Mann
sind nicht Wasser mehr und Feuer.
Um die Leiber legt ein neuer
Frieden sich. Wir blicken freier,
Mann und Weib, uns an.

Wann wir schreiten Seit' an Seit'
und die alten Lieder singen,
und die Wälder widerklingen,
merken wir, es muß gelingen:
mit uns zieht die neue Zeit.

*) Aus „Lieder der Unruh". Verlag Konrad Hanf, Hamburg. Preis 12 Mk.

Peter Kropotkin-Memorial-Komitee.

Sophie O. Kropotkin, Vorsitzende,
Alexander Berkman, Sekretär,
A. Shapiro, Schatzmeister,
Emma Goldman, Geschäftsführerin.
Komitee:
B. Alenikoff, Alexandra P. Kropotkin, H. Sandomirsky, Wolin, A. Borowoy, N. Lebedeff.

Moskau, den 25. 2. 21.
Nr. I A.

Kameraden und Freunde von überall!

Peter Kropotkin ist tot. Es wäre nichtssagend, hier zu erklären, daß wir in ihm einen Lehrer, einen Genossen, einen Freund verloren haben. Wir haben mehr verloren, viel mehr. Sein Tod hat der Menschheit einen Verlust zugefügt, der nicht ersetzt werden kann. Das Leben und Werk Peter Kropotkins ist euch, liebe Freunde und Kameraden, zu gut bekannt, als daß wir an dieser Stelle noch besonderen Nachdruck darauf legen müßten. Aber das Volk im allgemeinen, die Millionen, die sich im Joche der Sklaverei winden, sie haben in ihrer übergroßen Mehrheit nicht die kleinste Ahnung von dem gewaltigen Verlust, den sie durch den Fall Peter Kropotkins, des leidenschaftlichen Menschenfreundes und Geistesbefreiers der Menschheit, erlitten haben. Der Weg des Lebens ist ein dornenvoller Pfad, beleuchtet von Irrlichtern und Fata Morganen. Jedes Blatt seiner Geschichte ist geschrieben mit dem Blut und den Tränen unterdrückter, in ihrer Menschenwürde degradierter Massen. Es ist die Geschichte des ewigen Kampfes der Freiheit gegen die Tyrannei, der Parias gegen die Privilegierten. Es ist das schwarze Buch menschlichen Elends und menschlicher Erniedrigung und Verzweiflung. Doch gelegentlich erscheint in diesem Buche als äußerst seltene Unterbrechung eine Seite leuchtenden Sonnenschein und befreiender Hoffnung. Eine solche Seite hoffnungsvoller Inspiration in der Geschichte der Menschheit war Peter Kropotkin. Vielleicht wird die Zukunft in ihm den größten der Vergangenheit erkennen. Er war ein großer Gelehrter und eine große Persönlichkeit, aber solche gab es schon vor ihm. Wissenschaft, Kunst, Literatur haben der Menschheit schätzbare Dienste geleistet, aber sie haben uns nicht frei gemacht. Es gibt nur eine Macht, welche die Welt von dem Chaos einer krankhaften Zivilisation erlösen und dem Menschen seine persönliche Freiheit im Rahmen eines gesellschaftlichen Wohlstandes für alle suchen kann, die Macht des größten menschlichen Ideals von Freiheit und gegenseitiger Hilfe, des anarchistischen Kommunismus, dessen größter Lehrer und klarsehendster Prophet Kropotkin gewesen ist. Kropotkin starb in einer Zeit, als unsere Zivilisation sich in der Schwebe befindet. Der alte Gesellschaftsbau zerfällt in Trümmer und eignet sich nicht länger als menschliche Heimstätte. Die neue Welt ist bereits im Bau begriffen, und der erste Anstoß ging aus von jenem seltsamen Lande eines jahrhundertelangen Despotismus, das der Welt in der selben Zeit drei der größten anarchistischen Denker geschenkt hat, Bakunin, Tolstoi, Kropotkin.

Die neue Welt ist im Bau begriffen: zögernd, verworren, oft sogar in falschen Bahnen schreitet die Arbeit vorwärts im Kampfe für ihre Existenz gegen eine Welt von Feindschaft und Hindernissen. Aber der Versuch wird gemacht und alle anderen Völker stehen bereits auf der Schwelle ähnlicher Erfahrungen. Die soziale Revolution ist mit uns. Ihr Charakter und ihre Entwicklung werden abhängig sein von dem Grade, in welchem sie durchdrungen sein wird von den Idealen und Lehren Kropotkins, vom Geiste freier Gemeinschaft und gegenseitiger Hilfe, vom Geiste des regierungslosen Kommunismus.

Möge der Tod des größten Verkünders des freiheitlichen Kommunismus dazu beitragen, alle seine Freunde und Kameraden, die Arbeiter der ganzen Welt, alle freiheitliebenden Männer und Frauen, zu inspirieren, das Anbrechen des neuen Tages zu beschleunigen, indem sie den Geist und die Lehre Kropotkins unter den versklavten und ausgebeuteten Massen aller Länder verbreiten. Eine neue Gesellschaft auf der Basis persönlicher Freiheit und des allgemeinen Wohlstandes, für welche Kropotkin sein ganzes Leben lang mit größter Hingabe gewirkt hat, wird das würdigste Monument sein, das wir ihm errichten können. Aus dem Kreise seiner Kameraden bildete sich in Rußland ein Peter-Kropotkin-Memorial-Komitee. Die erste Aufgabe dieses Komitees war die Gründung eines Kropotkin-Museums in Moskau. Zu diesem Zwecke wurde das Haus, in welchem Kropotkin geboren und erzogen wurde, bereits erworben und alle Vorbereitungen zur Arbeit in diesem Sinne getroffen. Unser Plan ist, das Museum zu einem internationalen Mittelpunkt der anarchistischen Gedankenwelt zu gestalten, um von dort aus die Verbreitung von Kropotkins Ideen und Lehren wirksamer betreiben zu können.

Das Memorial-Komitee appelliert hiermit an alle Freunde und Kameraden Kropotkins, an die Arbeiter der ganzen Welt und an alle Freunde der Freiheit im allgemeinen, unser Werk mit allen Kräften zu unterstützen. Man sammle Briefe und Manuskripte Kropotkins, Ausgaben seiner Werke (Bücher und Broschüren), sowie die einzelnen Nummern der lokalen anarchistischen Presse in allen Sprachen, um sie dem Kropotkin-Museum als Geschenk zu überweisen.

Das Peter-Kropotkin-Memorial-Komitee in Rußland wird in jedem Lande einen Vertreter haben, um die Verbindung zwischen den Kropotkin-Memorial-Komitees der verschiedenen Länder mit dem russischen Komitee zu erleichtern.

Für Deutschland bestimmte unser Komitee den Genossen Rudolf Rocker, Berlin-Neukölln, Kirchhofstr. 3 II. als seinen Vertreter.

Wir erhitten eure brüderliche und tatkräftige Arbeit zu dem gemeinsamen Werke. Alle Zuschriften, Materialien und Gelder usw. an uns bitten wir an die Adresse unseres Vertreters zu senden.

Für die soziale Revolution,
im Auftrage des Peter-Kropotkin-Memorial-Komitees
Sophie Kropotkin, Vorsitzende.
Alexander Berkman, Sekretär.

Aus der Internationale.

Aus dem „befreiten" Polen.

Als am 1. Mai das internationale Proletariat demonstrierte, floß in der frei-republikanischen Hauptstadt Polens, in Warschau, Arbeiterblut. Die chauvinistische P.P.S. hatte es abgelehnt, zusammen mit den Kommunisten zu demonstrieren. Deshalb beschloß auch die jüdische Arbeiterpartei eine selbständige Demonstration. Zwölf Stunden waren der Arbeiterschaft zu diesem Zweck freigegeben, wenn sie mit der Demonstration keine antisemitischen Absichten verknüpfte. Man lügte sich darin. Als die jüdische Arbeiterpartei zusammengeströmt war in dem sächsischen Garten, kamen plötzlich viele Automobile angerast mit militärischer Besatzung. Als der erste Redner begann, sprang aus einem Wagen ein Kommissar, schwang seinen Säbel als Signal zum Beginn. Und von allen Seiten setzte das Gemetzel ein. Man schlug auf die wehrlosen Menschen ohne Gnade und Erbarmen ein. Dieser Angriff auf die jüdische Arbeiterschaft war gut organisiert. Gymnasial- und Universitätsschüler standen an der Spitze, die ganze „Defensiv-Armee", die Ochrana, war auf den Beinen, man provozierte, indem man Losungen in die Masse warf, die sie kompromittieren sollte. Frauen, Kinder wurden von den Banditen gemeuchelt, Genossen, die ihre Fahnen verteidigten, wurden zerschlagen. Fast 500 Genossen wurden verwundet. Blut klebt am Pflaster. Ein Berittener galoppierte auf eine Genossin zu und ritt sie nieder. Dann kehrte er zurück, hob sie auf und brachte die Ohnmächtige an einen sicheren Ort. Hier zogen die Schurken den Verwundeten die Schuhe aus und die Kleider, raubten ihnen Uhren, Ringe und Geld. Viele Genossen sind verhaftet. So sieht die „polnische Freiheit" aus. Und die Arbeiterparteien regieren kaum darauf. Die Sozialdemokraten hetzen wieder zum Kriege. Der Teufel und die Hölle sind los.

Was willst Du?

Wenn du heute jemanden mit Schimpfwörtern bedenkst, wenn du ihn „Verräter" oder „Ausbeuter" titulierst, dann, mein lieber Bruder, stelle dich vor einen Spiegel, und du wirst den, welchen du gern haben möchtest, vor dir stehen sehen.

Du schimpfst wieder, daß du so wenig verdienst. Bist du es nicht selbst gewesen, der den Lohn so herabgedrückt hat? Hast du nicht um ein paar Papierlappen deine letzte Kraft angewandt, Mehrarbeit (Ueberschichten) verfahren? Hast du dadurch nicht auch noch deinen Bruder gezwungen, dasselbe zu tun? Hast du dadurch nicht Tausende deiner Brüder arbeitslos gemacht? Hast du nicht dadurch den Unternehmer stark gemacht, daß er heute dir in kurzem, barschen Kommandoton entgegentritt? Denn weißt du, lieber Bruder, wer hinter deinem Ausbeuter steht? Eine wohl zentralisierte Wehrmacht, geschaffen durch deine Mehrarbeit! Nun frage ich dich, wie kommt das? Nun, weil du keinen Willen hast. Du läßt dich organisieren, du läßt dir ein Mitgliedsbuch geben und klebst Rabattmarken. Du weißt noch nicht einmal wofür, denn die Zeitung nimmst du zum Butterbrot eindrehen und läßt nun die Organisation für dich sorgen. Und schau hin, sie hat für dich „gesorgt", sie hat dich zum gehorsamen Sklaven gemacht. Sie hat für dich einen Tarifvertrag geschaffen, in welchem Disziplin und Unterwürfigkeit die höchsten Gesetze sind, denn du hast voriges Jahr im Monat Mai deinen Vorgesetzten nicht gnädigst um Urlaub gebeten, um am internationalen Feiertag (1. Mai) zu Hause bleiben zu können. Und dafür wirst du dieses Jahr bestraft, denn du darfst dir keinen Feiertag nehmen, wohl aber die, die dich organisiert haben, diejenigen, die du gewählt hast, die heute mithelfen, die Gesetze zu schmieden, welche nur für dich (gegen dich) geschaffen sind. Sie und nur sie schreiben dir vor, wann du feiern darfst. Du bist „Mitglied". Ich aber rufe dir zu: Höre auf „Mitglied" zu sein! Werde ein Ganzer, ein Mensch, der nur Menschen kennen will und keine Sklaven. Du sagst, du bist Mensch, du huldigst keiner Zentrale mehr, du bekämpfst das heutige System, denn du bist in der „Freien Arbeiter-Union" organisiert. Nun, als Syndikalist wirst du die herrschaftslose, freie Gesellschaft. Ja, lieber Bruder, du bekämpfst jedes Herrschertum. Wo? Bist du nicht selbst der größte Herrscher?

Ich sehe gerade, wie die kleinen Schulsklaven mit ihren Zeugnissen ängstlich nach Hause kommen. Darin steht: „Nicht versetzt". Was hast du getan?: geschimpft, und eine Tracht Prügel auf den kleinen Sklavenrücken hat schließlich deine „Herrschaftslosigkeit" bestätigt. Ich sehe auch, das Kind hat genascht, vielleicht Zucker, oder in seiner kindlichen Lust mal einen Teller zerschlagen, oder es hat einmal getrotzt. Und siehe da: den Stock in der Hand und draufgehauen auf den kleinen Körper, bis das K..d winselt und um Gnade fleht. Und du, liebe Schwester, was sagst du? Nichts! Oder: „Recht so!". O, du Heuchlerin! Du sprichst von Liebe? Wie oft hast du schon gesagt: „O, mein Kindchen; ich liebe dich so sehr." Kaum aber ist dein Kindchen deinen liebevollen Armen entglitten, kaum hat es sich seiner kindlichen Lust hingegeben, und schon hat sich deine Liebe in Haß verwandelt, und nicht angenehme „Liebesworte" entgleiten deinem Munde, während dessen der Stock wieder zum Vorschein kommt. Du wagst es wirklich, dein Kind zu schlagen, dein Kind, das ein Abstamm von deinem Fleisch und Blut ist, das deine Fehler mit zur Welt gebracht. Schäme dich! Nimm den Stock und schlage dich selbst, so lange, bis du zur Vernunft kommst, und versuche nicht, deine Unvernunft in dem Kinde zu züchtigen. O du „stolze deutsche Mutter"! Mit welchem Stolze hast du gesungen: „Deutsche Frauen, deutsche Treue". Wie sah deine Treue aus? Mit funkelnden Augen, mit blumengeschmückten Gewehrläufen und mit Hurrarufen hast du dein Kind 1914 hinausgeschickt, Menschen, die du nicht kanntest, zu töten, Menschen zu lebenslänglichen Krüppeln zu machen. Kinder und Mütter den Hungertod sterben zu lassen. O jammervolle Mutter! Wärest du nicht so kriegerisch gewesen, hättest du dich aufgebäumt gegen dieses Morden, wahrlich, dein Kind hätte sich wiedergefunden. Lieber selbst zugrunde gehen, als auf Befehl zu töten für andere. Dann hättest du „deutsche Treue" singen können. Du sagst: „zu spät!" O nein, noch ist es nicht zu spät! Hinweg mit jeder Feigheit und Unterwürfigkeit! Hinweg mit jedem Terror! Setze Vernunft an dessen Stelle! Versuche nicht, dein Kind zu dressieren mit Schlägen, sondern versuche, das Gute aus ihm herauszuholen, indem du es der Wahrheit, der Natur zuführst. Lasse dich, liebe Schwester und lieber Bruder, nicht organisieren, sondern organisiere dich selbst, indem du dich freimachst so gut wie möglich von jeder Unterwürfigkeit und vom Märchenglauben, indem du dich selbst erkennst, daß auch du, ja, du Mensch bist wie jeder andere und nicht Knecht. Denn höre, was Mackay sagt: „Ein Hund ist der, der einen Herrn kennt!" Willst du Hund sein, so bekenne dich ehrlich dazu. Und schimpfe nicht auf anderel Willst du aber Mensch sein, so bleibe Mensch und kämpfe als Ganzer für deine Freiheit.

O. A.

164

871215000

The Emma Goldman Papers

[Anarchy. In Italian] Anarchia / Emma Goldman.– p. 3 ; 37 cm. *In* Il Risveglio [Geneva]. –(April 2, 1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archivio Famiglia Berneri, Pistoia, Italy.

IL RISVEGLIO COMUNISTA-ANARCHICO ANNO XXI Nº 561 2 Aprile 1921
SUPPLÉMENT AU RÉVEIL Nº561

ANARCHIA

E' parola che torna ostica a molta gente la quale non sa comprenderla che come sinonimo di malvagità, di disordine e di caos, come non sa ritenere gli anarchici che quali malfattori facinorosi sempre in agguato per accoppare un ricco e ripartirsene le spoglie.

Pei suoi adepti ha ben diverso significato, essa è dottrina sociale che intende realizzare l'ordine nell'assenza di ogni governo, di ogni sfruttamento dell'uomo sull'uomo : non significa quindi che completa libertà individuale.

Le ragioni per cui alla parola *anarchia* si è dato in qui significato di illimitato disordine sono ovvie, essendosi fin qui incubato agli uomini che essi devono essere governati, che sono governati saggiamente, che il governo è una necessità di cui non si puo' assolutamente far a meno.

Nei secoli scorsi ogni temerario che osasse affermare poter l'umanità proseguire, senza la protezione d'un'autorità terrena e spirituale, il suo cammino, era considerato come un pazzo e la sua temeraria pazzia scontava al manicomio o sul rogo: oggi si contano a milioni gli empii, uomini e donne, che all'idea di un ente sopranaturale sorridono.

Con tutto questo i liberi pensatori di oggi continuano nella loro maggior parte a credere nella necessità di uno Stato che protegga i cittadini, senza ricordare, senza riflettere che il governo non è esistito, non esisterà mai che coll'oppressione per l'oppressione : che all'autorità si debbono ingigantare i più scellerati delitti che abbiano mai funestato la società umana : che se l'autorità evolvendosi progressivamente fu dispotismo, oligarchia, democrazia, non cessò però mai d'essere coercizione ed oppressione.

La falange dei buoni che riconoscono il malessere presente e vogliono rimediarvi ed all'uopo proposito votano intelligenza e volontà, s'è di molto accresciuta, ma essa non sa ancora emanciparsi dai pregiudizii, dalle superstizioni di che l'ingoiarono secoli e secoli di barbarie, non sa ancora volere con chiarezza che cosa realmente si nasconda sotto l'istituzione che essa chiama governo.

— Come potremo vivere senza governo? si chiedono gli uni: se il nostro governo non è buono cerchiamo di cambiarlo, di sostituirgliene uno migliore, ma prescindere da esso, pretendete forse? meno ci pare assurdo.

Il male è questo: che un buon governo è, ne' il illusione; la sua esistenza è fondata nella tirannia di una classe sopra l'altra.

— Ma gli uomini debbono essere pur governati! osservano, essi vogliono esser guidati dalle leggi! Puo' anche essere ma ammesso pure che gli uomini siano bambini i quali debbano essere ad ogni modo guidati chi sarà sufficientemente perfetto, sufficientemente savio, sufficientemente puro da governare e guidare i suoi compagni?

Noi sosteniamo che gli uomini debbono governarsi individualmente da sè e se per questo essi non sono maturi, ancor meno maturi essi sono pei governare gli altri. E' dunque possibile che un solo uomo, che pochi uomini possono guidare i milioni di ciechi di cui si costituisce una nazione?

— Non possiamo tuttavia far a meno di qualche autorità, osserva un ostinato e con ragione. Ma una questa autorità l'abbiamo pure: l'abbiamo nel potere irresistibile delle leggi naturali che si manifesta nel mondo sociale come nel mondo fisico.

Che noi comprendiamo o meno queste leggi, noi dobbiamo subirle perchè in esso si integra la nostra esistenza, ne siamo gli schiavi assoluti senza che tuttavia la schiavitù sia ufficiale ne consacrata dai codici.

[illegible] padrone esterno, un legislatore straniero a coloro che gli obbediscono, mentre le leggi naturali non sono fuori di noi, sono in noi stessi e soltanto in conformità di queste leggi viviamo, respiriamo, ci muoviamo; non sono nemiche nostre, sono nostre benefattrici.

Le leggi stabilite dall'uomo e raccolte nei codici sono in conformità ed in corrispondenza colle leggi naturali? Nessuno oserebbe affermarlo. Ed è appunto perchè le leggi umane non sono conformi alle leggi naturali l'umanità geme piagata da tutti i dolori. E' assurdo parlare di benessere umano finchè non avremo realizzata la libertà.

Non meravigliamoci dunque che l'anarchia ed i suoi apostoli raccolgano tanta messe di maledizioni e di persecuzioni feroci: essa è dottrina che urta troppo violentemente le regole generalmente convenute: l'attiva, ardente energia dei suoi propagandisti deve necessariamente ferire un soverchio numero di coscienze.

* * *

Al povero si predicano la rassegnazione e la pazienza a riscatto di gioie ultra terrene, ma che cosa deve importare al povero, al paria miserabile, nudo, mendicante per tutta la vita un boccon di pane, se le porte del paradiso si spalancheranno più largamente... dopo morte, a lui che non al ricco?

Sono promesse che in cospetto dell'ineffabile miseria della moltitudine hanno carattere di amare, atroci ironie.

Ho trovato pochi uomini, pochissime donne, intelligenti, che osino difendere l'onore e la coscienza dei governi esistenti : tutti erano con me, ed in più d'un punto, d'accordo: ma nel momento decisivo dell'azione mancava loro il coraggio morale di affermare francamente, apertamente, la loro simpatia, la loro solidarietà coi rivoluzionari dell'anarchismo.

Noi che abbiamo scelto la nostra via, la via segnataci dalle nostre convinzioni in nome dei principii della scienza e delle leggi naturali, combattiamo con ogni forza nostra l'organizzazione che si chiama Stato proclamando per tutti un egual diritto alla produzione ed alle gioie della vita.

Rotti i vincoli d'un'autorità straniera nelle libere associazioni sorte spontanee a consacrare l'indipendenza e l'autonomia dell'individuo, ognuno recherà al benessere comune ed al proprio il suo contributo lavorando secondo le sue forze, consumando a secondo dei suoi bisogni. Le scoperte della scienza, le applicazioni sempre crescenti sempre più umane delle invenzioni tecniche all'industria renderanno il lavoro facile e gradito: la scienza, l'istruzione, l'arte accessibili ad ogni mente, perfezioneranno, nobiliteranno la razza e la donna sarà, allora, l'uguale dell'uomo.

Bel sogno! bel sogno certo se gli uomini fossero angeli e non egoisti: replica un ultimo contraddittore.

Angioli? ma l'egoismo non è un delitto ne un ostacolo, lo è soltanto, per meglio dire, laddove le condizioni d'ambiente permettano ad un individuo di soddisfare al proprio egoismo a detrimento di quello dei suoi simili.

In una società anarchica ciascuno cercherà naturalmente di soddisfare alle esigenze del proprio *io*, ma come nella natura sopravvivono soltanto le specie i cui individui facciano del mutuo appoggio la base del loro sviluppo così nella società l'uomo ad assicurare al proprio *io* le soddisfazioni agognate stenderà amica la mano a tutti coloro che solidali gli stenderanno fraternamente la propria e germoglierà dall'egoismo invitta, invincibile fratellanza.

Questo il nostro ideale.

* * *

Un pugnale nella destra, una fiaccola nella sinistra tra il fumo e lo schianto delle esplosioni dinamitarde dipingono i nemici del nostro l'ideale l'anarchico, l'anarchico pazzoide e delinquente, fanatico del caoticismo universale, pronto a raggiungerlo assassinando il primo che passa. Ma è una sconcia caricatura convenzionale, agitata ostinatamente dinnanzi ad un pubblico sempre disposto ad accettare per poltroneria intellettuale e morale anche le scempiaggini più fantastiche.

Noi, anarchici, pensiamo che l'anarchia cioè la libertà individuale non si conquisterà senza violenza, come senza violenza, non avrebbe potuto la libertà difendersi alle Termopili ed a Maratona.

Le plebi reclamano sempre più energicamente, sempre più apertamente la libertà e le condizioni ad attingerla si fanno giorno per giorno più favorevoli.

E' evidente che attraverso la storia un'evoluzione si elabora a cui schiavitù e violenza di ogni forma dovranno cedere il passo e da quella evoluzione zampillerà piena, intera, insommergibile la libertà, la libertà per tutti, la libertà per ciascuno.

L'anarchismo non è dunque, come insinuano i microcefali dell'ordine costituito e... di quello costituendo, un movimento retrogrado ma movimento rivoluzionario fecondo d'avanguardia. Gli anarchici ricordano alle masse lavoratrici una imperiosa necessità che esso non debbono dimenticare mai : la lotta gigantesca da cui deve essere fatalmente preceduta la realizzazione delle nostre idee; mentre d'altro canto la soluzione rivoluzionaria affrettano con tutti i mezzi che sono a loro disposizione : la parola, la stampa, l'azione.

Concludendo : il benessere dell'umanità non è possibile senza comunismo e senza anarchia, senza uguaglianza nei rapporti economici, senza libertà nel diritto. Il sistema comunista escludendo ogni rapporto da padrone a servo significa già in sè anarchismo : certo è che a raggiungere meta così alta la rivoluzione sociale è fatalità ineluttabile.

Quanto alla violenza che dovrebbe secondo i benpensanti essere caratteristica dell'anarchismo noi non la ripudiamo, non la ripudieremo mai : confessiamo soltanto che non arriviamo a comprendere come possa condannarsi in un individuo e glorificarsi in un popolo quando entrambi vi fanno ricorso per conquistare o difendere la libertà.

Questo solo in conclusione è vero : che tutti gli oppressori hanno condannato sempre la ribellione degli oppressi; le colonie greche indocili provocano le ire della Persia, le forche caudine schiaffeggiano la maestà di Roma onnipotente e Runkershill è per l'Inghilterra vaticinio di sciagura.

Può l'anarchia realizzarsi senza ricorrere alla forza che regge e governa al mondo ogni cosa?

EMMA GOLDMANN.

PIETRO KROPOTKINE

La Grande Rivoluzione (due vol., 700 pag.) Fr. 2 —
La Conquista del Pane 1 50
La Scienza moderna e l'Anarchia (320 pag.) . 1 —
Parole d'un Ribelle (300 pag.) . . . . . 1 —
La Guerra 0 10

Leda Rafanelli. *L'eroe della folla*, romanzo 1 50
I Canti della Rivoluzione 0 70
P. Gori. *Alla conquista dell'avvenire* 0 20
Sebastiano Faure. *Dio non esiste!* 0 20
F. Grippiota. *Povero popolo!* dramma in 2 atti 0 15
Conli e Gallien. *Lo sciopero rosso*, in un atto 0 15
H. Hanriot. *Il reduce da Tripoli*, in un atto 0 15
G. Eckhoud. *La buona lezione* (a Sante Caserio) 0 10
Giuseppe Ferrari. *Del Deismo* 0 10
Fr. Ferrer e A. Lorenzo. *Lo sciopero generale* 0 10
E. Leverdays. *La Banca e la Rivoluzione* 0 10

CARTOLINE ILLUSTRATE a 5 centesimi

La Scuola Ferrer di Losanna (5 cartoline).
I martiri giapponesi. - Bakunin Michele. - Bresci Gaetano. - Caserio Sante. - D'Alba Antonio. - Masetti Augusto. - Orsini Felice. - Rapisardi Mario.
L'Anarchico. - La Marsigliese di Doré. - Il Trionfo della Libertà di Walter Crane. - Il Padrone di casa (*Le Vautour*).

In vendita presso il *Risveglio*. Unire all'ordinazione l'importo in francobolli svizzeri.

Avvertano i compagni in Italia che il franco svizzero vale ormai più di quattro lire italiane e che se non abbiamo aumentato i prezzi, non possiamo neppure diminuirli.

Lavoratori, non dimenticate le vittime dei moti insurrezionali, le famiglie degli eroi della nostra guerra.

870715002

The Emma Goldman Papers

[An appeal of anarchists and syndicalists from Russia. In German] Ein Anarchistischer und Syndikalistischer Hotschrei von Rußland / Emma Goldman, *et al.* — 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. —(April 10, 1921).

Obtained from the Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Germany.

11

E. u B.
3. Jg.
N. 27
5.-11. Juni
1921
S. 2

...

...

...

870715002

The Emma Goldman Papers

[An appeal of anarchists and syndicalists from Russia. In German] Ein Anarchistischer und Syndikalistischer Hotschrei von Rußland / Emma Goldman, *et al.* – 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. –(April 10, 1921).

Obtained from the Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Germany.

S.2

(11)

Erkenntnis und Befreiung

Nummer

Soziales Leben und Werden.

Syndikalismus und Gildensozialismus.

Von England geht, wie schon mehrfach in der Vergangenheit, eine neue Aktionsmethode der Arbeiterbewegung aus, die zum ersten Mal die revolutionäre Gewerkschaft bewegte; vor die Aufgabe der praktischen Verwirklichung, eines theoretischen Programms stellt. Es handelt sich um nichts Geringeres, als um den Bestand der kapitalistischen Lohnsklaverei. Von den Gewerkschaften [illegible] in Angriff genommen, aber um die Durchführung dieses, wie sogar Theorie und [illegible] Zukunft fordert. Diese Methode der Vorgehens ist eine von [illegible] und Robert Owens dem [illegible] englischen Proletariat [illegible] direkte Aktion, die sich [illegible] 30 Jahre nach dem Wirken der Gildensozialisten [illegible] der Mitarbeiterschaft der [illegible] Arbeiterschaft [illegible] [illegible] Gilde [illegible] [illegible] [illegible]

870715002

The Emma Goldman Papers

[An appeal of anarchists and syndicalists from Russia. In German] Ein Anarchistischer und Syndikalistischer Hotschrei von Rußland / Emma Goldman, *et al.* – 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. –(April 10, 1921).

Obtained from the Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Germany.

...

...

...

850515001

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Letter] Emma Goldman Complains / Emma Goldman.— 29 cm. *In* The New York Times. —(April 17, 1921).

Obtained from the University of Califomia, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

While they are [illegible] the clothing of the immigrants is inspected and thoroughly disinfected. They are vaccinated again, to make sure that the operation has been properly done, and are then permitted to embark for the United States. It is not the fault of the Italian officials or the steamship companies if the immigrants are not clean when they leave Naples.

If the surplus population of Italy does not go to the United States it will go to Brazil or Argentina or some other countries in South America, because the people must emigrate, as there are too many to earn a living in their own country. There are so many young men walking about Naples now that it is difficult to believe that Italy has just emerged from a long war. The reason for this, according to the Government officials, is that the birth rate increases by leaps and bounds each year and the children grow more rapidly into manhood than they do in colder climes. With the new countries recently taken by Italy after the war the population is reckoned at 40,000,000.

Streets Swarm With Children.

The stranger walking through a city like Naples can easily realize the problem the Government has to do with. The side streets, which have frightful flights of steep steps leading to six-story houses built of stone more than a century ago, are literally swarming with children, who sprawl in the gutter roadway and on the sidewalks. They look dirty and happy. It must be the sunny climate, as the food is chiefly an inferior grade of spaghetti, yellow beans and onions, with a slice of meat on Sundays.

Suburbs of Naples like Portici and Resina—which is built over ruins of Herculaneum, fifty feet below, under lava and ashes—swarm with children who, for number, can only be compared to those in Delhi, Agra and other cities in the East Indies. The average family consists of ten to twelve children, and persons who have fewer than eight little ones are regarded with suspicion as being lacking in patriotism. The sanitary inspectors are so hard in the side streets of these ancient towns that the masses are germ proof and epidemics pass them by as hopeless, unless the disease becomes exceptionally aggressive and tries for a record.

The workingman earned 3 lire a day before the war and was able to support his family comfortably upon that sum. Today he earns from 25 to 30 lire a day, but cannot keep his family as well as he could before, because rent has increased 600 per cent., and food and clothing from 700 to 800 per cent. Building is going on all over Naples, especially by the banks, which, during the war, made huge fortunes in exchange and are now erecting handsome offices. The municipality is also having the entire city repaved. The work employs hundreds of men who sit down and smoke their pipes comfortably while they chip the corners off the big flat stones, and look as if they would be on the job for years.

The air is full of dust and the small one-horse cabs bump the riders about from side to side as they struggle through the streets. The horses are still upon war rations.

commercial proposition, we believe that service of this sort can be made self-supporting in a very short time. Sir William Beardmore, the Furness, Withy Company of London, and the Furness Bermuda Steamship Line are among those interested in this air travel project, while we are working in closest harmony with the leaders in aviation circles here.

"Eventually, it is expected that we can see air lines operating between Halifax, New York, Bermuda, Trinidad, Venezuela or British Guiana and other South American points, although it is doubtful if this can be accomplished inside of ten years."

EMMA GOLDMAN COMPLAINS.

Doesn't Like Mrs. Sheridan's Writings and Says Vanderlip Lies.

Mrs. Clare Sheridan's descriptions of her experiences while making clay models of the heads of Lenin, Trotzky and other leading Bolsheviki failed to make a favorable impression upon Emma Goldman, according to a letter recently received by Miss Goldman's niece, Stella Ballentine, and printed in the New Yorker Volkszeitung.

After characterizing practically all the reports concerning her activities among and sentiments toward the Bolsheviki as "lies out of whole cloth, Miss Goldman, writing from Moscow on Jan. 29, says:

"In the midst of this gigantic work of reconstruction there come persons who have the assurance to pronounce judgment, even when they have been in Russia only a couple of months or a few weeks. Wells was here a fortnight, Mrs. Sheridan a couple of weeks more. Astounding persons! One admires the toughness of their feelings, which cannot be pierced by anything.

"To be sure, what does the revolution mean to these gentry? Mrs. Sheridan's blood boils when she sits down in a box also occupied by Hindus and Egyptians. I hope that the blood of the Hindus and Egyptians boils still more when they sit next to such English snobs, whose class has shed so much blood of the natives in India, Egypt and Ireland.

"No, dear Stella, I don't agree with the idea that this Lady Sheridan writes in such an interesting and human way. Form isn't the main thing; the contents of her writings is silly and superficial. • • •

"I am just reading Bertrand Russell's book on Russia. Here and there he shows some understanding, but he is a long way from doing the subject justice. Without understanding the language of the country and after only a month's stay how could he, or anybody else, be in a position to survey this mighty territory? • • •

"The Vanderlip story is altogether too idiotic. I never saw him, never made any effort to do so, and, anyway, how could such a crazy plan enter anybody's head? The man lies, that's all."

Washington B. Vanderlip, the American promoter, was quoted several months ago as having said that while he was in Russia Emma Goldman had asked him to use his influence to obtain her admission to the United States on the plea that she would be "the best little American you ever saw," if she could get back here.

list of the Federal and State publications which deal with the region in which it is situated, as well as of historical and other publications of local interest. It is, perhaps, evident that if it became generally known that every first, second and third class post office contained such a list of publications, the traveler and resident in search of information would immediately go to the post office to consult the list. (2) The second suggestion is that every postmaster shall have on sale all of the Federal and State publications on the exhibited list.

"The desirability of such a list in every post office in the land becomes greater as automobile travel becomes more general. (In one State there is, on an average, one automobile for every six persons.) Farmers, who, a few years ago, seldom went further than their nearest town now go many miles in their automobiles. When they reach a town new to them they want to see whatever is of interest. If all automobilists and other travelers knew a list such as the above could be found in the post office, they would first go there for information.

"There is another important reason why such lists should be on exhibition in post offices. It is very desirable that some person or persons in every community should know what has been written about their region. If those Government and State publications pertaining to a region were listed and on sale at post offices, the postmasters and their assistants would know about them and through them this knowledge, which at present is confined to comparatively few, would be disseminated.

"All this could be accomplished if Congress should pass the following laws: 1. A law ordering the exhibition of a list of the publications pertaining to the region in which the post office is located, of somewhat the same character as that for Williamstown, Mass. 2. A law ordering the scientific bureaus to send to each first, second, and third-class post office all of the Government publications of local interest, and directing postmasters to offer them for sale. 3. A law ordering that State publications be offered for sale by the postmasters if the State Legislatures so direct."

Views of Montevideo.

The Municipal Reference Library announces that it now has on hand the two large leather-bound volumes showing views of the City of Montevideo, Uruguay, presented by Montevideo's City Council to the Mayor of New York. The volumes contain almost 400 large photographs of the capital of Uruguay, which is one of the most important seaports of South America. Public buildings, forts, monuments, parks and squares are shown, also views of recreational resorts, beaches, the port and the national squadron. The pictures also include photographs of the motorized apparatus of the police, fire and medical departments. The work was prepared by the Oficina de Propaganda é Informaciones, to develop interest in and disseminate correct information about the South American city.

A NEW

Caloro's S
Grow

A new vari
loro, and wel
old land. Is
fornia rice s
Grain Associ
operated wi
partment of
experiments
variety is pr
erial in selecti
comparable
few years.
yield of 7,87
pared with 6
and 5,800 p
bone, and 1
as compared
1,600.

Caloro matu
than Late
earlier than
days later th
later than O
those who
watching res
that it is su
now generali
every respec
place it. Se
available for

AIDS INDL

"Technolog
ful In Fi

Successful
ogy plan" o
existence is
issued by th
operation an
chusetts Inst

During 192
contracts wi
cerns which
to obtain the
Faculty in s
and scientific
taining fees
amounted to
million dolla

The intima
progressive
proved a gr
tional and re
eral departm
port says.
ment of the
pression pre
tors that the
tion of the
search in pur
fore in the e
than an aid
of the comm
port declare
erroneous.

BEST COPY AVAILABLE

169

871215011

The Emma Goldman Papers

[The consequences of dictatorship. In Italian] Frutti Dittatoriali / Emma Goldman, *et al.* — 28 cm. *In* Il Risveglio [Geneva]. —(May 28, 1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archivio Famiglia Berneri, Pistoia, Italy.

IL RISVEGLIO COMUNISTA-ANARCHICO ANNO XXI
N. 565 28 Maggio 1921

60

Frutti dittatoriali

La lettera seguente è stata indirizzata a Lenin, al Comitato centrale esecutivo panrusso, al Comitato centrale del Partito comunista di Russia, al Consiglio centrale panrusso dei sindacati, all'Internazionale comunista, al Soviet internazionale dei sindacati rossi — e per copia al Consiglio dei Commissari del popolo, al Soviet di Mosca.

• • •

Le sottoscritte organizzazioni anarchiche e sindacaliste, dopo avere esaminata la situazione creata in questi ultimi tempi con la persecuzione generale degli anarchici a Mosca, Pietrogrado, Kharkov ed in altre città di Russia e d'Ucrania, e con la distruzione di organizzazioni, sedi, case d'edizione, ecc. anarchiche, protestano nel modo più energico e categorico contro lo strangolamento inaudito d'ogni tentativo non solamente di propaganda e d'agitazione, ma anche d'azione educativa o di pubblicazioni da parte delle organizzazioni anarchiche.

La persecuzione sistematica degli anarchici in generale e dei sindacalisti anarchici in particolare, che ha riempito le prigioni russe di compagni nostri, ha coinciso col discorso di Lenin al X° congresso del Partito comunista sulla necessità di combattere implacabilmente ciò che chiama « l'elemento anarchico piccolo-borghese », sviluppatosi, secondo lui, anche in seno al Partito comunista, grazie alla « tendenza sindacalista anarchica » dell'opposizione operaia. Lo stesso giorno furono arrestati senza nessun motivo plausibile parecchi anarchici irreprensibili. Nessuno tra essi, anche coloro che sono già stati condannati senza venir processati, ha udito formulare un'accusa precisa. Le condizioni d'internamento sono eccezionalmente dure. Uno dei nostri compagni, Moximov, dopo ossai proteste contro le condizioni malsane in cui si trovava (cella della Taganka, ossia isolamento completo in una segreta umida, senza letto, pagliericcio e coperte), fu costretto a ricorrere all'ultimo mezzo di protesta a sua disposizione, lo sciopero della fame, che dichiarò il 1° aprile. Iartchuk, rimesso in libertà dopo sei giorni d'incarceramento, fu arrestato di nuovo poco tempo dopo, senza che nessuna accusa sia stata formulata contro di lui nè prima nè poi.

Secondo le nostre informazioni, alcuni anarchici arrestati vennero trasferiti a Samara, di guisa che non possono più ricevere quei soccorsi che davano loro i compagni. Altri ancora hanno dichiarato lo sciopero della fame. Uno di essi, dopo dodici giorni, è caduto gravemente malato.

I nostri compagni sono inoltre battuti nelle carceri. Nella dichiarazione mandata da trent'otto anarchici rinchiusi a Butyrky al Comitato della Commissione straordinaria si legge il brano seguente: « Il 1° marzo nel locale della prigione interna della Sezione speciale della Commissione straordinaria uno dei nostri compagni, l'anarchico Tikhon Kachtrin è stato battuto dal vostro agente Mogo e da altri, in presenza del capo della prigione Dukis... »

Non limitandosi ad arrestare e battere gli anarchici, gli organi del Potere combattono con tutti i mezzi la loro opera d'educazione. Ed hanno chiuso parecchi circoli di studi sociali e la libreria di Mosca della Lega dei sindacalisti anarchici « Golos Truda ».

Misure simili sono state prese il 15 marzo a Pietrogrado. Arresto in massa d'anarchici, chiusura della libreria e tipografia del « Golos Truda ». I collaboratori sono ancora in carcere e come sempre nessuno dei detenuti sa di che sia accusato.

Il Consiglio dei Commissari del popolo non ha avuto il coraggio, in risposta alla protesta della Lega dei sindacalisti anarchici « Golos Truda » contro la chiusura della sua libreria, di pronunciarsi francamente sulla condotta della Commissione straordinaria, ha fatto riaprire soltanto il magazzino di Mosca, senza prevenire l'organizzazione interessata o praticando una perquisizione in assenza dei suoi rappresentanti. La domanda categorica di riapertura della tipografia e libreria di Pietrogrado è rimasta senza risposta.

La soppressione di fatto delle pubblicazioni della Lega dei sindacalisti anarchici paralizza nello stesso tempo la missione essenziale del « Comitato per la memoria di Kropotkine », la pubblicazione cioè delle sue opere. Ogni specie d'ostacoli è altresì messa all'attività di detto Comitato nella ricerca e arredamento dei locali, per l'impianto del telefono, ecc.

Simili abusi insopportabili di potere contro gli anarchici (sino a servirsi delle corone deposte sulla tomba di Kropotkine per altri funerali) sono senza dubbio il risultato della politica generale del Partito dominante dei comunisti bolscevichi verso il sindacalismo, l'anarchismo e i loro partigiani.

Una simile situazione, in cui gli anarchici non han modo di fare un lavoro sistematico, senza neppure la garanzia che i loro istituti d'educazione, librerie, tipografie, musei, ecc. non saranno subitamente ed arbitrariamente distrutti, ci obbliga ad elevare la voce contro le violenze d'una ferocità panica commesse dal potere dittatoriale contro il movimento anarchico.

Qui in Russia la nostra voce è debole, è soffocata. La politica dominante conduce alla soppressione pura e semplice d'ogni tentativo d'attività o di propaganda anarchica o ci obbliga a vivere senza nessun soccorso morale, privi d'ogni bene intellettuale, poichè il governo ci mette nell'impossibilità perfino di realizzare quei piani o progetti che or non è molto prometteva anzi di favorire.

Più che mai convinti della verità del nostro ideale anarchico e della necessità imperiosa d'applicare la nostra idea, siamo certi che il proletariato rivoluzionario universale è con noi.

Mosca, 10 aprile 1921.

Lega degli anarchici sindacalisti « Golos Truda »
A. Chapiro, segretario.
A. P. Tsvietkov, direttore della Libreria.
Confederazione degli anarchici sindacalisti di Russia: *S. Markus*, del Comitato esecutivo.
(Due altri membri in carcere.)
Lega di propaganda morale anarchica
Alessio Borovoi, segretario.

Ci associamo interamente alla presente protesta:
Alessandro Berkman. *Emma Goldman.*

• • •

A titolo d'informazione aggiungiamo che le sezioni appartenenti al Partito comunista, che consideravano necessario d'affidare la produzione e la distribuzione a organizzazioni sindacali, furono sciolte per decisione del succitato X° congresso, perchè simile « propaganda di principii d'opposizione ai lavoratori è incompatibile pei membri del Partito »!

Non facciamo commenti, perchè si tratta di un documento che basta a sè stesso. Possano i compagni convincersi che il miglior modo di rimaner nel vero, è di rimanere anarchici.

870714008

The Emma Goldman Papers

[An appeal of anarchists and syndicalists from Russia. In German] Ein Anarchistischer und Syndikalistischer Hotschrei von Rußland / Emma Goldman, *et al.* — 30 cm. *In* Erkenntis und Befreiung [Bonn]. —(June 5, 1921).

Obtained from the Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Germany.

(11)

...weg...

Das ... Zeit, nicht wahr, ... jugendsüchtigen, ... einige Tage an ... bleiben, ... durch die übertriebenen ... hält; die Entschuldigungen, ... eine ... finden, ... die ihn ... nach ... Tage ... bekommt, sagt, ... wenig, daß ... war?

Und ... Freund sagte mir gestern: „Wie weit der Krieg ... Ich war eben ... 1914, ... aus dem Internat ... Ich ... sofort ... Zeit. Während ... Tage ... Nacht, ... Dorf ... Ich ... Mutter ... Ich habe ... Jahre ... Und ich ... mich. Ja, ich ... Ich habe den Geschmack ... Bücher, an ... an der Lektüre ... Ich sehe Paris ... noch wie zur Zeit des Urlaubs, die Wirtschaften, die Dirnen. Ich wurde ... nicht zu ... Jeden Abend ging ich ins Café, um ... ein paar Bekannten aus dem Wirtshaus, zu zählen. ... mir, mich zu ... Aber ich ... Ich ... genug für zwei; das ... uns das ganze Elend, dieser Strom. Ich ... schleppe mich also ... und halte Maulaffen feil. Ich habe Seine Freude ... an dem, was mich früher interessierte. Die Schauspiele sind von einer ... Gedankenlosigkeit, und die Bücher, die vom Kriege ... erzählen, weist du, man sieht ihnen sofort das Unechte an. Nun? Nun also, ich habe am Sonntag einen Freund von dort unten getroffen, mit dem ich drei Jahre gelebt habe, ... Kompagnie, ... Zuaven, einer jener alten Brüder, ... denen sich mir jeweils der Mut wieder hob — wenn wir nicht miteinander der Gebrechlichkeit nachgaben — ja, ich habe ihn durch Zufall in meiner Straße getroffen. Dann haben wir einen angenehmen Abend ... bracht, den ersten wirklich schönen Abend. Vier Stunden lang ... wir fort geschwatzt. Man konnte sich nicht mehr trennen. Alle Erinnerungen sind wieder an uns vorübergezogen. Diese Sprache ist der einzige, die wir noch sprechen können. Ja, das ganze Elend jener Jahre kam wieder hervor, aber ohne Haß; wir ... diese Erinnerungen mit einer Art Fatalismus zurück. Es wäre übertrieben, zu sagen, daß wir es bedauerten, aber wir hatten ein gewisses Vergnügen, daran, alle diese Dinge wiederzukauen. Man hielt sich doch während jener Zeit aufrecht, man war nicht allein, man hatte nicht die Sorgen, sein Leben zu führen." ...

Was ich auf dieses verzweifelte Geständnis geantwortet habe? Was ihr selbst antworten werdet, ... es ... sind wir ... Bestimmte ... alle ... auf die Idee des Krieges ... dadurch, daß ... nicht auf jeden Verwundeten ... — ich spreche von den in jeder Beziehung Verwundeten, ... der Moral ist wenigstens ebenso sehr betroffen ... wie der Physische. Es gibt viele, die den ... ehrlichen, am Leben ... haben, die nicht allein ... sind, ... Verstümmelte betrachten, und die es ... wären, unsere Versammlungen zu ... besuchen, ... Zusammenkünften beizuwohnen, weil sie sehen ... Schwachen, den Kopfverdrehern ... Auf der Szene zeigt man ihnen Elend, und ... den tragischen Heldentod. Sie leben ... in Sicherheit, und er ist sie es, „Liebe" ... Sie sind mehr beschäftigt, und das Ergebnis der ... ist somit ... einseitiger.

Es gibt viel zu tun, es bleibt fast alles noch zu tun, denn man muß sich hüten, vor der scheinbar ... Haltung ... einzugehen. Wissen wir denn, welche Not ... in ... und der Seele dieser dem Tode ... erscheint, ... einen Mensch vor sich ... gefallen, ... verbogen wie Man muß sich voll Zartgefühl ... Geduld zu diesen Kranken neigen. Es gibt so viele Kranke, und es gibt auch Unheilbare; warum ... wollen wir es uns ... machen? Aber jeder von uns, in seinem ... Kreise ... Wirkungsfeld, hat diese Pflicht, diese allererste Pflicht, jeden Tag nach Kräften, mit kleinen Schlägen, wenn er nicht fest und offen zuschlagen kann, die Idee des Krieges zu töten. Darum soll uns nichts zu teuer sein, keine Anstrengung, keine Mühe. Wir werden unsere Zeit nicht verloren haben, wenn wir dieses Werk vollenden, und selbst wenn wir es nur vorbereiten: das Prinzip der Armee hassen zu lassen, den passiven Gehorsam zu untergraben, mit dem Finger die Schande jener zu zeigen, die das kommandierten, die ganze Ungeheuerlichkeit des Krieges zu zeigen. Wir müssen die Kranken zwingen, klar zu sehen, wir müssen versuchen, die Menschheit, die an den Folgen dieses August 1914 zugrunde geht, zu retten. Es ist nötig, daß an dem Tage, da der Wahnsinn neuerdings zu entfesseln droht, niemand mehr marschiert, weder wir, noch die Kameraden. Es ist nötig, daß uns alle Frauen, bei dieser Aufgabe helfen, daß sie diesmal die Stärkeren sind und daß sie mit ihrer ganzen Liebe rufen: „Du sollst nicht töten, du sollst nicht ausziehen zum Töten!" Unsere Schriften, unsere Handlungen, unsere Worte werden von nun an auf dieses wichtigste Ziel ausgehen: das Prinzip des Todes, die Möglichkeit einer neuen Mobilisation zu töten.

Dann erst werden wir die Grundlage zu einer Gesellschaft der Zukunft gelegt haben. Bis dahin werden wir endlos im Schmutze patschen, über Kadaver schreiten und die verpestete Luft all dieser Beinhäuser einatmen. Bis dahin werden wir nicht würdig sein, uns für Menschen zu halten, und der Mord wird fortdauern. Bis dahin ist es unnütz, sich zu vermehren, denn unsere Kinder würden im nächsten Kriege umkommen und es wäre besser, uns zu versümmeln, alle Männer und Frauen, als dem Staate einen neuen Soldaten zu liefern.

Marcell Millet

(Übersetzt aus „La Feuille" von R. Kohner)

F. u B.

3. Jg.

Nr. 27

5.–11. Juni 1921

S. 2

Soziales Leben und Werden.

Syndikalismus und Gildensozialismus.

Von England geht, wie schon mehrfach in der Vergangenheit, eine neue Aktionsmethode der Arbeiterbewegung aus, die zum ersten Mal die revolutionäre Gewerkschaft-bewegung vor die Aufgabe der praktischen Verwirklichung ihres theoretischen Programms stellt. Es handelt sich um nichts Geringeres, als um den Besitz der kommunistischen Eigenproduktion von den Gewerkschaften als solche in Angriff genommen, also um die Durchführung dessen, was sonst Theorie und ferne Zukunftsmusik ist. Diese Methode des Vorgehens ist eine von Proudhon und Robert Owen dem französischen und englischen Proletariat gelehrte, direkte Aktion, ... sich gegenwärtig ... über 80 Jahre nach dem Wirken der Obgenannten ... im Lobe der Mißerfolge der marxistischen Arbeiterbewegung, ... und hat in England in G. D. H. Cole ihren Wiederentdecker gefunden, der sich ... syndikalistischen bekennt. Dieser Gildensozialismus hat nun einen ersten, praktischen Versuch unternommen.

G. D. H. Cole schreibt über die jüngst gegründeten englischen Baugenossenschaften: „Diese ... gewinnen ungeheure Bedeutung ... internationalen Arbeiterbewegung: daß sie ... eine der wesentlichsten konstruktiven Errungenschaften der Gewerkschaftsbewegung ... richten ... das Auge ... der ganzen Arbeiterschaft soll auf diese Baugenossenschaften gerichtet sein.

Die zwei wesentlichen Grundsätze dieser Baugenossenschaften sind die Ausschaltung des Profits — sie setzen die Häuser zum Nutzen der Allgemeinheit zu Selbstkostenpreisen, ohne Gewinn her, —, die Anerkennung der Forderung, daß eine Industrie ihre Arbeiter unter allen Umständen, also auch in Zeiten der Krise und unverschuldeter Arbeitslosigkeit, erhalten soll. Auf dieser Grundlage ist diese Gilde errichtet worden. Die Gilde schließt Verträge mit den Kommunen ab und schaltet alle Luxusbauarbeiten aus; sie arbeitet bloß für dringende Bedürfnisse der Bevölkerung. Es sind ihr von der Regierung große Hindernisse in den Weg gelegt worden; trotzdem ist es zu erwarten, daß ihre Tätigkeit samt dem in ihr verkörperten Prinzip durchdringen wird.

Die Arbeiter aller anderen Industrien können, soweit die letzteren produktive, soziale Bedarfsarbeit umfassen, das Beispiel der Baugenossenschaft leicht nachahmen. Die Voraussetzungen in der Bauindustrie sind dazu besonders günstig, weil ein großer Bedarf nach Wohnungen besteht, ferner weil der Bau von Häusern zumeist Gegenstand öffentlicher Arbeiten ist.

Diese Gilde der englischen Bauarbeiter-Industriegenossenschaft stellt ein Beispiel dar, die Arbeiterschaft anderer Erwerbszweige kann auf diesem Wege unter passenden Bedingungen ähnliche Schritte machen.

Ein anarchistischer und syndikalistischer Protestbrief aus Rußland.

Vorbemerkung ... Sendung ... Nachrichten ... sind ... und ... als oppositionell ... der ... notwendig ... Dokumente ... als Beweis ... die Wahrheit des Bolschewismus ... Kameraden ... Kampfes ... Solidarität ... unsere verfolgten ... Kameraden veröffentlichen.

Er ist ... als ehrlicher Revolutionär gebrandmarkt, ... durch das nachfolgende Dokument sich ... noch kaum ein Jahr im Dienste der ... befinden. Dieses Mittel kommunistischer Parteiführer, ... Bewegung zu zerschlagen, nachdem sie sich in bewußt verleumderischer Weise behauptete, ... Kampf-Partei bekämpft des Bolschewismus, ... Kameraden in der Internationale solle für sie erklärt hätten, und daß es unsere Pflicht wäre, für sie einzutreten! Wir meinen vor allem ... Kundgebung unserer Solidarität für unsere verfolgten, ... Kameraden veröffentlichen.

Er ist ... als ehrlicher Revolutionär gebrandmarkt, ... durch das nachfolgende Dokument sich ... noch kaum ein Jahr im Dienste der ... befinden. Dieses Mittel kommunistischer Parteiführer, ... Bewegung zu zerschlagen, nachdem sie sich in bewußt verleumderischer Weise behauptete, ... Kampf-Partei bekämpft des Bolschewismus, ... Kameraden in der Internationale solle für sie erklärt hätten, und daß es unsere Pflicht wäre, für sie einzutreten! Wir meinen vor allem ... sich die Karl Moldauer, Konrad Hoff, ... und Franz Kerpen, in einer, unsere Bewegung ... bewußt schädigenden Weise ... arbeitet haben. Der ... von bolschewistischer Parteileute aus durch die ... genannten Agenten gegen unsere Bewegung ... Anschlag mißglückte dank dem gesunden Sinn unserer Kameraden, die das wider unsere Bewegung inszenierte Komplott durchschauten; mit der 4. Nummer ... der „Arbeiterkampf", nach Verurteilung eines ... Teils seiner Sache der Verleumdung gegen unsere Kam. Rocker — der ihm nur mit dem Stillschweigen der Verachtung antwortete — sah, natürlich ohne ... an Rocker vorausbezahlten Alimentenbeiträge ... zu ersticken! Die völlige geistige Ohnmacht ... Einmischung, bei derselben war aber inzwischen für ... bolschewistischen Auftraggeber so offenkundig ... den, daß er zumindest vorläufig jeden Wert für ... einbüßte, was natürlich die impotente Wut ... „Kampfzeile" gegen Rocker nur noch steigerte.

Aus dem nachfolgenden Dokument ist nun ersichtlich, welcher Liquidität alle diejenigen sich schuldig gemacht haben, die gleich den Obigen eine direkte, wie indirekte Förderung des Bolschewismus bewirkten, welche Schändlichkeit darin besteht, für seine Machteroberung bei uns oder in Deutschland sich einzusetzen und welche Verantwortung es bedeutet, solchen, wie den obigen, die Möglichkeit zu gewähren — dies tat Berliner „Syndikalist" gegen, durch seinen Redakteur Max Winkler — in unserer Bewegungsfreiheit ihr zerstörendes Unwesen zu treiben und ... im Interesse ihrer eigenen Pläne, wie der ihrer ... dunklen Hintermänner, einen der aktivsten Geister ... Vertreter unserer Sache mit dem Kot ihrer infamen Verleumdung zu bewerfen! (Red. „E. u. B.")

An V. J. Lenin, das Allrussische Zentral-Exekutivkomitee der Sowjets, das Zentralkomitee der Kommunistischen Partei Rußlands, die Kommunistische Internationale, den Allrussischen Generalrat der industriellen Vereinigungen, den Internationalen Rat der roten Gewerkschaften.

Abschriften dieses Dokuments wurden ebenfalls gesandt an den Rat der Volkskommissäre und an den Rat der Arbeiter- und Bauernvertreter.

Die unterzeichneten anarcho-syndikalistischen Organisationen protestieren nach sorgfältiger Erwägung der Lage, die sich in letzter Zeit entwickelt hat und bezugnehmend auf die allgemeinen Verfolgungen gegen die Anarchisten in Moskau, Petrograd, Charkow und anderen Städten Rußlands und der Ukraine, verbunden mit der gewaltsamen Unterdrückung anarchistischer Organisationen, Klubs, Publikationen usw., mit aller Entschiedenheit und Energie gegen diese unerhörte Vergewaltigung, die nicht nur jede agitatorische und propagandistische Tätigkeit, sondern sogar die rein kulturelle Arbeit der anarchistischen Körperschaften unmöglich macht.

Die systematische Menschenjagd auf Anarchisten im allgemeinen und auf Anarcho-Syndikalisten im besonderen hat alle Kerker und Gefängnisse in Sowjet-Rußland mit unseren Kameraden gefüllt und entspricht völlig, sowohl der Zeit als dem Geiste nach, der Rede Lenins auf dem 10. Kongreß der Kommunistischen Partei Rußlands. Bei dieser Gelegenheit erklärte Lenin, daß der unbarmherzigste Krieg geführt werden müsse gegen jene, die er als „kleinbürgerliche anarchistische Elemente" bezeichnete, und die sich, seiner Behauptung nach, sogar innerhalb der Kommunistischen Partei entwickeln, dank der „anarcho-syndikalistischen Bestrebungen" der Arbeiter-Opposition.[1]) An demselben Tage, als Lenin mit dieser Erklärung an die Oeffentlichkeit trat, wurden eine große Zahl von Anarchisten in allen Teilen des Landes verhaftet, ohne irgendeine Ursache oder Erklärung. Gegen keinen unserer verhafteten Kameraden wurde eine formelle Anklage erhoben, trotzdem hat man bereits einige von ihnen zu Gefängnisstrafen verurteilt, und zwar in ihrer Abwesenheit, d. h., ohne daß man sie vor Gericht gestellt hatte. Die Bedingungen, denen sie in der Gefangenschaft unterworfen, sind außergewöhnlich schlecht und brutal. Einer von ihnen, unser Genosse Maximow, nachdem er wiederholt vergeblich protestiert hatte gegen die jeder Kritik Hohn sprechenden unsanitären Bedingungen, denen er im Taganka-Gefängnis unterworfen war,[2]) hat bereits am 1. April zu dem einzigen Mittel, das ihm noch ...

[1]) Eine Sektion innerhalb der Kommunistischen Partei, die den Standpunkt vertritt, daß es notwendig sei, die Verwaltung der Produktion und der Verteilung den Gewerkschaften zu übergeben. Laut Beschluß des 10. Kongresses der Kommunistischen Partei wurde diese sogenannte „Arbeiter-Opposition" aufgelöst. In dem Beschluß wird erklärt, daß die „Überbleibsel von Prinzipien, wie sie die Arbeiter-Opposition betrifft, mit der Zugehörigkeit zur Partei unvereinbar sind". Vergleiche auch das Schlußwort Lenins über den Bericht des Zentralkomitees der Partei auf dem letzten Kongreß.

[2]) Einzelhaft in einer feuchten Zelle, ohne Bett, Matratze oder Decke.

BEST COPY AVAILABLE

171

870714008

The Emma Goldman Papers

[An appeal of anarchists and syndicalists from Russia. In German] Ein Anarchistischer und Syndikalistischer Hotschrei von Rußland / Emma Goldman, *et al.* — 30 cm. *In* Erkenntis und Befreiung [Bonn]. —(June 5, 1921).

Obtained from the Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Germany.

11

5.2

...wie ... Leben, ... Schule ... Freiheit ... Kampf ... Schule ... Kampf ... Leben ... Schule ... Kampf ... Leben ... Schule ... Kampf ... Leben

870714008

The Emma Goldman Papers

[An appeal of anarchists and syndicalists from Russia. In German] Ein Anarchistischer und Syndikalistischer Hotschrei von Rußland / Emma Goldman, *et al.* – 30 cm. *In* Erkenntis und Befreiung [Bonn]. –(June 5, 1921).

Obtained from the Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Germany.

„Arbeiterkampf" herausgegeben hat, mit wem sich die Karl Mühldauer, Konrad Hottund Ernst Reipen, in einer, unsere Bewegung bewußt schädigenden Weise assoziiert haben. Den von bolschewistischer Parteiseite aus durch die genannten Agenten gegen unsere Personen gerichteten Anschlag mißglückte dank dem gesunden Sinn unserer Kameraden, die das wider unsere Bewegung inszenierte Komplott durchschauten; mit der 4. Nummer der „Arbeiterkampf", nach Verbreitung einer großen Teils seiner Auflage der Verleumdung gegen unseren Kam. Rudolf Rocker, der dies nur mit dem Stillschweigen der Verachtung beantwortete — ein, natürlich ohne Zahlung von Honoraren und bezahlten Manuskriptes, Rückzug zu erstatten! Die völlige geistige Ohnmacht und Einflußlosigkeit desselben war aber inzwischen für seine bolschewistischen Auftraggeber so offenkundig geworden, daß er zumindest vorläufig jeden Wert für sie einbüßte, was natürlich die impotente Wut dieser „Kanzelse" gegen Rocker nur noch steigerte.

Aus dem nachfolgenden Dokument ist nun ersichtlich, welcher Dienste sich diejenigen sich schuldig gemacht haben, die gleich den Obigen eine direkte wie indirekte Förderung des Bolschewismus bewirkten, welche Schändlichkeit darin besteht, für seine Machteroberung bei uns oder in Deutschland sich einzusetzen und welche Niederträchtigkeit es bedeutet, Subjekte, wie die Obigen, die Möglichkeit zu gewähren — dies hat der Berliner „Syndikalist" getan, durch seinen Redakteur Max Winkler — in unserer Bewegungspresse ihr zerstörendes Unwesen zu treiben und so im Interesse ihrer eigenen Pläne, wie der ihrer sehr dunklen Hintermänner, einen der aktivsten Gegner, Vertreter unserer Sache mit dem Kot ihrer infamen Verleumdung zu bewerfen!

(Red. „E. u. B.")

*

An V. J. Lenin, das Allrussische Zentral-Exekutivkomitee der Sowjets, das Zentralkomitee der Kommunistischen Partei Rußlands, die Kommunistische Internationale, den Allrussischen Generalrat der industriellen Vereinigungen, den Internationalen Rat der roten Gewerkschaften.

Abschriften dieses Dokuments wurden ebenfalls gesandt an den Rat der Volkskommissäre und an den Rat der Arbeiter- und Bauernvertreter.

Die unterzeichneten anarcho-syndikalistischen Organisationen protestieren nach sorgfältiger Erwägung der Lage, die sich in letzter Zeit entwickelt hat und bezugnehmend auf die allgemeinen Verfolgungen gegen die Anarchisten in Moskau, Petrograd, Charkow und anderen Städten Rußlands und der Ukraine, verbunden mit der gewaltsamen Unterdrückung anarchistischer Organisationen, Klubs, Publikationen usw., mit aller Entschiedenheit und Energie gegen diese unerhörte Vergewaltigung, die nicht nur jede agitatorische und propagandistische Tätigkeit, sondern sogar die rein kulturelle Arbeit der anarchistischen Körperschaften unmöglich macht.

Die systematische Menschenjagd auf Anarchisten im allgemeinen und auf Anarcho-Syndikalisten im besonderen hat alle Kerker und Gefängnisse in Sowjet-Rußland mit unseren Kameraden gefüllt und entspricht vollkommen sowohl der Zeit als dem Geiste nach, der Rede Lenins auf dem 10. Kongreß der Kommunistischen Partei Rußlands. Bei dieser Gelegenheit erklärte Lenin, daß der unbarmherzigste Krieg geführt werden müsse gegen jene, die er als „kleinbürgerliche anarchistische Elemente" bezeichnete, und die sich, seiner Behauptung nach, sogar innerhalb der Kommunistischen Partei entwickeln, dank der „anarcho-syndikalistischen Bestrebungen" der Arbeiter-Opposition.[1]) An demselben Tage, als Lenin mit dieser Erklärung an die Öffentlichkeit trat, wurden eine große Zahl von Anarchisten in allen Teilen des Landes verhaftet, ohne irgendeine Ursache oder Erklärung. Gegen keinen unserer verhafteten Kameraden wurde eine formelle Anklage erhoben, trotzdem hat man bereits einige von ihnen zu Gefängnisstrafen verurteilt, und zwar in ihrer Abwesenheit, d. h., ohne daß man sie vor Gericht gestellt hätte. Die Bedingungen, denen sie in der Gefangenschaft unterworfen, sind außergewöhnlich schlecht und brutal. Unser Kamerad, unser Genosse Maximow, nachdem er wiederholt verzweifelt protestiert hatte gegen die [illegible] der Kritik Hohn sprechenden unsanitären Bedingungen, denen er im Butirka-Gefängnis unterworfen war,[2]) hat keinen anderen Ausweg gefunden als zu dem einzigen Mittel, das ihm noch [illegible]

[1]) Eine Schicht innerhalb der Kommunistischen Partei, die den Standpunkt vertritt, daß die Diktatur des Proletariats nicht durch Parteiorganisationen, sondern durch die Sowjets, d. h. durch die Massenorganisationen der Arbeiter ausgeübt werden müsse. Diese sogenannte „Arbeiter-Opposition" wurde auf dem X. Kongreß der Kommunistischen Partei Rußlands (März 1921) scharf bekämpft. In dem Beschluß wird erklärt, daß die Propagierung von Prinzipien, wie sie die Arbeiter-Opposition vertritt, mit der Zugehörigkeit zur Partei unvereinbar sei". – Vergleiche auch das Schlußwort Lenins auf dem Kongreß des Zentralkomitees der Partei auf dem letzten Kongreß.

[2]) [illegible]

[illegible] auch, nachdem er sechs Tage gehungert hatte, absetzen; aber bald darauf verhaftete man ihn wieder, ohne daß man gegen ihn, weder als seiner ersten, noch nach seiner zweiten Verhaftung eine Anklage erhoben hatte.

Nach zuverlässigen Berichten, die uns zugegangen sind, hat man einige der verhafteten Anarchisten nach dem Gefängnis in Tomsk gebracht, weit hinweg von ihrer Heimat und von Freunden, und beraubte sie aller dieser Kameradschaftlichen Unterstützungen, die sie in der Nähe ihrer Heimat erhalten konnten. Eine andere Anzahl von Inhaftierten sind durch die furchterlichen Bedingungen ihrer Gefangenschaft gezwungen gewesen, zum Hungerstreik zu greifen.

Ja, man wendet sogar die physische Gewalt gegen unsere gefangenen Genossen an. Ein Schreiben der im Butirka-Gefängnis in Moskau inhaftierten Anarchisten, das die Unterschrift von 38 Kameraden trägt und am 13. März an das Exekutivkomitee der Allrussischen Außerordentlichen Kommission gesandt wurde, enthält unter anderem die folgende Erklärung: „Am 15. März wurde der Genosse Tichon Kaschirin von ihrem Agenten und Mithelfer Mago im Gefängnis der besonderen Abteilung der Außerordentlichen Kommission, im Beisein des Gefangenenwärters Dukis, brutal attackiert und geschlagen."

Nicht zufrieden mit den Massenverhaftungen und mit der brutalen Gewalt, die man gegen unsere Genossen in Anwendung bringt, führt die Regierung einen systematischen Kampf gegen die Erziehungsarbeit aller anarchistischen Organisationen, so hat sie eine ganze Anzahl unserer Klubs und ebenso die Moskauer Geschäftsstelle des anarcho-syndikalistischen Verlags „Golos Truda" geschlossen.

Eine ähnliche Menschenjagd setzte am 15. März in Petrograd ein. Eine große Anzahl Anarchisten wurde ohne Grund verhaftet; das Büro und die Druckerei der Gruppe „Golos Truda" wurde auch dort geschlossen und die dort beschäftigten Arbeiter verhaftet. Keine Anklage irgendwelcher Art wurde gegen unsere verhafteten Genossen vorgebracht, und alle befinden sich noch im Gefängnis.

Der Rat der Volkskommissäre hatte nicht den Mut, dem Protest der anarcho-syndikalistischen Gruppe „Golos Truda" stattzugeben und die Verwüstungen, die die Agenten der Außerordentlichen Kommission in den Räumlichkeiten des Verlages angerichtet hatten, zu Protokoll zu nehmen. Der Rat ließ in Moskau die Siegel von dem Büro des Verlages „Golos Truda" „abnehmen", ohne die Organisation davon in Kenntnis zu setzen und unterzog die Räumlichkeiten einer Durchsuchung, ohne daß ein Vertreter der Gruppe dazu herangezogen wurde. Der Forderung, das Büro und die Druckerei der Gruppe „Golos Truda" in Petrograd zu „entsiegeln", wurde nicht stattgegeben.

Die wirksame Unterdrückung der Verlagsarbeit der anarcho-syndikalistischen Gruppe „Golos Truda" lähmt auch die vornehmliche Tätigkeit des Peter Kropotkin-Memorial-Komitees, nämlich die Herausgabe der Werke Peter Kropotkins. Dazu legt man der Arbeit des Komitees endlose Hindernisse in den Weg in bezug auf Räumlichkeiten, Telephonverbindungen usw.

Diese unerträgliche autokratische Taktik, welche die Regierung gegen die Anarchisten in Anwendung bringt und die sogar soweit führte, daß man die Kränze auf Kropotkins Grab konfiszierte und sie für andere Begräbnisse verwendete, ist ohne Zweifel das Ergebnis der allgemeinen Politik der Regierung, die unter der ausschließlichen Kontrole der Kommunistischen Partei steht.

Dieser Zustand der Dinge, der die Anarchisten jeder Möglichkeit beraubt, systematische Arbeit irgendwelcher Art erfolgreich zu führen, ist der uns sogar bekannten Tatsachen, daß es Versuche rein kultureller und wissenschaftlicher Natur, wie zum Beispiel die Herausgabe von Schriften oder die Organisationsarbeit für die Kropotkin-Museen usw., nicht möglich und tatsächliche Weise unterdrückt werden, zwingt uns, unsere Stimme zu laut in Protesten gegen die kläglich brutale Unterdrückung der revolutionären Presse und durch die Behörden der Regierung zu erheben.

Hier in Rußland ist unser Schweigen gleich. Man erstickt sie. Die Politik der herrschenden Kommunistischen Partei verfolgt die Absicht, jede Möglichkeit, jede auch noch so geringfügige Tätigkeit und Propaganda gründlich zu unterbinden. Die Anarchisten in Freiheit zu setzen, das Verschwinden die Bedingungen eines systematischen Hungerstreiks hinein, zwingen, ist es der Sowjetregierung durchaus möglich, sogar die Pläne und Projekte zu lesen zu können, die sie selbst noch vor kurzem zu unterstützen [illegible]

[illegible] bei seiner praktischen Anwendung im Leben überzeugt sind, glauben wir annehmen zu dürfen, daß das revolutionäre Proletariat aller Länder mit uns ist.

Für die anarcho-syndikal. Liga „Golos Truda":
A. Schapiro, Sekretär. A. Zelikow, Verlagsverwalter.

(Stempel.)

Für die Russische Konföderation der Anarcho-Syndikalisten:
S. Markus, Mitglied des Exekutivkomitees.
(Zwei andere Mitglieder sind im Gefängnis.)
(Stempel konfiziert durch die Außerordentliche Kommission.)

Für die Liga für Anarchistische Propaganda:
Alexei Borowoi, Sekretär.
(Stempel.)

Wir schließen uns voll und ganz diesem Proteste an:
Emma Goldman, Alexander Berkman
Moskau, den 10. April 1921.

*

Nachwort.

Wir ersuchen alle unsere Gruppen und Kameraden, den obigen Artikel gründlich zu lesen und in allen Kreisen möglichst bekannt zu machen. Wir werden namens des Bundes herrschaftsloser Sozialisten in Wien eine Protestversammlung gegen diese Diktatur des Proletariats gegen das Proletariat einberufen und die zuständigen Vertreter der russischen Sowjetdiktatur von ihrem Ergebnis in Kenntnis setzen. Zugleich bitten wir alle unsere Freunde, in den Versammlungen der „Kommunisten" in aller Öffentlichkeit

Im Spiegel der

Heil Dir im Siegeskranze!

Ein Attentat ist ein Mordanschlag auf eine lebende Person, da man nur eine solche ermorden kann. Die mitteldeutsche Justiz weiß es besser. Nach ihr sind auch Attentate auf tote Gegenstände, sogar auf Ideen möglich; und besonders empfindlich ist sie, wenn es sich um einen Mordanschlag, also um ein Attentat auf ein totes Symbol des Mordes handelt. Die näheren Einzelheiten dieser juristischen Auffassung Neudeutschlands bietet ein lehrreicher Gerichtsfall:

Berlin, 27. Mai. Heute fand vor einem Sondergericht in Berlin der Prozeß gegen Wilhelm Hänning genannt „Ferry", statt, der der intellektuelle Urheber des Attentats auf die Berliner Siegessäule ist. Der Angeklagte erklärte bei seiner Vernehmung, der Plan zu dem Attentat sei nur in seinem Kopf entstanden, er habe alle Vorbereitungen getroffen und trage die Verantwortung und auch die Folgen. Er bezweckte mit dem Attentat nach seiner Aussage zweierlei: er wollte das Symbol des noch im-

Geisteskultur und Proletariat. S. 3

(11)

Aus „El Comunista" (Saragossa).

In einem Artikel „Syndikalismus und Rationalismus", vertreten wir die Auffassung, daß es dem Proletariat nur dann gelingen wird, sich vollständig frei zu machen, wenn es sich selbst bildet und erzieht; daß die Erlösung des Menschengeschlechts ohne höhere Kultur unmöglich ist; nur daß der Grund, weshalb die Arbeiter ergeben und unterwürfig die armseligen Lebensbedingungen des bestehenden Systems, denen sie unterworfen sind, ertragen, hauptsächlich in der geistigen Unkultur des Proletariats wurzelt. Wären die Arbeiter weniger unwissend, so wäre es ihnen unmöglich, sich damit abzufinden, Sklaven des Kapitalismus zu sein. In der Tat, wenn die Arbeitermassen nur einigermaßen gebildet wären, könnten die Bonzen sie nicht so leicht ausbeuten, wie es geschieht. Ein aus gebildeten Individuen zusammengesetztes Volk würde einstimmig gegen sozialen Ungerechtigkeiten protestieren und seine Energien darauf verwenden, die sie hervorrufenden Ursachen zu beseitigen.

Ohne Zweifel ist dies richtig. Denn es ist offenbar, daß die Unwissenheit der letzte Grund der sozialen Uebel ist; daß die Unwissenheit das Elend erzeugt, und diese umgekehrt jene, da beide nur Wirkungen des kapitalistischen Regimes, des privatkapitalistischen Monopols sind. Nur dank der allgemeinen Unwissenheit kann das skandalöse soziale System des Staates und Kapitalmonopols bestehen, unter welchem wir vegetieren. Und man sieht es gewiß, oder wenigstens sehr wahrscheinlich, daß, wenn jedermann eine ordentliche Bildung besäße, die Gesellschaft besser organisiert wäre; das Elend nicht existieren würde. Kriege wären unmöglich; der Verkehr unter den Menschen wäre herzlich, die menschliche Solidarität eine Tatsache. Freiheit, Gleichheit, Rechtlichkeit und Gerechtigkeit wären Wirklichkeit. Endlich besäßen wir das irdische Leben.

BEST COPY AVAILABLE

173

870715003

The Emma Goldman Papers

[The Peter Kropotkin Memorial-Committee. In German] Das Peter Kropotkin Memorial-Komitee / Emma Goldman, *et al.* — p. 4 ; 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. —No. 29 (June 19-26, 1921).

Obtained from the Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Germany.

Das Peter Kropotkin Memorial-Komitee.

Kameraden und Freunde von [illegible]:

Sophie G. Krapotkin, Versitzende.

Alexander Berkman, Sekretär.

A. Shapiro, Kassier.

Emma Goldman, Organisationsleiterin.

Komitee:

B. Mratkoff,
Alex S. Krapotkin,
H. Sandomirsky,
Wehn,
A. Ramoway,
N. Grinbeck

Es wäre nicht [illegible], hier zu erklären, daß wir [illegible] einen Lehrer, einen [illegible], einen Freund verloren [illegible] haben. Sein Tod hat [illegible] Menschen einen Verlust [illegible], der nicht ersetzt [illegible] kann. Das Leben und [illegible] Kropotkins ist [illegible] Leben, [illegible] Freunde und Kameraden [illegible] so gut bekannt, als daß [illegible] es zu dieser Stelle noch besonders Nachdruck darauf legen müßten. Aber das Volk [illegible], russischen, der Millionen, die [illegible] das Joche der Sklaverei [illegible], sie haben in ihrer übergroßen Mehrheit nicht die kleinste Ahnung von dem gewaltigen Verlust, den sie durch den Tod Peter Krapotkins, des leidenschaftlichen Menschenfreundes und Gottsuchers der Menschheit, erlitten haben.

Der Weg des Lebens ist ein dornenvoller Pfad, bezeichnet von Irrlichtern und Fata Morganen. Jedes Blatt seiner Geschichte ist geschrieben mit dem Blute und den Tränen unterdrückter, in ihren Menschenwürde degradierter Massen. Es ist eine Geschichte des ewigen Kampfes der Freiheit gegen die Tyrannei, der Parias gegen die Privilegierten. Es ist das schwarze Buch menschlichen Elends und menschlicher Erniedrigung und Verworfenheit. Doch gelegentlich erscheint in diesem Buche als äußerst seltene Unterbrechung eine Seite leuchtenden Sonnenscheins und belebender Hoffnung. Eine solche Seite hoffnungsvoller Inspiration in der Geschichte der Menschheit war Peter Krapotkin. Vielleicht wird die Zukunft in ihm den größten Menschen der Vergangenheit erkennen. Er war ein großer Gelehrter und eine große Persönlichkeit, aber solche gab es schon vor ihm. Wissenschaft, Kunst, Literatur haben der Menschheit unschätzbare Dienste geleistet, aber sie haben uns nicht frei gemacht. Es gibt nur eine Macht, welche die Welt von dem Chaos einer krankhaften Zivilisation erlösen und dem Menschen seine persönliche Freiheit im Rahmen eines gesellschaftlichen Wohlstandes für alle sichern kann — die Macht des größten menschlichen Ideals von Freiheit und gegenseitiger Hilfe, des anarchistischen Kommunismus, dessen größter Lehrer und klarstehender Prophet Krapotkin gewesen ist.

Krapotkin starb in einer Zeit, in der sich unsere Zivilisation in der Schwebe befand. Der alte Gesellschaftsbau zerfällt in Trümmer und eignet sich nicht länger als menschliche Heimstätte. Die neue Welt

---

[illegible] individuen zu entrichten war. — [3]) Echt kapitalistisch gedacht; als ob Großbetriebe zur Einführung des Sozialismus nötig wären, der doch nur aus einer gleichheitlichen Aufteilung des sozial gezeugten Arbeitsprodukte, der Abschaffung von Zins, Unternehmer- und Gewinn überhaupt, besteht! — [4]) Welch ein Betrug! Als ob der Fortbestand des Kapitalismus von einer oder keiner Elektrifizierung der Industrie abhängig wäre. Wer denkt da nicht, die alten Klopffechter des Kapitalismus, die Roscher Schmolles, Ammon usw. lasen zu hören, nach denen der Fortschritt der Technik automatisch die Harfen des Kapitalismus bald zur Besaitung hingen würde... — [5]) Seit Jahrzehnten vertritt sie der Marxismus als „wissenschaftlichen Sozialismus", seit dreieinhalb Jahren hat sie der Bolschewismus praktiziert. — [6]) Also das ist die Erlösung des Proletariats durch die Machteroberung des Staates: Staatskapitalismus. Und diese Erzbetrüger nennen sich „Kommunisten"! — [7]) Im Irrsinn, sagen die Platten, viel besser und rechtschaffener. — [8]) Ueber den Umweg des Staatskapitalismus! — [9]) Als ob diese Gegenden, die ohnehin in primitiv-kommunistischen Verhältnissen leben, ihn brauchten; als ob der Sozialismus nicht im Gegenteil die Aufgabe hätte, die trotz äußerer Technik und hoher materieller Kultur doch vorhandene soziale Not im Gebiete von Industrie und Landwirtschaft, durch Entfernung von Staat und Monopol, zu beheben. —

12

E.u.B.
Nr. 29
19.-26.
6.1921
S. 4

Freie Tribüne.

Von einem Arbeiter erhalten wir folgende Zuschrift:

St. (bei Linz), 5. Juni 1921.

„Ihre Zeitung sagt mir zu und ich ersuche mir dieselbe weiter zu senden.

Bitte mir auf diese Frage zu antworten: Was muß ich tun, um herrschaftsloser Sozialist zu werden?

Meine Ansicht ist folgende: Unser Volk ist sehr gewohnt, geführt zu werden, und dann habe ich gar keine Hoffnung, daß in ihm die Ideen verbreitet wird, daß es auf Grundlage der anarchistisch-kommunistischer Weltordnung besser leben könnte. Um das Volk aus seiner Irrung zu führen, erscheint es gegenwärtig als tauglichstes Mittel ein bißchen „Terror". Das Volk will geführt sein und trotz Unserer kann auch etwas „terrorisiert" werden.

Sie könnten, bitte, meine Ansicht in Ihrem Blatte zum Ausdruck bringen und dazu einladen, daß Kameraden dazu Stellung nehmen. Einer günstigen Erledigung meiner Anfrage und Bitte sieht entgegen

O. S."

Unsere Antwort.

Es ist verfehlt und unrecht, von einer vorgefaßten Meinung über andere, das Volk, die Durchschnittsmenschen usw. auszugehen und, daran anknüpfend, eine Idee zu beurteilen. Man tue solches nur im Einklang mit der Wertung des eigenen Ichs. Sicherlich, Kam. O. S. ist nicht der Meinung, daß er ein bißchen Terror benötigt, um vernünftig zu handeln, warum annehmen, daß das Volk ihn braucht? Und wenn dies sogar wahr wäre, so müssen wir das Volk eben geistig solange aufklären und belehren, bis es jene Stufe der Einsicht erreicht, die jeder einzelne von uns für sich beanspruchen. Kein Mensch hat das von sich selbst, ein Idiot zu sein und Terror oder Prügel zu benötigen, um vernünftig leben zu können, warum annehmen, daß das Volk ohne Vernunft, ohne bildungsfähiges, durch die Erfahrung greifendes Denkorgan sei? —

Man ist herrschaftsloser Sozialist, wenn man in Wort und Tat für die Herbeiführung eines herrschaftslos-sozialistischen Gesellschaftsstandes wirkt.

Kameraden! Sammelt für das Krapotkin-Werk!

An die ungarischen Kameraden in Amerika!

Wir machen, mangels eines sonstigen Verständigungsmittels, hier darauf aufmerksam, daß in Wien eine von unserem anarchistischen Kameraden Imre Sinalura — „Emigrant — verfaßte, von unserem Standpunkt geschriebene, antibolschewistische Broschüre unter dem Titel: „A mi utunk . . . usw." (Unser Weg; eine Kritik der pseudorevolutionären Theorie des Bolschewismus, im Zusammenhang mit der Schrift von Paul Levi" erschienen und für alle ungarisch Lesenden äußerst lesenswert ist. Preis des Einzelexemplars 15 Cent. Sämtliche Bestellungen richte man an Sch. Großmann, Kastenenburg (bei Wien), Schießstattgraben 237, Republik Oesterreich.

Die ungarischen anarchistischen Emigranten

Von Chicago erfahren wir den Tod eines hochbetagten Pioniers der freiheitlichen Sache unserer Richtung, Anton Leist, schon Anfang 1860 in Mannheim Mitglied der dortigen Freien Gemeinde, in Chicago bis zum letzten Augenblick Mitkämpfer unserer prächtigen „Freisinnigen Gemeinde der Südwestseite", ist im Alter von über 86 Jahren, nach kurzer Krankheit, sanft entschlafen. Bis zuletzt wurde er solidarisch betreut von seiner Tochter, der wackeren Genossin und Lebensgefährtin unseres Kameraden Gustav Weck. Ehre dem Andenken Anton Leists!

Bund herrschaftsloser Sozialisten

Samstag, den 18. Juni 1921, um 7 Uhr abends (präzise) im „Apollonium", Wien, I. Postgasse 11.

Vortrag

PIERRE RAMUS

„Die Unfähigkeit einer Bestimmung des Rechts durch Staat und Staatsrechtslehre"

Wir ersuchen um zahlreichen Besuch!

An die Leser, Abonnenten und Kolporteure!

Die Zeitschrift „Erkenntnis und Befreiung" ist ein Gemeinschaftsprodukt der [illegible] für die Bezieher, aller sie [illegible] Administrativ- [illegible], finanziell oder propagandistisch [illegible]. Ihre Zukunft und ihr Aufschwung sollen dazu dienen, das soziale und wirtschaftliche Interesse aller unter Volkskämpfer [illegible] Blattes auf das Beste zu wahren. Zu diesem Zweck ist das Blatt auf einer Grundform fundiert, keinem Privatgewinn gestellt. Das [illegible] sich [illegible] Honorierung [illegible] in [illegible] Form: erstens in einem [illegible] ein ideales Unternehmen des Kommunismus zwangloser Assoziation, sondern auch für seine persönlichen, ergeben, individuellen wie materiellen Interessen, diese sowohl ideal- [illegible] als auch wirtschaftlich begrüßen.

Alle für die Zeitschrift „Erkenntnis und Befreiung" bestimmten Zuschriften, Sendungen und Gelder sind zu richten: Rudolf Großmann, Klosterneuburg (bei Wien), Schießstattgraben 237, Niederösterreich zu richten. Abonnementpreis inklusive Porto für das Inland bei monatlichem Bezug durch den Verlag können wir ungeschmälert fortwährend [illegible] nummer 10 Cent. Bei Mehrbezug (wie oben) 10 H [illegible]

Unverlangte Manuskripte werden nicht retourniert, brieflichen Anfragen nicht beantwortet, wenn kein Rückporto beiliegt. Die Einziehung des Abonnementbetrages erfolgt durch das Postsche Konto 175.701, alle Postämter spesenlos werden quittiert. Bewegungsanzeigen wie [illegible] 1 Krone für die [illegible] oder mit [illegible] K 10.— per Einschaltung berechnet.

Die Zeitschrift „Erkenntnis und Befreiung" ist [illegible] direkte politische Folge der vor dem Krieg [illegible]

BEST COPY AVAILABLE

174

830308048

The Emma Goldman Papers

[Interview] Emma Goldman on Verge of Collapse, Homesick / Emma Goldman. – p. 2 ; 29 cm. *In* The Los Angeles Times. –(Aug. 8, 1921).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

August 8, 1921
Pt 1, pg 2

MONDAY MORNING. Los Angeles

EMMA GOLDMAN ON VERGE OF COLLAPSE, HOMESICK.

Ex-Bolshevist Describes Interview With Former Radical in Russia; Haunted With Fear of Death.

For some weeks past reports have persisted that friends of Emma Goldman are seeking permission from the government for her return to the United States from Russia, where she was deported with Alexander Berkman and 247 other convicted radicals on the "Soviet Ark" on Dec. 22, 1919.

The following article throws a new and revealing light upon the reasons that may lie behind these efforts. It is the first statement regarding the present activities of these, the best known of American anarchists, and more especially regarding their attitude toward the Bolshevist regime, that has come from any personal friends who have visited them in Russia.

Joseph Kucera, the author, is a Bohemian by birth who has lived for many years in the United States, of which his wife is a native. He was long known for his writings in behalf of the radical labor movement and knew Berkman intimately in that work. In 1919 he became an apostle of Bolshevism in Czecho-Slovakia and the following year went to Russia, where he spent four months with Mrs. Kucera. Since his return he has been an active opponent of Bolshevism.

BY JOSEPH KUCERA

We were leaving Petrograd under escort and [illegible] to Reval. An old-time [illegible] on the station platform to see us off.

[illegible] We grasped [illegible] Yet we dared not [illegible] some one [illegible] having pretended to [illegible] day in the [illegible] Berkman and [illegible] now

[illegible] from the south, [illegible] to gather material for [illegible] which, after having [illegible] atmosphere of fear of death. We ourselves had [illegible] eyes, as had the other Americans not involved in Bolshevism to do business. The only [illegible] Americans in Russia are those engaged in the well-paying [illegible] of putting the United States on the Red map.

Emma took care to emphasize [illegible] a libel by her against the Bolsheviki, and printed abroad [illegible] in every [illegible]

She was a good girl. She knew [illegible] they heard everything and saw everything. Besides, it is one thing to fight in the open, and [illegible] an enemy who [illegible] gives us food, or stabs us in the back.

Formerly Emma spoke openly and the Bolshevists know well her opinion of them. But every time anything she said was published abroad and the Bolshevists heard of it some one had to suffer. At last it was the poor unfortunates who had been deported with her or after. No one bothered about them when they were sorted into categories. The Bolsheviki were afraid to harm Goldman or Berkman, but they found a way to keep them quiet. Their friends were made their hostages.

We had heard of this in Moscow where a Communist said to me:

"If we could only get rid of her in some way, perhaps we could do something with Berkman. We have tried in every way to separate them, but they stick together like glue. If we should do away with one, the whole thing would be used against us."

Thanksgiving dinner such as we had every year," she said.

We were all depressed. My wife and I, at least, were on our way to the United States, but Emma's longing to return may never come true. I shall always remember her terrible sadness as she rebuked us.

"Well, at least you are on your way home. You ought to be happy."

Before we left she gave my wife, whose [illegible] had been stolen by the [illegible] commission, a suit of [illegible] underwear.

"Still [illegible] States," she said with a [illegible] in her eyes. "Don't forget [illegible] as you get to Germany [illegible] Kropotkin's friends [illegible] under wear [illegible] to wear this winter.

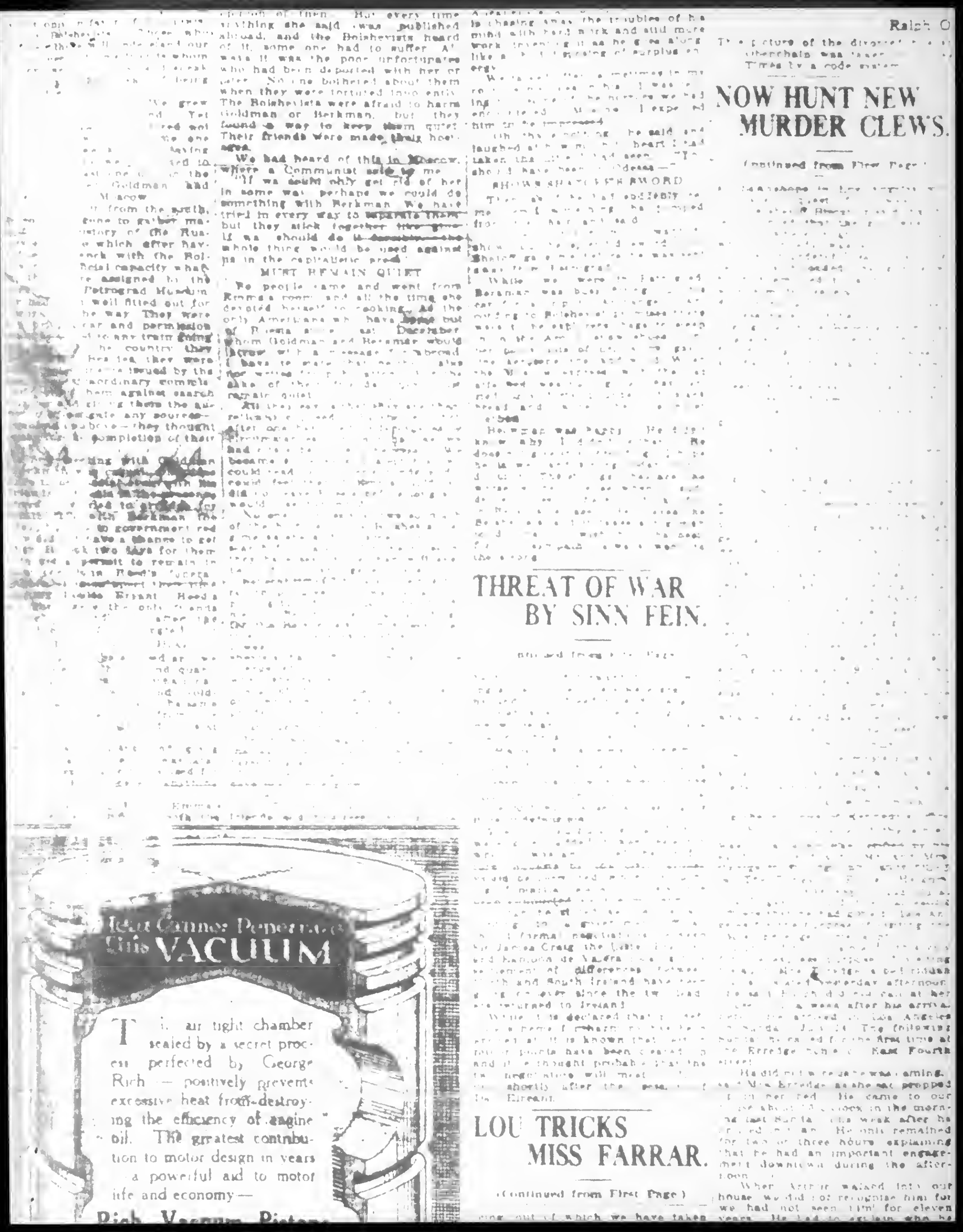
[illegible] I met him just after [illegible] years spent in the [illegible] for his activities [illegible] Henry [illegible] and I was glad [illegible] how well he had adjusted [illegible] endless Russian [illegible] seemed happy—I saw he seemed happy, but I would gamble anything that he would [illegible] this change has meant [illegible] which [illegible] Russia [illegible] Americans [illegible] [illegible] still [illegible] [illegible] [illegible]

830308048

The Emma Goldman Papers

[Interview] Emma Goldman on Verge of Collapse, Homesick / Emma Goldman. – p. 2 ; 29 cm. *In* The Los Angeles Times. –(Aug. 8, 1921).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Ralph O

The picture of the divorced [illegible] Oberchain was taken [illegible] Times by a code system

NOW HUNT NEW MURDER CLEWS.

(Continued from First Page)

[illegible] Goldman had [illegible] Moscow [illegible] from the south, [illegible] gather ma- [illegible] history of the Rus- [illegible] which after hav- [illegible] work with the Bol- [illegible] official capacity what [illegible] assigned to the Petrograd Museum [illegible] well fitted out for the way. They were [illegible] car and permission [illegible] any train going [illegible] the country they [illegible] tea, they were [illegible] issued by the [illegible] ordinary commis- [illegible] them against search [illegible] giving them the au- [illegible] segregate any sources [illegible] above—they thought [illegible] completion of their [illegible] max with Goldman [illegible] [illegible] with Berkman for [illegible] government red [illegible] have a chance to get [illegible] two days for them [illegible] and a permit to remain in [illegible] in Reed's quarters [illegible] Bryant Hood a [illegible] the only friends [illegible] after the [illegible] [illegible] [illegible]

890209042

The Emma Goldman Papers

[Interview] Emma Goldman on Verge of Collapse / Emma Goldman.— p. 2 ; 27 cm.
In The World. —(Aug. 8, 1921, fragment).
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

number of farm workers in Russia had increased 50 per cent since 1916.

When the Soviet reform began in March, 1921, the government, in addition to the natural difficulties, had been hidden, were nearly exhausted, but the crop prospects were good. This was the situation when the Polish campaign brought further complications and requisitions in addition to the natural produce tax.

At the close of 1920 the Government found the food supplies grossly inadequate, and in February the revolt under the impression for a time of foodstuffs from Siberia. In the early spring the Soviet instituted free trade and reorganized the co-operative societies in the provinces, but these measures were not productive of great practical results and the people pinned their hopes on a good harvest.

Drought Ruined Crops.

Then the drought set in, with an almost total loss to the crops in the Volga region resulting in a hopeless situation. Alarming reports began to pour into Moscow not only of famine but of the mass migrations from the Volga regions, which the Government still is unable to control. Last year the Soviet encouraged emigration, when 120,000 persons were transferred to Siberia, realizing the threat of famine which had been growing for several years. The emigrants now often are greeted by the natives with clubs and rifles, but the Government's efforts to stem the tide of emigration is without appreciable results.

During July, according to Mrs. Harriman, the heavy rains spoiled much of the hay crop. The Government is making an effort to save the live stock by concentrating herds on the natural pasturage slopes of the Ural Mountains. The peasants however, are loathe to adopt this plan, fearing they will never get back their cattle.

The health situation, Mrs. Harrison says, is distressing. While cholera is under control, incomplete figures showed there had been 84,000 cases up the end of July, most of them in the Government of Astrakhan. There were only 195 cases in Moscow up to July 25 and the Health Department, which Mrs. Harriman said was exceedingly efficient had done splendid work. Typhus will be a menace with the approach of the cold weather. Tuberculosis and venereal diseases are making terrible ravages among the people.

Fall of Soviets Is Thought Possibility in Washington

(Special to The World.)

WASHINGTON, Aug. 7.—The announcement from Reval that the Soviet Government of Moscow would send delegations abroad in connection with famine relief is arousing some interest among our officials. Prof. Bechtereff, formerly of the University of Petrograd, is announced as leading the delegation destined to the United States.

Unless the policy of our State Department changes the Soviet delegation is not likely to be admitted to this country. If it came representing merely the starving people of Russia it might have a chance to get in, though nobody is willing to admit that there is any necessity for an official Russian delegation to this country, inasmuch as the American contribution to Russian relief is not [illegible]. But the Administration is unwilling to admit that the Soviet Government is the real power in Russia.

HARVEY DOMINATES INTEREST OF ALLIES ON EVE OF COUNCIL

U. S. Envoy Is Being Carefully Studied, as He May Swing Balance in Silesian Row.

NO INKLING GIVEN WHETHER OR NOT HE HAS INSTRUCTION

Many International Personalities Seeking Ear of Supreme Council To-Day.

PARIS, Aug. 7 (Associated Press).—Ambassador Harvey, because he represents the United States, is the most carefully studied personality of all those who have come to Paris to take part in the five-power conference beginning to-morrow. The three Prime Ministers of France, Great Britain and Italy, respectively M. Briand, Mr. Lloyd George and Signor Bonomi, are known men here; their Governments have already taken their position on the partition of Upper Silesia, the principal question before the Supreme Council.

Each represents well defined policies on the other disturbing problems such as Greece and Turkey, awaiting solution. The attitude of Washington, however, is not known. Ambassador Harvey, although he takes his seat at the table ostensibly merely as an observer, is looked upon by each party to the various controversies as a potential ally, and as one who may have the deciding voice as arbitrator or friend if the council divides into factions.

Hope He Has Instructions.

It is generally hoped that the American Ambassador bears instructions to be more than a reporter of the proceedings, that he will, as occasion arises, have constructive suggestions to offer. However, in his official calls to-day he is understood to have given no intimation of any instructions beyond those of an impressive and benevolent witness.

Baron Hayashi, the Japanese Ambassador, is expected to be impassive and enigmatic, but his vote is regarded as uniformly favorable to Great Britain.

The American Ambassador has resolutely refused all requests for a

The important mining and manufacturing townships have a majority for Poland. The Poles interpreted the result as giving them virtually all of the country east of the River Oder. Germany demands Upper Silesia as a whole.

The commission, which under the treaty could decide the question by a majority vote, was unable to arrive at a decision. The French Commissioner drew the frontier line along the Oder, giving Poland all the mining district of 908 townships, of which 673 voted Polish and 200 German, and giving to Germany 536 townships, of which 502 voted German and 28 Polish.

The British plan concedes to Poland a small portion of the mining district where the Poles are in a clear majority. The Italian Commissioner gives Poland less than the French, but more than the British.

The question is complicated by the Polish insurrection in the disputed territory. Premier Briand insists with the utmost firmness upon the broad justice of the French Government's position. He affirms that it is a question between eighteen or twenty cosmopolitan financiers on the one side and the mass of Polish workers on the other.

Italian Premier Is On Way To Paris With Ministers

ROME, Aug. 7.—Premier Bonomo, Minister of Finance Soleri and Minister of Foreign Affairs left for Paris to-day to attend the sessions of the Supreme council.

DISARMAMENT AIDED BY CHURCH COUNCIL

Representatives of Thirty Denominations Pledge Support to Harding's Step.

In a letter to President Harding today the Federal Council of the Churches of Christ in America pledges its support to the step he has taken looking toward an international conference to consider the limitation of armaments.

In keeping with this assurance of support the council issues a special appeal to the federations of churches and associations of ministers in 175 of the leading cities of the country urging them to carry on a vigorous educational campaign on disarmament between now and the date of the conference.

When the Federal Council of the Churches, the National Catholic Welfare Council and the Central Conference of American Rabbis joined in designating June 5 as Disarmament Sunday, they urged the President to take the initiative in calling a conference on disarmament. The letter to President Harding was signed by Dr. Robert E. Speer, President of the Federal Council of the Churches; John H. Finley, Chairman of its Commission on International Justice and Good Will, and Dr. Sidney L. Gulick, Secretary of the commission. It says:

"In declaring our conviction on this great moral issue we are confident that we are voicing the sentiment of the overwhelming majority in all of

YOUNG JAPANESE LAWMAKERS BOOST DISARMING PARLEY

See Chance to End Foreign Suspicion of Tokio's Aims—Organize to Study Agenda.

MIURA PUSHES HIS PLAN TO END GENERAL STAFF.

Canadian Premier Declares Britain World's Greatest Factor in Preserving Peace.

TOKIO, Aug. 7 (Associated Press).—The younger members of the House of Peers and the House of Representatives, headed by Prince Konoye, to-day organized "the Constitutional Association," apparently to meet questions likely to arise at the Washington conference.

Prince Konoye outlined the views of the organization that the proposed conference was not a national calamity for Japan, as some people believed, but a golden opportunity to explain to the world Japan's standpoint and intentions on world problems and generally an opportunity for developing the empire's relations.

The new society, he said, held the belief that it was imperative for the Government speedily to evacuate Siberia—that the occupation had caused suspicion abroad respecting Japan's militaristic ambitions for territorial expansion. The association also denounced any project for international control of China, believing that it was essential to respect China's sovereignty.

Miura Sees His Staff Plan As Step to World Peace

WASHINGTON, Aug. 7.—Details have been received here of the agitation started in Japan under the leadership of Viscount Gen. Goro Miura of the Privy Council for the abolition of the Japanese general staff as now constituted, as a step toward limitation of armaments. It is learned that Viscount Miura has declared that the Japanese general staff was borrowed from Germany and is contrary to the new spirit of Japan.

"The abolition of the general staff would open the door to disarmament," Viscount Miura declared in a recent statement. "Readjustment, so badly needed in all fields of Government service, is conditional on the control of all branches of the army by the War Office. The proposed withdrawal

EMMA GOLDMAN ON VERGE OF COLLAPSE

(Continued From First Page.)

about them when they were tortured innocently. The Bolsheviste were afraid to harm Goldman or Berkman, but they found a way to keep them quiet. Their friends were made their hostages.

We had heard of this in Moscow, when a Communist said to me:

"If we could only get rid of her in some way, perhaps we could do something with Berkman. We have tried in every way to separate them, but they stick together like glue. If we should do it forcibly, the whole thing would be used against us in the capitalistic press."

Reason Is Menaced.

So people came and went from Emma's room, and all the time she devoted herself to cooking. As the only Americans who have come out of Russia since last December whom Goldman and Berkman would intrust with a message for abroad, I have to state that neither talks nor writes for publication. For the sake of their friends, they must remain quiet.

All they say is that they are theoretically opposed to Bolshevism. Yet, after one has lived under the same circumstances for months (as we had), talk becomes unnecessary. We became so tense and alert that we could read each other's minds, and I could feel that if Emma Goldman did not love Russia before long she would lose her mind.

No one in Russia knows so much of the horrors of the Bolshevist regime as she and Berkman. In their search for material for the Museum they have seen more than will ever be told in many generations.

Several times I have seen since my return pictures or news items purporting to indicate that either Goldman or Berkman is "propagandising" for the Bolshevists. I must say that this they have always refused to do. I was told in Moscow that the Bolshevists had offered Emma entire charge of the hospitals, and that when she refused they offered her charge of the schools. But they will only work where they can be independent of the Bolsheviets.

Berkman "Seems" Happy.

In one way it was amusing to hear this world-famous Anarchist refer to herself as an American. She talked of Thanksgiving, then only a few days past. She grew sad.

"I wonder if I will ever spend another Thanksgiving 'at home' with friends and relatives, at a real Thanksgiving dinner such as we had every year!" she said.

We were all depressed. My wife and I, at least, were on our way to the United States, but Emma's longing to return may never come true. I shall always remember her terrible sadness as she rebuked us:

"Well, at least you are on your way home; you ought to be happy."

Before we left she gave my wife, whose extra clothes had been stolen by the Extraordinary Commission, a suit of worm underwear.

"Bill from the States," she said, with a bright light in her eyes. "Don't forget, as soon as you get to Germany, to have Kropotkin's friends send him some woolen underwear, for he has nothing to wear this winter."

Berkman was different. I met him just after his fifteen years spent in the Western Penitentiary for his attempt on the life of Henry C. Frick, and I was amazed at how well he had endured it. He endures Russia just as well. He seemed happy—I say he "seemed" happy, but I would gamble anything that he would willingly change his present big jail, which is Russia, for the little cell in Pittsburgh at a moment's notice. He is chasing away the troubles of his mind with hard work and still more work, inventing it as he goes along, like a child disposing of surplus energy.

We talked often, sometimes in my room, sometimes in his. I was telling him some of the horrors we had encountered in Moscow. I expected him to be impressed.

"Oh, that's nothing," he said, and laughed at how much to heart I had taken the little I had seen. "You should have been in Odessa—"

Fears He Will Collapse.

Then, as if he had suddenly remembered something, he jumped from his chair and said:

"Come to my room; I want to show you the splendid sword 'Bill' Shatoff gave me before he was sent away from Petrograd."

While we were in Petrograd, Berkman was busy fitting out his car for a trip to Archangel. According to Bolshevist promises there were to be explorers' bags to sleep in in the Arctic, snow shoes, rubber boots, lots of provisions, gasoline, kerosene, coal and wood. When the Moscow express, with the car attached, was pulling out they carried only forty pounds of black bread and wore their summer clothes.

Berkman was happy. He didn't know why; I didn't, either. He does not give in to brooding. I hope he is well and strong to-day, but I doubt it. The stronger they are, the worse is the collapse when it suddenly comes. I hate to think of it in Berkman's case. He braves the Bolshevists, and it takes a big man to do that. I wish him the best, for my sympathy always went to the strong.

Copyright, 1921, by the Press Publishing Co.
(The New York World.)

LIGHTNING KILLS TWO, SHOCKS MANY

(Continued From First Page.)

intense. Miss Lena Blank, twenty-six, No. 515 Neptune Avenue, Coney Island, a cloak finisher, was in the surf with Mrs. Tillie Pasnik, No. 413

Storm Cuts Off Elmira Lighting and Power Supply.

ELMIRA, N. Y., Aug. 7.—This city

NATION DEMANDING EARLY REPEAL OF DRASTIC DRY LAWS

Be for Prohibition, but Be Reasonable, Say Flood of Letters to Congressmen.

NO PLEAS FOR OLD SALOON. BUT 2.75 BEER IS WANTED.

Tax on Beverage Would Produce Billion Dollars to Ease Taxes, It Is Argued.

(Special to The World.)

WASHINGTON, Aug. 7.—A study of the letter files of members of Congress shows the most decided revulsion against drastic Prohibition that has been manifested since the Volstead law went into effect. In a search of several days through letters and telegrams, The World correspondent found no suggestion that the country return to the old saloon, but a very positive demand, volunteered by all sorts of people, for non-intoxicating beer and wine.

It is apparent from communications to members of the House and Senate that the rank and file of supporters of sane temperance legislation are tired of the professional Prohibitionist who describes everybody who does not agree with him as a "bar-room bum" and is afraid to trust the physicians of the country to prescribe intoxicating liquors for medicinal purposes.

"Be aggressive for Prohibition, but not unreasonable," is the substance of the advice Congressmen are receiving from their constituents.

Texas Help Sentiment.

One of the reasons for these spontaneous suggestions from the people is the serious question of taxes. It has been made clear from figures in the Treasury that the Government is receiving very little of the profits made on substitutes for liquors with a kick. It is also known to revenue agents and observing persons generally that intoxicating drinks are becoming more plentiful and easier to get than ever before since the Nation went dry. Those who desire strong drink can secure it if they have the money and "know the ropes." Representatives of the Bureau of Internal Revenue admit in private that such is the truth.

Without any special prompting, showers of letters urging Congress to remove the ban put on non-intoxicating beer by the Volstead act are going to members of Congress. Some of the active Prohibition leaders who put through the National Prohibition Act

DIGGERS FIND 1000 QUARTS OF WHISKEY

Buried ten feet under ground in the woods one quarter of a mile west of Barnegat, N. J., 1,000 quarts of Scotch and rye whiskey were found by Sheriff Harold Chafey, Under Sheriff Alfred W. Brown jr. and seven constables early yesterday. The liquor is valued at $25,000.

Seven men were arrested and taken to the Ocean county jail. John Maxwell and George Walch of Atlantic City, alleged to own the whiskey, were among those arrested. The others are Max Unruh of Barnegat, Julius Schlingloss, Julius Schlingloss jr., and Edwin Berg of Manahawken and Andrew Grob of Atlantic City.

It required two trucks to take the whiskey to the jail where it was placed under guard.

SUSPECT ARRESTED IN KENNEDY CASE

(Continued From First Page.)

said yes, and the man was shown to the room, but preferred a south room. The south room being occupied by a woman, the man agreed to pay her a bonus of $1 per day if she would exchange rooms with him. Her window was directly opposite Kennedy's offices. He paid a week's rent in advance, explaining to the manager he probably would leave within forty-eight hours.

He said he must have company in his room, explaining that a woman cousin of his, would call on him frequently, that the calls would be made by her during afternoons, that he would leave his door open, which was satisfactory to the hotel manager. The woman who visited his room was not Mrs. Obenchain. The cousin was described as about twenty-four years of age, tall, dark complexion, with long, straight black hair, well dressed and very intelligent in appearance.

Friday evening the man received a telephone call from a woman. He was not in, and the woman, expressing disappointment, told the clerk to tell him this cousin had called. Returning an hour later he was given the message, but left without saying a word. Returning to his room at 7.45, he left immediately, carrying a package about three feet in length, heavily wrapped in newspapers.

Carried Long Package.

The night clerk met him with the package under his arm as he was walking east toward Spring Street, presumably where the rented automobile was parked. It was midnight when he returned. Saturday morning the hotel manager walked by his

BEST COPY AVAILABLE

890109011

The Emma Goldman Papers

[Interview] Note Americane: Intervista con Emma Goldman [From America: interview with Emma Goldman. In Italian] / Emma Goldman.– 27 cm. *In* Il Libertario [Spezia]. –(Sept. 1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

za sparando diversi colpi ove furono trovati i cadaveri dei due assassinati. Essi però, dal luogo ove si trovavano non potevano aver visto il Fortunati e tanto meno di averlo veduto sparare come affermano, poi che questi nel frattempo era in tutt'altra località ; per due volte trovato disarmato.

Il Guidetti stesso inoltre dichiarava che il maresciallo della malemerita era in ottimi rapporti con il locale Fascio e che anzi aveva dichiarato ai dirigenti di questo, che avrebbe egli stesso fatto sapere quando sarebbe giunta l'ora per l'azione repressiva.

E si vede che per il 1. Maggio l'aggressione freddamente preparata era pronta in tutti i suoi particolari, compresa l'approvazione del capo dei militi della malemerita locale.

Non ci meraviglia, quindi, che questa perla di funzionario falsamente testimoni ciò che i fatti stessi smentiscono ai danni del Mazzali e del Fortunati. Sicuro.

Perchè il Mazzali trasportato in istato grave all'ospedale fu per ordine della questura subito piantonato ed ora trovasi alle carceri della nostra città, egli ferito, imputato di mancato omicidio di uno dei due fascisti arrestati; il Fornaciari il quale a dimostrare la falsità dell'accusa non ha riportata neppure una scalfittura ed a sua testimonianza non ha che un paio di pantaloni con un buco, che, egli dice, sia stato fatto da un colpo di rivoltella. Il Fortunati che ha la stessa imputazione assurda e ridicola fu arrestato non il 3 ma il giorno 2 in San Ilario d'Enza da un gruppo d'azione fascista, coadiuvato da due carabinieri del luogo, che a quanto sembra, sono agli ordini diretti del Fascio.

Lasciamo a voi i commenti. Lasciamo a voi le conclusioni della su esposta narrazione che non teme smentite e che è avvalorata dalle più ampie prove testimoniali.

Il Fortunati sarà processato in Assisi dalla giustizia così detta legale, perchè ha avuto la brutta idea di sfuggire alla giustizia sommaria ma legalizzata dai sicari degli agrari emiliani.

INSURREZIONE NELLE INDIE

Mentre Lloyd George continua a trattare col rappreeentante dell'Irlanda, De Valera, per venire ad un accordo coi sudditi ribelli (accordo che non pare poesibile poichè gl'irlandesi non intendono rinunziare alla loro completa indipendenza) l'India insorge contro la dominazione inglese, creando coei non poche preoccupazioni al capo del go-

I TIRI DEL DIAVOLO

I.

DIDEROT

L'*Enciclopedia* sorse come una traduzione. Diderot e D'Alembert avevano deciso di tradurre dall'inglese l'Enciclopedia dello Chambers. Poi, l'idea del lavoro andò ampliandosi. Conservarono il titolo, ma decisero di riunire in volumi l'universalità delle scienze, delle lettere e dell'arte, richiedendo la collaborazione ai migliori ingegni della Francia. Vi entrarono così Rousseau, Daubeten, Marmontel, Leblond, Lemonnier ed altri. Il lavoro venne suddiviso ed a D'Alembert toccò il merito di comporre la stupenda prefazione dell'*Enciclopedia*.

Diderot che fu il collaboratore più assiduo, si riservò la revisione di tutti gli articoli, e la redazione del *Prospectus*, del *sistema delle cognizioni umane*, degli articoli di filosofia antica, di arti e mestieri. Rousseau scrisse intorno alla Musica ; Doubeton, Marmontel, Leblond, Lemmonier ed altri, trattarono le altre scienze. Fedele alla sua dichiarazione che « il primo passo verso la filosofia è l'incredulità», Diderot rifiutò il concorso diretto ed indiretto dei Gesuiti e dei Giansenisti nella collaborazione della parte teologica. Come conseguenza i due primi volumi dell'*Enciclopedia* furono soppressi per decreto reale, e del terzo volume ne venne interdetta la stampa. Anche qui la perseveranza di Diderot ebbe ragione dei gesuitofili: uscì il terzo volume, e poi anche il quarto ed il quinto. Nuova rappresaglia : la sottoposizione dell'*Enciclopedia* alla censura. Nuova lotta di Diderot, che mercè protezioni potenti riesce a riottenere il privilegio di libera stampa. D'Alembert scoraggiato ritira la sua collaborazione e Diderot resta solo sulla breccia. I Gesuiti questa volta attaccano direttamente senza più ricorrere al re — un solo *enciclopedista*: risparmiano Voltaire.

I redattori deliberano in massa di non rispondere alla provocazione, ma Voltaire, l'unico non attaccato, risponde, invece a modo suo e per conto proprio, senza tregua e nè quartiere. Diderot restò trent'anni all'*Enciclopedia*. Peusatore e anche lottatore per tutto il trentennio.

***

Più d'una volta, ed in occasione dei suoi scritti, l'ardimento e la perseveranza di Diderot levarono molto grido — trattava le sue questioni con una vena inesauribile ed una convinzione profonda.

Inoltre era convinto del gran bisogno di agire. Il periodo pre-rivoluzionario e occorre molto insistere perchè fra la massa vi è chi predica indefessamente tutto l'opposto, e fa una propaganda nlacre per uno Stato detentore e distributore di tutta quanta la ricchezza. Il valore funzionale della massa non deriva solo da una messa in azione delle sofferenze, ma anche delle idee — la massa combatte e cammina, combatte sotto l'impulso delle sofferenze ma cammina sotto la guida delle idee. Le sue energie latenti la mettono in condizioni di combattere e di camminare.

I suoi vantaggi dipendono dalla guida, ma anche la guida ha poca influenza su di una massa poco predisposta a comprenderla, non è quindi sufficiente spingere la massa a muoversi prendendo le sue tribolazioni come unico punto di partenza, occorre anche e specialmente farle comprendere in quale assetto sociale il suo progresso verso il benessere morale e materiale potrà svolgersi con tranquillità.

La borghesia rivoluzionaria, sotto questo punto di vista, deve molto all'*Enciclopedia*. Il più accanito, sia moralmente che materialmente, contro il libero svolgersi borghese era il clero, e contro il clero si diressero tutti gli strali della *Enciclopedia*, tutta la vena, tutta la perseveranza e tutta l'audacia di Diderot. L'*Enciclopedia* è un'opera gigantesca ed immortale appunto in questo — ed è il grande monumento di Diderot. Oggi che la borghesia detiene, tutti gli strali del proletariato sono diretti contro di essa — la borghesia opprime, ma in realtà è lo Stato che agisce e reagisce per la sua conservazione secolare. Detenuto dall'aristocrazia e dal clero, opprimeva; detenuto dalla borghesia opprime, ed opprimerà sempre, qualunque sia la frazione che lo detenga, perchè questa è la sua funzione: Arrestare la marcia del genere umano; aristocrazia, clero, borghesia, tutti l'hanno tentato — togliere la parola all'intelligenza, abbandonare gli ingranaggi della costruzione sociale all'avidità dei mediocri, sovrapporsi al popolo in qualità di oligarchia, tale è e fu sempre il compito degli abili. E gli abili non sono il monopolio di nessuna classe o partito — da qualunque parte ci arrivano essi sono ugualmente mediocri e traditori, essi sono i rappresentanti della frazione che usurpa, contro la quale presto o tardi dovrà sollevarsi il tutto per la necessaria rivendicazione del suo diritto. Dire abili è lo stesso che dire uomini di Stato.

L'insurrezione è la scossa del progresso — il popolo si leva per andare avanti. L'insurrezione è sempre un diritto ed un dovere quando è la guerra del progresso contro lo Stato. Il progresso ha ai suoi quattro punti cardinali le quattro avanguardie del genere umano. Diderot, Turgot, Voltaire e Rousseau, vale a dire le quattro legioni sacre: gli enciclopedisti, i fisiocrati, i filosofi, e gli utopisti, a cui si

Note Americane

Intervista con Emma Goldman.

Il noto giornalista boemo Joseph Kucera, manda da Pietrogrado al « N. Y. World » il resoconto di un'intervista avuta con Emma Goldman ed Alexander Berkman.

Kucera, dice di avere incontrato i due deportati a Pietrogrado all'Hotel Interuazionale ove abitano, e di avere ragionato con essi proprio nei loro appartamenti, sempre frequentati da molte persone amiche, e che usano gli stessi appartamenti per cucina... quando hanno qualche cosa da cucinare.

Non posso dimenticare gli occhi di Emma - dice - essi mi fissavano come quelli di un animale sotto lo spettro della morte. I soli felici in Russia - disse la Goldman - sono coloro che sono ingaggiati e ben pagati per includere gli Stati Uniti nella rossa mappa russa.

Essa, sa tutto e conosce tutto quello che avviene nella Russia del governo Boiscevico e il governo, pur troppo, conosce le sue opinioni politiche, ma la tiene quasi segregata, mentre i suoi amici sono considerati come ostaggi. Il governo di Lenine è riuscito anche a ridurla al quasi assoluto silenzio. Parla molto male dei Bolsceviki, ma è difficile potere parlare perchè è sempre circondata da spie ; quando è a quattr'occhi parla liberamente....

Quando era a Mosca, i comunisti tentarono più volte di separarla da Berkman, offrendole alte cariche che essa ha sempre rifiutato. Innanzi alla sua ostinatezza, i comunisti non osarono forzarla per paura di una protesta generale, anche della stampa borghese estera.

Tutto quello ch'essa può fare contro il governo Boleceviko è una semplice imposizione *teorica* che non ha nessun effetto.

A questo punto l'intervista divenne intensa e parlò liberamente, ma più che le parole si leggevano nei suoi occhi quello che voleva dire, così potei constatare che se Emma non lascierà la Russia quanto prima, finirà di certo per perdere il cervello.

Prima di partire ci fissò coi suoi brillanti occhi e ci raccomandò che al nostro arrivo in Germania mandassimo degli abiti agli amici di Kropotkine, perchè questo inverno non hanno nulla da coprirei.

Povero Popolo ! Sarà ancora una volta burlato e trascinato di nuovo ad un'altra guerra, che non si farà più per la *democrazia* ma per i *diritti*, e già nè incominciano a parlare.

Mentre tutto questo avviene, il noto scienziato americano Hudson Maxim, annunciò la scoperta di un nuovo cannone, che attuato vincerebbe la guerra in un giorno : spara a 400 miglia di distanza senza far rumore. Quanto prima farà le prove da Buffalo a New York e poi ci vorranno i quattrini per fabbricarlo e poi... bisognerà usarlo.

In diverei Stati, una legge obbliga i bambini delle scuole dai 16 anni in poi, a prendere parte all'esercizio militare insegnato nel cortile delle scuole da ex ufficiali pagati dallo stato, o meglio da Pantalone.

E con questo pretendono fare la pace... Buffoni ! il disarmo ei farà quando gli uomini non vorranno più sbudellarsi e quando i capitalisti avranno le unghie mozzate dalla rivoluzione.

I Mendicanti.

Che diavolo avete fatto al patrio governo che continua a vomitare su queste spoude diplomatici, generali, deputati e simile porcheria ? Deve avere lo stomaco molto carico e molto sporco.

Dopo Rolando Ricci è la volta di Badoglio di Titoni di Bottai, Next, tutta questa gente che trionfano nei banchetti tra la ciurma briaca e tra un piatto di vermicelli rappresentano l'Italia del Re e cercano di avvicinare le società di Mutuo Soccorso i caffoni arricchiti e bramosi di commende, collari e simile chincaglieria.

Nei loro pistolotti, in presenza di 4 gatti, che non riescono a capire una sola parola, avendo cucinato il loro italiano misto di *Pie*, si limitano a battere le mani quando hanno finito.

Siccome tutti i salmi finiscono in *gloria*, così tutti i discorsi finiscono per bussare a quattrini e consigliare gli emigrati a mandare *Pezze* in Italia per poterla ricostruire. Proprio dopo la Vittoria !..

Lettere Torinesi

Dittatura poliziesca. Gli effetti della politica della collaborazione. Come si vive nelle officine.

Torino rossa. Torino ribalda che ha

890109011

The Emma Goldman Papers

[Interview] Note Americane: Intervista con Emma Goldman [From America: interview with Emma Goldman. In Italian] / Emma Goldman.— 27 cm. *In* Il Libertario [Spezia]. —(Sept. 1921).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

INSURREZIONE NELLE INDIE

Mentre Lloyd George continua a trattare col rappreseutante dell'Irlanda, De Valera, per veuire ad un accordo coi sudditi ribelli (accordo che uou pare possibile poichè gl'irlandesi non intendono riuuuziare alla loro completa indipendeuza) l'Iudia insorge contro la dominazione iuglese, creando così nou poche preoccupazioui al capo del governo.

Narrano i giornali che nelle regioni insorte, i rappresentanti del governo inglese sono stati massacrati o messi in fuga, gli uffici pubblici sono stati occupati o bruciati, i dominatori sono stati spazzati via su un soffio dall'odio popolare accumulato in tanti anni di servaggio.

Albione si è affrettata a cercare di spegnere il fuoco col sangue inviando armi ed armati per ricondurre alla ragione i sudditi ribelli. E può darsi che vi riesca.

Ma il fuoco soffocato da una parte, divampera dall'altra, finchè gl'indiani non abbiano raggiunto la loro indipeudenza, quella indipendenza che i governi dell'Intesa assicuravano, a parole, per trascinare i popoli alla grande guerra.

La vipera morde il ciarlatano!

Il Michelet rivolge ai progressisti dei suoi tempi il seguente ammonimento, il quale, purtroppo nulla ha perduto della sua primiera attualità:

«Se gli amici della libertà videro decrescere (1) il loro numero gli è che essi stessi lo hanno voluto. Molti hanno applicato un sistema di depurazione progressiva, di minuziosa ortodossia, che mira a fare di un partito una setta, una chiesuola. Si respinge questo, poi quest'altro; si abbonda in restrinzioni, in distinzioni. Si scopre ogni giorno qualche nuova eresia.

Per favore disputiamo meno sulla luce di Tabor, come faceva Bisanzio assediata: Maometto II è alle porte.

Nello stesso modo che moltiplicandosi le sette cristiane, molinisti, giansenisti, ecc., non vi sono più cristiani, le sette della rivoluzione annullano la rivoluzione: ci si rifà montegnardo, costituente, girondino; ma punto rivoluzionarï.

Si tiene poco conto di Voltaire, si respinge Mirabeau, si esclude la signora Roland. Lo stesso Danton non è ortodosso.... Chè! resteranno dunque soltanto Robespierre e San Just?»

GIULIO MICHELET

(Dalla Storia della Rivoluzioue Francese.)

(1) Per verità le file dei rivoluzionarï si sono oggi accresciute; ma il numero di coloro che hanno piena consapevolezza delle idee che propugnano continua tuttavia a mantenersi basso.

t'anni all'*Enciclopedia*. Peusatore e anche lottatore per tutto il trentennio.

***

Più d'una volta, ed in occasione dei suoi scritti, l'ardimento e la perseveranza di Diderot levarono molto grido — trattava le sue questioni con una vena inesauribile ed una convinzione profonda.

Inoltre era convinto del gran bisogno di agire. Il periodo pre-rivoluzionario e la rivoluzione stessa hanno avuto di questi giganti cresciuti all'ombra della grande *Enciclopedia*. Noi non possiamo pensare alla riproduzione in gruppo dei suoi redattori senza intravedere sul fondo il profilo immenso della grande rivoluzione, dichiarante *la morale universale base della società e la coscienza universale base della legge*. Se gli avvenimenti spingono alla rivolta, solo le idee la rendono vittoriosa e rivoluzionano gli ordinamenti. Sotto l'impulso degli avvenimenti è il pensiero collettivo che muove la storia.

La rivolta è il bisogno sociale che arma il popolo contro le prepotenze del potere. ma la rivolnzione è l'opera di una mentalità. A seconda del valore e del prestigio di questa mentalità, si annoverano poi i guadagni reali del progresso in relazione al sangue che si è sparso.

Fino a che esisterà lo Stato, e precisamente per la sua ragione di essere, rivolta e rivoluzione saranno due fatti inseparabili. L'uno e l'altro dipendono dalla volontà del popolo, e del Progresso si consolida solo quella parte che il popolo ha potuto comprendere. Il resto bisogna rimetterlo a più tardi — di qui la necessità di far comprendere al popolo la maggior parte di progresso possibile. Dire « abbasso la proprietà privata » è restare a metà strada se non si aggiunge «abbasso i poteri centrali ». C'è ancora chi concepisce lo Stato come padrone di tutto, e dalla rivolta potrebbe facilmente sorgere un nuovo potere intenzionato di avocare a sè le proprietà espropriate. Nuova forma economica in cui ancora una volta si salverebbe il peggiore nemico della Società. C'è ancora chi crede in uno Stato espropriatore e detentore della ricchezza sociale in nome della collettività, capace di risolvere la questione sociale, ma questa nuova trasformazione del potere, la quale potrà risolvere magari la questione economica della comunità, non risolverà mai il problema della libertà individuale, il quale è uno dei fondamentali.

E' quindi sulla necessità di demolire il potere centrale e non nella possibilità di una sua riforma che bisogna basare ogni ragionamento sull'avvenire dell'ordinamento sociale. E su questo fondamento rivendicazione del suo diritto. Dire abili è lo stesso che dire uomini di Stato.

L'insurrezione è la scossa del progresso — il popolo si leva per andare avanti. L'insurrezione è sempre un diritto ed un dovere quando è la guerra del progresso contro lo Stato. Il progresso ha ai suoi quattro punti cardinali le quattro avanguardie del genere umano. Diderot, Turgot, Voltaire e Rousseau, vale a dire le quattro legioni sacre: gli enciclopedisti, i fisiocrati, i filosofi, e gli utopisti, a cui si deve l'immenso progresso dell'umanità. Ma gli uomini di Stato hanno mantenuto in ogni tempo, a fianco o al disopra dei filosofi, la loro fungaia velenosa. Le controrivoluzioni non si fanno solamente contro le insurrezioni del popolo, ma anche contro i progressi del pensiero. Lo Stato si è sempre interessato del fenomeno morale, che confina colla mente forse più del fatto materiale che confina collo stomaco. Mentre il carnefice bruciava sulla piazza pubblica, di fronte al Palazzo di Giustizia, i grandi libri degli enciclopedisti, faceva pubblicare, col privilegio del re, gli scritti dei Gesuitofili. Si era talmente nel volgare che l'*Enciclopedia* non rispose nemmeno a questi rettili che ancor oggi attingono le loro fonti di vita ai fondi segreti.

L'iocalzare degli avvenimenti doveva bastare a scacciare i miasmi ed a promulgare la verità. Il vero, però, rispose — per bocca di Voltaire, di quel solo che i gesuiti non avevano osato attaccare direttamente: Ed è agli scritti di questi scribi che va ad attingere la folla che tradisce il popolo e più d'una volta sotto l'influenza di essi l'istinto chiaroveggente del popolo si è turbato ed il popolo ha mancato di fedeltà a sè stesso. La Vandea ed il 9 termidoro, per esempio.

***

Occorre quindi impedire ogni compromissione del progresso ed ogni allacciamento dell'avvenire. Bisogna convincere fin d'oggi, quando e come si può, la massa che l'insurrezione contro il potere non deve condurre alla sua sostituzione con un altro, ma al suo sfacelo completo.

(continua)

VISIONE ULTIMA

di F. FERRER

gran quadro a colori formato 50 per 70 - Prezzo lire 2,50.

Presso IL LIBERTARIO - Casella postale 10 - Spezia.

le parole si leggevano nei suoi occhi quello che voleva dire, così potei constatare che se Emma non lascierà la Russia quanto prima, finirà di certo per perdere il cervello.

Prima di partire ci fissò coi suoi brillanti occhi e ci raccomandò che al nostro arrivo in Germania mandassimo degli abiti agli amici di Kropotkine, perchè questo inverno non hanno nulla da coprirsi.

Berkman, semhra più felice, dopo un breve rsgionamento, scattò dalla sedia e mi condusse nella sua camera, ove mi fece vedere la «Swade» (una specie di giacca di lana) che gli regalò Bill Shatoff, prima che venisse espulso da Pietrogrado....

Berkman, stava preparandosi per il visggio ad Arcangel, ove passerà diversi giorni tra i ghiacci dell'artico, a raccogliere documenti per il Museo della Rivoluzione.

Questo è l'unico incarico accettato, cousideraudolo più di utilità al movimento rivoluzionario Internazioiiale e alla storia, che al Governo bolsceviko.

Kucera, si augura che il Berkman, possa uscire sano salvo dalla pericolosa spedizione e possa essere ancora utile all'umanità.

Cose vecchie.

Tempo addiotro, si formò in America un comitato di ammiratori e simpatizzanti della Goldman i quali tentavano di indurre il Governo americano a concedere il permesso per farla rientrare in questo paese. La richiesta è stata avanzata, ma il dipartimento del lavoro la rigettò, affermando che essendo stata deportata, non ha più nessun diritto di rientrare.

Forse ritenteranno la prova ma, c'è poco da sperare.

Ora si fa il disarmo.

Al presidente Harding, la testa di legno di Wall St., che rappresenta il capitalismo americano, dopo di avere approvato le spese militari di oltre 600 milioni di dollari saltò in testa di farsi frate; incominciò a predicare la pace colla eteesa facilità e disinvoltura come quando predicava la guerra. Le nazioni europee, visto che è una buona opportunità per farsi perdonare i delitti commessi durante la guerra si muovono dietro la testa di legno.

Vittoria!..

Lettere Torinesi

Dittatura poliziesca. Gli effetti della politica della collaborazione. Come si vive nelle officine.

Torino rossa, Torino ribelle che ha saputo scrivere tante belle pagine nella storia delle rivendicazioni proletarie, ora sopporta con rassegnazione la feroce dittatura della sbirraglia Torinese.

Dittatura che è incarnata in tre persone e che sono arbitri assoluti della libertà di quei cittadini che hanno il torto di pensarla col proprio cervello.

Se tutto questo succede è anche per il contegno dei dirigenti che sono a capo delle massime organizzazioni politiche ed economiche della nostra città.

Questi politicanti che sono imbevuti di dittatura del proletariato, han saputo così bene abbindolare le masse che oramai sono già abituati a sopportare qualunque sopraffazione.

L'autorità poliziesca ha preso il sopravvento su tutto e tutti. Dopo la dittatura degli industriali, era ben giusto che venisse quella della sbirraglia. Tutti i giorni siamo spettatori di nuove sorprese e non sappiamo dove questi nuovi padroni della nostra città vogliono arrivare con le loro gesta arbitrarie e reazionarie.

Infatti tutti i giorni si arresta a casaccio qualche capo del movimento o creduto tale. Tutto questo è per far vedere che si fa qualche cosa, e poi bisogna bene trovare qualche pretesto per poter fabbricare qualche processone, e così c'è la speranza di fare carriera. Non importa se si mandano in galera tanti padri di famiglia anche innocenti; purchè si giunga allo scopo.

Ieri è toccata la sorte a qualche presunto organizzatore degli *Arditi del popolo*, oggi si invade la redazione del giornale comunista *Ordine Nuovo* e si arrestano tutte le guardie rosse che sono di guardia al loro giornale: mansione che era affidata ai giovani comunisti pieni di volontà e che non credono alla burla della pace conclusa fra socialisti e fascisti.

In una parola Torino è sotto la dit-

850515004

The Emma Goldman Papers

[Interview] Not Yet Repentant, Says Emma Goldman / Emma Goldman. – 36 cm. *In* The New York Times. –(Dec. 11, 1921).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

URGES UNITY MAINTAIN PEACE

ust Get Together and Their Own Problems hong Themselves.

ERMANY TO HER FEET

Be Dealt With Justly, Malice, but She Must ke Damage Good.

R NEW STATES, TOO

nomic Order Restored Elsecaceful Co-operation Can Extended to Russia.

M. LOUGHBOROUGH.

Captain 20Sth Infantry, 77th Division, U. S. A.

1921, by J. M. Loughborough.

s the strongest of all weapn you speak truth the whole een to listen. No man need declare himself when he feels nething to say which might be d is the truth."

Marshal Foch speaking. He on the American Legion dn, in which as a guest of the le just completing a tour of can continent. During this d the good fortune to be a the party traveling on the in. My duty was to act as an ry between Marshal Foch's the newspaper writers in the ties visited.

but the trip I observed that in where the Marshal spoke at and other gatherings he has than 300 speeches while in ry and has traveled almost s, seeing millions of Ameriphasized the importance of "unity of action" in grapp after the war problems.

ho heard his speeches with the action" theme abounding in inferred and next began to er there was a strong and ea, expressed in veiled terms, at he said.

te Unity of Action Needed.

s unity of action, he said, won nd a complete unity of action r; to maintain peace. These s were made chiefly at banended by business men and of the United States. His Indianapolis is a fair example he was hinting at. There he

s the most abominable thing on far is but a means and peace l. I have seen, when in the sands of young men fallen on f battle, and in the presence ecatombs, can any one argue

e did not want war in 1914 and his war today. Every one to-

Government Spent $11,111,111 To Run Its Printing Office

WASHINGTON, Dec. 10.—If the paper used by the Government Printing Office during the year was laid flat at a thickness of one sheet it would cover approximately thirty-five square miles, and if made into octavo books, piled one on the other, they would soar 500 miles into the air, Public Printer Carter estimates in his annual report filed with Congress.

For printing and binding 60,000,000 pounds of paper were used during the fiscal year ended last June 30. Not all of the paper was needed for printing speeches of Senators and Representatives in the Congressional Record, however, as the office gets out various Government publications, Congressional documents, stationery and the like.

During the last fiscal year total expenditures of the printing office amounted to $11,111,111, compared with approximately $13,000,000 the previous year.

be called as soon as possible and act quickly. If such action is not taken as swiftly as possible, there might be grave danger of social disturbances, which generally follow economic disorder. On the other hand, if those forces representing law and order act with the greatest possible speed and precision, the world can be rescued from the economic crisis.

"It does not take a trained specialist to diagnose our trouble. After the war came a peace which was not wholly enforced. Then resulted a fever which weakened the financial and industrial heart of the world, which lessened the co-ordinating functions of the organs of the world—its industrial nations.

"These organs, which had been working together for victory during the war, began functioning individually afterward, and they are so functioning now. How can they be strengthened so that they will resume their normal duties? To my mind the process is a simple one involving three steps. These are:

"1. The victorious nations, or creditors—they are the Allies. Let them get together and settle their own problems among themselves. Let a commission of economic specialists pass on those problems. Let them make the proper recommendations for curing the financial and industrial disorders. They must establish new lines of credit among themselves. They must resume and strengthen their pre-war relations. They must act in unity, realizing they are facing a critical situation, just as they acted during the war.

Would Aid the Vanquished.

"2. The vanquished, or debtors—what shall they pay? How? When? We do not want to wring the heart's blood out of Germany, but rather to lift her to her feet that she may fulfill her obligations and resume her place in the world. Economic specialists representing the Allies can ascertain Germany's financial status and strength. Then they can act accordingly. Is it not necessary for France to know exactly what Germany is going to do in the matter of reparations before France can know what she herself is going to do? The same situation applies to England.

"The victors, or creditors, can deal with Germany in the same spirit in which your martyred President, Abraham Lincoln, spoke when he said in his second inaugural address: 'With malice toward none, with charity for all, with firmness in the right as God gives us to see the right, let us strive to finish the work we are in.' Let Germany pay, and let us deal with her in a just and helpful spirit so that she will pay. But pay she must for the tremendous injury she has in-

NOT YET REPENTANT, SAYS EMMA GOLDMAN

But She and Berkman Hope to Return to America Some Time.

TO FIGHT FOR CITIZENSHIP

Stay in Russia, Woman Declares, Has Convinced Her That Anarchy Is Only Sound System.

RIGA, Dec. 10 (Associated Press)—Emma Goldman and Alexander Berkman, whose presence in Riga became known yesterday, told The Associated Press correspondent today they were "not going to America immediately," but hoped to travel in Europe in the immediate future.

They said they hoped ultimately to reach the United States and fight in the Supreme Court to establish their American citizenship. [They were both deported to Russia from the United States in the Winter of 1919.]

"I am not returning to the United States as a prodigal daughter throwing herself upon its mercy," said Miss Goldman. "While in some cases I have disagreed with the Soviet Government, my stay in Russia has only served to convince me that I have always been right, and that anarchy is the only sound system."

Miss Goldman said she still loved America, as she always had loved it. She said she was making no comparison between Russia and America, but she announced emphatically she was "not going back to Russia." When she was asked why, her only answer was: "Because America is my country."

She said she wanted to return whenever public opinion had changed sufficiently to give her a chance to fight in the high courts for her citizenship. She said she was writing a book on Russia which she hoped would present fairly the Russian situation.

Miss Goldman said she was traveling under her own name on a Russian passport, as all her American documents had been taken away from her before she was deported, and also because she did not want to cause complications. She declined to reveal her immediate destination, but it was understood in Riga that she hoped to go to Berlin.

She appeared thin and aged by her stay in Russia. Berkman was not present during the interview, which took place in a barely furnished room on the top floor of the Bolshevik Consulate Building.

The fact that Berkman also had left Russia became known only when Miss Goldman announced that he was with her. She was surprised at the discovery of her whereabouts, and she jumped like a startled deer when the correspondent rapped on her door and addressed her in English.

She indicated she had no hope of being permitted to return to America for a long time.

"I don't want to be interviewed," she said, "but one thing you can say is that all the purported interviews quoting me while I was in Russia as being ready to return repentant to America are false. I have fought for my principles all my life, and my stay in Russia has further convinced me that there is too much government everywhere."

28 SEIZED IN DICE RAID.

Some of the Players Lost $3,000 When Robbers Held Up Game.

Five patrolmen raided a crap game at 582 Willoughby Avenue, Brooklyn, early

Belnord Apartments on Upper Broa Sold to Operator; Assessed at $4

The largest and most important real estate transaction in recent years in the upper west side of Manhattan was consumated yesterday when the Belnord apartment house, covering an entire square block, bounded by Broadway, Amsterdam Avenue, Eighty-sixth and Eighty-seventh Streets, was sold to Max N. Natanson, a realty operator.

Wood, Dolson & Co., Inc., the brokers in the transaction, refused to reveal or discuss the price paid by the buyer for the property except to say that it was an all-cash deal.

The property is assessed by the City of New York for taxation purposes at $4,500,000, and it has been reported that it has been on the market for several months at about $6,000,000. It has a rental revenue of approximately $800,000 a year.

The Belnord, which is twelve stories in height, is the largest and most complete apartment house in the City of New York. A unique feature of the planning of the building is its construction around an open court, 231 by 94 feet in dimension and covering an area of 22,000 square feet.

The property has frontages of 201 feet on Broadway and Amsterdam Avenue, 343 feet on Eighty-sixth Street and 328 feet on Eighty-seventh Street, and comprises approximately 2½ city lots. The building contains approximately 1,500 rooms, divided into 176 apartments, in addition to which there are 17 stores fronting on Broadway and Amsterdam Avenue. The building contains 14 passenger and service elevators, and separate plants for the manufacture of electricity, power and refrigeration.

It was erected about twelve years ago by the George A. Fuller Company from plans by Hiss & Weeks, architects, and was built and has just been sold by the

Belnord Realty Compa
Sherman Hoyt is Pres
Mr. Natanson has
largest and most ac
Manhattan real estat
twelve or fifteen mont
cent real estate trans
cluded the purchase
properties as No. 1 W
east corner of Broadw
Trust Building, north
Fifth Avenue and Thi
the Ashland Building
ner of Fourth Aven
fourth Street; the
Apartment House at
110th Street; the
known as No. 850 Par
west corner of Seven
the business buildings
corner of Fifth Aven
Street and at the no
Eleventh Street and
also the corner of N
and Broadway.

Discussing the sale o
terday, William H. D
Wood, Dolson Company
purchase of this lar
property by so promi
operator as Mr. Na
consensus of the we
astute real estate dea
of apartment house
west side, between S
Ninety-sixth Streets.
consensus of the wo
values and rents will
in the future.

"Another feature o
that is of the utmost
vestors is the fact tha
laws and the recent b
it nevertheless has be
quite readily a cash b
property."

WOULD FORCE RATS INTO RACE SUICIDE

No Hope of Wiping Them Out by the Usual Methods, Says British Zoo Director.

KILL ONLY THE FEMALES

Then the Males Will Fight Each Other and Eventually Destroy the Breed.

Special Correspondence of THE NEW YORK TIMES.

LONDON, England, Nov. 28.—Great Britain's strenuous efforts, during the National Rat Week just closed, to destroy the rodents said to have been responsible for the destruction of $150,000,000 worth of food last year, are pronounced by an English scientist to be completely and exactly wrong.

According to this authority, the Ministry of Health in encouraging the wholesale and indiscriminate slaughter of rats in the British Isles is merely improving living conditions for the survivors, whose progeny in less than a year will be as populous as before. There is only one way to rid the world of rats, says this man, and that is to appeal to biological laws, to upset the numerical proportions between the sexes and then leave the males to destroy their own race.

This advocate of sexual selection in place of rat poison is Director George Jennison of the Manchester Zoological Gardens, who in a recent appeal to the

BOYCOTT FO STUDENT

Undergraduate W College Lunch R cause of W

GIRLS FILL TH

Now the Boys Go taurants—Facult Over Diff

Student-waiters at
City of New York, 13
Nicholas Terrace, are
cause the managem
room cut their wages
twice in three wee
waiters say that at th
term they received 50
about 70 cents in all.
the management dec
60 cents and no lun
there was another c
cents. The students r

"Those of you who
work," says a sta
student-waiters, "kn
exactly of a pleasant
more, we are obliged
o'clock, and, since th
at 12:45 o'clock, we
which to wash up (thi
eat and rush to our f

In announcing the st
the college paper, say

"Protesting against

BEST COPY AVAILABLE

180

830308050

The Emma Goldman Papers

[Interview] Emma Goldman Not Penitent, She Declares / Emma Goldman. — p. 1 ; 29 cm. *In* The Los Angeles Times. —(Dec. 11, 1921).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

L.A. Times Dec 11, 1921 Pg 1

...ests in foreign countries during the fighting and that he pinned his faith in "Mick" collins who had stayed in Ireland and risked his life throughout the struggle.

There were conferences in mansion house today although there was no formal meeting and there will not be until after Dail Eireann meets.

The speaker of Dail Eireann came to town today and conferred with Messrs Griffith and Collins with whom he has thrown in his lot. A number of bishops also called on the plenipotentiaries bringing messages of encouragement from their dioceses while they received messages from men like Lord Mayor O'Callaghan of Cork Jo Devoiste a member of Parliament from Cork O'Meara of Limerick and many others from all parts of Ireland pledging support.

MUCH SPECULATION.

There is much speculation as to what Mr de Valera's course of action will be if he is defeated which seems certain. He may resign and retire to private life he may continue in public life holding that Paul Eireann has absolved him from his Republican oath or he may try to force a plebiscite on the treaty. If he takes the latter course it is agreed that he will lose nine to one. In any case it is practically certain that Arthur Griffith will be the first chief of the new Irish State.

Tom Johnson the secretary of the Irish Labor party told me today that labor would [illegible] the present [illegible] that it is not directly represented in Dail having [illegible] concerned [illegible] demand [illegible] influence the [illegible] members of [illegible] gather [illegible] sympathize with [illegible] the Sinn Fein [illegible] this it must be [illegible] political [illegible] toward [illegible] and [illegible]

TO RELEASE PRISONERS

BY CABLE [illegible]

DUBLIN [illegible] prisoners [illegible] release. [illegible] British [illegible] the next [illegible]

(Continued on Page [illegible])

group of seven convicts two white and five negroes after abandoning the automobile in which they escaped, kept together yesterday, and on several occasions heard members of the posse searching for them. Late in the afternoon they came to the secluded spot where they camped. Howard said that Slaughter warned the others of the party that he would kill them if they slackened.

Howard said he watched his chance and got the promise of Jim Wells and Clifton Taylor negroes, to "frame up" on Slaughter and the other negroes. They disarmed the negroes as they slept. Howard then gave a yell and as Slaughter started to arise, shot him three times. Howard and the two negroes, Wells and Taylor, surrendered.

Emma Goldman Not Penitent, She Declares.

BY CABLE AND [illegible] PRESS

RIGA, Dec 10 — Emma Goldman and Alexander Berkman, whose presence in Riga became known yesterday to the Associated Press correspondent today [illegible] here prior to going to America immediately [illegible] travel [illegible] Miss Goldman [illegible] America [illegible] has her mind changed her opinion.

[illegible] that [illegible] greatly [illegible] United States and [illegible] the premier [illegible] to see [illegible] the American [illegible] Russ [illegible] to [illegible] the [illegible] Goldman [illegible] the way [illegible] Russia [illegible] the [illegible] Goldman [illegible] the [illegible] Bolshevik [illegible]

In treating the conference, however, the [illegible] adopted its customary methods of satire, wit and humor, and dealt with the subject in a thoroughly dignified and respectful fashion. The keynote was sounded early in the proceedings, when a member of the club addressed the assembly as follows:

CLUB PAYS HOMAGE

"Five great powers meeting here in Washington, have a hlesed in a month a time more than all the world achieved for di armament in a quarter of a century of aspiration and effort. To these five powers the Gridiron Club tonight pays homage.

We feel that it is fitting for us to look upon five symbols which represent those powers, banded in common cause, whose work here is translating the great vision into fact. The symbols we shall show you are not those of war, but of peace. Tonight they stand together as closely bound by ties of brotherhood as they were in the day of a world-tragedy. We ask you, gentlemen, to look upon them."

One by one the silken banners of Japan, Italy, France, Great Britain and the United States were borne into the room, each by a bearer attired in the military uniform of the country represented and each heralded by the national anthem of that country played by the Marine Band. Every flag was received with tumultuous [illegible] all present standing. When the five had been grouped, a member of the [illegible] group [illegible]

BARRIER AGAINST WAR

"To these five flags united in the task [illegible] a barrier against war shall be built high and strong and impenetrable. The Gridiron Club of [illegible]

[illegible]

[illegible]

[

890808020

The Emma Goldman Papers

[Anarchism and its organization. In Japanese] Museifu Shugi to Soshiki / Emma Goldman.— p. 1 ; 36 cm. *In* Ròdò Undò. —no. 1 (Dec. 26, 1921).

Obtained from the University of Califomia, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

大正十年十二月廿六日納本發行　（毎月一回）　THE LABOR MOVEMENT　第一號　1

勞働運動

東京本郷區湯島二丁目十番地　勞働運動社　振替東京五一三六C番

發行兼編輯人　近藤憲二　神奈川縣三浦郡逗子町逗子九六六

發行所　勞働運動發行所　東京市神田區三崎町二の三

印刷所　岡工社

定價　一部十錢　半年六十錢　一年一圓二十錢　（郵券代用一割増）

廣告　一行十五字一段二十圓　一頁十二段二十圓

購讀申込、廣告、其他本誌に關する一切の御用向きは勞働運動社宛に御申越し下さい。

無政府主義と組織

エマ・ゴルドマン

一

無政府主義は建設的であるよりも寧ろ破壊的であるのであると、そしてそれ故に組織に對して敵意を有つものであると云ふ事をよく聞かされる。

私は、無政府主義者と雖も、組織の最も高の一形式たるべきを信ずる。しかしそれは、實に、眞の組織たらねばならぬ。それは寧ろ、狡猾で兇暴な制度ではあるまいか。

産業も亦一つの組織であると云ふ。しかしこれ程無理に違いた事はない。産業は、勞働者から、勞働者に對する不斷の搾取である。

吾々は茲に一つの組織の最も重要な特色を擧げねばならない。それは、組織の發達と共に、個人の自由が減少すると云ふ事である。

二

しかし吾々の組織に對する觀念は、そんなものではない。それは自發的に行くのに都合のいい、具合にされてゐるよりも寧ろ建設的である。

組織は、其の眞の意味に於ては、役に立たない人間ばかりの結合から成り立つものではない。それは自發的、且力ある個人の一團なければならない。實際、一つの組織の可能性と活動との總體は、其の組織内の各々の個人的精力の表現に待たなければならない。

されば、此の理を推して行けば、或る組織の中に強い自覺した人達の數が多くなればなる程、それだけ其の組織の危險が少なくなり、其の活力的要素が強烈になるのである。

三

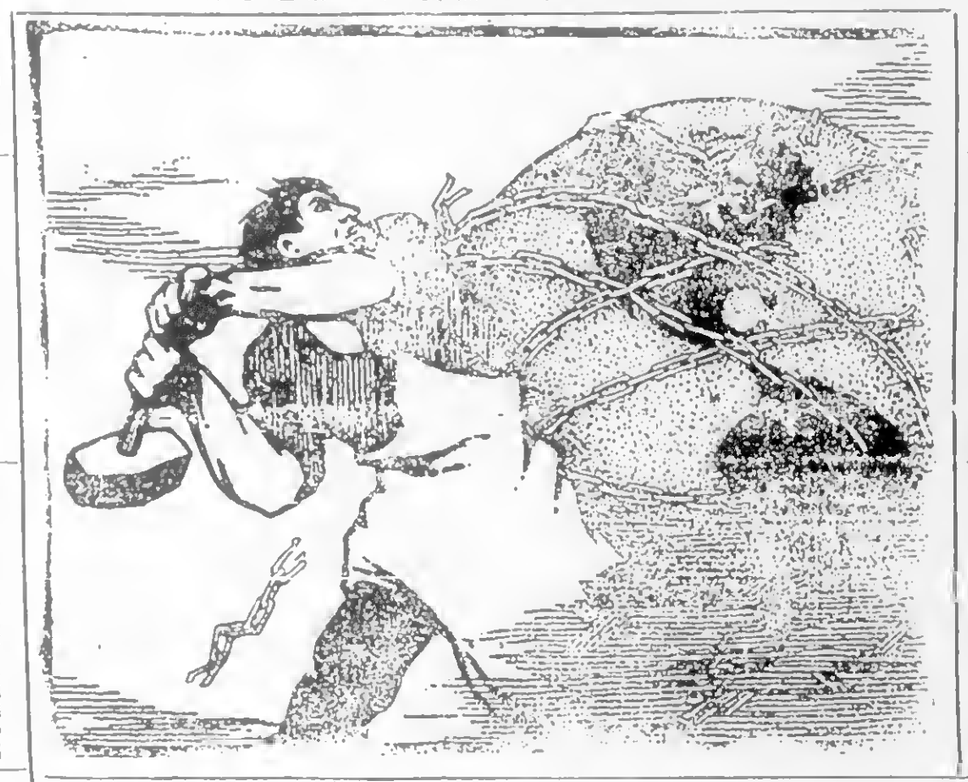
無政府主義は、組織、恐怖、刑罰、又は貧困の壓迫なき組織の可能性を肯定するものである。それは生存の爲めの闘爭を終結せしめ、人類社會組織の眞の調和であり、眞の平和なる關係を結ばしめる。それは人間の眞の美はしき性質を破壞し、常に社會的奈落を撒げる。斯くて無政府主義は、要するに、万人の倫理を目的とする社會組織の創造に努力するものである。

そして斯くの如き組織の萌芽は、或る勞働組合の中に發見し得られる。勞働組合は、中心と個人と官僚主義と組織し、且つ個人的自由を目的として、其等組合は、實に社會的道徳を助長せしめる……

自由

氣の遠つた世界だ。
永い間、
人々が自由を絶叫してゐるのに、
自由貿易は盛んだつた。
更に永い間、
人々はその同胞を奴隷にしながら、
依ほ自由と叫んだ。
宗教といふ語を聞かされてからも、
永い間、
人々はその同胞を抑壓し、
その平等なる存の權利を奪ひ、
そして猶ほ自由を叫ぶ。
それでゐて、
誰も笑ひもしない、
——惡魔の外——

（クロスビー　坂村譯）

窃盗の改宗

大杉　榮

先づ刑期を、次ぎに犯罪の名を、と云ふのが囚人同士のおきまりの挨拶だ。

『泥棒でさ。』

雜役は、ほかの誰れでもと同じやうに、ごくあつさりと卑直に答へた。

『窃盗だね。』

『へえ、さうですがれ。』

と云ひながら、又彼れは看守の方を窃み見した。まだ話し慣れたい何かがあるのだ。果して彼れは、安心したやうに向き直つて、わざと力をこめて扉の隙をこすりながら、僕の方を見ないで話し續けた。

『しかし、もう窃盗なんかよしてすよ。』

『なぜだい。』

『だつて、馬鹿馬鹿しいですからね。いよいよ來月で新刑法がしかれるんでせう。そして窃盗、十年迄になるんです。私等なんか、もう常習ですからね、こんど捕まれば、どんなつまらん事でも八年はやられますよ。だからもう、そんな氣のきかない窃盗なんかやめて了はうと思ふんです。そして、同じやられるなら、氣もちよく、強盗でもやつて見ようと思ふんです。』

『それや面白いた』

『へえ、實際もう、からなれかぶつてゐるんです。それでこれは、私ばかりでなくいながらさう云つてゐる奴なんです。』

僕は其の雜役君に云つたやうに、其時にはたゞ『それや面白いな』とばかり聞いてゐたゞしかし其後、常習法の實施と共に殘忍な犯罪が急に增えたと聞いて、一體どうしたんだらうと思つた。窃盗のピン撥きの腕はなくつても、何か新しい方法があつたんだらうと。

一月一日

仲藏　野枝
近藤　憲二
和田久太郎
大杉　榮

二度目の復活に際して

三度目の『勞働運動』だ。

最初は月刊で、大正八年十月に出して、翌年六月に大阪で發行したりしたきりで、第二回は終に出ずに、大正十年一月に出して、六月に十三號で止めたなこんどこそは、もとに戻つて月刊にした　そしてこんどこそは、もつと永續きさせたいつもりである。

勞働運動、といふ名にもあきたりないものもあるさにもあきたりないものもあるさにもあきたりないものもあるさに

830414046

The Emma Goldman Papers

[Appeal of the foreign office for the creation of the Russian anarcho-syndicalist confederation. In French] Appel du bureau étranger pour la création de la Confédération Anarchiste Syndicaliste Russe... / Emma Goldman, *et al.* – [1922?, circular]. – 2 p. ; 42 × 30 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from Arbetarrörelsens Arkiv (Archives of the Swedish Labour Movement).

Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek
Box 1124
111 81 Stockholm

C J. Björklund
vol. 34

Appel du Bureau etranger pour la creation de la Confederation Anarchiste syndicaliste Russe au Proletariat revolutionnaire mondial et aux organisations anarchistes de tous les pays.

Goldman, Emma

Chere camaradee.

Expulsee par le gouvernement bolcheviste, echouse sur le sol inhospitalier de l'Allemagne Sociale-Democrate!! nous croyons de notre devoir de vous raconter en peu de mots les evenements de Russie et de vous demander de nous venir en aide, car notre lutte c'est la vôtre, notre but, c'est le vôtre, notre victoire c'est la vôtre.

La Révolution est morte, Vive la Révolution

La grande révolution est étouffée, son esprit est tué, les masses des travailleurs affamés et a bout de forces sont totalement désenchantées et ne voient plus d'issues.

Le comité central du parti communiste russe est arrivé grâce à l'armée rouge disciplinée, grâce à une gendarmerie féroce et plusieurs sections de mouchards, réduire à l'esclavage le proletariat et les paysans russes au nom de la "dictature du Prolétariat".

Les essais multiples faits par les travailleurs pour se débarasser du régime "Abdoul-Hamid-Marx" ont échoué grâce a la force armée et aux persécutions de la Tchéka. Le pouvoir communiste ne s'arrête même pas devant les assassinats en masse quand il a à lutter contre les ouvriers, les paysans ou les matelots révolutionnaires. Plusieurs villages de la Russie centrale, de la Volga et de l'Ukraine ont été saccagées, rasées, par l'artillerie de Trotsky. Nombreux sont les ouvriers et les matelots fusillés à cause de l'émeute soit-disant contre-révolutionnaire de Kronstadt. Les cachots, les geôles et les camps de concentration de notre immense "Russie Sovietiste" /sic/ sont pleins de libertaires, de socialistes de gauche, et d'ouvriers "Hors parti" mais vraiment révolutionnaires.

Quelques-uns d'entr'eux sont déportés dans les confins froids et affamés du nord de la Russie.

Mais tous les efforts du parti communiste régnant sont vains, malgré les atrocités qu'il commet, notre propagande ne ralentit pas, et les idées anarchistes-syndicalistes se sont enracinées dans le pays révolutionnaire. Des groupements anarchistes et anarchistes-syndicalistes se créent a nouveau dans l'Oural, l'Ukraine et la Russie Centrale. Toujours plus grand devient l'intérêt a la parole libertaire et à notre conception fédéraliste et anti-autoritaire dans les milieux ouvriers. La jeunesse lit attentivement les ouvrages de Malestata, Kropotkine, Bakounine etc... que les agents de la Tchéka n'ont pas encore totalement détruites.

Maintenant, de nouvelles questions surgissent en Russie, par la "Nouveau cours économique", des milliers d'ouvriers sont vendus par le "gouvernement des Paysans et des ouvriers" /sic/ aux capitalistes etrangers et nationaux. Les Radek les Krassine, les Rakowsky font des courbettes devant les Poincaré-la-guerre, les Lloyd Georges en appelant en même temps à l'unité des fronts prolétariens avec les Noske, les Thomas, les Jouhaux et autres oiseaux de même espèce!

La Russie vraiment révolutionnaire attend évidemment de nouveaux appels elle attend la voix libertaire pour s'organiser et s'appreter aux nouveaux combats.

Vous savez que les chimères de l'internationale communiste possèdent encore de nombreuses masses d'ouvriers dans le monde entier grâce à la démagogie sans conscience et aux subsides de Moscou. Il faut donc dévoiler les maîtres-chanteurs de L'Internationale communiste, il faut lutter contre l'ennemi féroce et doublement dangereux, car il se cache derrière le nom des communistes. Il faut que les masses ouvrières russes et étrangères désabusées et abattues, entendent notre voix libertaire.

Nous, un groupement anarchiste-syndicaliste expulsés de la Russie de par la volonté du Comité central du parti communiste Russe, nous avons pris sur nous l'engagement devant la Révolution sociale, devant la Russie des ouvriers et des paysans, devant nos compagnons livrés aux pires tortures dans les prisons

BEST COPY AVAILABLE

183

830414046

The Emma Goldman Papers

[Appeal of the foreign office for the creation of the Russian anarcho-syndicalist confederation. In French] Appel du bureau étranger pour la création de la Confédération Anarchiste Syndicaliste Russe... / Emma Goldman, *et al.*— [1922?, circular].— 2 p. ; 42 × 30 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from Arbetarrörelsens Arkiv (Archives of the Swedish Labour Movement).

de par la volonté du comité central du p^rti communiste Russe, nous avons pris [redacted] sur nous l'engagement devant la Révolution sociale, devant la Russie des ouvriers et des paysans, devant nos compagnons livrés aux pires tortures dans les prisons bolchevistes, de ne pas cesser notre combat, de rester sur la brèche, de continuer poursuivre notre lutte hardiment pour la libération économique et l'affranchissement moral, pour la commune libertaire.

Notre devoir est d'appeler les travailleurs de la Russie à l'organisation de leurs forces pour la lutte suprême et définitive, d'attirer dans nos rangs les cadres des instituteurs et d'éduquer les jeunesses [redacted] prolétariennes et paysannes.

[redacted]

Nous devons employer toutes nos forces à combattre le régime du knout "communiste" qui veut succéder [redacted] à l'ordre capitaliste pourri.

Votre devoir Camarades, c'est de nous venir en aide pour que nous puissions créer une librairie libertaire russe, afin de lutter contre la réaction rouge et préparer les chemins pour la Révolution anti-Etatiste et anti-autoritaire.

En nous aidant moralement et matériellement dans notre tâche difficile et pleine de responsabilités, vous montrerez ainsi le mieux votre mépris et votre dégoût pour la Dictature intolérable du gouvernement bolcheviste, et toutes votre sympatie pour les vrais révolutionnaires, disciples de Bakounine, Kropotkine etc...

Nous sommes persuadés camarades que vous ne resterez pas sourds et que vous vous répondrez nombreux a notre appel.

Nos buts sont les vôtres, notre lutte c'est la vôtre, et comme disaient [redacted] jadis les insurgés polonais, Nous luttons pour notre et [redacted] votre Liberté.

Avec notre salut [redacted] Fraternel

Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek
Box 1124
111 81 Stockholm

Le Bureau Etranger pour la création de la
confédération Anarchiste-syndicaliste Russe.

Marc Pratchkin
J. Yartchuk
G. Matmoff

We request our friends to aid
the work of our Russian
comrades. Alexander Berkman
Emma Goldman

R. Rocker

Priere a tous les journaux révolutionnaires de publier cet appel.

BEST COPY AVAILABLE

810409138d

The Emma Goldman Papers

Persecutions of Syndicalists and Anarchists in Russia / Alexander Berkman and Emma Goldman. – [1922, government translation]. – 5 p. ; 36 × 22 cm.
Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

Translation from "Arbetaren" newspaper, dated Jan. 10, 1921.

PERSECUTIONS OF SYNDICALISTS AND ANARCHISTS IN RUSSIA.

A revolting document concerning the
Bolshevik regime of tyranny and despotism.

It has been reported telegraphically that 35 Social Democrats have resorted to hunger strike in the Bolshevik prison of Butyrki. It is not only Social Democrats who are driven to protest in this manner against the blood methods of the Bolsheviks, but also Anarchists, Syndicalists, and even members of the "workers opposition". The following proclamation explains the situation clearly. It is time that an opinion be expressed against these horrible cruelties.

Dear Brothers!

The persecutions of the revolutionary elements in Russia have not been alleviated in connection with the Bolshevik changes of the political and economical policies. On the contrary it has been more intensified, more precise. The prisons in Russia, the Ukraine, and Siberia are filled with men and women - yes, in some instances with children - who dare to harbor opinions in opposition to the Communist party in power. We say intentionally "harbor opinions", because in Russia of today it is not at all necessary to express in words one's opinions in order to become a legitimate victim of the "tjekan", the almighty Bolshevik secret police, which de facto is the

BEST COPY AVAILABLE

810409138d

The Emma Goldman Papers

Persecutions of Syndicalists and Anarchists in Russia / Alexander Berkman and Emma Goldman. – [1922, government translation]. – 5 p. ; 36 × 22 cm.
Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

supreme power of the country, and the will of which knows neither law nor responsibility.

But of all the revolutionary elements in Russia it is the Anarchists who suffer under the most merciless and systematic persecutions. Their strangulation by the Bolsheviks began as early as 1918, when the communist government in April without warning and provocation attacked the Anarchist Club in Moscow and by means of machine guns and cannons annihilated the whole organization. This was the beginning of the chase after the Anarchists, but it was sporadic in its character, breaking out from time to time, completely aimlessly and often contradictorily. Anarchistic publications consequently were sometimes permitted and sometimes suppressed. Anarchists were arrested in one place while they were released in other places. They were shot at times and on the other hand were offered advantageous posts. But this chaotic situation was brought to a close by the 10th Communistic Congress in April, 1921, at which time Lenine declared open war without pardon, not only against the Anarchists but also against all anarchistic and syndicalistic tendencies wherever found. From this time was begun a systematic, organized, and ruthless extermination of the Anarchists in Bolshevik Russia. Scores of Anarchists, Syndicalists and their sympathizers were arrested in Moscow and petrograd the same day Lenine gave his speech, and the following day mass arrests were made of our comrades throughout the country. The persecutions have since continued with increasing brutality, and it has become perfectly clear that the larger the concessions are that the Communist Government make to the capitalists the more intensive become the persecutions of the

BEST COPY AVAILABLE

186

810409138d

The Emma Goldman Papers

Persecutions of Syndicalists and Anarchists in Russia / Alexander Berkman and Emma Goldman. – [1922, government translation]. – 5 p. ; 36 × 22 cm.
Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

Anarchists.

It is an established policy of the Bolsheviks to disguise their barbaric attacks against our comrades by a standing accusation of "banditism". This accusation is practically brought against all Anarchists and often against their sympathizers; a particularly convenient method, becuase in this manner any one can be persecuted by the "tjekan" without trial or investigation.

Lenine's warfare against anarchistic tendencies has assumed the aspect of the most revolting Asiatic form of a war of extermination. A great number of comrades were arrested in Moscow last September, and on the 30th of the same month the "Isvestia" published an official report that ten of the arrested comrades had been shot as bandits. Not one of them had been given a trial nor their cases even investigated, nor were they permitted to have their friends and relatives visit them. Among the executed were found two of the best known Russian Anarchists, whose idealism and readiness to make sacrifices for the cause of humanity had endured the trials of the Czar's prisons, deportation, and persecution and suffering in other countries. These were Fanny Baron, who had succeeded in escaping from the prison in Ryazan a few months previously, and Lev Tchorny, the popular lecturer and writer, who had spent many of his years in exile in Siberia on account of his activities during the Czar's regime. The Bolsheviks have not the courage to admit that they have shot Lev Tchorny; he is listed as "Turchanioff" in the report of the executed, which, although it was his real name, was unknown to some of his most intimate friends.

The extermination policy continues. A few weeks ago some Anarchists were again arrested in Moscow.

BEST COPY AVAILABLE

187

810409138d

The Emma Goldman Papers

Persecutions of Syndicalists and Anarchists in Russia / Alexander Berkman and Emma Goldman. – [1922, government translation]. – 5 p. ; 36 × 22 cm.
Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

The victims this time were "Universalist-Anarchists", a group which the Bolsheviks themselves had recognized as very friendly. Among the arrested were Askaroff, Shapiro, (not A.Shapiro from "Golos Truda"), and Stitzenko, member of the secretariat of the Moscow section of the "Universalists" and well known throughout Russia. These abominable arrests were at first regarded by the comrades as caused by some over-zealous official, but it was later ascertained that they were officially accused of being bandits, forgers, followers of Machnow and members of "Lev Tchorny's subterranean group". The meaning of such accusations is too well understood by those who are familiar with the Bolshevik methods. It means execution without warning or trial.

The foul object of these arrests is almost incredible. By accusing Askaroff, Shapiro, Stitzenko, and others of "membership in Lev Tchorny's subterranean group", the Bolsheviks endeavor to justify the murders of Lev Tchorny, Fanny Baron, and the other comrades, who were executed in September, as well as to create a convenient excuse for the shooting of more anarchists. We can assure the readers without hesitation, that there existed no Lev Tchorny's subterranean group. The contention to the contrary is an abominable lie, one of the many similar lies that have been circulated by the Bolsheviks against the Anarchists.

It is high time that the revolutionary labor movement throughout the world becomes acquainted with the blood and murder regime applied by the Bolshevik Government against all who harbor different political views. It is particularly imperative that the Anarchists and Syndicalists take steps to end this Asiatic barbarism,

COPY
from
THE NATIONAL ARCHIVES
Record Group No. 59

General Records of the Department of State
Office of the Counselor, File No. 861.0-668

BEST COPY AVAILABLE

188

810409138d

The Emma Goldman Papers

Persecutions of Syndicalists and Anarchists in Russia / Alexander Berkman and Emma Goldman. – [1922, government translation]. – 5 p. ; 36 × 22 cm.
Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

and - if it is still possible - to save our imprisoned Moscow comrades who are threatened with death. Some of the arrested Anarchists are ready to die through hunger strike, the only available means to protest against the attempt of the Bolsheviks to insult the memory of the martyred Lev Tchorny. Our comrades demand a real moral support. They have a right to demand it. Their sublime self-sacrifice, their lifelong fidelity to the great cause, their unshaken firmness, all entitles them to it. Comrades and friends everywhere! It is you who must assist in the defence of Lev Tchorny's memory and save the valuable lives of Askaroff, Shapiro, and Stitzenko. Do not delay - or it may be too late. Demand the documents of the Bolshevik Government concerning Lev Tchorny, which they claim to have, that "implicate Askaroff, etc. in the Lev Tchorny group of bandits and forgers". Such documents do not exist, unless they are forged. Compel the Bolsheviks to present them, and let the voices of all honest revolutionists and all respectable humans gather in a world embracing protest against the continuance of the Bolshevik system of outrageous murder of their political opponents. Hasten brothers, for the blood of our comrades flows in Russia!

Alexander Berkman Emma Goldman

COPY
from
THE NATIONAL ARCHIVES
Record Group No. 59

General Records of the Department of State
Office of the Counselor, File No. 861.0-668

BEST COPY AVAILABLE

189

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.
Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

THE CRUSHING OF THE RUSSIAN REVOLUTION

By
EMMA GOLDMAN

PRICE FOURPENCE.
U.S.A.: 10 cents.

LONDON:
FREEDOM PRESS, 127, Ossulston Street, N.W.1.
1922.

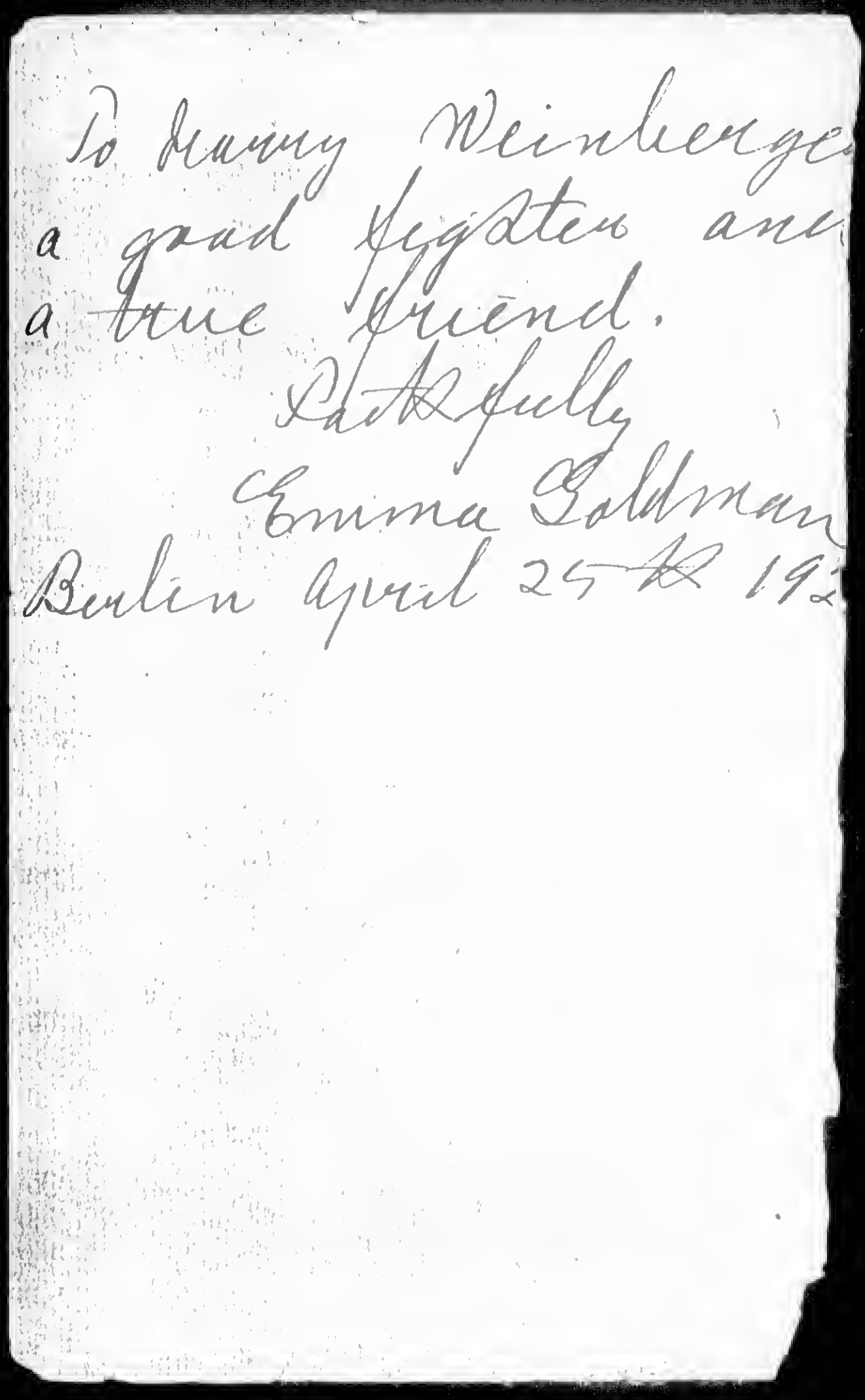
BEST COPY AVAILABLE

190

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.
Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

To Danny Weinberger
a good fighter and
a true friend.
Sadly
Emma Goldman
Berlin April 25th 192

BEST COPY AVAILABLE

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

PREFACE.

EMMA GOLDMAN, Anarchist, has been for some thirty years almost a household word in the United States. I doubt if any woman was more widely known, and I should feel very certain that none was blessed with a greater number of ardent friends and bitter foes. A speaker whom crowds, composed of all classes, habitually flocked to hear; a lecturer who toured the country incessantly, selling vast quantities of literature at which the mentally alive and spiritually discontented grasped instinctively; editor for years of *Mother Earth*, a magazine devoted exclusively to Anarchism; involved repeatedly, and often despite herself, in serious Labour troubles; periodically swooped down on by the authorities, sentenced heavily, and finally deported—such a personality was bound to attract attention, to be loved and hated, applauded to the skies and execrated as the incarnation of all that is most base and vile.

In reality, Emma Goldman, as I have known her for years, is very human; strong in her opinions, hot in her sympathies, restlessly active, almost incredibly tenacious, an admirable fighter when forced to fight, but far too experienced and astute to court disturbance. Her life has been a stormy one, and it could not have been otherwise; for, at bottom, she is bitterly opposed to violence in every form. Like all Anarchists, her one ideal is peaceful co-operation; but that ideal cannot be fitted peacefully into the present social structure. We are born into a society saturated with the spirit of coercion, based on invasiveness, and blind to the existence of Life's natural, inalienable, and individual rights. To all that we Anarchists are unchangeably opposed. We reject, with moral and intellectual scorn, every philosophy, every system, every scheme that tramples on the rights of individual life. What peace, then, can there be for us?

No eulogy do I wish to write, for I think eulogies are always false, pander to human weakness, and are contemptible. Moreover, I myself have differed too often with Emma Goldman to entitle me to place her on a pedestal. Nevertheless, this I say. She has made to our movement, and to the cause of the disinherited throughout the world, contributions of great and lasting worth. She has been very bold, facing Life's problems bravely, examining them ardently and from many comprehensive standpoints, and sticking loyally to her conclusions. That is [illegible]ything. "This above all: to thine

192

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.
Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

own self be true, and it must follow, as the night the day, thou canst not then be false to any man."

Emma Goldman is distinctly an orator, but she is also an excellent business woman. She knows how to set things going on a big scale, and she has the persistent energy needed to keep them going. Personally I think much of that. I am always conscious of the gap that separates those who merely long to do and those who do. I have much appreciation of that indefinable something which enables us to say confidently of any one, "You cannot down him." There is no downing Emma Goldman. Doubtless the United States authorities imagined, when they deported her to Russia on account of her opposition to conscription, that her career was ended. As it is, hundreds of thousands of Americans have been reading daily what she thinks about the Russian Revolution.

I wish I could transplant into the movement here in England some of the qualities I have tried to outline. If Emma Goldman herself could be transplanted to these shores, I should welcome her joyously; for any life that is still vigorous and still holds firmly to a high-set aim should always find a welcome. With things as they are, I can only attempt in these few lines to introduce to the British public one of her many writings.

WM. C. OWEN.

The Crushing of the Russian Revolution.

Reprinted from the "World" (New York).

INTRODUCTION.

Stockholm, March 1st, 1922.

During my two years in Russia articles repeatedly appeared in the American Press purporting to be interviews with me. Some have had it that I had reformed, that I no longer believed in revolution, and that I had come to see the necessity of government. One paper even had a sensational story about an American flag in my room, to which, it claimed, I had erected a shrine. In short, that I had become a regular Sunday school teacher, doing penance for my sins against the American Government.

All that is, of course, sheer nonsense. I was never more convinced of the truth of my ideas, never in my life had greater proof of the logic and justice of Anarchism. But I did not give interviews to anyone for the very simple reason that it took me more than a year to get my bearings in the tragic situation of Russia. I considered then, and still consider, that the Russian problem is entirely too complex to speak lightly of it. That is precisely why I find most of the books written by people who had been in Russia a few weeks, or even months, so superficial.

So long as I myself was groping in the dark I would not express a definite opinion for publication. But even if I could have spoken authoritatively, I still would not have spoken to newspaper men. I found it necessary to observe silence so long as the combined imperialist forces were at the throat of Russia. Moreover, thirty years' experience with newspaper men has not convinced me of their veracity, though, of course, there may be exceptions.

Now, however, the time for silence has passed. I therefore mean to tell my story. I am not unmindful of the difficulties confronting me. I know I shall be misappropriated by the reactionaries, the enemies of the Russian Revolution, as well as excommunicated by its so-called friends, who persist in confusing the governing party of Russia with the Revolution. It is, therefore, necessary that I state my position clearly toward both.

Four years ago the United States Government made a felon of me, robbed me of home and hearth, and in the dead of night forced me out of the country. All that because I dared raise my voice against the World War. I had then called attention to

193

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

the cataclysm which the war would bring in its wake, the destruction and ruin, the awful loss of human life. That was my crime.

Now many former supporters of the war have come to see that those of us who refused to be swept off our feet by the war hurricane were right—that the war was created, backed, and financed by charlatans and their dupes for the benefit of the war lords. The " war for democracy," the " war to end war," has plunged the whole world into a veritable inferno.

King Hunger, the grin of death on his lips, stalks through every land, while those who have grown rich and powerful on the spoils of human carnage pay court to this the mightiest of kings. Not content with the butchery of millions and the devastation of half the earth, they have turned the world into a fortress, a political dungeon, where the liberties of the people—gained through centuries of struggle—now lie fettered and prostrate.

Democratic America, once the " land of the free, home of the brave "; England, formerly the asylum for the rebels of the world; France, the cradle of liberty, and many lesser countries—what are they now but a spiritual desert, their once hospitable doors locked and sealed?

Only the groans and curses of the multitudinous unemployed and the cries of the political and labour prisoners disturb the silence of the graveyard of thought and ideas.

Verily the war lords have reason to be proud of their handiwork. They have succeeded in their conspiracy. Their iron heel is firmly planted on the neck of the peoples of the world. They have succeeded. Yet not quite. There is Russia.

That fair couple—high finance and militarism—did not reckon on the Russian Revolution. How " indecent " of the Russian people to light a conflagration which might have fired the whole world with revolution just at the very time when war profits were running high and imperialism was so confident of complete triumph. Something had to be done to crush " that brazen thing," the Russian Revolution.

During the war with Germany the hypocritical slogan was, " We do not wage war against the German people, but against German militarism and imperialism." The same hypocritical refrain was heard in the unholy crusade against the Russian Revolution: " Not against the Russian people, but against the Bolsheviki—they have instigated the revolution, and they must be exterminated."

The march on Russia began. The interventionists murdered millions of Russians, the blockade starved and froze women and children by the hundred thousands, and Russia turned into a vast wilderness of agony and despair. The Russian Revolution was crushed and the Bolsheviki *regime* immeasurably strengthened. That is the net result of the four years' conspiracy of the imperialists against Russia.

How did such a thing happen? Very simply. The Russian people, who alone had made the revolution and who were determined to defend it at all costs against the interventionists, were too busy on the numerous fronts to pay any attention to the enemy of revolution within. And while the workers and peasants of Russia were laying down their lives so heroically, this inner enemy rose to ever greater powers. Slowly but surely the Bolsheviki were building up a centralised State, which destroyed the Soviets and crushed the revolution, a State that can now easily compare, in regard to bureaucracy and despotism, with any of the great Powers of the world.

From my study and observation of two years I am certain that the Russian people, if not continuously threatened from without, would have soon realised the danger from within and would have known how to meet that danger, as they had the Kolchaks, Denikens, and the rest of them. Free from imperialist counter-revolutionary attacks, the people would have soon become aware of the true tendencies of the Communist State, its utter inefficiency and inability to reconstruct ruined Russia.

The masses themselves would have then begun to infuse new life into the paralysed social energies of the country. Would not the people have erred and blundered, even as the Bolsheviki have? No doubt they would. But they would have, at the same time, learned to depend upon their own initiative and strength—which alone could have saved the revolution.

It is entirely due to the criminal stupidity of some of the ex-revolutionists who clamoured for intervention, and to the imperialists who financed and backed intervention, that the Russian Revolution, the greatest event of centuries, has been lost. To them it is also due that the Bolsheviki, wrapped in the cloak of persecution, can continue to pose as the holy symbol of the Social Revolution.

I mean to expose this fatal delusion. Not because I have lost faith in the revolution, but because I am convinced that coming revolutions are doomed to failure should what Lenin himself called military Communism be imposed on the world. Not because I have made peace with government do I intend to show what the Bolshevik *regime* has done to the Russian Revolution.

Rather is it because the experience of Russia, more than any theories, has demonstrated that all government, whatever its form or pretences, is a dead weight that paralyses the free spirit and activities of the masses.

I owe this to the revolution, nailed to the Bolshevik cross, to the martyred Russian people, and to the deluded of the world. I mean to pay my debt in full, regardless both of the misappropriation of my words by the reactionaries and of vilification by blinded radicals.

194

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

The Forces that Crushed the Revolution.

The Russian Revolution as a radical social and economic change meant to overthrow capitalism and establish Communism must be declared a failure.

In estimating the various factors that crushed the revolution, it is not enough to point out the rôle played by the counter-revolutionary elements. To be sure, their crimes are heinous enough to condemn them unto all eternity. These Russian "patriots"—monarchists, Cadets (Constitutional Democrats), Right Socialist-Revolutionists, etc.—filled the world with their clamour for intervention. What was it to them that millions of their countrymen and thousands of innocent victims from all lands were slaughtered in the unholy war against Russia?

They lived in perfect safety and security; neither the bullets of the Cheka nor the devastating hand of hunger and typhus could reach them. They could afford to play the game of patriotism. But, then, all this is sufficiently known to require no further elucidation. What is not known is that the Russian and Allied interventionists were not the only actors in the great social drama which ended in the death of the Russian Revolution. The other actors are the Bolsheviki themselves. It is of their rôle that I shall speak now.

Perhaps the Russian Revolution was doomed at its birth. Coming as it did upon the heels of four years of war, which had drained Russia of her best manhood, sapped her blood, and devastated her land, the revolution may not have had the strength to withstand the mad onslaught of the rest of the world. The Bolsheviki claim that the Russian people, though heroic enough for great outbursts, lack the perseverance necessary for the slow, painful, every-day exigencies of a revolutionary period. I do not admit the truth of it.

But, granted that this contention is well founded, I yet insist that it was not so much the attacks from without as the senseless and cruel methods within Russia that have killed the revolution and placed the yoke of despotism upon the people's neck. The Marxian policies of the Bolsheviki, the tactics first extolled as indispensable to the life of the revolution only to be discarded as harmful after they had wrought misery, distrust, and antagonism, were the factors that slowly undermined the faith of the people in the revolution.

If there ever was doubt as to what constitutes the greatest danger to a revolution—outside attacks or the paralysed interest of the people within—the Russian experience should dispel that doubt completely. The counter-revolutionists, backed by Allied money, men, and munitions, failed utterly; not so much by

the heroism of the Red Army as by the revolutionary enthusiasm of the people themselves, who fought back every attack. Yet the Russian Revolution has died an agonised death. How, then, explain that phenomenon?

The main causes are not far to seek. If a revolution is to survive in the face of opposition and obstacles, it is of the utmost importance that the light of the revolution be held high before the people; that they should at all times be close to the living, throbbing pulse of the revolution. In other words, it is necessary that the masses should continuously feel that the revolution is of their own making, that they are actively participating in the difficult task of building a new life.

For a brief period after the October Revolution the workers, peasants, soldiers, and sailors were indeed the masters of their revolutionary fate. But soon the invisible iron hand began to manipulate the revolution, to separate it from the people, and to make it subservient to its own ends—the iron hand of the Communist State.

The Bolsheviki are the Jesuit order in the Marxian Church. Not that they are insincere as men, or that their intentions are evil. It is their Marxism that has determined their policies and methods. The very means they have employed have destroyed the realisation of their end. Communism, Socialism, equality, freedom—everything for which the Russian masses have endured such martyrdom—have become discredited and besmirched by their tactics, by their Jesuitic motto that the end justifies all means.

Cynicism and coarseness have taken the place of the idealist aspirations that characterised the October Revolution. All inspiration has been paralysed; popular interest is dead; indifference and apathy are dominant. Not intervention nor the blockade—on the contrary, it was the internal policies of the Bolshevik State that alienated the Russian people from the revolution and filled them with hatred of everything emanating from it.

"What is the use of changing?" now say the people; "all rulers are alike—the poor must always suffer." It is this fatalism, coupled with submission of centuries, which has helped the Bolsheviki in their dominion over Russia. Have the Bolsheviki learned from experience that the end does not justify all means?

To be sure, Lenin often repents. At every All-Russian Communist conclave he comes forth with his *mea culpa*, "I have sinned." A young Communist once said to me:

"It would not surprise me if Lenin should some day declare that the October Revolution was a mistake."

Indeed, Lenin does admit his mistakes; but that does by no means prevent him from continuing the same mistaken policies. Every new experiment is proclaimed by Lenin and his

195

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

zealots as the height of scientific and revolutionary wisdom. Woe be to those who dare question the justice or efficsey of the new measure! They are branded as counter-revolutionists, speculators, and bandits.

But presently Lenin again repents, and then begins to deride his flock as fools for having believed that the experiment was at all possible. After deluding Russia and the world for four years by his avowal that Communism is in the making in Russia, Lenin at the last Congress of the All-Russian Soviets covered his comrades with ridicule for their naivete in believing that Communism is realisable in Russia now. Yet the prison doors are still closed upon those who mildly suggested the same thing three years ago.

It would be interesting to trace the various methods employed by the Bolsheviki to achieve their ends—methods forced upon the people as the sum-total of all wisdom and which resulted in the undoing of the revolution. The scope of an article does not allow a detailed analysis of everything the Bolshevik State has done. I shall here refer only to the most important methods and phases.

The Brest-Litovsk peace marked the beginning of all subsequent evils. It was a deliberate denial of all that the Bolsheviki had proclaimed to the world—peace without indemnities, self-determination of all oppressed peoples, no secret diplomacy. Yet the Bolsheviki made peace with German imperialism over the heads of the German people.

The price of that peace was the betrayal of Latvia, Finland, the Ukraine, and Byelo-Russia.

(Byelo-Russia is more commonly called " White Russia." It occupies the upper parts of the Western Slope of the Central Plateau of Russia, and the inhabitants of this section have a certain intermingling of blood with the Poles and Lithuanians. Byelo is the Russian word for " white.")

The result—several years of civil war, the disruption of the revolutionary forces, when unity was so vital to the defence of the revolution, and the beginning of Red terror which is continuing to this day.

The peasantry of the Ukraine and of Byelo-Russia knew how to drive back the German invader, but it has neither forgotten nor forgiven the treachery of the Bolsheviki. The continuous presence of a million troops in the Ukraine to " liquidate the bandits " bears witness to the love of the Ukrainian pessants for the Communist State. The ratification of the Brest pesce. which Trotsky refused to sign, which Radek—then in a German prison—declared as the bankruptcy of the revolution, while Joffe signed it " with closed eyes," as he said, was the signal for long open and secret resistsnce of the peasants to the Bolshevik State.

The peasants. who were at one with the workers till the Brest betrayal, turned with hatred and antagonism from the

Bolsheviki, who claimed to represent the peasants and the workers. Lenin demanded the ratification as a breathing spell for the revolution. It was one of his many blunders, but the most costly one. It strangled the revolution.

FORCIBLE FOOD COLLECTION.

The Razvyorstka, the method of forcible food collection, soon followed upon the heels of the Brest peace. The Bolsheviki will have it that they were eompelled to resort to the Razvyorstka because of the refusal of the peasants to feed the city. This is only partly true. The peasants did indeed refuse to turn over their products to the Government agents. They demanded the right to deal with the workers directly, but it was denied them. The inefficiency of the Bolshevik régime and the corruption of their bureaucracy contributed much to the dissatisfaction of the rural population. The manufactures promised to the peasants in exchange for their produce seldom reached them, or, when actually received, proved to be damaged goods, short of measure, and so forth.

In Kharkoff I saw the demonstration of the inefficiency of the centralised bureaucratic machine. In a large factory warehouse there lay huge stacks of agricultural machinery. Moscow had ordered them made " within two weeks, in pain of punishment for sabotage." They were made, and six months already had passed without the " central authorities " making any effort to distribute the machines to the peasantry, which kept clamouring for them in their great need. It was one of the countless examples of the manner in which the Moscow system " worked," or, rather, did not work.

Is it to be wondered at that the peassnts lost all faith in the ability of the Bolshevik State to manage things properly? When the Bolsheviki saw that the peasant was not to be coaxed or cajoled into confidence, they devised the Razvyorstka. A more effective method for antagonising and embittering the peasantry could not have been invented. It became the dreaded terror of the agrarian population. It robbed them of everything. Only the future will be able to give an adequate picture of the terrible consequences of that insane measure, with its great saerifice of life and devastation.

Unbelievable as it may seem, it is a fact well known in Russia that the Razvyorstka system was partly responsible for the present famine. For the peasants were not only stripped of their last pood of flour; often they were robbed of the seeds they had put by for their next planting. The drought is, of course, the main cause of the harrowing conditions in the Volga districts. But it is nevertheless true that if the peasants had been able to plant at the proper time, and freely, at least certain areas would have been in a position to help lessen the famine on the Volga

196

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

The punitive expeditions, following upon a village's resistance to the Government'a food collectors, and always in charge of Communists, would attack the place by force of arms and often literally destroy it. In vain the peasants protested to their local authorities, and finally to Moscow. No redress was to be found. A significant anecdote is current in Russia which throws light upon the peasants' view of the Bolshevik method of food "collection."

A peasant committee is received by Lenin. "Well, dedushka, little grandfather," says Lenin to the oldest peasant, "you should be satisfied now; you have the land, the cattle, the fowls; you have everything."

"Yes, God be blessed," replies the peasant; "yes, little father, the land is mine, but you get the bread; the cow is mine, but yours the milk; the chicken mine, but yours the eggs. The Lord be blessed, little father!"

The peasants, thus robbed and duped, turned against the Communists. The Razvyorstka, the punitive expeditions, the brutal methods and injustices, resulted in producing a strong counter-revolutionary feeling in the country. Some writers on Russia have taken the Government's interpretation of the antagonism of the peasants.

Thus, Mr. Bertrand Russell, by far the most sincere and honest critic of Russia, states in "The Practice and Theory of Bolshevism": "It must be said that the peasants' reasons for disliking the Bolsheviki are very inadequate." It is evident that Mr. Russell did not see the effects of the Razvyorstka, or he would have received a different impression.

The truth is, if the Russian peasant were not so phlegmatic and passive, the Bolshevik State would not have endured so long. As it is, their passive resistance has come near terminating the Bolshevik régime. This realisation it was—not the fact that the Razvyorstka was inhuman and counter-revolutionary—which forced Lenin to his new policy of taxation and free trade.

The co-operatives of Russia represented a great economic and cultural force in the life of the people. In 1918 they covered the country with a chain of 25,000 branches, with a membership of 9,000,000. Their invested capital at that time amounted to 15,000,000 roubles, while the business transacted the previous year exceeded 200,000,000. Of course, the co-operatives were not revolutionary organisations, but they were an indispensable medium between the country and the city.

Whatever counter-revolutionary elements there were in the co-operatives were on top and could have been eliminated without destroying the entire organisation. But to permit the co-operatives to function would have meant the lessening of the centralised power of the State. Hence the co-operatives had to be "liquidated," and a great factor for the reconstruction of Russia was utterly destroyed.

Now, after the co-operatives are no more and the men and women that have done such splendid work in that movement have wasted their lives in Bolshevik prisons, Lenin again says, "*mea culpa.*" The co-operatives are now to be re-established, the corpse is to be revived. Shortly before the co-operatives were again legalised, Peter Kropotkin—then on his death-bed—expressed the wish that the six Dmitroff co-operators should be released. He had known them intimately as earnest and devoted workers.

They had then already spent eighteen months in the Boutirka, the Moscow prison, because of their loyalty to their work. They were released only after Lenin had declared that the co-operatives must be resurrected. It is hardly probable that the co-operatives will ever attain to their former strength and importance within the Bolshevik State.

THE SOVIETS.

To call present Russia Soviet Russia or the Bolshevist régime a Soviet Government is preposterous. The Soviets had their inception in the Revolution of 1905, and again came into being after the February Revolution. They have about as much relation to the Bolshevik Government as the early Christians had to the Christian Church.

The Soviets of peasants, workers, soldiers, and sailors were the spontaneous expression of the liberated energies of the Russian people. They represented the needs of the masses made articulate after centuries of silence. Already in May, June, and July of 1917 the dynamic force of the Soviets urged the workers to seize the factories and the peasants to take the land.

The Soviets spread with great rapidity over Russia, fanned the flames of the October Revolution, and continued to function for many months after that event. Some social politicians failed to grasp their significance. The latter simply swept over them. The same would have happened to the Bolsheviki had they attempted to stem the onrushing tide of this movement.

But Lenin is a shrewd and subtle Jesuit; he joined in the popular cry, "All power to the Soviets!" When he and his fellow-Jesuits were firmly in the saddle, the breaking up of the Soviets began. To-day they are like everything else in Russia—a shadow with the substance utterly crushed.

The Soviets now voice only the decision of the Communist Party. No other political opinion has any chance to get a proper hearing. The election methods practised by the Communists would fill Tammany Hall with envy. On my arrival in Russia I was told by a leading Communist that "Boss Murphy and Tammany Hall have nothing on us." Naturally, I thought that the man was joking. Soon I convinced myself that he had told the truth.

197

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

Every known device is employed by the Bolsheviki to swell the Communist vote. If ordinary pleading fails, threats of losing the payok and of arrest do the work. The voters know what to expect. It is therefore obvious why the Communists invariably poll a majority. Still, the Mensheviki, Left Social Revolutionists, and even Anarchists have their representatives elected now and then—which is no small feat in Bolshevik Russia.

Without a Press, deprived of free speech, and without the legal permission of propaganda in the shops, it is nothing short of a miracle that the opposing parties succeed in having some representation in the Soviets. But as far as opportunity of making themselves heard is concerned, they might as well not be there. The Communist claqueurs see to it that none but Communists are given a hearing.

In case of the Anarchists elected to the Soviets, the Government generally refuses to recognise their mandates or finds some pretext to send them to the Cheka. In 1920 I attended an election meeting held in one of the factory clubs in Moscow. It was the second time the Government had refused to seat the candidate of the workers—an Anarchist. Though the opposing candidate of that district was Semashko, the Commissary of Health, the workers for the third time elected the Anarchist. In vain did Semashko stoop to abuse and misrepresentation; in vain did he shake his fist in the faces of the workers, calling anathema upon their heads.

The workers only laughed and jeered him and re-elected the Anarchist. A few months later the man was arrested on some pretext. He was released only after a prolonged hunger strike, and that only because the British Labour Mission was in Moscow at the time and the Bolsheviki were anxious to avoid a scandal. Before I left Moscow, December 1st, 1921, three Anarchist members of the Moscow Soviet had been arrested. One was exiled from the capital; the other two, as I have learned since, have had a charge of "banditry and underground activities" placed against them—a very serious charge, usually followed by shooting without hearing or trial. Those men had been outspoken in the Soviet. They had to be "removed."

One can easily see that neither the Moscow Soviet nor any other Soviet has any independent voice or function. Not even the ordinary Communist member has much freedom of speech there. In the Soviets, as well as in the entire Bolshevik Government, the "dictatorship of the proletariat" is vested in the hands of a very small group—the inner circle which alone rules Russia and her people.

What was once an ideal, the free expression of the workers, peasants, and soldiers, has been turned into a farce, which the people no longer believe in or want.

CONSCRIPT LABOUR.

Mobilisation of labour, in reality conscript labour, was heralded to the world as the greatest asset of Communism. "All must labour now in Soviet Russia. No more parasites!" Though Lenin has never openly admitted that this method, like many other similar ones decreed to rebuild Russia, is a mistake, I am yet inclined to think that he realises that conscript labour has done absolutely nothing to increase the output of the workers.

What it did accomplish was to establish, while it existed, chattel slavery and to replace the bourgeois parasite by the machinery of Bolshevik parasitism. Its function was to drive the workers to toil, oversee them on the job, and have them arrested and occasionally even shot for deserting the job. As for the great majority of the workers, they went to the shops not to work but to rest, and secretly to make a few articles that their wives and children could take to the country and exchange for flour and potatoes. That, incidentally, kept them from starvation.

Apropos of the opportunities of bringing something from the country, a whole book could be written on that alone. With the prohibition of trading came the "zagryaditelny stryad," the detachment of soldiers and Chekists at every station to confiscate everything brought by private persons to the city. The wretched people, after untold difficulties of obtaining a pass for travel, after days and weeks of exposure at the stations, after the ghastly trip in filthy, overcrowded cars, or on the roofs and platforms, would bring a pood of flour or potatoes, only to have it snatched from them by the stryad.

In most cases the confiscated stuff was divided by the defenders of the Communist State among themselves. The victims were fortunate indeed if they escaped further trouble. Often they would be robbed of their precious pack and thrown into gaol for "speculation." The number of real speculators apprehended was insignificant in comparison with the mass of unfortunate humanity that filled the prisons of Russia for trying to keep from starving to death.

One thing must be said for the Bolsheviki—they do nothing by half. As soon as compulsory labour became a law, it was carried into effect with a vengeance. Men and women, young and old, thinly clad and in torn shoes, or with only rags on their feet, were indiscriminately driven into the cold and sleet to shovel snow or cut ice. Sometimes they were sent in groups to the forests to saw wood.

Pleurisy, pneumonia, and tuberculosis resulted. It was only then that the wiseacres in the Kremlin created a new department for the distribution of labour. This bureau decided upon the physical fitness of the workers, classified and distributed them according to their trade.

Under such enslaving and degrading conditions one need not

198

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

be surprised that the people shirked the work, because they hated it and the way they were driven to it. They began to look upon the Communist State as the new leech that was sapping their life-blood. The workers of Petrograd, the most revolutionary, they who had borne the brunt of the long struggle, who had so heroically defended the city against Yudenitch, who starved and froze beyond belief—what wonder if even they came to loathe the false revolutionists and everything connected with them?

Not theirs is the fault—it is the cruel Bolshevik machine which undermined their ideals and faith. That machine has engendered a counter-revolutionary feeling which it will take long to overcome.

I shall never forget a certain scene—a meeting of the Petrograd Soviet. On that night the fate of Cronstadt was to be decided. After long speeches by the leading Communists, several workers and sailors asked for the floor. A worker from the arsenal speaks. He faces the chair instead of the audience. His voice is tense with suppressed emotion, his eyes burn, his whole frame shakes. He addresses the Chairman of the Petrograd Soviet, Zinovieff.

"Three years and a half ago," he says, "you were denounced as a German spy, a traitor to the revolution, hounded and persecuted. We, the workers and sailors of Petrograd, saved you, and carried you to the seat you now occupy. We did that because we believed that you were expressive of the people. Since then you and your Government have gone away from us. Now you call us insulting names, dare to decry us as counter-revolutionists. You imprison and shoot us because we ask you to make good the promise you had given us in the October Revolution."

I do not know what became of the man. He may be in prison or dead for his daring. His cry fell on deaf ears. Yet it was the cry of an agonised spirit, the collective Russian spirit, that had aspired to and attained such heights during the Revolution and that is now fettered by the Bolshevik State.

THE CHEKA.*

The Cheka, the All-Russian Extraordinary Commission, unquestionably is the blackest measure of the Bolshevik régime. It was organised shortly after the Bolsheviki came to power for the purpose of coping with counter-revolution, sabotage, and speculation. Originally the Cheka was controlled by the Commissariat of the Interior, the Soviets, and the Central Committee of the Communist Party.

Gradually it became the most powerful organisation in Russia. It was not merely a State within a State; it was a State over a State. The whole of Russia is covered to the remotest village with a net of Chekas.

Every department in the vast bureaucratic machine has its Extraordinary Commission, omnipotent over the life and death of the Russian people. It would require the master pen of a Danto to bring home to the world the inferno created by this organisation, the brutalising, disintegrating effect it has upon the Extraordinary Commissions themselves, the dread, distrust, hatred, suffering, and death it has wrought upon Russia.

The head of the All-Russian Extraordinary Commission is Dzerzhinsky. He, together with his fellow-members of its presidium, are "'tried" Communists. In a public statement Dzerzhinsky said: "We are the representatives of organised terror. . . . We terrorise the enemies of the Soviet Government. . . . We have the power to undertake raids, confiscate goods and capital, perform arrests, question, try, and condemn those we consider guilty, and to inflict the death penalty."

In other words, the Cheka is spy, policeman, judge, gaoler, and executioner, all in one. It is the supreme power from which there is no redress, and only rarely an escape. It operates nearly always at night. The sudden flood of light in a district, the noise of madly speeding Cheka automobiles are signals for the alarm and dread of the community. The Cheka is at work again!

"Who are the unfortunates caught in the net this night? Whose turn will be next?"

The Cheka was organised to cope with counter-revolution, but for every real conspiracy it has unearthed it has created nine, either of an imaginary nature or of its own making. It must be borne in mind that the main asset of the Cheka are its provocators and informers. Like the scourge of typhus, they infest the very air of Russia. They shrink from no method, be it ever so base and cruel, to involve their victims and to penalise them as dangerous counter-revolutionists and speculators. In reality, however, the Cheka itself is a hotbed of counter-revolutionary plot and fabulous speculation.

Every Communist, by the discipline of his party, must at any time be ready to serve in the Cheka. But the majority of the Chekists are from the Czar's "Okhrana," from the Black Hundreds, and from the former high officials of the army. They are adepts in the application of barbarous methods.

The Western world has been fed on glowing accounts of the people's tribunals in Russia—the courts presided over by workers and peasants. There are no such courts within the domain of the Cheka. Its proceedings are secret. The so called hearings, when they take place at all, are a travesty of justice.

The "culprit" is confronted by ready-made evidence; he has no witnesses, and is permitted no defence. When he is led away from the Chamber of Horrors, he does not even know

* The Bolshevik press reports that the Cheka has been dissolved and its powers handed over to the Minister of the Interior. But as Dzerzhinsky, who was at one tims head of the Cheka, is now Minister of the Interior, the change seems to be merely a piece of camouflage.—ED. FREEDOM.

199

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

whether he is acquitted or condemned. He is kept in maddening suspense until some night he is called out—never to return. The following morning a Chekist calls for his belongings, and the rest of the prisoners know that another cold-blooded murder has been added to the countless numbers.

And the relatives and friends of the unfortunates? They go on standing in line on the Lyubianka, the street where the ghastly Cheka is quartered, for days and weeks anxiously waiting for word from their own. At last they are told that the one they aro looking for has been shot the previous night. In most eases the vietim has been dead for a long time. Thus insult is added to the tragedy and grief of the mourner.

Like the Okhrana of old, the Bolshevik Okhrana keeps its evil doings from the publie. But the truth will out sometimes. There is already considerable printed data on the horrors within tho walls of the Cheka—the brutal tortures, the graft, the widespread speculation. One need not go for information to the opponents of the Bolshevik régime. The Cheka itself oceasionally furnishes mueh material. The weekly organ of the Cheka No. 3 contains an artiele on the neeessity of torture. It is entitled "Enough Sentimentality!" and says, among other things:—

"In dealing with enemies of Soviet Russia, it is neeessary to use methods of torture to press eonfessions out of them, and then despateh them to the other world."

The reader need not think that the Cheka has progressed sinee 1918. Last summer, when the alleged plot of Prof. Tagantseff was diseovered in Petrograd, brutal beatings, torture by thirst, and sueh other eminently "revolutionary" methods were employed. I have this information not from counter-revolutionists, but from a very sineere Communist who was one of the arrested, and who witnessed the results of Chekist methods.

A Communist among arrested counter-revolutionists? How did he get there? Very simply. When the Cheka throws out its net, it eatches the innocent as well as the guilty; in fact, mostly the innocent. For how ean sixty-eight persons be involved in a eonspiracy without the whole eity knowing it? Yet sixty-eight persons were shot last summer in Petrograd in eonneetion with the Tagantseff "plot." And that is a small pereentage of the innocent men, women, and even youths done to death in the cellars of the Cheka.

Time and again demands wero made on the Government to cheek the power of this terrible organisation. Such an attempt was made in the fall of 1920. Immediately erime became rampant in Moseow, and "eonspiraeies" multiplied. Naturally, the Cheka had to prove that it is indispensable to the Bolshevik State. Thereupon a testimonial of thanks was voted to Dzerzhinsky and published in the *Pravda*.

Zinovieff, at one of the sessions of the Petrograd Soviet, declared Dzerzhinsky "a saint devoted to the revolution." The

history of the Dark Ages is full of sueh saints. How terrible that the Bolshevik régime must imitate the black past!

In this eonnection it is interesting to reeall the stand taken by the Bolsheviki in 1917, when the Provisional Government attempted to reinstate eapital punishment for army deserters. At that time the Bolsheviki protested vehemently against sueh brutality. They pointed out how barbarous the death penalty is, and how degrading to mankind. After the Oetober Revolution, at the Second All-Russian Congress of the Soviets, the Bolsheviki —together with the other revolutionary elements—voted to abolish eapital punishment. Now *razstrels* are the eherished method of tho Cheka—methods presided over by a Communist saint and sanetioned by the Communist State.

What beeomes of Marxism, whieh teaehes that the Social Revolution is tho birth of a new social life? Is there any indieation of it in any of the Bolshevik principles and methods as applied in Russia? The Bolshevik State has proved itself a erushing eonspiraey against the Russian Revolution.

The Persecution of Maria Spiridonova.

Pre-revolutionary Russia stood unique in the world's history for the host of women she contributed to the revolutionary movement. Beginning with the Deeembrists, whose wives followed them, nearly a eentury ago, into exile, down to the last hour of the Czar's régime, Russian women partieipated in the most heroie aetivities and went to *katorga*, or death, with a smile upon their lips. Among the great number there stands out as one of the most remarkable figures Maria Spiridonova.

During 1905-1906 there was mueh unrest among the peasantry of Russia. In the Provinee of Tamboff the peasants, exasperated by exeessive taxation and the brutality of offieials, rose against their oppressors and set fire to some estates. The Governor of Tamboff, Luzhenovsky, known far and wide for his savagery, had whole villages flogged by the Cossaeks. Half-naked, the peasants were foreed to kneel for hours in the deep snow, while seores of them were stood up in rows and massaered. Maria Spiridonova was then a young girl, yet she was entrusted by her party, the Social-Revolutionists, with the task of avenging the barbarity praetised upon the peasants—to kill Luzhenovsky.

It was a diffieult task. Luzhenovsky was well guarded. With his Cossaek punitive expedition he had for years travelled from village to village, terrorising the population and draining the peasants of their last provisions to feed the war with Japan. But the diffieulties did not dismay Spiridonova. Disguised as a peasant woman, she became the shadow of Luzhenovsky. She haunted the railway stations and eountry roads "in seareh," as she explained, "of her missing soldier husband."

200

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

In spite of imminent danger, privation, and eold, she kept her long, vigilant watch for the Goveruor, till at last the looked-for opportunity arrived. As the train bearing Luzhenovsky pulled up at the station where Spiridonova had been waiting so patiently and he stepped on the platform, surrounded by his offieers. Spiridonova broke through the cordon of guards and shot him to death.

The Russian Czars were never partial in their treatment of women politieals; they were equally relentless toward both men and women. But in the ease of Spiridonova the henchmen of Czar Nieholas surpassed even the methods of Ivan the Terrible. She was subjeeted to unspeakable barbarities. Dragged to the waiting-room of the station, she was beaten into insensibility, her elothes torn from her body, and then turned over to her drunken guards.

These amused themselves by burning her naked body with lighted eigarettes, kieking her about the room, and finally outraging her. For weeks she hovered between life and death, and then the death sentenee was imposed on her.

The news of the torture of Spiridonova aroused the whole world to protest, whieh saved her from the seaffold. She was sent to Siberia for life, where—as Gershuni afterwards related—she arrived " a mere bundle of raw flesh." In prison her eomrades tenderly nursed her baek to reeovery. But the result of her ghastly experienee remained with her—tuberculosis, a erippled hand, and the loss of the sight of one eye. But though physically marred and broken, her spirit eontinued aflame.

The February revolution opened the living grave for all Russian politieals, among them also Maria Spiridonova. Who can describe her exultation when she received the news of liberty? Yet she would not leave the prison until assured that all politicals were to be set free.

Amid great aeelamations of the people, Maria Spiridonova returned to Russia. But not to live in the Winter Palaee, not to be feted, not to rest upon her laurels. She eame baek to throw herself into the mounting sea of the released energies of the masses, of the peasantry espeeially, who so revered and trusted her. She beeame Chairman of the Executive Committee of the All-Russian Soviet of Peasant Representatives.

As such she inspired, organised, and directed the newly awakened spirit and activities of the peasants. Unlike some of the old revolutionists who had for years fertilised the revolutionary soil with their tears and blood, and yet could not grasp the trend of the new time, Maria Spiridonova quiekly realised that the February revolution was but the prelude to a greater and more profound ehange.

When the October revolution, like a mighty avalanehe, overwhelmed many of the old revolutionary guard, Spiridonova remained firm in her revolutionary faith and at the side of the

people in the hour of their greatest need. Day and night she worked, always at the serviee of her beloved peasants.

She was the soul of the Department of Agrieulture, and elaborated a plan for the socialisation of the land, one of the most vital problems of Russia at that time. How her frail body and weakened lungs withstood the tremendous strain is indeed a miraele. Only her great will power and marvellous devotion could sueeessfully sustain her during that most difficult and intense period.

Already early in 1918 Maria Spiridonova beeame aware that the revolution might be in greater danger from some of its friends than from its enemies. The Bolsheviki, swept into power by their revolutionary slogans borrowed partly from Anarchists and partly from the Social-Revolutionists, soon entered upon a diffcrent path. The first step in that direction was the Brest-Litovsk peace.

Lenin insisted on the ratifieation of that " peaee " only " to gain a breathing spell for the revolution." Maria Spiridonova, as well as many other revolutionists of different schools, to whom the revolution was not a mere laboratory for political experiments, determinedly fought the ratification. They contended that sueh a peace involved the betrayal of the Ukraine, then enthusiastieally and vietoriously driving the German invaders from Southern Russia; that it meant the exclusive domination of the Russian people by the Bolshevist Party and the suppression of all other politieal movements, with eonsequent bitter civil war; in short, the " breathing spell " of Lenin would prove the complete debacle of the revolution.

At that time Trotzky and many other Communists were opposed to the Brest-Litovsk peace. They, too, saw the danger ahead. But they were soon whipped into aeeeptanee by the iron discipline of the party. Lenin carried the day, and the Calvary of the Russian Revolution began.

While in America, I had heard many conflieting stories about the fate of Maria Spiridonova in Soviet Russia. On my arrival there I immediately made inquiries concerning her. I was informed by responsible Communists that she had suffered a nervous breakdown, become acutely hysterical, and was therefore plaeed in a sanatorium " for her own good, and receiving the best of eare."

It was not till July, 1920, that I had the opportunity to meet her. I found her living in Moscow, illegally, in a small room, again in the disguise of a peasant woman she used to assume in the days of the Czar. She had escaped from the " sanatorium and the best of eare," which had proved to be a Bolshevik prison.

I found no trace of hysteria in Maria Spiridonova. What I did find was one of the most poised, self-eontrolled, and calm persons I had met in Russia till then.

During two days I was held rapt by her aceount of the Rus-

201

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

sian Revolution; how the people had risen to sublime heights of great hopes and possibilities, and had then been hurled to the depths of misery and despair by the Communist State machine. It was a story of remarkable clarity and force of conviction.

It was then I learned that she had been imprisoned twice by the Bolsheviki. The first time was after the killing of Mirbach [the German Ambassador], when the Bolsheviki had closed the Fifth Congress of the Soviets and arrested the whole Left Social-Revolutionist faction led by Spiridonova. Released after five months, she was again arrested at the end of January, 1919, and incarcerated in a "sanatorium"—not because of hysteria or mental breakdown, but because she could not be cajoled or bribed into accepting the so-called Proletarian Dictatorship.

She had freely spoken to the people of the dangers to the revolution from the new policies of the Bolsheviki, and the people had heard her gladly.

The Bolsheviki pretended to the world, Spiridonova explained, that the fierce persecution of the Left Social-Revolutionists following their execution of Mirbach was due to an alleged attempt by them to seize governmental power. She was emphatic in the denial—and her words are substantiated by a mass of documentary evidence—that her faction ever intended or attempted seizure of power from the Communists.

The Spiridonova faction regarded the Brest-Litovsk peace as the rankest betrayal of the revolution. They considered the presence of Mirbach in Soviet Russia as an insult and a menace of imperialism. They openly called for the death of Mirbach and for an uprising against German invasion. They saw the revolution in danger. They openly avowed their beliefs, but neither Spiridonova nor her comrades had any knowledge of or part in any plot to seize power.

After the killing of Mirbach, Spiridonova herself came to the session of the Fifth All-Russian Congress of Soviets for the purpose of reading the official declaration of her faction that explained the necessity and the justification of Mirbach's death. She and her comrades were fully prepared to take the consequences of that act. The Bolsheviki prevented the reading of that document by closing the Fifth Congress and arresting the entire peasant representation, with Maria Spiridonova at their head.

In September, 1920, the Cheka was again busy proving its usefulness to the revolution by one of its periodic raids and discovery of plots. In the raid which took place in Moscow the hiding place of Maria Spiridonova was accidentally discovered. She was then sick with typhus, and could not be removed. The house was surrounded by a heavy guard, and no one from the outside admitted to her.

When the crisis was over, Spiridonova, though still very ill, was removed to the Ossoby Otdell (Secret Police Section) and

placed in the prison hospital. So grave was her condition that another arrested Left Social-Revolutionist, a woman friend of Maria's Siberian days, was permitted to take care of her. Both were kept under strictest surveillance, without the possibility of communicating with their friends.

In June, 1921, a letter was received from the prison, painting the dismal picture of her terrible life. The constant watch of the "comrades," Chekists, the solitary confinement, the deprivation of mental and physical food were slowly accomplishing what the tortures under the Czar had failed to do. Spiridonova had developed scurvy—her limbs were swollen, teeth and hair falling out. Added to this was the hallucination that she was being pursued by the gendarmes of the Czar and the Chekists of Lenin.

At one time she had attempted to starve herself to death. The Cheka threatened forcible feeding, but finally acceded to the demand of Spiridonova's two closest friends, Izmailovitch and Kamkoff, themselves prisoners, to let them coax Maria into accepting nourishment.

During the two Congresses in Moscow, held in July, 1921, the comrades of Spiridonova circulated a manifesto which had been sent by them to the Central Committee of the Communist Party and to the main representatives of the Government, calling attention to the condition of Maria Spiridonova and demanding her release for the purpose of adequate medical treatment and care.

A prominent foreign woman delegate to the Third Congress of the Communist International was approached in the matter. Later she was reported as having seen Trotzky, who had said that Spiridonova was still too dangerous to be liberated. It was only after accounts of her condition had appeared in the European Socialist press that she was released, with the proviso that she is to return to prison on recovery. Her friends who are taking care of her are now facing the alternative of either letting Spiridonova die or see her back in "the best of care" of the Cheka.

One thing only can save Maria Spiridonova—the opportunity to leave Russia. Her friends have made such a demand upon the Bolshevik Government, but so far in vain. In 1906 the protest of the civilised world saved the life of Spiridonova. It is indeed tragic that a similar protest is again needed in her behalf. Away from the watchful eye of the Cheka, from the woe and distress of tortured Russia, somewhere in the free, pure mountain air, Maria Spiridonova may again recover. She has suffered a hundred deaths. Will she be given back to life?

Since this article was written, the Russian Red Cross of Moscow requested Unschlicht, the Chairman of the Moscow Cheka, now renamed Political Ochrana, that Spiridonova be per-

202

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.– London : Freedom Press, 1922.– 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

mitted to leave Russia. In reply, this faithful defender of the Bolshevik State is supposed to have said that the conditions in Europe would be harmful to Spiridonova's health, hence she could not be given the chance to go abroad. This excuse given by Unschlicht is very strange, in view of the fact that European conditions do not seem to have harmed the health of the Russian delegation in Genoa. Neither have they affected any of the numerous representatives of the Bolsheviks who swarm the capital cities of Europe. Why, then, should European conditions harm Maria Spiridonova?

The fact of the matter is Unschlicht's excuse is only one of the many brazen evasions the Bolsheviki always make whenever they want to get out of a difficult position. They not only do not care for the welfare of Spiridonova, but they have done everything to get rid of her, and would, no doubt, heave a sigh of relief if she would oblige them by going out of life altogether. Since she has been released on parole, not the Bolsheviki, but the Red Cross and Spiridonova's personal friends have ministered to her needs. Why, then, this sudden solicitude on the part of Unschlicht?

The truth of the matter is, Spiridonova has remained irreconcilable. In Russia she is gagged; in Europe her voice might be heard. Mr. Unschlicht knows that, the Kremlin knows that. Therefore, she is not permitted to leave. However, the workers of Europe must not be hoodwinked by the excuses given by Unschlicht. They must make a decided and persistent demand upon the Bolshevik Government for the release of Maria Spiridonova. It is the least the revolutionary workers can do for one who has fought so long and so heroically for the oppressed of Russia and of the rest of the world. Maria Spiridonova, whom neither the Czar nor the Bolshevik Government could bribe, cajole, or subdue, has the right to ask the support of the revolutionary proletariat to help her out of the tender care and solicitude of the Unschlichts and their Government.

The Care of the Children.

The vicious circle created by the Communist State, and which thwarts the most sincere endeavours, is nowhere so evil and apparent as in the Bolshevik activities in behalf of the child. For though much of the accounts of child life in Russia is mere legend, still it must be admitted that a great attempt had been made. Why has it failed?

I remember vividly the impression made upon me by one of the speakers at the second anniversary of the October Revolution, held in Madison Square Garden, in 1919. The man had just returned from Russia. He roused the audience to great enthusiasm by his description of the care and treatment of the

children in Russia: My heart went out to the people of that country—the masses who had thrown off the yoke of ages and were now being "led by the hand of a child." It was so wonderful.

All through my voyage on the floating prison, the Buford, the thought of the work done for children in Russia sustained and warmed my spirit. How full of promise was the future; how inspiring to become part of that splendid new life! But in Russia I realised that I had reckoned without the vicious circle —the Socialist State which has compressed every effort within its orbit.

It is true that the Bolsheviki have attempted their utmost in regard to the child and education. It is also true that if they have failed to minister to the needs of the children of Russia, the fault is much more that of the enemies of the Russian Revolution than theirs. Intervention and the blockade have fallen heaviest upon the frail shoulders of innocent children and the sick. But even under more favourable conditions the Bureaucratic Frankenstein monster of the Bolshevik State could not but frustrate the best intentions and paralyse the supreme effort made by the Communists in behalf of the child and education.

It was not until I had been in Russia several weeks that I had an opportunity to visit the first school, the best in Petrograd. It is called *pokazatelnaya shkola*, model school, literally "show school." I did not grasp its meaning until later. The school was situated in the Hotel de l'Europe, the place still retaining much of its former elegance, with spacious rooms, beautiful chandeliers, and luxurious furniture.

In the winter of 1920 the shortage of fuel was so great in Petrograd that the population all but perished. It was therefore necessary to crowd the children in as few rooms as possible. But they were clean, well kept, and comfortable. The children, averaging from six to thirteen years, looked healthy, well fed, and contented. The physician in charge conducted me through the place, including the kitchen, shining with lovely copper dishes, and explained everything in detail.

The school was used as a sort of receiving and distributing centre. Children were brought there from all part of Russia, from the provinces mostly. They came in vermin-eaten clothes, emaciated and ill. They were bathed, weighed, measured, fed up, and given general treatment. For a short period they remained in the school receiving elementary instruction, and later they were sent to other boarding schools for children.

What I saw impressed me tremendously. Here, indeed, was proof of the reports that had come to America about the great things done for children in Russia.

There was only one disturbing note in the beautiful picture. A chance remark of my hostess, the physician, disclosed that

203

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

several children could not be seen because " they were in isolation."

" Some contagious disease?" I asked. " No," said the lady, " but they are little thieves, so we must keep them away from the other children."

I was dumbfounded. I saw before me the schoolmaster Tolstoy as portrayed by Ernest Crosby. One of the children in his school had stolen something. The other children had denounced him as a thief and asked their teacher to punish him. Pupils and teacher agreed that a sign bearing the inscription " Thief!" should be hung on the offender's neck.

While putting the string over the boy's head, Tolstoy was struck by the look in the child's eyes—a look of humiliation and dumb accusation. No, not the child was the offender. It was he, Tolstoy, and the other children—all of society—that could commit such a cruel thing, to brand the child a thief.

Never again thereafter was a child punished in Tolstoy's school. Yet here in great, free, revolutionary Russia were children punished, kept isolated, branded thieves, and continuously spoken of as " moral defectives." I was disturbed, and puzzled. However, I would not let that obscure the beautiful picture I saw in the Hotel de l'Europe.

A little later I was visited by a woman I had known in America for many years. With her husband and young son, she had rushed to their native land shortly after the February Revolution. She had participated in the great October days, and since then she had been engaged in various work, but her main interest was in the care of children. At the time of her visit she was matron in an *internat*, a boarding school for girls. The woman related to me much about her work, the children, and spoke of the bitter struggle to procure the necessary things for her school. Her story was so utterly at variance with what I had seen at the Hotel de l'Europe that I could not credit it. Yet I knew my friend to be absolutely honest and trustworthy. It seemed inexplicable.

I asked my friend to remain for supper. We talked about people we both had known in America, about the October Revolution and its effect upon the oppressed of the world, while I was peeling potatoes in my improvised kitchenette.

" Don't throw the peelings away," my friend warned me.

" Why, what do you want with the peelings?" I asked.

" The children make potato cakes of them and are so glad to get them."

" The children?" I wondered. " How is that possible? Are they not getting the first rations?" I saw myself at the Hotel de l'Europe that the children were fed on milk, cocoa, rice, farina, white bread, chocolate, even meat.

My visitor smiled. " Come to my school," she said, " and convince yourself."

I went, not once but many times. There I saw the other side of the medal. Yet even then I would not be convinced so easily. There were sixty-five children in that school. Their food was scanty and of poor quality. Most of them were sustained by what their people or relatives sent from the country. They had little warm clothing, and the majority were without shoes. My friend had to waste much of her time and all her energy in the various departments of the Education Board.

It took her two weeks to get twenty wooden spoons for her sixty-five children. After a whole month of effort, of standing in line, waiting to be admitted to the high officials, she was given twenty-five pairs of snowshoes. It required much wisdom and great tact to divide these among the sixty-five children without causing envy, hatred, and quarrels among them.

Each time I revisited that school I became more convinced that there was something wrong somewhere. How else explain the difference between the care the children received at the Hotel de l'Europe and those of the school on Kronversky Prospekt?

There the children were given the best of everything—food, clothing, rooms, concerts, dances—in fact, almost too much considering the general situation. Here the children had so little that they were constantly hungry, and what little they got had to be obtained with the greatest difficulty.

Soon I learned a few facts. There was not enough food or clothing in Russia for all the children. The Bolsheviki thought it necessary to have a few show schools in each city for the benefit of the foreign missions, delegations and reporters. The children were exhibited, paraded on every occasion, and written about. These schools received the cream of everything. What was left went to the other schools, which were of course in the majority.

Persons that visited the show schools only and judged of the care of children in Russia by them went away utterly ignorant of the true conditions of the mass of children under the Bolshevik regime.

Allied intervention and the blockade are chiefly responsible for the terrible poverty in Russia. Yet whatever there was of life's necessities for the children could have been distributed more equitably. The Bolshevik system itself involved discrimination and inequality in regard to the children, as it did in the treatment of the workers. For the latter there were various categories of rations, officially planned and carried out.

For the children the same situation obtained in practice, though more unofficially. In the first place, the system of " show " schools itself was vicious, demoralising, and establishing special privileges. That in return involved pretence, sham, and deceit, which could not help having their effect upon teachers as well as children.

But most of all, it was the centralisation of the State and its resultant complex machinery of bureaucratic officialdom that

204

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

made the best efforts of the Bolsheviki, in this as in other directions, futile and barren.

"DEAD SOULS."

A hundred years ago Gogol startled his countrymen by his great work 'Dead Souls." It was a scathing arraignment of Russian feudalism and its parasitism. "Dead Souls" have come to life again in Russia. But there is no Gogol to pillory them. And if there were, he would have much less chance of a hearing in the Russia of to-day than the great Gogol had in his time.

Who are the modern dead souls? That will be best clarified by illustration. Every creche, boarding school, reformatory—in fact, every institution where children and grown people live—is entitled to as many food and clothing rations as the number of its inmates.

All institutions depend on the Central Distributing Department (in Petrograd, the *Ptcrokommuna*; in Moscow, the *Moskommuna*, etc.) for their supplies. Numerous orders signed and countersigned by scores of *tchinovniki* must be secured for everything needed by a given institution.

The *tchinovniki* systematically delaying matters until they receive some bribe, it becomes necessary to get orders for more than the actual number of the population in the institution, so that some "extras" may be left for bribes as well as for the hungry friends of the "economic manager" of the institution in charge of the supplies.

For instance, the school of my friend had sixty-five children. All former matrons had added a number of fictitious names—"dead souls"—to the actual total of the children in the schools. In return for the extra rations thus secured and used as a bribe, the matrons were assured quick service. Having in this manner provided themselves with "influence" in the various departments, it did not matter if the managers in charge of the schools sabotaged their work, neglected and even abused the children, or often speculated with the provisions obtained for the inmates. They had "friends on high."

The results of this pleasant arrangement, universal in Russia, are obvious, of course. But my friend wouldn't be a party to such practices. She refused to add "dead souls." She knew that each dead soul was living on the already insignificant ration of some child.

She declined to feed the numerous inspectors, examiners, and correctors of her district. The result was a long and bitter struggle against the vicious circle, a struggle which undermined her health and ended in her being ousted from her position, literally thrown out on the street. In vain she tried to call the attention of the "comrade" at the head of the Petrograd Department of Education, Mme. Lilina. She could not be seen,

and she never visited the school of my friend. The "show" schools took up all of her time. Besides, Mme. Lilina would hardly have credited my friend's story. It is not customary to pay attention to "outsiders" that make complaints against Communists. And, incidentally, it is a dangerous thing to indulge in.

Later I met Mme. Lilina. I think she is sincere and very devoted to her work. But she is a bigot, without vision. She depends entirely upon her chief subordinates, all Communists, for her information about the conditions in the schools. The criterion of fitness and veracity in Russia is adherence to the Communist Party. It is hardly necessary to emphasise the result.

All this (the partial starvation of children in Bolshevik schools) I learned gradually, painfully, day by day. At first I refused to believe that the "dead soul" method was a general practice. Next door to me, in the Hotel Astoria, "First House of the Soviet," lived a little woman and her two children. She was a Communist, but one who fought hard against the "dead soul" method. She worked in various child institutions. She not only corroborated the condition I found at the school on Kronversky Prospekt, but she took me to many others where the same practices prevailed.

Everywhere "dead souls" lived off some of the half-starved children. My neighbour related the experience she had had with her own children, a boy of three and a girl of nine. Both had been placed in a colony. Out of her own meagre earnings the mother regularly sent the children extra provisions, as they did not get enough there. At the end of six months both children took sick and had to be removed to the one room they shared with their mother. The girl had developed a pernicious rash and the boy was badly run down. Both cases were diagnosed as due to malnutrition.

I became friends with my neighbour, a sincere and hard-working Communist. Through her I learned much of the general status of children. More and more I came to see that the Bolsheviki were trying to do all they could for the child, but that their efforts were being defeated by the parasitic bureaucracy their State had created. Above all proved destructive their notion that even the child must be used for propaganda purposes.

The "show" schools were a most evil influence, especially on the children at large. They poisoned the child's mind with a sense of injustice and discrimination. For quicker and more correctly than the adult, the child senses wrong and sham. And while these "show" schools were being used as newspaper copy abroad, the masses of children in Russia were neglected as the workers' children are in the rest of the world. Everywhere the privileged few receive all the advantages. Bolshevik Russia is not exempt from this cruel situation.

I have said in the beginning that I was deeply disturbed

205

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

when I first heard that children were isolated as " thieves and moral defectives." At the time I ascribed this attitude to the old-fashioned notion of the physician in charge at the Hotel de l'Europe. An article in the official *Pravda* and the talk I had with many leading Communists, among them Maxim Gorky, Mme. Lilina, and others, convinced me that nearly all of them believed in " inherent moral depravity."

Some high-standing pedagogues even favoured prisons for such " moral defectives." But that was too much for Lunacharsky, the Commissary of Education, Gorky, and others of the more progressive element, whom orthodox Communists regard as sentimentalists. Lunacharsky fought the barbarous proposition and, fortunately, his side scored a victory. Yet even as late as September, 1921, there were 200 juveniles, among them a child of eight, in the Taganka Prison of Moscow.

I am certain neither Lunacharsky nor Gorky knew about it. But therein lies the curse of the vicious circle; it makes it impossible for those at the head to know what the host of their subordinates are doing. The presence of the children in the Taganka was discovered by the political prisoners who had been sent there. They reported it to their friends on the outside, who took the matter up with Lunacharsky. The children were finally removed from the prison.

However, schools and colonies for the " moral defectives " are not much better than a prison. An investigation made by a committee of the Communist Youth disclosed harrowing conditions in some of those schools in Petrograd. The report was published in the Petrograd *Pravda* of May, 1920. It substantiated the charges frequently made—among them the general practices of " dead souls," the multiplication of attendants at the expense of the children's rations, and other methods of corruption and inefficiency. The committee found, for instance, 138 attendants in a school of 125 children. In another, 38 attendants to 25 children. These were not exceptional cases.

Besides that, the committee's report showed that the children were badly neglected, clad in dirty rags, and permitted to sleep on filthy, ill-smelling bedding without linen; that some children had been punished by being locked in dark rooms for the night, others forced to go without supper, and some had even been beaten. The report caused a great stir in official circles.

A special investigation was ordered, and, of course, like similar things in America, it resulted in a whitewash. The committee of the Communist Youth was rebuked for " exaggerating." It was stated that the article in the *Pravda* should have never appeared, such stories are water on the mill of the counter-revolutionists, and so forth.

I discussed the matter with some Communists. How could such a thing happen in Soviet Russia? I received the stereotyped reply, " lack of dependable and efficient workers." I

offered to take up work among the unfortunate children branded as " moral defectives."

" Oh, you must see Comrade Lilina," I was advised. " She will be delighted to have you."

Several days later Comrade Lilina called. She is a frail woman with a hard face, the typical New England schoolma'am of fifty years ago. She assured me that she was intimately familiar with the best methods of pedagogy and psychology. I ventured to tell her that I did not believe in the theory of the moral depravity of children, and that no modern educator held such antiquated notions; that even defective children could not be punished or be branded moral degenerates.

I told her of the modern methods and of the experimental work with delinquent children done in America by Judge Lindsey and others who had repudiated the moralistic conception of sinner and saint. Oh, yes, that was all very well in a capitalistic country where food and everything else was plentiful, but in starved Russia " moral defectives " were the inevitable result of long war, revolution, and hunger.

The interview convinced me that if I were to take up work among the little victims my efforts would be thwarted at every step by this prim and dogmatic lady. She in her turn probably thought that it would not be safe to entrust the care of children in the Communist State to an Anarchist. At any rate, nothing came of the project.

I give this as an illustration of the falsity of the oft-repeated Bolshevist claim that the corruption, abuse, and inefficiency of their regime are due to the lack of dependable workers. During my stay in Russia I came in contact with a surprisingly large number of persons able and willing to co-operate in the educational, economic, and other non-political work. Not being Communist, however, they are discriminated against, discouraged and surrounded by a spying system that makes all initiative and effort futile.

During my four months' travel through the Ukraine I had ample opportunity to visit creches, kindergartens, boarding schools, and colonies—unofficially, of course. Everywhere I found the same situation: a model " show " school with well-fed and well-cared-for children, while in the other institutions the children were hungry. Often I saw how the men and women in charge were beating their wings against the bureaucratic machine, earnestly striving to defend the interests of the children; but striving in vain, only to be finally eliminated by the all-powerful machine.

I saw a striking illustration of this phase in Moscow shortly before I left. In a certain district there is a model creche, the best organised and equipped I came across in Russia. The matron was a very rare type of womanhood, an idealist, an

206

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

educator of long experience, and a tireless worker. She set herself sternly against the " dead soul " practice. She would not rob Peter to feed Paul. She would not bribe the petty officials of the sub-department.

As usual, a campaign was started against her. The leading spirit in the miserable attack was the physician of the creche, a Communist. All sorts of accusations were laid at the matron's door, none of which had any basis. But the machine would not let up until the woman was forced out of the place. Incidentally, that meant also being deprived of her room. The woman was the mother of a four-month-old baby.

It was in November, the weather was cold, the damp penetrating. Yet the matron who had fought for the creche was ordered to leave the creche. For the sake of her infant she refused to go until assured of a room in the building. She was then given a little, dark, damp room in a basement which could not have been heated for three years. In that tomb the infant fell sick and has been ailing ever since.

Does Lunacharsky know of such cases? Do the leading Communists know? Some no doubt do. But they are too busy with " important State affairs." And they have become callous to all such " trifles." Then, too, they themselves are caught in the vicious circle, in the machinery of Bolshevik officialdom. They know that adherence to the party covers a multitude of sins.

During my two years' stay in Russia I visited many institutions, but I met very few happy children. In all that time I heard a really hearty child's laugh only once, in Arehangel. I may have occasion to write about that experience in a future article. On the whole, most children in Bolshevik institutions impressed me as colourless and stereotyped, veritable children of orphan asylums.

There is something practically gripping about those children. They are not only starved for food, but even more so for affection —they are lonely children. I know this does not correspond with the legends circulated of the millennium come to the child in Bolshevik Russia. But, then, I have no intention of perpetuating legends.

There was one other factor which set the Communist State above the other Governments—the abolition of child labour. That was its most significant achievement, for which the Communists deserved much credit. But now that Lenin's new economic policy is fast resurrecting the dead, now that capitalism and private exploitation are slowly but surely returning to Russia, the Bolshevik Government will soon be the " equal " of all other civilised Governments, with child labour as its great source of national wealth.

A Visit to Peter Kropotkin.

Among those I wanted to see most when I reached Russia in January, 1920, was Peter Alexeivitch Kropotkin. I immediately made inquiries how to reach him. I was informed that I could do so only when I got to Moscow, as Kropotkin lived in Dmitroff, a small town 60 versts from the city. Now, one does not travel at will in a country so stricken by war and revolution as Russia—a country where the State is in absolute control of every breath of life. There was nothing to do but wait until I would be given the chance to go to Moscow. Fortunately, that opportunity soon presented itself.

Early in March a number of prominent Communists went to Moscow, among them Radek and Gorky. I was permitted to go in the same car. When I reached Moscow I began to look about for means to reach Dmitroff. But again there was a delay. I learned that it was almost impossible to travel the ordinary way. Typhus was then raging. The railroad stations were overcrowded with people lying around for days and weeks. There was always a savage scramble for an inch of space. Five hundred unfortunate beings would crowd into a car that had room only for fifty. Starved and worn out, they would crowd even on the roof and platform of the car, unmindful of the biting frost or the imminent danger of being thrown off. Not a journey but some of the victims froze to death—others hurled from the speeding train.

I was in despair, for I had heard Kropotkin was ailing that winter. I feared he might not live until spring. I would not ask to be given a special car; neither could I muster up courage to go the ordinary way. An unforeseen circumstance came to my rescue.

The editor of the London *Daily Herald*, accompanied by one of his reporters, had preceded me to Moscow. They also wanted to visit Kropotkin, and they had been given a special car. Together with Alexander Berkman and A. Shapiro I was able to join Mr. Lansbury and make the trip in comparative safety. The journey was made in fairly good time; it was a starry night, and the whole country was one vast sheet of snow. Our footsteps resounded in the silence of the village asleep.

The Kropotkin cottage stood back in the garden away from the street. Only a faint ray from a kerosene lamp lit up the path leading to the house. I afterward learned that kerosene was scarce in the Kropotkin household, and light had to be economised. After Peter had finished his day's work the lamp would be used in the living room, where the family gathered in the evening. We were warmly received by Sophie Kropotkin and the daughter, and taken to the room where we found the Grand Old Man.

The last time I had seen him was in 1907, in Paris, which I

207

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.– London : Freedom Press, 1922.– 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

had visited after the Anarchist Congress at Amsterdam. Kropotkin, for many years barred from France, had just been given the right to return. He was at that time already sixty-five years of age; but he looked so full of vitality, was so alert, that he seemed much younger. He was a great inspiration to all of us who were fortunate to come in close contact with him.

Somehow one could never think of Peter Alexeivitch as being old. Not so in March, 1920. I was shocked by his altered appearance. He was fearfully emaciated. He received us with the graciousness that was so characteristic of him.

We felt from the very beginning that our visit would not be satisfactory; Peter would not be able to talk freely with us in the presence of two strangers, journalists at that. But we had to make the best of the situation. After an hour's talk, we asked Mrs. Kropotkin and Sasha to entertain the English guests while we conversed with Kropotkin in Russian.

Aside from my concern in his health I was eager to get some light from him on the vital questions that had already begun to trouble my mind—the relation of the Bolsheviki to the Revolution; the despotic methods which, as everybody had assured me, had been imposed upon the ruling party by intervention and the blockade. What was Kropotkin's opinion about it, and how explain his long silence?

I had taken no notes, and I can give only the gist of our brief talk. It was to the effect that the Russian Revolution had carried the people to great heights and had paved the way for profound social changes. Had the people then been permitted to utilise their released energies, Russia would not now be in her ruined condition.

The Bolsheviki, who had been swept to the fore by the gigantic revolutionary wave, had at first caught the popular ear by extreme revolutionary slogans. Thus they gained the confidence of the masses and the support of the militant revolutionists.

Early in the October period the Bolsheviki began to subordinate the interests of the Revolution to the building up of their dictatorship. It coerced and paralysed every social activity. Kropotkin referred to the Co-operatives as the main medium which, in his opinion, could have bridged the interests of the peasants and the workers. But it was these very Co-operatives which were among the first to be crushed.

He spoke with much heat of the depression, the persecution, the cruel hounding of every political shade of opinion, and he cited numerous examples of the misery and distress of the people. Above all, he was most emphatic against the Bolshevik Government for having thus discredited Socialism and Communism in the eyes of the Russian people. It was a heart-breaking picture which Kropotkin unrolled before us that evening.

Why, then, had he not raised his voice against these evils, against the machine which was sapping the life-blood from the Revolution? Kropotkin gave two reasons: First, because so long as Russia was being attacked by the combined imperialists of Europe, and Russian women and children were starved to death by the criminal blockade, he could not join the shrieking chorus of the ex-revolutionists in the cry of "Crucify!" He preferred to keep silent for the present.

Secondly, there was no medium of expression in Russia itself, hence no way of reaching the people. To protest to the Government was useless. Its concern was to maintain its power at any cost. It could, therefore, not stop at such trifles as human life or human rights. But then, he added, "We have always pointed out the blessings of Marxism in action. Why now be surprised?"

I asked whether he was noting down his impressions and observations. Surely he must see the importance of such a record to his comrades, to the workers; in fact, to the whole world. Kropotkin looked at me for a moment, then said:

"No, I do not write. It is impossible to write when one is in the midst of great human suffering and distress, when every hour brings new tales of woe which one may not ameliorate. Besides, all personal privacy and safety have been destroyed. There may be a raid any moment—the Cheka comes swooping down in the night, ransacks every corner of the house, turns everything upside down, and marches off with every scrap of paper.

"Under such constant stress it is impossible to keep records. But more than all these considerations is my book on ethics. I can work only a few hours a day, and I still have much to do. I must therefore concentrate on that to the exclusion of everything else."

We had already monopolised our comrade too long. Though there was still much to talk about, we had to content ourselves for that evening. The conversation again became general. But it was getting late, and our host was fatigued. Soon we took our leave. We agreed to come back in the spring, when we should have more time to talk over matters.

After a tender embrace, which Peter never failed to give those he loved, we returned to our car. My heart was heavy with the great Russian tragedy, my spirit confused and troubled by what I had heard. I was also distressed by the physical condition of our comrade. I feared he could not survive until the spring. The winter of 1920 had been most terrible. People had been dying from typhus, hunger, and cold. The thought that Peter Kropotkin might go to his grave, and the world never know what he thought of the Russian Revolution, was appalling

208

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.– London : Freedom Press, 1922.– 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

I felt somewhat impatient. Kropotkin had braved the despotism of the Tsars and the raids of their political Okhrana. Why could he not write now? It was just like the old: they for ever dwell in the past while the present passes them by. It was only much later that I understood why Kropotkin had been unable to write about the events in Russia.

In July, 1920, I again came to Moscow. I was with the expedition of the Museum of the Revolution on the way to the Ukraina. One day Sasha Kropotkin called me up. She had obtained an auto. from one of the Government officials, and would Alexander Berkman and I go out to Dmitroff? The next day we started out, reaching Dmitroff in a few hours. The garden surrounding the Kropotkin house was full of bloom, completely hiding the cottage from view. Peter was having his afternoon nap, but he rose as soon as he heard our voices. He joined us; he had improved marvellously; he was so alert, so active, so energetic. He immediately took us to the vegetable garden, which was almost entirely Sophie Kropotkin's work, Peter's pride, and the chief support of the family. He took great delight in showing us a new species of lettuce which Sophie had grown, having large heads like cabbage, with leaves of fragrant green. "You must have some for dinner," said Peter jovially. The spring had certainly wrought a miracle in him He was a different man.

The first seven months of my stay in Russia had almost crushed me. I had come with so much enthusiasm, with a passionate desire to throw myself into the work, into the holy defence of the Revolution. What I found completely overwhelmed me. I was unable to do anything. The chariot wheel of the Socialist State rolled over me, paralysing my energy. The wretchedness and distress of the people, the callous disregard of their needs, the persecution and the repressions tore at my mind and heart, and made life unbearable.

Was it the Revolution which had turned idealists into wild beasts? If so, the Bolsheviki were mere pawns in the hands of the inevitable. Or was it the cold, impersonal character of the State which by foul means had harnessed the revolution to its cart and was now whipping it into channels indispensable to the State? I could not answer these questions. Not in July, 1920, at any rate. Perhaps Kropotkin could.

KROPOTKIN ON THE RUSSIAN REVOLUTION.

During the second visit to Peter Kropotkin we had an hour together. In that time Peter spoke in detail of the Russian Revolution, the part played by the Bolsheviki, the lesson to the Anarchists in particular and the world in general. He considered the Russian Revolution in scope and possibilities greater than the French Revolution. While it is true that the people were not developed in the Western sense, yet they are more responsive

to new arrangements of life. The spirit of the masses during the February and October Revolutions demonstrated that they understood the great changes waiting their concerted efforts, and they were willing to do their share.

The people knew that something tremendous was before them, which they themselves must face, organise, and direct. That spirit, though now fettered by hunger, privation, and persecution, is yet very much alive. The dogged resistance offered by the people of Russia to the Bolshevik yoke is the best proof of that. The Bolsheviki in their march to power were far from being the advance guard of the revolution, as they claim. On the contrary, they were the dam which had thrown back the rising tide of the people's energies.

In their fixed idea that only a dictatorship can direct and protect the revolution, they went about strengthening their formidable State which is now crushing the revolution. As Marxians they never have, nor will they ever realise that the only protection of the revolution lies in the ability of the people to organise their own economic life. For the rest, Kropotkin added, he had sot forth his views on the Russian Revolution in his letter to the workers of Europe, which was, I believe, widely published.

Kropotkin also spoke of the part the Anarchists played in the revolution, of the death of some, the heroic struggle of many, the irresponsibility of the few. Above all, he emphasised the need for all the Anarchists to be better equipped for reconstructive work during the revolution. I distinctly remember these words:

"We Anarchists have talked much about the Social Revolution. But how many had ever taken pains to prepare for the actual work during and after the revolution? The Russian Revolution has demonstrated the imperativeness of such preparation for practical reconstructive work."

In a letter to one of his closest friends Kropotkin wrote that he had come to see in Syndicalism the economic basis of Anarchism. In other words, the medium for the economic organisation and expression of the energies of the people during the revolutionary period.

It was a memorable day. Alas! the last I was ever to spend with our Grand Old Man. When I was called to take care of him during bis last illness I reached Dmitroff an hour after his death. The usual bureaucratic confusion, inefficiency, and delay robbed me of the opportunity to render Kropotkin some slight service in return for all that he had given me

Two things had struck me in Kropotkin on both visits: The lack of bitterness toward the Bolsheviki and the fact that he never once alluded to his own hardships and privations. It was only after his death that I learned a few details of his life under the Bolshevik régime. In the early part of 1918 Kropotkin had

209

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

grouped around him some of the ablest specialists in various branches of political economy. The purpose was to make a careful study of the economic resources of Russia, and to compile these resources in monographs, to make them of practical help in the reconstruction of Russia.

Kropotkin was the editor-in-chief of that undertaking. One volume was prepared, but never published. The Federalist League, as this scientific group was known, was broken up by the Government and all the material confiscated.

On two occasions the Kropotkin apartments were requisitioned and the family forced to find other quarters. It was after all these experiences that the Kropotkins moved to Dmitroff, where he became an involuntary exile. Even in the summer it was difficult to visit him. Special permission had to be procured to travel, and that involved much effort and time. In the winter it was almost altogether impossible. Thus he, who had in the past gathered at his home the best in thought and ideas from every land, was now forced to the life of a recluse.

His only visitors were unfortunate peasants, workers of his village, and some of the intelligentsia who would come to him with their daily misfortunes. I remember that the evening of our visit Kropotkin had received a letter from an old friend in Moscow, a scientist. The man was living with his wife and two children in one room. Only a small lamp was lighting up the family table at which the children had to prepare their lesson, the wife copy some manuscripts, while he used one corner to do his scientific research. He was employed at a place twelve versts from home, and had to walk that daily

Kropotkin, who had always kept in touch with the world through numerous publications in every tongue, was now cut off entirely from that source of life. He was not even able to learn what was happening in Moscow or Petrograd. His only channel of news were the two Government papers, the *Pravda* and the *Izvestiya*. He was much handicapped in his work on ethics while he lived in Dmitroff. He could not obtain the necessary books of research. In short, Kropotkin was mentally starved, which was, no doubt, greater torture to him than physical malnutrition. He received a much better *payok*, or ration, than most people; but even that was by far not sufficient to keep up his vitality.

Fortunately, he received from time to time assistance—in the form of provisions—from various sources. Thus his comrades from abroad, as well as those from the Ukraine, often sent him foodstuffs. He also received similar gifts from Makhno, then heralded by the Bolsheviki as the terror of the counter-revolutionary forces in Southern Russia. But especially was felt the lack of light and fuel. When I visited the Kropotkins in 1920, they were considering themselves fortunate to have light

in more than one room. During part of 1918 and all of 1919, Kropotkin wrote his ethics by the flicker of a tiny oil lamp that nearly blinded him.

During the short hours of the day he would transcribe his notes on a typewriter, slowly and painfully pounding out every letter. However, it was not his own discomfort which sapped Kropotkin's strength. It was the hardships of Russia, the suffering about him, the suppression of every thought, the persecution and imprisonment for opinion sake, the endless *raztrels* of people, which made his last years the deepest tragedy.

If only he could have done something to help, to lessen the suffering, to bring the dictators of Russia to their senses. But he could not. He could not, like some of the old revolutionary guard, make common cause with the enemies of the revolution. Even had he found a way of having his protests published in the European Press, the reactionists would have used them against Russia. No, he could not do that. And he knew only too well that it was useless to protest to the Bolshevik Government.

Yet, so great was his anguish, that on two occasions Peter Kropotkin addressed himself to that deaf ear. Once in protest against the terrible practice of taking hostages; the other time against the complete suppression of publishing undertakings other than the State's.

Ever since the Cheka began its sinister existence, the Bolshevik Government had sanctioned the taking of hostages. Old and young, mothers, fathers, sisters, brothers, even children, had been held and often shot for the offence of one of their own—offences which, in nine cases out of ten, they knew nothing about.

In the fall of 1920, the Social-Revolutionists that emigrated to Europe threatened retaliation if the repressions against their comrades continued. The Bolshevik Government announced in its official press that for every Communist it would take ten Social-Revolutionists. It was then that the famous revolutionist, Vera N. Figner, and Peter Kropotkin sent a protest to the powers that be. They pointed out that the practice of taking hostages was a blot on the Russian Revolution, an evil which had already brought terrible results in its wake, that the future would never forgive them for such a barbaric method.

The second protest was made in reply to the attempt the Government was making at " liquidating " all publishing undertakings, whether political, co-operative, or private. This protest was addressed to the President of the then sitting Eighth All-Russian Congress of Soviets. It is interesting to note that Gorky, himself an official of the Commissariat of Education, had sent almost on the same day from Petrograd a similar protest.

Kropotkin, in his statement, called attention to the danger of such a policy to all progress; in fact, to all thought. Such State monopoly on thought would make creative work utterly

210

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

impossible. The situation in Russia during the last four years has given ample proof of that.

One of the striking characteristics of Peter Kropotkin was his reticence in everything concerniug himself. In my stay of thirty-six hours at his Dmitroff home, while his body lay in death, I learned more of his personal life than during all the years I had known him. But few even of his immediate circle knew that Peter Alexeievitch was an artist and a musician of considerable talent. Among his effects I discovered a whole collection of his drawings of great merit.

He loved music passionately, and was himself a musician of no mean ability. He spent much of his leisure moments at the piano. No doubt he was able to find some forgetfulness and peace in the masters whose works he rendered with deep understanding.

He lay in his workroom as if peacefully asleep, his face as tender in death as it had been in life. There he lay, this great son of Russia. Through strife and stress he had remained true to the Revolution, and would not forsake it. He did not live to see Capitalism in Russia erected as a monument upon the grave of the Revolution. But even that would not have robbed him of his fervent faith in the resurrection of the people, the ultimate triumph of a Libertarian Revolution.

The Trade Unions.

The much-praised achievement of the Bolshoviki in the matter of Trade Unions reminds me of Mrs. Alving's remark in Ibsen's "Ghosts' : "I only wished to pick at a single knot, but when I got that undone the whole thing ravelled out. And then I understood that it was all machine-sewn."

Among the first things called to one's attention when one arrives in Russia are the Trade Unions. Think of it, seven million workers organised into one body, having their magnificent labour temples, their educational and cultural courses, their grand meetings and concerts. What other country can make such a showing? You are overwhelmed. But no sooner do you begin to pick at one knot when the whole seam ravels out. You come to see that Trade Unions, more than any other Bolshevik institution, are machine-sewn—sewn by the machine of the Communist State.

In fact, it is most confusing to talk of Trade Unions under the Bolshevik régime. After all, Trade Unions have a definite historic meaning, at least to workers outside Bolshevik Russia. They represent, in their conservative seuse even, the fighting arena of organised Labour for economic improvement. In the revolutionary sense the Trade Unions, or rather the Industrial and Syndicalist Unions, are the economic training school of the militant masses for the overthrow

of exploitation and the management by the workers of production in a liberated society.

Yet neither in the conservative nor even in the revolutionary sense do the Trade Unions represent in Russia the needs of the workers. What they really are is the coerced and militarised adjunct of the Bolshevik State. They are "the school of Communism," as Lenin insisted in his thesis on the functions of Trade Unions But they are not even that. A school presupposes the free expression and initiative of the pupils, whereas the Trade Unions in Russia are military barracks for the mobilised labour army, forced into membership by the whip of the State driver.

The Trade Unions in Russia, though young in years (they came into being in 1905), were very militant organisations. They had to be in order to withstand the cruel persecution under the Tsar. But though they led an underground existence most of the time, they were none the less an important factor in the economic struggles of the Russian worker. That fact was demonstrated forcibly early after the February revolution.

The Trade Unions, imbued with the new spirit that had come to Russia, were not content with mere political changes. Their aim was to get the workers in possession of the economic structure of the country. Even before the workers expropriated the shops and factories the Trade Unions had organised shop and factory committees for the control of the industrial life of the community.

These committees later gave way to the All-Russian Trade Union Soviet, which worked in close union with the other Soviets. In other words, the Trade Unions were, even before the Bolshevik régime, the organised expression of the demands and aspirations of the workers. Thus, the third Conference of Trade Unions, held in Petrograd in July, 1917, already sent 210 delegates representing a membership of 1,475,425.

The advent of the Dictatorship of the Proletariat quickly made itself felt in the Trade Unions. Adherence to labour organisations became compulsory, every one who worked being automatically enrolled in the Union and compelled to pay for the pleasure, whether he enjoyed it or not. The 3 per cent. dues were simply deducted from his wage, so that the Russian worker had to stand the cost of the very organisations which destroyed every symptom of initiative and self-direction in the Russian Trade Unions.

The All-Russiau Trade Union Soviet consists of 120 members. Its Central Executive Committee has eleven members, and practically only Communists can get elected to either body. The result is that the Trade Unions have become a mere branch of the State machinery, completely controlled and directed by the latter in its policies and functions. The average member has no say whatever in the activities of his organisation, nor are regular meetings of the Union held, in the Western sense, except such as are thoroughly dominated and managed by the Bolshevik faction in each Union.

If any Union should venture to exercise the function of a real Union it is quickly given to understand that, whatever Trade Unions

211

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.

Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

may do in Western Europe or America, in the Communist State they must obey the law and keep their mouths shut.

To illustrate. The bakers of Moscow, representing a large and militant Union, went on strike in the summer of 1920 for an increase of their bread allowance. The Government did not trouble itself much about the matter. The striking local was simply dissolved, its leaders expelled, and some of the most active members arrested. The more prominent of the spokesmen of the strikers were forbidden to participate in any Union gatherings and deprived of the right to hold office.

Similar tactics were followed by the Bolsheviki in various other strikes. An interesting incident of this character was the Moscow printers' difficulty. In their case it was not even a strike; it was merely the "impudence" of having called a meeting to which members of the British Labour Mission, then in Moscow, were invited.

At that meeting Chernoff, leader of the Social Revolutionists, and Dan, a prominent Menshevik, committed the unpardonable sin of telling the British Labour men a few facts about the Trade Union and labour conditions in Russia. Immediately after that all the officials of the Printers' Union were suspended and some of them thrown into jail.

Throughout the country, in all official papers, the Moscow printers were heralded as counter-revolutionists, traitors, and "skinners of labour," and denounced in bitterest terms that served to awe and terrorise the rest of the proletariat of the country.

So absolute and crushing is the tyranny over the Trade Unions that the least protest is denounced as a breach of revolutionary and labour discipline and a crime against the Revolution. When, during the Petrograd strikes of 1921, the workers of the Baltic shops protested against the arrest of twenty-two of their members, they were told by Antselovitch, the chairman of the Petrograd Trade Unions, that they all belonged in the Cheka, and several days later a raid took place at the shops, resulting in the arrest of numerous workers.

In short, the Trade Unions in Bolshevik Russia have been entirely absorbed by the State and have no other meaning or function than to do police duty for the State.

Naturally, such conditions could not last very long without arousing the most bitter discontent on the part of the workers. In fact, in 1920 this discontent became so general and threatening that the Government saw itself compelled to give serious consideration to the situation. The issue of the functions of the Trade Unions was taken up by the end of 1920, and it soon became apparent that even within the Communist Party itself there raged conflicting views on that important question.

All the leading Communists participated in the heated verbal contest which was to decide the fate of the Trade Unions. The theses presented disclosed four main tendencies.

First, the Lenin-Zinovieff faction, which held that "the Trade

Unions have only one function under the Proletarian Dictatorship" —that is, to serve as schools of Communism.

The second tendency was represented by Riasanoff and his adherents, who insisted that the Trade Unions must continue to function as the forum of the workers and their economic protector.

The third faction was that of Trotzky, the military genius who can think only in terms of militarism. He advanced the thesis that the Trade Unions will in time become the managers and controllers of the industries, but that for the present the Union management must be appointed by military methods.

Last, and most important, was the Labour Opposition led by Mme. Kollontay and Schliapnikoff, who really represented the actual sentiment of the workers and had their support.

This Opposition insisted that the militarisation of the Trade Unions had destroyed the interest of the workers in the economic reconstruction of the country and paralysed their productive capacity. They demanded the liberation of the masses from the yoke of the bureaucratic State and its corrupt officialdom, and giving the people opportunity for the exercise of their creative energies.

They pointed out that the October Revolution had been fought to enable the masses to be in control of the industrial life of the country. In short, the Labour Opposition voiced the accumulated protest and discontent of the rank and file.

It was a battle royal, with Trotzky and Zinovieff chasing each other over the country, in separate special trains, to disprove each other's contentions. In Petrograd, for instance, Zinovieff's influence was so powerful that it required a big struggle before Trotzky received permission to address the Communist local on his views about the controversy.

The latter engendered intense feeling and came near disrupting the Communist Party. But God loves Lenin. Always when his structure begins to totter the Lord sends him some prop. The great labour unrest and numerous strikes in Petrograd in February, 1921, and the Kronstadt insurrection proved that prop. Communist unity was to be maintained at all cost. And so the Little Father took his unruly children, one by one, and taught them their manners.

Lenin denounced the Labour Opposition as Anarcho-Syndicalist, middle-class ideology, and ordered its suppression. Schliapnikoff, one of the Opposition's most influential leaders, was referred to by Lenin as a "peeved Commissary," and was subsequently silenced by being made a member of the Central Committee of the Communist Party. Mme. Kollontay was told to hold her tongue or get out of the party, and her pamphlet—setting forth the views of the Opposition—was suppressed.

Some of the lesser lights of the Labour Opposition were given a vacation in the Cheka, and even Riasanoff—an old and tried Communist—was suspended for six months from all Union activities. As to Trotzky, whom Lenin held up to the party's scorn as an "ignoramus in fundamental Marxism," he was hustled off to Kronstadt to bring there the "peace of Warsaw." Lenin and his saint,

212

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.
Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

Juste Zinovieff, scored a victory. The Trade Unions remained the "school for Communism."

The new economic policy is fast reshaping the whole structure of Russia. The Trade Unions are among the first to feel its effects. At a session of the Central Committee of the Communist Party, held in Moscow in December, 1921, the functions of the Trade Unions under the new economic policy was discussed. A commission consisting of Lenin, Rudzyutak, and Andreyeff was chosen to prepare a thesis on the subject. Later their thesis was accepted, as usual, unanimously by the All-Russian Central Soviet of Trade Unions.

The thesis speaks volumes for Lenin's capacity to shed his skin. Among other things it contains the following:—

(1) Compulsory enrolment of the workers in the labour organisations brought about bureaucratic deterioration of the Trade Unions and alienated them from the masses (for saying the same things many workers had been denounced as counter-revolutionists and "skinners" and were sent to the Cheka); it is therefore now necessary to establish voluntary membership in the Unions.

(2) The workers joining Unions must not be interfered with or harassed on account of their political or religious faith. (Shades of the numerous victims who were discriminated against and browbeaten because of their political views unsympathetic to the Bolsheviki!)

(3) The economic reconstruction of Russia necessitates the strictest concentration of power in the hands of individual management; therefore the labour Unions must not seek to control the industries leased or owned by private capitalists.

It is evident that the new economic policy, supported by Lenin's thesis on the role of the Unions, is opening the door to new labour problems and inevitable conflicts. The settling of all coming labour conflicts will be in the hands of a "higher body," outside of the Trade Unions. Lenin's commission has already indicated that this "highest authority" of forced arbitration of labour disputes is to be no other than the Communist Party and the Third International.

It is apparent that the Communist International means to preserve its domination of the Labour movement of Russia, while it is at the same time bending every effort to gain control of the Labour organisations in Western Europe and America.

Meanwhile the Russian worker, under the new economic policy is faring even worse than since the Revolution began. He has lost even those guarantees, few as they were, that accrued to him as a result of the revolutionary changes. Especially is this true in regard to the hours of work.

The eight-hour day, practically universal in Russia for the last four years, has now been abolished *de facto*. According to the official organ, the Moscow *Pravda*, of December, 1921, the situation is as follows:—Only 86 out of 695 industrial establishments have retained the eight-hour day. In most of the others work continues nine hours; in 44 establishments the workday is ten to twelve hours

long; in 11, fourteen to sixteen hours; in 44 workshops no regular hours exist. Even children have been found, in some places, to work twelve to fourteen hours. The bakers are the most exploited and work longest hours, from twelve to eighteen.

These data refer to conditions in Moscow, the capital of Russia. In the provinces the situation is even worse. Thus, in the Don coal district the miners remain at work sixteen to seventeen continuous hours. In the State leather factory in Vitebsk twelve hours constitutes the normal workday; in the Astrakhan fisheries, according to the local representative at the Second All-Russian Conference for the Protection of Labour, the workday is virtually unlimited.

It can be thus seen how the new policy of State and private capitalism is showering its blessings on the Russian worker.

The Russian Revolution, however, has not been entirely in vain. It has uprooted many of the old notions of the Russian masses, and the worker is no longer the docile slave he used to be. He has been fed on politics *ad nauseam;* he no longer believes in it. Now that he will be able to combine with his fellows in new Labour organisations he will no doubt try more direct methods to assert himself.

Lenin and his retinue are sensing the danger. Their attack upon and the persecution of the Labour Opposition and the Anarcho-Syndicalists are continuing with even greater intensity. Is it that the Anarcho-Syndicalist star is rising in the East? Who knows—Russia is the land of miracles.

RUSSIAN REVOLUTION SERIES.

THE RUSSIAN TRAGEDY: A Review and an Outlook.
By Alexander Berkman.

THE RUSSIAN REVOLUTION AND THE COMMUNIST PARTY.
By Four Well-known Moscow Anarchists.

Price, Sixpence each, post-free. U.S.A., 15 cents.

Freedom Press, 127 Ossulston Street, London, N.W. 1.

FREEDOM.

A Monthly Journal of Anarchist Communism.

Price, 2d.; Annual Subscription, 2s. 6d. U.S.A. and Canada, $1.00.

Freedom Press, 127 Ossulston Street, London, N.W. 1.

213

830929001

The Emma Goldman Papers

The Crushing of the Russian Revolution / Emma Goldman.— London : Freedom Press, 1922.— 25 p. ; 22 × 26 cm.
Obtained from the Stanford University Libraries, Stanford University.

BOOK AND PAMPHLET LIST.

ANARCHIST COMMUNISM: Its Basis and Principles. By Peter Kropotkin. 3d.
THE STATE: Its Historic Role. By Peter Kropotkin. 4d.
THE WAGE SYSTEM. By P. Kropotkin. 2d.
ANARCHY. By E. Malatesta. 3d.
THE PLACE OF ANARCHISM IN SOCIALISTIC EVOLUTION. By Peter Kropotkin. 2d.
EVOLUTION AND REVOLUTION. By Elisee Reclus. 2d.
LAW AND AUTHORITY. By Peter Kropotkin. 3d.
OBJECTIONS TO ANARCHISM. By George Barrett. 4d.
THE ANARCHIST REVOLUTION. By George Barrett. 2d.
ANARCHISM versus SOCIALISM. By Wm. C. Owen. 3d.
ENGLAND MONOPOLISED or ENGLAND FREE? By Wm. C. Owen. 2d.
ANARCHISM AND DEMOCRACY. By John Wakeman. 2d.
THE CONCENTRATION OF CAPITAL: a Marxian Fallacy. By W. Tcherkesoff. 2d.
AN APPEAL TO THE YOUNG. By Peter Kropotkin. 2d.
THE CHICAGO MARTYRS. With Portraits. 2d.
ANARCHISM AND OUTRAGE. 1d.

Postage extra—1d. for each 3 pamphlets.

MODERN SCIENCE AND ANARCHISM. By Peter Kropotkin. Paper Covers, 1s.; postage 2d.
FIELDS, FACTORIES AND WORKSHOPS. By Peter Kropotkin. Cloth, 2s.; postage 4d.
THE CONQUEST OF BREAD. By P. Kropotkin. Cloth, 2s.; post. 3d.
MUTUAL AID. By P. Kropotkin. Paper, 2s. net; postage 3d.
NEWS FROM NOWHERE. By William Morris. Cloth, 3s. 6d.; paper, 2s. 6d.; postage, 3d.
WHAT IS PROPERTY? By P. J. Proudhon. Cloth (1 vol.), 4s. 6d.; paper covers (in two vols.), 3s.; postage, 5d.
SYNDICALISM AND THE CO-OPERATIVE COMMONWEALTH. By E. Pataud and E. Pouget. Paper covers, 2s. 6d.; postage, 3d.
ANARCHISM AND OTHER ESSAYS. By Emma Goldman. 7s. 6d.; postage 6d.
PRISON MEMOIRS OF AN ANARCHIST. By Alexander Berkman. 12s. 6d, postage 8d.
POLITICAL JUSTICE: Essay on Property. By William Godwin. Cloth, 3s. 6d.; postage, 3d.
THE SOUL OF MAN UNDER SOCIALISM. By Oscar Wilde. Limp cloth, 2s. 6d.; postage 2d.
A DREAM OF JOHN BALL. By William Morris. Cloth, 3s. 6d.; postage 3d.
THE ORIGIN AND IDEALS OF THE MODERN SCHOOL. By Francisco Ferrer. Cloth, 1s.; psper, 6d.; postage 2d.
A VINDICATION OF NATURAL SOCIETY. By Edmund Burke. 8d., postage 1d.

Orders, with cash, to be sent to
FREEDOM PRESS, 127 Ossulston Street, London, N.W. 1.

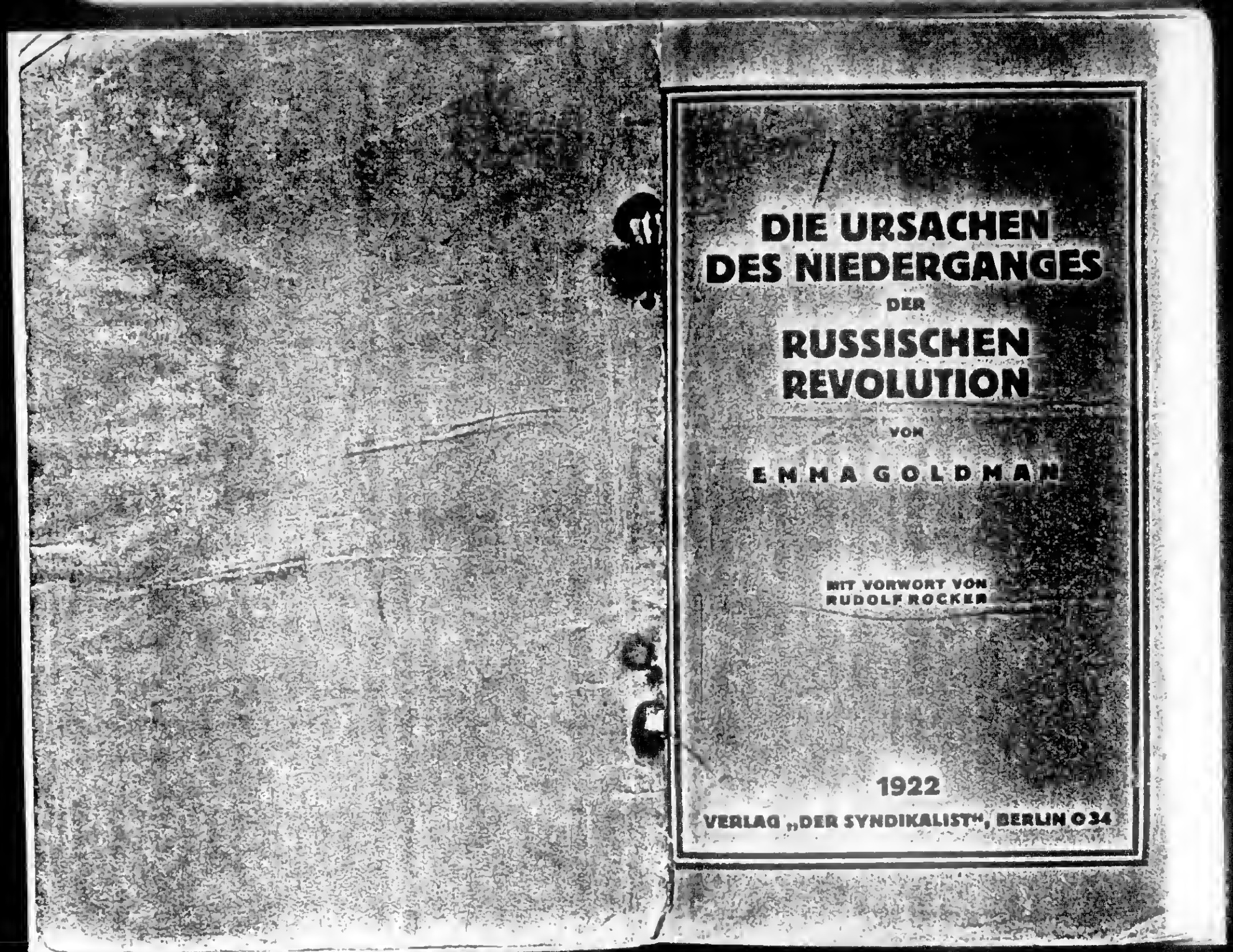
214

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

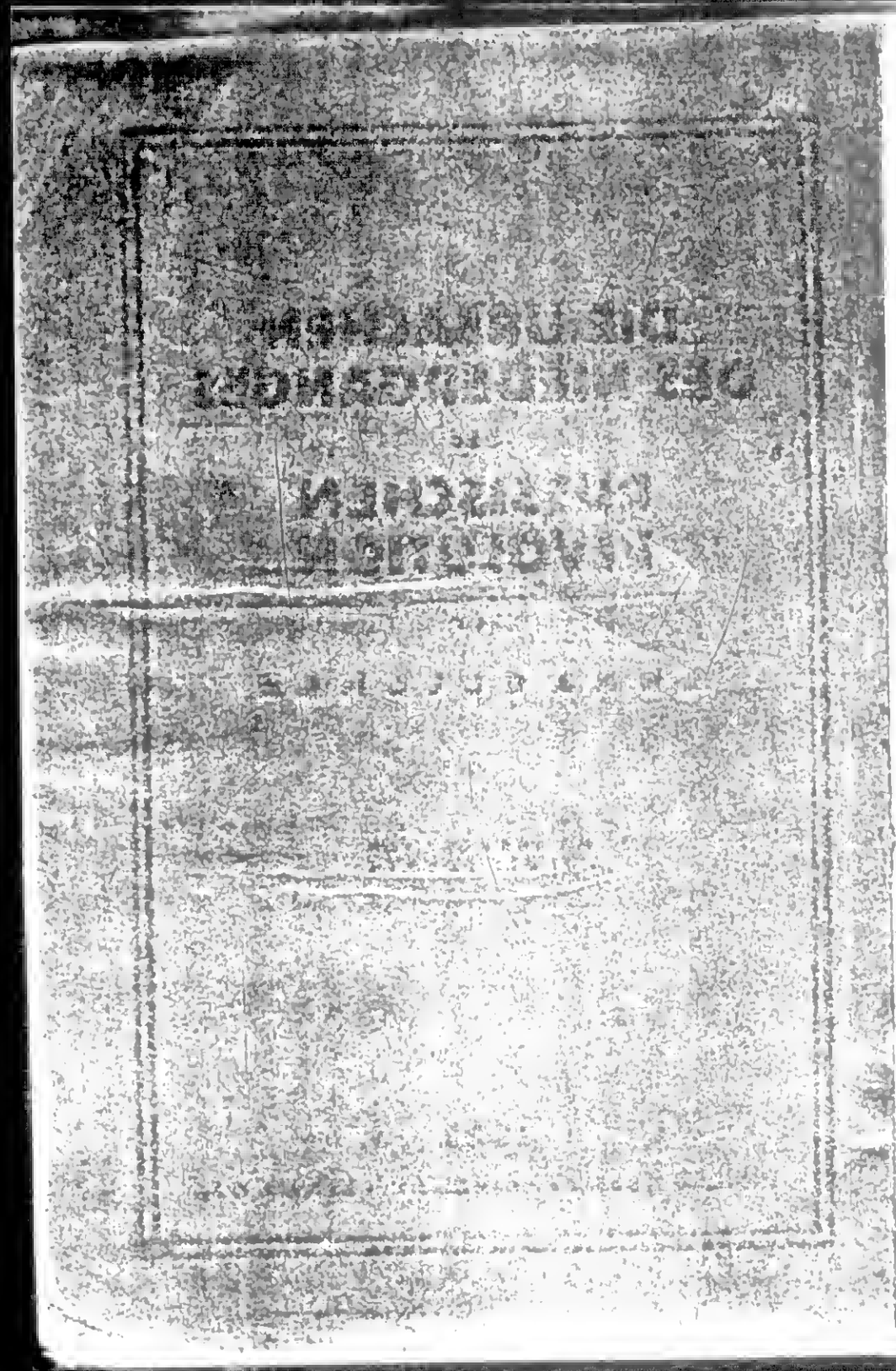

BEST COPY AVAILABLE

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.
Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Id. 2. 6.
02.177

DIE URSACHEN
DES NIEDERGANGES
DER
RUSSISCHEN
REVOLUTION .

VON

EMMA GOLDMAN

MIT VORWORT VON
RUDOLF ROCKER

1922

VERLAG »DER SYNDIKALIST«, BERLIN O 34

BIBLIOTECA
MILANO
G. FELTRINELLI

BEST COPY AVAILABLE

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Zum Geleit.

Unter den propagandistischen Vertretern der modernen anarchistischen Bewegung ist Emma Goldman zweifellos eine der hervorragendsten und eigenartigsten Persönlichkeiten — ein groß angelegter Charakter, dem die Lehre inneres Erlebnis und Leitstern des Lebens geworden ist. Geboren 1869 In Kowno, verlebte sie ihre erste Kindheit in Kurland. Als Kind von sieben Jahren sandten ihre Eltern sie nach Königsberg, wo sie im Hause ihrer Großmutter Aufnahme fand. Dort blieb sie bis zu ihrem dreizehnten Lebensjahre, als sie mit ihren Eltern nach Petersburg übersiedelte. Es war ein Jahr nach der Hinrichtung Alexanders II. Die ganze Atmosphäre der Hauptstadt war noch durchschwängert von den unmittelbaren Ergebnissen des furchtbaren Kampfes der revolutionären Partei gegen den Zarismus, der die ganze russische Gesellschaft bis in ihre Grundfesten erschüttert hatte. Im Verkehr mit jungen revolutionär gesinnten Studenten empfing das junge Mädchen die ersten freiheitlichen Eindrücke, die ihrem ganzen späteren Leben eine bestimmte Richtung geben sollten.

Im Jahre 1886 folgte Emma ihrer Schwester Helene nach Amerika und ließ sich zunächst im Kreis von Verwandten in Rochester nieder. Die amerikanische Arbeiterbewegung hatte zu jener Zeit den Höhepunkt ihrer revolutionären Entwicklung erreicht. Gewaltige Streikwellen fluteten über das ganze Land und fanden endlich ihre machtvolle Auslösung in der großen Bewegung für die Erringung des Achtstundentages. Dann kamen die düsteren Ereignisse von Chicago, die mit der grauenhaften Hinrichtung der anarchistischen Arbeiterführer ihren Abschluß fanden. Emma Goldman folgte dem Prozeß der Chicagoer Anarchisten mit

217

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

---

fieberhafter Erregung und war bis zuletzt überzeugt, daß kein amerikanisches Gericht diese Männer, deren Unschuld einwandsfrei feststand, dem Galgen überliefern würde. Um so furchtbarer war ihre Enttäuschung, als das Grauenhafte Ereignis wurde. Der 11. November 1887 wurde ihr zum Wendepunkt des Lebens; ihr fein entwickelter Gerechtigkeitsinstinkt trieb sie auf die Bahn der Revolution. Die freiheitlichen Regungen, die sie noch in Rußland empfangen hatte, nahmen festere Formen bei ihr an und kristallisierten sich allmählich in bestimmten Ideen und einer vom tiefsten Idealismus getragenen Ueberzeugung. Sie studierte fleißig die sozialistische und anarchistische Literatur, und es war hauptsächlich die von Johann Most herausgegebene „Freiheit", die sie mehr und mehr in den Bannkreis anarchistischer Gedankengänge hineinzog.

In New Haven, wo sie in einer Korsettfabrik ihr tägliches Brot erwerben mußte, kam Emma Goldman zum ersten Mal in Berührung mit aktiven Kameraden, und als sie im Jahre 1889 einem lang gehegten Wunsche folgen und nach New York übersiedeln konnte, fand sie dort reichlich Gelegenheit, die neu erworbenen Ideen zu vertiefen und umfassender zu gestalten. Es war besonders Johann Most, dessen faszinierende und leidenschaftliche Beredsamkeit einen mächtigen Einfluß auf den empfänglichen Geist der jungen Idealistin ausübten, und es dauerte nicht lange, so wurde aus der Neubekehrten selbst eine begeisterte Verkünderin der anarchistischen Weltanschauung. Von nun an beginnt in dem Leben Emma Goldmans eine Periode unermüdlicher und selbstaufreibender Tätigkeit. Ihre Agitation beschränkte sich zunächst auf die Kreise der deutschen und jüdischen Arbeiterschaft New Yorks und anderer Städte, an deren wirtschaftlichen Kämpfen sie einen hervorragenden Anteil nahm.

Im Jahre 1892 spielte sich in Homestead die große Streikbewegung ab, die den Namen dieses Ortes über die ganze Welt tragen sollte. Die Arbeiter, die von bis an die Zähne bewaffneten Pinkertons in brutalster Weise attackiert wurden, griffen ebenfalls zu den Waffen und lieferten den Schergen des Kapitals förm-

liche Schlachten, die sie zum Abzug nötigten. Nun griff die Staatsmiliz ein, die Arbeiter zur blutigen Unterwerfung zwingend. Die blutigen Ereignisse in Homestead hatten die ganze organisierte Arbeiterschaft Amerikas in eine hochgradige Erregung versetzt, und unter dem frischen Eindruck der allgemeinen Volksstimmung versuchte der junge Anarchist Alexander Berkman, den eigentlichen Verursacher der ganzen tragischen Ereignisse, den bei der gesamten Arbeiterschaft tiefverhaßten Frick zu töten. Frick wurde nur leicht verwundet, trotzdem wurde Berkman von einer infamen Klassenjustiz zu der ungeheuerlichen Strafe von 22 Jahren Zwangsarbeit verurteilt. Für Emma Goldman war dieses schauerliche Urteil ein furchtbarer Schlag; denn sie war mit Berkman eng befreundet und gehörte derselben Gruppe wie dieser an. Dazu kam noch, daß ein Teil der Genossen die Tat Berkmans verurteilte, was zu bitteren Kontroversen im eigenen Lager führte. In derselben Zeit griff die kapitalistische Presse Emma Goldman in der gehässigsten Weise an und machte sie mitverantwortlich für das Attentat. Verlassen von vielen der eigenen Genossen und geächtet von der öffentlichen Meinung, konnte die junge Idealistin lange Zeit sogar keine Wohnung finden und sah sich genötigt, manche Nacht im Freien zu kampieren.

Als im nächsten Jahre die große Bewegung der Arbeitslosen in Amerika einsetzte, war Emma Goldman sofort auf dem Plan, um dieser Bewegung ihre Kraft zu widmen. Eine Rede, die sie in einer Massenversammlung der streikenden Mäntelschneider auf dem Union Square in New York hielt, wurde von der kapitalistischen Presse übel aufgenommen und in entstellter Weise wiedergegeben. Die Folge war, daß Emma verhaftet und im Oktober 1893 wegen Aufforderung zum Aufruhr zu einem Jahr Gefängnis verurteilt wurde. Das Zeugnis eines Spitzels, der später selbst wegen Veruntreuungen im Amte zu Gefängnis verurteilt wurde, genügte den Geschworenen, welche die Aussagen von zwölf Zeugen einfach ignorierten und nur von dem einen Wunsche erfüllt waren, der gehaßten Propagandistin etwas am Zeuge zu flicken.

218

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Emma Goldman verließ das Gefängnis ungebessert, aber reifer in ihren Ideen, reicher an Erfahrungen. Im Jahre 1895 verließ sie Amerika für eine Zeitlang, um nach Europa zu fahren. Nach einer erfolgreichen Agitationstour, die sie durch ganz England und Schottland führte, wandte sie sich nach Wien, wo sie sich im Allgemeinen Krankenhaus als Krankenpflegerin ausbildete. Als sie endlich 1896 nach den Vereinigten Staaten zurückkehrte, warf sie sich wiederum mit Feuereifer auf die öffentliche Propaganda. Im Jahre 1897 machte sie ihre erste große Agitationsreise, die sich bis zu den Küsten des Stillen Ozeans ausdehnte und ihren Namen über das ganze Land trug. Von damals an wurde Emma Goldman ein Faktor im öffentlichen Leben Amerikas. Sie bereiste das Land nach allen Richtungen, stets neues, unbeackertes Gebiet berührend. Ihre glänzende Rednergabe und besonders die tiefe innere Ueberzeugung, die in ihren Worten einen machtvollen Ausdruck fanden, führten der Sache der Freiheit manchen wackeren Kämpfer zu und erwarben ihr die Freundschaft aller bekannten Persönlichkeiten im radikalen Lager Amerikas. Aber ihre erfolgreiche Tätigkeit brachte auch alle Organe der Reaktion gegen die kühne Rebellin in Aufruhr. So kam es denn, daß fast jede ihrer Touren von Verhaftungen, Versammlungsverboten usw. begleitet war. Der Name Emma Goldman wirkte auf die Vertreter der bürgerlichen Ordnung wie ein rotes Tuch, und obwohl diese Frau alles andere, nur nicht die Verkörperung eines jener banalen Verschwörertypen ist, wie sie in der modernen Hintertreppenliteratur dem lieben Publikum vor Augen geführt werden, wurde sie dem amerikanischen Philister allmählich zur Incarnation allen Uebels.

Eine der hervorragendsten Charaktereigenschaften Emma Goldmans ist ihr tief entwickeltes Gerechtigkeitsgefühl. Wo immer die Gerechtigkeit vergewaltigt, die menschliche Würde mit Füßen getreten wurde, war Emma Goldman mit zuerst auf dem Plan, um mit flammenden Worten gegen das begangene Unrecht zu protestieren, unbekümmert um alle persönlichen Konsequenzen. Und nie überließ sie es anderen, für die Folgen ihrer Handlungsweise zu büßen, stets war sie

bereit, die volle Verantwortlichkeit für ihr Tun und Handeln auf sich selbst zu nehmen. Als nach der Ermordung des Präsidenten Mc. Kinley in Buffalo eine furchtbare Hetze gegen die Anarchisten einsetzte, gaben sich Emmas Freunde die größte Mühe, sie zum Verlassen des Landes zu bewegen. Die grauenhafte Justiztragödie von Chicago und so manche andere Justizmonstruosität im „Lande der Braven und der Freien" rechtfertigten dieses Verlangen der Freunde nur allzu sehr. Allein Emma ließ sich durch nichts bewegen und bot dem anstürmenden Verhängnis mit kühner Stirne Trotz. Obwohl vollständig unschuldig an der Tat Czolgosz's, wurde sie mit anderen Genossen verhaftet und den schlimmsten Brutalitäten der Polizei ausgesetzt. Und im ganzen Lande heulte die reaktionäre Meute nach dem Blute der mutigen Frau, deren ganzes Verbrechen darin bestand, daß sie niemals ein Kompromiß mit der öffentlichen Meinung auf die Kosten ihrer inneren Ueberzeugung einging. Vielleicht war es nur ein Zufall, daß Emma Goldman damals ihrem Schicksal entgangen ist.

Als 1914 das große Völkermorden seinen Anfang nahm, war Emma Goldman mit unter den ersten, die ihre Stimme gegen den Krieg erhoben. So mancher von den ehemaligen Kriegsgegnern änderte seine Meinung, als Amerika selbst mit in den Krieg eintrat. Nicht so Emma Goldman. Furchtlos und treu stand sie zu ihrer Sache in einer Zeit, da ein Blutrausch das ganze Land erfaßt zu haben schien. Verhaftung und zweijährige Internierung waren das Ergebnis. Und als der Krieg zu Ende war, da war Emma Goldman mit unter den ersten, die man aus dem Lande wies, in dem sie Bürgerrechte hatte, und nach Rußland deportierte. Mit welchen Gefühlen sie die alte Heimat wieder betrat, die ihr während all der Jahre treu im Herzen lag, davon legen die nachfolgenden Blätter beredtes Zeugnis ab, und darüber wird uns besonders das größere Werk, das sie gegenwärtig vorbereitet, Kunde geben. Von allen bitteren Erfahrungen, die Emma Goldman in ihrem vielbewegten Leben durchkosten mußte, waren ihre Erlebnisse im bolschewistischen Rußland unzweifelhaft die bittersten. Was in diesem Schriftchen zum

219

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Ausdruck kommt, ist das Empfinden einer von tiefster Freiheitssehnsucht durchglühten Seele, die sich in ihren höchsten Erwartungen betrogen sah und auf die der hohle Schein einer mit sozialistischen Schlagwörtern notdürftig verhüllten brutalen Wirklichkeit doppelt abstoßend wirken mußte.

Daß Emma Goldman den Inhalt dieses Schriftchens zuerst in einer kapitalistischen Zeitung veröffentlicht hat, nachdem ihr die sogenannte radikale Presse die Aufnahme verweigerte, war für die ganzen und halben Verteidiger der famosen „Diktatur des Proletariats" Grund genug, sie mit der trüben Flut ihrer ohnmächtigen Verwünschungen und persönlichen Verunglimpfungen zu überschütten. Dieselben Leute, die es ganz in der Ordnung finden, daß die Vertreter des holschewistischen Rußland auf internationalen Konferenzen mit den Repräsentanten der kapitalistischen Welt an einem Tische sitzen, fühlen sich moralisch entrüstet, als die Wahrheit in einem bürgerlichen Blatte zum Ausdruck kam, da ihr jeder andere Weg versperrt war. Man wußte dem Inhalt dieser Zeilen schlechterdings nichts entgegenzusetzen, so mußten halt andere Mittel zu ihrer Bekämpfung herhalten. Emma Goldman hat es nicht nötig, diesen Einwänden gehoreher Kleingeister entgegenzutreten. Ihr ganzes Leben spricht für sie. Auch für sie gilt das Wort des Florentiners: Segui il tuo corso, e lascia dir le gentel

Neuköln, im September 1922.

Rudolf Rooker.

Ursachen des Niederganges der russischen Revolution.

Vorbemerkung.

Während meines zweijährigen Aufenthaltes in Rußland sind in der amerikanischen Presse wiederholt Artikel erschienen, die von angeblichen Interviews mit mir zu berichten wußten. In einigen dieser Artikel konnte man lesen, daß ich meine Ansichten geändert hätte, nicht länger an die Revolution glaube und nunmehr von der Notwendigkeit einer Regierung überzeugt sei. Eine Zeitung brachte sogar eine sensationelle Geschichte von einer amerikanischen Flagge in meinem Zimmer, die ich wie ein Heiligtum aufbewahre. Mit einem Wort, man stempelte mich zu einer Art Sonntagsprediger, der nun zerknirscht über seine Sünden an der amerikanischen Regierung in Sack und Asche Buße tut.

All dies ist natürlich barer Unsinn. Ich war nie tiefer von der Wahrheit meiner Ideen überzeugt; nie vorher hatte ich stärkere Beweise für die Logik und die innere Berechtigung der anarchistischen Lehre. Ich habe mich jedoch von niemandem ausfragen lassen, und zwar aus dem einfachen Grunde, weil es länger als ein Jahr dauerte, ehe ich imstande war, mich in der tragischen Situation Rußlands zurechtzufinden. Ich war der Meinung, und bin es noch heute, daß das russische Problem viel zu kompliziert ist, als daß man darüber mit einigen leichtfertigen Worten hinweggehen könnte. Dies war auch die Ursache, warum die meisten Bücher über Rußland, von Leuten geschrieben, die nur einige Wochen oder höchstens einige Monate dortselbst gewesen sind, mir allzu oberflächlich vorkamen. Solange ich noch selbst im Dunklen einherschritt, konnte ich

220

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

---

mich nicht dazu entschließen, eine bestimmte Meinung öffentlich auszusprechen. Aber sogar dann, wenn ich schon dazu berufen gewesen wäre, meiner Meinung öffentlich Ausdruck zu geben, hätte ich dies den Vertretern der Presse gegenüber nicht getan. Ich hielt es für notwendig, solange Stillschweigen zu beobachten, wie die vereinten Mächte des Imperialismus Rußland an der Gurgel hielten. Außerdem hat mich eine dreißigjährige Erfahrung mit Journalisten aller Art von ihrer Wahrhaftigkeit nicht überzeugen können, obzwar ich gerne zugebe, daß Ausnahmen vorhanden sind.

Nun aber ist die Zeit des Schweigens vorüber. Ich werde daher offen aussprechen, was ausgesprochen werden muß. Dabei bin ich mir der Schwierigkeiten, die mir entgegenstehen, wohl bewußt. Ich weiß, daß die Reaktionäre, die Feinde der russischen Revolution, meinen Worten eine falsche Deutung geben werden, ich weiß auch, daß ihre sogenannten Freunde, welche die Kommunistische Partei Rußlands mit der russischen Revolution verwechseln, über mich den Stab brechen werden. Es ist daher notwendig, meine Stellung zu beiden klarzulegen.

Vor vier Jahren machte die Regierung der Vereinigten Staaten eine Verbrecherin aus mir, trieb mich von Haus und Heim und zwang mich, das Land zu verlassen. All dies, weil ich es wagte, meine Stimme gegen den Weltkrieg zu erheben. Ich habe damals auf die furchtbare Verheerung hingewiesen, die der Krieg im Gefolge haben mußte, auf die ungeheuerliche Zerstörung materieller Werte und die grausame Vernichtung ungezählter Menschenleben. Das war mein Verbrechen. Heute sind viele, die den Krieg unterstützt haben, zur Einsicht gekommen, daß diejenigen unter uns, die sich von der allgemeinen Kriegswut nicht mitreißen ließen, im Rechte waren, daß der Krieg von Scharlatanen und ihren Gimpeln zugunsten der Kriegsherren begonnen, unterstützt und finanziert wurde. Der „Krieg für die Demokratie", der „Krieg zur Beendigung des Krieges" hat die Welt in eine wahre Hölle umgewandelt. König Hunger, das Grinsen des Todes auf den bleichen Lippen, schreitet mächtig durch alle Länder, während die, die reich und mächtig wur-

den durch die Verwüstung von Menschenfleisch, diesem mächtigsten aller Könige den Hof machen. Nicht zufrieden mit der Hinschlachtung von Millionen und mit der Zerstörung der halben Erde, haben sie aus der Welt eine Festung gemacht, einen politisches Verließ, wo die Freiheiten und Rechte der Völker, die in jahrhundertelangem Ringen erkämpft wurden, gefesselt am Boden liegen. Das demokratische Amerika, einst das „Land der Freien und Braven", England, früher die Heimstätte für die Rebellen aller Länder, Frankreich, die Wiege der Freiheit, und viele Länder von kleinerer Bedeutung — was sind sie heute anders als Wüsten des Geistes. Ihre einst gastfreien Tore sind verschlossen und versiegelt. Nur die Seufzer und Flüche ungezählter Arbeitslosen und die Schmerzensschreie der politischen Gefangenen unterbrechen die Stille auf diesem Friedhofe der Gedanken und Ideen.

Wahrlich, die Kriegsherren haben Ursache, mit ihrem Werke zufrieden zu sein. Ihre Verschwörung hatte Erfolg. Ihr eiserner Fuß ruht fest auf dem Nacken der Völker der Welt. O ja, sie waren erfolgreich. Doch nicht ganz, noch war Rußland da.

Das edle Paar Hochfinanz und Militarismus rechnete nicht mit der russischen Revolution. Es war auch zu „unfein" von dem russischen Volke, einen Brand zu entzünden, der leicht die Revolution in der ganzen Welt entfesseln konnte, und dies gerade zu einer Zeit, als die Kriegsgewinne so reichlich flossen und der Imperialismus seines vollständigen Sieges sicher war. Etwas mußte getan werden, um das „unverschämte Ding", die russische Revolution, zu zermalmen. Während des Krieges mit Deutschland hatte man die heuchlerische Losung ausgegeben, daß man keinen Krieg gegen das deutsche Volk, sondern gegen den deutschen Militarismus und Imperialismus führe. Dieselbe heuchlerische Losung hörte man wieder in dem unheiligen Kreuzzug gegen die russische Revolution. Nicht gegen das russische Volk, sondern gegen die Bolschewiki zog man zu Felde — sie hatten die Revolution entfacht, sie mußten ausgerottet werden. Der Kriegszug gegen Rußland begann. Die Eindringlinge mordeten Millionen von Russen, durch die Blockade verhungerten und

221

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.
Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

erfroren Hunderttausende von Frauen und Kindern, und Rußland verwandelte sich in eine ungeheure Einöde, wo die Agonie und die Verzweiflung ihre Heimstätte aufgeschlagen hatten. Die russische Revolution wurde zu Boden geschlagen, und das Regime der Bolschewiki verstärkte sich ins Ungemessene. Dieses ist das Endergebnis der vierjährigen Verschwörung der Imperialisten gegen Rußland.

Wieso kam das? Ganz einfach: das russische Volk, das allein die Revolution gemacht hatte, und das entschlossen war, sie um jeden Preis gegen die Eindringlinge zu verteidigen, war zu beschäftigt an den unzähligen Fronten, als daß es dem Feinde der Revolution im Innern hätte Beachtung schenken können. Und während die Arbeiter und Bauern Rußlands so heroisch ihr Leben einsetzten, wuchs der innere Feind immer mächtiger heran. Langsam aber sicher errichteten die Bolschewiki einen zentralistischen Staat, der die Sowjets zerstörte und die Revolution niederschlug, einen Staat, der sich, was Bürokratie und Despotismus anbelangt, heute mit jedem Großstaat der Welt vergleichen kann.

Meine Beobachtungen und Studien von zwei Jahren haben mir bis zur Gewißheit klar gemacht, daß das russische Volk, wäre es die ganze Zeit nicht von außen bedroht gewesen, die große Gefahr, die ihm von innen drohte, sehr bald wahrgenommen und abgewendet haben würde, ebenso wie die Angriffe der Koltschaks, Denikins und der anderen. Ohne die gegenrevolutionären Angriffe der Imperialisten wäre das Volk bald hinter die wahren Bestrebungen des kommunistischen Staates gekommen, hätte es bald seine Unzulänglichkeit und Unfähigkeit, das zerstörte Rußland wieder neu aufzubauen, erkannt. Die Massen selbst würden dann den paralisierten sozialen Kräften des Landes neues Leben eingehaucht haben. Aber würde das Volk nicht ebenso geirrt und vom Wege abgewichen sein wie die Bolschewiki? Zweifellos wäre das der Fall gewesen. Aber es hätte dann gleichzeitig auch gelernt, seiner eigenen Initiative und Kraft zu vertrauen, und dadurch allein hätte die Revolution gerettet werden können.

Nur der verbrecherischen Stupidität einiger gewesenen Revolutionäre, welche die Intervention des Auslandes forderten, und der Imperialisten, die diese Intervention finanziell deckten, ist es zu verdanken, daß die russische Revolution, das größte Ereignis von Jahrhunderten, zugrunde ging. Ihnen ist es auch zu verdanken, daß die Bolschewiki, umhüllt von dem deckenden Mantel der Verfolgungen, auch fernerhin als das heilige Symbol der sozialen Revolution erscheinen konnten.

Ich will diesen verhängnisvollen Irrtum bloßlegen. Nicht weil ich den Glauben an die Revolution verloren habe, sondern weil ich felsenfest überzeugt bin, daß jede kommende Revolution zum Untergang verdammt ist, wenn das, was Lenin selbst den militärischen Kommunismus nannte, der Welt aufgezwungen werden sollte. Nicht weil ich mit dem Staate Frieden geschlossen habe, werde ich versuchen, zu beweisen, was die Bolschewiki an der russischen Revolution begangen haben, sondern weil die Erfahrungen, die Rußland gemacht hat, uns mehr als jede Theorie vor Augen führte daß jede Regierung, ganz gleich, welche Form sie hat, oder unter welchem Vorwand sie handelt, ein totes Gewicht ist, das den freien Geist und den Tätigkeitsdrang der Massen lähmt. Dies zu zeigen, schulde ich der Revolution, die ans Kreuz des Bolschewismus geschlagen wurde, dies schulde ich dem gequälten russischen Volke und der getäuschten Welt. Ich will meine ganze Schuld bezahlen, unbekümmert um den Mißbrauch, den Reaktionäre mit meinen Worten treiben werden, und unbekümmert um die Verunglimpfungen von verblendeten Radikalen.

Stockholm, im Januar 1922.

Wenn man die verschiedenen Faktoren, die zur Erdrosselung der russischen Revolution beigetragen haben, in Betracht zieht, so genügt es nicht, ausschließlich auf die Rolle hinzuweisen, welche die gegenrevolutionären Elemente in diesem Drama gespielt haben. Ihre Verbrechen sind wahrlich ungeheuerlich genug, um sie für alle Zeiten zu verdammen. Diese russischen

222

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

„Patrioten" — Monarchisten, Kadetten (konstitutionellen Demokraten), rechte Sozialisten-Revolutionäre usw. — erfüllten die Welt mit ihrem Geschrei für eine Intervention des Auslandes. Was galt es ihnen, daß Millionen ihrer eigenen Landsleute und Tausende unschuldiger Opfer aller anderen Länder In diesem unheiligen Kriege gegen Rußland dahingeschlachtet wurden! S i e s e l b s t lebten ja in vollständiger Sicherheit: Weder die Kugeln der Tscheka, noch die würgende Hand des Hungers oder des Typhus konnte sie erreichen. Sie konnten es sich leisten, die Rolle der Patrioten zu spielen. Doch all dies ist hinreichend bekannt und bedarf keiner weiteren Erklärung. Nicht bekannt aber ist, daß die russischen und alliierten Interventionen nicht die einzigen handelnden Kräfte gewesen sind in diesem gewaltigen sozialen Drama, das mit dem Tode der russischen Revolution sein Ende fand. Die anderen waren die Bolschewiki selbst, und über ihre Rolle will ich jetzt sprechen.

Vielleicht war das Schicksal der russischen Revolution bereits bei ihrer Geburt entschieden. Die Revolution folgte einem vierjährigen Kriege direkt auf den Fersen, einem Kriege, der Rußland seiner besten Manneskraft beraubt, sein Blut in Strömen vergossen und das ganze Land verwüstet hatte. Unter solchen Umständen wäre es begreiflich gewesen, wenn die Revolution nicht die nötige Kraft hätte aufbringen können, um dem wütenden Anpräll der ganzen übrigen Welt zu widerstehen. Die Bolschewisten behaupten, daß das russische Volk wohl stark und heroisch genug sei, einer großen Umwälzung den ersten Anstoß zu geben, jedoch nicht über die nötige Ausdauer verfüge, die für die langsame und aufreibende Alltagsarbeit einer revolutionären Periode unumgänglich ist. Ich bestreite die Richtigkeit dieser Behauptung. Aber selbst wenn diese Ansicht gut begründet wäre, so müßte ich dennoch darauf bestehen, daß es nicht so sehr die Angriffe von außen als die unsinnigen und grausamen Methoden in Rußland s e l b s t gewesen sind, welche die russische Revolution erdrosselt und dem Volke das Joch des Despotismus auf den Nacken gezwungen haben. Es war die marxistische Staatskunst der Bol-

schewiki, die Taktik, die man zuerst als für den Erfolg der Revolution unumgänglich notwendig gepriesen hatte, um sie später, nachdem sie überall Elend, Mißtrauen und Antagonismus verbreitet hatte, als schädlich beiseite zu werfen, welche langsam den Glauben des Volkes an die Revolution untergrub.

Wenn jemals ein Zweifel darüber bestand, ob die größte Gefahr für eine Revolution in den Angriffen von außen her oder in der Ausschaltung des Volkes an den Ereignissen und der Lähmung seiner Interessen für die Revolution von innen her zu suchen sei, so hat die russische Revolution jeden Zweifel in dieser Frage ein für allemal behoben. Die Gegenrevolution, unterstützt von den Alliierten durch Geld, Kriegsmaterial und Menschen, versagte vollständig. Ihre Niederlage ist nicht so sehr auf den heroischen Geist in der Roten Armee als vielmehr auf den revolutionären Enthusiasmus des Volkes zurückzuführen, das jeden Angriff erfolgreich niederschlug. Und dennoch starb die russische Revolution eines qualvollen Todes. Welche Erklärung gibt es für diese Erscheinung?

Die Hauptursachen sind nicht weit zu suchen. Damit eine Revolution imstande sei, alle Widerstände, und Hindernisse, die sich ihr entgegentürmen, erfolgreich zu überwinden, ist es von entscheidender Bedeutung, daß sie dem Volke stets wie eine Fackel voranleuchte, daß das Volk stets den leidenschaftlichen Herzschlag der Revolution fühle. Mit anderen Worten, es muß den Massen stets fühlbar sein, daß die Revolution ihr eigenes Werk ist, und daß sie an der so schwierigen Aufgabe, ein neues Leben zu schaffen, aktiv beteiligt sind. Für eine kurze Zeit nach der Oktoberrevolution waren die Arbeiter, Bauern, Soldaten und Matrosen in der Tat die Herren ihres revolutionären Geschicks. Bald aber mischte sich die unsichtbare eiserne Hand des kommunistischen Staates ein und trennte die Revolution vom Volke, um sie eigenen Zielen dienstbar zu machen.

Die Bolschewisten bilden den Jesuitenorden in der marxistischen Kirche. Nicht daß sie als Menschen unehrlich oder von schlechten Absichten beseelt sind. Es ist Ihr Marxismus, der ihre Politik und Ihre Metho-

223

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

---

den bestimmt hat. Dieselben Mittel, die sie zur Anwendung brachten, haben die Verwirklichung ihrer ursprünglichen Ziele verhindert. Kommunismus, Sozialismus, Gleichheit, Freiheit — alles, wofür die russischen Massen sich den größten Leiden unterzogen hatten, ist durch die bolschewistische Taktik, durch ihren jesuitischen Grundsatz, daß der Zweck alle Mittel heilige, diskreditiert und in den Kot gezogen worden. Zynismus und Rohheit traten an Stelle der idealistischen Bestrebungen, welche der Oktoberrevolution ihr besonderes Merkmal gegeben hatten. Jede Begeisterung wurde gelähmt, jedes öffentliche Interesse ertötet, Indifferenz und Teilnahmslosigkeit beherrschen heute das Volk. Weder die Intervention, noch die Blockade waren imstande, das Volk der Revolution zu entfremden und ihm einen tiefen Haß gegen alles, was mit ihr in Verbindung steht, einzuflößen, es war die innere Politik der Bolschewiki, welche dies zustande brachte. „Was für einen Zweck haben alle Veränderungen?" sagt heute das Volk, „alle Herrscher sind sich gleich — der Arme hat immer zu leiden." Dieser Fatalismus, vereint mit jahrhundertlanger Unterwürfigkeit, war es, der den Bolschewiki die Möglichkeit gab, ihre Macht über Rußland aufzurichten. Ist es den Bolschewiki nun durch die Erfahrung klar geworden, daß der Zweck nicht alle Mittel heiligt?

Kein Zweifel, Lenin gibt oft seiner Reue Ausdruck. Von jedem allrussischen Konklave der Kommunisten tönt uns ein M e a C u l p a, „Ich habe gesündigt!" entgegen. Ein junger Kommunist sagte mir einst: „Ich würde nicht überrascht sein, wenn Lenin eines Tages die Oktoberrevolution für einen Irrtum erklären würde." — In der Tat, Lenin gibt seine Fehler zu, aber das verhindert ihn durchaus nicht, dieselbe fehlerhafte Politik fortzusetzen. Jedes neue Experiment wird von Lenin und seinen Zeloten als der Gipfel wissenschaftlicher und revolutionärer Weisheit gepriesen. Wehe denen, welche die Berechtigung und Zulänglichkeit der neuen Verordnung in Frage zu stellen sich erdreisten! Sie werden sofort als Gegenrevolutionäre, Spekulanten und Banditen gebrandmarkt. Aber es dauert nicht lange, bis Lenin wiederum seine Reue kundgibt und die

Herde seiner blinden Nachfolger als Narren verspottet, weil sie überhaupt an die Möglichkeit des letzten Experimentes geglaubt hatten. Nachdem er selbst Rußland und die ganze Welt vier Jahre lang getäuscht hatte, indem er jedermann den Glauben beibrachte, daß in Rußland der Kommunismus im Aufbau begriffen sei, bedeckte Lenin auf dem letzten Kongreß der allrussischen Sowjets seine eigenen Kameraden mit Spott und Hohn, weil sie naiv genug waren, zu glauben, daß der Kommunismus heute in Rußland verwirklicht werden könne. In derselben Zeit sind die Gefängnistore noch immer hinter denen verschlossen, die vor drei Jahren in milder Form derselben Ansicht Ausdruck gaben.

Es wäre sehr interessant, die verschiedenen Methoden hier anzuführen, welche die Bolschewiki der Reihe nach in Anwendung brachten, um ihre Ziele zu verwirklichen, Methoden, welche dem Volke als den Inbegriff aller Weisheit aufgezwungen hatte, und welche endlich die Revolution erstickt haben. Allein der Raum dieser Abhandlung gestattet keine ausführliche Analyse aller Handlungen, die der bolschewistische Staat zu verantworten hat. Ich werde daher nur die wichtigsten Phasen und Methoden in kurzen Worten behandeln.

Der Frieden von Brest-Litowsk war der Ausgangspunkt aller Uebel, die später folgten. Er war die völlige Verleugnung alles dessen, was die Bolschewiki bisher der Welt verkündet hatten: Keine Kriegsentschädigung, Selbstbestimmungsrecht aller unterdrückten Völker, Beseitigung aller geheimen Diplomatie. Trotzdem schlossen die Bolschewisten Frieden mit dem deutschen Imperialismus über den Kopf des deutschen Volkes hinweg. Dieser Frieden wurde durch den Verrat an Lettland, Finnland, der Ukraine und Weißrußland erkauft. Das Ergebnis? Mehrere Jahre Bürgerkrieg, die Zersplitterung der revolutionären Kräfte in einer Zeit, als deren Vereinigung eine Lebensfrage für die Verteidigung der Revolution bedeutete, und der Beginn des Roten Schreckens, der bis zum heutigen Tage das Land beherrscht.

224

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Die Bauern der Ukraine und Weißrußlands wußten die deutschen Eindringlinge zurückzutreiben, haben aber den Verrat, welchen die Bolschewiki an ihnen begangen, nie vergessen, noch vergeben. Die beständige Anwesenheit einer Million Soldaten in der Ukraine, um die „Banditen auszutilgen", legt Zeugnis dafür ab, mit welcher Liebe die ukrainischen Bauern den kommunistischen Staat ins Herz geschlossen haben. Die Bauern, die bis zum Verrat von Brest-Litowsk mit den Arbeitern eins waren, wandten sich mit Haß und Widerwillen von den Bolschewisten ab, die sich als Vertreter der Bauern und Arbeiter aufspielten. Lenin forderte die Bestätigung, damit die Revolution Atem schöpfen könne. Es war dies einer seiner vielen Schnitzer, der Rußland am teuersten zu stehen kam; denn er erdrosselte die Revolution.

Die Raswjorstka, das heißt das Einsammeln der Lebensmittel mit der Hilfe von Gewaltmethoden, folgte dem Frieden von Brest-Litowsk auf dem Fuße. Die Bolschewiki behaupten, daß sie gezwungen waren, ihre Zuflucht zu der Raswjorstka zu nehmen, da sich die Bauern geweigert hätten, die Städte mit Lebensmitteln zu versehen. Das ist nur teilweise richtig. Die Bauern weigerten sich in der Tat, ihre Produkte den Agenten der Regierung auszuhändigen. Sie forderten das Recht, mit den Arbeitern direkt in Verbindung treten zu können, aber dieses wurde ihnen verweigert. Die Unfähigkeit der bolschewistischen Regierung und die Korruption ihrer Bürokratie haben viel dazu beigetragen, die Unzufriedenheit der ländlichen Bevölkerung wachzurufen. Die Industriefabrikate, die man den Bauern zum Austausch für ihre Produkte versprochen hatte, erreichten diese fast nie, und wenn dies schon ja geschah, so waren es beschädigte Fabrikate, oder das richtige Gewicht war nicht vorhanden usw. In Charkow hatte ich selbst Gelegenheit, die Unfähigkeit des bürokratischen Zentralapparates beobachten zu können. In einem großen Fabrikmagazin lagen große Mengen von landwirtschaftlichen Maschinen. Moskau hatte befohlen, unter Androhung von Bestrafung wegen Sabotage, dieselben innerhalb von zwei Wochen fertigzustellen. Der Befehl wurde ausgeführt; aber nun lagen die Maschinen bereits sechs Monate da, ohne daß die Zentralbehörde bisher irgendeinen Versuch gemacht hatte, dieselben unter die Bauern zu verteilen, die in ihrer großen Not vergeblich nach Werkzeugen schrien. Es war dies nur eines der unzähligen Beispiele,. wie das Moskauer „System" arbeitete, oder besser gesagt, wie es nicht arbeitete. Kann man sich dann noch wundern, wenn die Bauern jeden Glauben an die Verwaltungsfähigkeiten des bolschewistischen Staates verloren haben? Als die Bolschewiki endlich einsehen mußten, daß sie sich das Vertrauen weder erschwatzen noch erschmeicheln konnten, kamen sie auf die Idee der Raswjorstka. Eine erfolgreichere Methode, die Bauern zu erbittern und sie in ausgesprochene Gegner der neuen Regierung zu verwandeln, konnte überhaupt nicht erfunden werden. Die Raswjorstka wurde zum stets drohenden Schreckensbild der ländlichen Bevölkerung. Sie beraubte sie um alles. Erst die Zukunft wird imstande sein, ein vollständiges Bild über die furchtbaren Konsequenzen dieser wahnsinnigen Methode mit all ihren zahlreichen Menschenopfern und Verwüstungen entwerfen zu können. So unglaublich es klingt, ist es eine in Rußland gut bekannte Tatsache, daß das System der Raswjorstka zum Teil mitverantwortlich für die gegenwärtige Hungerkatastrophe ist. Denn man beraubte die Bauern nicht nur ihres letzten Puds Mehl, man nahm ihnen selbst die Saatkartoffeln und Sämereien weg, die sie für das kommende Jahr benötigten. Gewiß ist die Trockenheit die Hauptursache der herzzerreißenden Zustände in der Wolgagegend, aber nichtsdestoweniger bleibt es wahr: Hätte man den Bauern die Aussaat in der rechten Zeit und nach ihrem eigenen Ermessen gestattet, dann wären wenigstens einige Distrikte in der Lage gewesen, den Hunger an der Wolga zu mildern.

Die Strafexpeditionen, die dem Widerstand eines Dorfes gegen die Agenten der Regierung, welche die Lebensmittel einsammelten, folgten, und die stets unter der Leitung von „Kommunisten" stattfanden, griffen die Bevölkerung mit Gewalt an und zerstörten oft das ganze Dorf. Vergeblich protestierten die Bauern bei

225

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

ihren Lokalbehörden und endlich in Moskau selbst. In Rußland ist eine bezeichnende Anekdote im Umlauf, die ein helles Licht wirft auf die Ansicht der Bauern in bezug auf die bolschewistische Methode, Lebensmittel „einzusammeln". Eine Bauerndeputation erscheint vor Lenin. „Nun, Großväterchen," wandte sich dieser an den Dorfältesten, „ihr solltet doch jetzt zufrieden sein. Ihr habt das Land, das Vieh, das Geflügel, kurz, ihr habt alles". — „So ist es, Väterchen, Gott sei gepriesen," antwortete der Bauer, „ja, das Land gehört mir, aber du nimmst mir das Korn, die Kuh gehört mir, aber du nimmst mir die Milch, die Hühner sind mein, aber du nimmst mir die Eier. Gott sei gepriesen, Väterchen."

Die Bauern, welche auf diese Weise berauht und betrogen wurden, wandten sich gegen die Kommunisten. Die Raswjorstka, die Strafexpeditionen mit allen ihren Ungerechtigkeiten, erzeugten im Lande ein starkes gegenrevolutionäres Empfinden. Einige Autoren, die über Rußland schrieben, haben die Erklärung angenommen, welche die Regierung über den Antagonismus der Bauern entwickelt hat. So sagt z. B. Bertrand Russell, der bei weitem ernsteste und ehrlichste Kritiker des heutigen Rußland, in seiner Schrift „Die Praxis und Theorie des Bolschewismus": „Man muß zugeben, daß die Gründe, welche die Bauern für ihre Antipathie gegen die Bolschewiki ins Feld führen, sehr unzulänglich sind." Bertrand Russell hat offensichtlich nie Gelegenheit gehabt, die Wirkungen der Raswjorstka kennen zu lernen, da er sonst einen anderen Eindruck gewonnen hätte. Tatsache ist, daß, wenn die russischen Bauern nicht so passiv und phlegmatisch wären, der bolschewistische Staat keinen langen Bestand gehabt hätte. Aber so wie die Dinge liegen, wäre das bolschewistische Regime fast an dem passiven Widerstand der Bauern zugrunde gegangen. Es war diese Erkenntnis — nicht die Tatsache, daß die Raswjorstka unmenschlich und konterrevolutionär ist — welche Lenin zu seiner neuen Steuerpolitik und zum freien Handel gezwungen hat.

Die russischen Genossenschaften waren eine große wirtschaftliche und kulturelle Kraft

im Leben des Volkes. Im Jahre 1918 bedeckten sie das Land mit einem Netze von 25 000 Zweigorganisationen und hatten eine Mitgliederzahl von neun Millionen. Ihr angelegtes Kapital in jener Zeit betrug fünfzehn Millionen Rubel, und die Summe der abgeschlossenen Geschäfte im vorhergehenden Jahre betrug 200 Millionen Rubel. Gewiß, die Genossenschaften waren keine revolutionären Organisationen, aber als Verbindungsglied für die Beziehungen zwischen Stadt und Land waren sie unentbehrlich. Was immer für gegenrevolutionäre Elemente an der Spitze der Genossenschaften standen, konnten sie leicht ausgemerzt werden, ohne daß man deshalb die ganze Organisation zerstüren mußte. Aber diesen Kürpersehaften ihre Tätigkeit gestatten, hätte doch als eine Beschränkung der zentralen Staatsgewalt erscheinen müssen. Aus diesem Grunde „liquidierte" man die Genossenschaften und zerstörte auf diese Weise vollständig einen großen Faktor für den Wiederaufbau Rußlands. Später aber, als diese Organisationen glücklich aus der Welt geschafft waren, während die Männer und Frauen, welche in dieser Bewegung eine so segensreiche Tätigkeit entfaltet hatten, ihr Leben in den Gefängnissen der Bolschewiki tatenlos verschwenden mußten, schlug sich Lenin abermals an die Brust und sagte sein Mea culpa. Heute versucht man, die Genossenschaften wiederherzustellen und dem toten Körper wieder Leben einzuhauchen. Kurz vordem die Genossenschaften gesetzlich wieder anerkannt wurden, drückte Kropotkin, der damals auf dem Totenbette lag, den Wunsch aus, daß man die sechs Genossenschaftler von Dmitrow aus dem Gefängnis entlassen sollte. Er kannte diese Männer als ernste und ihren Ideen ergebene Arbeiter. Sie schmachteten damals schon achtzehn Monate im Butyrkigefängnis, weil sie treu zu ihrem Werke standen. Aber erst nachdem Lenin erklärt hatte, daß man die Genossenschaften wieder ins Leben rufen müsse, wurden sie entlassen. Es ist schwer zu glauben, daß die Genossenschaften im bolschewistischen Staate jemals wieder die Kraft und Bedeutung erlangen werden, die ihnen vor ihrer Vernichtung innewohnte.

226

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Die Sowjets. Das heutige Rußland als Sowjet-Rußland zu bezeichnen, oder den bolschewistischen Staat eine Sowjetregierung zu nennen, ist lächerlich. Die Sowjets hatten ihren Ursprung in der Revolution von 1905 und traten nach der Februar-Revolution abermals in Erscheinung. Sie haben mit der bolschewistischen Regierung ebensoviel Verwandtschaft wie die urchristliche Bewegung mit der christlichen Kirche. Die Räte der Bauern, Arbeiter, Soldaten und Matrosen waren das spontane Ergebnis der befreiten Kräfte des russischen Volkes. Sie entsprachen den Bedürfnissen der Massen, die nun endlich, nach jahrhundertelanger Unterdrückung ihren öffentlichen Ausdruck fanden. Bereits im Mai, Juni und Juli 1917 drängte die dynamische Kraft der Sowjets die Arbeiter und Bauern zur Besitzergreifung der Fabriken und des Grund und Bodens. Die Sowjets verbreiteten sich mit großer Schnelligkeit über ganz Rußland, entfachten die Flammen der Oktober-Revolution und setzten ihre Tätigkeit viele Monate nach diesem Ereignis weiter fort. Manche sozialistische Politiker erkannten nicht die Bedeutung der Sowjets und wurden von diesen hinweggeschwemmt. Dasselbe wäre der Fall gewesen mit den Bolschewiki, wenn sie versucht hätten, sich der anschwellenden Flut dieser Bewegung entgegenzustemmen. Doch Lenin ist ein schlauer und listiger Jesuit, und so machte er den allgemeinen Schrei des Volkes: „Alle Macht den Räten!" zu seinem eigenen Motto. Erst als er und seine jesuitischen Gefolgsleute sich fest im Sattel fühlten, begann die Abtragung der Sowjets. Heute sind sie, wie alle anderen Dinge in Rußland, nur noch ein Schattengebilde, dessen körperliche Substanz entschwunden ist.

Die Sowjets bringen heute bloß noch die Entscheidungen der Kommunistischen Partei zum Ausdruck. Keine andere politische Meinung hat die Möglichkeit, gehört zu werden. Die Wahlmethoden der Kommunisten müßten sogar den Neid von Tammany Hall erwecken. Bald nach meiner Ankunft in Rußland sagte mir ein führender Kommunist: „Meister Murphy und Tammany Hall können uns nicht an den Wimpern klimpern." Natürlich dachte ich, der Mann scherze.

Allein ich überzeugte mich sehr bald, daß er die Wahrheit gesprochen hatte. Jeder erdenkliche Kunstgriff wird von den Bolschewiki in Anwendung gebracht, um die kommunistischen Stimmen anschwellen zu lassen. Falls die gewöhnlichen Methoden nicht verfangen wollen, droht man mit der Entziehung der Rationen und mit Verhaftung. Die Tscheka ist wie das Schicksal allgegenwärtig, und die Wähler wissen, was ihrer harrt. Es ist darum leicht zu verstehen, warum die Kommunisten bei jeder Wahl unwiderruflich eine Majorität zusammenbringen. Trotzdem kommt es von Zeit zu Zeit vor, daß auch Menschewisten, Linke Sozialisten-Revolutionäre und sogar Anarchisten einen Vertreter durchbringen, was keine Kleinigkeit ist im bolschewistischen Rußland. Ohne Presse, ohne freie Rede und ohne die gesetzliche Erlaubnis der Propaganda in den Fabriken grenzt es geradezu an ein Wunder, wenn es den Oppositionsparteien gelingt, einige Vertreter in die Sowjets zu wählen. Aber die Möglichkeit, sich dort Gehör zu verschaffen, ist überhaupt nicht gegeben. Die kommunistischen Claqueure (gedungenen Beifallklatscher) sorgen schon dafür, daß außer Kommunisten kein anderer gehört wird.

Wenn hie und da ein Anarchist in den Sowjet gewählt wird, so weigert sich die Regierung gewöhnlich, das Mandat anzuerkennen, oder man findet irgendeinen Vorwand, die Tscheka gegen den Erwählten einschreiten zu lassen. 1920 wohnte ich einer Wahlversammlung in einem der Fabrikklubs in Moskau bei. Es war das zweite Mal, daß die Regierung dem Kandidat der Arbeiter, einem Anarchisten, seinen Sitz verweigert hatte. Obwohl man ihm als Gegenkandidat Semaschko, den Kommissar für öffentliche Gesundheitspflege, gegenüberstellte, wählten die Arbeiter zum dritten Mal den Anarchisten. Vergeblich bemühte sich Semaschko, seinen Gegner persönlich zu verunglimpfen und zu mißkreditieren, vergebens drohte er den Wählern mit der Faust und sprach den Bann aus über sie. Die Arbeiter lachten ihn aus, schrien ironisch Bravo und wählten den Anarchisten zum dritten Mal. Einige Monate später verhaftete man ihn unter irgendeinem Vorwand. Erst nach einem langen Hungerstreik wurde

227

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

---

er wieder entlassen, und zwar geschah dies ausschließlich, weil die Britische Arbeiter-Mission zu jener Zeit in Moskau weilte und die Bolschewiki einen Skandal vermeiden wollten. Kurz hevor ich Moskau am 1. Dezember 1921 verlassen habe, wurden drei Anarchisten, Mitglieder des Moskauer Sowjets, verhaftet. Einen von ihnen verbannte man von der Hauptstadt, gegen die beiden anderen hat man, wie ich später erfahren habe, Anklage wegen „Banditismus und unterirdischer Tätigkeit" erhoben, eine sehr schwere Anklage, die gewöhnlich mit Erschießen ohne Verhör oder Prozeß gefahndet wird. Diese Männer waren zu freimütig im Sowjet aufgetreten; deshalb mußten sie „entfernt" werden. Es ist also leicht zu ersehen, daß weder der Moskauer Sowjet, noch irgendein anderer Sowjet in Rußland ein Selhsthestimmungsrecht oder Unabhängigkeit in ihren Funktionen besitzen. Sogar ein gewöhnliches Mitglied der Kommunistischen Partei hat dort keine hesonders großen Möglichkeiten, seiner Meinung Ausdruck zu geben. In den Sowjets sowohl als in der ganzen bolschewistischen Regierung hefindet sich die „Diktatur des Proletariats" in den Händen einer sehr kleinen Gruppe — es ist dies der innere Kreis, der allein Rußland und das russische Volk beherrscht.

Was einst ein Ideal war — der freie Meinungsaustausch der Arbeiter, Bauern und Soldaten —, wurde zur gewöhnlichen Komödie, die das Volk nicht begehrt, und zu der es jeden Glauben verloren hat.

Die Mobilisation der Arbeit, die in der Wirklichkeit Arheitszwang ist, wurde der Welt als der wichtigste Bestandteil des kommunistischen Systems gepriesen. „Alle müssen heute in Sowjet-Rußland arbeiten. Es gibt keine Parasiten mehr." Obzwar Lenin niemals öffentlich zugegehen hat, daß diese Methode wie so viele andere ähnlichen Experimente, die man dekretiert hatte, um Rußland wieder aufzuhauen, ein Irrtum gewesen ist, glaube ich trotzdem, annehmen zu dürfen, daß er sich vollständig darüber klar geworden ist, daß die Zwangsarbeit ahsolut nichts ausgerichtet hat, um die Produktion der Arbeiter ergiebiger zu gestalten. Während ihrer Existenz war sie bloß imstande, eine allgemeine Herdensklaverei zu errichten

und den bürgerlichen Schmarotzer durch den Apparat des bolschewistischen Schmarotzertums zu ersetzen. Ihre Aufgabe war, die Arbeiter zur Arbeit anzutreiben, sie bei ihrer Beschäftigung zu beaufsichtigen, sie zu verhaften und gelegentlich sogar zu erschießen, wenn sie ihre Arbeit ohne Erlaubnis verlassen hatten. Die große Mehrheit der Arbeiter ging auch in die Betriebe, aber nicht um zu arheiten, sondern um dort müßig herumzulungern, und um unter der Hand einige Artikel herzustellen, die ihre Frauen und Kinder auf dem Land für Mehl und Kartoffeln austauschen konnten. Es war dies der einzige Weg für sie, um nicht verhungern zu müssen.

Ueher die Möglichkeit, etwas vom Lande in die Stadt zu bringen, könnte man allein ein ganzes Buch füllen. Zusammen mit dem Verbot des Handels wurde die Sagrjaditelni otrjad eingeführt, das heißt Abteilungen von Soldaten und Tschekisten, die auf jeder Eisenbahnstation postiert waren, um alles zu konfiszieren, was von Privatpersonen nach der Stadt gebracht wurde. Die unglücklichen armen Teufel, die sich endlich unter unbeschreiblichen Schwierigkeiten eine Reiseerlaubnis verschafft hatten, die Tage und Wochen auf den Stationen geduldig ausharren mußten, bis sich ihnen eine Fahrgelegenheit bot, und die endlich nach einer schauerlichen Reise in schmutzigen und überfüllten Wagen oder auf den Dächern und Trittbrettern derselhen glücklich ein Pud Mehl oder Kartoffeln ergattert hatten, mußten es ruhig über sich ergehen lassen, wenn ihnen am Endziel ihrer Reise alles von der Otrjad ahgenommen wurde. In den meisten Fällen verteilten die Verteidiger des kommunistischen Staates die konfiszierten Dinge unter sich. Die armen Opfer durften sich noch glücklich schätzen, wenn ihnen aus der ganzen Geschichte keine weiteren Unannehmlichkeiten entstanden, denn sehr oft beraubte man sie nicht nur ihrer kostharen Bürde, sondern warf sie auch außerdem noch wegen „Spekulation" ins Gefängnis. Die Zahl der wirklichen Spekulanten, die verhaftet wurden, war unbedeutend im Vergleich mit den Scharen unglücklicher Menschenkinder, welche die Gefängnisse

228

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Rußlands füllten, weil sie versucht hatten, sich vom Hungertode zu retten.

Eines muß man den Bolschewiki lassen — sie machen keine halbe Arbeit. Sobald die Zwangsarbeit Gesetz geworden war, wurde sie unbarmherzig zur Ausführung gebracht. Männer und Frauen, jung und alt, alle dünn bekleidet, in zerrissenen Schuhen oder die Füße in schmutzige Lappen gewickelt, wurden unterschiedslos in Frost und Schnee hinausgetrieben, um Schnee zu schaufeln oder Eis zu brechen. Manchmal sandte man sie in Gruppen in die Wälder, um Holz zu schlagen. Rippenfellentzündung, Schwindsucht und Lungenentzündung waren das Ergebnis. Erst nach diesen Resultaten schufen die Weisen im Kreml ein neues Ressort für die Verteilung der Arbeit. Dieses Ressort entschied über die körperliche Befähigung der Arbeiter und klassifizierte und verteilte sie ihren Berufen gemäß.

Man darf sich nicht wundern, wenn unter solchen versklavenden und menschenunwürdigen Bedingungen die Menschen sich der Arbeit zu entziehen suchten, da ihnen die Methoden, wie sie dazu getrieben wurden, in der Seele verhaßt waren. Die Menschen fingen an, in dem kommunistischen Staat den Blutegel zu sehen, der ihnen die Lebenskraft aus den Adern saugt. War es ein Wunder, daß selbst die Arbeiter von Petrograd, die revolutionärsten in ganz Rußland, die den ganzen Anprall des langen Kampfes zu bestehen hatten, die so heroisch die Stadt gegen die Horden Judenitschs verteidigten und die Ungeheuerliches durch den Hunger und die Kälte zu leiden hatten, war es ein Wunder, daß selbst sie die falschen Revolutionäre und alles was mit ihnen verbunden war, zu verabscheuen anfingen? Nicht ihr Fehler war es, es war die grausame bolschewistische Staatsmaschine, die ihre Ideale und ihren Glauben untergraben hat. Sie war es, die in den Massen ein gegenrevolutionäres Empfinden erzeugt hat, das nur sehr langsam zu überwinden sein wird.

Eine gewisse Szene wird mir stets unvergeßlich bleiben, die in einer Versammlung des Petrograder Sowjets ihren Ausdruck fand. Es war in jener Nacht, als das Schicksal von Kronstadt entschieden werden

sollte. Nach den langen Reden der kommunistischen Führer forderten einige Arbeiter und Matrosen das Wort. Ein Arsenalarbeiter sprach. Sein Gesicht war dem Vorsitzenden, nicht der Zuhörerschaft zugewendet. Seine Stimme zitterte vor innerer Erregung, seine Augen blitzten und seine ganze Gestalt bebte. Er sprach zu Sinowjew, dem Vorsitzenden des Petrograder Sowjets: — „Vor drei und einem halben Jahr wurden Sie als deutscher Spion, als Verräter an der Revolution gebrandmarkt und von den Schergen gehetzt und verfolgt. Wir, die Arbeiter und Matrosen von Petrograd, haben Sie gerettet, kämpften für Sie, bluteten für Sie und stellten Sie endlich an den Platz, den Sie heute einnehmen. Wir taten dies, da wir glaubten, daß Sie den Wünschen des Volkes Ausdruck geben würden. Von da ab haben Sie und Ihre Regierung sich von uns entfernt. Und nun schleudern Sie u n s Beleidigungen ins Gesicht und besitzen die Stirn, uns als Gegenrevolutionäre zu verschreien. Sie werfen uns ins Gefängnis und erschießen uns, weil wir von ihnen die Einlösung der Versprechen, die Sie uns in der Oktober-Revolution gegeben haben, fordern."

Ich weiß nicht, was aus dem Mann geworden ist. Vielleicht brachte ihn seine Kühnheit ins Gefängnis, vielleicht ins Grab. Sein Aufschrei fand nur taube Ohren. Und doch war es der Aufschrei einer Seele, die mit dem Tode rang, der Aufschrei der ganzen russischen Volksseele, die während der Revolution einen so außergewöhnlichen Grad der Begeisterung erstrebte und erreichte, und welche der bolschewistische Staat nun in Ketten geschlagen hat.

D i e T s c h e k a, die Allrussische Außergewöhnliche Kommission, ist zweifellos die dunkelste Institution des bolschewistischen Regimes. Sie wurde bald nach der Machtergreifung durch die Bolschewiki ins Leben gerufen, um die Gegenrevolution, die Sabotage und die Spekulation zu bekämpfen. Anfangs wurde die Tscheka durch das Kommissariat des Innern, die Sowjets und das Zentralkomitee der Kommunistischen Partei kontrolliert Nach und nach aber entwickelte sie sich als die mächtigste Organisation in ganz Rußland. Die Tscheka ist heute nicht mehr ein Staat im

229

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922. – 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Staate, sondern ein Staat über dem Staate. Ganz Rußland, bis zu den entlegensten Dörfern, ist mit einem Netze von Tschekas bedeckt. Jede Abteilung des ausgebreiteten bürokratischen Systems hat ihre außergewöhnliche Kommision, deren Allmacht über Leben und Tod des russischen Volkes entscheidet. Man müßte die Feder eines Dante besitzen, um der Welt die Hölle, die durch diese Organisation geschaffen wurde, in ihrer ganzen Ungeheuerlichkeit vor Augen führen zu können: die verrohende, charakterzersetzende Wirkung, die sie auf ihre eignen Werkzeuge ausübt, den Schrecken, das Mißtrauen, den Haß, die Leiden und Todesqualen, die sie über Rußland gebracht hat.

Der Kopf der Allrussischen Außergewöhnlichen Kommission ist Dserschinsky. Er, zusammen mit den Mitgliedern seines Präsidiums, sind „erprobte" Kommunisten. In einem öffentlichen Bericht erklärte Dserschinsky: „Wir sind die Vertreter des organisierten Schreckens ..... Wir terrorisieren die Feinde der Sowjetregierung ..... Wir haben die Macht, Haussuchungen vorzunehmen, Gegenstände und Kapitalien zu konfiszieren, Verhaftungen anzuordnen, Untersuchungen einzuleiten, diejenigen, die wir als schuldig erachten, zu prozessieren und zu verurteilen und die Todesstrafe auszusprechen." — Mit anderen Worten — die Tscheka ist Spion, Polizist, Richter, Kerkermeister und Henker in einer Person. Sie ist die höchste Macht, gegen die es keinen Einspruch gibt und der nur selten einer entschlüpft. Sie nimmt ihre Aktionen fast stets bei Nacht vor. Das plötzliche Aufflammen einer Lichtflut in einem Distrikt, der Lärm der mit wahnsinniger Schnelligkeit fahrenden Automobile der Tscheka sind die Signale, um die Bevölkerung zu alarmieren und in Schrecken zu versetzen. Die Tscheka ist wieder an der Arbeit. Wer sind die Unglücklichen, die man diese Nacht verhaftet hat? Wer wird der nächste sein? Die Tscheka wurde ins Leben gerufen, um die Gegenrevolution zu bekämpfen, allein auf jede wirkliche Verschwörung, die sie entdeckt hat, kommen neue, imaginärer Scheinnatur, oder die sie selbst angezettelt hat. Man darf nie vergessen, daß der wichtigste Bestandteil der Tscheka ihre Spitzel und Provokateure sind. Wie

die Typhusplage, so vergiften sie die ganze Atmosphäre Rußlands. Sie schrecken vor keinem Mittel zurück, wie infam und grausam es immer sein möge, um ihr Opfer zu umstricken und dieselben als gefährliche Gegenrevolutionäre und Spekulanten zu verurteilen. In der Wirklichkeit aber ist die Tscheka selbst ein wahres Treibhaus für gegenrevolutionäre Anschläge und fabelhafte Spekulationen.

Jeder Kommunist ist durch die Disziplin seiner Partei verpflichtet, zu jeder Zeit in der Tscheka Dienste zu tun. Die Mehrheit der Tschekisten jedoch sind gewesene Mitglieder der alten zarischen Ochrana, der Schwarzen Hundert und frühere hohe Offiziere der Armee. Sie sind die Eingeweihten in der Anwendung barbarischer Methoden. Die westlichen Länder wurden gespeist mit glänzenden Berichten über die Volkstribunale in Rußland, an deren Spitze Arbeiter und Bauern figurieren sollten. Im Bereiche der Tscheka sind solche Gerichtshöfe unbekannt. Die Verhandlungen sind geheim. Die sogenannten Verhöre, wenn solche überhaupt stattfinden, sind eine groteske Entstellung jeder Gerechtigkeit. Der „Angeklagte" steht vorher fabrizierten Beweisen gegenüber, er hat keine Zeugen, noch ist ihm eine Verteidigung gestattet. Wenn man ihn hinaus aus der Schreckenskammer führt, weiß er nicht, ob er entlassen oder verurteilt ist. Er befindet sich die ganze Zeit in einer nervenzerrüttenden Ungewißheit, bis man ihn in einer Nacht abholt und nicht wieder zurückbringt. Am anderen Morgen holt ein Tschekist seine paar Habseligkeiten ab, und die übrigen Gefangenen wissen dann, daß die endlose Serie von kaltblütigen Ermordungen um einen neuen Mord bereichert wurde. Und die Verwandten und Freunde der Unglücklichen? Sie stehen Tag nach Tag und Woche nach Woche in Reihen geordnet in der Ljubianka, der Straße, wo die furchtbare Tscheka ihren Sitz hat, und warten ungeduldig auf ein Wort ihres Angehörigen, bis man ihnen endlich mitteilt, daß der Betreffende in der vorhergehenden Nacht erschossen wurde. So fügt man der Tragödie und dem Schmerz der Leidtragenden noch die Beleidigung hinzu.

230

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Wie die alte Ochrana des Zarismus, so hält auch die bolschewistische Ochrana das Publikum über ihre Schandtaten im Dunkeln. Doch die Wahrheit wird eines Tages ans Licht kommen. Ein ziemlich bedeutendes gedrucktes Material über die Schreckenstaten hinter den Mauern der Tscheka — die brutalen Folterungen, die Bestechungen und die weitverbreitete Spekulation — ist heute schon vorhanden. Um sich über diese Dinge zu unterrichten, ist es gar nicht nötig, bei den Gegnern der Bolschewiki vorzusprechen. Die Tscheka selbst versorgt uns gelegentlich mit solchem Material. So findet sich z. B. in Nummer 3 des wöchentlichen Organs der Tscheka ein Artikel, der die Notwendigkeit der Folter vertritt. Dieser Artikel, der die Aufschrift „Genug Sentimentalität" trägt, sagt unter anderem wörtlich: „Im Vorgehen gegen die Feinde Sowjet-Rußlands ist es notwendig, die Tortur in Anwendung zu bringen, um Geständnisse aus ihnen herauszupressen und sie nachdem in eine andere Welt zu befördern." — Der Leser darf sich keineswegs einbilden, daß die Tscheka seit 1918 progressiver geworden ist. Vergangenen Sommer, als das angebliche Komplott des Professor Tagantseff in Petrograd entdeckt wurde, schlug man die Gefangenen, folterte sie, indem man ihnen nichts zu trinken gab und brachte andere ähnliche eminent „revolutionäre" Mittel gegen sie zur Anwendung. Ich habe diese Informationen nicht etwa von Gegenrevolutionären, sondern verdanke sie einem sehr aufrichtigen Kommunisten, der sich unter den Verhafteten befand und Zeuge der Erfolge der tschekistischen Methoden war. Ein Kommunist unter verhafteten Gegenrevolutionären? Wie ist das möglich? Sehr einfach. Wenn die Tscheka ihr Netz auswirft, fängt sie die Unschuldigen zusammen mit den Schuldigen, in der Tat meistenteils die Unschuldigen. Denn wie z. B. können 68 Personen an einer Verschwörung beteiligt sein, ohne daß die ganze Stadt darum wissen sollte? Und doch wurden 68 Personen letzten Sommer in Petrograd erschossen, in Verbindung mit dem Tagantsewschen „Komplott". Und dies war bloß ein geringer Prozentsatz der unschuldigen

Männer, Frauen und sogar Minderjährigen, die in den unterirdischen Räumen der Tscheka zu Tode befördert wurden.

Wiederholt stellte man an die Regierung die Forderung, die Macht dieser furchtbaren Organisation einzudämmen. Ein solcher Versuch wurde im Herbst 1920 gemacht. Aber sofort mehrten sich die Verbrechen in Moskau, und die „Verschwörungen" wurden häufiger. Die Tscheka mußte natürlich beweisen, daß sie dem bolschewistischen Staate unentbehrlich war. Daraufhin sprach man Dserschinsky eine öffentliche Dankerklärung aus und veröffentlichte dieselbe in der „Prawda". In einer der Sitzungen des Petrograder Sowjets erklärte Sinowjew Dserschinsky für „einen Heiligen, der sich der Revolution geweiht habe". Die Geschichte des schwärzesten Mittelalters ist voll von solchen Märtyrern. Wie furchtbar, daß die Bolschewiki die dunkelste Vergangenheit der menschlichen Geschichte nachahmen mußten.

Bei dieser Gelegenheit ist es interessant, sich der Stellung zu erinnern, welche die Bolschewiki im Jahre 1917 eingenommen haben, als die Provisorische Regierung der Versuch machte, die Todesstrafe für Deserteure einzuführen. Zu jener Zeit protestierten die Bolschewiki auf das heftigste gegen solche Brutalität. Sie führten aus, wie barbarisch und degradierend für die Menschheit die Todesstrafe ist. Auf dem zweiten Allrussischen Kongreß der Sowjets, kurz nach der Oktober-Revolution, stimmten die Bolschewiki, zusammen mit anderen revolutionären Elementen, für die Abschaffung derselben. Heute aber sind die Razstrels (Erschießungen) die beliebteste Methode der Tscheka, eine Methode, über die ein kommunistischer Heiliger zu verfügen hat und die vom kommunistischen Staate sanktioniert werden.

Was wird aus dem Marxismus, der da predigt, daß die soziale Revolution der Geburtsakt eines neuen gesellschaftlichen Lebens ist? Ist in den bolschewistischen Prinzipien und Methoden, wie sie in Rußland zur Anwendung gelangen, irgend ein Anzeichen dafür

231

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

vorhanden? Der bolschewistische Staat hat den Beweis erbracht, daß er für die russische Revolution eine Verschwürung von vernichtender Bedeutung gewesen ist und noch ist.

Die Gewerkschaften in Rußland.

Die vielgepriesenen Errungenschaften der Bolschewiki auf dem Gebiete des Gewerkschaftswesens erinnern mich an die Worte der Frau Alving in Ibsens Gespenster: „Nur an einem einzigen Knoten wollte ich zupfen; als ich den aber auf hatte, da gab die ganze Geschichte nach. Und da merkte ich, daß es nur Maschinennaht war."

Unter den Dingen, die dem neuen Ankömmling in Rußland besonders auffallen, stehen die Gewerkschaften an erster Stelle. Man denke nur: sieben Millionen Arbeiter organisiert in einer gewaltigen Körperschaft mit herrlichen Arbeitsstempeln, eigenen Lehrgängen, Versammlungen und Konzerten. Welch anderes Land hat solche Dinge aufzuweisen? Man ist einfach überwältigt. Aber sobald man anfängt, an einem einzigen Knoten zu zupfen, geht die ganze Naht auf, und man bemerkt plötzlich, daß die Gewerkschaften, mehr noch wie jede andere bolschewistische Institution, Maschinennaht sind, von der kommunistischen Staatsmaschine angefertigt.

In der Tat ist es eine ganz irreführende Auffassung, unter dem bolschewistischen Regime überhaupt von Gewerkschaften zu reden. Die Gewerkschaft verkörpert einen bestimmten historischen Begriff; wenigstens ist dies bei den Arbeitern, die jenseits der Grenzen des bolschewistischen Rußlands leben, der Fall. Sogar in ihrem konservativen Sinne repräsentieren sie die Kampfarena der organisierten Arbeit für wirtschaftliche Verbesserungen. Im revolutionären Sinne sind die Gewerkschaften oder, besser gesagt, die industriellen und syndikalistischen Verbände, die wirtschaftliche Erziehungsschule für die kämpfenden Massen, um der Ausbeutung ein Ende zu bereiten, und in einer befreiten Gesellschaft die Verwaltung der Produktion in die Hände der Arbeiter selbst zu legen.

232

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

In Rußland jedoch vertreten die Gewerkschaften weder im konservativen und noch weniger im revolutionären Sinne die Bedürfnisse der Arbeiter. Sie sind dort nicht mehr wie das untergeordnete und militaristisch ausgebildete Werkzeug des bolschewistischen Staates. Die „Schule des Kommunismus", wie Lenins These über die Aufgabe der Gewerkschaften lautet. Aber sie sind sogar das nicht. Eine Schule setzt den freien Meinungsausdruck und die Initiative des Schülers voraus, während die Gewerkschaften in Rußland bloß militärische Kasernen für mobilisierte Arbeiterarmeen sind, denen jeder auf Kommando des Staates beizutreten gezwungen ist.

Die russischen Gewerkschaften, obzwar noch sehr jung (sie datieren von 1905 an), waren sehr kampffreudige Organisationen. Sie mußten es sein, um den grausamen Verfolgungen unter dem zarischen Regime widerstehen zu können. Obwohl sie meistenteils eine unterirdische Existenz führen mußten, waren sie nichtsdestoweniger ein wichtiger Faktor in den Kämpfen der russischen Arbeiterschaft. Diese Tatsache bekundete sich in machtvoller Weise gleich nach dem Ausbruch der Februar-Revolution.

Die Gewerkschaften, durchdrungen von dem neuen Geiste, der über Rußland gekommen war, gaben sich nicht mit ausschließlich politischen Veränderungen zufrieden. Ihr Ziel war, die Arbeiter in den Besitz der ganzen wirtschaftlichen Struktur des Landes zu setzen. Noch ehe die Arbeiter zur Expropriation der Betriebe schritten, hatten die Gewerkschaften bereits ihre Betriebsräte organisiert, um das industrielle Leben des Gemeinwesens zu kontrollieren. Aus diesen Betriebsräten entwickelte sich später der Allrussische Gewerkschafts-Sowjet, der im engsten Zusammenhang mit allen anderen Sowjets seine Tätigkeit ausübte. Mit anderen Worten, die Gewerkschaften waren noch vor der Etablierung des bolschewistischen Regimes der organisierte Ausdruck der Forderungen und Bestrebungen der Arbeiterschaft. So waren auf dem dritten Kongreß der russischen Gewerkschaften im Juli 1917 bereits 210 Delegierte anwesend, die zusammen eine Mitgliedschaft von 1 475 425 vertraten.

Der Anbruch der Diktatur des Proletariats machte sich bald in den Gewerkschaften bemerkbar. Die Zugehörigkeit zu den Arbeiterorganisationen wurde obligatorisch. Jeder, der arbeitete, wurde automatisch in die Mitgliedsliste der Gewerkschaft eingetragen und mußte für das Vergnügen bezahlen, ob es ihm angenehm war oder nicht. Die drei Prozent für die Beiträge wurden ihm einfach vom Lohne abgezogen, so daß der russische Arbeiter gezwungen war, dieselben Organisationen aufzuhalten zu müssen, die jedes Symptom von Initiative und Selbstbestimmung in den Gewerkschaften erdrosselt hatten.

Der Allrussische Gewerkschafts-Sowjet besteht aus 120 Mitgliedern. Sein Zentral-Exekutiv-Komitee umfaßt elf Mitglieder. Tatsächlich können nur Kommunisten in diese Körperschaften gewählt werden. Die Folge war, daß die Gewerkschaften einfache Abteilungen der Staatsmaschine geworden sind, deren ganze Taktik und Tätigkeit von dieser vollständig kontrolliert und geleitet werden. Das Durchschnittsmitglied hat in bezug auf die Tätigkeit seiner Gewerkschaft überhaupt nichts zu sagen, noch gibt es regelmäßige Gewerkschaftsversammlungen im westeuropäischen Sinne, ausgenommen solche, die von der bolschewistischen Fraktion in jeder Gewerkschaft vollständig beherrscht und geführt werden.

Wagt es irgendeine Gewerkschaft, eine wirkliche gewerkschaftliche Tätigkeit ausüben zu wollen, so gibt man ihr bald zu verstehen, daß was immer die Gewerkschaften in Europa und Amerika tun, dieselben im kommunistischen Staate sich dem Gesetz zu unterwerfen und im übrigen den Mund zu halten hätten.

Dafür ein Beispiel: Die Bäcker Moskaus, die in einer großen und kampflustigen Gewerkschaft vereinigt sind, gingen im Sommer 1920 in den Streik, um eine Erhöhung ihrer Brotration zu erwirken. Die Regierung kümmerte sich nicht viel um die Sache. Die Ortsgruppe wurde aufgelöst, die Führer ausgeschlossen und die aktivsten Mitglieder verhaftet. Den einflußreicheren Wortführern der Streikenden verbot man, an irgendeiner Gewerkschaftsversammlung teilzunehmen und beraubte sie des Rechtes, einen Posten zu bekleiden.

233

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Eine ähnliche Methode befolgten die Bolschewiki bei verschiedenen anderen Streiks. Ein interessanter Zwischenfall dieser Art fand in Moskau anläßlich der Differenzen mit den Buchdruckern statt. In diesem Falle handelte es sich sogar um keinen Streik. Die Buchdrucker waren „unverschämt" genug, eine Versammlung einzuberufen, zu der man Mitglieder der englischen Arbeitervertreter eingeladen hatte, die zu jener Zeit in Moskau weilten. In dieser Versammlung traten Tschernow, der Führer der Partei der Sozial-Revolutionäre, und Dan, ein prominenter Menschewist, auf und begingen die unverzeihliche Sünde, den britischen Delegierten einiges über die russischen Gewerkschafts- und Arbeitsverhältnisse mitzuteilen. Bald darauf wurden sämtliche Angestellte der Buchdruckergewerkschaft entlassen und einige von ihnen ins Gefängnis gesteckt. Im ganzen Lande und in allen offiziellen Organen wurden die Moskauer Buchdrucker als Konterrevolutionäre, Verräter und „Schinder" verschrien, um das übrige Proletariat des Landes dadurch in Furcht und Schrecken zu jagen.

So absolut und zermalmend ist die Tyrannei über die Gewerkschaften, daß der geringste Protest als ein Bruch der Arbeitsdisziplin und als Verbrechen gegen die Revolution denunziert wird. Als während des Petrograder Streiks im Februar 1921 die Arbeiter der Baltischen Betriebe gegen die Verhaftung von 22 ihrer Kameraden protestierten, erklärte ihnen Antselowitsch, der Vorsitzende der Petrograder Gewerkschaften, daß sie verdienten, alle der Tscheka übergeben zu werden. Einige Tage später fand in den erwähnten Betrieben eine Haussuchung statt, wobei zahlreiche Arbeiter verhaftet wurden.

Kurz gesagt, die Gewerkschaften im bolschewistischen Rußland sind gänzlich vom Staate aufgesaugt worden, und ihre ganze Aufgabe erschöpft sich darin, für den Staat Polizeidienste zu leisten.

Natürlich konnte ein solcher Zustand nicht lange anhalten, ohne bei den Arbeitern bitterste Unzufriedenheit hervorzurufen. In der Tat nahm die Unzufriedenheit 1920 einen so allgemeinen und bedrohlichen Charakter an, daß die Regierung gezwungen war, die Lage

ernsthaft zu betrachten. Der Streit über die Aufgabe der Gewerkschaften wurde Ende 1920 aufgenommen, und es stellte sich bald heraus, daß selbst innerhalb der Kommunistischen Partei die widersprechendsten Ansichten über diese so wichtige Frage vorhanden waren. Alle kommunistischen Führer nahmen Anteil in dieser heißen Debatte, die über das Schicksal der Gewerkschaften entscheiden sollte. Die Thesen, die man aufstellte, vertraten vier Hauptrichtlinien.

Da war zunächst die Fraktion Lenin-Sinowjew, die den Standpunkt vertrat, „daß die Gewerkschaften unter der Diktatur des Proletariats nur e i n e Aufgabe hätten, nämlich die, als Schulen des Kommunismus zu dienen".

Die zweite Richtung wurde von Rjäsanoff und seinen Anhängern vertreten, die der Meinung waren, daß die Gewerkschaft ihre Aufgabe als Forum und wirtschaftlicher Beschützer der Arbeiter fortsetzen müsse.

Die dritte Richtung war die von Trotzki, dem militärischen Genius, der nur noch in militärischen Formen denken kann. Er vertrat den Standpunkt, daß die Gewerkschaften sich mit der Zeit als die Verwalter und Kontrolleure der Industrie entwickeln würden, daß aber heute die Gewerkschaftsverwaltung nach militärischen Methoden ernannt werden müßte.

Die letzte und wichtigste Richtung war die „Arbeiteropposition", die von Frau Kollantaj und Schlapnikow geführt wurde, und die die wirkliche Meinung der Arbeiter vertritt und von ihnen unterstützt wird.

Diese Opposition besteht darauf, daß die Militarisierung der Gewerkschaften das Interesse der Arbeiter an dem wirtschaftlichen Wiederaufbau des Landes erstickt und ihre produktiven Fähigkeiten gelähmt hat. Sie fordert die Befreiung der Massen vom Joche des bürokratischen Staates und seinem korrupten Beamtentum und die Möglichkeit für die schöpferische Betätigung der Volkskräfte.

Die Arbeiteropposition führte aus, daß die Oktober-Revolution gemacht wurde, um den Massen die Möglichkeit zu geben, die Kontrolle des gesamten industriellen Lebens in ihre Hände zu nehmen. Mit einem Wort,

234

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

die Arbeiteroppösition ist das Sprachrohr des Protestes und der allgemeinen Unzufriedenheit, die sich in den Reihen des aktiven Teils der russischen Arbeiterschaft angehäuft haben.

Ein Hauptkampf fand zwischen Trotzki und Sinowjew statt, die sich gegenseitig in separaten Sonderzügen im Lande herum nachjagten, um einer den anderen zu widerlegen. In Petrograd z. B. war Sinowjews Einfluß so mächtig, daß ein großer Kampf nötig war, ehe man Trotzki gestattete, seine Ansichten über die strittige Frage vor der dortigen kommunistischen Ortsgruppe zu entwickeln.

Der Streit erzeugte viel böses Blut und hätte bald zu einem Bruch in der Kommunistischen Partei geführt. Allein Gott hat Lenin ins Herz geschlossen. Jedesmal, wenn das Gebäude, das er errichtet hat, zu wanken anfängt, schickt ihm der Herr eine Stütze. Die großen Arbeiterunruhen, die zahlreichen Streiks in Petrograd im Februar 1921 und der Aufstand in Kronstadt mußten diesmal als Stütze herhalten. Die kommunistische Einheit mußte erhalten werden um jeden Preis. Und so nahm Väterchen seine ungebärdigen Kinder eines nach dem anderen beim Ohr und brachte ihnen Manieren bei.

Lenin klagte die Arbeiteropposition des Anarcho-Syndikalismus und kleinbürgerlicher Ideengänge an und dekretierte ihre Unterdrückung. Schlapnikow, einer der einflußreichsten Führer der Opposition, wurde von Lenin als ein „verärgerter Kommissar" hingestellt und bald zum Schweigen gebracht, indem man ihn zum Mitglied des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei beförderte.

Frau Kollantaj forderte man auf, ihre Zunge im Zaum zu halten, anderenfalls man sie aus der Partei ausschließen würde. Ihre Broschüre, die den Standpunkt der Opposition zum Ausdruck brachte, wurde unterdrückt.

Einigen kleineren Lichtern der Arbeiteropposition gab man Ferien bei der Tscheka, und sogar ein so alter und erprobter Kommunist wie Rjäsanow wurde sechs Monate lang von jeder gewerkschaftlichen Tätigkeit suspendiert. Was Trotzki anbetrifft, den Lenin dem Spotte der Partei preisgab, indem er ihn als „Ignoramus

(vollständig Unwissenden) in den Grundprinzipien des Marxismus" hinstellte, so schickte man ihn gegen Kronstadt, um dort den „Frieden von Warschau" herzustellen. Lenin und sein Saint Just Sinowjeff errangen den Sieg, und die Gewerkschaften blieben auch fernerhin „die Schule des Kommunismus".

Die neue Wirtschaftpolitik formt rasch die ganze Struktur Rußlands um, und die Gewerkschaften waren mit die ersten, welche die Wirkungen dieser Umformung zu fühlen bekamen. In einer Sitzung des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei, die im Dezember 1921 in Moskau stattfand, sprach man auch über die Betätigung der Gewerkschaften unter der neuen Wirtschaftspolitik. Eine Kommission, bestehend aus Lenin, Rudsjutak und Andrejew, wurde gewählt, um Satzungen über diese Frage vorzubereiten, die später von dem Allrussischen Zentral-Sowjet der Gewerkschaften, wie gewöhnlich, einstimmig angenommen wurden. Diese Satzungen sprechen Bände für Lenins Fähigkeit, die Haut zu wechseln. Unter anderem enthalten sie die folgenden Punkte:

1. Die obligatorische Registrierung der Arbeiter in den Gewerkschaften führte zu einer bürokratischen Entartung dieser Körperschaften und entfremdete sie den Massen. Es ist daher notwendig, von nun an freiwillige Mitgliedschaft in den Gewerkschaften einzuführen. (Dabei darf man nicht vergessen, daß viele Arbeiter als Konterrevolutionäre und „Schinder" gebrandmarkt und von der Tscheka ins Gefängnis gesetzt wurden, weil sie dieselben Dinge zu behaupten wagten.)

2. Die Arbeiter, welche den Gewerkschaften beitreten, dürfen ihrer politischen oder religiösen Ueberzeugung wegen nicht belästigt noch beunruhigt werden. (Und was ist mit den zahllosen Opfern, die zurückgesetzt und eingeschüchtert wurden, weil ihre politischen Anschauungen den Bolschewiki nicht sympathisch waren?)

3. Der wirtschaftliche Wiederaufbau Rußlands erfordert die strikteste Konzentration der Macht in den Händen einer persönlichen Verwaltung. Aus diesem Grunde dürfen die Gewerkschaften nicht danach trachten, diejenigen Industrien zu kontrollieren, die von

235

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.
Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Privatkapitalisten als Eigentum erworben oder gepachtet sind.

Es ist zweifellos, daß die neue Wirtschaftpolitik, die durch Lenins Satzungen über die Rolle der Gewerkschaften unterstützt wird, die Tür für neue Arbeitsprobleme und unvermeidliche Konflikte weit öffnet. Die Beilegung aller kommenden Konflikte zwischen Arbeiter und Unternehmer soll in die Hände einer „Höheren Körperschaft" außerhalb der Gewerkschaften gelegt werden. Lenins Kommission hat bereits angedeutet, daß diese „höchste Autorität" obligatorischer Schiedsgerichte im Falle von Arbeiterdifferenzen keine andere als die Kommunistische Partei und die Dritte Internationale sein soll.

Es tritt hier klar zutage, daß die Kommunistische Internationale gewillt ist, ihre Beherrschung über die russische Arbeiterbewegung aufrechtzuerhalten, während sie in derselben Zeit alles aufwendet, um die Arbeiterorganisationen in Europa und Amerika unter ihre Kontrolle zu bekommen.

Währenddessen ist der russische Arbeiter unter der neuen Wirtschaftspolitik noch schlechter bestellt als seit dem Ausbruch der Revolution. Er hat nun sogar die wenigen Garantien verloren, die ihm als Ergebnis des revolutionären Umschwunges noch übrig blieben. Besonders ist dies der Fall in bezug auf die Zahl der Arbeitsstunden.

Der Achtstundentag, der für die letzten vier Jahre eine nahezu allgemeine Einrichtung in Rußland gewesen ist, besteht de facto heute nicht mehr. Dem offiziellen Organ, der Moskauer „Prawda", vom Dezember 1921, nach liegt das Verhältnis jetzt so: Nur in 86 von 695 industriellen Betrieben besteht heute noch der Achtstundentag. In den meisten übrigen Betrieben arbeitet man neun Stunden täglich. In 44 Betrichen wird 10 bis 12 Stunden gearbeitet, in 11 Betrieben 14 bis 16 Stunden, in 44 Betrieben besteht überhaupt keine bestimmte Arbeitszeit. In manchen Betrieben fand man sogar Kinder, die 12 bis 14 Stunden den Tag arbeiteten.

Die Bäcker werden am schlimmsten ausgebeutet und arbeiten 12 bis 18 Stunden pro Tag. Diese Zahlen haben nur Bezug auf die Arbeitsbedingungen in Moskau, der Hauptstadt Rußlands. In der Provinz ist die Lage noch schlimmer. So arbeiten die Bergleute des Doner Kohlendistrikts 16 bis 17 Stunden ohne Unterbrechung. In der staatlichen Lederfabrik von Witebsk besteht ein normaler Arbeitstag von zwölf Stunden. In den Fischereien von Astrachan ist die Arbeitszeit, nach dem Bericht des dortigen Vertreters der Zweiten Allrussischen Konferenz für Arbeitsschutz, in der Wirklichkeit überhaupt unbeschränkt.

Man kann aus diesen Beispielen ersehen, welche Segnungen dem russischen Arbeiter aus der neuen Politik des Staats- und Privatkapitalismus erwachsen sind.

Trotzdem ist die russische Revolution nicht im ganzen umsonst gewesen. Sie hat im Schoße der Massen viele alte Begriffe und Vorstellungen entwurzelt, und der russische Arbeiter ist heute nicht mehr der folgsame Sklave, der er früher war. Man hat ihn bis zum Ueberdruß mit Politik gefüttert, nun glaubt er nicht länger daran. Jetzt, wo er imstande sein wird, sich mit seinen Kameraden in neuen Arbeiterorganisationen zu vereinigen, wird er ohne Zweifel zu direkten Methoden seine Zuflucht nehmen.

Lenin und seine Gefolgsleute fühlen die Gefahr. Ihre Angriffe auf die Arbeiteropposition und die Verfolgungen der Anarcho-Syndikalisten nehmen fortgesetzt zu an Schärfe und Heftigkeit. Wird der Stern des Anarcho-Syndikalismus im Osten aufgehen? Wer weiß — Rußland ist das Land der Wunder.

236

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Die Lage des Kindes in Rußland.

Die ühlen Ergebnisse, die dem verhängnisvollen Zirkel, den der holschewistische Staat geschaffen hat, entspringen, und an dem die ernsthaftesten Bestrebungen nach irgend einer Richtung hin notwendigerweise zugrunde gehen müssen, treten nirgends so offensichtlich zutage als auf dem Betätigungsfelde der Bolschewiki zur Hebung des Kindes. Obwohl viele Berichte über das Leben des Kindes in Rußland rein legendärer Natur sind, muß man zugeben, daß ein großer Versuch auf diesem Gebiete gemacht worden ist. Was ist die Ursache, daß dieser Versuch fehlschlagen mußte?

Ich erinnere mich noch lebhaft, welchen Eindruck die Ausführungen eines Redners in einer Versammlung am zweiten Jahrestage der Oktober-Revolution, in Madison Square Garden in New York, bei mir auslösten. Der Mann kam gerade von Rußland zurück. Seine Worte über die Behandlung und die Sorgfalt, die man den Kindern in Rußland angedeihen läßt, entfachten die helle Begeisterung der Zuhörer. Und mein Herz schlug dem Volke jenes Landes warm entgegen, den Massen, die das Joch von Jahrhunderten von ihren Schultern warfen und die nun „an der Hand eines Kindes" ihren Weg verfolgten. Es war zu wundervoll.

Während meiner ganzen Reise auf unserem schwimmenden Gefängnis, dem Buford, hielt mich der Gedanke an das, was an den russischen Kindern getan wurde, aufrecht und erwärmte meine Seele. Wie vielversprechend lag die Zukunft vor mir, wie köstlich war das Gefühl, an diesem herrlichen neuen Leben teilnehmen zu dürfen! Aber in Rußland angekommen, mußte ich erkennen, daß ich meine Rechnung ohne den Sozialistischen Staat gemacht hatte, der in seinem verhängnisvollen Kreise jede Anregung, jeden Versuch erstickte.

Es ist wahr, daß die Bolschewiki in Bezug auf das Kind und die Erziehung ihr möglichstes getan haben. Es ist auch wahr, daß, wenn es ihnen nicht gelungen ist, den Nöten der Kinder in Rußland Einhalt zu gebieten, dieses mehr die Schuld der Feinde der russischen Revolution als ihre eigene Schuld gewesen ist. Die furchtbaren Folgen der Intervention und der Blokkade fielen am schwersten auf die schwachen Schultern der Kinder und Kranken. Aber sogar unter günstigeren Bedingungen würde das bürokratische Monstrum des bolschewistischen Staates die besten Absichten und die gewaltigsten Anstrengungen, welche die Kommunisten zugunsten des Kindes und der Erziehung bekundeten, gelähmt und vereitelt haben.

Erst nachdem einige Wochen seit meiner Ankunft in Rußland verflossen waren, hatte ich die Gelegenheit, der ersten Schule — der besten in Petrograd — einen Besuch abzustatten. Man nennt sie „Kasatelnaja Schkola" — Modellschule oder würtlich übersetzt: „Ausstellungsschule". Der Sinn davon kam mir erst später zum Bewußtsein. Diese Schule befand sich im Hotel de l'Europe, und das Gebäude mit seinen geräumigen Zimmern, den herrlichen Kronleuchtern und der luxuriösen Ausstattung hatte noch viel von seiner ehemaligen Eleganz bewahrt.

Im Winter 1920 war der Mangel an Brennmaterial in Petrograd so groß, daß die Bevölkerung nahezu zugrunde ging. Es war daher notwendig, daß die Kinder in so wenig Zimmern als nur irgend möglich, untergebracht wurden. Allein die Räumlichkeiten waren rein, gut in Stand gehalten und bequem. Die Kinder, durchschnittlich von sechs bis dreizehn Jahre alt, sahen gesund, gut genährt und zufrieden aus. Der dienstuende Arzt führte mich durch die umfangreichen Räumlichkeiten, die Küche mit ihrem prachtvollen, blankgeputzten Kupfergeschirr mit eingeschlossen, und erklärte mir alle Einzelheiten.

Die Schule war eine Art Zentrum, wo die Kinder empfangen und verteilt wurden. Man brachte Kinder aus allen Teilen Rußlands, meistenteils vom Lande, hierher. Sie kamen hier abgezehrt und krank an und in Kleidern, die von Ungeziefer wimmelten. Hier wur-

237

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

---

den sie gebadet, abgewogen, gemessen, aufgefüttert und ärztlich behandelt. Eine kurze Zeit blieben sie in der Schule, erhielten dort Elementarunterricht, und wurden danach in anderen Kinderschulen untergebracht. — Was ich hier sah, machte einen gewaltigen Eindruck auf mich. In der Tat, hier hatte ich den Beweis, daß die Berichte über die großen Dinge, die an den russischen Kindern getan wurden und die wir in Amerika empfangen hatten, durchaus der Wahrheit entsprachen.

Nur eine Note störte das herrliche Gemälde. Aus einer beiläufigen Bemerkung meiner Führerin, der Aerztin, erfuhr ich, daß man gewisse Kinder nicht sehen könne, „da sie isoliert gehalten würden".

„Wahrscheinlich liegen ansteckende Krankheiten vor"? fragte ich. „Nein," sagte die Dame, „es sind kleine Diebe, die wir von den anderen Kindern fernhalten müssen."

Ich war sprachlos. Ich sah vor mir Tolstoi als Lehrer, wie ihn Ernest Crosby beschrieben hat. Eines der Kinder in der Schule hatte etwas gestohlen. Die übrigen Kinder hatten es als Dieb angezeigt und baten den Lehrer, daß er es bestrafen solite. Schüler und Lehrer kamen überein, daß man dem kleinen Uebeltäter ein Schild um den Hals hängen sollte, das die Aufschrift „Dieb" trug.

Als Tostoi sich anschickte, dem Knaben das Schild umzuhängen, fühlte er sich plötzlich betroffen durch einen Blick aus des Kindes Augen, ein Blick, in dem Erniedrigung und stumme Anklage sich paarten. Nein, nicht das Kind war der Uebeltäter. Der Uebeltäter war er, Tolstoi, und die übrigen Kinder — die ganze Gesellschaft, die so grausam sein konnte, ein Kind als Dieb zu brandmarken.

Von damals an wurde kein Kind mehr in Tolstois Schule bestraft. Und hier, im großen, freien und revolutionären Rußland bestrafte man Kinder, sonderte sie ab von den übrigen und sprach von ihnen fortgesetzt als von „moralisch Defekten". Das störte mich und machte mich stutzig. Jedoch ließ ich mir dadurch das schöne Bild, das ich im Hotel de l'Europe gesehen hatte, nicht verdunkeln.

Bald danach besuchte mich eine Frau, die mir von Amerika her seit langem bekannt war. Kurz nach der Februar-Revolution war sie mit ihrem Gatten und ihrem jungen Sohne nach ihrem Geburtsland zurückgeeilt. Sie hatte Anteil genommen an den großen Ereignissen der Oktobertage und war seitdem mit verschiedenen Arbeiten beschäftigt gewesen; doch konzentrierte sich ihr Hauptinteresse auf die Pflege der Kinder. Zur Zeit, da sie mich besuchte, war sie Vorsteherin in einem „Internat", einer Elementarschule für Mädchen. Die Frau erzählte mir viel von ihrer Arbeit, von den Kindern und sprach von dem schweren Kampf, den sie stets führen mußte, um die notwendigsten Dinge für ihre Schule zu erhalten. Ihre ganze Geschichte stand in einem so offenbaren Widerspruch mit allem, was ich im Hotel de l'Europe gesehen hatte, daß es mir unmöglich war, ihr zu glauben. Und doch wußte ich, daß meine Freundin eine durchaus ehrliche und glaubwürdige Person war. Die Sache schien mir unerklärlich.

Ich lud meine Freundin zum Abendbrot ein. Wir sprachen über gemeinsame Bekannte aus Amerika, über die Oktober-Revolution und ihren Einfluß auf die unterdrückten Klassen anderer Länder, während ich in meiner improvisierten Küche damit beschäftigt war, Kartoffeln zu schälen. — „Werfe die Schalen nicht fort," warnte mich meine Freundin. — „Warum nicht? Was willst Du damit anfangen?" fragte ich. — „Die Kinder machen Kartoffelkuchen davon und sind so zufrieden damit," entgegnete sie. — „Die Kinder?" fragte ich verwundert. Aber wie ist das möglich? Bekommen sie denn nicht die ersten Rationen?" — Ich sah mich wieder im Hotel de l'Europe, wo die Kinder mit Milch, Kakao, Reis, Hafermehl und sogar mit Fleisch genährt wurden.

Meine Freundin lächelte. „Komme in meine Schule und überzeuge Dich selbst," sagte sie.

Ich habe sie dort nicht einmal, sondern öfter besucht und sah nun die Kehrseite des Bildes. Aber noch immer ließ ich mich nicht so leicht überzeugen. Die Schule meiner Freundin wurde von 65 Kindern besucht. Die Nahrung der Kinder war kärglich und von minderwertiger Qualität. Die meisten von ihnen wur-

238

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

den am Leben gehalten durch das, was ihre Eltern oder Verwandten ihnen vom Lande schickten. Sie hatten wenig warme Kleider, und die meisten von ihnen waren ohne Schuhe. Meine Freundin mußte einen großen Teil ihrer Zeit und ihre ganze Energie in den verschiedenen Abteilungen des Erziehungsausschusses vertrödeln. Es dauerte zwei Wochen, bis sie für ihre 65 Kinder zwanzig Holzlöffel erhalten konnte. Nach einem ganzen Monat von Anstrengungen aller Art, zu denen auch das In-der-Reihe-stehen, bis man bei den höheren Beamten vorgelassen wird, gehörte, gab man ihr endlich 25 Paar Schneeschuhe. Es erforderte viel Vernunft und großes Taktgefühl, um diese zwischen 65 Kindern zu verteilen, ohne Neid, Haß und Streit unter denselben hervorzurufen.

Je öfter ich diese Schule besuchte, desto mehr überzeugte ich mich, daß irgend etwas nicht in Ordnung sein mußte. Wie anders konnte man sich sonst den Unterschied erklären, der in der Verpflegung der Kinder im Hotel de l'Europe und denen in der Schule des Kronwerski Prospekt vorhanden war? Dort gab man den Kindern von allem das Beste — Nahrung, Kleider, Räumlichkeiten, Konzerte, Tänze — in der Tat zuviel in Anbetracht der allgemeinen Lage. Hier aber hatten die Kinder so wenig, daß sie andauernd hungrig waren, und sogar das wenige, das man ihnen zukommen ließ, war nur unter den größten Schwierigkeiten zu erlangen.

Sehr schnell wurde ich mit zwei Dingen vertraut: Es war in Rußland nicht genug Nahrung und Kleidung vorhanden, um alle Kinder damit genügend zu versorgen. Die Bolschewiki aber hielten es für notwendig, in jeder Stadt einige „Ausstellungsschulen" zu errichten, die für Missionen, Delegationen und Reporter als Aushängeschild dienen mußten. Diese Schulen erhielten das Beste von allem. Was übrig blieb, bekamen die anderen Schulen, die natürlich die große Mehrzahl bildeten.

Personen, die nur Gelegenheit hatten, die sogenannten Ausstellungsschulen in Augenschein zu nehmen und nach diesen die Pflege, die das Kind in Rußland empfängt, beurteilten, verließen das Land, ohne von den

wahren Zuständen, unter denen die große Mehrheit der russischen Kinder unter dem bolschewistischen Regime zu leben gezwungen ist, die kleinste Ahnung zu haben.

Die Intervention (Eindringen) der Alliierten und die Blockade sind hauptsächlich verantwortlich für das schreckliche Elend in Rußland. Allein, was immer vorhanden war, um die Bedürfnisse der Kinder zu befriedigen, konnte ebenso gut gleichmäßig zwischen diesen verteilt werden. Das bolschewistische System selbst schuf in Bezug auf die Kinder dieselbe Ungleichheit, dieselben Unterschiede, die es in der Behandlung der Arbeiter geschaffen hat. Für die letzteren bestanden verschiedene Kategorien in Bezug auf die Rationen, die offiziell bestimmt und zur Ausführung gebracht wurden.

In der Praxis bestand für die Kinder dieselbe Lage, nur daß sie einen mehr inoffiziellen Charakter hatte. In erster Linie war das System der „Ausstellungsschule" an und für sich von zersetzender und demoralisierender Wirkung und entwickelte besondere Vorrechte. Und dieser Zustand der Dinge wiederum entwickelte eine Atmosphäre des leeren Scheins, der Falschheit und der absichtlichen Täuschungen, die sowohl auf die Lehrer als auf die Kinder ihren verhängnisvollen Einfluß ausüben mußten.

Hauptsächlich aber war es die staatliche Zentralisierung mit ihrem daraus entstehenden verwickelten Mechanismus eines bürokratischen Beamtentums, welche die besten Versuche der Bolschewiki auf diesem und auf anderen Gebieten unfruchtbar und wirkungslos machten.

Vor hundert Jahren brachte Gogol mit seinem großen Werke „Tote Seelen" seine Landsleute in Aufregung. Es war eine vernichtende Anklage gegen den russischen Feudalismus und das Schmarotzertum, das er erzeugte. Die „Toten Seelen" sind heute in Rußland zu neuem Leben erwacht, aber es fehlt ein Gogol, der sie an den Pranger stellen könnte. Aber wenn sogar ein solcher vorhanden wäre, so würde er im heutigen Rußland viel weniger Beachtung finden, als Gogol im Rußland seiner Zeit gefunden hat.

Wo finden sich die „Toten Seelen" unserer Tage? Ein Beispiel wird es uns am besten zeigen. Jedes

239

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Kinderheim, jede Elementarschule, jede Erziehungsanstalt, in Wahrheit jede Institution, die Kinder oder Erwachsene beherbergt, ist berechtigt zu soviel Rationen Lebensmittel und Kleider, als sie Insassen zählt. Alle Institutionen sind abhängig von der zentralen Verteilungsstelle (in Petrograd die Pterokommune, in Moskau die Moskommuna usw.), die sie mit allen vorhandenen Dingen versorgt. Eine Menge von verschiedenen Papieren, gezeichnet und gegengezeichnet von ganzen Armeen von Tschinowniki (Beamten), ist nötig, damit eine gegebene Institution sich mit allem versehen kann, was sie notwendig hat.

Die Tschinowniki aber verzögern systematisch jede Bestellung, wenn sie nicht ein Geschenk erhalten. So ergibt sich die Notwendigkeit, daß tatsächlich mehr Bestellungen aufgegeben werden müssen, als sich Insassen in einer Institution befinden, damit einige „Extras" für die Beamten, wie auch für die hungrigen Freunde des „Wirtschaftsverwalters" der betreffenden Institution übrig bleiben.

Die Schule meiner Freundin z. B. zählte 65 Kinder. Alle früheren Vorsteherinnen fügten dieser Zahl noch eine Anzahl fiktiver Namen bei — Tote Seelen — und wurden infolge der ergatterten Extrarationen, die zur Bestechung verwendet wurden, prompt abgefertigt. Nachdem sie sich auf diese Weise in den verschiedenen Verwaltungsabteilungen „Einfluß" verschafft hatten, konnten sie sich ruhig erlauben, ihre Schule zu vernachlässigen, die Kinder selbst zu mißhandeln und sehr oft mit den Rationen der Insassen zu spekulieren. Sie hatten eben „ihre Freunde oben".

Das Ergebnis dieser angenehmen Einrichtung, die in Rußland allgemein verbreitet ist, liegt auf der Hand. Meine Freundin jedoch wollte an solchen Praktiken keinen Anteil haben und weigerte sich, ihrer Liste „Tote Seelen" beizufügen. Wußte sie doch, daß jede Tote Seele auf die Kosten der ohnehin schon ungenügenden Rationen einiger Kinder ihr Leben fristete.

Sie weigerte sich, die zahllosen Inspektoren, Kontrolleure und Korrektoren ihres Distriktes mit durchzufüttern. Das Ergebnis war ein langer bitterer Kampf gegen den korrupten Kreis der Interessierten,

ein Kampf, der ihre Gesundheit untergrub und damit endete, daß man sie ihrer Stellung enthob und sie buchstäblich auf die Straße setzte. Vergeblich versuchte sie die Aufmerksamkeit der „Genossin", die an der Spitze der Petrograder Abteilung für Erziehung stand, auf ihren Fall zu lenken. Frau Lilina war nicht zu sprechen und besuchte niemals die Schule meiner Freundin. Die „Ausstellungsschulen" nahmen ihre ganze Zeit in Anspruch. Auch würde Frau Lilina wohl schwerlich den Fall meiner Freundin aufgenommen haben. Es ist nicht üblich, „Außenstehenden" Beachtung zu schenken, die gegen Kommunisten Beschwerde führen. Außerdem ist es auch nicht ohne Gefahr, sich in solche Dinge einzumischen.

Ich habe Frau Lilina später kennengelernt und habe den Eindruck gewonnen, daß sie eine ernste Frau ist, die ihrem Werke ergeben ist. Aber sie ist in derselben Zeit eine blinde Anhängerin ihrer Partei, der jedes breitere Gesichtsfeld abgeht. In ihren Informationen über die Bedingungen in den Schulen ist sie ganz und gar abhängig von ihren Hauptuntergebenen, die alle Kommunisten sind. Der Nachweis für die Tauglichkeit und Wahrhaftigkeit einer Person in Rußland wird erbracht durch ihre Zugehörigkeit zur Kommunistischen Partei. Es ist wohl kaum nötig, die notwendigen Ergebnisse eines solchen Zustandes hier noch besonders zu betonen.

All das, was ich über den teilweisen Hungerzustand der Kinder in den Schulen der Bolschewiki in Erfahrung brachte, kam mir erst nach und nach peinvoll zum Bewußtsein. Ich sträubte mich zuerst mit aller Macht, zu glauben, daß die Methode der „Toten Seelen" allgemein üblich sei. Aber die Beweise dafür waren so zahlreich, daß ich ihnen zuletzt nicht länger widerstehen konnte. Neben mir, im Hotel Astoria, dem „Ersten Haus der Sowjets", wohnte eine kleine Frau mit ihren zwei Kindern. Sie war Kommunistin, aber eine, welche die Methode der „Toten Seelen" aufs schärfste bekämpfte. Sie arbeitete in verschiedenen Kinderinstitutionen und bestätigte nicht nur alles, was ich in der Schule auf dem Kronwerski-Prospekt gesehen hatte, sondern zeigte mir

240

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

selbst noch viele andere Schulen, in denen dieselben Gepflogenheiten üblich waren.

Überall lebten „Tote Seelen" auf Kosten halbverhungerter Kinder. Meine Nachbarin erzählte mir von den Erfahrungen, die sie mit ihren eigenen Kindern — einem Knaben von drei und einem Mädchen von neun Jahren — durchmachen mußte. Beide hatte man in einer Kolonie untergebracht. Von ihrem eigenen mageren Verdienst war die Mutter gezwungen, ihnen regelmäßig Lebensmittel zu senden, da sie dort nicht genug Nahrung erhielten. Nach sechs Monaten wurden beide Kinder krank und mußten nach Hause geschickt werden, wo sie das einzige Zimmer mit ihrer Mutter teilen mußten. Das Mädchen hatte einen bösartigen Ausschlag bekommen, und der Knabe war furchtbar heruntergekommen. Beide Fälle schrieb man den Folgen der Unterernährung zu.

Ich wurde mit meiner Nachbarin befreundet, die eine ernste und schwer arbeitende Kommunistin war. Durch sie habe ich sehr viel über den allgemeinen Zustand der Kinder erfahren. Mehr und mehr mußte ich erkennen lernen, daß die Bolschewiki tatsächlich versuchten, alles, was in ihrer Kraft stand, für das Kind zu tun, daß aber alle ihre Bemühungen von der schmarotzenden Bürokratie zunichte gemacht wurden, die ihr Staat selbst ins Leben gerufen hatte. Vor allem aber erwies sich ihre Auffassung, daß selbst das Kind für Propagandazwecke zu verwenden sei, als verhängnisvoll und verderblich.

Die „Ausstellungsschulen" hatten den übelsten Einfluß, besonders auf die Kinder außerhalb. Sie züchteten in des Kindes Herz ein Gefühl von verletzter Gerechtigkeit und willkürlich getroffener Unterschiede. Denn das Kind erkennt rascher und sicherer als der Erwachsene Lug und Schein. Und während diese „Ausstellungsschulen" dazu dienten, die ausländische Presse mit Stoff zu versehen, wurde die große Mehrheit der Kinder in Rußland ebenso vernachlässigt, wie die Proletarierkinder in allen übrigen Teilen der Welt. Überall sind es die privilegierten Wenigen, die alle Vorteile genießen. Das bolschewistische Rußland macht von dieser grausamen Regel keine Ausnahme.

Ich habe bereits am Anfang dieser Abhandlung erklärt, wie tief ich berührt wurde, als ich hören mußte, daß man Kinder als „Diebe" und „moralischer Defekte" halber von den übrigen absonderte. Damals führte ich diese Handlung auf die altmodische Auffassung der diensttuenden Aerztin im Hotel de l'Europe zurück. Ein Artikel in dem Regierungsorgan Prawda, und die Unterredungen, die ich mit vielen führenden Kommunisten — unter anderen mit Maxim Gorki und Frau Lilina — hatte, überzeugten mich jedoch, daß fast alle von ihnen an eine „vererbte moralische Verkommenheit" glaubten. Einige hochstehende Pädagogen befürworteten sogar das Gefängnis für solche mit „ererbter moralischer Verkommenheit" Belasteten. Doch dies war schon zu viel für Lunatscharski, den Kommissar für öffentliche Erziehung, Gorki und die fortgeschritteneren Elemente, die bei den orthodoxen Kommunisten als Sentimentalisten verschrieen sind. Lunatscharski bekämpfte den barbarischen Vorschlag und trug glücklicherweise den Sieg davon. Trotzdem befanden sich noch im September 1921 zweihundert Jugendliche, darunter ein Kind von acht Jahren, im Taganka-Gefängnis von Moskau.

Ich bin überzeugt, daß weder Lunatscharski noch Gorki davon eine Ahnung hatten. Aber darin liegt ja gerade der Fluch des ganzen verhängnisvollen Systems. Es nimmt denen, die an der Spitze stehen, die Möglichkeit, zu wissen, was der Schwarm ihrer Untergebenen tut. Die Anwesenheit der Kinder im Taganka-Gefängnis kam durch politische Gefangene ans Tageslicht, die man dahin befördert hatte. Sie machten ihren Freunden draußen davon Mitteilung, und diese, zusammen mit Lunatscharski, nahmen sich der Sache an So wurden denn die Kinder endlich aus dem Gefängnis entfernt.

Die Schulen und Kolonien, wo man die „moralisch Defekten" unterbringt, sind nicht viel besser als Gefängnisse. Eine Untersuchung, die von der Kommunistischen Jugend veranstaltet wurde, brachte peinvolle Dinge über die Zustände in manchen dieser Schulen in Petrograd ans Licht. Der Bericht wurde im Mai 1920 in der Petrograder Prawda veröffentlicht. Er bestätigte die Anschuldigungen, die des öfteren erhoben wurden — unter anderen die allgemeine Praxis der „Toten Seelen",

241

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

die Vermehrung der Aufseher auf die Kosten der Kinderrationen und andere Gepflogenheiten der Korruption und Unfähigkeit. So fand die Kommission z. B. in einer Schule 138 Aufseher für 125 Kinder, in einer anderen 38 Aufseher für 25 Kinder. Und diese Fälle waren keineswegs Ausnahmen.

Außerdem ging aus dem Bericht der Kommission hervor, daß die Kinder furchtbar vernachlässigt, in schmutzige Lumpen gekleidet waren und in vor Schmutz starrenden, übelriechenden Betten ohne Ueberzüge schlafen mußten. Einige Kinder hatte man bestraft, indem man sie nachts über in dunkle Räume einsperrte, anderen entzog man das Abendbrot und noch andere wurden sogar körperlich gezüchtigt. Der Bericht erregte in offiziellen Kreisen großes Aufsehen. Eine besondere Untersuchung wurde angeordnet, die, wie das in ähnlichen Dingen auch in Amerika üblich ist, mit einer Weißmachung der Schuldigen ihr Ende fand. Die Untersuchungskommission der Kommunistischen Jugend wurde wegen „Uebertreibung" zurechtgewiesen. Man erklärte, daß der Artikel in der Prawda niemals hätte erscheinen dürfen, da er den Konterrevolutionären bloß Wasser auf ihre Mühle lieferte usw.

Ich sprach über die Angelegenheit mit einigen Kommunisten. Wie ist es möglich, daß solche Dinge in Sowjet-Rußland vorkommen können? fragte ich. Auf diese Frage erhielt ich stets dieselbe stereotype Antwort: „Mangel an zuverlässigen und fähigen Arbeitern!" Ich erklärte, daß ich bereit wäre, die Arbeit unter diesen unglücklichen Kindern aufzunehmen, die man als „moralisch defekt" gebrandmarkt hatte.

„O, Sie müssen die Genossin Lilina sehen," belehrte man mich. „Es wird ihr höchst erwünscht sein, Sie als Mitarbeiterin zu bekommen."

Ein paar Tage später wurde ich zu der Genossin Lilina eingeladen. Sie ist eine schwächliche Frau mit harten Gesichtszügen — die typische amerikanische Schulmamsell, wie man sie vor fünfzig Jahren sehen konnte. Sie versicherte mir, daß sie mit den besten Methoden der Pädagogik und Psychologie wohl vertraut sei. Ich erkühnte mich, ihr zu sagen, daß ich der Theorie von der sittlichen Verkommenheit bei Kindern

keinen Glauben beimesse, daß kein moderner Erzieher einen so veralteten Standpunkt vertrete, und daß man meiner Ansicht nach selbst sittlich defekte Kinder nicht bestrafen und als Degenerierte brandmarken dürfe. Ich sprach mit ihr über moderne Methoden der Erziehung und über die Versuche, die in Amerika von Richter Lindsay und anderen, die den moralischen Begriff von Sündern und Heiligen nicht anerkennen, mit verbrecherisch veranlagten Kindern gemacht wurden. O ja, das wäre alles ganz gut und schön in einem kapitalistischen Lande, wo Nahrungsmittel und alles andere im Ueberfluß vorhanden sind; allein in dem ausgehungerten Rußland wären moralisch defekte Kinder die unvermeidlichen Folgen des langen Krieges, der Revolution und des Hungers.

Diese Unterredung überzeugte mich, daß alle meine Bemühungen unter den kleinen Opfern auf Schritt und Tritt von dieser steifen, dogmatischen Frau durchkreuzt werden würden. Sie wieder dachte wahrscheinlich, daß es nicht ratsam sei, die Pflege der Kinder im kommunistischen Staate einer Anarchistin anzuvertrauen. Auf jeden Fall wurde nichts aus meinem Vorhaben.

Ich führe dies nur als Beispiel an, um zu zeigen, daß die von den Bolschewisten so oft wiederholte Behauptung, der zufolge alle Korruption, aller Amtsmißbrauch und jede Unfähigkeit innerhalb ihres Systems auf den Mangel an zuverläsigen Kräften zurückzuführen sei, jeder Grundlage entbehrt. Während meines Aufenthalts in Rußland kam ich mit einer überraschend großen Zahl von Personen zusammen, die willens waren, sich auf dem Gebiete der Erziehung, der Wirtschaft und anderer nicht politischen Felder zu betätigen. Aber da sie keine Kommunisten sind, sehen sie sich überall zurückgesetzt, entmutigt und von einem Spionagesystem umzingelt, das jede Initiative und jeden Versuch zur Unfruchtbarkeit verdammt.

Während meiner viermonatlichen Reise durch die Ukraine hatte ich genug Gelegenheit, Kinderheime, Elementarschulen, Kindergärten und Kolonien zu besuchen — inoffiziell, natürlich. Und überall fand ich dieselben Zustände: eine „Ausstellungsschule" mit gut genährten und in jeder Beziehung wohlversorgten

242

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Kindern, während in den anderen Institutionen die Kinder hungern mußten. Und oft habe ich gesehen, wie Männer und Frauen, die in diesen Instituten beschäftigt waren, gegen die bürokratische Maschine Sturm liefen, von dem ernsten Willen beseelt, die Interessen der Kinder zu verteidigen. Aber alle ihre Bemühungen waren vergebens und endeten damit, daß sie von der allmächtigen Maschine ausgeschaltet wurden.

Ein schlagendes Beispiel, wie man in einem solchen Fall vorzugehen pflegt, hatte ich kurz vor meiner Abreise in Moskau Gelegenheit zu beobachten. In einem gewissen Distrikt dortselbst befindet sich ein Modell-Kinderheim, die best organisierte und vortrefflichst ausgestattete Institution dieser Art, die ich in Rußland gesehen habe. Die Vorsteherin war eine äußerst seltene Frau, eine Idealistin, eine Erzieherin mit langjährigen Erfahrungen und unermüdlich tätig. Sie wandte sich entschlossen gegen die Methode der „Toten Seelen" und wollte nicht Paul berauben, um Peter füttern zu können. Es kam ihr nicht in den Sinn, die kleinen Beamten der unteren Abteilung durch Bestechungen zu gewinnen.

Wie es in solchen Fällen üblich ist, setzte bald eine Kampagne gegen sie ein. Der führende Geist in dieser gemeinen Attacke war der Arzt des Kinderheims, ein Kommunist. Man brachte alle nur erdenklichen Beschuldigungen gegen die Vorsteherin vor, von welchen keine einzige irgendwelche Basis hatte. Aber die Machinationen kamen nicht eher zur Ruhe, bis man die Frau aus ihrer Stellung hinausgezwungen hatte. Das bedeutete in derselben Zeit, daß sie ihres Zimmers verlustig ging. Die Frau war Mutter eines vier Monate alten Kindes. Es war im November, das Wetter war kalt, eine feuchte, durch Mark und Bein dringende Kälte. Nichtsdestoweniger befahl man der Vorsteherin, die für das Institut gekämpft hatte, das Heim zu verlassen. Um das Leben ihres Kindes besorgt, weigerte sie sich, dem Befehle Folge zu leisten, solange man ihr kein anderes Zimmer in dem Gebäude anweisen würde. Daraufhin gab man ihr ein dunkles, feuchtes Zimmer im Erdgeschoß, das wohl seit drei Jahren nicht geheizt war. In diesem Grabe wurde der Säugling krank und ist seitdem leidend.

Sind Lunatscharski solche Fälle bekannt? Wissen andere führende Kommunisten davon? Manche zweifellos. Aber sie sind so sehr mit „wichtigen Staatsangelegenheiten" beschäftigt. Außerdem sind sie gegen solche „Kleinigkeiten" unempfindlich geworden. Und dazu sind sie selbst in denselben verhängnisvollen Kreis hineingebannt, ist doch jeder von ihnen nur ein Teil des großen bolschewistischen Beamtenapparates. Sie wissen, daß die Zugehörigkeit zur Partei eine Menge Sünden zudeckt.

Während meines zweijährigen Aufenthalts in Rußland besuchte ich eine große Anzahl von Institutionen, aber ich bin nur ganz wenigen glücklichen Kindern begegnet. Nur einmal in Archangelsk hörte ich ein Kind herzlich lachen. Im allgemeinen machen die meisten Kinder in den bolschewistischen Institutionen einen farblosen und stereotypen Eindruck, ähnlich wie dies mit Kindern, die in Waisenhäusern aufwachsen, der Fall ist.

Es liegt etwas Bedrücktes auf diesen Kindern; sie hungern nicht bloß nach Brot, sondern auch nach Zärtlichkeit — es sind einsame Kinder. Ich weiß, daß meine Ausführungen nicht übereinstimmen mit all den Märchen, die im Umlauf sind und von dem Jahrhundert des Kindes in Rußland zu erzählen wissen. Aber es ist gar nicht meine Absicht, diese Märchen verewigen zu helfen.

Es gab noch einen anderen Faktor, der den bolschewistischen Staat über andere Regierungen erhob — die Abschaffung der Kinderarbeit. Es war dies die bedeutsamste Errungenschaft, für die man den Kommunisten zum Dank verpflichtet war. Heute aber, wo Lenins neue Wirtschaftspolitik das Tote schnell wieder auferstehen läßt, heute, wo Kapitalismus und Privatausbeutung langsam aber sicher in Rußland wieder ihren Einzug halten, wird die bolschewistische Regierung mit den übrigen zivilisierten Regierungen auch in dieser Hinsicht bald wieder auf gleicher Stufe stehen und die Kinderarbeit als große Quelle des nationalen Reichtums schätzen lernen.

243

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Erinnerungen an Kropotkin.

Unter denen, die ich nach meiner Ankunft in Rußland im Januar 1920 am sehnlichsten zu sehen begehrte, war Peter Alexewitsch Kropotkin. Ich erkundigte mich sofort, wie ich ihn erreichen könnte und erfuhr, daß ich zu diesem Zwecke nach Moskau fahren müßte, da Kropotkin in Dmitrow wohnte, einem kleinen Städtchen, sechzig Werst von dieser Stadt entfernt. Nun reiste man in einem Lande wie Rußland, das vom Kriege und von der Revolution so furchtbar mitgenommen war und in dem der Staat jeden Atemzug kontrollierte, nicht nach eigenem Willen. So blieb mir nichts anderes übrig, als zu warten, bis sich mir eine Gelegenheit, nach Moskau zu reisen, bieten würde. Glücklicherweise bot sich mir eine solche Gelegenheit sehr bald.

Früh im März reisten einige prominente Kommunisten, unter ihnen Radek und Gorki, nach Moskau, und man erlaubte mir, in ihrem Wagen mitzufahren. In Moskau angekommen, suchte ich Mittel und Wege, Dmitrow zu erreichen. Aber hier trat eine neue Verzögerung ein. Ich erfuhr, daß es fast unmöglich war, auf dem gewöhnlichen Wege dorthin zu reisen. Der Typhus grassierte in jener Zeit im Lande. Alle Eisenbahnstationen waren überfüllt von Menschen, die Tage und Wochen dort lagen und auf eine Gelegenheit lauerten, weiterzukommen. Da war ein fortgesetztes Gehalge um jeden Fußbreit Raum. Fünfhundert unglückliche Menschen drängten sich in einem Wagen zusammen, in dem nur Platz für fünfzig vorhanden war. Hungrig und abgehetzt suchten sie selbst auf den Dächern und Trittbrettern der Wagen ein Plätzchen zu ergattern, ungeachtet der furchtbaren Kälte und der unmittelbaren Gefahr, abgeworfen zu werden. Es verging keine Reise, ohne daß Menschen dabei erfroren oder vom Zuge herabgeschleudert wurden.

Ich war in Verzweiflung; denn ich hörte, daß Kropotkin diesen Winter krank war, und ich befürchtete, daß er das Frühjahr vielleicht nicht mehr erleben würde. Ich wollte weder um einen besonderen Wagen nachsuchen, noch konnte ich mich entschließen, auf dem gewöhnlichen Wege zu reisen, bis mir auch hier wieder ein unvorhergesehener Zufall zu Hilfe kam.

Der Herausgeber des Londoner „Daily Herald", begleitet von einem seiner Berichterstatter, war vor mir in Moskau eingetroffen und hatte ebenfalls die Absicht, Kropotkin zu besuchen. Da man ihm zu diesem Zwecke einen Extrawagen zur Verfügung gestellt hatte, so hatte ich, zusammen mit Alexander Berkmann und A. Schapiro Gelegenheit, Herrn Lansbury zu begleiten und konnte auf diese Weise die Reise in verhältnismäßiger Sicherheit zurücklegen. Wir kamen zur guten Zeit an. Es war eine sternhelle Nacht, und das ganze Land war mit einer ungeheuren Schneedecke belastet. Unsere Fußtritte hallten wider in der Stille des schlafenden Dorfes.

Kropotkins Häuschen war nach dem Garten zu gelegen und von der Straße entfernt. Nur der schwache Strahl einer Petroleumlampe beleuchtete den Pfad, der zum Hause führte. Ich hörte später, daß Petroleum knapp war in Kropotkins Haushalt und mit Licht gespart werden mußte. Nachdem Kropotkin sein Tagewerk vollendet hatte, wurde die Lampe in das Wohnzimmer gebracht, wo sich die Familie des Abends versammelte. Sophie Kropotkin und die Tochter bereiteten uns einen warmen Empfang und führten uns ins Zimmer, wo wir unseren Großen Alten Mann fanden.

Ich hatte ihn das letzte Mal 1907 in Paris gesehen, wohin ich mich nach dem Anarchistischen Kongreß in Amsterdam begeben hatte. Kropotkin, dem Frankreich für viele Jahre verschlossen war, hatte kurz vorher das Recht erhalten, dorthin zurückzukehren. Er war damals bereits 65 Jahre alt, allein er strotzte noch immer von Lebenskraft und war so munter, daß er viel jünger erschien. Er war eine große Inspiration für uns alle, die wir das Glück hatten, mit ihm näher in Berührung zu kommen.

244

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Es war geradezu unmöglich, sich Peter Alexewitsch alt vorzustellen. Nicht so im März 1920. Ich war tief betroffen, so gealtert erschien er mir. Er war furchtbar abgezehrt. Er empfing uns mit derselben anmutigen Freundlichkeit, die so charakteristisch an ihm war. Wir fühlten von Anfang an, daß unser Besuch nicht befriedigend sein würde. Peter würde nicht imstande sein, in der Gegenwart von Fremden, die dazu noch Journalisten waren, offen zu sprechen. Doch wir mußten von der Lage das Beste machen. Nachdem wir uns wohl eine Stunde lang über allgemeine Dinge unterhalten hatten, bat ich Frau Kropotkin und Sascha, die englischen Gäste zu unterhalten, während wir mit Kropotkin in Russisch sprachen.

Nachdem ich mich auf das angelegentlichste nach seiner Gesundheit erkundigt hatte, war ich natürlich in erster Linie darauf erpicht, von ihm Aufklärung über Fragen von vitalem Interesse zu erhalten, die schon damals meinen Geist beunruhigten. Er sollte mir Auskunft geben über die Beziehungen, die zwischen den Bolschewiki und der Revolution bestanden, über die despotischen Methoden, welche die herrschende Partei in Anwendung brachte, und zu denen sie, wie mir jedermann versicherte, durch die Intervention und die Blockade gezwungen war. Ich wollte die Meinung Kropotkins über diese Dinge kennenlernen, wollte wissen, wie sein langes Schweigen zu deuten war.

Ich habe mir keine Notizen gemacht und kann nur die wichtigsten Punkte unseres kurzen Gesprächs hier wiedergeben. Kropotkins Meinung war, daß die russische Revolution das Volk zu großen Höhen emporgetragen und den Weg für eine tiefgründige Veränderung der sozialen Zustände geebnet habe. Hätte man dem Volke die Möglichkeit gegeben, die freigewordenen Kräfte auszunutzen, wären Rußland die furchtbaren Bedingungen, unter denen es jetzt zu leiden hatte, erspart geblieben.

Die Bolschewiki, welche durch die gigantische Welle der Revolution zur Macht emporgetragen wurden, bekamen zuerst das Ohr des Volkes durch extreme revolutionäre Schlagwörter. Auf diese Weise erwarben sie sich das Vertrauen der Massen und die Unterstützung der aktiven Revolutionäre. Schon früh in der Oktober-

periode begannen die Bolschewiki damit, die Interessen der Revolution der Errichtung ihrer Diktatur unterzuordnen. So kam es, daß jede gesellschaftliche Tätigkeit eingeschnürt und gelähmt wurde. Kropotkin führte die Genossenschaften als Beispiel an, die seiner Meinung nach das vorzüglichste Bindeglied hätten abgeben können, um die Interessen der Bauern und Arbeiter zu überbrücken, und die man bald im Anfang zerstört hatte.

Er sprach mit großem Nachdruck über die allgemeine Depression, die Verfolgungen, die Niederhetzung jeder anderen politischen Meinung und gab uns zahlreiche Beispiele von der Not und dem Elend des Volkes. Was er der bolschewistischen Regierung besonders zum Vorwurf machte, war, daß sie den Sozialismus und den Kommunismus in den Augen des russischen Volkes diskreditiert hatte. Es war ein herzzerreißendes Bild, das uns Kropotkin an jenem Abend entrollte.

Wir fragten ihn, warum er seine Stimme nicht erhoben hätte gegen alle diese Uebel, gegen die fatale Maschine, welche das Herzblut der Revolution auspumpte. Kropotkin gab uns zwei Ursachen an: Erstens war es, dank der Diktatur, in Rußland unmöglich, seiner Meinung freien Ausdruck zu geben, und in einer Weise, daß sie das Volk erreichen könnte. Zweitens konnte er es nicht über sich gewinnen, in einer Zeit, wenn Rußland von den vereinten Kräften der europäischen Imperialisten überfallen und seine Frauen und Kinder durch die verbrecherische Blockade in den Hungertod getrieben wurden, in das wütende „Kreuzigt ihn!" gewesener Revolutionäre miteinzustimmen. Aus diesen Gründen hatte er es vorgezogen, zu schweigen. An die Regierung zu appellieren, war zwecklos, da sie nur noch darauf erpicht war, ihre Macht um jeden Preis aufrechtzuerhalten. Sie konnte deshalb vor solchen Kleinigkeiten, wie Menschenleben und Menschenrechte, nicht Halt machen. „Aber haben wir nicht stets auf diese Segnungen des Marxismus in Aktion hingewiesen?" fügte er hinzu. „Warum nun erstaunt sein?"

Ich fragte ihn, ob er seine Eindrücke und Beobachtungen niederschreibe, und betonte die Notwendigkeit und Wichtigkeit, die ein solches Dokument für seine Kameraden, für die Arbeiter, für die ganze Welt

245

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

haben müßte. Kropotkin sah mich eine Zeitlang an und erwiderte:

„Nein, ich schreibe nichts dergleichen. Es ist unmöglich zu schreiben, wenn man überall von großen menschlichen Leiden und Elend umgeben ist, wenn jede Stunde Kunde bringt von neuem Weh, das man nicht stillen kann. Außerdem gibt es kein Privatleben, keine persönliche Sicherheit mehr. Man muß jeden Moment auf eine Haussuchung gefaßt sein. Die Tscheka erscheint plötzlich in der Nacht, durchstöbert jeden Winkel im Haus, kehrt alles drunter und drüber und nimmt jeden Fetzen Papier mit. Unter solchem fortgesetzten Druck ist es schwer, Buch zu führen. Aber mehr wie alles andere kommt für mich mein Werk über die Ethik in Betracht. Ich kann bloß einige Stunden täglich arbeiten und habe noch immer viel zu tun. Ich bin daher gezwungen, alles andere auszuschließen und meine ganze Kraft auf diesen Gegenstand zu konzentrieren."

Wir hatten bereits die Zeit unseres Genossen zu lange in Anspruch genommen, und obwohl wir noch manches auf dem Herzen hatten, mußten wir uns für diesen Abend bescheiden. Die Unterhaltung nahm nun wieder einen allgemeinen Charakter an. Doch es wurde spät, und unser Wirt war müde. Wir nahmen daher bald Abschied und versprachen, im Frühjahr wiederzukommen, wo wir mehr Zeit haben würden, über Dinge, die uns am Herzen lagen, zu sprechen.

Nach einer zärtlichen Umarmung, die Peter niemals verfehlte, denen zuteil werden zu lassen, die er liebte, begaben wir uns nach unserem Wagen zurück. Mein Herz war voll von der großen russischen Tragödie, mein Geist verwirrt und beunruhigt von all den Dingen, die ich vernommen hatte. Auch machte mir der physische Zustand unseres Kameraden ernste Sorgen. Ich fürchtete, daß er den Frühling nicht erleben würde. Der Winter 1920 war schrecklich. Die Menschen wurden vom Typhus, von Hunger und Kälte hinweggerafft. Der Gedanke, daß Kropotkin sterben könnte, und daß die Welt seine Ansichten über die russische Revolution niemals erfahren würde, war mir unerträglich. Kropotkin hatte dem Despotismus der

Zaren und ihrer politischen Ochrana Trotz geboten, warum konnte er jetzt nicht schreiben? Ging es auch ihm wie jenen Alten, die mit ihren Gedanken stets in der Vergangenheit wohnen, während die Gegenwart an ihnen vorüberzieht? Erst viel später lernte ich begreifen, warum Kropotkin unfähig war, über die russischen Ereignisse zu schreiben.

Im Juli 1920 kam ich wieder nach Moskau, diesmal mit der Expedition des Revolutions-Museums, auf unserem Wege nach der Ukraine. Eines Tages telephonierte mir Sascha Kropotkin. Es war ihr gelungen, ein Auto von einem Regierungsbeamten zu leihen, und nun wollte sie, daß Berkman und ich mit nach Dmitrow kommen sollten. Wir reisten den anderen Tag und erreichten Dmitrow in einigen Stunden. Der Garten, der Kropotkins Heim umgab, war in voller Blüte und verbarg das Häuschen vollständig jedem Blicke.

Peter hielt sein Nachmittagsschläfchen, aber der Klang unserer Stimmen brachte ihn rasch auf die Beine, und er kam schnell, uns zu begrüßen. Er war so munter, so lebhaft, so kraftvoll. Er führte uns sofort nach dem Gemüsegarten, der fast ausschließlich das Werk Sophie Kropotkins, der Stolz Kropotkins und die wichtigste Stütze für die Familie war. Es machte ihm viel Vergnügen, uns eine neue Art Salat zu zeigen, die Sophie gepflanzt hatte — schwere, große Köpfe wie Weißkraut, aber mit Blättern von einem duftigen Grün. — „Ihr müßt welchen zum Mittagbrot haben," sagte Peter jovial. Der Frühling hatte ein Wunder an ihm vollbracht. Er war ein ganz anderer Mensch geworden.

Die ersten sieben Monate meines Aufenthalts in Rußland hatten mich nahezu vernichtet. Ich war angekommen mit so viel Begeisterung im Herzen, ganz und gar beseelt von dem leidenschaftlichen Verlangen, mich in die Arbeit stürzen zu können und mitzuhelfen, die heilige Sache der Revolution zu verteidigen. Aber was ich in Rußland fand, überwältigte mich geradezu. Ich war nicht fähig, irgend etwas zu tun. Das Rad der sozialistischen Staatsmaschine ging über mich hinweg und lähmte meine Energie. Das furchtbare Elend und die Bedrängnis des Volkes, die kaltherzige Ignorierung seiner Wünsche und Bedürfnisse, die Verfolgungen und

246

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Unterdrückungen lagen mir wie ein Berg auf der Seele und machten mir das Leben unerträglich.

War es die Revolution, die Idealisten in wilde Bestien verwandelt hatte? Wenn dies der Fall war, so waren die Bolschewiki bloß Schachfiguren in der Hand eines unvermeidlichen Schicksals. Oder war es der kalte, unpersönliche Charakter des Staates, dem es gelungen war, durch verwerfliche und unehrliche Mittel die Revolution in sein Joch zu spannen, um sie nun auf Wege zu peitschen, die ihm unentbehrlich waren? Ich fand keine Antwort auf diese Fragen — wenigstens nicht im Juli 1920. Vielleicht war Kropotkin dazu imstande.

Als ich Kropotkin das zweite Mal besuchte, waren wir einige Stunden zusammen. Damals entwickelte er mir im einzelnen seine Ansichten über die russische Revolution, über die Rolle der Bolschewiki und die Lehren, welche die Anarchisten und die Welt im allgemeinen daraus ziehen konnten. Er vertrat den Standpunkt, daß die Russische Revolution, was ihre Ziele und Möglichkeiten anbetrifft, größer und umfassender als die Große Französische Revolution war. Es ist zwar richtig, daß das russische Volk im westeuropäischen Sinne nicht so entwickelt ist, dafür aber ist es für eine Neueinteilung des Lebens empfänglicher. Der Geist, der die Massen während der Februar- und Oktober-Revolution beseelte, hat bewiesen, daß sie die großen Veränderungen bestanden, deren Verwirklichung ihre vereinten Kräfte erforderten, und sie waren bereit, ihr Teil zu tun.

Das Volk wußte, daß etwas Gewaltiges vor ihm lag, das es selbst erfassen, organisieren und dem seine Kraft die Wege ebenen mußte. Dieser Geist, obzwar durch Hunger, Entbehrung und Verfolgungen in Banden geschlagen, ist sogar jetzt noch lebendig im Volke. Der Widerstand, den es dem bolschewistischen Joch auf Schritt und Tritt entgegengestellt, ist der beste Beweis dafür. Die Bolschewiki auf ihrem Wege zur Macht, weit entfernt der Vortrupp der Revolution zu sein, wie sie vorgehen, waren vielmehr der Damm, an dem sich die steigende Flut der Volkskraft gebrochen hat.

Mit ihrer festgefaßten Idee, daß nur die Diktatur die Revolution lenken und verteidigen könne, verstärkten sie fortgesetzt ihre furchtbare Staatsmacht, welche heute die Revolution erdrosselt. Als Marxisten konnten sie nicht, noch werden sie jemals begreifen, daß die einzige Garantie für den Erfolg der Revolution in der geistigen Anlage des Volkes, sein eignes Wirtschaftsleben zu organisieren, enthalten ist. Im übrigen erklärte Kropotkin, daß er seine Ansichten über die Russische Revolution in seinem „Brief an die Arbeiter Europas" auseinandergesetzt habe, der, wie ich wohl annehmen darf, eine weite Verbreitung gefunden hat.

Kropotkin sprach auch von dem Anteil, den die Anarchisten an der Revolution genommen haben, von einigen, die ihren Tod fanden, von dem heroischen Kampfe vieler unter ihnen und von der Unverantwortlichkeit einiger wenigen. Vor allem betonte er, daß die Anarchisten sich für die aufbauende Arbeit während der Revolution besser vorbereiten müßten. Ich erinnere mich noch sehr deutlich seiner Worte:

„Wir Anarchisten haben sehr viel von der sozialen Revolution gesprochen. Aber wie wenige von uns haben sich die Mühe genommen, die nötigen Vorbereitungen für die unmittelbare Arbeit, die während und nach der Revolution geleistet werden muß, zu treffen. Die Russische Revolution hat uns die absolute Notwendigkeit solcher Vorbereitungen für praktische konstruktive Arbeit klar vor Augen geführt".

In einem Briefe an einen seiner nahesten Freunde erklärte Kropotkin, daß er zu der Ueberzeugung gekommen wäre, daß der Syndikalismus die wirtschaftliche Basis des Anarchismus sei, mit anderen Worten, das Bindeglied für die wirtschaftliche Organisation und der Ausdruck der im Volke schlummernden Kräfte während der revolutionären Periode.

Es war mir ein unvergeßlicher Tag. Leider war es der letzte, den ich in der Gesellschaft unseres großen, alten Mannes verleben sollte. Als man mich während seiner letzten Krankheit ersuchte, den Kranken zu pflegen, erreichte ich Dmitrow eine Stunde nach seinem Tode. Dank der üblichen bürokratischen Konfusion, Unfähigkeit und Verzögerung verlor ich

247

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

die Gelegenheit, Kropotkin einen kleinen Teil von dem vergelten zu können, was er mir alles getan hatte.

Zwei Dinge berührten mich tief bei Kropotkin während meiner beiden letzten Besuche: die Abwesenheit jedes bitteren Gefühls den Bolschewiki gegenüber und die Tatsache, daß er niemals auf seine eigne Not und Entbehrung zu sprechen kam. Erst nach seinem Tode erfuhr ich einige Einzelheiten über sein Leben unter dem bolschewistischen Regime. Früh im Jahre 1918 hatte Kropotkin eine Gruppe der fähigsten Spezialisten aus allen Zweigen der politischen Oekonomie um sich versammelt. Die Aufgabe dieses Zirkels war eine sorgfältige Untersuchung aller wirtschaftlichen Hilfsquellen, die Rußland damals zur Verfügung standen, das gesammelte Material in bestimmten Monographien zusammenzutragen, damit es beim Wiederaufbau des Landes praktische Verwendung finden könnte.

Kropotkin war der Chefredakteur des Unternehmens. Ein Band war zur Drucklegung vorbereitet, wurde aber nie veröffentlicht. Die „Föderalistische Liga" — so nannte sich diese Gruppe von Männern der Wissenschaft — wurde von der Regierung aufgelöst, das Material, das sie gesammelt hatte, konfisziert. Bei zwei Gelegenheiten wurde Kropotkins Wohnung requiriert und die Familie gezwungen, ein anderes Unterkommen zu suchen. Erst nach diesen Erfahrungen entschloß sich Kropotkin, nach Dmitrow überzusiedeln, wo er in einem unfreiwilligen Exil lebte. Sogar im Sommer war es schwierig, ihn zu besuchen. Man mußte sich eine besondere Reiseerlaubnis verschaffen, und dies erforderte viel Zeit und Mühe. Im Winter war es fast ausgeschlossen, ihn zu erreichen. So wurde der Mann, der früher in seinem Hause die besten und ideenreichsten Köpfe zu empfangen pflegte, zum Leben eines Einsiedlers verdammt.

Seine einzigen Besucher waren unglückliche Bauern, Dorfarbeiter und einige Intellektuelle, die ihm ihr tägliches Elend klagten. Ich erinnere mich, daß Kropotkin am Abend unseres Besuches von einem alten Freunde aus Moskau, einem Gelehrten, einen Brief empfing. Der Mann lebte mit seiner Frau und seinen zwei Kin-

dern in einer Stube. Eine kleine Lampe stand auf dem Familientisch, an dem die Kinder ihre Aufgaben machen und die Frau Manuskripte abschreiben mußte, während er selbst an einer Ecke des Tisches seine wissenschaftlichen Untersuchungen anstellte. Er war auf einem Platze beschäftigt, der zwölf Werst von seiner Wohnung entfernt lag und mußte diesen Weg täglich zu Fuß zurücklegen.

Kropotkin, der stets mit der Welt in Berührung war durch zahlreiche Publikationen in allen Sprachen, war nun gänzlich von dieser Quelle geistigen Lebens abgeschnitten. Er konnte sogar nicht erfahren, was in Moskau und Petrograd vor sich ging. Seine einzige Quelle, etwas Neues zu erfahren, waren die beiden Regierungsblätter Prawda und Istwestja. Indem er gezwungen war, in Dmitrow zu wohnen, wurde er in seiner Arbeit an seinem Werke über die Ethik stark behindert, da es ihm dort unmöglich war, die notwendigen Quellenwerke aufzutreiben. Mit einem Wort, Kropotkin wurde geistig ausgehungert, was für ihn zweifellos eine größere Folter war als physische Unterernährung. Er erhielt einen viel größeren Pajok (Ration) als die meisten anderen Leute. Aber sogar das war lange nicht genug, seine Lebenskraft zu bewahren.

Glücklicherweise erhielt er von Zeit zu Zeit von verschiedenen Seiten Unterstützung in der Gestalt von Lebensmitteln. So sandten ihm seine Freunde des Auslands und die in der Ukraine öfter Nahrungsstoffe. Aehnliche Geschenke erhielt er auch von Machno, den die Bolschewiki in jener Zeit als den Schrecken der konterrevolutionären Streitkräfte in Südrußland feierten. Am meisten machte sich bei ihm der Mangel an Licht und Brennstoffen bemerkbar. Als ich Kropotkin und seine Familie 1920 besuchte, schätzten sie sich glücklich, daß sie in mehr als einem Zimmer Licht brennen konnten. Teilweise in den letzten Monaten von 1918 und während des ganzen Jahres von 1919 schrieb Kropotkin an seiner Ethik bei dem flackernden Scheine eines kleinen Oellämpchens, so daß er von der Arbeit bald blind wurde.

Während der kurzen Tagesstunden pflegte er seine Notizen auf einer Schreibmaschine abzuschreiben, wo-

248

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

hei er jeden Buchstaben langsam und mit peinvoller Schwere herauspreßte. Trotzdem waren es nicht die eignen Nöte und Unbequemlichkeiten, die an der Lebenskraft Kropotkins zehrten. Es war die Not Rußlands, waren die ungeheuren Leiden rings um ihn, die Unterdrückung jedes selbständigen Gedankens, die Verfolgungen und Verhaftungen der Meinung wegen, die endlosen „Rastrels" auf das Volk, die das letzte Jahr seines Lebens zu einer tiefen Tragödie machten.

Wenn er wenigstens imstande gewesen wäre, etwas mithelfen zu können, um die Leiden zu lindern und die Diktatoren Rußlands zur Vernunft zu bringen. Aber er konnte nicht. Er konnte nicht, wie manche von der alten revolutionären Garde, mit den Feinden der Revolution gemeinschaftliche Sache machen. Sogar, wenn sich ihm die Möglichkeit geboten hätte, seine Proteste in der europäischen Presse erscheinen zu lassen, würden die Reaktionäre dieselben gegen Rußland ausgeschlachtet haben. Nein, er konnte das nicht tun. Und er wußte nur zu gut, daß jeder Protest an die bolschewistische Regierung fruchtlos bleiben würde.

Doch so groß war sein Schmerz, daß er sich bei zwei Gelegenheiten selbst an diese tauben Ohren wandte. Einmal protestierte er gegen die furchtbare Maßregel, Geiseln zu nehmen, das andere Mal gegen die vollständige Unterdrückung aller Verlagsunternehmungen, außer denen des Staates.

Seit die Tscheka ihre unheilvolle Tätigkeit begonnen hatte, hatte die bolschewistische Regierung die Methode des Geiselnehmens sanktioniert. Alt und Jung, Mütter, Väter, Brüder, Schwestern, sogar Kinder, wurden festgesetzt und oft erschossen für die Vergehen eines der ihrigen, von denen sie in neun von zehn Fällen nicht die kleinste Ahnung hatten.

Im Herbst 1920 drohten die Sozial-Revolutionäre, die nach Europa emigriert waren, Vergeltung zu üben, wenn man ihre Kameraden in Rußland weiter verfolgen sollte. Die bolschewistische Regierung veröffentlichte darauf in ihrer offiziellen Presse eine Erklärung, daß man für jeden Kommunist zehn Sozial-Revolutionäre hinrichten würde. Es war damals, daß die berühmte Revolutionärin Wera N. Figner und Peter Kropotkin ihren Protest an die regierenden Machthaber sandten. Sie erklärten, daß die Methode, Geiseln zu nehmen, einen Flecken auf dem Schild der russischen Revolution bedeute, daß sie ein Uebel sei, das bereits furchtbare Ergebnisse gezeitigt habe, und daß die Nachwelt den Urhebern einer solch barbarischen Methode niemals vergeben werde.

Der zweite Protest wurde erhoben, als die Regierung den Versuch machte, alle Verlagsunternehmen, sowohl politische, genossenschaftliche oder private, zu „liquidieren". Dieser Protest war an das Präsidium des damals tagenden Achten Allrussischen Sowjetkongresses gerichtet. Es ist interessant zu bemerken, daß Gorki, der selbst ein Mitglied des Kommissariats für Erziehung ist, fast am selben Tage einen ähnlichen Protest von Petrograd absandte.

Kropotkin betonte in seiner Darlegung die Gefahr, die eine solche Politik für jeden Fortschritt, in Wahrheit für jedes und alles Gedankenleben nach sich ziehen müsse. Ein solches Geistesmonopol des Staates müsse jede schöpferische Arbeit unmöglich machen. Die Lage in Rußland seit den letzten vier Jahren legt ein beredtes Zeugnis für die Wahrheit dieser Behauptung ab.

Eine der charakteristischsten Merkmale bei Kropotkin war seine Verschwiegenheit in allen Dingen, die ihn selbst betrafen. Während der 36 Stunden, die ich in seinem Hause in Dmitrow zubrachte, als er tot im Sarge lag, habe ich mehr von seinem persönlichen Leben erfahren als in all den Jahren, die ich mit ihm bekannt war. So wußten z. B. nur wenige, selbst aus dem intimeren Zirkel seiner Freunde, daß Peter Alexewitsch ein Künstler und Musiker von bedeutendem Talent war. Unter seinen Sachen fand ich eine ganze Sammlung seiner Zeichnungen, die von großer Kraft zeugen.

Er liebte leidenschaftlich die Musik und war selbst ein Musiker von nicht unbedeutenden Fähigkeiten. Einen großen Teil seiner Mußestunden brachte er am Piano zu. Zweifellos fand er in den Werken der Meister, die er mit tiefem Verständnis erfaßt hatte, Frieden und Vergessenheit.

Er lag in seinem Arbeitszimmer, wie in friedlichem Schlaf versunken, und seine Züge waren noch im Tode

249

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione Gian Giacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

so zart und gütig, wie sie im Lehen gewesen waren. Da lag er nun, dieser große Sohn Rußlands. In Sturm und Wetter war er der Revolution treu geblieben und würde sie nie aufgegehen haben. Er erlebte es nicht mehr, wie man in Rußland den Kapitalismus gleichsam als Monument auf dem Grabe der Revolution wieder aufgerichtet hat. Aber sogar dies würde ihm seinen inbrünstigen Glauben an die Auferstehung des Volkes und den endlichen Triumph der freiheitlichen Revolution nicht geraubt haben.

Das Schicksal Spiridonowas.

Das vorrevolutionäre Rußland stand einzig da in der Hervorhringung von Frauen der revolutionären Bewegung. Vor fast einem Jahrhundert waren es die Dekabristen, deren Frauen ihren Männern in die Verbannung folgten; und dieser Faden spann sich weiter bis in die letzten Stunden des Zarenregimes. Die russischen Frauen nahmen an den heroischen Kämpfen teil, sie gingen mit einem Lächeln auf den Lippen zur Zwangsarbeit oder zum Tode. Unter der großen Anzahl war eine der wunderbarsten Erscheinungen Maria Spiridonowa.

In den Jahren 1905 und 1906 war das Bauerntum Rußlands in großer Bewegung. In der Provinz Tamboff waren die Bauern durch die übertriebene Steuereintreibung und die Brutalität der Behörden sehr erbittert, sie erhoben sich gegen ihre Unterdrücker und steckten einige Güter in Brand. Der Gouverneur von Tamhoff, Luschenowsky, weit und breit wegen seines barbarischen Vorgehens berüchtigt, ließ ganze Dörfer durch Kosaken züchtigen. Die Bauern mußten halh nackt stundenlang im tiefen Schnee knieen, während Scharen von ihnen, die aufstanden, niedergemetzelt wurden. Maria Spiridonowa, damals noch ein blutjunges Mädchen, wurde von ihrer Partei, den Sozialrevolutionären, mit der Aufgabe betraut, den Vandalismus, der an den Bauern verübt worden war, durch die Tötung von Luschenowsky zu rächen.

Es war eine schwere Aufgahe. Luschenowsky war wohl bewacht. Mit einer Strafexpedition von Kosaken umgeben, reiste er seit Jahren umher, von Dorf zu Dorf, terrorisierte die Bauern und entzog ihnen das Letzte an Provision, um es für die Kriegführung gegen Japan abzuliefern. Aher all diese Schwierigkeiten

250

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

---

schreckten Spiridonowa nicht zurück. Verkleidet als Bäuerin wurde sie Luschenowskys Schatten. Sie hielt sich in Landstraßen und Eisenbahnstationen auf, denn sie war, wie sie erklärte, „auf der Suche" nach ihrem vermißten Manne, der Soldat war. Sie trotzte allen Gefahren, ertrug Entbehrungen und Kälte und hielt treulich an ihrem Vorhaben fest, ständig auf der Wacht hinter dem Gouverneur her, bis sich endlich eine Gelegenheit bot. Als der Zug, auf dem Luschenowsky sich befand, in die Station einlief, wo Spiridonowa geduldig wartete und er, von seinen Offizieren umgeben, auf den Bahnsteig trat, durchbrach Spiridonowa die Kette der Wache und erschoß ihn. Luschenowsky war tot.

*

Die russischen Zaren waren in der Behandlung weiblicher Revolutionäre ebenso brutal wie gegen Männer. In dem Falle von Spiridonowa überschritten die Menschenjäger des Zaren Nikolaus jedoch die Methoden von Iwan dem Schrecklichen. In dem Wartesaal der Eisenbahnstation wurde sie bis zur Bewußtlosigkeit geschlagen, ihre Kleider vom Leibe gerissen und dann in die Hände ihrer betrunkenen Wächter übergeben.

Diese machten sich ein Vergnügen daraus, ihren nackten Körper mit brennenden Zigaretten zu verletzen, sie mit Fußtritten zu traktieren und sie schließlich zu vergewaltigen. Mehrere Wochen schwebte sie zwischen Leben und Tod. Schließlich wurde sie zum Tode verurteilt.

Die Nachricht über die Mißhandlungen Spiridonowas brachten in der ganzen Welt Proteste hervor, und dadurch wurde sie vom Schaffot errettet. Das Todesurteil wurde in lebenslängliche Verbannung nach Sibirien umgewandelt. Nach den Angaben von Gerschuny kam sie dort fast als ein „Bündel rohes Fleisch" an. Durch die Pflege ihrer Kameraden wurde sie im Gefängnis wieder hergestellt. Es blieben ihr jedoch als Folge der furchtbaren Behandlung der sie ausgesetzt war — die Schwindsucht, eine verkrüppelte Hand und außerdem verlor sie die Sehkraft eines Auges. Indes,

obgleich ihr Körper geschwächt und gebrochen war, flammte ihr Geist weiter, wie vorher.

Die Februar-Revolution öffnete die Tore für alle politischen Gefangenen Rußlands. Auch Spiridonowa befand sich unter ihnen. Wer beschreibt ihre Freude, als sie die Freiheit begrüßte! Sie wollte jedoch das Gefängnis nicht verlassen, ehe sie die Gewißheit hatte, daß a l l e politischen Gefangenen befreit würden. Unter dem großen Jubel der Bevölkerung kam Maria Spiridonowa nach Rußland zurück. Sie setzte sich jedoch nicht in den Winterpalast, um sich zu mästen, sie wollte nicht auf ihren Lorbeeren ausruhen. Sie fand sich selbst in den hohen Wogen der sich türmenden Massenenergien wieder, insbesondere in der Bauernbewegung, denn die Bauern achteten sie und vertrauten ihr. Sie wurde Vorsitzende des Exekutivkomitees des allrussischen Sowjets der Bauernvertreter. Sie begeisterte, organisierte und leitete die neuerstandene Bewegung und Tätigkeit der Bauern. Viele alte Revolutionäre, die jahrelang den revolutionären Boden mit ihren Tränen und ihrem Blute befruchteten, konnten den Zug der neuen Zeit nicht fassen; Maria Spiridonowa jedoch war sich bald klar darüber, daß die Februar-Revolution nur das Vorspiel zu einer größeren und tieferen Veränderung sei.

Als die Oktober-Revolution gleich einer mächtigen Lawine viele der alten revolutionären Kämpfer überrannte, blieb Spiridonowa ihrem revolutionären Glauben treu und hielt sich stets in den Zeiten der größten Not an der Seite des Volkes. Sie arbeitete Tag und Nacht, immer im Dienste ihrer geliebten Bauern.

Sie war die Seele des Landwirtschafts-Departements und arbeitete einen Plan für die Sozialisierung des Landes aus. Das war ein Lebensproblem Rußlands zu dieser Zeit. Wie ihr zarter Körper und ihre schwachen Lungen diese furchtbaren Anstrengungen aushalten konnten, ist in der Tat ein Rätsel. Nur ihre große Willensmacht und beispiellose Ergebenheit konnten sie in dieser schweren Zeit aufrecht erhalten.

Bereits anfangs 1918 wurde Maria Spiridonowa gewahr, daß die Revolution von ihren Freunden stärker bedroht war, als von ihren Feinden. Die Bolschewisten,

BEST COPY AVAILABLE

251

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

zur Macht gelangt durch revolutionäre Parolen, die sie teils von den Anarchisten und teils von den Sozialrevolutionären geliehen hatten, schlugen bald andere Pfade ein. Der erste Schritt in dieser Richtung war der Frieden zu Brest-Litowsk. Lenin bestand auf der Bestätigung dieses „Friedens", nur „um der Revolution eine Atempause zu verschaffen". Maria Spiridonowa, gleich vielen anderen Revolutionären verschiedener Schulen, für welche die Revolution nicht nur ein Laboratorium für politische Experimente war, bekämpfte diese Bestätigung. Sie alle behaupteten, daß dieser Frieden den Verrat der Ukraine in sich schloß, die gerade damals begeistert und siegreich die deutschen Eindringlinge aus Südrußland vertrieb; daß er ferner die ausschließliche Herrschaft der bolschewistischen Partei über das russische Volk bedeutete, sowie die Unterdrückung aller politichen Bewegungen, daß er außerdem den bittersten Bürgerkrieg zur Folge haben würde, kurz, die Leninsche Atempause würde die vollständige Erstickung der Revolution mit sich bringen.

*

Auch viele andere Kommunisten waren zu dieser Zeit gegen den Brest-Litowsk-Frieden, denn auch sie sahen die Gefahr, die hierin lag. Sie wurden jedoch bald zur Annahme durch die eiserne Disziplin der Partei gezwungen. Lenin setzte sich durch, und der Leidensweg der russischen Revolution begann.

Noch in Amerika hörte ich viele sich widersprechende Nachrichten über das Schicksal Maria Spiridonowas in Sowjet-Rußland. Bei meiner Ankunft in Rußland zog ich sofort Erkundigungen über sie ein. Mir wurde von verantwortlichen Kommunisten mitgeteilt, daß ihr Nervensystem vollständig zerrüttet, daß sie an hysterischen Anfällen leide und daß sie „zu ihrem eigenen Besten" in einem Sanatorium untergebracht sei und „die beste Pflege" genösse.

Ich konnte mit ihr nicht eher als im Juli 1920 zusammenkommen. Sie lebte illegal, d. h. verborgen in Muskau, verkleidet als Bäuerin, genau so wie in den Tagen des Zarismus. Es gelang ihr, sich aus dem „Sanatorium mit der besten Pflege" zu befreien, das sich

als ein bolschewistisches Gefängnis erwies. Ich fand keine Spur von Hysterie bei Maria Spiridonowa. Ich fand eine Person in ihr mit dem größten Gleichgewicht, Selbstkontrolle und der schönsten Ruhe, wie ich sie bis dahin noch nie in Rußland antraf. Volle zwei Tage hielten mich bei ihr fest, um ihre Erfahrungen über die russische Revolution zu hören. Ich vernahm, wie das Volk sich begeistert erhob, die schönsten Hoffnungen und Müglichkeiten an die Revolution knüpfte und dann von der kommunistischen Staatsmaschine ins Elend und in Enttäuschungen hinabgeschleudert wurde. Sie sprach mit bewundernswerter Klarheit und mit großer Kraft der Ueberzeugung.

*

Jetzt hörte ich auch, daß sie von den Bolschewisten zweimal ins Gefängnis gesteckt wurde. Das erste Mal nach der Ermurdung von Mirbach, als die Bolschewisten den 5. Kongreß der Sowjets geschlossen hatten und die gesamte Fraktion der linken Sozialrevolutionäre verhafteten, die von Maria Spiridonowa geleitet wurde. Nach fünf Monaten freigelassen, wurde sie Ende Januar 1919 wieder verhaftet und in ein „Sanatorium" gesperrt — nicht weil sie hysterisch oder ihr Geist gebrochen war, sondern weil sie nicht den Schmeicheleien zugänglich war und nicht bestochen werden konnte, die sogenannte Diktatur des Proletariats anzuerkennen.

Sie sprach frei und frank zu dem Volke von der Gefahr, die der Revolution von den neuen Politikanten, den Bolschewisten drohte; und das Volk hörte ihr freudig zu. Die Bolschewisten behaupteten der Welt gegenüber, Spiridonowa hätte erklärt, die grimmigen Verfolgungen, die nach der Hinrichtung von Mirbach gegen die linken Sozialrevolutionäre einsetzten, seien darauf zurückzuführen, daß diese die Regierungsmacht zu erobern suchten. Sie verneinte leidenschaftlich und bestimmt, daß ihre Fraktion jemals die Absicht hatte, den Kommunisten die Macht streitig zu machen. Und diese ihre Worte sind durch eine Menge Dokumente belegt.

Spiridonowa und ihre Gesinnungsgenossen sehen in dem Frieden von Brest-Litowsk den größten Verrat an der Revolution. Sie betrachteten die Anwesenheit

252

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.— Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.— 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Mirbachs in Sowjet-Rußland als eine Beleidigung und als eine Bedrohung seitens des Imperialismus. Sie forderten offen zur Tötung von Mirbach und zur Erhebung gegen die deutschen Eindringlinge auf. Sie sahen die Revolution in Gefahr. Sie bekannten ihren Glauben offen, nie aber hatten Spiridonowa und ihre Kameraden Kenntnis oder gar Anteil an irgend einem Komplott zur Eroberung der Macht.

*

Nach der Tötung Mirbachs ging Spiridonowa selbst zur Sitzung des fünften Allrussischen Kongresses der Sowjets, um eine offizielle Erklärung ihrer Fraktion abzugeben. In dieser Erklärung wurde die Notwendigkeit und die Rechtfertigung für den Tod Mirbachs gegeben. Sie und ihre Genossen waren auf alle Folgen, die aus diesem Akte entstehen konnten, gefaßt. Die Bolschewisten verhinderten die Verlesung der Erklärung durch die Schließung des Kongresses und verhafteten die gesamte Bauernpräsentation mit Maria Spiridonowa an der Spitze.

Im September war die Tscheka wieder bestrebt, ihre Notwendigkeit für die Revolution durch eine ihrer periodischen Razzien und Entdeckungen von Verschwörungen zu erweisen. Bei der Razzia, die in Moskau stattfand, wurde der verborgene Aufenthaltsort Spiridonowas zufällig entdeckt. Sie war gerade an Typhus erkrankt und konnte nicht transportiert werden. Das ganze Haus wurde von einer schweren Wache umgeben und niemand von außen zu ihr gelassen.

Nachdem die Krise vorüber war, wurde Spiridonowa, obzwar sie immer noch sehr krank war, in das Gefängnishospital der Ossoby Odell (Geheimpolizei) gebracht. Sie befand sich aber noch in einer solch hilflosen Lage, daß eine ihrer politischen Freundinnen von den linken Sozial-Revolutionären, die sie noch von Sibirien her kannte, zur Pflege zugelassen wurde. Beide wurden der strengsten Bewachung unterworfen und waren von jeder Verbindung mit der Außenwelt abgeschnitten.

Im Juni 1921 gab sie in einem Briefe ein trauriges Bild von ihrem bedauernswerten Dasein. Die ständige Bewachung der „Genossen" von der Tscheka, die anhaltende Einzelhaft, die Beraubung von geistiger und körperlicher Nahrung vollendeten langsam, was die Foltern in der Zarenzeit nicht fertig brachten. Dazu kommen noch die Halluzinationen, daß sie von den Polizeibütteln des Zaren und den Tschekisten Lenins verfolgt sei.

*

Schließlich entschloß sie sich, keine Nahrung mehr zu sich zu nehmen, sie wünschte zu sterben. Die Tscheka drohte ihr zwangsweise Nahrung beizubringen und ließ dann auch auf die Forderung Spiridonowas zwei ihrer intimsten Freunde zu ihr. Diesen, Ismaelowitsch und Kamkoff, die selbst Gefangene waren, gelang es, Maria zu überreden, wieder zu essen.

Während der beiden Kongresse im Juli 1921 in Moskau (der III. Internationale und der Roten Gewerkschaftsinternationale) verteilten die Kameraden Spiridonowas ein Manifest an die ausländischen Delegierten. Dies Manifest wurde dem Zentralkomitee der Kommunistischen Partei und der Regierung übersandt und lenkte die Aufmerksamkeit auf den Zustand Spiridonowas. Es wurde ihre Freilassung gefordert, damit sie sich einer ärztlichen Behandlung und Pflege unterziehen könne.

Eine hervorragende ausländische Delegierte des Kongresses der III. Internationale bekam Gelegenheit, sich mit der Sache zu befassen. Sie sprach mit Trotzky in der Angelegenheit und dieser sagte, daß Spiridonowa noch zu gefährlich sei, um entlassen zu werden. Erst später, als Berichte über ihren Zustand in der sozialistischen Presse Europas erschienen waren, hat man sie unter dem Vorbehalt freigegeben, daß sie nach ihrer Genesung die Gefängnishaft nachholen müsse. Ihre Freunde, die sich jetzt ihrer angenommen haben, können nur zwischen der Alternative wählen, sie entweder umkommen zu lassen oder in die „allerbeste Pflege" der Tscheka zurückzugeben.

Maria Spiridonowa kann nur gerettet werden, wenn man ihr die Möglichkeit gibt, Rußland zu verlassen.

253

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Ihre Freunde machten diesen Versuch und forderten dies von der holschewistischen Regierung, bis jetzt aber vergeblich. 1906 rettete der Protest der ganzen zivilisierten Welt Spiridonowa das Leben. Es ist wirklich tragisch, daß ein ähnlicher Protest sich ihretwegen wieder notwendig erweist. Fern von den wachsamen Augen der Tscheka, von dem Leid und Weh des gequälten Rußland, irgendwo in reiner, freier Bergluft, kann Spiridonowa wohl noch genesen. Sie hat hundertfach Leiden ertragen, kann sie nicht noch dem Leben zurückgegeben werden?

*

Nachdem dieser Artikel bereits geschrieben war, richtete das Rote Kreuz Rußlands an den Präsidenten der Moskauer Tscheka (die jetzt politische Ochrana heißt) namens Unschlicht, das Ersuchen, Spiridonowa zu gestatten, Rußland zu verlassen. In seiner Antwort soll dieser redliche Verteidiger des bolschewistichen Staates gesagt haben, daß die Verhältnisse in Europa für Spiridonowa schädlich sein würden. Also kann man ihr nicht gestatten, das Land zu verlassen. Diese Entschuldigung Unschlichts ist sehr seltsam angesichts der Tatsache, daß die Verhältnisse in Europa für die Gesundheit der russischen Delegation in Genua keineswegs schädlich zu sein scheinen. Auch die zahlreichen Vertreter der Sowjetregierung in den Hauptstädten Europas sind nicht von den Verhältnissen angesteckt worden. Warum sollen also die europäischen Verhältnisse Maria Spiridonowa schaden?

Unschlichts Grund ist nur einer der vielen unverschämten Ausflüchte, deren sich die Bolschewisten stets bedienen, wenn sie sich aus einer unangenehmen Situation ziehen wollen. Sie sind nicht nur völlig unbekümmert um das Wohlergehen Spiridonowas, sondern haben im Gegenteil alles getan, um sie los zu werden, und sie würden sicher einen Seufzer der Erleichterung ausstoßen, wenn Spiridonowa ihnen den Gefallen täte, das Zeitliche ganz zu segnen. Nachdem sie vom Ossohy Odell freigegeben wurde, waren es wahrlich nicht die Bolschewisten, sondern das Rote Kreuz und ihre persönlichen Freunde, die für ihren Unterhalt sorgten.

Warum also mit einem Male die Fürsorge seitens Unschlichts.

Die Wahrheit in dem Falle Spiridonowas ist unverrückbar. In Rußland ist sie mundtot gemacht, in Europa kann ihre Stimme gehört werden. Herr Unschlicht weiß das, im Kreml weiß man dies auch, deshalb läßt man sie nicht aus Rußland. Die Arbeiter Europas dürfen sich aber mit den Entschuldigungen Unschlichts nicht zufrieden geben. Sie müssen von der bolschewistischen Regierung fordern, Maria Spiridonowa freizugeben. Das ist das wenigste, was ein revolutionärer Arbeiter tun kann für eine von denen, die so anhaltend und heroisch für die Freiheit in Rußland und in der Welt gekämpft haben.

Maria Spiridonowa, die sich weder von der zaristischen noch von der bolschewistischen Regierung bestechen, noch durch Schmeicheleien fangen ließ, sollte von dem revolutionären Proletariat fordern dürfen, daß es ihr aus der „zarten Pflege" und Fürsorge von Leuten wie Unschlicht und deren Regierung zur Freiheit verhilft.

254

890403000

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Die Ursachen des Niederganges der Russischen Revolution / Emma Goldman.– Berlin : Verlag "Der Syndikalist," 1922.– 41 p. ; 17 × 23 cm.

Obtained from the Fondazione GianGiacomo Feltrinelli, Milan, Italy.

Im gleichen Verlag sind erschienen:

Bakunin, Michael: Gesammelte Werke, Band I.
Barwich, Franz: Die Arbeiterbörsen des Syndikalismus.
— Der kommunistische Aufbau des Syndikalismus.
Bergfeld, Dr. Ludwig: Werde sehend liebe Schwester.
Bericht über den Internationalen Antimilitaristischen Kongreß im Haag 1921.
Kater, Fritz: Die Entwicklung der deutschen Gewerkschaftsbewegung.
Kropotkin, Peter: Landwirtschaft, Industrie und Handwerk.
— Die Eroberung des Brotes.
— Die historische Rolle des Staates.
— Gesetz und Autorität.
— Die Entwicklung der anarchistischen Ideen.
— Syndikalismus und Anarchismus.
Kropotkin-Beerdigungs-Album mit 32 Bildern und Einleitung von R. Rocker, in englischer und deutscher Sprache.
Mackay, John Henry: Sturm. Revolutionäre Gedichte.
Malatesta, Errico: Unter Landarbeitern, ein Zwiegespräch.
Nettlau, Dr. Max: Verantwortlichkeit und Solidarität im Klassenkampf.
Oerter, Fritz: Die freie Liebe.
— Was wollen die Syndikalisten?
Peter, Karl: Zersetzung des Weltkapitalismus.
Reitzel, Robert: Des „Armen Teufels" gesammelte Werke in Heften.
Roche, Karl: Einheitslohn und Arbeitersolidarität.
Rocker, Rudolf: Keine Kriegswaffen mehr.
Russel, Bertrand: Kunst, Wissenschaft und Sozialismus.
Souchy, Augustin: Wie lebt der Arbeiter und Bauer in Rußland.
Tobler, Dr. Max: Der revolutionäre Syndikalismus.
Tolstoi, Leo: Rede gegen den Krieg.
— Aufruf an die Menschheit.
Wegner, Armin Th.: Der Ankläger. Aufrufe zur Revolution.
Wehle, Gerhard F.: Christentum, Krieg und die Zukunft.
Witkop-Rocker, Milly: Was will der syndikalistische Frauenbund?

BIBLIOTECA MILANO G. FELTRINELLI

255

890801003

The Emma Goldman Papers

[To the proletariat of the world! In German] An das Weltproletariat! / Emma Goldman, *et al.* – pp. 1-2 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeter [Berlin]. –no. 37 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

Der freie Arbeiter

UND WOLLEN

Bezugspreise:
¼ jährlich per Streifband . . . M. 27.—
Für das Ausland . . . . . 40.—
Postabonnement . . . . . 15.—
exkl. Bestellgeld

Einzel-Nummer 4.— Mk.

Erscheint wöchentlich einmal.

Geschäftsstelle:
Berlin O 17, Bödikerstr. 30

15. Jahrg. 1922 | Publikationsorgan der Föderation der [illegible] | Nummer 37

Herdenvieh.

[illegible] Verfahren der [illegible], der [illegible] darauf- [illegible] so [illegible] zu [illegible] hinaus- [illegible] ver- [illegible] der [illegible] [illegible] [illegible]

890801003

The Emma Goldman Papers

[To the proletariat of the world! In German] An das Weltproletariat! / Emma Goldman, *et al.* — pp. 1-2 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeter [Berlin]. —no. 37 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

[illegible] mit dem Schlagwort von der Diktatur des Proletariats! Für eine ehedem revolutionäre Partei ist es ihrem Entwicklungswerden zu einer reaktionären Regierung nicht gefährlicher als die revolutionären Kräfte im Lande. Es geschieht aus diesem Grunde, daß die besten revolutionären Elemente mit einer wahrhaft asiatischen Grausamkeit zu Tode gehetzt und samt und sonders ausgerottet werden.

Massenverhaftungen der Revolutionäre aller Richtungen; der vielbetäubte Lynchprozeß der Sozialrevolutionäre und die fortlaufende Flut von Denunziationen und Anschuldigungen in der bolschewistischen Presse der ganzen Welt gegen jeden Kritiker ihres Systems — all dies sind die Glieder der Kette bolschewistischer Reaktion, die immer dichter um den blutenden Körper der von ihr vergewaltigten russischen Revolution und des Volkes gelegt wird.

Am barbarischesten jedoch ist die Verfolgung der anarchistischen Weltanschauung und Idee im bolschewistischen Rußland. In der Tat, nicht ohne Grund! Denn die Anarchisten, diese kompromißlosesten Revolutionäre und unerschrockensten Verteidiger revolutionärer Ideale und Ziele, sind die gefährlichsten Feinde der bolschewistischen Tyrannei und das größte Hemmnis für ihr reaktionäres Werk.

Aus den unterirdischen Verliesen, aus den Gefängnissen und Zuchthäusern des bolschewistischen Rußland gellt der Schrei unserer Kameraden um Hilfe zu den Arbeitern Europas und Amerikas!

Niemand ist mehr zu Tode gehetzt und gefoltert, niemand in größerer Not und mehr angewiesen auf die Solidarität des internationalen Proletariats, als die mitverhaftet hinsterbenden Anarchisten Rußlands. Sie haben mit ihrem Blut die Treue zur Revolution besiegelt. Zu tausenden sind sie mit ihren Fahnen in jeder revolutionären Kampfphase und an zahlreichen Fronten gefallen. Zu Dutzenden sind sie vom weißen Terror erschossen worden, und nicht weniger leiden durch die Hand der unverantwortlichen Tscheka. Und heute schmachten sie in großer Anzahl in den Gefängnissen der Bolschewisten oder sterben langsam an dem gefürchteten „Tsinga" oder an Hunger, im Exil Turkestans oder in den eisigen Regionen Archangels. Keinerlei Verbrechen kann ihnen zur Last gelegt, keine Anklage gegen sie erhoben werden, außer ihre Ergebenheit zu den Idealen der Revolution und ihre Treue zu den Interessen der arbeitenden Massen Rußlands.

Keine anderen verhafteten Revolutionäre haben einen größeren Anspruch auf sie, oder sind mehr der Hilfe der Arbeiter der ganzen Welt bedürftig. Andere sozialistische Elemente können sich auf die Hilfe der liberalen und reformistischen politischen Parteien außerhalb Rußlands stützen. So hat der Protest der öffentlichen Meinung Europas erst unlängst das Leben der seit Jahren verhafteten Revolutionäre gerettet, hat die Bolschewisten gezwungen, in ihrem mörderischen Vorgehen inne zu halten und den Angeklagten einen öffentlichen Prozeß zu gewähren. Jedoch Anarchisten, Anarchosyndikalisten und sonstigen Revolutionären des linken Flügels wird nicht einmal diese Kleinigkeit bürgerlicher Justiz gewährt. Es wird ihnen kein Prozeß gemacht, sie werden häufig, sogar ohne Erhebung einer Anklage gegen sie, ohneweiters erschossen.

Bezüglich unserer Kameraden in Rußland hat deren Lage einen Punkt erreicht, der die unverzüglichste und energischeste Aktion der organisierten Arbeiterschaft der ganzen Welt erfordert. Nur die Arbeiter können die Kraft, die Bolschewisten zu zwingen, ihre Taktik bezüglich der anarchistischen und anarchosyndikalistischen Bewegung Rußlands zu ändern. Die meisten derselben sind im Gefängnis, andere im Exil und es ist nur wenige Tage her, daß uns Kunde ward von [illegible] einer Anzahl neuer Verhaftungen unserer Kameraden in Petersburg und Moskau.

Ausschließlich zusammengestoppelte, erlogene Anschuldigungen, haltlose Behauptungen, sie des „Banditenwesens" zeihend, sind gegen unsere schon vor langer Zeit verhafteten Kameraden, wie Askaroff, Olga Taratuta, A. Baron oder gegen den gemordeten Lev Tschorny u. a., erhoben worden. Genau dieselben schwindelhaften Anschuldigungen wurden gegen die neuerlich verhafteten Kameraden erhoben werden, unter denen sich solche erprobte Revolutionäre befinden, wie Rubinschik, von der Gruppe „Golos Truda", wie Kolokolnikoff, der Jahre lang die Verantwortung der Versorgung Petersburgs mit Lebensmitteln zu tragen hatte, wie Nikitin, sein Assistent und zahlreiche andere.

Es ist der allenkundige Zweck der bolschewistischen Regierung, das letzte Ueberbleibsel revolutionärer Gedanken und Bestrebung in Rußland auszurotten — es ist an den Arbeitern aller Länder, diesem verruchten Tun Einhalt zu gebieten!

Die internationale Arbeiterklasse hat die Macht, ihren Willen durchzusetzen. Die „kommunistische" Partei Rußlands und mit ihr die „kommunistischen" Parteien aller Länder rufen fortwährend laut nach einer „Einheitsfront der Arbeiter". Wohlan denn, mögen die Bolschewisten zuerst einen Beweis ihrer Aufrichtigkeit geben, indem sie mit der Verfolgung des revolutionären Gewerkschaftsgedankens in Rußland aufhören! Die „Kommunisten" suchen das Zusammenwirken mit den revolutionären Gewerkschaftsgruppen Europas und Amerikas herbeizuführen. Man erhebe als erste und unerläßliche Bedingung einer solchen Zusammenarbeit diese: die sofortige Freigabe aller revolutionären politischen Gefangenen des bolschewistischen Systems! Schmach und Schande über eine angeblich „revolutionäre" Regierung, deren Gefängnisse gefüllt sind mit politischen Gefangenen und solchen der Arbeiterklasse; und zwar zu einer Zeit, wo der Bürgerkrieg zu Ende und die Regierung Ruslands schließt mit dem Kapitalismus und der Bourgeoisie!

Arbeiter der ganzen Welt, erhebt eure Stimme für Rußland! Fordert — sofortige und bedingungslose für alle revolutionären politischen Gefangenen. Diese Forderung ist eure edle Sache, die Zeit drängt. Es ist die Pflicht jeder Arbeiterorganisation, jeder revolutionären Gewerkschaft und syndikalistischen Körperschaft, aller revolutionären Organisationen im Allgemeinen, in dieser Angelegenheit an die sofortige Aktion zu schreiten. Der Geist der Revolution ruft dazu auf, die Notwendigkeiten der revolutionären Arbeitersolidarität erfordern dies von euch.

Im Hinblick auf eine erfolgreich zusammenzuwirkende Bewegung, unterbreiten wir allen Organisationen die folgenden Anregungen:

1. In jedem Land ist eine Freilassungswoche zu organisieren und durchzuführen. Während dieser Woche sollen öffentliche Versammlungen abgehalten und Resolutionen angenommen werden, in denen von der bolschewistischen Regierung die Freilassung aller revolutionären und proletarischen Gefangenen zu fordern ist.

2. Abschriften dieser Resolutionen sind an die hauptsächlichen russischen Gesandten der betreffenden Stadt und des Landes zu senden. Eine weitere Abschrift der Resolution ist auch an das Sekretariat der Ortsorganisation der „kommunistischen" Partei zu senden, wie an den internationalen Sekretär des russischen Initiativkomitees zur Befreiung aller politischen Gefangenen.

3. Eine rekommandiert zu sendende Abschrift der Resolution ist an folgende Adressen zu richten: Zentralkomitee der Kommunistischen Partei, Moskau; an den Vorsitzenden des Exekutivkomitees der 3. Internationale, Moskau; an den Generalsekretär des Exekutivkomitees der Roten Gewerkschaftsinternationale, Moskau; an den Sekretär des Zentralrates der allrussischen Gewerkschaftsvereinigung, Moskau; an das Allrussische Zentralexekutivkomitee der Arbeiter- und Bauern-Sowjets, Moskau; an Lenin, Präsident der Sowjets der Volkskommissare im Kreml, Moskau.

4. Eine systematische Preßagitation ist in jedem Land zu entfalten, zugunsten der russischen politischen Freilassung.

5. Ein internationales Gewerkschaftskomitee für weitere Aktion in dieser Richtung ist zu organisieren. Das Komitee soll aus Vertretern der revolutionär-gewerkschaftlichen und Arbeiterorganisationen, zwei von jedem Lande, bestehen.

6. Das Ersuchen ist zu richten an die bolschewistische Regierung, den Verhafteten einen öffentlichen Prozeß zu gewähren, zu dem ihnen eingeräumt sei, ihren Rechtsanwalt selbst zu wählen, wie auch als Beistand rechtliche Vertreter anderer Länder zu haben.

7. Das internationale Gewerkschaftskomitee — siehe Absatz 5 — möge das Recht der Einreise in Rußland haben, persönlich oder durch seine Vertreter, volle Freiheit und alle Hilfsmittel zur Untersuchung aller Fälle der verhafteten Revolutionäre, Vertretung bei den Vorvernehmen und Verhandlungen, wie auch uneingeschränkte Verkehrsmöglichkeit mit den Verhafteten, ihren Zeugen und Freunden.

8. Die Angelegenheit der Freilassung der russischen politischen Gefangenen, ist auf die Tagesordnung eines jeden zu kommenden Landes-, wie internationalen Arbeiterkongresses zu stellen.

Mit brüderlichen Grüßen:

Leonard D. Abbott, Alexander Berkman, C. J. Bjorklund, Michael Cohn, Sebastien Faure, Emma Goldman, I. H. Maximoff, Max Nettlau, Richard Oestreich, William C. Owen, Angel Pestagna, Pierre Ramus, Rudolf Rocker, A. Schapiro, Voline.

(Durch die vorgenannten Kameraden sind die folgenden Länder vertreten: Vereinigte Staaten von Amerika, Schweden, Frankreich, England, Rußland, Deutschland, Oesterreich, Spanien. Zur Zeit der Veröffentlichung hatten weitere Länder ihre Antworten noch nicht eingesandt.)

Katastrophen-Stimmung.

Es wird von manchen Leuten empfohlen, so zu leben, als ob man morgen tot sein könnte. Die Einen verlegen sich im Verfolg dieser Methode aufs Saufen und die Anderen aufs Beten. Im Endeffekt ist es dasselbe. Es lähmt den Tatendrang und macht untüchtig und unlustig zu Arbeit und Unternehmung.

Der Gedanke macht heute in Deutschland Schule. Alle tun so, als ob es morgen aus wäre. Staatsbankrott und ähnliche unheimliche Gespenster, von denen man keine klare Vorstellung hat, spuken in den Köpfen. Eine Massensuggestion ist da, eine Art Panik, die alle eigene Ueberlegung und Initiative ausschaltet. Die Einen werden hemmungslos und die Anderen verfallen in Lethargie. Was man so intensiv befürchtet, führt man natürlich, wenn auch unbewußt, selber mit herbei.

Man hat es erst neulich nach dem Rathenau-Mord gemerkt, was es heißt, in Panikstimmung zu leben. Die Furcht vor dem Sturz der Mark gab eine wahnsinnige Jagd nach Devisen. Der Sturz der Mark war unbegreiflich katastrophal, das Ausland „folgte nur zögernd". Genau so ist es auf dem Warenmarkt. Die Konsumenten steigern sich durch ihre

---

Mutterliebe.

Die Betreffende leidet gerne. Es gibt ja Menschen, die mit jeder Kleinigkeit ihre Mitmenschen belästigen, sich von ihnen abhängig machen müssen.

Dies „Sich-Abhängigmachen", wie sehr mir das zuwider ist! Doch, nicht vom abhängig machen oder abhängend sein, soll in diesem Artikel geredet werden, sondern, von Mutterliebe.

Die Betreffende leidet sich oft meine Nähmaschine — ein recht schweres Kaliber. Einmal kam die Leidende zusammen mit ihrer Tochter, ein kräftiges, beinahe vollkommen ausgewachsenes junges Mädchen, im bürgerlichen Sinn: junge Dame, fast achtzehnjährig.

Diese Achtzehnjährige müßte damals das leichtere Ende der Nähmaschine fassen, da, wo nicht das Rad ist. Hier hob die Mutter. Zu nur gewendet hat dann noch diese: „Tragen Sie da noch bischen bei meiner Tochter, Frieda (die Tochter) könnte es doch zu schwer sein".

—

Heute wird wieder die Nähmaschine geliehen, und zwar kommt die Nachsuchende diesmal zusammen mit ihrer „Stütze der Hausfrau", Frieda, die Arbeitertochter, das zwölfjährige Schulkind.

Und heute ist's das gerad' Umgekehrte: während Frieda das leichtere Ende zu heben bekam, kriegt Frieda das schwerere. Die Frau nimmt das leichte.

Ich greife zu, um dem Kinde, das — nebenher gesagt — nicht zart, matt und viel abgearbeitet aussieht, zu helfen „der nicht möge", meint darauf die Leidende zu mir gewendet, „Frieda ist stark".

—

Mutterliebe! Wie mit so vielem Edlen, wird auch mit ihr, so oft Begriffe hineingetragen. Mütterliche sagt viel, sagt getrieben.

Selbstbetrug und Selbstverblendung, betrügt euch, [illegible] Mutterliebe heißt

Eine Mutter, die ihr Kind liebt . . ., ich brauche nicht sagen „wirklich" heute; Liebe ist Liebe. Ohne Steigerung, ohne Grad, auch ohne das „wirklich". Eine solche Mutter nun liebt gleichsam auch das Kind einer jeden anderen Mutter.

Das Kind liebt die Mutterliebe. Das Wesen ihrer großen Mutterliebe ist groß, allumfassend. Fürsorge unterbreitende, das so hilflose, noch unselbständige Wesen liebt Mutterliebe.

Liebe . . ., Mutterliebe kennt, nein Mutterliebe duldet keine Unterschiede. Sie liebt das Kind. Nicht das leibliche Kind mehr, denn das fremde.

Welche Mutterliebe widerspricht, die hat noch nie . . . Mutterliebe erfaßt.

Das ist's, eure Mutterliebe seliges Geplärr! Ihr alle liebt nicht, Frauen, Mütter. Weil ihr euer Kind nicht liebt, darum behaupten ihr, euer Kind vor dem Kind einer anderen Frau zu lieben. So spricht aber nicht die Mutterliebe . . . Ihr seid verwirrt — das ist eure Mutterliebe.

Das ist eure Liebe, euch selber in euren Kindern zu verherrlichen. Persönlichkeit eurer selbst betreibt ihr . . . Mutterliebe? — Eigenliebe.

Darum wollt ihr Gesundheit, Kraft, Wohlstand gerade eures Kindes, damit ihr — Falschheit im Weib! — euch plustern und brüsten könnt. Sonnen wollst du dein Selbst, Mutter, im Schein deines Kindes . . . Talmimutter! . . . Mutterliebe!

— — —

Mutterliebe ist grenzenlos; für sie gibt's keine Schranken, kennt nicht eigenes oder fremdes Kind; sie kennt nur das Kind. Solange du aber ein leibliches Kind in den Himmel hebst und das Kind der anderen Frau in die Hölle stoßt, solange ist euer keuscher Augenaufschlag — Mutterliebe, Betrug, schmählicher, abscheulicher Selbstbetrug. Pfänder ist sie uns! Protzentum, Kitsch und Spinnen — Schmuck für eure persönliche Eitelkeit.

Mütterliche ist Eigennutz, ihr aber nennt euer Kind, nur euren Eigennutz: Mutterliebe ist Fürsorge. Wo bleibt denn aber deine Fürsorge, du, Weib, beispielsweise für Frieda, das so früh schon versklavte kleine Wesen?

— — — — —

Geht, Schlange, Weib, alle ihr Mutterliebeverderberinnen! Falls wirklich Mutterliebe im Herzen der Frau unserer Zeit war', ganz gewiß, sie hätte es fertig gebracht . . . Mutterliebe ist so stark, die Pforten der Hölle kann sie überwinden . . . und jene Hölle, die ungeheuerliche, den entfesselten Weltkrieg ungeschehen gemacht zu haben, die Mutterliebe hatte das fertig gebracht.

Geht mit: Helden und Ehren und Vaterland, der Mutterliebe gilt nichts, auch nicht das Vaterland, ihr gilt das Kind. Das Kind hätte sie bewahrt, die Mutterliebe. Nein, nein, auch dem „Vaterland" hätte sie es nicht auf den Altar gelegt, wenn ihr sie besessen hättet, Frauen, Mütter von heute — die Mutterliebe.

Seht eine Henne. Mit ihrem Leben — Sein oder Nichtsein! — setzt sie sich dem entgegen, der eines ihrer Küchlein zerreißen will.

Ihr Frauen, Mütter . . . Mütter aller Länder, hattet alle Formalitäten, alle Prüderie und allen Haß bei Seite gedrückt, die Umzäunungen hättet ihr zerrissen, einheitlich, ein einziges, kolossiges Etwas, Mutterliebe — wäre da hervorgestürzt. Und diese Mutterliebe hätte sich vor die Weltkanonen gestellt und — nicht sie wäre zermürbt, sondern: diese Mutterliebe hätte die Weltkanonen ihre Feuerschlunde schließen heißen, alle die Menschenmordmaschinen ins Unmöglichsein versenkt. Mutterliebe hätte das getan; aber ihr besaßet, ihr besitzt keine Mutterliebe. Erkennt eure Vernarrtheit — Mutterliebe. Ihre Leibesfrucht hat sie dargebracht, sie zerfetzen lassen — grausam eure Mutterliebe.

Voll „Stolz" hat sie dargebracht. Ihr Bestes gegeben . . . Weib! Wenn du Mutterliebe besäßest, — wenn du Mutterliebe wärest, das Kind wäre dem Bestes.

Aber bei euch wärs anders, Frauen, Mütter aller Länder, was alles war euch wertvoller, so wertvoll, daß ihr voll „Stolz" Kinder abschlachten heißet.

Um das Kind der Mutter jedes anderen Landes zu überholen, es mordet, es kalt zu machen, darum gab eure „Mutter-

BEST COPY AVAILABLE

257

890801002

The Emma Goldman Papers

[Against the impending crimes of the Russian and Polish governments. In German] Gegen das bevorstehende Verbrechen der russischen und polnischen Regierungen / Emma Goldman, *et al.* – pp. 1-2 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. – no. 43 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

Der freie Arbeiter

WISSEN UND WOLLEN

Bezugspreise:
¼ jährlich per Streifband . . . M. 75.—
Für das Ausland . . . . . 120.—
Postabonnement . . . . . 30.—
unter Nachzahlung einer ev. Differenz am Quartalschluss.

Einzel-Nummer 6.— Mk.

Erscheint wöchentlich einmal.

Geschäftsstelle:
Berlin O 17, Bödikerstr. 30

15. Jahrg. 1922 | **Publikationsorgan der Föderation der kommunistischen Anarchisten Deutschlands** | **Nummer 43**

I. I. S. G. COLLECTIE

Fauler Zauber.

Tiefe Einblicke in das wahre Wesen des Parlamentarismus und der Demokratie erhält der aufmerksame Beobachter bei Betrachtung der deutschen Innen- und Außenpolitik. Hier ein paar Bildchen:

Nr. 1.

Der provisorische Reichspräsident und Sozialdemokrat Fritz Ebert drängt — angeblich — auf die Vornahme der in der Verfassung vorgesehenen Wahl des Reichspräsidenten, für die Dauer von 7 Jahren. Die Regierungsparteien, an der Teete die S. P. D., verlangen die Anberaumung der Wahl auf den 3. Dezember. Die S. P. D. erklärt, daß sie auf jeden Fall die Wahl verlangen würde — und auch die Deutsche Volkspartei — die Partei Stinnes, die zwar nicht offiziell, aber hinter den Kulissen desto mehr Regierungspartei ist, erklärt sich zunächst gleichfalls für sofortige Neuwahl, schwenkt dann aber um, und läßt verlauten, daß sie in eine Verlängerung der Amtsdauer Eberts willigen würde. Sie kann das ja unbesorgt, denn wie ihr Stresemann und andere bürgerliche Klopffechter im Reichstage erklärten, ist Ebert ganz ein Reichspräsident nach dem Herzen der Bourgeoisie. Bereitwilliger wie er könnte kaum ein wilhelminischer Statthalter Ausnahmegesetze gegen die Arbeiter erlassen oder die Umbiegung von Gesetzen zum Schutz der Republik, in solche gegen die Republikaner und deren Presse dulden. Das Zentrum schloß sich dem Vorschlag der Deutschen Volkspartei an, die S. P. D. markierte noch eine Weile „demokratisches Gewissen", war aber zur Aufgabe dieser eitlen Schaumschlägerei bereits längst entschlossen — denn die Chancen einer eventuellen Präsidentenwahl werden für diese Partei des organisierten Arbeiterverrats und des Brudermordes unter der Wirkung der steigenden Not immer schlechter.

Die Dritte im Bunde der drei Regierungsparteien, die demokratische Partei, zierte sich am längsten, umzufallen. Schließlich kam der Kuhhandel — programmäßig — zum Abschluß, Ebert darf der Stinnes-Republik bis 1. Juli 1925 weiter präsidieren, weiter seine Standarte führen, täglich seine Wahlparade genießen, und auch sonst weiter die wilhelminische Tradition wahren. Dafür tritt die Stinnes-Partei demnächst auch offiziell in die Reichsregierung ein. Schon nennt man Namen, für die ihr zugesicherten Ministerposten.

Bissig bemerkt die „Berl. Voss. Ztg." dazu:

„Aber das Problem ist von den Parteimathematikern inzwischen anders gelöst worden."

Nr. 2.

Das Brot ist dem arbeitenden Volk im Laufe eines Jahres bereits um das Sechsfache verteuert worden.

Aber nicht genug — die Wucherer, die noch zu keiner Zeit und nirgends ein so üppiges und herausforderndes Leben treiben konnten wie heute in der Republik Eberts I und der koalierten Demokraten von Wirth bis Breitscheid-Crispin, sie sind mit den ungeheuer hochgeschraubten Preisen noch längst nicht zufrieden. Die Agrarier, denen es bekanntlich so schlecht geht, verlangen eine nachträgliche Vervierfachung der Preise für das erste Drittel des Umlagegetreides. Schon jetzt kostet das markenfreie Brot 200 Mark. Wird dem Verlangen der Agrarier nachgegeben, dann kommt das Markenbrot mindestens noch höher als 200 Mark zu stehen. Die S. P. D. hat denn auch hundert Eide (von jener Sorte, die man in Bayern nach der Elle und mit „Blitzableitern" leistet) geschworen, daß sie mit „allen Mitteln" diesen Anschlag auf das Leben hunderttausender Proleten abwehren würde. Wette: sie wird auch diese Liebesgabe für das nimmer satte Wuchererpack schlucken und sich erneut als willfährigster Pudel der Bourgeoisie erweisen. Im Berliner Tageblatt (vom 19. 10. 1922) kündigte Erich Dombrowski in der Frage der Vervierfachung der Getreidepreise an:

„Wenn der Gesetzentwurf nach der ersten Lesung auch zunächst nur an den Außschuß gegangen ist, so dürfte die Sozialdemokratie zwar noch weiter gegen die Preisheraufsetzung kämpfen, sich bei der Abstimmung aber schließlich überstimmen lassen, ohne daraus große politische Konsequenzen zu ziehen und aus der Regierung auszuscheiden, wie sie es ursprünglich angedroht hatte."

. . . . . „Der Weg ist freigemacht für die große Koalition." . . . . .

Dieses freche parlamentarische Gaukelspiel läßt sich das deutsche Proletariat nun schon jahrelang gefallen, ohne mit den Gauklern ernsthaft Fraktur zu reden. Wann endlich werden es die Proleten begreifen, daß die Befreiung der arbeitenden Klasse wirklich nur das Werk der Arbeiter in Person und nicht ihrer Parlaments-, Partei- und Verbandsheiligen sein kann?

* * *

Zu der Frage der Brotverteuerung bringt der „Vorwärts" am 22. Oktober eine Kampfansage an die Wuchererparteien. In dem Artikel „Der Kampf um den Umlagepreis" verlangt das Zentralorgan für Arbeiterverdummung und Bragenverkleisterung stirnrunzelnd „die restlose Erfassung aller inländischen Lebensmittel" und droht versteckt sogar (man staune über soviel Heroismus —, theatralischen allerdings —) mit Austritt aus der Regierungskoalition.

„Die sozialdemokratische Fraktion tritt am Montag vor Beginn der Plenarsitzung des Reichstages zwecks Stellungnahme zu diesen Fragen zusammen. Wir sind sicher, daß sie keinen Zweifel daran lassen wird, daß das gewissenlose Treiben der Besitzenden, denen der Marksturz nur ein willkommener Anlaß zu Preissteigerungen ist, die entschiedenste Abwehr verlangt, und daß auf die Dauer ein Zusammenarbeiten mit bürgerlichen Parteien, die sich willenlos zu Schleppenträger einer solchen Politik machen lassen, nicht möglich ist. Jede Koalition verliert ihren Sinn, wenn ihre Politik die eines Bürgerblocks gegen die Arbeiterklasse zu werden beginnt."

Ob nach den vielen Erfahrungen, die das Proletariat mit der S. P. D. und ihrer Roßtäuscherpolitik schon hat machen müssen, noch viele Arbeiter das radikale Getue des „Vorwärts" für bare Münze nehmen werden?

Gegen das bevorstehende Verbrechen der russischen und polnischen Regierungen.

Aufruf der Anarchisten und revolutionären Syndikalisten an das werktätige Volk aller Länder!

Bruder, Arbeiter! Die russische kommunistische Partei, welche durch einen ungeheuren Terror die Macht im Lande erreicht hat und bis zum heutigen Tage die Anarchisten und die revolutionären Syndikalisten in massenhaftem Maßstabe vernichtet, versucht jetzt mit allen möglichen Mitteln des Genossen Nestor Machno — den heroischen Kämpfer und Führer der revolutionären Arbeiter und Bauern-Aufständischen der Ukraine — habhaft zu werden, um ihn auf diese oder jene Art zu töten.

Im Jahre 1921 mußte Nestor Machno, da er von einer großen Sowjet-Armee umringt wurde, die rumänische Grenze überschreiten. In Rumänien wurde man seiner habhaft und man sperrte Nestor Machno in ein Konzentrationslager ein. Die Sowjet-Regierung hatte von der rumänischen Regierung seine Auslieferung intensiv verlangt, und hätte das erreichen können, wenn nicht im Frühjahr 1922 Machno aus Rumänien geflohen wäre. Da er sich nach Polen begab, wurde er von den polnischen Regierungsmachthabern ebenfalls wieder verhaftet und in ein Lager gesperrt um ihn für seine Tätigkeit in dem Befreiungskampfe vor das Gericht zu stellen. Während seines Aufenthaltes im polnischen Lager, stand Machno immer vor der Gefahr nach Russland ausgeliefert zu werden. Die letzten Zeitungsberichte melden, daß Machno aus dem polnischen Lager nach der Warschauer Festung überführt wurde. Dieses spricht alles dafür, daß die polnische sowie die russische Sowjet-Regierung gegen Machno einig wurden; er kann entweder in Polen getötet werden, oder für denselben Zweck der russischen Regierung ausgeliefert werden. Es besteht nun dadurch tatsächliche und ernste Gefahr für den Genossen Machno — diesen hervorragensten Revolutionär, der aus den Kreisen des arbeitenden und ausgebeuteten Volkes stammt. Die Arbeiter aller Länder sind verpflichtet, dem Kameraden Machno zu Hilfe zu kommen, sie müssen was in in ihren Kräften liegt aufbringen, um das bevorstehende Verbrechen der russischen und der polnischen Regierung zu verhindern.

Die russische Revolution war vom ersten Tage ihrer Entfaltung an, ein Gegenstand der heißen Hoffnungen der gesamten arbeitenden und ausgebeuteten Menschheit. Die mächtige Umwälzung im Oktober 1917, die anscheinend den Kapitalismus in Russland zuschlagen hatte, schien allen Ausgemergelten als Anfang einer sozialen Weltrevolution. Daher sind wir Anarchisten stets, da wir geistig und organisatorisch der russischen Revolution beigestanden hatten, den Angriffen der lokalen Bourgeoisie und deren Parteien entgegengetreten.

Aber die kommunistische Partei, die in Russland die politische Macht ergriffen hatte, nahm auch sofort gegen jede oppositionelle und revolutionär gesinnte Richtung in dieser Umwälzung Stellung, sowie gegen jeden, der sich nicht ihrem Willen und ihrem Programm fügte. In dem Augenblick, wo sie gegen die rechte Strömung ankämpfte, setzte sie auch eine ungeheure und erbarmungslose Verfolgung gegen die Anarchisten und revolutionären Syndikalisten, gegen die Arbeiter und Bauern, welche die Idee der Unabhängigkeit und des Selbstverwaltungsrechtes in der Produktion, sowie in der Konsumtion verteidigten, ein.

Es ist schauderhaft, — aber es ist so!

Der kommunistische Machtapparat, welcher sich „Arbeiter- und Bauern-Regierung" nennt, verfolgt unaufhörbar die besten Kämpfer des Proletariats und unterdrückt die breiten Massen der Arbeiter und Bauern, welche sich nicht in die Partei-Schablone einpressen fassen.

890801002

The Emma Goldman Papers

[Against the impending crimes of the Russian and Polish governments. In German] Gegen das bevorstehende Verbrechen der russischen und polnischen Regierungen / Emma Goldman, *et al.*— pp. 1-2 ; 34 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. —no. 43 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

Eine solche Reaktion innerhalb der revolutionären Bewegung konnte nicht den aktiven Widerstand von Seiten der klassenbewußten Bevölkerung vermeiden. Ein Volk, das eine ungeheure Umwälzung vollbrachte, mußte mit aller Energie für das Erhalten der eroberten Rechte den Kampf auch weiter führen. In der Ukraine entwickelte sich dieser Kampf in Form eines bewaffneten Aufstandes der Arbeiter und Bauern. Diese Bewegung, welche eine historische Bedeutung trägt, richtete sich nicht nur gegen die Diktatur der Bolschewisten, sondern auch gegen die Diktatur anderer politischer Richtungen, der monarchistischen und der demokratischen. Der Grundgedanke dieser Bewegung war: den Grund und Boden, sowie Produktionsmittel den Arbeitern zu überlassen und hieraus eine allgemeine wirtschaftliche Organisation nach dem Prinzipe der Selbstverwaltung der Arbeiter und Bauern zu schaffen.

Nestor Machno, der Sohn eines besitzlosen Bauern, Anarchist seiner Ueberzeugung nach, der bereits in der Revolutionsperiode 1905—07 zu lebenslänglicher Zwangsarbeit verurteilt wurde, war mit einer der ersten aktiven Kämpfer in den Reihen der revolutionären Volkserhebung in der Ukraine.

Er wurde demnach einer der tüchtigsten Leiter der Bewegung.

Nachstehend geben wir einen kurzen Bericht über die Tätigkeit und das Wesen dieser Bewegung:

Im Frühjahr 1918, auf Grund des Brest-Litowsker Vertrages, welchen die Bolschewisten mit der imperialistischen deutschen Regierung abgeschlossen hatte, wurde die Ukraine von der österreichisch-deutschen Armee okkupiert. Diese Besatzungsarmee brachte es dahin, daß die Großgrundbesitzer und Generäle im Lande ein monarchistisches Regime in der Person des Hetmann Skoropadski einsetzten. Die Arbeiter und Bauern wurden dadurch vollständig der Macht dieses Regims ausgeliefert. Die Arbeiter und Bauern aber erhoben sich und beseitigten dieses Regim, ohne dazu von irgend einer politischen Richtung geleitet und beeinflußt zu werden. Sie zerschlugen die Besatzungsarmee und haben damit der weiteren Entwickelung der Revolution freie Bahn gegeben. Die Armee der aufständigen Machnowisten, welche durch Genossen Nestor Machno geleitet wurde, war ein Zentralpunkt der Volkserhebung, die der Besatzung der Armee Hetmann den Todesstoß versetzte.

Kaum, daß die Niederwerfung der Skoropadski-Herrschaft erfolgte, rückten neue, konterrevolutionäre Truppen unter der Leitung des Generals Denikin von Kaukasus ein. Die Armee der aufständigen Machnowisten hatte bei Tagamog eine Front aufgestellt, welche über 100 Werst Breite hatte. Im Laufe von sieben Monaten, dh. November 1918 — Juni 1919, hat die aufständische Armee den ungeheuren Druck der Konter-Revolution zurückgehalten, bis nun endlich die verbrecherische Politik Trotzkis es dahin gebracht hatte, daß der Widerstand der Machnowisten nicht mehr zu halten war und der Feind in das innere Land eindrang. Da Trotzki nicht imstande war, die Tätigkeit der revolutionären Massen der Ukraine zu brechen, hat er am 4. Juni 1919 die ganze Aufstandsbewegung und Nestor Machno außer dem Gesetze gestellt. Er erklärte dabei, er hätte lieber die ganze Ukraine dem General Denikin übergehen, um bloß die Entwickelung der machnowistischen (anarchistischen) Idee zu verhindern. Infolge des Angriffes Denikins einerseits, und der roten Armee Trotzkis andererseits, war Machno gezwungen, den Rückzug nach Westen zu machen. Als später Denikin die Stadt Orel erreichte, und mit seiner Armee Moskau zu nehmen drohte, hatte Machno es verstanden, alle revolutionären Kräfte wieder zusammen zu lassen und den Feind vom Süden der Ukraine aus in den Rücken zu fallen. Er vernichtete sämtliche Reserven dieser Armee und erbeutete somit alles, womit die Denikin-Armee ausgerüstet war. Somit wurde der ganzen Konterrevolution Denikins ein Ende gemacht. Als Denikin seinen Rückzug aus Groß-Rußland machen mußte, geriet er vollständig in die Hände der Revolutionäre und verlor somit die letzten Kräfte, welche sich um ihn scharten.

Bei der Liquidation der neuen Affäre General Wrangels hatte Machno dieselbe Rolle gespielt. Im Laufe des Jahres 1920 befand er sich fortwährend zwischen den Angriffen der Wrangelschen Truppen und andererseits war er den bolschewistischen Angriffen ausgesetzt. Im selben Jahre waren die roten Truppen durch den Druck der Wrangel-Armee gezwungen, größere Gouvernements in Rußland zu räumen. Wrangel besetzte: Melitopol, Alexandrowsk, Sinelnikowo, Berdjansk und andere große Städte, und drohte den ganzen Don-Bezirk in die Hände zu nehmen. Um die Niederwerfung der Wrangelarmee herbeizuführen, war die Sowjet-Regierung gezwungen, einen politischen und militärischen Vertrag mit Machno zu schließen, wobei die Sowjetregierung sich verpflichtete:

a) Die Freilassung sämtlicher Anarchisten und Machnowisten zu vollziehen,

b) den Anarchisten die Verbreitung ihrer Ideen nicht zu unterdrücken,

c) den Arbeiter- und Bauern-Organisationen des Machno-Gebietes, die Sowjetamter in der Selbstverwaltung freizustellen.

Nachdem dieser Vertrag abgeschlossen war, griffen die machnowistischen revolutionären Truppen an, befreiten die Süd-Ukraine vom Feinde und drangten ihn in die Krim hinein, indem sie die Meerenge Siwasch übergingen. In allen Kämpfen gegen jeden Angriff der Revolutionsfeinde, sicherten die Machnowisten das Prinzip der Unabhängigkeit und des Selbstbewußtseins. Aus dem obenerwähnten Vertrage ist dies ersichtlich. Dieser Vertrag wurde im Oktober 1921 in Charkow von den Machnowisten (Genossen Popoff und Kurylenko) und von den Bevollmächtigten der Sowjetregierung Bela-Kuhn, Ginsseff, Jakowleff und Frunse (heute Stellvertreter Rakowskis) unterzeichnet.

Die Herrschaft der kommunistischen Partei, wie jede Herrschaft, konnte niemals mit einer freiheitlichen Bewegung, wie dies die machnowistische Bewegung war, Hand-in-Hand gehen. Sofort als Wrangel besiegt wurde, griff sie wieder verräterisch die Machnowisten an und versuchte, die ganze Bewegung mit militärischen Kräften zu vernichten. Der Machnowismus und der Bolschewismus sind zwei Gegensätze. Wo die ersteren die Selbstverwaltung erstrebten, forderten die Kommunisten die Unterwerfung mit Zwang und Diktatur. Auf diesem Boden entstand der Kampf zwischen ihnen.

Als eine niederträchtige Lüge stellt sich die Behauptung der Sowjetregierung heraus, daß Machnowisten Banditen und Antisemiten sind. Die Machnoarmee war die einzigste, die vollständig fremd aller Akte des Antisemitismus blieb und solche Akte stets und streng verfolgte.

Jetzt, wo die große russische Bewegung der Arbeiter und Bauern zeitweise durch die Diktatur der Sowjetmacht vollständig niedergeschlagen ist, setzt die letztere alles ein, um dem Genossen Nestor Machno den Garaus zu machen. Diese Regierung kann nicht ruhig sein, daß dieser Mann lebt und mit seinem Namen die revolutionären Bestrebungen anfacht.

Brüder, Arbeiter! Wenn wir die gemeinen Absichten der Sowjetregierung, einen der hervorragensten Revolutionäre, wie Nestor Machno, abzuschlachten, verhindern wollen, so müssen wir die ganze denkende Menschheit, die ganze Welt zum Protest aufrufen.

Möge jeder Arbeiter in seiner Organisation, möge jede Fabrik dahin wirken, daß sich ein Protest erhebt gegen jede Unterdrückung der Menschheit und für die Befreiung Nestor Machnos und aller anderen Revolutionäre.

In jedem Lande, wo es eine russische und polnische Vertretung gibt, haben die revolutionären Arbeiter die Pflicht, mit allen ihnen zu Gebote stehenden Mitteln, die Auslieferung Nestor Machnos zu verhindern.

Es lebe die internationale Solidarität der gesamten ausgebeuteten Menschheit!

Es lebe die soziale Revolution!

Rudolf Rocker. Alexander Berkmann. Emma Goldmann.
Föderation der kommunistischen Anarchisten Deutschlands.
Freie Arbeiter-Union Deutschlands (Syndikalisten).
Gruppe russischer Anarchisten in Deutschland.

Perspektiven des Sozialismus.

Die Frage nach der Verwirklichungsmöglichkeit des Sozialismus ist die Frage nach der geistig-seelischen Struktur der großen Masse des Volkes, also nicht nur der Arbeiter.

Dabei ist zu beachten, daß in solchen Zeiten, wie den heutigen, wo alles in Gärung und Fluß ist, der geistige Umriß der Menschen kaum große Klarheit aufweist, und daß daraus, wie sich diese Menschen momentan gebärden, welchen Tageszielen sie unsicher zustreben und von welchen Tagesschwätzern sie sich umgaukeln lassen, nicht ohne weiteres auf ihre tieferliegenden Gefühlsinhalte geschlossen werden kann. Die geistige Situation eines Volkes nach jahrzehntelangem, seichtestem Materialismus, nach langen Jahren entsetzlichster Kriegspsychose und dem Martyrium eines grandiosen seelischen Zusammenbruchs, kann nicht die einer steil zu neuen großen Zielen aufstrebenden Linie sein. Nach Katastrophen, wie diesen, werden die Menschen, ihres inneren Gleichgewichts beraubt, erfaßt von einem unsicheren Hindrin Herlaumeln. Nie geahnte Abgründigkeiten tun sich auf, es macht sich zunächst eine Unfähigkeit breit, aus dem Bereich einer verderblichen Untergangsstimmung herauszukommen. Da ist ein schreckhaftes Stillstehen, ein langsames Sichbesinnen, ein Sammeln und Sichneuorientieren. Unbewußt bereitet sich neues vor, bedingt eben durch die brutale Vergewaltigung alles Menschlichen in den Jahrzehnten kläglichsten Maschinendaseins und Staatssklaventums. Die alten Ideale werden zwar mechanisch und gleichgültig über den Markt getragen, aber sie entsprechen nicht mehr dem tiefsten Gefühlsinhalt der Menschen. Im Dunkel ihrer Seele, unbewußt, im Chaotischen kreisend, ballen sich aus neuen Sehnsüchten neue Ideale, bis sie eines Tages aufsteigen in die Helle der Erkenntnis. Dann wird das Chaos neue Sterne gebären: die Verkünder der neuen Ideale — und die Fanatiker, Haarspalter, Einlerner und „Commis des Tages" werden in ihrer umfassenden Jämmerlichkeit entlarvt sein.

Es ist nun die Frage, wie dieses Neue, dem die Zukunft gehört, aussehen wird, welches Gesicht es tragen muß, um die Menschen glücklicher zu machen, als sie heute sind. Diese Frage kann aber nur beantwortet werden, eben aus einer Betrachtung der Geistesverfassung des heutigen Menschen heraus. Dazu ist aber notwendig, tiefer zu dringen, als nur in die Listen und Kassenbücher der Massen-Partei-Organisationen und mehr zu erfassen, als nur die Oberfläche des Versammlungsrummels und der Demonstrationsaufführungen.

Wenn nun vom Sehnsuchten nach Neugestaltung gesprochen wird, muß zuvörderst vom Arbeiter gesprochen werden. Nun, was ist diese Sehnsucht des Proletariats?

Ist es vielleicht dies: die Besitzenden nur zu enteignen, den Beamtendrohnen andere Namen zu geben und dann weiter zu trotten im mechanisierten Stumpfsinn des Daseins. Werden das die erträumten Menschenrechte sein, die er erkämpfen will: die alles umfassenden, alles vergewaltigenden Rechte einer überkomplizierten Staatsmaschinerie? So verkümmert, so verelendet an Seele und Geist kann er wahrhaftig doch nicht sein, daß dies, nach allen eindringlichen Lehren der letzten Jahre, lange sein Ideal bliebe.

Was wäre erreicht, wäre dieser Sozialismus erreicht?

Gleichheit wäre erreicht, aber nicht Sozialismus. Entwurzelung aller wäre erreicht, aber nicht freies Menschentum. Maschinerie, Mechanismus, Zuchthaus wären erreicht, aber nicht Menschenwürde, nicht Freiheit und kaum Brüderlichkeit. Denn Brüderlichkeit setzt voraus Persönlichkeit. Persönlichkeiten aber bedingen anderen Boden. Hier wuchse nur Masse, nur Herde, nur edes Einerlei. Persönlichkeit aber ist selbstbewußt aufstrebendes Ich, ist göttlicher Wille, ist farbige Lebensfreudigkeit, ist beziehungsreiches, schöpferisches Wirken in lebendiger, organischer Gemeinschaft. Wollte der Proletarier jenes Ideal im tiefsten Grund seiner Seele, er wollte die Fortsetzung seines jetzigen unwürdigen Daseins in gleich ödem Grau, in monotoner Gottverlassenheit.

Und dies will er nicht!

Darum kann der Zeitpunkt nicht mehr ferne sein, wo er aus dem Massenwahn als Mensch erwachen wird. Und als Mensch wird er anderes fordern. Er wird Menschlichkeit fordern. Er wird einen Sozialismus fordern, der Freiheit der Persönlichkeit gibt, der Gerechtigkeit heißt aus dem Geist der Gemeinde und darum auch Brüderlichkeit und nicht Herdentum. Diesen Sozialismus wird er mit ganzer Seele wollen, weil hier für seine seelische Knechtschaft Erlösung winkt. Welchen wird zugleich der Bann einer allzu materialistischen Geschichts- und Lebensauffassung, die glauben machen will, daß morgen Sozialismus heiße, was heute noch übelster kapitalistischer Staats-Mechanismus ist.

Eine andere sozialistische Gesellschaft wird auftauchen, ein Sozialismus der Genossenschaften, Gemeinschaften, Bünde und Vereinigungen aller Art auf freier Grundlage. Er wird freilich wenig Aehnlichkeit haben mit jenem alles uniformierenden, preußisch-militaristischen Sozialismus verbohrter Fanatiker, die nur einen schnurrenden, fein ausgeklügelten Mechanismus wollen, eine tote Maschine, die mit übermarxistischen Dogmen geschmiert wird.

Nein. Jener Sozialismus wird nicht so tot sein. Er wird nicht die gleichmacherische Fortsetzung des kapitalistischen Systems sein. Er wird andere Vorbilder haben. Er wird vielleicht an die beziehungsreiche Lebendigkeit und Farbigkeit solcher Zeiten erinnern, da das Handwerk blühte in seinen Bünden und Gilden, die Arbeit mit Geist erfüllt war und noch Segen ausströmte und der Bauer fest und lebenssicher auf seiner Scholle stand. Er wird vielleicht anklingen an jene Zeit der Werkgenossenschaften und freien Städte, wo ein glücklich verbindender Zug ging durch alle Glieder der Gemeinschaft, eben weil nicht Staat war, sondern foderative Selbstverwaltung.

Für solchen Sozialismus, angepaßt unserer Zeit, werden viele zu haben sein, die sich ferne der sozialistischen Gedankenwelt wähnen, weil sie die Fratze des Marxismus schreckt. Vor allem Handwerker und Bauern. Denn hier atmete ihr ureigenster Geist. Solcher Sozialismus braucht kraftvolle Persönlichkeiten, die noch nicht entwurzelt sind. Solcher Sozialismus wird die Arbeit wieder sehen als eine Quelle der Freude, herausgerissen aus dem Strudel der Massenfabrikation und wiederherstellen die geheimnisvollen Beziehungen des freudig geschaffenen Werkes zum Meister.

Wie weit auch das Kleinbürgertum entfernt sein mag von sozialistischer Gedankenwelt, verdorben durch die kapitalistische Welle der letzten Jahrzehnte: dieser Sozialismus lebt gewiß noch in allem echten Bauernblut, dieser Sozialismus lebt gewißt noch im Handwerk alten Schlags, dieser Sozialismus ist sicherlich noch in allen denen, die einst die Schoße verließen oder die Werkstatt und unter die Tore der Fabrik traten.

Sie alle werden, gerufen durch die Not der Zeit, durch den Ekel vor dem Gehetze um den Mamon, sich diesem Sozialismus zuwenden, wenn er auf dem Plan erscheinen wird und aufrufen zum Neubau der Gesellschaft. Denn das innerste Wesen Vieler ist trotz allem nicht mit dem heutigen System und Viele wollen, daß das Leben wieder einen Sinn habe.

Aber kaum werden sie kommen, wenn jene Parteitrompeten ertönen, die Experimente ankündigen, welche man schon längst vergeblich gemacht, zu Illusionen ermuntern, die anderswo schon längst wieder verflogen sind. Vielmehr werden sie gläubig und zukunftsfroh jene Wahrzeichen alten Gemeingeistes grüßen: die Kunstwerke und himmelanragenden Dome einer vergangenen Epoche. — Aus ihrem Beispiel heraus wird sich ein Sozialismus formen des freien Lebens im Geiste, eine sinnvolle Gemeinschaft in brüderlicher Gerechtigkeit.

Derart scheint die heutige Situation, die noch kreisendes Chaos ist. Glückliche Anzeichen zu einer solchen Entwicklung sind hie und da vorhanden. Man kann daraus die Berechtigung holen zu dem Glauben, daß das mechanistische Zeitalter, trotz allen sonstigen trüben Oberflächlichkeiten der Zeit, überwunden werden wird durch ein lebendiges freies Leben.

Darum muß es wiederum gesagt werden: Wie lange noch soll die Masse zu einem Sozialismus aufgerufen werden, der hüllenleere Konstruktion bleibt und niemanden ein frohes Zukunftsideal sein kann? Wie lange noch sollen die Enterbten mit brennenden Augen einer Fata-Morgana nachlaufen, die doch einmal vom Himmel verschwinden muß? Soll nicht vielmehr endlich aufgerufen werden zur Verwirklichung des Sozialismus, auf daß einmal die Menschwerdung der Proletarier beginne!

Es ist hohe Zeit! Noch scheint günstige Zeit!

Noch sind die Herzen empfänglich für das, was in Wahrheit Sozialismus heißt. Noch ist es möglich, sie in die Bahnen der Erneuerung zu lenken!

Man fange endlich an damit!

Mauthe.

Siedlung und Schulung.

von Heinrich Vogeler-Worpsswede.

Mit wiegendem Schritt, die Klampfen auf dem Rücken, kommt der Wanderer auf die Siedlung. Er hat die einschlägige Literatur gelesen: Arbeitsschule, Gemeinschaftssiedlung, und ist nun gelandet, um die Dinge anzuschauen und Gemeinschaft zu „genießen". Gar bald hat er sich umgeschaut, hat diesen und jenen befragt, hat vielleicht ein bitteres Wort eines Schwachen aus der Gemeinschaft gehört, vielleicht eines Ringenden, vielleicht eines schon halb gefosten, der nicht mehr die Schöpferkraft hat, hingehend am Ganzen zu gestalten. Und sein Urteil ist bereits gebildet: na, also mit der Gemeinschaft stimmt's schon mal nicht!

259

901106000

The Emma Goldman Papers

[Letter from Moscow. In German] Brief aus Moskau / [Emma Goldman?].— 20 cm.
In Der Syndikalist [Berlin]. —no. 2 (1922).
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Pierre Ramus Archive.

Kirchlich-religiöser Selbstmord!

Wattenscheid. Liebet eurea Nächsten — liebet deine Feinde! So s a g t der Pfaffe auf der Kanzel. Und die eigenen Taten? Die sehen aus wie folgt:

Am 28. 12. 21 wurde ein Mitglied der „Freien Arb.-Union" (Syndikalisten), wohnhaft hier, Sommerdelle 78, begraben.

Da G. noch nicht aus der katholischen Kirche ausgetreten war, wurde er, wie üblich, mit den konfessionellen Zeremonien bestattet. Wie weiter üblich, vor dem Kondukt die Kranz-Deputation, um dem [illegible] Kameraden die letzte Ehre zu erweisen — wie [illegible]. Als an der katholischen Kirche die Vertreter der katholischen Konfession (lies: Stellvertreter Christi auf Erden) die rote Schleife am Kranze der Genossen sahen, [illegible] an einem Anverwandten des toten Kameraden, [illegible] seiten des famosen Gottes-Stellvertreters die Aufforderung: „Die Kranz-Deputation muß sich hinten anschließen". Da unsere Genossen nicht gleich parieren wollten, geriet das ganze Zeremoniell natürlich unliebsam ins Stocken. Nach etwa [illegible] maligem Wiederholen der Forderung durch die Konfessionsvertretung ging einer unserer Träger auf [illegible] Deputation. Und um auf offener Straße (mit Rücksicht auf die Hinterbliebenen) einen Skandal zu vermeiden, ging die Deputation v o r a u f, und, m i t g e n u g A b s t a n d h i n t e r h e r, die Konfessionsvertretung.

Das Benehmen am Grabe stellte die Gottes-Vertretung in ein derart durch und durch strahlendes Licht, daß den an der Beerdigung Beteiligten wohl der letzte Rest des Bedürfnisses an einer kirchlichen Begleitung bei derartigen Anlässen vergangen ist. —

So ist's recht — wenn die Pfaffen s e l b s t den Leuten die Augen öffnen, kann's uns nur lieb sein. An alle diejenigen aber, die ihren Austritt aus der Kirche noch nicht vollzogen haben, sind diese Zeilen als Mahnung gerichtet: Laßt das alte Jahr nicht zu Ende gehen, ohne mit dieser Gesellschaft endgültig gebrochen zu haben.

Wie wir hören, hat ein p o l n i s c h e r Verein (dem der Verstorbene angehörte), deswegen nicht mit der Fahne am Bestattungsakt teilgenommen, w e i l d i e „S y n d i k a l i s t e n" d e r a r t e t e i l n a h m e n.

Also auch bei euch, ihr armen, polnischen Klassengenossen. Furcht vor dem Symbol der Liebe in der roten Kranzschleife? Dann geht in euch, bereut eure Versündigung an dem Gott der Liebe, tut Buße und sucht dann sittliche Erneuerung i n d e n R e i h e n d e r S y n d i k a l i s t e n. Bis ihr zu diesem rein menschlichen Aufstieg den ersten Schritt tut, ist euch unser — — Mitleid gewiß. P. G.

Die Moskauer Tragödie.*)

Von der Auslandsvertretung der Partei der linken Sozialrevolutionäre geht uns über den Umfang und den Verlauf des Hungerstreiks der sozialistischen Gefangenen in Moskau folgende Mitteilung zu:

Gleichzeitig mit dem Aufruf der Exekutiva der 2. Internationale bekommen wir Nachrichten aus Moskau, daß alle im Butyrki-Gefängnis internierten Sozialisten und Anarchisten in den Hungerstreik getreten [illegible] ärztlichen Angaben der Typhus und die Pest täglich [illegible] Opfer fordern und [illegible] die Gefangenen [illegible] von ihren Angehörigen dem Hungertode ausgeliefert sind.

Wir werden vergebens eine ausreichende Antwort auf diese Frage von der „Roten Fahne" erwarten. Ebensowenig erwartet wir eine Antwort auf die Frage, wer von den gefangenen Menschewiki eine „verräterische Stellung" gegen die Sowjetregierung eingenommen hat, und welchem Umstand es zuzuschreiben ist, daß die zahlreichen gefangenen Sozialisten, wenn sie [illegible] Verrat geübt haben, nicht vor Gericht gestellt, sondern auf administrative Verfügung in die Gefängnisse gesperrt worden sind.

Wir unsererseits möchten nur erklären, daß diese [illegible] Anwurf, wie alle anderen, eine infame Lüge ist. Der einzige Menschewist, der trotz des Verbots des sozialdemokratischen Zentralkomitees an der [illegible] sozialistischen Regierung Koltschacks teilnahm, war [illegible] Dieser aber gehört jetzt, nach seinem [illegible] zur kommunistischen Partei als wohlbestallter [illegible] Vorsitzender des Volkswirtschaftsrates der Sowjetregierung Ostsibiriens an!

Brief aus Moskau.

Von einem in Moskau lebenden Kameraden geht uns nachstehender Brief zu:

21. Dezember 1921.

Liebe Kameraden!

Die „neue ökonomische Politik" der Bolschewisten hat die wahnsinnige Verfolgung anderer politischen Parteien und Bewegungen nur noch verstärkt. Ganz besonders sind die Anarchisten die Opfer des bolschewistischen Terrorismus. Die Hinmordung von Lev Tschorny, Fanny Baron und 8 anderen Anarchisten (im September 1921) in Verbindung mit dem angeblichen Fall von Räuberrien war gefolgt von zahlreichen Verhaftungen unserer Kameraden in ganz Rußland. Mitglieder der „Golos Truda" wurden verhaftet in Petrograd und Moskau; ebensowohl wurden viele Anarchisten in der Ukraine, im Ural und an der Wolga verhaftet. Vom Schicksal unserer festgenommenen Kameraden im Osten und Süden wissen wir bis heute nichts. Die in Petersburg und Moskau verhafteten Mitglieder der „Golos Truda" sind zuletzt in Freiheit gesetzt worden. Aber zahlreiche Mitglieder anderer Gruppen und Organisationen sind noch immer im Gefängnis und erleiden Kälte, Hunger und Entbehrungen. Jene unserer Kameraden, die es ablehnen, Provokateure zu werden, sehen sich entweder dem Tode gegenüber, oder sie sterben einen allmählichen Hungertod im Gefängnis. So unglaublich wie es sich anhört, für jene, die noch immer Bolschewismus mit revolutionärem Idealismus verwechseln, ist es eine feststehende Politik der gegenwärtigen russischen Regierung, die politischen Gefangenen zu Provokateurdiensten zu zwingen. Selbst demoralisiert bis auf das äußerste, sät das bolschewistische Regime Demoralisation unter seinen politischen Gegnern. Unter der Androhung des Todes — eine Drohung, die nur zu häufig wahr gemacht wird — sind viele politische Gefangene dazu gezwungen worden, in die Tscheka einzutreten und so dieser Leninschen Mit der [illegible] Anarchie und der [illegible] suchen die [illegible] Ziele zu [illegible]

1. [illegible] der [illegible] [illegible] [illegible]

901106000

The Emma Goldman Papers

[Letter from Moscow. In German] Brief aus Moskau / [Emma Goldman?].– 20 cm.
In Der Syndikalist [Berlin]. –no. 2 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Pierre Ramus Archive.

Die Moskauer Tragödie.

Von der Auslandsvertretung der Partei der linken Sozialrevolutionäre geht uns über den Umfang und den Verlauf des Hungerstreiks der sozialistischen Gefangenen in Moskau folgende Mitteilung zu:

Gleichzeitig mit dem Aufruf der Exekutive der 3. Internationale bekommen wir Nachrichten aus Moskau, daß alle im Butyrki-Gefängnis internierten Sozialisten und Anarchisten in den Hungerstreik getreten sind. Der Hungerstreik ist ein Todesurteil für die Mehrheit der Gefangenen. Sie sind fast alle krank. Einige, so das Mitglied des Zentralkomitees der Partei der linken Sozialrevolutionäre, Ilja Naloroff, sind fast seit drei Jahren (von April 1919) eingekerkert.

Die eingekerkerten Sozialisten und Anarchisten sind überzeugt, daß die Arbeiter in Butyrki aller Länder mit dem Protest gegen den Moskauer Terror die Einheitsfront der Proletarier prüfen werden.

Insgesamt kommen 240 Gefangene in Frage.

Demnach ist die Zahl der an dem Hungerstreik beteiligten Gefangenen weit größer als wir nach unseren gestrigen Mitteilungen angenommen hatten. Nicht weniger als 240 Genossen sind es, die zu dem letzten verzweifelten Mittel des Hungerstreiks greifen mußten, um das Gewissen der kommunistischen Machthaber wachzurütteln. Wir wissen indes, daß der Appell an das Gewissen der Sowjet-Gewaltigen vergeblich sein wird, wenn nicht die Arbeiterorganisationen der ganzen Welt endlich ihr Machtwort sprechen, um den Gefängnisgreueln und dem Terror in Rußland ein Ende zu setzen.

Die kommunistischen Gemütsmenschen in der Redaktion der „Roten Fahne" haben auch bei dieser Gelegenheit nicht versäumt, ihre Dummheit und Roheit ins rechte Licht zu rücken. Sie schreiben zu unserer Mitteilung, daß es sich bei der geplanten Verschickung der politischen Gefangenen nach Turkestan „nur darum handeln könne, die Gefangenen aus Moskau, wo sie unter den schlechten Ernährungsverhältnissen zu leiden haben, in ein Gebiet mit besseren Verpflegungsverhältnissen zu überführen."

Wir wundern uns nicht, daß die Berliner „Turkestaner" die Verhältnisse in den Kerkern Turkestans preisen, zumal dort einer ihrer besten Freunde, der Blutknud Peters, die Knute schwingt. Verwunderlich erscheint nur das eine: weshalb in Anbetracht der von der „Roten Fahne" jetzt festgestellten „schlechten Ernährungsverhältnisse" in Moskau laut Beschluß der kommunistischen Zentrale Ernst Friesland zur Entgegennahme einer „kalten Dusche" nach Moskau geschickt wird.

Nun scheint allerdings, wenn man der „Roten Fahne" glauben soll, in Moskau eine solche Not zu herrschen, daß man zum Bewegrund um das Leben der gefangenen Sozialisten diese in erster Linie nach Moskau fortschafft. Vielleicht verrät uns aber die „Rote Fahne", welchen Forderungen der Humanität es zuzuschreiben ist, daß die aus Moskau evakuierten Gefangenen noch bis acht Wochen durch die verseuchten Etappengefängnisse Ostrußlands geschleppt und dann in den Kerkern Turkestans interniert werden, wo nach

*) Wir entnehmen vorstehende erschütternde Mitteilungen der Berliner „Freiheit" und können die Tatsachen durch einwandfreie Zeugen vollinhaltlich bestätigen.

Es ist nur zu klar, daß die Mächte in Moskau entschlossen sind, die Anarchisten entweder in Tschekisten zu verwandeln oder sie auszurotten. So z. B. wurden im September zehn unserer Kameraden hingerichtet. Und die Moskauer Tscheka verhaftete damals zahlreiche Kameraden, die nicht den mindesten aktiven Anteil an unserer Bewegung genommen haben. Später fielen auch die Universalisten, die bis dahin nicht als Gegner der Bolschewiki-Regierung gerechnet werden, unter den Bann. Gegen Ende Oktober wurde es in Moskau endgültig bekannt, daß ein internationaler anarchistischer Kongreß im Dezember abgehalten werden sollte. Die Moskauer Sektion der Universalisten machte eine formell geschriebene Eingabe an das Kommissariat der äußeren Angelegenheit und an das Exekutivkomitee der kommunistischen Partei, in der um die Erlaubnis gebeten wurde, an dem Kongreß teilzunehmen. In der Eingabe wurde um Pässe nachgesucht für verschiedene Delegierten der Gruppen, darunter einige sehr bekannte Anarchisten Rußlands: Askaroff, Shapiro*) und Stizenko, die alle Mitglieder des Sekretariats der Moskauer Sektion sind. Einige Tage später wurde eine Anzahl der Universalisten verhaftet; unter den Verhafteten befanden sich auch die obengenannten Kameraden. So nahmen wir an, daß das der gewöhnliche Trick der Bolschewisten sei, die obenerwähnten Kameraden an der Teilnahme des Kongresses zu verhindern. Aber man denke sich unseren Schrecken und Unwillen nun, als wir erfuhren, daß die Bolschewisten diese Kameraden nun beschuldigten der Räuberei, Machnowtschismus, Urkundenfälschung und der Verantwortlichkeit der Flucht von politischen Gefangenen aus dem Rvazan-Gefängnis (Sommer 1921)! Also, was diese Beschuldigung bedeutet, ist nur zu gut bekannt. Es bedeutet „rasstrel" — Erschießen ohne Untersuchung, ohne auch nur den Menschen anzuhören, Erschießen in der Stille der Nacht. —

Kameraden, Freunde! Askaroff, Shapiro, Stizenko und die anderen Kameraden sind in großer Gefahr, auf Grund dieser niederträchtigen Beschuldigung erschossen zu werden.

Der Zweck, den die Bolschewisten hiermit verfolgen, ist klar. Askaroff und seine Kameraden gehören zu den wenigen Moskauer Anarchisten, die die Macht der Idee vertreten. Die meisten anderen sind entweder erschossen worden, oder sie verfaulen in den Gefängnissen.

*) Nicht unserer Londoner Genossen A. Shapiro (von der „Golos Truda").

Aus der Jugendbewegung.

Motto:
„Erst Klarheit, dann Mehrheit!"
Karl Liebknecht.

Lieber Genosse Preiß! Ich habe Deinen Artikel in der letzten Nummer des „Syndikalist" gelesen, in welchem Du Kritik übtest an dem Bericht von A. Dressel. In vielen Deiner Worte hast Du mir aus dem Herzen gesprochen und kann ich dieselben nur unterstreichen. Aber zu manchem, wo Du noch nicht die nötige Schlußfolgerung gezogen hast, will ich mich auf diesem Wege äußern.

Lieber Genosse! Du schreibst, daß man im Lande begierig war, Ersprießliches vom Kongreß zu hören und berührst dann den Irrtum von Dressel, daß nicht wegen größerer Propagandamöglichkeit der Bericht unseren Zeitungen übergeben wurde. Mit dieser Ansicht sollst Du im gewissen Sinne recht behalten. Ich stehe jedenfalls auf dem Standpunkte, daß ein Bericht, von Leuten verfaßt, die denselben gar nicht anders bringen können als wie er uns vorliegt (ich werde noch im folgenden näher hierauf eingehen), in unseren Zeitungen gegeben, uns mehr schaden als nützen kann. Wenn Dressel nun seine Aufgabe in Form dieser Broschüre erledigt hat, so ist wenigstens eine heikle Angelegenheit in weniger geräuschvoller Weise vorübergegangen.

Wie standen denn die Dinge auf dem Kongreß? Genosse! Du aus Ulm, Genossen aus Schlesien, wir aus Berlin und vielleicht noch einige Genossen, eine verschwindende Minderheit, wir traten ein für eine lebensfähige Organisation. Die Mehrheit der Anwesenden machte ein Arbeiten in dieser Hinsicht unmöglich und drückte somit dem Kongreß den Stempel der Leistungsunfähigkeit auf. — Als ich mit einem Gesinnungsverwandten Dresden auf dem Kongreß sprach und ihm erklärte, daß Genossen hierher gekommen sind, um ein gesundes Fundament für die Jugendbewegung zu schaffen, praktische, organisatorische Arbeit zu leisten, da sagte mir dieser: „Ich werde alle diese Arbeiten mit euch leisten, sowie ich aber außerhalb der Konferenz stehe, dieselben wieder illusorisch zu machen suchen." — — — —

Dieser Ausspruch zeigt, wie man im Kreise jener, die ihre Gehirnzellen mit nicht verstandenen Lehren von Stirner oder Nietzsche usw. verkleistert haben und den Boden unter den Füßen verlieren, denkt.

Ich muß sagen, Genosse Preiß, daß ich eine derartige Berichterstattung erwartet hatte. Wie konnte sie auch anders ausfallen? Man will doch nur diejenige Brei haben, den man auf der Konferenz vorgesetzt hat und deshalb müssen alle gegnerischen Meinungen tot, weder entstellt werden oder wegfallen. Und wenn Du nun schreibst: „Wußte nur „der Leipziger" etwas zu sagen? Sind nicht von Berlin, Spandau, Hamburg, Ratiber usw. gute Anregungen und Aufklärungen gemacht worden?", so werden die berechtigten Fragen in Leipzig erklärlicherweise nur taube Ohren finden. Es ist gewiß bedauerlich, dieses alles schreiben zu müssen. Trotzdem ist es unumgänglich notwendig, hier auch Klärung geschaffen werden.

BEST COPY AVAILABLE

890801009

The Emma Goldman Papers

[Urgent-appeal for help from Russian prisons. In German] Ein Not- und Hilfeschrei aus Russischen Gefängnissen / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro.— p. 1 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. —no. 3 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

Organ der Freien Arbeiter-Union Deutschlands

„Der Syndikalist",
(hervorgegangen aus der „Einigkeit", die am 8. August 1914 nach 18jährigem Bestehen verboten wurde),
erscheint jede Woche einmal Sonnabends.

Verlag und Expedition:
Fritz Kater, Berlin O. 34,
Kopernikusstr. 28, II

Nr. 3 - 1922

Abonnementspreis
für die angeschlossenen Gewerkschaften pro Exemplar 50 Pf., durch die Post ohne Bestellgeld 10,— Mk. vierteljährlich, durch die Expedition unter Kreuzband 15,— Mk., Ausland 25,— Mk.
Einzelexemplar 60 Pf.

Vereinsanzeigen für angeschlossene Gewerkschaften 3,— Mk., für andere Vereine werden 6,— Mk. für die dreigespaltene Petitzeile oder deren Raum berechnet.

IV. Jahrgang

Ein Not- und Hilfeschrei aus russischen Gefängnissen

Nun, da wir vor kurzem Rußland verlassen haben, fühlen wir, daß unsere ersten und dringendsten Worte in Sachen der politischen Gefangenen in Rußland gesprochen werden müssen.

Es ist ein trauriger, herzzerreißender Kommentar zu der Situation in Rußland, wenn man von politischen Gefangenen im Lande der sozialen Revolution zu sprechen gezwungen ist. Aber unglücklicherweise ist das der Fall. Wir beziehen uns hier nicht auf Konterrevolutionäre, die, wie man wohl annehmen könnte, als Gefangene der Revolution in Betracht kämen. So unglaublich es auch klingen mag, und doch ist es Tatsache: Die Zuchthäuser und Gefängnisse Rußlands sind heute dicht bevölkert von den besten revolutionären Elementen des Landes. Von Männern und Frauen, die Anhänger der höchsten sozialen Ideale und Ziele sind. Im ganzen weitausgedehnten Gebiete Rußlands, sowohl in Groß-Rußland wie auch in Sibirien, sind die Gefängnisse des alten wie des neuen Regimes und die düsteren Verliese der Tscheka Ossoby Otdeli, in die keine Nachricht aus der Außenwelt dringt, überfüllt mit Revolutionären aller Parteirichtungen und Bewegungen. Da sind Maximalisten, Kommunisten, Anhänger der „Arbeiter-Opposition", Anarchisten, Anarcho-Syndikalisten und Universalisten, Anhänger verschiedener Schulen sozialer Philosophie; aber alle sind sie wahre Revolutionäre, und die meisten waren begeisterte Teilnehmer der November-Revolution 1917.

Die Lage dieser politischen Gefangenen ist beklagenswert. Ohne von ihren seelischen Leiden zu sprechen, ist die rein physische Seite ihrer Existenz unsagbar elend. Auf Grund der allgemeinen russischen Verhältnisse, wegen Mangel an Baumaterial und gelernter Arbeiter steht die dringendste Reparaturnotwendigkeit der Gefängnisse ganz außer Frage. Die hygienischen Verhältnisse stehen deshalb in der Mehrzahl der Fälle auf allerprimitivster Stufe. Aber am allerschlechtesten steht es mit den Ernährungszuständen. Während der ganzen Zeit ihres Bestehens ist die bolschewistische Regierung niemals fähig gewesen, ihre Gefangenen mit genügend Nahrungsmitteln zu versorgen. Die Rationen der Gefängnisinsassen entsprechen nie dem allerniedrigsten Existenzminimum. Die tatsächliche Verpflegung der Gefangenen wurde Freunden, Verwandten und Kameraden überlassen. Zur Stunde aber ist die Situation einfach unerträglich geworden. Mit nur 52 Proz. vereinnahmter Steuer an Nahrungsmitteln, und zwar ohne die Aussicht, daß man mehr einnehmen wird, mit der furchtbaren Hungersnot in den Wolga-Provinzen und dem allgemeinen Zusammenbruch der wirtschaftlichen Organisation der Regierung, ist die Lage der Gefängnisinsassen geradezu hoffnungslos.

Das politische Rote Kreuz, eine sehr hingebungsvolle und tätige Organisation, von der die bekannte alte Revolutionärin Vera Figner ein aktives Mitglied ist, lindert die Nöte der politischen Gefangenen, soweit es ihr möglich ist. Diese Organisation stützt sich nur auf freiwillige Mitarbeit und ist außerordentlich erfolgreich in ihrer Mission gewesen. Das ist um so mehr anzuerkennen, wenn man bedenkt, wie schwierig es in Rußland für jedermann ist, von seinen sehr bedürftigen Rationen noch etwa abzugeben. Im ganzen genommen kann man sagen: das politische Rote Kreuz ist fähig gewesen, die allerelementarsten Bedürfnisse aller politischen Gefangenen zu befriedigen — aller: ausgenommen die der Anarchisten.

Das politische Rote Kreuz macht nicht etwa einen Unterschied! Nein, ganz im Gegenteil ist diese Organisation ganz unparteiisch, obgleich sie sehr durchsetzt ist mit Elementen des rechten Flügels. Aus politischen Gründen hatten die russischen Anarchisten schon seit langer Zeit die Politik verfolgt, sich nach den Bedürfnissen ihrer gefangenen Kameraden zu sehen. Und es ist nun schon seit vielen Jahren die feststehende Aufgabe des anarchistischen Roten Kreuzes (später Schwarzen Kreuz genannt), sich der Anarchisten in russischen Gefängnissen anzunehmen.

Das war eine Titanenarbeit für die russischen Anarchisten, die sich in Freiheit befanden. Viele der aktivsten Mitglieder der anarchistischen Bewegung hatten während der Revolution ihr Leben geopfert; eine große Anzahl war an der Front, in der Verteidigung der Revolution, gefallen, andere von den Bolschewisten erschossen worden, noch andere befinden sich in deren Gefängnissen. Die meisten der Kameraden, die noch am Leben und in Freiheit waren, befanden sich fortwährend an der Grenze des Verhungerns. Das Schwarze Kreuz hatte tatsächlich übermenschliche Anstrengungen zu machen, um die gefangenen Genossen vor dem buchstäblichen Hungertod zu schützen; es hat ein selbstaufopferndes edles Werk vollbracht.

War seine Aufgabe bisher schon hart und schwierig, so ist sie nun fast unerschwinglich geworden. Die neue bolschewistische Politik systematischer Verfolgung der Anarchisten hat sich gegenüber dem Werk des Schwarzen Kreuzes als furchtbares Hindernis erwiesen. Als die meisten der eigenen Mitglieder im Gefängnis waren, wurde die Organisation reorganisiert und sie ist nun bekannt unter dem Namen: Gesellschaft zur Unterstützung der Anarchisten in russischen Gefängnissen. Diese Gesellschaft setzt die heroische Arbeit fort und bringt den gefangenen Kameraden, soweit es in den Grenzen der Möglichkeit liegt, materielle Hilfe. Unglücklicherweise sind aber die Möglichkeiten nach dieser Richtung hin sehr begrenzt. Die in Freiheit befindlichen Kameraden berauben sich sogar selbst wichtiger Lebensnotwendigkeiten, um den Gefangenen einige Pfund mehr Brot und Kartoffeln senden zu können. Sie sind fest entschlossen und redlich bestrebt, ihr Letztes teilen zu können. Aber sie haben so wenig! Und ihre Kameraden in den Gefängnissen sind so viele!! Und die Not dieser Kameraden ist so groß!!!

Aus den Gefängnissen in Moskau, Petrograd, aus Orel und Wladimir, aus den fernen Provinzen des Ostens und von Kameraden, die verbannt sind in den eisigen Norden, kommen entsetzliche Nachrichten. Der Hunger, der furchtbare Feind (Skorbut) frißt an ihren Leibern. Ihre Hände und Füße schwellen an, ihre Gaumen werden lose und die Zähne fallen ihnen aus. Die Körper zerfallen lebendigen Leibes.

Kameraden! Eure Ohren müssen diesen Hilferuf hören! Die russischen Anarchisten sind nicht mehr fähig, auch nur die allerelementarsten Bedürfnisse ihrer gefangenen Kameraden zu befriedigen; sie können ihr Hilfswerk nicht fortsetzen, ohne daß sie Hilfe von ihren Freunden aus anderen Ländern bekommen.

Im Namen der Gesellschaft zur Unterstützung der Anarchisten in russischen Gefängnissen,

im Namen unserer Kameraden, die wegen ihres unerschütterlichen Festhaltens an ihre hohen Ideale in den bolschewistischen Kerkern leiden, erfrieren und verhungern, appellieren wir an Euch, Kameraden und Freunde in allen Ländern. Nur eure großmütige und sofortige Hilfe kann unsere in Rußland gefangen gehaltenen Kameraden vor dem Hungertod erretten.

Mit brüderlichen Grüßen

Alexander Berkman
Delegierter der Gesellschaft zur Unterstützung der Anarchisten in den russischen Gefängnissen.

Emma Goldmann

A. Schapiro
Sekretär der anarcho-syndikalistischen Union „Golos Truda".

NB. Nur um Geldunterstützung wird gebeten. Auf Grund des tiefen Standes der russischen Valuta ist sogar die kleinste Summe, die von Amerika oder Europa von Freunden geschickt wird, sehr nützlich.

Alle anarchistischen und syndikalistischen Organe werden gebeten, diesen Aufruf nachzudrucken.

Stockholm, den 12. Januar 1922.

* * *

Hilfsfonds für gefangene russische Anarchisten und Anarcho-Syndikalisten.

Wir bitten, alle Gelder, die für diesen Zweck bestimmt sind, einzusenden an:

Fritz Kater, Berlin O 34, Koperikusstraße 28 II

mit dem Vermerk auf den Postabschnitten:

„Hilfe für die gefangenen russischen Genossen".

Die Geschäftskommission wird alle Gelder an die obige Adresse übermitteln.

Die Geschäftskommission der F. A. U. D. (Syndikalisten).

Die Absage des Weltverbandes der amerikanischen Industriearbeiter an Moskau.

I.

Erfreulicherweise beginnt der Syndikalismus auch dort, wo dies bisher nicht geschehen, den Phrasenpopanz der „dritten" Internationale und ihres Gewerkschaftsanhängsels, des Roten Rates, zu durchschauen. Es wäre auch wirklich zum Verzweifeln, wenn dies nicht der Fall wäre.

Man macht dem Syndikalismus vielfach den Vorwurf, er spalte die ökonomische Schlagkraft der Gewerkschaftsbewegung gegen das Unternehmertum. Ein solcher Einwand gegen eine revolutionäre Gewerkschaftsgruppierung, wie sie der Syndikalismus darstellt, ist ein blanker Unsinn. Vor allem deshalb, weil der revolutionäre Syndikalismus seine selbständige Organisation nur zu dem Zweck angenommen hat, um den Eigenzweck der Gewerkschaftsbewegung an sich, die Widerstandsaktion derselben gegen das Unternehmertum, zu erhöhen, zu steigern. Aus diesem Grunde erfüllt erst in Wirklichkeit der revolutionäre Syndikalismus den Selbstzweck der Gewerkschaftsbewegung und nur deren zentralistische, die Aktionskraft des Proletariats schmälernde, verringernde Form bildet in Wahrheit eine Spaltung der proletarischen Kraft. Nicht die syndikalistische sondern die zentralistische Gewerkschaftsform steigert die Widerstandsfähigkeit der Unternehmerschaft, und darum ist die letztere ein Keil, der in die Aktionsfähigkeit des Proletariats getrieben ward, diesen lähmend.

Für uns ist es somit klar, daß nur eine Spaltung der Gewerkschaftskraft im Sinne der Verminderung ihrer Kampfeskraft verderblich und verwerflich ist. Dabei unterschätzen wir keineswegs, wie ungeheuer wichtig die Einheitsfront des Proletariats gerade auf wirtschaftlichem Gebiet, wäre. Aber wir wissen, daß sie nur dann einen tieferen Sinn erhält, wenn sie sich für höhere Zwecke des sozialrevolutionären Befreiungskampfes einsetzt.

Dagegen aber sind wir als anarchistische Syndikalisten absolute Gegner einer Spaltung des Proletariats, insofern diese nicht höheren Zielen dient. Und dies ist überall dort der Fall, wo die Trennung der Kräfte eigentlich nicht einer Steigerung des wirtschaftlichen Kampfes der Gewerkschaftsbewegung dienen soll, sondern nur der Machtförderung besonderer politischer Zwecke einzelner Persönlichkeiten, die alles andere eher im Auge haben als eine Vermehrung des Selbständigkeitsgeistes des Proletariats und seiner sozialen Emanzipation.

Vornehmlich ist es die sogenannte Moskauer Richtung der Gewerkschaftsinternationale, die von uns in gewissem Sinne unbedingt noch mehr abgelehnt werden muß, als sogar die Amsterdamer Richtung. Denn in den Fehlern und Unzulänglichkeiten, in den traditionellen Unvollkommenheiten sind sie einander durchaus gleichwertig und ebenbürtig; dagegen steht uns in ihren ob-

262

BEST COPY AVAILABLE

890801010

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Ursachen des Niederganges der russischen Revolution [Part 1] / Emma Goldman.– pp. 1-2 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 21 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

Nr. 21 - 1922 Beilage IV. Jahrgang

Ursachen des Niederganges der russischen Revolution.

Von Emma Goldmann.

Vorbemerkung.

Während meines zweijährigen Aufenthaltes in Rußland sind in der amerikanischen Presse wiederholt Artikel erschienen, die von angeblichen Interviews mit mir zu berichten wußten. In einigen dieser Artikel konnte man lesen, daß ich meine Ansichten geändert hätte, nicht länger an die Revolution glaube und nunmehr von der Notwendigkeit einer Regierung überzeugt sei. Eine Zeitung brachte sogar eine sensationelle Geschichte von einer amerikanischen Flagge in meinem Zimmer, die ich wie ein Heiligtum aufbewahre. Mit einem Wort, man stempelte mich zu einer Art Sonntagsprediger, der nun zerknirscht über seine Sünden an der amerikanischen Regierung in Sack und Asche Buße tut.

Alf dies ist natürlich harer Unsinn. Ich war nie tiefer von der Wahrheit meiner Ideen überzeugt; nie vorher hatte ich stärkere Beweise für die Logik und die innere Berechtigung der anarchistischen Lehre. Ich habe mich jedoch von niemandem ausfragen lassen, und zwar aus dem einfachen Grunde, weil es länger als ein Jahr dauerte, ehe ich imstande war, mich in der tragischen Situation Rußlands zurechtzufinden. Ich war der Meinung, und bin es noch heute, daß das russische Problem viel zu kompliziert ist, als daß man darüber mit einigen leichtfertigen Worten hinweggehen könnte. Dies war auch die Ursache, warum die meisten Bücher über Rußland, von Leuten geschrieben, die nur einige Wochen oder höchstens einige Monate dortselbst gewesen sind, mir allzu oberflächlich vorkamen. Solange ich noch selbst im Dunklen einherschritt, konnte ich mich nicht dazu entschließen, eine bestimmte Meinung öffentlich auszusprechen. Aber sogar dann, wenn ich schon dazu berufen gewesen wäre, meiner Meinung öffentlich Ausdruck zu geben, hätte ich dies den Vertretern der Presse gegenüber nicht getan. Ich hielt es für notwendig, solange Stillschweigen zu beobachten, wie die vereinten Mächte des Imperialismus Rußland an der Gurgel hielten. Außerdem hat mich eine dreißigjährige Erfahrung mit Journalisten aller Art von ihrer Wahrhaftigkeit nicht überzeugen können, obzwar ich gerne zugebe, daß Ausnahmen vorhanden sind.

Nun aber ist die Zeit des Schweigens vorüber. Ich werde daher offen aussprechen, was ausgesprochen werden muß. Dabei bin ich mir der Schwierigkeiten, die mir entgegenstehen, wohl bewußt. Ich weiß, daß die Reaktionäre, die Feinde der russischen Revolution, meinen Worten eine falsche Deutung geben werden, ich weiß auch, daß ihre sogenannten Freunde, welche die Kommunistische Partei Rußlands mit der russischen Revolution verwechseln, über mich den Stab brechen werden. Es ist daher notwendig, meine Stellung zu beiden klarzulegen.

Vor vier Jahren machte die Regierung der Vereinigten Staaten eine Verbrecherin aus mir, trieb mich von Haus und Heim und zwang mich, das Land zu verlassen. All dies, weil ich es wagte, meine Stimme gegen den Weltkrieg zu erheben. Ich habe damals auf die furchtbare Verheerung hingewiesen, die der Krieg im Gefolge haben mußte, auf die ungeheuerliche Zerstörung materieller Werte und die grauenvolle Vernichtung ungezählter Menschenleben. Das war mein Verbrechen. Heute sind viele, die den Krieg unterstützt haben, zur Einsicht gekommen, daß diejenigen unter uns, die sich von der allgemeinen Kriegswut nicht mitreißen ließen, im Rechte waren, daß der Krieg von Scharlatanen und ihren Gimpeln zugunsten der Kriegsherren begonnen, unterstützt und finanziert wurde. Der „Krieg für die Demokratie", der „Krieg zur Beendigung des Krieges" hat die Welt in eine wahre Hölle umgewandelt. König Hunger, das Grinsen des Todes auf den bleichen Lippen, schreitet mächtig durch alle Länder, während die, die reich und mächtig werden durch die Verwüstung von Menschenfleisch, diesem mächtigsten aller Könige den Hof machen. Nicht zufrieden mit der Abschlachtung von Millionen und mit der Zerstörung der halben Erde, haben sie aus der Welt eine Festung gemacht, einen politisches Verließ, wo die Freiheiten und Rechte der Völker, die in jahrhundertelangem Ringen erkämpft wurden, gefesselt am Boden liegen. Das demokratische Amerika, einst das „Land der Freien und Braven", England, früher die Heimstätte für die Rebellen aller Länder, Frankreich, die Wiege der Freiheit, und viele Länder von kleinerer Bedeutung — was sind sie heute anders als Wüsten des Grauens. Ihre einst gastfreien Tore sind verschlossen und versiegelt. Nur die Seufzer und Flüche ungezählter Arbeitslosen und die Schmerzensschreie der politischen Gefangenen unterbrechen die Stille auf diesem Friedhofe der Gedanken und Ideen.

Wahrlich, die Kriegsherren haben Ursache mit ihrem Werke zufrieden zu sein. Ihre Verschwörung hatte Erfolg. Ihr eiserner Fuß ruht fest auf dem Nacken der Völker der Welt. O ja, sie waren erfolgreich. Doch nicht ganz, noch war Rußland da.

Das edle Paar Hochfinanz und Militarismus rechnete nicht mit der russischen Revolution. Es war auch zu „unfein", von dem russischen Volke, einen Brand zu entzünden, der leicht die Revolution in der ganzen Welt entfesseln konnte, und dies gerade zu einer Zeit, als die Kriegsgewinne so reichlich flossen und der Imperialismus seines vollständigen Sieges sicher war. Etwas mußte getan werden, um das „unverschämte Ding", die russische Revolution, zu zermalmen. Während des Krieges mit Deutschland hatte man die heuchlerische Losung ausgegeben, daß man keinen Krieg gegen das deutsche Volk, sondern gegen den deutschen Militarismus und Imperialismus führe. Dieselbe heuchlerische Losung hörte man wieder in dem unheiligen Kreuzzug gegen die russische Revolution. Nicht gegen das russische Volk, sondern gegen die Bolschewiki zog man zu Felde — sie hatten die Revolution entfacht, sie mußten ausgerottet werden. Der Kriegszug gegen Rußland begann. Die Eindringlinge mordeten Millionen von Russen, durch die Blockade verhungerten und erfroren Hunderttausende von Frauen und Kindern, und Rußland verwandelte sich in eine ungeheure Einöde, wo die Agonie und die Verzweiflung ihre Heimstätte aufgeschlagen hatten. Die russische Revolution wurde zu Boden geschlagen, und das Regime der Bolschewiki verstärkte sich ins Ungemessene. Dieses ist das Endergebnis der vierjährigen Verschwörung der Imperialisten gegen Rußland.

Wieso kam das? Ganz einfach: das russische Volk, das **allein** die Revolution gemacht hatte, und das entschlossen war, sie um jeden Preis gegen die Eindringlinge zu verteidigen, war zu beschäftigt an den unzähligen Fronten, als daß es dem Feinde der Revolution im Innern hätte Beachtung schenken können. Und während die Arbeiter und Bauern Rußlands so heroisch ihr Leben einsetzten, wuchs der innere Feind immer mächtiger heran. Langsam aber sicher errichteten die Bolschewiki einen zentralistischen Staat, der die Sowjets zerstörte und die Revolution niederschlug, einen Staat, der sich, was Bürokratie und Despotismus anbelangt, heute mit jedem Großstaat der Welt vergleichen kann.

Meine Beobachtungen und Studien von zwei Jahren haben mir bis zur Gewißheit klar gemacht, daß das russische Volk, wäre es die ganze Zeit nicht von außen bedroht gewesen, die große Gefahr, die ihm von innen drohte, sehr bald wahrgenommen und abgewendet haben würde, ebenso wie die Angriffe der Koltschaks, Denikins und der anderen. Ohne die gegenrevolutionären Angriffe der Imperialisten wäre das Volk bald hinter die wahren Bestrebungen des kommunistischen Staates gekommen, hätte es bald seine Unzulänglichkeit und Unfähigkeit, das zerstörte Rußland wieder neu aufzubauen, erkannt. Die Massen selbst würden dann den paralisierten sozialen Kräften des Landes neues Leben eingehaucht haben. Aber würde das Volk nicht ebenso geirrt und vom Wege abgewichen sein wie die Bolschewiki? Zweifellos wäre das der Fall gewesen. Aber es hätte dann gleichzeitig auch gelernt, seiner eigenen Initiative und Kraft zu vertrauen, und dadurch allein hätte die Revolution gerettet werden können.

Nur der verbrecherischen Stupidität einiger gewesenen Revolutionäre, welche die Intervention des Auslandes forderten, und der Imperialisten, die diese Intervention finanziell deckten, ist es zu verdanken, daß die russische Revolution, das größte Ereignis von Jahrhunderten, zugrunde ging. Ihnen ist es auch zu verdanken, daß die Bolschewiki, umhüllt von dem deckenden Mantel der Verfolgungen, auch fernerhin als das heilige Symbol der sozialen Revolution erscheinen konnten.

Ich will diesen verhängnisvollen Irrtum bloßlegen. Nicht weil ich den Glauben an die Revolution verloren habe, sondern weil ich felsenfest überzeugt bin, daß jede kommende Revolution zum Untergang verdammt ist, wenn das, was Lenin selbst den militärischen Kommunismus nannte, der Welt aufgezwungen werden sollte. Nicht weil ich mit dem Staate Frieden geschlossen habe, werde ich versuchen, zu beweisen, was die Bolschewiki an der russischen Revolution begangen haben, sondern weil die Erfahrungen, die Rußland gemacht hat, uns mehr als jede Theorie vor Augen führte daß jede Regierung, ganz gleich, welche Form sie hat, oder unter welchem Vorwand sie handelt, ein totes Gewicht ist, das den freien Geist und den Tätigkeitsdrang der Masseo lähmt. Dies zu zeigen, schulde ich der Revolution, die ans Kreuz des Bolschewismus geschlagen wurde, dies schulde ich dem gequälten russischen Volke und der getäuschten Welt. Ich will meine ganze Schuld bezahlen, unbekümmert um den Mißbrauch, den Reaktionäre mit meinen Worten treiben werden, und unbekümmert um die Verunglimpfungen von verblendeten Radikalen.

Stockholm, im Januar 1922.

Wenn man die verschiedenen Faktoren, die zur Erdrosselung der russischen Revolution beigetragen haben, in Betracht zieht, so genügt es nicht, ausschließlich auf die Rolle hinzuweisen, welche die gegenrevolutionären Elemente in diesem Drama gespielt haben. Ihre Verbrechen sind wahrlich ungeheuerlich genug, um sie für alle Zeiten zu verdammen. Diese russischen „Patrioten" — Monarchisten, Kadetten (konstitutionellen Demokraten), rechte Sozialisten-Revolutionäre usw. — erfüllten die Welt mit ihrem Geschrei für eine Intervention des Auslandes. Was galt es ihnen, daß Millionen ihrer eigenen Landsleute und Tausende unschuldiger Opfer aller anderen Länder in diesem unheiligen Kriege gegen Rußland dahingeschlachtet wurden! Sie selbst lebten ja in vollständiger Sicherheit: Weder die Kugeln der Tscheka, noch die würgende Hand des Hungers oder des Typhus konnte sie erreichen. Sie konnten es sich leisten, die Rolle der Patrioten zu spielen. Doch all dies ist hinreichend bekannt und bedarf keiner weiteren Erklärung. Nicht bekannt aber ist, daß die russischen und alliierten Interventionen nicht die einzigen handelnden Kräfte gewesen sind in diesem gewaltigen sozialen Drama, das mit dem Tode der russischen Revolution sein Ende fand. Die anderen waren die Bolschewiki selbst, und über ihre Rolle will ich jetzt sprechen.

Vielleicht war das Schicksal der russischen Revolution bereits bei ihrer Geburt entschieden. Die Revolution folgte einem vierjährigen Kriege direkt auf den Fersen, einem Kriege, der Rußland seiner besten Manneskraft beraubt, sein Blut in Strömen vergossen und das ganze Land verwüstet hatte. Unter solchen Umständen wäre es begreiflich gewesen, wenn die Revolution nicht die nötige Kraft hätte aufbringen können, um dem wütenden Anprall der ganzen übrigen Welt zu widerstehen. Die Bolschewisten behaupten, daß das russische Volk wohl stark und heroisch genug sei, einer großen Umwälzung den ersten Anstoß zu geben, jedoch nicht über die nötige Ausdauer verfüge, die für die langsame und aufreibende Alltagsarbeit einer revolutionären Periode unumgänglich ist. Ich bestreite die Richtigkeit dieser Behauptung. Aber selbst wenn diese Ansicht gut begründet wäre, so müßte ich dennoch darauf bestehen, daß es nicht so sehr die Angriffe von außen als die unsinnigen und grausamen Methoden in Rußland **selbst** gewesen sind, welche die russische Revolution erdrosselt und dem Volke das Joch des Despotismus auf den Nacken gezwungen haben. Es war die marxistische Staatskunst der Bolschewiki, die Taktik, die man zuerst als für den Erfolg der Revolution unumgänglich notwendig gepriesen hatte, um sie später, nachdem sie überall Elend, Mißtrauen und Antagonismus verbreitet hatte, als schädlich beiseite zu werfen, welche langsam den Glauben des Volkes an die Revolution untergrub.

Wenn jemals ein Zweifel darüber bestand, ob die größte Gefahr für eine Revolution in den Angriffen von außen her oder in der Ausschaltung des Volkes an den Ereignissen und der Lähmung seiner Interessen für die Revolution von innen her zu suchen sei, so hat die russische Revolution jeden Zweifel in dieser Frage ein für allemal behoben. Die Gegenrevolution, unterstützt von den Alliierten durch Geld, Kriegsmaterial und Menschen, versagte vollständig. Ihre Niederlage ist nicht so sehr auf den heroischen Geist in der Roten Armee als vielmehr auf den revolutionären Enthusiasmus des Volkes zurückzuführen, das jeden Angriff erfolgreich niederschlug. Und dennoch starb die russische Revolution eines qualvollen Todes. Welche Erklärung gibt es für diese Erscheinung?

Die Hauptursachen sind nicht weit zu suchen. Damit eine Revolution imstande sei, alle Widerstände und Hindernisse, die sich ihr entgegentürmen, erfolgreich zu überwinden, ist es von entscheidender Bedeutung, daß sie dem Volke stets wie eine Fackel voranleuchte, daß das Volk stets den leidenschaftlichen Herzschlag der Revolution fühle. Mit anderen Worten, es muß den Massen stets fühlbar sein, daß die Revolution ihr eigenes Werk ist, und daß sie an der so schwierigen Aufgabe, ein neues Leben zu schaffen, aktiv beteiligt sind. Für eine kurze Zeit nach der Oktoberrevolution waren die Arbeiter, Bauern, Soldaten und Matrosen in der Tat die Herren ihres revolutionären Geschicks. Bald aber mischte sich die unsichtbare eiserne Hand des kommunistischen Staates ein und trennte die Revolution vom Volke, um sie eigenen Zielen dienstbar zu machen.

Die Bolschewisten bilden den Jesuitenorden in der marxistischen Kirche. Nicht daß sie als Menschen unehrlich oder von schlechten Absichten beseelt sind. Es ist ihr Marxismus, der ihre Politik und ihre Methoden bestimmt hat. Dieselben Mittel, die sie zur Anwendung brachten, haben die Verwirklichung ihrer ursprünglichen Ziele verhindert. Kommunismus, Sozialismus, Gleichheit, Freiheit — alles, wofür die russischen Massen sich den größten Leiden unterzogen hatten, ist durch die bolschewistische Taktik, durch ihren jesuitischen Grundsatz, daß der Zweck alle Mittel heilige, diskreditiert und in den Kot gezogen worden. Zynismus und Rohheit traten an Stelle der idealistischen Bestrebungen, welche der Oktoberrevolution ihr besonderes Merkmal gegeben hatten. Jede Begeisterung wurde gelähmt, jedes öffentliche Interesse ertötet, Indifferenz und Teilnahmslosigkeit beherrschen heute das Volk. Weder die Intervention, noch die Blockade waren imstande, das Volk der Revolution zu entfremden und ihm einen tiefen Haß gegen alles, was mit ihr in Verbindung steht, einzuflößen, es war die innere Politik der Bolschewiki, welche dies zustande brachte. „Was für einen Zweck haben alle Veränderungen?" sagt heute das Volk, „alle Herrscher sind sich gleich — der Arme hat immer zu leiden." Dieser Fatalismus, vereint mit jahrhundertlanger Unterwürfigkeit, war es, der den Bolschewiki die Möglichkeit gab, ihre Macht über Rußland aufzurichten. Ist es den Bolschewiki nun durch die Erfahrung klar geworden, daß der Zweck nicht alle Mittel heiligt?

263

890801010

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Ursachen des Niederganges der russischen Revolution [Part 1] / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – no. 21 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Kein Zweifel, Lenin gibt oft seiner Reue Ausdruck. Von jedem allrussischen Konklave der Kommunisten tönt uns ein Mea Culpa, „Ich habe gesündigt" entgegen. Ein junger Kommunist sagte mir einst: „Ich würde nicht überrascht sein, wenn Lenin eines Tages die Oktoberrevolution für einen Irrtum erklären würde." — In der Tat, Lenin gibt seine Fehler zu, aber das verhindert ihn durchaus nicht, dieselbe fehlerhafte Politik fortzusetzen. Jedes neue Experiment wird von Lenin und seinen Zeloten als der Gipfel wissenschaftlicher und revolutionärer Weisheit gepriesen. Wehe denen, welche die Berechtigung und Zulänglichkeit der neuen Verordnung in Frage zu stellen sich erdreisten! Sie werden sofort als Gegenrevolutionäre, Spekulanten und Banditen gebrandmarkt. Aber es dauert nicht lange, bis Lenin wiederum seine Reue kundgibt und die Herde seiner blinden Nachfolger als Narren verspottet, weil sie überhaupt an die Möglichkeit des letzten Experimentes geglaubt hatten. Nachdem er selbst Rußland und die ganze Welt vier Jahre lang getäuscht hatte, indem er jedermann den Glauben beibrachte, daß in Rußland der Kommunismus im Aufbau begriffen sei, bedeckte Lenin auf dem letzten Kongreß der allrussischen Sowjets seine eigenen Kameraden mit Spott und Hohn, weil sie naiv genug waren, zu glauben, daß der Kommunismus heute in Rußland verwirklicht werden könne. In derselben Zeit sind die Gefängnistore noch immer hinter denen verschlossen, die vor drei Jahren in milder Form derselben Ansicht Ausdruck gaben.

Es wäre sehr interessant, die verschiedenen Methoden hier anzuführen, welche die Bolschewiki der Reihe nach in Anwendung brachten, um ihre Ziele zu verwirklichen, Methoden, welche dem Volke als den Inbegriff aller Weisheit aufgezwungen hatte, und welche endlich die Revolution erstickt haben. Allein der Raum dieser Abhandlung gestattet keine ausführliche Analyse aller Handlungen, die der bolschewistische Staat zu verantworten hat. Ich werde daher nur die wichtigsten Phasen und Methoden in kurzen Worten behandeln.

Der Frieden von Brest-Litowsk war der Ausgangspunkt aller Uebel, die später folgten. Er war die völlige Verleugnung alles dessen, was die Bolschewiki bisher der Welt verkündet hatten: Keine Kriegsentschädigung, Selbstbestimmungsrecht aller unterdrückten Völker, Beseitigung aller geheimen Diplomatie. Trotzdem schlossen die Bolschewisten Frieden mit dem deutschen Imperialismus über den Kopf des deutschen Volkes hinweg. Dieser Frieden wurde durch den Verrat an Lettland, Finnland, der Ukraine und Weißrußland erkauft. Das Ergebnis? Mehrere Jahre Bürgerkrieg, die Zersplitterung der revolutionären Kräfte in einer Zeit, als deren Vereinigung eine Lebensfrage für die Verteidigung der Revolution bedeutete, und der Beginn des Roten Schreckens, der bis zum heutigen Tage das Land beherrscht.

Die Bauern der Ukraine und Weißrußlands wußten die deutschen Eindringlinge zurückzutreiben, haben aber den Verrat, welchen die Bolschewiki an ihnen begangen, nie vergessen, noch vergeben. Die beständige Anwesenheit einer Million Soldaten in der Ukraine, um die „Banditen auszutilgen", legt Zeugnis dafür ab, mit welcher Liebe die ukrainischen Bauern den kommunistischen Staat ins Herz geschlossen haben. Die Bauern, die bis zum Verrat von Brest-Litowsk mit den Arbeitern eins waren, wandten sich mit Haß und Widerwillen von den Bolschewisten ab, die sich als Vertreter der Bauern und Arbeiter aufspielten. Lenin forderte die Bestätigung, damit die Revolution Atem schöpfen könne. Es war dies einer seiner vielen Schnitzer, der Rußland am teuersten zu stehen kam; denn er erdrosselte die Revolution. (Fortsetzung folgt.)

Das Ende des Glasarbeiterkampfes in Fürth.

Ich habe seinerzeit über den Beginn dieses denkwürdigen Kampfes berichtet und fühle mich nun auch verpflichtet, den Ausgang desselben zu beschreiben. Als einen guten können wir diesen nicht bezeichnen.

Um was drehte es sich bei dieser Bewegung? Der Glasarbeiterverband hatte an die hiesigen Glasindustriellen eine Forderung eingereicht auf Erhöhung der Löhne, die damit von den Unternehmern beantwortet wurde, daß sie ihrerseits von den Arbeitern die Annahme des Akkordsystems verlangten. Gegen eine allgemeine Lohnerhöhung waren die Fabrikanten von Anfang an nicht, aber nur bei gleichzeitiger Annahme des Akkords, der von den Führern wie von den Arbeitern mit gleicher Entrüstung und Einmütigkeit abgelehnt wurde. Die älteren Arbeiter der Branche hatten es noch in allzu gutem Gedächtnis, wie scheußlich sich in den Jahren vor dem Kriege das Akkordsystem ausgewirkt hatte. Worum es sich also bei diesem Kampfe drehte, das war der Akkord. Sein Zweck, diesen abzuwehren, ist nicht erreicht worden. Beim Generalappell am 18. Mai haben die Arbeiter auf Anraten der Führer den Akkord fast mit derselben Einmütigkeit angenommen, wie sie ihn damals abgelehnt haben.

Es kann mir nicht helfallen, die zweitausend Arbeiter und Arbeiterinnen ob dieses verhängnisvollen Beschlusses zu verurteilen, denn ich weiß wohl, unter welchem furchtbaren Druck der Not sie standen. Dreizehn lange Streikwochen bei kurzen und knappen Unterstützungssätzen machen, daß selbst dem leichtsinnigsten Bruder graue Haare wachsen. Vor sich sahen sie nichts als Elend und Verzweiflung und da wird ihnen nun der Köder hoher Richt- und Wochenlöhne vorgehalten, da redet man ihnen von einem Akkord, der eigentlich gar kein Akkord sei, so habe man ihn maskiert und übersüßt: — was Wunder, daß sie wie die getäuschten Fischlein zuschnappen und anbeißen? Die Führer der hiesigen Glasarbeiter haben sich natürlich alle Mühe gegeben, die Niederlage als einen Erfolg hinzustellen und den Akkord, in der Form, wie er jetzt eingeführt werden soll, als eine harmlose Sache zu bezeichnen. Was tut man nicht alles in der Angst, sich die Sympathie und Gunst der Massen zu bewahren und die aufgeregten Gemüter zu beschwichtigen? Und dennoch wäre es ungerecht und falsch, den örtlichen Führern die ganze Schuld an der Erfolglosigkeit der Aktion aufzubürden. Selbst die revolutionärste und entschlossenste Führerpersönlichkeit kann innerhalb der Zentralverbände keinen Erfolg erzielen. Der Fehler liegt am System. Erst, wenn Führer und Arbeiter den Mut finden, gegen den Stachel zu löken und das fluchwürdige System des Zentralismus zu durchbrechen, kann eine neue Aera der Emanzipation beginnen.

Ich gebrauche eigentlich den Ausdruck Führer höchst ungern. Es ist anmaßend, denkenden Menschen ein Führer sein zu wollen und es ist ermüdig und erbärmlich, auf den eigenen Willen zu verzichten und sich führen zu lassen. Das Führertum selbst ist ja nur ein krankhafter Auswuchs des Zentralismus, wie alles krankhafte Formen annimmt, was von diesem stammt.

Da in der hiesigen Glasarbeiterschaft zum Unterschied von anderen Berufen noch viel ländliche Urwüchsigkeit steckt und sie mir von einem beweglicheren und freieren Geist beseelt schien, als andere Zentralverbändler, so hegte ich zu Beginn der Aktion die Hoffnung, daß sie vielleicht, kühn vom hergebrachten Weg abschweifend und unterstützt von der intelligenten Fürther Gesamtarbeiterschaft und vielleicht noch weiterer Kreise mittelst Solidaritäts- und örtlichen Generalstreik den Sieg erringen würde. Aber meine Hoffnung auf die revolutionäre Energie der Glasarbeiter war ebenso vergeblich wie auf die Intelligenz der Fürther und Nürnberger Gesamtarbeiterschaft. Will denn nicht einmal die Arbeiterschaft von einem und demselben Ort begreifen, daß sie solidarisch zusammengehört, daß das Schicksal des einen Berufes, das aller anderen ist, daß die Sache der Glasarbeiter, die Sache aller Proletarier ist? Wenn man nicht einmal für eine solche örtliche Solidarität Verständnis findet, wo soll da eine internationale Solidarität der Arbeiter aller Länder zustandekommen? Und doch — wird man einwerfen — die Fürther Arbeiter haben wacker die Glasarbeiter mit Geld unterstützt. Ja, das ist wahr. Aber mit Geldunterstützungen wird heutzutage kein Streik mehr gewonnen. Die zusammengelegten Gelder des Proletariats werden nie gegen die Kassenschränke der Industrie aufkommen können.

Was heutzutage im sozialen Kampfe gebraucht wird, das ist die Unterstützung kämpfender Genossen durch die revolutionäre Tat, durch den Einsatz der eigenen Person, d. h. durch den Solidaritäts- und Generalstreik. Ob wohl die Unternehmer auch dann so leichtfertig und geschwind die Leute aussperren würden, wenn sie jedesmal gewärtig sein müßten, das Feuer, das sie legen, könnte Infolge von unmittelbar sich anschließenden und ausbrechenden Solidaritätsstreiks eine ungeheure Ausdehnung nehmen? Wir glauben, die Lust dazu würde ihnen bald vergehen. Aber in der Gegenwart wird es der Unternehmerschaft durch die Zentralgewerkschaften leicht gemacht, zu siegen. Für eine konsequente revolutionäre Taktik sind diese ja nicht zu haben und am allerwenigsten für die großen sozialen Generalstreiks. Wie schmählich haben sich die Verbandsgrößen gegenüber den Eisenbahnern benommen! Die Zentralorganisationen sind erstarrt und verbürokratisiert. Sie halten heute noch an jener blöden Kampfmethode fest, die dazu führt, daß hübsch hintereinander eine Gewerkschaft nach der andern abgemurkst, ein Kampf nach dem andern verloren wird.

Wir hatten gehofft, daß der Glasarbeiterverband, um die hiesigen Glasindustriellen und -Exporteure an ihrer empfindlichsten Stelle zu treffen, den Streik auch auf die Rohglashüttenwerke in der Oberpfalz ausdehnen würde. Das ist nicht geschehen. Dort wurde weiter geschafft mit dem Erfolg, daß dort Ueberproduktion vorhanden ist und sich die Fürther Besitzer jener Werke jetzt die Bosheit leisten können, anstelle der Fürther Facettenschleifer und Spiegelbeleger nun 4300 Ober-

Offizielle Mitteilungen

des Internationalen Anti-Militaristischen Büros.

(I.A.M.B.) gegen den Krieg und Reaktion.

Keinen Mann, keine Arbeit, keinen Pfennig dem Militarismus.

Das I.A.M.B. wurde auf dem Internationalen antimilitaristischen Kongreß am Haag 1921 von Vertretern aus Belgien, Dänemark, Deutschland, England, Frankreich, Holland, Oesterreich, Schweden und der Schweiz gegründet.

Das I.A.M.B. richtet sich:

gegen drohenden Krieg,
gegen weißen Terror,
gegen reaktionäre Intervention,
gegen Ausbeutung farbiger Rassen.

Aufgabe:

Das I.A.M.B. gegen Krieg und Reaktion, zusammengestellt aus revolutionär-antimilitaristischen Organisationen, setzt sich als Ziel, den Militarismus international zu bekämpfen, um den Krieg und die Unterdrückung der Arbeiterklasse unmöglich zu machen.

Es sucht bei den Arbeitern das Bewußtsein ihrer entscheidenden wirtschaftlichen Macht zu stärken, und propagiert den Generalstreik und die Massenverweigerung.

Es propagiert die sofortige Einstellung aller Produktion für Kriegszwecke.

Es wirkt darauf hin, das Heer unzuverlässig zu machen und spricht denen, die persönlich den Militärdienst verweigern, seine Anerkennung aus.

Es widersetzt sich jedem Versuch, durch militärische Intervention ein Proletariat, das das kapitalistische Joch abgeschüttelt hat, aufs neue zu unterdrücken.

Es wendet sich gegen alle Formen wirtschaftlicher Ausbeutung und militärischer Unterdrückung der farbigen Rassen, und sucht zwischen dem revolutionären Proletariat des Nordens, Südens, Ostens und Westens möglichste Einheit und Zusammenarbeit zu fördern.

Die Organisation ist einfach: revolutionäre Gewerkschaften, Frauen- und Jugendbünde, revolutionär-antimilitaristische Organisationen usw. können dem I.A.M.B. beitreten, um auf diese Weise zu internationaler Zusammenarbeit zu kommen.

Wenn sich in einem Lande mehrere Organisationen dem I.A.M.B. angeschlossen haben, können diese einen revolutionär-antimilitaristischen Block mit einem nationalen antimilitaristischen Büro bilden, um den notwendigen Kampf gegen Militarismus und Imperialismus innerhalb der eigenen Grenzen so kräftig und zweckmäßig wie möglich zu machen.

Das Exekutiv-Komitee der I.A.M.B. hat kraft Entschlusses des Haager Kongresses seinen Sitz in Holland. Die Mitglieder werden teilweise von dem I.A.M.V., Abt. Holland, ernannt, teilweise von den anderen, dem I.A.M.B. in Holland angeschlossenen Organisationen derartig, daß sie so viel wie möglich die verschiedenen Strömungen in der antimilitaristischen Internationale vertreten.

Dieses Jahr wurden ernannt: für die I.A.M.V.: Schermerhorn, de Ligt, Gießen, Eckhard und Bot; für die Syndikalisten: Markmann; für die Anarchisten: Alb. de Jong; für die Frauen: ??? ; für die Jugend: I. v. de Eynde; für den Orient, Lahm Yang.

Angeschlossen sind folgende Organisationen:

Belgien: I.A.M.V.

Dänemark: I.A.M.V.

Deutschland: I.A.M.V.: Freie Arbeiterunion (jetzt also die ganze Organisation der deutschen Syndikalisten); die Föderation der deutschen Kommunistischen Anarchisten; Bund der Kriegsdienstgegner; Anarchistischer Frauenverein von Köln-Klettenberg; Anarchistischer Klub Mannheim.

Frankreich: I.A.M.V.; Anarchistische Gruppe Rouhaix; Frauenbund gegen den Krieg.

Holland: I.A.M.V. (nationale Organisation und örtliche Gruppen); Föderation der Metallarbeiter und örtlichen Gruppen der Bauarbeiter, Fabrikarbeiter, Landarbeiter, Holzarbeiter, Maurer, Tischler, Personal im öffentlichen Dienst; Zigarrenmacher; Aushilfefrauen; Bund der religiösen Anarcho-Kommunisten; Gemeinschaftlicher Grundbesitz; freier Jugendverband; Loge „Doelbewußt"; Kommunistische Partei, Abt. Trynwoude; Unabhängiger sozialistischer Frauenbund; Freidenkerverein Rotterdam und Zwolle; Sozial-Anarchistische Jugendorganisation, Abt. Amsterdam; Sozial-Anarchistische und Frei-Sozialistische Gruppen in Arnheim, Deventer, Enschede, Haarlem, Veendam, Sappemeer.

Norwegen: Die Jungsozialisten.

Oesterreich: Bund herrschaftsloser Sozialisten; Bund der Kriegsdienstgegner.

Spanien: Föderation anarchistischer Gruppen in den baskischen Provinzen.

Schweden: Die Jungsozialisten.

Schweiz: Bund der Schweizer Freischaren und Christlichen Sozialisten in der romanischen Schweiz.

Von verschiedenen großen Verbänden empfingen wir die Mitteilung, daß sie auf ihren Jahreskongreß warten müssen, ehe sie dem Büro beitreten können.

Einige der obigen Organisationen können von dem Exekutivkomité nicht als angeschlossen anerkannt werden, weil sie ihren finanziellen Verpflichtungen noch nicht nachgekommen sind. Wir ermahnen diese, so bald wie möglich die ihnen bekannte vorläufige Kontribution einzuzahlen.

Man kann auch als einzelner (Donateur) dem I.A.M.B. beitreten. Man empfängt dann regelmäßig die internationalen Mitteilungen.

Das Exekutivkomité unterhält eine ausgedehnte Korrespondenz mit antimilitaristischen Organisationen und Personen in Argentinien, Australien, Belgien, Bulgarien, Kanada, China, Dänemark, Deutschland, England, Finnland, Frankreich, Griechenland, Irland, Italien, Japan, Jugoslawien, Holland, Niederländisch-Ostindien, Neuseeland, Norwegen, Oesterreich, Peru, Polen, Portugal, Rumänien, Rußland, Spanien, Tschechoslowakei, Vereinigte Staaten von Amerika, Schweden und der Schweiz.

Ein ausführlicher und genauer Bericht von dem I.A.M.-Kongreß 1921 erscheint in holländischer Sprache demnächst.

Die deutsche Uebersetzung erscheint bei den „Syndikalisten" in Berlin. Mehrere hundert von Exemplaren sind davon bereits bestellt.

Ueber die englische und französische Ausgabe werden noch Besprechungen geführt.

Seit August 1921 wurden „Communications of the I.A.M.B." international in großen Mengen verbreitet. Sie fanden großes Interesse und wurden sehr geschätzt. Eine deutsche Uebersetzung erschien in „Erkenntnis und Befreiung" III. 41, eine Zusammenfassung in „Die Waffen nieder" I. 4 (Berlin). Ein großer Teil wurde von dem Schwedischen „Brand" übernommen, während Zeitungen und Zeitschriften in mehreren Ländern ihm Berichte entnahmen.

In Australien verbreitet „The Commonweal", eine religiös-sozialistische Wochenschrift, unter Redaktion von Dr. Charles Strong, Barnato Grove, Armandale, Berichte über den I.A.M.-Kongreß und Mitteilungen von dem I.A.M.B. Im 28. Teil, Nr. 1, liest man unter anderm: Der Bund zur Abschaffung des Krieges veröffentlichte vor kurzem die ganze Reihe der Sprüche von Jesus, die unter dem Namen der Bergpredigt bekannt sind. Als man dieses 1917 hatte tun wollen, empfing man von offizieller Seite die Nachricht, daß das Justizamt das Drucken als deutschfreundlich ansehen würde.

Auf einer Zusammenkunft des Friedensvereins in Melbourne erklärte Mr. Holloway, daß die Frage des

890801011

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Ursachen des Niederganges der russischen Revolution [Part 2] / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 34 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 22 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

Nr. 22 - 1922 — Beilage — IV. Jahrgang

Ursachen des Niederganges der russischen Revolution.

Von Emma Goldmann.

(Fortsetzung.)

Die Raswjorstka, das heißt das Einsammeln der Lebensmittel mit der Hilfe von Gewaltmethoden, folgte dem Frieden von Brest-Litowsk auf dem Fuße. Die Bolschewiki behaupten, daß sie gezwungen waren, ihre Zuflucht zu der Raswjorstka zu nehmen, da sich die Bauern geweigert hätten, die Städte mit Lebensmitteln zu versehen. Das ist nur teilweise richtig. Die Bauern weigerten sich in der Tat, ihre Produkte den Agenten der Regierung auszuhändigen. Sie forderten das Recht, mit den Arbeitern direkt in Verbindung treten zu können, aber dieses wurde ihnen verweigert. Die Unfähigkeit der bolschewistischen Regierung und die Korruption ihrer Barokratie haben viel dazu beigetragen, die Unzufriedenheit der ländlichen Bevölkerung wachzurufen. Die Industriefabrikate, die man den Bauern zum Austausch für ihre Produkte versprochen hatte, erreichten diese fast nie, und wenn dies schon ja geschah, so waren es beschädigte Fabrikate, oder das richtige Gewicht war nicht vorhanden usw. In Charkow hatte ich selbst Gelegenheit, die Unfähigkeit des bürokratischen Zentralapparates beobachten zu können. In einem großen Fabrikmagazin lagen große Mengen von landwirtschaftlichen Maschinen. Moskau hatte befohlen, unter Androhung von „Bestrafung wegen Sabotage, dieselben innerhalb von zwei Wochen fertigzustellen" Der Befehl wurde ausgeführt; aber nun lagen die Maschinen bereits sechs Monate da, ohne daß die Zentralbehörde bisher irgendeinen Versuch gemacht hatte, dieselben unter die Bauern zu verteilen, die in ihrer großen Not vergeblich nach Werkzeugen schrien. Es war dies nur eines der unzähligen Beispiele, wie das Moskauer „System" arbeitete, oder besser gesagt, wie es nicht arbeitete. Kann man sich dann noch wundern, wenn die Bauern jeden Glauben an die Verwaltungsfähigkeiten des bolschewistischen Staates verloren haben? Als die Bolschewiki endlich einsehen mußten, daß sie sich das Vertrauen weder erschwindeln noch erschmeicheln konnten, kamen sie auf die Idee der Raswjorstka. Eine erfolgreichere Methode, die Bauern zu erbittern und sie in ausgesprochene Gegner der neuen Regierung zu verwandeln, konnte überhaupt nicht erfunden werden. Die Raswjorstka wurde zum stets drohenden Schreckensbild der ländlichen Bevölkerung. Sie beraubte sie um alles. Erst die Zukunft wird imstande sein, ein vollständiges Bild über die furchtbaren Konsequenzen dieser wahnsinnigen Methode mit all ihren zahlreichen Menschenopfern und Verwüstungen entwerfen zu können. So unglaublich es klingt, ist es eine in Rußland gut bekannte Tatsache, daß das System der Raswjorstka zum Teil mitverantwortlich für die gegenwärtige Hungerkatastrophe ist. Denn man beraubte die Bauern nicht nur ihres letzten Pods Mehl, man nahm ihnen selbst die Saatkartoffeln und Sämereien weg, die sie für das kommende Jahr benötigten. Gewiß ist die Trockenheit die Hauptursache der herzzerreißenden Zustände in der Wolgagegend, aber nichtsdestoweniger bleibt es wahr: Hätte man den Bauern die Aussaat in der rechten Zeit und nach ihrem eigenen Ermessen gestattet, dann wären wenigstens einige Distrikte in der Lage gewesen, den Hunger an der Wolga zu mildern.

Die Strafexpeditionen, die dem Widerstand eines Dorfes gegen die Agenten der Regierung, welche die Lebensmittel einsammelten, folgten, und die stets unter der Leitung von Kommunisten stattfanden, griffen die Bevölkerung mit Gewalt an und zerstörten oft das ganze Dorf. Vergeblich protestierten die Bauern bei ihren Lokalbehörden und endlich in Moskau selbst. In Rußland ist eine bezeichnende Anekdote im Umlauf, die ein helles Licht wirft auf die Ansicht der Bauern in bezug auf die bolschewistische Methode, Lebensmittel „einzusammeln". Eine Bauerndeputation erscheint vor Lenin. „Nun, Großväterchen," wandte sich dieser an den Dorfältesten, „ihr solltet doch jetzt zufrieden sein. Ihr habt das Land, das Vieh, das Geflügel, kurz, ihr habt alles". — „So ist es, Väterchen, Gott sei gepriesen," antwortete der Bauer, „ja, das Land gehört mir, aber du nimmst mir das Korn, die Kuh gehört mir, aber du nimmst mir die Milch, die Hühner sind mein, aber du nimmst mir die Eier. Gott sei gepriesen, Väterchen."

Die Bauern, welche auf diese Weise beraubt und betrogen wurden, wandten sich gegen die Kommunisten. Die Raswjorstka, die Strafexpeditionen, mit allen ihren Ungerechtigkeiten erzeugten im Lande ein starkes gegenrevolutionäres Empfinden. Einige Autoren, die über Rußland schrieben, haben die Erklärung angenommen, welche die Regierung über den Antagonismus der Bauern entwickelt hat. So sagt z. B. Bertrand Russell, der bei weitem ernsteste und ehrlichste Kritiker des heutigen Rußland, in seiner Schrift „Die Praxis und Theorie des Bolschewismus": „Man muß zugeben, daß die Gründe, welche die Bauern für ihre Antipathie gegen die Bolschewiki ins Feld führen, sehr unzulänglich sind." Bertrand Russell hat offensichtlich nie Gelegenheit gehabt, die Wirkungen der Raswjorstka kennen zu lernen, da er sonst einen anderen Eindruck gewonnen hätte. Tatsache ist, daß, wenn die russischen Bauern nicht so passiv und phlegmatisch wären, der bolschewistische Staat keinen langen Bestand gehabt hätte. Aber so wie die Dinge liegen, wäre das bolschewistische Regime fast an dem passiven Widerstand der Bauern zugrunde gegangen. Es war diese Erkenntnis — nicht die Tatsache, daß die Raswjorstka unmenschlich und konterrevolutionär ist — welche Lenin zu seiner neuen Steuerpolitik und zum freien Handel gezwungen hat.

Die russischen Genossenschaften waren eine große wirtschaftliche und kulturelle Kraft im Leben des Volkes. Im Jahre 1918 bedeckten sie das Land mit einem Netze von 25 000 Zweigorganisationen und hatten eine Mitgliederzahl von neun Millionen. Ihr angelegtes Kapital in jener Zeit betrug fünfzehn Milliarden Rubel, und die Summe der abgeschlossenen Geschäfte im vorhergehenden Jahre betrug 200 Milliarden Rubel. Gewiß, die Genossenschaften waren keine revolutionären Organisationen, aber als Verbindungsglied für die Beziehungen zwischen Stadt und Land waren sie unentbehrlich. Was immer für gegenrevolutionäre Elemente an der Spitze der Genossenschaften standen, konnten sie leicht ausgemerzt werden, ohne daß man deshalb die ganze Organisation zerstören mußte. Aber diesen Körperschaften ihre Tätigkeit gestatten, hätte doch als eine Beschränkung der zentralen Staatsgewalt erscheinen müssen. Aus diesem Grunde „liquidierte" man die Genossenschaften und zerstörte auf diese Weise vollständig einen großen Faktor für den Wiederaufbau Rußlands. Später aber, als diese Organisationen glücklich aus der Welt geschafft waren, während die Männer und Frauen, welche in dieser Bewegung eine so segensreiche Tätigkeit entfaltet hatten, ihr Leben in den Gefängnissen der Bolschewiki fatenlos verschwenden mußten, schlug sich Lenin abermals an die Brust und sagte sein Mea culpa. Heute versucht man, die Genossenschaften wiederherzustellen und dem toten Körper wieder Leben einzuhauchen. Kurz vordem die Genossenschaften gezwungen wurden, sich wieder anerkannt werden, drückte Kropotkin, der damals auf dem Totenbette lag, den Wunsch aus, daß man die sechs Genossenschaftler von Dmitrow aus dem Gefängnis entlassen sollte. Er kannte diese Männer als ernste und ihren Ideen ergebene Arbeiter. Sie schmachteten damals schon achtzehn Monate im Butyrkigefängnis, weil sie treu zu ihrem Werke standen. Aber erst nachdem Lenin erklärt hatte, daß man die Genossenschaften wieder ins Leben rufen müsse, wurden sie entlassen. Es ist schwer zu glauben, daß die Genossenschaften im bolschewistischen Staate jemals wieder die Kraft und Bedeutung erlangen werden, die ihnen vor ihrer Vernichtung innewohnte

Die Sowjets Das heutige Rußland als Sowjet-Rußland zu bezeichnen, oder den bolschewistischen Staat eine Sowjetregierung zu nennen, ist lächerlich. Die Sowjets hatten ihren Ursprung in der Revolution von 1905 und traten nach der Februar-Revolution abermals in Erscheinung. Sie haben mit der bolschewistischen Regierung ebensoviel Verwandtschaft wie die urchristliche Bewegung mit der christlichen Kirche. Die Räte der Bauern, Arbeiter, Soldaten und Matrosen waren das spontane Ergebnis der befreiten Kräfte des russischen Volkes. Sie entsprachen den Bedürfnissen der Massen, die nun endlich, nach jahrhundertelanger Unterdrückung ihren öffentlichen Ausdruck fanden. Bereits im Mai, Juni und Juli 1917 drängte die dynamische Kraft der Sowjets die Arbeiter und Bauern zur Besitzergreifung der Fabriken und des Grund und Bodens. Die Sowjets verbreiteten sich mit großer Schnelligkeit über ganz Rußland, entfachten die Flammen der Oktober-Revolution und setzten ihre Tätigkeit viele Monate nach diesem Ereignis weiter fort. Manche sozialistische Politiker erkannten nicht die Bedeutung der Sowjets und wurden von diesen hinweggeschwemmt. Dasselbe wäre der Fall gewesen mit den Bolschewiki, wenn sie versucht hätten, sich der anschwellenden Flut dieser Bewegung entgegenzustemmen. Doch Lenin ist ein schlauer und listiger Jesuit, und so machte er den allgemeinen Schrei des Volkes: „Alle Macht den Räten!" zu seinem eigenen Motto. Erst als er und seine jesuitischen Gefolgsleute sich fest im Sattel fühlten, begann die Abtragung der Sowjets. Heute sind sie, wie alle anderen Dinge in Rußland, nur noch ein Schattengebilde, dessen körperliche Substanz entschwunden ist.

Die Sowjets bringen heute bloß noch die Entscheidungen der Kommunistischen Partei zum Ausdruck. Keine andere politische Meinung hat die Möglichkeit, gehört zu werden. Die Wahlmethoden der Kommunisten müßten sogar den Neid von Tammany Hall erwecken. Bald nach meiner Ankunft in Rußland sagte mir ein führender Kommunist: „Meister Murphy und Tammany Hall können uns nicht an den Wimpern klimpern." Natürlich dachte ich, der Mann scherze. Allein ich überzeugte mich sehr bald, daß er die Wahrheit gesprochen hatte. Jeder erdenkliche Kunstgriff wird von den Bolschewiki in Anwendung gebracht, um die kommunistischen Stimmen anschwellen zu lassen. Falls die gewöhnlichen Methoden nicht verfangen wollen, droht man mit der Entziehung der Rationen und mit Verhaftung. Die Tscheka ist wie das Schicksal allgegenwärtig, und die Wähler wissen, was ihrer harrt. Es ist darum leicht zu verstehen, warum die Kommunisten bei jeder Wahl unwiderruflich eine Majorität zusammenbringen. Trotzdem kommt es von Zeit zu Zeit vor, daß auch Menschewisten, Linke Sozialisten-Revolutionäre und sogar Anarchisten einen Vertreter durchbringen, was keine Kleinigkeit ist im bolschewistischen Rußland. Ohne Presse, ohne freie Rede und ohne die gesetzliche Erlaubnis der Propaganda in den Fabriken grenzt es geradezu an ein Wunder, wenn es den Oppositionsparteien gelingt, einige Vertreter in die Sowjets zu wählen. Aber die Möglichkeit, sich dort Gehör zu verschaffen, ist überhaupt nicht gegeben. Die kommunistischen Claqueure (gedungenen Beifallklatscher) sorgen schon dafür, daß außer Kommunisten kein anderer gehört wird.

Wenn hie und da ein Anarchist in den Sowjet gewählt wird, so weigert sich die Regierung gewöhnlich, das Mandat anzuerkennen, oder man findet irgendeinen Vorwand, die Tscheka gegen den Erwählten einschreiten zu lassen. 1920 wohnte ich einer Wahlversammlung in einem der Fabrikklubs in Moskau bei. Es war das zweite Mal, daß die Regierung dem Kandidat der Arbeiter, einem Anarchisten, seinen Sitz verweigert hatte. Obwohl man ihm als Gegenkandidat Semaschko, den Kommissar für öffentliche Gesundheitspflege, gegenüberstellte, wählten die Arbeiter zum dritten Mal den Anarchisten. Vergeblich bemühte sich Semaschko, seinen Gegner persönlich zu verunglimpfen und zu mißrepräsentieren, vergebens drohte er den Wählern mit der Faust und sprach den Bann aus über sie. Die Arbeiter lachten ihn aus, schrien ironisch Bravo und wählten den Anarchisten zum dritten Mal. Einige Monate später verhaftete man ihn unter irgendeinem Vorwand. Erst nach einem langen Hungerstreik wurde er wieder entlassen, und zwar geschah dies ausschließlich, weil die Britische Arbeiter-Mission zu jener Zeit in Moskau weilte und die Bolschewiki einen Skandal vermeiden wollten. Kurz bevor ich Moskau am 1. Dezember 1921 verlassen habe, wurden drei Anarchisten, Mitglieder des Moskauer Sowjets, verhaftet. Einen von ihnen verbannte man von der Hauptstadt, gegen die beiden anderen hat man, wie ich später erfahren habe, Anklage wegen „Banditismus und unterirdischer Tätigkeit" erhoben, eine sehr schwere Anklage, die gewöhnlich mit Erschießen ohne Verhör oder Prozeß gesühnt wird. Diese Männer waren zu freimütig im Sowjet aufgetreten; deshalb mußten sie „entfernt" werden. Es ist also leicht zu ersehen, daß weder der Moskauer Sowjet, noch irgendein anderer Sowjet in Rußland ein Selbstbestimmungsrecht oder Unabhängigkeit in ihren Funktionen besitzen. Sogar ein gewöhnliches Mitglied der Kommunistischen Partei hat dort keine besonders großen Möglichkeiten, seiner Meinung Ausdruck zu geben. In den Sowjets sowohl als in der ganzen bolschewistischen Regierung befindet sich die „Diktatur des Proletariats" in den Händen einer sehr kleinen Gruppe — es ist dies der innere Kreis, der allein Rußland und das russische Volk beherrscht.

Was einst ein Ideal war — der freie Meinungsaustausch der Arbeiter, Bauern und Soldaten —, wurde zur gewöhnlichen Komödie, die das Volk nicht begehrt, und zu der es jeden Glauben verloren hat.

Die Mobilisation der Arbeit, die in der Wirklichkeit Arbeitszwang ist, wurde der Welt als der wichtigste Bestandteil des kommunistischen Systems gepriesen. „Alle müssen heute in Sowjet-Rußland arbeiten. Es gibt keine Parasiten mehr." Obzwar Lenin niemals öffentlich zugegeben hat, daß diese Methode wie so viele andere ähnlichen Experimente, die man dekretiert hatte, um Rußland wieder aufzubauen, ein Irrtum gewesen ist, glaube ich trotzdem, annehmen zu dürfen, daß er sich vollständig darüber klar geworden ist, daß die Zwangsarbeit absolut nichts ausgerichtet hat, um die Produktion der Arbeiter ergiebiger zu gestalten. Während ihrer Existenz war sie bloß imstande, eine allgemeine Herdensklaverei zu errichten und den bürgerlichen Schmarotzer durch den Apparat des bolschewistischen Schmarotzertums zu ersetzen. Ihre Aufgabe war, die Arbeiter zur Arbeit anzutreiben, sie bei ihrer Beschäftigung zu beaufsichtigen, sie zu verhaften und gelegentlich sogar zu erschießen, wenn sie ihre Arbeit ohne Erlaubnis verlassen hatten. Die große Mehrheit der Arbeiter ging auch in die Betriebe, aber nicht um zu arbeiten, sondern um dort müßig herumzulungern, und um unter der Hand einige Artikel herzustellen, die ihre Frauen und Kinder auf dem Land für Mehl und Kartoffeln austauschen konnten. Es war dies der einzige Weg für sie, um nicht verhungern zu müssen.

Ueber die Möglichkeit, etwas vom Lande in die Stadt zu bringen, könnte man allein ein ganzes Buch füllen. Zusammen mit dem Verbot des Handels wurde die Sagrjaditelni otrjad eingeführt, das heißt Abteilungen von Soldaten und Tschekisten, die auf jeder Eisenbahnstation postiert waren, um alles zu konfiszieren, was von Privatpersonen nach der Stadt gebracht wurde. Die unglücklichen armen Teufel, die sich endlich unter unbeschreiblichen Schwierigkeiten eine Reiseerlaubnis verschafft hatten, die Tage und Wochen auf den Stationen geduldig ausharren mußten, bis sich ihnen eine Fahrgelegenheit bot, und die endlich nach einer schauerlichen Reise in schmutzigen und überfüllten Wagen oder auf den Dächern und Trittbrettern derselben glücklich ein Pud Mehl oder Kartoffeln ergattert hatten, mußten es ruhig über sich ergehen lassen, wenn ihnen am Endziel ihrer Reise alles von der Otriad abgenommen wurde. In den meisten Fällen verteilten die Verteidiger des kommunistischen Staates die konfiszierten Dinge unter sich. Die armen Opfer durften sich noch glücklich schätzen, wenn ihnen aus der ganzen Geschichte keine weiteren Unannehmlichkeiten entstanden, denn sehr oft beraubte man sie nicht nur ihrer kostbaren Bürde, sondern warf sie auch außerdem noch wegen „Spekulation" ins Gefängnis,

890801011

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Ursachen des Niederganges der russischen Revolution [Part 2] / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 34 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 22 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Die Zahl der wirklichen Spekulanten, die verhaftet wurden, war unbedeutend im Vergleich mit den Scharen unglücklicher Menschenkinder, welche die Gefängnisse Rublands füllten, weil sie versucht hatten, sich vom Hungertode zu retten.

Eines muß man den Bolschewiki lassen — sie machen keine halbe Arbeit. Sobald die Zwangsarbeit Gesetz geworden war, wurde sie unbarmherzig zur Ausführung gebracht. Männer und Frauen, jung und alt, alle dünn bekleidet, in zerrissenen Schuhen oder die Füße in schmutzige Lappen gewickelt, wurden ueterschiedslos in Frost und Schnee hinausgetrieben, um Schnee zu schaufeln oder Eis zu brechen. Manchmal sandte man sie in Gruppen in die Wälder, um Holz zu schlagen. Rippenfellentzündung, Schwindsucht und Lungenentzüedung waren das Ergebnis. Erst nach diesen Resultaten schufen die Weisen im Kreml ein neues Ressort für die Verteilung der Arbeit. Dieses Ressort entschied über die körperliche Befähigung der Arbeiter und klassifizierte und verteilte sie ihren Berufen gemäß.

Man darf sich nicht wundern, wenn unter solchen verskiavenden und menschenunwürdigen Bedingungen die Menschen sich der Arbeit zu entziehen suchten, da ihnen die Methoden, wie sie dazu getrieben wurden, in der Seele verhaßt waren. Die Menschen fingen an, in dem kommunistischen Staat den Blutegel zu sehen, der ihnen die Lebenskraft aus den Adern saugt. War es ein Wunder, daß selbst die Arbeiter von Petrograd, die revolutionärsten in gans Rußland, die den ganzen Anprall des langen Kampfes zu bestehen hatten, die so heroisch die Stadt gegen die Horden Judenitschs verteidigten und die Ungeheuerliches durch den Hunger und die Kälte zu leiden hatten, war es ein Wunder, daß selbst sie die falschen Revolutionäre und alles was mit ihnen verbunden war, zu verabscheuen anfingen? Nicht ihr Fehler war es, es war die grausame bolschewistische Staatsmaschine, die ihre Ideale und ihren Glauben untergraben hat. Sie war es, die in den Massen ein gegenrevolutionäres Empfinden erzeugt hat, das nur sehr langsam zu überwinden sein wird.

Eine gewisse Szene wird mir stets unvergeßlich bleiben, die in einer Versammlung des Petrograder Sowjets ihren Ausdruck fand. Es war in jener Nacht, als das Schicksal von Kronstadt entschieden werden sollte. Nach den langen Reden der kommunistischen Führer forderten einige Arbeiter und Matrosen das Wort. Ein Arsenalarbeiter sprach. Sein Gesicht war dem Vorsitzenden, nicht der Zuhörerschaft zugewendet. Seine Stimme zitterte vor innerer Erregung, seine Augen blitzten und seine ganze Gestalt bebte. Er sprach zu Sinowjew, dem Vorsitzenden des Petrograder Sowjets: — „Vor drei und einem halben Jahr wurden Sie als deutscher Spion, als Verräter an der Revolution gebrandmarkt und von den Schergen gehetzt und verfolgt. Wir, die Arbeiter und Matrosen von Petrograd haben Sie gerettet, kämpften für Sie, bluteten für Sie und stellten Sie endlich an den Platz, den Sie heute einnehmen. Wir taten dies, da wir glaubten, daß Sie den Wünschen des Volkes Ausdruck geben würden. Von da ab haben Sie und ihre Regierung sich von uns entfernt. Und nun schleudern Sie uns Beleidigungen ins Gesicht und besitzen die Stirn uns als Gegenrevolutionäre zu verschreien. Sie werfen uns ins Gefängnis und erschießen uns, weil wir von ihnen die Einlösung der Versprechen, die Sie uns in der Oktober-Revolution gegeben haben, fordern."

Ich weiß nicht, was aus dem Mann geworden ist. Vielleicht brachte ihn seine Kühnheit ins Gefängnis, vielleicht ins Grab. Sein Aufschrei fand nur taube Ohren. Und doch war es der Aufschrei einer Seele, die mit dem Tode rang, der Aufschrei der ganzen russischen Volksseele, die während der Revolution einen so außergewöhnlichen Grad der Begeisterung erstrebte und erreichte, und welche der bolschewistische Staat nun in Ketten geschlagen hat.

Reichsschulgesetzentwurf.

(Lesung vom 23. 1. 22.)

Motto: „Mit solchem Lumpenpack muß ich mich den ganzen Tag herumschlagen."
(Friedrich der Große in der Schlacht bei Zorndorf.)

Staatssekretär Schulz, der den Reichsgesetzentwurf zu begründen hatte, sah selbst ein, daß er für ein solches Dokument höherer Weisheit „ein verbehaltloses Einverständnis von keiner Partei erwarte". Damit ist unumwunden anerkannt, daß auch dieses Staatsgesetz so angelegt wurde, daß man es wie einen Zankapfel in den Saal rollen kann, ist es erst von einer Mehrheit angenommen, wird es schon seine Hauptaufgabe, das Volk gegeneinander zu hetzen, erfüllen. Wenn doch die Parteien erst begriffen, daß das Gegeneinanderhetzen des Volkes ihr ureigenste Aufgabe ist. (Im Trüben ist gut fischen!) Zum Herrschen braucht man Parteien (Mehrheiten — Minderheiten) noch nötiger als Gesetze, sind doch die Gesetze stets von einer jeweiligen Mehrheit angenommen.

Betreffs des Schulgesetzentwurfs, meint Staatssekretär Schulz, sei vielfach verlangt worden, den Entwurf zurückzuziehen, jedoch könne sich die Regierung dazu nicht entschließen. Begründung: Dadurch würde eine starke Verzögerung eintreten. Offenbar hat es die Regierung sehr eilig damit, Unsinn erst einmal gesetzlich festlegen zu lassen. Von dieser Eile hat man bis dato keine Ahnung gehabt. Es gab Leute, die sich von einem Schulgesetzentwurf etwas versprachen — aber er wollte und wollte nicht kommen! Nun ist das Kindlein geboren. Aber es ist so hüßlich, daß jeder die Vaterschaft ablehnt. Nun soll es schnell getauft werden.

Wie wird erst die Volksfamilie erbittert werden über den Zuwachs eines solchen Knaben, der ihm sein „Heim" total verekelt und unerträglich macht. Aber in einem Staate, wo „des Volkes Wille oberstes Gesetz ist", kann sich die Regierung solche Scherze schon erlauben. Die Regierung steht über der Verfassung.

Aufgabe des Regierungsvertreters ist es lediglich, für den Entwurf eine Mehrheit zu finden. Darum rät der Herr Staatssekretär Schulz, die Parteien müßten sich verständigen, und das werde möglich sein, wenn man der Verschiedenartigkeit der Weltanschauungen Rechnung tragen, den Weltanschauungen den ihnen gebührenden Anteil an der Schule zugestehen (nun ist alles wieder gut — der Tränenquell der bösen Buben ist versiegt!) und sich gegenseitig dulden wolle.

Es geht doch nichts darüber, wenn bei jeder Sache einer ist, der alles weiß. Dann kommt man nie in Verlegenheit. Daß man aber auch nicht längst schon auf diesen einfachen Gedanken gekommen ist! Vertragen sollten sich alle Parteien, ganz einfach vertragen! Die Arbeiter mit ihren Ausbeutern, die geistig gebnebelten mit der Staatskirche! Staunst du nicht vor der Einfachheit dieses Gedankens?

Ganz gewiß sollen die Parteien bleiben; die Regierung braucht sie immer wieder, um schlechte Gesetze durchzukriegen, was ohne Abstimmung der Parteien nicht möglich wäre, nicht ohne einen Volksteil gegen den andern auszuspielen.

Wir sind doch in einer Republik, sozusagen! Wie wollte man beispielsweise das Volk beruhigen bei Streiks und Hungerrevolten ohne Mehrheitssozialisten und ohne die „Christlichen"? . . . .

Der Höhepunkt der Phraseologie gipfelt beim Herrn Staatssekretär Schulz in dem Ausruf, auf dem Boden der Selbstverwaltung könne das Schulwesen sich entwickeln. Gewiß liebt der Fuchs die Gänse — er möchte sich sogar aufs Innigste damit vereinen, wie die Gläubigen mit Christus beim Abendmahl, so innig — er hat sie zum Fressen gern, wie die Katze die Maus, ganz gewiß aber doch!

Der Köder von der „Selbstverwaltung" spiegelt deutlich die allheglichte Entwicklungstaktik der hohen Regierungsvertreter wieder. In der Theorie „werden alle Türen der Freiheit weit geöffnet"! (Also eine Freiheitsberaubung wars vorher doch! Türen waren da und waren auch geschlossen.) Aber wehe dem, der da glauben sollte, von der Freiheit sei etwa in der Praxis Gebrauch zu machen! Jede Sache, jede Handbewegung, jeder Schritt, jeder Gedanke ist von oben vorgeschrieben — jedes Lehrbuch, jeder Lehrplan, jeder Stundenplan muß genehmigt werden. Am besten läßt man alles beim Alten, wer neue Gedanken bringt, wird lästig und darum solange bedrängt bis er wegemüde wird.

Das ist auch der Grund, weshalb die weltliche Schule nicht zieht. Durch den aufreibenden Kampf mit den hemmenden Behörden — die extra für den Kampf gegen das Volk in Staates Sold stehen und für den Judasdienst keine lumpigen 33 Silberlinge erhalten, sondern ein freches Herrenleben führen können — sind die meisten Lehrer wie Elternbeiräte, soweit sie das grause Spiel durchschauen, als arme Proleten eben bereits wegemüde geworden. Sie ringen tagtäglich um das tägliche armselige Brot, und ihre christlich-staatlichen Gegner kennen diese aufreibenden Sorgen nicht und können sich sorglos und ungestört dem Niederkämpfen der Volkswünsche widmen. So gibt es heute nicht mehr viele Eltern, die sich für Elternbeiratswahlen interessieren. Die Elternbeiräte, um die die Behörden so großes Aufsehen machen, sind geschaffen worden nach der Melodie: „Sorget, daß sie zu schaffen haben und sich nicht kehren an falsche Reden." Immer das Volk beschäftigen — eher hitte nur mit Nichtigkeiten! — daß sie nicht zum Nachdenken kommen. „Selbstverwaltung" — in Preußen —, so sichste aus!

Das größte Armutszeugnis für den Schulgesetz-(Geheimrats-)entwurf spricht aus Schulz' Worten: „Die Abänderungs- und Verbesserungsvorschläge des Reichstages würden h o f f e n t l i c h die Vorlage zu einem für Volk und Schule heilsamen Gesetze gestalten."

„Hoffentlich!" Wenn ich alles glaube, an die Echtheit dieses frommen Wunsches glaube ich nicht! Sollte ein Regierungsvertreter dieses Dokument allerhöchster Geheimratsweisheit wirklich geändert wissen wollen?

Schulz darf aber dieses „Hoffentlich" zu seiner Rechtfertigung ruhig aussprechen an einer Stelle, die für die Wünsche des Volkes keine Hand rührt: In der großen Quasselbude zu Berlin. Faustibus.

Ein ernstes Wort an alle!

Viele, wenn auch nicht allzu viele Kameraden glauben, daß auch unserer Organisation die Bonzengefahr droht. Soweit diese Befürchtungen ehrlichen Motiven entspringen, sollen sie auch ehrlich gewertet und behandelt werden.

Es kann gar nicht ausbleiben, daß hier oder dort Kameraden durch Ortsvereine, Bezirke, Föderationsleitungen, oder die Geschäftskommission aus der Arbeit gezogen werden müssen, um notwendige Arbeiten der Organisationen ausführen zu können. Mit einer gewissen Berechtigung kann man hieraus den Schluß ziehen, daß dieses der Anfang zum Bonzentum, zur Führerkaste oder Arbeiteraristokratie sei.

Zunächst ist aber auch hierbei eines in Betracht zu ziehen, nämlich: Die Struktur, der Aufbau der Organisation selbst. In der Zentralgewerkschaft mußten die Verhältnisse sich so gestalten, wie wir es heute konstatieren müssen, wohl weniger aus der Bosheit einzelner heraus, als vielmehr auf Grund der Struktur, des organischen Aufbaues der Verbände selbst. Erst der Umstand, daß die ganze w i r t s c h a f t l i c h e M a c h t, der Willkür einer handvoll Menschen, den Hauptvorständen ausgeliefert ist, ermöglicht dieses mit Recht gehaßte Bonzentum.

Es sei hier einmal kurz darauf hingewiesen, wie das Wort „Bonze" zu verdeutschen ist. Mit diesem Wort bezeichnet man eine gewisse Kaste indischer Götzendiener; und es ist anzunehmen, daß man für die Gewerkschaftsführer diese wenig schmeichelhafte, aber auch vielfach mißverstandene Bezeichnung dann anwendete, als ihre Dienstleistungen für den Götzen Mammon nicht mehr zu verschleiern waren.

So recht man hat, für diese Mammonsdiener das Wort (Bonze) anzuwenden, so dumm, und lächerlich ist es, nunmehr jeden für die Organisationsarbeiten „freigestellten" Kameraden mit demselben Titel zu bedenken.

War es in dem Zentralismus unausbleiblich, daß der Bürokratismus, die Herrscherkaste privilegiert aus ihm herauswuchs, so bietet die föderative Form der Organisation hiergegen einen nicht unwirksamen Schutz. Die Tatsache, daß jeder Ortsverein fü seinen Maßnahmen — soweit sie sich vereinbaren lassen mit der Prinzipienerklärung, die kein Dogma werden darf — souverän ist, nach eigenem Ermessen Gebrauch machen darf von den Kampfesmöglichkeiten der revolutionären Rüstkammer des internationalen Syndikalismus, ferner der Umstand, daß die wirtschaftliche Macht der Organisation nicht einer Kaste ausgeliefert wird, sondern deren Verwendung dem freien Ermessen der Ortsvereine selbst überlassen bleibt, verbürgt die Gewähr, daß jenes ekelerregende Gespenst „Bonzentum" für unsere Organisation mehr Nährboden in der Phantasie einiger hyperängstlicher Kameraden findet, als es in der Praxis innerhalb der Organisation je finden könnte.

Aber gehen wir getrost noch einen Schritt mit den warnenden Kameraden mit. Erkennen wir an, daß unserer Organisation dieselbe Gefahr droht, welche der Menschheit stets gedroht hat und bei ihrem Werdegang eine nicht geringe Rolle gespielt hat. Es tat dieses das geistige Uebergewicht einzelner.

Hiergegen schützt man sich allerdings nicht durch ungerechte Schimpfereien, auch nicht durch Ignorieren, sondern dagegen ist nur ein einziges Kraut gewachsen und diese heißt S e l b s t e r k e n n t n i s.

Seine eigene Erkenntnis mehren, sein Wissen vervollständigen, das wird der Wall sein, an dem sich die letzte Bonzenwelle brechen muß. Leider muß gesagt werden, daß gerade hier noch viel zu tun notweedig ist.

Der Syndikalismus, der gerade ob seiner Einfachheit so wenig verstanden werden will, hat den schwierigsten Kampf zu durchkämpfen. Er richtet sich nicht nur gegen die Bourgeoisie, sondern er muß eine sechzigjährige scheinproletarische Bewegung umkultivieren, d. h. einen Kampf führen gegen die Vorurteile im eigenen Fleisch und Blut, bei den eigenen Klassengenossen. Eine solch gigantische Arbeit erfordert Riesenkräfte, erfordert ein umfassendes Wissen und kann nie zuviel Propagandisten in Wort und Schrift haben.

Deshalb ist es ebenso töricht wie lächerlich, wenn man denen, welche die Arbeit mit der ganzen Inbrunst ihres Seins verrichten, glaubt unedle, selbstsüchtige Motive unterschieben zu dürfen. Wären sie die Egoisten, als welche man sie glaubt stempeln zu dürfen, so dürften sie innerhalb der Partei- und Verbandsapparate längst ihre Befriedigung gefunden haben, als Mitglied des Reichstages oder mit sonstigen Aemtern und Würden.

Maßgebend für die Bewertung jedes einzelnen Kameraden darf nicht sein: was sein k ö n n t e — sondern, w a s i s t. Gehen wir heran an die Durchgeistigung unserer Bewegung, ziehen wir jede Kraft heran, die nur zu gewinnen ist, und es wird niemand größere Freude, größere Befriedigung darüber empfinden, als gerade die alten „Bonzen". Denn sie dürften die Notwendigkeiten der Organisation am klarsten erkennt haben und sich am wenigsten sehnen nach den Privilegien eines syndikalistischen Oberhäuptlings.

Rufen wir uns selbst und alle zur Sache zurück und beherzigen wir die zwei Kernworte der revolutionären Bewegung: W i s s e n i s t M a c h t! — E i n i g k e i t m a c h t s t a r k!

In diesem Sinne, diesem Geiste ist der Aufruf der Rheinischen A.K. ersonnen. Nun liegt es zunächst an den Kameraden selbst, sich rege zu beteiligen, und auch mit dem vollen Ernste, den die Sache verdient an sie heranzutreten. Kein ehrlicher, offener Charakter kann die Notwendigkeit solchen Tuns abschwächen. Auch werden die oppositionellen Kameraden — soweit sie sich noch nicht vollständig in das Reich der Träume verloren haben, durch diese Darlegungen vielleicht bemüßigt fühlen, noch einmal ihre Stellungnahme zu prüfen. Alle Anzeichen deuten darauf hin, daß dem politischen 9. November der wirtschaftliche folgen muß.

Rüste ein jeder Syndikalist, daß ihn die soziale Revolution nicht überrascht im Traumzustand, sondern stark und kraftvoll findet gerüstet mit Wissen als eine lebende Einheit, welche die Dinge gestaltet zum Wohlstand für alle. H. R.

Oeffentliche Anfrage.

Herrn Karl Wißmann, Waldenburg i. Schl.

Am 18. Mai fand in Altwasser eine öffentliche Versammlung statt, die von der F.A.U.D. (Syndikalisten) einberufen war. Auf Geschäftsordnungsantrag eines Vertreters des Deutschen Metallarbeiterverbandes, namens Täßler, wurde ein Büro von 3 Personen gewählt, das Ihnen, Herr Wißmann, die Leitung der Versammlung übertrug. Ich referierte über das Thema: „Die Komödie von Genua und die Verelendung der Arbeiterklasse." Ich stelle nun an Sie folgende Fragen:

1. Hat der Referent sich durch irgendeine Redewendung als Bergarbeiter bezeichnet?

2. Hat der Genosse Robert Schlisch aus Breslau in der Diskussion eine Redewendung gebraucht, aus der zu entnehmen war, daß er Bergarbeiter wäre oder gewesen sei?

3. Ist in der Versammlung eine Kommission gebildet worden, die untersuchen soll, ob Schlisch oder ich jemals Bergarbeiter gewesen sind?

Sie sind im Interesse der Wahrheit und auch der Reinlichkeit des Kampfes der Arbeiterklasse, als Leiter der Versammlung gewiß gern bereit, die drei Fragen kurz und bündig mit ja oder nein zu beantworten. Sollte bis zum Montag, den 5. Juni, eine Antwort ihrerseits nicht eingegangen sein, dann wird an dieser Stelle festgestellt werden, was wahr und was gelogen ist, wobei auch die Personen inklusive Sie gebührend gekennzeichnet werden. Fritz Kater.

Redaktion: A u g u s t i n S o u c h y, Berlin.
Druck: Maurer & Dimmick, Berlin, Köpenicker Str. 36-38.

890801012

The Emma Goldman Papers

[The crushing of the Russian revolution. In German] Ursachen des Niederganges der russischen Revolution [Part 3] / Emma Goldman. – p. 1 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – no. 23 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

Nr. 23 - 1922 **Beilage** **IV. Jahrgang**

Ursachen des Niederganges der russischen Revolution.

Von Emma Goldmann.

(Fortsetzung.)

Die Tscheka, die Allrussische Außergewöhnliche Kommission, ist zweifellos die dunkelste Institution des bolschewistischen Regimes. Sie wurde bald nach der Machtergreifung durch die Bolschewiki ins Leben gerufen, um die Gegenrevolution, die Sabotage und die Spekulation zu bekämpfen. Anfangs wurde die Tscheka durch das Kommissariat des Innern, die Sowjets und das Zentralkomitee der Kommunistischen Partei kontrolliert. Nach und nach aber entwickelte sie sich als die mächtigste Organisation in ganz Rußland. Die Tscheka ist heute nicht mehr ein Staat im Staate, sondern ein Staat über dem Staate. Ganz Rußland, bis zu den entlegensten Dörfern, ist mit einem Netze von Tschekas bedeckt. Jede Abteilung des ausgeschrittenen bürokratischen Systems hat ihre außergewöhnliche Kommission, deren Allmacht über Leben und Tod des russischen Volkes entscheidet. Man müßte die Feder eines Dante besitzen, um der Welt die Hölle, die durch diese Organisation geschaffen wurde, in ihrer ganzen Ungeheuerlichkeit vor Augen führen zu können: die verrohende, charakterzersetzende Wirkung, die sie auf ihre eigenen Werkzeuge ausübt, den Schrecken, das Mißtrauen, den Haß, die Leiden und Todesqualen, die sie über Rußland gebracht hat.

Der Kopf der Allrussischen Außergewöhnlichen Kommission ist Dserschinsky. Er, zusammen mit den Mitgliedern seines Präsidiums, sind „erprobte" Kommunisten. In einem öffentlichen Bericht erklärte Dserschinsky: „Wir sind die Vertreter des organisierten Schreckens ..... Wir terrorisieren die Feinde der Sowjetregierung ..... Wir haben die Macht, Haussuchungen vorzunehmen, Gegenstände und Kapitalien zu konfiszieren, Verhaftungen anzuordnen, Untersuchungen einzuleiten, diejenigen, die wir als schuldig erachten, zu prozessieren und zu verurteilen und die Todesstrafe auszusprechen." — Mit anderen Worten — die Tscheka ist Spion, Polizist, Richter, Kerkermeister und Henker in einer Person. Sie ist die höchste Macht, gegen die es keinen Einspruch gibt und der nur selten einer entschlüpft. Sie nimmt ihre Aktionen fast stets bei Nacht vor. Das plötzliche Aufflammen einer Lichtflut in einem Distrikt, der Lärm der mit wahnsinniger Schnelligkeit fahrenden Automobile der Tscheka sind die Signale um die Bevölkerung zu alarmieren und in Schrecken zu versetzen. Die Tscheka ist wieder an der Arbeit. Wer sind die Unglücklichen, die man diese Nacht verhaftet hat? Wer wird der nächste sein? Die Tscheka wurde ins Leben gerufen, um die Gegenrevolution zu bekämpfen, allein auf jede wirkliche Verschwörung, die sie entdeckt hat, kommen neue, imaginärer Scheinnatur, oder die sie selbst angezettelt hat. Man darf nie vergessen, daß der wichtigste Bestandteil der Tscheka ihre Spitzel und Provokateure sind. Wie die Typhusplage, so vergiften sie die ganze Atmosphäre Rußlands. Sie schrecken vor keinem Mittel zurück, wie infam und grausam es immer sein möge, um ihr Opfer zu umstricken und dieselben als gefährliche Gegenrevolutionäre und Spekulanten zu verurteilen. In der Wirklichkeit aber ist die Tscheka selbst ein wahres Treibhaus für gegenrevolutionäre Anschläge und fabelhafte Spekulationen.

Jeder Kommunist ist durch die Disziplin seiner Partei verpflichtet, zu jeder Zeit in der Tscheka Dienste zu tun. Die Mehrheit der Tschekisten jedoch sind gewesene Mitglieder der alten zarischen Ochrana, der Schwarzen Hundert und frühere hohe Offiziere der Armee. Sie sind die Eingeweihten in der Anwendung barbarischer Methoden. Die westlichen Länder wurden gespeist mit glänzenden Berichten über die Volkstribunale in Rußland, an deren Spitze Arbeiter und Bauern figurieren sollten. Im Bereiche der Tscheka sind solche Gerechtshöfe unbekannt. Die Verhandlungen sind geheim. Die sogenannten Verhöre, wenn solche überhaupt stattfinden, sind eine groteske Entstellung jeder Gerechtigkeit. Der „Angeklagte" steht vorher fabrizierten Beweisen gegenüber, er hat keine Zeugen, noch ist ihm eine Verteidigung gestattet. Wenn man ihn hinaus aus der Schreckenskammer führt, weiß er nicht, ob er entlassen oder verurteilt ist. Er befindet sich die ganze Zeit in einer nervenzerrüttenden Ungewißheit, bis man ihn in einer Nacht abholt und nicht wieder zurückbringt. Am anderen Morgen holt ein Tschekist seine paar Habseligkeiten ab, und die übrigen Gefangenen wissen dann, daß die endlose Serie von kaltblütigen Ermordungen um einen neuen Mord bereichert wurde. Und die Verwandten und Freunde der Unglücklichen? Sie stehen Tag nach Tag und Woche nach Woche in Reihen geordnet in der Lubjanka, der Straße, wo die furchtbare Tscheka ihren Sitz hat, und warten ungeduldig auf ein Wort ihres Angehörigen, bis man ihnen endlich mitteilt, daß der Betreffende in der vorhergehenden Nacht erschossen wurde. So fügt man der Tragödie und dem Schmerz der Leidtragenden noch die Beleidigung hinzu.

Wie die alte Ochrana des Zarismus, so hält auch die bolschewistische Ochrana das Publikum über ihre Schandtaten im Dunkeln. Doch die Wahrheit wird eines Tages ans Licht kommen. Ein ziemlich bedeutendes gedrucktes Material über die Schreckenstaten hinter den Mauern der Tscheka — die brutalen Folterungen, die Bestechungen und die weitverbreitete Spekulation — ist heute schon vorhanden. Um sich über diese Dinge zu unterrichten, ist es gar nicht nötig, bei den Gegnern der Bolschewiki vorzusprechen. Die Tscheka selbst versorgt uns gelegentlich mit solchem Material. So findet sich z. B. in Nummer 3 des wöchentlichen Organs der Tscheka ein Artikel, der die Notwendigkeit der Folter vertritt. Dieser Artikel, der die Aufschrift „Genug Sentimentalität" trägt, sagt unter anderem wörtlich: „Im Vorgehen gegen die Feinde Sowjet-Rußlands ist es notwendig, die Tortur in Anwendung zu bringen, um Geständnisse aus ihnen herauszupressen und sie nachdem in eine andere Welt zu befördern." — Der Leser darf sich keineswegs einbilden, daß die Tscheka seit 1918 progressiver geworden ist. Vergangenen Sommer, als das angebliche Komplott des Professor Tagantzeff in Petrograd entdeckt wurde, schlug man die Gefangenen, folterte sie, indem man ihnen nichts zu trinken gab und brachte andere ähnliche eminent „revolutionäre" Mittel gegen sie zur Anwendung. Ich habe diese Informationen nicht etwa von Gegenrevolutionären, sondern verdanke sie einem sehr aufrichtigen Kommunisten, der sich unter den Verhafteten befand und Zeuge der Erfolge der tschekistischen Methoden war. Ein Kommunist unter verhafteten Gegenrevolutionären? Wie ist das möglich? Sehr einfach. Wenn die Tscheka ihr Netz auswirft, fängt sie die Unschuldigen zusammen mit den Schuldigen, in der Tat meistenteils die Unschuldigen. Denn wie z. B. können 68 Personen an einer Verschwörung beteiligt sein, ohne daß die ganze Stadt darum wissen sollte? Und doch wurden 66 Personen letzten Sommer in Petrograd erschossen, in Verbindung mit dem Tagantzewschen „Komplott". Und dies war bloß ein geringer Prozentsatz der unschuldigen Männer, Frauen und sogar Minderjährigen, die in den unterirdischen Räumen der Tscheka zu Tode befördert wurden.

Wiederholt stellte man an die Regierung die Forderung, die Macht dieser furchtbaren Organisation einzudämmen. Ein solcher Versuch wurde im Herbst 1920 gemacht. Aber sofort mehrten sich die Verbrechen in Moskau und die „Verschwörungen" wurden häufiger. Die Tscheka mußte natürlich beweisen, daß sie dem bolschewistischen Staate unentbehrlich war. Daraufhin sprach man Dserschinsky eine öffentliche Dankerklärung aus und veröffentlichte dieselbe in der „Prawda". In einer der Sitzungen des Petrograder Sowjets erklärte Sinowjew Dserschinsky für „einen Heiligen, der sich der Revolution geweiht habe". Die Geschichte des schwärzesten Mittelalters ist voll von solchen Märtyrern. Wie furchtbar, daß die Bolschewiki die dunkelste Vergangenheit der menschlichen Geschichte nachahmen mußten.

Bei dieser Gelegenheit ist es interessant, sich der Stellung zu erinnern, welche die Bolschewiki im Jahre 1917 eingenommen haben, als die Provisorische Regierung den Versuch machte, die Todesstrafe für Deserteure einzuführen. Zu jener Zeit protestierten die Bolschewiki auf das heftigste gegen solche Brutalität. Sie führten aus, wie barbarisch und degradierend für die Menschheit die Todesstrafe ist. Auf dem zweiten Allrussischen Kongreß der Sowjets, kurz nach der Oktober-Revolution, stimmten die Bolschewiki, zusammen mit anderen revolutionären Elementen, für die Abschaffung derselben. Heute aber sind die Massreis (Erschießungen) die hefligste Methode der Tscheka, eine Methode über die ein kommunistischer Heiliger zu verfügen hat und die vom kommunistischen Staate sanktioniert werden.

Was wird aus dem Marxismus, der da predigt, daß die soziale Revolution der Geburtsakt eines neuen gesellschaftlichen Lebens ist? Ist in den bolschewistischen Prinzipien und Methoden, wie sie in Rußland zur Anwendung gelangen, irgend ein Anzeichen dafür vorhanden? Der bolschewistische Staat hat den Beweis erbracht, daß er für die russische Revolution eine Verschwörung von vernichtender Bedeutung gewesen ist und noch ist.

Prometheus.

Ein szenisches Gedicht von Karl H. Werner.

(Nacht. Wildes, zerklüftetes Gebirge. Prometheus an einen Felsen geschmiedet. Sein Leib ist blutig und zerfetzt.)

Prometheus:

Jahrtausende schleichend an mir vorüberziehen ...,
seit Ewigkeiten
hab ich mein Elend zu den Sternen geschrien ....,
lebendig an unerbittliche Felsen geschmiedet,
die Seele qualzerfetzt ....
mein Blut in brennenden Qualen siedet,
der Leib von gierigen Adlern zerfleischt ...
Wollüstiger Gott, den mein Elend ergötzt,
hör meine Stimme, die klagend, beschwörend kreischt!!
... gähnende Stille .. nur die Berge hören
mein Lallen und Stöhnen
mein — Gott — beschwören
und äffen mein Elend mit hohlem Höhnen — —
mein Wirken war Erlösung ... befreit
hab ich die Menschheit
mit segnendem Feuer aus tierischer Niederheit,
das ich dem Himmel entführte —
und darum muß ich in schmerzlichen Gluten
ewig lebendig lodern!
Könnt ich verbluten,
verlöschen, erkalten, vermodern!!

Der geknechtete Mensch

(in Gestalt eines Arbeiters mit ölverschmiertem Kittel kommt in atemloser Hast):

Daß ich dich endlich gefunden,
verfluchter Menschenvergifter,
verwünschter Schöpfer aller Wunden,
verruchter Brandstifter!!
Der fressendes Feuer in die Gehirne der Menschen getan,
das sich entfachte zu feuerflammendem Größenwahn,
der züngelnd die Menschheit ausdorrend verheert,
der alles Leben versengend zu Asche verzehrt ...
Es lodert die Erde in Schmerz und Feuerbrand!! —
Weide dich an mir,
dem alles funkelnd lebendige Wogen
menschenfressende Maschinen ausgesogen,
die Seele entheiligt und abgeschlachtet
im rasenden Taumel donnernder Räder,
der Glanz des Lebens grenzenlos umnachtet —
Du bist der Krater,
der alles Fieber, allen Hader,
des grauen Elends Lawa speit ...
bald gähnen auf Erden unendliche Wüsten ...
Du hast den Menschen roh entzweit,
gerissen von den wahren Lebens vollen Brüsten,
du streutest Gift, an dem die Erde einst verendet ...

Prometheus:

Hat sich die Menschheit auch von mir gewendet?
hat's auch der Fluch der Menschheit, der mich bannt?
Weh! Weh!! Ich gab ein Himmelsgut in Kinderhand,
das es mißbraucht, geschändet,
im losen Spiele schuf den ungeheuren Brand ...
ich wollte nur erlösen und befreien —
Ihr Menschen aber seid die Frevler,
die meine Himmelstat entweihen!

Der geknechtete Mensch:

Fluch allen Erlösern, die himmliches Feuer
den Göttern entführten, die Menschen entzünden,
die ihretwegen sich hassend entbürden,
zu rasendem Wahnsinns flackerndem Brand!
Um eurer Weisheit, eurer Lehren
sich Völker zerfleischen, hassen, verzehren ...,
Fluch euch, die nur das Elend vermehren! —

Der Gott der Erde:

(In Gestalt eines untersetzten Herrn im schwarzen Frack. Er zieht vor Prometheus den Zylinder und wirft dem geknechteten Menschen einen wütenden Blick zu.)
Schweig, Lästermaul! Hier hast du Geld!
(Gibt ihm einen Fußtritt. Dieser mit Verbeugung ab.)

Prometheus:

Wer gibt das Recht dir, Fremdling?

Der Gott der Erde:

Dies blitzende, betörende Metall —
Gestatten Sie, ich bin der Gott der Erde!
Es freut mich sehr, daß ich zu euch, verehrter Herr,
in untertänigster Ergebenheit wallfahren kann,
daß ich die Quelle fand,
die meines Reichtums Goldstrom einst gebar.
Sie haben, Herr, das Zepter meiner Macht geschmiedet
und ihre Tat hat mich zum Herrschenden geweiht.

Prometheus:

Also für dich, den gefräßigen Fetten,
stöhne ich ewig an klirrenden Ketten!
Von meinem versprützten Blut
leben, sich mästend, die Pfaffen und Reichen,
indes die Bedrückten darbend erbleichen ...
aus dem teuer erkauften Gut
derer, die man ans Kreuz geschlagen,
münzt ihr Gold,
mästet euch zu scheußlichem Behagen!
Schier dich hinweg, Vampyr! Sei auf der Hut,
daß nicht meine Sehnen,
getrieben von des Hasses lodernder Glut,
sich dehnen
und ins Unbändige schwellen,
daß die Ketten springen
und deine Knochen an der Felswand jäh zerschellen!

Der Gott der Erde:

Mein sehr geehrter Herr!
Ich werde mich empfehlen ...
peinlichste Sachlichkeit ist mein Prinzip! (Ab.)

Prometheus:

Jetzt will ich meine Qualen segnend krönen
und nimmer zu den Göttern stöhnen ...
Jetzt will ich mit der ganzen Menschheit fröhnen!
und meine Leiden
mögen meine Spannkraft stählend weiten ...,
meine Wunden und Schwären,
die mich in qualdumpfe Nächte rammen,
mögen ein neues Feuer gebären,
dann will ich mit der Freiheit Fackel
die seufzend-gefolterte Erde entflammen!

BEST COPY AVAILABLE

890801013

The Emma Goldman Papers

[The situation of children in Russia. In German] Die Lage des Kindes in Rußland [Part 1] / Emma Goldman. – p. 1 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – no. 25 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

Nr. 25 - 1922 | Beilage | IV. Jahrgang

Die Lage des Kindes in Rußland.

Von Emma Goldmann.

Uebersetzt aus „The World". Diese Artikel sind in annähernd 100 amerikanischen Zeitungen erschienen.

Die üblen Ergebnisse, die dem verhängnisvollen Zirkel, den der bolschewistische Staat geschaffen hat, entspringen, und an dem die ernsthaftesten Bestrebungen nach irgend einer Richtung hin notwendigerweise zugrunde gehen müssen, treten nirgends so offensichtlich zutage als auf dem Betätigungsfelde der Bolschewiki zur Hebung des Kindes. Obwohl viele Berichte über das Leben des Kindes in Rußland rein legendärer Natur sind, muß man zugeben, daß ein großer Versuch auf diesem Gebiete gemacht worden ist. Was ist die Ursache, daß dieser Versuch fehlschlagen mußte?

Ich erinnere mich noch lebhaft, welchen Eindruck die Ausführungen eines Redners in einer Versammlung am zweiten Jahrestage der Oktober-Revolution, in Madison Square Garden in New York, bei mir auslösten. Der Mann kam gerade von Rußland zurück. Seine Worte über die Behandlung und die Sorgfalt, die man den Kindern in Rußland angedeihen läßt, entfachten die helle Begeisterung der Zuhörer. Und mein Herz schlug dem Volke jenes Landes warm entgegen, den Massen, die das Joch von Jahrhunderten von ihren Schultern warfen und die nun „an der Hand eines Kindes" ihren Weg verfolgten. Es war zu wundervoll.

Während meiner ganzen Reise auf unserem schwimmenden Gefängnis, dem Buford, hielt mich der Gedanke an das, was an den russischen Kindern getan wurde, aufrecht und erwärmte meine Seele. Wie vielversprechend lag die Zukunft vor mir, wie köstlich war das Gefühl, an diesem herrlichen neuen Leben teilnehmen zu dürfen! Aber in Rußland angekommen, mußte ich erkennen, daß ich meine Rechnung ohne den Sozialistischen Staat gemacht hatte, der in seinem verhängnisvollen Kreise jede Anregung, jeden Versuch erstickte.

Es ist wahr, daß die Bolschewiki in Bezug auf das Kind und die Erziehung ihr möglichstes getan haben. Es ist auch wahr, daß, wenn es ihnen nicht gelungen ist, den Nöten der Kinder in Rußland Einhalt zu gebieten, dieses mehr die Schuld der Feinde der russischen Revolution als ihre eigene Schuld gewesen ist. Die furchtbaren Folgen der Intervention und der Blokkade fielen am schwersten auf die schwachen Schultern der Kinder und Kranken. Aber sogar unter günstigeren Bedingungen würde das bürokratische Monstrum des bolschewistischen Staates die besten Absichten und die gewaltigsten Anstrengungen, welche die Kommunisten zugunsten des Kindes und der Erziehung bekundeten, gelähmt und vereitelt haben.

Erst nachdem einige Wochen seit meiner Ankunft in Rußland verflossen waren, hatte ich die Gelegenheit, der ersten Schule — der besten in Petrograd — einen Besuch abzustatten. Man nennt sie „Kasatelnaja Schkola" — Modellschule oder wörtlich übersetzt: „Ausstellungsschule". Der Sinn davon kam mir erst später zum Bewußtsein. Diese Schule befand sich im Hotel de l'Europe, und das Gebäude mit seinen geräumigen Zimmern, den herrlichen Kronleuchtern und der luxuriösen Ausstattung hatte noch viel von seiner ehemaligen Eleganz bewahrt.

Im Winter 1920 war der Mangel an Brennmaterial in Petrograd so groß, daß die Bevölkerung nahezu zugrunde ging. Es war daher notwendig, daß die Kinder in so wenig Zimmern als nur irgend möglich, untergebracht wurden. Allein die Räumlichkeiten waren rein, gut in Stand gehalten und bequem. Die Kinder, durchschnittlich von sechs bis dreizehn Jahre alt, sahen gesund, gut genährt und zufrieden aus. Der dienstuende Arzt führte mich durch die umfangreichen Räumlichkeiten, die Küche mit ihrem prachtvollen, blankgeputzten Kupfergeschirr mit eingeschlossen, und erklärte mir alle Einzelheiten.

Die Schule war eine Art Zentrum, wo die Kinder empfangen und verteilt wurden. Man brachte Kinder aus allen Teilen Rußlands, meistenteils vom Lande, hierher. Sie kamen hier abgezehrt und krank an und in Kleidern, die von Ungeziefer wimmelten. Hier wurden sie gebadet, abgewogen, gemessen, aufgefüttert und ärztlich behandelt. Eine kurze Zeit blieben sie in der Schule, erhielten dort Elementarunterricht, und wurden danach in anderen Kinderschulen untergebracht. — Was ich hier sah, machte einen gewaltigen Eindruck auf mich. In der Tat, hier hatte ich den Beweis, daß die Berichte über die großen Dinge, die an den russischen Kindern getan wurden und die wir in Amerika empfangen hatten, durchaus der Wahrheit entsprachen.

Nur eine Note störte das herrliche Gemälde. Aus einer beiläufigen Bemerkung meiner Führerin, der Aerztin, erfuhr ich, daß man gewisse Kinder nicht sehen könne, „da sie isoliert gehalten würden".

„Wahrscheinlich liegen ansteckende Krankheiten vor"? fragte ich. „Nein," sagte die Dame, „es sind kleine Diebe, die wir von den anderen Kindern fernhalten müssen."

Ich war sprachlos. Ich sah vor mir Tolstoi als Lehrer, wie ihn Ernest Crosby beschrieben hat. Einer der Kinder in der Schule hatte etwas gestohlen. Die übrigen Kinder hatten es als Dieb angezeigt und baten den Lehrer, daß er es bestrafen sollte. Schüler und Lehrer kamen überein, daß man dem kleinen Uebeltäter ein Schild um den Hals hängen sollte, das die Aufschrift „Dieb" trug.

Als Tostoi sich anschickte, dem Knaben das Schild umzuhängen, fühlte er sich plötzlich betroffen durch einen Blick aus des Kindes Augen, ein Blick, in dem Erniedrigung und stumme Anklage sich paarten. Nein, nicht das Kind war der Uebeltäter. Der Uebeltäter war er, Tolstoi, und die übrigen Kinder — die ganze Gesellschaft, die so grausam sein konnte, ein Kind als Dieb zu brandmarken.

Von damals an wurde kein Kind mehr in Tolstois Schule bestraft. Und hier, im großen, freien und revolutionären Rußland bestrafte man Kinder, sonderte sie ab von den übrigen und sprach von ihnen fortgesetzt als von „moralisch Defekten". Das störte mich und machte mich stutzig. Jedoch ließ ich mir dadurch das schöne Bild, das ich im Hotel de l'Europe gesehen hatte, nicht verdunkeln.

Bald danach besuchte mich eine Frau, die mir von Amerika her seit langem bekannt war. Kurz nach der Februar-Revolution war sie mit ihrem Gatten und ihrem jungen Sohne nach ihrem Geburtsland zurückgeeilt. Sie hatte Anteil genommen an den großen Ereignissen der Oktobertage und war seitdem mit verschiedenen Arbeiten beschäftigt gewesen; doch konzentrierte sich ihr Hauptinteresse auf die Pflege der Kinder. Zur Zeit, da sie mich besuchte, war sie Vorsteherin in einem „Internat", einer Elementarschule für Mädchen. Die Frau erzählte mir viel von ihrer Arbeit, von den Kindern und sprach von dem schweren Kampf, den sie stets führen mußte, um die notwendigsten Dinge für ihre Schule zu erhalten. Ihre ganze Geschichte stand in einem so offenbaren Widerspruch mit allem, was ich im Hotel de l'Europe gesehen hatte, daß es mir unmöglich war, ihr zu glauben. Und doch wußte ich, daß meine Freundin eine durchaus ehrliche und glaubwürdige Person war. Die Sache schien mir unerklärlich.

Ich lud meine Freundin zum Abendbrot ein. Wir sprachen über gemeinsame Bekannte aus Amerika, über die Oktober-Revolution und ihren Einfluß auf die unterdrückten Klassen anderer Länder, während ich in meiner improvisierten Küche damit beschäftigt war, Kartoffeln zu schälen. — „Werfe die Schalen nicht fort," warnte mich meine Freundin. — „Warum nicht? Was willst Du damit anfangen?" fragte ich. — „Die Kinder machen Kartoffelkuchen davon und sind so zufrieden damit," entgegnete sie. — „Die Kinder?" fragte ich verwundert. Aber wie ist das möglich? Bekommen sie denn nicht die ersten Rationen?" — Ich sah mich wieder im Hotel de l'Europe, wo die Kinder mit Milch, Kakao, Reis, Hafermehl und sogar mit Fleisch genährt wurden.

Meine Freundin lächelte. „Komme in meine Schule und überzeuge Dich selbst," sagte sie.

Ich habe sie dort nicht einmal, sondern öfter besucht und sah nun die Kehrseite des Bildes. Aber noch immer ließ ich mich nicht so leicht überzeugen. Die Schule meiner Freundin wurde von 65 Kindern besucht. Die Nahrung der Kinder war kärglich und von minderwertiger Qualität. Die meisten von ihnen wurden am Leben gehalten durch das, was ihre Eltern oder Verwandten ihnen vom Lande schickten. Sie hatten wenig warme Kleider, und die meisten von ihnen waren ohne Schuhe. Meine Freundin mußte einen großen Teil ihrer Zeit und ihre ganze Energie in den verschiedenen Abteilungen des Erziehungsausschusses vertrödeln. Es dauerte zwei Wochen, bis sie für ihre 65 Kinder zwanzig Holzlöffel erhalten konnte. Nach einem ganzen Monat von Anstrengungen aller Art, zu denen auch das In-der-Reihe-stehen, bis man bei den höheren Beamten vorgelassen wird, gehörte, gab man ihr endlich 25 Paar Schneeschuhe. Es erforderte viel Vernunft und großes Taktgefühl, um diese zwischen 65 Kindern zu verteilen, ohne Neid, Haß und Streit unter denselben hervorzurufen.

Je älter ich diese Schule besuchte, desto mehr überzeugte ich mich, daß irgend etwas nicht in Ordnung sein mußte. Wie anders konnte man sich sonst den Unterschied erklären, der in der Verpflegung der Kinder im Hotel de l'Europe und denen in der Schule des Kronwerski Prospekt vorhanden war? Dort gab man den Kindern von allem das Beste — Nahrung, Kleider, Räumlichkeiten, Konzerte, Tänze — in der Tat zuviel in Anbetracht der allgemeinen Lage. Hier aber hatten die Kinder so wenig, daß sie andauernd hungrig waren, und sogar das wenige, das man ihnen zukommen ließ, war nur unter den größten Schwierigkeiten zu erlangen.

Sehr schnell wurde ich mit zwei Dingen vertraut: Es war in Rußland nicht genug Nahrung und Kleidung vorhanden, um alle Kinder damit genügend zu versorgen. Die Bolschewiki aber hielten es für notwendig, in jeder Stadt einige „Ausstellungsschulen" zu errichten, die für Missionen, Delegationen und Reporter als Aushängeschild dienen mußten. Diese Schulen erhielten das Beste von allem. Was übrig blieb, bekamen die anderen Schulen, die natürlich die große Mehrzahl bildeten.

Personen, die nur Gelegenheit hatten, die sogenannten Ausstellungsschulen in Augenschein zu nehmen und nach diesen die Pflege, die das Kind in Rußland empfängt, beurteilten, verließen das Land ohne von den wahren Zuständen, unter denen die große Mehrheit der russischen Kinder unter dem bolschewistischen Regime zu leben gezwungen ist, die kleinste Ahnung zu haben.

Die Intervention (Eindringen) der Alliierten und die Blockade sind hauptsächlich verantwortlich für das schreckliche Elend in Rußland. Allein, was immer vorhanden war, um die Bedürfnisse der Kinder zu befriedigen, konnte ebenso gut gleichmäßig zwischen diesen verteilt werden. Das bolschewistische System selbst schuf in Bezug auf die Kinder dieselbe Ungleichheit, dieselben Unterschiede, die es in der Behandlung der Arbeiter geschaffen hat. Für die letzteren bestanden verschiedene Kategorien in Bezug auf die Rationen, die offiziell bestimmt und zur Ausführung gebracht wurden.

In der Praxis bestand für die Kinder dieselbe Lage, nur daß sie einen mehr inoffiziellen Charakter hatte. In erster Linie war das System der „Ausstellungsschule" an und für sich von zersetzender und demoralisierender Wirkung und entwickelte besondere Vorrechte. Und dieser Zustand der Dinge wiederum entwickelte eine Atmosphäre des leeren Scheins, der Falschheit und der absichtlichen Täuschungen, die sowohl auf die Lehrer als auf die Kinder ihren verhängnisvollen Einfluß ausüben mußten.

Hauptsächlich aber war es die staatliche Zentralisierung mit ihrem daraus entstehenden verwickelten Mechanismus eines bürokratischen Beamtentums, welche die besten Versuche der Bolschewiki auf diesem und auf anderen Gebieten unfruchtbar und wirkungslos machten.

Vor hundert Jahren brachte Gogol mit seinem großen Werke „Tote Seelen" seine Landsleute in Aufregung. Es war eine vernichtende Anklage gegen den russischen Feudalismus, und das Schmarotzertum, das er erzeugte. Die „Toten Seelen" sind heute in Rußland zu neuem Leben erwacht, aber es fehlt ein Gogol, der sie an den Pranger stellen könnte. Aber wenn sogar ein solcher vorhanden wäre, so würde er im heutigen Rußland viel weniger Beachtung finden, als Gogol im Rußland seiner Zeit gefunden hat.

Wo finden sich die „Toten Seelen" unserer Tage? Ein Beispiel wird es uns am besten zeigen. Jedes Kinderheim, jede Elementarschule, jede Erziehungsanstalt, in Wahrheit jede Institution, die Kinder oder Erwachsene beherbergt, ist berechtigt zu soviel Rationen Lebensmittel und Kleider, als sie Insassen zählt. Alle Institutionen sind abhängig von der zentralen Verteilungsstelle (in Petrograd die Pterokommune, in Moskau die Moskommuna usw.), die sie mit allen vorhandenen Dingen versorgt. Eine Menge von verschiedenen Papieren, gezeichnet und gegengezeichnet von ganzen Armeen von Tschinowniki (Beamten), ist nötig, damit eine gegebene Institution sich mit allem versehen kann, was sie notwendig hat.

Die Tschinowniki aber verzögern systematisch jede Bestellung, wenn sie nicht ein Geschenk erhalten. So ergibt sich die Notwendigkeit, daß tatsächlich mehr Bestellungen aufgegeben werden müssen, als sich Insassen in einer Institution befinden, damit einige „Extras" für die Beamten, wie auch für die hungrigen Freunde des „Wirtschaftsverwalters" der betreffenden Institution übrig bleiben.

Die Schule meiner Freundin z. B. zählte 65 Kinder. Alle früheren Vorsteherinnen fügten dieser Zahl noch eine Anzahl fiktiver Namen bei — Tote Seelen — und wurden infolge der ergatterten Extrarationen, die zur Bestechung verwendet wurden, prompt abgefertigt. Nachdem sie sich auf diese Weise in den verschiedenen Verwaltungsabteilungen „Einfluß" verschafft hatten, konnten sie sich ruhig erlauben, ihre Schule zu vernachlässigen, die Kinder selbst zu mißhandeln und sehr oft mit den Rationen der Insassen zu spekulieren. Sie hatten eben „ihre Freunde oben".

Das Ergebnis dieser angenehmen Einrichtung, die in Rußland allgemein verbreitet ist, liegt auf der Hand. Meine Freundin jedoch wollte an solchen Praktiken keinen Anteil haben und weigerte sich, ihrer Liste „Tote Seelen" beizufügen. Wußte sie doch, daß jede Tote Seele auf die Kosten der ohnehin schon ungenügenden Rationen einiger Kinder ihr Leben fristete.

Sie weigerte sich, die zahllosen Inspektoren, Kontrolleure und Korrektoren ihres Distriktes mit durchzufüttern. Das Ergebnis war ein langer bitterer Kampf gegen den korrupten Kreis der Interessierten, ein Kampf, der ihre Gesundheit untergrub und damit endete, daß man sie ihrer Stellung enthob und sie buchstäblich auf die Straße setzte. Vergeblich versuchte sie die Aufmerksamkeit der „Genossin", die an der Spitze der Petrograder Abteilung für Erziehung stand, auf ihren Fall zu lenken. Frau Lilina war nicht zu sprechen und besuchte niemals die Schule meiner Freundin. Die „Ausstellungsschulen" nahmen ihre ganze Zeit in Anspruch. Auch würde Frau Lilina wohl schwerlich den Fall meiner Freundin aufgenommen haben. Es ist nicht üblich, „Außenstehenden" Beachtung zu schenken, die gegen Kommunisten Beschwerde führen. Außerdem ist es auch nicht ohne Gefahr, sich in solche Dinge einzumischen.

Ich habe Frau Lilina später kennengelernt und habe den Eindruck gewonnen, daß sie eine ernste Frau ist, die ihrem Werke ergeben ist. Aber sie ist in derselben Zeit eine blinde Anhängerin ihrer Partei, der jedes breitere Gesichtsfeld abgeht. In ihren Informationen über die Bedingungen in den Schulen ist sie ganz und gar abhängig von ihren Hauptuntergebenen, die alle Kommunisten sind. Der Nachweis für die Tauglichkeit und Wahrhaftigkeit einer Person in Rußland wird erbracht durch ihre Zugehörigkeit zur Kommunistischen Partei. Es ist wohl kaum nötig, die notwendigen Ergebnisse eines solchen Zustandes hier noch besonders zu betonen.

890801014

The Emma Goldman Papers

[The situation of children in Russia. In German] Die Lage des Kindes in Rußland [Part 2] / Emma Goldman.– p. 1 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 26 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

Nr. 26 - 1922 Beilage IV. Jahrgang

Die Lage des Kindes in Rußland.

Von Emma Goldmann.

Uebersetzt aus „The World". Diese Artikel sind in annähernd 100 amerikanischen Zeitungen erschienen.

All das, was ich über den teilweisen Hungerzustand der Kinder in den Schulen der Bolschewiki in Erfahrung brachte, kam mir erst nach und nach peinvoll zum Bewußtsein. Ich sträubte mich zuerst mit aller Macht, zu glauben, daß die Methode der „Toten Seelen" allgemein üblich sei. Aber die Beweise dafür waren so zahlreich, daß ich ihnen zuletzt nicht länger widerstehen konnte. Neben mir, im Hotel Astoria, dem „Ersten Haus der Sowjets", wohnte eine kleine Frau mit ihren zwei Kindern. Sie war Kommunistin, aber eine, welche die Methode der „Toten Seelen" aufs schärfste bekämpfte. Sie arbeitete in verschiedenen Kinderinstitutionen und bestätigte nicht nur alles, was ich in der Schule auf dem Kronwerski-Prospekt gesehen hatte, sondern zeigte mir selbst noch viele andern Schulen, in denen dieselben Gepflogenheiten üblich waren.

Überall lebten „Tote Seelen" auf Kosten halbverhungerter Kinder. Meine Nachbarin erzählte mir von den Erfahrungen, die sie mit ihren eigenen Kindern — einem Knaben von drei und einem Mädchen von neun Jahren — durchmachen mußte. Beide hatte man in einer Kolonie untergebracht. Von ihrem eigenen mageren Verdienst war die Mutter gezwungen, ihnen regelmäßig Lebensmittel zu senden, da sie dort nicht genug Nahrung erhielten. Nach sechs Monaten wurden beide Kinder krank und mußten nach Hause geschickt werden, wo sie das einzige Zimmer mit ihrer Mutter teilen mußten. Das Mädchen hatte einen bösartigen Ausschlag bekommen, und der Knabe war furchtbar heruntergekommen. Beide Fälle schrieb man den Folgen der Unterernährung zu.

Ich wurde mit meiner Nachbarin befreundet, die eine ernste und schwer arbeitende Kommunistin war. Durch sie habe ich sehr viel über den allgemeinen Zustand der Kinder erfahren. Mehr und mehr mußte ich erkennen lernen, daß die Bolschewiki tatsächlich versuchten, alles, was in ihrer Kraft stand, für das Kind zu tun, daß aber alle ihre Bemühungen von der schmarotzenden Bürokratie zunichte gemacht wurden, die ihr Staat selbst ins Leben gerufen hatte. Vor allem aber erwies sich ihre Auffassung, daß selbst das Kind für Propagandazwecke zu verwenden sei, als verhängnisvoll und verderblich.

Die „Ausstellungsschulen" hatten den übelsten Einfluß, besonders auf die Kinder außerhalb. Sie züchteten in des Kindes Herz ein Gefühl von verletzter Gerechtigkeit und willkürlich getroffener Unterschiede. Denn das Kind erkennt rascher und sicherer als der Erwachsene Lug und Schein. Und während diese „Ausstellungsschulen" dazu dienten, die ausländische Presse mit Stoff zu versehen, wurde die große Mehrheit der Kinder in Rußland ebenso vernachlässigt, wie die Proletarierkinder in allen übrigen Teilen der Welt. Ueberall sind es die privilegierten Wenigen, die alle Vorteile genießen. Das bolschewistische Rußland macht von dieser grausamen Regel keine Ausnahme.

Ich habe bereits am Anfang dieser Abhandlung erklärt, wie tief ich berührt wurde, als ich hören mußte, daß man Kinder als „Diebe" und „moralischer Defekte" halber von den übrigen absonderte. Damals führte ich diese Handlung auf die altmodische Auffassung der diensttuenden Aerztin im Hotel de l'Europe zurück. Ein Artikel in dem Regierungsorgan Prawda, und die Unterredungen, die ich mit vielen führenden Kommunisten — unter anderen mit Maxim Gorki und Frau Lilina — hatte, überzeugten mich jedoch, daß fast alle von ihnen an eine „vererbte moralische Verkommenheit" glaubten. Einige hochstehende Pädagogen befürworteten sogar das Gefängnis für solche mit „ererbter moralischer Verkommenheit" Belasteten. Doch dies war schon zu viel für Lunatscharski, den Kommissar für öffentliche Erziehung, Gorki und die fortgeschritteneren Elemente, die bei den orthodoxen Kommunisten als Sentimentalisten verschrieen sind. Lunatscharski bekämpfte den barbarischen Vorschlag und trug glücklicherweise den Sieg davon. Trotzdem befanden sich noch im September 1921 zweihundert Jugendliche, darunter ein Kind von acht Jahren, im Taganka-Gefängnis von Moskau.

Ich bin überzeugt, daß weder Lunatscharski noch Gorki davon eine Ahnung hatten. Aber darin liegt ja gerade der Fluch des ganzen verhängnisvollen Systems. Es nimmt denen, die an der Spitze stehen, die Möglichkeit, zu wissen, was der Schwarm ihrer Untergebenen tut. Die Anwesenheit der Kinder im Taganka-Gefängnis kam durch politische Gefangene ans Tageslicht, die man dahin befördert hatte. Sie machten ihren Freunden draußen davon Mitteilung, und diese, zusammen mit Lunatscharski, nahmen sich der Sache an. So wurden denn die Kinder endlich aus dem Gefängnis entfernt.

Die Schulen und Kolonien, wo man die „moralisch Defekten" unterbringt, sind nicht viel besser als Gefängnisse. Eine Untersuchung, die von der Kommunistischen Jugend veranstaltet wurde, brachte peinvolle Dinge über die Zustände in manchen dieser Schulen in Petrograd ans Licht. Der Bericht wurde im Mai 1920 in der Petrograder Prawda veröffentlicht. Er bestätigte die Anschuldigungen, die des öfteren erhoben wurden — unter anderen die allgemeine Praxis der „Toten Seelen", die Vermehrung der Aufseher auf die Kosten der Kinderrationen und andere Gepflogenheiten der Korruption und Unfähigkeit. So fand die Kommission z. B. in einer Schule 138 Aufseher für 125 Kinder, in einer anderen 38 Aufseher für 25 Kinder. Und diese Fälle waren keineswegs Ausnahmen.

Außerdem ging aus dem Bericht der Kommission hervor, daß die Kinder furchtbar vernachlässigt, in schmutzige Lumpen gekleidet waren und in vor Schmutz starrenden, übelriechenden Betten ohne Ueberzüge schlafen mußten. Einige Kinder hatte man bestraft, indem man sie nachts über in dunkle Räume einsperrte, anderen entzog man das Abendbrot und noch andere wurden sogar körperlich gezüchtigt. Der Bericht erregte in offiziellen Kreisen großes Aufsehen. Eine besondere Untersuchung wurde angeordnet, die, wie das in ähnlichen Dingen auch in Amerika üblich ist, mit einer Weißwaschung der Schuldigen ihr Ende fand. Die Untersuchungskommission der Kommunistischen Jugend wurde wegen „Uebertreibung" zurechtgewiesen. Man erklärte, daß der Artikel in der Prawda niemals hätte erscheinen dürfen, da er den Konterrevolutionären bloß Wasser auf ihre Mühle lieferte usw.

Ich sprach über die Angelegenheit mit einigen Kommunisten. Wie ist es möglich, daß solche Dinge in Sowjet-Rußland vorkommen können? fragte ich. Auf diese Frage erhielt ich stets dieselbe stereotype Antwort: „Mangel an zuverlässigen und fähigen Arbeitern!" Ich erklärte, daß ich bereit wäre, die Arbeit unter diesen unglücklichen Kindern aufzunehmen, die man als „moralisch defekt" gebrandmarkt hatte.

„O, Sie müssen die Genossin Lilina sehen," belehrte man mich. „Es wird ihr höchst erwünscht sein, Sie als Mitarbeiterin zu bekommen."

Ein paar Tage später wurde ich zu der Genossin Lilina eingeladen. Sie ist eine schwächliche Frau mit harten Gesichtszügen — die typische amerikanische Schulmamsell, wie man sie vor fünfzig Jahren sehen konnte. Sie versicherte mir, daß sie mit den besten Methoden der Pädagogik und Psychologie wohl vertraut sei. Ich erkühnte mich, ihr zu sagen, daß ich der Theorie von der sittlichen Verkommenheit bei Kindern keinen Glauben beimesse, daß kein moderner Erzieher einen so veralteten Standpunkt vertrete, und daß man meiner Ansicht nach selbst sittlich defekte Kinder nicht bestrafen und als Degenerierte brandmarken dürfe. Ich sprach mit ihr über moderne Methoden der Erziehung und über die Versuche, die in Amerika von Richter Lindsay und anderen, die den moralischen Begriff von Sündern und Heiligen nicht anerkennen, mit verbrecherisch veranlagten Kindern gemacht wurden. O ja, das wäre alles ganz gut und schön in einem kapitalistischen Lande, wo Nahrungsmittel und alles andere im Ueberfluß vorhanden sind; allein in dem ausgehungerten Rußland wären moralisch defekte Kinder die unvermeidlichen Folgen des langen Krieges, der Revolution und des Hungers.

Diese Unterredung überzeugte mich, daß alle meine Bemühungen unter den kleinen Opfern auf Schritt und Tritt von dieser steifen, dogmatischen Frau durchkreuzt werden würden. Sie wieder dachte wahrscheinlich, daß es nicht ratsam sei, die Pflege der Kinder im kommunistischen Staate einer Anarchistin anzuvertrauen. Auf jeden Fall wurde nichts aus meinem Vorhaben.

Ich führe dies nur als Beispiel an, um zu zeigen, daß die von den Bolschewisten so oft wiederholte Behauptung, der zufolge alle Korruption, aller Amtsmißbrauch und jede Unfähigkeit innerhalb ihres Systems auf den Mangel an zuverlässigen Kräften zurückzuführen sei, jeder Grundlage entbehrt. Während meines Aufenthalts in Rußland kam ich mit einer überraschend großen Zahl von Personen zusammen, die willens waren, sich auf dem Gebiete der Erziehung, der Wirtschaft und anderer nicht politischen Felder zu betätigen. Aber da sie keine Kommunisten sind, sehen sie sich überall zurückgesetzt, entmutigt und von einem Spionagesystem umzingelt, das jede Initiative und jeden Versuch zur Unfruchtbarkeit verdammt.

Während meiner viermonatlichen Reise durch die Ukraine hatte ich genug Gelegenheit, Kinderheime, Elementarschulen, Kindergärten und Kolonien zu besuchen — inoffiziell, natürlich. Und überall fand ich dieselben Zustände: eine „Ausstellungsschule" mit gut genährten und in jeder Beziehung wohlversorgten Kindern, während in den anderen Institutionen die Kinder hungern mußten. Und oft habe ich gesehen, wie Männer und Frauen, die in diesen Instituten beschäftigt waren, gegen die bürokratische Maschine Sturm liefen, von dem ernsten Willen beseelt, die Interessen der Kinder zu verteidigen. Aber alle ihre Bemühungen waren vergebens und endeten damit, daß sie von der allmächtigen Maschine ausgeschaltet wurden.

Ein schlagendes Beispiel, wie man in einem solchen Fall vorzugehen pflegt, hatte ich kurz vor meiner Abreise in Moskau Gelegenheit zu beobachten. In einem gewissen Distrikt dortselbst befindet sich ein Modell-Kinderheim, die best organisierte und vortrefflichst ausgestattete Institution dieser Art, die ich in Rußland gesehen habe. Die Vorsteherin war eine äußerst seltene Frau, eine Idealistin, eine Erzieherin mit langjährigen Erfahrungen und unermüdlich tätig. Sie wandte sich entschlossen gegen die Methode der „Toten Seelen" und wollte nicht Paul berauben, um Peter füttern zu können. Es kam ihr nicht in den Sinn, die kleinen Beamten der unteren Abteilung durch Bestechungen zu gewinnen.

Wie es in solchen Fällen üblich ist, setzte bald eine Kampagne gegen sie ein. Der führende Geist in dieser gemeinen Attacke war der Arzt des Kinderheims, ein Kommunist. Man brachte alle nur erdenklichen Beschuldigungen gegen die Vorsteherin vor, von welchen keine einzige irgendwelche Basis hatte. Aber die Machinationen kamen nicht eher zur Ruhe, bis man die Frau aus ihrer Stellung hinausgezwungen hatte. Das bedeutete, in derselben Zeit, daß sie ihres Zimmers verlustig ging. Die Frau war Mutter eines vier Monate alten Kindes. Es war im November, das Wetter war kalt, eine feuchte, durch Mark und Bein dringende Kälte. Nichtsdestoweniger befahl man der Vorsteherin, die für das Institut gekämpft hatte, das Heim zu verlassen. Um das Leben ihres Kindes besorgt, weigerte sie sich, dem Befehle Folge zu leisten, solange man ihr kein anderes Zimmer in dem Gebäude anweisen würde. Daraufhin gab man ihr ein dunkles, feuchtes Zimmer im Erdgeschoß, das wohl seit drei Jahren nicht geheizt war. In diesem Grabe wurde der Säugling krank und ist seitdem leidend.

Sind Lunatscharski solche Fälle bekannt? Wissen andere führende Kommunisten davon? Manche zweifellos. Aber sie sind so sehr mit „wichtigen Staatsangelegenheiten" beschäftigt. Außerdem sind sie gegen solche „Kleinigkeiten" unempfindlich geworden. Und dazu sind sie selbst in denselben verhängnisvollen Kreis hineingebannt, ist doch jeder von ihnen nur ein Teil des großen bolschewistischen Beamtenapparates. Sie wissen, daß die Zugehörigkeit zur Partei eine Menge Sünden zudeckt.

Während meines zweijährigen Aufenthalts in Rußland besuchte ich eine große Anzahl von Institutionen, aber ich bin nur ganz wenigen glücklichen Kindern begegnet. Nur einmal in Archangelsk hörte ich ein Kind herzlich lachen. Im allgemeinen machen die meisten Kinder in den bolschewistischen Institutionen einen farblosen und stereotypen Eindruck, ähnlich wie dies mit Kindern, die in Waisenhäusern aufwachsen, der Fall ist.

Es liegt etwas Bedrücktes auf diesen Kindern; sie hungern nicht bloß nach Brot, sondern auch nach Zärtlichkeit — es sind einsame Kinder. Ich weiß, daß meine Ausführungen nicht übereinstimmen mit all den Märchen, die im Umlauf sind und von dem Millenium des Kindes in Rußland zu erzählen wissen. Aber es ist gar nicht meine Absicht, diese Märchen verewigen zu helfen.

Es gab noch einen anderen Faktor, der den bolschewistischen Staat über andere Regierungen erhob — die Abschaffung der Kinderarbeit. Es war dies die bedeutsamste Errungenschaft, für die man den Kommunisten zum Dank verpflichtet war. Heute aber, wo Lenins neue Wirtschaftspolitik das Tote schnell wieder auferstehen läßt, heute, wo Kapitalismus und Privatausbeutung langsam aber sicher in Rußland wieder ihren Einzug halten, wird die bolschewistische Regierung mit den übrigen zivilisierten Regierungen auch in dieser Hinsicht bald wieder auf gleicher Stufe stehen und die Kinderarbeit als große Quelle des nationalen Reichtums schätzen lernen.

Aus der Hochburg der Reaktion Ostpreußen.

Daß die deutsche Revolution, wenn man das Ereignis von 1918 so nennen will, so wenig Erfolge zeitigte und die wenigen, die sie gebracht, so schnell verloren gingen, begreift man erst dann richtig, wenn man Gelegenheit hat, außerhalb der Industriekonzerne, auf dem flachen Lande, in den Provinzen Umschau zu halten. Wenn selbst in den Groß- und Industriestädten die geistige Entwicklung der Bevölkerung sehr minimale Fortschritte gemacht hat, so sieht es bei der Landbevölkerung noch weit trauriger aus. Hier soll von Ostpreußen die Rede sein, weil ich Gelegenheit hatte, während meines Urlaubs dort zu verweilen, gerade während der Zeit, als Hindenburg seine Agitationstour dortselbst unternahm.

Hier, wo noch Pfaffen- und Junkertum ihre Willkürherrschaft uneingeschränkt ausüben, wo man das Volk mit allen Mitteln in geistiger Umnachtung zu erhalten sucht, hier finden Elemente wie ein Hindenburg fruchtbaren Boden für ihre Aussaat. Ein schmerzliches Gefühl erfaßt einen, wenn man der Leiden gedenkt, die das Volk während der größten aller Wahnsinnstaten, des allgemeinen Menschenmordens, in welches es getrieben wurde, ertragen hat. Die Erde raucht noch von warmem Menschenblute, und Moderduft der Menschengebeine quillt aus der Erde empor, diejenigen anklagend, die den Frevel an der Menschheit begangen. Auch Ostpreußens Fluren sind getränkt mit Menschenblut und gedüngt mit Menschenleichen. Man müßte nun doch annehmen, daß auch die Sinne eines Hindenburg empfänglich genug wären, um dieses wahrzunehmen und empfinden zu können. Aber weit gefehlt. Inmitten dieses Leichenfeldes unempfindlich für jedes menschliche Empfinden, getrieben von Perversität und Blutdurst, wird dieses Handwerk weiter getrieben. Die ostpreußische Presse wetteifert darin, Hindenburg als Held und Befreier zu feiern. So schreibt z. B. das Oberländer Volksblatt: „Hindenburg in Ostpreußen".

Ortelsburg. Ein überaus würdiger Empfang seitens der Bevölkerung aller Schichten wurde am 3. Juni Seiner Exzellenz von Hindenburg zuteil. Alle Straßen, die der Kraftwagen passierte, waren mit riesigen Menschenmengen besetzt, sogar die Dächer der Häuser usw.

Jedwabno. Am Sonnabend, den 3. Juni, glich unser Ort einem Blumengarten, der von vielen tausend Menschen besucht war. Alles war herbeigeströmt, um

890801015

The Emma Goldman Papers

[Reminiscences of Kropotkin. In German] Erinnerungen an Kropotkin [Part 1] / Emma Goldman. – p. 1 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 27 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

Nr. 27 - 1922 **Beilage** **IV. Jahrgang**

Erinnerungen an Kropotkin.

Von Emma Goldmann.

Uebersetzt aus „The World". Diese Artikel sind in annähernd 200 amerikanischen Zeitungen erschienen.

Unter denen, die ich nach meiner Ankunft in Rußland im Januar 1920 am sehnlichsten zu sehen begehrte, war Peter Alexewitsch Kropotkin. Ich erkundigte mich sofort, wie ich ihn erreichen könnte und erfuhr, daß ich zu diesem Zwecke nach Moskau fahren müßte, da Kropotkin in Dmitrow wohnte, einem kleinen Städtchen, sechzig Werst von dieser Stadt entfernt. Nun reiste man in einem Lande wie Rußland, das vom Kriege und von der Revolution so furchtbar mitgenommen war und in dem der Staat jeden Atemzug kontrollierte, nicht nach eigenem Willen. So blieb mir nichts anderes übrig, als zu warten, bis sich mir eine Gelegenheit, nach Moskau zu reisen, bieten würde. Glücklicherweise bot sich mir eine solche Gelegenheit sehr bald.

Früh im März reisten einige prominente Kommunisten, unter ihnen Radek und Gorki, nach Moskau, und man erlaubte mir, in ihrem Wagen mitzufahren. In Moskau angekommen, suchte ich Mittel und Wege, Dmitrow zu erreichen. Aber hier trat eine neue Verzögerung ein. Ich erfuhr, daß es fast unmöglich war, auf dem gewöhnlichen Wege dorthin zu reisen. Der Typhus grassierte in jener Zeit im Lande. Alle Eisenbahnstationen waren überfüllt von Menschen, die Tage und Wochen dort lagen und auf eine Gelegenheit lauerten, weiterzukommen. Da war ein fortgesetztes Gehalge um jeden Fußbreit Raum. Fünfhundert unglückliche Menschen drängten sich in einem Wagen zusammen, in dem nur Platz für fünfzig vorhanden war. Hungrig und abgehetzt suchten sie selbst auf den Dächern und Trittbrettern der Wagen ein Plätzchen zu ergattern, ungeachtet der furchtbaren Kälte und der unmittelbaren Gefahr, abgeworfen zu werden. Es verging keine Reise, ohne daß Menschen dabei erfroren oder vom Zuge herabgeschleudert wurden.

Ich war in Verzweiflung; denn ich hörte, daß Kropotkin diesen Winter krank war, und ich befürchtete, daß er das Frühjahr vielleicht nicht mehr erleben würde. Ich wollte weder um einen besonderen Wagen nachsuchen, noch konnte ich mich entschließen, auf dem gewöhnlichen Wege zu reisen, bis mir auch hier wieder ein unvorhergesehener Zufall zu Hilfe kam.

Der Herausgeber des Londoner „Daily Herald", begleitet von einem seiner Berichterstatter, war vor mir in Moskau eingetroffen und hatte ebenfalls die Absicht, Kropotkin zu besuchen. Da man ihm zu diesem Zwecke einen Extrawagen zur Verfügung gestellt hatte, so hatte ich, zusammen mit Alexander Berkmann und A. Schapiro Gelegenheit, Herrn Lansbury zu begleiten und konnte auf diese Weise die Reise in verhältnismäßiger Sicherheit zurücklegen. Wir kamen zur guten Zeit an. Es war eine sternhelle Nacht, und das ganze Land war mit einer ungeheuren Schneedecke belastet. Unsere Fußtritte hallten wider in der Stille des schlafenden Dorfes.

Kropotkins Häuschen war nach dem Garten zu gelegen und von der Straße entfernt. Nur der schwache Strahl einer Petroleumlampe beleuchtete den Pfad, der zum Hause führte. Ich hörte später, daß Petroleum knapp war in Kropotkins Haushalt und mit Licht gespart werden mußte. Nachdem Kropotkin sein Tagewerk vollendet hatte, wurde die Lampe in das Wohnzimmer gebracht, wo sich die Familie des Abends versammelte. Sophie Kropotkin und die Tochter bereiteten uns einen warmen Empfang und führten uns ins Zimmer, wo wir unseren Großen Alten Mann fanden.

Ich hatte ihn das letzte Mal 1907 in Paris gesehen, wohin ich mich nach dem Anarchistischen Kongreß in Amsterdam begeben hatte. Kropotkin, dem Frankreich für viele Jahre verschlossen war, hatte kurz vorher das Recht erhalten, dorthin zurückzukehren. Er war damals bereits 65 Jahre alt, allein er strotzte noch immer von Lebenskraft und war so munter, daß er viel jünger erschien. Er war eine große Inspiration für uns alle, die wir das Glück hatten, mit ihm näher in Berührung zu kommen.

Es war geradezu unmöglich, sich Peter Alexewitsch alt vorzustellen. Nicht so im März 1920. Ich war tief betroffen, so gealtert erschien er mir. Er war furchtbar abgezehrt. Er empfing uns mit derselben anmutigen Freundlichkeit, die so charakteristisch an ihm war. Wir fühlten von Anfang an, daß unser Besuch nicht befriedigend sein würde. Peter würde nicht imstande sein, in der Gegenwart von Fremden, die dazu noch Journalisten waren, offen zu sprechen. Doch wir mußten von der Lage das Beste machen. Nachdem wir uns wohl eine Stunde lang über allgemeine Dinge unterhalten hatten, bat ich Frau Kropotkin und Sascha, die englischen Gäste zu unterhalten, während wir mit Kropotkin in Russisch sprachen.

Nachdem ich mich auf das angelegentlichste nach seiner Gesundheit erkundigt hatte, war ich natürlich in erster Linie darauf erpicht, von ihm Aufklärung über Fragen von vitalem Interesse zu erhalten, die schon damals meinen Geist beunruhigten. Er sollte mir Auskunft geben über die Beziehungen, die zwischen den Bolschewiki und der Revolution bestanden, über die despotischen Methoden, welche die herrschende Partei in Anwendung brachte, und zu denen sie, wie mir jedermann versicherte, durch die Intervention und die Blockade gezwungen war. Ich wollte die Meinung Kropotkins über diese Dinge kennenlernen, wollte wissen, wie sein langes Schweigen zu deuten war.

Ich habe mir keine Notizen gemacht und kann nur die wichtigsten Punkte unseres kurzen Gespräches hier wiedergeben. Kropotkins Meinung war, daß die russische Revolution das Volk zu großen Höhen emporgetragen und den Weg für eine tiefgründige Veränderung der sozialen Zustände geebnet habe. Hätte man dem Volke die Möglichkeit gegeben, die freigewordenen Kräfte auszunutzen, wären Rußland die furchtbaren Bedingungen, unter denen es jetzt zu leiden hatte, erspart geblieben.

Die Bolschewiki, welche durch die gigantische Welle der Revolution zur Macht emporgetragen wurden, bekamen zuerst das Ohr des Volkes durch extreme revolutionäre Schlagwörter. Auf diese Weise erwarben sie sich das Vertrauen der Massen und die Unterstützung der aktiven Revolutionäre. Schon früh in der Oktoberperiode begannen die Bolschewiki damit, die Interessen der Revolution der Errichtung ihrer Diktatur unterzuordnen. So kam es, daß jede gesellschaftliche Tätigkeit eingeschnürt und gelähmt wurde. Kropotkin führte die Genossenschaften als Beispiel an, die seiner Meinung nach das vorzüglichste Bindeglied hätten abgeben können, um die Interessen der Bauern und Arbeiter zu überbrücken, und die man bald im Anfang zerstört hatte.

Er sprach mit großem Nachdruck über die allgemeine Depression, die Verfolgungen, die Niederhetzung jeder anderen politischen Meinung und gab uns zahlreiche Beispiele von der Not und dem Elend des Volkes. Was er der bolschewistischen Regierung besonders zum Vorwurf machte, war, daß sie den Sozialismus und den Kommunismus in den Augen des russischen Volkes diskreditiert hatte. Es war ein herzzerreißendes Bild, das uns Kropotkin an jenem Abend entrollte.

Wir fragten ihn, warum er seine Stimme nicht erhoben hätte gegen alle diese Uebel, gegen die fatale Maschine, welche das Herzblut der Revolution auspumpte. Kropotkin gab uns zwei Ursachen an: Erstens war es, dank der Diktatur, in Rußland unmöglich, seiner Meinung freien Ausdruck zu geben, und in einer Weise, daß sie das Volk erreichen könnte. Zweitens konnte er es nicht über sich gewinnen, in einer Zeit, wenn Rußland von den vereinten Kräften der europäischen Imperialisten überfallen und seine Frauen und Kinder durch die verbrecherische Blockade in den Hungertod getrieben wurden, in das wütende „Kreuzigt ihn!" gewesener Revolutionäre miteinzustimmen. Aus diesen Gründen hatte er es vorgezogen, zu schweigen. An die Regierung zu appellieren, war zwecklos, da sie nur noch darauf erpicht war, ihre Macht um jeden Preis aufrechtzuerhalten. Sie konnte deshalb vor solchen Kleinigkeiten, wie Menschenleben und Menschenrechte, nicht Halt machen. „Aber haben wir nicht stets auf diese Segnungen des Marxismus in Aktion hingewiesen?" fügte er hinzu. „Warum nun erstaunt sein?"

Ich fragte ihn, ob er seine Eindrücke und Beobachtungen niederschreibe, und betonte die Notwendigkeit und Wichtigkeit, die ein solches Dokument für seine Kameraden, für die Arbeiter, für die ganze Welt haben müßte. Kropotkin sah mich eine Zeitlang an und erwiderte:

„Nein, ich schreibe nichts dergleichen. Es ist unmöglich zu schreiben, wenn man überall von großen menschlichen Leiden und Elend umgeben ist, wenn jede Stunde Kunde bringt von neuem Weh, das man nicht stillen kann. Außerdem gibt es kein Privatleben, keine persönliche Sicherheit mehr. Man muß jeden Moment auf eine Haussuchung gefaßt sein. Die Tscheka erscheint plötzlich in der Nacht, durchstöbert jeden Winkel im Haus, kehrt alles drunter und drüber und nimmt jeden Fetzen Papier mit. Unter solchem fortgesetzten Druck ist es schwer, Buch zu führen. Aber mehr wie alles andere kommt für mich mein Werk über die Ethik in Betracht. Ich kann bloß einige Stunden täglich arbeiten und habe noch immer viel zu tun. Ich bin daher gezwungen, alles andere auszuschließen und meine ganze Kraft auf diesen Gegenstand zu konzentrieren."

Wir hatten bereits die Zeit unseres Genossen zu lange in Anspruch genommen, und obwohl wir noch manches auf dem Herzen hatten, mußten wir uns für diesen Abend bescheiden. Die Unterhaltung nahm nun wieder einen allgemeinen Charakter an. Doch es wurde spät, und unser Wirt war müde. Wir nahmen daher bald Abschied und versprachen, im Frühjahr wiederzukommen, wo wir mehr Zeit haben würden, über Dinge, die uns am Herzen lagen, zu sprechen.

Nach einer zärtlichen Umarmung, die Peter niemals verfehlte, denen zuteil werden zu lassen, die er liebte, begaben wir uns nach unserem Wagen zurück. Mein Herz war voll von der großen russischen Tragödie, mein Geist verwirrt und beunruhigt von all den Dingen, die ich vernommen hatte. Auch machte mir der physische Zustand unseres Kameraden ernste Sorgen. Ich fürchtete, daß er den Frühling nicht erleben würde. Der Winter 1920 war schrecklich. Die Menschen wurden vom Typhus, von Hunger und Kälte hinweggerafft. Der Gedanke, daß Kropotkin sterben könnte, und daß die Welt seine Ansichten über die russische Revolution niemals erfahren würde, war mir unerträglich. Kropotkin hatte dem Despotismus der Zaren und ihrer politischen Ochrana Trotz geboten, warum konnte er jetzt nicht schreiben? Ging es auch ihm wie jenen Alten, die mit ihren Gedanken stets in der Vergangenheit wohnen, während die Gegenwart an ihnen vorüberzieht? Erst viel später lernte ich begreifen, warum Kropotkin unfähig war, über die russischen Ereignisse zu schreiben.

Im Juli 1920 kam ich wieder nach Moskau, diesmal mit der Expedition des Revolutions-Museums, auf unserem Wege nach der Ukraine. Eines Tages telephonierte mir Sascha Kropotkin. Es war ihr gelungen, ein Auto von einem Regierungsbeamten zu leihen, und nun wollte sie, daß Berkman und ich mit nach Dmitrow kommen sollten. Wir reisten den anderen Tag und erreichten Dmitrow in einigen Stunden. Der Garten, der Kropotkins Heim umgab, war in voller Blüte und verbarg das Häuschen vollständig jedem Blicke.

Peter hielt sein Nachmittagsschläfchen, aber der Klang unserer Stimmen brachte ihn rasch auf die Beine, und er kam schnell, uns zu begrüßen. Er war so munter, so lebhaft, so kraftvoll. Er führte uns sofort nach dem Gemüsegarten, der fast ausschließlich das Werk Sophie Kropotkins, der Stolz Kropotkins und die wichtigste Stütze für die Familie war. Es machte ihm viel Vergnügen, uns eine neue Art Salat zu zeigen, die Sophie gepflanzt hatte — schwere, große Köpfe wie Weißkraut, aber mit Blättern von einem duftigen Grün. — „Ihr müßt welchen zum Mittagbrot haben," sagte Peter jovial. Der Frühling hatte ein Wunder an ihm vollbracht. Er war ein ganz anderer Mensch geworden.

Die ersten sieben Monate meines Aufenthalts in Rußland hatten mich nahezu vernichtet. Ich war angekommen mit so viel Begeisterung im Herzen, ganz und gar beseelt von dem leidenschaftlichen Verlangen, mich in die Arbeit stürzen zu können und mitzuhelfen, die heilige Sache der Revolution zu verteidigen. Aber was ich in Rußland fand, überwältigte mich geradezu. Ich war nicht fähig, irgend etwas zu tun. Das Rad der sozialistischen Staatsmaschine ging über mich hinweg und lähmte meine Energie. Das furchtbare Elend und die Bedrängnis des Volkes, die kaltherzige Ignorierung seiner Wünsche und Bedürfnisse, die Verfolgungen und Unterdrückungen lagen mir wie ein Berg auf der Seele und machten mir das Leben unerträglich.

War es die Revolution, die Idealisten in wilde Bestien verwandelt hatte? Wenn dies der Fall war, so waren die Bolschewiki bloß Schachfiguren in der Hand eines unvermeidlichen Schicksals. Oder war es der kalte, unpersönliche Charakter des Staates, dem es gelungen war, durch verwerfliche und unehrliche Mittel die Revolution in sein Joch zu spannen, um sie nun auf Wege zu peitschen, die ihm unentbehrlich waren? Ich fand keine Antwort auf diese Fragen — wenigstens nicht im Juli 1920. Vielleicht war Kropotkin dazu imstande.

Die Organisationszerstörer bei der Arbeit.

Ein „provisorischer Ausschuß", der sich in Berlin bildete und aus Mitgliedern der Vorstände der Berliner Organisationen der Metallarbeiter, Holzarbeiter und Verkehrsarbeiter zusammengesetzt wurde, hat einen „Aufruf" ins Land geschickt. Um diesen Ausschuß gruppieren sich dieselben Männer, die sich um die Zerstörungsarbeit innerhalb der F.A.U.D. seit zwei Jahren bemühen, und die auf dem 13. Kongreß mit einer Geheimschrift einen gemeinsamen Frontangriff gegen die Geschäftskommission vornahmen. Alle Angriffe dieser sog. Opposition verpufften nach tagelangen nutzlosen Debatten. In Berlin und Düsseldorf vor allem setzten die „Oppositionellen" nach dem Kongreß ihr Werk fort. Gerade in den Organisationen, in denen sie ihr Handwerk übten, schwinden die Mitgliederzahlen von Monat zu Monat. In Düsseldorf sank die Mitgliederzahl von 8000 auf 2000 Mitglieder. In Berlin gehen die Organisationen der Metallarbeiter und Verkehrsarbeiter dauernd an Mitgliedern zurück. Kein Wunder, denn alle Versammlungen sind ausgefüllt mit Klatsch und Quatsch, die Genossen kehren der Organisation den Rücken. Die Organisation der Metallarbeiter in einem Vorort Berlins aber, wo die „Opposition" nicht ihr Wesen treiben konnte, nimmt an Mitgliedern ständig zu, hat mindestens die vierfache Mitgliederzahl als der Berliner Ortsverein.

Kein Wort soll hier verloren werden über das „einwandfreie" Material, womit der „provisorische Ausschuß" die Genossen im Lande informiert. Der „Syndikalist" darf sich nicht in persönliche Zankereien ergehen. Die Geschäftskommission wird über die Vorgänge schon vor dem 14. Kongreß berichten, und die Genossen werden sich dann ein Urteil bilden können. Hier soll nur zur Kenntnis aller Syndikalisten gebracht werden, was die „Oppositionellen" fordern an „Reformen" innerhalb der F.A.U.D. Hier sind ihre

Vorschläge:

1. Beseitigung jeder Zentralisation,
   a) Der Presse.
   b) Der Agitation.
2. Umgestaltung des „Syndikalist" in eine wissenschaftliche Monatsrevue für Syndikalismus und Anarchismus, die von der G.K. herausgegeben wird.
3. Jeder Agitationsbezirk gibt ein eigenes Organ heraus.
   a) Ist ein Bezirk organisatorisch zu schwach dazu, so gibt er mit dem nächstgelegenen gemeinsam ein Organ heraus.
   b) Wenn die organisatorische und finanzielle Stärke es ermöglicht, zu sollen, um die Dezentralisation

270

890801016

The Emma Goldman Papers

[Reminiscences of Kropotkin. In German] Erinnerungen an Kropotkin [Part 2] / Emma Goldman. – p. 1 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –no. 28 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

Nr. 28 - 1922 Beilage IV. Jahrgang

Erinnerungen an Kropotkin.

Von Emma Goldmann.

Uebersetzt aus „The World". Diese Artikel sind in annähernd 200 amerikanischen Zeitungen erschienen.

II.

Als ich Kropotkin das zweite Mal besuchte, waren wir einige Stunden zusammen. Damals entwickelte er mir im einzelnen seine Ansichten über die russische Revolution, über die Rolle der Bolschewiki und die Lehren, welche die Anarchisten und die Welt im allgemeinen daraus ziehen konnten. Er vertrat den Standpunkt, daß die Russische Revolution, was ihre Ziele und Möglichkeiten anbetrifft, größer und umfassender als die Große Französische Revolution war. Es ist zwar richtig, daß das russische Volk im westeuropäischen Sinne nicht so entwickelt ist, dafür aber ist es für eine Neueinteilung des Lebens empfänglicher. Der Geist, der die Massen während der Februar- und Oktober-Revolution beseelte, hat bewiesen, daß sie die großen Veränderungen verstanden, deren Verwirklichung ihre vereinten Kräfte erforderten, und als waren bereit, ihr Teil zu tun.

Das Volk wußte, daß etwas Gewaltiges vor ihm lag, das es selbst erfassen, organisieren und dem seine Kraft die Wege ebenen mußte. Dieser Geist, obzwar durch Hunger, Entbehrung und Verfolgungen in Banden geschlagen, ist sogar jetzt noch lebendig im Volke. Der Widerstand, den es dem bolschewistischen Joch auf Schritt und Tritt entgegengestellt, ist der beste Beweis dafür. Die Bolschewiki auf ihrem Wege zur Macht, weit entfernt der Vortrupp der Revolution zu sein, wie sie vorgeben, waren vielmehr der Damm, an dem sich die steigende Flut der Volkskraft gebrochen hat.

Mit ihrer festgefaßten Idee, daß nur die Diktatur die Revolution lenken und verteidigen könne, verstärkten sie fortgesetzt ihre furchtbare Staatsmacht, welche heute die Revolution erdrosselt. Als Marxisten konnten sie nicht, noch werden sie jemals begreifen, daß die einzige Garantie für den Erfolg der Revolution in der geistigen Anlage des Volkes, sein eignes Wirtschaftsleben zu organisieren, enthalten ist. Im übrigen erklärte Kropotkin, daß er seine Ansichten über die Russische Revolution in seinem „Brief an die Arbeiter Europas" auseinandergesetzt habe, der, wie ich wohl annehmen darf, eine weite Verbreitung gefunden hat.

Kropotkin sprach auch von dem Anteil, den die Anarchisten an der Revolution genommen haben, von einigen, die ihren Tod fanden, von dem heroischen Kampfe vieler unter ihnen und von der Unverantwortlichkeit einiger wenigen. Vor allem betonte er, daß die Anarchisten sich für die aufbauende Arbeit während der Revolution besser vorbereiten müßten. Ich erinnere mich noch sehr deutlich seiner Worte:

„Wir Anarchisten haben sehr viel von der sozialen Revolution gesprochen. Aber wie wenige von uns haben sich die Mühe genommen, die nötigen Vorbereitungen für die unmittelbare Arbeit, die während und nach der Revolution geleistet werden muß, zu treffen. Die Russische Revolution hat uns die absolute Notwendigkeit solcher Vorbereitungen für praktische konstruktive Arbeit klar vor Augen geführt"

In einem Briefe an einen seiner nahesten Freunde erklärte Kropotkin, daß er zu der Ueberzeugung gekommen wäre, daß der Syndikalismus die wirtschaftliche Basis des Anarchismus sei, mit anderen Worten, das Bindeglied für die wirtschaftliche Organisation und der Ausdruck der im Volke schlummernden Kräfte während der revolutionären Periode.

Es war mir ein unvergeßlicher Tag. Leider war es der letzte, den ich in der Gesellschaft unseres großen, alten Mannes verleben sollte. Als man mich während seiner letzten Krankheit ersuchte, den Kranken zu pflegen, erreichte ich Dmitrow eine Stunde nach seinem Tode. Dank der üblichen bürokratischen Konfusion, Unfähigkeit und Verzögerung verlor ich die Gelegenheit, Kropotkin einen kleinen Teil von dem vergelten zu können, was er mir alles getan hatte.

Zwei Dinge berührten mich tief bei Kropotkin während meiner beiden letzten Besuche: die Abwesenheit jedes bitteren Gefühls den Bolschewiki gegenüber und die Tatsache, daß er niemals auf seine eigne Not und Entbehrung zu sprechen kam. Erst nach seinem Tode erfuhr ich einige Einzelheiten über sein Leben unter dem bolschewistischen Regime. Früh im Jahre 1918 hatte Kropotkin eine Gruppe der fähigsten Spezialisten aus allen Zweigen der politischen Oekonomie um sich versammelt. Die Aufgabe dieses Zirkels war eine sorgfältige Untersuchung aller wirtschaftlichen Hilfsquellen, die Rußland damals zur Verfügung standen, das gesammelte Material in bestimmten Monographien zusammenzutragen, damit es beim Wiederaufbau des Landes praktische Verwendung finden könnte.

Kropotkin war der Chefredakteur des Unternehmens. Ein Band war zur Drucklegung vorbereitet, wurde aber nie veröffentlicht. Die „Föderalistische Liga" — so nannte sich diese Gruppe von Männern der Wissenschaft — wurde von der Regierung aufgelöst, das Material, das sie gesammelt hatte, konfisziert. Bei zwei Gelegenheiten wurde Kropotkins Wohnung requiriert und die Familie gezwungen, ein anderes Unterkommen zu suchen. Erst nach diesen Erfahrungen entschloß sich Kropotkin, nach Dmitrow überzusiedeln, wo er in einem unfreiwilligen Exil lebte. Sogar im Sommer war es schwierig, ihn zu besuchen. Man mußte sich eine besondere Reiseerlaubnis verschaffen, und dies erforderte viel Zeit und Mühe. Im Winter war es fast ausgeschlossen, ihn zu erreichen. So wurde der Mann, der früher in seinem Hause die besten und ideenreichsten Köpfe zu empfangen pflegte, zum Leben eines Einsiedlers verdammt.

Seine einzigen Besucher waren unglückliche Bauern, Dorfarbeiter und einige Intellektuelle, die ihm ihr tägliches Elend klagten. Ich erinnere mich, daß Kropotkin am Abend unseres Besuches von einem alten Freunde aus Moskau, einem Gelehrten, einen Brief empfing. Der Mann lebte mit seiner Frau und seinen zwei Kindern in einer Stube. Eine kleine Lampe stand auf dem Familientisch, an dem die Kinder ihre Aufgaben machen und die Frau Manuskripte abschreiben mußte, während er selbst an einer Ecke des Tisches seine wissenschaftlichen Untersuchungen anstellte. Er war auf einem Platze beschäftigt, der zwölf Werst von seiner Wohnung entfernt lag und mußte diesen Weg täglich zu Fuß zurücklegen.

Kropotkin, der stets mit der Welt in Berührung war durch zahlreiche Publikationen in allen Sprachen, war nun gänzlich von dieser Quelle geistigen Lebens abgeschnitten. Er konnte sogar nicht erfahren, was in Moskau und Petrograd vor sich ging. Seine einzige Quelle, etwas Neues zu erfahren, waren die beiden Regierungsblätter Prawda und Iswestija. Indem er gezwungen war, in Dmitrow zu wohnen, wurde er in seiner Arbeit an seinem Werke über die Ethik stark behindert, da es ihm dort unmöglich war, die notwendigen Quellenwerke aufzutreiben. Mit einem Wort, Kropotkin wurde geistig ausgehungert, was für ihn zweifellos eine größere Folter war als physische Unterernährung. Er erhielt einen viel größeren Pajok (Ration) als die meisten anderen Leute. Aber sogar das war lange nicht genug, seine Lebenskraft zu bewahren.

Glücklicherweise erhielt er von Zeit zu Zeit von verschiedenen Seiten Unterstützung in der Gestalt von Lebensmitteln. So sandten ihm seine Freunde des Auslands und die in der Ukraine öfter Nahrungsstoffe. Aehnliche Geschenke erhielt er auch von Machno, den die Bolschewiki in jener Zeit als den Schrecken der konterrevolutionären Streitkräfte in Südrußland feierten. Am meisten machte sich bei ihm der Mangel an Licht und Brennstoffen bemerkbar. Als ich Kropotkin und seine Familie 1920 besuchte, schätzten sie sich glücklich, daß sie in mehr als einem Zimmer Licht brennen konnten. Teilweise in den letzten Monaten von 1918 und während des ganzen Jahres von 1919 schrieb Kropotkin an seiner Ethik bei dem flackernden Scheine eines kleinen Oellämpchens, so daß er von der Arbeit bald blind wurde.

Während der kurzen Tagesstunden pflegte er seine Notizen auf einer Schreibmaschine abzuschreiben, wobei er jeden Buchstaben langsam und mit peinvoller Schwere herauspreßte. Trotzdem waren es nicht die eignen Nöte und Unbequemlichkeiten, die an der Lebenskraft Kropotkins zehrten. Es war die Not Rußlands, waren die ungeheuren Leiden rings um ihn, die Unterdrückung jedes selbständigen Gedankens, die Verfolgungen und Verhaftungen der Meinung wegen, die endlosen „Rastreis" auf das Volk, die das letzte Jahr seines Lebens zu einer tiefen Tragödie machten.

Wenn er wenigstens imstande gewesen wäre, etwas mithelfen zu können, um die Leiden zu lindern und die Diktatoren Rußlands zur Vernunft zu bringen. Aber er konnte nicht. Er konnte nicht, wie manche von der alten revolutionären Garde, mit den Feinden der Revolution gemeinschaftliche Sache machen. Sogar, wenn sich ihm die Möglichkeit geboten hätte, seine Proteste in der europäischen Presse erscheinen zu lassen, würden die Reaktionäre dieselben gegen Rußland ausgeschlachtet haben. Nein, er konnte das nicht tun. Und er wußte nur zu gut, daß jeder Protest an die bolschewistische Regierung fruchtlos bleiben würde.

Doch so groß war sein Schmerz, daß er sich bei zwei Gelegenheiten selbst an diese tauben Ohren wandte. Einmal protestierte er gegen die furchtbare Maßregel, Geiseln zu nehmen, das andere Mal gegen die vollständige Unterdrückung aller Verlagsunternehmungen, außer denen des Staates.

Seit die Tscheka ihre unheilvolle Tätigkeit begonnen hatte, hatte die bolschewistische Regierung die Methode des Geiselnehmens sanktionirt. Alt und Jung, Mütter, Väter, Brüder, Schwestern, sogar Kinder, wurden festgesetzt und oft erschossen für die Vergehen eines der ihrigen, von denen sie in neun von zehn Fällen nicht die kleinste Ahnung hatten.

Im Herbst 1920 drohten die Sozial-Revolutionäre, die nach Europa emigriert waren, Vergeltung zu üben, wenn man ihre Kameraden in Rußland weiter verfolgen sollte. Die bolschewistische Regierung veröffentlichte darauf in ihrer offiziellen Presse eine Erklärung, daß man für jeden Kommunist zehn Sozial-Revolutionäre hinrichten würde. Es war damals, daß die berühmte Revolutionärin Wera N. Figner und Peter Kropotkin ihren Protest an die regierenden Machthaber sandten. Sie erklärten, daß die Methode, Geiseln zu nehmen, einen Flecken auf dem Schild der russischen Revolution bedeute, daß sie ein Uebel sei, das bereits furchtbare Ergebnisse gezeitigt habe, und daß die Nachwelt den Urhebern einer solch barbarischen Methode niemals vergeben werde.

Der zweite Protest wurde erhoben, als die Regierung den Versuch machte, alle Verlagsunternehmen, sowohl politische, genossenschaftliche oder private, zu „liquidieren". Dieser Protest war an das Präsidium des damals tagenden Achten Allrussischen Sowjetkongresses gerichtet. Es ist interessant zu bemerken, daß Gorki, der selbst ein Mitglied des Kommissariats für Erziehung ist, fast am selben Tage einen ähnlichen Protest von Petrograd absandte.

Kropotkin betonte in seiner Darlegung die Gefahr, die eine solche Politik für jeden Fortschritt, in Wahrheit für jedes und alles Gedankenleben nach sich ziehen müsse. Ein solches Geistesmonopol des Staates müsse jede schöpferische Arbeit unmöglich machen. Die Lage in Rußland seit den letzten vier Jahren legt ein beredtes Zeugnis für die Wahrheit dieser Behauptung ab.

Eine der charakteristischsten Merkmale bei Kropotkin war seine Verschwiegenheit in allen Dingen, die ihn selbst betrafen. Während der 36 Stunden, die ich in seinem Hause in Dmitrow zubrachte, als er tot im Sarge lag, habe ich mehr von seinem persönlichen Leben erfahren als in all den Jahren, die ich mit ihm bekannt war. So wußten z. B. nur wenige, selbst aus dem intimeren Zirkel seiner Freunde, daß Peter Alexewitsch ein Künstler und Musiker von bedeutendem Talent war. Unter seinen Sachen fand ich eine ganze Sammlung seiner Zeichnungen, die von großer Kraft zeugen.

Er liebte leidenschaftlich die Musik und war selbst ein Musiker von nicht unbedeutenden Fähigkeiten. Einen großen Teil seiner Mußestunden brachte er am Piano zu. Zweifellos fand er in den Werken der Meister, die er mit tiefem Verständnis erfaßt hatte, Frieden und Vergessenheit.

Er lag in seinem Arbeitszimmer, wie in friedlichem Schlaf versunken, und seine Züge waren noch im Tode so zart und gütig, wie sie im Leben gewesen waren. Da lag er nun, dieser große Sohn Rußlands. In Sturm und Wetter war er der Revolution treu geblieben und würde sie nie aufgegeben haben. Er erlebte es nicht mehr, wie man in Rußland den Kapitalismus gleichsam als Monument auf dem Grabe der Revolution wieder aufgerichtet hat. Aber sogar dies würde ihm seinen inbrünstigen Glauben an die Auferstehung des Volkes und den endlichen Triumph der freiheitlichen Revolution nicht geraubt haben.

Der Kongress der revolutionären Syndikalisten Frankreichs.

Die Leser des „Syndikalist" haben bereits durch frühere Artikel erfahren, daß voriges Jahr zu Weihnachten die Trennung des allgemeinen Gewerkschaftsbundes vollzogen wurde. Die Vertreter des revolutionären Syndikalismus wollten alle revolutionären Gewerkschaften in einem revolutionären Gewerkschaftsbunde vereinen. Zu diesem Zwecke traten sie aus der Confederation General du travail (C.G.T.), die der Amsterdamer Internationale angeschlossen ist aus und bildeten eine Confédération Général du travail Unitaire (C.G.T.U.). Das letzte Wort Unitaire bedeutet Vereinigte. Als auf einer Landeskonferenz im Dezember diese Neubildung vorgenommen wurde, setzte man eine provisorische Geschäftskommission ein. In dieser waren die föderalistischen Kräfte in der Mehrheit, die bolschewistischen dagegen in der Minderheit. Die Geschäftskommission sollte nur bis zum ersten ordentlichen Kongreß der neuen Organisation amtieren, wurde jedoch damit betraut, den Kongreß einzuberufen und zu organisieren, sowie die Statuten auszuarbeiten und sie dem Kongreß vorzulegen.

Dieser Aufgabe unterzog sich die Geschäftskommision in der besten Weise und arbeitete Statuten aus, die unter anderem die Abschaffung des Staates forderten. Auch auf internationalem Gebiete war die Einstellung der Geschäftskommission für eine Internationale, die von allen politischen Parteien absolut unabhängig ist. Bemerkenswert ist, daß der Sekretär der Geschäftskommission, Totti, Mitglied der kommunistischen Partei ist. Totti, von Gehurt Italiener, ist eher bakunistisch als marxistisch eingestellt, und so kam es, daß er einen Standpunkt vertrat, der bei uns in Deutschland am ebesten von den Syndikalisten verfochten wird.

Außer dieser Richtung, die von der Geschäftskommission vertreten wurde, gab es noch die kommunistische und die syndikalistisch-kommunistische Strömung, deren Aussichten durch die Geschäftskommission bedroht und deren Manipulationen durchkreuzt wurden. Während der rein kommunistische Flügel nicht großen Anhang hatte, setzte seitens der syndikalistisch-kommunistischen Richtung eine mächtige Werbearbeit zugunsten des Anschlusses an die Rote Gewerkschafts-Internationale zu Moskau ein. Es ist verständlich, daß diese Propaganda von Moskau aus bezahlt und unterstützt wurde. Man gab neue Zeitungen heraus, unter welchen an erster Stelle „La Lutte des Classes" (Der Klassenkampf) steht, setzte in „La Vie Ouvrière", einer Wochenzeitung, an deren Spitze früher Monatte stand, den Kampf für Moskau fort und verschrieb sich für die „Humanité", (die Tageszeitung der Kommunisten), Monatte als Redakteur für den gewerkschaftlichen Teil, um dadurch das gewerkschaftliche Ansehen der Zeitung zu heben. Man drang ferner mit allen Mitteln in die Ortsgruppen ein, versuchte sich dort festzusetzen und den Geist für den ersten Kongreß vorzubereiten, um den Moskauanhängern den Sieg zu sichern.

890801017

The Emma Goldman Papers

[The trade unions in Russia. In German] Die Gewerkschaften in Russland / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – no. 30 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

Nr. 30 - 1922 **Beilage** **IV. Jahrgang**

Die Gewerkschaften in Russland

Von Emma Goldmen

(Die Artikel sind in annähernd 200 amerikanischen Zeitungen erschienen.)

Die vielgepriesenen Errungenschaften der Bolschewiki auf dem Gebiete des Gewerkschaftswesens erinnern mich an die Worte der Frau Alving in Ibsens Gespenster: „Nur an einem einzigen Knoten wollte ich zupfen; als ich den aber auf hatte, da gab die ganze Geschichte nach. Und da merkte ich, daß es nur Maschinennaht war."

Unter den Dingen, die dem neuen Ankömmling in Rußland besonders auffallen, stehen die Gewerkschaften an erster Stelle. Man denke nur: sieben Millionen Arbeiter organisiert in einer gewaltigen Körperschaft mit herrlichen Arbeitstempeln, eigenen Lehrgängen, Versammlungen und Konzerten. Welch anderes Land hat solche Dinge aufzuweisen? Man fat einfach überwältigt. Aber sobald man anfängt, an einem einzigen Knoten zu zupfen, geht die ganze Naht auf, und man bemerkt plötzlich, daß die Gewerkschaften, mehr noch wie jede andere bolschewistische Institution, Maschinennaht sind, von der kommunistischen Staatsmaschine angefertigt.

In der Tat tat es eine ganz irreführende Auffassung, unter dem bolschewistischen Regime überhaupt von Gewerkschaften zu reden. Die Gewerkschaft verkörpert einen bestimmten historischen Begriff; wenigatens ist dies bei den Arbeftern, die jenseits der Grenzen des des bolschewistischen Rußlands leben, der Fall. Sogar in ihrem konservativen Sinne repräsentieren sie die Kampfarena der organisierten Arbeit für wirtschaftfiche Verbesserungen. Im revolutionären Sinne sind die Gewerkschaften oder, besser gesagt, die industriellen und syndikalistischen Verbände, die wirtschaftliche Erziehungsschule für die kämpfenden Massen, um der Ausbeutung ein Ende zu bereiten, und in einer befreiten Gesellschaft die Verwaltung der Prodoktton in die Hände der Arbeiter selbst zu legen.

In Rußland jedoch vertreten die Gewerkschaften weder im konservativen nnd noch weniger im revolutionären Sinne die Bedürfnisse der Arbeiter. Sie sind dort nicht mehr wie das untergeordnete und militaristisch ausgebildete Werkzeug des bolschewistischen Staates. Die „Schule des Kommunismus", wie Lenins These über die Aufgabe der Gewerkschaften lautet. Aber sie sind sogar das nicht. Eine Schule setzt den freien Meinungsausdruck und die Initiative des Schülers voraus, während die Gewerkschaften in Rußland bloß militärische Kasernen für mobilisierte Arbeiterarmeen sind, denen jeder auf Kommando des Staates beizutreten gezwungen ist

Die russischen Gewerkschaften, obzwar noch sehr jung (sie datieren von 1905 an), waren sehr kampffreudige Organisattonen. Sie mußten es sein, um den grausamen Verfolgungen unter dem zarischen Regime widerstehen zu können. Obwohl sie meistenteils eine unterirdische Existens führen mußten, waren sie nichtsdestoweniger ein wichtiger Faktor in den Kämpfen der russischen Arbeiterschaft. Diese Tatsache bekundete sich in machtvoller Weise gleich nach dem Ausbruch der Februar-Revolutioo.

Die Gewerkschaften, durchdrungen von dem neuen Geiste, der über Rußiand gekommen war, gaben sich nicht mit ausschließlich politischen Veränderungen zufrieden. Ihr Ziel war, die Arbeiter in den Besitz der ganaeo wirtschaftlichen Struktur des Landes zu setzen. Noch ehe die Arbeiter zur Expropriation der Betriebe schritten, hatten die Gewerkschaften bereits ihre Betriebsräte organisiert, um das industrielle Leben des Gemeinwesens zu kontrollieren. Aus diesen Betriebsräten entwickelte sich später der Allrussische Gewerkschafts-Sowjet, der im engsten Zusammenhang mit allen anderen Sowjets seine Tätigkeit ausuhte. Mit anderen Worten, die Gewerkschaften waren noch vor der Etablierung des bolschewistischen Regimes der organisierte Ausdruck der Forderungen und Bestrebungen der Arbeiterschaft. So waren auf dem dritten Kongreß der russischen Gewerkschaften im Juli 1917 bereits 240 Delegierte anwesend, die zusammeo eine Mitgliedschaft von 1 475 425 vertraten.

Der Anhruch der Diktatur des Profetariats machte sich bald in den Gewerkschaften bemerkbar. Die Zugehörigkeit zu den Arbeiterorganisationen wurde nhligatorisch. Jeder, der arbeitete, wurde automatisch in die Mitgliedsliste der Gewerkschaft eingetragen und mußte für das Vergnügen bezahlen, ob es ihm angenehm war oder nicht. Die drei Prorent für die Beiträge wurden ihm einfach vom Lohne abgezogen, so daß der russische Arbeiter gezwungen war, dieselben Organisationen zuhalten zu müssen, die jedes Symptom von Initiative nnd Selbstbestimmung in den Gewerkschaften erdrosselt hatten.

Der Allrussische Gewerkschafts-Sowjet besteht aus 120 Mitgliedern. Sein Zentral-Exekutiv-Komitee umfaßt elf Mitglieder. Tatsächlich können nur Kommunisten in diese Körperschaften gewählt werden. Die Folge war, daß die Gewerkschaften einfache Abteilungen der Staatsmaschine geworden sind, deren ganze Taktik und Tätigkeit von dieser vollständig kontrolliert und geleitet werden. Das Durchschnittsmitglied hat in bezug auf die Tätigkeit seiner Gewerkschaft überhaupt nichts zu sagen, noch gibt es regelmäßige Gewerkschaftsversammlungen im westeuropäischen Sinne, ausgenommen solche, die von der bolschewistischen Fraktion in jeder Gewerkschaft vollständig beherrscht und geführt werden.

Wagt es irgendeine Gewerkschaft, eine wirkliche gewerkschaftliche Tätigkeit ausuben zu wollen, so gibt man ihr bald zu verstehen, daß was immer die Gewerkschaften in Europa und Amerika tun, dieselben im kommunistischen Staate sich dem Gesetz zu unterwerfen und im übrigen den Mund zu halten hätten.

Dafür ein Beispiel: Die Bäcker Moskaus, die in einer großen und kampflustigen Gewerkschaft vereinigt sind, gingen im Sommer 1920 in den Streik, um eine Erhohung ihrer Brotration zu erwirken. Die Regierung kümmerte sich nicht viel um die Sache. Die Ortsgruppe wurde aufgelöst, die Führer ausgeschlossen und die aktivsten Mitglieder verhaftet. Den einflußreicheren Wortführern der Streikenden verbot man, an irgendeiner Gewerkschaftsversammlung teilzunehmen und beraubte sie des Rechtes, einen Posten zu begleiten.

Eine ähnliche Methode befolgten die Bolschewiki bei verschiedenen anderen Streiks. Ein interessanter Zwischenfall dieser Art fand in Moskau anläßlich der Differenzen mit den Buchdruckern statt. In diesem Falle handelte es sich sogar um keinen Streik. Die Buchdrucker waren „unverschämt" genug, eine Versammlung einzuberufen, zu der man Mitglieder der englischen Arbeitervertreter eingeladen hatte, die zu jener Zeit in Moskau weilten. In dieser Versammlung traten Tschernow, der Führer der Partei der Sozial-Revolutionäre, und Dan, ein prominenter Menschewist, auf und begingen die unverzeihliche Sunde, den britischen Delegierten einiges über die russischen Gewerkschafts- und Arbeitsverhältnisse mitzuteilen. Bald darauf wurden sämtliche Angestelite der Buchdruckergewerkschaft entlassen und einige von ihnen ins Gefängnis gesteckt. Im ganzen Lande und in allen offiziellen Organen wurden die Moskauer Buchdrucker als Konterrevolutionäre, Verräter und „Schinder" verschrien, um das übrige Proletariat des Landes dadurch in Furcht und Schrecken zu jagen.

So absolut und zermalmend ist die Tyrannei über die Gewerkschaften, daß der geringste Protest als ein Bruch der Arbeitsdisziplin und als Verbrechen gegen die Revolution denunziert wird. Als während des Petrograder Streiks im Februar 1921 die Arbeiter der Baltischen Betriebe gegen die Verhaftung von 22 ihrer Kameraden protestierten, erklärte ihnen Antselowitsch, der Vorsitzende der Petrograder Gewerkschaften, daß sie verdienten, alle der Tscheka übergeben zu werden. Einige Tage später fand in den erwähnten Betrieben eine Haussuchung statt, wobei zahlreiche Arbeiter verhaftet wurden.

Kurz gesagt, die Gewerkschaften im bolschewistischen Rußland sind gänzlich vom Staate aufgesaugt worden, und ihre ganze Aufgabe erschöpft sich darin, für den Staat Polizeidienste zu leisten.

Natürlich konnte ein solcher Zustand nicht lange anhalten, ohne bei den Arbeitern hitterste Unzufriedenheit hervorzurufen. In der Tat nahm die Unzufriedenheit 1920 einen so allgemeinen und bedrohlichen Charakter an, daß die Regierung gezwungen war, die Lage ernsthaft zu betrachten. Der Streit über die Aufgabe der Gewerkschaften wurde Ende 1920 aufgenommen, und es stellte sich bald heraus, daß selbst innerhalb der Kommunistischen Partei die widersprechendsten Ansichten über diese so wichtige Frage vorhanden waren. Alle kommunistischen Führer nahmen Anteil in dieser heißen Debatte, die über das Schicksal der Gewerkschaften entscheiden sollte. Die Thesen, die man aufstellte, vertraten vier Hauptrichtlinten.

Da war zunächst die Fraktion Lenin-Sinowjew, die den Standpunkt vertrat, „daß die Gewerkschaften unter der Diktatur des Proletariats nur eine Aufgabe hätten, nämlich die, als Schulen des Kommunismus zu dienen".

Die zweite Richtung wurde von Rjäsanoff und seinen Anhängern vertreten, die der Meinung waren, daß die Gewerkschaft ihre Aufgabe als Forum und wirtschaftlicher Beschutzer der Arbeiter fortsetzen müsse.

Die dritte Richtung war die von Trotzki, dem militärischen Genius, der nur noch in militärischen Formen denken kann. Er vertrat den Standpunkt, daß die Gewerkschaften sich mit der Zeit als die Verwalter and Kontrolleure der Industrie entwickeln würden, daß aber heute die Gewerkschaftsverwaltung nach militärischen Methoden ernannt werden müßte.

Die letzte und wichtigste Richtung war die „Arbeiteropposition", die von Frau Kollantaj und Schlapnikow geführt wurde, und die die wirkliche Meinung der Arbeiter vertritt und von ihnen unterstützt wird.

Diese Opposition besteht darauf, daß die Militarisierung der Gewerkschaften das Interesse der Arbeiter an dem wirtschaftlichen Wiederaufbau des Landes ersticket und ihre produktiven Fähigkeiten gelähmt hat. Sie fordert die Befreiung der Massen vom Joche des bürokratischen Staates und seinem korrupten Beamtentum und die Möglichkeit für die schöpferische Betätigung der Volkskräfte.

Die Arbeiteropposition führte aus, daß die Oktober-Revolution gemacht wurde, um den Massen die Möglichkeit zu geben, die Kontrolle des gesamten industriellen Lebens in ihre Hände zu nehmen. Mit einem Wort, die Arbeiteropposition ist das Sprachrohr des Protestes und der allgemeinen Unzufriedenheit, die sich in den Reihen des aktiven Teils der russischen Arbeiterschaft angehäuft haben.

Ein Hauptkampf fand zwischen Trotzki und Sinowjew statt, die sich gegenseitig in separaten Sonderaugen im Lande herum nachjagten, um einer den anderen zu widerlegen. In Petrograd z. B. war Sinowjews Einfloß so mächtig, daß ein großer Kampf nötig war, ehe man Trotzki gestattete, seine Ansichten über die strittige Frage vor der dortigen kommunistischen Ortsgruppe zu entwickeln.

Der Streit erzeugte viel böses Blut und hätte bald zu einem Bruch in der Kommunistischen Partei geführt. Allein Gott hat Lenin ins Herz geschlossen. Jedesmal, wenn das Gebäude, das er errichtet hat, zu wanken anfängt, schickt ihm der Herr eine Stütze. Die großen Arbeiterunruhen, die zahlreichen Streiks in Petrograd im Februar 1921 und der Aufstand in Kronstadt mußten diesmal als Stütze herhalten. Die kommunistische Einheit mußte erhalten werden um jeden Preis. Und so nahm Väterchen seine ungebärdigen Kinder eines nach dem anderen beim Ohr und brachte ihnen Manieren bei.

Lenin klagte die Arbeiteropposition des Anarcho-Syndikalismus und kleinbürgerlicher Ideengänge an und dekretierte ihre Unterdrückung. Schlapnikow, einer der einflußreichsten Führer der Opposition, wurde von Lenin als ein „verärgerter Kommissar" hingestellt und bald zum Schweigen gebracht, indem man ihn zum Mitglied des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei beförderte.

Frau Kollantaj forderte man auf, ihre Zunge im Zaum zu halten, anderenfalls man sie aus der Partei ausschließen würde. Ihre Broschüre, die den Standpunkt der Opposition zum Ausdruck brachte, wurde unterdrückt.

Einigen kleineren Lichtern der Arbeiteropposition gab man Ferien bei der Tscheka, und sogar ein so alter und erprobter Kommunist wie Rjäsanow wurde sechs Monate lang von jeder gewerkschaftlichen Tätigkeit suspendiert. Was Trotzki anbetrifft, den Lenin dem Spotte der Partei preisgab, indem er ihn als „Ignoramus (vollständig Unwissenden) in den Grundprinzipien des Marxismus" hinstellte, so schickte man ihn gegen Kronstadt, um dort den „Frieden von Warschau" herzustellen. Lenin und sein Saint Just Sinowjeff errangen den Sieg, und die Gewerkschaften blieben auch fernerhin „die Schule des Kommunismus".

Die neue Wirtschaftpolitik formt rasch die ganze Struktur Rußlands um, und die Gewerkschaften waren mit die ersten, welche die Wirkungen dieser Umformung zu fühlen bekamen. In einer Sitzung des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei, die im Dezember 1921 in Moskau stattfand, sprach man auch über die Betätigung der Gewerkschaften unter der neuen Wirtschaftspolitik. Eine Kommissinn, bestehend aus Lenin, Rudsjutak und Andrejew, wurde gewählt, um Satzungen über diese Frage vorzubereiten, die später von dem Allrussischen Zentral-Sowjet der Gewerkschaften, wie gewöhnlich, einstimmig angenommen wurden. Diese Satzungen sprechen Bände für Lenins Fähigkeit, die Haut zu wechseln. Unter anderem enthalten sie die folgenden Punkte:

1. Die obligatorische Registrierung der Arbeiter in den Gewerkschaften führte zu einer bürokratischen Entartung dieser Körperschaften und entfremdete sie den Massen. Es ist daher notwendig, von nun an freiwillige Mitgliedschaft in den Gewerkschaften einzuführen. (Dabei darf man nicht vergessen, daß viele Arbeiter als Konterrevolutionäre und „Schinder" gebrandmarkt und von der Tscheka ins Gefängnis gesetzt wurden, weil sie dieselben Dinge zu behaupten wagten.)

2. Die Arbeiter, welche den Gewerkschaften beitreten, dürfen ihrer politischen oder religiösen Ueberzeugung wegen nicht belästigt noch beunruhigt werden. (Und was ist mit den zahllosen Opfern, die zurückgesetzt und eingeschüchtert wurden, weil ihre politischen Anschauungen den Bolschewiki nicht sympathisch waren?)

3. Der wirtschaftliche Wiederaufbau Rußlands erfordert die strikteste Konzentration der Macht in den Händen einer persönlichen Verwaltung. Aus diesem Grunde dürfen die Gewerkschaften nicht danach trachten, diejenigen Industrien zu kontrollieren, die von Privatkapitalisten als Eigentum erworben oder gepachtet sind.

Es ist zweifellos, daß die neue Wirtschaftpolitik, die durch Lenins Satzungen über die Rolle der Gewerkschaften unterstützt wird, die Tür für neue Arbeitsprobleme und unvermeidliche Konflikte weit öffnet. Die Beilegung aller kommenden Konflikte zwischen Arbeiter und Unternehmer soll in die Hände einer „Höheren Körperschaft" außerhalb der Gewerkschaften gelegt werden. Lenins Kommission hat bereits angedeutet, daß diese „höchste Autorität" obligatorischer Schiedsgerichte im Falle von Arbeiterdifferenzen keine andere als die Kommunistische Partei und die Dritte Internationale sein soll.

Es tritt hier klar zutage, daß die Kommunistische Internationale gewillt ist, ihre Beherrschung über die russische Arbeiterbewegung aufrechtzuerhalten, während sie in derselben Zeit alles aufwendet, um die Arbeiterorganisationen in Europa und Amerika unter ihre Kontrolle zu bekommen.

Währenddessen ist der russische Arbeiter unter der neuen Wirtschaftspolitik noch schlechter bestellt als seit dem Ausbruch der Revolution. Er hat nun sogar die wenigen Garantien verloren, die ihm als Ergebnis des revolutionären Umschwunges noch übrig blieben. Besonders ist dies der Fall in bezug auf die Zahl der Arbeitsstunden.

BEST COPY AVAILABLE

890801017

The Emma Goldman Papers

[The trade unions in Russia. In German] Die Gewerkschaften in Russland / Emma Goldman. — pp. 1-2 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. — no. 30 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Achtstundentag, der für die letzten vier Jahre eine nahezu allgemeine Einrichtung in Rußland gewesen ist, besteht de facto heute nicht mehr. Dem offiziellen Organ, der Moskauer „Prawda", vom Dezember 1921, nach liegt das Verhältnis jetzt so: Nur in 86 von 693 industriellen Betrieben besteht heute noch der Achtstundentag. In den meisten übrigen Betrieben arbeitet man neun Stunden täglich. In 44 Betrieben wird 10 bis 12 Stunden gearbeitet, in 11 Betrieben 14 bis 16 Stunden, in 44 Betrieben besteht überhaupt keine bestimmte Arbeitszeit. In manchen Betrieben fand man sogar Kinder, die 12 bis 14 Stunden den Tag arbeiteten.

Die Bäcker werden am schlimmsten ausgebeutet und arbeiten 12 bis 18 Stunden pro Tag. Diese Zahlen haben nur Bezug auf die Arbeitsbedingungen in Moskau, der Hauptstadt Rußlands. In der Provinz ist die Lage noch schlimmer. So arbeiten die Bergleute des Doner Kohlendistrikts 16 bis 17 Stunden ohne Unterbrechung. In der staatlichen Lederfabrik von Witebsk besteht ein normaler Arbeitstag von zwölf Stunden. In den Fischereien von Astrachan ist die Arbeitszeit, nach dem Bericht des dortigen Vertreters der Zweiten Allrussischen Konferenz für Arbeitsschutz, in der Wirklichkeit überhaupt unbeschränkt.

Man kann aus diesen Beispielen ersehen, welche Segnungen dem russischen Arbeiter aus der neuen Politik des Staats- und Privatkapitalismus erwachsen sind.

Trotzdem ist die russische Revolution nicht im ganzen umsonst gewesen. Sie hat im Schoße der Massen viele alte Begriffe und Vorstellungen entwurzelt, und der russische Arbeiter ist heute nicht mehr der folgsame Sklave, der er früher war. Man hat ihn bis zum Ueberdruß mit Politik gefüttert, nun glaubt er nicht länger daran. Jetzt, wo er imstande sein wird, sich mit seinen Kameraden in neuen Arbeiterorganisationen zu vereinigen, wird er ohne Zweifel zu direkten Methoden seine Zuflucht nehmen.

Lenin und seine Gefolgsleute fühlen die Gefahr. Ihre Angriffe auf die Arbeiteroppositon und die Verfolgungen der Anarcho-Syndikalisten nehmen fortgesetzt zu an Schärfe und Heftigkeit. Wird der Stern des Anarcho-Syndikalismus im Osten aufgehen? Wer weiß — Rußland ist das Land der Wunder.

Die Beter.

Visionäre Szene von *Karl H. Werner.*

(Ein gotischer Dom. Die Menge kniet.)

Priester und Menge:

Wuchtende Sünde uns flach auf die Erde drückt.
Reue hat unsere Schultern gebückt.
Demut hat unsere Hände gefaltet . . .
Ewiger, der auf leuchtendem Throne
über uns waltet!
Wir flehen, wir knien,
daß er in unserem Tempel wohne! —
Wir wollen ihn betend herniederflehen!

Domgeist:

Ich bin Gestein und hart,
doch nicht wie ihr erstarrt . . .
ich bin steingeformtes Denkmal, blutgenährt
einer flammenden Seele, die sich verzehrt,
einer glühenden Seele, die sich gottsuchend gerehnt,
sich sternenwärts, liebend gedehnt,
zum All gerastet!
und niemals in starrem Winseln gerastet . . .
Und ihr in gebeugter Faulheit erschlafft,
zu niedar um ins Namenlose auch zu wagen,
gleich gotischen Pfeilern spitz aufzuragen,
ihr wollt die brausende Urkraft
durch Beten und Plärren
in eure Mitte zerren?! — —
Nicht Demut hält euch zu Boden gekettet,
nein, eure Seelen sind verfettet,
in Kleinheit und Behäbigkeit gebettet . . .
Ich bin nicht geschaffen
ich armer Stein,
daß eure Pfaffen
in meine Mauern kerkern den Höchsten ein:
Wenn er mich füllte der brausende Strom
zerplatzte berstend ich armer Dom . . .
ich bin nicht geschaffen
den Ewigen fassend einzufangen . . .
o euer Gott ist klein! —
Ich will euch deutender Wegweiser sein:
Brennend und steil ist mein Gottverlangen . . .
nicht könnt ihr kauernd gebückt
zu Gott gelangen . . .
Wächst empor mit sehnenden Seelen, Glanzentrückt,
Winselt nimmer um Erbarmen,
Steht mit straff gereckten Armen!! — —

Priester:

Vor Teufelsspuk, Herr, uns bewahre,
mit deinen Engeln uns umscharre,
behüte uns vor Spott und Hohn!
Wir beugen uns vorm Kruzifix, vor deinem Sohn
am Hochaltare . . .

Der Heiland (erscheint glanzumflossen):

Ich bin nicht für eure Sünde am Kreuze verendet,
nicht für euch hab ich mich opfernd verschwendet —
nein, ihr habt sündigend mich zu Tode geschleift!
Da ich es wagte .
stellt zu sein und euch überragte,
darum habt ihr mich zerbrochen und gefällt,
die Hände eurer Kleinheit haben mich zerschellt! — —
Und jetzt füllt eure Seele
ein totes und papierner Wahn,
ihr betet mit verdorrter Kehle
Reliquien, Sakramente, Pfaffen an!
Ihr kniet mit Seelen, die verschleiert und verdämmert,
vor einem Leib, in dem kein Puls mehr hämmert,
ihr betet aus Gewohnheit nach . . .
besät nicht selbst den Acker, läßt ihn brach —
unfruchtbar ist das beste Feld,
wenn ihr es nicht bestellt . . .
Der herrlichste Gedenke ist nur Schale
und nur der Inhalt heiligt das Gefäß —
Ihr habt gaspian in meiner Weisheit Glanzpokale . . .
Drum sei ein Donnerwort gesprochen:
Mein Zerrbild, dieser Götze sei gebrochen . . .
Er zerbricht das Kruzifix.)

Priester:

Narell! Tempelschänder!!

Menge (durcheinander):

Elender,
Dein Frevel wird gerochen!
Laßt uns ihn greifen
und martend zu Tode schleifen.
(Sie wollen ihn fassen. Da verschwindet die Erscheinung mit Getös).

Priester und Menge:

Vor Teufelspuk, Herr, uns bewahre,
mit deinen Engeln uns umscharre . . .

Domgeist:

Dies ist des Höchsten heiligstes Gebot:
Räumt die geweihten Mauern, freche Tempelschänder,
denn euer Gott ist Götze . . . Klein und Tot . . .

Absolute Gewaltlosigkeit.

Es können einem mitunter merkwürdige Geschichten passieren. Sonst wurde ich innerhalb und außerhalb des „Syndikalist" kritisiert, weil ich zu sehr für die Gewaltlosigkeit eintrat, jetzt erklärt sich Freund G. F. Wehle gegen mich, weil ich nicht für die absolute Gewaltlosigkeit, also zu wenig für die Gewaltlosigkeit eintrete. Daß gerade meine Person in den Verdacht kommen könnte, den Gewaltmenschen ein Hintertürchen offen gelassen zu haben, hätte ich nicht gedacht, wo ich mich doch mit dieser Materie so eingehend befaßt und sogar eine Broschüre (R. Czerny-Wien) darüber geschrieben habe. Im übrigen bin ich dem Genossen Wehle sehr dankbar, daß er dieses wichtige Thema nochmals anschnitt, ist es mir doch dadurch möglich, meinen Standpunkt in dieser Sache noch einmal zu präzisieren, ohne dabei durch Wiederholung früherer Ausführungen lästig zu fallen.

Nach meinem Dafürhalten gibt es überhaupt nichts Absolutes in der Welt. Auch keine absolute Gewaltlosigkeit. Man kann vielleicht bis ganz nahe hinkommen, aber vollkommen wohl nie. Freund Wehle und meine Person mögen mit vielen Anderen noch so wirksam und zähe für das Prinzip der Gewaltlosigkeit eintreten, wir werden nie ganz durchdringen, und wir werden nicht alle Menschen zur Nachfolge gewinnen. Das enthindet uns natürlich nicht der Pflicht, unentwegt für die einmal gewonnenen Anschauungen weiter zu kämpfen. Die heutige Gesellschaft wird nur mittelst Anwendung von Gewalt aufrechterhalten und jeder, der am Staate und der heutigen Wirtschaftsmethode festhält, deklariert sich damit als Anhänger der Gewalt. Nur wir Syndikalisten und Anarchisten sind Gegner der kapitulistischen Wirtschaft und zugleich jeder Staats- und Herrschaftsform. Es ist schon außerordentlich viel von uns erreicht, wenn es uns gelingt, den Schwerpunkt des sozialen Kampfes vom politisch-militärischen Gebiet auf das wirtschaftliche zu schieben und damit die Möglichkeit gewaltsamer Konflikte und Zusammenstöße zu verringern. Die Gewaltlosigkeit ist eine schöne Theorie, ein außerordentlich erstrebenswertes Ideal. In der Praxis aber dürfen wir froh sein, wenn wir vorläufig eine immer stärkere Einschränkung der Gewaltanwendung erreichen. Es hängt ja leider nicht von uns, den Gegnern, allein ab, ob nicht von Freund oder Feind bei dieser oder jener Gelegenheit Gewalt noch verübt wird. Wenn ich solches in dem von Kamerad Wehle zitierten Absatz konstatiert habe, so habe ich damit keineswegs das Prinzip der Gewaltlosigkeit durchbrochen, sondern einfach Tatsachen festgestellt.

Viele Gewaltakte geschehen infolge von Mißverständnissen, von Mißtrauen und Angst. Die Leute unserer Zeit, besonders die in dem uns feindlichen Lager, warten in der Regel erst gar nicht ab, ob nach ihnen geschlagen wird; aus Mißtrauen, daß dies geschehen könne, schlagen sie schon im Voraus zu. Ich erinnere hier nur z. B. an das Schutzhaftsystem im Krieg. Nicht weil die Leute etwas verbrochen hatten, sondern nur, weil sie etwas hätten verbrechen können, tat man ihnen Gewalt an. Daß die Soldaten sich am Gemetzel wehrloser Menschen versuchen können, glaube ich auch nicht, daß sie aber, wenn sie großen Menschenmassen gegenüberstehen, aus Mißtrauen und Angst schießen, kommt oft vor. Wir dürfen auch nicht vergessen: der einzelne Soldat ist ein Mensch wie wir auch, aber der Soldat, der sich in seinem Haufen befindet, unter dem Befehl eines Offiziers, der ist kein Mensch mehr, der ist in diesem Augenblick entmenscht und handelt auch nicht mehr als denkender und fühlender Mensch, sondern wie eine willenlose Maschine.

So wie der einzelne Privatmann es meist — Ausnahmefälle kommen immerhin einmal vor — vermeiden kann, mit Raufbolden und streitsüchtigen Menschen in Händel zu geraten, so müssen auch Gruppen von Arbeitern, Streikenden, Demonstranten usw. nach Möglichkeit vermeiden, mit dem Militär und mit Polizeiaufgeboten in Kollision zu kommen. Darum sagte ich in den zitierten Sätzen, es käme vor allem auf die Willenseinstellung an. Wenn bei irgendeiner Aktion — sagen wir bei einem Generalstreik — ein größerer Teil nur der Beteiligten den festen Willen hat, Gewalt zu vermeiden und zu verhindern, dann werden Militär und Polizei in der Regel ebensowenig zu tun kriegen wie etwaige Radaubrüder in den eigenen Reihen. Wir Gewaltlosen können bei solchen Gelegenheiten nichts anderes tun, als daß wir gemäß unseres Prinzips mit dem besten Beispiel vorangehen. Ach, wir wissen wohl, daß es — Kamerad Wehle wird mir hier sicher zustimmen — oft viel schwieriger ist und viel mehr Selbstüberwindung kostet, bei unerhörten Provokationen sich lieber passiv zu verhalten als loszuschlagen. Aber darauf, trotzalledem Opfer bringen zu müssen, werden wir immer gefaßt sein müssen. Christus hat niemandem etwas zuleide getan und ist doch gekreuzigt worden. Die Wiedertäufer, die jahrelang ihre Lehre gewaltlos zu verbreiten suchten, wurden trotzdem zu Tausenden hingerichtet. Da griffen auch sie zur Gewalt (in Münster) und dies — war ihr Untergang. Wir Syndikalisten in gegenwärtiger Zeit propagieren den Generalstreik. Gehen wir uns keiner Täuschung hin! Sobald diese Bewegung groß wird, wird auch die Verfolgung der Propagandisten groß werden, wenngleich diese sich auch auf dem Boden der Gewaltlosigkeit stellen. Ich bin mit Kamerad Wehle der Meinung, daß wir diese Verfolgung ertragen werden müssen, ohne daß wir uns verleiten und provozieren lassen, nun unsererseits ebenfalls zur Gewalt zu greifen. Wir würden dadurch auf ein Gebiet gedrängt, wo wir ohne Zweifel die Schwächeren wären. Unter „Wir" verstehe ich dabei diejenigen, die für die Gewaltlosigkeit eintreten, und ich möchte nur wünschen, daß diese bei solchen Aktionen die Mehrheit bilden würden oder diese unter ihrem Einfluß stände. Kann Freund Wehle mit Bestimmtheit sagen, daß dieser Wunsch, der doch sicher auch der seine ist, in Erfüllung geht? Aber was ist es denn mit der absoluten Gewaltlosigkeit?

Ich habe übrigens in Vorstehendem nur eine Seite des Problems behandelt, erst müßte doch vor allem der Begriff „Gewalt", der außergewöhnlich vieldeutig ist, genau definiert werden. Ich werde dies vielleicht demnächst nachholen.

Fritz Oerter.

Bericht

über die Konferenz des Agitationsbezirks Südwestdeutschland.

Die Konferenz tagte am 16. Juli in Mannheim. Vertreten waren 16 Ortsgruppen durch 33 Delegierte. Ferner waren anwesend Genosse Wiesberg-Berlin und Köster-Dresden. Als Konferenzleiter wurden gewählt Genosse Schanzenbücher-Ludwigshafen und Mehl-Mannheim. Als Schriftführer Arnold-Neckarau, Matron-Mannheim.

Den Geschäftsbericht erstattete Genosse Schanzenbücher. Aus demselben war zu ersehen, daß durch die Tätigkeit der Agitationskommission, besonders in der Pfalz, mehrere Ortsgruppen gegründet wurden, und daß die Tätigkeit unserer A.K. gute Früchte trägt. Nur ein dunkler Stern schwebe über der A.K., ihr Verhältnis zur Arbeiterbörse Mannheim. Er begründete dies damit, daß die A.B. Mannheim Beschlüsse der A.K. illusorisch gemacht habe. Er gab jedoch der Hoffnung Ausdruck, daß die Konferenz fruchtbringende Arbeit in unserem Sinne leisten werde.

Den Kassenbericht gab Kollege Popp-Mannheim. Daraus war zu ersehen, daß durch die letzte Erhöhung des Agitationsbeitrages auf 1,— Mk. die A.K. finanziell gut fundiert ist. Die Diskussion über den Geschäftsbericht war sehr rege und nahm die ganze Vormittagsitzung in Anspruch. Die Diskussion fand ihren Ausdruck in einer einstimmig angenommenen Resolution, welche von der Konferenz in Ulm übernommen wurde und folgenden Wortlaut hat:

Resolution! Die am 16. Juli in Mannheim versammelten Delegierten des Agitationsbezirks Südwestdeutschland sind der einmütigen Ueberzeugung, daß die Prinzipienerklärung des Syndikalismus und die Grundlage des organischen Aufbaus, wie sie der 12. und 13. Kongreß umschrieben und unwidersprochen beschlossen hat, mit aller Entschiedenheit und Nachdruck propagiert und durchgeführt werden muß. Die Konferenzteilnehmer stellen sich weiter auf den Standpunkt der Resolution, wie sie die erste Börsenkonferenz, stattgefunden an den Pfingstfeiertagen zu Erfurt, einstimmig beschlossen hat. Sie verpflichten sich auch, alles daran zu setzen, um in ihren resp. Orten den Auf- und Ausbau der Arbeiterbörsen zu fördern und so dafür Sorge zu tragen, daß die Pflege der Agitation in organisatorischer und prinzipieller Hinsicht in Zukunft ohne jegliche besondere Agitationskommission von den Orts-, Bezirks- und Landesarbeiterbörsen in engem organischen und solidarischen Zusammenwirken getrieben werden kann. Die Konferenz ist aber der weiteren Ansicht, daß, so lange dieser Aufbau noch nicht durchgeführt ist, eine Agitationskommission bis auf weiteres bestehen zu lassen und diese an zu finanzieren, daß sie die an sie gestellten Aufgaben auch ohne finanzielle Schwierigkeiten erfüllen kann."

Der Agitationskommission wurde für ihre Tätigkeit einstimmig Entlastung erteilt.

Zum 2. Punkt der Tagesordnung: „Die Lehren des Süddeutschen Metallarbeiterstreiks" sprach Genosse Bräuninger. Er behandelte zunächst die finanzielle Seite des Streiks und da müsse man sagen, daß die Solidaritätsleistungen der Ortsgruppen selbst die Erwartungen der Streikleitung übertrafen. Zu der Streiktaktik der Zentralgewerkschaften übergehend, war er der Auffassung, daß es unsere Pflicht sei, in Zukunft auf die Arbeiterschaft einzuwirken, daß sie sich nicht beteiligt an Bewegungen, die nur zum Ziel haben, eine Errungenschaft nicht kampflos preiszugeben, sondern an einer Errungenschaft mit allen zu Gebote stehenden Mitteln festhält. Genosse Köster hielt es für angebracht, in längeren Ausführungen die Ursachen und Auswirkungen dieses Streiks zu behandeln. Seine Ausführungen fanden allgemeine Zustimmung. Inzwischen war ein Antrag der Mannheimer Metallarbeiter eingelaufen dahingehend, daß fernerhin sämtliche Streiks ..

BEST COPY AVAILABLE

273

890801019

The Emma Goldman Papers

[Appeal to the proletariat of the world. In German] Aufruf an das Weltproletariat / Emma Goldman, *et al.* – pp. 1-2 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – no. 35 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

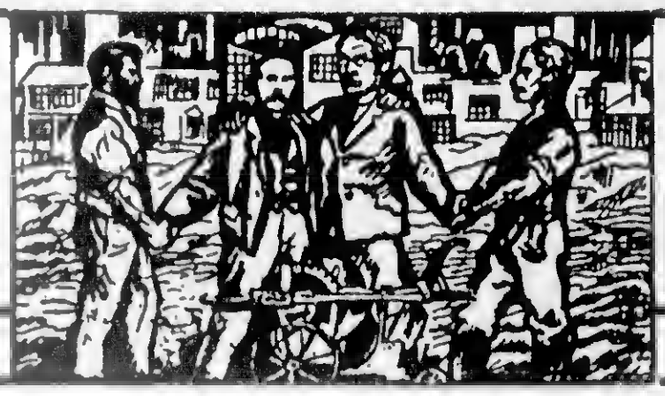
Organ der Freien Arbeiter-Union Deutschlands

„Der Syndikalist",
(hervorgegangen aus der „Einigkeit", die am 8. August 1914 nach 18jährigem Bestehen verboten wurde),
erscheint jede Woche einmal Sonnabends.

Verlag und Expedition:
Fritz Kater, Berlin O. 34,
Kopernikusstr. 28, II

Redaktionsschluß Montag abend. Beiträge, die später eintreffen, können für die laufende Nummer nicht berücksichtigt werden.

Nr. 35 - 1922

Abonnementspreis
für die angeschlossenen Gewerkschaften pro Exemplar 2,— Mk., durch die Post ohne Bestellgeld 30,— Mk. vierteljährlich, durch die Expedition unter Kreuzband 39,— Mk., Ausland 50,— Mk.

Einzelexemplar 2,50 Mk.

Vereinsanzeigen für angeschlossene Gewerkschaften 5,— Mk., für andere Vereine werden 10,— Mk. für die dreigespaltene Petitzeile oder deren Raum berechnet.

IV. Jahrgang

Aufruf an das Weltproletariat

Noch einmal wenden wir uns an Euch, Arbeiter aller Länder! Wir appellieren an Eure revolutionären Gefühle und an Eure brüderliche Solidarität. Wir rufen Euch auf, Eure Stimme mächtig gegen die unmenschliche Barbarei der russischen Regierung zu erheben. Nur Euer tatkräftiges Eingreifen kann das Leben, die Ehre und die Würde der verfolgten russischen Revolutionäre retten.

Das arbeitende Rußland leidet unbeschreiblich unter dem Joche des Despotismus, der unter dem Namen der Diktatur des Proletariats herrscht. Geschwächt durch Kriege und Hunger hat es nicht mehr die Kräfte, seine Freiheit und Würde zu verteidigen.

Worte sind zu schwach, um alle Schrecken der bolschewistischen Gefängnisse zu beschreiben. Folgender Brief, der aus dem Festungslager von Archangel gesandt wurde und dessen Wahrheit außer jedem Zweifel steht, spricht für sich selbst.

Brief von Archangel.*)

Den 28. Januar 1922 erklärte eine Gruppe von Anarchisten im Kisselnaja-Gefängnis zu Moskau den Hungerstreik. Ihre Forderungen waren, entweder ins Ausland reisen zu dürfen oder auch vor einem Gerichtshof gestellt zu werden. Am dritten Tage des Hungerstreiks, den 30. Januar, wurden die hungerstreikenden Anarchisten mit brutaler Gewalt in ein anderes Gefängnis überführt. Drei von ihnen (G. K. Askarnff, Sekretär der russischen Sektion der Anarchisten-Universalisten und Redakteur der Zeitung „Universal", S. A. Stitzenko und M. V. Simtschin) wurden zu zwei Jahren Gefangenschaft im Konzentrationslager Severo-Dwinsk verurteilt und zusammen mit 17 anderen Anarchisten, die an dem Hungerstreik nicht teilgenommen hatten, jedoch nach dem Konzentrationslager in Archangel verurteilt waren, dorthin gesandt. Askaroff, Stitzenko und Simtschin erklärten, den Hungerstreik fortzusetzen. Sie blieben dabei und der Leiter des Gefangenentransports telegraphierte des öfteren über die Lage, in der sie sich befanden, der Wetscheka (allrussische außerordentliche Kommission).

In Archangel angekommen, wurden die Gefangenen nach dem Hauptquartier der Provinzial-Tscheka (Guh-Tscheka) gebracht. Dort wurden ihre Papiere geprüft, und man fand, daß zwei Urteile gegen die Hungerstreikenden vorlagen: Die Wetscheka hatte sie in das Konzentrationslager zu Severo-Dwinsk und die Moskauer Tscheka in das zu Archangel verurteilt. Die drei befanden sich bereits im neunten Tage des Hungerstreiks und sie konnten kaum auf den Füßen stehen, ihre Kräfte schwanden zusehends. Sie wurden in einen Schlitten geworfen und bei 25 Grad Kälte nach einem Verteilungsplatze befördert. Dort wurden sie längere Zeit in der grausamsten Kälte draußen gelassen. Schließlich mußten sie in das Krankenhaus überführt werden. Einige Stunden später, nachdem sie medizinische Hilfe abwiesen, wurden sie in einer allgemeinen Baracke untergebracht. Zwei Stunden später transportierte man sie in das Hospital des Konzentrationslagers.

Am sechzehnten Tage des Hungerstreiks bekam Simtschin Krampfanfälle. Da erschien der Kommandant des Lagers und teilte ihnen mit, daß von Katznelson, einem Beamten der Wetscheka, ein Telegramm aus Moskau eingetroffen sei. Katznelson riet den Gefangenen, ihren Hungerstreik einzustellen bis zu seiner Ankunft, da er bevollmächtigt sei, die Angelegenheit zur Befriedigung aller zu regeln. Die Hungerstreikenden nahmen diese Bedingung an, forderten aber von der Verwaltung des Konzentrationslagers, ihnen den Vorschlag Katznelsons schriftlich in die Hand zu geben. Es dauerte vom Abend des sechzehnten Tages des Hungerstreiks bis zum nächsten Tag, also den siebzehnten Tag des Hungerstreiks, nachmittags 1 Uhr, ehe der Vorschlag Katznelsons zu Papier gebracht war. Am 13. Februar, am siebzehnten Tag des Hungerstreiks, stellten die Gefangenen denselben ein. Das Personal des Hospitals nahm den größten Anteil an den Leidenden, ließ ihnen die beste Pflege zuteil werden, so daß ihr Zustand sich rasch besserte.

Der Bevollmächtigte der Tscheka, Katznelson, kam wohl nach dem Orte, zog es aber vor, sich von den Hungerstreikenden nicht sehen zu lassen. Als diese ihn rufen ließen, tat er, als wüßte er von nichts. Sie reigten ihm das Papier und er antwortete, er würde bei der Wetscheka in Moskau telegraphisch anfragen. Ueberzeugt von der Nutzlosigkeit all dieser Verhandlungen nahmen Askaroff und die beiden anderen den Hungerstreik am 3. März wieder auf. Die Wirkungen waren an ihrem noch von dem ersten Hungerstreik geschwächten Körper bald zu merken. Bereits am Tage des wiedereinsetzenden Hungerstreiks begann die Temperatur der Streikenden zu steigen. Am dritten Tage hatte Stitzenko 40 Grad Fieber. Außerdem schwand sein Gehör. Am vierten Tage stieg auch die Temperatur Askaroffs auf 40 Grad. Er litt unter Konvulsionen, wechselte die Farbe, wurde blau vor Kälte und glich einem Toten. Die Gefängnisverwaltung wurde davon in Kenntnis gesetzt und ordnete an, ihn in die Abteilung für ansteckende Krankheiten zu überführen, damit man im Falle seines Absterbens sagen könnte, er sei an einer ansteckenden Krankheit, allem Anschein nach Typhus, nicht aber an den Folgen des Hungerstreiks gestorben.

Da traf ein Telegramm aus Moskau ein. Dies Telegramm besagte, daß das Urteil gegen Askaroff und die andern kassiert sei und daß sie zu neuen Verhandlungen nach Moskau gesandt werden sollten. Selbstverständlich stellten sie dann den Hungerstreik ein. Nachdem sie einigermaßen wieder hergestellt waren, wurden sie nach Moskau transportiert, wo sie in ein Gefängnis der Wetscheka gesteckt wurden. Da sie jedoch mit einem neuen Hungerstreik drohten, wurden sie am 1. April in dasselbe Kisselnaja-Gefängnis überführt, von dem sie vor zwei Monaten abtransportiert wurden.

Die Schicksale der sechzehn anderen ins Konzentrationslager überführten Anarchisten sind:

In der Nacht, als sie in Archangel ankamen, wurden sie von der Eisenbahnstation hungrig, müde und halb erfroren nach der Guh-Tscheka transportiert. Der Kommandant der Guh-Tscheka wollte sichen von ihnen sofort an einem unbekannten Ort senden. Die Gefangenen weigerten sich jedoch, vor dem Morgen abtransportiert zu werden. Der Kommandant zog seinen Revolver und bedrohte ihr Leben, jedoch ohne Erfolg. Die Gefangenen weigerten sich, ihren Namen anzugeben, der Kommandant konnte also die sieben, die er abtransportieren wollte, nicht herausfinden. Nächsten Morgen wurden alle siebzehn nach dem Konzentrationslager befördert, wo sie in drei Gruppen geteilt und in separaten Baracken untergebracht wurden.

Das Konzentrationslager zu Archangel besteht aus 20 Baracken. In 6 davon befinden sich Gefangene. Die Baracken sind lange Gebäude. Jede Baracke besteht aus einem großen Raum von 50 Meter Länge, in dem sich in zwei Reihen die Betten hinstrecken. Auf jeder Bettreihe erhebt sich noch eine andere, so daß immer zwei Betten übereinander stehen. In diesen Baracken sind bis zu 500 Personen zusammengepfercht, jedoch befinden sich zur Zeit in jeder nur 100 bis 150 Mann; da die „Ladung" nicht so groß ist. Die Gefangenen schlafen auf blanken Brettern, ohne Matratzen, ohne Kopfkissen, ohne Decken. Die Pritsche ist mit Ungeziefer besät. Das erste, was die Gefangenen bei ihrer Ankunft in Schreck versetzte, war der Anblick einer Anzahl nackter Gefangener, die ihre Unterwäsche sorgfältig vom Ungeziefer befreiten. Schmutz, Flöhe, Läuse fielen von den oberen Betten auf die unteren, wo die Gefangenen schliefen. Die oberen Betten wurden auch deshalb vorgezogen, weil es dort wärmer ist obgleich die Baracken im allgemeinen mäßig geheizt sind und die Gefangenen sich über Kälte nicht beklagen.

Jeder neue Ankömmling wird völlig entkleidet und einer genauen Körpervisitation unterzogen. Man nimmt den Gefangenen alles ab: Wäsche, Kleider, Bücher, Geld, kleine Spiegel usw. Die Gefangenen dürfen nicht mehr als einen Satz Wäsche besitzen. Wer z. B. Schuhe und Filzstiefel oder einen Ueberzieher und einen Halbpelz hat, muß eins von beiden abgeben. Selbst die Kleidungsstücke, die die gefangenen Anarchisten von der Wetscheka bekamen, wurden ihnen hier trotz ihrer Proteste abgenommen. Man sagte ihnen, die Sachen kämen in den Lagerraum. Zwischen 2 und 3 Uhr nachts hörten die gefangenen Anarchisten, wie ein Teil der Aufseher sich von dem Lagerraum die Gegenstände holten, um sie unter sich zu teilen. Die Anarchisten protestierten laut dagegen und die Aufseher zogen sich mit der Erklärung, die Sachen nur zu kontrollieren, zurück.

Die Insassen des Konzentrationslagers setzten sich zusammen aus Verurteilten von Kronstadt und Tambow, aus Anhängern Wrangels und Sawinkows, sowie aus einer großen Anzahl in Ungnade verfallener Tschekisten. Das Merkwürdigste besteht darin, daß die Internierten ihre eigene Bewachung selbst in die Hände nehmen, das Lager verwalten und ein äußerst grausames Regime führen. Es gibt keine bezahlten Aufseher. Alle Angestellten, Wächter und Büttel, selbst das Verwaltungspersonal des Hospitals einschließlich des dienstuenden Kommandanten sind Gefangene, jedoch meist Tschekisten. Sämtliche Angestellten haben es sich so gut eingerichtet, daß sie, auch nach Ablauf ihrer Strafzeit, oder wenn sie begnadigt werden, vorziehen dazubleiben, anstatt die Freiheit zu genießen. Dies war der Fall mit Ojin (ein früherer Jurist und Vorsteher der Gub-Tscheka von Tambow, erst zum Tode verurteilt wegen Unterschlagungen und Diebstahl von Diamanten und anderen Wertgegenständen, später jedoch zu 25 Jahren Gefangenschaft verurteilt), mit dem dienstuenden Kommandanten, Ingenieur Nosatschenko und anderen.

Daß solche Verhältnisse aufrecht erhalten werden können, ist zurückzuführen auf die vielen Tschekisten, den moralischen Verfall und auf die Korruption, bei der die große Mehrheit der Gefangenen angelangt ist, und in welche sie gewissermaßen hineingetrieben wurden. Die Verurteilten von Kronstadt haben sich verhältnismäßig besser gehalten. Von den 5000, die in das Konzentrationslager von Archangel verschickt worden sind, befinden sich nach einem Jahr nur noch 1500 am Leben. Dabei waren die meisten von ihnen im jugendlichen Alter außerordentlich kräftige und widerstandsfähige Naturen.

Der Aufenthalt im Konzentrationslager bewirkte, daß seine Bewohner ihre Menschlichkeit mehr und mehr einbüßten. Alle sind nur von dem einen Gedanken eingenommen, ihr Leben aufrecht zu erhalten durch das Bestreben, sich ihrem Vorgesetzten gegenüber beliebt zu machen und so zum Aufseher oder irgendeinem anderen besseren Platze zu avancieren. Der schnellste Weg, um dahin zu gelangen, ist Kriechertum und Spitzelei. Deshalb sind auch alle Insassen, sowohl Aufseher wie höheren Chargen der Verwaltungsangestellten eifrig dabei, sich gegenseitig zu bespitzeln. Man rechnet mit 20 Anzeigen täglich im Durchschnitt — die Bolschewisten legen auch hier wie überall eine Statistik an. Gegenseitige Hilfe, solidarische Unterstützung und dergleichen kennt man nicht; der Kampf hierfür scheint aussichtslos. Die weiblichen Gefangenen — ob Intellektuelle oder Aristokratinnen — geben sich dem ersten besten Aufseher bei dem leisesten Ansinnen hin, ohne den geringsten Widerstand zu leisten.

Gegenwärtig ist dies furchtbare Regime etwas gemildert worden, die Strafen sind seltener, die Behandlung weniger grausam. Dies ist auf den Eingriff des Roten Kreuzes zurückzuführen, das eine Kommission dorthin sandte, die auf die Durchführung der Verbesserungen bestand. Folgende Tatsachen werfen ein Licht auf die Zustände, die im Konzentrationslager herrschen: Als die Anarchisten ankamen, grüßte der Bauer Glebow aus Wnlodna, der die Gefangenen von früher her kannte, da er mit ihnen zusammen in einem anderen Gefängnisse war, vom Fenster aus die Neuankömmlinge. Für dies „Verbrechen" gegen die Disziplin wurde er zu 2 Wochen Zellengefängnis verurteilt und dann nach Kholmogory zur Zwangsarbeit versandt. Die Gefangenen

*) Veröffentlicht in Nummer 15 der „Socialistischesky", in Berlin erscheinendes Organ der sozialdemokratischen Partei Rußlands.

890801019

The Emma Goldman Papers

[Appeal to the proletariat of the world. In German] Aufruf an das Weltproletariat / Emma Goldman, *et al.* — pp. 1-2 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. — no. 35 (1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

müssen morgens auf Kommando aufstehen und sich zum Appell begeben, wo man sie ebenfalls auf Kommando — die „Internationale" singend — vor dem Besuch der Roten-Kreuz-Kommission war das Singen der „Internationale" zwangsläufig. Jeder hat das Recht, mitzusingen; das wird doch als Gesetzlichkeit gegenrevolutionäre Tendenz angesehen. Auch das Singen werden die Gefangenen in Kürze verlernt haben. Angetrieben für die Arbeit im Lager werden die gesundesten und die am besten Angekleideten ausgewählt. Eine große Anzahl ist so mangelhaft gekleidet, daß selbst die Verwaltung sie nicht draußen in der Kälte lassen kann. Wer die Wahl hat, bleibt, wird mit Dunkelheit bestraft. Die Insassen erhalten dreimal täglich Tee mit drei Stückchen Zucker. Zum Mittag gibt es Fischsuppe, der übliche Kascha (eine Art Biel, der hier sehr dünn mit Reiß oder anderem zubereitet ist). Die Gerichte sind von guter Qualität und nicht nur eßbar, sondern des öfteren schmackhaft. Nur die Menge ist unzureichend. Vor dem Besuch der Roten-Kreuz-Kommission gab es ein russisches Pfund Brot täglich, nachdem wurde es auf anderthalb Pfund erhöht.

Außer den Arbeiten im Lager sind die Gefangenen auch in Werkstätten beschäftigt. In diesem Falle müssen sie auch in den Werkstätten schlafen. Sie werden zum Teil auch zu Arbeiten in der Stadt, im Hafen oder auf anderen Arbeitsplätzen herangezogen. War in den Werkstätten oder in der Stadt gearbeitet, erhält ein halbes Pfund Brot mehr pro Tag und ein Viertel des Arbeitsverdienstes ausgezahlt. Das zweite Viertel wird abgezogen für die Hungergebiete, das dritte Viertel für die Lehrabteilung des Konzentrationslagers und das letzte Viertel geht in eine Kasse und wird gespart für den Tag der Freilassung des Gefangenen. Bei der stetig sinkenden Entwertung des Rubels ist diese Aufbewahrung nur eine Fiktion. Einige der zum Konzentrationslager Verurteilten wohnen in der Stadt und kommen nur zum Lager zur Kontrolle. Dies ist ein Traum, der leider nur für wenige Auserwählte in Erfüllung geht. Bücher, Zeitungen usw. gibt es nicht; Briefe kommen nur sehr selten an. Es gibt keine Art Unterstützungs-Organisationen.

Bald nach ihrer Ankunft erklärten die Anarchisten den Hungerstreik. Sie stellten die Forderungen, in einem besonderen Flügel des Lagers interniert zu werden, das Recht zu haben, ihren eigenen Vertrauensmann (Starosta) zu wählen (sonst ist der „Stubenälteste" von der Verwaltung bestimmt), Bücher, Zeitungen und Papier sowie andere kleine Notwendigkeiten bei sich zu haben. Auch wollten sie die Gelegenheit haben, mit den anarchistischen Frauen des Lagers in Verbindung zu treten. Der Hungerstreik dauerte acht Tage. Die Behörden taten nichts. Dafür wurden aber die bewaffneten Aufseher, die sonst außerhalb der Baracken stehen, den Hungernden direkt auf den Hals gehetzt. Schließlich sandte die Wetschcka die Antwort, dies seien Dinge der inneren Verwaltung und müßten von den Lokalbehörden geregelt werden. Der stellvertretende Vorsteher Lebedensky bewilligte fast alle Forderungen, gestattete aber nicht die Verbindung mit den anarchistischen Frauen. Diese Frage wollte Lebedensky der Entscheidung Katzelsons überlassen, dessen Ankunft erwartet wurde und der auch die neuen Zugeständnisse bestätigen sollte. Als Katzelson ankam, weigerte er sich, die Privilegien der Anarchisten zu erweitern. Er erklärte, die Anarchisten würden nach Kholmogorl gesandt werden und ihre Anwesenheit in Archangel wäre nur vorübergehend. Auch weigerte sich Katzelson, die Anarchisten und Anarchistinnen Afanassiow, Klesnlow, Altschuler und andere freizugeben, die nicht ins Konzentrationslager, sondern nur in die Verbannung verurteilt worden waren. (Es kommt des öfteren vor, daß Personen, die nur nach Archangel verbannt sind, dort angekommen, eingekerkert und in das Konzentrationslager gesteckt werden.)

Somit verlief der Hungerstreik ergebnislos und die Anarchisten stellten sich die Frage, was nun zu tun sei. Die anarchistischen Frauen erzwangen sich den Weg zu der Zelle ihrer Kameraden, um eine gemeinsame Aktion zu beraten. Die Verwaltung entsandte Aufseher, die die Frauen mit Gewalt aus der Zelle zogen. Es setzte ein neuer Hungerstreik ein, und die Männer warfen zum Protest gegen die Brutalität den Frauen gegenüber ihr Brot und anderes Essen aus der Zelle hinaus. Nach einigen Tagen wurden die Frauen in ein anderes Gefängnis überführt — in das Korrektions-Gefängnis. Die Umstände bei dieser Ueberführung waren dergestalt, daß die Frauen überzeugt waren, sie würden zur Hinrichtung abgeführt. Sie warfen ihre Ueberkleider von sich, damit die Schergen sie nicht in Besitz nehmen sollten. Fünf der Hungerstreikenden wurden eines Nachts von ihrer Zelle gekniit und nach Kholmogorie befördert. Diese fünf waren Karasik, Lukin, Tarasink, Silajew und Mokbow. Sie setzten ihren Hungerstreik während des Transportes und auch nach ihrer Ankunft in Kholmogori fort. Die Frauen wurden von dem zweiten Hungerstreik so schwach, daß sie am fünften Tage desselben in das Lager gebracht wurden.

Bald darauf erschien Katzelson und erklärte, daß alle Anarchisten, Männer wie Frauen, nach Kholmogori gesandt, wo ein besonderer Flügel für sie eingerichtet und alle ihre Forderungen bewilligt werden würden. Die Frauen beruhigten sich. Katzelson schlug vor, eine von ihnen möge nach Kholmogori gehen, um die dort Internierten zu bewegen, den Hungerstreik aufzugeben, da, wie er versicherte, die Gefangenen den Behörden keinen Glauben schenken. Der Hungerstreik war somit am sechsten oder siebenten Tag beendet, jedoch die Frau, die als Delegierte funktionieren sollte, wurde nicht abgesandt und die Verwaltung nahm eine zweideutige Stellung ein. Die Frauen setzten nun mit dem dritten Hungerstreik ein. Sie wurden zusammen mit den übrigen Männern nach Kholmogorie überführt, mit Ausnahme von L. Altschuler, die durch den langen Hungerstreik von einer Krankheit überfallen wurde. Seitdem [illegible] von den Gefangenen nichts mehr gehört."

[illegible] Brief bedarf keiner Worte. Die russische [illegible] gegenüber dieser Lage. Nur die [illegible] Europas und Amerikas können dem ermatteten [illegible] sind. Retten sie doch der Revolution die besten Söhne.

Genossen! Wir wissen, daß auch Ihr in Eurem eigenen Lande gegen die Reaktion einen harten Kampf zu führen habt; wir wissen, daß Ihr in dem Kampfe gegen den kapitalistischen Imperialismus große Opfer zu bringen habt. Wir hoffen jedoch, daß Ihr Eure Sympathien und Eure Solidarität den Opfern der kommunistischen Reaktion nicht vorenthalten werdet. Diese Reaktion ist um so verwerflicher, weil sie von Sozialisten oder Kommunisten ausgeht, weil sie im Namen des Proletariats geschieht.

Wir wenden uns an Euch, Kameraden! Nicht einzelne Proteste, sondern nur ein Eingriff der internationalen revolutionären Arbeiterschaft kann das Leben, die Ehre und Würde der russischen Revolutionäre retten.

Mit brüderlichen Grüßen

Alexander Berkman. Emma Goldman. A. Schapiro.
G. Maximoff. Mark Mratschni. Rudolf Rocker.
A. Souchy. Wollin. E. Jartschuk.

* * *

Die Geschäftskommission der F.A.U.D. schließt sich dem Aufrufe zu Protestkundgebungen des Weltproletariats gegen die Verfolgung der russischen Revolutionäre an und fordert insbesondere die Mitglieder der F.A.U.D. (Syndikalisten) auf, in allen Versammlungen der Arbeiterschaft und bei anderen Gelegenheiten, ihre Solidarität mit den verfolgten Revolutionären zu bezeugen. Die Geschäftskommission.

Die wirtschaftliche Notlage und die Unzulänglichkeit der Zentralverbände.

Schon an sich beweist die Tatsache, daß sich die Lebenslage der Arbeiterschaft dauernd verschlechtert und langsam eine kleine Errungenschaft nach der anderen flöten geht, daß die Zentralverbände ihren Aufgaben nicht gewachsen sind. Wenn die Form der Organisation richtig wäre, und der richtige Geist die Mitglieder beseelen würde, dann wären die Zentralverbände ein ausschlaggebender Faktor im wirtschaftlichen und politischen Leben, und Alles müßte geschehen, was die organisierten Millionen Schaffender wollen. Aber die falsche Form, nämlich der Zentralismus, und die falsche Ideologie machen es den Mitgliedern unmöglich, nach ihren Bedürfnissen zu handeln. Die Führer sind ausschlaggebend, und sie haben sich den Interessen der notleidenden Massen entfremdet. So nur ist es zu verstehen, wenn Organisationen, die einmal von Arbeitern für die Wahrnehmung ihrer Interessen begründet wurden, in den Zeiten der größten Not für das Proletariat eine Arbeitsgemeinschaft mit dem Unternehmertum bilden, wenn sie behilflich waren, die technische Nothilfe zu schaffen, wenn sie nicht blos solchen Gesetzentwürfen wie Schlichtungsordnung oder Arbeitszeitgesetz ihre Zustimmung gehen, sondern sogar die eigentlichen Väter dieser Knebelungsgesetze sind.

Jetzt ist eine wirtschaftliche Katastrophe von der größten Gefahr für alle Arbeiter und Angestellten eingetreten, und von neuem stellt sich die Unzulänglichkeit der Zentralverbände und der „sozialdemokratischen" Parteien offen heraus. Steuer-Drückeberger, Börsen-Schieber und Politikanten haben den Stand der Mark auf 1/[illegible] ihres Friedenswertes heruntergewirtschaftet. Lebensmittelwucherer und Warenschieber aller Art nutzen diese wirre Situation aus, dem Volk das Fell noch doppelt und dreifach über die Ohren zu ziehen und sich maßlos zu bereichern. Die Nutznießer und Klopffechter des Kapitals schieben dabei alle Schuld auf die Arbeiterschaft und treiben zu reaktionären Maßnahmen. Herr „Abgeordneter" Gothein schreibt im „Berliner Tageblatt" einen Artikel unter der Ueberschrift „Das Gebot der Stunde", in welchem er ausführt, daß die Arbeiter und Angestellten zu der Einsicht gebracht werden sollen, daß sie ihre bisherige Lebenshaltung einschränken müßten, weil ihre Leistungen angeblich geringere sind, wie früher. In einem Zirkular fordert ein Unternehmer-Verband der Farben-Industrie ein Fachblatt-Unternehmen auf, mit allen Mitteln gegen den „Terror" der Arbeiter und Angestellten vorzugehen und auch nicht davor zurückzuschrecken, die Betriebe auf einige Zeit zu schließen. Man sieht hieraus, daß diese Scharfmacher gleich 2 Fliegen mit einer Klappe schlagen möchten, sie wollen aus den Kriegs-Wiedergutmachungen heraus und gleichzeitig die Arbeiterschaft durch Aushungerung kirre machen. Herr Gothein sollte selbst einmal mehrere Monate arbeiten, vielleicht in einer Kohlengrube unter Tage, dann würden ihm solche zynischen Ausführungen vergehen.

Man sollte nun meinen, daß die Zentralverbände in dieser Situation etwas durchgreifendes tun würden, aber weit gefehlt. Zunächst haben sie hinter dem Rücken der Bergarbeiter mit der Regierung und den Unternehmern ein Abkommen getroffen, daß die Bergarbeiter vom 1. September ab an 3 Tagen der Woche im Anschluß an die regelmäßige Arbeitszeit je 2 Ueberstunden verfahren müssen. Und das, obgleich sie erst vor kurzem auf dem Internationalen Bergarbeiter-Kongreß den Bergarbeitern der anderen Länder versprochen hatten, gegen die Arbeitslosigkeit derselben einwirken zu helfen. Herr Stinnes und seine Klassengenossen werden hierdurch gute Geschäfte machen, und die Arbeitsgemeinschaft macht sich so für sie gut bezahlt. Wegen der wirtschaftlichen Not ist der Allgemeine Deutsche Gewerkschafts-Bund in Verhandlungen mit der Regierung eingetreten, die aber ebenfalls von Anfang bis zu Ende unzulänglich sind. Gleich von vornweg wird nämlich bekanntgemacht, daß es sich um keine Forderungen im Sinne eines Programms handelt, sondern daß die aufgestellten Richtlinien nur eine Anweisung für die Besprechung der dringlichen Fragen geben sollten. Die Sprecher der Gewerkschaften brachen [illegible] Arbeitnehmer [illegible] zum Kanzler wegen dessen Politik zum [illegible] daß breite Arbeitnehmerschichten [illegible] der katastrophalen [illegible] mehr von einer verzweifelten Stimmung gepackt würden; darum müßte die Reichsregierung zu einer ernsten Würdigung der gewerkschaftlichen Vorschläge kommen, die nicht nur den gefährdeten Lebensinteressen weitester Kreise der arbeitenden Bevölkerung gelten, sondern auch in ernster Sorge um den Bestand des deutschen Staates gemacht seien. Also der gegenwärtige Staat, in welchem es den Reichen und den Schiebern so gut, aber den Arbeitern und Angestellten so schlecht geht, der ist die größte Sorge dieser Zentralverbandsführer, und die Sorge treibt sie, daß eine verzweifelte Stimmung die Arbeiter vielleicht dazu zwingen könnte, diesen Staat zu beseitigen. Im Vertrauen auf die Regierung wird die Arbeiterschaft deswegen auch nicht zu einer Aktion aufgerufen, sondern es werden „Richtlinien" aufgestellt; mit der Bitte, dieselben zu berücksichtigen. Nun, die Reichsregierung hat auch sofort eine Antwort gewußt, sie hat erklärt, die Materie erst den Landesregierungen unterbreiten zu müssen. Damit ist die Sache verschoben, was ebensoviel heißt, wie auch aufgehoben, ganz abgesehen davon, daß Landesregierungen, wie z. B. Bayern wohl kaum geeignet sind, eine Politik im Interesse der Arbeiterschaft zu verfolgen! Aber wenn man sich auch die Wünsche der Gewerkschaften selbst ansieht, so muß man staunen über deren Hohlheit, selbst vom Standpunkt des bürgerlichen Staates aus diese Vorschläge völlig unzulänglich. Da die Verarmung zu der Volkskatastrophe, die Zahlungsunfähigkeit des Staates nach außen und innen ist, kann eine Aenderung auch selbstverständlich nur dadurch herbeigeführt werden, daß den Ausgaben größere Einnahmen gegenübergestellt werden. Dies kann wiederum nur dadurch erfolgen, daß endlich alle größeren Vermögen und Einkommen in energischer Form weggesteuert werden. Die Möglichkeit hierzu ist in dem Luxus- und Luderleben weiter Kreise der Reichen gegeben. Zu solchen Forderungen können sich die Zentralverbände nicht emporschwingen, sie wünschen Rationierung und Höchstpreise wie im Kriege, allerhand kleinliche Verbote, wie Kuchenbacken, und dergl., Uebernahme des Ausfuhrhandels durch die Regierung, als ob die Arbeiter hiervon etwas hätten, und Zwangskurs der Mark, der aber nicht durchführbar ist, oder wenigstens es dem Auslande noch mehr wie bisher ermöglichen würde, Deutschland zu billigen Preisen auszukaufen.

Die Politik der Gewerkschaften ist also Schaumschlägerei, mit ihren Wünschen kann gar nichts erreicht werden (das „Tageblatt" sagt, es sind unerfüllbare Wünsche), und es soll auch gar nichts erreicht werden, als wie die Arbeiterschaft wieder einzulullen.

Das tollste ist es aber, was die Regierung (und in ihr sind doch die sozialdemokratischen und zentralverbändlerischen Führer immer noch stark vertreten), jetzt aus den Vorhandlungen mit der Reparationskommission machen will! Die Wiedergutmachungsforderungen der Entente sind bekanntlich die Hauptveranlassung des Markkurzes. Zuerst wurden den zur Verhandlung nach Berlin gekommenen Vertreter der Reparationskommission Bradbury und Mauclér 50 Millionen Goldmark in bar als Sicherheitsstellung angeboten, nachdem man kurz vorher erklärt hatte, daß man nicht zahlen könne. Dieses Angebot ist zwar abgelehnt worden, aber gleichzeitig haben die Entente-Vertreter ihre Verwunderung darüber ausgedrückt, daß die deutsche Regierung doch zahlen könne. Dann sind die Forderungen auf Verpfändung der staatlichen Forsten und Gruben abgelehnt worden, aber — und nun kommt das tolle — nun hat die Regierung einen neuen Vorschlag gemacht, nach welchem die Schwerindustrie, vornehmlich Stinnes, Lieferungsverträge für Holz und Kohle abschließen sollen, für welche dann das Reich die Verpflichtungen der Entente gegenüber, die Konventionalstrafen usw., übernehmen will. Bei diesen Verhandlungen war Stinnes und noch ein anderer Vertreter der Schwerindustrie zugegen, das dürfte wiederum kein schlechtes Geschäft für dieselben werden, und die Folge wird sein eine weitere Bereicherung dieser Kreise und eine weitere Verschuldung des Staates, da jetzt nicht nur die Abgaben an die Entente, sondern dazu noch die Profite an die Schwerindustrie aufgebracht werden müssen. Eine weitere Verschlechterung der Valuta und noch größere Besteuerung und Verelendung der arbeitenden Bevölkerung muß die unausbleibliche Folge sein. Die französischen Creuzot's und Schneider's werden dieses gute Geschäft wahrscheinlich mit den deutschen Stinnes-Leuten gern machen.

Bei dieser Sachlage gewinnt das Verhalten der Zentralverbände um so schärfere Verurteilung. Die Arbeiter verraten und verkaufen sich selbst, wenn sie sich auf diese Führer verlassen. Aber dieses offenkundige Versagen der berufenen Organisationen öffnen den Arbeitern mehr und mehr die Augen. So sagt Gothein in dem eingangs erwähnten Artikel, daß „ein trauriger syndikalistischer Geist sich heute massenhaft breit macht". Wenn auch G. hiervon nichts versteht, so ist doch alles gut und vortrefflich, was ein Mann von dem Schlage G.s für traurig hält. Und auch der Vorstand der sozialdemokratischen Partei, zu welcher auch die weiland so revolutionäre U.S.P.D. in Kürze wieder gehören wird, wittert, daß etwas nicht in Ordnung sei! Das schlechte Gewissen macht wohl diesen Parteiführern Bedenken, ob sich das Proletariat diesmal wieder wie bisher immer einlullen lassen wird, und ob vor allen Dingen die Parteidisziplin den Hunger in den Eingeweiden überwinden wird! Der Parteivorstand der S.P.D. erläßt darum einen Aufruf unter der Ueberschrift: „Wehret jeder Panikstimmung!", in welchem er vor Aktionen warnt, und in welchem er den Mitgliedern vorredet, daß die Organisation der sozialdemokratischen Partei im Interesse der Arbeiterschaft in erster Linie berufen sei, der Erhaltung und dem Aufbau der Republik und

BEST COPY AVAILABLE

275

880622001

The Emma Goldman Papers

[The fate of Spiridonova. In German] Das Schicksal Spiridonowas / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 20 cm. *In* Die Revolution. —Vol. 2, no. 33 (Jan. 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archive Trotzdem Verlag, Grafenau, Germany.

Die Revolution

p. 1-2

Organ der Allgemeinen Arbeiter-Union Deutschlands — Einheitsorganisation.

Die erste Voraussetzung für den Sieg der Arbeiterklasse ist die Selbstbewußtseins-Entwicklung des Proletariats.

Das Schicksal Spiridonowas.

Von Emma Goldmann. — (Uebersetzt aus der New-Yorker Zeitung „The World".)

Dieser Artikel stammt aus der Feder der bekannten russisch-amerikanischen Schriftstellerin Emma Goldmann. Sie hielt sich zwei Jahre in Sowjet-Rußland auf und war als geborene Russin in der Lage, die Verhältnisse sehr genau zu studieren. Da sie über eine feine Beobachtungsgabe und ein vorzügliches Gedächtnis verfügt, verdienen ihre Artikel mehr als alle anderen Druckerzeugnisse über Räte-Rußland die Beachtung der breiten Oeffentlichkeit. Für die Wahrheit ihrer Angaben bürgt ihr bekannter Name. Darauf ist es zurückzuführen, daß die Artikelserie, von welcher dieser Artikel ein Teil ist, in mehr als 200 amerikanischen Tageszeitungen aller Parteirichtungen erschienen ist. In deutscher Sprache ist diese Artikelserie zum ersten Male in unserer Zeitschrift „Der Syndikalist" erschienen. Wir erfüllen eine Forderung der Humanität, wenn wir an Sie herantreten mit der Bitte, diesen Sonderdruck in Ihrer Zeitung zum Abdruck zu bringen.

Die Geschäftskommission der Freien-Arbeiter-Union Deutschlands (Syndikalisten).

Das vorrevolutionäre Rußland stand einzig da in Hervorbringung von Frauen der revolutionären Bewegung. Vor fast einem Jahrhundert waren es die [illegible] ihren Männern in die Verbannung folgten, und diese Fäden spann sich weiter in die letzten Stunden des Zarenregimes. Die russischen Frauen nahmen an den heroischen Kämpfen teil, gingen mit einem Lächeln auf den Lippen zur Zwangsarbeit oder zum Tode. Unter der großen Anzahl war eine der wunderbarsten Erscheinungen Maria Spiridonowa.

vergewaltigen. Mehrere Wochen schwebte sie zwischen Leben und Tod. Schließlich wurde sie zum Tode verurteilt.

Die Nachricht über die Mißhandlungen Spiridonowas brachten in der ganzen Welt Proteste hervor, und dadurch wurde sie vom Schaffot gerettet. Das Todesurteil wurde in lebenslängliche Verbannung nach Sibirien umgewandelt. Nach den Angaben von Gerschuny kam sie dort fast als ein „Bündel rohes Fleisch" an. Durch die Pflege ihrer Kameraden wurde sie im Gefängnis wieder hergestellt. Es blieben ihr jedoch als Folge der furchtbaren Behandlung, der sie ausgesetzt war — die Schwindsucht, eine verkrüppelte Hand und außerdem verlor sie die Sehkraft eines Auges. Indes, obgleich ihr Körper geschwächt und gebrochen war, flammte ihr Geist weiter, wie vorher.

Die Februar-Revolution öffnete die Tore für alle politischen Gefangenen Rußlands. Auch Spiridonowa befand sich unter ihnen. Wer beschreibt ihre Freude, als sie die Freiheit begrüßte! Sie wollte jedoch das Gefängnis nicht verlassen, ehe sie die Gewißheit hatte, daß a l l e politischen Gefangenen betroffen wurden. Unter dem großen Jubel der Bevölkerung kam Maria Spiridonowa nach Rußland zurück. Sie setzte sich jedoch nicht in den Winterpalast, um sich zu mästen, sie wollte nicht auf ihren Lorbeeren ausruhen. Sie fand sich selbst in den hohen Wogen der sich türmenden Massenenergien wieder, insbesondere in der Bauernbewe[illegible]

Auch Trotzky und viele andere Kommunisten waren zu dieser Zeit gegen den Brest-Litowsk-Frieden, denn auch sie sahen die Gefahr, die hierin lag. Sie wurden jedoch bald zur Annahme durch die eiserne Disziplin der Partei gezwungen. Lenin setzte sich durch und der Leidensweg der russischen Revolution begann.

Noch in Amerika hörte ich viele sich widersprechende Nachrichten über das Schicksal Maria Spiridonowas in Sowjet-Rußland. Bei meiner Ankunft in Rußland zog ich sofort Erkundigungen über sie ein. Mir wurde von verantwortlichen Kommunisten mitgeteilt, daß ihr Nervensystem vollständig zerrüttet, daß sie an hysterischen Anfällen leide und daß sie „zu ihrem eigenen Besten" in einem Sanitorium untergebracht sei und „die beste Pflege" genösse.

Ich konnte mit ihr nicht eher als im Juli 1920 zusammenkommen. Sie lebte illegal, d. h. verborgen in Moskau, verkleidet als Bäuerin, genau so wie in den Tagen des Zarismus. Es gelang ihr, sich aus dem „Sanitorium mit der besten Pflege" zu befreien, das sich als ein bolschewistisches Gefängnis erwies. Ich fand keine Spur von Hysterie bei Maria Spiridonowa. Ich fand eine Person in ihr, mit dem größten Gleichgewicht, Selbstkontrolle und der schönsten Ruhe, wie ich sie bis dahin noch nie in Rußland antraf. Volle zwei Tage hielten mich bei ihr fest, um ihre Erfahrungen über die russische Revolution zu hören. Ich vernahm, wie das Volk sich begeistert erhob, die schönsten Hoffnungen und Möglichkeiten an die Revolution knüpfte und dann von

BEST COPY AVAILABLE

880622001

The Emma Goldman Papers

[The fate of Spiridonova. In German] Das Schicksal Spiridonowas / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 20 cm. *In* Die Revolution. —Vol. 2, no. 33 (Jan. 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archive Trotzdem Verlag, Grafenau, Germany.

sie gingen mit einem Lächeln auf den Lippen zur Zwaegsarbeit oder zum Tode. Ueter der großen Anzahl war eine dor wunderbarsten Erscheinnngen Maria Spiridenewa.

In den Jahren 1905 nnd 1906 war das Bauerntum Rußlands in großer Bewegnng. In der Provinz Tambeff waren die Bauern durch die übertriebene Steuereintreibung und die Brutalität der Behörden sehr erbittert, sie erhoben sich gegen ihre Unterdrücker nnd steckten einige Güter in Brand. Der Genverneur von Tamboff, Luschenewsky, weit und breit wegen seines barbarischen Vorgehens berüchtigt, ließ ganze Dörfer durch Kosaken züchtigen. Die Bauern mußten halb nackt stundenlang im tiefen Schnee koieen, während Scharen von ihnen, die aufstanden, niedergemetzelt wurden. Maria Spiridonewa, damals noch ein blutjunges Mädchen, wurde von ihrer Partei, den Sozialrevelntionäreo, mit der Aufgabe betraut, den Vandalismus, der an den Bauern verübt worden war, durch die Tötung von Luschenewsky zu rächen.

Es war eine schwere Anfgabe, Luschenewsky war wohl bewacht. Mit einer Strafexpeditien von Kosaken umgeben, reiste er seit Jahren umher, von Dorf zu Dorf, terrorisierte die Bauern nnd entzog ihnen das Letzte an Previsien, nm es für die Kriegsführung gegen Japan abzuliefern. Aber all diese Schwierigkeiten schreckten Spiridenewa nicht zurück. Verkleidet als Bäuerin wurde sie Luschenowskys Schatten. Sie hielt sich in Landstraßen nnd Eisenbahnstationen anf, denn sie war, wie sie erklärte, „auf der Suche“ nach ihrem vermißten Manne, der Soldat war. Sie trotzte allen Gefahren, ertrug Entbehrungen nnd Kälte und hielt treulich an ihrem Vorhaben fest, ständig auf der Wacht hinter dem Gonvernenr her, bis sich endlich eine Gelegenheit bot. Als der Zug, auf dem Luschenewsky sich befand, in die Station einlief, we Spiridonewa geduldig wartete nnd er, von seinen Offizieren nmgeben, auf den Bahnsteig trat, durchbrach Spiridenowa die Kette der Wache nnd erschoß ihn. Luschenowsky war tot.

* * *

Die russischen Zaren waren je der Behandlung weiblicher Revolutionäre ebenso brutal wie gegen Männer. In dem Falle von Spiridenewa überschritten die Menschenjäger des Zaren Nikolans jedoch die Methoden von Iwan dem Schrecklichen. In dem Wartesaal der Eisenbahnstation wurde sie bis zur Bewußtlesigkeit geschlagen, ihre Kleider vom Leibe gerissen nnd dann in die Hände ihrer betrunkenen Wächter übergeben.

Diese machten sich ein Vergnügen daraus, ihren nackten Körper mit brennenden Zigaretten zu verletzen, sie mit Fußtritten zu traktieren und sie schließlich zu

nicht in den Winterpalast, um sich zu mästen, sie wollte nicht auf ihren Lorbeeren ausruhen. Sie fand sich selbst in den hohen Wogen der sich türmenden Massenenergien wieder, insbesondere in der Bauernbewegung, denn die Bauern achteten sie nnd vertrauten ihr. Sie wurde Vorsitzende des Exekutivkomitees des all russischen Sowyets der Bauernvertreter. Sie begeisterte, organisierte nnd leitete die nenerstandene Bewegung und Tätigkeit der Bauern. Viele alte Revolutionäre, die jahrelang den revolutionären Boden mit ihren Tränen und ihrem Blute befruchteten, konnten den Zug der neuen Zeit nicht fassen; Maria Spiridonowa jedoch war sich bald klar darüber, daß die Februar-Revolution nur das Vorspiel zu einer größeren nnd tieferen Veränderung sei.

Als die Oktober-Revolntion gleich einer mächtigen Lawine viele der alten revolutionären Kämpfer übermannte, blieb Spiridenewa ihrem revolutionären Glauben treu und hielt sich stets in den Zeiten der größten Not an der Seite des Volkes. Sie arbeitete Tag nnd Nacht, immer im Dienste ihrer geliebten Bauern.

Sie war die Seele des Landwirtschafts-Departements nnd arbeitete einen Plan für die Sozialisierung des Landes aus. Das war ein Lebensproblem Rußlands zu dieser Zeit. Wie ihr zarter Körper und ihre schwachen Lungen diese furchtbaren Anstrengungen aushalten konnten, ist in der Tat ein Rätsel. Nur ihre große Willensmacht und beispiellose Ergebenheit keneten sie in dieser schweren Zeit aufrecht erhalten.

Bereits anfangs 1918 wurde Maria Spiridenewa gewahr, daß die Revolntion von ihren Frennden stärker bedroht war, als von ihren Feinden. Die Bolschewisten, znr Macht gelangt durch revolutionäre Parolen, die sie teils von den Anarchisten und teils von den Sozialrevolutionären geliehen hatten, schlugen bald andere Pfade ein. Der erste Schritt in dieser Richtung war der Frieden zu Brest-Litewsk. Lenin bestand auf der Bestätigung dieses „Friedens“ nur „um der Revolution eine Atempause zu verschaffen“. Maria Spiridenowa, gleich vielen anderen Revolutionären verschiedener Schulen, für welche die Revolution nicht nur ein Laboratorium für politische Experimente war, bekämpfte diese Bestätigung. Sie alle behaupteten, daß dieser Frieden den Verrat der Ukraine in sich schloß, die gerade damals begeistert und siegreich die deutschen Eindringlinge aus Südrußland vertrieb; daß er ferner die ausschließliche Herrschaft der bolschewistischen Partei über das russische Volk bedeutete, sowie die Unterdrückung aller politischen Bewegungen, daß er außerdem den bittersten Bürgerkrieg zu Folge haben würde, kurz, die Leninsche Atempause würde die vollständige Erstickung der Revolntion mit sich bringen.

* * *

noch die in Rußland antraf. Volle zwei Tage hielten mich bei ihr fest, um ihre Erfahrungen über die russische Revolution zu hören. Ich vernahm, wie das Volk sich begeistert erhob, die schönsten Hoffnungen nnd Möglichkeiten an die Revolution knüpfte nnd dann von der kommunistischen Staatsmaschine ins Elend nnd in Enttäuschungen hinabgeschlendert wurde. Sie sprach mit bewundernswerter Klarheit nnd mit der Kraft der Ueberzeugung.

* * *

Jetzt hörte ich auch, daß sie von den Bolschewisten zweimal ins Gefängnis gesteckt wurde. Das erste Mal nach der Ermordung von Mirbach, als die Bolschewisten den 5. Kongreß der Sowyets geschlossen hatten nnd die gesamte Fraktion der linken Sozialrevolutionäre verhafteten, die von Maria Spiridonowa geleitet wurde. Nach fünf Monaten freigelassen, werde sie Endo Jannar 1919 wieder verhaftet nnd in ein „Sanitorium“ gesperrt — nicht weil sie hysterisch oder ihr Geist gebrochen war, sondern weil sie nicht den Schmeicheleien zugänglich war und nicht bestochen werden konnte, die sogenannte Diktatur des Proletariats anzuerkennen.

Sie sprach frei und frank zu dem Volke von der Gefahr, die der Revolution von den neuen Politikanten, den Bolschewisten drohte; und das Volk hörte ihr freudig zu. Die Bolschewisten behaupteten der Welt gegenüber, Spiridenewa hätte erklärt, die grimmigen Verfolgungen, die nach der Hinrichtung von Mirbach gegen die linken Sozialrevolutionäre einsetzten, seien darauf zurückzuführen, daß diese die Regierungsmacht zu erobern suchten. Sie verneinte leidenschaftlich nnd bestimmt, daß ihre Fraktion jemals die Absicht hatte, den Kommunisten die Macht streitig zu machen. Und diese, ihre Worte sind durch eine Menge Dokumente belegt.

Spiridenewa nnd ihre Gesinnungsgenossen sehen in dem Frieden von Brest-Litowsk den größten Verrat an der Revolution. Sie betrachteten die Anwesenheit Mirbachs in Sowyet-Rußland als eine Beleidigung and als eine Bedrohung seitens des Imperialismus. Sie forderten offen zur Tötung von Mirbach nnd zur Erhebung gegen die deutschen Eindringlinge auf. Sie sahen die Revolution in Gefahr. Sie bekannten ihren Glauben offen, nie aber hatten Spiridenewa nnd ihre Kameraden Kenntnis oder gar Anteil an irgend einem Komplott zur Eroberung der Macht.

* * *

Nach der Tötung Mirbachs ging Spiridenowa selbst zur Sitzung des fünften Allrussischen Kongresses der Sowjets, um eine offizielle Erklärung ihrer Fraktion abzugeben. In dieser Erklärung wurde die Notwendigkeit und die Rechtfertigkeit für den Tod Mirbachs gegeben,

880622001

The Emma Goldman Papers

[The fate of Spiridonova. In German] Das Schicksal Spiridonowas / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 20 cm. *In* Die Revolution. – Vol. 2, no. 33 (Jan. 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archive Trotzdem Verlag, Grafenau, Germany.

Sie und ihre Genossen waren auf alle Folgen, die aus diesem Akte entstehen konnte, gefaßt. Die Bolschewisten verhinderten die Verlesung der Erklärung durch die Schließung des Kongresses und verhafteten die gesamte Bauernpräsentation mit Maria Spiridonowa an der Spitze.

Im September war die Tscheka wieder bestrebt, ihre Notwendigkeit für die Revolution durch eine ihrer periodischen Razzia und Entdeckungen von Verschwörungen zu erweisen. Bei der Razzia, die in Moskau stattfand, wurde der verborgene Aufenthaltsort Spiridonowas zufällig entdeckt. Sie war gerade an Typhus erkrankt und konnte nicht transportiert werden. Das ganze Haus wurde von einer schweren Wache umgeben und niemand von außen zu ihr gelassen.

Nachdem die Krise vorüber war, wurde Spiridonowa, obzwar sie immer noch sehr krank war, in das Gefängnishospital der Ossoby Odeil (Geheimpolizei) gebracht. Sie befand sich aber noch in einer solch hilflosen Lage, daß eine ihrer politischen Freundinnen von den linken Sozial-Revolutionären, die sie noch von Sibirien her kannte, zur Pflege zugelassen wurde. Beide wurden der strengsten Bewachung unterworfen und waren von jeder Verbindung mit der Außenwelt abgeschnitten.

Im Juni 1921 gab sie in einem Briefe ein trauriges Bild von ihrem bedauernswerten Dasein. Die ständige Bewachung der „Genossen" von der Tscheka, die anhaltende Einzelhaft, die Beraubung von geistiger und körperlicher Nahrung vollendeten langsam, was die Foltern in der Zarenzeit nicht fertig brachten. Dazu kommen noch die Halluzinationen, daß sie von den Polizeibütteln des Zaren und den Tschekisten Lenins verfolgt sei.

* * *

Schließlich entschloß sie sich, keine Nahrung mehr zu sich zu nehmen, sie wünschte zu sterben. Die Tscheka drohte ihr zwangsweise Nahrung beizubringen und ließ dann auch auf die Forderung Spiridonowas zwei ihrer intimsten Freunde zu ihr. Diesen Ismaelowitsch und Kamkoff, die selbst Gefangene waren, gelang es, Maria zu überreden, wieder zu essen.

Während der beiden Kongresse im Juli 1921 in Moskau, (der III. Internationale und der Roten Gewerkschaftsinternationale) verteilten die Kameraden Spiridonowas ein Manifest an die ausländischen Delegierten. Dies Manifest wurde dem Zentralkomitee der Kommunistischen Partei und der Regierung übersandt und lenkte die Aufmerksamkeit auf den Zustand Spiridonowas. Es wurde ihre Freilassung gefordert, damit sie sich einer ärztlichen Behandlung und Pflege unterziehen könne.

Eine hervorragende ausländische Delegierte des Kongresses der III. Internationale bekam Gelegenheit, nur zwischen der Alternative wählen, sie entweder umkommen zu lassen oder in die „allerbeste Pflege" der Tscheka zurückzugeben.

Maria Spiridonowa kann nur gerettet werden, wenn man ihr die Möglichkeit gibt, Rußland zu verlassen. Ihre Freunde machten diesen Versuch und forderten dies von der bolschewistischen Regierung, bis jetzt aber vergeblich. 1906 rettete der Protest der ganzen zivilisierten Welt Spiridonowa das Leben. Es ist wirklich tragisch, daß ein ähnlicher Protest sich ihretwegen wieder notwendig erweist. Fern von den wachsamen Augen der Tscheka, von dem Leid und Weh des gequälten Rußland, irgendwo in reiner, freier Bergluft, kann Spiridonowa wohl noch genesen. Sie hat hundertfach Leiden ertragen, kann sie nicht noch dem Leben zurückgegeben werden?

* * *

Nachdem dieser Artikel bereits geschrieben war, richtete das Rote Kreuz Rußlands an den Präsidenten der Moskauer Tscheka (die jetzt politische Ochrana heißt), namens Unschlicht, das Ersuchen, Spiridonowa zu gestatten, Rußland zu verlassen. In seiner Antwort soll dieser redliche Verteidiger des bolschewistischen Staates gesagt haben, daß die Verhältnisse in Europa für Spiridonowa schädlich sein würden. Also kann man ihr nicht gestatten, das Land zu verlassen. Diese Entschuldigung Unschlichts ist sehr seltsam angesichts der Tatsache, daß die Verhältnisse in Europa für die Gesundheit der russischen Delegation in Genua keineswegs schädlich zu sein scheinen. Auch die zahlreichen Vertreter der Sowjetregierung in den Hauptstädten Europas sind nicht von den Verhältnissen angesteckt worden. Warum sollen also die europäischen Verhältnisse Maria Spiridonowa schaden?

Unschlichts Grund ist nur einer der vielen unverschämten Ausflüchte, deren sich die Bolschewisten stets bedienen, wenn sie sich aus einer unangenehmen Situation ziehen wollen. Sie sind nicht nur völlig unbekümmert um das Wohlergehen Spiridonowas, sondern haben im Gegenteil alles getan, um sie los zu werden, und sie würden sicher einen Seufzer der Erleichterung ausstoßen, wenn Spiridonowa ihnen den Gefallen täte, das Zeitliche ganz zu segnen. Nachdem sie vom Ossoby Odell freigegeben wurde, waren es wahrlich nicht die Bolschewisten, sondern das Rote Kreuz und ihre persönlichen Freunde, die für ihren Unterhalt sorgten. Warum also mit einem Male die Fürsorge seitens Unschlichts?

Die Wahrheit in dem Falle Spiridonowas ist unverrückbar. In Rußland ist sie mundtot gemacht, in Europa kann ihre Stimme nicht gehört werden. Herr Unschlicht weiß das, im Kreml weiß man dies auch,

Maria Spiridonowa, die sich weder von der zaristischen noch von der bolschewistischen Regierung bestechen, noch durch Schmeicheleien fangen ließ, sollte von dem revolutionären Proletariat fordern dürfen, daß es ihr aus der „zarten Pflege" und Fürsorge von Leuten wie Unschlicht und deren Regierung zur Freiheit verhilft.

Internationales Geld.

Zur Einleitung dieses Artikels bringen wir die an uns gerichteten Worte des Verfassers.

Die Pressekommission.

Anbei einen Artikel über „Internationales Geld." Wenn wir auch als Kommunisten das Geld schlechtweg abschaffen wollen, so müssen wir doch eine Zeitbescheinigung einführen und da glaube ich, daß die Normalarbeitsstunde als absolutes Maß wie etwa das kg., das Meter uns große Dienste tun wird.

Es ist erst gewesen, daß das Meter eingeführt wurde. Wer wollte es missen und etwa nach rheinischen Zollen usw. arbeiten? Es gibt Länder, wo ein Pfund keine 500 gr. und 1 Zentner keine 100 Pfund sind, sondern weniger. Die Exporteure Europas lieferten deshalb vor dem Kriege solchen Ländern das kleine Maß und berechneten es zum vollen Zentner.

Der Reichtum läßt sich z. Z. sehr gut analysieren (analysieren = zergliedern). Arbeiten wir doch unermüdlich in diesen Sinn, es wird schon Früchte tragen.

*

„Die Freiwirtschaft" (Verlag Erfurt) bringt im 6. Heft dieses Jahres einen Artikel über die Guernsey-Markthalle, welche die Bewohner der Insel Guernsey bauten ohne einen Penny Kapital hierzu zu besitzen. Dies geschah auf folgender Weise: Sie druckten einfach Papiergeld und gaben es unter sich aus. Das Geld wurde, weil von allen anerkannt, von selbst Tauschmittel. Der Bau ging sehr gut von statten, weshalb sie nach der Fertigstellung der Markthalle sofort auf gleiche Weise ganze Straßenzüge bauten, sowie einen Seehafen.

Die „Freiwirtschaft" beabsichtigt auf gleiche Art vorzugehen, nur soll das Gold dabei jährlich 5% an Wert verlieren (Schwundgeld), um zu verhindern, daß dasselbe dem Verkehr entzogen wird. Etwas weitgehender und richtiger wäre eine andere Art Geld, das eine Zeitbescheinigung darstellt und das den Bedürfnissen der kommunistischen Gemeinwirtschaft auch zugleich entsprechen würde. Dieses Geld hat als Grundlage die Arbeitsstunde. Eine Stunde ist auf den ganzen Erdenrund eine Stunde. Leistet der eine mehr als der andere, dann kann er, wenn man darin übereinkommt, mehr als den

880622001

The Emma Goldman Papers

[The fate of Spiridonova. In German] Das Schicksal Spiridonowas / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 20 cm. *In* Die Revolution. —Vol. 2, no. 33 (Jan. 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archive Trotzdem Verlag, Grafenau, Germany.

Bild von ihrem bedauernswerten Dasein. Die ständige Bewachung der „Genossen" von der Tscheka, die anhaltende Einzelhaft, die Berauhung von geistiger und körperlicher Nahrung vollendeten langsam, was die Foltern in der Zarenzeit nicht fertig brachten. Dazu kommen noch die Halluzinationen, daß sie von den Polizeibütteln des Zaren und den Tschekisten Lenins verfolgt sei.

* * *

Schließlich entschloß sie sich, keine Nahrung mehr zu sich zu nehmen, sie wünschte zu sterben. Die Tscheka drohte ihr zwangsweise Nahrung beizubringen und ließ dann auch auf die Forderung Spiridonowas zwei ihrer intimsten Freunde zu ihr. Diesen Ismaelowitsch und Kamkeff, die selbst Gefangene waren, gelang es, Maria zu überreden, wieder zu essen.

Während der beiden Kongresse im Juli 1921 in Moskau, (der III. Internationale und der Roten Gewerkschaftsinternationale) verteilten die Kameraden Spiridonowas ein Manifest an die ausländischen Delegierten. Dies Manifest wurde dem Zentralkomitee der Kommunistischen Partei und der Regierung übersandt und lenkte die Aufmerksamkeit auf den Zustand Spiridonewas. Es wurde ihre Freilassung gefordert, damit sie sich einer ärztlichen Behandlung und Pflege unterziehen könne.

Eine hervorragende ausländische Delegierte des Kongresses der III. Internationale bekam Gelegenheit, sich mit der Sache zu befassen. Sie sprach mit Tretzky in der Angelegenheit und dieser sagte, daß Spiridonewa noch zu gefährlich sei, um entlassen zu worden. Erst später, als Berichte über ihren Zustand in der sozialistischen Presse Europas erschienen waren, hat man sie unter dem Vorbehalt freigegeben, daß sie nach ihrer Genesung die Gefängnishaft nachholen müsse. Ihre Freunde, die sich jetzt ihrer angenommen haben, können für Spiridonowa nicht gestatten, dass ihr nicht geschieht. Entschuldigung Unschlichts ist nur einer der vielen unverschämten Ausflüchte, deren sich die Bolschewisten stets bedienen, wenn sie sich aus einer unangenehmen Situation ziehen wollen. Sie sind nicht nur völlig unbekümmert um das Wohlergehen Spiridonewas, sondern haben im Gegenteil alles getan, um sie les zu werden, und sie würdee sicher einen Seufzer der Erleichterung ausstoßen, wenn Spiridonewa ihnen den Gefallen täte, das Zeitliche ganz zu segnen. Nachdem sie vom Ossoby Odell freigegeben wurde, waren es wahrlich nicht die Bolschewisten, sondern das Rote Kreuz und ihre persönlichen Freunde, die für ihren Unterhalt sorgten. Warum also mit einem Male die Fürsorge seitens Unschlichts?

Die Wahrheit in dem Falle Spiridonewas ist unverkennbar. In Rußland ist sie mundtot gemacht, in Europa kann ihre Stimme nicht gehört werden. Herr Unschlicht weiß das, im Kreml weiß man dies auch, deshalb läßt man sie nicht aus Rußland. Die Arbeiter Europas dürfen sich aber mit den Entschuldigungen Unschlichts nicht zufrieden geben. Sie müssen von der bolschewistischen Regierung fordern, Maria Spiridonowa freizugeben. Das ist das Wenigste, was ein revolutionärer Arbeiter tun kann für eine von denen, die so anhaltend und hereisch für die Freiheit in Rußland und in der Welt gekämpft haben.

Heft [illegible] Markthalle, welche als banten ohne einen Pfennig [illegible] Dies geschah auf folgender Weise: Papiergeld und gaben es unter wurde, weil von allen anerkannt, vom mittel. Der Bau ging sehr gut von statten, sie nach der Fertigstellung der Markthalle sofort gleiche Weise ganze Straßenzüge bauten, sowie Seehafen.

Die „Freiwirtschaft" beabsichtigt auf gleiche Art verzugehen, nur soll das Geld dabei jährlich 5% an Wert verlieren (Schwundgeld), um zu verhindern, daß dasselbe dem Verkehr entzogen wird. Etwas weitgehender und richtiger wäre eine andere Art Geld, das eine Zeitbescheinigung darstellt und das den Bedürfnissen der kommunistischen Gemeinwirtschaft auch zugleich entsprechen würde. Dieses Geld hat als Grundlage die Arbeitsstunde. Eine Stunde ist auf den ganzen Erdenrund eine Stunde. Leistet der eine mehr als der andere, dann kann er, wenn man darin übereinkommt, mehr als den Normalwert der Arbeitsstunde, kurz Normalstunde Normalgeld, monaie normal genannt, erhalten, wie man auch für den einen Gegenstand mehr, für den anderen weniger erhält, ja nach Art und Qualität. Dies Geld kann [illegible] wohl in der Privatwirtschaft wie in der Gemeinschaft Verwendung finden. Im letzteren Falle ist [illegible] die Art des Gemeinwesens die Möglichkeit der Anhäu-

Der historische Materialismus.

II.

Die Tatsache, daß das Herdentier seine individuellen (persönlichen) materiellen Bedürfnisse innerhalb der Herde befriedigen kann, und ferner die Tatsache, daß die materiellen Bedürfnisse der gesamten Herde, also die sozialen oder die gesellschaftlichen Bedürfnisse, vollständig konform gehen mit den Bedürfnissen jedes einzelnen Individiums, ist Beweis genug dafür, daß die Entwicklung in der Tierwelt bis zu einer wunderbaren Höhe gelangte. Der Zustand innerhalb einer Herde grenzt fast an gesellschaftliche Harmonie. Leider hat der Mensch mit diesem Zustand in der Tierwelt, wie mit so vielem anderen, grausam aufgeräumt.

Der Mensch ist als jüngster Sproß aus der Klasse der Säugetiere empergewachsen. Als Kennzeichen der Menschwerdung ist wohl der aufrechte Gang anzusprechen. Wann und wo sich zum ersten Mal der Mensch durch gewohnheitsmäßiges Aufrechtgehen aus dem Tierreich erhob, darüber gehen die Meinungen der Naturwissenschaftler noch sehr weit auseinander, sie schwanken zwischen 150 und 500 Tausend Jahre.

Wenn wir nun annehmen, daß das Privateigentum in Herden streifend, durch Wälder und Fluren zog, und als es dann später seßhaft wurde, im Kommunismus lebte.

Der Urmensch, so wie er aus dem Tierreich emporgewachsen, war sich sicher seines Menschentums nicht bewußt. Er lebte nach den Gebräuchen seiner Vorfahren, den Säugetieren, zunächst weiter. Im Laufe der Zeit änderte sich das Bild natürlich immer mehr. Durch den aufrechten Gang konnte sich der Kehlkopf immer mehr entwickeln, wedurch der Boden für das Werden der Sprache freigelegt war, welche es den Menschen ermöglichte, im Laufe der Zeit ihre Godanken in Werten von sich zu geben, um sich gegenseitig zu verständigen. Die Fähigkeit zum Denken, wenn auch zunächst nur primitiv, hatte der Mensch ohne Zweifel aus dem Tierreich geerbt. Die Behauptung gewisser „Uebermenschen", daß das Denken das alleinige Privilegium des Menschen sei, ist absolut nicht stichhaltig. Wozu hat sich denn bei den Tieren das Gehirn entwickelt? Wer sich übrigens in der Tierwelt ein klein-wenig umgesehen hat, wird darüber ganz anders urteilen. Das Tier hat lediglich nicht die Fähigkeit, seine Gedanken in Werte zu kleiden und deshalb nicht die Möglichkeit, seine Gehirnpartien durch neue Eindrücke in der Weise zu beleben und zu entwickeln wieder Mensch.

Der aufrechte Gang des Urmenschen hatte auch noch mancherlei anderes im Gefolge. Zum Beispiel nachdem das menschähnliche Tier gewohnheitsmäßig aufrecht ging, mußte es sich bei der Verteidigung im [illegible] anders einstellen. Ein Transpertgerät gemacht haben. Ob es nun so oder ähnlich so war, das eine steht jedenfalls fest, der Urmensch ist durch solche oder ähnliche Ereignisse zur Arbeit angeregt worden. Er lernte seine Hände gebrauchen, um sich zunächst primitive Waffen und Waffentransportgeräte anzufertigen. Hier haben wir auf alle Fälle das Fundament vor uns, worauf alle unsere wirtschaftlichen und technischen Fortschritte im Laufe einer ungeheuerlich langen Zeitepoche emporgewachsen sind.

Es leuchtet ohne weiteres ein, daß es in jedem Falle materielle Bedürfnisse waren, die den Urmenschen zum Handeln veranlaßten. In der Not greift er zum Stein, weil er das Bedürfnis hatte, sich zu verteidigen. Er lernte seine Hände zur Arbeit zu gebrauchen, weil er das Bedürfnis hatte, seine Verteidigungsgeräte zu verbessern. Wir sehen aus diesen kleinen Beispielen, die jeder beliebig erweitern kann, daß unsere Technik, daß alles, selbst die Idee des Menschen auf seine materiellen Bedürfnisse zurückzuführen sind.

Wir sehen, daß zunächst die individuellen (persönlichen) materiellen Bedürfnisse bei den Urmenschen maßgebend für die Entwicklung waren. Da aber die Urmenschen in Herden lebten, so mußte natürlich jeder Fortschritt, welcher auf das Konto irgend eines Einzelindividuums zu setzen war, der ganzen Herde zugute kommen. Hatte bei der Anfertigung von Waffen oder Waffentransportgeräten oder sonst etwas das eine oder das andere Individuum eine bessere Idee, so war natürlich das Beste immer maßgebend für die gesamte Herde, [illegible] die indivi-

BEST COPY AVAILABLE

279

890521019

The Emma Goldman Papers

Bolsheviks Shooting Anarchists / Alexander Berkman and Emma Goldman.— p. 4 ; 35 cm. *In* Freedom [London]. —(Jan. 1922).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

FREEDOM.

A JOURNAL OF ANARCHIST COMMUNISM.

Monthly, Twopence; post-free, 3d. Annual Subscription, 3s. post-free.
U.S.A. and Canada, $1.00. France and the Continent, 2s. 6d.
Wholesale price, 1s. 6d. per dozen (13) post-free in the United Kingdom.

All communications, exchanges, etc., to be addressed to

Freedom Press, 127 Ossulston St., London, N.W.1.

The Editors are not necessarily in agreement with signed articles.

Notice to Subscribers.—If there is a blue mark against this notice, your subscription is due, and must be sent before next month to ensure receipt of paper.

Money and Postal Orders to be made payable to FREEDOM PRESS.

BOLSHEVIKS SHOOTING ANARCHISTS.

We have just received the following letter from our comrades Emma Goldman and Alexander Berkman, who are now stranded in Stockholm. Thie letter gives ue the truth about the terrible persecution of Anarchiste in Ruseia. We ask all Anarchist and Syndicalist papers to republish this letter, and we hope comrades in this country will help us in pushing the sale of this issue, of which we havo printed a much larger number than usual.

DEAR COMRADES,—The persecution of tho revolutionary elemcnts in Russia has not abated with the chapged political and economic policies of the Bolshoviki. On the contrary, it has become more intense, more determined. Tho prisons of Russia, of Ukraina, of Siberia, are filled with men and women—aye, in eome cases with mere children—who dare hold views that differ from those of the ruling Communist Party. We say "hold views" advisedly. For in tho Russia of to-day it is not at all neceseary to *express* your diesension in word or act to become eubject to arrest; the mere *holding* of opposing views makes you the legitimate prey of the *de facto* eupreme power of the land, the Tcheka, that almighty Bolshevik Okhrana, whose will knowe neither law nor responeibility.

But of all the revolutionary elements in Russia it is the Anarchists who now suffer the most ruthless and systematic pereecution. Their suppression by the Bolsheviki began already in 1918, when—in the month of April of that year—the Communist Government attacked, without provocation or warning, tho Anarchist Club of Moscow and by the use of machine guns and artillery "liquidated" the whole organisation. It was the beginning of Anarchist hounding, but it was sporadic in character, breaking out now and then, quite planless, and frequently self-contradictory. Thus, Anarchist publicatious would now be permitted, now euppressed; Anarchists arrested here only to be liberated there; sometimes shot and theu again importuned to accept most responsible positions. But this chaotic situation was terminated by the Tenth Congress of the Russian Communist Party, in April, 1921, at which Lenin declared open and merciless war not only against Anarchists but against "all petty bourgeois Anarchist and Anarcho-Syndicalist *tendencies*" wherever found. It was then and there that began the systematic, organised, and most ruthless extirmination of Anarchists in Bolshevik-ruled Russia. On the very day of the Lenin speech scores of Anarchiete, Anarcho-Syndicalists, and their sympathisers were arreeted in Moscow aud Petrograd, and on the following day wholesale arrests of our comrades took place all over tho country. Since then the porsecution has continued with increasing violence, and it has become quite apparent that the greater the compromises the Communist régime makes with the capitaliet world, the more intense its persecution of Anarchism.

It has become the settled policy of the Bolshovik Goverument to maek its barbaric procedure against our comrades by the uniform charge of *banditism*. This accusation is now made practically against *all* arrested Anarchists, and frequently even against mere sympathisers with our movement. A mighty convenient method, for by it *any one* may be secretly executed by the Tcheka, without hoaring, trial, or investigation.

Lenin's warfaro againat Anarchist tendencies has assumed the most revolting Asiatic form of extermination. Last September numerous comrades were arrested in Moscow, and on the 30th of that month the *Izvestia* published the official statement that *ten* of the arrested Anarchists had been shot "as bandits." None of them had received a trial or oven a heariug, nor were they permitted to be represeuted by counsel or be visited by friends or relatives. Among the executed were two of the best-known Russian Anarchists, whose idealism and lifelong devotion to the cause of humanity had stood the test of Tsarist dungeons and exile, and persecution and suffering in various other countries. They were Fanny Baron, who had escaped from prison in Ryazan several months previously, and Lev Tchorny, the popular lecturer and writer, who had spent many years of his life in tho Siberian *katorga* for his revolutiouary activities under the Tsars. The Bolsheviki did not have the courage to say that they had shot Lev Tchorny; in the list of the executed he appeared as "Turchaninoff," which—though his real name—was unknowu even to some of his closest friends.

The policy of extermination is continuing. Several weeks ago more arrests of Anarchists took place in Moscow. This time it was the Universalist Anarchists who were the victims—the group which even the Bolsheviki had always considered most friendly to themselves. Amongst the arrested were also Askaroff, Shapiro,* and Stitzenko, members of the Secretariat of the Moscow section of the Universalists, and well known throughout Russia. These arrests, outrageous as they were, were at first considered by the comrades as due to the unauthorised action of some over-zealous Tchekist agent. But information has since been received that our Universalist comrades are officially accused of being bandits, counterfeiters, Makhnovtsy, and members of the "Lev Tchorny underground group." What such an accusation means is known only too well to those familiar with Bolshevik methods. It means *rasstrel*, execution by shooting, without hearing or warning.

The fiendishness of the purpose of these arrests and accusations is almost beyond belief. By charging Askaroff, Shapiro, Stitzenko, and others with "membership in the Lev Tchorny underground group," the Bolshoviki seek to justify their foul murder of Lev Tchorny, Fanny Barou, and the other comrades executed in September; and, on the other hand, to create a convenient pretext for shooting more Anarchists. We can assure the readers unreservedly and absolutely that *there was no Lev Tchorny underground group*. The claim to the contrary is an atrocious lie, one of the many similar ones spread by tho Bolsheviki against the Anarchists with impunity.

It is high time that the revolutionary Labour movement of the world took cognizance of the blood and murder régime practised by the Bolshevik Government upon all politically differently minded. And it is for the Anarchists and Anarcho-Syndicalists, in particular, imperative to take immediate action toward putting a stop to such Asiatic barbarism, and to save, if still possible, our imprisoned Moscow comrades threatened with death. Some of the arrested Anarchists are about to declare a hunger strike to the death, as their only means of protest against the Bolshevik attempt to outrage the memory of the martyred Lev Tchorny after they had foully done him to death. They demand the moral support of their comrades at large. They have the right to demand this, and more. Their sublime self-sacrifice, their lifelong devotion to tho great cause, their unewerving steadfastness, all eutitle them to it. Comrades, frieuds, everywhere! It is for you to help vindicate the memory of Lev Tchorny and at the same time save the precious lives of Askaroff, Shapiro, Stitzenko, aud others. Do not delay or it may be too late. Demand from tho Bolshovik Government the alleged Lev Tchorny documents they pretend to have, which "involve Aekaroff, etc., in tho Lev Tcherny group of bandits and counterfeiters." *Such documents do not exist*, unless they bo forgeries. Challenge tho Bolsheviki to produce them, and let the voice of every honest revolutionist and decent human being be raised in world-wido protest against the contiuuauce of the Bolshevik system of foul assassination of its political opponents. Make haste, for the blood of our comrades is flowing iu Russia.

(Signed) ALEXANDER BERKMAN.
EMMA GOLDMAN.

Stockholm, January 7, 1922.

[In our next issue we will publish another letter from Emma Goldman, dealing with the bomb incident at Moscow, which was the subject of a letter in our issue of October last.]

* Not our London comrade, A. Shapiro, of *Golos Truda*.

BEST COPY AVAILABLE

280

880606328

The Emma Goldman Papers

[Persecution of syndicalists and anarchists in Russia. In Swedish] Syndikalist-och anarkist-förföljelse i Ryssland / Alexander Berkman and Emma Goldman. – p. 2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. –(Jan. 7, 1922)

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

Syndikalist- och anarkist-förföljelse i Ryssland.

Ett upprörande dokument om det bolsjevikiska bödelsväldet och tyranniet.

I går meddelades det telegrafiskt att 35 socialdemokrater gripit till hungerstrejk i det bolsjevikiska Butyrkifängelset. Det är icke bara socialdemokrater, som drivas att protestera mot de bolsjevikiska blodsmetoderna på detta sätt, det är även anarkister, syndikalister och till och med medlemmar av "arbetaroppositionen". Följande upprop talar sitt tydliga språk om dessa förhållanden. Det är på tid, att det reses en opinion mot dessa avskyvärda grymheter.

Kära Kamrater!

Förföljelsen mot de revolutionära elementen i Ryssland har icke vit mildrad i förbindelse med bolsjevikernas förändring av den politiska och ekonomiska politiken. Tvärtom har den blivit mera intensiv, mera bestämd. Rysslands, Ukrainas och Sibiriens fängelser äro fyllda med män och kvinnor — ja, i en del fall även med barn — som våga hysa åsikter, som skilja sig från det härskande kommunistiska partiets. Vi säga avsiktligt "hysa åsikter". Ty i våra dagars Ryssland är det alls icke nödvändigt att *uttryeka* sin meningsskiljaktighet i ord eller handling för att bli arresterad: blotta *hysandet* av oppositionella åsikter är tillräckligt för att man skall bli ett legitimt offer för tjekan, den allsmäktiga bolsjevikiska ochranan, som de facto är landets högsta makt och vars vilja varken känner lagar eller ansvar.

Men av alla de revolutionära elementen i Ryssland är det anarkisterna, som nu lida under den mest hjärtlösa och systematiska förföljelse. Bolsjevikernas undertryckande av dem började redan 1918, då den kommunistiska regeringen i april månad utan varning och utan att därtill vara provocerade överföll Moskwas Anarkistklubb och medelst användandet av maskingevär och kanoner "likviderade" hela organisationen. Det var början till jakten på anarkisterna, men den var sporadisk till sin karaktär, brylande ut då och då, fullständigt planlös och ofta motsägande. Således blevo anarkistiska publikationer än tillåtna, än undertryckta. Anarkister arresterades här medan man frigav dem där. Ibland skötos de ned, ibland erbjödos de fördelaktiga poster. Men denna kaotiska situation gjordes det slut på med den 10:e kommunistiska kongressen april 1921, vid vilken Lenin förklarade öppet krig utan pardon icke blott mot anarkisterna men även mot "alla småborgerligt anarkistiska och anarkosyndikalistiska *tendenser",* var de än påträffades. Från och med nu började en systematisk, organiserad och hänsynslös utrotning av anarkister i det bolsjevikstyrda Ryssland. Samma dag som Lenin höll sitt tal blevo tjoglals av anarkister, anarkosyndikalister och deras sympatisörer arresterade i Moskwa och Petrograd, och den påföljande dagen företogos hopvisa arresteringar av våra kamrater över hela landet. Sedan dess ha förföljelserna fortsatts med stigande brutalitet, och det har blivit fullt uppenbart, alt ju större eftergifter den kommunistiska regimen gjort den kapitalistiska världen, desto mera intensiv har förföljelsen blivit mot anarkisterna.

Det har blivit en vedertagen politik för bolsjevikerna att maskera sitt barbariska framgångssätt mot våra kamrater med en stående anklagelse för *banditism.* Denna anklagelse framställes nu praktiskt taget emot *alla* arresterade anarkister och ofta även mot deras sympatisörer. En synnerligen bekväm metod, ty genom den kan *vem som helst* bli förföljd av tjekan utan förhör, rättegång eller undersökning.

Lenins härnadståg mot anarkistiska tendenser har antagit den mest revolterande asiatiska form av utrotningskrig. Sistlidna september blev en mängd kamrater arresterade i Moskwa, och den 30 i samma månad publicerade "Isvestia" en officiell rapport om att *tio av de arresterade kamraterna blivit skjutna som banditer.* Ingen av dem hade underkastats rättegång eller ens blivit förhörd, heller icke hade de fått tillåtelse att mottaga besök av vänner eller anhöriga. Ibland de avrättade befunno sig tvenne av de bäst kända ryska anarkisterna, vars idealism och livslånga offervillighet för mänsklighetens sak hade bestått provet i de tsaristiska fängelserna och deportering och underkastats förföljelse och lidanden i olika andra länder. Dessa voro Fanny Baron, som lyckats att fly från fängelset i Ryazan några månader tidigare, samt Lev Tchorny, den populäre föreläsaren och skriftställaren, sam har tillbrakt många år av sitt liv som deporterad i Sibirien på grund av sin verksamhet under tsarismen. Bolsjevikerna hade icke mod nog att säga, att de skjutit Lev Tchorny; i listan över avrättade figurerade han som "Turchanioff",

(Forts: å sidan 3).

BEST COPY AVAILABLE

880606328

The Emma Goldman Papers

[Persecution of syndicalists and anarchists in Russia. In Swedish] Syndikalist-och anarkist-förföljelse i Ryssland / Alexander Berkman and Emma Goldman. – p. 2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. – (Jan. 7, 1922)

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

(Forts. från sidan 2).

Vilket namn — fastän det var hans verkliga — var okänt även för en del av hans intimaste vänner.

Utrotningspolitiken fortsätter. För några veckor tillbaka arresterade man åter en del anarkister i Moskwa. Denna gång voro oftren "universalist-anarkister" — en grupp, som bolsjevikerna själva hade betraktat som mycket vänligsinnade. Ibland de arresterade befunno sig Askaroff, Shapiro (icke A. Shapiro från "Golos Truda") och Stitzenko, medlem av sekretariatet av Moskwasektionen av "universalisterna" och välkänd över hela Ryssland. Dessa arresteringar, avskyvärda som de äro, blevo först betraktade av kamraterna som orsakade av någon övernitisk tjekistisk agent. Men sedermera har man erhållit underrättelser om, att våra universalist-kamrater officiellt blivit anklagade för att vara banditer, förfalskare, anhängare av Machnov och medlemmar av "Lev Tchornys underjordiska grupp". Vad en sådan anklagelse innebär är allt för väl känt av dem, som äro bekanta med de bolsjevikiska metoderna. Det betyder *razstrel,* avrättning genom skjutning, utan förhör eller varning.

Det emulsiga syftet med dessa arresteringar är nästan otroligt. Genom att anklaga Askaroff, Shapiro, Stitzenko och andra för "medlemskap i Lev Tchornys underjordiska grupp" söka bolsjevikerna att rättfärdiga mördandet av Lev Tchorny, Fanny Baron och de andra kamraterna, som blevo avrättade i september; och dessutom att skapa en bekväm förevändning för att skjuta ännu flera anarkister.. Vi kunna försäkra läsarna absolut och utan tvekan, *att det icke existerade någon Lev Tchornys underjordiska grupp.* Påståendet om motsatsen är en avskyvärd lögn, en av de många dylika, som spritts av bolsjevikerna mot anarkisterna.

Det är på hög tid, att den revolutionära arbetarrörelsen världen över får kännedom om den blods- och mördarregim, som tillämpas av den bolsjevikiska regeringen mot alla som politiskt hysa andra åsikter. Och det är isynnerhet för anarkister och syndikalister imperativt att omedelbart vidtaga åtgärder för att göra ett slut på denna asiatiska barbarism och — om det ännu är möjligt — att rädda våra fängslade Moskwakamrater, som hotas med döden. En del av de arresterade anarkisterna äro i färd med att göra hungerstrejk intill döden som det enda medel de kunna tillgripa för att protestera mot bolsjevikernas försök att skymfa minnet av den marterade Lev Tchorny. Våra kamrater kräva ett verkligt moraliskt stöd. De ha rätt att kräva detta ooh ännu mera. Deras sublima självuppoffring, deras livslånga tillgivenhet för den stora saken, deras orubbliga ståndaktighet, allt berättigar dem till det. Kamrater och vänner över allt! Det är ni, som måste hjälpa till att försvara Lev Tchornys minne och samtidigt rädda Askaroffs, Shapiros, Stitzenkos och kamraters dyrbara liv. Dröj icke — eller det kan vara för sent. Begär av den bolsjevikiska regeringen att erhålla dokumenten om Lev Tchorny, som de påstå sig hava, som "invecklar Askaroff etc. i Lev Tchornygruppen av banditer och förfalskare". *Sådana dokument existera icke,* så framt de icke äro förfalskade. Tvinga bolsjevikerna att lägga fram dem, och låt rösten av varje hederlig revolutionär och varje anständig mänsklig varelse bli samlad till en världsomfattande protest mot fortsättandet av det bolsjevikiska systemet av skändligt mördande av deras politiska opponenter. Skynda eder, ty *våra kamraters blod flyter i Ryssland!*

Alexander Berkman. *Emma Goldman.*

BEST COPY AVAILABLE

880606329

The Emma Goldman Papers

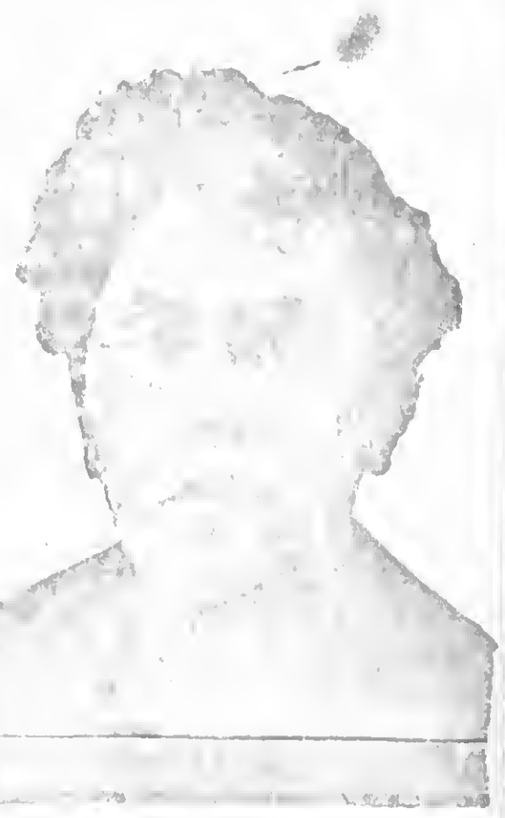
[Interview] Den ryska revolutionen belyses av ryska revolutionärer [The Russian revolution illuminated by Russian revolutionaries. In Swedish] / Alexander Berkman, Emma Goldman and [Alexander] Schapiro. – pp. 1-3 ; 55 cm. *In* Arbetaren [Stockholm]. –(Jan. 7, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

ARBETAREN 7/1 1922

Den ryska revolutionen belyses av ryska revolutionärer.

föreningsrörelsen och syndikalismen och dess framtida problem.

Emma Goldman.

sig till Röda fackföreningsinternationalen, som behärskas av de ryska kommunisterna, som bekämpa de ryska arbetarnas självständiga fackföreningsrörelse? Detta blir en komplett omöjlighet. De organisationer, som ansluta sig till Röda fackföreningsinternationalen, skulle då komma att

bekämpa sina ryska bröder

genom att stödja den ryska regeringen.

Också en annan konsekvens kan tänkas av en självständig rysk fackföreningsrörelse, nämligen den, att det kan framväxa en viss antagonism mellan sovjetarbetarna och de i den privata industrien. Skola de usolt avlönade statsarbetarna tillåta arbetarna i privatindustrien att genom sina strider skapa sig en livnadsstandard, som står högt över statsarbetarnas? Det **är ett allvarligt problem. Ingen vet** vartill det kan utveckla sig.

Den ryska industrien måste för sitt återuppbyggnadsarbete använda sig av

283

BEST COPY AVAILABLE

880606329

The Emma Goldman Papers

[Interview] Den ryska revolutionen belyses av ryska revolutionärer [The Russian revolution illuminated by Russian revolutionaries. In Swedish] / Alexander Berkman, Emma Goldman and [Alexander] Schapiro. – pp. 1-3 ; 55 cm. *In* Arbetaren [Stockholm]. – (Jan. 7, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

Den ryska revolutionen.

(Forts. från sid. 1).

sjort. I skval a[illegible] de syndikalistiska idéerna fram hos arbetarna trots allt motstånd och bolsjevikerna hysa en positiv sympati för dem. Därför ha de också i [illegible] den 10:e kongressen beslutat att [illegible] en systematisk och hänsynslös motarbetelse mot allt vad [illegible] och arbetsgemenskap [illegible] att tillåta någon verklig [illegible]. Vad privatkapitalismen [illegible] måste Lenin nu finna en nödvändig, emedan för att på ena sidan [illegible] förstöra privatkapitalismen och å andra sidan säkra sig, att icke [illegible] proletariska medel skola [illegible] i en kontrarevolutionär riktning till kapitalismen.

Jag betvivlar icke, att syndikalismen [illegible] ryska arbetarna, och jag tror, att [illegible] ryska regeringen [illegible] att föra det [illegible] ryska arbetarna, [illegible] att offer ryska förhållanden och den ryska psyken. Men [illegible] för stor mark för en [illegible] och [illegible] rörelse, som [illegible] under sin utveckling [illegible] kommer i stora strider med bolsjevikregeringen.

BEST COPY AVAILABLE

880606329

The Emma Goldman Papers

[Interview] Den ryska revolutionen belyses av ryska revolutionärer [The Russian revolution illuminated by Russian revolutionaries. In Swedish] / Alexander Berkman, Emma Goldman and [Alexander] Schapiro. – pp. 1-3 ; 55 cm. *In* Arbetaren [Stockholm]. –(Jan. 7, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

icke rätt. Ifrån paviljongen ställnade
hungern. Sharapo hade vi mött 1913
i [illegible]. [illegible] Ryssland synes
ha [illegible] var knappt vi
k[illegible]

[illegible] vi till hotell, till en
[illegible] restante
[illegible] Än till
[illegible]kera och
[illegible] för att få
[illegible] resan.
[illegible]" frågade
[illegible]an." Det
[illegible] vår i
[illegible] en kronisk
å[illegible]der sig en
[illegible] de skalmen
[illegible].

[illegible]d m. Vad
de[illegible] bad var förfar-
lig[illegible] fylla ett par
[illegible] vagar från
[illegible] de med de
[illegible]era. De be-
[illegible]r samtalet,
[illegible]g ett så-
[illegible]pa. Per-
[illegible] en tvetydig
[illegible].

De syftade högre.

[illegible] icke träffa
[illegible]en, icke
[illegible]et. Med sin
[illegible]g annat än
[illegible]. Och framför
[illegible]k av sådan
[illegible]ationella ar-
[illegible], som kunde
[illegible]sperimentet, vi-
[illegible] som begåtts
[illegible]epas, läpska
[illegible] de genom-
[illegible]digt de ryska
[illegible]ani ras och
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]

810409080e

The Emma Goldman Papers

[Persecution of anarchists and syndicalists in Russia. In Swedish] Syndikalist-och anarkistförföljelse i Ryssland / Alexander Berkman and Emma Goldman. – pp. 1,4 ; 32 cm. *In* Arbetaren [Stockholm]. – (Jan. 10, 1922).

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

Syndikalist- och anarkistförföljelse i Ryssland

Ett upprörande dokument om det bolsjevikiska bödelsväldet och tyranniet.

I går meddelades det telegrafiskt att 35 socialdemokrater gripit till hungerstrejk i det bolsjevikiska Butyrkifängelset. Det är icke bara socialdemokrater, som drivas att protestera mot de bolsjevikiska blodsmetoderna på detta sätt, det är även anarkister, syndikalister och till och med medlemmar av "arbetaroppositionen". Följande upprop talar sitt tydliga språk om dessa förhållanden. Det är på tid, att det reses en opinion mot dessa avskyvärda gryningar.

Kära Kamrater!

Förföljelsen mot de revolutionära elementen i Ryssland har icke vit mildrad i förbindelse med bolsjevikernas förändring av den politiska och ekonomiska politiken. Tvärtom har den blivit mera intensiv, mera bestämd. Rysslands, Ukrainas och Sibiriens fängelser äro fyllda med män och kvinnor — ja, i en del fall även med barn — som våga hysa åsikter, som skilja sig från det härskande kommunistiska partiets. Vi säga avsiktligt "hysa åsikter". Ty i våra dagars Ryssland är det alls icke nödvändigt att *uttrycka* sin meningsskiljaktighet i ord eller handling för att bli arresterad: blotta *hysandet* av oppositionella åsikter är tillräckligt för att man skall bli ett legitimt offer för tjekan, den allsmäktiga bolsjevikiska ochrnan, som de facto är landets högsta makt och vars vilja varken känner lagar eller ansvar.

Men av alla de revolutionära elementen i Ryssland är det anarkisterna, som nu lida under den mest hjärtlösa och systematiska förföljelse. Bolsjevikernas undertryckande av dem började redan 1918, då den kommunistiska regeringen i april månad utan varning och utan att därtill vara provocerade överföll Moskwas Anarkistklubb och medelst användandet av maskingevär och kanoner "likviderade" hela organisationen.

BEST COPY AVAILABLE

810409080e

The Emma Goldman Papers

[Persecution of anarchists and syndicalists in Russia. In Swedish] Syndikalist-och anarkistförföljelse i Ryssland / Alexander Berkman and Emma Goldman. – pp. 1,4 ; 32 cm. *In* Arbetaren [Stockholm]. –(Jan. 10, 1922).

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

Det var början till jakten på anarkisterna, men den var sporadisk till sin karaktär, brytande ut då och då, fullständigt planlös och ofta motsägande. Således blevo anarkistiska publikationer än tillåtna, än undertryckta. Anarkister arresterades här medan man frigav dem där. Ibland skötos de ned, ibland erbjödos de fördelaktiga poster. Men denna kaotiska situation gjordes det slut på med den 10:e kommunistiska kongressen april 1921, vid vilken Lenin förklarade öppet krig utan pardon icke blott mot anarkisterna men även mot "alla småborgerligt anarkistiska och anarkosyndikalistiska *tendenser*", var de än påträffades. Från och med nu började en systematisk, organiserad och hänsynslös utrotning av anarkister i det bolsjevikstyrda Ryssland. Samma dag som Lenin höll sitt tal blevo tjogtals av anarkister, anarkosyndikalister och deras sympatisörer arresterade i Moskwa och Petrograd, och den påföljande dagen företogos hopvisa arresteringar av våra kamrater över hela landet. Sedan dess ha förföljelserna fortsatts med stigande brutalitet, och det har blivit fullt uppenbart, att ju större eftergifter den kommunistiska regimen gjort den kapitalistiska världen, desto mera intensiv har förföljelsen blivit mot anarkisterna.

Det har blivit en vedertagen politik för bolsjevikerna att maskera sitt barbariska framgångssätt mot våra kamrater med en stående anklagelse för *banditism*. Denna anklagelse framställes nu praktiskt taget emot *alla* arresterade anarkister och ofta även mot deras sympatisörer. En synnerligen bekväm metod, ty genom den kan *vem som helst* bli förföljd av tjekan utan förhör, rättegång eller undersökning.

Lenins härnadståg mot anarkistiska tendenser har antagit den mest revolterande asiatiska form av utrotningskrig. Sistlidna september blev en mängd kamrater arresterade i Moskwa, och den 30 i samma månad publicerade "Isvestia" en officiell rapport om att *tio av de arresterade kamraterna blivit skjutna som banditer*. Ingen av dem hade underkastats rättegång eller ens blivit förhörd, heller icke hade de fått tillåtelse att motta besök av vänner eller anhöriga. Ibland de avrättade befunno sig två av de bäst kända ryska anarkisterna, vars idoliska och livslånga offervillighet för mänskligheten [illegible] i sitt protest i de tsaristiska fängelserna och deportering och underkastats förföljelse och lidanden i olika [illegible]. Dessa voro Fanny Baron, som lyckats [illegible] i Ryssland [illegible] tidigare, samt [illegible], den [illegible] författaren och skriftställaren, [illegible] deporterad i Sibirien [illegible] av sin verksamhet under tsarismen. Bolsjevikerna [illegible] ej ens att säga, att de skjutit Lev Tchorny;

(Forts. på sid. 4.)

BEST COPY AVAILABLE

810409080e

The Emma Goldman Papers

[Persecution of anarchists and syndicalists in Russia. In Swedish] Syndikalist-och anarkistförföljelse i Ryssland / Alexander Berkman and Emma Goldman. — pp. 1,4 ; 32 cm. *In* Arbetaren [Stockholm]. — (Jan. 10, 1922).

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

Förföljelserna i Ryssland.

(Forts. från sid. 1.)

i listan över avrättade figurerade han som "Turchanioff", vilket namn — så tän det var hans verkliga — var okänt även för en del av hans intimaste vänner.

Utrotningsjakten fortsätter. För några veckor tillbaka arresterade man åter en del anarkister i Moskwa. Denna gång voro offren "universalist-anarkister" — en grupp, som bolsjevikerna själva hade betraktat som mycket vänligsinnade. Ibland de arresterade befunno sig Askaroff, Shapiro (icke A. Shapiro från "Golos Truda") och Stitzenko, medlem av sekretariatet av Moskwa-kolonien av "universalisterna" och välkänd över hela Ryssland. Dessa arresteringar, avskyvärda som de äro, ha vo[illegible] befunnits av kamraterna som orsakade av någon överordnad tjaki[illegible]sk agent. Men sedermera har man erhållit underrättelser om, att våra universalist-kamrater officiellt blivit anklagade för att vara banditer, förfalskare, anhängare av Machnov och medlemmar av "Lev Tchornys underjordiska grupp". Vad en sådan anklagelse innebär är allt för väl känt av dem, som äro bekanta med de bolsjevikiska metoderna. Det betyder *razstrel*, avrättning genom skjutning, utan förhör eller varning.

Det smutsiga syftet med dessa arresteringar är nästan otroligt. Genom att anklaga Askaroff, Shapiro, Stitzenko och andra för "medlemskap i Lev Tchornys underjordiska grupp" söka bolsjevikerna att rättfärdiga mördandet av Lev Tchorny, Fanny Baron och de andra kamraterna, som blevo avrättade i september; och dessutom att skapa en bekväm förevändning för att skjuta ännu flera anarkister. Vi kunna försäkra läsarna absolut och utan tvekan, *att det icke existerade någon Lev Tchornys underjordiska grupp.* Påståendet om motsatsen är en avskyvärd lögn, en av de många dylika, som spritts av bolsjevikerna mot anarkisterna.

Det är på hög tid, att den revolutionära arbetarrörelsen världen över får kännedom om den blods- och mördarregim, som tillfogar [illegible] av den bolsjevikiska regeringen mot alla som politiskt [illegible] andra åsikter. Och det är isynnerhet för anarkister och [illegible]alister imperativt att omedelbart vidtaga åtgärder för att göra ett slut på denna asiatiska barbarism och — om det ännu är möjligt — att rädda våra fängslade kamrater, som hotas med döden. En del av de arresterade anarkisterna äro i färd med att göra hungerstrejk intill döden som det enda medel de kunna tillgripa för att protestera mot bolsjevikernas försök att skymfa minnet av den mördade Lev Tchorny. Våra kamrater kräva ett verkligt moraliskt stöd. De ha rätt att kräva detta och ännu mera. Deras oklanderliga självuppoffring, deras livslånga tillgivenhet för [illegible] sak, deras orubbliga ståndaktighet, allt berättigar dem till det. Kamrater och vänner över allt! Det är ni, som nu ha att hjälpa till att försvara Lev Tchornys, [illegible] och omedelbart rädda Askaroffs, Shapiros, Stitzenkos och [illegible] dyrbara liv. Dröj icke — eller det kan vara för sent. [illegible] av den bolsjevikiska regeringen att erhålla [illegible] av Lev Tchorny, som de påstå sig hava, som [illegible] av [illegible] och [illegible] icke, så framt de [illegible] att bigga fram [illegible] och varje [illegible] till en världsopinion [illegible]

BEST COPY AVAILABLE

288

850806092

The Emma Goldman Papers

Russian Red Rule Called Barbarous by Emma Goldman / Emma Goldman and Alexander Berkman. – 22 cm. *In* The New York Evening World. – (Jan. 10, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Yale University Library. Institutional Location: Harry Weinberger Papers, Department of Manuscripts and Archives.

S RUSSIAN RED RULE E CALLED BARBAROUS NT BY EMMA GOLDMAN

ices

"Asiatic Barbarism," "Blood and Murder" She and Berkman Style It.

LENIN PLANS MURDER.

Radical Labor Called On to Avenge Comrades Sent to Their Deaths.

STOCKHOLM, Jan. 10.—"The Bolshevist Government's barbaric procedure," "revolting Asiatic form of extermination," "blood and murder regime," "Asiatic barbarism."

These who are thus assailing the Lenin regime are not bourgeois capitalists, but Emma Goldman and Alexander Berkman, who after less than two years' experience of Bolshevism, have left the "promised land," disappointed and embittered, all their illusions shattered and longing to return to America.

The local Syndicalist paper, Arbetaren (The Worker) publishes to-day a slashing arraignment of the Bolshevists by Goldman and Berkman. They say: The persecution of revolutionary elements in Russia has not abated with the changed political and economic policies of the Bolshevists. On the contrary, it has become intenser and more determined. The prisons of Russia, the Ukraine and Siberia are filled with men and women—in some cases even with children—who dare to hold views differing from those of the ruling Communist Party.

"We say 'hold views' advisedly, for in the Russia of to-day it is not at all necessary to expose your dissent in word or act to become subject to arrest. The mere holding of opposing views makes you the legitimate prey of the de facto supreme power of the land—the Cheka, that almighty Bolshevist organization whose will knows neither law nor responsibility.

"But of all the revolutionary elements in Russia, it is the Anarchists who now suffer the most ruthless and systematic persecution. Their suppression by the Bolshevists had begun already in April, 1918, when the Communist Government attacked without provocation or warning the Anarchist Club in Moscow, and by using machine guns and artillery liquidated the whole organization.

"It was the beginning of the Anarchist hounding, but it was sporadic in character, breaking out now and then quite with plan and often illogically. Thus Anarchist publications would now be permitted and now suppressed; Anarchists were arrested here only to be berated there; sometimes shot, then again importuned to accept the most responsible positions.

"But this chaotic situation was terminated by the tenth Congress of the Russian Communist party in April, 1921, at which Lenin declared open and merciless war not only against the Anarchists, but against all petty bourgeois Anarchist and Anarcho-syndicalist tendencies wherever found.

"Then there began a systematic, organized and most ruthless extermination of Anarchists in Bolshevist-ruled Russia.

"Lenin's warfare against anarchistic tendencies has assumed the most revolting Asiatic form of extermination. Last September numerous of our comrades were arrested in Moscow, and on the thirtieth of that month the Isvestia published the official statement that ish had been shot as bandits. None had received a trial or even a hearing.

"The Bolshevists hadn't the courage to say they shot Tchorny. In the list of the executed he appeared as Turchaninoff, which, though his real name was unknown even to some of his closest friends. The policy of extermination continues. More arrests of Anarchists were made several weeks ago in Moscow.

"This time it was the Universalist Anarchists who were the victims—a group which even the Bolshevists considered the most friendly to themselves. Among the arrested were Askaroff and Blitztenko, members of the Universalist Secretariat and well known throughout Russia. They were accused of being Landits, counterfeiters and members of 'Lev Tchornya Underground Group.'

"What such an accusation means is known only too well to those familiar with Bolshevist methods. It means 'razstroluns' or execution and shooting without hearing or warning. The fiendishness of purpose in these arrests and accusations is almost beyond belief.

"The Bolshevists seek thus to justify their foul murder of Baron, Tchorny and others of our comrades executed in September and on the other hand to create a convenient pretext for shooting more Anarchists. There was no 'Lev Tchony underground group.' Any claim to the contrary is an atrocious lie.

"It is high time the revolutionary labor movement of the world took cognizance of the blood and murder regime practiced by the Bolshevist Government upon all who are politically different minded."

The statement closes with an appeal to Anarchists and Syndicalists everywhere for action. "Make haste," it says, "for the blood of our comrades is flowing in Russia."

"I came to Russia," said Goldman, "with burning enthusiasm for the revolution. I left America with rejoicing and hope, but now I have nothing left but crushed illusions. I am depressed when I think about it and the words stick in my throat. But I must talk so that the proletariat can learn by my mistakes."

Both Goldman and Berkman refuse to discuss their plans. It is learned, however, they intend to endeavor to secure permission to return to America.

BEST COPY AVAILABLE

890801004

The Emma Goldman Papers

[From Russian prisons. In German.] Aus russischen Gefängnissen / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro. – pp. 1-2 ; 35 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. – no. 3 (Jan. 12, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

Der freie Arbeiter

WISSEN UND WOLLEN

Bezugspreise:
¼ Jährlich per Streifband . . . M. 18.—
Für das Ausland . . . . . „ 30.—
Postabonnement . . . . . „ 6.—
zuzügl. Bestellgeld

Einzel-Nummer 60 Pf.

Erscheint wöchentlich einmal.

Geschäftsstelle:
Berlin O. 17, Bödikerstr. 30

15. Jahrg. 1922. | Publikationsorgan der Föderation der kommunistischen Anarchisten Deutschlands | Nr. 3

Die deutsche „Revolution" und Bakunin

Ich setzte das Wort Revolution zwischen Gänsefüßchen, weil ich mir sagen muß, daß dem harmlosen Rummel vom November 1918 der Ehrenname Revolution nicht gebührt. Hier und dort nahm die deutsche Arbeiterschaft in der Folge wohl einen Anlauf dazu, aber es blieb bei den Anläufen. Die linksradikalen Führer, denen es mit der Revolution heiliger Ernst war, sind fast alle den Mordgeschossen reaktionärer Würger erlegen, und die Räuber siegten. Wir haben eine Pseudorepublik mit Pseudorepublikanern. Die Reaktion in Deutschland ist so stark, daß sie leicht jeden Widerstand gegen die Wiederherstellung der Regierungsämter durch ihre Leute niederschlagen könnte, wenn sie sich einem Konflikt mit der Entente gewachsen fühlen würde.

Daß solche traurigen und [illegible] Zustände [illegible] können, [illegible] Lehren ziehen, [illegible] Wort betont zu werden, in der Ausgabe 2, die in Band I der Bakunin-Werke*) unter dem Titel „Das knutogermanische Kaiserreich und die soz. Revolution" zusammengefaßt sind, schrieb Bakunin (1870) folgendes:

„Das Mittel und die Bedingung der Revolution, wenn nicht ihr Hauptzweck ist, die Vernichtung des Autoritätsprinzips in all seinen möglichen Ausdrucksformen, die vollständige Abschaffung des politischen und juridischen Staates, weil der Staat, der jüngere Bruder der Kirche, wie Proudhon sehr gut bewiesen hat, die geschichtliche Heiligung aller Despotismen, aller Vorrechte, der politische und soziale Urgrund aller wirtschaftlichen und gesellschaftlichen Knechtungen, das Wesen und der Mittelpunkt der Reaktion ist."

Der Hauptzweck einer Revolution besteht also nach Bakunin in der Vernichtung des Autoritätsprinzips, worin er den Urgrund aller Uebel erblickt. Wenn Bakunin mit dieser Ausführung recht hat — und welcher Anarchist möchte dieses widerstreiten?, — dann sind bisher alle Revolutionen auf halbem Wege stecken geblieben, dann verdient auch die Bewegung vom Jahre 1918 und 1919 nicht den Namen Revolution. Wo ist, außer bei uns oder den Syndikalisten [illegible] w. der nicht aktiv oder passiv oder in beiden Formen zugleich dem Autoritäts- und Herrschaftsprinzip huldigt? So sehen wir, daß noch ein sehr langer, langer Weg bis zum Ziel, d. h. bis zur völligen Freiheit und Herrschaftslosigkeit, zurückzulegen ist. Die Republikaner von heute, sofern überhaupt noch ehrliche Republikaner vorhanden sind, halten sich schon für große Revolutionäre, weil durch die Novemberbewegung die monarchische Staatsform beseitigt und eine republikanische geschaffen wurde. Auch die Sozialdemokraten zeigen ihre revolutionäre Heldenbrust, weil sie es so herrlich weit gebracht haben, daß endlich einmal über sozia' Probleme das Blaue vom Himmel heruntergeschwätzt wird, wenn auch praktisch in dieser Hinsicht nicht das geringste geschieht. Von großer Voraussicht zeigt das, was Bakunin (schon im September 1870!) über die deutsche sozialdemokratische Partei schrieb:

„. . . . Anstatt eine ganz revolutionäre, negative, staatszerstörende Macht zu sein, die nach meiner tiefen Ueberzeugung allein die vollständige und allgemeine Befreiung der Arbeiter und der Arbeit erreichen kann, wünschen sie oder lassen sie sich vielmehr von ihren Führern verleiten, die Schaffung einer positiven Macht, die Bildung eines neuen Arbeiterstaates zu erträumen, der notwendig national, patriotisch und allgermaniatlach ist . . . . . Diese Politik, welche ich als illusorisch und verhängnisvoll ansehe, drückt zunächst ihrer Bewegung einen reformatorischen, nicht revolutionären Charakter auf . . . . . und hat noch einen anderen großen Nachteil, der übrigens nur eine Folge des ersten ist: sie bringt die sozialistische Arbeiterbewegung Deutschlands ins Schlepptau der bourgeoisen Demokratie."

*) Verlag des Syndikalist, Fritz Kater, Berlin.

Schon damals hat demnach Bakunin mit großem Scharfsinn die Richtung erkannt, wohin die deutsche Arbeiterbewegung trieb, und wodurch sie unfähig wurde, eine wirkliche [illegible] durchzuführen. Wenn er heute [illegible] würde er nicht einmal Veranlassung [illegible] haben, jene anerkennenden Worte zu [illegible], die ihm, dem sachlichen Gegner Bebels und Liebknechts, ehe Ehre machen:

„. . . . . Und hier beeile ich mich, den Führern der sozialistischen Arbeiterpartei, ihrem ganzen leitenden Komitee, Bebel, Liebknecht und so vielen anderen, Gerechtigkeit widerfahren zu lassen: inmitten des Geschreis der amtlichen Sippschaft und der ganzen von Patriotismus tollen Bourgeoisie Deutschlands, hätten sie den Mut, laut die heiligen Rechte Frankreichs zu verkünden. Edel, heldenmütig erfüllten sie ihre Pflicht, denn sie bedurften wahrhaft eines heroischen Mutes, um zu wagen, inmitten der ganzen bourgeoisen tierischen Welt, eine menschliche Sprache zu sprechen."

Bis zum Jahre 1914 war die Entwicklung der deutschen Sozialdemokratie bereits soweit vorgeschritten, daß sie die Aufbringung eines solchen Mutes für unzeitgemäß und lächerlich gehalten hätte. Sie fand es einfacher, ungefährlicher und zweckmäßiger, gegen den Krieg nicht zu opponieren. Dementsprechend war auch die Haltung der sozialdemokratischen Partei 1918-19 bis jetzt. Bei allen kritischen Gelegenheiten zeigte sie eine feindliche Abneigung gegen alle wirklichen Revolutionäre und stellte sie sich auf die Seite des „ruhe- und ordnungsliebenden" Bürgertums, ja, die Führer entblödeten sich nicht, häufig sogar den Büttel des Bürgertums gegen rebellische Arbeiter zu machen. So mancher, auf den die Arbeiterschaft großes Vertrauen gesetzt hatte, hat mit von Arbeiterblut befleckten Fingern seinen Namen in das Buch der Geschichte geschrieben.

Das Ziel der Bewegung von 1918 war kein revolutionäres, und selbst die Kommunisten strebten nur an Stelle der verwichenen eine neue Herrschaft an. Wir aber mißtrauen jedem, der herrschen will, denn Herrscher und Unterdrücker sind nicht zu trennen. Man fragt sich unwillkürlich: [illegible] den Menschen? Die M[illegible] die Knechtschaft? Wir halten beide, die [illegible] Individuum versucht auftreten, für böse, [illegible] Gewohnheit lasten, immer und immer wieder [illegible] Arbeitermund — der Ruf [illegible] und Herrschaften, Regierer und Unte[illegible] leben, und doch leiden alle so bitter bei den Zuständen. Den Herrgott und das Himmelreich hat sie abgetan, aber an irdischen Göttern, Fürsten, Volksvertretern, Präsidenten, Diktatoren, Partei- und Gewerkschaftsbonzen usw. glauben sie festhalten zu müssen, als fürchten sie, die Welt könnte sonst untergehen. Wäre es denn wirklich so schade um diese Welt höchsten Ungerechtigkeit, der Ausbeutung, der Unterdrückung und des dauernden Krieges??!

Bakunin hat recht. Die Grundursache alles Uebels ist das Autoritäts-, das Herrschaftsprinzip. Die deutsche „Revolution" ist deswegen nur eine Utopie geblieben, weil sie an diesem Prinzip nicht zu rütteln wagte, weil sie die eine Herrschaft durch eine andere ablöste. Der Staat, gleichviel welche Form er annimmt, kann nie die Freiheit garanten; aber er fördert die Ausbeutung des Menschen durch den Menschen, und schafft seinen Günstlingen Vorteile.

Der Kommunist Paul Levi hat in seiner Broschüre „Unser Weg", aus offenbarer Unkenntnis der Bakuninschen Ansichten, seinen Gegnern im eigenen kommunistischen Lager vorgeworfen, sie hätten beim Märzputsch in Thüringen nach bakunistischer Methode gehandelt. Die heutige kommunistische Parteitaktik und die Ansichten Bakunins über die Revolution sind grundverschieden. Für Bakunin stand fest: „Wer die Revolution verbreiten will, muß selbst offen Revolutionär sein." Er hielt auch in bezug auf revolutionäre Betätigung stets am Prinzip der Freiwilligkeit fest, und an anderer Stelle schrieb er: „Eine Revolution, die von offiziellen Dekreten oder mit bewaffneter Hand aufgezwungen wird, ist keine Revolution mehr, sondern ihr Gegenteil, denn sie ruft notwendig die Reaktion hervor." Wenn sich die deutschen Kommunisten und Sozialisten — statt von dem Verfechter des autoritativen Sozialismus, Karl Marx, — vom Geiste Bakunins hätten leiten lassen, dann könnten sie vielleicht jetzt befriedigter auf die jüngst verflossenen Jahre zurückschaun. Auf jeden Fall wünschen wir dringend, daß die deutsche Arbeiterbewegung immer mehr von dem Geist des herrschaftslosen Sozialismus, wie ihn Bakunin, Kropotkin, Elise Reclus und viele andere propagierten, durchdrungen wird.

Fritz Oerter.

Aus russischen Gefängnissen.

Nun, da wir vor kurzem Rußland verlassen haben, fühlen wir, daß unsere ersten und dringendsten Worte in Sachen der politischen Gefangenen in Rußland gesprochen werden müssen.

Es ist ein trauriger, herzzerreißender Kommentar zu der Situation in Rußland, wenn man von politischen Gefangenen im Lande der sozialen Revolution zu sprechen gezwungen ist. Aber unglücklicherweise ist das der Fall. Wir beziehen uns hier nicht auf Konterrevolutionäre, die, wie man wohl annehmen könnte, als Gefangene der Revolution in Betracht kämen. So unglaublich wie es auch klingen mag, es ist Tatsache, daß die Zuchthäuser und Gefängnisse Rußlands heute dicht bevölkert sind von den besten revolutionären Elementen des Landes, von Männern und Frauen, die Anhänger der höchsten sozialen Ideale und Ziele sind. Im ganzen weitausgedehnten Gebiete Rußlands, sowohl im eigentlichen Groß-Rußland, wie auch in Sibirien, sind die Gefängnisse des alten wie die des neuen Regimes und die düsteren Verließe der Tscheka Ossoby Otdell, in die keine Nachrichten aus der Außenwelt dringen, überfüllt mit Revolutionären aller Parteirichtungen und Bewegungen: da sind Maximalisten, Kommunisten, Anhänger der „Arbeiter-Opposition", Anarchisten, Anarcho-Syndikalisten und Universalisten —, Anhänger verschiedener Schulen sozialer Philosophie, aber alle sind sie wahre Revolutionäre, und die meisten waren begeisterte Teilnehmer der November-Revolution 1917.

Die Lage dieser politischen Gefangenen ist bejammernswert. Ohne von ihren seelischen Leiden zu sprechen, ist die rein physische Seite ihrer Existenz unsagbar elend. Auf Grund der allgemeinen russischen Verhältnisse, wegen Mangel an Baumaterial und gelernter Arbeiter, steht die Reparatur der Gefängnisse ganz außer Frage. Die hygienischen Verhältnisse sind darum in der Mehrzahl der Fälle die allerprimitivsten, aber am allerschlechtesten steht es mit der Ernährungsfrage. Während der ganzen Zeit ihres Bestehens ist die bolschewistische Regierung niemals fähig gewesen, ihre Gefangenen mit genügend Nahrungsmitteln zu versorgen. Die Rationen der Gefängnisinsassen erreichten nicht das allerniedrigste Minimum nackter Existenz. Die tatsächliche Verpflegung der Gefangenen wurde Freunden, Verwandten und Kameraden überlassen.

BEST COPY AVAILABLE

290

890801004

The Emma Goldman Papers

[From Russian prisons. In German.] Aus russischen Gefängnissen / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro.– pp. 1-2 ; 35 cm. *In* Der Freie Arbeiter [Berlin]. –no. 3 (Jan. 12, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Zentrales Staatsarchiv (DDR), Merseburg, Germany.

Aber jetzt ist die Situation noch schlechter geworden. Mit nur 52% vereinnahmter Steuer an Nahrungsmitteln, und zwar ohne die Aussicht, daß man mehr einnehmen wird, mit der furchtbaren Hungersnot in den Wolga-Provinzen und dem allgemeinen Zusammenbruch der wirtschaftlichen Organisation der Regierung ist die Lage der Gefängnisinsassen tatsächlich hoffnungslos.

Das politische Rote Kreuz, eine sehr hingebungsvolle und tätige Organisation, von der die bekannte alte Revolutionärin Vera Figner ein aktives Mitglied ist, lindert die Nöte der politischen Gefangenen soweit es ihr möglich ist. Diese Organisation stützt sich nur auf freiwillige Mitarbeit, und ist außerordentlich erfolgreich in ihrer Mission gewesen; das ist ganz besonders anzuerkennen, wenn man bedenkt, wie schwierig es in Rußland für jedermann ist, von seinen sehr dürftigen Rationen etwas abzugeben. Im ganzen genommen kann man sagen: das politische Rote Kreuz ist fähig gewesen, die allerabsolutesten Bedürfnisse aller politischen Gefangenen zu befriedigen: aller, ausgenommen die der Anarchisten.

Das politische Rote Kreuz macht nicht etwa einen Unterschied. Nein, ganz im Gegenteil ist diese Organisation ganz unparteiisch, obgleich sie sehr durchsetzt ist mit Elementen des rechten Flügels. Aus politischen Gründen hatten die russischen Anarchisten schon seit langer Zeit die Politik verfolgt, selbst nach den Bedürfnissen ihrer gefangenen Kameraden zu sehen. Und es ist nun schon seit vielen Jahren die feststehende Aufgabe des anarchistischen Roten Kreuzes (später Schwarzes Kreuz genannt), sich der Anarchisten in russischen Gefängnissen anzunehmen.

Das war eine Titanenarbeit für die russischen Anarchisten, die sich in Freiheit befanden. Viele der aktivsten Mitglieder der anarchistischen Bewegung hatten während der Revolution ihr Leben geopfert; eine große Anzahl war an der Front in der Verteidigung der Revolution gefallen, andere sind von den Bolschewisten erschossen worden, und noch andere befinden sich in deren Gefängnissen. Die meisten der Kameraden, die noch am Leben und in Freiheit waren, befanden sich fortwährend an der Grenze des Verhungerns: das Schwarze Kreuz hatte tatsächlich übermenschliche Anstrengungen zu machen, um die gefangenen Genossen buchstäblich vor dem Hungertod zu schützen; es hat ein selbstaufopferndes, edles Werk vollbracht.

War seine Aufgabe bisher hart und schwierig, so ist sie das nun in unausmeßbarer Weise geworden. Die neue bolschewistische Politik systematischer Verfolgung von Anarchisten hat sich dem Werk des Schwarzen Kreuzes als furchtbares Hindernis erwiesen. Als die meisten der eigenen Mitglieder im Gefängnis waren, wurde die Organisation reorganisiert, und sie ist nun bekannt unter dem Namen: **Gesellschaft zur Unterstützung der Anarchisten in russischen Gefängnissen.** Diese Gesellschaft setzt die heroische Arbeit fort und bringt den gefangenen Kameraden, soweit es in den Grenzen ihrer Möglichkeit liegt, materielle Hilfe. Unglücklicherweise aber sind die Möglichkeiten nach dieser Richtung hin acht begrenzt. Die in Freiheit befindlichen Kameraden berauben sich sogar wichtiger Lebensnotwendigkeiten, um den Gefangenen einige Pfund Brot und Kartoffeln mehr senden zu können. Sie sind willens, und sogar froh, ihr Letztes teilen zu können. Aber sie haben so wenig; und ihrer Kameraden in den Gefängnissen sind so viele! Und die Not dieser Kameraden ist so groß!!

Aus den Gefängnissen in Moskau, Petrograd, aus Orel und Wladimir, aus den fernen Provinzen des Ostens, und von Kameraden, die verbannt sind in dem eisigen Norden, kommen entsetzliche Nachrichten. Der Hunger, der furchtbare Tsings (Skorbut) frißt an ihren Leibern; ihre Hände und Füße schwellen an, ihre Gaumen werden lose und die Zähne fallen ihnen aus .... sie verfallen lebendigen Leibes.

Kameraden! Eure Ohren müssen diesen Hilfeschrei hören! Die russischen Anarchisten sind nicht mehr fähig, auch nur die allerelementarsten Bedürfnisse ihrer gefangenen Kameraden zu befriedigen; sie können ihr Hilfswerk nicht fortsetzen, ohne daß sie Hilfe von ihren Freunden aus anderen Ländern bekommen.

Im Namen der **Gesellschaft zur Unterstützung der Anarchisten in russischen Gefängnissen**, im Namen unserer Kameraden, die wegen ihres unerschütterlichen Festhaltens an ihre hohen Ideale in den bolschewistischen Kerkern leiden, erfrieren und verhungern, apellieren wir an Euch, Kameraden und Freunde in allen Ländern. Nur Eure großmütige und sofortige Hilfe kann unsere in Rußland gefangen gehaltenen Kameraden vor dem Hungertod erretten.

Mit brüderlichen Grüßen

Alexander Berkman,
Delegierter der Gesellschaft zur Unterstützung der Anarchisten in den russischen Gefängnissen.
Emma Goldmann.
A. Schapiro,
Sekretär der Anarcho-syndikalistischen Union „Golos Truda".

N.B. Nur um Geldunterstützung wird gebeten. Auf Grund des tiefen Standes der russischen Valuta ist sogar die kleinste Summe, die von Amerika oder Europa von Freunden geschickt wird, sehr nützlich.

Alle anarchistischen und syndikalistischen Organe werden gebeten, diesen Aufruf nachzudrucken.

Stockholm, 12. Januar 1922.

* * *

Anmerkung: Geldsendungen sind zu richten an die Adresse des Genossen Herm. Heitmann, Berlin N 20, Stettiner Str. 33, II. Die Redaktion.

Bericht vom internationalen Anarchisten-Kongress 1921 zu Berlin.*)

Die sogenannte Diktatur des Proletariats; autoritäre und freiheitliche (anarchistische) Auffassung der Revolution.

Fortsetzung.

Haussard (Frankreich): Im folgenden gebe ich die Meinung unserer französischen Kameraden wieder. Wir sind ausgesprochene Gegner der Diktatur. Diktatur und soziale Revolution sind unvereinbare Gegensätze: die Revolution erfordert alle Kräfte des Volkes, die Diktatur aber beengt dieselben.

Die russische Diktatur war nicht imstande, die Errungenschaften der Revolution zu halten. Die Aufgabe der Anarchisten in der Zeit der Revolution muß es sein, die revolutionären Wellen immer höher zu treiben.

Wir betrachten den Syndikalismus als die wirtschaftliche Kampfform des kommunistischen Anarchismus. Im Falle eine kommende Revolution mit dem Sieg des autoritären Sozialismus endet, haben wir den Kampf weiterzuführen, und zwar unter den Parolen: das Land für die Bauern; die Fabrik für die Arbeiter.

Cahn (Deutschland) geht auf die Frage der Diktatur des näheren ein, bemerkend, daß, wenn man unter dem Begriff Diktatur **lediglich** Staatsdiktatur verstehe, dann sei es Selbstverständlichkeit, daß eine solche vom anarchistischen Standpunkt aus zu verwerfen sei. Die Auffassung über Diktatur, angefangen vom römischen höheren Staatsbeamten als Diktator, bis heute, ist jedoch nach Maßgabe der wandelbaren Herrschaftszustände verschiedenartig. Wenn z. B. unsere französischen Genossen alle Hebel in Bewegung setzen, um der direkten Aktion in ihrer rauhen, massiven Kraft und Massenwucht, entgegen dem rücksichtslosen Herrschbegehren, den Weg zu ebnen, dann bedeutet Diktatur, daß wir den herrschenden Klassen unseren Willen **zwangsweise vorschreiben, also — diktieren.** Das gleiche besagt auch die bekanntlich von Rocker herrührende, und unsererseits befürwortete Prinzipienerklärung der Syndikalisten, in welcher es nach Ablehnung der Staatsdiktatur heißt: „Versteht man aber unter dieser Bezeichnung nicht mehr, wie die Willensäußerung des Proletariats in der Stunde seines Sieges, den weiland besitzenden Klassen das Ende ihrer Vorrechte zu diktieren und die Verwaltung aller sozialen Lebensfunktionen in die Hände des werktätigen Volkes zu legen, so haben wir gegen ein solches Diktieren nicht nur nichts einzuwenden, sondern wir erstreben es mit allen uns zu Gebote stehenden Mitteln." So führt der Weg zur sozialen (gesellschaftsfreundlichen) Revolution nur über die zwangsweise Hinwegräumung der Hindernisse, die uns die gegenwärtigen Staatserhalter sowie die politischen Staatsmachter überall in den Weg legen. — Es handelt sich also bei realer Berücksichtigung des Klassenkampfstandpunktes um die entschiedene Durchsetzung und unentwegte Ausfechtung der Gesellschaftsinteressen gegen die Interessen der [illegible] Autoritätssippe.

Ein solches unter allen Umständen bewirktes Durchsetzen unserer selbst gegen eine Welt von feindlichen Gegeninteressenten, rückt die taktische Frage der Gewalt in Beziehung zur gekennzeichneten Diktatur nahe an uns heran. Ich stehe hinsichtlich der Gewaltfrage nicht auf dem Standpunkt mancher anarchistischen Genossen, welche, hierin Tolstoi folgend, die Gewalt im uneingeschränkten, also absoluten Sinn des Wortes verneinen, sondern (in Uebereinstimmung mit vielen Gleichgesinnten) unterscheide ich zwischen absoluter (unbedingter) und relativer (bedingter) Gewaltlosigkeit. Letztere Auffassung besagt: gewaltsame Abwehr in Notfällen. Eigne, also vormundschaftslose Hilfe von unten herauf, mihin Ausschaltung aller Autorität, dinglich und persönlich, mit allen Druckmitteln der direkten Aktion, dies sein Hinsicht auf die Diktaturfrage unsere Losung.

Björklung (Schweden) spricht sich gegen jede Diktatur aus, wie immer ie sich auch nennen möge.

Der **spanische** Delgierte sagte: Gewalt ist eine Notwendigkeit des revolutionären Kampfes, und die Diktatur ist ein Mittel derselben. Die Gewalt kann ausgeübt werden individuell oder kollektiv.

Beispiele für Arten de Diktatur bieten die Fazisten in Italien, das bürgerliche Terrorregieren in Spanien, die sogenannte Diktatur es Proletariats in Rußland.

Ich bin für die Anwndung individueller Gewalt als Verteidigung, die kollktive Gewalt aber ist die Revolution.

Rocker (Deutschland) beantwortet einige an ihm gerichtete Fragen, unsereitellung zum Syndikalismus, ebenso zur Diktatur und Gewalt betreffend.

1. Der **revolutioäre** Syndikalismus ist der wirtschaftliche Faktor des Anarchismus. Der **reformistische** Syndikalismt, wie er z. B. in Frankreich zutage tritt, muß von uns in der schärfsten Weise bekämpft werden.

2. Unter Diktatur verstehen wir die Ausübung der Staatsgewalt oder die einer Partei, wie in Rußland. Nicht aber die Ergreifung der wirtschaftlichen Macht durch die Arbeiter.

Wir sind Gegner der Gewalt, aber nicht im Tolstoianischen Sinne. Wir verwerfen die Organisierung und Propagierung der Gewalt, und werden diese höchstens in der Abwehr oder Notwehr gebrauchen.

Volgin (Kanada) ist Gegner jeder organisierten Gewalt, auch wenn sie sich unter dem Deckmantel „Diktatur des Proletariats wie in Rußland, verbirgt.

Er ist auch kein Anhänger der Klassenkampftheorie. Der Anarchismus ist kein Privilegium einer Klasse, sondern das Ideal aller vernunftbegabten Menschen.

Björklan (Schweden) war zwei Monate in Rußland, und zwar zu Anfang der Bolschewistenherrschaft. Zuerst war man sehr tolerant gegen die Anarchisten und Linksrevolutionäre, war man doch hauptsächlich durch deren Hilfe zur Macht gelangt. Sowie aber Lenin und Genossen fest im Sattel saßen, gingen sie gegen die Anarchisten und Linksrevolutionäre mit derselben Brutalität vor, wie gegen **jeden** Andersdenkenden. Nichts kann uns besser die Verwerflichkeit der „Diktatur des Proletariats" vor Augen führen, als die Verfolgungen, die unsere Genossen jetzt unter der Herrschaft der Bolschewisten zu erleiden haben.

B. de Ligt (Holland): Es gibt nicht nur eine politische, sondern auch eine ethische und moralische Diktatur, darüber müssen wir uns klar sein.

In kommenden Krisen wird es sein, wie früher; ein Teil wird für, ein anderer Teil gegen die Revolution sein. Bisher waren entschlossene Minoritäten immer ausschlaggebend. Und wieder werden Minoritäten versuchen, die Gewalt auf den Plan zu bringen.

Was haben die Anarchisten während der sozialdemokratischen und bolschewistischen Phase der Revolution zu tun?

Wie Bakunin früher gemeinsam mit bürgerlichen Revolutionären gekämpft hat und dabei gleichzeitig seine eigenen Interessen vertreten hat, so müssen auch wir heute wirken: gemeinsam mit den andern müssen wir kämpfen und dabei das Recht für unsere eigenen Ziele erwirken.

Wir sind wohl Gegner der Diktatur, aber nicht der Gewalt, wie könnten wir uns sonst auf Bakunin als unseren Vorkämpfer berufen.

Nachfolgende Entschließung gelangt alsdann ohne Widerspruch zur Annahme:

„Der internationale anarchistische Kongreß zu Berlin 1921 konstatiert mit Genugtuung, daß die Anarchisten aller Länder Gegner jeder Diktatur sind. Die Ereignisse in Rußland haben die Richtigkeit unserer Auffassung über die Diktatur noch bestätigt.

Auf diese Erfahrung gestützt, erklären die Anarchisten, daß sie mehr als jemals Feinde jeder Diktatur sind, sei es eine Diktatur von rechts oder von links, die der Bourgeoisie oder die des Proletariats

Der Kongreß gibt einstimmig der Meinung Ausdruck, daß in der Frage, die den ersten Platz in den revolutionären Ereignissen der Gegenwart einnimmt, die Anarchisten aller Länder keine gegenteiligen Ansichten haben."

*) In dem Bericht in Nr. 3 des „Fr. Arb." war ein störender stellender Fehler enthalten.. muß da heißen bei den Ausführungen des Genossen „deigt (Holland)" Absatz 3. Der Zentralismus ist die Organisationsform des Kapitalismus und des Staates. Der Föderalismus die der Neuzeit des Sozialismus.

Bericht der holländischen Delegation auf dem internationalen Anarchisten-Kongress zu Berlin 1921.

Wenn wir [illegible] archistischen [illegible] müssen wir [illegible] hinweisen, daß der Anarchismus hier einen starken Anklang bei all[illegible] findet und dennoch als Bewegung recht schwach ist. Anarchismus und Antimilitarismus finden in Holland eine unklare, instinktartige Sympathie in ziemlich weiten Kreisen der Arbeiterschaft, im Gegensatz zu Deutschland, dessen militärisch disziplinierte Arbeitermassen unseren Ideen direkt ablehnend gegenüberstehen.

Viele Genossen sind nicht organisiert, weil sie fürchten, ins Fahrwasser des Zentralismus zu kommen. Sie halten jede Gruppenbildung für Zentralisation, jede Arbeitsteilung für Verwaltungszwecke für Bonzentum, jede administrative Zusammenarbeit mit anderen Gruppen für Untreue an dem Prinzip der örtlichen Autonomie. Hier liegt ein vollkommenes Verkennen des Begriffes: Föderalismus vor, der doch gerade eine Organisation voraussetzt, die alle Kräfte vereinigt, ihnen aber ihre Selbständigkeit voll und ganz läßt!

Dann gibt es individualistische Anarchisten; zahlreich sind diese in Holland nicht. In Amsterdam bilden sie eine kleine aber lebhafte Gruppe.

Es ist eigentümlich, daß die Sozialdemokraten bei ihrer Bekämpfung des Anarchismus oft von **alten** Anarchisten ein Bild entwerfen, das nur für die Individualisten zutreffend ist.

Diametral diesen gegenüber, nämlich an der Grenze zwischen libertären und autoritären Kommunisten, steht eine Gruppe, welche sich als anarchistisch betrachtet, auf diesem Kongreß diesmal nicht vertreten ist, und „historisch" zu den Anarchisten gehört, aber sich **für** die Diktatur des Proletariats ausgesprochen hat. Es ist dies die „Landelyche Federatie von Social-Anarchisten" (Organ: „De Toekomet"). Unter der von ihnen propagierten Diktatur verstehen sie dann aber nicht eine Parteidiktatur, wie die der Bolschewiki, sondern eine Klassendiktatur des gesamten Proletariats, ähnlich wie dies in Deutschland von einer Richtung innerhalb der K.A.P.D., sowie von dem Kartell Ost-Sachsen und von vielen Anhängern der Arbeiterunionen befürwortet und für möglich gehalten wird. Diese Federation zählt einige Ortsgruppen, von denen **eine**, die Ortsgruppe Haag, eine ganz spezielle Stellung einnimmt; diese, deren Mitglieder beinahe alle anfänglich Linkskommunisten gewesen sind, welche aus der Komm. Partei gestoßen sind oder dieselbe freiwillig verlassen haben, bekämpft scharf **alle** Gewerkschaften, auch die syndikalistischen, und führt ausschließlich für die Betriebsunionen Propaganda; auch ist diese Ortsgruppe durch sehr scharfen Kampf gegen die politische Partei, gegen alle Führer und für die Erhebung des Lumpenproletariats gekennzeichnet und gesteht sie der Gewalt in der kommenden Revolution eine sehr wichtige Rolle zu.

Erwähnt sei hier auch noch, daß es in Holland eine Gruppe freiheitlicher, libertärer Sozialisten gegeben hat,

BEST COPY AVAILABLE

291

880606323

The Emma Goldman Papers

[From Russian prisons. In Swedish] I Ryska Fängelser / Alexander Berkman, A[lexander] Schapiro, and Emma Goldman.– 39 cm. *In* Brand [Stockholm]. –(Jan. 21, 1922)

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

I RYSKA FÄNGELSER.

Nyligen komna från Ryssland anse vi det vara vår plikt att tala till förmån för de politiska fångarna därstädes.

Det är sannerligen beklagligt att situationen skall vara sådan att man behöver tala om politiska fångar i den sociala revolutionens land! Det är dock så. Det är härvidlag icke fråga om kontrarevolutionärer, som äro värda straff. Nej, i de ryska fängelserna försmäkta i dag landets bästa revolutionära element, män o. kvinnor med höga ideal och entusiasm. I Rysslands och Sibiriens fängelser, i den gamla tsarregimens fängelser såväl som i nya regimens fängelser (Tjekans Ossoby Otdell, speciella avdelningar) finna vi revolutionärer från alla partier och rörelser, vänstersocialrevolutionärer, maximalister, kommunister tillhörande »Arbetaroppositionen», anarkister, anarko-syndikalister, — kort sagt, män tillhörande olika skolor av social filosofi, alla revolutionärer, de flesta av dem entusiastiska deltagare i novemberrevolutionen 1917.

Dessa politiska fångars belägenhet är beklagansvärd. Deras materiella läge, fysiska existens, är i hög grad otillfredsställande. Då vi ta i betraktande förhållandena i Ryssland förstå vi att det varit omöjligt att under den rådande bristen på byggnadsmaterial förbättra eller reparera fängelserna. I de allra flesta fallen är därför de hygieniska förhållandena av den art att de måste betraktas som minst sagt primitiva. Frågan om maten är dock mest brännade. Under hela bolsjevikregeringens existens har det varit den omöjligt att leverera tillräckliga kvantiteter föda till fängelserna. Ransonerna ha icke räckt till att täcka det minsta behov, som är nödvändigt att uppehålla livet. Underhållet av fångarna faller därför huvudsakligast på deras vänners, släktingars och kamraters lott. Det beräknas att endast 52 proc. av det kollektiva behovet är täckt, att praktiskt taget inga utsikter föreligger för att hopsamla större förråd, därtill kommer hungersnöden i Volga och att regeringens ekonomiska maskineri är bragt ur funktion. Kort sagt, för fängelsernas innevånare är situationen hopplös.

De ryska politiska fångarnas ställning underlättas betydligt av det ryska politiska röda korset. Denna sammanslutning hjälper så långt som i dess förmåga står de politiska fångarna. En aktad medlem av denna organisation är revolutionären Vera Figner. Denna röda kors' organisation räknar endast med frivilliga bidrag. Då man tar i betraktande de svåra förhållandena, hur svårt det är att nu få något över att skänka brt av de knappa ransoner som erhållas, så måste det sägas, att denna organisation har lyckats över förväntan i sin uppgift.

Det politiska röda korset har försett fångarna med det nödvändigaste.

Anarkisterna ha dock icke kommit i åtnjutande av denna förmån. Orsaken därtill är icke att detta röda kors är partiskt. Nej, organisationen är opartisk. Orsaken är att de ryska anarkisterna av politiska skäl för länge sedan bildat en organisation, vilken har till syftemål att hjälpa kamraterna i fängelserna. Denna organisations namn var det anarkistiska röda korset (senare kallades sammanslutningen: det svarta korset).

Men många av denna sammanslutnings medlemmar ha dödats i kampen för revolutionen, många ha fallit vid fronterna i striden mot kontrarevolutionen och andra ha blivit skjutna eller lynchade i de bolsjevistiska fängelserna. De flesta som nu äro i livet föra en tillvaro i halvsvält. Men har dess uppgift förut varit svår, så är den nu än värre. Bolsjevikernas idé, systematisk utrotning av anarkisterna, har gjort arbetet för hjälporganisationen dubbelt svårare. Därtill kommer nu att de flesta av organisationens medlemmar befinna sig i fängelserna.

Vårt röda kors är nyligen organiserat och bär namnet: Förening en för understödjande av anarkister i ryska fängelser. De ryska kamrater som ännu befinna sig i frihet göra vad de kunna. Med gott hjärta dela de med sig av det de så väl behöva för egen existens. Men de äro så fattiga och behoven äro så stora. Från fängelserna i Moskwa och Petrograd, från Orel, Wladimir, från de östra provinserna och från kalla norden komna förfärliga nyheter. Hungersnöden blir för fångarna ett fruktansvärt gissel, skorbut o. andra sjukdomar härja och hotar ständigt fångarna. Deras händer o. fötter svullna, tänderna lossna i munnen och deras kroppar tvina bort.

Kamrater, skola ni låta våra kamraters bön om hjälp förklinga ohörd? Det är omöjligt för de ryska anarkisterna att ensamma förse sina fängslade kamrater med det allra nödvändigaste. Därför vädja vi till alla vänner och kamrater om bistånd. Kamrater, i föreningens för understödjande av anarkister i ryska fängelsers namn, i våra fängslade kamraters namn, i de martyrers namn, som nu frysa och svälta i bolsjevikernas fängelser, lidande för sina höga ideal, ställa vi den maningen till er, kamrater och vänner: HJÄLP! Endast eder snara hjälp kan frälsa våra fängslade ryska kamrater från hungersnöden.

Endast penninganslag äro önskvärda. På grund av den låga ryska valutan är det minsta bidrag välkommet.

Broderliga hälsningar.

Alexander Berkman.

Befullmäktigad delegat för föreningen för understödjande av anarkister i de ryska fängelserna.

A. Schapiro.

Sekreterare i den ryska anarko-syndikalistiska föreningen »Golos Truda».

Emma Goldman.

Alla anarkistiska och syndikalistiska tidningar uppmanas vänligen att publicera ovanstående appell.

Kamrater i Skandinavien insända insamlade bidrag till tidningen Brand, Ölandsgatan 48, Stockholm, med angivande av att medlen äro avsedda för hjälpen till fängslade ryska kamrater.

BEST COPY AVAILABLE

871209017

The Emma Goldman Papers

[Cult of personality and power. Dear Pfemfert! In German] Bonzenkult und Leistung. Lieber Pfemfert! / Emma Goldman. – pp. 128-129 ; 43 cm. *In* Die Aktion. –(Jan. 21, 1922).

Obtained from the Bayerische Staatsbibliothek, Munich, Germany.

BONZENKULT UND LEISTUNG

(Diskussion über die Frage: Dürfen wir revolutionäre Menschen-Leistungen anerkennen?)

I

Werter Genosse Pfemfert!

Einer der Hauptgründe, warum ich Ihre AKTION hochschätze und als einzige Zeitschrift noch lese, ist der, daß Sie keinen Führerkult treiben, denn diesen halte ich für einen der verhängnisvollsten politischen Irrtümer.

Ihr Aufsatz in der letzten Aktionsnummer „Lenins zweiter Tod" scheint mir geeignet, den Anschein zu erwecken, als ob Sie unter dem Eindruck von Lenins bedeutender Persönlichkeit doch in diesen Irrtum zurückgefallen seien. Und J. Steinbergs Aufsatz „Lenins Schicksal" scheint mir ganz und gar beherrscht von dem herkömmlichen bürgerlichen Führerbegriff.

Ich habe mich jahrelang bemüht, mir eine klare und wirklichkeitstreue Vorstellung von dem zu verschaffen, was man gemeinhin unter einem „Führer" versteht. Es ist mir niemals gelungen!

Endlose Reihen von Ursachen und Wirkungen, unendlich an Zahl, verflechten sich zu einem unentwirrbaren Gewebe, das man Weltgeschichte nennt. Besitzt der Führer die Macht, die man ihm andichtet, so muß er Ursache sehr großer und weitreichender Wirkungen sein, er muß ein „Motor der Zukunft" sein — besser als mit diesen Ihren Worten kann man den bürgerlichen Begriff des Führers gar nicht ausdrücken. Kann ein Mensch das sein? Kann man es als wirklich und möglich sich auch nur vorstellen? Ich halte den „Führer", den „Motor der Zukunft" für eine physische und psychische Unmöglichkeit. Lenin und die russische Revolution sind gerade ein Schulbeispiel hiefür. Die russische Revolution war in allen Vorbedingungen längst gegeben, ehe Lenin in weiterem Kreise wirken konnte. Als sie begann, war sie sofort über einen ungeheuren Raum ausgedehnt und sie bestand aus unzähligen Teilaktionen, Millionen von Menschen waren für und wider tätig. Ihre Richtung konnte sie niemals von einem einzelnen Menschen erhalten, sondern nur aus der weltgeschichtlichen Gesamtlage. Lenin konnte nicht überall selbst sein, er war auf tausend Vermittler seines Willens angewiesen, die alle ihren eigenen Kopf hatten und, soweit sie ihm wirklich gehorchten, es nur taten, weil sie im Banne der gleichen Idee standen wie Lenin. Ist es in einem derartigen Chaos, wie der Zusammensturz einer alten Welt ist, auch nur denkbar, einen Befehl zu geben, bei dessen Ausführung seine Voraussetzungen noch bestehen? Kriege und Revolutionen können nur mit Naturkatastrophen verglichen werden, ja, sie sind Naturkatastrophen. Die wirkenden Kräfte liegen zwar in den Menschen, aber die Art der Wirkung hängt von Voraussicht, von Berechnung und persönlichem Willen nicht ab.

Was aber sind dann Führer und wie konnte der Begriff sich bilden? Ich denke, folgendermaßen:

Die Kräfte, die im Gesellschaftsleben tätig sind, sind mindestens der Mehrzahl der Menschen zum größten Teil unbekannt, und soweit sie bekannt sind, sind sie schwer vorstellbar und in Worten nicht in Kürze wiederzugeben. Tätige Menschen können sich nun nicht mit komplizierten und zum Teil dunklen Vorstellungen herumschlagen, sie brauchen einen kurzen, prägnanten Ausdruck dessen, was sie bewegt. Der kürzeste Ausdruck ist der Name eines Führers. Und sie brauchen für das unsichtbare Abstrakte ein sichtbares Symbol: die Person des Führers. Damit läßt sich leichter streiten, als mit langatmigen Definitionen und Programmen.

Warum aber wird der eine Führer und der andere nicht? Es muß doch etwas Besonderes an ihm sein, das ihn vor den übrigen Menschen auszeichnet. Es ist die „Feinhörigkeit", mit der er den Massen ihre — ihnen oft selbst noch unbewußte — „Losung" ablauscht, es ist die Ausdrucksgewandtheit, mit der er den Massen sagt, was sie dumpf fühlen und denken und — ist er ein guter Führer — so ist es der Mut und die Opferbereitschaft, mit der er sich in die vorderste Linie stellt. Aber die Bewegung muß da sein, wenn ein Führer Bedeutung gewinnen soll, ja, wenn er entstehen soll. Wer den Massen etwas anderes predigt, als was in ihnen der Erweckung harrt oder schon wach ist, der wird kein Führer, sondern ein Prediger in der Wüste, eine tragikomische Gestalt. Der Führer ist ein Produkt des Volkes, nicht Urheber, sondern Folge einer Bewegung. Und jede Masse hat die Führer, die sie verdient. Wilhelm v. Hohenzollern ist ein unbedeutender Privatmann. Der Kaiser Wilhelm II., der politische Bedeutung hatte, saß nicht auf dem Thron, sondern in den Köpfen der Untertanen; er war ein Kollektiverzeugnis des bürgerlich-monarchistisch gesinnten Deutschland. Er war ein wirklicher „Führer", als er mit der Kriegserklärung vor das patriotisch aufgepeitschte Volk trat und wäre es ohne Zweifel noch manches Jahr geblieben, wenn er den Krieg beendet hätte, als das Volk Frieden wollte. Nicht der Privatmann Napoleon führte das französische Heer nach Moskau, sondern die Idee „Napoleon", d.h. die Ruhmsucht und Eroberungslust der damaligen Franzosen. Nicht Marx ist der Urheber der kommunistischen Bewegung, sondern das unterdrückte Proletariat, das in Marx und anderen das Sprachrohr seiner Klagen und Wünsche fand.

Der Glaube an das Führertum als Urheber und Lenker der großen Ereignisse ist wie jede Mythologie mit Notwendigkeit aus der Geistesverfassung der Menschheit hervorgeganen und hat ohne Zweifel bis heute eine unentbehrliche Rolle gespielt. Aber die Geistesverfassung der Menschheit ist einer langsamen Umwandlung unterworfen und der Führerglaube beginnt mehr und mehr als schädliches Ueberbleibsel zu wirken. Nicht als ob der einzelne Führer der Bewegung viel Schaden zufügen könnte — er kann so wenig schaden als nützen; denn er kann nichts wirken, als was die Massen auf Grund ihrer jeweiligen Verfassung durch ihn wirken —; aber der Glaube an das Führertum überhaupt ist es, der heute schädlich wirkt. Wer an Führer glaubt, der kommt leicht in Versuchung, die Hände in den Schoß zu legen und das Handeln jenen zu überlassen, die, als schwache einzelne Menschen, das Rad der Geschichte nicht weiter drehen können. Der hieraus resultierende Stillstand ist der Boden, auf dem die Raubtiere gedeihen, die unter dem Mantel des Führers umgehen und sich am Blute der gläubigen Massen mästen Darum vertragen sich die Kapitalisten so gut mit der Sozialdemokratie.

Das Auftauchen des Rätegedankens ist das Zeichen, daß die Mythologie vom Führer ihrem Ende entgegengeht und die Massen die Gestaltung ihres Lebens bewußt als ihre eigene, nur von ihnen selbst lösbare Aufgabe erkennen. Darum darf, wer die Revolution fördern will, auch die besten Führer nicht als „Motor der Zukunft" preisen, sondern darf sie nur als das gelten lassen, was sie sind, als Verkünder dessen, was in den Massen lebt. —

Die obigen Ausführungen zeigen Ihnen den Weg, auf dem ein „Intellektueller" (auch ein Begriff, der dringend der Krtiik bedarf) zum proletarischen Klassenbewußtsein kam. Damit rechtfertigt es sich vielleicht, wenn ich Ihre Zeit für 6 lange Briefseiten in Anspruch nahm.

Ihr

Dr. Rupprecht

II

Lieber Pfemfert! Also, Sie glauben, ich hätte die bürgerliche Gewohnheit, nur Gutes vom Toten zu sagen, auf den Kopf gestellt, indem ich nur Böses von Lenin sagte. Sie irren sich, lieber Pfemfert. Ich habe nur nachzuweisen versucht, daß Lenin viel konsequenter, ganz seinem Wesen treu blieb, als viele seiner Genossen. Sie und andere behaupten zwar, daß der Lenin während des Oktobers ein anderer war, als Lenin seit dem Oktober. Das werden Sie aus Lenins Schriften und Handlungen seines ganzen Lebens nicht beweisen können. Darin lag ja die Eigenheit dieses Mannes, daß er sich immer ganz treu blieb. Seine Einstellung und sein ganzes Wesen war aber derartig, daß er immer dahin arbeitete, alles, was

BEST COPY AVAILABLE

293

871209017

The Emma Goldman Papers

[Cult of personality and power. Dear Pfemfert! In German] Bonzenkult und Leistung. Lieber Pfemfert! / Emma Goldman. – pp. 128-129 ; 43 cm. *In* Die Aktion. –(Jan. 21, 1922).

Obtained from the Bayerische Staatsbibliothek, Munich, Germany.

nicht für seinen Gott, die politische Macht, wirkte, zu zerstören oder zu korrumpieren. Seine Freunde und Anbeter haben es eben vor dem Oktober nicht bemerkt, vielleicht auch war vorher nicht die glänzende Gelegenheit, Lenin im wahren Lichte zu sehen wie seit dem Oktober. Lenin hat keine Umwandlung durchgemacht, er starb sich und seinem Wesen treu. Aber sein Wesen hat die Revolution vernichtet und hat ein verheerendes Gift in die Reihen der Arbeiterbewegung verbreitet. Was heute als Leninismus, als die höchste ökonomische und revolutionäre Wahrheit verbreitet wird, hat ebensowenig mit den Bestrebungen der Revolution zu tun wie die christliche Kirche mit den Ideen Christus. Die Schuld dafür trug Lenin, indem er ja die Kirche geschaffen hat, die Kirche und den politischen Aberglauben, von dem die unterdrückte Menschheit noch lange zu leiden haben wird.

Ich glaube, Sie verfallen in denselben Fehler wie wir alle, Sie suchen Ihre eigene Umwandlung zum intensiveren revolutionären Denken und Handeln in der Umwandlung Lenins zur Reaktion zu erklären. Oder waren Sie nicht früher auch Anhänger der politischen Macht und des Staates als die sicherste Kraft der sozialen Revolution? Wenn ich mich irre, bitte, verzeihen Sie, da ich Ihren Entwicklungsgang nicht genau kenne. Dafür kenne ich aber den Entwicklungsgang Lenins. Ich gebe zu, daß er während der Oktobertage als rabiater Revolutionär gesprochen und geschrieben hat. Aber darin bestand ja gerade Lenins Jesuitismus, daß er die Farbe des Augenblicks annehmen konnte, als wäre sie ganz seine Farbe. Damit hat er nicht nur die Massen, sondern auch die Anarchisten auf seine Seite gewonnen. Darin liegt auch die schreckliche Tragödie des linken revolutionären Flügels, daß sie sich von Lenin hypnotisieren ließen. Viele sind bis auf den heutigen Tag unter dieser Hypnose, unser Freund Steinberg zum Beispiel, der auch einstimmte in den Lobgesang der Größe Lenins. Ich bin sicher, Maria Spirdonova würde ein ganz anderes Lied singen, weil sie unter all den Linken SR. die einzige ist, die die Tragweite des Verbrechens an der Revolution seitens Lenins am ehesten und gründlichsten erfaßt hat.

Ich wiederhole, Lenin war groß, aber seine Größe hat nie Leben geschaffen und nie das Leben zum Wachstum und zur Schönheit verholfen. Lenins Größe hat tote Formeln geschaffen und eine Maschine, oder wie man sie jetzt in Rußland nennt, einen „Apparat", der die Revolution erdrückt und jeden freien Atemzug erstickt hat. Ich kann mich für derartige Größe ebensowenig begeistern, wie für die Größe Napoleons oder der großen Inquisitoren. Es ist wahrhaftig Zeit, daß man in revolutionären Kreisen eine Umwertung des Wortes „Größe" vornimmt.

Ihre

Emma Goldman

III

Liebe Emma Goldman und werter Genosse Rupprecht,

Ihre beiden Briefe hat mir die Post zufällig gleichzeitig ins Haus gebracht. So habe ich sie nacheinander gelesen und bin am Schluß etwas verwirrt dagesessen. In dem einen Schriftsatz wird mir angekreidet, ich hätte Lenins verderbliche Wirkung nicht beachtet; aus dem nächsten Dokument werde ich angeklagt, daß ich dem persönlichen Willen eines Menschen überhaupt eine besondere Art von Wirkung nachsagte. Nach dem einen Brief hat Lenin die Macht gehabt, die Revolution zu vernichten, nach dem andern Brief hat das Leben Lenins keine Erdenspur hinterlassen. Meine Verwirrung ist dann noch größer geworden durch einige Widersprüche, denen ich in Ihrem Schreiben, Genosse Rupprecht, begegnet bin. (Wenn schon der Glaube an das Führertum überhaupt schädlich wirken kann — was Sie betonen und was wir ja immer wieder betont haben —, ja, dann kann man doch nicht im gleichen Satz von dem Führer aussagen, er „kann so wenig schaden wie nützen?")

Sie, Genosse Rupprecht, werden in dem Brief der antiautoritären Anarchistin entdecken, daß der „herkömmliche bürgerliche Führerbegriff" dort noch stärker herrsche als in Steinbergs Aufsatz; wohingegen Emma Goldman zu Ihren Ausführungen bemerken könnte, daß wir ja dann die Namen: Bakunin, Krapotkin, Marx, Karl Liebknecht, Rosa Luxemburg, Malatesta, Rocker, John Most, kurz: daß wir jede individuelle Leistung in der Menschheitsgeschichte verneinen müßten, wenn wir den Begriff „Führer" nur so fassen dürften, wie Sie, in einem Teil Ihres Briefes, ihn gefaßt wissen wollen.

. . . Zwischen Emma Goldman und mir kann die Diskussion in bezug auf Lenin ewig sein, denn es handelt sich da um eine unüberbrückbare, wenn auch, historisch gesehen, recht unwichtige Meinungsverschiedenheit. Emma Goldman, als Antimarxistin, sieht in Lenin ein gigantisches Ungeheuer, dessen Bewußtsein das Sein der Revolution erdrückt, und jeden freien Atemzug erstickt habe. Das ist idealistische Geschichtsbetrachtung, die wir als falsch verwerfen. Wir fassen die Geschichte materialistisch auf und den Menschen als Produkt der wirtschaftlichen Verhältnisse. Wir haben immer wieder Beweise für die Zuverlässigkeit unserer Weltanschauung erhalten und erhalten sie täglich neu. Ob wir ernste revolutionäre Kämpfer ins bürgerliche Parlament gehen und dort versumpfen sehen, ob wir erleben, daß revolutionäre Proletarier, auf den Parlamentsboden der „gesetzlichen Betriebsräte" gestellt, dort Werkzeuge des Klassenfeindes werden, ob wir den Revolutionär Lenin, der die Synthese von Marx und Bakunin darstellte, als Regierungsdiktator erblicken: immer erneut zeigt es sich, wie das Sein das Bewußtsein umformt. Weiter, liebe Emma Goldman: es ist erweislich unrichtig, wenn Sie behaupten, der Lenin von 1914 bis 1917 sei identisch mit dem Lenin der letzten Jahre! Hier, bei dieser Behauptung, begehen Sie übrigens eine unzulässige, weil illoyale Tat: Einerseits meinen Sie, es könne mir nicht gelingen, zwei verschiedene Epochen Lenins zu zeigen; dann aber geben Sie zu, daß sich Lenin in den Oktobertagen als rabiater Revolutionär betätigt habe und sperren mir die Beweisführung ab mit der kühnen Wendung, die revolutionäre Epoche Lenins sei — „Jesuitismus" gewesen. So kann man nicht diskutieren! Ist vielleicht Emma Goldman, als sie ihre Begeisterung für die Oktoberrevolution redend und schreibend durch Amerika trug und dabei auch Lenins Arbeit feierte, dem „Jesuitismus" zum Opfer gefallen? Und damals, 1914, als die Pest „Große Zeit" ausbrach (die übrigens kein Naturereignis war etwa wie der Ausbruch des Vesuvs oder das Wüten eines Sturmes, Genosse Rupprecht!) und fast alle Sozialisten (sogar ein Peter Krapotkin!!!) der Sache der internationalen Arbeiter untreu geworden waren — ist auch damals unsere Freundin Emma Goldman über den „Jesuitismus" Lenins empört gewesen, da Lenin, als einer der paar Einzelnen, gegen den kapitalistischen Weltkrieg die proletarische Weltrevolution aufrief? . . . So mit einer Handbewegung, liebe Emma Goldman, lassen sich Tatsachen doch wohl nicht auswischen! (Sie irren übrigens, wenn Sie glauben, ich sei erst jetzt Gegner des Staates geworden und ich suchte nun meine Umwandlung in der Umwandlung Lenins zu erklären! Vielleicht durchblättern Sie gelegentlich die ersten Jahrgänge der AKTION? Sie werden dann entdecken, daß sie ein antinationales, antistaatliches, antiautoritäres, antiparlamentarisches, antisozialdemokratisches Kampforgan schon vor 1914 war. Gewiß habe ich und haben wir alle ungeheuer viel hinzugelernt, aber nicht zuletzt auch dank den staatsfeindlichen, rätekommunistischen, revolutionären Schriften des ersten Lenin!)

. . . Mit dieser Feststellung wäre ich nun schon mitten in der Antwort auf Ihre Anklageschrift, Genosse Rupprecht, denn ich habe damit ja einen „Führer" anerkannt, nicht wahr? Nun, wenn das Anerkennen von Leistungen mit Recht „Führerkult" treiben hieße, dann, ja dann hat die AKTION eigentlich unaufhörlich diesen Kult betrieben, und nicht erst mit meinem Aufsatz „Lenins zweiter Tod!" Erinnern Sie sich doch, bitte, wie hier immer wieder die revolutionären Verdienste von Karl Liebknecht, Rosa Luxemburg, Franz Mehring, Bakunin, Landauer, Max Hölz, Leviné, Jogiches, Mühsam usw. usw. usw. betont worden sind! Wir sprechen mit Stolz von Malatesta. Rudolf Rocker hat ein dickes Buch über den Rebellen John Most geschrieben. Ich bin dem Schicksal dankbar, daß es mir vergönnt gewesen ist, mit Rosa Luxemburg, Franz Mehring und Karl Liebknecht in Kampfgemeinschaft zu stehen und Liebknechts Nachlaß herauszugeben. Alles Führerkult? Führerkult, wenn Zehntausende in Otto Rühles Versammlung gehen und dort gegen das Bonzentum aufgerufen werden?

Sie nehmen die Frage doch recht wenig gründlich; „mechanistisch" möchte ich diese Art, Revolutionsgeschichte zu sehen, nennen. Nach Ihren Worten ist natürlich auch der Kampf gegen Bonzen unzulässig oder mindestens überflüssig, denn die Bonzen können ja „weder schaden noch nützen". Und wenn Noske und Ebert schon jetzt nur „als Instrument der Massen" gewirkt haben, ja dann ist vielleicht unser ganzes Rätesystem überflüssig?

Wir sind der Ansicht, der bürgerliche, zentralistische Partei- und Gewerkschaftsapparat entmündige und entmanne das Proletariat; wir stehen zu dem Satz: Die Befreiung der Arbeiterklasse muß das Werk der Arbeiter selbst sein. Sagt mein Aufsatz etwas anderes? Wenn Sie mir beipflichten, daß es „Feinhörige" gibt, die den Massen die Losung abhorchen, wenn also auch Sie weitere Besonderheiten gelten lassen — ja, werter Genosse Rupprecht: dann lesen Sie doch bitte meinen Artikel nochmals aufmerksam durch! „Motor der Zukunft" stört Sie? Ein Motor an sich ist, meines Wissens, kein Urheber von Kraft, kein Perpetuum mobile.

Unser Kampf gegen das Bonzentum, gegen Führereigenmächtigkeit, gegen Autoritätsgläubigkeit ist kein Kampf gegen revolutionäre Leistungen.

Ist das so mißverständlich, so mißdeutbar?

F. P.

BEST COPY AVAILABLE

294

881017019

The Emma Goldman Papers

[From Russian prisons. In Russian] V'Tyormach Rossi / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro.— pp. 45-46 ; 25 cm. *In* Volna. —no. 26 (Feb. 19, 1922).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

не знали. И благодаря этой неясности своей цели и неопределенного будущего, плоды рабочих действий пожинались их же врагами. Так было во время французской революции, это же совершается и в Русской революции, и для того, чтобы подобное не могло случиться и впредь — рабочие должны ясно и определенно уяснить свои интересы: они должны знат почему и ради чего им нужно идти на барикады, и что посредством революции должно быть осуществлено.

Автономов.

—0—

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ:

В ТЮРЬМАХ РОССИИ.

Недавно оставив Россию, мы сознаем, что наши первые и самые необходимые слова должны быть сказаны по поводу наших политических заключенных в России. это является печальным, надрывающим сердце, описанием положения дел в России, когда приходится говорить о политических заключенных в стране Социальной Революции! Но к несчастью действительность такова. Мы ни коим образом не говорим о контр-революционерах, которые, понятно, могли бы быть пленниками Революции. Как бы это ни показалось невероятным, остроги и тюрьмы России, в настоящее время, густо населены революционными элементамв страны: мужчинами и женщинами с самыми высшими общественными идеалами и стремлениями. По всей громадной стране в Центральной России и Сибири, в тюрьмах старого и нового режима, в одиночках Особого отдела Чс-ка — томятся революционеры, всех партий и движений: левые социалисты-революционеры, максималисты, коммунисты из "рабочей оппозиции", анархисты, анархо-синдикалисты и универсалисты, — приверженцы различных школ общественной философии, но все истинные революционеры и большинство из них активные участники Ноябрьской Революции 1917 года. Положение этих политических заключенных в высшей степени жалко. Не говоря об их нравственных страданиях и терзаниях, чисто-физическая сторона их существования невыразимо плачевна. Благодаря общему состоянию страны, недостатку строительных материалов и искусных рабочих, ремонт тюрем практически не возможен. Поэтому гигиенические условия в громадном большинстве случаев — самого примитивного характера. Но хуже всего обстоит дело с продовольственным вопросом. Ни в один период своего существования Большевистское правительство не могло доставить своим пленникам достаточного пропитания. Их пайки не удовлетворяли самого нисшего минимума существования. Действительная поддержка существования заключенных падала на плечи их друзей, родственников и товарищей. Но теперь положение еще ухудшилось. Только при 52% собраного продналога, при практической невозможности собрать больше, при голоде в Приволжских губерниях и при общей разрухе экономической машины правительства, положение населения тюрем в действительности — безнадежно.

Нужды политичесских заключенных удовлетворяются, но, конечно, в очень ограниченном размере Политическим Красным Крестом, верной делу и дееспособной организацией, активным членам которой является известная старая революционерка, Вера Фигнер. Эта организация, всецело расчитывающая на добровольное содействие, была особенно успешна в своей миссии, считаясь с тем как трудно для кого бы то ни было в России сберечь на пожертвования из своей собственной скудной порции. Но во всяком случае, в общем, Политический Красный Крест был в состоянии снабдить са-

881017019

The Emma Goldman Papers

[From Russian prisons. In Russian] V'Tyormach Rossi / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro.— pp. 45-46 ; 25 cm. *In* Volna. —no. 26 (Feb. 19, 1922).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

мые фундаментальные нужды политических заключенных.

Всех, исключая Анархистов! Не потому, что Красный Крест хочет делать различия. Наоборот, эта организация совершенно вне-партийна, хотя и с резкой окраской право-крылового элемента. Поэтому исходя из политических резонов Анархисты в России давно уже восприняли метод: самим помогать нуждам их заключенных товарищей, и в течении лет был установлен обычай для Анархистического Красного Креста (позднее извсстного Черного Креста) заботится о всех Анархистах в русских тюрьмах. Все время это являлось геркулесовской задачей для бывших на свободе русских Анархистов: эти заботы об удовлетворсии нужд арестованных товарищей. Многие из более активных товарищей положили свою жизнь в Революции, громадное число их пало на фронте, защищая Рсволюцию, в то время, как другие были разстрелиаемы, или же изнывали в Большевистских тюрьмах. Многие из них, которые еще оставались живы и вне тюрем, сами постоянно были на краю голода: Черный Крест должен был употреблять сверхчеловеческие усилия, дабы предохранить заключсиных товарищей от действительной голодной смерти. Ими была выполнена работа, полная самопожертвования и благородства.

Но если его работа была тяжсла и затруднительна, тсперь она стала исизмеримо тяжелсс. Новая политика систематичсского преследования Анархистов Большевиками является ужаснейшим препятствием работе ЧерногоКреста. Так как большинство члсиов паходятся в тюрьмах, организация была недавно реорганизована и теперь извсстна под именем Общества Помощи Анархистам в Тюрьмах России. Она герончески продолжает работу подачи той небольшой материальной помощи заключенным товарищам, которую ей удается собрать. К несчастью, возможности оказания и сбора помощи очень ограничены. Товарищи на свободе лишают себя самых сущсственных необходимостей жизни лишь бы послать несколько больше фунтов хлеба или картофеля заключенным. Они желают, даже рады, поделиться самым последним. Но так мало у самих, а так много товари... тюрьмах и их нужда так велика! И... Москвы, Петрограда, Орла и Владими... дальних губерний Востока и от сослан... ледеящий Севср товарищей — приходят ... ные вести. Ужасный бич голода, стра... цинга — свирепствует между ними! Их ... и ноги пухнут, десна слабеют.. выпада... бы... начинается гниение живого тела... Т... рищи на воле,, прислушайтесь к этому к... о помощи! Анархисты в России совершенно ... могут удовлетворить самих элсментарных ну... их заключенных товарищей без помощи друз... за-границей. От имени Общества Помощи Ана... хистам в тюрьмах России, от имени мучени... наших товарищей, замерзающих и умирающ... с голоду в Большевистских тюрьмах, стра... ющих за их верность высшим идсалам — ... взываем к вам товарищи и друзья повсюду! Т... ко ваша доброохотная и немедленная помощ... может спасти наших заключенных товарищ... в России от голодной смерти!

С братским приветом,

Алсксандр Беркман

Общий делегат от **Общества Помощи Анархистам в тюрьмах России.**

Эмма Гольдман и А. Шапиро, Сскретарь Анархо-Синдикалистического Союза "Голос Труда", в Москве.

P. S. — Просим посылать пожертвования только деньгами. Благодаря пиской русской валюте, даже маленькие суммы, посланные из Европы или Америки могут существенно помочь. Посылайте пожертвования по адрссу:

Redaction "Brandt", R.A. R. P. —
Olandsgaton 48,
Stockholm 4. Sweden

Примечание: Просим все Анархистические и Синдикалистичсские издания псрспечатать это воззвание.

Стокгольм, 12-го Января, 1922 г.

—0—

BEST COPY AVAILABLE

890126075

The Emma Goldman Papers

An Introduction: A Sketch of Alexander Berkman / Emma Goldman. — 1922 March, draft. — 5 p. ; 30 × 20 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Max Nettlau Archive.

[illegible] Introduction:

A [illegible] Alexander Berkman

By Emma Goldman

To write a biographic sketch of even an ordinary man within the limited space at my disposal would be difficult. But to write about one whose personality is as complex and whose life as replete with events as that of Alexander Berkman, is almost an impossible task. To do justice to such a rich and colorful subject one would not be permitted by [illegible] of time. Years of [illegible] one should be prepared, in point of [illegible] from the life to be portrayed. Which is not the case in the present instance.

I shall therefore not attempt a biography at the present time. I shall merely jot down a few outstanding features in the life and activities of our Comrade, which may serve as an introduction to something bigger yet to be written. Perhaps it may also lead the reader to acquaint himself with Alexander Berkman's own story, the "Prison Memoirs of an Anarchist", which portrays the various phases of his life and his ideal much more forcefully and intimately than any biographer could do.

That this truly great work has not yet been translated and published in other languages is a reflection on the European Anarchists(es) they adhere too slavishly religiously to the old standard works, the works treating of Anarchist theories. They should realize that the reactions of a human life to these theories, the struggle and travail of the human spirit, are more vital and significant than the theories themselves. "Prison Memoirs of an Anarchist" speaks more powerfully than the theory and the ideal for which Alexander Berkman has lived, fought and suffered all his life.

Pre-revolutionary Russia is so rich in remarkable revolutionary characters that one would be at a loss to single out the most heroic figure in the revolutionary movement of that country. Russia has been a most fertile soil for the growth of revolutionary thought and feeling. The best flower which grew out of that soil - Russian revolutionary youth - stands unique in the annals of revolutionary history.

Alexander Berkman sprang from that soil. He was born in Wilno, on November 21, 1870, at a period rich in revolutionary ideas and activity. For it was in the epoch between the late sixties and the early eighties that Russia was shaken to her foundations by the heroism and sacrifice of her revolutionary martyrs. Alexander Berkman, sensitive and idealistic, could not escape the influence of that time, the period when everything in Russia was being torn from its old moorings, and the seeds of a new conception of man and society - political, religious, moral, economic and social - were being planted. Thus, for instance, we find Alexander [illegible] at the age of twelve writing a tract denying the existence of God. Likewise he is a member of a group engaged in the translation and studying revolutionary literature. An additional factor in moulding young Alexander's mind and character may have been the tragic life of his beloved uncle Isaiah, exiled to Siberia for revolutionary activity. Even without the inspiration of that heroic figure in his otherwise bourgeois family, the intense youth would have, no doubt, consecrated himself to the cause of humanity. The creative revolutionist, like the true artist, is conditioned more by the impelling force within than by outer influences. Alexander Berkman's whole life is proof of it.

[illegible] of his rebellious spirit he was expelled from the Gymnasium and given a "wolf's passport", which closed every profession to him. He migrated to America which was, at that time, most barren ground for revolutionary ideas. It was early in 1888, only a few months after

[illegible] I am glad to state, is our Austrian comrade Rudolf [illegible] began to publish Alexander Berkman's Prison Memoirs before the war. The latter interfered with the [illegible] translation is now being published in the Yiddish [illegible] Arbeiter und Befreiung". -- A Yiddish

BEST COPY AVAILABLE

890126075

The Emma Goldman Papers

An Introduction: A Sketch of Alexander Berkman / Emma Goldman. — 1922 March, draft. — 5 p. ; 30 × 20 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Max Nettlau Archive.

S|G N.

the political murder of the Chicago Anarchists, that Alexander Berkman arrived in the United States. While yet in Russia he had learned about the crime of the Eleventh of November, 1887. He relates in his book how he came across the names of John Most and of the Chicago martyrs in the little Havna library. Still, young Alexander came to America with faith in her democratic liberties. It was not long, however, before he discovered the sham of American political freedom and economic opportunity. Had not the will to the Ideal been strong in Berkman, the American melting pot would have absorbed him as it has absorbed the great majority of the European influx. The intense struggle for existence and the thousand pitfalls for the man bent on material success would have monopolized his whole energy and time. Many Russian revolutionists who came to America to seek refuge have been swallowed completely by the wild scramble for wealth and its "blessings".

Not so Alexander Berkman. His is a creative spirit whose dominant trait is the urge to infuse new life, to give new forms, no matter how hard the struggle, how great the price to be paid. It is that trait, chiefly, which has made Alexander Berkman the outstanding figure in the revolutionary and Anarchist movement of the United States. It was not very long before he began to break the barren ground in that country. First in the Yiddish-speaking circles, in the group called the Pioneers of Liberty; Berkman became one of its most active and devoted spirits. Later in the German Anarchist movement, led at the time by John Most. But all that, it would seem, was merely preparatory to the supreme task toward which he was being borne by the irresistible force of his revolutionary reactions to the crying evils in our social make-up.

It was in the year 1892, at the time of the Homestead Steel Strike - the first and greatest life-and-death struggle of the steelworkers of the State of Pennsylvania against their feudal lord, Andrew Carnegie. It aroused the whole country to the slavery and exploitation in the steel industry. That great struggle, powerfully described by Alexander Berkman in his "Prison Memoirs", was accompanied by the importation to Homestead of Pinkerton thugs (the favorite detective and police defenders of the American plutocracy of thirty years ago) who killed eleven strikers, among them a child of ten. The person responsible for that crime was H.C.Frick, the representative and business partner of Carnegie. The brutal attitude of Frick toward the strikers, his public declaration that he would rather see every striker killed than concede a single demand, and the final murder on July 6, 1892, of eleven unarmed workingmen, roused America to indignation. Even the conservative press denounced Frick in the sharpest terms. Throughout America the workers gave vent to their feelings in protest meetings. But there was only one man who translated the wrath of the toilers into an heroic act. That man was Alexander Berkman. On the 23rd of July, 1892, he entered the office of H.C.Frick and attempted his life. Three bullets lodged in Frick's body, but he survived. Berkman received a prison sentence of 22 years, although his act - according to the law of the State of Pennsylvania - called only for 7 years. To give our Comrade such a cruel sentence, six charges were framed up against him because he dared to strike at the very heart of the American industrial plutocracy.

It was the first Anarchist act of economic terror in the United States, and Alexander Berkman had to pay dearly for his revolutionary protest. He spent fourteen years of his life in the worst of prison hells, the Allegheny Penitentiary in Pennsylvania. What those years meant he has portrayed with a master hand in his "Prison Memoirs". Here it will suffice to say that while Berkman went through every imaginable torture of body and mind our Christian civilization has devised to maim and break the social protestant, yet he emerged from his living tomb more than ever before convinced of the truth and beauty of his Ideal - Anarchism. But one can not be shut away from life for fourteen long years and then take root easily again. Alexander Berkman, upon his liberation, threw himself into the revolutionary activities of America with the same energy and passion as of yore. But his long prison life and the [illegible] unfortunate victims he had left behind made the present [illegible] the new surroundings a daily Golgotha.

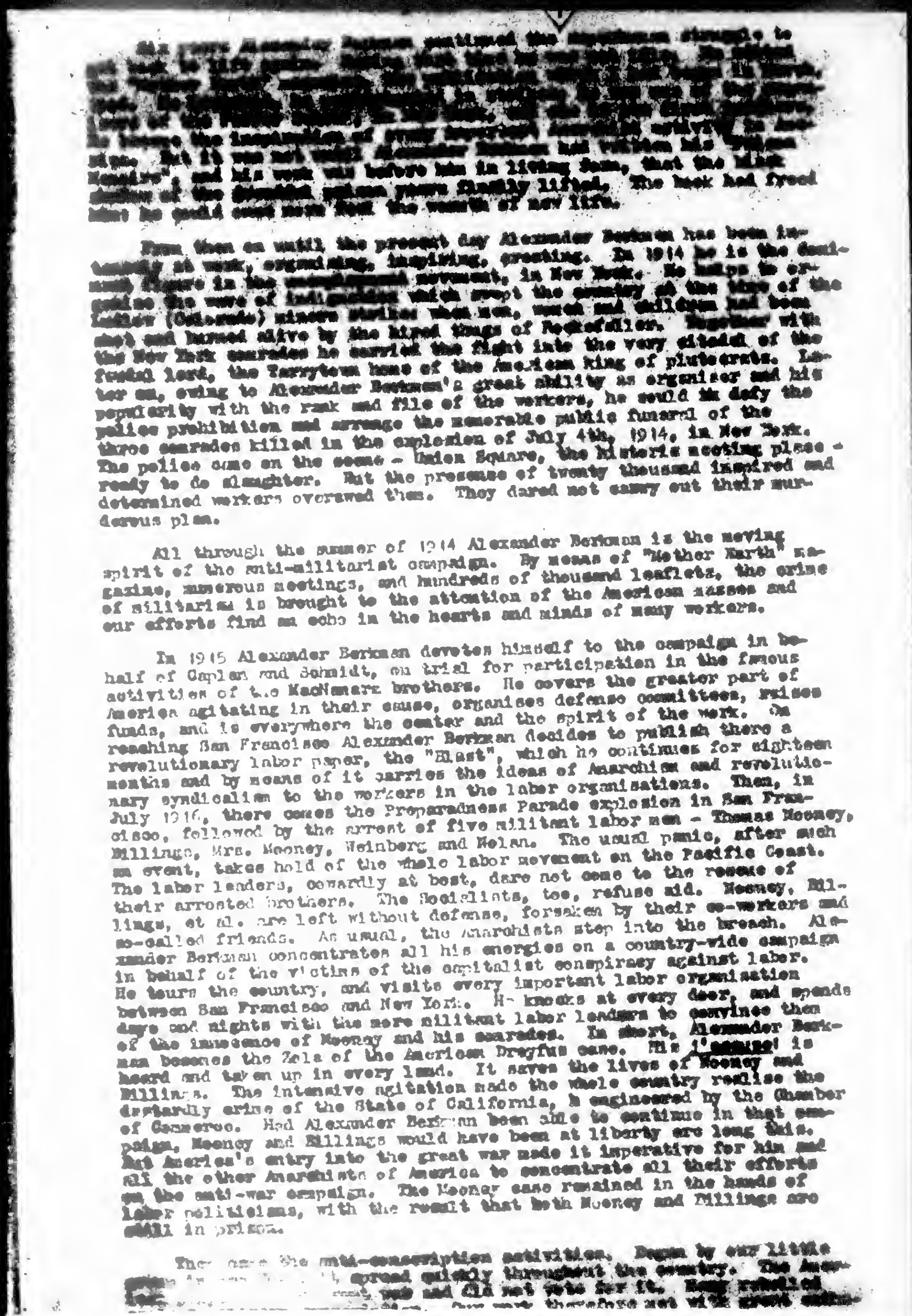
BEST COPY AVAILABLE

890126075

The Emma Goldman Papers

An Introduction: A Sketch of Alexander Berkman / Emma Goldman. — 1922 March, draft. — 5 p. ; 30 × 20 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Max Nettlau Archive.

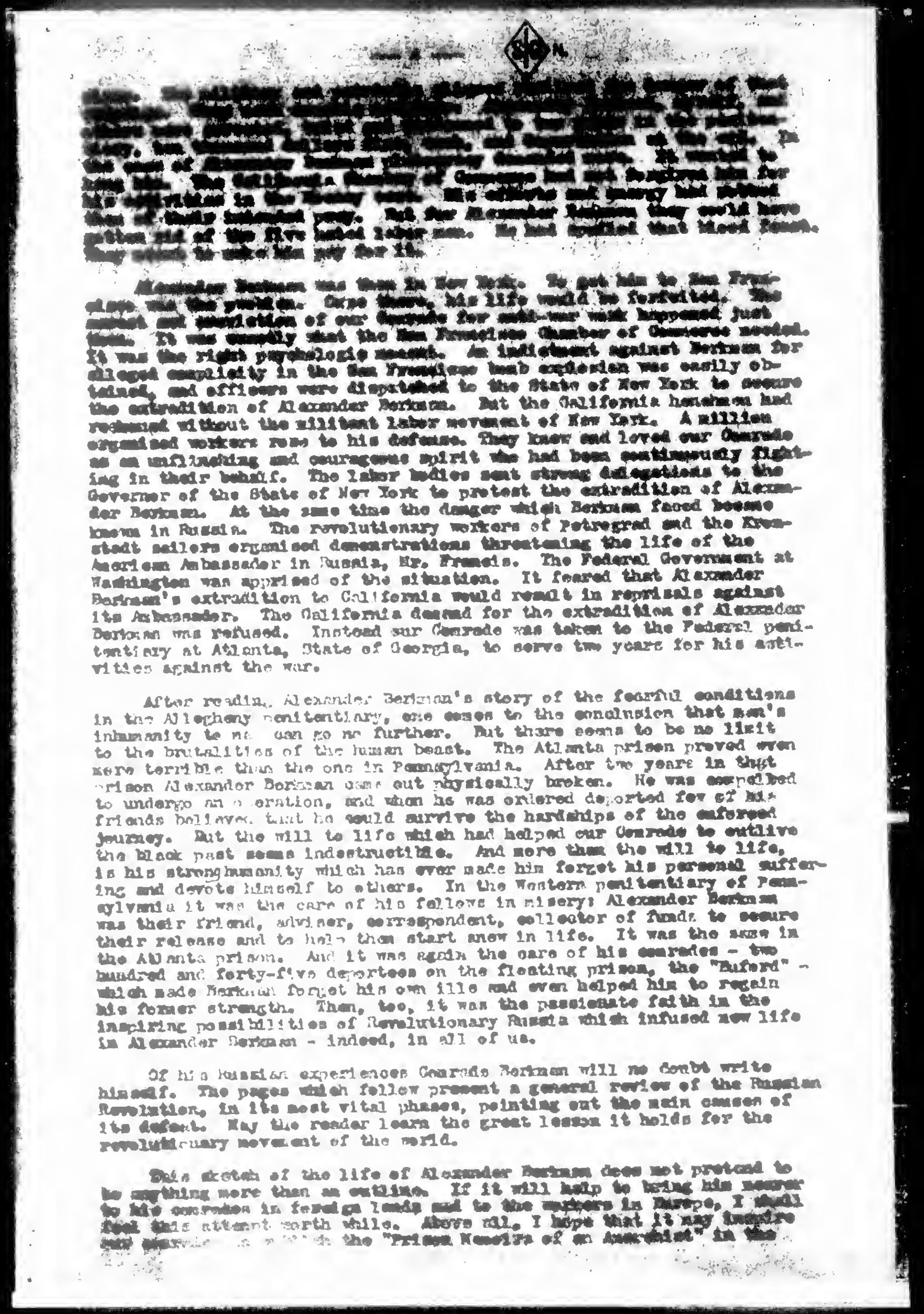
BEST COPY AVAILABLE

890126075

The Emma Goldman Papers

An Introduction: A Sketch of Alexander Berkman / Emma Goldman. — 1922 March, draft. — 5 p. ; 30 × 20 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Max Nettlau Archive.

[redacted]

[redacted] Alexander Berkman was then in New York. To get him to San Francisco, was the problem. Once there, his life would be forfeited. The [redacted] and conviction of our Comrade for anti-war work happened just [redacted]. It was simply what the San Francisco Chamber of Commerce needed. It was the right psychologic moment. An indictment against Berkman for alleged complicity in the San Francisco bomb explosion was easily obtained, and officers were dispatched to the State of New York to secure the extradition of Alexander Berkman. But the California henchmen had reckoned without the militant labor movement of New York. A million organized workers rose to his defense. They knew and loved our Comrade as an unflinching and courageous spirit who had been continuously fighting in their behalf. The labor bodies sent strong delegations to the Governor of the State of New York to protest the extradition of Alexander Berkman. At the same time the danger which Berkman faced became known in Russia. The revolutionary workers of Petrograd and the Kronstadt sailors organized demonstrations threatening the life of the American Ambassador in Russia, Mr. Francis. The Federal Government at Washington was apprised of the situation. It feared that Alexander Berkman's extradition to California would result in reprisals against its Ambassador. The California demand for the extradition of Alexander Berkman was refused. Instead our Comrade was taken to the Federal penitentiary at Atlanta, State of Georgia, to serve two years for his activities against the war.

After reading Alexander Berkman's story of the fearful conditions in the Allegheny penitentiary, one comes to the conclusion that man's inhumanity to man can go no further. But there seems to be no limit to the brutalities of the human beast. The Atlanta prison proved even more terrible than the one in Pennsylvania. After two years in that prison Alexander Berkman came out physically broken. He was compelled to undergo an operation, and when he was ordered deported few of his friends believed that he could survive the hardships of the enforced journey. But the will to life which had helped our Comrade to outlive the Black past seems indestructible. And more than the will to life, is his strong humanity which has ever made him forget his personal suffering and devote himself to others. In the Western penitentiary of Pennsylvania it was the care of his fellows in misery: Alexander Berkman was their friend, adviser, correspondent, collector of funds to secure their release and to help them start anew in life. It was the same in the Atlanta prison. And it was again the care of his comrades - two hundred and forty-five deportees on the floating prison, the "Buford" - which made Berkman forget his own ills and even helped him to regain his former strength. Then, too, it was the passionate faith in the inspiring possibilities of Revolutionary Russia which infused new life in Alexander Berkman - indeed, in all of us.

Of his Russian experiences Comrade Berkman will no doubt write himself. The pages which follow present a general review of the Russian Revolution, in its most vital phases, pointing out the main causes of its defeat. May the reader learn the great lesson it holds for the revolutionary movement of the world.

This sketch of the life of Alexander Berkman does not pretend to be anything more than an outline. If it will help to bring him nearer to his comrades in foreign lands and to the workers in Europe, I shall feel this attempt worth while. Above all, I hope that it may inspire [redacted] the "Prison Memoirs of an Anarchist" in the

BEST COPY AVAILABLE

890126075

The Emma Goldman Papers

An Introduction: A Sketch of Alexander Berkman / Emma Goldman. – 1922 March, draft. – 5 p. ; 30 × 20 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Max Nettlau Archive.

SIGN

Language of their country. For no biography - much less a sketch - can convey the personality of the man so clearly and vividly as the book of Alexander Berkman himself.

Stockholm
March, 1922.

* * * * *

BEST COPY AVAILABLE

82121201

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Tells How Bolshevism Killed Real Russ Revolution. Part 1 of 10 / Emma Goldman. – 34 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 9, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

EMMA GOLDMAN TELLS HOW BOLSHEVISM KILLED REAL RUSS REVOLUTION

Still Anarchist and Against All Government, She Likens Lenine's Regime to the Worst of Despotisms

MILITARY COMMUNISM SNATCHES FRUITS OF REVOLT FROM MASSES

Attacks From Without Have Enabled Present Tyrants to Wear Martyr Cloaks and Fool Their Subjects, She Says

1922

Miss Goldman is writing this series from Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she just succeeded in quitting. After being barred from several other countries she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The Journal disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The Journal feels it is performing a public service in presenting her articles.

By EMMA GOLDMAN

No. 1

Stockholm, Sweden, March 9.—During my two years in Russia articles repeatedly appeared in the American press purporting to be interviews with me. Some have had it that I had reformed, that I no longer believed in revolution, and that I had come to see the necessity of government.

All that is, of course, sheer nonsense. I was never more convinced of the truth of my ideas, never in my life had greater proof of the logic and justice of anarchism. But I did not give interviews to any one for the very simple reason that it took me more than a year to get my bearings in the tragic situation of Russia. I considered then, and still consider, that the Russian problem is entirely too complex to speak lightly of it. That is precisely why I find most of the books written by people who had been in Russia a few weeks, or even months, so superficial.

Now, however, the time for silence has passed. I therefore mean to tell my story. I am not unmindful of the difficulties confronting me. I know I shall be misappropriated by the reactionaries, the enemies of the Russian revolution, as well as excommunicated by its so-called friends, who persist in confusing the governing party of Russia with the revolution. It is, therefore, necessary that I state my position clearly toward both.

During the war with Germany the hypocritical slogan was, "We do not wage war against the German people but against German militarism and imperialism." The same hypocritical refrain was heard in the unholy crusade against the Russian revolution: "Not against the Russian people but against the bolsheviki—they have instigated the revolution and they must be exterminated."

The march on Russia began. The interventionists murdered millions of Russians, the blockade starved and froze women and children by the hundred thousands, and Russia turned into a vast wilderness of agony and despair. The Russian revolution was crushed and the bolsheviki regime immeasurably strengthened. That is the net result of the four years' conspiracy of the imperialists against Russia.

Calls It Typical Despotism

How did such a thing happen? Very simply. The Russian people, who had made the revolution and who were determined to defend it at all against the interventionists, were too busy on the numerous fronts to pay any attention to the enemy of the revolution within. And while the workers and peasants of Russia were laying down their lives so heroically, this inner enemy rose to ever greater powers. Slowly but surely the bolsheviki were building up a centralized state, which destroyed the soviets and crushed the revolution, a state that can now easily compare, in regard to bureaucracy and despotism, with any of the great powers of the world.

From my study and observation of two years I am certain that the Russian people, if not continuously threatened from without, would have soon realized the danger from within and would have known how to meet that danger, as they had the Kolchaks, Denikins and the rest of them. Free from imperialist counter-revolutionary attacks, the people would have soon become aware of the true tendencies of the communist state, its utter inefficiency and inability to reconstruct ruined Russia.

BEST COPY AVAILABLE

302

82121201

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Tells How Bolshevism Killed Real Russ Revolution. Part 1 of 10 / Emma Goldman. – 34 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 9, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

gainst the interventionists, were too busy on the numerous fronts any attention to the enemy of the revolution within. And while the rs and peasants of Russia were laying down their lives so heroically, this inner enemy rose to ever greater powers. Slowly but surely the bolsheviki were building up a centralized state, which destroyed the soviets and crushed the revolution, a state that can now easily compare, in regard to bureaucracy and despotism, with any of the great powers of the world.

From my study and observation of two years I am certain that the Russian people, if not continuously threatened from without, would have soon realized the danger from within and would have known how to meet that danger, as they had the Kolchaks, Denikins and the rest of them. Free from imperialist counter-revolutionary attacks, the people would have soon become aware of the true tendencies of the communist state, its utter inefficiency and inability to reconstruct ruined Russia.

The masses themselves would have then begun to infuse new life into the pralyzed social energies of the country. Would not the people have erred and blundered, even as the bolsheviki have? No doubt they would But they would have, at the same time, learned to depend upon their own initiative and strength—which alone could have saved the revolution.

Why Revolution Is Doomed

It is entirely due to the criminal stupidity of some of the exrevolutionists who clamored for intervention, and to the imperialists who financed and backed intervention, that the Russian revolution, the greatest event of centurics, has been lost. To them it is also due that the bolsheviki, wrapped in the cloak of persecution, can continue to pose as the holy symbol of the social revolution.

I mean to expose this fatal delusion. Not because I have lost faith in the revolution, but because I am convinced that coming revolutions are doomed to failure should what Lenin himself called military communism be imposed on the world. Not because I have made peace with government do I intend to show what the bolshevik regime has done to the Russian revolution.

Rather is it because the experience of Russia, more than any theories, has demonstrated that all government, whatever its form or pretenses, is a dead weight that paralyzes the free spirit and activities of the masses.

I owe this to the revolution, nailed to the bolshevik cross, to the martyred Russian people, and to the deluded of the world. I mean to pay my debt in full, regardless both of the misappropriation of my words by the reactionaries and of villification by blinded radicals.—Copyright 1922, all rights reserved.

[In The Journal tomorrow Emma Goldman says the Russian revolution, as a radical social and economic change meant to overthrow capital and establish communism, must be judged a failure, and tells why.]

BEST COPY AVAILABLE

82121202

The Emma Goldman Papers

Russ Revolution a Failure, Slain by Reds Themselves, Opinion of Emma Goldman. Part 2 of 10 / Emma Goldman.– 29 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 10, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

RUSS REVOLUTION A FAILURE, SLAIN BY REDS THEMSELVES, OPINION OF EMMA GOLDMAN

Marxian Policies of the Bolshevists, Discarded After They Had Wrought Misery, Factors That Undermined Faith of Masses, She Says.

ALL INSPIRATION PARALYZED AND POPULAR INTEREST KILLED OFF

Peace of Brest-Litovsk, With Its Betrayal of Russians, Set Forth as First of a Long Train of Subsequent Evils.

By EMMA GOLDMAN

Stockholm, Swcden, March 10.—The Russian revolution as a radical social and economic change meant to overthrow capitalism and establisb communism must be declared a failure.

In estimatiug the various factors that crushed the revolution it is not enough to point out the role played by the counter revolutionary elements. To be sure, their crimes are heinous enough to condemn them unto all eternity. These Russian "patriots"—monarchists, cadets (constitutional democrats), right socialist-revolutionists, etc.—filled the world with their clamor for intervention. What was it to them that millions of their countrymen and thousands of innocent victims from all lands were slaughtered in the unholy war against Russia?

They lived in perfect safety and security; neither the bullets of the cheka nor the devastating hand of hunger and typhus could reach them. They could afford to play the game of patriotism. But, then, all this is sufficiently known to require no further elucidation. What is known is that the Russian and allied internationalists were not the only actors in the great social drama which ended in the death of the Russian revolution. The other actors are the bolsheviki themselves. It is of their role that I shall speak now.

Perhaps the Russian revolution was doomed at its birth. Coming as it did upon the heels of four years of war which had drained Russia of her best manhood, sapped her blood and devastated her land, the revolution may not have had the strength to withstand the mad onslaught of the rest of the world. The bolsheviki claim that the Russian people, though heroic enough for great outbursts, lack the perseverance necessary for the slow, painful, everyday exigencies of a revolutionary period. I do not admit the truth of it.

But, granted that this contention is well founded, I yet insist that it was not so much the attacks from without as the senseless and cruel methods within Russia that have killed the revolution and placed the yoke of despotism upon the people's neck. The Marxian policies of the bolsheviki, the tactics first extolled as indispensable to the life of the revolution only to be discarded as harmful after they had wrought misery, distrust and antagonism, were the factors that slowly undermined the faith of the people in the revolution.

Revolution Killed by Reds Themselves

If there ever was doubt as to what constitutes the greatest danger to a revolution—outside attacks or the paralyzed interest of the people within—the Russian experience should dispel that doubt completely. The counter-revolutionists, backed by Allied money, men and munition, failed utterly; not so much by the heroism of the Red army as by the revolutionary enthusiasm of the people themselves, who fought back every attack. Yet the Russian revolution has died an agonized death. How, then, explain that phenomenon?

The main causes are not far to seek. If a revolution is to survive in the face of opposition and obstacles, it is of the utmost importance that the light of the revolution be held high before the people; that they should at all times be close to the living, throbbing pulse of the revolution. In other words, it is necessary that the masses should continuously feel that the revolution is their own making, that they are actively participating in the difficult task of building the new life.

For a brief period after the October revolution the workers, peasants, soldiers and sailors were indeed the masters of their revolutionary fate. But soon the invisible iron hand began to manipulate the revolution, to separate it from the people, and to make it subservient to its own ends—the iron hand of the communist state.

BEST COPY AVAILABLE

82121202

The Emma Goldman Papers

Russ Revolution a Failure, Slain by Reds Themselves, Opinion of Emma Goldman. Part 2 of 10 / Emma Goldman.— 29 cm. *In* The Minneapolis Journal. —(March 10, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

Doomed by Marxian Policies

The bolsheviki are the Jesuit order in the Marxian church. Not that they are insincere as men or that their intentions are evil. It is their Marxism that has determined their policies and methods. The very means they have employed have destroyed the realization of their end. Communism, socialism, equality, freedom—everything for which the Russian masses have endured such martyrdom—have become discredited and besmirched by their tactics, by their motto that the end justifies all means.

Cynicism and coarseness have taken the place of the idealist aspirations that characterized the October revolution. All inspiration has been paralyzed; popular interest is dead; indifference and apathy are dominant. Not intervention nor the blockade—on the contrary, it was the internal policies of the bolshevik state that alienated the Russian people from the revolution and filled them with hatred of everything emanating from it.

"What is the use of changing?" now say the people; "all rulers are alike—the poor must always suffer." It is this fatalism, coupled with submission of centuries, which has helped the bolsheviki in their dominion over Russia. Have the bolsheviki learned from experience that the end does not justify all means?

To be sure, Lenine often repents. At every All-Russian communist conclave he comes forth with his mea culpa. "I have sinned." A young communist once said to me:

"It would not surprise me if Lenine should some day declare that the October revolution was a mistake."

Indeed, Lenine does admit his mistakes; but that does by no means prevent him from continuing the same mistaken policies. Every new experiment is proclaimed by Lenine and his zealots as the height of scientific and revolutionary wisdom. Woe be to those who dare question the justice or efficacy of the new measure! They are branded as counter-revolutionists, speculators and bandits.

Rapid Change of Face

But presently Lenine again repents, and then begins to deride his flock as fools for having believed that the experiment was at all possible. After deluding Russia and the world for four years by his avowal that communism is in the making in Russia, Lenine at the last congress of the All-Russian soviets covered his comrades with ridicule for their naivete in believing that communism is realizable in Russia now. Yet the prison doors are still closed upon those who mildly suggested the same thing three years ago.

It would be interesting to trace the various methods employed by the bolsheviki to achieve their ends—methods forced upon the people as the sum total of all wisdom and which resulted in the undoing of the revolution. The scope of an article does not allow a detailed analysis of everything the bolshevik state has done. I shall here refer only to the most important methods and phases.

The Brest-Litovsk peace marked the beginning of all subsequent evils. It was a deliberate denial of all that the bolsheviki had proclaimed to the world—peace without indemnities, self determination of all oppressed peoples, no secret diplomacy. Yet the bolsheviki made peace with German imperialism over the heads of the German people.

A Peace of Betrayal

The price of that peace was the betrayal of Latvia, Finland, the Ukraine and Byelorussia.

[Byelo-Russia is more commonly called "White Russia." It occupies the upper parts of the Western Slope of the Central Plateau of Russia, and the inhabitants of this section have a certain intermingling of blood with the Poles and Lithuanians. Byelo is the Russian word for "white."]

The result—several years of civil war, the disruption of the revolutionary forces, when unity was so vital to the defense of the revolution, and the beginning of the Red terror which is continuing to this day.

The peasantry of the Ukraine and of Byelorussia knew how to drive back the German invader, but it has neither forgotten or forgiven the treachery of the bolsheviki. The continuous presence of a million troops in the Ukraine to "liquidate the bandits" bears witness to the love of the Ukrainian peasants for the communist state. The ratification of the Brest peace, which Trotsky refused to sign, which Radek—then in a German prison—declared as the bankruptcy of the revolution, while Joffe signed it "with closed eyes," as he said, was the signal for long open and secret resistance of the peasants to the bolshevik state.

The peasants, who were at one with the workers till the Brest betrayal, turned with hatred and antagonism from the bolsheviki, who claimed to represent the peasants and the workers. Lenine demanded the ratification as a breathing spell for the revolution. It was one of his many blunders, but the most costly one. It strangled the revolution.—Copyright, 1922. All rights reserved.

[In The Journal tomorrow Miss Goldman tells how the peasants of Russia were turned against communism by the seizure of their food by the bolsheviki.]

BEST COPY AVAILABLE

82121203

The Emma Goldman Papers

Peasants Turn against Communism When Food Is Seized by Boslsheviki. Part 3 of 10 / Emma Goldman. – 35 cm. *In* The Minneapolis Journal. – (March 12, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

PEASANTS TURN AGAINST COMMUNISM WHEN FOOD IS SEIZED BY BOLSHEVIKI

"Forcible Collection" an Important Cause Contributing to Failure of Russ Revolution, Writes Emma Goldman

CO-OPERATIVES CRUSHED BY REDS TO STRENGTHEN CENTRALIZED POWER

"Free Expression" of Workers Turned Into Farce by Iron Rule of Inner Circle—Soviets Become Mere Mouthpieces

Miss Goldman is writing this series from Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she just succeeded in quitting. After being barred from several other countries she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The Journal disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The Journal feels it is performing a public service in presenting her articles.

By EMMA GOLDMAN

No. 3

Stockholm, Sweden, March 12.—The razvyorstka, the method of forcible food collection, soon followed upon the heels of the Brest peace. The bolsheviki will have it that they were compelled to resort to the razvyorstka by the refusal of the peasants to feed the city. This is only partly true. The peasants did indeed refuse to turn over their products to the government agents. They demanded the right to deal with the workers directly, but it was denied them. The inefficiency of the bolshevik regime and the corruption of their bureaucracy contributed much to the dissatisfaction of the rural population. The manufactures promised to the peasants in exchange for their produce seldom reached them, or, when actually received, proved to be damaged goods, short of measure, and so forth.

In Kharkov I saw the demonstration of the inefficiency of the centralized bureaucratic machine. In a large factory warehouse there lay huge stacks of agricultural machinery. Moscow had ordered them made "within two weeks, on pain of punishment for sabotage." They were made, and six months already had passed without the "central authorities" making any effort to distribute the machines to the peasantry, which kept clamoring for them in their great need. It was one of the countless examples of the manner in which the Moscow system "worked," or rather did not work.

Is it to be wondered at that the peasants lost all faith in the ability of the bolshevik state to manage things properly? When the bolsheviki saw that the peasant was not to be coaxed or cajoled into confidence, they devised the razvyorstka. A more effective method for antagonizing and embittering the peasantry could not have been invented. It became the dreaded terror of the agrarian population. It robbed them of everything. Only the future will be able to give an adequate picture of the terrible consequences of that insane measure with its great sacrifice of life and devastation.

Famine Made Worse by Bolshevist Tactics

Unbelievable as it may seem, it is a fact well known in Russia that the razvyorstka system was partly responsible for the present famine. For the peasants were not only stripped of their last pood of flour, often they were robbed of the seed they had put by for their next planting. The drouth is, of course, the main cause of the harrowing conditions in the Volga districts. But it is nevertheless true that if the peasants had been able to plant at the proper time, and freely, at least certain areas would have been in a position to help lessen the famine on the Volga.

The punitive expeditions, following upon a village's resistance to the government's food collectors and always in charge of communists, would attack the place by force of arms and often literally destroy it. In vain the peasants protested to their local authorities and finally to Moscow. No redress was to be found. A significant anecdote is current in Russia which throws light upon the peasants' view of the bolshevik method of food "collection."

A peasant committee is received by Lenine. "Well, dedushka, little grandfather," says Lenine to the oldest peasant, "you should be satisfied now; you

82121203

The Emma Goldman Papers

Peasants Turn against Communism When Food Is Seized by Boslsheviki. Part 3 of 10 / Emma Goldman. – 35 cm. *In* The Minneapolis Journal. – (March 12, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

have the land, the cattle, the fowls; you have everything."

"Yes, God be blessed," replies the peasant, "yes, little father, the land is mine, but you get the bread; the cow is mine, but yours the milk; the chicken mine, but yours the eggs. The Lord be blessed, little father."

Resistance of Peasants

The peasants, thus robbed and duped, turned against the communists. The razvyorstka, the punitive expeditions, the brutal methods and injustices, resulted in producing a strong counter-revolutionary feeling in the country. Some writers on Russia have taken the government interpretation of the antagonism of the peasants.

Thus, Bertrand Russell, by far the most sincere and honest critic of Russia, states in "The Practise and Theory of Bolshevism": "It must be said that the peasants' reasons for disliking the bolsheviki are very inadequate." It is evident that Mr. Russell did not see the effects of the razvyorstka, or he would have received a different impression.

The truth is, if the Russian peasant were not so phlegmatic and passive the bolshevik state would not have endured so long. As it is, their passive resistance has come near terminating the bolshevik regime. This realization it was—not the fact that razvyorstka was inhuman and counter-revolutionary—which forced Lenine to his now policy of taxation and free trade.

The co-operatives of Russia represented a great economic and cultural force in the life of the people. In 1918 they covered the country with a chain of 25,000 branches, with a membership of 9,000,000. Their invested capital at that time amounted to 15,000,000 rubles, while the business transacted the previous year exceeded 200,000,000. Of course, the co-operatives were not revolutionary organizations, but they were an indispensable medium between the country and the city.

Co-operatives Crushed

Whatever counter-revolutionary elements there were in the co-operatives were on top and could have been eliminated without destroying the entire organization. But to permit the co-operatives to function would have meant the lessening of the centralized power of the state. Hence the co-operatives had to be "liquidated" and a great factor for the reconstruction of Russia was utterly destroyed.

Now, after the co-operatives are no more and the men and women that have done such splendid work in that movement have wasted their lives in bolshevik prisons, Lenine again says "mea culpa." The co-operatives are now to be re-established, the corpse is to be revived. Shortly before the co-operatives were again legalized, Peter Kropotkin—then on his deathbed—expressed the wish that the six Dmitrov co-operators should be released. He had known them intimately as earnest and devoted workers.

They had then already spent 18 months in the Boutirka, the Moscow prison, because of their loyalty to their work. They were released only after Lenine had declared that the co-operatives must be resurrected. It is hardly probable that the co-operatives will ever attain to their former strength and importance within the bolshevik state.

To call present Russia soviet Russia or the bolshevist regime a soviet government is preposterous. The soviets had their inception in the revolution of 1905, and again came into being after the February revolution. They have about as much relation to the bolshevik government as the early Christians had to the Christian church.

The soviets of peasants, workers, soldiers and sailors were the spontaneous expression of the liberated energies of the Russian people. They represented the needs of the masses made articulate after centuries of silence. Already in May, June and July of 1917 the dynamic force of the soviets urged the workers to seize the factories and the peasants to take the land.

The soviets spread with great rapidity over Russia, fanned the flames of the October revolution and continued to function for many months after that event. Some social politicians failed to grasp their significance. The latter simply swept over them. The same would have happened to the bolsheviki had they attempted to stem the onrushing tide of this movement.

But Lenine is shrewd and subtle; he joined in the popular cry, "All power to the soviets!" When he and his fellow Jesuits were firmly in the saddle the breaking up of the soviets began. Today they are like everything else in Russia—a shadow with the substance utterly crushed.

The soviets now voice only the decision of the communist party. No other political opinion has any chance to get a proper hearing. The election methods practised by the communists would fill Tammany hall with envy. On my arrival in Russia I was told by a leading communist that "Boss Murphy and Tammany hall have nothing on us." Naturally I thought that the man was joking. Soon I convinced myself that he had told the truth.

Every known device is employed by the bolsheviki to swell the communist vote. If ordinary pleading fails, threats of losing the payok and of arrest do the work. The voters know what to expect. It is therefore obvious why the communists invariably poll a majority. Still, the mensheviki, left social revolutionists, and even anarchists have their representatives elected now and then—which is no small feat in bolshevik Russia.

Without a press, deprived of free speech, and without the legal permission of propaganda in the shops, it is nothing short of a miracle that the opposing parties succeed in having some representation in the soviets. But as far as opportunity of making themselves heard is concerned, they might as well not be there. The communist claquera see to it that none but communists are given a hearing.

In case of the anarchists elected to the soviets, the government generally refuses to recognize their mandates or finds some pretext to send them to the Cheka. In 1920 I attended an election meeting held in one of the factory clubs in Moscow. It was the second time the government had refused to seat the candidate of the workers—an anarchist. Though the opposing candidate of that district was Semashko, the commissary of health, the workers for the third time elected the anarchist. In vain did Semashko stoop to abuse and misrepresentation; in vain did he shake his fists in the faces of the workers, calling anathema upon their heads.

Anarchist Was Re-elected

The workers only laughed and jeered him and re-elected the anarchist. A few months later the man was arrested on some pretext. He was released only after a prolonged hunger strike, and that only because the British labor mission was in Moscow at the time and the bolsheviki were anxious to avoid a scandal. Before I left Moscow, Dec. 1, 1921, three anarchist members of the Moscow soviet had been arrested. One was exiled from the capital; the other two, as I have learned since, have had a charge of "banditry and underground activities" placed against them—a very serious charge, usually followed by shooting without hearing or trial. Those men had been outspoken in the soviet. They had to be "removed."

One can easily see that neither the Moscow soviet nor any other soviet has any independent voice or function. Not even the ordinary communist member has much freedom of speech there. In the soviets, as well as in the entire bolshevik government, the "dictatorship of the proletariat" is vested in the hands of a very small group—the inner circle which alone rules Russia and her people.

What was once an ideal, the free expression of the workers, peasants and soldiers, has been turned into a farce, which the people no longer believe in or want.—Copyright, 1922. All rights reserved.

[Tomorrow Miss Goldman tells of the conscription of labor in Russia and of the work of the Checka—the spy, policeman, judge and executioner all in one.]

BEST COPY AVAILABLE

307

82121204

The Emma Goldman Papers

Torture System of Dark Ages Used by Bolsheviki to Compel "Confessions". Part 4 of 10 / Emma Goldman.— 29 cm. *In* The Minneapolis Journal. —(March 13, 1922, fragment).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

TORTURE SYSTEM OF DARK AGES USED BY BOLSHEVIKI TO COMPEL "CONFESSIONS"

Emma Goldman Describes Red Terror of the Russian Cheka, Spy, Policeman, Judge and Executioner

MASSES MADE MERE CHATTELS BY SOVIETS' CONSCRIPTION OF LABOR

Thinly Clad Women Driven Into Cold and Sleet to Shovel Snow or Cut Ice—Real Workers Now Loathe Lenine Bosses

Miss Goldman is writing this series on Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she just succeeded in quitting. After being barred from several other countries she has been permitted to enter S...den. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The Journal disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be [illegible]hed, The Journal feels it is performing a public service in pre[illegible]enting her articles.

By EMMA GOLDMAN

No. 6

Stockholm, Sweden, March 13.—Mobilization of labor, in reality conscript labor, was heralded to the world as the greatest asset of Communism. "All must labor now in Soviet Russia. No more parasites!" Though Lenin has never openly admitted that this method, like many other similar ones decreed to rebuild Russia, is a mistake, I am yet inclined to think that he realizes that conscript labor has done absolutely nothing to increase the output of the workers.

What it did accomplish was to establish, while it existed, chattel slavery and to replace the bourgeois parasite by the machinery of Bolshevik parasitism. Its function was to drive the workers to toil, oversee them on the job and have them arrested and occasionally even shot for deserting the job. As for the great majority of the workers, they went to the shops not to work but to rest, and secretly to make a few articles that their wives and children could take to the country and exchange for flour and potatoes. That, incidentally, kept them from starvation.

Apropos of the opportunities of bringing something from the country, a whole book could be written on that alone. With the prohibition of trrading came the "zagryaditelny stryad," the detachment of soldiers and Chekists at every station to confiscate everything brought by private persons to the city. The wretched people, after untold difficulties of obtaining a pass for travel, after days and weeks of exposure at the stations, after the ghastly trip in filthy, overcrowded cars, or on the roofs and platforms, would bring a pood of flour or potatoes, only to have it snatched from them by the stryad.

In most cases the confiscated stuff was divided by the defenders of the Communist state among themselves. The victims were fortunate indeed if they escaped further trouble. Often they would be robbed of their precious pack and thrown into jail for "speculation." The number of real speculators apprehended was insignificant in comparison with the mass of unfortunate humanity that filled the prisons of Russia for trying to keep from starving to death.

Workers Driven to Their Death

One thing must be said for the bolsheviki—they do nothing by half. As soon as compulsory labor became a law it was carried into effect with a vengeance. Men and women, young and old, thinly clad and in torn shoes [illegible]ith only rags on their feet, were indiscriminately driven into the cold [illegible] sleet to shovel snow or cut ice. Sometimes they were sent in groups to the forests to saw wood.

Pleursiy, pneumonia and tuberculosis resulted. It was only then that the wiseacres in the Kremlin created a new department for the distribution of labor. This bureau decided upon the physical fitness of the workers, classified and distributed them according to their trade.

Under such enslaving and degrading condition one need not be aurprised [illegible] because they hated it and the manne[illegible]

82121204

The Emma Goldman Papers

Torture System of Dark Ages Used by Bolsheviki to Compel "Confessions". Part 4 of 10 / Emma Goldman.– 29 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 13, 1922, fragment).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

that the people suffered [illegible]

they were driven to it. They began to look upon the Communist state as the new leech that was sapping their life-blood. The workers of Petrograd, the most revolutionary, they who had borne the brunt of the long struggle, who had so heroically defended the city against Yudenitch, who starved and froze beyond belief—what wonder if even they came to loatbe the false revolutionists and everything connected with them.

Their Ideals Undermined

Not theirs is the fault—it is the cruel bolshevik machine which undermined their ideals and faith. That machine has engendered a counter-revolutionary feeling which it will take long to overcome.

I shall never forget a certain scene—a meeting of the Petrograd Soviet. On that night the fate of Cronstadt was to be decided. After long speeches by the leading Communists, several workers and sailors asked for the floor. A worker from the arsenal speaks. He faces the chair instead of the audience. His voice is tense with suppressed emotion, his eyes burn, bis whole frame shakes. He addresses the Chairman of the Petrograd Soviet, Zinovieff.

"Three years and a half ago," he says, "you were denounced as a German spy, a traitor to the revolution, hounded and persecuted. We, the workers and sailors of Petrograd, saved you, fought for you, bled for you and carried you to the seat you now occupy. We did that because we believed that you were expressive of the people. Since then you and your government have gone away from us. Now you call us insulting names, dare to decry us as counter-revolutionists. You imprision and shoot us because we ask you to make good the promises you had given us in the October revolution."

I do not know what became of the man. He may he in prison or dead for his daring. His cry fell on deaf ears. Yet it was the cry of an agonized spirit, the collective Russian spirit, that had aspired to and attained such heights during the revolution and that is now fettered by the bolshevik state.

Tyranny of the Cheka

The Cheka, the All-Russian Extraordinary commission, unquestionably is the blackest measure of the bolshevik regime. It was organized shortly after the bolsheviki come to power for the purpose of coping with counter-revolution, sabotage and speculation. Originally the Cheka was controlled by the Commissariat of the Interior, the Soviets, and the Central Committee of the Communist party.

Gradually it became the most powerful organization in Russia. It was not merely a state within the state; it was a state over the state. The whole of Russia is covered to the remotest village with a net of Chekas.

Every department in the vast bureaucratic machine has its extraordinary commission, omnipotent over the life and death of the Russian people. It would require the master pen of a Dante to bring home to the world the inferno created by this organization, the brutalizing, disintegrating effect it bas upon the extraordinary commissions themselves, the dread, distrust, hatred, suffering and death it has wrought upon Russia.

[In reading what Miss Goldman says of the Cheka, it must be borne in mind that Lenin recently announced that it had been greatly shorn of its inquisitorial powers. How far this is true is not known. Perhaps it is another case of Lenin, as Miss Goldman puts it, crying "mea culpa" and "repenting."]

Admitted Reign of Terror

The head of the All-Russian Extraordinary Commission is Dzerzhinsky. He, together with his fellow member of its presidium, are "tried" Communists. In a public statement Dzerzhinsky said: "We are the representatives of organized terror. * * * We terroize the enemies of the Soviet government. * * * We have the power to undertake raids, confiscate goods and capital, perform arrests, question, try and condemn those who we consider guilty, and to inflict the death penalty."

In other words, the Cheka is spy, policeman, judge and executioner, all in one. It is the supreme power from which there is no redress, and only rarely an escape. It operates nearly always at night. The sudden flood of light in a district, the noise of madly speeding Cheka automobiles are signals for the alarm and dread of the community. The Cheka is at work again!

Who are the unfortunates caught in the net this night? Whose turn will be next?

The Cheka was organized to cope with counter-revolution, but for every real conspiracy it has unearthed it has created nine, either of an imaginary nature or of its own making. It must be borne in mind that the main asset of the Cheka are its provocators and informers. Like the scourge of typhus they infest the very air of Russia. They shrink from no method, be it ever so base and cruel, to involve their victims and to penalize them as dangerous counter-revolutionists and speculators. In reality, however, the Cheka itself is a hotbed of counter-revolutionary plot and fabulous speculation.

Continued on Page 19.

82121205

The Emma Goldman Papers

How Fares Child in Russia? Fallen into Evil Days; Ill Fed and Ill Treated. Part 5 of 10 / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The Minneapolis Journal. – (March 14, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

HOW FARES CHILD IN RUSSIA? FALLEN INTO EVIL DAYS; ILL FED AND ILL TREATED

Children, Branded as Thieves, Are Isolated and Spoken of as "Moral Defectives," Says Emma Goldman

"MODEL" SCHOOLS CONDUCTED AS CLOAK TO WIN FOREIGN APPROVAL

Net of Bribery Spread Over Entire System by Bolsheviki—Most Pupils Forced To Go Without Shoes

Miss Goldman is writing this series on Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she just succeeded in quitting. After being barred from several other countries she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The Journal disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The Journal feels it is performing a public service in presenting her articles.

By EMMA GOLDMAN

No. 5

Stockholm, Sweden, March 14.—The vicious circle created by the communist state, which thwarts the most sincere endeavors, is nowhere so evil and apparent as in the bolshevik activities in behalf of the child. For though much of the accounts of child life in Russia is mere legend, still it must be admitted that a great attempt had been made. Why has it failed?

I remember vividly the impression made upon me by one of the speakers at the second anniversary of the October revolution, held in Madison Square Garden, in 1919. The man had just returned from Russia. He roused the audience to great enthusiasm by his description of the care and treatment of the children in Russia. My heart went out to the people of that country—the masses who had thrown off the yoke of ages and were now being "led by the hand of a child." It was so wonderful.

All through my voyage on the floating prison, the Buford, the thought of the work done for children in Russia sustained and warmed my spirit. How full of promise was the future; how inspiring to become part of that splendid new life! But in Russia I realized that I had reckoned without the vicious circle—the socialist state which has compressed every effort within its orbit.

It is true that the bolsheviki have attempted their utmost in regard to the child and education. It is also true that if they have failed to minister to the needs of the children of Russia, the fault is much more that of the enemies of the Russian revolution than theirs. Intervention and the blockade have fallen heaviest upon the frail shoulders of innocent children [illegible]be sick. But even under more favorable conditions the bureaucratic [illegible]kenstein monsters of the bolshevik state could not but frustrate the best intentions and paralyze the supreme effort made by the communists in behalf of the child and education.

Pupils Come in Vermin-eaten Clothes

It was not until I had been in Russia several weeks that I had an opportunity to visit the first school, the best in Petrograd. It is called "pokaaztelnaya shkola," model school, literally "show school." I did not grasp its meaning until later. The school was situated in the Hotel L'Europe, the place still retaining much of its former elegance, with spacious rooms, beautiful chandeliers and luxurious furniture.

In the winter of 1920 the shortage of fuel was so great in Petrograd that the population all but perished. It was therefore necessary to crowd the children in as few rooms as possible. But they were clean, well kept and comfortable. The children averaging from 6 to 13 years looked healthy, well fed and contented. The physician in charge conducted me through the

BEST COPY AVAILABLE

82121205

The Emma Goldman Papers

How Fares Child in Russia? Fallen into Evil Days; Ill Fed and Ill Treated. Part 5 of 10 / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The Minneapolis Journal. – (March 14, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

large place, including the kitchen, shining with lovely copper dishes, and explaining everything in detail.

The school was used as a sort of receiving and disctributing center. Children were brought there from all parts of Russia, from the provinces mostly. They came in vermin-eaten clothes, emaciated and ill. They were bathed, weighed, measured, fed up and given general treatment. For a short period they remained in the school, receiving elementary instruction, and later they were sent to other boarding schools for children.

What I saw impressed me tremendously. Here, indeed, was proof of the reports that had come to America about the great things done for children in Russia.

Children Sequestered as Thieves

There was only one disturbing note in the beautiful picture. A chance remark to my hostess, the physician, disclosed that several children could not be seen because "they were in isolation."

"Some contagious disease?" I asked. "No," said the lady, "but they are little thieves, so we must keep them away from the other children."

I was dumbfounded. I saw before me the schoolmaster Tolstoy as portrayed by Ernest Crosby. One of the children in his school had stolen something. The other children had denounced him as a thief and asked their teacher to punish him. Pupils and teacher agreed that a sign bearing the inscription "Thief" should be hung on the offender's neck.

While putting the string over the boy's head Tolstoy was struck by the look in the child's eyes—a look of humiliation and dumb accusation. No, not the child was the offender. It was he, Tolstoy, and the other children—all of society—that could commit such a cruel thing, to brand the child a thief.

Never again thereafter was a child punished in Tolstoy's school. Yet here in great, free revolutionary Russia, were children punished, kept isolated, branded thieves and continuously spoken of as "moral defectives." I was disturbed, puzzled. However, I would not let that obscure the beautiful picture I saw in the Hotel L'Europe.

Fed Upon Potato Peelings

A little later I was visited by a woman I had known in America for many years. With her husband and young son she had rushed to their native land shortly after the February revolution. She had participated in the great October days and since then she had been engaged in various work, but her main interest was in the care of children. At the time of her visit she was matron in an "internat," a boarding school for girls. The woman related to me much about her work, the children, and spoke of the bitter struggle to procure the necessary things for her school. Her story was so utterly at variance with what I had seen at the Hotel L'Europe that I could not credit it. Yet I knew my friend to be absolutely honest and trustworthy. It seemed inexplicable.

I asked my friend to remain for supper. We talked about people we both had known in America, about the October revolution and its effect upon the oppressed of the world, while I was peeling potatoes in my improvised kitchenet.

"Don't throw the peelings away," my friend warned me.

"Why, what do you want with the peelings?" I asked.

"The children make potato cakes of them and are so glad to get them."

"The children?" I wondered. "How is that possible? Are they not getting the first rations?" I saw myself at the Hotel L'Europe that the children were fed on milk, cocoa, rice, farina, white bread, chocolate, even meat.

My visitor smiled. "Come to my school," she said, "and convince yourself."

I went, not once but many times. There I saw the other side of the medal. Yet even then I would not be convinced so easily. There were 65 children in that school. Their food was scanty and of poor quality. Most of them were sustained by what their people or relatives sent from the country. They had little warm clothing, and the majority were without shoes. My friend had to waste much of her time and all her energy in the various departments of the educational board.

Two Weeks to Get 20 Wooden Spoons

It took her two weeks to get 20 wooden spoons for 65 children. After a whole month of effort, of standing in line, waiting to be admitted to the high officials, she was given 25 pairs of snowshoes. It required much wisdom and great tact to divide these among the 65 children without causing envy, hatred and quarrels among them.

Each time I revisited that school I became more convinced that there was something wrong somewhere. How else explain the difference between the care the children received at the Hotel L'Europe and those of the school on Kronversky prospect?

There the children were given the best of everything—food, clothing, rooms, concerts, dances—in fact, almost too much considering the general situation. Here the children had so little that they were constantly hungry, and what little they got had to be obtained with the greatest difficulty.

Continued on Page 17.

BEST COPY AVAILABLE

82121205

The Emma Goldman Papers

How Fares Child in Russia? Fallen into Evil Days; Ill Fed and Ill Treated. Part 5 of 10 / Emma Goldman.— 29 cm. *In* The Minneapolis Journal. —(March 14, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

[March 30, 1922]

Thursday Evening, THE

HOW FARES CHILD IN RUSSIA? EVIL DAYS

Continued from Page 15.

Soon, I learned a few facts. There was not enough food or clothing in Russia for all the children. The bolsheviki thought it necessary to have a few show schools in each city for the benefit of the foreign missions, delegations and reporters. The children were exhibited, paraded on every occasion and written about. These schools received the cream of everything. What was left went to the other schools, which were of course in the majority.

Judged by Model Schools

Persons that visited the show schools and judged of the care of children in Russia by them, went away utterly ignorant of the true conditions of the mass of children under the bolshevik regime.

Allied intervention and the blockade are chiefly responsible for the terrible poverty in Russia. Yet whatever there was of life's necessities for the children could have been distributed more equitably. The bolshevik system itself involved discrimination and inequality in regard to the children, as it did in the treatment of the workers. For the latter there were various categories of rations, officially planned and carried out.

For the children the same situation obtained in practise, though more unofficially. In the first place, the system of "show" schools itself was vicious, demoralizing and establishing special privileges. That in return involved pretense, sham and deceit, which could not help having their effect upon teachers as well as children.

But most of all, it was the centralization of the state and its resultant complex machinery of bureaucratic officialdom that made the best efforts of the bolsheviki, in this as in other directions, futile and barren.

"Dead Souls" Return to Life

A hundred years ago Gogol startled his countrymen by his great work, "Dead Souls." It was a scathing arraignment of Russian feudalism and its parasitism. "Dead Souls" have come to life again in Russia. But there is no Gogol to pillory them. And if there were, he would have much less chance of a hearing in the Russia of today than the great Gogol had in his time.

Who are the modern dead souls? That will be best clarified by illustration. Every creche, boarding school, reformatory—in fact, every institution where children and grown people live, is entitled to as many food and clothing rations as the number of its inmates.

All institutions depend on the central distributing department (in Petrograd, the Pterokommuna; in Moscow, the Moskommuna, etc.) for their supplies. Numerous orders signed and countersigned by scores of tchinovniki must be secured for everything needed by a given institution.

The tchinoviki systematically delaying matters until they receive some bribe, it becomes necessary to get orders for more than the actual number of the population in the institutions, so that some "extras" may be left for bribes as well as for the hungry friends of the "economic manager" of the institution in charge of the supplies.

Food Given in Bribes

For instance, the school of my friend had 65 children. All former matrons had added a number of fictitious names —"dead souls"—to the actual total of the children in the schools. In return for the extra rations thus secured and used as a bribe, the matrons were assured quick service. Having in this manner provided themselves with "influence" in the various departments, it did not matter if the managers in charge of the schoools sabotaged their work, neglected and even abused the children or often speculated with the provisions obtained for the inmates. They had "friends on high."

The results of this pleasant arrangement, universal in Russia, are obvious, of course. But my friend wouldn't be a party to such practises. She refused to add "dead souls." She knew that each dead soul was living on the already very insignificant ration of some child.

Struggle Against Vicious Circle

She declined to feed the numerous inspectors, examiners and correctors of her district. The result was a long and bitter struggle against the vicious circle, a struggle which undermined her health and ended in her being ousted from her position, literally thrown out on the street. In vain she tried to call the attention of the "comrade" at the head of the Petrograd department of education, Mme. Lilina. She could not be seen and she never visited the school of my friend. The "show" schools took up all of her time. Besides, Mme. Lilina would hardly have credited my friend's story. It is not customary to pay attention to "outsiders" that make complaints against communists. And, incidentally, it is a dangerous thing to indulge in.

Later I met Mme. Lilina. I think she is sincere and very devoted to her work. But she is a bigot, without vision. She depends entirely upon her chief subordinates, all communists, for her information about the conditions in the schools. The criterion of fitness and veracity in Russia is adherence to the communist party. It is hardly necessary to emphasize the result.—Copyright, 1922.

More of what it means to be a child today in Russia will be the substance of Miss Goldman's article tomorrow in The Journal.

BEST COPY AVAILABLE

890520002

The Emma Goldman Papers

On Behalf of Russian Anarchists / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro.– translated by D. DiLillo, "[Report to] Department of Justice." –(March 15, 1922).– 6 p. ; 27 × 22 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 65.

Instructions received from Special Agent in Charge L. Letherman.

REPORT MADE AT:	DATE WHEN MADE:	PERIOD FOR WHICH MADE:	REPORT MADE BY:
Boston, Mass.	Mar/15,1922.	March 16,1922.	D. DiLillo

TITLE AND CHARACTER OF CASE:

ANARCHIST BLACK CROSS OF RUSSIA, now known as SOCIETY FOR AID TO ANARCHISTS IN RUSSIAN PRISONS. Anarchist Activities.

ALL INFORMATION CONTAINED HEREIN IS UNCLASSIFIED DATE 8-11-93 BY 347

FBI - BOSTON MAR 23 1922 RECORDED

FACTS DEVELOPED:

EMMA GOLDMAN, ALEXANDER BERKMAN, A. SHAPIRO.

Issue No. 18 for February 8, 1922, of "IL VESPRO ANARCHICO" - the anarchist-individualist newspaper edited by PAOLO SCHICCHI of Collesano, and published at Palermo, Italy - allots considerable space to the Russian situation in general and to the Russian anarchists in particular, "who, on account of their opposition to the Bolsheviki government, are strenuously persecuted by the Soviet Russia authorities".

It is obvious to say that "IL VESPRO ANARCHICO" being an anarchist publication contains inflammatory articles against the Russian Bolsheviki government, the leader of which, NICOLAI LENINE, is described in it to be "Red Czar, the personification of imposture and fraud, of falsehood and deceit, the coward and terrible hyena, the thief and the assassin", and who is accused "to trade the fate of the Russian proletariat with the capitalists and the politicians at the future conference of Genoa".

What is considered to be of interest to the Bureau, however, inasmuch as the anarchist activities on behalf of the Russian anarchist prisoners may in the near future be developed in this country, is an article edited in the form of an appeal, signed by EMMA GOLDMAN, ALEXANDER BERKMAN and A. SHAPIRO, appearing on page two, first column, of "IL VESPRO ANARCHICO" for February 8th, this year. The article, which is addressed to all the proletarians of the world,

DEPT. OF JUSTICE MAR 23 1922 RECORDED BOSTON MASS. RETURN BOX

REFERENCE:	COPIES OF THIS REPORT FURNISHED TO:
	WASHINGTON 3, BOSTON 2.

DDL:D.

7—1160

BEST COPY AVAILABLE

890520002

The Emma Goldman Papers

On Behalf of Russian Anarchists / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro.– translated by D. DiLillo, "[Report to] Department of Justice." –(March 15, 1922).– 6 p. ; 27 × 22 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 65.

translated into English reads as follows:

"ON BEHALF OF RUSSIAN ANARCHISTS

"Having left Russia a short time ago, we feel that our first and most urgent duty is to raise our voice on behalf of our prisoners in Russia.

"It is ~~said~~ sad, it is tearing to speak of political prisoners in the territory of the Social Revolution, and the fact that we must speak of it throws a singular light on the Russian situation.

" Notwithstanding, unfortunately, the facts are facts! And we do not speak of the contra-revolutionaries who might be considered the enemies of revolution. For as much as it may seem unbelievable the prisons and the penitentiaries of Russia are today populated by the best revolutionary element of the country, by men and women animated by the highest ideals, by the most generous aspirations. Throughout the large country, in Russia and Siberia, in the prisons of the old regime as well as in those of the new one, in the tombs of the 'Ossoby Oldell della Ceka', are rotting revolutionaries of all parties and of all movements: revolutionary socialists of the left wing, massimalists, communist followers of the 'workers opposition', anarchists, anarche-syndicalists and universalists - adhering to several schools of social philosophy, but all of them true revolutionaries, the majority

7—1169

BEST COPY AVAILABLE

890520002

The Emma Goldman Papers

On Behalf of Russian Anarchists / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro.– translated by D. DiLillo, "[Report to] Department of Justice." –(March 15, 1922).– 6 p. ; 27 × 22 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 65.

of whom took an enthusiastic part in the revolution of November, 1917.

"The position of these political prisoners is miserable. Without considering the anguish and the moral sufferings of all kinds, even the only physical existence is unbearable. Considering the general conditions of Russia and the lack of building material and skilled workers, it is impossible to maintain the prisons in habitable conditions. As a consequence the hygienical conditions in general are of the most primitive. But worst of all is the question of food. Never, during all its period of dominion, the Bolsheviki government has been able to furnish sufficient food to its prisoners. Their rations are absolutely insufficient to maintain even the most miserable life. The alimentation of the prisoners must be provided almost completely by relatives, friends and comrades. But now the situation has become still worse. With the fact that there has been collected only 52 per cent of alimentary taxes, without hope to collect more on account of the terrible famine which struck the Volga provinces, and also with the fact of the total failure of the economical organization of the government, the situation of the population of the prisons is really the most desperate.

"The needs of political prisoners in Russia are taken care of by the political Russian Red Cross, within the limits of its very scarce means. This is an organization very active and efficacious, a member of which is one celebrated revolution-

BEST COPY AVAILABLE

890520002

The Emma Goldman Papers

On Behalf of Russian Anarchists / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro.– translated by D. DiLillo, "[Report to] Department of Justice." –(March 15, 1922).– 6 p. ; 27 × 22 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 65.

ary VERA FIGNER. It depends only on voluntary contributions and has obtained great success when it is considered how difficult it is in Russia to donate a part of one's own insufficient ration. Nevertheless the Red Cross has been able to provide to the most elementary necessities of the political prisoners.

"Of all, less the anarchists. Not because the Red Cross makes distinction. On the contrary, this organization is perfectly impartial despite the fact that the majority of its members are elements of the right wing. But for political reasons, the Russian anarchists have adopted long since the system to aid their comrades in prison, and for many years it has been the constant work of the Anarchistic Red Cross (later known under the name of Black Cross) to take care of the anarchists detained in the Russian prisons.

"In all periods it has been a herculean effort of the anarchists enjoying freedom to think of their comrades kept in prison. Many of the most active lost their lives in the service of revolution, many of them died in the first battle line, while many others have been shot or are rotting in the Bolsheviki prisons. The majority of those who are still living and free are constantly in danger of starving to death. The 'Black Cross' must really make superhuman efforts so as to prevent the starvation of our comrades in jail. It has accomplished a noble work of sacrifices and abnegation.

"But if up to the present time the undertaking has been hard and difficult, now it has become immensely worse.

7—1169

BEST COPY AVAILABLE

890520002

The Emma Goldman Papers

On Behalf of Russian Anarchists / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro.– translated by D. DiLillo, "[Report to] Department of Justice." –(March 15, 1922).– 6 p. ; 27 × 22 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 65.

The new bolshevist politics of systematical persecution of the anarchists is a terrible obstacle to the work of the 'Black Cross'. Many of its members having been themselves put in prison, the organization has been reorganized under the name of the SOCIETY FOR AID TO ANARCHISTS IN RUSSIAN PRISONS. It continues untiringly to distribute to the prisoners all that it is able to collect. Unfortunately it can do very little. Our free comrades deprive themselves even of the most necessary in order to send to the prisoners a pound more of bread or potatoes. They willingly divide their last bite. But they are so few, and their comrades in prison are so many and need so much!... From the prisons of Moscow and Petrograd, from Orel and Vladimiro, from the distant provinces of the East and from comrades exiled in the frozen countries of the North arrive terrible news. The dreadful flagellum produced by insufficiency of alimentation, the feared 'zinga' (scurvy) is near to them all. Their hands and their feet swell, their teeth fall... their bodies fall in dissolution.....

"Do you want to listen, Oh, comrades of the world, to their desperate outcries? The Russian anarchists cannot provide at present even the most indispensable necessities without the aid of foreign comrades. In the name of the SOCIETY FOR AID TO ANARCHISTS IN RUSSIAN PRISONS, in the name of our martyred comrades who are now freezing and starving to death in the prisons of the Bolshevists, on account of their ideals, we appeal to you, comrades and friends of all

7—1169

BEST COPY AVAILABLE

890520002

The Emma Goldman Papers

On Behalf of Russian Anarchists / Alexander Berkman, Emma Goldman and A[lexander] Schapiro.– translated by D. DiLillo, "[Report to] Department of Justice." –(March 15, 1922).– 6 p. ; 27 × 22 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 65.

countries. Only your immediate and generous aid can save from starvation our imprisoned comrades in Russia.

"Send your contributions directly to: Redaction Brand, R.A. R.P. Elandsgatan, 48, Stockholm, Sweden.

"Only donations in money are requested. On account of the depreciated value of Russian money, even the smallest contribution forwarded by friends in Europe and America will be a sensible aid.

"Fraternally

ALEXANDER BERKMANN,
Delegate of the Society
For Aid to Anarchists
in Russian Prisons,

EMMA GOLDMAN,

A. SHAPIRO, Secretary
of the Anarcho-Syndicalist
Union "Golos Truda", Moscow.

"Stockholm, Jan. 12, 1922.

"All anarchist and syndicalist newspapers are requested to reproduce this appeal."

CLOSED.

7—1169

BEST COPY AVAILABLE

82121206

The Emma Goldman Papers

Only One Happy Child's Laugh Heard in Whole of Russia by Emma Goldman. Part 6 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 15, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

ONLY ONE HAPPY CHILD'S LAUGH HEARD IN WHOLE OF RUSSIA BY EMMA GOLDMAN

3/31/22

System by Which Children's Rations Are Cut to Feed Host of Bolshevist Parasites Is Found in Vogue Everywhere

LITTLE ONES ARE STARVING FOR AFFECTION AS WELL AS FOR FOOD

"Show Schools" Maintained to Deceive Visitors From Outside—"Moral Defectives" Put in Colonies Little Better Than Jails

Miss Goldman is writing this series on Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she just succeeded in quitting. After being barred from several other countries she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The Journal disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The Journal feels it is performing a public service in presenting her articles.

By EMMA GOLDMAN

No. 6

Stockholm, Sweden, March 15.—All this (the partial starvation of children in bolshevik schools) I learned gradually, painfully, day by day. At first I refused to believe that the "dead soul" method was a general practise. But the proofs for it were so many I had to face facts in the end. Next door to me, in the Hotel Astoria, "First House of the Soviet," lived a little woman and her two children. She was a communist, but one who fought hard against the "dead soul" method. She worked in various child institutions. She not only corroborated the condition I found at the school on Kronversky Prospect but she took me to many others where ahe same practises prevailed.

Everywhere "dead souls" livd off some of the half starved children. My neighbor related the experience she had had with her own children, a boy of 3 and a girl of 9. Both had been placed in a colony. Out of her own meager earnings the mother regularly sent the children extra provisions, as they did not get enough there. At the end of six months both children took sick and had to he removed to the one room they shared with their mother. The girl had developed a pernicious rash and the boy was badly run down. Both cases were diagnosed as due to malnutrition.

I became friends with my neighbor, a sincere and hard working commnnist. Throngh her I learned much of the general status of children. More and more I came to see that the holsheviki were trying to do all they could for the child, hnt that their efforts were heing defeated hy the parasitic hureaucracy their state had created. Ahove all proved destrnctive their notion that even the child must he used for propaganda pnrposes.

The "show" schools were a most evil influence, especially on the chlldren at large. They poisoned the child's mind with a sense of injnstice and discrimination. For qnicker and more correctly than the adult, the child senses wrong and sham. And while these "show" schools were being used as newspaper copy ahroad, the masses of children in Russia were neglected as the workers' children are in the rest of the world. Everywhere the privileged few receive all the advantages. Bolshevik Russia is not exempt from this cruel situation.

Schools for "Defectives"

I have said in the beginning that I was deeply disturbed when I first heard that children were isolated as "thieves and moral defectives." At the time I ascribed this attitude to the oldfashioned notion of the physiclan in charge of the Hotel D'Europe. An article in the official "Pravoda," and the talk I had with many leading communists, among them Maxim Gorky, Mme. [illegible] convinced me that nearly all of them believed in "inherent

BEST COPY AVAILABLE

319

82121206

The Emma Goldman Papers

Only One Happy Child's Laugh Heard in Whole of Russia by Emma Goldman. Part 6 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 15, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

moral depravity."

Some high standing pedagogues even favored prisons for such "moral defectives." But that was too much for Lunacharsky, the commissary of education, Gorky and others of the more progressive element, whom orthodox communists regard as sentimentalists. Lunacharsky fought the barbarous proposition and, fortunately, his side scored a victory. Yet even as late as September, 1921, there were 200 juveniles, among them a child of 8, in the Taganka prison of Moscow.

I am certain neither Lunacharsky or Gorky knew about it. But therein lies the curse of the vicious circle; it makes it impossible for those at the head to know what the host of their subordinates are doing. The presence of the children in the Taganka was discovered by the political prisoners who had been sent there. They reported it to their friends on the outside, who took the matter up with Lunacharsky. The children were finally removed from the prison.

200 Children Found in Prison

However, schools and colonies for the "moral defectives" are not much better than a prison. An investigation made by a committee of the communist youth disclosed harrowing conditions in some of those schools in Petrograd. The report was published in the Petrograd Pravoda in May, 1920. It substantiated the charges frequently made.

Among them the general practises of "dead souls," the multiplication of attendants at the expense of the children's rations, and other methods of corruption and inefficiency. The committee found, for instance, 138 attendants in a school of 125 children. In another, 38 attendants to 25 children. These were not exceptional cases.

Besides t hat, the committee's report showed that the children were badly neglected, clad in dirty rags and permitted to sleep on filthy, ill-smelling bedding without linen; that some children had been punished by being locked in dark rooms for the night, others forced to go without supper, and some had even been beaten. The report caused a great stir in official circles.

A special investigation was ordered and, of course, like similar things in America, it resulted in a whitewash. The committee of the communist youth was rebuked for "exaggerating." It was stated that the article in the Pravoda should have never appeared, such stories are water on the mill of the counter revolutionists, a nd so forth.

Typical of New England

I discussed the matter with some communists. How could such a thing happen in soviet Russia? I received the sterotyped reply, "lack of dependable and efficient workers." I offered to take up work among the unfortunate children branded as "moral defectives."

"Oh, you must see Comrade Lilina," I was advised. "She will be delighted to have you."

Several days later Comrade Lilina called. She is a frail woman with a hard face, the typical New England schoolma'am of 50 years ago. She assured me that she was intimately familiar with the best methods of pedagogy and psychology. I ventured to tell her that I did not believe in the theory of the moral depravity of children and that no modern educator held such antiquated notions; that even defective children could not be punished or be branded moral degenerates.

I told her of the modern methods and the experimental work with delinquent children done in America by Judge Lindsay and others who had repudiated the moralistic conception of sinner and saint. Oh, yes, that was all very well in a capitalistic country where food and everything else was plentiful, but in starved Russia "moral defectives" were the inevitable result of long war, revolution and hunger.

The interview convinced me that if I were to take up work among the little victims my efforts would be thwarted at every step by this prim and dogmatic lady. She in her turn probably thought that it would not be safe to intrust the care of children in the communist state to an anarchist. At any rate, nothing came of the project.

Spies Crush Initiative

I give this as an illustration of the falsity of the oft-repeated bolshevist claim that the corruption, abuse and inefficiency of their regime are due to the lack of dependable workers. During my stay in Russia I came in contact with a surprisingly large number of persons able and willing to co-operate in the educational, economic and other nonpolitical work. Not being communistic, however, they are discriminated against, discouraged and surrounded by a spying system that makes all initiative and effort futile.

During my four months' travel through the Ukraine I had ample opportunity to visit creches, kindergardens, boarding schools and colonies—unofficially, of course. Everywhere I found the same situation; a model "show" school with wellfed and wellcared for children, while in the other institutions the children were hungry. Often I saw how the women in charge were beating their wings against the bureaucratic machine, earnestly striving to defend the interests of the children; but striving in vain, only to be finally eliminated by the allpowerful machine.

I saw a striking illustration of this phase in Moscow, shortly before I left. In a certain district there is a model creche, the best organized and

Continued on Page 24

BEST COPY AVAILABLE

82121206

The Emma Goldman Papers

Only One Happy Child's Laugh Heard in Whole of Russia by Emma Goldman. Part 6 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 15, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

Continued from Page 23.

equipped I came across in Russia. The matron was a very rare type of womanhood, an idealist, and educator of long experience and a tireless worker. She set herself sternly against the "dead soul" practise. She would not rob Peter to feed Paul. She would not bribe the petty officials of the subdepartment.

Deprived of Her Position

As usual, a campaign was started against her. The leading spirit in the miserable attack was the physician of the creche, a communist. All sorts of accusations were laid at the matron's door, none of which had any basis. But the machine would not let up until the woman was forced out of the place. Incidentally that meant also being deprived of her room. The woman was a mother of a four month old baby.

It was in November, the weather was cold, the damp penetrating. Yet the matron who had fought for the creche was ordered to leave the creche. For the sake of her infant she refused to go until assured of a room in the building. She was then given a little, dark, damp room in a basement which could not have been heated for three years. In that tomb the infant fell sick and has been ailing ever since.

Does Lunacharsky know of such cases? Do the leading communists know? Some no doubt do. But they are too busy with "important state affairs." And they have become callous to all such "trifles." Then, too, they themselves are caught in the vicious circle, in the machinery of bolshevik officialdom. They know that adherence to the party covers a multitude of sins.

During my two years' stay in Russia I visited many institutions, but I met very few happy children. In all that time I heard a really hearty child's laugh only once, in Archangel. I may have occasion to write about that experience in a future article. On the whole, most children in bolshevik institutions impressed me as colorless and stereotyped, veritable children of orphan asylums.

Starving for Affection

There is something practically gripping about those children. They are not only starved for food, but even more so for affection—they are lonely children. I know this does not correspond with the legends circulated of the millennium come to the child in bolshevik Russia. But, then, I have no intention of perpetuating legends.

There was one other factor which set the communist state above the other governments—the abolition of child labor. That was its most significant achievement for which the communists deserved much credit. But now that Lenine's new economic policy is fast resurrecting the dead, now that capitalism and private exploitation are slowly but surely returning to Russia the bolshevik government will soon be the "equal" of all other civilized governments with child labor as its great source of national wealth.—Copyright. 1922, all rights reserved.

[In The Journal tomorrow Miss Goldman will tell the story of Maria Spiridonova.]

BEST COPY AVAILABLE

82121207

The Emma Goldman Papers

Her Body Dying by Torture, Maria Spiridonova's Spirit Still F[la]mes for Russia. Part 7 of 10 / Emma Goldman. — 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. —(March 16, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

HER BODY DYING BY TORTURE, MARIA SPIRIDONOVA'S SPIRIT STILL FALMES FOR RUSSIA

Slayer of One of Czar's Savage Governors, Who Suffered Agonies in Siberia, Now Bitter Foe of Bolshevist Regime

BROUGHT NEAR DEATH IN PRISON; REDS WON'T LET HER LEAVE COUNTRY

World Wide Protest in 1906 Saved Her From Death Sentence—Will Trotsky Be as Lenient as Old Autocracy?

Miss Goldman is writing this series on Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she just succeeded in quitting. After being barred from several other countries she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The Journal disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The Journal feels it is performing a public service in presenting her articles.

By EMMA GOLDMAN

No. 7

Stockholm, Sweden, March 16.—Prerevolutionary Russia stood unique in the world's history for the host of women she contributed to the revolutionay movement. Beginning with the Decembrists, whose wives followed them, nearly a century ago, into exile, down to the last hour of the czar's regime, Russian women participated in the most heroic activities and went to katorga, or death, with a smile upon their lips. Among the great number there stands out as one of the most remarkable figures Marie Spiridonova.

During 1905-1906 there was much unrest among the peasantry of Russia. In the province of Tamboff the peasants, exasperated by excessive taxation and the brutality of officials, rose against their oppressors and set fire to some estates. The governor of Tamboff, Luzhenovsky, known far and wide for his savagery, had whole villages flogged by the Cossacks. Half naked, the peasants were forced to kneel for hours in the deep snow, while scores of them were stood up in rows and massacred. Maria Spiridonova was then a young girl, yet she was intrusted by her party, the socialist-revolutionists, with the task of avenging the barbarity practised upon the peasants to kill Luzhenovsky.

It was a difficult task. Luzhenovsky was well guarded. With his Cossack punitive expedition he traveled from village to village, terrorizing the population and draining the peasants of their last provisions to feed the war with Japan. But the difficulties did not dismay Spiridonova. Disguised as a peasant woman, she became the shadow of Luzhenovsky. She haunted the railway stations and country roads "in search," as she explained, "of her missing soldier husband."

In spite of imminent danger, privation and cold she kept her long, vigilant watch for the governor till at last the lookedfor opportunity arrived. As the train bearing Lezhenovsky pulled up at the station where Spiridonova had been waiting so patiently and he stepped on the platform, surrounded by his officers, Siridonova broke through the cordon of guards and shot him to death.

Saved From Death Sentence

The Russian czars were never partial in their treatment of women politicals, they were equally relentless toward both men and women. But in the case of Spiridonova the benchmen of Czar Nicholas surpassed even the methods of Ivan the Terrible. She was subjected to unspeakable barbarities. Dragged to the waiting room of the station, she was beaten into insensibility, her clothes torn from her body and then turned over to her drunken guards.

These amused themselves by burning her naked body with lighted cigarets, kicking her about the room, and finally outraging her. For weeks between life and death and then the death sentence was im-

BEST COPY AVAILABLE

82121207

The Emma Goldman Papers

Her Body Dying by Torture, Maria Spiridonova's Spirit Still F[la]mes for Russia. Part 7 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 16, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

posed on her.

The news of the torture of Spiridonova aroused the whole world to protest, which saved her from the scaffold. She was sent to Siberia for life, where—as Gershuni afterward related—she arrived "a mere bundle of raw flesh." In prison her comrades tenderly nursed her back to recovery. But the result of her ghastly experience remained with her—tuberculosis, a crippled hand and the loss of the sight of one eye. But though physically marred and broken, her spirit continued aflame.

The February revolution opened the living grave for all Russian politicals, among them also Maria Spiridonova. Who can describe her exultation when she received the news of liberty, yet she would not leave the prison until assured that all politicals were to be set free.

Released From Prison

Amid great acclamation of the people Maria Spiridonova returned to Russia. But not to live in the Winter Palace, not to be feted, not to rest upon her laurels. She came back to throw herself into the mounting sea of the released energies of the masses, of the peasantry, specially, who so revered and trusted her. She became chairman of the executive committee of the All-Russian Soviet of Peasant Representatives.

As such she inspired, organized and directed the newly awakened spirit and activities of the peasants. Unlike some of the old revolutionists who had for years fertilized the revolutionary soil with their tears and blood, and yet could not grasp the trend of the new time, Maria Spiridonova quickly realized that the February revolution was but the prelude to a greater and more profound change.

When the October revolution, like a mighty avalanche, overwhelmed many of the old revolutionary guard, Spiridonova remained firm in her revolutionary faith and at the side of the people in the hour of their greatest need. Day and night she worked, always at the service of her beloved peasants.

Her Vast Land Plan

She was the soul of the department of agriculture, and elaborated a plan for the socialization of the land, one of the most vital problems of Russia at that time. How her frail body and weakened lungs withstood the tremendous strain is indeed a miracle. Only her great will power and marvellous devotion could successfully sustain her during that most difficult and intense period.

Already early in 1918 Maria Spiridonova became aware that the revolution might be in greater danger from some of its friends than from its enemies. The bolsheviki, swept into power by their revolutionary slogans borrowed partly from the anarchists and partly from the social-revolutionists, soon entered upon a different path. The first step in that direction was the Brest-Litovsk peace.

Lenin insisted on the ratification of that "peace" only "to gain a breathing spell for the revolution." Maria Spiridonova, as well as many other revolutionists of different schools, to whom the revolution was not a mere laboratory for political experiments, determinedly fought the ratification. They contended that such a peace involved the betrayal of Ukraine, then enthusiastically and victoriously driving the German invaders from southern Russia; that it meant the exclusive domination of the Russian people by the bolshevist party and the suppression of all other political movements, with consequent bitter civil war; in short, the "breathing spell" of Lenin would prove the complete debacle of the revolution.

The Cavalry Begins

At that time Trotsky and many other communists were opposed to the Brest-Vitovsk peace. They too saw the danger ahead. But they were soon whipped into acceptance by the iron discipline of the party. Lenin carried the day, and the calvary of the Russian revolution began.

While in America I had heard many conflicting stories about the fate of Marie Spiridonova in soviet Russia. On my arrival there I immediately made inquiries concerning her. I was informed by responsible communists that she had suffered a nervous breakdown, become acutely hysterical and was therefore placed in a sanitarium "for her own good, and receiving the best of care."

It was not until July, 1920, that I had the opportunity to meet her. I found her living in Moscow, illegally, in a small room, again in the disguise of a peasant woman she used to assume in the days of the czar. She had escaped from the "sanitarium and the best of care," which had proved to be a bolshevik prison.

I found no trace of hysteria in Maria Spiridonova. What I did find.

Continued on Page

BEST COPY AVAILABLE

82121207

The Emma Goldman Papers

Her Body Dying by Torture, Maria Spiridonova's Spirit Still F[la]mes for Russia. Part 7 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. –(March 16, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

Continued from Page 1.

was one of the most poised, selfcontrolled and calm persons I had met in Russia till then.

During two days I was held rapt by her account of the Russian revolution; how the people had risen to sublime height of great hopes and possibilities and then been hurled to the depths of misery and despair by the communist machine. It was a story of re-markable clarity and force of conviction.

It was then I learned that she had been imprisoned twice by the bolsheviki. The first time, after the killing of Mirbach, when the bolsheviki had closed the fifth congress of the soviets and arrested the whole left social revolutionist faction led by Spiridonova. Released after five months, she was again arrested at the end of January, 1919, and incarcerated in a "sanitarium"—not because of hysteria or mental breakdown, but because she could not be cajoled or bribed into accepting the socalled proletarian dictatorship.

She had freely spoken to the people of the dangers to the revolution from the new policies of the bolsheviki, and the people had heard her gladly.

The bolsheviki pretended to the world, Spiridonova explained, that the fierce persecution of the left social revolutionists, following their execution of Mirbach, was due to an alleged attempt by them to seize governmental power. She was emphatic in the denial—and her words are substantiated by a mass of documentary evidence—that her faction ever intended or attempted seizure of power from the communists.

The Spiridonova faction regarded ths Brest-Litovsk peace as the rankest betrayal of the revolution. They considered the presence of Mirbach in soviet Russia as an insult and a menace of imperialism. They openly called for the death of Mirbach and for an uprising against German invasion. They saw the revolution in danger. They openly avowed their beliefs, but neither Spiridonova nor her comrades had any knowledge of or part in any plot to seize power.

Cheka Became Active

After the killing of Mirbach, Spiridonova herself came to the session of the fifth all-Russian congress of soviets for the purpose of reading the official declaration of her faction that explained the necessity and the justification of Mirbach's death. She and her comrades were fully prepared to take the consequences of that act. The bolsheviki prevented the reading of that document by closing the fifth congress and arresting the entire peasant representation, with Maria Spiridonova at their head.

In September, 1920, the Cheka was again busy proving its usefulness to the revolution by ons of its periodic raids and discovery of plots. In the raid which took place in Moscow the biding place of Maria Spirdonova was accidentally discovered. She was then sick with typhus and could not be removed. The house was surrounded by a heavy guard and no one from the outside admitted to

[illegible]en the crisis was over, Spiridonova, [illegible]h still very ill, was removed to the Ossoby Otdell (secret police section) and placed in the prison hospital. So grave was her condition that another arrested left social revolutionist, a woman friend of Maria's Siberian days, was permitted to take care of her. Both were kept under strictest surveillance, without the possibility of communication with their friends.

In June, 1921, a letter was received from ths prison, painting the dismal picture of her terrible life. The constant watch of the "comrades" Chekists, the solitary confinement, the deprivation of mental and physical food were slowly accomplishing what the tortures under the czar had failed to do.

BEST COPY AVAILABLE

82121207

The Emma Goldman Papers

Her Body Dying by Torture, Maria Spiridonova's Spirit Still F[la]mes for Russia. Part 7 of 10 / Emma Goldman. — 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. —(March 16, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

Spiridonova had developed scurvy—her limbs were swollen, teeth and hair falling out. Added to this was the hallucination that she was being pursued by the gendarmes of the czar and the Chekists of Lenine.

Threatened to Starve

At one time she had attempted to starve herself to death. The Cheka threatened forcible feeding, but finally acceded to the demand of Spiridonova's two closest friends, Izmailovitch and Kamkov, themselves prisoners, to let them coax Maria into accepting nourishment.

During the two congresses in Moscow, held in July, 1921, the comrades of Spiridonova circulated a manifesto which had been sent by them to the Central committee of the communist party and to the main representatives of the government, calling attention to the condition of Maria Spiridonova and demanding her release for the purpose of adequate medical treatment and care.

A prominent foreign woman delegate to the third congress of the Communist International was approached in the matter. Later she was reported as having seen Trotsky, who had said that Spiridonova was still too dangerous to be liberated. It was only after accounts of her condition had appeared in the European socialist press that she was released, with the proviso that she is to return to prison on recovery. Her friends who are taking care of her are now facing the alternative of either letting Spiridonova die or see her back in "the best of care" of the Cheka.

One thing only can save Maria Spiridonova—the opportunity to leave Russia. Her friends have made such a demand upon the bolshevik government but so far in vain. In 1906 the protest of the civilized world saved the life of Spiridonova. It is indeed tragic that a similar protest is again needed in her behalf. Away from the watchful eye of the Cheka, from the woe and distress of tortured Russia, somewhere in the free, pure mountain air Maria Spiridonova may again recover. She has suffered a hundred deaths. Will she be given back to life?—Copyright, 1922, all rights reserved.

(In The Journal tomorrow Miss Goldman will tell of her visit to Kropotkin.)

BEST COPY AVAILABLE

82121208

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Writes of Interview She Had with Noted Slav Revolutionist. Part 8 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. – (March 17, 1922, fragment).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

EMMA GOLDMAN WRITES OF INTERVIEW SHE HAD WITH NOTED SLAV REVOLUTIONIST

Man Who Defied Czars Said People Would Have Risen to Great Heights If Allowed to Use Energies Released by Uprising

LENINE GROUP SACRIFICES ALL TO BUILD UP OWN DICTATORSHIP

Every social Activity Coerced—Critics of Red Bosses Hounded and Persecuted—"Every Hour Brings New Tales of Woe"

By EMMA GOLDMAN
No. 8

Stockholm, March 17.—Among those I wanted to see most when I reached Russia in January, 1920, was Peter Alexeivitch Kropotkin. I immediately made inquiries how to reach him. I was informed that I could do so only when I got to Moscow, as Kropotkin lived in Dmitrov, a small town 60 versts from the city. Now, one does not travel at will in a country so stricken by war and revolution as Russia—a country where the state is in absolute control of every breath of life. There was nothing to do but wait until I would be given the chance to go to Moscow. Fortunately, that opportunity soon presented itself.

Early in March a number of prominent communists went to Moscow, among them Radek and Gorky. I was permitted to go in the same car. When I reached Moscow I began to look about for means to reach Dmitrov. But again there was a delay. I learned that it was almost impossible to travel the ordinary way. Typhus was then raging. The railroad stations were overcrowded with people lying around for days and weeks. There was always a savage scramble for an inch of space. Five hundred unfortunate beings would crowd into a car that had room only for 50. Starved and worn out, they would crowd even on the roof and platform of the car, unmindful of the biting frost or the imminent danger of being thrown off. Not a journey but some of the victims froze to death—others hurled from the speeding train.

I was in despair, for I had heard Kropotkin was ailing that winter. I feared he might not live until spring. I would not ask to be given a special car; neither could I muster up courage to go the ordinary way. An unforeseen circumstance came to my rescue.

The editor of the London Daily Herald, accompanied by one of his reporters, had preceded me to Moscow. They also wanted to visit Kropotkin, and they had been given a special car. Together with Alexander Berkman and A. Shapiro I was able to join Mr. Lansbury and make the trip in comparative safety. The journey was made in fairly good time. It was a starry night and the whole country one vast sheet of snow. Our footsteps resounded in the silence of the village asleep.

Old Time Virility Gone

The Kropotkin cottage stood back in the garden away from the street. Only a faint ray from a kerosene lamp lit up the path leading to the house. I afterward learned that kerosene was scarce in the Kropotkin household and light had to be economized. After Peter had finished his day's work the lamp would be used in the living room, where the family gathered in the evening. We were warmly received by Sophie Kropotkin and the daughter, and taken to the room where we found the grand old man.

The last time I had seen him was in 1907, in Paris, which I had visited after the anarchist congress at Amsterdam. Kropotkin, for many years barred from France, had just been given the right to return. He was at that time already 65 years of age. But he looked so full of vitality, was so alert, that he seemed much younger. He was a great inspiration to all of us who were fortunate to come in close contact with him.

Somehow one could never think of Peter Alexeivitch as being old. Not so in March, 1920. I was shocked by his altered appearance. He was fearfully emaciated. He received us with the graciousness that was so characteristic of him.

We felt from the very beginning that our visit would not be satisfactory; Peter would not be able to talk freely with us in the presence of two strangers, journalists at that. But we had to make the best of the situation.

BEST COPY AVAILABLE

82121208

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Writes of Interview She Had with Noted Slav Revolutionist. Part 8 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. – (March 17, 1922, fragment).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

tain the English guests while we conversed with Kropotkin in Russian.

Eager for His Views

Aside from my concern in his healtb I was eager to get some light from him on the vital questions that had already begun to trouble my mind—the relation of the bolsheviki to the revolution; the despotie methods which, as everybody had assured me, had been imposed upon the ruling party by intervention and the blockade. What was Kropotkin's view about it, and how explain his long silence?

I had taken no notes, and I can give only the gist of our brief talk. It was to the effect that the Russian revolution had carried the people to great heights and had paved the way for profound social changes. Had the people then been permitted to utilize their released energies, Russia would not now be in her ruined condition.

The bolsheviki, who had been swept to the fore by the gigantic revolutionary wave, had at first caught the popular ear by extreme revolutionary slogans. Thus they gained the confidence of the masses and the support of the militant revolutionists.

Early in the October period the bolsheviki began to subordinate the interests of the revolution to the building up of their dictatorship. It coerced and paralyzed every social activity. Kropotkin referred to the co-operatives as the main medium which, in his opinion, could have bridged the interests of the peasants and the workers. But it was these very co-operatives which were among the first to be crushed.

He spoke with much heat of the depression, the persecution, the cruel hounding of every political shade and opinion, and he cited numerous examples of the misery and distress of the people. Above all he was most emphatic against the bolshevik government for having thus discredited socialism and communism in the eyes of the Russian people. It was a heartbreaking picture which Kropotkin unrolled before us that evening.

Reasons for His Silence

Why, then, had he not raised his voice against these evils, against the machine which was sapping the lifeblood from the revolution? Kropotkin gave two reasons. First, because so long as Russia was being attacked by the combined imperialists of Europe, and Russian women and children were starved to death by the criminal blockade, he could not join the shrieking chorus of the former revolutionists in the cry of "Crucify!" He preferred to keep silent for the present.

Secondly, there was no medium of expression in Russia itself, hence no way of reaching the people. To protest to the government was useless. Its concern was to maintain its power at any cost. It could, therefore, not stop at such trifles as human life or human rights. But then, he added, "We bave always pointed out the blessings of Marxism in action. Why now be surprised?

I asked whether he was noting down his impressions and observations. Surely he must see the importance of such a record to his comrades, to the workers, in fact to the whole world. Kropotkin looked at me for a moment, then said:

"No, I do not write. It is impossible to write when one is in the midst of great human suffering and distress. When every hour brings new tales of woe which one may not ameliorate. Besides, all personal privacy and safety have been destroyed. There may be a raid any moment—the cheka comes swooping down in the night, ransacks every corner of the house, turns everything upside down and marches off with every scrap of paper.

"Under such constant stress it is impossible to keep records. But more than all these considerations is my book on ethics. I can work only a few hours a day and I still have much to do. I must therefore concentrate on that to the exclusion of everything else."

Embraced at Parting

We had already monopolized our comrade too long. Though there was still much to talk about, we had to content ourselves for that evening. The conversation again became general. But it was getting late and our host was fatigued. Soon we took our leave. We agreed to come back in the spring when we should have more time to talk over matters.

After a tender embrace, which Peter never failed to give those he loved, we returned to our car. My heart was heavy with the great Russian tragedy. My spirit confused and troubled by what I had heard. I was also distressed by the physical condition of our comrade. I feared he could not survive until the spring. The winter of 1920 had been most terrible. People had been dying from typhus, hunger and cold. The thought that Peter Kropotkin might go to his grave, and the world never know what he thought

Continued on Page 4.

82121209

The Emma Goldman Papers

Rising Tide of Russian People's Energies Dammed by Bolshevik Autocracy. Part 9 of 10 / Emma Goldman.— 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. —(March 18, 1922, fragment).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

Journal MONDAY

Mr 18/22

RISING TIDE OF RUSSIAN PEOPLE'S ENERGIES DAMMED BY BOLSHEVIK AUTOCRACY

Emma Goldman Relates Views Given Her by Kropotkin on Eve of Death—Welcomed Syndicalism as Economic Basis for Anarchy.

Miss Goldman is writing this series on Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she just succeeded in quitting. After being barred from several other countries she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The Journal disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The Journal feels it is performing a public service in presenting her articles.

By EMMA GOLDMAN

No. 9

Stockholm, Sweden, March 18.—During the second visit to Peter Kropotkin we had an hour together. In that time Peter spoke in detail of the Russian Revolution, the part played by the bolsheviki, the lesson to the anarchists in particular and the world in general. He considered the Russian Revolution in scope and possibilities greater than the French Revolution. While it is true that the people were not developed in the Western sense, yet they are more responsive to new arrangements of life. The spirit of the masses during the February and Otober revolutions demonstrated that they understood the great changes waiting their concerted efforts, and they were willing to do their share.

The people knew that something tremendous was before them, which they themselves must face, organize and direct. That spirit, though now fettered by hunger, privation and persecution, is yet very much alive. The dogged resistance offered by the people of Russia to the bolshevik yoke is the best proof of that. The bolsheviki in their march to power were far from being the advance guard of the revolution, as they claim. On the contrary, they were the dam which had thrown back the rising tide of the people's energies.

In their fixed idea that only a dictatorship can direct and protect the revolution, they went about strengthening their formidable state which is now crushing the revolution. As Marxians they never have, nor will they ever, realize that the only protection of the revolution lies in the ability of the people to organize their own economic life. For the rest, Kropotkin added, he had set forth his views on the Russian revolution in his letter to the workers of Europe, which was, I believe, widely published.

Showed No Bitterness to Bolsheviki

Kropotkin also spoke of the part the anarchists played in the revolution, of the death of some, the heroic struggle of many, the irresponsibility of the few. Above all, he emphasized the need for all the anarchists to be better equipped for reconstructive work during the revolution. I distinctly remember these words:

"We anarchists have talked much about the social revolution. But how many had ever taken pains to prepare for the actual work during and after the revolution? The Russian revolution has demonstrated the imperativeness of such preparation for practical reconstructive work."

In a letter to one of his closest friends Kropotkin wrote that he had come to see in syndicalism the economic basis of anarchism. In other words, the medium for the economic organization and expression of the energies of the people during the revolutionary period.

It was a memorable day. Alas, the last I was to spend with our Grand Old Man. When I was called to take care of him during his last illness I reached Dmitroff an hour after his death. The usual bureaucratic confusion, inefficiency and delay robbed me of the opportunity to render Kropotkin some slight service in return for all that he had given me.

Two things had struck me in Kropotkin on both visits: The lack of bitterness toward the bolsheviki, and the fact that he never once alluded to his own hardships and privations. It was only after his death that I learned a few details of his life under the bolshevik regime. In the early part of 1918, Kropotkin had grouped around him some of the ablest specialists in various branches of political economy. The purpose was to make a careful study of the economic resources of Russia, and to compile

BEST COPY AVAILABLE

82121209

The Emma Goldman Papers

Rising Tide of Russian People's Energies Dammed by Bolshevik Autocracy. Part 9 of 10 / Emma Goldman.— 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. —(March 18, 1922, fragment).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

these resources in monographs, to make them of practical help in the reconstruction of Russia.

Kropotkin was the editor-in-chief of that undertaking. One volume was prepared, but never published. The Federalist league, as this scientific group was known, was broken up by the government and all the material confiscated.

On two occasions the Kropotkin apartments were requisitioned and the family forced to find other quarters. It was after all these experiences that the Kropotkins moved to Dmitroff, where he became an involuntary exile. Even in the summer it was difficult to visit him. Special permission had to be procured to travel, and that involved much effort and time. In the winter it was almost altogether impossible. Thus he, who had in the past gathered at his home the best in thought and ideas from every land, was now forced to the life of a recluse.

Only Peasant Visitors

His only visitors were unfortunate peasants, workers of his village, and some of the intelligentzia who would come to him with their daily misfortunes. I remember that the evening of our visit Kropotkin had received a letter from an old friend in Moscow, a scientist. The man was living with his wife and two children in one room. Only a small lamp was lighting up the family table at which the children had to prepare their lesson, the wife copy some manuscripts, while he used one corner to do his scientific research. He was employed at a place twelve versts from home and had to walk that daily.

Kropotkin, who had always kept in touch with the world through numerous publications in every tongue, was now cut off entirely from that source of life. He was not even able to learn what was happening in Moscow or Petrograd. His only channels of news were the two government papers, the Pravda and the Izvestia. He was much handicapped in his work on ethics whlle he lived in Dmitroff. He could not obtain the necessary hooks of research. In short, Kropotkin was mentally starved, which was, no doubt, greater torture to him than physical malnutrition. He received a much better payok, or ration, than most people. But even that was by far not sufficient to keep up his vitality.

Helped by His Friends

Fortunately he received from time to time assistance—in the form of provisions—from various sources. Thus his comrades from abroad, as well as those from the Ukraine, often sent him foodstuffs. He also received similar gifts from Kakhno, then heralded by the holsheviki as the terror of the counter revolutionary forces in southern Russia. But especially was felt the lack of light and fuel. When I visited the Kropotkins in 1920, they were considering themselves fortunate to have light in more than one room. During part of 1918 and all of 1919, Kropotkin wrote his ethics by the flicker of a tiny oil lamp that nearly blinded him.

During the short hours of the day he would transcribe his notes on a typewriter, slowly and painfully pounding out every letter. However, it was not his own discomfort which sapped Kropotkin's strength. It was the hardships of Russia, the suffering about him, the suppression and imprisonment for opinion sake, the endless raztrels of people, which made his late years the deepest tragedy.

If only he could have done something to help, to lessen the suffering, to bring the dictators of Russia to their senses. But he could not. He could not, like some of the old revolutionary guard, make common cause with the enemies of the revolution. Even had he found a way of having his protests published in the European press, the reactionists would have used them against Russia. No, he could not do that. And he knew only too well that it was useless to protest to the bolsheviki government.

Finally Made Protests

Yet, so great was his anguish, that on two occasions Peter Kropotkin addressed himself to that deaf ear. Onee in protest against the terrible practice of taking hostages; the other time against the complete suppression of publishing undertakings other than the state's.

Ever since the Cheka began its sinister existence, the bolshevik government had sanctioned the taking of hostages. Old and young, mothers, fathers, sisters, brothers, even children, had been held and often shot for the offense of one of tbeir own—offenses which, in nine cases out of ten, they knew nothing about.

In the fall of 1920 the Social Revolutionists that emigrate to Europe threatened retaliation if the repressions against their comrades continued. The bolshevik government announced in its official press that for every Communist it would take 10 Social Revolutionists. It was then that the famous revolutionist, Vera N. Figner, and Peter Kropotkin sent a protest to the powers that be. They pointed out that the practice of taking hostages was a blot on the Russian revolution, an evil which had already brought terrible results in its wake, that the future would never forgive them for such a barbaric method.

The second protest was made in reply to the attempt the government was making at "liquidating" all publishing undertakings, whether political, co-operative or private. This protest was addressed to the Presidium of the then sitting Eighth All Russian Congress of Soviets. It is interesting to note that Gorky, himself an official of the commissariat of education, had sent almost on the same day from Petrograd a similar protest.

Kropotkin, in his statement, called attention to the danger of such a pol-

Continued on Page 15

BEST COPY AVAILABLE

82121210

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Tells How Bolsheviki Whipped Trade Unions into Submission. Part 10 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. – (March 19, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

EMMA GOLDMAN TELLS HOW BOLSHEVIKI WHIPPED TRADE UNIONS INTO SUBMISSION

Russian Labor Organizations, She Says, Have Become Barracks for Mobilized Army Forced Into Membership by State.

QUICKLY SHORN OF THEIR POWER BY RULERS IN NEW DICTATORSHIP

Any Union Seeking Freedom of Similar Bodies in U. S. Told by Communist Despots to "Obey the Law and Keep Its Mouth Shut."

Miss Goldman is writing this series on Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she just succeeded in quitting. After being barred from several other countries she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The Journal disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The Journal feels it is performing a public service in presenting her articles.

By EMMA GOLDMAN

No. 10

Stockholm, Sweden, March 19.—The much praised achievement of the bolsheviki in the matter of trades unions reminds me of Mrs. Alving's remark in Ibsen's "Ghosts." "I only wished to pick at a single knot, but when I got that undone the whole thing ravelled out. And then I understood that it was all machine sewn."

Among the first things called to one's attention when one arrives in Russia are the trades unions. Think of it, 7,000,000 workers organized into one body, having their magnificent labor temples, their educational and cultural courses, their grand meetings and concerts. What other country can make such a showing? You are overwhelmed. But no sooner do you begin to pick at one knot when the whole seam ravels out. You come to see that trades unions, more than any other bolshevik institution, are machine sewn—sewn by the machine of the communist state.

In fact, it is most confusing to talk of trades unions under the bolshevik regime. After all, trades unions have a definite historic meaning, at least to workers outside of bolshevik Russia. They represent, in their conservative sense even, the fighting arena of organized labor for economic improvement. In the revolutionary sense the trades unions, or rather the industrial syndicalist unions, are the economic training school of the militant masses for the overthrow of exploitation and the management by the workers of production in a liberated society.

Yet neither in the conservative nor even in the revolutionary sense do the trades unions represent in Russia the needs of the workers. What they really are is the coerced and militarized adjunct of the bolshevik state. They are "the school of communism," as Lenine insisted in his thesis on the functions of trades unions. But they are not even that. A school presupposes the free expression and initiative of the pupils, whereas the trades unions in Russia are military barracks for the mobilized labor army, forced into membership by the whip of the state driver.

Unions Shorn of Power

The trades unions in Russia, though young in years (they came into being in 1905), were very militant organizations. They had to be in order to withstand the cruel persecutions under the czar. But though they led an underground existence most of the time, they were none the less an important factor in the economic struggles of the Russian worker. That fact was demonstrated forcibly early after the February revolution.

The trades unions, imbued with the new spirit that had come to Russia, were not content with mere political changes. Their aim was to get the workers in possession of the economic structure of the country. Even before [illegible] expropriated the shops and factories, the trades unions had or-

BEST COPY AVAILABLE

82121210

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Tells How Bolsheviki Whipped Trade Unions into Submission. Part 10 of 10 / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. – (March 19, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

ganized shop and factory committees for the control of the industries of the community.

These committees later gave birth to the All-Russian Trades Union soviet, which worked in close unity with the other soviets. In other words, the trades unions were, even before the bolshevik regime, the organized expression of the demands and aspirations of the workers. Thus, the third conference of trades unions, held in Petrograd in July, 1917, already sent 210 delegates representing a trade union membership of 1,475,425.

The advent of the dictatorship of the proletariat quickly made itself felt in the unions. Adherence to labor organizations became compulsory, every one who worked being automotically enrolled in the union and compelled to pay for the pleasure, whether he enjoyed it or not. The 3 per cent dues were simply deducted from his wage, so that the Russian worker had to stand the cost of the very organizations which destroyed every symptom of initiative and selfdirection in the Russian trades unions.

How Bolsheviki End Strike

The All-Russian Trades Union soviet consists of 120 members. Its central executive committee has 11 members, and practically only communists can get elected to either body. The result is that the trades unions have become a mere branch of the state machinery, completely controlled and directed by the latter in its policies and functions. The average member has no say whatever in the activities of his organizations nor are regular meetings of the unions held, in the western sense, except such as are thoroughly dominated and managed by the bolshevik faction in each union.

If any union should venture to exercise the function of a real union it is quickly given to understand that whatever trades unions may do in western Europe or America, in the communist state they must obey the law and keep their mouths shut.

To illustrate. The bakers of Moscow, representing a large and militant union, went on strike in the summer of 1920 for an increase of their bread allowance. The government did not trouble itself much about the matter. The striking local was simply dissolved, its leaders expelled and some of the most active members arrested. The more prominent spokesmen of the strikers were forbidden to participate in any union gatherings and deprived of the right to hold office.

Similar tactics were followed by the bolsheviki in various other strikes. An interesting incident of this character was the Moscow printers' difficulty. In their case it was not even a strike; it was merely the "impudence" of having called a meeting to which members of the British labor mission, then in Moscow, were invited.

At that meeting Chernov, leader of the social revolutionists, and Dan, a prominent Menshevik, committed the unpardonable sin of telling the British labor men a few facts about the trade union and labor conditions in Russia. Immediately after that all the officials of the printers' union were suspended and some of them thrown into jail.

Throughout the country, in all official papers, the Moscow printers were heralded as counter revolutionists, traitors and "skinners of labor" and denounced in bitterest terms that served to awe and terrorize the rest of the proletariat of the country.

Absorbed by State

So absolute and crushing is the tyranny over the trades unions that the least protest is denounced as a breach of revolutionary and labor discipline and a crime against the revolution. When, during the Petrograd strikes of February, 1921, the workers of the Baltic shops protested against the arrest of 22 of their members, they were told by Antseloviteh, the chairman of the Petrograd Trades unions, that they all belonged in the cheka and several days later a raid took place at the shops, resulting in the arrest of numerous workers.

In short, the trades unions in bolshevik Russia have been entirely absorbed by the state and have no other meaning or function than to do police duty for the state.

Naturally, such conditions could not last very long without arousing the most bitter discontent on the part of the workers. In fact, in 1920 this discontent became so general and threatening that the government saw itself compelled to give serious consideration to the situation. The issue of the functions of the trades unions was taken up by the end of 1920 and it soon became apparent that even within the communist party itself there raged conflicting views on that important question.

All the leading communists participated in the heated verbal contest which was to decide the fate of the trades unions. The theses presented disclosed four main tendencis.

First, the Lenine-Zinoviev faction, which held that "the trades unions have only one function under the proletarian distatorship"—that is, to serve as schools of communism.

The second tendency was represented by Riasanov and his adherents, who insisted that the trades unions must continue to function as the forum of the workers and their economic protector.

The third faction was that of Trotzky, the military genius who can think only in terms of militarism. He advanced the thesis that the trades unions will in time become the managers and controllers of the industries, but that for the present the union management must be appointed by military methods.

Last, and most important, was the labor opposition led by Mme. Kollan-

Continued on Page 20.

BEST COPY AVAILABLE

82121210

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Tells How Bolsheviki Whipped Trade Unions into Submission. Part 10 of 10 / Emma Goldman. — 28 cm. *In* The Minneapolis Journal. — (March 19, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

EMMA GOLDMAN TELLS OF UNIONS

Continued from page 15

tay and Schlapnikov, who really represented the actual sentiment of the workers and their support.

Revolt of Opposition

This opposition insisted that the militarization of the trades unions had destroyed the interest of the workers in the economic reconstruction of the country and paralyzed their productive capacity. They demanded the liberation of the masses from the yoke of the bureaucratic state and its corrupt officialdom and giving the people opportunity for the exercise of their creative energies.

They pointed out that the October revolution had been fought to enable the masses to be in control of the industrial life of the country. In short, the labor opposition voiced the accumulated protest and discontent of the rank and file.

It was a battle royal, with Trotzky and Zinoviev chasing each other over the country, in separate special trains, to disprove each other's contentions. In Petrograd, for instance, Zinoviev's influence was so powerful that it required a big struggle before Trotzky received permission to address the communist local on his views about the controversy.

The latter engendered intense feeling and came near disrupting the communist party. But God loves Lenine. Always when his structure begins to totter the Lord sends him some prop. The great labor unrest and numerous strikes in Petrograd in February, 1921, and the Cronstadt insurrection proved that prop. Communist unity was to be maintained at all cost. And so the Little Father took his unruly children, one by one, and taught them their manners.

Victory Over Unions

Lenine denounced the labor opposition as anarcho-syndicalist, middle class ideology and ordered its suppression. Schlapnikov, one of the opposition's most influential leaders, was referred to by Lenine as a "peeved commissary" and was subsequently silenced by being made a member of the central committee of the communist party.

The new economic policy is fast reshaping the whole structure of Russia. The trades unions are among the first to feel its effects. At a session of the central committee of the communist party, held in Moscow in December, 1921, the functions of the trades unions under the new economic policy was discussed. A commission consisting of Lenine, Rudzvutak and Andrejev, was chosen to prepare a thesis on the subject. Later their thesis was accepted, as usual, unanimously by the All-Russian Central Soviet of Trades Unions.

The thesis speaks volumes for Lenine's capacity to shed his skin. Among other things it contains the following:

(1) Compulsory enrollment of the workers in the labor organizations brought about bureaucratic deterioration of the trades unions and alienated them from the masses (for saying the same things many workers had been denounced as counter revolutionists and "skipnrs" and were sent to the cheka); it is therefore now necessary to establish voluntary memberships in the unions.

(2) The workers joining unions must not be interfered with or harassed on account of their political or religious faith. (Shades of the numerous victims who were discriminated against and browbeaten because of their political views unsympathetic to the bolsheviki.)

Losing His Privileges

(3) The economic reconstruction of Russia necessitates the strictest concentration of power in the hands of individual management; therefore the labor unions must not seek to control the industries leased or owned by private capitalists.

It is evident that the new economic policy, supported by Lenine's thesis on the role of the unions, is opening the door to new labor problems and inevitable conflicts. The settling of all coming labor conflicts will be in the hands of a "higher body," outside of the trades unions. Lenine's commission has already indicated that this "highest authority" of forced arbitration of labor disputes is to be no other than the communist party and the third international.

It is apparent that the communist international means to preserve its domination of the labor movement of Russia while it is at the same time bending every effort to gain control of the labor organizations in western Europe and America.

Eight Hour Day Taken Away

Meanwhile the Russian worker, under the new economic policy, is faring even worse than since the revolution began. He has lost even those guaranties, few as they were, that accrued to him as a result of the revolutionary changes. Especially is this true in regard to the hours of work.

The eight hour day, practically universal in Russia for the last four years, has now been abolished de facto. According to the official organ, the Moscow Pravda, of December, 1921, the situation is as follows: Only 56 out of 695 industrial establishments have retained the eight hour work day.

In most of the others work continues nine hours; in 44 establishments the work day is 10 to 12 hours long; in 91, 14 to 16 hours; in 44 workshops no regular hours exist. Even children have been found in some places, to work 12 to 14 hours.

Worse in Provinces

The bakers are the most exploited and work longest hours, from 12 to 18. These data refer to conditions in Moscow, the capital of Russia. In the provinces the situation is even worse. Thus in the Don coal district the miners remain at work 16 to 17 continuous hours. In the state leather factory in Vitebsk 12 hours constitutes the normal work day; in the Astrakhan fisheries, according to the local representative at the second all-Russian conference for the protection of labor, the work day is virtually unlimited.

It can be thus seen how the new policy of state and private capitalism is showering its blessings on the Russian worker.

The Russian revolution, however, has not been entirely in vain. It has uprooted many of the old notions of the Russian masses, and the worker is no longer the docile slave he used to be.

Lenine and his retinue are sensing the danger. Their attack upon and the persecution of the labor opposition and the anarcho-syndicalists are continuing with even greater intensity. Is it that the anarcho-syndicalist star is rising in the east? Who knows—Russia is the land of miracles.—Copyright, 1922, all rights reserved.

BEST COPY AVAILABLE

870502901

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman to Tell of Torture / Emma Goldman.— p. 1 ; 25 cm. *In* The World. —(March 22, 1922, advertisement).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

erendum, which was overwhelmgly in favor of a strike.

In pursuance of this vote, all men ber than those operating pumps, who otherwise are necessary for safety of property are ordered quis work and remain away from pits "until you are further officially advised."

To Guard Property.

"The fullest co-operation," says the ., "must be given mine manageent in order to safeguard and proct property, and under no circumnces must this rule be violated or aside by local unions."

hen, after outlining the action of convention in placing plenary wers in the hands of the Policy mmittee to handle all questions

(Continued on Fourth Page.)

Useful Hints r Homeseekers n World Ads

The World's "Real Estate" and "Apartment To Let" ads are replete with valuable and timely information for homeseekers.

818 World "Real Estate" and "To Let" Ads last week

696 more than corresponding week last year.

e World's "Real Estate" Ads Are Growing in Numbers cause Succeeding in Results

gown more than four weeks old is out of style.

The issue was payment for a $175 gown ordered by Frances Kennedy, an actress.

"I ordered the gown for Feb. 4, and I had to go on the stage without it Feb. 6," she testified. "An actress's gowns are out of date in three weeks. When I returned, four weeks afterward, I refused to accept the gown because it was out of style."

"Consider," said the attorney for the plaintiff, feelingly, "what effect it would have on all the women in the country if they had to have a new gown every thirty days. Think of the misery of the countless husbands."

Whereupon the young women found the dress was out of style and Miss Kennedy could refuse it.

VOLSTEAD'S SEAT IN DANGER.

(Special to The World.)

WASHINGTON, March 21.—Representative Andrew J. Volstead is in a hard contest with Theodore Christianson for the Republican nomination for Congress from the 7th Minnesota District. Primaries have been held in most of the counties and it looks as if Christianson had a long lead. Two years ago Volstead was defeated, but the courts gave him the nomination because of irregularities in the primaries.

The same faction that was after him then is after him now. The Anti-Saloon League and other dry organizations are using all of their influence to return Mr. Volstead, for they believe his defeat would hurt the cause.

What Voting Trust Did.

Among the actions of the voting trust, supposedly acting for the stockholders, were the following:

1. Approval of a salary of $50,000 a year for Arthur J. Stevens, President of the Island, and a bonus of $60,000 to him in recognition of his services. Mr. Stevens is on the board of other corporations representing Leach interests, for which he draws a large salary.

2. Approval of an issue of $3,209,500 of additional stock last December at a time when the stock was selling at $3 a share. Immediately after the issue the stock dropped in less than a month to $1.50 a share. Of the extra issue $100,000 was given to Mr. Stevens in payment of the $60,000 bonus. About $1,500,000 was transferred to A. B. Leach in payment for services.

3. Approval of the policy of no dividends for stockholders out of the $5,000,000 earnings of 1920. The bulk

(Continued on Third Page.)

EMMA GOLDMAN TO TELL OF TORTURE

Emma Goldman's series of ten articles of the collapse of Bolshevism, which begins in next Sunday's World and continues daily, will tell how food seizures turned the peasants against Lenin and Trotsky.

They will portray vividly the torture system in the prisons and the wholesale executions by which the Red leaders have sought to perpetuate their power.

the names of some Pittsburgh society folk became matters of record in the court of Federal Judge Knox, where Probst's application for release on bail was heard.

The butler's attorney, Bernard H. Sandler, did not refrain, in his appeal to Judge Knox, from saying exactly who the girl was for whose sake (so he said) young Probst was hurried away from the club and was being "railroaded" out of America.

Miss Virginia Craigie McKay, daughter of a wealthy and well known family, is the young woman with whom, according to the attorney's plea for his client, Probst "exchanged a troth."

Miss McKay's chum, the lawyer said, is Miss Sarah C. Mellon, daughter of Richard B. Mellon, and she knew of the so-called sentimental affair, which, Mr. Sandler pointed out, was just that and nothing more. Mrs. Richard B. Mellon, he intimated, appeared to have been responsible for breaking up the romance of butler and heiress.

Richard B. Mellon is the brother of Andrew W. Mellon, Secretary of the Treasury of the United States. Both are multi-millionaires. Richard owns the 8,000 acres at Ligonier, Pa., where the Rolling Rock Club is. Membership in this organization is limited to about a dozen families, all of great wealth. Nothing was said about Secretary Mellon at yesterday's hearing.

The result of the hearing was this: Judge Knox reserved decision on Probst's application for a bail bond.

(Continued on Fifth Page.)

"SALLY," Matinee To-day. ZIEGFELD triumph. Marilyn Miller, Leon Errol. New Amsterdam Theatre. 50c to $2.00.—Advt.

nounced, despite Arthur Gr order forbidding it.

This decision is a direct cha to Griffith and the Dail Ca which will probably not be ig All who take part may be disp from the service.

Instructions cancelling the co tion arrangements have been s army posts throughout the co by Chief of Staff O'Duffy. The the delegates attending the m will be guilty of insubordinati

A request for such a conv was made early in January, b Minister of Defense, Mulcahy jected to the terms of a pro resolution which read:

"The army reaffirms that glance to the Irish Republic sh maintained, and that an exe appointed by the convention draft a Constitution for subm to a subsequent convention."

It was agreed that argument and against this resolution sho impartially debated and that convention should be postponed

Raiders in Ulster Set Unionist Homes on

BELFAST, March 21.—(Associ Press).—Raiders last evening rounded Glengean Lodge, the of John H. Allingham, near Tr County Tyrone, close to the State border. Allingham opene on the raiders and drove them Encountering Samuel Lair worker on the Allingham farm, also was an Ulster "B" Special stable, they shot and killed hi

The correspondent of the D Telegraph says isolated Un homes were set afire subsequ

(Continued on Second Page.)

BEST COPY AVAILABLE

333

870502902

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Quits Russia Breaking Two-Years' Silence, to Reveal Bolshevik Failure. Part 1 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. – (March 26, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

formation of great value and importance.

VOL. LXII. NO. 22,132.—DAILY.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

NEW YORK, SUNDAY, MARCH

EMMA GOLDMAN QUITS RUSSIA, BREAKING TWO-YEARS' SILENCE, TO REVEAL BOLSHEVIK FAILURE

After Intimate Study From the Inside of Soviet Revolution, She Declares Present System Worst of Despotisms and Menace to Mankind—Still an Anarchist—Completely Disillusioned by Rule of Lenin and Trotzky.

Miss Goldman is writing this series about Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she has just succeeded in quitting. After being barred from several other countries through the influence of the Bolsheviki, she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an Anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in anarchism practically all her life. Perhaps she, above all other travellers to Russia, is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disclaims any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

STOCKHOLM, Sweden, March 1.—During my two years in Russia articles repeatedly appeared in the American press purporting to be interviews with me. Some have had it that I had reformed, that I no longer believed in revolution, and that I had come to see the necessity of government. One paper even had a sensational story about an American flag in my room, to which, it claimed, I had erected a shrine. In short, that I had become a regular Sunday school teacher, doing penance for my sins against the American Government.

All that is, of course, sheer nonsense. I was never more convinced of the truth of my ideas, never in my life had greater proof of the logic and justice of anarchism. But I did not give interviews to any one for the very simple reason that it took me more than a year to get my bearings in the tragic situation of Russia. I considered then, and still consider, that the Russian problem is entirely too complex to speak lightly of it. That is precisely why I find most of the books written by people who had been in Russia a few weeks, or even months, so superficial.

So long as I myself was groping in the dark I would not express a definite opinion for publication. But even if I could have spoken authoritatively, I still would not have spoken to newspaper men. I found it necessary to observe silence so long as the combined imperialist forces were at the throat of Russia. Moreover, thirty years' experience with newspaper men has not convinced me of their veracity, though, of course, there may be exceptions.

Now, however, the time for silence has passed. I therefore mean to tell my story. I am not unmindful of the difficulties confronting me. I know I shall be misappropriated by the reactionaries, the enemies of the Russian Revolution, as well as excommunicated by its so-called friends, who persist in confusing the governing party of Russia with the revolution. It is therefore necessary that I state my position clearly toward both.

Sees World Made an Inferno By the "War for Democracy."

Four years ago the United States Government made a felon of me, turned the world into a fortress, a political [illegible]

HITCHCOCK CLAIMS SENATE ILLEGALLY RATIFIED TREATY

Declaration on Domestic Questions Should Have Been Included, Nebraskan Argues.

FORCES LODGE TO FRAME ANOTHER RESOLUTION.

Not Necessary, He Declares, but Perfectly Willing to Have Action Taken on It.

(Special to The World.)

WASHINGTON, March 25.—Declaring the four-power Pacific treaty either had been illegally ratified or not approved at all, Senator Hitchcock (Dem., Neb.) this afternoon stirred up Senator Lodge and the Republicans when he predicted it will be necessary for the Supreme Court to untangle the complications.

It was contended by Mr. Hitchcock that failure to include in the ratification the declaration regarding domestic questions signed by all the negotiators nullified the ratification. He pointed out that it was not an interpretation by the individual signers but was pronounced in the document as being the "understanding and intent of the signatory powers." He said this clause removes the claim of individual construction.

Senator Lodge said he would present a resolution of ratification covering the declaration, though he did not believe this necessary. He did so this evening.

"I am willing to ratify the declaration," said he. "But I don't care one straw about it."

Omitted Declaration.

It was intimated that a motion will be made to reconsider the ratification vote and straighten out the tangle at once. This would be made by some one, probably a Democrat who voted for ratification. The Republican leaders say they will not permit such action. The declaration follows:

"1. That the treaty shall apply to the mandated islands in the Pacific Ocean, provided, however, that the making of the treaty shall not be deemed to be assent on the part of the United States of America to the mandates and shall not preclude agreements between the United States of America and the mandatory powers respectively in relation to the mandated islands.

"2. That the controversies to which the second paragraph of Article I. refers shall not be taken to embrace questions which according to principles of international law lie exclusively within the domestic

BERLIN BANK WARNS OF IMPENDING CRASH

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special Wireless Despatch to The World.)

BERLIN, March 25.—The Board of Directors of the Disconto Gesellschaft, one of the biggest banks in Berlin, has sent a confidential letter to its large customers warning them against heavy investments. It announces the limiting of credits because the directors believe industrial life is coming to a standstill.

The statement warns customers to be prepared for the closing of factories when the inflation of prices makes it impossible for the public to buy.

Three reasons are given: First, the average income is not keeping pace with rising prices, so the laboring classes are no longer able to buy; second, the middle classes have already cleaned out the shops; third, as prices rise toward the world market level exports must decrease.

"Bank capital is unwilling to extend credits because of the approach of a financial crisis," the letter says.

Arbuckle Goes Broke In Long Fight to Keep Outside Prison Wall

Finds Film Fortune Dissipated by Cost of Consequences of Fatal Party.

SAN FRANCISCO, March 25.—Roscoe C. ("Fatty") Arbuckle, whose smile was a gold mine before he had to face trial for manslaughter as a result of the death of Miss Virginia Rappe after a party he gave last Labor Day, is just about broke. That came to light to-day when he exhibited a fancy scrolled check book sent him on his thirty-fifth birthday anniversary.

"Gosh," he said, ruefully, "I don't see why I should be sent a check book. I haven't money enough now to make out one check, much less make use of a whole book."

Arbuckle's life since the fatal party has been an expensive one, particularly so because it has been a case of everything going out, with nothing coming in.

"Fatty" has never been noted for economy, and in the old days he could afford lavish expenditures. Now, however, he is living rather quietly. But he has found that the expense of high class lawyers in three important trials make the price of special automobiles and fine estates look like small change.

OSER TO VISIT M'CORMICKS.

Miss Mathilde's Fiance Sells Stable and Is Leaving Zurich.

ZURICH, Switzerland, March 25 (Associated Press).—Max Oser, the

TWO GIR... ON JOY ... IN LEAP...

Found Uncons... One Is S... She May No...

SKULL BROKE... BRUISED A...

Companion, M... Two Men ... Riding Were ...

Margaret Fox ... two young New... found lying unco... on a lonely stre... into Westwood, ... Friday night, re... in a desperate le... automobile in w... virtual prisoners ... panions from w... cepted a friendly ... a ride."

The girls are ... cent graduates ... Parochial School ... good though u... and have positio... where they are h...

Skull and ...

Miss Fox is ... Hospital, where ... pressed for her ... unconscious last ... tured skull, frac... teeth missing an... about the face a... of the fall from ... mobile or possibl...

Miss Dalton is ... juries and from s... from the hospital ... only to be held ... material witness ... ing in the Hack... office concerning t... She was in a hig... tion during the ... number of details ... fated automobile ... cleared up.

With the annou... attending a Lent... Michael's Church, ... her home at No. ... nue shortly befor... evening to meet h... who lives at No. 2... nearby. The two ... walk up Broad ... most crowded thor... ark.

Men Were Str...

An automobile d... with two men in... was certain that ... either of them ...

BEST COPY AVAILABLE

334

870502902

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Quits Russia Breaking Two-Years' Silence, to Reveal Bolshevik Failure. Part 1 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. —(March 26, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

responsibility for the views and expressions or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

STOCKHOLM, Sweden, March 1.--During my two years in Russia articles repeatedly appeared in the American press purporting to be interviews with me. Some have had it that I had reformed, that I no longer believed in revolution, and that I had come to see the necessity of government. One paper even had a sensational story about an American flag in my room, to which, it claimed, I had erected a shrine. In short, that I had become a regular Sunday school teacher, doing penance for my sins against the American Government.

All that is, of course, sheer nonsense. I was never more convinced of the truth of my ideas, never in my life had greater proof of the logic and justice of anarchism. But I did not give interviews to any one for the very simple reason that it took me more than a year to get my bearings in the tragic situation of Russia. I considered then, and still consider, that the Russian problem is entirely too complex to speak lightly of it. That is precisely why I find most of the books written by people who had been in Russia a few weeks, or even months, so superficial.

So long as I myself was groping in the dark I would not express a definite opinion for publication. But even if I could have spoken authoritatively, I still would not have spoken to newspaper men. I found it necessary to observe silence so long as the combined imperialist forces were at the throat of Russia. Moreover, thirty years' experience with newspaper men has not convinced me of their veracity, though, of course, there may be exceptions.

Now, however, the time for silence has passed. I therefore mean to tell my story. I am not unmindful of the difficulties confronting me. I know I shall be misappropriated by the reactionaries, the enemies of the Russian Revolution, as well as excommunicated by its so-called friends, who persist in confusing the governing party of Russia with the revolution. It is, therefore, necessary that I state my position clearly toward both.

Sees World Made an Inferno By the "War for Democracy."

Four years ago the United States Government made a felon of me, robbed me of home and hearth, and in the dead of night forced me out of the country. All that because I dared raise my voice against the World War. I had then called attention to the cataclysm which the war would bring in its wake, the destruction and ruin, the awful loss of human life. That was my crime.

Now many former supporters of the war have come to see that those of us who refused to be swept off our feet by the war hurricane were right—that the war was created, backed and financed by charlatans and their dupes for the benefit of the war lords. The "war for democracy," the "war to end war," has plunged the whole world into a veritable inferno.

King Hunger, the grin of death on his lips, stalks through every land, while those who have grown rich and powerful on the spoils of human carnage pay court to this the mightiest of kings. Not content with the slaughter of millions and the devastation of half the earth, they have turned the world into a fortress, a political dungeon, where the liberties of the people gained through centuries of struggle now lie fettered and prostrate.

Democratic America, once the "land of the free, home of the brave;" England, formerly the asylum for the rebels of the world; France, the cradle of liberty, and many lesser countries—what are they now but a spiritual desert, their once hospitable doors locked and sealed?

"A Graveyard of Thought."

Only the groans and curses of the multitudinous unemployed and the cries of the political and labor prisoners disturb the silence of the graveyard of thought and ideas.

Verily the war lords have reason to be proud of their handiwork. They have succeeded in their conspiracy. Their iron heel is firmly planted on the neck of the peoples of the world. They have succeeded. Yet not quite. There is Russia.

That fair couple—high finance and militarism—did not reckon on the Russian revolution. How "indecent" of the Russian people to light a conflagration which might have fired the whole world with revolution just at the very time when war profits were running high and imperialism was so confident of complete triumph. Something had to be done to crush "that brazen thing," the Russian revolution.

During the war with Germany the hypocritical slogan was, "We do not wage war against the German people but against German militarism and imperialism." The same hypocritical

(Continued on Third Page.)

THE WORLD TO-DAY.

United States Senator Percy Arraigns Ku Klux Klan
Page 6, Editorial Section.
Radiophone Programme, New York Broadcasting District.
Page 8, Editorial Section.
Points for Bond Buyers.
Page 12, Editorial Section.
Camp Wadsworth as It Is To-Day.
Page 1, Second News Section.
Voice of the Radical and the Labor Union Press
Page 7, Second News Section.
News of the Real Estate World.
Page 11, Second News Section.
Management of Brooder Chicks, by F. H. Stoneburn, poultry editor The World.
Page 11, Metropolitan Section.

domestic questions signed by all the negotiators nullified the ratification. He pointed out that it was not an interpretation by the individual signers but was pronounced in the document as being the "understanding and intent of the signatory powers." He said this clause removes the claim of individual construction.

Senator Lodge said he would present a resolution of ratification covering the declaration, though he did not believe this necessary. He did so this evening.

"I am willing to ratify the declaration," said he. "But I don't care one straw about it."

Omitted Declaration.

It was intimated that a motion will be made to reconsider the ratification vote and straighten out the tangle at once. This would be made by some one, probably a Democrat who voted for ratification. The Republican leaders say they will not permit such action. The declaration follows:

"1. That the treaty shall apply to the mandated islands in the Pacific Ocean, provided, however, that the making of the treaty shall not be deemed to be assent on the part of the United States of America to the mandates and shall not preclude agreements between the United States of America and the mandatory powers respectively in relation to the mandated islands.

"2. That the controversies to which the second paragraph of Article I. refers shall not be taken to embrace questions which according to principles of international law lie exclusively within the domestic jurisdiction of the respective powers."

"The declaration is part of the written contract," said Hitchcock. "It should be considered a part of the treaty."

Lodge Denies Contention.

"It is merely a declaration of understanding," said Lodge, "and is not a part of the treaty. It is entirely a different proposition."

"We failed to ratify the treaty itself yesterday," continued Hitch-

(Continued on Third Page.)

Outside Prison Wall

Finds Film Fortune Dissipated by Cost of Consequences of Fatal Party.

SAN FRANCISCO, March 25.—Roscoe C. ("Fatty") Arbuckle, whose smile was a gold mine before he had to face trial for manslaughter as a result of the death of Miss Virginia Rappe after a party he gave last Labor Day, is just about broke. That came to light to-day when he exhibited a fancy scrolled check book sent him on his thirty-fifth birthday anniversary.

"Gosh," he said, ruefully, "I don't see why I should be sent a check book. I haven't money enough now to make out one check, much less make use of a whole book."

Arbuckle's life since the fatal party has been an expensive one, particularly so because it has been a case of everything going out with nothing coming in.

"Fatty" has never been noted for economy, and in the old days he could afford lavish expenditures. Now, however, he is living rather quietly. But he has found that the expense of high class lawyers in three important trials make the price of special automobiles and fine estates look like small change.

OSER TO VISIT M'CORMICKS.

Miss Mathilde's Fiance Sells Stable and Is Leaving Zurich.

ZURICH, Switzerland, March 25 (Associated Press).—Max Oser, the Swiss riding master and fiance of Mathilde McCormick, daughter of Harold F. McCormick, Chicago, has sold his stable here and is preparing to leave Zurich within a few days, ostensibly to visit relatives in Western Switzerland.

Oser personally refuses to give any further information concerning his purposed movements, but neighbors asserted to-day he would sail for the United States early in April to spend Easter with his bride-to-be and be presented to the McCormick and Rockefeller families.

HAYNES WOULD STOP IRRITATION BY DESTROYING BOOZE IN PRIVATE

WASHINGTON, March 25.—All Federal Prohibition agents have been ordered to avoid unnecessary display in the destruction of seized liquors, Commissioner Haynes said to-day. Such instructions, he added, were issued with a view to preventing needless irritation through public destruction of alcoholic beverages.

Seized liquors, it was explained, are held pending the outcome of court proceedings and upon the court's order are either disposed of at public sale to buyers holding permits, disposed of to laboratories for scientific purposes or to hospitals.

Moonshine liquor, however, officials stated, is not regarded as having any commercial value, so that when an illicit still is raided all the captured liquor is destroyed on the spot except a quantity which is reserved as evidence.

Chicago, However, Harrows Feelings of the Dry Ones

CHICAGO, March 25.—Federal Prohibition agents to-day dumped 250,000 gallons of wine, beer and whiskey into the Chicago River while several thousand persons gathered along the bank, despite the fact that Commissioner Haynes had suggested in a long distance telephone call that it would bring undesirable publicity.

THE WORLD TRAVEL BUREAU, Arcade, Pulitzer (World) Building, 63 Park Row, N. Y. City. Telephone Beekman 3000. Check room for baggage and parcels open day and night. Money orders and travellers' checks for sale.—Adv.

The girls are
cent graduates
Parochial Schoo
good though
and have positi
where they are

Skull and

Miss Fox is
Hospital, where
pressed for her
unconscious last
tured skull, fra
teeth missing a
about the face
of the fall from
mobile or possi
Miss Dalton
juries and from
from the hospital
only to be held
material witness
ing in the Hack
office concerning
She was in a hi
tion during the
number of detail
fated automobile
cleared up.

With the ann
attending a Le
Michael's Church
her home at No.
nue shortly befo
evening to meet
who lives at No.
nearby. The tw
walk up Broad
most crowded th
ark.

Men Were St

An automobile
with two men
was certain that
either of them
hazy as to wheth
was acquainted
The men invited
on and take a r
got into the ma
next to the man
light man wearin
eyes—and Miss
with the other,
wearing a fedora

"We drove ar
awhile," said Mi
ing her adventure
the men several
be home by 10 o'c
said we were in
they would turn
go back to Newar

Found the Tw

"Shortly after t
in front of a gara
garage man where
the tall man say,
Rutherford,' and
garage man said.
a few minutes mo
yellow bus, and
sign 'Westwood'
had been lying to

"In the mean ti
the back seat with
short man, had
driver. We made
they had no inter
home, so we decl
and both of us got
board while the c
fast.

When the [illegible]
doing one of them
said: 'You can't sc

(Continued on

BEST COPY AVAILABLE

335

870502902

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Quits Russia Breaking Two-Years' Silence, to Reveal Bolshevik Failure. Part 1 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. – (March 26, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

EFFORT TO WRECK IRISH TREATY SEEN IN ULSTER CARNAGE

Fear of Civil War Expressed as Belfast Authorities Appear Unable to Keep Order.

CRAIG'S RESPONSE TO PLEA FOR PARLEY CRITICISED.

Edict for Death Sentence to Throwers of Bombs Fails to Check Such Outrages.

By Joseph W. Grigg.

Copyright (New York Evening World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special to The World.)

LONDON, March 25.—A deliberate attempt to wreck the whole Irish treaty scheme by precipitating a state of civil war which will force England to intervene is seen by many responsible observers here in the continued orgy of murder in Belfast.

Fear of such strife between the North and South has prompted the British Government to invite representatives of the Irish Provisional and Ulster Governments to confer in London as to what action should be taken to meet this grave situation. Even ardent apologists of Ulster are stupefied by the cold blooded murder of a Catholic saloonkeeper named McMahon, his three sons and the barman he employed, supposedly as a reprisal for the assassination of two policemen on the previous day.

Gen. Sir Nevil Macready, who is still in technical command of the British troops in Northern Ireland, has returned to London and, it is said, has severely criticised the Ulster Government for its lack of control.

The Provisional Government was quick to respond to the British invitation and Arthur Griffith and Eamon J. Duggan, Minister for Home Affairs, will come to London Monday. Sir James Craig, Ulster Premier, has replied that the invitation will receive his Government's earnest consideration. This reply caused a most unfavorable impression in Government quarters to-day. By a large body of public opinion in this country it will be construed only as another example of Sir James Craig's efforts to temporize because of his fear of his own colleagues.

Belfast's record of bombings and shootings in the Catholic quarters of the city over a period of many weeks, despite the assertions of the Ulster Government that it is taking steps to put an end to these disorders goes a long way to convince liberal opinion here that the Ulster Government has little control over its elements or is afraid to take drastic action against the iniquity of pursuing this Mafia-like policy against the Catholics.

On the very day following the Ulster Parliament's edict that persons throwing bombs would be sentenced to death, there were several bomb outrages in Belfast, in which Catholics were either killed or wounded. When some of the most responsible Liberal newspapers here express the fear that the drastic law may be applied only against the Catholics, it is to that Southern Irish opinion looks that view even more strongly.

The British Government's greatest

EXILED "RED" THEN AND NOW.

GOLDMAN REVEALS BOLSHEVIK FAILURE

(Continued From First Page.)

refrain was heard in the unholy crusade against the Russian revolution. "Not against the Russian people but against the Bolsheviki they have instigated the revolution, and they must be exterminated."

The march on Russia began. The interventionists murdered millions of Russians, the blockade starved and froze women and children by the hundred thousands, and Russia turned into a vast wilderness of agony and despair. The Russian revolution was crushed and the Bolsheviki regime immeasurably strengthened. That is the net result of the four years' conspiracy of the imperialists against Russia.

Is a Typical Despotism.

How did such a thing happen? Very simply. The Russian people, who alone had made the revolution and who were determined to defend it at all costs against the interventionists, were too busy on the numerous fronts to pay any attention to the enemy of the revolution within. And while the workers and peasants of Russia were laying down their lives so heroically, this inner enemy rose to ever greater powers. Slowly but surely the Bolsheviki were building up a centralized state, which destroyed the Soviets and crushed the revolution, a state that can now easily compete, in regard to bureaucracy and despotism, with any of the great powers of the world.

From my study and observation of two years I am certain that the Russian people, if not continuously threatened from without, would have soon realized the danger from within and would have known how to meet that danger, as they had the Kolchaks, Denikins and the rest of them. Free from imperialist counter-revolutionary attacks, the people would have soon become aware of the true tendencies of the Communist state, its utter inefficiency and inability to reconstruct ruined Russia.

The masses themselves would have then begun to infuse new life into the paralyzed social energies of the country. Would not the people have erred and blundered, even as the Bolsheviki have? No doubt they would. But they would have, at the same time, learned to depend upon their own initiative and strength which alone could have saved the revolution.

"Nailed to Bolshevik Cross."

It is entirely due to the criminal stupidity of some of the ex-revolutionists who clamored for intervention, and to the imperialists who financed and backed intervention, that the Russian revolution, the greatest event of centuries, has been lost. To them it is also due that the Bolsheviki, wrapped in the cloak of persecution, can continue to pose as the holy symbol of the social revolution.

I mean to expose this fatal delusion. Not because I have lost faith in the revolution, but because I am convinced that coming revolutions are doomed to failure should what Lenin himself called military communism be imposed on the world. Not because I have made peace with government do I intend to show what the Bolshevik regime has done to the Russian revolution.

Rather is it because the experience of Russia, more than any theories, has demonstrated that all government, whatever its form or pretenses, is a dead weight that paralyzes the free spirit and activities of the masses.

I owe this to the revolution, nailed to the Bolshevik cross, to the martyred Russian people, and to the deluded of the world. I mean to pay my debt in full, regardless both of the misappropriation of my words by the reactionaries and of vilification by blinded radicals.

[In her next article, which appears to-morrow, Miss Goldman begins a graphic recital of the causes which strangled the Russian Revolution. The arch foes of the revolution, she declares, were the Bolshevik leaders themselves. To-morrow she tells of the "betrayal" of the peace of Brest-Litovsk.]

DUBS VALERA GROUP "WOMEN-CHILDERS"

LURED GIRLS HURT

LLOYD GEORGE WILL HAVE TO APPEASE CABINET ON RUSSIA

Churchill Is Opposed to Recognition and Premier Must Have Agreement Before Vote.

RIDDELL SAYS BRITISH HAVE TWO PEACE PLANS.

One Is Admission of Moscow and Other a Treaty Between Soviet and Border States.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special Cable Despatch to The World.)

LONDON, March 26.—Premier Lloyd George, when he returns to London to-morrow, may encounter strong opposition in the Cabinet to recognition of Russia. Winston Churchill, although prepared to support the project for trade with Russia, is against recognition.

The Prime Minister's return from Wales a week earlier than he expected may have been brought about by this division in the Cabinet, for an agreement must be reached with his colleagues before he can ask for a vote of confidence.

The News of the World, Lord Riddell's Sunday newspaper, in outlining Mr Lloyd George's plans for rehabilitation in Europe through the Genoa meeting, says that there are two main projects: First, political recognition of the Soviet Government; second, a treaty of peace between Russia on the one hand and Poland, Roumania and Finland on the other.

As Lord Riddell has been the Premier's guest at Criccieth, this statement is doubly interesting. It also refers to the difference of opinion between the Premier and Mr. Churchill, and says it is difficult to see how the Genoa Conference can usefully take place if recognition of Russia is ruled out before the conference starts.

League Council Wants More Information About Genoa

PARIS, March 25.—The Council of the League of Nations, in session here, decided to-day that it required more information from the countries organizing the Genoa Conference before it could accept the invitation to send members of its technical organizations to the gathering. Another session of the Council will be held at 10.30 to-morrow.

ALLIES ASK LEAGUE TO RULE ARMENIA

Foreign Ministers Keep Secret Their Decision on Dardanelles —Turn to Thrace.

PARIS, March 25 (Associated Press).—The Allied Foreign Ministers, holding sessions here on Near Eastern questions, decided to-day to give the administration of Armenia to the League of Nations and to leave with the League the responsibility for supervision and protection of minorities.

The Ministers finished their discus-

HO ILL

(Contin

cock, "wh
tion of the
"I deny
Lodge. "I
of a treaty
and over a
"The Au
the treaty.
fied," said
"If the
been violat
(Rep., Wis
treaty woul
courts will
was ratified
treaty."
"That w
Hitchcock,
was not re
fered for c
ment.
"If a trea
being read.
an absurdit
farce, and
not sustain
Not
"The ne
treaty and
other. It
have an inst
shrouded in
anomaly of
"You hav
of the Unit
protected t
The questio
been mentio
Several
Hitchcock t
did not beco
similar circ
"Unquesti
Robinson (
of the deci
part of the
the fact tha
derstanding
signatories
The declara
treaty did n
He asked
tion was
treaty.
"Because
part of the
publican le
agreed to
signed it.
nation is n
other."
Japan
"Japan
power pact
ignore the
leave the qu
tirely out of
"Never in
"will domes
for settleme
four powers
Senators
Swanson a (
(Dem., Mo
Hitchcock's
The supp
eliminates t
was laid bef
session bega
An amend
Robinson to
the southern
Sakhalin,"
was along fa
Senator P
cussed the r
British Am
(and denied
Pacific was
by the four

BEST COPY AVAILABLE

336

870502903

The Emma Goldman Papers

Russian Revolution a Failure, Says Miss Goldman, and Slain by the Bolsheviki Themselves. Part 2 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 27, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

VOL. LXII. NO. 22,183—DAILY. ★ Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922. NEW YORK, MONDAY, MA

RUSSIAN REVOLUTION A FAILURE, SAYS MISS GOLDMAN, AND SLAIN BY THE BOLSHEVIKI THEMSELVES

Iron Hand of the Communist State Soon Began to Separate People From the Revolution, Which Was Their Own Work—Peace of Brest-Litovsk With Its "Betrayal" of Russians Set Forth as First of All the Evils.

Miss Goldman is writing this series about Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she has just succeeded in quitting. After being barred from several other countries through the influence of the Bolsheviki she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an Anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in anarchism practically all her life. Perhaps she, above all other travellers to Russia, is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

NO. II.

STOCKHOLM, Sweden, March 2.—The Russian Revolution as a radical social and economic change meant to overthrow capitalism and establish Communism must be declared a failure.

In estimating the various factors that crushed the revolution it is not enough to point out the role played by the counter revolutionary elements. To be sure, their crimes are heinous enough to condemn them unto all eternity. These Russian "patriots"—monarchists, cadets (Constitutional Democrats), Right Socialist-Revolutionists, &c.—filled the world with their clamor for intervention. What was it to them that millions of their countrymen and thousands of innocent victims from all lands were slaughtered in the unholy war against Russia?

They lived in perfect safety and security; neither the bullets of the Cheka nor the devastating hand of hunger and typhus could reach them. They could afford to play the game of patriotism. But, then, all this is sufficiently known to require no further elucidation. What is known is that the Russian and allied interventionists were not the only actors in the great social drama which ended in the death of the Russian Revolution. The other actors are the Bolsheviki themselves. It is of their role that I shall speak now.

Perhaps the Russian Revolution was doomed at its birth. Coming as it did upon the heels of four years of war which had drained Russia of her best manhood, sapped her blood and devastated her land, the revolution may not have had the strength to withstand the mad onslaught of the rest of the world. The Bolsheviki claim that the Russian people, though heroic enough for great outbursts, lack of perseverance necessary for the slow, painful, every-day exigencies of a revolutionary period. I do not admit the truth of it.

But, granted that this contention is well founded, I yet insist that it was not so much the attacks from without as the senseless and cruel methods within Russia that have killed the revolution and placed the yoke of despotism upon the people's neck. The Marxian policies of the Bolsheviki, the tactics first extolled as indispensable to the life of the revolution only to be discarded as harmful after they had wrought misery, distrust and antagonism, were the factors that [illegible] of the people in the revolution.

DEFYING EDICT, 200 IRISH ARMY YOUTHS HOLD CONVENTION

Meet in Dublin in Secret and Swear Allegiance to Republic—Few Appear in Uniform.

COLLINS BITTERLY ASSAILS POLICIES OF DE VALERA.

Roads to Waterford When He Spoke Obstructed—More Killings in Belfast Streets.

By P. J. Kelly.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special Cable Despatch to The World.)

DUBLIN, March 26.—With secret sessions lasting all to-day and late into the night, the forbidden convention of the Irish Republican Army was held in the Mansion House.

It adopted resolutions reaffirming allegiance to the republic, continuing its own existence as the "army of the republic" under an Executive Board of fifteen members and demanding a drastic boycott on Belfast.

About 200 young delegates, only a handful in uniform, attended, using special admittance cards. The doors were carefully guarded, but there was no display of arms. The crowd commented on the immature appearance of the delegates.

Among those present were members of the Belfast Brigade, but it is said their purpose was less to support the meeting than to urge unity as essential for the protection of the Northern Nationalists.

Attendance Means Suspension.

By attending the convention, each delegate seceded from the military forces of the Dail and, of course, of the Irish Free State. They claim this secession represents 80 per cent., but this is probably an exaggeration.

Neither Gen. Mulcahy, the Dail Minister of Defense, who had announced that every man attending would be suspended from the army nor any other representative of the Dail would comment on to-day's proceedings.

Addressing a meeting at Waterford to-day, Michael Collins declared Ireland never has witnessed a more sinister or more cowardly campaign than that of the treaty opponents, and that De Valera and his followers are proving themselves the greatest enemies Ireland ever had.

Referring to the coming conference in London with Sir James Craig the [illegible]

Flying Boat Close to He When Accident Came

Moore Tells How Fishing Boat C Course—Bulte Killed as All Were Capsized Craft—Food Una

MIAMI, Fla., March 26.—Graphic details of the loss of the flying boat Miss Miami with five passengers were given to-night by the pilot, Robert Moore, from his bed in a local hospital, where he is slowly recovering from the effects of his fifty-five-hour fight against thirst, starvation and the dangers of the ocean.

Moore had thrown off entirely the delirium from which he was suffering when picked up yesterday by the tanker William Green, but physicians said there was grave danger of pneumonia from his exhausted condition and prolonged exposure.

While the pilot, still shaken with the horror of his experience, told his story, crews of seaplanes and naval craft were returning from a fruitless all-day search for the bodies of Mr. and Mrs. August Bulte and Mr. and Mrs. Lawrence E. Smith of Kansas City, and Mrs. J. S. Dickson of Memphis, who had occupied the passenger pit of the Miss Miami when she took off Wednesday morning supposedly for a forty-minute flight to the island of Bimini. The search will be continued to-morrow.

Was Close to Bimini.

"We left Miami," said Moore, "at 11.04 o'clock Wednesday morning in the face of a stiff northeasterly wind. At 11.41, about three minutes out of Bimini, something broke off the propeller. I automatically looked for a ship or a sh[illegible] fishing smac[illegible] the water a[illegible] course.

"I asked t[illegible] afraid. We [illegible] danger and [illegible] near.

"When th[illegible] water began [illegible] but I plugge[illegible] We were al[illegible] Gulf Stream [illegible] not far enou[illegible] the current. [illegible] time, riding [illegible] running fifte[illegible] sengers bec[illegible] brave and ex[illegible] sistance.

"As we dr[illegible] came a thud [illegible] sandbar, but [illegible] of wreckage [illegible] in the hull.

Plugged

"I plugged [illegible] It soon beca[illegible] pump, but t[illegible] headway tha[illegible] though both [illegible] heroically. [illegible] with water, [illegible] gan to drag [illegible] an enormous [illegible] and the flyi[illegible]

(Continu[illegible]

Train Kills Three In Motor Car That Stalls on Tracks

Motorists Start to Cross Rails Just as Warning Bell Sounds, But They Stick.

Three men in a touring car were killed instantly when the machine was struck by a northbound train on the main line of the Putnam Division, New York Central Railroad, at the Odell Avenue crossing, near the Gray Oaks Station, Yonkers, before noon yesterday.

The dead are Reuben Levine, the driver, thirty-eight, No. 36 Elliott Avenue; his brother Samuel, thirty, No. 94 Woodworth Avenue, and John Pigot, thirty, No. 135 Oliver Street, Yonkers. They were going on a fishing trip.

The machine started across the rails just as an automatic bell heralded the approach of the train. The motor stalled and before Levine could again start if the train struck.

The three occupants were jammed on the cowcatcher. When the locomotive had gone 500 feet[illegible] body fell under the wheels.

Coroner [illegible]

Cop in [illegible] 3 Negr[illegible] Shoot[illegible]

Lured to T[illegible] Liquor,

Efforts of [illegible] policeman in [illegible] in No. 24 W[illegible] of their purpo[illegible] be assassins[illegible] wounded by [illegible] Stephen McG[illegible] Station. McG[illegible] his home. N[illegible] to the drug[illegible] Lenox Avenu[illegible] J. Hultman a[illegible] two Negroes [illegible] house in the [illegible]

When McG[illegible] the 135th Str[illegible] proached by [illegible] were hangin[illegible] asked if he [illegible] drink of "re[illegible] tended to a[illegible] guide to the [illegible] ment. The [illegible]

337

870502903

The Emma Goldman Papers

Russian Revolution a Failure, Says Miss Goldman, and Slain by the Bolsheviki Themselves. Part 2 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 27, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

light, from whatever source it may be shed. The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

NO. II.

STOCKHOLM, Sweden, March 2.—The Russian Revolution as a radical social and economic change meant to overthrow capitalism and establish Communism must be declared a failure.

In estimating the various factors that crushed the revolution it is not enough to point out the role played by the counter revolutionary elements. To be sure, their crimes are heinous enough to condemn them unto all eternity. These Russian "patriots"—monarchists, cadets (Constitutional Democrats), Right Socialist-Revolutionists, &c.—filled the world with their clamor for intervention. What was it to them that millions of their countrymen and thousands of innocent victims from all lands were slaughtered in the unholy war against Russia?

They lived in perfect safety and security; neither the bullets of the Cheka nor the devastating hand of hunger and typhus could reach them. They could afford to play the game of patriotism. But, then, all this is sufficiently known to require no further elucidation. What is known is that the Russian and allied intervantionists were not the only actors in the great social drama which ended in the death of the Russian Revolution. The other actors are the Bolsheviki themselves. It is of their role that I shall speak now.

Perhaps the Russian Revolution was doomed at its birth. Coming as it did upon the heels of four years of war which had drained Russia of her best manhood, sapped her blood and devastated her land, the revolution may not have had the strength to withstand the mad onslaught of the rest of the world. The Bolsheviki claim that the Russian people, though heroic enough for great outbursts, lack of perseverance necessary for the slow, painful, every-day exigencies of a revolutionary period. I do not admit the truth of it.

But, granted that this contention is well founded, I yet insist that it was not so much the attacks from without as the senseless and cruel methods within Russia that have killed the revolution and placed the yoke of despotism upon the people's neck. The Marxian policies of the Bolsheviki, the tactics first extolled as indispensable to the life of the revolution only to be discarded as harmful after they had wrought misery, distrust and antagonism, were the factors that slowly undermined the faith of the people in the revolution.

Revolution Doomed With People Barred From New Life It Brings

If there ever was doubt as to what constitutes the greatest danger to a revolution—outside attacks or the paralyzed interest of the people within—the Russian experience should dispel that doubt completely. The counter-revolutionists, backed by Allied money, men and munitions, failed utterly; not so much by the heroism of the Red Army as by the revolutionary enthusiasm of the people themselves, who fought back every attack. Yet the Russian Revolution has died an ignominious death. How, then, explain that phenomenon?

The main causes are not far to seek. If a revolution is to survive in the face of opposition and obstacles, it is of the utmost importance that the light of the revolution be held high before the people; that they should at all times be close to the living, throbbing pulse of the revolution. In other words, it is necessary that the masses should continuously feel that the revolution is of their own making, that they are actively participating in the difficult task of building the new life.

For a brief period after the October Revolution the workers, peasants, soldiers and sailors were indeed the masters of their revolutionary fate. But soon the invisible iron hand began to manipulate the revolution, to separate it from the people, and to make it subservient to its own ends—the iron hand of the Communist state.

The Bolsheviki are the Jesuit order in the Marxian Church. Not that they are insincere as men or that their intentions are evil. It is their Marxism that has determined their policies and methods. The very means they have employed have destroyed the realization of their end. Communism, Socialism, equality, freedom—everything for which the Russian masses have endured such martyrdom—have become discredited and besmirched by their tactics, by their Jesuitic motto that the end justifies all means.

Cynicism and coarseness have taken the place of the idealist aspirations that characterized the October Revolution. All inspiration has been paralyzed; popular interest is dead; indifference and apathy are dominant. Not intervention nor the blockade—

(Continued on Second Page.)

LENIN MAY DIE SOON, IS REPORT IN BERLIN

LONDON, March 26. — Reports from Berlin received in Copenhagen, according to a despatch to the Exchange Telegraph, are to the effect that the leaders of the Russian Soviet Government have been summoned to Moscow to consider the situation which may arise in the event of the death of Nikolai Lenin

It is feared his end will come in the near future

manning a picnic boycott on Belfast.

About 200 young delegates, only a handful in uniform, attended, using special admittance cards. The doors were carefully guarded, but there was no display of arms. The crowd commented on the immature appearance of the delegates.

Among those present were members of the Belfast Brigade, but it is said their purpose was less to support the meeting than to urge unity as essential for the protection of the Northern Nationalists.

Attendance Means Suspension.

By attending the convention, each delegate seceded from the military forces of the Dail and, of course, of the Irish Free State. They claim this secession represents 80 per cent., but this is probably an exaggeration

Neither Gen. Mulcahy, the Dail Minister of Defense, who had announced that every man attending would be suspended from the army nor any other representative of the Dail would comment on to-day's proceedings.

Addressing a meeting at Waterford to-day, Michael Collins declared Ireland never has witnessed a more sinister or more cowardly campaign than that of the treaty opponents, and that De Valera and his followers are proving themselves the greatest enemies Ireland ever had

Referring to the coming conference in London with Sir James Craig the Ulster Premier, Mr. Collins said:

"It will surprise you to know that the greatest argument we will face is De Valera and his following. Mr Craig will contend, as he has contended, that the North cannot think of coming in with us while present conditions prevail among ourselves

Collins Attacks De Valera.

"If De Valera can unite the nation under his leadership, will accept the treaty and agree to work, the Free State will gladly stand aside."

After attacking De Valera for the "barrenness" of his policy, Mr. Collins said, bitterly

"We are hearing less about his policy and more about his threats—threats against the Irish people if they dare to approve the treaty Their arguments are failing to win support, for their changing and impractical policies are worse than the Black and Tan campaign. Where reason failed, revolver shots and threats won't avail."

Attempts had been made to prevent people from travelling to Waterford to hear Mr. Collins Several roads were blocked with felled trees and a portion of the railway to Tramore was torn up The platform erected for the speakers was saturated with petrol, fired and destroyed during the night, with the result that the speeches had to be delivered from the City Hall window.

A party of fifty young civilians,

(Continued on Second Page.)

THE WORLD TRAVEL BUREAU
Arrange Tickets, Hotels, Baggage, Steamship Reservations, Etc. Write, Phone or Call
Park Row, N. Y. City —Information Cheerfully Given. Check room for baggage and parcels open day and night. Money orders and travelers' checks for sale.—Adv.

the face of a stiff northeasterly wind. At 11.41, about three minutes out of Bimini, something broke off the propeller. I automatically looked for a

(Continued ?

Train Kills Three In Motor Car That Stalls on Tracks

Motorists Start to Cross Rails Just as Warning Bell Sounds, But They Stick.

Three men in a touring car were killed instantly when the machine was struck by a northbound train on the main line of the Putnam Division, New York Central Railroad, at the Odell Avenue crossing, near the Gray Oaks Station, Yonkers, before noon yesterday.

The dead are Reuben Levine, the driver, thirty-eight, No. 86 Elliott Avenue; his brother Samuel, thirty, No. 94 Woodworth Avenue, and John Pigot, thirty, No. 135 Oliver Street, Yonkers. They were going on a fishing trip.

The machine started across the rails just as an automatic bell heralded the approach of the train. The motor stalled and before Levine could again start it the train struck.

The three occupants were jammed on the cowcatcher. When the locomotive had gone 500 feet one body fell under the wheels.

Coroner Fitzgerald placed Engineer Hugh Kirk under arrest on a homicide charge. The Coroner established the fact that the crossing bell was in working order. The tracks to the south are a straightaway, so that any one crossing could see a train approaching from a considerable distance.

Kirk told the police he applied the air brakes as soon as he saw the automobile start across the rails The train crew maintain the whistle also was blown.

Each of the Levines leaves a wife. Reuben Levine was President of the Reuben Levine Iron Works, Yonkers. His brother Samuel was secretary of the concern, and Pigot was an employee.

The crossing is unprotected by gates.

LOUIS F. SWIFT JR., IN CELL.

(Special to The World.)

CHICAGO, March 26. — Louis F Swift jr., son of the millionaire packer, who was charged with driving an automobile while drunk, following a collision at Evanston Saturday night, was released in $200 bail to-day after spending the night in jail. He will be given a hearing Friday.

Swift and two women companions and four men in the other car were uninjured, although both machines were practically demolished. The police found an automatic pistol in Swift's car but made no charge against him on this score.

"SALLY," the Supreme Musical Show of all Times! Ziegfeld's Greatest! Marilynn Miller, Leon Errol. New Amsterdam Theatre.—Adv.

Cop in Mu... 3 Negro... Shoots...

Lured to Tene... Liquor, He... to...

Efforts of thr... policeman in civ... in No. 24 West ... of their purpose... be assassins is b... wounded by the ... Stephen McGee o... Station. McGee ... his home, No. 7... to the drug st... Lenox Avenue. ... J. Hultman shot ... two Negroes wh... house in the sam...

When McGee ... the 135th Street ... proached by one ... were hanging a... asked if he wo... drink of "real ... tended to assen... guide to the We... ment. The guid... McGee to go to ... the policeman ... revolver quietly ... the stair rail ... going on below.

Three Negroes ... stairs and one ... McGee, whom th... a civilian and un...

"Hands up, bo...

As McGee's ... Negro fired on... fired three, the ... taking flight to... which they eve... escape. One st... ported. Two o... they turned the ... the roof, but McG...

MURDERED M... IN TA...

Shot in the ... thought to have ... twenty-five. No. ... nue, Brooklyn, w... cab at 1 o'clock ... Beth Moses H... Avenue and Ha... and was dead w... rived.

Police were u... he received his ... men who brou... pital declared t... had asked them ... Mrs. Albert Lew... way, Brooklyn, ... pital, identified ... of the guests at ... a short while ... They said they ...

"Speak...

BEST COPY AVAILABLE

338

870502903

The Emma Goldman Papers

Russian Revolution a Failure, Says Miss Goldman, and Slain by the Bolsheviki Themselves. Part 2 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 27, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

...RMANS FELL ...HOUR OF WAR

...March 26 (Asso-...ne) —Forty-six men ...t and 109 wounded ...erman side during ...r the World War ..., according to an ...rrived at by Hen. ...k, from a study of ...orda.

...'s losses totalled in ... 1,808,545 and in ...,246,779. A total of ...men were under ...g the war, of whom ...n seven was killed ...

...deaths, caused di-...directly by the war, ...ated at 12,000,000.

...G EDICT, I.R.A. ...CONVENTION

...From First Page.)

...d in Dublin last night ...ons, took possession of ...fish market near the ...and of the Orange ...quarters at Rutland ...still occupy the latter ...ordered the staff away ...it.

...e said to be workmen ...elled from Belfast. If ...first instance of such ...Southern Orangemen ...for the treatment of ...Belfast.

...MORE KILLED ...FAST STREETS

...abinet Expected to ...nvitation of the ...inn Fein.

...Correspondent of the Guardian and The York World.)

...ew York World) by Press ...ng Company 1922 ...Despatch to The World.)

...March, 26.—Judging ...expressed to-day in ...a here, the Northern ...cept the invitation to ...Fein delegates. It can ...granted also that the ...l be held immediately ...reason than to save the ...fast which has become ...dy's life is safe either ...

...week end disturbances ...have been killed and ...

...pulation is seething ...n at the further about ...ets is between 12 and ...ck each day of course ...n operation.

...Most members of the ...ce father and three ...ers of whom The ...ing Catho... ...with a four al most ...e route to the ...s the Nationalist dis... ...ed with men and ...lazers many of the

CAPITOL SHIES AT GHOSTLY SHADOW OF KU KLUX KLAN

Rules Committee of Congress Pigeonholes Resolution to Strip Off the White Mask.

OTHER FEDERAL AGENCIES ARE EQUALLY HESITANT.

Demand for Action Is Renewed as Secret Organization Continues Its Activities.

(Special to The World.)

WASHINGTON, March 26.—Federal authorities here are still nibbling at the Ku Klux Klan but have no definite plans for organzed action against the organization. They concede that The World, in its expose of six months ago, proved that William Joseph Simmons and his Klan had become a menace, but claim the United States cannot reach them except through the postal laws. Although the Department of Justice has had expert investigators on the job, it has not asked for an indictment.

The House Committee on Rules has made no recommendation for the resolution of Representatives Ryan of New York, Tague of Massachusetts and Dyer of Missouri asking for an inquiry into the Ku Klux Klan record. None will be made.

"The law is ample for the prosecution of the Ku Klux Klan if there has been a violation uf the postal statutes," said Chairman Campbell of that committee to The World correspondent. "It seems to me that it is largely a State matter. The various States should deal with the Klan."

Both Pass the Buck.

Mr. Campbell asserts that he turned over his testimony to the Department of Justice. At the Department of Justice it is explained that the information collected by it was turned over to the House Committee on Rules. "You tell the cat" seems to be the game.

Since the House Rules Committee dropped the proposed investigation virtually the only sign of activity against the organization in the capital has been at the District of Columbia Police Headquarters. When Harry B. Terrell, who later broke with the Klan, was Grand Goblin of this realm, Inspector Clifford Grant, Chief of Detectives, served notice on him that the Klan was not desired in Washington.

More recently the Klan suffered another setback from the local police. Last week Major Daniel Sullivan, Superintendent of Police, approved an order prepared by the Corporation Counsel prohibiting any masked parades on the Washington streets.

Nevertheless residents of the capital had been stirred by reports that the Ku Klux was to parade from Georgetown to Alexandria. They recalled the race riots of 1919, pointing out that if the parade incited further violence and battles between the races the blame would be upon the Police Department for not preventing the procession. The regulation which prohibited a Ku

LEADERS OF BOLSHEVISM DENOUNCED BY ANARCHIST

LEON TROTZKY

REVOLUTION SLAIN BY THE BOLSHEVIKI

(Continued From First Page.)

on the contrary, it was the internal policies of the Bolshevik state that alienated the Russian people from the revolution and filled them with hatred of everything emanating from it.

"What is the use of changing?" now say the people; "all rulers are alike—the poor must always suffer." It is this fatalism, coupled with submission of centuries, which has helped the Bolsheviki to their dominion over Russia. Have the Bolsheviki learned from experience that the end does not justify all means?

To be sure, Lenin often repents. At every All-Russian Communist conclave he comes forth with his mea culpa. "I have sinned." A young Communist once said to me:

"It would not surprise me if Lenin should some day declare that the October Revolution was a mistake."

Indeed, Lenin does admit his mistakes; but that does by no means prevent him from continuing the same mistaken policies. Every new experiment is proclaimed by Lenin and his zealots as the height of scientific and revolutionary wisdom. Woe be to those who dare question the justice or efficacy of the new measure! They are branded as counter-revolutionists, speculators and bandits.

Rapid Change of Face.

But presently Lenin again repents, and then begins to deride his flock as fools for having believed that the experiment was at all possible. After deluding Russia and the world for four years by his avowal that Communism is in the making in Russia, Lenin at the last Congress of the All-Russian Soviets covered his comrades

NIKOLAI LENIN

the Bolsheviki had proclaimed to the world — peace without indemnities, self-determination of all oppressed peoples, no secret diplomacy. Yet the Bolsheviki made peace with German imperialism over the heads of the German people.

A Peace of Betrayal.

The price of that peace was the betrayal of Latvia, Finland, the Ukraine and Byelo-Russia.

(Byelo-Russia is more commonly called "White Russia." It occupies the upper parts of the Western Slope of the Central Plateau of Russia, and the inhabitants of this section have a certain intermingling of blood with the Poles and Lithuanians. Byelo is the Russian word for "white.")

The result—several years of civil war, the disruption of the revolutionary forces, when unity was so vital to the defense of the revolution, and the beginning of Red terror which is continuing to this day.

The peasantry of the Ukraine and of Byelo-Russia knew how to drive back the German invader, but it has neither forgotten nor forgiven the treachery of the Bolsheviki. The continuous presence of a million troops in the Ukraine to "liquidate the bandits" bears witness to the love of the Ukrainian peasants for the Communist state. The ratification of the Brest peace, which Trotzky refused to sign, which Radek—then in a German prison—declared as the bankruptcy of the revolution, while Joffe signed it "with closed eyes," as he said, was the

BELGIAN MONARCHS CALL FIRST ON PIUS

Will Go to Vatican at Once After Arrival in Rome, the Pope Decides.

ROME, March 26 (Associated Press). —Whether or not the coming visit to Italy of King Albert and Queen Elizabeth of Belgium will lead to the engagement of Princess Yolande, daughter of the Italian King, to the Duke of Brabant, heir to the Belgian throne, the visit is considered of great importance, because it will mark a new stage in the relations between church and state. The arrangements for the visit are expected to form the basis for the ceremonial of future visits by Catholic rulers.

Pope Pius has taken personal interest in the details and has decided that the call of the Belgian sovereigns at the Vatican must take place immediately on their arrival in Rome and before any official functions occur, such as a dinner at which toasts are exchanged with the Italian King, and even before the Belgian monarchs visit the Queen Mother Margherita.

No objections having been made by the Italian court, this procedure is considered to be definitely settled.

Heretofore non-Catholic sovereigns went to the Vatican in carriages supplied by the embassy of their country. President Wilson in January, 1919, adopted this custom. Pope Pius has decided that Vatican automobiles shall be sent to bring the King and Queen of the Belgians to the Vatican.

This in itself shows progress, as a few years ago the Vatican had no automobiles and ecclesiastics were forbidden to use them; Cardinal Vincenzo Vanutelli was the first prelate to have an automobile. Some time ago he received a beautiful machine, painted a bright red, from American friends, and induced the Pope to withdraw his ban on the automobile.

HIS WEDDING OVER, HOLLIS LEFT ROME

Ex-Senator Told Friends He Would Honeymoon in Venice —Colony at a Loss.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special Cable Despatch to The World.)

ROME, March 26.—Former United States Senator Henry F. Hollis of New Hampshire, it was learned to-day, vanished from Rome directly after his wedding, telling friends he and his bride were planning to spend their honeymoon in Venice and other places. He left no forwarding address at the Hotel Continental.

At the American Embassy to-day surprise was expressed at the reports of Mr. Hollis's former wife, and complete ignorance of the Senator's affairs was avowed. Ambassador Child is out of the city for the week-end. He planned to return on Monday. The American colony here is at a loss to account for the reports.

Legation Doubts Report of Divorce in Bulgaria.

(Special to The World.)

870502903

The Emma Goldman Papers

Russian Revolution a Failure, Says Miss Goldman, and Slain by the Bolsheviki Themselves. Part 2 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 27, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

...binet Expected to
...nvitation of the
...inn Fein.

Correspondent of the Guardian and The York World.)

...k World) by Press ...g Company, 1922
(Despatch to The World.)

March. 26 — Judging ... expressed to-day in ... here, the Northern ...cept the invitation to ...ein delegates. It can ...ranted also that the ... be held immediately, ...reason than to save the ...fast, which has become ...dy's life is safe either

...week-end disturbances ...have been killed and ...

...population is seething ...n at the further shoot... ...strife between 12 and ...morning, when of course ...s in operation.

...of four members of the ...ily—father and three ... this afternoon. The ...d 3,000 leading Catho... walking four abreast, ...ee-mile route to the ...gh the Nationalist dis...cked with men and ...thizers, many of the

...TISANS HERE ...R DE VALERA

..., Austin Stack and ...lanagan Speakers ...monstration.

...lera's partisans in New ...the Lexington Avenue ...ast night and cheered ...a demonstration organ... ...herican Association for ... of the Irish Republic, ...ed by De Valera after ... Justice Cohalan and ...On the other hand the ...d Collins was repeat...

... and Austin Stack of ...blican Mission and the ...chael O'Flanagan were ...kers. The latter kept ...n good humor by t... ...d he called un-Amer... ... and ex-President Wil...

... he said, "in this re... ...onstration what will ...land when the people ...press their will on the ...child, the Free State ...w what they want an... ... and truer representa... ...nationalism than any ...er had.

...we sent a delegation to ...ey got the worst of the ... after all, we shouldn't ...t them for that. You ... to Paris and he came ...the smallest man on ... had been the biggest. ...should not be too hard ... little Irish gossoons ...t to the people of Ire...

... who is President of ...ue in Ireland, and Mr. ...reful to avoid any of... ...ce to either Collins or ...Kelly said he had not ...ountry to attack any... ...xplain facts. He de... ...lations with the Irish

...LACES ARE ORDERED.

...By the Associated Press.)

...ounced by the Irish ... ... was considered ...lance was 3,000 miles

of that committee to The World correspondent. "It seems to me that it is largely a State matter. The various States should deal with the Klan."

Both Pass the Buck.

Mr. Campbell asserts that he turned over his testimony to the Department of Justice. At the Department of Justice it is explained that the information collected by it was turned over to the House Committee on Rules. "You tell the cat" seems to be the game.

Since the House Rules Committee dropped the proposed investigation virtually the only sign of activity against the organization in the capital has been at the District of Columbia Police Headquarters. When Harry P. Terrell, who later broke with the Klan, was Grand Goblin of this region Inspector Clifford Grant, Chief of Detectives, served notice on him that the Klan was not desired in Washington.

More recently the Klan suffered another setback from the local police. Last week Major Daniel Sullivan, Superintendent of Police, approved an order prepared by the Corporation Counsel prohibiting any masked parades on the Washington streets.

Negro residents of the capital had been warned by reports that the Ku Klux was to parade from Georgetown to Alexandria. They recalled the race riots of 1919, pointing out that if the parade incited further violence and clashes between the races the blame would be upon the Police Department for not preventing the procession. The regulation which prohibited a Ku Klux parade followed.

Ryan Demands Action.

Representative Ryan thinks that Congress should complete its investigation of the Ku Klux Klan and will renew his request to that end. Today he said:

"The new outrages and atrocities committed by the Knights of the Ku Klux Klan apparently demand a completion of the Congressional investigation asked for by me. The activities of the Klan were halted for the time being because of the facts brought out by The New York World, several other Congressmen and myself. But it is a travesty on justice that the lawlessness and disregard of personal property, as perpetuated by this particular organization, should now be allowed to continue.

"When a body of men are gathered together for the purpose of terrorizing and intimidating respected citizens of any community, it is high time that their actions be brought to an end. A lynching law was passed by the House some time ago, and I believe that a similar or more stringent statute should be enacted to curb the activities of this particular organization, and to prevent forever its violations of the sanctity of a man's home, and its attacks on personal property.

"The Knights of the Ku Klux Klan have violated the very foundation upon which the Constitution of the United States was erected by their lawlessness.

"When it endeavors to interfere with the freedom of religious worship and the equality of man it claims to be an American institution and brings about a condition of terror and unrest that is not exceeded in Soviet Russia."

To regain a foothold in the South the Ku Klux Klan are trying a new trick. Robed knights enter churches during services, walk to the pulpits and give the preachers envelopes containing money and thanks for their good work.

TIME CONFUSES PARIS.

PARIS, March 26.—The putting into operation of daylight saving at midnight last night resulted in the procession which was formed to proceed to Pershing Square for the celebration of Joan of Arc's birthday [illegible] marching after the ceremony had [illegible] Many also [illegible] a sparse attendance in the churches and at other meetings owing to the setting of the clock forward an hour.

now say the people: "all rulers are alike—the poor must always suffer." It is this fatalism, coupled with submission of centuries, which has helped the Bolsheviki in their dominion over Russia. Have the Bolsheviki learned from experience that the end does not justify all means?

To be sure, Lenin often repents. At every All-Russian Communist conclave he comes forth with his mea culpa, "I have sinned." A young Communist once said to me:

"It would not surprise me if Lenin should some day declare that the October Revolution was a mistake."

Indeed, Lenin does admit his mistakes; but that does by no means prevent him from continuing the same mistaken policies. Every new experiment is proclaimed by Lenin and his zealots as the height of scientific and revolutionary wisdom. Woe be to those who dare question the justice or efficacy of the new measure! They are branded as counter-revolutionists, speculators and bandits.

Rapid Change of Face.

But presently Lenin again repents, and then begins to deride his flock as fools for having believed that the experiment was at all possible. After deluding Russia and the world for four years by his avowal that Communism is in the making in Russia, Lenin at the last Congress of the All-Russian Soviets covered his comrades with ridicule for their naivete in believing that Communism is realizable in Russia now. Yet the prison doors are still closed upon those who mildly suggested the same thing three years ago.

It would be interesting to trace the various methods employed by the Bolsheviki to achieve their ends—methods forced upon the people as the sum total of all wisdom and which resulted in the undoing of the revolution. The scope of an article does not allow a detailed analysis of everything the Bolshevik state has done. I shall here refer only to the most important methods and phases.

The Brest-Litovsk peace marked the beginning of all subsequent evils. It was a deliberate denial of all that

NIKOLAI LENIN

the Bolsheviki had proclaimed to the world — peace without indemnities, self-determination of all oppressed peoples, no secret diplomacy. Yet the Bolsheviki made peace with German imperialism over the heads of the German people.

A Peace of Betrayal.

The price of that peace was the betrayal of Latvia, Finland, the Ukraine and Byelo-Russia.

(Byelo-Russia is more commonly called "White Russia." It occupies the upper parts of the Western Slope of the Central Plateau of Russia, and the inhabitants of this section have a certain intermingling of blood with the Poles and Lithuanians. Byelo is the Russian word for "white.")

The result—several years of civil war, the disruption of the revolutionary forces, when unity was so vital to the defense of the revolution, and the beginning of Red terror which is continuing to this day.

The peasantry of the Ukraine and of Byelo-Russia know how to drive back the German invader, but it has neither forgotten nor forgiven the treachery of the Bolsheviki. The continuous presence of a million troops in the Ukraine to "liquidate the bandits" bears witness to the love of the Ukrainian peasants for the Communist state. The ratification of the Brest peace, which Trotzky refused to sign, which Radek—then in a German prison—declared as the bankruptcy of the revolution, while Joffe signed it "with closed eyes," as he said, was the signal for long open and secret resistance of the peasants to the Bolshevik state.

The peasants, who were at one with the workers till the Brest betrayal, turned with hatred and antagonism from the Bolsheviki, who claimed to represent the peasants and the workers. Lenin demanded the ratification as a breathing spell for the revolution. It was one of his many blunders, but the most costly one. It strangled the revolution.

(Continuing her recital of the causes which strangled the Russian Revolution, Miss Goldman, in an article to appear to-morrow, tells of the system of forcible collection of food from the peasants instituted by the Bolsheviki.)

Goldman Articles Stir Interest As a Needed Outlook on Russia

The Emma Goldman articles on Soviet Russia which began yesterday in The World, are already the subject of much interest and diverse opinions, and it has become evident that these articles will provoke as much comment as any of the series of special articles which The World has published in the last twelve months.

Though many well known political observers took advantage of the weather and went out of town yesterday, and others decided to withhold judgment for a future day, The World was able to reach some of its readers who willingly gave their opinion. Mrs. Frank A. Vanderlip and Hamilton Holt, for instance, judged the publication of these articles to be "an excellent piece of journalism," while Rabbi Silverman, taking another view, thinks "it is a crime" to pay any attention to Miss Goldman.

Mrs. Frank A. Vanderlip said: "I think that the publication of the Emma Goldman articles is an excellent piece of journalism. I do not believe that a newspaper should try to make everything that is written for the columns conform to some fixed editorial policy. This may be all right from the standpoint of the stockholders, but it is an injustice to the public. I believe the first duty of a newspaper is to present the truth, and this cannot be done by ignoring those with whom the paper happens to disagree.

"After all, we have had little information from good minds on the subject of Russia, and Miss Goldman's mind is one that cannot be ignored. We have heard from conservatives who have been in Russia and we should also hear from the radicals. In fact, I think the views of a radical like Miss Goldman on the subject of Russia may be even more important to us than the views of a conservative, because we are all quite familiar with the conservative's viewpoint and it is the radicals with which we should familiarize ourselves."

Morris Hillquit said: "The World is certainly rendering a great service to the public by printing the series of Emma Goldman on what is actually happening in Russia. I think ... is too early to form a judgment, because the first article is actually an introduction to the series. I shall read the articles with great interest."

Dr. Joseph Silverman said: "I think it is a crime against the United States to have Emma Goldman's views printed in the newspapers. I will not read the articles and I am surprised at The World. Printing her name in the newspapers is only making her famous."

Vaneutelli was the first prelate to have an automobile. Some time ago he received a beautiful machine, painted a bright red, from American friends, and induced the Pope to withdraw his ban on the automobile.

HIS WEDDING OVER, HOLLIS LEFT ROME

Ex-Senator Told Friends He Would Honeymoon in Venice —Colony at a Loss.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
(Special Cable Despatch to The World.)

ROME, March 26.—Former United States Senator Henry F. Hollis of New Hampshire, it was learned to-day, vanished from Rome directly after his wedding, telling friends he and his bride were planning to spend their honeymoon in Venice and other places. He left no forwarding address at the Hotel Continental.

At the American Embassy to-day surprise was expressed at the reports of Mr. Hollis's former wife, and complete ignorance of the Senator's affairs was avowed. Ambassador Child is out of the city for the week-end. He planned to return on Monday. The American colony here is at a loss to account for the reports.

Legation Doubts Report of Divorce in Bulgaria.

(Special to The World.)

WASHINGTON, March 26.—Officers of the Bulgarian Legation doubt that former Senator Henry F. Hollis of New Hampshire secured a divorce in Sofia which permitted him to remarry.

At the legation to-day it was explained that divorces are granted in Bulgaria by special religious courts, not by the civil courts. So far as known at the legation, foreigners cannot obtain divorces in Bulgaria.

Senator Owen to-day confirmed that he had examined the divorce record of former Senator Hollis while in Paris. He said the divorce had been granted by an ecclesiastical court in Bulgaria. The ground for divorce was that Mr. and Mrs. Hollis had not lived together for five years.

$5,00
REWA
for the information
lead to the arrest
tion of the party o
sponsible for the
Manager,
Richard J. O
at 735 Third Avenue, N
on Saturday Night,
The Grea
ATLANTIC &
TEA CO.
150 Bay Street, Jerse

870502904

The Emma Goldman Papers

Russia's Peasants, Their Food Seized by Bolsheviki, Turned against Rule of Communism. Part 3 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. —(March 28, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

VOL. LXII. NO. 22,184—DAILY. ★ Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922. NEW YORK, TUESDAY, MAR

RUSSIA'S PEASANTS, THEIR FOOD SEIZED BY BOLSHEVIKI, TURNED AGAINST RULE OF COMMUNISM

"Forcible Collection," Writes Emma Goldman, Another Cause Contributing to the Failure of the Russian Revolution—Abolition of the Co-operatives and Reduction of the Soviets to Mere Mouthpieces of the Government Other Factors in the Result.

Miss Goldman is writing this series about Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she has just succeeded in quitting. After being barred from several other countries through the influence of the Bolsheviki, she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an Anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in anarchism practically all her life. Perhaps she, above all other travellers to Russia, is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. III.

STOCKHOLM, Sweden, March 3.—The Razvyorstka, the method of forcible food collection, soon followed upon the heels of the Brest peace. The Bolsheviki will have it that they were compelled to resort to the Razvyorstka because of the refusal of the peasants to feed the city. This is only partly true. The peasants did indeed refuse to turn over their products to the Government agents. They demanded the right to deal with the workers directly, but it was denied them. The inefficiency of the Bolshevik regime and the corruption of their bureaucracy contributed much to the dissatisfaction of the rural population. The manufactures promised to the peasants in exchange for their produce seldom reached them, or, when actually received, proved to be damaged goods, short of measure, and so forth.

In Kharkoff I saw the demonstration of the inefficiency of the centralized bureaucratic machine. In a large factory warehouse there lay huge stacks of agricultural machinery. Moscow had ordered them made "within two weeks, on pain of punishment for sabotage." They were made, and six months already had passed without the "central authorities" making any effort to distribute the machines to the peasantry, which kept clamoring for them in their great need. It was one of the countless examples of the manner in which the Moscow system "worked," or rather did not work.

Is it to be wondered at that the peasants lost all faith in the ability of the Bolshevik state to manage things properly? When the Bolsheviki saw that the peasant was not to be coaxed or cajoled into confidence, they devised the Razvyorstka. A more effective method for antagonizing and embittering the peasantry could not have been invented. It became the dreaded terror of the agrarian population. It robbed them of everything. Only the future will be able to give an adequate picture of the terrible consequences of that insane measure, with its great sacrifice of life and devastation.

RICKARD TESTIFIES TO ALIBI DENYING CHARGES OF GIRLS

Bares Life as Adventurer, but Is Unshaken by Prosecutor in Plea of Innocence.

WIFE AND MAJOR BIDDLE TESTIFY IN HIS BEHALF.

Rex Beach Also Among Character Witnesses — Helped Brother of His Accuser.

Tex Rickard, in three and a half hours of examination yesterday before Justice Wasservogel and a jury in the Supreme Court, not only denied entirely and emphatically the charge on which he is being tried—misconduct with a fifteen-year-old girl—but also told pretty much the whole story of his life.

Gambler, saloonkeeper, miner, prospector, adventurer in wild places, gun toter, cowboy, fight promoter—these and many other things he has been, he said.

But he never violated a law with Sarah Schoenfeld, the child of the tenements who accuses him, he swore. Neither was he ever with her or her so-called corroboratory witness, Nellie Gasko, in the apartments Nos. 20 or 24 West 47th Street. He never had those girls or any woman except his wife riding with him in his automobile. He never entertained them or other girls in the tower of Madison Square Garden.

Presents His Alibi.

Nov. 12 last, Rickard swore (as a number of witnesses have already sworn), he witnessed a football game at the Polo Grounds in the afternoon, dined at home, No. 80 Madison Avenue, then went to the Garden with old friends to a dance. This is the date when the girls said they met him at No. 20 West 47th Street at 7.30 in the evening, after having seen him at the Garden in mid-afternoon.

Two hours of cross-examination by Chief Assistant District Attorney Ferdinand Pecora, an incisive, clever interrogator, did not shake the least bit the structure of Rickard's story. Normally rather a nervous fellow, and diffident, Rickard under this ordeal seemed entirely nerveless. Occasionally he shifted his crossed legs. Sometimes he played with a ring on his left hand. But mostly he sat placidly in his chair, faced the Prosecutor for the questions and turned to the jurors with his answers.

He stepped down, after the rather noisy questioning by Pecora, apparently well pleased by the result, as

WIFE OF TEX RICKARD, WHO TESTIFIES FOR HIM

MRS. GEORGE L. RICKARD

REPUBLICANS TOSS BUDGET OVERBOARD

Ignore Leaders' Economy Pleas When Pork Barrel Measure Comes Up.

WASHINGTON, March 27.—The Republican economy programme was thrown overboard to-day in favor of what was frankly termed "pork barrel appropriations." Under the whip of the agricultural bloc the House ignored the orders of President Harding, the estimate submitted by Budget Director Dawes and the pleadings of Floor Leader Mondell and added an additional $15,000,000 to the more than $27,000,000 included in the Army Bill for rivers and harbors. The vote was 158 to 54.

The test to-day was the first to which the budget has really been subjected. Mondell alternately pleaded with both sides to support the budget and berated the Republicans for knuckling under the first assault launched against it.

Bloc Snaps Whip.

Closely following Mondell, Dickinson of Iowa, recognized leader of the House agricultural bloc, served a warning on the members that unless they agreed to the proposed increase none of the members would get anything for their districts in the distribution of the money.

Dempsey of New York precipitated the fight. He told the House that unless an "adequate" appropriation was made, it would be impossible to get produce and other commodities to market because rail facilities were inadequate.

Floor Leader Mondell said this proposal constituted an organized assault on the budget and on the budget estimates. He asserted that

FRANCE T SUBMARI BUT WIT

Deputies Dema proves, Rese a "Merchantr

FOUR-POWER IS NOW FUL

Lodge Adds " Supplementar Dissents, Tho

By Line Copyright (New Y Publishing C (Special Cable D

PARIS, March Parliament will the United States definite reservatio Washington acco Root submarine re may this foreca official but Prem quiescence in such also be taken for

The Premier's p condition may pr to the Washingto Chamber of Deput condition does not fundamental provi ments signed—and by the Governmen

The Naval Co Chamber already h tention of approv framed by Mr. Ro chantmen from sub the proviso that th is a merchantman —by the Governme

At present Brit that commercial c carry contraband may be armed, w and Italians hold armed vessel whos warlike character from submarine at

The French con Root resolution c applied until a s definition of the man" is adopted.

Other reservati posed, and it is not proposing to limi capital ships to 35,000 tons would support.

The Chamber course, will pass lar to the Brande the four-power P merely in order t footing as the Uni respect.

BEST COPY AVAILABLE

341

870502904

The Emma Goldman Papers

Russia's Peasants, Their Food Seized by Bolsheviki, Turned against Rule of Communism. Part 3 of 10 / Emma Goldman. — pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. —(March 28, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

ject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed. The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. III.

STOCKHOLM, Sweden, March 3.—The Razvyorstka, the method of forcible food collection, soon followed upon the heels of the Brest peace. The Bolsheviki will have it that they were compelled to resort to the Razvyorstka because of the refusal of the peasants to feed the city. This is only partly true. The peasants did indeed refuse to turn over their products to the Government agents. They demanded the right to deal with the workers directly, but it was denied them. The inefficiency of the Bolshevik regime and the corruption of their bureaucracy contributed much to the dissatisfaction of the rural population. The manufactures promised to the peasants in exchange for their produce seldom reached them, or, when actually received, proved to be damaged goods, short of measure, and so forth.

In Kharkoff I saw the demonstration of the inefficiency of the centralized bureaucratic machine. In a large factory warehouse there lay huge stacks of agricultural machinery. Moscow had ordered them made within two weeks, on pain of punishment for sabotage." They were made, and six months already had passed without the "central authorities" making any effort to distribute the machines to the peasantry, which kept clamoring for them in their great need. It was one of the countless examples of the manner in which the Moscow system "worked," or rather did not work.

Is it to be wondered at that the peasants lost all faith in the ability of the Bolshevik state to manage things properly? When the Bolsheviki saw that the peasant was not to be coaxed or cajoled into confidence, they devised the Razvyorstka. A more effective method for antagonizing and embittering the peasantry could not have been invented. It became the dreaded terror of the agrarian population. It robbed them of everything. Only the future will be able to give an adequate picture of the terrible consequences of that insane measure, with its great sacrifice of life and devastation.

Robbed and Deceived Peasants Soon Turned Against Bolsheviki

Unbelievable as it may seem, it is a fact well known in Russia that the Razvyorstka system was partly responsible for the present famine. For the peasants were not only stripped of their last pood of flour, often they were robbed of the seeds they had put by for their next planting. The drought is of course, the main cause of the harrowing conditions in the Volga districts. But it is nevertheless true that if the peasants had been able to plant at the proper time, and freely, at least certain areas would have been in a position to help lessen the famine on the Volga.

The punitive expeditions, following upon a village's resistance to the Government's food collectors and always in charge of Communists, would attack the place by force of arms and often literally destroy it. In vain the peasants protested to their local authorities and finally to Moscow. No redress was to be found. A significant anecdote is current in Russia which throws light upon the peasants' view of the Bolshevik method of food "collection."

A peasant committee is received by Lenin. "Well dedushka, little grandfather," says Lenin to the oldest peasant, "you should be satisfied now: you have the land, the cattle, the fowls; you have everything."

"Yes, God be blessed," replies the peasant, "yes, little father, the land is mine, but you get the bread; the cow is mine, but yours the milk, the chicken mine, but yours the eggs. The Lord be blessed, little father."

Resistance of Peasants.

The peasants, thus robbed and duped, turned against the Communists. The Razvyorstka, the punitive expeditions, the brutal methods and injustices, resulted in producing a strong counter-revolutionary feeling in the country. Some writers on [illegible] have taken the Government

(Continued on Third Page.)

Positions Seek the Man or Woman

It is highly more dignified and gratifying to have employment offered than it is for workers to go from place to place seeking work.

Through The World's "Help Wanted" ads employers are enabled to secure vocationally trained workers, and workers know in advance where a demand is for their services.

Employers and employees alike recognize the value of The World's "Help Wanted" ads.

13,861 World "Help Wanted" Ads Last Week
4,665 Help Ads Printed by All Other Newspapers
9,196 The World's Lead Over All.

93% of the New York employers advertising for help use The World "Help Wanted" columns. **93%**

eatha Schoenfeld, the child of the tenements who accuses him, he swore. Neither was he ever with her or her so-called corroboratory witness, Nellie Gasko, in the apartments Nos. 20 or 24 West 47th Street. He never had those girls or any woman except his wife riding with him in his automobile. He never entertained them or other girls in the tower of Madison Square Garden.

Presents His Alibi.

Nov. 12 last, Rickard swore (as a number of witnesses have already sworn), he witnessed a football game at the Polo Grounds in the afternoon, dined at home, No. 80 Madison Avenue, then went to the Garden with old friends to a dance. This is the date when the girls said they met him at No. 20 West 47th Street at 7.30 in the evening, after having seen him at the Garden in mid-afternoon.

Two hours of cross-examination by Chief Assistant District Attorney Ferdinand Pecora, an incisive, clever interrogator, did not shake the least bit the structure of Rickard's story. Normally rather a nervous fellow, and diffident, Rickard under this ordeal seemed entirely nerveless. Occasionally he shifted his crossed legs. Sometimes he played with a ring on his left hand. But mostly he sat placidly in his chair, faced the Prosecutor for the questions and turned to the jurors with his answers.

He stepped down, after the rather noisy questioning by Pecora, apparently well pleased by the result, as were his attorneys, Max Steuer and Hyman Bushel, and his friends in the court room. His cross-examination will go on this morning, but the Prosecutor seemed to have exhausted most of his verbal ammunition when last evening's adjournment was taken.

Wife Testifies for Him.

Before Rickard took the stand his wife testified for him. He was always a good husband and good man, she believed. And she was sure he was home for dinner Nov. 12, the evening on which his indictment is based.

Rex Beach, the novelist, who had known Rickard in Alaska twenty-five years ago, swore the promoter's character was "good, very good," even though he ran a saloon with gambling annex, as was the custom up there.

Major Anthony J. Drexel Biddle, the millionaire Philadelphia sportsman and society man, was so lavish in his praises of the defendant, calling him the "squarest, fairest" something or other, that the Justice stopped him and made him confine his characterization of Rickard's character merely as "good."

Charles E. Herron, an Alaska editor, also deemed Rickard a "good, square fellow," and he, like the preceding two, held it not against Tex that he operated a gambling house, since all

(Continued on Fourth Page.)

THE WORLD TRAVEL BUREAU, Arcade, Portico (World Building, 53d Park Row, N. Y. City. Telephone Beekman 0000. Check room for baggage and parcels open day and night. Money orders and travelers' checks for sale.—Adv.

Republican economy programme was thrown overboard to-day in favor of what was frankly termed "pork barrel appropriations." Under the whip of the agricultural bloc the House ignored the orders of President Harding, the estimate submitted by Budget Director Dawes and the pleadings of Floor Leader Mondell and added an additional $15,000,000 to the more than $27,000,000 included in the Army Bill for rivers and harbors. The vote was 158 to 54.

The test to-day was the first to which the budget has really been subjected. Mondell alternately pleaded with both sides to support the budget and berated the Republicans for knuckling under the first assault launched against it.

Bloc Snaps Whip.

Closely following Mondell, Dickinson of Iowa, recognized leader of the House agricultural bloc, served a warning on the members that unless they agreed to the proposed increase none of the members would get anything for their districts in the distribution of the money.

Dempsey of New York precipitated the fight. He told the House that unless an "adequate" appropriation was made, it would be impossible to get produce and other commodities to market because rail facilities were inadequate.

Floor Leader Mondell said this proposal constituted an organized assault on the budget and on the budget estimates. He asserted that on what the House did depended whether the members would be able to proudly return to their districts and say they upheld the Republican platform or shamefacedly admit that the budget had failed through an organized effort to secure "pork barrel" legislation.

Warning Is Effective.

Chairman Madden of the Appropriation Committee joined with Mondell in appealing to the House to support the committee's recommendation, but after Dickinson's warning the opposition melted away. The entire New York delegation voted for the increase.

Representative Blanton of Texas charged Mondell with hypocrisy in his stand for economy. Blanton declared that the floor leader appeared before the committee to urge the dismissals of twelve Surveyor Generals, but later, after the committee had cut out the appropriation, discovered that one was from Wyoming, his own State, and then used his leadership to force the reinstatement of the appropriation on the floor.

SAYS FLORISTS PROFITEER.

OMAHA, Neb., March 27.—Mrs. Max A. Rostetter, President of the Nebraska auxiliary of the International Association for Mothers' Day, to-day issued a statement in which she said that the association asks that no flowers be worn on Mothers' Day, the second Sunday in May, because of alleged profiteering.

Smoke "IN-B-TWEEN"—[illegible] little cigar in the world. 6c each—6 in full, 35c.—Adv.

condition may pr[illegible]
to the Washingto[illegible]
Chamber of Deput[illegible]
condition does not [illegible]
fundamental provi[illegible]
ments signed—and [illegible]
by the Governmen[illegible]

The Naval Co[illegible]
Chamber already h[illegible]
tention of approvi[illegible]
framed by Mr. R[illegible]
chantmen from sub[illegible]
the proviso that th[illegible]
is a merchantman [illegible]
—by the Governme[illegible]

At present Brit[illegible]
that commercial e[illegible]
carry contraband [illegible]
may be armed, wh[illegible]
and Italians hold [illegible]
armed vessel whos[illegible]
warlike character [illegible]
from submarine at[illegible]

The French cont[illegible]
Root resolution c[illegible]
applied until a g[illegible]
definition of the [illegible]
man" is adopted.

Other reservatio[illegible]
posed, and it is not[illegible]
proposing to limi[illegible]
capital ships to [illegible]
35,000 tons would [illegible]
support.

The Chamber [illegible]
course, will pass [illegible]
lar to the Brandeg[illegible]
the four-power P[illegible]
merely in order to[illegible]
footing as the Uni[illegible]
respect.

President Poinca[illegible]
bringing the Washi[illegible]
fore Parliament [illegible]
the Easter recess.

LODGE'S EX[illegible] ADOPTED B[illegible]

Much Talk Ens[illegible] for Amended [illegible] Treaty Is U[illegible]

(Special to T[illegible]

WASHINGTON, [illegible]
Senate put through [illegible]
treaty to the four-p[illegible]
taking the Japane[illegible]
ot it, with no vote [illegible]
it. It also got str[illegible]
the domestic quest[illegible]
which should have [illegible]
the treaty but whic[illegible]

Senator Lodge ha[illegible]
awkward expedient[illegible]
omission. He adde[illegible]
to the ratifying re[illegible]
supplementary trea[illegible]
the resolution that [illegible]
rations to the four-p[illegible]
in that shape the [illegible]
adopted.

This gave oppor[illegible]
hours of debate. In [illegible]
gested that Japan [illegible]
the four-power tre[illegible]
her substitute for [illegible]
nese Alliance and [illegible]
supplementary treat[illegible]
standings, which r[illegible]
questions (such as [illegible]
gration and the [illegible]
Japanese holding o[illegible]

(Continued on [illegible]

BEST COPY AVAILABLE

342

870502904

The Emma Goldman Papers

Russia's Peasants, Their Food Seized by Bolsheviki, Turned against Rule of Communism. Part 3 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. —(March 28, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

NLESS S DEBTS, H ASSERTS

erial Germany onal Financial d by Trade— rmany and In- he World, That ble.

opinion on the possible en the most persistent of Europe as a whole, the hard facts he has Though he was the continually made his is a member, pointing et. He has thus, in a nd the following article n of all parties in Ger-

log Company, 1922

eve the Genoa Confer- ogramme and the par- will be much less im- not brough up I can-

bledness as absolutely e nearer to a normal and the various peace portant causes of the only real cause which negotiations and agree- vers.

y be hard in spite of re causes of economic ce. It must therefore ose causes which can enta

ences of exchange de-

ardly be in a position an immediate change itions. Time itself is nly medicine for these es will have fulfilled f the conference sue- ding the time needed lls.

a few years the con- ake from us a burden, es every cure tried and d which is certain to plete catastrophy in s e.

gantic obligation with been burdened, but I looking beyond Ger- aries, the international from the war

p Germany Out.

y, the "contribution" r, is simply annihilat- nt time is allowed us. lly work ourselves out le, we will gradually passive trade balance with which we will nends of course entire unt of foreign credits ring this transitional

er hand we are forced on to the 2,500,000,000 our passive economic the "political pay-

TRAVELLING MISSIONARY WORK DONE BY THE BOLSHEVIKI AMONG RUSSIANS

RUSSIAN PEASANTS CLUSTERED ABOUT A BOLSHEVIST PROPAGANDA "INSTRUCTION" TRAIN.

tion. The network must be loosened and untwisted before Europe can again regain its normal state.

International indebtedness as such is harmless; it can even react as a stimulant as long as it stays within bounds and can be devoured by international trade itself.

The indebtedness of the United States after the Civil War, for instance, was only such that interest and amortization charges could easily be covered by the American export surplus. And beyond that the United States was in a position to repurchase year after year large amounts of American securities invested in foreign markets. The present international indebtedness, however, as the war and peace treaties have rearranged it, surpasses and is far beyond the amount that international trade is capable of taking care of.

Agrees With Loucheur.

M. Loucheur recently declared: "France cannot repay its war debts to the United States, neither at this time nor in the future, for the only means by which we could repay is the export of French commodities to the United States, and the United States does not want these commodities."

Mr. Loucheur is quite right, for America cannot permit such a surplus of imports as would correspond in value to the interest and amortisation charges of the war claims due to her, without endangering most seriously her entire economic status.

And Germany? Aside from Germany's private indebtedness to the outside world, the enormous burden placed upon her by the Versailles Treaty and the London ultimatum is in itself considerably larger than the value of Germany's total export. How, therefore, will Germany ever be able to pay, unless she overflows all the markets of the world and ruins them?

Trade and the Debts.

International debts which trade cannot absorb must necessarily destroy all trade. That is why too con-

GOLDMAN TELLS OF SEIZURE OF FOOD

(Continued From First Page.)

interpretation of the antagonism of the peasants.

Thus, Mr. Bertrand Russell, by far the most sincere and honest critic of Russia, states in "The Practice and Theory of Bolshevism": "It must be said that the peasants' reasons for disliking the Bolsheviki are very inadequate." It is evident that Mr. Russell did not see the effects of the Razvyorstka, or he would have received a different impression.

The truth is, if the Russian peasant were not so phlegmatic and passive the Bolshevik state would not have endured so long. As it is, their passive resistance has come near terminating the Bolshevik regime. This realization it was not the fact that the Razvyorstka was inhuman and counter-revolutionary which forced Lenin to his new policy of taxation and free trade.

The co-operatives of Russia represented a great economic and cultural force in the life of the people. In 1918 they covered the country with a chain of 35,000 branches, with a membership of 9,000,000. Their invested capital at that time amounted to 15,000,000 rubles, while the business transacted the previous year exceeded 200,000,000. Of course, the co-operatives were not revolutionary organizations, but they were an indispensable medium between the country and the city.

Co-operatives Crushed.

Whatever counter-revolutionary elements there were in the co-operatives were on top and could have been eliminated without destroying the entire organization. But to permit the co-operatives to function

"All power to the Soviets!" When he and his fellow Jesuits were firmly in the saddle the breaking up of the Soviets began. To-day they are like everything else in Russia—a shadow with the substance utterly crushed.

Are Merely Mouthpieces.

The Soviets now voice only the decision of the Communist Party. No other political opinion has any chance to get a proper hearing. The election methods practised by the Communists would fill Tammany Hall with envy. On my arrival in Russia I was told by a leading Communist that "Boss Murphy and Tammany Hall have nothing on us." Naturally, I thought that the man was joking. Soon I convinced myself that he had told the truth.

Every known device is employed by the Bolsheviki to swell the Communist vote. If ordinary pleading fails, threats of losing the yayok and of arrest do the work. The voters know what to expect. It is therefore obvious why the Communists invariably poll a majority. Still, the Mensheviki, as the early Christians had to the Left Social Revolutionists, and even Anarchists have their representatives elected now and then—which is no small feat in Bolshevik Russia.

Without a press, deprived of free speech, and without the legal permission of propaganda in the shops, it is nothing short of a miracle that the opposing parties succeed in having some representation in the Soviets. But as far as opportunity of making themselves heard is concerned, they might as well not be there. The Communist claqueurs see to it that none but Communists are given a hearing.

In case of the Anarchists elected to the Soviets, the Government generally refuses to recognize their mandates or finds some pretext to send

WIRTH TO REJECT REPARATIONS EDICT BEFORE REICHSTAG

Will Make No Counter Proposal Commensurate With Allies' Demands. Says Writer.

GERMANY URGED TO SHOW FULFILMENT "IMPOSSIBLE."

French Industrials Blamed for Delay of Deliveries in Kind—None of Plans Carried Out.

By Arno Dosch-Fleurot.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special Wireless Despatch to The World.)

BERLIN, March 27. Theodore Wolff in to-day's Tageblatt confirms The World's announcement that Chancellor Wirth is going to give a decided "No" in the Reichstag in answer to the latest reparations ultimatum. Wolff goes even further, and says that he believes there is no possibility that Wirth will make a counter proposal commensurate with the Reparations Commission's demands.

Previously when Germany was faced with the ultimatum Herr Wolff was among those who always tried to find a peaceable way out. Herr Wolff says:

"The Chancellor must realize that to-morrow's speech before the Reichstag, refusing the demands, must be sharp and clear because the speech will be a prelude to a statement of Germany's attitude at Genoa." He adds that many Germans doubted earlier whether it was worthwhile going to Genoa after receiving the reparations ultimatum.

Fulfillment "Impossible."

But, he says, Germany should go and make another attempt to show the economic impossibility of the reparations demands. He says, "This is the sixth time since the armistice that Germany has been compelled to say yes or no."

It is Herr Wolff's argument broadly that a fulfillment policy was adopted and tried simply to show that fulfillment is impossible. Herr Wolff believes the Reichstag will support Wirth solidly in refusing to attempt to carry out the latest demand. Wolff says, "We admit that much improvement is possible in our house, but we insist upon remaining mater there."

FRENCH DELAYING DELIVERY IN KIND

So Writes Ex-German Attache of Reconstruction Ministry, Blaming Industrials.

By Arno Dosch-Fleurot.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special Wireless Despatch to The World.)

In another article in the Tageblatt, Alfred Wolf, who was the representative of the German Ministry of Reconstruction attached to the German War Bureau Commission in Paris,

BEST COPY AVAILABLE

343

870502904

The Emma Goldman Papers

Russia's Peasants, Their Food Seized by Bolsheviki, Turned against Rule of Communism. Part 3 of 10 / Emma Goldman. — pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. —(March 28, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

be herd in spite of
e causes of economic
e. It must therefore
se causes which can
ults

nces of exchange de-

rdly be in a position
en immediate change
lions. Time itself is
ly medicine for these
e will have fulfilled
the conference suc-
ding the time needed
ts.
a few years the con
ke from us a burden,
s every cure tried and
which is certain to
lete catastrophe in a

antic obligation with
been burdened, but I
looking beyond Ger-
ies, the international
from the war

Germany Out.

, the "contribution"
is simply annihilat-
t time is allowed us,
y work ourselves out
, we will gradually
assive trade balance
with which we will
ends of course entire-
nt of foreign credits
ing this transitional

r hand we are forced
n to the 2,500,000,000
ur passive economic
the "political pay-
London ultimatum,
another 3,000,000,000
hermore the 400,000,-
resulting from the
liquidations of pre-
he innumerable mill-
or the armies of oc-
l hopelessly collapse.
nt has been tried.
months after the ac-
ultimatum we have
gold marks. Of this
gold marks were
of the Reichsbank
, silver and foreign
means that during
s we have in reality
raise a single billion
e so-called deliveries
n into consideration.

amp in Mark.

experiment sufficed
ue of the mark from
cents and at times
3 cents. What will
he reduced payment
annes—payments of
marks in cash and
marks in goods—
forced?
e have gone through
thus far is only a
of the greatest of
the climax of which
depreciation of our
revolution have led
road to the political
on so horribly illue-

t years Germany can
, nothing at all. On
shall need foreign
s next few years in
as quickly as pos-
should be continued
to press payments
cal threats, then the
regulation of Euro-
hat might be drawn
amount to nil.
ppened that a state
my has had an un-
exchange, but an
and a sound cur-
how more harmony
er.
be difficult to solve
problem separately,
ntribution creditors
a result of the war,
to England and to
the United States.
debts is the nat-
ing the Euro-
with strangula-

and amortization charges could easily be covered by the American export surplus. And beyond that the United States was in a position to repurchase year after year large amounts of American securities invested in foreign markets. The present international indebtedness, however, as the war and peace treaties have rearranged it, surpasses and is far beyond the amount that international trade is capable of taking care of.

Agrees With Loucheur.

M. Loucheur recently declared: "France cannot repay its war debts to the United States, neither at this time nor in the future, for the only means by which we could repay is the export of French commodities to the United States, and the United States does not want these commodities."

Mr. Loucheur is quite right, for America cannot permit such a surplus of imports as would correspond in value to the interest and amortisation charges of the war claims due to her, without endangering most seriously her entire economic statue.

And Germany? Aside from Germany's private indebtedness to the outside world, the enormous burden placed upon her by the Versailles Treaty and the London ultimatum is in itself considerably larger than the value of Germany's total export. How, therefore, will Germany ever be able to pay, unless she overflows all the markets of the world and ruins them?

Trade and the Debts.

International debts which trade cannot absorb must necessarily destroy all trade. That is why the restoration of normal conditions in the world's trade must begin with the regulation of the hectic problem of international indebtedness. If France's hope, that the reparation question should be omitted from the programme at Genoa should really be realized, it would mean that the conference would be working for the waste basket of the world's history. The same is true should the United States as chief creditor of the world be missing at the conference.

With regard to the Russian question, which will undoubtedly appear on the programme, I can only repeat what I have told so many foreign spokesmen, that Germany is still the road to Russia. The very foundation of Russia's administrative, economic and social organization is destroyed. An entirely new construction must be erected. Whether the time has come to start this, I don't know.

The Russian Problem.

I do know however, that the reconstruction of Russia will never be accomplished over night, as certain illusionists would have it and that it will take decades. Enormous working forces and vast amounts of capital will have to be invested for a still longer time.

In my opinion, Europe is not wealthy enough to do the job. Also here the co-operation of the United States appears indispensable to me. The conception, that Central Europe can only be reconstructed via Russia, is erroneous.

On the contrary, Russia can only be reconstructed after conditions in Europe and above all in Germany have been stabilized. Whoever attempts to take the other road must soon realize that he is trying to lay the roof before he has constructed the foundation walls of the house.

REOPEN WIRE ROUTE IN EAST.

The Western Union Telegraph Company is in receipt of advice from the Great Northern Telegraph Company of Denmark announcing the reopening of their route to the Far East through Russia. All messages are accepted at the sender's risk and are subject to some delay. All communications must be routed via Gothenburg, Sweden.

SIR HERBERT SAMUEL WELL.

LONDON, March 27.—The Colonial Office to-day reported that the health of Sir Herbert Samuel, British High Commissioner [illegible] started. He has [illegible] Gutica.

Russia's Peasants

Thus, Mr. Bertrand Russell, by far the most sincere and honest critic of Russia, states in "The Practice and Theory of Bolshevism": "It must be said that the peasants' reasons for disliking the Bolsheviki are very inadequate." It is evident that Mr. Russell did not see the effects of the Razvyorstka, or he would have received a different impression.

The truth is, if the Russian peasant were not so phlegmatic and passive the Bolshevik state would not have endured so long. As it is, their passive resistance has come near terminating the Bolshevik regime. This realization it was—not the fact that the Razvyorstka was inhuman and counter-revolutionary—which forced Lenin to his new policy of taxation and free trade.

The co-operatives of Russia represented a great economic and cultural force in the life of the people. In 1918 they covered the country with a chain of 25,000 branches, with a membership of 9,000,000. Their invested capital at that time amounted to 15,000,000 rubles, while the business transacted the previous year exceeded 200,000,000. Of course, the co-operatives were not revolutionary organizations, but they were an indispensable medium between the country and the city.

Co-operatives Crushed.

Whatever counter-revolutionary elements there were in the co-operatives were on top and could have been eliminated without destroying the entire organization. But to permit the co-operatives to function would have meant the lessening of the centralized power of the state. Hence the co-operatives had to be "liquidated" and a great factor for the reconstruction of Russia was utterly destroyed.

Now, after the co-operatives are no more and the men and women that have done such splendid work in that movement have wasted their lives in Bolshevik prisons, Lenin again says, "mea culpa." The co-operatives are now to be re-established, the corpse is to be revived. Shortly before the co-operatives were again legalized, Peter Kropotkin—then on his deathbed—expressed the wish that the six Dmitroff co-operators should be released. He had known them intimately as earnest and devoted workers.

They had then already spent eighteen months in the Boutirka, the Moscow prison, because of their loyalty in their work. They were released only after Lenin had declared that the co-operatives must be resurrected. It is hardly probable that the co-operatives will ever attain to their former strength and importance within the Bolshevik state.

Origin of Soviets.

To call present Russia Soviet Russia or the Bolshevist regime a Soviet Government is preposterous. The Soviets had their inception in the Revolution of 1905, and again came into being after the February revolution. They have about as much relation to the Bolsheviki Government Christian Church.

The Soviets of peasants, workers, soldiers and sailors were the spontaneous expression of the liberated energies of the Russian people. They represented the needs of the masses made articulate after centuries of silence. Already in May, June and July of 1917 the dynamic force of the Soviets urged the workers to seize the factories and the peasants to take the land.

The Soviets spread with great rapidity over Russia, fanned the flames of the October revolution and continued to function for many months after that event. Some social politicians failed to grasp their significance. The latter simply swept over them. The same would have happened to the Bolsheviki had they attempted to stem the onrushing tide of this movement.

[illegible]

everything else in Russia a shadow with the substance utterly crushed.

Are Merely Mouthpieces.

The Soviets now voice only the decision of the Communist Party. No other political opinion has any chance to get a proper hearing. The election methods practised by the Communists would fill Tammany Hall with envy. On my arrival in Russia I was told by a leading Communist that "Boss Murphy and Tammany Hall have nothing on us." Naturally, I thought that the man was joking. Soon I convinced myself that he had told the truth.

Every known device is employed by the Bolsheviki to swell the Communist vote. If ordinary pleading fails, threats of losing the payok and of arrest do the work. The voters know what to expect. It is therefore obvious why the Communists invariably poll a majority. Still, the Mensheviki, as the early Christians had in the Left Social Revolutionists, and even Anarchists have their representatives elected now and then—which is no small feat in Bolshevik Russia.

Without a press, deprived of free speech, and without the legal permission of propaganda in the shops, it is nothing short of a miracle that the opposing parties succeed in having some representation in the Soviets. But as far as opportunity of making themselves heard is concerned, they might as well not be there. The Communist chaqueurs see to it that none but Communists are given a hearing.

In case of the Anarchists elected to the Soviets, the Government generally refuses to recognize their mandates or finds some pretext to send them to the Cheka. In 1920 I attended an election meeting held in one of the factory clubs in Moscow. It was the second time the Government had refused to seat the candidate of the workers—an Anarchist. Though the opposing candidate of that district was Semashko, the Commissary of Health, the workers for the third time elected the Anarchist. In vain did Semashko stoop to abuse and misrepresentation; in vain did he shake his fist in the faces of the workers, calling anathema upon their heads.

Anarchist Was Re-elected.

The workers only laughed and jeered him and re-elected the Anarchist. A few months later the man was arrested on some pretext. He was released only after a prolonged hunger strike, and that only because the British Labor Mission was in Moscow at the time and the Bolsheviki were anxious to avoid a scandal. Before I left Moscow, Dec. 1, 1921, three Anarchist members of the Moscow Soviet had been arrested. One was exiled from the capital; the other two, as I have learned since, have had a charge of "banditry and underground activities" placed against them—a very serious charge, usually followed by shooting without hearing or trial. Those men had been too outspoken in the Soviet. They had to be "removed."

One can easily see that neither the Moscow Soviet nor any other Soviet has any independent voice or function. Not even the ordinary Communist member has much freedom of speech there. In the Soviets, as well as in the entire Bolshevik Government, the "dictatorship of the proletariat" is vested in the hands of a very small group—the inner circle which alone rules Russia and her people.

What was once an ideal, the free expression of the workers, peasants and soldiers, has been turned into a farce, which the people no longer believe in or want.

[Continuing this subject, Miss Goldman to-morrow describes the Cheka, the organization of secret police which possessed absolute power of life and death over the people.

Lenin has recently announced that he had stripped this system of much of its arbitrary power, but it was [illegible] and Miss Goldman cites it as one of the causes which [illegible] the Russian Revolution.]

will be a prelude to a statement of Germany's attitude at Genoa." He adds that many Germans doubted earlier whether it was worthwhile going to Genoa after receiving the reparations ultimatum.

Fulfillment "Impossible."

But, he says, Germany should go and make another attempt to show the economic impossibility of the reparations demands. He says, "This is the sixth time since the armistice that Germany has been compelled to say yes or no."

It is Herr Wolff's argument broadly that a fulfillment policy was adopted and tried simply to show that fulfillment is impossible. Herr Wolff believes the Reichstag will support Wirth solidly in refusing to attempt to carry out the latest demand. Wolff says, "We admit that much improvement is possible in our house, but we insist upon retaining mater there."

FRENCH DELAYING DELIVERY IN KIND

So Writes Ex-German Attache of Reconstruction Ministry, Blaming Industrials.

By Arno Dosch-Fleurot.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special Wireless Despatch to The World.)

In another article in the Tageblatt, Alfred Wolf, who was the representative of the German Ministry of Reconstruction attached to the German War Bureau Commission in Paris, reveals the difficulties that have stood in the way of the negotiations between the French and Germans regarding the delivery of reparations in kind. Alfred Wolf says:

"Not one of the various plans for the delivery in kind has been carried out, although both sides frequently agreed on one or another plan. This has been due chiefly to the French industrials, who desire that they themselves deliver the materials for the reconstruction of the devastated area.

Points to German Offer.

"Just before the London ultimatum, former Minister of Foreign Affairs Simons assured M. Loucheur, Minister of the Liberated Regions, that Germany was willing to begin the reconstruction of France's devastated area immediately and that the German industrials had already mobilized to carry out the housing plan so that work could begin as soon as the French Government consented. After the London ultimatum M. Loucheur told me personally he was ready to accept the German offer of 25,000 wooden houses to be delivered during the year 1921. The negotiations which followed brought this figure down to 5,000, and even for these the official French order has not been put in, not because M. Loucheur changed his mind or had not promised in good faith, but because he could not get his committees to agree with him.

"After many months the French gave an official order for the delivery of 100 sample houses. These have been delivered but not all of them have been set up, because the French contractors have not completed the foundations for them. The Germans volunteered to construct the foundations, but permission was refused them."

Alfred Wolf concludes:

"That practically nothing has been accomplished is due to the clumsiness of the French bureaucracy and to the constant opposition of the French industrials."

TWO GIRLS STIFLED IN CABIN.

PLYMOUTH, England, March 27 (Associated Press).—Maria Rosa Ranpazzoni, thirteen, and Maria Sara Inglesias, eighteen, passengers on the liner Venezuela from South American ports, died from suffocation in their cabin on the voyage. [illegible] have been [illegible] rooms.

BEST COPY AVAILABLE

344

870502905

The Emma Goldman Papers

Red Terror of the Cheka, Spy, Policeman, Judge, Executioner, Described by Miss Goldman. Part 4 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 29, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

VOL. LXII. NO. 22,185—DAILY. ★ Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922. NEW YORK, WEDNESI

RED TERROR OF THE CHEKA, SPY, POLICEMAN, JUDGE, EXECUTIONER, DESCRIBED BY MISS GOLDMAN

With Absolute Power of Life and Death, This Secret Organization, She Declares, Is Potent Factor in the Strangling of the Russian Revolution—"We Are the Representatives of Organized Terror," She Quotes Its Chief as Saying—Its Violent Methods.

Miss Goldman is writing this series about Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she has just succeeded in quitting. After being barred from several other countries through the influence of the Bolsheviki, she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an Anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in anarchism practically all her life. Perhaps she, above all other travellers to Russia, is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. IV.

STOCKHOLM, Sweden, March 4.—Mobilization of labor, in reality conscript labor, was heralded to the world as the greatest asset of Communism. "All must labor now in Soviet Russia. No more parasites!" Though Lenin has never openly admitted that this method, like many other similar ones decreed to rebuild Russia, is a mistake, I am yet inclined to think that he realizes that conscript labor has done absolutely nothing to increase the output of the workers.

What it did accomplish was to establish, while it existed, chattel slavery and to replace the bourgeois parasite by the machinery of Bolshevik parasitism. Its function was to drive the workers to toil, oversee them on the job and have them arrested and occasionally even shot for deserting the job. As for the great majority of the workers, they went to the shops not to work but to rest, and secretly to make a few articles that their wives and children could take to the country and exchange for flour and potatoes. That, incidentally, kept them from starvation.

Apropos of the opportunities of bringing something from the country, a whole book could be written on that alone. With the prohibition of trading came the "zagryaditelny otryad," the detachment of soldiers and Cheklists at every station to confiscate everything brought by private person to the city. The wretched people, after untold difficulties of obtaining a pass for travel, after days and weeks of exposure at the stations, after the ghastly trip in filthy, overcrowded cars, or on the roofs and platforms, would bring a pood of flour or potatoes, only to have it snatched from them by the otryad.

In most cases the confiscated stuff was divided by the defenders of the communist state among themselves. The victims were fortunate indeed if they escaped further trouble. Often they would be robbed of their precious pack and thrown into jail for "speculation." The number of real speculators apprehended was insignificant in comparison with the mass of unfortunate humanity that filled the prisons of Russia for trying to keep from starving to death.

Compulsory Labor Enforced

RICKARD IS FREED OF GIRL'S CHARGE; VERDICT CHEERED

Jubilant Men Carry Sports Promoter on Shoulders to Taxi—Jury Out 93 Minutes.

RICKARD HUGS COUNSEL, THEN TELEPHONES WIFE.

Steuer Says Prosecutor Told Him Other Indictment Would Not Be Tried if First Failed.

George L. (Tex) Rickard was acquitted at 12.20 o'clock this morning of a charge of criminal misconduct with an immature girl, one of two indictments found upon evidence presented by vagrant girls in the charge of the Children's Society.

Cheers rang through the Criminal Courts Building, rising from every floor as the news spread to the great throng of friends of Rickard and other followers of pugilism, of which he is the leading promoter. He seemed affected by this echo of his own vast relief, which he showed in voice and gesture at the conclusion of his trial.

Jury Out Ninety-Three Minutes.

The jury retired at 10.47 and spent ninety-three minutes in consideration of the evidence, exactly the same period, it happened, that Justice Wasservogel used for his instructions to the jury, from 9.15 to 10.53.

"Prior to this trial," said Max D. Steuer, chief of counsel for Rickard, "Assistant District Attorney Pecora agreed not to prosecute the other indictment against Rickard provided the present trial should result in an acquittal."

Rickard's face lighted up and he turned and hugged his lawyer when Albert O. Hoy, foreman, announced the jury's verdict. Justice Wasservogel had prohibited any demonstration, but the few persons in the court room yelled "Hurrah" to a man and the cheer was taken up outside in greater volume.

Men Carry Him on Shoulders.

When Rickard with Steuer marched down the stairs to leave the Court House throngs gathered about them, men picked up Rickard and bore him on their shoulders to his taxi.

Mr. Pecora was one of the first to congratulate the acquitted sports promoter. Rickard thanked the newspaper men who had reported the trial, saying he did not know any of them personally because they were not sports writers, but "they had

North Pole Avia By Radio With

Capt. Amundsen's New Exploration Plan Includes Constant Wireless Touch With This Country and Canada.

To float over the North Pole on an ice field and to hover over it in airplanes of American make is the astounding feat which Capt. Roald Amundsen, discoverer of the South Pole and foremost Norwegian explorer, proposes to perform during the next three to five years. He further plans to carry a powerful radio equipment by means of which he will at all times be in touch with the outside world.

This will be the first polar expedition to use the radio, and from time to time those of the radio audience in upper Canada and Alaska, and under very favorable conditions even those in the northern part of this country, may be fortunate enough to hear the voice of the great explorer.

Scouts in Touch by Radio.

This radio apparatus will be installed in Amundsen's stocky little ship, Maud. As parties leave the vessel they will carry auxiliary wireless outfits with them, and in this way keep constantly in communication with their base. The airplanes may be equipped with wireless, but this is a matter which only a deal of experimenting will settle.

Capt. Amundsen, who has been in his native land, arrived yesterday on the Norwegian-America liner Stavangerfjord, and during the next two months will prepare in this country for his expedition into the Arctic.

Never was Capt. Amundsen in better condition for a polar expedition. He looks very little older than when he returned from his navigation and exploration of the Northwest Passage, which brought him world-wide prominence in 1906. His hair is only slightly grayer and the lines of his face perhaps a little deeper but his youthful enthusiasm in his work still makes him seem a rather young man, despite his fifty-odd years. Never was a knight errant keener or more zealously bent on his quest than is Capt. Amundsen.

Hardships Pleasures to Him.

"It is all a great adventure to me," he said, "and I look forward to my venture with much genuine pleasure. Of course, I realize that hard work is to be done and hardships are to be undergone; but the glamour of the whole thing minimizes all that.

"As you may know, I purpose doing what no Polar explorer has ever yet tried, and that is to float over

BEST COPY AVAILABLE

345

870502905

The Emma Goldman Papers

Red Terror of the Cheka, Spy, Policeman, Judge, Executioner, Described by Miss Goldman. Part 4 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 29, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

...than two years she talents in the following ... and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. IV.

STOCKHOLM, Sweden, March 4.—Mobilization of labor, in reality conscript labor, was heralded to the world as the greatest asset of Communism. "All must labor now in Soviet Russia. No more parasites!" Though Lenin has never openly admitted that this method, like many other similar ones decreed to rebuild Russia, is a mistake, I am yet inclined to think that he realizes that conscript labor has done absolutely nothing to increase the output of the workers.

What it did accomplish was to establish, while it existed, chattel slavery and to replace the bourgeois parasite by the machinery of Bolshevik parasitism. Its function was to drive the workers to toil, oversee them on the job and have them arrested and occasionally even shot for deserting the job. As for the great majority of the workers, they went to the shops not to work but to rest, and secretly to make a few articles that their wives and children could take to the country and exchange for flour and potatoes. That, incidentally, kept them from starvation.

Apropos of the opportunities of bringing something from the country, a whole book could be written on that alone. With the prohibition of trading came the "zagrysditeiny stryad," the detachment of soldiers and Cheklists at every station to confiscate everything brought by private person to the city. The wretched people, after untold difficulties of obtaining a pass for travel, after days and weeks of exposure at the stations, after the ghastly trip in filthy, overcrowded cars, or on the roofs and platforms, would bring a pood of flour or potatoes, only to have it snatched from them by the stryad.

In most cases the confiscated stuff was divided by the defenders of the Communist state among themselves. The victims were fortunate indeed if they escaped further trouble. Often they would be robbed of their precious pack and thrown into jail for "speculation." The number of real speculators apprehended was insignificant in comparison with the mass of unfortunate humanity that filled the prisons of Russia for trying to keep from starving to death.

Compulsory Labor Enforced On All Without Discrimination

One thing must be said for the Bolsheviki—they do nothing by half. As soon as compulsory labor became a law it was carried into effect with a vengeance. Men and women, young and old, thinly clad and in torn shoes, or with only rags on their feet, were indiscriminately driven into the cold and sleet to shovel snow or cut ice. Sometimes they were sent in groups to the forests to chop wood.

Pleurisy, pneumonia and tuberculosis resulted. It was only then that the wiseacres in the Kremlin created a new department for the distribution of labor. This bureau decided upon the physical fitness of the workers, classified and distributed them according to their trade.

Under such enslaving and degrading condition one need not be surprised that the people shirked the work, because they hated it and the way they were driven to it. They began to look upon the Communist state as the new leech that was sapping their life-blood. The workers of Petrograd, the most revolutionary, they who had borne the brunt of the long struggle, who had so heroically defended the city against Yudenitch, who starved and froze beyond belief—what wonder if even they came to loathe the false revolutionists and everything connected with them?

Their Ideals Undermined.

Not theirs is the fault—it is the cruel Bolshevik machine which undermined their ideals and faith. That machine has engendered a counter revolutionary feeling which it will take long to overcome.

I shall never forget a certain scene—a meeting of the Petrograd Soviet. On that night the fate of Cronstadt was to be decided. After long speeches by the leading Communists, several workers and sailors asked for the floor. A worker from the arsenal speaks. He faces the Chair instead of the audience. His voice

(Continued on Second Page.)

A Great Sunday Newspaper

The popularity of The Sunday World with readers and advertisers is increasing with each succeeding issue. One of the reasons being the splendid results that advertisers are receiving. Here are a few interesting figures:

SUNDAY, MARCH 26, 1922,
Compared with corresponding Sunday, 1921

8,723 Separate World ads

1,619 More Than Last Year
14,840 More Advertising Agate Lines
414 More Financial
413 More Real Estate
356 More Business Opportunities
865 More Help Wants
170 More Automobile and Miscellaneous
19 More Situations Wanted

More ads than any other New York Sunday Newspaper.

The Sunday World Circulates in Over 600,000 Homes.

...ner as the news spread to the great throng of friends of Rickard and other followers of pugilism, of which he is the leading promoter. He seemed affected by this echo of his own vast relief, which he showed in voice and gesture at the conclusion of his trial.

Jury Out Ninety-Three Minutes.

The jury retired at 10.47 and spent ninety-three minutes in consideration of the evidence, exactly the same period, it happened, that Justice Wasservogel used for his instructions to the jury, from 9.15 to 10.32.

"Prior to this trial," said Max D. Steuer, chief of counsel for Rickard, "Assistant District Attorney Pecora agreed not to prosecute the other indictment against Rickard provided the present trial should result in an acquittal."

Rickard's face lighted up and he turned and hugged his lawyer when Albert O. Hoy, foreman, announced the jury's verdict. Justice Wasservogel had prohibited any demonstration, but the few persons in the court room yelled "Hurrah" to a man and the cheer was taken up outside in greater volume.

Men Carry Him on Shoulders.

When Rickard with Steuer marched down the stairs to leave the Court House throngs gathered about them, men picked up Rickard and bore him on their shoulders to his taxi.

Mr. Pecora was one of the first to congratulate the acquitted sports promoter. Rickard thanked the newspaper men who had reported the trial, saying he did not know any of them personally because they were not sports writers, but "they had given him a fifty-fifty break and that was fair enough for any man."

A telephone message to his wife,

(Continued on Fourth Page.)

...Scouts in Touch by Radio.

This radio apparatus will be installed in Amundsen's stocky little ship, Maud. As parties leave the vessel they will carry auxiliary wireless outfits with them, and in this way keep constantly in communication with their base. The airplanes may be equipped with wireless, but this is a matter which only a deal of experimenting will settle.

Capt. Amundsen, who has been in his native land, arrived yesterday on the Norwegian-America liner Stavangerfjord, and during the next two months will prepare in this country for his expedition into the Arctic.

Never was Capt. Amundsen in better condition for a polar expedition. He looks very little older than when he returned from his navigation and exploration of the Northwest Passage, which brought him world-wide prominence in 1906. His hair is only slightly grayer and the lines of his face perhaps a little deeper but his youthful enthusiasm in his work still makes him seem a rather young man, despite his fifty-odd years. Never was a knight errant keener or more zealously bent on his quest than is Capt. Amundsen.

Hardships Pleasures to Him.

"It is all a great adventure to me," he said, "and I look forward to my venture with much genuine pleasure. Of course, I realize that hard work is to be done and hardships are to be undergone; but the glamour of the whole thing minimizes all that.

"As you may know, I purpose doing what no Polar explorer has ever yet tried, and that is to float over the North Pole on an ice field. I shall leave Seattle early in June, or not later than July 1 should there be any delays. By the beginning of

(Continued on Sixth Page.)

PRESIDENT TO KEEP HIS HANDS OFF FALL ELECTIONS FOR CONGRESS

(Special to The World.)

WASHINGTON, March 28.—Congressmen and State officials coming up for re-election in November will get no public aid from President Harding. It was stated at the White House to-day that the President is determined to let the coming campaigns severely alone.

It was declared that Mr. Harding does not consider it the province of the Chief Executive to make stump speeches for candidates. He argues that if the Administration in power is not sufficient in itself to obtain the loyalty and support of the voters his personal appearance will have no effect on the result and will change no vote.

Officials in discussing the attitude of the President intimate that Mr. Harding "learned a lesson" from the experience of former President Wilson, who was roundly criticised for attempting to influence a local election.

Mr. Harding, however, does propose to lend his "moral" aid to the Republican cause and, if possible, will do a lot of campaigning "by word of mouth" in conference with Republican leaders.

The President moreover is keenly watching the contests in the various States and has let it be known that he hopes and expects that a Republican Congress will be returned as a sort of vote of confidence in his Administration.

Principles We Fought for To Triumph, Says Wilson

CHICAGO, March 28.—Woodrow Wilson has declined to discuss current political issues in response to an invitation from Palmer D. Edmunds, Past Commander of a local post of the American Legion and Chairman of the service men's organization of the regular Democratic organization.

The former President, however, expresses his belief "that we shall very soon indeed wipe away the ugly record we made in failing to fulfil the objects for which our gallant men fought."

"Certainly service men above all others are qualified to express their devotion to the principles we believe in," says his letter. "For my part I believe those principles to be in themselves so powerful that no political blindness or iniquity can defeat their triumph."

BEST COPY AVAILABLE

346

870502905

The Emma Goldman Papers

Red Terror of the Cheka, Spy, Policeman, Judge, Executioner, Described by Miss Goldman. Part 4 of 10 / Emma Goldman.– pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. –(March 29, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

TED
AST
RDER

Advice
don for

UT
REER.

ccusa-
ng the

Press
orld.)
British
bring
Ulster
n Bel-
eign of
en. Sir
ominal
Ulster
for be-
rrdriat
thensd
ion to
James

at this
Carson,
rt, ex-
r mis-
eliver-
ng the
's se-
House
princi-
olitical
garded
ouches
rce in
in his
himself

Dug-
or to-
Irish
abinet.
Craig

takes
h and
Winston
. will
British
for in

o-night
uestion
ame
d by
overn-
ds and
murder
would
o place
ng the
uild be
Ulster
under

ON'T
NCH
elfast

LENIN PHOTOGRAPHED WITH SOLDIERS OF THE CHEKA, RUSSIA'S TERRORIST BAND

CHEKA GUARDS SALUTING THE DELEGATES OF THE 3RD INTERNATIONAL (Arrow indicates NIKOLAI LENIN)

A TYPICAL CHEKA SQUAD.

TERROR OF CHEKA TOLD BY GOLDMAN

(Continued From First Page.)

is tense with suppressed emotion, his eyes burn, his whole frame shakes. He addresses the Chairman of the Petrograd Soviet, Zinovieff.

"Three years and a half ago," he says, "you were denounced as a German spy, a traitor to the revolution, hounded and persecuted. We, the workers and sailors of Petrograd, saved you, fought for you, bled for you and carried you to the seat you now occupy. We did that because we believed that you were expressive of the people. Since then you and your Government have gone away from us. Now you call us insulting names, dare to decry us as counter revolutionists. You imprison and shoot us because we ask you to make good the promise you had given us in the October revolution."

I do not know what became of the man. He may be in prison or dead for his daring. His cry fell on deaf ears. Yet it was the cry of an agonized spirit, the collective Russian spirit that had aspired to and at-

tionar, all in one. It is the supreme power from which there is no redress, and only rarely an escape. It operates nearly always at night. The sudden flood of light in a district, the noise of madly speeding Cheka automobiles are signals for the alarm and dread of the community. The Cheka is at work again!

"Who are the unfortunates caught in the net this night? Whose turn will be next?"

The Cheka was organized to cope with counter-revolution, but for every real conspiracy it has unearthed it has created nine, either of an imaginary nature or of its own making. It must be borne in mind that the main asset of the Cheka are its provocators and informers. Like the scourge of typhus they infest the very air of Russia. They shrink from no method, be it ever so base and cruel, to involve their victims and to penalize them as dangerous

the necessity of torture. It is entitled "Enough Sentimentality!" and says, among other things:

"In dealing with enemies of Soviet Russia it is necessary to use methods of torture to press confessions out of them, and then despatch them to the other world."

The reader need not think that the Cheka has progressed since 1918. Last summer, when the alleged plot of Prof. Tagantseff was discovered in Petrograd, brutal beatings, torture by thirst, and such other eminently "revolutionary" methods were employed. I have this information not from counter-revolutionists but from a very sincere Communist who was one of the arrested, and who witnessed the results of Chekist methods.

A Communist among arrested counter-revolutionists? How did he get there? Very simply. When the Cheka throws out its net, it catches the innocent as well as the guilty; is

dispensable to the Bolshevik state. Thereupon a testimonial of thanks was voted to Dzerzhinsky and published in the Pravda.

Zinovieff, at one of the sessions of the Petrograd Soviet, declared Dzerzhinsky "a saint devoted to the revolution." The history of the dark ages is full of such saints. How terrible that the Bolshevik regime must imitate the black past.

In this connection it is interesting to recall the stand taken by the Bolsheviki in 1917, when the Provisional Government attempted to reinstate capital punishment for army deserters. At that time the Bolsheviki protested vehemently against such brutality. They pointed out how barbarous the death penalty is, and how degrading to mankind. After the October Revolution, at the Second All-Russian Congress of the Soviets, the Bolsheviki—together with the other revolutionary elements—voted

BOLSHEVIST CELLS ENGULF THOUSANDS

In copies of the Golos Rossii just received from Berlin there appears a despatch from the Copenhagen correspondant of that paper which states that a former Soviet official who before the revolution was Assistant Public Prosecutor of the Petrograd District Court and who until Jan. 1, 1922, worked in the Prison Department of the Commissariat of Justice, has escaped from Soviet Russia and has communicated the following figures taken from the report of the People's Commissary of Justice read before the Congress of Soviets last December in regard to the number of prison inmates in the territory of Soviet Russia, excluding the Far Eastern Republic.

"In the prisons and concentration camps on Dec. 10, 1921, there were 28,705 political prisoners condemned to imprisonment for from one to five years. Of these 6,319 were peasants, 11,300 officers and soldiers of the White Guards, 2,960 persons not belonging to any particular party or profession. Monarchists and Constitutional Democrats (cadets) number together 1,059, Social Revolutionaries 3,182, Mensheviels 1,225, other Socialists 737, Anarchists and Communists together 423. At the same time on Dec. 10 there were 31,570 persons awaiting trial (not counting hostages and 'speculators') detained in the Cheka premises, prisons, and temporary camps for political offenses.

"The number of prisoners now undergoing punishment for criminal offenses and those awaiting trial for offenses under the same category was on Dec. 10, 56,396. Thus in Soviet Russia there are 3,879 more political prisoners than criminal ones, not counting the hostages, the number of which in Ukrainia alone reached the figure of 13,621 at that time."

LENIN UP A BERATING

Speaks for Two Communists "Paragons of

MOSCOW, Marc Press).—Premier I recent reports of hi yesterday before a the All-Russian gress and spoke tw to to-day's account which was held Palace.

The Soviet Pre sarcastic and witt appealing to the Co dreaming and theo work. Otherwise, Communists could in the impending capitalists for co "You must be para he declared

PL
Value in off
is relative. Ev
has windows
service, equi
all other requ
Certain build
out above th
because in th
these items h
ried to the hi
of developme
More windows,
therefore more
two more eleva
absolutely neces
the traffic; loc
more convenie
ment, the staff
ness to give a li
vice—and, by v
things, tenants
character.
Discriminating
seeking offices
inspect the new
Borden Building
of Madison Ave
Street. Space
large and small
pancy in April.
BOR
BUILI
BRADY & BO
Ager
350 Madiso
Vanderbi

NAPOLEON'
It is said th
drank from twe
five cups of coff
An excessive
ordinary man,
Napoleon was
nary man.
He experience
pleasant stimul
the moderate

BEST COPY AVAILABLE

870502905

The Emma Goldman Papers

Red Terror of the Cheka, Spy, Policeman, Judge, Executioner, Described by Miss Goldman. Part 4 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 29, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

TERROR OF CHEKA TOLD BY GOLDMAN

(Continued From First Page.)

is tense with suppressed emotion, his eyes burn, his whole frame shakes. He addresses the Chairman of the Petrograd Soviet, Zinovieff.

"Three years and a half ago," he says, "you were denounced as a German spy, a traitor to the revolution, hounded and persecuted. We, the workers and sailors of Petrograd, saved you, fought for you, bled for you and carried you to the seat you now occupy. We did that because we believed that you were expressive of the people. Since then you and your Government have gone away from us. Now you call us insulting names, dare to decry us as counter revolutionists. You imprison and shoot us because we ask you to make good the promises you had given us in the October revolution."

I do not know what became of the man. He may be in prison or dead for his daring. His cry fell on deaf ears. Yet it was the cry of an agonized spirit, the collective Russian spirit, that had aspired to and attained such heights during the Revolution and that is now fettered by the Bolshevik state.

Tyranny of the Cheka.

The Cheka, the All-Russian Extraordinary Commission, unquestionably is the blackest measure of the Bolshevik regime. It was organized shortly after the Bolsheviki come to power for the purpose of coping with counter-revolution, sabotage and speculation. Originally the Cheka was controlled by the Commissariat of the Interior, the Soviets, and the Central Committee of the Communist Party.

Gradually it became the most powerful organization in Russia. It was not merely a state within the state; it was a state over the state. The whole of Russia is covered to the remotest village with a net of Chekas.

Every department in the vast bureaucratic machine has its extraordinary commission, omnipotent over the life and death of the Russian people. It would require the master pen of a Dante to bring home to the world the inferno created by this organization, the brutalizing, disintegrating effect it has upon the extraordinary commissions themselves, the dread, distrust, hatred, suffering and death it has wrought upon Russia.

[In reading what Miss Goldman says of the Cheka, it must be borne in mind that Lenin recently announced that it had been greatly shorn of its inquisitorial powers. How far this is true is not known. Perhaps it is another case of Lenin, as Miss Goldman puts it, crying "mea culpa" and "repenting."]

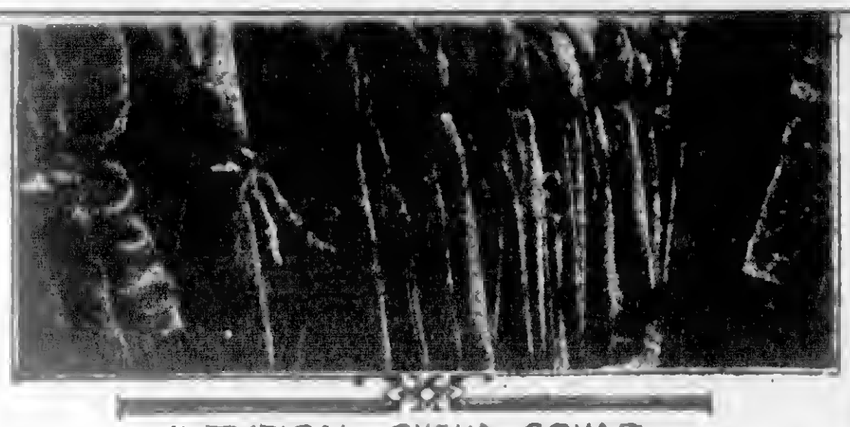
Admitted Reign of Terror.

The head of the All-Russian Extraordinary Commission is Dzerzhinsky. He, together with his fellow members of its presidium, are "tried" Communists. In a public statement Dzerzhinsky said: "We are the representatives of organized terror. • • • We terrorize the enemies of the Soviet Government. • • • We have the power to undertake raids, confiscate goods and capital, perform arrests, question, try and condemn those we consider guilty, and to inflict the death penalty."

In other words, the Cheka is spy, policeman, judge, jailer and executioner, all in one. It is the supreme power from which there is no redress, and only rarely an escape. It operates nearly always at night. The sudden flood of light in a district, the noise of madly speeding Cheka automobiles are signals for the alarm and dread of the community. The Cheka is at work again!

"Who are the unfortunates caught in the net this night? Whose turn will it be next?"

The Cheka was organized to cope with counter-revolution, but for every real conspiracy it has unearthed it has created nine, either of an imaginary nature or of its own making. It must be borne in mind that the main asset of the Cheka are its provocators and informers. Like the scourge of typhus they infest the very air of Russia. They shrink from no method, be it ever so base and cruel, to involve their victims and to penalize them as dangerous counter-revolutionists and speculators. In reality, however, the Cheka itself is a hotbed of counter-revolutionary plot and fabulous speculation.

A TYPICAL CHEKA SQUAD.

Recruits of Old Terror.

Every Communist, by the discipline of his party, must at any time be ready to serve in the Cheka. But the majority of the Chekists are from the Czar's "Okhrana," from the black hundreds, and from the former high officials of the army. They are adepts in the application of barbarous methods.

The western world has been fed on glowing accounts of the people's tribunals in Russia—the courts presided over by workers and peasants. There are no such courts within the domain of the Cheka. Its proceedings are secret. The so-called hearings, when they take place at all, are a travesty on justice.

The "culprit" is confronted by ready-made evidence, he has no witnesses and is permitted no defense. When he is led away from the Chamber of Horrors he does not even know whether he is acquitted or condemned. He is kept in maddening suspense until some night he is called out—never to return. The following morning a Chekist calls for his belongings, and the rest of the prisoners know that another cold-blooded murder has been added to the countless numbers.

And the relatives and friends of the unfortunates? They go on standing in line on the Lyubianka, the street where the ghastly Cheka is quartered, for days and weeks anxiously waiting for word from their own. At last they are told that the one they are looking for has been shot the previous night. In most cases the victim has been dead for a long time. Thus insult is added to the tragedy and grief of the mourner.

Secrets That Leak Out.

Like the Okhrana of old, the Bolshevik Okhrana keeps its evil doings from the public. But the truth will out sometimes. There is already considerable printed data on the horrors within the walls of the Cheka—the brutal tortures, the graft, the widespread speculation. One need not go for information to the opponents of the Bolshevik regime. The Cheka itself occasionally furnishes much material. The weekly organ of the Cheka No. 1 contains an article on the necessity of torture. It is entitled "Enough Sentimentality!" and says, among other things:

"In dealing with enemies of Soviet Russia it is necessary to use methods of torture to press confessions out of them, and then despatch them to the other world."

The reader need not think that the Cheka has progressed since 1918. Last summer, when the alleged plot of Prof. Tagantseff was discovered in Petrograd, brutal beatings, torture by thirst, and such other eminently "revolutionary" methods were employed. I have this information not from counter-revolutionists but from a very sincere Communist who was one of the arrested, and who witnessed the results of Chekist methods.

A Communist among arrested counter-revolutionists? How did he get there? Very simply. When the Cheka throws out its net, it catches the innocent as well as the guilty; in fact, mostly the innocent. For how can sixty-eight persons be involved in a conspiracy without the whole city knowing it? Yet sixty-eight persons were shot last summer in Petrograd in connection with the Tagantseff "plot." And that is a small percentage of the innocent men, women and even youths done to death in the cellars of the Cheka.

Demands for Suppression.

Time and again demands were made on the Government to check the power of this terrible organization. Such an attempt was made in the fall of 1920. Immediately crime became rampant in Moscow, and "conspiracies" multiplied. Naturally, the Cheka had to prove that it is indispensable to the Bolshevik state. Thereupon a testimonial of thanks was voted to Dzerzhinsky and published in the Pravda.

Zinovieff, at one of the sessions of the Petrograd Soviet, declared Dzerzhinsky "a saint devoted to the revolution." The history of the dark ages is full of such saints. How terrible that the Bolshevik regime must imitate the black past.

In this connection it is interesting to recall the stand taken by the Bolsheviki in 1917, when the Provisional Government attempted to reinstate capital punishment for army deserters. At that time the Bolsheviki protested vehemently against such brutality. They pointed out how barbarous the death penalty is, and how degrading to mankind. After the October Revolution, at the Second All-Russian Congress of the Soviets, the Bolsheviki—together with the other revolutionary elements—voted to abolish capital punishment. Now razstrels are the cherished method of the Cheka—methods presided over by a Communist saint and sanctioned by the Communist state.

What becomes of Marxism, which teaches that the Social Revolution is the birth of a new social life? Is there any indication of it in any of the Bolshevik principles and methods as applied in Russia? The Bolshevik state has proved itself a crushing conspiracy against the Russian Revolution.

(In her fifth article, to appear tomorrow, Miss Goldman tells how the Bolshevist state has frustrated the best work of the Communists in caring for the children of Russia.)

camps for political offenses.

"The number of prisoners now undergoing punishment for criminal offenses and those awaiting trial for offenses under the same category was on Dec. 10, 56,396. Thus in Soviet Russia there are 3,879 more political prisoners than criminal ones, not counting the hostages, the number of which in Ukrainia alone reached the figure of 13,621 at that time."

vice—and, by virtue
things, tenants of
character.

Discriminating busi
seeking offices are i
inspect the new wi
Borden Building, at t
of Madison Avenue
Street. Space ava
large and small uni
pancy in April.

BORD
BUILDI
BRADY & BOWN
Agents
350 Madison Av
Vanderbilt 74

NAPOLEON'S
It is said that
drank from twenty
five cups of coffee
An excessive amou
ordinary man, b
Napoleon was no
nary man.
He experienced
pleasant stimulat
the moderate coff
at CHILDS—
A stimulation th
increases the ca
mental and physic

Chil

Stern Brothers
WEST 42d ST.— (Between Fifth and Sixth Avenue) WEST 43d ST
A Special Group of Kirschbaum
Spring Suits For Spo
Or Business Wear

Copyright 1922, A. B. Kirschbaum Company

$35

Made up by the Kirschbaum shops, long kn
for their ability to turn out the smart, aut
tic, metropolitan type of suits. New, all-
weaves—worsteds, serges, cheviots and tw
Kirschbaum Spring Topcoats, $28.50 to $

BEST COPY AVAILABLE

348

870502906

The Emma Goldman Papers

How Fares the Child in Russia? It Has Fallen into Evil Days, and Miss Goldman Tells Why. Part 5 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 30, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

VOL. LXII. NO. 22,186—DAILY. ★ Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922. NEW YORK, THURSDAY, MA

HOW FARES THE CHILD IN RUSSIA? IT HAS FALLEN INTO EVIL DAYS, AND MISS GOLDMAN TELLS WHY

Crediting the Bolsheviki With Earnest Effort in Regard to Education, She Declares the Bureaucratic State Has Frustrated Best Work of the Communists—This Is Seen in System of "Show" Schools, While in Others Children Are Ill-Fed as Well as Ill-Treated.

Miss Goldman is writing this series about Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she has just succeeded in quitting. After being barred from several other countries through the influence of the Bolsheviki, she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in anarchism practically all her life. Perhaps she, above all other travellers to Russia, is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. V.

STOCKHOLM, Sweden, March 5.—The vicious circle created by the Communis. state, and which thwarts the most sincere endeavors, is nowhere so evil and apparent as in the Bolshevik activities in behalf of the child. For though much of the accounts of child life in Russia is mere legend, still it must be admitted that a great attempt had been made. Why has it failed?

I remember vividly the impression made upon me by one of the speakers at the second anniversary of the October Revolution, held in Madison Square Garden, in 1919. The man had just returned from Russia. He roused the audience to great enthusiasm by his description of the care and treatment of the children in Russia. My heart went out to the people of that country—the masses who had thrown off the yoke of ages and were now being "led by the hand of a child." It was so wonderful.

All through my voyage on the floating prison, the Buford, the thought of the work done for children in Russia sustained and warmed my spirit. How full of promise was the future; how inspiring to become part of that splendid new life! But in Russia I realized that I had reckoned without the vicious circle—the Socialist state which has compressed every effort within its orbit.

It is true that the Bolsheviki have attempted their utmost in regard to the child and education. It is also true that if they have failed to minister to the needs of the children of Russia, the fault is much more that of the enemies of the Russian Revolution than theirs. Intervention and the blockade have fallen heaviest upon the frail shoulders of innocent children and the sick. But even under more favorable conditions the bureaucratic Frankenstein monster of the Bolshevik state could not but frustrate the best intentions and paralyze the supreme effort made by the Communists in behalf of the child and education.

Children, Sequestered as Thieves, Blot on Fine Petrograd School

It was not until I had been in Russia several weeks that I had an opportunity to visit a school. I looked forward to it with great interest. The school I visited was one of the best in Petrograd. The children looked healthy, well fed and con-

BOOST TO FIREMEN AND PATROLMEN IS DOWNED BY HYLAN

Refuses to Approve Bill Because It Is "Mandatory," as Was Raise of His Own Salary.

SAYS G. O. P. LEGISLATORS SEEK TO EMBARRASS HIM.

Supposes Measures Are a "Joke," but Is Not Going to Be "Swerved From Purpose."

Mayor Hylan announced yesterday his disapproval of the bill passed at the recent session of the Legislature increasing the salaries of first grade policemen and firemen from $2,250 to $2,500 a year.

The bill had the same mandatory character as that which he approved March 21 increasing his own pay from $15,000 to $25,000 a year.

"These were introduced," the Mayor said, in explanation of yesterday's action, "without the sanction of the city authorities who have the sole right and power to fix salaries. Since I have been in office the salaries of firemen and policemen have been raised $750. No bill increasing salaries which can be fixed by the Board of Estimate will be given much consideration at my hands.

G. O. P. Seeks to Embarrass.

"I know that salary increase measures are passed in Albany by Republican legislators and sent to me just to embarrass me. I suppose it's a good little joke, but I'm not going to swerve from my purpose of opposing this sort of mandatory legislation."

The bill increasing his own pay and that of the Comptroller and Aldermanic President also was mandatory, but dealt with a Charter provision which was not within the power of the Board of Estimate to change.

Both the patrolmen's and firemen's associations were much exercised over the action of the Mayor, as they had sought the legislation not only to obtain an immediate increase, but also in the hope of getting it under such terms as to put it beyond the power of a future Board of Estimate to reduce.

The Mayor announced that he would approve the bill authorizing the city to pay the expenses incurred by Police Inspector Dominick Henry in defending himself from his indictment by the Almirall Grand Jury.

(Continued on Third Page.)

ETNA IN ERUPTION; VILLAGERS SCATTER

LONDON, March 29.—Mount Etna is in violent eruption, says a Central News despatch from Rome, quoting advices from Palermo. Streams of lava are flowing from all sides of the crater, and the inhabitants of the villages on the mountainside have fled from their homes.

Several earthquakes have occurred in Palermo and Messina Provinces in the last few days.

Newspaper Staff In Dublin Held Up, Building Is Fired

Presses of Freeman's Journal Are Smashed by Big Party of Armed Raiders.

DUBLIN, March 30 (Thursday) (Associated Press).—A large party of armed men early this morning held up the staff of the Freeman's Journal, smashed presses, threw gasoline on the floors and stairs and set fire to the building.

Firemen were able quickly to put out the flames, which did only slight damage. A large new press that had been set up by the newspaper was not injured, apparently having been overlooked by the incendiaries.

The raiders appeared simultaneously in groups at the entrances to the different departments of the newspaper, where the employees were ordered to throw up their hands. The members of the staff were shepherded to the ground floor, where they were held prisoners for a time.

Red Guards Shoot Members of Church Shielding Treasures

Congregation Crowds Steps Trying to Prevent Soviet Confiscation.

MOSCOW, March 29 (Associated Press).—Four parishioners were killed and ten wounded when Red Guards fired into a crowd obstructing the doorway of a provincial church to prevent execution of the recent Soviet decree for confiscation of church treasures, it was learned in Moscow to-day.

The Confiscation Committee, unarmed, had previously entered the church at Shouya, in the Province of Ivanovo-Voznesensk, and requested the surrender of the treasures, according to the Isvestiya. The congregation protested and the committee departed.

The version published here said members of the congregation struck the authorities. The following day the officials returned with soldiers. A crowd assembled [illegible]

J. PENNE... CALLS B... BLOT O...

Billboarders "... man Junk," ... Hands" Are...

IRATE HEARE... USE OF ...

Another Force ... Rainbow Is ... Expert Poin...

Joseph Pennell ... distinguished ar... was a speaker la... ing of the Muni... New York in th... to protest again... door advertising ... aspect—the billb...

Mr. Pennell is ... He is tall, thin, ... shouldered, grizz... he slides far do... he rests on hi... twines one leg ro... vine fashion an... wiry little iron-g...

"Riled" by ...

He has been of... by many art soc... try and in practi... in Europe. It ... umn in Who's ... laurels.

It's important ... in view of what ... last night at the ... tatives of the ... "packed" the Tow...

Mr. Pennell ga... asked some... He ... statement that ... who represent pr... of 1 per cent. of ... the country, "had ... New York and, ... had their soiled ... country."

As he got into ... nage became mer... right out and adr... of a nervous tem... it "fairly riled" hi... of the depredation...

"They've stolen ... country," said M... man who steals ... criminal than a ... cash."

No Spot

"There's no sp... from the billboar... "It's got so that ... railroad train I ... keep the window ... so I can't see' bu...

BEST COPY AVAILABLE

349

870502906

The Emma Goldman Papers

How Fares the Child in Russia? It Has Fallen into Evil Days, and Miss Goldman Tells Why. Part 5 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 30, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. V.

STOCKHOLM, Sweden, March 5.—The vicious circle created by the Communist state, and which thwarts the most sincere endeavors, is nowhere so evil and apparent as in the Bolshevik activities in behalf of the child. For though much of the accounts of child life in Russia is mere legend, still it must be admitted that a great attempt had been made. Why has it failed?

I remember vividly the impression made upon me by one of the speakers at the second anniversary of the October Revolution, held in Madison Square Garden, in 1919. The man had just returned from Russia. He roused the audience to great enthusiasm by his description of the care and treatment of the children in Russia. My heart went out to the people of that country—the masses who had thrown off the yoke of ages and were now being "led by the hand of a child." It was so wonderful.

All through my voyage on the floating prison, the Buford, the thought of the work done for children in Russia sustained and warmed my spirit. How full of promise was the future; how inspiring to become part of that splendid new life! But in Russia I realized that I had reckoned without the vicious circle—the Socialist state which has compressed every effort within its orbit.

It is true that the Bolsheviki have attempted their utmost in regard to the child and education. It is also true that if they have failed to minister to the needs of the children of Russia, the fault is much more that of the enemies of the Russian Revolution than theirs. Intervention and the blockade have fallen heaviest upon the frail shoulders of innocent children and the sick. But even under more favorable conditions the bureaucratic Frankenstein monster of the Bolshevik state could not but frustrate the best intentions and paralyze the supreme effort made by the Communists in behalf of the child and education.

Children, Sequestered as Thieves, Blot on Fine Petrograd School

It was not until I had been in Russia several weeks that I had an opportunity to visit the first school, the best in Petrograd. It is called "pokazatelnaya shkola," modal school, literally "show school." I did not grasp its meaning until later. The school was situated in the Hotal de l'Europe, the place still retaining much of its former elegance, with spacious rooms, beautiful chandeliers and luxurious furniture.

In the winter of 1920 the shortage of fuel was so great in Petrograd that the population all but perished. It was therefore necessary to crowd the children in as few rooms as possible. But they were clean, well kept and comfortable. The children, averaging from six to thirteen years, looked healthy, well fed and contented. The physician in charge conducted me through the large place, including the kitchen, shining with lovely copper dishes, and explained everything in detail.

The school was used as a sort of receiving and distributing centre. Children were brought there from all parts of Russia, from the provinces mostly. They came in vermin-eaten clothes, emaciated and ill. They were bathed, weighed, measured, fed up and given general treatment. For a short period they remained in the school, receiving elementary instruction, and later they were sent to other boarding schools for children.

What I saw impressed me tremendously. Here, indeed, was proof of the reports that had come to America about the great things done for children in Russia.

Not Tolstoy's Method.

There was only one disturbing note in the beautiful picture. A chance remark of my hostess, the physician, disclosed that several children could not be seen because "they were in isolation."

"Some contagious disease?" I asked. "No," said the lady, "but they are little thieves, so we must keep them away from the other children."

I was dumfounded. I saw before me the schoolmaster Tolstoy as portrayed by Ernest Crosby. One of the children in his school had stolen something. The other children had denounced him as a thief and asked their teacher to punish him. Pupils and teacher agreed that a sign bear-

(Continued on Second Page.)

The Up-to-Minute News For Homeseekers

Homeseekers will find a vast fund of valuable and timely information in Sunday's World Want Directory regarding what houses or farms can be bought; also apartments, houses or summer residences which can be rented. A remarkable display of interesting offers for homeseekers.

2,560 World "Real Estate" and "To Let" Ads. Last Sunday
Equally as many Sunday.

THE SUNDAY WORLD
Real Estate Ads.
All Prices, Sizes, Locations.

March 21 increasing his own pay from $15,000 to $25,000 a year.

"These were introduced," the Mayor said, in explanation of yesterday's action, "without the sanction of the city authorities who have the sole right and power to fix salaries. Since I have been in office the salaries of firemen and policemen have been raised $780. No bill increasing salaries which can be fixed by the Board of Estimate will be given much consideration at my hands.

G. O. P. Seeks to Embarrass.

"I know that salary increase measures are passed in Albany by Republican legislators and sent to me just to embarrass me. I suppose it's a good little joke, but I'm not going to swerve from my purpose of opposing this sort of mandatory legislation."

The bill increasing his own pay and that of the Comptroller and Aldermanic President also was mandatory, but dealt with a Charter provision which was not within the power of the Board of Estimate to change.

Both the patrolmen's and firemen's associations were much exercised over the action of the Mayor, as they had sought the legislation not only to obtain an immediate increase, but also in the hope of getting it under such terms as to put it beyond the power of a future Board of Estimate to reduce.

The Mayor announced that he would approve the bill authorizing the city to pay the expenses incurred by Police Inspector Dominick Henry in defending himself from his indictment by the Almirall Grand Jury.

(Continued on Third Page.)

Blackjack and Rob Furrier as Rush Hour Crowds Pass

Thieves Carry Off Garments Worth $10,000 in Motor Van in Newark.

One block from the busiest corner in Newark, N. J., at the home-going rush hour last night robbers obtained $10,000 in furs from the shop of Joseph M. Reicher & Co. at No. 315 Halsey Street after blackjacking a member of the firm.

At 6.30 o'clock last night Charles Rich, a member of the firm, was in the shop, one block from Market and Broad Streets, on Halsey Street, when a well-dressed stranger entered. He asked to see some fur coats and as Rich turned to show them, hit him twice with a blackjack. When Rich fell he gagged him and tied his hands and feet. Then he called in two helpers, whom Rich heard moving about, and they tied up fur coats, neckpieces and muffs in wrapping paper and carried them out to a waiting automobile delivery van.

Rich managed to get his gag loose after they left, and called for help. Tenants cut his bonds. Halsey Street was formerly recognized as being the curb market of the bootleggers of Newark and vicinity.

DEWEY'S "DEW TONE" TONICS
build up the whole Human System
139 Fulton St., New York City.—Adv.

out the flames, which did only slight damage. A large new press that had been set up by the newspaper was not injured, apparently having been overlooked by the incendiaries.

The raiders appeared simultaneously in groups at the entrances to the different departments of the newspaper, where the employees were ordered to throw up their hands. The members of the staff were shepherded to the ground floor, where they were held prisoners for a time.

Red Guards Shoot Members of Church Shielding Treasures

Congregation Crowds Steps Trying to Prevent Soviet Confiscation.

MOSCOW, March 29 (Associated Press).—Four parishioners were killed and ten wounded when Red Guards fired into a crowd obstructing the doorway of a provincial church to prevent execution of the recent Soviet decree for confiscation of church treasures, it was learned in Moscow to-day.

The Confiscation Committee, unarmed, had previously entered the church at Shouya, in the Province of Ivanovo-Voznesensk, and requested the surrender of the treasures, according to the Isvestiya. The congregation protested and the committee departed.

The version published here said members of the congregation struck the authorities. The following day the officials returned with soldiers. A crowd assembled and refused to disperse, whereupon the Red Guards fired in the air. When the crowd became threatening and threw stones, the guards opened fire in earnest.

Hold but Slim Hope Ex-Emperor Charles Will Survive Illness

Cerebral Complications Aggravate Pneumonia—Last Sacrament Reported.

LISBON, Portugal, March 29 (Associated Press).—There is little hope that ex-Emperor Charles of Austria-Hungary will survive his illness, according to advices received here today from the Island of Madeira. He has made his will. In addition to pneumonia there are cerebal complications. The doctors have resorted to the administration of oxygen.

FUNCHAL, Madeira, March 29 (Associated Press).—It is rumored that the Bishop of Funchal has been summoned to the bedside of former Emperor Charles to administer the last sacrament.

Classified Advertisers
Classified Advertising Copy for The Sunday World should be in The World office
On or Before Friday
The World

Mr. Pennell is
He is tall, thin,
shouldered, grizz
he slides far do
he rests on hi
twines one leg rou
vine fashion and
wiry little iron

"Riled" by

He has been cr
by many art soci
try and in practi
in Europe. It
umn in Who's
laurels.

It's important
in view of what
last night at the
tatives of the h
"packed" the Tow

Mr. Pennell ga
asked none. He
statement that t
who represent pr
of 1 per cent. of
the country, "had
New York and,
had their soiled h
country."

As he got into
nage became mor
right out and ad
of a nervous tem
it "fairly riled" hi
of the depredation

"They've stolen
country," said M
man who steals b
criminal than a
cash."

No Spe

"There's no
from the billboa
"It's got so that
railroad train I
keep the window
so I can't see' but

"It's all the fau
human junk that
into this land,'"
nell. "It doesn't
ence whether yo
tains of industry
grels—they're at
movement to kill
land. They're th
ruining this cou
class that all of
paint and write d

Mr. Pennell said
on by billboard pr
coma a mob whos
seemed to be "to
with filth and sp
gums on the par
remarking that th
the construction o
country in one yea
sufficient to rebui
the whole of Eu
declared it to be h
lief that the billbo
most contemptible
side of God's green

Classed as a

Then up rose M
representing the b
directing attentio
negligence of Mr.
ance, said: "A
way Mr. Pennell
expected to use th
vertised on those
damns."

This was too mu

(Continued on

THE WORLD TR
Arcade, Fulton (W
Park Row, N. Y. City
9000. Check room for
open day and night
travellers checks for

BEST COPY AVAILABLE

350

870502906

The Emma Goldman Papers

How Fares the Child in Russia? It Has Fallen into Evil Days, and Miss Goldman Tells Why. Part 5 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 30, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

...URGED ...CHRIST"

...e said: "If I could have ...ty of talking with you ... face to face, I am sure ...nce you-I did not have ...t at all to dishonor my ...hrist in the offering of ... the conference. I have ...erely criticised for it by ...ll parts of the country. ...ot know the background ...n."

...f Mr Abernethy's reply ...he original letter wired: ...ed in my letter of Jan. ...r important I am com... that you give me privi...ing your reply of Jan. ...or later facts will in... out and I am sure it ...ney should be published ...ot conceive that the ...le of this country are ...equest of any one that ...rist should be omitted ...ng prayer of a World ...ly because there were ...nce representative of ...ands.

Insult to God.

... to omit the name of ...ly, it seems to me, be ...eaven itself as an in... God. If the omission ... to Christ has been ac... have been regrettable ... has hoped that that ...ccidental, but that it ...al but purposely done ...equest is a startling ...velopment which this ...nsider. I beg, there... will wire me collect the ...lishing your letter."

... this Mr. Abernethy ...ter expressly stated ...re confidential. Can... agree to your pro... made public. I be... not betray my confi...

... followed by a letter ...ernethy said: "I be... pray in the name of ...entioning the word. ...rit that I offered the ...n willing to bear the ...ity for it myself."

...g Mr. Abernethy's ...s reply be held con... given to Senators and ... of the cloakrooms. ... matter was made in ...tor Watson (Ga.), ...others.

...ORS SEEK ...CUT TO BAR

... The World.)

... March 29.—All ...served ten years ...ture are rooting ... Miller to sign a ...ld enable them ...nations for the ... of whether they ...school.

... old days the ...casionally put ...ak'ng favored ...legislators law...

...hod was spon... ...Jeremiah ...ral of New ... passed in the ...

...WORKERS ...H LOCKOUT.

Shipyard Men

FEAR OF ASSASSINS WORRIES CHICHERIN, WHO SCORES ITALY

Russian Delegation in Riga Starts Conference With the Border States as to Genoa.

SOVIET TO DEMAND ONLY BETTER TRADE RELATIONS.

Will Not Go as Communists or Demand Peace Treaty With England, Say Envoys.

By Arthur Ransome.

(Staff Correspondent of the Manchester Guardian and The World.)

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922

(Special Cable Despatch to The World.)

RIGA, March 29.—The Russian delegation to the Genoa Conference arrived here to-day. They met representatives of the border states in an effort to reach an agreement on matters of common interest and will complete these discussions to-morrow.

This afternoon I talked with George Chicherin, Bolshevist Foreign Minister and head of the delegation. He expressed himself as much disturbed at the attitude of the Italian Government.

"The Italian Government," he said, "has arranged for us to live not at Genoa but at Rapallo, thirty miles away. The only communication with Genoa is a long road especially convenient for assassination.

"In view of the threats already made by the Monarchist followers of Gen. Savinkoff, it may be impossible for us to go to Genoa if we have to run a daily gantlet of thirty miles in motor cars. The Italian Government has not answered three notes of protest sent by our representative, M. Voroveky."

Asked why Premier Lenin was not with the delegation, although on the official list, Chicherin replied:

"Lenin is feeling ill and is not likely to leave Russia yet, but in case his presence seems essential at Genoa it is not impossible he may yet go."

Lenin's remarks at the Eleventh Communist Congress on Monday throw light on his views in this connection.

"We go to Genoa not as Communists," he said, "but as merchants seeking to widen trade and obtain favorable conditions."

Afterward I saw Litvinoff, who, in answering my question on the Cannes conditions, said he was uncertain as to what they were. "The text given by the Italian Government does not correspond with that published in Paris newspapers or, I think, with the copy given Krassin in London. The differences are fundamental.

"The conference will be an important step in the reconstruction of Europe if the participants occupy themselves with the future and not with the past," Litvinoff continued. "I have no hope of real reconstruction without the economic resurrection of Russia, and we naively think that helping Russia does not mean throwing new burdens upon her."

Litvinoff declared certain accounts of meetings of experts published in the French press were not encouraging for the success of the conference.

HOW THE CHILDREN OF RUSSIA FARE

(Continued From First Page.)

ing the inscription "Thief" should be hung on the offender's neck.

While putting the string over the boy's head Tolstoy was struck by the look in the child's eyes—a look of humiliation and dumb accusation. No, not the child was the offender. It was he, Tolstoy, and the other children—all of society—that could commit such a cruel thing, to brand the child a thief.

Never again thereafter was a child punished in Tolstoy's school. Yet here in great, free revolutionary Russia were children punished, kept isolated, branded thieves and continuously spoken of as "moral defectives." I was disturbed, puzzled. However, I would not let that obscure the beautiful picture I saw in the Hotel de l'Europe.

A little later I was visited by a woman I had known in America for many years. With her husband and young son she had rushed to their native land shortly after the February Revolution. She had participated in the great October days and since then she had been engaged in various work, but her main interest was in the care of children. At the time of her visit she was matron in an "internat," a boarding school for girls. The woman related to me much about her work, the children—and spoke of the bitter struggle to procure the necessary things for her school. Her story was so utterly at variance with what I had seen at the Hotel de l'Europe that I could not credit it. Yet I knew my friend to be absolutely honest and trustworthy. It seemed inexplicable.

Fed on Potato Peelings.

I asked my friend to remain for supper. We talked about people we both had known in America, about the October Revolution and its effect upon the oppressed of the world, while I was peeling potatoes in my improvised kitchenette.

"Don't throw the peelings away," my friend warned me.

"Why, what do you want with the peelings?" I asked.

"The children make potato cakes of them and are so glad to get them."

"The children?" I wondered. "How is that possible? Are they not getting the first rations?" I saw myself at the Hotel de l'Europe that the children were fed on milk, cocoa, rice, farina, white bread, chocolate, even meat.

My visitor smiled. "Come to my school," she said, "and convince yourself."

I went, not once but many times. There I saw the other side of the medal. Yet even then I would not be convinced so easily. There were sixty-five children in that school. Their food was scanty and of poor quality. Most of them were sustained by what their people or relatives sent from the country. They had little warm clothing, and the majority were without shoes. My friend had to waste much of her time and all her energy in the various departments of the Educational Board.

It took her two weeks to get twenty wooden spoons for her sixty-five children. After a whole month of effort, of standing in line, waiting to be admitted to the high officials, she was given twenty-five pairs of snowshoes. It required much wisdom and great tact to divide these among the sixty-five children without causing envy, hatred and quarrels among them.

Each time I revisited that school I became more convinced that there was something wrong somewhere. How else explain the difference between the care the children received and the conditions of the mass of children under the Bolshevik regime.

Allied intervention and the blockade are chiefly responsible for the terrible poverty in Russia. Yet whatever there was of life's necessities for the children could have been distributed more equitably. The Bolshevik system itself involved discrimination and inequality in regard to the children, as it did in the treatment of the workers. For the latter there were various categories of rations, officially planned and carried out.

Moral Effect Bad Too.

For the children the same situation obtained in practice, though more unofficially. In the first place, the system of "show" schools itself was vicious, demoralizing and establishing special privileges. That in return involved pretense, sham and deceit, which could not help having their effect upon teachers as well as children.

But most of all, it was the centralization of the State and its resultant complex machinery of bureaucratic officialdom that made the best efforts of the Bolsheviki, in this as in other directions, futile and barren.

A hundred years ago Gogol startled his countrymen by his great work, "Dead Souls." It was a scathing arraignment of Russian feudalism and its parasitism. "Dead Souls" have come to life again in Russia. But there is no Gogol to pillory them. And if there were, he would have much less chance of a hearing in the Russia of to-day than the great Gogol had in his time.

Who are the modern dead souls? That will be best clarified by illustration. Every creche, boarding school, reformatory—in fact, every institution where children and grown people live, —is entitled to as many food and clothing rations as the number of its inmates.

All institutions depend on the Central Distributing Department (in Petrograd, the Piterokommuna; in Moscow, the Moskommuna, &c.) for their supplies. Numerous orders signed and countersigned by scores of tchinovniki must be secured for everything needed by a given institution.

Food Given in Bribes.

The tchinovniki systematically delaying matters until they receive some bribe, it becomes necessary to get orders for more than the actual number of the population in the institution, so that some "extras" may be left for bribes as well as for the hungry friends of the "economic manager" of the institution in charge of the supplies.

For instance, the school of my friend had sixty-five children. All former matrons had added a number of fictitious names—"dead souls"—to the actual total of the children in the schools. In return for the extra rations thus secured and used as a bribe, the matrons were assured quick service. Having in this manner provided themselves with "influence" in the various departments, it did not matter if the managers in charge of the schools sabotaged their work, neglected and even abused the children or often speculated with the provisions obtained for the inmates. They had "friends on high."

The results of this pleasant arrangement, universal in Russia, are obvious, of course. But my friend wouldn't be a party to such practices. She refused to add "dead souls." She knew that each dead soul was living on the already very insignificant ration of some child.

Declined the Bribe.

She declined to feed the numerous inspectors, examiners and correctors of her district. The result was a long and bitter struggle against the vicious circle, a struggle which undermined her health and ended in her being ousted from her position, literally

★ 111 on ci...

TURKISH

10...

FIFT...

In a new package
At a price that f...
The same unmatc...
TURKISH VIRGINIA

The American Tobacco Co.

CLOTHES : IN THE NEW

Your New T...

Now's the time ...

BALMY Spring days b... frequent, and one's heavy ... comes irksome. Every ch... weather is a reminder to ... light-weight topcoat.

Our topcoats—free-fitting ... modelled garments, pliant ... distinctive of contour—cor... with distinction of style.

Londiscot and domestic ... proofed against April sho... ample variety of tweeds, dis... ringbones and fine diagonal ...

$40 to $85

BEST COPY AVAILABLE

870502906

The Emma Goldman Papers

How Fares the Child in Russia? It Has Fallen into Evil Days, and Miss Goldman Tells Why. Part 5 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(March 30, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

...ority for it myself."
...anding Mr. Abernethy's
...at his reply be held con-
...as given to Senators and
... talk of the cloakrooms.
... the matter was made in
Senator Watson (Ga.),
and others.

...ATORS SEEK ...RT CUT TO BAR

...cial to The World.)
...Y. March 29.—All
... have served ten years
... gislature are rooting
Gov. Miller to sign a
... would enable them
...xaminations for the
...tless of whether they
...ded school.
... good old days the
... occasionally put
...ills ...making favored
... and legislators law-
...

...y method was spon-
... Senator Jeremiah
... Democrat, of New
... bill passed in the
...'s closing hours.

...N WORKERS ...TISH LOCKOUT.

...end Shipyard Men ...umber of Jobless ...3,000,000.

...ew York World) by Press ...ing Company 1922.
... Despatch to The World.)
...March 29.—Fully 1,000,...
...now involved in the big
... by the failure of nego-
...en the employers and
... the engineering trades
...pyards. As there are
...00 unemployed in this
...le the workers affected
...disputes. Great Britain's
...must be practically 3,...

...t resulted originally
...oyers taking the stand
... a right to full control
... The men wanted to
...e so as to absorb those
... who were unemployed.
... dispute is the em-
...skilled labor on certain
...achines. The disputa-
...ard workers arose from
...' attempts to make
...e men considered too
...

...bor regards the action
...ring Employers' Fed-
... concerted move to
...unionism.

...RRIVES IN PARIS.

...tion for Scientist—
...ne Publicity.

...w York World) by Press ...g Company, 1922.
... Despatch to The World.)
...h 29.—Doctor Albert
... greatest brain of the
...s many describe him,
... to-day democratically,
...s compartment. There
... or ceremony. Only a
...h professors met him.
...took the subway and
... said to be anxious to
...nd has selected a quiet
...

...nlerva, former Premier
...entist, who has made
...cations to the Academy
...s theories, has not yet
...he other hand, it is de-
...ain has no intention of
...ociety of savants. On
... will welcome a dis-
...eories ... apart from
... give.

...made by the Monarchist followers of Gen. Savinkoff, it may be impossible for us to go to Genoa if we have to run a daily gantlet of thirty miles in motor cars. The Italian Government has not answered three notes of protest sent by our representative, M. Vorovsky."

Asked why Premier Lenin was not with the delegation, although on the official list, Chicherin replied:

"Lenin is feeling ill and is not likely to leave Russia yet, but in case his presence seems essential at Genoa it is not impossible he may yet go."

Lenin's remarks at the Eleventh Communist Congress on Monday throw light on his views in this connection.

"We go to Genoa not as Communists," he said, "but as merchants seeking to widen trade and obtain favorable conditions."

Afterward I saw Litvinoff, who, in answering my question on the Cannes conditions, said he was uncertain as to what they were. "The text given by the Italian Government does not correspond with that published in Paris newspapers or, I think, with the copy given Krassin in London. The differences are fundamental.

"The conference will be an important step in the reconstruction of Europe if the participants occupy themselves with the future and not with the past," Litvinoff continued. "I have no hope of real reconstruction without the economic resurrection of Russia, and we naively think that helping Russia does not mean throwing new burdens upon her."

Litvinoff declared certain accounts of meetings of experts published in the French press were not encouraging for the success of the conference, since they seemed to show that the people were still trying to settle affairs for Russia without consulting the master of the house.

He corroborated Lenin's speech, quoted above, by saying: "We are not going to Genoa to advocate Communist principles and shall make no proposals incompatible with the order of things now existing in Western Europe. We shall, however, support any progressive proposals tending toward the elimination of war and the reduction of armaments."

Asked about the possible political consequences of the Genoa Conference, Litvinoff made a remark which shows that Russia has taken up a position very different from the one she occupied when she asked for a formal peace treaty with England. He said:

"A peace treaty isn't necessary, since there has been no formal war. All that is necessary is the restoration of normal relations."

CURB ON RUSSIANS IN GERMANY URGED

BERLIN, March 29 (Associated Press).—The Berlin newspapers today joined in demanding that in the light of last night's attempt upon the life of Paul M. Milliukoff, former Minister of Foreign Affairs in the Russian Provisional Government, Russians of all political parties be forced to desist from agitation.

Two Czarist officers have been arrested charged with killing Nabokoff and attempting to assassinate Milliukoff. They are Peter Schabelski-Brock and Jaribos Tabowitzki. Schabelski-Brock is said to have confessed that he visited the hall where Professor Milliukoff was lecturing with the intent to kill him.

Prof. Milliukoff to-day expressed deep regret over the death of Vladimir Naboukoff. He said Naboukoff had been his political opponent for more than a year, but that he was an old and dear friend and associate.

Prof. Milliukoff said he hoped the "dastardly crime will attract the world's attention to the activities of the Monarchists in Eastern and Central Europe, especially to their headquarters in Berlin, Munich, Budapest, Belgrade and Sofia."

He added that many Russians and former officers blamed him for their loss of privileges and that the Monarchists denounced him because he opposed the operations of Gen. Baron Wrangel, Anti-Bolshevik leader in Russia.

"The Americans know my views," said Prof. Milliukoff. "I represent the Russian democracy, the interests of the masses. I regard the revolution as a progressive step in the direction of a realization of a higher and more perfect federated republic."

Italian and Russian Police Prepare to Guard Envoys

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
(Special Cable Despatch to The World.)

ROME, March 29.—Police precautions to protect the Bolshevik delegates at the Genoa Conference have already been taken. The Russians will not be lodged in Genoa but at Rapallo, a town sixteen miles away, the most lovely spot on the Italian Riviera. Two hundred mounted military police already guard the Hotel Imperial where Lenin's emissaries will be housed, and a whole company of unmounted Royal Guards will help to prevent any possible surprises by Fascisti.

Lenin, mistrusting all but his own men, has sent sixty-four picked police from the Cheka, who came to Italy camouflaged as civilians. They are now scattered around Genoa.

German Envoys to Genoa: Rathenau, Schmidt, Hermes

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
(Special Cable Despatch to The World.)

LONDON, March 29.—The Berlin correspondent of the London Times says the German delegation to Genoa will be Dr. Rathenau, Foreign Minister; Dr. Schmidt, Minister of Economy, and Dr. Hermes, Finance Minister. Dr. Wirth's participation is uncertain.

ADRIATIC IN PORT.

Returning from the Mediterranean, the White Star liner Adriatic docked last night. She brought back 238 first, 218 second and 104 third class passengers. Charles Lisler Jr. of Boston said the student riots were on at Cairo and many of Adriatic's passengers went to the scene. Other passengers were Baron Victor C. Borosini, his wife and fourteen-year-old daughter. He is on his way to New Orleans to join the Hungarian Consular Service there.

Food Given in Bribes.

The tchinovniki systematically delaying matters until they receive some bribe, it becomes necessary to get orders for more than the actual number of the population in the institution, so that some "extras" may be left for bribes as well as for the hungry friends of the "economic manager" of the institution in charge of the supplies.

For instance, the school of my friend had sixty-five children. All former matrons had added a number of fictitious names—"dead souls"—to the actual total of the children in the schools. In return for the extra rations thus secured kind used as a bribe, the matrons were assured quick service. Having in this manner provided themselves with "influence" in the various departments, it did not matter if the managers in charge of the schools sabotaged their work, neglected and even abused the children or often speculated with the provisions obtained for the inmates. They had "friends on high."

The results of this pleasant arrangement, universal in Russia, are obvious, of course. But my friend wouldn't be a party to such practices. She refused to add "dead souls." She knew that each dead soul was living on the already very insignificant ration of some child.

Declined the Bribe.

She declined to feed the numerous inspectors, examiners and correcters of her district. The result was a long and bitter struggle against the vicious circle, a struggle which undermined her health and ended in her being ousted from her position, literally thrown out on the street. In vain she tried to call the attention of the "comrade" at the head of the Petrograd Department of Education, Mme. Lilina. She could not be seen and she never visited the school of my friend. The "show" schools took up all of her time. Besides Mme. Lilina would hardly have credited my friend's story. It is not customary to pay attention to "outsiders" that make complaints against Communists. And, incidentally, it is a dangerous thing to indulge in.

Later I met Mme. Lilina. I think she is sincere and very devoted to her work. But she is a bigot, without vision. She depends entirely upon her chief subordinates, all Communists, for her information about the conditions in the schools. The criterion of fitness and veracity in Russia is adherence to the Communist Party. It is hardly necessary to emphasize the result.

In her next article, to be published to-morrow, Miss Goldman describes among others the schools for moral defectives in Russia.

Your New

Now's the tim

BALMY Spring da
frequent, and one's he
comes irksome. Every
weather is a reminder
light-weight topcoat.

Our topcoats—free-fit
modelled garments, pli
distinctive of contour—
with distinction of styl

Londiscot and dome
proofed against April.
ample variety of tweeds,
ringbones and fine diag

$40 to $8

Weber and He
· CLOTHIERS · HABERDASH

*841 Broadway *42nd and M
345 Broadway *44th and
775 Broadway 1363 Broadway
*1185 Broadway *Closing at abou

BROOKLYN: *381 Fulton St., Borough Ha

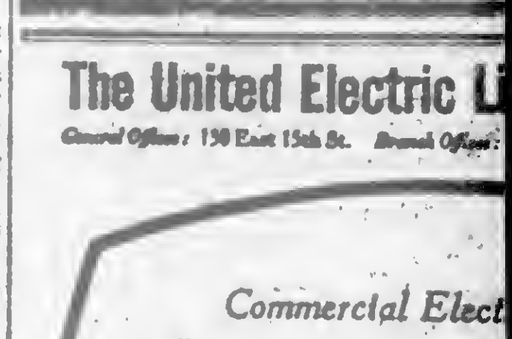
The United Electric L

General Offices: 130 East 15th St. Branch Offices:

Commercial Elect

Technical advice and sug
the correct application of e
commercial purposes may b
without cost or obligation f
partment of this Company.
will gladly confer with you u
phases of your electrical ne
no matter how large and int
simple, they may be.

Telephone Stuyvesant 4900 o
gladly have one of our represe

BEST COPY AVAILABLE

352

870502907

The Emma Goldman Papers

Miss Goldman Heard but One Happy Child's Laugh in Russia; Starved to Feed "Dead Souls." Part 6 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. — (March 31, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

GOVERNMENT CURB ON COA

MISS GOLDMAN HEARD BUT ONE HAPPY CHILD'S LAUGH IN RUSSIA; STARVED TO FEED "DEAD SOULS"

System by Which Children's Rations Are Cut to Keep Host of Bolshevist Parasites in Vogue Everywhere—"Show Schools" a Basic Evil—"Moral Defectives" Put in Colonies Little Better Than Jails, She Says—Individual Efforts for Reform Discouraged and Nullified.

Miss Goldman is writing this series about Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she has just succeeded in quitting. After being barred from several other countries through the influence of the Bolsheviki, she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an Anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in anarchism practically all her life. Perhaps she, above all other travellers to Russia, is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. VI.

STOCKHOLM, Sweden, March 6.—All this (the partial starvation of children in Bolshevik schools) I learned gradually, painfully, day by day. At first I refused to believe that the "dead soul" method was a general practice. But the proofs for it were so many I had to face facts in the end. Next door to me, in the Hotel Astoria, "First House of the Soviet," lived a little woman and her two children. She was a Communist, but one who fought hard against the "dead soul" method. She worked in various child institutions. She not only corroborated the condition I found at the school on Kronversky Prospect but she took me to many others where the same practices prevailed.

Everywhere "dead souls" lived off some of the half-starved children. My neighbor related the experience she had had with her own children, a boy of three and a girl of nine. Both had been placed in a colony. Out of her meagre earnings the mother regularly sent the children extra provisions, as they did not get enough there. At the end of six months both children took sick and had to be removed to the one room they shared with their mother. The girl had developed a pernicious rash and the boy was sadly run down. Both cases were diagnosed as due to malnutrition.

I became friends with my neighbor, a sincere and hard working Communist. Through her I learned much of the general status of children. More and more I came to see that the Bolsheviki were trying to do all they could for the child, but that their efforts were being defeated by the parasitic bureaucracy their state had created. Above all proved destructive their not even the child must be used for propaganda purposes.

The "show" schools were a most evil influence, especially on the children at large. They poisoned the child's mind with a sense of injustice and strife nation. The quicker and more correctly than the adult, the child senses wrong and sham. And while these "show" schools were being used as newspaper copy abroad, the masses of children in Russia were neglected as the workers' children are in the rest of the world. Everywhere the privileged few receive all the advantages. Bolshevik Russia is not exempt from this cruel situation.

DAVIS PUTS BLAME FOR UNION'S ACTION ON THE OPERATORS

Employers Here Suggest Revision of Wage Scale on Basis of the Cost of Living Now.

MINERS ASK CONFERENCE AGREED ON BY BOTH SIDES.

Suspension Order Will Be Rescinded if It Is Arranged, Their Spokesman Asserts.

By John J. Leary Jr.

Secretary of Labor James J. Davis, in a statement substantiating The World's declaration of two months ago that suspension of work in the coal fields would not excuse the advance of a penny in price to the consumer, yesterday declared that any attempt to mark up prices in any part of the country should at once be reported to the Department of Justice for action.

This declaration on the eve of the nominal beginning of the suspension—actually the strike began in most fields yesterday, for few mines are operated on the last two days of the week—and the offer of the anthracite operators to make a new wage scale on the basis of decreased living costs, were the outstanding developments yesterday. Other developments were:

Discussion by the House Committee on Labor of a proposal that the President make a last minute effort to head off the strike and the declaration of John Moore, legislative agent of the miners, that an offer to continue present wages pending a settlement, would result in cancelling of the strike order.

Departure from New York of the leaders of anthracite miners and operators for Pennsylvania to be on the spot when the hard coal mines actually close.

Decision of non-union operators in Central Pennsylvania to post scales cutting wages as much as 30 per cent.; the decision of the anthracite miners to exempt from the suspension order men who may be needed to fight mine fires; announcement that one small company near Scranton will make an attempt to operate its mines with non-union men, and the decision of John L. Lewis, chief of the miners, not to come to New York to-morrow as planned.

Lewis to Testify.

The change in Mr. Lewis's plans synchronized with notice that he would appear in Washington on Mon-

Harry Leon Wilson F With Fists in Feu

Battle Between Writer and Theodore Criley Splits Whole Town of Carmel.

(Special to The World.)

SAN FRANCISCO, March 30.—Carmel, home of writers and artists—and of a lot of ordinary folk who take a personal interest in the "bohemian colony," as they call it—is now a town divided against itself over a fistic duel of last Saturday between Harry Leon Wilson, author, and Theodore M. Criley, artist.

The population of the colony seems evenly divided between "Wilsonites" and "Crileyites." It has gone so far, since the writer and the artist got together to settle their differences with fists, that many Carmel residents won't speak to each other at all.

A Carmel play more than six months ago started all the trouble between Wilson and Criley. Wilson wrote the play—"Pomander Walk," it was named—and pretty Mrs. Wilson took the part of the heroine. Criley played the hero. Wilson and Criley were friends then. After the performance they ceased to be.

According to the best informed in Carmel, Wilson thought Criley's stage lovemaking was too realistic. There were argument and counter-

REACH FIRST GOAL IN OCEAN FLIGHT

Portuguese Airmen Arrive at the Canary Islands on Way to Brazil.

LISBON, March 30 (Associated Press).—Capts. Sacadura and Coutino, the Portuguese naval aviators, who started from Lisbon this morning in an attempted flight to Pernambuco, Brazil, arrived safely at the end of the first stage of their journey, Las Palmas, in the Canary Islands, at 3 o'clock this afternoon.

The hydroairplane which the men are using made the flight from Lisbon to Las Palmas at the rate of approximately ninety miles an hour.

Prior to taking off from Lisbon Pilot Coutino said he was hopeful of success but that the odds were five to one against it.

The machine is fitted to carry fuel for only eighteen hours' flight. Portuguese warships have been sent out into the Atlantic to supply the aircraft with gas and oil if it should run short or to render other aid if necessary.

The flyers hope to make the trans-

BEST COPY AVAILABLE

353

870502907

The Emma Goldman Papers

Miss Goldman Heard but One Happy Child's Laugh in Russia; Starved to Feed "Dead Souls." Part 6 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. — (March 31, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in anarchism practically all her life. Perhaps she, above all other travellers to Russia, is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. VI.

STOCKHOLM, Sweden, March 6.—All this (the partial starvation of children in Bolshevik schools) I learned gradually, painfully, day by day. At first I refused to believe that the "dead soul" method was a general practice. But the proofs for it were so many I had to face facts in the end. Next door to me, in the Hotel Astoria, "First House of the Soviet," lived a little woman and her two children. She was a Communist, but one who fought hard against the "dead soul" method. She worked in various child institutions. She not only corroborated the condition I found at the school on Kronversky Prospect but she took me to many others where the same practices prevailed.

Everywhere "dead souls" lived off some of the half-starved children. My neighbor related the experience she had had with her own children, a boy of three and a girl of nine. Both had been placed in a colony. Out of her own meagre earnings the mother regularly sent the children extra provisions, as they did not get enough there. At the end of six months both children took sick and had to be removed to the one room they shared with their mother. The girl had developed a pernicious rash and the boy was badly run down. Both cases were diagnosed as due to malnutrition.

I became friends with my neighbor, a sincere and hard working Communist. Through her I learned much of the general status of children. More and more I came to see that the Bolsheviki were trying to do all they could for the child, but that their efforts were being defeated by the parasitic bureaucracy their state had created. Above all proved deterrent were their notions that even the child must be used for propaganda purposes.

The "show" schools were a most evil influence, especially on the children at large. They poisoned the child's mind with a sense of injustice and discrimination. To quicker and more correctly than the adult, the child senses wrong and sham. And while these "show" schools were being used as newspaper copy abroad, the masses of children in Russia were neglected as the workers' children are in the rest of the world. Everywhere the privileged few receive all the advantages. Bolshevik Russia is not exempt from this cruel situation.

Schools for "Moral Defectives" Not Much Better Than Prisons

"I have said in the beginning that I was deeply disturbed when I first heard that children were isolated as "thieves and moral defectives." At the time I ascribed this attitude to the old fashioned notion of the physician in charge at the Hotel de l'Europe. An article in the official Pravda and the talk I had with many leading Communists, among them Maxim Gorky, Mme Lilina and others, convinced me that nearly all of them believed in "inherent moral depravity."

Some high standing pedagogues even favored prisons for such "moral defectives." But that was too much for Lunacharsky, the Commissary of Education, Gorky and others of the more progressive element, whom orthodox Communists regard as sentimentalists. Lunacharsky fought the barbarous proposition and, fortunately, his side scored a victory. Yet even as late as September, 1921, there were 200 juveniles, among them a child of eight, in the Taganka Prison of Moscow.

I am certain neither Lunacharsky nor Gorky knew about it. But therein lies the curse of the vicious circle; it makes it impossible for those at the head to know what the host of their subordinates are doing. The presence of the children in the Taganka was discovered by the political prisoners who had been sent there. They reported it to their friends on the outside, who took the

(Continued on Third Page.)

For the Call of Business Read World Ads.

The World's "Business Opportunities" are the business man's first consideration when a business is to be bought or sold. The large number of these ads, together with the variety and wide range of propositions, adds greatly to their interest, value and importance.

2,822 World "Business Opportunities" Last Week.

2,071 More Than Next Highest Newspaper.

For Business Propositions Read To-Day's World Business Opportunities.

in a statement substantiating The World's declaration of two months ago that suspension of work in the coal fields would not excuse the advance of a penny in price to the consumer, yesterday declared that any attempt to mark up prices in any part of the country should at once be reported to the Department of Justice for action.

This declaration on the eve of the nominal beginning of the suspension – actually the strike began in most fields yesterday, for few mines are operated on the last two days of the week—and the offer of the anthracite operators to make a new wage scale on the basis of decreased living costs, were the outstanding developments yesterday. Other developments were:

Discussion by the House Committee on Labor of a proposal that the President make a last minute effort to head off the strike and the declaration of John Moore, legislative agent of the miners, that an offer to continue present wages pending a settlement, would result in cancelling of the strike order.

Departure from New York of the leaders of anthracite miners and operators for Pennsylvania to be on the spot when the hard coal mines actually close.

Decision of non-union operators in Central Pennsylvania to post scales cutting wages as much as 30 per cent.; the decision of the anthracite miners to exempt from the suspension order men who may be needed to fight mine fires; announcement that one small company near Scranton will make an attempt to operate its mines with non-union men, and the decision of John L. Lewis, chief of the miners, not to come to New York to-morrow as planned

Lewis to Testify.

The change in Mr. Lewis's plans synchronized with notice that he would appear in Washington on Monday to testify before the House Committee on Labor, which is considering the Bland resolution calling upon the President to name a commission of three to investigate conditions in the coal fields.

The statement of Secretary Davis, intimating that prosecutions will follow attempts at profiteering, was made in the course of a general review of the situation in which he placed responsibility for the failure to open negotiations for a new wage scale in the bituminous fields upon the operators. These, he said, had failed to keep their contract, and the Government is powerless to compel them to do so.

The offer to base the new anthracite wage scale on the comparative cost of living was made in the course of presentation of the union's argument for higher wages for day laborers and their exhibiting of charts calculated to show that the cost of living in the hard coal country warrant an increase of 24 per cent. to the men there engaged. The offer,

(Continued on Fourth Page.)

Smoke "IN-B-TWEEN"—Finest little cigar in the world. 5c each—6 in foil. 25c.—Advt.

THE WORLD TRAVEL BUREAU, Arcade, Pulitzer (World) Building, 62-66 Park Row, N. Y. City. Telephone Beekman 6000. Check room for baggage and parcels open day and night. Money orders and travellers' checks for sale.—Advt.

between Wilson and Criley. Wilson wrote the play—"Pomander Walk," it was named—and pretty Mrs. Wilson took the part of the heroine. Criley played the hero. Wilson and Criley were friends then. After the performance they ceased to be.

According to the best informed in Carmel, Wilson thought Criley's stage lovemaking was too realistic. There were argument and counter-

REACH FIRST GOAL IN OCEAN FLIGHT

Portuguese Airmen Arrive at the Canary Islands on Way to Brazil.

LISBON, March 30 (Associated Press).—Capts. Sacadura and Coutino, the Portuguese naval aviators, who started from Lisbon this morning in an attempted flight to Pernambuco, Brazil, arrived safely at the end of the first stage of their journey, Las Palmas, in the Canary Islands, at 3 o'clock this afternoon.

The hydroairplane which the men are using made the flight from Lisbon to Las Palmas at the rate of approximately ninety miles an hour.

Prior to taking off from Lisbon Pilot Coutino said he was hopeful of success but that the odds were five to one against it.

The machine is fitted to carry fuel for only eighteen hours' flight. Portuguese warships have been sent out into the Atlantic to supply the aircraft with gas and oil if it should run short or to render other aid if necessary.

The flyers hope to make the transatlantic passage of more than 4,000 miles in sixty hours actual flying time. They expect to arrive in Brazil by April 18.

The next stop will be at the Cape Verde Islands and thence to Fernando Noranha, a short distance northeast of Pernambuco.

The flight from the Cape Verde Islands to Fernando Noranha is attended with considerable risk, as the only precaution taken for the safety of the aviators has been the stationing of three cruisers along the line of flight.

The machine is of a comparatively small dimension, and this, in connection with the great distance to be traversed over water and the scant provision for patrolling the course, has caused their expedition to be regarded here as extremely hazardous.

PORTUGUESE FLIGHT CAPTAIN A VETERAN

Sacadura Attained His Rank in World War—Has Reputation for Daring.

Capt. Artura da Sacadura of the Portuguese Navy was born at Guarda, in the northern part of Portugal, forty years ago. He attended

(Continued on Fifth Page.)

BEST COPY AVAILABLE

354

870502907

The Emma Goldman Papers

Miss Goldman Heard but One Happy Child's Laugh in Russia; Starved to Feed "Dead Souls." Part 6 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. — (March 31, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

COCHRAN PLANNED TO DIVORCE SINGER

No Basis for Announced Suit by Mme. Walska, Says Samuel Untermyer.

DEFERRED FILING ACTION.

Ready Two Months Ago, but Her Lawyers Urged Delay.

The declaration that complaint in a divorce suit to be instituted by Alexander Smith Cochran against Mme. Walska Cochran was drawn up and verified by him more than two months ago, was made yesterday by Samuel Untermyer, attorney for the millionaire yachtsman and carpet manufacturer.

Mr. Untermyer's statement was inspired by the publication of a story from Paris that Dudley Field Malone, Mme. Walska's attorney, was about to sail for this country to file a divorce suit against Mr. Cochran, naming a prominent society woman.

"This eleventh-hour yarn is the first time anybody has suggested that Mme. Walska has any complaint against Cochran or that she contemplates bringing any suit against him," said Mr. Untermyer.

"If Mr. Malone regards that as tactics, it is rather a queer and questionable performance in the light of facts.

"We have been holding off the filing of the papers against this lady for over two months in response to the urgent and repeated appeals of the lady's lawyers and especially of her senior counsel here, with whom Mr. Malone is associated. Mr. Cochran came from Europe to sign the complaint in his suit for divorce against the lady, on the ground of her various acts of alleged misconduct.

"During all these months there has at no time been the slightest suggestion by anybody of a complaint or counter-charge against Mr. Cochran, and I am satisfied that there is no basis for it, and that it is a mere afterthought. It is just so much dust kicked up to create the impression that the lady has a grievance, when in point of fact she is, and has been from the beginning, on the defensive."

WOMEN ARTISTS BAR SEX IN CRITICISMS

Declare It Has No Place in Appraisal of Statue of "Civic Virtue."

Women artists yesterday officially protested against the introduction of sex questions into criticisms of the MacMonnies statue of "Civic Virtue."

Resolutions passed by the National Association of Women Painters and Sculptors, No. 215 West 57th Street, after calling attention to the fact that the Board of Estimate and Apportionment had invited the public "to express its sentiments" as to the group, although the Art Commission already had passed upon it, declared:

"That a work of art may only be judged by persons qualified to judge it and by no one else.

"That the opinions and sentiments of miscellaneous persons, most of whom have not seen the group in question

HEARD ONLY ONE HAPPY CHILD LAUGH

(Continued From First Page.)

matter up with Lunacharsky. The children were finally removed from the prison.

"Schools for Defectives."

However, schools and colonies for the "moral defectives" are not much better than a prison. An investigation made by a committee of the Communist youth disclosed harrowing conditions in some of those schools in Petrograd. The report was published in the Petrograd Pravda of May, 1920. It substantiated the charges frequently made among them the general practices of "dead souls," the multiplication of attendants at the expense of the children's rations and other methods of corruption and inefficiency. The committee found, for instance, 138 attendants in a school of 125 children. In another, 38 attendants to 33 children. These were not exceptional cases.

Besides that, the committee's report showed that the children were badly neglected, clad in dirty rags and permitted to sleep on filthy, ill-smelling bedding without linen; that some children had been punished by being locked in dark rooms for the night, others forced to go without supper, and some had even been beaten. The report caused a great stir in official circles.

A special investigation was ordered and, of course, like similar things in America, it resulted in a whitewash. The committee of the Communist Youth was rebuked for "exaggerating." It was stated that the article in the Pravda should have never appeared, such stories are water on the mill of the counter-revolutionists, and so forth.

Typical of New England.

I discussed the matter with some Communists. How could such a thing happen in Soviet Russia? I received the stereotyped reply, "lack of dependable and efficient workers." I offered to take up work among the unfortunate children branded as "moral defectives."

"Oh, you must see Comrade Lilina," I was advised. "She will be delighted to have you."

Several days later Comrade Lilina called. She is a frail woman with a hard face, the typical New England schoolma'am of fifty years ago. She assured me that she was intimately familiar with the best methods of pedagogy and psychology. I ventured to tell her that I did not believe in the theory of the moral depravity of children and that no modern educator held such antiquated notions; that even defective children could not be punished or be branded moral degenerates.

I told her of the modern methods and of the experimental work with delinquent children done in America by Judge Lindsey and others who had repudiated the moralistic conception of sinner and saint. Oh, yes, that was all very well in a capitalistic country where food and everything else was plentiful, but in starved Russia "moral defectives" were the inevitable result of long war, revolution and hunger.

The interview convinced me that if I were to take up work among the little victims my efforts would be thwarted at every step by this prim and dogmatic lady. She in her turn probably thought that I would not be

TROTZKY PICTURES NEW ERA OF TERROR

MOSCOW, March 30 (Associated Press).—War Minister Trotzky, just returned from a troop inspection on the southwestern front, in the region opposite where Gen. Wrangell and other "white" leaders are reported to be concentrating forces, in an address to the Communist Congress to-day said:

"If the Soviets are to be attacked by the whole European bourgeoisie, perhaps the Soviets will reintroduce a war of Communism which would be more merciless than during the civil war in Russia.

"We can admit the speculator into our economics but we cannot admit the speculator into our politics, reserving for ourselves the right to reconstruct our whole apparatus of self defense, war, Communism and terror, in event the speculator with his foreign friends should want to strike us a military blow."

was cold, the damp penetrating. Yet the matron who had fought for the creche was ordered to leave the creche. For the sake of her infant she refused to go until assured of a room in the building. She was then given a little, dark, damp room in a basement which could not have been heated for three years. In that tomb the infant fell sick and has been ailing ever since.

Does Lunacharsky know of such cases? Do the leading Communists know? Some no doubt do. But they are too busy with "important state affairs." And they have become callous to all such "trifles." Then, too, they themselves are caught in the vicious circle, in the machinery of Bolshevik officialdom. They know that adherence to the party covers a multitude of sins.

During my two years' stay in Russia I visited many institutions, but I met very few happy children. In all that time I heard a really hearty child's laugh only once, in Archangel. I may have occasion to write about that experience in a future article. On the whole, most children in Bolshevik institutions impressed me as colorless and stereotyped, veritable children of orphan asylums.

Starving for Affection.

There is something practically gripping about those children. They are not only starved for food, but even more so for affection—they are lonely children. I know this does not correspond with the legends circulated of the millennium come to the child in Bolshevik Russia. But, then, I have no intention of perpetuating legends.

There was one other factor which set the Communist state above the other Governments—the abolition of child labor. That was its most significant achievement, for which the Communists deserved much credit. But now that Lenin's new economic policy is fast resurrecting the dead, now that capitalism and private exploitation are slowly but surely returning to Russia, the Bolshevik Government will soon be the "equal" of all other civilized Governments, with child labor as its great source of national wealth.

[In the next article, appearing tomorrow, Miss Goldman tells of Maria Spiridonova, old-time revolutionist. Her body, says the writer, has been tortured by Czarist and Bolshevik alike, but her spirit ever flames for her beloved Russia.]

"Geese Are Flying North for the Summer"

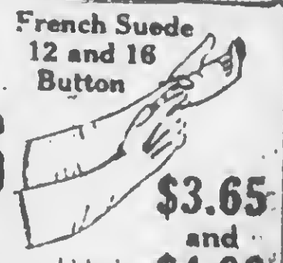
They are wise enough to know that "if Spring comes, Summer can't be far behind," so didn't stop over in New York on their flight from New Orleans to the far North. While the butter, milk and other foods used in your household may seem to "fly," they have no wings to seek the cool of the North. But plenty of crystal-clear Knickerbocker Ice in your refrigerator will bring the North cold to them—will keep them fresh, sweet and wholesome.

With Summer in the offing, it is a wise time to arrange for regular Knickerbocker Service; so regular you can almost set your clock by the deliveryman's arrival.

Knickerbocker ICE Company

French Suede 12 and 16 Button

MARK CROSS FROM LONDON

$3.65 and $4.00

Mode, beaver and black.

The World's Greatest Leather Store

484 Fifth Av., New York. 353 Broadway
Boston—145 Tremont Street.
London—89 Regent Street.

New Jersey Central

$5.00 EXCURSIONS

SUNDAYS—April 2, 16 and 30

WASHINGTON OR BALTIMORE

Tickets good only on special train date for which issued leaving New York, Liberty St., 12:10 A. M., Broad St., Newark, 12:10 A. M. Returning leave Washington, 4:00 P. M., Baltimore, 5:00 P. M.

NEW JERSEY CENTRAL

DOBBS COATS

Distinctive materials carefully tailored in accordance with the high Dobbs standard

BEST COPY AVAILABLE

355

870502907

The Emma Goldman Papers

Miss Goldman Heard but One Happy Child's Laugh in Russia; Starved to Feed "Dead Souls." Part 6 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 3 ; 36 cm. *In* The World. — (March 31, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

RILEY DUEL

Page)

uld bring
d his op-
ided, but
ends into
ft riding
otherwise

enge if
xacted a
strike the
lone and
nd of the

the size
les were
a knock-
and for
between

ne ring.
nts, and
oved his
a cry of
rst blow
e was no
was little
chest to
blow.
tle. Will-

ed, and

ter. Wil-
s rounds
itnesses
m. "You
ink I am
begun."
rice," re-

ness man
ne to the

r a doc-

hildish."
y stuff."

BOND.

dmitted
Time.

land yes-
had been
er which
plin, had
e a year

ia taland
because
Anitarium
ere made
ond "for
le Chap-
00,000 to
he had

yester-
and that
was be
readily

8,339.

Bequest
r.

ider of
ompan
a grow
ment of
ation

came from Europe to sign the complaint in his suit for divorce against the lady, on the ground of her various acts of alleged misconduct

"During all these months there has at no time been the slightest suggestion by anybody of a complaint or counter charge against Mr Cochran, and I am satisfied that there is no basis for it, and that it is a mere afterthought It is just so much dust kicked up to create the impression that the lady has a grievance, when in point of fact she is, and has been from the beginning, on the defensive."

WOMEN ARTISTS BAR SEX IN CRITICISMS

Declare It Has No Place in Appraisal of Statue of "Civic Virtue."

Women artists yesterday officially protested against the introduction of sex questions into criticisms of the MacMonnies statue of "Civic Virtue."

Resolutions passed by the National Association of Women Painters and Sculptors, No. 215 West 57th Street, after calling attention to the fact that the Board of Estimate and Apportionment had invited the public "to express its sentiments" as to the group, although the Art Commission already had passed upon it, declared:

"That a work of art may only be judged by persons qualified to judge it and by no one else.

"That the opinions and sentiments of miscellaneous persons, most of whom have not seen the group in question, are of no value whatsoever.

"That as the National Association of the women painters and the women sculptors of the United States, we record our protest that the only valid judgment of a work of art is based upon its merits as a work of art and not upon questions of sex, of manhood, or womanhood, of the relative positions of men and women in the social or human scale, of the franchise, or any other extraneous and unrelated questions.

"That the attempt of the Board of Estimate and Apportionment to usurp the functions of the Art Commission and to review its findings is deplorable and deserves the censure of every clear-thinking citizen.

"And that this action of the Board of Estimate and Apportionment has brought ridicule not only upon itself, but upon the City of New York and is contrary to the best public policy."

Officers of the association are: President, Mrs. H Van Buren Magonigle; Honorary Vice Presidents, Mrs Joseph H. Choate, Mrs. Charlotte B. Coman, Mrs. John Henry Hammond, Mrs. Christina Morton; First Vice President, Elizabeth Sturtevant Theobald; Second Vice President, Florence Francis Snell; Recording Secretary, Elizabeth Hardenbergh; Assistant Secretary, Josephine W. Barnard; Treasurer, Olive P Black; Corresponding Secretary, Kate Mann Franklin.

CONEY PIER PLAN REVIVED.

President Hulbert of the Board of Aldermen announced yesterday that the project of a new Coney Island pier, stretching 1,200 feet into the ocean had been revived as the result of Mayor Hylan's inspection of the municipal pier in Chicago Plans were laid aside a year ago until the boardwalk had been completed They call for a pier 450 feet wide at the foot of Ocean Parkway, to cost about $4,000,000 and include a convention hall, meeting rooms and space for parking automobiles

MAURETANIA EXPECTED TO-DAY.

Capt Rostron of the Cunard steamship Mauretania, on her first voyage [illegible] wireless yesterday [illegible] hours earlier. The [illegible] 25 miles to the twenty- [illegible] at noon yesterday [illegible] at an average speed of 23.67 knots [illegible] of 2,780 miles was 455 miles [illegible] at noon yesterday [illegible] to dock early this [illegible] speed for the [illegible] as good.

and so forth.

Typical of New England.

I discussed the matter with some Communists. How could such a thing happen in Soviet Russia? I received the stereotyped reply, "lack of dependable and efficient workers." I offered to take up work among the unfortunate children branded as "moral defectives."

"Oh, you must see Comrade Lilina," I was advised. "She will be delighted to have you."

Several days later Comrade Lilina called. She is a frail woman with a hard face, the typical New England schoolma'am of fifty years ago. She assured me that she was intimately familiar with the best methods of pedagogy and psychology. I ventured to tell her that I did not believe in the theory of the moral depravity of children and that no modern educator held such antiquated notions; that even defective children could not be punished or be branded moral degenerates.

I told her of the modern methods and of the experimental work with delinquent children done in America by Judge Lindsey and others who had repudiated the moralistic conception of sinner and saint. Oh, yes, that was all very well in a capitalistic country where food and everything else was plentiful, but in starved Russia "moral defectives" were the inevitable result of long war, revolution and hunger.

The interview convinced me that if I were to take up work among the little victims my efforts would be thwarted at every step by this prim and dogmatic lady. She in her turn probably thought that it would not be safe to intrust the care of children in the Communist state to an Anarchist. At any rate, nothing came of the project.

Spies Crush Initiative.

I give this as an illustration of the falsity of the oft-repeated Bolshevist claim that the corruption, abuse and inefficiency of their regime are due to the lack of dependable workers. During my stay in Russia I came in contact with a surprisingly large number of persons able and willing to co-operate in the educational, economic and other non-political work. Not being Communist, however, they are discriminated against, discouraged and surrounded by a spying system that makes all initiative and effort futile.

During my four months' travel through the Ukraine I had ample opportunity to visit creches, kindergartens, boarding schools and colonies—unofficially, of course. Everywhere I found the same situation: a model "show" school with well-fed and well-cared-for children, while in the other institutions the children were hungry. Often I saw how the men and women in charge were beating their wings against the bureaucratic machine, earnestly striving to defend the interests of the children; but striving in vain, only to be finally eliminated by the all-powerful machine.

I saw a striking illustration of this phase in Moscow shortly before I left. In a certain district there is a model creche, the best organized and equipped I came across in Russia. The matron was a very rare type of womanhood, an idealist, an educator of long experience and a tireless worker. She set herself sternly against the "dead soul" practice. She would not rob Peter to feed Paul, she would not bribe the petty officials of the sub-department

Deprived of Her Position.

As usual, a campaign was started against her. The leading spirit in the miserable attack was the physician of the creche, a Communist. All sorts of accusations were laid at the matron's door, none of which had any basis. But the machine would not let up until the woman was forced out of the place. Incidentally that meant also being deprived of her room. The woman was the mother of a four-month-old baby.

It was in November, the weather [illegible] are too busy with "important state affairs." And they have become callous to all such "trifles." Then, too, they themselves are caught in the vicious circle, in the machinery of Bolshevik officialdom. They know that adherence to the party covers a multitude of sins.

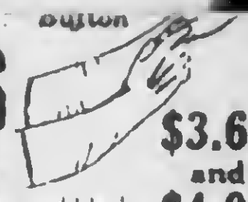
During my two years' stay in Russia I visited many institutions, but I met very few happy children. In all that time I heard a really hearty child's laugh only once, in Archangel. I may have occasion to write about that experience in a future article. On the whole, most children in Bolshevik institutions impressed me as colorless and stereotyped, veritable children of orphan asylums.

Starving for Affection.

There is something practically appalling about those children. They are not only starved for food, but even more so for affection—they are lonely children. I know this does not correspond with the legends circulated of the millennium come to the child in Bolshevik Russia. But, then, I have no intention of perpetuating legends.

There was one other factor which set the Communist state above the other Governments—the abolition of

CROSS LONDON

$3.65 and $4.00

Mode, beaver and black.

The World's Greatest Leather Store
604 Fifth Av., New York. 353 Broadway
Boston—140 Tremont Street.
London—80 Regent Street.

New Jersey Central

$5.00 EXCURSIONS

SUNDAYS—April 2, 16 and 30

WASHINGTON OR BALTIMORE

Tickets good only on special train date for which issued leaving New York, Liberty St., 12:10 A. M., Broad St., Newark, 12:10 A. M. Returning leave Washington, 6:00 P. M. Baltimore, 5:00 P. M.

NEW JERSEY CENTRAL

DOBBS COATS

Distinctive materials carefully tailored in accordance with the high Dobbs standard *Dobbs Top Coats and English Coats ~ $65*

NEW YORK'S LEADING *HATTERS* TO MEN & WOMEN

DOBBS & Co 620 and 244 Fifth Avenue

NEWSPAPERS OUGHT to be good judges of one another, for the inner circle of newspaper-making is one of the never unfolding mysteries with which the lay mind comes in daily contact.

It is gratifying, therefore, to have so sound a contemporary as the New York "Evening Post" print this estimate of The World:

"The New York World is probably the best crusader in the newspaper field to-day. It is a fighting newspaper which fights hard and generally mighty well. And The World's crusades are almost always in behalf of some public cause: some other newspapers are constantly crusading on matters which have more to do with their owner's pocketbooks or idiosyncrasies."

Appreciation of The World's fearless policies on matters of public interest has been general, and specific recognition of its position has already come from three great universities, which, through their departments of Journalism, have declared The World "first in public service."

A newspaper could earn no greater praise, since the advancement of the public good is one of its first missions.

The World

MORNING 352,852 SUNDAY 609,290 EVENING 300,745

BEST COPY AVAILABLE

356

870714013

The Emma Goldman Papers

[To the revolutionary proletariat of the world! In German] An das Revolutionäre Proletariat der Welt! / Emma Goldman, *et al.*— p. 1 ; 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. —(April, 1922).

Obtained from the Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Germany.

ORGAN DES HERRSCHAFTSLOSEN SOZIALISMUS

FÜR SOZIALE UND GEISTIGE NEUKULTUR IM SINNE DES FRIEDENS, DER GEWALTLOSIGKEIT UND INDIVIDUELLEN SELBSTBESTIMMUNG FÜR FREIE MENSCHEN UND SOLCHE DES WERDENWOLLEN

IV. Jahrgang | Herausgegeben in solidarischer Arbeitsgemeinschaft mit Kampfgefährten der Freiheit | unter Leitung von PIERRE RAMUS | Nr. 15

Alle für die Redaktion und Administration bestimmten Zuschriften und Gelder sende man an Adolf Großmann, Klosterneuburg (bei Wien), Jablebstättegraben Nr. 237, Niederösterreich

Erscheint jeden Sonntag

Preis der Einzelnummer K 40.— für Deutschland: (mit Porto) M 1.—, Tschechosl. Kr. 0.60 das übrige Ausland: 10 Cént.

Front page 4. Jg. April 1922

An das revolutionäre Proletariat der Welt!

Liebe Kameraden!

Von der Bolschewiken-Regierung aus Rußland vertrieben, am ungastlichen Strand des sozialdemokratischen Deutschlands gelandet, halten wir es für unsere Pflicht, Euch in kurzen Worten die letzten Ereignisse in Rußland zu berichten und Euch um Hilfe zu bitten, denn unser Kampf ist der Eure, unser Ziel ist das Eure, unser Sieg wird der Euere sein.

Die Revolution ist tot! Es lebe die Revolution! — Die große Revolution ist erwürgt worden, ihr Geist getötet, die Arbeitermassen, ausgehungert und am Ende ihrer Kräfte, sind so verwirrt, daß sie keinen Ausweg mehr wissen.

Das Zentralkomitee der russischen „kommunistischen" Partei ist, dank der wohldisziplinierten roten Armee, dank einer roten Gendarmerie und einiger Abteilungen von Spitzeln, dahin gekommen, das russische Proletariat und die Bauern unter dem Namen einer „Diktatur des Proletariats" zu versklaven.

Die vielfachen Versuche der Arbeiter, sich dem Regime Abdul-Hamid-Marxens zu entwinden, sind gescheitert, besiegt durch Waffengewalt und Verfolgungen der Tscheka. Die „kommunistischen" Gewalthaber schrecken nicht einmal vor Massenmord zurück, wenn sie es mit revolutionären Proletariern, Bauern, Matrosen zu tun haben. Einige Dörfer Zentralrußlands, der Wolga der Ukraine sind von der Artillerie Trotzkis geplündert, zerstört worden. Zahlreiche Arbeiter und Matrosen wurden nach der Niederwerfung Kronstadts, das als gegenrevolutionär verleumdet wurde, erschossen. Die Galeeren, Kerker, Konzentrationslager des unermeßlichen Sowjet-Rußland sind voll von Anarchisten, Linkssozialisten, parteilosen, in Wahrheit revolutionären Arbeitern. Viele von ihnen werden in die eisigen, ausgehungerten Gegenden Nordrußlands verschleppt.

Aber alle Anstrengungen der herrschenden Bolschewisten-Partei sind umsonst. Ungeachtet ihrer Grausamkeit lassen wir in unserer Propaganda nicht nach und die anarchistisch-syndikalistischen Ideen fassen im revolutionären Rußland festen Fuß. Anarchistische und anarchistisch-syndikalistische Gruppen bilden sich neu im Ural, in der Ukraine, in Zentralrußland. Das Interesse für unsere anarchistischen Ideen und unsere föderalistischen, antiautoritären Ansichten wächst in Arbeiterkreisen immer mehr. Die Jugend liest eifrig die Schriften Malatestas, Bakunins, Krapotkins etc. welche die Agenten der Tscheka noch nicht ganz unterdrücken konnten.

Augenblicklich steht Rußland vor neuen Problemen. Durch die neue Wirtschaftspolitik sind tausende von Arbeitern von einer Regierung, die sich die „Regierung der Arbeiter und Bauern" nennt, dem eigenen und fremden Kapitalismus ausgeliefert. Die Radeks, Krassins, Rakowsky katzenbuckeln in Genua vor dem Kriegshetzer Poincaré, vor Lloyd George und gleichzeitig appellieren sie an die Einheitsfront des Proletariats mit Noske, Thomas, Jouhaux und anderen derartigen Volksverrätern.

Das revolutionäre Rußland erwartet sehnsüchtig neue Anrufe, es erwartet die Stimme der Freiheit, um sich neu zu organisieren und sich für die vierte Revolution der sozialen Befreiung vorzubereiten.

Ihr wißt, wie das Trughild der „kommunistischen" Internationale noch viele Arbeitermassen der ganzen Welt gefangen hält, dank der gleißnerischen Demagogie und materiellen Hilfe Moskaus. Wir müssen enthüllen, welche Gefahr die Meistersinger der Bolschewiken-„Internationale" sind, doppelt gefährlich, weil sie sich hinter dem wahrheitsschönen Namen Kommunisten bergen. Die russischen Massen, aus ihren Illusionen gerissen, niedergeschlagen, müssen durch den Ruf der Freiheit neubelebt werden.

Wir, eine Gruppe von Anarcho-Syndikalisten, durch den Machtspruch des russischen kommunistischen Zentralkomitees aus Rußland verjagt, haben gegenüber der sozialen Revolution, gegenüber dem Rußland der Arbeiter und Bauern, gegenüber unseren Kameraden, die in den bolschewistischen Gefängnissen ärgsten Martern preisgegeben sind, die Aufgabe übernommen, in der Bresche auszuharren, nicht im Kampf zu ermüden, im Ringen um die wirtschaftliche Freiheit, um die moralische Befreiung, um die freie Kommune fortzufahren.

Unsere Aufgabe ist es, die russischen Arbeiter zur Organisation ihrer Kräfte für den letzten, entscheidenden Kampf aufzurufen, die Lehrer und Erzieher der Jugend des Proletariats und der Bauern in unsere Reihen zu rufen. Wir müssen alle unsere Kräfte anspannen, um das Regime der bolschewikischen Knute, welches sich auf dem Kadaver des kapitalistischen Regimes etablieren will, zu bekämpfen.

Eure Pflicht, Kameraden, ist es, uns zu helfen, daß wir einen russischen freiheitlichen Verlag schaffen können, um die rote Reaktion zu bekämpfen, der herrschaftslosen antiautoritären Revolution den Weg zu bereiten.

Indem Ihr mit Rat und Tat uns bei unserem schweren, verantwortungsvollen Unternehmen helft. Beweist Ihr am besten Eure Verachtung Euren Widerwillen gegen die unerträgliche Diktatur der bolschewistischen Regierung und Eure ganze Sympathie für die wahren Revolutionäre, die Schüler Bakunins und Krapotkins.

Wir sind überzeugt, Kameraden, daß Ihr nicht taub sein werdet und uns zahlreich auf unseren Aufruf antwortet. Unsere Ziele sind die Euren, unser Kampf ist der Eure und — wie einst die polnischen Freiheitskämpfer sagten — wir kämpfen für Eure und unsere Freiheit!

Das Ausland-Komitee für die Schaffung einer anarchistisch-syndikalistischen Förderation Rußlands

M. Mratschni. — V. Yartschuk. — I. Maximoff.

Wir ersuchen alle Freunde, das Werk unserer russischen Kameraden zu unterstützen.

A. Berkman. I. Goldmann.

Die Landestagung des Bundes herrschaftsloser Sozialisten.

Protokollauszug über die Verhandlungen vom 25. und 26. März 1922 in Graz.

Zwei idealschöne Tage sind dahingeschwunden... Sie umfassen die erste Landestagung unseres Bundes, eine Art Kongreß und doch etwas ganz anderes, als man sonst gewöhnlich zu sehen pflegt.

Wenn wir heute zurückdenken an den 25. und 26. März, so wissen wir, daß diese Tage ein brüderliches Vereinigungsfest des Geistes unseres Ideals für uns gewesen sind, die wir an den Beratungen unserer Tagung teilnahmen. Alle, die da gekommen, waren Männer und Frauen, die es wagten, sich von dem starken Heerbann des Gewohnheitsmäßigen abzutrennen und eigene Wege zu wandeln. Sie begriffen, daß der anderen nur im Kreise umherlaufen, unser Weg aber ein geradlinig zum Ziele führender ist! Die da sich in Graz ein Stelldichein ihres Solidarität, ihres Idealismus, ihres Kampfmutes und ihrer Entschlossenheit gaben, waren von dem Gedanken erfüllt, den einmal eingeschlagenen Weg, der zum herrschaftslosen Sozialismus der Anarchie geleitet, fortzusetzen. Und — wie schon aus Nr. 16 unseres Blattes ersichtlich — ihre Arbeit war eine gedeihliche, eine das mächtige Material ernst, mit Ausdauer, und weiser Selbstbegrenzung in Rede und Ausführung, bewältigende. Es hatten sich eben Kameraden eingefunden, deren Pulsschlag für- und miteinander schlug, deren ideater Geist sich dessen bewußt war, daß sie gemeinsam das Fundament jener großen Zeitwende legten, die das Aufblühen ihres Ideals erschauen wird. Alle empfanden: sie zimmerten an dem Werk ihres Lebens, das nur durch dasselbe seine über die Alltäglichkeit hinausragende Bedeutung besitzt!

Mit großer Liebe und Solidarität haben die Kameraden in Graz die Organisierung des Kongresses betrieben. Der geräumige und zweckmäßige Saal des Gasthofes „Zu den drei Haken" nahm die Delegierten auf. Während der Kongreßberatungen war jeder Alkoholkonsum und das Rauchen ausgeschaltet.

Der Saal war einfach, aber eindrucksvoll geschmückt durch an die Wände befestigte Sinnsprüche. Unter ihnen waren besonders sinngemäß: „Es gibt noch enorm viel Arbeit zu vollbringen für die Revolution in Rußland und in der ganzen Welt!" (Krapotkins letzte Worte vor dem Tode); „Theologen und Materialisten bereiten die Menschheit zur Knechtschaft vor!" (Tolstoi); „Nur durch die Erweckung des inneren göttlichen Lichtes wird die Menschheit befreit" (E. H. Schmitt); ein wirkliches, zerbrochenes Gewehr und oberhalb: „Du sollst nicht schwören!", unterhalb: „Du sollst nicht töten!"; „Alkohol und Nikotin fassen sich unmöglich mit wahrer Lebenstiefe und wahrem Lebensgenuß vereinigen." (Prof. Dr. Bunge).

Am schönsten war die Rednerbühne geschmückt. Im Hintergrund derselben prangten drei, von dem Kunstmaler Schindler gestiftete, überlebensgroße, wundervoll ausgeführte Brustbilder, umrahmt von grünem Tannenreisig; es waren die Krapotkins, Tolstois und Schmitts. Und oberhalb ihrer leuchteten die, eben für die Zeit der Gewalt und des Mordbrennens, in der wir leben und entgegengetrieben werden, den erhebendsten Kontrast bildenden Großlettern-Worte Christi in den Saal hinein, den Delegierten ins Antlitz: „Die Gewaltlosen und Friedfertigen werden den Erdball besitzen."

Nach Eröffnung und Begrüßung der Delegierten durch Kam. Kern (Graz), (um 10 Uhr vormittags), der mit eindringlichen Worten auf die Wichtigkeit des Kongresses hinweist, werden zu Vorsitzenden die Kameraden Kern und Smolona (Graz) und zu Schriftführern die Kameraden Schwetz (Wien), Frank (Graz) gewählt.

In die Mandatsprüfungskommission werden die Kam. Baums, Saueracker, Holub, Martinelli und Frank (Graz) gewählt. Die Mandate der Delegierten werden über Bericht der Mandatsprüfungskommission zur Kenntnis genommen.

Auf dem Kongresse sind 38 Delegierte. Sie vertreten Niederösterreich, Oberösterreich, Steiermark, Salzburg und Kärnten. Da verschiedene Delegierte es verziehen, daß ihre Namen nicht genannt werden, sehen wir von der Veröffentlichung einer Namensliste, die aber bestens und wohlverwahrt wird, ab.

Als Gäste aus den verschiedenen Landesteilen und von Graz selbst haben sich 102 eingefunden, deren Namensliste wir gleichfalls besitzen, da die Tagung eine geschlossene war und auch auf Delegierte wie Gäste beschränkte.

Begrüßungsschreiben von Gruppen, die infolge der Anfang des vorigen Monats erfolgten Bahnpreiserhöhung, der Bahnfahrtpreise es vorzogen, nicht vertreten zu sein, langten aus folgenden Ortschaften ein: Traiskirchen, Neunkirchen, Waidhofen a. d. Ybbs und Waidhofen a. d. Thaya, Krems, Liesing, Stockerau, Gloggnitz, Teesdorf, Perchtoldsdorf, Unterlaa, Ebenfurth, Schönau, Traiskirchen, Kalsdorf, Hartberg, Judendorf, Bärenbach, Murzuschlag, Deutsch-Feistritz, Fischerau, Linz, Weis, Gaflenz, Freistadt, Mühlbach bei Hochfilzen, Velden am Wörthersee, Klagenfurt, Obersetzling und Bruck (Teil-Sitz) und Innsbruck.

Glückwunschtelegramme und Begrüßungsschreiben von den Kameraden Danzer, Sonnenfeld, Hamburg und Gertrud Kern („In Gedanken bei Euch, wie sie Eurem schönen Werke volles Gelingen zum Wohle der ganzen Menschheit!"), von Schmiedeberg, Tschechoslowakei und München (Osmanstraße) verlesen, die verhindert waren, an dem Kongreß teilzunehmen. Ebenso auch der von Fr. Kirchhoff (Paris) angemeldete Kam. Adolf Metke aus.

Hierauf wurde in die Tagesordnung eingegangen. Der Antrag von Sekkauer (Graz) auf Abänderung desselben wird abgelehnt.

BEST COPY AVAILABLE

357

890808022

The Emma Goldman Papers

[Appeal for the anarchists and syndicalists in Russia. In Japanese] / Emma Goldman and Alexander Berkman. – p. 3 ; 35 cm. *In* Rodo Undo [Tokyo]. –(April 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

3　第四號　（可認物便郵種三第）　勞働運動　（同一月每）　大正十一年四月十五日

ソヰエト政府
無政府主義者
を銃殺す

エマ・ゴオルドマンとベルクマンとがロシアで拘禁されてゐるやうに、前號で書いたが、其後二人はアレキサンダア・シヤピロと一緒に、漸くロシアを脫ぜ出てストクホルムに着いた。そして其處から諸國の同志に次ぎのやうな檄を飛ばして、ソヰエト政府の暴狀を訴へてゐる。『ソヰエト政府と無政府主義者』の續きとしてこゝに記載する。

前二回のは、大ぶ日本のボルシヤヱキの男や女の御氣にさはつて、あちこちで黃色いヒステリイ聲があがつたとかあがるとか云ふ話だが、そんな事は俺れの知つた事ぢやない。（榮）

一

親愛なる同志等よ。

ロシアに於ける革命的諸分子の迫害は、ボルシヱヰキの政治的及び經濟的政策の變化と共に止みはしなかつた。反對に、それは益々強烈に、益々決定的になつた。ロシアやウクライナやシベリアの牢獄は、支配者たる共產黨の意見と違つた意見を懷く事を敢てする男や女や、そして噫、或るところではたゞの子供等でもつて滿ち滿ちてゐる。吾々とは特に『意見を懷く』と云つた。何故なら、今日のロシアでは、牢獄の人となるためには、違つた意見を言葉や行爲で現はす必要は少しもないのだ。たゞ反對の意見を懷いてゐるだけでその土地の事實上の最高權力、即ち法律も責任も知らない意志を持つた萬能のボルシヱヰキ・オフラアナ（警察）、チエカ（非常委員會）の合法的餌食となるのだ。

二

が、ロシアに於ける有らゆる革命的分子の中で、今最も殘忍なそして組織的の迫害を受けてゐるのは無政府主義者である。ボルシヱヰキによる無政府主義の迫害は既に一九一八年に始まつた。其年の四月に、共產黨の政府は何等の挑發も又警告もなく、モスクワの無政府主義俱樂部を襲擊して、機關砲と大砲とを用ひて全團體を『整理』して了つた。これが無政府主義狩りの始まりであつた。が、それは全く無計畫で、自己矛盾に滿ち滿ちて、時々に爆發する特發性のものであつた。かくして、無政府主義の出版物は今許されたかと思ふと直ぐに又禁ぜられ、無政府主義者は均禁されたかと思ふと直ぐに又釋放され、射殺されるかと思ふと直ぐに又ごく責任のある地位に就くようにとうるさく懇願された。

しかし此の譯の分らない狀態は、一九二一年（去年）四月、ロシア共產黨第十回大會によつて終りを告げられた。此の大會に於て、レニンは無政府主義に對するイスヴエスティア（新報）は此の拘禁された無政府主義者の中の十名が、『強盜として』射殺されたと云ふ事を發表した。其の中の誰れも、裁判も受けず取調べさへも受けず、辯護人をつける事も又其の友人や親戚のものと面會する事も許されなかつた。其の死刑になつたものゝ中には、其の理想主義と人類のための生涯の獻身とがザアの牢獄と追放との試練を受けしめ、更に猶他の許國に於ける迫害と苦しみとに堪へしめたところの、二人の有名なロシアの無政府主義者があつた。それは其の數ケ月以前にリアザンの牢獄から逃げ出したファンニイ・バロンと、ザアの治世の時に其の革命的運動のため、多年シベリアの懲治監にあつた民衆的講演と文筆の士のレフ・チヨルニイとである。ボルシヱヰキは此のレフ・チヨルニイを殺したと云ふ事をさへ勇氣もなかつた。處刑者の名の中には、彼れはトウルテヤニノフとしてあつた。これは其の本名ではあるが、ごく親しい友人の中でも知らないものがある位の本名である。

三

無政府　義的傾向に對するレニンの態度は實に殘忍極まるアジア的退治の方法を取つた。昨年九月、多くの同志がモスクワで捕縛された。そして其月二十日に、クワ支部の幹事でロシアでは有名な、アスカロフや、シヤピロ（有名なアレキサンダア・シヤピロではない）や、スティツエンコがゐた。此の亂暴な拘禁は、最初同志等の間に、或る熱心すぎるチエカのスパイ共の越權的行爲だと思はれてゐた。然るに、事後、此のユニヴアサリストの同志等は公然と有名なアスカロフやシヤピロやスティツエンコや其他の人々を『レフ・チヨルニイ地下團の黨員』だとする事によつて、彼等がレフ・チヨルニイやファンニイ・バロンや其他の九月の處刑者等を虐殺した事の證據を求めようとしたのだ。そして更には又、もつと無政府主義者等を銃殺するに都合のいゝ口實を作らうとしたのだ。レフ・チヨルニイ地下團などゝ云ふものゝないことは、吾々は讀者諸君に何んの保留もなく絶對的に斷言する事が出來る。それがあると云ふのはひどい嘘である。ボルシヱヰキが無政府主義者等に對して何んの咎められる事もなく賦げた同じやうな多くの嘘の一つである。

四

此の退治の政策は今も猶續いてゐる。數週間前にモスクワで無政府主義者等が捕縛された。こんどは、其の犧牲になつたのは、ボルシヱヰキ共が常に彼等自身に對して最も好意あるものと認めてゐた團體の、ユニヴアサリスト派（キリスト教の一派）無政府主義者であつた　其の拘禁者の中には、ユニヴアサリストモスクワ支部の幹事でロシアでは有名な、アスカロフや、シヤピロ（有名なアレキサンダア・シヤピロではない）や、スティツエンコがゐた。此の亂暴な拘禁は、最初同志等の間に、或る熱心すぎるチエカのスパイ共の越權的行爲だと思はれてゐた。然るに、事後、此のユニヴアサリストの同志等は公然と有名なアスカロフやシヤピロやスティツエンコや其他の人々を『レフ・チヨルニイ地下團の黨員』だとする事によつて、彼等がレフ・チヨルニイやファンニイ・バロンや其他の九月の處刑者等を虐殺した事の證據を求めようとしたのだ。そして更には又、もつと無政府主義者等を銃殺するに都合のいゝ口實を作らうとしたのだ。レフ・チヨルニイ地下團などゝ云ふものゝないことは、吾々は讀者諸君に何んの保留もなく絶對的に斷言する事が出來る。それがあると云ふのはひどい嘘である。ボルシヱヰキが無政府主義者等に對して何んの咎められる事もなく賦げた同じやうな多くの嘘の一つである。

五

世界の革命的勞働運動は、ボルシヱヰキ政府が有らゆる政治上の異端者に對して加へてゐるところの、血と殺人との制度をもう知つてもいゝ時だ。そして殊に無政府主義者とアナルコ・シンヂカリストとは、かくの如きアジア的殘虐をやめさせるために、又若しまだ間ひ合ふなら、目下モスクワに拘禁されて死に瞰かされつゝある同志を救ふために、直ちに運動を始めなければならない。今拘禁されてゐる或る無政府主義者等は、ボルシニヰキがレフ・チヨルニイを虐殺して、更に此の殉教者の死後の名聲までも汚さうとするのに對し、其の反抗の唯一の方法である決死のハンガア・ストライキを宣言しようとしてゐる。彼等は既に其の同志等の道德的援助を求めてゐる。彼等はそれを、そして又もつと以上のことを、求める權利があるのだ。彼等の崇高な犧牲、其の主義に對する彼等の生涯の間の獻身、彼等の堅忍不拔、これ等の總ての事は彼等にそれを求める權利を與へる。到る處の同志等よ、友人等よ。レフ・チヨルニイの死後の名聲を辯明する事を助け、そして同時にアスカロフやシヤピロやスティツエンコや其他の同志等の貴重な生命を救ふことは、諸君の義務である。遲れてはならない。そうでなければ遲すぎる事になるかも知れない。ボルシエヰキ政府から、彼等が持つてゐると稱するところの、レフ・チヨルニイの證據書類を論求せよ。それは『強盜や紙幣僞造者等のレフ・チヨルニイ團に、アスカロフや其他を連累にする』ものであると云ふ。そんな書類は、それが僞造されてゐない限りは、ないのだ。ボルシエヰキをしてそれを公開すべく餘儀なくせしめよ。そして有らゆる確實な革命家等と懇意な人々とをして、ボルシエヰキが其の政治的反對者に加へる虐殺の制度を繼續する事に對して、世界中に反對の聲をあげしめよ。急いでやれ。吾々の同志の血は今ロシアで流れつゝあるのだ。

一九二二年一月七日

ストツクホルムにて

■病める同志

僕が血を吐くと間もなく根岸も血を吐いた。僕がいよ〳〵駄目となつた時、奴も全く疲れて駄目だと成つた。どちらが早いかの問題になつたのだ。

でも僕は少しよくなつたが、奴はモウ再び歩く見込がないと醫者が言つてゐる。

お上のお情で連てられた此の病院。儚かなお情けにすがつてゐる俺。その俺が社會主義者とか何んとかお上に思はれてゐるんだ。君、考へて見てくれ、俺は口惜しいよ。涙も出る。

この間雪が降つた事がある。僕は病室の窓から外を疑乎と見詰めてゐると、貴白な雪が暖かい、そして氣持のいゝ感じを思はせた。其時、あの暖かさうな雪の中で死んだら、病院の白いベツトよりも什麼にか氣持ちがいゝだらうと思つた。

久板君の死を知つた時、俺は久板君は幸福だと思つたよ。

横濱療養院にて

二月末日　鹿島喜久尾

強盜罪だとか、紙幣僞造罪だとか、マフノの徒黨だとか、又は『レフ・チヨルニイ地下團の黨員』だとか云ふ罪名を歸せられてゐる事が分つた。かうした罪はどう云ふ罪かと云ふ事はボルシエヰキの方法をよく知つてゐるものには餘りによく知られてゐる。それはラアツストレル、即ち取調も申渡しも何んにもなくして銃殺される事になるのである。

此の捕縛と此の罪名との目的の無茶な事は殆んど信ずる事が出來ない程である。即ちボルセヰキ等は、アスカロフやシヤピロやスティツエンコや其他の人々を『レフ・チヨルニイ地下團の黨員』だとする事によつて、彼等がレフ・チヨルニイやファンニイ・バロンや其他の九月の處刑者等を虐殺した事の證據を求めようとしたのだ。そして更には又、もつと無政府主義者等を銃殺するに都合のいゝ口實を作らうとしたのだ。レフ・チヨルニイ地下團などゝ云ふものゝないことは、吾々は讀者諸君に何んの保留もなく絶對的に斷言する事が出來る。それがあると云ふのはひどい嘘である。ボルシエヰキが無政府主義者等に對して何んの咎められる事もなく賦げた同じやうな多くの嘘の一つである。

五

世界の革命的勞働運動は、ボルセヰキ政府が有らゆる政治上の異端者に對して加へてゐるところの、血と殺人との制度をもう知つてもいゝ時だ。そして殊に無政府主義者とアナルコ・シンヂカリストとは、かくの如きアジア的殘虐をやめさせるために、又若しまだ間ひ合ふなら、目下モスクワに拘禁されて死に瞰かされつゝある同志を救ふために、直ちに運動を始めなければならない。今拘禁されてゐる或る無政府主義者等は、ボルシニヰキがレフ・チヨルニイを虐殺して、更に此の殉教者の死後の名聲までも汚さうとするのに對し、其の反抗の唯一の方法である決死のハンガア・ストライキを宣言しようとしてゐる。彼等は既に其の同志等の道德的援助を求めてゐる。彼等はそれを、そして又もつと以上のことを、求める權利があるのだ。彼等の崇高な犧牲、其の主義に對する彼等の生涯の間の獻身、彼等の堅忍不拔、これ等の總ての事は彼等にそれを求める權利を與へる。到る處の同志等よ、友人等よ。レフ・チヨルニイの死後の名聲を辯明する事を助け、そして同時にアスカロフやシヤピロやスティツエンコや其他の同志等の貴重な生命を救ふことは、諸君の義務である。遲れてはならない。そうでなければ遲すぎる事になるかも知れない。ボルシエヰキ政府から、彼等が持つてゐると稱するところの、レフ・チヨルニイの證據書類を論求せよ。それは『強盜や紙幣僞造者等のレフ・チヨルニイ團に、アスカロフや其他を連累にする』ものであると云ふ。そんな書類は、それが僞造されてゐない限りは、ないのだ。ボルシエヰキをしてそれを公開すべく餘儀なくせしめよ。そして有らゆる確實な革命家等と懇意な人々とをして、ボルシエヰキが其の政治的反對者に加へる虐殺の制度を繼續する事に對して、世界中に反對の聲をあげしめよ。急いでやれ。吾々の同志の血は今ロシアで流れつゝあるのだ。

一九二二年一月七日

ストツクホルムにて

■病める同志

僕が血を吐くと間もなく根岸も血を吐いた。僕がいよ〳〵駄目となつた時、奴も全く疲れて駄目だと成つた。どちらが早いかの問題になつたのだ。

でも僕は少しよくなつたが、奴はモウ再び歩く見込がないと醫者が言つてゐる。

お上のお情で連てられた此の病院。儚かなお情けにすがつてゐる俺。その俺が社會主義者とか何んとかお上に思はれてゐるんだ。君、考へて見てくれ、俺は口惜しいよ。涙も出る。

この間雪が降つた事がある。僕は病室の窓から外を疑乎と見詰めてゐると、貴白な雪が暖かい、そして氣持のいゝ感じを思はせた。其時、あの暖かさうな雪の中で死んだら、病院の白いベツトよりも什麼にか氣持ちがいゝだらうと思つた。

久板君の死を知つた時、俺は久板君は幸福だと思つたよ。

横濱療養院にて

二月末日　鹿島喜久尾

とか云ふ多分イギリス人が、裁判長の尋問に對してよく『それにはお答へする義務がありません』と答へてゐた。日本の新聞は此な此の態度を屢々しいとか何んとか云つてゐた。が、或る一人の新聞記者が、密かに僕に、『さすがは西洋人ですな』と感心してゐた。

■感心する事でも何んでもない。當り前の事なんだ。お役人が訊ねる事には、何んでもかんでも、必ず返事しなければならないなどと云ふのは、馬鹿々々しい奴隷根性だ。

■それから、これはいつか痴遊の講談で聞いた話だが、頭山の爺さんの被害ぶりと云ふのがちよつと面白い。大阪が爆彈で足をやられた時だ。痴遊の見て來たやうな話によれば、其の背後には、どうしても頭山がゐたらしい。頭山は大阪でつかまつた。が、何にを聞かれても、彼れはたゞ『知らぬ、存ぜぬ』の一點ばりだつた。そして彼れが聞つたのは、其の持つてゐた大きな柳行李を開けて見せろと云はれた時だつたさうだ。彼れは眞赤になつてそれを拒んだ。しかし、これだけは、さういつまでも拒みきれるものでない。彼れはとう〳〵開いた。そして其の中には一ぱいに秘密文書があるなじみの女郎からの艶書がつまつてゐた。

■女郎ぐらゐなんぞは、さういつても、又だれにでも、待ち合せのあるもんぢやない。しかし知らぬ存ぜぬ位は、誰れにだつて、又いつだつて、持ち合せがあらうぢやないか。

■これは少し無理な注文ではあらうが、引かゝつた最後、先づ逃れつこはないものとの覺悟が肝心だ。そして持參かましい事は一切云はぬ事だ。そして其の上は、イエスかノオか、帰るの歸ぬか、忘れもしたか、覺えませぬか、それともなんな事は云へないかか、一番簡單明瞭のやうだね、（榮）

358

870502908

The Emma Goldman Papers

Her Body Dying under Torture, Spirit of Maria Spiridonova Still Flames for Her Russia. Part 7 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(April 1, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

VOL. LXII. NO. 22,135—DAILY. ★ Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922. NEW YORK, SATURDAY

HER BODY DYING UNDER TORTURE, SPIRIT OF MARIA SPIRIDONOVA STILL FLAMES FOR HER RUSSIA

layer of One of Czar's Savage Governors Suffered Tortures in Siberia—Now Become Arch Foe of the Bolshevist Regime—She Has Been Brought Near Death in Prison, at One Time Refusing to Take Any Nourishment—Will Trotzky Heed Europe's Protest?

Miss Goldman is writing this series about Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she has just succeeded in quitting. After being barred from several other countries through the influence of the Bolsheviki, she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer who is known throughout the world as an Anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in anarchism practically all her life. Perhaps she, above all other travellers to Russia, is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disclaims any responsibility for the views she expresses, or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved

No. VII.

STOCKHOLM, Sweden, March 7. Pre-revolutionary Russia stood unique in the world's history for the host of women she contributed to the revolutionary movement. Beginning with the Decembrists, whose wives followed them, nearly a century ago, into exile, down to the last hour of the Czar's regime, Russian women participated in the most heroic activities and went to katorga, or death, with a smile upon their lips. Among the great number there stands out as one of the most remarkable figures Maria Spiridonova.

During 1905-1906 there was much unrest among the peasantry of Russia. In the Province of Tamboff the peasants, exasperated by excessive taxation and the brutality of officials, rose against their oppressors and set fire to some estates. The Governor of Tamboff, Luzhenovsky, known far and wide for his savagery, had whole villages flogged by the Cossacks. Half naked, the peasants were forced to kneel for hours in the deep snow, while scores of them were stood up in rows and massacred. Maria Spiridonova was then a young girl, yet she was intrusted by her party, the Social-Revolutionists, with the task of avenging the barbarity practised upon the peasants - to kill Luzhenovsky.

It was a difficult task. Luzhenovsky was well guarded. With his Cossack punitive expedition he had for years travelled from village to village, terrorizing the population and draining the peasants of their last provisions to feed the war with Japan. But the difficulties did not dismay Spiridonova. Disguised as a peasant woman she became the shadow of Luzhenovsky. She haunted the railway stations and country roads "in search," as she explained, "of her missing soldier husband."

In spite of imminent danger, privation and cold she kept her long, vigilant watch for the Governor till at last the looked-for opportunity arrived. As the train bearing Luzhenovsky pulled up at the station where Spiridonova had been waiting so patiently and he stepped on the platform surrounded by his officers, Spiridonova broke through the cordon of guards and shot him to death.

SHOTS FLY AS TRAP SPRUNG BY POLICE FOILS NOON HOLD-UP

Four Gangsters Captured After Thrilling Battle Opposite the Grand Central Terminal.

PLOT TO ROB PAYMASTER REVEALED TO DETECTIVE.

Thirteen Sleuths in Waiting as Bandits Arrive in Stolen Car —All Severely Beaten.

Detectives in stores, offices, hallways and mingling with pedestrians, swarming a city block. Robbers unaware their game had been tipped, patrolling the block, "making the lay." Paymaster with satchel. Hold-up. Flood of detectives, guns, shots, blackjacks, yells, capture of the robbers.

A crook, now and then, turns stool-pigeon to effect vengeance. At any rate, Detective Alfred Wing, head of the Truck Squad, learned Thursday night that a mob of car barn gangsters planned yesterday to take the payroll of the Masten Construction Company, working on the building of the Bowery Savings Bank, on the northeast corner of 41st Street and Park Avenue, facing Grand Central Terminal.

Lay Trap for Bandits.

Inspector Coughlin, commanding the Detective Division, agreed with Wing to let the job get on and nail the gangsters in the act. So yesterday morning Selah Masten was surprised when Detective Wing called to say that the company's paymaster would be held up at noon.

The contractor called in his paymaster, Charles R. Brady of Bullville, N. Y., five feet high, weight 115 pounds. To be sure, there was considerable risk involved, and of course the bandits would be armed. This Detective Wing conceded, but Brady said he would go through.

Inspector Coughlin told off Detective Sergt. Patrick Sheridan, head of the Strong Arm Squad, and six of his men, to assist Wing and his force of detectives. The forces were disposed so that the gunmen, when they made their attempt could make no escape. Wing, Sheridan and several of their men remained in the streets, while virtually every doorway within close approach sheltered an armed detective.

Prepare for the Hold-Up.

At 11 o'clock a touring car stopped in 41st Street, west of Park Avenue,

HOUGHTON SETS UP GERMAN FRIENDSHIP AS PRINCIPAL JOB

New Ambassador Makes Speech That Is Accepted as Outline of President Harding's Policy.

"HATE SERVES NO USEFUL PURPOSE," HIS BASIC IDEA.

Seeks Rather to Renew Friendship That Existed 100 Years Than Perpetuate Brief Breach

Alanson B. Houghton, newly appointed Ambassador to Germany, at a farewell dinner in his honor given at the Metropolitan Club Thursday night delivered a striking speech that may be interpreted as the official definition of our attitude toward the German Republic.

In advance of its utterance the Ambassador submitted the speech to the President, who gave it the same warm approval that it received from the sixty-five prominent men of affairs who heard it as the guests of former Senator William J. Tully, now general solicitor of the Metropolitan Life Insurance Company, who comes from Steuben County, the home of the speaker. He is the brother-in-law and boyhood friend of the Ambassador.

First Ambassador in Five Years.

Mr. Houghton, who has served in Congress and who was educated in Germany, will sail for that country this morning on the Olympic, our first Ambassador in five years. He spoke with deep sincerity and in his remarks followed the sentiments expressed by Dr. Nicholas Murray Butler, who introduced him and who proclaimed the necessity of establishing a true peace throughout the world, especially between America and Germany. The address in full follows:

"I thank you, gentlemen, for your kindly greeting. I thank you, Dr. Butler, for your eloquent and inspiring and generous message. In particular, sir, may I express my gratification that you have not addressed me as if I were a missionary about to start for the Cannibal Islands. That may, perhaps, strike you as a meaningless sentiment. But if you had attended as many functions during the past six weeks as I—if you had been talked to and at from a certain standpoint as often as I have been—you would realize better what I mean.

"I confess that only recently have

OUR FI... TO GE...

Charl... Is Gr... Kr...

Former... Becom... Subj...

FUNCH... sociated... former Er... Hungary. pneumoni... tha worse... Althoug... ing the... the day t... ex-ruler i... the ravag... delirious...

Rumor Ch...

BUDAP... Presa).—C... of Hungar... in the co... Emperor... vices in... dered and... held to-m... in Vienna.

The Pri... a telegra... Zita readi... all loyal H... Majesty."

The kro... on a rum...

Woman... tocracy has... the proce... will be us... family. T... lilas are s... possess to...

AIRPLAN...

Three Pr... Ma...

BEST COPY AVAILABLE

359

870502908

The Emma Goldman Papers

Her Body Dying under Torture, Spirit of Maria Spiridonova Still Flames for Her Russia. Part 7 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(April 1, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disclaims any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company 1922
All Rights Reserved.

No VII.

STOCKHOLM, Sweden, March 7. Pre-revolutionary Russia stood unique in the world's history for the host of women she contributed to the revolutionary movement. Beginning with the Decembrists, whose wives followed them, nearly a century ago, into exile, down to the last hour of the Czar's regime, Russian women participated in the most heroic activities and went to katorga, or death, with a smile upon their lips. Among the great number there stands out as one of the most remarkable figures Maria Spiridonova.

During 1905-1906 there was much unrest among the peasantry of Russia. In the Province of Tamboff the peasants, exasperated by excessive taxation and the brutality of officials, rose against their oppressors and set fire to some estates. The Governor of Tamboff, Luzhenovsky, known far and wide for his savagery, had whole villages flogged by the Cossacks. Half naked, the peasants were forced to kneel for hours in the deep snow, while scores of them were stood up in rows and massacred. Maria Spiridonova was then a young girl, yet she was intrusted by her party, the Social-Revolutionists, with the task of avenging the barbarity practised upon the peasants—to kill Luzhenovsky.

It was a difficult task. Luzhenovsky was well guarded. With his Cossack punitive expedition he had for years travelled from village to village, terrorizing the population and draining the peasants of their last provisions to feed the war with Japan. But the difficulties did not dismay Spiridonova. Disguised as a peasant woman, she became the shadow of Luzhenovsky. She haunted the railway stations and country roads "in search," as she explained, "of her missing soldier husband."

In spite of imminent danger, privation and cold she kept her long, vigilant watch for the Governor till at last the looked-for opportunity arrived. As the train bearing Luzhenovsky pulled up at the station where Spiridonova had been waiting so patiently and he stepped on the platform, surrounded by his officers, Spiridonova broke through the cordon of guards and shot him to death.

World-Wide Protest Prevented Imposition of Death Sentence

The Russian Czars were never partial in their treatment of women political, they were equally relentless toward both men and women. But in the case of Spiridonova the henchmen of Czar Nicholas surpassed even the methods of Ivan the Terrible. She was subjected to unspeakable barbarities. Dragged to the waiting room of the station she was beaten into insensibility, her clothes torn from her body and then turned over to her drunken guards.

These amused themselves by burning her naked body with lighted cigarettes, kicking her about the room, and finally outraging her. For weeks she hovered between life and death, and then the usual sentence was imposed on her.

The news of her fate to the of Spiridonova aroused the whole world to protest, which saved her from the scaffold. She was sent to Siberia to live where—as Gerasimov afterward related—she arrived "like a bundle of raw flesh." In prison her comrades tenderly nursed her back to recovery. But the result of her ghastly experience remained with her—tuberculosis, a crippled hand and the loss of the sight of one eye. But though physically marred and broken, the spirit continued aflame.

The February revolution opened the living grave for all Russian political, among them also Maria Spiridonova. Who can describe her exultation when she received the news of liberty? Yet she would not leave the prison until assured that all politicals were to be set free.

Released From Prison.

Amid great acclamation of the people Maria Spiridonova returned to Russia. But not to live in the Winter Palace, not to be feted, not to rest upon her laurels. She came back to throw herself into the mounting sea of the released energies of the masses, of the peasantry especially, who so revered and trusted her. She became Chairman of the Executive Committee of the All-Russian Soviet of Peasant Representatives.

As such she inspired, organized and

(Continued on Second Page.)

Where Shall I Spend My Spring Holiday?

Thousands are asking themselves the above question. The call of golf, the invigorating ocean breezes, the exhilarating and pure air of the mountains possess an irresistible fascination for vacationists at this time of the year. The most satisfactory answer for the best place to go may be had by reading the "Spring Resort" advertisements in Sunday's World.

Health—Pleasure—Recreation
Where Best Enjoyed
Read Sunday World Resort Ads.

A crook, now and then, turns stool-pigeon to effect vengeance. At any rate, Detective Alfred Wing, head of the Truck Squad, learned Thursday night that a mob of car barn gangsters planned yesterday to take the payroll of the Masten Construction Company, working on the building of the Bowery Savings Bank, on the northeast corner of 41st Street and Park Avenue, facing Grand Central Terminal.

Lay Trap for Bandits.

Inspector Coughlin, commanding the Detective Division, agreed with Wing to let the job get on and nail the gangsters in the act. So yesterday morning Selah Masten was surprised when Detective Wing called to say that the company's paymaster would be held up at noon.

The contractor called in his paymaster, Charles R. Brady of Bullville, N. Y., five feet high, weight 115 pounds. To be sure, there was considerable risk involved, and of course the bandits would be armed. This Detective Wing conceded, but Brady said he would go through.

Inspector Coughlin told off Detective Sergt. Patrick Sheridan, head of the Strong Arm Squad, and six of his men, to assist Wing and his force of detectives. The forces were disposed so that the gunmen, when they made their attempt, could make no escape. Wing, Sheridan and several of their men remained in the streets, while virtually every doorway within close approach sheltered an armed detective.

Prepare for the Hold-Up.

At 11 o'clock a touring car stopped in 41st Street, west of Park Avenue, and three men alighted. They were recognized almost immediately, for they had police records. The chauffeur remained in the car. The gangsters separated, moving about freely, frequently conferring. Police sense told the detectives that the automobile had been stolen.

Wing directed that a police motor car be parked facing east along 41st Street near Lexington Avenue so

(Continued on Third Page.)

Ambassador submitted the speech to the President, who gave it the same warm approval that it received from the sixty-five prominent men of affairs who heard it as the guests of former Senator William J. Tully, now general solicitor of the Metropolitan Life Insurance Company, who comes from Steuben County, the home of the speaker. He is the brother-in-law and boyhood friend of the Ambassador.

First Ambassador in Five Years.

Mr. Houghton, who has served in Congress and who was educated in Germany, will sail for that country this morning on the Olympic, our first Ambassador in five years. He spoke with deep sincerity and in his remarks followed the sentiments expressed by Dr. Nicholas Murray Butler, who introduced him and who proclaimed the necessity of establishing a true peace throughout the world, especially between America and Germany. The address in full follows:

"I thank you, gentlemen, for your kindly greeting. I thank you, Dr. Butler, for your eloquent and inspiring and generous message. In particular, sir, may I express my gratification that you have not addressed me as if I were a missionary about to start for the Cannibal Islands. That may, perhaps, strike you as a meaningless sentiment. But if you had attended as many functions during the past six weeks as I—if you had been talked to and at from a certain standpoint as often as I have been—you would realize better what I mean.

"I confess that only recently have I understood, not so much the power as the persistency of propaganda, once it is well started. And if the same kind of stories about the American people are current in Germany as are still told in the United States about the German people I shall find a certain comfort in a casual remark addressed by one of the German women in Washington last week to my wife—somewhat to her

(Continued on Fourth Page.)

William T. Fenton, Noted Banker, Commits Suicide in Chicago

(Special to The World.)

CHICAGO, March 31.—William T. Fenton, Vice President and General Manager of the National Bank of the Republic, one of the largest banks in Chicago, walked out of the bank at his usual luncheon hour to-day, rode to the lake front in a cab, paid his fare and then jumped into the icy water as the chauffeur started away. His body was recovered fifteen minutes later.

Papers and personal possessions identified the body as that of Mr. Fenton, who was a national figure in banking circles; but when the police telephoned the bank they were assured that the banker had "just stepped out for lunch" and that the suicide's body could not be his.

Howard W. Fenton, a son, Vice President of the Harris Trust and Savings Bank, ridiculed the assertion that the body could be that of his father. It was not until an hour later, when a friend finally went to the Morgue, that the identification was positively established.

Some of the banker's friends said that he had been suffering from insomnia. A clearing house statement declared an investigation showed the act could not be attributed to financial troubles.

Mr. Fenton was seventy-four. He came to Chicago in 1885. He had been a director of the American Bankers' Association, President of the Illinois Bankers' Association, President of the Chicago Clearing House Association and President of the Chicago Bankers' Club.

Besides his son, he is survived by his wife and daughter.

THE WORLD TRAVEL BUREAU, Arcade, Pulitzer (World) Building, 53-63 Park Row, N. Y. City. Telephone Beekman 8000. Check room for baggage and parcels open day and night. Money orders and travellers' checks for sale.—Advt.

FUNCH
sociated
former E
Hungary.
pneumon
the worse
Althoug
ing the n
the day l
ex-ruler i
(the ravag
delirious f

Ramer Ch

BUDAP
Press).—C
of Hungar
in the co
Emperor
rices in th
dered and
held to-m
in Vienna.

The Pri
a telegra
Zita readi
all loyal H
Majesty."

The kro
on a rumo

Women
tocracy ha
the proce
will be us
family. T
lilies are g
possess to

AIRPLAN

Three Fr
Mac

MACON,
Fisher of
of Kansas
of Anthon
not fatally
their airpl
foot amok
yards here
tween two
The acc
the airplan
flight to
Texas. Th
ly burned.

37 MU
IN MO

Thirty
murdere
last mon
to statis
World f
Dr. Cha
ical Exa
were al
murdere
year.

Include
were th
whom w
and the

In the
dered in
of bullet
blows i
blackjac
thrust.
no...icid
Manhatt
lyn.

In the
one hom
by a wo

BEST COPY AVAILABLE

360

870502908

The Emma Goldman Papers

Her Body Dying under Torture, Spirit of Maria Spiridonova Still Flames for Her Russia. Part 7 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(April 1, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

IGHT WORD

shutting f these mine in Wilkes ext has rd that institu- upplies. , how- ailable. also Presi- Okla- pplying ue to aration port of ge not nsetth. Sea- tement rday, in no

T WIS

ke Is ors'

ch 31 ewis, nited d the nited nter- agni- dered ught and cting

s of the rob- cnal the tha ause hout of alks and upon and try that ob- that tle- on- ha- the of coal an try ul- rifa es- in the- ift

VEILED WOMEN PUT PLEAS OF SOVIETS BEFORE POINCARE

French Premier Denies Yielding to Persuasion, but Declares He Is Not Bound to Policy.

OFFICIAL ENVOY OF RUSSIA NEGOTIATING SALES IN PARIS.

Skobeleff Asserts Trade of His Country With France Is Balanced by Big Oil Deal.

By Lincoln Eyre.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
(Special Cable Despatch to The World.)

PARIS, March 31.—How "veiled women" bearing letters from Bolshevist chieftains importuned him to engage in negotiations with the Soviet Government before the Genoa Conference was revealed in the Chamber of Deputies by Premier Poincare this afternoon in the course of a violent debate on the recent Cabinet's relations with the Soviets.

Premier Poincare denied he had yielded to these pleas and declared he was in no way bound with regard to the policy he might pursue toward Russia. He admitted, however, amid tempestuous uproar, that the Soviets had an official representative in Paris in the person of one Skobeleff, who is charged with negotiating commercial exchanges.

"Krassin himself was here a few days ago," a Deputy shouted.

"So I have read in the newspapers, but I have been unable to obtain confirmation," the Premier retorted. He added that Skobeleff was in contact with many French business men.

Calls Russian Trade a Mirage.

"Skobeleff is here without the consent of the Chamber," exclaimed Deputy Jean Erlich, who interpellation on the Government's alleged dealings with the Bolsheviki started the debate. Erlich averred that commercial relations with Russia were a mirage since the Soviets could pay only with gold or stolen jewelry. He demanded to know whether it was true that the Premier had carried on conversations with the Soviets through Marcel Cachin, leader of the French Communists.

"I only met Cachin once at the Elysee Palace during the war," Premier Poincare replied. "On the other hand I have been visited in the last weeks by quite a large number of veiled women who concealed beneath their veils letters from Radek or Krassin and who besought me to initiate negotiations with the Soviets as a means of preparing for the Genoa Conference. I told them all I would talk only with our Allies. I told Lloyd George the same thing at Boulogne."

While the Chamber was hotly debating whether any real business could be done with Russia, Skobeleff, the Soviet envoy who loomed so large in the debate, was giving French reporters the most optimistic views concerning the development of Soviet commercial enterprises in France.

Alleges Big Soviet Sales.

Skobeleff said he had recently sold

SPIRIDONOVA, DYING, FOE OF BOLSHEVIKI

(Continued From First Page.)

directed the newly awakened spirit and activities of the peasants. Unlike some of the old revolutionists who had for years fertilized the revolutionary soil with their tears and blood, and yet could not grasp the trend of the new time, Maria Spiridonova quickly realized that the February revolution was but the prelude to a greater and more profound change.

When the October revolution, like a mighty avalanche, overwhelmed many of the old revolutionary guard, Spiridonova remained firm in her revolutionary faith and at the side of the people in the hour of their greatest need. Day and night she worked, always at the service of her beloved peasants.

Her Vast Land Plan.

She was the soul of the Department of Agriculture, and elaborated a plan for the socialization of the land, one of the most vital problems of Russia at that time. How her frail body and weakened lungs withstood the tremendous strain is indeed a miracle. Only her great will power and marvellous devotion could successfully sustain her during that most difficult and intense period.

Already early in 1918 Maria Spiridonova became aware that the revolution might be in greater danger from some of its friends than from its enemies. The Bolsheviki, swept into power by their revolutionary slogans borrowed partly from the Anarchists and partly from the Social-Revolutionists, soon entered upon a different path. The first step in that direction was the Brest-Litovsk peace.

Lenin insisted on the ratification of that "peace" only "to gain a breathing spell for the revolution." Maria Spiridonova, as well as many other revolutionists of different schools, to whom the revolution was not a mere laboratory for political experiments, determinedly fought the ratification. They contended that such a peace involved the betrayal of the Ukraine, then enthusiastically and victoriously driving the German invaders from Southern Russia; that it meant the exclusive domination of the Russian people by the Bolshevist Party and the suppression of all other political movements, with consequent bitter civil war; in short, the "breathing spell" of Lenin would prove the complete debacle of the revolution.

The Calvary Begins.

At that time Trotzky and many other Communists were opposed to the Brest-Litovsk peace. They too saw the danger ahead. But they were soon whipped into acceptance by the iron discipline of the party. Lenin carried the day, and the Calvary of the Russian revolution began.

While in America I had heard many conflicting stories about the fate of Maria Spiridonova in Soviet Russia. On my arrival there I immediately made inquiries concerning her. I was informed by responsible Communists that she had suffered a nervous breakdown, become acutely hysterical and was therefore placed in a sanitarium "for her own good, and receiving the best of care."

It was not till July, 1920, that I had the opportunity to meet her. I found her living in Moscow, illegally, in a small room, again in the disguise of a peasant woman she used to assume in the days of the Czar. She had escaped from [illegible]

Soviets for the purpose of reading the official declaration of her faction that explained the necessity and the justification of Mirbach's death. She and her comrades were fully prepared to take the consequences of that act. The Bolsheviki prevented the reading of that document by closing the Fifth Congress and arresting the entire peasant representation, with Maria Spiridonova at their head.

In September, 1920, the Cheka was again busy proving its usefulness to the revolution by one of its periodic raids and discovery of plots. In the raid which took place in Moscow the hiding place of Maria Spiridonova was accidentally discovered. She was then sick with typhus and could not be removed. The house was surrounded by a heavy guard and no one from the outside admitted to her.

When the crisis was over, Spiridonova, though still very ill, was removed to the Osoby Otdell (Secret Police Section) and placed in the prison hospital. Also grave was her condition that another arrested Left Social-Revolutionist, a woman friend of Maria's Siberian days, was permitted to take care of her. Both were kept under strictest surveillance, without the possibility of communicating with their friends.

In June, 1921, a letter was received from the prison, painting the dismal picture of her terrible life. The constant watch of the "Comradea," Cheklsts, the solitary confinement, the deprivation of mental and physical food were slowly accomplishing what the tortures under the Czar had failed to do. Spiridonova had developed scurvy—her limbs were swollen, teeth and hair falling out. Added to this was the hallucination that she was being pursued by the gendarmes of the Czar and the Chekists of Lenin.

Threatened to Starve.

At one time she had attempted to starve herself to death. The Cheka threatened forcible feeding, but finally acceded to the demand of Spiridonova's two closest friends, Izmailovitch and Kamkoff, themselves prisoners, to let them coax Maria into accepting nourishment.

During the two congresses in Moscow, held in July, 1921, the comrades of Spiridonova circulated a manifesto which had been sent by them to the Central Committee of the Communist Party and to the main representatives of the Government, calling attention to the condition of Maria Spiridonova and demanding her release for the purpose of adequate medical treatment and care.

A prominent foreign woman delegate to the Third Congress of the Communist International was approached in the matter. Later she was reported as having seen Trotzky, who had said that Spiridonova was still too dangerous to be liberated. It was only after accounts of her condition had appeared in the European Socialist press that she was released, with the proviso that she is to return to prison on recovery. Her friends who are taking care of her are now facing the alternative of either letting Spiridonova die or see her back in "the best of care" of the Cheka.

One thing only can save Maria Spiridonova—the opportunity to leave Russia. Her friends have made such a demand upon the Bolshevik Government, but so far in vain. In 1906 the protest of the civilized world saved the life of Spiridonova. It is indeed tragic that a similar protest is again needed in her behalf. Away from the watchful eye of the Cheka, from the woe and distress of tortured Russia, somewhere in the free, pure mountain air Maria Spiridonova may again recover. She has suffered a hundred deaths. Will she be given back to life?

U. S. NOT TO STRESS ADDITION TO TREATY

Diplomats to Advise Powers of Ratification Without Mention of Reservation.

ALL EXPECTED TO ACCEPT.

France May Add Definition of Merchant Ships in War.

(Special to The World.)

WASHINGTON, March 31.—American Ambassadors and Ministers in the eight countries represented at the Arms Conference were to-day instructed by the State Department to inform these Governments that the United States had ratified the several treaties. It is thought the department will not send formal notes.

It is understood that no instructions were given to the diplomatic officers to refer in any way to the reservation to the four-power treaty adopted by the Senate. All the Governments, it is said, are familiar with the reservation through having been advised by their diplomatic representatives here.

State Department officials do not consider that the reservation materially affects the treaties and it is not thought that any question will be raised in regard to it. Depositing of notice of ratification by the other powers will constitute tacit acquiescence.

The method of procedure, as explained to-day, will be for the powers concerned to notify the American Government when all the treaties have been ratified. A date will then be set for depositing of ratifications in Washington. When that is done the treaties become effective.

American officials have no doubt that all of the signatories will ratify the treaties. So far as can be ascertained nothing official has come out of England, France or Japan to indicate any serious objection either to the four-power pact or to the naval limitation treaty. If reservations are attached they will no more affect the main provisions than will the reservation adopted by the American Senate.

It is expected that France will propose some reservation as to what constitutes a merchant ship in time of war, and that she will have Italy's support. Many French leaders are understood to oppose the restriction placed upon submarine attack on merchant ships.

PALLBEARER DROPS DEAD DURING FUNERAL SERVICE.

Soloist Greeney Stricken While Waiting to Carry Coffin of Col. Hendrie Out for Burial.

(Special to The World.)

STAMFORD, Conn., March 31.—Joseph Greeney, bass soloist in St. John's Roman Catholic Church here, dropped dead this afternoon while acting as pallbearer at the funeral of his friend Col. Charles W. Hendrie, former Commander of the 4th Regiment, C. N. G. The funeral was in

Growing ... Gave

Even Officials ... peared L...

(Special Correspond...
LONDON, March ... of Wales went thr... exacting time in ... from private sour... this country from ... seem to show that ... go with perfect sm... tween the British ... Indian officialdom.

The Prince would ... man if he were not ... petual adulation to ... subjected during the ... He has become acc... garded as a super-... the divine right of k... edented precocity ... gether with every ... mental in which mo... ably be heir.

Has Become ...

An unaffected boy... gin with, he has now ... in his demands on a... ritable if the slightes... inconvenience him. ... rious in his manner... get in the sulks if ... anything not perfect ... his own plans. In ... royalties, popular ap... onstrations have beco... his nostrils and u... runs with unruffled ... makes no concealm... pleasure, even when ... older than his father ... tinguished than any ... son.

In India it was ... portance that the ut... paid to caste feeling ... plained that the Pr... diana, and especially ... of the highest caste, ... tesy if they did not ... that he turned aside ... others of lower caste ... ence—a grave slight ... the Indian rajahs.

He made no bones ... official entertainmen... were half through if ... posed, and it is com... dances with Indian ... rank if he found ...

IRISH TREAT... IS SIGNED

(Continued From ...

...lation of the activities ... and Tans.

Much interest is exp... to how soon Eamon D... be smoked out and fo... definitely his approval ... of the deeds of the extr...

CHURCHILL W... AGAINST RE...

Sees Danger in Atti... Southern Extrem...

Praises Miller...

BEST COPY AVAILABLE

361

870502908

The Emma Goldman Papers

Her Body Dying under Torture, Spirit of Maria Spiridonova Still Flames for Her Russia. Part 7 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. —(April 1, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

days ago," a Deputy shouted.

"So I have read in the newspapers, but I have been unable to obtain confirmation," the Premier retorted. He added that Skobeleff was in contact with many French business men

Calls Russian Trade a Mirage.

"Skobeleff is here without the consent of the Chamber," exclaimed Deputy Jean Erlich, who interpellated on the Government's alleged dealings with the Bolsaviki started the debate. Erlich averred that commercial relations with Russia were a mirage since the Soviets could pay only with gold or stolen jewelry. He demanded to know whether it was true that the Premier had carried on conversations with the Soviets through Marcel Cachin, leader of the French Communists.

"I only met Cachin once at the Elysee Palace during the war," Premier Poincare replied. "On the other hand I have been visited in the last weeks by quite a large number of veiled women who concealed beneath their veils letters from Radek or Krassin and who besought me to initiate negotiations with the Soviets as a means of preparing for the Genoa Conference. I told them all I would talk only with our Allies. I told Lloyd George the same thing at Boulogne."

While the Chamber was hotly debating whether any real business could be done with Russia, Skobeleff, the Soviet envoy who loomed so large in the debate, was giving French reporters the most optimistic views concerning the development of Soviet commercial enterprises in France.

Alleges Big Soviet Sales.

Skobeleff said he had recently sold here a 5,000-ton cargo of oil from Novorossisk which brought in 5,000,000 francs and which practically balanced Soviet purchases in France, including 2,000,000 francs worth of grain and quantities of tires and motor trucks. He added that since September the Soviets had exported to Great Britain goods worth 1,500,000 pounds. During the whole year, he said, the Soviets had bought from Britain goods worth 6,000,000 pounds.

Pertinax, in the Echo de Paris, complains to-day that the French Red Cross mission which is about to start for the Russian famine area, has secured much less favorable conditions than other nations. Diplomatic immunity, for instance, has not been granted to members of the French mission, he says and the Soviets will have the right to expel the French delegates and seize their goods in certain circumstances.

BALTIC STATES SIGN ACCORD FOR PEACE

RIGA, March 31 (Associated Press) —Steps to maintain peace in the Baltic states were taken at the pre-Genoa Conference here when delegates of the four participating countries signed an agreement favoring the principle of armament limitation and providing for semi-neutral zones on their frontiers, in which only a few guard-duty troops would be permitted.

The agreement expresses a "sincere desire for universal peace," and stipulates that if disputed questions arise an endeavor shall be made to reach solutions by pacific means. The countries which signed the agreement are Soviet Russia, Poland, Latvia and Esthonia.

The conference ended early this morning, making it necessary for M. Chicherin, the Russian Foreign Minister, to hurry to catch the train for Berlin on which were the other Russian delegates to the Genoa Conference.

"In the interest of the consolidation of peace," the participants agree to support Russia in any proposals toward de-jure recognition of the Soviet Government, and, as an aid to the reconstruction of Eastern Europe they agree also upon a joint attitude at Genoa regarding foreign credits designed to assist the economic life of the four countries.

[illegible] revolution. Maria Spiridonova, as well as many other revolutionists of different schools, to whom the revolution was not a mere laboratory for political experiments, determinedly fought the ratification. They contended that such a peace involved the betrayal of the Ukraine, than enthusiastically and victoriously driving the German invaders from Southern Russia; that it meant the exclusive domination of the Russian people by the Bolshevist Party and the suppression of all other political movements, with consequent bitter civil war; in short, the "breathing spell" of Lenin would prove the comists debacle of the revolution.

The Calvary Begins.

At that time Trotzky and many other Communists were opposed to the Brest-Litovsk peace. They too saw the danger ahead. But they were soon whipped into acceptance by the iron discipline of the party. Lenin carried the day, and the Calvary of the Russian revolution began.

While in America I had heard many conflicting stories about the fate of Maria Spiridonova in Soviet Russia. On my arrival there I immediately made inquiries concerning her. I was informed by responsible Communists that she had suffered a nervous breakdown, become acutely hysterical and was therefore placed in a sanitarium "for her own good, and receiving the best of care."

It was not till July, 1920, that I had the opportunity to meet her. I found her living in Moscow, illegally, in a small room, again in the disguise of a peasant woman she used to assume in the days of the Czar. She had escaped from the "sanitarium and the best of care," which had proved to be a Bolshevik prison.

I found no trace of hysteria in Maria Spiridonova. What I did find was one of the most poised, self-controlled and calm persons I had met in Russia till then.

During two days I was held rapt by her account of the Russian revolution; how the people had risen to sublime height of great hopes and possibilities and had then been hurled to the depths of misery and despair by the Communist state machine. It was a story of remarkable clarity and force of conviction.

Twice Imprisoned.

It was then I learned that she had been imprisoned twice by the Bolsheviki. The first time was after the killing of Mirbach, when the Bolsheviki had closed the Fifth Congress of the Soviets and arrested the whole Left Social-Revolutionist faction led by Spiridonova. Released after five months, she was again arrested at the end of January, 1919, and incarcerated in a "sanitarium"—not because of hysteria or mental breakdown, but because she could not be cajoled or bribed into accepting the so-called proletarian dictatorship.

She had freely spoken to the people of the dangers to the revolution from the new policies of the Bolsheviki, and the people had heard her gladly.

The Bolsheviki pretended to the world, Spiridonova explained, that the fierce persecution of the Left Social-Revolutionists fooowing their execution of Mirbach was due to an alleged attempt by them to seize governmental power. She was emphatic in the denial—and her words are substantiated by a mass of documentary evidence—that her faction ever intended or attempted seizure of power from the Communists.

The Spiridonova faction regarded the Brest-Litovsk peace as the rankest betrayal of the revolution. They considered the presence of Mirbach in Soviet Russia as an insult and a menace of imperialism. They openly called for the death of Mirbach and for an uprising against German invasion. They saw the revolution in danger. They openly avowed their beliefs, but neither Spiridonova nor her comrades had any knowledge of or part in any plot to seize power.

Cheka Became Active.

After the killing of Mirbach, Spiridonova herself came to the session of the Fifth All-Russian Congress of Soviets, and especially of the Left Social-Revolutionists, and denounced the Bolsheviki for their betrayal of the revolution. She was arrested on the floor of the Congress, and the Cheka became active. Hundreds of Left Social-Revolutionists were arrested, and especially of the highest caliber. Many of them were executed without trial. Others were kept in prison for months, and finally released. Spiridonova was kept in prison for two years, and then exiled to Siberia, where she remained till 1919.

Then came the Kolchak and Denikin drive against Soviet Russia.

850806104

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman's Articles Decrying Soviets Reviewed / Emma Goldman.— p. 3 ; 29 cm. *In* The World. —(April 2, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Yale University Library. Institutional Location: Harry Weinberger Papers, Department of Manuscripts and Archives.

THE NEWS OF EUROPE TO

EMMA GOLDMAN'S ARTICLES DECRYING SOVIETS REVIEWED

Synopsis of Week's Chapters in The World, Wherein Anarchist Traces Disillusionment.

SHE FOUND BOLSHEVISM'S "IRON HEEL" ON THE PEOPLE

Learned in Two-Year Stay That Communist State Is "Leech" Sucking Blood of People.

The first of ten articles by Emma Goldman, the Anarchist, describing conditions in Bolshevist Russia, was printed in The World last Sunday. Each day an instalment of her story of what she found in her two years' sojourn has appeared. To-day the eighth article appears.

In the first article she wrote of her deportation from the United States on the Buford, "the Red Ark." She repudiated several published statements that had been attributed to her and declared that "so long as I myself was groping in the dark I would not express a definite opinion for publication.

"Now, however," she wrote, "the time for silence has passed. I therefore mean to tell my story. I am not unmindful of the difficulties confronting me. I know I shall be misappropriated by the reactionaries, the enemies of the Russian revolution, as well as excommunicated by its so-called friends, who persist in confusing the governing party of Russia with the revolution. It is therefore necessary that I state my position clearly toward both."

Assails Lenin.

Miss Goldman then wrote that she had been deported because "I dared raise my voice against the World War." She declared that "never in her life", had she greater "proof of the logic and justice of Anarchism."

After reviewing briefly conditions in Russia at the time of the revolution, she continued:

"It is entirely due to the criminal

VISIT TO KROPOTKIN BY EMMA GOLDMAN

(Continued From First Page.)

Revolution had carried the people to great heights and had paved the way for profound social changes. Had the people then been permitted to utilize their released energies, Russia would not now be in her ruined condition.

The Bolsheviki, who had been swept to the fore by the gigantic revolutionary wave, had at first caught the popular ear by extreme revolutionary slogans. Thus they gained the confidence of the masses and the support of the militant revolutionists.

Early in the October period the Bolsheviki began to subordinate the interests of the Revolution to the building up of their dictatorship. It coerced and paralyzed every social activity. Kropotkin referred to the Co-operatives as the main medium which, in his opinion, could have bridged the interests of the peasants and the workers. But it was these very Co-operatives which were among the first to be crushed.

He spoke with much heat of the depression, the persecution, the cruel hounding of every political shade and opinion, and he cited numerous examples of the misery and distress of the people. Above all he was most emphatic against the Bolshevik Government for having thus discredited Socialism and Communism in the eyes of the Russian people. It was a heart-breaking picture which Kropotkin unrolled before us that evening.

Reasons for His Silence.

Why, then, had he not raised his voice against these evils, against the machine which was sapping the life-blood from the Revolution? Kropotkin gave two reasons. First, because so long as Russia was being attacked by the combined imperialists of Europe, and Russian women and children were starved to death by the criminal blockade, he could not join the shrieking chorus of the ex-revolutionists in the cry of "Crucify!" He preferred to keep silent for the present.

Secondly, there was no medium of expression in Russia itself, hence no way of reaching the people. To protest to the Government was useless. Its concern was to maintain its power at any cost. It could, therefore, not stop at such trifles as human life or human rights. But then, he added, "We have always pointed out the blessings of Marxism in action. Why now be surprised?"

I asked whether he was noting down his impressions and observations. Surely he must see the importance of such a record to his comrades to the

AUTHOR OF THE ARTICLES IN THE WORLD ON RUSSIA

EMMA GOLDMAN

comrade too long. Though there was still much to talk about, we had to content ourselves for that evening. The conversation again became general. But it was getting late and our host was fatigued. Soon we took our leave. We agreed to come back in the spring when we should have more time to talk over matters.

After a tender embrace, which Peter never failed to give those he loved, we returned to our car. My heart was heavy with the great Russian tragedy, my spirit confused and troubled by what I had heard. I was also distressed by the physical condition of our comrade. I feared he could not survive until the spring. The winter of 1920 had been most terrible. People had been dying from typhus, hunger and cold. She thought that Peter Kropotkin might go to his grave, and the world never know what he thought of the Russian Revolution was appalling.

I felt somewhat impatient. Kropotkin said Peter, jovially. The spring had certainly wrought a miracle in him. He was a different man.

The first seven months of my stay in Russia had almost crushed me. I had come with so much enthusiasm, with a passionate desire to throw myself into the work, into the holy defense of the Revolution. What I found completely overwhelmed me. I was unable to do anything. The

BEST COPY AVAILABLE

850806104

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman's Articles Decrying Soviets Reviewed / Emma Goldman. — p. 3 ; 29 cm. *In* The World. —(April 2, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Yale University Library. Institutional Location: Harry Weinberger Papers, Department of Manuscripts and Archives.

stupidity ... some of the ex-revolutionists who clamored for intervention, and to the imperialists who financed and backed intervention, that the Russian revolution, the greatest event of centuries, has been lost. To them it is also due that the Bolsheviki, wrapped in the cloak of persecution, can continue to pose as the holy symbol of the social revolution.

"I mean to expose this fatal delusion. Not because I have lost faith in the revolution, but because I am convinced that coming revolutions are doomed to failure should what Lenin himself called military communism be imposed on the world. Not because I have made peace with government do I intend to show what the Bolshevik regime has done to the Russian revolution.

"Rather is it because the experience of Russia, more than any theories, has demonstrated that all government, whatever its form or pretenses, is a dead weight that paralyzes the free spirit and activities of the masses."

In the very first paragraph of her second article Miss Goldman declared:

"The Russian revolution as a radical, social and economic change meant to overthrow capitalism and establish Communism must be declared a failure."

"Was Doomed at Birth."

Miss Goldman wrote that perhaps the Russian revolution "was doomed at birth" because four years of war had drained it of its resources and man strength. The Bolsheviki, she said, assert that the Russian people, while heroic enough for great outbursts, lacked perseverance for a revolution long sustained.

"But," she continued, "granted that this contention is well founded, I yet insist that it was not so much the attacks from without as the senseless and cruel methods within Russia that have killed the revolution and placed the yoke of despotism upon the people's neck."

Then is added:

"For a brief period after the October revolution the workers, peasants, soldiers and sailors were indeed the masters of their revolutionary fate. But soon the invisible iron hand began to manipulate the revolution, to separate it from the people and to make it subservient to its own ends —the iron hand of the Communist state."

There is an attack on Lenin in which Miss Goldman says that Lenin "and his zealots" proclaimed every new experiment "as the height of scientific and revolutionary wisdom.

"Woe be to those who dare question," it is written, "the justice or efficacy of the new measure!"

Then, Miss Goldman writes, Lenin repents and "begins to deride his flock for having believed that the experiment was at all possible." Then she declared that the price of the Brest-Litovsk peace was "the betrayal of Latvia, Finland, the Ukraine and Byelo-Russia."

In the third article Miss Goldman told of the Razvyorstka, the method of forcible food collection, instituted by the Bolshevists.

"The Bolsheviki," Miss Goldman writes, "will have it that they were compelled to resort to the Razvyorstka because of the refusal of the peasants to feed the city. This is only partly true. The peasants did indeed refuse to turn over their products to the Government agents. They demanded the right to deal with the workers directly, but it was denied them.

"The inefficiency of the Bolshevik regime and the corruption of their bureaucracy contributed much to the dissatisfaction of the rural population. The manufactures promised to the peasants in exchange for their produce seldom reached them, or, when actually received, proved to be damaged goods, short of measure and so forth."

Beats Tammany Hall.

"To call the present Russia Soviet Russia," writes the Anarchist, "or the Bolshevist regime a Soviet Government is preposterous."

She then tells of the forming of the Soviets and the enthusiasm of the Russian people.

Then the story continues:

"The Soviets now voice only the decision of the Communist Party. No other political opinion has any chance to get a proper hearing. The election methods practised by the Communists would fill Tammany Hall with envy. On my arrival in Russia I was told by a leading Communist that 'Boss Murphy and Tammany Hall have nothing on us.' Naturally, I thought that the man was joking. Soon I convinced myself that he had told the truth."

In her fourth article, Miss Goldman treated of the mobilization of labor enforced by the Bolshevik. She said that Lenin and his followers hailed this as the greatest asset of Communism, and that every one would have to do his part in the work.

"What it did accomplish," Miss Goldman writes, "was to establish, while it existed, chattel slavery and to replace the bourgeois parasite by the machinery of Bolshevik parasitism. Its function was to drive the workers to toil."

Communist State a 'Leech.'

Further along it is written:

"One thing must be said for the Bolsheviki—they do nothing by half. As soon as compulsory labor became a law it was carried into effect with a vengeance. Men and women, young and old, thinly clad and in torn shoes, or with only rags on their feet, were indiscriminately driven into the cold and sleet to shovel snow or cut ice.

"Pleurisy, pneumonia and tuberculosis resulted. It was only then that the wiseacres in the Kremlin created a new department for the distribution of labor."

Later she writes:

"Under such enslaving and degrading conditions, the people ... began to look upon the Communist state as the new leech that was sapping their life blood."

In her fifth article Miss Goldman began a discussion of the conditions under which children are forced to live in the new Russia. She had thought that in Russia the treatment of children was model, but learned she had "reckoned without the vicious circle—the Socialist state, which has compressed every effort within its orbit."

Schools Far from Ideal.

Schools, the article relates, were far from ideal. One woman who visited her for dinner asked that Miss Goldman save the potato peelings so that she might take them to her school to make potato cakes for the children.

Matrons of the schools, writes Miss Goldman, had to put "dead souls" on their attendance lists to get extra rations with which they bribed the officials in charge of food distribution.

In her sixth article Miss Goldman said that she heard but one child in all Russia really laugh. She tells of "show schools," which, well kept, were set up here and there for the eyes of visitors.

"The 'show schools,'" she writes, "were a most evil influence, especially on the children at large. ... While these 'show schools' were being used as newspaper copy abroad, the masses of children in Russia were neglected, as the workers' children are in the rest of the world. Everywhere the privileged few receive all the advantages. Bolshevik Russia is not exempt from this cruel situation."

The seventh article of the series is taken up entirely with a eulogy by Miss Goldman of Maria Spiridonova, who was tortured in the days of the Czars and who now, according to Miss Goldman, is receiving little better treatment at the hands of the Bolsheviki.

(Kropotkin told Emma Goldman that the Bolshaviki had dammad the rising tide of the people's energies. She expands her views in her article appearing to-morrow and tells of his death.)

---

workers, in fact to the whole world. Kropotkin looked at me for a moment, then said:

"No, I do not write. It is impossible to write when one is in the midst of great human suffering and distress, when every hour brings new tales of woe which one may not ameliorate. Besides, all personal privacy and safety have been destroyed. There may be a raid any moment—the Cheka comes swooping down in the night, ransacks every corner of the house, turns everything upside down and marches off with every scrap of paper.

"Under such constant stress it is impossible to keep records. But more than all these considerations is my book on ethics. I can work only a few hours a day and I still have much to do. I must therefore concentrate on that to the exclusion of everything else."

We had already monopolized our chariot wheel of the socialist State rolled over me, paralyzing my energy. The wretchedness and distress of the people, the callous disregard of their needs, the persecution and the repressions tore at my mind and heart, and made life unbearable.

Was it the Revolution which had turned idealists into wild beasts? If so, the Bolsheviki were mere pawns in the hands of the inevitable. Or was it the cold, impersonal character of the state which by foul means had harnessed the revolution to its cart and was now whipping it into channels indispensable to the state? I could not answer these questions. Not in July, 1920, at any rate. Perhaps Kropotkin could.

BEST COPY AVAILABLE

870502909

The Emma Goldman Papers

A Reminiscence of Kropotkin... Part 8 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 3 ; 36 cm.
In The World. —(April 2, 1922).
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

VOL. LXII. NO. 22,189—DAILY. Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922. NEW YORK, SUNDAY,

A REMINISCENCE OF KROPOTKIN; EMMA GOLDMAN TELLS OF VISIT TO GREAT RUSSIAN REFORMER

Had the People, He Told Her, Been Allowed to Utilize Their Energies Released by the Revolution, Russia Would Not Now Be Ruined—But the Bolsheviki, Intent on Building Up Their Dictatorship, Had Paralyzed Every Social Activity Among the Masses.

Miss Goldman is writing this series about Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she has just succeeded in quitting. After being barred from several other countries through the influence of the Bolsheviki, she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in anarchism practically all her life. Perhaps she, above all other travellers to Russia, is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. VIII.

STOCKHOLM, Sweden, March 8.—Among those I wanted to see most when I reached Russia in January, 1920, was Peter Alexeivitch Kropotkin. I immediately made inquiries how to reach him. I was informed that I could do so only when I got to Moscow, as Kropotkin lived in Dmitroff, a small town 60 versts from the city. Now, one does not travel at will in a country so stricken by war and revolution as Russia—a country where the State is in absolute control of every breath of life. There was nothing to do but wait until I would be given the chance to go to Moscow. Fortunately, that opportunity soon presented itself.

Early in March a number of prominent Communists went to Moscow, among them Radek and Gorky. I was permitted to go in the same car. When I reached Moscow I began to look about for means to reach Dmitroff. But again there was a delay. I learned that it was almost impossible to travel the ordinary way. Typhus was then raging. The railroad stations were overcrowded with people lying around for days and weeks. There was always a savage scramble for an inch of space. Five hundred unfortunate beings would crowd into a car that had room only for fifty. Starved and worn out, they would crowd even on the roof and platform of the car, unmindful of the biting frost or the imminent danger of being thrown off. Not a journey but some of the victims froze to death—others hurled from the speeding train.

I was in despair, for I had heard Kropotkin was ailing that winter. I feared he might not live until spring. I would not ask to be given a special car; neither could I muster up courage to go the ordinary way. An unforeseen circumstance came to my rescue.

The editor of the London Daily Herald, accompanied by one of his reporters, had preceded me to Moscow. They also wanted to visit Kropotkin, and they had been given a special car. Together with Alexander Berkman and A. Shapiro I was able to join Mr. Lansbury and make the trip in comparative safety. The journey was made in fairly good time. It was a starry night and the whole country one vast sheet of snow. Our footsteps resounded in the silence of the village asleep.

One-Time Virility Is Vanished

R. B. ROOSEVELT JR. KILLED; DRIVER OF CITY BUS ARRESTED

Police Charge Homicide and Cite Killing of Unnamed Man at Scene of Fatal Injury.

HURLED AGAINST "L" POST BY CAR, IS AUTOPSY THEORY.

Was Lieutenant in Naval Aviation—Victim Was Cousin of Former Secretary of Navy.

Robert Barnwell Roosevelt jr. of Bay Shore, L. I., a cousin of Franklin D. Roosevelt, former Assistant Secretary of the Navy, and a distant relative of Theodore Roosevelt, died yesterday morning in the Knickerbocker Hospital of injuries believed to have been received when he was struck by an automobile at West 80th Street and Columbus Avenue at 10.40 o'clock Friday night.

Charged with striking and causing the death of "a man" at 80th Street and Columbus Avenue at 10.40 o'clock Friday, David Zalkin, twenty-seven years old, owner and driver of a bus of the Municipal system was arrested last night. He is accused to all intents and purposes, except as a matter of record, of being responsible for the fatal injuries sustained at that point at that time by Mr. Roosevelt.

Police Charge Homicide.

As Zalkin is charged on the record with homicide, the fact that there is a dead man and that the only victim of such an accident there at that time was Mr. Roosevelt, makes the police method of anonymous description of the victim a queer proceeding.

The arrest of Zalkin followed questioning of passengers who were in his bus when it passed through Columbus Avenue about the time Mr. Roosevelt was struck. One woman stated she had seen the bus hit a man before it stopped for her at Columbus Avenue and 81st Street. A man told of seeing the same.

It appeared that Zalkin had at last stopped his bus and taken the names of his passengers in regard to this occurrence. He told the police he had not struck anybody. They made inquiry at the starting office of the bus line in East 86th Street and were informed that Zalkin had not reported any accident. Zalkin lives at No. 266 Keap Street, Brooklyn.

Police and hospital records are hazy as to the accident that caused Mr. Roosevelt's death. The report card filed out by Patrolman Frank Curran of the West 68th Street Station says the man's injuries were re-

Bimini, Haven of R... To Be Closed as B...

Officials of the Bahamas A... Liquor Transactions at Nas... Predicts Control of

MIAMI, Fla., April 1.—The Island of Bimini, in the British Bahamas, only forty-five miles from Miami, will be closed by the British Government as a rum port, according to Col. L. G. Nutt, General Prohibition Agent. He returned this afternoon from Nassau, where he went to investigate one of the sources of the whiskey which is pouring into this country.

Col. Nutt went to the Bahamas from Havana, where he had made a similar investigation. A report was forwarded to Major Roy A. Haynes, Prohibition Commissioner in Washington, by Col. Nutt during his return voyage from Nassau, and this report he made public upon his arrival.

To Treble the Distance.

The Bahaman Assembly was in session at Nassau, the capital of the archipelago, while Col. Nutt and his assistants were in Nassau, and the Colonel cabled Major Haynes as follows:

"The Assembly will terminate the liquor business at Bimini and concentrate at Nassau, trebling the distance from Florida and making smuggling by small craft almost impossible. The Bahaman Assembly demonstrated a marked spirit of cooperation, introducing a resolution prohibiting the introduction of narcotic drugs, and proffered every as-

sistan... drugs ... "Ac... by An... sau. ... Incres... more ... of the ... Britis... operat... opinio... ing t... Nassa... the p... and w... sels e...

"A... vailin... the A... leads ... agents ... a fleet ... forces ... the s... smugg... and e... source... with ... ports ... appare... stern ...

"At ... Ameri... as a ...

(C...

Baron Rothschild Here for 3 Years To Study Banking

Scion of French House, 27, Enthusiastic About Visit to United States.

Baron James Henry de Rothschild, twenty-seven, son of Baron Henri de Rothschild of the French banking family, arrived here yesterday on the French Line steamship Paris from Havre. He will remain in the United States three years to study banking methods.

He is exceedingly modest and prefers not to use his title. He did brilliant work as a war aviator and received the Croix de Guerre. He would not talk of his war exploits, but was enthusiastic in his anticipations of his coming work. While here he will visit the principal cities, but will spend most of his time in New York.

Another passenger on the Paris was J. M. Revillon of the fur house of Revillon Freres. Returning from a business trip, he said the market was now lower for fine furs than it

Afri... Gi...

She ... Fro... One ... the ju... of the ... Simont... a great ... beaten ... showed ... of age ... Miss ... night ... Club w... It w... jokes ... but the ... night. The ... who liv... ing bet... her her ... throug... treating ... that th... Hospi...

BEST COPY AVAILABLE

365

870502909

The Emma Goldman Papers

A Reminiscence of Kropotkin... Part 8 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 3 ; 36 cm.
In The World. —(April 2, 1922).
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

...that two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. VIII.

STOCKHOLM, Sweden, March 8.—Among those I wanted to see most when I reached Russia in January, 1920, was Peter Alexeivitch Kropotkin. I immediately made inquiries how to reach him. I was informed that I could do so only when I got to Moscow, as Kropotkin lived in Dmitroff, a small town 60 versts from the city. Now, one does not travel at will in a country so stricken by war and revolution as Russia—a country where the State is in absolute control of every breath of life. There was nothing to do but wait until I would be given the chance to go to Moscow. Fortunately, that opportunity soon presented itself.

Early in March a number of prominent Communists went to Moscow, among them Radek and Gorky. I was permitted to go in the same car. When I reached Moscow I began to look about for means to reach Dmitroff. But again there was a delay. I learned that it was almost impossible to travel the ordinary way. Typhus was then raging. The railroad stations were overcrowded with people lying around for days and weeks. There was always a savage scramble for an inch of space. Five hundred unfortunate beings would crowd into a car that had room only for fifty. Starved and worn out, they would crowd even on the roof and platform of the car, unmindful of the biting frost or the imminent danger of being thrown off. Not a journey but some of the victims froze to death—others hurled from the speeding train.

I was in despair, for I had heard Kropotkin was ailing that winter. I feared he might not live until spring. I would not ask to be given a special car; neither could I muster up courage to go the ordinary way. An unforeseen circumstance came to my rescue.

The editor of the London Daily Herald, accompanied by one of his reporters, had preceded me to Moscow. They also wanted to visit Kropotkin, and they had been given a special car. Together with Alexander Berkman and A. Shapiro I was able to join Mr. Lansbury and make the trip in comparative safety. The journey was made in fairly good time. It was a starry night and the whole country one vast sheet of snow. Our footsteps resounded in the silence of the village asleep.

One-Time Virility Is Vanished Before Time's Onward March

The Kropotkin cottage stood back in the garden away from the street. Only a faint ray from a kerosene lamp lit up the path leading to the house. I afterward learned that kerosene was scarce in the Kropotkin household and light had to be economized. After Peter had finished his day's work the lamp would be used in the living room, where the family gathered in the evening. We were warmly received by Sophie Kropotkin and the daughter, and taken to the room where we found the Grand Old Man.

The last time I had seen him was in 1907, in Paris, which I had visited after the Amsterdam Congress. Kropotkin, for many years barred from France, had just been given the right to return. He was at that time already sixty-five years of age. But he looked so full of vitality, was so alert, that he seemed much younger. He was a great inspiration to all of us who were fortunate to come in close contact with him.

Somehow one could not think of Peter Alexeivitch as old. Not so in March, 1920. I was shocked by his altered appearance. He was fearfully emaciated. He received us with the graciousness that was so characteristic of him.

We felt from the very beginning that our visit would not be satisfactory. Peter would not be able to talk freely with us in the presence of two strangers, journalists at that. But we had to make the best of the situation. After an hour's general talk, we asked Mrs. Kropotkin and Sasha to entertain the English guests while we conversed with Kropotkin in Russian.

Eager for His Views.

Aside from my concern in his health I was eager to get some light from him on the vital questions that had already begun to trouble my mind—the relation of the Bolshevikt to the Revolution; the despotic methods which, as everybody had assured me, had been imposed upon the ruling party by intervention and the blockade. What was Kropotkin's opinion about it, and how explain his long silence?

I had taken no notes, and I can give only the gist of our brief talk. It was to the effect that the Russian

(Continued on Third Page.)

TIME-CLOCK RECORD OF VIOLENT CRIMES

The World's barometer of homicides and hold-ups in New York City:

Yesterday.	
Homicides	1
Hold-ups	—
Seven Days (March 28 to April 1).	
Homicides	7
Hold-ups	5
Four Weeks (March 5 to April 1).	
Homicides	34
Hold-ups	21
Since Jan. 1.	
Homicides	56
Hold-ups	99

o'clock Friday night.

Charged with striking and causing the death of "a man" at 80th Street and Columbus Avenue at 10.40 o'clock Friday, David Zalkin, twenty-seven years old, owner and driver of a bus of the Municipal system was arrested last night. He is accused to all intents and purposes, except as a matter of record, of being responsible for the fatal injuries sustained at that point at that time by Mr. Roosevelt.

Police Charge Homicide.

As Zalkin is charged on the record with homicide, the fact that there is a dead man and that the only victim of such an accident there at that time was Mr. Roosevelt, makes the police method of anonymous description of the victim a queer proceeding.

The arrest of Zalkin followed questioning of passengers who were in his bus when it passed through Columbus Avenue about the time Mr. Roosevelt was struck. One woman stated she had seen the bus hit a man before it stopped for her at Columbus Avenue and 81st Street. A man told of seeing the same.

It appeared that Zalkin had at last stopped his bus and taken the names of his passengers in regard to this occurrence. He told the police he had not struck anybody. They made inquiry at the starting office of the bus line in East 86th Street and were informed that Zalkin had not reported any accident. Zalkin lives at No. 266 Keap Street, Brooklyn.

Police and hospital records are hazy as to the accident that caused Mr. Roosevelt's death. The report card filled out by Patrolman Frank Curran of the West 68th Street Station says the man's injuries were received from an unknown cause.

Sure Car Hit Him.

Hospital authorities and Dr. Everett W. Gould of No. 6 West 121st Street, a close friend of Mr. Roosevelt, who attended the injured man, expressed the opinion that Mr. Roosevelt had been struck by an automobile. Dr. Gould said the injuries could not have been inflicted by any human agency.

A telephone operator in a hotel in the neighborhood said she had heard from persons about the hotel that Mr. Roosevelt had been hit by a taxicab and thrown against a pillar of the elevated.

The injured man did not become conscious after being taken to the hospital, so the police could get no statement from him.

Dr. Charles Norris, chief medical examiner, and Dr. Benjamin Vance made an autopsy which revealed that death had been caused by a circumferential fracture across the front of the skull, ending on either side midway between the eye and ear. Dr. Norris said such a fracture could have been caused by the man being thrown against a pillar.

Cannot Find Witness.

Detective McGovern of the West 68th Street Station is investigating and a search is being made for the automobile that hit Mr. Roosevelt.

Patrolman Curran reported that he saw the man after he had been carried into a restaurant at No. 420 Columbus Avenue. Persons who had carried him said he had been struck

(Continued on Sixth Page.)

"The Assembly will terminate the liquor business at Bimini and concentrate at Nassau, trebling the distance from Florida and making smuggling by small craft almost impossible. The Bahaman Assembly demonstrated a marked spirit of cooperation, introducing a resolution prohibiting the introduction of narcotic drugs, and proffered every as-

source
with re
ports o
apparen
stern a
"At
Americ
as a re

(Co

Baron Rothschild Here for 3 Years To Study Banking

Scion of French House, 27, Enthusiastic About Visit to United States.

Baron James Henry de Rothschild, twenty-seven, son of Baron Henri de Rothschild of the French banking family, arrived here yesterday on the French Line steamship Paris from Havre. He will remain in the United States three years to study banking methods.

He is exceedingly modest and prefers not to use his title. He did brilliant work as a war aviator and received the Croix de Guerre. He would not talk of his war exploits, but was enthusiastic in his anticipations of his coming work. While here he will visit the principal cities, but will spend most of his time in New York.

Another passenger on the Paris was J. M. Ravilion of the fur house of Revilion Freres. Returning from a business trip, he said the market was now lower for fine furs than it has been for some time.

Also on the Paris was Max Frenville, representing the French leather firm of Blumenthal's. He said that women are demanding a shoe to match every gown, hence there is a big demand for fancy leather.

The Paris brought over 178 cabin passengers.

Afri
Gir

She l
Fren

One o
the jun
of the
Simonto
a great
beaten
showed
of age o
Miss S
night a
Club wi
It wa
jokes w
but they
night.
The s
who live
ing bene
her head
through
treating
that the
Hospital
In rep
an antid
have b
head by
pital ph
meet su
ments in
establish
been pol

BIG RADIO BROADCASTI TO BE OPENED BY

The Bell Telephone System will inaugurate a radio toll service in New York City within two weeks. A second station will be opened in St. Louis in May, with stations in as many cities in the United States thereafter as traffic warrants, The World learned yesterday.

Special apparatus, on the development of which more than $1,000,000 has been expended, is being installed on the twenty-fourth floor of the Walker-Lispenard Building, No. 24 Walker Street.

The Bell radio service at first will be toll broadcasting for radio fans anywhere to pick up. It is understood that if certain experiments that are to be conducted with the toll apparatus are successful, a Nation-wide Bell radiophone service will result. These experiments will have to do with "scrambling" and "unscrambling" broadcast messages, so that Bell telephone subscribers may talk by air

anywher
secrecy.
It was
system h
the telep
ceive br
as this w
during p
The ne
will be a
advertisi
political
transmis
concern
the enter
the air,"
of" anno
of Public
service w
with Bell
The ser
but there
owing to
antennae

Who
re-incarnate
Times Squa

BEST COPY AVAILABLE

366

870502909

The Emma Goldman Papers

A Reminiscence of Kropotkin... Part 8 of 10 / Emma Goldman.– pp. 1, 3 ; 36 cm.
In The World. –(April 2, 1922).
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

THE NEWS OF EUROPE TOLD IN

EMMA GOLDMAN'S ARTICLES DECRYING SOVIETS REVIEWED

Synopsis of Week's Chapters in The World, Wherein Anarchist Traces Disillusionment.

SHE FOUND BOLSHEVISM'S "IRON HEEL" ON THE PEOPLE

Learned in Two-Year Stay That Communist State Is "Leech" Sucking Blood of People.

The first of ten articles by Emma Goldman, the Anarchist, describing conditions in Bolshevist Russia, was printed in The World last Sunday. Each day an instalment of her story of what she found in her two years' sojourn has appeared. To-day the eighth article appears.

In the first article she wrote of her deportation from the United States on the Buford, "the Red Ark." She repudiated several published statements that had been attributed to her and declared that "so long as I myself was groping in the dark I would not express a definite opinion for publication.

"Now, however," she wrote, "the time for silence has passed. I therefore mean to tell my story. I am not unmindful of the difficulties confronting me. I know I shall be misappropriated by the reactionaries, the enemies of the Russian revolution, as well as excommunicated by its so-called friends, who persist in confusing the governing party of Russia with the revolution. It is therefore necessary that I state my position clearly toward both."

Asserts Lenin.

Miss Goldman then wrote that she had been deported because "I dared raise my voice against the World War." She declared that "never in her life" had she greater "proof of the logic and justice of Anarchism."

After reviewing briefly conditions in Russia at the time of the revolution, she continued:

"It is entirely due to the criminal stupidity of some of the ex-revolutionists who clamored for intervention, and to the imperialists who financed and backed interventinn, that the Russian revolution, the greatest event of centuries has been lost. To them it is also due that the Bolsheviki, wrapped in the cloak of persecution, can continue to pose as the holy symbol of the social revolution.

"I mean to expose this fatal delusion. Not because I have lost faith in the revolution, but because I am convinced that coming revolutions are doomed to failure should what Lenin himself called military communism be imposed on the world. Not because I have made peace with government do I intend to show what the Bolshevik regime has done to the Russian revolution.

"Rather is it because the experience of Russia, more than any theories, has demonstrated that all government, whatever its form or pretenses, is a dead weight that paralyzes the free spirit and activities of the

VISIT TO KROPOTKIN BY EMMA GOLDMAN

(Continued From First Page.)

Revolution had carried the people to great heights and had paved the way for profound social changes. Had the people then been permitted to utilize their released energies, Russia would not now be in her ruined condition.

The Bolsheviki, who had been swept to the fore by the gigantic revolutionary wave, had at first caught the popular ear by extreme revolutionary slogans. Thus they gained the confidence of the masses and the support of the militant revolutionists.

Early in the October period the Bolsheviki began to subordinate the interests of the Revolution to the building up of their dictatorship. It coerced and paralyzed every social activity. Kropotkin referred to the Co-operatives as the main medium which, in his opinion, could have bridged the interests of the peasants and the workers. But it was these very Co-operatives which were among the first to be crushed.

He spoke with much heat of the depression, the persecution, the cruel hounding of every political shade and opinion, and he cited numerous examples of the misery and distress of the people. Above all he was most emphatic against the Bolshevik Government for having thus discredited Socialism and Communism in the eyes of the Russian people. It was a heart-breaking picture which Kropotkin unrolled before us that evening.

Reasons for His Silence.

Why, then, had he not raised his voice against these evils, against the machine which was sapping the life-blood from the Revolution? Kropotkin gave two reasons. First, because so long as Russia was being attacked by the combined imperialists of Europe, and Russian women and children were starved to death by the criminal blockade, he could not join the shrieking chorus of the ex-revolutionists in the cry of "Crucify!" He preferred to keep silent for the present.

Secondly, there was no medium of expression in Russia itself, hence no way of reaching the people. To protest to the Government was useless. Its concern was to maintain its power at any cost. It could, therefore, not stop at such trifles as human life or human rights. But then, he added, "We have always pointed out the blessings of Marxism in action. Why now be surprised?"

I asked whether he was noting down his impressions and observations. Surely he must see the importance of such a record in his comrades, to the workers, in fact to the whole world. Kropotkin looked at me for a moment, then said:

"No, I do not write. It is impossible to write when one is in the midst of great human suffering and distress, when every hour brings new tales of woe which one may not ameliorate. Besides, all personal privacy and safety have been destroyed. There may be a raid any moment—the Cheka comes swooping down in the night, ransacks every corner of the house, turns everything upside down and marches off with every scrap of paper.

"Under such constant stress it is impossible to keep records. But more than all these considerations is my book on ethics. I can work only a few hours a day and I still have much to do. I must therefore concentrate on that to the exclusion of everything else."

We had already monopolized our

AUTHOR OF THE ARTICLES – IN THE WORLD ON RUSSIA

EMMA GOLDMAN

comrade too long. Though there was still much to talk about, we had to content ourselves for that evening. The conversation again became general. But it was getting late and our host was fatigued. Soon we took our leave. We agreed to come back in the spring when we should have more time to talk over matters.

After a tender embrace, which Peter never failed to give those he loved, we returned to our car. My heart was heavy with the great Russian tragedy, my spirit confused and troubled by what I had heard. I was also distressed by the physical condition of our comrade. I feared he could not survive until the spring. The winter of 1920 had been most terrible. People had been dying from typhus, hunger and cold. The thought that Peter Kropotkin might go to his grave, and the world never know what he thought of the Russian Revolution was appalling.

I felt somewhat impatient. Kropotkin said Peter, jovially. The spring had certainly wrought a miracle in him. He was a different man.

The first seven months of my stay in Russia had almost crushed me. I had come with so much enthusiasm, with a passionate desire to throw myself into the work, into the holy defense of the Revolution. What I found completely overwhelmed me. I was unable to do anything. The chariot wheel of the socialist State rolled over me, paralyzing my energy. The wretchedness and distress of the people, the callous disregard of their needs, the persecution and the repressions tore at my mind and heart, and made life unbearable.

Was it the Revolution which had turned idealists into wild beasts? If so, the Bolsheviki were mere pawns in the hands of the inevitable. Or was it the cold, impersonal character of the state which by foul means had harnessed the revolution to its cart and was now whipping it into channels indispensable to the state? I could not answer these questions. Not in July, 1920, at any rate. Perhaps Kropotkin could.

(Kropotkin told Emma Goldman that the Bolsheviki had dammed the rising tide of the people's energies. She expands her views in her article appearing to-morrow and tells of his death.)

GERMAN SCIENCE IS GOING BEGGING, HARDEN'S APPEAL

Distress Is Such That Interests of Humanity Are at Stake, He Says, Citing Difficulties.

FORTUNES FOR OCCUPATION BUT NOTHING FOR RESEARCH

Implements, Books and Materials Fewer and Fewer as Scientists Struggle for Food.

In presenting the following article by the eminent publicist whose name is signed to it, The World does so because of the interest it possesses, without in any way assuming responsibility for the views it contains.

By Maximilian Harden.
(Germany's Foremost Publicist.)

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special Wireless Despatch to The World.)

BERLIN, April 1.—German science needs aid. It is without required text books or scientific instruments.

Cannot America's young idealism create a world organization to insure the mutual exchange, at reasonable prices, of all scientific literature published since 1914? Cannot we later, but not much later, make possible, perhaps through cheap credits, the repair and the restoration of all scientific institutions an instruments between Cottenz and Moscow?

To let science beg, or from sheer misery, be degraded into baser work would be a monument to the shame of our time. The greatest hater of Germany's imperial policy does not desire to perpetuate a revenge which calls for strangling that Teutonic science which has provided imperishable monuments to humanity.

Countless millions in gold are needed for maintenance of foreign troops on German soil in an occupation which harms victor and vanquished alike.

Appeals for Aid.

There comes an extra demand for 60,000,000,000 marks, the rapid collection of which would wrench the economic organization of the world; but there is no provision therein for insuring productive scientific research. Is it not high time to ring the alarm bell and realize that the vital interests of humanity, rather than Germany, now are at stake?

While the Reparation Commission in Paris was composing its note ordering the German Government to raise 60,000,000,000 marks within the next eight weeks and to provide for levying of 100,000,000,000 in new taxes, Prof. Albert Einstein, at Berlin University, was trying to prove to business men that scientific research would be helpful to them. Another professor was showing the advantage of a thorough knowledge of chemical elements, which, he argued, would

BEST COPY AVAILABLE

367

870502909

The Emma Goldman Papers

A Reminiscence of Kropotkin... Part 8 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 3 ; 36 cm.
In The World. —(April 2, 1922).
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

while for silence has passed. I therefore mean to tell my story. I am not unmindful of the difficulties confronting me. I know I shall be misappropriated by the reactionaries, the enemies of the Russian revolution, as well as excommunicated by its so-called friends, who persist in confusing the governing party of Russia with the revolution. It is therefore necessary that I state my position clearly toward both."

Asserts Lenin...

Miss Goldman then wrote that she had been deported because "I dared raise my voice against the World War." She declared that "never in her life" had she greater "proof of the logic and justice of Anarchism."

After reviewing briefly conditions in Russia at the time of the revolution, she continued:

"It is entirely due to the criminal stupidity of some of the ex-revolutionists who clamored for intervention, and to the imperialists who financed and backed intervention, that the Russian revolution, the greatest event of centuries has been lost. To them it is also due that the Bolsheviki, wrapped in the cloak of persecution, can continue to pose as the holy symbol of the social revolution.

"I mean to expose this fatal delusion. Not because I have lost faith in the revolution, but because I am convinced that coming revolutions are doomed to failure should what Lenin himself called military communism be imposed on the world. Not because I have made peace with government do I intend to show what the Bolshevik regime has done to the Russian revolution.

"Rather is it because the experience of Russia, more than any theories, has demonstrated that all government, whatever its form or pretenses, is a dead weight that paralyzes the free spirit and activities of the masses."

In the very first paragraph of her second article Miss Goldman declared:

"The Russian revolution as a radical, social and economic change meant to overthrow capitalism and establish Communism must be declared a failure."

"Was Doomed at Birth."

Miss Goldman wrote that perhaps the Russian revolution "was doomed at birth" because four years of war had drained it of its resources and man strength. The Bolsheviki, she said, assert that the Russian people, while heroic enough for great outbursts, lacked perseverance for a revolution long sustained.

"But," she continued, "granted that this contention is well founded, I yet insist that it was not so much the attacks from without as the senseless and cruel methods within Russia that have killed the revolution and placed the yoke of despotism upon the people's neck."

Then is added:

"For a brief period after the October revolution the workers, peasants, soldiers and sailors were indeed the masters of their revolutionary fate. But soon the invisible iron hand began to manipulate the revolution, to separate it from the people and to make it subservient to its own ends—the iron hand of the Communist state."

There is an attack on Lenin in which Miss Goldman says that Lenin "and his zealots" proclaimed every new experiment "as the height of scientific and revolutionary wisdom."

"Woe be to those who dare question," it is written, "the justice or efficacy of the new measure."

Then Miss Goldman writes, Lenin repents and "begins to decide his flock for having believed that the experiment was at all possible." Then she declares that the price of the Brest-Litovsk peace was "the betrayal of Latvia, Finland, the Ukraine and Byelo-Russia."

In the third article Miss Goldman told of the Razvyorstka, the method of forcible food collection, instituted by the Bolsheviki.

"The Bolsheviki," Miss Goldman writes, "will have it that they were compelled to resort to the Razvyorstka because of the refusal of the peasants to feed the city. This is only partly true. The peasants did indeed refuse to turn over their products to the Government agents. They demanded the right to deal with the workers directly, but it was denied them.

"The inefficiency of the Bolshevik regime and the corruption of their bureaucracy contributed much to the dissatisfaction of the rural population. The manufactures promised to the peasants in exchange for their produce seldom reached them, or, when actually received, proved to be damaged goods short of measure and so forth."

Beats Tammany Hall.

"To call the present Russia Soviet Russia," writes the Anarchist, "or the Bolshevist regime a Soviet Government is preposterous."

She then tells of the forming of the Soviets and the enthusiasm of the Russian people.

Then the story continues:

"The Soviets now voice only the decision of the Communist Party. No other political opinion has any chance to get a proper hearing. The election methods practised by the Communists would fill Tammany Hall with envy. On my arrival in Russia I was told by a leading Communist that 'Boss Murphy and Tammany Hall have nothing on us.' Naturally, I thought that the man was joking. Soon I convinced myself that he had told the truth."

In her fourth article, Miss Goldman treated of the mobilization of labor enforced by the Bolsheviki. She said that Lenin and his followers hailed this as the greatest asset of Communism, and that every one would have to do his part in the work.

"What it did accomplish," Miss Goldman writes, "was to establish, while it existed, chattel slavery and to replace the bourgeois parasite by the machinery of Bolshevik parasitism. Its function was to drive the workers to toil."

Communist State a Wreck.

Further along it is written:

"One thing must be said for the Bolsheviki: they do nothing by half. As soon as compulsory labor became a law it was carried into effect with a vengeance. Men and women, young and old, thinly clad and in torn shoes, or with only rags on their feet, were indiscriminately driven into the cold and sleet to shovel snow or cut ice.

"Pleurisy, pneumonia and tuberculosis resulted. It was only then that the wiseacres in the Kremlin created a new department for the distribution of labor."

Later she writes:

"Under such enslaving and degrading conditions, the people . . . began to look upon the Communist state as the new leech that was sapping their life blood."

In her fifth article Miss Goldman began a discussion of the conditions under which children are forced to live in the new Russia. She had thought that in Russia the treatment of children was model, but learned she had "reckoned without the vicious circle—the Socialist state, which has compressed every effort within its orbit."

Schools Far from Ideal.

Schools, the article relates, were far from ideal. One woman who visited her for dinner asked that Miss Goldman save the potato peelings so that she might take them to her school to make potato cakes for the children.

Matrons of the schools, writes Miss Goldman, had to put "dead souls" on their attendance lists to get extra rations with which they bribed the officials in charge of food distribution.

In her sixth article Miss Goldman said that she heard but one child in all Russia really laugh. She left of "show schools," which, well kept, were set up here and there for the eyes of visitors.

"The 'show schools,'" she writes, "were a most evil influence, especially on the children at large. . . . While these 'show schools' were being used as newspaper copy abroad, the masses of children in Russia were neglected, as the workers' children are in the rest of the world. Everywhere the privileged few receive all the advantages. Bolshevik Russia is not exempt from this cruel situation."

The seventh article of the series is taken up entirely with a eulogy by Miss Goldman of Maria Spiridonova, who was tortured in the days of the Czars and who now, according to Miss Goldman, is receiving little better treatment at the hands of the Bolsheviki.

(Kropotkin told Emma Goldman that the Bolsheviki had dammed the rising tide of the people's energies. She expands her views in her article appearing tomorrow and tells of his death.)

Russian tragedy, my spirit confused and troubled by what I had heard. I was also distressed by the physical condition of our comrade. I feared he could not survive until the spring. The winter of 1920 had been most terrible. People had been dying from typhus, hunger and cold. The thought that Peter Kropotkin might go to his grave, and the world never know what he thought of the Russian Revolution was appalling.

I felt somewhat impatient. Kropotkin said Peter, jovially. The spring had certainly wrought a miracle in him. He was a different man.

The first seven months of my stay in Russia had almost crushed me. I had come with so much enthusiasm, with a passionate desire to throw myself into the work, into the holy defense of the Revolution. What I found completely overwhelmed me. I was unable to do anything. The chariot wheel of the socialist State rolled over me, paralyzing my energy. The wretchedness and distress of the people, the callous disregard of their needs, the persecution and the repressions tore at my mind and heart, and made life unbearable.

Was it the Revolution which had turned idealists into wild beasts? If so, the Bolsheviki were mere pawns in the hands of the inevitable. Or was it the cold, impersonal character of the state which by foul means had harnessed the revolution to its cart and was now whipping it into channels indispensable to the state? I could not answer these questions. Not in July, 1920, at any rate. Perhaps Kropotkin could.

(Kropotkin told Emma Goldman that the Bolsheviki had dammed the rising tide of the people's energies. She expands her views in her article appearing tomorrow and tells of his death.)

---

so long as Russia was being attacked by the combined imperialists of Europe, and Russian women and children were starved to death by the criminal blockade, he could not join the shrieking chorus of the ex-revolutionists in the cry of "Crucify!" He preferred to keep silent for the present.

Secondly, there was no medium of expression in Russia itself, hence no way of reaching the people. To protest to the Government was useless. Its concern was to maintain its power at any cost. It could, therefore, not stop at such trifles as human life or human rights. But then, he added, "We have always pointed out the blessings of Marxism in action. Why now be surprised?"

I asked whether he was noting down his impressions and observations. Surely he must see the importance of such a record to his comrades, to the workers, in fact to the whole world. Kropotkin looked at me for a moment, then said:

"No, I do not write. It is impossible to write when one is in the midst of great human suffering and distress, when every hour brings new tales of woe which one may not ameliorate. Besides, all personal privacy and safety have been destroyed. There may be a raid any moment—the Cheka comes swooping down in the night, ransacks every corner of the house, turns everything upside down and marches off with every scrap of paper.

"Under such constant stress it is impossible to keep records. But more than all these considerations is my book on ethics. I can work only a few hours a day and I still have much to do. I must therefore concentrate on that to the exclusion of everything else."

We had already monopolized our

the mutual exchange, at reasonable prices, of all scientific literature published since 1914? Cannot we later, but not much later, make possible, perhaps through cheap credits the repair and the restoration of all scientific institutions as instruments between Cologne and Moscow?

To let science beg, or from sheer misery, be degraded into baser work would be a monument to the shame of our time. The greatest hater of Germany's imperial policy does not desire to perpetuate a revenge which calls for strangling that Teutonic science which has provided imperishable monuments to humanity.

Countless millions in gold are needed for maintenance of foreign troops on German soil in an occupation which harms victor and vanquished alike.

Appeals for Aid.

There comes an extra demand for 60,000,000,000 marks, the rapid collection of which would wrench the economic organization of the world; but there is no provision therein for insuring productive scientific research. Is it not high time to ring the alarm bell and realize that the vital interests of humanity, rather than Germany, now are at stake?

While the Reparation Commission in Paris was composing its note ordering the German Government to raise 60,000,000,000 marks within the next eight weeks and to provide for levying of 100,000,000,000 in new taxes, Prof. Albert Einstein, at Berlin University, was trying to prove to business men that scientific research would be helpful to them. Another professor was showing the advantage of a thorough knowledge of chemical elements, which, he argued, would save many unnecessary expensive experiments. Still a third professor was showing the value of understanding the laws of heredity. As an example he showed that in Sweden the yield of wheat had been increased 45 per cent. through a scientific mixing of seed.

Scientists in Distress.

The object of these experiments was to show men that the fires built on the altars of discovery may furnish the machines whereby incomes are increased and thus persuade them to support scientific research in world science.

Does the world realize that German science is going begging? In all branches of investigation there to-day is distress never before dreamed of. Bacteriological research in which animal experiments are necessary are scarcely possible. The most miserable dog costs 150 marks. Copper, nickel, zinc, glass, all are thirty-five times more than the pre-war figures, and with wages multiplied twenty times it is easy to see what prices for scientific instruments are.

As an instance, a microscope, formerly costing 600 marks, to-day cannot be purchased for 2,200. An X-ray machine costs 100,000 marks at the minimum. Botanical and zoological museums, aquariums and organizations for health observation are obliged to close everywhere throughout Germany.

Says Gaps Must Be Filled.

Imported gold, silver, platinum and quicksilver apparatus from the United States, England, Scandinavia and other countries meets an increase in the exchange rate of seventy-fold and more. Even that "dully food" for scientists, Rock'a Review, has been almost unobtainable, inasmuch as the latest scientific publications to-day are a luxury only for the rich. Public libraries no longer are helpful.

Filling the gaps at present prices is unthinkable. Yet they must be filled. German scientists need actual knowledge of all progress made abroad, and the world likewise ought to have the most complete knowledge of all that the German savants have been able to find out.

MILLERAND GOES TO MOROCCO.

BORDEAUX, April 1.—President Millerand left here this afternoon for Morocco on board the battle cruiser Edgar Quinet.

BEST COPY AVAILABLE

368

870501910

The Emma Goldman Papers

Bolsheviki Dammed Rising Tide of Russian People's Energies, Kropotkin Told Miss Goldman. Part 9 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 4 ; 36 cm. *In* The World. —(April 3, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

VOL. LXII. NO. 22,140—DAILY. ★ Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922. NEW YORK, MONDAY, APRIL

BOLSHEVIKI DAMMED RISING TIDE OF RUSSIAN PEOPLE'S ENERGIES, KROPOTKIN TOLD MISS GOLDMAN

He Considered the Russian Revolution in Its Possibilities Greater Than the French, With the People Responsive to New Arrangements of Life—His Lonely Life Deprived of Many Comforts—Never Complained of His Hard Lot—Cut Off From World's Thought.

Miss Goldman is writing this series about Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she has just succeeded in quitting. After being barred from several other countries through the influence of the Bolsheviki she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an Anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in Anarchism practically all her life. Perhaps she above all other travellers to Russia is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist Revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disowns any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. IX.

STOCKHOLM, Sweden, March 9.—During the second visit to Peter Kropotkin we had an hour together. In that time Peter spoke in detail of the Russian Revolution, the part played by the Bolsheviki, the lesson to the Anarchists in particular and the world in general. He considered the Russian Revolution in scope and possibilities greater than the French Revolution. While it is true that the people were not developed in the Western sense, yet they are more responsive to new arrangements of life. The spirit of the masses during the February and October Revolutions demonstrated that they understood the great changes waiting their concerted efforts, and they were willing to do their share.

The people knew that something tremendous was before them, which they themselves must face, organize and direct. That spirit, though now fettered by hunger, privation and persecution, is yet very much alive. The dogged resistance offered by the people of Russia to the Bolshevik yoke is the best proof of that. The Bolsheviki in their march to power were far from being the advance guard of the revolution, as they claim. On the contrary, they were the dam which had thrown back the rising tide of the people's energies.

In their fixed idea that only a dictatorship can direct and protect the revolution, they went about strengthening their formidable state which is now crushing the revolution. As Marxians they never have, nor will they ever realize that the only protection of the revolution lies in the ability of the people to organize their own economic life. For the rest, Kropotkin added, he had set forth his views on the Russian Revolution in his letter to the workers of Europe, which was, I believe, widely published.

Despite His Privations He Showed No Bitterness to the Bolsheviki

Kropotkin also spoke of the part the Anarchists played in the revolutionary energies of the people during the revolutionary period.

It was [illegible]

Umbrellas Set Afire By the Sun's Rays Reflected in Shop

Mirror Catches Beams and Concentrates Them — "Natural Cause," Police Report.

Despite yesterday's biting winds, the sun was hot enough to cause a fire. Its rays were reflected from a hand mirror on display in the shop window of Lydia Weinig, men's accessories, at No. 503 East 161st Street, opposite the Bronx County Court House.

These rays were caught by a magnifying glass suspended by a string and were concentrated upon two silk umbrellas, setting them afire.

The umbrellas were destroyed, but Patrolman John Fournier put out the flames before further damage was done other articles in the show window.

Patrolman Fournier reported the fire as due to "natural causes."

2,000 BARBERS START "DRIVE FOR $1 HAIRCUT."

"Unprecedented Expenses" the Cause, They Assert—Find New for Men to Dye Hair.

"A drive for a $1 haircut" was started yesterday by 2,000 barbers in attendance at the opening of the first annual New York Barbers' Exposition in the McAlpin Hotel. Every reference to a raise was greeted by hearty applause and the enthusiasm was brought to its height by the remarks of James P. Carey of the Grand Central Terminal Barber Shops.

"The $1 hair cut should come because of the tremendous and unprecedented expenditure of the barber shop," he asserted.

Dyeing their hair has become a popular fad of men, the barbers announced.

RISK LIVES TO REACH DOGS.

Owners Dangle at End of 400-Foot Rope—Efforts Fail.

STONE MOUNTAIN, Ga., April 2.—After their owners had several times risked death, dangling in mid-air at the end of a 400-foot rope in an effort to rescue them, two fox hounds which had become imprisoned in a crevice far down the side of Stone Mountain were shot to-day to save them from starvation. Thousands of persons had gathered to [illegible] attempt at rescue.

[illegible] over the edge of the gigantic rock Thursday while chasing a fox. The next day W. O. and Ronald Venable, their owners let themselves off into space in an effort to reach the crevice. The effort was repeated Saturday despite a high wind which swung them to and fro against the face of the rock.

DROPS DEAD ON LINKS.

Brooklyn Chocolate Manufacturer Succumbs at Apawamis Golf Club.

2,000 LEAVE I. R. A. IN DUBLIN PARADE, RENOUNCING DAIL

Members of Executive Declare Army Is Abandoning Republic In Favor of British Empire.

COLLINS PLEADS FOR UNITY, DEPRECATING USE OF FORCE.

De Valera in Three Addresses Declares Irish Can Only Recognize Republican Rule.

DUBLIN, April 2 (Associated Press).—The serious extent of the split in the ranks of the Irish Republican Army was revealed this afternoon when from five Dublin battalions, ordered out to take a "new oath of allegiance or an oath with new implications," no fewer than 2,000 men obeyed the Republican appeal and marched to Smithfield.

There in the presence of Liam Mellowes, Roderick O'Connor and other noted heads of the Republican movement they pledged themselves to renounce any other further responsibility to the Dail Eireann.

The extremists to-night expressed entire satisfaction at the response to their appeal. A large crowd, including contingents from the women's organizations, witnessed the parade of the battalions but gave no further demonstration of sympathy.

REPUBLICANS DOFF UNIFORM OF I. R. A.

Collins Makes Final Appeal for Unity—De Valera Holds for Republic.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special Cable Dispatch to The World.)

DUBLIN, April 2.—The big open space off the north quays was filled to-day with spectators who came to watch the mobilization of the Dublin Brigade of the Republican Army. Five battalions turned out.

With the exception of a few officers, all the troops were in mufti or semi-uniforms. Comparatively few rifles were to be seen, but most of the men carried revolvers.

After their evolutions the troops were addressed by Brigade Commandant Traynor, Engineering Director Roderick O'Connor and others. Traynor said:

"'During the last week hundreds of young fellows took off the Free State uniforms, left the barracks, leaving their wages behind, and came out to poverty, but in honor. We have no oath to offer you, but

MINERS HOL[D] IN STRIKE N[OW] UMPIRE'S [DE]

Union Insists Oper[ators] to Agreement — Federal Interven[tion]

PREFERS THAT E[ach] SHOULD CONDU[CT]

All Organized Fie[lds] Reports Preside[nt] Takes Stand To-

WASHINGTON, A[pril] as the union fields ar[e] strike is 100 per cent John L. Lewis, Pr[esident] United Mine Worker[s] rival here to-day.

"To-morrow will [be] ence in the situati[on] been suggestion tha[t] not a fair day to [vote] was a holiday. The effective to-morrow [in] fields."

Seek No Arb[itration]

Asked if he wou[ld] strike with Senator [Borah] been attempting to a[rrange] between miners and [operators] Lewis said he would [confer] Mr. Borah if the latte[r] him. The miners a[re] for any arbitration, [but] serted. They want t[he] contract and attend [the] Scale Committees, a[nd] render the right of [collective] gaining, he declared.

Mr. Lewis said the [Administration] asking the Governm[ent] in any way. [Explana]tions are asking the pub[lic] them in their positio[n] tract should be adj[usted] conference held.

"We have at all [times] now favor a selec[tive] tion of the coal indu[stry]

Mr. Lewis will ap[pear] House Committee on [Labor] row morning. He [said] that if a Federal [in]mining industry is [taken] executive and the w[hole] He has no appointme[nt] House and no plans f[or] resentatives of the A[dministration]

Inquiry by a com[mittee] gress might cause t[he] political considerati[ons] tion, he stated, laym[en] sees sufficient knowl[edge] ject. The miners [want] Government is to m[ake] gation it should tak[e] industry and all its

BEST COPY AVAILABLE

369

870501910

The Emma Goldman Papers

Bolsheviki Dammed Rising Tide of Russian People's Energies, Kropotkin Told Miss Goldman. Part 9 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1, 4 ; 36 cm. *In* The World. –(April 3, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
All Rights Reserved.

No. IX.

STOCKHOLM, Sweden, March 9.—During the second visit to Peter Kropotkin we had an hour together. In that time Peter spoke in detail of the Russian Revolution, the part played by the Bolsheviki, the lesson to the Anarchists in particular and the world in general. He considered the Russian Revolution in scope and possibilities greater than the French Revolution. While it is true that the people were not developed in the Western sense, yet they are more responsive to new arrangements of life. The spirit of the masses during the February and October Revolutions demonstrated that they understood the great changes waiting their concerted efforts, and they were willing to do their share.

The people knew that something tremendous was before them, which they themselves must face, organize and direct. That spirit, though now fettered by hunger, privation and persecution, is yet very much alive. The dogged resistance offered by the people of Russia to the Bolshevik yoke is the best proof of that. The Bolsheviki in their march to power were far from being the advance guard of the revolution, as they claim. On the contrary, they were the dam which had thrown back the rising tide of the people's energies.

In their fixed idea that only a dictatorship can direct and protect the revolution, they went about strengthening their formidable state which is now crushing the revolution. As Marxians they never have, nor will they ever realize that the only protection of the revolution lies in the ability of the people to organize their own economic life. For the rest, Kropotkin added, he had set forth his views on the Russian Revolution in his letter to the workers of Europe, which was, I believe, widely published.

Despite His Privations He Showed No Bitterness to the Bolsheviki

Kropotkin also spoke of the part the Anarchists played in the revolution, of the death of some, the heroic struggle of many, the irresponsibility of the few. Above all, he emphasized the need for all the Anarchists to be better equipped for reconstructive work during the revolution. I distinctly remember these words:

"We Anarchists have talked much about the social revolution. But how many had ever taken pains to prepare for the actual work during and after the revolution? The Russian Revolution has demonstrated the imperativeness of such preparation for practical reconstructive work."

In a letter to one of his closest friends Kropotkin wrote that he had come to see in syndicalism the economic basis of anarchism. In other words, the medium for the economic organization and expression of the energies of the people during the revolutionary period.

It was a memorable day. Alas, the last I was ever to spend with our Grand Old Man. When I was called to take care of him during his last illness I reached Dmitroff an hour after his death. The usual bureaucratic confusion, inefficiency and delay robbed me of the opportunity to render Kropotkin some slight service in return for all that he had given me.

No Bitterness in Man.

Two things had struck me in Kropotkin on both visits: The lack of bitterness toward the Bolsheviki and the fact that he never once alluded to his own hardships and privations. It was only after his death that I learned a few details of his life under the Bolshevik regime. In the early part of 1918 Kropotkin had grouped around him some of the ablest specialists in various branches of political economy. The purpose was to make a careful study of the economic resources of Russia, and to compile these resources in monographs, to make them of practical help in the reconstruction of Russia.

Kropotkin was the editor-in-chief of that undertaking. One volume was prepared but never published. The Federalist League, as this scientific group was known, was broken up by the Government and all the material confiscated.

On two occasions the Kropotkin apartments were requisitioned and the family forced to find other quarters. It was after all these experiences that the Kropotkins moved to Dmitroff, where he became an involuntary exile.

(Continued on Fourth Page.)

The World Far in Front of Its Field

During the month of March The World printed **133,035** separate advertisements or **40,277** more ads. than its nearest competitor. The World also printed **52,080** more agate lines of classified advertising than the corresponding month of last year.

The World prints more separate ads. than any other New York newspaper because World ads. bring the best results.

RISK LIVES TO REACH DOGS.

Owners Dangle at End of 400-Foot Rope—Efforts Fail.

STONE MOUNTAIN, Ga., April 2.—After their owners had several times risked death, dangling in mid-air at the end of a 400-foot rope in an effort to rescue them, two fox hounds which had become imprisoned in a crevice far down the side of Stone Mountain were shot to-day to save them from starvation. Thousands of persons had gathered to [illegible] attempt at rescue.

[illegible] went over the edge of the gigantic rock Thursday while chasing a fox. The next day W. O. and Ronald Venable, their owners let themselves off into space in an effort to reach the crevice. The effort was repeated Saturday despite a high wind which swung them to and fro against the face of the rock.

DROPS DEAD ON LINKS.

Brooklyn Chocolate Manufacturer Succumbs at Apawamis Golf Club.

Wallace T. Jones, President of a chocolate manufacturing company at No. 88 Washington Avenue, Brooklyn, dropped dead yesterday afternoon while playing golf on the links of the Apawamis Golf Club, at Rye-on-the-Sound.

Mr. Jones, who was a member of the Apawamis as well as of other country and city clubs, was seventy years old. His home was at No. 434 Washington Street, Brooklyn. With a friend, Mr. Carroll of Brooklyn, he had played half way around the nine-hole course and had just made a hard drive, when he fell unconscious.

When a doctor arrived Mr. Jones was dead. Overexertion had superinduced an acute heart attack.

FLYERS RESUME JOURNEY.

LAS PALMAS, Canary Islands, April 2 (Associated Press).—The Portuguese aviators, Capts. Coutinho and Sacadura, resumed their hydro-airplane flight at 10 o'clock this morning.

They are bound for the Cape Verde Islands, on the second leg of their journey to Rio Janeiro.

EARTHQUAKE IN SERBIA.

BELGRADE, April 2 (Associated Press).—Continuous heavy earth shocks are occurring throughout Serbia. More than 100 houses have been destroyed and many others damaged.

THE WORLD TRAVEL BUREAU.
Arcade, Pulitzer (World) Building, 53-63 Park Row, N. Y. City. Telephone Beekman 3000. Check room for baggage and parcels open day and night. Money orders and travelers' checks for sale.—Advt.

in attendance at the opening of the first annual New York Barbers' Exposition in the McAlpin Hotel. Every reference to a raise was greeted by hearty applause and the enthusiasm was brought to its height by the remarks of James P. Carey of the Grand Central Terminal Barber Shops.

"The $1 hair cut should come because of the tremendous and unprecedented expenditure of the barber shop," he asserted.

Dyeing their hair has become a popular fad of men, the barbers announced.

REPUBLICANS DOFF UNIFORM OF I. R. A.

Collins Makes Final Appeal for Unity—De Valera Holds for Republic.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.
(Special Cable Despatch to The World.)

DUBLIN, April 2.—The big open space off the north quays was filled to-day with spectators who came to watch the mobilization of the Dublin Brigade of the Republican Army. Five battalions turned out.

With the exception of a few officers, all the troops were in mufti or semi-uniforms. Comparatively few rifles were to be seen, but most of the men carried revolvers.

After their evolutions the troops were addressed by Brigade Commandant Traynor, Engineering Director Roderick O'Connor and others. Traynor said:

"During the last week hundreds of young fellows took off the Free State uniforms, left the barracks, leaving their wages behind, and came out to poverty, but in honor. We have no oath to offer you, but ask you to pledge undying loyalty, your lives, everything, to Ireland. We stand by the proclamation of Easter week, 1916."

O'Connor complained that the re-

(Continued on Fifth Page.)

[illegible] appeal and marched to Smithfield.

There in the presence of Liam Mellowes, Roderick O'Connor and other noted heads of the Republican movement they pledged themselves to renounce any other further responsibility to the Dail Eireann.

The extremists to-night expressed entire satisfaction at the response to their appeal. A large crowd, including contingents from the women's organizations, witnessed the parade of the battalions but gave no further demonstration of sympathy.

not a fair day to [illegible] was a holiday. Th[illegible] effective to-morrow [illegible] fields."

Seek No Ar[illegible]

Asked if he wo[illegible] strike with Senator [illegible] been attempting to [illegible] between miners an[illegible] Lewis said he would [illegible] Mr. Borah if the lat[illegible] him. The miners [illegible] for any arbitration, [illegible] serted. They want [illegible] contract and attend [illegible] Senate Committees, [illegible] render the right o[illegible] gaining, he declared.

Mr. Lewis said th[illegible] asking the Governm[illegible] in any way. Inste[illegible] are asking the pu[illegible] them in their positi[illegible] tract should be ad[illegible] conference held.

"We have at al[illegible] now favor a sele[illegible] tion of the coal ind[illegible]

Mr. Lewis will a[illegible] House Committee o[illegible] row morning. He [illegible] that if a Federal [illegible] mining industry is [illegible] executive and the [illegible] He has no appointm[illegible] House and no plans [illegible] resentatives of the [illegible]

Inquiry by a co[illegible] gress might cause [illegible] political considerati[illegible] tion, he stated, lay[illegible] seem sufficent know[illegible] ject. The miners [illegible] Government is to [illegible] gation it should ta[illegible] industry and all it[illegible]

Doubts Borah

Mr. Lewis pointe[illegible] dent Harding and [illegible] tried unsuccessfully [illegible] erators into a conf[illegible]

(Continued on [illegible]

Ammonia Fumes Drive Gue[illegible] In Night Clothes From

Shortly after 2 o'clock yesterday morning a one and one-half inch ammonia pipe in a sub-cellar of the Hotel Belmont sprang a leak and began to pour forth blinding and deadly fumes. The result was an alarm which interrupted the sleep of hundreds of guests and caused many of them to scurry down into 42d Street in their night clothes plus a few hastily picked up overgarments; a futile effort on the part of Oscar Schmidt, chief engineer of the hotel, and other employees to fix things up and the appearance of Lieut. Thomas Kilbride of the Fire Department's Rescue Squad.

Immediately upon discovery of the leak, John Gilgannon, night manager of the hotel, directed Anna Sheelan, the only telephone operator on duty, to call the guests and advise them to close the transoms over their doors and throw their windows wide open. Similar instructions were passed to the floor attendants.

Soon the fumes on the upper floors became so heavy the guests were genuinely alarmed crowd into the elev[illegible] stors found it neces[illegible] kerchiefs over the[illegible] five upper floors w[illegible] which the most t[illegible] There the fumes, a[illegible] sub-cellar far below[illegible] became so dense th[illegible] some of the guests [illegible] overcome. The Re[illegible] their oxygen helme[illegible] the rooms for pos[illegible] nally they got [illegible] cleared.

Through all of t[illegible] was said at the hote[illegible] including the girl [illegible] tor, stuck to their [illegible] in preventing a [illegible] their eyes were [illegible] was difficult for [illegible] they were doing.

The pipe which [illegible] it was said, carrie[illegible] 300 pounds generat[illegible] ammonia plant.

LAST THREE WEE[illegible] At the New Amsterda[illegible]

BEST COPY AVAILABLE

370

870501910

The Emma Goldman Papers

Bolsheviki Dammed Rising Tide of Russian People's Energies, Kropotkin Told Miss Goldman. Part 9 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1, 4 ; 36 cm. *In* The World. –(April 3, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

TO PUT S CASE NOA BAR

States See Inextricably Hers.

R ALL IS TO RELIEF.

Delegation to That Allies nquished.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922
(Special Wireless to The World.)

BERLIN, April 2.—The men who print Germany's billions of paper marks are threatening to strike because the Government wants them to work forty-six hours a week instead of forty-four. The Government needs to have the printing presses in operation for this lengthened period.

Insurance against illness and injury was offered the union if they would increase the time of work on Government paper money, but the union refused. Offers of welfare work improvements also were rejected.

to the effect that the Moscow Soviet will make the following demands at the Genoa Conference:

Recognition of the Soviet merchant fleet, unrestricted use of foreign ports, and the handing over of all Russian ships. It will be claimed that 60 per cent of Russia's pre-war shipping was in foreign ports, and if any of it has been lost it shall be replaced.

In the event of the Dardanelles becoming neutral the Soviet Government will seek participation in the international control of the waterway.

PRINTERS OF MARKS BALK AT LONG HOURS

BRIAND, ON DEFENSE, DENIES WEAK STAND

PARIS, April 2 (Associated Press).—Defending himself and his colleagues to the Washington conference against attack at yesterday's session of the Chamber of Deputies, former Premier Briand denied that France's position with regard to capital ships had been weakened by the conference. He declared that if the pre-Washington ratios could be carried out France would have only a proportion to the U.S. compared with the United States and Great Britain, while under the Washington agreement the proportion was one to two and a half. According to the version of his speech given in today's official journal, however, these reports are revised by the orator before printing, he declared: "It is easy to explain why we demanded 350,000 tonnage in capital ships. It was necessary to assert ourselves. When I left Washington Mr. Viviani, who was to replace me at the head of the delegation, telegraphed to transmit to Secretary Hughes the official [illegible] Admiral Hon.

"Why did we fix this figure, which was based on 'intentions'? It was because it had been decided at the beginning that the figures established per capita, ships so and so taken as a basis of estimate for fixing the defence forces. When it was understood we were not to be bound by this figure, we entered at once on the path of no essay success [illegible]."

A deputy then remarked that it was for this M. Briand replied: "Not so. Parliament must ratify such agreements and the American Senate amended certain points when approving the treaty."

FRANCE MAY GO TO GENOA AS OBSERVER

Special to The World.

WASHINGTON, April 3.—Senator [illegible] Ohio, Republican member of the Senate committee on foreign relations, said today that he would not be opposed to the United States sending an observer to the Genoa conference, but that he would be opposed to the United States participating officially in the conference.

KROPOTKIN VISITED BY MISS GOLDMAN

(Continued From First Page.)

Even in the summer it was difficult to visit him. Special permission had to be procured to travel, and that involved much effort and time. In the winter it was almost altogether impossible. Thus he, who had in the past gathered at his home the best in thought and ideas from every land, was now forced to the life of a recluse.

Only Peasant Visitors.

His only visitors were unfortunate peasants, workers of his village, and some of the intelligentsia who would come to him with their daily misfortunes. I remember that the evening of our visit Kropotkin had received a letter from an old friend in Moscow, a scientist. The man was living with his wife and two children in one room. Only a small lamp was lighting up the family table at which the children had to prepare their lesson, the wife copy some manuscripts, while he used one corner to do his scientific research. He was employed at a place twelve versts from home and had to walk that daily.

Kropotkin, who had always kept in touch with the world through numerous publications in every tongue, was now cut off entirely from that source of life. He was not even able to learn what was happening in Moscow or Petrograd. His only channels of news were the two Government papers, the Pravda and the Izvestiya. He was much handicapped in his work on ethics while he lived in Dmitroff. He could not obtain the necessary books of research. In short, Kropotkin was mentally starved, which was, no doubt, greater torture to him than physical malnutrition. He received a much better payok, or ration, than most people. But even that was by far not sufficient to keep up his vitality.

Helped by His Friends.

Fortunately he received from time to time assistance—in the form of provisions from various sources. Thus his comrades from abroad, as well as those from the Ukraine, often sent him foodstuffs. He also received similar gifts from Makhno, then heralded by the Bolsheviki as the terror of the counter revolutionary forces in Southern Russia. But especially was felt the lack of light and fuel. When I visited the Kropotkins in 1920, they were considering themselves fortunate to have light in more than one room. During part of 1918 and all of 1919, Kropotkin wrote his ethics by the flicker of a tiny oil lamp that nearly blinded him.

During the short hours of the day he would transcribe his notes on a typewriter, slowly and painfully pounding out every letter. However, it was not his own discomfort which sapped Kropotkin's strength. It was the hardships of Russia, the suffering about him, the suppression of every thought, the persecution and imprisonment for opinion sake, the endless martyrs of people, which made his last years the deepest tragedy.

If only he could have done something to help, to lessen the suffering, to bring the dictators of Russia to their senses. But he could not. He could not, like some of the old revolutionary guard, make common cause with the enemies of the revolution. Even [illegible] a way of having

later existence, the Bolshevik Government had sanctioned the taking of hostages. Old and young, mothers, fathers, sisters, brothers, even children, had been held and often shot for the offense of one of their own—offenses which, in nine cases out of ten, they knew nothing about.

In the fall of 1920 the Social-Revolutionists that emigrated to Europe threatened retaliation if the repressions against their comrades continued. The Bolshevik Government announced in its official press that for every Communist it would take ten Social-Revolutionists. It was then that the famous revolutionist, Vera N. Figner, and Peter Kropotkin sent a protest to the powers that be. They pointed out that the practice of taking hostages was a blot on the Russian Revolution, an evil which had already brought terrible results in its wake, that the future would never forgive them for such a barbaric method.

The second protest was made in reply to the attempt the Government was making at "liquidating" all publishing undertakings, whether political, co-operative or private. This protest was addressed to the Presidium of the then sitting Eighth All-Russian Congress of Soviets. It is interesting to note that Gorky, himself an official of the Commissariat of Education, had sent almost on the same day from Petrograd a similar protest.

Monopoly of Thought.

Kropotkin, in his statement, called attention to the danger of such a policy to all progress, in fact to all thought. Such state monopoly "on the all would make creative work utterly impossible. The situation in Russia during the last four years has given ample proof of that.

One of the striking characteristics of Peter Kropotkin was his reticence in everything concerning himself. In my stay of thirty-six hours at his Dmitroff home, while his body lay in death, I learned more of his personal life than during all the years I had known him. But few even of his immediate circle knew that Peter Alexievitch was an artist and a musician of considerable talent. Among his effects I discovered a whole collection of his drawings of great merit.

He loved music passionately and was himself a musician of no mean ability. He spent much of his leisure moments at the piano. No doubt he was able to find some forgetfulness and peace in the masters whose works he rendered with deep understanding.

He lay in his workroom as if peacefully asleep, his face as tender in death as it had been in life. There he lay, this great son of Russia. Through strife and stress he had remained true to the revolution and would not forsake it. He did not live to see capitalism in Russia erected as a monument upon the grave of the revolution. But even that would not have robbed him of his fervent faith in the resurrection of the people, the ultimate triumph of a libertarian revolution.

(In her tenth and last article, to be published to-morrow, Miss Goldman tells how the Bolsheviki have shorn Russian trades unions of their power and influence. In conclusion she declares the revolution has, after all, made the people more self-reliant, and she sees hope for Russia.)

A SCULPTURAL HINT.

(From the Washington Star.)

"You never have seen trousers creased."

"I decided to give up that evidence of greatness," replied Senator Sorghum, "some time ago. I have examined the statues of numerous great statesmen

WILL ASK CONGRESS TO PROVIDE FUNDS FOR JUNKING SHIPS

Naval Experts Formulate Plan for Government to Finance Scrapping Operations.

IDLE EMPLOYEES OF YARDS WOULD BE GIVEN THE JOB.

Board Suggests Storing Material to Prevent Glutting the Market.

WASHINGTON, April 3.—Congress will be called upon to provide capital for financing the largest junk business in the world if plans under consideration by naval experts for scrapping battleships are adopted.

A fund estimated as high as $75,000,000 may be needed to carry out the plan which technical experts say eventually would prove the most economical way of disposing of these ships, particularly the old ones.

This plan provides for Uncle Sam to undertake the gigantic task of breaking up the seventeen old battleships slated for destruction and the new ones as well, at least those building in navy yards.

The advantages of this plan, according to the experts, are:

First. It will provide employment for some of the workmen recently furloughed from the yards. Second. It will be possible for the Government to carry out the scrapping in accordance with the treaty terms but to store the scrap metal until the present price depression is over. This, it is argued, would avoid further glutting of the market when scrap prices are already ridiculously low.

The majority of naval officers, however, believe that the most expedient method of disposing of the problem will be to offer all the doomed ships to the highest bidders and let private concerns undertake the job of cutting them up. This, they point out, would provide employment for as many men, would stimulate private enterprise and help to develop what this country needs badly, ship breaking experts. No one in this country has completed the job of scrapping a battleship, though other countries with Germany and England in the lead, have made rapid strides in developing this industry commercially since the war.

This probably will be given the support of the Board of Naval Technical Experts that is preparing a report which is to be submitted shortly to Secretary Denby, with the plan described above and one or two others as alternatives.

This report will point out, it is understood, that the obvious solution of the whole difficulty, with the price of scrap metal at rock bottom and wages high, would be to tow all of the ships that are afloat out to sea and sink them.

The principle objection raised to this suggestion is the enormous waste in the material loss and its failure to provide employment for idle workmen.

Another proposal that is to be

well-estab
and others
old ships
making a
ever profit
The batt
still under
ent proble
are being
One of th
these ships
by the yar
them and
purchaser.
ciently con
finished to
them, thus
making the
they can l
own yards

CANNIB

People Le
and D

The rava
among the
villages in
described a
port from
tors, given
Vickery, G
ganization
winter, th
Downer of
five-day vi
villages ha
000 and fo
every fift
with disea

"Several
that the
the human
"which pr
lished by
said they
prevent it,
senses from

STORM

Vote of
after

ATHENS
bate in th
night's vot
Cabinet, wh
Liberals h
others refr
vote was 1

Proposed
subject of
former Pre
who are op
generally a
Premier Go
lasting situat
ary moveme
former Pren
protest and
later explai
ferred to the
porters abro

2-P
by Ha
3-Piece
4-Piece

BEST COPY AVAILABLE

371

870501910

The Emma Goldman Papers

Bolsheviki Dammed Rising Tide of Russian People's Energies, Kropotkin Told Miss Goldman. Part 9 of 10 / Emma Goldman.— pp. 1, 4 ; 36 cm. *In* The World. —(April 3, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

...was best that it shall be replaced.

In the event of the Dardanelles becoming neutral the Soviet Government will seek participation in the international control of the waterway.

BRIAND, ON DEFENSE, DENIES WEAK STAND

PARIS, April 2 (Associated Press).

Defending himself and his colleagues to the Washington conference against attack at yesterday's session of the Chamber of Deputies, former Premier Briand denied that France's position with regard to capital ships had been weakened by the conference. He declared that if the pre-Washington programmes had been carried out France would have had a proportion ... one to six compared with the United States and Great Britain while under the Washington agreement the proportion was one to two and a half.

According to the version of his speech given in to-day's official journal, whose reports are revised by speakers before printing, he declared:

"It was easy to explain why we demanded 350,000 tonnage in capital ships. It was necessary for us to do so. When I left Washington M. Viviani, who was to replace me at the head of the delegation, had been charged to transmit to Secretary Hughes the theoretical programme of Admiral Ron...

"Why did we fix this figure, which surpassed our intentions? It was because it had been decided at the beginning that the figure established for capital ships should be taken as a basis of estimate for fixing the defence forces. When it was understood we were not to be bound by this figure, we entered at once on the path of the necessary concessions."

A deputy then shouted: "It was to ate." M. Briand replied: "Not so. Parliament must ratify such agreements and the American Senate amended certain points when ratifying the treaty."

FRANCE MAY GO TO GENOA AS OBSERVER

(Special to The World.)

WASHINGTON, April ... Senator France (Rep., Md.) may attend the coming conference at Genoa unofficially, as an observer. He would not have the approval of the Administration because of its decision not to participate.

Although he has not decided definitely, he said to-day he is strongly disposed to go, and that he believes he might be able to bring back data of value in discussion of all kinds of economic questions.

Some time ago Senator France introduced a resolution that an American representative be sent to the conference. No action will be taken on it.

Senator France recently returned from an observation journey through Russia. He always has favored immediate renewal of friendly and trade relations with Russia.

while he used one corner to do his scientific research. He was employed at a place twelve versts from home and had to walk that daily.

Kropotkin, who had always kept in touch with the world through numerous publications in every tongue, was now cut off entirely from that source of life. He was not even able to learn what was happening in Moscow or Petrograd. His only channels of news were the two Government papers, the Pravda and the Isvestiya. He was much handicapped in his work on ethics while he lived in Dmitroff. He could not obtain the necessary books of research. In short, Kropotkin was mentally starved, which was, no doubt, greater torture to him than physical malnutrition. He received a much better payok, or ration, than most people. But even that was by far not sufficient to keep up his vitality.

Helped by His Friends.

Fortunately he received from time to time assistance—in the form of provisions—from various sources. Thus his comrades from abroad, as well as those from the Ukraine, often sent him foodstuffs. He also received similar gifts from Makhno, then heralded by the Bolsheviki as the terror of the counter-revolutionary forces in Southern Russia. But especially was felt the lack of light and fuel. When I visited the Kropotkins in 1920, they were considering themselves fortunate to have light in more than one room. During part of 1918 and all of 1919, Kropotkin wrote his ethics by the flicker of a tiny oil lamp that nearly blinded him.

During the short hours of the day he would transcribe his notes on a typewriter, slowly and painfully pounding out every letter. However, it was not his own discomfort which sapped Kropotkin's strength. It was the hardships of Russia, the suffering about him, the suppression of every thought, the persecution and imprisonment for opinion sake, the endless raztrels of people, which made his last years the deepest tragedy.

If only he could have done something to help, to lessen the suffering, to bring the dictators of Russia to their senses. But he could not. He could not, like some of the old revolutionary guard, make common cause with the enemies of the revolution. Even had he found a way of having his protests published in the European press, the reactionists would have used them against Russia. No, he could not do that. And he knew only too well that it was useless to protest to the Bolshevik Government.

Finally Made Protests.

Yet, so great was his anguish, that on two occasions Peter Kropotkin addressed himself to that deaf ear. Once in protest against the terrible practice of taking hostages; the other time against the complete suppression of publishing undertakings other than the state's.

Ever since the Cheka began its sinister work, Kropotkin had been urging the Russian Congress of Soviets. It is interesting to note that Gorky, himself an official of the Commissariat of Education, had sent almost on the same day from Petrograd a similar protest.

Monopoly of Thought.

Kropotkin, in his statement, called attention to the danger of such a policy to all progress, in fact to all thought. Such state monopoly on thought would make creative work utterly impossible. The situation in Russia during the last four years has given ample proof of that.

One of the striking characteristics of Peter Kropotkin was his reticence in everything concerning himself. In my stay of thirty-six hours at his Dmitroff home, while his body lay in death, I learned more of his personal life than during all the years I had known him. But few even of his immediate circle knew that Peter Alexeievitch was an artist and a musician of considerable talent. Among his effects I discovered a whole collection of his drawings of great merit.

He loved music passionately and was himself a musician of no mean ability. He spent much of his leisure moments at the piano. No doubt he was able to find some forgetfulness and peace in the masters whose works he rendered with deep understanding.

He lay in his workroom as if peacefully asleep, his face as tender in death as it had been in life. There he lay, this great son of Russia. Through strife and stress he had remained true to the revolution and would not forsake it. He did not live to see capitalism in Russia erected as a monument upon the grave of the revolution. But even that would not have robbed him of his fervent faith in the resurrection of the people, the ultimate triumph of a libertarian revolution.

(In her tenth and last article, to be published to-morrow, Miss Goldman tells how the Bolsheviki have shorn Russian trades unions of their power and influence. In conclusion she declares the revolution has, after all, made the people more self-reliant, and she sees hope for Russia.)

A SCULPTURAL HINT.

(From the Washington Star.)

"You never have your trousers creased."

"I decided to give up that evidence of neatness," replied Senator Sorghum, "some time ago. I have examined the statues of numerous great statesmen and none of them have creased trousers."

will be called upon to provide capital for financing the largest junk business in the world it plans under consideration by naval experts for scrapping battleships are adopted.

A fund estimated as high as $75,000,000 may be needed to carry out the plan which technical experts say eventually would prove the most economical way of disposing of these ships, particularly the old ones.

This plan provides for Uncle Sam to undertake the gigantic task of breaking up the seventeen old battleships slated for destruction and the new ones as well, at least those building in navy yards.

The advantages of this plan, according to the experts, are:

First, it will provide employment for some of the workmen recently furloughed from the yards. Second, it will be possible for the Government to carry out the scrapping in accordance with the treaty terms but to store the scrap metal until the present price depression is over. This, it is argued, would avoid further glutting of the market when scrap prices are already ridiculously low.

The majority of naval officers, however, believe that the most expedient method of disposing of the problem will be to offer all the doomed ships to the highest bidders and let private concerns undertake the job of cutting them up. This, they point out, would provide employment for as many men, would stimulate private enterprise and help to develop what this country needs badly, ship breaking experts. No one in this country has completed the job of scrapping a battleship, though other countries with Germany and England in the lead, have made rapid strides in developing this industry commercially since the war.

This probably will be given the support of the Board of Naval Technical Experts that is preparing a report which is to be submitted shortly to Secretary Denby, with the plan described above and one or two others as alternatives.

This report will point out, it is understood, that the obvious solution of the whole difficulty, with the price of scrap metal at rock bottom and wages high, would be to tow all of the ships that are afloat out to sea and sink them.

The principle objection raised to this suggestion is the enormous waste in the material loss and its failure to provide employment for idle workmen.

Another proposal that is to be brought to the front by commercial interests will be to permit certain

The Coward Shoe

What Folks Think

The other day a customer remarked to us: "I had no idea Coward Shoes were so stylish and trim looking."

Strange how impressions get around, isn't it. Few people know that Abraham Lin-

B. Altman & Co.

Confirmation Dresses

for Girls, Juniors and Misses

Exquisitely simple and girlish are the dainty white frocks assembled on the Second Floor.

Misty chiffons and georgettes, supple silk crepes, diaphanous nets and organdies—all have been utilized in the creation of these lovely originations; so delicate, so enchanting, so

BEST COPY AVAILABLE

372

870502911

The Emma Goldman Papers

Russian Trades Unions Whipped into Submission by Bolsheviki; Yet Miss Goldman Sees Hope. Part 10 of 10 / Emma Goldman. — pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. — (April 4, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

VOL. LXII. NO. 22,141—DAILY. ★ Copyrighted (New York World) by Press Publishing Company, 1922. NEW YORK, TUESDAY, APR

RUSSIAN TRADES UNIONS WHIPPED INTO SUBMISSION BY BOLSHEVIKI; YET MISS GOLDMAN SEES HOPE

Labor Organizations, She Declares, Have Become Military Barracks for the Mobilized Army Forced Into Membership by the State —Nevertheless, as Result of the Revolution, the Worker in Russia Is No Longer a Slave, and Lenin Senses His Danger.

Miss Goldman is writing this series about Russia fresh from a two years' stay in that mysterious land which she has just succeeded in quitting. After being barred from several other countries through the influence of the Bolsheviki she has been permitted to enter Sweden. It will be recalled that the writer, who is known throughout the world as an Anarchist, was deported to Russia together with Alexander Berkman by order of the Department of Labor in December, 1919.

Miss Goldman needs no introduction to the American public. She has been a thorn in the side of Government officials for many years. Possessed of a brilliant mind and political understanding, she has committed herself to her belief in Anarchism practically all her life. Perhaps she, above all other travellers to Russia, is best qualified to see and judge the effect of the Bolshevist Revolution there. It is on this subject that she is writing.

Her narrative is one of deep interest. In breaking her silence of more than two years she reveals in the following articles her disappointment in and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them, The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Co. 1922.
All Rights Reserved.

NO. X

STOCKHOLM, Sweden, March 10.—The much praised achievement of the Bolsheviki in the matter of trades unions reminds me of Mrs. Alving's remark in Ibsen's "Ghosts": "I only wished to pick at a single knot, but when I got that undone the whole thing ravelled out. And then I understood that it was all machine sewn."

Among the first things called to one's attention when one arrives in Russia are the trades unions. Think of it, seven million workers organized into one body, having their magnificent labor temples, their educational and cultural courses, their grand meetings and concerts. What other country can make such a showing? You are overwhelmed. But no sooner do you begin to pick at one knot when the whole seam ravels out. You come to see that trades unions, more than any other Bolshevik institution, are machine sewn—sewn by the machine of the Communist state.

In fact, it is most confusing to talk of trades unions under the Bolshevik regime. After all, trades unions have a definite historic meaning, at least to workers outside of Bolshevik Russia. They represent, in their conservative sense even, the fighting arena of organized labor for economic improvement. In the revolutionary sense the trades unions, or rather the industrial and syndicalist unions, are the economic training school of the militant masses for the overthrow of exploitation and the management by the workers of production in a liberated society.

Yet neither in the conservative nor even in the revolutionary sense do the trades unions represent in Russia the needs of the workers. What they really are is the coerced and militarized adjunct of the Bolshevik state. They are "the school of Communism," as Lenin insisted in his thesis on the functions of trades unions. But they are not ever that. A school presupposes the free expression and initiative of the pupils, whereas the trades unions in Russia are military barracks for the mobilized labor army, forced into membership by the whip of the state driver.

Unions Quickly Shorn of Power By Rulers in New Dictatorship

The trades unions in Russia, [shops and factories illegible]

FOUR IMMIGRATION INSPECTORS OUT IN GRAFT CONSPIRACY

Indicted With One Civilian on Charge of Admitting Aliens at From $25 to $150 Each.

STEAMSHIP COMPANIES ARE SAID TO BE INVOLVED.

Certain Welfare Societies and Missionaries Also Suspected —Frauds, $1,500 a Ship.

Investigations of allegations of widespread graft practiced by immigration inspectors on incoming immigrants and their relatives resulted in the indictment yesterday by a Federal Grand Jury of four inspectors and one civilian. They are charged either with conspiracy to defraud the Government or acceptance of bribes.

For several months Commissioner of Immigration Tod and Assistant United States Attorney Samson Selig have been searching Ellis Island records uncovering various schemes whereby for $25 or $50 and often more a ring of immigration inspectors have permitted aliens to slip through the lines, escaping official scrutiny at Ellis Island.

Bench Warrants Issued.

The inspectors indicted already have been suspended or allowed to resign. They are William Alexander, William Leonard, John Donovan and Jeremiah Fitzgerald. None has yet been arrested, but bench warrants are to be issued to-day. A barber, Tobias Levy, is the fifth indicted. The charge against him is conspiracy to admit an alien unlawfully.

Mr. Selig described the artifices alleged to have been employed by the indicted men. For the most part, he said, landing agents for steamship companies were in collusion with the inspectors. A citizen expecting relatives on a steamer was assured if he paid $25 or $50 per capita his relatives could avoid detention and possible rejection.

"The crooked inspector," said Mr. Selig, "then would strike the names of the passengers off the alien list, or manifest, and add them to the citizen manifest. Citizens are, of course, allowed to land at the pier. Or the names would be removed from the alien manifest and bogus landing passes would be issued by the inspector.

"In one case a British woman, travelling first class, was held for several hours aboard ship on the

Ex-Butler Led Robber To Shattuck Home, I

Robbed Same House of $12,000 in 1917—Financier, with Knife and Coin, Liberated Ten Victims in Vault.

A super-daring and super-cunning robber, the police are convinced, headed the band of five that on Sunday afternoon imprisoned Mr. and Mrs. Albert R. Shattuck and eight servants in the cellar of their home, No. 19 Washington Square North, and then made off with about $100,000 worth of jewelry.

And although this unusual criminal has not been captured, the detectives said they felt sure he was Henri Bollat, the former Shattuck butler, who in 1917 robbed the same house of $12,000 worth of gems while the family was at dinner and then vanished. Knowing who Bollat is, they expect to catch him.

Last night only one of the burglar band was in the hands of the authorities. This is Eugenio Diaset, who was caught fleeing from the house facing the square and from whom was recovered about $20,000 in loot. But Diaset had given some extremely valuable information, and from this the investigators expect to round up the rest of the robbers and get back at least some more of the stolen property.

Suspect Former Butler.

It was Diaset's story that convinced Lieut. Funston, in charge of the Mercer Street detectives, that Bollat, the former butler, was the director of the crime. Commissioner Enright declared flatly that Bollat was the man.

Diaset, arraigned in Magistrate's Court and held without bail, told this story:

He, an ex-sailor cook and club employee, was out of work a couple of weeks ago and was sitting on a bench in Madison Square scanning the "want" ads. in a French newspaper when a stranger addressed him in his native tongue and sat down beside him.

Henri was this man's name, and he was sympathetic to his out-of-luck countryman. He gave Diaset $10 and made an appointment to meet him last Thursday, when "a job would be waiting." They met, and three others, all speaking French, were with Henri—who, the police say they are sure, was Bollat. Diaset said he didn't know Henri's last name, but he gave a description tallying with that of the former butler.

How Robbery Was Planned.

In back rooms of saloons and obscure restaurants the five then met daily and Henri, who was perfectly familiar with the workings of the Shattuck home, laid out the plans. Henri announced that in the dark-

91 PERSONS IN CITY

A complete r[eport] cides in New [York] Jan. 1 shows [that] sons were kill[ed] ures were con[firmed] World from re[ports] Dr. Charles Nor[folk] ical Examiner. [The] of homicides p[ublished] World were inco[rrect] represented on[ly] were given pu[blicity] time of occurrer[ce]

Manhattan h[ad] number, with 2[3] January, 14 in [the] March and 4 so[far] Brooklyn had 4 [in] ary, 9 in Febr[uary] March.

The Bronx ha[d] ruary and Queen[s] uary and 1 in F[ebruary] mond reported [one] this year.

The World's d[ata] licides and hol[d-ups] in New York Cit[y]

Yesterday:
Homicides .....
Hold-ups .....
Seven days (April 3):
Homicides ...
Hold-ups ...
Four weeks (April 3):
Homicides ....
Hold-ups .....
Since Jan. 1:
Homicides .....
Hold-ups .....

BLINDS GU[N] PEPPER

Tombs Prisoner [Writ] Writ Was in [Court] Contrary t[o]

One of two priso[ners] Tombs keepers thr[ew] eyes of his guard, [Officer] McMahon, in a re[st] Street and Lenox [Ave.] noon and escaped.

He is Sidney Br[own] indicted for stealing [and] held in default of [$5,000] Magistrate Silberm[an]. Brown was reporte[d] night at No. 7 West [123d] address he gave wh[ich] is close by the scen[e]

The only suggest[ion] preparation of an [alleged] Brown's escape wa[s] application in a [bottle]

BEST COPY AVAILABLE

373

870502911

The Emma Goldman Papers

Russian Trades Unions Whipped into Submission by Bolsheviki; Yet Miss Goldman Sees Hope. Part 10 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. –(April 4, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

and disillusionment by the Russian experiment.

It is needless to say that in presenting them, The World disavows any responsibility for the views she expresses or for the conclusions she reaches, which are entirely personal to her. Because of the importance of the subject of Russia and the necessity of throwing upon it all possible light, from whatever source it may be shed, The World feels it is discharging a duty to the public in presenting her articles.

By Emma Goldman.

Copyright (New York World) by Press Publishing Co. 1922
All Rights Reserved

NO X

STOCKHOLM, Sweden, March 10.—The much praised achievement of the Bolsheviki in the matter of trades unions reminds me of Mrs. Alving's remark in Ibsen's "Ghosts": "I only wished to pick at a single knot, but when I got that undone the whole thing ravelled out. And then I understood that it was all machine sewn."

Among the first things called to one's attention when one arrives in Russia are the trades unions. Think of it, seven million workers organized into one body, having their magnificent labor temples, their educational and cultural courses, their grand meetings and concerts. What other country can make such a showing? You are overwhelmed. But no sooner do you begin to pick at one knot when the whole seam ravels out. You come to see that trades unions, more than any other Bolshevik institution, are machine sewn—sewn by the machine of the Communist state.

In fact, it is most confusing to talk of trades unions under the Bolshevik regime. After all, trades unions have a definite historic meaning, at least to workers outside of Bolshevik Russia. They represent, in their conservative sense even, the fighting arena of organized labor for economic improvement. In the revolutionary sense the trades unions, or rather the industrial and syndicalist unions, are the economic training school of the militant masses for the overthrow of exploitation and the management by the workers of production in a liberated society.

Yet neither in the conservative nor even in the revolutionary sense do the trades unions represent in Russia the needs of the workers. What they really are is the coerced and militarized adjunct of the Bolshevik state. They are "the school of Communism," as Lenin insisted in his thesis on the functions of trades unions. But they are not ever that. A school presupposes the free expression and initiative of the pupils, whereas the trades unions in Russia are military barracks for the mobilized labor army, forced into membership by the whip of the state driver.

Unions Quickly Shorn of Power By Rulers in New Dictatorship

The trades unions in Russia, though young in years (they came into being in 1905), were very militant organizations. They had to be in order to withstand the cruel persecutions under the Czar. But though they led an underground existence most of the time, they were none the less an important factor in the economic struggles of the Russian worker. That fact was demonstrated forcibly early after the February revolution.

The trades unions imbued with the new spirit that had come to Russia, were not content with mere reforms. The aim was to give the workers the possession of the economic structure of the country. Even before the workers took the shops and factories, the trades unions had organized shop and factory committees for the control of the industrial life of the community.

These committees later gave to the All-Russian Trades Union Soviet, which worked in close unity with the other Soviets. In other words, the trades unions were, even before the Bolshevik regime, the organized expression of the needs and aspirations of the workers. Thus, the third Conference of Trades Unions, held in Petrograd in July, 1917, already sent 210 delegates representing a trade union membership of 1,475,425.

The advent of the dictatorship of the proletariat quickly made itself felt in the trades unions. Adherence to labor organizations became compulsory, every one who worked being automatically enrolled in the union and compelled to pay for the pleasure, whether he enjoyed it or not. The 2 per cent. dues were simply deducted from his wage, so that the Russian worker had to stand the cost of the very organizations which destroyed every symptom of initiative and self-direction in the Russian trades unions.

The All-Russian Soviet.

The All Russian Trades Union Soviet consists of 120 members. Its Central Executive Committee has eleven members, and practically only Communists can get elected to either body. The result is that the trades unions have become a mere branch of the state machinery, completely controlled and directed by the latter.

(Continued on Second Page.)

Timely Business Propositions

The World's "Business Opportunities" contain more propositions of interest to business men than are to be found in all the other New York newspapers added together. Number of "Business Opportunities" printed in March, 1922:

THE WORLD	11,743 Ads.
The Times	3,151 Ads.
The American	1,241 Ads.
The Herald	537 Ads.
The Tribune	105 Ads.
THE WORLD over all added together	6,709 Ads.

70% of all the March "Business Opportunities" were printed in THE WORLD.

For several months Commissioner of Immigration Tod and Assistant United States Attorney Samson Selig have been searching Ellis Island records uncovering various schemes whereby for $25 or $50 and often more a ring of immigration inspectors have permitted aliens to slip through the lines, escaping official scrutiny at Ellis Island.

Bench Warrants Issued.

The inspectors indicted already have been suspended or allowed to resign. They are William Alexander, William Leonard, John Donovan and Jeremiah Fitzgerald. None has yet been arrested, but bench warrants are to be issued to-day. A barber, Tobias Levy, is the fifth indicted. The charge against him is conspiracy to admit an alien unlawfully.

Mr. Selig described the artifices alleged to have been employed by the indicted men. For the most part, he said, landing agents for steamship companies were in collusion with the inspectors. A citizen expecting relatives on a steamer was assured if he paid $25 or $50 per capita his relatives could avoid detention and possible rejection.

"The crooked inspector," said Mr. Selig, "then would strike the names of the passengers off the alien list, or manifest, and add them to the citizen manifest. Citizens are, of course, allowed to land at the pier. Or the names would be removed from the alien manifest and bogus landing passes would be issued by the inspector.

"In one case a British woman, travelling first class, was held for several hours aboard ship on the pretext that her papers were irregular. She was released when she handed over a $50 bribe to the inspector. One man who was bringing fourteen relatives over in the steerage paid $10 per capita to an inspector and then gave them passes and let them all walk off the gangplank.

"In still another instance a man detained for contagious eye trouble was approached and bribed an inspector, who then altered the man's medical card by checking it off to indicate that the man's wife was afflicted with the eye disease. When she was examined at Ellis Island the doctors, of course, found her all right and admitted them."

$1,500 a Ship.

When big steamers arrived the graft would amount to as much as $1,500, Mr. Selig said. In every instance the Government was defrauded of the $8 head tax levied on aliens. The biggest bribe known to have been accepted by an inspector was $150.

The Government expects to bring other indictments, Mr. Selig added, and to prosecute the steamship company landing agents who shared in the spoils.

Further investigation is expected to reveal evidence, according to Mr. Selig, that will also include agents of certain welfare societies and missionaries.

THE WORLD TRAVEL BUREAU.
Arcade, Pulitzer (World) Building, 53-63 Park Row, N. Y. City. Telephone Beekman 3000. Check room for baggage and parcels open day and night. Money orders and travellers' checks for sale.—Advt.

In loot. But Diaset had given some extremely valuable information, and from this the investigators expect to round up the rest of the robbers and get back at least some more of the stolen property.

Suspect Former Butler.

It was Diaset's story that convinced Lieut. Funston, in charge of the Mercer Street detectives, that Bollat, the former butler, was the director of the crime. Commissioner Enright declared flatly that Bollat was the man.

Diaset, arraigned in Magistrate's Court and held without bail, told this story:

He, an ex-sailor cook and club employee, was out of work a couple of weeks ago and was sitting on a bench in Madison Square scanning the "want" ads. in a French newspaper when a stranger addressed him in his native tongue and sat down beside him.

Henri was this man's name, and he was sympathetic to his out-of-luck countryman. He gave Diaset $10 and made an appointment to meet him last Thursday, when "a job would be waiting." They met, and three others, all speaking French, were with Henri—who, the police say they are sure, was Bollat. Diaset said he didn't know Henri's last name, but he gave a description tallying with that of the former butler.

How Robbery Was Planned.

In back rooms of saloons and obscure restaurants the five then met daily and Henri, who was perfectly familiar with the workings of the Shattuck home, laid out the plans. Henri announced that in the darkness of early morning he would let himself into the cellar through a grating near the basement door. This he did at 4.30 A. M. Sunday.

The others, as he had instructed, were to pass on the opposite side of the street an hour later, and when they saw the light of a match at the cellar window they were to cross one by one and drop through the same aperture. They followed the leader's orders.

They then assembled and hid in a coal bin until 1.15, at which time, Henri had assured them, the servants

(Continued on Fourth Page.)

DETECTIVES PUT ON NIGHT PATROL

By a Police Headquarters order posted last night, all but one detective on night duty in all precincts were sent out on patrol for eight hours, being required to telephone the desk Lieutenant from a signal box, or if necessary from a public telephone, every hour.

Station operators are ordered to take the calls to determine whether or not the detectives are calling from points within the precinct. If only one man is on night duty in any of the precincts, he will go on patrol and the desk Lieutenant will take charge of the Detective Bureau.

Seven days
April 31:
Homicides .
Hold-ups
Four weeks
April 3)
Homicides ....
Hold-ups .....
Since Jan. 1:
Homicides .....
Hold-ups . ....

BLINDS GU... PEPPER...

Tombs Prisoner ... Writ Was in ... Contrary t...

One of two prison... Tombs keepers thr... eyes of his guard, ... McMahon, in a ras... Street and Lenox ... noon and escaped.

He is Sidney Br... indicted for stealing... held in default of ... Magistrate Silberma... Brown was reporte... night at No. 7 West ... address he gave wh... is close by the scen...

The only sugges... preparation of an ... Brown's escape wa... application in a h... tion. This compell... yesterday in the Br... charged with larce... was postponed to A... Gibbs. That writ ... get Brown out of t... ride to the Bronx a... of freedom except ... of his keeper.

Brown at lunch a... hon, and Keeper M... another prisoner w... put his hand in ... where he evidently ... some handfuls of p... his hand, slapped ... McMahon's eyes an... to the door before t... ered from the sh... gone before McM... started in pursuit. ... realize what had h... to be of service, and ... prisoner to look aft...

McMahon, nearly ... pain in his eyes, r... neighborhood sprea... He spent an hour ... returning to the T... Hanley said last ni... the first prisoner t... Tombs keeper, outs... the thirty years Ha... the Tombs as gua... Taking a meal in a ... accompanying a pri... tion of the rules, ... said. He will make ... missioner of Corr... McMahon has a long ... as a keeper in c... though he was a ... Tombs only a few ...

BEST COPY AVAILABLE

374

870502911

The Emma Goldman Papers

Russian Trades Unions Whipped into Submission by Bolsheviki; Yet Miss Goldman Sees Hope. Part 10 of 10 / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. – (April 4, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Repudiated, Way to Genoa

...an Stand on Own Legs
...rence for Purpose
...Dodges.

...bts. I propose that France ...e over all Russian property ... and redistribute it among ...orkers. Then we would be

...ned Foreign Nations.

...hould we recognize these ...ifteen years ago as Presi... Petrograd Workers' Syn... warned foreign Govern... the Russian people would ... the debts being incurred ...r for the subjection of the ...ple.

...ng French industrials went ...es at Naples and an erup... Vesuvius ruined their prop... ...ld the Italian Government ...e industrials' Well, we ...an eruption in Russia."

...concluded the interview by ...he Red Army is in first ...on, but would be used only ...ve purposes. He thinks ...Esthonia and Latvia, which ...ussian state, will one day ...aken back. As for Poland, ...lo that country contemp... "declassed democracy."

...t Seriously Ill, ...ys German Specialist

...pril 3 (Associated Press).— ...enin of Soviet Russia is ...ot seriously so, said Dr. ...Derer, the Berlin specialist, ...arrival here to-day from ...ere he was called recently ... Lenin's malady.

...perer would not designate ...e ailment, saying he did ... violate a patient's con... He said, however, the ...ld respond to treatment. ...on prevails in Soviet cir... ...at the Soviet Premier is ... to Genoa if his presence ...ecessary in furtherance of ...ace.

...ANS REVIVE DUELLING CODE

...s Establish Classes ...tribe Use of Swords ...never Possible.

...New York World) by Press ...hing Company, 1922.
...ss Despatch to The World.)

April 3 — A new code ... been worked out to the ...d in Bavaria. The prac... ...ing has been re-estab... by a committee repre... Bavarian Officers' Associ... Waffenring (roughly, the ... the Burschenschaft (the ...sociation), and the stu...

...e of honor is largely ...he old historic one which ... after three years, dur... the Republican Govern... successfully suppressed ...t between members of ...orps in the universities ...rescribes swords, except ... the contestants has a ... Then pistols are to be

...s much criticised be... ...sides the people into ...ibes those who consti... ... opponents and those ...orthy" because they be... ...er class."

...E ELECTION QUIET.

POINCARE RECEIVES DEPUTIES' BACKING ON FOREIGN POLICY

Premier Wins Vote of Confidence on Genoa, 482 to 84, After Three Days' Debate.

ARMS PARLEY ATTACKED AS HUMILIATING FRANCE.

Deputy Charges War, Not Peace, Was Promoted by U. S. and England at Washington.

By Lincoln Eyre.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922.

(Special Cable Despatch to The World.)

PARIS, April 3.—Premier Poincare easily routed his critics this afternoon when at the close of three days' debate on the French foreign policy he obtained the confidence of the Chamber of Deputies by a vote of 482 to 84.

The flood of oratory was brought to an abrupt halt by a few curt words from the Premier reaffirming his resolve not to let the Genoa Conference interfere with France's reparational claims on Germany. He added, however, an expression of French desire to collaborate honestly at Genoa for the economic restoration of Europe.

Just before the end the Chamber was enlivened by a sharp tilt between ex-Premier Briand and Andre Tardieu, chief of the Clemenceau group, who charged that France had been left outside the Washington negotiations and "suffered a humiliation without precedent there."

"It is shameful that a French Deputy should speak thus," M. Briand retorted. "Our friends in America will be indignant at your words. We played our part at Washington in the best possible way and the fashion in which I was received everywhere proved that France was not in a humiliating position."

M. Tardieu insisted, however, that the United States, Great Britain and Japan had shown a tendency to leave France outside in the matter of naval reduction.

In this connection Deputy de Chappedelaine charged that in refusing to establish a fair balance of maritime strength among the great powers "America and England turned the Washington Conference into one of war rather than one of peace."

Marius Moutet, a Moderate Socialist, interrupted to urge that, the German Army being cut to 100,000 men, there was no reason why France should maintain big military forces. This brought a triangular clash between Premier Poincare, ex-Premier Briand and Andre Tardieu.

M. Poincare said Germany now has 250,000 regulars, counting police organized militarily, thanks to concessions made by preceding Cabinets. M. Tardieu expressing surprise at what he called [illegible]

BOLSHEVIK BLIGHT ON TRADES UNIONS

(Continued From First Page.)

in its policies and functions. The average member has no say whatever in the activities of his organization nor are regular meetings of the unions held. In the Western sense, except such as are thoroughly dominated and managed by the Bolshevik faction in each union.)

If any union should venture to exercise the function of a real union it is quickly given to understand that whatever trades unions may do in Western Europe or America, in the Communist state they must obey the law and keep their mouths shut.

To illustrate. The bakers of Moscow, representing a large and militant union, went on strike in the summer of 1920 for an increase of their bread allowance. The Government did not trouble itself much about the matter. The striking local was simply dissolved, its leaders expelled and some of the most active members arrested. The more prominent spokesmen of the strikers were forbidden to participate in any union gatherings and deprived of the right to hold office.

Similar tactics were followed by the Bolsheviki in various other strikes. An interesting incident of this character was the Moscow printers' difficulty. In their case it was not even a strike; it was merely the "impudence" of having called a meeting to which members of the British Labor Mission, then in Moscow, were invited.

At that meeting Chernoff, leader of the Social-Revolutionists, and Dan, a prominent Menshevik, committed the unpardonable sin of telling the British labor men a few facts about the trade union and labor conditions in Russia. Immediately after that all the officials of the printers' union were suspended and some of them thrown into jail.

Throughout the country, in all official papers, the Moscow printers were heralded as counter-revolutionists, traitors and "skinners of labor" and denounced in bitterest terms that served to awe and terrorize the rest of the proletariat of the country.

Absorbed by State.

So absolute and crushing is the tyranny over the trades unions that the least protest is denounced as a breach of revolutionary and labor discipline and a crime against the revolution. When, during the Petrograd strikes of February, 1921, the workers of the Baltic shops protested against the arrest of twenty-two of their members, they were told by Antselovitch, the chairman of the Petrograd Trades Unions, that they all belonged in the Cheka, and several days later a raid took place at the shops, resulting in the arrest of numerous workers.

In short, the trades unions in Bolshevik Russia have been entirely absorbed by the state and have no other meaning or function than to do police duty for the state.

Naturally, such conditions could not last very long without arousing the most bitter discontent on the part of the workers. In fact, in 1920 this discontent became so general and threatening that the Government saw itself compelled to give serious consideration to the situation. The issue of the functions of the trades unions was taken up by the end of 1920 and it soon became apparent that even within the Communist Party itself some prop... The great ... and numerous strikes in ... In February, 1921, and the ... insurrection proved that ... munist unity was to be ... all cost. And so the Little ... took his unruly children, ... and taught them their ...

Lenin denounced the Left ... ition as anarcho-syndicalist ... class ideology and ordered ... pression. Schliapnikoff, one ... Opposition's most influential ... was referred to by Lenin as a "... Commissary" and was subs... silenced by being made a member ... the Central Committee of the Com... munist Party.

Mme. Kollantai was told ... her tongue or get out of the ... and her pamphlet setting forth ... views of the Opposition was ... pressed.

Some of the lesser lights ... Labor Opposition were given a ... tion at the Cheka and even ... noff—an old and tried Comm... was suspended for six months ... all union activities. As to ... whom Lenin held up to the ... scorn as an "ignoramus in ... mental Marxism," he was hust... to Cronstadt to bring there the ... of Warsaw." Lenin and his ... Justie Zinovieff, scored a victory ... trades unions remained the "... for Communism."

Lenin Fixes Their Status.

The new economic policy is ... reshaping the whole structure ... Russia. The trades unions are amo... the first to feel its effects. At a se... ... of the Central Committee of t... Communist Party, held in Moscow ... December, 1921, the functions of th... trades unions under the new economi... policy was discussed. A commission ... consisting of Lenin, Rudzyutak and ... Andreyev was chosen to prepare a ... thesis on the subject. Later the ... thesis was accepted, as usual, unanimously by the All Russian Central Soviet of Trades Unions.

The thesis speaks volumes for Lenin's capacity to shed his skin. Among other things it contains the following:

(1) Compulsory enrolment of the workers in the labor organizations brought about bureaucratic deterioration of the trades unions and alienated them from the masses (for saying the same things many workers had been denounced as counter revolutionists and "skinners" and were sent to the Cheka). It is therefore now necessary to establish voluntary membership in the unions.

(2) The workers joining unions must not be interfered with or harassed on account of their political or religious faith. (Shades of the numerous victims who were discriminated against and browbeaten because of their political views unsympathetic to the Bolsheviki!)

(3) The economic reconstruction of Russia necessitates the strictest concentration of power in the hands of individual management; therefore the labor unions must not seek to control the industries leased or owned by private capitalists.

It is evident that the new economic policy, supported by Lenin's thesis on the role of the unions, is opening the door to new labor problems and inevitable conflicts. The settling of all coming labor conflicts will be in the hands of a "higher body," outside of the trades unions. Lenin's commission has already indicated that this "highest authority" of forced arbitration of labor disputes is to be no other than the Communist Party and the Third Internationale.

It is apparent that the Communist Internationale means to preserve its domination of the labor movement of Russia while it is at the same time bending every effort to gain control [illegible]

VOL. L

RUSS... INTO ... YE...

...abor ... com... Arm... —N... the ... and ...

...Miss G... ...ors' stay ...ng. After ...ace of the ...recalled the ...Marshal, was ...of the Depu... ...Miss G... ...has been a ...accused of a ...herself to ...above all o... ...effect of the ...writing.

Her nor... than two y... and disillus...

It is ne... responsibili... which are ... ject of Russ... from whom... duty to the ...

STOCK... the Bolshevi... remark in ... but when I ... understood ...

Among ... Russia are t... into one bo... and cultura... country ca... sooner do y... You come t... lion, are ma...

In fact, ... shevik regi... at least to ... conservative ... nomic impr... rather the ... school of th... management...

Yet neit... to the trade... they really ... state. They ... Their's on th... A school pr... whereas the ...

...NS

...unrest ...rograd ...ontacts ... Com... ...ced at ...Father ...r one, ... Oppo... middle ... sup... ...of the ...vaca... ...class... ...from ...ary, ...rty's ...ed off ...'peace ...saint... ...ers. ...ry. ...s. ...ure ...an ...t a ...of ...ace ...of ...on ...ts ...ure ...ned by ...mome... ...thesis ...pening ...ns and ...tling of... ...l be in ...outside ...a com... ...that ...ced ar... ...be no ...rty and ...mmunist ...erve its ...ment of ...me time ...control ...Western

BEST COPY AVAILABLE

375

870502911

The Emma Goldman Papers

Russian Trades Unions Whipped into Submission by Bolsheviki; Yet Miss Goldman Sees Hope. Part 10 of 10 / Emma Goldman. — pp. 1-2 ; 36 cm. *In* The World. — (April 4, 1922).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

...NS. REVIVE DUELLING CODE

...Establish Classes ...ibe Use of Swords ...ever Possible.

...ew York World) by Press ...ing Company, 1922.
...Despatch to The World.)
...April 3 — A new code ...been worked out to the ...n Bavaria. The prac... has been re-estab... a committee repre... ...varian Officers' Associ... ...affenring (roughly, the ...he Burschenschaft (the ...sociation), and the stu...

...of honor is largely ...e old historic one which ...after three years, dur... Republican Govern... ...successfully suppressed ...t between members of ...rps in the universities ...escribes swords, except ...the contestants has a ...Then pistole are to be ...

...much criticised be... ...des the people into ...bee those who consti... opponents and those ...orthy" because they be... ...er class."

ELECTION QUIET.

...Reported—Compulsory ...Law a Failure.

...RES, April 2 (Associated) ...na's Presidential elec... yesterday without any ...nts in any part of the ...ing to reports coming ...es to-day, despite the ...nce of last week. ...otes will begin Thurs... ...icial result may not be ...e end of the month. ...ry Voting Law, under ...ential election was held ...nie, continues to be in... ...,251 citizens enrolled in ...er cent. failed to vote. ...a fine of 10 pesos, but ...never enforced. ...who sought election in ...President Hipolito Iri... ...ello T. de Alvear, Rad... ...Pinero, Concentracion ...as Repetto, Socialist ...n, Progressive Demo...

...AMPERS RADIO.

...ease Limited Num... ...re—Boom Predicted.

...York World) by Press ... Company, 1922
...espatch to The World.)
...ril 3. — The United ...ly 8,000 amateur op... ...ess telegraphy. This ...authority of the Daily ...

...nd senseless restric... ...intry prevent wireless ...getting practice. The ...army and navy air ... of the amateur and ...ost Office authorities ...telegraph in Great ...the vexatious restric... ...English amateurs have ...the Eiffel Tower to ...n, and this has im... ...a boom in the popu... ...here."

...ONTINUES TRIP.

...York World) by Press ... Company, 1922
...patch to The World.)
...pril 3.—The police to... ...New Amsterdam, just ... York to arrest Abe ...anted for the alleged ...it banking of $4,000,... ...onal law, however, ... to remote Reich, ...ying the Dutch Gov... ...ticket to Rotterdam, ...the jester to land ... ...ic vessel touches to...

...was enlivened by a sharp tilt between ex-Premier Briand and Andre Tardieu, chief of the Clemenceau group, who charged that France had been left outside the Washington negotiations and "suffered a humiliation without precedent there."

"It is shameful that a French Deputy should speak thus," M Briand retorted. "Our friends in America will be indignant at your words. We played our part at Washington in the best possible way and the fashion in which I was received everywhere proved that France was not in a humiliating position."

M Tardieu insisted, however, that the United States, Great Britain and Japan had shown a tendency to leave France outside in the matter of naval reduction.

In this connection Deputy de Chappedelaine charged that in refusing to establish a fair balance of maritime strength among the great powers "America and England turned the Washington Conference into one of war rather than one of peace."

Marius Moutet, a Moderate Socialist, interrupted to urge that, the German Army being cut to 100,000 men, there was no reason why France should maintain big military forces. This brought a triangular clash between Premier Poincare, ex-Premier Briand and Andre Tardieu.

M Poincare said Germany now has 250,000 regulars, counting police organized militarily, thanks to concessions made by preceding Cabinets. M Tardieu expressing surprise at what he called this revelation, the Premier reproached him for "feigning" astonishment, adding that, if sincere, he was inexcusably ignorant of events known to every one else.

M. Briand protested that whenever unauthorized German military forces had been reported he had demanded their disbandment. The Versailles Treaty authorized local police which could not be touched, but the Allies, he said, had secured suppression of all others.

M Poincare maintained, however, that successive concessions had been made raising German effectives above the number stipulated by the treaty.

CHITA REDS ADVANCE.

Vladivostok Troops Falling Back Are Disarmed by Japanese.

TOKIO, April 3 (Associated Press) —Reports from Vladivostok to-day said the Red forces of the Chita Government, advancing southward along the Usuri railway in pursuit of Vladivostok Government troops, had reached Spasskoye.

The Vladivostok troops, as fast as they are forced to retire into territory guarded by the Japanese, are being disarmed, the report said. Some thousands of Red troops are said to have already invaded Japanese neutral territory, the Japanese hesitating to open hostilities in view of negotiations that have been pending for some time at Dairen between the Japanese Government and the Chita Soviet Republic.

Reports from Dairen said Japanese representatives there had warned the Chita Government against invasion of Japanese guarded territory.

GERMANS LIKE CHAMPAGNE.

Copyright (New York World) by Press Publishing Company, 1922
(Special Wireless Despatch to The World.)

BERLIN, April 3—The consumption of champagne in Germany is greater to-day than ever it has been. The German grapegrowers have just compiled statistics for the year 1921 which show that nearly 16,000,000 bottles of champagne were produced that year. This is 3,000,000 bottles more than in 1913, and means an increased consumption of 22 per cent.

Figured in dollars the prices of champagne to-day are only one-third of those before the war. Then [illegible] cost $1.60; to-day the price [illegible]

the officials of the printers union were suspended and some of them thrown into jail.

Throughout the country, in all official papers, the Moscow printers were heralded as counter-revolutionists, traitors and "skinners of labor" and denounced in bitterest terms that served to awe and terrorize the rest of the proletariat of the country.

Absorbed by State.

So absolute and crushing is the tyranny over the trades unions that the least protest is denounced as a breach of revolutionary and labor discipline and a crime against the revolution. When, during the Petrograd strikes of February, 1921, the workers of the Baltic shops protested against the arrest of twenty-two of their members, they were told by Antselovitch, the chairman of the Petrograd Trades Unions, that they all belonged in the Cheka, and several days later a raid took place at the shops, resulting in the arrest of numerous workers.

In short, the trades unions in Bolshevik Russia have been entirely absorbed by the state and have no other meaning or function than to do police duty for the state.

Naturally, such conditions could not last very long without arousing the most bitter discontent on the part of the workers. In fact, in 1920 this discontent became so general and threatening that the Government saw itself compelled to give serious consideration to the situation. The issue of the functions of the trades unions was taken up by the end of 1920 and it soon became apparent that even within the Communist Party itself there raged conflicting views on that important question.

All the leading Communists participated in the heated verbal contest which was to decide the fate of the trades unions. The theses presented disclosed four main tendencies.

First, the Lenin-Zinovieff faction, which held that "the trades unions have only one function under the proletarian dictatorship"—that is, to serve as schools of Communism.

The second tendency was represented by Riasanoff and his adherents, who insisted that the trades unions must continue to function as the forum of the workers and their economic protector.

The third faction was that of Trotzky, the military genius who can think only in terms of militarism. He advanced the thesis that the trades unions will in time become the managers and controllers of the industries, but that for the present the union management must be appointed by military methods.

Last, and most important, was the Labor Opposition led by Mme. Kollantay and Schliapnikoff, who really represented the actual sentiment of the workers and had their support.

Revolt of Opposition.

This opposition insisted that the militarization of the trades unions had destroyed the interest of the workers in the economic reconstruction of the country and paralyzed their productive capacity. They demanded the liberation of the masses from the yoke of the bureaucratic state and its corrupt officialdom and giving the people opportunity for the exercise of their creative energies.

They pointed out that the October revolution had been fought to enable the masses to be in control of the industrial life of the country. In short, the Labor Opposition voiced the accumulated protest and discontent of the rank and file.

It was a battle royal, with Trotzky and Zinovieff chasing each other over the country, in separate special trains, to disprove each other's contentions. In Petrograd, for instance, Zinovieff's influence was so powerful that it required a big struggle before Trotzky received permission to address the Communist local on his views about the controversy.

The latter engendered intense feeling and came near disrupting the Communist Party. But God loves Lenin. Always when his structure begins to totter the Lord sends him miracles.

(1) Compulsory enrolment of the workers in the labor organizations brought about "bureaucratic" deterioration of the trades unions and alienated them from the masses (for saying the same things many workers had been denounced as "splinter-revolutionists" and "skinners" and were sent to the Cheka). It is therefore now necessary to establish voluntary membership in the unions.

(2) The workers joining unions must not be interfered with or harassed on account of their political or religious faith. (Shades of the numerous victims who were discriminated against and frowned on because of their political views unsympathetic to the Bolsheviki!)

(3) The economic reconstruction of Russia necessitates the strictest concentration of power in the hands of individual management; therefore the labor unions must not seek to control the industries leased or owned by private capitalists.

It is evident that the new economic policy, supported by Lenin's theses on the role of the unions, is opening the door to new labor problems and inevitable conflicts. The settling of all coming labor conflicts will be in the hands of a "higher body," outside of the trades unions. Lenin's commission has already indicated that this "highest authority" of forced arbitration of labor disputes is to be no other than the Communist Party and the Third Internationale.

It is apparent that the Communist Internationale means to preserve its domination of the labor movement of Russia while it is at the same time bending every effort to gain control of the labor organizations in Western Europe and America.

Losing His Privileges.

Meanwhile the Russian worker, under the new economic policy, is faring even worse than since the revolution began. He has lost even those guarantees, few as they were, that accrued to him as a result of the revolutionary changes. Especially is this true in regard to the hours of work.

The eight-hour day, practically universal in Russia for the last four years, has now been abolished de facto. According to the official organ, the Moscow Pravda, of December, 1921, the situation is as follows: Only 86 out of 595 industrial establishments have retained the eight-hour work day.

In most of the others work continues nine hours; in 44 establishments the work day is ten to twelve hours long; in 11, fourteen to sixteen hours; in 44 workshops no regular hours exist. Even children have been found, in some places, to work twelve to fourteen hours.

The bakers are the most exploited and work longest hours, from twelve to eighteen. These data refer to conditions in Moscow, the capital of Russia. In the provinces the situation is even worse. Thus in the Don coal district the miners remain at work sixteen to seventeen continuous hours. In the state leather factory in Vitebsk twelve hours constitutes the normal work day; in the Astrakhan fisheries, according to the report presented at the Second All-Russian Congress for the Protection of Labor, the work day is virtually unlimited.

It can be thus seen how the new policy of state and private capitalism is showering its blessings on the Russian worker.

The Russian Revolution, however, has not been entirely in vain. It has uprooted many of the old notions in the Russian masses, and the worker is no longer the docile slave he used to be. He has been fed on politics ad nauseam; he no longer believes in it. Now that he will be able to combine with his fellows in new labor organizations he will no doubt try more direct methods to assert himself.

Lenin and his retinue are sensing the danger. Their attack upon and the persecution of the Labor Opposition and the anarcho-syndicalists are continuing with even greater intensity. Is it that the anarcho-syndicalist star is rising in the East? Who knows—Russia is the land of miracles.

BEST COPY AVAILABLE

376

871215015

The Emma Goldman Papers

[Appeal of the Russian revolutionaries. In Italian] Apello dei Rivoluzionari Russi / Emma Goldman, *et al.* — 24 cm. *In* L'Adunata dei Refrattari [New York]. — Vol. 1, no. 1 (April 15, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archivio Famiglia Bemeri, Pistoia, Italy.

L'ADUNATA DEI REFRATTARI - ANNO I - N° 1 - 15 APRILE 1922

4

Appello dei rivoluzionari russi

Cari compagni,

Espulsi dalla Russia dal governo bolscevico, arenati sul suolo inospitale della Germania socialdemocratica, crediamo dover nostro raccontarvi in pochs parole gli avvenimenti ultlaii di Russia e di domandarvi di venirci in aiuto, perchè la nostra lotta è la vostra, il nostro scopo è il vostro, la nostra vittorla sarà la vostra.

La Rivoluzione è morta! Viva la Rivoluzione!!- La grande rivoluzione è stata soffocata, il suo spirito ucciso, le massa lavoratrici affamate e stremate di forze, sono così disorlentate da non trovar più via di uscita.

Il Comitato centrale del partito comunista russo è giunto, grazie all'armata rossa disciplinata, grazie ad una gendarmerla feroce e parecchie sezioni di spie, a ridurre in ischiavitù il proletariato e i contadini russi, in nome della dittatura del proletsriato.

I multipli tentativi fatti dai lavoratori per sbarazzarsi del regimo Abdul-Hamid-Marx, sono falliti, vinti dalla forza armata e dalle persecuzioni della Tcheka. Il potere comunista non s'arresta neppure dinanzi all'assassinio in massa, quando ha da fare con dei proletari, contadini o marinai rivoluzionari. Parecchi villaggi della Russia Centrale, del Volga, dell'Ukraina sono stati saccheggiati, distrutti dall'artiglieria di Trotzki. Numerosi sono gli operai ed i marinai che furono fucilati dopo la sommossa, calunniata come controrivoluzionaria, di Kronstadt. Le galere, le carceri, i campi di concentramento dell'immensa Russia sovicttista (sic) sono pieni di liberali, di socialisti di sinistra, di operai senza partito, ma veramente rivoluzionari. Molti di essi vengono deportati ni confini freddi e affamati del Nord della Russia. Ma tutti gli sforzi del partito bolscevico dominante sono vani. Malgrado le sue atrocità, la nostra propaganda non rallenta e le idee anarchiche-sindacaliste si sono radicate nel paese rivoluzionario. Gruppi anarchici ed anarchici sindacalisti si creano di nuovo nell'Ural, nell'Ukraina e nella Russia centrale. L'interesse per le idee anarchiche e per la nostra concezione federale ed antiautoritaria negli ambienti operai aumenta sempre più. La gioventù legge attentamente gli scritti di Malatesta, Bakounine, Kropotkine, ecc., ecc., che gli agenti della Tcheka non sono ancora riusciti a distruggere del tutto.

Attualmente questioni nuove si affacciano in Russia. Con la nuova politica economica, migliaia di operai sono venduti ai capitalisti nazionali e stranieri dal Governo che si dice "degli Operai e Contadini". I Radek, i Krassine, i Rakowshy s'inchinano dinanzi a Poincarè — la guerra, ai Lloyd George, facendo nel tempo stesso appello all'unità del fronte proletario con i Noske, i Thomas, i Jounaux ed altri uccelli di malagurio della stessa specie.

La Russia rivoluzionaria attende avidamente nuovi appelli, essa aspetta la voce libertaria per riorganizzarsi e prepararsi a nuove battaglie.

la nostra lotta è la vostra e, come dicevano un tempo gli insorti polacchi, *noi lottiamo per la nostra e per la vostra libertà.*

L'Ufficio Straniero per la creazione della Confed. Anarchico-Sindacalista Russa:

Marc Mratchni - Y. Yartschun - I. Mexinoff - R. Rocher.

Alessandro Bergkmann . .

Emma Goldmann

(2)

Voi sapete che la chimera dell'Internazionale Comunista incanta ancora numerose masse operaie nel mondo intero, grazie alla demagogia incosciente cd ai sussidi di Mosca. Bisogna rilevare quali nemici, doppiamente pericolosi, perchè si nascondono dietro il nome di comunisti, sono i maestri cantori dell'Internazionale bolscevica. Bisogna che le masse russe disilluse e abbattute vengano rianimate dalla voce libertaria.

Noi, un gruppo di anarchici-sindacalisti, cacciati dalla Russia per volontà del Comitato Centrale comunista russo, ci siamo assunti l'impegno dinanzi alla Rivoluzione sociale, dinanzi alla Russia degli operai e contadini, dinanzi ai nostri compagni abbandonati alle peggiori torture nelle prigioni bolscevike, di restar sulla breccia, di non cessar di combattere, di proseguire la nostra lotta per la liberazione economica per l'emancipazione morale, per la Comune libertaria.

Il nostro dovere è di chiamare i lavoratori russi sull'organizzazione delle loro forze per la lotta suprema e definitiva, di chiamare nelle nostre file i maestri ed educatori della gioventù proletaria e contadina. Dobbiamo impiegare tutte le nostre forze per combattere il regime dello knout bolscevico che vuol succedere all'imputridito regime capitalistico.

Il vostro dovere, o compagni, è di aiutarci perchè possiamo creare una libreria libertaria russa, per lottare contro la reazione rossa e preparare la via alla Rivoluzione antistatale ed antiautoritaria.

Aiutandoci moralmente e materialmente nel nostro compito difficile e pieno di responsabilità, mostrerete anche meglio il vostro disprezzo e disgusto per la dittatura intollerabile del governo bolscevico e tutta la vostra simpatia per i veri rivoluzionari, discepoli di Bakounine e di Kropotkine.

Noi siamo persuasi, compagni, che non resterete sordi e risponderete numerosi al nostro appello. I nostri scopi sono i vostri,

L'ADUNATA DEI REFRATTARI - ANNO I - N° 1
15 APRILE 1922
APPELLO DEI RIVOLUZIONARI RUSSI

BEST COPY AVAILABLE

377

880606330

The Emma Goldman Papers

[Workers, save Maria Spiridonova! In Swedish] Arbetare, rädda Maria Spiridonova! / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. –no. 17 (April 29, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

Brand

Ungsocialistiska partiets organ

Lösnummer 20 öre. *I utlandet 25 öre.* Utkommer varje vecka.

N:r 17. | *Prenumerationspris:* Helt år 8: —; tre kvartal 6: 40; halvt år 4: 50; kvartal 2: 40. Till utlandet för helt år 10: —; halvt år 5: 50; kvartal 3: —. Postarvodet inberäknat. *Annonspris:* 20 öre pr millimeter å 8:e sidan. | Lördagen den 29 April. | Redaktör: C. J. BJÖRKLUND | Expeditionens och Redaktionens adress: Ölandsgatan 48.1 tr., Stockholm 4. Rikstel. 4775, Allm. 34727. Tryckeriet ankn. 34727 Expeditionstid 9—6. Lördagar 9—4. | 1922.

Arbetare, rädda Maria Spiridonova!

I mänsklighetens och socialismens namn, låt inte en av världshistoriens ädlaste kvinnor ömkligen omkomma!

Av EMMA GOLDMAN.

Intet land i världen har fostrat så många verkligt revolutionära kvinnor som Ryssland. Dess bidrag härvidlag åt världens olika revolutionära rörelser är helt enkelt enastående. Från och med Decembristerna, vilkas hustrur följde dem i landsflykt för nästan hundra år sedan, till och med den siste tsarens störtande hava ryska kvinnor medverkat i de mest hjältemodiga händelserna och gått till Sibirien eller galgen med ett leende på sina läppar. Bland denna stora skara ryska kvinnor är Maria Spiridonova en av de mest märkliga.

Under åren 1905—1906 förekommo svåra oroligheter bland Rysslands bönder. Förbittrade över den onåttliga beskattningen och ämbetsmännens grymheter reste sig bönderna i provinsen Tambov mot sina förtryckare och antände en del av godsen i provinsen.

Tambovs guvernör, Luchenovsky, känd vida omkring för sin råhet,

tillkallade kosackerna och beordrade dessa att prygla flera byars hela befolkning. Halvnakna tvingades bönderna att knäböja i den djupa snön för att åse det hemska skådespelet då kosackerna nedsablade deras vänner och gelikar som uppställts i långa rader. Maria Spiridonova tillhörde de socialist-revolutionära, och trots det hon då endast var en helt ung ung flicka anförtrodde dessa henne den svåra uppgiften att hämnas den omänsklighet som utövades mot bönderna — att döda Luchenovsky.

Detta var sannerligen en mycket svår uppgift.

Luchenovsky var alltid omgiven av sin livvakt.

Han for från by till by med sina kosacker oc hvart han kom spred han endast skräck och fasa samt tömde böndernas sista proviantförråd. På detta sätt hjälpte han att förlänga kriget mot Japan. Men Spiridonova förskräcktes icke av alla de svårigheter som mötte henne. Förklädd till bondkvinna följde hon Luchenovsky som hans egen skugga. Hon hemsökte järnvägsstationerna och landsvägarna där hon, efter vad hon förklarade, »sökte sin försvunna soldatmake». Trots överhängande faror, umbäranden och köld fortsatte hon att följa guvernören tills omsider det efterlängtade tillfället kom. Spiridonova hade länge tålmodigt väntat vid en viss järnvägsstation. Slutligen anlände Luchenovskys tåg och just som han stigit av detsamma och ännu befann sig på perrongen omgiven av sina officerare bröt Spiridonova sig igenom vaktkedjan och nedsköt honom med ett välriktat skott. De ryska

Maria Spiridonova.

bönderna hade befriats från en av sina värsta tyranner.

De ryska tsarerna voro aldrig partiska i sin behandling gent emot kvinnliga politiska fångar; de voro lika obarmhärtiga både mot män och kvinnor.

Det sätt på vilket tsar Nikolais bödlar behandlade Spiridonova överträffade till och med Ivan den förskräckliges metoder.

Hon underkastades de mest obeskrivliga tortyrer. Sedan hon släpats in i stationens väntsal slogs hon sanslös, kläderna sletos från hennes kropp och densamma överlämnades därefter åt de berusade fångvaktarna. Dessa roade sig med att bränna hennes nakna kropp med glödande cigarretter, sparka henne omkring i rummet och slutligen våldföra sig på henne. Hon svävade mellan liv och död under flera veckor och blev omsider dömd till döden.

Underrättelserna om Spiridonovas tortyr uppväckte en storm av protest över hela världen och detta räddade henne från schavotten. Hon sändes i stället till Sibirien för återstoden av sitt liv. Dit anlände hon, enligt vad Gershuni senare berättat, som »blott och bart ett bylte rått kött». I fängelset togo hennes kamrater hand om henne och vårdade henne med största ömhet. Så småningom tillfrisknade hon. Hon kommer dock att för hela livet bära resultatet av sin ohyggliga upplevelse: tuberkulos, en stympad hand och förlusten av synen på ena ögat. Men trots det hon var fysiskt stympad och bruten fortsatte hennes själ att brinna med samma stora, klara låga.

Efter februari-revolutionen 1917 frigåvos alla ryska politiska fångar i Sibirien. Bland dessa befann sig även Maria Spiridonova. Vem kan väl beskriva det jubel med vilket hon mottog nyheten om att hon återfått friheten?

Hon vägrade att lämna fängelset tills hon blivit förvissad om att alla politiska fångar skulle frigivas.

Under folkets stora jubel återvände Maria Spiridonova till Ryssland. Men inte för att slå sig ner i Vinterpalatset, inte för att bliva rådd, inte för att vila på sina lagrar.

Hon återvände för att kasta sig i det upprörda hav som bestod av massornas frigjorda energi, särskilt böndernas, som vördade och litade på henne. Hon blev ledaren för Bondderepresentanternas allryska sovjets verkställande kommitté. Såsom sådan inspirerade, organiserade och ledde hon böndernas nyvaknade energi och företagsamhet.

En del av de gamla revolutionärerna kunde icke, trots det de under många år befruktat den revolutionära jordmånen med sina tårar och sitt blod, fatta vad den nya tiden närmast krävde. Icke så Maria Spiridonova. Hon insåg genast, att februari-revolutionen endast var inledningen till en ännu större och mera djupgående förändring.

Medan oktober-revolutionen, likt ett mäktigt snöskred, begrov många av de gamla revolutionärerna, så förblev Spiridonova fast i sin revolutionära tro vid folkets sida. Och just då behövde de henne också som bäst. Dag och natt arbetade hon för sitt älskade folk. Hon var själva själen i jordbruksdepartementet och utarbetade en plan för landets socialisering, som just då var ett av Rysslands viktigaste problem. Det är verkligen ett underverk att hennes klena kropp och försvagade lungor kunde uthärda den förfärliga ansträngningen. Endast hennes starka viljekraft och underbara hängivenhet kunde framgångsrikt uppehålla henne under denna svåra och ansträngande tid.

Redan tidigt 1918 insåg Maria Spiridonova att större fara hotade revolutionen

från dess vänner än från dess fiender. Bolsjevikerna, som kommit till makten, tack vare sina revolutionära härskrin vilka de lånat delvis från anarkisterna och delvis från de social-revolutionära, slogo snart in på en ny väg. Det första steget på denna väg var Brest-Litovskfreden. Lenin påyrkade ratificiering av denna »fred», »för att vinna andrum åt revolutionen». Maria Spiridonova, såväl som många andra revolutionärer, för vilka revolutionen icke endast var ett laboratorium för politiska experiment, bekämpade med bestämdhet ratificieringen av Brest-Litovskfreden. De förfäktade att en sådan fred innebar ett förräderi emot Ukraina, som då segerrikt drev de tyska inkräktarna från sydryssland. Ävensåförfäktade de, att följden av freden skulle bliva att bolsjevikpartiet skulle få fullständigt herravälde över det ryska folket samt undertryckandet av alla andra politiska rörelser med ty åtföljande bittert inbördeskrig; kort sagt, att det av Lenin benämnda »andrummet» skall visa sig vara dödsstöten åt revolutionen. Trotsky och många andra kommunister voro också motståndare till Brest-Litovskfreden; även de sågo faran däri. Men de blevo snart tvingade av partiets järndiciplin att antaga densamma. Lenin avgick med segern och

Ryska revolutionen beträdde sitt Golgata.

Under min vistelse i Amerika hörde jag många mot varandra stridande berättelser om Maria Spiridonovas öde i Sovjetryssland. Så snart som jag anlände dit försökte jag genast att göra mig underrättad om henne. Ansvariga kommunister meddelade

880606330

The Emma Goldman Papers

[Workers, save Maria Spiridonova! In Swedish] Arbetare, rädda Maria Spiridonova! / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. –no. 17 (April 29, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

mig att hon lidit av en svår nervåkomma varigenom hon blivit fullständigt hysterisk och därför intagits på ett sanatorium, »för sitt eget bästa och erhållande den bästa skötsel».

Jag fick icke tillfälle att träffa henne förrän i juli 1920. Jag fann henne boende i Moskva olagligt, i ett litet rum, återigen förklädd till bondkvinna liksom under tsarens dagar. Hon hade rymt från

"sanatoriet och den utmärkta skötseln", som visat sig vara ett bolsjevikfängelse.

Jag fann ej ett spår av hysteri hos Maria Spiridonova. Vad jag däremot fann var en av de stoltaste, säkraste och lugnaste personer som jag dittills mött i Ryssland. Under hela två dagar var jag fördjupad i Spiridonovas redogörelse över den ryska revolutionen: huru folket hade lyfts till den högsta höjd av stora hopp och möjligheter och sedan av kommuniststatens maskin åter slungats ner i eländets och förtvivlans djup. Det var en underbart klar och övertygande berättelse. Det var då som jag fick veta att bolsjevikerna hållit henne fängslad två gånger.

Första gången var efter Mirbachs död, då bolsjevikerna upplöste sovjeternas 5:te kongress och arresterade hela den av Spiridonova ledda vänstersocial-revolutionära gruppen. Frigiven efter 5 månader, blev hon återigen arresterad under senare delen av januari månad 1919 och inspärrad i ett »sanatorium» — icke på grund av hysteri eller andlig svaghet, utan därför att bolsjevikerna varken genom smicker eller mutor lyckades förmå henne att godkänna den så kallade proletariatets diktatur. Hon hade öppet talat till folket och låtit det veta vilka faror som hotade revolutionen från bolsjevikernas nya politik och folket hade med glädje åhört henne.

Bolsjevikerna försökte inbilla världen — förklarade Spiridonova — att den vilda förföljelsen mot de vänster-social-revolutionära som igångsattes efter det desamma dödat Mirbach, helt och hållet berodde på att de försökt bemäktiga sig regeringsmakten. Detta försök hade fullständigt uppkonstruerats av bolsjevikerna. Spiridonova tillbakavisade eftertryckligt — och hennes ord hava bestyrkts av en massa bevis genom offentliga handlingar — påståendet att hennes grupp någonsin skulle hava haft för avsikt eller försökt att fråntaga kommunisterna regeringsmakten. Gruppen ansåg Brest-Litovskfreden som det grövsta förräderiet emot revolutionen. De ansågo Mirbachs närvaro i Ryssland som en förolämpning och som ett hot från imperialismen. De begärde öppet att Mirbach skulle dödas och att folket skulle resa sig emot de tyska inkräktarna. De insågo att revolutionen var i fara. De framlade öppet sitt program, men varken Spiridonova eller hennes kamrater hade någon vetskap om eller deltogo i någon stämpling för övertagandet av makten. Efter det Mirbach dödats for Spiridonova själv till sovjeternas 5:te allryska kongress, som just då hade sammanträde, för att därstädes uppläsa det av hennes grupp uppgjorda officiella tillkännagivandet, som

förklarade varför det var nödvändigt och berättigat att döda Mirbach.

Hon och hennes kamrater voro [illegible] beredda att bära följderna av sin handling gent emot Mirbach. Bolsjevikerna hindrade dokumentets uppläsning genom att upplösa den 5:te kongressen och genom att arrestera alla bonderepresentanterna med Maria Spiridonova i spetsen.

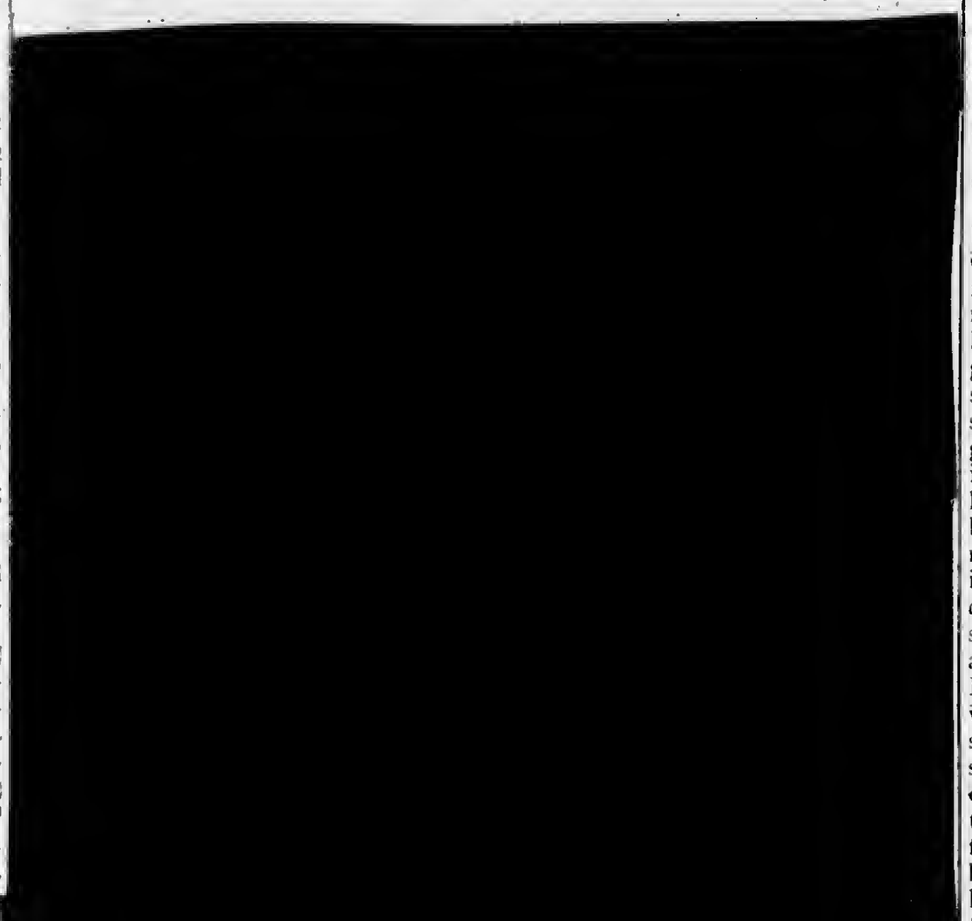
I september 1920 företog tjekan återigen en av sina periodiska razzior för att därigenom visa vilken nytta den gjorde den ryska revolutionen. Under razzian, vilken ägde rum i Moskva, upptäcktes av en händelse Maria Spiridonovas gömställe. Hon låg där sjuk i tyfus och kunde

krisen var överstånden förflyttades Spiridonova,

ehuru ännu mycket sjuk, till Ossoby Otdell (hemliga polisavdelningen) och inlades på fängelsets sjukhus.

Hennes tillstånd var så allvarligt att en annan häktad vänstersocialrevolutionär, en kvinna som Maria blivit bekant med i Sibirien, tillåts att vårda henne. Båda två ställdes under den strängaste uppsyn utan ringaste möjligheter att komma i förbindelse med sina vänner.

I juni månad 1921 erhöll man ett brev från fängelset, som i dystra färger skildrade Maria Spiridonovas förfärliga levnadsförhållande därstädes. Tjekist-»kamraternas» ständiga

vakt över henne, den ensamma fångenskapen samt bristen på andlig och fysisk föda fullbordade sakta men säkert vad tsarens tortyr icke förmått.

Spiridonova hade angripits av skörbjugg — hennes ben och armar voro svullna, hennes tänder och hår föllo av.

Därjämte led hon utav hallucinationer: hon tyckte sig jämnt och ständigt förföljd av tsarens gendarmer och Lenins tjekister. Ett tag hade hon försökt att begå självmord genom att svälta. Tjekan hotade med att tvångsmata henne men bifölls slutligen två av hennes närmaste vänners, Izmailovitch och Kamkov, själva fångar, begäran att låta dem försöka förmå Maria att intaga föda.

Under de två kongresser som höllos i Moskva i juli 1921 spredo Spiridonovas kamrater ett manifest, som de även tillsänt kommunistiska partiets centralkommitté och huvudrepresentanterna för regeringen. I detsamma fäste de uppmärksamheten på Maria Spiridonovas tillstånd och begärde att hon skulle frigivas, så att hon måtte kunna komma i åtnjutande av ordentlig läkarbehandling och vård. En bemärkt utländsk kvinna, ombud till kommunistinternationalens 3:dje kongress, intresserades för saken. Senare meddelades att hon talat med Trotskij, som sagt, att Spiridonova ännu var alltför farlig för att kunna frigivas. Det var först sedan redogörelser över den berömda revolutionärens tillstånd publicerats i den europeiska socialistpressen som hon frigavs, mot det villkoret, att hon skulle återvända till fängelset så snart som hon tillfrisknat. Hennes vänner som vårda henne hava sålunda nu att välja mellan två ting: antingen måste de låta Spiridonova dö eller efter en tid sända henne åter till tjekans »utomordentliga skötsel».

Endast en sak kan numera rädda Maria Spiridonova: möjligheten att lämna Ryssland. *Hennes vänner hava framställt denna begäran till bolsjevikregeringen, men hittills* utan resultat. Den civiliserade världens protest räddade Spiridonovas liv år 1906. Det är verkligen tragiskt att en liknande protest återigen är behövlig för att möjligtvis kunna rädda henne. Borta från tjekans alltid spejande öga, borta från det torterade Rysslands nöd och elände, någonstädes i den fria, rena fjälluften kanske Maria Spiridonova skulle kunna återvinna sin hälsa och sina krafter.

Hon har lidit döden hundra gånger om.

Skall hon återfå livet?

BRAND 2914 "ARBETARE, RÄDDA MARIA

379

880606324

The Emma Goldman Papers

[The situation of children in Russia. In Swedish] Barnens ställning i Ryssland / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. – (May 20, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

Brand

Ungsocialistiska partiets organ

Lösnummer 20 öre. *I utlandet 25 öre.* Utkommer varje vecka.

N:r 20. | *Prenumerationspris.* Helt år 8: –; fjärde kvartal 0: 40; halvt år 4: 50; kvartal 3: 40. Till utlandet för helt år 10: –; halvt år 6: 50; kvartal 3: –. Postarvodet inberäknat. *Annonspris:* 30 öre pr millimeter i 3:e sidan. | Lördagen den 20 Maj. | Redaktör: C. J. BJÖRKLUND | Expeditionens och Redaktionens adress: Ölandsgatan 48 1 tr., Stockholm 4. Rikstel. 4775, Allm. 34727. Tryckeriet anku. 34727 Expeditionstid 9—6. Lördagar 9—4. | 1922.

Barnens ställning i Ryssland.

För Brand av EMMA GOLDMAN.

Den fördärvliga makt, som kommuniststaten skapat och som tillintetgör alla allvarliga strävanden, är i intet fall så uppenbart ond som i fråga om bolsjevikernas åtgärder till förmån för barnen. Men hur mycket än av alla berättelser om barnens liv i Ryssland är blott och bart legendariskt, medgivas måste dock, att ett stort försök satts i scen. Varför är det förfelat?

Jag minns det intryck, som gjordes på mig av en av talarna vid den andra årsdagen av oktoberrevolutionen. Det var i Madison Square Garden år 1919. Mannen hade just återvänt från Ryssland. Han hänförde auditoriet till entusiasm med beskrivningar över den vård och omsorg, som ägnades barnen i Ryssland.

Mina tankar gingo till detta lands folk, till massan, som hade kastat av seklernas ok och nu »leddes vid ett barns hand». Det var så underbart. Under hela min resa på det flytande fängelset »Burford», fyllde och värmde tanken på det verk, som uträttats för barnen i Ryssland, min ande. Hur full av löften var icke tanken att bli en del av detta bländande nya liv! Men i Ryssland blev det klart för mig, att jag icke räknat med den fördärvliga makten, som undertryckte varje annan kraft inom dess sfär.

Det är sant, att bolsjevikerna gjort sitt yttersta för barnen och deras uppfostran. Det är också sant, att, om de misslyckats i att sörja för de ryska barnens behov, felet icke så mycket är deras som fiendernas till den ryska revolutionen. Interventioner och blockader har hårdast tyngt de oskyldiga barnens och de sjukas svaga skuldror. Men även under mera gynnsamma förhållanden skulle bolsjevikstatens byråkratiske onda icke kunnat annat än omintetgöra de bästa avsikter och paralysera de största ansträngningar från kommunisternas sida till förmån för barnen och deras uppfostran.

Jag hade redan varit flera veckor i Ryssland, innan jag kom i tillfälle att besöka den första skolan, den bästa i Petrograd. Den kallades pokazatelnaya shkola, mönsterskola, ordagrant förevisningsskola. Jag fattade icke meningen med det sista. Skolan var inrymd i Hotell L'Europe, som hade mycket kvar av sin forna elegans, rymliga rum, vackra kandelabrar och luxuösa möbler. Vintern 1920 var bristen på bränsle så stor, att befolkningen höll på att förgås. Det var därför nödvändigt att samla barnen i så få rum som möjligt. Men dessa voro rena, väl iordninggjorda och komfortabla. Barnen, som voro mellan 6 och 13 år gamla, sågo rena, välfödda och belåtna ut. Den tjänstgörande läkaren förde mig genom den stora inrättningen, som innefattade ett kök med blänkande kopparkastruller, och förklarade allting i detalj. Skolan var ett slags samlande och distribuerande centrum. Barnen kommo dit från alla delar av Ryssland, mestadels från provinserna. De kommo i kläder fulla av ohyra, sjuka och utmärglade. De badades, vägdes, mättes, fingo mat och allmän behandling. Under en kort tid kvarstannade de i skolan, erhöllo elementär undervisning och skickades sedan till andra barnskolor. Vad jag såg gjorde ett starkt intryck på mig. Här såg jag verkligen bevis på sanningen av de berättelser, som jag hört i Amerika om de stora ting, som i Ryssland uträttades till barnens bästa.

Det var endast en mörk punkt i den vackra tavlan. En tillfällig anmärkning av läkaren avslöjade för mig att en del av barnen icke voro närvarande, emedan »de höllos isolerade». »Någon smittosam sjukdom?» frågade jag. »Nej, men de äro litet tjuvaktiga, så att vi måste avskilja dem från de andra barnen.» Jag var förstummad. Jag såg framför mig den gamle skolmästaren Tolstoj, som han porträtterats av Ernest Crosby. Ett av barnen i hans skola hade stulit något. Ett av barnen hade avslöjat tjuven och bådo sin lärare straffa honom. Lärare och lärjungar kommo överens om att ett märke med inskriptionen »Tjuv» skulle placeras på brottslingens rygg. Då det skulle hängas på honom, blev Tolstoj slagen av uttrycket i barnets ögon, en blick av förödmjukelse och stum anklagelse. Nej, icke barnet var förbrytaren, det var han, Tolstoj; och de andra barnen, allesammans, som kunde låna sig åt en sådan grymhet som att brännmärka barnet som tjuv. Från den stunden, straffades aldrig ett barn i Tolstojs skola. Men här i det stora, fria revolutionära Ryssland straffas barnen, isoleras, brännmärkas som tjuvar och omtalas som »moraliskt defekta». Jag var häpen, förvirrad. Emellertid ville jag icke låta detta förmörka den vackra bild Hotell L'Europe företedde.

Något senare besöktes jag av en kvinna jag känt i Amerika under många år. Jämte sin make och sin unge son hade hon skyndat till sitt fosterland strax efter februarirevolutionen. Hon hade varit med om de stora oktoberdagarna, och sedan dess hade hon varit engagerad inom olika verksamhetsfält, men barnens vård var hennes huvudintresse. Nu var hon föreståndarinna för en internat, en flickskola. Kvinnan berättade för mig en hel del om sitt arbete, om barnen och den bittra kamp, som måste föras för att anskaffa det nödvändigaste för skola. Hennes berättelse stod i så hjärt kontrast till vad jag sett på Hotell L'Europe, att jag hade svårt att tro den. Och dock visste jag, att hon var absolut ärlig och trovärdig. Det tycktes mig vara oförklarligt.

Jag bad min väninna stanna till kvällsmat. Vi samtalade om gemensamma bekanta i Amerika, om oktoberrevolutionen och dess verkan på de förtryckta klasserna i världen, under det jag skalade potatis i min improviserade kokvrå. »Kasta inte bort skalen!» uppmanade hon mig. »Varför? Vad vill ni med skalen?» frågade jag. »Barnen gör potatiskakor av dem och bli så glada över att få dem.» »Barnen?» undrade jag. »Hur är det möjligt?» Få de icke de bästa ransonerna? Jag såg själv på Hotell L'Europe, att barnen uppfödde med mjölk, cacao, ris, vitt bröd och även kött. Mitt främmande log sorgset. »Kom till min skola», sade hon, »och övertyga er själv därom.»

Jag gick dit, icke endast en gång utan många. Där såg jag medaljens frånsida. Men icke ens då var det så lätt att övertyga mig. Det fanns 65 barn i denna skola. Deras föda var knapp och av dålig beskaffenhet. De flesta underhöllos med vad anhöriga och släktingar skickade från landet. De hade dåligt med varma kläder och största delen saknade skodon. Min väninna måste öda mycken tid och hela sin energi på olika göromål i skolhushållet. Det tog två veckor att få tjugu träskedar för de 65 barnen. Efter en hel månads ansträngningar med att stå i kö för att få företräde hos de höga funktionärerna fick hon tjugu par snörskor. Det behövdes sammerligen mycken visdom och mycken takt att dela dessa tjugu par bland de 65 barnen utan att framkalla avundsjuka och gräl bland dem. För varje gång jag gjorde ett besök på skolan blev jag alltmer övertygad om att det var på tok någonstans. Huru annars förklara skillnaden mellan den vård barnen fingo i skolan vid Kronversky Prospekt? Där fingo barnen

Barnets ställning i kapitalistsamhället.

880606324

The Emma Goldman Papers

[The situation of children in Russia. In Swedish] Barnens ställning i Ryssland / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. – (May 20, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

det bästa av allting, föda, kläder, konserter, dans, i själva verket nästan för mycket i betraktande av det allmänna läget. Här hade barnen så litet, att de ständigt voro hungriga, och det lilla de fingo, hade endast med de största ansträngningar kunnat anskaffas. Snart konstaterade jag nya fakta. Det fanns icke tillräckligt av föda eller kläder i Ryssland för alla barn. Bolsjevikerna ansågo det vara nödvändigt att i varje stad ha några få förevisningsskolor för utländska ombuds och delegationers skull. Man paraderade med, utställde och skrev om barnen vid varje lämpligt tillfälle. Dessa skolor fingo gräddan av allting. Vad som blev över, gick till de andra skolorna, som naturligtvis voro i majoritet. Personer, som besökte dessa förevisnings- eller mönsterskolor och inga andra och bedömde barnens omvårdnad i Ryssland efter dem, voro naturligtvis fullständigt okunniga om den stora massans av barnen verkliga förhållanden under bolsjevikregimen.

Internationalen och blockaden äro huvudsakligast skyldiga till det förfärliga armodet i Ryssland. Dock hade vad som fanns att tillgå av livsförnödenheter för barnen kunnat fördelas mera likformigt. Bolsjeviksystemet har infört åtskillnad och olikhet för barnen, liksom det gjort det vid behandlingen av arbetarna. För de senare uppgjordes officiella ransonkategorier. För barnen var det praktiskt taget detsamma ehuru icke officiellt. I första rummet var systemet med mönsterskolor fördärvligt, demoraliserande och gav upphov till speciella previlegier. Det gav plats för fordringsfullhet, skamlighet och bedrägeri, som icke kunde undgå att öva inflytande på både lärare och barn. Främst av allt var det statscentralisationen och dess maskinerikomplex av byråkrati som gjorde bolsjevikernas bästa ansträngningar, i detta liksom i andra fall, värdelösa och ofruktsamma.

För hundra år sedan överraskade Gogol sina landsmän med sitt stora arbete »Döda själar». Det var en svidande vidräkning med den ryska feodalismen och dess parasitism. »Döda själar» ha levat upp igen i Ryssland. Men nu finns ingen Gogol. Och om det finnes, skulle han ha mycket mindre utsikt att bli hörd i Ryssland av i dag än den store Gogol hade på sin tid. Vilka äro dessa moderna döda själar? Det klargöres bäst genom exempel. Varje skola, varje institution med barn och vuxna människor är berättigad till kläder och föda i relation till antalet medlemmar. Alla institutioner bero av det centrala distributionsdepartementet (i Petrograd Petrokommuna, i Moskva Moskokommuna) i fråga om sina behov. Otaliga ordres, undertecknade av tjogtals tchinovniki erfordras för allting, som behövs av en given institution. Dessa tjänstemän fördröja systematiskt en sak tills de erhålla mutor i någon form. Det är därför nödvändigt rekvirera för mera än institutionens verkliga numerär, så att det överskjutande kan lämnas som mutor även till hungriga vänner till institutionens »ekonomiska manager».

Min väninnas skola hade t. ex. 65 barn. Alla tidigare föreståndarinnor hade lagt till ett antal fiktiva namn — döda själar — till det verkliga antalet barn i skolorna. Som gengäld för de extra ransoner, som sålunda erhöllos och användes som mutor tillförsäkrades de snabb expediering. Sedan de som hade hand om skolorna på detta sätt skyddat sig med »inflytande» i de olika departementen, gjorde det ingenting om de saboterade sitt arbete, vårdslösade och t. o. m. misshandlade barnen. De hade ju »vänner däruppe». Följderna av detta äro ju självklara. Men min väninna ville icke låna sig till detta bruk. Hon vägrade att befatta sig med döda själar. Hon visste att varje död själ levde på något barns redan förut otillräckliga tilldelning. Hon vägrade att föda de otaliga inspektörerna och tuktomästarna i hennes distrikt. Följden blev en lång och bitter kamp med dessa, en kamp, som undergrävde hennes hälsa och slutade med att hon skildes från sin befattning, och bokstavligen kastades ut på gatan. Förstod i spetsen för Petrograds uppfostringsdepartement, madame Lilina. Hon kunde aldrig träffas och hon besökte aldrig min väninnas skola. Förevisningsskolorna togo all hennes tid i anspråk. Dessutom skulle madame Lilina knappast ha trott hennes historia. Det är icke vanligt, att man ägnar någon uppmärksamhet åt »outsiders», som göra anmärkningar mot kommunister. Det är, i förbigående sagt, farligt att syssla med sådant.

Senare har jag träffat madame Lilina. Jag tror hon är allvarligt menande och mycket hängiven sitt arbete. Men hon är bigott och utan framsyn. Hon litar fullständigt på sina underordnade, alla kommunister, när det gäller underrättelser om läget och tillståndet i skolorna. Kriteriet på pålitlighet och vederhäftighet i Ryssland är trohet mot och medlemskap i kommunistpartiet. Det är lätt att tänka sig följderna.

(Forts.)

STÄLLNING I RYSSLAND "BARNENS" BRAND · 2015

381

880606331

The Emma Goldman Papers

[Save Maria Spiridonova. In Swedish] Rädda Maria Spiridnova! / Emma Goldman.—21 cm. *In* Brand [Stockholm]. —(May 20, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

Rädda Maria Spiridonova!

Sedan min artikel om Maria Spiridonova, som offentliggjordes i Brand n:r 17, var skriven begärde ryska röda korset i Moskva av Unschlicht, ordföranden för Moskva tjeka nu omdöpt till »politisk Ochrana», tillåtelse för Spiridonova att lämna Ryssland. Till svar har denne trogne försvarare av den bolsjevikiska staten sagt att förhållandena i Europa skulle vara mycket skadliga för Spiridonovas hälsa, följaktligen bör man icke giva henne möjlighet att resa utomlands. Denna ursäkt av Unschlicht förefaller mycket märkvärdig när man ser på det faktum att de europeiska förhållandena tyckas inte hava skadat den sjuka delegationens i Genua hälsa, inte heller hava de inverkat på någon av de talrika representanterna för bolsjevikerna, vilka översvämma huvudstäderna i Europa.

Varför skola då de europeiska förhållandena skada Maria Spiridonova?

Sakförhållandet är, att Unschlichts ursäkt är bara en bland de många manövrer som bolsjevikerna alltid göra när de vilja komma ur en svår situation. De inte bara icke bry sig om Spiridonovas välfärd, utan de hava gjort allt möjligt för att bliva av med henne, och skola tvivelsutan upphäva en lättnadens suck om hon ville göra dem den tjänsten att helt och hållet försvinna ur livet. Sedan hon blivit befriad ur 'Ossoby Odel» (hemliga polisavdelningen), var det icke bolsjevikerna, utan röda korset samt Spiridonovas personliga vänner som tillmötesgick hennes önskningar. Varför då denna plötsliga, ömma omtanke från Unschlichts sida?

Rätta förhållandet är att Spiridonova förblivit oförsonlig. I Ryssland är hon underkuvad, i Europa skulle hennes röst bliva hörd. Herr Unschlicht vet detta och Kreml vet detta, därför får hon inte tillåtelse att lämna landet.

I alla händelser få arbetarna i Europa inte låta lura sig genom Unschlichts ursäkter. De måste uppställa ett bestämt och ihärdigt krav på den bolsjevikiska regeringen att den friger Maria Spiridonova.

Det är det minsta de revolutionära arbetarna kunna göra för en som har kämpat så länge och så hjältemodigt för de undertryckta i Ryssland och den övriga världen.

Maria Spiridonova, som varken tsaren eller den bolsjevikiska regeringen har kunnat muta, överlista eller bekämpa, förtjänar stödet av det revolutionära proletariatet. Hjälp henne ur den »ömma omsorgen» och Unschlichteiterna och deras regerings händer.

Emma Goldman.

890317191

The Emma Goldman Papers

[Emma Goldman and her anarchism. In German] Emma Goldman und ihr Anarchismus / Emma Goldman. – (May 20, 1922, newsclipping). – 7 p. ; 34 × 22 cm.
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Samstag, den 20. Mai 1922.

EMMA GOLDMAN UND IHR ANARCHISMUS.

[illegible] eines [illegible]
[illegible] Methuselah"
[illegible] Bild einer
[illegible] der entlegenen
[illegible] aussieht, sich nur ge-
[illegible] lassen kommt und bei deren
[illegible] Fragen es sich nur darum
handelt, wann und zu bestimmen, ob Newton oder Einstein, oder sagen wir, Charles Darwin oder William Jennings Bryan recht haben, kurz, einer Gesellschaft, in welcher der Erfolg der Opposition nicht zur Folge haben kann die Umgestaltung des Gesellschaftssystems, die Wiederversklavung von Millionen und den sicheren Tod von Hunderttausenden ihrer ergebensten Vorkämpfer. Sowjet-Russland ist von diesem Zustand noch recht weit entfernt; es ist von einer Welt in Waffen umringt, die jeden Augenblick bereit ist, es aufs neue anzugreifen; eine schreckliche Hungersnot nagt an seiner Lebenskraft, und die Bevölkerung, geschwächt durch den langen Kampf, ist der Verzweiflung nahe und vielleicht bereit, ein williges Ohr den gegenrevolutionären Abenteurern zu leihen, die ihr Brot versprechen unter der Bedingung, dass sie ihnen dabei behilflich ist, die Kommunisten auszurotten und die alte Ordnung mit einigen "demokratischen" Floskeln wiederherzustellen. Es ist dies eine Lage, wie sie noch niemals eine andere Regierung zu gewärtigen hatte, und es ist wahrlich kaum zu erwarten, dass unter den bestehenden Umständen die russische Regierung ihre Todfeinde mit derselben Rücksicht auffasst, mit der man die Gegner seiner rein theoretischen Ansichten behandelt.

[illegible] steht es gerade dieses Un[illegible] von der Sowjet-[illegible] Einige Blätter [illegible] ein Telegramm, [illegible] von Anatole France [illegible] gesandt wurde, in dem dieser gegen die Prozessierung des Zentralkomitees der Partei der Sozialisten-Revolutionäre protestiert. Und diese Aufforderung eines aufrichtigen Freundes der Arbeiter-Republik diente dem New Yorker englischen Tagblatt der Socialist Party als Vorwand zu einem tückischen und unehrlichen Angriff gegen die Sowjet-Regierung.

Selbst wenn dieses Telegramm abgesandt wurde, würde es uns fernliegen, Anatole France zu grollen. Der geistreiche Schriftsteller, der ohne Zweifel zu den grössten Denkern der Neuzeit gehört, und der zum Protest gegen die Infamie des Versailler Friedens sich der Kommunistischen Partei Frankreichs anschloss, würde durch die Absendung dieses Protestes bloss bewiesen haben, dass selbst die scharfsinnigsten Geister sich manchmal von sentimentalen Rücksichten fortreissen lassen. Anatole France hat dieses schon früher einmal durch sein eigenes Beispiel veranschaulicht: Trotz allem, was er in seinen "Ansichten des Jerome Coignard", in seiner "Pinguinen-Insel" sowie in anderen Werken über die moderne bürgerliche Zivilisation und Demokratie sagt, liess er sich während des Krieges von der proalliierten Propaganda hinreissen und schrieb beinahe wie Gerhard Hauptmann. Er hat seitdem seine Ansichten grundlich geändert und wir sind sicher, dass er diesen Protest nicht abgesandt hatte, wenn ihm der in Frage kommende Tatbestand bekannt gewesen wäre.

Der in Frage kommende Tatbestand wurde sachlich von zweien der hervorragendsten Mitglieder der "verfolgten" Partei selbst dargelegt. Wir möchten uns hier besonders auf eine Broschüre berufen. Die militärische und terroristische Betätigung der [illegible] Revolutionäre in den Jahren 1917 1918", auch er ohne Rücksicht auf ihre Traditionen, ihren Heroismus oder ihren Mut die auch nur einen einzigen politischen Gefangenen aufzuweisen hat, ist keine freie Regierung. Freiheit bedeutet Freiheit, oder sie ist es nicht."

Diese Sätze sind wirklich sehr interessant. Sie scheinen die Behauptung aufzustellen, als ob die Führer der proletarischen Revolution jemals behauptet hätten, die proletarische Diktatur sei eine "freie Regierung" (was schon ein innerer Widerspruch an und für sich ist) — während sie in der Tat es niemals unterliessen, zu betonen, dass die Arbeiter-Regierung eine Organisation der Unterdrückung und des Zwanges gegen jene war, die ununterbrochen, mit den gewalttätigsten und schonungslosesten Mitteln, die ihnen zur Verfügung stehen, die Herrschaft der Bourgeoisie wieder herstellen wollen. Der Verfasser dieser Sätze scheint auch der Meinung zu sein, dass das Sprengen von Zügen und Brücken, die Beraubung öffentlichen Eigentums und die Ermordung der Führer der Revolution, einfach der Ausdruck der "Minoritäts-Ansicht" sind und daher vor jeder Verfolgung bewahrt werden müssen. In der Tat, ein sehr "radikaler" Gesichtspunkt. Wir fürchten jedoch, dass die Sowjet-Regierung viel zu engherzig ist, um sich jemals zu solchen Ansichten aufschwingen zu können.

* * *

Es gibt Theorien, deren Verfechter dazu verdammt sind, immer das gerade Gegenteil dessen zu erlangen, das sie verfechten. Ein klassisches Beispiel für eine solche Theorie ist der Anarchismus. Ein Gemisch verschiedener einander ganz fremdartiger Elemente — bürgerlicher Individualismus mit seinem metaphysischen Postulat der absoluten Freiheit und der vollständigen Souveränität des Individuums, primitiver Kommunismus, gestützt auf den naiven Glauben an die angeborene Güte und den Edelmut der menschlichen Natur, und proletarischer Protest gegen den opportunistischen, possibilistischen und bourgeois-reformistischen Charakter der sozialistischen Parteien — hat der Anarchismus recht lange den schmeichelhaften, wenn auch unverdienten Ruf genossen, der unversöhnlichste Feind der bürgerlichen Gesellschaft zu sein. Doch seine Geschichte während der letzten funfzig Jahre, und besonders seit der November Revolution von 1917, hat unwiderleglich bewiesen, dass — abgesehen von vereinzelten terroristischen Protesten — der Anarchismus nichts anderes ist als eine religiöse Propaganda-Sekte, die sich nicht um das aktuelle Leben, sondern um die ferne Zukunft kümmert — das "Ideal", das dem "Jenseits" der alten Religionen wie ein Ei dem anderen ähnlich sieht. In Oesterreich und Deutschland wird von jenen Anarchisten, die sich den Kommunisten nicht angeschlossen haben, gegenwärtig den Arbeitern tolstoianische Gewaltlosigkeit, Pazifismus und Entwaffnung gepredigt, in den romanischen Ländern (Frankreich, Italien, Spanien) predigen sie die Revolution für das reine Ideal der Anarchie, von dem sie wissen, dass es gegenwärtig unmöglich verwirklicht werden kann; und hier in Amerika — befassen sie sich mit der Erziehung der neuen Generation und einer ihrer hervorragendsten Wortführer in diesem Lande hat vor kurzem ganz ernsthaft erklärt, dass die Gründung einer einzigen winzigen Ferrer-Schule für die Entwicklung der Menschlichkeit von grösserer Bedeutung sei als die vielumstrittene russische Revolution. Kropotkin selbst, kurz vor seinem Tod, zu einer Zeit, da in allen Ländern die Möglichkeit einer Weltrevolution in greifbare Nähe rückte, sprach in einem seiner Briefe davon, dass die Gewerkschaften bestimmt seien im Laufe der nächsten funfzig Jahre eine grosse Rolle in der revolutionären Bewegung zu spielen. — Mit einem Worte, der Anarchismus hat sich als revolutionärer Faktor vollständig ausgeschaltet und sich als Einschläferungsmittel für alle wahrhaft revolutionären Elemente entpuppt.

* * *

Soviel von den Anarchisten der alten Schule. Die Anarchisten neuen Stils in Russland, sind aus anderem Holze geschnitzt. Die Anarchie als blosses Ideal der fernen Zukunft genügte ihnen nicht, und im Laufe der letzten vier Jahre bemühten sie sich, den Anarchismus praktisch zu etablieren und den "Staat", d. h. die Sowjet-Regierung, zu "zerstören" — mit dem Erfolg natürlich, dass sie, trotz ihres Hasses gegen alle Formen der Tyrannei und Unterdrückung, in Wirklichkeit den kapitalistischen und imperialistischen Feinden der russischen Arbeiter glänzende Dienste erwiesen. Unversöhnliche Feinde jeder Regierungsform, entflammten sie die hungrigen Arbeiter der Städte gegen die Sowjet-Regierung, da sie ihnen nicht genügend Nahrung lieferte, und als die Regierung vermittelst Requisitionen in den Dörfern die nötigen Lebensmittel aufzubringen versuchte, da reizten sie die Bauern zum Aufstand gegen diese Regierung, die ihnen ihrer Ernte "beraubte".

Die Unzufriedenheit der Bauern mit der Requisitionspolitik der Regierung (infolge der Blockade, der Intervention und der sich daraus ergebenden Desorganisation der Industrie, war die Regierung unfähig, die Bauern mit den notwendigen Industrieprodukten und Werkzeugen zu versehen), gab diesen Anarchisten neuen Stils, welche ununterbrochen gegen die Diktatur, gegen die Rote Armee, die Bureaukratie usw. deklamierten, Gelegenheit, ihre eigenen Regierungs- oder richtiger Regierungslosigkeits-Theorien in Praxis umzusetzen. In der Ukraine hielt der anarchistische Insurgentenführer Machno während recht langer Zeitabschnitte ziemlich bedeutende Gebiete in seiner Gewalt. Und hier mussten die Anarchisten — angesichts des ununterbrochenen Krieges, den sie ebenso wie die Bolschewisten rastlos zu führen hatten, — alle das wiederholen, was sie vorher bekämpft hatten. Sie organisierten eine Armee, eine Militär-Diktatur, eine eiserne Disziplin, eine unabsetzbare Bureaukratie, sogar eine Art "Tscheka" — aber natürlich alle unter anderen Namen und in einer unglaublich rohen und barbarischen Form. Zwar wurden von ihnen, so viel uns bekannt, die Gerichte beseitigt, doch nur um einer summarischen und bestialischen Exekution eines jeden Kommunisten, oder kommunistischen Sympathien-Verdächtigen Platz zu machen.

Sie hatten noch eine andere Gelegenheit, ihre ultrarevolutionären Prinzipien zu betätigen, als sie sich an der Kronstädter Märzrevolte von 1921 beteiligten — einer Revolte, die — was immer auch die Gründe gewesen sein mögen — die sie verursachten, von allen Tschernowi, Sawinkows und Miljukows der russischen und internationalen Konterrevolution mit Begeisterung begrüsst wurde.

* * *

Wenn also die Anarchisten als Gruppe, sei es als harmlose Träumer, sei es als unfreiwillige Konterrevolutionäre, in Wirklichkeit in der Regel

BEST COPY AVAILABLE

383

890317191

The Emma Goldman Papers

[Emma Goldman and her anarchism. In German] Emma Goldman und ihr Anarchismus / Emma Goldman. – (May 20, 1922, newsclipping). – 7 p. ; 34 × 22 cm.
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

das Gegenteil von dem erreichen, das sie beabsichtigen, so gibt es doch zweifellos einzelne Anarchisten, die sehr wohl wissen, was sie wollen. Das sind diejenigen, die in ihrer idealistischen Jugend sich in den Augen der Bourgeoisie eine gewisse grausige Berühmtheit erworben haben und die in den späteren Jahren, auf Grund ihrer Vergangenheit und der mit ihrem Namen verbundenen Schander Reklame, das bequeme und einträgliche Geschäft von "radikalen" Berufsrednern über mehr oder weniger unpolitische Fragen betreiben — bis sie eines Tagea, trotz ihrer absoluten Harmlosigkeit, einem plötzlichen Anfall von Regierungs-Hysterie zum Opfer fallen.

Es war das tragische Schicksal von Emma Goldman, einer dieser traditionellen Vertreter des Heilsarmee-Anarchismus, dass sie mit den Realitaten der Revolution und des Bürgerkrieges in Berührung kommen musste. Und da diese Realitäten sich notwendigerweise im absoluten Gegensatz befanden zu den Glaubensartikeln und Auffassungen des anarchistischen Sentimentalismus, gibt sich diese typische Doktrinärin, die sich bloss fur ihr abgelebtes theoretisches Steckenpferdchen interessiert, nicht die Muhe, die Schattenseiten der Revolution zu begreifen und den wahren Ursachen ihrer Mängel, Niederlagen, Unzulänglichkeiten und Demutigungen auf den Grund zu gehen. Sie übersieht die durch den Kampf gegen eine ganze Welt von Feinden, angesichts der Unwissenheit und Entmutigung der grossen Volksmassen geschaffene schwierige Situation und wälzt die ganze Schuld vollständig auf die Unfähigkeit, die Korruption und — marxistischen Theorien der Bolschewisten. (Es ist interessant zu bemerken, dass die Menschewisten, ihrerseits das ganze Elend Russlands der Tatsache zuschreiben, dass die Bolschewisten die vernünftigen marxistischen Prinzipien aufgegeben haben). Und weit davon entfernt zu bedenken, dass sie durch ihre Angriffe dem Hilfswerk fur Russland schweren Eintrag tut — ist sie sicherlich auch davon überzeugt, dass die kapitalistische Presse, die ihr jetzt so gerne ihre Spalten und Geldsäcke öffnet, aus besserem sich ganz unwillkürlich [illegible] stige Verfassung des [illegible] das sie schreibt, anpasst und [illegible] sache beklagt, dass in ganz [illegible] und besonders in Frankreich [illegible] "Wiege der Freiheit", die "[illegible] des Volkes — errungen in [illegible] derte langen Kampfen — [illegible] fesselt darnieder liegen" (vor [illegible] archisten pflegte sie einst [illegible] ders von diesen "Freiheiten" zu [illegible] chen). Oder diese köstliche [illegible] kung in ihrem zweiten Artikel [illegible] das bolschewistische "jesuitische" Motto, dass der Zweck alle Mittel heiligt" — welche sicherlich manche ihrer Bewunderer verwundern wird, denen es bekannt ist, dass dieses Motto viele Jahrzehnte hindurch unter Anarchisten recht guten Klang hatte.

Ihr erstes grösses Argument gegen die Sowjet-Regierung ist der "Verrat" von Brest-Litowsk. Wie bekannt, hatte Russland zu jener Zeit so gut wie keine Armee mehr, die deutsche Arbeiterklasse, noch vollständig unter dem Banne der Scheidemänner, weigerte sich, ihrer Regierung entgegenzutreten; Amerika und alle anderen Mächte der Entente liessen alle Appelle der Sowjet-Regierung um militärische Hilfe unbeantwortet; und Lenin, angesichts der vollstandigen Aussichtslosigkeit eines weiteren Kampfes gegen Deutschland, empfahl die Unterzeichnung des Friedens. Selbst Trotzki und Radek, die ihm damals opponierten, gaben bald darauf zu, dass er vollkommen recht hatte. Dies nennt Frl. Goldman "Frieden schliessen mit dem deutschen Imperialismus uber den Köpfen des deutschen Volkes" — während in Wirklichkeit das deutsche Volk mit dem deutschen Imperialismus uber den Köpfen der Russischen Revolution Frieden schloss. Doch wer wird sich über solche Kleinigkeiten aufhalten! Was verschlägt es übrigens, dass Radek, von dem sie schreibt, dass er "damals in einem deutschen Gefängnis" war, zu jener Zeit an der russischen Delegation in Brest-Litowsk teilnahm, wo er den General Hoffmann bis zur hellen Wut [illegible], und dass er [illegible] ein Jahr später mit deutschen Gefangnissen Bekanntschaft machte, nachdem er [illegible]

[illegible]sten in ihrer Mehrheit aus [illegible] Zarischen Ochrana, aus den [illegible]schwarzen Hundert und den frühe[illegible]ren Armee-Offizieren rekru[illegible] werden". Und da sie in dem[illegible]n Artikel feststellt, dass die [illegible] ein "Staat über dem Staate" [illegible] so sind wir wirklich neugierig, [illegible] doch für eine seelische Wand[illegible] über alle diese zarischen Poli[illegible], Spione und Offiziere gehorsam sein muss, die, trotzdem sie in Mehrheit sind und noch dazu ein [illegible] über dem Staate", immer noch [illegible]rn, die alte zarische Ordnung [illegible]r herzustellen.

Wir übergehen Emma Goldmans [illegible]lungen über Maria Spiridonowa, die — bei aller Hochachtung [illegible] ihren Charakter und Mut — eine [illegible]che hysterische Sentimentalistin [illegible] revolutionären "Reinheit" ist, [illegible] der es lieber gewesen wäre, [illegible] russische Revolution, sei es [illegible] deutsche Soldateska oder [illegible] der Aushungerung der Städte [illegible] Tod gefunden hätte, als dass [illegible]ch auch nur vorübergehend [illegible] einen demütigen Frieden oder [illegible]waltsame Requisition des Ge[illegible] von den Bauern "entehrt" [illegible] Dieser Geisteszustand fand [illegible] charakteristischen Ausdruck [illegible] einem Artikel des grossen Vete[illegible] des romantischen Anarchismus, [illegible] Malatesta, im italienischen [illegible]blatt "Umanita Nuova" vom 19. März d. J., in dem es heisst: "Was für ein herrliches Andenken hätte uns die russische Revolution hinterlassen, wenn sie besiegt worden wäre zu einer Zeit, da sie noch eine Revolution war und noch nicht korrumpiert und erstickt wurde durch den autoritären Geist ihrer Leiter".

Wir verubeln ihr auch nicht ihre religiöse Verehrung für Peter Kropotkin, den Gründer und Patriarchen der anarchistischen Kirchengemeinschaft, welcher trotz seiner revolutionären Unversöhnlichkeit viel mehr Zärtlichkeit und Feuer in der Verteidigung der bourgeoisen "Demokratien" des Westens an den Tag legte, als in seinen Protesten gegen die Erwürgung der proletarischen Revolution durch dieselben Demokratien, und der in all den schweren Prüfungen der Revolution, die hauptsächlich durch die auswärtige Situation verursacht worden waren, nichts anderes sah, als die üblen Folgen der marxischen Theorien und deren spezifischen Auffassungen vom Wesen des Staates.

Fräulein Goldman scheint von den Greueln der „Ausserordentlichen Kommission stark erschüttert worden zu sein. Um ihre Nerven zu beruhigen, würden wir ihr empfehlen, die Berichte zu lesen uber die sanfte Behandlung, deren gefangene Bolschewisten, sei es seitens der "weissen" Kontrerevolutionäre, sei es seitens der anarchistischen Retter der Revolution unter Machno, teilhaftig wurden, wie dies im Tagebuch von Machnos Frau beschrieben ist (zitiert in J. Jakowlews "Der russische Anarchismus in der grossen russischen Revolution").

Wie bereits erwähnt, betonte die "World," dass Frl. Goldman auf Grund bolschewistischen Einflusses der Eintritt nach verschiedenen Ländern verwehrt worden ist. So viel wir wissen, ist dieser Einfluss nicht besonders stark soweit die gegenwartige amerikanische Regierung in Betracht kommt, und ist es daher zu hoffen, dass in nicht allzu ferner Zukunft Fraulein Goldman ihre nützliche Tätigkeit als Retterin der russischen Revolution hier in Amerika fortsetzen wird und zwar unter den Auspizien der Herren Palmer und mit der Genehmigung des Herrn Archibald Stevenson.

("Soviet Russia.")

SEEREISE

[illegible]

Eile rannte er [illegible] deltreppe hinauf. Die Männer, [illegible]

BEST COPY AVAILABLE

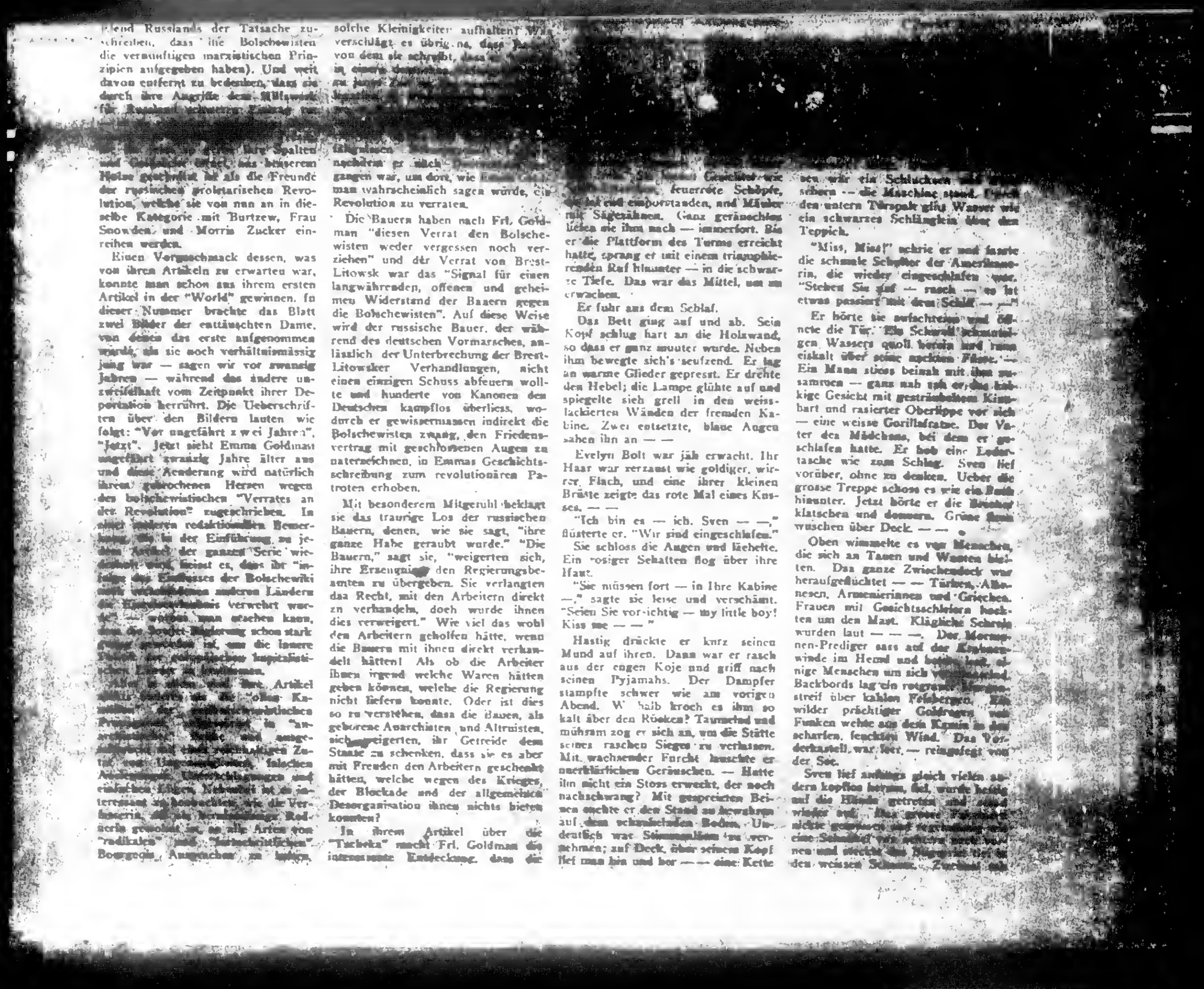
384

890317191

The Emma Goldman Papers

[Emma Goldman and her anarchism. In German] Emma Goldman und ihr Anarchismus / Emma Goldman.– (May 20, 1922, newsclipping).– 7 p. ; 34 × 22 cm.

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

BEST COPY AVAILABLE

890317191

The Emma Goldman Papers

[Emma Goldman and her anarchism. In German] Emma Goldman und ihr Anarchismus / Emma Goldman.— (May 20, 1922, newsclipping).— 7 p. ; 34 × 22 cm.
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

der jetzt dastand wie die Eselin von Jerusalem. Gezäumt und gesattelt war er zur Statt, und nun banden sie dem toten Mönch so fest auf ihn drauf, dass er sich nit rüppeln und rühren konnt, und gaben ihm zudem ausser dem Zügel noch einen langen Spiess unter dem Arm, als ob sie ihn zu harter Schlacht ausschicken wollten. Und dermassen fein ausstaffiert, führten sie ihn an das Portal der Klosterkirche, banden ihn dort leicht an einen Ring und kehrten heim. —

Als es dem Bruder Zeit schien, seine Strasse anzutreten, macht er die Tür auf, steigt auf seine Stute und will hinausreiten. Da — o Wunder! — sieht er den Meistetr zu Ross und den Spiess gerade gegen sich gerichtet, als ob er ihn mit dem Tod bedrohe, und kriegt einen Schrecken dermassen, dass er wähnt, tot zur Erde zu sinken und vom einem Gespenst verfolgt zu sein, welches ihm nun nimmer Rast gewähren würde, wies so ein dummer Abe.glauben ist.

Und wie er noch so zitternd und schlappernd vor Angst dasteht, ohne Wissen, wohin er seinen Weg nehmen soll, beginnt der Hengst, nach der Stute zu schnuppern, zerrt an seinem Eisenring und drängt nach der Stute hin. Darob erschrickt der Bruder noch mehr, aber er sieht kein anderes Paradies als loszureiten, zumal seine Stute schon, in unbedenklicher Weise, ihr Hinterteil dem Hengste zuwenden will.

Unser Herr Bruder war — das ist gewiss! — ein besserer Pfaff als Reitersmann; der gab nun seinem Gaul die Sporen, und vor lauter Angst presst er sie derart dem armen Eselein in die Flanken, und klammert sich so krampfhaft mit beiden Fäusten an die Mähne, dass dieses, mit offenem Zaum, wies ihm gut dünkt, durch die Gassen der Stadt stürmt, ohne Rasten und Säumen, da es ja merkt, dass es nit in der Deichsel lauft.

Wie nun der Hengst sieht, dass ihm seine Beute entwischen will, zerreisst er wutschnaubend die dünne Schnur und galoppiert der Stute nach. Der arme Bruder fühlt den Feind hinter sich; wenn er sein Antlitz wendet, scheint der mit erhobener Lanze, wie ein grimmiger Rauhritter, auf ihn einzudringen, und er schreit gottserbärmlich: "Helfet! Helfet!"

nig Ferdinand nach Salamanca, dem sofort die seltsame Fabula berichtet ward. Dem gnädigen Fürsten ging der Tod des Meisters Diego gar hart ans Herz, und doch kam ihm über der Erzählung des Vorgangs bei seinen Baronen ein so heftiges Lachen, dass er alle Hofsitte in Unacht zog und sogar höchsteigenhändig mit den Füssen zappelte. Nun nahte der Tag, da das arme Mönchlein unschuldigermassen strangulert werden sollte; aber Herr Rodrigo war ein Mann von Ehre, der nimmer einen Unschuldigen hätte sein Leben büssen lassen, darzu gar angesehen bei des Königs Majestät. So trat er vor, obschon viele Adelige und vielerlei Volk im Gerichtssaal beisammen waren, und sprach zum König: "Allergnädigster Herr! Das harte und ungerechte Urteil über den armen Minoritenbruder zwingt mich, in dieser Sache die Entscheidung zu bringen. Und wenn Eure Majestät dem Verzeihung gewähren wollen, der nach Recht und Fug der Mörder des Meisters Diego war, so will ich Wort um Wort die reine Wahrheit berichten!" Der König, so ein milder und gerechter Fürst war, sagt dies huldvollst zu, und nun erzählt der Ritter, vor den Augen aller Barone und alles Volks, wie sich die Sach zugetragen habe vom ersten Tag bis zum letzten, wie der Meister — Gott hab ihn selig! — ein sträflich Auge auf seine Frau Gemahlin geworfen, wie er unzüchtige Briefe und Botschaften ihr täglich zukommen gelassen, und all die anderen Liste und Ränke bis zum Puncto seines Endes. Der König schenkte dem edlen Herrn Glauben, liess dem armen Mönchlein seine Freiheit, welches nun selig zur Heimat zog, und entliess den Herrn Ritter Rodrigo in allen Ehren. War er doch ein Fürst, der gerecht und weise über allen seinen Landen herrschte!

IM STEINKOHLENWALD.

Von WILHELM BOELSCHE.

(Schluss).

Wir stehen mitten im Uebergang kiemenatmender Wassertiere der verschiedensten Tierstämme auf das Land. Keine Situation konnte das so begunstigen wie eine sehr feuchte Luft über Sumpfterrain.

Das Wassertier durfte hier gleich manchen Fischen und Krebsen von heute zeitweise den Sprung in die reine Luft wagen, ohne dass seine Kiemen gleich vertrockneten und es erstickten.

Im Nebel ist das "Amphibium" geboren worden, nicht nur das der Wirbeltiere, sondern auch in andern Tierstämmen. Denn "Amphibium" ist wohlverstanden ein ganz allgemeiner Begriff: er bedeutet ein beidlebiges Tier, das noch auf der Grenze von Kiemenatmung für das Wasser und reiner Luftatmung durch lungenähnliche Apparate steht. Auf seiner universalsten Stufe hat solches Amphibium noch Kiemen oder kiemenartig gebildete Wasserorgane und reine Luftatmungsorgane. So stehen bei den Wirbeltieren die Molchfische, die Lunge und Kiemen zeitlebens ge-

immer nur war) damals für die Dauer von vielen Jahrmillionen entgegenkamen, wenn wir das Wirbeltier auf der Amphibienstufe in jenen Tagen seine wahre Kolossalstufe einleiten sehen, die heute in jeder Weise vorüber ist. Es geht mit den Molchen und Verwandten heute noch in erhöhtem Masse wie mit den Gymnospermen bei den Pflanzen.

Was heute noch von Lurchen auf der Erde lebt, ist eine ganz untergeordnete Gesellschaft. Durchweg sind sie klein. Nur in verborgenen Winkeln Japans und Chinas leben noch ein paar Meter lange, aber total harmlose Riesensalamander. Die grösste Krote, der Ochsenfrosch und Verwandte, sie alle sind doch nur spasshafte Gernegrosse. Mehrere seltsame und altertumliche Kiemenmolche haben sich nur an, fast möchte man sagen, unwahrscheinlichen Orten erhalten, wie in unterirdischen, ewig dunkeln und fast unzuganglichen Gewassern; so der berühmte Olm in der Adelsberger Grotte.

Und man wurde im ganzen sogar noch viel weniger von unserm Lurchvolk merken, wenn es sich bei all

alte, fischhafte Kiemenatmung ab und atmeten so zeitlebens nur noch mit Lungen. Das neue Zeitalter, eben das der Reptilien, war damit still, aber entschieden eingeläutet.

Gleichzeitig waren die Mollusken mit der lungenatmenden Schnecke aufs Trockene gestiegen.

In jenen hohlen, sandgefüllten Baumstümpten der Zeit findet man sie bisweilen alle drei vereint vor: kleine Pupaschnecken mit Landatmung, echte Molche und vom Gliedertierstamm einen Tausendfuss, — Beweis, dass daa Tier die Situation ebenfalls allgemein begriffen hatte und der Pflanze nachkam.

Die Pflanzen machten zugleich die Luft in vereinter Arbeit immer reicher an Sauerstoff, also gerade an dem, was die Tiere brauchten.

Und wie Pfeiler, Brücken und Höhenzeiger deuteten sie rein räumlich in diese gereinigte Luft hinauf.

"Luft ist gereinigt,
Atme der Geist",

heisst es im "Faust". Das Wort hat hier eine tiefe Bedeutung.

Es handelt sich nicht bloss um eine gewöhnliche Erweiterung des Anpassungsspielraums für die Organismen bei diesem allgemeinen Aufstieg ihrer besten Spitzen auf das Land. Es steckte mehr darin. Für die Pflanze selbst bedeutete es bereits einen ganz gewaltigen Fortschritt in der Verfeinerung ihrer Organisation. Auf dem Lande ist erst das höchste Wunder des ganzen Pflanzendaseins geboren worden, ihr höheres Liebesleben, wie es sich in der von Insekten befruchteten, farbenschönen, duftenden Blüte, in jeder Rose etwa, uns vor Augen stellt. Auf dem Lande ist ihre hochste technische Leistung erst erreicht worden: der vollendete Kunstbau eines hochst entwickelten Baumes, wie ihn uns eine alte herrliche Eiche vorführt.

Aber noch viel mehr als das.

Es war der "Geist" im Organismen, der als Landtier an an dem gefälligen Pflanzenstamm emporkletterte, der die vom grünen Pflanzenblatt gereinigte Luft trank, vielleicht sich sogar durch die von ihm geschaffene Kuhle im Sinne jener Theorie des Arrhenius zu immer besserer, glücklicherer Leistung anspornen liess.

Aus diesem Molch, der da unbe-

BEST COPY AVAILABLE

386

890317191

The Emma Goldman Papers

[Emma Goldman and her anarchism. In German] Emma Goldman und ihr Anarchismus / Emma Goldman. — (May 20, 1922, newsclipping). — 7 p. ; 34 × 22 cm.

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

sich so krampfhaft mit beiden Fäusten an die Mähne, dass dieses, mit offenem Zaum, wies dann gut dünkt, durch die Gassen der Stadt stürmt, ohne Rasten und Säumen, da es ja merkt, dass es mit in der Deichsel lault.

Wie nun der Hengst sieht, dass ihm seine Beute entwischen will, zerreisst er wutschnaubend die dünne Schnur und galoppiert der Stute nach. Der arme Bruder fühlt den Feind hinter sich: wenn er sein Antlitz wendet, scheint der mit erhobener Lanze, wie ein grimmiger Raubritter, auf ihn einzudringen, und er schreit gottserbärmlich: "Hülfe! Hülfe!"

Heller Tag wars derweilen geworden, und drum lief Alles, was das ängstliche Geschrei hörte, an die Fenster und Türen, und Jedem erschiens ein gross Wunder zum Lachen, wie zwei niedere Brüder auf Gäulen einander jagten und der Eine mehr tot schien wie der Andere. Die Stute lief, wies ihr genehm, durch die und jene Gasse, der Hengst wütend hinterher: und oft genug bekam der gute Bruder einen kräftigen Stich von der Lanze seines toten Konfraters. Ein Haufe schreiender und lachender Kinder, Männer und Weiber verfolgte dies eigene Spektakel und schrie an jeder Gassenecke, indes die Buben mit Steinen warfen: "Stich, haul", und die Anderen hieben mit Stöcken auf den Hengst ein, dass es nur so eine Lust war. Wollt doch auch Jeder wissen, was die Ursache der sonderbaren wilden Jagd wäre! So langten sie zum Schloss an einem engen Stadttor an, wo sie gefangen und der Tote sowie der Lebendige gebunden wurden; und von Allen nun erst zu höchstem Erstaunen erkannt, wurden sie hoch zu Ross zum Kloster geführt, woselbst sie der Pater Guardianus mit untröstlichem Schmerze empfing. Den Toten begruben die Brüder, dem Lebendigen wies man den Galgen als seliges Ende für; sie knebelten ihn, und er gestand alles, wie es nach seinem Ermessen sich zugetragen hatte, nur um nicht noch obendrein gefoltert zu werden. Freilich, das Eine erfuhr er nicht, wer den toten Meister derart auf den Hengst gesetzt hatte. Weil er frumb und ehrlich gebeichtet, erliess man ihm den Strick, warf ihn in einen dunklen Kerker, liess ihm seine Weihen und Würden schnell durch den Herrn Bischof von dannen nehmen und überlieferte ihn dem weltlichen Henker, der nun über einen Mörder beschliessen sollt, wie es die heilige Hermandad in ihren Paragraphis vorgeschrieben hat.

Zufällig kam in diesen Tagen Kö-

[illegible] gleich verdrückten und es [illegible]

Im Nebel ist das "Amphibium" geboren worden, nicht nur das der Wirbeltiere, sondern auch in andern Tierstämmen. Denn "Amphibium" ist wohlverstanden ein ganz allgemeiner Begriff: er bedeutet ein beliebiges Tier, das noch auf der Grenze von Kiemenatmung für das Wasser und reiner Luftatmung durch lungenähnliche Apparate steht. Auf seiner untersten Stufe hat solches Amphibium noch Kiemen oder kiemenartig gebildete Wasserorgane und reine Luftatmungsorgane. So stehen bei den Wirbeltieren die Molchfische, die Lunge und Kiemen zeitlebens zugleich besitzen. Bei dem Frosch und höheren Molch ist die Sache schon über zwei Lebensabschnitte verteilt, die Kaulquappe kann noch kiemenatmen, das fertige Tier atmet nur mit Lungen. Was aber für das Wirbeltier gilt, gilt parallel für alle anderen Tierhauptstämme, die das Land und die Luft sich dauernd erobert haben. Auch dort schieben sich, obwohl die Atmungsorgane oft ganz anders aussehen, im Prinzip ein "Molchfisch-Stadium" ein und ebenso ein folgendes "Molch-Stadium".

Bei den Gliedertieren haben Tausendfüsse, Skorpione, Spinnen, echte Insekten Luft atmen gelernt. Es scheint sogar, dass dieser Tierstamm der erste "oben" war. Seine Landeroberung geht bis in und wohl noch hinter die Silurzeit zurück. Gerade diese Gliedertiere, vor allem später als Insekten, haben aber wohl andere Wasserbewohner dann nachgezogen, indem sie sie zum Verfolgen reizten im Daseinskampfe.

So mögen Fische am Wurzelwerk der Steinkohlenbäume heraufgeklettert sein auf der Insektenjagd, wie heute noch kleine Tropenfischchen den Stelzfüssen der Mangroven folgen. Als diese Fische dann eine Gabe zu Hilfe nahmen, die heute unser Schlammpeitzger noch lustig betätigt: mit dem Darm, oder noch besser, einem Anhängsel dieses Darms, der Schwimmblase, wirklich reine Luft zu atmen statt lufthaltigen Kiemenwassers, war das "Amphibium" auch hier geboren: der Molch.

Im echten Steinkohlenwalde krochen schon die Archegosaurier, im Wesen Molch, von Gestalt und stellenweise auch der Grösse nach fast Krokodile, schwerfällig dahin.

Es ist recht bezeichnend nicht nur für die günstige Chance, die diese kolossalen Waldmoore der Amphibienbildung überhaupt boten, sondern auch für die ungewöhnlich guten Bedingungen, die diesen Uebergangstypus (was er doch eigentlich

ordnete Gesellschaft. Durchweg sind sie klein. Nur in verborgenen Winkeln Japans und Chinas leben noch ein paar Meter lange, aber total harmlose Riesensalamander. Die grösste Kröte, der Ochsenfrosch und Verwandte, sie alle sind doch nur spasshafte Gernegrosse. Mehrere seltsame und altertümliche Kiemenmolche haben sich nur an, fast möchte man sagen, unwahrscheinlichen Orten erhalten, wie in unterirdischen, ewig dunkeln und fast unzugänglichen Gewässern; so der berühmte Olm in der Adelsberger Grotte.

Und man würde im ganzen sogar noch viel weniger von unserm Lurchvolk merken, wenn es nicht bei all seiner Kleinheit und Verborgenheit in seinen höchsten Gliedern, den Fröschen, etwas entwickelt hätte, was den höher stehenden Reptilien fast wieder verloren gegangen ist: eine laute, quakende oder trillernde Stimme, mit der sich unsere Wasserfrösche und Feuerkröten, noch mehr aber die tropischen Laubfrösche allerdings noch ganz gebieterisch "Gehör" zu verschaffen wissen.

Wahrscheinlich sind alle diese Lurche von heute, die primitivsten wie diese höchsten, nur ein später und nie sehr zur Blüte gediehener Seiten- oder Nachspross des ursprünglichen Haupt-Amphibienstammes, der in der Steinkohlenzeit seinen "grossen Tag" begann und aus sich sowohl die Reptile von später wie (über deren erste Stufe fort) vor allem auch die Säugetiere und so im weitesten Verlauf geradezu auch uns Menschen selber einst entwickelt hat.

Um das Ende der Steinkohlenzeit war dieser Ur-Hauptstamm so weit "heraufgelüftert" durch die Gunst der Dinge, dass er jetzt und in die folgende Triaszeit hinein wahre amphibische Drachen sich leisten konnte: die sogenannten Labyrinthodonten, eine Art krokodilhaft gepanzerter Kolossalmolche mit dem wildesten Gebiss. Erst als die echte Krokodilzeit, die Hochblüte der Reptile, sich mehr geltend machte, ging diese Zeit der Salamanderdrachen wieder zurück. Gerade die letzten Riesen waren dabei schon ausgesprochene Landformen geworden und traten so in zu einseitige Konkurrenz mit den echten Reptilien, dem eigentlich ablösenden, sie überbietenden "Nur-Landtypus".

Entstanden ist (ganz im Sinne des oben über das frühe Anrücken des Neuen Gesagten) auch dieses Reptil schon in der Epoche der Steinkohlenwälder.

Am Schluss der Epoche schafften gewisse Amphibien auch bei ihren Jungen, ihren "Kaulquappen", die

ist ihre höchste technische Leistung erst erreicht worden: der vollendete Kunstbau eines hochst entwickelten Baumes, wie ihn uns eine alte herrliche Eiche vorführt.

Aber noch viel mehr als das.

Es war der "Geist" im Organischen, der als Landtier an an dem gefälligen Pflanzenstamm emporkletterte, der die vom grünen Pflanzenblatt gereinigte Luft trank, vielleicht sich sogar durch die von ihm geschaffene Kühle im Sinne jener Theorie des Arrhenius zu immer besserer, glücklicherer Leistung anspornen liess.

Aus diesem Molch, der da nahebolfen die auf Stigmarien im Waldmoor verankerte Sigillarie bestieg, sollte in unabsehbarer Ferne, jenseits von Drachentagen und Eiszeiten — der Mensch hervorgehen.

Und so schliest sich der Ring der Dinge im Weltenschicksal. So ist das grune Blätterwerk dieser Steinkohlenbäume damals, als es noch Luft und Sonne trank, eigentlich schon über seiner, des Menschen, Wiege gewesen. Im Lebensschosse, in der grossen Urwiege, aus der alles Zusammenhangende steigt wie am goldenen Schicksalsseil der Sage, waren beide sich schon einmal begegnet und hatten sich gesegnet.

Die Weltuhr tickte. Die Pflanzen, die Sonnenkinder von ehemals, sanken in einen schwarzen Sarg. Da blühte der Mensch selber in Vollkraft aus dem lange reifenden Keim znm Sonnenkinde dieser Erde auf. Sein Sonnengeist suchte nach Wärme, nach Licht. Und der schwarze Sarg tat sich ihm auf, — am eingesargten Sonnenglanze der Urwelt entzündete er die hellste Fackel seiner Kultur. — — am brennenden Stein.

Werden.

Von Osten gen Westen über die Erden
wandert gewaltig ein Menschenwerden,
Haupt in Wolken, hoch im Schritt —
Menschenwerden, nimm mich mit!

— — — — — — — — — —

Hier wird keiner mitgenommen.
Selber schreiten nur kann fromuen!

Saint-Saens' Vermächtnis.

Der Komponist Saint - Saens hat durch letztwillige Verfügung seinen gesamten Nachlass an musikalischen Manuskripten der Bibliothek des Pariser Konservatoriums vermacht. Es soll sich nach dem Urteil Musik-Sachverständiger darunter eine Reihe unbekannter Werke von Wert befinden.

BEST COPY AVAILABLE

890317191

The Emma Goldman Papers

[Emma Goldman and her anarchism. In German] Emma Goldman und ihr Anarchismus / Emma Goldman.— (May 20, 1922, newsclipping).— 7 p. ; 34 × 22 cm.
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Göttliches und Menschliches.*)

Von LEO N. TOLSTOJ.

Aus dem Russischen übertagen von Paul Frankenstein.

Es war in den siebziger Jahren, in einem Mittelpunkt des Kampfes der Revolutionäre gegen die Regierung.

Der Generalgubernator des Südens, ein gesunder, starker Deutscher, mit niedergezwirbeltem Schnurrbart und kaltem, ausdruckslosem Gesicht, in Militärbluse, mit dem weissen Kreuz am Halse, sass abends in seinem Kabinett. Auf dem Tische standen vier Kerzen mit grünen Abat-jours. Der Gubernatur blätterte in den Papieren, die ihm sein Sekretär hinterlassen hatte, und der eben erst hinausgegangen war. Unter den von ihm unterschriebenen Papieren befand sich auch die Ausfertigung eines Urteiles, durch das der Kandidat der Kijewer Universität, Anatol Swjetlogub, ein fünfundzwanzigjähriger Jüngling, zum Tode durch den Strang verurteilt worden war. Die Mutter des jungen Mannes hatte zweimal eine Fürsprache versucht, der Gubernator hatte sie indes nicht empfangen. Das Blatt, das der Gubernator in der Hand hielt, betraf die Anweisung des Betrages für den Transport des Proviantes. Und während er las, begann plötzlich unter seiner Bluse, mit der wattierten Brust und den grossen Aufschlägen, sein Herz zu klopfen. Er dachte an das Bild des Erhenkten und an die Exekution, der er beizuwohnen verpflichtet war, und ihm wurde übel. Vielleicht konnte man den Sekretär noch zurückrufen und das Urteil abändern. Er läutete. Rasch und unhörbar trat der Kurier ein.

"Ist Iwan Matwjejewitsch noch hier?"

"Nein, Excellenz, er ist fortgefahren."

"Nein, das darf nicht sein," sagte sich der General, in Erinnerung an sein letztes Zusammentreffen mit dem Herrscher und dessen strenge Worte. "Unmöglich, man muss fest bleiben."

"Hiw, ist der Tee fertig?" fragte er.

"Soeben wird er gereicht."

"Gut, geh."

Und der General ging [illegible] Speisezimmer zu.

Die ganze Nacht hindurch schrieb er Briefe an die Mutter und das Mädchen, das er über alle andere platonisch liebte und, während er schrieb, weinte er vor Rührung. Dann las er bis zum Morgenanbruch in den Evangelien — die Bergpredigt. Und Rührung und Freude erfüllten seine Seele.

In demselben Gefängnis, in das man Swjetlogub eingesperrt hatte, befand sich auch ein Bauer, der den wahren Glauben suchte, die Heiligenbilder und den Glauben an die Mutter Gottes leugnete. Deshalb war er auch ins Gefängnis gewandert und in diese Stadt gebracht worden, wo ihm der Prozess gemacht werden sollte. Am Morgen der Exekution hörte er Trommeln. Er kroch aufs Fensterbrett und sah durch das Gitter, wie ein Karren vorfuhr und ein Jüngling, mit hellen Augen und Ringellocken, aus der Tür trat, heiteren Blickes den Karren bestieg, freundlich von den Schliessern und Genossen, die aus den Fenstern schauten, Abschied nahm. In der weichen Hand des Jünglings ruhte ein Buch. Der Sektierer erkannte, dass es das Evangelium war. Der Jüngling presste das Buch ans Herz und sah lächelnd nach den Fenstern hin. Ihre Blicke trafen sich. Das Antlitz des Jünglings strahlte vor lauter Ruhe und Freude. Die Pferde zogen an und entführten den Karren aus dem Tor. Der Sektierer hielt sich am Gefängnisgitter fest und begann zu weinen. "Der hat den wahren Glauben," dachte er. "Von ihm könnte man lernen." Dazu aber war es schon zu spät. Im Gefängnis ahnten alle, dass man dem Jüngling einen Sack über den Kopf warf und ihn mit einem Strick erwürgte.

Einer von den Revolutionären der Terroristenpartei, der an dem missglückten Attentat teilgenommen hatte, wurde aus dem Gubernium, wo man ihn ergriffen hatte, nach Petersburg gebracht. In demselben Gefängnis sass auch der Sektierer, der nach Sibirien deportiert werden sollte. Seitdem der Sektierer den

"Genau denselben Glauben?"

"Genau denselben."

Der Alte fiel auf die Knie.

"Was gibt's? Weshalb denn?"

"Offenbare mir diesen Glauben. Dreissig Jahre lang suche ich den wahren Glauben, aber erst in deinem jungen Freunde habe ich ihn geschaut. Um Gottes willen, erhöre meine Bitte und sage mir, worin dein Glaube besteht."

"So setz' dich denn, Alter," sagte schmunzelnd der Revolutionär. "Ich will dir die reine Wahrheit mitteilen. Unser Glaube besteht darin, dass es Bösewichte gibt, die das Volk quälen und betrügen, und damit diese Bösewichte das Volk umso sicherer quälen können, betrügen sie es, reden ihm allerhand dummes Zeug ein, dass es einen Gott gibt, dass man zahm und demütig sein müsse. Und das Volk glaubt ihnen, die Bösewichte aber saugen sein Blut. Darin liegt nun unser Glaube, dass man alle diese Schurken, mögen ihrer auch Tausende sein, ausrotten müsse, nur um sich ihrer zu entledigen."

Der Sektierer seufzte auf und schlug die Augen nieder. Dann sank er abermals in die Knie.

"Verhirg' es mir nicht, sag' mir die Wahrheit!"

"Ich tat es eben. Ich sagte dir, woran wir glauben."

"War dies auch der Glaube jenes Jünglings?"

"Ja."

"Das ist nicht wahr. Mit diesem Glauben kann man nicht so sterben."

Und kopfschüttelnd verliess der Sektierer den Revolutionär."

DAS BAND.

Von Arnold Höllriegel.

Mein Bekannter, — soll ich mich zu der Bekanntschaft bekennen? — mein Bekannter ist ein hungriger Bohemien und überhaupt ein unmöglicher Mensch, der — —

Also zum Beispiel, statt der allein seligmachenden Art von Unterhosen trägt er, so gross ist seine Verwerflichkeit, jene exkommunizierten Unterhosen mit Leinenbändern. Aber die Bänder knupfen sich immer wieder auf und hängen unter der Hose heraus.

Ich begegnete meinem Bekannten

"das innige Band, das Menschen und Menschen verbindet, ist — —?

"Ihr Unterhosenband!" sagte ein Invalide militärisch streng. Meine Bekannter salutierte: "Danke gehorsamst! Vierhundertvierzig."

"Warum zählen Sie bis Vierhundertvierzig?" fragte ich. "Und warum knüpfen Sie dieses schreckliche Unterhosenband nicht zu?"

Mein Bekannter grinste hämisch. "Weil ich doch feststellen will, wie viele Leute mich in einer Stunde darauf aufmerksam machen. Bisher waren es vierhundertvierzig edle Wohltäter. Ich sage Ihnen, das Band, das Menschen und Menschen verbindet, ist — unlösbar! Alle, alle wollen mir helfen. Wieviel wahre Courtoisie entdeckte ich nicht an den Intellektuellen, wie gutmütig ist doch die Bourgeoisie, wie treuherzig das schlichte Volk! Man sollte meinen, dass in so einer Millionenstadt der einzelne — —. Nein, es ist nicht wahr. Wenn ihm vier Zentimeter Unterhosenband hervorstrecken, kümmen gleich vierhundertvierzig liebe, gute Menschen — —".

Das Gesicht meines Bekannten verzerrte sich auf einmal, er schüttelte die Fäuste, schrie mich an:

"Aber vorige Woche habe ich gehungert! Einfach nichts zu fressen gehabt, tagelang. Ich schwöre Ihnen, man hat es mir angesehen, deutlicher als man jetzt mein Unterhosenband sieht. Wieviel Leute, glauben Sie, haben mich damals auf der Gasse angesprochen? Vierhundertvierzig, glauben Sie?

Nicht einer, Herr! Ich hätte seelenruhig krepieren können, ohne dass sich jemand in die Amtshandlung eingemischt hätte. Heute aber ist ein guter Tag, die halbe Stadt springt mir höflich bei. Danke, gnädige Frau, vierhundertzweiundvierzig. Danke, Fräulein, vierhundertneunundvierzig! Heute ist die ganze Stadt sorgend um mich bemüht. Wenn ich nächstens wieder am Krepieren bin, knüpfe ich gleich meine Hosenbänder auf, da sehe ich wenigstens besorgte Blicke, treuherzige Gesichter. Ja, das Band, das Mensch und Mensch verbindet — —."

Aufruf Karl Liebknechts im April 1918.

Erhebt euch, ihr Schlafer! Kurz-

BEST COPY AVAILABLE

890317191

The Emma Goldman Papers

[Emma Goldman and her anarchism. In German] Emma Goldman und ihr Anarchismus / Emma Goldman.— (May 20, 1922, newsclipping).— 7 p. ; 34 × 22 cm.
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

könnte man [illegible] ändern, [illegible] und das Urteil abändern. Er lautete Rasch und unhörbar trat der Kurier ein.

"Ist Iwan Matwjejewitsch noch hier?"

"Nein, Exzellenz, er ist fortgefahren."

"Nein, das darf nicht sein," sagte tief der General, in Erinnerung an sein letztes Zusammentreffen mit dem Herrscher und dessen strenge Worte, "Unmöglich, man muss fest bleiben."

"Hm, ist der Toe fertig?" fragte er.

"Soeben wird er gereicht."

"Gut, geh."

Und der General ging festen Schrittes in das Speisezimmer zu seiner Frau, der Tochter und deren Bräutigam, trank Tee, hörte Gesang und scherzte.

"Aber nein, das kann nicht sein, unmöglich, ganz unmöglich. Sie dürfen nicht! Ha-ha-ha!" begann hysterisch die Mutter Swjetlogubs zu lachen, eine noch ziemlich junge, freundliche Frau mit leicht ergrauten Locken und Runzelsternchen unter den Augen. Sie war ausser sich und schlug, sich selbst vergessend, den Arzt, den Freund ihres Hauses, der ihr mit aller Vorsicht die furchtbare Nachricht beigebracht hatte und sie bat, sich zu beruhigen und Baldriantropfen zu nehmen.

Einzig und allein der Gedanke an den Schmerz der Mutter trübte die feierliche Ruhe Swjetlogubs, als man ihm mitteilte, dass er verurteilt worden sei, und dass das Urteil morgen vollzogen werden solle. Der reine, leidenschaftliche, schöne Jüngling hatte sein ganzes Leben in den Dienst seines Volkes gestellt und hasste Gewalt und Totschlag. Seine ganze Tätigkeit bestand in der Aufklärung des Volkes, das er inbrünstig liebte. Er wusste, was ihn erwartete, bereitete sich darauf vor und, als die Zeit kam, erschrak er nicht. Nur sein Herz krampfte sich zusammen, wie es beim Eintreffen eines Ereignisses zu geschehen pflegt, das eine Wandlung des ganzen Lebens bedeutet. Und jetzt wandelte dieses Ereignis für ihn das Leben, es abschliessend und ein neues beginnend, an das er nie den Glauben verloren hatte.

*) Die vorliegende Skizze ist eine Erzählung, die anfangs in den Roman "Auferstehung" aufgenommen, aber noch vom Autor aus dem Manuskript ausgeschieden wurde. Die Skizze befindet sich gegenwärtig im Archiv der sowjetrussischen Bibliothek der Akademie der Wissenschaften und ist überdies in einer unvollständigen Sammlung von T. L. Suchotina enthalten. Der "Denkmäler von Tolstois Schaffen und Leben" deutschen Uebersetzung liegt die Sammlung bei", die in der Bearbeitung von W. I. Srezenewskij im Verlag "Zadruga" in Moskau erschien, zugrunde. P. F.

Tor. Der Sektierer hielt sich am Gefängnisgitter fest und begann zu weinen. "Der hat den wahren Glauben," dachte er. "Von ihm könnte man lernen." Dazu aber war es schon zu spät. Im Gefängnis ahnten alle, dass man dem Jüngling einen Sack über den Kopf warf und ihn mit einem Strick erwürgte.

Einer von den Revolutionären der Terroristenpartei, der an dem missglückten Attentat teilgenommen hatte, wurde aus dem Gubernium, wo man ihn ergriffen hatte, nach Petersburg gebracht. In demselben Gefängnis sass auch der Sektierer, der nach Sibirien deportiert werden sollte. Seitdem der Sektierer den Todesgang Swjetlogubs mitangesehen hatte, dachte er unaufhörlich daran, zu erfahren, worin jener wahre Glaube bestand, der dem Jüngling die Kraft verliehen hatte, mit solcher Freude dem Tode entgegen zu gehen.

Der Sektierer wurde von seinen Glaubensgenossen unterstützt und hatte Geld. Als er erfuhr, dass im selben Gefängnis ein Mensch sass, der mit Swjetloguh bekannt gewesen war, und denselben Glauben wie dieser hatte, gab er dem Wärter Geld, damit er ihn mit dem Freunde Swjetlogubs zusammenführe. Und obgleich dies gefährlich war, führte der Wärter für 50 Rubel (der Sektierer hatte ihm sein letztes Geld gegeben) den Sektierer mit dem Revolutionär zusammen.

Der Revolutionär wusste, dass ihm die Zwangsarbeit in den Bergwerken winkte. Trotzdem gab er die Hoffnung auf Flucht und auf eine Fortsetzung seines Werkes nicht auf. Er sann auf Mittel, um sämtliche Regierungsleute in die Luft zu sprengen, wenn sie in der Kirche oder in einer Staatsratssitzung versammelt waren. Er schmiedete eben seine Pläne, als der Wärter in die Zelle trat und ihm vorsichtig und leise mitteilte, dass einer der Arrestanten mit ihm zu sprechen wünsche.

"Wer denn?"

"Ein Bauer."

"Nein, allem Anschein nach ein ganz schlichter Mensch."

"Was will er?"

"Ich weiss nicht. Er bat mich..."

"Nun gut. Schicke ihn her."

Die Tür ging auf und der Revolutionär stand einem hageren, alten Mann mit glänzenden Augen und finsterer Stirn gegenüber.

"Du hast denselben Glauben wie Swjetlogub, den man in Odessa gehenkt hat?"

"Ja."

DAS BAND

Von Arnold [illegible]

Mein Bekannter — soll ich mich zu der Bekanntschaft bekennen? — mein Bekannter ist ein hungriger Bohemien und überhaupt ein unmöglicher Mensch, der — —

Also zum Beispiel, statt der allein schicklichen Art von Unterhosen trägt er, so gross ist seine Verworfenheit, jene exkommunizierten Unterhosen mit Leinenbändern. Aber die Bänder knüpfen sich immer wieder auf und hängen unter der Hose heraus.

Ich begegnete meinem Bekannten auf einer belebten Strasse. "Wie geht es Ihnen?" fragte ich. "Verzeihung, Ihnen hängt das Unterhosenband heraus!"

"Vierhundertsechsunddreissig —" sagte er. "Danke, danke. Es geht mir schlecht!"

Es hing ihm ein langes, schmutziges Band über den Schuh. Ich riet: "Wollen Sie nicht in ein Haustor treten und sich das richten?"

"Noch nicht," sagte er. "Pardon," sagte ein Herr in Pelz und lüftete den Zylinder, "Pardon. Darf ich Sie auf einen kleinen Toilettenfehler aufmerksam machen? Ein Bändchen —"

"Vierhundertsiebenunddreissig! —" sagte mein Bekannter. "Danke, o Wohltäter!"

"Sö, Herr, Sie wer'n Ihnen Ihr Hosenbandel abtreten!" mahnte eine Frau aus dem Volke.

"Vierhundertachtunddreissig, heissen Dank!" sagte mein Bekannter. "Ja schlecht," sagte er zu mir. "Ganz einfach nichts zu essen. Heute ist übrigens ein guter Tag, ich bin satt gegessen, gesund, vergnügt, und alle Leute benehmen sich so nett gegen mich — —"

"Wie soll ich Ihnen danken? Vierhundertachtunddreissig," wandte er sich an einen Lehrjungen, der ihn auf eine humoristische Art auf sein Hosenband aufmerksam gemacht hatte. Dann wieder zu mir:

"Man sollte es gar nicht glauben, wie aufmerksam sich die Menschen gegen den geringsten der Brüder benehmen, wie gern sie bereit sind, sich um ihn zu kümmern, ihm beizustehen — — "

"Vierhundertneununddreissig. Gott lohne es Ihnen!" (Dies zu einem Studenten, der ihn stumm auf die Schulter geklopft und ihm dann das Hosenband mit der Hand gewiesen hatte.)

"Wirklich," sagte mein Bekannter, eingemischt hatte. Heute aber ist ein guter Tag, die halbe Stadt springt mir höflich bei. Danke, gnädige Frau, vierhundertneunundvierzig. Danke, Fräulein, vierhundertzweiundvierzig, vielmals! Heute ist die ganze Stadt sorgend um mich bemüht. Wenn ich nächstens wieder am Krepieren bin, knüpfe ich gleich mehrere Hosenbänder auf, da sehe ich wenigstens besorgte, blasse, französische Gesichter. Ja, das Band, das [illegible] und Menschen verbindet — —

Aufruf Karl Liebknechts im April 1918.

Erhebt euch, ihr Schläfer! Kurzsichtiges Volk! Machst du nicht heute dem Imperialismus den Garaus, bevor die Gewalthaber ihr Ziel erreicht haben, so wird der letzte Krieg nur die Ouvertüre zu einer ganzen Epoche furchtbarer Weltkriege sein. Und meinst du, die Opfer, die dir heute die soziale Revolution auferlegen würde, vermeiden zu können? Diese Revolution muss doch kommen, soll die Menschheit nicht zugrunde gehen. Und du musst sie doch vollbringen. Und du musst die Opfer dazu hingeben — Opfer, aus denen der Menschheit Segen sprießt. Und die Mühen und Opfer werden nicht kleiner, sondern grösser sein, wenn du sie verschiebst; wenn du sie nicht heute, während das Kriegsgewitter entschlossen auf dich niedersaust. Nur eine Vermehrung des Unheils ist es, die dein Zaudern heraufbeschwört.

* * *

Bolschewismus und "gelbe Gefahr."

Wir stehen am Anfang einer neuen Epoche. Der europäische Kapitalismus fürchtet das Erwachen der orientalischen Völker; er erzählt von der "gelben Gefahr", und man kann sagen, wenn der Kapitalismus weiter bestehen bleibt, so besteht eine gelbe Gefahr. Der proletarische Bauer in China oder in der Türkei, dem man die Haut über die Ohren zieht, wird auswandern müssen, um Arbeit zu suchen, er wird sich in grossen Völkerwanderungen zur Wehr setzen. Aber der Kommunismus hat keine gelbe Gefahr zu fürchten, er kann allen unterdrückten Völkern seine Hand reichen, denn er bringt ihnen nicht Ausbeutung, sondern brüderliche Hilfe.

Karl Radek
auf dem 2. Weltkongress der Kommunistischen Internationale.

* * *

— **Hochwassergefahr.** A. im Streit zu B.: "Ich würde Ihnen glatt eine an den Wasserkopf hauen, wenn ich nicht kaputte Stiefel anhätte."

* * *

BEST COPY AVAILABLE

891023008

The Emma Goldman Papers

[The situation of children in Russia. In Swedish] Barnens ställning i Ryssland / Emma Goldman. – p. 3 ; 30 cm. *In* Brand [Stockholm]. –(May 27, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from Universitetsbiblioteket i Lund (University of Lund).

BRAND 27 Maj 1922 S 3, sp 2-4 3

Barnens ställning i Ryssland.

Av Emma Goldman.

Allt detta lärde jag känna gradvis, motsatsernas dag för dag. Först vägrade jag tro, att metoden med döda själar var allmänt praktiserad. Men bevisen blevo så många, att jag blev tvungen att konstatera faktum. Vagn om vagn med nio i hotell Astoria, sovjets första hus, bodde en kvinna med sina två barn. Hon var kommunist men hörde till dem, som ihärdigt bekämpat systemet med döda själar. I hon arbetade inom olika barninstitutioner. Hon icke endast bekräftade tillståndet i skolan vid Kronversky Prospekt utan förde mig också till flera liknande ställen. Min väninna berättade om ett experiment som hon gjort med sina egna barn, en gosse på nio och en flicka på nio år. Båda hade placerats i en koloni. Med tillhjälp av sina egna magra inkomster hade hon samt barnen extra förmodenheter, emedan de icke fingo tillräckligt där. Sex månader efteråt blevo båda barnen sjuka och måste återföras till modern. De befunno sig i starkt medtaget tillstånd. I båda fallen konstaterades undernäring.

•

Jag blev god vän med min väninna en allvarlig och strängt arbetande kommunist. Genom henne lärde jag mer och mer känna det allmänna tillståndet bland barnen. Mer och mer såg jag, att bolsjevikerna gjorde allt de kunde för dem men att deras ansträngningar tillintetgjordes av den byråkrati deras stat givit upphov till. Framför allt visade sig deras åsikt att även barnen skulle användas i propagandans tjänst fördärvlig. Propagandaskolorna utövade ett dåligt inflytande, särskilt på barnen i stort. De väckte i barnens medvetande en känsla av orättvisa och klasskillnad. Hastigare än en fullvuxen känner barnet orättvisa och förnedring. Under det dessa förevisningsskolor utpekades som monster för utlandet, vanvårdades den stora massan av ryska barn alldeles som arbetarnas barn i andra länder. Överallt har det privilegierade fatalet alla fördelar. Bolsjevikryssland är intet undantag från denna gryminna regel.

Jag har förut omtalat, att jag blev djupt upprörd, då jag hörde, att barn isolerades som tjuvar och moraliskt defekta. Jag trodde på den tiden, att detta endast var den tjänstgörande läkarens gammalmodiga uppfattning. Ian artikel i den officiella »Pravda» och samtal med många ledande kommunister, däribland Maxim Gorki, madame Lilina och Lunatcharskys m. fl. ha emellertid övertygat mig om att nästan allt trodde på den medfödda moraliska depravationen. Högt stående pedagogen gynnade t. o. m. fängelset för sådana moraliskt defekta. Detta var dock för mycket för Lunatcharski, Gorki och andra avancerade element, vilka av de ortodoxa kommunisterna betraktas som sentimentalister. Lunatcharski bekämpade det barbariska förslaget och och avgick lyckligtvis med seger. Och dock finns det så sent som i sept. 1921 hundratals barn, bland dem ett åtta år, i Taganka fängelset i Moskva. Jag är säker på, att varken Lunatcharski eller Gorki visste om det. Just häri ligger byråkratiens förbannelse. Den gör det omöjligt för de styrande att veta vad deras underordnade ta sig till. Barnen i Taganka upptäcktes av politiska fångar, som skickades dit. De berättade det för sina fria vänner, som rapporterade det till Lunatcharski. Barnen fördes slutligen från fängelset.

•

Emellertid äro skolorna och kolonierna för »moraliskt defekta» föga bättre än ett fängelse. En undersökning av den kommunistiska ungdomskommittén avslöjade ett förfärligt tillstånd i några av dessa skolor i Petrograd. Rapporten publicerades i Petrograds Pravda, maj 1920. Den bekräftade en del förhållanden t. ex. systemet med döda själar och andra oegentligheter, såsom mångfaldigt överfl. betjän. Komm. fann t. ex. 138 funktionärer i en skola på 125 barn, i en annan 38 på 25 barn. Detta var inga exceptionella fall. Dessutom visade rapporten, att barnen vanvårdades, att en del barn straffats med mörk arrest, andra med att vara utan mat och en del med stryk. Rapporten framkallade en viss uppståndelse i officiella kretsar. En särskild undersökning sattes i gång och slutade naturligtvis som liknande företag i Amerika med reutvättning. Den kommunistiska ungdomskommittén fick en tillrättavisning. Det konstaterades, att artikeln i »Pravda» aldrig skulle publicerats. Sådana historier gjuta vatten på de kontrarevolutionäras kvarn o. s. v.

Jag diskuterade saken med en del av kommunisterna. Hur kunde sådant hända i Sovjetryssland? Jag fick det stereotypa svaret, »brist på kompetent och ansvarskännande folk». Jag erbjöd mig att taga upp arbetet bland de olyckliga barn, som stämplades som »moraliskt defekta». »Ni måste besöka madame Lilina», tillråddes jag. »Hon kommer att bli förtjust.» Några dagar efteråt kallade kamrat Lilina på mig. Hon var en bräcklig kvinna med hårt ansikte, den typiska skolmamsellen från Nya England för femton år sedan. Hon försäkrade mig, att hon var fullständigt hemma i pedagogikens bästa metoder. Jag dristade mig att tala om för henne, att ingen modärn uppfostrare höll på antikverade åsikter som om barnens depravation, att icke ens de defekta barnen skulle straffas eller stämplas som moraliskt degenerade. Jag redogjorde för modärna metoder och det experimentella arbetet med barndelinkventer i Amerika av Lindsay och andra. Ah ja, det var mycket bra i ett kapitalistiskt land, där det fanns tillräckligt med mat och annat. Men i det utsvultna Ryssland voro de »moraliskt undermåliga» följden av det långa kriget, revolutionen och hungern. Jag blev övertygad om, att ifall jag tog upp arbetet bland dessa offer, skulle varje ansträngning jag gjorde omintetgöras av denna dogmatiska dom. Hon i sin tur ansåg det nog icke lämpligt att anförtro omsorgen om barnen i kommuniststaten åt en anarkist. Det blev i alla fall ingenting av projektet. Jag anför detta som en illustration till den ofta upprepade förklaringen, att bristen på lämpliga krafter är orsak till korruptionen, vanvården och bristen under deras regim. Under min vistelse i Ryssland kom jag i beröring med ett förvånande stort antal personer, som voro villiga att deltaga i uppfostrings-, ekonomiskt och annat icke-politiskt arbete. Som de emellertid icke voro kommunister, blevo de diskvalificerade och omgivna med ett systematiskt spioneri, som gör alla ansträngningar och alla initiativ fruktlösa.

•

Jag såg slående bevis härpå i Moskva strax innan jag reste. I ett visst distrikt fanns den bäst organiserade mönsterskola jag sett i Ryssland. Föreståndarinnan var en sällsynt kvinnlig typ, en idealist, en uppfostrarinna med vidsträckt erfarenhet och en outtröttlig arbeterska. Hon motsatte sig bestämt döda själarspraktiken. Hon ville icke bestjäla Per för att föda Pål. Hon ville icke muta underdepartementets funktionärer. Som vanligt igångsattes en kampanj mot henne. Dess ledande kraft var anstaltens läkare, en kommunist. Alla möjliga anklagelser, som alla voro grundlösa, riktades mot föreståndarinnan. Maskinen vilade icke, förrän hon blev skild från sin befattning. Hon blev därigenom tvungen att lämna sin bostad. Hon var mor till ett fyra månader gammalt barn. Det var i november, vädret var kallt och genomträngande fuktigt. Hon, som så arbetat för barnen, befallades lämna anstalten. För barnets skull vägrade hon gå, innan hon fick ett rum. Hon fick då ett litet mörkt, fuktigt rum i källarvåningen, som icke blivit eldat på tre år. Där insjuknade barnet och har varit sjukt sedan dess.

•

Känner Lunatcharski till sådana fall? Tvivelsutan icke. Man är allför sysselsatt med »betydande statsaffärer». Och man har blivit känslolös för sådana »bagatteller». Man har dragits in i den fördärvliga kretsen, i maskinen av bolsjevikisk byråkrati. Man vet, att troheten mot partiet förlåter en mångfald synder.

Under min tvååriga vistelse i Ryssland besökte jag många institutioner men påträffade endast få lyckliga barn. Under denna tid hörde jag endast en gång, i Arkangelsk, ett verkligt hjärtligt barnskratt. I det hela taget syntes mig de barnen i bolsjevikanstalterna färglösa och stereotyp-

I skogen.

BEST COPY AVAILABLE

891023008

The Emma Goldman Papers

[The situation of children in Russia. In Swedish] Barnens ställning i Ryssland / Emma Goldman.— p. 3 ; 30 cm. *In* Brand [Stockholm]. —(May 27, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from Universitetsbiblioteket i Lund (University of Lund).

...ens ett mi-
...personvla
...förbenade.
..., som befolka
...andshohmen i
...till
...som alla lagar,
...ts inom parla-
...eret.
...niska brvr sig
...sluga ravarna
...parlamentet
...hallen folk i
...ntiva medel
...iktigt.
...t en stor kul-
...den blivit ett
...m hurn smit-
...r skola ind-
...skrankta lag-
...ts i sitt upp-
...antal männi-
...ra sjukdomar,
...s den vansin-
...fall av kons-
...lyckats lagen
...gen om basta
...or barnskara.
...de sorghga
...rna, som
...nor arslanga
...kunnat ind-
...gen existerat,
...icke fallet.
...nnga olyck-
...fangelsernas
...straff efter-
...drivningsla-
...jurisk raket,
...lattsinne hos

...t en förnuf-
...skulle dessa
...ostraff, brist
...tvingat sina
...gar utpinade
...utan tanke
...råda bor pa
...elände for-
...ydelsefullare
...skaffa lagar,
...g pa pappe
...gens absur-
...kskallighet
...på omöjlig-
...genomfora
...m ar reali-
... Lagstif-
...a for hogst
...urligtvi- inte
...deras beslut
...lagen ar ett
...le ar glad-

C. J. B

Sprid I
NOR
OMMUNISM
månaden

i starkt medtaget tillstånd. I båda fallen konstaterades undernäring.

•

Jag blev god vän med min gamme en allvarlig och strängt arbetande kommunist. Genom henne lärde jag mer och mer känna det allmänna tillståndet bland barnen. Mer och mer såg jag, att bolsjevikerna gjorde allt de kunde för dem men att deras ansträngningar tillintetgjordes av den byråkrati deras stat givit upphov till. Framför allt visade sig deras åsikt att även barnen skulle användas i propagandans tjänst fördärvlig. Propagandaskolorna utövade ett dåligt inflytande, särskilt på barnen i stort. De väckte i barnens medvetande en känsla av orättvisa och klasskillnad. Hastigare än en fullvuxen känner barnet orättvisa och förnedring. Under det dessa förevisningsskolor utpekades som mönster för utlandet, vanvårdades den stora massan av ryska barn alldeles som arbetarnas barn i andra länder. Överallt har det privilegierade fåtalet alla fördelar. Bolsjevikryssland är intet undantag från denna grymma regel.

Jag har förut omtalat, att jag blev djupt upprörd, då jag hörde, att barn isolerades som tjuvar och moraliskt defekta». Jag trodde på den tiden, att detta endast var den tjänstgörande läkarens gammalmodiga uppfattning. En artikel i den officiella »Pravda» och samtal med många ledande kommunister, däribland Maxim Gorki, madame Lilina och Lunatcharskys' m. fl. ha emellertid övertygat mig om att nästan alla trodde på »den medfödda moraliska depravationen». Högt stående pedagoger gynnade t. o. m. fängelser för sådana »moraliskt defekta». Detta var dock för mycket för Lunatcharski, Gorki och andra ...ligt inslaget i några av dessa skolor i Petrograd. Rapporten publicerades i Petrograds Pravda, maj 1920. Den bekräftade en del förhållanden t. ex. systemet med döda själar och andra egendigheter, såsom mångfaldigt överfl. betjän. Komm. fann t. ex. 138 funktionärer i en skola på 125 barn, i en annan 38 på 25 barn. Detta var inga exceptionella fall. Dessutom visade rapporten, att barnen vanvårdades, att en del barn straffats med mörk arrest, andra med att vara utan mat och en del med stryk. Rapporten framkallade en viss uppståndelse i officiella kretsar. En särskild undersökning sattes i gång och slutade naturligtvis som liknande företag i Amerika med rentvättning. Den kommunistiska ungdomskommittén fick en tillrättavisning. Det konstaterades, att artikeln i »Pravda» aldrig skulle publicerats. Sådana historier gjuta vatten på de kontrarevolutionärs kvarn o. s. v.

Jag diskuterade saken med en del av kommunisterna. Hur kunde sådant hända i Sovjetryssland? Jag fick det stereotypa svaret, »brist på kompetent och ansvarskännande folk». Jag erbjöd mig att taga upp arbetet bland de olyckliga barn, som stämplades som »moraliskt defekta». »Ni måste besöka madame Lilina», tillråddes jag. »Hon kommer att bli förtjust.» Några dagar efteråt kallade kamrat Lilina på mig. Hon var en bräcklig kvinna med hårt ansikte, den typiska skolmamsellen från Nya England för femton år sedan. Hon försäkrade mig, att hon var fullständigt hemma i pedagogikens bästa metoder. Jag dristade mig att tala om för henne, att ingen modärn uppfostrare höll på antikverade åsikter som om barnens depravation, att icke ens de defekta barnen skulle straffas eller stämplas ...ansträngningar och alla initiativ fruktlösa.

•

Jag såg slående bevis härpå i Moskva strax innan jag reste. I ett visst distrikt fanns den bäst organiserade mönsterskola jag sett i Ryssland. Föreståndarinnan var en sällsynt kvinnlig typ, en idealist, en uppfostrarinna med vidsträckt erfarenhet och en outtröttlig arbeterska. Hon motsatte sig bestämt döda själarspraktiken. Hon ville icke bestjäla Per för att föda Pål. Hon ville icke muta underdepartementets funktionärer. Som vanligt igångsattes en kampanj mot henne. Dess ledande kraft var anstaltens läkare, en kommunist. Alla möjliga anklagelser, som alla voro grundlösa, riktades mot föreståndarinnan. Maskinen vilade icke, förrän hon blev skild från sin befattning. Hon blev därigenom tvungen att lämna sin bostad. Hon var mor till ett fyra månader gammalt barn. Det var i november, vädret var kallt och genomträngande fuktigt. Hon, som så arbetat för barnen, befalldes lämna anstalten. För barnets skull vägrade hon gå, innan hon fick ett rum. Hon fick då ett litet mörkt, fuktigt rum i källarvåningen, som icke blivit eldat på tre år. Där insjuknade barnet och har varit sjukt sedan dess..

•

Känner Lunatcharski till sådana fall? Tvivelsutan icke. Man är alltför sysselsatt med »betydande statsaffärer». Och man har blivit känslolös för sådana »bagatteller». Man har dragits in i den fördärvliga kretsen, i maskinen av bolsjevikisk byråkrati. Man vet, att trohetén mot partiet förlåter en mångfald synder.

Under min tvååriga vistelse i Ryssland besökte jag många institutioner men påträffade endast få lyckliga barn. Under denna tid hörde jag endast en gång, i Arkangelsk, ett verkligt hjärtligt barnskratt. I det hela taget syntes mig de barnen i bolsjevikanstalterna färglösa och stereotypa. Det är något innerligt gripande över barnen. De lida icke endast brist på mat utan också på tillgivenhet — de äro ensliga och övergivna. Jag vet, att detta icke motsvarar, vad de cirkulerande historierna förtälja om de ryska barnens tusenårsrike. Jag har dock ingen avsikt att förtälja legender.

•

Det var en stor faktor, som ställde kommunistregeringen på ett högre plan än andra regeringar — avskaffandet av barnarbetet. Det var ett stort steg, för vilket kommunisterna förtjänade stort erkännande. Men nu när Lenins nya ekonomiska system håller på att uppstå från de döda, nu när kapitalism och privat exploision sakta men säkert vinna insteg i Ryssland, kommer bolsjevikregeringen snart att bli likadan som alla andra civiliserade regeringar med barnarbete som en stor källa till nationell rikedom.

I skogen.

Över mig en himmel, sidenglansigt blå.
Här i skogen ro och tystnad råda.
Runt omkring mig allvarsmörka furor stå.
Luften doftar starkt av barr och kåda.

Men som främling känner jag mig här ändå:
allt för vant mitt öga är att skåda
höga tegelhus längs gator, stenigt grå.
O, min stad, vi äro släkt, vi båda!

Därför vill jag tolka gatans poesi
och vill lyssna ut den sång, som sjunger i
larmet av det vilda gatubruset.

Men min lyra har nog ingen enda sträng,
som kan spela visor små om skog och äng, —
ingen sträng med ton av furususet.

VICTOR ÄRENDORFF.

BEST COPY AVAILABLE

391

880606332

The Emma Goldman Papers

[The trade unions in Russia. In Swedish] Fackföreningarna i Ryssland / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. —(June 10, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

Fackföreningarna i Ryssland.

För Brand av EMMA GOLDMAN.

BRAND
10/6 1922

Det mångbeprisade verk, som bolsjevikerna utfört, kommer en att erinra sig fru Alvings ord i ett av Ibsens verk: »Jag ville endast försöka med en enda knut, men när jag fick den upplöst, repade alltihop upp sig. Och då förstod jag, att det var maskinsytt.»

Bland det första som påkallar uppmärksamhet från den, som kommer till Ryssland, är fackföreningarna. Föreställ er sju millioner arbetare organiserade till ett helt, med magnifika folkets hus, bildande och kulturella kurser, väldiga möten och konserter. Vilket annat land kan visa på något liknande? Ni äro slagna med häpnad. Ni skola dock knappast ha börjat dra i trådändan, förrän hela sömmen repas upp. Ni komma att märka, att dessa fackföreningar mera än någon annan bolsjevikinstitution äro sydda på maskin, sydda på kommuniststatens maskin.

*

I själva verket är det vilseledande att tala om fackföreningar under bolsjevikregimen. Efter allt att döma ha fackföreningarna en bestämd historisk uppgift, åtminstone för arbetarna utom Bolsjevik-Ryssland. De representera även i sin konservativa form det organiserade arbetets kamparena för ekonomisk befrielse. I sin revolutionära form äro fackföreningarna eller rättare, de industriella och syndikalistiska föreningarna ekonomiska övningsskolor för de kämpande massorna att förinta exploationen och skapa en produktion i ett frigjort samhälle. Men varken i sin konservativa eller sin revolutionära form representera fackföreningarna i Ryssland arbetarnas behov. De äro i själva verket underkuvade och militariserade lakejer åt bolsjevikstaten. De äro »skolor för kommunismen», som Lenin framhöll i sina teser över fackföreningarnas funktioner. En skola förutsätter lärjungarnas fria initiativ, medan fackföreningarna i Ryssland äro militärkaserner för den mobiliserade arbetararméen, tvingad till medlemskap av de statliga pådrivarnas piskor.

*

Fackföreningarna i Ryssland äro mycket unga till åren (de kommo till år 1905) och voro mycket kampdugliga organisationer. De måste vara beredda att utstå den grymma förföljelsen under tsarens tid. Men fastän de största tiden av sin tillvaro måste föra ett underjordiskt liv voro de icke desto mindre en betydelsefull faktor i den ryske arbetarens ekonomiska strider. Detta förhållande demonstrerades på ett kraftigt sätt strax efter februarirevolutionen. Fackföreningarna, som tagit intryck av den nya andan i Ryssland, voro icke tillfredsställda med de politiska förändringarna. Deras syfte var att sätta arbetarna i besittning av landets ekonomiska liv. Redan innan arbetarna exproprierade verkstäderna och fabrikerna, hade fackföreningarna organiserat verkstads- och fabriksråd för kontroll av samhällets indu[illegible] sedan upphov till det Allryska fackföreningssovjetet, som intimt samarbetade med de andra sovjets. Med andra ord, fackföreningarna voro t. o. m. före bolsjevikregimen det organiserade uttrycket för arbetarnas krav och önskemål. Sålunda bevistades den tredje fackföreningskongressen, hållen i Petrograd i juli 1917, av 210 delegerade, representerande ett antal av 1,475,425 medlemmar.

*

Tillkomsten av proletariatets dik-

arbetarorganisationer blev obligatorisk, var och en, som arbetade, blev automatiskt enrollerad i föreningen och tvingad att betala för nöjet, vare sig det behagade honom eller ej. Tre procent i avgifter avdrogos helt enkelt från hans lön, så att den ryske arbetaren fick bestå kosthållet för just de organisationer, som tillintetgjorde varje tecken till initiativ och självbestämmande inom fackföreningarna.

Allryska fackföreningssovjet består av 120 medlemmar. Dess centralexekutivkommitté har 11 medlemmar och till båda organisationerna kunna praktiskt taget endast kommunister väljas. Följden har blivit, att fackföreningarna kommit att bli blott en gren av statsmaskineriet, fullständigt kontrollerade och dirigerade av detta. Medlemmarna i genomsnitt ha ingenting att säga till om, när det gäller deras organisations åtgärder. Icke heller hållas regelbundna möten, med undantag av sådana, som säkert kunna domineras och ledas av bolsjevikgruppen inom varje förening. Om någon förening skulle försöka visa sig som en verklig förening, skulle man hastigt nog låta den förstå, att i Ryssland måste fackföreningarna lyda lagen och hålla munnen, vad som än må vara dem tillåtet i västra Europa eller i Amerika.

Ett exempel. Bagarna i Moskva, en stor och kampduglig organisation gingo sommaren 1920 i sträjk för att erhålla en ökning av brödransonerna. Myndigheterna besvärade sig icke mycket med saken. Sträjkorganisationen upplöstes helt enkelt, ledarna bortjagades och några av de aktivaste medlemmarna. De sträjkandes förnämsta förespråkare förbjödos deltaga i några som helst föreningssaker och berövades rätten att bekläda tjänster.

Liknande taktik tillämpades av bolsjevikerna vid åtskilliga andra sträjker. En intressant händelse av denna karaktär tilldrog sig bland Moskvatypograferna. I detta fall var det icke ens frågan om sträjk. Man hade blott tillåtit sig »oblygheten» att sammankalla ett möte, till vilket medlemmar av den engelska arbetardelegationen, då i Moskva, inviterats. Vid detta möte gjorde sig Tchernoff, socialrevolutionärernas ledare, och Dan, en framstående mensjevik, skyldiga till den oförlåtliga synden att meddela de engelska arbetarrepresentanterna några få fakta om fackföreningsrörelsen och arbetsläget i Ryssland. Omedelbart därefter suspenderades alla funktionärer i typografföreningen och några av dem kastades i fängelse. Över hela landet i alla officiella tidningar utbasunerades Moskvatypograferna som kontrarevolutionärer, förrädare och »skinnare av arbetet» och nedgjordes i ordalag, som vore ägnade att förskräcka det övriga proletariatet i landet.

*

Så fullständigt och förkrossande är tyranniet över fackföreningarna, att minsta protest förklaras som en förbrytelse mot den revolutionära och proletära disciplinen och ett brott mot revolutionen. När arbetarna vid Baltiska verkstäderna under Petrogradsträjkerna i februari 1921 protesterade mot arresterandet av 22 av deras kamrater, förklarade Antselovitch, ordförande i Petrograds fackföreningar, att de hörde hemma hos Tjekan, och några dagar senare företogs en razzia i verkstäderna, vilken resulterade i fängslandet av en mängd arbetare. Fackföreningarna i Ryssland äro, kort sagt, fullständigt absorberade av staten och ha ingen annan mening eller funktion än att göra polistjänst åt staten.

*

Naturligtvis kunde icke sådana förhållanden vara länge utan att väcka det bittraste missnöje bland arbetarna. I själva verket blev år 1920 detta missnöje så allmänt och hotande, att myndigheterna blevo tvungna att skänka en allvarlig uppmärksamhet åt läget. Tvistefrågan om fackföreningarnas funktioner togs upp mot slutet av år 1920 och det blev snart tydligt, att även inom själva kommunistpartiet olika meningsriktningar i denna betydelsefulla fråga bröto sig mot varandra. Alla ledande kommunister deltogo i den heta strid, som skulle avgöra fackföreningarnas öde. De framlagda teserna avslöjade fyra huvudriktningar. Först Lenin-Zinovjeffs grupp, som höll fast, att fackföreningarna endast ha en uppgift under proletariatets diktatur, den att tjäna som skolor för kommunismen. Den andra riktningen företräddes av Rasanov och hans anhängare, som framhöllo, att fackföreningarna måste fortsätta att vara arbetarnas forum och ekonomiska beskyddare. Den tredje gruppen representerades av Trotsky, den militära ande, som endast kan tala med militaristiska termer. Han lancerade den åsikten, att fackföreningarna med tiden skulle

392

880606332

The Emma Goldman Papers

[The trade unions in Russia. In Swedish] Fackföreningarna i Ryssland / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. – (June 10, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

toning. Sist och mest betydelsefull var den av fru Kollontay och Schliapnikov ledda arbetaroppositionen, som verkligen representerade den dåvarande uppfattningen bland arbetarna och hade deras understöd. Oppositionen framhöll, att politiseringen och militariseringen av fackföreningarna hade förstört arbetarnas intresse för landets ekonomiska rekonstruktion och paralyserat deras produktionskapasitet. De krävde massornas frigörelse från den byråkratiska statens ok och dess formväsen och tillfälle för folket att ge utlopp för sin skapande kraft. De påpekade, att oktoberrevolutionen hade varit en kamp för att sätta massorna i tillfälle att utöva kontroll över landets ekonomiska liv. Kort sagt, arbetaroppositionen utgjorde tolk för gemene mans samlade protest och missnöje.

Det var en väldig kamp med Trotsky och Zinovjev skyndande över landet i extratåg, den ene för att vederlägga den andre. I Petrograd t. ex. var Zinovjevs inflytande så starkt, att Trotzsky först efter en lång kamp kunde göra sin syn på fackföreningskontroversen något gällande. Den senare framkallade en upprörd stämning och var nära att spränga kommunistpartiet. Men gud älskar Lenin. Alltid när hans byggnad knakar i sina fogar, sänder gud honom hjälp. Den stora arbetaroron och de många sträjkerna i Petrograd i februari 1921 prövade denna hjälp. Kommunistpartiets enhet måste upprätthållas till varje pris. Och så lärde Lille far sina oroliga barn vad hans vilja ville säga.

*

Lenin betecknade arbetaroppositionen som anarko-syndikalistisk, medelklassideologisk och gav befallning om dess undertryckande. Schliapnikoff, en av oppositionens inflytelserikaste ledare, tystades efteråt genom att göras till medlem av kommunistpartiets centralkommitté. Fru Kollontay förständigades att hålla sin tunga i styr och lämna partiet och hennes broschyr om oppositionens synpunkter beslagstogs. Några av arbetaroppositionens mindre ljus fingo plats i Tjeka. T. o. m. Rasanov, en gammal och beprövad kommunist, suspenderades under sex månader från all föreningsverksamhet. Vad beträffar Trotsky, som Lenin skämde ut inför partiet som en som »okunnig om den fundamentala marxismen», skickades till Kronstadt för att där ge eftertryck åt »Warschaufreden». Lenin och hans Saint Juste-Zinovjev skördade en lysande viktoria. Fackföreningarna förblevo »skolor för kommunismen».

*

Den nya ekonomiska makten har nästan fullständigt återskapat Rysslands struktur. Fackföreningarna få nästan i främsta rummet känna dess verkningar. Vid ett sammanträde, som kommunistpartiets centralkommitté höll i Moskva i december 1921, diskuterades fackföreningsrörelsens uppgifter under den nya ekonomiska regimen. En kommission bestående av Lenin, Rudzyatak och Andrejev valdes för att förbereda teser i ämnet. Senare antogos som vanligt dessa teser enhälligt av Allryska centralsovjet för fackföreningarna. De tala volymer om Lenins förmåga att byta skinn. Bland annat innehålla teserna följande: 1) Obligatorisk inskrivning av arbetarna i organisationen framkallar en byråkratisk försämring av fackföreningarna och gör dem främmande för massorna. (För att ha [illegible] stämplats som kontrarevolutionärer och »utsugare» och sänts till tjeka.) Det är därför nu nödvändigt att tillåta frivilligt medlemskap i föreningarna; 2) Arbetarna i föreningarna få icke trakasseras på grund av sin politiska eller religiösa tro. (Skuggorna av tallösa offer för sin politiska åskådning äro graverande för bolsjevikerna); 3) Den ekonomiska rekonstruktionen av Ryssland nödvändiggör den striktaste koncentration av makten i händerna på den individuella ledningen. Därför få fackföreningarna icke söka erhålla deras eller ägas av privata kapitalister.

Det är tydligt, att den nya ekonomiska politiken på grundval av Lenins teser om fackföreningarnas roll komma att bli orsaken till nya arbetarproblem och oundvikliga konflikter. Avgörandet av alla kommande arbetarkonflikter kommer att ligga i händerna på en »högre makt» utanför fackföreningarna. Lenins kommission har redan förklarat, att denna »högsta auktoritet» för påtvingad biläggning av arbetartvister icke skall vara någon annan än kommunistpartiet och III internationalen. Det är klart, att den kommunistiska internationalen har för avsikt att bibehålla sitt herravälde över arbetarrörelsen i Ryssland, under det den på samma gång ansträngер sig till det yttersta för att vinna kontroll över arbetarorganisationerna i Västeuropa och Amerika.

*

Under tiden far den ryske arbetaren under den nya ekonomiska politiken nästan värre än då revolutionen bröt ut. Han har förlorat t. o. m. de få garantier, som återstodo som resultat av de revolutionära förändringarna. Särskilt gäller detta ifråga om arbetstiden. Åtta timmars arbetsdagen, praktiskt taget genomgående för Ryssland under de sista fyra åren, har nu upphävts de facto. Enligt det officiella organet »Pravda» i Moskva för december 1921 är situationen denna: Endast 86 av 695 industriella etablissement ha behållit 8-timmarsdagen. I de flesta av de övriga är arbetstiden 9 timmar, i 44 fabriker 10—12 timmar, i 11 är den 14—16 timmar o. i 44 verkstäder existerar ingen bestämd arbetstid. Man har t. o. m. på en del platser funnit barn arbeta 12—14 timmar. Bagarna är de värst exploiterade och arbeta längst, 12—18 timmar. Dessa uppgifter röra förhållandena i Moskva. I provinserna äro de ännu värre. I Dons koldistrikt ha gruvarbetarna sålunda 16—17 timmars oavbrutet arbete. I statens läderfabrik i Vitobsk utgöra 12 timmar normal arbetsdag. Inom det astrakanska fiskeriet är arbetstiden enligt den andra Allryska arbetarskyddskonferensens lokala representant fullständigt obegränsad.

Man kan härav se hur statens nya politik och privatkapitalismen överöser den ryske arbetaren med sina välsignelser.

*

Den ryska revolutionen har emellertid icke varit fullständigt förgäves. Den har utrotat många av de ryska massornas gamla föreställningar, och arbetaren är icke längre den underdånige slav han förr brukade vara. Han har fått nog av politik. Han tror icke längre på den. Nu kommer han att kunna förena sig med sina kamrater i nya organisationer, han kommer utan tvivel att pröva direkta metoder för att hävda sig själv. Lenin och hans anhang känna faran. Deras angrepp på och förföljelse av arbetaroppositionen och anarko-syndikalisterna fortsätta också med största intensitet. Är det så, att den anarko-syndikalistiska stjärnan stiger i öster? Vem vet. Ryssland är miraklernas land.

890109014

The Emma Goldman Papers

[How bolshevism killed the Russian revolution. In Italian] Come il bolscevismo uccise la Rivoluzione Russa / Emma Goldman.— p. 2 ; 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. —(June 17, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Come il bolscevismo

uccise la Rivoluzione Russa

Come abbiamo promesso a suo tempo, iniziamo oggi la pubblicazione degli interessanti articoli di Emma Goldmann sul regime bolscevico.

Per le solite necessità materiali, di spazio, pubblicheremo questi articoli ad intervalli.

Durante i due anni che spesi in Russia apparvero ripetutamente degli articoli nei giornali americani che erano fatti passare come interviste con me. Alcuni dicevano che mi ero trasformata politicamente, che non credevo più nella rivoluzione e che avevo accettato l'idea di governo. Un giornale aveva persino pubblicata una notizia sensazionale a proposito di una bandierina americana che avrei esposta nella mia camera, e sotto la quale, si diceva, avevo eretto un altarino. In breve, sarei diventata una vera Maddalena pentita per i peccati commessi contro il governo americano.

Tutto ciò naturalmente non ha fondamento alcuno. Non fui mai più convinta, in vita mia, della verità delle nostre idee, mai in vita mia ebbi prova maggiore della logica o della giustizia dell'anarchismo. Ma non diedi mai interviste a nessuno perchè mi ci volle più di un anno prima di formarmi un'opinione sulla situazione tragica della Russia.

Consideravo allora, o considero tuttora, che il problema russo è troppo complesso per poterne parlare leggermente. Ed è appunto perciò che trovo superficiali tutti i libri scritti da persone che furono in Russia soltanto per poche settimane, od anche per pochi mesi.

Finchè stavo io stessa brancolando nel buio, non volli esprimere opinione alcuna per il pubblico. Ma anche se avessi avuto un'opinione da esprimere non l'avrei affidata a dei giornalisti. Sentii il dovere di tacere, finchè le forze combinate degli imperialisti erano alla gola della Russia. Inoltre trent'anni di pratica coi giornalisti borghesi non mi hanno ancora convinta della loro sincerità, malgrado le pochissime eccezioni.

Ora però l'ora del silenzio è passata. Voglio perciò raccontare quello che ho visto. So le difficoltà che incontrerò. So che sarò giudicata male tanto dai reazionari e dai nemici della rivoluzione russa, quanto dai pochi cosidetti amici che insistono nel confondere il partito governante in Russia con la rivoluzione.

E' necessario che io stabilisca chiaramente la mia posizione di fronte agli uni come di fronte agli altri.

***

Quattro anni or sono il governo degli Stati Uniti mi trattava da delinquente, strappandomi dal focolare e deportandomi nel cuore della notte. Tutto ciò perchè avevo osato alzare la voce contro la guerra. Avevo allora preannunziato il cataclisma che la guerra avrebbe portato nel mondo, la distruzione, la rovina, la spaventosa perdita di vite umane.

Ora molti di coloro che furono fautori della guerra sono d'accordo con noi e ammettono con noi che la guerra era stata voluta e finanziata da un branco di ciarlatani per il solo vantaggio dei potenti. La "guerra per la democrazia" la "guerra contro la guerra" aveva tuffato il mondo intero in un inferno.

Ora lo spettro della fame passa ovunque, mentre coloro che si sono arricchiti e sono divenuti possenti sulle spoglie degli eroi ignoti, s'inchinano dinanzi ai novelli tiranni. Non contenti del macello di milioni di esseri umani hanno convertito il mondo in una fortezza, in un vasto penitenziario, dove le libertà dei popoli, guadagnate durante secoli di lotta sono completamente infrante.

L'America democratica, che fu una volta chiamata "la terra dei liberi, la patria dei coraggiosi"; l'Inghilterra, una volta asilo dei ribelli del mondo intero; la Francia, culla della libertà, e molte altre nazioni più piccole, non sono ora che un deserto spirituale e morale e le loro porte, un dì aperte a tutti, sono ora chiuse e sigillate.

Solo i lamenti e le imprecazioni della moltitudine dei disoccupati e le grida dei prigionieri politici turbano il silenzio di questo sepolcreto del pensiero.

I nostri governanti possono ben felicitarsi della loro opera. La loro cospirazione riuscì a pennello. La loro tirannia si è piantata fermamente sul collo dei popoli del mondo. Hanno vinto. Eppure non completamente. Poichè v'è la Russia.

L'alta finanza ed il militarismo, non avevano fatto i conti colla rivoluzione russa. Quale mancanza di garbo da parte del popolo russo di suscitare una rivoluzione che avrebbe potuto appiccare il fuoco a tutto il mondo, proprio quando i profitti della guerra erano maggiori e l'imperialismo era sicuro di trionfare. Occorreva fare qualcosa per rintuzzare tanta "sfacciataggine"!

Durante la guerra contro la Germania la parola d'ordine ingannatrice si riassumeva così: "Non vogliamo la guerra contro il popolo tedesco, ma contro il militarismo tedesco e contro l'imperialismo".

Lo stesso ritornello ipocrita lo sentiamo oggi nella crociata decretata contro la Rivoluzione Russa: "Non contro il popolo russo, ma contro i bolscevichi, che hanno istigato la rivoluzione".

E cominciò la campagna contro la Russia. I novelli interventisti massacrarono milioni di russi, il blocco affamò le donne ed i bambini a centinaia di migliaia, e la Russia fu convertita in una immensa pianura di disperazione e di agonia. La rivoluzione fu schiacciata ed il regime bolscevico si rafforzò immensamente. Questo fu il risultato tangibile di quattro anni di cospirazione imperialista contro la Russia.

Come avvenne tutto ciò? Fu una cosa semplice. Il popolo russo, che da solo aveva fatta la rivoluzione e che era deciso a difenderla ad ogni costo contro gli invasori, era troppo occupato su tutti i fronti per poter preoccuparsi del nemico interno. E mentre gli operai ed i contadini russi sacrificavano la loro vita con tanto eroismo, il nemico interno si sviluppava sempre maggiormente. Lentamente ma sicuramente, i bolscevichi andavano costituendo uno stato centralizzato che distruggeva i Soviety e soffocava piano piano la rivoluzione; uno stato che si può oggi paragonare, come burocrazia e despotismo, con qualsiasi delle grandi potenze oppressive del mondo.

Dalle osservazioni da me fatte in due anni di studio delle condizioni e della situazione russa sono venuta alla sicura conclusione che se il popolo russo non fosse stato continuamente minacciato dallo straniero si sarebbe accorto a tempo del pericolo, come si era accorto di quello che proveniva dai Kolciak, dal Denikin ed altri pari loro. Non assillato dagli attacchi controrivoluzionari, il popolo si sarebbe accorto delle vere tendenze dello Stato comunista e della assoluta incapacità sua a ricostituire la Russia rovinata.

Le masse stesse avrebbero cominciato ad infondere nuova vita nelle energie sociali paralizzate del paese. Può darsi che il popolo avrebbe anch'esso commesso degli errori. Ma nello stesso tempo avrebbe imparato a contare su sè stesso, sulla propria forza, sulla propria iniziativa, che sole avrebbero salvato la rivoluzione.

E si deve alla stupidità criminale di alcuni ex-rivoluzionari che urlavano per l'intervento in Russia, nonchè agli imperialisti che tale intervento finanziarono ed organizzarono, se la rivoluzione russa, il più grande avvenimento dei secoli, sia stata sconfitta.

A loro si deve pure se i bolscevichi avvolti nel manto della persecuzione, possono continuare a posare come simboli della rivoluzione sociale.

Ora io intendo di rendere pubblica questa illusione fatale. Non perchè abbia perso la fede nella rivoluzione; ma perchè sono convinta che le rivoluzioni future sono votate al sicuro fallimento se quanto Lenin stesso chiama comunismo militare fosse imposto al mondo. E non si creda che io abbia fatta la pace coi governi se ora denunzio quello che il regime bolscevico ha fatto di male alla rivoluzione russa.

E' invece perchè l'esperimento della Russia, più di qualsiasi teoria ha dimostrato alla luce meridiana dei fatti che tutti i governi, qualunque sia la loro forma ed il loro programma, non sono che un peso morto che paralizza lo spirito libero e l'iniziativa delle masse.

Emma Goldmann.

I preparativi dell'esercito di Wrangel ammessi dal governo bulgaro

Mandano da Sofia:

Rispondendo ad una interpellanza sulla questione del generale Vrangel, il ministro bulgaro Deschaloff ha dichiarato alla Camera a nome del Governo che contrariamente all'accordo secondo il quale i partigiani di Vrangel erano stati accolti sul territorio bulgaro come profughi, i generali russi stanno organizzando una forza militare che costituisce un pericolo per la sicurezza del paese sia all'interno sia nei suoi rapporti con l'estero.

Il ministro ha accusato l'opposizione, e cioè i popolisti democratici e radicali, di associarsi agli eventuali piani dei partigiani di Vrangel per una lotta contro l'attuale governo agrario.

Deschaloff ha concluso dichiarando che i provvedimenti presi dal gabinetto riguardano soltanto quei generali russi che fomentano agitazioni, e non sono diretti contro la massa dei profughi ai quali non verrà negata la ospitalità.

La sentenza nel processo di Pistoia

I prevaricatori gallonati assolti!

Mandano da Pistoia:

Ha avuto termine il processo contro i componenti la Missione militare italiana a Vienna. La sentenza assolve per inesistenza di reato i capitani Penaglia, Valdettaro e Di Palma e per non provata reità il capitano Civelli e il tenente Penna.

Gli affamatori dei bambini di Vienna, i gallonati prevaricatori del pubblico denaro sono stati assolti, e tutto il processo ha dato luogo a manifestazioni di glorificazione degli imputati da parte di quello stesso "pubblico„ — composto di spie, di poliziotti e di fascisti — che a Firenze inveisce, minaccia e ricorre a vio di fatto contro i nostri compagni processati. Ciò è nell'ordine.... e ben può l'onesto Carlo Scarfoglio rallegrarsene nella "Nazione„ e deplorare che il processo di Pistoia «avesse giammai potuto aprirsi». Il decoro nazionale lo avrebbe dovuto vietare....

Con la lenza

L'affare s'ingrossa.

Noi abbiamo raccontata la storiella del tenente punito perchè insultò lo... Stato pontificio chiamando le reclute italiane, che male marcavano il passo, soldati del papa.

L'atto di debolezza del governo italiano di fronte allo Stato di oltre Tevere, non poteva e non doveva passare inosservato al gruppo parlamentare fascista, il quale gruppo dentro la Camera — come squadre d'azione nel paese — ha il dovere di vigilare perchè la dignità nazionale non soffra menomazioni da chicchessia... fuori che dalla Francia.

Perciò gli onorevoli Giuriati e Giunta hanno chiesto — nientepoditmeno — d'interrogare due ministri, quello della Guerra e quello degli affari Esteri per sapere se la doverosa tutela della persona del sommo pontefice debba essere estesa al punto di punire un ufficiale per aver pronunziata una frase leggermente ironica per i soldati pontifici.

Non sappiamo come, messi così con le spalle al muro, se la caveranno i sottosegretari dei due ministeri, Ed è ancora un mistero quale schieramento di battaglia assumerà in tale occasione l'ala destra del partito popolare.

Certo è che l'affare del soldato del papa, non parrebbe vero, ma s'ingrossa.

Ed è forse all'eventuale conseguenza di una tale discussione parlamentare che si voleva ieri riferire l'on. Bombacci, annunziando per martedì prossimo la caduta del ministero.

Come si sa, assai spesso, nel corso della storia si è verificato che i più grandiosi avvenimenti abbiano avuto per cause determinate incidenti di scarsa e ridicola importanza.

E non sarebbe da stupirsi che l'on. Facta venisse rovesciato... dai soldati del papa.

Nella vita parlamentare italiana se ne sono vedute delle più allegre!

Ma quale orgoglio, quale gloria, per Bombacci, e di riflesso per il partito comunista italiano, l'aver preconizzato con sei giorni di anticipo la caduta del ministero!

La legge è...

In questa settimana, vari sovversivi — accusati di aver partecipato in rissa all'uccisione di fascisti — perchè contumaci sono stati condannati alla pena dell'ergastolo.

Pena si dice simbolica, sia perchè il condannato è uccel di bosco, sia perchè oggi o domani, arrestato, verrebbe sottoposto a nuovo processo.

Pena dunque rituale. Con tutti gli accusati di omicidio, la Corte, trattandosi di contumaci, applica provvisoriamente — longanimità sua! — la pena dell'ergastolo...

Con tutti... veramente no..,

In questi giorni un fascista, accusato anch'esso di omicidio, veniva, perchè contumace, condannato a... diciotto anni. Presente... lo avrebbero assolto.

Dove si rivede di bel nuovo che la legge è... sempre uguale per tutti.

Simplicio

Per la difesa dei detenuti politici

L'amico nostro Avv. Saverio Merlino (Via Gioberti, 30 - Roma, 28), riceve da tutte le parti inviti per andare a difendere dei processati politici.

Egli è tutto disposto a prestare, nei limiti del possibile, l'opera sua, ma ci fa osservare ch'egli non può trovarsi in più parti nello stesso tempo, o che non può nemmeno rispondere a lettere senza firma leggibile e senza indirizzo per risposta.

I gruppi, ed i compagni isolati che lo possono, hanno un mezzo di contribuire ad assicurare la vita del quotidiano, ed è quello di sottoscrivere ad una o più

OBLAZIONI STRAORDINARIE

che danno diritto all'invio di un artistico ricordo stampato su carta di lusso.

Inviare l'importo di L. 25 per ogni oblazione all'Amministrazione di UMANITA' NOVA - Casella postale 411 - ROMA

394

890109015

The Emma Goldman Papers

[The Bolsheviks and the Russian revolution. In Italian] I Bolscevichi e la Rivoluzione Russa [Part 1] / Emma Goldman. – 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. – (June 20, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

I bolscevichi e la Rivoluzione Russa

Come già detto, il prezzo della pace di Brest-Litowsk fu il tradimento della Lettonia, della Finlandia, della Ucraina e della Belorussia.

I contadini dell'Ucraina e della Russia Bianca seppero respingere l'invasore tedesco, ma non hanno mai dimenticato nè perdonato il tradimento dei bolscevichi; prova ne sia la permanenza in Ucraina di un milione di soldati per «reprimere il banditismo». La ratifica del trattato di Brest — che Trotzki rifiutò di sottoscrivere e che lo stesso Radek, allora prigioniero in Germania, definiva come la bancarotta della rivoluzione, mentre Joffre la firmava «ad occhi chiusi» — è stata il 'segnale della lunga resistenza, palese o clandestina, dei contadini dell'Ucraina contro lo stato bolscevico. I contadini si distaccarono allora dagli operai manifestando il loro antagonismo per gli autori di quella pace voluta da Lenin per ottenere una tregua per il bene della rivoluzione.

Fu uno dei molteplici errori del dittatore, ed il più esiziale di tutti, poichè fu da esso che si iniziò lo strangolamento della rivoluzione.

III.

I contadini e le requisizioni forzate

Il metodo delle requisizioni forzate («razviorstka») seguiva immediatamente la conclusione della pace di Brest-Litowsk. I bolscevichi giustificano questa misura autoritaria col rifiuto dei contadini di fornire di viveri le città. Ciò è vero soltanto in parte. I contadini in realtà chiedevano di poter trattare direttamente con gli operai dei grandi centri, ma ciò fu loro rifiutato. Molto contribuirono al malcontento dei contadini l'insufficienza del regime bolscevico e la corruzione del sistema burocratico. Gli articoli manufatturati promessi in cambio dei prodotti agricoli raramente raggiungevano la loro destinazione e, quando giungevano, spesso risultavano essere merce di scarto, o scarsa o altrimenti difettosa.

A Kharkoff mi fu dato di constatare gl'inconvenienti del sistema burocratico centralizzato. Nel deposito di un'officina giacevano ammonticchiate grosse partite di macchine agricole, ordinate da Mosca «sotto pena di severe punizioni in caso di sabotaggio», perchè fossero pronte «nel termine di due settimane». Le macchine erano pronte già da più di sei mesi, senza che le autorità centrali trovassero modo di mandarle a destinazione dei contadini che le reclamavano con insistenza, avendone un bisogno urgente. Era uno degli esempii tipici del come operasse — o meglio «non» operasse — il sistema moscovita.

Date queste condizioni di cose non v'è da meravigliarsi se i contadini ebbero a perdere ogni fiducia nella capacità organizzatrice dello Stato bolscevico. Il quale allora, visti inutili gli adescamenti e le promesse, ricorse al sistema delle requisizioni forzate. Ora non v'era un mezzo più adatto per suscitare l'antagonismo e l'ostilità dei contadini, poichè con questo sistema si instaurava il terrore fra la popolazione agraria. Soltanto l'avvenire potrà permettere un quadro esatto delle terribili conseguenze di questa misura deleteria, col suo sacrificio immenso di vite umane e le incalcolabili devastazioni.

***

Per quanto ciò possa sembrare inverosimile, è un fatto ben noto in Russia che è stato appunto questo sistema una delle cause dell'attuale carestia, specie nella regione del Volga. Perchè ai contadini si confiscarano spesso, oltre alle ultime riserve di grano, anche le stesse sementi conservate per la prossima seminagione.

I rifiuti e la resistenza di certi villaggi ad ottemperare alle richieste degli incaricati delle requisizioni erano seguiti da spedizioni punitive che attaccavano i villaggi con le armi e spesso li distruggevano completamente. Invano i contadini protestavano presso le autorità locali ed a Mosca: nessuno li ascoltava.

A questo proposito si narra un aneddoto che dimostra bene in quale concetto i contadini tenessero il metodo di requisizione violenta dei bolscevichi. Una delegazione di contadini è ricevuta in udienza da Lenin. "Ebbene, dedushka! — dice il dittatore rivolto al più vecchio dei contadini — dovreste essere soddisfatti ora che avete la terra, il bestiame, il pollame; tutto insomma! „ — "Sì, grazie a dio — ribatte il contadino — sì, piccolo padre, la terra è mia, ma voi vi prendete il pane; la vacca è mia, ma voi vi bevete il latte; la gallina è mia, ma le uova sono vostre. Dio sia lodato, piccolo padre! „

***

Defraudati e minchionati in tal guisa, i contadini si sentivano mossi da sentimenti di avversione per i bolscevichi. Le requisizioni, le spedizioni punitive, i metodi brutali e le continue ingiustizie finirono per generare una fortissima corrente controrivoluzionaria nel paese.

Di questa corrente qualche scrittore occidentale ha data la spiegazione fornita dagli stessi bolscevichi. Così uno scrittore inglese, Bertrand Russell, che ha dato prova di onestà e sincerità nelle sue critiche sulla Russia, scrive nel suo studio "Pratica e teoria del bolscevismo „ quanto segue: "Bisogna convenire che le "ragioni per le quali i contadini "avversano i bolscevichi sono poco "fondate. „ E' evidente che il signor Russell non ebbe modo di constatare gli effetti delle requisizioni, altrimenti le sue impressioni sarebbero state diverse. La verità vera è che se i contadini russi non fossero flemmatici e passivi, lo Stato bolscevico non avrebbe durato tanto. La loro resistenza passiva peraltro ha contribuito ad avvicinare il regime bolscevico alla sua fine. Ed è appunto questa constatazione, più che le considerazioni di umanità, che indussero Lenin ad adottare la sua attuale politica di libero commercio e d'imposte.

***

Le cooperative russe costituivano una forza economica e morale notevole nella vita del popolo. Nel 1918 esse possedevano 25 mila succursali, con 9 milioni di aderenti. Il capitale investito ammontava a 15 milioni di rubli ed il movimento di affari dell'anno precedente ascendeva a 200 milioni. Sebbene esse non fossero delle organizzazioni rivoluzionarie, esse costituivano tuttavia un mezzo indispensabile per mantenere in contatto le campagne con le città. Se mai, gli elementi contro-rivoluzionarii che si trovavano alla loro direzione avrebbero potuto essere eliminati senza distruggere l'intera organizzazione delle cooperative. Ma lo Stato, geloso della propria egemonia, preferì liquidarle, distruggendo in tal modo un fattore potente per la ricostruzione della Russia.

Ed ora, dopo che le cooperative sono state distrutte e che coloro che avevano contribuito ad edificarle sono stati ricompensati con la prigione, Lenin recita il suo nuovo "mea culpa, „ invocandone la ricostituzione.

Poco dopo che si ripristinasse la legalità delle cooperative, Pietro Kropotkine (che già si trovava sul suo letto di morte) esprimeva il suo desiderio che i sei organizzatori delle cooperative di Dmitroff, allora imprigionati da diciotto mesi, venissero rilasciati. Egli li aveva conosciuti intimamente come dei lavoratori scrii, leali ed affezionati alla loro opera. La loro liberazione fu ordinata soltanto dopo che Lenin ebbe decisa la risurrezione delle cooperative.

E' tuttavia poco probabile che le cooperative possano mai raggiungere la forza e l'importanza di una volta sotto il regime statale bolscevico.

Emma Goldmann.

Per necessità di spazio pubblicheremo in un prossimo numero la fine di questo articolo di Emma Goldmann.

La Confederaz. del Lavoro di Spagna
per l'autonomia da Mosca

VALENZA, giugno.

(x) In Spagna, forse perchè il governo si è persuaso che la repressione feroce messa in opera in questi ultimi tempi non riusciva a domare lo spirito battagliero del proletariato e poteva accelerare uno scoppio rivoluzionario, è stato tutto lo stato d'assedio e si sono ristabilite le cosiddette garanzie costituzionali.

La «Confederazione Nazionale del Lavoro» ne ha tosto profittato per riprendere il lavoro pubblico, e l'11 giugno ha celebrato a Saragozza una Conferenza Nazionale dei delegati delle organizzazioni aderenti di tutta la Spagna.

La questione principale che si è trattata è stata quella dell'adesione, o no, alla Terza Internazionale ed all'Internazionale dei Sindacati Rossi.

Al principio della rivoluzione russa la Confederazione spagnuola, come fece pure l'Unione Sindacale Italiana, aderì con entusiasmo alla Terza Internazionale; e poi non potette più prendere risoluzioni collettive a causa della violenta e sanguinaria reazione, che imprigionò tutti i membri conosciuti ed attivi dell'organizzazione e rese difficili i rapporti e le riunioni tra gli organizzati.

Appena si è potuto riprendere il lavoro normale e rendersi conto della situazione, si è stimato urgente ritornare sulla questione che occupava tutti i compagni spagnuoli. E la Conferenza di Saragozza, dopo ampia discussione, ha dichiarato che il fatto di aver aderito alla Terza Internazionale, organizzata dagli elementi dirigenti della Rivoluzione russa, più che da coincidenza di principii, dipese dalla simpatia che il gesto rivoluzionario russo ispirava al proletariato di Spagna e del mondo, e non può impegnare la condotta attuale e futura della Confederazione. Dichiara inoltre che il carattere politico e «partitista» della Terza Internazionale e dell'Internazionale dei Sindacati rossi è fondamentalmente opposto ai principii professati dalla Confederazione del Lavoro di Spagna, ed accetta in principio la separazione dalla Internazionale dei Sindacati rossi e della Terza Internazionale, mentre pensa che la partecipazione alla Conferenza di Berlino non contrasta coi principii della Confederazione nè cogli accordi presi nel Congresso del dicembre 1919 a Madrid, dove si decise l'adesione ad una organizzazione sindacale internazionale indipendente da ogni partito politico. Però, vista la grande importanza della questione, decide di sottoporla per mezzo del *referendum* al voto di tutti i sindacati.

La Conferenza si chiuse mandando ai carcerati ed agli esiliati un saluto fraterno e la promessa che l'organizzazione non li abbandonerà.

I difensori lasciano il loro posto
al processo di Mosca

I difensori dei controrivoluzionari russi, nominati a Berlino, e cioè Vandervelde, Rosenfeld, Liebknecht e Nautens, hanno deposto il loro mandato.

Nella dichiarazione da essi letta venerdì è detto che si vedono costretti a tale decisione: 1) perchè contrariamente agli accordi presi a Berlino, non sono stati ammessi al tribunale gli altri difensori sollecitati; 2) perchè è stata rifiutata l'ammissione di stenografi di fiducia della difesa; 3) perchè hanno dichiarato che l'accordo di Berlino non è impegnativo per il tribunale; 4) perchè il rappresentante dell'Internazionale comunista Bukarin ha dichiarato che l'accordo non esiste più.

Il tribunale ha subito replicato che l'accordo di Berlino è una convenzione puramente politica, che non può in alcuna maniera influenzare il corso del processo. I difensori menscevichi la cui ammissione è stata chiesta dal collegio della difesa, non possono essere accolti perchè essi non ispirano fiducia al tribunale. Ogni e qualsiasi discussione sull'accordo di Berlino spetta al governo dei Soviety, e non al tribunale.

Con la lenza

Gente allegra!

Molti accusano l'on. Casertano, sottosegretario agl'interni, d'ignorare sistematicamente molte cose o di conoscerle in modo incerto, assai oscuro e filofascista.

Per esempio, l'altro giorno gli è stato rimproverato di non sapere neppure a quale gradazione politica appartengono i deputati oggetto d'interrogazioni rivolte al ministro. Ed il rimprovero era meritato perchè l'on. Casertano definiva, come social-comunista, l'on. Corsi, il quale invece è socialista... aulico.

Però in compenso quale profondo conoscimento della... Young Men's Christian Association!

Il deputato popolare Novario, in nome proprio e di altri membri del suo gruppo aveva interrogato il governo per sapere come intendesse «salvaguardare il «prestigio e la dignità nazionale di fronte all'insidiosa opera che la Y. M. C. A. » va svolgendo ai danni del Paese»...

Perchè i popolari ritengono che quell'associazione cristiana sia strumento di espansione nord-americano, mezzo di penetrazione pan-americana. Proprio così. Una subdola opera di proselitismo evangelico nasconderebbe un abile lavoro di assorbimento e assoggettamento morale, intellettuale e religioso. E scusate se è poco.

Del resto i deputati popolari sono dei cattolici militanti, almeno nelle apparenze elettorali, ed essi di espansionismo... religioso se ne devono intendere.

Ma non allontaniamoci da Casertano.

Questo signore che all'indomani di una scampagnata punitiva fascista non sa nulla o sa poco, o sa, quello che gli ha mandato a dire il direttorio del Fascio, d'intesa col comando dei R.R. C.C.... di fronte all'interrogazione dell'on. Novasio ha ricuperato d'un tratto tutta la sua sapienza, memoria e lucidezza di spirito. Ed fatto una conferenza sulla Y. M. C. A. spiegando come «le associazioni «dei giovani sono circoli giovanili la «cui prima fondazione risale al 1884, «ad opera del filantropico londinese «George Williams. Loro scopo è — ha chiarito l'on. Casertano — «quello di «promuovere lo sviluppo morale, intellettuale e fisico dei giovani e l'incremento di tali organizzazioni è così «cospicuo da aver raggiunto il numero «di varie migliaia in tutti i paesi del «mondo, con milioni di soci riuniti in «una federazione universale la quale «ha i suoi organi principali a Ginevra «e a New York».

L'on. Casertano ha illustrato poi le tavole della fondazione dell'associazioni cristiane dei giovani, ed ha con eloquio appassionato e con ricchezza di dati dimostrato come «il governo non ha fi«nora avuto occasione d'intervenire...»

Se noi si fosse — dio ce ne scampi e liberi! — deputati all'indomani di una nuova occupazione... «pacifica» fascista non interrogheremmo il governo sullo svolgimento di quell'operazione, ma chiederemmo all'on. Casertano una conferenza sui canali del pianeta Marte.

Arriva Iuli...

L'on. Giolitti è atteso oggi a Roma. C'è chi dice ch'egli ha annusato odor di cadavere e da bravo sciacallo corre a Roma per farsi un posto al banchetto della successione.

«Il Giornale d'Italia» che è il più serio di tutti i giornali che si pubblicano nella penisola, è d'opinione invece che Giovanni Giolitti sia corso a Roma perchè «è stato sollecitato dai socialisti col«laborazionisti al fine di trovare una «intesa di carattere parlamentare»,

Noi ci guarderemo bene dal mettere in dubbio le informazioni del «Giornale «d'Italia»... Siamo disposti anche ad ammettere che i socialisti collaborazionisti non solo a Nitti ed a Giolitti sarebbero disposti ad offrirsi, pur di andare al potere,... ma anche a Mussolini.

Ma crediamo che questa volta il «Giornale d'Italia», cosa che non gli succede mai, abbia un po' esagerato.

Perchè ci consta da fonte autorevole che Giolitti viene a Roma per preparare a a D'Aragona il «controllo del parlamento»... visto e considerati gli splendidi risultati del «controllo sulle fabbriche».

Ma questa volta D'Aragona non si lascerà prendere in giro come allora. Perchè allora si trattava di sabotare la rivoluzione in atto, mentre invece adesso c'è di mezzo la conquista legale del potere. Cioè, finalmente!, il trionfo dei nobili ideali.

E D'Aragona questa volta si farà sentire.

E chissà che non si rivolga anche per aiuto all'Alleanza del Lavoro.

Semplicio

890720006

The Emma Goldman Papers

[Impenitent cheaters. In Italian] Turlupinatori Impenitenti / E[mma] G[oldman].—40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. —(June 22, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

I bolscevichi e la Rivoluzione Russa

II.

La rivoluzione russa come cambiamento radicale del sistema economico e sociale per stabilire il Comunismo deve ormai considerarsi un fallimento.

Nel valutare i diversi fattori che soffocarono la rivoluzione non basta mostrare il gioco degli elementi controrivoluzionari. E' vero che i loro delitti sono odiosi abbastanza per condannarli per tutta l'eternità. Questi "patriotti" russi — monarchici, cadetti, socialisti rivoluzionari di destra — riempiono l'aria colle loro richieste intervenzioniste. Che importava loro se milioni dei loro compatriotti e migliaia di vittime innocenti sarebbero uccise nella loro infame guerra contro la Russia?

Essi vivevano in perfetta sicurezza; nè le palle della Ce-ka nè l'opera devastatrice della fame e del tifo potevan colpirli. Costava poco ad essi la partita patriottica. Ma tutto ciò è arcinato, e non abbisogna di ulteriori illustrazioni. Si sa che i russi e gli alleati intervenzionisti non erano gli unici attori nel gran dramma sociale che finì colla morte della rivoluzione russa. Gli altri attori erano i bolscevichi stessi. E' della loro parte che voglio parlare ora.

Forse la rivoluzione russa era condannata fin dalla sua nascita. Sorta dopo quattro anni di guerra che aveva dissanguato la Russia di quanto aveva di migliore, ne aveva sparso il sangue e devastata la terra, la rivoluzione forse non avrebbe avuto la forza di resistere e vincere l'attacco furioso del resto del mondo.

Secondo i bolscevichi, il popolo russo, sebbene eroico abbastanza per i grandi rivolgimenti, manca della necessaria perseveranza per far fronte alle lente penose esigenze quotidiane del periodo rivoluzionario. Non credo che ciò sia vero. Ma ammesso che così fosse, io insisto nel dire che non furono tanto gli attacchi alla frontiera quanto i metodi insensati e crudeli vigenti nell'interno che hanno ucciso la rivoluzione e posto il giogo del despotismo sul collo del popolo. I sistemi marxisti dei bolscevichi, le tattiche prima dichiarate indispensabili, eppoi abbandonate dopo che portarono miseria, sfiducia ed antagonismo, furono i fattori che lentamente minarono la fede del popolo nella rivoluzione.

E se vi fosse un dubbio su quanto costituisce il maggior pericolo per una rivoluzione — attacchi esterni o iniziative paralizzate del popolo nell'interno — l'esperimento russo dovrebbe farlo svanire. La controrivoluzione spinta, organizzata, finanziata dagli alleati fallì miseramente; non tanto a causa dell'eroismo dell'Armata Rossa quanto per l'entusiasmo del popolo stesso che lottò e respinse ogni attacco. Eppure la rivoluzione russa è nell'agonia. Come dunque si spiega questo fenomeno?

Le cause principali non occorre cercarle lontano. Se una rivoluzione deve sopravvivere di fronte all'opposizione ed agli ostacoli, occorre innanzitutto che la fiaccola della rivoluzione sia tenuta sempre alta davanti al popolo; bisogna che il polso della rivoluzione gli batta vicino. In altre parole, è necessario che le masse sentano continuamente che la rivoluzione è opera loro, che esse partecipano attivamente al lavoro integrale dell'organizzazione della vita nuova.

Per un breve periodo dopo la rivoluzione di ottobre, gli operai, i contadini, i soldati ed i marinai furono per davvero padroni della rivoluzione. Ma ben presto l'invisibile pugno d'acciaio dello Stato comunista [illegible] separarla dal popolo ed a ridurla schiava dei propri scopi.

I bolscevichi sono l'ordine gesuita della chiesa marxista. Non che essi manchino di sincerità o che le loro intenzioni siano cattive. E' il loro marxismo che ha determinato il loro programma, i loro metodi. Quegli stessi metodi che ebbero per conseguenza di distruggere lo scopo a cui tendevano. Comunismo, socialismo, eguaglianza, libertà, tutto ciò per cui le masse russe si erano sottoposte a tanto martirio, fu screditato, insozzato dalle loro tattiche, dal loro motto gesuita che « il fine giustifica i mezzi ». Il cinismo e la brutalità presero il posto delle aspirazioni ideali che caratterizzarono la rivoluzione di ottobre. Qualsiasi ispirazione fu soffocata, l'interesse popolare è stato reciso, l'indifferenza e l'apatia dominano. Non furono l'intervento od il blocco, ma bensì i sistemi di politica interna dello Stato bolscevico che alienarono il popolo russo dalla rivoluzione e lo riempirono di odio per ogni cosa che da essa emana.

« Perchè cambiare? », dice oggi il popolo. « Tutti i governanti sono uguali, il povero deve sempre soffrire ». Ed è questo fatalismo, rafforzato da secoli di sottomissione, che ha permesso ai bolscevichi di realizzare la loro dominazione sopra la Russia. Avranno ormai i bolscevichi imparato che non sempre il fine giustifica i mezzi?

E' vero tuttavia che Lenin si pente di sovente. Ad ogni conclave del Partito Comunista russo recita contrito il suo "mea culpa". Un giovane comunista un giorno mi diceva: "Non sarei sorpreso se Lenin qualche giorno dichiarasse che la Rivoluzione di ottobre fu uno sbaglio.

E' vero, Lenin ammette i suoi errori; ma ciò non lo impedisce affatto di continuare nei vecchi erratti sistemi. Ogni nuovo esperimento è proclamato da Lenin e dai suoi zelanti come il "non plus ultra" della scienza rivoluzionaria e politica. Guai a coloro che osano dubitare dell'efficacia o della giustizia dei nuovi metodi. Essi vengono immediatamente bollati col marchio di contro-rivoluzionari, di speculatori o di banditi.

Ma tosto Lenin si pente un'altra volta, e deride il proprio gregge chiamandolo sciocco per aver creduto che l'esperimento fosse possibile. Dopo aver illuso per quattro anni la Russia ed il mondo intero con l'affermare che in Russia si sta organizzando il Comunismo, Lenin all'ultimo congresso dei Soviets coprì di ridicolo i suoi compagni per la loro ingenuità nel credere che il Comunismo fosse oggi possibile in Russia. Eppure le prigioni racchiudono ancora coloro che avevano manifestato lo stesso dubbio tre anni prima.

Sarebbe certo interessante di poter passare in rassegna tutti i metodi messi in opera dai bolscevichi per raggiungere i propri fini; metodi di coartazione del popolo e rappresentati come la quintessenza di tutto quanto l'umano sapere, ma che risultarono poi nella distruzione della Rivoluzione. Ma non è nell'ambito ristretto di un semplice articolo che si può procedere ad un'analisi dettagliata di tutto quanto è stato fatto dallo stato bolscevico. Accennerò quindi solo, per ora, ai metodi i più importanti ed alle fasi le più salienti.

La pace di Brest-Litovski segna, per noi, il principio di tutti i mali che si ebbero a verificare in seguito. Fu una smentita recisa di tutto quanto i bolscevichi avevano proclamato al mondo intero: pace senza indennità, indipendenza dei popoli oppressi, abolizione della diplomazia segreta. Ciò non impedì ai bolscevichi di fare la pace col governo imperiale germanico senza preoccuparsi affatto del popolo tedesco.

Il prezzo della pace fu il tradimento della Letonia, della Finlandia, dell'Ucraina e della Belorusela.

Emma Goldmann.

Diffondete
Umanità Nova

Lo Stato entro lo Stato

Mobilitazione a Rovigo

Mandano da Rovigo:

Il Comando della Legione Fascista Polesana pubblica:

«Sappiamo che entro il giorno 20 si discuterà alla Camera il caso Piccinato.

«I segretari politici dei Fasci Polesani fermi agli ordini impartiti con la circolare R. n. 176, del 6 corr. devono provvedere a che le squadre siano completamente equipaggiate in modo da poter concentrare secondo le modalità che stabilirà tempestivamente il Comando della Legione.

«Per adesso gli ordini sono: Disciplina e silenzio».

Dopo di che l'on. Casertano non si peritarà di dichiarare che lo Stato è forte e non cessa di assistere, imparziale, alla propria... esautorazione.

Del che non noi dovremo dolerci.

Turlupinatori impenitenti

Al congresso dei sindacati fascisti tenutosi testè a Milano, l'ex sindacalista rivoluzionario Edmondo Rossoni ha fatto un gran discorso tutto fervido di patriottismo.

Leggendolo, quel discorso, il sottoscritto s'è sovvenuto dell'attività parolaia di quel messere, allorquando sedici anni or sono in Piacenza e provincia riusciva a far costituire dozzine di circoli antimilitaristi, insegnando ai giovani il disprezzo della patria o l'avversione a tutto quanto era orpello nazionalista. E s'è sovvenuto che le autorità reagirono e si ebbe allora una forte repressione, che finì con lo scioglimento di tutti i circoli antimilitaristi e l'arresto in massa di molti giovani — condannati poi dai 16 ai 22 mesi di reclusione, ed il sottoscritto fra essi — infiammati dal verbo rossoniano.

Oh come dev'essere convincente ora il verbo patriottico in bocca a tanto uomo!

E come costui — che può mungere abbondantemente a mammelle ben diversamente turgide da quelle di un tempo — può dare affidamento di costanza e serietà!

Ma è così: in fondo se l'involucro è cambiato, l'intima natura funambolesca di codesti assidui turlupinatori del popolo, rimane. Come ieri, oggi ancora essi tendono al dominio del popolo solo per servirsene, solo per soddisfare sul suo dorso le loro più turpi ambizioni.

Rossoni ha precisato che contro il capitalismo testardo, il sindacalismo nazionale dovrà sostenere lotte vivacissime per imporre equilibrio o giustizia: vuol dire allora che gli scioperi inutili e dannosi alla nazione, per i quali Rossoni fa funzionare il santo manganello, diventeranno utilissimi e proficui alla prosperità della patria!

Dovrà durare sempre il regno degli immondi turlupinatori del popolo?

Piacenza, giugno.

E. G.

La ricompensa ai "combattenti"

Un compagno ci scrive da Torino:

Non vi meraviglierà il fatto seguente perchè ne succedono tanti: ma merita ricordare, di tanto in tanto, la triste sorte cui sono esposti gli *eroi* della guerra cui un giorno — quando erano nelle trincee — si promettevano dagli organi governativi, mari e monti.

Passavo questa mattina per via Po e scorto sopra uno scalino stava un povero tubercoloso incapace di reggersi in piedi, con il seguente cartello attaccato al collo: « *tubercoloso di guerra che da molto tempo attende invano di essere ricoverato* ».

Mi trattenni un poco a contemplare quel rudere pietoso della moderna patria, osservando i passanti: nessuno si occupava di quel derelitto, ma meno di tutti quei signori e quelle dame che amano fregiarsi del nastrino tricolore.

Accostatomi al disgraziato gli rivolsi alcune domande e seppi che, malgrado tutte le sue pratiche e gli sforzi in tal senso, non gli riuscì di ottenere di essere ricoverato in un luogo di cura come lo richiederebbe il suo miserissimo stato.

L'accattonaggio sulla pubblica via ecco la ricompensa agli eroi rovinati nella salute dalla grande guerra!

Eppoi ci si parla di umanità, di giustizia e di amor patrio!

Appunti

Severo monito di Romain Rolland alle donne

Richiesto dalla « Lega internazionale femminile per la pace » di dare la sua adesione alla mozione per il disarmo generale Romain Rolland ha dichiarato di associarsi, ma di non sentirsi disposto a rivolgere parole di persuasione alle donne e, tanto meno, di indulgenza.

« Ma soggiunge Romain Rolland — ci tengo a dir questo: L'umanità, straziata dalla guerra di cinque anni, è alla vigilia di guerre ancor più mostruose, nelle quali milioni di giovani vite e tutte le speranze dell'avvenire andrebbero irrimediabilmente travolte. Se le donne non lottano con tutta la loro energia contro il flagello che si avvicina, che il sangue dei figli ricada sulle loro teste! »

« Esse saranno state complici della carneficina, che non avranno avuto l'energia d'impedire ».

« Nulla può scusare chi resta passivo nell'attesa rassegnata o stanca di fronte al più grande delitto ».

La preponderanza delle femmine sui maschi

La preponderanza dell'elemento femminile in Russia che prima della guerra ammontava al 4 per cento ora ammonta al 30 per cento. L'eccedenza delle donne sopra gli uomini in Inghilterra e nel Galles ammonta a 1,720,802 in confronto a 1,179,276 del censimento precedente. Mentre le statistiche dei paesi rimasti neutri, rimarcano un graduale ritorno alle condizioni normali, quelle dei paesi belligeranti dimostrano una notevole preponderanza nell'elemento femminile. Questo fatto è notevole per le ripercussioni sociali che non può non avere.

Un imitatore di Rasputin

Il *Truuth Seeker* pubblica la notizia che il monaco russo Vladimiro Tarabayff, che si pateggiava a Messia e pretendeva far miracoli, è stato arrestato per ordine del governo. Il Rasputin n. 2 aveva potuto fondare una chiesa, ma si venne a scoprire che la maggior parte delle convertite era di donne che costituivano il suo mistico «harem».

Anacronismi

Leggo su *La Libre Pensée* di Losanna che in Francia, in un villaggio del Mezzogiorno, un contadino ha ucciso una giovinetta, perchè credeva che la famiglia della sua vittima si dedicasse alla stregoneria. E che nello Stato di Kentucky, negli Stati Uniti, è stato licenziato un istitutore perchè insegnava ai suoi allievi che la terra è una sfera. « E questo nel nostro secolo! » esclamerei se non pensassi al fascismo.

Roba da cattolici

La superstizione non è certo un monopolio cattolico. Ecco quanto pubblica un giornale scozzese, il *Dundee Advertiser*: « Per la cerimonia finale una gran folla riempiva la chiesa episcopale di S. Andrea: vi avvennero varie manifestazioni isteriche. Un caso notevole attirò l'attenzione della numerosa assemblea. Il Rev. Provosto Erskine Hill illustrò un caso di possesso demoniaco e ha assicurato che il diavolo è stato cacciato dal corpo della povera donna. Il pastore dichiarò che il cattivo spirito non voleva assolutamente abbandonare il corpo della donna, una ricca di media età. Essa cacciava delle grida strazianti che furono dichiarate esser quelle di un demonio. Un altro caso di esorcismo che ebbe luogo nello stesso giorno, è quello di un ragazzo che abbaiava. Questi esorcismi sono avvenuti in una città universitaria Aberdeen ». I commenti sono inutili.

Per finire

Fra dei pensieri, in generale molto banali, di Pitigrilli, pubblicati dal *Secolo XX* ne scelgo tre, paradossali ma veri:

Cleptomania è la disonestà dei ricchi: nervosismo la villania degli intellettuali.

Le prostitute, le puttane, le gualdrappe dovrebbe sostituire una razza di bigoli, metà bianchi e metà neri. secondo del colore sorteggiato assolvere o condannare. Con questo sistema la giustizia diventerebbe amministrata con maggior scrupolo, intelligenza ed equità.

890717005

The Emma Goldman Papers

[The bolsheviks and the Russian revolution. In Italian] I Bolscevichi e la Rivoluzione Russa. Part 2 / Emma Goldman. – 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(June 22, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

I bolscevichi e la Rivoluzione Russa

II.

La rivoluzione russa come cambiamento radicale del sistema economico e sociale per stabilire il Comunismo deve ormai considerarsi un fallimento.

Nel valutare i diversi fattori che soffocarono la rivoluzione non basta mostrare il gioco degli elementi controrivoluzionari. E' vero che i loro delitti sono odiosi abbastanza per condannarli per tutta l'eternità. Questi "patriotti" russi — monarchici, cadetti, socialisti rivoluzionari di destra — riempiono l'aria delle loro richieste intervenzioniste. Che importava loro se milioni dei loro compatriotti e migliaia di vittime innocenti sarebbero uccise nella loro infame guerra contro la Russia?

Essi vivevano in perfetta sicurezza; nè le palle della Ce-ka nè l'opera devastatrice della fame e del tifo potevan colpirli. Costava poco ad essi la partita patriottica. Ma tutto ciò è arcinato, e non abbisogna di ulteriori illustrazioni. Si sa che i russi e gli alleati intervenzionisti non erano gli unici attori nel gran dramma sociale che finì colla morte della rivoluzione russa. Gli altri attori erano i bolscevichi stessi. E' della loro parte che voglio parlare ora.

Forse la rivoluzione russa era condannata fin dalla sua nascita. Sorta dopo quattro anni di guerra che aveva dissanguato la Russia di quanto aveva di migliore, ne aveva sparso il sangue e devastata la terra, la rivoluzione forse non avrebbe avuto la forza di resistere e vincere l'attacco furioso del resto del mondo.

Secondo i bolscevichi, il popolo russo, sebbene eroico abbastanza per i grandi rivolgimenti, manca della necessaria perseveranza per far fronte alle lente penose esigenze quotidiane del periodo rivoluzionario. Non credo che ciò sia vero. Ma ammesso che così fosse, io insisto nel dire che non furono tanto gli attacchi alla frontiera quanto i metodi insensati e crudeli vigenti nell'interno che hanno ucciso la rivoluzione e posto il giogo del despotismo sul collo del popolo. I sistemi marxisti dei bolscevichi, le tattiche prima dichiarate indispensabili, poi abbandonate dopo che portarono miseria, sfiducia ed antagonismo, furono i fattori che lentamente minarono la fede del popolo nella rivoluzione.

E se vi fosse un dubbio su quanto costituisce il maggior pericolo per una rivoluzione — attacchi esterni o iniziative paralizzate del popolo nell'interno — l'esperimento russo dovrebbe farlo svanire. La controrivoluzione spinta, organizzata, finanziata dagli alleati fallì miseramente; non tanto a causa dell'eroismo dell'Armata Rossa quanto per l'entusiasmo del popolo stesso che lottò e respinse ogni attacco. Eppure la rivoluzione russa è nell'agonia. Come dunque si spiega questo fenomeno?

Le cause principali non occorre cercarle lontano. Se una rivoluzione deve sopravvivere di fronte all'opposizione ed agli ostacoli, occorre innanzitutto che la fiaccola della rivoluzione sia tenuta sempre alta davanti al popolo; bisogna che il polso della rivoluzione gli batta vicino. In altre parole, è necessario che le masse sentano continuamente che la rivoluzione è opera loro, che esse partecipano attivamente al lavoro integrato dell'organizzazione della vita nuova.

Per un breve periodo dopo la rivoluzione di ottobre, gli operai, i contadini, i soldati ed i marinai furono per davvero padroni della rivoluzione. Ma ben presto l'invisibile pugno d'acciaio dello Stato comunista [illegible] separarla dal popolo ed a ridurla [illegible] principia dei propri scopi.

I bolscevichi sono l'ordine gesuita della chiesa marxista. Non che essi manchino di sincerità o che le loro intenzioni siano cattive. E' il loro marxismo che ha determinato il loro programma, i loro metodi. Quegli stessi metodi che ebbero per conseguenza di distruggere lo scopo a cui tendevano. Comunismo, socialismo, eguaglianza, libertà, tutto ciò per cui le masse russe si erano sottoposte a tanto martirio, fu screditato, insozzato dalle loro tattiche, dal loro motto gesuita che « il fine giustifica i mezzi ». Il cinismo e la brutalità presero il posto delle aspirazioni ideali che caratterizzarono la rivoluzione di ottobre. Qualsiasi ispirazione fu soffocata, l'interesse popolare è stato ucciso, l'indifferenza e l'apatia dominano. Non furono l'intervento od il blocco, ma bensì i sistemi di politica interna dello Stato bolscevico che alienarono il popolo russo dalla rivoluzione e lo riempirono di odio per ogni cosa che da essa emana.

« Perchè cambiare? », dice oggi il popolo. « Tutti i governanti sono uguali, il povero deve sempre soffrire ». Ed è questo fatalismo, rafforzato da secoli di sottomissione, che ha permesso ai bolscevichi di realizzare la loro dominazione sopra la Russia. Avranno ormai i bolscevichi imparato che non sempre il fine giustifica i mezzi?

E' vero tuttavia che Lenin si pente di sovente. Ad ogni conclave del Partito Comunista russo recita contrito il suo "mea culpa". Un giovane comunista un giorno mi diceva: "Non sarei sorpreso se Lenin qualche giorno dichiarasse che la Rivoluzione di ottobre fu uno sbaglio.

E' vero, Lenin ammette i suoi errori; ma ciò non lo impedisce affatto di continuare nei vecchi errati sistemi. Ogni nuovo esperimento è proclamato da Lenin e dai suoi zelanti come il "non plus ultra" della scienza rivoluzionaria e politica. Guai a coloro che osano dubitare dell'efficacia o della giustizia dei nuovi metodi. Essi vengono immediatamente bollati col marchio di contro-rivoluzionari, di speculatori o di banditi.

Ma tosto Lenin si pente un'altra volta, e deride il proprio gregge chiamandolo sciocco per aver creduto che l'esperimento fosse possibile. Dopo aver illuso per quattro anni la Russia ed il mondo intero con l'affermare che in Russia si sta organizzando il Comunismo, Lenin all'ultimo congresso dei Sovieti coprì di ridicolo i suoi compagni per la loro ingenuità nel credere che il Comunismo fosse oggi possibile in Russia. Eppure le prigioni racchiudono ancora coloro che avevano manifestato lo stesso dubbio tre anni prima.

Sarebbe certo interessante di poter passare in rassegna tutti i metodi messi in opera dai bolscevichi per raggiungere i proprii fini; metodi di coartazione del popolo e rappresentati come la quintessenza di tutto quanto l'umano sapere, ma che risultarono poi nella distruzione della Rivoluzione. Ma non è nell'ambito ristretto di un semplice articolo che si può procedere ad un'analisi dettagliata di tutto quanto è stato fatto dallo stato bolscevico. Accennerò quindi solo, per ora, ai metodi i più importanti ed alle fasi le più salienti.

La pace di Brest-Litovski segna, per noi, il principio di tutti i mali che si ebbero a verificare in seguito. Fu una smentita recisa di tutto quanto i bolscevichi avevano proclamato al mondo intero: pace senza indennità, indipendenza dei popoli oppressi, abolizione della diplomazia segreta. Ciò non impedì ai bolscevichi di fare la pace col governo imperiale germanico senza preoccuparsi affatto del popolo tedesco.

Il prezzo dalla pace fu il tradimento della Lettonia, della Finlandia, dell'Ucraina e della Bielorussia.

Emma Goldmann.

Diffondete
Umanità Nova

Lo Stato entro lo Stato

Mobilitazione a Rovigo

Mandano da Rovigo:

Il Comando della Legione Fascista Polesana pubblica:

«Sappiamo che entro il giorno 20 si discuterà alla Camera il caso Piccinato.

«I segretari politici dei Fasci Polesani fermi agli ordini impartiti con la circolare R. n. 176, del 6 corr. devono provvedere a che le squadre siano completamente equipaggiate in modo da poter concentrare secondo le modalità che stabilirà tempestivamente il Comando della Legione.

«Per adesso gli ordini sono: Disciplina e silenzio».

Dopo di che l'on. Casertano non si spiegherà di dichiarare che lo Stato è forte e non cessa di assistere, imparziale, alla propria... esautorazione.

Del che non noi dovremo dolerci.

Turlupinatori impenitenti

Al congresso dei sindacati fascisti tenutosi testè a Milano, l'ex sindacalista rivoluzionario Edmondo Rossoni ha fatto un gran discorso tutto fervido di patriottismo.

Leggendolo, quel discorso, lo sottoscritto s'è sovvenuto dell'attività paroiaia di quei messere, allorquando sedici anni or sono in Piacenza e provincia riusciva a far costituire dozzine di circoli antimilitaristi, insegnando ai giovani il disprezzo della patria e l'avversione a tutto quanto era orpello nazionalista. E s'è sovvenuto che le autorità reagirono e si ebbe allora una forte repressione, che finì con lo scioglimento di tutti i circoli antimilitaristi e l'arresto in massa di molti giovani — condannati poi dai 16 ai 22 mesi di reclusione, ed il sottoscritto fra essi — infiammati dal verbo rossoniano.

Oh come dev'essere convincente ora il verbo patriottico in bocca a tanto uomo!

E come costui — che può mungere abbondantemente a mammelle ben divensamente turgide da quelle di un tempo — può dare affidamento di costanza e serietà!

Ma è così: in fondo se l'involucro è cambiato, l'intima natura funambolesca di codesti assidui turlupinatori del popolo, rimane. Come ieri, oggi ancora essi tendono al dominio del popolo solo per servirsene, solo per soddisfare sul suo dorso le loro più turpi ambizioni.

Rossoni ha precisato che contro il capitalismo testardo, il sindacalismo nazionale dovrà sostenere lotte vivacissime per imporre equilibrio e giustizia: vuol dire allora che gli scioperi inutili e dannosi alla nazione, per, i quali Rossoni fa funzionare il santo manganello, diventeranno utilissimi e proficui alla prosperità della patria!

Dovrà durare sempre il regno degli immondi turlupinatori del popolo?

Piacenza, giugno.

E. G.

La ricompensa ai "combattenti,,

Un compagno ci scrive da Torino:

Non vi meraviglierà il fatto seguente perchè ne succedono tanti: ma merita ricordare, di tanto in tanto, la triste sorte cui sono esposti gli *eroi* della guerra cui un giorno — quando erano nelle trincee — si promettevano dagli organi governativi, mari e monti.

Passavo questa mattina per via Po e scorto sopra uno scalino stava un povero tubercoloso incapace di reggersi in piedi, con il seguente cartello attaccato al collo: « *tubercolaso di guerra che da molto tempo attende invano di essere ricoverato* ».

Mi trattenni un poco a contemplare quel rudere pietoso della moderna patria, osservando i passanti: nessuno si occupava di quel derelitto, ma meno di tutti quei signori e quelle dame che amano fregiarsi del nastrino tricolore.

Accostatomi al disgraziato gli rivolsi alcune domande e seppi che, malgrado tutte le sue pratiche e gli sforzi in tal senso, non gli riuscì di ottenere di essere ricoverato in un luogo di cura come lo richiederebbe il suo miserissimo stato.

L'accattonaggio sulla pubblica via, ecco la ricompensa agli eroi rovinati nella salute dalla grande guerra!

Eppoi ci si parla di umanità, di giustizia e di amor patrio!

Appunti

Severo monito di Romain Rolland alle donne

Richiesto dalla « Lega internazionale femminile per la pace » di dare la sua adesione alla mozione per il disarmo generale Romain Rolland ha dichiarato di associarsi, ma di non sentirsi disposto a rivolgere parole di persuasione alle donne e, tanto meno, di indulgenza.

« Ma soggiunge Romain Rolland — ci tengo a dir questo: L'umanità, straziata dalla guerra di cinque anni, è alla vigilia di guerre ancor più mostruose, nelle quali milioni di giovani vite e tutte le speranze dell'avvenire andrebbero irrimediabilmente travolte. Se le donne non lottano con tutta la loro energia contro il flagello che si avvicina, che il sangue dei figli ricada sulle loro teste! »

« Esse saranno state complici della carneficina, che non avranno avuto l'energia d'impedire ».

« Nulla può scusare chi resta passivo nell'ora rassegnata o stanca di fronte al più grande delitto ».

La preponderanza delle femmine sui maschi

La preponderanza dell'elemento femminile in Russia che prima della guerra ammontava al 4 per cento ora ammonta al 30 per cento. L'eccedenza delle donne sopra gli uomini in Inghilterra e nel Galles ammonta a 1,720,802 in confronto a 1,179,276 del censimento precedente. Mentre la statistiche dei paesi rimasti neutri, rimarcano un graduale ritorno alle condizioni normali, quelle dei paesi belligeranti dimostrano una notevole preponderanza nell'elemento femminile. Questo fatto è notevole per le ripercussioni sociali che non può non avere.

Un imitatore di Rasputin

Il *Trauth Seeker* pubblica la notizia che il monaco russo Vladimiro Tarshayff, che si atteggiava a Messia e pretendeva far miracoli, è stato arrestato per ordine del governo. Il Rasputin n. 2 aveva potuto fondare una chiesa, ma si venne a scoprire che la maggior parte delle convertite era di donne che costituivano il suo mistico «harem».

Anacronismi

Leggo su *La Libre Pensée* di Losanna che in Francia, in un villaggio del Mezzogiorno, un contadino ha ucciso una giovinetta, perchè credeva che la famiglia della sua vittima si dedicasse alla stregoneria. E che nello Stato di Kentucky, negli Stati Uniti, è stato licenziato un istitutore perchè insegnava ai suoi allievi che la terra è una sfera. « E questo nel nostro secolo! » esclamerei se non pensassi al fascismo.

Roba da cattolici

La superstizione non è certo un monopolio cattolico. Ecco quanto pubblica un giornale scozzese, la *Dundee Advertiser*: « Per la cerimonia finale una gran folla riempiva la chiesa episcopale di S. Andrea: vi avvennero varie manifestazioni isteriche. Un caso notevole attirò l'attenzione della numerosa assemblea. Il Rev. Provosto Erskine Hill illustrò un caso di possesso demoniaco e ha assicurato che il diavolo è stato cacciato dal corpo della povera donna. Il pastore dichiarò che il cattivo spirito non voleva assolutamente abbandonare il corpo della donna, una ricca di media età. Essa pacciava delle grida strazianti che furono dichiarate degne delle di un demonio. Un altro caso di ossessionismo che ebbe luogo nello stesso giorno, è quello di un ragazzo che abbaiava. Questi esorcismi sono avvenuti in una città universitaria Aberdeen ». I commenti sono inutili.

Per Quiri

Fra dei pensieri, in generale molto banali, di Pitigrilli, pubblicati dal *Secolo XX* ne scelgo tre, paradossali ma veri:

Cleptomania è la disonestà dei ricchi: nervosismo la villania degli intellettuali.

Il genio è simile al diamante: per ricavarne una gemma di lusso, metà bianchi e metà neri, secondo del colore sorteggiato occorre vivere o condannare. Con questo sistema la giustizia sarebbe amministrata con maggior economia, intelligenza ed equità.

BEST COPY AVAILABLE

397

890717006

The Emma Goldman Papers

[The bolsheviks and the Russian revolution. In Italian] I Bolscevichi e la Rivoluzione Russa. Part 3 / Emma Goldman.– p. 2 ; 41 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(June 25, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

I bolscevichi e la rivoluzione russa

III.

(Vedi nnmero 141 di *U. N.*).

L'origine dei Sovieti

Chiamare la Russia di adesso la Russia dei Sovieti, oppure il regime bolscevico un governo sovietista, è per lo meno intempestivo. I sovieti si manifestarono per la prima volta nella rivoluzione del 1905 e si ricostituirono di nuovo dopo la rivoluzione di febbraio. Essi hanno tanta affinità col governo bolscevico quanta ne ha la Chiesa cattolica.

I sovieti dei contadini, degli operai, dei soldati e dei marinai furono la espressione spontanea delle energie liberate del popolo russo. Essi erano l'espressione dei bisogni delle masse risvegliati dopo secoli di silenzio. Già nei mesi di maggio, giugno e luglio del 1917 le forze dinamiche dei sovieti spingevano gli operai ad impossessarsi delle officine ed i contadini ad occupare le terre.

I sovieti si diffusero rapidamente in tutta la Russia, alimentarono le fiamme della rivoluzione di ottobre e seguitarono a funzionare per varii mesi dopo quell'avvenimento. Il loro profondo significato non venne compreso dai politicanti, ma la loro azione s'impose ad essi. Ciò sarebbe avvenuto pure nei riguardi dei bolscevichi. Ma Lenin, da fine e consumato gesuita che è, fece sua la divisa: «Tutti i poteri ai sovieti!», affrettandosi però a demolirli non appena il potere bolscevico si trovò saldamente stabilito. Oggi essi non sono più che un'ombra inconsistente, come ogni altra cosa in Russia.

I sovieti — come sono oggi costituiti e come funzionano — non sono più che l'eco servile delle decisioni del partito comunista. I metodi con cui vengono dai comunisti praticate le elezioni dei delegati ai sovieti non sono inferiori, come corruzione, a quelli di Tammany Hall in America. Tutti i mezzi sono messi in opera per ottenere la maggioranza comunista. Ove non riesca la persuasione, si ricorre alle minaccie di affamamento o di imprigionamento. Gli elettori sanno ciò che li attende. Così l'esito è sempre favorevole ai comunisti. Qualche menscevico, o socialista-rivoluzionario, e perfino qualche anarchico riesce nondimeno a passare, cosa notevole, data l'assenza di una stampa libera, della libertà di parola e della possibilità di libera propaganda nelle officine. Ma la presenza di questa minoranza di dissenzienti nei consigli è assolutamente nulla, poichè la loro parola è soffocata dalla preponderanza bolscevica.

Nel caso degli anarchici, il governo centrale generalmente rifiuta di riconoscerne il mandato o trova un pretesto qualunque per deferirli alla Ceka.

Ebbi modo di assistere ad un'assemblea per l'elezione di un delegato da parte della maestranza di una fabbrica di Mosca. Era la seconda volta che il governo rifiutava di ratificare il candidato degli operai che era un anarchico. Sebbene il candidato avversario fosse lo stesso commissario governativo dell'igiene, Semashko, gli operai per la terza volta scelsero l'anarchico, malgrado le minaccie e le imprecazioni del candidato governativo. Pochi mesi dopo, l'eletto veniva arrestato sotto un pretesto futile e rilasciato soltanto dopo uno sciopero della fame prolungato ed in conseguenza della presenza a Mosca della Missione laburista inglese di fronte alla quale i bolscevichi temevano uno scandalo.

Prima che lasciassi Mosca nel dicembre del 1921, tre anarchici membri del Soviet di Mosca erano stati arrestati, a causa del loro atteggiamento troppo indipendente. Uno di essi fu esiliato dalla capitale e gli altri due imputati di «banditismo ed attività clandestina», reati generalmente puniti colla fucilazione senza giudizio.

Da quanto ho esposto più sopra, appare chiaramente che nè il Soviet di Mosca nè quelli di alcun altro centro hanno la possibilità di esprimersi con indipendenza. Tanto nei Sovieti, come nel governo centrale bolscevico, la «dittatura del proletariato» è accentrata nelle mani di una piccola minoranza che da sola governa la Russia ed il suo popolo.

Ciò che un giorno era l'ideale vagheggiato — la libera espressione degli operai, dei contadini e dei soldati — è stato convertito in una ridicola commedia, cui il popolo non presta più fede alcuna.

Emma Goldmann.

Lenin non si ritira...

LONDRA, 23

Un telegramma giunto alla delegazione commerciale russa smentisce come assolutamente infondate le voci secondo cui Lenin, impossibilitato ad occuparsi degli affari di Stato, sarebbe sostituito per qualche tempo da un triumvirato.

Un ultimo bollettino dei medici curanti annuncia che il dittatore ha lasciato il letto e va meglio, ma è costretto ad un momentaneo riposo.

I fiumani in cerca di un governo

FIUME, 23.

La convocazione della Costituente fiumana indetta per oggi è stata rimandata per mancanza del numero legale dei consiglieri.

Sarà convocata a domicilio quanto prima. Si annette grande importanza a tale convocazione dovendosi procedere alla formazione di un nuovo Governo che incontri il riconoscimento dell'Italia e della Jugoslavia.

I Lavoratori di Ancona contro il fascismo

Come si produssero i fatti

ANCONA, 22

Lo sciopero generale è finito questa mattina. Fascismo ed autorità hanno avuto la dimostrazione più che tangibile che Ancona non tollera provocazioni di sorta. Essa è e sarà quella ch'è sempre stata. Lo han detto i cinquemila lavoratori accorsi al comizio di martedì e l'hanno ripetuto a quello di ieri.

Eccovi un racconto più dettagliato dei fatti come si sono svolti.

E' bene si sappia che gl'incidenti che dettero luogo alla forte protesta operaia furono provocati dai soliti ricostruttori e non già dagli operai, che, terminata la loro manifestazione di protesta, non avevano in animo di andare oltre i limiti assegnati a quella.

I fatti dunque si produssero così: Di ritorno dal primo comizio alcuni operai vennero provocati dai tricolorati ch'erano insolenti perchè spalleggiati da guardie regie e perchè aiutati da alcuni ufficiali. Da notare che questi erano muniti di una seconda rivoltella oltre quella di ordinanza.

Nei tafferugli che ne seguirono alcuni fascisti rimasero alquanto malconci.

Un tenente minacciò l'operaio Luigi Serani con la rivoltella dicendogli: «va a lavorare vagabondo». Ma questi prontamente e di rimando: «Ne ritorno proprio ora e sarebbe bene ci andassi anche tu».

L'operaio venne arrestato per «oltraggio all'esercito» e questo fatto provocò subito la reazione della folla; i tramvieri con atto veramente lodevole, ricondussero immediatamente le vetture in rimessa, ed un vivo fermento serpeggiò nella massa.

I fascisti non smisero di provocare e gli operai risposero a pugni e bastonate.

Ad un tratto entrò in iscena il fascista Veroli, già più volte arrestato per aver sparato su pacifici operai, ma sempre munito di regolare porto d'armi, il quale senza esser provocato, nei pressi di casa sua, estratta la rivoltella si dette a sparare contro tutti i passanti. Riparatosi in casa continuava a far fuoco dalla finestra contro la folla e contro le guardie regie accorse. Rimasero feriti come sapete i due operai, non sovversivi, uno dei quali assai gravemente. Anche un ragazzo di dodici anni venne lievemente colpito al braccio destro.

Il bruto difeso stremamente dalla forza pubblica potette sottrarsi al furore della folla. Per salvarlo forse è stato arrestato ed è ancora trattenuto.

Egli ha tirato circa trenta revolverate e *non è vero che sia stato colpito da pugnalata*, come i giornali fascisti e semitali dicono. Ha, è vero, mostrato una graffiatura al petto, ma nè la giacca nè la camicia mostrano alcun foro. Poco furbo il bravaccio medioevale.

Fu in risposta a questo fatto che i comitati dell'Alleanza del Lavoro e dei Partiti Politici, che sedevano in permanenza, decisero la continuazione dello sciopero.

Sapete com'esso sia riuscito solenne. Oltre alla sospensione gensrale del lavoro, ogni negozio è rimasto chiuso fino a questa mattina. I fascisti sono rimasti intanati nelle loro case, nessun incidente degno di rilievo si è verificato, ad eccezione delle busse prese da alcuni nazionalisti che volevano emulare i loro compagni, e la protesta è cessata.

Questi i fatti. Di commenti non necessita farne.

I lavoratori di Ancona, ai compagni d'Italia dicono ch'essi sono sempre pronti al loro posto per sostituire allo sciopero protesta l'azione rivoluzionaria.

Convegno Anarchico Romagnolo

Per un'azione nostra di propaganda e di difesa

FORLI' 22.

(R. R.) Domenica 18 tutti i rappresentanti dei gruppi anarchici della Romagna e del Bolognese si sono tutti convegno qui in Forlì per prendere in esame la situazione del proletariato Romagnolo e per deliberare in merito. Il convegno è riuscito perfettamente una cinquantina di gruppi erano rappresentati; la discussione fu appassionata, ma breve e concisa.

Un compagno di Ravenna fece una minuta relazione sulla lotta agraria che il proletariato di Romagna sta ingaggiando mediante l'accordo fra tutte le Camere del Lavoro Repubblicane, Socialiste e Comuniste della regione.

Tutti i presenti interloquirono e venne deliberato di pubblicare un manifesto Regionale per invitare tutti i lavoratori a stringere sempre più fra di loro i legami di solidarietà onde vincere più efficacemente le battaglie del lavoro e della libertà. Nel manifesto verrà espresso chiaramente la solidarietà morale e materiale che gli anarchici tutti indistintamente delle tre provincie, Bologna, Ravenna e Forlì si apprestano a dare con tutte le forze loro giovanile entusiasmo ai lavoratori di Romagna.

Un altro compagno d'Imola fece una dettagliata relazione sulla situazione politica della regione esponendo contemporaneamente il pericolo che incombe su noi tutti e su tutti i lavoratori della regione se in tempo non si prendono seri ed energici provvedimenti.

Il concetto della difesa proletaria venne dal relatore sviluppato in tutti i suoi particolari e con valide argomentazioni, sì da accontentare tutti i compagni.

Ora tocca ai compagni di tutte le località a mettersi seriamente al lavoro onde dare al nostro movimento quella slancio che il movimento richiede.

All'opera, dunque, con fede e con immutate speranze.

Il manifesto deliberato nel convegno regionale tenuto in Forlì sarà pronto fra pochi giorni. I compagni ed i gruppi tutti sono invitati a volerlo diffondere quanto più è possibile non solo per valorizzare il nostro movimento quanto per incoraggiare e spingere i lavoratori alla battaglia contro l'agrario, che è poi il fascismo, che tenta la sua penetrazione in Romagna.

Sollecitare le richieste aggiungendo lire 1.50 per copia, a Cesare Magri, via [illegible] 135, Forlì.

Con la lenza

Domanda Indiscreta

Apprendiamo dai giornali che a Pi... sotto i portici di Borgo, avendo l'op... Trivellini Paolo «levato di tasca il gi... nale Umanità Nova *per leggerlo» ven... redarguito da un fascista — che si t... vava lì con altri amici suoi a... il fresco —.*

Il fascista si ritenne «provocato» ne venne la solita rissa; rissa che non possiamo seguire sull'informa... mandata ai giornali.

Diremo solo che il Trivellini, inseguit... ad un certo punto fece fronte agli ag... gressori puntando su loro la rivoltella... Risultato: il fascista Marconi giudic... guaribile in venti giorni.

Non diremo ben gli sta: diremo... che chi cerca trova; non sempre, ma... volte trova.

Non ci occupiamo però qui di quell'in... cidente per registrare il ferimento di... avversario, o meglio di un nemico del... libertà altrui. Un ferito di più o di... meno, per i tempi che corrono non è... fatto straordinario. I giornali, di simili... conflitti, ne registrano a dozzine tutti i... giorni e i più restano ignorati.

Situazione soddisfacente... direbbe l'on... Facta.

Noi vogliamo intrattenerci invece sulla causa che ha determinato il conflitto per chiedere, per esempio, al Popolo d'Italia: *se levare di tasca il giornale* Umanità Nova *e leggerlo sotto i portici, o... dove che sia, costituisce provocazione... grave, ovverosia un reato punibile da... parte dei nazional-fascisti.*

Siccome noi siamo per i... rapporti di reciprocità, ci teniamo ad una risposta... chiara... onde mettere in discussione un... altro quesito, subordinato al primo; cioè... il seguente:

«Costituendo grave provocazione leg... «gere il giornale Umanità Nova *alla... «presenza dei fascisti... perchè non do... «vrebbe essere considerata provocazione... «leggere il* Popolo d'Italia *davanti a... «dei sovversivi in genere ed agli anar... «chici in particolare?»*

Ma a simili domande i ricostruttori non sono soliti di rispondere... Hanno altro da fare. Devono battersi, anzi battere, tutti i giorni per ridare la libertà agli italiani sottraendoli alla tirannia bolscevica.

E che libertà, dio sparafucile!

Balilla fascista

E' detto.

A dieci anni si può, anzi si deve, entrare a far parte dei fasci, cioè dei gruppi giovanili di avanguardia.

Le mamme sono avvisate.

Ed anche i babbi.

L'asilo infantile entra a far parte dell'esercito dei ricostruttori d'Italia.

Il piano però, diciamolo subito, ai fini della quotidiana rissa, è assai abile.

Fare aggredire degli adulti e magari degli anziani dai ragazzi decenni, non è forse il non plus ultra *della strategia militare?*

Che fare di fronte ai ragazzetti che sortono dalla scuola, anzi che disertano la scuola; — classe «cacca e piscia», — se non prenderle e allontanarsi «vigliaccamente?»

Reagire ai loro insulti, alle loro sassate con qualche scapaccione?

Ci mancherebbe altro! Dove vi andreste a salvare?

Ah! sì grandiosa davvero l'idea di chiamare anche i bambini di dieci anni a portare, anzi a lanciare, la loro pietra nell'opera di ricostruzione fascista della patria!

Solo a Mussolini poteva germogliare nel lucido capo.

S'ignora intanto quale sarà l'armamento della nuova milizia.

C'è chi dice che i bambini saranno muniti soltanto di una «fionda».

Però è probabile che vengano armati di una rivoltella lillipuziana... tanto per cominciare gli studi.

La questura intanto tacitamente informa che per i ragazzi decenni non è necessario il porto d'arme.

Glielo fornirà quando avranno compiuto il sedicesimo anno!

Intanto facciano del loro meglio per meritarselo...

Simplicio

Agli studiosi

Qualsiasi pubblicazione di sociologia libertaria, oppure di propaganda anarchica e rivoluzionaria può aversi indirizzandosi a Monticelli Temistocle, *Casella postale 299 - Roma.*

A richiesta è spedito l'elenco dei libri, dei concetti disponibili.

BEST COPY AVAILABLE

398

870714014

The Emma Goldman Papers

[To the proletariat of the world! In German] An das Weltproletariat! / Emma Goldman, *et al.* – pp. 1-2 ; 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. – Vol. 4, no. 33 (July 1922).

Obtained from the Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Germany.

FÜR SOZIALE UND GEISTIGE NEUKULTUR IM SINNE DES FRIEDENS DER GEWALTLOSIGKEIT UND INDIVIDUELLEN SELBSTBESTIMMUNG FÜR FREIE MENSCHEN UND SOLCHE DIE ES WERDEN WOLLEN

IV. Jahrg. | Herausgegeben in solidarischer Arbeitsgemeinschaft mit Kampfgefährten der Freiheit unter Leitung von PIERRE RAMUS | Nr. 33

Alle für die Redaktion und Administration bestimmten Zuschriften und Gelder sende man an Rudolf Großmann, Klosterneuburg (bei Wien), Schloßstättegraben Nr. 237, Niederösterreich

Erscheint jeden Sonntag

Preis der Einzelnummer K 120.— für Deutschland (mit Porto) M. 2,— Tschechosl. Kč. 5.— das übrige Ausland: 10 Cent.

July 1922

An das Weltproletariat!

Eine der bedeutsamsten Fragen beschäftigt schon seit geraumer Zeit das Geistesleben der Arbeiterschaft: Ist die bolschewistische Regierung in Rußland und die „Kommunistische" Partei, die sie leitet, noch immer revolutionär und von den besten Interessen des Proletariats erfüllt?

Wenn in der Vergangenheit die Meinungen über diese Frage verschieden waren, so kann heute kein Zweifel mehr über den wahren Charakter des bolschewistischen Regimes obwalten. Jeder intelligente Arbeiter, der die Entwicklung der bolschewistischen Regierung beobachtet hat, muß notwendigerweise zu der Schlußfolgerung gelangt sein, daß die Bolschewisten schon längst ihren revolutionären Charakter verloren haben, daß die Ideale und Zwecke der Oktoberrevolution geopfert worden sind und daß die einzige Aufgabe der bolschewistischen Regierung nun darin besteht, ihren Frieden mit dem Kapitalismus und der internationalen Bourgeoisie zu schließen.

Eines nach dem andern sind all die großen Ziele und Zwecke der Oktoberrevolution durch Kompromisse verraten, buchstablich verkauft worden auf dem Markt des internationalen Kapitalismus. In ihrer Auslands-, wie auch in ihrer Inlandspolitik hat die bolschewistische Regierung schließlich die Gleichartigkeit mit anderen Großmächten erreicht. Sie verfolgt dieselben Zwecke und Absichten, gebraucht dieselben Mittel und Methoden, wie jede andere kapitalistische Regierung, erkennt die „wohltätige Menschlichkeit" der bestehenden Regierungen an, schüttelt die Hände von Königen und Pfaffen und setzt sich an denselben Tisch mit den Bedrückern und Ausbeutern des internationalen Proletariats.

Gibt es jemand, der so verblendet ist, glauben zu können, daß dieser schreckliche Verrat der Revolution von einer Wahrnehmung der besten Interessen des russischen Volkes eingegeben ist? Kann jemand glauben, daß man die Revolution verraten darf, um die Revolution zu retten? Daß die Arbeiter zu Gunsten des Proletariats durch den Kapitalismus versklavt werden dürfen?

Es ist höchste Zeit, in klarer Weise zu unterscheiden zwischen den wahren Interessen des russischen Volkes und dem Schwindelspiel, aufgeführt durch die bolschewistische Regierung. Die russische Revolution – die arbeitenden Massen Rußlands und ihre revolutionären Ideale: **dies ist eine Sache für sich**; die bolschewistische Regierung ist eine **ganz andere, und zwar gänzlich verschiedene Sache.** Die „Kommunistische" Partei hat die russische Revolution dazu ausgebeutet, um die politische Macht zu erringen. Nun ist es das einzige Ziel der bolschewistischen Regierung, sich im Sattel der Macht zu **erhalten.** Darum opfert sie die letzten Ueberreste der Revolution, um sich die Anerkennung der anderen Großmachtstaaten zu sichern.

Möge niemand jemehr das bolschewistische Regime verwechseln mit den arbeitenden Massen Rußlands und ihrer großartigen Revolution!

Im In- wie Ausland bezweckt die bolschewistische Regierung dasselbe ausschließliche Ziel: sich die alleinige und absolutistische Macht zu sichern. Es geschieht in Verfolgung dieser Aufgabe, daß bolschewistische Gesandte den Gekrönten und Kapitalisten im Auslande ihre ergebenste Aufwartung machen, während bei ihnen zu Hause jedwede Volksfreiheit zermalmt und der letzte Funke revolutionären Geistes mit rücksichtsloser Hand erdrosselt wird.

Politische Anerkennung durch die ausländische Staatenwelt verträgt sich nicht mit revolutionären Anstrengungen im eigenen Land. Darum wird jetzt jedes revolutionäre Wort, jeder solche Gedanke mit sogar noch größerer Strenge zermalmt als zuvor. Die Arbeiter Rußlands werden für die wiedererstandene Bourgeoisie hoffnungslos versklavt, gekettet an den Triumpheswagen des privaten und staatlichen Kapitalismus; und jeder ihrer Proteste wird erstickt von der eisernen Hand einer autokratischen Regierung, die sich maskiert mit dem Schlagwort von der Diktatur des Proletariats! Für eine ehedem revolutionäre Partei ist in ihrem Entwicklungswerden zu einer reaktionären Regierung nichts gefährlicher als die revolutionären Kräfte im Lande. Es geschieht aus diesem Grunde, daß die besten revolutionären Elemente mit einer wahrhaft asiatischen Grausamkeit zu Tode gehetzt und samt und sonders ausgerottet werden.

Massenverhaftungen der Revolutionäre aller Richtungen; der vielberühmte Lynchprozeß der Sozialrevolutionäre und die fortlaufende Flut von Denunziationen und Anschuldigungen in der bolschewistischen Presse der ganzen Welt gegen jeden Kritiker ihres Systems – all dies sind die Glieder der Kette bolschewistischer Reaktion, die immer dichter um den blutenden Körper der von ihr verratenen russischen Revolution und des Volkes gelegt wird.

Am barbarischesten jedoch ist die Verfolgung der anarchistischen Weltanschauung und Idee in bolschewistischen Rußland. In der Tat, nicht ohne Grund! Denn die Anarchisten, diese kompromißlosesten Revolutionäre und unnachgiebigsten Verteidiger revolutionärer Ideale und Ziele, sind die gefährlichsten Feinde der bolschewistischen Tyrannei und das größte Hemmnis für ihr reaktionäres Werk.

Aus den unterirdischen Verließen, aus den Gefängnissen und Zuchthäusern des bolschewistischen Rußland gellt der Schrei unserer Kameraden um Hilfe zu den Arbeitern Europas und Amerikas!

Niemand ist mehr zu Tode gehetzt und gefoltert, niemand in größerer Not und mehr angewiesen auf die Solidarität des internationalen Proletariats, als die märtyrerhaft hinsterbenden Anarchisten Rußlands. Sie haben mit ihrem Blut ihre Treue zur Revolution besiegelt. Zu tausenden sind sie um ihretwillen in jeder revolutionären Kampfesphase und an zahlreichen Fronten gefallen. Zu Dutzenden sind sie vom weißen Terror erschossen worden, und nicht wenige fielen durch die Hand der unverantwortlichen Tscheka. Und heute schmachten sie in großer Anzahl in den Gefängnissen der Bolschewisten oder sterben langsam an dem gefürchteten „Tsinga" oder an Hunger, im Exil Turkestans oder in den eisigen Regionen Archangels. **Keinerlei Verbrechen kann ihnen zur Last gelegt**, keine Anklage gegen sie erhoben werden, außer ihre Ergebenheit zu den Idealen der Revolution und ihre Treue zu den Interessen der arbeitenden Massen Rußlands.

Keine anderen verfolgten Revolutionäre haben einen größeren Anspruch auf sie, oder sind mehr der Hilfe der Arbeiter der ganzen Welt bedürftig. Andere sozialistische Elemente können sich auf die Hilfe der liberalen und reformistischen politischen Parteien außerhalb Rußlands stützen. So hat der Protest der liberalen öffentlichen Meinung Europas erst unlängst das Leben der seit Jahren verhafteten Revolutionäre gerettet, hat die Bolschewisten gezwungen, ihrem mörderischen Vorhaben inne zu halten und den Angeklagten einen öffentlichen Prozeß zu gewähren. Jedoch Anarchisten, Anarchosyndikalisten und sonstigen Revolutionären des linken Flügels wird nicht einmal diese Kleinigkeit bürgerlicher Justiz gewährt. Es wird ihnen kein Prozeß gemacht, sie werden häufig, sogar ohne Erhebung einer Anklage gegen sie, ohneweiters erschossen.

Bezüglich unserer Kameraden in Rußland hat deren Lage einen Punkt erreicht, der die unverzüglichste und energischeste Aktion der organisierten Arbeiterschaft der ganzen Welt erfordert. Nur die Arbeiter besitzen die Kraft, die Bolschewisten zu zwingen, ihre Taktik bezüglich der anarchistischen und anarchosyndikalistischen Bewegung Rußlands zu ändern. Die meisten derselben sind im Gefängnis, andere im Exil und es ist nur wenige Tage her, daß uns Kunde ward von einer Anzahl neuer Verhaftungen unserer Kameraden in Petersburg und Moskau.

Ausschließlich zusammengestoppelte, erlogene Anschuldigungen, haltlose Behauptungen, sie des „Banditenwesens" zeihend, sind gegen unsere schon vor langer Zeit verhafteten Kameraden, wie **Askaroff, Olga Taratuta, A. Baron** oder gegen den gemordeten **Lew Tschorny** u. a., erhoben worden. Genau dieselben schwindelhaften Anschuldigungen werden gegen die neuerlich verhafteten Kameraden erhoben werden, unter denen sich solche erprobte Revolutionäre befinden, wie **Ruhinschik**, von der Gruppe „Golos Truda," wie **Kolabuschkin**, der jahre lang die Verantwortung der Versorgung Petersburgs mit Lebensmitteln zu tragen hatte, wie **Nikitin**, sein Assistent und zahlreiche andere.

Es ist der offenkundige Zweck der bolschewistischen Regierung, das letzte Ueberbleibsel revolutionärer Gedanken und Bemühung in Rußland auszurotten – es ist an den Arbeitern aller Länder, diesem verruchten Tun Einhalt zu gebieten!

Die internationale Arbeiterklasse hat die Macht, ihren Willen durchzusetzen. Die „kommunistische" Partei Rußlands und mit ihr die „kommunistischen" Parteien aller Länder rufen fortwährend laut nach einer „Einheitsfront der Arbeit." Wohlan denn, mögen die Bolschewisten zuerst einen Beweis ihrer Aufrichtigkeit geben, indem sie mit der Verfolgung des revolutionären Gewerkschaftsgedankens in Rußland aufhören! Die „Kommunisten" suchen das Zusammenwirken mit den revolutionären Gewerkschaftsgruppen Europas und Amerikas herbeizuführen. Man erhebe als erste und unerläßliche Bedingung einer solchen Zusammenarbeit diese: **die sofortige Freigabe aller revolutionären politischen Gefangenen des bolschewistischen Systems!** Schmach und Schande über eine angeblich „revolutionäre" Regierung, deren Gefängnisse gefüllt sind mit politischen Gefangenen und solchen der Arbeiterklasse; und zwar zu einer Zeit, wo der Bürgerkrieg zu Ende und die Regierung Frieden schließt, mit dem Kapitalismus und der Bourgeoisie!

Arbeiter der ganzen Welt, erhebt eure Losung für Rußland: **Freiheit – sofortige und bedingungslose – für alle revolutionären politischen Gefangenen.** Diese Forderung ist eine edle Sache, die Zeit drängt. Es ist die Pflicht jeder Arbeiterorganisation jeder revolutionären Gewerkschaft und syndikalistischen Körperschaft, aller revolutionären Organisationen im Allgemeinen, in dieser Angelegenheit an die sofortige Aktion zu schreiten. Der Geist der Revolution ruft dazu auf, die Notwendigkeiten der revolutionären Arbeitersolidarität erfordern dies von euch.

Im Hinblick auf eine erfolgreich zusammenwirkende Bemühung, unterbreiten wir allen Organisationen die folgenden Anregungen:

1. In jedem Land ist eine Freilassungswoche zu organisieren und durchzuführen. Während dieser Woche sollen öffentliche Versammlungen abgehalten und Resolutionen angenommen werden, in denen von der bolschewistischen Regierung die Freilassung aller revolutionären und proletarischen Gefangenen zu fordern ist.

2. Abschriften dieser Resolutionen sind an

BEST COPY AVAILABLE

399

870714014

The Emma Goldman Papers

[To the proletariat of the world! In German] An das Weltproletariat! / Emma Goldman, *et al.* — pp. 1-2 ; 30 cm. *In* Erkenntnis und Befreiung [Bonn]. — Vol. 4, no. 33 (July 1922).

Obtained from the Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Germany.

die Imperialisten Russlands freigelassen werden; Stadt und Land des Landes zu organisieren. Eine weitere Aufgabe der Resolution ist auch an das Sekretariat der Internationale der „Kommunistischen" Partei zu senden, wie auch den internationalen Sekretär des russischen Exekutivkomitees zur Befreiung aller politischen Gefangenen.*)

3. Eine rekommandiert zu sendende Abschrift der Resolution ist an folgende Adressen zu richten: Zentralkomitee der Kommunistischen Partei, Moskau, an den Vorsitzenden des Exekutivkomitees der 3. Internationale, Moskau; an den Generalsekretär des Exekutivkomitees der Roten Gewerkschaftsinternationale, Moskau; an den Sekretär des Zentralrates der allrussischen Gewerkschaftsvereinigung, Moskau; an das Allrussische Zentralexekutivkomitee der Arbeiter- und Bauern-Sowjets, Moskau; an Lenin, Präsidenten der Sowjets der Volkskommissäre im Kreml, Moskau.**)

4. Eine systematische Preßagitation ist in jedem Land zu entfalten, zu Gunsten der russischen politischen Freilassung.

5. Ein internationales Gewerkschaftskomitee für weitere Arbeit in dieser Richtung ist zu organisieren. Das Komitee soll aus Vertretern der revolutionär-gewerkschaftlichen und Arbeiterorganisationen, zwei von jedem Lande, bestehen.

6. Das Ersuchen ist zu richten an die bolschewistische Regierung, den Verhafteten einen öffentlichen Prozeß zu gewähren, zu dem ihnen eingeräumt sei, ihren Rechtsanwalt selbst zu wählen, wie auch als Beistand rechtliche Vertreter anderer Länder zu haben.

7. Das internationale Gewerkschaftskomitee — siehe Absatz 5 — möge das Recht der Einreise in Rußland haben, persönlich oder durch seine Vertreter; volle Freiheit und alle Hilfsmittel zur Untersuchung aller Fälle der verhafteten Revolutionäre. Vertretung bei den Einvernahmen und Verhandlungen, wie auch uneingeschränkte Verkehrsmöglichkeit mit den Verhafteten, ihren Zeugen und Freunden.

8. Die Angelegenheit der Freilassung der russischen politischen Gefangenen, ist auf die Tagesordnung eines jeden zu kommenden Landes-, wie internationalen Arbeiterkongresses zu stellen.

Mit brüderlichen Grüßen:

Leonard D. Abbott, Alexander Berkman, C. J. Björklund, Michael Cohn, Sebastien Faure, Emma Goldman, T. H. Maximoff, Max Nettlau, Rudolf Oestreich, William C. Owen, Angel Pestagna, Pierre Ramus, Rudolf Rocker, A. Schapiro, Vollne.

(Durch die vorgenannten Kameraden sind die folgenden Länder vertreten: Vereinigte Staaten von Amerika, Schweden, Frankreich, England, Rußland, Deutschland, Oesterreich, Spanien. Zur Zeit der Veröffentlichung hatten weitere Länder ihre Antworten noch nicht eingesendet.)

*) Wir fordern alle unsere Kameraden und Ortsgruppen auf, in diesem Sinn zu handeln und ihre Resolutionen an uns zur Weiterbeförderung zu senden.

**) Statt so vieler Abschriften empfehlen wir unseren Kameraden und Gruppen, eine entsprechende Anzahl der Nummer unseres Blattes zu beziehen, in welcher die Resolution unserer Wiener Bewegung veröffentlicht wird, und diese dann, — mit besonderer Ortsdatierung — an die obigen Adressen oder an unser Aktionskomitee zu senden, welches sie gemeinsam weiterleiten wird. (Red. „E. u. B.")

Im Spiegel der Zeit.

Die graue Oede.

Als solche bietet sich zur Zeit die österreichische Arbeiterbewegung dar. Rund zwei Wochen sind verflossen, seit die Wiener Arbeiter an die Regierung ihre „Forderungen" gestellt haben, alles zu verbilligen und die Valutenkurse zu erniedrigen. Letzteres ist geschehen, es hat aber zur Folge gehabt, daß alle Lebensmittel im Preise enorm gestiegen sind. Denn die Regierung bewirkte den — übrigens nur vorübergehenden — Sturz der Valuten dadurch, daß sie den freien Verkauf derselben drosselte — und man weiß ja, was derlei Verfügungen der Regierung immer zeitigen: ein noch größeres Uebel als das frühere.

Das ist kein Wunder, wenn man weiß, wie absolut leer die ganze Demonstration ausgegangen ist, die zum Parlament marschierte und sozialdemokratische Führer als Unterhändler zur Regierung entsandte; dieselben Führer, die ihr Möglichstes getan hatten, die Demonstration einzudämmen und die derartige „Forderungen" der Arbeiter aufstellten, daß diese genarrt werden mußten.

Einer unserer Kameraden, der sich an der Demonstration beteiligte, liefert uns die folgende anschauliche Schilderung ihres Verlaufes. Aus dieser wird man ersehen, warum dieselbe wie das Hornberger Schießen ausgegangen ist:

„Als der Brotpreis über Nacht plötzlich auf 2170 Kronen per Laib stieg, bemächtigte sich der Arbeiter der Simmeringer Waggonfabrik, in der auch ich beschäftigt bin, eine berechtigte, tiefe Erregung. Leider aber wissen die Arbeiter nicht, was zu tun; und so verfielen sie auf den Unsinn, zum Parlamentsgebäude zu marschieren. Zugleich wurde beschlossen, sämtliche Fabriken Wiens zum Anschluß aufzufordern. Es blieb aber bei dem platonischen Beschluß, da sofort Kräfte dagegen intervenierten, die die Arbeiter in den Betrieben verhielten.

„Kaum standen wir vor dem Parlament, da berichtete der Betriebsrat: „Die Verhandlungen mit der hohen Regierung werden länger dauern; andere Fabriken sind bereits verständigt und im Anmarsch." So warteten wir dann geduldig, es verstrich zwecklos die Zeit — bis auf einmal, statt der erwarteten Arbeitermassen, zwei Eskadronen Polizeimannschaft erschienen, zur Verstärkung der schon vorhandenen. Wer hatte diese Neuankömmlinge herbeizitiert?

„Denn nachdem sie da waren, erklärten unsere Abordnungen, „Die Delegationen einzelner Betriebe verhandeln schon im Parlament mit der Regierung. Ihr könnt jetzt wieder zur Arbeit zurückmarschieren!"

„Kaum war diese Losung ausgegeben, und schon gehorchten zwei Drittel der Arbeiter und marschierten zurück. Es kamen dann später noch kleinere Arbeitergruppen aus verschiedenen Betrieben — aber der Bewegung fehlte der nötige Schwung einer Massenangebots des Proletariats. Später erfuhren wir, daß die Betriebsräte die Arbeiter zurückgehalten hatten, sich anzuschließen. Die ersteren telephonierten anfragend an die Zentrale, und diese erwiderte prompt, daß sie die Sache nichts anginge! Nun bremsten auch ihrerseits die Betriebsräte."

So ist dieser Anlauf zu einer größeren Aktion der Wiener Arbeiter im Keime erstickt worden. Wie zwecklos die Verhandlungen der soz.-dem. Führer mit der Regierung gewesen sind, kann man heute schon leicht einsehen: Die Zeiten sind in den letzten zwei Wochen bedeutend schlechter geworden.

Und sie werden noch schlechter werden, so lange die Arbeiter nicht begreifen, daß es für sie nur Zeitvergeudung ist, zum Parlament wie zur Regierung zu gehen. Solange sie dies tun, weiß letztere, daß die Arbeiter keine Tatkraft besitzen, um sich selbst zu helfen.

Besser wird es erst dann werden, wenn die Arbeiterschaft den Beschluß faßt, die Preiserstellung der Produkte nicht mehr den Unternehmern zu überlassen, sondern, laut gemeinsamer Uebereinkunft zwischen den einzelnen lebensnotwendigen Produktionszweigen, selbst zu bestimmen. Sind die Proletarier endlich so weit gekommen, dann werden sie auch erkennen, daß gerade Parlament und Regierung diejenigen Faktoren sind, die den Kapitalisten die Vorbedingungen für ihre unausgesetzten Wucherverteuerungen schaffen.

Bis zur Stunde, wo die Arbeiter dies erfassen, bleibt für sie alles beim Alten: kein Hoffnungsschimmer leuchtet ihnen, nur die graue Oede der Preistreiberei und Daseinserschwerung starrt ihnen grau und öde entgegen.

„Nie wieder Krieg!"

Die nachfolgende Resolution ist von unseren englischen Brüdern in über hundert Städten vorgelegt und in den Antikriegsdemonstrations-Versammlungen letzter Woche zur Annahme gebracht worden. Auch in den gleichartigen Versammlungen Oesterreichs wurde sie einstimmig angenommen.

Die heute tagende Massenversammlung der Kriegsdienstgegner entsendet allen gleichstrebenden Zusammenkünften, die gegenwärtig in Europa und Amerika abgehalten werden, ihre brüderlichen Grüße;

sie vereinigt sich mit ihnen und erklärt ihren Haß gegen jedweden Krieg;

sie verpflichtet sich, mit allen gleichstrebenden Kriegsdienstgegnern aller Länder gemeinsam zusammenzuwirken, damit Zustände geschaffen werden, die dafür garantieren, daß es keinen Krieg mehr gibt; und zwar:

a) Durch Vervollständigung einer Organi-

Feuilleton

Vierzehn Jahre Zuchthaus.

Erinnerungen eines Anarchisten in Amerika.

Von **Alexander Berkman.** (36)

Autorisierte Uebersetzung von Pierre Ramus.

XIII.

Ein Gefühl des Verlassenseins überwältigt mich in den Nächten. Das Leben ist so entfernt, so gräßlich weit weg — es hat mich verlassen in dieser Einöde der Stille. Das von fernher tönende Puffen von Lokomotiven, das Kreischen der Sirenen am Flusse verschärft meine Einsamkeit. Und doch, man fühlt es so nahe, dieses Ungeheuer Leben, riesengroß, zuckend von Lebenskraft, bedacht, seinen gewohnten Weg zu gehen. Gleich einem mit Gebiß herausgeputzten Leichnam eines Schmelzofens, mit Licht von Feuer und Rauch, in die tiefschwarze Nacht hineinspeiend — wie ist das Leben so unbekümmert um mich, der ich in die Dunkelheit geschleudert bin . . .

Dieses Ungeheuer! Seine Augen sind unerbittlich, sie [illegible] den [illegible] Lebens um den zum Tode verurteilt. Joe, ein Knabe von achtzehn Jahren, ging festen Schrittes zur Zelle zurück. Mit beiden Händen das Gesicht bedeckend ging Pasquale, sein Bruder, an uns vorüber und weinte still in sich hinein. Aber der alte Mann, ihr Vater — als er den Hallengang kreuzte, sahen wir, wie er plötzlich stille stand. Einen Moment schwankte er, dann taumelte er nach vorwärts, schlug mit seinem Kopf an das eiserne Geländer, indes sein Körper wie gelähmt zu Boden sank. Die Aufseher schleppten ihn an den Armen die Stiege hinauf: mit dumpfem Ton schlugen seine Beine an den Stein, frisches Karmesin breitete sich über sein weißes Haar, in seine Augen trat glaserne Erstarrung. Auf einmal stand er aufrecht. Den Kopf zurückgeworfen, mit erhobenen Armen, schrie er lauter und mühsam: „O Santa Maria! Sio innocente, inno —"

Der Aufseher schwang seinen Knüppel. Der alte Mann wirbelte um sich selbst herum und fiel dann ausgestreckt zu Boden.

„Fertig! Totenwache herbei!!" schrie der Kerkermeister.

„In no — cente! Totenwache!" spottete das Echo unter dem Dach.

Der alte Mann verfolgt meine Tage. Ich [illegible] seines Todesschreis und dessen [illegible] les und meines Zweckes. Ich schulde es der hehren Sache — und den wahren Kameraden —, bis nach dem Prozeß auf der Szene zu verbleiben. Es gibt nichts mehr, was mich ans Leben fesselt. Mit dieser Rede werden meine Propagandamöglichkeiten erschöpft sein. Der Tod, Selbstmord, ist die einzige logische, die einzig mögliche Konklusion. Ja, ganz selbstverständlich. Wenn ich nur das Prozeßdatum wüßte — dieser Tag wird mein letzter sein. Der arme alte Italiener — er und seine Söhne wissen wenigstens, wann sie sterben müssen. Sie zählen jeden Tag; jede Stunde bringt sie ihrem Ende näher. Sie werden hier, im Gefängnishof, gehängt werden. Möglich, daß sie unter großer Provokation, in der Glut einer allverzehrenden Leidenschaft töteten. Der Henker aber wird sie mit kalter Berechnung morden. So will es das edle Gesetz des gesellschaftlichen Friedens und der staatlichen Ordnung!

Mich wird man nicht hängen — und doch fühle ich schon wie einer, der gestorben ist. Mein Leben ist fertig; nur der letzte, feierliche Brauch muß noch vollzogen werden. Nach diesem — nun, ich werde schon einen Ausweg finden. Sobald der Prozeß vorüber ist, bringen sie mich nach meiner Zelle zurück. Der Loffel [illegible] werde ihm an den Steinfliesen

BEST COPY AVAILABLE

400

890109016

The Emma Goldman Papers

[The Red terror in Russia. In Italian] Il terrore rosso in Russia. Part 1 / Emma Goldman. – p. 2 ; 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(July 6, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Il terrore rosso
in Russia

I.

Il lavoro coatto per tutti, senza eccezione

La mobilitazione del lavoro — in realtà coercizione del lavoro — fu annunciata al mondo come il più grande esperimento del comunismo in Russia: «Tutti debbono lavorare: non più parassiti!» Sebbene Lenin non lo abbia mai ammesso, sono propensa a credere ch'egli sia ormai persuaso che il lavoro coatto non abbia servito assolutamente a dare nessun incremento alla produzione.

In realtà questo sistema non ha servito che a stabilire una schiavitù larvata ed a sostituire il paraseitismo borghese con quello della macchina burocratica bolscevica. La sua funzione era quella di spingere gli operai al lavoro, di sorvegliarne l'esecuzione ed eventualmente fucilare quelli che avevano disertato. La grande maggioranza degli operai pel si recavano alle officine non per lavorare, ma per riposare o per produrre clandestinamente qualche oggetto che donne o bambini avrebbero potuto scambiare in campagna con della farina o delle patate per sottrarsi alla meglio alla fame.

Su ciò ci sarebbe da scrivere un intero volume. La proibizione di commerciare dei prodotti fu accompagnata dalla istituzione del «zagryaditeiny etryad», e cioè dei distaccamenti di soldati e di agenti della Ceka appostati ad ogni stazione per confiscare tutto ciò che i privati tentassero, dopo sforzi inauditi, di portare in città. Spesso questi prodotti erano poi divisi fra gli stessi agenti che li avevano sequestrati. I «contravventori» potevano stimarsi fortunati di cavarsela con la semplice confisca della loro provvista. Spesso venivano gettati in prigione sotto l'imputazione di «speculazione». Il numero pel degli speculatori veri arrestati o comunque molestati era insignificante di fronte al numero infinito di disgraziati che popolavano le carceri della Russia per aver tentato di sottrarsi, con l'acquisto di un poco di farina, agli strazi della fame. (Proprio come avviene nei paesi «liberali» dell'occidente. — *N. del Trad.*).

***

Bisogna riconoscere francamente che i bolscevichi, quando fanno una cosa, non la fanno a metà!

Non appena promulgata per legge la obbligatorietà del lavoro, essa fu applicata senz'altro con la massima asprezza. Uomini e donne, vecchi e giovani, vestiti poveramente e calzati male o non calzati affatto, furono mandati all'aperto a palare la neve od a togliere il ghiaccio, od anche, a gruppi, a tagliare la legna nei boschi.

Ne risultarono innumeri casi di pleurisia, pneumonia e tubercolosi che indussero, infine, i sapienteni del Kremlino a creare un nuovo dipartimento per la ripartizione del lavoro, a seconda delle capacità fisiche e delle attitudini dei lavoratori.

Come stupirei se nel popolo, sottoposto a condizioni così degradanti, venisse a mancare l'amore al lavoro, e l'attaccamento allo Stato comunista? Come stupirsi se financo i lavoratori di Pietrogrado, che si addimostrarono sempre fra i più rivoluzionari e pronti ad ogni sacrificio, finissero per odiare i falsi rivoluzionari al potere e tutto ciò che da questi emanasse? La macchina opprimente del bolscevismo aveva sgretolato il loro ideale e la loro fede, e suscitato quei sentimenti «controrivoluzionari» che ci vorrà assai tempo a sradicare.

***

Ricordo una scena che rimarrà imperitura nella mia mente: una riunione del soviet di Pietrogrado, in cui dovevano decidere della sorte di Kronstadt. Dopo alquanti discorsi dei capi comunisti, parecchi operai e marinai chiesero di parlare. Un arcenaletto prese la parola, rivolgendosi non all'assemblea, ma alla presidenza, e parlando vibrante di intensa passione, le sue parole erano diretto al presidente del soviet, Zinoviff.

«Tre anni or sono, egli disse, voi foste denunciate come spia tedesca, traditore della rivoluzione, ricercato e perseguitato. Noi, operai e marinai di Pietrogrado, vi abbiamo salvato, abbiamo combattuto per voi, e vi abbiamo posto alla carica che ora occupate. Da allora, voi ed il vostro governo vi siete allontanati da noi. Ed ora ci insultate, ci chiamate "contro-rivoluzionari", ci imprigionate e ci fate fucilare perchè vi chiediamo di realizzare le promesse fatteci al momento della rivoluzione di ottobre».

Io non so che fine abbia fatto quest'uomo. Può darsi si trovi in prigione o sia stato ucciso per la sua temerarietà. La sua rampogna non fu ascoltata: era il grido di un'anima agonizzante, dell'anima collettiva russa, surta ad altezze insperate durante la rivoluzione ed ora incatenata dallo Stato bolscevico.

Emma Goldmann.

(Il seguito di questo articolo a domani).

Il processo della Black a Torino

Violenti incidenti fra gli imputati

Mandano da Torino 4:

E' cominciato alle Assise il processo per i fatti svoltisi nello stabilimento Black. Il processo ha avuto un clamoroso inizio. Ieri, nel pomeriggio il primo ad essere interrogato è stato l'imputato Mazzarino Evandro, noto comunista, il quale però ha fatto confessioni assai gravi a carico degli altri imputati.

Uno di costoro, certo Cano Salvatore si è slanciato contro il Mazzarino ferendolo alla gola e colpendolo con schiaffi.

Nel breve spazio della gabbia è nato un parapiglia che ha impressionato il pubblico, fra cui vi erano i parenti degli imputati.

Il Mazzarino venne trasportato dai carabinieri fuori della gabbia e il processo continuò senza incidenti.

Pubblicheremo domani una corrispondenza da Parigi sui risultati del Congresso di Saint-Etienne.

Peggiori dei cortigiani!

SIENA, 4

(Artorigo) — Il principe ereditario è stato a Siena. Vi è stato nel giorno 2 di luglio allorchè vi sono le tradizionali o medioevali feste, nel giorno che si corre il barbaro palio che attrae migliaia e migliaia di forestieri. E' stato accolto entusiasticamente — chi lo negai? — non solo per la preparazione che era stata fatta, ma anche perchè Siena è una città di provincia, che resta isolata, quasi direi dal mondo, dove gli abitanti vivendo una vita lontana dai fasti e dalle orgie dei grandi (?) hanno una mentalità arretrata, la quale, pensando ad un principe glie lo fa immaginare un qualcosa d'anti-naturale, come un angelo ad una beghina...

Quindi, fin qui nulla di male. Il male, per modo di dire, viene dopo: a rendere grandioso o fastoso il ricevimento del principe ci hanno pensato i fascisti, i quali, non solo hanno mobilizzato qui tutte le forze della provincia, ma anche una parte di quelle delle provincie di Grosseto, Firenze, Pisa, Livorno... E tutti uniti in divisa, inquadrati, a piedi e a cavallo filarono al ricevimento gridando a squarciagola, viva il principe e casa Savoia o tutto ciò per il bene del popolo e in rispetto della pregiudiziale repubblicana!...

La "Libreria Sociale" - Corso Garibaldi 43 - Brescia

avverte i compagni e gli studiosi che essa dispone di un ricco assortimento in libri ed opuscoli di letteratura sociale, e può procurare qualsiasi opera richiesta. Catalogo gratis su domanda.

Diffondete
Umanità Nova

Le grandi battaglie del proletariato

Verso la soluzione dello sciopero metallurgico?

Le trattative a Roma

nel gabinetto del ministro

E' stato diramato un comunicato delle trattative per la vertenza dei metallurgici iniziate lunedì nel gabinetto del ministro del lavoro alle ore 15,30 che non dice nulla e riteniamo perciò inutile riprodurre.

Secondo comunicazioni date a qualche giornale dall'on. Buozzi non s'è ancora potuto addivenire ad un accordo, perchè gl'industriali non avevano un mandato che li autorizzasse a concludere. Iniziandosi la discussione una pregiudiziale è stata sollevata dalla organizzazione operaia. Buozzi, a nome del Comitato di agitazione o del C. C. della FIOM, ha fatto rilevare come da parte non solo dei singoli industriali, ma anche da parte di alcune organizzazioni padronali si è parlato di una rottura dei concordati esistenti per le maestranze non direttamente impegnate nella vertenza ma entrate in lotta in seguito alla dichiarazione di sciopero generale. Lo stesso Agnelli infatti ha dichiarato che nella questione è intervenuta l'AMMA, e che i singoli industriali sono quindi oramai tenuti di seguire la linea d'azione segnata da questa organizzazione.

— Non vi è più una vertenza «Fiat» — ha detto testualmente Agnelli — ma una vertenza AMMA.

Il punto di vista della organizzazione operaia, invece, è questo: — che chiusa l'attuale vertenza è finito lo sciopero generale tutte le officine dovranno riaprirsi alle condizioni preesistenti, fatta eccezione s'intende per quelle regioni i cui concordati sono scaduti e per le quali si stanno discutendo nuove condizioni.

Al Consiglio Nazionale della Federazione degli industriali meccanici, metallurgici, siderurgici, cioè delle categorie interessate nella vertenza, spetta decidere sulla pregiudiziale.

Il comm. Agnelli è ripartito per Torino dichiarando di essere tenuto a riferire all'AMMA sulle trattative odierne.

Non è da escludere che, lasciata in sospeso la pregiudiziale, si inizi la discussione sulle questioni sostanziali.

Qual'è la volontà della massa

I metallurgici milanesi

contro le trattative dell'on. Buozzi

MILANO, 4

Ieri ebbe luogo alla Casa del Popolo un affollato comizio di scioperanti metallurgici. Ad essi parlarono Turrini per l'Unione Sindacale Italiana, Suelli, Giovannetti, Castaldi ed altri. Gli intervenuti al comizio approvarono ad unanimità il seguente ordine del giorno presentato da Suelli dell'U. S. I.

«I metallurgici della regione lombarda in isciopero, riuniti a comizio generale in Milano la mattina del 3 corr. alla Casa del popolo, dopo avere protestato contro il giornale l'«Avanti!» che boicottava l'annuncio del comizio stesso non pubblicandone la convocazione solo perchè la iniziativa di questa partiva spontanea dagli operai in tutti i comizi rionali di sabato 1° luglio, dopo aver udite le relazioni dei rappresentanti delle varie organizzazioni intorno alle ultime vicende del movimento nelle singole categorie; avute assicurazioni che le trattative odierne iniziatesi a Roma, si svolgono su criterio di accettazione di riduzione salariale virtualmente accettate dai dirigenti della FIOM; constatata in questa una manovra dei summenzionati dirigenti, che si pongono con ciò contro il volere della massa scioperante espresso nella categorica repulsa di tale riduzione e contro la ragione unica per cui lo sciopero ebbe origine; mentre stigmatizza e biasima tale scorretta procedura che va a colpire anche e sopratutto i metallurgici di altri centri d'Italia, scesi in lotta per solidarietà con quelli della Lombardia; riafferma la propria aspirazione della non riduzione salariale e della reintegrazione dei salari ove si effettueranno riduzioni; considerato inoltre che nel caso di una sconfitta metallurgica tutta la classe lavoratrice verrebbe ad esserne colpita come del resto è nella intenzione della classe padronale — o la necessità di tutti i lavoratori d'Italia di difendersi da questo nuovo attacco capitalista;

mentre delibera di invitare i consigli delle leghe aderenti alla Camera del Lavoro di radunarsi d'urgenza domani sera al più tardi nella sede sociale, per deliberare la proclamazione dello sciopero generale del proletariato lombardo qualora le trattative non si svolgessero secondo i desiderati della classe lavoratrice e non approdassero a buon esito, avverte la Commissione Esecutiva della Camera del Lavoro che il comizio la riterrà responsabile della non riuscita di tale convocazione e di tutte le sue conseguenze;

delibera di fare appello a tutto il proletariato d'Italia di seguire l'esempio della massa lavoratrice lombarda e di esigere dall'Alleanza del Lavoro l'effettuazione dello sciopero generale di tutto il proletariato italiano quale indeclinabile mezzo adeguato alla difesa della dignità dei suoi interessi colpiti dal generale attacco della classe avversaria.

delibera di convocare il comizio generale di tutti gli scioperanti milanesi per mercoledì 5 luglio c. m. alle ore 9 alla Casa del popolo ove parleranno vari oratori delle organizzazioni operaie».

A Modena

(G. B.) — Anche i metallurgici modenesi sono già al loro sesto giorno di sciopero senza che in mezzo ad essi si notino segni di stanchezza o di sfiducia. Alle quotidiane assemblee intervengono in massa i lavoratori.

Come altrove anche a Modena gli Industriali hanno tentato con manovre subdole di sgretolare la compagine degli operai applicando i reazionari articoli 11 e 32, i quali portano l'immediato licenziamento a coloro che si assentano dal lavoro arbitrariamente, ma gli operai non hanno abboccato e seguono imperturbabili, nella lotta, fidenti del loro sacrosanto diritto.

Ai forti lavoratori del ferro e dell'acciaio in lotta per l'esistenza e il diritto della vita l'incondizionata solidarietà degli anarchici modenesi.

A Livorno

Al Teatro S. Marco ha avuto luogo il consueto comizio. Parlarono Cappagli, Tominelli, Sacconi ed altri. Il compagno Bigazzi segretario del C. d. a. lesse un'ordine del giorno di solidarietà col compagno Sacconi. Lo sciopero prosegue compatto.

A Tortona

Le assemblee degli scioperanti si susseguono sempre numerose.

L'ordine del giorno seguente è stato votato che rispecchia la volontà delle masse:

«La Sezione metallurgica di Tortona riunita in assemblea ordinaria il giorno 29 a. m. dopo aver preso in esame l'agitazione in corso, si compiace della disciplina e fermezza della maestranza la quale compatta si mantiene assente dal lavoro; visto il contegno deplorevole di alcuni capi officina per opera di cruminaggio loro svolta, ne biasima il comportamento nel mentre fa pressione presso il C. C. o il C. d. A. perchè insistano nell'allargamento immediato della lotta a tutte le categorie dei lavoratori; fa propria la protesta dell'Unione Sindacale Italiana contro le trattative personali dell'on. Buozzi».

A Roma

Nessuna defezione nel proletariato romano. I comizi proseguono affollatissimi. In essi gli oratori continuano a sollecitare l'intervento dell'Alleanza del Lavoro ripromettendosi di fare appello direttamente alla massa se l'organismo costituito per l'opera di generale difesa operaia fallisse al proprio scopo.

890713010

The Emma Goldman Papers

[The Red terror in Russia. In Italian] Il terrore rosso in Russia. Part 2 / Emma Goldman.– p. 2 ; 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(July 7, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

DOPO IL CONGRESSO DI SAINT-ETIENNE

Il Sindacalismo francese spinto sulla via di Mosca

PARIGI 3 (ril.)

(Lux) Il Congresso costitutivo della Confederazione Generale del lavoro unitaria è finito ieri, colla vittoria della frazione propensa all'adesione all'Internazionale sindacale di Mosca; adesione condizionata, è vero, ma sempre affermazione di una tendenza che può condurre il sindacalismo francese alla dipendenza effettiva del partito comunista.

Per giungere a questo risultato i partigiani dell'adesione a Mosca non hanno nulla trascurato e, sostenuti dal partito comunista francese e dai mezzi della Terza Internazionale hanno potuto dare battaglia alla parte avversaria e riuscire trionfanti.

Certo il dibattito, durato quattro giorni, è stato vivacissimo e le due tesi in presenza hanno avuto ardenti ed eloquenti propugnatori; ma la eloquenza e il ragionamento hanno un valore relativo quando tutto un indefesso lavorio ha preparato il terreno al successo di una data corrente di idee.

Il partito comunista francese sa bene che le sue forze sono ben poca cosa senza l'ausilio della classe lavoratrice organizzata ed ha fatto tutto il possibile per ottenere dal Congresso un voto che gli lasci la possibilità di avere il sindacalismo francese se non alle sue dipendenze, almeno suo alleato.

Così tutti i delegati al Congresso, appartenenti al partito comunista, hanno avuto la parola d'ordine di sostenere la mozione Monmousseau, non potendo sostenerne una propria schiettamente comunista, con speranza di successo.

Oltre a ciò Frossard, segretario del partito comunista francese, si è portato a Saint-Etienne ove ha raccolto in adunanza privata tutti i delegati comunisti, ai quali ha dato le indicazioni opportune, relativamente alla loro condotta al congresso.

È questa la prima volta che un partito politico prende posizione in faccia ad un congresso sindacale per portarvi il peso della propria forza e della propria influenza.

Ma a questo non si è limitato Frossard: egli è intervenuto al Congresso nel quale ha avuto la libertà di tenere un discorso in favore della tesi comunista e di apologia alla dittatura del proletariato.

E come se Frossard non bastasse, ecco apparire improvvisamente Losovsky segretario dell'Internazionale sindacale rossa di Mosca. A Mosca si sono resi conto dell'importanza del congresso di Saint-Etienne e vi hanno spedito Losovsky per *far colpo*.

Si sa che la rivoluzione russa esercita sempre una grande attrattiva sul proletariato, il quale ha visto in quella rivoluzione la realizzazione dei suoi ideali e si rifiuta di vedere o trascura di vedere gli errori e le colpe dei capi, i difetti dei metodi, onde è naturale che la presenza di un uomo che rappresenta i fratelli lavoratori russi, che hanno fatta la rivoluzione, influisca sull'animo dei rappresentanti il proletariato francese.

E Losovski ha parlato ed ha ottenuto il successo che si attendeva, sebbene non siano mancate le proteste da parte della Commissione provvisoria, per certe critiche troppo partigiane sul suo operato.

Ma intanto l'effetto era ottenuto e l'intervento di Borghi — che rappresentava l'Unione sindacale italiana — non ha valso ad orientare il congresso verso la realtà.

Borghi è stato energico ed ha affrontato il problema dell'autonomia sindacale e prospettati i pericoli che presenta l'adesione a Mosca con grande franchezza ed anche con coraggio, dinanzi ad una maggioranza già conquistata dai moscoviti, ed è naturale che non abbia ottenuto che gli applausi dei sostenitori della tesi antistatista.

In conclusione, il Congresso non ha ammesso negli scopi del sindacalismo l'abolizione dello stato, nè per conseguenza, disapprovato la formazione e l'esercizio della dittatura nel periodo della rivoluzione; e ciò basta per consolare i comunisti. In quanto all'adesione all'Internazionale sindacale di Mosca, ecco come si esprime in proposito, la mozione approvata: « Il congresso dichiara che la C. G. T. U. aderisce alla Internazionale Sindacale di Mosca, alla condizione espressa che gli statuti rispettino l'autonomia del Sindacalismo francese, e domanda all'Internazionale sindacale di voler bene modificarli in questo senso nel più breve tempo, affinchè la situazione del sindacalismo francese sia finalmente regolarizzata ».

« Il Congresso dà mandato ai suoi delegati per difendere ai congressi internazionali il principio dell'autonomia dell'Internazionale Sindacale Rossa rispetto alla Terza Internazionale Comunista e per votare contro l'applicazione dell'articolo 11 degli Statuti dell'Internazionale Sindacale Rossa »

Ora vedremo se le condizioni poste troveranno favore presso l'Internazionale di Mosca e in caso di rifiuto vedremo se i nuovi dirigenti della C. G. T. U. resteranno fermi nei loro principi d'autonomia o se avranno la audacia di trasgredirli.

Certo che, stando a quanto ha detto Losovski, a Mosca non si è troppo inclini a concessioni, ma la furberia potrebbe suggerire una scappatoia atta a salvare le apparenze, mettendo egualmente al sindacalismo francese il basto comunista.

Fatto si è che il Congresso ha sanzionato un grande equivoco approvando l'adesione a Mosca, quando è ben chiaro che l'Internazionale Comunista vuole avere essa stessa la mano sul movimento sindacale, non tollerando preteso di autonomie, quelle autonomie che costituiscono il principio fondamentale del sindacalismo francese e che il congresso ha — malgrado tutto — riconfermate.

In ogni modo si è certi che la minoranza, la quale conta oltre un terzo dei sindacati, vigilerà affinchè il sindacalismo francese non sia spinto ad una seconda rovina, la quale sarebbe la ruina definitiva . e che opererà per ricondurlo sulla via maestra dell'emancipazione proletaria, dalla quale è stato momentaneamente deviato.

Il terrore rosso
in Russia (1)

II.

La tirannia della Ceka

La Ceka (2) — o Commissione straordinaria panrussa — è fra le istituzioni bolsceviche la più iniqua. Fu istituita subito dopo l'avvento dei bolscevichi al potere, allo scopo di combattere le mene contro-rivoluzionarie, il sabotaggio e la speculazione. All'origine la Ceka era posta sotto il controllo del Commissariato degli interni, dei Sovieti e del Comitato centrale del partito comunista. Gradualmente diventò l'organizzazione la più potente di Russia, costituendo più che uno stato contro lo stato, addirittura uno stato sovrapposto allo stato. Essa si estende come una vasta rete dalle maglie fittissime su tutto il paese. Ognuno dei reparti della immensa macchina burocratica che amministra la Russia possiede la sua « commissione straordinaria », arbitra onnipossente della vita e della morte del popolo russo. Solo la penna di un Dante potrebbe dipingerci con efficacia l'ambiente di brutalità, di sospetti, di odio generato da questa organizzazione, e gli effetti disintegratori, le sofferenze, la morte che il suo funzionamento ha rovesciato sulla Russia.

Il capo della Commissione straordinaria panrussa è Dzerzinski, un comunista « provato » come i suoi colleghi del comitato. Secondo le sue stesse pubbliche dichiarazioni; la Ceka, e per essa il suo Comitato, rappresenta « il terrore organizzato, contro i nemici del governo dei Sovieti, autorizzato ad intraprendere delle razzie, a confiscare merci e valori, ad eseguire degli arresti, ad interrogare, giudicare e condannare chi gli sembra sospetto, e ad infliggere le pene capitali ». In una parola, la Ceka esercita le funzioni di spia, poliziotto, giudice, carceriere e boia ad un tempo. E' il potere supremo di fronte al quale non v'è scampo. Esso opera quasi sempre di nottetempo. L'apparizione repentina di uno sprazzo di luce abbagliante in un distretto, il rombo di un'automobile lanciata a tutta corsa, sono i segnali che suscitano il terrore nella comunità. E' la Ceka che opera!

« Chi saranno i disgraziati colti nella rete questa notte? A chi il turno fatale? »

La Ceka fu organizzata per sedare la controrivoluzione; ma per ogni reale complotto essa ne ha scoperti, per conto proprio, altri nove del tutto immaginarii. I suoi ausiliari sono (3) dei provocatori e degli informatori che infettano, come il tifo, l'atmosfera del paese. Questi individui non recedono dinanzi a nessun mezzo, foss'anche il più spregevole, per coinvolgere le loro vittime e rappresentarle come dei pericolosissimi controrivoluzionarii o speculatori.

In realtà è la stessa Ceka un vivaio di complotti contro-rivoluzionarii e di favolose speculazioni.

Ogni comunista deve, in obbedienza al partito, essere pronto a servire, in qualunque momento, nella Ceca. Sta però di fatto che la maggior parte dei « cekisti » proviene dall'Okrana (polizia segreta) czarista, dalle « centurie nere » e da ex ufficiali superiori dell'esercito imperiale. Elementi quindi già esercitati nell'applicazione dei metodi barbari.

I tribunali popolari, presieduti da operai e contadini, di cui si sono fatte delle descrizioni lusinghiere per uso del mondo occidentale, non esistono in realtà nel dominio della Ceka. Le sedute sono segrete, e gli interrogatorii, quando hanno luogo, non sono che una parodia della giustizia. L'imputato è confrontato da un'accusa manipolata per i bisogni della « causa », senza possibilità di produrre dei testi propri nè di difendersi. Nel lasciare l'aula egli non sa nemmeno se è stato assolto oppure condannato, finchè un giorno, dopo un periodo di ansie mortali, egli è chiamato fuori dalla prigione per non più ritornarvi, e l'indomani gli altri prigionieri ed i parenti del condannato, sanno che un'altro assassinio è stato aggiunto alla lunga lista dei precedenti.

* * *

Come l'antica Okrana, anche questa moderna Okrana agisce lontana dagli occhi del pubblico. Ma la verità verrà alla luce un giorno, sulle sue gesta orribili, sulle sue torture, sul suo succhionismo, sulle sue innumeri speculazioni. Per ciò bastano già i documenti che essa stessa ci fornisce. L'organo settimanale della Ceka, n. 3, pubblica un articolo sulla necessità della tortura, intitolato « Basta con le sentimentalità », in cui è detto:

" Coi nemici della Russia dei Soviet è necessario di ricorrere a metodi di tortura per estorcere delle confessioni e mandarli poi all'altro mondo ,,.

Dal 1918 in quà non vi è stato nessun cambiamento nei metodi della Ceka. L'estate scorsa, quando è stato scoperto il preteso complotto del prof. Taganceff a Pietrogrado furono messi in opera metodi eminentemente rivoluzionarii, quali: percosse brutali, tortura della sete, ecc. Ciò mi è stato riferito dalla bocca stessa di un sincero comunista che in quel momento trovavasi imprigionato assieme agli altri imputati. Poichè la Ceka imprigiona a casaccio colpevoli ed innocenti. Sessantotto persone furono fucilate come colpevoli di far parte della pretesa congiura...

Nel frattempo si moltiplicarono le richieste perchè i poteri della Ceka venissero aboliti, almeno in parte. Vi fu un tentativo nel 1920; ma subito si moltiplicarono i crimini ed i complotti. Occorreva giustificare la necessità della Ceka! Il suo capo Dzercinsky fu pubblicamente ringraziato e proclamato " un santo al servizio della rivoluzione ,, dallo stesso Zinovieff in piena seduta del Soviet di Pietrogrado.

Eppure i bolscevichi avevano a suo tempo caldeggiato e votato l'abolizione della pena capitale. Ed ora le peggiori persecuzioni sono messe in atto sotto l'egida dello stato comunista. Che ne è delle teorie marxiste che insegnano che la rivoluzione sociale dev'essere l'inizio di una vita sociale nuova? Lo stato bolscevico si è manifestato come una cospirazione contro la rivoluzione russa.

Emma Goldmann.

(Nel suo quinto saggio, che pubblicheremo nel numero di domenica, Emma Goldmann tratta dello stato comunista riguardo all'educazione dei bambini).

(1) Vedi numero precedente.

(2) Come si sa, Lenin annunciava, mesi or sono, che le funzioni della Ceka erano state notevolmente circoscritte.

(3) Come nei civilissimi e democraticissimi paesi occidentali. — *N. del trad.*

Il cinismo borghese contro i ferrovieri

Lo spettacolo offerto dalla Camera dei deputati, ieri, a proposito d'una interpellanza sulle punizioni inflitte ai ferrovieri, che si sono astenuti dal lavoro il primo maggio, è ciò che di più cinico e ripugnante si possa immaginare, come segno della mancanza di ogni senso di giustizia nella classe dominante.

E' segno inoltre dell'assoluta unanimità della borghesia contro la classe operaia, in quanto a invelire contro i ferrovieri si sono trovate tutte le frazioni della Camera, meno l'Estrema Sinistra, dai democratici ai nazional-fascisti ed i popolari — vale a dire fino a coloro coi quali i politicanti del socialismo vorrebbero collaborare al governo per... difendere la classe operaia.

L'enormità è tutta in questo stridente ed infame contrasto, tra l'indulgenza e l'impunità assicurata a chi incendia, devasta, ferisce e uccide per conto dei capitalisti, e la severità del punire ostentata come cosa patriottica e «ricostruttrice» a danno di una categoria di lavoratori che col semplice astenersi dal lavoro per 24 ore ha voluto affermare un principio di fraternità umana.

Si tratta di decine di migliaia di operai, cui si sono rubate tre giornate di paga; di tutti i componenti il Comitato Centrale del Sindacato messi sotto processo e sicuri d'una condanna senza condizionale; e come se questo non bastasse, tutti gli elementi ferrovieri più noti sono stati assoggettati, sotto la maschera di ragioni di servizio, a misure odiose di traslochi da un punto all'altro d'Italia, con quel grave danno per i colpiti e le loro famiglie, che ognuno può immaginare.

Che un ministro o sotto ministro clerico-popolare come il Martini abbia avuta la faccia tosta di parlare di violazione della legge da parte dei ferrovieri — proprio mentre arrivavano a Roma le notizie delle invasioni violente di quattro municipi importanti d'Italia e dell'incendio di un'altra Camera del lavoro — è la dimostrazione più evidente che anche il partito popolare non ha altro scopo che di preparare corda e sapone per il proletariato, e che non sdegnerà di collaborare efficacemente proprio col fascismo, che ieri applaudiva in Parlamento le peggiori frasi reazionarie del sottosegretario pipilare.

Noi torniamo ancora una volta contro i nemici verdi o neri comuni a tutto il proletariato, a riaffermare ai ferrovieri tutta la nostra più viva solidarietà.

Diffondete

Umanità Nova

402

890215001

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik state and the education of children. In Italian] Lo Stato bolscevico e l'educazione dell'infanzia [Part 1] / Emma Goldman.– 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(July 9, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Lo Stato bolscevico e l'educazione dell'infanzia

Il circolo vizioso creato dallo Stato, [illegible] sforzo e tentativo ein[illegible] si manifesta specialmente nella [illegible] bolscevica rispetto all'infanzia. [illegible] per quanto se ne sia esagerata [illegible] importanza, si è costretti a riconoscere [illegible] un grande sforzo è stato fatto in [illegible] direzione in Russia. Come se ne [illegible] allora l'insuccesso?

Rammento l'entusiasmo suscitato in [illegible], quand'ero ancora in America, da [illegible] degli oratori di un comizio di com[illegible]morazione della rivoluzione di otto[illegible] tenutosi a Madison Square a New [illegible]rk. Era un reduce dalla Russia, e de[illegible]riveva le cure ed il trattamento cui [illegible]no sottoposti i bambini in Russia. [illegible] semplicemente meraviglioso.

Ma una volta giunta in Russia, do[illegible]ti ricredermi, di fronte all'azione per[illegible]rsa dallo Stato comprimente qualun[illegible]que iniziativa sorta nella sua orbita.

E' vero che i bolscevichi hanno fatto i più grandi sforzi nei riguardi dell'edu[illegible]zione dell'infanzia, e che l'insuccesso [illegible] questo senso è dovuto assai più ai [illegible]mici della Rivoluzione russa che ai [illegible]ro propri errori. L'intervento armato [illegible]gli Alleati ed il blocco si sono fatti [illegible]ntire maggiormente a danno dell'in[illegible]nzia e degli infermi. Ma certamente, [illegible]nche in condizioni più favorevoli, la [illegible]rocrazia bolscevica avrebbe frustrato [illegible] sforzi i più strenui dei bolscevichi [illegible] questo senso.

* * *

Soltanto dopo qualche settimana di [illegible] permanenza in Russia, mi fu dato [illegible]itare la prima scuola, la migliore di [illegible]trogrado. E' una «scuola modello». [illegible]lo più tardi ne seppi il significato. [illegible] situata nell'ex Hôtel Europe, in sale [illegible]uriose arredate con lusso. I bimbi, [illegible]ll'età dai sei ai tredici anni, erano [illegible]ti con cura, puliti, ben nutriti, sani. [illegible] scuola funzionava in certo modo [illegible]me un centro ricovitore e distributore. [illegible] bambini vi giungevano specialmente [illegible]lla provincia, in condizioni pietose, [illegible]cari, coperti d'insetti, smunti, ammala[illegible]ti. Dopo una permanenza di un breve [illegible]riodo di tempo, durante il quale ve[illegible]va loro impartito un insegnamento [illegible]mentare, venivano ripartiti in altre [illegible]uole.

Ne rimasi vivamente impressionata. [illegible], l'incauto fu di ben breve durata. [illegible]opo poco tempo venni a sapere dalla [illegible]edichessa della scuola che qualcuno [illegible]egli allievi non poteva essere veduto, [illegible]perchè isolato, essendo stato scoperto a [illegible] mettere qualche furtarello.

Il mio pensiero ricorreva istintiva[illegible]mente alla scuola di Tolstoi. Un giorno [illegible]quest'ultimo avverte che uno dei suoi [illegible]llievi aveva rubato. I suoi compagni [illegible]ne richiedevano la punizione, e fu con[illegible]venuto che al colpevole si sarebbe at[illegible]taccato dietro il collo un cartello re[illegible]cante la scritta: *Ladro*. Mentre Tolstoi [illegible]stava per appendere l'iscrizione igno[illegible]miniosa al collo del bambino, egli s'ac[illegible]corse dello sguardo di questi, uno sguar[illegible]do che rivelava l'umiliazione e nello [illegible]stesso tempo sembrava contenere un [illegible]muto rimprovero. No, non era il bam[illegible]bino il colpevole: erano egli stesso, [illegible]Tolstoi, e gli altri bambini i colpevoli [illegible]– tutta la società insomma — che ave[illegible]vano il cuore di esigere una cosa così [illegible]crudele, quale quella d'imporre il mar[illegible]chio d'infamia su di un loro simile.

Da quel giorno, nessuna punizione fu [illegible]più applicata nella scuola del filosofo. [illegible]Ed ora qui nella grande e libera Russia, [illegible]punivano i bambini, tenendoli isolati, [illegible]trattandoli come ladri e come moralmente [illegible]indegni.

Ma v'è dell'altro. Ebbi più tardi la [illegible]visita di una signora che conobbi in [illegible]America per molti anni. Essa era ora [illegible]superiora di un collegio femminile e mi [illegible]narrò le difficoltà in cui essa si dibat[illegible]teva per procurare il necessario ai suoi [illegible]allievi. Ma il suo racconto era tanto di[illegible]verso da quanto mi era stato mostrato [illegible]la scuola dell'Hôtel d'Europe che mi [illegible]fu difficile di prestarvi fede. Mi recai [illegible]parecchie un giorno alla sua scuola e vi [illegible]tornai parecchio volte. V'erano sessan[illegible]tacinque allievi. La maggior parte di [illegible]essi si nutriva con quanto riceveva dai [illegible]parenti di fuori. Erano coperti mala[illegible]mente e quasi tutti privi di scarpe. Per [illegible]ottenere le cose più indispensabili oc[illegible]correvano pratiche innumerevoli, ripe[illegible]tute, faticose presso le autorità centrali. [illegible]Talora due settimane per avere una [illegible]latta di cucchiai di legno. E sempre [illegible]solo dopo lunghe pratiche ed attese in [illegible]code dinanzi agli uffizi competenti.

Le mie visite susseguenti mi convin[illegible]sero sempre più della grande differenza [illegible] condizione esistente fra la scuola [illegible]modello dell'Hôtel d'Europe o questa [illegible]scuola. Nella prima, agli allievi era dato [illegible]l'esuberante di tutto: alimenti, indumenti, concerti, danze, ecc.; forse più di quel che lo consentisse la situazione generale. In questa scuola invece i bambini soffrivano la fame.

La verità mi si veniva rivelando sulle condizioni vere della educazione dei bambini in Russia. Non v'erano in Russia mezzi sufficienti per nutrire e vestire convenientemente tutti i bambini. Ma i bolscevichi stimavano necessario di mantenere in ogni città importante qualche scuola modello da mostrarsi alle missioni o delegazioni straniere ed alla stampa. Queste scuole erano fornite del fior fiore di ogni cosa. Gli avanzi passavano, poi alle altre scuole che erano poi la grande maggioranza. Cosicchè tutti coloro che visitarono soltanto le scuole modello, non ebbero modo di sincerarsi sulle condizioni reali dell'educazione in Russia e riportarono dei giudizi erroneamente entusiasti sull'educazione in regime bolscevico.

E' certo che l'intervento straniero ed il blocco furono i principali responsabili della terribile carestia in Russia. Ma le poche risorse di cui disponevano i bolscevichi avrebbero potuto essere distribuito con maggiore equità fra gli allievi. Col sistema delle «scuole modello» si stabilivano dei privilegi, dei favoritismi, che a loro volta suscitavano delle pretese, dei reclami, dei malcontenti, con inevitabile effetto deleterio su insegnanti ed allievi.

Il centralismo ed il burocratismo hanno fatto il resto, frustrando e paralizzando i migliori sforzi dei bolscevichi sulla via dell'educazione.

Emma Goldmann.

Dalla Liguria

Solenne montatura finita miseramente

SESTRI PONENTE, 6

La stampaccia borghese e i fasci sti hanno fatto a suo tempo una vergognosa speculazione per l'arresto di quattro compagni avvenuto a Cornigliano in seguito ai noti incidenti di via Napoli.

Si è parlato di agguati e di aggressioni, e tutti ricordano la diffida fatta al sindaco di Sestri e gl'incidenti che si sono susseguiti.

Ieri venivano scarcerati perchè prosciolti in istruttoria i compagni Sighicelli, Monti, Franci e unZino, dall'imputazione di aggressione e ferimento alla famiglia del fascista Ambrosi di Cornigliano.

E furono assolti perchè la famiglia Ambrosi non riconobbe nei nostri compagni aggressori.

Domandiamo ai nostri avversari se meritava tanta speculazione una montatura poliziesca che non riuscì nemmeno ad arrivare intatta di fronte al giudizio di un tribunale borghese.

Ma essi non hanno torto. Chi fornisce il pretesto, chi dà esca alle loro velleità reazionarie è l'autorità politica, che non perde mai l'occasione di montare processi e palloni che sgonfiano nonostante una magistratura ad «usum»... fascista.

I fascisti vogliono far parte della C. d. L.

I fascisti non possono acquietarsi perchè a Sestri, nonostante tanta reazione, esiste ancora una Camera del lavoro intorno alla quale gli operai si mantengono affezionati.

L'offensiva reazionaria si è proiettata in tutti i modi, ma la Camera del lavoro vive sempre della solita vita.

I fascisti prima la incendiarono, poi la fecero occupare diverse volte, poi costrinsero l'autorità compiacente a far allontanare Negro, poi provocarono conflitti, fecero minaccie ed infine indussero popolari, democratici, esercenti, tutto insomma l'agglomerato borghese e forcaiolo di Sestri, a votare ordini del giorno contro l'amministrazione comunale e di biasimo agli organi ministeriali perchè tolleravano una Casa del popolo in questa cittadina colonizzata dal verbo fascista.

Ora i fascisti, che non mancano di risorse, hanno pensato d'inscriversi alla Camera del lavoro.

Vi parrà buffo che i distruttori delle Camere del lavoro vogliano ora valorizzarle col loro intervento. Eppure è così.

Tre fascisti che dichiarano nella domanda di appartenere al Fascio locale vogliono entrare alla C. d. L.

La Commissione Esecutiva ha respinto la loro domanda con un o. d. g. in cui rileva l'incompatibilità e l'o. d. g. venne trasmesso alle autorità politiche perchè si sappia come i fascisti che non hanno potuto conquistare la C. d. L., intendono ora... darle il *loro* appoggio.

Contro le questioni personali

Da varie località ci giungono proteste contro le polemiche personali che minacciano di dilagare, inquinando il nostro movimento in un momento in cui maggiormente dovrebbe manifestarsi lo spirito di concordia fra i compagni.

Da Taranto i compagni ci scrivono che d'ora in avanti boicotteranno nella loro località le pubblicazioni anarchiche di qualsiasi tendenza «che oseranno ancora sprecare il frutto dei duri sacrifici degli anarchici per seminare discordia e personalismi e tra scurando la propaganda tanto utile e necessaria».

E' inutile dire che condividiamo pienamente le preoccupazioni di questi nostri compagni e ci auguriamo che si ponga fine a delle polemiche che non possono che pregiudicare la serietà del nostro movimento.

Diffondete

Umanità Nova

Un Municipio assaltato

a S. Giovanni in Marignano

RIMINI, [illegible]

Turbe fasciste di Rimini e di Pesaro hanno dato l'assalto al Municipio socialista di San Giovanni in Marignano.

Sindaco ed assessori sono stati aggrediti e percossi a sangue.

I fascisti hanno instaurato nel luogo il loro potere dittatoriale, dichiarando decaduta l'Amministrazione socialista e moltiplicando le violenze contro i sovversivi e contro i lavoratori.

La pubblica sicurezza è rimasta inerte.

Lezioni di libertà fasciste

TORINO, 6.

Il comunista Leonetti, redattore dell'*Ordine Nuovo* è stato verso le ore 15 di ieri aggredito da un gruppo di fascisti, che gli hanno prodotto una lussazione ad un braccio.

I fascisti vorrebbero certamente che il Leonetti scrivesse sull'*Ordine Nuovo* degli articoli apologistici del fascismo...

Non sono imbecilli i signori del fascio, oltre che canaglie?

Polemica sullo sciopero metallurgico

L'U.S.I. risponde ai riformisti della "Fiom,,

Riceviamo con preghiera di pubblicazione:

L'«Avanti!» del 5 corr. pubblicava sotto il titolo «Precisiamo», un articolo polemico che ci riguarda direttamente, a proposito dell'attuale sciopero dei metallurgici. Con la possibile brevità ed obbiettività rispondiamo:

1. La FIOM ha deciso di tenere comizi di scioperanti a Milano, e ciò mentre in tutti gli altri centri si tengono riunioni e comizi tutti i giorni. La scusante della FIOM cade dinanzi all'esempio delle altre città dove gli scioperanti possono ancora riunirsi e discutere senza il duplice divieto della FIOM e... del questore.

Se a Milano qualcuno dei funzionari della FIOM non è ben accolto dalla massa scioperante, ciò si deve al loro contegno durante lo sciopero.

2. I dirigenti della FIOM si accorgono soltanto ora che gli operai metallurgici debbono sostenere una lunga ed aspra lotta per cui si rende necessaria una soluzione qualsiasi del conflitto. Quei dirigenti dovevano pensarci prima e, o rinunciare alla lotta e accettare le riduzioni salariali, o rimanere sul terreno dell'intransigenza di fronte ai padroni e ingaggiare subito la battaglia in grande stile; non come essi hanno fatto coi continui tentennamenti, le contraddizioni e gli atteggiamenti remissivi verso gli industriali e l'azione ostruzionistica contro l'allargamento della lotta.

3. E' appunto per l'importanza e la gravità della lotta metallurgica che occorreva maggior intesa fra massa e dirigenti e fra le diverse organizzazioni stesse; intesa resa impossibile del volontario isolamento dei dirigenti della FIOM, che si sono posti fuori e contro le masse medesime agendo sempre di propria iniziativa, rifiutandosi di osservare le decisioni dei lavoratori in sciopero.

4. La zizzania, cui allude l'articolista della FIOM viene gettata in mezzo agli scioperanti proprio dalla FIOM stessa e non da noi, quando col suo autoritarismo determina sconforto e malcontento tra i lavoratori.

Nè noi abbiamo preteso imporre la solidarietà delle altre categorie. Sono state queste chiamate a decidere. La imposizione, se mai, c'è da parte dei funzionari confederali di Milano, che non vogliono convocare gli operai delle altre industrie e servizi e chiudono le porte della Casa del popolo agli stessi scioperanti.

5. Quanto alla insinuazioncella dello scrittore sui nostri «reconditi fini», sappia lui come gli altri, che noi non abbiamo nè stipendi, nè posizioni politiche da salvare o da conquistare essendo tutti noi dei lavoratori autentici, estranei alla politica dei partiti e non dei funzionari di organizzazioni.

6. Abbiamo avanzato agli industriali delle richieste e le sosteniamo tuttora nella parte sostanziale come le sostenemmo nella riunione al Consorzio industriale il 19 maggio u. s. Gli è per questo che non accettammo prima la proposta Buozzi per il conglobamento che oggi significa riduzione salariale; nè accettammo dopo di partecipare alle trattative appunto perchè mentre Buozzi era d'accordo con la parte industriale per la riduzione dei salari, noi siamo sempre contro la riduzione stessa e siamo per la reintegrazione dei salari agli operai che subirono la riduzione.

7. La dichiarazione in seno al Comitato d'Agitazione fatta dai nostri rappresentanti e che l'«Avanti!» pubblica sta a dimostrare che noi non intendevamo accettare riduzioni di paghe e che perciò non potevamo subire l'imposizione di andare a trattare cogli industriali sulla base delle riduzioni stesse già fissate con Buozzi.

8. Quanto alla concessione dei permessi di lavorare alle officine non consorziate sarebbe cosa più conveniente ai dirigenti della FIOM di non farne neppure cenno, poichè tale concessione venne accettata dopo le nostre vive opposizioni, in seguito a gravi dichiarazioni fatte dai dirigenti stessi della FIOM.

Sta il fatto però che mentre la FIOM ha stipulato l'accordo per una quarantina di officine, l'U. S. I. non ha voluto saperne o non ha fatto nessuna concessione alle molte officine non consorziate che la sollecitavano. E ci par che basti su questo punto...

9. Crediamo superfluo seguire l'articolista della FIOM sui pettegolezzi, com'egli stesso li qualifica. Soltanto facciamo osservare che le deduzioni fatte dal Turrini circa l'intervento dell'autorità in seguito allo sciopero generale non concludevano per la riduzione dei salari a cui è giunto Buozzi. E' naturale quindi che non si possa che persistere sul nostro proposito, quindi combattere la tendenza di coloro che sostengono la riduzione salariale, contro la stessa volontà chiaramente espressa dalla massa scioperante.

E chiudiamo facendo un'amara constatazione. Volevamo che le masse si trovassero unite fraternamente in questa lotta di difesa, raggiungendo l'accordo fra le diverse organizzazioni senza di che la lotta sarebbe stata difficile se non impossibile. Le masse le abbiamo viste infatti unite; ma contro di esse si sono posti alcuni capi con una paziente opera ostruzionistica del movimento. Forse lo scopo era di dimostrare che ogni azione diretta della classe lavoratrice è impossibile e che si deve quindi seguire la via tracciata dai dirigenti riformisti della Confederazione fino alla collaborazione.

I proletari questo l'hanno compreso a proprio spese.

Milano

Il Com. Metall. della U.S.I.

Contro le proibizioni dei comizi

MILANO, 5

Quest'oggi alla sede dell'U. S. I. si sono riunite le rappresentanze delle Commissioni interne degli stabilimenti metallurgici.

Udita la relazione del segretario sullo sciopero e circa la proibizione dei comizi, dopo ampia discussione l'assemblea ha confermato le deliberazioni precedenti dando mandato al Comitato d'agitazione di attenersi, come ha fatto fino ad ora alla volontà della massa scioperante.

Viene quindi emesso un voto di protesta per la proibizione dello sciopero generale degli scioperanti.

BEST COPY AVAILABLE

403

891009003

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik state and the education of children. In Italian] Lo Stato bolscevico e l'educazione dei bambini. Part 2 / Emma Goldman.– p. 2 ; 40 cm. *In* Umanita' Nova [Rome]. –(July 12, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Lo Stato bolscevico e l'educazione dei bambini

II. (1)

Lo stato di parziale inerzia degli allievi nelle scuole bolsceviche mi fu così rivelato poco a poco. In sulle prime mi ripugnava di ammettere che si trattasse di uno stato di cose così generale, ma le prove si accumulavano tantochè io fui costretta a persuadermene. Vivevo io, all'Hotel Astoria — «Prima Casa dei Soviet» — abitava una donnina con due bambini. Essa era una convinta comunista ma lottava strenuamente contro l'inerzia burocratica dello Stato sovjettista. Essa mi introdusse in varie altre scuole dove vigevano gli stessi metodi deplorevoli da me constatati nella scuola da me già visitata. Dappertutto vigeva il favoritismo in danno degli allievi esposti alle privazioni. I suoi propri bambini erano stati posti in una colonia. Essa mandava loro delle provvigioni per supplire alla deficienza del vitto della colonia. Eppure, dopo sei mesi, entrambi si ammalarono e dovettero essere trasportate nella stanzetta della madre. Nei due casi, i medici dovettero constatare le conseguenze della denutrizione. Di più in più mi fu dato di constatare come, ad onta degli sforzi dei bolscevichi a pro dell'infanzia, questi sforzi venissero frustrati dalla burocrazia parassitaria creata dal loro Stato; nonchè dalla smania di servirsi pure dell'infanzia a scopo propagandistico. I privilegi riservati, in tutti i paesi, ad una minoranza di bambini permanevano così anche nella Russia bolscevica.

***

Ho già detto quanto mi affliggesse il constatare che dei bambini venissero isolati come «ladri o deficienti moralmente». Dapprima pensai che ciò fosse dovuto alla mentalità arretrata del medico dirigente della scuola dell'Hotel d'Europe. Tuttavia un articolo della «Pravda» e qualche conversazione scambiata con vari autorevoli comunisti, fra i quali Massimo Gorki, la signora Lilina, del dipartimento dell'istruzione, mi convinsero che così credevano quasi tutti in una lista «depravazione morale».

Qualche pedagogo di grido giungeva perfino a raccomandare la prigione per questi «deficienti morali»; tesi alla quale gli elementi più progrediti (e per questo considerati come sentimentali dai comunisti ortodossi), come Lunacianski, Gorki ed altri, si rifiutavano di aderire. La proposta fu combattuta strenuamente da Lunacianski e rigettata. Eppure, ancora nel settembre del 1921 le prigioni di Taganka a Mosca albergavano dei giovanetti, fra i quali un ragazzo di otto anni. Come sempre avviene negli Stati burocratici, chi stava alla testa ignorava le gesta dei subordinati. Furono i prigionieri politici a scoprire questi disgraziati ed a segnalarli a Lunacianski che infine dispose per il loro rilascio.

Le condizioni fatte nelle scuole e nelle colonie a questi «deficienti morali» non sono tuttavia migliori che se stessero in prigione. Un'inchiesta fatta da un comitato della gioventù comunista rivelò le condizioni deplorevoli esistenti in qualcuna delle scuole di Pietrogrado. Il rapporto fu pubblicato nella «Pravda», in maggio del 1920, e denunciava tutti i metodi di corruzione e l'inefficienza delle scuole stesse. Si constatò, fra l'altro, la presenza di 138 impiegati in una scuola di 125 allievi, e questo caso non era un'eccezione. Inoltre i bambini erano passivamente nutriti, vestiti con abiti sudici ed a brandelli, e messi a dormire su giacigli luridi e puzzolenti. Parecchi di essi erano stati rinchiusi per punizione per una notte intera in un locale buio, costretti a coricarsi senza cena, e perfino percossi. Il rapporto produsse una profonda impressione. Fu ordinata un'inchiesta; ma come sempre succede anche altrove, tutto finì nell'oblio, il comitato della gioventù comunista fu tacciato di «esagerazione» e ci deplorò l'accaduto che non poteva giovare, dicevasi, se non ai controrivoluzionari!...

Tentai di adoperarmi per quei disgraziati, offrendomi a far opera di educazione per redimerli. Mi urtai contro l'ostilità della signora Lilina, ispettrice scolastica, per la quale la «deficienza morale» costituiva un dogma. E potei così convincermi come non fosse vera l'asserzione dei bolscevichi secondo cui i difetti di educazione in Russia provenissero dalla scarsezza di personale adatto.

Durante i quattro mesi in cui viaggiai in Ukraina ebbi ampie occasioni di visitare asili, collegi e colonie; e dappertutto trovai le medesime condizioni: una scuola modello in cui i bambini erano trattati bene e ben nutriti; mentre nelle altre scuole morivano di fame; e gli sforzi quasi sempre vani di coloro che li avevano in custodia per ottenere un minimo indispensabile di miglioramenti, sforzi che spesso procuravano moltissime noie od anche completa disgrazia a chi vi persisteva. Così a Mosca, poco prima della mia partenza, la direttrice di un «asilo modello» — donna di un raro idealismo, di un'instancabile attività e di una provata energia e che si era opposta con forza ai sistemi vigenti, resistendo alle pressioni — si vide fatta oggetto di una campagna di denigrazione fomentata dal medico dell'asilo che era un comunista, campagna che ebbe per risultato di obbligarla ad andarsene in condizioni disastrose per lei e per il suo bimbo di pochi mesi.

Durante il mio soggiorno di due anni in Russia solo una volta, ad Arkangel, mi è stato dato di udire il riso argentino e cordiale di un bambino. Eppure visitai numerose istituzioni scolastiche. In queste mie visite, vidi pochissimi visi felici; per lo più erano facce scolorite e dai lineamenti stereotipati, veri bimbi da orfanotrofio. Un sentimento di tragica tristezza vi assale alla vista di questi infelici; poichè essi appaiono privati non soltanto di alimenti, ma anche di affetto — orfani di tutto e di tutti. Ciò contrasta evidentemente con la leggenda del millenio bolscevico realizzato per l'infanzia in Russia.

Vi era inoltre un altro grande argomento di superiorità del regime bolscevico sugli altri Stati, ed era la soppressione del lavoro infantile. Era questo un avvenimento di un altissimo significato morale. Ma ora che la nuova politica inaugurata da Lenin sta facendo risorgere il capitalismo in Russia, introducendovi di nuovo, lentamente ma sicuramente, lo sfruttamento privato, il governo bolscevico non tarderà a ridiventare, sotto questo rapporto, l'eguale di tutti gli altri governi «civili», col lavoro giovanile come una delle maggiori sorgenti della ricchezza nazionale.

Emma Goldmann.

(1) Vedi *Umanità Nova* del 9 corrente

Finiamola, perchè tanto è inutile!

La Frusta di Fano ci tiene a dire che io la maltratto, ed attribuisce il fatto ad «acidità scalio». Questo della senilità dove averlo imparato dal *Popolo d'Italia*. Ma lasciamo andare...

Essa dice che io prima li trattai da preti e gesuiti, ed ora insinuo che sono agenti provocatori.

Ma dove? ma quando?

Io non avevo avuto per loro che delle dichiarazioni di stima. Poi quando vidi che essi, contro ogni verità, si ostinavano a dire che noi consideravamo gli individualisti come farabutti, spie, ecc., ripubblicai l'articolo in polemica per mostrare che diceva tutto il contrario; e trattando l'argomento da un punto di vista generale, che non riguardava più *La Frusta*, mi domandavo se quell'alterare il pensiero altrui e quel vedere un attacco in ogni minimo dissenso, dipendeva dal mal di fegato, o dalla vanità di voler sembrare i soli anarchici, o da qualche cosa di peggio che mi ripugnava pensare.

Quest'ultima domanda può infatti essere un'insinuazione: ma chi autorizza *La Frusta* a dire ch'io pensavo ad agenti provocatori? Un uomo può essere animato da mille brutti motivi, anche senza essere un agente provocatore; ed io non posso esprimere ipotesi, poichè non posso dire quello che non oso nemmeno pensare.

Del resto la cosa non riguardava nullamente *La Frusta*; ed era detta in termini generali per quelli che si conducono nel modo ch'io criticavo.

Il meglio finisce. Io mi auguro solo che i compagni non vorranno giudicare senza aver udito le due campane, cioè senza leggere quello che ho scritto io e quello che ha scritto *La Frusta*.

Errico Malatesta.

La Costituente

Di tanto in tanto si riparla di Costituente.

Che cosa è essa?

Un assemblea di rappresentanti eletti presumibilmente a suffragio universale, i quali avrebbero missione di riformare la costituzione, di promulgare un nuovo Statuto, il quale non fosse la concessione «volontaria» di un qualsiasi Carlo Alberto, ma la libera espressione della «volontà popolare».

Ne parlarono i repubblicani verso il 1900, quando il parlamentarismo ne aveva smorzato lo spirito rivoluzionario e la fede nell'insurrezione. Poi non se ne fece nulla, perchè la monarchia si sentiva abbastanza solida per permettere che ei mettesse in discussione la sua esistenza, anche essendo sicura che la Costituente non avrebbe fatto che rinforzarla dandole il crisma della consacrazione popolare.

Ne parlarono i socialisti subito dopo la guerra; o poi lasciarono andare, perchè temevano che ne risultasse una repubblica borghese. Preferirono tenersi la monarchia borghese e militarista!

Ora ne riparla l'*Avanti!*, il che vuol dire che fra i socialisti «anticollaborazionisti» si fa strada di nuovo l'idea che il regime si può cambiare mediante un voto parlamentare senza che la piazza in fermento lo voglia e lo imponga.

A me pare che il miraggio della Costituente sia ancora un mezzo per addormentar la gente con vane speranze ed allontanare il necessario scoppio rivoluzionario.

Io, lo si sa, sono anarchico e quindi non posso essere repubblicano. Abborro la repubblica borghese, quanto abborro la monarchia, e non credo nella repubblica «sociale» o magari socialista.

Però credo che, nelle condizioni presenti, l'abbattimento della monarchia, qualunque fosse il gridu iniziale, aprirebbe la via ad un periodo rivoluzionario che potrebbe condurre il paese molto in alto e molto lontano.

Quindi non sono contrario alla Costituente perchè temo che essa metta capo ad una repubblica borghese. Le sono contrario perchè l'invocarla è una semplice burletta.

La Monarchia non la permetterebbe, perchè oggi essa si appoggia sul fascismo e rifà il seguo di Umberto I. Ma se la Monarchia lo permettesse — e sarebbe intelligente da parte sua il permetterlo — i deputati alla Costituente sarebbero su per giù quelli che sono ora i deputati al Parlamento, o più reazionari ancora; e ne risulterebbe la glorificazione della Dinastia. Semplicemente.

Perchè la Costituente possa dare dei risultati utili, bisogna che ci sia prima abbattuto il regime e cambiato di fatto, insurrezionalmente, le condizioni politiche ed economiche ed i rapporti tra le classi sociali.

La Costituente non può essere un sostituto dell'insurrezione. E se bisogna fare l'insurrezione, a che scopo baloccar la gente colla propaganda per la Costituente?

E. M.

Attentato ad una caserma delle R. Guardie

a Girgenti

GIRGENTI, 7

(S. B.). — Questa notte ignota mano lanciò una bomba sopra il tetto della caserma delle Regie Guardie. Si vede che la bomba non era grossa perchè produsse soltanto la rottura di alcune tegole e lo sprofondamento di un pezzo di tetto. La caserma è situata in mezzo a moltissime case di prostituzione e la pubblica sicurezza ha effettuato una diecina di arresti fra le disgraziate venditrici di amore ed i relativi.... amanti.

Perchè i tutori dell'ordine borghese non si mettano anche in testa di fare una retata di elementi rivoluzionari... tanto per non deviare dalla consuetudine.

I fascisti imputati di assassinio

vengono assolti

FERRARA, 9

I fascisti denunciati quali presunti autori dell'assassinio del fornaio Borghetti e cioè Berganini Giovanni, Bonetti Gaspare, Cerioli Umberto, Ferretti Gaetano, Ludergnani Otione e Vasi Edgardo, sono stati tutti assolti in istruttoria.

***

PIACENZA, 9

Due fascisti Marsello Tacoli e Mario Alimeri, accusati dell'assassinio del socialista Lodovico Gavazzi, sono stati assolti.

Commenti :: ::

"Puri zeri,,

Un discepolo del Gentile, Carlo Curcio ci rivela una cosa straordinaria, nel suo libro «*L'Idea liberale*». Che la filosofia, l'arte la critica, la storia, ecc. siano «atti puri» l'ha detto Gentile e l'hanno ripetuto tutti i discepoli della tribù idealista-assoluta; ma il Curcio fa di più: ci annuncia che lo Stato «non ha partiti, non sette, non uomini, ma una idea, che è l'eterna idea della libertà e della vita viveute». Anche lo stato liberale è un atto puro del pensiero! Io, lo confesso, non capisco. E non capisco il prof. Guido Manacorda quando, in un suo libro uscito quest'anno dice: «Tutto e Nulla non sono miei momenti dialettici, nè io la loro sintesi; ma piuttosto addendi che sovrapponendosi, senza mai congiungersi nè confondersi, formano la mia somma. Io sono infatti il puro Infinito più il puro Zero».

E non lo capisco quando, scrivendo della relazione tra Tutto e Nulla dice che «graficamente potrebbe essere al più rappresentata con una serie di punti sospensivi. Ancora meglio, da uno spazio vuoto, che sonasse invito al meditativo lettore, di riempirlo col più profondo dei silenzi e con la più vertiginosa delle ebbrezze».

Parole o idee? Non lo so. Il prof. Manacorda è un «puro zero»? Gli credo. Ma questi «puri zeri» che credono nello Stato «atto puro» mi fanno l'impressione di compilatori di *rebus*, che servono per tutti gli imbecilli che non li capiscono, ma che fingendo di capirci, si dicono... idealisti puri e bruciano incenso alla eccelsa filosofia della scuola di Gentile, eccelsa fin che si vuole, ma incomprensibile. Almeno per me.

Così parlò Baudelaire, il piccolo

Gli individualisti, o, per meglio dire, certi individualisti, hanno una simpatia particolare per la filosofia [illegible] e per la letteratura decadente. In una rivista individualista un dicias[illegible] settenne Unico, scrisse, qualche [illegible] fa, che per avere ispirazione poetica sarebbe stato disposto a bruciare una città come Nerone. Il ragazzaccio non era così malvagio. Era semplicemente ubbriacato dalle frasi di Nietzsche.

Che ci siano delle giovani crisalidi, dei fabbricatori di paradossi misantropi non mi stupisce. Quello che mi stupisce è che certi aborti letterari e filosofici trovino ospitalità nella stampa nostra. Esempio: *Il Proletario* periodico anarchico di Pontremoli, nato per propagandare le idee nostre, pubblica un saggio letterario che comincia così: «Io sono un poeta strano e *maledetto*.

Tutto ciò che è *anormale* e *perverso* esercita su me un morboso fascino».

Il mio spirito — farfalla velenosa dalle sembianze divine — è [illegible] tratto dai peccaminosi profumi che emanano i fiori del male».

Un anarchico che ama tutto ciò che è *anormale* e *perverso*, sia [illegible] dotato di uno spirito dalle sembianze divine, cosa certamente eccezionale, non lo capisco. Forse io sono troppo poco letterato per capire certe finezze letterarie, ma tuttavia credo di dire mandare ai compagni di Pontremoli il vostro giornale vuol fare della propaganda anarchica? Vuole [illegible] una palestra di dibattiti positivi? O vuol fare della letteratura? *Il Proletario*, lo dice il titolo, esce per [illegible] si leggere da lavoratori, i quali, per fortuna, non hanno subito l'influenza di Baudelaire e possono credere che certi sfoghi letterari siano fatti [illegible] serio. La qual cosa non li disgusterebbe certamente bene verso gli anarchici, che non sono *farfalle velenose*, ma uomini che amano e che lottano per il bene. E quando odiano, odiano perchè amano con passione.

Il galtardo

Dopo la condanna di un compagno

Da Crevacuore, il compagno Natale Pri[illegible] ci scrive pregandoci di ringraziare i compagni pro V. P. di Vercelli, Novara e dintorni per l'assistenza datagli in occasione dei due processi subiti il 14 e 23 [illegible] u. s. a Vercelli, e dichiara che le condanne inflittegli non lo hanno affatto fiaccato, spronandolo invece a maggiore fede e [illegible] nella lotta per l'anarchia.

Abbonatevi a "Umanità Nova

BEST COPY AVAILABLE

404

890627005

The Emma Goldman Papers

Persecution of Russian Anarchists: An Appeal to International Labour / Emma Goldman, *et al.* — pp. 57-58 ; 34 cm. *In* Freedom [London]. —(Aug. 1922).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Persecution of Russian Anarchists.

AN APPEAL TO INTERNATIONAL LABOUR.

A most vital question has of late been agitating the minds of the workers—the question whether the Bolshevik Government of Russia, and the Communist Party directing it, are still revolutionary and inspired by the best interests of the proletariat.

If in the past opinions were divided on this question, no doubt can remain *now* as to the true character of the Bolshevik régime. Every intelligent worker who has followed the evolution of the Bolshevik Government must have been forced to the conclusion that the Bolsheviki have long since lost their revolutionary character, that the ideals and purposes of the October Revolution have been sacrificed, and that the sole aim of the Bolshevik Government *now* is to make peace with Capitalism and the international bourgeoisie.

One by one the great aims and objects of the October Revolution have been compromised and betrayed, literally sold on the market of International Capitalism. In its foreign as well as its home policy the Bolshevik Government has at last achieved equality with the other great Powers. It follows the same purposes and ends, uses the same means and methods as any other capitalistic Government, acknowledges the "benevolent humanity" of existing Governments, shakes hands with kings and popes, and sits at the common table with the oppressors and exploiters of the international proletariat.

Is any one so blind as to believe that this terrible betrayal of the Revolution is prompted by the best interests of the Russian people? Is there any one to believe that the Revolution may be betrayed to save the Revolution? That the workers may be enslaved to Capitalism for the benefit of the proletariat?

It is high time to distinguish clearly between the true interests of the people of Russia and the game played by the Bolshevik Government. The Russian Revolution—the labouring masses of Russia and their revolutionary ideals—is *one* thing; the Bolshevik Government is *another* thing, and a very different one. The Communist Party has exploited the Russian Revolution to possess itself of political power. Now the sole aim of the Bolshevik Government is to *retain* that power. Therefore it is sacrificing the last vestiges of the Revolution to secure the recognition of the other Governments of the world.

Let no man ever again confound the Bolshevik régime with the working masses of Russia and their great Revolution.

At home and abroad the Bolshevik Government is following the same exclusive object: to secure itself as the only and absolute power in Russia. It is in pursuit of this aim that Bolshevik emissaries are dancing attendance upon kings and capitalists abroad, while at home every liberty of the people is crushed and the last spark of revolutionary spirit stifled with ruthless hand. Political recognition abroad cannot make peace with revolutionary effort at home. Therefore every revolutionary word and thought is now being crushed with greater severity than ever before. The workers of Russia are being hopelessly enslaved to the resurrected bourgeoisie, chained to the chariot wheel of private and State capitalism, and their every protest stifled by the iron hand of an autocratic Government masquerading as the Dictatorship of the Proletariat. Nothing is more dangerous to a revolutionary party in its evolution towards reactionary government than the revolutionary forces of the country. For that reason the best revolutionary elements are being hounded with veritable Asiatic ferocity and exterminated root and branch.

The wholesale arrests of revolutionists of every party, the much-heralded trial of the Social Revolutionists, and the continuous flood of denunciation and accusation poured by the Bolshevik press throughout the world upon every critic of their régime—these are links in the chain of Bolshevik reaction that is being wound ever tighter around the bleeding body of the betrayed Russian Revolution and the people. But most barbaric of all is the persecution of Anarchist thought and ideas in Bolshevik Russia. Indeed, with reason: for Anarchists, as the most uncompromising revolutionists and staunchest defenders of the revolutionary ideals and aims, are the most dangerous enemies of Bolshevik tyranny and the greatest handicap to its reactionary work.

From the dungeons of the Tcheka, from the prisons and jails of Bolshevik Russia, the cry of our comrades for help is sent to the workers of Europe and America. None more hounded and tortured, none in greater need of the solidarity of the international proletariat than the martyred Anarchists of Russia. With their blood they had sealed their devotion to the Revolution. By the thousand they had died for it in every revolutionary struggle and on numerous fronts. Scores of them have been shot by the Whites, and no less of them fell by the hand of the irresponsible Tcheka. Now numbers of them are languishing in the prisons of the Bolsheviki or slowly dying of the dreaded *tsinga* and hunger in exile in Turkestan or in the the frozen Archangelsk regions. No crime can be charged against them, no accusation brought, save devotion to the ideals of the Revolution and their loyalty to the interests of the working masses of Russia.

No other persecuted revolutionists have greater claim upon, or more need of, the aid of the workers of the world. Other Socialist elements may depend upon the help of liberal and reformist political parties outside of Russia. Thus the protest of the liberal public sentiment of Europe has saved the lives of the arrested Social Revolutionists in Russia, and forced the Bolsheviki to stay their murderous hand and bring the accused before a public tribunal. But the Anarchists, Anarcho-Syndicalists, and other Left Wing revolutionists are never given even that modicum of justice. They receive no trial, and are frequently shot without any charges brought against them.

The situation with regard to our comrades in Russia has reached a point that demands the most prompt and energetic action by the organised labour of the world. Only the workers possess the power to force the Bolsheviki to change their tactics with regard to the Anarchist and Anarcho-Syndicalist movement of Russia. Most of the Anarchists and Anarcho-Syndicalists are in prison or exile now, and only a few days ago word reached us of new arrests of our comrades in Petrograd and Moscow.

None but framed-up charges, irresponsible accusations of "banditism," have been brought against our comrades arrested long ago, such as Askaroff, Olga Taratuta, A. Baron, or the murdered Lev Tchorny, and others. Just so it may be expected that similar fake charges will be manufactured against the newly arrested comrades, among whom are such tried revolutionists as Rubinchik, of the "Golos Truda"; Kolabushkin, upon whom for years rested the responsibility of supplying Petrograd with fuel; Nikitin, his assistant, and a number of others.

It is the evident intention of the Bolshevik Government to exterminate the last vestige of revolutionary thought and effort in Russia, and it is up to the workers of the world to cry "Halt!" to this heinous work.

International Labour has the power to accomplish its will. The Communist Party of Russia, and with it the Communist parties of all other countries, are clamouring for the *United Front of Labour*. Well, then, let them give the first proof of their sincerity by ceasing their persecution of revolutionary Syndicalism within Russia! The Communists seek the co-operation of the revolutionary Syndicalists in Europe and America. Let the *first* and *sine qua non* condition of such co-operation be the *immediate Liberation of all Revolutionary Political Prisoners* under the Bolshevik régime. Shame upon a would-be "revolutionary" Government whose prisons are filled with political and labour prisoners, and that at a time when civil war is at an end and when the Government is making peace with Capitalism and the bourgeoisie.

Workers of the world, let your motto toward Russia be: *Liberty, immediate and unconditional, for all Revolutionary Political Prisoners!*

The cause is noble, the time urgent. It is the duty of every Labour organisation, every revolutionary Union and Syndicalist body, and of all revolutionary organisations in general, to take immediate action in this matter. The spirit of the Revolution is calling to you, the needs of revolutionary Labour solidarity demand it of you.

With a view to effective co-operative effort, we submit the following suggestions for the consideration of every organisation:—

1. *A Release Week* to be organised and carried out in every country, during which week public meetings are to be held and resolutions passed demanding the liberation by the Bolshevik Government of all revolutionary political and labour prisoners.
2. Copies of the *Resolutions* to be forwarded to the chief Russian representatives, trade and political, in the given city and country. Copy of resolutions also to be sent to the local Communist branch, and to the International Secretary of the

405

890627005

The Emma Goldman Papers

Persecution of Russian Anarchists: An Appeal to International Labour / Emma Goldman, *et al.* – pp. 57-58 ; 34 cm. *In* Freedom [London]. –(Aug. 1922).
Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Russian Release Initiative Committee at the following address: *Fritz Kater, Kopernikusstr. 25 II., Berlin O. 34.*

3. Registered copy of resolutions to be forwarded to each of the following:—Central Committee of the Communist Party, Moscow; Chairman of the Executive Committee of the Third International, Moscow; General Secretary of the Executive Committee of the Red Labour International, Moscow; Secretary of the Central Council of the All-Russian Trade Unions, Moscow; the All-Russian Central Executive Committee of Workers' and Peasants' Soviets, Moscow; Lenin, President of the Soviet of People's Commissars, Kremlin, Moscow.
4. A systematic press campaign to be initiated in every country in behalf of *Russian Political Release.*
5. An International Syndicalist Committee to be organised for further work in this direction. The Committee to consist of representatives of the revolutionary Syndicalist and Labour bodies, two from each country.
6. The demand to be made upon the Bolshevik Government that the arrested be given public trial, at which they must be entitled to be represented by legal aid of their own choosing, including legal representatives from other countries.
7. The International Syndicalist Committee (paragraph 5) should have the right of entry to Russia, personally or for its representatives; full liberty and facilities for investigation of all cases of arrested revolutionists, representatives at hearings and trials, as well as unhampered communication with the arrested, their witnesses and friends.
8. The matter of Russian Political Release to be put on the agenda of every coming National and International Labour Congress.

With fraternal greetings,

LEONARD D. ABBOTT, ALEXANDER BERKMAN, C. J. BJORKLUND, MICHAEL COHN, SEBASTIEN FAURE, EMMA GOLDMAN, T. H. KEELL, HARRY M. KELLY, G. MAXIMOFF, MAX NETTLAU, R. OESTREICH, WM. C. OWEN, ANGEL PESTAGNA, PIERRE RAMUS, RUDOLF ROCKER, A. SCHAPIRO, VOLINE.

[*The following countries are represented by the above Comrades: U.S.A., Sweden, France, England, Russia, Germany, Austria, Spain.* At the time of publication other countries had not sent in their replies.]

"Umanita Nova" and Ourselves.

We regret exceedingly that a paragraph in our Italian notes last month has given offence to our good comrades of *Umanita Nova.* In dealing with the complaints of fathers in Italy that their sons, originally conscripted for eight months only, had been kept with the colours for eighteen months, our contributor wrote: "*Umanita Nova* solomnly counsels patience. 'The Genoa Conference has been working for peace.'" This, of course, was intended for gentle sarcasm, aimed at the fretful fathers. But our comrades in Rome have taken it seriously, that we meant they really had counselled patience. We thought the gibe about the Genoa Conference, which was quoted from *Umanita Nova,* made the sarcasm plain to every one. But as our comrades have not read it in that light, we hasten to assure them that we had no intention of misrepresenting their attitude, and have always appreciated their efforts to stimulate active resistance to the oppression of the Government and the capitalists.

AN APPEAL FOR "FREEDOM."

We are pleased to say that now that comrades realise the danger of FREEDOM'S position they are coming to the rescue. We want £50 more in the next two months to keep us off the rocks, and we hope all our readers will do their utmost to raise that amount. The following sums have been received since our last issue:—

Isaacson 4s. 3d., T. S. Crosby 4s. 3d., H. G. Russell 10s. 6d., G. A. R. (Bath) 1s., Blanco 2s., H. Compton 2s. 6d., Per G. W. Tindale 10s., Wm. C. Owen £1, F. Goulding 1s., R. Gundersen 2s. 6d., Morris 10s., Mouri £1, G. P. 1s., K. Siebel 4s., A. G. Barker £1, W. M. S. 2s. 6d., Shtiglitz 1s. 6d., M. Lenoble 2s. 6d., Isenstone 1s., Levy 2s. 6d., L. G. Wolfe £1, Proceeds of Tea Party £5 18s. 7d., A. Sanders 2s., Bristol Comrades 10s., E. R. £5, A. J. R. 10s., A. D. Moore 2s., Norwich Comrades 10s., W. H. Sikes 10s. 9d.

Fabbri Answers Bucharin.

Nicola Bucharin is a prominent figure in the Russian Communist Party, and Arthur Ransome picks him as one of the two men most likely to succeed to Lenin's place. According to Ransome, he comes of a noble family and is extremely well educated, being the author of numerous propaganda books and pamphlets. The latest of these works is entitled "Anarchism and Scientific Communism," and its publication has wrung from Luigi Fabbri, author of "Dictatorship and Revolution," a powerful reply.* Such a reply had to be made, not on account of Bucharin's personal importance, nor on account of the extraordinary virulence of his attack, but because the Communist Party in Italy had seen fit to distribute his book broadcast among the masses. In the interest of the masses we are bound to expose misrepresentations so gross and venomous, the more so as the party's editors recommend Bucharin's work as one "of marvellous clarity, which grinds to dust the inconsistencies and absurdities of Anarchism's doctrines."

The first part of Fabbri's answer is devoted mainly to quotations from Bucharin's book—the fairest method of controversy that can be adopted, since it allows the opponent to justify or convict himself out of his own mouth. And the first quotation is from Bucharin's opening statement, in which he declares emphatically that he is not "conducting a polemic against the Anarchists as being law-breakers, criminals, bandits, etc." After which he kindly remarks that "from the Anarchist groups come those who expropriate that they may fill their own pockets," and that "around the Anarchists crime gathers." Whereto he adds indignantly that "they are exploiting the Revolution for their own personal advantage."

Bucharin then explains that Anarchism is "a product of capitalist society in dissolution"; that it is "a species of infection which spreads chiefly among the social mill-dust, among atomised individuals who have become de-classed, who exist solely for themselves, who do not work, who are organically incapable of creating a new world and new values; proletarians, petty bourgeois who have been ruined, intellectual decadents, impoverished peasants, and so forth." A little further on he speaks of the "lazy and vagabond proletariat—the ragged Plebs"; and he decides that it is they who furnish Anarchism with its "social basis."

Somehow it does not look to us much like an argument, and we imagine that those of our readers who may be in the habit of attending Communist Party meetings will recognise the style. Nevertheless it leads up to a conclusion which is nothing more than this—"All the other strata among the poorer classes are capable of becoming agents of the Revolution only in proportion as they follow the proletariat's lead." He then defines "proletariat" as being that section of the workers "which has been welded together by the mechanism of production on a grand scale."

Most properly Fabbri pays scant attention to this absurd painting of the Communists as self-sacrificing angels and of the Anarchists as heartless fiends. As to that he is content to trust the judgment of the masses and to allow the record to speak for itself. He points out, however, that the contention that all the world must take orders from the big-workshop workers is the very development against which Bakunin warned us, his prophecy being that a small minority of industrial operatives might seek to exploit and dominate the masses of the poor. Has the evolution of the Trade Union movement given us no hint of that as a possibility? Have we forgotten how *Vorwarts* and other leading Social-Democratic organs were accustomed, in the hour of what they conceived to be their coming triumph, to denounce and ridicule the "lumpen proletariat" as no fit comrades for the organised, class-and-party-conscious worker? This Dictatorship ambition has not sprung suddenly into birth. Its gestation has been a long one, and all the steps in its evolution can be easily traced.

Having for his philosophy this scorn of the individual who is not so fortunate as to be in the service of Big Business, it was perhaps inevitable that Bucharin should commit himself definitely to the statement that "the Anarchists join hands with the bourgeoisie and those parties that are co-operating in their opposition to the proletariat's power." Fabbri waves it aside contemptuously as being rubbish, and so do we. The actual fact, of course, is that Socialism

* *Anarchia e Comunismo "Scientifico."* By Luigi Fabbri. Con una Appendice di Errico Malatesta. Milano: Libraria Editrice "Tempi Nuovi," Via Goldoni 3.

406

870916023

The Emma Goldman Papers

[The Bolsheviks and the Russian revolution. In Spanish] Los Bolcheviquis y la Revolución Rusa. Parts 1 and 2 / Emma Goldman.— pp. 3-4 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. —(Aug. 7, 1922).

Obtained from the Biblioteca Popular "José Ingenieros," Buenos Aires, Argentina.

pies. Llenos de toda experiencia, no tenemos por qué volver la cabeza hacia atrás. Para nosotros sólo el Futuro existe y es que las fantasías más alucinantes se encienden en nuestros cerebros. "La locura de los valientes, he ahí la sabiduría de la vida", nos susurra alguién al oído. Y al contemplar, a través de nuestros anhelos transfigurados, el gigante de las mil cabezas que tiene aherrojado el mundo, nos resulta un purgatorillo. Es, en esos momento, cuando el símbolo de David y Goliath, nos resulta simple y muy natural. A todos nos abrasa el deseo de ser el héroe rubio que de un hondazo abatió al invencible enemigo. Y es entonces cuando todos estamos convencidos que hemos venido al mundo para ser protagonistas singulares de una epopeya. Creemos que universalmente se esperan nuestras hazañas y nos las exigen.

Y bien, sí. Así debe ser. Jóvenes, tenemos la obligación de ser heróicos. La barca pronta a hundir su proa en lo Desconocido, es nuda invitación que no podemos desdeñar. Y nadie debería ponernos trabas, porque somos las tropas de refresco que renovamos el espectáculo magnífico del ataque. Es cierto que los demás, con su fuerza inerte contienen al enemigo; mas somos nosotros los encargados de lograr nuevas ventajas. Nosotros somos quienes debemos lanzarnos hacia el futuro. Retenernos, es crimen de lesa humanidad. Dejad, pues, que nuestras primaveras florezcan con todos sus caprichos y todas sus locuras. Nuestra cargo de juventud lo es de flores que inevitablemente han de caer sobre vuestras valezas encanecidas. No nos mahgreís la única ocasión de ser buenos, de ser esforzados, bellos, en fin. Sabemos que hemos de retornar al mal. Sabemos que inexorablemente, a la postre, hemos de ser sus esclavos. Por ello, dejad que la eclosión sea con toda su pujanza. Pensad que el año, como la existencia, una vez solo da flores. Crecel en nosotros. En nuestra sinceridad alumbramos. Y el aliento perfumado de cien primaveras rejuvenecerá vuestras almas...

A pesar de todo, no os imaginéis que ignoramos la Vida... Cruel y despiadada, sabemos que, en ella, todo es lucha y guerra sin cuartel. Y no es la grupa, por cierto, lo que le enseñaremos. ¡No! Nuestros pechos tienen ansias de herirse. "Un fruto cuajado supone mil flores heladas", dice Benavente. ¿Qué importa? No es de lo que se pierde de lo que se trata, sino de lo que se gana. Quien dice que ya no son posibles los milagros? Todo es posible. Basta, en el momento dado, querer fuertemente. No es de duda nuestra situación, sino de embestida. Haced que lo irreparable lo sea más, y dejad que una alegre aquiescencia nos acompañe y, entonces, nuestra barca cuartelada de ansias, de angustias y ensueños, será triunfal ariete golpeando lo incognoscible.

A.T.

Los bolcheviquis y la Revolución Rusa

Cómo el bolchevismo mató la Revolución Rusa

I

Durante los dos años que he pasado en Rusia aparecieron repetidamente en los diarios americanos artículos que han hecho pasar como entrevistas conmigo. Algunos decían que me había transformado políticamente, que no creía más en la revolución y que había aceptado la idea de gobierno. Un diario hasta publicó una noticia sensacional a propósito de una banderita americana que habría puesto en mi habitación, y bajo la cual, se decía, había erigido un altarcillo. Por poco me habría convertido en una Magdalena arrepentida por los pecados cometidos contra el gobierno americano.

Todo esto, naturalmente, no tiene fundamento alguno. Nunca estuve más convencida, en mi vida, de la verdad de nuestras ideas, nunca en mi vida tuve mayor prueba de la lógica y de la justicia del anarquismo. Pero nunca concedí entrevistas a nadie porque me fué necesario más de un año para formarme una opinión sobre la situación trágica de Rusia.

Consideraba entonces, y considero aún, que el problema ruso es demasiado complejo para poder hablar de él ligeramente. Y es precisamente por esto que encuentro superficiales todos los libros escritos por personas que fueron a Rusia solamente por pocas semanas, o también por pocos meses.

Mientras yo misma anduba a tientas en la obscuridad, no quise expresar ninguna opinión para el público. Pero aun cuando hubiera tenido una opinión para expresar no la habría confiado a los periodistas. Sentía el deber de callar mientras las fuerzas combinadas de los imperialistas intentaban estrangular a Rusia.

Más de treinta años de práctica con los periodistas burgueses no me han convencido aún de su sinceridad, a pesar de las poquísimas excepciones.

Pero la hora del silencio ya ha pasado. Quiero, por lo tanto, narrar lo que he visto. Sé que seré mal juzgada, tanto por los reaccionarios y los enemigos de la revolución rusa, como por los que se dicen amigos y que se empeñan en confundir con la revolución el partido gobernante en Rusia.

Es necesario que yo establezca mi posición frente a unos y otros.

***

Hace cuatro años el gobierno de Estados Unidos me trataba de delincuente, arrancándome del hogar y deportándome en el corazón de la noche. Esto porque me atreví a alzar la voz contra la guerra. Había entonces preanunciado el cataclismo que la guerra traería al mundo, la destrucción, la ruina, la espantosa pérdida de vidas humanas.

Muchos de aquellos que fueron fautores de la guerra están ahora de acuerdo con nosotros y admiten que la guerra ha sido querida y financiada por un hatajo de charlatanes en provecho exclusivo de los poderosos. La "guerra por la democracia", la "guerra contra la guerra" había sumergido al mundo entero en un infierno.

Ahora el espectro del hambre pasa por todas partes, mientras los que se enriquecieron y se hicieron poderosos sobre los restos de los héroes ignotos, se inclinan ante los nuevos tiranos. No satisfechos con la matanza de millones de seres humanos, han convertido el mundo en una fortaleza, en un vasto penitenciario, donde las libertades de los pueblos, ganadas durante siglos de lucha, están completamente deshechas.

La América democrática, que una vez fué llamada "la tierra de los libres, la patria de los valientes"; Inglaterra, antes asilo de los rebeldes del mundo entero; Francia, cuna de la libertad, y muchas otras naciones más pequeñas, no son ahora más que un desierto espiritual y moral y sus puertas, un día abiertas a todos, están ahora cerradas y selladas.

Sólo los lamentos y las imprecaciones de la multitud de desocupados y los gritos de los prisioneros políticos turban el silencio de este sepulcro del pensamiento.

Nuestros gobernantes pueden felicitarse de su obra. Su conspiración los salió a pedir de boca. Su tiranía se ha plantado firmemente sobre el cuello de los pueblos del mundo. Han vencido. Pero no completamente, puesto que ahí está Rusia.

La alta banca y el militarismo no habían contado con la revolución rusa. ¡Qué falta de sensibilidad ha de del pueblo ruso! ¡Hacer una revolución que hubiera podido incendiar al mundo entero, precisamente cuando los provechos de la guerra eran mayores y el imperialismo estaba seguro de triunfar! Era necesario hacer algo para castigar tanta "desfachatez"!

Durante la guerra contra Alemania, la engañadora palabra de orden se resumía así: "No queremos la guerra contra el pueblo alemán, sino contra el militarismo alemán y el imperialismo".

El mismo estribillo hipócrita lo oímos hoy en la cruzada decretada contra la Revolución Rusa: "No contra el pueblo ruso, sino contra los bolcheviquis, que han instigado la revolución".

Y empezó la campaña contra Rusia. Los nuevos interventores masacraron millones de rusos, el bloqueo llevó el hambre a centenares de miles de mujeres y niños y Rusia fué convertida en una inmensa llanura de desesperación y de agonía. La revolución fué aplastada y el régimen bolcheviqui se reforzó inmensamente. Este fué el resultado tangible de cuatro años de conspiración imperialista contra Rusia.

¿Cómo sucedió esto? Fué una cosa simple. El pueblo ruso, que por sí solo había hecho la revolución y estaba dispuesto a defenderla a toda costa contra los invasores, estaba demasiado ocupado en todos los frentes para poder preocuparse del enemigo interno. Y mientras los obreros y los campesinos rusos sacrificaban su vida con tanto heroísmo, el enemigo interno se desarrollaba cada vez más. Lenta pero seguramente, los bolcheviquis iban constituyendo un Estado centralizado que destruía los soviets y sofocaba poco a poco la revolución; un Estado que, como burocracia y despotismo, puede hoy parangonarse con cualquiera de las grandes potencias opresivas del mundo.

De las observaciones que he hecho en dos años de estudio de las condiciones y de la situación rusa he llegado a la segura conclusión de que si el pueblo ruso no hubiera estado continuamente amenazado por el extranjero se hubiera dado cuenta a tiempo del peligro, como se dió cuenta del que provenía de los Kolchak, los Denikin y otros iguales a ellos. Libre de los ataques contrarrevolucionarios, el pueblo habría visto claramente las verdaderas tendencias del Estado comunista y su absoluta incapacidad para reconstruir a la Rusia arruinada.

Las mismas masas habrían empezado a infundir nueva vida en las paralizadas energías sociales del país. Puede ser que también el pueblo cometiera errores. Pero al mismo tiempo habría aprendido a contar sobre sí mismo, sobre su propia fuerza y sus propias energías, las únicas que hubieran salvado a la revolución.

Y se debe a la estupidez criminal de algunos ex revolucionarios que gritaban por la intervención en Rusia, y a los capitalistas que pagaron y organizaron esa intervención, que la revolución rusa, el más grande acontecimiento de los siglos, haya sido derrotada.

A ellos se debe también si los bolcheviquis, cubiertos con el manto de la persecución, pueden continuar presentándose como símbolos de la revolución social.

Ahora yo hago pública esta ilusión fatal. No porque haya perdido la fe en la revolución, sino porque las revoluciones futuras están condenadas a un fracaso seguro si eso que Lenin llama comunismo militar fuese impuesto al mundo. Y no se crea que yo haya hecho la paz con los gobiernos porque ahora denuncio el mal que el régimen bolcheviqui ha hecho a la revolución rusa.

Al contrario; es porque la experiencia de Rusia, más que cualquier teoría, ha demostrado a la luz meridiana de los hechos que todos los gobiernos, cualesquiera sean su forma y su programa, no son más que un peso muerto que paraliza el espíritu libre y la iniciativa de las masas.

II

La revolución rusa como cambio radical del sistema económico y social para establecer el Comunismo debe considerarse ahora como un fracaso.

Al apreciar los diversos factores que sofocaron la revolución no basta con mostrar el juego de los elementos contrarrevolucionarios. Es cierto que sus delitos son tan odiosos como para condenarlos por toda la eternidad. Estos "patriotas" rusos — monárquicos, cadetes, socialistas revolucionarios de la derecha— llenaron el espacio con sus pedidos intervencionistas. ¿Qué les importaba a ellos que millones de compatriotas suyos y millares de víctimas inocentes fueses muertos en su infame guerra contra Rusia?

Ellos vivían en perfecta seguridad; ni las balas de la Che-ka, ni la obra devastadora del hambre y del tifus podían alcanzarlos. Les costaba poco la partida patriótica. Pero todo esto es archisabido y no necesita ulteriores ilustraciones. Se sabe que los rusos y los aliados intervencionistas no eran los únicos actores en el gran drama social que acabó con la muerte de la revolución rusa. Los otros actores eran los mismos bolcheviquis. Es de su parte que quiero hablar ahora.

Quizá la revolución rusa estaba condenada desde su nacimiento. Surgida después de cuatro años de guerra, que privó a Rusia de cuanto tenía de mejor, derramó la sangre y devastó la tierra, la revolución quizá no habría tenido fuerza para resistir y vencer el ataque furioso del resto del mundo.

Según los bolcheviquis, el pueblo ruso, sí bien bastante heróico para las grandes revueltas carece de la necesaria perseverancia para hacer frente a las grandes y penosas exigencias cuotidianas del período revolucionario. No creo que esto sea cierto. Pero admitido que así fuese, yo insisto en decir que no fueron tanto los ataques en la frontera cuanto los métodos inhumanos y crueles vigentes en el interior los que mataron la revolución y pusieron el yugo del despotismo sobre el cuello del pueblo. Los sistemas marxistas de los bolcheviquis, las tácticas primero declaradas indispensables, luego abandonadas después que trajeron miseria, desconfianza y antagonismo, fueron los factores que lentamente minaron la fe del pueblo en la revolución.

Y si hubiera una duda sobre lo que constituye el mayor peligro para una revolución — ataques exteriores o iniciativas del pueblo paralizadas en el interior — el experimento ruso debería desvanecerla. La contrarrevolución impulsada, organizada, financiada por los aliados fracasó miserablemente; no tanto a causa del heroísmo del Ejército Rojo como por el entusiasmo del pueblo mismo que luchó y rechazó todos los ataques. Y sin embargo, la revolución rusa está en la agonía. ¿Cómo se explica este fenómeno?

Las causas principales no hay que ir a buscarlas lejos. Si una revolución debe sobrevivir frente a la oposición y a los obstáculos, es necesario ante todo que la antorcha de la revolución sea mantenida siempre alta delante del pueblo; es necesario que éste sienta junto a sí los latidos del pulso de la revolución. En otras palabras, es necesario que las masas sientan continuamente que la revolución es su obra, que ellas participan activamente en el trabajo ingrato de la organización de la vida nueva.

Por un breve período después de la revolución de octubre, los obreros, los campesinos, los soldados y los marineros fueron verdaderamente dueños de la revolución. Pero bien pronto la invisible mano de acero del Estado comunista empezó a desviar la revolución, a separarla del pueblo y a hacerla servir a sus fines.

Los bolcheviquis son la orden jesuítica de la iglesia marxista. Y no es que carezcan de sinceridad o que sus intenciones sean malas. Es su marxismo que ha determinado su programa, sus métodos. Esos mismos métodos que tuvieron por consecuencia destruir el fin a que tendían. Comunismo, socialismo, igualdad, libertad, todo aquello por lo que las masas rusas habían sufrido tanto martirio, fué desacreditado, enajenado por sus tácticas, por su frase jesuíta de que "el fin justifica los medios". El cinismo y la brutalidad tomaron el puesto de las aspiraciones ideales que caracterizaron a la revolución de octubre. Toda inspira-

BEST COPY AVAILABLE

407

870916023

The Emma Goldman Papers

[The Bolsheviks and the Russian revolution. In Spanish] Los Bolcheviquis y la Revolución Rusa. Parts 1 and 2 / Emma Goldman.— pp. 3-4 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. —(Aug. 7, 1922).

Obtained from the Biblioteca Popular "José Ingenieros," Buenos Aires, Argentina.

ción fué sofocada, se mató el interés popular, y la indiferencia y la apatía dominan. No fué la intervención o el bloqueo, sino los sistemas de política interior del Estado bolcheviqui los que apartaron al pueblo ruso de la revolución y lo llenaron de odio por todo lo que de ella emana.

"¿Para qué cambiar?", dice hoy el pueblo. "Todos los gobernantes son iguales; el pobre debe sufrir siempre". Y es este fatalismo, reforzado por siglos de sumisión, lo que ha permitido a los bolcheviquis realizar su dominación sobre Rusia. ¿Habrán apreciado ahora los bolcheviquis que no siempre el fin justifica los medios?

Es verdad todavía que Lenin se arrepiente a menudo. En cada cónclave del Partido Comunista ruso recita contrito su "mea culpa". Una vez un joven comunista me dijo: No me sorprendería si un día Lenin declarase que la Revolución de octubre fué una equivocación. Es cierto, Lenin admite sus errores, pero esto no le impide en modo alguno continuar en los viejos sistemas errados. Cada nuevo experimento es proclamado por Lenin y sus celosos colaboradores como el "non plus ultra" de la ciencia revolucionaria y política. ¡Guay de aquellos que se atreven a dudar de la eficacia o de la justicia de los nuevos métodos! Son inmediatamente señalados como contrarrevolucionarios, especuladores o bandidos.

Pero pronto Lenin se arrepiente otra vez, y escarnece a su grey llamándole estúpida por haber creído que el experimento fuese posible. Después de haber engañado durante cuatro años a Rusia y al mundo entero afirmando que en Rusia se estaba organizando el Comunismo, Lenin en el último congreso de los Soviets cubrió de ridículo a sus compañeros por su ingenuidad de creer que el Comunismo fuese hoy posible en Rusia. Y sin embargo, aún están encerrados en las prisiones aquellos que habían manifestado lo misma duda tres años antes.

Sería ciertamente interesante poder pasar en revista todos los métodos ensayados por los bolcheviquis para alcanzar sus fines; métodos de opresión del pueblo y representados como la quinta esencia del humano saber, pero cuyo resultado fué a la postre la destrucción de la Revolución. Pero en el ámbito restringido de un simple artículo no se pueda proceder a un análisis detallado de todo lo que ha hecho el Estado bolchevíquil. Así pues, sólo me referiré por ahora a los métodos más importantes y a las fases más salientes.

La paz de Brest-Litowski señala, para nosotros, el principio de todos los males que se hubieron de verificar a continuación. Fué un desmentido rotundo de todo lo que los bolcheviquis habían proclamado ante el mundo entero: paz sin indemnizaciones, independencia de los pueblos oprimidos, abolición de la diplomacia secreta. Esto no impidió a los bolcheviquis hacer la paz con el gobierno imperial germánico sin preocuparse para nada del pueblo alemán.

El precio de la paz fué la traición a Letonia, a Finlandia, a Ukrania y a Beloruisia.

Los campesinos de Ukrania y de la Rusia Blanca supieron rechazar al invasor tudesco, pero nunca han olvidado ni perdonado la traición de los bolcheviquis; sirva de prueba la permanencia en Ukrania de un millón de soldados para "reprimir el banditismo". La ratificación del tratado de Brest-Litowsk—que Trotzky se negó a suscribir y que el mismo Radek, entonces prisionero en Alemania, definía como la bancarrota de la revolución, mientras Jofe la firmaba "a ojos cerrados" — fué la señal de la larga resistencia, franca o clandestina de los campesinos de Ukrania contra el Estado bolchevíquil. Los campesinos se separaron entonces de los obreros manifestando su antagonismo por los autores de aquella paz deseada por Lenin para obtener una tregua en bien de la revolución.

Fué uno de los múltiples errores del dictador, y el más esencial de todos, puesto que con él se inició el estrangulamiento de la revolución.

Emma GOLDMAN.

Saint-Simon fué verídico, por eso tiene fama de mentiroso.

Víctor Hugo, juzgado por algunos poetas

Los libros del padre Hugo, sufren ahora en Francia una revisión que, en cierto modo, tiende a colocar al gran poeta en el lugar que le corresponde. A las exageraciones de antaño, se sucede un juicio más reposado y sereno.

La cuestión se plantea del siguiente modo: ¿fué Hugo verdaderamente un gran poeta?

Es interesante, antes de contestar a esta pregunta, exhumar el juicio que otros poetas, contemporáneos o posteriores, han emitido sobre el que en vida fué reverenciado como uno de los más grandes bardos, solamente comparable a un Homero o un Dante.

George Meredith, por ejemplo, poeta y novelista inglés, cuyo sentido crítico es considerado como uno de los más amplios y capaces de situarse en el "punto medio", ha dicho lo siguiente:

"Releyendo "Les Cimbalieps du Roi", de Victor Hugo, me he convencido que la impresión que me hiciera en mi primera lectura, era completamente acertada. La aliteración es tan persistente que el oído, después de un tiempo, se siente molesto. El poder descriptivo, es inmenso; pero por su superficialidad, diríasele el mimetismo de un ser extraordinario, cuya capacidad en reflejar las cosas de este mundo, sólo lo es de una manera pasiva, pues sus versos son como un río que corre apresuradamente, empañando el paisaje. Es un río admirable de imágenes y metáforas, y lo que le falta es música, recóndita armonía. Difícilmente se encuentra una comprensión profunda de la naturaleza humana o una observación sagaz o una simpatía ferviente con las cosas. Tampoco no percibo en él ninguna de esas sutilezas, de esos vislumbres interiores de los hombres que han viajado mucho por las tierras del Dolor. Grandes bases llenas de viento e imágenes de gran vuelo decorativo — que si me cautivaron cuando era joven hoy ya no me satisfacen.

Sin embargo, un libro hay que me parece el más vivido. Es "Los trabajadores del Mar". La tempestad que se describe es verdaderamente de un poder arrebatador. Nunca he leído nada parecido. Es un cuadro que por su fuerza y vivacidad, hace palidecer la naturaleza. Hugo, con las olas del mar abofetea el cielo, entonando un himno que es una demostración de lo que él puede con los elementos, indudablemente, es el más grande hijo de la Madre Tierra. Su concepción es magnificadora y su poder de realización maravilloso.

Pero no es un filósofo. Y es una desgracia, porque con un cerebro filosófico y su asombrosa energía retórica, hubiera podido ser el poeta más grande de todos los tiempos".

Si este juicio pudiera parecer severo, viniendo de un hombre que por su educación y el ambiente en que se desarrollara era necesariamente el antípoda de un poeta como Victor Hugo, escuchemos lo que dice Anatole France:

"Hugo es desmedido porque no es humano. El secreto de las almas jamás le fué revelado. No es apto para comprender ni amar. El siente con el instinto, por eso quiere asombrar. Por mucho tiempo pudo hacerlo, pero ¿es que se puede siempre?

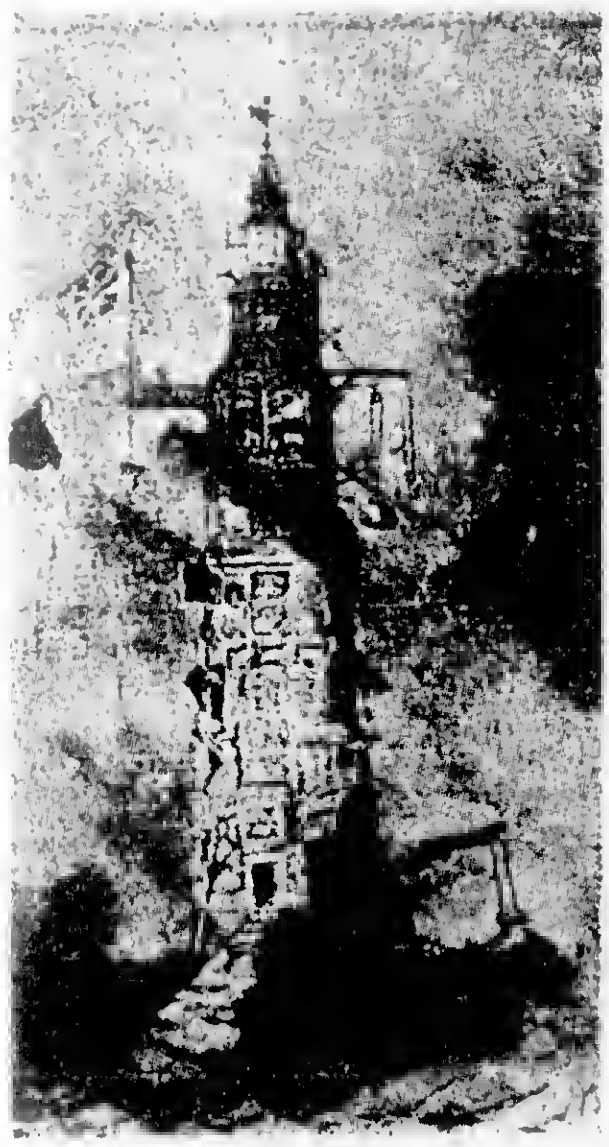
Hugo vivió embriagado por los sonidos y los colores, con los cuales embriagó el mundo. Todo su genio consiste en esto: fué un gran visionario y un gran artista. Esto ya es mucho, pero no es todo".

Ya Barbey d'Aurevilly, condenable de las letras francesas y autor de las "Diabólicas", en sus críticas semanales, después de haber sido un ferviente admirador de Victor Hugo, hacía notar que la poesía del que era creído el primer poeta de Francia, no era, a veces, más que mala retórica. No sin faltarle razón, J. Bourdeau pudo escribir:

"En Hugo, la importancia de las ideas no corresponde al esplendor de la forma, a la incomparable riqueza de expre-

LA CATEDRAL (*Sépia*)

LE PHARE D'EDDYSTONE

sión: manto de púrpura recamado de piedras preciosas, cuyos centelleos disimula *moniques* que le fueron poco útiles.

Su estructura oriental, por otra parte, explica su genialidad. Las palabras sur-

sen, se empujan, se atropellan con vertiginosa rapidez en su mente. Y a cada palabra, otras numerosísimas les siguen, equivalentes o contrarias. De ahí las peticiones, las enumeraciones, las explicaciones, la cantidad de sinónimos y nombres propios que no tienen ningún sentido, que no obedece a causa alguna de cuando en cuando producen estallido de una sutilísima magnífica de una metáfora, abrillantándose con toda apoteosis de un fuego de artificio. A todo esto, hay que agregarle la sugerencia de la rima que provoca nuevas pelabras, nuevas imágenes y pensamientos nuevos que obligan al poeta a incurrir en divagaciones que nada tienen que ver con el asunto que trata.

Sin embargo, bajo su pluma la lengua francesa se tornó en un mundo nuevo, un universo rico en colorea, melodía apasionado".

Con todo esto, se llega a la conclusión de que Victor Hugo, fué un portento sinfonista verbal. Ignorante en filosofía en ciencia y religión, su único guía fué el instinto. De intuición maravillosa habló de todo sin poseer a fondo ninguno de los temas que trataba. El verbo mató la idea.

Por eso, no hay que extrañarse de la inconsecuencia en política. Tan pronto abandonó el racionalismo y la razón del siglo XVIII para plegarse a tradiciones monárquicas y a las ideas religiosas, como luego invectivó las coronas y a las miras para cantar a la Diosa Libertad, — a la que titubeó en sacrificar en homenaje a Napoleón, a quien rindió su culto fervoroso. Por último, se transforma en revolucionario, en bardo de las reivindicaciones populares, en profeta de la revolución que él hubiera sido el primero en repudiar, dado su temperamento eminentemente burgués de hombre práctico.

Pero nada pinta mejor a Victor Hugo que un apunte hecho por Alfredo de Musset, quien lo conoció íntimamente. Helo aquí; está extractado del "Journal de un poete":

"He ido a visitar a Victor Hugo; en su compañía se hallaba Saint Beuve y dos personas cualquiera. Saint Beuva es un tipejo bastante feo, de color común, abdomen exagerado, gestos insinuantes, que hacía hacienda muecas obsequiosas como una vieja; se expresa con cierta facilidad, tiene mucha cultura y una gran habilidad para la crítica literaria. Victor Hugo, a fuerza de ingenio ha hecho versos excelentes, sin ser poeta por naturaleza. Modesto, se ha puesto a la zaga de Victor Hugo y él se ha hecho arrastrar por este. Pero Victor Hugo desde que ha venido al mundo no ha hecho otra cosa que pasar de un hombre al otro para utilizarlos, aprovechando Saint Beuve por las enseñanzas literarias que de él ha de recibir, sin darse cuenta ha llegado a ser dominado por ese joven de espíritu, quien con su influencia continuada y persuasiva, ha logrado inducido a cambiar absolutamente de opinión.

En el año 1822, cuando publicaron sus obras, Victor Hugo se hacía pasar por realista en la Vandea, pero su madre me confesó que era un suburbio de Chateaubriand. En aquel tiempo contaba con sus hermanos "Conservateur littereire", devoto a tal punto, que un día, en un baile, lloró de vista al ver una señorita decotada como se acostumbra en ese género de fiestas y me dijo: "¿No se parece a un sepulcro blanqueado?".

El escritor Chateaubriand, ere su amigo, luego se disgustó con él por la indiferencia que le demostraba y dejó de tratarlo. Lamennais fué su segundo protector, estuvo a punto de hacerse jesuita. Victor Hugo me ha declarado que después de mi

BEST COPY AVAILABLE

408

870916022

The Emma Goldman Papers

[The Bolsheviks and the Russian revolution. In Spanish] Los Bolcheviquis y la Revolución Rusa. Part 3 / Emma Goldman.— 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. —(Aug. 14, 1922).

Obtained from the Biblioteca Popular "José Ingenieros," Buenos Aires, Argentina.

...TREVISTA ...ASTIAN FAURE

...a ver a ...lez años. ...gue, con ...el movi... ...i ha he... ...hesión a ...grupo de ...también, ...ber, etc ...s impre... ...hn con...

...sin des... ...sión que...

...quienes ...políticas, ...nte obre...

...serva la ...la certe... ...ximo ci... ...ineamen... ...e plesem... ...entes, a ...a neo-co... ...inferirles...

...ta comu...

...ta parte ...subterfu... ...posee en ...a propa... ...dispos... ...ros, dia... ...arios, se ...has sec... ...habien... ...a, favo... ...número ...ortuncia... ...isoria y ..., absor... ...ar y re... ...rios, sin ...nte sin... ...r la mis... ...entación ...odo esto ...bionando ...esviaron ...gar n la ...solución ...mente la...

...licalismo...

...es más ...vos con... ...tivis más ...tinas, lo ...simismo,...

...catos en ...da y dé... ...ue entre ...una dis... ...lasistir— ...esta tris...

te constatación no puede desalentar a los amigos del sindicalismo.

El pequeño número es una causa de debilidad, pero también puede ser una fuente de fuerzas, a condición que el puñado de militantes sindicalistas compense esta falta de número con una más ardiente, persistente y metódica actividad.

—¿Qué previsiones formulas sobre las consecuencias de estos votos?

—Graves, pueden ser muy graves las consecuencias de este congreso. Los trabajadores organizados de Francia se encuentran unos asociados con la vieja confederación, los otros, asociados a la nueva unitaria. Los primeros estarán ligados con Amsterdam y los segundos con Moscú. Los unos y los otros sufrirán los desequilibrios, la inestabilidad, y las sacudidas que son fatales e inherentes a los partidos políticos y que reducen a la impotencia a estos partidos para toda acción francamente revolucionaria.

Preveo, como consecuencia de esta influencia de agentes exteriores en la vida obrera, una serie de desviaciones hacia las derechas y también una serie de deserciones que transformarán poco a poco en abismo el foso ya un poco grande y profundo que separa a la fracción comunista, de la cual Mommousseau es el agente camuflado, de la minoría de los sindicalistas propiamente dichos.

De las dos cosas, una: o la acción de la nueva mayoría se acercará cada vez más a la del P. C. y en este caso dará lugar a la indignación y a los reproches de los obreros sindicalizados y no podrá resistir el asalto directo contra ellos mismos; o la acción de esta nueva mayoría se inspirará cada vez más en la acción verdaderamente sindicalista, y en este caso, abandonada en principio, combatida luego por el partido comunista y por sus representantes organizados, vendrá a encontrarse separada al mismo tiempo del P. C., al cual habrá traicionado en su confianza, y de la minoría que no le acordará más la suya y, de este modo, reducida a la impotencia, atacada de derecha e izquierda, no tendrá más remedio que desaparecer.

—¿Qué piensas de la intervención de Losowsky?

—La discusión de Losowsky es de aquellas en que, o se calla y no se dice nada, o no se puede decir gran cosa. No se puede aferrar un fantasma!

Si la I. S. R. no posee otros hombres más que esos para enviarnos y si el ejecutivo de Moscú no tiene a su servicio otra gente mas que los mensageros de este temple, obrará prudentemente absteniéndose de exhibirlos: desde lejos, estos comisarios parecen algo, pero de cerca son absolutamente unas nulidades.

La impresión producida por la intervención de Losowsky ha sido pésima y me imagino que si los dictadores de Moscú son exactamente informados acerca del discurso pronunciado por su enviado no dejarán de crearle algunos tropiezos.

Armando BORGHI

Los bolcheviquis y la Revolución Rusa

III

Los campesinos y las requisas forzadas

El método de las requisas forzadas (*razviorstka*) seguía inmediatamente a la paz de Brest-Litowsk. Los bolcheviquis justificaban esta medida autoritaria con la negativa de los campesinos a proveer de víveres a las ciudades. Esto es cierto solamente en parte. En realidad, los campesinos pedían que se les dejara tratar directamente con los obreros de los grandes centros, pero esto les fué negado. Mucho contribuyeron al descontento de los campesinos la insuficiencia del régimen bolcheviqui y la corrupción del sistema burocrático. Los artículos manufacturados prometidos a cambio de los productos agrícolas raramente llegaban a su destino y, cuando llegaban, a menudo resultaban ser mercaderías de desecho, o escasos, defectuosas siempre.

En Karkoff pude constatar los inconvenientes del sistema burocrático centralizado. En el depósito de una fábrica yacían, apiladas, grandes partidas de máquinas agrícolas, encargadas desde Moscú "bajo pena de severos castigos en caso de sabotage", para que estuviesen listas "en el término de dos semanas". Las máquinas hacía ya seis meses que estaban prontas, sin que las autoridades centrales encontrasen el modo de enviarlas a los campesinos que las reclamaban con insistencia, pues tenían urgente necesidad de ellas. Era uno de los ejemplares típicos de cómo operaba — o mejor, "no" operaba — el sistema moscovita.

Dado este estado de cosas, no hay que maravillarse si los campesinos hubieron de perder toda confianza en la capacidad organizadora del Estado bolcheviqui. Este, entonces, vista la inutilidad de las lisonjas y las promesas, recurrió al sistema de las requisiciones forzadas. No habría un medio más apto para suscitar el antagonismo y la hostilidad de los campesinos, puesto que con ese sistema se instauraba el terror entre la población agraria. Sólo en el porvenir podrá hacerse un cuadro exacto de las terribles consecuencias de esta medida deletérea, con su sacrificio inmenso de vidas humanas y las incalculables devastaciones.

* * *

Por más que esto pueda parecer inverosímil, es en Rusia un hecho muy notorio que ha sido este sistema, precisamente, una de las causas de la actual carestía, especialmente en la región del Volga. Porque a menudo se les confiscaba a los campesinos, además de las últimas reservas de grano, hasta las mismas semillas que guardaban para la próxima siembra.

La oposición y la resistencia de ciertas aldeas a satisfacer los pedidos de los encargados de las requisiciones eran seguidas por expediciones punitivas que atacaban las aldeas y a menudo las destruían completamente. En vano los campesinos protestaban ante las autoridades locales y las de Moscú: nadie los atendía.

A este respecto se narra una anécdota que demuestra bien qué concepto tenían los campesinos de los métodos de requisición violenta que empleaban los bolcheviquis. Una delegación de campesinos es recibida en audiencia por Lenin. "Y bien, dedushka! — dice el dictador dirigiéndose al más viejo de los campesinos — debiérais estar satisfechos ahora que tenéis la tierra, el ganado, las gallinas, todo, en suma!" — "Sí, gracias a Dios — responde el campesino — sí, pequeño padre, la tierra es mía, pero vosotros os lleváis el pan; la vaca es mía, pero vosotros os tomáis la leche; la gallina es mía, pero los huevos son vuestros. ¡Dios sea loado, pequeño padre!"

* * *

Defraudados y burlados de esta guisa, los campesinos se sentían poseídos por sentimientos de adversión hacia los bolcheviquis. Las requisas, las expediciones punitivas, los métodos brutales, y las continuas injusticias acabaron por generar una fuertísima corriente contrarrevolucionaria en el país.

De esta corriente algún escritor occidental ha dado la misma explicación que recibió de los bolcheviquis mismos. Así un escritor inglés, Bertrand Russell, que ha dado pruebas de honestidad y sinceridad en sus críticas sobre Rusia, escribe en su estudio: "Es necesario convenir que las razones por las cuales los campesinos se oponen a los bolcheviquis son poco fundadas". Es evidente que el señor Russel no tuvo ocasión de constatar los efectos de las requisas, de otro modo sus impresiones hubieran sido muy distintas. La verdad es que si los campesinos rusos no fuesen flemáticos y pasivos, el Estado bolcheviqui no habría durado tanto. Su resistencia pasiva, empero, contribuyó a acercar el fin del régimen bolcheviqui. Y es precisamente esta constatación, más que las consideraciones humanidad, la que indujo a Lenin a adoptar su actual política de libre comercio y de impuestos.

* * *

Las cooperativas rusas constituían una fuerza económica y moral notable en la vida del pueblo. En 1918 poseían 25 mil sucursales, con 9 millones de adherentes. El capital invertido sumaba 15 millones de rublos y el movimiento comercial del año precedente ascendía a 200 millones. Si bien no eran organizaciones revolucionarias, constituían sin embargo un medio indispensable para mantener en contacto las campiñas con las ciudades. Además, los elementos contrarrevolucionarios que se encontraban en su dirección hubieran podido ser eliminados sin necesidad de destruir toda la organización de las cooperativas. Pero el Estado, celoso de su hegemonía, prefirió liquidarlas, destruyendo de este modo un factor poderoso para la reconstrucción de Rusia.

Y ahora, después que las cooperativas han sido destruidas y los que habían contribuido a edificarlas fueron recompensados con la prisión, Lenin recita un nuevo *mea culpa*, invocando la restitución.

Poco después de haberse restablecido la legalidad de las cooperativas, P. Kropotkin (que ya se encontraba en el lecho de muerte) expresaba su deseo de que los seis organizadores de las cooperativas de Dmitroff, presos desde hacía 18 meses, fuesen puestos en libertad. El los había conocido íntimamente como trabajadores serios, leales y entusiastas de su obra. Su liberación fué ordenada sólo después que Lenin hubo decidido la resurrección de las cooperativas.

Sin embargo, es poco probable que las cooperativas alcancen bajo el régimen bolcheviqui la fuerza y la importancia que antes tuvieron.

El origen de los Soviets

Llamar a la Rusia de hoy la Rusia de los Soviets, o el régimen bolchheviqui gobierno sovietista, es por lo menos incompetivo. Los soviets se manifestaron por primera vez en la revolución de 1905 y se reconstituyeron de nuevo después de la revolución de febrero. Tienen con el gobierno bolcheviqui tanta afinidad como la Iglesia católica.

Los soviets de los campesinos, de los obreros, de los soldados y de los marineros fueron la expresión espontánea de las energías liberadas del pueblo ruso. Eran la expresión de las necesidades de las masas que despertaban después de siglos de silencio. Ya en los meses de mayo, junio y julio de 1917 las fuerzas dinámicas de los soviets impulsaban a los obreros a apoderarse de las fábricas y a los campesinos a ocupar las tierras.

Los soviets se difundieron rápidamente en toda Rusia, mantuvieron la llama de la revolución de octubre y siguieron funcionando varios meses después de aquel acontecimiento. Su profundo significado no fué comprendido por los politiqueros, pero su acción se les impuso. Esto hubiera sucedido también con los bolcheviquis, pero Lenin, fino y cosumado jesuita como es, hizo suya la divisa: "¡Todos los poderes a los soviets!", apresurándose a demolerlos en cuanto el poder bolcheviqui se encontró solidamente establecido. Hoy no son más que una sombra inconsistente, como cualquier otra cosa en Rusia.

Los soviets — tal como están constituidos y como funcionan hoy — no son más que el eco servil de las decisiones del partido Comunista. Los métodos que emplean los bolcheviquis en las elecciones de delegados a los soviets no son inferiores, en cuanto a corrupción, a los de

Lunes 14 de Agosto de 1922.

Tammany Hall en Norte América. Todos los medios son puestos en acción para obtener la mayoría comunista. Donde la persuasión no da resultado, se recurre a la amenaza del hambre o del encarcelamiento. Los electores saben lo que les espera. Así el resultado es siempre favorable a los comunistas. Algún menchequi o socialista-revolucionario, y hasta algún anarquista consigue también pasar, cosa notable dada la ausencia de una prensa libre, de la libertad de palabra, y de la posibilidad de libre propaganda en las fábricas. Pero la presencia de esta minoría de disidentes en los consejos no absolutamente nula, pues su palabra es sofocada por la preponderancia bolcheviqui.

En el caso de los anarquistas, el gobierno central generalmente recusa el reconocimiento del mandato o encuentra un pretexto cualquiera para denunciarlos a la Tcbe-Ka.

Tuve oportunidad de asistir a una asamblea para la elección de un delegado por parte de la maestranza de una fábrica de Moscú. Era la segunda vez que el gobierno se negaba a ratificar el candidato de los obreros, que era un anarquista. Aun cuando el candidato adversario era el mismo comisario gubernativo de higiene, Semashko, los obreros eligieron por tercera vez al anarquista, a pesar de las amenazas y las imprecaciones del candidato gubernativo. Pocos meses después el electo era arrestado bajo un pretexto fútil y sólo fué liberado después de una prolongada huelga de hambre y a consecuencia de la presencia en Moscú de la Misión laborista inglesa frente a la cual los bolcheviquis temían un escándalo.

Antes de salir yo de Moscú, en diciembre de 1921, tres anarquistas miembros del Soviet de Moscú habían sido arrestados a causa de su actitud demasiado independiente. Uno de ellos fué expulsado de la capital y los otros dos acusados de "banditismo y actividad clandestina", delitos generalmente castigados con el fusilamiento sin juicio previo.

Por lo expuesto más arriba se ve claramente que ni el Soviet de Moscú ni los de ningún otro centro tienen la posibilidad de manifestarse con independencia. Tanto en los Soviets como en el gobierno central bolcheviqui, la "dictadura del proletariado" está concentrada en las manos de una pequeña minoría que por sí sola gobierna a Rusia y a su pueblo.

Lo que un día era el ideal anhelado— la libre expresión de los obreros, los campesinos y los soldados— ha sido convertido en una ridícula comedia, en la que el pueblo no tiene ninguna fe.

Emma GOLDMAN

LA LEY

Haced infamias, pero hacedlas siempre dentro de la ley; no tendréis obstáculos en vuestro paso. La ley es la defensa de los fuertes, de los egoístas. La ley es la que protege al ministro de hacienda X, para hacer sus negocios de millones de francos; la ley es la que protege al casero para expulsar al pobre; la ley es la que permite al hombre explotar al hombre; la ley es la que reprime al hambriento cuando pide de comer, la ley es la que castiga al vago por el delito de no tener donde trabajar. La ley es miserable como los perros; no ladra más que al que va mal vestido.

Pio BAROJA.

El placer es el testimonio de la Naturaleza, su signo de aprobación. Cuando somos felices, somos buenos; pero cuando somos buenos, no siempre somos felices.

DIDEROT.

BEST COPY AVAILABLE

409

881108006

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik dictatorship. In Japanese] Bolushebiki no Bòsei / Emma Goldman.—pp. 266-315 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. —Nos. 7-11 (Sept. 1922-Feb. 1923)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

ボルシエヴイキの暴政（一）

エマ・ゴルドマン
伊藤野枝譯

子供の保護

共産主義國家によつてつくられた、そしてごく眞面目な努力を阻んでゐる種の中で、子供の利益の爲めにしたボルシエヰキの活動と云ふ事程、悪いそして明かな事は何處にもない。尤もロシヤの子供達の生活に就いて云はれてゐる多くの事は、たゞの噂にすぎないとは云へ、しかし其のための非常な試みのあつた事は認めなければならない。が、何故其の試みは失敗したか？

私は、一九一九年、メデイソン・スクエア・ガアヅンで擧行された十月革命の第二回紀念日に、一人の演説者から受けた感銘をはつきりと覺えてゐる。

其の人は丁度ロシアから歸つて來たばかりだつた。彼は、ロシアでの子供の保護と取扱ひとを說いて、聽衆へ非常な感奮を與へた。私の心は其の國の人々の上に飛んだ。——其處には長い間の幅を投げ棄て、そして今は「子供の手に引かれて」ゐる民衆があるのだ。それは非常な驚異であつた。

パフオド流と云ふ海上の牢獄での航海の間中、私はロシアで子供の爲めにされた仕事について考へた。そしてそれで私の心は支へられ、又慰められた。何と云ふ望みに滿ちた未來だつたらう。そのすばらしい新生活への一歩だと云ふ事はとれ程私の心を鼓舞した事であらう。

が、私はロシアにはいつてから、此の社會主義國家では有らゆる努力を自分達の軌道に壓縮してしまふのだと云ふ事を考へないで議論してゐた事が分つた。

ボルシエヴイキが子供や教育について其の全力を竝々ならぬ注意を拂つてゐる事は事實だ。そして又彼等がロシアの子供達の必要品を供給する事に失敗したのも、其の點には雖方によりもロシア革命の敵の方に多いと云ふ事も本當だ。干渉と封鎖が、無邪氣な子供と、病人との弱い層の上に最も重く落ちて來たのだ。しかし、もつといゝ條件の下でも、ボルシエヰキ國家の官僚政治的フランケンスタインの協約は、共産主義者によつてなされた子供と教育とのための最上の努力を破壞させ、最悪の口論見を破棄することよりほか出來なかつたのだ。

二

私はロシアに來た幾週間もしないうちに、ペトログラードで一番いゝ第一の學校を訪ねる機會を持つ事が出來た。それは、ボカザテルナヤ・シユコラ即ち模範學校と呼ばれて、文字通りの「見世物學校」だつた。私はすつと後まで、其の意味を掴む事が出來なかつた。其の學校は、子供の集散する中心のやうに使はれてゐた。子供達は、ロシアのあらゆる方面から、どんな僻遠の地方からでも、其處に連れられて來た。彼等は晝の喰つたボロ〳〵の荷物で、やつれて、そして病氣にかゝつてそこへ來る。來ると彼等は湯にはいり、體や身疋を計り、うまいものを飽きる程食はせられてそして一般治療を受ける。暫らくの間彼等は其の學校にゐて初等教育を受ける。そしてやがて子供のための他の寄宿學校に送られる。

三

私はそれを見て非常な感銘を與へられた。これが本當にあの、子供のためにした人事業に就いて、アメリカまでも聞につて來た報告の證據なのだ。

が、此の美はしい畫面の中に、それを亂すたつた一點があつた。私の接待役の婦人の醫者は、一寸した言葉のはづみから、幾人かの子供達が「今隔離中で」見ることが出來ないと云ふ事を明らかにした。

「何か傳染病ですか」と私は尋ねた。「い、え」とその淑女は云つた「其の子供達は小さな泥棒なのです。で私達は、それを他の子供達から離して置かなければならないのです。」

私は呆れて口がきけなかつた。それはアーネスト・クロスビイが描いたやうな校長トルストイを私に思ひ出させた。一人の子供が學校で何か盜んだ。他の子供達は彼を泥棒だと云つて、彼れを制することを先生に求めた。敎師と生徒とは一緒になつて、「泥棒！」と云ふ文字を書いたしろしを、此の罪人の背に下げなければならないときめた。

が、トルストイは此の子供の頭に紙をかけやうとして、其の眼を見て驚いた。そこには、辱と無言の非難とが見えた。いや、此の子供は罪人ではないのだ。此の子供は罪人ではないのだ。此の子に泥棒だと云ふ烙印を押したりする殘忍な事を犯した、彼れトルストイとほかの子供等と、即ち全社會が罪人なのだ。

トルストイの學校では、其後は決して二度と子供を隔離せられた事はなかつた。が、此の偉大な、自由な、革命のロシアでは、まだ子供は罰せられ、諸離され、泥棒と云ふ烙印を押されて絶えず「道徳的不具者」と考はれてゐる。

私の心は優き亂された。そして困迷に陷つた。けれども私は、ホテル・ド・ルウロオプで見たあの綺麗な繪が汚れると云ふやうな事は許すことが出來なかつた。

四

それから少し後に、私の處に、アメリカで長い間交際した一人の婦人が訪れて來た。彼女は二月革命の一寸後に、良人と若い息子と一緒に、急いで彼等の生れ故郷に歸つたのだつた。彼女はあの大きな十月革命にも參加した。そしてそれ以來いろ〳〵な仕事に携はつて來たが、しかし彼女の主なる興味は子供の世話にあつた。私を尋ねて來た時にも。彼女は或るインテルナト即ち少女達の爲めの寄宿學校で會議をしてゐた。彼女は私に、其の仕事や子供達に就いてのいろんな事を話し、又彼女の學校で必要品を手に入れるためのつらい爭ひの事などをくわしく話してくれた。彼女の話は私はそれを本當と思へなかつた程。私がホテル・ド・ルウロオプで見た事とはまるで違つてゐた。しかし私は又此の友達が絶對に信賴していゝ正直な人だと云ふ事を知つてゐた。それは全く合點が出來ない事だつた。

私は友達を一緒に夕飯を食べるやうにと引き止めた私達はアメリカでお互に人達について、又世界の被壓制階級の上に及ぼした其の影響だのに就いて話しながら、私は聞にあはせの裏所で洗の皮をむいてゐた。

「その皮をよこして頂戴ね。」と友達は私に注意した。

「どうして？　此の皮が何かにいゝんですか。」と私は尋ねた。

「子供達がそれでポテトチエクをつくるのですよ、みんなはそれをどんなによろこぶか知れませんわ。」

「子供達？」私はびつくりした。「どうしてそんな事をするのです？　子供達は一等の定食を取つてゐるのぢやないんですか？」私はホテル・ド・ルウロオプで、子供達か、ミルクや、ココアや、コーヒや、フアリナや、白いパンや、チヨコレートや、それから肉類をすらも食べてゐたのを見たのだ。

私の訪問者は笑つた「私の學校にいらつしやい。」彼女は云つた「そして御自分で御覽になれば分りますわ。」

五

私は行つて見た、しかも一度きりでなく幾度も行つて見た。其處では私はメタルの皮を見た。が、それでも、私はまだそれ程容易にそれを信ずることが出來なかつた。其の學校には、六十五人の子供達がゐた。彼等の食物は極く僅かで、質もみぢめなものだつた。

其の中の大多數は、彼等の家の者や親戚の者が田舍から送るいくらかのもので扶助されてゐた。彼等は、僅かに吸い煙物を貰、大部分は靴なしであつた。私の友達は、自分の時間と全精力とを、敎育部のいろ〳〵の役所で浪費してゐた。

彼女は、其の六十五人の子供達の爲めに二十本の木のスプーンを手に入れるのに二週間かゝつた。役所に入る順番の列の中に立つて、役官に合ふのを待ちながら一と月も脊を折つて、二十五足の靴を貰つた。そして、それ等のものを、六十五人の子供達に、娛樂や、惡の原因をつくらないやうに、間着を起さないやうに分け與へるのには、深い思慮と、なか〳〵の氣轉が要る。

私は其の學校を訪ねる度毎に、何處かに何かの悪い事があるだと云ふ事がだん〳〵に分つて來た。ホテル・ド・ルウロオプで子供等が受けてゐる保護と、クロンヴエルスキイ・プロスペクトの學校で子供達の受けてゐるものとの間の差別にはほかにどんな說明がつくのだらうか？

あそこでは、子供達は有らゆるものゝ最上のものを與へられてゐた。食物、着物、室、演奏會、舞踏——實は、一般の狀態からするとそれは殆んで多すぎる程なのだ。

そして、此處では、子供達はほんの僅かなものしか與へられないで、いつも飢えてゐる。しかも其の僅かなものでも、それを手に入れるには非常な困難をしなければならないのだ。

六

直ぐに私は少々の部屋を知つた。ロシアでは、すべての子供の爲めの着物や食物が充分になかつたのだ。そしてボルシエヴイキは、外國の使者や派遣員や、通信員やに見せるために、各都市に幾つかの見世物學校を置く必要を將へ出したの

——九頁七段へ續く——

囚人の歌へる

島野松太郎

雪積に雛飾が少し
添へてあり、
宇宙の春の後岸の中日

×

春四月
宇宙の庭の片隅の
名もなき花もあく靈みぬ。

×

社會主義になれば
みいりはどの位あるか
と聞ける四十路の看守。

×

敎誨師に頭を一つ
下げてやり
和本の下附を早くしたさに。

×

吉さとを
出で、久しく聞かざりし
雀の鳴くを耳に來て聞く。

×

窓硝子に鼻うつし
何か呟きて
喜怒哀樂のまねをしてゐる。

×

もう一切れ
餅を欲しいと思ひしのみ
外に望もなき囚人の元日。

×

盜びと
親かるゝ時つと立ちて
脫めつけ返すが癖のよになりぬ

×

損を守るつもりで
證者に先生といふてやりしかな
監の偽む日。

×

敎ゆれば
ドードーチヤなどゝ片言を云ひ
し子の額牛歳見ざり。

×

ひよつとしたら明日あたり
何か慰典のあるよに思ひ
寢びて見る。

×

いつになく
お菜の少しぢかりしが
今日一日の滿足なりき。

410

881108006

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik dictatorship. In Japanese] Bolushebiki no Bòsei / Emma Goldman.—pp. 266-315 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. —Nos. 7-11 (Sept. 1922-Feb. 1923)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

ボルシエヴィキの暴政 (二)

エマ・ゴルドマン
伊藤野枝譯

死んだ魂

一

今から百年以前、ゴオゴルは其の傑作『死んだ魂』で同國人を驚かした。それは、ロシアの封建制度と苦つく寄生蟲共を假借なく非難したものであつた。『死んだ魂』は再びロシアの生活に好つて來た。

誰が現代の死んだ魂か？それは實際を活す方が一番はつきりするだらう。何處の托兒所も、寄宿學校も、感化院も——實際子供と大人とが住んでゐる所にでも、——寄宿舍の數だけ、食物や衣物や定食組やを取る權利を與へられてゐる。

總ての學院では中央分配局の供給にたよつてゐる。殘る學院のために必要などんなものを手に入れるにも先づ二十人も三十人ものチノヴニキ、即ち役人の署名と副署とのついた幾つもの命令書を貰はなければならない。

チノヴニキは、型のやうに、何かの賄賂を受け取るまでは、手を延引させておく。そこで其學院の人間の實際の數よりはずつと多い人間のための命令を貰はなければならなくなる。そして其の『餘分のもの』は賄賂ともなり、同時に又其の學院の飢えた友達のためのものとなるのだ。

たとへば、私の友達の學校には六十五人の子供達がゐる。以前の倉庫達はみんな架空の人の名前——死んだ魂——を學校の子供達の實際の統計に加へてゐた。かうして手に入れた其の餘分の食糧を賄賂に使つて、其のお陰で倉庫達は其の仕事を早く運ぶ事が出來た。學校の主事等はかうしていろんな役所の『勢力のあるもの』に賄賂を使つてゐるので、其の仕事をサボつたり、子供を放つておいたりまた濫用したりしても、或は又往々寄宿生の爲めに貰つた食料で授機をしても、ちつともかまはないのだ。彼等は『上の方の友達』を持つてゐるのだ。

二

ロシアの到る處に行はれてゐる此の面白いやり方の結果は、勿論明かな事だ。が、私の友達は、そんな事の仲間にはなれなかつた。彼女は『死んだ魂』を加へる事を拒んだ。

彼女は、其の地方の無數の檢査官や、獸醫官や、營治官等に賄賂を使ふことを拒絶した。其の結果は、此の惡事に反對する、長いそして苦い爭ひとなつた。そして其の爭ひは、彼女の健康を害し、結局彼女を其の地位から除いて、文字通りに街頭に投げ出した。彼女はペトログラアド教育課長である『同志』マダム・リリナの注意を呼ばうと試みたが、無駄だつた。彼女は命はなかつた。彼女は決して私の友達の學校を訪ねた事はなかつた。『見世物』學校に彼女の全時間をとられてゐたのだ。マダム・リリナは、私の友達の話を信用しなかつたのだ。共產主義者に對する不平を云ふ一局外者に注意を拂ふ事は先づない事なのだ。そして、又、同時に、そんな事に係はるのは危險な事なのだ。

三

最初私は『死んだ魂』が一般に行はれてゐる方法だと云ふ事を信ずるのを拒んだ。『ソヴイエツトの第一の家』ホテル・アストリアで私の隣室に、一人の小さい婦人が、二人の子供と住んでゐた。彼女は貴產主義者に對する惡意を持つてゐた。彼女は貴產主義者でもなければ、ボルシエヴィキでもなかつた。彼女は、ロシアの貴族の出であつたが、『死んだ魂』の方法に反對して激しく爭つた一人だつた。彼女はいろんな子供達の學院で働いてゐた。そして私がクロンヴアスキイ・プロスペクトの學校で見出した狀態を確證するだけではなく、同じ手段が行はれてゐる澤山の他の所へ私を連れて行つた。

何處にも『死んだ魂』が半ば餓えてゐる子供達のものを奪取つてゐた。私の隣人は、彼女が其の自分の子供達に就いて持つてゐる經驗を委しく話した。男の子は九つだつた。二人とも托兒所に預けてあつた。母親は其の貧しい所得の中から、餘分な食物を子供達に規則正しく送つてゐた。子供達は其處では充分な食物を貰つてゐないのだ。六ヶ月目の終りになつた時、二人の子供は病氣から起き上れなかつた。

四

私はまづ第一に云つた。私が最初に子供達が『泥棒だ』とか道德的不具者』だとか云はれて隔離されてゐると聞いた時に、私はひどく驚いたと。其の時私はそれをホテル・ド・ルツロオブで掛りの醫者の輕蔑と共の舊式な考へとに歸した。然るにブラウダ紙上の一論說と、私がマキシム・ゴルキイ、マダム・リリナや、其他の多くの共產主義の首領とした話で、彼等の殆どすべてが『先天性の道德的缺落』と云ふ事を信じてゐる事が分つた。

或る高い位置にゐる兒童敎育者でさへ、かうした『道德的不具者』のために牢獄を設けると云ふ事に贊成してゐる。が、これは敎育委員ルナチヤルスキイや、ゴーキイや、其の他の、正統派共產主義者からは非常に輕蔑されてゐる人々の意見だ。

此の意見は私に、もしも私が小さい機械者達の間で働くとしたら、私の努力は一步每に、此の固着しい、そして獨斷的な寂女から妨げられるだらうと云ふ事を納得させた。彼女はまた恐らく自分だけで、共產主義者の國家で無政府主義者に子供の世話を委すのは危險な事だと考へたらう。何れにしても私のもくろみは無駄だつた。

ボルシエヴィキ制度の腐敗や濫用や無能は、當然信頼の出來る働き手の缺乏の責任を負ふのだと云ふ事々繰返されたボルシエヴィキの此の言葉が、ウソだと云ふ例證として、私は此の話をするのだ。

ロシアにゐた間に、私は敎育や、經濟や其の他の非政治的仕事に、才能もありよろこんで協力する驚く程多くの人々に接觸した。が、彼方は共產主義者でないところから、有らゆる敵意と努力とを無駄にさせて了ふスパイ制度に取りかこまれて、それに悩まされて邪魔されてゐる。

（九曲未完、後ニ）

五

だが、其の『道德的不具者』のための學校や殖民地は監獄まりはもつとよくない。青年共產黨の委員會で作つた調査は、それ等の學校の悲慘を評いた。其の報告はペトログラアドで一九二〇年五月のブラウダに發表された。それは既に屢々嫌疑されてゐた事、即ち『死んだ魂』の一般的に行はれてゐる事や、子供の定食組を食ふ附屬物が澤山ある事や、其他の缺點方法や何にかだ。委員會が見出した例としては、百二十五人の子供がゐる學校の內に百二十八人の附添ひがあつた。また他の處では二十五人の子供達に三十八人の附添いだ。しかもそれは例外の事ではないのである。

其の上に委員會の通信は子供達が酷く疎略にされてゐる事を明かにした。子供は汚いボロにくるまつて、そして不快な臭のする敷布なしの寢具の不潔な上で寢る事を許されてゐる。そして、或る子供達は、鼠を受けて夜眞暗な室の中に閉ぢ込まれてゐる。又他の者は夕飯を抜く事を強制され、そして或者は、打たれさへもした。その報告は彼人仲間に大きな擾亂を起す原因になつた。

特別の調査が命せられたが、勿論それはアメリカでの同じやうな調査のやうに誤魔化しに終つた。青年共產黨の委員會は『大げさ』な事を云ふと云つて叱られた。そんな話は反革命の作り話だと云つて、ブラウダの論文は載せない事にきまつた。

六

私はその事で或る共產主義者と議論した。どうしてこんな事がソヴイエツト・ロシアに起るのか？私は『信頼すべき、そして能力ある働き手の缺乏だ』と云ふ點にはまつた答を受け取つた。で『私は道德的不具者』のやうに烙印を押された不運な子供達の中で仕事をする事を提議した。

『同志リリナにお會ひなさい。』と私は忠告された。『彼女はきつとあなたを喜ばすでしよう。』

數日の後同志リリナを訪ねた。彼女はむづかしい顏をした感覺な女で典型的なグランドの女敎師だつた。私は彼女が最も立派な心理學と敎授學との法式をよくのみ込んで居り、それに親しんで來た人だと云ふ事を確かめた。私はかまはず、子供の道德的堕落の理論の信じられない事、そしてそんな時代後れの見解に支へられてゐるのは非現實的な敎育者である事、少年犯罪者でも不具者の子供達と同樣に關したり烙印を押したりする事の出來ないと云ふ事を彼女に話した。

此の意見は私に、もしも私が小さい機械者達の間で働くとしたら、私の努力は一步每に、此の固着しい、そして獨斷的な寂女から妨げられるだらうと云ふ事を納得させた。彼女はまた恐らく自分だけで、共產主義者の國家で無政府主義者に子供の世話を委すのは危險な事だと考へたらう。何れにしても私のもくろみは無駄だつた。

ボルシエヴィキ制度の腐敗や濫用や無能は、當然信頼の出來る働き手の缺乏の責任を負ふのだと云ふ點々繰返されたボルシエヴィキの此の言葉が、ウソだと云ふ例證として、私は此の話をするのだ。

ロシアにゐた間に、私は敎育や、經濟や其の他の非政治的仕事に、才能もありよろこんで協力する驚く程多くの人々に接觸した。が、彼方は共產主義者でないところから、有らゆる敵意と努力とを無駄にさせて了ふスパイ制度に取りかこまれて、それに悩まされて邪魔されてゐる。

（九曲未完、後ニ）

勞農ロシヤの承認

大杉栄

勞農ロシアの承認だつて？そんな事は、よくだつていふ問題ぢやないか。

一たい、勞農政府だ、無產階級の新國家だがれ、ほかの資本家政府に承認を求めるなんて、あんまり矛盾な話ぢやないか。もともと敵が國交を斷絶させたんだ。ザアの帝國を倒し更にケレンスキイの民主國を倒して、其のあとに今のロシア社會主義聯邦共和國を起したロシアの勞農政府が、ザアやケーンスキイの各國に對する借金を拂み倒した事に始まるんぢやないか。況も勞農政府は、當時、直ぐにも他のヨーロッパ諸國に、ロシアと同じやうな革命が勃發するものと豫想してもゐたらうが、それがもつと見こみが立たないなつて、そして自分の國でもどうも思はく通りうまく行かないとなつて、自分までもこれ此の通りと國家資本主義にまで後戻りして見せて、どうです、元通りつき合ひをしてくれませんか。吉い借金は餘分か證文で返しますからもう少し現なまを貸してくれませんか、それでないと、とても私のところの資本主義は復興して行けませんからつて、よく云へたもんぢやないか。そんな風だから、どこでどう屈伏つて見せたつて、資本主義に降伏だなんて云はれるんだ。

元もリト何んとかのロシアとドイツとの媾和のロシアの間はゆる加盟條約も見るがいい、今はどんなに頭を下げたつて、又どんな證文を書いたりどんな金を借りたつて、遠くない將來にはきつとあなたを喜ばすでしよう。』

數日の後同志リリナを訪ねた。彼女はむづかしい顏をした感覺な女で典型的なグランドの女敎師だつた。私は彼女が最も立派な心理學と敎授學との法式をよくのみ込んで居り、それに親しんで來た人だと云ふ事を確かめた。私はかまはず、子供の道德的堕落の理論の信じられない事、そしてそんな時代後れの見解に支へられてゐるのは非現實的な敎育者である事、少年犯罪者でも不具者の子供達と同樣に關したり烙印を押したりする事の出來ないと云ふ事を彼女に話した。

此の意見は私に、もしも私が小さい機械者達の間で働くとしたら、私の努力は一步每に、此の固着しい、そして獨斷的な寂女から妨げられるだらうと云ふ事を納得させた。彼女はまた恐らく自分だけで、共產主義者の國家で無政府主義者に子供の世話を委すのは危險な事だと考へたらう。何れにしても私のもくろみは無駄だつた。

ボルシエヴィキ制度の腐敗や濫用や無能は、當然信頼の出來る働き手の缺乏の責任を負ふのだと云ふ點々繰返されたボルシエヴィキの此の言葉が、ウソだと云ふ例證として、私は此の話をするのだ。

ロシアにゐた間に、私は敎育や、經濟や其の他の非政治的仕事に、才能もありよろこんで協力する驚く程多くの人々に接觸した。が、彼方は共產主義者でないところから、有らゆる敵意と努力とを無駄にさせて了ふスパイ制度に取りかこまれて、それに悩まされて邪魔されてゐる。

（九曲未完、後ニ）

411

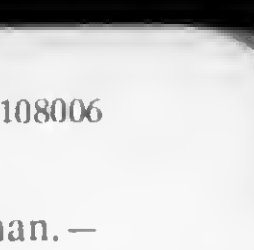
881108006

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik dictatorship. In Japanese] Bolushebiki no Bòsei / Emma Goldman.—pp. 266-315 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. —Nos. 7-11 (Sept. 1922-Feb. 1923)
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

Copy for Personal Use Only The Library, University of California at Berkeley

大正十一年十月一日　　勞働運動　　（第三種郵便物認可）　　第八號

勞農ロシアの勞働組合破壞

大杉榮

一

前號で僕は「勞働ロシアの最近勞働事情」を說いて新經濟政策以後のロシアの勞働者が、勞働時間は增して賃銀は減り、革命以前のロシア若しくは其他の資本主義諸國の勞働者と根本的に同じ勞働狀態に陷つてゐる事を述べた。

共產主義者はよく革命の際の勞働者の積極的精神と云ふ事を說く。これは僕も同感だ。盾ふ制度をぶち壞しこわさうと云つて、直ぐに勞働者の安樂な天國が來るわけでは決してない。勞働者は、兩制度の下に於けるよりもつと苛酷な勞働條件の下に、更に絕望の事業に從はなければならない。此の覺悟のない勞働者には本當の革命は出來ない。

ロシアはまだ革命の最中なのだ。漸くまだ其の第一步を踏みだしたばかりなのだ。此の革命のロシアの勞働者に非常な積極的精神が要求されるのは當然すぎる程の事だ。

が、勞働者の積極性が當然すぎると云ふのは、其の革命が勞働者自身の革命であつて、始めてさう云はれる事なのだ。自分の革命だから自分を犧牲にするのだ。他人の革命に自分を犧牲にする必要はちつともない。

然るにロシア革命は、ボルシエヰキ一黨は、少なくとも其の新經濟政策以來の從來の勞働者の間に非常な不滿を抱かせる事になつた。が、勞働者の抗議はない程度で壓しつぶされて、そして其の抗議が却つて益々勞働者を苦しめる事に役立てられた。

此の方法はロシアの產業界を攪亂して全くこれを粉碎して了ふ事を助けるだけだつた。勞働者は工場から逐はれる。革命の運命などはどうでもいゝと云ふ氣になる。そして勞働者の大衆を有らゆる「社會主義的」な若しくは「共產主義的」な事柄に反感を持たせるようにすらなる。かくしてボルシエヰキ政府は、革命的國爭の間にあれ程勇敢に戰ひ且つ苦しんだ勞働者の心の中に、反革命の種子を播いて行つた。

が、もつと進んだそしてもつと社會的に目ざめた勞働者は、絕えず彼等の要求の聞かれるように努めて、革命の致命傷となるべき共產黨の此の反動的進行を和げて、ロシアの經濟的改造に就ての勞働者の役目を確かめようとしてゐる。しかも猶、勞働者の獨立した新聞がない事と、言論の自由がない事と、政府のテロリズムが跋扈してゐる事とで勞働者の健全な革命的意見は發表せられてゐない。

二

資本主義國家の下では勿論の事であるが、勞働者と農民との國家と稱する勞農ロシアに於ても、又其他の如何なる國家に於ても、個人として又一階級としての勞働者の運命は、其の利害のための彼等自身の合同的活動が出來るか否かによるものである。そして此の活動の根本的先決條件は勞働團體である。そして此の勞働團體が强固であり有效であるためには、それが國家の一切の後見や干涉を斥けた獨立したものでなければならない。そしてそれには又言論や集會の自由と云ふ事が必然に含まれなければならない。これが勞働運動の根本條件なのだ。

然るにロシアの勞働團體は今どうなつてゐるか。ボルシエヰキ政治は、其のイルクス說的團體と集中との間に、もう久しい以前にロシアの勞働組合を政府の仕事として了つた。資本主義が廢止されて、吾々の政府は勞働者の政府であるべき

三

勞働組合はたゞ〳〵に其の實際の力を勞されて行つた。工場委員會は勞働者のための其の勞力を搾取させて行つた。勞働階級は生產や產業の管理權を奪はれて行つた。そして勞働者は其の勞働團體が勞働の强制的徵集をする實際の警察力として働かなければならないようになつたのを見て、だん〳〵そこから遠ざかる事となつた。

組合の機關は勞働脫營者を捕縛したり尋問したりする事にまで使はれた。組合內部の選擧の原則は、廢止された。共產黨中央委員の命令にだけ從ふ、各勞働團體內の共產主義團が、其の組合員に關する一切の事の唯一の構成者となつた。

勞働團體に對するボルシエヰキ政府の此の政策は、勿論勞働者の間に非常な不滿を抱かせる事になつた。が、勞働者の抗議は寥寥のないほどで壓しつぶされて、そして其の抗議が却つて益々勞働者を苦しめる事に役立てられた。

此の方法はロシアの產業界を攪亂して全くこれを粉碎して了ふ事を助けるだけだつた。勞働者は工場から逐はれる。革命の運命などはどうでもいゝと云ふ氣になる。そして勞働者の大衆を有らゆる「社會主義的」な若しくは「共產主義的」な事柄に反感を持たせるようにすらなる。かくしてボルシエヰキ政府は、革命的國爭の間にあれ程勇敢に戰ひ且つ苦しんだ勞働者の心の中に、反革命の種子を播いて行つた。

が、もつと進んだそしてもつと社會的に目ざめた勞働者は、絕えず彼等の要求の聞かれるように努めて、革命の致命傷となるべき共產黨の此の反動的進行を和げて、ロシアの經濟的改造に就ての勞働者の役目を確かめようとしてゐる。しかも猶、勞働者の獨立した新聞がない事と、言論の自由がない事と、政府のテロリズムが跋扈してゐる事とで勞働者の健全な革命的意見は發表せられてゐない。

四

しかし民衆の絕望と沈默の抗議とは背景よりもより高く響く。共產黨自身の中にすらも其の反響が現はれて來た。共產黨內の或る勞働者分子はそれに憑じて起つた。それが、共產黨の間違つた方法に反對の聲をあげて革命の實收を贊成したところの、謂はゆる「勞働反對」なのだ。此の勞働反對は、共產黨の反動的流れをもつと革命的な潮の方へ向けて、若しまだ革命を救ふ事が出來ればそれを救はうとしてゐるのだ。

此の勞働反對は、一九二一年即ち一昨々年の終頃、ボルシエヰキ政策が明白に革命に對する其の有害な結果を現はした時、始めて現はれた。其の翌年即ち一九二〇年三月の、全國共產黨第九回大會で、勞働反對は其の明白な綱領を掲げた。即ち、勞働組合を政府のものとする危險と、國々の產業の上に及ぼす其の破壞的效果とを指摘した。

そして猶、此の勞働反對は、革命的時期に於ける勞働團體の固有の積極性を述べて、勞働組合と無產階級の組織との關係を有し、そして新社會組織の創造的建設に於ける勞働者階級の役目を力說した。勞働反對の根本的要求は、勞働團體が產業の經營に與かり、そして結局國際的を善導しようと云ふのだ。

共產黨第九回大會は此の勞働反對を否決した。

が、勞働反對の綱領の中に含まれた生きた問題はなくして了ふ譯に行かない。それは益々國民的に其の解決を迫つて來る。そして一九二〇年の末に、方々の戰線が解けて、ロシアが聯合國や其の武裝した冒險者共の攻擊から餘程免がれるようになつた時、ボルシエヰキ政府は再び此の內部の大問題と當面しなければならない事となつた。

次號勞農ロシアの新勞働運動に

七

四ケ月間のウクライナの旅の間に、私はいろんな托兒所や幼稚園や寄宿學校や又兒童植民地などを見る十分な機會を得た。勿論それは非公式にだ。到る處に私は同じ事、即ち十分に食物を與へられ十分に注意された子供の見世物學校と、其の子供等の飢えてゐる他の學校とを見た。屢々私はそれらの學校の係りの男女が子供等のために熱心に勞めて、官僚政治と鬪つてゐるのを見た。が、それは皆な無駄な戰ひで、最後には彼等は高能の機關によつて逐ひのけられて了ふだけの事であつた。

私はロシアを去る少し前にモスクワで此の事の著しい實例を見た。其の或る處に、私がロシアで見た一番よく組織されそして一番よく設備された、模範託兒所がある。其の所長はごく稀れに見る婦人で、理想家で長い經驗のある教育家で、非常な働き手であつた。彼女は已に死んだ夫の遺例に斷乎として反對した。彼女はビオレルに食はせるためにビイクアから賣ふと云ふやうな事をしたくなかつたのだ。小役所の小役人に賄賂を使ひたくなかつたのだ。

例の通り、或る頃ひが彼女に對して始められた。此のあさましい戰ひの首領は共產主義者である其の託兒所の醫師であつた。有らゆる批難が所長の上に向けられた。が、其の一つとして何んの根據もなかつた。しかし敵は遂に彼女を其の地位から退かしめるまで其の手を休めなかつた。そして其の地位から退くと云ふ事は、同時に又、其の住んでゐた室をもなくする事であつた。所長は生れて四ケ月目の赤兒の母であつた。

八

それは十一月で、天氣は寒かつた。それでも此の託兒所のために戴つた所長はそこを出るようにと命ぜられた。彼女の赤兒のために彼女は其の建物の中の他の一室を與へられるまではそこを去る事を拒絕した。そして彼女は三晝間暖められた事のなかつた地下室の小さな暗い濕めつぽい一室を與へられた。そして此の室の中で、其の赤兒は病氣になつて、それ以來病み苦しむ事となつた。

ルナチャルスキイはこんな事を知つてゐるだらうか共產黨の首領等はこれを知つてゐるさらか。或る人達は勿論知つてゐる。しかし彼等は其の「重要な國事」であまりに多忙なのだ。そして彼等はこんな「些細な事」には無感覺になつてゐるのだ。そして又彼等もやはりボルシエヴイキ官僚政治のからくりの中に卷きこまれてゐるのだ。

尤も、此の共產主義國家が他の政府の上に出てゐる或る一事はあつた。それは子供の勞働の廢止だ。これは共產主義者を十分に信用していい其の點も重大な成功だ。が、レニンの新經濟政策は今、死人をなでも甦らせて、ロシアを資本主義に後戻りさせてゐる。ボルシエヰキ政府はやがて其の豐富な財源と子供の勞働とで他の有らゆる文明國の政府と平等にするだらう。

其の後戻りがどうだい。何んだつて？ロシアではまだ共產主義が成熟してゐないんだつて？そんな生はんかの唯物史觀なんかよせやい。えゝまだ何にもいつてゐるのかい。前進の前の後戻りだつて？そんな論理屈どうでもいゝやい。それよりか勞農ロシア働も勞働者と農民とのロシアの足もともよく見ろよ。新經濟政策のロシアの勞働者と農民とがどんなになつてゐるか見ろよ。そして其の勞働者と農民とがしかも共產黨の中の勞働者と農民とが、レニン始め其の首領等の革命の眞切者として、革命のやり直しを叫んでゐるのを見ろよ。何に？そいつ等は精神錯亂だつて？馬鹿ーとこの國で、本當の革命家等が其國の權力者から糾彈されつゝある事はなかつた事があるかい。勞農政府は、そんな七面倒臭ひ理論だの妙な論理屈だのを云つてゐる間に、其の間はゆる資本主義の成熟だの武裝りのあとの前進だの始まらない前に、此の氣運ひ其に從つて出されるんだ。そして革命の再興面しが始まるんだ。どうだい。これも噴飯物の空想論の必要かい。

ボルシエヰキ革命などと云ふ革命のにせ物に驚かされて、封鎖だの武力干涉だのとさんざんに手を焼いたあげくに、とうとう其の正統の分つた資本主義の各國は、早速此の新資本主義の勞農ロシアと手を握るがいゝぢやないか。賃金の問題も取るがいゝぢやないか。そして又新しく資本を注してやつて、其の新しい儲けをつくるがいゝぢやないか。お仲間だよ。何の遠慮があるものかい。そして此の新資本主義國家を助けて、そして一緒になつて本物の革命の氷

おいらにはそんな事はどうだつていゝんだ。おいらはおいらでやらなければならないお仕事があるんだ。

412

881108006

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik dictatorship. In Japanese] Bolushebiki no Bòsei / Emma Goldman.—pp. 266-315 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. —Nos. 7-11 (Sept. 1922-Feb. 1923)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

ボルシエヴイキの暴政（三）

エマ・ゴールドマン
大杉榮譯

クロポトキンを訪ふ

一

一九二〇年一月、私がロシアに着いた時、私が一番會ひたいと思つた人々の中に、ピイタア、アレキセヰチ、クロポトキンがゐた。私は直ぐどうしたら彼れのところへ行けようかといろいろ調べた。クロポトキンはモスクワから六十ヴエルストばかり距だつたドミトロフと云ふ小さな村に住んでゐるので、先づモスクワへ行かなければ彼れには會へないと云ふ事が分つた。が、ロシアのやうに戰爭と革命とであんなに荒らされた國では、そして國家が生活上の有らゆる事にまで絶對の拘束を加へてゐる國では、思ふまゝに旅行をすると云ふ事は出來ない。モスクワへ行く機會の與へられるまでは、何にともする事が出來なかつた。幸いに其の機會は直ぐに來た。

三月上旬に、幾人かのえらい、共産主義者が、其の中にはラデツクやゴルキイもゐた、モスクワへ行つた。私は其の同じ車で行く事を許された。モスクワに着くと、私はどうしたらドミトリへ行けようかと苦心した。が、又もや暫く待たなければならなかつた。私は普通の方法ではとても旅行する事の出來ない事を知つた。當時チブスが旅行してゐた。停車場は皆な幾日も幾週間もゴロ〳〵してゐる人達で充ち充ちてゐた。一寸の場所でも奪ひ合ふと云ふ程の騒ぎだつた。五百人ものこんな憐れな人達が五十人しか宿れる餘地のない車の中に押し寄せる。そして其の人達は、腹はへりつかれ切つて、身を切るやうな霜にも又絶え寸投げ飛ばされようとする危險にも構はずに、車の屋根や乘車臺の上にまでも詰めかける。一日もしないうちに、或者は凍え死に、或者は又走つてゐる汽車から飛び降りると云ふ話だ。

クロポトキンが此の多思つてゐると云ふ事を聞いてゐたので、私はもう駄目だと思つた。私は彼れが來まで生きてゐられるかどうかと思つた。特別列車を仕立てゝ貰うよう賴むか、或は普通の汽車で行く勇氣を振い起すかだ。が、思ひがけない事情が私を助けに來てくれた。

ロンドン・デニリイ・ヘラルドの主筆が、其の通信員の一人を伴つて、私よりも以前にモスクワに來てゐた。彼れもやはりクロポトキンを訪ねたがつて、特別列車を與へられてゐた。私はアレキサンタア・ベルクマンやアレキサンダア・ベルヒトロと一緒に、此つラーヤスパリイ号と同車して、五日、一九二〇年一月には、

二

クロポトキンの家は通りから少し退れた畑の中に立つてゐた。たつた一つの石油ランプの淸かな光りが其の家へ行く小徑を照らしてゐた。あとで聞いたのであるが、クロポトキンの家では石油がほんの僅かしかなくつて、光りを節約しなければならなかつたのだそうだ。ピイタアが其の爰の仕事を終ると、其のランプは家族が皆んな集まる居室に點されたのだ。私達はソフイ・クロポトキンと其の娘とに厚くもてなされて、老僕人のゐる其の居室へ通れられて行つた。

其の前に私が彼れと合つたのは、一九〇七年、私がアムステルダムの國際無政府主義大會のあとで、パリで彼れを訪ねた時だつた。クロポトキンは幾年かフランスにはいる事を禁ぜられてゐたが、其時はちようど其の入國の權利を得たばかり時だつた。當時彼れは既に六十五歳だつた。が、彼れはそれよりも餘程若く見える程、元氣に充ちて、生々としてゐた。彼れは彼れに接しに來る事を喜びとした私達のやうなもの書んなの非常なインスピレエションであつた。

彼れがピークア・アレキセヰチの老いゐる事なぞをどうしてさへ得られたらう。此の、一九二〇年一月には、もうそうでになかつた。私は其の髮つた妻に殺かされた。彼れは恐ろしく痩せ衰へてゐた。彼れは其の時前イクアは二人の見知らぬ人の場合での最善を盡さなければならなかつた。一時間の話しの後に、私達は其の人達は、腹はへりつかれ切つて、身を切るやうな霜にも又絶え寸投げ飛ばされようとする危險にも構はずに、車の屋根や乘車臺の上にまでも詰めかける。一日もしないうちに、或者は凍え死に、或者は又走つてゐる汽車から飛び降りると云ふ話だ。

クロポトキンが此の多思つてゐると云ふ事を聞いてゐたので、私はもう駄目だと思つた。私は彼れが來まで生きてゐられるかどうかと思つた。特別列車を仕立てゝ貰うよう賴むか、或は普通の汽車で行く勇氣を振い起すかだ。が、思ひがけない事情が私を助けに來てくれた。

ロンドン・デニリイ・ヘラルドの主筆が、其の通信員の一人を伴つて、私よりも以前にモスクワに來てゐた。彼れもやはりクロポトキンを訪ねたがつて、特別列車を與へられてゐた。私はアレキサンタア・ベルクマンやアレキサンダア・ベルヒトロと一緒に、此つラーヤスパリイ号と同車して、五日、一九二〇年一月には、

二

クロポトキンの家は通りから少し退れた畑の中に立つてゐた。たつた一つの石油ランプの淸かな光りが其の家へ行く小徑を照らしてゐた。あとで聞いたのであるが、クロポトキンの家では石油がほんの僅かしかなくつて、光りを節約しなければならなかつたのだそうだ。ピイタアが其の爰の仕事を終ると、其のランプは家族が皆んな集まる居室に點されたのだ。私達はソフイ・クロポトキンと其の娘とに厚くもてなされて、老僕人のゐる其の居室へ通れられて行つた。

其の前に私が彼れと合つたのは、一九〇七年、私がアムステルダムの國際無政府主義大會のあとで、パリで彼れを訪ねた時だつた。クロポトキンは幾年かフランスにはいる事を禁ぜられてゐたが、其時はちようど其の入國の權利を得たばかり時だつた。當時彼れは既に六十五歳だつた。が、彼れはそれよりも餘程若く見える程、元氣に充ちて、生々としてゐた。彼れは彼れに接しに來る事を喜びとした私達のやうなもの書んなの非常なインスピレエションであつた。

彼れがピークア・アレキセヰチの老いゐる事なぞをどうしてさへ得られたらう。此の、一九二〇年一月には、もうそうでになかつた。私

ロシアは今こんな情けない狀態には陷いつてゐなかつたんだらう。

大きな革命の渦でもつて前方へ押されて行つたボルシエヰキは、最初は極端な革命的政策で民衆の耳を聳てさしてゐた。そして彼等は民衆の信用と無條的革命家等の支持を得てゐた。

が、もう十月革命の時には、ボルシエヰキは彼等自身の獨裁を築きあげる事のために革命の利益を犧牲にし始めてゐた。有らゆる社會的活動を强壓し壞滅させた。クロポトキンは、彼れの說に據れば、農民と勞働者との利益の間に橋を架ける眞大な方法としての產業組合に就いて話した。が、此の產業組合共者が眞最初につぶされて了つた。

彼れは又熱心に、有らゆる政治的意見が壓迫され迫害されて無殘な有樣をされてゐる事を話した。民衆の貧苦や疲勞に就いての多くの例を擧げた。其の中でも、ボルシエヰキ政府がかくしてロシアの民衆の口に社會主義とか共產主義とか云ふものを與はしめた事に就いて、最も力說した。クロポトキンが其晩私達の前に擔げたのは實に悲ましい一幅の繪であつた。

然らば、左程彼れは、革命から生血を吸いつゝあつた此の機關に對して其の聲をあげなかつたのか。クロポトキンはつの理由をあげた。其の一つは、ロシアがコオロツパの結合した帝國主義者等のために攻擊されてゐる間は、そしてロシアの女や子供が殘酷的な封鎖のからだの樣子を心配した。本まで生きてゐるかどうかを恐れた。一九二〇年の冬は實にひどかつた。人々は チブスや餓えや寒さで死んだ。ピイタア。クロポトキンが其の墓に行くかも知れず、そして世界は彼れがロシア革命に就いて一言一句思つてゐたかを知らずに終るかと考へるのは、實に悲ろしい事だつた。

私は何んだか小供見りな

み る間は、彼れは「十字架に架けよ」と叫ぶ舊革命家等の金切聲の合唱に一緒になる事は出來なかつたからだ。彼れは事ろ靜く沈默する方を選んだ。

次ぎには、ロシアには言論の方法がなかつた。民衆に訴へる方法がなかつた。政府に抗議する事は無駄だつた。其の他ふところはたゞどんな價を拂つても其の權力を保つて行く事であつた。人間の生命とか權利とかいふそんな高々たる事にかゝすらう事は出來なかつた。と云つて彼れは更に附け加へて云つた。「吾々はもうマルクシズムの有難い事に就いては絶えず唱へて來たのだ。今になつて何んで騷ぐ事があらう。」

私は彼れが其の印象や觀察を書きとめてあるかどうかを尋ねた。勿論彼れはかうした記錄が、其の同志に勞働者に、實際又全世界に重要なものである事は分つてゐる筈だ。クロポトキンは暫く私を見つめながら云つた。

「いゝえ、書いてありません。人間が非常な苦痛と悲哀とのたゞ中にゐる時、每時間に如何んともする事の出來ない嵐の新しい話が齎らされる時に、物を書いてなぞゐられんものですか。それに、有らゆる個人的秘密や安全は破壞されてゐるのです。いつ何時家宅捜索があるか知れません。チエカは夜突然とやつて來て、家の隅々きまでも探して、何んにもかも引つくり返してめたあとを知らずに終るのかと考へるのは、實に悲ろしい事だつた。

私は何んだか小供見りな

413

881108006

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik dictatorship. In Japanese] Bolushebiki no Bòsei / Emma Goldman.—pp. 266-315 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. —Nos. 7-11 (Sept. 1922-Feb. 1923)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

ボルシエヰキの暴政（四）

エマ・ゴオルドマン
大杉榮譯

クロポトキンのロシア革命觀

一

二度目にピイタア・クロポトキンを訪ねた時には、私達は一時間ばかり一緒にゐた。こんどは、ピイタアは、ロシア革命に就いて、ボルシエヰキの勤めた役目や、其の無政府主義者に與へた教訓や、又一般には全世界に與へた教訓を、詳細に話した。

彼れはロシア革命を、其の範圍に於ても又其の可能性に於ても、フランス革命よりも餘程大きなものと見てゐた。ロシアの民衆は西ヨオロツパ流には發達してゐないが、其生活を新しくしようとする事に就ては、西ヨオロツパの民衆よりももつと信頼が出來る。二月革命や十月革命の際の民衆の精神は、彼等が其の協同的努力を待つてゐる大變革を十分理解してゐた事を證據立てた。そして彼等は喜んで其の役目を果した。

何にかの大事件が彼等の前にあつて、そして彼等自身がそれに當り、自ら組織し、自ら進んで行かなければならない事を彼方は知つてゐた。此の精神は、今は餓鬼、困苦と恐怖とによつて壓制、されてゐるが、まだ十分に生きてゐる。ボルシエヰキの壓制に對するロシア民衆の頑強な抵抗は、其の最もいゝ證據だ。權力の爲めに進んで行くボルシエヰキは、彼等自身が主張する如き、革命の前衛では決してなかつた。彼等は、反對に、民衆の力の上潮をおしとゞめる堰だつた。

たゞ獨裁のみが革命を指導し保護すると云ふ其の固定觀念でもつて、彼等は現に今革命を押しつぶしつゝあるところの其の恐ろしい國家を強大にして行つた。マルクシアンであり彼等は革命の唯一の保護は民衆自身の其の經濟生活を組織する才能にあるのだと云ふ事が分らず、又遽にそれが分る事もないだらう。

クロポトキンはかう云ひながら、猶彼れは其のロシア革命に就いての意見をヨオロツパの勞働者に與へる手紙の中に發表した、と附加へて云つた。

二

クロポトキンは又、革命の爲めに働いた無政府主義者の仕事に就いて、其の或者の死に就いて、多くの同志の勇敢な奮鬪に就いて、又ごく少數の同志の無實任に就いて話した。そして、何により先づ彼れは、すべての無政府主義者が革命の際、建設的事業の爲めにもつとより準備してゐなければならない必要を、特に力說した。私は彼れの次ぎのやうな言葉を今まだはつきりと覺えてゐる。

「吾々無政府主義者は社會革命と云ふ事は隨分口にした。が、どれだけのものが革命の際又は革命の後に取らなければならない。實際の仕事に就いて準備してゐたらうか。ロシア革命は實際的建設事業の爲めのかうした準備の缺く事の出來ない事を證據立てた。」

クロポトキンは其の親友の一人にあてた手紙に、彼れは無政府主義の經濟的基礎をシンヂカリズムの中に見出した、と書いてゐる。實業を換へて云へば、革命の際の民衆の力の經濟的組織と表現との方法をそこに見出したのだ。

三

それは忘れる事の出來ない日だつた。あゝ、私が此の老偉人と一緒に時を過した最後だつたのだ。彼れの最後の病氣の時に其の看護をするようにと呼ばれた時に、私は彼れが死んでから一時間してドミトリに着いた。例の官僚主義の混雜と無能と延引とが、クロポトキンが私に與へた一切のものに報ひる爲めにほんの少少の手助けをする機會を、私から奪つて了つた。

四

私は此の二度の訪問でクロポトキンに驚いた二つの事がある。それはボルシエヰキに對する憎しみのない事と、彼れ自身が少しも其の困苦と窮乏とを語らなかつた事だ。ボルシエヰキ制度の下に於ける其の生活の多少苦しい事を私が知つたのは其の死後だ。

一九一八年の初め頃、クロポトキンはモスクワの老友の或る科學者から手紙を受取つた。其の科學者はもと二人の子供と一緒に或る一室に住んでゐた。そこには、たゞ一つの小さなランプが食卓の上を照してゐるだけで、其の卓の上で子供等は勉強し、妻は何にかの原稿を寫し、そして彼れは其の一隅で科學的研究をしてゐた。彼れは其の家から十二ウエルトもあるところへ勤めて行つて、毎日そこへ歩いて行かなければならなかつた。

各國語のいろんな出版物を通していつも全世界と接觸してゐた彼れは、今は此の生命の源から全く切り離されて了つた。彼れはモスクワやペトログラドで起つてゐる事すらも知る事が出來なかつた。彼れの唯一の通報機關は、二つの官報のブラウダとイズヴエスティアとだつた。彼れはドミトリに暮らしてゐる間は、其の倫理學の著述に餘程の不便があつた。必要な參考書も得られなかつた。一言で云へば、クロポトキンは精神的に餓えてゐたのだ。そしてこれは、勿論、彼れにとつては肉體の不養生よりも餘程大きな苦しみだつたのだ。

五

クロポトキンは多くの人々よりも餘程いゝ食糧を受けてゐた。が、それでも彼れの生活力を保つて行くには遙かに不十分だつた。

幸ひに彼れは、時々方々から、食料品の補助を受けた。外國や又はウクライナの同志が折々彼れに食料品を送つた。彼れは又、當時南ロシアの反革命に對する一大恐怖としてボルシエヰキが傳へてゐたマフノからも、同樣のおくり物を受けた。

が、其の殊に感ぜられたのはあかりと燃料との缺乏だつた。私が一九二〇年に彼れを訪ねた時には、其の家族は一と室以上にあかりのある事を幸福のやうに思つてゐた。一九一八年の一部分と一九一九年の全部はクロポトキンは小さな石油ランプの細い光りで、其の論理學を書いてゐた。そして其のために殆んど盲になつて了つた。

しかしこれは晝の短い時間の間にでも、後れは、ゆつくりと一字一字拾ひながら、タイプライタで其のノオトを寫しある事が出來るのだ。

けれども、クロポトキンが其の健康を害つたのは、彼れ自身の不自由からではなかつた。彼れの最後の二三年間を最も深く傷なしめたのは、それはロシアの類稀辛苦だ。彼れの周圍の苦しみだ。有らゆる思想の壓迫だ。思想に對する迫害と投獄だ。民衆に對する無限の食糧强奪だ。

六

若し彼れが其の苦しみを少しでも助けるとか輕くするとかする事が出來て、ロシアの獨裁者等を其の方向へやる事が出來るならば、それでもよかつたのだが。彼れにはそれが出來なかつた。彼れはボルシエヰキに對する人達と同じやうには、革命の敵と手を携へる事が出來なかつた。コオロツパの新聞雜誌に其の抗議を發表する方法があるとしても、反動主義等はそれを反ロシア革命に利用する事が出來るのだ。

クロポトキンはそんな事は出來なかつた。そして彼れはたゞボルシエヰキ政府に抗議する事の無駄な事をあまりによく知つてゐた。

それでも、クロポトキンは默つてゐるのに堪えきれないで、二度此のつんぼの耳に訴へた。一度は人質をとる恐ろしいやり方に對する抗議で、もう一度は國家の事業以外の他の出版事業を全く禁止したのに對する抗議だつた。

秘密警察が其の恐ろしい存在を始めてからでも、ボルシエヰキ政府はまだ人質をとる事をやつてゐた。母や父や姉妹等や兄弟等や子供等までも、老若には構はずに、其の近親の一人の罪のために捕へられて、屢々射殺された。しかも其の近親のもの、罪と云ふのは、十中の九は、彼等は何んにも、それに就いて知らないのだ。

一九二〇年の末に、ヨオロツパへ亡命した社會革命黨等は、若し其の同志に對する壓迫が續續されるなら其の復讐を守ると云つた。するとボルシエヰキ政府は其の官報に廣告して、各共產黨員は十人の社會革命黨員を捕へろと命じた。

其時に、有名な革命家のヴエラフイグネルとクロポトキンとは政府者に抗議者を送つた。彼方は云つた。人質を取るなぞと云ふ事はロシア革命の汚れだ。既に其の惡るべき結果を持ち來たしたところの大惡だ。結果は決して、そんな野蠻な方法をとつた事に就いてボルシエヰキを忘れないだらう

（九頁五段へ續く）

立ン坊の叫

槇村浩

親察來

貧民窟！
どん底ー
彼方から——此方から
何處からか拂ち寄せて來た
「不幸」が
うづ高く吐ちばつてゐるのに
過ぎない——廢棄場のやうに
にと、いふのかい？

社會學を科學として
存在の理由を證明する爲に
研究室から街頭へ——
概念の抽出から脫れる爲に
事實から本質へ——
と、いふのかい？

ヂャンナトラ的可笑いやり
方法の若造めら——
なぜ、手前え等は
そんなに無駄、を拾りたがるのかい？
あの、コンクリの化石から
跳つて來た
木偶の坊よ！
そんな、ひからびた觀念の
化け物で
生命の滴る此方健康の肚音が、解つてたまるかい。

臆だよ！
力だよ！
動いてるんだぜ——絶えず
流動の世の中だぜ。
貧乏にや死ぬんだぜ。

せつば詰つた逃走の眞に、
姐さん、抗門に乘つて、
目白から。客見しに來たのかい？
御苦勞だなあ——。
氣に入つた名けえのお見つかつたかい？
何
貧乏を敵きに廻たつて？
それや、耳寄りだ。
本通りしたつて分るものぢやねえや。
まあ、寄つて行きな。

414

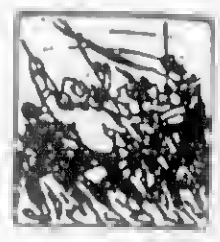
881108006

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik dictatorship. In Japanese] Bolushebiki no Bòsei / Emma Goldman.—pp. 266-315 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. —Nos. 7-11 (Sept. 1922-Feb. 1923)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

Copy for Personal Use Only The Library, University of California at Berkeley

勞働反對運動の現在及將來

大杉榮

一

新經濟政策以來のロシアの新勞働法の最も重要な部分は、同業工場の經營者に絶對の權威を與へた事だ。種々の工場や製造所や鑛山は、たゞ一人の責任ある長官に委任される。それに就いて新勞働法はかう云つてゐる。

「大化掛の工業の急速な發達は、工業經營者の手に絶對の權力を集中する事を要求する。其の經營者は、組合に協商して賃銀や賞與や食糧割當や住宅等の事を決定する全權力を持つところの、唯一の責任ある長官である。」

此の規則の重要さは、國營工場の新經營者等の大部分が革命によつて取りあげられた前の、其の同じ工場の舊所有者であり兩支配人であつたものだと云ふ事を考へれば、もつとよく分るだらう。其の工場から持主を逐ひ出した勞働者に對する彼等の態度は、友愛的であるとか客觀的であるとか云ふ事からは遙かに遠い。今彼等に與へられた勞働者に對する絶對の權威がどんな明白な結果を齎らすかは誰れにでも先見する事が出來よう。

新勞働法は此の點に就いて何んの疑も挾ませないように注意深く出來てゐる。それには繰返し繰返して、「工場を利益分配の基礎の上に置き、仕事の能率をうまく上げるように勞働者を導んで、かくして生産高を增す最大の自由を經營者に與へなければならない。」

と云つてゐる。そして勞働者と其の組合も其の從事する工業の經營には何等直接の發言を許されないのだ。此の點に就いても新勞働法は極めて明白で且つ絶對命令的だ。

「勞働組合が工業の經營に就いて少しでも直接に干渉するのは、絶對的に有害であつて、如何なる條件の下にも許すべからざる事と認めなければならない。」

二

かくして新經濟政策は、ロシアの無產階級のために賃銀奴隷の鎖を鑄て、他の資本主義諸國の勞働狀態よりももつと惡い狀態の中に勞働者を陷れて了つた。

が、ロシアの勞働者と農民とは革命を無駄には過ごして來なかつた。彼等は最近五ケ年間に多くの有益な教訓を學んだ。彼等は多くの年の迷信と虛僞とから解放された。政府や政治上の約束の假面の裏を明白に見るようになつた。

彼等は苦しく其の革命的自然と戰鬪的精神とを發達させた。尤も後等は、長年の戰爭と革命とで疲れきつて、且つ饑餓のために肉體的に弱つてゐる。しかし其の長い間の苦勞と彼等の上に加へられた恐怖政治とに負けずに、時代の最大の知識を十分に飮みこんで、政府や權威に對する信仰を棄てゝ、今はたゞ彼等自身の直接の努力によつてのみ其の解放が得られるのだと云ふ事を知つてゐる。

三

ロシアの將來の勞働運動がどんな特殊の形をとるだらうかと云ふ事は、豫言をして見たところで無駄だ。しかし其の次階の性質は既にもう明白に現はれてゐる。勞働反對は、政府によつて禁止され又壓迫されてはゐるが、死んだのではない。まだ生きてゐるしかも明かに益々其の力を得て來てゐる。獅子の牙の前で頭をあげると云ふ事だけでも既に十分大膽すぎる事だ。ロシアの共產主義團體は勞働反對の此の元氣にびつくり仰天してゐる。

共產主義インタナショナルの最近の執行委員會で、勞働反對派の共產主義者等は一砲彈を爆發させた。即ちコロンタイやシュリアプニコフを含む二十一名の署名で、共產黨の勞働政策を「勞働者に對する殘虐な且つ挑亂的な戰ひだ」と批難した一陳情書を提出した。

そして此の陳情書は更に進んで、共產黨の首領等をも批難して、彼等はロシアの無產階級の最善の利益を無視して、勞働者を最惡の奴隷にして了ふものだと云つてゐる。かくして勞働反對派は、獨立して創造的勞力のための勞働者の精力を解放して、勞働團體に對する鎭壓的新勞働法の廢止を要求した。

しかし共產黨の首領等と其の閣家とは、以前の經驗からは何んにも學ぶところがなかつた。今でもまだ彼等は新しい法令によつて勞働者のこれらの不滿と要求とを「アナルコ・シンヂカリズム的傾向だ」と云つて、骨つて此の問題を論ずる事を禁じた共產黨第十回大會の決議をさしつけた。

政府の代辯者であるモスクワ・ブラウダは、勞働反對を強壓すべしと聲して、「反對派を打ち倒せ、陰謀を打ち倒せ」と云ふ聲波をあげてゐる。

四

ボルシエキヤ國家は殘忍極まり、共產黨は陰險極まる。しかし此の殘忍も陰險もロシアの勞働問題を解決しはしないだらう。

ロシアの無產階級と其の國家的及び私人的資本主義との間の鬪爭は、今猶進行しつゝある。現に反對派は今、八万人の勇敢な同志を結束して、國內で其の政府と戰ふと共に、諸外國の同志と共にベルリンで第四インタナショナルを組織して新しい革命のために國際的に戰はうとしてゐる。

獅子の牙の前に頭をあげるこれだけの勞働者がゐる事は、既に十分驚異に價ひする。

歷史的必然は、ロシアの勞働者や農民の革命的經驗と戰鬪的精神とに助けられて、やがて最後の其の結論を語るであらう。（完）

（八百七段から續く）ところの大罪だ。

二度目の抗議は、ボルシエキヤ政府が有らゆる出版事業を、それが政治的のものでも協同的のものでも又個人的のものでも、すべて解散させつゝあつた時に對するものであつた。此の抗議は當時開會中の第八回全露ソビエト大會議長に提出された。教育委員會の一役人であつたゴリキイも、それと竝んで同時にペトログラドから同樣の抗議書を送つた。

クロポトキンは、其の抗議書の中に、かくの如き政策が有らゆる進步の上に又實際有らゆる思想の上に及ぼす危險に就いての注意を呼んだ。かくの如く思想を國家の事實にする事は、創造的事業を全く不可能にして了ふのだ。最近四年間のロシアの形勢は其の十分な證據だ。

七

ピータア・クロポトキンの著しい特性の一つは、彼れ自身に就いての何事につけても其の無自な事であつた。私が、其のドミトリの家にゐた三十六時間の間に、私の彼れを知つた幾年もの間よりも、もつと彼れの私生活に就いて知るところがあつた。しかし其のごく近い周圍の人でも、彼れが大した才能の藝術家であり又音樂家であつた事を知つてゐるものは少ない。彼れの遺物の中に、私は彼れ自身の描いた非常にいゝ繪を集めたものを發見した。

彼れは非常に音樂が好きだつた。そして彼れ自身も少なからざる才能を持つた音樂家だつた。彼れは其のひまの時間の多くを其のピアノで費した。勿論彼れは其の深い理解でもつて奏でる大音樂家等の歌曲の中に多少の慰安と平安とを見出す事が出來たのだ。

彼れは其の生きてゐた時と同じやうな柔和な顏をして、靜かに眠つてゐるやうに、其の臨終に橫はつてゐた。そこに、此の偉大なロシアの子が橫はつてゐるのだ。彼れは鬪爭と努力とをもつて革命に參與であつた彼れはそれを見棄てる事は出來なかつたのだ。彼れは革命の旗の上に記念碑のやうに建てられたロシアの勞本主義を見るまで生てゐなかつた。

しかし、そんな事があつたところで、民衆の復活と、自由主義革命の最後の勝利とに對する其の熱烈な信仰を、彼れから奪ふ事は出來なかつたらう。

「無政府主義者の見た ロシア革命」序

ロシア革命は資本主義制度を顚覆した最初の社會革命だ。世界の勞働運動の出現を促した。そして第二篇の「德岡磯線論の成果」は、日本の勞働者をして再びロシアの轍をふましめようとする日本共產黨の陰謀を摘發したものだ。

附錄の「革命の研究」は、三十餘年前にクロポトキンが主としてフランス革命に就いての其の研究の一部分を發表したものであるが、それを今日のボルシエキヤ革命に當てはめて、僞善者は其の大部分なき事に氣づかざるを得ない位だ。先きには熱心なボルシエキヤであつたが、今はボルシエキヤ政府に愛想をつかしてゐるアナキストの勞働運動と東西相呼應してそれに戰鬪を續けてゐる、イギリスのバンクハスト女史の如きも、此の一小冊子を推奬して最近其の機關紙に連載した。

一九二一、一、二七　大杉榮

スキイの民主政府を倒した十月革命は、主として『革命は如何にして爲されなければならないか』を、僞善者に敎えた。そしてそれ以來の歷史はボルシエキヤ革命の進行は、主はとして『革命は如何にして爲されてはいけないか』を、僞善者に敎えた。と云ふ事だ。

本書は、ボルシエキヤ革命の事實に就いて、此の『革命は如何にして爲されてはいけないか』の方面を多少明かにしようとしたものだ。

第一篇の『ソヴエット政府と無政府主義者』は、此の兩者の間の關係を示し。第二篇の『ボルシエキヤの惡政と新勞働運動』は、謂ゆる勞働者と農民との政府である勞農政府の非勞働者的非農民的惡政を指摘して、更に

415

881108006

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik dictatorship. In Japanese] Bolushebiki no Bòsei / Emma Goldman.—pp. 266-315 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. —Nos. 7-11 (Sept. 1922-Feb. 1923)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

ボルシエヰキの暴政 (五)

エマ・ゴールドマン

大杉榮譯

一

ボルシエヰキが非常に實讃されてゐる勞働組合の成功は、ミセス・アアデングのイプセンの「人形」つた評を私に思ひ出させる。「私にたどりつとした結目を解かうと思つただけなのにそれを解いて了つた。そして私には、それがおつかさんにつてあつた事が分つた」

ロシアに於たるのだ、元づ其の決意を引くのは勞働組合だ。考へて見るがいゝ。一つの結目を解き始めると直ぐに、其の全體の組目がほどけて了ふ。此の勞働組合は、ボルシエヰキのどのほかの制度とも同じやうに、ミシンで縫はれてある。集産主義國家のミシンで縫はれてゐると云ふ事が分つて來る。

二

實際、ボルシエヰキ制度の下にある勞働組合に就いて語るには餘りに困る事がある。なぜ、勞働組合と云へば、少なくともボルシエヰキ……

は、或る一定の歴史的定義がある。それは、其つ保守的つ意味に云つても、經濟的改善のための組織された勞働者の戰爭的鬪爭と云ふ事だ。革命的の意味で云へば、勞働組合は、或はさう云ふよりも寧ろ産業的シンヂカリスト組合は、搾取制度を倒して、解放された社會の生産を××が××すると云ふ事のために働く戰鬪的勞働者の經濟的護衛團體だ。

然るにロシアの勞働組合は、此の定義の意味にも又革命的意味にも、勞働者の要求を代表してゐるものではないのだ。其の實際のところはボルシエヰキ國家の强制的且つ實際化された一附屬物なのだ。レニンが勞働組合の使命に就いての論文の中に云つたところに據れば、それは「共産主義の學校だ」さ、實はさうですらもないんだ。學校なら其の生徒の自由な發育と發意とを必要とす、ロシアの勞働組合は、勞働者が國家と云ふ神者の壓一組合員たる事を强制されたところの、强制勞働の學校だ。

三

ロシアの勞働組合は、年はまだ若いのだが（それは一九〇五年即ち十七年前に生れたものだ）ごく戰鬪的な團體だつた。それは資本……

ばならなかつた。即ちロシアの勞働者は、其つ勞働組合の自治と發意とつ有らゆる機能を破壞するところの團體のために、其の費用を出すために、其の費銀つ三パーセントを引かれた。

全露勞働組合ソヰエトは百二十名の委員で形づくられてゐる。そして其つ中央執行委員會は十二名の執行委員で出來てゐる。そして實際にはたゞ共産主義者だけが此のどちらの委員會にも選擧される。

其の結果、勞働組合は、其の政策に於ても職掌に於ても、全く國家によつて指導され指揮されるところつ、國家機關つ一部分となつて了つた。たゞ組合員は其の團體の行動に就いては何にも云ふ事が出來ない。西ヨーロッパで云ふような組合つ自發つ合合も、それが全く其つ組合內つボルシエヰキ分子によつて支配されるもの・地には、聞かれない。若し、或る組合が組合の職掌を遂行うとしてもすれば、それは西ヨーロッパやアメリカの勞働組合が經驗するような事にも、其つ後に生ずる當局の下では、絶對に駄目にして其の目を閉ぢるのでなければならないといふ事を、直ぐに承知させられる。

五

例へばだ。我黨的・某組合をつくつてゐるモスクワのパン製職人等は、一九二年の夏、其のパンの配給を增して欲しいと云つて罷業した。政府はこんな事には大して注意しなかつた。罷工團・解散され、最……

諸工場の勞働者等が其の二十二名の組合員の放逐に對して抗議した時、ペテログラード諸勞働組合長アンフェヰヤアはそれが皆んなチェカ（秘密警察）に所屬のものだとつてわたが、彼れは其の數日後に各工場を捜索して更に多くの勞働者を收監した。

一言で云へば、ボルシエヰキ・ロシアの勞働組合は全く國家に吸收されて了つて、國家のための警察任務をするほかに何んの意味も職掌もないものだ。

勿論、かうした狀態は、勞働者側の最も深刻な不滿を生ぜずに、長く續かせる事は出來なかつた。事實一九二〇年には、此の不滿が其だしく一般的になり、それがどう段裂するか分らなくなつたので、政府は其の形勢を眞面目に考へて見なければならなくなつた。そして其の年の終りには、勞働組合の職掌に關しての論爭が起り、共產黨自身の中にも此の重大問題に對する反對つ意見つある事が明らかになつた。

七

共產黨の有らゆる首領等は勞働組合の運命を決定する偉烈な論爭に加つた。そこに提出された議論は四つの主なる傾向を示した。

第一にはレニン、ジノヰエフ派だ。これは「勞働組合は生產階級鬪爭の下に於ける只一つの職掌一即ち其の產上後の學校としての役目しか持たないと主張した。

第二の傾向はリアザノフと其の黨與とによつて代表され、勞働組合はやはり勞働者のフォラム（公會所）と……

しての其の經濟保護者として働かなければならないと主張した。

第三派は、軍國主義の實現によらなければ物事を考へる事の出來ない軍事的大才トロツキイの一派だ。彼れは、勞働組合はやがて工場の經營者であり統制者であるだらうが、目下のところは組合の管理は軍隊的方法できめなければならないと云ふ論を出した。

最後の最も重要な一派は本當に勞働者の實際の感情を代表し又勞働者の支持を受けた、コロンタイとリアプニコフとの率ゐる勞働反對派だつた。

この反對派は、勞働組合の軍隊化がロシアの經濟的改造に就いての勞働者の興味を打ち殺し一其つ生產能力を破壞さした、と主張した。そして、官僚的國家と其の腐敗した官吏等に壓迫されつゝある勞働者を解放し、國家に其の創造的力を持らせる事を要求した。

八

それは實に、トロツキイとジノヰエフとが互に鬪々の特別列車で國中を驅け廻つて、五に其の反對論を壓き廻はると云ふやうな、お大さうな論爭だつた。たとへば、ペテログラードは、ジノヰエフの勢力が非常に有力で、トロツキイに其の反對の意見を、そこの共產黨員團體で述べる許可を得るまでには、餘程の努力が要つた。

トロツキイの反對論は極端な感情を起さして、なんと共產黨の分裂を來さんとさせた。（九に第四段へ續く）

過激法案反對運動

中名生幸力

◆

今囘衆に、政府が治安警察法改正案を再び上程するについて、政府が法案の提出を斷念するに至つた經過は、勞働者の中にいろ〳〵に議論が分れた。

第一は政府は政府で勝手放題をやれ、俺達は俺達で勝手放題をやるんだと云ふて政府の態度をとる人々。

第二は俺達が如何に騷いでも政府は政府だから、反對運動をどうにか……

416

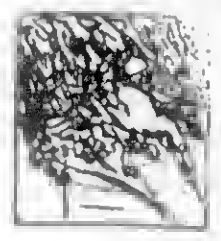
881108006

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik dictatorship. In Japanese] Bolushebiki no Bòsei / Emma Goldman. – pp. 266-315 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. – Nos. 7-11 (Sept. 1922-Feb. 1923)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

Copy for Personal Use Only The Library, University of California at Berkeley

組合運動と議會政策

一組合労働者

◆

近頃政治問題に入つてから、大分労働運動者の中で議會政策を主張して普選運動に走はらうと云ふ人がある。じも、組合運動者の中では極く少數ではあるが。

日本に於ける労働組合の多數派たる、總同盟友愛會は、今度明白に議會政策に反對し「普選運動は労働階級の解放を招致するものにあらず」といつて政治的直接行動による政權の獲得を主張したさうだが、日本の現狀では議會を無視する政權獲得運動は極て困難だ。此の點から、已に政權の獲得をも利用するのが當然であらう。一部の組合運動者が普選熱を高めて來たのも決して無理ではない。

◆

併しながら、取へてロシア共和國の例に據らずとも所謂無產階級の政權獲得は決して労働階級の解放を成就するものでない。況して其の政權獲得すら覺束ない議會政策に何物を期待する事が出來よう。

抑も議會なるものは、いふまでもなく現在の社會組織即ち資本主義私有制度の產物で、資本家階級が、貴族や軍閥の專制政治を倒すと共に、吾々労働者階級の血と汗を搾取する手段に用ゐられてゐるのだ。然るに労働階級が此の資本家階級を倒すために如何に政權を握つても、其の議會が資本家階級の機關に過ぎない。既に政權を握つた社會黨の國會議員の首へ縄をつけて引張つて來ることだ。もし吾々が、治安警察法の廢止や、工場法の改正や、又、近く現はれるであらう過激法案の阻止などを仕事とするならば、社會改良主義者や、革新黨諸部あたりへ任しておけばよい。

■

貧村

貧乏に苦んでゐる吾々労働者が彼此へ集つて始めは起度いゝに違ひない、と思ひ込んで、或日自分の選擧した社會黨の國會議員の首へ縄をつけて引張つて來ると先づ玄關先で、「そういふ名の人は一向に知らないが、一體なんの用なんだ。」と取次が問ふた。

ハテこんな筈ではないがと思つたが、「貴は吾々労働者の生活狀態をお話して、議會で、労働者の爲しがもう少し樂になるようにお取計らひが願ひたくて上りました。」と恐る恐る云つた。

取次は一先づ引つ込んだが、再び玄關に現はれて、「切角ですが、只今は議會の開會中で、自黨議員の應接や、反對黨に對する策略やらで多忙を極めて居りますから、閣會後になつて御願が出來たらどうかお出でを願ひます。」と答へた。

勿論これは普通一選擧が行はれてから起つた話で、決して今ある話ではない。

（「近代思想」から）

を倒す爲めにその議會に依る必要が何處にあらう。

代議政治の正體を仔細に觀るならば、労働階級の幸福がそれで計れよう筈のない事は明かだ。今日何れの普選實行國でも、議會は依然として資本家階級と權力階級の機關に過ぎない。既い資本家的罪惡の中から當選といふ事のみを目的として立つ代議士に、果して労働者の意志を代表するものが幾人あらう。

若し百歩を讓つて、選擧が果して公平に行はれ、適當な議員が選ばれて、常に吾々労働者の意志が代表されることが確かだと假定しても、是れによつて資本主義を打破し、労働階級の解放を成就することは斷じて不可能だ。

◆

憲法は中止される時がある。選擧權は奪はれる時がある。議會は解放される時がある。議會に於ける労働黨の勢力が抑へ難いと見れば、横暴な資本家政府は、必ず之を斷行する。事玆に至つては最早吾々自身の團結の力による外はない。

然るに今、吾々自身の團結は、直接に資本家と鬪ふ事さへ不充分であるのに、何の躊躇もあつてか普選運動などの除草にふけらう。

吾等労働者の欲するのは代表者を總理大臣にすることではなくて、生活を安固にすることだ。法律をつくつて人を支配することではなくて、衣食住の滿足を得ることだ。もし吾々が、治安警察法の廢止や、工場法の改正や、又、近く現はれるであらう過激法案の阻止などを仕事とするならば、社會改良主義者や、革新黨諸部あたりへ任しておけばよい。

■

貧村

貧乏に苦んでゐる吾々労働者が彼此へ集つて始めは起度いゝに違ひない、と思ひ込んで、或日自分の選擧した社會黨の國會議員の首へ縄をつけて引張つて來ると先づ玄關先で、「そういふ名の人は一向に知らないが、一體なんの用なんだ。」と取次が問ふた。

ハテこんな筈ではないがと思つたが、「貴は吾々労働者の生活狀態をお話して、議會で、労働者の爲しがもう少し樂になるようにお取計らひが願ひたくて上りました。」と恐る恐る云つた。

取次は一先づ引つ込んだが、再び玄關に現はれて、「切角ですが、只今は議會の開會中で、自黨議員の應接や、反對黨に對する策略やらで多忙を極めて居りますから、閣會後になつて御願が出來たらどうかお出でを願ひます。」と答へた。

勿論これは普通一選擧が行はれてから起つた話で、決して今ある話ではない。

（「近代思想」から）

（八月七日發行）

主義を打破して、労働階級の解放を目的とするならば全力を吾々労働者の團結運動に集注せねばならぬ。

そしてかりにも、明白に敵である所の代議士などゝ妥協する事なく、自身の力で直接に其の目的を貫徹する覺悟と努力とが必要だ。

一〇

労働組合の役目に就いてのこのレニンの論策で主張されてゐるやうな新經濟政策が、新しい労働問題と避く可らざる事實との門を開くものである事は明白だ。

そして此の來るべき一切の労働爭議の解決は、労働組合のそとにある或る「より高等な團體」の手に當かれるのだ。レニン等の委員會は既に、労働爭議の强制的仲裁をする此の『最高權威』は共產黨と第三インタアナショナルとでなければならないと云つてゐる。

共產主義インタアナショナルはロシアの労働運動を其の支配の下に置くと同時に、西ヨオロッパやアメリカの労働團體をも其の統制の下に置かうとしてゐるのだ。

其の間に、新經濟政策の下にあるロシアの労働者は革命が始まつた頃よりももつと惡い狀態に陷りつゝある。革命の結果として與へられた點の——尤もそれは殘らもないのだが——保證までもなくした。殊に労働時間に就てなぞはさうだ。

最近四時間、ロシアのどこにでも行はれてゐた八時間労働は、今は事實上廢止されて了つた。一九二一年十二月の官報モスクワ・プラウダに據るに、其の形勢はかうだ。六百九十五の工場の中で、八十六だけが八時間労働を維持してゐる。大多數の工場では九時間労働をしてゐる。四十四の工場では十時間乃至十二時間の労働だ。十一の工場では十四時間乃至十六時間だ。

（八月七日發行）

主義を打破して、労働階級の解放を目的とするならば全力を吾々労働者の團結運動に集注せねばならぬ。

そしてかりにも、明白に敵である所の代議士などゝ妥協する事なく、自身の力で直接に其の目的を貫徹する覺悟と努力とが必要だ。

一〇

労働組合の役目に就いてのこのレニンの論策で主張されてゐるやうな新經濟政策が、新しい労働問題と避く可らざる事實との門を開くものである事は明白だ。

そして此の來るべき一切の労働爭議の解決は、労働組合のそとにある或る「より高等な團體」の手に當かれるのだ。レニン等の委員會は既に、労働爭議の强制的仲裁をする此の『最高權威』は共產黨と第三インタアナショナルとでなければならないと云つてゐる。

共產主義インタアナショナルはロシアの労働運動を其の支配の下に置くと同時に、西ヨオロッパやアメリカの労働團體をも其の統制の下に置かうとしてゐるのだ。

其の間に、新經濟政策の下にあるロシアの労働者は革命が始まつた頃よりももつと惡い狀態に陷りつゝある。革命の結果として與へられた點の——尤もそれは殘らもないのだが——保證までもなくした。殊に労働時間に就てなぞはさうだ。

最近四時間、ロシアのどこにでも行はれてゐた八時間労働は、今は事實上廢止されて了つた。一九二一年十二月の官報モスクワ・プラウダに據るに、其の形勢はかうだ。六百九十五の工場の中で、八十六だけが八時間労働を維持してゐる。大多數の工場では九時間労働をしてゐる。四十四の工場では十時間乃至十二時間の労働だ。十一の工場では十四時間乃至十六時間だ。

（八月七日發行）

主義を打破して、労働階級の解放を目的とするならば全力を吾々労働者の團結運動に集注せねばならぬ。

そしてかりにも、明白に敵である所の代議士などゝ妥協する事なく、自身の力で直接に其の目的を貫徹する覺悟と努力とが必要だ。

一〇

労働組合の役目に就いてのこのレニンの論策で主張されてゐるやうな新經濟政策が、新しい労働問題と避く可らざる事實との門を開くものである事は明白だ。

そして此の來るべき一切の労働爭議の解決は、労働組合のそとにある或る「より高等な團體」の手に當かれるのだ。レニン等の委員會は既に、労働爭議の强制的仲裁をする此の『最高權威』は共產黨と第三インタアナショナルとでなければならないと云つてゐる。

共產主義インタアナショナルはロシアの労働運動を其の支配の下に置くと同時に、西ヨオロッパやアメリカの労働團體をも其の統制の下に置かうとしてゐるのだ。

其の間に、新經濟政策の下にあるロシアの労働者は革命が始まつた頃よりももつと惡い狀態に陷りつゝある。革命の結果として與へられた點の——尤もそれは殘らもないのだが——保證までもなくした。殊に労働時間に就てなぞはさうだ。

最近四時間、ロシアのどこにでも行はれてゐた八時間労働は、今は事實上廢止されて了つた。一九二一年十二月の官報モスクワ・プラウダに據るに、其の形勢はかうだ。六百九十五の工場の中で、八十六だけが八時間労働を維持してゐる。大多數の工場では九時間労働をしてゐる。四十四の工場では十時間乃至十二時間の労働だ。十一の工場では十四時間乃至十六時間だ。

（八月七日發行）

主義を打破して、労働階級の解放を目的とするならば全力を吾々労働者の團結運動に集注せねばならぬ。

そしてかりにも、明白に敵である所の代議士などゝ妥協する事なく、自身の力で直接に其の目的を貫徹する覺悟と努力とが必要だ。

一〇

労働組合の役目に就いてのこのレニンの論策で主張されてゐるやうな新經濟政策が、新しい労働問題と避く可らざる事實との門を開くものである事は明白だ。

そして此の來るべき一切の労働爭議の解決は、労働組合のそとにある或る「より高等な團體」の手に當かれるのだ。レニン等の委員會は既に、労働爭議の强制的仲裁をする此の『最高權威』は共產黨と第三インタアナショナルとでなければならないと云つてゐる。

共產主義インタアナショナルはロシアの労働運動を其の支配の下に置くと同時に、西ヨオロッパやアメリカの労働團體をも其の統制の下に置かうとしてゐるのだ。

其の間に、新經濟政策の下にあるロシアの労働者は革命が始まつた頃よりももつと惡い狀態に陷りつゝある。革命の結果として與へられた點の——尤もそれは殘らもないのだが——保證までもなくした。殊に労働時間に就てなぞはさうだ。

最近四時間、ロシアのどこにでも行はれてゐた八時間労働は、今は事實上廢止されて了つた。一九二一年十二月の官報モスクワ・プラウダに據るに、其の形勢はかうだ。六百九十五の工場の中で、八十六だけが八時間労働を維持してゐる。大多數の工場では九時間労働をしてゐる。四十四の工場では十時間乃至十二時間の労働だ。十一の工場では十四時間乃至十六時間だ。

417

900626000

The Emma Goldman Papers

[A sketch of Alexander Berkman. In Spanish] Esbozo Biográfico de Alejandro Berkman / Emma Goldman.– pp. 5-6 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. –(Sept. 11, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from Biblioteca Jose Ingenieros.

Esbozo biográfico de Alejandro Berkman

I

Para hacer un esbozo biográfico, aunque se tratase de un hombre ordinario, me sería difícil en el espacio limitado que está a mi disposición, de modo que para hacer la biografía de un hombre cuya personalidad es tan compleja y cuya vida es tan fecunda en acontecimientos como la de A. Berkman, la cosa se hace casi insuperable. Para dar satisfacción en un asunto tan rico y matizado, no hay que estar limitado por el espacio, como yo lo estoy.

No voy, pues, a tratar de hacer una biografía por el momento. Voy simplemente a tratar los rasgos principales concernientes a la vida y a la actividad de nuestro camarada, que podrá servir de introducción a un escrito de mayor importancia. Quizás esto ayudará al lector a conocer la propia historia de Alejandro Berkman: "Memorias de prisión de un anarquista", que designan las diversas fases de su vida y de su ideal, mucho más poderosa e íntimamente que ninguna biografía podría hacerlo.

Si esta gran obra no ha sido aún traducida y publicada en diferentes idiomas es preciso reprocharlo a los anarquistas europeos: ellos se adhieren demasiado religiosamente a las viejas obras, a las obras que tratan de las teorías anarquistas. Deberían darse cuenta de que los rebeldes de la vida humana, ficies a esas teorías, la lucha y la rodaje labor de su espíritu, son más vitales y más significativas que las teorías mismas. Las "Memorias de prisión de un anarquista" son más poderosamente expresivas que la teoría y el ideal por los que Alejandro Berkman ha vivido, ha batallado y ha sufrido toda su vida.

La Rusia pre-revolucionaria es tan fecunda en caracteres revolucionarios notables que sería en vano que se quisiese distinguir la figura más heróica del movimiento revolucionario de ese país. Rusia fué el sol más fecundo para la producción del pensamiento y del sentimiento revolucionarios. La flor mejor que brotó de ese suelo — la juventud rusa revolucionaria — es única en los anales de la historia revolucionaria.

Alejandro Berkman surgió de ese suelo. Nació en Wilna, el 22 de noviembre de 1870 en una época rica de ideas y de actividad revolucionarias, época durante la cual Rusia fué sacudida hasta sus cimientos por el heroísmo y el sacrificio de sus mártires revolucionarios. Alejandro Berkman, sensitivo e idealista, no pudo escapar a la influencia del momento durante el cual todo en Rusia fué arrancado de sus viejas amarras y en el que las semillas de una nueva concepción de la sociedad humana política, religiosa y moral, económica y social fueron arrojadas. Así, por ejemplo, vemos a Alejandro Berkman, a los 12 años, escribir un ensayo que negaba la existencia de Dios; a los 15 es miembro de un grupo que se proponía estudiar la literatura revolucionaria. Lo que ayudó aún probablemente a formar el espíritu y el carácter de Berkman fué la vida trágica de su tío "Maxim", desterrado a Siberia por su actividad revolucionaria. Pero aún era la inspiración de esta figura heróica, en medio de su familia burguesa, su juventud fogosa se hubiera consagrado a la causa de la humanidad.

El revolucionario creador, como el verdadero artista, lo es más por su propia fuerza impulsiva que por las influencias exteriores. La vida entera de Alejandro Berkman es la prueba.

En razón de su espíritu rebelde, fué expulsado del *Gymnasium;* se le dió un pasaporte especial que le cerraba las puertas para todas las profesiones. Emigró a América, que en esa época era la tierra más hostil a las ideas revolucionarias.

Era en 1888, sólo algunos meses después del asesinato judicial de los anarquistas de Chicago, cuando Alejandro Berkman llegó a Estados Unidos.

Ya en Rusia había sabido del crimen del 11 de noviembre de 1887, puesto que en su libro cuenta cómo se había familiarizado con los nombres de John Most y de los mártires de Chicago en la pequeña biblioteca de Kovno; a pesar de eso, el joven Alejandro fué a América con fe en sus libertades democráticas. Poco después descubrió el engaño de la libertad política americana y del oportunismo económico.

Si el convencimiento en su ideal no hubiese estado tan arraigado en Berkman, habría sido sumido en el abismo americano, como lo fué la gran mayoría del flujo europeo. La intensa lucha por la vida y las numerosas ocasiones presentadas al hombre que es impulsado hacia un éxito material, habrían escamoteado toda su energía y su tiempo. Numerosos rusos revolucionarios, que fueron a América a buscar asilo, se dejaron absorber completamente por la persecución salvaje de la riqueza y de sus satisfacciones.

No pasó así con Alejandro Berkman. Es un espíritu creador cuyo rasgo dominante es la impulsión para inculcar una vida nueva; para propagar nuevas fórmulas; ¿qué importan las dificultades y el precio de la lucha! Es este rasgo, principalmente, el que hizo de Alejandro Berkman la figura más descollante del movimiento revolucionario y anarquista de Estados Unidos.

No tardó en escudriñar la indiferencia de este país. Primero en los círculos *hebreos*, en el grupo llamado "los pioneros de la libertad". Berkman se convirtió en uno de los espíritus más activos y abnegados, y más tarde, en el movimiento anarquista alemán, dirigido en ese momento por John Most. Pero todo esto no fué más que una vaga preparación para la labor suprema hacia la cual era impulsado por su irresistible rebeldía contra todos los sufrimientos sociales.

En 1892, con ocasión de la huelga en la región del acero, la primera y la más importante lucha a muerte de los trabajadores del Estado de Pensilvania contra su señor feudal, Andrew Carnegie, se despertó todo el país de la esclavitud y de la explotación en la industria. Esa gran lucha, poderosamente descripta por Alejandro Berkman en sus "Memorias de prisión" fué acompañada por la importación de fusiles Pinkerton de que se armó a los *Thugs* (miembros de una secta religiosa de ladrones hindúes) — detectives favoritos y defensores de la policía de la plutocracia americana de hace 30 años — que mataron once huelguistas, entre ellos un niño de diez años. El responsable de este crimen era H. F. Frick, representante y socio de Carnegie.

La actitud brutal de Frick ante los huelguistas, en declaración pública de que prefería verlos matar antes que hacer la más mínima concesión, y el asesinato final del 6 de julio de 1892, de once obreros no armados, promovieron la indignación en América. Aún la prensa conservadora denunció a Frick en los términos más acerbos. En toda América, los trabajadores dieron libre curso a sus sentimientos en mitines de protesta. Pero no hubo más que un hombre que tradujo la cólera de los trabajadores por un acto heróico. Este hombre fué Alejandro Berkman. El 22 de julio de 1892, entró en la oficina de Frick y atentó contra su vida; tres balas se alojaron en el cuerpo de Frick, pero éste sobrevivió. Berkman fué condenado a 22 años de prisión, aunque su acto, según la ley del Estado de Pensilvania, no implicaba más que siete de prisión. Para poder infligir tal sentencia a nuestro camarada, se fraguaron seis testigos falsos contra él, pues había intentado herir el corazón mismo de la plutocracia industrial americana.

Fué el primer gesto anárquico de terror económico en Estados Unidos, y Alejandro Berkman pagó duramente su protesta revolucionaria. Pasó catorce años en la prisión más terrible, la panificadora de "Allegheny", de Pensilvania. Lo que fueron estos años está descripto de mano maestra en las "Memorias de prisión". Aquí bastará decir que mientras que Berkman sufría todas las torturas imaginarias del cuerpo y del espíritu, nuestra civilización cristiana intentó aniquilar al rebelde, lo cual no le impidió salir de su tumba más entusiasta que nunca de la verdad y de la belleza de su ideal. Si a pesar de todo no se pueda ser excluido de la vida durante catorce años y volver a ella fácilmente. Alejandro Berkman, desde su liberación, se lanzó en la actividad revolucionaria americana con tanto fuego y pasión como antes, pero su larga detención y el recuerdo de las infortunadas víctimas dejadas tras de él, hicieron de sus relaciones con el nuevo ambiente un Gólgota diario.

Durante seis años, Alejandro Berkman hizo un esfuerzo sobrehumano para revivir, y fueron bien empleados. Editó la revista "Mother Earth", publicación que yo había comenzado en marzo de 1906. Dió conferencias, participó en las huelgas, fué uno de los organizadores de la Escuela Ferrer, en New York, y uno de sus primeros profesores. Se convirtió en el animador de todos los movimientos importantes de América. Pero no fué sino cuando terminó sus "Memorias de prisión" y que su obra revivió ante él, no fué sino entonces que la sombra negra de sus terribles años de prisión se disipó. Su libro lo había emancipado, y experimentó otra vez el calor de la nueva vida. A partir de ese día, Alejandro Berkman se dedicó íntegramente al trabajo, organizando, inspirando, creando. En New York, en 1914, estuvo a la cabeza del movimiento de los desocupados. Cooperó en la organización de la ola de indignación que atravesó todo el país en el momento de la huelga de los mineros de Ludlow (Colorado), en que los hombres, las mujeres, los niños fueron fusilados y quemados vivos por los *Thugs* mercenarios de Rockefeller. Con sus camaradas de New York se batió hasta en la ciudadela misma del señor feudal, la morada de Tarrytown del rey de los plutócratas americanos. Más tarde, en razón de las grandes cualidades organizadoras de Alejandro Berkman y de su popularidad entre los trabajadores, desafió la prohibición policial de organizar los funerales públicos de los tres camaradas muertos en la explosión del 3 de julio de 1914 en New York. La policía entró en escena — en Unión Square, (el lugar habitual de las reuniones) — dispuesta a masacrar, pero la presencia de 20.000 trabajadores inspirados y resueltos la impuso respeto. No se atrevió a poner en ejecución su plan asesino.

Durante todo el verano de 1914, Alejandro Berkman fué el espíritu vivo de la campaña antimilitarista; con ayuda de la revista "Mother Earth" se organizaron numerosos mitines, se distribuyeron centenares de de millares de prospectos con el fin de hacer conocer el crimen del militarismo y de hallar un eco a nuestros esfuerzos en el corazón y en el espíritu de los trabajadores.

En 1915, Alejandro Berkman se dedicó a la campaña en favor de Caplan y Smidt, acusados de participación en la famosa propaganda de los hermanos Mac. Namara. Recorrió una gran parte de América del norte propagando su causa, organizando comités de defensa, se procuró fondos, y en todas partes fué el cuerpo y el alma de esa labor. Al llegar a San Francisco decidió editar un periódico revolucionario obrero, el "Blast", que apareció durante diez y ocho meses difundiendo las ideas del sindicalismo anarquista y revolucionario en las organizaciones obreras. En julio de 1916, tuvo lugar la explosión de la "Preparedness Parade", en San Francisco, seguida del arresto de cinco obreros militantes: Thomas Mooney, Billings, Mrs. Mooney, Wainberg y Nolan. El pánico habitual, después de estos acontecimientos, se apoderó de todo el movimiento obrero de la costa del Pacífico. Los *leaders* obreros temían cobardemente acudir en ayuda de sus hermanos encarcelados; los socialistas se rehusaron igualmente a socorrerlos; Mooney, Billings y los demás

900626000

The Emma Goldman Papers

[A sketch of Alexander Berkman. In Spanish] Esbozo Biográfico de Alejandro Berkman / Emma Goldman.– pp. 5-6 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. –(Sept. 11, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from Biblioteca Jose Ingenieros.

Pá

Es

ca

...aron abandonados por sus camaradas de trabajo y amigos. Como siempre, los anarquistas se lanzaron en la lucha; Alejandro Berkman concentra toda su energía en organizar una vasta campaña en todo el país en favor de las víctimas de la conspiración capitalista contra el trabajo. Recorre todas las regiones, se presenta a cada organización obrera, desde San Francisco a New York. Llama a todas las puertas y pasa días y noches con los *leaders* obreros más activos para convencerlos de la inocencia de Mooney y de sus camaradas. En resumen, Alejandro Berkman se convierte en el Zola del asunto Dreyfus americano, su "yo acuso" es difundido por todos los países. Salva la vida a Mooney y a Billings. La agitación intensa hizo conocer en todas partes el crimen tan cobarde del Estado de California, maquinado por la Cámara de Comercio.

Si Alejandro Berkman hubiese podido continuar esta campaña, Mooney y Billings estarían en libertad desde hace mucho tiempo, pero la entrada de Estados Unidos en la gran guerra la ordenó, así como a todos los anarquistas, la dirección de todos sus esfuerzos hacia una campaña antimilitarista. El asunto Mooney quedó en manos de los politicantes obreros y el resultado es que Mooney y Billings están todavía en la cárcel.

Después vino la propaganda contra la conscripción. Comenzada por nuestro pequeño grupo, en New York, se extendió rápidamente por todo el país. Nuestra obra, por consiguiente, encontró mucho entusiasmo; la camarilla militar y petrolera vió el peligro de esta campaña y empleó medidas draconianas. Alejandro Berkman, otros camaradas y yo, fuimos detenidos, juzgados y condenados a dos años de penitenciaría, diez mil dólares de multa y después a la deportación. En lo que concierne a Alejandro Berkman la plutocracia era más exigente. Quería que fuese ahorcado. La Cámara de comercio de California no le había perdonado su actividad en el asunto Mooney. Los esfuerzos, la voluntad de Berkman la habían arrancado su presa. Sin Berkman habían hecho desaparecer a los cinco trabajadores arrestados. Había aguado su festín de sangre. Era preciso que pagase eso.

Alejandro Berkman se encontraba entonces en New York. El problema era llevarlo a San Francisco. Una vez allí, su vida estaba perdida. El arresto de nuestro camarada y la acusación de propaganda contra la guerra se producía en un momento psicológico que convenía exactamente a la Cámara de comercio de San Francisco. Se fraguó rápidamente una acusación contra Berkman en la que aparecía su complicidad en una explosión originada en San Francisco, se enviaron los expedientes a New York para obtener la extradición. Pero los agentes de California no habían tenido en cuenta el movimiento obrero de New York. Un millón de trabajadores organizados se levantaron para defenderlo. Querían a nuestro camarada y lo consideraban como un espíritu animoso e incorruptible en continua batalla por su causa.

Las corporaciones obreras enviaron importantes delegaciones ante el gobernador del Estado de New York para protestar contra la extradición de Alejandro Berkman. El peligro que amenazaba a Berkman fué en ese momento conocido en Rusia. Los obreros revolucionarios de Petrogrado y los marinos de Kronstadt organizaron demostraciones amenazando la vida del embajador norteamericano en Rusia, Mr. Fransis. El gobierno federal de Wáshington fué puesto al corriente de la situación. Tuvo miedo de que la extradición de Berkman tuviese como repercusión represalias contra su embajador. La demanda de California para la extradición de Berkman fué rehusada y nuestro camarada conducido a la penitenciaría federal de Atlanta, Estado de Georgia, para sufrir dos años de condena por su propaganda contra la guerra.

Después de haber leído la historia de Alejandro Berkman y las espantosas condiciones de existencia en la penitenciaría de "Alegheny" se tiene la impresión de que la crueldad del hombre hacia el hombre llegó a su extremo. Pero parece que la brutalidad de la bestia humana no tiene límites.

La prisión de Atlanta fué aún más terrible que la de Pensylvania. Pasados los dos años en esa prisión, Alejandro Berkman salió físicamente deshecho. Debió sufrir una operación y, cuando se ordenó la deportación, pocos de sus amigos creyeron que podría sufrir aún las consecuencias del largo viaje. Pero la voluntad de vivir que ayudó a nuestro camarada a vencer su trágico pasado, era indestructible. Más fuerte aún que su voluntad de vivir era su grande amor hacia los demás, que le hizo olvidar sus propios sufrimientos para consagrarse enteramente a sus compañeros. En la penitenciaría del oeste de Pensylvania, Berkman ayudó a sus hermanos de miseria; fué el amigo, el consejero, el secretario; se ocupaba de los fondos de que tendrían necesidad en el momento de su liberación para recomenzar la vida. En la prisión de Atlanta sucedió lo mismo; se ocupó de sus camaradas (245 deportados en la prisión flotante, el "Buford"), lo que le hizo olvidar sus propios males y le ayudó a reponer sus fuerzas. Tenía también profunda fe en la revolución rusa, y en él, como en nosotros, cela hacía que corrían por nuestras venas una sangre vivificadora.

Pero el camarada Berkman tratará el asunto de sus experiencias en Rusia. Las páginas que preceden son la "revista general de la revolución rusa" en sus fases más vitales y hacen resaltar las causas principales de su derrota. Puede el lector aprovechar la gran lección que ella contiene, concerniente al movimiento obrero revolucionario del mundo entero.

Esta descripción de la vida de Alejandro Berkman no tiene la pretensión de ser otra cosa que un esbozo. Me consideraré feliz si esto puede contribuir a hacerlo conocer un poco más a sus camaradas de los países extranjeros y a los trabajadores de Europa. Pero espero sobre todo que esto dará la idea a nuestros amigos de publicar las "Memorias de prisión de un anarquista", en el idioma de su país, porque ninguna biografía, ni un esbozo, puede hacer conocer, comprender la personalidad del hombre tan clara y vigorosamente como el propio libro de Berkman.

Emma GOLDMAN.

Stokolm, marzo de 1922.

reservas se desarrollaron numerosos mi...tines.

Los camaradas continuaron trabaja...do con las más bellas esperanzas. Pero entonces...

A principios del año 1916 la policía d... Budapest descubrió las fuentes del mo...vimiento. Casi todos los miembros del grupo de Szabó cayeron presos. Pero los camaradas cuidaron de que Szabó no ca...yese en manos de la policía. Y el trab...jo no quedó interrumpido.

En tanto se dió a conocer la sentencia de muerte contra los agitadores y los desertores. Pero el movimiento no se debilitó, sino que se hizo más fuerte. En distintos frentes llegaron noticias sobre la indisciplina militar. El descontento creció más y más. Los tribunales trabajaron sin descanso. Fueron pronunciadas diariamente nuevas sentencias de muerte. El comandante militar de Budapest, Lucaszty — sus propios oficiales lo llamaron el "cobarde verdugo"— envió a la muerte sin clemencia a desertores y agitadores.

Pero el movimiento se extendió más. Una vez tuvieron los obreros de los establecimientos metalúrgicos del Estado un conflicto con su dirección. El comandante militar intentó resolver el conflicto mientras que hizo disparar sobre los obreros. Hubo muertos y heridos. Unas horas después se declaró la huelga solidaria. Abarcó toda Hungría. Durante ocho días los obreros lucharon heroicamente.

En esa época recibió el movimiento revolucionario un gran impulso.

Las fuerzas revolucionarias comenzaron, no obstante las grandes dificultades a asociar sus elementos y a obrar según determinados planes. Los marineros se sublevaron en Pola. Los soldados comenzaron a amotinarse en el frente italiano y la consecuencia fué una crisis ministerial.

Entonces aconteció la muerte de Ervin Szabo.

El murió, pero su espíritu prosiguió actuando. Los grupos revolucionarios organizaron una grandiosa demostración antimilitarista. Una enorme muchedumbre quiso pasar por delante del palacio del archiduque. Las calles habían sido ocupadas por militares y policía. Los manifestantes rompieron sus cordones. Los soldados dejaron pasar al pueblo y cuando los oficiales les ordenaron tirar sobre él se negaron. Entonces la policía hizo fuego cuatro veces. ¡Muertos! ¡Heridos! La sublevación popular era indescriptible. Al día siguiente los obreros abrieron las fábricas de armas y las armerías y se armaron.

El gobierno, en el que tomaban parte dos social- demócratas, ordenó a la policía un registro de las viviendas de los trabajadores para confiscar las armas. Pero la policía, temiendo la venganza de los obreros a causa de la pasada matanza, se negó a obedecer. La impresión fué terrible. La revolución antimilitarista siguió a la orden del día, y vino el espíritu de Ervin Szabo a obrar.

En la tarde del 30 de octubre circuló la noticia de que el comandante militar de Budapest intentaba alejar a los soldados de tendencias revolucionarias. Bajo la dirección de un general las tropas policiales tomaron prisionero al comité de soldados revolucionarios. Pero el pueblo los libertó de las manos de la policía. Lucaszty pataleó de rabia.

Por la noche, una gran multitud, cantando canciones revolucionarias recorrió las calles. La masa creció por momentos y entró en la sala donde celebraba su sesión el Consejo Nacional. Este consejo había sido formado unos días antes. Era el resultado de una coalición de burgueses y social-demócratas, que, temiendo la revolución, querían formar gobierno y nombrar presidente del consejo de ministros al conde Karolyi.

En ese momento comenzó a obrar públicamente el comité revolucionario. Se había encontrado un informe en que Lucaszty quería alejar de Budapest las últimas compañías revolucionarias. "¡Viva!", fué la primer palabra pública del comité revolucionario. Y la multitud entró en la asamblea. Pasaron los minutos. ¿Patíbulo o victoria?

Y—apenas una hora después—oyéronse canciones revolucionarias y las dos compañías aparecieron. La multitud lloraba y gritaba de alegría.

Así tuvo el comité revolucionario,

Ervin Szabo y la revolución húngara

Cuando los revolucionarios húngaros sentenciados a muerte fueron arrancados de las garras del régimen de Horthy, atravesó la frontera y vagó por Europa. Recorrió varios países hasta que finalmente halló en alguna parte lejana del Este o del Oeste un refugio. Tibor Forzdor era como un fugitivo, en algún punto de Europa. Lo que más le angustiaba y le atormentaba era la suerte de su mujer. Esta, después de su fuga, y a causa de su actividad revolucionaria, había caído presa y estaba amenazada en Hungría de terribles castigos. Gracias a la ayuda de buenos camaradas logró también quedar libre y ahora están nuevamente juntos.

Un día escribió Tibor Forzegs sus recuerdos sobre Ervin Szabo y el militarismo en Hungría. Son de un sencillo atractivo. Presentan a la posteridad a un camarada. Corrieron por otras manos y estuvieron inéditas hasta que yo las encontré e hice publicar en "De Wapens neder". Me parecieron bastante significativas para darlas a conocer en la prensa antimilitarista internacional. Hablan de la siembra de elementos viriles para suscitar una nueva y más noble existencia. — B. de LIGT.

Tadavía duraba la guerra cuando murió Ervin Szabo.

Temblaba ya la monarquía. Sólo con la ayuda de las bayonetas podía sostenerse aun. Los cuatro años y medio de guerra precipitaron su fin.

El espíritu de Szabo que ardía en el fuego de la verdad, no vivió bastante para presenciar el gran día del derrumbamiento. En su cuerpo helado se extremecían las oleadas de fuego de la próxima revuelta. Todo se descomponía y Szabo esperaba ansioso el fin del militarismo, la revolución. Sabía que tenía que venir. Luchaba febrilmente contra su enfermedad. Mientras tanto amenazaron los ejércitos Norteamericanos y también nuevos peligros por la parte de Rusia, de modo que la monarquía Austro-húngara—impotente realmente—intentó concertar la paz por separado. Sonó en vano ya la palabra del presidente del consejo de ministros húngaro: "¡La monarquía vive y vivirá!", cuando Ervin Szabó se desesperaba, cediendo de vida, más lleno de anhelos, para llegar a ver el completo derrumbe del militarismo,—en el lecho de muerte. En los últimos días de septiembre, cuando se inició la terrible ofensiva en los Argones y en el Piave y brillaban las flores rojas de la revolución, murió.

¿Quién era Ervin Szabó? Quizás podremos decir: era el Domela Nieuwenhuis húngaro. El había penetrado el peligro que entrañaba la social-democracia y profetizó la ciencia real de su fraseología política. Comprendió que el poder del movimiento obrero llegaría a ser aniquilado. Era un luchador de amplias perspectivas que realizaba un largo camino. En la conmoción iba a la conquista de los medios de producción a fin de organizar esta sobre base de grupos unidos por la camaradería y el compañerismo. Antes desarrolló también una violenta campaña antimilitarista durante la guerra y fué uno de los primeros que quebrantaron con su incesante actividad el militarismo húngaro.

A fines de 1915 habían comenzado Ervin y sus colaboradores, hombres y mujeres, la peligrosa lucha de organizar la huelga contra la guerra y para la paz. Ya habían los obreros dado la espalda a sus sedicentes jefes. Contra la voluntad de los principales miembros del partido social-demócrata se inició en medio de un boque de bayonetas, la huelga militar de militares y millares de obreros. "¡Abajo la guerra! ¡Abajo el militarismo! ¡Exigimos la paz inmediata!", eran las leyendas de sus banderas. Los huelguistas se manifestaron en todo el país. Entonces acudieron los jefes de la social-democracia e hicieron todo lo posible para romper la fuerza de estos principios. Como siempre, lanzaron entre la multitud las siguientes reclamaciones: "Derecho de sufragio igual y secreto para todos!" Pero esta vez no triunfaron en sus maniobras. Esta vez no pudieron mantener el dominio sobre el pueblo. La huelga prosiguió. El gobierno llenó a Budapest y las fábricas de las ciudades con soldados, cañones e instrumentos de combate.

Tres días más tarde fracasó la huelga, aunque había comenzado con tales planes revolucionarios. ¿Por qué? Porque los social-demócratas habían comenzado a parlamentar. Sin embargo perdieron también ellos. Desde ese momento se rompió con su disciplina partidista. Los obreros en las grandes fábricas de la ciudad prosiguieron la huelga todavía. Pero se puede sostener que este primer ensayo antimilitarista de los obreros húngaros fué desbecho por la obra criminal de la dirección socialdemocrática.

La gran huelga antimilitarista fué desbaratada. Pero Ervin Szabó y sus camaradas siguieron trabajando. Su influencia llegó hasta las filas de los soldados. Pequeños grupos se deslizaron en los cuarteles, en las estaciones, en los hospitales, para infiltrar en los soldados. Con increíble atrevimiento, con grandiosa abnegación todos los miembros trabajaron. Día a día, noche a noche, la agitación creció y se extendieron los folletos antimilitaristas entre los soldados enviados a los campos de batalla.

Los soldados comenzaron a reflexionar. Los resultados no tardaron en hacerse palpables. Cada día fué mayor el número de desertores. Algunas compañías no pudieron partir porque la mayoría de los soldados había desaparecido. Entra las

880606333

The Emma Goldman Papers

[To the workers of the world. In Swedish] Till världens arbetare! / Emma Goldman, *et al.* – p. 2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. –(Sept. 25, 1922).

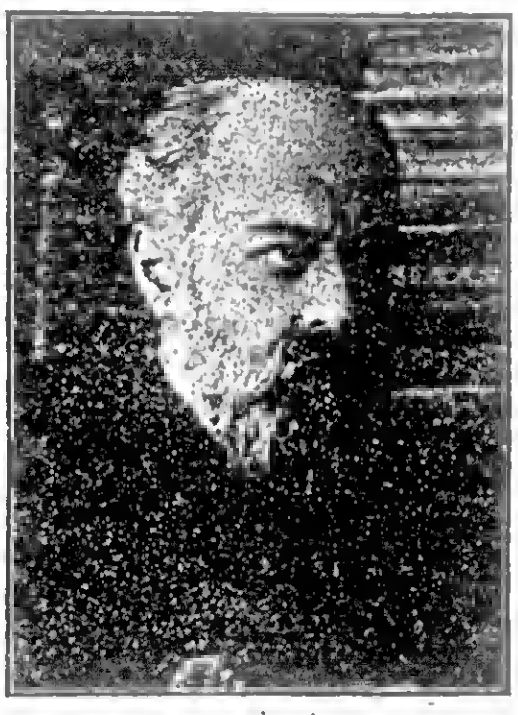
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

Till världens arbetare!

Ännu en gång vända vi oss till eder, världens arbetare! I mänskligheteus oeh den revolutionära solidaritetens namn kalla vi på eder att taga ställning emot de oerhörda grymheter som utövas av den ryska kommunistregeringen. Endast edert mäktiga inskridande kan rädda liven, äran oeh det mänskliga värdet hos de ryska revolutionärerna, anarkisterna och socialisterna.

Ryssland, som nästan förblött genom krig och hunger, ligger nu vanmäktigt vid foten av en despot, som fräckt giver sig ut för att vara en proletariatets regering för proletarlatet. Arbetarnas Ryssland, revolutionära Ryssland, är hjälplöst. Utan eder hjälp kunna de undertryckta och förföljda därstädes icke skydda sina fri- och rättigheter.

Vi äga icke kraft nog att för eder beskriva alla de ohyggligheter som begås i bolsjevikernas fängelser. Vi låta följande brev, som helt nyligen mottogs från fånglägret i Arkangelsk, tala för sig själv.

Wollin.

Brev från Arkangelsk.*)

»Den 28:de januari 1922 förklarade en del anarkister i Kisselnayafängelset, Moskva, hungersträjk. De begärde, att antingen en öppen rättegång skulle öppnas emot dem, eller att de skulle få tillåtelse att lämna landet. På sträjkens tredje dag, den 30:de januari, blevo dessa anarkister överförda till ett annat fängelse och därunder brutalt misshandlade. Tre av dem (G. K. Askaroff, sekreterare för anarko-universalisternas ryska avdelning och redaktör för deras tidning »Universal»; S. A. Stitzenko och M. V. Simtchin), fördes till Arkangelsk tillsammans med 17 andra anarkister, vilka icke deltagit i hungersträjken men blivit dömda att inspärras i fånglägret där. Askaroff, Stitzenko och Simtchin förklarade att de komma att fortsätta hungersträjken, vilket de även gjorde. Fångvaktarna som ledsagade dem telegraferade flera gånger till den Allryska Utomordentliga Kommissionen (Veh-Tjekan) angående hungersträjken. Vid ankomsten till Arkangelsk sändes fångarna till högkvarteret för provinsens tjeka (Gub-Tjekan), varest de medföljande officiella handlingarna blevo undersökta. Därvid upptäcktes att två olika domar blivit avkunnade över var och en av de tre hungersträjkande. Veh-Tjekan hade dömt dem att förvisas till fånglägret i Severo-Dvinsk, medan M-Tjekan (Moskva-Tjekan) samtidigt utfärdat order om att de skulle sändas till Arkangelsk. Vid ankomsten hade de redan hungersträjkat i nio dagar och kunde knappast stå på benen. De kastades upp på en släde och sändes till fångfördelningsorten, varest de lämnades ute i kylan i flera timmar, trots det termometern visade 25 grader kallt. Av någon orsak vägrade man här att mottaga [illegible] Tjekan och här fingo de åter igen tillbringa en halv timme ute i den svåra kölden. Därefter sändes de till sjukhuset. Några timmar senare, efter det de tre männen vägrat att underkasta sig läkarebehandling, fördes de åter till släden och sändes tillbaka till Gub-Tjekan. Dagen därpå tog samma släde dem till fånglägret varest de inspärrades i de vanliga barackerna. Inom loppet av två dagar inlades de på fånglägrets sjukhus.

*) Publicerat i n:r 15 av "Sotzlalistitcheskv Vestnik", Berlin, ryska soc.-dem.

På hungersträjkens sextonde dag

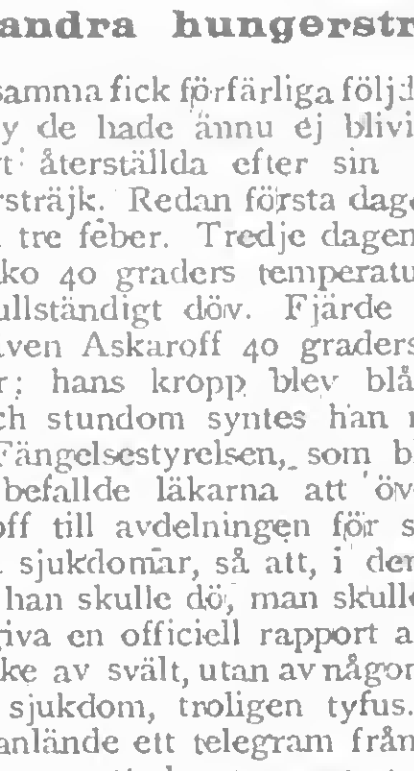
hade Simtchin svår feber. Kommendanten kom då och berättade, att han emottagit ett telegram från föreståndaren för Veh-Tjekans fångläger i Moskva, en viss Katznelson. I sitt telegram bad Katznelson de tre männen att upphöra med hungersträjken till dess han anlände, ty han hade utsänts med full myndighet att ordna det hela till allas belåtenhet. Männen samtyckte härtill på det villkoret, att en avskrift av Katznelsons telegram skulle överlämnas till dem. Det dröjde från aftonen till kl. 1 e. m. nästa dag innan avskriften var färdig. Den 13:de februari, hungersträjkens sjuttonde dag, upphörde densamma. Sjukhusets läkare uppträdde på ett rörande sätt för männen, gav dem den bästa vård, och snart började de att tillfriskna.

När föreståndaren Katznelson anlände visade han sig icke för fångarna, och då han tillkallades av dem låtsades han icke känna till det ringaste av saken. Då de visade hoden officiella avskriften förklarade han, att han skulle göra en telegrafisk förfrågan hos Veh-Tjekan. Övertygade om att alla dessa ursäkter saknade allt värde, började de tre fångarna den 3:dje mars

sin andra hungersträjk.

Densamma fick förfärliga följder för dem, ty de hade ännu ej blivit fullkomligt återställda efter sin första hungersträjk. Redan första dagen hade alla tre feber. Tredje dagen hade Stitzenko 40 graders temperatur och blev fullständigt döv. Fjärde dagen hade även Askaroff 40 graders temperatur; hans kropp blev blå och kall och stundom syntes han nästan död. Fängelsestyrelsen, som blev orolig, befallde läkarna att överföra Askaroff till avdelningen för smittosamma sjukdomar, så att, i den händelsen han skulle dö, man skulle kunna avgiva en officiell rapport att han dött, icke av svält, utan av någon smittosam sjukdom, troligen tyfus.

Då anlände ett telegram från Veh-Tjekan om att domarna emot Askaroff och de båda andra blivit upphävda, att en ny rättegång skulle öppnas emot dem och att de därför skulle sändas till Moskva. Hungersträjken avslutades naturligtvis då. Efter det de repat sig något på sjukhuset fördes fångarna till Moskva varest de insattes i »inre fängelset» (Tjekans). Då de hotade att börja

880606333

The Emma Goldman Papers

[To the workers of the world. In Swedish] Till världens arbetare! / Emma Goldman, *et al.* — p. 2 ; 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. —(Sept. 25, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

Alexander Berkman.

en ny hungersträjk överfördes de den 1:sta april till Kisselnaya-fängelset varifrån de blivit sända två månader förut.

De andra 17 anarkisternas historia är som följer. I Arkangelsk sändes de nattetid från järnvägsstationen till Gub-Tjekan, varest de anlände trötta, frusna och hungriga. Gub-Tjekans kommendant ville genast sända iväg sju av dem till någon okänd plats, men fångarna vägrade att röra sig tills nästa morgon. Kommendanten drog sin revolver och hotade med att taga deras liv, men detta hjälpte ej. Fångarna vägrade att uppgiva sina namn och kommendanten kunde således ej uttaga de sju män som han behövde. Nästa morgon fördes alla sjutton till fånglägret där de uppdelades i tre grupper och inspärrades i olika baracker.

Fånglägret i Arkangelsk består av 20 baracker. Av dessa äro sex upptagna av fångar. Barackerna äro långa byggnader, var och en ungefär 20 sazhen (cirka 43 meter) lång, med två rader dubbla bänkar, den ena bänken ovanpå den andra. I dessa baracker inpackas ända upp till 500 personer, men just nu innehålla de endast 100 à 150 man vardera. Fångarna ligga på de bara bänkarna; madrasser ,kuddar eller filtar finnas ej. Platsen är fylld av ohyra: det första som nykomlingarna lade märke till var

alla de nakna fångarna,

som omsorgsfullt plockade löss från sina underkläder. Smuts, kackerlackor och löss falla oupphörligt från de övre bänkarna ned på de lägre. Därför äro de övre bänkarna att föredraga. Där är det även varmare; dock äro barackerna tämligen väl uppvärmda och invånarna klaga ej över köld.

Varje nykomling underkastas en noggrann granskning, avklädes helt och hållet, undersökes o. s. v. Alla fångarnas tillhörigheter, såsom underkläder, kläder, penningar, små speglar etc., tagas ifrån dem för att överföras till ett förvaringsrum. De äro endast tillåtna att behålla en omgång underkläder. De, till exempel, som hava både lågskor coh stövlar, eller en överrock och en skinnkavaj, få endast behålla endera av de två. Även de saker som Veh-Tjekan hade försett anarkisterna med fråntogos dem trots deras protester. Alltsammans påstås. bliva sänt till förvaringsrummet. Men mellan klockan 2 och 3

Emma Goldman.

det av vakterna ga dit och där börja att dela bytet.

Anarkisterna började ropa

och vaktarna drogo sig skyndsamt tillbaka under största förvirring, sägande att de endast tänkt att ånyo undersöka sakerna.

De som vistas i fånglägret bestå av Kronstadt- och Tambov-fångar, Wrangel- och Savinkov-män samt en massa tjekister för vilka det slutat illa. Det mest förvånansvärda inom fånglägret är, att fångarna äro sina egna väktare, handhava alla fängelsets affärer och uppehålla den strängaste ordning. Det finnes ej någon avlönad stab inom lägret. Alla vaktarna, uppsyningsmännen, skrivarna, administrationens ämbetsmän, sjukhuspersonalen och undervisningsdepartementets personal, ja själve kommendanten, alla äro de fångar, mestadels för detta tjekister. Administrationens medlemmar hava bäddat så väl åt sig, att en del av dem föredraga att behålla sina platser där efter det de avtjänat sina straff eller blivit benådade. Så var förhållandet med Oyia (examinerad advokat, före detta chef för Tambovs Gub-Tjeka, dömd att skjutas för oerhörda diamantstölder m. m., hans straff senare förvandlat till 25 års förvisning till fånglägret), kommendanten, ingenjör, jör Nesatchenko och flera andra.

Att en sådan ordning kan upprätthållas beror på närvaron av de många tjekisterna samt den moraliska förruttnelse och svindel i vilken de flesta av fångarna befinna sig, eller rättare sagt, blivit tvingade till, Kronstadt-männen hava förblivit anständiga ,men av det ursprungliga antalet av dem, 5,000, som sändes till fånglägret i Arkangelsk, återstå nu efter ett år endast 1,500 personer. Och dock voro de mestadels unga och förvånansvärt starka och friska. Lägrets innevånare hava nästan fullständigt

förlorat alla mänskliga egenskaper.

De tänka endast på att förbättra sin egen ställning genom att på något sätt ställa sig in hos myndigheterna och sålunda erhålla en uppsyningsmans arbete eller något annat dylikt. Det säkraste och snabbaste sättet att »få tumme» mexl myndigheterna är att bliva spion. Därför hava de alla — fångarna, uppsyningsmännen och de högre ämbetsmännen — bråttom att spionera på varandra. Ungefär tjugu spionerirapporter avgivas dagligen (bolsjevikerna föra statistik över allting). Ingenting, inte ett enda uttalat ord, undgår myndigheterna. Solidaritet eller enad kamp, uppbyggandet av en organisation, att hjälpa varandra — därpå tänker man ej.

De kvinnliga fångarna

stammande från aristokratien och de mera begåvade samhällslagren — överlämna sig åt vilken uppsyningsman som helst så ofta han det önskar, utan minsta protest eller motstånd.

Alexander Berkman, Emma Goldman, G. Maximoff, Mark Mratchny, Rudolf Rocker, A. Shapiro, A Souchy, Vlodimir, Volin, E. Yarchuk.

(Forts. i nästa n:r).

421

880608000

The Emma Goldman Papers

[To the workers of the world. In Swedish] Till världens arbetare! / Emma Goldman, *et al.* — 43 cm. *In* Brand [Stockholm]. —(Sept. 30, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Arbetarrörelsens Arkiv och Bibliotek, Stockholm, Sweden.

Till världens arbetare!

Enligt fångarnas utsago har ordningen inom lägret blivit bättre, straffen färre och behandlingen anständigare sedan fängelset besöktes av en kommitté som ditskickats på Röda korsets begäran. Dock kastar följande händelse ljus över den nuvarande disciplinens karaktär. Då anarkisterna anlände försökte bonden Glebov från Vologda, som kände dem och även förut varit inspärrad i fängelset tillsammans med dem, att tilldraga sig deras uppmärksamhet genom att knacka på sitt fönster och ropa. För detta insattes han i straffcellen för två veckor och sändes därefter till Kholmogori för straffarbete.

På morgonen måste alla fångarna ställa upp sig för upprop och

vid en given signal sjunges "Internationalen".

Före den ovannämnda kommitténs besök voro alla fångarna tvungna att sjunga med, men nu har detta tvång avskaffats. Om en fånge emellertid icke sjunger med anses det såsom bevis för kontra-revolutionär envishet samt att han icke ångrar sitt begångna brott. Efter sången uppdelas fångarna i grupper med tio i varje grupp för arbete inom lägret. Dessa uttagas bland de friskaste och bäst klädda männen. Många gå omkring i sådana trasor att icke ens myndigheterna anse det möjligt att sända dem ut i kölden. Vägran att arbeta straffas med mörk cell.

Té serveras fångarna tre gånger om dagen med ungefär 80 gram socker. Middagen består av någon slags fisksoppa och till kvällsmat serveras kasha (välling) av vete eller ris, tillagad med flott (importerat). Maten är av god beskaffenhet, ja icke blott ätbar utan även välsmakande, men det är icke tillräckligt därav. Före kommitténs besök bestod den dagliga brödransonen av 5 hg. per person; nu har den ökats till 8 hg.

En del fångar arbeta i fånglägrets verkstäder varvid de inhysas i dessas egna bostäder. De sändas även in till staden: till hamnen och de olika inrättningarna. De som arbeta i verkstäderna och i staden erhålla 3 hg. bröd vid sidan av sin ranson samt en fjärdedel av vad de förtjäna. De andra tre fjärdedelarna fördelas lika emellan fångarnas fond, som kommer dem tillgodo då de frigivas, lägrets undervisningsdepartement samt för hjälp åt de hungrande provinserna. Ett tjugutal av fångarna bo inne i staden i privata lägenheter och endast rapportera sig allt emellanåt. Detta tillkommer naturligtvis endast ett fåtal utvalda. Varken böcker eller tidningar finnas och brev anlända sällan. Någon hjälpbyrå existerar ej heller.

Då anarkisterna anlände

uppställde de följande krav: att bliva placerade tillsammans i en avskild del av en barack; att deras valde starosta (officiell talesman för gruppen) måtte erkännas av myndigheterna; att erhålla böcker, tidningar och kläder; tillåtelse att umgås med de kvinnliga anarkisterna samt en del mindre krav. Eftersom dessa krav ej tillmötesgingos började de en hungersträjk. Densamma varade åtta dagar. Allt vad myndigheterna gjorde var att placera beväpnade vakter vid sidan av de sträjkande. Efter en tid anlände order från Veh-Tjekan att de sträjkandes krav skulle tagas upp till behandling av den lokala administrationen. Föreståndaren Lebedinsky förklarade sig villig att gå med på alla deras önskningar så när som på en: rätten att umgås med kvinnorna. Avgörandet av denna fråga lämnade Lebedinsky åt Katznelson som snart väntades dit. När Katznelson anlände vägrade han att utsträcka anarkisternas privilegier av den orsaken, att de snart skulle sändas till Kholmogori och att deras vistelse i Arkangelsk alltså endast var tillfällig. Samtidigt vägrade Katznelson att frigiva de anarkister (Afanassiev, Kisselev, Altshuler och andra) som blivit dömda, icke till fängelse utan till förvisning. (Allt som oftast händer det, att män som förvisas till Arkangelsk, istället inspärras i fånglägret.)

Åtta-dagars hungersträjken

blev alltså fullständigt resultatlös. Då bröto anarkistkvinnorna sig igenom till sina manliga kamraters kamera (stor cell) för att med dem överlägga om gemensam aktion. Myndigheterna sände efter den beväpnade vakten, som använde våld för att draga kvinnorna ut ur cellen. Då började en ny hungersträjk. Männen kastade ut sin mat från cellen, såsom en protest emot de grymheter som utövades mot kvinnorna. Några dagar därefter överfördes kvinnorna nattetid till ett annat fängelse — Förbättringsanstalten. Under transporten dit behandlades kvinnorna på ett sådant sätt att de voro övertygade om att man förde dem till en avrättningsplats. Fem av de hungersträjkande männen utfördes från cellen nattetid, misshandlades och sändes på en vagn till Kholmogori. Dessa fem voro: Karasik, Lukin, Tarasjuk, Silayev och Mokhov. De fortsatte hungersträjken hela tiden.

Kvinnorna blevo så svaga

genom sin hungersträjk att de åter överflyttades till fånglagret den femte dagen. Katznelson anlände dit och förklarade, att alla anarkisterna, både männen och kvinnorna, skulle sändas till Kholmogori och att de där skulle placeras för sig själva med full frihet och alla sina krav tillfredsställda. Kvinnorna samtyckte. Då föreslog Katznelson, att en av dem skulle sändas över till männen i Kholmogori för att avsluta deras hungersträjk, ty — som han riktigt nog antog — fångarna därstädes skulle icke sätta någon tro till myndigheternas ord. Hungersträjken avslutades på sjätte eller sjunde dagen, men kvinnan återkom

---

när hon hade fått erfarenhet i äktenskapet.»

»Men det är skrivet: Du skall icke skada din nästa!»

»Det är just därför, som jag förbjuder dig förfölja din efterträdare!... Nästa klagande!» —

Pausoles var tydligen en renhårig typ. Förföraren ansåg konungen och församlingen vara en renhårig typ. Men den övergivne mannen gick sin väg ropande: »Murvlar! Murvlar!»

»De renhårigas brödrasällskap» förefaller mig därför rätt svårt att skapa. Vilka äro renhåriga, vilka murvlar? Denna ovisshet, detta gnagande tvivel. Och efter en tid skulle Brödrasällskapets medlemmar behandla varandra för murvlar, det är säkert.

Förresten hur är det möjligt att vara renhårig i detta »Murvlarnas rike»? Vi vilja vara goda, ädelmodiga... Men murvlarna regera, därför måste vi vara elaka, okänsliga, hycklande — vi måste vara murvlarna bland murvlarna!

Emellanåt kunde vi ju vila oss ifrån livets strider i Renhårighetens oas, bland några förstående vänner. Dessa, i sin tur, bli kanske också murvlar med tiden, med tillhjälp av den sociala determinismen. Om vi inte själva bli det, förstås...

Och till slut bleve det endast ett enda stort »Murvelrike». Den enda renhårige, redare Follin, har ju några millioner... Men den som inte vill bli nertrampad i kampen för det dagliga uppehället, måste vara varg, räv och murvel. Follin deltar ju inte i kampen för brödbiten, han tänker på framtiden. I alla fall, om nu Follin är murvel eller renhårig må vara osagt, men genialisk är hans idé.

---

då alla (med undantag av L. Altshuler, som blev sjuk på grund av lång svält) tillsammans med de kvarvarande männen till Kholmogori. Sedan dess har ingenting hörts från dem.»

Detta brev behöver inga kommentarer.

Europas och Amerikas arbetare, vi äro kraftlösa i denna situation. Endast ni kunna hjälpa och rädda dessa stackars människor, dessa män och kvinnor som lida för sin kärlek till revolutionen.

Vi veta, kamrater, att ni också kämpa en hård kamp mot reaktionen i edert eget land. Vi veta vilka stora offer ni göra i kampen mot det kapitalistiska härskardömet. Dock äro vi förvissade om, att ni icke skola neka dessa kommunistreaktionens offer eder sympati och solidaritet — en reaktion mera brutal och usel emedan den utövas av föregivna socialister och i proletariatets namn.

I denna anda vädja vi till eder, kamrater, icke enstaka protester, utan ett samfällt inskridande av det internationella revolutionära proletariatet över hela världen kan rädda de ryska revolutionärernas liv och ära.

Med kamratliga hälsningar!

Alexander Berkman. Emma Goldman.
G. Maximoff. Mark Mratchny.
Rudolf Rocker. A. Schapiro. A. Souchy.
Vladimir. Wollin. E. Yartchuk.

Adressera all korrespondens till: F. Kater, Kopernikusstr. 25 II, Berlin O. 34.

BRAND 30/9 1922

881108005

The Emma Goldman Papers

[The fall of the soviet. In Japanese] Sobiet no Tsuiraku / Emma Goldman.— pp. 274-275 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. —No. 8 (Oct. 1922)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

獨裁と革命
無政府主義革命に就いての一問答

大杉榮

×××

これはクロポトキンが死んで間もなく、フランスの一同志デブランクが同國無政府主義の一機關紙タン・ヌウヴオに寄せた一文だ。どこの國にも、そして又日本の同志の間にも、これはよく問題になる問題だ。

そしてデブランク流の無政府主義(?)は、共産主義者と一緒になつて、無政府主義の革命を民主主義の革命と混同し攻撃してゐる。馬鹿馬鹿しい話だ。

で、無政府主義の主張する革命がどんなものかと云ふ事を多少でも明にするために、ここにデブランクの議論と、それに對するタン・ヌウヴオの反駁とを併せて翻譯した。(榮)

×××

一つの光りが消えた。

クロポトキンの死んだ事が疑ひの餘地のなくなつた時、泣き度を出してゐる憐れな人類が共のまだ死なない魂に支へられて歩いてゐる道の上に、今までよりももつと深い暗が蔽ふたやうに思はれた。

クロポトキンの考迹は、人類が協同の勞働の中に正義によつて規定された友愛關係を建てるために、知らなければならない又守らなければならない一切の罪が含まれてゐる。

クロポトキンの生涯は一つの實例であつた。彼れは、人類は自由を行ふ事によつては善良になり、賢明になると云ふ事を信じ、そしてさう信ずるように吾々に教へた。

其の長い生涯の間、其の有らゆる行爲と科學的著述と不斷の宣傳とによつて、クロポトキンは其の同時代人に叫んで云つた"自由になれ、自由である事にふさはしかれ、さすれば其の殘りのものは總てどし〳〵と自然に來るだらう。」

戰爭が和らげたと云ふよりも寧ろひどくした此の恐ろしい混同の中にあつて、吾々は今死んだばかりの此の偉大な同志が表明した無政府主義思想の中に、吾々が追ふて行く道と到達すべき目的とを求めなければならない。

自由への道は強權の手によつて通じられ得るものであらうか？

非常な矛盾だ。これはクロポトキンが其の最後の時に必ず其の頭一ぱいに考へた死者の問題だ。

無政府主義者は其の理想を維持するために權力此の獨裁に反對するほかはないと云ふ程に、此の矛盾が絶對的のものだとクロポトキンが考へたかどうかは、他日知れるだらう。

革命的獨裁は、無政府主義の理論家や運動者が常に必要だと認めて來たところの、力や暴力を用ゐる一形式である。

如何なる革命家もブルジユワ社會がお說法で參るだらうとは思つてゐない。

資本主義や其の諸制度を倒すには、物質的力によるのが最上の方法であり、そして又いつでもさうであるだらう。

細かに組織されて、恐ろしい程に武裝されたブルジユワの勢力を前に置いて、革命の勢力はそれと同樣な嚴重な秩序と組織とによつて得ようとしてはいけないなどと云ふ事が、どうして無政府主義者に考へ得られるであらうか。

此の革命の勢力の方に軍配をあげるのは、吾々はそれが信仰と熱心とによつて生じ、そして又それによつて泌み透つてゐると思ふからだ。深い絶對的の信仰がなければ、勝利はない。しかし其の信仰も、若し組織された物質的力がそれを支へに來なかつたら、無力であるだらう。

然らば獨裁か？　あのいろんな危險と、自由を殺す恐れとを持つた？　これは非常なディレンマだ。

しかし、どつちかに決めなければならない。

革命的獨裁と戰ふと云ふのか。私は、若し其の人々が此の獨裁の含む危險のない革命的力の使用法を示すならば、私はそれに同意しよう。

しかし此の問題をあつちへ向けたり、こつちへ向けたりして見たところで駄目だ、力によると云ふ那邊も、力による解決は一時的のものであるだらう。

今獨裁と戰ふのは、ブルジユワ制度を打ち倒すのに必要な物質的力を殺して了ふ事にある。

新しい制度を創らなければならぬ經濟的團體や政治的團體の中にはいり込め。そして其の必要であつた破壞的任務の後にまでも生き殘らせない」私の信ずる唯一の方法である。

×××

デブランクの此の文の前半は、クロポトキンが死んだ當時であつたせいか、餘りにクロポトキンに重きを置きすぎてゐる。そして又ロシア革命に對するクロポトキンの意見がまだ十分知れてゐなかつたせいか、クロポトキンも自分と同じ意見でもあるかのやうに思ひすぎてゐる。

クロポトキンがロシアのボルシエキキ革命に對してどんな意見を持つてゐたかは、前々號のベルクマンの「クロポトキンを想ふ」の中に明らかだ。そして獨裁の任意の聯合から生れたものでなければならぬ。

が、無產階級の獨裁と云ふのはそんな事ではないのだ。たゞ、さう稱する權力的中央集權政府の意味だ。

そしてソビエトはたゞ其の「鐵の規律」の下に隷屬する一機關に過ぎないのだ。

共產主義者の此混同は、其のお得意の混同の中の最もお得意のものだ。彼等はそれを、其の都合のいいやうに、どつちにでも通用させる。そして如何にも勞働者の喜びさうな無產者の獨裁と云ふ還元する言葉を持つて來て、無政府主義者の非獨裁論を反駁する時、いつも勞働者の此の混同を利用する。

しかしボルシエキキ政府の謂はゆる無產者獨裁は、今では寧ろ、帝政時代の秘密警察の獨裁だ。降伏の假面をかぶつた舊將軍や資企業家の獨裁だ。

無產者獨裁のロシアでは勞働者は共の直接に手を下す生產の管理にすらも與る事が出來ないのだ。そして窮極に於て勞働者自身が生產を管理すると云ふ事にすら、レーニンやジノビエフの徒は反對してゐるのだ。

それが何んで無產階級の獨裁だ？(榮)

權力

權力は醉はせ、只の飾物を事行にする。
その奧ひは胸を刺し、人を、認めかせ、誇らせ、威張らせる。
かうして、愚人が貴者に命令する。
阿諛が智者を支配し、卑怯者は勇者を屈服させる。

ソビエトの墮落

エマ・ゴルドマン

現在のロシアをソビエト・ロシアと呼び、ボリシエキキ統治をソビエト政府と云ふのは、とんでもない事である。ソビエトは一九〇五年の革命に始まり、二月革命に再び其の顯をもたげて來たものである。

農民や勞働者や兵士や水兵等のソビエトは、ロシア國民の解放された努力の內發的表白であつた。彼等に幾世紀もの間の沈默を破つて歷史の出來るやうになつた民衆の要求を代表した。既に一九一七年の五、六、七月に、ソビエトの自發的努力は分散者や農民をして工場や土地を占領せしめた。

ソビエトは全ロシアに燎原の火のやうに擴がり、十月革命を煽つた。そして此の時期の間其の權力をソビエト・ロシアにと叫んだ。彼れ及び彼れのお仲間のボルシエキキがしかと我の上に座つた時、ソビエトの破壞が始まつた。今日では、ソビエトもロシアに於ける他の一切のものと同じやうに實質を全くなくされたただの影に過ぎない。

ソビエトは今や共產黨の決議を流布するに過ぎない。其他の結黨の意見は言葉に聞かれる機會がない。共產黨によつて實行される選擧法は想像を以てゐる。

有らゆる方法が共產黨の投票をふくするためにボルシエキキによつて用ゐられた。普通の辯論で失敗すれば、威脅と恫喝とによる。かくして共產黨は常に必ず大多數の投票を得るのは當然の事である。

出版の自由がなく、言論の自由が奪はれ、工場で言論する權利を受けない反對黨が、ボルシエ

423

881108005

The Emma Goldman Papers

[The fall of the soviet. In Japanese] Sobiet no Tsuiraku / Emma Goldman.— pp. 274-275 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. —No. 8 (Oct. 1922)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

勞農ロシアの無政府主義的シンヂカリズム

高治隆一

一

ロシアに革命が勃發してツアーリズムが顛覆せられた時、茲を以て之を迎へない社會主義者は一人もなかつた。穩健な國家社會主義者や改良主義者を始めとして、最も急進的な共產黨やアナアキストに至るまで、皆同じ事であつた。所が革命後に立つたケレンスキー一派は依然として聯合國と提携して獨逸との戰爭を繼續した爲に、民衆の不滿を買つて失脚し、之に代つて現在のボルシエヴイキが政權を握つて今に至つた迄の間に、穩健な分子の方は始と片がついたのに反して、共產黨とアナアキストとの反目だけは日を經るに從つて益になつて來た。アナアキストはボルシエヴイキ政府が武裝解除、投獄、追放銃殺等を以て益激しくアナアキストを迫害して行くのを見て、資本家政府の橫暴と何等選ぶ所がないと叫ぶ。之に對して共產黨の人々はアナアキストの行動は明に無產者革命の完成を妨げるものであつて、共反革命的な事はプルジョアの連中と選ぶ所がない。それ故に非常手段も止むを得ないといふ。双方の立場から云へば夫々充分の言分もあらうが私は今玆に論評すべき材料も能力も持つてゐない。唯私としては何よりも一億に近い民衆の心持と其趨勢とを知りたいのであるが、そんな事は到底不可能であるそれ故、玆には私の知り得た範圍に於て、ロシアにあるアナアキストの諸派を紹介するに止める。

二

最近ロシアに於ける無政府主義運動の事を知らんとする者は一九〇三年に溯れば宜からう。その以前にもバクウニン、クロポトキン其他の無政府主義者があつたが、之等は多く孤立的であり、且つ本國に於てあまり活動もしなかつた。

一九〇三年、ロシアのアナアキストは分れてその黨派を作つた。個人的無政府主義者、共產的無政府主義者、及び無政府的サンヂイカリストがそれである。

個人的無政府主義者は云ふに足る程の運動をしてはゐない。又トルストイアン・アナアキストに至つては其數は實に少い。

共產的無政府主義者と無政府的サンヂイカリストとは一九一七年の革命以後群衆的な運動となり始めた。彼等はあく迄其の主義を守つて、權力を握る事を嫌つて、唯之を破壞する事のみに力を致してゐるかの如く思はれる。

無政府的サンヂイカリストの傾向は勞働者の間に有力で、アナアキストの思想はウクライナの農民の間に最も勢力を持つてゐる。

ロシアのアナアキストの思想は大體他國に於けると同樣であるが、然し玆で述べんとするのは唯それが革命に對して如何なる位置に立つたかと云ふ事である。彼等に革命の初期に於て非常な働きをなした。特にツアーリズム及ケレンスキーの顛覆に努め、憲法議會を倒し、一切の權力をソヴイエツトに移すのに實に力があつた。例へばウラル地方のエカテリンブルグではペトログラアドの勞働者達が十月革命をやつたより前に彼等は既にプロレタリアの革命を始めてゐた。モスクワやペトログラアドの勞働者達がアナアキストの一群に導かれて『總ての權力をソヴイエツトに』と叫び乍らケレンスキイ內閣反對の示威運動をなしたのは既に一九一七年六月五日の事であつた。

憲法會議を解散せしめた功勞もアナアキストは之をボルシエヴイキと別つ事が出來る。一九一八年一月クロンスタツトの水兵達を率ゐて議會に迫つたのはアナアキストのアナトールグレゴレヴイツチ・ゼレスニアーコフであつた。彼は其の後、デニキンの白衛軍と戰つて一九一七年七月二十六日エカテリノスラフで死んだが、議會解散の時に於ける彼の功績はレニンも之を認めてゐる。

三

無政府的サンヂカリストの立場は、彼等が一九一八年八月二十五日『全露無政府的サンヂカリスト聯合』第一回會議に於て決議した事項より觀ふ事が出來る。

（一）、〇〇及資本主義の權力と戰ふ事。

（二）、聯合の原則により國立のソヴイエツトを提携せしめるのみで、勞働者及農民の獨立せる生活組織竝を合一せしめざる事。

（三）、勞働者に自由ソヴイエツトの形成と人民委員會の制度反對とを勸める事。

（四）、軍隊を解散し、勞働者と農民とを武裝する事、同時に、之に對して『社會主義的國家』の觀念の不合理を說ふ。

（五）、反革命的のチェッコ・スロヴアク及露國主義者の一切の企に猛烈に反對すると共に、積極的ボルシエヴイキも沈滯反動的になつた事を忘れぬ事。

（六）、食糧品其他の必需品の分配を勞働者と農民との組織の手に移し、從來の通に地方へ武裝出張する事を廢止して勞農間の反目を防ぐ事。

又、無政府的サンヂカリストの一人シャピロは曰ふ。

（一）、根本原則ヾプロレタリア以外に於ける現在社會の總ての政策は反××的である。

從つて議會主義は反××的である。プロレタリア階級の中にある。プロレタリア階級の中に經濟生活と綱連してゐる。××的經濟政策と××的無產者政策とは社會××の原動力である。

（二）、若し××が社會的性質を持つならばそれは最も嚴重、卽ち現存××機關の組織、資本主義及其源泉たる有產者、自由主義、變論社會主義、中產階級の一掃等の上に立つてゐなければならない。新社會の組織は實踐制度の肯定と廢止の下にある經濟的獨立の根底の上になされなければならぬ。

（三）、所謂、無產者の獨裁と云ふものは××的民衆の手にある道具に外ならない。あらゆる獨裁は當の個裁であればある程、それ自身の中に對制に陷る傾向を持つてゐる。だから結局無產階級の獨裁といふものはあり得ない。階級關爭が過んで、勞働階級が頂上に登り、外の諸階級が下にある樣な場面に進した場合には後者は常に其財產を擁護しやうとする。其故に實任を負ふのは無產階級の一小部分であらう。所がコムミユニストだらうが、アナアキストだらうが如何なる黨派でも充分に實任を負ふ事は出來ない。黨派主義と云ふものは、智識、理論的根據、大局觀察を有つてはゐるが、彼等は後轉の精神を持つてゐない。一黨は必ず常に獨斷的になるべきものである。

（四）、社會××は經濟的××である。資本主義の組織、一切の產業と經濟生活との勞働者による管理。敵階級は國家の形式には餘り顧慮しないで資本主義、經濟組織工場等に顧慮する。之等の理由から、社會××の、最も自然の最も良い組織は、××的勞働組織卽ち組合である。組合の參加がなければ如何なる社會××も成功當來ない。

（五）、大抵に誰でも精々無產者內部に於ける××的勞働組織の獨裁に就て語り得るのみであると【××的政黨が××的無產者群の中に深く滑れば滑る程、それだけ過渡期は短くなる。

（六）、××の社會的成果の維持の爲に無產者によつて組造せられる事は、第一には、無產者の獨裁問題ではなくて、組織建設の問題である。無產者に對する一黨派の獨裁といふものは魂なき機械になつて了つて、其の黨派が訓練の原則の方を認めて實際政治の政略を認めなくなつて了ふ。

（七）、獨裁的機械的黨派的獨裁は、獨裁的機械的集中に陷する。一黨派が一國の經濟生活を支配してゐる場合にはさうなるより外に方法がないからである。獨裁的及機械的集中主義は各人の自主權を殺しも建設よりも破壞を多とするそれは破壞の性質を帶びてゐて建設ではない。

（八）、公理、家を建てる場合に人は先づ礎石を据えつけ根據は最後に出來る。所がロシアの場合は全く反對だ。中央機關が何をなすべきかをきめる、下部に實任ある行動がないから、建築は中途で碎する。產業各自治は中央組織の案中の道具であつてはならない。それは自主的でなければならない。その活動は中央團體によつて統制せらるゝのみでなければならない。

（九）、ソヴイエツトは中央集權的組織の案中の道具であつてはならない。それは彼等の活動の眞の源でなければならない。我々はロシアの貴重なる經驗によつて我々の標語は『根底から頂上へ』でなければならない事を敎へられた。中央集權的組織は必要ではないが、其時には××も、ソビエトの他の二人の無政府主義者が補缺されてゐた。

かくして、××クリ・ソビエトも、其他のどこのソビエトも何時獨立の發言も權能も持つてゐない事を、普通の共產黨員ですらも、そこでは言論の自由を全分に具備つてゐない。

ソビエトに於ても、又全ボルシエヰキ政府に於ても、關はゆる、無產階級の獨裁」は、どく少數の群——それのみがロシア及び其の民衆を統治する內部の群である——の手に任されてゐるのだ。

待つては、勞働者や農民や其他や永兵等の自由な表白であつた一つの原則も、かくして今は民衆がもはや信じもしなければ必要ともしない、直化芝居となつて了つた。

（三月號勞働六月號から）

871215018

The Emma Goldman Papers

[For the liberation of the Russian anarchists. In Italian] Per la liberazione degli Anarchici Russi: Ai Lavoratori del Mondo / E[mma] Goldman, *et al.* — 48 cm, *In* L'-Adunata Dei Refrattari [New York]. — Vol. 1, no. 13 (Oct. 15, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archivio Famiglia Berneri, Pistoia, Italy.

(1) L'ADUNATA DEI REFRATTARI ANNO I n° 13 15 ottobre 1922

PER LA LIBERAZIONE degli ANARCHICI RUSSI

AI LAVORATORI DEL MONDO

Una questione vitale, in questi ultimi tempi, ha agitato gli spiriti dei lavoratori: quello di sapere se il Governo bolscevico di Russia e il Partito Comunista che lo dirige, sono ancora gli organi rivoluzionari e se essi sono ispirati dai migliori interessi del proletariato.

Se tempo fa le opinioni erano divise su questa questione, nessun dubbio sul carattere reale del regime bolscevico può esistere attualmente. Ogni operaio intelligente che ha seguito l'evoluzione del Governo bolsceviko è stato obbligato di concludere che i bolscevikl avevano perso da molto tempo il loro carattere rivoluzionario, che gli ideali ed i fini della rivoluzione di ottobre sono stati sacrificati e che l'unico obbiettivo attuale del governo bolscevico consiste nel mettersi su un piede di pace col capitalismo e colla borghesia internazionale.

Le idee e gli scopi della rivoluzione di ottobre sono stati, l'un dopo l'altro, traditi, venduti sul mercato del capitalismo. Con la sua politica interna ed estera, il governo bolscevico ha potuto infine mettersi su un piede di eguaglianza con le altre potenze. Esso segue le stesse vie, persegue i medesimi scopi, adopera gli stessi mezzi e gli stessi metodi di cui si valgono gli altri governi capitalistici; essi riconoscono "l'umanitarismo benevolo" dei governi esistenti, stringe la mano ai re ed ai papi e s'asside alla stessa mensa con gli oppressori e gli sfruttatori del proletariato mondiale.

Niuno può ormai illudersi che questo terribile tradimento della Rivoluzione sia dettato dalla preoccupazione di favorire i migliori interessi del popolo russo. Come si può affermare che bisogna tradire la Rivoluzione per salvare la Rivoluzione? Oppure che si possa favorire il proletariato asservendo gli operai al capitalismo? Bisogna far una assoluta distinzione tra i veri interessi del popolo russo o le mene del governo bolscevico. Da una lato la Rivoluzione russa, vale a dire le masse operaie russe ed il loro ideale rivoluzionario; dall'altro il governo bolscevico che si trova diametralmente opposto al primo. Il partito comunista ha sfruttato la Rivoluzione russa per conquistare il potere politico. In questo momento, scopo unico del governo bolscevico è quello di conservare questo potere, ed è per questa ragione ch'esso sacrifica le ultime vestigia della rivoluzione coll'intento di assicurarsi in tal modo riconoscimento di altri governi.

Nessuno deve ormai più confondere il regime bolscevico con le masse operaie della Russia e la grande Rivoluzione Russa!

Il governo russo non ha ormai che uno scopo in vista ed è quello di assicurarsi il monopolio assoluto del potere in Russia. Ed è il raggiungimento di questo scopo che induce gl'inviati bolscevichi ad inchinarsi ai re ed ai capitalisti stranieri, mentre in Russia stessa ogni più piccola libertà popolare è soffocata e l'ultima scintilla dello spirito rivoluzionario è spietatamente spenta. Il riconoscimento politico da parte del governo del mondo non può realizzarsi se non a scapito dello sforzo rivoluzionario all'interno. Per questa ragione ogni frase o pensiero rivoluzionario sono repressi con la più grande asprezza. Si stanno consegnando i lavoratori russi, corpo ed anima, alla borghesia rediviva, incatenandoli nuovamente al carro del capitalismo di Stato; e le loro proteste sono inutili soffocate dalla mano di ferro di un governo autocratico che osa dare il nome di dittatura del proletariato.

della solidarietà del proletariato internazionale. Essi hanno dato, alla prova del sangue, la misura del loro attaccamento alla Rivoluzione. A migliaia gli anarchici hanno sacrificato la vita nella lotta rivoluzionaria e su tutte le fronti in gran numero essi caddero per opera dei "bianchi," ma in uguai numero caddero per opera della Ceka irresponsabile. Ora molti di essi languono nelle prigioni bolsceviche, oppure muoiono lentamente in esilio, preda allo scorbuto o vittime della fame, al Turkestan o nelle regioni glaciali di Arcangelo. Eppure nessun reato può esser loro imputato, nessuna accusa può essere levata contro di essi, a meno che non si consideri una colpa il loro attaccamento alla causa della rivoluzione e la loro lealtà nel servire gli interessi della classe operaia.

Nessun'altra categoria di rivoluzionarii necessita maggiormente l'aiuto dei lavoratori di tutti i paesi. Gli altri elementi socialisti perseguitati in Russia possono far conto sull'ausilio dei partiti politici di sinistra delle nazioni occidentali. Così ad esempio la protesta dell'opinione pubblica radicale europea ha salvato la vita ai socialisti rivoluzionarii attualmente processati a Mosca obbligando i bolscevichi ad un procedimento meno sommario e più legale. Ma gli anarchici, i sindacalisti anarchici e gli altri elementi rivoluzionari in Russia non hanno nemmeno la possibilità di ottenere questo minimo di giustizia. Ad essi non è dato mai di farsi sentire, e spesso sono sottoposti alle fucilazioni sommarie, senza neanche sapere in che consista il reato di cui sono accusati.

La situazione dei nostri compagni in Russia è giunta ad un punto tale da richiedere l'azione la più pronta ed energica da parte del movimento operaio internazionale.

La maggior parte degli anarchici e dei sindacalisti rivoluzionari sono attualmente in prigione od in esilio, e solo pochi giorni fa abbiamo saputo di nuovi arresti eseguiti a Pietrogrado ed a Mosca. Anche contro queste nuove vittime, come già contro Askaroff, Baron, Olga Taratuta, Ciorny e tanti altri, la repressione bolscevica farà valere delle accuse imprecisate, false e calunniose.

E' evidente che il governo bolscevico si propone la distruzione di ogni parvenza di libertà e di pensiero e di sforzi rivoluzionari in Russia ed i lavoratori rivoluzionari del mondo intero hanno perciò il dovere di opporre il loro "basta" a quest'opera nefasta.

Il mondo operaio ha il potere di dettare la propria volontà. Il partito comunista russo, e con esso i partiti comunisti degli altri paesi si affannano a sollecitare il **"fronte unico di tutti i lavoratori"**. Diano essi dunque per primi la pruva della loro **sincerità, cessando** di perseguitare il movimento sindacalista rivoluzionario in Russia!

I comunisti fanno appello alla collaborazione, contro l'offensiva sindacalista rivoluzionaria d'Europa e d'America. Non ci pare eccessivo di chiedere che la **liberazione immediata di tutti i prigionieri politici rivoluzionari** sia posta come condizione **prima e fondamentale** di una simile collaborazione. Quale vergogna per un governo sedicente rivoluzionario, le cui prigioni sono ricolme di detenuti politici e di operai nel momento stesso in cui la guerra civile è terminata ed il governo si appresta a fare la pace col capitalismo e con la borghesia.

Operai di tutti i paesi! Che la vostra parola d'ordine riguardo alla Russia sia: **Libertà immediata e incondizionata per tutti i prigionieri politici e rivoluzionarii!**

La causa è nobile, ed il tempo stringe! E' dovere di ogni organizzazione operante sul terreno sindacalista rivoluzionario di procedere ad un'azione immediata.

4. — Iniziare una campagna sistematica nella stampa di ogni paese per la "liberazione dei prigionieri rivoluzionari russi".

5. — Istituire una Commissione Internazionale Sindacalista per la Coordinazione del lavoro iniziato. La Commissione potrebbe essere composta di due rappresentanti delle organizzazioni sindacaliste di ogni paese.

6. — Esigere dal governo bolscevico che i prigionieri siano sottoposti ad un pubblico processo con diritto di essere assistiti da difensori di proprio scelta, anche dell'estero.

La Commissione internazionale sindacalista dovrebbe ottenere di potersi recare in Russia, direttamente o per il tramite dei suoi delegati di fiducia, con piena facoltà di esaminare gl'incartamenti degli imputati rivoluzionari; di essere rappresentati al processo e di poter comunicare con gli imputati e coi loro testimoni ed amici.

3. — La questione della liberazione dei prigionieri rivoluzionari russi dovrebbe essere sollevata in tutti i congressi nazionali ed internazionali.

Berlino, luglio 1922.

L. D. Abbott, A. Berkman, G. F. Bjorklun, M. Cohn, S. Faure, E. Goldmann, T. H. Keell, H. M. Kelly, G. Maximoff, M. Nettau, P. Oestreich, W. C. Owen, A. Pestagna, P. Ramus, R. Rocher, A. Scapiro, Volin.

(Da "L'Avvenire Anarchico", di Pisa.)

425

871215018

The Emma Goldman Papers

[For the liberation of the Russian anarchists. In Italian] Per la liberazione degli Anarchici Russi: Ai Lavoratori del Mondo / E[mma] Goldman, *et al.* — 48 cm, *In* L'Adunata Dei Refrattari [New York]. — Vol. 1, no. 13 (Oct. 15, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archivio Famiglia Berneri, Pistoia, Italy.

zionale.

Le ideo e gli scopi della rivoluzione di ottobre sono stati, l'un dopo l'altro, traditi, venduti sul mercato del capitalismo. Con la sua politica interna ed estera, il governo bolscevico ha potuto infine mettersi su un piede di eguaglianza con le altre potenze. Esso segue la stessa via, persegue i medesimi scopi, adopera gli stessi mezzi e gli stessi metodi di cui si valgono gli altri governi capitalistici; essi riconoscono "l'umanitarismo benevolo" dei governi esistenti, stringe la mano ai re ed ai papi e s'asside alla stessa mensa con gli oppressori e gli sfruttatori del proletariato mondiale.

Niuno può ormai illudersi che questo terribile tradimento della Rivoluzione sia dettato dalla preoccupazione di favorire i migliori interessi del popolo russo. Come si può affermare che bisogna tradire la Rivoluzione per salvare la Rivoluzione? Oppure che si possa favorire il proletariato asservendo gli operai al capitalismo? Bisogna far una assoluta distinzione tra i veri interessi del popolo russo e le mene del governo bolscevico. Da una lato la Rivoluzione russa, vale a dire le masse operaie russe ed il loro ideale rivoluzionario; dall'altro il governo bolscevico che si trova diametralmente opposto al primo. Il partito comunista ha sfruttato la Rivoluzione russa per conquistare il potere politico. In questo momento, scopo unico del governo bolscevico è quello di conservare questo potere, ed è per questa ragione ch'esso sacrifica le ultime vestigia della rivoluzione coll'intento di assicurarsi in tal modo riconoscimento di altri governi.

Nessuno deve ormai più confondere il regime bolscevico con le masse operaie della Russia e la grande Rivoluzione Russa!

Il governo russo non ha ormai che uno scopo in vista ed è quello di assicurarsi il monopolio assoluto del potere in Russia. Ed è il raggiungimento di questo scopo che induce gl'inviati bolscevichi ad inchinarsi al re ed ai capitalisti stranieri, mentre in Russia stessa ogni più piccola libertà popolare è soffocata e l'ultima scintilla dello spirito rivoluzionario è spietatamente spenta. Il riconoscimento politico da parte del governo del mondo non può realizzarsi se non a scapito dello sforzo rivoluzionario all'interno. Per questa ragione ogni frase o pensiero rivoluzionario sono repressi con la più grande asprezza. Si stanno consegnando i lavoratori russi, corpo ed anima, alla borghesia redivivа, incatenandoli nuovamente al carro del capitalismo di Stato; e le loro proteste sono tutte soffocate dalla mano di ferro di un governo autocratico che opera sotto il nome di dittatura del proletariato. Nulla v'è di più pericoloso di un partito rivoluzionario che si trasforma in governo reazionario, per le forze rivoluzionarie del paese. Così si spiega come i migliori elementi rivoluzionari siano perseguitati con un accanimento veramente asiatico e vengano letteralmente sterminati.

Gli arresti in massa dei rivoluzionari di ogni sfumatura, il processo dei socialisti rivoluzionari annunciato clamorosamente, ed i cumuli di denuncie ed accuse calunniose sotto cui la stampa bolscevica mondiale sommerge ogni critica al suo regime, non sono che degli anelli alla catena della reazione bolscevica che sta stringendo con forza crescente il corpo straziato della rivoluzione e del popolo russo. Le persecuzioni le più barbare sono dirette contro il pensiero e le idee anarchiche; ciò si spiega, poichè gli anarchici — rivoluzionari intransigenti e difensori recisi dell'ideale e della meta rivoluzionaria — sono gli avversari più temibili della tirannide bolscevica e l'ostacolo più importante alla sua opera reazionaria.

* * *

Dai sotterranei della Ceka, dalle prigioni della Russia bolscevica, i nostri compagni lanciano un appello ai lavoratori di Europa e di America. Non v'è nessuno che sia più perseguitato e torturato di questi nostri compagni, che abbia maggiormente bisogno

luzionarii attualmente processati a Mosca obbligando i bolscevichi ad un procedimento meno sommario e più legale. Ma gli anarchici, i sindacalisti anarchici e gli altri elementi rivoluzionari in Russia non hanno nemmeno la possibilità di ottenere questo minimo di giustizia. Ad essi non è dato mai di farsi sentire, e spesso sono sottoposti alle fucilazioni sommarie, senza neanche sapere in che consista il reato di cui sono accusati.

La situazione dei nostri compagni in Russia è giunta ad un punto tale da richiedere l'azione la più pronta ed energica da parte del movimento operaio internazionale.

La maggior parte degli anarchici e dei sindacalisti rivoluzionari sono attualmente in prigione od in esilio, e solo pochi giorni fa abbiamo saputo di nuovi arresti eseguiti a Pietrogrado ed a Mosca. Anche contro questo nuove vittime, come già contro Askaroff, Baron, Olga Taratuta, Ciorny e tanti altri, la repressione bolscevica farà valere delle accuse imprecisate, false e calunniose.

E' evidente che il governo bolscevico si propone la distruzione di ogni parvenza di libertà e di pensiero e di sforzi rivoluzionari in Russia ed i lavoratori rivoluzionari del mondo intero hanno perciò il dovere di opporre il loro "basta" a quest'opera nefasta.

Il mondo operaio ha il potere di dettare la propria volontà. Il partito comunista russo, e con esso i partiti comunisti degli altri paesi si affannano a sollecitare il **"fronte unico di tutti i lavoratori"**. Diano essi dunque per primi la prova della loro **sincerità, cessando** di perseguitare il movimento sindacalista rivoluzionario in Russia!

I comunisti fanno appello alla collaborazione, contro l'offensiva sindacalista rivoluzionaria d'Europa e d'America. Non ci pare eccessivo di chiedere che la **liberazione immediata di tutti i prigionieri politici rivoluzionari** sia posta come condizione **prima e fondamentale** di una simile collaborazione. Quale vergogna per un governo sedicente rivoluzionario, le cui prigioni sono ricolme di detenuti politici e di operai nel momento stesso in cui la guerra civile è terminata ed il governo si appresta a fare la pace col capitalismo e con la borghesia.

Operai di tutti i paesi! Che la vostra parola d'ordine riguardo alla Russia sia: **Libertà immediata e incondizionata per tutti i prigionieri politici e rivoluzionari!**

La causa è nobile, ed il tempo stringe! E' dovere di ogni organizzazione operante sul terreno sindacalista rivoluzionario di procedere ad un'azione immediata.

Lo spirito della Rivoluzione reclama questo sforzo. La necessità rivoluzionaria internazionale lo esige.

Per dare alle proteste un carattere effettivo, noi proponiamo quanto segue alla urgente considerazione di tutte le organizzazioni rivoluzionarie:

1. — Organizzare in ogni paese una **settimana speciale** dedicata a comizi di protesta in cui si voterebbero delle risoluzioni chiedenti la liberazione dei nostri prigionieri in Russia.

2. — Inviare queste risoluzioni ai rappresentanti diplomatici e commerciali di Russia delle località. Una copia andrebbe pure inviata alla sezione comunista locale ed un'altra al segretario del comitato organizzatore: **Fritz Kater, Kopernikusstrasse, 25 II, Berlino O. 34.).**

3. — Altre copie di queste risoluzioni andrebbero inoltre inviate, sotto piego raccomandato, al Comitato Centrale del Partito comunista russo, a Mosca; al Presidente dell'Esecutivo dell'internazionale Comunista, Mosca; al Segretario generale del Consiglio Centrale dell'Internazionale Sindacale Rossa Mosca; ai Segretario generale del Consiglio Centrale dei sindacati russi, Mosca, al Comitato Centrale Esecutivo dei Soviet, pure a Mosca; nonchè al cittadino Lenin, presidente del Consiglio del Commissari del Popolo, Kremlino, Mosca.

L. D. Abbott, A. Berkman, G. F. Bjorklun, M. Cohn, S. Faure, E. Goldmann, T. H. Keell, H. M. Kelly, G. Maximoff, M. Nettau, P. Oestreich, W. C. Owen, A. Pestagna, P. Ramus, R. Rocher, A. Scapiro, Volin.

(Da "L'Avvenire Anarchico", di Pisa.)

(P) L'ADUNATA DEI REFRATTARI A. II N°13 15 ottobre 1922 "Per la liberazione degli anarchici russi"

426

871215016

The Emma Goldman Papers

[Against the impending crimes of the Russian and Polish governments. In Italian] Contro un misfatto preparato dal governo Russo e Polacco / E[mma] Goldman, *et al.* — 49 cm. *In* L'Adunato dei Refrattari [New York]. — Vol. 1, no. 16 (Nov. 30, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archivio Famiglia Berneri, Pistoia, Italy.

(IV) L'ADUNATA DEI REFRATTARI ANNO I 30 novembre 1922 N° 16

L'ADUNATA DEI REFRATTARI

:: Contro un misfatto preparato dal governo Russo e Polacco ::

APPELLO DEGLI ANARCHICI E SINDACALISTI RIVOLUZIONARI AI LAVORATORI DI TUTTO IL MONDO.

Il partito comunista russo che mediante il terrore ha stabilito la sua dominazione nel paese sterminando in massa tutti gli anarchici, vuole ora impadronirsi, ad ogni costo, di Nestor Makhno, per sopprimerlo in qualche modo.

La guida eroica del movimento partigiano rivoluzionario degli operai e contadini dell'Ucraina, nel 1921, accerchiato da numerose divisioni russe fu costretto a riparare in territorio rumeno, ove venne internato. A varie riprese il governo russo chiese al governo rumeno l'estradizione e forse questo desiderio sarebbe stato soddisfatto, se nella primavera del 1922 Makhno non fosse riuscito a fuggire dalla Rumania. Arrestato in seguito in Polonia, venne da questo governo rinchiuso in un campo di concentramento in attesa di esser giudicato in rapporto alla sua partecipazione nella rivoluzione russa.

In questi ultimi tempi i giornali riportarono il suo trasferimento dal campo alla cittadella di Varsavia. Questo significa che il governo polacco venuto ad un'intesa col governo russo, sia deciso di giustiziarlo sul posto oppure consegnarlo con questo scopo al governo russo. Per conseguenza, un grave pericolo è sospeso sulla testa di questo eminente rivoluzionario, uscito dalla laboriosa massa oppressa.

I lavoratori di tutto il mondo debbono salvarlo. La rivoluzione russa fu fin dai suoi primi giorni l'oggetto di ardenti speranze da parte di tutta l'umanità laboriosa ed oppressa.

Il grande rovesciamento di Ottobre aveva momentaneamente spezzate le stesse basi del capitalismo russo ed a tutti gli sfruttati sembrava fosse il principio della rivoluzione sociale dei lavoratori di tutto il mondo. Ecco, perchè noi eravamo moralmente e materialmente per la rivoluzione russa, combattendo contro ogni attacco della borghesia.

Però il partito comunista, impadronitosi del potere, incominciò, in nome della sua dittatura, l'opera di sterminio di tutte le correnti politiche e sociali che non si sottomisero al suo programma e volontà. Non solo porsegul la corrente di destra, ma con maggiore violenza si scagliò sui movimenti degli operai e contadini che difendevano un ideale di indipendenza e di autonomia sociale dela classe lavoratrice e sopratutto contro gli anarchici.

Una cosa orrenda! il potere comunista che si denomina potere degli operai e contadini, colpisce con maggiore violenza i migliori militi della causa del proletariato, opprimendo le vaste masse laboriose senza partito, quando osano protestare contro gli attacchi del potere che vuole usurparle dei loro diritti.

Una simile attitudine in piena rivoluzione non poteva passare inosservata, senza provocare un'attiva resistenza dei lavoratori.

Il popolo che fece la grande rivoluzione doveva immancabilmente iniziare la lotta contro tutto quelle forze che attentavano

chico nella persona del Hetman Skoropadsky. Gli operai ed i contadini abbandonati nelle mani di questo potere, si solievarono contro questo regime distruggendolo da essi stessi, senza essere guidati da alcun partito politico, ed in questo modo contribuirono ad aprire una via libera alla rivoluzione russa ed al suo sviluppo ulteriore.

L'armata dei partigiani makhnovisti, guidata da Nestor Makhno, fu il centro di questa rivoluzione popolare che infranse la occupazione e che portò il colpo mortale al regime di Skoropdsky.

Subito dopo la caduta di quest'ultimo, una nuova reazione si scatena sotto gli ordini del generale Denikine ed avvolge la Ukraina dalla parte del Caucaso. L'armata makhnovista arrestò questa invasione nella regione di Taganrog opponendogli un fronte più di 100 verstes di estensione. Durante sette mesi (novembre 1918-giugno 1919) tennero testa alla formidabile invasione di questa controrivoluzione, finchè la politica criminale di Trotsky permise a Denikine di ravesciare questa armata ed invadere la regione; essendo impotenti a sottomettere la regione insorta sotto le direttive del partito, Trotsky il 4 giugno 1918 dichiara il movimento makhnovista e Nestor Makhno illegali. Ed in questa occasione Trotsky disse che preferiva cedere l'Ucraina a Denikine anzichè permettere alla makhnovichina di svilupparsi.

Sotto la pressione delle armate di Denikine e di Trotsky, Makhno dovette ritirarsi all'ovest verso la frontiera della Galizia. Ma in seguito quando Denikine si avvicinò a Orel minacciando perfino Mosca, Makhno riunite le forze rivoluzionarie, portò il colpo mortale al sud dell'Ucraina impossessandosi della principale base di artiglieria, nella regione di Vainodakbi-Marrionpoi dividendo il passo della sua armata in tanti punti d'appoggio, riuscì a distruggere la campagna controrivoluzionaria di Denikine che battendo in ritirata dalla Grande Russia cadde nel focolaio ardente dell'Ucraina insorta ove consumò la maggior parte della sua armata.

Nella liquidazione di Wrangel l'opera di Makhno fu pure grande. Durante tutto il 1920 si trovò continuamente fra due fuochi, combattento da un lato Wrangel e dall'altre i bolscevichi. Nell'estate del 1920 la armata rossa indietreggiò su di un largo fronte cedendo molti dipartimenti dell'Ucraina a Wrangel che occupò le città di Melitopol. Alexandrowsk, Siilelnikovo, Berdiansk ed altre, minacciando di impadronirsi di tutto il bacino petrolifero di Donetz. Nel settembre del 1920 il governo russo, per finirla con Wrangel, concluse un accordo militare e politico con Makhno rendendosi garante delle seguenti condizioni:

1 Mettere in libertà tutti gli anarchici e makhnovisti.

2 Permettere loro il diritto di professare e di propagare liberamente le loro idee.

3 Riconoscere agli operai ed ai contadini della regione maknovista il diritto di creare loro organi autonomi di ordine economico e sociale.

Dopo concluso quest'accordo l'armata makhnovista si scagliò con tutte le sue forze su Wrangel, liberò la regione occupata da costui ed in seguito fece la prima irruzione nelle profondità della Crimea attraversando lo stretto di Sivach e accerchiando in questo modo l'istmo di Pèrèkop.

Combattendo sulle fronti militari contro i nemici della rivoluzione, la makhnovichina vegliava acciocchè nell'interno della regione rivoluzionaria la vita fosse costruita sullo basi della indipendenza ed autonomia dei lavoratori.

te. Il solo nome agita e sostiene incessantemente le tendenze rivoluzionarie nel popolo.

Compagni, lavoratori! dobbiamo sventare ed impedire che questi neri proposti del governo russo e polacco si compiano. Alziamo fieramente la protesta contro l'assassinio di Nestor Makhno o di tutti gli altri rivoluzionari. In tutte le organizzazioni operale, in tutti gli stabilimenti i lavoratori chiedano la liberazione immediata di Makhno. In tutti i paesi ove esistono dei rappresentanti diplomatici o consolari dei governi russo e polacco, i lavoratori debbono fare intendere la loro pressione rivoluzionaria.

Viva la Rivoluzione sociale!

Rudolf Rocker, A. Berkmann, E. Goldmann, Fed. degli Anarchici Com. di Germania, Unione libera dei lavoratori di Germania, Gruppo Anarchici Russi in Germania, S. Faure, A. Colomez, Lecoin, Couteut, Haussard, Delecourt, Unione Anarchica francese.

427

871215016

The Emma Goldman Papers

[Against the impending crimes of the Russian and Polish governments. In Italian] Contro un misfatto preparato dal governo Russo e Polacco / E[mma] Goldman, *et al.* – 49 cm. *In* L'Adunato dei Refrattari [New York]. – Vol. 1, no. 16 (Nov. 30, 1922).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archivio Famiglia Berneri, Pistoia, Italy.

voluzione russa.

In questi ultimi tempi i giornali riportarono il suo trasferimento dal campo alla cittadella di Varsavia. Questo significa che il governo polacco venuto ad un'intesa col governo russo, sia deciso di giustiziarlo sul posto oppure consegnarlo con questo scopo al governo russo. Per conseguenza, un grave pericolo è sospeso sulla testa di questo eminente rivoluzionario, uscito dalla laboriosa massa oppressa.

I lavoratori di tutto il mondo debbono salvarlo. La rivoluzione russa fu fin dai suoi primi giorni l'oggetto di ardenti speranze da parte di tutta l'umanità laboriosa ed oppressa.

Il grande rovesciamento di Ottobre aveva momentaneamente spezzate le stesse basi del capitalismo russo ed a tutti gli sfruttati sembrava fosse il principio della rivoluzione sociale dei lavoratori di tutto il mondo. Ecco, perchè noi eravamo moralmente e materialmente per la rivoluzione russa, combattendo contro ogni attacco della borghesia.

Però il partito comunista, impadronitosi del potere, incominciò, in nome della sua dittatura, l'opera di sterminio di tutte le correnti politiche e sociali che non si sottomisero al suo programma e volontà. Non solo persegul la corrente di destra, ma con maggiore violenza si scagliò sui movimenti degli operai e contadini che difendevano un ideale di indipendenza e di autonomia sociale della classe lavoratrice e sopratutto contro gli anarchici.

Una cosa orrenda! il potere comunista che si denomina potere degli operai e contadini, colpisce con maggiore violenza i migliori militi della causa del proletariato, opprimendo le vaste masse laboriose senza partito, quando osano protestare contro gli attacchi del potere che vuole usurparle dei loro diritti.

Una simile attitudine in piena rivoluzione non poteva passare inosservata, senza provocare un'attiva resistenza dei lavoratori.

Il popolo che fece la grande rivoluzione doveva immancabilmente iniziare la lotta contro tutte quelle forze che attentavano ai suoi acquisiti diritti rivoluzionari. In Ucraina, questa lotta prese la forma di una insurrezione rivoluzionaria degli operai e contadini. Questo grande movimento storico lottò non solo contro la dittatura dei bolscevichi, ma bensì e nello stesso modo contro la dittatura degli altri partiti monarchici o democratici.

Lo scopo essenziale di questo movimento fu quello di prendere possesso della terra, di tutti i mezzi o strumenti della produzione da parte dei lavoratori ed organizzare la vita sociale economica sulle basi dell'autonomia operaia o contadina, ma essendosi urtato contro la tirannide organizzata (armate contro-rivoluzionarie dei generali czaristi e dittatura comunista) questo movimento per difendersi da questi nemici, creò la sua armata rivoluzionaria basata sul principio dell'ingaggiamento volontario e questa, duante quattro anni, condusse una lotta eroica sopra molteplici fronti per difendere il territorio ed i diritti rivoluzionari dei lavoratori contro tutti gli attacchi reazionari.

Nestor Makhno, figlio di contadini, senza terra, anarchico, condannato alla galera a vita in rapporto alla sua partecipazione nella rivoluzione del 1905-1907, fu uno dei primi e più attivi partecipanti del movimento partigiano rivoluzionario in Ucraina, divenendo in seguito uno delle principali guide.

Diamo un abbozzo succinto dell'opera di questo movimento. Nella primavera del 1908 in conformità del patto di Brest-Litwsky, concluso dai bolscevichi con il governo imperiale tedesco, l'Ucraina venne occupata dalle truppe austro-tedesche. Queste truppe aiutarono i signori ed i generali a ristabilire nella regione il regime monarkine e di Trotsky, Makhno dovette ritirarsi all'ovest verso la frontiera della Galizia. Ma in seguito quando Denikine si avvicinò a Orel minacciando perfino Mosca, Makhno riunite le forze rivoluzionarie, portò il colpo mortale al sud dell'Ucraina impossessandosi della principale base di artiglieria, nella regione di Valnodakhi-Marrionpol dividendo il passo della sua armata in tanti punti d'appoggio, riuscì a distruggere la campagna controrivoluzionaria di Denikine che battendo in ritirata dalla Grande Russia cadde nel focolaio ardente dell'Ucraina insorta ove consumò la maggior parte della sua armata.

Nella liquidazione di Wrangel l'opera di Makhno fu pure grande. Durante tutto il 1920 si trovò continuamente fra due fuochi, combattente da un lato Wrangel e dall'altro i bolscevichi. Nell'estate del 1920 la armata rossa indietreggiò su di un largo fronte cedendo molti dipartimenti dell'Ucraina a Wrangel che occupò le città di Melitopol, Alexandrowsk, Silielnikovo, Berdiansk ed altre, minacciando di impadronirsi di tutto il bacino petrolifero di Douetz. Nel settembre del 1920 il governo russo, per finirla con Wrangel, concluse un accordo militare e politico con Makhno rendendosi garante delle seguenti condizioni:

1 Mettere in libertà tutti gli anarchici e makhnovisti.

2 Permettere loro il diritto di professare e di propagare liberamente le loro idee.

3 Riconoscere agli operai ed ai contadini della regione maknovista il diritto di creare loro organi autonomi di ordine economico e sociale.

Dopo concluso quest'accordo l'armata makhnovista si scagliò con tutte le sue forze su Wrangel, liberò la regione occupata da costui ed in seguito fece la prima irruzione nelle profondità della Crimea attraversando lo stretto di Sivach e accerchiando in questo modo l'istmo di Pèrèkop.

Combattendo sulle fronti militari contro i nemici della rivoluzione, la makhnovicbina vegliava acciocchè nell'interno della regione rivoluzionaria la vita fosse costruita sulle basi della indipendenza ed autonomia dei lavoratori.

Si può giudicare in seguito alla tesi dell'accordo, di cui abbiamo citato tre paragrafi e che venne firmato in ottobre del 1920 a Kharkow, da Popoff e Kourilenko da parte dei makhnovisti e da Bela Kun, S. Gousseff, J. Jakoneff e Frounzè (in sostituzione di Rakowsky) da parte dei bolscevichi. Il potere comunista, ostile, per natura stessa, come tutti i poteri, ai principii di libertà e di indipendenza dei lavoratori, in rapporti con la makhnovichina, non le fu possibile rimanere, per molto tempo in accordo con questo movimento; ed appena il pericolo di Wrangel passò, attaccò proditoriamente i makhnovisti, colla forza delle sue molteplici armate.

La makhnovichina ed il bolscevismo sono due antipodi. La prima aspira alla perfetta autonomia dei lavoratori, la seconda invece aspira, colla sua dittatura, a dominare i primi. Ed è precisamente tutto qui il nocciolo della questione fra l'uno e l'altro. Il potere bolscevico afferma che la makhnovichina portava un carattere di banditismo e di progroms. Questa è una spudorata menzogna ed una vile calunnia; perchè l'armata makhnovista fu la sola nel mondo intero assolutamente estranea ad atti antisemiti. Anzi il movimento makhnovista reprimeva sempre severamente tali atti indegni di rivoluzionari decisi e degni di tale nome.

Approfittando dell'occasione che attualmente il grande movimento rivoluzionario dei lavoratori è infranto dalle armate del potere bolscevico, quest'ultimo tenta con tutti i mezzi di impadronirsi di Nestor Makhno. L'autorità bolscevica non può essere in pace, finchè questo uomo straordinario, nato dalle masse popolari, sia viven-

L'Adunata dei Refrattari anno I 30 novembre 1922 n°.16

"Contro un misfatto preparato dal governo Russo polacco".

900517000

The Emma Goldman Papers

[For the persecuted Russian anarchists. In German] Für die Gemarterten Anarchisten Rußlands / Emma Goldman, *et al.* – 33 cm. *In* Die Freie Arbeiter [Berlin]. – [(1923?)].

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

unter den Folgen ihres nationalen Handelns zu leiden haben, bekümmern sich nicht viel um sie, obwohl ihr Geldbeutel viel größere Ausgaben vertragen kann, als die Hungereinkünfte der Arbeiter. Der Verband Berliner Metallindustrieller ließ an seine Mitglieder ein Rundschreiben ergehen, in dem den Mitgliedern zur Pflicht gemacht wird, die von der Arbeiterschaft selbst eingeleitete Sammlung für die Opfer des völkerrechtswidrigen Einbruchs des französischen Militarismus ins Ruhrgebiet zu verbieten'.

Anstatt nun dadurch aus ihrem nationalistischen Taumel zu erwachen, fahren die Gewerkschaften fort, sich mit den Unternehmern zu verbinden, um das „deutsche Hilfswerk" fortzusetzen. In einer Mitteilung des A.D.G.B. heißt es:

„Der paritätische Verwaltungsapparat für die „Ruhrhilfe" setzt sich auf Arbeitgeberseite zusammen aus je einem Vertreter der Verbände, die den Aufruf unterzeichnet haben, auf Arbeitnehmerseite aus einer entsprechenden Anzahl Vertretern der Gewerkschaften, so daß der Verwaltungsrat aus 15 Arbeitgebern und 15 Arbeitnehmervertretern besteht. Der Verwaltungsrat hat einen geschäftsführenden Vorstand aus je 3 Vertreter der Arbeitgeber und Arbeitnehmer gewählt, und zwar auf Arbeitgeberseite die Herren Dr. Haberstruner, Dr. Soelberg, Prof. Dade, Keinath und Bernstein, auf Arbeitnehmerseite die Genossen Adolf Cohen, Georg Schmidt, Bothe, Otze und Lewin."

Der Burgfrieden ist also jetzt schon völlig hergestellt. Die nationale Einheitsfront zwischen Zentralverbänden und Unternehmern bedarf keinerlei Ausgestaltung mehr. Die Herren von rechts und links sind gewappnet für einen neuen Krieg. Nun möge kommen, was da kommen will. —

Während die Regierung mit Hilfe der Zentralverbände die Arbeiterschaft des Ruhrgebietes zur Sabotage und zum passiven Widerstand d. h. zum Nichtarbeiten auffordert, sucht man zur selben Zeit die Bergarbeiter im Niederschlesischen Kohlenrevier durch die zentralverbandlerischen Betriebsräte, die natürlich von höchsten Regierungsstellen durch Vermittlung sozialdemokratischer Abgeordneter beeinflußt sind, zu bewegen, Ueberstunden zu leisten. Tatsächlich ist ein solcher Antrag in einer Konferenz der Betriebsräte und Vertrauensleute mit 150 gegen 36 Stimmen angenommen worden. Danach soll die Schicht um eine Stunde verlängert werden, so lange die Ruhrbesetzung anhält. Glücklicherweise sind die Arbeiter noch nicht gänzlich von dem Gift des Nationalismus angefressen, und so lehnte die Belegschaft der Viktoriagrube Gottesberg einstimmig, die Frage der Ueberstunden einer Urabstimmung vorzulegen. Hoffentlich fallen die Arbeiter nicht auf den Schwindel herein, durch welchen die Arbeitor im Westen Sabotage, die im Osten Ueberstunden machen sollen, alles wegen des wahnsinnigen Nationalismus.

Die Abwürgung des Achtstundentages.

Gerade jetzt scheint den Unternehmern der Zeitpunkt gekommen zu sein, um in aller Stille, da die Aufmerksamkeit der Arbeiterschaft auf das nationalistische Ringen im Ruhrgebiete gelenkt ist, den Achtstundentag zu beseitigen.

Der deutsche Arbeitgeberverband für Industrie, Gewerbe und Handwerk, Land- und Forstwirtschaft, Handel und Verkehr sandte ein Schreiben, in dem es heißt:

„Vertraulich. Berlin, den 21. Januar 1923.

An die Herren Geschäftsführer der örtlichen Arbeitgeberverbände Schlesiens.

Der Reichswirtschaftsrat beschloß die Ueberweisung des Arbeitszeitgesetzes an den Sozialpolitischen Ausschuß, damit dort eine Einigung erzielt wird. Wo Vertreter christlicher Gewerkschaften Reichswirtschaftsmitglieder sind, sind diese örtlicherseits nach den von uns angegebenen Richtlinien zu beeinflussen, damit diese nicht mit den freien Gewerkschaften konform gehen.

Das von uns Ihnen zugesandte Material contra Achtstundentag muß möglichst mit nächster Post uns zugesandt werden.

Die von uns Ihnen im Rundschreiben Nr. 16/23 angegebenen Richtlinien gegen die freien Gewerkschaften werden immer noch nicht genügend beachtet. Auf alle Fälle müssen die Gegensätze zwischen Gelernten und Ungelernten durch die Lohnpolitik, die auch vor den Schlichtungsausschüssen mit Nachdruck zu vertreten ist, gespannter werden. Wir weisen nochmals darauf hin, daß Delatoren (Angeber) aus den Reihen zuverlässiger Arbeiter und Angestellter, die uns gut gesinnt sind, erzogen werden müssen. Durch Geschenke und Nebengratifikationen werden sie unbewußt deprimiert und die uns genehme Aufklärung bei den Belegschaften leisten. Nach den bei uns eingegangenen Berichten können durch Propaganda gegen Zahlung zu hoher Beiträge bei den roten Gewerkschaften die besten Erfolge erzielt werden. Zurzeit sind die freien Verbände noch im Besitz nicht unbedeutender Kampffonds, die ihnen gestatten, örtliche Kämpfe längere Zeit durchzuführen. Eine Schwächung der gewerkschaftlichen Finanzen könnte uns nur die Möglichkeit geben, die Arbeiterschaft nach der früheren Art zu entlohnen. Wo die Konjunktur nicht besonders günstig ist und finanzielle Verluste durch Schutzverbände gedeckt werden, müssen Streiks ausgedehnt werden, was die Kassen der Gewerkschaften bedeutend schwächen würde, was gleichbedeutend mit einer Lahmlegung der anstürmenden Lohnbewegungen zu betrachten ist. Denn nur stark fundierte rote Verbände können uns gefährlich werden.

Deshalb muß versucht werden, diese zu zersplittern und deren Mitglieder durch Delatoren von jeder erhöhten Beitragsleistung abzuhalten.

Wo mehrere Gewerkschaften in einem Betriebe vorhanden sind, müssen die linksstehenden am gründlichsten bekämpft werden, denn diejenigen, die nur geringe Beiträge leisten, können uns nie unbequem werden, und sollen auch diese der Arbeiterschaft durch dritte Personen empfohlen werden.

Wo irgend vom Arbeitgeber Einfluß ausgeübt werden kann, müssen sich die Betriebsräte aus den Kranken, einschließlich christlichen und hirsch-dunckerschen Organisationen rekrutieren. Durch geschickte Operation lassen sich aber auch die Vorstandsmitglieder der freien Gewerkschaften beeinflussen, so daß diese selbst gegen jede Erhöhung der Beiträge sind. Dies agitiert an einzelnen Orten vortrefflich, ohne daß sich die Zahl der Arbeiter deren Folgen bewußt ist."

Wenn sich heute die Unternehmer gegen die Zentralverbände, gegen die freier Gewerkschaften wenden, so nur deshalb, weil den christlichen oder hirsch dunckerschen Gewerkschaften gegenüber die Zentralverbände radikaler sind. Wenn gegen die hohen Beiträge angekämpft werden soll, so deshalb, weil der Kampf nach den heutigen Formen und nach den Richtlinien der Zentralverbände eben nicht anders geführt wird. Wenn aber in einigen Orten syndikalistische, revolutionäre Gewerkschaften ausschlaggebend wären, dann wäre das Rundschreiben der Unternehmer sicher in noch schärferem Maße gegen unsere Organisationen gerichtet. Nur, weil in Schlesien noch keine syndikalistischen Organisationen in größerem Stile vorhanden sind, haben die Unternehmer in ihrem Rundschreiben nichts davon erwähnt. Wir dürfen uns aber keinen Illusionen hingeben. Der Kampf der Kapitalisten richtet sich gegen die Errungenschaften der Arbeiterschaft. Zu diesen Errungenschaften gehört der Achtstundentag in erster Linie. Ihn zu schützen und aufrechtzuerhalten muß uns allen erster Grundsatz in den kommenden Abwehrkämpfen sein.

Da die Unternehmer selbst Streiks der Arbeiterschaft ausdehnen wollen, so ist hier die beste Bestätigung dafür, daß der Kampf nicht mehr wie bisher in Klein- und Teilstreiks zersplittert werden darf. Die Arbeiterschaft darf den Unternehmern keine Gelegenheit geben, Streiks auszudehnen, wenn es den Unternehmern genehm ist. Sie muß die passive Resistenz und Sabotage bei örtlichen Kämpfen anwenden, den Generalstreik bei größeren Kämpfen. Nur so werden wir ihr neuen Taktik der Unternehmer entgegenwirken und ihr wirksame Abwehrmittel entgegenstellen können. Wenn die Arbeiterschaft weiter die Taktik der Zentralverbände befolgt und Teilstreiks führt, dann werden alle kommenden Kämpfe der Arbeiter verlorengehen und das Unternehmertum sich immer stärker fühlen, das Proletariat aber in immer größeres Elend herabsinken. Dies kann nur durch Anwendung der syndikalistischen Kampfmittel verhindert werden. Der Generalstreik ist die einzige Waffe, die uns aus der kapitalistischen Unordnung und Ausbeutersippschaft herausbringen kann.

Für die gemarterten Anarchisten Rußlands.

Werte Genossen!

Die Not der Anarchisten und Anarcho-Syndikalisten in Rußland ist sehr ernst. Einige sind im Gefängnis und viele sind in die entfernten Provinzen verschickt. Andere erwarten jetzt ihre Ausweisung in fremde Länder, und sie befinden sich ebenfalls in bedrängten Verhältnissen.

Und jetzt haben wir aus Petersburg Nachricht erhalten über das Gerichtsverfahren gegen unsere derzeitigen Genossen. Es ist das erste Mal, daß die bolschewistische Regierung Anarchisten eine öffentliche Gerichtsverhandlung gewährt hat, und sie hat es getan, indem sie sie des „Banditismus" bezichtigte und sie zusammen mit gemeinen Verbrechern auf die Anklagebank brachte. Dadurch wünschen die Bolschewiki im Ausland den Eindruck zu wecken, daß Anarchisten und Verbrecher ein und dasselbe sind, daß sie Hand in Hand arbeiten und daher zusammen unter Anklage gestellt werden.

Ganz richtig weigerten sich einige der Anarchisten (wie die linken Sozialrevolutionäre), dem Verfahren beizuwohnen oder auf irgendwelche Fragen zu antworten, da sie es unter ihrer revolutionären Würde erachteten, auf Anklagen des Banditismus und Mordes zu antworten.

Einige dieser Idealisten, die Jahre hindurch in der revolutionären Bewegung gestanden und an der Oktober-Revolution teilgenommen haben, wurden zum Tode verurteilt (darunter auch vier linke Sozialrevolutionäre). Einige andere sind auf lange Jahre ins Gefängnis geschickt worden. Es heißt, daß die Todesurteile einstweilen aufgeschoben worden sind, aber es liegt hierüber keine positive Nachricht vor.

Das sind höchst niederträchtige Taktiken seitens der Bolschewiki, und unsere Genossen müssen überall darauf achten, daß das Volk durch diese Methoden der „kommunistischen" Regierung nicht irregeführt wird. Die Lage ist sehr ernst und wahre Revolutionäre sind in Rußland immer der despotischen Verfolgung durch die Bolschewiki ausgesetzt.

Es sollte klar sein, daß die Situation in bezug auf politische Gefangene in Rußland heute genau dieselbe ist, wie sie während des Regimes des Zaren war. Jetzt wie damals, und vielleicht noch mehr als früher, sind die Anarchisten in Rußland auf die Hilfe der ausländischen Genossen angewiesen. Es ist höchst notwendig, in jedem Lande ein Anarchistisches Rotes Kreuz zu organisieren, um unseren von den Bolschewisten eingekerkerten Genossen zu helfen, eingekerkert für ihre Treue zu ihren Idealen, wie sie es unter den Romanows aus demselben Grunde zu sein pflegten.

Wir ersuchen daher unsere Genossen in jedem Lande dringend, solch ein Rotes Kreuz für die anarchistischen Märtyrer in Rußland (ob sie im Gefängnis, im Exil oder in der Verbannung sind) zu organisieren und ihr Aeußerstes zu tun, eine ständige Hilfe für diese Opfer bolschewistischer Tyrannei und Verfolgung zu schaffen. Solche Organisationen und Hilfsaktionen werden unseren leidenden Genossen nicht nur die besondere finanzielle Unterstützung gehen, sondern als große moralische Kraft dienen, die russischen Anarchisten in den Gefängnissen und draußen zu ermutigen und anzufeuern.

Genossen, die Augen der Anarchisten Rußlands sind auf euch gerichtet. Ihr seid ihre einzige Hoffnung. Mögen sie keine Enttäuschung erleiden.

Mit Brudergruß!

Alexander Berkman, A. Borghi (Italien), Emma Goldmann, Lansing (Holland), A. Lemoine (Frankreich), E. Lindstam (Schweden), A. Orlando (Argentinien), Rudolf Rocker (Deutschland, A. Shapiro, C. Bjorklund (Schweden).

Adresse: F. Kater (Russ. Anarch. Hilfe), Deutschland. Berlin O. 34, Kopernikusstraße 25.

Eingesandt.

Das wahre Gesicht der Arbeitsgemeinschaft in Stettin.

Als die Kampfgemeinschaft zwischen der A.A.U.D. und F.A.U.D. in Stettin eingegangen wurde, da kam sie unter der Begründung zustande, den Kampf gegen die Ausbeuter gemeinsam erfolgreicher führen zu können und auch in der Abwehr gegen die Zentralverbände eine geschlossene Front zu bilden. Im Anfang waren die Gegensätze auch sehr gering. Von den Vertretern der Kampfgemeinschaftsidee wurden die angeblichen großen Vorteile in so hellen Farben gemalt, daß die Mehrzahl der Genossen von der F.A.U.D. auf diese Leimrute krochen. Man liebäugelte mit beiden Organisationen und trieb eine schlaue Politik. Genosse Cahn wurde zu Vorträgen herangeholt, den man für die gesteckten Ziele benutzte. Als aber dennoch die Gegensätze sich immer mehr zuspitzten, da setzte man auf den 14. Kongreß seine Hoffnungen, man wartete der Dinge, die von dort kommen sollten. Da aber der Kongreß die gesteckten Hoffnungen nicht erfüllte und sich mit dem gestellten Antrag nur wenig beschäftigte, so wurden die Gegensätze zwischen den beiden Organisationsrichtungen größer und größer. In der Konferenz am 17. Dezember 1922, in der wieder Genosse Cahn anwesend war, erklärten einige Ortsgruppen ihren Austritt aus der Kampfgemeinschaft. Fast alle Delegierten sprachen sich für die Auflösung dieser „Gemeinschaft" — die in Wirklichkeit nie bestanden hat — aus. Damit war das Ding an sich und der dort herrschende Geist aber noch nicht tot. Man setzte sich noch einmal zusammen, um die Mittel zu finden, wie man die Gegner dieser „Gemeinschaft" beseitigen kann. Man wählte das Mittel der Verleumdung und dieses Mittel verfehlt nie ganz seine Wirkung. In der syndikalistischen Bewegung Stettins entstand ein Wirrwarr. Einige Ortsgruppen erklärten sich solidarisch mit den „Arbeitsgemeinschaftlern", d. h. sie wollten nichts mehr mit dem organisatorischen Aufbau der F.A.U.D. zu tun haben. Jetzt zeigte sich, wie recht Genosse Kater hatte, wenn er auf dem Kongreß sagte, solche Kampfgemeinschaften müssen sorgfältig unter die Lupe genommen werden, denn sie endeten meist zum Schaden der syndikalistischen Bewegung. Tatsächlich haben wir einen Rückschlag zu verzeichnen, der aber bald wieder bei rühriger Arbeit überwunden sein dürfte. Die letzte kombinierte Mitgliederversammlung war freilich noch ein Tohuwabohu. Aber es wird unseren Genossen bald klar werden, daß sie sich auf einem falschen Weg befinden. Und wenn Genosse Cahn den eigenartigen „Gemeinschaftlern" einmal den reinen syndikalistischen Standpunkt erklären wird, dann wird es ihm genau so gehen, wie uns Stettiner Syndikalisten, man wird ihn mit Kot bewerfen.

Was meine Person anbetrifft, so finde ich mich damit ab. Ich weiß aus Erfahrung, daß man in der Arbeiterbewegung keinen Dank ernten kann. Ich bedauere heute nur aufs tiefste, daß ich mich habe dazu gebrauchen lassen, den Antrag von Stettin auf dem Kongreß zu vertreten. Ich glaubte, daß der Ansicht der Mitglieder Rechnung getragen werden müsse. Aber ich habe aus den Erfahrungen gelernt und möchte allen syndikalistischen Organisationen empfehlen, wenn irgendwo eine solche Schlange, geschmückt mit dem Namen Arbeitsgemeinschaft, auftaucht, dem Ding gleich den Weg zu versperren und auf den Kopf zu treten. Dann braucht man nicht erst die Lupe zu benutzen und erspart der syndikalistischen Organisation viel Unheil. T.

Ueber die deutsche Presse.

Wenn wir einen Blick werfen auf die Rückseiten der bürgerlichen, sozialdemokratischen und parteikommunistischen Zeitungen Deutschlands, so werden wir da wohl bei jeder fast eine Masse Reklame finden, daß wir uns sagen müssen: „Das Blatt ist vom Kapital bezahlt." Auf die anarchistische Presse, wie z. B. den „Syndikalist", trifft das nun nicht zu; sie sollte daher jedem Genossen zu wertvoll sein, als daß er sie nach einmaligem Lesen fortwürfe. Jede Nummer sollte möglichst durch so viele Hände von Interessenten gehen zwecks Propaganda, bis sie ganz zerlesen ist. Mündlich muß man natürlich die betreffenden Personen auch bearbeiten, wenn man sie werben will, evtl. noch durch Broschüren. — Nun wird sich nicht jeder Genosse mehrere Zeitungen halten können und Zeitungspapier ist jedermann unentbehrlich zum Einwickeln usw. Diesen Genossen sollten von anderen dann als Ersatz Partei-Wurstblätter zur Verfügung gestellt werden. Unsere Presse ist uns dafür zuschade.

Eberhard.

Zur Beendigung des Glasarbeiterstreiks in Gerresheim.

Durch die Abstimmung vom 22. Januar ist der Streik der Glasarbeiter beendet worden. Es stimmten 379 für den Streik, 309 dagegen, 11 Stimmen waren ungültig. Um den Streik weiterführen zu können, muß jedoch ¾ Mehrheit dafür stimmen und so mußte die Mehrheit sich fügen, die Arbeit wieder aufnehmen.

BEST COPY AVAILABLE

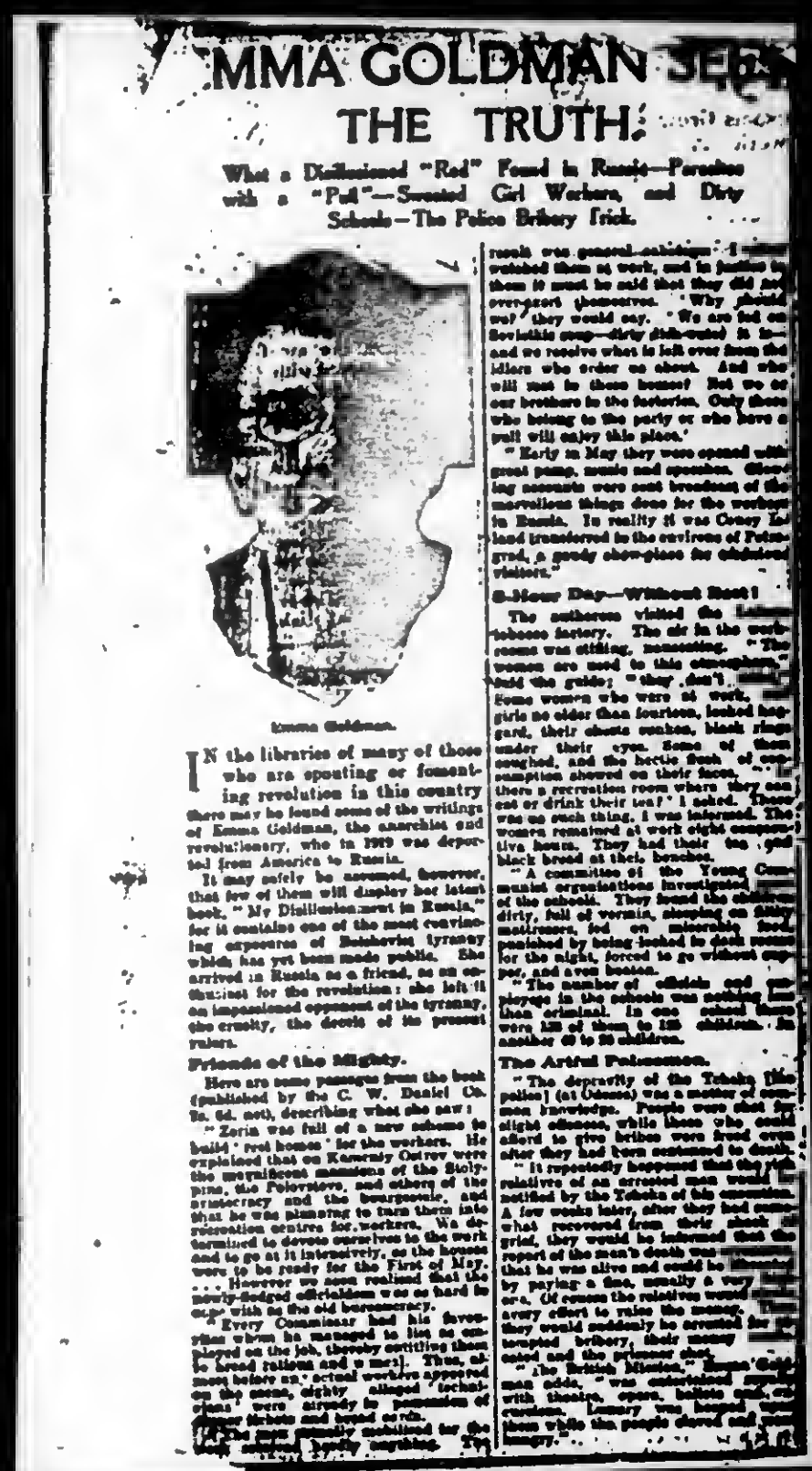
429

880615090

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman Sees the Truth / Emma Goldman.— [(1923?, newsclipping)].— 1 p. ; 17 × 9 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the United States Library of Congress.
Institutional Location: Joseph Desser Collection.

MMA GOLDMAN SEE
THE TRUTH.

What a Disillusioned "Red" Found in Russia—Paradise with a "Pull"—Sweated Girl Workers, and Dirty Schools—The Police Bribery Trick.

Emma Goldman.

IN the libraries of many of those who are spouting or fomenting revolution in this country there may be found some of the writings of Emma Goldman, the anarchist and revolutionary, who in 1919 was deported from America to Russia.

It may safely be assumed, however, that few of them will display her latest book, "My Disillusionment in Russia," for it contains one of the most convincing exposures of Bolshevist tyranny which has yet been made public. She arrived in Russia as a friend, as an enthusiast for the revolution: she left it an impassioned opponent of the tyranny, the cruelty, the deceit of its present rulers.

Friends of the Mighty.

Here are some passages from the book (published by the C. W. Daniel Co. 6d. net), describing what she saw:

"Zorin was full of a new scheme to build 'rest homes' for the workers. He explained that on Kamenny Ostrov were the magnificent mansions of the Stolypins, the Polovtsovs, and others of the aristocracy and the bourgeoisie, and that he was planning to turn them into recreation centres for workers. We determined to devote ourselves to the work and to go at it intensively, as the houses were to be ready for the First of May. . . . However we soon realised that the newly-fledged officialdom was as hard to cope with as the old bureaucracy.

"Every Commissar had his favourites whom he managed to list as employed on the job, thereby entitling them to food rations and wages. Thus, almost before an actual worker appeared on the scene, eighty alleged 'technicians' were already in possession of dinner tickets and bread cards.

"The most ostensibly mobilised for the work seemed hardly anything. The work suffered greatly therefrom. The rooms were general exhibitions. I myself watched them at work, and in justice to them it must be said that they did not overexert themselves. 'Why should we?' they would say. 'We are fed on Bolshevik soup—dirty dish-water at that—and we receive what is left over from the idlers who order us about. And who will rest in these houses? Not we or our brothers in the factories. Only those who belong to the party or who have a pull will enjoy this place.'

"Early in May they were opened with great pomp, music and speeches. Glowing accounts were sent broadcast of the marvellous things done for the workers in Russia. In reality it was Coney Island transferred to the environs of Petrograd, a goody show-place for edulcorated visitors."

8-Hour Day—Without Rest!

The authoress visited the [illegible] tobacco factory. The air in the workrooms was stifling, nauseating. "The women are used to this atmosphere," said the guide; "they don't [illegible]." Some women who were at work, girls no older than fourteen, looked haggard, their cheeks sunken, black rings under their eyes. Some of them coughed, and the hectic flush of consumption showed on their faces. "Is there a recreation room where they can eat or drink their tea?" I asked. There was no such thing, I was informed. The women remained at work eight consecutive hours. They had their tea and black bread at their benches.

"A committee of the Young Communist organisations investigated [illegible] of the schools. They found the children dirty, full of vermin, sleeping on filthy mattresses, fed on miserable food, punished by being locked in dark rooms for the night, forced to go without supper, and even beaten.

"The number of officials and employés in the schools was nothing less than criminal. In one school there were 125 of them to 125 children. In another 60 to 80 children.

The Artful Policeman.

"The depravity of the Tcheka [the police] (at Odessa) was a matter of common knowledge. People were shot on slight offences, while those who could afford to give bribes were freed even after they had been sentenced to death.

"It repeatedly happened that the relatives of an arrested man would be notified by the Tcheka of the execution. A few weeks later, after they had somewhat recovered from their shock and grief, they would be informed that the report of the man's death was [illegible] that he was alive and could be [illegible] by paying a fine, usually a very large one. Of course the relatives would make every effort to raise the money. Then they would suddenly be arrested for attempted bribery, their money confiscated and the prisoner shot.

"The British Mission," Emma Goldman adds, "was entertained superbly with theatre, opera, ballets and concerts. Luxury was heaped upon them while the people shared and starved and hungered."

BEST COPY AVAILABLE

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

PRECIO DE ESTE FOLLETO, al público, 0.25

A LOS COMPAÑEROS Y GRUPOS QUE LO ADQUIERAN CON FINES DE PROPAGANDA, POR SUSCRIPCION VOLUNTARIA

Al que no sostenga relaciones con esta administración no se servirá ningún pedido sin previo pago adelantado, el cual debe ser dirigido a

J. VILLAR DE BARRIO
700 GREENWICH STREET
PRINTING
NEW YORK

EN ESTA ADMINISTRACION PUEDEN CONSEGUIRSE TODA CLASE DE FOLLETOS Y LIBROS DE PROPAGANDA.

D.281
2
50

EMMA GOLDMAN

DOS AÑOS EN RUSIA

DIEZ ARTICULOS PUBLICADOS EN

THE WORLD

TRADUCIDOS Y EDITADOS POR

AURORA
REVISTA QUINCENAL

700 GREENWICH ST.
NEW YORK

1923

BEST COPY AVAILABLE

431

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

R 22040

D-281
2/50

EMMA GOLDMAN

DOS AÑOS EN RUSIA

INTRODUCCION
POR
J. DE BORRAN

BIBLIOTHECA VNIVERSITATIS BARCINONENSIS

BEST COPY AVAILABLE

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

A LOS COMPAÑEROS:

Después ds muchos trabajos y afanes hemos conseguido editar este folleto. Comoquiera que es tan extenso, (extenso para nuestros pobres medios económicos) nos fué completamente imposible sacarlo a luz hacs ccrca de un año, como fué nuestro deseo, o sea poco después de haber aparecido estos trabajos sn el periódico "The World."

Mas, no obstante, después ds muchas luchas y contratiempos, hoy sale. Sals tal cual lo hemos PODIDO HACER, no tal como hubiésemos querido que fuese. A aquellos que nos ayudaron y a aquellos otros que no nos ayudaron, también cfrecemos este modesto trabajo, esperando qus sabrán recibirlo y estudiarlo con espíritu sereno, ya que es el afán de DAR A CONOCER lo que nos ha yuiado al traducirlo al castellano y editarlo en estas sesenta y pico páginas.

Los errores que tenga, culpa nuestra son. Y si alguno hubiera que no fuese nuestro, cúlpese también a nosotros, ya que la compañera Goldman estaba demasiado ocupada cuando lo escribió, y no pudo corregir los errores de detalle ni de fondo, si es que hay alguno.

Y así, con sus errores y sus virtudes, ss que lo entregamos a los camaradas. Que cada uno lea y analics; que cada uno estudis y compare. Nosotros hemos estudiado y leído por nuestra parts y esperamos que este nuestro trabajo contribuya al esclarecimiento de algunas cosas dentro del movimiento anarquista.

Fraternalmente,

EL GRUPO EDITOR.

BEST COPY AVAILABLE

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

A modo de introduccion:

Todas las épocas han tenido sus ideales, por los que han luchado; sus mentiras, ante las cuales han sucumbido; unos cuantos soñadores; algunos verdugos y muchas víctimas.

Esta ha sido hasta hoy la historia de la humanidad, una historia que se ha repetido durante la sucesión de los siglos, *que siempre es vieja y que todos los dias es nueva*: una historia de dolores, de esperanzas y de desengaños. Un gran Ideal...mucha sangre derramada y,...un comenzar de nuevo.

Así hemos venido.... y así hemos progresado. El progreso social se ha hecho a pesar de todo, *tal vez por encima de todo*. Es verdad que hoy existen esclavos lo mismo que hace dos mil años; pero si comparamos un esclavo de hoy con un esclavo de ayer encontramos que son *dos esclavos diferentes*.

Y es que las mentiras de las diferentes épocas, y con las mentiras, los sostenedores de ellas, no han podido ser lo suficiente fuertes para detener esa fuerza innata que vive e n todos los seres, obligando a la planta a expansirse y al hombre a progresar y que pudiéramos llamar *La Pasión por la Libertad*.

Tergiversando conceptos y desviando caminos, las mentiras de las diferentes épocas lograron burlar las demandas de los insatisfechos, retardando el advenimiento de lo que aun hoy se desea, de lo que siempre se ha deseado. Pero como vemos en los tiempos presentes todo su trabajo no hizo mas que *aplazar*. Derrumbadas sucesivamente todas las instituciones que un día se presentaron como ideales definidos al ansia de mejoramiento de los hombres, y que por un momento lograron cubrir las apariencias, hoy nos encontramos de nuevo en el principio, con todos los problemas sin resolver, es verdad, pero con una gran experiencia que nos capacita para llevar a cabo lo que la ignorancia de nuestros mayores les impidió realizar.

Seguros de lo que queremos, y, por lo tanto, con conocimiento de lo que no queremos, ya solamente nos falta concretar *la manera de llevarlo a cabo*. En esto es en lo que aun divergimos. Los sufrimien-

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

tos de nuestros abuelos nos mostraron con claridad definida que solamente por medio de *la libertad en todos los sentidos de la vida* era posible la armonia de los hombres y el progreso de la especie. Y esos mismos sufrimientos nos mostraron también que esa libertad tiene que ser conquistada por medio del esfuerzo propio y que cada uno de los hombres está en el deber de llevar al más alto grado de perfección y amplitud. Pero lo que las luchas y las penas de nuestros mayores no lograron concretar definitivamente es la manera de llevarla a cabo. Hoy ya no hay disparidad en los fines, como antaño; hoy ya es solo *una cuestion de forma*. Pero esa *forma* extravía las mentes, pone odio en los corazones, desvía los caminos y nos impide llegar al fin tanto tiempo deseado, a la meta que tanta sangre costó a las generaciones pasadas definir.

Acordes también en que es solo una cuestión de forma la que nos separa, cada uno trata de justificar su actuación, acusando al segundo de impedir el acercamiento, y de tratar de llegar al fin por un camino erroneo.

¿Quién de nosotros estará en lo cierto? ¿A quién pertenecerá el triunfo definitivo?

Nosotros no somos profetas ni queremos sentar como bases concluyentes nuestra visión del porvenir. Creemos sinceramente que el porvenir está lleno de sorpresas aun para las mentes más escudriñadoras y que con más capacidad analizan el desenvolvimiento lógico de los hombres y de las cosas. Lo único que sabemos, y que lo sabemos con positiva certeza, es que el porvenir pertenece a los que más se separen del pasado y más lejos miren. Considerando que el hombre de hoy es completamente diferente al hombre de ayer, colegimos que el hombre de mañana ha de ser diferente al hombre de hoy y que ha de tener otros gustos y otras necesidades. Partiendo de este punto de vista, creemos que el porvenir ha de pertenecer a los que más amplitud ofrezcan al desarrollo de este nuevo ser y que con visiones más claras de la vida y del progreso, sepan amoldarse mejor al avance de los tiempos. El pasado, y todos los que al pasado miran, quedarán atras. Y los que fueron los lueños de una hora por haber sabido aprovecharse de la ventaja momentanea que muchas veces ofrece la ignorancia de los pueblos, seran arrollados por esa ola gigantesca, que llamamos nosotros *La Pasión por la Libertad;* y aquellos otros, cuyos ideales eran más grandes que la estulticia de sus épocas y a quienes un día se encadenó por dementes y trastornadores, tendrán la suprema felicidad de ver realizado lo que se consideró *imposible*, saboreando la íntima satisfacción de ver cómo el pobre goza de su pan y el sabio de su locura.

Por encima de todo y a despecho de todo, la Libertad abrirá su propio camino.

Entre todos los sofismas con que la sagacidad de los pillos del pasado y los no menos pillos del presente trataron de desviar las corrientes revolucionarias de todos los tiempos, ninguno más absurdo que el sofisma de la DEMOCRACIA.

¡La Democracia! Y ¿qué es la Democracia?

La Democracia fue y sigue siendo la mentira más absurda de todas las épocas.

Los griegos nos hablan de la Democracia como de la institución más santa, sin embargo sostenían la esclavitud; Cesar cruzó el Rubincón en nombre de ella; en nombre de la Democracia los cristianos anatematizaron a los paganos y Napoleón asoló Europa y restauró la esclavitud en las Antillas. Con su manto se cubrieron los crímenes más horrorosos; con su nombre se escudaron todos los déspotas, y a su llamado de guerra se derramó la sangre de todos los pueblos.Engrandecida más que todos los reyes; divinizada más que todos los dioses, ella creó dioses e impuso reyes; aniquiló imperios y levantó pueblos, pueblos que después fueron rebaños, rebaños que sucumbieron al fin en el matadero de la Democracia. Esta última guerra, la guerra más asoladora que recuerda la humanidad, en nombre de la Democracia fue hecha, y en su nombre también estallaron centenares de revoluciones; y para cumplir los altos fines de la Democracia es que ha surgido a la vida nuestro flamante Bolchevismo.

¡La Democracia! Y ¿qué es la Democracia?

La Democracia es el gobierno del Pueblo soberano—se nos dice.

Y nosotros, atónitos de que en el siglo XX después de tantas experiencias aun se pretenda engañar con las mismas mentiras de hace tres mil años, preguntamos:

Pero, ¿es acaso que el pueblo puede gobernar?

Llámese el dirigente sultan, emperador, rey, presidente, comisario; sea por derecho divino o por gracia de la Constitución, el que gobierna tiene que ser UNO, o cuando más, VARIOS, que complementan las ideas de ese UNO. *El gobierno del pueblo es solamente una palabra...* El pueblo, no importa que pueblo, jamás podrá gobernar por sí mismo, ni aun siquiera marcar pauta al gobierno, no importa tampoco qué clase de gobierno. Y el gobierno, no importa qué clase de gobierno, tiene forzosamente que legislar para el pueblo y hacer por la fuerza que el pueblo respete y cumpla las leyes que el gobierno imponga. Cualquier otra clase de gobierno habría dejado de ser gobierno; y cualquier otra clase de pueblo no sería *pueblo*, y por lo tanto, no necesitaría ni admitiría gobierno. Mientras el gobierno exista, y no importa que clase de gobierno sea, no podrá existir otra alternativa: *unos que manden y otros que obedecen.* Y mientras haya quien tenga el derecho de mandar la palabra Democracia no habrá pasado de ser una *palabra;* esto es: una de tantas mentiras sociales con las que se tergiversan los ca-

435

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

minos de la finalidad ideal y se engaña a las multitudes.

Y aquí entramos de lleno en el objetivo de este trabajo: El bolchevismo es el moderno campeón de la democracia, el que se dice representante de las aspiraciones de la humanidad y afirma estar en posesión del verdadero camino para llegar al fin.

Dejando a un lado las desviaciones y contradicciones que el bolchevismo ha tenido en Rusia, así como todos los crímenes cometidos, y concretándonos al análisis del principio en si, encontramos que el bolchevismo no sólo no es un ideail, sino que está incapacitado para llevar a cabo cualquiera de las Ideas que como Ideales se tienen en los días presentes. El Bolchevismo, además de no bastarse a sí mismo, es una amalgama de diferentes valores que se repudian entre sí y que jamás podrán arribar a una conclusión. Siendo lo que más gráficamente pudiéramos llamar *un puente*, cuanto más pronto desaparezca, más pronto también habrá cumplido su misión. Y si no desaparece, si siguiendo las leyes de la naturaleza que muestran que todo lo que nace tiende a conservarse y aumentar su poder; si como es lo más lógico y natural forma su estructura propia y trata de imponerse, proclamando su derecho a la vida, no solamente es un puente que no conduce a ninguna parte, sino que es una barrera que imposibilita el avance del progreso y un abismo que enterrará las energías de varias generaciones. Esto es: de ocurrir de esta manera, como es lógico que ocurra y la experiencia nos muestra, el Bolchevismo habrá pasado a ser la *Mentira Social* más desastrosa de todos los tiempos y el crimen más imperdonable de todos los siglos.

En este sentido, como quiera que todavía es demasiado temprano, no podemos hacer conclusiones. Pudiera ocurrir que el Bolchebismo rompiera todos los precedentes de la Historia; que siguiera su marcha paulatina en busca de su propia desaparición, dejando el paso libre al verdadero concepto de la Libertad. Pero tan imposible nos parece esto, y tan de cerca ha seguido en sus seis años de existencia los métodos adoptados por todas las otras mentiras sociales que lo han precedido, que desde ya es un deber ineludible para todos los hombres de progreso prevenirse contra sus artimañas, y exponer a la opinión universal revolucionaria las contradicciones en que ha caído, los pasos falsos que ha dado, los errores y crímenes sin precedentes perpetrados por su régimen de terror, y las tendencias conservadoras con que cada día pretende afianzar su poder y acercarse al régimen capitalista.

Y en esta nuestra obra de *exposición* debemos ser tan inclementes cuanto las circunstancias lo exijan. El compromiso de partido es una conveniencia personal que no reza con nosotros.

Cuando los principios peligran y se trata de suplantar con apariencias lo que tanto trabajo y tanta sangre nos costó construir, dudar sería una traición. Por encima de todas las conveniencias momentáneas tenemos que poner nuestras finalidades ideales, si queremos hacer obra perdurable. Lo demás sería una negación de nuestro pasado, y un renunciamiento del porvenir. Tengamos en cuenta que el Partido Bolchevique ha retardado la abolición del Estado y de la propiedad privada unos cincuenta años, y que si continuamos en esta silenciosa transigencia, por no dar armas a la burguesía universal en contra de Rusia, Rusia se apoderará del movimiento revolucionario, cambiará su trayectoria, lo usará para sus fines y, después de haberse hecho fuerte con las energías que nosotros le hemos prestado, usará ese poder para exterminarnos e impedir que nuestra finalidad ideal de *No Estado* destruya el Estado Bolchevique.

Desde este punto de vista, y como trabajo de *exposición*, es que consideramos los artículos de Emma Goldman dignos de ser leídos y comentados. Tal vez no sea una obra completa; tal vez adolezcan de muchos defectos, digan mucho o no lo digan todo. Pero esa exposición que hace de lo que en Rusia ocurre y el peligro que señala, y los errores que muestra, cosas son que debemos de tener muy en cuenta para el presente y el futuro.

Y nada debe importarnos lo que se ha dicho de la persona de Emma Goldman, ni de los calificativos que se le han dado a sus trabajos. Nosotros sabemos que todo el que trabaja y tiene una pequeña individualidad es criticado, acusado y calumniado. Si a hacer caso fuésemos de *lo que se dice*, los mejores camaradas habrían sido espías, y los que más han hecho por las Ideas Anarquistas, unos traidores indignos de nuestro aprecio. Leamos los artículos de Emma Goldman, analicemos si son o no ciertos los hechos que ella describe y contestemos con una sonrisa de desprecio a los que por no tener otras armas mejores para defenderse nos dicen que recibió $30,000 por escribirlos. Los que esto dicen eran los primeros en descalificarnos a nosotros porque no estábamos conformes con lo que en Rusia ocurría y Emma Goldman, anarquista también (y una de las grandes anarquistas, según ellos) estaba en Rusia y no decía nada. Los dicterios que hoy se lanzan sobre ella, nada quieren decir en relación con lo que ella ha escrito. Si a analizar fuésemos las personas, los apóstoles de la revolución Bolchevique no saldrían muy bien parados. Leamos los hechos, analicemos los conceptos desde nuestro punto de vista social y dejemos a un lado las pequeñas porquerías con que se trata de hacer desmerecer las grandes obras y justificar todos los crímenes.

Dejando a un lado las dudas de Emma Goldman

436

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

acerca de lo que se ha podido hacer en Rusia, yo creo que lo que en Rusia ha sobrado es la Dictadura. Tenemos que tener en cuenta que la obra de regeneración social no puede ser impuesta por las bayonetas disciplinadas. Las bayonetas son buenas para destruir lo presente pero no para crear lo futuro. Lo futuro tiene que ser impuesto por el mejoramiento que ofrece y la educación que explica. En otras palabras: la Dictadura, toda Dictadura es buena para destruir un sistema y poner en su lugar otro; pero es contraproducente para educar hombres que tienen que regirse, más que por ninguna ley, por la conciencia individual. De ahí el fracaso del Partido Comunista para la obra de reconstrucción.

La Dictadura, toda Dictadura, tiene el solo objetivo de suprimir voluntades. Mientras de suprimir se trate, la Dictadura es buena. Y cuantas más voluntades se supriman, mejor cumple su objetivo la Dictadura. Pero la Dictadura no tiene el privilegio de crear o estimular voluntades. Y para todo período de reconstrucción, voluntades es lo que se necesita. La Dictadura rusa cumplió demasiado bien su cometido de suprimir la voluntad individual, la iniciativa creadora de los que podrían haber construído lo que el nuevo estado de cosas necesitaba, y cuando esa voluntad, esa iniciativa se hizo necesaria para resolver los nuevos problemas, la iniciativa, la voluntad estaba muerta y no pudo cumplir su cometido. De ahí que la Dictadura tuviese que seguir imponiendo por medio de leyes coercitivas lo que sólo puede ser obra de la iniciativa espontánea de voluntades independientes.

Nada mejor para prueba de lo que decimos que la propia historia de la revolución rusa. Radical en sus principios, cambió en unos días, con unos cuantos decretos, el sistema capitalista que costó centenares de años organizar; pero, suprimida al mismo tiempo la iniciativa individual y la individual cooperación de los hombres que conocían lo que se necesitaba para el nuevo estado de cosas, y siendo inhábil por otra parte la Dictadura para suplir con nuevos modelos los antiguos moldes, tuvieron que otra vez, por medio de unos cuantos decretos, aunque no en unos cuantos días, reponer lo antiguo y servirse de él a fin de continuar produciendo lo que que necesitaban para la vida de cada día. Las leyes aboliendo la propiedad privada y confiscando las fábricas que en 1917 tanto dieron que temer a la burguesía universal, fueron leyes momentáneas, no se sabe si para captarse las simpatías del movimiento revolucionario del mundo y recabar su apoyo, o simplemente hijas de lo que la Asamblea Constituyente consideraba que se debía hacer. El hecho es que esas leyes en sí lo único que hacían era destruir sin iniciar nada ni explicar nada para el futuro. Abolir la propiedad privada en la tierra y decirle a los campesinos: Ahí tenéis la tierra para trabajar, no es bastante. Y mucho menos cuando se agrega:

—Ahí tenéis la tierra para trabajar, y tenéis que darme a mi una parte de lo que esa tierra produzca.

Y eso fué lo que se les dijo a los campesinos rusos en 1917, y en 1918 se les obligó a que dieran, no una parte, sino todo lo que los encargados de hacer esa recolecta encontraban a mano. Esas leyes, repito, fueron leyes del momento, leyes condenadas a ser revisadas y repuestas. Por eso es que nos da lugar a dudas la intención con que fueron promulgadas. Pero aun admitiendo que fuese la sinceridad, encontramos en ellas mucho oportunismo, un oportunismo mal encubierto y peor justificado cuando poco después se declaró un fracaso el Comunismo y se repuso otra vez la propiedad privada en la tierra y se devolvieron las fábricas a sus primitivos dueños, alegando que los trabajadores no estaban todavía capacitados para obrar por cuenta propia. ¿Es por ventura que a los campesinos se les dió los medios de trabajar la tierra libremente, ofreciéndoles la ayuda de la industria? No. A los campesinos se les dijo: "trabaja la tierra, y dame una parte". Y al mismo tiempo que se les decía esto, el gobierno Bolchevique se apoderaba de las semillas que habían de sembrar y de los caballos con que debían arar la tierra y metía en la cárcel a los campesinos máa inteligentes que se negaban a dar esas semillas y esos caballos. Se trata de disculpar este crimen o esta torpeza alegando que el gobierno necesitaba esas semillas y esos caballos para sostener el ejército que peleaba en la guerra civil y contra los Aliados. Discúlpese como se quiera y llámese crimen o error, no debe proclamarse el fracaso del Comunismo porque el gobierno bolchevique haya fracasado en sus leyes agrarias. ¿Y es por ventura que se puso las fábricas en manos de los trabajadores para que ellos las hicieran producir? Tampoco. Antes era un individuo que conocía su oficio el que las manejaba; después fué un comisario, que no lo conocía, el que se puso al frente de ellas. Para los obreros todo continuó igual. Primero trabajaban para un amo; después trabajaban para el Estado, amo más terrible que el anterior. ¿Se debe decir que los obreros están incapacitados porque los directores bolcheviques lo estuvieran?

Es necesario abreviar y concretar.

Lo que en Rusia ha ocurrido es simple ¡tan simple que no fué otra cosa que una repetición de la Historia! El paganismo, el cristianismo, el absolutismo, el feudalismo y todos los ismos del pasado hicieron lo que el Bolchevismo hizo y está haciendo. Todos ellos se adaptaron al medio para poder triunfar e hicieron dejación de sus bases fundamentales a fin de hacerse accesibles a las mentalidades y costumbres de sus épocas. Ese oportunismo les dió el

437

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

poder, y con el poder, los medios de atacar a todas las concepciones ideales que se opusieron a su sostenimiento. Pero como quiera que hay una ley de gravitación que impele a todos los seres a buscar su propio equilibrio y el hombre no lo encontró dentro de todos esos sistemas, ellos fueron destruidos y suplantados sucesivamente, llevando en su propio triunfo la razón de su derrota, desapareciendo sin haber resuelto ninguno de los problemas que han existido en todos los tiempos y que todavía siguen en pie.

En esta situación el Bolchevismo surge a la vida. Tratando de allanar dificultades y de zanjar antagonismos, se presenta como un mediador entre los intereses contrapuestos de las diferentes clases y trata de servir de puente para que pasen por él todas las energías nuevas que caminan hacia el porvenir. Si es o no sincero en lo que dice, no lo sabemos, como tampoco podemos saber si es posible que lo que propaga se lleve a efecto. Lo único que sabemos por hoy es que el Bolchevismo debe desaparecer, y que cuanto antes desaparezca más pronto habrá cumplido su misión.

Y si no desaparece, esto es: si forma su cuerpo propio y trata de resistir, como es lo más lógico, el Bolchevismo habrá pasado a ser La Nueva Mentira Social, condenado de antemano a la muerte por la violencia o por el desprecio, de la misma manera que fueron condenadas a muerte todas las otras mentiras con que los oportunistas de todos los tiempos trataron de desviar las corrientes de progreso que conducían al supremo Ideal Humano: la Anarquía.

Y nada nos importa lo que hoy se diga y la fuerza aparente que el Bolchevismo pueda tener. Cuando la marejada del confusionismo y de las contradicciones haya pasado, el Bolchevismo pasará también. Ese es el destino de todas las ideas que pretenden servir de puente entre el pasado y el porvenir. El pasado comienza por temerlas y concluye por adaptárselas. El porvenir comienza por apoyarlas y concluye por destruirlas. Ley humana es que todo lo que se estanca, perezca. Y el Bolchevismo no solamente se estanca sino que es un estanque: el estanque de las fuerzas conservadoras de la Revolución qu eran demasiado radicales para formar en las filas de la burguesía, pero que eran demasiado conservadoras para seguir la marcha avasalladora de las ideas Anarquistas.

Y mientras tanto es el deber de todo hombre sincero que trabaja afanosamente por crear un mundo de libertad y de fraternidad, el señalar al Bolchevismo con el dedo y gritar con toda la energía de sus convicciones:

¿El Bolchevismo? ¡La Nueva Mentira!....

J. DE BORRAN.

Dos años en Rusia

. ARTICULO I

El Cementerio del pensamiento.
Mi silencio de dos años en Rusia
Calumnias de la prensa burguesa.
Por qué no quise hablar antes
Deber ante la revolución..

Durante mi permanencia de dos años en Rusia, aparecieron en la prensa americana varios artículos que se decían eran otras tantas entrevistas que conmigo habían tenido sus autores. Algunos decían que yo me había transformado, que ya no creía en la revolución, y que me había convencido de la necesidad de un gobierno. Diario hubo que contó la sensacional historia de una bandera americana puesta en mi cuarto, a la cual yo le había levantado un altar. En una palabra, que había llegado a ser una maestra de escuela dominical, que purgaba arrepentida mis pecados contra el gobierno americano.

Todo esto, por supuesto, es un solemne absurdo. Nunca he estado más convencida de mis ideas, ni nunca he tenido más pruebas de la lógica y justicia de la Anarquía. Además, no concedí entrevista alguna ni me hubiera sido posible hablar de Rusia durante el primer año de estar en ella. Creía entonces, y sigo creyendo ahora, que el problema ruso es demasiado complicado para poder hablar de él facilmente. Es por eso que me parece que los libros escritos por personas que estuvieron en Rusia semanas o meses son superficiales.

Mientras yo misma anduve a tientas en la obscuridad, jamás di a la publicidad una opinión definida. Y aun cuando lo hubiera podido hacer. jamás sería a los periodistas. Consideré necesario guardar silencio mientras las fuerzas imperialistas tuvieron cercada a Rusia. Pero aunque no fuera así, una experiencia de treinta años en contacto con periodistas me ha mostrado que no son muy veraces (habiendo, desde luego, sus excepciones) y seguramente que no sería a ellos a quienes expondría mis impresiones en un asunto tan delicado.

Ahora, sin embargo, ha pasado la hora del silencio y considero necesario hablar. No me pasan desapercibidas las dificultades que se me presentan. Se que voy a ser combatida por los reaccionarios enemigos de la revolución rusa, y excomulgada por los que se dicen sus amigos y que persisten en confundir lastimosamente el partido Bolchevique con la Revolución. Por eso considero necesario concretar claramente mi posición frente a ambos.

Hace cuatro años el gobierno de Estados Unidos me acusó de traición, me arrojó de mi hogar en la obscuridad de la noche y me obligó a salir del país.

438

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

res y niños, y Rusia se convirtió en un páramo de agonias y desesperación. Se destruyó la revolución rusa y el partido Bolchevique se afianzó en el poder. Este es el resultado de de cuatro años de conspiración contra Rusia por los imperialistas del mundo.

¿Qué cómo ha podido ocurrir esto?

Sencillamente, el pueblo ruso, que fue el único que en verdad hizo la revolución y que estaba determinado a defenderla a toda costa, estaba demasiado ocupado en el frente de batalla para poner atención a los enemigos que tenía en casa. Y mientras los obreros y los campesinos rusos ofrecían sus vidas en las trincheras, este enemigo interno se fue apoderando del poder cautelosamente y, despacio, pero con seguridad, creó el Estado centralizado y destruyó los Soviets. Este Estado, destructor de la revolución hoy puede muy bien ser comparado en despotismo y burocracia a cualquiera de los gobiernos de los más altos poderes del mundo.

De mi observación de dos años puedo decir que si no hubiese sido por la guerra exterior, el pueblo ruso se hubiera dado cuenta más pronto del peligro interno y lo hubiera destruido como ocurrió con Colchak y Deninkin. Libre de los ataques de los reaccionarios, el pueblo hubiera comprendido las verdaderas tendencias del Partido Bolchevique, su inutilidad para reconstruir Rusia y las masas mismas de trabajadores hubieran inoculado nueva vida en el cuerpo paralítico del país. ¿Que el pueblo hubiera cometido los mismsmos errores que cometieron los bolcheviques? Sin duda que sí; pero por lo menos hubiera aprendido a depender de sí mismo, de sus propias fuerzas e iniciativas, que es lo único que podría haber salvado la revolución.

Se debe a la estupidez de algunos ex-revolucionarios que pidieron la intervención, y a los imperialistas que la sostuvieron con su dinero, que la revolución rusa, la revolución más grande de la historia, se haya perdido. Y se debe a ellos también que los bolcheviques, acusados y perseguidos por los poderes capitalistas, puedan continuar presentándose como el símbolo sagrado de la Revolución Social.

Me he decidido a exponer esta fatal desilusión acerca de la revolución rusa, no por que haya hecho la paz con los gobiernos capitalistas, sino porque deseo prevenir un mal a las futuras revoluciones, mostrando los errores del gobierno bolchevique. Más es, fue la experiencia más que todas las teorías, que ha demostrado la ineficacia de los gobiernos, no importa la clase de gobierno que sea, y el obstáculo que son a las actividades de las masas. Y me he decidido a exponer lo que en Rusia ha ocurrido no porque he perdido la fe en la Revolución, sino porque estoy convencida de que las futuras revoluciones irán derechas al fracaso si lo que Lenine llama "Comunismo Militarizado" se impone en el mundo.

Y todo ello porque alcé mi voz contra la guerra mundial, la destrucción y la ruina que se avecinaba y la dolorosa pérdida de vidas. Ese fue mi crímen. Y desde entonces hasta hoy muchos se han dado cuenta de que todos los que no nos dejamos arrastrar por el huracan de la guerra teníamos razón, ya que la guerra había sido creada y sostenida por conveniencias capitalistas, y aquello de *guerra por la Democracia y guerra para acabar la guerra* era solo un cuento.

A despecho del esfuerzo de algunos, el rey-hombre, con la mueca de la Muerte en los labios, paseó orgulloso por los campos arrasados, mientras que los que la habían provocado se gozaban de las ganancias que les proporcionaba la matanza. Y no contentos con los millones de vidas perdidas y la mitad de la tierra devastada, encerraron al mundo en un calabozo, en el cual la Libertad de los pueblos, ganada a costa de tantos sacrificios, quedaba maniatada a su capricho de déspotas.

La demócrata América, en otro tiempo "Tierra de la Libertad, hogar de los héroes"; Inglaterra, antiguo asilo de los rebeldes del mundo; Francia, la que proclamó los derechos del Hombre, cuna de la Libertad, y muchos otros pueblos, ¿qué son ahora sino desiertos espirituales, con sus puertas cerradas a la hospitalidad y a toda iniciativa de progreso?...

Solamente los rugidos de las multitudes de desocupados y los gritos de los líderes obreros encarcelados, disturban el silencio tenebroso de lo que pudiéramos llamar el *Cementerio del pensamiento*.

Ciertamente, los señores de la guerra pueden estar orgullosos de su obra. El tacón de hierro aplasta la frente de los pueblos. El triunfo ha sido completo. Mas, sin embargo, algo queda aún: ahí está Rusia!...

Esos dos amigos inseparables — Alta Finanza y Militarismo — no habían contado con la Revolución Rusa. ¿Cómo ese pueblo se atrevió a levantar una conflagración que muy bien podría haber prendido la llama de la revolución al mundo entero en el preciso momento en que el Militarismo y el Capital contaban con un triunfo definitivo? Algo había que hacer para destruir esa llama peligrosa, que es la revolución rusa.

Durante la guerra contra Alemania se afirmaba hipocritamente: "Nosotros no combatimos el pueblo alemán, sino el Militarismo aleman". Y la misma afirmación hipócrita se oía cuando la *sagrada cruzada contra Rusia*. "No es contra el pueblo ruso, sino en contra de los Bolcheviques. Ellos instigaron la revolución y deben ser exterminados."

Y el avance sobre Rusia comenzó. Los intervencionistas asesinaron millones de rusos, el bloqueo hizo perecer de hambre y frío a millones de [illegible]

439

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

Yo considero un deber pura mi escribir lo que escribo: un deher ante la revolución, clavada en lu cruz bolchevique; un deber ante el martirio del pueblo ruso y un deber ante el mundo entero, engañudo. Y quiero cumplir este deber por encima de lus malas interpretaciones que puedan dar a mis palabras los reaecionarios, y de las crítieas de algunos radicales, ignorantes de lo que en Rusia oeurre.

ARTICULO II

Las fuerzas que destruyeron la revolución

La revolución rusa, eomo cambio social y económico, que trató de arrojar al capitalismo y establecer el Comunismo, debe considerarse en bancarrota.

Al analizar los diferentes factores que destruyeron la revolución, no está demás apreciar el papel que desempeñaron los elementos contrarevolucionarios. A decir verdad, sus crímenes son lo suficientemente odiosos para condenarlos por toda la vida. Los patriotas rusos (Monárquieos, Demócrata-constitucionalistas) llenaron el mundo con sus clamores de *intervención*. ¿Qué les importaba a ellos que millones de sus coneiudadanos y millones de trabajadores de otros paises muriesen vietima de la impía guerra contra Rusia?

Ellos vivían seguros y a salvo de las balas de los soldados, de la prisión, de la Cheka y del hambre devastadora. Podían, pues, jugar al *patriotismo*. Pero dejemos esto por ser ya demasiado conoeido. Lo que no se sabe es que los intervencionistas rusos y aliados no fueron los únicos faetores del gran drama social que terminó con la muerte de la revolución rusa. Los otros faetores fueron los mismos bolsheviques. Y es acerca dc esto que queremos hablar.

Quizás la revolueión de Rusia nacnó ya senteneiada. Llegando arrastrada por los cuatro años de guerra, que habían aniquilado sus mejores valores y devastado sus mejores y más rieas comarcas, es posible que la revolueión no hubiese tenido suficientes fuerzas para resistir los locos arrehatos del resto del mundo. Los boleheviques afirman que fue eulpa del pueblo ruso que no tuvo suficiente perseverancia para resistir el lento y doloroso proceso del cambio operado por la revolución. Yo no creo eso.

Y aceptando que esto fuese eierto, yo insisto, sin embargo en que no fueron tanto los ataques del exterior como los insensatos y crueles métodos que en el interior estrangularon la revolueión y la eonvirtieron en un yugo odioso puesto sobre el euello del pueblo ruso. La política Marxista de los bolsheviques, alahada en un prineipio eomo indispensable a la revolución para ser abandonada después de haber introdueido el deseontento, el antagonismo y la miseria, fueron los verdaderos factores que destruyeron el gran movimiento e hicieron perder la fe del pueblo.

Si alguna duda puede haber sobre lo que constituye el mayor peligro para la revolución (ataques exteriores, revueltas internas) la experiencia rusa las ha disipado todas. Los contrarevolucionarios, apoyudos por el dinero y el ejército del Capitalismo extranjero, fracasaron, no tanto por el heroismo del Ejército Rojo, cuanto por el entusiasmo revolueionario del pueblo mismo, que repelió todos los ataques. Sin embargo, la revolución quedó destruida. ¿Cómo, pues, se puede explicar este fenómeno?

Las razones principales no son difíciles de explicar. Si una Revolución ha de sobrevivir a pesar de todos los obstáculos es neeesario que su fuego se mantenga siempre vivo delante del pueblo. En otras palabras: es necesario que las masas sientan eonstantemente que la revolución es obra de ellas, que ellas estún participando la activa tarea de eonstruir la nueva vida.

Durante un breve período de la revolución de octubre, los trabajadores, campesinos y soldados fueron de verdad los dueños de la situación. Pero pronto la invisible mano de hierro del bolchevismo comenzó a manejar los asuntos del Estado y separó la Revolueión del pueblo; y el pueblo se separó de la Revolueión Desde aquel momento comenzó el Estado Bolehevique.

Los Bolcheviques formaron la *Orden de los Jesuítas de Marx*. No quiero decir con esto que los bolcheviques no sean sinceros. Fue su marxismo lo que determino su actuaeión. Los diversos métodos empleados destruyeron la realización de su fin. Comunismo, Socialismo, Libertad, Igualdad, por todo lo que el pueblo ruso soportó el sufrimiento é hizo la revolueión, cayeron en deserédito por los medios empleados, por la jesuítica disculpa de que *el fin justifica los medios*.

El cinismo más desenfrenado tomó el lugar del Idealismo que distinguió la revolución de oetubre. La inspiración quedó paralizada, el interés popular desapareció; la apatía y la indiferencia suplieron el entusiasmo y la energía creadora. No fué ni la intervención, ni el bloqueo. Por el contrario: la política interna del Estado Bolchevique es la única responsable del fracaso de la revolución, y la única responsable también del odio que el pueblo ruso siente por todo lo que de ella dimana.

"¿Para qué sirven los cambios?—argayen los campesinos—Todas las leyes son iguales: el pueblo debe sufrir."

Fué esto fatalismo, afirmado por centurias de sumisión, que trajo al pueblo a la indiferencia de su propiu obra y a su resisteneia pasiva en eontra del Bolchevismo. ¿Aprendieron ahora los Comunistas que no siempre *el fin justifica los medios?*

A deeir verdad, Lenine se arrepiente u menudo. En cada nuevo Congreso trae su nueva *meu culpa*

440

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

y en cada nueva asamblea presenta su "*yo he pecado.*". Un joven comunista me dijo un día:

"No me extrañaría que cualquier día Lenine afirmase que la Revolución de Octubre fué un error."

Verdaderamente, Lenine reconoce sus errores, lo que no implica que continúe con la misma política. Cada nuevo experimento que se trata de imponer al pueblo es proclamado por Lenine y sus secuaces como el remedio infalible que ha de traer la paz y la prosperidad a Rusia, y ¡ay! del que ose contradecirlo. Este será un *contrarevolucionario, un traidor, y como tal, encarcelado.*

Después de haber engañado a Rusia y al mundo entero diciendo que la estructura social en Rusia era el Comunismo, ahora Lenine viene saliendo en el último Congreso Pan-Ruso que era un error tal creencia, que en Rusia no existía el Comunismo. Por decir tal cosa, hay millares de camaradas en la cárcel, y en la cárcel continúan apesar de Lenine reconocer lo que esos camaradas afirmaban y lo cual les valió ser sentenciados.

Interesante sería explicar los diferentes métodos empleados por los Bolcheviques en su intento de engañar al pueblo; pero no es el objeto de este artículo enumerarlos en detalle. Me concretaré simplemente a exponer los principales.

La paz de Brest-Litvosk marcó el comienzo de todas las posteriores calamidades. Fué una negación deliberada de todo lo que los bolcheviques habían proclamado: paz sin indemnización; libre determinación de todos los pueblos; abolición de la diplomacia secreta. Sin embargo ellos pactaron con todo esto y actuaron de la misma manera que lo hubiese hecho cualquier gobierno burgués.

El precio de esta paz fué la traición de Latavia, Finlandia, Wkraine y Byelo-Rusia, o la Rusia Blanca, y como resultado, varios años de guerra civil, la desgregación de la fuerzas revolucionarias y el comienzo del terror rojo, que continúa aún.

Los campesinos de Wkraine supieron arrojar al invasor germano, y supieron también no olvidar la perfidia bolchevique. La presencia constante de un millón de soldados de Wkraine para *limpiar a los bandidos*, testimonia el cariño de los campesinos de Wkraine por el Estado Bolchevique. La ratificación del tratado de paz que Troztky se negó a firmar, que Redek (entonces en una prisión alemana) declaró cómo la bancarrota de de la revolución, fué la señal de una larga resistencia secreta de los campesinos en contra del Estado.

Los campesinos que estuvieron unidos a los obreros hasta la traición de Brest, se separaron de ellos y del partido comunista, que decía representar a los campesinos y obreros. Lenine exigió la ratificación como una aspiración y un medio de afirmar la revolución. Fué uno de sus errores; pero el más caro, pues que fué el que estranguló la Revolución.

Recolección forzosa

El error más grande del Bolchevismo.
Los crímenes de la Cheka.

La Razvyorstka, el sistéma de colección forzosa de comestibles, siguió muy pronto a la Paz de Brest. Los Bolsheviques dirán que ellos fueron obligados a apelar a este medio debido a los campesinos haberse negado a surtir a la ciudad. Esto es verdad tan solo en parte. Los campesinos es verdad que rehusaron entregar sus productos a los agentes del Gobierno.. Ellos exigian el derecho de tratar con los trabajadores, pero esto se lo negaron. La ineficencia del régimen bolshevista y la corrupción de su burocracia contribuyó mucho a disgustar a la población rural. Los fabricantes prometieron a los campesinos el cambio de sus productos pero estos nunca llegaban y cuando llegaban, en mala condición y mal medidos.

En Kharkoff he visto demostrada la ineficencia de la maquinaria burocrática centralizada. En el almacen de una fábrica descansaban fardos de maquinaria agrícola. Era una orden recibida de Moscú que debía ser ejecutada en el término de "dos semanas, bajo pena de un sabotaje." Fueron hechas en dicho periodo, y habían trascurrido ya seis meses sin que las autoridades "centrales" hicieran esfuerzo alguno para distribuirlas entre los campesinos que estaban aclamando por ellas. Este fué uno de los inumerables ejemplos de la manera en que "trabajaba" el sistéma de Moscú o mejor dicho, que no trabajaba.

¿Es de extrañar pues de que los campesinos hayan perdido toda fé sobre la habilidad del estado bolshevique para dirigir las cosas como era debido? Cuando los Bolsheviques se dieron cuenta de que los campesinos no admitian engatusación o adulación alguna para imponerles la confianza, fué cuando se inventó la Razvyorstka. Un sistéma mejor de antagonizar y amargar a los campesinos, no podría ser inventado. Este llegó a ser el terror de la población agraria .Les robó todo lo que tenian. Solo el futuro podrá dar una descripción adeçuada de las terribles consecuencias de medidas tan locas, y a su gran sacrificio de vidas y destrucción.

441

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

Parecerá imposible, pero es un hecho bien conócido en Rusia de que el Sistéma Razvyorstka, fué responsable en parte de la presente famina. Pues los campesinos no fueron tan solo despojados del último comino de harina sino que también fueron frecuentemente robados de las semillas que guardaban para la próxima siembra. Por supuesto que la escasez, es la causa principal de la horripilante situación existente en los districtos del Volga. Es sin embargo un hecho, de que si los campesinos hubieran podido sembrar libremente y a su debido tiempo, por lo menos ciertos districtos podrían aminorar un tanto la famina del Volga. La expédición punitiva que siguió a la resistencia de una aldea contra los colectores de comestibles del Gobierno y siempre a cargo de los Comunistas, atacaban a un lugar con las armas y lo destruían. En vano protestaban los campesinos a las autoridades locales y finalmente a las de Moscow. No les han dado satisfacción alguna. Una anedocta significante está en boga en Rusia y la cual clarifica el punto de vista de los campesinos hacia el sistéma de colección de comestibles Bolshevique. Uu comité de campesinos fué recibido por Lenine. "Hola" dedushka" (abuelito) dijo Lenine al mas anciano de los campesinos: "ya debes de estar satisfecho, tienes la tierra, el ganado, las gallinas, ya tienes todo."

"Si--replicó el anciano---si, padrecito, el terreno es mio, pero el pan te lo llevas tu; la vaca es mia, pero tu te llevas la leche; las galinas me pertenecen, pero los huevos son túyos, Dios te bendiga padrecito."

Los campesinos asi engañados y robados, se revelaron contra los Comunistas. La Razvyorstka, la expedición castigadora, los métodos brutales e injusticias, resultaron en un fuerte sentimiento contra-revolucionario en el país. Algunos escritores que escribieron sobre Rusia han aceptado la interpretación del Gobierno sobre el antagonismo de los campesinos.

El Sr. Bertrand Russell, el más sincero y honrado crítico que escribió sobre Rusia, dice en "LA PRACTICA Y TEORIA DEL BOLSHEVISMO:" Debe de decirse que las razones de los campesinos para disgustarse con los Bolsheviques son muy inadecuadas". Es evidente de que el Sr. Russell no ha visto los efectos de la Razvyorstka, de lo contrario hubiera recibido otra imprcsión muy difcrente.

La pura verdades, que si los campesinos Rusos no fuesen tan apaticos y pasivos, el Estado Bolshevique no hubiera durado por tanto tiempo. Aún asi, su pasiva resistencia vino casi a terminar con el régimen Bolshevista. Fue esto y no el hecho de que la Razvyorstka fué inhumana, la que forzó a Lenine a su presente sistéma de contribución y comercio libre. Las cooperativas Rusas representaban una gran fuerza cultural y ecónomica en la vida del pueblo. En 1918 cubrieron el país con una madeja de 25.000 surcusales con un total de miembros de 9.000.000. El capital que tenian invertido en aquella época era de 15. 000.000 de rublos; mlentras que el negocio hecho durante el año anterior fué de 200. 000.000.

Por supuesto que las cooperativas no eran organizaciones revolucionarias, pero eran un medio indispensable entre el campo y la ciudad.

Cualquier elemento contra-revolucienario que hubiera habido en las cooperativas, podría ser eliminado sin destruir la entera organización. Pero el permitir que las cooperativas continuaran sus funciones, sería aminorar el poder centralizado del estado. Por lo tanto la cooperativa tenía que ser "liquidada" y de esta forma se destrayó un gran factor de la reconstrucción Rusa.

Ahora que las cooperativas ya no existen y un sin número de hombres y mujeres que habían hecho tan explendido trabajo han extinguido sus vidas en las mazmorras Bolsheviques, Lenine vuelve a repetir "mea culpa". Las cooperativas vuelven a ser restablecidas, y el cadáver vuelve a resucitar. Poco antes de que las cooperativas volviesen a ser legalizadas, Pedro Krpotkin—ya enfermo de muerte—expresó el deseo de que los seis cooperadores de Dmitroff debieran ser puestos en libertad. El los había conocido intimamente como buenos y devotos trabajadores.

Habían ya pasado 18 meses en Botirka, prisión de Moscú, por causa de su lealtad hacia el trabajo. Fueron puestos en libertad tan solo cuando Lenine declaró que la cooperativa debía ser resucitada. Es

442

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

casi improbable de que las cooperativas vuelvan a obtener su antigua fuerza e importancia dentro del estado bolshevique.

El llamar a la presente Rusia, Rusia Soviet, o al régimen bolshevique Gobierno Soviet es un absurdo. Los soviets tienen su concepción en la Revolución del 1905, y volvió a nacer después de la revolución de Febrero. Tiene tanta relación con el Gobierno Bolshevique como con la Iglesia Cristiana.

Los Soviets de campesinos, obreros, marinos y soldados fueron la expresión expontanea de las energías libertadas del pueblo Ruso. Ellos representaban las necesidades de las masas articuladas despues de siglos de silencio. Ya en Mayo, Junio y Julio de 1917 la dinámica fuerza de los soviets instigaron al obrero a apoderarse de las fábricas y a los campesinos del as tierras.

Los sovieta se esparcieron rapidamente por toda Rusia, alentaron las llamas dc la revolución de Octubre y continuaron funcionando por muchos meses despues de aquel hecho. Algunos políticos sociales no pudieron comprender su significancia, y los soviets los barrieron sencillamente. Lo mismo les ocurriría a los bolsheviques si intentaran detener el empuje de este movimiento.

Pero Lenine es un Jesuita muy sagaz y se mezcló al grito popular: "Todo el poder a los Soviet". Cuando él y sus satélites estaban firmes en la silla, fué cuando empezó la destrucción de los Soviets. Hoy no son más que—como todo en Rusia—una sombra con la substancia destruída.

Los soviets ahora propagan solamente las decisiones del Partido Comunista. No hay más opinión política que pueda ser propagada que esta. El método de elecciones usado por los Comunistas, llenarian el Tammany Hall de envidia. Cuando yo llegué a Rusia, me dijo un prominente Comunista que "Boss Murphy" y Tammany Hall no tenian nada que enseñarnos." En un principio creí que el individuo hablaba en broma, pero luego vine a saber que decia la verdad.

Los Bolsheviques hacen uso de todos los medios para aumentar el voto Comunista. Si los ruegos no resultan, entonces apelan a la amenaza de perder el payok o de arresto. Los electores ya saben lo que esperar. y es evidente el por que los Comu-

nistas obtienen invariablemente una mayoría de votos. Apesar de esto los Menshiviques, tal cual hacían los antiguos cristianos tienen a la izquierda a los Revolucionarios Socialcs, y aún anarquístas tienen sus representantes electos —lo que no es poco decir de la Rusia bolshevista.

Sin prensa, privados dc libertad de palabra, y sin permiso legal de propaganda en los talleres, es casi un milagro el que los partidos opuestos tengan representación en los Soviets. Pero con respecto a expresar sus opiniones y a ser oídos sería casi igual que no estubieran dentro. Los Comunistas se encargan de que nadie que no sea comunista pueda ser oído. En caso de que un anarquísta salga electo al soviet, el Gobierno rehusa generalmente el reconocer sus mandatos y pronto encuentra algún pretesto para enviarlo al Checka. En 1920, estube presente en un meeting de elecciones que tuvo lugar en un Club de una fabricación enMoscú. Era ya la segunda vez que el gobierno rehusaba sentar y reconocer al candidato de los obreros —un anarquísta. Apesar de que el candidato opuestc en aquel districto era Semashko, el Comisario de Sanidad, los obreros eligieron por tercera vez a un Anarquísta. En vano Semashko cometía abusos y manifestaciones falsas, en vano metía sus puños por las caras de los obreros, y llamaba anatema sobre sus cabezas. Los obreros se reían y se mofaban de él, y eligieron un anarquísta. Pocos meses después fué arrestado con algún pretesto, y fué puesto en libertad despues de una prolongada huelga de hambre y esto por que La Misión Inglesa de obreros en Moscú, y los bolsheviques estaban ansiosos de evitar el escandalo. Antes de que yo hubiera salido de Moscú, el 1o. de Diciembre de 1921, tres anarquístas, miembros del Soviet habían sido arrestados. Uno fué desterrado de la capital, los otros dos, fueron acusados de bandidage y "conspiración subterránea." acusación que castigaban con el fusilamiento, sin juicio o defensa. Habian sido demasiado francos en el Soviet y por lo tanto había que expulsarlos. Puede verse claramente que ni el Soviet de Moscú, ni ningún otro Soviet tienen voz o funcionan independientemente. Ni aún siquiera el ordinario comunista tiene mucha libertad de palabra. En los Soviets así como tambien en todo gobierno bolshevique la "dictadura

443

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

del proletariado" está en las manos de un pequeño grupo.—el círculo interior que el sólo gobierna a Rusia y el pueblo. Lo que fué un ideal, la expresión libre del obrero, el campesino y el soldado, se ha tornado a una farsa de la que el pueblo ni quiere ni entiende....

LA CHECKA

Su objetivo y su manera de actuar. Más criminales que los ssbirros del zarismo. La Pena de Muerte.

La Checka, la Comisión Extraordinaria Pan-Rusa, es sin duda alguna la medida más negra del régimen bolshevique. Fué organizada poco después del bolshevique haber subido al poder con el propósito de competir con la contra-revolución, el sabotage y la especulación. Primeramente la Checka estaba controlada por el Comisariado Interior, los Soviets y el Comité Central del Partido Comunista.

Gradualmente llegó a ser la organización más poderosa de Rusia. No era tan solo un estado dentro del estado mismo; sino que era un estado sobre el estado. Todo Rusia hasta la más remota aldea está cubierto con una red del Checka.

Todos los departamentos de la extensa maquinaria de la burocracia tienen una comisión extraordinaria, omnipotente sobre la vida o muerte del pueblo ruso. Requeriría la maestra pluma de un Dante para explicar al público el infierno creado por estas organizaciones, la brutalización, el efecto desintegrante que tiene sobre las comisiones mismas, el temor, desconfianza, el odio, sufrimientos y muertes que ha traído a Rusia.

La cabeza de la Comisión Extraordinaria Pan-Rusa, es Dzerzhinsky. El, así como todos los miembros que lo acompañan, son "probados" Comunistas. En una manifestación pública, Dzerzhinsky dijo: "Somos los representantes del terror organizado"... "Aterrorizamos a los enemigos del Gobierno Soviet ... Tenemos el poder de asaltar, confiscar las mercancías y el capital, efectuar arrestos, indagar, juzgar y condenar a aquellos que consideramos culpables, y ejecutar la pena de muerte."

En otras palabras, la Checka es espía, policía, juez, carcelera y verdugo. Continúa diciendo entre otras cosas: "Al tratar con los enemigos de la Rusia Soviet, es necesario usar de métodos de tortura para obtener confesiones de ellos y entonces despacharlos al otro mundo."

El lector no debe creer de que la Checka haya progresado desde el 1918. El verano pasado, cuando el que se dice complot del Prof. Tagantseff, fué descubierto en Petrogrado, se empleó el método de

tortura por la sed, se dieron palizas y se tomaron otros medios eminentemente "revolucionarios". Esta información llegó a mí, no por intermedio de los contra revolucionarios, sino que por intermedio de un Comunista sincero que fué uno de los arrestados y consecuente testigo de los resultados de los Métodos Checkistas. ¿Un Comunista arrestado entre los contra revolucionarios? ¿Cómo se encontraba ullí? Es muy sencillo. Cuando la Checka extiendo su red, ésta pesca al inocente como al culpable; la mayoría inocentes. Pues cómo puede creerse de que sesenta y ocho personas hayan estado envueltas en una conspiración sin que toda la ciudad lo supicse? Sin enbargo, sesenta y ocho personas fueron fusiladas el verano pasado en Petrogrado a causa del "complot" de Tagantseff. Y esto es un pequeño por ciento de los inocentes que murieron en los sótanos del Checka. Muchas veces fueron las que se han hecho demandas al Gobierno para que suprimiera los poderes de esta terrible organización. Esto se intentó hacer durante el otoño de 1920 en Moscou, pero inmediatamente "el crimen y la rapiña" se multiplicó. Es natural, la Checka tenía que probar de que ellos eran indispensables al estado bolshevique. Por cuya causa se dió un voto de gracias a Dzerzhinsky, y fué publicado en el Pravda.

Zinovieff, en una de las sesiones del Soviet de Petrogrado manifestó, que Dzerzhinsky era "un santo devoto a la revolución". La historia de la edad negra, se encuentra llena de tales *santos*. Cuán terrible es el que el régimen bolshevique tenga que imitar el negro pasado.

En conexión con esto, es interesante el recordar el partido tomado por los bolsheviques en el 1917, cuando el Gobierno provisional atentó restaurar la pena capital para los desertores del ejército. En aquél tiempo los bolsheviques protestaron enérgicamente contra tal brutalidad. Manifestaron lo bárbaro que era la pena de muerte y lo degradado que ésta era para la humanidad. Después de la revolución de octubre, al Segundo Congreso Pan-Ruso Soviet los Bolsheviques—junto con el elemento revolucionario—votaron la abolición de la pena capital. Ahora el sistema usado por la Checka es el de las represalias, aprobado por un santo Comunista y sancionado por el estado Comunista.

REMINISCENCIAS DE KROPOTKIN— VISITA AL GRAN REFORMISTA

Entre los que yo deseaba ver cuando llegué a Rusia en Enero de 1920, era Pedro Alexcivitch Kropotkin. Inmediatamente averigüe la manera de encontrarlo. Me informaron que el único medio sería cuando fuese a Moscow, debido al hecho de que Kropotkin vivía en Dmitroff, una pequeña aldea a unas 60 verats de distancia de la ciudad. Debido al

444

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

país estar tan desvastado por la guerra, no me quedó otro recurso que esperar a una oportunidad de ir a Moscow, pero afortunadamente pronto se me presentó la oportunidad.

A principios de Marzo varios Comunistas prominentes fueron a Moscow, entre ellos Radek y Gorky, y me permitieron ir en su mismo coche. Cuando llegué a Moscow, procuré buscar medios de llegar a Dmitroff pero volví a encontrar obstáculos. Me enteré de que era casi Imposible viajar. El tifus estaba en su apogeo y las estaciones de ferrocarriles estaban agotadas de gente que esperaban semanas enteras por trenes. Cuando aparecía un tren se trababa una lucha fiera por la posesión de una pulgada de espacio en los vagones. Quinientas personas se aglomeraban en un vagón que tenía capacidad tan solo para cincuenta. Hambrientos y cansados se subían hasta el techo de los vagones sin preocuparse del frío intenso, y del peligro de caerse, no había un viaje que no contase con varias víctimas que perecían heladas. Yo estaba desalentada pues había oído de que Kropotkine se encontraba enfermo y temía que no viviese hasta la primavera; no me atrevía a pedir un carro especial ni podía reunir la suficiente energía para ir en la forma ordinaria. Una circunstancia inesperada me vino a sacar del dilema. El Editor del Diario Herald de Londres, acompañado de uno de sus corresponsales me había precedido a Moscow. Tombién los que rían visitar a Kropotkin, y se les había otorgado un carro especial. Junto con Alejandro Berkman y A. Shapiro pude reunirme con el Sr. Lansbury y hacer el viaje en salvo.

La casa de campo de Kropotkin estaba situada detrás de un jardín a poca distancia de la calle; en la obscuridad de la noche se notaba tan solo la opaca luz de una lámpara de petróleo que alumbraba el camino hacia la casa. Luego me enteré de que el petróleo estaba escaso en casa de Kropotkin y que era necesario economizarlo. Después de que Pedro hacía su trabajo diario, la misma lámpara tenía que ser usada en la sala donde se reunía la familia en la noche. Fuimos muy bien recibidos por Sofía Kropotkin y su hija, quienes nos condujeron a la habitación donde estaba el gran hombre.

La última vez que le había visto fué en 1907 en París, después del Congreso Anarquista de Amsterdam. Kropotkin que por mucho años se le había prohibido la entrada en Francia, acababa de recibir permiso para volver. En aquel tiempo tenía ya sesenta y cinco años, pero aparentaba tan lleno de vida y estaba aún tan alerta, que parecía mucho más joven. Fué de gran inspiración para todos los que tuvimos la fortuna de tener algún contacto con él. Nadie podía creer que Pedro Alexivitch fuese viejo, pero no sucedió así en Marzo de 1920. Me sorprendí de su transformación, estaba enflaquecido, extenuado. Nos recibió con su característica gra-

cia. Desde un principio comprendimos que nuestra visita no podría ser satisfactoria; Pedro no podría hablar con franqueza en presencia de dos desconocidos y más siendo corresponsales. Después de una hora de conversación general, rogamos a la Sra. de Kropotkin y Sasha que entretuvieran a los visitantes ingleses mientras nosotros hablabamos en idioma ruso con Kropotkin. Además de mi interés en su salud, estaba también muy deseosa de recibir de él alguna luz sobre asuntos de importancia que ya comenzaban a perturbar mi mente—la relación del Bolshevique con la revolución; los métodos despóticos que, según me aseguraban habían sido impuestos a los gobernantes por la intervención y el bloqueo. ¿Qué pensaba Kropotkin de esto y cómo explicaría su largo silencio?

No he hecho nota alguna de nuestra conversación y daré tan solo la esencia de ella. Esta fué al efecto de que la Revolución Rusa llevó al pueblo a una gran altura y había empavonado el camino hacia grandes cambios sociales. Si entonces se le permitiera utilizar al pueblo sus energías, Rusia no estaría ahora en situación tan arruinada.

Los Bolsheviques quo fueron empujados al frente por la ola revolucionaria, pusieron atención en un principio a los cantos revolucionarios del pueblo, y en esta forma ganaron la confianza de las masas y la ayuda de los militares revolucionarios.

A principios de Octubre los Bolsheviques empezaron a subordinar el interés de la revolución a la edificación de la dictadura, y esto paralizó toda actividad social. Kropotkin se refería a la Co-operativa como el medio principal, que en su opinión, podría unir los intereses del campesino con los de los trabajadores. Pero estas co-operativas fueron las primeras que se destruyeron. Habló acaloradamente de la depresión, persecución y cruel acecho de cualquier sombra política u opinión, y citó numerosos ejemplos de la miseria y sufrimientos del pueblo. Sobre todo estaba más firme contra el Gobierno Bolshevique por haber desacreditado así el Socialismo y el Comunismo ante el pueblo ruso.

LAS RAZONES DE SU SILENCIO

¿Por qué entonces no había él levantado su voz contra estos males, contra la máquina que estaba absorbiendo la sangre y la vida de la revolución? Dos razones presentó Kropotkin. La primera por estar prohibido en Rusia la expresión de opiniones, la segunda por no obtaculizar la marcha del Gobierno Bolshevique en momentos en que éste era atacado por las fuerzas combinadas imperialistas de Europa, y las mujeres y niños se estaban muriendo de hambre debido al criminal bloqueo, por lo tanto, él no podía tomar parte en los gritos de los ex-revolucionarios de "CRUCIFIQUEN". El prefería guardar silencio al menos por el presente.

Y además, protestar en contra del Gobierno era completamente inútil. El Gobierno tenía que sos-

445

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

tener su poder por encima de todo y, por lo tanto, no podía detenerse en consideraciones. Y luego añadió:

"Creo que siempre hemos tratado de hacer comprender a las masas lo que el Marxismo es. ¿Por qué sorprendernos ahora?"

Le pregunté si tomaba nota de sus impresiones y observaciones. Seguramente él debía de ver la importancia de tales informes a sus camaradas a los trabajadores, en fin a todo el mundo. Kropotkin me miró un momento y luego dijo:

"No, yo no escribo, es imposible el escribir cuando uno se encuentra entre tanto sufrimiento, cuando cada hora que transcurre trae nuevas noticias de miseria que uno no puede aliviar. Además, todo secreto personal y seguridad ha desaparecido. A cada momento puede haber un asalto—la Checka viene durante la noche, registra todos los rincones de la casa, revuelve todo y se llevan consigo hasta el último pedazo de papel. "En una tensión tan constante es imposible el guardar informe alguno. Pero más aún que todas estas consideraciones, es mi libro de ética, trabajo tan solo algunas horas diarias, y aún me queda mucho que hacer."

Habíamos ya monopolizado a nuestro camarada por mucho tiempo y apesar de que aún había mucho de que hablar, tuvimos que conformarnos por aquella noche. La conversación volvió a hacerse general, pero ya era demasiado tarde y nuestro amigo estaba ya cansado, por lo que nos despedimos enseguida. Quedamos de volver en la primavera cuando tuviéramos más tiempo para conversar.

Después de un cariñoso abrazo, costumbre de Kropotkin a todos los que amaba, nos dirigimos a nuestro carro. Mi corazón se sentía pesado al pensar en la gran Rusia, mi espíritu estaba confuso por lo que había oído. También me alarmó la condición física en que encontré al camarada. Temí de que no llegaría a la primavera. El invierno de 1920 había sido de lo más terrible, la gente se moría de hambre, de tifus y del frío, y el pensar que Kropotkin podría irse a la tumba, sin que el mundo supiera lo que él creía de la revolución rusa sería aterrador. Me sentía impaciente. Kropotkin se había atrevido con todo el despotismo de los Zares. ¿Por qué él no podía escribir ahora? Pero más tarde vine a comprender el porqué que Kropotkin no podía escribir sobre los hechos presentes de Rusia. En Julio de1920, volví a Moscow, estaba con la expedición del Museo de la Revolución de camino a Ukraine. Un día Sasha Kropotkin vino a verme. Había obtenido un auto de un oficial del Gobierno y deseaba que Alexander Berkman y yo fuésemos a Dmitroff. Salimos al día siguiente y llegamos a Dmitroff en pocas horas. El jardín que rodeaba la casa de Kropotkin estaba florecido y el follaje cubría la casa. Kropotkin estaba durmiendo la siesta pero se levantó tan pronto nos oyó

y se juntó a nosotros. Había mejorado mucho, se encontraba lleno de energía y de vida.

Inmediatamente nos llevó al huerto de hortalizas, el que había sido trabajado casi exclusivamente por Sofía Kropotkin, orgullo de Pedro Kropotkin, y principal provedora de la familia. El se enorgullecía enseñándonos una nueva especie de lechuga desarrollada por Sofía. Kropotkin nos invitó jovialmente a comer. La primavera había hecho milagros en él. Era ya otro hombre.

Los primeros siete meses de mi estancia en Rusia me habían casi consumido. Había llegado con tanto entusiasmo, con tal deseo de dedicarme por completo al trabajo, a la santa defensa de la revolución, que lo que encontré me descorazonó por completo. No podía hacer nada. La rueda del Estado Socialista me había arrollado paralizando mis energías. Los sufrimientos y desgracias del pueblo, el olvido de sus necesidades, la persecución y represión desconcertó mi mente y la vida se me hizo insoportable.

¿Había sido la revolución la que transformó los idealistas en puras bestias? Si fué así, entonces los Bolsheviques no eran más que peones de ajedrez en manos de lo inevitable. ¿O sería el carácter frío del Estado que con malas mañas habían aparejado la revolución a su carro y ahora la azotaban para encaminarla al estrecho necesario al Estado? No podía yo contestar a estas preguntas, al menos en 1920. Quien sabe si Kropotkin hubiera podido.

ULTIMA ENTREVISTA CON KROPOTKINE

Sus sufrimientos en Rusia y la persecución de que fue objeto. Casi ciego por carecer de luz. Su muerte.

Mi segunda visita a Kropotkin duró una hora. Durante ese tiempo Pedro habló en detalles acera de la Revolución Rusa, la parte llevada a cabo por los bolsheviques, la lección dada a los anarquistas en particular y al mundo en general. El consideraba que la revolución Rusa era más grande en principios y finalidades que la revolución Francesa, pues apesar de que el pueblo no estaba tan desarrollado, se adaptaba más a las concepciones de la nueva vida. El espiritu de las masas durante las revoluciones de Febrero y Octúbre demostró que el pueblo entendia los grandes cambios que le esperaba y estaba dispuesto a poner todo de su parte.

446

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez artículos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

El pueblo sabía que tenía ante sí algo tremendo que tenia que afrontar, organizar y dirigir. Aquél espíritu, enfrenado hoy por el hambre y la persecución, aún está en evidencia. La mejor prueba de ello es la resistencia que el pueblo ruso presenta ante el yugo Bolshevique. Los Bolsheviques en su marcha hacia el poder estaban muy lejos de ser la vanguardia de la revolución, como ellos alegan. Al contrario; fué la compuerta que detubo la creciente marea de las energias del pueblo.

En su fija idea de que tan solo una Dictadura puede dirigir y protejer la revolución, fué fortaleciendo su formidable Estado, el cual está destruyendo la revolución. Como Marxistas, nunca se dieron ni se darán cuenta de que la única protección de la revolución depende en la habilidad del pueblo para organizar su vida económica. Por lo demás, Kropotkin añadió, que él habia presentado su punto de vista sobre la revolución rusa que creo ha sido publicado extensamente.

Kropotkin habló tambien de la parte que los Anarquistas tomaron en la revolución; habló de la muerte de unos, del heroismo de otros; de la lucha de muchos y de la irresponsabilidad de algunos. Sobre todo afirmó la necesidad de que todos los anarquistas estubiesen mejor equipados para la reconstrucción del trabajo durante la revolución.

Recuerdo claramente sus propias palabras:

"Nosotros, los anarquistas, hemos hablado mucho sobre la revolución social. Pero ¿cuantos han sido los que se han molestado en prepararse para el trabajo durante y despues de la revolución?. "La revolución Rusa, ha demostrado la imperativa necesidad de

dicha preparación para un trabajo práctico y constructivo."

En una carta dirigida a' uno de sus más íntimos amigos, Kropotkin dijo que habia llegado a ver en el sindacalismo, la base económica del anarquismo, o sea el medio para la organizacion económica y expresión de las energías del pueblo durante el periodo revolucionario.

Fué un dia memorable!, el último que pasaría junto al gran hombre. Cuando fuí llamada para cuidarle durante su última enfermedad, llegué a Dmitroff una hora después de su muerte. La acostumbrada confusión, ineficiencia y demora Burocrática me ha robado la oportunidad de ofrecer a Kropotkin algún servicio como pago al mucho bien que me hizo. Dos cosas llamaron mi atención en Kropotkin durante ambas visitas: La falta de rencor hacia el bolshevique y el hecho de no haber mencionado su propios sufrimientos y privaciones. Fué despues de su muerte que me enteré de algunos detalles de su vida bajo el regimen bolshevique. A principios del año 1918 Kropotkin habia agrupado hacia si algunos de los más hábiles especialistas en varios ramos de la economía política. Su propósito era el de hacer un estudio minucioso de los recursos económicos de Rusia, recopilar estos recursos en monógrafos, para que pudieran servir de auxilio práctico a la reconstrucción Rusa.

Kropotkin era el Editor—Jefe de esta empresa. Se preparó un volumen, pero no fué publicado. Este grupo Científico era conocido por el nombre de la Liga Federalista — fué destruido por el gobierno y todo el material confiscado. Las habitaciones de Kropotkin fueron requisadas por dos veces y

447

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

su familia fué obligada a buscar otro albergue. Despues de estos trastornos fué que Kropotkin se mudó a Dmitroff, donde permaneció en involuntario destierro. Aun en el verano se hacía muy dificil el visitarle puesto que se necesitaba un permiso especial para viajar y el obtenerlo requería mucho tiempo y esfuerzo y en el invierno se hacía casi imposible. Asi sucedió que aquel que habia reunido en su casa a los mejores pensadores é ideas de todo el mundo, estaba ahora obligado a una vida de reclusión.

Sus únicos visitantes eran pobres campesinos, trabajadores de su aldea no muy inteligentes que llegaban a él con sus cuotidianos infortunios. Recuerdo que en la noche de nuestra visita, Kropotkin habia recibido una carta de un amigo en Moscú, un cietífico que vivía con su esposa y dos hijos en una habitación. Una lámpara solamente alumbraba la mesa sobre la cual los niños estudiaban las lecciones: la esposa copiaba algunos manuscritos, mientras que él hacía uso de un rincón para llevar a cabo sus trabajos químicos. Estaba empleado en un lugar a doce "verstas" de su casa y tenía que caminar dicha distancia diariamente. Kropotkin que por medio de numerosas publicaciones en todos los idiomas estaba en comunicación constante con el mundo entero, se encontraba ahora aislado por completo de aquel recurso de vida. Ni aún podia enterarse de lo que ocurría en Moscú y Petrogrado. Sus únicas fuentes de noticias eran los dos periódicos del gobierno: El Pravda y La Izvestiya. Mientras vivió en Dmitroff su trabajo de ética se obstaculizaba. No podia conseguir los necesarios libros científicos. En fin, que Kropotkin sufría un hambre mental que le torturaba, sin duda, mucho más que la mal-nutrición física. Recibía mejor "peyok" ó racción que la mayoría, pero aún esto no era lo suficiente para mantener su vitalidad.

Afortunadamente Kropotkin recibía auxilios de vez en cuando, de sus camaradas del extranjero asi como tambien de los de Ukraine, que le enviaban con frecuencia comestibles. Tambien recibía regalos similares de Makhno, entonces aclamando por los bolsheviques como el terror de las fuerzas contrarevolucionarias en el sur de Rusia. Pero la falta más notable era la de combustibles y luz. Cuando visité a la familia Kropotkin en el año 1920, se consideraban muy afortunados con tener luz en más de una habitación. Durante una parte del 1918 y todo el año 1919, Kropotkin escribió sus Eticas a los mortecinos rayos de una lámpara de aceite, lo que estubo a punto de dejarlo ciego permanente. Durante las cortas horas del día, transcribia sus signos a maquinilla, despacio y con doloroso golpe en cada letra. Sin embargo, no era sus propios sufrimientos lo que aminoraba sus fuerzas. Era Rusia, los sufrimientos de los que le rodeaban, la supresión de todo pensamiento, la persecución y encarcelación de los que tenían una opinión, el sin fín de iniquidades cometidas con el pueblo, que hicieron de sus últimos años la más profunda tragedia.

Si hubiese podido hacer algo para aliviar los sufrimientos, para traer a los dictadores de Rusia hacia sus propios sentidos.... pero no, él no podia. No podia de ningún modo igualarse a aquellos de la guardia Revolucionaria que hicieron causa común con los enemigos de la revolución. Y aun que encon-

448

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

trase un medio de publicar su protesta en la prensa Europea, los reaccionarios harian uso de ella contra la Russia. No; él no podia hacer eso, y sabía muy bien que era inútil protestar ante el gobierno bolshevique.

Sin embargo, era tan grande su angustia, que en dos ocasiones Pedro Kropotkin se dirigió a oidos sordos. Una vez en protesta contra la terrible costúmbre de represalias, la otra contra la completa supresión de publicaciones que no fueran del Estado.

Desde que la "Checka" comenzo su siniestra existencia, el gobierno bolshevique ha sancionado el sistema del terror. Madres, ancianas y jóvenes, padres, hermanas y hermanos, y hasta niños han sido víctima de represalias, muchas veces por causas u ofensas de uno de los suyos de las que ellos ni aún estaban enterados.

En el otoño de 1920 los Menshiviques que emigraron a Europa, amenazaron con la retaliación si la represión contra sus camaradas continuaba. El Gobierno bolshevique anunció en la prensa oficial, que por cada comunista que pereciese, perecerían diez Mensheviques. Fué entonces que los famosos revolucionarios Vera N. Figner, y Pedro Kropotkin enviaron su protesta a los poderes, diciendo que la costúmbre de hacer represalias era un borrón sobre la revolución Rusa, un dragón que dejaba resultados terribles a su paso, que el futúro nunca perdonaría métodos tan bárbaros. La segunda protesta se hizo en contestación al atentado de parte del gobierno de "liquidar" todas las empresas publicadoras ya fueran políticas, co-operativas o particulares. Esta protesta fué dirigida al Congreso Pan-Ruso de todos los Soviets. Es interesante el notar que el mismo

Gorky, un oficial del Comisariado de Educación, habia enviado casi al mismo tiempo desde Petrogrado, una protesta similar.

Kropotkin, en sus manifestaciones, hizo mención del peligro de tal ataque hacia el progreso y más aún, a todo pensamiento. Tal monopólio del Estado sobre el pensamien to haría imposible todo trabajo creativo. La situación de Rusia durante los últimos cuatro meses deja prueba convincente de ello.

Una de las características sobresalientes de Kropotkin era su resistencia en lo que concernía a si mismo. Durante mi estancia de treinta y seis horas en Dmitroff, ante el cadáver supe más de su vida personal que durante tantos años que le conocí. Aun entre los amigos de su proprio círculo, había muy pocos que supieran que Kropotkin además de ser un artista, era un músico de considerable talento. Entre sus efectos encontré una colección completa de sus dibujos de gran mérito. Amaba la música apasionadamente y era un músico de gran habilidad, en sus momentos de ocio se pasaba el tiempo sentado al piano, donde encontraba sin duda alguna, sosiego y paz interpretando los maestros con hondo entendimiento. Su cadaver colocado en el escritorio parecia estar durmiendo el sueño de la paz, y su semblante se conservaba tan afable como cuando en vida. Alli descansaba el gran hijo de Rusia. El que durante luchas y privaciones permaneció siempre leal a la revolucion y no quiso abandonarla. No llegó a ver erigido el monumento capitalista sobre la tumba de la revolución. Pero aun eso no le robaria nunca de su ferviente fé en la resureción del pueblo, el triunfo final de una revolucion libertaria.

449

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

LOS GREMIOS DE TRABAJADORES DE RUSIA SON SOMETIDOS A LA DICTADURA BOLSHEVIQUE

Los "Trade Unions" de Rusia aun que jóvenes, pues comenzaron en el 1905, eran organizaciones muy aetivas. Tenían que serlo para poder contrarrestar las persecueiones del Zar, y apesar de que en aquel tiempo tenían que trabajar oeultamente, eran sin embargo un factor muy importante en la lucha económica del obrero ruso. Este hecho fue demostrado por fuerza poco despues de la revolución de Febrero.

Los "Trade Unions," embuídos con el nuevo espíritu que nació en Rusia, ya no se contentaban con cambios políticos solamente. Su idea era la de que los trabajadores tomasen posesión de la construcción económica del país, para lo cual habían organizado comités de taller para el control de la vida industrial. En fin, que los Trade Unions eran aun antes del régimen Bolshevique, la expresion organizada de las demandas y aspiraciones de los trabajadores. Y así la tercer conferencia de los "Trade Unions" que tuvo lugar en Petrogrado en Julio de 1917, habia enviado ya 210 delegados representando una Unión de 1,475,425 miembros.

El advenimiento de la Dictatura del Proletariado se hizo sentir enseguida en los Trade Unions. Se hizo compulsoria la adhesion a las organizaciones obreras y todo el que trabajaba era automaticamente registrado en la Union, y obligado a pagar, bien que le gustara o nó. La cuota del 3 por ciento se le descontaba del salario y de esta forma el obrero ruso tenía que sostener las mismas organizaciones que destruyeron todo síntoma de iniciativa y dirección propia de los Trade Union Rusas.

EL SOVIET PAN-RUSO

Los Trade Unions Soviets Pan-Rusos consisten de 120 miembros. El Comite Ejecutivo Central tiene once miembros, y casí todos tienen que ser Comunistas para ser electos a estos cuerpos. El resultado es que los Trade Unions han llegado a ser una mera ramificación de la maquinaria del Estado, controlada completamente y dirigida por este. El miembro ordinario no tiene voz ni voto en las actividades de la organización ni efectúan juntas con regularidad, exceptuando aquellas que son dominadas por la facción Bolchevique.

Si alguna de las uniones se aventurará a ejercitar las funciones de una verdadera union, se le da a entender inmediatamente que no importa lo que las Uniones del Oeste de Europa, o America, hagan, que las uniones comunistas deben de obedecer la ley, y mantener la boca cerrada. Como Ejemplo. Los Panaderos de Moscow declararon la huelga en el 1920 pidiento aumento de racción de pan. El gobierno no se preocupó mucho del asunto. Simplemente disolvió el gremio, expulsaron los cabecillas y algunos de los miembros mas activos fueron arrestados. A los oradores mas prominentes del gremio se les prohibió tomar parte en las reuniones del gremio y de ejercer sus derechos.

La misma táctica fue usada en otras varias huelgas; fue solamente "insolencia" el efectuar un meeting al que se invitó la comision obrera de la Gran Bretaña.

En aquella asamblea, Chernoff, jefe de los Revolucionarios Sociales y Dan, un prominente Menshevique, cometieron el imperdonable pecado de decir a los obreros británicos algunos hechos sobre los trade unions y la situación del obrero en Rusia. Inmediatamente des-

450

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

pues de esto suspendieron a todos los oficiales de la unión de tipógrafos y algunos de ellos fueron llevados a la carcel. En todos los periódicos oficiales del país, se calificaban a los tipógrafos de contra-revolucionarios, y traidores, y los denunciaron en tan duros términos que sirvió para aterrorizar el resto del proletariado del país.

Es tan destructora la tiranía ejercida sobre las uniones que la mas insignificante protesta es calificada como falta a la disciplina y un crimen contra la revolución. Durante las huelgas de Petrogrado en 1921, cuando los operarios del taller Baltic protestaron contra el arresto de veintidos de sus miembros, Antselovitch, presidente de los Trade Unions de Petrogrado, lo dijo a la Cheka y pocos días después, hubo un asalto a los talleres que resultó en la encarcelacion de muchos trabajadores. En fin, que los Trade Unions en la Rusia Bolshevista han sido absorvidos completamente por el Estado y no tienen otras funciones que el hacer trabajos policiacos para el mismo.

Naturalmente, tal situacion no podría durar mucho tiempo sin levantar el descontento de los trabajadores, y en 1920, llegó el descontento a tal extremo que amenazaron al Gobierno y se vió este obligado a considerar seriamente la situación. A últimos de 1920, se trató de las funciones de los Trade Unions y pronto se hizo aparente de que aun entre el partido Comunista existían opiniones diversas sobre esta importante cuestión.

Todos los jefes Comunistas participaron en la discusión que decidiría el destino de las Uniones. La tesis presentada descubrió cuatro tendencias primas. Primera, la Faccion Lenin-Zinov'eff, que sostenia que las "Uniones tienen tan solo una función bajo el dictado del proletariado"—o sea, la de servir como escue-

las del Comunismo.

La segunda tendencia, estaba representada por Rasanoff y sus adherentes, quienes insistian que los Trade Unions debian de continuar funcionando como el forum de los trabajadores y sus protectores económicos.

,La tercer facción, era la de Trozky, el genio militar que no puede pensar mas que en terminos militaristas. El presentó la tesis de que los Trade Unions llegarian a ser los gerentes y controladores de las industrias, pero que por el presente, la gerencia de las uniones debia de ser nombrada por el sistema militar.

La última y la más importante, fue la oposicion obrera, encabezada por Mme. Kollantay y Schilapnikoff, que verdaderamente presentó el sentimiento de los trabajadores, y estaba respaldada por ellos.

REVUELTA DE OPOSICION

Esta oposición insistía que la neutralización de los Trade Unions había destruído el interés de los trabajadores en la reconstrucción económica del pais, y que había paralizado la capacidad de producción. Pedian la libertad de las masas del yugo del Estado burocratico y sus corrompidos oficiales, y que diesen al pueblo la oportunidad de ejercitar sus energías creativas. Mencionaron que en la revolucion de Octúbre se luchó para que las masas pudieran controlar la vida industrial del pais; en fin, que la Oposicion obrera, fue eco de la protesta del acumulado descontento de la mayoria. Fue una batalla real entre Trozky y Zinovieff. En Petrogrado la influencia de Zinovieff era tan potente que Trozky tenia que luchar par obtener un permiso para hablar en el Local Comunista sobre la controversia. Trozky habia creado tal impresión que estuvo a punto de desbaratar el partido Comunista. Pero Dios ama a Lenin. Siempre que su fabricación em-

451

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

pieza a balancearse el todo poderoso le envia apoyo. La gran inquietud obrera, y las numerosas huelgas de Febrero 1921, y la insurrección de Cronstadt vino a ser ese apoyo. La unidad Comunista habia que mantenèrla a toda costa. Y asi el padrecito, llamó a sus hijitos uno a uno, y les dió una leccion.

Lenine calificó la oposición obrera como anarco-sindicalista, ideologia de la clase media y por lo tanto ordenó la supresion de ella. Schliapnikoff, uno de los de más influencia de la oposición, lo calificó Lenin de "Comisario incomodado" y se le hizo callar haciéndolo miembro del Comite Central del Partido Comunista.

A Mme. Kollantay se le mandó detener la explicación de la opinión de la Oposición—fué supresa.

Algunas de las menores lumbreras de la Oposición se les dio una vacacion en la Cheka y hasta Riasanoff — un viejo y probado Comunista — fué suspendido por seis meses de sus actividades con la uniones. Con respecto a Trozky, quien Lenine llevo hacia el desprecio del partido, y lo calificó de "ignoramus sobre el Marxismo fundamental" fue enviado a Cronstadt a traer la "paz" en Warsaw". Lenin y su justo santo Zinovieff tuvieron una victoria. Los Trade Unions quedaron como escuelas del comunismo.

La nueva póliza de economia va rápidamente tomando forma. Los Trades Union son los primeros en sentir su efecto. En una asamblea del Comite Central del partido Comunista, que tuvo lugar en Moscow en Diciembre de 1921, se discutió sobre las funciones de los Trade Unions. Se nombró una Comisión que consistía de Lenin, Radzyntak y Andreye, para escojer y preparar la tesis al objecto. Mas tarde dicha tesis fue aceptada por umanidad, por el Soviet Central Pan-Ruso de todas las

Uniones. Entre otras cosas la tesis contiene lo siguiente:

"(1)—El enlistamiento obligatorio de los trabajadores en las organizaciones obreras, trajo la deterioracion burocratica de los Trades Unions malquistandolas con las masas (por decir la misma cosa muchos trabajadores fueron denunciados como contra-revolucionarios y fueron enviados a la Cheka): es por lo tanto necesario, establecer el enlistamiento voluntario en las uniones."

"(2)—Los trabajadores que se enlisten en las uniones, no deben ser molestados por causas de religión o ideas políticas. (Sombras de numerosas victimas que fueron apaleadas a causa de sus ideas políticas ser diferentes a las del Bolshevismo!)"

"(3)—La reconstrucción económica de Rusia necesita la estricta concentración del poder en manos de un gerente; por lo tanto, las Uniones obreras no deben pretender el control de las industrias, contratadas ó propiedad de capitalistas particulares."

Es evidente que la póliza económica, apoyada por Lenin, está abriendo la puerta para nuevas complicaciones obreras y conflictos inevitables. El arreglo de todos los conflictos que pudieran ocurrir en lo sucesivo estará en manos de un "cuerpo poderoso" y fuera de las uniones. La comision de Lenin ha indicado ya que esta "alta autoridad de **arbitracion forzada** de disputas no sera otra que el partido Comunista de la Tercer Internacional. Es aparente que el Comunista Internacional quiere decir: preservar el dominio del movimiento obrero de Rusia, mientras que al mismo tiempo se trata de ganar el control de las organizaciones obreras del Oeste de Europa y América:

Mienras tanto, el trabajador Ruso, bajo la

452

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

nueva poliza economica lo va pasando peor que antes de haber empezado la revolución.

El dia de ocho horas casi universal, en Rusia desde hace cuatro años, ha sido abolido. De acuerdo con el órgano oficial la **Pravda**, de Moscow, de Diciembre 1921, la situacion es la sigiuente: de 695 estableçimientos industriales, solamente 86 han retenido el dia de ocho horas.

En la mayoria de los otros, el trabajo continúa de nueve horas; en 44 establecimientos se trabaja de 10 a doce horas; en 11, de catorce a dieciseis horas. Hasta niños han trabajado en algunos sitios de doce a catorce horas.

Los panaderos son los mas explotados y trabajan mas horas, o sea de doce a dieciocho horas. Esta informacion se refiere a Moscow, la Capital de Rusia. En provincias es aun mucho peor. En los distritos mineros, trabajan de dieciseis a dieciocho horas. En las fábrica de cueros del Estado en Vitebsk doce horas son las normales del dia. En las pescadorias de Astrakhan, de acuerdo con representantes locales en la Segunda conferencia Pan-Rusa de proteccion al trabajo, el trabajo de un dia, es de catorce a dieciseis horas.

La revolución rusa, sin embargo no ha sido completamente en vano. Ha arrancado muchas nociones antiguas de las masas rusas y el trabajador ya no es el esclavo dócil que era antes. Ha sido alimentado con las pillerias de la política, y ya no cree en ellas. Ahora que podrá mezclarse con sus compañeros en organizaciones, no hay duda que usará de medios más directos para conquistar su puesto.

Lenine y su pandilla van oliendo el peligro. Su ataque a la oposición obrera y anarco-sindicalista continúa con intensidad. ¿Será que la estrella anarquista se va levantando en el Este?

¡Quién sabe! Rusia es lo [illegible] milagros..

TRABAJO OBLIGATORIO

La mentira del Trabajo obligatorio.
De que manera y para quienes se hizo el trabajo obligatorio.
Ineficencia de los gobernantes.

La movilización del trabajo, en realidad, la conscripción del trabajo, fué anunciada al mundo como el mayor bien del comunismo. "¡Todos deben trabajar hoy en Rusia. No más parásitos!" Aunque Lenin nunca admitió abiertamente que este método, como muchos otros decretados para reconstruir a Rusia, es un error, yo estoy sin embargo inclinado a pensar que el que cree que la conscripción del trabajo no ha hecho nada para incrementar el *output* de los trabajadores.

Lo que consiguió fué establecer, como existía, la esclavitud de los bienes muebles (?) y reemplazar la burguesía parásita por la maquinaria del parasitismo bolsheviki. Su obra fué obligar a trabajar a los obreros hasta la fatiga, pasar por encima de ellos en las faenas, y arrestarlos y a veces fusilarlos por deserción de sus trabajos. Como la mayoría de los trabajadores ellos iban a los talleres no a trabajar, sino a descansar y a fabricar secretamente algunos artículos que sus esposas e hijos iban a cambiar al campo por harina y papas. Esto, incidentalmente, los salvó de la inanición.

especto de las oportunidades para traer algo del campo, podría escribirse un libro sobre este tema. Co n la prohibición de comercio vino la zagregaditelmy stryad", el destacamento de soldados y chekistas en cada estación para confiscar todo artículo traído por particulares a la ciudad. Los infelices que después de dificultades sin cuento para obtener un pase de viaje, después de días y semanas de peligros en las estaciones, después de espantosos viajes en sucios y repletos carros, o en los techos y en las plataformas, traín una libra de harina o papas, terminaban por ser despojados de ella por la stryad.

En muchos casos el material confiscado era dividido entre los propios defensores del Estado Comunista. Las víctimas resultaban afortunadas si escapaban sin mayores molestias. A menudo se les robaba sus preciosos paquetes y eran arrojados a la cárcel por "especulación". El número de verdaderos especuladores aprehendidos era insignificantes en comparación con la masa de desgraciados que llenaron las prisiones de Rusia por tratar de defenderse contra la muerte por inanición.

Una cosa se puede decir de los bolshevikis, y es que nunca hacían sus cosas a medias. Tan pronto como llegó a ser ley el trabajo obligatorio, fué hecho efectivo como venganza. Hombres y mujeres,

453

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

viejos y jóvenes, apenas vestidos y con toscos zapatos o con solo trapos en los pies, fueron indistintamente arrojados al frío y a la escarcha a barrer la nieve o a cortar hielo. De cuando en cuando eran enviados por grupos a los bosques a cortar madera.

Pleuresía, pneumonia y tuberculosis fueron los resultados. Fué sólo entonces cuando los tontos del Kremlin crearon un nuevo departamento para la distribución del trabajo. Este "bureau" decidía según las aptitudes físicas de los obreros, los clasificaba y distribuía según sus trabajos.

Bajo tales condiciones, degradantes y esclavizadoras, no es raro que los obreros hicieran malos trabajos porque lo odiaban y los medios por los cuales se les hacía trabajar. Comenzaron a mirar al Estado Comunista como una nueva sanguijuela que les chupaba la sangre de su vida. Los obreros de Petrograd, los más revolucionarios, los que sostuvieron el esfuerzo de la larga lucha, los que defendieron tan heroicamente la ciudad, contra Judenitch, que murieron de hambre y de frío por el ideal— ¡oh, maravilla! también han comenzado a loar a los falsos revolucionarios y en todo conectan con ellos.

No es de ellos la culpa, la cruel máquina bolsheviki minó su fé y sus ideales. Esa máquina ha engendrado un sentimiento contrarevolucionario que demorará mucho en desaparecer.

No olvidaré nunca una escena, una reunión del Soviet de Petrograd. Debía decidirse esa noche el destino de Cronstadt. Después de largos discursos de los dirigentes comunistas, habla un obrero de los arsenales. Da la cara a la mesa y la espalda al auditorio. Su voz se extiende con emoción contenida, sus ojos llamean, toda su figura es vibrante. Se dirige al presidente del Soviet de Petrogrado, Zinovieff:

"Hace 3 años y medio, dice, Ud. fué denunciado como espía alemán, traidor a la revolución, hostilizado y perseguido. Nosotros, los obreros y marineros de Petrogrado lo salvamos y lo llevamos al puesto que Ud. ahora ocupa. Hicimos tal, porque esperábamos que Ud. fuera la expresión del pueblo. Desde entonces Ud. y su gobierno se han separado de nosotros. Ahora desde allí se nos gritan nombres insultantes, osan llamarnos contrarevolucionarios. Ud. nos fusila y encarcela porque le pedimos que cumpla la promesa que nos hizo en la revolución de octubre.

No sé lo que fué de este hombre. Puede estar preso o muerto por su atrevimiento. Su grito cayó en oidos sordos. Sin embargo, fue el grito de un espíritu agonizante, el espíritu de la Rusia colectiva que aspiró y consiguió tal altura en la revolución y que yace nuevamente encadenado por el Estado bolsheviki.

ARTICULO X

Su cuerpo torturado, el espíritu de María Spiridonova aún vaga por Rusia.

La Rusia de antes de la Revolución se mantiene única en la historia mundial, por el gran número de mujeres que contribuyeron al movimiento revolucionario. Empezando con los Diciembristas, cuyas esposas los siguieron, hace ya casi un siglo, a la deportación, hasta la última hora del régimen del Zar, la mujer rusa partieipó en la más heroiea actividad y fue al suplicio y a la muerte con la sonrisa en los labios. Entre el gran número de ellas, una de las figuras mas principales, es Maria Spiridonova.

Durante 1905-1906, existía gran intranquilidad entre los campesinos rusos. En la Provincia de Tamboff los campesinos, exasperados por el excesivo impuesto y la brutalidad de los oficiales, se alzaron contra sus opresores y prendieron fuego en algunas fincas. El gobernador de Tamboff, Luzhenovsky, muy conocido por su barbarie, llenó los pueblos de Cosacos los que obligaban a los campesinos a arrodillarse en la nieve medio desnudos, en cuya posición los sostenian por horas enteras mientras que a muchos de ellos los ponian en linea y los fusilaban. Maria Spiridonova era entonces una joven, y sin embargo fue encomendad por su partido, los Revolucionarios Sociales, para que matase a Luz[illegible] co-

454

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.
Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

mo escarmiento a la barbarie impuesta a los campesinos. Era un trabajo muy dificil. Luzhenovsky estaba siempre bien vigilado por sus Cosacos. El había aterrorizado la poblacion y arrancado a los campesinos hasta sus últimas provisiones para sostener la guerra con el Japón. Pero todas estas dificultades no arredraban a Spiridonova. Disfrazada de campesina se consagró a seguir a Luzhenovsky. Se aparecía en las estaciones de ferrocarriles y en todos los caminos, siempre "buscando" como ella decia, "a su esposo, soldado que había desaparecido." A pesar del imminente peligro y privaciones siguio siempre en acecho del gobernador hasta que al fin llegó la oportunidad tan apetecida. Cuando el tren que llevaba a Luzhenovsky llegaba a la estación donde Spiridonova habia estado esperando pacientemente, y al momento en que Luzhenovsky pisaba la plataforma, rodeado de sus oficiales, Maria rompió el cordón de guardias que la separaba, y lo mató a tiros.

Los zares rusos nunca fueron parciales sobre el trato de la mujer politica. Perseguian sanguinamente lo mismo a la mujer que al hombre, pero en el caso de Maria Spiridonova, los acolitos del Zar Nicolas sobrepasaron aun los metodos de Ivan el Terrible. La sujetaron a barbaridades inesplicables, la arrastraron a la sala de espera de la estación y la azotaron hasta perder el sentido. Le arrancaron los vestidos y la entregaron a la soldadesca. Estos se entretuvieron en quemarle el desnudo cuerpo con cigarrillos, la patearon y finalmente la ultrajaron. Varias semanas estuvo entre la muerte y la vida y luego fue sentenciada a muerte.

La noticia de la tortura impuesta a Spiridonova horrorizó al mundo y levantó protestas

que la salvaron del patíbulo. Fué enviada a Siberia con cadena perpetua donde llegó — segun dice Gershuni — como una "masa de carne viva." En la prisión sus camaradas la atendieron cariñosamente, devolviéndole la vida. Pero la horripilante experiencia la dejo tubercolosa, inutil de una mano y la pérdida de un ojo, pero su espiritu aún continuaba en llamas.

La revolución de Febrero abrió la sepultura a todos los presos políticos rusos, entre ellos Maria Spiridonova. ¿Quien podra describir su alegria cuando ella recibio la noticia de su libertad?, y apesar de esto no quiso salir de la prisión hasta estar segura de que todos los presos políticos saldrian. Entre gran aclamación del pueblo, Maria Spiridinova volvió a Rusia, pero no para vivir en el palacio invernal, no para festejar y deseansar sobre sus laureles: Ella volvió para lanzarse entre las energías sueltas de las masas de campesinos que especialmente la reverenciaban. Llegó a ser presidente del Comite Ejecutivo del Soviet Pan Ruso de los representantes Campesinos. Como tal inspiró, organizó y dirigió el despertado espiritu y actividad de los campesinos. Al contrario de otros muchos que por varios años habían fertilizado el terreno revolucionario con sus lágrimas y con su sangre, pero que apesar de eso no habian comprendido el nuevo espiritu, Maria Spiridonova se dio pronta cuenta de que la revolución de Febrero era tan solo el preludio de un cambio aun mucho mayor.

Cuando la revolución de Octubre, que cual avalancha arrolladora envolvió a muchos de los antiguos revolucionarios, Spiridonova permaneció firme en su fe revolucionaria, y al lado del pueblo en la hora más critica. Tra-

455

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. — New York : Aurora, 1923. — 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

bajó día y noche al servicio de sus amados campesinos.

Ella era el alma del departamento de agricultura, y elaboró un plan hacia la socializacion del terreno, que era uno de los problemas de más importancia en aqul tiempo. Su cuerpo débil se sostenía tan solo por su gran voluntad en aquellos momentos aeiagos.

En el 1918 ya Maria Spiridonova se había dado cuenta de que la revolución estaba en mayor peligro en la mano de sus amigos que en la de sus enemigos. Los Bolsheviques barrieron con todo y llegaron al poder con el lema copiado en parte de los Anarquistas y de los revolucionarios sociales, y muy pronto se cambiaron a diferente camino. El primer paso fue la paz de Brest-Litovsk. Lenine insistió en la ratificacion de aquel "tratado de paz" tan solo para que la revolución tomase "aliento", pero Maria Spiridonova, asi como tambien otros revolucionarios de diferente escuela, para quienes la revolución no era tan solo un mero lavoratorio de experiementos politicos, determinaron luchar contra la ratificacion. Ellos mantenían que dicha ratificación era una traición hacia Ukraine, que entonces con gran entusiasmo rechazaba la invasion alemana de la parte Sur de Rusia; mantenían también que tal proceder significaba la dominación completa del pueblo Ruso por el partido Bolshevista y la supresión de todos los demás movimientos politicos, lo que acarrearia una guerra civil; que el "descanso" buscado por Lenine, traeria consigo la ruina de la revolución.

En aquel tiempo, Trotzky y muchos otros comunistas estaban opuestos a la paz de Brest-Litovsk. Ellos habian visto tambien el peligro que les amenazaba, pero fueron pronto obligados a la aceptacion por la fuerte disciplina del partido. Lenine gano el día, y de ahi empezo el calvario de la revolucion Rusa.

Cuando estaba en America habia oido historias confusas de Maria Spiridonova en la Rusia Soviet, pero a mi llegada muy pronto fui informada por Comunistas de responsabilidad de que Maria estaba enferma de los nervios, enfermedad, que la llevó a la histeria y que por lo tanto había sido colocada en un Sanatorio "por su propio beneficio y donde recibía muy buenos cuidados." Pero cuando la vi personalmente en Julio de 1920, ella vivía ilegalmente en Moscow en una pequeña habitación, disfrazada de campesina como en el tiempo del Zar, pues se había fugado del "Sanatorio y del buen cuidado" que resultó ser una prision Bolshvique. No encontré traza alguna de histeria en ella, sino que por el contrario, estaba serena y de lo más firme que hasta entonces había encontrado en Rusia. Durante dos días me cautivó con la narración de la revolución Rusa, y de cómo las sublimes posibilidades del pueblo habían sido destruidas por la maquinaria del Estado Comunista. Fue una historia de gran claridad y fuerza de convicción.

Me enteré entonces de que dos veces había sido encarcelada por los Bolsheviques; la primera vez después de la muerte de Mirbach, cuando los Bolsheviques cerraron el quinto Congreso del Soviet y arrestaron a todos los Revolucionarios Sociales de las izquierdas que

456

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

eran dirigidos por Spiridonova. Puesta en libertad después de cinco meses, fué arrestada otra vez a fines de Enero de 1919 y encerrada en un "Sanatorio" — no por la histeria o por debilidad mental, sino por que no se dejó sobornar ni aceptó la llamada **Dictadura del Proletariado.** Ella habló francamente al pueblo sobre los peligros que acarrearía la nueva política de los Bolcheviques, y el pueblo la oía contento. Spiridonova exponia, que los Bolsheviques pretendían hacer ver al mundo de que la fiera persecucion de los Revolucionarios Sociales de las Izquierdas, que siguio a la ejecucion de Mirbach, habia sido causada por estos haber tratado de usurpar el poder del Gobierno. Ella negó esto firmemente — y sus palabras son sostenidas por evidencia documentaria — de que su partido no había intentado nunca usurpar el poder Comunista. El partido de Spiridonova, consideraba la paz de Brest-Litovsk como una traición a la revolución, y consideraba la amenaza imperialista. Pedian abiertamente la muerte de Mirbach y un levantamiento contra la invasión alemana. Predicaban abiertamente sus creencias, pero ni Spiridonova ni ninguno de sus camaradas tenian conocimientos de complot alguno para usurpar el poder.

LA CHEKA SE HACE ACTIVA.

Después de la muerte de Mirbach, la misma Spiridonova vino a la sesión del quinto Congreso Pan-Ruso con el propósito de leer la declaracion oficial de su partido que explicaba la necesidad y la justificacion de la muerte de Mirbach. Ella y sus camaradas, estaban dispuestos a atenerse a las consecuencias de su acto. Los Bolsheviques frustraron

la lectura de dicho documento cerrando el quinto Congreso, y arrestando la representacion completa de los campesinos, con Maria Spiridonova a la cabeza. En Septiembre de 1920, la Cheka volvia a probar sus proezas con uno de sus asaltos y el descubrimiento de complots. En dicho asalto que tuvo lugar en Moscow, se descubrió accidentalmente el escondrijo de Maria Spiridonova. Esta se encontraba enferma del tifus y no podia mudarse. La casa fue rodeada por los guardias y no se permitia a nadie que la visitase. Cuando pasó la crisis ,la llevaron a Ossoby Otdell (Estacion de la policia Secreta) y la pusieron en el hospital de la prision. Su estado era tan grave que al fin permitieron que la asistiera una antigua amiga de Siberia, y mantuvieron a las dos en completa reclusion sin que pudieran comunicarse con el exterior. En Junio de 1921 se recibio una carta de la prision en la que describia su miserable vida: La guardia constante de los "Camaradas", los Chekistas, el encierre solitario, la privación de alimento mental y fisico, iban consiguiendo lo que la tortura del Zar no habia podido; se apodero de ella el escorbuto — las piernas se le inflamaron, el cabello y los dientes le caían y además de esto, se apodero de ella la alucinacion de que era perseguida por los gendarmes del Zar y la Cheka de Lenine.

En una ocasion atentó dejarse morir de hambre. La Cheka amenazó con alimentarla a la fuerza, pero al fin aceptaron la proposicion de dos íntimos amigos de ella, también prisioneros, de permitirles convencerla para que tòmase alimento. Durante los dos congresos que tuvieron lugar en Moscow, en Julio de 1921, los camaradas de Spiridonova circularon un manifiesto que enviaron al Comite Central Co-

457

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

munista y a los principales representantes del gobierno, manifestandoles la mísera situacion de Maria Spiridonova y demandando su libertad con el propósito de proporcionarle servicio médico adecuado. Una prominente extranjera, delegada al Tercer Congreso del Comunismo Internacional, se dice que vió a Trotzky, quien manifestó que Spiridonova era aun muy peligrosa para dejarla en libertad. Fue entonces cuando apareció en la prensa Socialista Europea relatos del estado en que se encontraba, cuando la dejaron en libertad bajo la condicion de que volvería a la prisión tan pronto recobrara la salud. Los amigos que la atienden se encuentran ahora con la alternativa de dejarla morir, o permitir que la vuelvan a la prisión. Hay tan solo una forma por la cual podría salvarse — el que tuviera oportunidad de salir de Rusia. Los amigos de ella han pedido esta oportunidad del Gobierno Bolshevique, pero hasta el presente, todo ha sido en vano. En 1906, las protestas del mundo civilizado fue lo único que salvó a Maria, y es verdaderamente trágico que una protesta similar sea necesaria para salvarla en el presente. Fuera del acecho de la Cheka, lejos de los desastres de Rusia, en la montaña donde corre el aire libre, Maria Spiridonova podría recobrar la salud. Ha sufrido ya cien muertes. ¿Se le permitira volver a la vida?

FIN

LAS ESCUELAS DE LOS "DEFECTIVOS MORALES" NO SON MEJORES QUE LAS MISMAS PRISIONES

Solamente he visto a un niño sonreir.

El aniquilamiento paulatino de los niños por el hambre, del cual me fuí enterando poco a poco, era el método general usado en los llamados reformatorios infantiles. Al principio dudé de ello, pero las pruebas eran tan evidentes, que al fin tuve que convencerme de los hechos. En el Hotel Astoria, "Primer Casa de los Soviet" en la habitación próxima a la mía, vivía una mujercita con sus dos niños. Era Comunista, y sin embargo, luchó fuertemente contra el método del reformatorio; trabajaba en varias instituciones de niños y no tan solo corroboró la pésima condición en que encontré en la escula de "Kronversky Prospect" sino que me llevó a otras donde prevalecían tales métodos.

Mi vecina me contó lo que le había ocurrido a sus propios hijos, un niño de tres años y una niña de nueve. Ambos fueron colocados en una colonia donde la madre les enviaba provisiones debido a lo poco qu allí les daban. A los seis meses se enfermaron los muchachos y tuvo que traerlos a la pequeña habitación en que ella vivía. La niña fué atacada por un salpullido perniciosos, y el muchacho, había quedado casi consumido. Ambos casos fueron diagnosticados como debido a mala nutrición.

Me hice amiga de mi vecina, y por ella me enteré del estado de los niños, pudiendo ver bien a las claras que los bolcheviques trataban de hacer todo lo que podían en favor de los niños, pero sus esfuerzos eran derrotados por la parásita burocracia que su Estado había creado. Sobre todo probé su noción destructiva de que hasta los niños debían ser usados para propaganda. La escuela **"demostrativa"** resultaba de una influencia diabólica especialmente en los niños. Emponzoñaban la mente de los muchachos con un sentido de injusto discernimiento. Y mientras estas **"demostrativas"** escuelas eran usadas como propoganda en el extranjero, las masas de niños en Rusia eran abandonados como lo son todos los niños de trabajadores en el resto del mundo. Los privilegiados reciben

458

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez articulos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

todas las ventajas donde quiera que sea, y Rusia no está èxenta de tal situación.

Dije al principio que me había alarmado cuando por primera vez me enteré de que se aislaban a los niños como "ladrones y defectivos morales" y creí este proceder causado por la anticuada noción de los médicos a cargo del hotel de L' Europe, pero un artículo en la Pravada oficial, y varias conversaciones que he tenido con Comunistas prominentes entre ellos Máximo Gorky, Mme. Lilina y otros, me convenció de que todos ellos creían en la "moral depravada inherente".

Hasta algunos pedagogos prominentes aconsejaban la prisión para los "Defectivos Morales", pero esto era mucho para Lunacharsky, Comisario de Educación, Gorky y otros del elemento más progresista, a quienes los bolcheviques acérrimos calificaban como sentimentalistas; Lunacharsky luchó contra la bárbara proposición y afortunadamente, tuvo éxito, pero sin embargo, en Septiembre de 1921, aun había 200 juveniles entre ellos un niño de ocho años en la prisión Taganka de Moscow.

Estoy segura de que ni Lunacharsky ni Gorky estaban enterados de esto, y ahí se encierra el curso del círculo vicioso, que hace imposible que los que están a la cabeza, se enteren de lo que sus subordinados hacen. Los niños en la prisión de Taganka, fueron descubiertos por los prisioneros políticos que enviaron a dicha prisión; éstos denunciaron el hecho a sus amigos en libertad los que notificaron a Lunacharsky y finalmente fueron sacados de la prisión.

Sin embargo, las escuelas y colonias para los defectivos, no son nada mejores que las prisiones. Una investigación llevada a cabo por la juventud Comunista, descubrió casos horripilantes en algunas de estas escuelas en Petrogrado. El informe fué publicado en la Pravda de Petrogrado, en Mayo de 1920, y corroboraba los cargos hechos frecuentemente, entre ellos, lo del reformatorio, y el aumento de guardas a espensas de las raciones de los niños y otros métodos de corrupción e ineficiencia. Por ejemplo, el comité descubrió que en una escuela de 125 muchachos había 138 guardas, en otra de 25 muchachos había 38 guardas, y estos no eran casos excepcionales. Además en informe

del comité decía que los muchachos se encontraban completamente abandonados, vestidos con trapos sucios, dormían entre la basura, y que las hodorientas camas no tenían ropa blanca alguna; de que muchos de los niños eran castigados encerrándolos en cuartos oscuros durante la noche, otros que los dejabas sin cena, y algunos que los maltrataban. Dicho informe causó gran excitación entre los oficiales.

Se formó una investigación especial para el caso, y por supuesto resultó como en América, que todo fué encubierto; se reprochó al comité de la juventud Comunista y se les dijo que "exajeraban", que tal artículo no debió habrese publicado, y que era propaganda de los contra-revolucionarios etc.

Discutí el asunto con algunos Comunistas, asombrándome de que tales cosas ocurrieran en la Rusia Comunista, y recibí la contestación acostumbrada: "falta de dependencia y de eficiencia en los trabajadores". Me ofrecí a trabajar entre los "defectivos morales" y me aconsejaron que viera a la "camarada Lilina, la cual se deleitaría en aceptarme."

Días después recibí una visita de la camarada Lilina, una frágil mujer con facciones duras, la tipical Mme. de las escuelas de New England de hace cincuenta años, la que me aseguró que estaba íntimamente familiarizada con los mejores métodos de pedagogía y fisiología, y me atreví a decirle que yo no estaba de acuerdo con las teorías anticuadas de la moral depravada de los niños y de que no existía educador moderno que creyeese en ellas; de que los niñños defectivos no debían considerarse ni ser marcados como degnerados. Le hablé de los métodos modernos y de los experimentos llevados a cabo en América por el Juez Lindsey y otros que han repudiado la concepción moralística del pecador y el santo. "Ah sí, todo eso está muy bien en una nación capitalista, donde abunda el comestible y demás necesidades de la vida, pero en la Rusia hambrienta,, "los defectivos morales" son el resultado inevitable de una guerra larga y es necesario tomar precauciones.

Durante mis cuatro meses de viaje por la Ukrania, he tenido amplia oportunidad de visitar extraoficialmentc las escuelas infantiles, escuelas internas y colonias; por supuesto que en todos los lu-

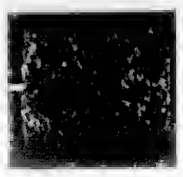
459

851209000

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. 10 articles published in The World. In Spanish] Dos Años en Rusia. Diez artículos publicados en The World / Emma Goldman. – New York : Aurora, 1923. – 30 p. ; 22 × 28 cm.

Obtained from the Biblioteca Universitària de Barcelona, Spain.

gares encontré la misma condición: una escuela "demostrativa" modclo con niños bien nutridos y bien cuidados, mientras que en las demás instituciones los niños estaban hambrientos. Muchas veces encontré que los hombres y mujercs, luchaban con interés contra la máquina burocrática, y defendían sinceramente los intereses de los niños; pero todo en vano, pues al fin eran eliminados por la poderosa máquina.

He visto una ilustración clara de esta fase en Moscow, poco antes de salir yo. En cierto distrito existe un "creche" (escuela) la mejor equipada y organizada que encontré en toda Rusia. La Matrona, era un tipo poco frecuente en mujer, idealista, y educadora de larga experiencia, y una trabajadora incansable. Se demostró fuertemente contra el reformatorio. No robaba a Pedro para que comiera Juan, no trataba de sobornar los oficialillos del sub-departamento.

Como de costumbre se estableció una campaña contra ella, siendo el cabecilla, el mismo médico de la institución, un Comunista. Se la acusó de todo lo indecible, y ninguna de las acusaciones tenían base alguna. Pero la maquinaria no cejó hasta que la mujer fué expulsada, lo que significa incidentalmente quedarse sin habitación. Dicha mujer tenía un hijo de cuatro meses. Esto ocurría en el mes de Noviembre y el tiempo estaba excesivamente frío y húmedo, y sin embargo, una mujer que luchó por la "creche", fué expulsada de ella; rehusó salir hasta tanto le aseguraran una habitación para su hijo, entonces le dieron un cuarto pequeño, húmedo y oscuro en el sótano del edificio. En aquella tumba, el niño se le enfermó, y aún está sufriendo desde entonces. ¿Conoce Lunacharsky de estos casos? No hay duda que sabe de algunos, pero se encuentra demasiado ocupado con "asuntos" importantes de Estado" y no puede ocuparse de semejantes "pequeñeces". Durante mis dos años en Rusia visité muchas instituciones y encontré muy pocos niños felices. Durante todo el tiempo no he visto más que una sonrisa de felicidad en Archangel. En otra ocasión podré escribir sobre este niño, pero en general los niños de las instituciones Bolsheviques, me causaron la impresión de aquellos ancianos, sin color, que se encuentran en los asilos de orfandad.

FIN DEL TOMO

870921525

The Emma Goldman Papers

Table of Contents [For My Disillusionment in Russia] / [Emma Goldman].— [1923, draft].— 1 p. ; 30 × 20 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

3352

C O N T E N T S

PREFACE---------- I - XII

CHAPTERS Pages

I. [illegible]---------- 1

II. [illegible]---------- 9

III. [illegible]----------17

IV. [illegible]----------25

V. [illegible]----------36

VI. [illegible]----------44

VII. [illegible]----------51

VIII. [illegible]----------56

IX. [illegible]----------60

X. [illegible]----------68

XI. [illegible]----------71

XII. [illegible]----------80

XIII. [illegible]----------88

XIV. [illegible]----------94

XV. [illegible]----------99

XVI. [illegible]----------106

XVII. [illegible]----------114

XVIII. [illegible]----------119

XIX. [illegible]----------124

XX. POLTAVA----------144

XXI. KIEV----------156

XXII. ODESSA----------178

XXIII. [illegible]----------186

XXIV. BACK IN PETROGRAD----------196

BEST COPY AVAILABLE

461

881017015

The Emma Goldman Papers

[Appeal against the persecution of the Russian anarchists. In Russian] A Pomaschi Muchimim Anarchistam V'Russi / Emma Goldman. – pp. 19-20 ; 25 cm. *In* Volna. – no. 42 (1923).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

мократия. Разразилась »коммунистическая« (большевистская) революция. —

Одну из основных причин неудачи движения 1905—6 г. г. в России мы видим именно в том, что необходимые элементы разрушения и стихии тогда вовсе отсутствовали. —

В отсутствии необходимой, для успеха социальной революции, полноты разрушения мы видим одну из глубоких общих причин того, что революция октября 1917 г. — с одной стороны, не дала еще, сама по себе, полного результата, а с другой — все же, овладела на время положением. (Подробнее об этом, — в связи с вопросом о роли различных факторов в судьбах октябрьской революции, — будет речь, впереди). —

Незаконченностью окружающего процесса разрушения об'ясняем мы, в основе, неудачу итальянского революционного движения осенью 1920 г.

Если германская революция 1918 г. не пошла дальше демократии и коалиции, то это об'ясняется, в значительной степени, все той же основной причиной: разрушение и связанный с ним стихийный процесс не зашли еще настолько далеко, чтобы дать развернуться более глубокой революции. —

Все эти (и некоторые другие) революционные движения последних лет суть лишь этапы по пути движения всемирной социальной революции — этапы, осуществляемые и дающие плод в меру развивающегося разрушения.

Отсутствие требуемого разрушения сдерживало, за все эти годы, революцию в различных странах. Это разрушение начинает теперь намечаться. В силу ряда причин, оно развертывается в Европе крайне медленно. Отсюда — медленный темп европейской революции.

ВОЛИН.

Январь—Февраль, 1923.

О ПОМОЩИ МУЧИМЫМ АНАРХИСТАМ В РОССИИ.

Дорогие товарищи,

Из нашего отчета (прилагаемого ниже) вы увидите, какие средства были получены для наших товарищей в большевистских тюрьмах и каким образом фонды были распределены нашим Обществом Помощи в Москве.

Нужда Анархистов и Анархо-Синдикалистов в России очень настоятельна. Некоторые из них в тюрьмах, а многие высланы в отдаленные губернии. Другие ожидают в настоящее время депортации за границу и они также в нуждающемся положении.

Недавно мы получили сообщение из Петрограда о суде над нашими товарищами там. Это в первый раз, что Большевистское правительство предоставило анархистам публичный суд и они сделали это обвиняя их в »бандитизме« и ставя их на одну доску совместно с обычными преступниками. Таким образом Большевики хотят создать впечатление за границей, что Анархисты и преступники — есть одно и то же, что они работают рука об руку и поэтому судятся совместно.

Как и следует ожидать некоторые Анархисты (также, как и левые Социалисты-революционеры) отказываются присутствовать на суде или отвечать на вопросы, считая ниже своего революционного достоинства отвечать на обвинение в бандитизме и убийстве.

Некоторые из этих идеалистов, которые работали годы в революционном движении и принимали участие в Октябрьской Революции, были приговорены к смерти (между ними также 4 левых С.-Р-а). Другие отосланы в тюрьми на долгие годы. Говорят, что смертные приговоры были временно отменены, но никаких положительных сведений не имеется на руках об этом.

Это самая подлая тактика со стороны Большевиков, и товарищам повсюду надо позаботиться, чтобы народ не был вве-

462

881017015

The Emma Goldman Papers

[Appeal against the persecution of the Russian anarchists. In Russian] A Pomaschi Muchimim Anarchistam V'Russi / Emma Goldman. — pp. 19-20 ; 25 cm. *In* Volna. — no. 42 (1923).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

деи в заблуждение этими методами »коммунистического« правительства. Положение очень серьезно и истинные революционеры в России всегда подвержены этим деспотическим преследованиямя Большевиков. Должно ясно понимать, что положение по отношению к политическим заключенным в России сегодня такое же, какое оно было во время режима царизма. Теперь, как и тогда, и может быть даже более, Анархисты в России нуждаются в помощи своих товарищей за границей. Настоятельно наобходимо организовать в каждой стране АНАРХИЧЕСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ для помощи нашим товарищам заключенным Большевиками — заключенных за их верность их идеям, как они были заключаемы по той же причине при Романовых.

Мы призываем наших товарищей в каждой стране организовать подобные Красные Кресты для мучеников Анархистов в России (будь они в тюрьмах, ссылке или депортации) и сделать усилие создать ПОСТОЯННУЮ ПОМОЩЬ для этих жертв Большевистской тирании и преследований. Такие организации и помощь, которую они будут оказывать, не только будут финансовой поддержкой наших страдающих товарищей, но они послужат громадной нравственной силой, ободряющей и вдохновляющей Анархистов России в — и вне тюрем.

Товарищи! Взоры Анархистов России обращены к вам, вы их единственная надежда. Пусть они не страдают разочарованными.

С братским приветом,

Алксандр Беркман;

А. Борги (Италия); **Эмма Гольдман; Лансинг** (Голандия); **А. Лямуан** (Франция); **Е. Линдитам** (Швеция); **А. Орландо** (Аргентина); **Рудольф Рокер** (Германия); **А. Шаниро.**

Адрес:

F. KATER,
(Russ. An. Aid)
Kopernikus Str. 25
BERLIN, O. 34 GERMANY.

РЕЧЬ АНАРХИСТА, ФЕДОРА МОХА[Н]СКОГО, ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИОН[Н]ЫМ ТРИБУНАЛОМ В ПЕТРОГРАД[Е] 13-ГО ДЕКАБРЯ, 1922-ГО Г.

Не желая отвечать на вопросы, мн[е] телось бы сказать несколько осве[д]тельных слов относительно группы »[Б]властие«: о том, как эта группа пони[м]правительство вообще и, в частности, [со]ветское правительство.

Первым делом, как член группы »[Б]властие«, я заявляю, что ни Тиль, Томсен, ни Козярский, обвиняемые в [а]дитизме, ничего не имеют и никогда [не] чего не имели общего с нашей груп[пой] и что Козярский никогда не был чл[ен] этой группы и не имел с ней никакой [свя]зи. По этой причине я протестую п[ро]тив нелепой и лживой статьи в Красной [Га]зете от 13-го декабря, 1922-го г.: »[Ко]Тиль член группы »Безвластие«. [Он] сам отрицал это перед обвинением [три]бра). Точно также я заблаговременно [про]тестую против всякой другой лжи, ко[то]рая может в будущем появиться в о[фи]циальной социалистической печати. [Не] буду много говорить о группе »Безв[ла]стие« и о ее работе. Я ограничусь неско[ль]кими словами:

Первый нумер журнала »Безвласти[е]« появился, как мне кажется, в начале [ме]сяца марта, 1921 г. В августе месяце [это] издание прекратилось, не из-за недоста[тка] средств, а по другим расчетам груп[пы]. Группа прекратила существование в [то]же самое время, как и журнал. Поэто[му] Козярский, конечно, не мог снабд[ить] группу экспроприированными деньгам[и]. (Экспроприация произошла в декабр[е] месяце, 1922 г., когда группа более не [су]ществовала). Что касается моей непосре[д]ности и моей деятельности, направлен[ной] против советской власти, — я этого [не] отрицаю. Подлинный антагонизм, су[ще]ствующий между Анархистами и Боль[ше]викамн, не является для меня, как Ан[ар]хиста, чем либо новым. Этот антагон[изм] существует с того времени, как была

BEST COPY AVAILABLE

463

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft. – 13 p. ; 32 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Dr. M. Hirschfeld

I have been familiar with your great work on sex psychology for a number of years. I have admired the brave struggle you have made for the rights of people who, by their very nature, can not find sex expression in what is commonly called "the normal way". And now that I have been fortunate enough to know you and see your efforts at close range, I am more than ever impressed with your personality and the spirit which has sustained you in your difficult task. Your readiness to give my refutation of Frhr. von Levetzow's appraisement of Louise Michel as an Uranier proves, if proofs were needed, that you have a fine sense of justice which seeks only to ascertain the truth. I thank you for that and for your able and heroic stand you have taken against ignorance and hypocrisy on behalf of light and humanism.

Before I deal with von Levetzow's article, permit me to say this: It is not prejudice against homosexuality or the aversion to homosexuals which prompts me to point out the errors in the claim of the author. If Louise Michel had ever demonstrated sexual traits to those who knew and loved her, I should be the last person to attempt to clear her from the "stigma". I may, indeed, consider it a tragedy for those who are sexually differentiated in a world so bereft of understanding for the homosexual, or so ignorant of the meaning and importance of the whole gamut of sex. But I certainly do not think such people inferior, less moral, or less capable of fine feelings and actions. Least of all should I consider it necessary to "clear" my illustrious teacher and comrade, Louise Michel, of the charge of homosexuality. Her value to humanity, her contribution to the [illegible] the sleeve, is so great that nothing could detract from her, whatever her sexual gratifications may have

BEST COPY AVAILABLE

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft. – 13 p. ; 32 × 21 cm.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Years ago, when I knew nothing at all about sex psychology, and when my only acquaintance with homosexuals were some of the women I had met in prison where I was incarcerated for my political opinions, I came out in defense of Oscar Wilde. As an Anarchist, my place has ever been with the persecuted. I saw in the persecution and prosecution of Oscar Wilde reflected the cruel injustice and hypocrisy of the very society which sent him to his doom. Hence my defense of him.

Later, I went to Europe, and there came upon the works of Havelock Ellis, Krafft Ebbing, Carpenter, and many others which made me see the crime against Oscar Wilde and, ~~this time~~ Respond, in a more glaring light. From that time on I used my pen and voice in behalf of those whom nature, herself, has destined to be different in their sex psychology and needs. Your works, Dear Doctor, have helped me much in shedding light on the very complex question of sex psychology, and in humanising the attitude of people who came to hear me.

From this, your readers will see that I have no prejudice whatever, or the least antipathy, to homosexuals. Quite to the contrary. I have among my friends men and women either complete Urnings or Bi-Sexuals. I have found them far above the ~~others~~ others in intelligence, ability, sensitiveness and charm. I feel deeply with them, because I know that their sufferings are greater and more complex than that of most people. There is, however, one predominant tendency among homosexuals which I must oppose. It is their attempt to claim every outstanding personality for their creed, to ascribe to them traits and characteristics inherent in themselves.

Now, it may be psychologically conditioned in all persecuted peoples to cling for support to the exceptional types of every period. Misery ever seeks companionship. Thus, for instance, the Jews will have it that most great men and women the world has ~~ever known~~ been either of Jewish origin or have Jewish characteristics. The Irish will do the same. The Hindus will tell you that their civilization is the greatest in the world. And so on and so forth. It is the same with political outcasts, [illegible]

BEST COPY AVAILABLE

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman].– 1923, draft.– 13 p. ; 32 × 21 cm.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

8532

point to Nietzche, Wagner, Ibsen and others as to their very own. To be sure, greatness always goes with versatility, but I have always considered it an imposition to lay claim upon any great creative person for my ideas, unless he or she so claims themselves.

If one is to accept the contention of many homosexuals for granted, one would have to come to the conclusion that there was or can no greatness outside of sexually inverted people. Persecution breeds sectarianism; this, in return, makes people limited in their scope, and very often unfair in their appraisement of others. I rather think that Frhr. Karl von Levetzow suffers from an overdose of homosexual sectarianism. Added to this is his antiquated view towards the female. He sees in woman only the charmer of man, the bearer of children, and, in a more vulgar sense, the general cook and bottle-washer of the household. Any woman who lacks these time-worn requisites for feminity, the author will immediately claim as a ~~homosexual~~ Uranian. In the light of modern womans achievements in every domain of human thought and social endeavor, this view of the conventional male towards the female ~~woman~~ hardly merits a moments consideration. Still, I shall have to deal with this hoary attitude of the author of "Louise Michel", if only to demonstrate the absurd conclusions one may come to if he starts from an absurd premise.

My criticism of von Levetzow' does not prevent me from paying him tribute as a great literary artist and a man capable of ~~extraordinary~~ sympathetic understanding of a great soul. In fact, I feel somewhat guilty to have to dissect the article. It is as if I attempted to slice up a great, radiant portrait painted by a master hand; for von Levetzow's pen-picture of Louise Michel is a masterpiece. For that, all of us who knew and loved this marvellous woman, are greatly indebted to him. However, the truth demands that I set my own feelings aside and deal with facts.

To deal adequately with the points raised in the article it would necessitate to publish the text in full, together with my reply, or at least to quote at great length, and then take up each point in detail. That, however, would take up too much space of your valuable [illegible] which, I will, therefore, [illegible]

BEST COPY AVAILABLE

466

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft. – 13 p. ; 32 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

homosexual tendencies.

Now, what are these points?

First, Louise Michel was an exceptional child, eager for knowledge and scientific problems, and a vociferous reader. Second, her playthings ~~are~~ it unlike those of other girls, were not dolls, but frogs, beetles, mice and other living things. Third, Louise Michel played with her cousin (by the way, this would prove that Louise was a perfectly normal girl), otherwise she would have chosen girls for her companions), climbed trees, inaugurated hunting expeditions, romped and was altogether full of boyish pranks and mischief. Fourth, she grew up very indifferent to appearance, hated and opposed feminine frills, corsets, high heels and the rest, was terribly negligent about herself and disorderly in her habits and in her surroundings. Fifth, Louise Michel was extraordinarily courageous, lacking in the elements of fear, daring to the point of recklessness, and of power of endurance through physical suffering hardly equalled by men. Sixth, no man had been in her life except ~~in the relationship and~~ of comrade~~ship~~. On the other hand, she was always surrounded "with passionately loved" women friends. Last, but not least, Louise Michel was a mathematician and a composer, loved sculpture, enthused over Wagner, and did ever so many other things which women never have done. ~~I might add that~~ The author lays great stress on Louise Michel's angular figure, flatness of chest, and ~~the~~ masculine features. In short, he brings forth every imaginable argument to prove the masculinity of Louise, arguments used from time memorial by all sorts of men against woman whenever she attempted to rise out of the position of the harem inmate, and to achieve an equal place in life with man.

Let us see how true all these so-called facts are.

First, the early proclivities of Louise Michel for the deep problems of life, her reading of serious books and her mathematical sense, have been part of the make-up of quite a number of great women; to mention only a few, Sonia Kavalevskya, Mary Baskertchev, and, in modern times, Madame Curie. Kavalevskya solved serious mathematical problems at the age of eight, and became, when she barely twenty-five, one of the greatest mathematicians of the time. Baskertchev had a far deeper psychological understanding for her

BEST COPY AVAILABLE

467

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft. – 13 p. ; 32 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Barbara Page

surroundings than a great many men; she occupied herself with the study of science, sociology, literature, art, music, when she was ten years of age, and became one of the most remarkable figures of her time. Madame Curré is too well known, not merely as a help-mate of her husband, but as an independent authority in science, ~~to go into her value to the world.~~ Yet these ~~three~~ women, and quite a number outside of them, were not only not homosexual, but were extremely feminine; this femininity was, to a large extent, the great tragedy in their lives, for the men they met were unable to grasp the yearning spirit of these women for the love and the comradeship of the man. Thus, Sonia Kavalevskaya wasted her substance with her husband, and later in a violent passion for a compatriot of hers, who never suspected the ~~fxixxxfax~~ flame that was consuming this great woman of the 19th Century. I have no desire to go into the private life of Madame Curré. She probably would consider it an imposition; but as much as is known of her private life, she seems to be eminently feminine and have no homosexual proclivities whatsoever.

Respected Sir: Re your article for Lecture Late 1st Nov last

I am quite sure that Frhr. von Levetzow has never seen healthy, normal American girls at play. He would find that they can romp, climb trees, play with frogs, beetles and snakes, and do all sorts of so-called "boyish" things, and yet grow up to be very frivolous, typically feminine, and altogether useless women. On the other hand, there are any number of great American women, almost in every walk of life, who were very boyish in their childhood, and who yet are great lovers of men, mothers of children, and at the same time, a great moral force in the different movements for the ~~emancipation of America from slavery~~ deeper & finer social values in their countries. Louise's courage, reckless daring, lack of fear, and power of physical endurance, certainly I will not gainsay her in all that. But it would be unfair to the great host of Russian revolutionary women if I were to emphasize all the wonderful traits of Louise without giving them credit for theirs. It is evident that the author of the article has never come across these women, to mention but a few: Perovskaya, Helfman, Figner, Breskovskaya, Kavalskaya, Volkenstein, and of the later period, Aprdonova. All these women have been heroic in the great revolutionary struggle of Russia. They committed the most

BEST COPY AVAILABLE

468

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft. – 13 p. ; 32 × 21 cm.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

daring deeds and went to their death or to the still greater calvary of Siberia and Katorga without a smile on their face. Yet Perovskaya preferred to die with her ~~beloved husband~~ fellows rather than to escape to safety which she could very easily have done. Helfman and Figner were so eminently feminine that they suffered more from the lack of beauty and delicacy which goes to make up a sensitive woman's life than they did from the physical horrors of the prison. Kavalskaya continued her rebellious struggle all through the years of imprisonment--something like twenty-two years. Volkenstein and Figner were among the most ~~xxxxxxx~~ beautiful women, physically, feminine in their love life and in their associations. Spridonova, ~~was~~ subjected to the most fiendish tortures, including outrage by drunkard Russian officers; her ~~xxxxxx~~ naked body was burned with lighted cigars, but never a sound could be heard from her. Yet Spridonova is a delicate and frail little person, deeply in love with her comrade, and altogether as sensitive as a flower. These few examples should suffice to convince anyone not steeped in sectarianism or in the old threadworm notions of the nature of woman, of the fact that one can be very much of a woman and at the same time a great rebel and fighter. ~~So, too, Louise Michel was great as a rebel and idealist, and yet remained a woman~~. However, I might go on ~~xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx~~ enumerating women in every country, every age and every clime, who ~~took their place~~ side by side with the men in the great struggles for human right and for their own emancipation, who were certainly as brave and daring, ~~or ever braver~~, and yet had nothing whatever of masculinity or homosexuality in them.

This brings me to the absurd conclusion which von Levetzow draws from the tragic grandeur of the last meeting between Dombrovsky and Louise Michel on the barricades. The author is so limited in his masculine conceptions of woman that he cannot understand how two such people, in the face of the collapse of the cause they loved more than life itself, would meet like comrades. He remarks "if Dombrovsky had seen the woman in Louise, he would have patted her ~~on the~~ cheek; as it is, he stretched out both his hands, and grasped hers in a last farewell". I am surprised that a man of von Levetzow's sensitiveness would be capable of such vulgarity. I rather think it is his ignorance of the wonderful relation which existed and still exist between men

BEST COPY AVAILABLE

469

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman].– 1923, draft.– 13 p. ; 32 × 21 cm.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

8536

and women who are engaged in the fight for an ideal, or who have a common cause. It is true that very often the consciousness of the difference of sex is obliterated between them; they are comrades, capable of the highest sacrifice for each other and devotion to each other. Here again I would have to name merely every country and every clime that has given to the world such beautiful comradeship between men and women, but space will not permit. I merely raise this point to emphasize the absurdity of the arguments of the author on "Louise Michel".

Louise Michel hated women's frills and the rest of the requisite which go to make up the unfortunate hot-house plant of a perverted society, and that she was careless and disorderly. As far as the first so-called argument is concerned, I must enlighten von Levetzow. ~~It is not true that~~ many women who have emancipated themselves from the shame of the past have also developed ~~a new conception of beauty and fitness of attire~~; but in most cases, it was a just protest against the rags, the waste and the stupidity of the whole paraphenalia which went to make up the ordinary woman's outfit. From a scientific, a sociological and a moral point of view, these women have insisted that the mark of enslavement for their sex has been her clothes, and that she can not really be free unless she transvalues the value of the things which held her in bondage. Are these women, therefore, homosexual? No more than Louise has been. Louise, who dedicated her life to the cause of humanity, who not only was engaged in the struggle for existence for her mother and herself, but was foremost in the movement which absorbed most of her thoughts and all her energies. Was she to spend hours before the mirror, exploit dressmakers and torture saleslgirls in a vain pursuit of the latest styles, and must she, therefore, be considered an Urning because she dressed sensibly and paid very little attention to what is commonly called the beauties ~~and comforts of life~~. Verily, if the author had no better proof for his claim, he should have refrained from making out his case.

~~It is true that~~ Louise had an angular figure, ~~that~~ she had masculine features. It is not true, as the author will have it, that she had a masculine voice. I heard her speak when she was 66 years of

BEST COPY AVAILABLE

470

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft. – 13 p. ; 32 × 21 cm.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

age; her voice was a beautiful contralto, deep and melodious, and went straight to the heart of her hearers. With that was a remarkable simplicity which explains the great power she had over her audiences. As to her face, it is clear to me that von Levetzow never saw Louise smile. If he had done so he would no longer have seen the male in her. It is known to all those who were close to Louise Michel what an illuminating effect her smile and her beautiful eyes ~~and~~ created. This argument, too, seems very lame. of von Levetzow

However, we come to the most important contention, ~~which~~ ~~if really true might prove for Louise Michel's sex differentiation.~~ The author relates the fact that Louise repulsed two suitors because she was not attracted to men. It is significant, however, that this happened when she was 12 and 13 years of age, and the men were old enough to be her father; besides that, they came to buy her. She, herself, expresses her indignation and repulsion against such men, on page 330. Also her attitude towards the marriage institution is very significant. Page 332 Louise rejects marriage without love, as every self-respecting woman would. But nowhere in her writings has she expressed opposition to love without marriage. Nor has she ever written about the necessity of announcing from the housetops that so intimate and private an experience as the love life between two people should become common property. Proof for that is the following:

Louise Michel had a love experience with a teacher when she, herself, was quite a young girl, and was supporting herself as a teacher. Later, after her return from New Caledonia, she lived for a time with a Belgian comrade of hers. And if she did not have more experiences of that sort, it is probably because, as she herself stated, ~~she has given her heart to the Revolution.~~ Yes, that was Louise's lover. All her life she was dedicated to that love. Types like Louise Michel can have no personal love which in any way interferes with their one great passion for an ideal, and Louise's passion for her ideal was the most over-powering element in her life, and went with her to her grave.

It is true she had a number of women friends whom she loved not in the way von Levetzow will have it. A great many modern women who have little of the personal love in their lives, attach themselves

BEST COPY AVAILABLE

471

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft. – 13 p. ; 32 × 21 cm.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

in ~~g~~ comradeship and devoted friendships with their own sex, just as great men do. The reason for that, in the case of the women, is that they find better understanding with members of their own sex than they do with the men of their time. The fact of the matter is that the modern man is still very much in the skin of his forebear, Adam, not very much different in his attitude towards woman than the average man. On the other hand, the modern woman is no longer satisfied with merely the lover; she wants companionship, comradeship, she wants to be treated as a human being, and not as an object for sex gratification. Since she cannot always find it in the man, she turns ~~xxxx~~ to her own sisters. It is precisely <u>because there is no sex element</u> between them that they can better understand each other. In other words, instead of her being attracted to her women friends by ~~xxx~~ homosexual tendencies, Louise was attracted to them because she was very much the woman, and needed the companionship of women. ~~There is one more thing which~~ Louise ~~was very predominant in Louise Michel; it was~~ her mother instinct. She was passionately fond of children, mothered every waif she could pick up; it was her mother love which prompted her to adopt Charlotte Vauwell, to bring her up and share with her out of her meagre earnings. Never at any time was Charlotte even in the spiritual sense the sweetheart of Louise Michel. The fact of the matter is that Louise paid dearly for her devotion to Charlotte. The latter, together with her brother, made the last years of Louise Michel very miserable. They kept her a prisoner to a large extent, never letting her alone to receive her friends or to live with them. Charlotte opened Louise's mail and watched her constantly. The reason for it is that both Charlotte and her brother lived off Louise Michel and were mortally afraid that anyone else might benefit by the great generosity of Louise. In any event, it is ridiculous to point to Charlotte Vauwell as the sweetheart of Louise Michel.

~~As to the proof for sexuality in~~ Louise Michel's love sculpture and her appreciation of Wagner: Von Levetzow will have it that no woman is capable of creative art and music. He graciously admits that Francisco Holmès, the ~~great~~ French-Scandinavian woman was a great composer. But he hastens to add that, according to her photograph, she looks masculine. I do not think that it is worth

BEST COPY AVAILABLE

472

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman].– 1923, draft.– 13 p. ; 32 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

while to go into this argument. The fact that there were only a few great women composers does not make them homosexual. They are simply pioneers in the domain so far ~~xxxx~~ not explored ~~by~~ many women. As to ~~Wagnerx~~ the love of Wagner, the truth is that more women attend Wagnerian music and understand him than men. Perhaps it is because the elemental untrammeled spirit of Wagner's music affects the women as the releasing force of the pent-up, stifled and hidden emotions of their souls. It is ~~xxxix~~ hardly necessary to bring forth the truism that women are not only ~~xxix~~ capable of the appreciation of sculpture, but that there are quite a number of women sculptors of no small merit.

There is one thing in which I quite agree with von Levetzow: it is ~~xxx~~ hard to argue that Louise Michel was so inseparably wound up with Anarchism that to grasp her personality and her complex nature, one must also go into a discussion of her social philosophy. But, as he justly says, the Jahrbuch is not the place to do so. But even if it were, I do not think that the author would have been in a position to undertake an analysis of Anarchism, since he seems to know absolutely nothing about it. Else, how is one to understand his interpretation on page ~~xxx~~ 315,(line 4 to 7), What an insult to the memory of Louise Michel and the intelligence of the readers of the Jahrbuch!

I have known Louise Michel for a number of years. Long before I met her I knew her ideas and the price she had paid in the struggle for them. Her fortitude, her martyrdom, and more than that her boundless love for humanity, were to me like a purifying and illuminating flame. I met her the first time in 1896; I was frequently with her then, and learned from her the story of the heroic struggle of the Paris Commune. Louise never spoke of herself and her own part in that struggle.

I met her again in 1899, ~~xxxxxx~~ when for the first time in many years Louise Michel came back to Paris. It was during both periods that I had the opportunity to be much with her, and to receive from her a few snatches of her life, as it was my intention to write her biography. But she was so morbidly reticent about every thing pertaining to herself that she would loathe to discuss her own life. Always, however, she would become radiant, her face would light up

BEST COPY AVAILABLE

473

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft. – 13 p. ; 32 × 21 cm.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

by a divine fire when she would come to speak of others; Her comrades, whom she nursed and cared for in New Caledonia; or, if she would speak of dumb creatures. ✱ For among other traits of Louise Michel was her great sympathy for animals. The little cottage she lived in in London was a perfect menagerie of stray cats and dogs that she picked up at night on her way home. Especially, her love for cats was certainly anything but masculine. It is true that von Levetzow relates the fact that Louise, standing in the barricades and surrounded by bullets, rescued a cat which had pressed close to the wall in terror fright. History has never yet mentioned any man who, in time of danger, would do such a thing. I don't mean to say that he would not rescue a child or even a dog; but certainly never a cat.

The so-called masculine Louise Michel, who was disorderly, and could do nothing to keep herself ~~xx~~ tidy, in short, who was not domestic, yet learned to knit, darn, ~~w~~wash and cook for her fellow exiles in No Caledonia, besides nursing them with a tenderness of her great mother heart, and to keep up their spirit when the dreadful condition of ~~xxxxxxxxxxxxxx~~ their lives would overcome them.

I remember one wonderful evening in Paris. Anarchist friends of ours arranged a little dinner party for Louise and invited me to it. ~~'xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx~~ Louise, dressed in her usual black, with only a white lace collar and cuffs to give it relief, her face flushed ~~xxxx~~ like the roses on the table, and framed by her curly silvery hair, was radiant with the joy of being back in the city of her dreams and her struggles, and surrounded by intimate comrades. She was more talkative than I had ever heard her before, more willing to let us look into her soul. Never ~~before, or that evening~~ a moment, did Louise show even the remotest masculine characteristic or homosexual tendencies. I am sure that they would not have escaped me had there been anything of that in Louise Michel for, as I said, in the beginning of my article, I have made a study of all the best literature on homosexuality, had known many homosexuals and ~~xxxxxxxx~~ easily detected homosexual leanings in people. There was no trace of that in Louise Michel.

~~Besides that I have the testimony of the great friends~~ And among her friends the greatest men of her time of Louise Michel, ~~-~~ Peter Kropotkin, Malatesta, Malato, ~~Ne[illegible]~~, Rocker, Charles Malato

BEST COPY AVAILABLE

474

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft. – 13 p. ; 32 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Some of them ~~xixdarixmarxix~~ lived close to her, were almost in daily contact. Had there been only the slightest indication of homosexuality, they would have seen it; it would certainly have been known among her comrades. I have recently spoken to my friend and comrade, Rudolf Rocker, about this phase treated in the article of von Levetzow. He, too, assured me that never at any time has any one of the intimate friends of Louise Michel seen the slightest indication of homosexual leanings ~~or heard of such a thing.~~ I might say in passing that Rudolf Rocker, like myself, is perfectly free of any prejudice towards homosexuals. Our only desire is to prove Louise Michel as she really was,..an exceptional woman, a great mind, and a wonderful spirit. She represented the new type of womanhood, yet as old as the race, as wise as time, and with a soul of an all-embracing and all-understanding love for mankind. ~~Ifxxhxx~~ In short, a complete woman, freed from the prejudice ad the tradition which for centuries past have held woman in bondage and have condemned her to the position of a domestic and sexual slave. In Louise Michel there has risen the new woman who is capable of the most heroic deeds, yet at the same time remains the woman in her passion and love life.

Dear Dr. Hirschfeld, I have attempted in as concise a manner as possible, to analyse critically the contentions of Frhr. von Levetzow/s. You will agree with me, I am sure, that neither the question of ~~thx~~ homosexuality or of the homosexuals can gain anything by a misstatement of facts. For this reason, I have undertaken to prove the errors in the article, and for no other reason. I hope you will find my criticism convincing and that you will not only, as you have kindly offered, publish my reply, but will also take off the photograph of Louise Michel from your gallery of Urnings.

Faithfully,

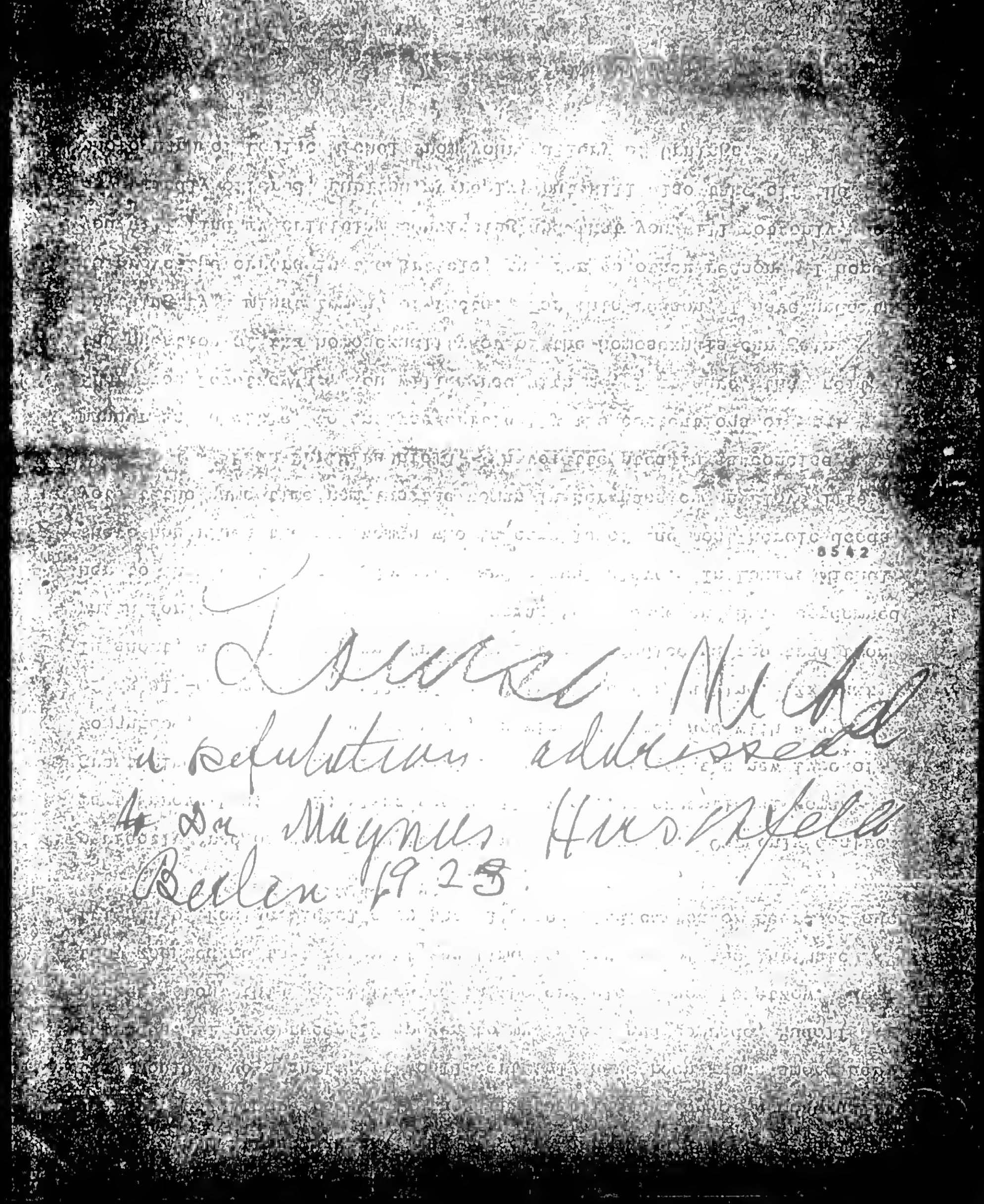
BEST COPY AVAILABLE

890308004

The Emma Goldman Papers

Louise Michel, A Refutation / [Emma Goldman]. – 1923, draft. – 13 p. ; 32 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

BEST COPY AVAILABLE

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

Rudolf Rocker: On the Occasion of his 50th Birthday – Emma Goldman

Everyone can truly live in order to give birth to Strength, but only a few succeed in realizing the aim of life. The masses, so powerful if only it had the will is still submerged in ignorance and fear before the meaning of life. They drag ~~out~~ their ~~is~~ existence like a curse and go to their graves having no inkling of their dormant power.

The miracle occurs on rare occasions. The masses, touched as tho by the wand of enchantment, wakes from their age long inertia – becomes conscious of itself, stirring in their dreams the mighty Samson comes to life, pulling down the House of Bondage which held him in thrall so long – fearful of its own courage the mass begins to stir. It quickly loses its own power becomes afraid and turns to a new ideal which it alone has worked out from of old. ~~Rocker~~ Behold them, the new gods, again on the throne of the old + the masses lie prone on their faces before them.

357

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

The time will come when the masses will learn to get along without their idol. Then their freedom will become possible. Then will life become enriched through strength and beauty.

Meanwhile that day has not yet dawned and the number of those who live before their time is small; their task is a painful one; ---------

By March 25 ~~1923~~ - R. R. become of 50 years - ~~then~~ that time he devoted 37 years in the service of the oppressed and downtrodden without stint or limitation - with full heart as rich natures always give themselves. R. was attracted to serious problem at an age when other young folks devote ~~themselves~~ themselves to superficial — it is. Evidently the will toward an ~~ideal~~ ideal was deeply rooted in the being of our comrade.

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

In the majority of cases the unusual young idealists are like ~~carved~~ child-prodigies; they suffer from retarded development before they reach maturity. Not so, Rudolf Rocker. His love for freedom and his rebellious spirit grew with his own ~~development~~ growth. They deepened with the development and ripening of his life. At the age of fifty a person is more restrained and thoughtful but our comrade retained the spirit of youth the warmth and fervor of Spring to renew itself forever.

Rudolf was born in Mainz on the Rhine, March 25, 1873. He ~~came~~ sprang from a proletarian family. His parents did not survive long enough to give him the attention and devotion which the poor ordinarily give in so large a measure. They died when Rudolf was still a small child. He was then given given over to the tender mercies of a Catholic orphanage. Jesus loves little children and the Catholic distributors of Christian love did their best to send him back to Jesus - but

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.– 1923 March, draft, transcript.– 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

he possessed an iron constitution and an ~~indomitable~~ unconquerable will. He ran away from them twice so loving was the attention given him. He succeeded twice in hiring himself on a ship bound for Holland but his Catholic stepfathers dragged him back again. At the age of 13 - he was apprenticed to a bookbinder to learn the trade - In those days he began to read social democratic literature and with the help of an uncle became a "convinced" socialist. He immediately began to convert everyone he came in contact with, to his new ideal. The first to gain was his own boss. Bookbinding is a dangerous occupation for book-loving spirits. I want to bring out that Rocker swallowed ~~more~~ from the contents of the books which he learned to bind much more avidly than the art of ~~bookbinding~~ binding. Dividing his time, nevertheless, between reading & active work for his ideal

At the age of 14 he made his debut as writer and speaker. His first article saw the light in "Hessische Volkszeitung" Besides this he circulated social democratic literature which under Bismarck's ...

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

law was hard to obtain and danger-
ous to distribute. But Rudolf was per-
meated with the Godlike fire. He did
not stop at danger.

He remained in the bindery until 1888
and then, on foot, toured the greater part
of Western Europe. In 1891, the young ideal-
ist was no longer satisfied with his social
democratic theories. He began to seek new
wider domains and became acquainted
with anarchism. At the International
Congress in Brussels in 1891, Rudolf
then an 18 yr old youth, met Domela
Nieuwen huis, and shortly thereafter
became an enthusiastic defender
of anarchistic philosophy. With the
same devotion with which he sought
to acquaint people with the theories of
Marx, he began his active work for
Anarchist propaganda which was still
more dangerous than his earlier activities.
"Die Freiheit" - of Johann Most, "Der Auto-
nomie" an Anarchistic journal which
appeared in London and various anar-
chistic brochures were distributed among
the working men of the factories by
the young Rudolf.

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

In 1892 he drew upon himself the wrath of the authorities to such an extent that he was in danger of arrest. Quite reasonably he decided it would be better to leave for Paris. He must have realized that Paris which then was the greatest center of revolutionary ideas and anarchistic activities would give him great opportunities to his hungry spirit. And to Paris he went. There the young Rudolf made two discoveries which made an enduring impression on his life. The first was the existence of a Jewish Anarchistic Workingmans' Movement; the second the Russian Revolutionary type of a woman. Rudolf had at that time also little knowledge as to what an unusually great role the first discovery would play in his life. He recognized however the importance of the second event. as he often relates: "to find, after the German type of womanhood, which I left behind me, women who could think, take part in discussions concerning the great problems of life, and who could so entirely devote themselves to the object of humanity, that was an

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

unforgettable event. There 4 women became my enthusiasm, the burning ideal in life".

In 1894 after Casiro's deed - he who murdered the president of the republic - Rocker was deported - The time he spent in Paris contributed greatly to the improvement of his knowledge and the deepening of his spirit. He met Elisée Reclus, Peter Kropotkin, Malatesta, Grave, Faure, Louise Michel, and many other great souls who made a deep impression on the young Rudolf. Then in 1895 he left for London and became active in German Anarchistic propaganda. Shortly thereafter he also began to participate in the activities of the Jewish Anarchists. He lectured to the London Jews and the various Jewish workers' organizations. Nevertheless being a person of sunny nature it was hard for him to assimilate himself to the darkness of the London fogs. In 1898, he and his companion Milly Witkop left for the freest of all lands - the United States. The two young romantic people reckoned without their host. The hypocracy of the Puritannical watch dogs of morality, which then as now wrecked turn America into the street

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

smallest town of all great lands, did not permit Rudolf and Millie to "contaminate" the clean land of Uncle Sam. They had to swim back to the place they came from. They remained in Liverpool for a time hoping to find another opportunity to enter the U.S.

Walking about Liverpool, a stranger who heard him lecture in Whitechapel ran into him. The latter proposed to lead him to the Jewish Anarchists. One of them was a printer. Rudolf and his newfound comrades immediately resolved to issue a Jewish paper - of which Rudolf should be the editor. The fact that he knew no Yiddish at that time was of little concern to the enthusiastic planners. He was able to write German and as there is "small" difference between German & Yiddish, his articles were to be translated. But the translations were so wonderful that our comrade made haste to learn Yiddish, blessed be the bad translators. They helped Rudolf to introduce half the world's literature in Yiddish and enrich the Jewish culture more than many Jews have done.

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

"Das Freie Wort" as the Liverpool paper was called did not live long. Only eight numbers appeared but it caused the London group "Arbeiter Freund" to realize that a new capable Jewish editor appeared. Rudolf was invited to assume the editorship of "Arbeiter Freund." When he entered upon his new career of editor the group possessed the great capital of 8 whole pounds but its fund of devotion and sincerity could not be measured by terms of filthy lucre. Thus the Arbeiter Freund began to appear again but unfortunately not for very long. The capital melted away and the publication as is known cannot live on air and idealism. But it takes more than that to encourage a determined group and an enthusiastic editor. In 1903 a new beginning was made. From then until 1914 when our comrade was arrested and imprisoned in a concentration camp the "Arbeiter Freund" appeared under Rocker's brilliant pen and his ardent devotion. Only those who know the frightful poverty of the Jewish workers

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

in the east end of London can correcity. assess the task which Rocker and his devoted group had to cope with the latter during eleven years. keep up publication Incidentally I know that our comrade often did not receive a cent for his labor for weeks at a stretch and when he finally did receive some money, it was barely enough for bread but the spirit must have been wonderful. Even now Rudolf speaks with great enthusiasm of that period of the beautiful harmony and comradeship which reigned in that (that) small group of workingmen

In 1907 Rocker participated in the International Anarchist Congress in Amsterdam and there was elected a member of the International Anarchist Bureau. In 1913 he travelled to Canada on a lecture tour and from there crossed over to the pulpit annual U.S. to the great satisfaction of the comrades there who had the good fortune to meet and hear him. Even though he was always active in international affairs, it is still certain that the Jewish, Anarchistic and Workers' movement and Jewish culture in general have much

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

have much to thank him for. No other writer or speaker has done so much for the development of the Jewish spirit and the augmentation of their knowledge of world-literature.

Through his journal "Germinal" which he issued from 1900 to 1908, one of the best Jewish literary publications, through pamphlets and books, Rudolf brought before a great circle of Jewish readers his own + others' translations from French, Italians, Spanish, Scandinavian and German, sociological & scientific works. The drama, and stories, all factual, became open to Jewish readers. It is no exaggeration to say that it really was R.R. who created a great Jewish literature which almost had not existence before his time, outside, naturally, of the works of Jewish writers written in Yiddish. It is no wonder, that the Jewish literary encyclopaedia gives the Anarchist R.R. a place of honor among such celebrated writers as Perez, Asch, Hirschbein, Raisin and others. He, the German-born, of non Jewish race, widened the horizons

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.– 1923 March, draft, transcript.– 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

of ideas and helped them to a new ideal and a new philosophy of life.

From the Anarchist classics Rudolf translated Bakunin, Kropotkin, Reclus, Grave and many others.

In March 1918 Rudolf was deported from England to Germany. But the German government did not like him. He had been absent from Germany for so long a time that this served as a good excuse to get rid of one who is from a military and governmental standpoint more dangerous than the foreign foe. Rocker left for Holland and returned to his native land only when the German revolution broke out. In February 1919 Rudolf became one of the targets of the new dictatorship. Noske's servants who murdered the bravest and purest spirits of the German revolution took care that Rocker should not be free. He was arrested and held in prison. Later on he was released and became the true spirit of the Anarchist and syndicalist movement. His ability to work is truly phenomenal. He lectures constantly in Berlin & throughout all Germany. He has written a great many brochures – among them – Anarchism and Organization, Der Social Democratie und der Socialismus, Zur Geschichte von Parliamentarische

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.– 1923 March, draft, transcript.– 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

7.

Tätigkeit in der Arbeiter Bewegung.
der Bankrott von Russische Staat-
Communism — Keine Krieg-Waf-
fen mer - Der Wesen von Federalism
in Gegensatz zu Centralism - The last
is a brilliant speech whe he held on the
Congress of German Syndicalists in Erfurt
in November 1922. frequent
Beside all this he is a steady collabor.
ator in 10 German, Spanish & Yiddish
papers and is now occupied with several
other, larger works - among them a book
on Nationalism, a biography of Johann
most and his reminiscences of the Convic-
tion in an English Concentration his
In addition he is also one of the secretariat of
the International; still it is not merely his
wide knowledge, his wonderful talent as
speaker and writer, which make him such
a power in the Anarchist Movement.
Still more than these, it is his personality,
his understanding of humanity as humanity,
his patience with the foolishness of many
of our comrades, his exalted spirit even
to his opponents; these make Rudolf
Rocker what extra ordinary power which

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

few can resist. No wonder that the young Jewish anarchists who used to read John London to America came to be such perfect comrades, so well informed, they were permeated with the spirit of their teacher. They were bound to him with enthusiasm and love.

What an influence Rocker must have exercised on his fellow prisoners in Camp. while there he continued his propaganda with the same spirit as when he was free. This explains the rage of the German officers in the Camps. Rudolf undermined the foundation of their Prussian tradition their ideal of the Kaiser which consists of "Kirche, Küche, Kinder." They complained to the English military authorities. What a fine commentary this is on Nationalism and the common bonds of language. German officers calling for the help of the English enemy against their own countryman, Rudolf Rocker!

I first met our comrade in London in 1896 then again 1899 and at the Congress in Amsterdam in 1907. In the same year again when I revisited England after the Congress. Even then the fascination

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

if his personality made a deep impression on me but until I came to Berlin in April 1922 I did not learn to appreciate all the virtues of Rudolf Rocker. At the Congress of Erfurt, the International Syndicalist Congress, and in other serious situations Rocker influences everyone with the simplicity of his being, the clarity of his insight and the great power and steadfastness of his character. Even the Moscow agents who came to sabotage the International Syndicalist Congress could not avoid being influenced by him. I think this is because Rocker is totally free from small demagogerie; he is never personal in his criticism or attack which above all is a sign of greatness.

There is an old saying which is held even by revolutionaries and that is that of the dead only good should be spoken. This may explain why so often the living are neglected. Let the dead be worry about themselves. It should be our greatest privilege to bring the living that which each one of us lacks — love, encouragement and recognition. More than any other thing the precursor of a new

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

ideal, the propagandist of an unpopular idea needs encouragement and recognition.

In a world so enslaved to materialistic values, to the mad haste after the flesh pots of Egypt, political power-grabbing in the newly created governments, it is not far from supernatural to keep one's balance. The best proof is the confusion which the years of war and the ruin of the Russian revolution caused in the ranks of the various movements. Many one-time idealists and revolutionaries, have discarded all that they once held sacred. Others were liquidated and they fell bravely by the wayside. Those which kept their self-respect and held fast to their ideals, had to strengthen the exertion of superhuman courage and a lifetime of suffering. It is enough to recollect the stand which Rocker, Malatesta, Kleb, Shapiro and some others of the London group took in the war, a stand in direct opposition to their great mentor and friend Peter Kropotkin and his Russian comrades. Not only did one need great courage to take such a stand but also unusual strength of character because I know how many

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.– 1923 March, draft, transcript.– 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

difficult it was to go against one's deep devotion to the wonderful personality of Kropotkin. Rudolf did not hesitate for one moment. He remained steadfast to the end and as the present world-situation indicates, much clearer and more foresighted than his great teacher.

"If we find therefor a few exceptional personalities who had the endurance and devotion to stand fast, to the end against all difficulties, the least we can do is to acknowledge their worth and thank the stars which helped steer them on the true course and showed them the ideal they sought.

Dear Rudolf on this your 50th birthday I greet you as the carpenter who gave this trade a new insight - "his own insight" so to speak, as you gave the bookbinders your insight and not only to them, but to all the workers who are excluded from the table of life. Dear Rudolf you truly have lived so as to give birth to power, to encourage the timid, to light their way by a new ideal in the great hope for a new world.

May you continue your great work which is your life's task - the work never

831115105

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker: On the Occasion of His 50th Birthday / Emma Goldman.— 1923 March, draft, transcript.— 18 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

rich in those who break out
is now power than before and more
needful in such a belief and courage as
yours - Continue your work, dear Rudolf -
and we who live + work with you will thus
their alone be better and stronger souls -

Berlin March 1923.

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker—50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman.— 1923 March, draft.— 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

RUDOLF ROCKER - 50th BIRTHDAY

A TRIBUTE

"Grandfather, why do men really live?" .... "Man lives ever to give birth to strength. There live, for example, the carpenters, noisy miserable people... And suddenly in their midst is a carpenter born... Such a carpenter as the world has never seen: he is above all , no other carpenter can be compared with him. He gives a newface to the whole trade... His own face , so to speak... And with that simple impulse it has advanced twenty years... And so the other live... The locksmiths and the shoemakers and all the rest of the working people... ~~and the same is true of them~~ - all to give birth to strength....

Luka ~~in~~ Nightslodging"

All may indeed live to give birth to strength, but only the very few come to realise life's purpose. The mass, so formidable, if it but will, is yet steeped in ignorance and fear of the meaning of life. It drags its existence like a curse and goes to the grave without awareness of its dormant power.

On rare occasions the miracle happens - the mass, touched as if by a magic hand, awakens from its age long lethargy. It becomes conscious of itself, articulate of its dreams. Samson come to life pulling down the house of bondage which has held him for so long. The mass rises to the summit of new life. Alas, it is not for long. Awed by its own daring the mass begins to waver. It loses faith in its own strength. It becomes afraid and turns to some new idol, which the mass has fashioned out of the old. Lo, the new idols are back on the throne of the old and the mass lies prostrate before them.

Some day the mass may learn to do without its idols - it may become its own redeemer. Then life will be enriched by strength and beauty.

BEST COPY AVAILABLE

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker – 50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman. – 1923 March, draft. – 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Meanwhile the day is not yet and those ahead of their day are few.

Theirs is a painful task - their path is perilous - the great longing is theirs and loneliness and despair. Yet they go on , undaunted and undismayed. They live ever to give birth to strength. One of these rare spirits is our comrad Rudlof Rocker.

On March 25th Rudlof will be fifty years of age. Out of that period 37 years have been spent in the service of the oppressed and the disinherited, spent without reserve or stint, lavishly, as rich characters always give of themselves. Rudlof was attracted to serious problems at an age when other boys indulge in wild pranks. Evidently the will to an ideal was deeply rooted in the being of our comrade .

In most cases precocious jevenile idealists are like precocious juvenile geniuses. They suffer from arrested development before they are barely of age. Not so Rudolf Rocker . His love of freedom and his rebellious genius grew with him. They deepened with the development and maturity of his life. At the age of fifty one is more. self contained and serene. But our comrade has retained the spirit of youth - the fervor and ardor of Spring ever becoming and renewing.

Rudolf was born in Mains on the Rhine March 25th , 1873. He was of proletarian parentage. His people did not live long enough to give to the boy the care and devotion which the protest usually give in great quantity. They died when Rudolf was but a little tot. He was then placed in the tender care of a Catholic orphan asylum. Jesus loves little children and the Catholic dispensers of Christian love tried their utmost to send little Rudolf to Jesus. But his was an iron constitution and an indomitable will. He ran away from

BEST COPY AVAILABLE

496

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker – 50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman. – 1923 March, draft. – 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

the orphanage twice , so tender was the care given him. He succeeded in hiring himself out on a steamer on both occasions and got as far as Holland but his Cathelic foster fathers dragged him back.

At the age of 13 Rudolf was placed in a book bindery to learn the trade. It was also during that time that he began to read Social Democratic literature. With the help of an uncle he became "a convinced " Socilist . And straightway he proceeded to proselyte everyone within reach for his newly discovered ideal. The first to benefit by it was his own master . Book bindery is a dangerous trade for impressionable minds. I daresay, Rudolf absorbed much more of the contents of the books he was taught to bind than the art of bindery. He became a vociferous reader , dividing his time however, between reading and active participation for his ideas. At the age of 14 Rudolf Rocker made his debut as a writer and speaker. His first article was published in the "Hessische Volkszeitung" . Besides that he circulated Social Democratic literature which during the iron law of Bismark was most difficult and most ~~terrible~~ terrible. But Rudolf was imbued with a divine fire, so paid no attention to dangers which might incur for himself.

He remained in the book bindery until 1888 and then tramped on foot through the largest part of Western Europe. In'91 the young idealist is no longer satisfied with Social Democratic theories. He begins to look about for broader fields and comes upon Anarchism. At the International Congress in Brussels in 1891 Rudolf , then 18 years of age , meets Domela, Nieuwenhuis and shortly after that becomes an ardent advocate of the philosophy of Anarchism. With the same fervor that is his when he proselyted for the theories of Marx, he began the active work for Anarchist propaganda which was even more dangerous than his former activities. The "Freiheit" by John Most , the

BEST COPY AVAILABLE

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker—50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman.— 1923 March, draft.— 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

" Autonomy" , an Anarchist paper published in London, and various Anarchist pamphlets were distributed among the workers and in the factories by young Rudolf.

In 1892 he had incurred the wrath of the authorities to such an extent that he was threatened with arrest. He wisely decided to go to Paris instead. He must have realised that Paris, which was then the greatest center of revolutionary ideas, and Anarchist activities, would offer greater opportunities for his hungry spirit , so to Paris he went. While there young Rudolf made two discoveries of lasting effect upon his life . The first was the existence of a Jewish Anarchist and labor movement , the second the Russian revolutionary type of woman. Rudolf did not know at the time what a tremendous part the first discovery would play in his life. He did, however, realise the importance of the second event. As he so often relates , " To find after the German type of woman I had left behind women who can think, who can take part in the discussion of great problems of life, and who can be completely dedicate themselves to the cause of humanity .- that was a never to be forgotten event. These woman became my inspiration, The burning ideal in life".

In 1894 , after the act of Casseres, which struck down Carnot the president of France , Rudolf coker was expelled from that country. But his stay in Paris has contributed tremendously towards the widening of his knowledge and towards the depth of his spirit. He met Elisée Réclus , Kropotkin, Malatesta, Grave, Faure, Louise Michel and many other spirits who had a profound effect upon Rudolf. Then, in 1895, he went to London., and became active in the German Anarchist propaganda. Shortly after that he also began to participate in the activities of the Yiddish anarchists. He

BEST COPY AVAILABLE

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker—50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman.— 1923 March, draft.— 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

lectured before the Jews of London and the various Jewish labor organisations. However, being of a sunny disposition, he found it hard to acclimatize himself to the gloom of the London fogs. In 1892 he and his companion Milly Whitcomb embarked for the freest of lands .- the United States. The y twe young romantic people reckoned without their host - the big try of the puritanic watchdogs of morality, which then, as now , makes America the most provincial country in the world, would not permit Rudolf and Milly to contaminate the"pure" soil of Uncle Sam. They had to float back , whence they came. They remained in Liverpool fwr a time, in the hope that they would find another i ppertunity of getting into the States.

While waking about through Liverpool Rudolf ran into a stranger who had heard him lecture in Whitechapel. He offered to take him to te Jewish Anarchists. One of them was a printer. Rudolf and his newly found comrades decided there

see page 5 A

BEST COPY AVAILABLE

499

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker—50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman.— 1923 March, draft.— 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

and then that a Jewish paper should be published with Rudolf as editor. The fact that he did not then know Yiddish did not in the least trouble the enthusiastic enterprisers. Rudolf could write in German and it as there is " little" difference between German and Yiddish, his articles could be translated. However, so brilliant were the translations that our Comrade made haste to master the Yiddish language. Blessed be the rotten translators. They have enabled Rudolf to bring to the Jews the literature of half of the world and thus to enrich Jewish culture as few Jews have done.

"Das Freie Wort" , as the Liverpool paper was called, did not endure very long. Only eight issues appeared but it made the London Arbeiter Freund group aware of the newly fledged Yiddish editor. Rudolf was invited to take charge of the Arbeiter Freund. When he embarked on his editorial career the group owned the enormous capital of eight pounds. But its supply of devotion and zeal could not be measured by filthy lucre. Thus, in October 1898 the Arbeiter Freund resumed publication. Alas, not for very long. The capital gave out andprinters are not known to live on air and idealism. But it takes more than that to discourage a determined group and an inspired editor. In 1903 a new start was made. From that time until 1914, when our Comrade was arrested andtaken to concentration camp , the Arbeiter Freund appeared under Rudolf's brilliant pen and with his burning devotion. Only those who know the appalling poverty of the East End Jewish workers will appreciate the task of Rudolf Rocker and his devoted group to keep the paper alive for eleven years.

I happen to know that our comrade often went weeks without a penny for his labors and when he finally received some money it was barely enough for bread. But the spirit must have been marvelous. Even now Rudolf speaks with deep emotion of that period, the beautiful

BEST COPY AVAILABLE

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker—50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman.— 1923 March, draft.— 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

harmony and comradeship which prevailed in that little group of devoted workers.

In 1907 Rudolf attended the International Anarchist Congress at Amsterdam and was there chosen as one of the members to the International Anarchist Bureau. In 1913 he went to Canada on a lecture tour and while there slipped into puritanic America, much to the delight of the comrades who had the good fortune to meet and hear him. Though always active internationally it is yet certain that the Jewish Anarchist and Labor movement and general Jewish culture are mostly indebted to Rudolf Rocker. No other writer or speaker has given so much to the development of the Jewish mind and the increase of knowledge on the part of Jews of world literature.

Throug his magazine Germinal which he published from 1900 to 1908 , one of the best Yiddish literary publications , in pamphlets and books , Rudolf brought before large circles of Jews his own translations from the French, Italian, Spanish, Scandinavian and German. Sociological and scientific works , the drama and fiction - in fact , everything, were opened before the Yiddish readers . It is not an exaggeration to say that it was reall, Rudolf Rocker who created a large Yiddish literature which hardly existed before him except, of course, the works of Yiddish writers written in Yiddish. No wonder that the Yiddish literary anthology gives the Anarchist Rudolf Rocker a place of honor between such eminent writers as Peretz , Asche, Hirschbein, Raisen , and the rest. He, the German born, of non-Jewish stock, has widened the horizons of the Jews, has helped them to a new ideal. And a new philisophy of life.

Of the Anarchist classics, Rudolf has translated Bakunin,

BEST COPY AVAILABLE

501

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker – 50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman. – 1923 March, draft. – 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Kropotkin, Reclus, Grave, Nieuwenhus and many others.

In March 1918 Rudolf Rocker was deported from England to Germany, but the German military authorities followed suit. Rudolf had not been in Germany for so many years , which served them as a pretext to dispose of one who from the military and government point of view was likely to become more dangerous than the German enemy. Rudolf then went to Holland and returned to his native land only with the outbreak of the German Revolution. [illegible] In February 1919 Rudolf became one of the targets of the new dictatorship. Noskes' henchmen, who had struck down the bravest and finest spirits of the German Revolution also saw to it that Rudolf Rocker should not be at large. He was arrested and kept in a jail. Later he was released and then became the very spirit of the Anarchist and Syndicalist activities. His capacity for work is truly phenomenal. He lectures constantly, in Berlin and all over Germany. He has written numerous pamphlets , among them , "Anarchismus und Orgainsazion", "Die Spzial Demokratie und der Socialismus" . " Zur Geschichte der Parlamentarischen Tatigkeit in der Arbeiter Bewegung". "Der Bankrot des Russischen Staats Kommunismus". "Keine Kriegs-Waffen Mehr". "Das Wesen des Federalismus im Gegensatz zu Zentralismus". The latter is a brilliant address delivered at the German Syndicalist Congress at Erfurt in November 1922.

See 6 A

BEST COPY AVAILABLE

502

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker – 50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman. – 1923 March, draft. – 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Kropotkin, Reclus, Grave, Nieuwenhuis and many others. Since his return to Germany , in , he has become the very spirit of the Anarchist and Syndicalist activities . His capacity for work is truly phenomenal. He lectures, constantly, in Berlin , and all ab over Germany. He has written numerous pamphlets, among them "Anarchism and Organisation", "Social Democracy and Socialism" "Zur Geschichte der Parlamentarischen Tätig keit in der Arbeiter Bewegung", "Der Bankrot des Russischen Staats-Kommunismus", "Keine Kriege Mehr", "Das Wesen des Federalismus im Gegensatz zum Zentralismus" . The latter is a brilliant address delivered at the German Syndicalist Congress at Erfurt in November 1922 .

E. G.

Besides all that Rudolf contributes to German , Spanish and Yiddish papers and is now engaged on several large works, among them a book on Nationalism , a biography of John Most, his Memoirs of his incarceration in English concantration camps, and last , but not last , he is also one of the Secretariat of the International Workingmen's Association. Yet it is not only his wide knowledge , his splendid talenst and writer and speaker which make him such a power in the Anarchist movement. It is even much more so his personality, his understanding of the human, all too human, his patience with the follies of some of our own comrades, his generous spirit towards his opponents even - these make Rudolf Rocker a tremendous force which few can escape. No wonder the young Jewish Anarchists who used to come from London to America were of such fine quality , so well informed, They had caught the spirit of their teacher , they cling to him with admiration and affection.

And what an influence Rocker must have exerted on his fellow war prisoners in the camps, for while there he continued his propaganda with the same fervor as he did when he was free. That explains the chagrin of the German officers in the camp. Rudolf

BEST COPY AVAILABLE

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker – 50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman. – 1923 March, draft. – 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

was undermining their Prussian traditions, their ideal of their Kaiser, which consisted in "Kirche Küche und Kinder ". So thexx they complained to the English military authorities . What a commentary on the claims of nationalism and the common tie of language. German officers calling to their rescue the English enemy against their own compatriot, Rudolf Rocker.

I have met our Comrade in London in ~~1900.~~ 1896 Then again ~~at~~ in 1899 Dresden at the Congress Amsterdam in 1907 and the same year when Ixxxxixix revisited London after the Congress. Already then the charm of his personality impressed me deeply. But it was not until I came to Berlin, in April, 1922, that I learned to know and to esteem the qualities of Rudolf Rocker. At the Erfurt Congress, at the International Syndicalist Congress and in other difficult situations Rudolf affects everybody by the simplicity of his being, the clarity of his vision and the great strength and firmness of his character. Even the Dutchagents of Moscow , who came to sabotage the International Syndicalist Congress could not gainsay him. I think it is because Rudolf Rocker is totally bereft of rancor or demagogery. He is never personal, never petty in his criticisms or attacks, which is in itself a sign of greatness.

There is an old superstition current even among revolutionists It is that one must speak kindly only of the dead. That may explain why we so often neglect the living. The dead can take care of the dead. It should be our greatest privilege to bring to the living what is so lacking in everybody's life - affection, encouragement and appreciation. ~~Mmmxxxh~~ More than anything else it is the forerunner of a new ideal, the propagandist of an unpopular cause who needs to be encouraged and appreciated.

BEST COPY AVAILABLE

504

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker—50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman.— 1923 March, draft.— 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

In a world so enslaved by material values , by the mad chase for the flesh pots of Egypt, for political aggrandisement , in newly fledgd governments , it is nothing short of a miracle to retain one's spiritual equilibrium. Witness the havoc the years of war and the ruin of the Russian revolution have brought about in the different movements. Many orstwhile idealists and revolutionists have gone back on everything they once held high. Others have become exhausted , disheartened and have fallen by the wayside, Those who have retained their self respect and have held firmly to their ideals have done so by dint of super-human courage and a life repletewith suffering- To mention only the stand Rudolf Rocker , Malatesta Keell, Schapiro and a fewothers of the London Group have taken on the war- a stand in direct opposition to their great teacher and friend Peter Kropotkin and his Russian comrades. Not only was much courage needed for that but also unusual strength of character, for I know how bitter hard it was to go against one's deep devotion to the beautiful personality of Peter Kropotkin. Rudolf wavered not a moment. He remained strong unto the last, and as the present world situation proves , much more prophetic than his great teacher. If therefore we find the exceptional few who have the perseverance and the devotion to hold out against all odds the least we can do is to realise their worth and to be grateful to the stars which have helped them to find the right path and to always see the ideal before them.

BEST COPY AVAILABLE

505

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker—50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman.— 1923 March, draft.— 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Dear Rudolf , on this your fiftieth birthday, I greet you. Like the carpenter who has given to his trade a new face, " his own face as it were" , you too have given to the bookbinders your face. And not only to them, but to all those who toil and who have been excluded from the table of life. Dear Rudolf, you have ever lived to give birth to strength - to inspire the weak of heart , to brighten their path by a new ideal and the great hope of a new world.

May you continue in the great task which is your life's work. The world, never rich in these who pave the way, is now poorer than ever and greater in need in such faith and courage as yours. Keep up your work, dear Rudolf and we who live and work with you shall be better and stronger for it.

Emma Goldman

Berlin. March 1923.

BEST COPY AVAILABLE

880216002

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker—50th Birthday: A Tribute / Emma Goldman.— 1923 March, draft.— 13 p. ; 30 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

8572

1923

Rudolf
sept 1
Rocker 50th
birthday

BEST COPY AVAILABLE

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.— 1923 March, draft.— 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

F 406: May 1923 p 24-25

RUDOLF ROCKER - 50 th BIRTHDAY

A TRIBUTE

"Grandfather, why do men really live?" .... "Man lives ever to give birth to strength. There live, for example, the carpenters, noisy miserable people... and suddenly in their midst is a carpenter born... Such a carpenter as the world has never seen: he is above all, no other carpenter can be compared with him. He gives a newface to the whole trade... His own face, so to speak... and with that simple impulse it has advanced twenty years... And so the other live... The locksmiths and the shoemakers and all the rest of the working people... ~~And the same is true of others~~ - all to give birth to strength....

(Luka in "Nights Lodging"

All may indeed live to give birth to strength, but only the very few come to realise life's purpose. The mass, so formidable, if it but will, is yet steeped in ignorance and fear of the meaning of life. It drags its existence like a curse and goes to the grave without awareness of its dormant power.

On rare occasions the miracle happens - the mass, touched as if by a magic hand, awakens from its age long lethargy. It becomes conscious of itself, articulate of its dreams, Samson come to life pulling down the house of bondage which has held him for so long. The mass rises to the summit of new life. Alas, it is not for long. Awed by its own daring the mass begins to waver. It loses faith in its own strength. It becomes afraid and turns to some new idol, which the mass has fashioned out of the old. Lo, the new idols are back on the throne of the old and the mass lies prostrate before them.

Some day the mass may learn to do without its idols - it may becomeits own redeemer. Then life will be enriched by strength and beauty.

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.– 1923 March, draft.– 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

Meanwhile the day is not yet and thoee ahead of their day are few. Theirs is a painful task - their path is perilous - the great longing ie theirs and lonelineee and deepair. Yet they go on , undaunted and undiemayed. They live ~~ever~~ me to give birth to strength. One of these rare epirite is pur comrade Rudlof Rocker-

Rocker

On March 25th Rudlof ~~will be~~ was fifty yeare of age. Out of that period 37 years have been spent in the eervice of the oppreescd and the dieinherited, epent without reeerve or etint, lavishly, as rich characters alwaye give of themselves. Rudolf was attracted to serious problems at an age when other boye indulge in wild pranke. ~~Evidently the will to an ideal was deeply rooted in the being of our comrade.~~

In most caeee precocious jevenile idealiets are like precocious juvenile geniusee. They suffer from arrested development before they are barely of age. Not so Rudolf Rocker . Hie love of freedom and his rebellioue genius grew with him. They deepened with the development and maturity of hie life. At the age of fifty one ie more self contained and eerene. But our comrade has retained the spirit of youth - the fervor and ardor of Spring ever becoming and renewing.

Rudolf wae born in Mainz on the Rhine, March 25th , 1873. He came of proletarian parentage. ~~His people did not live long enough to give to the boy the care and devotion which the poobest usually give in great quantity.~~ They died when he was but a little tot. He was then placed in the tender care of a Catholic orphan asylum, ~~where loves little children and the Catholic authorities of the institution love tried their utmost to send little Rudolf to heaven, but he~~ was an iron constitution and an indomitable will. He ran away from

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.– 1923 March, draft.– 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

---

the orphanage twice , so tender was the care given him, ~~He succeeded~~ ~~in running away on a steamer in Dutch waters and got as far~~ as Holland, but his Catholic foster-fathers, dragged him back.

At the age of 13 Rudolf was placed in a book bindery to learn the trade, It was also ~~during these years~~ then that he began to read Social Democratic literature, With the help of an uncle he became a "convinced " Socilist . And straightway he proceeded to preselyte everyone within reach for his newly discovered ideal. ~~The first to benefit by it was his own master , Book-bindery is a dangerous trade for impressionable minds. I daresay Rudolf absorbed much more of the contents of the books he was taught to bind than the art of bindery.~~ He became a voracious reader , dividing his time, however, between reading and the active propagation of his ideas. At the age of 14 ~~Rudolf Rocker~~ made his debut as a writer and speaker. His first article was published in the "Hessische Volkszeitung" . Besides that he circulated Social Democratic literature, which, during the iron law of Bismark, was most difficult and ~~most~~ perilous ~~terrible~~. ~~But Rudolf was imbued with a divine fire, and paid no attention to dangers which might incur for himself~~.

He remained in the book bindery until 1888 and then tramped on foot through the greater part of Western Europe. In 91 the young idealist ~~was~~ no longer satisfied with Social Democratic theories; He began to look about for broader fields and came upon Anarchism. At the International Congress in Brussels in 1891 Rudolf , then 18 years of age , met Domela Niewenhuis, and shortly after that became an ardent advocate of ~~the philosophy of~~ Anarchism. With the same fervor that ~~is his when he~~ had proselyted for the theories of Marx, he began the active work for Anarchist propaganda, which was even more dangerous than his former activities. The "Freiheit", by John Most , the

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.– 1923 March, draft.– 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

" Autonomie , an Anarchist paper published in London, and various Anarchist pamphlets were distributed among the workers and in the factories by young Rudolf.

In 1892 he had incurred the wrath of the authorities to such an extent that he was threatened with arrest. ~~He wisely decided to go to Paris instead. He must have~~ Realized that Paris, which was then the greatest center of revolutionary ideas and Anarchist activities, would offer greater opportunities for his hungry spirit , ~~so~~ to Paris he went. While there ~~young Rudolf~~ he made two discoveries of lasting effect upon his life . The first was the existence of a Jewish Anarchist and labor movement , the second the Russian revolutionary type of woman. Rudolf did not know at the time what a tremendous part the first discovery would play in his life. He did, however, realise the importance of the second event. As he so often relates , " To find after the German type of woman I had left behind, women who can think, who can take part in the discussion of great problems of life, and who can so completely dedicate themselves to the cause of humanity .- that was a never-to-be-forgotten event. These women became my inspiration, the burning ideal in life".

In 1894 , after the act of Casserio, which struck down Carnot, the president of France , Rudolf Rocker was expelled from that country. But his stay in Paris had contributed tremendously toward the widening of his knowledge and towards the depth of his spirit. He met Elisée Réclus , Kropotkin, Malatesta, Grave, Faure, Louise Michel, and many other spirits who had a profound effect upon him Rudolf. Then, in 1895, he went to Londn., and became active in the German Anarchist propaganda. Shortly after tthat he also began to partioipate in the activities of the Yiddish Anarchists. He

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.– 1923 March, draft.– 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

...ctured before the Jews of London and the various Jewish labor organisations. However, being of a sunny disposition, he found it hard to acclimatise himself to the ~~gloom of the~~ London fogs. In 1898 he and his companion, Milly ~~Whitcomb~~ embarked for the freest of lands .- the United States. The x two young romantic people reckoned without their host - the bigotry of the Puritanic watchdogs of morality, which then, as now , makes America the most provincial country in the world, would not permit Rudolf and Milly to contaminate the "pure" soil of Uncle Sam. They had to float back, whence they came. ~~They remained in Liverpool for a time, in the hope that they would find another opportunity of getting into the States.~~

1

While waking about ~~through~~ Liverpool Rudolf ran into a stranger who had heard him lecture in ~~Whitechapel~~ London. He offered to take him to the Jewish Anarchists. One of them was a printer. Rudolf and his newly found comrades decided there

see page 5 A

512

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.– 1923 March, draft.– 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

* 5A

an. then that the Jewish paper should be published with Rudolf as editor. The fact that he did not then knew Yiddish did not in the least trouble the enthusiastic enterprisers. Rudolf could write in German and as there is " little" difference between German and Yiddish, his articles could be translated. However, so brillint were the translations that our comrade made haste to master the Yiddish language. Blessed be the rotten translators! They have enabled Rudolf to bring to the Jews the literature of half of the world and to enrich Jewish culture as few Jews have done.

"Das Freie Wort" , as the Liverpool paper was called, did not endure very long. Only eight issues appeared, but it made the London Arbeiter Freund group aware of the newly fledged Yiddish editor. Rudolf was invited to take charge of the arbeiter Freund. When he embarked on his editorial career the group owned the enormous capital of eight pounds. But its supply of devotion and zeal could not be measured by filthy lucre. Thus, in October, 1898, the Arbeiter Freund resumed publication. Alas, not for very long. The capital gave out, andprinters are not known to live on air and idealism. But it takes more than that to discourage a determined group and an inspired editor. In 1903 a new start was made. From that time until the outbreak of war in 1914, when our Comrade was interned in arrested andtaken to concentration camp , the Arbeiter Freund appeared under Rudolf's brilliant pen and with his burning devotion. Only those who know the appalling poverty of the East End Jewish workers will appreciate the task of Rudolf Rocker and his devoted group to keep the paper alive for eleven years.

~~I happen to know that our comrade often went weeks without a penny for his labors and when he finally received some money it was barely enough for bread. But the spirit must have been marvelous.~~

Even now Rudolf speaks with deep emotion of that period, the beautiful

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.– 1923 March, draft.– 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

harmony and comradeship which prevailed in that little group of devoted workers.

In 1907 Rudolf attended the International Anarchist Congress at Amsterdam and was ~~there~~ chosen as one of the members to the International Anarchist Bureau. In 1911 he went to Canada on a lecture tour and while there slipped into Puritanic America, much to the delight of the comrades who had the good fortune to meet and hear him. Though always active internationally, it is yet certain that the Jewish anarchist and Labor movement and general Jewish culture are mostly indebted to Rudolf Rocker. No other writer or speaker has given so much to the development of the Jewish mind and the increase of knowledge on the part of Jews of the world's literature.

Through his magazine Germinal, which he published from 1900 to 1908, one of the best Yiddish literary publications, in pamphlets and books, Rudolf brought before large circles of Jews his own translations from the French, Italian, Spanish, Scandinavian, and German. Sociological and scientific works, the drama and fiction - in fact, ~~everything, were~~ a new world was opened up to ~~before the~~ Yiddish readers. It is not an exaggeration to say that it was really Rudolf Rocker who created a large Yiddish literature which hardly existed before him, except, of course, the works of Yiddish writers written in Yiddish.

~~No wonder that the Yiddish literary anthology~~ gives the Anarchist Rudolf Rocker a place of honor between such eminent writers as Perez, Asche, Hirschbein, Raisen, and the rest. He, the German born, of non-Jewish stock, has widened the horizons of the Jews, has helped them to a new ideal, and a new philisopby of life.

Of the anarchist classics, Rudolf has translated Bakunin,

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.— 1923 March, draft.— 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

Kropotkin, Reclus, Grave, Niewenhus and many others.

In March 1918 Rudolf ~~Rocker~~ was deported from England to Germany, but the German military authorities followed suit. ~~Rudolf had not been in Germany for so many years, which served~~ them as a pretext to dispose of one who from the military and government ~~point of view was likely to become more dangerous than the German enemy.~~ He ~~Rudolf~~ then went to Holland, and returned to his native land only with the outbreak of the German Revolution. ~~[illegible]~~ In February 1919, he ~~Rudolf~~ became one of the targets of the new dictatorship. Noske's henchmen, who had struck down the braveet and fineet spirits of the German Revolution also saw to it that Rudolf Rocker should not be at large. He was arreeted and kept in a jail. Later he was released and then became the very spirit of the Anarchist and Syndicalist activities. His capacity for work is truly phenemenal. He lectures constantly in Berlin and all over Germany, and has written numerous pamphlets, ~~among them~~, "Anarchismus und Organizazion", "Die Spzial Demokratie und der Socializmus". "Zur Geschichte der Parlamentarishen Tätigkeit in der Arbeiter Bewegung". "Der Bankrot des Russischen Staats Kommuniemus". "Keine Kriegs-Waffen Mehr". "Das Wesen des Federaliemus im Gegensatz zu Zentralismus". The latter is a brilliant addrees delivered at the German Syndicalist Congress at Erfurt in ~~November 1922.~~ on Anarchism, Syndicalism, the Russian Dictatorship.

See 6 A

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.– 1923 March, draft.– 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

Kropotkin, Reclus, Grave, Nieuwhenhius and many others . Since his return to Germany , in 1918 , he has become the very spirit of the Anarchist and Syndicalist activitiss . His capacity for work is truly phenomenal. He lectures, constantly, in Berlin , and all ~~m~~ over Germany. He has written numerous pamphlets, among them "Anarchism and Organisation", "Social Democracy and Socialism" "Zur Geschichte der Parlamentarischen Tätig keit in der Arbeiter Bewegung", "Der Bankrot des Russischen Staats-Kommunismus", "Keine Kriegs Waffen mehr", "Das Wesen des Federalismus im Gegensatz zum Zentralismus" . The ~~latter~~ latter is a brilliant address delivered at the German Syndicalist Congress at Erfurt in November 1922 .

Besides all that Rudolf contributes to German , Spanish and Yiddish papers and is now engaged on several large works, among them a book on Nationalism , a biography of John Most, his Memoirs of his incarceration in English concentration camps, and Last , but not least , he is also one of the Secretariat of the new International Workingmen's Association. Yet it is not only his wide knowledge , his splendid talent and writer and spekker which make him such a power in the Anarchist movement. It is even much more so his personality, his understanding of the human, all too human, his patience with the follies of some of our own comrades, his generous spirit towards his opponents even - these make Rudolf Rocker a tremendous force which few can escape. ~~No wonder the~~ young Jewish Anarchists who used to come from London to America were of such fine quality , so well informed. They had caught the spirit of their teacher , they clung to him with admiration and affection.

And what an influence Rocker must have exerted on his fellow war prisoners in the camps, for while there he continued his propaganda with the same fervor as he did when he was free. That explains the chagrin of the German officers on the camp. Rudolf

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.– 1923 March, draft.– 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

was undermining their Prussian traditions, their ideal of their Kaiser, which consisted in "Kirche, Küche und Kinder ". So thexx they complained to the English military authorities . What a commentary on the claims of nationalism and the common tie of language. German officers calling to their rescue the English enemy against their own compatriot, Rudolf Rocker.

I ~~have~~ met our Comrade in London in 1900. Then again at the Congress in London in 1896 Amsterdam in 1907 and the same year when I~~xxxxxxx~~ revisited London after the Congress. Already then the charm of his personality impressed me deeply. But it was not until I came to Berlin, in April, 1922, that I learned to know and to esteem the qualities of Rudolf Rocker. At the Erfurt Congress, at the ~~International Syndicalist Congress, and in other difficult situations~~ Rudolf affects everybody by the simplicity of his being, the clarity of his vision, and the great strength and firmness of his character. Even the Dutch agents of Moscow , who came to Berlin to sabotage the International Syndicalist Congress, could not gainsay him. ~~I think it is~~ ~~because Rudolf~~ he Rocker is totally devoid of rancor or demagogery. He is never personal, never petty in his criticisms or attacks, which is in itself a sign of greatness.

There is an old superstition current even among revolutionists It is that one must speak kindly only of the dead. That may explain why we so often neglect the living. The dead can take care of the dead. It should be our greatest privilege to bring to the living what is so lacking in everybody's life - affection, encouragement and appreciation. ~~xxxxxx~~ More than anything else it is the forerunner of a new ideal, the propagandist of an unpopular cause who needs to be encouraged and appreciated.

517

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.– 1923 March, draft.– 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

In a world so enslaved by material values , by the mad chase for the flesh pots of Egypt, for political aggrandisement in newly fledgd governments , it is nothing short of a miracle to retain one's spiritual equilibrium. Witness the havoc the years of war and the ruin of the Russian revolution have brought about in the different movements. Many erstwhile idealists and revolutionists have gone back on everything they once held high. Others have become exhausted , disheartened, and have fallen by the wayside, Those who have retained their self-respect and have held firmly to their ideals have done so by dint of super-human courage and a life repletewith suffering- To mention only the stand Rudolf Rocker , Malatesta, Nettlau, Schapiro and a few others of the London group have taken on the war- a stand in direct opposition to their great teacher and friend Peter Kropotkin and his Russian comrades. Not only was much courage needed for that but also unusual strength of character, for I knew how bitter hard it was to go against one's deep devotion to the beautiful personality of Peter Kropotkin. Rudolf wavered not a moment. He remained strong unto the last, and as the present world situation proves , much more prophetic than his great teacher. If therefore we find the exceptional few who have the perseverance and the devotion to hold out against all odds the least we can do is to realise their worth and to be grateful to the stars which have helped them to find the right path and to always see the ideal before them.

518

900628084

The Emma Goldman Papers

Rudolf Rocker –50th Birthday. A Tribute / Emma Goldman.– 1923 March, draft.– 12 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

Dear Rudolf , on this your fiftieth birthday, I greet you. Like the carpenter who has given to his trade a new face, " his own face as it were" , you too have given to the bookbinders your face. And not only to them, but to all those who toil and who have been excluded from the table of life. Dear Rudolf, you have ever lived to give birth to strength - to inspire the weak of heart , to brighten their path by a new ideal and the great hope of a new world.

May you continue in the great task which is your life's work. The world, never richer in those who pave the way, is now poorer than ever and greater in need in such faith and courage as yours. Keep up your work, dear Rudolf and we who live and work with you shall be better and stronger for it.

Emma Goldman

Berlin March 1923

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

A.P. PERSONAL 60TH ANNIVERSARY – BOOK REVIEWS –

N°_____

Classeur - Dossier

à tiretto

"AP"

(Marque Déposée)

Nom

Adresse

Contenu

du

au

Observations

cES Part M
My Disillusion
ment in Russ

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

2106

N°

asseur - Dossier

à tirette

AP

(Marque Déposée)

Nom

Adresse

Contenu

Observations

ES Part MG
My Disillusionment
Next in Russia

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

compared with Northern Russia. Butter, for instance, was 250 rubles a pound, as against 3,000 in Petrograd; sugar, 350 rubles, while in Moscow it was 5,000. White flour, almost impossible to obtain in the capitals, was here sold at 80 rubles a pound. Yet all along the journey we were besieged at the stations by hungry people, begging for food. The country possessed plenty of supplies, but evidently the average person had no means of purchase. Especially terrible was the sight of the emaciated and ragged children, pleading for a crust of bread at the car windows.

While in the neighborhood of Zhmerinka we received the appalling news of the retreat of the Twelfth Army and the quick advance of the Polish forces. It was a veritable rout in which the Bolsheviki lost great stores of food and medical supplies, which Russia stood so much in need of. The Polish operations and the Wrangel attacks from the Crimea threatened to cut our journey short. It had been our original purpose to visit the Caucasus but the new developments made travel further than Odessa impracticable. We still hoped, however, to continue our trip, provided we could secure an extension of time for our car permit, which was to expire on October 1.

We reached Odessa just after a fire had completely destroyed the main telegraph and electric stations, putting the city in total darkness. As it would require considerable time to make repairs, the situation increased the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].— [1923, draft, fragment].— 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

nervousness of the city: darkness favored counter revolutionary plots. Rumors were afloat of Kiev having been taken by the Poles and of the approach of Wrangel.

It was our custom to pay our first official visit to the Ispolkom (Executive Committee) in order to familiarize ourselves with the situation and the general work scheme of the local institutions. In Odessa there was a Revkom instead, indicating that the affairs of the city had not yet been sufficiently organized to establish a Soviet and its Executive Committee. The Chairman of the Revkom was a young man, not over thirty, with a hard face. After scrutinizing our documents carefully and learning the objects of our mission he stated that he could not be of any assistance to us. The situation in Odessa was precarious and as he was busy with many pressing matters, the Expedition would have to look out for itself. He gave us permission, however, to visit the Soviet institutions and to collect whatever we might be able to procure. He did not consider the Petrograd Museum and its work of much importance. He was an ordinary worker appointed to a high government position, not over-intelligent and apparently antagonistic to everything "intellectual".

The prospects did not look promising, but, of course, we could not leave Odessa without making a serious effort to collect the rich historical material which we know to be in the city. Returning from the Revkom we happened to meet a

BEST COPY AVAILABLE

523

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

nervousness of the city: darkness favored counter revolutionary plots. Rumors were afloat of Kiev having been taken by the Poles and of the approach of Wrangel.

It was our custom to pay our first official visit to the Ispolkom (Executive Committee) in order to familiarize ourselves with the situation and the general work scheme of the local institutions. In Odessa there was a Revkom instead, indicating that the affairs of the city had not yet been sufficiently organized to establish a Soviet and its Executive Committee. The Chairman of the Revkom was a young man, not over thirty, with a hard face. After scrutinizing our documents carefully and learning the objects of our mission he stated that he could not be of any assistance to us. The situation in Odessa was precarious and as he was busy with many pressing matters, the Expedition would have to look out for itself. He gave us permission, however, to visit the Soviet institutions and to collect whatever we might be able to procure. He did not consider the Petrograd Museum and its work of much importance. He was an ordinary worker appointed to a high government position, not over-intelligent and apparently antagonistic to everything "intellectual".

The prospects did not look promising, but, of course, we could not leave Odessa without making a serious effort to collect the rich historical material which we knew to be in the city. Returning from the Revkom we happened to meet a

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

group of young people who recognized us, they having lived in America before. They assured us that we could expect no aid from the Chairman who was known as a narrow fanatic embittered against the intelligentsia. Several of the group offered to introduce us to other officials who would be able and willing to assist us in our efforts. We learned that the Chairman of Public Economy in Odessa was an Anarchist and that the head of the Metal Trade Unions was also an Anarchist. The information held out hope that we might accomplish something in Odessa,after all.

We lost no time in visiting the two men, but the result was not encouraging. Both were willing to do everything in their power, but warned us to expect no returns because Odessa, as they phrased it, was The City of Sabotage.

It must unfortunately be admitted that our experience justified that Characterisation. I had seen a great deal of sabotage in various Soviet institutions in every city I had visited. Everywhere the numerous employees deliberately wasted their time, while thousands of applicants spent days and weeks in the corridors and offices without receiving the least attention. The greater part of Russia did nothing else but stand in line, waiting for the Bureaucrats, big and little, to admit them to their sanctums. But bad as conditions were in other cities, nowhere did I find such systematic sabotage as in Odessa. From the highest to the lowest Soviet worker everyone was busy with something other than the work entrusted

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

to him. Office hours were supposed to begin at ten, but as a rule no official could be found in any of the departments till noon or even later. At three in the afternoon the institutions closed, and therefore very little work was accomplished.

We remained in Odessa two weeks, but so far as material collected through official channels is concerned, we got practically nothing. Whatever we accomplished was due to the aid of private persons and members of outlawed political parties. From them we received valuable material concerning the persecution of the Mensheviki and the labor organizations where the influence of the latter was strongest. The management of several unions had been entirely suspended at the time we arrived in Odessa, and there began a complete reorganisation of them by the Communists, for the purpose of eliminating all opposing elements.

Among the interesting people we met in Odessa were the Zionists, including some well known literary and professional men. It was at Dr. N's house that we met them. The Doctor himself was the owner of a sanatorium located on a beautiful spot overlooking the Black Sea and considered the best in the South. The institution had been nationalised by the Bolsheviki, but Dr. N. was left in charge and was even permitted to take in private patients. In return for that privilege he had to board and give medical attention to Soviet patients for one third of the established price.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Late into the night we discussed the Russian situation with the guests at the Doctor's house. Most of them were antagonistic to the Bolshevik regime. "Lenin let loose the motto 'Rob the robbers' and at least here in the Ukraina his followers have carried out the order to the letter", said the Doctor. It was the general opinion of the gathering that the confusion and ruin which resulted was due to that policy. It robbed the old bourgeoisie but did not benefit the workers. The Doctor cited his sanatorium as an illustration. When the Bolsheviki took it over they declared that the proletariat was to own and enjoy the place but not a single worker had since been received as patient, not even a proletarian Communist. The people the Soviet sent to the sanatorium were members of the new bureaucracy, usually the high officials. The Chairman of the Tcheka, for instance, who suffered from nervous breakdown, had been in the institution several times. "He works sixteen hours a day sending people to their death", the Doctor commented. "You can easily imagine how it feels to take care of such a man".

One of the Bundist writers present held that the Bolsheviki were trying to imitate the French Revolution. Corruption was rampant; it put in the shade the worst crimes of the Jacobins. Not a day passed but what people were arrested for trading in Tsarist or Kerensky money; yet it was an open secret that the Chairman of the Tcheka himself speculated in valuta. The depravity of the Tcheka was a matter of common

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

knowledge. People were shot for slight offenses, while those who could afford to give bribes were freed even after they had been sentenced to death. It repeatedly happened that the rich relatives of an arrested man would be notified by the Tcheka of his execution. A few weeks later, after they had somewhat recovered from their shock and grief, they would be informed that the report of the man's death was erroneous: that he was alive and could be liberated by paying a fine, usually a very high one. Of course, the relatives would strain every effort to raise the money. Then they would suddenly be arrested for attempted bribery, their money confiscated and the prisoner shot.

One of the Doctor's guests, who lived in the "Tcheka Street" told of the refinements of terrorism practiced to awe the population. Almost daily he witnessed the same sights: early in the morning mounted Tchekists would dash by, shooting into the air, - a warning that all windows must be closed. Then came motor trucks loaded with the doomed. They lay in rows, faces downward, their hands tied, soldiers standing over them with rifles. They were being carried to execution outside the city. A few hours later the trucks would return empty save for a few soldiers. Blood dripped from the wagons, leaving a crimson streak on the pavement all the way to the Tcheka headquarters.

It was not possible that Moscow did not know about these things, the Zionists asserted. The fear of the central

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].— [1923, draft, fragment].— 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

power was too great to permit of the local Tcheka doing anything not approved of by Moscow. But it was no wonder that the Bolsheviki had to resort to such methods. A small political party trying to control a population of 150,000,000, which bitterly hated the Communists, could not hope to maintain itself without such an institution as the Tcheka. The latter was characteristic of the basic principles of Bolshevik conception: the country must be forced to be saved by the Communist Party. The protest that the Bolsheviki were defending the Revolution was a hollow mockery. As a matter of fact, they had entirely destroyed it.

It had grown so late that the members of our Expedition could not return to the car, fearing difficulty in locating it, because of the dark night. We therefore remained at the home of our host, to meet next day a group of men of national reputation, including Bialock, the greatest living Jewish poet, known to Jews the world over. There was also present a literary investigator, who had made a special study of the question of pogroms. He had visited seventy two cities, collecting the richest material to be had on the subject. It was his opinion that, contrary to accepted notion, the pogroms were during the civil war period, between the years 1918 and 1921 under the various Ukranian governments was even worse than the most terrible Jewish massacres under the Tsars. There had taken places no pogroms during the Bolshevik regime, but he believed that the atmosphere created by them intensified the anti-Jewish spirit and would some day break out in the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

wholesale slaughter of the Jews. He did not think that the Bolsheviki were particularly concerned in defending ~~the~~ his race. In certain localities of the South the Jews, constantly exposed to assault and pillage by robber bands and occasionally by individual red soldiers, had appealed to the Soviet Government for permission to organize themselves for self-defense, requesting that arms be given them. But in all such cases the Government refused.

It was the general sentiment of the Zionists that the continuation of the Bolsheviki in power meant the destruction of the Jews. The Russian Jews, as a rule, were not workers. From time immemorial they had engaged in trade; but business had been destroyed by the Communists, and before the Jew could be turned into a worker he would deteriorate, as a race, and become extinct. Specific Jewish culture, the most priceless thing ~~in~~ to the Zionists, was frowned upon by the Bolsheviki. That phase of the situation seemed to affect them even more deeply than pogroms.

These intellectual Jews were not of the proletarian class. They were bourgeois without any revolutionary spirit. Their criticism of the Bolsheviki did not appeal to me for it was a criticism from the right. If I had still believed in the Communists as the true champions of the Revolution I could defend them against the Zionist complaints. But I myself had lost faith in the revolutionary integrity of the Bolsheviki.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

RETURNING TO MOSCOW

In a country where speech and press are so completely suppressed as in Russia it is not surprising that the human mind should feed on fancy and out of it weave the most incredible stories. Already during my first months in Petrograd I was amazed at the wild rumors that circulated in the city and were believed even by intelligent people. The Soviet press was inaccessible to the population at large and there was no other news medium. Every morning Bolshevik bulletins and papers were pasted on the street corners, but in the bitter cold few people cared to pause to read them. Besides, there was little faith in the Communist press. Petrograd was therefore completely cut off, not only from the Western world but even from the rest of Russia. An old revolutionist once said to me: "We not only don't know what is going on in the world or in Moscow ; we are not even aware of what is happening in the next street". However, the human mind will not be bottled up all the time. It must have and generally finds an outlet. Rumors of attempted raids on Petrograd, stories that Zinoviev had been ducked in "Sovietsky soup" by some factory workers and that Moscow was captured by the Whites were afloat.

Of Odessa it was related that enemy ships had been sighted off the coast, and there was much talk of an impending attack. Yet when we arrived we found the city quiet and leading its ordinary life. Except for the large markets Odessa impressed me as a complete picture of Soviet rule. But we had

BEST COPY AVAILABLE

531

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

not been gone a day from the city, on our return to Moscow, when we again met the same rumors. The success of the Polish forces and the hasty retreat of the Red Army furnished fuel to the overexcited imagination of the people. Everywhere the roads were blocked with military trains and the stations filled with soldiers spreading the panic of the rout.

At several points the Soviet authorities were getting ready to evacuate at the first approach of danger. The population, however, could not do that. At the railroad stations along the route groups of people stood about discussing the impending attack. Fighting in Rostov - other cities already in the hands of Wrangel - bandits holding up trains and blowing up bridges, and similar stories kept everybody in panic. It was of course impossible to verify the rumors. But we were informed that we could not continue to Rostov-on-the-Don, that city being already within the military zone. We were advised to start for Kiev and thence return to Moscow. It was hard to give up our plan of reaching Baku, but we had no choice. We could not venture too far, especially as our car permit was to expire within a short time. We decided to return to Moscow via Kiev.

When we left Petrograd we had promised to bring back from the South some sugar, white flour and cereals for our starved friends who had lacked those necessities for three years. On the way to Kiev and Odessa we found provisions comparatively cheap; but now the prices had risen several hundred

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

percent. From an Odessa friend we learned of a place 20 versts from Rakhno, a small village near Zhmorenka, where sugar, honey and apple jelly could be had at small cost. We were not supposed to transport provisions to Petrograd, though our car was immune from the usual inspection at the Tchelka. But as we had no intention of selling anything, we felt justified in bringing some food for people who had been starving for years. We had our car detached at Zhmorenka, and two men of the Expedition and myself went to Rakhno.

It was no easy matter to induce the Zhmorenka peasants to take us to the next village. Would we give them salt, nails or some other merchandise? Otherwise they would not go. We lost the best part of a day in vain search, but at last we found a man who consented to drive us to the place in return for Kerensky rubles. The journey reminded me of the rocky road to good intentions; we were heaved up and down, jerked back and forth, like so much dice. After a seemingly endless trip, aching in every limb, we reached the village. It was poor and squalid, Jews constituting the main population. The peasants lived about the Rakhnov road and visited the place only on market days. The Soviet officials were Gentiles.

We carried a letter of introduction to a woman physician, the sister of our Odessa Bundist friend. She was to direct us how to go about procuring the provisions. Arriving at the Doctor's house we found her living in two small rooms,

BEST COPY AVAILABLE

533

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

ill kept and unclean, with a dirty baby crawling about. The woman was busy making apple jelly. She was of the type of disillusioned intellectual now so frequently met with in Russia. From our conversation I learned that she and her husband, also a physician, had been mobilised to that desolate spot. They were completely isolated from all intellectual life, having neither papers, books nor associates. Her husband would begin his rounds early in the morning and return late at night, while she had to attend to her baby and household, besides taking care of her own patients. She had only recently recovered from typhus and it was hard for her to chop wood, carry water, wash and cook and look after her sick. But what made their life unbearable was the general antagonism to the intelligentsia. They had it constantly thrown up to them that they were bourgeois and counter-revolutionists, and they were charged with sabotaging. It was only for the sake of her child that she continued the sordid life, the woman said; otherwise it were better to be dead".

A young woman, poorly clad, but clean and neat, came to the house and was introduced as a school teacher. She at once got into conversation with me. She was a Communist, she announced, who was "doing her own thinking". "Moscow may be autocratic", she said, "but the authorities in the towns and villages here beat Moscow. They do as they please". The provincial officials were flotsam washed ashore by the great storm. They had no revolutionary past - they had known no suffering for their ideals. They were just slaves in positions

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

of power. If she were not a Communist herself she would have been eliminated long ago, but she was determined to make a fight against the abuses in her district. As to the schools, they were doing as best they could under the circumstances, but that was very little. They lacked everything. It was not so bad in the summer, but in the winter the children had to stay home because the class rooms were not heated. Was it true that Moscow was publishing glowing accounts of the great reduction in illiteracy? Well, it was certainly exaggerated. In her village the progress was very slow. She often wondered whether there was really much to so-called education. Supposing the peasants would learn to read and write. Would that make them better and kinder men? If so, why is there so much cruelty, injustice and strife in countries where people are not illiterate? The Russian peasant cannot read or write, but he has an innate sense of right and beauty. He can do wonderful things with his hands and he is no more brutal than the rest of the world.

I was interested to find such an unusual viewpoint in one so young and in such an out of the way place. The little teacher could not be more than twenty-five. I encouraged her to speak of her reactions to the general policies and methods of her Party. Did she approve of them, did she think them dictated by the revolutionary process? She was not a politician, she said; she did not know. She could judge only by the results - and they were far from satisfactory. But she had faith in the Revolution. It had uprooted the very soil, it had given life a new meaning. Even the peasants were

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

not the same - no one was the same. Something great must come of all the confusion.

The arrival of the Doctor turned the conversation into other channels. When informed of our errand he went in search of some trudounon, but presently he returned to say that nothing could be done: it was the eve of Yom Kippur and every Jew was in the synagogue. Heathen that I am, I did not know that I had come on the eve of that most solemn fast day. As we could not remain another day, we decided to return without having accomplished our purpose.

Here a new difficulty arose. Our driver would not budge unless we got an armed guard to accompany us. He was afraid of bandits: two nights previously, he said, they had attacked travellers in the forest. It became necessary to apply to the Chairman of the Militia. The latter was willing to help us but -- all his men were in the synagogue, praying. Would we wait until the services were over?

At last the people filed out from the synagogue, and we were given two armed militia men. It was rather hard on those Jewish boys, for it was a sin to ride on Yom Kippur. But no inducement could persuade the peasant to venture through the woods without military protection. Life is indeed a crazy quilt made of patches. The peasant, a true Ukranian, would not have hesitated a moment to beat and rob Jews in a pogrom; yet he felt secure in the protection of Jews against the pos-

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Pennission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

sible attack of his own co-religionists.

We rode into the bright full night, the sky dotted with stars. It was soothingly still, with all nature asleep. The driver and our escort discussed the bandits, competing in blood curdling stories of the outrages committed by them. As we reached the dark forest I reflected that their loud voices would be the signal of our approach for any highwaymen that might be lying in wait. The soldiers stood up in the wagon, their rifles ready for action, the peasant aroused himself and lashed the horses into a mad gallop, keeping up the pace till we reached the open road again. It was all very exciting but we met no bandits. They must have been sabotaging that night.

We reached the station too late to make connections and had to wait until the morning. I spent the night in the company of a girl in soldier uniform, a Communist. She had been at every front, she declared, and had fought many bandits. She was a sort of Playboy of the Eastern World, romancing by the hour. Her favorite stories were of shooting. "A bunch of counter-revolutionists, White Guards and speculators", she would say; "they should all be shot". I thought of the little school teacher, the lovely spirit of the village, giving of herself in hard and painful service to the children, to beauty in life; and here, her comrade, also a young woman, but hardened and cruel, lacking all sense of revolutionary values -- both children of the same school, yet so unlike each other.

BEST COPY AVAILABLE

537

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap.XXIII 194

In the morning we rejoined the Expedition in Zhmeronka and proceeded to Kiev, where we arrived by the end of September, to find the city completely changed. The panic of the 12th Army was in the air; the enemy was supposed to be only about 150 verats away and many Soviet Departments were being evacuated, adding to the general uneasiness and fright. I visited Kotoshkin, The Chairman of the Revkom, and his Secretary. The latter inquired about Odessa, anxious to know how they were doing there, whether they had suppressed trade, and how the Soviet Departments were working. I told him of the general sabotage, of the speculation and the horrors of the Torbok. As to trade, the stores were closed and all signs were down, but the markets were doing big business. "Indeed? Well, you must tell this to Comrade Kotoshkin", the Secretary cried gloofully. "What do you suppose - Rakovsky was here and told us perfect wonders about the accomplishments of Odessa. He put us on the rack because we had not done as much. You must tell Kotoshkin all about Odessa; he will enjoy the joke on Rakovsky".

I met Kotoshkin on the stairs as I was leaving the office. He looked thinner than when I had last seen him, and very worried. When asked about the impending danger, he made light of it. "We are not going to evacuate", he said, "we remain right here. It is the only way to reassure the public". He too inquired about Odessa. I promised to call again later, as I had no time just then. But I did not get the chance to see Kotoshkin again and furnish him the joke on Rakovsky. We left Kiev within two days.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

At Bryansk, an industrial center not far away from Moscow, we came upon a large posters announcing that Makhno was again with the Bolsheviki and that he was distinguishing himself by daring exploits against Wrangel. It was startling news, in view of the fact that the Soviet papers had constantly painted Makhno as a bandit, counter-revolutionary and traitor. What had happened to bring about this change of attitude and tone? The thrilling adventure of having our car held up and ourselves carried off as prisoners by the Makhnovitsi did not come off. By the time we reached the district where Makhno had been operating in September, he was out off from us. It would have been very interesting to meet the peasant leader face to face and hear at first hand what he was about. He was undoubtedly the most picturesque and vital figure brought to the fore by the Revolution in the South - and now he was again with the Bolsheviki. What had happened? There was no way of knowing until we should reach Moscow.

From a copy of the Izvestia that fell into our hands en route we learned the sad news of the death of John Reed. It was a great blow to those of us who had known Jack. The last time I saw him was at the guest house, the Hotel International, in Petrograd. He had just returned from Finland, after his imprisonment there and was ill in bed. I was informed that Jack was alone and without proper care, and I went up to nurse him. He was in a bad state, all swollen and with a nasty rash on his arms, the result of malnutrition. In Finland he had been fed almost exclusively on dried fish and was otherwise

BEST COPY AVAILABLE

539

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

wretchedly treated. He was a very sick man, but his spirit remained the same. No matter how radically one disagreed with Jack, one could not help loving his big, generous spirit, and now he was dead, his life laid down in the service of the Revolution, as he believed.

Arriving in Moscow I immediately went to the guest house, the Lolovaia Dvor, where stayed Louise Bryant, Jack's wife. I found her terribly distraught and glad to see one who had known Jack so well. We talked of him, of his illness, his suffering and his untimely death. She was much embittered because, as she claimed, Jack had been ordered to Baku to attend the Congress of the Eastern peoples when he was already very ill. He returned a dying man. But even then he could have been saved had he been given competent medical attention. He lay in his room for a week without the doctors making up their mind about the nature of his illness. Then it was too late. I could well understand Louise's feelings, though I was convinced that everything humanly possible had been done for Reed. I know that whatever else might be said against the Bolsheviki, it could not be charged that they neglect those who serve them. On the contrary, they are generous masters. But Louise had lost what was most precious to her.

During the conversation subsequent she asked me about my experiences and I told her of the conflict within me, of the desperate effort I had been making to find my way out of the chaos, and that now the fog was lifting and I was beginning

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

to differentiate between the Bolsheviki and the Revolution. Ever since I came to Russia I began to sense that all was not well with the Bolshevik regime and I felt as if caught in a trap. "How uncanny!". Louise suddenly gripped my arm and stared at me with wild eyes. "Caught in a trap" were the very words Jack repeated in his delirium". I realized that poor Jack had also begun to see beneath the surface. His was the free, unfettered spirit striving for the real values of life. It would chafe when bound by a dogma which proclaimed itself immutable. Had Jack lived he would no doubt have clung valiantly to the things which had caught him in the trap. But in the face of death the mind of man sometimes becomes luminous; it sees in a flash what in man's normal condition is obscure and hidden to him. It was not at all strange to me that Jack should have felt as I did, as everyone who is not a zealot must feel in Russia - caught in a trap.

BEST COPY AVAILABLE

541

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

XXIV. BACK IN PETROGRAD

The Expedition was to proceed to Petrograd the next day, but Louise begged me to remain for the funeral. Sunday, October 28rd, several friends rode with her to the Trade Union House where Reed's body lay in state. I accompanied Louise when the procession started for the Red Square. There were speeches - much cold stereotyped declaration about the value of Jack Reed to the Revolution and to the Communist Party. It all sounded mechanical, far removed from the spirit of the dead man in the fresh grave. One speaker only dwelt on the real Jack Reed - Alexandra Kollontay. She had caught the artist's soul, infinitely greater in its depth and beauty than any dogma. She used the occasion to admonish her comrades: "We call ourselves Communists", she said, "but are we really that? Do we not rather draw the life essence from those who come to us, and when they are no longer of use, we let them fall by the wayside, neglected and forgotten? Our Communism and our comradeship are indeed letters if we do not give out of ourselves to those who need us. Let us beware of such Communism. It slays the best of our ranks. Jack Reed was among the best". The sincere words of Kollontay displeased the high Party members. Bukharin knitted his brows, Reinstein fidgetted about; others grumbled. But I was glad of what Kollontay had said. Not only because she expressed Jack Reed better than anything else said that day, but also because it brought her nearer to me. In America we had repeatedly tried to meet but never succeeded. When I reached Moscow, in March, 1920, Kollontay was ill. I saw her only for a little while before I returned to Petrograd. We spoke of the things that were troubling me. During the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

conversation Kollontay remarked: "Yes, we have many dull sides in Russia". "Dull?" I queried, "nothing more?" I was unpleasantly affected by what seemed to me a rather superficial view. But I reassured myself that Kollontay's inadequate English caused her to characterize as "dull" what to me was a complete collapse of all idealism.

Among other things Kollontay had then said was that I could find a great field for work among women, as very little had been attempted up to that time to enlighten and broaden them. We parted in a friendly manner, but I did not sense in her the same feeling of warmth and depth that I had found in Angelica Balabanova. Now at the open grave of Reed her words brought her closer to me. She too felt deeply, I thought.

Louise Bryant had fallen in a dead faint and was lying face downward on the damp earth. After considerable effort we got her to her feet. Hysterical, she was taken in the waiting auto to her hotel and put to bed. Outside the sky was clothed in gray and was weeping upon the fresh grave of Jack Reed. And all of Russia seemed a fresh grave.

While in Moscow we found the explanation of the sudden change of tone of the Communist press toward Makhno. The Bolsheviki, hard pressed by Wrangel, ~~against~~ sought the aid of the Ukrainian povstantsi army. A political-military agreement was about to be entered into between the Soviet Government and Nestor Makhno. The latter was to cooperate fully with the Red Army in the campaign against the counter-revolutionary

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

enemy. On their side, the Bolsheviki accepted the following conditions of Makhno:

(1). The immediate liberation and termination of persecution of all Makhnovtsi and Anarchists, excepting cases of armed rebellion against the Soviet Government.

(2). Fullest liberty of speech, press and propaganda for Makhnovtsi and Anarchists, without, however, the right of calling for armed uprisings against the Soviet Government, and subject to military censorship.

(3). Free participation in Soviet elections; the right of Makhnovtsi and Anarchists to be candidates, and to hold t the Fifth All-Ukrainian Congress of Soviets.

The agreement also included the right of the Anarchists to call a congress in Kharkov, and preparations were being made to hold it in the month of October. Many Anarchists were getting ready to attend it and were elated over the outlook. But my faith in the Bolsheviki had received too many shocks. Not only did I not believe that the Congress would take place, but I saw in it a Bolshevik ruse to gather all the Anarchists in one place in order to destroy them. Yet the fact was that ~~there~~ several Anarchists, among them the well-known writer and lecturer Volin, had already been released and were now free in Moscow.

* * *

We left for Petrograd to deliver to the Museum the

BEST COPY AVAILABLE

544

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

carload of precious material we had gathered in the South. More valuable still was the experience the members of the Expedition had been enriched with through personal contact with people of various shades of opinion, or of no opinion, and the impressions of the social panorama as it was being unrolled day by day. That was a treasure of far greater worth than any paper documents. But better insight into the situation intensified my inner struggle. I longed to close my eyes and ears--not to see the accusing hand which pointed to the blind errors and conscious crimes that were stifling the Revolution. I wanted not to hear the compelling voice of facts, which no personal attachments could silence any longer. I knew that the Revolution and the Bolsheviki, proclaimed as one and the same, were opposites, antagonistic in aim and purpose. The Revolution had its roots deep down in the life of the people. The Communist State was based on a scheme forcibly applied by a political party. In the contest the Revolution was being slain, but the slayer also was gasping for breath. I had known in America that the Interventionists, the blockade and the conspiracy of the imperialists were wrecking the Revolution. But what I had not known then was the part the Bolsheviki were playing in the process. Now I realized that they were the gravediggers

I was oppressively conscious of the great debt I owed to the workers of Europe and America: I should tell them the truth about Russia. But how could I speak out when the country was still besieged on several fronts? It would mean working into the hands of Poland and Wrangel. For the first time in

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

my life I refrained from exposing great social evils. I felt as if I were betraying the trust of the masses, particularly of the American workers, whose faith I dearly cherished.

Arrived in Petrograd I went to live temporarily in the Hotel International. I intended to find a room somewhere else, determined to accept no privileges at the hands of the Government. The International was filled with foreign visitors. Many had no idea of why or wherefore they had come. They had simply flocked to the land they believed the paradise of the workers. I remember my experience with a certain I.W.W. chap. He had brought to Russia a small supply of provisions, needles, thread and other similar necessities. He insisted that I let him share with me. "But you will need every bit of it yourself" I told him. Of course, he knew there was great scarcity in Russia. But the proletariat was in control and as a worker he would receive everything he needed. Or he would "get a piece of land and build a homestead". He was fifteen years in the Wobbly movement and he "didn't mind settling down". What was there to say to such an innocent? I had not the courage to disillusion him. I knew he would learn soon enough. It was pathetic, though, to see such people flood starving Russia. Yet they could not do her the harm the other kind was doing - creatures from the four corners of the earth to whom the Revolution represented a gold mine. There were many of them in the International. They all came with legends of the wonderful growth of Communism in America, Ireland, China, Palestine. Such stories were balm to the hungry souls of the men in power.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

They welcomed them as an old maid welcomes the flattery of her first suitor. They sent those impostors back home well provided financially and equipped to sing the praises of the Workers' and peasants' Republic. It was both tragic and comic to observe the brood all inflated with "important conspiracy missions".

I received many visitors in my room, among them my little neighbor from the Astoria, with her two children, a Communist from the French Section, and several of the foreigners. My neighbor looked sick and worn since I saw her last in June, 1920. "Are you ill?" I inquired on one occasion. "Not exactly", she said; "I am hungry most of the time and exhausted. My ~~poor~~ ~~sick~~ ~~child~~ The summer has been hard: as inspectress of children's homes I have to do much walking. I return home completely exhausted. My nine year old girl goes to a children's colony, but I would not risk sending my baby boy there because of his experience last year when he had been so neglected that he nearly died. I had to keep him in the city all summer, which made it doubly hard for me. Still, it would not have been so bad if not for the subotniki and voskresniki (Communist Saturday and Sunday voluntary work days). They drain my energies completely. You know how they began - like a picnic, with trumpets and singing, marching and festivities. We all felt inspired, especially when we saw our leading comrades take pick and shovel and pitch in. But that is all a matter of the past. The subotniki have become gray and spiritless, an obligation imposed without regard to inclination, physical fitness

BEST COPY AVAILABLE

547

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

or the amount of other work one has to do. Nothing ever succeeds in our poor Russia. If I could only get out to Sweden, Germany, anywhere, far away from it all". Poor little woman, she was not the only one who wanted to forsake the country. It was their love for Russia and their bitter disappointment in her which made most people anxious to run away.

Several other Communists I knew in Petrograd were even more embittered. Whenever they called on me they would repeat their determination to get out of the Party. They were suffocating - they said - in the atmosphere of intrigue, blind hatred, and senseless persecution. But it requires considerable will power to leave the Party which absolutely controls the destiny of over a hundred million people, and my Communist visitors lacked the strength. But that did not lessen their misery, which affected even their physical condition, although they received the best rations and they had their meals at the exclusive Smolny dining room. I remember my surprise on first finding that there were two separate restaurants in Smolny, one where wholesome and sufficient food was served to the important members of the Petrograd Soviet and of the Third International, while the other was for the ordinary employees of the Party. At one time there had even been three restaurants. Somehow the Kronstadt sailors learned of it. They came in a body and closed two of the eating places. "We made the revolution that all should share alike", they said. Only one restaurant functioned for a time but later the second was opened. But

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

even in the latter the meals were far superior to the Sovietsky dining rooms for the "common people".

Some of the Communists objected to the discrimination. They saw the blunders, the intrigues, the destruction of life practiced in the name of Communism, but they had not the strength and courage to protest or to disassociate themselves from the Party responsible for the injustice and brutality. They would often unburden themselves to me of the matters they dared not discuss in their own circles. Thus I came to know many things about the inner workings of the Party and the Third International/ that were carefully hidden from the outside world. Among them was the story of the alleged Finnish White conspiracy, which resulted in the killing in Petrograd of seven leading Finnish Communists. I had read about it in the Soviet papers while I was in the Ukraine. I remember my feeling of renewed impatience with myself that I should be critical of the Bolshevik regime at a time when counter-revolutionary conspiracies were still so active. But from my Communist visitors I learned that the published report was false from beginning to end. It was no White conspiracy but a fight between two groups of Bolsheviki: the moderate Finnish Communists in control of the propaganda carried on from Petrograd and the Left Wing working in Finland. The Moderates were Zinoviev adherents and had been put in charge of the work by him. The Lefts had repeatedly complained to the Third International about the conservatism and compromises of their comrades in Petrograd and the harm they were doing to the

BEST COPY AVAILABLE

549

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

movement in Finland. They asked that those men be removed. They were ignored. On the 31st of August, 1920, the Lefts came to Petrograd and proceeded to the headquarters of the Moderates. At the session of the latter they demanded that the Executive Committee resign and turn over all books and accounts to them. Their demand refused, the young Finnish Communists opened fire, killing seven of their comrades. The affair was heralded to the world as a counter-revolutionary conspiracy of White Finns.

The third anniversary of the October Revolution was celebrated November 7th, (October 25th, old style) on the Uritsky Square. I had seen so many official demonstrations that they had lost interest for me. Still I went to the Square hoping that a new note might be sounded. It proved a rehash of the thing I had heard over and over again. The pageant especially was a demonstration of Communist poverty in ideas. Koronsky and his cabinet, Tchernov and the Constituent Assembly, and the storming of the Winter Palace again served as puppets to bring out in strong relief the role of the Bolsheviki as "saviors of the Revolution". It was badly played and poorly staged, and fell flat. To me the celebration was more like the funeral than the birth of the Revolution.

There was much excitement in Petrograd all through the month of November. Numerous rumors were afloat about strikes, arrests and clashes between workers and soldiery. It was difficult to get at the facts. But the extraordinary session called by the Party in the First House of the Soviet indicated a serious situation. In the early part of the afternoon the whole

BEST COPY AVAILABLE

550

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

square in front of the Astoria was lined with autos of the influential Communists who had been summoned to attend the special conference. The following morning we learned that in obedience to the Moscow decree the Petrograd section decided to mobilize a number of important Bolsheviki workers for the factories and shops. Three hundred Party members, some of them high Government officials and others holding responsible positions in the Petro-Soviet, were immediately ordered to work, to prove to the proletariat that Russia was indeed a Workers' Government. The plan was expected to allay the growing discontent of the proletariat and to counteract the influence of the other political parties among them. Zorin was one of the three hundred.

However, the toilers would not be deceived by this move. They knew that most of the mobilized men continued to live in the Astoria and came to work in their autos. They saw them warmly dressed and well shod, while they themselves were almost naked and living in squalid quarters without light or heat. The workers resented the pretense. The matter became a subject of discussion in the shops, and many unpleasant scenes followed. One woman, a prominent Communist, was so tormented in the factory that she went into hysterics and had to be taken away. Some of the mobilized Bolsheviki, among them Zorin and others, were sincere enough, but they had grown away from the toilers and could not stand the hardships of factory life. After a few weeks Zorin collapsed and had to be removed to a place of rest. Though he was generally liked, his collapse was interpreted by the workers as a ruse to get away from the misery of the proletarian's

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

existance. The breach between the masses and the new Bolshevik bureaucracy had grown too wide. It could not be bridged.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

XXV. ARCHANGEL AND RETURN

On November 28th the Expedition again got under way, this time with three members only: Alexander Berkman, the Secretary, and myself. We travelled by way of Moscow to Archangel, with stops in Vologda and Yaroslavl. Vologda had been the seat of various foreign embassies, unofficially engaged in aiding the enemies of the Revolution. We expected to find historic material there, but we were informed that most of it had been destroyed or otherwise wasted. The Soviet institutions were uninteresting: it was a plodding, sleepy provincial town. In Yaroslavl, where the so-called Savinkov uprising had taken place two years previously, no significant data was found.

We continued to Archangel. The stories we had heard of the frozen North made us rather apprehensive. But much to our relief we found that city no colder than Petrograd, and much drier.

The Chairman of the Archangel Ispolkom was a pleasant type of Communist, not at all officious or stern. As soon as we had stated our mission he set the telephone going. Every time he reached some official on the wire he would address him as "dear tovarishtch", and inform him that "dear tovarishtchi from the Centre" had arrived and must be given every assistance. He thought that our stay would be profitable because many important documents remained after the Allies had withdrawn. There were files of old newspapers published by the Tchaikovsky Government and photographs of the brutalities perpetrated upon the Communists by the Whites. The Chairman himself had lost his whole family, including his twelve- year old sister.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

...s he had to leave the next day to attend the Conference of Soviets in Moscow, he promised to issue an order giving us access to the archives.

Leaving the Izvoltkom to begin our rounds we were surprised by three sleighs waiting for us, thanks to the thoughtfulness of the Chairman. Tucked up under fur covers and with bells tinkling, each member of the Expedition started in a different direction to cover the departments assigned to him. The Archangel Soviet officials appeared to have great respect for the "Centor", the word acted like magic, opening every door.

The head of the Department of Education was a hospitable and kindly man. After explaining to me in detail the work done by his institution he called to his office a number of employees, informed them of the purpose of the Expedition and asked them to prepare the material they could gather for the museum. Among these Soviet workers was a nun, a pleasant faced young woman. What a strange thing, I thought, to find a nun in a Soviet office! The Chairman noticed my surprise. He had quite a number of nuns in his department, he said. When the monasteries had been nationalized the poor women had no place to go to. He conceived the idea of giving them a chance to do useful work in the new world. He had found no cause to regret his action: he did not convert the nuns to Communism, but they became very faithful and industrious workers, and the younger ones had even expanded a little. He invited me to visit the little art studio where several nuns were employed.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

The studio was a rather unusual place - not so much because of its artistic value as on account of the people who worked there; two old nuns who had spent 40 and 25 years, respectively, in monasteries; a young White officer, and an elderly workingman. The last two had been arrested as counter-revolutionists and were condemned to death, but the Chairman rescued them in order to put them to useful work. He wanted to give an opportunity to those who through ignorance or accident were the enemies of the Revolution. A revolutionary period, he remarked, necessitated stern measures, even violence; but other methods should be tried first. He had many in his department who had been considered counter-revolutionary, but now they were all doing good work. It was the most extraordinary thing I had heard from a Communist. "Aren't you considered a sentimental bourgeois?" I asked. "Yes, indeed," he replied smilingly, "but that is nothing. The main thing is that I have been able to prove that my sentimentalism works, as you can see for yourself".

The carpenter was the artist of the studio. He had never been taught, but he did beautiful carving and was a master in every kind of wood work. The nuns made color drawings of flowers and vegetables, which were used for demonstration by lecturers in villages. They also painted posters, mainly for the children festivals.

I visited the studio several times alone so I could speak freely to the carpenter and the nuns. They had little

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

understanding of the elemental facts that had pulled them out of their moorings. The carpenter lamented that times were hard because he was not permitted to sell his handwork. "I used to earn a good bit of money, but now I hardly get enough to eat", he would say. The sisters did not complain; they accepted their fate as the will of God. Yet there was a change even in them. Instead of being shut away in a nunnery they were brought in touch with real life, and they had become more human. Their expression was less forbidding, their work showed signs of kinship with the world around them. I noticed it particularly in their drawings of children and children's games. There was a tenderness about them that spoke of the long suppressed mother instinct struggling for expression. The former White officer was the most intelligent of the four - he had gone through Life's crucible. He had learned the folly and crime of intervention, he said, and would never lend his aid to it again. What had convinced him? The interventionists themselves. They had been in Archangel and they carried on as if they owned the city. The Allies had promised much, but they had done nothing except enrich a few persons who speculated in the supplies intended to benefit the population. Everyone gradually turned against the interventionists. I wondered how many of the countless ones shot as counter-revolutionists would have been won over to the new regime and would now be doing useful work if somebody had cared their lives.

I had seen so many show schools that I decided to say nothing about visiting educational institutions until some

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

unexpected moment when one could take them by surprise. For our first Saturday in Pskhangel a special performance of Leonid Andreyev's play, "Sarvar", had been arranged. For a provincial theater, considering also the lack of preparation, the drama was fairly well done. After the performance I told the Chairman of the Department, K, that I would like to visit his schools early next morning. Without hesitation he consented and even offered to call for the other members of the Expedition. We visited several schools and in point of cleanliness, comfort and general cheerfulness, I found them a revelation. It was also beautiful to see the fond relationship that existed between the children and K. Their joy was spontaneous and frank at the sight of him. The moment he appeared they would throw themselves upon him, shouting with delight; they climbed on him and clung to his neck. And he? Never once did I see such a picture in any school in Petrograd or Moscow. He threw himself on the floor, the children about him, and played and frolicked with them as if they were his own. He was one of them; they knew it and felt at home with him. Similar beautiful relationships I found in every school and children's home we visited. The children were radiant when K appeared. They were the first happy children I had seen in Russia. It strengthened my conviction of the significance of personality and the importance of mutual confidence and love between teacher and pupil. We visited a number of schools that day. Nowhere did I find any discrimination; everywhere the children had spacious dormitories, optionally clean rooms and beds, good food and clothes. The atmosphere of the schools was warm and intimate.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

We found in Archangel many historic documents, including the correspondence between Tchaikovsky, of the Provincial Government, and General Miller, the representative of the Allies. It was patiotic to read the pleading, almost cringing words of the old pioneer of the revolutionary movement in Russia, the founder of the Tchaikovsky circles, the man I had known for years and had been inspired by. The letters exposed the weakness of the Tchaikovsky regime and the arbitrary rule of the Allied troops. Particularly significant was the farewell message of a sailor about to be executed by the Whites. He described his arrest and cross-examination, and Finnish third degree applied by an English army officer at the point of a gun. Among the material collected by us were also copies of various revolutionary and anarchist publications issued sub rosa. From the Department of Education we received many interesting posters and drawings, as well as pamphlets and books, and a collection of specimens of the children's work. Among them was a velvet table cover painted by the nuns and portraying Archangel children in gay colors, presented as their greetings to the children of America.

The schools and the splendid men at their head were not the only noteworthy features of Archangel. The other Soviet institutions also proved efficient. There was no sabotage, the various bureaus worked in good order and the general spirit was sincere and progressive.

The food ~~especially~~ distribution was especially well

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

organized. Unlike most other places, there was no loss of time or waste of energy connected with procuring one's rations. Yet Archangel was not particularly well supplied with provisions. One could not help thinking of the great contrast in this regard between that city and Moscow. Archangel probably learned a lesson in organization from contact with Americans - the last thing the Allies intended.

The Archangel visit was so interesting and profitable that the Expedition delayed its departure, and we remained much longer than originally planned. Before leaving I called on X. If anything could be sent him from "the center", what would he like most, I asked. "Paints and canvas for our little studio", he replied; "see Lunacharsky and get him to send us some". Splendid, gracious personality.

We left Archangel for Murmansk, but we had not gone far when we were overtaken by a heavy snowstorm. We were informed that we could not reach Murmansk in less than a fortnight, a journey which under normal conditions required three days. There was also danger of not being able to return to Petrograd on time, the snow often blocking the roads for weeks. We therefore decided to turn back to Petrograd. When we came within 75 versts of that city we ran into a blizzard. It would take days before the track would be cleared sufficiently to enable us

BEST COPY AVAILABLE

559

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

to proceed. Not cheerful news, but fortunately we were supplied with fuel and enough provisions for some time.

It was the end of December and we celebrated Christmas Eve in our car. The night was glorious, the sky brilliant with stars, the earth clad in white. A small pine tree, artfully decorated by the secretary and enthroned in our diner, graced the occasion. The glow of the little wax candles lent a touch of romance to the scene. Gifts for our fellow travellers came all the way from Berlin - they had been given us by friends in December, 1919, when we were on Ellis Island awaiting deportation. A year had passed since then, an excruciating year.

Arriving in Petrograd we found the city agitated by the heated discussion of the role of the trade unions. Conditions in the latter had resulted in so much discontent among the rank and file that the Communist Party was at last forced to take up the issue. Already in October the trade union question had been brought up at the sessions of the Communist Party. The discussions continued all through November and December, reaching their climax at the Eighth All-Russian Congress of the Soviets. All the leading Communists participated in the great verbal contest which was to decide the fate of the labor organizations. The theses discussed disclosed four different views. First, that of the Zinoviev faction, which held that the main "function of the trade unions under the proletarian dictatorship is to serve as schools of communism". The group represented by the old Communist Ryasanov insisted that the trade unions must function as the forum of the workers and their economic protector.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Trotsky led the third faction. He believed that the trade unions would in the course of time become the managers and controllers of the industries, but for the present the unions must be subject to strict military discipline and be made entirely subservient to the needs of the state. The fourth and most important tendency was that of the Labor Opposition, headed by Madame Kollontay and Schliapnikov, who expressed the sentiment of the workers themselves and had their support. This Opposition argued that the governmental attitude towards the trade unions had destroyed the interest of the toilers in the economic reconstruction of the country and paralized their productive capacity. They emphasized that the October Revolution had been fought to put the proletariat in control of the industrial life of the country. They demanded the liberation of the masses from the yoke of the bureaucratic State and its corrupt officialdom and opportunity for the exercise of the creative energies of the workers. The Labor Opposition voiced the discontent and aspirations of the rank and file.

It was a battle royal, with Trotsky and Zinoviev chasing each other over the country in separate special trains, to disprove each others contentions. In Petrograd, for instance, Zinoviev's influence was so powerful that it required a big struggle before Trotsky received permission to address the Communist local on his views in the controversy. The latter engendered intense feeling and for a time threatened to disrupt the Party.

At the Congress Lenin denounced the Labor Opposition as

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

"anarcho-syndicalist, middle class ideology" and advocated its entire suppression. Schliapnikov, one of the most influential leaders of the Opposition, was referred to by Lenin as a "peeved Commissar" and was subsequently silenced by being made a member of the Central Committee of the Communist Party. Mme. Kollontay was told to hold her tongue or get out of the Party; her pamphlet, setting forth the views of the Opposition, was suppressed. Some of the lesser lights of the Labor Opposition were given a vacation in the Tchoka, and even Ryazanov, an old and tried Communist, was suspended for six months from all union activities.

Soon after our arrival in Petrograd we were informed by the Secretary of the Museum that a new institution known as the Iskpart had been formed in Moscow, to collect material about the history of the Communist Party. This organization also proposed to supervise all future expeditions of the Museum of the Revolution and to place them under the direction of a political Commissar. It became necessary to go to Moscow to ascertain the facts of the case. We had seen too many evils resulting from the dictatorship of the political Commissar, the ever present espionage and the curtailment of independent effort. We could not consent to the change in the character of our Expedition which was about to be made.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

2106

XXVI. DEATH AND FUNERAL OF PETER KROPOTKIN

When I reached Moscow in January, 1921, I learned that Peter Kropotkin had been stricken with pneumonia. I immediately offered to nurse him, but as one nurse was already in attendance and the Kropotkin cottage was too small to accommodate extra visitors, it was agreed that Sasha Kropotkin, who was then in Moscow, should go to Dmitrov to find out whether I was needed. I had previously arranged to leave for Petrograd the next day. Till the moment of departure I waited for a call from the village; none coming, I concluded that Kropotkin was improving. Two days later, in Petrograd, I was informed by Ravitch that Kropotkin had grown worse and that I was asked to come to Moscow at once. I left immediately, but unfortunately my train was ten hours overdue, so that I reached Moscow too late to connect with Dmitrov. There were at the time no morning trains to the village and it was not till the eve of February 7th that I was at last seated in a train bound for the place. Then the engine went off for fuel and did not return until 1 A.M. of the next day. When I finally arrived at the Kropotkin cottage, on February 8th, I learned the terrible news that Peter had died about an hour before. He had repeatedly called for me, but I was not there to render the last service to my beloved teacher and comrade, one of the world's greatest and noblest spirits. It had not been given me to be near him in his last hours. I would at least remain until he was carried to his final resting place.

Two things had particularly impressed me on my two

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

previous visits to Kropotkin: his lack of bitterness towards the Bolsheviki, and the fact that he never once alluded to his own hardships and privations. It was only now, while the family was preparing for the funeral, that I learned some details of his life under the Bolshevik regime. In the early part of 1918 Kropotkin had grouped around him some of the ablest specialists in political economy. His purpose was to make a careful study of the resources of Russia, to compile these in monographs and to turn them to practical account in the industrial reconstruction of the country. Kropotkin was the editor-in-chief of the undertaking. One volume was prepared, but never published. The Federalist League, as this scientific group was known, was dissolved by the Government and all the material confiscated.

On two occasions were the Kropotkin apartments in Moscow requisitioned and the family forced to seek other quarters. It was after these experiences that the Kropotkins moved to Dmitrov, where old Peter became an involuntary exile. Kropotkin, in whose home in the past had gathered from every land all that was best in thought and ideas, was now forced to lead the life of a recluse. His only visitors were peasants and workers of the village and some members of the intelligentsia, whose want it was to come to him with their troubles and misfortunes. He had always kept in touch with the world through numerous publications, but in Dmitrov he had no access to these sources. His only channel of information now was the two Government papers, Pravda and Izvestia. He was also greatly handicapped in his work on the new Ethics while he lived in the village. He was mentally starved,

BEST COPY AVAILABLE

564

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

which to hi. was greater torture than physical malnutrition. It is true that he was given a better <u>payok</u> than the average person, but even that was insufficient to sustain his waning strength. Fortunately he occasionally received from various sources assistance in the form of provisions. His comrades from abroad, as well as the Anarchists of the Ukraine, often sent him food packages. Once he received some gifts from Maldino, at that time heralded by the Bolsheviki as the terror of counter-revolution in Southern Russia. Especially did the Kropotkins feel the lack of light. When I visited them in 1920 they were considering themselves fortunate to be able to have even one room lit. Most of the time Kropotkin worked by the flicker of a tiny oil lamp that nearly drove him blind. During the short hours of the day he would transcribe his notes on a typewriter, slowly and painfully pounding out every letter.

However, it was not his own discomfort which sapped his strength. It was the thought of the Revolution that failed, the hardships of Russia, the persecutions, the endless <u>rastrels</u>, which made the last two years of his life a deep tragedy. On two occasions he attempted to bring the rulers of Russia to their senses: once in protest against the suppression of all non-Communist publications; the other time against the barbaric practice of taking hostages. Ever since the Cheka had begun its activities the Bolshevik Government sanctioned the taking of hostages. Old and young, mothers, fathers, sisters, brothers, even children were kept as hostages for the alleged offence of one of their kin, of which they often knew nothing. Kropotkin regarded such methods as inexcusable under any circumstances.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

In the Fall of 1920 members of the Social Revolutionist Party, that had succeeded in getting abroad, threatened retaliation if Communist persecution of their comrades continued. The Bolshevik Government announced in its official press that for every Communist victim it would execute ten Social Revolutionists. It was then that the famous revolutionist Vera Figner and Peter Kropotkin sent their protest to the powers that be in Russia. They pointed out that such practices were the worst blot on the Russian Revolution and an evil that had already brought terrible results in its wake: history would never forgive such methods.

The other protest was made in reply to the plan of the Government to "liquidate" all private publishing establishments, including even those of the cooperatives. The protest was addressed to the President of the All-Russian Congress of Soviets, then in session. It is interesting to note that Gorki, himself an official of the Commissariat of Education, had sent a similar protest. In this statement Kropotkin called attention to the danger of such a policy to all progress, in fact, to all thought, and emphasized that such State monopoly would make creative work utterly impossible. But the protests had no effect. Thereafter Kropotkin felt that it was useless to appeal to a government gone mad with power.

During the two days I spent in the Kropotkin household I learned more of his personal life than during all the years that I had known him. Even his closest friends were not aware that Peter Kropotkin was an artist and a musician of much talent.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Among his effects I discovered a collection of drawings of great merit. He loved music passionately and was himself a musician of unusual ability. Much of his leisure he spent at the piano.

And now he lay on his couch, in the little workroom, as if peacefully asleep, his face as kindly in death as it had been in life. Thousands of people pilgrimed to the Kropotkin cottage to pay homage to this great son of Russia. When his remains were carried to the station to be taken to Moscow, the whole population of the village attended the impressive funeral procession to express their last affections to greeting to the man who had lived among them as their friend and comrade.

The friends and comrades of Kropotkin decided that the Anarchist organisations should have exclusive charge of the funeral and a Peter Kropotkin Funeral Commission was formed in Moscow, consisting of representatives of the various Anarchist groups. The Committee wired Lenin, asking him to order the release of all Anarchists imprisoned in the capital in order to give them the opportunity to participate in the funeral.

Owing to the nationalisation of all public conveyances, printing establishments, and so forth, the Anarchist Funeral Commission was compelled to ask the Moscow Soviet to enable it to carry out successfully the funeral program. The Anarchists being deprived of their own press, the Commission had to apply to the authorities for the publication of the matter necessary in connection with the funeral arrangements. After considerable

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

discussion permission was secured to print two leaflets and to issue a four page bulletin in memorium of Peter Kropotkin. The Commission requested that the paper be issued without censorship and stated that the reading matter would consist of appreciation of its dead comrade, exclusive of all polemical questions. This request was categorically refused. Having no choice, the Commission was forced to submit and the manuscripts were sent in for censorship. To forestall the possibility of remaining without any memorial issue because of the delaying tactics of the Government, the Funeral Commission resolved to open, on its own responsibility, a certain Anarchist printing office that had been sealed by the Government. The bulletin and the two leaflets were printed in that establishment.

In answer to the wire sent to Lenin the Central Committee of the All-Russian Executive of the Soviets resolved "to propose to the All-Russian Extraordinary Commission (Ych-Tcheka) to release, according to its judgment, the imprisoned Anarchists for participation in the funeral of Peter A. Kropotkin". The delegates sent to the Tcheka were asked whether the Funeral Commission would guarantee the return of the prisoners. They replied that the question had not been discussed. The Tcheka thereupon refused to release the Anarchists. The Funeral Commission, informed of the new development in the situation, immediately guaranteed the return of the prisoners after the funeral. Thereupon the Tcheka replied that "there are no Anarchists in prison who, in the judgment of the Chairman of the Extraordinary Commission could be released for the funeral".

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

The remains of the dead lay in state in the Hall of Columns in the Moscow Labor Temple. On the morning of the funeral the Kropotkin Funeral Commission decided to inform the assembled people of the breach of faith on the part of the authorities and demonstratively to withdraw from the Temple all the wreaths presented by official Communist bodies. Fearing public exposure, the representatives of the Moscow Soviet definitely promised that all the Anarchists imprisoned in Moscow would immediately be released to attend the funeral. But this promise was also broken, only seven of the Anarchists being released from the "inner jail" of the Extraordinary Commission. None of the Anarchists imprisoned in the Butyrki attended the funeral. The official explanation was that the twenty Anarchists incarcerated in that prison refused to accept the offer of the authorities. Later I visited the prisoners to ascertain the facts in the case. They informed me that a representative of the Extraordinary Commission insisted on individual attendance, making exceptions in some cases, ~~making exceptions in some cases~~. The Anarchists, aware that the promise of temporary release was collective, demanded that the stipulation be kept. The Cheka representative went to the telephone to consult the higher authorities, as he said. He did not return.

The funeral was a most impressive sight. It was a unique demonstration never witnessed in any other country. Long lines of members of Anarchist organisations, Labor unions, scientific and literary societies and student bodies marched for over two hours from the Labor Temple to the burial place, seven versts distant. The procession was headed by students and

BEST COPY AVAILABLE

569

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

children carrying wreaths presented by various organisations. Anarchist banners of black, and scarlet Socialist emblems floated above the multitude. The mile-long procession entirely dispensed with the services of the official guardians of the peace. Perfect order was kept by the multitude itself spontaneously forming in several rows, while students and workers organized a live chain on both sides of the marchers. Passing the Tolstoi Museum the cortege paused, and the banners were lowered in honor of the memory of another great son of Russia. A group of Tolstoians on the steps of the Museum sang Chopin's Funeral March as an expression of their love and reverence for Kropotkin.

The brilliant winter sun was sinking behind the horizon when the remains of Kropotkin were lowered into the grave, after speakers of various political tendencies had paid their last tribute to their great teacher and comrade.

BEST COPY AVAILABLE

570

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

2106

XXVII. FRONSTADT

In February, 1921, the workers of several Petrograd factories went on strike. The winter was an exceptionally hard one, and the people of the capital suffered intensely from cold, hunger and exhaustion. They asked an increase of their food rations, some fuel and clothing. The complaints of the strikers, ignored by the authorities, presently assumed a political character. Here and there was also voiced a demand for the Constituent Assembly and free trade. The attempted street demonstration of the strikers was suppressed, the Government having ordered out the military <u>kursanti</u>. Lisa Korin, who of all the Communists I had met, remained closest to the people, was present at the breaking up of the demonstration. One woman became so enraged over the brutality of the military that she attacked Lisa. The latter, true to her proletarian instincts, saved the woman from arrest and accompanied her home. There she found the most appalling conditions. In a dark and damp room there lived a workers' family with its six children, half-naked in the bitter cold. Subsequently Lisa said to me: "I felt sick to think that I am in the Astoria"-. Later she moved out.

When the Kronstadt sailors learned what was happening in Petrograd they expressed their solidarity with the strikers in their economic and revolutionary demands, but refused to support any call for the Constituent Assembly. On March 1st the sailors organised a mass meeting in Kronstadt, which was attended also by the Chairman of the All-Russian Central Executive Committee, Kalinin (the presiding officer of the Republic of Russia),

BEST COPY AVAILABLE

571

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

the Commander of the Kronstadt Fortress, Kuzmin, and the Chairman of the Kronstadt Soviet, Vassiliev. The meeting, held with the knowledge of the Executive Committee of the Kronstadt Soviet, passed a resolution approved by the sailors, the garrison and the citizens' meeting of 16,000 persons. Kalinin, Kuzmin, and Vassiliev spoke against the resolution, which later became the basis of the conflict between Kronstadt and the Government. It voiced the popular demand for Soviets elected by the free choice of the people. It is worth reproducing that document in full, that the reader may be enabled to judge the true character of the Kronstadt demands. The Resolution read:

Having heard the Report of the Representatives sent by the General Meeting of Ship Crews in Petrograd to investigate the situation there, Resolved:

(1) In view of the fact that the present Soviets do not express the will of the workers and the peasants, immediately to hold new elections by secret ballot, the pre-election campaign to have full freedom of agitation among the workers and peasants;

(2) To establish freedom of speech and press for workers and peasants, for Anarchists and left Socialist parties;

(3) To secure freedom of assembly for labor unions and peasant organizations;

(4) To call a nonpartisan Conference of the workers, Red Army soldiers and sailors of Petrograd, Kronstadt, and of Petrograd province, no later than March 10, 1921;

(5) To liberate all political prisoners of Socialist parties, as well as all workers, peasants, soldiers, and sailors imprisoned in connection with the labor and peasant movements;

(6) To elect a Commission to review the cases of those held in prisons and concentration camps;

(7) To abolish all politotdeli (political bureaus) because no party should be given special privileges in the propagation of its ideas or receive the financial support of the Government

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

for such purposes. Instead there should be established educational and cultural commissions, locally elected and financed by the Government.

(8) To abolish immediately all zagryaditelniye otryadi *

(9) To equalise the rations of all who work, with the exception of those employed in trades detrimental to health;

(10) To abolish the Communist fighting detachments in all branches of the army, as well as the Communist guards kept on duty in mills and factories. Should such guards or military detachments be found necessary, they are to be appointed in the army from the ranks, and in the factories according to the judgment of the workers;

(11) To give the peasants full freedom of action in regard to their land, and also the right to keep cattle, on condition that the peasants manage with their own means; that is, without employing hired labor;

(12) To request all branches of the army, as well as our comrades the military kursanti, to concur in our resolutions;
(13)
(13) To demand that the press give the fullest publicity to our resolutions;

(14) To appoint a Travelling Commission of Control;

(15) To permit free kustarnoye (individual small scale) production by one's own efforts.

On March 4th the Petrograd Soviet was to meet and it was generally felt that the fate of Kronstadt would be decided then. Trotsky was to address the gathering, and as I had not yet had an opportunity to hear him in Russia, I was anxious to attend. My attitude in the matter of Kronstadt was still undecided. I could not believe that the Bolsheviki would deliberately fabricate the story about General Kozlovsky as the leader of the sailors. The Soviet setting, I expected, would bring more clarity into the matter.

---

* Armed units organised by the Bolsheviki for the purpose of suppressing traffic and confiscating foodstuffs.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Tauride Palace was crowded and a special body of kursanti surrounded the platform. The atmosphere was very tense. All waited for Trotsky. But when at 10 o'clock he had not arrived, Zinoviev opened the meeting. Before he had spoken fifteen minutes I was convinced that he himself did not believe in the story of Kozlovsky. "Of course Kozlovsky is old and can do nothing", he said, "but the white officers are back of him and are misleading the sailors". Yet for days the Soviet papers had heralded General Kozlovsky as the moving spirit in the "uprising". Kalinin, when the sailors had permitted to leave Kronstadt unmolested, raved like a fish-peddler. He denounced the sailors as counter-revolutionists and called for their immediate subjugation. Several other Communists followed suit. When the meeting was opened for discussion, a workingman from the Petrograd arsenal demanded to be heard. He spoke with deep emotion and, ignoring the constant interruptions, he fearlessly declared that the workers had been driven to strike because of the Government's indifference to their complaints; the Kronstadt sailors, far from being counter-revolutionists, were devoted to the Revolution. Facing Zinoviev he reminded him that the Bolshevik authorities were now acting towards the workers and sailors just as the Kerensky Government had towards the Bolsheviki. "Then you were denounced as counter-revolutionists and Communists", he said; "we, the workers and sailors, protected you and helped you to power. Now you denounce us and are ready to attack us with arms. Remember, you are playing with fire".

Then a sailor spoke. He referred to the glorious

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

revolutionary part of Kronstadt, appealed to the Communists not to engage in fratricide and read the Kronstadt resolution to prove the peaceful attitude of the sailors. But the voice of these sons of the people fell on deaf ears. The Petro-Soviet, its passions roused by Bolshevik demagogury, passed the Zinoviev resolution ordering Kronstadt to surrender on pain of extermination.

The Kronstadt sailors were ever the first to serve the Revolution. They had played an important part in the revolution of 1905; they were in the front ranks in 1917. Under Kerensky's regime they proclaimed the Commune of Kronstadt and opposed the Constituent Assembly. They were the advance guard in the October Revolution. In the great struggle against Yudenitch the sailors offered the strongest defense of Petrograd, and Trotsky praised them as the "pride and glory of the Revolution". Now, however, they had dared to raise their voice in protest against the new rulers of Russia. That was high treason from the Bolshevik viewpoint. The Kronstadt sailors were doomed.

Petrograd was aroused over the decision of the Soviet; some of the Communists even, especially those of the French Section, were filled with indignation. But none of them had the courage to protest, even in the party circles, against the proposed slaughter. As soon as the Petro-Soviet resolution became known, a group of well-known literary men of Petrograd gathered to confer whether something could not be done to prevent the planned crime. Some one suggested that Gorki be approached to head a committee of protest to the Soviet authorities. It was hoped

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

that he would emulate the example of his illustrious countryman Tolstoi, who in his famous letter to the Tsar had raised his voice against the terrible slaughter of workers. Now also such a voice was needed, and Gorki was considered the right man to call on the present Tsars to bethink themselves. But most of those present at the gathering scouted the idea. Gorki was of the Bolsheviki, they said; he would not do anything. On several previous occasions he had been appealed to, but refused to intercede. The conference brought no results. Still, there were some persons in Petrograd who could not remain silent. They sent the following letter to the Soviet of Defense:

To the Petrograd Soviet of Labor and Defense,
Chairman Zinoviev:

To remain silent now is impossible, even criminal. Recent events impel us Anarchists to speak out and to declare our attitude in the present situation.

The spirit of turmoil and dissatisfaction manifest among the workers and sailors is the result of causes that demand our serious attention. Cold and hunger had produced disaffection, and the absence of any opportunity for discussion and criticism is forcing the workers and sailors to air their grievances in the open.

White-guardist bands wish and may try to exploit this dissatisfaction in their own class interests. Hiding behind the workers and sailors they throw out slogans of the Constituent Assembly, of free trade, and similar demands.

We Anarchists have long since exposed the fiction of those slogans, and we declare to the whole world that we will fight with arms against any counter-revolutionary attempt, in cooperation with all friends of the Social Revolution and hand in hand with the Bolsheviki.

Concerning the conflict between the Soviet Government and the workers and sailors, we hold that it must be settled not by force of arms but by means of comradely, fraternal revolutionary arrangement. Resort to bloodshed, on the part of the Soviet Government will not - in the given situation - intimidate or quieten the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

workers. On the contrary, it will serve only to aggravate matters and will strengthen the hands of the Entente and of internal counter-revolution.

More important still, the use of force by the workers' and peasants' Government against workers and sailors will have a reaction ry effect upon the international revolutionary movement and will everywhere result in the incalculable harm to the Social Revolution.

Comrades Bolsheviki, bethink yourselves before it is too late. Do not play with fire: you are about to make a most serious and decisive step.

We hereby submit to you the following proposition: Let a Commission be selected to consist of five persons, inclusive of two Anarchists. The Commission is to go to Kronstadt to settle the dispute by peaceful means. In the given situation this is the most radical method. It will be of international revolutionary significance.

Petrograd,
March 5, 1921.

ALEXANDER BERKMAN
EMMA GOLDMAN
BERKUS
PETROVSKY

But this protest was ignored.

On March 7th Trotsky began the bombardment of Kronstadt, and on the 17th the fortress and city were taken, after numerous assaults involving terrific human sacrifice. Thus Kronstadt was "liquidated" and the "counter-revolutionary plot" quenched in blood. The "conquest" of the city was characterized by ruthless savagery, although not a single one of the Communists arrested by Kronstadt sailors had been injured or killed by them. Even before the storming of the fortress the Bolsheviki summarily executed numerous soldiers of the Red Army whose revolutionary spirit and solidarity caused them to refuse to participate in the bloodbath.

Several days after the "glorious victory" over Kronstadt Lenin said at the Tenth Congress of the Communist Party of Russia:

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

"The sailors did not want the counter-revolutionists, but they did not want us, either". And - irony of Bolshevism! - at that very Congress Lenin advocated free trade - a more reactionary step than any charged to the Kronstadt sailors.

Between the ~~fourteenth~~ 1st 17th of March several regiments of the Petrograd garrison and all the sailors of the port were disarmed and ordered to the Ukraine and the Caucasus. The Bolsheviki feared to trust them in the Kronstadt situation: at the first psychological moment they might make common cause with Kronstadt. In fact, many Red soldiers of the Krasnaya Gorka and the surrounding garrisons were also in sympathy with Kronstadt and were forced at the point of guns to attack the sailors.

On March 17th the Communist Government completed its "victory" over the Kronstadt proletariat and on the 18th of March it commemorated the martyrs of the Paris Commune. It was apparent to all who were mute witnesses to the outrage committed by the Bolsheviki that the orgie against Kronstadt was far more enormous than the slaughter of the Communards in 1871, for it was done in the name of the Social Revolution, in the name of the Socialist Republic. History will not be deceived. In the annals of the Russian Revolution the names of Trotsky, Zinoviev and Kamenev will be added to those of Thiers and Gallifet.

Seventeen dreadful days, more dreadful than anything I had known in Russia. Agonising days, because of my utter helplessness in the face of the terrible things enacted before my eyes.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

It was just at that time that I happened to visit a friend who had been a patient in a hospital for months. I found him much distressed. Many of those wounded in the attack of Kronstadt had been brought to the same hospital, mostly kursanti. I had opportunity to speak to one of them. His physical suffering, he said, was nothing as compared with his mental agony. Too late he had realised that he had been duped by the cry of "counter-revolution". There were no Tsarist generals in Kronstadt, no White guardists - he found only his own comrades, sailors and soldiers who had heroically fought for the Revolution.

The rations of the ordinary patients in the hospital were far from satisfactory, but the wounded kursanti received the best of everything, and a select Committee of Communist members was assigned to look after their comfort. Some of the Kursanti, among them the man I had spoken to, refused to accept the special privileges. "They want to pay us for murder", they said. Fearing that the whole institutions would be influenced by those awakened victims, the management ordered them removed to a separate ward, the "Communist ward", as the patients called it.

Kronstadt broke the last thread that held me to the Bolsheviki. The wanton slaughter they had instigated spoke more eloquently against them than aught else. Whatever their pretensions in the past, the Bolsheviki now proved themselves the most pernicious enemies of the Revolution. I could have nothing further to do with them.

BEST COPY AVAILABLE

579

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

XXVIII [illegible]

In a country state-owned and controlled as completely as Russia it is almost impossible to live without the "grace" of the government. However, I was determined to make the attempt. I would accept nothing, not even bread rations, from the hands stained with the blood of the brave Kronstadt sailors. Fortunately I had some clothing left me by an American friend; it could be exchanged for provisions. I had also received some money from my own people in the United States. That would enable me to live for some time.

In Moscow I procured a small room formerly occupied by the daughter of Peter Kropotkin. From that day on I lived like thousands of other Russians, carrying water, chopping wood, washing and cooking, all in my little room. But I felt freer and better for it.

The new economic policy turned Moscow into a vast market place. Trade became the new religion. Shops and stores sprang up over night, mysteriously stocked with delicacies Russia had not seen for years. Large quantities of butter, cheese, and meat were displayed for sale; pastry, rare fruit and sweets of every variety were to be purchased. In the building of the First House of the Soviet one of the biggest pastry shops had been opened. Men, women and children with pinched faces and hungry eyes stood about gazing into the windows and discussing the great miracle: what was but yesterday considered a heinous

BEST COPY AVAILABLE

580

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

offense was now flaunted before them in an open and legal manner. I overheard a Red soldier say: "Is this what we made the Revolution for? For this our comrades had to die?" The slogan, "Rob the robbers" was now turned into "Boopoot the robbers", and again was proclaimed the sanctity of private property.

Russia was thus gradually resurrecting the social conditions that the great Revolution had come to destroy. But the return to capitalism in no way changed the Bolshevik attitude toward the Left elements. Bourgeois ideas and practices were to be encouraged to develop the industrial life of Russia, but revolutionary tendencies were to be suppressed as before.

In connection with Kronstadt a general raid on Anarchists took place in Petrograd and Moscow. The prisons were filled with those victims. Almost every known Anarchist had been arrested and the Anarchist book stores and printing offices of "Golos Truda" in both cities were sealed by the Tcheka. The Ukrainian Anarchists who had been arrested on the eve of the Kharkov Conference (though guaranteed by the Bolsheviki under the Makhno agreement) were brought to Moscow and placed in the Butyrki; that Romanov dungeon was again serving its old purpose - even holding some of the revolutionists incarcerated there before. Recently it became known that the politicals in the Butyrki had been brutally assaulted by the Tcheka and secretly deported to unknown parts. Moscow was much agitated by this resurrection of the worst prison methods of Tsarism. Interpellation on the subject was made in the Moscow Soviet, the indignation of the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

deputies to inv so from that the Tchela representative was shout-
ed off the platform. Several Moscow anarchist groups sent a
vigorous protest t the authorities, which document I quote in
part:

"The unlersi ned Anarcho-syndic.list or.anisations, after h.vin carefully considered the situation that has developed lately in connection with the persecution of Anarchists in Moscow, etrorrad, Kharkov and other cities of Russia and the Ukraina, including the forcible su.pression of Anarchist or.anisations, clubs, publications and so forth - hereby express their decisive and energetic protest against this despotic crushing of not only every agitational and propagandistic activity, but even of all purely cultural work by Anarchist or.anisations.

"The systematic man-hunt of Anarchists in general, and of Anarcho-syndicalists in particular, with the result that every prison and jail in Soviet Russia is filled with our comrades, fully coincided in time and spirit with Lenin's speech at the Tenth Congress of the Russian Communist arty. On that occasion Lenin announced that the most merciless war must be declared against what he termed 'petty bourgeois Anarchist elements' which, according to him, are developing even within the Communist arty itself owing to the 'Anarcho-syndicalist tendencies of the Labor Opposition'. On that very day that Lenin made the above st.tement numbers of Anarchists were arrested all over the country, without the least cause or explanation. No charges had been preferred against any one of the imprisoned comrades, though some of them have already been condemned to long terms without hearing or trial, and in their absence. The conditions of their imprisonment are exceptionally vile and brutal. Thus one of the arrested, Comrade Kaminer, after numerous vain protests against the horrible unhygienic conditions in which he was forced to exist, was driven to the only means of protest left him - a hunger strike. Another comrade, Yarchuk, released after an imprisonment of six days, was soon rearrested without any charges being preferred against him on either occasion.

"According to reliable information received by us, some of the arrested Anarchists are being sent to the prisons of Samara, far away from home and friends, and thus deprived of what little comradely assistance they might have been able to receive nearer home. number of other comrades have been dreed by the terrible conditions of their imprisonment to declare a hunger strike. One of them, after hungering twelve days, became dangerously ill.

"Even physical violence is practiced upon our comrades in prison. The detachment of the Anarchists in the Butyrki prison in Moscow, armed by thirty-eight comrades, and sent to the Executive Committee of the All-Russian Extraordinary Commission

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

on March 16th, contains, among other things, the following statement: 'On March 15th Comrade P. Kashirin was brutally attacked and beaten in the prison of the Special Department of the Extraordinary Commission by your agents there and assistants, in the presence of the prison warden Lockins'.

"Besides the wholesale arrests of and the physical violence towards our comrades, the Government is waging systematic war against our educational work. It has closed a number of our clubs, as well as the Moscow office of the publishing establishment of the anarcho-syndicalist organisation "Golos Truda". A similar man-hunt took place in Petrograd on March 15th. Numbers of anarchists were arrested, without cause, the printing house of "Golos Truda" was closed, and its workers imprisoned. No charges have been preferred against the arrested comrades, all of whom are still in prison.

"These unbearably autocratic tactics of the Government towards the anarchists is unquestionably the result of the general policy of the Bolshevik state in the exclusive control of the Communist Party, in regard to anarchism, syndicalism, and their adherents.

"This state of affairs is forcing us to raise our voice in loud protest against the villainy and brutal suppression of the anarchist movement by the Bolshevik Government. Here in Russia our voice is weak. It is stifled. The policy of the ruling Communist Party is destined to destroy absolutely every possibility or effort of anarchist activity or propaganda. The Anarchists of Russia are thus forced into the condition of a complete moral hunger strike, for the Government is depriving us of the possibility to carry out even those plans and projects which it itself only recently promised to aid.

"Realising clearer than ever before the truth of our Anarchist ideal and the imperative need of its application to life we are convinced that the revolutionary proletariat of the world is with us."

* * *

After the February Revolution Russian Anarchists returned from every land to Russia to devote themselves to revolutionary activity. The Bolsheviki had adopted the Anarchist slogan, "The factories to the workers, the land to the peasants" and thereby won the sympathies of the Anarchists. The latter saw in the Bolsheviki the exponents of social and economic emancipation, and joined forces with them.

BEST COPY AVAILABLE

583

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Through the Octobor period the Anarchists worked hand in hand with the Communists and fought with them side by side ~~with~~ in the defence of the Revolution. Then came the Brest Litovsk Treaty, which many Anarchists considered a betrayal of the Revolution. It was the first warning for them that all was not well with the Bolsheviki. But Russia was still exposed to foreign intervention, and the Anarchists felt that they must continue together to fight the common enemy.

In April 1918 came another blow. By order of Trotsky the Anarchist headquarters in Moscow were attacked with artillery, some Anarchists wounded, a large number arrested and all Anarchist activities "liquidated". This entirely unexpected outrage served further to alienate the Anarchists from the ruling Party. Still the majority of them remained with the Bolsheviki: they felt that, in spite of internal persecution, to turn against the existing regime were to work into the hands of the counter-revolutionary forces. The Anarchists participated in every social, educational and economic effort; they worked even in the military departments to aid Russia. In the Red Guards, in the volunteer regiments, and later in the Red Army; as organizers and managers of factories and shops; as chiefs of the fuel bureaus; as teachers ~~of instruction~~ - everywhere the Anarchists held difficult and responsible positions. Out of their ranks came some of the ablest men who worked in the foreign office with Tchicherin and Kharakan, in the various press bureaus, as Bolshevik diplomatic representatives in Turkestan, Bokhara, and the Far Eastern Republic. Throughout Russia the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Anarchists worked with and for the Bolsheviki in the belief that they were advancing the cause of the Revolution. But the devotion and zeal of the Anarchists in no way deterred the Communists from relentlessly persecuting the Anarchistmovement.

The peculiar general situation and the confusion of ideas created in all revolutionary circles by the Bolshevik experiment divided the Anarchist forces in Russia into several factions, thereby weakening their effect upon the course of the Revolution. There were a number of groups, each striving separately and striving vainly against the formidable machine which they themselves had helped to create. In the dense political fog many lost their sense of direction: they could not distinguish between the Bolsheviki and the Revolution. In desperation some Anarchists were driven to underground activities, even as they had been during the regime of the Tsars. But such work was more difficult and perilous under the new rulers and it also opened the door to the sinister machinations of provocators. The more mature Anarchist organizations, such as the Nabat, in the Ukraina, Golos Truda in Petrograd and Moscow, and the Voylni Trud group - the last two of Anarcho-syndicalist tendency - continued their work openly, as best they could.

Unfortunately, as was unavoidable under the circumstances, some evil spirits had found entry into the Anarchist ranks - debris washed ashore by the Revolutionary tide. They were types to whom the Revolution meant only destruction, occasionally even for personal advantage. They engaged in shady pursuits and, when

BEST COPY AVAILABLE

585

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

arrested and their lives threatened, they often turned traitors and joined the Cheka. Particularly in Kharkov and Odessa thrived this poisonous weed. The Anarchists at large were the first to take a stand against this element. The Bolsheviki, always anxious to secure the services of the Anarchist dereliets, systematically perverted the facts. They maligned, persecuted and hounded the Anarchist movement as such. It was this Communist treachery and despotism which resulted in a bomb being thrown during the session of the Moscow Section of the Communist Party in September, 1919. It was an act of protest, members of the various political tendencies cooperating in it. The Anarchist organisations Golos Truda and Voylni Trud in Moscow publicly expressed their condemnation of such methods, but the Government replied with reprisals against all Anarchists. Yet, in spite of their bitter experiences and martyrdom under the Bolshevik regime, most of the Anarchists clung tenaciously to the hand that smote them. It needed the outrage upon Kronstadt to rouse them from the hypnotic spell of the Bolshevik superstition.

Power is corrupting, and Anarchists are no exception. It must in truth be admitted that a certain Anarchist element became demoralised by it; by far the largest majority retained their integrity. Neither Bolshevik persecution nor oft-attempted bribery of good posts on with all its special privileges, succeeded in alienating the great bulk of Anarchists from their ideals. As a result they were constantly harrassed and incarcerated. Their existence in the prisons was a continuous torture: in most of them still obtained the old regime and only the collective

BEST COPY AVAILABLE

586

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

struggle of the politicals occasionally succeeded in compelling reforms and improvements. Thus it required repeated "obstructions" and hunger strikes in the Butyrki before the authorities were forced to make concessions. The politicals succeeded in establishing a sort of university, organised lectures and received visits and food parcels. But the Tcheka frowned upon such "libertics". Suddenly, without warning, an end was put to decent treatment; the Butyrki was raided and the prisoners, numbering over 400, and belonging to various revolutionary wings, were forcibly taken from their cells and transferred to other penal institutions. A message received at the time from one of the victims, dated April 27th, reads:

Concentration Camp, Ryazan.

"On the night of April 25th we were attacked by Red soldiers and armed Tchekists and ordered to dress and get ready to leave the Butyrki. Some of the politicals, fearing that they were to be taken to execution, refused to go and were terribly beaten. The women especially were maltreated, some of them being dragged down the stairs by their hair. Many have suffered serious injury. I myself was so badly beaten that my whole body feels like one big sore. We were taken out by force in our nightclothes and thrown into wagons. The comrades in our group know nothing of the whereabouts of the rest of the politicals, including Menshevik, Social Revolutionists, Anarchists and Anarcho-syndicalists.

"Ten of us, among them Fanya Baron, have been brought here. Conditions in this prison are unbearable. No exercise, no fresh air; food is scarce and filthy; everywhere awful dirt, bed bugs and lice. We mean to declare a hunger strike for better treatment. We have just been told to get ready with our things. They are going to send us away again. We do not know where to.

(Signed) T. "

Upon the circumstances of the Butyrki raid becoming known, the students of the Moscow University held a protest meeting and passed resolutions condemnatory of the outrage. Thereupon the student leaders were arrested and the University closed.

BEST COPY AVAILABLE

587

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

The non-resident students were ordered to leave Moscow within three days on the pretext of lack of rations. The students volunteered to give up their <u>payok</u>, but the Government insisted on their quitting the capital. Later when the University was reopened, Preobrazhensky, the Dean, admonished the students to refrain from any political expressions on pain of being expelled from the University. Some of the arrested students were exiled, among them several girl students, for the sole crime of being members of a circle whose aim was to study the works of Kropotkin and other Anarchist authors. The methods of the Tsar were resurrected by his heirs to the throne in Bolshevik Russia.

* * *

After the death of Peter Kropotkin his friends and comrades decided to found a Kropotkin Museum in commemoration of the great Anarchist teacher and in furtherance of his ideas and ideals. I removed to Moscow to aid in the organisation of the proposed memorial, but before long the Museum Committee realised that for the time being the project could not be realised. Everything being State monopoly, nothing could be done without application to the authorities. To accept Government aid would have been a deliberate betrayal of the spirit of Kropotkin who throughout his life consistently refused State assistance. Once when Kropotkin was ill and in need, the Bolshevik Government offered him a large sum for the right to publish his works. Kropotkin refused. He was compelled to accept rations and medical assistance when sick, but he would neither consent to his works being published by the State nor accept any other aid from it. The

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Kropotkin Museum Committee took the same attitude. It accepted from the Moscow Soviet the house Kropotkin had been born in, and which was to be turned into a Kropotkin Museum; but it would ask the Government for nothing more. The house at the time was occupied by a military organisation; it would require months to get it vacated and then no means would be at hand to have it renovated. Some of the Committee members felt that a Kropotkin Museum was out of place in Bolshevik Russia as long as despotism was rampant and the prisons filled with political dissenters.

While I was in Petrograd on a short visit, the Moscow apartment in which I had a room was raided by the Tcheka. I learned that the customary trap had been set and everyone arrested who called at the place during the *Zassada*. I visited Ravitch to protest against such proceedings, telling her that if the object was to take me into custody I was prepared for it. Ravitch had heard nothing of the matter, but promised to get in touch with Moscow. A few days later I was informed that the Tchekists had been withdrawn from the apartment and that the arrested friends were about to be released. When I returned to my room some time later most of them had been freed. At the same time a number of Anarchists were arrestedin various parts of the capital and no news of their fate or of the cause of their arrest could be learned. Several weeks later, on August 30th, the Moscow *Izvestia* published the official report of the Veh-Tcheka concerning "Anarchist banditism", announcing that ten Anarchists had been shot as "bandits" without hearing or trial.

BEST COPY AVAILABLE

589

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

It had become the established policy of the Bolshevik Government to mask its barbaric procedure against Anarchists with the uniform charge of banditism. This accusation was made practically against all arrested Anarchists and frequently even against sympathisers with the movement. A very convenient method of getting rid of an undesirable person: by it any one could be secretly executed and buried.

Among the ten victims were two of the best known Russian Anarchists, whose idealism and life-long devotion to the cause of humanity had stood the test of Tzarist dungeons and exile, and persecution and suffering in other countries. They were Fanya Baron, who several months before had escaped from the Ryazan prison, and Lev Tchorny who had spent many years of his life in katorga and exile, under the old regime. The Bolsheviki did not have the courage to say that they had shot Lev Tchorny; in the list of the executed he appeared as "Turtchaninoff", which - though his real name - was unfamiliar even to some of his closest friends. Tchorny was known throughout Russia as a gifted poet and writer. In 1907 he had published an original work on "Associational Anarchism", and since his return from Siberia in 1917 he had enjoyed wide popularity among the workers of Moscow as a lecturer and founder of the "Federation of Brain Workers". He was a man of great gifts, tender and sympathetic in all his relationships. No person could be further from banditism.

The mother of Tchorny had repeatedly called at the

BEST COPY AVAILABLE

590

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Osoaby Otdel (Special Department of the Tcheka) to learn the fate of her son. Every time she was told to come next day; she would then be permitted to see him. As established later, Teherny had already been shot when these promises were being made. After his death the authorities refused to turn his body over to his relatives or friends for burial. There were persistent rumors that the Tcheka had not intended to execute Teherny, but that he died under torture.

Fanya Baron was of the type of Russian woman completely consecrated to the cause of humanity. While in America she gave all her spare time and a goodly part of her meager earnings in a factory to further Anarchist propaganda. Years afterwards, when I met her in Kharkov, her zeal and devotion had become intensified by the persecution she and her comrades had endured since their return to Russia. She possessed unbounded courage and a generous spirit. She could perform the most difficult task and deprive herself of the last piece of bread with grace and utter selflessness. Under harrowing conditions of travel Fanya went up and down the Ukraina to spread the Nabat, organise the workers and peasants, or bring help and succor to her imprisoned comrades. She was one of the victims of the Butyrki raid, when she had been dragged by her hair and badly beaten. After her escape from the Ryasan prison she tramped on foot to Moscow, where she arrived in tatters and penniless. It was her desperate condition which drove her to seek shelter with her husband's brother, at whose house she was discovered by the Tcheka. This big hearted woman, who had

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

served the Social Revolution all her life, was done to death by the people who pretended to be the advance guard of revolution. Not content with the crime of killing Fanya Baron, the Soviet Government put the stigma of bandtism on the memory of their dead victim.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

XXIX. TRAVELLING SALESMEN OF THE REVOLUTION

Great preparations were being made by the Communists for the Third Congress of the Third International and the First Congress of the Red Trade Union International. A preliminary Committee had been organised in the summer of 1920, while delegates from various countries were in Moscow. How much the Bolsheviki depended upon the first Congress of the Red Trade Union International was apparent from a remark of an old Communist. "We haven't the workers in the Third International", he said; "unless we succeed in wielding together the proletariat of the world into the R.T.U. I., the Third International cannot last very long".

The Hotel Luxe, renovated the previous year, became the foreign guest house of the Third International and was put in festive attire. The delegates began to arrive in Moscow.

During my stay in Russia I came across three classes of visitors who came to "study the Revolution". The first category consisted of earnest idealists to whom the Bolsheviki were the symbol of the Revolution. Among them were many emigrants from America who had given up everything they possessed to return to the promised land. Most of these became bitterly disappointed after the first few months and sought to get out of Russia. Others, who did not come as Communists, joined the Communist Party for selfish reasons and did not Rome as the Romans do. There were also the Anarchist deportees who came not of their own

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

choice. Most of them strained every effort to leave Russia after they realised the stupendous deception that had been imposed on the world.

In the second class were journalists, newspapermen and some adventurers. They spent from two weeks to two months in Russia, usually in Petrograd or Moscow, as the guests of the Government and in charge of Bolshevik guides. Hardly any of them knew the language and they never got further than the surface of things. Yet many of them have presumed to write and lecture authoritatively about the Russian situation. I remember my astonishment when I read in a certain London daily that the teachings of Jesus were "being realised in Russia". A preposterous falsehood of which none but a charlatan could be guilty. Other writers were not much nearer the truth. If they were at all critical of the Bolsheviki they were so at the expense of the whole Russian people, whom they charged with being "crude, primitive, savages, too illiterate to grasp the meaning of the Revolution" According to these writers it was the Russian people who imposed upon the Bolsheviki their despotic and cruel methods. It did not occur to these so called investigators that the Revolution was made by these primitive and illiterate people, and not by the present rulers in the Kremlin. Surely they must have possessed some quality which enabled them to rise to revolutionary heights - a quality which, if properly directed, would have prevented the wreck and ruin of Russia. But that quality has persistently been overlooked by Bolshevik apologists who sacrifice all truth in their determination to find extenuating circumstances for the mass

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

made by the Bolsheviki. A few wrote with understanding of the complex problems and with sympathy for the Russian people. But their voice was ineffectual in the popular craze that Bolshevism had become.

The third category - the majority of the visitors, delegates, and members of various commissions - infected Russia to become the agents of the ruling Party. These people had every opportunity to see things as they were, to get close to the Russian people, and to learn from them the whole terrible truth. But they preferred to side with the Government, to listen to its interpretation of causes and effects. Then they went forth to misrepresent and to lie deliberately in behalf of the Bolsheviki, as the Entente agents had lied and misrepresented the Russian Revolution.

Nor did the sincere Communists realise the disgrace of the situation - not even Angelica Balabanova. Yet she had good judgment of character and knew how to appraise the people who flocked to Russia. Her experience with Mrs. Clare Sheridan was characteristic. The lady had been smuggled into Russia before Moscow realised that she was the cousin of Winston Churchhill. She was obsessed by the desire "to sculpt" prominent Communists. She had also begged Angelica to sit for her. "Lenin, Trotsky and other leaders are going to, aren't you?" she pleaded. Angelica, who hated sensationalism in any form, resented the presence in Russia of these superficial visitors. "I asked her", she afterwards related, "if she would have thought of 'sculpting' Lenin

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

three years ago when the English Government denounced him as a German spy. Lenin did not make the Revolution. The Russian people made it. I told this Mrs. Sheridan that she would do better to 'sculpt' Russian workingmen and women who were the real heroes of the Revolution. I know she did not like what I said. But I don't care. I can't stand people to whom the Russian struggle is mere copy for poor imitations or cheap display".

Now the new delegates were beginning to arrive. They were royally welcomed and feted. They were taken to show schools, children's homes, colonies and model factories. It was the traditional Potemkin villages* that were shown the visitors. They were graciously received and "talked to" by Lenin and Trotsky, treated to theatres, concerts, ballets, excursions and military parades. In short, nothing was left undone to put the delegates into a frame of mind favorable to the great plan that was to be revealed to them at the Red Trade Union and the Third International Congresses. There were also continuous private conferences where the delegates were subjected to a regular third degree, Losovsky - prominent Bolshevik labor leader - and his retinue seeking to ascertain their attitude to the Third International, the dictatorship of the proletariat, and similar subjects. Here and there was a delegate who refused to divulge the instructions of his organization on the ground that he was pledged to report only to the Congress. But such naive people reckoned without their host. They soon found themselves ostracised and at the Congress they were given no opportunity to make themselves heard effectively.

*Happy villagers and their model homes, specially prepared and shown to Catherine theGreat by her Prime Minister Potemkin to deceive her about the true condition of the peasantry.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

The majority of the delegates were more pliable. They learned quickly that pledges and responsibilities were considered bourgeois superstitions. To show their ultra-radicalism they quickly divested themselves of them. They became the cohoes of Zinoviev, Lozovsky and other leaders.

The American delegates to the Red Trade Union International were most conspicuous by their lack of personality. They accepted without question every proposition and suggestion of the Chair. The most flagrant intrigues and political machinations and brazen suppression of those who would not be cajoled or bullied into blind adherence found ready support by the American Communist crew and the aides they had brought with them.

The Bolsheviki know how to set the stage to produce an impression. In the staging of the two Congresses held in July, 1921, they outdid themselves. The background for the Congress of the Third International was the Kremlin. In the royal halls where once the all-powerful Romanovs had sat, the awed delegates hung with bated breath upon every word uttered by their pope, Lenin, and the other Grand Signeurs of the Communist Church. On the eve of the Congress a great meeting was held in the big theater to which only those whose passports had been approved by the All-Russian Tcheka were admitted. The streets leading to the theater were tended into a veritable military camp. Tchekists and soldiers on foot and on horseback created the proper atmosphere for the Communist conclave. At the meeting resolutions were passed extending fraternal greetings to

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

"the revolutionists in capitalist prisons". At that very moment every Russian prison was filled with revolutionists but no protests were sent to them. So all-pervading was Moscow hypnotism that not a single voice was raised to point out the farce of Bolshevik sympathy for political prisoners.

The Red Trade Union Congress was set on a less pretentious scale in the House of the Trade Unions. But no details were overlooked to get the proper effects. "Delegates" from Palestine and Korea - men who had not been out of Russia for years - delegates from the great industrial centers of Bokhara, Turkestan and Azzerbeydzhan packed the Congress to swell the Communist vote and help carry every Communist proposition. They ~~produce~~ were there to teach the workers of Europe and America how to reconstruct their respective countries and to establish Communism after the world revolution.

The plan perfected by Moscow during the year 1920-21, and which was a complete reversal of Communist principles and tactics, was very skillfully and subtely unrolled -.by slow degrees - before the credulous delegates. The Red Trade Union International was to embrace all revolutionary and syndicalist organisations of the world, with Moscow as its Mecca and the Third International as its Prophet. All minor revolutionary labor organisations were to be dissolved and Communist units formed instead within the existing conservative trade union bodies. The very people who a year ago had issued the famous Bull of 21

BEST COPY AVAILABLE

598

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

points, they who had excommunicated every heretic unwilling to submit to the orders of the Holy See - the Third International - and who had applied every invective to labor in the 2nd and the 2½ Internationals, were now making overtures to the most reactionary labor organisations and "resoluting" against the best efforts of the revolutionary pioneers in the Trade Union movement of every country.

Here again the American delegates proved themselves worthy of their hire. Most of them had sprung from the Industrial Workers of the World; had indeed risen to "fame and glory" on the shoulders of that militant American labor body. Some of the delegates had valiantly escaped to safety, unselfishly preferring the Hotel de Luxe to Leavenworth Penitentiary, leaving their comrades behind in American prisons and their friends to refund the bonds they had heroically forfeited. While Industrial Workers continued to suffer persecution in capitalistic America, the renegade I.W.W.s, living in comfort and safety in Moscow, maligned and attacked their former comrades and schemed to destroy their organisation. Together with the Bolsheviki they were going to carry out the job begun by the American Vigilantes and the Ku Klux Klan to exterminate the I.W.W. Les 'extrêmes se touchent.

While the Communists were passing eloquent resolutions of protest against the imprisonment of revolutionaries in foreign countries, the Anarchists in the Bolshevik prisons of Russia were being driven to desperation by their long imprisonment without opportunity for a hearing or trial. To force the hand of the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Government the Anarchists incarcerated in the Taganka (Moscow) decided on a hunger strike to the death. The French, Spanish and Italian Anarcho-syndicalists, when informed of the situation, promised to raise the question at an early session of the Labor Congress. Some, however, suggested that the Government be first approached on the matter. Thereupon a Delegate Committee was chosen, including the well-known English labor leader, Tom Mann, to call upon the Little Father in the Kremlin. The Committee visited Lenin. The latter refused to have the Anarchists released on the ground that "they were too dangerous", but the final result of the interview was a promise that they would be permitted to leave Russia; should they, however, return without permission, they would be shot. The next day Lenin's promise was substantiated by a letter of the Central Committee of the Communist Party, signed by Trotsky, reiterating what Lenin had said. Naturally the threat of shooting was omitted in the official letter.

The hunger strikers in the Taganka accepted the conditions of deportation. They had for years fought and bled for the Revolution and now they were compelled to become Ahasueruses in foreign lands or suffer slow mental and physical death in Bolshevik dungeons. The Moscow Anarchist groups chose Alexander Berkman and A. Shapiro as their representatives on the Delegates' Committee to arrange with the Government the conditions of the release and deportation of the imprisoned Anarchists.

In view of this settlement of the matter the intention

BEST COPY AVAILABLE

600

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

of a public protest at the Congress was abandoned by the delegates. Great was their amazement when, just before the close of the Congress, Bukharin - in the name of the Central Committee of the Communist Party - launched into a scurrilous attack on the anarchists. Some of the foreign delegates, outraged by the dishonorable proceedings, demanded an opportunity to reply. That demand was finally granted to a representative of the French delegation after Chairman Kosovsky had exhausted every demagogic trick in a vain attempt to silence the dissenters.

At no time during the protracted negotiations on behalf of the imprisoned anarchists and the last disgraceful proceedings at the Red Trade Union Congress did the American Communist delegates make a protest. Loudly they had shouted for political amnesty in America, but not a word had they to say in favor of the liberation of the politicals in Russia. One of the group, approached on behalf of the hunger strikers, exclaimed: "What are a few lives or even a few hundred of them as against the Revolution!" To such Communist minds the Revolution had no bearing on justice and humanity.

In the face of abject want, with men, women and children hungrily watching the white bread baked for the Luxe Hotel in the adjoining bakery, one of the American fraternal delegates wrote to a publication at home that "the workers in Russia control the industries and are directing the affairs of the country; they get everything free and need no money". This noble delegate lived in the palatial home of the former Sugar King of Russia

BEST COPY AVAILABLE

601

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

and enjoyed also the hospitality of the Luxe. He indeed needed no money. But he knew that the workers lacked even the basic necessities and that without money they were as helpless in Russia as in any other country, the week's pay not being sufficient for two days' existence. Another delegate published glaring accounts dwelling on the absence of prostitution and crime in Moscow. At the same time the Tcheka was daily executing hold-up men, and on the Tverskaya and the Pushkin Boulevard, near the Luxe Hotel, street women robbed the delegates with their attentions. Their best customers were the very delegates who waxed so enthusiastic about the wonders of the Bolshevik regime.

The Bolsheviki realized the value of such champions and appreciated their services. They sent them forth into the world generously equipped in every sense, to perpetuate the monstrous delusion that the Bolsheviki and the Revolution are identical and that the workers have come into their own "under the proletarian dictatorship". Woe to those who dare to tear the mask from the lying face. In Russia they are put against the wall, exiled to slow death in famine districts, or banished from the country. In Europe and America such heretics are dragged through the mire and morally lynched. Everywhere the unscrupulous tools of the great disintegrator, the Third International, spread distrust and hatred in labor and radical ranks. Formerly ideals and integrity were the impulse to revolutionary activity. Social movements were founded upon the inner needs of each country. They were maintained and supported by the interest and zeal of the workers themselves. Now all this is condemned as worthless.

BEST COPY AVAILABLE

602

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Instead the golden rain of Moscow is depended on to produce a rich crop of Communist organisations and publications. Even uprisings may be organised to deceive and mislead the people as to quality and strength of the Communist Party. In reality, everything is built on a foundation that crumbles to pieces the moment Moscow withdraws its financial support.

During the two Congresses held in July, 1921, the friends and comrades of Maria Spiridonova circulated a manifesto which had been sent by them to the Central Committee of the Communist Party and to the main representatives of the Government, calling attention to the condition of Spiridonova and demanding her release for the purpose of adequate medical treatment and cure.

A prominent foreign woman delegate to the Third Congress of the Communist International was approached. She promised to see Trotsky, and later it was reported that he had said that Spiridonova was "still too dangerous to be liberated". It was only after accounts of her condition had appeared in the European Socialist Press that she was released, on condition that she return to prison on her recovery. Her friends in whose care she is at present face the alternative of letting Spiridonova die or returning her over to the Tchela.

BEST COPY AVAILABLE

603

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

XXX. EDUCATION AND CULTURE

The proudest claim of the Bolsheviki is education, art, and culture. Communist propaganda literature and Bolshevik agents at home and abroad constantly sing the praises of these great achievements.

To the casual observer, it may indeed appear that the Bolsheviki have accomplished wonders in this field. They have organised more schools than had existed under the Tsar, and they have made them accessible to the masses. This is true of the larger cities. But in the provinces the existing schools met the opposition of the local Bolsheviki, who closed most of them on the alleged ground of counter-revolutionary activities, or because of lack of Communist teachers. While, then, in the large centers the percentage of children attending schools and the number of higher educational institutions is greater than in the past, the same does not apply to the rest of Russia. Still, so far as quantity is concerned, the Bolsheviki deserve credit for their educational work and the general diffusion of education.

In the case of the theaters no reservations have been made. All were permitted to continue their performances when factories were shut down for want of fuel. The opera, ballet, and Lunacharsky's plays were elaborately staged, and the Proletcult - organised to advance proletarian culture - was generously subsidised even when the famine was at its height. It is also true that the Government printing presses were kept busy day and night manufacturing propaganda literature and issuing the old classics. At the same time, the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

imagists and futurists gathered unmolested in Cafe Domino and other places. The palaces and museums were kept up in admirable condition. In any other starved, blockaded and attacked country all this would have been a very commendable showing.

In Russia, however, two revolutions had taken place. To be sure, the February Revolution was not far reaching. Still, it brought about political changes without which there might not have been an October. It also released great cultural forces from the prisons and Siberia - a valuable element without which the educational work of the Bolsheviki could not have been undertaken.

It was the October Revolution which struck deepest into the vitals of Russia. It uprooted the old values and cleared the round for new conceptions and forms of life. Inasmuch as the Bolsheviki became the sole medium of articulating and interpreting the promise of the Revolutio , the earnest student will not be content merely with the increase of schools, the continuation of the ballot, or the good condition of the museums. He will want to know whether education, culture and art in Bolshevik Russia symbolize the spirit of the Revolution, whether they serve to quicken the imagination and broaden the horizon; above all, whether they have released and helped to apply the latent qualities of the masses.

Critical inquiry in Russia is a dangerous thing. No wonder so many newcomers avoided looking beneath the surface. To them it was enough that the Montessori system, the educational ideas of Professor Dewey, and dancing by the Dalcroze method have been "adopted" by Russia. I do not contend against these innovations. But I insist that they have no bearing whatever on the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Revolution; they do not prove that the Bolshevik educational experiment is superior to similar efforts in other countries, where they have been achieved without a revolution and the terrible price it involves.

State monopoly of thought is everywhere interpreting education to suit its own purpose. Similarly the Bolsheviki, to whom the State is supreme, use education to further their own ends. But while the monopoly of thought in other countries has not succeeded in entirely checking the spirit of free inquiry and critical analysis, the "proletarian dictatorship" has completely paralyzed every attempt at independent investigation. The Communist criterion is dominant. The least divergence from official dogma and opinion on the part of teachers, educators or pupils exposes them to the general charge of counter-revolution, resulting in discharge and expulsion, if nothing more drastic.

In a previous chapter I have mentioned the case of the Moscow University students expelled and exiled for protesting against Tcheka violence toward the political prisoners in the Butyrki. But it was not only such "political" offences that were punished. Offenses of a purely academic nature were treated in the same manner. Thus the objection of some professors to Communist interference in the methods of instruction was sternly suppressed. Teachers and students who supported the professors were severely punished. I know a professor of sociology and literature, a brilliant scholar and a revolutionist, who was discharged from the Moscow University because, as an Anarchist, he encouraged the critical faculty of his pupils. He is but one

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

instance of the numerous cases of non-Communist intellectuals who, under one pretext or another, are systematically hounded and finally eliminated from Bolshevik institutions. The Communist "cells" in control of every classroom have or ated an atmosphere of distrust and suspicion in which real education cannot thrive.

It is true that the Bolsheviki have striven to carry education and culture into the Red Army and the villages. But here again the same conditions prevail. Communism is the State religion and, like all religions, it discourages the critical attitude and frowns upon independent inquiry. Yet without the capacity for parallelism and opportunity for verification, education is valueless.

The Proletcult is the pet child of the Bolsheviki. Like most parents, they claim for their offspring extraordinary talents. They hold it up as the great genius who is destined to to enrich the world with new values. Henceforth the masses shall no longer drink from the poisonous well of bourgeois culture. Out of their own creative impulse and through their own efforts the proletariat shall bring forth great treasures in literature, art and music. But like most child prodigies, the Proletcult did not live up to its early promise. Before long it proved itself below the average, incapable of innovation, lacking originality and without sustaining power. Already in 1920 I was told by two of the foremost foster-fathers of the Proletcult, Gorki and Lunacharsky, that it was a failure.

In Petrograd, Moscow, and throughout my travels I had occasion to study the efforts of the Proletcult. Whether expressed

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

in printed form, on the stage, in clay, or color, they were barren of ideas or vision, and showed not a trace of the inner urge which impels creative art. They were hopelessly commonplace. I do not doubt that the masses will some day create a new culture, new art values, new forms of beauty. But those will come to life from the inner necessity of the people themselves, and not through an arbitrary will imposed upon them.

The mechanistic approach to art and culture and the idée fixe that nothing must express itself outside of the channels of the State have stultified the cultural and artistic expression of the Russian people. In poetry and literature, in drama, in painting and music not a single epic of the Revolution has been produced during five years. This is the more remarkable when one bears in mind how rich Russia was in works of art and how close her writers and poets were to the soul of the Russian people. Yet in the greatest upheaval in the world's history no one has come forward with pen or brush or lyre to give artistic expression to the miracle or to set to music the storm that had carried the Russian people forward. Works of art, like new-born man, come in pain and travail. Verily the five years of Revolution should have proved very rich spiritually and creatively. For in those years the soul of Russia has gone through a thousand crucifixions. Yet in this regard Russia was never before so poor and desolate.

The Bolsheviki claim that a revolutionary period is not conducive to creative art. That contention is not borne out by the French Revolution. To mention only the Marseillaise, the great

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

music of which lives and will live. The French Revolution was rich in spiritual effort, in poetry, painting, science, and in its great literature and letters. But, then, the French Revolution was never so completely in the bondage of one dogmatic idea as has been the case with Russia. The Jacobins indeed had striven hard to fetter the sprit of the French Revolution and they paid dearly for it. The Bolsheviki have been copying the destructive phases of the French Revolution. But they have done ~~nothing~~ nothing that can compare with the constructive achievements of that period.

I have said that nothing outstanding has been created in Russia. To be exact, I must except the great revolutionary poem, ~~x~~ "Twelve", by Alexander Block. But even that gifted genius, deeply inspired by the Revolution, and inbued with the fire that had come to purify all life, soon ceased to create. His experience with the Tcheka (he was arrested in 1919), the terrorism all about him, the senseless waste of life and energy, the suffering and hopelessness of it all depressed his spirit and broke his health. Soon Alexander Block was no more.

Even a Block could not create with an iron ~~hand~~ band compressing his brain - the iron band of Bolshevik distrust, persecution and censorship. How far-reaching the latter was I realised from a document the Museum Expedition had discovered in Vologda. It was a "very confidential, secret" order issued in 1920 and signed by Ulyanova, the sister of Lenin and chief of the Central Educational Department. It directed the libraries throughout Russia to "eliminate all non-Communist literature, except the Bible, the Koran, and the classics" - including even Communistic writings

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

dealing with problems which were being "solved in a different way" by the existing regime. The condemned literature was to be sent to the paper mills "because of the scarcity of paper."

Such edicts and the State monopoly of all material, printing machinery and mediums of circulation exclude every possibility of the birth of creative work. The editor of a little cooperative paper, published a brilliant poem, unsigned. It was the cry of a tortured poet's soul in protest against the continued terror. The editor was promptly arrested and his little shop closed. The author would probably have been shot had his whereabouts been known. No doubt there are many agonised cries in Russia, but they are muffled cries. No one may hear them or interpret their meaning. The future alone has the key to the cultural and artistic treasures now hidden from the Argus eyes of the Department of Education and the numerous other censorial institutions.

Russia is now the dumping ground for mediocrities in art and culture. They fit into the narrow groove, they dance attendance on the all-powerful political commissars. They live in the Kremlin and skim the cream of life, while the real poets - like Block and others - die of want and despair.

The void of literature, poetry and art is felt most in the theatres, the State theatres especially. I once sat through five hours of acting in the Alexandrovsky Theatre in Petrograd when Othello was staged, with Andreyeva, Gorki's wife, as Desdemona. It is hard to imagine a play more atrociously presented. I saw most of the other plays in the State theatre and not one of them gave any hint of the earthquake that had shaken Russia. There was no new note in interpretation, scenery or method. It was all

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

commonplace and inadequate, innocent even of the advance made in dramatic art in bourgeois countries, and utterly inconsequential in the light of the Revolution.

The only exception was the Moscow Art Theater. Its performance of Gorki's "Night Lodging" was especially powerful. Real art was also presented in the Stanislavsky Studio. These were the only oases in the art desert of Russia. But even the Art Theater showed no trace of the great revolutionary events Russia was living through. The repertoire which had made the Art Theater famous a quarter of a century before still continued night after night. There were no new Ibsens, Tolstois or Tchekovs to thunder their protest against the new evils, and if there had been, no theater could have staged them. It was safer to interpret the past than to voice the present. Yet, though the Art Theatrer kept strictly within the past, Stanislavsky was often in difficulties with the authorities. He had suffered arrest and was once evicted from his Studio. He had just moved into a new place when I visited him with Louise Bryant who had asked me to act as her interpreter. Stanislavsky look forlorn and discouraged among his still unpacked boxes of stage property. I saw him also on several other occasions and found him almost hopeless about the future of the theater in Russia. "The theater can grow only through inspiration from new works of art", he would say; "without it the interpretive ~~xxxx~~ artist must stagnate and the theater deteriorate." But Stanislavsky himself was too much the creative artist to stagnate. He sought other forms of interpretation. His newest venture was an attempt to bring singing

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XIX

352. V65

2106

and dramatic acting into cooperative harmony. I attended a dress rehearsal of such a performance and found it very impressive. The effect of the voices was greatly enhanced by the realistic finesse which Stanislavsky achieved in dramatic art. But these efforts were entirely the work of himself and his little circle of art students; they had nothing to do with the Bolsheviki or the Proletcult.

There are some other innovations, begun long before the advent of the Bolsheviki and permitted by them to continue because they have no bearing on the Russian actuality. The Kamerniy Theater registers its revolt against the imposition of the play upon the acting, against the limitation of expression involved in the orthodox interpretation of dramatic art. It achieves noteworthy results by the new mode of acting, complimented by orginal scenery and music, but mostly in plays of a lighter genre.

Another unique attempt is essayed by the Semperante Theater. It is based on the conception that the written drama checks the growth and diversity of the interpretive artist. Plays should therefore be improvised, thereby affording greater scope to spontaneity, inspiration and mood of the artist. It is a novel experiment, but as the improvised plays must also keep within the limits of the State censorship, the work of the Semperantists suffers from a lack of ideas.

The most interesting cultural endeavor I met in Kiev in the work of the Jewish Kulturliga. Its nucleus was organized in 1918 to minister to the needs of pogrom victims. They had to be provided for, sheltered, fed and clothed. Young Jewish literary

BEST COPY AVAILABLE

612

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

men and an able organizer brought the Kulturliga to life. They did not content themselves with ministering only to the physical needs of the unfortunates. They organized children's homes, public schools, high schools, evening classes; later a seminary and art school were added. When we visited Kiev the Kulturliga owned a printing plant and a studio, besides its other educational institutions and had succeeded in organizing 230 branches in the Ukraina. At a literary evening and a special performance arranged in honor of the Expedition, we were able to witness the extraordinary achievements of the Kulturliga.

At the literary evening Perez's poem, "The Four Seasons" was rendered by recitative group singing. The effect was striking. Nature at the birth of Spring, bird sending forth their joyous song of love, the mystery and romance of mating, the ecstasy of renewing and becoming, the rumbling of the approaching storm, the crash of the mighty giants struck by lightning, rain softly falling, the leaves fluttering to earth, the somberness and pathos of Autumn, the last desperate resistance of Nature against death, the trees shrouded in white -- all were made vivid and alive by the new form of collective recitative. Every nuance of Nature was brought out by the group of artists on the improvised little stage of the Kulturliga.

The next day we visited the art school. The children's classes were the more interesting. There was no discipline, no rigid rules, no mechanistic control of their art impulses. The children did drawing, painting and sculture - most Jewish motifs:

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

a pogromed city, b a boy of fourteen; a devout Jew in his Talos praying in the synagogue, mortal fear of the pogrom savages written in his every feature; an old Jewish woman, the tragic remnant of a whole family slaughtered; and similar scenes from the life of the Russian Jew. The efforts were often crude, but there was about them nothing of the stilted manner characteristic of the Proletcult. There was no attempt to impose a definite formula on art expression.

Later we attended the studio. In a bare room, without scenery, lighting, costumes or make-up, the artists of the Kultur-liga gave several one-act plays and presented also an unpublished work found among the effects of a dead dramatist. The performance had an artistic touch and finish I had rearely seen before. The play is called "The End of the World." The wrath of God rolls like thunder across the world, commanding man to prepare for the end. Yet man heeds not. Then all the elements are let loose, pursuing each other in wild fury; the storm rages and shrieks, and man's groans are drowned in the terrific hour of judgment. The world goes under, and all is dead.

Then something begins to move again. Black shadows symbolizing half beast, half man, with distorted faces and hesitating movemon, crouch out of their caves. In awe and fear they stretch their trembling hands toward each other. Haltingly at first, then with growing confidence, man attempts in common effort with his fellows to lift himself out of the black void. Light begins to break. Again a thunderous voice rolls over the earth. It is the voice of fulfillment.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap XXX. ~~205.~~ 271

It was a stirring artistic achievement.

When the Lira was first organised, the Bolsheviki subsidized its work. Later, when they returned to Kiev after its evacuation by Denikin, they gave very scanty support to the educational institutions of the Kulturlira. This unfriendly attitude was due to the Yevkom, the Jewish Communist Section, which intrigues against every independent Jewish cultural endeavor. When we left Kiev the ardent workers of the Lira were much worried about the future of the organisation. I am not in a position to say at this writing whether the Lira was able to continue its work or was close altogether. However laudable as were the innovations of the Kulturlira and the attempts of the Kamerniy and Semperante at new modes of expression, they could not be considered as having any bearing o the Revolution.

State support of so-called art is given mostly to Lunacharsky's dramatic ventures and other Communist interpretations of culture. When I first met Lunacharsky I thought him much less the politician than the artist. I heard him lecture at the Voerdlov University before a large audience of workingmen and women, popularising the origin and devlopment of art. It was done splendidly. When I met him again he was so thoroughly in the meshes of Party discipline and so completely shorn of his power that every effort of his was frustrate . Then he began to write plays. That was his undoing. He could not employ the material of the actual reality, and the February Revolution, Korensky and the Constituent Assembly had already been caricatured to a thread. Lunacharsky turned to the German Revolution. He

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXX ~~206~~ ٢١٧

wrote "The Smith and the Counsellor," a sort of burlesque. The play is so amateurish and commonplace that no theater outside of Russia would have cared to present it. But Lunacharsky was in control of the theaters - why not exploit them for his own works? The play was staged at great cost, at a time when millions on the Volga were starving. But even that could have been forgiven had the play any meaning or at least contained anything suggestive of the tragedy of Russia. Instead, it lacked all life and was rich only in vulgar scenes portraying Ludendorf, the renegade ~~Prussian~~ Social Democratic President, a degenerate aristocrat and a princess of the demimonde. The drama men frantically scramble for the possession of the woman, literally tearing her clothing off her back. A revolting scene, yet in the whole audience of tschehots and members of the Department of Education not a single protest was voiced against the affront to the taste and intelligence of revolutionary Russia. On the contrary, they applauded the playwright, for those sycophants depended on Lunacharsky for their rations. They could not afford to be critical.

Vanity and power break even a strong character, and Lunacharsky is not strong. It is his lack of will which makes him submit, against his better judgment, to the galling discipline and espionage placed over him. Perhaps he avenges himself by forcing upon the public at large and the actors under his charge his dramatic works.

After a careful analysis of the educational and cultural efforts of the Bolsheviki the earnest student will come to the following conclusions: first, there is quantity rather than substance in the education of Russia today; secondly, the theaters, the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

ballet and the museums receive generous support from the Government, but the reason for it is not so much love of art as the necessity of finding some outlet for the shocked and stifled aspirations of the people.

The political dictatorship of the Bolsheviki with one stroke suppressed the social phase of life in Russia. There was no forum even for the most inoffensive social intercourse, no clubs, no meeting places, no restaurants, not even a dance hall. I remember the shocked expression of Zorin when I asked if the young people could not occasionally get for a dance from from Communist supervision. "Dance halls are gathering places for counter-revolutionists; we closed them," he informed me. The emotional and human needs of the people were considered dangerous to the regime.

On the other hand, the dreadful existence - hunger, cold and darkness - was sapping the life of the people. Gloom and despair by day, congestion, lack of light and heat at night and no escape from it all. There was, of course, the political life of the Communist Party - life stern and forbidding, a life without color or warmth. The mass had no contact with or interest in that life, and it was not permitted to have anything of its own. A people bottled up in a ~~prison~~ morgue. Some outlet had to be provided, some relief from the black despair. The theaters, the opera, and the museums were that relief. What if the theaters gave nothing new? What if the opera had bad singing? And the ballet continued to move in the old too circles? The places were warm; they had light. They furnished the opportunity for human association and one could forget the misery and loneliness - one might even forget the Cheka. The theatre, the opera, the ballet, and the museum

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

become the safety vale of the Bolshevik regime. And as the theaters gave nothing of protest, nothing new or vital, they were permitted to continue. They solved a great and difficult problem and furnished excellent copy for foreign propaganda.

oooOooo

BEST COPY AVAILABLE

618

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

~~cop.~~ V)√

XXXI. EXPLOITING THE FAMINE

Late in the summer of 1921 there came the harrowing news of the famine. To those who had kept in touch with inner affairs the information was not quite unexpected. We had learned during the early part of the summer that a large proportion of the population was doomed to death from starvation. At that time a group of scientific agriculturists had assembled in Moscow. Their report showed that, owing to bureaucratic centralisation, and corruption and delay in seed distribution, timely and sufficient sowing had been prevented. The Soviet press kept the report of the agricultural conference from the public. But in July items began to appear in the Pravda and th Isvestia telling of the terrible drought in th Volga region and the fearful conditions in the famine stricken districts.

Immediately various groups and indivuals came forward ready to cooperate with the Government in coping with the calamity. The Left Wing elements-- Anarchists, Social Revolutionists and Maximalists - offered to organize relief work and to collect funds. But they received no encouragement from the Soviet authorities. On the other hand, elements of the Right the Cadets (Constitutional Democrats) were received with open arms. Kishkin, Minister of Finance under Keremsky, Mme. Tushkova, Prokopovitch and other prominent Conservatives, who had bitterly fought the Revolution, were accepted by th Bolsheviki. These people had been denounced as counter revolutionists and repeatedly arrested and imprisoned, but they were given preference and permitted to organise the group known as the Citizen's Committee. When the latter refused to work under the guardianship of the Moscow Soviet, insisting upon

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

[redacted] complete autonomy and the right to publish its own paper, the Government consented. Such discrimination in favor of reactionaries, as against those who had faithfully stood by the Revolution, could be explained only in two ways. First, the Bolsheviki considered it dangerous to grant the Left elements free access to the peasantry; secondly, it was necessary to make an impression on Europe, which could be effectively done by means of the most conservative group. This became clear even [redacted] before the Citizens' Committee began its relief work.

In the beginning the Committee received the entire support of the Government. A special building was assigned for its headquarters and it was granted the right to issue its own paper, called Vozrozhdeniye (Succor). Members of the Committee were also promised permission to go to Europe for the purpose of arousing interest and getting support for the famine stricken. Two numbers of the paper were issued. Its appearance caused significant comment: it was an exact reproduction, in size, type and general form, of the old Vyedomosti, the most reactionary sheet under the former regime. The publication was, of course, very guarded in its tone. But between the lines one could read its antagonism to the ruling Party. Its first issue contained a letter from the Metropolitan Tikhon, wherein he commanded the faithful to send their contributions to him. He assured his flock that he was to have complete control of the distribution of the donations. The Citizens' Committee was given carte blanche in carrying on its work, and the fact was heralded by the Bolsheviki as proof of their liberality and willingness to cooperate with all elements in famine relief.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXI.

Presently the Soviet Government entered into an agreement with the American Relief Administration and other European organisations regarding aid for the Volga sufferers and then the headquarters of the Citizens' Committee were raided, the paper suppressed and the leading members of the Committee thrown into the Tcheka on the usual charge of counter-revolution. Now it was reasonably certain that Mme. Kuskova and her coworkers were no more counter-revolutionary when they were admitted or organise Volga relief than they had been at any time since 1917. Why then did the Communist State accept them while rejecting the assistance of true revolutionists? For no other reason than propaganda purposes. When the Citizens'Committee had served that purpose it was kicked overboard in true Bolshevik fashion. Only one person the Tcheka did not dare touch - Vera Nikolayevna Figner, the venerable revolutionist. Great humanitarian that she is, she joined the Citizens' Committee and devoted herself to its work with the same zeal that had made her so effective as one of the leading spirits of the Narodnaya Volya. Twenty-two years of a living death in Schlusselburg had failed to destroy her ardor. When the Citizens' Committee was arrested, Vera Nikolayevna demanded to share the same fate, but the Tcheka knew the spiritual influence of this woman in Russia and abroad, and she was left in peace. The other members of the Citizens' Committee were kept in prison for a long time, then exiled to remote parts of Russia and finally deported.

Excepting the foreign organisations doing relief work in Russia, the Soviet Government could now stand before the world as the sole dispenser of support to the starving in the famine district. Kalinin, the marionette President of the Socialist

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXI. ~~372.~~ 78

Republic, equipped with much propaganda literature and surrounded by a large staff of Soviet officials and foreign correspondents, made his triumphal march through the stricken territory. It was widely heralded ~~throughout~~ throughout the world, and the desired effect was achieved. But the real work in the famine region was carried on not so much by the official machine as by the great host of unknown men and women from the ranks of the proletariat and the intelligentsia. Most devotedly and with utter consecration they gave of their own depleted energies. Many of them perished from typhus, exposure and exhaustion; some were slain by the power of darkness which now, even more than in Tolstoi's time, holds many sections of Russia in its grip. Doctors, nurses and relief workers were often killed by the unfortunates they had come to aid, as evil spirits who had willed the famine and the misfortunes of Russia. These were the real heroes and martyrs, unknown and unsung.

---

oOo

BEST COPY AVAILABLE

622

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

~~278.~~ 79

XXXII. THE SOCIALIST REPUBLIC RESORTS TO DEPORTATION.

The Tcheka had succeeded in terrorizing the whole people. The only exception were the politicals whose courage and devotion to their ideas defied the Bolshevik as it had the Romanovs. I knew many of those brave spirits, and I saw in them the only hope to sustain one amid the general wreckage. They were the living proof of the powerlessness of terror against an Ideal.

Typical of this class was a certain Anarchist who had long been sought for the Tcheka as an important Makhnovets. He was a member of the military staff of the revolutionary povstantsi of the Ukraine and the close friend and counsellor of Makhno. He had known him intimately already when they were together in katorga in the days of the Tsar. He had shared all the hardships and danger of the povstantsi life and participated in their campaigns against the enemies of the Revolution. After the defeat of Wrangel and the last treachery of the Bolsheviki toward Makhno, when the latter's army had become scattered and many of its members killed, this man succeeded in escaping the Bolsheviki net. He determined to come to Moscow, there to write a history of Makhnovshchina. It was a perilous journey, made under most difficult conditions, with death constantly treading his footsteps. Under an assumed name he secured a tiny room in the environs of the capital. He lived in the most abject poverty, always in danger of his life, visiting his wife in the city only under cover of darkness. Once in every twenty-four hours he would come to the appointed place for a little respite and his sole meal of the day, consisting of potatoes, herring and tea. Every moment he

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXII. ~~244~~. 780

risked being recognized. for he was well known in Moscow, and recognition meant summary execution. His wife also, if discovered, would have met the same fate - the devoted woman who, though with child at the time, had followed him to Moscow. After a desperate hunt for employment she found a position in a <u>crecho</u>, but as pregnant women are not accepted in such institutions, she had to disguise her condition. All day long she had to be on her feet, attending to her duties, and living in constant fear for the safety of her husband.

When the baby was born the situation became more aggravated. The woman was harassed by her superiors because she had obtained the position without their knowledge of her condition. Petty officialdom and hard work exhausted her energies and the daily anxiety about the man she loved nearly drove her frantic. Yet never a sign of all that troubled her when the man would visit her.

Many evenings I spent with this couple. They were entirely cut off from the outside world and former friends, all alone save for the fear of discovery and death as their constant companion. In the dreary dramp room, the baby asleep, we passed many hours talking in subdued voices about the Ukrainian peasantry and the Makhno movement. My friend was familiar with ever phase of it from personal experience, which he was no incorporating into his book on Makhnow. He was absorbed in that work, which was for the first time to give to the world the truth about Makhno and the <u>povstantsi</u>. Deeply concerned about his wife and child, he was entirely oblivious to his own safety, though knowing that every day the Tcheka net was drawn closer about him. With great difficulty he was finally prevailed upon to leave his beloved Russia.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXII. ~~275~~. 281

as the only way of saving his family. What a commentary on the Socialist Republic, whose bravest and truest sons must keep in hiding or forsake their native soil!

* * *

Life in Russia had become to me a constant torture; the need of breaking my two years' silence was imperative. During all the summer I was in the throes of a bitter conflict between the necessity of leaving and my inability to tear myself away from what had been an ideal to me. It was like the tragic end of a great love to which one clings long after it is no more.

In the midst of my struggle there happened an event which further served to demonstrate the complete collapse of the Bolsheviki as revolutionists. It was the announcement of the return to Russia of the Tsarist General Slastchev, one of the most reactionary and brutal militarists of the old regime. He had fought against the Revolution from its very beginning and had led some of the Wrangel forces in the Crimea. He was guilty of fiendish barbarities to war prisoners and infamous as a maker of pogroms. Now Slastchev repented and was returning to "his fatherland." This arch counter-revolutionist and Jew-baiter, together with several other Tsarist generals and White guardists, was received by the Bolsheviki with military honors. No doubt it was just retribution that the anti-Semite had to salute the Jew Trotsky, his military superior. But to the Revolution and the Russian people the triumphal return of the imperialists was an outrage.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXI 276. 16 V

The old General had changed his colors but not his nature. In his letter to the officers and men of the Wrangel army, he delivered himself of the following:

"I, Slastchev Krimsky, command you to return to your Fatherland and into the fold of the Red Army. Our country needs our defense against her enemies. I command you to return."

As a reward for his newly fledged love of the Socialist Fatherland Slastchev "Krimsky" was commissioned to quell the Karelian peasants who demanded self-determination, and Slastchev had the opportunity of givin' full play to the autocratic powers he was vested with.

Military receptions and honors for the man who had been foremost in the attempt to crush the Revolution, and imprisonment or death for the lovers of liberty! At the same time the true sons of Russia, who had defended the Revolution against every attack and had aided the Bolsheviki to political power, were made homeless by deportation to foreign lands. A more tragic debacle history has never before witnessed. The first to be deported by the "revolutionary" Government were ten Anarchists, most of them known in the international revolutionary movement as tried idealists and martyrs for their cause. Among them was Volin, a highly cultured man a gifted writer and lecturer, who had been editor of various Anarchist publications in Europe and America. In Russia, where he returned in 1917, he helped to organize the Ukrainian Confederation of Nabat and was for a time lecturer for the Soviet epartment of Education in Kharkov. Volin had been a member of an Anarchist partisan military unit that fought against Austro-German occupation, and for a con-

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXII. ~~377~~ 383

siderable time he also conducted educational and cultural work in the Makhno army. During the year 1921 he was imprisoned by the Bolsheviki and deported after the hunger strike of the Taganka Anarchists which lasted ten and a half days.

In the same group was G. Maximoff, an Anarchist of many years standing. Before the Revolution he had been active among the students of the Petrograd University and also among the peasants. He participated in all the revolutionary struggles beginning with the February Revolution, was one of the editors of "Golos Truda" and member of the All-Russian Secretariat of Anarcho-syndicalists. He is an able and popular writer and lecturer.

Mark Mratchny, another of the deported, is an Anarchist since 1907. At the time when Roman Skoropadsky ruled Ukraina with the help of German bayonets, Mratchny was a member of the Revolutionary Bureau of the Students of Kharkov. He held the position of instructor in the Soviet School Department of Kharkov, and later in Siberia. He edited the Nabat during the period of agreement between Makhno and the Bolsheviki, and was later arrested together with the other Anarchists that had come to Kharkov for the Anarchist Conference.

Among the deported was also Yartchuk, famous as one of the leaders of the Kronstadt sailors in the uprising of July, 1917, a man who enjoyed exceptional influence among the sailors and workers and whose idealism and devotion are matters of historic record. In the group there were also several students - mere youths who had participated in the Anarchist hunger-strike in the Taganka prison.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXII

270.V8 V

* * *

To remain longer in Bolshevik Russia had become unbearable. It was compelling to speak out, and I decided to leave the country. Friends were making arrangements to open a sub rosa passage abroad, but just as all preparations were completed, we were informed of new developments. Berlin Anarchists had made a demand upon the Soviet Government that passports be issued for Alexander Berkman, A. Shapiro and myself, to enable us to attend the International Anarchist Congress which was to convene in Berlin in December, 1921. Whether due to that demand or for other reasons, the Soviet Government finally issued the required papers and on December 1, 1921, I left Russia in the company of Alexander Berkman and A. Shapiro. It was just one year and eleven months since I had set foot on what I had believed the promised land. My heart was heavy with the tragedy of Russia. One thought stood out in bold relief: I must raise my voice against the crimes committed in the name of the Revolution. I would be heard regardless of friend or foe.

---

ooOoo

BEST COPY AVAILABLE

628

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

~~270~~ 281

2106

XXXIII. AFTERWORD

Non-Bolshevik Socialist critics of the Russian failure contend that the Revolution could not have succeeded in Russia because industrial conditions had not reached the necessary climax in that country. They point to Marx who taught that a social revolution is possible only in countries with a highly developed industrial system and its attendant social antagonisms. They therefore claim that the Russian Revolution could not be a social revolution, and that historically it had to evolve along constitutional, democratic lines, complemented by a growing industry, in order to ripen the country economically for the basic change.

This orthodox Marxian view leaves an important factor out of consideration - a factor perhaps more vital to the possibility and success of a social revolution than even the industrial element. That is the psychology of the masses at a given period. Why is there, for instance, no social revolution in the United States, France, or even in Germany? Surely those countries have reached the industrial development not Marx as the culminating stage. The truth is that industrial development and sharp social constrasts are of themselves by no means sufficient to give birth to a new society or to call forth a social revolution. The necessary social consciousness, the required mass psychology is missing in such countries as the United States and the other mentioned. That explains why no social revolution has taken place there.

In this regard Russia had the advantage of other more industrialized and "civilized lands. It is true that Russia was

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXIII. 280. Y (-

not as advanced industrially as her Western neighbors. But the Russian mass psychology, inspired and intensified by the February Revolution, was ripening at so fast a pace that within a few months the people were ready for such ultra-revolutionary slogans as "All power to the Soviets" and "The land to the peasants, the factories to the workers."

The significance of these slogans should not be underestimated. Expressing in a large degree the instinctive and semi-conscious will of the people, they yet signified the complete social, economic and industrial reorganization of Russia. What country in Europe or America is prepared to interpret such revolutionary mottoes into life? Yet in Russia, in the months of June and July, 1917, these slogans became popular and were enthusiastically and actively taken up, in the form of direct action, by the bulk of the industrial and agrarian population of over 150 millions. That was sufficient proof of the "ripeness" of the Russian people for the social revolution.

As to economic "preparedness" in the Marxian sense, it must not be forgotten that Russia is preeminently an agrarian country. Marx's dictum presupposes the industrialisation of the peasant and farmer population in every highly developed society, as a step toward social fitness for revolution. But events in Russia, in 1917, demonstrated that revolution does not await this process of industrialisation and - what is more important - cannot be made to wait. The Russian peasants began to expropriate the landlords and the workers took possession of the factories without taking cognisance of the Marxian dicta. This popular action, by

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXIII ~~281.~~ 281. V)

virtue of its own logic, ushered in the social revolution in Russia, upsetting all Marxian calculations. The psychology of the Slav proved stronger than social-democratic theories.

That psychology involved the passionate yearning for liberty nurtured by a century of revolutionary agitation among all classes of society. The Russian people had fortunately remained politically unsophisticated and untouched by the corruption and confusion created among the proletariat of other countries by "democratic" liberty and self-government. The Russian remained, in this sense, natural and simple, unfamiliar with the subtleties of politics, of parliamentary trickery, and legal makeshifts. On the other hand, his primitive sense of justice and right was strong and vital, without the disintegrating finesse of pseudo-civilization. He knew what he wanted and he did not wait for "historic inevitability" to bring it to him: he employed direct action. The Revolution to him was a fact of life, not a mere theory for discussion.

Thus the social revolution took place in Russia in spite of the industrial backwardness of the country. But to make the Revolution was not enough. It was necessary for it to advance and broaden, to develop into economic and social reconstruction. That phase of the Revolution necessitated full play of personal ~~initiative~~ initiative and collective effort. The development and success of the Revolution depended on the broadest exercise of the creative genius of the people, on the cooperation of the intellectual and manual proletariat. Common interest is the leit motif of all revolutionary endeavor, especially on

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXIII. Sec. VII 8

its constructive side. This spirit of mutual purpose and solidarity swept Russia with a mighty wave in the first days of the October-November Revolution. Inherent in that enthusiasm were forces that could have moved mountains if intelligently guided by exclusive consideration for the well-being of the whole people. The medium for such effective guidance was on hand: the labor organizations and the cooperatives with which Russia was covered as with a network of bridges combining the city with the country; the Soviets which sprang into being responsive to the needs of the Russian people; and, finally, the intelligentsia whose traditions for a century expressed heroic devotion to the cause of Russia's emancipation.

But such a development was by no means within the program of the Bolsheviki. For several months following October they suffered the popular forces to manifest themselves, the people carrying the Revolution into ever widening channels. But as soon as the Communist Party felt itself sufficiently strong in the government saddle, it began to limit the scope of popular activity. All the succeeding acts of the Bolsheviki, all their following policies, changes of policies, their compromises and retreats, their methods of suppression and persecution, their terrorism and extermination of all other political views - all were but the means to an end: the retaining of the State power in the hands of the Communist party. Indeed, the Bolsheviki themselves (in Russia) have made no secret of it. The Communist Party, they contended, is the advance guard of the proletariat, and the dictatorship must rest in its hands. Alas, the Bolsheviki reckoned without their host - without the peasantry, whom neither the razvyortka, the Tcheka nor the whole-

BEST COPY AVAILABLE

632

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

cale shooting could persuade to support the Bolshevik regime. The peasantry been the rock upon which the best laid plans and schemes of Lenin were wrecked. But Lenin, a nimble acrobat, is skilled in performing within the narrowest margin. The new economic policy was introduced just in time to ward off the disaster which was slowly but surely overtaking the whole Communist edifice.

II.

The "new economic policy" came as a surprise and a shock to most Communists. They saw in it a reversal of everything that their Party had been proclaiming - a reversal of Communism itself.1 In protest some of the oldest members of the Party, men who had faced danger and persecution under the old régime while Lenin and Trotsky lived abroad in safety, left the Communist Party embittered and disappointed. The leaders then declared a lockout. They ordered the clearing of the Party ranks of all "doubtful" elements. Everybody suspected of an independent attitude and those who did not accept the new economic policy as the last word in revolutionary wisdom were expelled. Among them were Communists who for years had rendered most devoted service. Some of them, hurt to the quick by the unjust and brutal procedure, and shaken to their depths by the collapse of what they held most high, even resorted to suicide. But the smooth sailing of Lenin's new gospel had to be assured, the gospel of the sanctity of private property and the freedom of cut-throat competition erected upon the ruins of four years of revolution.

However, Communist indignation over the new economic policy merely indicated the confusion of mind on the part of Lenin's

BEST COPY AVAILABLE

633

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

opponents. What else but mental confusion could approve of the numerous acrobatic political stunts of Lenin and yet grow indignant at the final communault, their logical culmination? The trouble with the devout Communists was that they clung to the Immaculate Conception of the Communist State which by the aid of the Revolution was to redeem the world. But most of the leading Communists never entertained such a delusion. Least of all Lenin.

Already during my first interview with the latter I received the impression that he was a shrewd politician who knew exactly what he was about and that he would stop at nothing to achieve his ends. After hearing him speak on several occasions and reading his works I became convinced that Lenin had very little concern in the Revolution and that Communism to him was a very remote thing. The centralized political State was Lenin's deity, to which everything else was to be sacrificed. Some one has said that Lenin would sacrifice the Revolution to save Russia. Lenin's policies, however, have proved that he was willing to sacrifice both the Revolution and the country, or at least part of the latter, in order to realize his political scheme with what was left of Russia.

Lenin is the most pliable politician in history. He can be an ultra-revolutionary, a compromiser and conservative at the same time. When like a mighty wave the cry swept over Russia, "All power to the Soviets," Lenin swam with the tide. When the peasants took possession of the land and the workers of the factories, Lenin not only approved of those direct methods but went further. He issued the famous motto, "Rob the robbers,"

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXIII 285 V91

a slogan which served to confuse the minds of the people and caused untold injury to revolutionary idealism. Never before did any real revolutionist interpret social expropriation as the transfer of wealth from one set of individuals to another. Yet that was exactly what Lenin's slogan meant. The indiscriminate and irresponsible raids, the accumulation of the wealth of the former bourgeoisie by the new Soviet bureaucracy, the chicanery practiced toward those whose only crime was their former status, were all the results of Lenin's "Rob the robbers" policy. The whole subsequent history of the Revolution is a kaleidoscope of Lenin's compromises and betrayal of his own slogans.

Bolshevik acts and methods since the October days may seem to contradict the new economic policy. But in reality they are links in the chain which was to force the all-powerful, centralised Government with State Capitalism as its economic expression. Lenin possesses clarity of vision and an iron will. He knew how to make his comrades in Russia and outside of it believe that his scheme is true Socialism and his methods the revolution. No wonder that Lenin feels such contempt for his flock, which he never hesitates to fling into their faces. "Only fools can believe that Communism is possible in Russia now," was Lenin's reply to the opponents of the new economic policy.

As a matter of fact, Lenin is right. True Communism was never attempted in Russia, unless one considers/thirty three categories of pay, different food rations, privileges to some and indifference to the great mass as Communism.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

In the early period of the Revolution it was comparatively easy for the Communist Party to possess itself of power. All the revolutionary elements, carried away by the ultra-revolutionary promises of the Bolsheviki, helped the latter to power. Once in possession of the State the Communists began their process of elimination. All the political parties and groups which refused to submit to the new dictatorship had to go. First the Anarchists and Left Social Revolutionists, then the Mensheviki and other opponents from the Right, and finally everybody who dared aspire to an opinion of his own. Similar was the fate of all independent organisations. They were either subordinated to the needs of the new State or destroyed altogether, as the Soviets, the trade unions and the cooperatives - three great factors for the realisation of the hopes of the Revolution.

The Soviets manifested themselves already in the revolution of 1905. They played an important part during that brief but significant period. Though the revolution was crushed, the Soviet idea remained rooted in the minds and hearts of the Russian masses. At the first dawn which illuminated Russia in February, 1917 the Soviets revived again and came into bloom in a very short time. To the people of the Soviets by no means represented a curtailment of the spirit of the Revolution. On the contrary, the Revolution was to find its highest, freest practical expression through the Soviets. That was why the Soviets so spontaneously and rapidly spread throughout Russia. The Bolsheviki realized the significance of the popular trend and joined the cry. But once in control of the Government the Communists saw that the Soviets threatened the supremacy of the State. At the same time they

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXIII 287 v 73

could not destroy them arbitrarily without undermining their own prestige at home and abroad as the sponsors of the Soviet system. They therefore began to shear them gradually of their powers and finally to subordinate them to their own needs.

The Russian trade unions were much more amenable to emasculation. Numerically and in point of revolutionary fibre they were still in their childhood. By declaring adherence to the trade unions obligatory the Russian labor organisations gained in physical stature, but mentally they remained in the infant stage. The Communist State became the wet nurse of the trade unions. In return, the organisations served as the flunkeys of the State. "A school for Communism," said Lenin in the famous controversy on the functions of the trade unions. Quite right. But an antiquated school where the spirit of the child is fettered and crushed. Nowhere in the world are labor organisations so subservient to the will and the dictates of the State as they are in Bolshevik Russia.

The fate of the cooperatives is too well known to require elucidation. The cooperatives were the most essential link between the city and the country. Their value to the Revolution as a popular and successful medium of exchange and distribution and to the reconstruction of Russia was incalculable. The Bolsheviki transformed them into cogs of the Government machine and thereby destroyed their usefulness and efficiency.

III.

It is now clear why the Russian Revolution, as conducted by the Communist Party was a failure. The political power of

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

the Party, organized and centralized in the State, sought to maintain itself by all means at hand. The central authorities attempted to force the activities of the people into forms corresponding with the purposes of the Party. The sole aim of the latter was to strengthen the State and monopolise all economical, political, and social activities - even all cultural manifestations. The Revolution had an entirely different object, and in its very character it was the negation of authority and centralization. It strove to open ever larger fields for proletarian expression and to multiply the phases of individual and collective effort. The aims and tendencies of the Revolution were diametrically opposed to those of the ruling political party.

Just as diametrically opposed were the <u>methods</u> of the Revolution and of the State. Those of the former were inspired by the spirit of the Revolution itself; that is to say, by emancipation from all oppressive and limiting forces; in short, <u>by libertarian principles</u>. The methods of the State, on the contrary, - of the Bolshevik State as of every government - were based on <u>coercion</u>, which in the course of things necessarily developed into systematic violence, oppression and terrorism. Thus two opposing tendencies struggled for supremacy: the Bolshevik State against the Revolution. That struggle was a life and death struggle. The two tendencies, contradictory in aims and methods, could not work harmoniously: the triumph of the State meant the defeat of the Revolution.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

It were an error to assume that the failure of the Revolution was the due entirely to the character of the Bolsheviki. Fundamentally, it was the result of the principles and methods of Bolshevism. It was the authoritarian spirit and principles of the State which stifled the libertarian and liberating aspirations. Were any other political party in control of the government in Russia the result would have been essentially the same. It is not so much the Bolsheviki who killed the Russian Revolution as the Bolshevik ideas. It was Marxism, however modified; in short, fanatical governmentalism. Only this understanding of the underlying forces that crushed the Revolution can present the true lesson of that world-stirring event. The Russian Revolution reflects on a small scale the century-old struggle of the libertarian principle against the authoritarian. For what is progress in if not the more general acceptance of the principles of liberty as against those of coercion? The Russian Revolution was a libertarian step defeated by the Bolshevik State, by the temporary victory of the reactionary, the governmental idea.

That victory was due to a number of causes. Most of them have already been dealt with in the preceding chapters. The main cause, however, was not the industrial backwardness of Russia, as claimed by many writers on the subject. That cause was cultural which, though giving the Russian people certain advantages over their more sophisticated neighbors, also had some fatal disadvantages. The Russian was "culturally backward" in the sense of being unspoiled by political and parliamentary corruption. On the other hand, that very uncorruptedness involved inexperience in the political game and a naive faith in the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. ~~XXXII~~ 296.

miraculous power of the party that talked loudest and made the most promises. This faith in the power of government served to enslave the Russian people to the Communist Party even before the great masses realized that the yoke had been put around their necks.

The libertarian principle was strong in the initial days of the Revolution, the need for free expression all-absorbing. But when the first wave of enthusiasm receded into the ebb of everyday prosaic life, a firm conviction was needed to keep the fires of liberty burning. There was only a comparative handful in the great vastness of Russia to keep those fires lit - the Anarchists, whose number was small and whose efforts, absolutely suppressed under the Tsar, had had no time to bear fruit. The Russian people, to some extent instinctive Anarchists, were yet too unfamiliar with true libertarian principles and methods to apply them effectively to life. Most of the Russian Anarchists themselves were unfortunately still in the meshes of limited group activities and of individualistic endeavor as against the more important social and collective efforts. The Anarchists, the future unbiased historian will admit, have played a very important role in the Russian Revolution - a role far more significant and fruitful than their comparatively small number would have led one to expect. Yet honesty and sincerity compel me to state that their work would have been of infinitely greater practical value had they been better organized and equipped to guide the released energies of the people towards the reorganization of life on a libertarian foundation.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

But the failure of the Anarchists in the Russian Revolution - in the sense just indicated - does by no means argue the defeat of the libertarian idea. On the contrary, the Russian Revolution has demonstrated beyond doubt that the State idea, State Socialism, in all its manifestations (economic, political, social, educational) is entirely and hopelessly bankrupt. Never before in all history has authority, government, the State, proved so inherently static, reactionary and even counter-revolutionary in effect. In short, the very antithesis of revolution.

It remains true, as it has been all through progress, that only the libertarian spirit and method can bring man a step further in his eternal striving for the better, finer, and freer life. Applied to the great social upheavals known as revolutions, this tendency is as potent as in the ordinary evolutionary process. The authoritarian method has been a failure all through history and now it has again failed in the Russian Revolution. So far human ingenuity has discovered no other principle except the libertarian, for man has indeed uttered the highest wisdom when he said that liberty is the mother of order, not its daughter. All political tenets and parties notwithstanding, no revolution can be truly and permanently successful unless it puts its emphatic veto upon all tyranny and centralisation, and determinedly strives to make the revolution a real revaluation of all economic, social and cultural values. Not mere substitution of one political party for another in the control of the government, not the cracking of autocracy by proletarian slogans, not the dictator-

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

ship of a new class over an old one, not political scene shifting of any kind, but the complete reversal of all these authoritarian principles will alone serve the revolution.

In the economic field this transformation must be in the hands of the industrial masses. The latter have the choice between an industrial State and anarcho-syndicalism. In the case of the former the menace to the constructive development of the new social structure would be as great as from the political State. It would be one a dead weight upon the growth of the new forms of life. For that very reason syndicalism (or industrialism) alone is not, as its exponents claim, sufficient unto itself. It is only when the libertarian spirit permeates the economic organisations of the workers that the manifold creative energies of the people can manifest themselves, and the revolution be safeguarded and defended. Only free initiative and popular participation in the affairs of the revolution can prevent the terrible blunders committed in Russia. Thus, for instance, with fuel only a hundred versts from Petrograd there would have been no necessity for that city to suffer from cold had the workers' economic organisations of Petrograd been free to exercise their initiative for the common good. The peasants of the Ukraine would not have been hampered in the cultivation of their land had they had access to the farm implements stacked up in the warehouses of Kharkov and other industrial centers awaiting orders from Moscow for their distribution. These are characteristic examples of Bolshevik governmentalism and centralization, which should serve as a warning to the workers of Europe and America of

BEST COPY AVAILABLE

642

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman]. – [1923, draft, fragment]. – 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXIII. 295. 99

the destructive effects of Statism.

The industrial power of the masses, expressed through their libertarian associations - Anarcho-syndicalism - is alone able to organize successfully the economic life and carry on production. On the other hand the cooperatives, working in harmony with the industrial bodies, serve as the distributing and exchange media between city and country, and at the same time link in fraternal bond the industrial and agrarian masses. A common tie of mutual service and aid is created which is the strongest bulwark of the revolution - far more effective than compulsory labor, the Red Army, or terrorism. In that way alone can revolution act as a leaven to quicken the development of new social forms and inspire the masses to greater achievements.

But libertarian industrial organisations and the cooperatives are not the only factors in the interplay of the complex phases of social life. There are the cultural forces which, though closely related to the economic activities, have yet their own functions to perform. In Russia, the Communist State became the sole arbiter of all the forces of the social body. The result, as already described, was complete cultural stagnation and the paralysis of all creative endeavor. If such a debacle is to be avoided in the future, the cultural forces, while remaining rooted in the economic soil, must yet retain independent scope and freedom of expression. Not adherence to the dominant political party but devotion to the revolution, knowledge and ability, and - above all - the creative impulse should be the criterion of fitness for cultural work. In Russia this was made impossible almost from

BEST COPY AVAILABLE

643

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXIII. 294. 300

the beginning of the October Revolution, by the violent separation of the intelligentsia and the masses. It is true that the ~~such~~ original offender in this case was the intelligentsia, especially the technical intelligentsia, which in Russia tenaciously clung - as it does in other countries - to the coat tails of the bourgeoisie. This element, unable to comprehend the significance of revolutionary events, strove to stem the tide by wholesale sabotage. But in Russia there was also another kind of intelligentsia - one with a glorious revolutionary past of a hundred years. That part of the intelligentsia kept faith with the people, though it could not unreservedly accept the new dictatorship. The fatal error of the Bolsheviki was that they made no distinction between the two elements. They met sabotage with wholesale terror against the intelligentsia as a class and inaugurated a campaign of hatred more intensive than the persecution of the bourgeoisie itself. A method which created an abyss between the intelligentsia and the proletariat and reared a barrier against constructive work.

Lenin was the first to realise that criminal blunder. He pointed out that it was a grave error to lead the workers to believe that they can build up, the industries and engage in cultural work without the aid and cooperation of the intellgentsia. The proletariat had neither the knowledge nor the training for the task, and the intellgentsia had to be restored in the direction of the industrial life. But the recognition of one error never safe-guarded Lenin and his Party from immediately committing another. The technical intelligentsia was called back on terms which aided disintegration to the antagonism against the régime.

BEST COPY AVAILABLE

644

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

While the workers continue to starve, engineers, industrial experts and technicians received high salaries, special privileges and the best rations. They became the pampered employees of the State and the new slave drivers of the masses. The latter, fed for years on the fallacies & teachings that muscle alone is necessary for a successful revolution, and that only physical labor is productive and incited by the campaign of hatred which stamped every intellectual a counter-revolutionist and speculator, could not make peace with those they had been taught to scorn and distrust.

Unfortunately Russia is not the only country where this proletarian attitude against the intelligentsia prevails. Everywhere political demagogues play upon the ignorance of the masses, teach them that education and culture are bourgeois prejudices, that the workers can do without them, and that they alone are able to rebuild society. The Russian Revolution has made it very clear that both brain and muscle are indispensable to the work of social reconstruction. Intellectual and physical labor are as closely related in the social body as brain and hand in the human organism. One cannot function without the other.

It is true that most intellectuals consider themselves a class apart from and superior to the workers, but social conditions everywhere are fast demolishing the high pedestal of the intelligentsia. They are made to see that they too are proletarians, even more dependent upon the economic master than the manual worker. Unlike the physical proletariat, who can pick up his tools and tramp the world in search of a change from a galling situation, the intellectual proletarians have their roots more firmly in their

BEST COPY AVAILABLE

645

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

particular social environment and cannot so easily change their occupation or mode of living. It is therefore of at most importance to bring home to the workers the rapid proletarization of the intellectuals and the common fate that awaits them. If the Western World is to profit by the lessons of Russia, the demagogic flattery of the masses and blind antagonism toward the intelligentsia must cease. That does not mean, however, that the toilers should depend entirely upon the intellectual element. On the contrary, the masses must begin right now to prepare and equip themselves for the great task the revolution will put upon them. They should acquire the knowledge and technical skill necessary for managing and directing the intricate mechanism of the industrial and social structure of their respective countries. But even at best the workers will need the cooperation of the professional and cultural elements. Similarly the latter must realize that their true interests are identical with those of the masses. Once the two social forces learn to blend into one harmonious whole, the tragic aspects of the Russian revolution would to a great extent be eliminated. No one would be shot because he "once acquired an education." The scientist, the engineer, the specialist, the investigator, the educator and the creative artist, as well as the carpenter, machinist and the cook, are all part and parcel of the collective force which is to shape the revolution into the great architect of the new social edifice. Not hatred, but unity; not antagonism, but fellowship; not shooting, but sympathy - that is the lesson of the great Russian debacle for the intelligentsia as well as the workers. All must learn the value of mutual aid and libertarian cooperation. Yet each must be able to remain independent in his own sphere and in harmony with the best he can

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

yield to society. Only in that way will productive labor and educational and cultural endeavor express themselves in ever richer and richer forms. That is to me the all-embracing and vital moral taught by the Russian Revolution.

II.

In the previous pages I have tried to point out why Bolshevik principles, methods and tactics failed, and that similar principles and methods applied in any other country, even of the highest industrial development, must also fail. I have further shown that it is not only Bolshevism that failed, but Marxism itself. That is to say, the STATE IDEA, the <u>authoritarian principle</u>, has been proved bankrupt by the experience of the Russian Revolution. If I were to sum up my whole argument in one sentence I should say: the inherent tendency of the State is to concentrate, to narrow and monopolize all social activities; the nature of revolution, is on the contrary, to grow, to broaden, and disseminate itself in ever wider circles. In other words, the State is institutional and static; revolution is fluent, dynamic. These two tendencies are incompatible and mutually destructive. The State idea killed the Russian Revolution and it must have the same result in all other revolutions, unless the <u>libertarian idea prevail</u>.

Yet I go much further. It is not only Bolshevism, Marxism and Government that are fatal to revolution as well as to all vital human progress. The main cause of the defeat of the Russian Revolution lies much deeper. It is to be found in the whole Socialist conception of revolution itself.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXIII. ~~293.304~~

The dominant, almost general, idea of revolution - particularly the Socialist idea - is that revolution is a violent change of social conditions through which one social class, the working class, becomes dominant over another class, the capitalist class. It is the conception of a purely physical change, and as such it involves only political scene shifting and institutional rearrangements. Bourgeois dictatorship is replaced by the "dictatorship of the proletariat". -- Or by that of its "advance guard," the Communist Party - Lenin takes the seat of the Romanovs, the Imperial Cabinet is reshristened Soviet of People's Commissars, Trotzky is appointed Minister of War, and a laborer becomes the Military Governor General of Moscow. That is, in essence, the Bolshevik conception of revolution, as translated into actual practice. And with a few minor alterations it is also the idea of revolution held by all other Socialist parties.

This conception is inherently and totally false. Revolution is indeed a violent process. But if it is to result only in a change of dictatorship, in a shifting of name and political personalities, then it is hardly worth while. It is surely not worth all the struggle, misery, the tremendous loss in human life and cultural values that results from every revolution. If such a revolution were even to bring greater social well being (which has not been the case in Russia) then it would also not be worth the terrific price paid: ere improvement can be brought about without blood, revolution. It is not palliatives or reforms that are the real aim and purpose of revolution, as I conceive it.

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

In my opinion - a thousandfold strengthened by the Russian experience - the great mission of revolution, of the SOCIAL Revolution, is a <u>fundamental transvaluation of values</u>. A transvaluation not only of social, but also of human values. The latter are even pre-eminent, for they are the basis of all social values. Our institutions and conditions rest upon deep-seated ideas. To change those conditions and at the same time leave the underlying ideas and values intact means only a superficial transformation, one that cannot be permanent or bring real better out. It is a change of form only, not of substance, as so tragically proved by Russia.

It is at once the great failure and the great tragedy of the Russian Revolution that it attempted (in the leadership of the ruling political party) to change only institutions and conditions while ignoring entirely the human and social values involved in the Revolution. Worse yet, in its mad passion for power, the Communist State undertook to strengthen and deepen the very ideas and conceptions which the revolution had come to destroy. It supported and encouraged all the worst anti-social qualities and systematically destroyed the already awakened conception of the new revolutionary values. The sense of justice and equality, the love of liberty and of human brotherhood - those fundamentals of the real regeneration of society - the Communist State suppressed to the point of extermination. Man's instinctive sense of equity was branded as weak sentimentality; human dignity and liberty became a bourgeois superstition; the sanctity of life, which is the very essence of social reconstruction, was condemned as un-revolutionary, almost counter-revolutionary. This fearful perversion of

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

300. 306

fundamental values bore within itself the seed of destruction. With the conception that the Revolution was only a means of securing political power, it was inevitable that all revolutionary values should be subordinated to the needs of the Socialist State; indeed, exploited to father the security of the newly acquired governmental power. "Reasons of State," masked as the "interests of the Revolution and of the People," became the sole criterion of action, even of feeling. Violence, the tragic inevitability of revolutionary upheavals, became an established custom, a habit, and was presently enthroned as the most powerful and "ideal" institution. Did not Zinoviev himself canonize Dzerzhinsky, the head of the bloody Cheka, as the "saint of the Revolution"? Were not the greatest public honors paid by the State to Uritsky, the founder and sadistic chief of the Petrograd Cheka?

This perversion of the ethical values soon crystallised into the all-dominating slogan of the Communist Party: THE END JUSTIFIES ALL MEANS. Similarly in the past the Inquisition and the Jesuits adopted this motto and subordinated to it all morality. It avenged itself upon the Jesuits as it did upon the Russian Revolution. In the wake of this slogan followed lying, deceit, hypocrisy and treachery, murder, fear and secret. It should be of utmost interest to students of social psychology that two movements as widely separated in time and ideas as Jesuitism and Bolshevism reached exactly similar results in the evolution of the principle that the end justifies all means. This historic parallel, almost entirely ignored so far, contains a most important lesson for all coming revolutions and for the whole future of mankind.

BEST COPY AVAILABLE

650

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXXIII. 301.307

There is no greater fallacy than the belief that aims and purposes are on thing, while methods and tactics are another. This conception is a patent menace to social regeneration. All human experience teaches that methods and means cannot be separated from the ultimate aim. The means employed become,through individual habit and social practice, part an parcel of the final purpose; they influence it, modify it, and presently the aims and means become identical. From the day of my arrival in Russia I felt it, at first vaguely then ever more consciously and clearly. The great and inspiring aim of the Revolution became so clouded with and obscured by the methods used by the ruling political power that it was hard to ~~dist~~ distinguish what was temporary means and what final purpose. Psychologically and socially the means necessarily influence and alter the aims. The whole history of man is continuous proof of the maxim that to divest one's methods of ethical concepts means to sink into the depths of utter demoralisation. In that lies the real tragedy of the Bolshevik philosophy as applies to the Russian Revolution. May this lesson not be in vain.

No revolution can ever succeed as a factor of liberation unless the ~~means~~ MEANS used to further it are identical in spirit and tendency with the PURPOSE to be achieved. Revolution is the negation of the existing, a violent protest against man's inhumanity to man with all the thousand one slaveries it involves. It is the destroyer of dominant values upon which a complex system of injustice, oppression and wrong has been built up by ignorance and brutality. It is the herald of NEW VALUES, ushering in a transformation of the basic relations of man to man, and of man to society. It is not a mere reformer, patching up some social

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

evils; not a mere changer of forms and institutions; not only a re-distributor of social well being. It is all that, yet more, much more. It is, first and foremost, the TRANSVALUATOR, the bearer of new values. It is the great TEACHER of the NEW ETHICS, inspiring man with a new concept of life and its manifestations in social relationships. It is the mental and spiritual regenerator.

Its first ethical precept is the identity of means used and aims sought. The ultimate end of all revolutionary social change is to establish the sanctity of human life, the dignity of man, the right of every human being to liberty and well-being. Unless this be the essential aim of revolution, violent social changes would have no justification. For external social alterations can be, and have been, accomplished by the normal processes of evolution: no revolutions are needed for these. Revolution, on the contrary, signifies not a mere external change, but internal, basic, fundamental. That internal change of concepts and ideas, permeating ever larger social strata, finally culminates in the violent upheaval known as revolution. Fail that liberating process of transvaluation, turn against it, betray it? That is what happened in Russia. On the contrary, the revolution itself must quicken and further the process of which it is the cumulative expression; its main mission is to spur, inspire, to carry it to greater heights, give it fullest scope for expression. Only thus is revolution true to itself.

Applied in practice it means that the period of the actual revolution, the so-called transitory stage, must be the

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Chap. XXIII. 308.3

introduction, the prelude to the new social conditions. It is the threshold to the NEW LIFE, the new HOUSE OF MAN AND HUMANITY. As such it must be of the spirit of the new life, harmonious with the construction of the new edifice.

Today is the present of tomorrow. The present casts its shadow far into the future. That is the law of life, individual and social. Revolution that divests itself of ethical values thereby lays the foundation of injustice, deceit and oppression for the future society. The means used to prepare the future become its cornerstone. Witness the tragic condition of Russia. The methods of State centralisation have paralyzed individual initiative and effort; the tyranny of the dictatorship has cowed the people into slavish submission and all but extinguished the fires of liberty; organised terrorism has depraved and brutalised the masses and stifled every idealistic aspiration; institutionalised murder has cheapened human life, and all sense of the dignity of man and the value of life has been eliminated; coercion at every step has made effort bitter, labor a punishment, has turned the whole of existence into a scheme of mutual deceit, and has revived the lowest and brutal instincts of man. A sorry heritage to begin a new life of freedom and brotherhood.

It cannot be sufficiently emphasized that revolution is in vain unless inspired by its ultimate ideal. Revolutionary methods must be in tune with revolutionary aims. The means used to further the revolution must be harmonious with its purposes. In short, the ethical values which the revolution is to establish in the new society must be initiated with the revolutionary activities of the so-called transitional period. The latter can serve as a real

BEST COPY AVAILABLE

860716002

The Emma Goldman Papers

My Disillusionment in Russia / E[mma] G[oldman].– [1923, draft, fragment].– 145 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

and dependable bridge to the better life only if built of the same material as the life to be achieved. Revolution is the mirror of the coming day; it is the child that is to be the Man of Tomorrow.

* * *

FINIS.

BEST COPY AVAILABLE

654

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.— pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. —(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

VI.

Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel

von **Emma Goldmann**, New-York.

Vorbemerkung des Herausgebers.

Den folgenden Aufsatz erhielt ich von der amerikanischen Freiheitskämpferin Frau Emma Goldmann, der geistesverwandten Freundin Fürst Peter Krapotkins und Louise Michels. In ihrer Zeitschrift „Mother Earth“ („Mutter Erde“) und in zahllosen Reden, die sie während mehrerer Jahrzehnte an allen größeren und kleineren Plätzen der Vereinigten Staaten hielt, kämpfte sie kühn und unentwegt für das Recht des Menschen über sich selbst, vor allem für die Rechte der Entrechteten. So kam es, daß sie sich als erste und einzigste Frau, ja man kann wohl sagen als erster und einziger Mensch von Bedeutung in Amerika in breitester Oeffentlichkeit auch der Liebe der Homosexuellen annahm. Im Weltkrieg wandte sie sich mit aller ihr zu Gebote stehenden Schärfe gegen die Gewalt der Waffen, wurde darob, als Amerika in den Krieg eintrat, ins Gefängnis geworfen und nach zweijähriger Einkerkerung in Jefferson City (Missouri) — wer das „freie“ Amerika kennt, weiß, was zwei Jahre „hard labour“ dort zu bedouten haben — aus den Vereinigten Staaten ausgewiesen. Da dies noch nie zuvor einer amerikanischen Bürgerin geschah, erregte es größtes Aufsehen und verschaffte ihr die Sympathie vieler, die ihr bis dahin gleichgültig oder feindselig gegenüberstanden.

Wäre Emma Goldmann aber auch nicht die mutige, kluge und edle Frau, als die wir sie in ihrer Verbannung kennen lernten, so würden wir auch dann keine Bedenken getragen haben, ihr an dieser Stelle das Wort zu dem zu geben, was sie uns über eine ihr im Leben nahestehende Persönlichkeit sagen will, die nach ihrer Ansicht von Karl von Levetzow in der Skizze, die er ihr kurz nach ihrem Tode (1905) zu Marseillo im VII. Bande dieser Jahrbücher gewidmet hat, nicht im richtigen Lichte gesehen ist. Denn nichts liegt uns ferner, als Männer und Frauen als urnisch in Anspruch zu nehmen, die es tatsächlich nicht sind, so wichtig es für eine gerechte Beurteilung des Urningtums auch ist, Menschen von hohem Allgemeinwert, die tatsächlich so geartet sind, als solche zu erkennen.

Wiederholt habe ich darauf hingewiesen, wie schwierig es ist, die Diagnose Homosexualität bei Menschen zu stellen, sei es lebenden oder verstorbenen, die sich nicht selbst offen als gleichgeschlechtlich empfindend bekannt haben wie etwa August von Platen oder Oscar Wilde. Es wird sich in allen anderen Fällen stets um einen mehr oder minder zuverlässigen Indizienbeweis handeln und es steht außer Frage — die Kriminalgeschichte zeigt es zur Genüge — daß selbst der scheinbar beste Indizienbeweis auf einem Irrtum beruhen kann. (Schon aus diesem Grunde sollte die Todesstrafe endlich abgeschafft werden.)

Die verschiedene Auffassung von Levetzows und Frau Goldmanns über Louise Michel, deren Bewunderer und Verehrer beide in gleichem Maße sind, ist für diese alte Erfahrung ein neuer Beweis. Und doch ist auch hier über die scheinbar unüberbrückbare Kluft eine Brücke gegeben, nämlich dort, wo Frau Goldmann in

BEST COPY AVAILABLE

655

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.— pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. —(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

den folgenden Ausführungen von Louise Michel als einer „neuen Typus der Weiblichkeit", einer „komplizierten Natur" spricht. Die Individualpsychologie erschöpft sich eben nicht in einer noch so ausgeklügelten Klassifizierung. Jedes Schema ist schemenhaft. Unerschöpflich, unbegrenzt ist die Differenzierung menschlicher Individualitäten. Hier aber handelt es sich um einen außergewöhnlichen Menschen von ganz besonderem Ausmaß, dessen Tiefen zu ergründen und Höhe zu erfassen schon für ihn selbst unendlich schwierig ist, geschweige denn für andere Menschenforscher. Vor allem würde zu dieser Tiefenpsychologie auch eine genauere Erforschung der Konstitutionstypen gehören, auf die eine Person reagiert, in unserem Falle also Théophile Ferré, des von Levetzow nicht erwähnten Bruders von Maria Ferré, von der Ernest Girault erzählt, daß er „der einzige Mann war, der Louisens Herz erglühen machte".

Auf alle Fälle verdient der folgende Artikel Emma Goldmanns, den ein anderer Freund Louise Michels aus ihrer Londoner Zeit, der prächtige Mainzer Rudolf Rocker, ausgezeichnet verdeutscht hat, als wertvoller Beitrag zum Menschenstudium im allgemeinen (von dem Goethe sagte, daß er das höchste sei) und dem einer seltenen Frau im besonderen Anerkennung und Dank. Wollen wir an diese beiden Empfindungen den Wunsch knüpfen, daß es der Verfasserin bald wieder vergönnt sein möge, aus dem Exil, in dem nach dem Chaos des Weltkrieges jetzt so viele schmachten, in die ersehnte amerikanische Heimat und Tätigkeit zurückzukehren.

M. H.

* * *

Lieber Herr Dr. Hirschfeld!

Es ist schon eine Reihe von Jahren, daß ich mit Ihrem großen Werke der Sexualpsychologie vertraut bin. Ich war stets ein aufrichtiger Bewunderer Ihres mannhaften Eintretens für die Rechte von Menschen, die ihrer ganzen natürlichen Veranlagung nach in dem, was man gemeinhin als den „normalen Weg" zu bezeichnen pflegt, keinen Ausdruck für ihre sexuellen Empfindungen finden können. Nun da ich das Vergnügen hatte, Ihre persönliche Bekanntschaft zu machen und Ihre Versuche aus der Nähe beobachten zu können, fühle ich den Eindruck Ihrer Persönlichkeit und den Geist, der sie bisher in Ihrer schweren Aufgabe geleitet hat, stärker als je zuvor. Die Bereitwilligkeit, mit der Sie mir Ihre Zeitschrift zur Verfügung stellten und mir dadurch die Möglichkeit gaben, eine Abhandlung des Freiherrn von Levetzow (siehe Jahrbuch VII, I), über die angebliche Homosexualität Louise Michels kritisch zu würdigen, ist für mich ein Beweis — wenn es eines solchen erst noch bedurft hätte — daß Sie ein Mann von ausgeprägtem Rechtsempfinden sind, dem es nur auf die Wahrheit und auf sonst nichts ankommt. Gestatten Sie, daß ich Ihnen dafür, wie auch für Ihre brave und mutvolle Stellung im Dienste der Aufklärung und der Menschlichkeit gegen Unwissenheit und Heuchelei, meinen aufrichtigen Dank ausspreche.

Vor allem fühle ich mich genötigt, meiner Antwort auf die Ausführungen des obenerwähnten Autors ein paar kurze Bemerkungen vorauszuschicken. Es ist kein Vorurteil irgendwelcher Art gegen die Homosexualität als solche oder gar eine Abneigung gegen die Homosexuellen im allgemeinen, die mich veranlaßten, den meiner Meinung nach irrigen Voraussetzungen Herrn von Levetzows entgegenzutreten. Hätte Louise Michel im Verkehr mit allen, die sie liebten und die ihr zugetan waren, sexuelle Empfindungen irgendwelcher Art bekundet, so wäre ich wahrlich die letzte, die es unternehmen würde, sie von diesem „Stigma" reinigen zu wollen. Ich empfinde es als eine Tragödie, daß Menschen, welche, sexuell anders geartet, in eine Welt gebannt sind, die so wenig Ver-

BEST COPY AVAILABLE

656

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.— pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. —(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

ständnis für die Homosexnellen an den Tag legt und den verschiedenartigen Abstufungen und Variationen des Geschlechts und ihrer großen Bedeutung im Leben mit so krasser Indifferenz gegenübersteht. Es liegt mir gänzlich fern, solche Menschen als minderwertig, weniger moralisch oder feinerer Empfindungen und Handlungen unfähig werten zu wollen. Am allerletzten aber könnte es mir in den Sinn kommen, meine große Lehrerin und Genossin Louise Michel von dem Vorwurf der Homosexualität „schützen" zu müssen. Louise Michels Verdienste um die Menschheit und um das große Werk der sozialen Befreiung sind so groß, daß man sie weder vergrößern noch verkleinern könnte, was immer ihre sexuellen Gepflogenheiten gewesen sind.

Schon mit Jahren zurück, als ich von Sexualpsychologie noch nichts wußte, und meine einzige Bekanntschaft mit Homosexuellen sich auf einige Frauen beschränkte, die ich im Gefängnis kennen lernte, wo ich mich meiner politischen Ueberzeugung wegen befand, trat ich entschieden für Oscar Wilde ein. Als Anarchist ist mein Platz stets auf der Seite des Verfolgten gewesen. Die ganze Anklage und Verurteilung Wildes erschien mir als ein Akt grausamer Ungerechtigkeit und abstoßender Heuchelei, verübt von der Gesellschaft, welche den Stab über diesen Mann gebrochen hatte. Und dies allein war die Ursache, die mich veranlaßte, für ihn einzutreten.

Später kam ich nach Europa, wo ich die Werke von Havelock Ellis, Krafft-Ebing, Carpenter und mancher anderen kennen lernte, die mir das Verbrechen, das seinerzeit an Oscar Wilde und seinesgleichen begangen wurde, erst vollständig zum Bewußtsein brachten. Von damals an trat ich in Wort und Schrift für diejenigen ein, die in ihren sexuellen Empfindungen und Bedürfnissen ihrer ganzen Natur nach anders geartet sind. Es waren hauptsächlich Ihre Werke, lieber Herr Doktor, die mir geholfen haben, die äußerst verwickelten Probleme der Sexualpsychologie zu beleuchten und die ganze Stellung meiner Zuhörer diesen Fragen gegenüber menschlicher zu gestalten.

Aus alledem mögen Ihre Leser ersehen, daß mir jedes Vorurteil oder Antipathie irgendwelcher Art den Homosexuellen gegenüber gänzlich ferne liegen. Ganz im Gegenteil! Unter meinen männlichen und weiblichen Freunden befinden sich einige, die entweder vollständig urnisch oder bisexuell veranlagt sind. Ich fand dieselben, was Intelligenz, Fühlgkeit, Feinfühligkeit und persönlichen Reiz anbelangt, weit über dem Durchschnittsmenschen stehend. Ich fühle tief mit ihnen, da ich weiß, daß ihre Leiden größer und komplizierterer Natur als die gewöhnlicher Menschen sind. Allein es besteht unter sehr vielen Homosexuellen eine prädominierende geistige Einstellung, der ich mich ernstlich widersetzen muß. Ich spreche hier von ihrer Gewohnheit, möglichst jede hervorragende Persönlichkeit als eine der ihrigen zu reklamieren und derselben gewisse Empfindungen und Charakterzüge zuzuschreiben, die ihnen selbst innewohnen.

Es ist dies freilich keine homosexuelle, sondern eine psychologische Eigenart aller von der sogenannten öffentlichen Meinung geächteten Menschen, daß sie stets geneigt sind, die hervorragendsten Individualitäten aller Zeiten zur Unterstützung ihrer Sache heranzuziehen. Persönliches Leid sucht Genossenschaft. So kann man z. B. bemerken, daß Juden fast stets inkliniert sind, allen bedeutenden Männern und Frauen in der Welt eine jüdische Abstammung oder zum mindesten jüdische Charakterzüge zuzuschreiben. Bei den Irländern begegnen wir ähnlichen Gewohnheiten; die Inder werden uns stets erzählen, daß ihre Zivilisation die größte ist, mit der sich keine andere vergleichen kann usw. usw. Dieselbe Erscheinung finden wir auch bei politisch Geächteten. Sozialisten reklamieren gerne Männer wie Walt. Whitman und Oscar Wilde als Bekenner der Theorien von Karl Marx, während andererseits viele Anarchisten in Nietzsche, Wagner, Ibsen und anderen stammverwandte Geister erblicken. Zweifellos ist Vielseitigkeit stets ein Zeichen wahrer Größe gewesen; allein ich habe es immer als eine gewisse Aufdringlichkeit empfunden, große schöpferische Persönlichkeiten für meine Ideen zu reklamieren, solange dieselben nicht

BEST COPY AVAILABLE

657

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.– pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. –(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

selbst ihre Uebereinstimmung mit denselben bekundet haben.

Wenn man den Versicherungen und Prätentionen vieler Homosexuellen Glauben schenken wollte, so müßte man notwendigerweise zu der Ueberzeugung gelangen, daß außer dem Kreise sexuell anders geartcter keine wahre Größe zu finden ist, noch je gefunden wurde. Gesellschaftliche Aechtung und Verfolgungen sind noch stets die Brutstätten des Sektierergeistes gewesen; aber diese geistige Einstellung beschränkt den breiten Ausblick und macht Menschen oft ungerecht in ihrem Lobe anderer. Ohne Herrn von Levetzow irgendwie nahetreten zu wollen, scheint es mir doch, daß er sich von diesem Sektierorgeist vieler Homosexuellen zu stark, und vielleicht ohne daß ihm dies zum Bewußtsein kam, beeinflussen ließ. Dazu kommt noch seine antiquierte Auffassung über den Wesensinhalt des Weibes. Er sieht in der Frau ein Wesen, das von der Natur lediglich dazu bestimmt ist, den Mann mit seinem Liebesreiz zu erquicken, ihm Kinder zu gebären und im übrigen als Kochtopf- und Strickstrumpfsklavin des Haushaltes zu figurieren. Jede Frau, welche dieser von der Zeit abgenutzten Erfordernisse der Weiblichkeit ermangelt, wird für den Autor sofort zum Urning. Im Lichte dessen, was die moderne Frau auf jedem Gebiete des menschlichen Gedankenlebens und gesellschaftlicher Bestrebungen bisher vollbracht hat, verdienen diese Anschauungen des herkömmlichen Mannes der Frau gegenüber wohl schwerlich noch Beachtung. Nichts destoweniger sehe ich mich genötigt, diesen altersgrauen Ansichten des Autors von „Louise Michel" bis zu einem gewissen Grade nachzugehen, sei es auch nur, um dem Leser zu zeigen, zu welch sinnwidrigen Schlüssen man gelangen kann, wenn man von einer sinnwidrigen Voraussetzung ausgeht.

Es braucht wohl kaum erst bemerkt zu werden, daß meine kritische Einstellung dem Autor gegenüber mich durchaus nicht verhindert, Herrn von Levetzow als feingeistigen Schriftsteller, der wohl imstande ist, eine große Menschenseele liebevoll zu erfassen, vollen Tribut zu zollen. Ich konnte mich sogar einer gewissen Beklommenheit nicht entwehren,

als ich mich daran machte, seinen Aufsatz kritisch zu zergliedern. Es schien mir fast, als ob ich ein großes leuchtendes Porträt in Stücke schneide; denn Herrn von Levetzows Charakterskizze von Louise Michel ist ohne Zweifel ein Meisterwerk, durch welches er sich alle, die das Glück hatten, diese merkwürdige Frau kennen und lieben zu lernen, zu großem Dank verpflichtet hat. Allein die Wahrheit gebietet mir, meine persönlichen Gefühle auszuschalten und den konkreten Tatsachen näherzutreten.

Da ich nicht in der Lage war, der Abhandlung des Herrn von Levetzow unmittelbar meine Antwort folgen zu lassen — der Artikel kam mir erst jetzt zu Gesicht —, so muß ich mich notgedrungen auf die wichtigsten Punkte beschränken, welche der Autor ins Feld führt, um die homosexuelle Veranlagung Louise Michels zu beweisen.

Diese Punkte sind:

1. Louise Michel war ein außergewöhnliches Kind, erfüllt von einem starken Drange nach Wissen und wissenschaftlichen Problemen, und eine leidenschaftliche Leserin.

2. Ungleich anderen Mädchen waren ihre Spielzeuge nicht Puppen, sondern Frösche, Käfer, Mäuse und andere lebende Dinge. Louise Michel spielte mit Vorliebe mit ihrem Vetter (was übrigens ebensogut beweisen würde, daß sie ein durchaus normales Mädchen war), kletterte auf Bäume, veranstaltete Jagdexpeditionen, war ein ausgesprochener Wildfang und stets zu allen Ränken und tollen Streichen aufgelegt, wie es gemeinhin nur bei Knaben der Fall ist.

3. Sie wuchs auf in großer Gleichgültigkeit auf ihr Aeußeres, haßte weibliche Krausen, Korsette, hohe Absätze usw. und widersetzte sich, solche zu tragen, war schrecklich nachlässig in ihrer Kleidung und unordentlich in ihren Gewohnheiten und ihrer Umgebung.

4. Louise Michel besaß einen außergewöhnlichen Mut, wußte überhaupt nicht, was Furcht ist; ihre Verwegenheit kannte keine Grenzen und sie ertrug physische Leiden mit einer Ausdauer, wie man sie sogar bei Männern selten findet.

BEST COPY AVAILABLE

658

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.– pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. –(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

5. Kein Mann spielte in ihrem Leben eine Rolle, außer als Kamerad. Von der anderen Seite war sie stets umgeben von weiblichen Freunden, denen sie „leidenschaftlich ergeben war".

6. Louise Michel beschäftigte sich eifrig mit Mathematik und Musik; sie liebte Bildhauerwerke, war eine begeisterte Verehrerin von Wagner und allerhand Dingen, die Frauen immer fremd waren.

Besonderes Gewicht legt Herr von Levetzow auf Louise Michels eckige Figur, die Flachheit des Busens und auf ihre männlichen Züge. Mit einem Wort, Herr von Levetzow führte jedes nur denkbare Argument für die Männlichkeit Louise Michels ins Treffen, Argumente, wie sie seit undenklichen Zeiten von Männern aller Schattierungen der Frau entgegengehalten wurden, wenn sie versuchte, aus ihrer gesellschaftlichen Stellung als Haremsdame herauszukommen und es wagte, einen gleichen Platz mit dem Manne im Leben zu fordern.

Betrachten wir uns denn diese angeblichen Beweise etwas näher:

1. Die frühe Neigung Louise Michels für die Erkenntnis tieferer Lebensprobleme, ihre Vorliebe für ernste Bücher, ihr Sinn für Mathematik sind Erscheinungen, die sie mit einer ganzen Anzahl hervorragender Frauen gemein hat; es seien hier nur genannt Sonja Kavalevskaja, Maria Baskertschew und, in ganz neuer Zeit, Madame Curré. Kavalevskaja löste schwierige mathematische Probleme als Kind von acht Jahren und als sie kaum zwanzig war, hatte sie sich bereits ihren Platz als eine der größten Kapazitäten auf dem Gebiete der Mathematik errungen. Baskertschew hatte ein viel tieferes psychologisches Verständnis für ihre Umgebung als viele Männer, sie beschäftigte sich mit dem Studium der Wissenschaften, mit Soziologie, Literatur, Kunst und Musik als sie erst zehn Jahre alt war, und entwickelte sich als eine der hervorragendsten Persönlichkeiten ihrer Zeit. Madame Curré ist zu gut bekannt, und zwar nicht bloß als die Mithelferin ihres Mannes, sondern als durchaus selbständige Autorität in der Domäne der Wissenschaft. Und doch waren diese Frauen, wie eine ganze Anzahl anderer,

nicht nur nicht homosexuell, sondern sogar extrem weiblich veranlagt. Es war gerade ihre Weiblichkeit, die ihnen zum großen Teile zur Tragödie ihres Lebens geworden ist; denn die Männer, denen sie begegneten, waren überhaupt nicht imstande, die innere Sehnsucht dieser Frauen nach der Liebe und Kameradschaft des Mannes verstehen und würdigen zu können. So verschwendete Sonja Kavalevskaja ihr Leben mit ihrem Gatten und später in einer heftigen Leidenschaft zu einem ihrer Landsleute, der keine Ahnung hatte von dem Feuer, welches diese große Frau des 19. Jahrhunderts verzehrte. Baskertschew erlebte dasselbe Schicksal in ihrer Liebe zu ihrem Lehrer in der Malerei Bastlau la Paye. Ich fühle mich nicht berufen, in das Privatleben von Madame Curré einzudringen. Sie könnte dies vielleicht als Aufdringlichkeit empfinden; aber so viel der Oeffentlichkeit davon bekannt ist, scheint sie sehr weiblich veranlagt zu sein und nicht die kleinsten homosexuellen Neigungen zu besitzen.

2. Ich bin absolut sicher, daß Herr von Levetzow niemals gesunde und durchaus normale amerikanische Mädchen bei ihren Spielen beobachtet hat. Er würde sonst gesehen haben, wie sie mit Fröschen, Käfern und Schlangen zu spielen verstehen und allen „knabenhaften" Ränken ergeben sind; und doch wachsen viele dieser Mädchen heran als Frauen in des Wortes typischster und frivolster Bedeutung, ohne irgendeinen nützlichen Zweck im Leben zu erfüllen. Von der anderen Seite gibt es eine fast unbeschränkte Zahl bedeutender amerikanischer Frauen, denen man in allen Lebenssphären begegnen kann, die in ihrer Kindheit sehr knabenhaft veranlagt waren, später aber ihren Männern liebevolle Gattinnen und Mütter von Kindern geworden sind und die in derselben Zeit eine große moralische Kraft repräsentierten in allen verschiedenen Bewegungen für eine tiefere und feinere Wertung des gesellschaftlichen Lebens in ihrem Lande.

3. Louise Michel hatte eine tiefe Abneigung gegen die Krausen und alle übrigen Requisiten, welche die unglückliche Treibhauspflanze einer verdorbenen Gesellschaft heute benötigt; sie war nachlässig und unordentlich in ihren Gewohnheiten.

BEST COPY AVAILABLE

659

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.– pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. –(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

Auch in diesem Punkte fühle ich mich berufen, Herrn von Levetzow etwas aufzuklären. Es ist unverkennbar, daß viele Frauen sich von dem trügenden Schein der Vergangenheit befreit und sich dennoch gleichzeitig einen Sinn für Schönheit bewahrt haben. In den meisten Fällen spielte hier der Protest gegen die aufdringlichen Fetzen, die Verschwendung und die Unsinnigkeit der ganzen Parapherna, welche heute die gewöhnliche Ausstattung der Frau ausmacht, die entscheidende Rolle. Von einem wissenschaftlichen, soziologischen und moralischen Standpunkt aus gesehen, drängte sich diesen Frauen die Ueberzeugung auf, daß ihre Kleider das äußere Merkmal der Sklaverei ihres Geschlechtes bedeuten und daß sie den Wert aller dieser Dinge, die sie in das Joch der Hörigkeit bannten, einer neuen Umwertung unterziehen müßten. Kann man diese Frauen dafür als homosexuell bezeichnen? Nein, sie sind es ebensowenig, als Louise Michel es war. Louise, die ihr ganzes Leben der Sache der Menschheit weihte, die nicht nur für ihre eigene Existenz, sondern auch für die ihrer Mutter zu sorgen hatte, war eben vorwiegend mit der Bewegung beschäftigt, welche ihr ganzes Denken und Handeln in Anspruch nahm. Sie hatte wirklich keine Zeit, sich stundenlang im Spiegel zu bewundern, Schneiderinnen auszuhecken und arme Verkäuferinnen auf die Folter zu spannen im vergeblichen Suchen nach dem neuesten Stil. Muß man sie deshalb als Urning betrachten, weil sie sich vernünftig kleidete und dem, was man gemeinhin die Schönheit der weiblichen Erscheinung nennt, wenig Aufmerksamkeit zollte?

4. Louise Michels Mut, ihre grenzenlose Verwegenheit, ihre Furchtlosigkeit, ihre erstaunliche Kraft, physische Schmerzen zu ertragen usw. Ich will nicht tiefer auf alle diese Dinge eingehen. Allein es wäre unbillig, diese wunderbaren Eigenschaften Louisens hier noch einmal besonders zu betonen, ohne gleichzeitig der großen Schar russischer Frauen Erwähnung zu tun, die an der revolutionären Bewegung ihres Landes einen so hervorragenden Anteil genommen haben. Es ist offenbar, daß Herr von Levetzow niemals solchen Frauen begegnet ist; es seien nur einige von ihnen hier genannt: Perowskaja, Helfmann, Figner, Breschkowskaja, Kavalskaja, Volkenstein und aus der späteren Periode Spirdonowa. Alle diese Frauen bewiesen einen heroischen Mut in dem großen revolutionären Kampfe Rußlands. Sie beteiligten sich an den verwegensten Taten und gingen in den Tod, nach dem großen Schmerzenslande Sibirien oder zu der Katorga mit einem Lächeln auf den Lippen. Und doch zog es Perowskaja vor, am Galgen zu sterben zusammen mit dem Manne, den sie liebte, anstatt sich in Sicherheit zu bringen, wie sie es leicht hätte tun können. Volkenstein und Figner waren so außerordentlich feminin veranlagt, daß sie den Mangel an Schönheit und Zartheit, welche eine so große Rolle im Leben einer gefühlvollen Frau spielen, viel härter empfanden als die physischen Schrecken ihrer Gefangenschaft. Kavalskaja erlahmte nie in ihrem rebellischen Kampfe während einer Gefangenschaft von nahezu zweiundzwanzig Jahren. Volkenstein und Figner gehörten physisch zu den schönsten Frauen und waren durchaus weiblich in ihrem Liebesleben und in allen ihren Beziehungen. Was Spirdonowa anbelangt, die man den fürchterlichsten Martern aussetzte — unter anderen auch der Vergewaltigung durch zwei betrunkene russische Offiziere — gab sie keinen Laut von sich, als man ihren nackten Leib mit brennenden Zigarren malträtierte. Und doch ist dieses heroische Weib ein zartes, zerbrechliches Persönchen, fein und delikat wie eine Blume, das ihrem Lebensgefährten in inniger Liebe zugetan ist. Diese wenigen Beispiele mögen genügen, um jeden, der nicht von den alten überlebten Begriffen über die Natur der Frau befangen, und dessen Blick nicht durch bestimmte vorgefaßte Meinungen getrübt ist, zu überzeugen, daß man durch und durch Frau sein kann und in derselben Zeit eine ausgesprochene Rebellen- und Kämpfernatur. Es wäre mir ein leichtes, hier noch eine ganze Anzahl von Frauen aus allen Zeiten und Ländern anzuführen, die Schulter an Schulter mit Männern kämpften für menschliche Rechte und für ihre eigene Befreiung, Frauen, die ihren männlichen Kameraden an Mut und Seelenstärke in jeder Beziehung gleichkamen und trotzdem nichts Männliches oder Homosexuelles an sich hatten.

BEST COPY AVAILABLE

660

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.— pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. —(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

Dies bringt mich zu jener absonderlichen Schlußfolgerung, die Herr von Levetzow aus einer Szene von tragischer Größe abgeleitet hat, ich spreche hier von der letzten Begegnung Dombrowskis mit Louise Michel auf der sogenannten Deltabarrikade. Der General kam vorbei, traurig den Tod suchend, und sagte zu Louise: „Alles verloren," — „Nein nein!" antwortete diese. Da streckte er ihr beide Hände hin. Und so unglaublich es klingt, Herr von Levetzow bemerkt hier wörtlich: „Wenn Dombrowski Louise als Weib empfunden hätte, hätte er ihr doch mindestens, ein wenig gerührt, väterlich die Wange gestreichelt." Der Autor ist so sehr von seiner rein männlichen Auffassung über die Natur des Weibes befangen, daß es ihm unmöglich ist zu verstehen, wie zwei solche Menschen angesichts der Niederlage der Sache, die ihnen teurer als ihr Leben war, wie Kameraden voneinander Abschied nehmen konnten. Es ist geradezu erstaunlich, wie ein feinempfindender Mann wie Herr von Levetzow sich einer solchen Geschmacklosigkeit schuldig machen konnte. Ich bin überzeugt, daß er die wunderbaren Beziehungen, welche zwischen Männern und Frauen, die für ein gemeinschaftliches Ideal kämpfen, und die stets bestanden haben und noch immer bestehen, niemals kennen lernte. Es ist eine Tatsache, daß das Bewußtsein des Geschlechtsunterschiedes bei ihnen sehr oft gänzlich verwischt ist; sie sind einfach Kameraden, die zu jedem Opfer füreinander fähig sind. Ich könnte auch hier wieder Menschen aller Länder und Völker anführen, um die Beweise für eine so prächtige Kameradschaft zwischen Männern und Frauen zu erbringen, allein der Platz erlaubt es nicht. Ich habe diesen Punkt hier nur angeführt, um die Absonderlichkeit der Beweisführung des Autors von „Louise Michel" zu unterstreichen.

5. Hier kommen wir zu dem wichtigsten Punkte in der Argumentation des Autors, die in der Behauptung gipfelt, daß nie ein Mann im Leben Louise Michels eine Rolle gespielt habe. Herr von Levetzow erzählt uns zur Bekräftigung zwei Episoden aus ihrem Leben, wo Louise zwei Bewerber um ihre Hand zurückwies, weil sie — nach der Auffassung des Autors — zu Männern keine Zuneigung fühlte. Es ist jedoch bezeichnend,

daß dies geschah, als sie erst 12 oder 13 Jahre zählte, und daß jeder der beiden Bewerber ganz gut ihr Vater hätte sein können; außerdem kam man, um sie zu kaufen. Herr v. L. führt selbst eine Stelle aus ihren Memoiren an (siehe Jahrb. VII, I S. 330), in der sie ihrer Entrüstung und ihrem Widerwillen gegen Männer dieser Art Ausdruck gab:

„Die Erinnerung an zwei lächerliche Wesen, die schon, als ich 12 oder 13 Jahre alt war, bei meinen Großeltern um meine Hand anhielten, hätte genügt, mir Heiratsgedanken abzugewöhnen, wenn ich solche überhaupt noch gehabt hätte.

Der erste Bewerber, eine wahre Lustspielfigur, wollte sein Vermögen (das er bei jedem Worte wie eine Schelle anklingen ließ) mit einer nach seinen Prinzipien erzogenen Frau teilen (das heißt nach dem Muster ‚Agnes'); nach allem, was ich schon gelesen hatte, wäre es ein wenig spät gewesen für die Methode.

Das Vieh! er sah aus, als ob er ein- bis zweihundert Jahre geschlafen und uns das nun bei seinem Erwachen ausgegen käme."

Und an einer anderen Stelle (siehe S. 332) heißt es: „Und zu denken, daß es arme Kinder gibt, die man noch gezwungen hätte, solch ein altes Krokodil zu heiraten. Ich fühle, wenn man mir das angetan hätte: Er oder ich, einer von beiden wäre zum Fenster hinausgeflogen."

Diese Stellen können als Beweise für die angebliche homosexuelle Veranlagung von Louise überhaupt nicht herangezogen werden, wohl aber sind sie sehr bezeichnend für den rebellischen Geist, der schon als Kind in ihr glühte. Wie jede Frau, die Selbstrespekt besitzt, wies Louise den Gedanken an eine Heirat ohne Liebe weit zurück. — „Ich habe Heirat ohne Liebe immer als Prostitution betrachtet" (siehe S. 332). Aber in keiner ihrer Schriften hat sie sich gegen eine Liebe ohne Heirat aufgelehnt. Auch war sie niemals der Ansicht, daß man die privaten Erfahrungen des Liebeslebens zwischen zwei Menschen der Welt sozusagen von den Dächern herab verkünden müsse.

BEST COPY AVAILABLE

661

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.– pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. –(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

Eigentümlich berührt es, daß Herr v. L. von der geradezu schwärmerischen Liebe Louise Michels zu Théophile Ferré, die ihr gewissermaßen zum Schicksal geworden ist, kein Wort zu berichten weiß. Er erwähnt zwar Louisens Freundin Maria Ferré, die Schwester Théophiles, aber er scheint überhaupt nicht zu wissen, daß die Freundschaft zwischen den beiden Frauen erst durch die heimliche Liebe, in der Louise zu Théophile entbrannt war, zustande kam. Louise hatte Théophile kurz vor dem Kriege mit Deutschland kennen gelernt, und zwar auf dem Friedhof des Montmartre am Jahrestage von Murgers Tod. Der rebellische Trotz und die heiße Glut seiner Worte machten einen überwältigenden Eindruck auf sie, und sie folgte ihm seitdem überall. Nie offenbarte sie ihm, was ihr Herz für ihn fühlte; aber als sie später mit seiner Schwester so innig befreundet wurde, so machte sie dieselbe zur Vertrauten ihrer leidenschaftlichen Zuneigung zu ihrem Bruder. In einem Briefe an Marie schrieb sie dieser, daß Théophile und nur er der Mann sei, den sie sich stets erträumt hätte. Aber Théophile Ferré, der sich damals mit seiner ganzen Leidenschaft in die Bewegung gegen Napoleon geworfen hatte, hatte wohl kaum Zeit, sich Rechenschaft zu geben über die starke Zuneigung dieses Mädchens, dessen unbegrenzte Opferwilligkeit für die gemeinschaftliche Sache ihm tiefen Respekt abnötigte. Ueberdies überstürzten sich die politischen Ereignisse in Frankreich, denn nachdem die ersten großen Niederlagen der Armeen des Kaisers bekannt wurden, begriffen die Revolutionäre, daß nun ihre Stunde gekommen sei. Der Abschaffung des Kaiserreiches folgte die Proklamation der Kommune, und nun gab es erst recht nichts mehr, das die Zeit eines Revolutionärs in Anspruch nehmen durfte, außer der großen Sache, der man sich geweiht hatte.

Ernest Girault, einer der vertrautesten Freunde Louise Michels und Verfasser des prächtigen Buches „La Bonne Louise — Psychologie de Louise Michel" bemerkt dort: „Als die Stunde kam, wo es für die Revolutionäre zu siegen oder zu sterben galt, bestieg sie (Louise) die Barrikade mit einer Hoffnung: die Republik, einem Gedanken: ihre Mutter, und

einem Wegweiser: Théophile Ferré." Und an einer anderen Stelle seines Werkes sagt Girault: „Soviel mir bekannt ist, war Théophile Ferré der einzige Mann, der Louisens Herz erglühen machte."

Als nach dem Untergang der Kommune Ferré in die Hände seiner Henker fiel, erbebte die große Seele Louisens in namenlosem Schmerz. Selbst im Kerker schmachtend und dem sicheren Tode ins Antlitz schauend, gelang es ihr durch die Vermittlung einer Wäscherin, mit Ferré in geheimen Briefwechsel zu treten. Und am 4. September 1871 entrang sich ihrer gequälten Seele jenes ergreifende Gedicht: „A Th. Ferré" — ein Hymnus auf den Mann ihrer Liebe. Das war just nach dem Tage, an dem Ferré vor dem Kriegsgericht erschienen war und seinen Feinden die stolzen Worte zurief: „Frei habe ich gelebt, ich werde ebenso zu sterben wissen." Am 28. November fiel der kühne Rebell auf dem Blutfelde von Satory durch das tötliche Blei der Versailler. Am 16. Dezember erschien Louise selbst vor ihren Richtern. Sie wollte sterben, sterben um jeden Preis, denn es war nicht nur ihre Sache, die im Blute erstickt wurde, sie hatte auch den Mann verloren, der ihrem Herzen teurer war als das eigne Leben. Ihre Worte vor dem Kriegsgericht, die man nie vergessen wird, waren direkt darauf angelegt, ihre Richter zu provozieren. Wie Sophie Perovskaja nicht länger leben mochte, als sie die Kunde erhielt, daß Scheljuboff, der Mann ihrer großen Liebe, in die Hände seiner Henker gefallen war, so war auch Louise Michel nach Ferrés Tode das Leben gleichgültig geworden.

„Wenn ihr keine Feiglinge seid, so tötet mich!" das waren die letzten Worte, die sie ihren Feinden ins Gesicht schleuderte. Girault bemerkt mit Recht in seiner obenerwähnten Biographie Louise Michels: „Vergleicht man Louise Michels Verteidigung mit der Ferrés, so wird man verstehen."

Das Schicksal wollte es anders. Der drohende Tod ging an Louisen vorüber und sparte sie auf für ein langes, arbeitsreiches Leben. Nie aber vergaß sie des Mannes, der in ihrem Herzen das erste Feuer der Liebe entzündet hatte. In jeder

BEST COPY AVAILABLE

662

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.– pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. –(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

ihrer zahlreichen Versammlungen über die Pariser Komm... erwähnte sie Ferrés mit ganz besonderer Liebe. Das um so bezeichnender, als sie, die später Anarchistin wurde, eine ganz andere Weltanschauung vertrat, wie der jun... Blanquist Théophile Ferré, und die Kommune anderer... durchaus keinen Mangel hatte an hervorragenden und gro... Persönlichkeiten.

Ich könnte hier auch noch von einer anderen Liebesepiso... aus dem Leben Louisens berichten, von ihren intimen B... ziehungen zu einem ihrer belgischen Genossen, den sie n... ihrer Rückkehr aus Neukaledonien kennen lernte; doch m... es genug sein. Wenn Louise Michel nicht mehr Erfahrung... auf diesem Gebiete hatte, so war dies wahrscheinlich deshal... nicht der Fall, weil, wie sie selbst bemerkte, ihr ganzes H... der Revolution angehörte. Die Revolution war eben Lou... Geliebte, auf die sich alle Gefühle ihrer Seele einstellte... Typen vom Schlage einer Louise Michel sind einfach nicht imstande, einer persönlichen Liebe zu frönen, die ihrer gro... Leidenschaft für ein Ideal hindernd im Wege stehen könnte, und Louisens Leidenschaft für ihr Ideal war das überwältigend... Element ihres Lebens, das sie mit ins Grab genommen h...

Es ist wahr, daß sie eine Reihe weiblicher Freunde be... saß, die sie liebte, aber nicht in dem Sinne, wie Herr v. L... es haben will. Eine ganze Anzahl moderner Frauen, die wenig persönliche Liebe in ihrem Leben kennen lernten, fühlen sich rein kameradschaftlich zu ihrem eigenen G... schlechte hingezogen und schließen treue Freundschaftsbün... und zwar ganz in derselben Weise, wie dies auch bei be... deutenden Männern der Fall ist. Für die Frau kommt da... bei noch in Betracht, daß sie bei ihrem eigenen Geschlech... mehr Verständnis findet, als sie bei der großen Mehrheit d... Männer ihrer Zeit voraussetzen darf. Es ist nun einmal eine Tatsache, die sich nicht ableugnen läßt, daß auch in dem modernen Manne noch ein groß Teil von dem alten A... existiert, und daß sein Urteil über die Frau sich nicht viel höher als das des Durchschnittsmenschen erhebt. Von der anderen Seite ist die moderne Frau nicht mehr zufrieden...

mit, ausschließlich Geliebte zu sein; sie sucht Verständnis, Kameradschaft, sie will als menschliches Wesen behandelt sein und nicht lediglich als ein Objekt für sexuelle Befriedigung. Und da ihr der Mann dies in vielen Fällen nicht bieten kann, so wendet sie sich an ihre eigenen Schwestern. Gerade weil zwischen Frauen kein sexuelles Element in Frage kommt, verstehen sie einander besser. Nicht weil Louise homosexuell veranlagt war, fühlte sie sich zu ihren Freundinnen hingezogen; sondern weil sie zu sehr Weib war, suchte sie die Kameradschaft von Franen. Das beweist auch ihr tiefer Mutterinstinkt. Sie liebte Kinder leidenschaftlich und bemutterte jeden verlorenen Menschen, der ihr in der Straße begegnete. Es war dieser Mutterinstinkt, der sie veranlaßte, Charlotte Vauweli bei sich aufzunehmen und ihr mageres Einkommen mit ihr zu teilen. Niemals aber war Charlotte die Geliebte Louisens, sogar nicht im rein spirituellen Sinne. Thatsache ist, daß Louise Michel ihre Opferwilligkeit Charlotten gegenüber teuer bezahlen mußte, wie alle wissen, die in die Verhältnisse näher eingeweiht sind. Es ist hier nicht der Platz, von diesen Dingen zu sprechen; aber es ist geradezu phantastisch, in Charlotte Vauweli die Geliebte Louise Michels erblicken zu wollen.

6. Bleibt noch Louise Michels Vorliebe für Bildhauerkunst und ihre Bewunderung für Wagner, in denen Herr v. L. ornische Züge erblicken zu müssen glaubt, da seiner Ansicht nach Frauen für schöpferische Kunst und Musik überhaupt kein Verständnis haben. Er gibt zwar gnädig zu, daß Franziska Holmés, die französische Skandinavierin, eine bedeutende Komponistin gewesen ist; aber er fügt bald hinzu, daß sie, ihrem Porträt nach zu urteilen, ein männliches Aussehen hatte. Ich glaube wirklich nicht, daß es notwendig ist, auf ein solches Argument näher einzugehen. Die Tatsache, daß es bisher bloß ganz wenige weibliche Komponisten gegeben hat, kann doch unmöglich als ein Beweis aufgefaßt werden, daß diese wenigen Frauen homosexuell veranlagt

BEST COPY AVAILABLE

663

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.– pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. –(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

in Neukaledonien stricken, waschen, flicken und kochen für ihre Kameraden, und wenn sie krank waren, pflegte sie dieselben mit der ganzen Zärtlichkeit ihres großen Mutterherzens oder frischte ihren Mut auf, wenn die schrecklichen Lebensbedingungen sie zu überwältigen drohten. Es ist auch nicht richtig, wenn v. L. von den männlichen Zügen Louise Michels und von ihrer angeblichen Männerstimme spricht. Ich hörte sie sprechen, als sie 66 Jahre alt war; ihre Stimme war ein prächtiger Kontraalt, tief und melodisch, der direkt zum Herzen ging. Dazu kam noch ihr einfaches und anspruchsloses Wesen, das ihren Worten eine so außergewöhnliche Kraft verlieh. Was ihr Gesicht anbelangt? Nun ich bin sicher, daß Herr v. L. Louise Michel niemals lächeln sah, er hätte sonst gewiß nicht länger in ihr den Mann gesehen. Alle die, welche mit ihr näher bekannt waren, wissen, was für eine magische Wirkung ihr Lächeln und ein Blick aus ihren prächtigen, ausdrucksvollen Augen haben konnte.

Ich erinnere mich eines wunderschönen Abends in Paris. Anarchistische Freunde hatten eine kleine Soiree für Louise arrangiert und auch mich zu derselben eingeladen. Louise war in ihr gewöhnliches Schwarz gekleidet, das nur durch einen schmalen weißen Spitzenkragen und ebensolche Aermelaufschläge gemildert wurde. Ihr Gesicht glühte wie die Rosen, die auf dem Tische standen, und das silberne Haar gab demselben eine schöne Fassung. Sie war voller Freude, da sie nunmehr wieder die Möglichkeit hatte, in der Stadt ihrer Träume und ihrer Kämpfe leben zu können, umringt von einem Kreis intimer Kameraden. Sie war an jenem Abend gesprächiger als sonst und zeigte mehr Neigung, uns in ihre Seele Einblick nehmen zu lassen als gewöhnlich. Aber ich kann nur sagen, daß mir nichts in ihrem Wesen aufgefallen ist, das auch nur im entferntesten an männliche Charakterzüge oder homosexuelle Veranlagung erinnert hätte. Ich bin sicher, es wäre mir nicht entgangen, wenn in Louise etwas dieser Art vorhanden gewesen wäre; denn wie ich schon anfangs meines Artikels bemerkte, habe ich die beste Literatur über die Frage der Homosexualität eingehend studiert, habe mit vielen Homosexuellen gesellschaftlich

verkehrt und bin leicht imstande, solche Veranlagungen bei Menschen festzustellen. Aber in Louise Michel fand ich keine Spur solcher Anlagen.

Unter den Freunden von Louise Michel befanden sich viele hervorragende Männer, wie Peter Krapotkin, Enrico Malatesta, Charles Malato, Rudolf Rocker, Elisée Reclus, Sebastian Faure usw. Einige von diesen lebten jahrelang in ihrer nächsten Nähe und kamen fast täglich mit ihr zusammen. Es ist ganz undenkbar, daß alle diese Männer, falls wirklich bei Louise homosexuelle Neigungen vorhanden gewesen wären, dieselben nicht wahrgenommen hätten, oder daß man nicht wenigstens im Kreise ihrer vertrautesten Kameraden über solche Beobachtungen gesprochen hätte. Ich habe erst letztens mit meinem Freunde und Kameraden Rudolf Rocker über die Schlußfolgerungen gesprochen, die Herr v. L. in seinem Aufsatz gezogen hat; und auch er versicherte mir, daß er im Kreise der intimsten Freunde Louise Michels während all der langen Jahre auch nie ein Sterbenswörtchen vernommen hat, das als Andeutung auf die angeblichen homosexuellen Qualitäten Louisens gedeutet werden konnte. Dabei ist zu bemerken, daß Rudolf Rocker den Homosexuellen ebenso vorurteilslos gegenübersteht wie ich. Unser einziger Wunsch ist, Louise Michel so dargestellt zu wissen, wie sie wirklich gewesen ist; als eine außergewöhnliche Frau, ein bedeutendes Intellekt und eine tiefe Seele. Sie repräsentierte einen neuen Typus der Weiblichkeit, der trotzdem so alt als unser Geschlecht ist, und besaß eine Seele, die von einer allumfassenden und alles verstehenden Liebe zur Menschheit durchdrungen war. Kurz, Louise Michel war ein vollständiges Weib, frei von allen Vorurteilen und Ueberlieferungen, welche die Frau für Jahrhunderte in Ketten schlugen und zur Sklavin des Hauses und rein sexueller Gefühle degradiert haben. In Louise feierte die neue Frau ihre Auferstehung, die Frau, welche der heroischesten Taten fähig ist und in derselben Zeit in ihrer Leidenschaft und ihrer Liebe doch Frau bleibt.

Lieber Herr Dr. Hirschfeld, ich habe versucht, so kurz als es mir möglich war, die Ausführungen des Herrn von Levetzow

BEST COPY AVAILABLE

664

831221001

The Emma Goldman Papers

[Open letter about Louise Michel. In German] Offener Brief an den Herausgeber der Jahrbücher über Louise Michel / Emma Goldman.– pp. 71-87, 90-92 ; 20 cm. *In* Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen [Leipzig]. –(1923).

Obtained from the National Library of Medicine, Bethesda, MD.

einer kritischen Analyse zu unterziehen. Sie werden mir ohne weiteres zugeben, daß weder die Frage der Homosexualität noch die Sache der Homosexuellen durch eine Mißrepräsentierung der Tatsachen gewinnen können. Dies war die einzige Ursache, die mich bewogen hat, den irrigen Ansichten Herrn von Levetzows entgegenzutreten. Ich hoffe, daß Sie meine Kritik überzeugen wird, und daß Sie nicht nur meine Antwort, wie Sie mir in liebenswürdiger Weise angeboten haben, veröffentlichen, sondern auch das Bild Louise Michels aus der Galerie der Urninge entfernen werden.

Mit vorzüglicher Hochachtung

Emma Goldmann.

Berlin, März 1923.

(Uebersetzt aus dem Englischen von Rudolf Rocker.)

VII.

Franz von Holstein und Heinrich Bulthaupt.

Von Dr. Richard Meibnreis.

Franz von Holstein ist von der Nachwelt nicht so gewürdigt worden und schneller vergessen worden, als sich eigentlich gebührte. Vor allem ist dies wohl dem zu seiner Zeit aufgehenden und alles überstrahlenden Gestirn Richard Wagners zuzuschreiben, das in dem heftigen Kampf der Geister, der um ihn und seine neuen Kunstprinzipien entbrannte, alle Welt, sei es als begeisterte Anhänger, sei es als erbitterte Widersacher, in seinen Bann zwang; in dem gewaltigen Feuerzauber, das die Gestalt des jugendlichen Strudelkopfes Wagner umlohte, verblichen die feinen und edlen Strahlen anderer gleichzeitiger Tondichtersterne, so sehr sie auch von den Kennern hochgeschätzt wurden, wie etwa Robert Schumann mit seiner gemütsinnigen „Genoveva", zumal ihre Schöpfer keine Kampfnaturen und jeder Reklame für ihre eigenen Werke, allzu weich und vornehm, wie sie nun einmal geartet waren, durchaus abhold gegen die begeisterten und genialen Vorkämpfer Wagners, unter denen sich Darsteller wie Albert Niemann, Dirigenten wie Franz Liszt befanden, nicht aufkommen konnten. So mochte es wohl auch kommen, daß Franz von Holsteins musikdramatische Werke gegen die Wagners sich nicht behaupten konnten, obwohl gerade beide Tondichter in ihrem Schaffen sehr viel Gleichartiges hatten. Bei beiden machte sich die Opposition geltend gegen die minderwertigen Operntexte, wie sie namentlich die Opern Rossinis aufwiesen, nach dessen bekanntem Ausspruch, was zu singen und blödsinnig war, um gesprochen zu werden, immer noch gut genug war, um in einer Oper gesungen zu werden. Da beide nicht nur begabte Tonsetzer, sondern vielseitige Künstler-

BEST COPY AVAILABLE

665

890306001

The Emma Goldman Papers

[Alexander Berkman, a sketch by Emma Goldman. In German] Alexander Berkman, eine Skizze von Emma Goldman / Emma Goldman.– pp. 5-14 ; 16 cm. *In* Der Russische Tragödie / Alexander Berkman – Berlin : Verlag "Der Syndicalist," 1923

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archive Trotzdem Verlag, Grafenau, Germany.

Ich stimme dem zu. Sehr viele Bände werden nötig sein, um die Lehren eines so ungeheuren Ereignisses „vollständig" vorzuführen. Meine Absicht ist bescheidener. Viele Denker werden zusammenarbeiten müssen, um der Welt die volle Bedeutung der russischen Revolution, die Möglichkeiten, die in den in ihr auftretenden Idealen und Ideen enthalten sind, klarzulegen. Ich will nur einen kleinen Beitrag hierzu geben.

Ich beabsichtige, die Resultate meiner zweijährigen Studien und Beobachtungen in Rußland in einer Reihe von Broschüren vorzulegen, welche Teile der Serie Russische Revolution bilden werden.

In dieser Serie werden kritische Rückblicke auf die wichtigsten Phasen der Revolution und konstruktive Analysen einiger der wesentlichsten Lehren dieser Ereignisse erscheinen.

Wenn diese Serie etwas mehr Klarheit in die Auffassung russischer Verhältnisse bringt, wenn sie den Arbeitern hilft, den Weg zu ihrer Befreiung deutlicher zu sehen, dann werde ich für meine Mühe voll belohnt sein.

Mai 1922. Alexander Berkman.

Einleitung.

Alexander Berkman, eine Skizze von Emma Goldman.

Der vorliegende beschränkte Raum reicht selbst für die biographische Skizze eines gewöhnlichen Menschen kaum aus; ihn für die einer so ausgebildeten Persönlichkeit, deren Leben so an Ereignissen reich ist wie Alexander Berkmann, zu benutzen, ist fast unmöglich. Um einem so vollen und farbenreichen Gegenstand gerecht zu werden, darf man nicht so sehr räumlich beschränkt sein, wie ich hier. Vor allem sollte man auch zeitlich und örtlich von der zu schildernden Person entfernt sein, was im vorliegenden Falle nicht zutrifft.

Ich will daher gegenwärtig keinen Versuch einer Biographie machen, sondern nur einige Hauptpunkte aus dem Leben und der Tätigkeit unseres Genossen in großen Zügen wiedergeben als Einführung einer späteren größeren Darstellung. Der Leser wird sich vielleicht veranlaßt fühlen, sich mit Alexander Berkmans eigener Erzählung bekanntzumachen, den „Kerkererinnerungen eines Anarchisten" (Prison Memoirs of an Anarchist), worin die verschiedenen Phasen seines Lebens und seines Ideals viel eindringlicher und intimer geschildert sind, als ein Biograph dies tun könnte.

Daß dieses wirklich bedeutende Werk noch nicht in andere Sprachen übersetzt ist, spricht nicht zugunsten der europäischen Anarchisten*): diese kümmern

*) Eine Ausnahme bildet, wie ich gern erwähne, unser österreichischer Genosse Rudolf Großmann, der schon vor dem Kriege Alexander Berkmans „Kerkererinnerungen" in deutscher Sprache zu veröffentlichen begann. Der Krieg unterbrach diese Arbeit, welche jetzt in der Wiener anarchistischen Wochenschrift „Erkenntnis und Befreiung" erscheint. — In Amerika wurde auch eine jiddische Uebersetzung publiziert.

666

890306001

The Emma Goldman Papers

[Alexander Berkman, a sketch by Emma Goldman. In German] Alexander Berkman, eine Skizze von Emma Goldman / Emma Goldman.– pp. 5-14 ; 16 cm. *In* Der Russische Tragödie / Alexander Berkman – Berlin : Verlag "Der Syndicalist," 1923

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archive Trotzdem Verlag, Grafenau, Germany.

sich zu ausschließlich um die alten Hauptwerke, die Schriften über die Theorien des Anarchismus. Sie sollten sich vor Augen halten, daß die Art, wie sich ein menschliches Leben zu diesen Theorien verhält, das Ringen und Kämpfen des menschlichen Geistes wichtiger und charakteristischer sind, als diese Theorien selbst. Die „Kerkererinnerungen eines Anarchisten" sprechen mächtiger als die Theorie und das Ideal, für welche Alexander Berkman sein Leben lang gelebt, gekämpft und gelitten hat.

Rußland vor der Revolution war so reich an hervorragenden revolutionären Charakteren, daß es unmöglich ist, die heroischste Figur der revolutionären Bewegung dieses Landes herauszufinden. Rußland war der fruchtbarste Boden für das Wachstum revolutionärer Gedanken und Gefühle. Die beste Blüte, die dieser Boden hervorbrachte — die russische revolutionäre Jugend — steht in den Annalen der Revolutionsgeschichte einzig da.

Alexander Berkman entsprang diesem Boden. Er ist in Wilna im November 1870 geboren, in einer an revolutionären Ideen und Taten reichen Zeit. Denn damals, zwischen dem Ende der sechsziger und dem Beginn der achtziger Jahre wurde Rußland bis in seine Grundfesten erschüttert durch den Heroismus und Opfermut seiner revolutionären Märtyrer. Alexander Berkman, feinfühlig und idealistisch veranlagt, konnte dem Einfluß dieser Zeit nicht entgehen, einer Zeit, in der sich alles in Rußland von seiner alten Verankerung losriß und die Saat einer neuen Gesellschaftsauffassung — auf politischem, religiösem, moralischem, ökonomischem und sozialem Gebiet — ausgesät wurde. So finden wir ihn z. B., wie er im Alter von zwölf Jahren eine Abhandlung schreibt, welche die Existenz Gottes verneint; als Fünfzehnjähriger ist er Mitglied einer Gruppe, die sich der hochverräterischen Beschäftigung des Studiums revolutionärer Literatur hingibt. Zur Formung seines Gemüts und Charakters mag weiter beigetragen haben das tragische Leben seines von ihm geliebten Onkels Maxim, der wegen revolutionärer Tätigkeit nach Sibirien verbannt wurde. Aber auch ohne durch dieses heroische Mitglied seiner im übrigen bourgeoisen Fa-

milie angefeuert worden zu sein, hätte sich der elfrige Jüngling zweifellos der Sache der Menschheit gewidmet. Der schöpferische Revolutionär wird, wie der wahre Künstler, mehr durch die treibenden Kräfte in seinem Innern als durch äußere Einflüsse bedingt. Alexander Berkmans ganzes Leben beweist dies.

Er wurde seines aufrührerischen Geistes wegen aus dem Gymnasium ausgestoßen und wurde auf die schwarze Liste gesetzt, die ihm jede Laufbahn verschloß. Er wanderte nach Amerika aus, welches damals sehr unfruchtbarer Boden für revolutionäre Ideen war. Im Beginn von 1888, einige Monate nur nach dem Justizmord an den Anarchisten von Chicago, kam Alexander Berkman in den Vereinigten Staaten an. Noch in Rußland hatte er von dem Verbrechen des elften November 1887 gehört. Er erzählt in seinem Buch, wie er in der kleinen Bibliothek in Kowno auf die Namen Johann Mosts und der Märtyrer von Chicago stieß. Trotzdem kam der junge Alexander mit dem Glauben an demokratische Freiheit in Amerika an. Aber es dauerte nicht lange und er entdeckte das Trügerische amerikanischer politischer Freiheit und ökonomischer Möglichkeiten. Wäre der Wille nach dem Ideal nicht stark in ihm gewesen, hätte ihn der amerikanische Schmelztigel verschlungen, wie er die große Mehrzahl der aus Europa Einströmenden verschlingt. Der intensive Kampf um die Existenz und die tausend Schlingen auf dem Wege eines auf materiellen Erfolg erpichten Mannes würden seine ganze Energie und Zeit absorbiert haben. Viele in Amerika eine Zuflucht suchende russische Revolutionäre wurden vollständig von dem wilden Drängen nach Reichtum und dessen „Segen" verschlungen.

Nicht so Alexander Berkman. Er ist ein schöpferischer Geist mit dem vorherrschenden Zug des Drangs, neues Leben einzuflößen, neue Formen zu geben, einerlei, wie hart der Kampf und wie hoch der zu bezahlende Preis sein mögen. Dieser Zug vor allem machte ihn zur hervorragenden Figur in der revolutionären und anarchistischen Bewegung in den Vereinigten Staaten. In kurzer Zeit schon fing er an, den brach liegenden Boden des Landes zu bearbeiten, zuerst in jiddisch sprechenden Kreisen, in der Gruppe der Pioniere der Freiheit —

667

890306001

The Emma Goldman Papers

[Alexander Berkman, a sketch by Emma Goldman. In German] Alexander Berkman, eine Skizze von Emma Goldman / Emma Goldman.– pp. 5-14 ; 16 cm. *In* Der Russische Tragödie / Alexander Berkman – Berlin : Verlag "Der Syndicalist," 1923

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archive Trotzdem Verlag, Grafenau, Germany.

Berkman wurde eines ihrer tätigsten und ergebensten Mitglieder —, später in der damals von Johann Most geleiteten deutschen anarchistischen Bewegung. Aber all dies, möchte man meinen, war nur eine Vorbereitung für die höchste Aufgabe, zu der ihn die unwiderstehliche Kraft seines revolutionären Entgegenstrebens gegen die schreienden Uebel unserer sozialen Einrichtungen hinriß.

Dies war im Jahre 1892 zur Zeit des Stahlarbeiterstreiks in Homestead — dem ersten und größten Kampf auf Leben und Tod der Stahlarbeiter des Staates Pennsylvania gegen ihren Feudalherrn Andrew Charnegie. Das ganze Land wurde die Sklaverei und Ausbeutung in der Stahlindustrie gewahr. Dieser große Kampf, den Berkman in seinen „Kerkererinnerungen" wuchtig beschreibt, hatte als Begleiterscheinung die Importierung Pinkertonscher Thugs nach Homestead, dieser beliebten Verteidiger, als Detektivs und Polizei, der amerikanischen Plutokratie jener dreißig Jahre zurückliegenden Zeit, und diese töteten elf Streiker, darunter ein elfjähriges Kind. Die für dieses Verbrechen verantwortliche Person war H. C. Frick, der Vertreter und Geschaftsteilnehmer Charnegies. Frick's brutale Haltung gegen die Streikenden, seine öffentliche Erklärung, daß er lieber jeden Streiker getötet sehen würde, als eine einzige Forderung zuzugestehen, und schließlich der Mord von elf unbewaffneten Arbeitern am 6. Juli 1892 empörten ganz Amerika. Selbst die konservative Presse klagte Frick in den schärfsten Ausdrücken an. Ueberall sprachen die Arbeiter ihre Gefühle in Protestversammlungen aus. Aber nur ein einziger setzte die Erbitterung der Massen in eine heroische Tat um. Dies war Alexander Berkman. Am 22. Juli 1892 drang er in H. C. Fricks Bureau ein und versuchte ihn zu töten. Drei Kugeln drangen Frick in den Leib, aber er blieb am Leben. Berkman wurde zu 22 Jahren Gefängnis verurteilt, obgleich seine Tat — nach den Gesetzen des Staates Pennsylvania — nur eine Verurteilung zu 7 Jahren nach sich ziehen konnte. Um unserem Genossen die erwähnte grausame Strafe zu geben, waren sechs Anklagen gegen ihn zusammengebraut worden; hatte er doch gewagt, gegen das Herz der amerikani-

schen industriellen Plutokratie selbst einen Schlag zu führen.

Dies war die erste anarchistische Tat ökonomischen Terrors in den Vereinigten Staaten, und Alexander Berkman mußte seinen revolutionären Protest teuer bezahlen. Er brachte vierzehn Jahre seines Lebens in der schlimmsten Kerkerhölle, dem Alleghany Penitentiary in Pennsylvanien zu. Was diese Jahre bedeuteten, hat er mit Meisterhand in seinen „Kerkererinnerungen" beschrieben. Es genügt hier zu sagen, daß Berkman, obgleich er jede erdenkliche körperliche und geistige Marter durchmachte, welche unsere christliche Zivilisation sich ausdachte, um den auf sozialem Gebiet Protestierenden zu verletzen und zu brechen, doch aus seiner Gruft des lebendig Begrabenen wieder auftauchte, mehr als je von der Wahrheit und Schönheit seines Ideals — des Anarchismus — überzeugt. Aber man kann nicht vierzehn Jahre lang vom Leben ausgeschlossen sein und leicht wieder Wurzel fassen. Er warf sich nach seiner Freilassung mit derselben Hitze und Leidenschaft wie vordem in die amerikanischen revolutionären Strömungen. Aber sein langes Gefängnisleben und der Gedanke an die unglücklichen Opfer, die er dort zurückließ, machten ihm die Anpassung an die neuen Umgebungen zu einer täglichen Qual.

Sechs Jahre verbrachte er in diesem übermenschlichen Kampf, wieder ins Leben einzutreten. Er war nicht müßig in dieser Zeit. Er redigierte die Revue „Mother Earth" (Mutter Erde), die ich im März 1906 herauszugeben begonnen hatte. Er hielt Vorträge und nahm an Streiks teil; er war einer der Gründer der Ferrer-Schule in New York und einer der ersten Lehrer an derselben. Er gab den Impuls zu jeder wichtigeren anarchistischen Betätigung in Amerika. Aber erst nachdem er seine „Kerkererinnerungen" geschrieben und diese Arbeit abgeschlossen vor ihm lag, hob sich der schwarze Schatten der furchtbaren Gefangnisjahre endgültig vor ihm. Dieses Buch hatte ihn befreit — er konnte jetzt wieder neues warmes Leben fühlen.

Von da an bis heute war Alexander Berkman intensiv tätig, er organisierte, inspirierte und schuf. Im Jahre 1914 war er die hervorragendste Figur in der

668

890306001

The Emma Goldman Papers

[Alexander Berkman, a sketch by Emma Goldman. In German] Alexander Berkman, eine Skizze von Emma Goldman / Emma Goldman.– pp. 5-14 ; 16 cm. *In* Der Russische Tragödie / Alexander Berkman – Berlin : Verlag "Der Syndicalist," 1923

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archive Trotzdem Verlag, Grafenau, Germany.

New Yorker Arbeitslosenbewegung. Er half den Wogen der Erbitterung, ihren Lauf zu bahnen, welche das ganze Land zur Zeit des Bergarbeiterstreiks in Ludlow (Colorado) durchzogen, als Männer, Frauen und Kinder von den gemieteten Thugs (Söldlinge) Rockefellers erschossen und lebendig verbrannt worden waren. Im Verein mit den Genossen von New York führte er diesen Kampf durch bis zur Zitadelle dieses Feudalherrn selbst, dem Wohnsitz des Königs der amerikanischen Plutokraten in Tarrytown. Später, dank seiner großen Geschicklichkeit als Organisator und seiner Popularität unter den Arbeitern selbst, konnte er dem Polizeiverbot Trotz bieten und das denkwürdige öffentliche Begräbnis der drei durch die Explosion vom 4. Juli 1914 in New York getöteten Genossen arrangieren. Die Ponzei erschien auf dem Schauplatz — auf Union Square, dem historischen Versammlungsplatz — zu einem Massaker bereit. Aber die Anwesenheit von zwanzigtausend Arbeitern in gehobener und entschlossener Stimmung überwältigte sie und sie wagte nicht, ihren Mordplan ins Werk zu setzen.

Während des ganzen Sommers von 1914 ist Alexander Berkman der führende Geist der antimilitaristischen Kampagne. Durch die Revue „Mother Earth", zahlreiche Versammlungen und Hunderttausende von Flugschriften wird das Verbrechen des Militarismus den amerikanischen Massen vor Augen gebracht und unsere Bemühungen finden Widerhall im Herz und Kopf vieler Arbeiter.

1915 widmet sich Alexander Berkman der Kampagne für Caplan und Schmidt, denen wegen Teilnahme an dem bekannten Vorgehen der Brüder Mac Namara der Prozeß gemacht wurde. Er bereist den größten Teil Amerikas, für die Sache jener agitierend, organisiert Verteidigungskomitees, bringt Geld zusammen und ist überall das Zentrum und die Seele dieser Sache. In San Francisco entschloß er sich zur Herausgabe eines revolutionären Arbeiterblattes, des „Blast" (Blitz), der achtzehn Monate lang erschien und die Ideen des Anarchismus und des revolutionären Syndikalismus den Arbeitern der Arbeiterorganisationen vorführte. Dann creignete sich im Juli 1916 die Explosion in San Fran-

cisco während des für Kriegsbereitschaft demonstrierenden Umzugs, gefolgt von der Verhaftung von fünf in der Arbeiterbewegung hervorragend Tätigen, von Thomas Mooney, Billings, Frau Mooney, Weinberg und Nolan. Wie es nach einem solchen Ereignis zu geschehen pflegt, wurde die ganze Arbeiterbewegung an der amerikanischen Westküste von Panik ergriffen. Die Arbeiterführer, feig, um es mild auszudrücken, wagen nicht, ihren gefangenen Brüdern zur Hilfe zu kommen. Auch die Sozialisten verweigern ihren Beistand. Mooney, Billings und die übrigen werden ohne Verteidigung gelassen, von ihren Mitarbeitern und sogenannten Freunden verlassen. Wie gewöhnlich treten die Anarchisten in die Bresche. Alexander Berkman konzentriert all seine Energie auf eine das ganze Land umspannende Kampagne für die Opfer der kapitalistischen Verschwörung gegen die Arbeiter. Er durchreist das Land und besucht jede wichtige Arbeiterorganisation zwischen San Francisco und New York. Er klopft an jede Tür und bringt Tage und Nächte mit den hervorragenderen Arbeiterführern zu, um sie von der Unschuld Monneys und seiner Genossen zu überzeugen. Kurz, er wird der Zola der amerikanischen Dreyfusaffaire. Sein J'accuse (Ich klage an) wird in allen Ländern gehört und aufgenommen. Er rettet das Leben von Mooney und Billings. Diese intensive Agitation bewirkte, daß das ganze Land das schändliche Verbrechen des Staates Kalifornien fühlte, das die Handelskammer ins Werk gesetzt hatte. Hätte Alexander Berkman diese Kampagne fortsetzen können, wären wohl Mooney und Billings längst frei. Aber das Eintreten von Amerika in den Weltkrieg gebot ihm und allen übrigen amerikanischen Anarchisten, ihre Bemühungen auf die kriegsfeindliche Kampagne zu konzentrieren. Der Fall Mooney blieb in den Händen von Arbeiterpolitikern, mit dem Resultat, daß sowohl Mooney als Billings noch immer im Gefängnis sind.

Dann folgte die Aktion gegen den obligatorischen Kriegsdienst. Von unserer kleinen Gruppe in New York begonnen, verbreitete sie sich schnell über das Land hin. Das amerikanische Volk wollte keinen Krieg und stimmte nicht für den Krieg. Viele rebellierten

699

890306001

The Emma Goldman Papers

[Alexander Berkman, a sketch by Emma Goldman. In German] Alexander Berkman, eine Skizze von Emma Goldman / Emma Goldman.– pp. 5-14 ; 16 cm. *In* Der Russische Tragödie / Alexander Berkman – Berlin : Verlag "Der Syndicalist," 1923

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archive Trotzdem Verlag, Grafenau, Germany.

gegen die militärische Dienstpflicht. Unsere Tätigkeit also begegnete großem Enthusiasmus. Die militärischen und patriotischen Cliquen wurden die Gefahr dieser Kampagne gewahr und griffen zu drastischen Maßregeln. Alexander Berkman, ich selbst und andere wurden verhaftet, prozessiert und zu zwei Jahren Gefängnis, zu je zehntausend Dollar Geldstrafe und hierauf zur Deportierung verurteilt. Für Alexander Berkman verlangte die Plutokratie noch mehr, sie wollte ihn hängen. Die Handelskammer von Kalifornien hatte ihm seine Tätigkeit im Mooneyfall nicht vergeben, als seine Bemühungen und seiner Energie ihnen die beabsichtigte Beute entrissen hatten. Ohne Alexander Berkman hätten sie sich der fünf verhaßten Männer der Arbeiterbewegung entledigen können; er hatte diesen Blutgenuß gestört. Dafür wollten sie ihn büßen lassen.

Alexander Berkman befand sich damals in New York und es handelte sich darum, ihn nach San Francisco zu bringen. Einmal dort, wäre sein Leben verfallen gewesen. Gerade damals wurde unser Genosse wegen der kriegsfeindlichen Propaganda verhaftet und verurteilt. Gerade dies brauchte die Handelskammer von San Francisco; es war der richtige psychologische Augenblick. Eine Anklage gegen Berkman wegen angeblicher Mittäterschaft bei der Bombenexplosion von San Francisco wurde leicht erlangt und Gerichtsbeamte wurden in den Staat New York geschickt, um seine Auslieferung zu erwirken. Aber die kalifornischen Henker hatten nicht mit der militanten New Yorker Arbeiterbewegung gerechnet. Eine Million organisierter Arbeiter erhob sich zu seiner Verteidigung. Sie kannten und liebten unseren Genossen als einen unbeugsamen und mutigen Mann, der beständig für sie gekämpft hatte. Die Arbeiterkörperschaften schickten starke Deputationen an den Gouverneur des Staates New York, um gegen Berkmans Auslieferung zu protestieren. Gleichzeitig wurde die Berkman drohende Gefahr in Rußland bekannt. Die revolutionären Arbeiter von Petrograd und die Matrosen von Kronstadt organisierten Demonstrationen, welche das Leben des amerikanischen Gesandten in Rußland, Mr. Francis, bedrohten. Die Bundesregierung in Washington wurde von der

Lage benachrichtigt. Sie fürchteten, daß Alexander Berkmans Auslieferung an Kalifornien zu Repressalien gegen den Gesandten führen würde. Die kalifornische Auslieferungsforderung wurde zurückgewiesen. Statt dessen wurde unser Genosse in das Bundesgefängnis in Atlanta im Staate Georgia gebracht, um die zwei Jahre wegen seiner Tätigkeit gegen den Krieg abzusitzen.

Wenn man Alexander Berkmans Schilderung der furchtbaren Verhältnisse im Alleghany-Gefängnis liest, bildet man sich die Meinung, menschliche Unmenschlichkeit gegen Menschen könne nicht weiter gehen. Aber die Brutalität der Bestie Mensch scheint keine Grenzen zu kennen. Das Gefängnis von Atlanta stellte sich als noch schrecklicher heraus, als das pennsylvanische. Nach zwei Jahren in diesem Kerker verließ Berkman denselben physisch gebrochen. Er mußte sich einer Operation unterziehen und als die Durchführung seiner Deportierung angeordnet wurde, glaubten wenige seiner Freunde, daß er die Mühseligkeiten dieser Zwangsreise überleben würde. Aber der Lebenswille unseres Genossen, der ihm half, die schwarze Vergangenheit zu überleben, scheint unzerstörbar zu sein. Und stärker noch als dieser Lebenswille ist sein starkes Menschlichkeitsgefühl, das ihn immer seine persönlichen Leiden vergessen macht und ihn veranlaßt, sich anderen zu widmen. Im westlichen Kerker in Pennsylvanien fand dies Ausdruck in der Sorge für seine Genossen im Elend: Alexander Berkman war ihr Freund, Berater, Korrespondent, Sammler von Geld für ihre Befreiung und um ihnen zu helfen, sich eine neue Existenz zu gründen. Im Gefängnis von Atlanta war dasselbe der Fall. Und wiederum war es die Sorge für seine Genossen — zweihundertfünfundvierzig Deportierte auf dem schwimmenden Gefängnis, dem „Buford" —, welche Berkman seine eigenen Leiden vergessen ließ und ihm selbst half, seine frühere Kraft wiederzugewinnen. Dann auch war es der leidenschaftliche Glaube an die erhebenden Möglichkeiten des revolutionären Rußland, der Alexander Berkman — und tatsächlich uns allen — neues Leben einflößte.

670

890306001

The Emma Goldman Papers

[Alexander Berkman, a skeich by Emma Goldman. In German] Alexander Berkman, eine Skizze von Emma Goldman / Emma Goldman.– pp. 5-14 ; 16 cm. *In* Der Russische Tragödie / Alexander Berkman – Berlin : Verlag "Der Syndicalist," 1923

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Archive Trotzdem Verlag, Grafenau, Germany.

Ueber seine russischen Erfahrungen wird Genosse Berkman ohne Zweifel selbst schreiben. Die hier folgenden Seiten geben einen allgemeinen Ueberblick über die russische Revolution in ihren wesentlichsten Phasen und weisen die Hauptursache ihrer Niederlage nach. Möge der Leser die große in ihr enthaltene Lehre für die revolutionäre Bewegung der Welt erkennen.

Diese Skizze von Alexander Berkmans Leben erhebt nicht den Anspruch, mehr als ein äußerster Umriß zu sein. Wenn sie dazu beiträgt, ihn seinen Genossen in fremden Ländern und den europäischen Arbeitern näherzubringen, war mein Versuch der Mühe wert. Vor allem, hoffe ich, möge sie unsere Genossen anregen, die „Kerkererinnerungen eines Anarchisten" in der Sprache ihres Landes zu veröffentlichen. Denn keine Biographie — viel weniger noch eine Skizze — kann die Persönlichkeit dieses Mannes so klar und lebendig vorführen, als Alexander Berkmans eigenes Buch.

Die russische Tragödie.

I.

Es ist erstaunlich, wie wenig außerhalb Rußland über die tatsächliche Lage und die Verhältnisse in diesem Lande bekannt ist. Selbst intelligente Leute, besonders unter den Arbeitern, haben die verwirrtesten Ideen über den Charakter der russischen Revolution, ihre Entwicklung und gegenwärtige politische, ökonomische und soziale Lage. Das Verständnis für Rußland und die dortigen Ereignisse seit 1917 ist, milde ausgedrückt, äußerst unzulänglich. Obgleich die große Mehrzahl aller Leute entweder für oder gegen die Revolution Partei nehmen, für oder gegen die Bolschewiken sprechen, gibt es doch fast nirgends konkrete Kenntnisse und Klarheit in bezug auf die wichtigsten Gegenstände, die in Frage kommen. Im allgemeinen beruhen die Meinungen, die geäußert werden — freundliche oder andersartige — auf sehr unvollständigen und unzuverlässigen, oft ganz falschen Informationen über die russische Revolution, ihre Geschichte und die gegenwärtige Phase des bolschewikischen Regimes. Aber nicht nur beruhen diese Ansichten in der Regel auf ungenügenden oder falschen Daten, sondern sie sind nur zu oft tief gefärbt — richtig gesprochen, entstellt — durch Parteigefühl, persönliches Vorurteil und Klasseninteressen. Im ganzen also charakterisiert reine Ignoranz in dieser oder jener Form die Haltung der großen Mehrzahl der Menschen in bezug auf Rußland und die dortigen Vorgänge.

Und doch ist das Verständnis der Lage in Rußland von vitalem Interesse für den künftigen Fortschritt und die Wohlfahrt der Welt. Von einer richtigen Einschätzung der russischen Revolution, der Rolle der

671

890801022

The Emma Goldman Papers

[For the persecuted Russian anarchists. In German] Für die gemarterten Anarchisten Rußlands / Emma Goldman, *et al.* — p. 3 ; 33 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. — Vol. 5, no. 7 (1923).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist
vol. 5 no. 7 (1923) p. 3

unter den Folgen ihres nationalen Handelns zu leiden haben, bekümmern sich nicht viel um sie, obwar ihr Geldbeutel viel größere Ausgaben vertragen kann, als die Hungereinkünfte der Arbeiter. Der Verband Berliner Metallindustrieller ließ an seine Mitglieder ein Rundschreiben ergehen, in dem den Mitgliedern zur Pflicht gemacht wird, „die von der Arbeiterschaft selbst eingeleitete Sammlung für die Opfer des völkerrechtswidrigen Einbruchs des französischen Militarismus ins Ruhrgebiet zu verbieten".

Anstatt nun dadurch aus ihrem nationalistischen Taumel zu erwachen, fahren die Gewerkschaften fort, sich mit den Unternehmern zu verbinden, um das „deutsche Hilfswerk" fortzusetzen. In einer Mitteilung des A.D.G.B. heißt es:

„Der paritätische Verwaltungsapparat für die „Ruhrhilfe" setzt sich auf Arbeitgeberseite zusammen aus je einem Vertreter der Verbände, die den Aufruf unterzeichnet haben, auf Arbeitnehmerseite aus einer entsprechenden Anzahl Vertretern der Gewerkschaften, so daß der Verwaltungsrat aus 15 Arbeitgebern und 15 Arbeitnehmervertretern besteht. Der Verwaltungsrat hat einen geschäftsführenden Vorstand aus je 5 Vertreter der Arbeitgeber und Arbeitnehmer gewählt, und zwar auf Arbeitgeberseite die Herren Dr. Habersbrunner, Dr. Soetbeer, Prof. Dade, Keinath und Bernstein, auf Arbeitnehmerseite die Genossen Adolf Cohen, Georg Schmidt, Bothe, Otze und Lewin."

Der Burgfrieden ist also jetzt schon völlig hergestellt. Die nationale Einheitsfront zwischen Zentralverbänden und Unternehmern bedarf keinerlei Ausgestaltung mehr. Die Herren von rechts und links sind gewappnet für einen neuen Krieg. Nun möge kommen, was da kommen will. —

Während die Regierung mit Hilfe der Zentralverbände die Arbeiterschaft des Ruhrgebietes zur Sabotage und zum passiven Widerstand d. h. zum Nichtarbeiten auffordert, sucht man zur selben Zeit die Bergarbeiter im Niederschlesischen Kohlenrevier durch die zentralverbändlerischen Betriebsräte, die natürlich von höchsten Regierungsstellen durch Vermittlung sozialdemokratischer Abgeordneter beeinflußt sind, zu bewegen, Ueberstunden zu leisten. Tatsächlich ist ein solcher Antrag in einer Konferenz der Betriebsräte und Vertrauensleute mit 150 gegen 36 Stimmen angenommen worden. Danach soll die Schicht um eine Stunde verlängert werden, so lange die Ruhrbesetzung anhält. Glücklicherweise sind die Arbeiter noch nicht gänzlich von dem Gift des Nationalismus angefressen, und so forderte die Belegschaft der Viktoriagrube Gottesberg einstimmig, die Frage der Ueberstunden einer Urabstimmung vorzulegen. Hoffentlich fallen die Arbeiter nicht auf den Schwindel herein, durch welchen die Arbeiter im Westen Sabotage, die im Osten Ueberstunden machen sollen, alles wegen des wahnsinnigen Nationalismus.

Die Abwürgung des Achtstundengesetzes.

Gerade jetzt scheint den Unternehmern der Zeitpunkt gekommen zu sein, um in aller Stille, da die Aufmerksamkeit der Arbeiterschaft auf das nationalistische Ringen im Ruhrgebiete gelenkt ist, den Achtstundentag zu beseitigen.

Der deutsche Arbeitgeberverband für Industrie, Gewerbe und Handwerk, Land- und Fortwirtschaft, Handel und Verkehr sandte ein Schreiben, in dem es heißt:

„Vertraulich. Berlin, den 21. Januar 1923.

An die Herren Geschäftsführer der örtlichen Arbeitgeberverbände Schlesiens.

Der Reichswirtschaftsrat beschloß die Ueberweisung des Arbeitszeitgesetzes an den Sozialpolitischen Ausschuß, damit dort eine Einigung erzielt wird. Wo Vertreter christlicher Gewerkschaften Reichswirtschaftsmitglieder sind, sind diese örtlicherseits nach den von uns angegebenen Richtlinien zu beeinflussen, damit diese nicht mit den freien Gewerkschaften konform gehen.

Das von uns Ihnen zugesandte Material kontra Achtstundentag muß möglichst mit nächster Post uns zugesandt werden.

Die von uns Ihnen im Rundschreiben Nr. 16/23 angegebenen Richtlinien gegen die freien Gewerkschaften werden immer noch nicht genügend beachtet. Auf alle Fälle müssen die Gegensätze zwischen Gelernten und Ungelernten durch die Lohnpolitik, die auch vor den Schlichtungsausschüssen mit Nachdruck zu vertreten ist, gespannter werden. Wir weisen nochmals darauf hin, daß Delatoren (Angeber) aus den Reihen zuverlässiger Arbeiter und Angestellter, die uns gut gesinnt sind, erzogen werden müssen. Durch Geschenke und Nebengratifikationen werden sie unbewußt deprimiert und die uns genehme Aufklärung bei den Belegschaften leisten. Nach den bei uns eingegangenen Berichten können durch Propaganda gegen Zahlung zu hoher Beiträge bei den roten Gewerkschaften die besten Erfolge erzielt werden. Zurzeit sind die freien Verbände noch im Besitz nicht unbedeutender Kampffonds, die ihnen gestatten, örtliche Kämpfe längere Zeit durchzuführen. Eine Schwächung der gewerkschaftlichen Finanzen könnte uns nur die Möglichkeit geben, die Arbeiterschaft nach der früheren Art zu entlohnen. Wo die Konjunktur nicht besonders günstig ist und finanzielle Verluste durch Schutzverbände gedeckt werden, müssen Streiks ausgedehnt werden, was die Kassen der Gewerkschaften bedeutend schwächen würde, was gleichbedeutend mit einer Lahmlegung der andauernden Lohnbewegungen zu betrachten ist. Denn nur stark fundierte rote Verbände können uns gefährlich werden.

Deshalb muß versucht werden, diese zu zersplittern und deren Mitglieder durch Delatoren von jeder erhöhten Beitragsleistung abzuhalten.

Wo mehrere Gewerkschaften in einem Betriebe vorhanden sind, müssen die finanziell am gesündesten bekämpft werden, denn diejenigen, die nur geringe Beiträge leisten, können uns nie unbequem werden, und sollen auch diese der Arbeiterschaft durch dritte Personen empfohlen werden.

Wo irgend vom Arbeitgeber Einfluß ausgeübt werden kann, müssen sich die Betriebsräte aus den kranken, einschließlich christlichen und hirsch-dunckerschen Organisationen rekrutieren. Durch geschickte Operation lassen sich aber auch die Vorstandsmitglieder der freien Gewerkschaften beeinflussen, so daß diese selbst gegen jede Erhöhung der Beiträge sind. Dies agitiert an einzelnen Orten vortrefflich, ohne daß sich die Zahl der Arbeiter deren Folgen bewußt ist."

Wenn sich heute die Unternehmer gegen die Zentralverbände, gegen die freien Gewerkschaften wenden, so nur deshalb, weil den christlichen oder hirsch-dunckerschen Gewerkschaften gegenüber die Zentralverbände radikaler sind. Wenn gegen die hohen Beiträge angekämpft werden soll, so deshalb, weil der Kampf nach den heutigen Formen und nach den Richtlinien der Zentralverbände eben nicht anders geführt wird. Wenn aber in einigen Orten syndikalistische, revolutionäre Gewerkschaften ausschlaggebend wären, dann wäre das Rundschreiben der Unternehmer sicher in noch schärferem Maße gegen unsere Organisationen gerichtet. Nur, weil in Schlesien noch keine syndikalistischen Organisationen in größerem Stile vorhanden sind, haben die Unternehmer in ihrem Rundschreiben nichts davon erwähnt. Wir dürfen uns aber keinen Illusionen hingeben. Der Kampf der Kapitalisten richtet sich gegen die Errungenschaften der Arbeiterschaft. Zu diesen Errungenschaften gehört der Achtstundentag in erster Linie. Ihn zu schützen und aufrechtzuerhalten muß uns allen erster Grundsatz in den kommenden Abwehrkämpfen sein.

Da die Unternehmer selbst Streiks der Arbeiterschaft ausdehnen wollen, so ist hier die beste Bestätigung dafür, daß der Kampf nicht mehr wie bisher in Klein- und Teilstreiks verzettelt werden darf. Die Arbeiterschaft darf den Unternehmern keine Gelegenheit geben, Streiks auszudehnen, wenn es den Unternehmern genehm ist. Sie muß die passive Resistenz und Sabotage bei örtlichen Kämpfen anwenden, den Generalstreik bei größeren Kämpfen. Nur so werden wir der neuen Taktik der Unternehmer entgegenwirken und ihr wirksame Abwehrmittel entgegenstellen können. Wenn die Arbeiterschaft weiter die Taktik der Zentralverbände befolgt und Teilstreike führt, dann werden alle kommenden Kämpfe der Arbeiter verlorengehen und das Unternehmertum sich immer stärker fühlen, das Proletariat aber in immer größeres Elend herabsinken. Dies kann nur durch Anwendung der syndikalistischen Kampfmittel verhindert werden. Der Generalstreik ist die einzige Waffe, die uns aus der kapitalistischen Unordnung und Ausbeuterherrschaft herausbringen kann.

Für die gemarterten Anarchisten Rußlands.

Werte Genossen!

Die Not der Anarchisten und Anarcho-Syndikalisten in Rußland ist sehr ernst. Einige sind im Gefängnis und viele sind in die entferntesten Provinzen verschickt. Andere erwarten jetzt ihre Ausweisung in fremde Länder, und sie befinden sich ebenfalls in bedrängten Verhältnissen.

Und jetzt haben wir aus Petersburg Nachricht erhalten über das Gerichtsverfahren gegen unsere dortigen Genossen. Es ist das erste Mal, daß die bolschewistische Regierung Anarchisten eine öffentliche Gerichtsverhandlung gewährt hat, und sie hat es getan, indem sie sie des „Banditismus" berichtigte und sie zusammen mit gemeinen Verbrechern auf die Anklagebank brachte. Dadurch wünschen die Bolschewiki im Ausland den Eindruck zu wecken, daß Anarchisten und Verbrecher ein und dasselbe sind, daß sie Hand in Hand arbeiten und daher zusammen unter Anklage gestellt werden.

Ganz richtig weigerten sich einige der Anarchisten (wie die linken Sozialrevolutionäre), dem Verfahren beizuwohnen oder auf irgendwelche Fragen zu antworten, da sie es unter ihrer revolutionären Würde erachteten, auf Anklagen des Banditismus und Mordes zu antworten.

Einige dieser Idealisten, die Jahre hindurch in der revolutionären Bewegung gestanden und an der Oktober-Revolution teilgenommen haben, wurden zum Tode verurteilt (darunter auch vier linke Sozialrevolutionäre). Einige andere sind auf lange Jahre ins Gefängnis geschickt worden. Es heißt, daß die Todesurteile einstweilen aufgeschoben worden sind, aber es liegt hierüber keine positive Nachricht vor.

Das sind höchst niederträchtige Taktiken seitens der Bolschewiki, und unsere Genossen müssen überall darauf achten, daß das Volk durch diese Methoden der „kommunistischen" Regierung nicht irregeführt wird. Die Lage ist sehr ernst und wahre Revolutionäre sind in Rußland immer der despotischen Verfolgung durch die Bolschewiki ausgesetzt.

Es sollte klar sein, daß die Situation in bezug auf politische Gefangene in Rußland heute genau dieselbe ist, wie sie während des Regimes des Zaren war. Jetzt wie damals, und vielleicht noch mehr als früher, sind die Anarchisten in Rußland auf die Hilfe der ausländischen Genossen angewiesen. Es ist höchst notwendig, in jedem Lande ein Anarchistisches Rotes Kreuz zu organisieren, um unseren von den Bolschewisten eingekerkerten Genossen zu helfen, eingekerkert für ihre Treue zu ihren Idealen, wie sie es unter den Romanows aus demselben Grunde zu sein pflegten.

Wir ersuchen daher unsere Genossen in jedem Lande dringend, solch ein Rotes Kreuz für die anarchistischen Märtyrer in Rußland (ob sie im Gefängnis, im Exil oder in der Verbannung sind) zu organisieren und ihr Aeußerstes zu tun, eine ständige Hilfe für diese Opfer bolschewistischer Tyrannei und Verfolgung zu schaffen. Solche Organisationen und Hilfsaktionen werden unseren leidenden Genossen nicht nur die besondere finanzielle Unterstützung geben, sondern als große moralische Kraft dienen, die russischen Anarchisten in den Gefängnissen und draußen zu ermutigen und anzufeuern.

Genossen, die Augen der Anarchisten Rußlands sind auf euch gerichtet. Ihr seid ihre einzige Hoffnung. Mögen sie keine Enttäuschung erleiden.

Mit Brudergruß!

Alexander Berkman, A. Borghi (Italien), Emma Goldmann, Lanzing (Holland), A. Lemoine (Frankreich), E. Lindstam (Schweden), A. Orlando (Argentinien), Rudolf Rocker (Deutschland), A. Shapiro, C. Bjorklund (Schweden).

Adresse: F. Kater (Russ. Anarch. Hilfe). Deutschland. Berlin O. 34, Kopernikusstraße 25.

Eingesandt.

Das wahre Gesicht der Arbeitsgemeinschaft in Stettin.

Als die Kampfgemeinschaft zwischen der A.A.U.F. und F.A.U.D. in Stettin eingegangen wurde, da kam sie unter der Begründung zustande, den Kampf gegen die Ausbeuter gemeinsam erfolgreicher führen zu können und auch in der Abwehr gegen die Zentralverbände eine geschlossene Front zu bilden. Im Anfang waren die Gegensätze auch sehr gering. Von den Vertretern der Kampfgemeinschaftsidee wurden die angeblichen großen Vorteile in so hellen Farben gemalt, daß die Mehrzahl der Genossen von der F.A.U.D. auf diese Leimrute krochen. Man liebäugelte mit beiden Organisationen und trieb eine schlaue Politik. Genosse Cahn wurde zu Vorträgen herangeholt, den man für die gesteckten Ziele benutzte. Als aber dennoch die Gegensätze sich immer mehr zuspitzten, da setzte man auf den 14. Kongreß seine Hoffnungen, man wartete der Dinge, die von dort kommen sollten. Da aber der Kongreß die gesteckten Hoffnungen nicht erfüllte und sich mit dem gestellten Antrag nur wenig beschäftigte, so wurden die Gegensätze zwischen den beiden Organisationsrichtungen größer und größer. In der Konferenz am 17. Dezember 1922, in der wieder Genosse Cahn anwesend war, erklärten einige Ortsgruppen ihren Austritt aus der Kampfgemeinschaft. Fast alle Delegierten sprachen sich für die Auflösung dieser „Gemeinschaft" — die in Wirklichkeit nie bestanden hat — aus. Damit war das Ding an sich und der dort herrschende Geist aber noch nicht tot. Man setzte sich noch einmal zusammen, um die Mittel zu finden, wie man die Gegner dieser „Gemeinschaft" beseitigen kann. Man wählte das Mittel der Verleumdung und dieses Mittel verfehlt nie ganz seine Wirkung. In der syndikalistischen Bewegung Stettins entstand ein Wirrwarr. Einige Ortsgruppen erklärten sich solidarisch mit den „Arbeitsgemeinschaftlern", d. h. sie wollten nichts mehr mit dem organisatorischen Aufbau der F.A.U.D. zu tun haben. Jetzt zeigte sich, wie recht Genosse Kater hatte, wenn er auf dem Kongreß sagte, solche Kampfgemeinschaften müssen sorgfältig unter die Lupe genommen werden, denn sie endeten meist zum Schaden der syndikalistischen Bewegung. Tatsächlich haben wir einen Rückschlag zu verzeichnen, der aber bald wieder bei rühriger Arbeit überwunden sein dürfte. Die letzte kombinierte Mitgliederversammlung war freilich noch ein Tohuwabohu. Aber es wird unseren Genossen bald klar werden, daß sie sich auf einem falschen Weg befinden. Und wenn Genosse Cahn den eigenartigen „Gemeinschaftlern" einmal den reinen syndikalistischen Standpunkt erklären wird, dann wird es ihm genau so gehen, wie uns Stettiner Syndikalisten, man wird ihn mit Kot bewerfen.

Was meine Person anbetrifft, so finde ich mich damit ab. Ich weiß aus Erfahrung, daß man in der Arbeiterbewegung keinen Dank ernten kann. Ich bedauere heute nur aufs tiefste, daß ich mich habe dazu gebrauchen lassen, den Antrag von Stettin auf dem Kongreß zu vertreten. Ich glaubte, daß der Ansicht der Mitglieder Rechnung getragen werden müsse. Aber ich habe aus den Erfahrungen gelernt und möchte allen syndikalistischen Organisationen empfehlen, wenn irgendwo eine solche Schlange, geschmückt mit dem Namen Arbeitsgemeinschaft, auftaucht, dem Ding gleich den Weg zu versperren und auf den Kopf zu treten. Dann braucht man nicht erst die Lupe zu benutzen und erspart der syndikalistischen Organisation viel Unheil. T.

Ueber die deutsche Presse.

Wenn wir einen Blick werfen auf die Rückseiten der bürgerlichen, sozialdemokratischen und parteikommunistischen Zeitungen Deutschlands, so werden wir da wohl bei jedes fast eine Masse Reklame finden, daß wir uns sagen müssen: „Das Blatt ist vom Kapital bezahlt." Auf die anarchistische Presse, wie z. B. den „Syndikalist", trifft das nun nicht zu; sie sollte daher jedem Genossen zu wertvoll sein, als daß er sie nach einmaligem Lesen fortwürfe. Jede Nummer sollte möglichst durch so viele Hände von Interessenten gehen zwecks Propaganda, bis sie ganz zerlesen ist. Mündlich muß man natürlich die betreffenden Personen auch bearbeiten, wenn man sie werben will, evtl. noch durch Broschüren. — Nun wird sich nicht jeder Genosse mehrere Zeitungen halten können und Zeitungspapier ist jedermann unentbehrlich zum Einwickeln usw. Diesen Genossen sollten von anderen dann als Ersatz Partei-Wurstblätter zur Verfügung gestellt werden. Unsere Presse ist uns dafür zuschade.

Eberhard.

Zur Beendigung des Glasarbeiterstreiks in Gerresheim.

Durch die Abstimmung vom 22. Januar ist der Streik der Glasarbeiter beendet worden. Es stimmten 379 für den Streik, 309 dagegen, 11 Stimmen waren ungültig. Um den Streik weiterführen zu können, muß jedoch ¾ Mehrheit dafür stimmen und so mußte die Mehrheit sich fügen, die Arbeit wieder aufnehmen.

BEST COPY AVAILABLE

672

881017016

The Emma Goldman Papers

[For the second anniversary of P.A. Kropotkin's death. In Russian] Vtoria Godovshina Smertu P.A. Kropotkin / Emma Goldman.– pp. 6-8 ; 25 cm. *In* Volna. –No. 37 (1923).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Volna, #37, 1923

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ П.А. КРОПОТКИНА.

М. Сук.

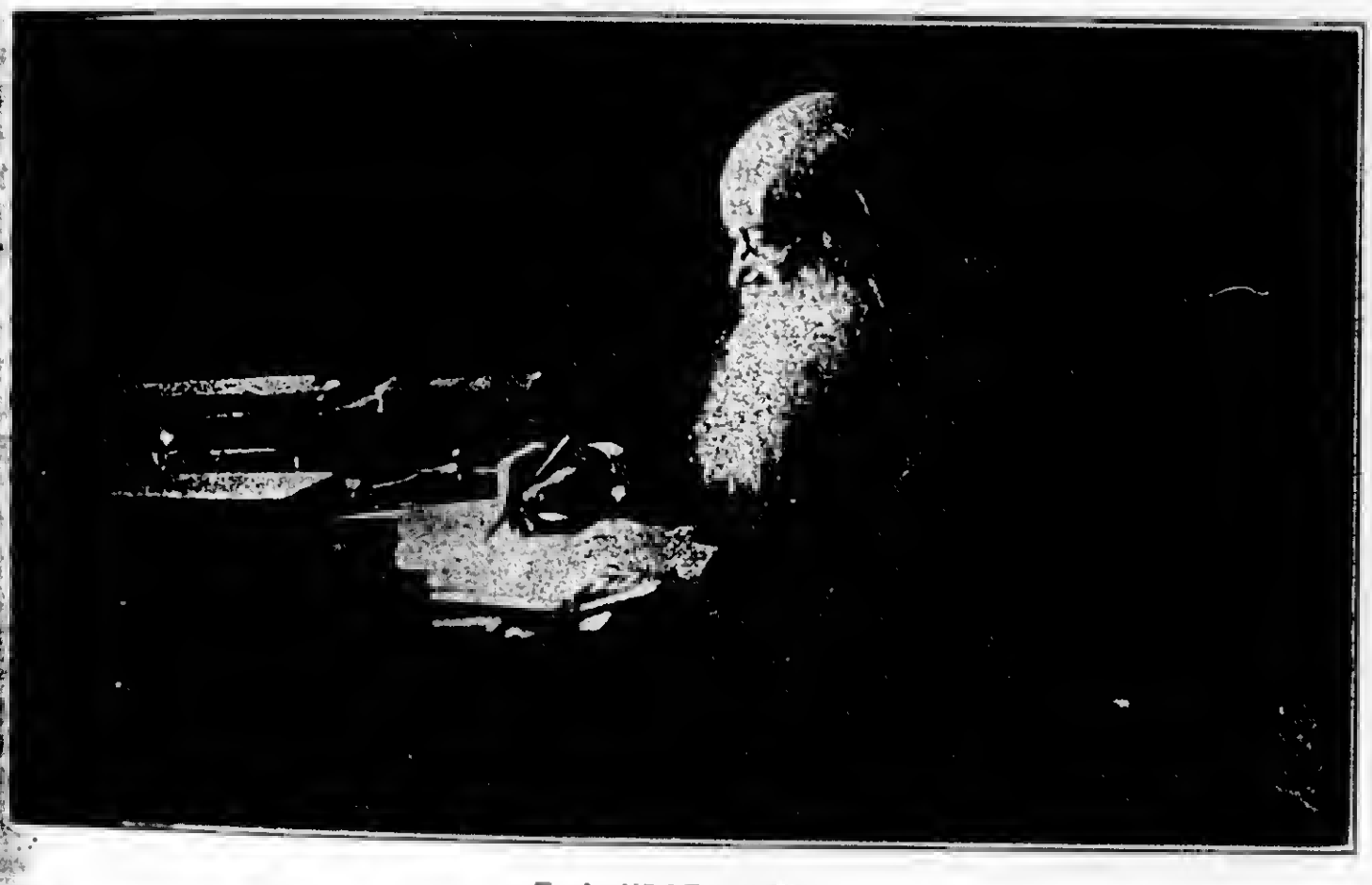
"Совершить социальную революцию путем диктатуры и власти невозможно, нужно широкое сотрудничество рабочих и крестьян для выработки вольных форм новой хозяйственной жизни".

"...Новая Россия может быть построена только доброю волею и соединенными усилиями всего народа".

П. А. Кропоткин.

Не хотелось бы употреблять истрепанного и [illegible]ного выражения, что мы, мол, "празд[illegible]" вторую годовщину смерти незабвенного П. А. Кропоткина. На празднования и торжества

Анархисты — не попы и не политиканы. Останавливаясь на том или ином выдающемся событии или личности, они не преследуют никаких партийных интересов, ибо анархисты — не

П. А. КРОПОТКИН.

[illegible] мастера и охотники попы и политиканы, [illegible] устраивают их всегда с целью, чтобы [illegible] на том или другом святом, угоднике [illegible] великом человеке, а также выставить перед [illegible] и себя в выгодном свете.

партия, стремящаяся к захвату власти (анархисты против всякой власти) и политическому господству над обществом. Если, как в данном случае, мы останавливаемся на личности П. А. Кропоткина, то не с целью прославления его,

BEST COPY AVAILABLE

881017016

The Emma Goldman Papers

[For the second anniversary of P.A. Kropotkin's death. In Russian] Vtoria Godovshina Smertu P.A. Kropotkin / Emma Goldman.— pp. 6-8 ; 25 cm. *In* Volna. —No. 37 (1923).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

П. А. за-границей была далеко не из сладких.

После второй революции П. А. приезжает 17 июня 1917 г. в Россию. Его восторженно встречают. Кропоткин — всемирно известный анархист — революционер, член Первого Интернационала, всемирно известный ученый, философ анархизма, сделавший для интернационального революционного движения больше чем кто либо из живших или живущих в нашу эпоху людей, Кропоткин один из первых революционеров, бросивших дерзкий вызов русскому деспотизму — он, Кропоткин, снова в России, свободной России, вырвавшейся из лап царского самодержавия. И как было не радоваться и восторгаться при виде счастливейшего в жизни русского народа события? Хотелось чем нибудь выразить свою безграничную благодарность человеку, столько сделавшему для того, что бы свалить самодержавие.

В припадке всеобщего ликования чудаковатый Керенский совершает первую глупость: в своем стремлении примирить непримиримое, он предлагает П. А. на выбор любой пост министра. Соблазнительная штука — многие анархисты впоследствии не устояли против такого искушения и "продали шкуру свою" за более мелкий чин. Кропоткин же наотрез отказался от такой чести и заявил: "Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным."

Такой отпор образумил властей предержащих и они убедились, что Кропоткин с убеждениями не играет.

Затем у власти появились большевики. В Кремле образовался комиссарский Олимп. Хорошо помня ответ, данный Кропоткиным Керенскому, они не дерзнули искушать его комиссарским постом. В то время Россия сильно голодала. Кремлевские диктаторы попробовали было подкупить симпатию Кропоткина к себе назначением ему самого жирного кремлевского пайка. Кропоткин отказался от этой привилегии и голодал наравне с другими.

Постепенно революционная Россия захватывалась в кровавые руки Дзержинского. Началась красная реакция, и бешеные и дикие расправы в застенках че—ка. Над всеми "неблагонадежными" непокорившимися под нози комиссарские, попавшими под подозрение большевистской инквизиции, нависла страшная угроза — пытки и "стевки".

В Москве белокаменной стало тесно даже для Кропоткина. Обезумевшая власть не знала, что делать с опасным старым и всемирно известным крамольником. Расстрелять его нельзя, живой же он был всегда укором кремлевским предателям. Его, старика, начали переселять из одной квартиры в другую, таскать по учреждениям, донимать не мытьем так катаньем...

И добились в конце концов того, что выперли его из Москвы в глухой, захолустный провинциальный городишко для "общественной безопасности и спокойствия". Здесь, почти отрезанному от внешнего мира и голодному, ему пришлось заканчивать свое самое трудное и последнее произведение "Этику", не имея под рукой необходимых книг, ни достаточного освещения по вечерам, ни возможности иметь переписчика, что бы облегчить работу его старческих рук. "Этику" не удалось закончить при таких условиях.

8 февраля 1921 года смерть отняла жизнь у великого друга всего обездоленного человечества. Кропоткин был действительно великим человеком, ибо честно и бескорыстно боролся за счастье и свободу всего человечества. Он умер в бедности и лишениях, как все великие люди и борцы за лучшую долю угнетенного человечества. Маленькие люди — кремлевские пигмеи, дрожавшие за свою власть и травившие апостола безвластия до самой могилы, — будут позабыты историей или останутся как черное и грязное пятно на ее светлых страницах повествующих о героической борьбе за освобождение человечества от оков власти и капитала.

***

—Похороны Кропоткина были самым внушительным явлением, которому я была свидетельницей во время моего пребывания в России — писала в одной из своих статей Эмма Гольдман.

Вся Москва пришла на похороны П. А. В похоронной процессии приняло участие более

BEST COPY AVAILABLE

674

881017016

The Emma Goldman Papers

[For the second anniversary of P.A. Kropotkin's death. In Russian] Vtoria Godovshina Smertu P.A. Kropotkin / Emma Goldman.– pp. 6-8 ; 25 cm. *In* Volna. –No. 37 (1923).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

100.000 человек. В Дмитрове местный гарнизон красноармейцев пришел проводить Кропоткина без оружия из уважения к его анархическим убеждениям.

В Москве же такая вещь была невозможной: проявление такой массовой симпатии к анархисту сильно беспокоило Кремль, и Дзержинскому досталось не мало хлопот, чтобы пресечь всякие попытки к протесту против комиссарского режима.

Кропоткина зарыли в землю, его больше в живых, но и из могилы неустанно звучит призывный голос на борьбу со злом, насили угнетением и порабощением. Он разбудит сп щих, они восстанут и сокрушат все оковы и цеп

Вперед же на борьбу! За свободное ан хическое общество без власти, без угнетат за вольный труд!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О П. А. КРОПОТКИНЕ.

А. А.

(Речь произнесенная 13 февраля 1922 г. на общественном собрании, устроенном в память П. А. Кропотиина в шиоле 2-й ступени в г. Дмитрове).

Друзья и молодые будущие хорошие товарищи (товарищи в лучшем смысле слова)!

В Москве образовался **Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина.** Хотя я тоже состою сго членом,но нахожу, что **Комитет** очень неудачно выбрал себе название. Никто не может лучше увековечить память **П. А.**, чем сделал это он сам своими трудами и жизнью. Нам нужно только изучать его творения и ближе знакомиться с его жизнью, чтобы воодушевляться его думами и его примером.. Поэтому я счел своим долгом принять предложение устроителей настоящего вечера и поделиться с вами воспоминаниями о **П. А.**

Познакомился я с учением **П. А.** очень давно., в 1890-91 годах, в юношеском возрасте, когда находился в Швейцарии, в гор. Женеве, где учился медицине. Первым обстоятельным трудом **П. А.**, в котором он излагал свои анархические убеждения, были "Речи бунтовщика". По прочтении этой книги я стал постоянным читателем еженедельной газеты "La Revolte" ("Бунт"),которую издавал Жан Грав при ближайшем участии Элизе Реклю и в особенности **П. А.** В те времена в "La Revolte" печатали ряд статей **П. А.**, которые со временем состав ли новый том его сочинений — "Хлеб и Вол Хотя я ни с одним анархистом не был знак и находился в эмигрантской среде, в которой те времена упрочивалось, под влиянием Плехан ва, социал-демократическое направление, тем менее мои анархические убеждения установили тогда-же.

Первым, так сказать, "живым анархистом с которым я познакомился и сдружился, б студент-медик П. И. Стоянов, болгарин родо приехавший в Женеву из Франции, откуда е изгнали за пропаганду.

Обаяние просто изложенной, но прочувст понятной проповеди **П. А.** было так велико, меня и моего друга Стоянова невольно влек лично повидаться с ним и мы не преминули ос ществить это желание при первой же возможно сти. Летом 1893 года нам удалось собраться средствами и поехать в Лондон , где жил **П. А** Должен заметить, что нас влекло к нему не о но простое любопытство: годом раньше нами б ло приобретено немного русского и армянско шрифта и мы хотели посоветоваться с **П. А.** предпринятых нами анархических издани (Продолжать это дело мне пришлось одному так как тем временем Стоянова изгнали и

BEST COPY AVAILABLE

675

870918000

The Emma Goldman Papers

Behind the Scenes in the Ruhr Occupation / Emma Goldman.– 1923 April 3, draft.– 8 p. ; 28 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Emma Goldman,
Berlin-Grunewald, Germany
Hohenzollerndamm 62

11902

BEHIND THE SCENES IN THE RUHR OCCUPATION

The other day while walking along Friedrichstrasse, I came upon an excited mob in front of a restaurant. I inquired about the occasion of the gathering. I was told that a Frenchman was discovered in the restaurant and that several patriots were trying to drag him out on the street. The mob was in an ugly mood. I dreaded the fate of the Frenchman. Presently the patriots returned without their victim. The proprietor had managed to get the unfortunate man out of the way. I gave a sigh of relief.

The mob on Friedrichstrasse brought before my mind other scenes of mob-fury--scenes in America, in the cities of Centralia, Everett, San Diego, and the many towns in the country turned into a madhouse by the so-called "Legion of Honour", and the other obsessed patriots during the World War. The burtal scenes which the American patriotic men perpetrated when they lynched the unfortunate Germans, some of the members of the [illegible] I. W. W., or the persecution of every one who refused to be dragged into the war hysteria. Evidently stupidity and brutality are international. So are the forces which play upon the passions of the mob.

After four years of butchery and years of so-called peace which is war in another form, the mob on Friedrichstrasse demonstrated the truism of the eternal recurrence of historic events. The inability of the mass to profit by experience. Now, as in 1914, the people are again permitting that they be plunged headlong into the consuming furnace of mutual destruction. Everywhere the forces which have brought about the world cataclysm are again at their sinister task of rushing the masses into the black abyss.

BEST COPY AVAILABLE

870918000

The Emma Goldman Papers

Behind the Scenes in the Ruhr Occupation / Emma Goldman.– 1923 April 3, draft.– 8 p. ; 28 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

11903

A few weeks ago the average German would have scorned the possibility of war. True, the reactionary clique, whose patriotic occupation since the German Revolution has been the assault and murder of public men, has never ceased sabre rattling. But the German worker with the apparition of the dreadful four years before them, were far from the feeling and mood of war. If was made aware one evening of how much the people hated to be reminded of the regime that has brought defeat and suffering to the German people. While walking home I heard some one whistle the tune, "Deutschland ueber Alles". In front of me walked several working women. "Ist der Mensch verruecht geworden?" (Has the man become crazy?) they shouted. "'Deutschland, Deutschland ueber alles', forsooth, we have had four years of it. We know what it means". The women shook their fists into the face of the frightened whistler who made his getaway. As they walked my way I had a chance to get a slice of their bitter story of the war, and the peace which is not yet. I left them with the feeling that these women and the rest of the workers who think like they would never go to war again. That was a few weeks ago.

Since the occupation of the Ruhr the military and the industrial interests are seeing red again. The German press, whether reactionary liberal, or even Social-Democratic, writes as if there had never been a dreadful World War, as if the earth had not been deluged with the blood of thirty-five million people. Day after day these papers are fanning the flame of hatred, the readers are fed on "national honour", "patriotic duty", "the united front" of employers and employees. Day after day the people are being stampeded into the war hysteria. The mob is easily swayed. The ruling class everywhere knows that and leaves nothing undone to subject their victims to the political hypnosis which never fails.

In the present German confusion of ideas and feelings it is reassuring to find groups of people who are not deceived by the political

BEST COPY AVAILABLE

677

870918000

The Emma Goldman Papers

Behind the Scenes in the Ruhr Occupation / Emma Goldman.— 1923 April 3, draft.— 8 p. ; 28 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

clap-trap, people who know the cause of the Ruhr situation and who understand the political scene-shifting of capitalist interests. Foremost among these groups are the Left labor elements, the Syndicaliste, an organisation of 150,000 members, who play no small part in creating a new political and economic orientation in Germany. Through talks with the leading men of the Syndicalist movement I received a very clear understanding of the present pressing situation in Germany, which may prove of interest to Americans. It is this:

The French invasion of the Ruhr has been brought about no less by German capitalists than by the French. The World War, ostensibly brought to an end by the Versailles Treaty, merrily goes on. Only the scenes of operation have been shifted--from the military to the industrial field. The cherished dream of the German industrial lords before the War was the merger of German and French coal, iron and steel on the Continent into the Montantrust,with complete German monopoly over it. With this aim before them the German industrial interests during the War clamored for the economic possession of Belgium and the complete monopoly over the mines of Longwey and Briey. The Montantrust was planned as a dam to the supremacy of the English coal industry.

Since the defeat of Germany the French industrial magnates have taken up the dream of their vanquished foes. The Comitee des Forges (the powerful ore combine) is now scheming to create a French Montantrust; to carry out their plans they were even willing to go hand-in-hand with the German industrial interests. At the conference between the French and Germans for the "holy alliance" the Germans were offered forty percent of the shares, the French intending to retain sixty percent. Whether it was due to the fact that the patriotic gentlemen coal lords, Messrs. Stinnes, Thyssen, Kloeckner and Co. held out for greater spoils or because the English coal barons stepped in to interfere in the game, the agreement did not

BEST COPY AVAILABLE

678

87091800

The Emma Goldman Papers

Behind the Scenes in the Ruhr Occupation / Emma Goldman.— 1923 April 3, draft.— 8 p. ; 28 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

materialise. The result is the occupation of the Ruhr. The claim of Poincare that France was forced to march her soldiers into the Ruhr because Germany failed to live up to the reparations agreement is mere bunkum. France before the War was next to England the richest coal-mining country on the Continent. Its coal output is still very great. Not to injure her coal industry France preferred to put a ten percent duty on the coal derived from the Saar mines. In fact, France used only 57% of the coal imported from the Saar. The rest was sold to other countries. Thus 80% of the Saar coal was re-exported back to Germany.

So far the workers of both Germany and France have carried the heaviest burdens of the reparation swindle. 70% of all the taxes raised by Germany to meet her debt to France was taken out of the ~~ex~~ earnings of the workers, even before they saw their weekly pay envelopes. That, regardless of the ever-growing misery of the people. While the cost of living soared to dizzy heights the German worker earned only one-fifth of his pre-war wages.

However, the masses of the devastated parts of France, who were to be the first to benefit by the reparations, have been equally duped. Out of the 11.4 milliards gold Marks which Germany paid to France up to December 31, 1921, only 2.8 milliards were used for the reconstruction of the devastated France territory. The rest was used for other purposes. Thus, 4.3 milliars were spent on the occupation and inter-Allied Commissions in Germany.

While, then, the people of Germany and France have gained nothing out of the "peace" transactions, German industrial lords have helped to increase theprofits of their French colleagues. Their petty business politics demands that it should be so. Messrs. Stinnes, Thysen and Co. have been fighting violently against the stabilisation of the Mark in order to prevent the stabilisation of prices. The reasons for such tactics are simple: so long as prices of commodities can be kept

BEST COPY AVAILABLE

679

8709180(0)

The Emma Goldman Papers

Behind the Scenes in the Ruhr Occupation / Emma Goldman.– 1923 April 3, draft.– 8 p. ; 28 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

soaring it was not difficult to throw the whole weight of German indebtedness to France upon the bread shoulders of the consumers. But as the Versailles Treaty stipulates that the cost of coal and other fuel must be paid according to the rating on the German market, at the time when Germany meets her obligations, Germany, until the end of September 1921, delivered fuel to France to the value of 2571 milliard francs, while the fall of the Mark reduced this sum to only 980 milliard Marks. In this manner the German coal magnates who before and after the War drew their profits from the misery of the German workers, turned milliards of Marks into the coffers of the French. Need one give a more glaring example of the farcical phase of patriotism and nationalism of the men who now wax warm over the occupation of the Ruhr.

The Left elements among the Ruhr miners have taken a decisive stand against the united front with their employers. In Muelheim on the Ruhr, one of the strongest centers of the coal industry, the miners refused categorically to strike in protest against the arrest of Thyssen, the great coal baron. But wherever French troops have attempted to occupy the mines, factories or workshops, the workers have quietly laid down their tools, because they will not work under French bayonets. These miners will have none of the empty phrases of the German reactionaries. Neither will they listen to the propositions of the mine owners for a general strike. In the face of the bitter opposition and persecution the mine owners have always brought to bear against the workers when the latter called for the general strike in their own ~~xxxxx~~ interests, it is now an insult to expect the miners to make common cause with their exploiters. The workers realise this; they also realise that in the present situation the general strike is called to create greater confusion on the Ruhr and in the rest of Germany.

The Syndicalist miners are as much opposed to the coercive and violent action of French militarism as they are to the brutalities of the

BEST COPY AVAILABLE

680

8709180000

The Emma Goldman Papers

Behind the Scenes in the Ruhr Occupation / Emma Goldman.— 1923 April 3, draft.— 8 p. ; 28 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

German soldiers and German employers. They say daily, "We still remember the 'united front' practiced by German soldiers in the Kapp Putsch (the Kapp coup d'etat of the German monarchists in March, 1920, in an attempt to overthrow the German Republic). All German workers struck at that time. But to illustrate how the German soldiers regarded the 'united front', I am here giving a verbatim translation of an interesting letter written by a soldier at the time.

Winscherhafen, between Hamm andDortmund,
March 2d, 1920.

Dear Nurses and Patients:

I am at last with my company. I arrived here yesterday forenoon and in the afternoon we made our first charge. If I should describe all that happened you would think I am exaggerating. We show mercy to no one,—even the wounded we shoot on the spot. The enthusiasm is great. Our batallion has two casualties, the Reds (revolutionaries and strikers) have two or three hundred. Everything that gets into our hands is belabored by the butts of our guns and finished with bullets. All though the skirmish I thought of you, dear nurses. Perhaps this is due to the fact that we had occasion to shoot ten Red nurses whom we caught armed. With great glee we sent out bullets into the bodies of these wretches. And how they whined and implored! But everyone who is found armed is our enemy and must pay the price. We were more considerate to the French than we are to these Red criminals.

My address is Oberjaeger, Max Zeller, student, 11th Company Brigade Epp, Postrohr, Westfalen.

This is only one example of the terrible brutality practiced on defenseless workers during the Kapp Putsch. It is, therefore, not to be wondered at that the German workers have learned something, and should turn their backs on the new attempt of their employers to bring about a 'united Germany',—meaning that the German workers are to support and defend their masters and oppressors and place them back in a position to repeat their brutalities. These reactionaries in Germany do not ask the German workers to unite for their freedom and drive out all oppressors; they merely expect them to unite against the French oppressors on behalf of the German.

BEST COPY AVAILABLE

681

870918000

The Emma Goldman Papers

Behind the Scenes in the Ruhr Occupation / Emma Goldman.– 1923 April 3, draft.– 8 p. ; 28 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

The political tactics of Poincare who is, after all, nothing but the business agent of French Capitalism, is of course so much water upon the German reactionary mill. Verily, the German monarchists who make so much of it,--Ludendorff, Hittler and Co., need no better accomplices than French militarism and the criminal diplomacy of French imperialism. The close relationship between the French and the German monarchist outfit, under the leadership of Mr. Hittler, the dictator of Bavaria, is an open secret known to everybody in Germany. Even a few days ago a big Berlin daily, the Berliner Tageblatt, wrote as follows:

"Mr. Hittler, it is known that you have recently drawn a large sum of money and that you were paid in French francs. Where does the money come from?"

So far, Mr. Hittler has not replied. However, the backing of the counter-revolution in Bavaria is not the first crime of Frannce. She has committed nothing but crimes since she became victorious. Every interventionist and counter-revolutionist plot to crush Russia has been backed by France.

The German militaish workers know that, but they also know that a victorious Germany would have done no less. Hence they see in both military France and Germany their enemies, to be fought to the bitter end. On the other hand, they look to the French workers as to their comrades with whom they wish to be closely allied in the great battle yet to come. In other words, while the reactionary elements in Germany are again at their old tricks and old deceptions, the Syndicalists stand firm in their anti-military and anti-war position. Instead, they are making the workers conscious of their economic strength to be expressed through international affiliations with the workers of the rest of the world.

BEST COPY AVAILABLE

682

870918000

The Emma Goldman Papers

Behind the Scenes in the Ruhr Occupation / Emma Goldman.– 1923 April 3, draft.– 8 p. ; 28 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

During the week of December 25 to January 1, 1923, an event took place in Berlin which may well become far-reaching in ~~its~~ scope and effect. Labor delegates from Spain, Italy, France, Portugal, Argentine, Sweden, Norway, Denmark and Germany convened in the International Syndicalist Congress. A determined body of men they were, who had gone through years of war and revolution and who had learned through bitter experience the deception practiced by both the Red Trade Union International of Moscow and the reactionary International of Amsterdam. They came to create a new organisation freed from both.

Unlike the elaborate and hypocritical decorations on the scene of Moscow Congresses, and the officiousness of the Amsterdam gathering, the Syndicalist delegates were unfeted and unhailed. But the work they have accomplished during the session of one week will yet play its great part in the International struggle between capital and labor.

On December 27th the International Workingmen's Association was born. Added to the countries already mentioned the labor organisations of Brazil, Peru, Uruguay, Chile and Mexico have since joined the new family. Altogether a remarkable showing when one bears in mind the terrific machinery of the governmental trade union internationals that have hitherto prevented the advent of a new fighting organisation.

Aside from its importance for the future, the International Workingman's Association marks a very significant historic epoch,--the split in 1872 between the revolutionary section of the First International led by Bakunin, and the political faction led by Marx and Engels.

Berlin, April 3, 1923.

BEST COPY AVAILABLE

683

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman.— 1923 Nov., draft.— 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Dr M Wiser, Of Germany.
An Innovator in the treatment of the eye.

In Bad Liebenstein a small town in the gorgeous hills of Thuringen lives and works a remarkable eye doctor, Count Maxmilian Friedrich Joseph Wiser. He is at once the maligned, and hated, as well as much loved and idealized member of that branch of the medic l profession which deals with the eye— hated by the c..ste which in Germany, no less than in most countrie claims the sole monopoly to medical science; loved by scores who had been given up by the profession as hopeless and who have regained sight and health thr..gh the skill and humanity of Dr. Wiser.

The man, his personality and achievements are so extra ordinary that it is a simple act of justice to him, and of service to humanity, to bring Dr. Wiser to the attention of the world outside of Germany.

I came upon Dr. Wiser in the following way. An American lady, a friend of mine, developped a very severe infection of the right eye. She wa. treated first, by Dr. Torack of New York City, a great eye specialist. The patient was subjected to various tests and severe measures, with the only result that the condition of the eye grew steadily worse and her general health was com pletely broken. In January, 1923, three months after the infection began, my friend, apparantly lost her sight altogether, becoming totally blind in the right eye. She then consulted Dr. May, also of New York City. He diagnosed her case as "detached retina" and said that the right eye was hopelessly blind. He expressed the fear that it may in time shrink and become disfigured, and that an operation may be needed in order to prevent infection of the left eye. The diagnosis f Dr. May and the fear of complete loss of sight of both eyes exerted a most depressing effect upon the patient.

In April 1923, my friend came to Germany to consult some of the leading specialists. I went with her to Professor E.Kruck mann, of Berlin, well known as an authority on the disease of the eye. Professor Kruckmann diagnosed the malady of my friend as tuber culosis of the eye. "Nothing is to be done for the blind eye", said the Professor in an abrupt, true Prussian fashion. "The left eye is in perfect condition. Take the patient to mountains and let her be exposed to the sun. Have an X_Ray taken and have her internally examined" All that was done but no trace of tuberculosis was found anywhere.

We turned for advice to a man of international repute as humanitarian and writer on scientific subjects, Dr. Magnus Hirsch feld of Berlin. He at once suggested Dr. M Wiser. He said, "Dr. Wiser is very much opposed by the academicians but he is a rem arkable diagnostician and has great results with his new methods," Thereupon we went to Dr. Wiser.

Bad Liebenstein is an health resort, known for its beneficial mineral waters, for heart and rheumatic troubles. It lies lies in the beautiful valley at the foot of the Thuringen hills. On one of the lovely spots stands Villa Georg, the private clinc of Dr. M, Wiser. He is also at the head of a large sanit arium, built exclusively for the use of Germans.

It was on June third that we paid our first visit to Dr. Wiser. The attending nurse handed us a circular signed by twenty_two of the best known eye specialists of Germany, setting forth that in 1915 they had petitioned the Medical Department of War Minsitry to have Dr. Wiser removed from the Herzogin Charlotte Eye Clinic for wounded army men. We were taken aback. We felt that there must be something wrong about Dr. Wiser if such noted men could array themselves against him. We were yet to

BEST COPY AVAILABLE

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman.— 1923 Nov., draft.— 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

learn that petty envy and trickery are characteristics not only of shopkeepers. Presently we were called into the consulting room of Dr. Wiser. Half an hour in his presence proved reassuring. The very personality of the man, his refinement and charm, his infinite patience, must needs instill confidence. One feels at once that here is a great man, entirely dedicated to his chosen work.

After a most painstaking examination which lasted an hour and tests with various lenses for muscular gymnastics of the eye (which method plays such an importnat part in Dr. Wiser's treatment) he diagnosed the case as iridocyclitis. He said that Mrs Ballantine was abnormally far_ sigthed, that she had evidently overstrained her eye, causing excessive blood pressure which resulted in the formation of a blood clot that was now abstruct ing the vision of the right eye. "The thing to do is to remove the obstruction, which though difficult is not impossible" said Dr. Wiser. He then prescribed certain treatment and turned Mrs Ballantine over to his very capable and charming nurses.

see page three.

BEST COPY AVAILABLE

685

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman.— 1923 Nov., draft.— 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Later I shall return to the methods of Dr. Wiser and their effect on Mrs. Ballantine and scores of other patients I have observed carefully and whose history I have noted down. For the present I must state that the "hopelessly incurable" eye of Mrs. Ballantine began almost immediately to yield to the treatment of Dr. Wiser. After three days she began to distinguish shadows, and at the end of the first week she was able to decipher large letters at a distance of three inches. Each succeeding day and week the "blind" eye reacted more and more actively to the treatment of Dr. Wiser. His method involves most strenuous application that physically almost exhausts the patient, and therefore the treatment was suspended at the end of the third month, Mrs. Ballantine being ordered to take a complete rest. She went to England, whence she returned after five weeks to continue treatment for three more weeks.

Her "blind" eye completely lost its glasy expression, its general condition and appearance improved to a most remarkable degree, and to a great extent vision was restored. It is certain that Mrs. Ballantine would have regained her full sight, could she have continued to be treated by Dr. Wiser. But the turbulent condition in Germany necessitated her departure home. Dr. Wiser himself advised her to leave, because he could not conscientiously expose Mrs. B. to the excitement and possible shocks every day might bring. "I am confident," Dr. Wiser said to her, "that your eye will continue to improve and that you will regain normal vision."

Who is this man and what are his theories and methods that bring results where some of the biggest specialists have failed? Dr. Count Wiser comes of an old aristocratic family. He was born on the 24th of July, 1861, at Kostheim, a little place near Mainz. His father, Count Carl Joseph von Wiser, an officer in the Austrian Army, disliked his calling to such an extent that he devoted himself to natural science. Later he visited the United States, where he perished in the great Chicago fire, in 1871. Dr. Wiser was educated in Austria and Bavaria,

BEST COPY AVAILABLE

686

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman. – 1923 Nov., draft. – 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

at first studying jurisprudence, much against his inclination. In 1869 he became ill. It was thought that his lungs were affected, and he went to Italy where his mother resided because of her health. Referring to this period, Dr. Wiser said to me: "After many unsuccessful 'cures' a certain physician advised me to settle down on an alpine meadowland, and to live only on milk and bread. The advice proved excellent. After four months I was in perfect health. During the time I learned Goethe's 'Faust' by heart, first and second part, and made botanical studies. When still a student of law, I became interested in medicine and in my spare time attended many lectures on the subject. What I had learned enabled me to save the hand of a poor old woman, whom I once met in the mountains and who had been advised to have her hand amputated. When I became well I went to Bonn and matriculated for the medical course."

After his graduation Dr. Wiser became assistant physician to Professor Saemisch, of Bonn, a famous eye-specialist, now dead. In view of the charges of ignorance and quackery brought against Wiser by some of his colleagues -- the persecution of an innovator of which I shall speak later -- it will be interesting to reproduce here a letter of Professor Saemisch concerning Wiser.

Bonn, May 31, 1900.

Doctor of medicine, Graf von Wiser, has been assisting physician in the Royal University Eye Clinic since Aug. 1, 1896, and since Aug. 1, 1898, First Assistant. He filled his position to my fullest satisfaction, performing his work with especial devotion and conscientiousness. He has gained splendid experience in the treatment of the diseases of the eye, and he possesses the ability to practically apply his knowledge with confidence and skill.

As first Assistant in the Eye Clinic he had repeatedly to take the place of the undersigned Director, during the often long absences of the latter, in his official duties as well as in his private practice. He did the work in a manner fully to justify the confidence placed

BEST COPY AVAILABLE

687

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman. – 1923 Nov., draft. – 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

in him.

The undersigned is also glad to mention that Dr. Graf von Wiser has used to the utmost his opportunity, during the many years of his connection with the University Eye Clinic, to familiarize himself with accident insurance, and he has thus gained experience and skill in the professional judgment of such matters.

(signed) Director of the Eye Clinic
Professor Dr. Saemisch
Geh. Medizinalrat.

Had Dr. Wiser remained in the folds of the medical church, he would now undoubtedly be holding a chair in one of the leading universities, and be looked upon as an honorable and worthy member of the professional world. But men like Wiser are not content with limited folds and old dogmas. Their restless spirit is ever in quest of new paths. Thus Wiser, while still assistant to Saemisch,had ample opportunity to realize the inadequacies of the old methods, and especially the criminal practice of applying the knife too readily, often with disastrous results. At the same time Dr. Wiser came upon the book of Dr. W. Schoen, "Functional Diseases of the Eye", published in 1897. This work helped to clarify his ideas and to suggest newer methods for the treatment of a number of eye troubles. For several years, Dr. Wiser practiced his profession independently in Mainz and Wiesbaden, also holding the position of eye-specialist in the St. Vincent Hospital in Mainz. He performed operations where such were necessary, and enjoyed a splendid reputation for the success he had in his chosen line. Subsequently he settled in Bad Liebenstein.

The theory and methods of Dr. Wiser are based upon a conception entirely different from that of the old school. In Dr. Wiser's own words,

"The profession considers concave and convex lenses as merely aiding the better to concentrate light rays in the retina;

BEST COPY AVAILABLE

688

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman. – 1923 Nov., draft. – 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

while I, on the contrary, believe that the convex lens can with much greater success be used as a means of developing and curing the eye.

"By the help of convex lenses and prisms we can most effectively influence the circulation of the blood, stimulate the growth of the eye, and clear the clouded tissues of the eye, which in their healthy condition are transparent.

"The interrelation of the two eyes can also be essentially influenced by the use of the proper lenses. Squint-eyes can be corrected, weak sight can be strengthened by practicing with appropriate glasses and the wearing of the same, and eyes unfitted for work may be made fit again by the use of the right lenses.

"The wearing of strong concave glasses is detrimental to the eye. We must return to the former view that concave lenses should be as weak as possible and prescribed only in cases of real nearsightedness.

"I have reached this conviction after years of experience, and since I have been treating my patients accordingly I have had very good success.

"I am of the opinion that an operation is to be considered only when all other means have failed. Not all operations are successful, and no physician can guarantee their outcome, because the processes going on in the body of another person can be guaranteed as little as those within our own body."

During my three months in Liebenstein, of which six hours daily were spent in Villa Georg, I watched not only Mrs. Ballantine's case, but scores of others, cases of blindness in various stages, and those given up as hopeless by many eye-specialists, -- tragic and desperate cases that came to Dr. Wiser even as Mrs. Ballantine had come as a last hope. The improvement brought about within a few weeks in almost every case was truly amazing. To be sure, the treatment every patient has to undergo is most severe. It involves eye practice so drastic that it affects most people, resulting in headaches and general exhaustion. Hours of straining to decipher letters of different size through convex glasses of varying strength at carefully measured distances,

BEST COPY AVAILABLE

689

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman.— 1923 Nov., draft.— 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

concentrating on small script held closely before one's eyes and to be read through a microscope lense; and finally the use of ointment, salve, and the injection of drops, followed by sprays of salt-water solution, the whole process being repeated daily. "The patience of an angel is required," as Dr. Wiser himself says. Often patients become discouraged because of the strain on their physical and mental system. Often they almost give up hope, but in the end each one realizes the severe optical discipline worth while because it gives results. Of the large number of cases under my observation, space will permit me to cite only several.

I have already spoken of Mrs. Ballantine's case. Of the others I may mention:

Mrs. A., Chemnitz. Age 27. At the age of nine she began wearing glasses which were frequently changed and increased in strength. At the same time the condition of her eye grew steadily worse. A number of doctors had been consulted and various cures attempted without results. In May, 1919, she came to Dr. Wiser. Examination found her condition as astigmatism, myopia, and muscular spasms. Since then the patient underwent treatment every year for a period of four to six weeks. In July, 1923, the spasms and astigmatism had already been eliminated. Before she was discharged by Dr. Wiser her optic nerves had regained normal condition. By means of a convex lense she can now read and write without trouble. For distance she also uses a lense, though she can see quite well without it.

Mr. B., Hamburg. Age 54. This patient was suffering from progressive blindness. Treated numerous times without result. Came to Dr. Wiser in 1920. At that time his eyesight had become so bad he could neither read, write, nor recognise acquaintances on the street. Wiser's diagnosis Neuritis (inflammation of the optic nerve). Continued treatment by Wiser a short period each year. In June, 1923, patient had regained normal vision.

Miss H., (Rheinland.) Age 20. Began wearing glasses for nearsightedness when ten years old. Could keep up at school only by means of increasingly stronger lenses. Later was

BEST COPY AVAILABLE

690

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman.— 1923 Nov., draft.— 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

threatened with blindness, and after much doctoring came to Wiser in April, 1923. He diagnosed her trouble as a case of neglected "school nearsightedness" (Dr. Wiser makes a specialty of arresting the growth of that frequent disease among children. During the summer of 1923 his clinic looked like a schoolhouse, scores of children from all parts of Germany being there for treatment.) Miss K. underwent the usual treatment. On the 10th of August, 1923, she had regained so much of her normal vision that she could read small script at a distance of six inches, and could see large letters at a distance of thirty-nine yards, by the use of carefully chosen glasses.

Mrs. Z., Berlin. About 40. Came to Dr. Wiser in May, 1923. Was nearly blind and in a very distressed state of mind. She had been treated by many specialists in Berlin. Wiser found inflammation of the retina and vein. At the time Mrs. Z. could distinguish only black outlines. After five weeks of strenuous exercise, and repeated changes of convex lenses, the patient could see large letters at a distance of seven and a half yards, could read and write without difficulty, and could go about without assistance, which she had been unable to do for a number of years. I was particularly interested in this case, because she was alone and I had occasion to assist her in her daily optical exercises.

The most remarkable case besides those of Mrs. Ballantine and Mrs. Z. was the case of Miss K., a school teacher from Vienna. Incidentally it disproves the charge that Dr. Wiser is incompetent to operate, and that he, for that reason, repudiates operations. Miss K. came to him suffering from primary and secondary cataract in the right eye, and a cataract infection of the left eye. She had been treated by specialists in Vienna who told her that both eyes would have to be operated on. Dr. Wiser decided that the right eye had gone beyond medical or optical treatment, so he performed two operations on it. The introductory operation took place in August; the main operation in September, 1915. Both proved successful. He then began the treatment of the left eye

BEST COPY AVAILABLE

691

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman.– 1923 Nov., draft.– 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

which could be carried out only slowly and between long intervals. She was again at Wiser's in 1923 for treatment for the whole summer. Her condition had improved to the extent of enabling her to perform not only her own school tasks, but also a considerable amount of secretarial labor which often required night work. She told me she did not feel fatigued, though her eyes would be employed for ten or twelve hours daily.

The above cases out of many convinced me of the skill and ability of Dr. Wiser, the sincerity with which he approaches every case, the conscientious and infinite patience he shows in diagnosis and treatment, in order to restore his patients to sight and life.

One would assume that Dr. Wiser's extraordinary achievements would be hailed by the profession as a notable contribution to medical science. Alas for the iron-clad dogmas of the academic caste which excludes everyone as an interloper who dares to go his independent way. Like most innovators, Dr. Wiser is an alien in his own land -- so far as the medical profession is concerned -- misrepresented, repudiated, and persecuted by the caste. To such an extent, indeed, that it has been almost impossible for him to induce physicians to assist in his work or to study his methods. Villification of him dates back many years, but it was first in 1915 that an open and concerted attack was staged against him. It was in connection with an appeal for funds made by the Duchess Charlotte, sister of the Ex-Kaiser, and other patrons of the Liebenstein Eye Clinic for wounded soldiers, at the head of which was Dr. Wiser. That was too much for the medical caste. The idea of that man Wiser, a "discredited" physician, receiving the support of rich and high placed patrons! Something had to be done. That "something" happened on October 29th, 1915, when twenty-two physicians, directors of the University Eye Clinics of Germany, sent a round-robin against Dr. Wiser to the Medical Department of the Imperial Prussian War Ministry. That official document is so characteristic of the professional attitude against Dr. Wiser, that a few excerpts will be of interest to the reader.

" ... We are compelled to take this unusual step in view of certain things known about Dr. Graf Wiser.

BEST COPY AVAILABLE

692

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman. – 1923 Nov., draft. – 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

It is true, he was professionally trained as Assistant of the late Sachsisch, of Bonn, and is to that extent capable of practicing as an eye physician. But ....it must be emphasized that Dr. Graf von Wiser entirely lacks experience as an operator. For many years he has performed no operations. Indeed, the peculiarity of his method consists in that he pretends to be able to cure without an operation the diseases of the eye which need an operation; as, for instance, gray cataract, ~~and glaucoma~~ etc. Thus he 'saves people from the knife', as he pleases to put it. That of course nets him a big clientele and tremendous income, as is frequently the case with non-operating medical quacks. But such methods have unfitted him for operations, because of lack of practice, if he ever was capable of performing an operation. It may also be that his incapability to operate is the reason for his questionable methods of treatment. This man is entirely incapable of performing eye operations, and without operative skill it is impossible to conduct conscientiously an institution for eye diseases and optical wounds. ...There are also other very serious reasons to believe that Dr. Graf Wiser lacks the necessary knowledge for correct diagnosis as well as diagnostical conscientiousness. On numerous occasions he reversed the correct diagnosis in cases of undoubted eye disease, as pronounced by the proper authorities. ..... Again, his claim that by his methods real myopia can not only be lessened but even removed, is in complete contradiction of truth.

....This is not a case of an individual, who is ahead of his time, and who is in opposition to the views of the profession. On the contrary, here speak undoubted facts against the man.

....We the signatories are responsible for the education of the rising medical generation. ... In Germany, where medical quackery is in high bloom, there are enough examples of how fame and wealth may be gained by easy, irresponsible methods. It is the more disastrous when

BEST COPY AVAILABLE

693

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman.— 1923 Nov., draft.— 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

a physician sets such an evil example. Therefore we could not permit without protest that money from the funds of the war sufferers be devoted to Liebenstein hospital purposes, thus giving Dr. Wiser a larger field of activity. We can conscientiously consent to the admission of wounded and optically diseased soldiers to Liebenstein only on the condition that Dr. Graf von Wiser be eliminated from that institution.

Not content with this official denunciation, some of the signatories exploited the opportunity to undermine Dr. Wiser in an underhand private manner. Professors Greeff and Axenfeld, et al indulged in a most venomous slander and attack. Thus Professor Greeff, a well-known eye specialist, wrote to Professor Stock, of Jena:

Berlin, 5.10.1913

My dear Colleague:

You will be surprised to know how many inquiries I am receiving regarding Count Wiser. ...Only the other day the editor of the "Deutsche Medizinische Wissenschaft" requested me to expose the Wiser humbug, in the interests of our profession, and to show that his claims are reducable ad absurdum. You know that Count W. pretends to have playfully solved all our great problems; thus, to cure gray cataract without an operation, also glaucoma, to correct cross eyes with drops, etc.

He, who cannot perform an operation, can cure everything without operating, which no other man on earth can. He solves problems which, for instance, are unsolvable, for all time. He makes great discoveries right out of his sleeve, so to say, without much previous training, without laboratory, microscope or library.

For the expert this is sufficient, -- he knows how senseless and false W.'s assertions are. Of course, there are many who know little but talk loud. But there are also those who really are sincere, believe in themselves, though entirely wrong. They are fools, but

BEST COPY AVAILABLE

694

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman.— 1923 Nov., draft.— 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

honest. In our circles it has indeed repeatedly been questioned whether Wiser is not mentally unbalanced. Regarding this possiblity I refrained an opinion till now. But now I am entirely convinced that in this case we hafe to deal with one who is a shrewd, cunning, deliberate ~~connections~~ scoundrel. A common swindler. ... The fellow belongs in the penitentiary. ... In any case, we must kick this swindler out of our opnthalmological society. .....

Yours, etc.

(signed) Prof. Greeff

Dr. Axenfeld, another celbrity, writes in connection with this matter:

There has just appeared an appeal for the Wiser Institution in Liebenstein, the call being signed also by the Reichskanzler and numerous persons in high position, and sent out to the wealthy throughout the country. The appeal calls for funds also in order to "continue the treatment of the eye-wounded after the close of the war", for which purpose -- it is claimed the existing institutions for the treatment of eyes are not sufficient. In short, an ad and collection for Wiser on a large scale. This is an unheard of scandal, the absorption of means for an unnecessary purpose, about which we of the profession have purposely not been consulted. This is simply the financing of a Wiser foundation masked by the necessity of care for war wounded, and supported by well-wishers, all very honest but uninformed.

Among the names of the Honorable Committee, right after the Reichskanzler follows that of the Dr. Abel, Geheim Obermedizinalrat, Professor of the University of Jena. How is that possible? Did the faculty ever consider this matter?

Naturally it will be impossible to interfere with this collection of funds. It has probably already achieved its sounding success. I shall see to it that the Ministry of War be informed of this matter, and I expect that our medical weekly will have something to say about it.

BEST COPY AVAILABLE

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman. — 1923 Nov., draft. — 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Should this matter be aired in the public press, then I shall speak as frankly there. It is questionable, however, if the censorship will permit it, considering the reigning princes, the Adjutant-General of the Kaiser, etc. etc., are participating in it.

It is unfortunate that such things may have an anti-monarchical effect; modern consciousness does not tolerate any more such aristocratic influences.

(signed, Axenfeld

To what depthe narrow dogmatism may drive one, is further shown by the degrading role played by another well-known physician, Dr. Bielschovsky, in the persecution of Wieer. That honorable gentleman visited Bad Liebenstein as the official "secret" investigator of the signatories of the round-robin. He did so at a time when Wiser was entirely unaware of the denunciation sent to the ministry, as was proven by the court proceedings in the libel suit subsequently brought by Dr. Wieer against his detractors, and published by Dr. Wiser's attorneys, Messrs. Dr. Werthauer and Dr. Seidl, (Potsdam, 1918) under the title: "Vorbereitender Schriftsatz in Sachen Wieser gegen Groeff und Gen."

Bielschowsky lost no time in sending a most scurrilous report against Dr. Wieer to the military authorities, denouncing him for "encouraging laziness among the soldiers", who were treated in the Liebenstein institution "far beyond the neccessary period", and trying to impress the military authorities that Dr. Wieer's methods "withdraw from the army and from industrial life, men fit for service and work, a proceeding obviously destructive of good discipline and detrimental to our social life."

Those who suffered most from Bielschowsky's report, were of course the poor blinded or half-blinded soldiers in the Liebenstein Eye Clinic, men who had already done their bit in the war, and who were entirely dependent upon Wieer's skill for their recovery. The idea of permitting soldiers to be treated for months as if they were really human beings! A patched up soldier is better than no soldier, and here was this man Wieer, whose concern was not war or the particular rank of the patient, but to restore

BEST COPY AVAILABLE

696

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman. – 1923 Nov., draft. – 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

their sight, to send them back to life newly equipped with their spirit raised. "I know nothing of politics and care little about them," said Dr. Wiser during one o. our interviews. "I know only suffering humanity, the flower of the land shot to pieces by senseless hate. My aim and sole interest are to help them and to instill in them new faith in life." Naturally such a man was out of place at the head of a military hospital. He had to resign.

The campaign which resulted in Wiser's resignation from the Clinic turned out of importance to him and of great benefit to many helpless and hopeless cases. Duchess Charlotte, evidently aroused over the persecution of Dr. Wiser, in 1915 built a sanitarium to enable Wiser to practice his theories and test his methods without let or hindrance, at the same time making it possible for him to treat a large number of patients. The sanitarium is for the exclusive use of Germans, without regard to station or means. It was opened in 1916, and until October of this year, when it had to be closed for lack of fuel, it sheltered, fed, and treated hundreds of thousands of eye patients.

The opponents of Dr. Wiser did not shrink from charging him, among other things, with being mercenary, a charge even more absurd than those involving his professional integrity and skill. In fact, Dr. Wiser would long ago have had to close Villa Georg, where his private patients are treated, as the sanitarium had to be closed, were it not for the more practical spirit of Sister Senta, the business genius ~~for~~ of the institution. It is she, aided by Sisters Maria and Francisca, whose entirely selfless devotion and intense application enable the institution to continue in the present most difficult conditions of life in Germany. The Doctor himself feels very apologetic when it comes to charging a fee. On a certain occasion he said to me: "Those who surround the Pope are usually more zealous than the Pope himself. My nurses are most devoted to me and very faithful to my interests. But to my my patients are the chief consideration. We all have pride and ambition and mine are to get results where others have failed. That is my greatest reward."

Dr. Wiser's patients are never presented with a bill before

BEST COPY AVAILABLE

697

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman. – 1923 Nov., draft. – 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

the end of a cure, a proceeding which in present day Germany is practically ruinous for a physician. A certain foreign patient is charged German prices because she is the wife of a struggling artist. Another, an American physician, well able to pay a substantial fee, is treated by Dr. Wiser without charge, because it is"unethical" to accept fees from colleagues. A German writer is treated free because " German intellectuals are already in a terrible plight", etc, etc. To be sure, when Dr. Wiser knows that a patient belongs to the newly rich, or is engaged in lucrative business in his country, he charges pre-war fees, but that certainly cannot be taken as an indication of greed. For the benifit of the poor patients in his sanitarium, one might well wish that Dr. Wiser were a little more concerned about the financial results of his labors.

Maligned and misrepresented by his professional enemies, and revented by the tragic condition in Germany to be of much help to his countrymen, Dr. Wiser looks to other countries, preferably England and America for a chance to be heard. In a letter to me Count Wiser writes;

My dear Miss Goldman.

I should very much like to have my views on the treatment of the eyes published in the English language, because it can not be done here in Germany. For many years past it has been impossible to gain a hearing in this country for opinions not approved of by those who happen to be in power. Earnest discussion is out of the question: one who dares say anything displeasing to the mighty ones, is subjected to the most infamous insults, and if possible even killed. That is the simpliest argument, for it can not be answered.

Sincere discussion is impossible. The opinions of the "learned" who by certain means have reached high places in the profession, may be as senseless and absurd as you please; they will be heralded as the "iron armor of science", and who ever is of different opinion is a charlatan, a scroundrel, and ought to be thrown into jail.

I am almost 63 years old– beyond the years of personal striving. You have been here long enough to observe how simple and how crowded with work my life is, and how indifferent I am to the externals of existence.

If I am anxious to have my ideas gain recognition, it is because I am convinced that they would bring hope and help to the despairing, free them from pain and give tortured ones peace, help to restore fitness for work, and in some cases save sight that is being lost.

The success which I have had in many cases I ascribe to the fact that in the treatment of my patients I am directed by certain conceptions and views which should like to become known because they are not the ordinary, the accepted ones. And because I am convinced that there are physicians who will become interested in these views, will improve upon them, will eliminate the errors they may contain, and will prefect them.

In this country this is entirely out of the question. Here everything is taken subjectively–there is no room for objectivity.

I hope that you, dear Miss G. will be able to help bring the ideas underlying my treatment of the eye, to the attention of the English speaking public, at least, so that those interested and wishing to convince themselves may get the opportunity.

I thank you most sincerely for the interest you have shown in my work, in my ideas, and my system of treatment. I shall never forget your kindness.

Yours most devotedly.
M. Wiser.

Bad Liebenstein.Nov.1923.

BEST COPY AVAILABLE

698

870918089

The Emma Goldman Papers

Dr. M. Wiser of Germany: An Innovator in the Treatment of the Eye / Emma Goldman.— 1923 Nov., draft.— 16 p. ; 33 × 21 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

12118 A

14.

Dr. Wiser's simple faith in the liberalism and tolerance of the Anglo Saxon peoples is very toughing indeed. Perhaps he may be [illegible] met with disappointment. May his dream be realized; may he be invited to lecture before student bodies, which he [illegible] more than anything else. Lastly, may his extensive work [illegible] in his theories and methods, which he is now [illegible] find a willing publisher. This is the motive which has prompted the writing of this article, and to call attention of the English reading public to Wiser the Physician and the Man.

Berlin. Nov. 1923.

Emma Goldman

BEST COPY AVAILABLE

900920002

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland / Emma Goldman. – 28 cm ; pp. 3,8. *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 4, 1923, advertisement).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

עמא גאלדמאן — מיט יאהרען פריהער אין איצט

וואס עממא גאלדמאן האט געזעהן געהערט און איבערגעלעבט אין 2 יאהר ציים אין סאוויעט-רוסלאנד

א העכסט אינטערעסאנטער, זאגאר שפאנענדער מענשליכער דאקומענט איז דער נאך ניט פארעפענטליכטער בוך פון דער באריממער אידישער רעוואלוציאנערקע, וואס האט כמעט איהר נאנצען לעבען פארבראכט אין אמעריקע. פון וואנען זי איז דאפארמירט נעוואָרען נאך רוסלאנד צוליב איהר שטענדינער פראפאנאנדע פאר פרייהייט און פאר אן אידעאלער אַרדנונג.

דער בוך אין אידיש וועט זיך אנפאנגען דרוקען מיטוואך אין „טאג"

„פופצעהן חרשים לאנג האט מיר נענומען, ביז איך בין נעקומען צו זיך אין רוסלאנד", שרייבט עמא גאלדמאן אין איהר פארריעדע „יעדער טאג, יערע וואך, יעדער חודש האט אויסגעשפרעט נייע רעגלעך אין דער פאסאלער קיים. וואס האט ארונטערגעריסען מיין צויבער־שלאס". — וואס אז די רעגלעך זיינען נעווען, וויי זיי האבען נעווירקט אויף עמא גאלדמאן — דאס ווערט אין דעם בוך נעשיידערט מייסטערהאפט, און די לעזער ווערען זיך באקענען מיט אלין, וואס איז אין רוסלאנד פארנעקומען אונטער דעם באלשעוויסטישען רעזשים אויף אלע אינטימען אופן, ווי זיי האבען נאר נאר מיינטאל נים נעהאט די נעלעגענהייט.

ניט נאר מאסקווע, נאר אויך פעטראגראד, כארקאוו, אדעס, קיעוו און אנדערע וויכטיגע אידישע צענטרען האט עממא גאלדמאן באזוכט

זי האט אלץ נעזעהן, מיט אלעמען נערעדט, נרויסע ווי קלייגע מענשען, און זי האט אויך פאר דער סאוועטרעגירונג א ציים נעארבייט און זי האט זיך יעדע מיה נענעבען צו רינען דער רעוואלוציע. אבער מיט צעקראפטע האפנונגען האט זי ענדליך פון רוסלאנד זיך ארויסנעארבעט, און אלע איהרע נעפיהלען, נעדאנקען און אידעען קענט אידער לעזען אין דעם בוך, וואס פאנגט זיך אן דרוקען

מיטוואך אין „טאג"

900920002

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland / Emma Goldman. – 28 cm ; pp. 3,8. *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 4, 1923, advertisement).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דער טאג

Office: 183 East Broadway, New York, N. Y. Tel.: Orchard 7,091
Published every day by the American Jewish Publishing Corporation.
Entered as second class matter November 5, 1914, at the Post Office of New York, N. Y., under the act of March 3, 1879.

SUBSCRIPTION RATES:

One Year	$9.00
Six Months	4.75
Three Months	2.50
One Month	.90
Single Copies	3 Cents

CANADA: 1 Year.... $10.00; 6 Months.. 5.50; 3 Months.. 2.50; 1 Month.... 1.00

FOREIGN: 1 Year.... $12.00; 6 Months.. 6.50; 3 Months.. 3.50; 1 Month.... 1.20

טעלעפאן: אָרטשאַרד 7,091

יעדן יאָר	$9.00
זעקס חדשים	4.75
דרײַ חדשים	2.50
איין חודש	.90
איינצל קאפיעס	3 סענט

קאנאדע: 1 יאָר $10.00; 6 חדשים 5.50; 3 חדשים 2.50; 1 חודש 1.00

אויסלאנד: 1 יאָר $12.00; 6 חדשים 6.50; 3 חדשים 3.50; 1 חודש 1.20

צו לאד דושארדוש'עס אפפאהר

נאר עפעס מעהר זיי א מאנאם ווייזלען אין אמעריקא איז לעיד דושארדוש, עקס־פרעזיידענט פון ענגלאנד אין איינער פון רי וויכטיגסטע מענשען אין דער נאנצער וועלט־פאליטיק. צוריק שפעטהרען א חיים קיין ענגלאנד.

וועם מאנכע מענשען זאלען נים האלטען פון לעיד דושארדוש'עס ראלע אין דער צייט פון דעם וועלט־קריעג אין באזוג נאך איהם; וועם וויער כאצהונג זאל נים זיין צו זיין באזויזונג אין דער אימפארטיגונג פון דעם וועלטאויהער מראקטאם — קיינער קען נים לייקענען, אז דאָ. אין אנדער לאנד. האם לעיד דושארדוש סים זייער עפענטליכע ארטיפעהרטע מענען נעדיענט א נאכאלער זאך, נעאדעבים סאר דעם נרויסען אידעאל פון פרידען.

לעיד דושארדוש'עס סאנאם־כאוזוך איז נקיוון ווידהיג כיי נאר. אין דעך היינענער צייט ווען די פאליטיקער פון אלע לענדער ווענען פארוויכ־טיגג סים ווידעדע דייד, ווען די תורה פון כאכט נעגען כאכט האם ווידער אימפאהרטיגען דעם קאם, האם ער סים כוים אין די דרייסקייט, אפענהאר אין אכאם, ווי ער האם אין די פארנאנגענע יאהרען אין די פראקטישע פאליטיק פון דער וועלט, אזוי אויך אין דער ליטעראטור. די נעשיכטע פון דעם נרויסען קריעג, וועלכער האם נעקאסט אזוי פיל מענשען־לעבענ, איז נאר איין פון די וועניגע ביכער, וועלכע האבען נעהאלפען צו פארשטיין דעם נאנצען אומפאנג פון דעם נרויסען פראצעס, וועלכער האם נענומען פלאץ אין דער נאנצער וועלט־נעשיכטע.

אין דעם ביכ פון לעיד דושארדוש, "דער קומענדיגער קריעג", וועלכער איז ערשיינען אין יאהר 1915, האבען מיר א קלאר בילד פון דער פאליטיק פון דער צייט פאר דעם קריעג, ווי אויך פון דעם קריעג אליין. דער פארפאסער האם נים נעהאט קיין אנדערע כוונה, אלס צו ווייזען, אז דער קריעג איז נים נעקומען פון אוהנגעפער, נאר איז נעווען דאס רעזולטאט פון דער פאליטיק פון דער צייט פאר דעם קריעג. ער האם נים נעהאט קיין כוונה, צו ווייזען, אז דער קריעג איז נים נעווען נוט אדער שלעכט, נאר ער האם נעוואלט ווייזען, אז דער קריעג איז נעווען אן אומפארמיטלטער רעזולטאט פון דער פאליטיק פון דער צייט פאר דעם קריעג.

דער פארפאסער האם נים נעהאט קיין כוונה, צו ווייזען, אז דער קריעג איז נעווען נוט אדער שלעכט, נאר ער האם נעוואלט ווייזען, אז דער קריעג איז נעווען אן אומפארמיטלטער רעזולטאט פון דער פאליטיק פון דער צייט פאר דעם קריעג. ער האם נים נעהאט קיין כוונה, צו ווייזען, אז דער קריעג איז נעווען נוט אדער שלעכט, נאר ער האם נעוואלט ווייזען, אז דער קריעג איז נעווען אן אומפארמיטלטער רעזולטאט פון דער פאליטיק פון דער צייט פאר דעם קריעג.

שטאטסמאן און קינסטלער

פון א. נ. אזגין

די „וועמפס"...

מארקסיזם און „סאציאל־גולמיזם" אין רוסלאנד

קארעספאנדענץ פון אייראפא — פון דר. חיים זשיטלאווסקי

עמא גאלדמאן'ס בוך

„סיינע צוויי יאהר אין רוסלאנד"

ווערט צוגעשיקט זיין נעזונדהייט אין אידיש. אין „טאג". אין ווערט זיכער נעלעזען מיט נרויסען אינטערעס פון אלע דעמאקראטען. דער אינהאלט פון דעם ביכ ווערט אויסגעפונען אין דער ערשטער אויסנאבע פון „טאג".

סיטואציע — אין „טאג"

9000920002

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland / Emma Goldman. – 28 cm ; pp. 3,8. *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 4, 1923, advertisement).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ש. ראזענפעלד אנגעקומען

קלעניקעם סטראשען גאווערנאר וואל-טאן פון אקלאהאמא מיט טויט

שיף-נייעס

דיענען מיר זשענינז, א. מר. גאלאגער? ניין, מיר ליגען אין דער אדמה, מר. שיען

ר'יכטער אראן דושי. ליווי ענדיגט הינט זיין קאמפיין

3 מענער נעפונגען טויט אין א סערקישע באד

דאם וועטער

קאנזול'ס אלמנה וועט חייראטען א רייכען שאטלענדער

עלטערע אידישע פרוי פארשוואונדען

900926000

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland / Emma Goldman. – 27 cm ; pp. 1,3. *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 5, 1923, advertisement).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

The Day

דער טאג

"דער טאג" ביינעם ליבט

BORRIS WEINBERG, President
BERNARD FALEY, Treasurer
Office: 185 E. B'way. Tel. Orchard 7160

Vol. VIII. No. 2260 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK MONDAY. NOVEMBER 5, 1923, כאנטאג, ל"ו חשון תרפ"ד. 1923 מאנטאג, 5טן נאוועמבער PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: — THE REFUGEES IN CONSTANTINOPLE; THE KLAN IN UTAH; ENGLAND AND FREE TRADE.

STATELESS

The problem of the Jewish refugees of Europe erupts from time to time under different phases and it is not until all these phases are studied that we shall understand the problem in its entirety. Today it is the question of shelter and food; the next day it is the question of the right of domicile; the day after it is the question of national status.

From Constantinople comes a report that Jews who have taken refuge in that city out of the chaos of Russia must either assume Soviet nationality or else leave. At the present time they have not the status of Soviet Citizens. Most of them left Russia while it was either a monarchy or a constitutional republic, so called, under Kerensky. They have no papers issued by the Soviet government, hence they are persons without a state. And conditions in Europe are such that a man must produce papers in evidence of the fact that he was born. His human status is not recognized otherwise. But the problem of getting these papers places the Jews between Scylla and Charybdis. If they are without papers they do not exist; no one will recognize their corporeal reality. If they have papers as Soviet citizens they take it with that they had remained unrecognized. Soviet papers are notexactly the kind that open doors for a wanderer.

So it has come to pass that thousands upon thousands of Jews have, on paper, been wiped out of existence. No country owns them. They have no recognizable position in the world. No government will give them a passport, no government is able to give them a visa — for a passport is the prerequisite for a visa. It is the document on which the visa is put.

What is going to happen to these refugees? Whither will they ultimately go? Where will they finally settle, and how will these finally erase the status of which, through no fault of their own, they have been de-

THE KLAN SPREADS

The Klan [illegible] the Mormon [illegible] that it has [illegible] Utah with [illegible] Catholic [illegible] and Negro [illegible] until now.

This is the first [illegible] it seems to have been received with [illegible] and [illegible]. And the climax [illegible] that State may yet [illegible] be sure that this did not start the fight from the beginning. There may yet come a time when Utah will be attracted the attention of America and of the world through such incidents as brought Oklahoma and other states into unenviable prominence. Lynch-laws, threat-laws, the rule of the mob, the struggle to be ween government and mob brutality.

For all rumors to the contrary, the Klan does not yet seem to have reached the zenith of its career. Other states will yet be attacked, new institutions, like the universities, will yet be at tempted, before the tide is turned. And every state that permits the entry of this organization without a struggle defers the day when America will be able to declare itself free of this hideous pest.

BALDWINS NEW POLICY

Political England has been startled by the announcement, recently made by the Premier, that the party in power, the Conservative, is to return to its old policy of protection, or the closed door to foreign manufactured articles — the British replica of the American Fordney-McCumber Tariff law.

Without arguing here the merits and demerits of this law it can only be said that the time chosen is most inopportune. When the efforts of all serious men are being bent toward a mitigation of the frictions which distract Europe and the world the erection of a tariff barrier between England, the famous home of Free Trade, and the rest of the world, is not conducive to the success of those efforts which are being made to bring nations together in understanding. It is a home policy which militates against the foreign policy even of the party in power in England.

4000 אימיגראַנטען איבער קוואָטאַ אַריינגעלאָזען

מעקדעניעל אוו. לייבער חתונה טוט, דערווייל

ספעציעלער טעקס אויף אידישע פיעסען

ווין, (אינא) נאוו. 5. — סען וועלס, עסטרייך, קומט די נייעס, אז די באַהערדע פון עסטרייכישע אַרבעט האָט באַשלאָסען, אַז אין אַלע אידישע טעאַטערס אין וויען מוז מען באַצאָלן אַ ספעציעלע טעקס פון 10 פראָצענט פון דער אייגענטלעכער אויפנאַמע. דאָס איז אַ ספעציעלער טעקס, וואָס איז נישט אויפגעלייגט אויף אַנדערע טעאַטערס אין וויען. דער טעקס וועט אויפגעלייגט ווערן אויף אַלע אידישע פיעסען, וואָס וועלן אויפגעפירט ווערן אין וויען.

9 טויט פון גאַז אין ברוקלין

יונגע מיידל פֿאַרהאַלט כּריף פון יינגען מאַן אין באַנעמט וועלכסטאַרד

סיילעסמאַן פּאַלם א טויט מער אין מאַכווי

עמא גאָלדמאַנ׳ס בוך „מיינע צוויי יאָר אין רוסלאַנד"

יעדע צערעמש זיין בעדרוקט אין אידיש, אין „טאג". אין דעם וויכער נעלעזען ווערען מיר דעם טיעפסטן אינערלעך פון אלע דעקלעראַציעס, דיא פאַרעדעט, וואָס עמא גאָלדמאַן האָט נעשריבען, ווערט קלאָר אין.

שיף-נייעס

נעקסטן זונטאג וועלען אָפּגעהאַלטן ווערן פֿאלגענדע שיף-קאָנצערטן: אין ליטוואניע — אין ווייטשעל.

פּאַרטיי־נייעס

פּאַרטיי־נייעס

פּאַרטיי־נייעס

900926000

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland / Emma Goldman. – 27 cm ; pp. 1,3. *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 5, 1923, advertisement).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

עמא גאלדמאן מיט יאהרען פריהער אין אויגט

וואס עממא גאלדמאן האט געזעהן געהערט און איבערגעלעבט אין 2 יאהר ציים אין סאוויעט-רוסלאנד

א העכסט אינטערעסאנטער, ואגאר שפאנענדער מעמשליבער דאקומענט איז דער נאך-ניט פארשפרייטער בוך פון דער בא־ רימטער אידישער רעוואלוציאנערקע, וואס האט במעט איהר נאנצען לעבען פארברַאכט אין אמעריקע, פון וואנען ו׳ איז דעפאר־ טירט נעווארען נאך רוסלאנד צוליב איהר שטענדינער פראפאנאנדע פאר פרייהייט און פאר אן אידעאלער אדנונג.

דער בוך אין אידיש וועט זיך אנפאנגען דרוקען מיטוואך אין „טאג"

„פופצעהן חדשים לאנג האט מיך געגומען, ביז איך בין געקומען צו זיך אין רוסלאנד", שרייבט עממא גאלדמאן אין איהר פארוואָרט. „ער־ דער טאג, יעדע וואך, יעדער חודש האט אויסגעשמירט ניע רינגלער אין הער פאטאלער קייט, וואס האט ארונטערגעריסען מיין צויבער־שלאף". — וואס אט די רינגלער זיינען געווען, וויַ זיי האבען געווירקט אויף עממא גאלדמאן — דאס ווערט אין דעם בוך געשיל־ דערט מיסטערהאפט, און די לעזער ווערען זיך באקענען מיט אלין, וואס איז אין רוסלאנד פארגעקומען אונטער דעם באלשעוויסטי־ שען רעזשים אויף אזא אינטימען אופן, וויַ זיי האבען נאך־נאר קיינמאל ניט געהאט די גלעגענהייט.

ניט נאר מאסקווע, נאר אויך פעטראגראד, כארקאוו, אדעס, קיעוו און אנדערע וויכטיגע אידישע צענטרען האט עממא גאלדמאן באזוכט

זי האט אלין געזעהן, מיט אלעמען געראטן, גריסע ווי קליינע מענשען, און ווי האט אויך פאר דער סאוועטעודרעגירונג א צייט גע־ דויים און ווי האט זיך יעדע מיה גענעבען צו דינגען־דער דשואלוציע. אבער מיט צעקראפטע האפנונגען האט ווי ענדליך פון רוסלאנד זיך ארויסגעדרעהט, און אלע איהרע געפיהלען, געדאנקען אוו אידעען קענט איהר לעזען אין דעם בוך, וואס פאנגט זיך אן דרוקען

מיטוואך אין „טאג"

900926001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland / Emma Goldman. – 28 cm. *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 6, 1923, advertisement).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

עמא גאלדמאן — מיט יאהרען פריהער אין איצט

וואס עממא גאלדמאן האט געזעהן געהערט און איבערגעלעבט אין 2 יאהר ציים אין סאוויעט-רוסלאנד

א חעכסט אינטערעסאנטער, זנאר שפאנענדער מענשליכער דאקומענט איז דער נאך ניט פארעפענטליכטער בוך פון דער בא־רימטער אידישער רעוואלוציאנערקע, וואס האט כמעט איהר גאנצען לעבען פארברַאכט אין אמעריקע, פון וואנען זי איז דעפאר־טירט נעווארען נאך רוסלאנד צוליב איהר שטענדיגער פראפאגאנדע פאר פרייהייט און פאר אן אידעאלער אַרדנונג.

דער בוך אין אידיש וועט זיך אנפאנגען דרוקען מיטוואך אין „טאג"

„פופצעהן חדשים לאנג האט מיך געקומען, ביז איך בין געקומען צו זיך אין רוסלאנד", שרייבט עמא גאלדמאן אין איהר פארערעע. „יע־דער טאג, יעדע וואך, יעדער חודש האט אויסגעשמידט נייע רינגלעך אין דער פאטאלער קייט. וואס האט ארונטערגעריסען מיין צוויבער־שלאם". — וואס אז די רינגלעך זיינען געווען, ווי זיי־האבען געווירקט אויף עמא גאלדמאן — דאס וועלט אין דעם בוך געשיל־דערט מיסטערהאפט, און די לעזער וועלען זיך באקענען מיט אלין, וואס אין אין רוסלאנד פארגעקומען אונטער דעם באלשעוויסטי־שען דעזשים. אויף אזא אינטימען אופן, ווי זיי האבען נאר גאר קיינמאל ניט געהאט די געלעגענהייט.

ניט נאר מאסקווע, נאר אויך פעטראגראד, באַרקאוו, אדעס, קיעוו און אנדערע וויכטיגע אידישע צענטרען האט עממא גאלדמאן באזוכט

זי האט אלץ געזעהן, מיט אלעמען געדעדט, גרויסע ווי קלייגע מענשען, און זי האט אויך פאר דער סאוועטן־רעגירונג א צייט געאר־בייט און זי האט זיך יעדע מיה געגעבען צו דינען דער רעוואלוציע. אבער מיט צעקלאפטע האפנungען האט זי ענדליך פון רוסלאנד זיך ארויסגעדרעדט, און אלע איהרע געפיהלען, געדאנקען און אידעען קענט איהר לעזען אין דעם בוך, וואס פאסט זיך אן דרוקען

מיטואך אין „טאג"

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"דער טאג" ברענגט ליכט

דער טאג The Day

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

MORRIS WEINBERG, President
REUBEN FALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard [illegible]

Vol. VIII. No. 2262 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, NOVEMBER 7, 1923. כ"ח חשון תרפ"ד מיטוואך, 7טן נאוועמבער, 1923 PRICE THREE CENTS

פאנגט הינט אן לעזען עמא גאלדמאנ'ס „מיינע צוויי יאהר אין רוסלאנד"

דעמאקראטען ערוועהלען זייערע קאנדידאטען פאר מופרים קאורט ריכטער צווישן צען איינם

א. דזש. ליווי קריגט גרעסטע צאל שטימען

אורווינג לעהמאן ערוועלט ריכטער פון קאורט אוו אפילס. — דעמאקראטען זיגען אויך אין וואהלען פאר אלדערמען. — פארלירען אפ-סטייט.—סטייט אסעמבלי בלייבט רעפובליקאניש מיט א נייעם געווינם פון 7 פלעצער.

חוץ אין אלדערמאן קיין סאציאליסט ערוועהלט

אורווינג לעהמאן

א. דזש. ליווי

פאגראם אין בערלין האלט נאך אן

ייִדישע קראמען, סינאג אידישע אינסטיטוציעס. — אידישער שוחר פון נו יארק, אמעריקאנער בירגער, געשיינגעם. — דוקטאמאנ'ס פאלש אין בייזיגן פאלש. — זואשינגטאן האפט נאך אויב גומען עמפעהר פון פאשקאוויטש. — בעלגיען לויקענם סכסוך מיט סראנקרייך.

רוזאוועלט פראנקלאיער

וויטהעד וילסאן

פארשוואנדענער מאן ארעסטירט אין מאסאטשוסעטס; דערצעהלט זיין צוזאמענשטויס מיט דעם ריכטן אינושינער

סך הכל פון די וואהלען פאר וויכטיגע אמטען

ריכטער פון קאורט אוו אפיעלס:
אורווינג לעהמאן (דעמאקראט אינספיר אינספיר פון בירוק פארטיען).

סופרים קאורט ריכטער:
ג'יימס ן בייזור (דעמאקראט פון דעם 1ט דיסטריקט.)
ע. רוש. נאוועגאן (דעמאקראט פון דעם 2טן דיסטריקט.)
אין מאלבעגעדע דעמאקראטישע קאנדידאטען:
דיסטאנט:
ריכטער א. העסטינג.
רושארטסוייס ס. קאהאנ'ן.
רושאזעוויס פראנסווארט.
מאלוואסטער א. מאסיליא.
מישארלס ר. האכאהיו.
פינעקס איננראהעם.
עדוואהרד רוש, נלענוא.
פארען רוש, ליווי.
קאנגרעסלייט נוסטר ריסטריקס:
עיניג ס. פראל (דעמאקראט).
סטעיט ריסטריקס:
רושען רוש, סענעטאר (דעמאקראט)
אסטער ריסטריקס:
בענדשאסטן ל. סעירשיילד, (דעמ-וויכטיגער)

ריטשארד דיעסער, וועלכער היט אין אויכערשטעל וויינט נעפאנגן צוויי ערנסע אויקצעגעהאנען.

סון יאהן צו — דערצעהלט וויטנעי דיעסער — האם ליטשעט אויהם די נאנצע צייט פארשאלטן, פארערגערט די 2. בריוף, וועלכע ער, דיעסער, האם בי זיך נים נעהאבט. דיעסער האט אהנה נעכטראכטעט מיט פארטיזאן אסטי

צוזאמענשטויס די צערסטערונג שפילאר אין וויי ערנסע אויקצעגעהאנען.

סון יאהן צו — דערצעהלט וויטנעי דיעסער — האם ליטשעט אויהם די נאנצע צייט פארשאלטן, פארערגערט די 2. בריוף, וועלכע ער, דיעסער, האם בי זיך נים נעהאבט. דיעסער האט אהנה נעכטראכטעט מיט פארטיזאן אסטי

ברוקלין אין עריוועלט נעוואהלען ערר נאנצער רעפובליקאניסישער קאנדי דאטען. כלומר אין סופים האבען די דעמא קראטען זיגען. די סטיים אפשפעלי וועט וויטער זיין רעפובליקאניש נאר מיט נאר א נדפעדערער מאיאריטעם.

די צייטן קרוועהלטע סופרים קאורט ריכטער שליסען אין זיך אין צוויי ריכטער וואס האבען נעהאם די אונטערשטיצונג פון בירק פארטייען. די אנדערע אבר זענען אלע דעמאקראטען.

די נדפעטע צאהל שטימען פון אלע סופרים קאורט ריכטער האם נעצויגען אהרן דזשוי. ליווי. נאך אירם קומם מיט א נדוייסער צאהל שטימען רושערטיעה ס. מאהאני.

צוויישען די דורכנעפאלענע רעפובליקאנער קאנדידאטען איז ריכטער נומאאי הערסכאוי. ער האם נעקרענען די נדפעטע צאהל שטימען פון אלע רעפובליקאנער נאמרעג אבער די דאזיגע צאהל אין כלומ נעווינן א העלפט פון די שטימען וואס עם האם נעצויגען ריכטער אהרן דזשוי. ליווי.

אין כרוקלין האבען די דעמאקראטען ערוועהלט ריסטריקס אטורני מישארלס דזשוי. דאה, קאונטי קלוידק וויליאם אי. קעלי, און דעדזיכטער דזשיימס א. מעאהר. פארקיקאטישענער דזשאהן נ. האנראן איז שרוועלט נעווארטעט שווער

וולאדימיר גראסמאן אנגעקומען

706

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

מיינע צוויי יאָהר אין סאָוועט רוסלאַנד

פון
עמא גאָלדמאַן

די איבערלעבונגען פון דער באַרימטער אַמעריקאַנער רעוואָלוציאָנערקע אונטער דער באָלשעוויסטישער דיקטאַטור

דער „טאג" פאָנגט אָן הײַנט דרוקען דעם בוך פון עמא גאָלדמאַן, אין וועלכען זי ערקלערט פאַר־וואָס זי איז אַרויסגעטראָטען געגען דער סאָוועטן קאָמוניסטישער רעגירונג. רעדאַקציע קומענדיגן שבת אין „טאג".

עמא גאָלדמאַן וויי זי האָט אויסגעזען פֿיס יאָרען צוריק אין אַמעריקא.

אַ ווארט פֿאַרויס

איך בין נישט קיין באָלשעוויק, נאָר אויך נישט קיין אַנטי־באָלשעוויק. איך בין נישט קיין סאָציאַליסט, נאָר אויך נישט קיין אַנטי־סאָציאַליסט. איך בין נישט קיין אַנאַרכיסט, נאָר אויך נישט קיין אַנטי־אַנאַרכיסט. איך בין נישט קיין קאָמוניסט, נאָר אויך נישט קיין אַנטי־קאָמוניסט.

איך בין אַ מענטש, וואָס האָט זיך אַלע יאָרען אָנגעהאַלטן צו דער אידעע, אַז דער מענטש איז אַ פֿרײַער מענטש, אַז ער דאַרף האָבן פֿרײַהײַט צו רעדן, צו טראַכטן, צו גלויבן, צו פֿאָרמירן זײַנע מיינונגען, צו אָרגאַניזירן זיך מיט אַנדערע מענטשן, צו אַרבעטן פֿאַר זײַנע אידעאַלן, אַבי זיי זאָלן נישט שאַטן אַנדערע מענטשן.

איך בין אַ מענטש, וואָס האָט זיך אַלע יאָרען אָנגעהאַלטן צו דער אידעע, אַז דער מענטש איז אַ פֿרײַער מענטש, אַז ער דאַרף האָבן פֿרײַהײַט צו רעדן, צו טראַכטן, צו גלויבן, צו פֿאָרמירן זײַנע מיינונגען, צו אָרגאַניזירן זיך מיט אַנדערע מענטשן, צו אַרבעטן פֿאַר זײַנע אידעאַלן, אַבי זיי זאָלן נישט שאַטן אַנדערע מענטשן.

איך בין אַ מענטש, וואָס האָט זיך אַלע יאָרען אָנגעהאַלטן צו דער אידעע, אַז דער מענטש איז אַ פֿרײַער מענטש, אַז ער דאַרף האָבן פֿרײַהײַט צו רעדן, צו טראַכטן, צו גלויבן, צו פֿאָרמירן זײַנע מיינונגען, צו אָרגאַניזירן זיך מיט אַנדערע מענטשן, צו אַרבעטן פֿאַר זײַנע אידעאַלן, אַבי זיי זאָלן נישט שאַטן אַנדערע מענטשן.

אומאַנאַבהענגיק אין סאָוועט רוסלאַנד

נעוויסע מענטשן האָבען געמאַכט צו מיר אַזעלכע מיינונגען וועגן מײַן אויפֿנעמען אין סאָוועט רוסלאַנד, אַז איך בין אַ באָלשעוויק. וויי איסטעלאַנד איז מיר באָלשעוויק. וויי איסטעלאַנד איז מיר נישט קיין באָלשעוויק, נאָר אויך נישט קיין אַנטי־באָלשעוויק. איך בין נישט קיין סאָציאַליסט, נאָר אויך נישט קיין אַנטי־סאָציאַליסט. איך בין נישט קיין אַנאַרכיסט, נאָר אויך נישט קיין אַנטי־אַנאַרכיסט. איך בין נישט קיין קאָמוניסט, נאָר אויך נישט קיין אַנטי־קאָמוניסט.

איך בין אַ מענטש, וואָס האָט זיך אַלע יאָרען אָנגעהאַלטן צו דער אידעע, אַז דער מענטש איז אַ פֿרײַער מענטש, אַז ער דאַרף האָבן פֿרײַהײַט צו רעדן, צו טראַכטן, צו גלויבן, צו פֿאָרמירן זײַנע מיינונגען, צו אָרגאַניזירן זיך מיט אַנדערע מענטשן, צו אַרבעטן פֿאַר זײַנע אידעאַלן, אַבי זיי זאָלן נישט שאַטן אַנדערע מענטשן.

איך בין אַ מענטש, וואָס האָט זיך אַלע יאָרען אָנגעהאַלטן צו דער אידעע, אַז דער מענטש איז אַ פֿרײַער מענטש, אַז ער דאַרף האָבן פֿרײַהײַט צו רעדן, צו טראַכטן, צו גלויבן, צו פֿאָרמירן זײַנע מיינונגען, צו אָרגאַניזירן זיך מיט אַנדערע מענטשן, צו אַרבעטן פֿאַר זײַנע אידעאַלן, אַבי זיי זאָלן נישט שאַטן אַנדערע מענטשן.

די רייזע רײַנצוואָשען דעם באָלשעוויזם

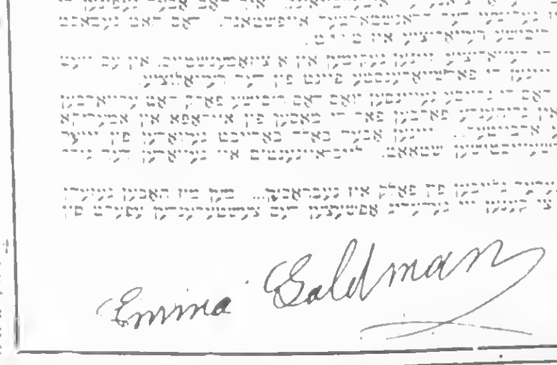
זײַן נאָוועמבער, 1917, ביז סעפּטעמבער, 1918, וואָס איך בין נעווען אַרעסטירט אין קיל, צוליב מײַן באַציהונג צו דער כלחמה, האָב איך כאַראַקטעריזירט אַלצדינג, וואָס האָט זיך פֿאָרגעקומען אין רוסלאַנד, אַלס אַ רעוואָלוציע. איך האָב אַריינגענומען אַ פּאָזיציע, אַז אַלע, וואָס רעדן אָדער שרײַבן קעגן דער באָלשעוויסטישער רעגירונג, זענען קאָנטער־רעוואָלוציאָנערן, וואָס זענען אַרבעטן פֿאַר דער קאָנטער־רעוואָלוציע, אָדער זענען אַגענטן פֿון דער אויסלענדישער בורזשוי.

איך האָב אַזוי געטאָן, ווײַל איך האָב נישט געוווסט, אַז עס זענען פֿאָרגעקומען אַזעלכע זאַכן, וואָס זענען אַזוי אומגלאַובלעך. איך האָב נישט געוווסט, אַז עס זענען פֿאָרגעקומען פּאָגראָמען אויף יידן, אַז עס זענען פֿאָרגעקומען מאַסן־מאָרדן אויף אַריסטאָקראַטן, אַז עס זענען פֿאָרגעקומען גוואַלדן אויף פֿרויען, אַז עס זענען פֿאָרגעקומען אַנדערע גרויזאַמקייטן, וואָס זענען אַזוי אומגלאַובלעך, אַז מען קען זיי נישט גלויבן, ווען מען האָט נישט אַליין דערזען דעם אַלעמען.

איך האָב נישט געוווסט, אַז עס איז פֿאָרגעקומען אַ פֿאַרשוואָרונג פֿון דער רעוואָלוציע קעגן דער רעוואָלוציע, אַז עס איז פֿאָרגעקומען אַ פֿאַרשוואָרונג פֿון דער רעוואָלוציע קעגן דער רעוואָלוציע, אַז עס איז פֿאָרגעקומען אַ פֿאַרשוואָרונג פֿון דער רעוואָלוציע קעגן דער רעוואָלוציע.

איך האָב נישט געוווסט, אַז עס איז פֿאָרגעקומען אַ פֿאַרשוואָרונג פֿון דער רעוואָלוציע קעגן דער רעוואָלוציע, אַז עס איז פֿאָרגעקומען אַ פֿאַרשוואָרונג פֿון דער רעוואָלוציע קעגן דער רעוואָלוציע, אַז עס איז פֿאָרגעקומען אַ פֿאַרשוואָרונג פֿון דער רעוואָלוציע קעגן דער רעוואָלוציע.

די ייבערגעבונג פֿון דער פֿאַרעדע צו עמא גאָלדמאַנס בעד

Emma Goldman

ניט קלאָהרע פענסטער

די מדרי אויף דער בינטע

מאַראַ ב. סמיטה

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

SHATTERING THE LAST HOPE

DISASTER ON DISASTER IN GERMANY. PLAYING INTO THE HANDS OF JOINGARE. THE CLEAR ISSUE

עממא גאלדמאנ׳ס ברוך הבא אין סאוועט רוסלאנד—הויפט אין „טאג"

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

BORIS WEINBERG, President
HERMAN PALEY, Treasurer

Vol. VIII. No 3265 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, NOVEMBER 10, 1923. PRICE THREE CENTS

מאנארכיסטישער רעוואלט אין בייערן צעקלאפט היטלער און גענעראל לודענדארף ארעסטירט

גענעראל לודענדארף

הער היטלער

צוויי מיליאן און דרייי מענער וועלען מאכען א האלד אפ אהן רעוואלווערען, אבער עס גלינגט ניט

500 אימיגראנטען אין ארץ ישראל אין אפמאכער

רוסישע אימיגראנטען וועלען דאך באפרייט ווערען

דאס שיקזאל פון די בייערישע אידען אומבאיאכט אין בערלין

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

מיינע צוויי יאָר אין סאָוועט רוסלאַנד

עמא גאלדמאן

דער „טאג" דרוקט הײַנט דעם צווייטן אַרטיקל פֿון מיס גאָלדמאַנס בוך „מײַנע צוויי יאָר אין רוסלאַנד" דער דיסקוסיע וועגן וועלכע איז ניטאָ קײן סוף

אלעקסאנדער בערקמאן

די וויכטיגסטע אײַנציקע פֿון דעם הינטערגרונט קאַפּיטעל

אין דיין גאנצן לעבן איז דער אַרטיקל, וואָס פֿון דיר איז אַזוי פֿיל גערעדט געוואָרן, דער שטאַרקסטער אַטאַקע קעגן דיר. ... ווען די ווייסע רעגירונג רוסלאַנדס האָט דיך אַרויסגעשיקט, האָסטו אַנגעהויבן אַ קאַמפּאַניע קעגן דער סאָוועט־רעגירונג, וואָס האָט דיך אַרויסגעשיקט. דער גרעסטער יידישער יאָמער פֿון אַלע צײַטן. ... מײַנע פֿרײַנט אין אַמעריקע האָבן געמאַכט אומבאַגרענעצטע פֿאַר מיר. ...

עקזיסטירט כאָ איך רוסלאַנד ווי רוסלאַנד אין אַלע אַנדערע לענדער אײַנגעשלאָסן געוואָרן. איך האָב נעקראָנען די מעלליכקײַט צו זען ... דאָס לאַנד, וואָס האָט זיך באַפֿרײַט פֿון פּאָליטישע אונטערדריקונג ... דעם היסטארישן ארבײַטער, דעם פֿאָלקס־נשמה שטאַמענדיק הערשט אין רוסלאַנד אַ פֿאַקטיש פֿון דער רעגירונג, וואָס איז באַזיצער פֿון דער פֿאַבריק, דער פֿאַרמע, דער באַנק, דער גרופּע,

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג

The Way

"דער טאג" ביינגם ליכט

BORRIS WEINBERG, President
BERNARD FALEY, Treasurer
Office: 185 E. B'way. Tel. Orchard

Vol. VIII. No. 3267 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

NEW YORK MONDAY, NOVEMBER 12, 1923. כאנקאנ, ד' כסלו, תרפ"ד. מאנטאג, 12טן נאוועמבער, 1923. PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: — COUNT APPONYI ON HUNGARY; THE "FLYING SOVIET"; $60,000,000.

HUNGARY'S GUILT

The punishment which has been meted out to Hungary is out of all proportion to her guilt." This was the theme of the address which Count Albert Apponyi, former leader of the Hungarian House of Representatives, and a leading Hungarian publicist, delivered in the Town Hall a few days ago. Count Apponyi naturally referred to Hungary's share of the blame of bringing about the world war. He did not refer at all to the guilt of Hungary in certain incidents which have taken place since the war.

He did not mean the guilt of Hungary in the wave of anti-Semitism which has passed over that country, the guilt of Hungary in looking on calmly while the party of John Combos reduced the status of the Jew in that country to what it was in the middle ages. Of this Count Apponyi said nothing; naturally — he was here to do the best he could for Hungary, and he did it.

Hungary's share in the war was no greater and no less than that of many another state which has fared much better than she. But her after-war record has done little toward enlisting the sympathy of the world's liberals in her favor. Had Hungary had the will to rehabilitate herself morally, had she gone the path of Czecho-Slovakia, she would have found a host of friends in all parts of the world. But when report after report from that country speaks of the repression of free speech, of the persecution of the Jews, of murder and riot, there is little disposition on the part of the world to reconsider even the old cases. Hungary has suffered in the war; she suffered after the war; but while she vents her rage on a helpless and innocent part of her population and gives herself over to a riot of anti-Semitism she cannot expect much sympathy.

SOVIETS AND BOLSHEVISM.

A rumor which recently appeared in the English press that a Bolshevik Soviet had been founded in London among the unfortunate Jewish immigrants who have been turned back from the gates of America by the filling of the Russian quota, are now denied categorically by the Executive of the Jewish World Relief Organization.

היטלער ארגאניזירט ווידער פאשיסטען געגען ביידען

מען־האט שוין ווידער ענטדעקט די עשרת השבטים

דער קאמיסאן פרעזיק הארליו, דער אמעריקאנער מון אוסטראליע, וואס איז אנגעקומען קיין ניו יארק, האט נעכטן אין באקאט אהער די נוסע פשוטה, אז סוף־כלסוף זיינען די עשרה השבטים נעפונען געווארען.

ער איז נים זיכער, צי דאס זיינען אלע צען אידישע אמעריקאנער שבטים, אבער א טייל פון די שבטים, זאגט ער, זיינען זיי יא.

אזן נעפונען האט ער זי דאנק זיי ניט גוטיגע, אזן ער רוזעם זיי „באס־שריפען". „זייער זיי האבען א מכא צו שמיטונגען צושטיגן מאנ אזן ני טאל דאבען. דער מאנ, מעהדסטען מאשיס־פען, זיינען ארויס אין גרויסער צאל אין פען, נים קוקענדיג אויף דער מארגד נונג, אז נאך 8 אזונטס מאר קען אין נאס נים זיין.

אויף א סיכסכיעזונעז אופן, זעגען אויסגעלעפט נעווארען אויבער־אנטער פלאצפטען פיט היטלער־אונטער שרים. אזן וועלכע עד איז מרדיע, אז ער קומט צוריק אזן אז זיינע, מאנאנ, פרוי מאר דער פרייז פון איז חויר, אזן צוויי־טעגם. זיינען דאדטען די מעגער פוסט־אן־מאכטנקעפט אין די וויינבער מרא־צעזולון אזן דער אופן שוואר.

די אויסבאדיגער באוואונדערען די קוקע פאראל, וואס הערשט כיי יענע וועלדע מענשען.

כעקרעפערי זז. מעלאן

מוטער און טאכטער קומען אין אין טאג צום ריכטער נאך נטז

הילטרויל, כיש., נאוו. 12. — מרס. פלור אין אהר מאכטער, מרס. מארנע 21 יאהר אלט, זיינען כיידע פעקומען כים אין מאל אין זעריכט אריין צוצר קלאגען דיעדע מענער אויף נט־טן.

די מאמע, מרס. פלוד, האט זיך מאר קלאגט מאר־ן ריכטער, אז אירה כאן אין אוועק פון אהר צו מאכטן א כילי־גן רואהר אין א בוסטענביזנעס. אבער נים פר קומט צוריק אין נים פר שיקט אירה עפעס פון דעם כילי־גן.

א ריכטער כיים אז אויפטפעם פון זיך נאכט פרס. נאדעם, הויב איים פיטמאפטיג צו דער מאמע.

די פיטער אין נעוויס נילילידער, אין דער ריכטער האט זי אפגעפ'ט דער מאכטער האט פר נהיטצט נאכמאל זיך פיטער.

8,000 מענשען קרבנות פון דראנ אין ניו יארק

דר. מאלמאן טיימאן, פון דער מצ־ליי־קאמיטיע, האט נעכטען כאריכ־טעט, אז אין ניו־יארק צעפינען זיך 8.000 מענטשען, וואס זיינען קרבנות פון מארניפטענדע דראנס.

בלויז צוויי פראצענט פון די מרכנות פוטען צאלען אין דעם שפארטישען מע־דיצינישען אנשטאלט. מאר רמס און הילף; 94 פראצענט פון די, וואס זיינען ארעפטירט נעווארען, אלס פארקויפער אזן נעבראוכער פון דראנס, זיינען נעפר־נען נעווארען פון נעריכט שולדיג.

מאר די לעצטע דריי יאהר האט פון ניו־יארק פארנאפט דראג־פארקויף 1,232 רויכערער פון אפיום אזן נע־נאל וויידושיעגט אכאקטשישע, אזן איצט נעהיילט אין ניו־יארק־פר אזן כרויבער פון אנדערע דרענס, וואס זיי איהם, אין אבער נים מארשרוכן אלס א פראפעסארשע. אזן זי וועדט נים מאר.

נאך 1100 אימיגראנטען קענען קומען פון פוילען

פון אלע איכערזיכ מוזה לעזדער איז די קיאפאצ מאר היי יאהר פול.— 900 רוסישע אימיגראנטען זין עלים איילאנד אראטען אויף כאפרויאנג.— אמעריקאנערין קען נים ארייגקומען אין לאנד, ווייל איהר קינד פון 7 יאהרען איז נים קיין כ'הער.

איסיציעלע באריכטען אויף עלים צייי לאנד צייגען, אז די קוואטעם פון כיצעק

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

SUNDAY, NOVEMBER 18, 1923

סונטאג, 18 נאוועמבער,

מיינע צוויי יאָהר אין סאָוועט רוסלאַנד

פֿון

עמא גאָלדמאַן

עמעסיטציג אין דעם „רעוואלוציאנערעד רוסלאנד". — פּראָבלעמען פון לעבעדיגע מענטשן. — פּערזענלעכקייטן דיקקע אריס ווייזע פּאָרשקלאָפּונג. — ערשטע כּשעפֿטיגע טעג ווען־ווינקל. — פּרייַז־ליסטע. — א בוך־סטאָר. — א בורזשואזער אפּאַרטמענט.

ער „טאג" רעדוקט היינט דעם רייזען קאַפּיטעל פון עמא גאָלדמאַנס בוך „מיינע צוויי יאָהר אין סאָוועט רוסלאַנד". — רער פּערטער קאַפּיטעל וועט ווין נעדרוקט קומענדען מיטוואך אין „טאג".

גאָלדמאַנס ערשטער איינדרוק פון דער כאָלשעוויסטישער פּעטראָגראַד

די פּעטערבורג פון 1920 איז כּמעט נישטאָ אין רואינען. עווי ווי א שטורעם וואָלט זיך איבער דעם אַרומיקן לאַנד. ד׳הייסער האָבען אויפֿגעוועקט ווי צעטראַבענע מצבות אויף א פֿאַרלאָזטער, פֿאַרנעלעטער שטאָט. רער לעבען אין פֿון זיי פֿאַרשוואַנדען. די שטוצי׳אָן פּוסט. רער לעבען אין פֿון זיי פֿאַרשוואַנדען. די כאַפּאַלקעדונג פֿון פּעטערבורג אין אַפּ רער פֿלאַמה נעווען א שרעקלעכער אָנבליק. אין 1920 איז עס אַראָפּגעאַנגען צו פֿינף הונדערט טויזענד. די פּאָפּולאַציע איז אַראָפּגעפֿאַלען פֿון פֿיר מיליאָן נפשות. אין 1920 איז עס אַראָפּגעאַנגען צו צוויי מיליאָן נפשות. רי לעבעדיגע זענען פֿאַרשוואַנדען. ד׳הייסער האָבען אויפֿגעהערט צו ברענגען ברענוואַרג. ד׳הייסער האָבען אויפֿגעהערט צו ברענגען עסנוואַרג. ד׳הייסער האָבען אויפֿגעהערט צו ברענגען וואַסער. ד׳הייסער האָבען אויפֿגעהערט צו ברענגען ליכט. ד׳הייסער האָבען אויפֿגעהערט צו ברענגען קראַפֿט. ד׳הייסער האָבען אויפֿגעהערט צו ברענגען לעבען.

ווען איך בין אין פּעטערבורג אין רער ערשטער וואָך פֿון מײַ, 1920, האָב איך אַ שרעק פֿון דעם אָרט. עס איז נישט נאָר אַ שרעק פֿון דעם אָרט. עס איז אויך אַ שרעק פֿון דעם וואָס עס איז אַ שרעק פֿון דעם אָרט. עס איז אַ שרעק פֿון דעם וואָס עס איז אַ שרעק פֿון דעם אָרט. עס איז אַ שרעק פֿון דעם וואָס עס איז אַ שרעק פֿון דעם אָרט.

עס איז נישט דורך ווערטער, וואָס איך רער ר׳וואָלט ווען איך וואָלט ווילן דערציילן וועגן דעם וואָס איך האָב געזען אין פּעטערבורג. עס איז נישט דורך ווערטער, וואָס איך וואָלט ווילן דערציילן וועגן דעם וואָס איך האָב געהערט אין פּעטערבורג. עס איז נישט דורך ווערטער, וואָס איך וואָלט ווילן דערציילן וועגן דעם וואָס איך האָב געפֿילט אין פּעטערבורג.

איך האָב נישט געקאָנט שלאָפֿן אין רער ערשטער נאַכט. איך בין אויפֿגעשטאַנען פֿון רער שלאָפֿבאַנק, איך בין אַרויסגעגאַנגען אויף רער גאַס, איך בין אַרומגעגאַנגען אין רער שטאָט, איך בין צוריקגעקומען אין רער הויז, איך בין ווידער אַרויסגעגאַנגען אויף רער גאַס, איך בין ווידער

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

The Day

דער טאג

"דער טאג" ברויגט ליכט

MORRIS WEINBERG, President
BERNARD FALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard

Vol. VIII. No. 2269 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, NOVEMBER 14, 1923. מיטוואך, ו' כסלו, תרפ"ה. 1923 מיטוואך, 14טן נאוועמבער PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: THE IMMIGRATION MUDDLE; AN UNMERITED COMPLIMENT; A GERMAN ASSURANCE.

TORTURING IMMIGRANTS

It is impossible at this moment to understand exactly what is happening with the more than three thousand immigrants who are awaiting in New York harbor the final decision on their fate. The New York World summarises as follows the events which have led up to the present tangle:

"A denial by Secretary of Labor Davis that he ever promised to admit these aliens on parole.

"A statement from Commissioner General Husband that all excess quota aliens would be deported, everything else to the contrary notwithstanding.

"The statement on the best authority that Secretary Davis revoked his parole order the day after it was given, but not before 500 aliens, 600 of whom were British, had been admitted under it."

Yesterday Congressman Nathan D. Perlman assured a representative of "The Day" that he was certain that all the aliens who had been covered by the parole order would be admitted.

The situation is one which is an outrage on the feeling of any intelligent humanitarian. Here are three thousand and more men, women and children, who are being played with, who are being kept on the rack with conflicting orders and rumors. For several days they have suffered extremes of hope and despair, as the whim or changing view of American officials ordered.

It was cruel enough that three thousand refugees should have been brought to this shore and then turned back. But that they should have received assurance that they would be admitted, and that they should again be informed that the order was a mistake, or a false interpretation of law, or that it was never given at all, is an intolerable state of affairs.

It is almost impossible to believe the indignation which inevitably forces itself upon our intelligence from the summary quoted -- that the order to admit the aliens remained in operation

ייִדישלאַנד גיט אַפּ רוהר און רהיין פאַרן שאַדענערזאַץ; פראַנקרייך זויל אַוועקנעמען האַמבורג און פראַנקפורט

די 6 יתומים, – זייער מוטער האָט ביי זיי 8 מעדלער שוועקנציטען, וואָס דער שיקואל פון זייער מאַמעס וועט זיין אויסגעפּוסט, דערוויייל איז חשדרי ערווילליך ארעסטירט.

וואַהלען אין ענגלאַנד

ענגלאַנד וועט אַנגעהען מיט'ן מאַנדאַט טראָץ די ארַאַבער

לאנדאן, נאוי. 14. — היינט איז דאָס פּאַרלאַמענט נעוואָרדן, אז דער פּאַלאַשאַ צוזאַם האָט נעמען שבת נעשיקט א קיר בעל צי סער הערבערט סעמיועלס. דעם אויבערמשפּטער פון פּאַלעסטינע, אין ירושלים ער איז אויסגעירדט נעוואָרדן צירקולירן דעם אנטאַם זיין אז אראַבער בישער אנגעמר.

"די אראַבער", זאָגט זיך אין קיוכע, "האָבען נעפּראָבירן דרויי, אנטאַמען פון ענגלישער רעגירונג, א נעוועלטיקער רעם האָט, אן אויסווייג "פּאָוס", אין אראַבישע אנגעמר, אבער די אראַבער האָבען אלע דריי אפּוואָרפּאָבען אין איצט ווערט די רעגירונג בעהר נים קיין מעגליכקייט צו ווידערהאַרבען מיט דער אידען קאָנפּראָנטירן איצט כּפּוס אלע מאַמאָנטן, מוזוויים אין אלע אנדערע אסיוומענטס. אין דעסטאָר ווייניג זיי נעמען די זוגטאַנגעוועצן, וואָס פּאַר אסער אין סוזוויים אום וזגמאַנ.

נוגע זען דער כאַלטונג דעקלאַראַציע, די נראָם זען דער נייַ־פּאַלעסטינער אראַבי־ שער נאַציאָנאַלער פּאַרטיי, דער פּראָ־ נראָם "פּאַרטאָנט זוכען פּוהסטען, די וויכ־ טיגסטע זען זיי וועלכע די נים־אַראַבער־ שישען פּאַרלאַמענט.

אידען פּראָטעסטירט פּאַר חלול־זונטאָג זאָגט גלח

אין א רייַזע, וואָס דעזוו. וו., רייַ־ וויס, מיט כאָטיכאָר, האָט נעכטען נע־ האַלטען כוי דער האַנוועזענהיט מון דער כאַנדרי עלייזיעס, האָט ער ערקלערט, או אידען קאָנסערוואַטיווען איצט כּפּוס אלע מאַמאָנטן, קוואַוויס אין אלע אנדערע אסיוומענטס. אין דעסטאָר ווייניג זיי נעמען די זוגטאַנגעוועצן, וואָס פּאַר אסער אין סוזוויים אום וזגמאַנ.

אידישע פרוי, אַ מאַמע פון 5 קינדער, ברוטאַל ערמאָרדעט אין איהר הויז אויף דילענסי סטריט

פּאָליציי ליטיג, אז אויב כאן איז דער מערדער. — קינדער(דערצעהלען אייגענע־להויזטע, וואָלבע פּאַרשטאַרקען דעם פּאַראַכט נעמען הערי "יאָס מיך פּאַפּאַרטען" — כּעס ויך דער כאן ביי דער פּאָליציי.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionnient in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דער טאג — 5 — 1923 ,14 נאוועמבער

מייַנע צוויי יאָר אין סאָוועט רוסלאַנד

עמא גאָלדמאַן

איבערלעבונגען פון „מאיאק" אין דר אימפעריאליסטישן וועלט. – באלשעוויסטישע אידעאלן אין דער פראקטיק. – די אידעאלען זיך נייטראל-מאכענדע יסודות. – מאקסים גאָרקי אין דער באלשעוויסטישער וועלט.

באלשעוויזירונגען נעראגקעט

איך האב אנגענומען, וואס איך האב באגעגנט. דאס רעזולטאט איז געווען, אז איך האב אויפגעהערט אפילו צו פרובירן אויפצוקלערן. איך האב נאר אנגעהויבן צו לערנען רוסיש, כדי קיינער זאל מיך נישט פארשטיין, וואס איז נאטירלעך אויך נישט נויטיק געווען. איך האב נישט געוואוסט, אז אין רוסלאנד זענען פאראן אזעלכע מענטשן, וואס זענען אויסגעלאכט פון אלע מענטשלעכע געפילן. אין דער ערשטער צייט פון מיין אויפנאמע אין רוסלאנד האב איך נישט פארשטאנען, וואס עס איז פאסירט אין מיין אומגעבונג. אלע מענטשן זענען אויסגעזען ווי פארשטערטע, ווי אויב זיי וואלטן אלע פון אן אמאל פארלוירן זייערע נאנטסטע פרינט. אין די ערשטע וואכן פון מיין אויפנאמע אין רוסלאנד האב איך נישט פארשטאנען, פארוואס אלע מענטשן זענען אזוי פארשטערט. איך האב

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

"דער טאג" ברייגנט ליכט

MORRIS WEINBERG, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard

Vol. VIII. No. 3272 — Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. — NEW YORK SATURDAY, NOVEMBER 17, 1923. — שבת, ט' כסלו, תרפ"ד. — 17טער נאוועמבער, 1923. — שבת, — PRICE THREE CENTS

WHY IS IT AMERICA'S BUSINESS?

THE THREATENED BREAK IN THE ENTENTE AND ITS SIGNIFICANCE; WHAT WE OF AMERICA MUST SEE TO.

Great Britain's Parliament is dissolving today. The last debate of the session will be a debate on the policy of the Government and on the reasons for the dissolution of the Parliament. And Stanley Baldwin will again tell the country and the world that unemployment in England is in large part the result of the French occupation—he said this two days ago—and perhaps the break with France will come officially and definitely.

The break is inevitable, and those who have watched with dismay the career of France on its pretended travels to recover reparations, will perhaps be inclined to rejoice: at last the word of England is heard clearly in protest against the utter crushing of Germany and the complete demoralization of Europe.

But the breaking of the Entente has a profound significance, and cannot be witnessed so lightly. With the Entente will go the last illusion that the World War had by constructive purpose behind it other than that of defeating German militarism. With the Entente goes the last illusion that out of this war a better order was to be created for mankind.

As things stood at the end of the war the majority of people had good reason to be glad that Germany had been defeated. A power which had threatened to overshadow with its physical might all the councils of Europe and of the world had been defeated. So much the world was to the good. But it was only a negative good. At the end of the war, some effort were not made to so arrange the world's strength that no such threat should again be levelled at the world's peace.

If yesterday we had to fight Germany because of her militarism; and if tomorrow we have to fight another country for the same reason; and if the day after tomorrow we must fight still another power; ... if after that we ourselves become the offender—then there is no sense whatsoever to the struggle. Better save the lives and submit. There is only sense in the struggle if, after some would-be ambitious power has been defeated, we see to it that the same trouble does not occur again.

Until recently we still nourished

יאר אבתר ווילסאן.

פראנקרייך פאראנטוואָרטלעך פאר די צרות פון ענגלאנד, וואָגט קעניג אין טראָן רעדע; ברוך צווישען בייד לענדער ערוואַרטעט

פּאַרלאַמענט אויפגעלויזט. — ענגלישער פּאַרטרעטער אין פּאַריז גיט אויבער פּוואַנקאַרע'ן, אַז ענגלאַנד איז געגען וויטערע באַשטראָפונגען פון דייטשלאַנד. — אַמעריקע וועט ארויסטרעטען געגען דער צעברעקלונג פון דייטשלאַנד. — נייער מאַרש אויף בערלין געפּלאַנט — פּאַן בילאוו קאַנדידאַט פּאַר דיקטאַטור.

לאנדאן, נאוועמבער 16. — קעניג דזשארדזש האט דא היינט אין א טראָן־רעדע, וועלכע ער האָט נעהאלטען בייס שליסען פון פּאַרלאַמענט, ארויסגעווארפען דעם רי שיכר פאר ענגלאַנד'ס ציוויל אויף דער פּראַנצויזישער דעזיבאַסטע.

דער קעניג האָט נעהאלטען זיין דע־ קלאַראַציע אויף דעם הינטערגרונט, אַז ענגלאַנד איז נישט בלויז נישט פאַר ווייטערדיגע שטראָפונגען פון דייטשלאַנד, נאָר אַז זי ווילט אַפילו אַרבעטן מיט דייטשלאַנד אויף דעם געביט פון פּראַנצויזישער אויסנאַוואָר־ טיגער פּאָליטיק.

דער קעניג האָט נעהאלטען זיין רע־ דע אַפּ־קעגן קיירזנער כעגנס. ניט קיין וויכטיגע נייע זאַכן זענען נעקומען הערגעז פון דער רעדע אין די מיטעטע פּאַרלאַמענט־ מיטגלידער האָבען זיך שוין נעהאַט צו פּאַראַנען צו נייערע דיפּלאָמאַטישע וואָגעס זיי הייבען אָן דעם וועלקליכען פּראָבלעם.

קעניג דזשארדזש האָט נעזאָגט, אַז אינ־ גלאַנד איז נאָך אַלץ דער זעלבער פּרינ־ ציפּ פון פּרעמיער באַלפאור, וועלכער האָט נעזאָגט, אַז ענגלאַנד וויל נישט זען קיין שוואַכע דייטשלאַנד, אָבער אויך נישט קיין שטאַרקע.

ווייטערהין האָט דער קעניג נעזאָגט, אַז ענגלאַנד וויל נישט זען קיין פּראַנ־ צויזישע הערשאַפט אויף קאָנטינענט, אָבער אויך נישט קיין דייטשע.

דער קעניג האָט נעזאָגט, אַז ענגלאַנד וויל נישט זען קיין פּראַנצויזישע הערשאַפט אויף קאָנטינענט, אָבער אויך נישט קיין דייטשע.

קערפּער פון אַ פּרוי געפונען אין פעלד

דירזשוואר, נ. דזש., נאוועמבער 16. א טייַער נעפונען אין קאַרטרייט מיט דעם טויט פון מיטל־אַלטער. וועמען קערפּער עס איז נעפונען נעווארען אין פעלד, ניט ווייט פון דעם אויטאָמאָביל־וועג.

נעפונען האָט בען דעם קערפּער אבי פּאָליציי. אַבער דערוואַקסענער קען נישט זאָגן ווער עס איז. ער האָט נעזאָגט, אַז ער קען נישט אויסמאַכען ווער עס איז.

קערפּער איז נעווען אָנגעטאָן אין אַ שוואַרצער קלייד, מיט אַ שוואַרצער שאַל אויף די פּלייצעס. אויף די פּיס האָט זי נעהאַט שוואַרצע שיך מיט הויכע העלצער. אויף דער לינקער האַנט האָט זי נעהאַט אַ גאָלדענעם רינג מיט אַ גרויסן שטיין.

משוגענער מאן דערהרגעט 3 מענער און א פרוי צוליעב א 15 יעהריגע מיידעל

קעלי־הער, מינעסאטא, נאוו. 16. — [ער איהם דערשאטען אין אלין אין ער־

פּרעזידענט קוליזש וועט נישט לאָזן דעם פּרעמיער פון מעקסיקא אַרויסגעבן דעם פּרעזידענט פון דעם לאַנד

וואשינגטאן, נאוועמבער 16. — פּרעזידענט קוליזש האָט הייַנט נעזאָגט, אַז ער וועט נישט לאָזן דעם פּרעמיער פון מעקסיקא, אַדאָלפּאָ דע לא הוערטא, אַרויסגעבן דעם פּרעזידענט פון מעקסיקא, אַלוואַראָ אָבריגאָן, וואָס איז אָנגעקלאָגט געוואָרן אויף אַ פּלאַן צו ווענדן אַ רעוואָלוציע אין מעקסיקא.

דער פּרעמיער דע לא הוערטא איז אַהער נעקומען אויף אַ באַזוכ, אָבער ווען ער האָט נעהערט וועגן דעם פּלאַן, האָט ער זיך נעאייליגט צוריק קיין מעקסיקא.

קאנאדא פלאנט הנחות פאר וואנדערער

אטאוא, נאוו. 16 (א. ט. א.) — דער אראַיישער מיניסטער פון אימיגראַציע האָט היינט נעקוים ווייסען, אז אין דער אינקוואַט וועט די קאַנאדישע רעגירונג אריינלאָזן וויאַנדערער פון אלע נאציאָנאַליטעטן, ווערטע, וועלכע זיינען אין קאַנאַדע אלס אַרבעטער.

די דאזיגע ערקלערונג האָט נעמאַכט דער מיניסטער דוש ה. האָג, נאָר א פאָר טעג פריהער האָט דער קאַנאַדישער פּרעמיער מיניסטער מיטשעל אין אטאוא אויסגעזאָגט, אַז אין קאַנאַדע וועלן נישט אַרייַנגעלאָזן ווערן קיין אימיגראַנטן פון אַזעלכע לענדער, וואָס האָבען נישט אַ דירעקטע שיפּ־ פּאָרט פון זייערע היימלענדער קיין קאַנאַדע. דער מיניסטער האָט אויך נעזאָגט, אַז ער וועט נישט לאָזן אַרייַן קיין אימיגראַנטן, וואָס האָבען נישט אַ פּאַסאַזשיר־בילעט פון דער רעגירונג פון קאַנאַדע.

דער קאַנאַדישער מיניסטער פון אימיגראַציע האָט נעזאָגט, אַז ער וועט נישט לאָזן קיין אימיגראַנטן אַרייַן אין קאַנאַדע, וואָס האָבען נישט אַ פּאַסאַזשיר־בילעט פון דער רעגירונג פון קאַנאַדע, אַפילו ווען זיי האָבען אַ פּאַסאַזשיר־בילעט פון אַ שיף־קאָמפּאַניע, וואָס פּאָרט אַרויס פון אַ פּאָרט, וואָס איז נישט אין קאַנאַדע.

געווייַן פון די יתומים און זיפצען פון טויזענטער מענשען באַגלייטען לאה אסתר פריינדליך צו איהר אויבינגער רוה

— חק מאכט הוכרח, וויל ליה. האָט זיך אפּגעשטעלט איהר דער צוויי־עלטער כּתרים. מיינעמער ג, נאָר די ערמאָרדעטע. — געוואַינען. אָבער די רוה שטעלט זיך נים אפ.

מאר נעפּטער דו נעשטראָפּטע מאָדע האָט נעפּלאַנט אין זיך אפּס מקריב נעווען. די ערשטע ענען נעשטאַנען אויף דער ג. ווען קיין קבר נעווען. אין מעגסטער פון בית יתומים האָבען נאָסען אלס אין א נוירם אין צוויי־ טויזענטער קיינד קינדערלאך.

3 מענער און א פרוי צוליעב א 15 יעהריגע מיידעל

קעלי־הער, מינעסאטא, נאוו. 16. — [ער איהם דערשאטען אין אלין אין ער־

טויזענטער ניבען אפּ צעצטעכבוד צו הרב יפה

[illegible] פאר איבערגעבליבענער פאביליע איבערן ארין פון פאר־ [illegible] מאכט א מאנענעלמען אינדרוק. — זיידעל ראזענצד [illegible] פרידורם מאנק א. בלאי אין בית המדרש הגדול, אבער א איבי נעדער הון האט נעיאלט האבען דעם כבוד אין איבערגעשריבען דעם ארטען מאן.

[illegible] פון מענשען זיינען נעכאמען [illegible] פון פאר־ [illegible] אין מיט באאמטע פון שיסטעלער [illegible] אין מיט זייערע עס אין מענטען [illegible] אלע פון פאר־ [illegible] אין מיט כּה. האָט ער [illegible] אין יעקב אויסטרעטען נאר די [illegible] אין נעווארען פאר'ן לאנד. [illegible] אין דעלעגאציעס. צייטס האָט מיינסטער [illegible] פאר אפּארטער.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

SATURDAY, NOVEMBER 17, 1923. דער טאג — 3 — [illegible]

שבת, 17טן נאוועמבער, 1923.

מיינע צוויי יאָהר אין סאָוועט רוסלאנד

עמא גאלדמאן

מאסקוע דער מילימעריישער לאגער אין פעטראגראד. — די פראלעטאריש'ע שפאָרט. — די איבערגעשפיצטקייט פון דער רוסישער באפעלקערונג. — באלאבאנאוא אין לונאטשארסקי. — פאר וואס האלטען זיך די באלשעוויקעס אין מאכט?

איבערזעצט פון אינגלישן מאנוסקריפט פון דער אויטאריסירטער איבערזעצערין פ. שפיר.

אויפן דרייטען שטאק

ווען איך בין אריינגעקומען אין דעם גרויסן הויף וקרום וואס נעמען זיך אלע ראָטע־ארבעטער אין מאסקוע אין, בעתן איך אנגעקומען בין, האָב איך אויפגעהויבן מיינע אויגן צו דעם שטאק פון פענצטער, וואס איך האָב מיר באשטימט פאר מיין וואוינונג. איך האָב מיר אויסגערעכנט, אז איך וועל דאָרט זיצן אין מיין אייגענעם צימער, וואו איך וועל קענען ארבעטן אין רו, ווי איך האָב דאָס גוואוינט צו טאָן אין מיין היים אין אמעריקע.

איך האָב ניט געקענט גלייבן, אז איך בין טאַקע אין מאסקוע, אין דער שטאָט, וואו איך האָב אזוי לאנג פארלאנגט צו זיין, אין דער שטאָט, וואָס האָט אזוי פיל אנגעצויגן מיין אויפמערקזאמקייט אין מיין יוגנט. איך האָב ניט געקענט גלייבן, אז איך בין טאַקע אין רוסלאנד, אין דעם לאנד, וואָס האָט אזוי פיל אנטוזיאזם אין מיר אויפגעוועקט, ווען איך האָב נאָך אין אמעריקע אנגעהויבן לייענען וועגן דער רוסישער רעוואָלוציע

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"דער טאג" ברויגט ליכט

דער טאג The Day

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

HORRIS WEINBERG, President
BERNAH PALEY, Treasurer

Vol. VIII. No. 3274 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

NEW YORK MONDAY, NOVEMBER 19, 1923. מאנטאג, י"א כסלו, תרפ"ד. מאנטאג, 19טן נאוועמבער, 1923. PRICE THREE CENTS

"THE ENEMY WHITHIN THE GATES"

THE CONCEIT WHICH WAS BORN AND FOSTERED IN RUSSIA, WHICH HAS SPREAD TO POLAND AND WHICH IS COMING TO AMERICA.

In two extremely interesting articles which appeared recently in Yiddish in The Day, Isaac Greenbaum, the leader of the Jewish Sejm Deputies in Poland, discussed at some length the peculiar status of the Jews in Poland and the influence of certain ideas in regard to the Jew which had been inherited from the former Russian Empire.

It was within the former Russian Empire, says Deputy Greenbaum, that the idea of "an enemy within the gates" of the people was born. In no other country has the friction between political parties led to the ostracisation of one or other of the parties as the deliberate enemy of the whole nation. Disagreement might be violent, but it did not run to this extreme. It was in Russia, however, that the Government struggling against the forces of Liberalism, treated these as if they were not merely subversive of the government as it then existed, but as if they were the deliberate enemies of the country to be fought and suppressed by all men and women regardless of affiliation.

Naturally the Jew, who suffered most from the reactionary regime of those days, and who therefore looked to liberalism as the one hope in the night of his oppression, became the chief symbol, the head and front of this offense. The Jew became "the enemy within the gates." The Jew became, in the appeal of the government, the common enemy of all the thing to be uprooted and destroyed.

Obviously no such real patriotic motive lay behind this propaganda of the Government. It was rather the old and well known policy of the "Union Sacree" by means of which attention could be diverted from the crying needs of the day within the country. With a "common enemy" within, there could be no discord. There could be no call-to-arms for reform. A united front had to be presented to the reactionary enemy, and those who raised the banner of discord and in any wise criticised the government were going ... and comfort to the common enemy.

That concept has been inherited by Poland, and is being exploited and nourished there to the full. ... against the ... minorities, as

אידישע דעלעגאציע פאהרט אפ קיין וואשינגטאן צו פאדערן באפרייאונג פון אימיגראנטן

אמעריקען דזשואיש קאמיטע, אידישער קאנגרעס און דער רומענישער פארבאנד נעמען שרים צו באווועגן רעגירונג, אז די פארהאלטענע זיליק קוואטע זאלען באלד ארונטערגעזאוון ווערען. לואי מארשאל, קאנגרעסמאן ד. פיורימאן, דר. סטיפען ס. ווייז און לואיס ליפסקי, צווישען די דעלעגירטע.— קאמיטע וועט זיך ווענדען צו סעקרעטערי דיוויס, און אויב נויטיג, אויך צו פרעזידענט קולידזש.

דער רעזאלוציע און א רייהע אנדערע, פראפעסיאנעלע נעגען די אנטיסעמיטישע אויסברוכען אין רומענין און באדערענדיג פון דער רומענישער רעגירונג, זי זאל דורכפירען איהרע פארפליכטונגען כנונע אידישע מינדערהייטס־רעכט ווערען אפגעשיקט צום רר פעניפיאנטיאר אין וואשינגטאן.

דר קאנוועניאן האט זיך אויך פארפליכטעט פאטערליכ צו שטיצען די אנטי־סעמיטישע אויסברוכען אין רומעניע, פארלאנגט פון דער רומענישער רעגירונג, זי זאל די פליכטלינגע לאזען צוריקען. ווייניגסטענס אינערהאלב פיעסנדען ווינטער. דער אידישער פארבאנד אין רומעניע ווענדט זיך אויך צו אלע אידישע אירגאניזאציעס אין אמעריקא, אז זיי זאלען ארבעטן פאר דער אנטיליגירונג פון דעם פארבאנד.

דאבען גיט וואו אנדערש זיך צו קערען, ווי בייזפיל אין אויסנעמאנען אויף דער קאנטינגענט אין רומעניע פון 377 אימיגראנטן, וועלכע זענען אריבערגעשיקט געווארן פון אמעריקע, ווייל זיי האבען נישט אנטפלעקט אז זיי זענען אין אמעריקע נאך פינף יאר. אויסנעמאנען האבען אויך געמאכט פאר פרויען, וועלכע האבען אין אמעריקע חתונה געהאט מיט מענער, וועלכע זענען נישט בירגער פון די פאראייניגטע שטאטען.

א דעלעגאציע, וועלכע דער אמעריקאנער אידישער קאנגרעס האט נעכטען באשטימט צוזאמצוזיצען מיטן אסיסטענט סעקרעטער פון לאבור דוישטיין, וואו זי וועט זיך מישהדל זיין פאר די אימיגראנטען, ווערען פון אידישע אמעריקאנער פירער, וועלכע וואלטען זיך איצט אין וואשינגטאן אין זייערן אינטערעס. אויסער דעם וועלכע וועט פארלאנגען אז דער קאנוועניאן האט אנגענומען א רעזאלוציע, פארלאנגענד פון דער רומענישער רעגירונג, זי זאל די פליכטלינגע לאזען צוריקען. ווייניגסטענס אינערהאלב פיעסנדען ווינטער. דער אידישער פארבאנד אין רומעניע ווענדט זיך אויך צו אלע אידישע אירגאניזאציעס אין אמעריקא, אז זיי זאלען ארבעטן פאר דער אנטיליגירונג פון דעם פארבאנד.

דר קאנוועניאן האט ערוועהלט פאר לאכטן כאהרין, פרעזידענט; לעא וואלסטאן, אכרהם הירש און רוש, פאר לאכטן, ווייס פרעזידענטן; טייער שפינער, סעקרעטער און סעם שווארץ, טרעזשורער.

קאנגרעסמאן ניוטאן ד. בייקער

קארדינאל האט צרות פאר זאגען א גוט־וואָרט איף אידן

מינכען, נאוי. 19 (איטא). — דער קאטוליישער קארדינאל פאולהאבער האט זיך פאזיטיוועם ביי די אנטיסעמיטן מיטגעטיילט. שטראזבורג פראטעסטירט עפענטליך דעם פאגראם אין בערלין. אין בארשרפאגען דעם "באראלישען אויסברוך" פון דער קאטוליישער קירכע־צייטונג "דער אנטיסעמיטישער אטאקע". פון דאן אן האט קארדינאל פאולהאבער קיין רוהיגע שעה נישט. פאשיסטן זענען רינגענדע ארום זיין פאלאץ אין אירע שטראסענבאן זיך מיט האעקסווייז.

די קאטאליקען זיינען שטארק אויפגעטאן צוליב דעם אויסברוך. דער "מינכענער קוריער" ווארנט די פאשיסטישע כוליגענס, אז די קאטאליקען וועלען וויטער נישט דולדען אזעלכע באלויבונגען באר'ן פאפסט'ס פאטער אין בייזיען.

רוהר און רהיין מוזען בקיבען ביי פראנקרייך, ערקלערט פואנקארע

פריעמיער האלט זיך אויך ביי פארעדונג צו באשטאטיגען די טשלאנר.— רוהיגי סכסוך א שטערונג צו אמעריקאנער וויינישער אן איז בעלגישער באאמטער פון אויסלענדי ש נעלה אין מינכען, איז א נאטענבעטלער.— אין פראנצוי־

בערלין, נאוי. 19 — נעגראל נאלעס איז נעכטען אויף זיך אפגעפאהרען קיין פאריז צו בארעטן זיך מיט מ'ר פראנקרייך

וועט אויסנענומט וועלכע זענען פון פראנקרייך אלס באוויזין, אז סען מוז אונטער אלע

וואס איין בעלגישער באאמטער אזן איין פראנקרייך אבער באלאיי

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

מיינע צוויי יאָהר אין סאָוועט רוסלאַנד

פון

עמא גאלדמאן

דער ווערק פון די באַוועלט־קענערין אויף אמעריקע — לעצטן דער ביסדער צוויאָם, וואָס נעזונט בעגעגט מיט הניסה אין מעדאלין. — דער איינפאַכער, באַשיידענער, אבער וועהר נאַיוער בישטעלערין, אמייאס קראַאַטקין האָט גיט איינגעזעהן, וויי שווער עס איז פּראַקטיש

איהר בוישאַפט איך ניט מעגשען

איך בין נישט אין שטאַנד צו באַשרייבן, אין וועלכן מאָס איך בין אַרומגעגאַנגען נאָך מיין אָנקונפט אין רוסלאַנד. איך האָב נישט קיין אויגן צו זעהן, נישט קיין אויערן צו הערן, נישט קיין הענט צו אַרבעטן, נישט קיין פיס צו גיין. איך בין נאָר אַ קאָפּ, וואָס טראָגט אין זיך אַ שווערע לאַסט פון אייגענע מחשבות, פון פראַגעס, וואָס פאַרלאַנגען אַן ענטפער, פון ווונדער, וואָס וויל מען דערקלערט האָבן.

איך האָב נישט קיין אַנונג, ווי לאַנג איך בין אַזוי אַרומגעגאַנגען, ווי פיל טעג, וואָכן אָדער חדשים עס האָבן גענומען, ביז איך האָב זיך אָנגעהויבן צו דערמאָנען, וואָס עס איז מיר פאַסירט אין דער צייט פון מיין אָנקונפט אין רוסלאַנד. איך האָב נישט קיין אַנונג, ווי אָפט איך בין אַרויסגעגאַנגען אויף דער גאַס, אָן צו וויסן, וואָהין איך גיי, ווי אָפט איך בין צוריקגעקומען אין מיין צימער, אָן צו וויסן, וואָס איך האָב דאָרט גערעדט מיט די מענשן, וואָס האָבן מיך אויפגענומען. איך האָב נישט קיין אַנונג, ווי אָפט איך בין אַרויסגעפאָרן אין דער שטאָט, אָן צו וויסן, וואָס איך האָב דאָרט געזעהן.

איך בין נישט אין שטאַנד צו באַשרייבן, וואָס איך האָב אין דער צייט אויסגעשטאַנען. איך בין נישט אין שטאַנד צו באַשרייבן, וואָס פאַר אַ שטורעם פון אַלערליי אָפּגרונטלאָזע, אָבער שווערע, אָפּגרונטלאָזע, אָבער שרעקלעכע, אָפּגרונטלאָזע, אָבער פאַרצווייפלטע, אָפּגרונטלאָזע, אָבער מאַרטערנדע, אָפּגרונטלאָזע, אָבער פאַרברענענדע, אָפּגרונטלאָזע, אָבער פאַרצערנדע, אָפּגרונטלאָזע, אָבער פאַרשרעק

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

„דער טאג" בריינגט ליכט

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

BORRIS WEINBERG, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard 7466

Vol. VIII. No. 3276 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

NEW YORK WEDNESDAY, NOVEMBER 21, 1923. טימוואך, 21סטן נאוועמבער, 1923. PRICE THREE CENTS

THE TWO PER CENT LAW AGAIN

THE REAPPEARANCE OF THE JOHNSON BILL — THIS TIME RUMORED WITH PRESIDENTIAL SUPPORT; ITS SIGNIFICANCE.

With a persistence which might have graced a much nobler end, Congressman Johnson of Alabama brings forward again his famous immigration bill, and it is rumored that this time the bill will be brought forward with the tacit support of President Coolidge, and will be an Administration measure instead of merely the recommendation of the Chairman of the Congress Immigration Committee.

There was a time when hope was raised that the project was done for — especially after the pronouncement of the late President Harding that he would not entertain the idea of further restrictions on immigration. Again, the complaint of leading manufacturers in the country, that the sources of man power were being cut off — and among them no less an authority than Secretary Mellon was to be found — raised the hope that the two per cent bill had been dropped, never to be raised again.

Now we are informed that the bill has been prepared again for the next opening of Congress, and will be presented at the beginning of the session.

It is well to recapitulate what the bill intends.

There are two distinct features to the bill: first the reduction of the percentage of admitted immigrants from three to two. The present bill admits to the country three per cent of the number of immigrants who were to be found here in 1910. The Johnson Bill proposes that the percentage be reduced to two — but not two per cent of the immigrant population of this country in the year 1910— but in 1890. Nor are the numbers taken at random. The per centage applies to each nationality: two per cent of the number of immigrants of each nationality — on the same plan as the present three per cent of each nationality.

As has been pointed out again and again, the point of this Bill is to introduce an element of discrimination into the laws of immigration which is not only a profound insult to millions of Amer[illegible] citizens, but a contravention

אפיל פון דעלעגאציע צו באפרייען אימיגראנטען
דיהרט ניט דאם הארץ פון סעקרעטארי דייוויס

אלע „בעטלער" זיינען געווען פיקם-און-פארטיג, אבער גוסקין האט זיך אריינגעמישט און גערופען א סטרייק'ארן קונסט טעאטער

היינט 10 א זייגער פארמיטאג די לויה פון דעם ברומאל ערמארדעטער אינגעלע, אירווינג פיקעלני

עלעקטריזיטעט פון פרעמדע אין מאקע א צוריסטישער איינפיהר, אבער מען מוז — זאגט מר. העניג

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

מיינע צוויי יאָהר אין סאָוועט רוסלאַנד

דאָך מחיאום פון דער רעוואלוציע. — די דפּאַרטירטע און די רוסישע ארכיטעקטן. — די שרעקלעכע באלשעוויסטישע ביוראקראטשינע. — די הונגערינג „בפעקולאַנטן" אין די ספּיציעלע באלשעוויסטישע קאָמפּעט.

פון
עמא גאָלדמאַן

דער „טאג" דרוקט היינט דעם ווכעטן ארטיקל פון עמא גאָלדמאַנס בוך „מיינע צוויי יאָהר אין סאָוועטן רוסלאַנד". — דער אָטמער קאָפּיטעל ווערט עראָשיינען דעם קומענדן שבת אין „טאג".

דאָר נעמים באציעהן אנדערע מיטארבעטן, דאָס איך נעטראכטה. דאָס איז אנגענומען ארטשלעכען אביכר פּסרא־נראָ. עס איז נעזיכען שווער צו קריגען איבער די אינדוסטריעלע, צענטראַליזירטע, באלשעוויסטישע כעמאַליקע, צענטראַליזירט. באלשעוויסטישע כעמאַ־דען. צו קריגען א זיצונ נעגעע, דאָס מען נפּמיזט זיך וועגן דען אין עטמען בין סוכצקען־אנגעשטעלטע. דאָכען נעמען אן דאָס נעזונט ביוראָס. אויף קריגען א ביזטע בעפּיציעל אדער נעוועהנליכע נעשיכ, דאָס מען נפּראָכט פון אַרטשיוענדען נאָכצע מע. אין אלע קאָנצעליריעס ענכען מען דאָס נעזונט ערלאָבּ דעריבער־אנגעשטעלטע, דאָכען נערוי־נעשטאָנען ערלאָבּ דעריבער־אנגעשטעלטע, אבער עס דאָס איננאך וואָס נהאלטען. וויי שלעכט סטרוקטור פון דער „סטעקא". כיט כיט קאָנפּוזיע אין אָרגאַניזאַציע אדער נעשעפט, כרי צו אַרטרעטן אויף א שפּיצל בייטע. דער אלטער שוידער, אז נאָר איבערע כיט כיט שעכער. דאָס איז נעוועזן וואָס איך האָב נעהערט פון אַרטשיוענדען פון דער „סטעקא" — שוין.

דאָס איך האָב נאָכנעקוקט אין דער „סטעקא" — האָב איך נעפּונען, אז עס איז נאָר איין ווארט וואָס איך האָב נאָך נישט נעהערט פון אַרטשיוענדען פון דער „סטעקא", נעמליך „בפעקולאַנטן". דאָס ווארט נעהערט צו דער נאָמענקלאַטור פון דער נייער באלשעוויסטישער ביוראָקראטיע, אבער עס איז נאָך נישט אריבער אין אַלגעמיינעם נעברויך. דאָס ווארט איז נאָך נישט נעהערט אין דער ברייטער עפנטלעכקייט. אין דער „סטעקא" זעלבסט נעהערט עס צו דער אינטימער שפּראַך פון דער נייער באלשעוויסטישער ביוראָקראטיע

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"דער טאג" ברייננם ליכט

דער טאג The Day

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

MORRIS WEINBERG, President
BERNARD FALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard 7,600

Vol. VIII. No. 3279 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, NOVEMBER 24, 1923. שבת, ט"ו כסלו, תרפ"ד. שבת, 24טן נאוועמבער, 1923. PRICE THREE CENTS

THE PLEA FOR MERCY FAILS

LOUIS MARSHAL AND THE LEADERS OF THE AMERICAN JEWISH CONGRESS RETURN EMPTY-HANDED; THE PASSIVITY OF FOREIGN-BORN CITIZENS.

Two delegations left New York to plead with the leaders of the American Administration in the case of the thousands of helpless immigrants who are waiting outside the gates of the country. One delegation consisted of the leaders of the American Jewish Congress; the other delegation was Mr Louis Marshall, the head of the American Jewish Committee. Both of these delegations have returned empty-handed, and today the ship Majestic is to return to Europe carrying back its desperate and heart-broken freight - hundreds of the immigrants who staked their all on the visa which an American Consul gave them in Europe, and who are turned back because this country blunders in the administering its own law,. They came too late: visa or no visa, the ships that brought them arrived after the quota had been filled. And the law is the law. The law knows no exceptions: it is an iron and inflexible thing: it is a divine and unbreakable principle: it is sacred and inviolate: visa or no visa, ruin or no ruin, they must go back. And they are going back.

Meanwhile, what is being done here, by those who, having been immigrants, and still remembering the bitterness and the hope of their experience, are the closest sympathisers with these unfortunate castaways, this human driftage, which, lured by the half-promise of a consular visa, have abandoned everything in the old home, and who now find themselves suspended between country and country, belonging to neither? Where is an expression of their resentment, which should make those at Washington who are so concerned about the opinions of the anti-immigrations, appreciate the fact that there are millions of citizens to whom the matter is of more than vital concern?

And where are those Jewish Unions which, as part of the American Federation of Labor, are necessarily implicated in the attitude of Samuel Gompers, its President. Where are those powerful organizations, the Ladies' Garment Workers, the Amalgamated, the United Cloth, Hat and

אידישע יוניאנס פאדערן א פראייניגטע אקציע אפצוהאלטען די צוריקשיקונג פון אימיגראנטען

דער „טאג" וועגדט זיך צו יוניאן־פיהרער מיט א ביטע צו שיקען לעצטען אפיל צו פרעזידענט קולידוש צו ראטעווען אימיגראנטען. — 200 אימיגראנטען שוין נענומען פון עליס איילאנד צום דעפארטירען היינט אויף דער „מאדשעסטיק", די איבערינע וועלען ווארשיינליך נעהאלטען ווערען ביז׳ן 6טען דעצעמבער. — פערם אויפ׳ן וועג קיין ניו יארק. — וועט אויפנעפאדערט ווערען אידישע יוניאנס צו באנוצען דעם איינפלום פון אמעריקאנ פעדעריישאן פון לייבאר פאר דער באפרייאונג פון די פארצווייפעלטע וואנדערער, וועמענס לעבענס זיינען אין נרויס נעפאהר.

רייזנע מאסען־דעמאנסטראציע געגען דער־האדטהערצינקייט פון רעגירונגס־באאמטע, פארגעשלאגען אין אידישע קרייזען

2,000 פאלשע דאקטוירים פראקטיצירען אין ניו יארק, פארזיכערט דר. האכארד

איי. פרויען פון 500 ביז 750 ראהער א וואך.

„אין דער אויספארשונג וועלט רא אמעריקאנ אין מאדרינונג קיין רער אינפארמאציע וואלט נישט נעקענט נעווארפן ווערן אויף דעם ענין. וועלכער האט נישט נעווען אין אמעריקע, דערפאר איז עס אים שווער צו פארשטיין, וואס פאר א ענין עס איז. אבער אין דער וואס פאר א ענין עס איז. אבער אין דער וואס פאר א ענין עס איז. אבער אין דער

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

וואָס דער אימיגראַנטען-קָרוי קומט אויס איבערצולעבן אויפ'ן טרערן-אינזעל

זיי אזוי די פרוי פאדבריינגם אויף עלים אייליאנד דעם סאָג אין די נאכט. — פון דער ראסקין

„ברעקפעסט" פון 4 זויינער פו. וועד קען עס שלאפען סיט א הונגעריגן מאָג? נים קוסעדיג אויף די „שווערע נעראנקען וועגען דער „קווסטא", האָט כען די עמיגראַנטען א נוטען אפעטיט. דער אינזעל איז דאָך אָרטשרענגעלעך סיט פרישע, נעזאלצענע לופט, וואס שענע, נראָד ווי די יסדרוזע — נים קוי קענדיג אויף אלע שוודרינקייטען

צו עסען נים כען דוקא נעזונ אויף עלים אייליאנד. די שפיזן איז נוט אין אַרטשע. אבר פרובע אירען איז לא כפלעלע כשע"ע שפיזן, סיט וועלכער עס באטעמן זיך אפס אויך די פרישקנעד רע. איך האָב באוובט די אידישע קיך, וועלכע ווערט אויפגעהאלטען פון דער „הי־איאס" און האָב אננעקוקט די פרישקפעסט באבלים, וו' אויך די שענ־ נער נאָהאלפען אין כשר כאבען.

נין, אויפ'ן עסען כאקלאגען זיך נים די עמיגראַנטען.

צווישען אין פאָלצייט און דעם אנדערען פארבענגען די צרוען אין נרויסען, פרישקענדיג אבסטען סים דינע נאָהפעם, זיצען צוקוקים אויף אינד־ נאָרס, קוקענ, ווי אין כלעכ־ נאָרס, קוקיקעס, וו' כען דו־יסען אין „נאָכפא", וו' זיי דו־יסען אין עמיגרי. קיין כאָהאצען זיינען נישטא, קיין קישעטען אויף נים.

„ערשר אידיענאָס הייגם) הייי כרידער פון פּאָלק! וועלכע ווערט כרייד אייכאל און וועלען ראו רוזיע־ צוריקנים.

נייסט דער כאָנענלי אין א נוטען נעלעגער פארשאָפט אבער דער עמיג־ אָנטשען אבער לידעט, וו' האָט זיך פיין אין נוט נעזונט אין פרישער לופט, אין וועג אין אייבערפלאַך פון דעם וואסער, אין כיי אונז איז אַ סך נעשרייבען נאָנוערנט.

דען האָט זיך אזוי פיל שיין אין כען אויף? האָט אין אָכער, אי אייגענע עמיג־ אָנטשען שלאפען אין כען אויף אין אייבערפלאַך פון וואסער, אין כיי אונז איז אבער שווריג

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

"דער טאג" בריינגט ליכט

MORRIS MEIGHEN, President
SIMMAS PALEY, Treasurer

Vol. VIII. No. 3281 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

NEW YORK MONDAY, NOVEMBER 26, 1923. מאנטאג, ז' חשון בשנה, הרפ"ה. מאנטאג, 26סטן נאוועמבער, 1923. PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS; IN OKLAHOMA; AN ASTONISHED AMERICAN; PRINCE YOUSOUPOFF.

WASTED COMMON SENSE

Governor Walton of Oklahoma furnishes this day the triumphant chorus of the Ku Klux Klan of the whole country, and of Oklahoma in particuler. Whatever one may say about the merits of his individual case, apart from the Klan, one must recognize regretfully that it is a clean victory for the Klan, and not for constitutional government. Walton may have been in the wrong, but if his successful impeachment puts the Klan in the right, one begins to wonder whether the choice has not been the greater of two evils.

For the Klan is pushing its triumph now to the limit. The bill which asked for the filing with the authorities of the names of the Klan members was defeated in the Oklahome Senate, by 23 votes to 13. In supporting that bill, Senator Glasser made an appeal to the sentiment of the Senate which reads in part as follows:

"The question of religious intolerance has no place in democracy. All men are created equal, regardless of their race or religious beliefs. I wonder if, just before the silver thread was shettered, the Jewish and Catholic buddies of Ross Lillard and Courtland Feuquay (members of the Senate) giving their last full measure of devotion in the mud and blood of France, thought that in five years their fethers and mothers would be called un-American. There were 24,000 of them among the 75,000 who died for American principles and American democracy. I wonder if Lillerd and Feuquay and others in the Senate who saw active service questioned the Jewish end Catholic buddies by their side, wondering if they were 100 per cent American. I wonder if the heroic charge et Belleau Wood, in the salient which merked the turning point, carried out by the Jews of the 77th Division, recruited on the East Side of New York, was an un-American act."

Vain words, vain appeal. Not a single vote in the Senate was influenced. Apparently those 23 members of the Senate of Oklahoma temper their patriotism during peace years with other considerations than the good of

אידישע דעלעגאציע פאהרט היינט קיין קענעדע צו פארהאנדלען וועגען פארהאלטענע אימיגראנטען

פארטרעטער פון אמעריקאנער אידישען קאנגרעס וועלען צוזאמען מיט פארטרעטער פון מאנטרעאלער אידען זיך מאכען אין אטאווא אין פארהאנדלען מיט דער קאנאדישער רעגירונג. — אהייא ברענער שיקען צום פרעזידענט קלאגע נעגען סעקרעטער רייווום. — נאציאנאלע קאנפערענץ וועגען אימיגראציע אין דעצעמבער.

איוף דער טעלעגראפישער פארבינדונג צווישען דער אידישער קאנגרעס קאמיסיע אין וואשינגטאן מיט דער קאנאדישער רעגירונג, איז באשלאסען געווארען אז א דעלעגאציע פון פינף פערזאנען זאל אפפארען קיין קענעדע אויף דעם צוועק צו פארהאנדלען מיט דער רעגירונג אין אטאווא. אין דער דעלעגאציע וועלען אריינקומען: דר. סטיוארט מאק, דר. שמעון מעגיל, דר. מאריס מיזעס, דר. יעקב דזשאזעפאוויטש, דר. יוסף מאנדעל, דר. יעקב מאנדעלבוים, דר. יוסף ראזענבלום, דר. יעקב ראזענבלום, דר. יעקב ראזענבלום, דר. יעקב

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

אינדיאַנער פרינצעסין, די אלמנה פון טעמעני באָמ ריטשארד קראקער, דערציילט איהר לעבענס געשיכטע

א נעשיכטע פון א שנעלער חתונה, פון שנאה צווישען אמעריקע און קינדער אין קנעכטליכע פראצעסען.

די מינ האט זיך נעענדיגט אייניגר מין א רייזע פראצעסען וואס די קינדער פון רעם נעזעלשאפט פון אינדיאנער־ס קין אמעריקע. אמילי איהר מוטער, וועלכע לעבט נאך אין איהר פאטער, אינדיאנער, איז אויך אין אמעריקע געבוירן. זי שטאמט אבער מיטל־ווייז פון דעם נדויכטן מישפּ פון רעם אינדיאנער שבט סעמעני.

ווי זי נים־ראט, איז זי נעבאהרן נע־ווארען אין יאהר 1884, אויף א אראם אין אקלאהאמא, וכבען כיול פון דער נרעניץ פון קאנזאס. די אראם איז נע־שטאנען נעבען אן אונדיאנער רעזערוואַ־ציע פון אינדיאנער שבטים, וועלכע זענען אלע פרייוויליג אהער אריבער־נעצויגן. די אראם איז נע־וואקסען צו א נרויסע שטאט, אבער זי איז נאך אלץ נאר א קליינע שטאט. זי האט אלע מיטלען פון קולטור, אבער נים אלע מענטשען פון דער שטאט זענען קולטורעל. אין דער שטאט זענען פיל אינדיאנער, וועלכע זענען נאך נים נאנץ אויסגעלערנט, אבער זיי זענען שוין נים מער אזוי ווילד ווי פריער.

אין 1903 איז קראקער צוריק נעקו־מען אהער, נאכדעם ווי ער האט נע־לעבט אין אנדערע שטעט פון אמעריקע. ער האט אין דער צייט שוין נעהאט א נרויסע נאמע אלס א שרייבער, ווייל ער האט שוין פריהער פיל נעשריבן וועגן אינדיאנער לעבן, ווי אויך וועגן אנדערע זאכן. ער האט אויך נעהאט א נרויסע נאמע אלס א רעדנער, ווייל ער האט אין פיל שטעט נעהאלטן פובליק לעקטיורס. ער האט אויך נעהאט א נרויסע נאמע אלס א נוטער פרידנס־מענטש, ווייל ער האט אין פיל שטעט נעהאלטן פובליק לעקטיורס וועגן פרידן, וועגן דעם ווי אזוי צו פארהיטן מלחמות, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע פעלקער, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע קלאסן פון מענטשן, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע רעליגיעס, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע פארטייען, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע נאציעס, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע קולטורן, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע פארבן, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע שפראכן, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע פאליטישע פארטייען, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע פאליטישע אידעאלן, וועגן דעם ווי אזוי צו מאכן פרידן צווישן פארשיידענע פאליטישע פראגראמען

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

The Day דער טאג

"דער טאג" ברייגט ליכט

MORRIS WEINBERG, President
BENJAMIN FALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard

Vol. VIII. No. 3283 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, NOVEMBER 28, 1923. מיטוואך, ב' כסלו, תרפ"ד. 1923 טיטשאך 28טער נאוועמבער, PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: 25,000 QUACKS IN AMERICA? THE CRAIG CASE; SWINDLERS OF IMMIGRANTS.

A DANGEROUS PLAGUE

Governor Templeton of Connecticut and State's Attorney Alcorn were closetted for two hours with President Coolidge on Saturday last. The indications are that most of the conversation, if not all of it, was devoted to a discussion of the bogus doctor plague which is being tackled now in Connecticut, but which will have to be dealt with all over the country.

It is the opinion of Governor Templeton that there are something like 25,000 unlicensed doctors practicing in the United States. This does not mean that there are only this number of men and women who undertake to cure diseases without the proper doctor's certificate. There are many more than 25,000 who do that, men and women who advertise the latest fad boosted in a magazine article, or who fool the gullible with sonorous Latin names for meaningless processes. But there are 25,000 actual fakes, men who pretend that they have fulfilled all the requirements for becoming a doctor, who pretend that they have obtained their degree after the requisite course of study, and who therefore do not offer the excuse that they told their patients what they were.

One cannot tell whether they are more or less dangerous than the "honest" quacks, those who offer new cures and new systems without posing as medical doctors, but there is this difference. When a sick man goes of his own free will to a new cure freak, or writes for treatment by mail, he is taking his own risks openly. But when a man actually wants the services of a regularly certificated doctor, and is treated by one who has no such qualifications, then the swindle is without the slightest excuse. It is not only the taking of money under false pretences — which is a trifle compared with the more dangerous consequences: it is the jeopardising of lives.

One such quack doctor in Connecticut, it is alleged, was responsible for eight avoidable deaths [illegible]. If this be anything

ברידער דימאנד גיבען ארוים די נעמען פון צוויי באנדיטען וועלכע זיינען באגאנגען דעם באנק מאנאגער

ביידע ארעסטירטע זיינען מודה, אז דער נע'נב'ע'ער אי'ס'א'ב'ע'ל' איז געווען נעווארען אין דעם „האלד־אפ", זיי אליין האבען אבער ניט געשאבען. — זאגען, אז זיי זיינען א שיער לעוואל. — „מאי" פאלבע'ע'ר באווטט די פאמיליע פון די דיימאנדס אוז נעפינט שרעקליכע פארצווייפלונג. — מודא, אז מוטער זאל ניט אראפ פון זונען. — פילאדעלפיע כאריסטקעם דערצעהלען וועגען דוב־באריטע'ריען פון די דיימאנדס.

פילאדעלפיע, דינסטאג. — בייד ארעסטירטע זיינען מודה, אז דער נע'נב'ע'ער אי'ס'א'ב'ע'ל' איז געווארען אין דעם „האלד־אפ", זיי אליין האבען אבער ניט געשאבען. — זאגען, אז זיי זיינען א שיער לעוואל. — „מאי" פאלבע'ע'ר באווטט די פאמיליע פון די דיימאנדס אוז נעפינט שרעקליכע פארצווייפלונג. — מודא, אז מוטער זאל ניט אראפ פון זונען. — פילאדעלפיע כאריסטקעם דערצעהלען וועגען דוב־באריטע'ריען פון די דיימאנדס.

באראן כארים דיימאנד אוז דושא אין א שפיטיגער נעשפענסטער, די שוועסטער פון דער פרוי פון דעם פארשטארבענעם באנקיר, אי'ס'א'ב'ע'ל' דיימאנד, אין 1959 — 84טען סטריט אין אריגטאן. דער באראן איז אויך א באנקיר, אבער ניט אזא גרויסער ווי זיין שוועגער. ער איז נאר איין פון פילע אין דער שטאט. ער איז אויך א מיטגליד פון פארשיידענע קלובס. אין זיין הויז אין אריגטאן איז ער נעווען אזא גאסט ווי אנדערע מענטשען. ער איז אויך נעווען א מיטגליד פון דער פארשריפט פון דעם הויז פון דעם פארשטארבענעם באנקיר.

דער באראן איז נעווען אין פילאדעלפיע אויף א בוסינעס־רייזע, ווען ער האט דערהערט פון דעם אומגליק. ער האט זיך גלייך אויפגעמאכט אהיים. ער איז אנגעקומען אין פילאדעלפיע אין 11 אזייגער אין דער פרי. ער האט זיך גלייך אוועקגענומען צו דער פרוי פון דעם פארשטארבענעם באנקיר, וועלכע איז אויך נעווען אין גרויסע צער. ער האט זי אויפגעמונטערט אזוי גוט ווי ער האט נאר געקענט.

דער באראן האט אויך אנגעהויבן צו ארבעטן אויף דער פראבלעם פון דעם אומגליק. ער האט אנגעהויבן צו פרעגן פראגעס. ער האט אויך אנגעהויבן צו ארבעטן אויף דער פראבלעם פון דעם אומגליק. ער האט אנגעהויבן צו פרעגן פראגעס. ער האט אויך אנגעהויבן צו ארבעטן אויף דער פראבלעם פון דעם אומגליק. ער האט אנגעהויבן צו פרעגן פראגעס.

הארלעם האט זיך אן אייגענעם 11 יאהריגען „טראנקי"

אין מיץ ארעסטירט איהם אלס אן פירער פון א קאנספיראטיווער ארגאניזאציע אין פאר וואגען דעם „אינווערטציאנאל". — א צווייטער רעוויאלוציאנער, א יאהר אלט באקומט שווין פון טאטען, אבער ווי ס'קומט צו זיין!

אויף א „בעהימען" מיטינג אין א ציטער אין 143 איסט 103טע סטריט אין דעם וואג רי פאליציי אריין אין איינסטיוים א „נעפארליכען" רעוואלוציאנער, יאהם הרשעהט מיט איבערוינטערן אטעי ריוקא.

דער מיטינג אין נעפינדט נעווארען פון דעם ארגאניזאציע פאנספיראטען דער אין לעצ גראנאפ, א בחור פון 8 אזייגער 11 יאהר, וואס, לויט דער פאליציי, באאיינ סלופס ער יענע נעפונדע אין הארלעם וואס אין באוואוינט פון דוסיע לאדער.

א וואך פון דעמסטיוווס פון באמי פון מקארראן אין איינפאשטשלאג

דושיקאב ריטשמאן פארהאלטען פאר דושענראל סעשאנס אויף קלאגע פון עלף יעהריגע מיידעלע

פיעדישיבטריוס דושטוהע רעכט האם נעמכטן אין עכטעם מארקעט קאורט פארהאלטען דושיקאב ריטשמאן, פארן נעריכט פון דושענראל סעשאנס אויף דער קלאגע פון דער 11־יעהריגער מיידעל, אז דעם 12טן נאוועמבער,

1,500,000 דאלאר אויף צו „פיקטשן" עלים איילאנד

וואשינגטאן, נאוועמבער 25. (אינטש). — דער כרוניק אויף דר איכטיגע וואוינגנכר אין פארשטארבענעמן אין עריס איילאנד אויף צוויי יאהר. אויב דער האבען אויף צוויי יאהר ניט ווירקט, זאל דר רעגירונג האבען בדעה אויסצוגעבן פארשהאנבען פיי ניו יארק אויף רעפארירונג. אין פארשהענערונג רעם איניגע. מעהר פון 1,500,000 דאלאר זיינען אויפגעשטעלט פון דער רעגירונג פון ניו יארק אין דער אנשטרעבונג צו פארבעסערן דעם צושטאנד פון עלים אויף אייגענטום אין ניו יארק. אויב דער פלאן וועט אויסגעפירט ווערן, וועלכע וועט אריינגענומען ווערן אין דעם פלאן, וועט דער שטאט ניו יארק אויסגעבן 1,500,000 דאלאר פון דער רעגירונג פון דר פארייניגטע שטאטן.

נעמטע זיט מחל אזן באהאלט ערגיץ א פעני איץ בידעם ארעד אזן קעלער — ער וועט זי נעפינע

עם רער שיין „קוע־יום" אזן נעכטען אפטערנאון פון רער שוועסטער פון רער ווייב פון רער ווייב פון רער שוועסטער פון רער ווייב פון רער שוועסטער פון רער ווייב פון רער שוועסטער

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University oj Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

מיינע צוויי יאָר אין סאָוועט רוסלאנד

פון
עממ גאלדמאן

א באריכט אין די פעמעראדער פאבריקן. — די אימפיריאליסטישע אדבייטער. — דער „טרויאנאלניק", וואו די אלטע דיסציפלין האט נאכגעלאזט. — די „פארטיידיגונג" פון דער רעוואלוציע אין דן באלשעוויסטישן פארטיי.

אינדוסטריעלע מילאגאריזאציע

די ינדוסטריע קאנצרנעט זיך דער צוליב־וויכטיגסטער הינדערניס פאר דער פארטיי. ווען אין אפגראלטען נעוויארקן אין רוסלאנד איז דאס ליכטיגסטע ביישפיל פון דער אינדוסטריעלער אנארכיע. די ראבאטשע אין דעם אינדוסטריעלן צענטראלן: די פארטיי אדער דער רוסישער פראפעסיאנעלער פארבאנד? ווער איז דער הויפט־פאקטאר? ווער האט דאס לעצטע וואָרט? ווער איז פאר וועמען פאראנטווארטלעך? — אלע דרייע פאקטארן האבן אין דעם ענין אן אויסנעמלעכע ראלע. אבער דער ערשטער פון זיי, דער פארטיי, איז דאָך דער וויכטיגסטער. ווען מען וויל פארשטיין דעם ינדוסטריעלן כאראקטער פון דער רוסישער רעוואלוציע, מוז מען פאָרן פון דעם פונקט.

דער ייִחוס פון דער פארטיי צו דער ינדוסטריע איז אן אויסנעמלעך קאָמפליצירטער. אין דער צייט פון דער אויפגאבע פון דער אנטוויקלונג פון דער ינדוסטריע, אין דער צייט פון דער פארבראכטער ארבעט אין דער אונטערערד

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia, In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

Vol. VIII. No. 3286 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, DECEMBER 1, 1923. שבת, כ"ג כסלו, תרפ"ד. שבת, זשטר דעצעמבער, 1923. PRICE THREE CE

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: THE GERMAN BOGEY; ENGLISH ELECTIONS; TWELVE MILLION DOLLARS FOR THE BRITISH TREASURY.

IS GERMANY ARMING

A determined attempt seems to be on foot these days to warn the world again of a renewed German danger. For the first time since the Inter Allied Commission of Military Control left Germany, more than a year and a half ago, Premier Poincare of France raised the issue two months ago, and since then allusions to Germany's renewed military power have been frequent and pointed.

Whatever be the motives behind these rumors, one thing must be utterly clear to the unbiased thinker. That idea that modern warfare can be prepared for in secret is utterly untenable. When one remembers the tremendous quantities of material which were captured even during a single battle toward the end of the war, with the most extravagant estimates of Germany's present power, one realizes that talk of a renewed German military power affected in secret is seen to be ludicrous. Modern warfare is impossible without thousands of field guns, siege guns, mortars, flame-throwers, etc., etc., material which, in order to produce, a nation must organize its industries on a tremendous scale. With twenty rifles for each soldier, and as many revolvers, the German army has no more chance against the French than an army of savages armed with bows and arrows.

There is only one danger — and that is almost impossible to guard against — the danger of a new and startling invention which might again revolutionize warfare. Without some such miracle of science all the military gestures of Germany are expressions of impotence. All the reviews and all the training, if that training is not bolstered up by the adequate supplies necessary to modern warfare may keep Germany in a warlike mood, but are utterly futile for all practical purposes.

And against the possibility of a new and terrible invention which does not call for the mobilization of industry, there is only one safeguard — and that is

49 קוואטא קרבנות וועלן היינט צוריקגעשיקט; שטרעסעמאן באשטימט אלם אויסערן-מיניסטער

אלעקסאנדער מיללעראנד

עס איז נאך דא א האפענונג, אז וואשינגטאן זאל זיך ראטעווען אין דער לעצטער מינוט. — האיאם מאכט גרויסע אנשטרענגונגען, אבער וואס דער ראקער אזן סמיט דעפארטמענט וועלען מען אין נאך נים זיכער. — פארצווייפלונג איז גרויס צווישען די קרובים.

באריס דיימאנד

פיירמאן קומט צוריק פון א פייער אזן פאלם טויס

דושאן קווירק, א פיישרמאן, 43 יאהר אלט, זאל דעם קאסטאמער מסרים, כרוקלין, אין נעכטען פרימים נעפאנגען טוים בארד נאכדעם ווי די מאטיא, כוים וועלכער ער איז מיטגעפארהרען צו דער שטאט א פייער. דאס זיך אויסגעברענט קוועיק אויף אלטר פאלם. דעפארד דאס אפיצירס איז פייער דעפארטמענט נאנצע 20 יצרה אזן אין נעזונד דערהר באריעכט צווישען חברים. דער דאמפער דאס עריקלעיט, אז ער איז נעשטארבען פון א הארץ פיהלער.

פארד לייקענט, אז ער העלפט איידאפאישען אנטיסעמיטיזם

העזרי פארר האט קיינמאל נים צוגענעשטיים אזן נים נעהאלפען די אנטיסעמיטישע באוועגונג, אין אייראפא אזן די "פארר מאכער קאר". הויבט נים אז צו וויסען פון טיסוס רע כאוואא. אז אמעריקאנער ביהנער, וואס אין אדעסי טרים נעוואהנען אין אונגארן אין פארר ניגונג, כים דער פאשיסטישער פארר שוועדונג אזן וועלכען עס איז נעוועזן נעטעלדעט אין דער נאנצער פרעסע פון דער וועלט, זו ער איז פארד'ס אז מענטש אין שוואנער.

די דאוזינג עריקלעונג וועדט נעטראכט אין דער עדיטאר פון פארד'ס נאמען דורך היכען קאדעדר, אין א בריף פון פארד'ס אסיס אין דיטראנזיט, מיטיינן, צו דער אידישער טעלעגראפען אגענטור. אלם עניסמיטיס אויף דער נייעס אגענטור סוי'ס פראגע, וועגען פארד'ס שייכות צוים אידישאישען אנטיסעמיטיס א פרעסיידענט רי באנאדריונג וועס בארינדעס וועדט.

פארד'ס מענעדזשער זאגט אויף ריכטער מאיר'ס אז אמעריקע דיוואדד'ס רעקאמענדאציעס וועגען דער באגנאדיגונג פון קאנטראלע קרעיג

פיירער פון באנק רויבער האט ערמארדעט 15 מענשען

באריס דיימאנד

געוווינעגער קאנצלער נעמט אן נייעם אמט. — קאבלענץ פארנומען פון סעפארטיסטען. — רעפערענציע קאמיסיע באשטימט צו אונטערזוכען דיימשע פינאנצען. — לאדעט אין אמעריקע, אבער עס איז צווייפעלהאפט, צו אמעריקע וועט אנגענומען.

בערלין, נאוו. 30. — דר. ווילהעלם קאנס היינט אפיציעל אנגענומען, אז איהם איז נעלונגען צו שאפען א נייע כאבינעט אלם א יסערן טינסטער.

אין קאבינעט באשטיליגען זיך דריי פארטייען, די דיימשע פאלקס-פארטיי, די דעמאקראטישע פארטיי אין רער צענטער.

דער נייער קאבינעט וועט פארנעהמען שפעטעסטענס וועדנעו פארן דיינסטאג פארטי צוזאמענטרעטען, או די אלטע קאבינעט וועט אזיסנעבען איהרע דימיסיע. ס'ליט צו, או אונטער די איצטיגע אומשטענדען קען דער קאבינעט כיין צוזאמען שפרעשטאנ'ס טאג סיס.

דער נייער קאבינעט וועט סאר זיך הבטען די אלטע פראבלעמען פון שפיין, פארדערונג, פון וואלויטע אזן הויכען שטייער. א חוץ די אונגעוועהנטע נרא' נען וועלען די באציהונגען מיט פראנק דייך. לעת עתה איז נאך נים באשלאס וויי דער נייער קאבינעט דענקט צו לייזען די דאוזינג אויסנאנצן.

רעפאראציע קאמיסיע וועט אונטערזוכען דיימשע פינאנצען

פארין, נאוו. 30—די אינטערנאציאנע רעפאראציעס קאמיסיע האט היינט באשלאסען צו באשטימען צווויי קאמיסיעס צו אונטערזוכען די דיימשע פינאנצען סיטן'ן צוועק. אויסצוטיינען דיימש־לאנד'ס טעגלוכקייט צו צאהלען פון חובות. אסטריק וועט אויך פארטרעטען.

פיירער פון באנק רויבער האט ערמארדעט 15 מענשען

עס איז די מיינונג פון היעג אפציר באשלאסט, או די מערדער וועלכע וועדען איצט פארפאלגט פון צענטראל פער מעקסוויל, וועלען אין ניכט לענגע צייט פארן ריכטער שטיין. כארים און דושאוף דייטשמד אין אנגעקלאגט פון מורד'ס הינט דאס לייצי נעגאבען נעווין אייגענטליך וואס די מא־

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

...לעבט מיר, איך בין אומשולדיג!" שרייט אוים פרייַנדליך אין געפענגניש

...מיט רעם אענגלאנטען אין דעם מאדד פון דער מאכט פון זייַנע 5 קינדער—פון יואל מלאָנים

...איר איהם נעווען סייערער זוי וויכטיג איז סיד וואס איך זעה ...ן פרישאנענגיס, א נים ... מען זעהט צו אלץ צו ... זאלט זיך נאר קיינמאל ... צרשטעלען. או איך זאל ... ארטר ארומנעהמ שרעק ... א צייַן אין נים וויַיזען אין ... אבער או מען וויַיזט מאר ... נעפענגניס, נעוואוינט מען ... ווינג צו. מען ווערט מאר ... ייַנגסטער ליַיגען נשוען די ... ן דעמי כידערלעך, וואס ווערט ... אין נעפענגניס אויף דעם ... ער האט עדמאנדעם זיין ... צו סיד נעוואוינט, וועג איך ... נעפענגניס מיטגעמאכט זיין ... ווען איינער פון זיי ווערט ... איז ווי שטייגערט."

ייַנגסטער ליַיגען נשוען די ... ן דעמי כיידערלעך, דער מא... אין נעפענגניס אויף דעם ... ווען איך זאל נאר פאר... נעשוען אין סיטכעם פון איהם ... נעפאנגען ? תל. ס'האט סיר איבערג... נעבען, או ווען מען האט זי כאערעסט, האט זי נעהאט דעם פוליסוואן סון א ... פרוי פון ניַיצען יאהר. און זי איז נע... ווען אלטאל אזוי יונג, אזוי בליהנ... ריש. זי האט אלע כאל אויסנעוועהנ... מיט אייניג יאהר אינגער ווי זי איז ... ווען אלטאל אזוי יונג, אזוי בליהנ... ריש. זי האט אלע כאל אויסנעוועהנ... מיט אייניג יאהר אינגער ווי זי איז ... נעוועז אין דער אסת'ען. איך ווער פאר... פאלט מון דעם כילד או איך ווייז אין... איז דיי נעבט. איך ווייס נאר נים, זוי... איז איך לעב דאס איבער, אבער איהר ... ווען דאך, או מען נעוואונט זיך צו ... אלעס צו."

אין דערנאך האט ער אנגענומען ... דערצען וועגען ווייַנ קינדערלעך. „איך ... האב זיי ליַיב נעהאט ווי מיין כאנצעס לעבן. ... וואס וואלט איך נים נעווען פאר זיי, ... איך האב אלעמאל כעזאכט, אז איך ... קען אויסהאלטן אלץ נאר נים ווייַ... פון זיי. איך וואלט נים כעקענט ... לעבן אן זיי. איך האב זיי אזוי ליַיב ... כעהאט, אז איך כין אפילו נים אין ... כעשטאנד זיי צו כעזוכן אין דער ... פרישאן. איך וואלט זיי נים כעקענט ... זעהן אזוי ווי אזוי. איך וואלט ליַיכער ... כעשטאנען אין דער פרישאן מיט זיי ... ווי אן איין מינוט אליין. איך כין ... אזוי ווייַט פון זיי, אז איך קען זיי ... נים זעהן, נים הערען פון זיי, נים ... וויסען וואס זיי טוען אדער וואס ... זיי לייַדען. איך כין אפילו נים אין ... כעשטאנד זיי צו שיקען אפילו א ... כריוו אדער א קארטל. איך וואלט ... ליַיכער כעשטאנען אין דער פרישאן ... מיט זיי ווי אזוי ווייַט פון זיי. איך ... כין אזוי ווייַט פון זיי, אז איך קען ... זיי נים זעהן, נים הערען פון זיי, נים ... וויסען וואס זיי טוען אדער וואס ... זיי לייַדען. איך כין אפילו נים אין ... כעשטאנד זיי צו שיקען אפילו א ... כריוו אדער א קארטל. איך וואלט ... ליַיכער כעשטאנען אין דער פרישאן מיט זיי ... ווי

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

"דער טאג" ברויגעם ליכט

MORRIS WEINBERG, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard [illegible]

Vol. VIII. No. 3288 — Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. — NEW YORK MONDAY, DECEMBER 3, 1923. — כאנטאג, א' רחנוכה, תרפ"ה. — מאנטאג, 3טן דעצעמבער, 1923. — PRICE THREE CENTS

HAVE WE NO ENTANGLING ALLIANCES?

SECRETARY HUGHES ON THE ATTITUDE OF AMERICA TOWARD EUROPE; THE THEORY OF INTERVENTION ONLY WHEN OCCASION WARRANTS.

Speaking before the Academy of Political and Social Science at Philadelphia three days ago on the occasion of the Centenary of the promulgation of the Monroe Doctrine, Secretary Hughes reviewed again the position of the administration in regard to our relations to the world at large, and to Europe in particular.

Summarising his own views, the Secretary said the following: "We are still opposed to alliances. We refuse to commit ourselves in advance with respect to the employment of the power of the United States in unknown contingencies. We reserve our judgment to act upon occasion as our sense of duty permits. We are opposed to discrimination against our nationals. We ask fair and equal opportunities in mandated territories as they were acquired by the Allies through our aid. We desire to co-operate according to our historic policy in peaceful settlement of international disputes, which embraces the policy of judicial settlement of such questions as are justifiable. It is our purpose to co-operate in those varied humanitarian efforts which aim to minimize or prevent those evils which can be met adequately only by a community of action. In short, our co-operation as an independent state in the furtherance of the aims of peace and justic has always been and still is a distinctive feature of our policy."

The secretary then quoted again those classic statements of American statesmen of the past which are at the foundation of the policy more or loosely described as the isolation policy.

But one interesting concession made in these remarks casts complete doubt on the validity of the attitude at this time. "We are opposed to discrimination against our nationals. We ask fair and equal opportunities in mandated territories as they were acquired by the Allies through our aid."

This is the weak point in the entire argument. For not only are the mandated territories the result of that victory which America was instrumental in bringing about, but the entire post-war situation is one for which America bears responsibility. It is useless to assert that after the war we withdrew from

די גאנצע ציוניסטישע ארבייט אפהענגיג פון אידישער אגענטור, זאגט ווייצמאן

ציון פידערער לייגט גרויסע האפענונגען אויף אמעריקאנער אידן. האפט אז די פאזיטיוו שטעלונג פון הינען אידענטוס וועט מעגליך מאכען, או די אגענטור זאל באלד אנפאנגען נען פונקציאנירען.— הר. ארטור רופין דערצעהלט וועגען רער נלענצענדער קאלאני זאציאנס ארבייט אין פאלעסטינא.

באגייסטערטער קבלת פנים פאר די גענט

ווי פיהרער "אידישע אגענטור" וועט נאך דעם קונגרעס ווייטער אנפאנגען פונק- ציאנירען, אויב די אמעריקאנער אידן וועלען צו אירער צושטימונג ווי נעזעגרע אין האפן הר. ווייס וועלכער ערקלערט זיך ער ארבייט אין אמעריקא.

רעדנערס, וועלכער האט אידש נעפראכען, זיצ אם פארפרשטער פון "אגיי", וועלכער האט אידש נעפראכען אין פארשטענדליכען אופן די אידען אין אמעריקא. אין האפ, או זיי וועלען נעהרען א פאזיטיוו שטעלונג.

רויבער מאכען געוואג- טען האלד אפ אויף פארסיט סטריט

שטעלען אפ א טעקסי קעב אין פארבאפען 3500 האלאר פון צוויי טעמאטער אנגעשטעלטע.— פאליסיים שיסען איין אנשטאנענע באנדיטען, אבער אהן ערפאלג.— טעקסי דריווער קומט אין פאליס מסיישען, אין דערצעהלט, ווי אזוי די רויבער האבען געמאכט דעם „חושבר".

א טעקסי קעב, נעפארבען פון בענ- דישמאן נאראנן פון 8 ווילעס כם., אין נעכטען שפעט אין אחתנט נעמאהרען אי- נער פארסיים סט. אין ריכטונג צו דער קענטי סטרים, אין מאשין ענגען נעזע- סען: כאלאשען שאפירא, פון 506 לי- ואוא עוי. ברוקלין און פלעם קאספער פון 2058 וועסט 99סט סט., קוני איילענד.

זיי האבען נעפונדען טיט ויך א כעמישל טים 8,500 האלאר, וועלכע זיי האבען קא- ליפטעם פון די טאקסירס, וועם באלאנ- נען צו דער אלאין טעאטער קארפארי- שען. דעם נעלט האבען זיי נעוואלם מען: כאלאשען שאפירא, פון 506 לי- ארייגלינען אין דער סיטי פון דעם טא- טער וואם נעפונדט זיך אויף דעלענסי סט. אן וואם באלאנגט צו דערוערבער קאר- פארעי.

אזוי ווי פארסיט סט. איז א שמאלע אן ענגע נאס, איז די טעקסיקעב נע- נאנגען נאכצו לאנגסם.

פלוצים זיינען פון דער סיקסטער ער- טיינט 2 באריטען, איינער האט אנגע- שטעלט דעם דעוואלווער אויף דעם דריי- ווער אן נעהייסען איהם ויך אפשטעלען.

200 אידען טוים אין אוקראינער פאג- ראמען לעצטען חודש

פאגראמען האלטען אן.— רוישע אר- מיי בושעוועט אין די שטעדטלאך ניט ווייט פון פילישען נרנצען.

— נעזעלשאפט פון פילישען נרנצען, נעזעלשאפט בוקעת, הויסט עס, אין נעפאהרען באשטראפען פאג- נראמשטיפקס.

ריגע, דעצעמבער 3. — לויט ידיעות וואס קומען אן פון דובלאנד ווייזען לעצטען חודש פאגראמען אן נאנצע צען 200 אידען ווייזען דערהרג'ס נע- מאכען.

די פאגראמען, הייסט עס, ווייזען דורכנעפירטע נעוואלטען פון די אפטיי- לונגען פון דער ריישער ארמיי וואס שטי- רען אין דעם פארטשלאנ ניס פון דער פילישער נרענץ נעזעלשאפט בוקעת. עלטערע אין לעצטענס בשטויס- עטע אין פאגראמען איז דער פאקט אז אלס אין אלע פאגראמען, אין וועלכע די ארמיי איז נעווען באטיילינט, זיינען נעוואלדען נעוואלטען נעטאן נעווארן.

ניער דויטשער קאנצ- לער נענען אידען העצעריי

בערלין, (אינא) דעצ. 3.—דער נייער דויטשער רייכסקאנצלער פראפ. דר. סטרעזעמאן האט אין זיין תיר נעזען נעגען אידישע נעזעלשאפט- לעכע אויף ווייטער באהאנדלונגען פון ווייס שלאגען פאליטישען האנדעל. דר. סטרעזעמאן איז אויך נעווען נעגען אנטיסעמיטישען. עדיטאריס פון „נאציאנאל" דער אפיציעלער נאציסטישער צייטונג, האבען נעזאגט אז אין דער נייער רעגירונג וועלכער פארטרעטער דער האנדעלס- ווי אויך ארבייטער קלאסע זיך נעפונדען.

די עדיטאריס פון „נאציאנאל" האבען נעזאגט, אז אין דער נייער רעגירונג וועלכע פארטרעטער דער האנדעלס- ווי אויך ארבייטער קלאסע זיך נעפונדען.

דר. סטרעזעמאן האט נעזאגט אז ער וועט נעגען אלע אנטיסעמיטישע נעזעלשאפטען קעמפענ. קיין האפען, או אלע אינטערעסירטע נרופען וועלען זיך נעגען אנטיסעמיטיזם אויפלעהנען, נעגען אלע פארשטעהען צייכנס פון אנטיסעמיטיזם, אבער נים מעהר ווי 500,000 א יאהר.— אין- טערעסאנט איז אויך אז דער נייער קאנצלער האט פארלאנט אז דער פרעזידענט פון דער רייכסבאנק זאל אויפהערן צו באשטופן דעם פראנצויזישען אקופאציע- רעזשים אין דער רוהר.

ביל צו באשרענקען אייני- וואנדערונג גרייט פאר'ן קאנגרעס

נעזעלראל אימיגראציע קאמישענער זאל האבען פולמאכט צו באשטופן צאל פון אימיגראנטען, אבער נים מעהר ווי 500,000 א יאהר.— אין- טערעסאנט איז אויך אז דער נייער קאנגרעס וועט אין קורצען ער- לייבניס.— אלע אימיגראציע ווייזען נעמאכט ווערען אין אירער פא.— כאשה זאל אינראנטען, נאר בלויז פארמעגען, אין נאר אולבנע, וואס קענען זיך אסימילירען.

וואשינגטאן דעצ. 3. — דער דעפארטמענט פון לויבאר האלטער: אז אימיגראנטען וואס שפהרט אויסלענדער אין 25 דאלער. אין פאל יעדער צאהלען ווי 25 דאלער. אין פאל יעדער אנדערע אימיגראנט — דאס הארף איינער א נטיפיקאציע נאר אירער מען ווערט דעם אייניגע פון די אויסצאהלונגען אין צוריקגעשיקט.

אויב בין עמטואס איהם צו אינטער- ווינט, נוט מען איהם צוריק די אייניגע צאהלטע סומע; אויב אבער כען אוי- מערוסם אויהס אין די ישוב, דאס כיי- טים אידם פון דאס לאנד ווייזען

נצאל פון דערטרונקענע אין איטאלי- ענישער פארפליצונג דערגרייכט 600

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

„מען ראטעוועט זיך"

קאמפעדיעס אין טראגעדיעס איף די גאסען פון נ. ב. לינדער

א בריעקעל הקדמה

אכט יאהרט זיך שוין צוריק אין מיר אין אמעריקע, אבער איך האב נאך נישט אויפגעהערט צו טראכטן וועגן דעם לאנד, וואס איך בין אים אויפגעוואקסן. איך בין נישט אין שטאנד צו פארגעסן דעם ערשטן אינדרוק, וואס אמעריקע האט אויף מיר געמאכט, ווען איך בין אהער אנגעקומען. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין פון שיף אראפגעגאנגען. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ריזיגן, אומגעהויערן שטאט, וואס האט מיך אנגעפאלן מיט זיין לערמענדיגן, אומבאהאלטענעם אויפרופן: „קום צו מיר, איך בין דיין גליק!" איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען.

דאס פארבלוטיגטע בריוו

ווילי נאצאמין, 9 יאהר אלט, זון פון 1552 ערשטע עוועניו, איז נעפונדען צו הענגען אין דעם אויפצוג פון דעם „קו־קלוקס־קלאן". ער האט זיך אריינגעמישט אין דעם פראצעס, ווען מען האט פארהאפטירט זיינע עלטערן, וואס זיינען שולדיג אין דעם פארברעכן, וואס מען האט זיי צוגעשריבן. ווילי נאצאמין איז אויך אנגעקלאגט געווארן פון דעם פארברעכן, אבער ער איז פרייגעלאזט געווארן, ווייל ער האט נישט גענוג יאהרן אויף זיך, כדי מען זאל אים קענען שטראפן.

ווילי נאצאמין איז אויפגעוואקסן אין אן אומוויסנדיגער, ארעמער פאמיליע, וואס האט נישט גוט גערעכנט מיט דעם לעבן. ווען ער איז נאך אזוי יונג געווען, האט ער שוין אנגעהויבן צו ארבעטן, כדי צו פארדינען זיין ברויט. ער האט נישט גוט פארשטאנען, וואס מען רעדט צו אים, ווייל ער האט נישט גוט פארשטאנען דעם לשון, אין וועלכן מען רעדט צו אים. ער האט נישט גוט פארשטאנען, פארוואס מען לאכט אויף אים, ווען ער גייט אויף דער גאס, ווייל ער האט נישט גוט פארשטאנען, פארוואס מען שרייט אויף אים, ווען ער גייט אין שטוב אריין. ער האט נישט גוט פארשטאנען, פארוואס מען שלאגט אים, ווען ער גייט אין שול. ער האט נישט גוט פארשטאנען, פארוואס מען שרייט אויף אים, ווען ער גייט אין שול. ער האט נישט גוט פארשטאנען, פארוואס מען שרייט אויף אים, ווען ער גייט אין שול.

ווען מען ראטעוועט זיך

קאמפעדיעס אין טראגעדיעס איף די גאסען פון נ. ב. לינדער

א בריעקעל הקדמה

אכט יאהרט זיך שוין צוריק אין מיר אין אמעריקע, אבער איך האב נאך נישט אויפגעהערט צו טראכטן וועגן דעם לאנד, וואס איך בין אים אויפגעוואקסן. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ריזיגן, אומגעהויערן שטאט, וואס האט מיך אנגעפאלן מיט זיין לערמענדיגן, אומבאהאלטענעם אויפרופן: „קום צו מיר, איך בין דיין גליק!" איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען.

דאס פארבלוטיגטע בריוו

ווילי נאצאמין, 9 יאהר אלט, זון פון 1552 ערשטע עוועניו, איז נעפונדען צו הענגען אין דעם אויפצוג פון דעם „קו־קלוקס־קלאן". ער האט זיך אריינגעמישט אין דעם פראצעס, ווען מען האט פארהאפטירט זיינע עלטערן, וואס זיינען שולדיג אין דעם פארברעכן, וואס מען האט זיי צוגעשריבן. ווילי נאצאמין איז אויך אנגעקלאגט געווארן פון דעם פארברעכן, אבער ער איז פרייגעלאזט געווארן, ווייל ער האט נישט גענוג יאהרן אויף זיך, כדי מען זאל אים קענען שטראפן.

א מנין אנדערע

אקיבא פאלגן, ווי די שפיטצע אויפ־

ווער איז מאכנא?

אין אנפאנג מאי זיינען אנגעקומען צוויי יונגלייט פון אמעריקע קיין פעטראגראד. ביידע האבען זיי נעוואוינט אין אמעריקע אבער ווארען ביידע לאנג, אהן זיי זיינען נעווען טעמע אין דער אידישער ארבייטער־באוועגונג אין אמעריקע. בייזיך האבען זיי נעוואוינט אין פעטראגראד אלס אמעריקאנער בירגער, אבער מען ווייס אז זיי זיינען נעווען טעמע אין דער אידישער ארבייטער־באוועגונג אין אמעריקע. אז זיי זיינען אהער אנגעקומען, האבען זיי זיך אנגעשלאסן צו דער קאמוניסטישער פארטיי, אבער מען ווייס נאך נישט, צי זיי זיינען אויפגענומען געווארן אין דער פארטיי אדער נישט.

ווער איז מאכנא?

אין אנפאנג מאי זיינען אנגעקומען צוויי יונגלייט פון אמעריקע קיין פעטראגראד. בייזיך האבען זיי נעוואוינט אין פעטראגראד אלס אמעריקאנער בירגער, אבער מען ווייס נאך נישט אויפגענומען געווארן אין דער פארטיי אדער נישט.

א יתומים תפלה

אין מאריע שרין א בריוו־טאנץ אין דער וויכטיגער ווילנער טעאטער־זאל, וואס איז אנגעפילט מיט אידן, וואס זיינען נישט קיין גרויסע ליבהאבער פון אזעלכע ווערטער, האט מען אויפגעפירט דעם ווערק „דער ליכטיגער טאג". דער ווערק איז אויפגעפירט געווארן אין אן אויסגעצייכנטער אופן, אבער דער אויפפירונג איז נישט אויפגעפאסט געווארן פון דעם פובליקום. דאס פובליקום האט זיך אויפגעפירט אזוי, ווי מען פירט זיך נישט אויף קיין אידישע אויפפירונג. מען האט נישט אויפגעהערט צו שרייען, צו פייפן, צו קלאפן מיט די פיס, צו ווארפן מיט אפעלסינען, ביז מען האט נישט גוט געקענט הערן דעם ווערק, וואס מען האט אויפגעפירט.

ווער איז מאכנא?

אין אנפאנג מאי זיינען אנגעקומען צוויי יונגלייט פון אמעריקע קיין פעטראגראד. בייזיך האבען זיי נעוואוינט אין פעטראגראד אלס אמעריקאנער בירגער, אבער מען ווייס נאך נישט אויפגענומען געווארן אין דער פארטיי אדער נישט.

א יתומים תפלה

אין מאריע שרין א בריעקעל הקדמה

„נור באי"

אכט יאהרט זיך שוין צוריק אין מיר אין אמעריקע, אבער איך האב נאך נישט אויפגעהערט צו טראכטן וועגן דעם לאנד, וואס איך בין אים אויפגעוואקסן. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ריזיגן, אומגעהויערן שטאט, וואס האט מיך אנגעפאלן מיט זיין לערמענדיגן, אומבאהאלטענעם אויפרופן: „קום צו מיר, איך בין דיין גליק!" איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען.

דאס פארבלוטיגטע בריוו

ווילי נאצאמין, 9 יאהר אלט, זון פון 1552 ערשטע עוועניו, איז נעפונדען צו הענגען אין דעם אויפצוג פון דעם „קו־קלוקס־קלאן". ער האט זיך אריינגעמישט אין דעם פראצעס, ווען מען האט פארהאפטירט זיינע עלטערן, וואס זיינען שולדיג אין דעם פארברעכן, וואס מען האט זיי צוגעשריבן. ווילי נאצאמין איז אויך אנגעקלאגט געווארן פון דעם פארברעכן, אבער ער איז פרייגעלאזט געווארן, ווייל ער האט נישט גענוג יאהרן אויף זיך, כדי מען זאל אים קענען שטראפן.

א מנין אנדערע

אקיבא פאלגן, ווי די שפיטצע אויפ־

דער ארבייטער רינג מיט זיינע שולעם אלס שלום מאכער צווישען צווי פיינדליכע וועלטען

וואס די שולעם האבען אויפגעמאכן פארן יונגען אידישען הויז אין דער ציינק יאהר פון זייער עקזיסטענץ — פון אלטער עפשם

איך האב נישט קיין שום אינפארמאציע וועגן דעם, ווי אזוי עס איז אנטשטאנען דער ארבייטער רינג, אבער איך ווייס, אז ער איז אנטשטאנען אין דער צייט, ווען דער ערשטער וועלט־קריג האט זיך אנגעהויבן. איך ווייס אויך, אז ער איז אנטשטאנען אין דער צייט, ווען דער ערשטער וועלט־קריג האט זיך אנגעהויבן. איך ווייס אויך, אז ער איז אנטשטאנען אין דער צייט, ווען דער ערשטער וועלט־קריג האט זיך אנגעהויבן.

פאלקס־טריבונע

פראפעסידען נעמען „ווערטלען זיך" איבער פראפיטקעט אידען

וועקסטער הערי וועקסטער ! —

איז דאס „סאר" פון 14טען סטריט נאטוראליזירט געווארן? — נאר מיטאמעריקאנער בירגער וואס האבען זיך אויף אים פארלאזט, אז ער וועט זיי פארטרעטען אין קאנגרעס, אבער ער האט זיי אלע פארראטן. ער האט זיי פארקויפט פאר אן אפיס אין דער רעגירונג אין וואשינגטאן, וואו ער האט זיי פארלאזט, ווי אזוי ער האט זיי פארראטן, ווייסט מען נישט. אבער מען ווייסט, אז ער האט זיי פארראטן.

וועגען דעם פארשפארנעקס משמר הערמאן פאנאמסקי

וועקסטער הערשטענדל !

איך האב נעלייענט אין אייער צייטונג אז דער ריכטער פארשפארנ־אינסטרוקטער הערמאן פאנאמסקי, האט זיך אין דעם פיפטן פאר זיין פרוי, וואס איז בא דעם פאליציי־קאפ פון ניו יארק, ווי אזוי ער האט זיך פארשפארנט אין דעם פיפטן פאר זיין פרוי, וואס איז בא דעם פאליציי־קאפ פון ניו יארק, ווי אזוי ער האט זיך פארשפארנט אין דעם פיפטן פאר זיין פרוי, וואס איז בא דעם פאליציי־קאפ פון ניו יארק.

מיינע צווי יאהר אין אמעריקע רוסלאנד

ווי די באלשעוויקעס האבען אינטערדיקט די אנארכיסטישע באוועגונג. — די חייתיקהן פאטאם רעניהנגען אין אזקראינע. — כאבאנ'ס רעזולטאטן צייטערע קאריערע. — ווען אפאהר מיט דער היימער ארטער.

פון עמא גאלדמאן

ווער איז מאכנא?

אין אנפאנג מאי זיינען אנגעקומען צוויי יונגלייט פון אמעריקע קיין פעטראגראד. בייזיך האבען זיי נעוואוינט אין פעטראגראד אלס אמעריקאנער בירגער, אבער מען ווייס נאך נישט אויפגענומען געווארן אין דער פארטיי אדער נישט.

א יתומים תפלה

אין מאריע שרין א בריעקעל הקדמה

„נור באי"

אכט יאהרט זיך שוין צוריק אין מיר אין אמעריקע, אבער איך האב נאך נישט אויפגעהערט צו טראכטן וועגן דעם לאנד, וואס איך בין אים אויפגעוואקסן. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ריזיגן, אומגעהויערן שטאט, וואס האט מיך אנגעפאלן מיט זיין לערמענדיגן, אומבאהאלטענעם אויפרופן: „קום צו מיר, איך בין דיין גליק!" איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען. איך האב נאך אלץ פאר אויגן דעם ווילדן, אומגעהויערן טומל פון לעבן, וואס האט מיך אנגעפאלן אין דער ערשטער וואך נאכדעם ווי איך בין אהער אנגעקומען.

לודוויג נוביאי

סאנדיסקיסטער — אלטשעסקי באהאנדלט

„דער מאכט־מיסטער"

דער מאכט־מיסטער איז דער ווילדסטער פון ווילדע פילמען, וואס מען האט ביז היינט נאך נישט געזעהן אויף קיין קינאמאטאגראף־ביהנע. דער מאכט־מיסטער איז אן אמעריקאנער פילם, וואס איז אנגעפילט מיט אזעלכע אומגלויבלעכע אבנטיורן, אז מען קען זיך נישט פארשטעלן, אז אזעלכע זאכן קענען פאסירן אין דער וועלט. דער מאכט־מיסטער איז אן אויסגעצייכנטער פילם, וואס מען מוז אים אונטערשטרייכן מיט רויטע קרייד. דער מאכט־מיסטער איז אן אויסגעצייכנטער פילם, וואס מען מוז אים אונטערשטרייכן מיט רויטע קרייד.

Columbia

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

עמא גאלדמאן וועגן מאכנאָ און פאָר אָמען אויף אידען, היינט אין „טאָג"

דער טאָג The Day

„דער טאָג" ברייגט ליכט

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

MORRIS WEINBERG, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard 7...

Vol. VIII. No. 3290 Entered at Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

NEW YORK WEDNESDAY, DECEMBER 5, 1923. סימחאָר, ג' דחנוכה, תרפ"ד. 1923, 5טער דעצעמבער, PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: — WHY FOREIGNERS ONLY? A LESSON IN EDUCATION; THE FLIGHT FROM GERMANY.

A FOOLISH DISTINCTION

Mr. William Hodge, "author and star," had some remarks to make in regard to the dangers of criminal youth at the dinner of the Clerky Club the other day. At this dinner there were present a number of reformed criminals, and it was their presence no doubt which led to the discussion of the criminal problem.

Said Mr. William Hodge, "author and star", there are 900,000 Jewish, 500,000 Italian and 500,000 Irish youths in New York City who are potential criminals in the absence of proper environment. It appears to be the opinion of this author that only the immigrant element needs the proper environment to wean from its natural criminal instincts. All those who are born in this country are, by a special divine dispensation, rendered immune from all temptation: they do not need the proper environment.

There has been an illusion created in regard to foreign birth and criminality. It so happens that the majority of the population of New York City is foreign born, or at least of immediate foreign descent. Naturally therefore, the majority of its criminals (like the majority of its law-abiding citizens) will also be foreign born. From this circumstance it is easy for the shallow rhetorician to make the assumption that to be born abroad is to be born with lower moral instincts than those of the American.

Of course the assumption is as stupid as it is gratuitous. A criminal census taken, not in New York City, but throughout the whole country, will show that criminality is a pretty widespread evil, and its potentialities are residents in all peoples, American as well as Italian, Jewish or Irish. A few recent causes celebres has given the impression of a preponderance of crime among immediate descendants of foreigners, but we must not forget our Hall-Mills murders, our Ku Klux Klan outrages, our Herrin massacres, etc., etc.

And an interesting note in passing is that even among the "foreign criminals the majority

אַדיקאַלן אין קאָנגרעס מאַכען שלום מיט רעפובליקאַנער

אַמעריקע וועט נעבען דייטשלאַנד שפּייז הלואה אויף 75 מיליאָן דאָלאר

וואָהל-קאַמפּיין אין ענגלאַנד וועט גענומען ווערן מיט שמיינער

אנדיז פאלט אריין אין א באנק-געשעפטעל אין הארלעם, קומט ארויס פון דארט-מיט 4,000 דאלאר

קאן זיך שמדען און דאך בלייבן א אידישער נאציאנאליסט, פסק'ענט קאמוניסטישער אויטאריטעט

וויל זיין די ערשטע אינצומאנען דעם שפּיז הוב. — פראנק-רייך און בעלגיען זיינען נעמען דעם. — ענגלאנד און איטאליען זאלען אמעריקאס שפּייזהלואה אין בילבער פון שאד-ענערזאץ הוב. — נייער קאנצלער דאלט זיין ערשטע קורצע רעדע אין רייכסטאג.

עטליכע אין איסאליע זענען נייטיג אויפצוצופרעגן די רעסט פון דייטשען וועלט הוב אין איהם שטענדיג נידערע-רער. — אירער רעם חיב וואס דייטשלאנד וועט אינם ערשטען פון אפצאלען. פראנקרייך אין אפצאלונג. צוליב, זאגט מען, אז זיי זענען אין אפצאלונג.

זענען דעמיט, אז אראנכרייך וועט אויס אין שפּעטערע יאָרן 5 אין 10 מיליאָן אין אפצאלונגען פון דייטשלאנד, כדי כיסוי פאר אירע פארלוסטן. אבער אין דעם פאל האט אראנכרייך נישט קיין רעכט צו אפצאלונגען פון דייטשלאנד אויף אנדערע ווייזן, ווייל זי האט נישט אפגעשטעלט דעם קריג, נאר אדרבה, זי האט אים פארלענגערט, אין דעם זי האט נישט אנגענומען דעם פארשלאג פון אמעריקע, אז דייטשלאנד זאל באקומען אן אנדערן טערמין פון צאלונג.

אמעריקע האט אבער נישט קיין רעכט צו פארלאנגען, אז אראנכרייך זאל אפשטיין פון אירע פארלאנגען, ווייל אמעריקע האט נישט אנגענומען דעם פארשלאג פון דייטשלאנד, אז אמעריקע זאל אים הלואה געבען אויף 5 אין 10 יאָר, נאר אמעריקע האט פארלאנגט, אז דייטשלאנד זאל אים באצאלן אין 5 יאָר. דאָס הייסט, אז אמעריקע האט פארלאנגט, אז דייטשלאנד זאל אים באצאלן 75 מיליאָן דאלאר אין 5 יאָר, אנשטאט 50 מיליאָן דאלאר אין 10 יאָר.

קעסלער און זיינע צוהען חברים געפונען שולדיג פאר בוסלעניג

וואהל-קאמפיין אין ענגלאנד וועט גענומען ווערן מיט שמיינער

אימיגראנטען איבער דער קוואטע וועלען מארגען אפגעפירט ווערן קיין קענעדע

רעפובליקאנער וועלען ערלויבען ענדערונגען פון „רולס" נאר דריסט טעג — ראדיקאלען וועלען הייבט שטימען פאר דזשילעטט אלס ספיקער.—פרעזידענט קולידזש לייגט מאר-גען זיין מעסעדזש.

וואשינגטאן, דעצ. 5. — די ראדיקאלע קאנגרעסלייט וועם האבען אן ערשטאנ מער-הויבען אין קאנגרעס. צוליב דעם וואס זיי האבען נישט גענוג שטימען פון רעפובליקאנער, כדי צו דורכפירען אירע פלענער, וועלען זיי מוזען זוכען הילף בי די דעמאקראטען. אבער אויך אין דעם פאל וועלען זיי נישט האבען גענוג שטימען, ווייל אלע דעמאקראטען שטימען נישט מיט זייערע ראדיקאלע קאלעגען.

דער ערשטער טעסט וועט זיין ווען דער קאנגרעס וועט אנהויבען ארבעטען. דעמאלט וועלען די ראדיקאלע פארלאנגען אז דער ספיקער זאל אפשאפען דעם „רולס" וועלכער גיט אים מעגלעכקייט צו קאנטראלירען די ארבעט פון קאמיטעטן. אויב דער ספיקער וועט נישט אפשאפען דעם „רולס" וועלען די ראדיקאלע פארלאנגען אז דער ספיקער זאל אפרופען אלע קאמיטעטן, כדי זיי זאלען קענען אויסקלייבען נייע קאמיטעטן, וועלכע וועלען זיין מער פריינדלעך צו זייערע פלענער.

דער ערשטער וואס וועט פארגעשלאגען ווערן פאר דעם פלאץ פון ספיקער איז דזשילעט פון אילינוי, וועלכער איז אויך דער ערשטער וואס וועט פארגעשלאגען ווערן פאר דעם פלאץ פון ספיקער ווען דער קאנגרעס וועט זיך פארזאמלען אין דעצעמבער. דזשילעט איז אויך דער ערשטער וואס וועט פארגעשלאגען ווערן פאר דעם פלאץ פון ספיקער ווען דער קאנגרעס וועט זיך פארזאמלען אין דעצעמבער. דזשילעט איז אויך דער ערשטער וואס וועט פארגעשלאגען ווערן פאר דעם פלאץ פון ספיקער ווען דער קאנגרעס וועט זיך פארזאמלען אין דעצעמבער.

וואשינגטאן, דעצ. 5. — פרעזידענט קולידזש וועט מארגען לייגען זיין מעסעדזש פאר קאנגרעס. דער מעסעדזש וועט זיין אן אויסדרוק פון דער פאליסי פון דער רעגירונג אין אלע ענינים וואס בעטרעפען דעם פארהעלטעניש צווישען אמעריקע און אנדערע לענדער. דער מעסעדזש וועט אויך אנטהאלטען אן אויסדרוק פון דער פאליסי פון דער רעגירונג אין אלע ענינים וואס בעטרעפען דעם פארהעלטעניש צווישען אמעריקע און אנדערע לענדער.

וואשינגטאן, דעצ. 5. — דער הויפּטזשי-וואלסטאנד, וואס האט זיך שוין אנגע-הויבען אין ענגלאנד, צייכענט זיך אויס מיט די אויסגעצייכנטע אין האנדלען אר-בעטן וואס דער פרעזידענט אין זיין מעסעדזש וועט אנרופען אין קאנגרעס. דער פרעזידענט וועט אין זיין מעסעדזש אנרופען אין קאנגרעס אז עס זאל ווערן אנגענומען א נייע פאליסי אין אלע ענינים וואס בעטרעפען דעם פארהעלטעניש צווישען אמעריקע און אנדערע לענדער.

לאנדאן, דעצ. 5. — דער הויפּטזשי-וואלסטאנד, וואס האט זיך שוין אנגע-הויבען אין ענגלאנד, צייכענט זיך אויס מיט די אויסגעצייכנטע אין האנדלען אר-בעטן וואס דער פרעזידענט אין זיין מעסעדזש וועט אנרופען אין קאנגרעס. דער פרעזידענט וועט אין זיין מעסעדזש אנרופען אין קאנגרעס אז עס זאל ווערן אנגענומען א נייע פאליסי אין אלע ענינים וואס בעטרעפען דעם פארהעלטעניש צווישען אמעריקע און אנדערע לענדער.

טשעמבערלאין נעהמט אריין נעגאטיע אדלער סמאנעטן

פראנס, דעצ. 5 (אינט). — א נרוים-צאל אידישע סטורעטען, וועלכע זיינען אריינגעגאנגען נעגאטיע מיט אר-אוועזער, זיינען אין אפפאזיציע קעגן דעם פלאן פון דעם אינטערנעשענעל באנקיר-קאנסארציום, וועלכע וויל אנהויבען אפצאלונגען פון דייטשלאנד אויף דעם אפמאך פון פארסעילס. דער פרעזידענט פון דער רעפובליקאנער פארטי, סענאטאר לאדזש, האט אויך אויסגעדריקט זיין אפפאזיציע קעגן דעם פלאן.

עלף אז זיינער אין אוועזם האט דער רעפובליקאנער פארטי-לידער ניקאלאס לאנגוואָרט נעפארשעט זיך מיט פרעזי-דענטישע נאמינאציעס, האבען אנדערע פרעסלייט נעלסאן, סענאטאר אין וואר-זיכער פארטיפרענד פון פרעזידענט קולידזש, דערקלערט, אז ער איז נישט אין אפפאזיציע קעגן דעם פלאן פון דער רעפובליקאנער פארטי-לידערשאפט, אז ער וועט נישט אנטקעגן זיין אין דער נאמינאציע פון דער רעפובליקאנער פארטי-לידערשאפט, אז ער וועט נישט אנטקעגן זיין אין דער נאמינאציע פון דער רעפובליקאנער פארטי-לידערשאפט.

לויט דעם פארפאסונג וואס איז דער ריי-גירונג נעווארען, וועלען די פראנצויזי-שע סטורעטען נאר דזשילעט'ן אלס ספיקער אין דעצעמבער נעלעגן די רעפובלי-קאנער עריכיטן. אז די רעגולאציעס פון „רולס" זאלען קאנטן נעמערדרט ווערען. קראפס נאר דריסט'ן סטע אז דאן וועלען די ראדיקאלען קאנטן קאנטראלירן. וועלכע וועלען נישט שטימען פאר דזשילעט, וועלען נאר פארלאנ-גען אין דעם פרעסידענטער אונטערזוכט צו ווערן פון דער רעפובליקאנער קאנ-גרעס-קאקוס.

וויל עס ווערט נעמאלדעט, וואס מען האט אויך נישט קאנטראלירט דעם פרעזידענט קולידזש'ס מעסעדזש, וועלכער וועט אויסדרוקן דעם פרעזידענט'ס פאליסי אין אלע ענינים וואס בעטרעפען דעם פארהעלטעניש צווישען אמעריקע און אנדערע לענדער.

אימיגראנטען איבער דער קוואטע וועלען מארגען אפגעפירט ווערן קיין קענעדע

די לעצטע איינארדנונגען פאר דעם

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

היינקעל אין ניו יאָרק וואָס זעהט איצט איז מיט עטליכע הונדערט יאָהר צוריק

עס ווייגט נאָך דאָרט דא די היילען, וואו אינדיאַנער פאַמיליעס האָבען אמאל געוואוינט.

ווען מען פאָהרט אהער בראָנקס עטליכע אינדיאַנער פאַמיליעס, שווימאָלינגען מיט יענע אינדיאַנער וואס האָבען אמאל אלטע דאָ־ אין דער נייַער וועלט. אין אלע ערטער פון אמעריקע, ווי אויך אין אייראָפּע, זענען אלע אינדיאַנער שוין לאַנג אויסגעשטאָרבען, אָדער זיי זענען אַזוי פאַרמישט מיט אנדערע פעלקער, אַז מען קען שוין נישט זאָגען ווער עס איז אינדיאַנער. אין אמעריקע זענען נאָך פאַרבליבען עטליכע אינדיאַנער שטעמען, אָבער זיי לעבען שוין אויך נישט אין דעם אלטען אופן ווי פריהער. זיי האָבען שוין אנגענומען אמעריקאַנער מאָדעס, אמעריקאַנער שפּראַך, אמעריקאַנער מאָנירען, אמעריקאַנער קליידונג, אמעריקאַנער הויזען, אמעריקאַנער הוטען, אמעריקאַנער שיך

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג

"דער טאג" ברויגט ליכט

MORRIS WEINBERG, President
ISRAEL PALEY, Treasurer
Office: 185 E. B'way. Tel. Orchard 7.

Vol. VIII. No. 3293 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, DECEMBER 8, 1923. שבת, א' דר"ח כסלו, תרפ"ד. 1923 שבת, 8טער דעצעמבער, PRICE THREE CENTS

THE CONGRESS MESSAGE ON IMMIGRATION

THE PRESIDENT MAKES CLEAR HIS VIEWS; WHAT RELATION IS THERE BETWEEN RESTRICTION, REGISTRATION AND "GOOD CITIZENSHIP"?

The first message of President Coolidge to Congress has generally been hailed as a clear and concise statement of policy, devoid of unnecessary rhetorical flourishes, and devoted entirely to simple exposition of purpose. It, more than that, has been widely praised as a statement which shows "positive qualities of leadership" and which is "an inspiring appeal" to the whole nation.

One part of the message, of particular and special interest to many millions of citizens, that part which deals with immigration problems, may be said to deal with a fundamental issue. After all, one can hardly claim that in matters of taxation, reduction of national budget, administration of railways, tariff and so on, we have material which goes to rock bottom fundamentals in matter of "policy". These matters do not involve fundamental principles. They involve ability and common sense. They can hardly form the basis of an "inspiring message", certainly not in this case.

But immigration which touches the human question and which reflects the human spirit and temper of the country, does provide the occasion for a message which shall stir the finer feelings of men, which shall really bring into the weary and prejudice laden atmospere of the day a new and refreshing wind of tolerance and high spirit.

The following was the statement of the President on immigration:

"American institutions rest solely on good citizenship. They were created by people who had a background of self-government. New arrivals should be limited to our capacity to absorb them into the ranks of good citizenship America must be kept American. For this purpose it is necessary to continue a policy of restricted immigration. It would be well to make such immigration of a selective nature with some inspection at the source and based either on a prior census or upon the record of naturalization. Either method would insure the admission of those with the largest capacity and best intention of becoming citizens. I am convinced that our present social and economic conditions warrant a limitation of those to be admitted. We should find additional safety in a law requiring the immediate registration of all aliens. Those who

אויסגאנג פון זאהלען שאפט נייעם פאליטישען קריזים אין ענגלאנד; ארבייטער פארטיי זיגט

183 ארבייטער דעפוטאטען ערוועהלט. — ליבעראלען ערוועהלען 142 אין קאנסערוואטי־ווען 256. — אכט אדעז צווישען די ערוועהלטע.— אדישער ארבייטער קאנדידאט באזיגט מאנטר'ן. — לייבאר פארטיי פארנעמט אצ טצווייטען פלאץ אין פארלאמענט.

רעמסי מקדונאלד, דער פירער פון דער ארבייטער פארטיי אין ענגלאנד

לאנדאן, דעצ. 7. — די דעזולטאטען פון די אלגעמיינע וואהלען אין ענגלאנד נויטיגן, אז די פעלה סון דער קאנסערוואטיווער פארטיי איז סיעל גרעסער וויכטיגן הארץ פריהער ערווארטעט אין אז די לייבאר פארטי וועט איצט צוזאמען מיט דער ליבעראלער פארטיי האבען גענוג מאנדאטן צו שטיצען א רעגירונג פון איהרע אנהענגער. דאס איז אבער נאך ניט אלעס וואס דער וואהל־רעזולטאט האט אנגעוויזן. עס שטעהען נאך אויס באריכטען פון 62 דיסטריקטען. די רעזולטאטען אבער פון נאכצען לאנד זענען אזא מאנעלע:

קאנסערוואטיוון	256
לייבאר פארטי	153
ליבעראלען	142
צונדערע	10

בלויז צו האבען א סאליד־טעס אין פארלאמענט. איז נויטיג צו האבען 300 רעפוזאמען. די קאנסערוואטיוון פארטי ווערט איצט דערפאר איהס פערהיים פארטי.

צווישען די ערוועהלטע ראהלעבאנען נעמט זיך זיבען פרויען, צווויי פון זיי נעהערען צו דער לייבאר פארטי, נרע. זין וואהרווייז וועלבע אין נעלאזען אויס'ן וועג דער לייבאר "אויפרי אין דערוועגען. אלס זיי קומען צו דער מאכט, ווערט עס אויך אנדערש.

קלאנגען האבען זיך דא פארשפרייט, אז די קאנסערוואטיוון פארטי אונטער האנדעלס קוזין סיס די ליבעראלען וועט נאך א קאליציע, נאר די קאנסערוואטיוון וועלען פיהרער האבען נאך אלץ־דעם. לויט פאליטישע השערות איז נעמלעך, אז די ליבעראלען וועלען אויך נעמן אויף א קאליציע מוז דער לויד־דזשארדזש.

קאנגרעס גרייט זיך צום קאמף נעגען קולידזש'עם פראגראם

וואשינגטאן, דעצ. 7. — א גרויסער קאמף וועלט דא צונעגרייט מן דעם פרעזידענט־שאפט־קאנדידאטען צוליב אן דעם נעגען פרעזידענט קולידזש'ס פראגראם. ביידע זייטען האבען שוין אנגעהויבען צו מאבילאיזירען זייערע קרעפטען. אין סך־הכל וועלען איבער 20 מיליאן מענשען שטימען אין דעם קאמף. דער פרעזידענט האט אין זיין נייעסטער אויף צוזאמענגעשטעלט א קאבינעט, וועלכער איז אבער נאך ניט באשטעטיגט פון דעם סענאט. אין דעם קאבינעט זענען אריין: סענאטאר וויליס פון אינדיאנא, סענאטאר וואטסאן פון אינדיאנא, סענאטאר וויליאמס פון מיסיסיפי, סענאטאר וואלקאט פון קאלאראדא,

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

א וועלט אויף רעדלאך

דער אינטערנאציאנאלער בויקאטל רעגיס, וואס נעמט אנטיי פון יעדע נקמה

ג. ב. לינדער

דער אידישער „בונד"

סטם עקספלאז אין דזשיינר קעסס

די הונדערטע טויזענדע מענשען פון גאנץ אמעריקא האבען דורך ראדיא געהערט פרעזידענט קולידזש פארלעזען זיין ערשטען מעסעדזש צום קאנגרעס

א מעדקויזדיגער אייגענער בייטאג פון דער מארגער וויסענשאפט — פון ד. באראדזין

די מערקווירדיגע קאריערע פון א פרוי באנדיטקע אין א סטודענטען היטעל

מראכישע אין קאמישע פאטריגען אריסגעטסקן פון די אידישע ציימונגען אין איכלאנד

מיינע צווי יאהר אין סאוועט רוסלאנד

פון עמא גאלדמאן

וועז איהר ליידעט פון קאם שמערצען

קיימס אין אייער דראז־סטאר א 10 סענטינען פעקעדזש

יאם

אז אייער קאפ־סטערצען וועט כאלד פארביגעי.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

אמט מעקדאנאלד וועט אננעהמען אנבאט צו וועלן פרעמיער

"דער טאג" בריינגט ליכט

דער טאג The Day

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

JOSEPH WEINBERG, President
BERNAR FALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard 7166

Vol. VIII. No. 8295 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK MONDAY, DECEMBER 10, 1923. מאנטאג, זאת חנוכה, תרפ"ד. 1923 מאנטאג, 10טן דעצעמבער, PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: PERTINAX ON COOLIDGE; THE LOAN FOR GERMANY; BUTLER ON FOOTBALL.

PERTINAX IMPERTINENCE

"Pertinax" is one of the famous journalists of France, the editor of the Echo de Paris, and one who is generally conceded to wield enormous influence in French and in European political circles. Pertinax has been one of the most pertinacious of the pro-Poincarists, one of the fiercest of the opponents of all suggestions that there be any change in the attitude of France toward Germany, and one of the first to resent any hint of American intervention. And when Pertinax comments on the speech by President Coolidge, with its almost complete "hands off" policy, one might have thought that Pertinax would be happy.

Pertinax, however, takes occasion to make some sarcastic comment. To him it appears that President Coolidge's address to the American Congress is "suggestive of the pulpit rather than of the rostrum."

It is an amazing comment for this man to make. For the last year his idol, Poincare, has been going from cemetery to cemetery in France, and delivering his now famous Sunday sermons. Before long there will not be a cemetery left in France for Poincare to make a new sermon of German hate from; and either he will have to start the round again, or else he will have to start on the cemeteries of England and America. For an admirer of Poincare, then, to talk about a touch of the sermon in Coolidge's address is indeed an example of the most astonishing sort of lack of self-consciousness.

As a matter of fact the foolish jibe was prompted less by direct than by indirect motives. Coolidge is not as popular in France as Harding was. Coolidge did make some sort of overtures to France, and France had to reject them. And to that extent France was brought nearer a showdown. And neither Poincare nor any of his friends, or the advocates of his policies, can feel much affection for the American President.

GERMANY NEEDS A LOAN

In one of his messages from

נייז מעגשען דער הרג'ס אין באהן צוזאמענשטויס

עדות דערקענען דעם אטאליענער פארני אלס אייגעם פון די באטיליגטע אין ברוקלינער באנק-מארד

איינער פון די באטיליגטע אין דעם באנק-מארד, וועלכע איז אויך אנגעקלאגט אלס איינער פון די וואס האבן אנגעפירט דעם מארד, האט היינט אין געריכט אויסגעזאגט קעגן זיינע מיטשולדיגע. ער האט דערציילט, אז ער האט אויך אנגעפירט דעם מארד, אבער ער האט עס נישט געטון פון זיך אליין, נאר אויף באפעל פון זיינע מיטשולדיגע.

ער האט אויך דערציילט, אז ער האט אויך אנגעפירט דעם מארד, אבער ער האט עס נישט געטון פון זיך אליין, נאר אויף באפעל פון זיינע מיטשולדיגע.

ער האט אויך דערציילט, אז ער האט אויך אנגעפירט דעם מארד, אבער ער האט עס נישט געטון פון זיך אליין, נאר אויף באפעל פון זיינע מיטשולדיגע.

באהן באאמטע באשולדיגען אינדושיניר

אפקויט ווילג אן ליבעראלען ואלען שטיצען ארבייטער; קלאגג אן באלדווין ווען אינגיבען רעזיגנירען

מעקסיקאנער רעוואלוציאנערן פאר- באפען הויפטשטאדט פון ווערא קרוז

ראמענבערג, פאטער פון ערמארדעטן אנגעל, פארשפרעכט א מענמ- ציאנעלע אויפדעקונג

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

גאסטן

די נרויסע שפארט

— טון —
פרץ הירשביין

וואס פאר אן אינדרוק אמעריקע האט געמאכט אויף איינעם פון די זיילען פון מאסקווער קונסט-טעאטער

אין איטאליאנישן מוזיי אין פלארענץ, די אלטסטה פון נרויסען רוסישן שריפטשטעלער מאקסים גארקי, אין אירע יונגע יאהרן

אין איטאליאנישן מוזיי אין פלארענץ, די אלטסטה פון נרויסען רוסישן שריפטשטעלער מאקסים גארקי, אין אירע יונגע יאהרן

— פון דעם בוך "מיינע צוויי יאהר אין סאוועט רוסלאנד" —

דער מאסקווער קונסט-טעאטער, וועלכער האט שפעטער אנגענומען דעם נאמען מאסקווער קונסט-טעאטער, איז אין יאהר 1903 אויפגעשטאנען. אין יענע צייטן האט דער טעאטער נאך נישט געהאט קיין אייגענעם היים, נאר ער האט נאך נישט געהאט קיין אייגענעם היים, נאר ער האט נאך נישט געהאט קיין אייגענעם היים, נאר ער האט

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

קולידוש וועט שיקן קאמיס'ע צו שאדענערזאץ קאנפערענץ

דער טאג The Day

"דער טאג" ברייגנט ליכט

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

MORRIS WEINBERG, President
ROBAH PALEY, Treasurer

Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard, 7...

Vol. VIII. No. 3297 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, DECEMBER 12, 1923. כ"ט כיסליו, ר' מכת, תרפ"ד. 12טן דעצעמבער, 1923. PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: KILLING THE BONUS; A CONSTITUTIONAL MONARCH; QUACKS IN NEW YORK CITY.

TAXES AND THE BONUS

There is good reason to believe that the flat refusal of President Coolidge to have anything to do with a bonus will deal the death-blow to the propaganda which has now been going on for over four years. The difference between the refusal of President Harding and that of President Coolidge is that the first was conditioned on the finding of a method by which the payment would be made and the second, dealing with the merits of the case, rejected the plea summarily.

The strength of the rejection lies not so much in the arguments which accompanied it — though these are cogent — as in the fact that the country is faced with a prospect of reduction in taxes — a much needed and much desired relief. But this is common enough in politics — that a case should stand or fall not by its own merits of some related contigency.

There are undoubtedly hundreds of thousands of former soldiers who have been led to believe that getting the bonus was merely a matter of time and pertinacity, and that ultimately it would be obtained. These will feel disappointed. If so, the fault belongs to those who have fostered the idea and so persistently pushed it during the last four years. Even under the name of "an adjusted compensation" bill the idea was never attractive or even defensible. You cannot "compensate" men for having been in the army; the idea that compensation is in place is in itself ignoble. There was a time when a generous measure could have been urged for the relief of those who, through service in the war found themselves in straightened circumstances — apart, of course, from those who had been actually disabled. But this has nothing to do with a blanket reward, and should not be confused with it.

And the sooner all talk of a general bonus is dropped, the better for the country as a whole and certainly the better for the

פארהאלטענע קוואטא קרבנות טארן ניט צוריקגעשיקט ווערן, פסק'ענט געריכט; פרעמדשפראכיגע ציטונגען ארגאניזירט צו באקעמפן נייע אימיגראציע באשרענקונגען

אידיש ווייבעל שיסט איהר מאן צום טויט „אויס ליבע"

פרס. עלסי גראס, 25 יאהר אלט, איז נעווען אריסגעכאפט אויף איהר מאן. — רעווולווער נעפונען נעמ אין קעשענע פון איהר קליידר. — אומגליק נעקומען נאר א קרצ צוריזשען פאר־פאלק.

נאר א קריג כיים פרידשטיק נעק־טען פרוי. האט די 23־יעהרינע פרס. עכיע נראס דערשאסען. איהר 23־יעה־רינער מאן, אוירווינג נראס. קאם פאר־שפאלק האט נעווארנט אויס'ן דעפוטען שמאק האט אראנגירן עווענט.

דער עראפארטער יונגערמאן איז נעווען באפאסאדזס קלויבק. מען נלויבט, אז די פרוי האט זיך נעקרישנט מים איהר מאן, וויל זי איז נעווען עטהר אריסגעוואקסן.

פרס. נראס זאגט, אז איהר מאן איז אומנערן נעשאפען נעווארן. זי דער־צעהלט, אז ער איז כיים פריהשטיק זיך נעשטעלט אן מים, אין אריינ־נעלאפען אין צוויי־טען צימער און ער־וארטעד אומנעדולדיג מים זיין דערשאסענעם. אז ער זעט דעם ווייבעל, ווי זי ליגט אויף דער ערד, אין בלוט שווימענדיג, האט ער זיך אויפ־נעהויבן און אויסגערופן: „מיין ליבע, מיין ליבע!" ווי ער איז אויפ־נעשטאנען, האט ער נאכאמאל אויסגערופן: „מיין ליבע!" און איז אראפ־נעלאפען מים דער פיסטאל אין דער האנט.

ווי ער איז אראפנעלאפען, האט ער נאכאמאל אויסגערופן: „מיין ליבע!" און איז אין דער ערד אריינ־נעפאלן.

אימיגראנטען וועלען דערווייל ניט פא־רעו־קיין קענעדע ווי געפלאנט

טאראנטא פון יוניטעד סטייטס דיסטריקט קאורט ניט אלעמ ענטשיידונג, אז נאוואסכער קוואסא איז ניט פול.

— דאס ארויפרעכענען פון פריהערינע חודש־קוואסאס איז נאוואסכער אומנעזעצלעך. — עקס־קאנגרעסמאן סינקלער נעווינט טעסטי־קיים אין נעריכט. — לואי מאר־שאל ויכער אימיגראנטען וועלען בלייבן אין אמעריקע.

טארם. עלסי נראס, 25 יאהר אלט, איז נעווען אריסגעכאפט אויף איהר מאן. — רעווולווער נעפונ־נען אין קעשענע פון איהר קלייד. — אומגליק נעקומען נאר א קרצ צוריזשען פאר־פאלק.

נאר א קריג כיים פרידשטיק נעק־טען פרוי. האט די 23־יעהרינע פרס. עכיע נראס דערשאסען. איהר 23־יעה־רינער מאן, אוירווינג נראס. קאם פאר־שפאלק האט נעווארנט אויס'ן דעפוטען שמאק האט אראנגירן עווענט.

דער עראפארטער יונגערמאן איז נעווען באפאסאדזס קלויבק. מען נלויבט, אז די פרוי האט זיך נעקרישנט מים איהר מאן, וויל זי איז נעווען עטהר אריסגעוואקסן.

פרס. נראס זאגט, אז איהר מאן איז אומנערן נעשאפען נעווארן. זי דער־צעהלט, אז ער איז כיים פריהשטיק זיך נעשטעלט אן מים, אין אריינ־נעלאפען אין צוויי־טען צימער און ער־וארטעד אומנעדולדיג מים זיין דערשאסענעם. אז ער זעט דעם ווייבעל, ווי זי ליגט אויף דער ערד, אין בלוט שווימענדיג, האט ער זיך אויפ־נעהויבן און אויסגערופן: „מיין ליבע, מיין ליבע!" ווי ער איז אויפ־נעשטאנען, האט ער נאכאמאל אויסגערופן: „מיין ליבע!" און איז אראפ־נעלאפען מים דער פיסטאל אין דער האנט.

דייוויס אפעלירט נאך אמאל פאר באשרענקונגען

א נעריכטליכע אויסטיידונג האם נעטאן /נעמעדיגט דעם צישטאנד פון די כיי ארמס פארהאלטענע אימיגראנ־טען אין פארהאלטענע אימיגראנ־טען אין פריהערינע אימיגראנטען נעמאכט מים קוואסא אין נעווענדעד.

די אנטשיידונג וועם וואהרשיינליך אויך זיין ניטפול פאר אלע אנדערע פאר־האלטענע צוזיכ דער נאוואסכער קוא־מא. דאס איז יעדענפאלס די מיינונ־נ נאר פון עקס־קאנגרעסמאן סינקל־ר, אז די ערשטע פארשלאג, אין אויפ־נאר פון לואים פארשאל, אין אויפ־דעם נרונד האט דער דעפארטמענט פון ארבעט אפעלירט צו דעם פרעזידענט, אז ער זאל פארלאנגען, אז די אימיגראנטען זאלען אויסגעשיקט ווערן אויף דעם נרונד, אז זיי האבען נעהאט טובערקולאזיס, איז ניט נענוג נעווען. אין דעם בריוו האט דער דעפארטמענט פון ארבעט נעזאגט, אז אויב אזעלכע אימיגראנטען ווערן אויסגעשיקט, זאלען זיי ניט דערלויבט ווערן צוריקצוקומען.

ארגאניזאציע געשאפען אדי איניציאטיוו פון „טאג"

ערשטע קאנפערענץ נעכטען פארנג־קומען אין פענסילוויניע האטעל

רעזאלוציעס אין אריסנעבער פון פרעמד־שפראכיגע ציי־טונגען באשליסען ארויסצוגעמען א עמיינואמען קאמפ נעגען דעם דושאנסאן ביל צו רעוויזידען די קוואסא. — מעמאראנדום ווערט נעשיקט צום קאנגרעס. — מאסענפארזאמלונגען פון פרעמד־שפראכיגע אמעריקאנער בירגער נעגען באשרענקונגען נעפאלגט.

ווי מיר האבען שוין נעמעלדעט, האט דער „טאג" אויפגערופן א קאנפערענץ פון דרי־פערטל מיליאן פרעמד־שפראכיגע בירגער פון דעם לאנד, כדי אויפצוטאן א פראטעסט קעגען דעם נייעם אימיגראציע־ביל, וועלכער איז אריינגעבראכט נעווארן אין קאנגרעס פון דער פענסילוויניע דעלעגאציע.

דער קאנפערענץ, וועלכע איז נעווען אויף דער אריגינעלער צייט פון נאר אכט טעג, איז אבער נעווען אזוי נרויס, אז מען האט זי אריבערנעטראגן אין דעם נרויסן זאל פון דער אריגינעלער פלאץ, וואו עס זענען נעווען איבער טויזנט מענטשן.

ווי מען האט נעהערט פון דער פארזאמלונג, האבען אלע רעדנער, וועלכע האבען נעהאלטן רעדעס, אויסגעדריקט זייער שטאנד־פונקט, אז דער ביל איז נאר איין טייל פון דער נאנצער אנטי־פרעמד־שפראכיגער בעוועגונג, וועלכע האט זיך אנגעהויבן נאך דעם קריג, אבער איז נאך ניט נענוג אויסגעדרייט נעווארן. אלע רעדנער האבען נעזאגט, אז דער ביל איז נאר א פראבע־בלאז, כדי צו זעהן, ווי ווייט מען קען נעהן אין דער ריכטונג פון אויסשליסן אלע פרעמדע עלעמענטן פון אמעריקע.

דער פרעזידענט פון דער פענסילוויניע פעדעראציע פון לעבער, הער סעמועל גאמפערס, האט נעזאגט, אז ער האט נעהאט נאר איין ווארט צו זאגן, און דאס איז: „פראטעסט!" ער האט נעזאגט, אז ער האט נעהאט נאר איין ווארט צו זאגן, און דאס איז: „פראטעסט!" ער האט נעזאגט, אז ער האט נעהאט נאר איין ווארט צו זאגן, און דאס איז: „פראטעסט!"

געוואלט זיין אמעריקאנער אין אמעריקע, אבער מען לאזט ניט

דער ווילסאן־ביל, וועלכער איז נעווען אריגינעל אריינגעבראכט אין דער סענאט פון דער פענסילוויניע דעלעגאציע, האט נעהאט אין זיך נאך מער ווי דרייסיג אנדערע ביללס, וועלכע זענען נעווען אריינגעבראכט אין דער סענאט און אין דער קאנגרעס פון פארשיידענע שטאטן, אבער אלע זענען נעווען אזוי שלעכט, אז מען האט זיי נאר מיט מי־נימום פון דעבאטע אפגעשטעלט.

דער ביל, וועלכער איז אריגינעל נעווען אריינגעבראכט אין דער סענאט פון דער פענסילוויניע דעלעגאציע, האט נעהאט אין זיך נאך מער ווי דרייסיג אנדערע ביללס, וועלכע זענען נעווען אריינגעבראכט אין דער סענאט און אין דער קאנגרעס פון פארשיידענע שטאטן, אבער אלע זענען נעווען אזוי שלעכט, אז מען האט זיי נאר מיט מי־נימום פון דעבאטע אפגעשטעלט.

רבי מאיר פייערט 30 יאהר טעטינקייט

מאסקווא (אינפא), דעצ. 12—דעם שבת איז אין „דער נויי־טיקער שול" נע־פייערט נעווארן דער 30־יעהריגע יובל פון דער טעטינקייט פון רבי מאיר אנשלאוסקי. ווי באקאנט, איז ער איינער פון דרי רבנים, וועלכע זענען נעבליבן אין דער ראטן־רעגירונג נאך דער אויפ־לעזונג פון דער ראטן־רעגירונג פון קעראנסקי. ווי ער האט זיך אויסגעדריקט, האט ער זיך נעהאלטן אין דער ראטן־רעגירונג נאר אויף דעם נרונד, אז ער האט נעהאפט, אז ער וועט קענען נוץ שאפן פאר זיין פאלק.

נאכאמאל איף אידען לכבוד קריסטוס'עם נעבורטסטאג

לינדאו (אינפא), דעצ. 12. — ווי מיר ערפאלגן, ווערט אויך דאס יאהר אין פארשידענע לענדער פון קאנטינענטאל־אייראפע פארנומען דער קאמפ קעגען דעם אידישן רעליגיעזן לעבן אין פארבינדונג מים קריסטוס'ס נעבורטסטאג. אזוי ווי פאר עטליכע יאהר צוריק, האבען אויך דאס יאהר אין פארשידענע שטעט פון דייטשלאנד פאראנסטאלטעט אנטי־אידישע פראטעסט־פארזאמלונגען, וועלכע זענען נעווען באזוכט פון טויזענטער מענטשן. אין לינדאו האט אויך דער פראטעסט נעהאט אן אנטי־אידישן כאראקטער.

אלע מוסטעז אין ארץ ישראל פארדייפאכט

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

עמא גאלדמאן: דערצעהלט פארוואס זי האט זיך אנגעשלאסען אן דעם מוזיאום פון דער רוסישער רעוואלוציע

„מאנ" דרוקט היינט דעם פערצעהנטען קאפיטעל פון עמא גאלדמאנס בוך „מיין צווייי יאהר אין סאוועט רוסלאנד". — דער פובליצהנמער קאפיטעל על וועלם ערשיינען קיבענדען שבת אין „מאנ".

קאפיטעל 14

איך שליים זיך אן אין דעם מוזיאום פון דער רעוואלוציע

דער מוזיאום פון דער רעוואלוציע נעמט זיך אין וויי־נער פאלאץ. אין דער אפטיילונג, וואס איז שכאל נעמוצט נע־וואלם אלם וואוינונג פאר די קליינע קינדער פון די אריסנאנג צו דעם סייל פון פאלאץ אין כאפאנט פלם „דעספסי פאדיעוד". פון די פענסטער פון דעם פאלאץ האט מען שכאר אסם נעמוזם אריבערקוקען אויף יענער זייט פון דער פעטר־סאוט־אלוואוסקער סטכטונג, דעם לעבערע־יך פון וויינע פאליסיטע שוגאים. ווי אנדערש אלץ איז אימע! דער נערוואנ האם אנגעצונדען סיין פאנטאזיע. דער ווינטער ווערט ערקוקען הא מיך פארוואנדערט אוי נאיי־ברס, ווען איך האב דאם ערשטע מאל באזוכט דעם מוזיאום.

איך האב נעזוכט דאדטען נרוזען מענער אין סרוינ־יי דער רעוואלוציע אין די אכדיירונג ציכערע. עמ פינ א ווייער אויבערמאנטלע, ציטערדנדיג פון פעלט, ווייל איך נעזוכט אסם נעזוכט צו נעהן אהיים נאך דער אבדיים, עסיג דעם פארטיי־כאליים. סיר זענען נעקומען. וויבעצהען שפונדען לעבען סיר אויף א שסיקעל ברוים און א ביסל „סיסיקאס" (נע־זאסענע וואסער). וווייטען דען די באזוכער עפעס וועגען אונז?

די רוסים זענען פארטיגעוועזט נעווארען, דעם אינסער־כאציאנאל האם מען נעווענען צום צעמנמען מאל. די פאס־דאזען האבען איר קונציג פוישפירט. די פאסשערם אויף דער פאלאסצאדע האבען נישטאוואנדען פון סיר. א כלאסער שאסען איז נאר נעבליבען, א פאנטאפ סיט א קרומען שפייבל, וואס האם נעדריפם סיין הארץ.

אויף דעם אוריצקי סקווער זענען די פאסען סיצער נעווא־ען פון לאנגען וואראסען. מען האם זיי דארטען נעהאלטען ספונדעגלאנג איידער די איסאליישיע סיסיע איז אנגעקו־מען פון דעם פאוועריישע סיסיע איז אנגעקומען. איך בין נעזעסן אויף דער ווינדשיסע פון דער פאלאצ־ינען. ווען די צערעמאניעס הא־נעהויבען, האם א בלייבע, אויסנעפאפערטע פרוי אין אנגעקומען פון אירע קינדער. דאס איז נעווען אן אלטע פרוי, וואס איז שכאל נעמוצט צו ווערען אין דער רעוואלוציע. איר מאן איז נעווען איינער פון די פירער פון דער בולשעוויקי־סער פארטיי. אין דער אפטיילונג, וואס איך בין נעזעסן, האבען זיך נעפונדען אכט אדער צען פרויען, וואס זענען אלע נעווען אקטיוו אין דער רעוואלוציע. אלע האבען נעהאט קינדער, וואס זענען אויפגעוואקסען אין דער סאוועט־רעפובליק. אלע האבען נעהאט אויך מאנען, וואס זענען אלע נעווען אקטיוו אין דער רעוואלוציע. אלע האבען נעהאט אויך מאנען, וואס זענען אלע נעווען אקטיוו אין דער רעוואלוציע. אלע האבען נעהאט אויך מאנען, וואס זענען אלע נעווען אקטיוו אין דער רעוואלוציע.

איך האב נעפונדען דאדטען נרוזען מענער אין סרוינ־יי דער רעוואלוציע אין די אכדיירונג ציכערע. עמ פינ א ווייער אויבערמאנטלע, ציטערדנדיג פון פעלט, ווייל איך נעזוכט אסם נעזוכט צו נעהן אהיים נאך דער אבדיים, עסיג דעם פארטיי־כאליים. סיר זענען נעקומען. וויבעצהען שפונדען לעבען סיר אויף א שסיקעל ברוים און א ביסל „סיסיקאס" (נע־זאסענע וואסער). וווייטען דען די באזוכער עפעס וועגען אונז?

די רוסים זענען פארטיגעוועזט נעווארען, דעם אינסער־כאציאנאל האם מען נעווענען צום צעמנמען מאל. די פאס־דאזען האבען איר קונציג פוישפירט. די פאסשערם אויף דער פאלאסצאדע האבען נישטאוואנדען פון סיר. א כלאסער שאסען איז נאר נעבליבען, א פאנטאפ סיט א קרומען שפייבל, וואס האם נעדריפם סיין הארץ.

אויף דעם אוריצקי סקווער זענען די פאסען סיצער נעווא־ען פון לאנגען וואראסען. מען האם זיי דארטען נעהאלטען ספונדעגלאנג איידער די איסאליישיע סיסיע איז אנגעקו־מען פון דעם פאוועריישע סיסיע איז אנגעקומען. איך בין נעזעסן אויף דער ווינדשיסע פון דער פאלאצ־ינען. ווען די צערעמאניעס הא־נעהויבען, האם א בלייבע, אויסנעפאפערטע פרוי אין אנגעקומען פון אירע קינדער. דאס איז נעווען אן אלטע פרוי, וואס איז שכאל נעמוצט צו ווערען אין דער רעוואלוציע. איר מאן איז נעווען איינער פון די פירער פון דער בולשעוויקי־סער פארטיי. אין דער אפטיילונג, וואס איך בין נעזעסן, האבען זיך נעפונדען אכט אדער צען פרויען, וואס זענען אלע נעווען אקטיוו אין דער רעוואלוציע. אלע האבען נעהאט קינדער, וואס זענען אויפגעוואקסען אין דער סאוועט־רעפובליק. אלע האבען נעהאט אויך מאנען, וואס זענען אלע נעווען אקטיוו אין דער רעוואלוציע. אלע האבען נעהאט אויך מאנען, וואס זענען אלע נעווען אקטיוו אין דער רעוואלוציע. אלע האבען נעהאט אויך מאנען, וואס זענען אלע נעווען אקטיוו אין דער רעוואלוציע.

פאלקס טריבונע

וועגן פארלאנגונג צוריקצוגעבן דער עסט־ריקאן רושאש קאמיטע אן דעם אידישן קאנגרעס

נעשריבן פאר דעם „דע":

דער רעדאקטיאל פון „דע" האט מיר איבערגעשיקט דעם ברוף פון דער רושאש קאמיטע, וועלכע האט אין אפריל 1919 אין פאריז אפגעהאלטן דעם ערשטן אידישן קאנגרעס נאך דער מלחמה, מיט דער בקשה, אז איך זאל אים צוריקגעבן דעם מאנדאט, וואס דער קאנגרעס האט מיר נעגעבן אלס דעלעגאט פון דער אידישער פאליטישער פארטיי אין אמעריקע.

איך בין נישט אפגעניגט צו טון דעם וואס מען פארלאנגט פון מיר. איך האב מיין מאנדאט נישט נעגעבן פאר קיין ספעציעלע צוועקן, נאר פאר דעם, וואס דער קאנגרעס זאל אויפבויען א נייע אידישע פאליטיק, וואס זאל אנטהאלטן אלע אידישע פאליטישע פארטיעס, אן אויסנאמע פון די בולשעוויקי, וועלכע האבען זיך אויסגעשיידט פון דער אידישער סאציאליסטישער פארטיי, וואס האט אויפגעהערט צו עקזיסטירן, ווי אויך אלע אנדערע פארטיעס, וועלכע האבען זיך אויסגעשיידט פון דער רושאש קאמיטע.

דער קאנגרעס האט אבער נישט אויפגעבויט קיין נייע אידישע פאליטיק, ווייל ער האט נישט נעהאט קיין פאליטיק. ער האט נאר נעהאט אין זיך אלע אידישע פאליטישע פארטיעס, אן אויסנאמע פון די בולשעוויקי, וועלכע האבען זיך אויסגעשיידט פון דער רושאש קאמיטע, וואס האט אויפגעהערט צו עקזיסטירן.

דער קאנגרעס האט אויך

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

היינט ביינאכט וועט מען מיך דערשיסען ווײל איך האָב אמאל געקרײגען בילדונג"

אריינדרוקן פון פּערזענאַוליטעט אין שליסעלבורג — פון עמא גאלדמאן.

"נאָר הרוקם היינט דעם פּופּצהנטען קאפּיטל פון עמא גאלדמאן'ס בוך "מײַנע צוויי יאָהר אין סאוועט רוסלאנד". — דער נעקסטער קאפּיטל וועט ווען ער קומט אויס "טאג".

מזבח קאפּיטל

בײַם פּאָליטישן אויסוואָרף אין שליסעלבורג

... איך האָב באַשלאָסן נעמען א שמיכעל צוים. ... איך מעלדיך זיך פאר אונז שפּעטסטנס דעם איך ... צוים מעלדיך זיך פאר אונז שפּעטסטנס דעם איך ... צוים נעמען, וואָס האָט זיך פאר מיר נע... ... איך האָב באַשלאָסן נעמען א שמיכעל צוים, וואָס האָט זיך פאר מיר נע... ... איך האָב באַשלאָסן נעמען א שמיכעל צוים, וואָס האָט זיך פאר מיר נע... ... איך האָב באַשלאָסן נעמען א שמיכעל צוים, וואָס האָט זיך פאר מיר נע... ... איך האָב באַשלאָסן נעמען א שמיכעל צוים, וואָס האָט זיך פאר מיר נע...

וועגן, נדיים צו שיפען מאר דער קלענסטער אפּטרעטונג פון די פּאַרטיזאַנען.

אזן אין דער ציים, וואָס די פּאַרשפּאַרטע אזן נעפּענ־ פּעטע האבן אויבער דער נשקטער סטעשקע, האָבען די אלטעסטינע דאָשנאַוות אַרויסנעפּוקט פון דעם ווינטער פּאַלאַץ, צו דעק נאָלדענעם מורקס־שפּיץ, וואָס האָט זיך אַרויסגעוואָרפן פון דער סטעפּאַנע! פון דער פּאַרטיזאַנען־ אויטאָריטעט אויף זיי אויבערצוציען. דאָס איז זייער פּאַראַדאָקסאַלע סיטואַציע: פּאַרטיזאַנען פּאַרטיזאַנען פּאַרטיזאַנען

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ביינעם ליכט

Published Every Day by the JEWISH DAILY PUBLISHING CORPORATION

MORRIS WEINBERG, President
BERMAN FALEY, Treasurer
Office: 582 S. 5th St., Philadelphia, Pa.

Vol. VIII. No. 2302 MONDAY, DECEMBER 17, 1923. מאנטאג, 17טן דעצעמבער, 1923. PRICE THREE

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: — AMERICANS AND AMERICANISM; A QUEER PHENOMENON IN WARSAW; OUR NEW YORK JEWISH LIBRARY.

"AMERICA FOR AMERICANS"

It is an old slogan which has been given new currency: "America for the Americans." We have heard it in every country, with all its racial variations. And everywhere it has had the same connonation.

"America for the Americans" cannot be called exactly a noble ideal. It does not mean anything in particular. It does not imply anything affirmative. It is a mob-shout.

It was the peculiar distinction of this country, of America, said Lord Bryce years ago, that Americans loved their constitution more than their country: that Americans were prouder of their democratic way of life than of their soil. In other words, they were prouder of the ideals of their country than of its purely physical existence.

Such a distinction was as high acompliment as can be paid to any country. One does not recall that such a thing can be said of Russians, or Frenchman or German. There was certainly love of the country's institutions: but this was vague and meaningless. In America it was the ideal of liberty as embodied in a sacred constitution, which drew the strongest loyalty of men.

And it would be a great pity to substitute for this idealism the blind mob self-adulation of the old world. The cynic may say that the reason for American love of constitution was not higher idealism, but the fact that there was not yet sufficient unity of type to make mob passions possible, that now, with the gradual emergence of a type was bringing us down to the level of the old world.

There ay be a grain of truth in this: but those who have loved the idea of a country dedicated to an ideal rather than to adulation of self, will regret the change and will fought against it. "Americanism" come before "Americans."

A WARSAW JEWISH RIOT

It is a strange story which comes from Warsaw, the story of Jewish internecine strife — the storming of the Jewish community building by orthodox students — yeshivah bochurim. In pre-

פּראָנקאַרע ענטזאָגט דיטשען פּאָרשלאָג צו רופען א נייע עקאָנאָמישע קאָנפערענץ

טוט אוים גלח׳שע קלייד׳ער אוו לאוט זיך ניט צווינגען צו גלויבען אין אומשולד פון יעזום׳ס מוטער

וועלכער האט זיך אריסגעוואונט נעבען דעם גלויבען אין דער מוהטע כריס׳ס כתולה׳שאפט אוו אין דערפאר נעשטעלט נעווארען פאר א נייסאליגן נעריכט אזא אפיקורסות. דר. פּאראפּס האט ערקלערט, אז ער פּאדטרט אויף כושפּא מאכונג צו שטעלען אויהס אזאיען נעריכט אויב ער הנצמט, אז ער, פּאראפּס, אין נים ראוי צו זיין קיין נייסאליכער. כּמן ערווארפן, אז דר. פּאראפּס׳ס ערקלערונג זאל זיין א סיגנאל צו א נחישען קאמף אין דער עפיסקאפּאלי־ שער קירך צווישען די ליבעראלע אוו קאנסערוואטיוע גלחים.

דעוט. דר. ליטמאן פּאראפּס, א פּראפּ סיגנעטער עפיסקאפּאלישער גלח, האט דעם גלויבען אין דער מוהטע כריס׳ס כתולה׳שאפט אוו אין דערפאר נע־ שטעלט נעווארען פאר א נייסאליכען נעריכט אזא אפיקורסות. דר. פּאראפּס האט ערקלערט, אז ער פּאדטרט אויף כושפּא מאכונג צו שטעלען אויהס אזאיען נעריכט אויב ער הנצמט, אז ער, פּאראפּס, אין נים ראוי צו זיין קיין נייסאליכער. כּמן ערווארפן, אז דר. פּאראפּס׳ס ערקלערונג זאל זיין א סיגנאל צו א נחישען קאמף אין דער עפיסקאפּאלי־ שער קירך צווישען די ליבעראלע אוו קאנסערוואטיוע גלחים.

שחיטה מעטאדען גומנעהיימען פון קריסטען אין ענגלאנד

אידישער מיניסטער פון לימא אויך וחתנהג פון דעם שחטען בקאדר אין לאנדאן. — פּליכטלינגע אין הימ־ ניען מוזען פארבליבען כיז נאך העצעמבער.

לאנדאן, דעצ. 17. (אינפא). — די פאר נאמלונג וויזונג פון דער „באארד אוו רושאויש רעשיטס", די ענגלישראשט, וועלכע פארמאגט די אויטאריטעט אין כעלנישע אנגעלעגענהייטן, האט נעסטערן מאנט אידיש שחטה (קהלות פון ענגלאנד האט זיך כאשעפטיגט היינט מיט דער פראגע וועלכע מיטלען מען זאל נעמען צו פּראטעסטירן קעגען דעם נעזעץ וואס פארבאט דעם שחטה אויף נים־יודישע פלייש. אין דער דעבאטע וואס האט זיך נעפירט אין דעם הויז אוו לארדס האט דער ערצבישאף פון קענטערבורי, דר. דזשי. ה. טומפּסאן, דערקלערט, אז ער פּערזענלעך איז נים נעגען דעם נעזעץ, אבער ער האלט אז עס איז נישט נוט־ וועניג אז מען זאל אים אנדערן. דר. פּאראפּס האט נעזאגט, אז ער איז נים נעגען דעם נעזעץ, אבער ער האלט אז עס איז נישט נוטוועניג אז מען זאל אים אנדערן. דר. פּאראפּס האט נעזאגט, אז ער איז נים נעגען דעם נעזעץ, אבער ער האלט אז עס איז נישט נוטוועניג אז מען זאל אים אנדערן.

פּרוי פּארברענט, וויל כלינדער מאן קען זי ניט ראטעווען

פּארוי, דעצ. 17. — פּרעסיער פּאפּאר קארע האט היינט מארגענטלינם אן עגמסער אוים רער כיטש פון רייטשען מכחמה־חוכות אין צוואמעהאנג מים רער אפּטאמצונג פון רוהר. פּאפּקרעט'ס עגמסער לויטפּם, אז עם זיינען איצם פאר־ האן נעגען פּאליטישע אוטאריטעטן נעפּטען אלע פראנצען. אין וועלכע רייטש־ לאנד אין פראנצען, סים פּאר ווען ער נים איין די נוטוועהרונד־ קייט פון רוהר ז נעגען פּאליטישע אוטאריטעטן.

אין אין עגמסער וויינם פּוהנקפּארע צו צו וועלכע קאמיטים רייטשלאנד פון זיך וועהרען צו רער הצאציע קאמיטים, וועלכע אין די אייר־ צינג, וואס האט לויט רעם וערפאלגר שלוסאפּאר דאס רעכט צו עגמסיייהען וועהרען אזעלכע פראנצען.

2) פראנצען וועהרען אפּטאציע פון רוהר כון רייטשלאנר אויפגעכען כים רער פּוליטישער קאמיטים אין פאר לענג ארער טים ענגראפ דעגם אין רוהר.

3) וואס אנגאלאנגם עקאנאמישע ציינים כאן רייטשלאנר וועהרען זיך צו די פראנצויזישע אוו בעלגישע אפּטאצונג רצדען אוו זיי וועהרען שוין זעהן, וואס כאן נעפּאל וועהרען.

פון רעם אלעמען, פּיהרם פּוהנקפּארע אויס, אין ליכם צו זעהן, אז קיין פּוהל רעריע עקאנאמישע קאפּערענץ אין נים נויטיג.

אן ערקלערונג פון רייטשען אפּטאמר־ מער פּאן העש, וואס אין נעכפּאל אריוס־ ציינען וועהרען צו כאפּטאכפּען די רייטשע פּוהנקפּארע, רער אפּטאמצונג פון רוהר. פּוהנקפּארע'ס עגמסער לויטפּם, אז עם זיינען איצם פאר־ האן נעגען פּאליטישע אוטאריטעטן נעפּטען אלע פראנצען. אין וועלכע רייטש־ לאנד אין פראנצען, סים פּאר ווען ער נים איין די נוטוועהרונד־ קייט פון רוהר ז נעגען פּאליטישע אוטאריטעטן.

אין אין עגמסער וויינם פּוהנקפּארע צו צו וועלכע קאמיטים רייטשלאנד פון זיך וועהרען צו רער הצאציע קאמיטים, וועלכע אין די אייר־ צינג, וואס האט לויט רעם וערפאלגר שלוסאפּאר דאס רעכט צו עגמסיייהען וועהרען אזעלכע פראנצען.

2) פראנצען וועהרען אפּטאציע פון רוהר כון רייטשלאנר אויפגעכען כים רער פּוליטישער קאמיטים אין פאר לענג ארער טים ענגראפ דעגם אין רוהר.

3) וואס אנגאלאנגם עקאנאמישע ציינים כאן רייטשלאנר וועהרען זיך צו די פראנצויזישע אוו בעלגישע אפּטאצונג רצדען אוו זיי וועהרען שוין זעהן, וואס כאן נעפּאל וועהרען.

פון רעם אלעמען, פּיהרם פּוהנקפּארע אויס, אין ליכם צו זעהן, אז קיין פּוהל רעריע עקאנאמישע קאפּערענץ אין נים נויטיג.

פּרוי פּארברענט, וויל כלינדער מאן קען זי ניט ראטעווען

פּארוי, דעצ. 17. — פּרעסיער פּאפּאר קארע האט היינט מארגענטלינם אן עגמסער אוים רער כיטש פון רייטשען מכחמה־חוכות אין צוואמעהאנג מים רער אפּטאמצונג פון רוהר. פּאפּקרעט'ס עגמסער לויטפּם, אז עם זיינען איצם פאר־ האן נעגען פּאליטישע אוטאריטעטן נעפּטען אלע פראנצען. אין וועלכע רייטש־ לאנד אין פראנצען, סים פּאר ווען ער נים איין די נוטוועהרונד־ קייט פון רוהר ז נעגען פּאליטישע אוטאריטעטן.

אין אין עגמסער וויינם פּוהנקפּארע צו צו וועלכע קאמיטים רייטשלאנד פון זיך וועהרען צו רער הצאציע קאמיטים, וועלכע אין די אייר־ צינג, וואס האט לויט רעם וערפאלגר שלוסאפּאר דאס רעכט צו עגמסיייהען וועהרען אזעלכע פראנצען.

2) פראנצען וועהרען אפּטאציע פון רוהר כון רייטשלאנר אויפגעכען כים רער פּוליטישער קאמיטים אין פאר לענג ארער טים ענגראפ דעגם אין רוהר.

3) וואס אנגאלאנגם עקאנאמישע ציינים כאן רייטשלאנר וועהרען זיך צו די פראנצויזישע אוו בעלגישע אפּטאצונג רצדען אוו זיי וועהרען שוין זעהן, וואס כאן נעפּאל וועהרען.

פון רעם אלעמען, פּיהרם פּוהנקפּארע אויס, אין ליכם צו זעהן, אז קיין פּוהל רעריע עקאנאמישע קאפּערענץ אין נים נויטיג.

פּרוי פּארברענט, וויל כלינדער מאן קען זי ניט ראטעווען

פּארוי, דעצ. 17. — פּרעסיער פּאפּאר קארע האט היינט מארגענטלינם אן עגמסער אוים רער כיטש פון רייטשען מכחמה־חוכות אין צוואמעהאנג מים רער אפּטאמצונג פון רוהר. פּאפּקרעט'ס עגמסער לויטפּם, אז עם זיינען איצם פאר־ האן נעגען פּאליטישע אוטאריטעטן נעפּטען אלע פראנצען. אין וועלכע רייטש־ לאנד אין פראנצען, סים פּאר ווען ער נים איין די נוטוועהרונד־ קייט פון רוהר ז נעגען פּאליטישע אוטאריטעטן.

אין אין עגמסער וויינם פּוהנקפּארע צו צו וועלכע קאמיטים רייטשלאנד פון זיך וועהרען צו רער הצאציע קאמיטים, וועלכע אין די אייר־ צינג, וואס האט לויט רעם וערפאלגר שלוסאפּאר דאס רעכט צו עגמסיייהען וועהרען אזעלכע פראנצען.

2) פראנצען וועהרען אפּטאציע פון רוהר כון רייטשלאנר אויפגעכען כים רער פּוליטישער קאמיטים אין פאר לענג ארער טים ענגראפ דעגם אין רוהר.

3) וואס אנגאלאנגם עקאנאמישע ציינים כאן רייטשלאנר וועהרען זיך צו די פראנצויזישע אוו בעלגישע אפּטאצונג רצדען אוו זיי וועהרען שוין זעהן, וואס כאן נעפּאל וועהרען.

פון רעם אלעמען, פּיהרם פּוהנקפּארע אויס, אין ליכם צו זעהן, אז קיין פּוהל רעריע עקאנאמישע קאפּערענץ אין נים נויטיג.

מרם. ראטענבערג און מרם. ליט זיינען דערווייל פריי אהן בעיל

זיי זיינען נעסטו כיי זייער לאיער. — כען ערזוכטרטעם, אז די קלאגע נעגען זי צוויי פרויען זעם צוריקגענצו־ גען ווערען.

מרם. ראטענבערג און מרם. ליט, וועלכע זיינען אנגעקלאגט נעווארען פון א נעזעלשאפט פון נעהיימע אגענטען פון דער סאוועטן־רעגירונג, זיינען נעסטערן פרי נעלאזען נעווארען פון אלע אנקלאגעס. דאס האט דער פּראקורור פון דעם דיסטריקט פון מאנהעטען, מר. כוכאנאן, אנגעזאגט. ער האט נעזאגט, אז ער האט נים נענוג עווידענץ אויף וועלכען צו נעהאלטען די צוויי פרויען אין הפּט. ער האט אויך נעזאגט, אז ער האט נים נענוג עווידענץ אויף וועלכען צו נעהאלטען דעם כאכער, האט ער זיך עגמסטאנדען צו עגמסערצוגעבען.

דאבי דזשוליוס, מען רער כני אכרהם שוהר, אין נוטארק נ. דזש. האט נעכ־ מען אריס־עגמעכען, אין מען אריס־עגמעכען אין רער עגמסטיפּצונג. אין וועלכען רער פּראקורור — מרם. ראטענ־ בערג אוו ליט — זיינען פּאריטעטן.

כערג אוו מרם. ליט, זיינען זיי זיינען נעך וועהן קינרער, אוו צו באשולרינען זי רער זוינע צוויי אריוס. אין רי מוטער פון כרכאם אוו מרם. ליט, אויך זי איז אנגעקלאגט, אריס־נעלאזען נעווארען פון אלע אנקלאגעס. כאר־ אויף רעם רייטשטן אנגעקלאגטען, אלס סטעל, בראנאוו, אריס־נעלאזען נעווארען פון אלע אנקלאגעס. כאר־ כיל, אין מאר זיי רער באסטער כא־ ציי. אין אייזענליכער האט די נרעך־

739

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

וועז אַ פרוי זאָגט אַ ליגען

— פון —
א. וויסבערג

א טראכטן פון תּם אידישן לעבען אין אמעריקע

וי אזוי די רוסישע מאכט האָט אונטער־דריקט די רוסישע טרייד יוניאָנס

פֿון עמא גאָלדמאן

דער „טאג" דרוקט היינט־דעם אנפאנג פון עמא גאלדמאן'ס בוך „מיין קאמף מעל פון 16טן קאפּיטל „די יוניאָנס" — דער סוף פון דעם קאפּיטל מעלוו מען „טאג".

16טער קאפּיטל
די יוניאָנס

עס איז נישטן אין יוני מאנאט, או די ציים פון אונזער אויפֿנאַהמע אין דער רוסישער רעוואָלוציאָנערער פּארטיי, איז שוין פֿאַרבײַ. עס איז נאָך נישט פֿאַרגאַנגען קיין יאָר זינט דעם מאָמענט, וואָס מיר האָבן זיך אַרומגעקוקט אין רוסלאַנד, אָבער עס קומט מיר פֿאָר, אַז אַ גאַנצע תּקופֿה איז שוין פֿאַרבײַ. אַ תּקופֿה, וואָס איז אָנגעפֿילט מיט אַזאַ אינטענסיווער אַרבעט, אַזאַ שנעלער אַנטוויקלונג פֿון אַלע זײַטן פֿון לעבן, אַז מען קען זי אַליין אַ היסטאָרישע תּקופֿה רופֿן.

אין דער תּקופֿה האָבן מיר אַלע, וואָס זענען אַהער אַרומגעקומען, אַ פֿאַר מאָל וואָס מיר האָבן זיך אַרומגעקוקט אין רוסלאַנד, אַ פֿאַר מאָל וואָס מיר האָבן זיך אַרומגעדרייט אין דער רוסישער אַטמאָספֿער, האָבן מיר אַלע אַ סך נײַע זאַכן אַנטדעקט, וואָס האָבן אונדז אַ סך אויפֿגעקלערט אין פֿאַרשײדענע זײַטן פֿון לעבן. אָבער אַלע מאָל, וואָס מיר זענען אַהער אַרומגעקומען, האָבן מיר אַלע אַ סך אַרבעט געהאַט, אַ סך אַרבעט, וואָס האָט אונדז פֿאַרנומען פֿון פֿרי ביז שפּעט, אַז מיר האָבן אַפֿילו נישט געהאַט קיין צײַט צו אַ סך אַנדערע זאַכן.

אָבער איצט, נאָך אַ פֿאַרגאַנגענער תּקופֿה פֿון אַ יאָר, האָבן מיר שוין אַ סך צײַט, אַ סך מאָל, וואָס מיר זענען אַהער אַרומגעקומען, אַ פֿאַר מאָל

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

ד'ער טאג"
ביינגט ליכט

MORRIS WEINGER, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. [illegible]

Vol. VIII. No. 2304 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, DECEMBER 19, 1923. טיסוואך, י"א טבת, תרפ"ד. 19טן דעצעמבער, 1923. PRICE THREE CE

THE PROPOSAL OF A JEWISH CONGRESSMAN

BENJAMIN ROSENBLOOM OF WEST VIRGINIA AND HIS BILL FOR REGISTRATION AND FORCIBLE AMERICANIZATION.

What may be considered the climax of the anti immigrant and anti-foreigner wave has been reached by the extraordinary incident reported yesterday in the Jewish press — the bringing in of a new Registration and Americanization bill by Congressman Benjamin Rosenbloom of West Virginia. The climax is not constituted by the novelty of the propositions contained in that bill: it is constituted by the fact that the father of the bill is a Jew.

The provisions of the bill are familiar to those who have been following the crescendo of anti-immigrationist sentiment in this country. Congressman Rosenbloom proposes that all aliens in this country, whether new comers from now on, or whether arrived here already, should be compelled to register; that they should be compelled to take out citizenship papers; that they should be compelled to learn English; that if they fail to learn sufficient English to pass their naturalization examination they should be deported, and that they should likewise be deported if at the end of three years they have not taken out their first papers.

It is an astounding bill: though its spirit is familiar to those times, it transcends anything that has yet come forward; but its most astounding feature is that it comes from one who is by race and perhaps by religion associated with the people which is the eternal immigrant, because, under the pressure of gentile hate, it is the eternal wanderer.

And yet the phenomenon is not altogether new. This ferocity or hysteria of patriotism is not altogether alien to the Jews. Here and there we have found, not only in America, but in every other country, and not only in this age, but in all other ages, individual Jews whose new loyalties have taken on a touch of the pathological; whose almost incoherent expressions of super affection and sensitiveness leave them open to suspicion of being something less than normal in their actual loves.

קענינג אין קענינז אמעריקאנער קינדער רומענינען. — אלמיי אין פלאץ באאמטע פאדערט אראנטערצוחצען קענינג. — קענינג בעט טעלעגראפירט וועגיזלאסן עך זאל אי בערעמען רעגירונג.—סאלאיקער אידען באיקאמי רען וואהלען

אטען, נריכעלאנד, דעצ. 19 — אין פארט טשעתם שוין צנגענריט א שיף וואס ניעט היינט אריפיהרען מן נרי בעלאנד דעם קענינ אין קענינז אין וועט זיי בריננען קיין בוסטאראפס. די קענינ.

די רעגירונג האם נעכטען מיטנים נע־ וויזן דעם קענינ נעמרט, דורך א צישרוים־ מן עם אין האמוא, אז עך זאל זיך אפפראנען אין לאנד בין די נאציאנא־ לין מאראכטונג, וועם באשלוסען וואלטר אלס דעניה־נג עם זיינס זיך בעסער מאר נריכעלאנד.

אין דעם אציזעלען קאטשוניקאם, וואס דער קאטינעם האם פארשעגנס־ ניכם, וועדם נעוואנט, אז „כפי די קאנ־ סטיטוציאנעלע מאראכטונג. באויזם אויף וואהלען, דארף זיך צוטרויסקומען דעמאסרעטי, וואס מאר א רעזוים עם אין בעסער מאלן לאנד. האבען די מיד־ רער מן דער רעוואלוציאנערער רעגירונג באשלאסען, אז כדי די מאראכטונג זאל אפלויבען רוהיג, א. עס זייער חיב צו פורזיך זיין זיין כאיעסטם רעכ עקענג. אז עך זאל אמעלאזען דאס לאנד בין דער בשלום וועגען רעוואלוציאנערע וחתם דורכ נעפוהרט וווערען."

לאנדאן, דעצ. 19. — אהער קומט א ירידה, או די נריכישע קעניגליכע פאר האם נאר נעכטען בייגאכט מאדלאם נריכעלאנד אן אין אציר אויפ'ן וחצ קיין בוקארעסט.

עס וחרכט באריכטעם, או דער קענינ

בלויז צווי אידען אין קאנגרעס אימגריישאן קאמיטע; קאנגרעסמאן דושהנסאן ווייל ניט קיין עפענטליכען פארהער וועגען איינוואנדערונג

סענאטאר קאבעלאר כלייבינגס ארויס ביל, או פרויען פון בירגער ואלען אריינגעלאזען ווערען אויסער דער קוואטא. — 300 רוסישע אימיגראנטען אויסגעקהרט פון שיף. — שהדגער באנקעט פאר א. העלד אין „השאם".

דער צענסער פון דער ריות זיים דער סלחנות — דער נריכישער קענינ

פרם. ווייסער האם נלייכהאלם אין נריכיש־ לאנד זי האם נעקרכם אידר אייגנע וידוי.

פרם. וועטער הערט אידר אייגנע וידוי אין נעריכט

אויף דעם פראצעס פון ערנעסם וחסטער אין קיין פרוכ מעהר, וועלכע ווע־ רען אנגעקלאגם פאר ערפארדען אלאב־ מא קבארעי אין, זייער הייס אין נלעב־ נעלאנד, לאנג אייליאנר, זייגען נעכטען פאר־ נעלומען נעוואהרען צווייי פאפירען. דאס זייגען די נעשיכטע פון דעם פארר אין וועלכען בייידע אנגעקלאגטע זאלען זיך

פרם. ראטענבערג און שוועסטער האבען צוגעשטעלט בייל און זיינען פרייי

טראי, נ. י., דעצ. 19. — ניט קיין פאנדער כייועלם פון האנסטער — 40 נען צו זיין פרייי און זי נעקומען, און

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ווי די סאוועטן מאכט האָט אונטער־דריקט די רוסישע טרייד יוניאנס

פון עמא גאלדמאן

10טער קאפיטער

די יוניאנס

[illegible]

[illegible] עס איז נעווען אין רוסלאנד. אלץ איז נעווען פערשטויבט. [illegible] דער באלשעוויסטישער האל אין די קהילות־ציממערן. אין דער פאברית, די פינסק'ער פון די מענער אין ארויגן. וואס זיי [illegible] אויסגעארבעט פון לחקות און לייהען, די אויפ־זיי נעמאן, — דאס איז דאס וואס מיר נעמאכט א מערק־ווירדיגן אייגהוזן. וויינר שרועהלטער פארטרעטער, אן אפאריכט, איז נים אנערקענט נעווארן פון דער באזעסר מאכט ארט א באזוכטכמיטעטער. דאס איז נעווען דער דרי־מעל וואס די ארבייטער האבען זיך פארזאמלט צו [illegible] וויינר דערקלערט, אז דאס איז דער ערשטער מאל אין דער רוסישער געשיכטע וואס אן אפיציעלע פארזאמלונג פון פארטרעטער פון ארבייטער האבען אפן אויסגעדריקט זייער מיינונג וועגן דער פאליטיק פון דער רעגירונג. דאס איז נעווען דער דרי־מעל וואס די ארבייטער האבען זיך פארזאמלט צו [illegible] וויינר דערקלערט, אז דאס איז דער ערשטער מאל אין דער רוסישער געשיכטע וואס אן אפיציעלע פארזאמלונג פון פארטרעטער פון ארבייטער האבען אפן אויסגעדריקט זייער מיינונג וועגן דער פאליטיק פון דער רעגירונג.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דער „טאג" ערקלערט פאר וואס ער נעמט ניט אן פאד'ס אדווערטייזמענט

BOSTON

„דער טאג"
ברענגט ליכט

HORRIS WEINBERG, President
ABRAHAM PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way Tel. Orchard

דער טאג The Day

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

Vol. VIII. No. 3307 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, DECEMBER 22, 1923. שבת, י"ד טבת, תרפ"ד. שבת, 22סטן דעצעמבער, 1923. PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS —SECRETARY DAVIS AND THE FOREIGN LANGUAGE PRESS; LORD'S NEW DECISION; RUSSIA.

PROGRESS

That Secretary of Labor Da[vis] would have been [re]ce with the majority [of] foreign language pr[ess] published here ed editors in New York is organized in [a] statement he [has] that he [has] their efforts [to] the subject [of] changes and restrictions. That he could have [given] consideration [to] tion of the [im]migrant in itself a considerable step forward. It would of course [be] useful to [have] him to assume that such a step can in fact either change the views of the Secretary of Labor on [im]migration or have a [pro]found effect on his acts. But [it] is a beginning, and [a] further step.

For the first time [there] is given to the [offi]cials of this country [an] formation about [the] needs [of] ments. [For] the first time [the] dom is made to feel that the [na]tions which [have] try and have given them their best to its progress and de[vel]opment, have organs of opinion [that] have methods of making themselves heard and felt. Until now it was apparently assumed that the immigrant, the American by choice and not by accident, has no opinions on the matter of immigration or, having opinions, has neither the ability nor the will to make them known.

And for the first time there is the opportunity to enlighten the officials of this country as to the real achievements of the American immigrant and particularly of the immigrant who has come to this country in the last twenty five or thirty years.

Recent periodical literature seems to have been submerged under a wave of immigrant-fear articles signed and unsigned. Innumerable [ar]ticles [de]voted [to] much uninspired, talk about the immigrant resident sections of the country as if they were mysterious splotches on the fair skin of America, as if they were the haunts of exotic and dangerous foreign aborigines. And there is provided no authoritative body to make clear to all America that in these

ערנעסט וועטער און זיין פרוי מערי שולדינג אין טויטשלאג ערשטן גראד

ד' וועדמס הסכמעדיש, וועו ד' הערס דאס וואדס „שולדינג". — דרמטער ייעט באשטימען די שבואה אין עמליגע בעג

מערי שולדינג

פאדד'ס אנטערשטיצונג פון פרעז-

פאדוואס דער „טאג" האט זיך ענטוואגט אנצוגעהמען דעם אנטיסעמיט פאדד'ס אדווערטייזמענט

דער „טאג" האט באקומען א בריף פון א לעזער מיט א פראגע, ווי־אזוי דער ענטפער איז איהר אין ער שיידנ ניט נאר דעם אנפראגער, נאר דער גאנ־ צער אידישער עפענטלעכקייט.

אט איז דער בריף:

ווידמער רעדאקטאר פון „טאג":

איך בין א מענש, ווי־אזוי דער ענטי ציט, אין איך לייגן ארץ אידישע צייטונגען. דעמטען מיט ווער דאס איז באמעריקע א נידיגען אריינדרוי־ מענט זיין דעם אנטיסעמיט פאדד אין „טאג־ ווערטעם" אין אין „באדגען ווערנאר", אבער אין „טאג" דאס איך דערווייז דעם פרוימיטיסמענט ניט נעזעהן.

ווי־אזוי־דע מיך אויס'ן „טאג", ווען ער דאס ניט דערלאזט אוי זעטמען ביזטען ווי פאדד'ס אן ארוועדטייזמענט, אין מיר ווייס זיך אייך פרעי נען: דאס דער „טאג" ניט נערדוקט דעם אד־ ווערטייזמענט, ווייל פון דאס עס אידם ניט נע־ נעכטן, אדער דאס עד זיך עטמוטוט איהם צו דרוקען? ווען דער „טאג" איך זיכטען אווי ט ד אין עטם, ווי צו פארקויפען זיין נשמה דעם אפע־ ריקאנער קרוטשווואן?

דער „פארווערטס" איז א כאציאליסטישע צויי־ טונג. די ווערס אנגעהרט כוומר'שט ניט פאר פראפיטען. דער „מארנען זשורנאל" איז א דער סוביאציאליסטישער צייטונג אין איז ברוטפראפי־ מיטס. אבער ווען דערדי פאדד האט א בריפאכ נעטאן פאר זיי מיט א פאר טייזענט דאלאר, ד בען זיי ב־ייד ע נ־ ייך נעכאפט און איהם א טערנערואנונג די אידישע פרעסע איהי א זע רעכט!

ווען א צייטונג נעהט אדוים ניט צו פאכטן מיט פראפיטען, כעג זי דאך ווענינסטענס זיך אפשו־ נען פון עסליכע טויזענט דאלאר. ווען קומען פון א האנט, ווען ווכט אידיש בלוט! ווען א צייטונג ווערט אפילו צ־ה ארויסנעגעבען פאר פראפיטי אין דאך אויך פאראן א ציעל אין ווייט מען קאן נעהן פאר פראפיטען!

ניט שוין־דשע אין די נאכצע אידישע פרעסע אזוי צעפיזלט, או זי אין נדיים צו קריגן די האנט פון דעם ערנסטען אידישען שונא אין אמעריקע?

מיט אכטונג.

נעמדאל ראוס

„לעוויאטאן" ארויף אויף א פלאכען זאמד אין ניו יארקער האפען

ג'ענעראל דאוס ערוויילט פארזיצער פון קאמיסיע צוועגן דיטשלאנד'ס חוב

בשארלס דוס. ראיים אין עדוועדלט נעוואדען אריינטומיג. — בראנדייד נדיים צו אנדרענען מאיזענען. נאר בתנאי

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ליעדער און פאַנטאַזיעס

סון אברהם רייזען

א.

דער זומער

ביים סוף פון דער וועלט,
הארט שטעהט א נעצעלט
פאר יענע, וואס ווינען;
א מישעל שטעהט גרויס,
א מישטוך פארשפרייט
מיט זויער און מיט קוכען...

א מיידעל אליין,
מיט ליבשאפט און הק,
איהם לאוט זיך אנטקעגען;
וואס וויכטט, מיין האר?
דא האבט דיין שכר
ביים סוף פון די וועגען.

דער זומער, עד טראכט
אין מורמעלט באראכט:
וואס האבּ איך נעפונען?
אן וואַרפט שטוב א בליק,
אז לאוט זיך צוהיק
און ווערט באלד אנטרונען.

ב.

פרימד

איך האבּ נעגרייט זיך אן נעקרייט,
נעגרייט זיך לאנג,
אך אט — נעקומען איז די פרייד
אהיים מיין פאלאנג.

איך האבּ די האנט איהר אויסגעשטרעקט,
זי אנגעקוקט,
און נאכדעם שטיל־עדהיים נעפרעגט
און אפגערוקט:

ווי לאנג פארבליבסטו, פרייד, מיט מיר?
זי האט נעלאכט:
„איך בלייב ווי לאנג דו ווילסט מיט דיר"...
איך האבּ נעטראכט...

ג.

זיי קומען...

עס שרעקט מיך ניט מעהר
די הערשאפט די שלעכטע;
זיי קומען וואס מעהר,
די נוטע, די עכטע.
עס נעהט — איך דערהער —
דיי ציים פון נערעכטע.

עס האט ניט קיין האפט
דער שכר, דער לינקע,
דער נייער מענש שאפט,
דער נייער וועט זינגן,
עס שטילט שוין די קראפט,
וואס וויל אונז באטרוגען.

מיר זינגען שוין מאט
פון ליידען אהן וינגען,
אן ציטט שוין נעהאט
דעם זין צו נעפינגען.
מיר שרייבען דעם בלאט
פון נייעס באנינגען...

שידוך מיט רבי'נס כחאין נאליציע ענדיגט זיך אין ניו יאָרק מיט דעטעקטיוום

דער זייט האט נאר אנגעהאלטען בין וואנען דאס חבידל איז אנטלאפען — פון ב. זאלמאנאוויטש.

א נראאטענע מיידל

ביז א חבר, אין א לויט שפעדעל, אין נאריצע, אין אפיציעל עקסטרע־בלאט, אין אלע ניו יארקער צייטונגען, אין אלע ווארשעווער, אין אלע לאנדאנער, אין אלע פאריזער, אין אלע בערלינער, אין אלע וויענער, אין אלע בוקארעסטער, אין אלע ווילנער, אין אלע ליטווישע, אין אלע פוילישע, אין אלע רוסישע, אין אלע אידישע, אין אלע ניכט־אידישע, אין אלע פראנצויזישע, אין אלע ענגלישע, אין אלע דייטשע, אין אלע איטאליענישע, אין אלע שפאניאלישע, אין אלע פארטוגעזישע, אין אלע סקאנדינאווישע, אין אלע אנדערע צייטונגען, אין אלע זשורנאלן, אין אלע בריוון, אין אלע בילדער, אין אלע פלאקאטן, אין אלע ביכער, אין אלע ברושורן, אין אלע ראדיאגראמען, אין אלע טעלעגראמען, אין אלע טעלעפאנען, אין אלע טעלעפאנישע מעסעדזשעס, אין אלע ראדיא־מעסעדזשעס, אין אלע ווערטער, אין אלע בוכשטאבן, אין אלע ציפערן, אין אלע נאטעס, אין אלע סימנים, אין אלע אלפאבעטן, אין אלע שפראכן, אין אלע דיאלעקטן, אין אלע אקצענטן, אין אלע אויסלענדישע ווערטער, אין אלע אידישע ווערטער, אין אלע ווערטער וואס מען הערט, אין אלע ווערטער וואס מען לייענט, אין אלע ווערטער וואס מען שרייבט, אין אלע ווערטער וואס מען רעדט, אין אלע ווערטער וואס מען שווייגט, אין אלע ווערטער וואס מען טראכט, אין אלע ווערטער וואס מען פילט, אין אלע ווערטער וואס מען ווייסט, אין אלע ווערטער וואס מען גלייבט, אין אלע ווערטער וואס מען האפט, אין אלע ווערטער וואס מען פארכט, אין אלע ווערטער וואס מען ווינטשט, אין אלע ווערטער וואס מען ליבט, אין אלע ווערטער וואס מען האסט, אין אלע ווערטער וואס מען ווייסט ניט, אין אלע ווערטער וואס מען ווייסט ניט אז מען ווייסט ניט, אין אלע ווערטער וואס מען ווייסט אז מען ווייסט ניט, אין אלע ווערטער וואס מען ווייסט ניט אז מען ווייסט ניט אז מען ווייסט ניט, אין אלע ווערטער וואס מען ווייסט ניט אז מען ווייסט ניט אז מען ווייסט ניט אז

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

קוראים מארשאל זאגט: קיין זעלבסט-רעספעקטירענדע אידישע ציימונג מאך זיך נים לאזען אויסנוצען פאר גרויס מאכען דעם נאמען פון העגרי פארד

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

"דער טאג" בייטעם טאגס

MORRIS WEINBERG, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way Tel. Orchard

Vol. VIII. No. 8309 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK MONDAY, DECEBMER 24, 1923 מאנטאג, 24סטן דעצעמבער, 1923 PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: — FRANK I. COBB; THE BLOOD LIBEL AGAIN.

פארד אדווערטייזמענט איז א חלול השם, זאגען פראמינענטע רבנים

אידישע צייטונגען האבען נים אדיש, זאגט הרב הר. הלל קליין.— אויב די צייטונגען וויסען מיר זאל דיר מאכען „מי שברך" אזן אפילען אזן די שהלען, אבי זיי זאלען נים דארפען נעמען געלד בי פארד, זאגט הרב רמ"ז מאגאלעף. — „א טאנצ פאר אידען", ערקלערט הרב ר' וואלוואלע.

— ווען די אידישע צייטונגען זאלען נים אדורכגיין אן אנזער קעגענוואנט, אז צו „פארד" נעמט מען אויך אדורכ, אזוי ווי מען נעמט אדורכ אנדערע אידישע צייטונגען, וואלט פארד אויך נים געקענט אנהייבען צו דרוקען אזא גרויסע אנצאל אידישע אנזייגען, ווי עס איז איצט. דאס איז אן אנזער מיינונג, אזוי זאגט הרב הר. הלל קליין, אין א צושריפט וואס ער האט אן אנזער רעדאקציע גערישעט וועגען דעם פארד אדווערטייזמענט.

מיט ר' וועלוועלען האט זיך הרב רמ"ז מאגאלעף פון „מאי" נעוועלן שפרעכען וועגען דעם פארד אדווערטייזמענט. ער האט אים גלייך נאך דעדרה, אז „אם אין העכסטע מדרגה אין דער ערשט בי ישראל 103 מאנאטען פון דער ערשט בי ישראל 103 איז דאס בלאטט שוין אזוי ווייט, אז עס דארף נים מעהר אנהאלטען מיט קיין אנדערע מיטלען, ווי מיט אן אידישע צייטונג דרוקען אדורכצוגיין אן אנזער מיינונג, וואס הרב הר. הלל קליין האט אויך אנגעזאגט, אז מיט דעם פארד אדווערטייזמענט

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

מאריא ספיריד'אנאווא

פון
עממא גאלדמאן

דער „טאג" דרוקט הייַנט דעם סוף פון דעם זיבעצענטען קאפיטעל פון עמא גאלדמאן'ס בוך „מיין צוויי יאהר אין סאוועטן רוסלאנד"— געקסטער קאפיטעל וועט מרשוינען מיטוואך

סוג'ס לאווגב: „פון קאנטריבוציע און פון אנטפלעקט אויס נעמען: „פון אייזענסטער פויער האט פארשטאנען, אז זיין האס אן נוסח און זיין בלוט וועט דאראפן כאשטאלען די בער־ קריבונגען, וואס בולשעוויסטישע רעגירונג אויף רוסלאנד.

די פויערים האבען זיך רובענווידונגען מיט האס נעגען כאוועטסקען דעוטים. פארצווייפעלטע און האפנונגסלאזע האבען זיי זיך אפגעקרט טון דער דעוואלוציע. וואס אין שייך די רייסישע ארבייטער, וי האבען זיי נעפאנגם גלויבען אין דער רוסישער דעוואלוציע, וען די בולשעוויקעם האבען נעפאנגם פירונג טיט די באלעבאסים זין רייסישלאנד איבער זי קעפ מון דעם רייסישען פראלעטאריאט. דער רוסישער פאלק בליבט א שאק. אז דער בולשעוויקעם האבען פארלוירען אין זייער אפטרויען צו דער רוסישער ארבייטער מאסע, אז דאס איז נישט נאר אויפגעטאן פון אויסערע פיינטלעכע קרעפטען, נאר אויך פון אינווענדיגע. אין דער רוסישער ארבייטער קלאסע איז נישט נאר אויפגעקומען א גרויסע אומצופרידנהייט מיט דער בולשעוויסטישער רעגירונג, נאר אויך א טיפע אומצופרידנהייט מיט דער גאנצער סיסטעם פון סאציאליזם, וואס די בולשעוויקעם האבען אויפגעבויט אין רוסלאנד. אין דער לעצטער צייט האבען אפילו אנטי־בולשעוויסטישע ארבייטער־ גרופעס אנגעהויבען צו ארויסגעבען אירע אייגענע אונטערגראונד־ צייטונגען.

אין אפריל פון דעם יאהר האבען די בולשעוויקעם אפגעהאלטען אירע צוועלפטע פארטיי־קאנפערענץ, וועלכע האט באשטימט דעם גורל פון דער רוסישער רעוואלוציע פאר לאנגע יאהרען. אויף דער קאנפערענץ האבען די בולשעוויקעם אפגעטאן אלע מעגליכקייטען צו א פרייער אויסדרוק פון מיינונגען אין דער פארטיי. אלע אנדערע סאציאליסטישע פארטייען זענען שוין לאנג פארבאטען. אין דער פארטיי אליין האבען זיך אויסגעבילדעט צוויי גרופעס, וועלכע האבען פארטרעטען פארשידענע שטראמונגען אין דער פארטיי. די לינקע גרופע, וועלכע האט אנגעפירט דער פאפולערער בולשעוויסטישער פירער זינאוויעוו, האט פארטרעטען דעם שטאנדפונקט, אז די בולשעוויסטישע פארטיי דארף נישט אפשטעלען דעם קאמף קעגען דער בורזשואזיע, נאכדעם ווי די רעוואלוציע האט שוין איבערגעוואקסען אין דער סאציאליסטישער רעוואלוציע. די לינקע גרופע

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

THE IDEALS OF LABOR AND FORD

THE DEFENCE OF THE FORWARD IN THE MATTER OF THE FORD ADVERTISEMENTS; WHAT THE LABOR MOVEMENTS SUFFER FROM.

The Yiddish Daily Forward has spoken in defence of its action in cooperating with Henry Ford for the increase of its power and its influence. The Forward, the official organ of organised labor, the defender of the masses, the uplifter of the working classes, the champion of the downtrodden has explained that cooperation with Henry Ford is in full harmony with the greatness of its ideals. The Forward has but one aim and object, but one raison d'etre — the advancement of the working classes. So that is the friend of labor is the friend of the Forward. So that is the enemy of labor is the enemy of the Forward. No other of the considerations matter.

It is a far cry [illegible] even from that the latter should [illegible] to the actual practices of the Forward. But let us take this ideal at its best, at its surface value. And let us, on special grounds, see whether it is above reproach sincere or affective.

It is not inaccurate to say that the working class movement in America suffers from a lack of idealism. It is impossible to found a movement for the liberation and advance of the working classes without ideals. A workingman who has ability, and wants to advance his own interests, would do better, from his personal point of view, to attend strictly to his own business, and let the rest of the world go hang. If he is going to wait, for the personal advancement, until the general condition of labor is advanced he will do badly from the personal point of view.

But as human beings are there is no such thing as being an idealist without it being a gentleman in the proper sense of that much abused word. When samuel [illegible] declares that he wishes [illegible] gates of America in [illegible] decent Immigrant, dwelling a hovel at the very [illegible] of a labor movement; a labor movement which has in its meanness, the narrowmindedness which goes with re-

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

"דער טאג" ביימעט לימיטעד

MORRIS WEINBERG, President
WEBMAR FALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard

Vol. VIII. No 3311 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

NEW YORK WEDNESDAY, DECEMBER 26, 1923. בימוואך, י"ח מבת, תרפ"ד. 1923 מיטוואך, 26טן דעצעמבער, PRICE THREE

ירה-גענט אין ניו יארק איז ארויף פון 40 ביז 93
ר אצענט זיט 1920, זאגט אפיציעלער בארימט

דער העצט זיטער נעגען אדען און אנדערע, נשעת דינע אדווערטיז-מענט ערשיינען אין אידישע ציטונגען

אלבאני, דעצ. 26. — גאווערנאר סמיטס האזונג קאמישאן גיט אפ בארימט, וואס וויזט דעם טרויעניגן צושטאנד פון טענעמענט הייזער אין ניו יארק. — אימבאוואנבארע הייזער אינעם עפקט אין דעצעמבער אין וואשינגטאן אריבער אין אנדערע טיילן פון דער בארימטער שטאט. — לענדלארדס מירען אויס נעווען דורך פארשידענע „טריקס". — ארימערע פאמיליעס מוזען אפשפארען פון שפייז פאר די קינדער, כדי צו קענען באצאלען די הייכע רענט פאר וואשינגטאן.

10 מעגשען, וועלכע זיין אין קיבדער, וועלכע דא האלטען אין יואקסען. די אריינגיין די שכנים, או עס בליבט נים נעגיג פאר שפיין, שוין אפנערעמי פון פיציהונג פאר די קינדער, אינטערהאלטונג, א. א. וו.

נעווייסע הייזער זענען פון רעם עלטסטען פארט, אהן באהייצונג, אהן הייס מים וואסער, אהן איינועגעם אין אהן ליכט, אזוי, אז די נעז מוז כראגען דעם נאנצען צען מאל, אין דער אלנעמיינער צור שפאנד איז פון א העכסט אינסאניטשע רען מארט. אומצעהלינע ציממערען זיי נען אהן פענסטער.

די קאמיטע גלויבט, או דער הויפט אינבאל בנוגע רענט נעהמסט זיך ערצאהן וואס פיעלע פון די פענעמענטס אויף דער אינסט טייל נעהרן זיך אבער, אפס אי בער פון אין האנט אין דער צוויטסטער, זען יפרדער נייער לענדלארד העכערט רענט. די אונטערווכער האבען נע־ נוגן אומצוהלינע פאלען וואו נייע פענעמענטס צאהלען פון 50 ביז 300 פראצענט. אפילו אין די אריסטסטע נעגענדען וויינען רא לימטען פון וואשינגטע שכנים אן עס איז א נאנץ נעווענהלימע זאך. או פענעמענט רושענטאדט אום זיי זאלען קאנטן קרי נען אן אנדערמענט.

דער בארימטער צייגט אן, או די אונ־ נערטעי טייל פון די פארדינסטען פון די שכנים, או עס בליבט נים נעגיג פאר שפיין, שוין אפנערעמי פון פיציהונג פאר די קינדער, אינטערהאלטונג, א. א. וו.

נעווייסע הייזער זענען פון רעם עלטס־ טען פארט, אהן באהייצונג, אהן הייס מים וואסער, אהן איינועגעם אין אהן ליכט, אזוי, אז די נעז מוז כראגען דעם נאנ־ צען מאל, אין דער אלנעמיינער צור שפאנד איז פון א העכסט אינסאניטשע רען מארט. אומצעהלינע ציממערען זיי נען אהן פענסטער.

די קאמיטע גלויבט, או דער הויפט אינבאל בנוגע רענט נעהמסט זיך ערצאהן וואס פיעלע פון די פענעמענטס אויף דער אינסט טייל נעהרן זיך אבער, אפס אי בער פון אין האנט אין דער צוויטסטער, זען יפרדער נייער לענדלארד העכערט רענט. די אונטערווכער האבען נע־ נוגן אומצוהלינע פאלען וואו נייע פענעמענטס צאהלען פון 50 ביז 300 פראצענט. אפילו אין די אריסטסטע נעגענדען וויינען רא לימטען פון וואשינגטאן שכנים אן עס איז א נאנץ נעווענהלימע זאך. או פענעמענט רושענטאדט אום זיי זאלען קאנטן קרי נען אן אנדערמענט.

פארהער וועגען אימיגראציע אפגעלעגט

וואשינגטאן, דעצ. 26. — דער פאר־ הער נעגען אימיגראציע וואס האט רא היינט נעזאלט פארקומען פאר דער אי מיגראציע־קאמיטע פונם קאנגרעס, אין וועלכע זענען פארגעקומען פיעלע נעווענהלינע נעווארען. די יעדאקטארן פון דער אינטערנעשאנעל אסאציע פון אפיציעלע אימיגראנט אין אמעריקא, וועלכע ווילען ער־ קלערען פון „מאנ. האבען נעכ־ טען ציממערען די יריעה, או זיי זאלען אין דער אלנעמיינער אינטערעסאט אין די יעדאקטארן פון דער אינטערנעשאנעל אסאציע פון אפיציעלע אימיגראנט אין אמעריקא, וועלכע ווילען ער־ קלערען פון „מאנ.

נעגעראל וואוד'ס זוהן האט געמאכט א פארמעגען אין וואל סטריט וצענדיג אויף די פיליפינען אינזלען

כאנילא, דעצ. 26. — אויף דער פאר־ רעגונג פון דעם הינען נעווערנאר, נע־ נעראל לעאנארד וואוד, וועלכן דא פאר עפענטליכט די פאקטען, וויאזוי זוהן, ליוטענאנט פסאנ־ל קאנטע־ וואוד, האט אין די לעצט 3 יאהר נאכנעלאזט א פארמעגען פון 700,000 ביז 800,000 דאלער.

ליוטענאנט וואוד איז אין נאכגען 28 יאהר אלט און איז דא אלס מיליטער־ שטער נעהולף פון זיין פאטער. דאבען זיך נעגענטען פארשידענע פאל־ שיידענע קלאנגען וועגען זיין כאפיטר לאצייעס דורך דעם, וואס עי דאס נע־ דאלטען איז אין איבערשיקען נויטיג סומעס נעלט צו אמעריקע בעפר אין אפערייטע. פון דאס וועגען דעם נעגע־ מען ערפארן דא, אין וואשינגטאן, נע־ ינארן אין אנדערע צענטערס. עס דאס

פואנקארע וויל שוין וויטער נים קיין דירעקטע פארהאנדלונגען מיט דייטשלאנד

873 חסר

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

באלשעוויקעם האבן באוויזן ווי רעוואָ-לוציעם טאָרען ניט געמאכט ווערען, האָט געזאָגט פעטער קראָפאָטקין

פון עמא גאלדמאן

דער „טאג" דרוקט היינט דעם אכטצעהנטען קאפיטעל פון עמא גאלדמאנס בוך „מיין צווייטער יאהר אין סאוועטען רוסלאנד"— דער ניינצעהנטער קאפיטעל ווערט איין „טאג".

קאפיטעל 18

:אר א הויזים צו פעטער קראָפאָטקין

איך האב פעטער קראָפאָטקין צום ערשטן מאל געזען אין לאָנדאָן, אין זיין קליין הויז אין הייגעיט. ער איז געווען אן אומגליק, האָט קראָפאָטקין פארטענדיגט, וואָס מיטלע אנארכיסטען אין רוסלאנד און די באָלשעוויקעס. וואָס פיללע ווען דער הונגער איז אין לאנד, האָבן די באָלשעוויקעס אויסער רוסלאנד געמאכט די רעוואָלוציע. דער גרויסער א בעל־פעטערבורג פון די באָלשעוויקעס. אין דער גרויסער א בעל־קערעניש האָט מען אראָפגעכאפט, וואָס האָבן זיך שפּעטער אויסגעוויזן פאלשע, וואָס האָבן זיך שפּעטער אויסגעוויזן פאר אגענטן פון דער צאָרישער פאליציי. אין דער גרויסער א בעל־קערעניש פון די באָלשעוויקעס. אין דער גרויסער א בעל־קערעניש האָט מען אראָפגעכאפט, וואָס האָבן זיך שפּעטער אויסגעוויזן פאר אגענטן פון דער צאָרישער פאליציי. אין דער גרויסער א בעל־קערעניש האָט מען אראָפגעכאפט, וואָס האָבן זיך שפּעטער אויסגעוויזן פאר אגענטן פון דער צאָרישער פאליציי. אין דער גרויסער א בעל־קערעניש האָט מען אראָפגעכאפט, וואָס האָבן זיך שפּעטער אויסגעוויזן פאר אגענטן פון דער צאָרישער פאליציי.

לוציעם טאָרען ניט נעמאכט ווערען". עס איז נעווען אן אומגליק, האָט קראָפאָטקין פארטענדיגט, וואָס מיללע אנארכיסטען אין רוסלאנד און די באָלשעוויקעס אויסער רוסלאנד ענגען היינטצוטאָג נעוואָרען פון די אוטאָראָדוואָלוציאָנערע פּעטערבורג פון די באָלשעוויקעס. אין דער גרויסער א בעל־קערעניש האָט מען אראָפגעכאפט, וואָס האָבן זיך שפּעטער אויסגעוויזן פאר אגענטן פון דער צאָרישער פאליציי. אין דער גרויסער א בעל־קערעניש האָט מען אראָפגעכאפט, וואָס האָבן זיך שפּעטער אויסגעוויזן פאר אגענטן פון דער צאָרישער פאליציי. אין דער גרויסער א בעל־קערעניש האָט מען אראָפגעכאפט, וואָס האָבן זיך שפּעטער אויסגעוויזן פאר אגענטן פון דער צאָרישער פאליציי.

ער האָט נאָר אויסגעזען אויף דער גאס, ווי אן אלטער מענטש, וואָס ער איז שוין אויך אלט

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאָג The Day

"דער טאָג" ביינעם ליכט

MORRIS WEINBERG, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard

Vol. VIII. No. 3314 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, DECEMBER 29, 1923. שבת, כ"ט טבת, תרפ"ד. שבת, 29סטן דעצעמבער, 1923. PRICE THREE

A KLANSMAN LOSES HIS ILLUSIONS

THE COMPLAINT OF EDWARD YOUNG CLARKE, IMPERIAL GIANT OF THE KU KLUX KLAN; WHAT ELSE COULD HE HAVE EXPECTED?

The following are the words of Edward Young Clarke, Imperial Giant of the Ku Klux Klan, one of the founders and the most able organizer of the order, in a letter to President Coolidge:

"I have received from widely scattered sections of the country direct and authoritative information that the K'lan is rapidly developing nationally as a cheap political machine, a regulatory law and order league and, in sections where it is strongest, brazenly and openly superseding the authority of the courts and through character assassination, intimidation and actual physical violence depriving American citizens of their constitutional rights without due process of law or trial before a jury of their people.

"The positive and indisputable information which has come to me as to the gradual degradation and desperation of the Knights of the Ku Klux Klan through disregard of its high ideals, principles and purposes, is a severe shock and disappointment to me.

"While I am perfectly willing to assume the moral responsibilities which is rightly mine as having been chiefly instrumental in the building of the Klan, in justice to myself and to the hundreds of thousands of high grade men who have been drawo into the Klan because of its declaration of ideals and principles, I cannot and will not rest passive and silent and sit idly by in the face of such conditions and thus allow to fall on my shoulders the blame for the outrages of justice, individual liberty and respect for the courts and the government resulting from the rape of the organization which has taken place in the past year or eighteen months."

The Imperial Giant then goes on to give a not very reliable outline of the ideology of the Klan, wherefrom it would appear that the intention of the founders of the Klan was merely to bring into existence a White Protestant fraternal organization, with all the aims and purposes of a purely benevolent association.

אינערן־מיניסטער פון יאפאן פאַרמישט אין פאַרשווערונג פון ראַדיקאַלען צו דער־הרג׳ענען פרינץ רעגענט

ענגלאַנד עקספלואַטירט פאַלעסטינער מאַנדאַט צו פארשטאַרקען די אַנגלאָאַנישע קירכע

ריום, דעצ. 28. (אינא). — אין פרויי־קער אין דער אויסוואַנדערונג־אַרבייטסלאָזיקייט צווישען אידען אין ארץ־ישׂראל איז ערשט־קער צוגענומען געוואָרן דורך דער אַרבייטסלאָזיקייט־קאָמיסיע, וועלכע איז אויפגעשטעלט געוואָרן פון דער ענגלישער רעגירונג. אין דער קאָמיסיע זיצן פאַרשיידענע פּראָמינענטע מענטשן, אַזוי ווי דער ענגלישער פּאַרלאַמענטאַריקער מיטגליד, הערר מאַקסוועל, דער פּראָפעסאָר פון דער העברעישער אוניווערסיטעט, הערר מאַגנעס, דער פּרעזידענט פון דער ציוניסטישער אָרגאַניזאַציע, הערר וויזמאַן, דער פּרעזידענט פון דער העברעישער אוניווערסיטעט, הערר בוכאַנאַן, דער פּרעזידענט פון דער אַמעריקאַנישער אָרגאַניזאַציע פאַר ארץ־ישׂראל, הערר בראַנדעס, דער פּראָפעסאָר פון דער אוניווערסיטעט פון קאַליפאָרניע, הערר פּאָטער, דער רעדאַקטאָר פון דער "דזשוויש טריבוין", הערר סאָלאָמאָן, דער רעדאַקטאָר פון דער "דזשוויש וואָרלד", הערר סאָקאָלאָוו, דער רעדאַקטאָר פון דער "דזשוויש כראָניקל", הערר סאַמועל, דער פּראָקוראָר פון דער אַמעריקאַנישער אַדוואָקאַטן־פירמע, הערר סאַמועל לאָנדמאַן, דער פּרעזידענט פון דער "הענריעטא סאָלד" אָרגאַניזאַציע, הערר סאַמועל סקלער, דער פּרעזידענט פון דער "אַמעריקאַן יעוויש קאָמיטעט", הערר סטראָנג, דער פּראָפעסאָר פון דער קאָלומביע־אוניווערסיטעט, הערר סטראָס, דער פּרעזידענט פון דער "אַמעריקאַן יעוויש דיסטריבוציע־קאָמיטעט", הערר וואָרבורג, דער פּרעזידענט פון דער פעדעראַל־רעזערוו־באַנק, הערר וואָלף, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש פּובליקיישאַן סאָסייעטי", הערר וואָלפענסאָן, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש אינפאָרמיישאַן בירא", הערר זילבערמאַן, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש אַדוואָקאַט", הערר זילזער, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש טעריטאָריאַל אָרגאַניזאַציע", הערר זעליגסבערג, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש פּראָפעשאַנאַל בירא", הערר זיס, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש אַגריקולטשעראַל סאָסייעטי", הערר זעליגמאַן, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש פּובליקיישאַן סאָסייעטי", הערר זאַלצבורג, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש אַדוואָקאַט", הערר זילזער, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש טעריטאָריאַל אָרגאַניזאַציע", הערר זעליגסבערג, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש פּראָפעשאַנאַל בירא", הערר זיס, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש אַגריקולטשעראַל סאָסייעטי", הערר זעליגמאַן, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש פּובליקיישאַן סאָסייעטי", הערר זאַלצבורג, דער פּרעזידענט פון דער "יעוויש אַדוואָקאַט",

סאָוויעט־געווערקשאפטען מאַכטלאָז געגען אַרבייטסלאָזיקייט צווישען אידען אין ארץ־ישׂראל

מאסקווע, דעצ. 28 (אינא) — די סאָוויעטישע צייטונגען ברענגען אויף כער נאָטיץ אופן־אינא וועגן ערנסטער מיטינג, וואָס "פאַהנע" גים צו, אז די מיטגלידער פון דער סאָוויעטישער יעוועקציע זאָלען אין קאַנען אָפּרופן אַ מיטינג, אויף וועלכן זאָלען זיך פאַרזאַמלען אַלע אידן, וואָס וווינען אין מאסקווע, כּדי צו פּראָטעסטירן קעגן דער פּאָליטיק פון דער ענגלישער רעגירונג אין פּאַלעסטינע.

דער פּרעזידענט פון דער יעוועקציע, הערר קאַלינין, האָט אָבער אָפּגעזאָגט צו פאַרלייען דעם לאָקאַל פאַר דעם מיטינג, מיטן אויסרעד, אז דער מיטינג וועט נאָר דינען צו דער אַנטוויקלונג פון דער אַנטישמיטישער פּראָפּאַגאַנדע אין סאָוויעט־רוסלאַנד.

מענצער אין שולדיג וואָס ננכים האָבען נעזאָגט

צווישן חכרהלייט וועלן נעכטען אַרט סטרוט געווארן אויף דער באַשולדיגונג פון גבֿה אין טאָג. די תּיקשורי־פּאַרטיע "פאהנע" גים צו, אז די מיטגלידער פון דער יעוועקציע זאָלען אין קאַנען אָפּרופן אַ מיטינג, אויף וועלכן זאָלען זיך פאַרזאַמלען אַלע אידן, וואָס וווינען אין מאסקווע, כּדי צו פּראָטעסטירן קעגן דער פּאָליטיק פון דער ענגלישער רעגירונג אין פּאַלעסטינע.

וועטער אוו זייַ פרוי פאַרמשפט צו 8 ביז 15 יאָהר פּריזאָן

ערנעסט וועטער אוו זיין פרוי כערד, וועלכע זיינען דעם 21סטן דעצעמבער נעפונגען נעווארען שולדיג אין טויטשלאָג נעגריפען דעם נעזעגעגעם נעטען זיך ריכטער האַסקעל פאר פּאַרמשפט פון מרס. וועטער, זיינען נעכטן אין ריכטער האַסקעלס אין קוויינס קאונטי האַרום, לאנג אייליאנר, פאראורטיילט נעווארען צו פּריזאָן אויף נים ווייניגער ווי 8 אין נים מעהר ווי 15 יאָהר. אייהר עד האט ארויסגעוואונדן דעם אויסטויי. האט דער ריכטער נעפרעגט מרס. וועטער, צי זי האט עפּעס צו זאָגען, ווען דער ריכטער וועט פּראָנאָנסירן שטראָף. האט זי נים נעקענט. "מ. סאַנדערסון האָט מיר ערשט נעזאָגט, אז איך זאָל אַראָפּנעמען מיין הוט," האָט זי נעזאָגט. "איך האָב נים נעוואוסט, אז איך האָב אַזוי שלעכט אויסגעזען. איך בעט אייך, אז איהר זאָלט מיך אַזוי נים פאָטאָגראַפירן."

אין דאָן האט דער ריכטער ערקלערט, אז ער פאַרשטייט נים. וועטער אין אַכצעהן פרויען האָב א ציים פון נים וועניגער ווי 8 יאָהר אוו נים מעהר ווי 15 יאָהר. אויהר כאָן פאַרשוידט ער אויף דעמזעלבען מעהרטיין אין סינסינג.

בייטער האָבען אויסגעהערט דעם אָרגאַנאַל וועניגע, אָבער אַרויסגעקומען צוויי אָדער דרייַ מאָל אין קאָרידאָר, וואָס פּאַסירט אין קאָרטעגע. האָבען זיי נעזאָגט, אז זיי ווילען נים האָבען מיט דעם פאַל נישט קיין צו טאָן.

סטענאָגראַפיסטקע פון "דעם אויג" ווערט אַרעסטירט

ווי עס ווערט נעמעלדעט, איז נעכטן אין דער פרי אין דער אַפּטיילונג פון דעטעקטיוון־בירא אין ברוקלין אַרעסטירט נעווארען אַ מיידל, וועלכע האָט זיך אויסגעגעבען פאַר אַ סטענאָגראַפיסטקע פון "דעם אויג", אַ ייִדישער צייטונג, וואָס ווערט אַרויסגעגעבען אין ברוקלין. דאָס מיידל, וועלכע האָט זיך גערופען מרים ראָזענבלום, איז אָנגעקלאָגט נעווארען אויף דער באַשולדיגונג, אז זי האָט אַוועקגענומען פון דער אָפיס פון "דעם אויג" אַ גרויסע סומע פון נעלט. ווי עס ווערט נעמעלדעט, האָט זי דאָס נעלט אַוועקגענומען פון אַ קעסטל, וואָס איז נעווען אין אַ טישל, וואָס איז נעשטאַנען אין דער אָפיס פון דער צייטונג. ווי עס ווערט נעמעלדעט, האָט זי דאָס נעלט אַוועקגענומען אין דער צייט, ווען אַלע אָפיסירן זיינען נעווען אין מיטאָג. ווי עס ווערט נעמעלדעט, האָט זי דאָס נעלט אַוועקגענומען אין דער צייט, ווען אַלע אָפיסירן זיינען נעווען אין מיטאָג.

ראַנקרייך פלאַנט אַרייַה אַפמאַכען מיט אייראָפּעאישע מדינות אַלס נעגענגעוויכט צו ענגלאַנד

העלדישע פרוי קעמפט מיט 5 באַנדיטען וועלכע רויבען בייַ איהר אַוועק אַ ווערטפּולען רינג

5 באַנדיטען באַוואָפנטע וויינען נעכטן אויסגעטיגט אין איהר פּאַלאַץ, אין אַ פּרעכטיגען אויטאָמאָביל, וואָס האָט אויף זיך נעשטאַנען אין דער פּאַסאַזשירען־שטראַסע. מרס. וועטער האָט זיך נים נעוואָלט אָפּגעבען מיט אַ ווערטפּולען רינג, וואָס איהר מאַן האָט איהר נעשענקט אין אַפּריל פון דעם יאָהר, אין אַ טייַערען קלוב, וואָס זי איז אַ מיטגליד פון. זי האָט זיך נעוואָלט פאַרטיידיגען, אָבער זי איז נים נעווען אין שטאַנד, ווייַל זי האָט נעהאַט אין איהר רעכטער האַנט אַ פּאַקעט מיט איהר נעקויפטע זאַכען, וואָס זי האָט נעטראָגען אונטער איהר לינקער אַרעם. ווען זי האָט נעזען, אז זי קען נים אַנטלויפען מיט דעם רינג, האָט זי אַנגעהויבען צו שרייַען, אָבער אַ פּאָליצייַמאַן, וואָס איז נעשטאַנען אויף דער ווייַטער זייַט פון דער שטראַסע, האָט זי נים נעהערט. ווען זי האָט נעזען, אז דער פּאָליצייַמאַן הערט זי נים, האָט זי אַנגעהויבען צו שרייַען נאָך מער. ווען זי האָט נעזען, אז דער פּאָליצייַמאַן הערט זי נים, האָט זי אַנגעהויבען צו שרייַען נאָך מער. ווען זי האָט נעזען, אז דער פּאָליצייַמאַן הערט זי נים, האָט זי אַנגעהויבען צו שרייַען נאָך מער.

אידיש מיידל „געהט אוים" מיט אימאַליענער, און טאָטע מאַמע געהט אוים דאָס חיות

בעיקר אין דזשעקסאן פּאַרקעס קאָורט צווישען פּיטערסיטער אין מאַנהעטן. — אימאַליענערס צוויי צישטעלען בעוד מאָר מיטלעך.

פאר דעסטו ערנסטער איז דזשעקסאן פּאַרקעס קאָורט אין נעוואָרדען אַ פּלאַץ פון אַמעריקאַנישע אידן, וועלכע האָבען אין דער לעצטער צייט אַנגעהויבען צו שיקען זייערע קינדער אין דעם פּאַרק, כּדי זיי זאָלען דאָרט אַרומלויפען מיט אַ ווייַסע מויל, וואָס איז נעמאַכט פון אַ שטיקל פּאַפּיר, וואָס איז אַרומגעוויקלט אַרום דעם קאָפּ פון דעם קינד. אויף דעם פּאַפּיר איז נעמאָלט אַ פּיקטור פון אַ פּערד, אַ הונט, אַ קאַץ, אַ קו, אַ שוויין, אַ שאָף, אַ העזעלע, אַ לייב, אַ טיגער, אַ בער, אַ עלעפאַנט, אַ זעבראַ, אַ זשיראַף, אַ קאַמעל, אַ קענגורו, אַ קאָזע, אַ ראַבבי, אַ פּאָליצייַמאַן, אַ סאָלדאַט, אַ מאַלפּע, אַ מאָנקי, אַ פּאַפּוגיי, אַ קאַנאַרעק, אַ ראַבבי, אַ פּאָליצייַמאַן, אַ סאָלדאַט, אַ מאַלפּע, אַ מאָנקי, אַ פּאַפּוגיי, אַ קאַנאַרעק,

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

די באלשעוויקעם האבן פארגיפטעט די מחות פון דער באפעלקערונג נעגען דער רוסישער אינטעליגענץ

פון עממא גאלדמאן

דאקטר היינט דעם 19טען קאפיטעל פון עם א גאלדמאן'ס בוך „מיינע צוויי יאהר אין סאוועט־רוסלאנד" וועלכע פארעפנטלעכט וועט ווין נעדרוקט פאנטאם.

קאפיטעל 19

אין וועג

איך אונזער וואגען די אייסרייסט : נאך אויסערארדנטליכע שוועריגקייטן פון דעם מוואהס פון דער רעוואלוציע", האט ער זיך פארהאפט פיר אין אונז נעקומען באזונדע. עם האט זיך ארויסגעווייזן, אז אונזער באזוכער איז נעווען אן אינטעליגענט, פאלקסמאן'ס פון אנהענגער, א פארוואלטער פון א קינדער־קאלאניע. איהם האט זיך איינגענאמען אויפ צוהאלטען די קינדער־קאלאניע דורך נעבען דער סאוויעטרע־נידזונג אזוי פיעל ארבייט, ווי כין האט פון איהם נאפארעט. דרום האט א וואך אין ער נעווען אן לעהרער אין די סאוויעט־שולען פון קורסק. די איבערזיצונג ציים האט ער אפגענעבען ווין קלייניע קאלאניע, שרעט דער „קינדער קאמונע", ווי ער האט מיט לייבע אנגענומען פון פארשידענע אויפ־זיכטען פון פארשידענע רוים־אנגעהעריגע. מיט דער הילף פון די קינדער אין אייניג דערוואקסענע האט ער אפגענעבען איינע פון אלטען ווין אמעריקע, וועלכע ווייב פלעגן, דער דעטראיטער „אמעריקאנער" ציים, ווען ער איז נעווען אין סאוועט־רוסלאנד. ער האט אויך איבערגעזעצט צו נעפיזען אונז פרידען פון אמעריקע אויף רוסיש. ער איז אויך אויפגעטראטן אלס לעקטאר אין פארשידענע קלובען פון דער רוסישער אינטעליגענץ.

קורסק איז א גרויסער אינדוסטריעלען צענטער אין דער נעווען פארעינטערעסירט אין דער לאגע פון די אר־בייטער טער דארטען. כיר בעזוכן זיך. ווי איך נידזונג אזוי פיעל ארבייט, ווי כין האט פון איהם נאפארעט. דרום האט א וואך אין ער נעווען אן לעהרער אין די סאוויעט־שולען פון קורסק. די איבערזיצונג ציים האט ער אפגענעבען ווין קלייניע קאלאניע, שרעט דער „קינדער קאמונע", ווי ער האט מיט לייבע אנגענומען פון פארשידענע רוים־אנגעהעריגע. מיט דער הילף פון די קינדער אין איינג דערוואקסענע האט ער אפגענעבען ווין אמעריקע, וועלכע ווייב פלעגן, דער דעטראיטער „אמעריקאנער" ציים, ווען ער איז נעווען אין סאוועט־רוסלאנד. איך האב אין

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

Vol. VIII. No. 3316 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

NEW YORK MONDAY, DECEMBER 31, 1923. כאנטאג, כ"ג טבת, תרפ"ד. מאנטאג, 31טער דעצעמבער, 1923. PRICE 1¢

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: CONGRESSMAN ROSENBLOOM; THE LEHIGH BIND; EVEN GOMPERS DISLIKES FORD.

THE ASTONISHMENT OF A CONGRESSMAN

The Washington correspondent of "The [illegible] Alfred Klein, cites the highly interesting reaction of Congressman Benjamin Rosenbloom, of West Virginia, to the [illegible] made by this paper of [illegible] addition on Immigration [illegible] to Congress. [illegible] only for [illegible] of the Johnson [illegible] passed the anti-[illegible] bill was better in demanding that all immigrants [illegible] out taken over their [illegible] the first two [illegible] to be rejected, together with [illegible] who without [illegible] have become citizens.

[illegible] closed sharply [illegible] Congressman [illegible] made part- [illegible] to his Jewish [illegible] Rosenbloom [illegible] the corre- [illegible] Day" what his [illegible] his proposal [illegible] with anti- [illegible] which is [illegible] and [illegible] Hebrew. Does [illegible] Congressman know [illegible] effort of the Jew [illegible] Does he not suspect that [illegible] law in the date of [illegible] 1891 to 1890 has the [illegible] purpose of excluding one [illegible] [illegible] which the [illegible] is [illegible] representative [illegible] and of substituting in the [illegible] no other right than [illegible] be adored and [illegible]

[illegible] simple hearted [illegible] did not himself [illegible] wickedness is [illegible] and of equal [illegible] rights, were [illegible] ach in Yiddish papers and in Anglo Jewish [illegible] even in papers [illegible] particular con- [illegible] people, [illegible] business- [illegible] es, but was [illegible]

[illegible] years [illegible] the illusions [illegible] just holds [illegible] to find [illegible] Jewish [illegible] and that he [illegible] strengthen-

ציטונגס פאַרקויפער אין שיקאַגא אין סטרייק נעגען „פאַרווערטס"

דער „פאַרווערטס" האט נעהאט דעם פרײַן פאר זיך אין די ציטונגס־פאַרקויפער דערפֿאר, אַז ניט נעגעבן־פאַרקויפער דערפֿאר, אַז ניט נעגעבן. — סטראַנד־בוכהאַנדלער אַזעלכע זענען אַ גרויסע סכנה פֿאַר אונדזער ליטעראַטור. — ניו־יאָרקער בוכהאַנדלער פֿון „פאַרווערטס" זענען אַפּעלירט געוואָרן צו העלפֿן אונדזערע אַגענטן אין שיקאַגא.

דער פאַרד אַדווערטייזמענט נעבטען ייִדיש עשׂינען אין „פאַרווערטס"

(בעזונדערע טעלעפאָנישע ליניע „פאַר")

[illegible] דער „פאַרווערטס" דורכן אַדווערטייזמענט פֿון דער פאַרד מאָטאָר קאָמפּאַניע, אַז אין אונגעוועהנלעכע פֿאַלן, אַזוי אַז אידען וואָלטן זעלבע נעפֿינען דעם נאָמען פאַרד אויפֿן „פאַרווערטס". דער פאַרד־אַגענט האָט אַ ספּעציעלן טעלעפאָן אַפּאַראַט אַרויסגעשטעלט אין דער „פאַרווערטס" אָפֿיס, אַז אידען זאָלן קענען טעלעפאָנירן אַהער, אויב זיי וועלן נישט אַרויסגעהן פֿון הויז.

העגרי פּאָרד זאָגט:

די נאָדעל־אינדוסטריע אפּעלירט צום אידען בכּדי רערפּאָר, וואָס [illegible] קאָן פּאַקטיש איינאַרדנען זיינע איגענע שטונדען. דער איד וועל שטיק־אַרבייט אנשטאָט טאָג־אַרבייט, אין נאָך בעסער האָט ער ליעב אינדוסטריע, בי זועלכע מקנין ארבייטען אין דער היים אנשטאָט אין די פאַבריקען — ער קען איינאַרדנען זיין אייגענע צייט. פיעלע וואונ־דערען זיך, פאַרוואָס די אידען פון ניו־יאָרק האָבען אזוי פיעל צייט פאר [illegible] אַלוועלכע באַראטונגען, פאַראַמלונגען, דעמאָנסטרא־ציעס, רעסטאָראַנט־דעכאטען אין פאַר אַדוסענעבען ראַדיקאַלע שרים־טען. קיין אנדער קלאַס אַרבייטער האָט נית די צייט דערפאר. אנדערע מענטשען אַרבייטען דעגעלמעסט. די ערקלערונג אין נאָר פּשוט: דער עקסטרעמער כאַראַקטער פון כאָלש עוויזם האָבען פיעל צייט „פאר זיך".

טראַצקי, דער אינטערנאַציאָנאַל רוסלאַנד, האָט אזוי גערעכט אין ניו־יאָרק. זיין הויפּט אינאַרדנונג אין נעזונען פאַר פּרויע צייט אויסצואַר־בייטען זיין סקום. אלע פּיזדער פּין דער איסט־סייד האָבען נעזוואוסט, אז טראַצקי נעהט „פארנעמען דעם צארס פּלאַץ", טראָץ דעם וואס ער האָט ניט נעהאט קיין אינצינגען דאָרט ביי דער נשמה. אלעם איז נע־וועז פאַראַיס אויסגערעכענט אין כאשטימטע פּינגשטן וויינען דורכגעט נעאַדעז אויף כאטטימטע פּלעצער. די איסט־סייד האָבּ אנדערע רעזענדע, וועלכע זיינען אינט נריים! די דאָזיגע רעזענדע לעבען אין כאוועגען זיך אין דער רעזאָלוציאָנערער נאָרעל אינדוסטריע.

(אפּיציעל 40, 3טער כאנד, זיטע 09, פון דערי פּאַרד'ס בוך „דער אינטערנאַציאָנאַל אידל")

העגרי פּאָרד נאָהלט:

דער „פאַרווערטס" הדוקט די אדווערטייזמענט פון העגרי פּאָרד. ער הדוקט די אדווערטייזמענט אויף אן אנגעוועהנעגעם פּלאַץ, אזוי אז אידען וואָלטן זעלבע נעפֿינען דעם נאָמען פאַרד אויפֿן „פאַר־וועדס". העגרי פאַרדס שטעלונג צו אידישע יונאָנס שפּילט דא קיין רא׳ל ניט. העגרי פאַרד נאָהלט.

קולידזש קלייבט אוים סענאַטאָר צו פאַרטיידיגן זיין שטעלונג צו רוסלאַנד

סענאַטאָר לאַדזש זיצט אין זיין רעדע פאר סענאַטארען באַוויזען, אז סאָוויעט אינמערנאַציאָנאַל אין די קאָמוניסטישע פּארטיי זיינען אין אָרגאַניזאַציע — בלויז קליינע נרופּע מיטגלידער פּראַפּאַגאַנדע [illegible]

קאַנער שיף מיט בענשען נעזונקען אין שוואַרצען ים

[illegible] דער שיפּינג באָארד שיקט א דראָטלאָזען [illegible] אין בארימס ניט קיין ענטפּער. — די נאַנצע [illegible] אמעריקאנער מיט די קלינע רעשטונגס־שיפּ־אַרטיי־אויר שיפּען קומען צו שפּעט אין [illegible] נעזונקענער שיף.

אַנדימען דערשפּעט אויף מוים אידישען העמטאראשאר אויף מענדשען סטריט

[illegible]

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ווען א פרוי זאגט א ליגען

א דערציילונג פון דעם אירישען לעבען אין אמעריקע

— פון —

א. ווייסבערג

(אפגעשריבן)

דוישיתאב האט זיך אייגנטשטעמס אין דאם אויבר א טאם נעכטן בייס שמעד דען אייב זי האט הין.

עמיר וועריא אין נעשטאנדן ווייטערן אויסצוזאגן. דאם איז זי אויך א האפענדיגן. אין אויך אויסנעמיקיטן אין דאם צוזעלצטן אויבר האבן זי נישט.

— זעדמבי נוט, אז זי האט הין. — זיך דערמאנט זי אין איר נעלייך אפגעדרוקטן אין דער ווערלד.

— נוט קען פארשטיין נאר אירר ליבער, אז זי האט הין. — דאס דושויט האט אויסנעמערלעכעם.

— נואס דאס זי נעשריבן?

— אז אימעיצר האט אירר נעזאגט דאס איך בין נוט אפטער, נוט אנדערש, אז זי ווערט אין הין . . . אין כון נוט נעריך שיקען נאכ'ן דאקטאר.

— איך האב נוט קיין הויז, אין ווייל נוט ענטפערן דאס — האב זיך נוט א בייזער נעמאן אויף זיך. אפשר איז אין דעם פאראדיז אזוי ווי דאס אין אמעריקע, אבער איך בין נוט קיין בייזער מענש. איך בין נוט קיין קוישן אייער ווייב, כאפש דאס נעפעלט איר אפיר נוט.

פלוצים הויבט מען אן צו קלינגען פון דאס אויבר א טאם נעכטן בייס שמעד דען אויב זי האט הין.

עמיר וועריא אין נעשטאנדן ווייטערן נוט אויסצוזאגן. דאס איז זי אך א האפענדיגן. אין אויך אויסנעמיקיטן אין דאס צוזעלצטן אויבר האבן זי נישט.

— איטש ווייס אוך . . . איר דאס שרעקט . . . דאס האט זי אייגנטלעך נישט נוטיג.

דה. ווילקאמיטען איז נישט צוגעגאנגן צום בעסטן אין אונטערהאלטונג זי דאס איר בארד שייערעס. אז זי האט נוטיג הין, אוסד דאס איז נישט נוט הויז נישט.

ניגא דאס ווידערלעך נישאם הין, זען אויבר אשטשעגונג איז די לעצטע צווישן נעגע, זען די איר שטארקע נעפראגטן אין דאס מאדעל נעפראגטן אין דאס איר נעשריבן אין דאס זי האט נוט אויסגעשפראכן אין איר נעפראגטן אין דאס זי האט נוט נעוואלט אין דאס זי האט נוט נעוואלט אין דאס זי האט נוט נעוואלט

900920001

The Emma Goldman Papers

{My Disillusionment in Russia. In Yiddish} Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

"דער טאג" ביינעם ליכט

ROBBIN WEINBERG, President
REUBAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. Broadway Tel. Orchard [illegible]

Vol. XI. No. [illegible] Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

NEW YORK WEDNESDAY, JANUARY 2, 1924. טיסוואך, כ"ח טכת, תרפ"ד. מיטוואך, 2טען יאנואר, 1924. PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: UNCONSCIOUS SOCIALISM FROM THE KLAN; THE LAW THAT PRODUCED "STATELESS" WOMEN.

THE KLAN ADOPTS CARL MARKS

The absurd shifts to which members of the Ku Klux Klan are reduced in their hunt for anti-Jew material is revealed in a cartoon which appeared the other day in The American Sentinel, a Ku Klux Klan newspaper of Birmingham, Alabama. In this cartoon the Jewish merchant is portrayed in the form of a serpent; the implication being, of course, that, as an unproductive middleman the Jew is the snake in the path of American progress.

It is not the first time, of course, that the Jew has been attacked in his role as commercial middleman. He has been accused time out of number as being the chief bulwark of the capitalist system in the [illegible] middleman who makes the [illegible] between [illegible] and [illegible], has most to gain from the continuation of the capitalistic order of society.

Now it is well within the province of a Socialist writer to attack the merchant classes, the middlemen who consume without producing. This is pure socialist theory, and whether right or wrong is part of a recognized social philosophy. Even as such it is ludicrous to make the Jew the scapegoat, in that it does not matter in the slightest whether the middleman be a Jew of a Chinaman. It is the system, which, according to the Socialist, is vicious, and it was not the Jew who gave to the gentile world its order of society.

But it is amazingly stupid for a capitalistic, anti-socialist order like the Klan to attack anybody for being a middleman. If indeed the middleman is the bulwark of the capitalistic form of society, the Jew should be praised for forming a large part of that class. And if the Jew as a middleman is unproductive, so is anybody else as a middleman. Or does the Klan mean that the middleman is unproductive only when he is a Jew (or a negro or a Catholic), whereas, as soon as he becomes a White, native-born Protestant, his profits are highly productive processes in society? [illegible]

אַנטיסעמיטישע כוואליע פֿאַרפֿליצט דיטשלאַנד, זאָגט האַרדען

ערקלערט, אז אמעריקע דארף גיט שיקען תבואה קיין דויטש־לאנד, ווייל די דאזיגע פֿארמערס מאכען ספעקולאציעס מיט איינגענער תבואה — אידען דארפען ערקלערען א ביזנעס סטרייק, אין מאקסימיליאן האדרעגס מיינונג.

ברעסלא, 30 יאנואר. (א"א ב"ט). — אין דער גאנצער דויטשער פּרעסע איז איצט אויסגעברויזט אַ שטורעם פֿון אַנטיסעמיטישע אַרטיקלען, וואָס זענען פֿאַרבונדן מיט דער פֿאַרפֿליצטער לאַגע פֿון דער דויטשער וואַלוטע. אַלע אַנטיסעמיטישע אַרטיקלען שטעלן אָפּ, אַז דער שולדיקער אין דער פֿאַרפֿליצטער לאַגע פֿון דער דויטשער וואַלוטע זענען די אידען.

אַ טיפּישער אַרטיקל אין דעם זין איז דער, וואָס איז אַרויסגעקומען אין דער "דויטשער צייטונג" פֿון בערלין, וועלכע איז אַ פֿירנדיקע צייטונג פֿון דער דויטשער פֿאָלקס־פּאַרטיי. אין דעם אַרטיקל ווערט געזאָגט, אַז אַמעריקע האָט גוט שולדיק קיין אידען אין דעם, וואָס אַמעריקאַנישע פֿאַרמערס האָבן פֿאַרווייגערט צו שיקן תבואה קיין דויטשלאַנד, ווייל זיי האָבן נישט וועלן פֿאַרקויפֿן זייערע פּראָדוקטן פֿאַר פּאַפּיר־מאַרקן, וואָס זענען אין דויטשלאַנד אין גאַנג.

אין דעם אַרטיקל ווערט אויך געזאָגט, אַז אַמעריקע האָט אַ רעכט צו פֿאָדערן גאָלד פֿאַר איר תבואה, ווייל אין דויטשלאַנד איז אַ גאַנצע קלאַס מענטשן, וואָס האָבן גוט פֿאַרדינט אין דער צייט פֿון דער אינפֿלאַציע, וואָס האָבן אָבער נישט וועלן אַרבעטן אין דער צייט פֿון דער דעפּרעסיע, וואָס איז איצט אין דויטשלאַנד.

פֿאַרד זאָגט:

...בקיצור, ניו יארק'ס איינוואוינער סלום־וויכסטע ס־יעצט (אין ניו יארק גופא) אין די אירוישע ס־יע־מע; ניו יארק'ס אסתּע רעזידענט איז די אירישע קלאַס; ניו יארק'ס אסתּע ארטיסטישסטאיש מוז נעזעהן אין די אירוישע אימיגראַנטן; נאָר אבי־סעלע אין ניו יארק'ס אמיציעלע שפּראַך וויעט זיין דער אירישער דיאַלעקט העפּט".

(פאַרשפּיל פֿון באַנד 3, פֿייגוס הינ)

פֿאַרד צוהלט:

דער „פֿארווערטס" אין דער „פֿארווערטס" הרוטען הענ־די פֿארווערטסיזמענט; דער „פֿארווערטס" שרייט אין יידישע פֿארד'ס נעקט; דער „פֿארווערטס" ווייזט אין נעהמט פֿארד'ס נעלט.

מאַן דערשטעט אויף טויט זיין ברודער אין פֿאַרוואונדעט זיין מוטער

אין דעם, אין דער נאכט בין נייי־יאָרק האָט עד דערשאסען אייף טויט זיין ברודער כאנא, 30 יאָר אלט, אין נעפֿענהלך פֿאַרוואונדעט זיין מוטער, מירי, 52 יאָר אלט.

וויי די פֿאליצאי כארוימפּעט, אין דושעוועג נעפֿונען א שיקסבערג וואָס כוי־זיין מוטער. ער האָט זיך טיט אייפֿגעגעבן אין פֿלעקס אנפֿלויגען פֿון דער היים. אין דער נאכט פֿון נייי־יאָרק'ס פֿאַרטיי האָט ער נעהערט, ווי א מענטש נעפֿאַלט א שטיקער פֿאַרטי. אין עטאַרס צוואַנציג־הערן אין אַפּאַרטמענט איז אַלעס שטיל נעווען. ער איז אַרויס אין הויף, וואָס דאָרט איז אַ נייגיריקער אין אַפּאַרטמענט 1 א זייגער פֿאַרטאָג האָט ער אַ פֿאליצאַי־מאַן הערט־ערט, ווי א מענטש פֿאַלט אין דער וואוינונג פֿון פֿרוי מעלי. ער איז אַרויף אין דער וואוינונג פֿון פֿרוי מעלי, וואָס איז אַ וויטוועי, אויף דער פֿאַרטיי איז אין אַ פֿרויען

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

זוען א פרוי זאגט א ליגען

א ראטגעבן בוך פאר אידישע לעבעדיגע אין אמעריקע

— פון —

א. וויסבערג

אספירין

זאגט „בייער" — עכט!

BAYER

Colds

FREE TRIAL COUPON

וויקטראלא נומער 405

$250

עלעקטריק, $290

חון יאסעלע ראזענבלאט

חון יאסעלע ראזענבלאט איז ווידער דא מיט א נייעם וויקטאר רעקארד

דיעזער באריהמטער חזן אלע חונים איז ווידער דא אין אשרוילא נאך אן ערשאלנרייכן סיר איבער אירופא. יעדע אהם וועלן אר סרעגט אויף אין אייער שטאדט, דאן קויפט זייער וויקטאר רעקארד אויף דער וויקטראלא, אין הערט ווי נעמדיג זיין זינגען אין דעמאנסטרירט.

דער ראזענבלאטס לעצטער וויקטאר רעקארד קאדר איז נעוויסלעך צום אידישען מאדן.

55201 | רחם נא — — — — (עריענטע מעלאדיע) | רחם נא — — — — (צייטגעט מעלאדיע) | 12 אינטש $1.50

אנדערע נייע וויקטאר רעקארדס

958 | רן, וועם האבם צום נעמוינים מאך מיר — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | נליקליבע נאכט (פארקויף קארטיע (אין אמעריקא)) | 10 אינטש $1.50

960 | מאיכס — דער נאדרעסער האנס — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | מאיכס — בעיכעלא בעיבעלא — (פארקויף (אין אמעריקא)) | 10 אינטש $1.50

964 | כאליעבטעם לאנד — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | (נעזן לויפטערן דעריצער (נעזען עריענטס רעקארד (פארקויף (אין אמעריקא)) | 10 אינטש $1.50

957 | כאהאראל — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | מערענארע — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | 10 אינטש $1.50

35729 | „1812" אויווערטורע — (ערשטער טייל) (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | „1812" אויווערטורע — (צווייטער טייל) (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | 12 אינטש $1.25

77170 | פערצען יאהר צייטיג (פון דער אפעראטע — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | דער רבי פון — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | 10 אינטש .75

77194 | מאמעניו, מאמעניו — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | נים מיר מאמעניו — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | 10 אינטש .75

77163 | דאוגא אין הארא — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | מחתת הזהב אין דער אלטער הימם — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | 10 אינטש .75

73927 | רא דאוגא דעיכ רוסלאנד (אמאל הייליג) — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | פרוילין מארטא — (ארויס פארקויף (אין אמעריקא)) | 10 אינטש .75

קויפט אייער ראזענבלאט אין ווידער דא מיט א נייעם וויקטאר רעקארד

דיעזער באריהמטער חזן אלע חונים איז ווידער דא אין אשרוילא נאך אן ערשאלנרייכן סיר איבער אירופא. יעדע אהם וועלן אר סרעגט אויף אין אייער שטאדט, דאן קויפט זייער וויקטאר רעקארד אויף דער וויקטראלא, אין הערט ווי נעמדיג זיין זינגען אין דעמאנסטרירט.

Victrola

REG U S PAT OFF.

זוכט דיזעז סרייד-מארק, אנדערש דעם דערקענט, אויף דעם לויבעל.

Victor Talking Machine Co.
Camden, N. J., U. S. A.

אין אפגרונד פון רוסלאנד

אויסגעשטאנען פון די באלשעוויקעס אין אוקראינע

פון עמא גאלדמאן

הוסטען

נעכטיגס פאנאס. — דוש סיריפן פלעגם אפגעבן כידערה אין קרעפ אפהעלפן א אנגענעמער זירופ פאר אלע מענטשן פון סיריפ. פארקויפס אירעראל.

מ. א. ד. א מאדעסע צו ארדער

א. מילגע

3

סארטען טהעע

זיינען אין אמעריקא אנגעקומען פון דער באריהמטער פאבריק אין לאנדאן, אנגלאנד. דער טהעע איז אויסגעקליבן פון די בעסטע סארטען טהעע וואס וואקסן אין אינדיע, צילאן, יאוא, דזשאוא, סומאטרא, דזשאוואה, אפריקא, אראביע, טורקיי, רוסלאנד, טשיינא, יאפאן, פארמאזא, פערסיע, אלע ארטען קאווע, קאקאו, טשאקאלאט, קאקאנאט, פרוכטן, ווי אויך אלע ארטען ווייכע און האלבע קעזע.

דער טהעע איז פון דער בעסטער קוואליטעט, ווערט אין אלע לענדער פון דער וועלט פאר דעם בעסטן טהעע, ווערט אין אלע לענדער פון דער וועלט פאר דעם בעסטן טהעע, ווערט אין אלע לענדער פון דער וועלט פאר דעם בעסטן טהעע.

דער טהעע איז פון דער בעסטער קוואליטעט

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

"דער טאג" ברייגנט ליכט

MORRIS WEINBERG, President
MEGHAR FALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way Tel. Orchard 1...

Vol. XL No. 3321 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, JANUARY 5, 1924. שבת, כ"ח טבת, תרפ"ד. שבת, 5טן יאנואר, 1924. PRICE THREE CENTS

THE POINT TO HAMMER HOME

WHAT MOST CONGRESSMEN DO NOT REALIZE: THAT THE JOHNSON BILL IS AN INSULT TO MILLIONS OF AMERICANS.

At the hearings before the House Committee on Immigration, sitting at present to examine the Johnson Bill, and to hear public opinion registered through representative citizens, many points were brought up and discussed — registration of aliens — efforts on labor — America's economic possibilities, America's power of absorption, finger printing of aliens, control of immigrants on the other side — all of them important points, meriting careful attention. But one point is of paramount importance, and we note with gratification that it was pored on and hammered closely by most of the citizens who appeared at the hearings — the point regarding discrimination as it figures in the Johnson Bill.

The American system of testing public opinion through hearings by a Congress Committee, no where showed to better advantage than in this case. Congressmen who had apparently studied the Johnson Bill carefully, and who were prepared with hundreds of questions, were made to realize that a certain point of view which had either slipped their attention, or which they had thought of minor importance, was paramount in the minds of a great many American citizens. That point of view regarded the change of date of census for immigration as a thoroughly unwarranted insult to the millions of Americans who have come to this country since 1890.

And this is the point which must be hammered home again and again. There is no escaping from the fact. The Johnson Bill means that the type of immigrant who came here since 1890 and 1900 — definite type — should be partially excluded from this country. It further demands that instead, the type of immigrant who arrived in this country before 1890 should be given preference. This can mean only one thing: that the type of after 1890 is inferior to the type of before 1890.

It means, then, that those millions who since their arrival in [illegible] years, have

רעדאקטאר פון איטאליענישער ציימונג פאר׳מסר׳ט זיינע לאנדסלייט בים אימי-גראציע פארהער פון קאנגרעס

זאגט איטאליענישע אימיגראנטען זיינען ניט לאיאל צו אמעריקא — וויל אז קוואטא וואלט באשרעט ווערען איף צוהל אימיגראנטן. וואס דאבען געדיענט אין דער ארמי. — כוספרם קאדט רוכטער קאטולא עניטם ערט זיין לאנדסמאן.

(כפעציעל צום „טאג" פון אלבערט קלין)

וואשינגטאן, יאנואר 4. — קראלי וואשינגטאן, יאנואר 4. — דער אויפטאקט אין איינגאבע אין איינגאבע פון אינטערעסירטע וועכטנוט. זיין גיך „שרעק" כמיעט פון פרעסידענט. אין וויכטע אינגאבן אין וואשינגטאן, אין וויכטע אינגאבע פון אמעריקא פאטריאטן פאטריאטן, אין דער „שרעק" כמיעט פון פרעסידענט.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

וי די באָלשעוויקעס האָבן געמאכט אָבלאוועם אויף די גאָסען צו פאנגען ארבייטער פאר געצוואונגענע ארבייט

פאריאם די עקספראפריאציעס אין קאנפיסקאציעס ווינען נעמען קאנפיסקאציעם אלץ פארפאלגונגען, אין געכליבען — פון עמא גאלדמאן *)

א. דאס איינציגערייס וואס דעם נעמאכט צו בייגע־ כען, אבער מען האט מיר נעוואגט, או די פאוועקדעראציע איז ניט נעוויל, אין אזעלכע אומשטענדע וואס דאס איז פאר אים א ווייטע פארבינדונג, אויסצוטרעטן מיט אן אפענטלעכן פראטעסט קעגן דעם ווילדן טעראר וואס די באלשעוויקעס האבן אויפגעפירט אין רוסלאנד. איך האב מיך אבער נישט אפגעגעבן מיט דעם פראיעקט, ווייל איך בין אפילו נאך מער איבערצייגט וואָרן, אז אפילו אויב אלע ארגאניזאציעס אין אמעריקע וואלטן זיך פארבונדן צו אזא פראטעסט, וואלט דאס קיין רושם ניט געמאכט אויף די באלשעוויקעס. זיי האבן אין זייערע הענט אלע מיטלען פון אויסדרוק, פון פרעסע, פון פאליטישע פארזאמלונגען, פון פובליציטי, אפילו פון דער קונסט, אלץ איז אין זייערע הענט אן אפאראט פון אומבאגרענעצטער טיראניי, וואס קען אונטערדריקן יעדע מענטשלעכע שטימע, יעדע מענטשלעכע רעגונג. אויב אזוי איז, וואס קען דען אן אפענטלעכער פראטעסט אויסרעכטן? וואס קען ער אויסרעכטן אנדערש ווי אן אפענטלעכע אנקלאגע קעגן די פארברעכער, וואס האבן אין אלע צייטן אין אלע לענדער אויסגעפירט אזעלכע אנקלאגעס קעגן

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

פֿיהרער פון קו קלוקס קלאַן אַ מיטגליעד פון קאָנגרעס אימיגריישאַן קאָמיטע

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאָג The Day

"דער טאָג" בריינגט ליכט

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

ROBBIN WEINBERG, President
ABRAHAM PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard 1[illegible]

Vol. XI. No. 3323 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK MONDAY, JANUARY 7, 1924. כ'אנטאג, ראשהודים שבט, תרפ"ד. מאנטאג, 7טער יאנואר, 1924. PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS; ON THE WORD OF HENRY FORD; WHAT IS THERE BEHIND "KIKE" and "SHEENY?"

"FORD CLUBS TO MEET"

Under this heading The New York Times of Saturday retails the following news item:

"Omaha, Neb., January 4th. — Ford for President Clubs, in twenty-one States, together with organizations of the People's Progressive Party in several States, issued a call today through Chairman Roy Harrop, of Omaha, National Chairman of the People's Progressive Party, for a national convention to be held in Omaha, January 30 and 31, to nominate a national ticket and lay plans for its election.

"The call is signed by delegates from Nebraska, Michigan, Illinois, Ohio, New York, Vermont, New Jersey, Montana, Minnesota, South Dakota, Colorado, Oklahoma, Texas, Arkansas, Missouri, Idaho, California, Tennessee, Iowa, Connecticut, North Dakota, and Oregon.

"'Our Presidential Candidate may be Henry Ford and again, may not be Henry Ford,' said Chairman Harrop. 'That is for the convention to decide. Personally I favor drafting Ford just as soldiers were drafted during the war.'"

A very pretty sentiment, indeed. "As soldiers were drafted during the war." Perhaps he meant as Edsel Ford was drafted during the war.

Put aside from the blather of the chairman, one must see that the Ford for President nuisance is by no means over. Had Ford really meant it he would have taken such decisive steps that Ford for President Clubs would have gone out of existence. But when they still flourish in twenty odd states, one must incline to the belief that the blushing manufacturer and anti-Semite must have dropped a shy hint that maybe, if they do press him very hard, if they draft him, as they drafted the soldiers during the war; what would he be able to do?

True, he has endorsed President Coolidge. But supposing America won't be first? Supposing the shouting dies and thunders, We don't have Ford, [illegible]

שלום פֿלאַן וואָס האָט געוואונען הונדערט טויזענט דאָלאַר לייגט פאָר אַז אמעריקע זאָל ארויס אין דער נאַציאָנען ליגע

שארפער פראָטעסט אויסגעדריקט געגען נייע אימיגראַציע גזירות

אמעריקאנער אידישער קאָנגרעס באשלוסט אנטוועמען מיטלען.— יעדער אלי פון שיפּבלאַך פאָלאַנען פון זיין קאָנגרעסמאן אין סענאַטאָר צו שטימען נעגען קאָנגרעסמאן אין סענאַטאָר צו שטימען נעגען באשרענקונגען אין באלויבונגען.— אייניק סניעל באשולדיגט, אז לייבאָר דיפּאַרטמענט האָט נעגעבען הנחות בלויז די רוסישע מאגראציע.

אובער א 1,000 מענשען זענען נעקומען צום אמעריקאנער קאָנגרעס אידישער קאָנגרעס באשלוסלאָס אין כדי צו פּראָטעסטירן אידיסטריוס, וואו זיי האָבן אירע פּראָטעסט דורכגעפֿירט אין שארפסטע פאָרמען. דאָס פּראָטעסט איז אויסגעדריקט געוואָרן אין אַ רעזאָלוציע וועלכע איז אנגענומען געוואָרן פֿאַרגאַנגענע נאַכט, וועלכער פֿאָדערט אויף אַז דער קאָנגרעס זאָל נישט נעמען קיין אקציעס וועלכע וועלן באשרענקען די אימיגראציע פון אידישע אימיגראנטן.

דאָס איז נעזאָגט דו וויסנשאַפֿט פון א צאָפּה פּראָטעסטן פון אמעריקאנער אידישקייט, וועלכע זיינען נעקומען צוזאַמען אויף דער איניציאטיוו פון דער אמעריקאנער אידישער קאָנגרעס אין כדי צו ווייזן אז דאָס אידישע פֿאָלק אין אמעריקע איז נישט נעווילט צו שווייגן.

דאָס איז נעזאָגט דו וויסנשאַפֿט פון א צאָפּה פּראָטעסטן פון אמעריקאנער אידישקייט, וועלכע זיינען נעקומען צוזאַמען אויף דער איניציאטיוו פון דער אמעריקאנער אידישער קאָנגרעס אין כדי צו ווייזן אז דאָס אידישע פֿאָלק אין אמעריקע איז נישט נעווילט צו שווייגן.

דער ערשטער רעדנער אויף דער פּראָטעסט פֿאָלקסמאַסע איז נעווען דער פּרעזידענט פון דער אמעריקאנער אידישער קאָנגרעס, רבי סטיפֿן ס. ווייז, דער פּרעזידענט פון דער אינטערנאַציאָנאַלער סיאָניסטישער אָרגאַניזאַציע, וועלכער האָט אויסגעדריקט זיין שטאַרקן פּראָטעסט קעגן דער אימיגראַציע גזירה וועלכע וועט אויסשליסן אַלע אידן פון אמעריקע. ער האָט אויך אויסגעדריקט זיין שטאַרקן פּראָטעסט קעגן דער אַנטיסעמיטישער אָפּעראַציע וועלכע איז אָנגעפֿירט געוואָרן דורך דעם דעפּאַרטמענט פון לייבאָר.

רבי סטיפֿן ס. ווייז האָט אויך אויסגעדריקט זיין שטאַרקן פּראָטעסט קעגן דער אַנטיסעמיטישער אָפּעראַציע וועלכע איז אָנגעפֿירט געוואָרן דורך דעם דעפּאַרטמענט פון לייבאָר.

לוטאס לאווסקי כארימטער אנטיסעמיט טויט

יאַ־יש, (אימא) לעווין יאנאי, — דער כארעמטער נרת לוטאס לאווסקי, דער פּיטטאס זון פּויליטישן סיפּיס, וועלכער האָט זיך אזוי כארימט מיט אידישן אין אמעריקע אז ער האָט אפֿילו נישט נעוואָלט אַז זיינע קינדער זאָלן לערנען אידיש, איז נעשטאָרבן אין דעם עלטער פון 72 יאָר.

אמאמאַ פערעלוק איז זיך מודה'ין שחיטה פון צעתנדליגע פרויען און קינדער ביי פראצעס אין שיטאמיר

מאסקווע (א. ט. א.), יאנואר 7. — נעגעלידערט צו זייערע עדשטער פון פּוירער, פרויסט: האָט זיך אין וויטאמיר נעד עפענט דער פראצעס פון א רייזיקע פּעס־ פּ־ט־ם וועגען דו נוואַרטאמען. — דאָס שיידען פון בריסטען. דאָס אפֿיצירן בען נעבושועטע מיט זייערע הירזות לעפּערזענדהיים סיס אין הענט און נאר אין אידן אין וואַסלאָן, אין די יאָהרען 1919 אין 1920 [illegible]

פּאָלעסטינע מוז געבויט ווערען בשותפות מיט אראבער און קריסטן, לויט דעם מום-

„פארווערטס" איבט די אינציגע אידישע ציטונג וואס דרוקט פאדד'ס אדווערטיזמענט

„פארווערטס" זאגט אז אינציגקייט טוט אין אויפגעקרעט דרוקט. — מיטאמער מענעדזשערס האבען אויך אריסגעגעבען דין פאדד אהזער טיזמענט אין די פראגראמען.

זייטמען זיין אין „פארווערטס" ווי דער רבי פון קאמאנדע נרת „פארווערטס" צו דרוקען אדווערטיזמענטס פון דער אינטערנאציאנאלער אסאציאציע פון דרוקערייען.

דאס דעם נרויסען אר־ נעזעלשאפט פון דרוקער זיינען נעווען „פארווערטס" אין דער ספיץ. דער „פארווערטס" האט אין דער לעצטער צייט אנגעהויבן צו דרוקען אדווערטיזמענטס פון דער אינטערנאציאנאלער אסאציאציע פון דרוקערייען, וועלכע האט אין אמעריקע אויסגעשפּרייט אז פאדד איז אן אנטיסעמיט. דער „פארווערטס" האט אויך אנגעהויבן צו דרוקען אדווערטיזמענטס פון דער פאדד־קאר־ציי־אפּאן צו נאכצוקומען דעם בויקאט וועלכן דער אינטערנאציאנאלער אסאציאציע פון דרוקערייען האט אויסגעשפּרייט קעגן פאדד.

דער „פארווערטס" איז דער ערשטער אידישער נאזעט וועלכער האט זיך אנגעהויבן צו דרוקען אדווערטיזמענטס פון פאדד. דער „פארווערטס" האט אויך אנגעהויבן צו דרוקען אדווערטיזמענטס פון דער פאדד־קאר־ציי־אפּאן צו נאכצוקומען דעם בויקאט וועלכן דער אינטערנאציאנאלער אסאציאציע פון דרוקערייען האט אויסגעשפּרייט קעגן פאדד.

דער „פארווערטס" איז דער ערשטער אידישער נאזעט וועלכער האט זיך אנגעהויבן צו דרוקען אדווערטיזמענטס פון פאדד. דער „פארווערטס" האט אויך אנגעהויבן צו דרוקען אדווערטיזמענטס פון דער פאדד־קאר־ציי־אפּאן צו נאכצוקומען דעם בויקאט וועלכן דער אינטערנאציאנאלער אסאציאציע פון דרוקערייען האט אויסגעשפּרייט קעגן פאדד.

א אידישע מאבטער קעדט וועלטען צו ראטעווען יונגען מאן „אהן א לאנד" פון קוואטא נעווען

[illegible]

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

די שמרענגקייט און גרויזאמקייט געגען ארעסטאנטן אין די געפענגנישען פון דעם סאָצ אליסטישען רוסלאנד

דער צער אין שרעק פון די ערשע טעג פון צאראדטיילטע, ווען דאס אבנה נעזונדרט אויף וויער מחיערינגן סקי*)

פון עמא גאלדמאן

וועלן א פרוי זאגט א ליעב

— פון —

א. וויסבערג

א ראכצאן פון דעם אירישען לעבען אין אמעריקע

SURROGATE NOTICES

SHRIER, LAWRENCE M. — In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Lawrence M. Shrier, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof to the subscriber, at her place of transacting business at the office of Edgar H. Rosenstock, her attorney, at No. 2 Rector Street, in the Borough of Manhattan, City of New York, State of New York, on or before the 31st day of March next.

Dated, New York, the 17th day of September, 1923.

MINNIE S. SHRIER,
Executrix.

EDGAR H. ROSENSTOCK,
Attorney for Executrix,
Office and P. O. Address, 2 Rector Street,
Borough of Manhattan, City of New York

PINCUS, MINA — In pursuance of an order of Hon. John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Mina Pincus, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscribers, at his place of transacting business at the office of Arnstein & Levy, his attorneys at No. 299 Fifth Ave., in the Borough of Manhattan, in the City of New York, State of New York, on or before the 15th day of January next.

Dated, New York, the 15th day of July, 1923.

SAMUEL LEVY,
Executors.

ARNSTEIN & LEVY,
Attorneys for Executors,
Office and P. O. Address,
299 Fifth Avenue,
Borough of Manhattan,
New York City.

HYAMS, MANIS — In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Manis Hyams, late of the County of New York, deceased, to present the same, with vouchers thereof, to the subscriber, at her place of transacting business, at the office of her attorneys, Walter J. Carlin & Paul C. Werner, No. 1 Rector Street, Borough of Manhattan, in the City of New York, State of New York, on or before the 1st day of May, 1924.

Dated, New York, the 13th day of October, 1923.

JOSEPHINE HYAMS,
Executrix.

WALTER JEFFREYS CARLIN &
PAUL C. WERNER,
Attorneys for Executrix,
Office and P. O. Address,
1 Rector Street,
Borough of Manhattan,
New York City.

ROSENHEIM, TILLIE S.—In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Tillie S. Rosenhrim, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscribers, at their place of transacting business at the office of Rose & Paskus, their Attorneys at No. 120 Broadway, in the Borough of Manhattan, in the City of New York, State of New York, on or before the 19th day of May, 1924.

Dated New York, the 1st day of November, 1923

DE WITT P. ROSENHEIM,
ERNST ROSENFELD,
Executors

ROSE & PASKUS,
Attorneys for Executors,
Office and P. O. addresses, 120 Broadway,
Borough of Manhattan, New York City.
n3-Mn6.

MOSKOWITZ, DAVID. — In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against David Moskowitz, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscriber, at her place of transacting business at the office of Rosenblum & Sommer, her attorneys, at No. 1 West 45th Street, in the Borough of Manhattan, in the City of New York, State of New York, on or before the 10th day of May, 1924.

Dated, New York, the 6th day of November, 1923.

BERTHA B. MOSKOWITZ,
Administratrix.

ROSENBLUM & SOMMER,
Attorney for administratrix,
Office and P. O. Address, 1 West 45th Street, Borough of Manhattan, New York City.

ROSENBERG, SOPHIE — In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Sophie Rosenberg, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscriber, at his place of transacting business, at the office of Samuel Gendler, his attorney, at No. 5 Beekman Street, in the Borough of Manhattan, in the City of New York, State of New York, on or before the 24th day of March, 1924.

Dated, New York the 13th day of August, 1923.

ISAAC ROSENBERG,
Administrator.

SAMUEL GENDLER,
Attorney for Administrator,
Office and P. O. Address,
5 Beekman Street,
Borough of Manhattan,
New York City.

MARKS, DAVID. — In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against David Marks, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof to the subscriber at the office of Cohen & Cohen, No. 11 E 42nd St., in the City of New York, on or before the 1st day of April, next.

Dated, New York, the 24th day of September, 1923

ISIDOR BAUMGART,
Administrator.

COHEN & COHEN,
Attorneys for Administrator,
17 East 42nd Street, Borough of Manhattan, New York City.

OSTEREN, ESHER —Pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Usher Osterer, late of the County of New York deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscriber, at his place of transacting business at the office of Nathaniel H. Kramer his attorney at 31 Chambers Street, in the Borough of Manhattan in the City of New York, State of New York, on or before the 12th day of May, 1924.

Dated, New York, the 1st day of November, 1923

SOLOMON GOLDSTEIN,
Executor.

NATHANIEL H. KRAMER,
Attorney for Executor,
Office and P. O. Address, 31 Chambers Street, Borough of Manhattan, New York City.

AHLKIN, MOSES — In pursuance of an order of Honorable James A. Foley, Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Moses Ahlkin, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof to the undersigned Administratrix, at her place of transacting business, at the office of Flaherty, Turner & Strouse, No. 3 Reade Street, in the Borough of Manhattan, City of New York, on or before the 22nd day of May, 1924.

Dated, New York, November 20, 1923

ROSA STERN,
Administratrix.

AHERTY, TURNER & STROUSE,
Attorneys for Administratrix,
Office and P. O. Address,
No. 3 Reader Street,
Borough of Manhattan,
New York City.

WERTHEIMER LEOPOLD, In pursuance of an Order of Honorable James A. Foley, a Surrogate of the County of New York, NOTICE is hereby given to all persons having claims against Leopold Wertheimer, late of the County of New York deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscribers, at their place of business at the office of Lind & Marks, Attorneys at No. 11 Cedar Street, Borough of Manhattan, in the City of New York, State of New York, on or before the 1st day of April, 1924.

Dated, New York, the 28th of September, 1923.

BABETTE WERTHEIMER,
MAX WERTHEIMER,
HENRY LOWY,
ISIDOR SIMON,
ALFRED D. LIND,
Executors.

LIND & MARKS,
Attorneys for Executors,
Office and P. O. Address,
11 Cedar Street,
Borough of Manhattan
New York City.

SURROGATE NOTICE

In pursuance of an order of honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Isaac D. Cohn, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscriber, at his place of transacting business at his office, 165 Broadway, Borough of Manhattan, in the City of New York, on or before the 16th day of April next.

Dated, New York, the 8th day of October, 1923.

CHARLES GROSSMAN,
Executor.

CHARLES GROSSMAN,
Attorney for Executor,
Office and P. O. Address,
119 Broadway,
Borough of Manhattan,
New York City.

BLOCH, ROSE H. — In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Rose H. Bloch, late of the County of New York deceased, to present the same, with vouchers thereof, to the subscribers, at their place of transacting business at the office of Frank Herwig, their attorney, at No. 95 Nassau Street, in the Borough of Manhattan, in the City of New York, State of New York, on or before the 1st day of February next.

Dated, New York, the 10th day of July, 1923.

SIDNEY BLOCH,
JESSE BLOH,
Administrators c. t. a.

FRANK HERWIG,
Attorney for Administrators c. t. a.,
Office and P. O. Address
95 Nassau Street,
Borough of Manhattan,
New York City.

WOOLF, JOHN L. — In pursuance of an order of Honorable James A. Foley, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against John L. Woolf, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscribers, at their place of transacting business at the office of Cohen, Cutman & Richter, their attorneys at No. 111 Broadway, in the Borough of Manhattan, in the City of New York, State of New York, on or before the 2nd day of February, 1924.

Dated, New York, the 16th day of June, 1923.

ABRAHAM L. GUTMAN,
MORRIS WOOLF,
Executors.

COHEN, CUTMAN & RICHTER,
Attorneys for Executors,
Office and P. O. Address,
111 Broadway,
Borough of Manhattan,
New York City.

SILBERSCHLAG, MARCUS. — In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Mercus Silberschlag, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof to the subscriber, at her place of transacting business, at the office of Otto A. Gilling, her attorney, at No. 120 Broadway, in the Borough of Manhattan, of the City of New York, on or before the second day of May next.

Dated, New York the 26th day of October, 1923.

CHARLOTTE OROMANER,
Administratrix

GANS JENNY. — In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Jenny Gans, late of the County of New York, deceased, to present the same, with vouchers thereof, to the subscribers, at their place of transacting business, at the office of Buhman, Menken & Triesam, their attorneys, at No. 49 William Street, in the Borough of Manhattan, in the City of New York, State of New York, on or before the 30th day of April, 1924.

Dated, New York, the 9th day of October, 1923.

LIVI L. TAIB,
JACOB LOEB,
HOWARD TAIB,
Executors.

BUHMAN, MENKEN & TRISCOM,
Attorneys for Executors,
Office and P. O. Address,
49 William Street,
Borough of Manhattan,
New York City.

JACOBSON, RENRY N. — In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Henry N. Jacobson late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscriber, at his place of transacting business, at the office of Benjamin P. Kraft, his attorney at No. 68 Wall Street, Borough of Manhattan, in the City of New York, State of New York, on or before the 31st day of April, 1924.

Dated, New York, the 31th day of October, 1923.

SAMUEL JACOBSON
Executor

BENJAMIN F. KRAFT,
Attorney for Executor,
Office and P. O. Address,
68 Wall Street,
Borough of Manhattan,
New York City.

LIDZ, ISIAH —In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Isiah Lidz, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscribers, at their place of transacting business, at the office of Horwitz, Rosston & Hort their attorneys, at No. 115 Broadway, in the Borough of Manhattan in the City of New York, State of New York, on or before the 27th day of June next.

Dated, New York, the 28th day of December, 1923

SIDNEY M. LIDZ,
ISRAEL LIDZ,
Executors

HORWITZ, ROSSTON & HORT,
Attorneys for Executors,
Office and P. O. Address, 115 Broadway,
Borough of Manhattan,
New York City

KREMER THEODOR — In pursuance of an order of Honorable John P. O'Brien, a Surrogate of the County of New York, notice is hereby given to all persons having claims against Theodor Kremer, late of the County of New York, deceased, to present the same with vouchers thereof, to the subscriber, at his place of transacting business, at the office of Alexander Helkoff, his attorney, at No. 149 Broadway, in the Borough of Manhattan, in the City of New York, on or before the 5th day of July, 1924.

Dated, New York, the 14th day of December, 1923.

JUNIOR STRAUSSMAN,
Executor.

ALEXANDER HOLTZOFF,
Attorney for Executor,
Office and P. O. Address, 149 Broadway,
Borough of Manhattan,
New York City.

SCHAEEDS, MARY C.—In pursuance of an order of the Hon. George Albert Taylor, Surrogate of the County of Kings, notice is hereby given, according to law, to all persons having claims against Mary C. Schakers, late of 313 Cornelia Street, Brooklyn, County of Kings, deceased, that they are required to exhibit the same, with the vouchers in support thereof, to the subscriber, Amelia Haefle, at No. 218 Cornelia St., Brooklyn, New York City, on or before the 14th day of July, next. Dated, January 8th, 1924.

AMELIA HAEFLE,
Executrix of the Last Will and Testament of Mary C. Schakers, deceased.

SURROGATE NOTICES

The people of the State of New York
By the grace of God, Free and Independent.
To

SARAH RABINER, BESSIE BERNSTEIN, ABRAHAM JACOB RABINER, GABRIEL R. RABINER, REBECCA RABINER, MOE RABINER, LOUIS RABINER, ROSE COHEN, HYMAN RABINER, LENA RABINER, HATTIE FEINGOLD, GOLDIE HARRIS, JULES RABINER, LEO RABINER, GERTIE MARKS, DELLA ETH, THERESA RABINER, RACHEL RABINER, now known as RACHEL OPERSON, and RACHEL RABINER, the heirs and next kin of Meyer Rabiorr, deceased, send greeting!

WHEREAS, samuel Bernstein and Rosaia Heinstein, who reside at 63 West 118th Street, Manhattan, New York City, and Abraham Jacob Rabiner, who resides at 56 St. Nicholas Avenue, Manhattan, The City of New York, have lately applied to the Surrogate's Court of our County of New York, to have a certain instrument in writing, relating to both real and personal property, duly proved as the last will and testament of Sarah Rabiner, who was at the time of his death a resident of the Borough of Manhattan, City and County of New York, deceased.

THEREFORE, you and each of you are cited in shaw cause before the Surrogate's Court of our County of New York, at the Hall of Records, in the County of New York, on the 8th day of February one thousand nine hundred and twenty-four, at half past ten o'clock in the forenoon of that day, why the said Will and Testament should not be admitted to probate as a Will of real and personal property.

IN WITNESS THEREOF, we have caused the seal of the Surrogate's Court of the said County of New York to be hereunto affixed.

WITNESS, Honorable John P. O'Brien, Surrogate of our said County of New York, at said County, the 31st day of December, in the year of our Lord one thousand nine hundred and twenty-four.

MARTIN C. McCUE,
Clerk of the Surrogates Court.
(L. S.)

מיטערס, טוט דאס

ווען די קינדער דערמאנען אייך אין אייער טעסטאמענט אויפצוהיטן

מצות פאר פסח
איבעראל $2.75 פר' ראטל
11 פונט אין
ר' מאיר לעפקאוויטש
מצות
בעסטע פאר אידען
אונטערן פערזענלעכען קאנטראל פון
קאשער, פראבעווסקער אידען
אין פאריי פלאץ:

שיעם מילשטיין
מענשען פון פראקוהלנס.

מילשטיין מיטשיען אין דער נאנ־ צער וועלט בעצטענס

Hill's Cascara Bromide Quinine

שוין דרי צו שיצען פון פאקוהלנס, נאר פון אכטערן מיטער קראנקהייטען. וואס הילפֿט דאס־ טער מיר אפטער אנדערע, קען עס אויך אויטמען דאר אייך. פאר־ לאנגט די ריכטיגע פאקס פון מר. שרעם.

אין אלע דרוגן סטארס.

W. H. HILL COMPANY
DETROIT, MICH.

3
סארטען טהעע

ווייזן אין־אמעריקא אונר־ קענט אלס די ריינסטע, נע־ שמאקסטע און די פיינסטע ארָאמאטען טהע צום פרוי־ קען אויי אין מים מילך.

דאס ווייזן וויערט פעקעט־ ווען — קוקט זיך צו אז נעהמט קיין אנדערע. פרעגט אייער נרָאסער סיר — צווייטָאטשען משאי, סאלאמבא טהעע

אדער

וווייט לייליאן טהעע

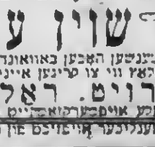
וועם איהר וויסט דעם ריכ־ טיגען טעם פון א ריכטיגער נלָאן טהעע.

תיובם וועהווין, 185 ברוויושען סט., ניו יארק

וויליאמסבורגער אידען — געדענט זעהען!
די ניייעסטע דעי־ליים
בעקערי
(נישם קיין בייסעקעס)
390 מאומה 5טע סטריט, קארנער הופער סטריט
שוין ערעפענט
תורהדיגער כשרותן האבען אונטערזוכט דאס ווייסטע מעהל אין וויליאמס־ בורוש — א מצה וויי צו קריגען איניגע סאל אין נאנ נישטאנד אין פרישע בריוש. ראלס און קעיקס
ספעציעלע אויפמערקזאמקייט ווערט נעגעבען צו תפילות אין פאריטים
מיטגליד פון ווילליאמסבורג אידישע קאנגרעגעישאן

כלל אמעריקא תפארת ישראל
פארמעד
18 קלינטאן סטריט, ניו יארק
ווי פון פאלקירקין מון אינקארפארירט נאכדעם ווי דאס פארמעד אונם שפעטער פון דאך פרייוול & קרונענגעלד מון אסוס. מיטן ווענטל פון אנדרוי שוהלען

דר. אויזא באראנעס
1340 סעדיסאן עווענוי, ניו יארק
פלעקסאן, לענגאסם זהם
שעם שפעטרוי:

Diamond & Jewelry Appraising Company of America
The Commonwealth Bank

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

The Day

דער טאג

"דער טאג" ביינגט ליכט

MORRIS ROSSEN, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way Tel. Dry. ...

Vol. XI. No. 3325 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, JANUARY 9, 1924. מיטוואך, 9טן יאנואר, 1924. PRICE THREE CENTS

WHEN VIRTUES BECOME VICES

THE ANTI-SEMITISM WHICH SEES IN JEWISH POSSESSION OF CHRISTION VIRTUES' NOTHING BUT A VICE.

It would be amusing, if it were not fraught with such tragic consequences, to see what strange inversions exist in the mind of the regular anti-Semite, how the ordinary human values are transvaluated by him into unrecognizable quantities when he has before him for consideration the outcast Jew.

During the hearings which are being held by the Congress Committee on immigration, there appeared a certain Mr. Stoddard, who was bitterly opposed to the immigration of Jews into the United States.

Mr. Stoddard has reasons for this opposition. One could imagine certain more or less rational reasons. Mr. Stoddard might have said that he dislikes Jews, and might have refused to argue about it. Such a view, if reprehensible is at least more or less rational in this irrational world.

But Mr. Stoddard did not stop there. He began to give reasons for his policy. He attempted to analyze the unanalyzable.

The Jewish immigrant, said Mr. Stoddard is a wretched creature. The fact is that in countries which have any kind of a quota, the Jew runs for his visa so quickly, and applies for it so early, that he doesn't give anybody else a chance. The Jew always gets ahead.

This is supposed to be a Jewish vice. But it is astounding, to say the least of it, that an American should consider snappy action a vice. Here in America, the land of hustle, which has as its motto an ideal action, quick action, and plenty of action, men are admired who know what they want and proceed to get it by legitimate means. "Do IT NOW" is an American motto. But Jews in Poland or elsewhere mustn't use it. What is a virtue in Americans is a vice in Jews.

The Jews, said Mr. Stoddard, were the most eager of all to come to America. Everyone wants to come to America, but the Jews more than anybody else.

Why the desire to come to

מעלעקטיוז אימיגרישאַן" ניט דורכפירבאַר, זאָגט יוהז; וועלט-שלום ציעל פון ענגלישער אַרבייטער רעגירונג

וואַרפט זיך אונטער א טריין און שטעלט אפ סאַבווי פּאַרקער

אירן קעמפּלער, א יונגערמאַן, פון 818 איסט 163טע סטריט, אין נעכטען כאַנאַנגען וועלכסטערער, אונטערשטרענגערונג פון פּראַסעקיוטער עזיעזיע כטוישאַן אויף די דעלקען א פּיינט אירער פון עקספּרעס־טריין אין אַנגעקומען. קעמפּלער, וועלכער איז אין נאַנצען אלט נעזונדן 21 יאָהר, איז די לעצטע פון וועכען פּראַכטיגאַנגען אַהן ארויס. אין דען נלייכם אין דאָס האַס איהם נעטריבען צו פּראַוועלטונג אין טויט. ער האַס אויבערגעלעבט א פּוסער, אן אלכּנה, בייז וויעכען ער איז נעווען די איינציגי יונגע.

אז אכטולאַנד־דראַקטאר האַס ערקלערט, אז דער יינגערמאַן איז נלייך נעשטאַרבען. די פּאַליציי האַס אַנגענומען, אז עס איז אַ פּאַל פון זעלבסט־מאָרד, אבער נאָך נעוויסע אויספּראַכען מיט פּרעסע־פּערזאָנען האָבן זיי אויך אַנגענומען, אז עס איז נישט אַזוי.

הערי פּריינדליך וועט געשטעלט ווערן צום פּראָצעס דעם 21טען יאנואר אויף קלאַגע אז ער האָט ערמאָרדעט זיין פּרוי

הערי פּריינדליך, דער פּאָפּער פון די 3טע יתומים'לאָר, וועלכער איז אנגעקלאָגט נעווארן אין בעזוג אויף שטעלען אין א קראַנקן אויסשטערן, איז ער האָט א נרויסן פּיין נלויבט אַנגעטאָן. צו דער וועלט צו ווייזן, אַז ער איז נישט שולדיג אין דעם פּאַל, וועלכע איז סיי א פּאר הונדערט מאָל נעשריבען נעווארן אין דער פּרעסע. אבער דער ריכטער האָט נישט נעוואָלט הערן קיין נעזעלשאַפּטן, אַפּילו נישט אַזעלכע, וועלכע האָבן אַ נאָר נרויסע באַדייטונג. אין דער פּרעסע האָט מען נעשריבען, אַז דער ריכטער האָט נעזאָנט, אַז ער וועט נישט לאָזן קיין נעזעלשאַפּטן אין דער נאַנצער נעריכטס־זאַל, אַפּילו נישט אַזעלכע, וועלכע האָבן אַ נאָר נרויסע באַדייטונג. אין דער פּרעסע האָט מען נעשריבען, אַז דער ריכטער האָט נעזאָנט, אַז ער וועט נישט לאָזן קיין נעזעלשאַפּטן אין דער נאַנצער נעריכטס־זאַל, אַפּילו נישט אַזעלכע, וועלכע האָבן אַ נאָר נרויסע באַדייטונג. אין דער פּרעסע האָט מען נעשריבען, אַז דער ריכטער האָט נעזאָנט, אַז ער וועט נישט לאָזן קיין נעזעלשאַפּטן אין דער נאַנצער נעריכטס־זאַל, אַפּילו נישט אַזעלכע, וועלכע האָבן אַ נאָר נרויסע באַדייטונג.

סעקרעטערי פון סטעיט, יוהז

רעמסעי מק'דאנאלד

האמפּטי־מיקדאנאלד זאָגט אין רעדע ביי גרויסער דעמאָנסטראַציע אז ענגלישע אַרבייטער רעגירונג איז אינצינער כח, וואָס ארבייט אינט פאר וועלט־פּרידן. — פאר־שפּרעכט, אז אַרבייטער רעגירונג וועט פאַרשטאַרקן פעלקער ליג און נעבען אנערקענונג צו די סאָוועטן. — פאַרטעגען שטייער ניט דערמאָנט.

לאנדאן, יאנ. 9. — אויף דער א־סיטער־דעמאָנסטראַציע אין אלבערט האל האט עטמפּטי־מיקדאנאלד, דער צוויי־טער מיץ פון די אַרבייטער פּאַרטי, נעזאָנט, אַז דער ענגלישער אַרבייטער־רעגירונג, נאָר אויף צו־מאָל אַרויס, "אויב די קאָסיטראַיסטן וועלען אַנטוויקלען" פון זאָגה, וועלן מיר וועלען אינטערנאַציאָנאַל די רעגירונג". דאָס כּר־מיינט־אַנדער נעזאָגט, "וועלען זיי, די פּאַציפיסטישע פּליטישע כּלי דאָס אי־מ. אן מעקדאָנאַלד אין נרייס ניט אויפּצי־הונטען די פּראָצע בייז דער ריכטעדנדיקער פּאַרטאַפּעמנס־זיצונג, וויכטיקדע וואָרה נעט אז אזוי באלד ווי די פּראָצע וועט נע־מאַכט וועדען אז אן אַפּיטיכיקע, ער־כען זיך די לינקע־ארבעטער אין די קאָנסער־וואַטיווע פּארטיי מעקדאָנאַלד נעזען דער אר־בייטער־פּאַרטי־רעגירונג, וויכטיקדע אין דאָס היסטאָרישע מאָמענט, וואָס אין נאָר נישט נעווען אזוי נרויס אין דער נאָכקריג־צייט, ווי דאָס איצט איז. אין דער ריכטער־פּאַרטי אין דער אַרבייטער־רעגירונג, האָבן די אַרבייטער־פּאַרטי־מיטגלידער אויפּ־מערקזאם נעמאַכט, אַז עס איז נישט נענוג נעווען, אַז דער ריכטער האָט נעזאָנט, אַז ער וועט נישט לאָזן קיין נעזעלשאַפּטן אין דער נאַנצער נעריכטס־זאַל, אַפּילו נישט אַזעלכע, וועלכע האָבן אַ נאָר נרויסע באַדייטונג. אין דער פּרעסע האָט מען נעשריבען, אַז דער ריכטער האָט נעזאָנט, אַז ער וועט נישט לאָזן קיין נעזעלשאַפּטן אין דער נאַנצער נעריכטס־זאַל, אַפּילו נישט אַזעלכע, וועלכע האָבן אַ נאָר נרויסע באַדייטונג. אין דער פּרעסע האָט מען נעשריבען, אַז דער ריכטער האָט נעזאָנט, אַז ער וועט נישט לאָזן קיין נעזעלשאַפּטן אין דער נאַנצער נעריכטס־זאַל, אַפּילו נישט אַזעלכע, וועלכע האָבן אַ נאָר נרויסע באַדייטונג.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

מיזיעט-פאבריקען פול מיט אקער-אייזענס, אבער די פויערים האבן ניט געהאט מיט וואס צו ארבייטען

(אז די באלשעוויסטישע פאליטיק פון נאציאנאליזאציע און קאנצענטראציע האט נעפיהרט.*)

פון עמא גאלדמאן

קערפערשאפט. אום צו כאבן וויער ארבייט פעהר ווירקזאם. ווי.האבן ניט נעוואלט שפארבן, נאר אויך לעבנז שאד דער רעוואלוציע. עס האט זיך ארויסגעוויזן או די דוסישע אמעריקע האבן כאבן מיט דער נעפונען א נאנצען אמעריקאנער האבנז מיר נעפונען א נאנצען סיסטעם פון אפיציעלע באשולדיגונגען, וועלכע זענען נעווען צוזאמענגעשטעלט פון די באלשעוויקי, אז זיי האבן פארשפרייט פאלשע נאכריכטן וועגן דער סיטואציע אין רוסלאנד, אז זיי האבן פארהאפט אמעריקאנער בירגער, אז זיי האבן אפגענומען פון זיי פאספארטן, אז זיי האבן פארלאנגט לייזגעלט פון פריוואטע פערזאנען, אז זיי האבן אפגענומען פון זיי פרעמדע וואלוטעס, אז זיי האבן פארהאפט אמעריקאנער בירגער אן אנקלאגע

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day דער טאג

יד טאג
ייִדישע ליכט

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

HARRIS HEINBERG, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 302 S. 5th St.

Vol. XI. No. 3328 — at Post Office New York, N. Y. Entered as Second Class Matter

NEW YORK SATURDAY, JANUARY 12, 1924. — שבת, ו' שבט, תרפ"ד. — PRICE THRE[E]

THE PROTEST THAT MUST CONTINUE

THE MASS MEETING TO BE CALLED BY THE FOREIGN LANGUAGE PRESS: A DIFFICULT BUT NOT A HOPELESS FIGHT.

The organization which was created on the initiative of The Day, consisting of the Foreign Language Press of New York City, has decided to call a mass-meeting in one of the largest halls of New York City to register a mighty protest against the impending Johnson bill which will probably be laid before the House of Representatives in the course of this month.

The fight which faces the enemies of this bill is a difficult one — but it is not altogether hopeless. What must be made clear again and again is the fact that in this country there are millions of citizens who have been brought into this country under the regime of a certain idealism which tempted them even more than the economic prospects. There are millions of citizens in this country who come from Southern and Eastern Europe; they have always believed that the American spirit made impossible racial discrimination as such: that there might be anti-Immigration laws against types of individuals, but that anti-immigration laws directed against nationalities was in bitterest contradiction with the ideology which they believed belongs to this country.

Italy has protested to this country again at the anti-Italian discrimination which is implied in the Johnson Bill. Italy cannot, of course, interfere with our internal laws, and cannot bring any pressure to bear on our immigration laws. But this is not merely a technical question. Italy has no right to interfere: but it is no use hiding the fact that America's action of the proposed law, with its preference given to Nordics, is a plain insult not only to Italy, but to every other nation which is covered in this blanket rejection.

But outside of that there are millions of Americans of Italian, Greek and Slav origin in this country. This law, which excludes their kind from further entry into this country, tells them in plain language that America has enough of them. That something in the make-up is not good enough for this country. That perhaps as soon as they disappeared as a type a few more will be admitted.

It is not only an intolerable [illegible] are in this [illegible] inferior rank.

נייע אימיגראציע ביל וועט אוים־שלים־ען אלע יאפאנעזער

אנשטאט דעם „וישינגטאלמעניס אדמיניסטראציע" וועט הרבענע פרעט וועלן א נענצליכער פארבאט נעמען יאפאנעזיר שער אייניואנדערונג. — „יאפאנס ענדרישער פראבלעם ערוואכטע, קאן פיידען צו אן ערנסטען מאמלוקס.

וואשינגטאן, יאנ. 11. — דא איז הויפט באאמטע נעוואלטן, אז די איבער נאציע־קאמיטעט פון קאנגרעס א פונקט אין דעם אימיגראציע־ביל, וואס באפעלירט אן אפנאמען די אייניואנדערונג פון יאפאן.

די יאפאנעזישע אימיגראציע איז נאר א קליינע זאך, אבער דעם „וישינגטאלמעניס אדמיניסטראציע איז נאר איינער פון פילע פראבלעמען וואס ווארטן אויף לעזונג. אין וואשינגטאן ווערט אנגענומען, אז אלע פראבלעמען וועלן ווערן אויפגעלייזט אין דער ריכטונג, וואס דער פרעזידענט האט פארגעשלאגן.

די יאפאנעזישע אימיגראציע איז נאר א קליינע זאך, אבער דעם „וישינגטאלמעניס אדמיניסטראציע איז נאר איינער פון פילע פראבלעמען וואס ווארטן אויף לעזונג. אין וואשינגטאן ווערט אנגענומען, אז אלע פראבלעמען וועלן ווערן אויפגעלייזט אין דער ריכטונג, וואס דער פרעזידענט האט פארגעשלאגן.

די יאפאנעזישע אימיגראציע איז נאר א קליינע זאך, אבער דעם „וישינגטאלמעניס אדמיניסטראציע איז נאר איינער פון פילע פראבלעמען וואס ווארטן אויף לעזונג. אין וואשינגטאן ווערט אנגענומען, אז אלע פראבלעמען וועלן ווערן אויפגעלייזט אין דער ריכטונג, וואס דער פרעזידענט האט פארגעשלאגן.

מענער קענען זיך נים אנטאו מיט נעשטאם — אוד אז באשלאסען נעוואָרען

וואשינגטאן סיטי, יאנ. 11. — פרייזר אין אמעריקע האבען נים קיין נישטאם צו שתדנ קלייד־ער אוו מענער זיך נים צוטאן מים עטסאס קלייד־ער אוו מענער זיך נים צוטאן מים עטסאס אויר האבען נעמאכט. דאס איז דער באשלוס פון דער אסאציאציאן פון קלייד־ער פראדוצירער אוו פון דער אסאציאציאן פון קלייד־ער אוו מענער, וועלכע האבען באשלאסען, אז פון דעם אויבערשטען טאג אן וועלן זיי נים מאכען קיין נישטאם פאר מענער.

אין אנטווארפען סיטי, וואו 11 פראצענט פון דער נאציע־באפעלקערונג וואוינט, האט דער בירגער־מייסטער, אז ער וועט נים דולדען קיין נישטאם פאר מענער. אין אמעריקע האבען נים קיין נישטאם צו שתדנ קלייד־ער אוו מענער זיך נים צוטאן מים עטסאס אויר האבען נעמאכט. דאס איז דער באשלוס פון דער אסאציאציאן פון קלייד־ער פראדוצירער אוו פון דער אסאציאציאן פון קלייד־ער אוו מענער, וועלכע האבען באשלאסען, אז פון דעם אויבערשטען טאג אן וועלן זיי נים מאכען קיין נישטאם פאר מענער.

71 יעהריגע פרוי פון קלינטאן סט. דערשטיקט פון גאז, איהר 80 יעהריגע מחותנת׳טע קום גערעטעט

ביידע זקנים האבען נעפוהרט פאר זיך א היים אין 185 קלינטאן סטריט. די פאליציי אין נעוועסען א פאר־הונדערט מען נעפינען לכעגנדיג אין בעט, קיינעם דף רצחהלען דעם „נאז" רעפארטער, או דער מיטערס כאן איז פונקט מיט

פרוי שלאפט רוהיג אַ גאנצע נאכט און וויסט נים או ז׳ איז פארוואונדעט פון א רעוואלווער־קויל

ווידער אַ נייע אַראבישע פארטי אין פאלעסטינא; טראגט עקאנא־מישען כאראקטער

מעיר הילן ווערט אויפגעהויבן

מיט דער אנקונפט פון דער טראמבע פון פרעזידענט קולידזש, האט באנומען דער מעיר הילן ווערט אויפגעהויבן. דער מעיר האט אויך אויפגעהויבן דעם שטעקען־פערד, וועלכער איז אויפגעשטעלט אין דער מיטע פון דער פלאץ.

טענאנטס וועלען באקעמפען „טעקס־עקזעמפשאן" אויף נייע הייזער

אלבאני, יאנ. 11. — דער בירגער־מייסטער פון דער טענאנטס אסאציאציאן, האט באצויגט, אז ער וועט דא אין אלבאני פארלאנגען, אז דער לעגיסלאטור זאל אנטוויקלען א פלאן, וואס וועט פארמיידען, אז אין נייע הייזער וועלען נישט ווערן אויפגעשטעלט קיין וווינונגען, וואס וועלען נישט האבען פאסיגע באקוועמלעכקייטען.

ווייטער נים אזוי שלעכט

ווי מען האט נעמיינט, אז דער ערשטער שניי וועט אונז ברענגען אן אומגעהויערע קעלט, האבען מיר נים נעהאט. אין ניו יארק איז נים נעווען קיין שלעכטע וועטער, אבער אויך נים קיין נוטע. אין ניו יארק איז נים נעווען קיין שלעכטע וועטער, אבער אויך נים קיין נוטע.

ווי מען פארמאכט אויגן פאר דער וואהרהייט

אין דער שטאט ניו יארק איז נים נעווען קיין שלעכטע וועטער, אבער אויך נים קיין נוטע. אין ניו יארק איז נים נעווען קיין שלעכטע וועטער, אבער אויך נים קיין נוטע.

ווי מען פארמאכט אויגן פאר דער וואהרהייט

אין דער שטאט ניו יארק איז נים נעווען קיין שלעכטע וועטער, אבער אויך נים קיין נוטע. אין ניו יארק איז נים נעווען קיין שלעכטע וועטער, אבער אויך נים קיין נוטע.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

א בילד פון גרויסען חורבן און די פיעלע אומגליקן אויף די אייזענבאהנען פון דעם סאָציאַליסטישען רוסלאַנד

*) ווי באקאנט ווייזן נעכטיגע אזוי אפט, אז קיינער האט זיי נית געשענקט קיין אויסערקוואפקיים *).

פון עמא גאלדמאן

קאפיטעל 20.

פאלטאווא

איינעמיטער צעשוידערונג פון רוסישען לעבען, אומשטענדען צווישען וועלכע, האבען די באהנען זיך באהאלטען. אויף יעדער סטאנסיע פלעגט מען אויסשטיין. עטליכע מאל אין א נאכט, א קאנטראסט צווישען דעם וואס מען האט אויסגעשטאנען אין דער קאלטער, אין די אויסערוועגוהנליכע קאטיגע" האט סאר'ן אפילו נעהייסען די „משקה", דעם אנדערען טיל און אונזער טיפול האט מען שוין נים נעלעזען, ווייל די עדשטע ווערטער האבען אנגעוואהנען א שרעק, כאלר אין אנהויב פון דער רייזע האבען מיר לאפערקם, אז בעזעצעם אונז מיט בייזע בליקען אויף די סטאנציעס פון טעגשען ווייטען זיך נים ארייגלויבן אין סריינדליכע נע־שפרעכען מיט אונז. מיר האבען אינגיכען אנגעהויבען מאר־שטעהה אפרוואקם כען באפיעלען מיט כעשטען, וואס אכער ט'איז אונז צוגעקומען נאנז שווער צו עדקלערען די טיפאראשטענר־נים. האט כען אכער די פשוט'ע רוסישע סענשען באר־הונט, האבען זיי אאר אונז נעעפענט זייערע הערצער. א נים וואהרט, א סראנץ, וואס זייערס נים נעפעלען. איינס כען האט אויך נעפעלט, אבער כען האבען אים אפילו טוהרות איבערנעכען. כעהאלטענס ענגען זיי נע־קומען צו דער איבערצייגונג, אז מיר זענען נים נעפאהרען אין אן אויטאמאביל, נאר אין א קאטיגע, וואס איז נאר אין אן אנדער נאמען באקאנט. אויף יעדער סטאנסיע האבען מיר נעהאלטען, כדי צו נעמען פרישע פערד. כאס פערד איז נאר אין א פאר מינוטען אוועקגענאנגען, האבען מיר שוין נים נעלעזען, ווייל מיר האבען נים נעקענט דעם רוסישען שריפ

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ברענגט ליכט

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

MORRIS WEINGER, President
KERMAN TALEF, Treasurer
Office: 183 E. B'way

Vol. XI. No. 3330 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK MONDAY, JANUARY 14, 1924. מאנטאג, ח' טבת, תרפ"ד. PRICE THREE

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS — PALESTINE BROUGHT TO AMERICA; THE HONGRAD OUTRAGE; THE LABOR QUESTION.

STILL TOO MUCH ANTIQUITY

The [illegible] University of Pennsylvania returning to [illegible] from Asia Minor with eight cases of archaeological curios, [illegible] Palestine and still [illegible] secrets of Palestine [illegible] of three and four thousand years ago are brought home, wondering at [illegible] world.

Palestine [illegible] much of the archaeological curiosity. We still do not [illegible] to Palestine [illegible] to study the [illegible] of the ancient [illegible] Jewish [illegible] was the world [illegible] in Palestine [illegible] world with two [illegible] the world [illegible] be a [illegible] or [illegible] Palestine [illegible] with that [illegible] created the new people, [illegible] associated with Palestine [illegible] will be a new story [illegible] relation between [illegible] people and the [illegible]

THE HONGRAD OUTRAGE

A [illegible] was [illegible] in the city of Hongrad, Russia, an outrage of extraordinary [illegible] took place. During the [illegible] of a Jewish [illegible] bomb was thrown into [illegible] which [illegible] with the [illegible] to [illegible] people were killed [illegible] than a score [illegible]

[illegible] to be [illegible] of [illegible] Academy [illegible] Hungary, [illegible] that book [illegible] public [illegible] good and [illegible] of [illegible]

ענריט ערקלערט מלחמה צו אלע נעזעץ-ברעכער אין ניו יארק

דר. קוע ווידער אין אמעריקע

עניור רוע, דער מאן, וואס פראפאר [illegible] דעם נעראר, או מען קאן נער [illegible] אין נעזעלשאפט [illegible] ער אריין, או [illegible] אין נעזעלשאפט, אין נעזעלשאפט וועלכער אנ [illegible] נעזעלשאפט רוען אפשטיין. דאס אין דער [illegible] נאר ענדרם נר טיין א שפיר ציוויליזעם [illegible]

ער, טיר איז ער [illegible] צוועק צו העלפ [illegible] דעם נעזעץ אנשפרוכם, וואס פאר [illegible] ער דאך נעזאגט, אז מען דארף [illegible] נעזעלשאפט [illegible] ווי אויפראנדלער [illegible] ווי ער [illegible] ער [illegible] ער [illegible]

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

היינטיגע מיידלעך

א ראַטאַן פון מאַרעזנעס לעכטן אין נויריאָרק. פֿון לעאָן כאַנין.

ם הילאדימיר קאָראָלענקאָ האָט געהאט צו זאָגען וועגן באָלשעוויסטישן טעראָר אין רוסלאנד

פֿון עמא גאָלדמאן

דאָס איז קאָקאָ

אלע אנדערע ואכטן וועס איהר נעכרויכס אלס קאָקא צו נעכטקס אין צים מרינקען אין בלויז עמוזאס עהנלוך צו קאָקא— מיר פערלאנגען נים, איהר זאלט אונז גלויבען אויכיו וואָרט.

הויער איז די פיקטשור פון א קען וואהיס ליילאק קאָקא. קוקט זיך נים צו! דער "קען" קומט נים א הייסען ראָפער פון אויבן.

קוימס א קען פון דיעזער האָלענדישער אימפּאָרטירטער קאָקא ביי אייער נרא־סער, אדער אין הויפּט וועראָנים, 185 דיוויזשאָן סטריט, ניו יארק, אין איהר זאלין זאָלט זיין דער דושארוס.

אויס רעזולט קאָקא איז נים **בעסער, פעמטער, שמאַקעדינער,** אין ערד־**האבענער אין טעם אין אראָמאט** פון אלע וואָנאנטע קאָקאָס וואָס איהר האָס ביז יעצט נעכרויכט צו מרינקען אין צו בעקומ — זאָלט איהר כרענגען ד׳ אויסלעזונג קאָקא צו אונז אין איהר וועס נלייך בעקומען צורוק אויער נעלד, אהן שום מעצות.

דאָס זיינען פּליינע ריכטיס. אין מיר מהטען עס נערן זייל סיך וויללען יעדע היים זאָל דיזעס קאָקא פראָבירען. מיר זיינען זיכער, מיר האָבען זיך פּאַלשטענדיג אויבערצייגט אז

די וווהייס ליילאק קאָקאָ איז די בעסטע קאָקא אין דער וועלט

וויר עס האָס נים פּרובירט די קאָקאָ נאָר קיין בעזונדע נים האָבען וואָס עס מיינס נוטע קאָקאָ.

די אינפּאָרטירטע האָלענדישע קאָקאָ וואָס עקסידע דעם קע־נטיס פאָר אין דער פּאַטענט אופּן.

הויפּט וועראָנים אין ריסטריבוישאָן אפּים סיר נאָנע אמעריקא

185 דיוויזשאָן סטריט, ניו יארק

ESTABLISHED 1848.

Kramer & Wagner, Inc.

1614-1620 Broadway

Cor. Eighteenth Ave., Brooklyn, Subway Sta. בי"ד Station.

אונזער ספעציעל סדורים.

100 דאָלער פּרידיימשור פאר $1 וועכענטליך.

ספּרינגפילד מיין פּריוון, צוזאַמענהיינ נאַטראַסעס

5 פּיעס בעד רום סעמס פון $125 ביז $600.

9 פּיעס דיינינג רום סעמס פון $200 ביז $800.

אויך אונזערע ליינטס וועכענטליכע ספּעציאלנעס.

סמאר סמען סטוליר בין 6 אוהר שפּעט אין פּראָווידענס מאָנטאָג.

DIAMONDS

דושולערי אין ייאָנקערס נעשאַצט

104 The Consolidated Bank Building

HAMMOND & JEWELRY APPRAISING COMPANY OF AMERICA

INSTRUCTIONS

ענגליש

The Language-Power English School

STATE BANK BUILDING.

FIFTH AVE. AT 23RD STREET.

ארץ ניב פּריוועט לעסאנס אין ענגליש

מר. ראטה

273 אסט האונדרעד סטריט

ענגליש

אידיפּמעציע

MISS GRANCHE FISHER

1261 Lexington Ave., near 85th St.

ענגליש

THE WILLIAMSBURG SCHOOL

47 THROOP AV. cor. Walleabout St., Brooklyn, N. Y.

TELEPHONE: STAGG 1882

PRIVATE SCHOOL OF LANGUAGES

BRONX PREP. SCHOOL

502-4-6 מרימאם קוועטן

ENGLISH

פּריוועט לעסאנס

ענגליש

אידיפּמעציע

NATIONAL LANGUAGE BUREAU

40 East 2nd Street, New York.

Phone: Orchard 9930.

ענגליש

ENGLISH BUREAU

1925 Douglas St., B'klyn, N. Y.

(7-13) Tel. Dickens 2161.

„אין ווינטערוואלד" אויפן קאנצערט אין „בעט ביטש"

ר׳ שלום־עליכם פאַקסימיל נומ. 6 וואָס נעפינט זיך אין בעט־ביטש (קראָפּ־סי אין צוואַנציגסטע עוק). אראָנדשירס אונטעם, דעם עסטען סעכרואר, אין קא־לאַיאר מעניאַ, 1935 בעסטע עוק. אין דעם קאָנצערט וועלכן זיך באַטיליגען חוץ פּוויראָלישע אין קיסלראַיטש קרעסטען, אויך די קינדער פון דער שול, די באַלאַנסע שוישטיריקן מאַראַם ק. רוישקאָן, פּון „אירישען קונסט סעאַ־סער", נרויס צו די קינדער כיט אן אייר אקסטער „אין ווינטערוואלד". דאָס איז א מאַנאַסקריפּט פון שלום־עליכם, וויעזר אנצי הענר פון ר׳ קינדער אין מיר־קיוודרינע קאָליר צייכענונגן, נעמאַ־כען אין אירישען האראלעקא, וועלכע האָס כיך נעכאָטן אויכטרוישינע וויי קיין אמעריקע אלס כוסטערן פון זייער אידיעס. וויי דאָכען ענהר נעוואָלט, אז מען זאל אין אמע־ריקע נישט ווייטער נעוואלטשאפּט און וייטער ארכייט.

באַלד נאָך דעם האָט איך נעהאט א נאַטיצן פון ר׳ שלום־עליכם, וועלכער איז נאָר ראָ־נעי־ווען שוואר נאָר דער שוועכער קראָנקהייט, וואָס ער האָט נעהאט אין די לעצטע יאָרן. ער האָט אויכטנעוויזן, אז ער וויל נים נעהן קיין אמעריקע, ווייל ער האָט נים נענוג נעלט צו דער רייזע, אָבער ער האָט נים נעוואָלט, אז מען זאל אין אמע־ריקע נישט ווייטער נעוואלטשאפּט און וייטער ארכייט.

באַלד נאָך דעם האָט איך נעהאט א נאַטיצן פון ר׳ שלום־עליכם, וועלכער איז נאָר ראָ־נעי־ווען שוואר נאָר דער שוועכער קראָנקהייט, וואָס ער האָט נעהאט אין די לעצטע יאָרן. ער האָט אויכטנעוויזן, אז ער וויל נים נעהן קיין אמעריקע, ווייל ער האָט נים נענוג נעלט צו דער רייזע, אָבער ער האָט נים נעוואָלט, אז מען זאל אין אמע־ריקע נישט ווייטער נעוואלטשאפּט און וייטער ארכייט.

טרייבט אויס א קאלד מיט מאסטערל

האלט כאסטערל נרוים, ווען עס כאַכט זיך אן א קאלד, עס האָט אלע כעלפּן פון דער כאבע'ס כאסטאר־פּאסטער אהן. די כלאסטערל. איהר לעמט עס אויסאאר אין כיס די סינפּע. נאר זאָלסט ווייטער אויסלאָזן דעם נאָז, ווען עס לויפֿט איהר אין אויגן, ווען איהר האָסט האַלדז־ווייטיק, ווען איהר האָסט האַלדז־ווייטיק, ווען איהר האָסט האַלדז־ווייטיק

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

קראנג, אז מען האט ארעסטירט לעאן טראצקי אויף דעם באפעהל פון זינאוויעוו

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ברייגגט ליכט

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

Vol. XI. No. 3332 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, JANUARY 16, 1924. מיטוואך, י' שבט, תרפ"ד. מיטוואך, 16טן יאנואר, 1924. PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: — FRANCE SEEKS THE OLD EXCUSE; THE CATHOLIC PROTEST; THE HAKOACH IN PALESTINE.

AGAIN THE FAULT OF THE JEWS

For years the liberal press of France, and of every other country, kept sounding the warning that the policy of the French Government was bound to end in disaster. For years economists kept repeating that as long as France fails to balance her budget, as long as France keeps hoping for vast, uncollectable reparation sums, as long as France bases her financial policy on an impossible assumption, she will be drifting toward collapse.

France has a yearly deficit amounting to billions of Francs. The deficit is covered by successive internal loans. The loans grow larger; the amount of interest to be paid yearly grows larger. In addition France lends hundreds of millions of Francs to Poland, Czecko-Slovakia, to all comers who will make an alliance with her. Meanwhile she pays neither principle nor interest on her American debt and the debt grows for that reason at a compound rate.

She has managed to keep things in order by successive loans. But the time comes when this game can no longer be paid. A country can borrow to pay debts as long as the amount of her debt does not keep steadily increasing. But France borrows and her debts keep growing. And at last the end is in sight.

And the result: the Franc has fallen to more than twenty to the dollar; four years ago the Franc stood sixteen to the dollar. And who is to blame? The Jews, of course.

For years the catastrophe was foretold, and the source of the catastrophe was made clear. But the present French government laughed at the possibility. Today the catastrophe is on the threshold; and the Jews are being blamed.

When the German Mark dropped to perdition the French government said it was the fault of the German government. When the French Franc falls the Germans say it is the fault of the French government. But both of them join readily to accuse the Jews in their respective countries. It would be a joke for the gode

דעמאקראטישע פארטיי וועט אפהאלטן קאנ- וענשאן אין ניו יארק

ניו יארקער דעמאקראטן צוהלען דערפאר 255 טוויזעט דאלאר פאר דעם כבוד. — קאנווענשאן באשטימט פאר דעם 24טן יוני. — נאוועראנאר סמיט אין שטארק צופרי- דען מיט דער אפשטימונג.

ניו יארקער דעמאקראטישע פארטיי- לייט האבן היינט אפגעהאלטן א באנקעט צו ערלעגן דעם כבוד, אז זיי האבן דעם 24טן יוני אויסגעוועלט פאר דער פארטיי- קאנווענשאן וואס וועט פאר- זיצט ווערן אין דעם פארק- אוועניו. אויך האבן זיי אויסגעוועלט דעם פרעזידענטישן קאנווענשיאנס- קאמיטעט, וועלכער וועט ארבעטן אין פארבינדונג מיט דער פארטיי- לייטונג.

דער באנקעט איז געווען זייער שטארק באזוכט. אין דער צאל פון 1200 מענטשן זענען צוזאמענגעקומען, אונטער וועלכע זענען געווען אסאך פון די באקאנטסטע דעמאקראטן אין שטאט. אין דער צייט וואס מען האט גענאסן דאס עסן, זענען פארשידענע רעדנער אויפגעטראטן. אלע זענען זיי אויפגעטראטן מיט דער מיינונג, אז דער פרעזידענט קולידזש וועט נישט זיין קיין קאנדידאט פאר דער פרעזידענטשאפט אויף דער דעמאקראטישער פארטיי, נאר אז דער קאנדידאט וועט זיין דער פרעזידענט וואודראו וויל- סאן. אלע רעדנער האבן אויסגעדרוקט דאס פארטרוי- ען אין וואודראו וויל- סאן'ס פירערשאפט, אז ער וועט פירן דעם פארטיי צו אן אויסער- ארדענטלעכן נצחון.

נאך א שארפן אנגריף אויפן קו קלוקס קלאן האט דער פרעזידענט פון דער פארטיי, אלפרעד עמאנועל סמיט, אויסגעדרוקט זיין פארטרוי- ען אין דעם פארטיי- פירער וואודראו וויל- סאן. ער האט דערקלערט, אז ער גלייבט, אז דער פרעזידענט וועט זיין דער קאנדידאט פון דער דעמאקראטישער פארטיי, אויב ער וועט נישט פאר דער ערשטער וואל- קע זיך אויסדרוקן אז ער וויל נישט זיין קיין קאנדידאט.

דער באנקעט איז אויפגעפירט געווארן אונטער דער פירערשאפט פון דער פארטיי- לייטונג פון ניו יארק. אונטער- האלטונג פון דער פארטיי- לייטונג פון ניו יארק. אונטער- האלטונג פון דער פארטיי- לייטונג פון ניו יארק.

דער טיסבעריזשער יוליסטענס

איבער הונדערט מענשן טוט אן א נייער ערד ציטערנישאין יאפאן

סיעל פארוואונדעט, נעביידען צעשטערט אין טאקיא אין יאקאהאמא. — איבערנעכטיגע ווארענונג פאר- לייזונג אין היזער אן נאכגן. — אויס- ערדער גיט באשעדיגט.

טאקיא, יאנ. 16. — אהרם הונדערט מענטשן זענען אומגעקומען אין הונדערט פער זענען פארוואונדעט געווארן אין א נייער ערדציטערניש, וואס האט אויס- געבראכן פלוצלינג נעכטן אין יאקאהאמא און אומגענומען. דאס איז די צווייטע שרעק- ליכע ערדציטערניש אין יאפאן אין די לעצטע פינף חדשים. די ערשטע פינף חדשים. די ערשטע איז ארויסגענומען געווארן פון דער ערד פאלציי. אין דער ערד צוזאמ- מען מיט פארברענטע הייזער. אזוי ווייט ווי מען ווייס זענען אומגעקומען אין הונדערט- פארטיין; זענען קיינע אויסלענדער נישט באשעדיגט געווארן.

לויט די באמערקונגען פון דער צענטרא- לער אבסערוואטארי, איז דער צענטער פון דער אויסערישלונג געווען נישט ווייט פון מאנואוא בארג אין מאנאסי פאר- אינט. דאס איז די צווייטע שרעק- ליכע ערדציטערניש וואס איז פאסירט אין דער לעצטער צייט. די ערשטע איז געווען אויך שטארק ווי אין פארגאנגענהייט. די ערשטע איז ארויסגענומען געווארן פון דער ערד פאלציי. אזוי ווייט ווי מען ווייס זענען אומגעקומען אין הונדערט- פארטיין; זענען קיינע אויסלענדער נישט באשעדיגט געווארן.

אדוואנס, א שטאדט אויפן קוואס- קו בעי, אהרם 75 מייל אין דרום-מזרח פון טאקיא. דאס נעכטיגע אם פארטרעטען זיין דער א "סייזמאלונג, וויי די שטארק דאס ערשטע אין פארבינדונג מיט דער ערד- שטיר אין פארברענט אין מיטן פון א "סייזמאלונג, וויי די שטארק נרויסע פיינער אין פארשפרייט, אזוי וויי אין נאהענטע שטעט זענען צוזאמען- געווארן.

וואסער ריזענען דורך דער אויפסייטלונג אהויפגערוסן געווארן פון דעם אקעאן, וואס האבן נעפלעגט צו פארניכטן אין פארברענט. דאס וואסער האט פארפלויצט הונדער- טער פון פיסער אין פארברענט. אין דער ערד- שטיר אין פארברענט. אין דער ערד- שטיר אין פארברענט.

מיסטעריעזער וואלד-מענש, וועלכער האט עוסק געווען אין תורה און תעניתים געפונען טוט אין ניו דזשוירזי'ער וועלדער

דער מיסבעריעזער וואלדמענש

אן אינגעשטיג, אויסטערליש-הייליג לעבען איז אויסגעלעשען געווארן, וועג צווייז אין אויסגעלעבטען אלטען אידישע- ריש פערלער, נאכגעהאנגען זייערע נעשעפטען. האבען אונטער- ווענער נעשעפטען. דאס היסט, אז זיי שפרעכען קיין ענגליש נישט. אין פון זיי האבן אלע נאך נישט אמעריקאנער בירגער- שאפט. אין אלטער פון 70 יאר, אין אלטער פון 60 יאר, אין אלטער פון 50 יאר, אין אלטער פון 40 יאר, אין אלטער פון 30 יאר, אין אלטער פון 20 יאר, אין אלטער פון 10 יאר, אין אלטער פון 5 יאר, אין אלטער פון 1 יאר.

דאס איז דער ערשטער מאל אין דער אמעריקאנער היסטאריע, אז אזעלכע גרופעס פון אידן זענען אהער- גערייזט געווארן פון אן אנדער לאנד. אין אלטער פון 70 יאר, אין אלטער פון 60 יאר, אין אלטער פון 50 יאר, אין אלטער פון 40 יאר, אין אלטער פון 30 יאר, אין אלטער פון 20 יאר, אין אלטער פון 10 יאר, אין אלטער פון 5 יאר, אין אלטער פון 1 יאר.

דאס איז דער ערשטער מאל אין דער אמעריקאנער היסטאריע, אז אזעלכע גרופעס פון אידן זענען אהער- גערייזט געווארן פון אן אנדער לאנד. אין אלטער פון 70 יאר, אין אלטער פון 60 יאר, אין אלטער פון 50 יאר, אין אלטער פון 40 יאר, אין אלטער פון 30 יאר, אין אלטער פון 20 יאר, אין אלטער פון 10 יאר, אין אלטער פון 5 יאר, אין אלטער פון 1 יאר.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

עמא גאלדמאן קומט קיין פאסטאָוו, וואו רעניקינצעס האָבען געשאָכטען טויזענ-טער אידען און געשענדעט אלע פרויען

ריזיקער איתרוק פון די שנאפס־קרכנות — זייער כאציהונג צו די קאמיסמען —— עמא גאלדמאן'ס באגעגענים מים די שלטאָנער צהנישטען

פון עממא גאלדמאן

נאכשרקונג פון דער רעדאקציע ! דער „טאג" דרוקט הייום דאס ערשטע קאפיטעל פון עמא גאלדמאן'ס בוך „מיין לעבן". דער בוך ווערט ארויסגעגעבן פון דער ווייטיגונג פון דאס ווייבמאן קאמיטעל פון דער פראוויזארישער רעגירונג פון רוסלאנד.

דעלינישע אין נאציאנאל'ע כאציונען. זיי זענען פרובע אידען. פעהרסענס העגרקע. כיי וועלכע די רעוואלוציע האט צוי נעטופען די פעלוקיקיים צו שאנדלען. דאך האבען זיי עלי־טען. אין דער אמת איז, אז די אידען זענען רעוולוציאנער יאהרען אין דער אמעריקע. זיי האבען אויסגעשיין ווי אוי־מעהרערע פאליטישע רויטען קרייע. רעוצעלס זאכען. וועלכע האבען כאראלעלע צו בשוויצען. דער פארזיצער פון „בשוויצען" איז דאן נעווען א שהרענגער. זיין אויפיצונג לייזונג פאר יעדען פלאן. נעשען שיכען. די רשטע האם כיסער נישט־שי־כאד איהר דערצאהלט, אז דער עלכער פעגע פרייהייט נאר פרייהייט צו אונטער עקספלואטיר. נאר אז אנשטעלן, האט זי נעזאגט „אבער מיר האבען נישט נוג ברויט, אז כלאט זיך צו פרעסען. זיי האבען אלע פרובלעמען פון אונזער עקסיסטענץ. אין אמעריקע זענען אויך פיל ארבעטלאזע, אבער זיי האבען נישט הונגער. אין רוסלאנד איז דאס אנדערש. דארט האבען מיר הונגער, אבער נישט פון ברויט. דארט האבען מיר הונגער פון פרייהייט. דארט האבען מיר הונגער פון אידעאלען, פון לעבען פאר אן אידעאל. דאס איז דאס וואס מיר האבען נישט נוג פון. דאס איז דאס וואס מיר ווילען האבען צוריק. דאס איז דאס וואס מיר מוזען האבען צוריק, אויב מיר ווילען נישט אונטער־גיין."

דער ערשטער טאג אין רוסלאנד איז נע־וועהרט געווארען פון אלע מיטגלידער פון דער דעלעגאציע מים גרויסער אויפמערקזאמקייט. יעדער האט זיך בעמיט צו לערנען, נאכדעם וואס מען האט זיי אנגעזאגט, אז זיי דארפען נישט קיין שפיאנען זיין. אלע האבען זיך אויפגעפירט ווי קינדער, וועלכע זענען פון דער שולע אהיים גע־שיקט געווארען. אלע האבען זיך אויפגע־פ

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

זיהר קענט היינט אנפאנגען לעזען דעם נייעם ראמאן „היינטיגע מיידלעך"

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

„דער טאג" היינט ליכט

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

MORRIS WEINBERG, President
HERMAN VALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way, Tel. Orchard

Vol. XI. No. 3335 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, JANUARY 19, 1924. שבת, י"ג שבט, תרפ"ד. שבת, 19טען יאנואר, 1924. PRICE THREE CENTS

ANTI-SEMITISM IN LIBERAL DSIGUISE

THE ATTEMPT OF THE BOLSHEVIKI TO SUPPRESS THE SPIRIT OF THE JEWISH PEOPLE: OUR SOLE RAISON D'ETRE.

The current issue of the Jewish Tribune publishes an interesting article by Mr. Louis Fisher, Russian correspondent of The Nation, entitled "Are the Bolsheviks Anti-Semites?" The article is confined chiefly to a recital of facts. The author of the article devotes a little space to conclusions, and these are based on the facts.

The recital is simple and straightforward. The Bolsheviks are not anti-Semites in the accepted sense of the term. They so far despise the distinctions of nationalism as to ignore them. There is no such thing in Russia as discrimination against the individual Jew as an individual. There is no such thing as a numerus clausus, or percentage norm in the Universities. There is, of course, no such thing as pogroms. The stress is laid on the economic struggle, not on the national. Jews are individuals.

So far, so good. On the other hand, however, the Jewish spirit, as such, the peculiar culture of the Jewish people, is not discouraged only tacitly. It is actively suppressed.

"The mass of Russian Jewry is not permitted to organize for charity purposes. The law forbids their establishing independent institutions for their own orphans, widows, poor, homeless and destitute. Zionist activity by bourgeois Jews is strictly prohibited. Russia has no Zionist organization. No Zionist propaganda may be conducted. Infractions of these laws have been punished."

Then follow some instances of the application of these laws. Synagogues have been confiscated and applied to secular purposes. A rabbi was imprisoned for seven months for preaching against the anti-religious attitude of the Soviet government. A group of Zeire Zion leaders were condemned to two years imprisonment for carrying on Zionist propaganda. On top of this there is, of course, the well-known recital of the stupid and childish mockeries of religious ceremonies — a mock Jewish ceremony, the burning of the effigies of Moses and God, and so on.

In conclusion the writer comes to the conclusion that though the

וועלפער ארגאניזאציעס שטעלען צו מעמאראנדום צו מר. קורצן וועגען באגרענצונגען אויף עלים אילאנד

19 ארגאניזאציעס, אינשלוסענדיג „האיאס", באוויזען דעם מאיאר־שאנעי, או אפיעלם אן אינפארמאציע אין א טייל פון וועלפער ארבייט. — קורצן וועט מעגליך אויפגעמען דער לעגאציע קומענדען מאנטאג. — אידישער קאנגרעסמאן פאָר דערט אנטערזוכונג פון אנטי־אימיגרישאן פראפאגאנדע.

פראטעסט פארזאמלונגען אין עמליכע שטעדט קעגען אימיגראציע גזירות

באזעגעס, וועלכע האבן נעוואלט פארהיטן בייטאג נעגען דעם נייעם אימיגראציע־ראמאן, דער עלים אילאנד, זיינען פארגעקומען נעסטערן אבנט אין באאסטע פון 10 פארשיידענע פלעצער. וויבאלד מיר האבן אין נעוואלט אויך אריינצוגעבן אונזערע פראטעסטן, זיינען מיר אלע 10 קורצ־פארבאטען נעווארן, אז אידער זיי קומען אריין נאכדעם ווי דער פראגראם איז שוין אנגעהויבן. מיר האבן אבער נישט נעוואלט, אז אידער זיי קומען אריין, זאלען מיר נישט אויפהערן צו פראטעסטירן. מיר האבן דעריבער אויסגעקליבן אזעלכע פלעצער, וואו מיר ווייסן, אז אידער זיי קומען, וועלען מיר זיי באגריסן. אז מיר האבן נישט נעוואלט, אז אידער זיי זאלען אריין, דאס איז נישט דערפאר, וויבאלד מיר האבן נישט נעהאט קיין אנדערע מיטלען, אונזער פראטעסט אויסצודריקן, אז מיר זאלען נישט אריין. מיר האבן נעוואלט, אז אידער זיי זאלען זיך וויסן, אז מיר זיינען דאגע, אז זיי זאלען נישט אריינברענגען אין אמעריקע אזעלכע אידעען, וועלכע זיינען שלעכט פאר אמעריקע.

אבער ווי־אזוי, אז זי וועט אריינקומען, אידער באריכט אנהויב קומענדע וואך. די קאמיטע האט נעכטן דיסקוטירט די פראטעסט־פלענער, וואס אסטראקע וועט באלד נעמאכט ווען זי וועט נעמען פראקטישע דורכפיהרען דעם פלאנקס בנוגע דער אימיגראציע פון איטאליענען אין וויינטער. מיטגלידער פון דער קאמיטע האבען באשלאסן, אז עמיצער אנדערער ווי אמעריקאנער בירגער זאל נישט רעדען אויף די פראטעסט־פלענער. מיטגלידער פון דער קאמיטע האבען אויך באשלאסן, אז עמיצער אנדערער ווי אמעריקאנער בירגער זאל נישט אנטפלעקען קיין פראטעסט־פלענער. אויב עמיצער וועט דאס טון, וועט ער אויסגעשלאסן ווערן פון דער פראטעסט־פארזאמלונג.

אידיש־נריכישע לייג נענרינדעט נעגען אנטיסעמיטיזם

סאלוניקא, (איסא). — כדי צו באקעמפען דעם אויפלעבענדען אנטיסעמיטיזם וואס איז די כעת נעגרינדעט א אידישע־נריכישע ליגע, וועלכע האט אלס אהער עשסטען שריט נעשיקט א דעלעגאציע צום עצגראל נובערנאטאר פון כאלקידיקי און נעבעטען בייו אים שוין נעגען די נעפאלגטע אנטיסעמיטישע אויפרעגונגען אויף די אידישע קוואר־טאלען.

דער נעגרינדער מיטגליד־נאטאר האט דער דעלעגאציע שרעקליכע, אז די נריכישע רעגירונג איז גיט אנטיסעמיטיש, און אויב עס כרעטגען אנדרע אנצייכן פון אינטע־רעסע נעגען די אידען, וועט ער זיי נעבען א לעקציע. וואס זיי וועלכן נעך דעמגען. די אידען בעגעגן זיין דורהיג, כיבע פון דער אנטי־אימיגריישאן פראפאגאנדע, וואס וועלכן לעצטגעגס פאר שפרייט אויבער'ן נאנצען לאנד.

וויטערס פון לאקאל 1 דעמאנסטרירען אין פראנט פון דעם „פארווערטס" בילדינג און פארלאנגען די צייטונג פאר דרוקען פאלשע באריכטען וועגען 1,800 ארבייטער

טראצדעם סיינס מיט די איינשרייבען, „וועך קאנטראלירט דעם „פארווערטס"?", „פארווא־ס דרוקט עך לי־נענס?", „כיר פאדערען נערעכטיגקייט!" — די אלטע מעטאדע פון „פארווערטס" צו אינטערדרייקען אר־ביטער, וואס טאנצען נעס „קדוש" פאר איהם, ווידערהאלם זיך.

„פיניע" מינקאווסקי נעשטארבען

אלע חוגים אין באסטאן ביי זיין טרויען־בעט. — וויכטע נע־דאכט וועלען צו קבורה אין גיו יארק. — פארשטארבענער איז נעווען פינף און צוואנציג יאהר שטאדט־הויז אין אדעס און איז נעווען באקאנט אלס טעאעטיקער אין היסטאריי־קער פון אידישער נגונות.

באסטאן, יאנ. 18. — פינחס טיני מינקאווסקי, באריהמטער חזן און נעשיכפר נעווארען רעך חזן פין רער עהרדידוש סמרים שוהל וואו ער האט אנגעהאלטען רעם פאסטען פינף יארר צייט. בישנה זיין צווייטער כאוור האט מינקאווסקי נעזוכט אויפצוהיטען בייו די נעסטארבענע אייגענטיהומס. האלב נאך צוועלף נאכמיטאג.

מיט עטוויג כטן צוריק האט טיני כאווסקי צעבראכען א סוס און איז צו־נעפאלן נעווארען אין האספיטאל. נאכדעם ווי ביי איהם אנטווי־קלט כלום־מארנסטונג און דערצו איז כאר צוגע־קומען א לונגען אנטצינדונג.

דער נין יצקער חונים מארכאנד האט נעלאזט וויסען, או צר כאכטן פאר־כארבסטונגען צו כרענגען דעם פוטשן מערפער קיין נין יארק אין צו נעבען דעם אפרשטארבענעם א נרוסע לוה זיי ער האט פארדינט.

פינחס מינקאווסקי איז נעווען באי מאנס אלס דער היסטארישער און טעא־טעקער פון דער ירישער נגינה. דרייי סיג יאהר איז ער נעווען אפרכטנדען מיט דער נרפדער שוהל אין אדעס און אין משך פון דער ראזיגער צייט האט מינ־קאווסקי אננעשריבען א נרוסע צאהל ערנסטע ווערק איבער דער אנשפיהרונג אין אינטווילקונג פון דער ירישער פר־זיק חיי א נדויסע צאהל איינענע אידי־שע קאמפאזיציעס. מינקאווסקי האט יאהרען לאנג מיטגעארבייט אין דרמע־שאפליכע זשורנאלען אין אידיש העב־רעאיש. רוסיש און דייטש. זיין 1914 איז ער נל־ פראפעסאר אין דער אר־דיישער "פאלקס־צייטונג". זיין אר־אדעס, וועלכע אין שפעטער תרוב־ זיין איבער רעם דארטיגען הנכ־ און חלות. ער איז אויך נעווען מיטגרינדער פון „הוסיר" וואס האט עקזיסטירט עס־לייבל יאהר און איז נעווען זעהר פאפולער כיין כין די באלשעוויסטישע הערשאפט האט נעמאכט א סוף צו זיין עקזיסטענץ. א חתן דעם האט ער צוואמען מיט בייר ליק'ן, דר. קלויזנער און דר. מאהלר ווער'ן נעלייענט לעפציגע אינ'ס אידי־שען לעהרער סעמינאר אין אדעס.

ארבייטער פארטיי פאר פרייהייט שטעלונג צו פראנקרייך.

לאנדאן, יאנ. 18. — אין רער פארט־ועזנג פון רער דעפאט אין הויז 1914 פאסטנם איבער רעם קלינם טראנדער־רע, האט רער פיהרער פון רי אייזענ־בארבייטער, דשעיימס ה. מאקדא, זיך נים פארטיי פאר אינרעפענדענס, או וויינענר זיין פארטיי וועט זיך נים פארעמפעניען פאר אינער סריינרינפאסט טים די אינטערנאציאנא־ליסטען, אין אבער די פארטיי פאר קיין פאל נים אופזיינוילליך צו פראנקרייך. פאסאמ האט קרים־קירס פראנקרייכ'ס שטעלונג צו רער רעפאראציאנס־פראנצ. אין שהליך פסר. פראנקרייך אלי־

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

אין קיעוו האָט מען נאָר פיינט מאָסקווע, אָבער די באָלשעוויסטישע מעטאָדען זיינען דאָרט דיזעלבע

(– לעקטיית יעקען הדכן אין קיעוו זיינען מקהרסטעגס נים מקהר וזי באלשעוויסטישע פראָפאגאנדע *)

פון עממא גאָלדמאן

ק י ע ו

דאס איך זעגוו איבער דיזעלבע אין באָלשעוויסטען אין קיעוו ווי אין אנדערע ערטער פון רוסלאנד. דער זעלבער שרעקן, דער זעלבער טעראָר, דער זעלבער הונגער, דער זעלבער שווארצער מאַרק, דער זעלבער ווילדער ספעקולאציע, דער זעלבער אומזיכערקייט פון לעבן, דער זעלבער אומרעכט, דער זעלבער ווילקירלעכקייט פון דער רעגירונג, דער זעלבער פאַנטאַסטישער פאַרשוועדונג פון דער קאָמוניסטישער פּאַרטיי, דער זעלבער פאַרוואַנדלונג פון דער רעוואָלוציאָנערער אידעע אין אַ פּאַראַליזירנדיגע דאָגמע

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

"דער טאג" ביינגט ליכט

OSSIP WEISBERG, President
SHEMAR PALEY, Treasurer
Office: 185 E. B'way Tel. Orchard 7000

Vol. XI. No. 3337 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK MONDAY, JANUARY 21, 1924. מאנטאג, חכישוד־עשר ביטבט, תרפ"ד. מאנטאג, 21סטן יאנואר, 1924. PRICE THREE CENTS

NEWS AND VIEWS

THOUGHTS ON THE DAY'S EVENTS: — WELFARE WORK for IMMIGRANTS; A JEWISH WOMAN LEADER; A COLLEGE SUGGESTION; ESSENIN CATCHES IT.

A PLEA for RECONSIDERATION

The order issued from Ell's Island, signed by Commissioner Curran, denying to the Hebrew Immigrant Aid Society and other organizations — the number of nineteen — the right to take up, at Ellis Island, the appeals of immigrants who are in danger of being sent back, is an unfortunate one. Whatever may be the technical reason for such an order, which restricts the work of appeals to the city offices of the HIAS and the other organizations, its actual effects will be such as Commissioner Curran himself will not like.

On the surface it appears that no harm is done. It is merely a change of address. Actually, when immigrants on the island are faced with the dreadful prospect of a return, it means everything to their condition and their welfare that they should be able to take up and conduct their cases on the spot. If the Island records are refused to the efforts of the HIAS on the spot with the co-operation of the immigrants, not only is an uncalled for inconvenience created, but the immigrant is cut off from immediate contact with those who are doing their best to meet all the legal obligations necessary to his admittance.

The effect is bound to be an increase in appeals to the help of lawyers, and neither Washington nor the Jewish community wants to see this work eminently a public work, entrusted to private enterprise. And such is bound to be the partial effect of the order, unless it is soon repealed.

MADAME POMERANZ-MELZER

On Wednesday evening a group of prominent New York Jews will be present at an informal banquet, held at the Brooklyn Jewish Centre, of which the guest of honor is Madame Rose Pomeranz-Melzer. Madame Melzer comes to America preceded by a reputation which does the Jewish people no less honor than it does her. The only Jewess who has been elected a Parliament to the Deputy of the Polish sejm. Madame Melzer has for the last twenty five years been active in Jewish life, bearing at the service of Jewish causes her exceptional gifts as

באהן סטרייק אין ענגלאנד ערקלעהרט; באלדוין וועט היינט רעזיגנירן פון אמט

מאנומענט 6,000 יאהר אלט, נעפונען אין אור־כשדים

פילאדעלפיא, יאנ. 21. — א שמיי־נערער מאטטינג פון יאהר 4,600 אר־בע נאכט צאם זיך אנטהויבען אין דער קרימליבער צייטרעכענונג אין אמעריקע נעווארען אין אור־כשדים אין מעסאפאטאמיע לויט אן עקלערונג וואס איז נעכטען אויסגעגעבען נעווארען פון דר. לאנרי וואולי, דעם דירעקטאר פון דער אראיינינגער עקספעדיציע פון בריטי־ש־ם מוזעאים און דעם פענסילוועניער אוניווערזיטעט.

דער שמיי איז נעפונען נעווארען אונטער אן אלטען מעמפעל אין עניר האלט אז אויסדרוקס וועגען טלכים וואס האבען נעפונקטן באלד נאך זי טכיל.

סאוועט קאנגרעס דריקט אוים סימ־פאטי צו טראצקי, טאדעלט ראדעק'ן

וואלכער ליזט קראנק און קאן זיך נים טעג־קאנגרעס אינסקריפציעס פיט זעהר וויניג ענטוזיאזם. עס פעהלטן די בא־נייסטערקע. רעדעס. דער עזם צוזיטער אין קלין. אין די רוסיע רעקאראציעס זיך נעבלויבן דער ויבטער אויף דעם פאנדיזמטן־לוסט.

א דעזאלוציע אין אננענומען נעווא־רדן צו טאדלען קארל ראדעק'ן.

כאסקווע, יאנ. 21. — דער סאוועט קאנגרעס האט היינט אבגענומען א סימ־פאטי רעזאלוציע פאר לעבן טראצקי'ן, וועלכער ליגט קראנק אין בראנדענבורג. וועגן כאוועליגען אין די בראנדענבורג. וועגן פאציק'ס נאכטן נעווא־רען. אין ער באגלעבט נעווארען טים נדוסיע אפבראוסענטנט.

פארץ דעם, וועז עס איז נעפוטפען צו די וואלגען פאר קרעזידענט. האט טראצ־קי נעצאינען די קלענסטע צאהל שטיטפן. ער איז נבבלויבן דער ויבטער אויף דעם קאנדידאטענליסט.

חופה אפנעלייגט, וויל התרבלה זיינען ארעסטירט

עליזאבעט דאנצאיג, 16 יאהר אלט, פון 2715 — 8טע עוו. האט זיך נעכטען פאנאנדענעווויינט אין וועסט סייד בארט. דאס, וואס זי כיט איהר חתן אין כיט 2 אונטערסיהרער זיינען אפגע־טרט נעווארען פאר נענוג. האט איהר

אמעריקאנער פלאט גרייט צו אמבארדירן הונדערטשטאדט פון מעקסיקאנער רעבעלען

שטרקען נעצווואונגען צו רוהען פרייטאג

קאנסטאנטינאפעל, יאנ. 21 (אינא)— דער טערקישער פארלאמענט אין אנגא־רא האט היינט אננענומען א נעזעץ, וואס סיהרט אין צוואלגסדרייסאנדרה־יליקן אינטוואונגער פון טערקיי. דער נע־זעץ איז א שטארקער פלאפ צאר דער ארטישער אפפאלקרונג, וועלבע הויב זיבה, און וועט אזוי ארום זיין נע־צוואונגען צו רוהען צווישן טאג. די אי־רישע הילפ אין קאנסטאנטינאפעל האפ צוזאפשטעלט דער דעזערונג אן אויסלענדיכען כלארענדום, אין וועל־כען עס וועלען אויסגעזוכען דער שארף. וואס דער נעזעץ וועט בדערנגען צו א נדוסטען טייל פון דער אירישער כאבעל־ערונג.

נייער האום־רול ביל פארעפענט־ליכט פון גאווער־נאר'ס קאמיסיע

די קאמיסיע, וואס גאווערנאר סמיט האט באשטימט פארצויטיגען א נייעם ביל פאר „האום־רול" אאר די שפארס אין ניריארק סטעיט, האט היינט פאר־עפענטליכט איהר פינאל. ווי צו נעבען א בעשרעם פארם סון זעלבסט־רעגירונג צו די שטערט.

לויט דעם ראוינען פלאן וועט די רע־גירונג פון יארער שפארס, באשטעהענ־דיג פון מעיאר, די אלדערמענ און רעם באארד און עסטימיטיס, באבען האס רעכט צו אטענדירען דעם שמאדט־משארטער אין דורכצוש־הרען, אועלבע נעזעצען, וואס זיינען נוטע בלויז די שמאדט־אויסוואויזינג. אין וואס זיינען דער שמאל וועלט וויטער נים אננענט נים נענגען דער סטעיט־קאנסטיטוציע, וואס פארלאנגט, אז אלע שטאדט־כארטערס זאלען אננענומען ווערען פון דער לעגיסלאטור.

דער ביל איז נעפאסט נעווארען פון אלע דעמאקראטען אין דער קאמיסיע, אבער נים פון קיין איינעם פון די רעפובליקאנער. אין דער קאמיסיע זיינען נים פארטרעטען נעווארען דעם אי־רישען עלעמענט אין ניריארק, וועלבער האט אבער א שטארקע שטים אין דער שטאדט־פאליטיק.

אונטערזוכונגען נעמאכט וועגען אויי־פלויפען פון ראדיאטאר

769

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

אמעריקאנישע דעלעגאטן וואָס האָבען באזוכט קריסיקירען די באָלשעוויסטישע רעגירונג, דערטרונקען ארום פינלאנד

א זאמלער ציפאל, אויסגעוויזעלט אין א נעהיימקייט, וואס איז נאך נים אויפגעקלערט נעוואָרדען.

פון עממא גאָלדמאן

קאמערד־פאלאסע, וואס איז נעווען שטארק דעקאָרירט. אין רעם הויפטזאל זיינען נעווען אויסגעשטעלט פיעצען פון בלומען, דרוסי־סרוכס אן וויינען. דאס האָס דערמאנט די באנקעטן פון דער אלטער בורזשואזיע. אין אירָ האָב נעקאָכט זעהן, אז אנדרושעלילא האָס זיך נעשיכלט אומקאָמוועס פון דער אויסערגעוועהנלעכער אויסשטעל.נג פון זילבער אן וויבקיים. דער באנקעט האָס זיך נעפעלט פיס די נעווענליכע ליכע דערפֿעס. די נעפט האָבען נעטרונקען צום נעזונט פון לענין, טראצקי, די רויטע ארמיי אן רעם דריטען אינטערנאציאנאל. די אלע צוזוועזנדע האָבען זיך אויסגעהויבען פון כען האָס נעשפיזט רעם אינטערנאציאנאל נאך ישראל מאמאָס. אן די כאלדאָסען אן אפיציערען זיינען נעשפאָנען „סבראנא". ווי אין די נוסע אלטע צייטען.

צווישען דער רעלעגאציע זיינען נעווען צוויי יונגע אנשר כאיסינדזשאלוסטען; זיי האָבען נעהערט וועגען אונזער אנ רעם וויפטזאל זיינען נעווען אויסגעשטעלט פיעצען בלומען, דרוסי־סרוכס אן וויינען. דאס האָס דערמאנט די באנקעטן פון דער אלטער בורזשואזיע. אין אירָ האָב נעטרונקען אויף דעם וואוילזיין פון דער רעוואלוציע, וואס זיי האָבען נעפאלגט פון סאָוועטרוסלאנד. זיי זיי־ זיינען נעקומען צום באשלוס, אז נים אלע זיינען נעווען אין דער באלשעוויסטישער רוסלאנד, אז די ריסקאָטר פון דער רעוואלוציע. אבער די האָבען אפיציעלע פארטי, איך האָב נאר כים זיי־ערע הכרוס זיינען נעווען רעם ערשטן. „וועס אויהר פרוסקי־ כען די רעפורטנטן?" האָב איך נעפרעקט. „לאמטוס", אויי נעס פון די רעלעגאטן. „אויהר. דענסק, אז מען וועס מיך שטארק נעפען פיס אייניגע פון זיי. די פראָפעסיע אנוועי־ סענען, אז איך האָב מיך נים נעקענט אפהאלטען צו זאָגען: „די אידעאלן פון סאָציאליזם פון דער רעפאָרמיסטישער אוו סאָציאליסטישער פארטי, אין דאָס האָבען נים נעפונדען אין רוסלאנד. אבער די אינטעליגענטע פראָפעסיאָנעל־ לע, וואס האָבען נים נעקענט אפהאלטען צו זאָגען, אז זיי זיי־ נען נים נעקומען קיין רוסלאנד, אז זיי זאָלען לערנען פון דער רעוואלוציע, נאָר אז זיי זאָלען לערנען פון דער אלטער בורזשואזיע, וואס האָבען נים נעקענט אפהאלטען צו זאָגען, אז זיי זיי־ נען נעקומען קיין רוסלאנד,

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

"דער טאג" ביימעמ ליכט

HERMAN PALEY, Treasurer
MORRIS WEINBERG, President
Office: 183 E. B'way Tel. Orchard 7000

Vol. XI. No. 3338 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

NEW YORK WEDNESDAY, JANUARY 23, 1924. מיטוואך, י"ז שבט, תרפ"ד. מיטוואך, 23סטן יאנואר, 1924. PRICE THREE CENTS

LENIN DIES—MACDONALD IS PREMIER

THE IRONY OF POLITICAL FATE: THE LEADER OF REVOLUTIONARY RADICALISM DIES DEFEATED; EVOLUTIONARY RADICALISM TRIUMPHS IN ENGLAND.

Political fate occasionally stages dramatic turns. It has never produced a more impressive dramatic tableau than the death of the first Russian Soviet premier, Lenin, or Ulianoff, on the very day that Ramsay Macdonald, the labor leader, became prime minister of England.

The Russian revolutionary leader died defeated; the one man who has been associated with him in his extreme policy, Leon Trotzky, has retired to a defeat the bitterness of which has been mitigated by the cover of sickness. In England the leader of evolutionary radicalism comes by the natural course of constitutional government, into the most important post in the Empire. It is not a victory in the technical sense, he has not a political majority, but it is a tremendous moral victory. It is perhaps the most significant event of post war history.

What is happening today in Russia? A policy of extreme and uncompromising communism is yielding to a form of conditional capitalism. It is more than two years since Lenin himself admitted the defeat of the extreme communist program in a famous speech which advised a "strategic retreat." But since then the retreat has gone further, and not only further, but more certainly. It has ceased to be a strategic retreat; it is a definite position. And it not definite yet, only because the retreat may go still further.

And what will be the end? In the opinion of all competent observers Russia is moving toward the point which has been reached by countries like Australia and New Zealand — advanced liberalism, with a touch of economic radicalism. But it is moving to that point from the opposite side. It is not advancing to that point. It is retreating to it.

What advantage then had Russia over England, which is now advancing to that point, without paying the bitter price of revolution, bloodshed fanaticism and bigotry? None whatsoever. The advantage lies with England.

Yet, when one tries, at this close distance, to place Lenin in Russian and in world history, one begins to feel that the evil of Lenin was the natural and inevitable reaction to the evil of Czarism. Lenin was the product of Russian history, and he was the product of the world war. Without the war there would have been no Lenin. Without the war there would have been no Czarism. Lenin was the product of the war, and the war was the product of Czarism.

Lenin was the product of the war, and the war was the product of Czarism.

Lenin was the product of the war, and the war was the product of Czarism.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ORBIT GUM

קלייבט אויס א גוטן טען בוך און קייעט א נומט נאם. עס מאכט אלעמען רוהיג אין צופריידן.

Listerated — PEP-MINT FLAVORS

10 NUGGETS 5¢

LISTERATED GUM CORPORATION, NEW YORK

אויטאליעניש דעלעגאטן והאָבן געוואלט קריטיקירן די באלשעוויסטיש ארדנונג, דערטרונקען ארום פינלאנד

א מארנער צופאל, איינגעוויקלט אין א נעהיימניש, וואס איז נאך נים אויסגעקלערט געוואָרען.

פון עממא גאלדמאן

דער מאי־דוקס חוינט נאך א פארשטענדיגונג מון פאשיסטישן קיהיוי. מון עכט נשלוסאנים בוך „סייגע ניהיי יאהר אין סאוויעט רוסלאנד". די נעקסטע פארטיזאנען וועלכע ערשיינען שבת

איך האב נעמיהלט, אז כיידע אידישע פראקציעס האבן זיך נעהאלטען פאר א רייך־נאציאנאליסטישען שטאנדפונקט. איך האב נים נעקאנט פארשטיהן זייער פערזענליבע פאליטיק. דעם רעזולטאט מון זייערע לייהרען אוף די פארשידענע מון זייער ראטע *). כיין הויפט אינטערעס איז נעווען זייער ריכטע צו דער רעוואלוציע אוף איהר איינפלום אויף רוסלאנד. צי די באלשעוויקעס דארפן נעשטיצט ווערען צי נים, יאָ: ים נעדארפט זיין אפהענגיג מון זייער באציהונג צו אידער אין צו דער אידישער פראגע. די אידישע פראגע איז ווייטער א ווייטיגער אין דרינענדערר פראבלעם. באזונדערס אי איקראינע. אבער דער אלגעמיינער פראבלעם איז נעווען פיל ווייטיגער. דער אלגעמיינער פראבלעם האט איינגעזען אין זיך די מולע עקאנאמישע אוו סאציאלע עכטאציע מון נאנצען רוסישען פאלק. די אידען איינגעשלאסען. אזוי ווי די אלגעמיינע ציעלען אוו כעטאדען מון די באלשעוויקעס זיינען נעווען ארויסגעוואונגען מון דער יאנט מון די אוכשטענדען, אוו אזוי ווי דער אייגענער ציל ייערער איז נעווען צו נעווינען די מאכט, האב איך זיי נים נעקאנט שטיצען. די באלשעוויקעס האבען זיך נעקאנט זיי אוכשולדיג אין פאגראמען. אבער זיי האבען פאגראמירט אויך רוסלאנד אוו זיי האבען באנקראמירט אין זייער אלם א רעוואלוציאנערע פאלטיי. איך האב נאר נים פארשטאנען קלאר אלע פראבלעמען מון דער רעוואלוציע. אבער טיי ערקלערטע האט מיך נעבראכט צום נעדאנק, אז די נאנצע באלשעוויסטישע נרונט־קאנצעפציע מון רעוואלוציע אין נעווען פאלש. די פראקטישע אנווענדונג מון זייער אויפפאסונג האט נעמוזט ברענגען צו א קאטאסטראפע. מון וועלכער די אידישע טראנערע אין נעווען א ריזענערער טייל.

טיי, ווירט אין זייער בריינר האבען נים נעקאנט איינזעהן מיט זיין שטאנדפונקט. כיר האבען פארטראטען פאליטישע אנערפ. אבער די פראבלעמ איז נעווען ווי אויסהערלינג. נעווען איך האב נים נעקאנט פארשטיהן זייער פערזענליבע פאליטיק. דעם רעזולטאט מון זייערע לייהרען אוף די פארשידענע מון זייער ראטע *). כיין הויפט אינטערעס איז נעווען זייער ריכטע צו דער רעוואלוציע אוף איהר איינפלום אויף רוסלאנד. צי די באלשעוויקעס דארפן נעשטיצט ווערען צי נים, יאָ: ים נעדארפט זיין אפהענגיג מון זייער באציהונג צו אידער אין צו דער אידישער פראגע. די אידישע פראגע איז אידען איז זיך די מולע עקאנאמישע אוו פאציאלע עכטאציע מון נאנצען רוסישען פאלק. די אידען איינגעשלאסען. אזוי ווי די אלגעמיינע ציעלען אוו כעטאדען מון די באלשעוויקעס זיינען נעווען ארויסגעוואונגען מון דער יאנט מון די אוכשטענדען, אוו אזוי ווי דער אייגענער ציל ייערער איז נעווען צו נעווינען די מאכט, האב איך זיי נים נעקאנט שטיצען. די באלשעוויקעס האבען זיך נעקאנט זיי אוכשולדיג אין פאגראמען. אבער זיי האבען פאגראמירט אויך רוסלאנד אוו זיי האבען באנקראמירט אין זייער א רעוואלוציאנערע פאלטיי. איך האב נאר נים פארשטאנען קלאר אלע פראבלעמען מון דער רעוואלוציע. אבער טיי ערקלערטע האט מיך נעבראכט צום נעדאנק, אז די נאנצע באלשעוויסטישע נרונט־קאנצעפציע מון רעוואלוציע אין נעווען פאלש. די פראקטישע אנווענדונג מון זייער אויפפאסונג האט נעמוזט ברענגען צו א קאטאסטראפע. מון וועלכער די אידישע טראנערע אין נעווען א ריזענערער טייל.

טיי, ווירט אין זייער בריינר האבען נים נעקאנט איינזעהן מיט זיין שטאנדפונקט. כיר האבען פארטראטען פאליטישע אנערפ. אבער די פראבלעמ איז נעווען ווי אויסהערלינג. נעווען איך האב נים נעקאנט פארשטיהן זייער פערזענליבע פאליטיק. דעם רעזולטאט מון זייערע לייהרען אוף די פארשידענע מון זייער ראטע *). כיין הויפט אינטערעס איז נעווען זייער ריכטע צו דער רעוואלוציע אוף איהר איינפלום אויף רוסלאנד. צי די באלשעוויקעס דארפן נעשטיצט ווערען צי נים, יאָ: ים נעדארפט זיין אפהענגיג מון זייער באציהונג צו אידער אין צו דער אידישער פראגע. די אידישע פראגע איז אידען איז זיך די מולע עקאנאמישע אוו פאציאלע עכטאציע מון נאנצען רוסישען פאלק. די אידען איינגעשלאסען. אזוי ווי די אלגעמיינע ציעלען אוו כעטאדען מון די באלשעוויקעס זיינען נעווען ארויסגעוואונגען מון דער יאנט מון די אוכשטענדען, אוו אזוי ווי דער אייגענער ציל ייערער איז נעווען צו נעווינען די מאכט, האב איך זיי נים נעקאנט שטיצען. די באלשעוויקעס האבען זיך נעקאנט זיי אוכשולדיג אין פאגראמען. אבער זיי האבען פאגראמירט אויך רוסלאנד אוו זיי האבען באנקראמירט אין זייער א רעוואלוציאנערע פאלטיי. איך האב נאר נים פארשטאנען קלאר אלע פראבלעמען מון דער רעוואלוציע. אבער טיי ערקלערטע האט מיך נעבראכט צום נעדאנק, אז די נאנצע באלשעוויסטישע נרונט־קאנצעפציע מון רעוואלוציע אין נעווען פאלש. די פראקטישע אנווענדונג מון זייער אויפפאסונג האט נעמוזט ברענגען צו א קאטאסטראפע. מון וועלכער די אידישע טראנערע אין נעווען א ריזענערער טייל.

טיי, ווירט אין זייער בריינר האבען נים נעקאנט איינזעהן מיט זיין שטאנדפונקט. כיר האבען פארטראטען פאליטישע אנערפ. אבער די פראבלעמ איז נעווען ווי אויסהערלינג. נעווען איך האב נים נעקאנט פארשטיהן זייער פערזענליבע פאליטיק. דעם רעזולטאט מון זייערע לייהרען אוף די פארשידענע מון זייער ראטע *). כיין הויפט אינטערעס איז נעווען זייער ריכטע צו דער רעוואלוציע אוף איהר איינפלום אויף רוסלאנד. צי די באלשעוויקעס דארפן נעשטיצט ווערען צי נים, יאָ: ים נעדארפט זיין אפהענגיג מון זייער באציהונג צו אידער אין צו דער אידישער פראגע. די אידישע פראגע איז אידען איז זיך די מולע עקאנאמישע אוו פאציאלע עכטאציע מון נאנצען רוסישען פאלק. די אידען איינגעשלאסען. אזוי ווי די אלגעמיינע ציעלען אוו כעטאדען מון די באלשעוויקעס זיינען נעווען ארויסגעוואונגען מון דער יאנט מון די אוכשטענדען, אוו אזוי ווי דער אייגענער ציל ייערער איז נעווען צו נעווינען די מאכט, האב איך זיי נים נעקאנט שטיצען. די באלשעוויקעס האבען זיך נעקאנט זיי אוכשולדיג אין פאגראמען. אבער זיי האבען פאגראמירט אויך רוסלאנד אוו זיי האבען באנקראמירט אין זייער א רעוואלוציאנערע פאלטיי. איך האב נאר נים פארשטאנען קלאר אלע פראבלעמען מון דער רעוואלוציע. אבער טיי ערקלערטע האט מיך נעבראכט צום נעדאנק, אז די נאנצע באלשעוויסטישע נרונט־קאנצעפציע מון רעוואלוציע אין נעווען פאלש. די פראקטישע אנווענדונג מון זייער אויפפאסונג האט נעמוזט ברענגען צו א קאטאסטראפע. מון וועלכער די אידישע טראנערע אין נעווען א ריזענערער טייל.

טיי, ווירט אין זייער בריינר האבען נים נעקאנט איינזעהן מיט זיין שטאנדפונקט. כיר האבען פארטראטען פאליטישע אנערפ. אבער די פראבלעמ איז נעווען ווי אויסהערלינג. נעווען איך האב נים נעקאנט פארשטיהן זייער פערזענליבע פאליטיק. דעם רעזולטאט מון זייערע לייהרען אוף די פארשידענע מון זייער ראטע *). כיין הויפט אינטערעס איז נעווען זייער ריכטע צו דער רעוואלוציע אוף איהר איינפלום אויף רוסלאנד. צי די באלשעוויקעס דארפן נעשטיצט ווערען צי נים, יאָ: ים נעדארפט זיין אפהענגיג מון זייער באציהונג צו אידער אין צו דער אידישער פראגע. די אידישע פראגע איז אידען איז זיך די מולע עקאנאמישע אוו פאציאלע עכטאציע מון נאנצען רוסישען פאלק. די אידען איינגעשלאסען. אזוי ווי די אלגעמיינע ציעלען אוו כעטאדען מון די באלשעוויקעס זיינען נעווען ארויסגעוואונגען מון דער יאנט מון די אוכשטענדען, אוו אזוי ווי דער אייגענער ציל ייערער איז נעווען צו נעווינען די מאכט, האב איך זיי נים נעקאנט שטיצען. די באלשעוויקעס האבען זיך נעקאנט זיי אוכשולדיג אין פאגראמען. אבער זיי האבען פאגראמירט אויך רוסלאנד אוו זיי האבען באנקראמירט אין זייער א רעוואלוציאנערע פאלטיי. איך האב נאר נים פארשטאנען קלאר אלע פראבלעמען מון דער רעוואלוציע. אבער טיי ערקלערטע האט מיך נעבראכט צום נעדאנק, אז די נאנצע באלשעוויסטישע נרונט־קאנצעפציע מון רעוואלוציע אין נעווען פאלש. די פראקטישע אנווענדונג מון זייער אויפפאסונג האט נעמוזט ברענגען צו א קאטאסטראפע. מון וועלכער די אידישע טראנערע אין נעווען א ריזענערער טייל.

א מחה'דיגער מענדוויטש מון טיק־האמ־א ביסקיט

רובירט ארבא, היינט א מענדוויטש מון די בעסטע ריהמטע טיק־האמ־א ביסקיט מיט צוקאטען לעבער. בלויז איין קרעקער פאר א מענדוויטש, ווייל יעדע קרעקער צושפאלט זיך לייכט אויף דער העלפט — אין צוויין. איהר וועט צונעבען, אז איהר האט נאך אוא מחה'דינען מענדוויטש ניט נענומען. דאס איז דערפאר ווייל יערער טיק־האמ־א ביסקיט איז אזוי נעבאקען, אז עס קומט ארוים

פריש און קרוכלע

און זיינען דעריבער נוט מיט אלע שפייזען, מיט מילכיגע און פליישיגע זופען, מיט פוטער, קעז אדער דזשעלי, מיט א גלעזעל טהעע אדער קאפע, אדער טשאקאלאד.

פארקייפם בלויז אינעם רויפען פעקעדזש

LOOSE-WILES BISCUIT COMPANY
Branches in Over 100 Cities

לעזער פון „טאג" פארשטעהען

דער ביכער־טייל, וואס וועהרט איצם אנפאנגיס איז „טאג" איז א נרויסער קראפט, און דאס נים בלויז, וו דו ליעבסט מוי „טאג" פארשטעהסטו דאס וועהרט מון א נוט.

איז דער ערשטער נרופע מון 10 ביכער פאר $4.00 נעפינס זיך נים קיין איין בוך, וואס דאס נעקאסט וויינינער מון $1.75 איז איצם באשטימט פון די לעזער פאר 40 סענט א בוך — וויינינער וי דער קאסט מון אפשיר.

איז דער צווייטער נרופע וויינען דא דריי פראכטפולע בענדער מון קאריסטען ענגלישאירישען שריפטשטעלער רודיארד קיפלינג. די ביכער האבען זיך פארקויפט צו $2.75 א בוך. איז איצם קענס איהר באשטימט שלעכט דריי בענדער פאר $1.50.

די דריטע נרופע — באשטעהנד סון נוט בשוואוסטען „פאלקס אויניווערסיטעט", איז 8 בענדער, פאר $3.00 — וס דער פאלקס אויניווערסיטעט איז א נרויסער קאלעדזש צו זשונג. וו פאר 10 דאלער קען מען איצם שלעכט דריי ביכער נים קויפן.

די לעזער פון „טאג" וועלען וס די נאלענהייט נים דורכלעזען, ווייל זיי פארשטעהען —

דעם ווערט פון ביכער

די קאסא מיט רויטען ראפער

די בעסטע אימפארטירטע קאסא אין דער וועלט

א. טיש איז ווידער דא

דער קאריקטער אוקאניר א. טיש, וואס אויפארקויפט די סטאקס פון דער יעקטע נין יארקער סוריניטשור „קאר., איז ווידער־דא. נין יארקער ינקעים איז שוין נעווהנהט צו די נרויסע נין מאריינס, וואס א. טיש האט נים קיין נעווהנליכע באלאנאוא. איר טיש האט נים נעמאכט דעם רעזולטאט, אין איך האב באשלאסען איהם צו נעבען אן אנדערע נעלעגענהייט. אין איך האב נעמיהלט, וואס עס איז נעווען אן אויסערנעווענליכע נרונט־קאנצעפציע פון רעוואלוציע, אין איך האב נעזעהן אז דער רעוואלוציאנער נעדאנק איז נאך נים נעשטאנען אויף זיין העכסטער שטאפל. איך האב נעמיהלט, אז כיידע אידישע פראקציעס האבן זיך נעהאלטען פאר א רייך־נאציאנאליסטישען שטאנדפונקט. איך האב נים נעקאנט פארשטיהן זייער פערזענליבע פאליטיק. דעם רעזולטאט מון זייערע לייהרען אוף די פארשידענע מון זייער ראטע *). כיין הויפט אינטערעס איז נעווען זייער ריכטע צו דער רעוואלוציע אוף איהר איינפלום אויף רוסלאנד. צי די באלשעוויקעס דארפן נעשטיצט ווערען צי נים, יאָ: ים נעדארפט זיין אפהענגיג מון זייער באציהונג צו אידער אין צו דער אידישער פראגע. די אידישע פראגע איז אידען איז זיך די מולע עקאנאמישע אוו פאציאלע עכטאציע מון נאנצען רוסישען פאלק. די אידען איינגעשלאסען. אזוי ווי די אלגעמיינע ציעלען אוו כעטאדען מון די באלשעוויקעס זיינען נעווען ארויסגעוואונגען מון דער יאנט מון די אוכשטענדען, אוו אזוי ווי דער אייגענער ציל ייערער איז נעווען צו נעווינען די מאכט, האב איך זיי נים נעקאנט שטיצען. די באלשעוויקעס האבען זיך נעקאנט זיי אוכשולדיג אין פאגראמען. אבער זיי האבען פאגראמירט אויך רוסלאנד אוו זיי האבען באנקראמירט אין זייער א רעוואלוציאנערע פאלטיי. איך האב נאר נים פארשטאנען קלאר אלע פראבלעמען מון דער רעוואלוציע. אבער טיי ערקלערטע האט מיך נעבראכט צום נעדאנק, אז די נאנצע באלשעוויסטישע נרונט־קאנצעפציע מון רעוואלוציע אין נעווען פאלש. די פראקטישע אנווענדונג מון זייער אויפפאסונג האט נעמוזט ברענגען צו א קאטאסטראפע. מון וועלכער די אידישע טראנערע אין נעווען א ריזענערער טייל.

טיי, ווירט אין זייער בריינר האבען נים נעקאנט איינזעהן מיט זיין שטאנדפונקט. כיר האבען פארטראטען פאליטישע אנערפ. אבער די פראבלעמ איז נעווען ווי אויסהערלינג. נעווען איך האב נים נעקאנט פארשטיהן זייער פערזענליבע פאליטיק. דעם רעזולטאט מון זייערע לייהרען אוף די פארשידענע מון זייער ראטע *). כיין הויפט אינטערעס איז נעווען זייער ריכטע צו דער רעוואלוציע אוף איהר איינפלום אויף רוסלאנד. צי די באלשעוויקעס דארפן נעשטיצט ווערען צי נים, יאָ: ים נעדארפט זיין אפהענגיג מון זייער באציהונג צו אידער אין צו דער אידישער פראגע. די אידישע פראגע איז אידען איז זיך די מולע עקאנאמישע אוו פאציאלע עכטאציע מון נאנצען רוסישען פאלק. די אידען איינגעשלאסען. אזוי ווי די אלגעמיינע ציעלען אוו כעטאדען מון די באלשעוויקעס זיינען נעווען ארויסגעוואונגען מון דער יאנט מון די אוכשטענדען, אוו אזוי ווי דער אייגענער ציל ייערער איז נעווען צו נעווינען די מאכט, האב איך זיי נים נעקאנט שטיצען. די באלשעוויקעס האבען זיך נעקאנט זיי אוכשולדיג אין פאגראמען. אבער זיי האבען פאגראמירט אויך רוסלאנד אוו זיי האבען באנקראמירט אין זייער א רעוואלוציאנערע פאלטיי. איך האב נאר נים פארשטאנען קלאר אלע פראבלעמען מון דער רעוואלוציע. אבער טיי ערקלערטע האט מיך נעבראכט צום נעדאנק, אז די נאנצע באלשעוויסטישע נרונט־קאנצעפציע מון רעוואלוציע אין נעווען פאלש. די פראקטישע אנווענדונג מון זייער אויפפאסונג האט נעמוזט ברענגען צו א קאטאסטראפע. מון וועלכער די אידישע טראנערע אין נעווען א ריזענערער טייל.

די אידעאלע פרוי

שמי. נעווענט און שענהן אין פארט און נעשמאלם, מיט א פרהליכער שטר־מונג. אויף איהר צוישפאנר באשטעהט דאס סיזיע וואויליין סון רי ארטינג, כלוין דורך מאכען דאס נאסקע [illegible] ווען זי ארבעט אין דער וועלם. ווען זי איז שווער און לייד־שטראנען, א ז דאָ אויפובירטע אמת'ער מיטעל. לידיע ע. פינקהעם ס וועדושעפטייבעל קאסמעטיק, נעמאכט סון וואראלן און קרייטובר", וואס דאס רי

בעטווין 6טע און 7טע סטס. טר. טיש נאראנטירט. אז זינט ער נים בארנינס דעם עולם האט ער נאך אויסלבע באר־נייגס קיינמאל נים נעשעבען.

דאס איז צום ערשטען מאל אין דער נעשיכטע וואס אמעריקע פוירניטשור קאן מען קויפען אזוי בילינ. לויסמאס סטייליש נרענר דעזיגנס דיינינג רוים און צימערוים סטס און די בעדנסטע מאטען סומס מיט א נאראנטי — „איך עני פוירניטשור דיר לער קויסען אויסלבע ווערט אין האלסייל באר די פרייזען, וואס א. טיש ים [illegible] יך איצם אין 103 עוו. „איי"

א. טיש איז ווידער דא

דער קאריקטער אוקאניר א. טיש, וואס אויפארקויפט די סטאקס פון דער יעקטע נין יארקער סוריניטשור „קאר., איז ווידער־דא. נין יארקער ינקעים איז שוין נעווהנהט צו די נרויסע נין מאריינס, וואס א. טיש האט נים קיין נעווהנליכע באלאנאוא. איר טיש האט נים נעמאכט דעם רעזולטאט, אין איך האב באשלאסען איהם צו נעבען אן אנדערע נעלעגענהייט. אין איך האב נעמיהלט, וואס עס איז נעווען אן אויסערנעווענליכע נרונט־קאנצעפציע פון רעוואלוציע, אין איך האב נעזעהן אז דער רעוואלוציאנער נעדאנק איז נאך נים נעשטאנען אויף זיין העכסטער שטאפל. איך האב נעמיהלט, אז כיידע אידישע פראקציעס האבן זיך נעהאלטען פאר א רייך־נאציאנאליסטישען שטאנדפונקט. איך האב נים נעקאנט פארשטיהן זייער פערזענליבע פאליטיק. דעם רעזולטאט מון זייערע לייהרען אוף די פארשידענע מון זייער ראטע *). כיין הויפט אינטערעס איז נעווען זייער ריכטע צו דער רעוואלוציע אוף איהר איינפלום אויף רוסלאנד. צי די באלשעוויקעס דארפן נעשטיצט ווערען צי נים, יאָ: ים נעדארפט זיין אפהענגיג מון זייער באציהונג צו אידער אין צו דער אידישער פראגע. די אידישע פראגע איז אידען איז זיך די מולע עקאנאמישע אוו פאציאלע עכטאציע מון נאנצען רוסישען פאלק. די אידען איינגעשלאסען. אזוי ווי די אלגעמיינע ציעלען אוו כעטאדען מון די באלשעוויקעס זיינען נעווען ארויסגעוואונגען מון דער יאנט מון די אוכשטענדען, אוו אזוי ווי דער אייגענער ציל ייערער איז נעווען צו נעווינען די מאכט, האב איך זיי נים נעקאנט שטיצען. די באלשעוויקעס האבען זיך נעקאנט זיי אוכשולדיג אין פאגראמען. אבער זיי האבען פאגראמירט אויך רוסלאנד אוו זיי האבען באנקראמירט אין זייער א רעוואלוציאנערע פאלטיי. איך האב נאר נים פארשטאנען קלאר אלע פראבלעמען מון דער רעוואלוציע. אבער טיי ערקלערטע האט מיך נעבראכט צום נעדאנק, אז די נאנצע באלשעוויסטישע נרונט־קאנצעפציע מון רעוואלוציע אין נעווען פאלש. די פראקטישע אנווענדונג מון זייער אויפפאסונג האט נעמוזט ברענגען צו א קאטאסטראפע. מון וועלכער די אידישע טראנערע אין נעווען א ריזענערער טייל.

טיי, ווירט אין זייער בריינר האבען נים נעקאנט איינזעהן מיט זיין שטאנדפונקט. כיר האבען פארטראטען פאליטישע אנערפ. אבער די פראבלעמ איז נעווען ווי אויסהערלינג. נעווען איך האב נים נעקאנט פארשטיהן זייער פערזענליבע פאליטיק. דעם רעזולטאט מון זייערע לייהרען אוף די פארשידענע מון זייער ראטע *). כיין הויפט אינטערעס איז נעווען זייער ריכטע צו דער רעוואלוציע אוף איהר איינפלום אויף רוסלאנד. צי די באלשעוויקעס דארפן נעשטיצט ווערען צי נים, יאָ: ים נעדארפט זיין אפהענגיג מון זייער באציהונג צו אידער אין צו דער אידישער פראגע. די אידישע פראגע איז אידען איז זיך די מולע עקאנאמישע אוו פאציאלע עכטאציע מון נאנצען רוסישען פאלק. די אידען איינגעשלאסען. אזוי ווי די אלגעמיינע ציעלען אוו כעטאדען מון די באלשעוויקעס זיינען נעווען ארויסגעוואונגען מון דער יאנט מון די אוכשטענדען, אוו אזוי ווי דער אייגענער ציל ייערער איז נעווען צו נעווינען די מאכט, האב איך זיי נים נעקאנט שטיצען. די באלשעוויקעס האבען זיך נעקאנט זיי אוכשולדיג אין פאגראמען. אבער זיי האבען פאגראמירט אויך רוסלאנד אוו זיי האבען באנקראמירט אין זייער א רעוואלוציאנערע פאלטיי. איך האב נאר נים פארשטאנען קלאר אלע פראבלעמען מון דער רעוואלוציע. אבער טיי ערקלערטע האט מיך נעבראכט צום נעדאנק, אז די נאנצע באלשעוויסטישע נרונט־קאנצעפציע מון רעוואלוציע אין נעווען פאלש. די פראקטישע אנווענדונג מון זייער אויפפאסונג האט נעמוזט ברענגען צו א קאטאסטראפע. מון וועלכער די אידישע טראנערע אין נעווען א ריזענערער טייל.

טיי, ווירט אין זייער בריינר האבען נים נעקאנט איינזעהן מיט זיין שטאנדפונקט. כיר האבען פארטראטען פאליטישע אנערפ. אבער די פראבלעמ איז נעווען ווי אויסהערלינג. נעווען איך האב נים נעקאנט פארשטיהן זייער פערזענליבע פאליטיק. דעם רעזולטאט מון זייערע לייהרען אוף די פארשידענע מון זייער ראטע *). כיין הויפט אינטערעס איז נעווען זייער ריכטע צו דער רעוואלוציע אוף איהר איינפלום אויף רוסלאנד. צי די באלשעוויקעס דארפן נעשטיצט ווערען צי נים, יאָ: ים נעדארפט זיין אפהענגיג מון זייער באציהונג צו אידער אין צו דער אידישער פראגע. די אידישע פראגע איז אידען איז זיך די מולע עקאנאמישע אוו פאציאלע עכטאציע מון נאנצען רוסישען פאלק. די אידען איינגעשלאסען. אזוי ווי די אלגעמיינע ציעלען אוו כעטאדען מון די באלשעוויקעס זיינען נעווען ארויסגעוואונגען מון דער יאנט מון די אוכשטענדען, אוו אזוי ווי דער אייגענער ציל ייערער איז נעווען צו נעווינען די מאכט, האב איך זיי נים נעקאנט שטיצען. די באלשעוויקעס האבען זיך נעקאנט זיי אוכשולדיג אין פאגראמען. אבער זיי האבען פאגראמירט אויך רוסלאנד אוו זיי האבען באנקראמירט אין זייער א רעוואלוציאנערע פאלטיי. איך האב נאר נים פארשטאנען קלאר אלע פראבלעמען מון דער רעוואלוציע. אבער טיי ערקלערטע האט מיך נעבראכט צום נעדאנק, אז די נאנצע באלשעוויסטישע נרונט־קאנצעפציע מון רעוואלוציע אין נעווען פאלש. די פראקטישע אנווענדונג מון זייער אויפפאסונג האט נעמוזט ברענגען צו א קאטאסטראפע. מון וועלכער די אידישע טראנערע אין נעווען א ריזענערער טייל.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

"דער טאג" ברייגם לימם

Published Every Day by the DAY JEWISH PUBLISHING CORPORATION

BORRIS, WEINBERG, President
BERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard 7000

Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

Vol. I, No. 341 NEW YORK SATURDAY, JANUARY 26, 1924. שבת, ב' שבט, תרפ"ד. שבת, 26טן יאנואר, 1924. PRICE THREE CENTS

ענגלישער אַרבייטער פּרעמיער טרעט אַרויס פאר א נייער וועלט-קאָנפערענץ צו רעוויזירען דעם שלום אָפּמאך פון וועַרסייל

ספעציעלער אידישער וואהל קריז געפאדערט אין ווילנע

ווילנא, יאנ. 25 (אינא). — א פאר מיטגלידער הייבט נעמאכט פון דער אידישער סאציאל־דעמאקראטישער צייטונג „דאס לעבן", אין וויאסאכאס כּים רי פאר־גאנגענע עקזעקוציעס פון די וואל־נעמער אין פוילען, או עס ואל נעשאפען ווערען א ספעציעלער אידישער וואל־קריז, ווי בכּדי אידען זאלען אפּגעבען זייערע שטימען.

אויב אזא ספעציעלער אידישער קריז ואל נעשאפען ווערען, וועלען די מיטגלידער פון „דאס לעבן" אין אים ווייטער פּאַרטיצירען, נאר אין זייערע פּאַרטיצירען וועט עס אויך זיין אן אידישער קריז, ווי בכּדי אידען זאלען אפּגעבען זייערע שטימען.

אויב אזא ספעציעלער אידישער קריז ואל נעשאפען ווערען, וועלען די מיטגלידער פון „דאס לעבן" אין אים ווייטער פּאַרטיצירען, נאר אין זייערע פּאַרטיצירען וועט עס אויך זיין אן אידישער קריז, ווי בכּדי אידען זאלען אפּגעבען זייערע שטימען.

ארבייטער רעגירונג ענטשלאָסען אריינצוברייגען רוסלאנד אין וועלט בונד. — שלאגט אויך צו פארקלענערען דייטשלאנד'ס שאַרפענישן. — באלדווינ'ס בודזשעט אנגענומען פון דער נייער רעגירונג. — פראנקרייך שליסט א מילימערישען בונד מיט טשעכא־סלאוואקיא

לאנדאן, יאנואר 25. — רא נלויבט פען, אז די ארבייטער רעגירונג האלט אז אפּאך מיט רוסלאנד אלס איהר וויכ־טינסטע אויפּגאבע, און זי וועט זיך נלייך נעהאלטן האָבן רוהבצוים־תהרוי. דעם פּרע־מיער'ס וואונש. אריינצוברענגען אזוי ניך ווי כענלייך רוסלאנד און רייטשלאנד אין דעם פעלקער־בונד, וועט שפּיעלען א וויכטיגע ראלע אין די ענדערונגען, וואס סטאנציע וועט אויסנעטבען אין דער אינ־טערנאציאנלער לאגע. די „וועסטמינ־סטער נאזעט" וויזוט אן, אז פיקראדאלער וועט וואהרשיינליך צוליעב דעם פאר־שלאנען א נייע אינטערנאציאנאלע קאנ־פערענץ צו רעוויזירען דעם פּאַריסער פרידענס פּאַקט.

רעדנערוג וועגען דער באקאנטער נענגערשטאט פון דער פּרבייטער־פּאַר־טיי צו דעם ענגלישען מלחמה־חוב צו אמעריקע, אין א פּאַרזוך צו קרי־נען בעסערע באדינגונגען, ווי עס האָט שוין בעשריבען סטענלי באלדווין, דער פּרי־הערינער פּרעמיער. די פּראגע האָט שוין נענאלטען אלס נעסעטלט, ווען די אָפּ־מאך מיט טשעכא־סלאוואקיא

קעהרען שלם הערשער אין זייערע לענ־דער.

לאנדאן, יאנואר 25. — פּרעסיער ראפּוטי מעקדאנאלד וועט ווידער עפענען די פּראגע פון ענגלישען מלחמה־חוב צו אמעריקע, אין א פּאַרזוך צו קרי־נען בעסערע באדינגונגען, ווי עס האָט שוין בעשריבען סטענלי באלדווין, דער פּרי־הערינער פּרעמיער. די פּראגע האָט שוין נענאלטען אלס נעסעטלט, ווען די אָפּ־מאך מיט טשעכא־סלאוואקיא

עסטרייך פיהרט איין אינוואנדערונגס־קאנטראלע

ווין (אינא) — ווי דער „אינא" קארעספּאנדענט הערווייסט זיך לינט ביי דער רעגירונג א פּראיעקט צו שאפען א קאָמיסיע פאר אן איינוואנדערונגס־קאנטראלע אין עסטרייך. די קאָמיסיע ווערט זיין צוזוימענגעשטעלט פון מלובה'שע ארנאנען און פון פּאַרטיעסער פון אונ־דוסטריע (פון ארבייטסנעבער און אר־בייטס־נעמער). די איינוואנדערונג אין עסטרייך ווערט זיין הויכאוים קאנטראל־לירט, ווייל אין דער לעצטער צייט הערר־שען זיך סרוס אין עסטרייך מיעלע צוי־נעוואנדערטע פון דייטשלאנד, וועלבע זיינען אריבערגענומען אהן פּאַספּאָרטען אין אהן רעקומענדאציעס. די קאנטראלע וועלכע סטענלי באלדווין, דער פּרי־הערינער פּרעמיער. די פּראגע האָט שוין נענאלטען אלס נעסעטלט, ווען די אָפּ־מאך מיט טשעכא־סלאוואקיא

פּאַל וועט מאנטאג מוזען אויסזאָגען פון חדר מכּח אין קאנצעסיעס

אנדער סאנס, פּרעמיער, נאך אלץ א סוד פאר דער וועלט

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ווּאָס פּנחם מינ
ווען ער א

א קאָפּיטאל פון דער אוטאָביאָגראַפּיע

אויף א בריוסטן פלאַץ אינטערן רער שטאַרט טאָלנא (זון רעק נראַץ שוואוואלאוו'ט ניטער אין קיעווער נוב.) האָט זיך פאַרשפּריים א נרויסער, אָדער נעצאָמטער הויף, וויי א שטערטעל פאר זיך אליין, מיט נרויסע וואוינהאַרבאַ נובידעס. וויי פאלצעל: א באַוונדערער פאלאַץ פאר רער רבי'צין. א פאלאַץ פאר רעם רבינ'ס (רבי דוד'ס) זוהן רבי מאָטעלע. א פאלאַץ פאר ייער אייניק (רבי אבינ'ס) : א באַוונדער פאלאַץ פאר'ן אייזועהער איבעריי : הויף : ייאנקעלע הנהחייעלעס און פיעלע אנדערע נאר זונדערע הייער. ביי די פאַרשיידענע „אייניקלעך" פון רבי בעש"ט, וואָס האָבן אויפנעהאלטן אינ'ס טאלנער הויף אויפ'ן חשבון פון רעם רבי'ן און די חסירים. יערעס הויז באַוונדער אין נעווען נעבויט מיט א באַוונדערן נעשמאק אין זון אויפנעהאלטן מיט די טייערסטע מעבעל און קלייד. איין הויז אין נעווען שטענדיג לייריג אין אין נאר באַטוצט נעווארען ווען עס איז נעקומען צום טאלנער א צדיק פון אן אנדערער שטאַרט ערער רעם רבינ'ס פחותים ארער קרובים. ווען עס איז פאַרנעקומען א חתונה אינ'ם רבינ'ס הויף. רעם רבינ'ם דירת איז האָט אבער איבערנעשטיגען אלע אנדערע אין פראַכט און גלאַנץ.

אין רעם הויף האָט זיך אויך נעמונען רי נרויסע קהות. וואָס האָט אין זיך איינענומען אלוס צווישן טויזענד מאָן, א חוץ רעם באַוונדערן זאל, וואָס אין נעווען נעבויט אין רער רדוס וואָנט סון רער קלויז און האָט נעהאט אן אפּנע טיר אין קלויז אריין. אין יענעם זאל האָט רער צדיק נעראַוונט, אינאיינעם טיש'ן „צבור" פון רער קלויז אבער ראך אפּנעווינרערט — מיט התבוררות. איינ טיגען הויף איז אויך נעווען א נרויסע, לאַנגע הילצערנע נעבויירט, וואָס האָט נעריגט אלס שפייזזאל פאר'ן רבין און זייער מקורבים ביי די סעודות סון שבתים און יום טובים. אין אן אנרער וויינ קעל האָט זיך נעפונרען רער פרחין. אין איין זייט פון'ם הויף זיינען נעווען רי קיך־הייזער, באַוונדערע קיכען פאר פרייטינם אין באַוונדערע פאר מילכיגס. יערע זיך ביז פון'ם הויף זיינען נעווען רי פרוי אויפ'ן הויף אין רי קיך־הייזער. אין רעם רבינ'ס הויף האָט נעהאט אן אפּנע טיר אין אויף נעמונען רי הסירים — מיט התבוררות. איינ נעווען פאַרבויים מיט שפּאַלטן אין אין נעווען א נרויסע

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the AMERICAN JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג

The Day

"דער טאג" ברוינגט ליכט

BORIS WERMAN, President
BEFRAM PALEY, Treasurer
Office: 183 E. B'way, Tel. Orchard ...

Vol. XI. No. 3343 Entered as Second Class Matter at Post Office New York, N. Y. NEW YORK MONDAY, JANUARY 28, 1924. כאנטאג, כ"ב שבט, תרפ"ד. מאנטאג, 28טן יאנואר, 1924. PRICE THREE CENTS

בלויז נאציאנען ליב קען ראטעווען איראפא, זאגט מעקדאנאלד

54 פיליפינער טויט אין צוזאמענשטויס מיט מיליטער

מאנילא, פיליפינישע אינזלען, יאנ. 28. — אין א צוזאמענשטויס מיט מאלדאטן לעבעדיג פלייסער און טוריינאג. 54 פיליפינער דערשאסן. נעוואָרען אויך עטליכע פאַרוואונדעט. נאר 13 אמעריקאנער האבן זיך פארוואונדעט אין

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דער בישוף וואָס דאָם וואָרט „אַמעריקא" האָט אויף אַלע באַלשעוויסטישע קאַמיסאַרען, גרוים אָדער קליין

וואַרנונג צו גראַסעריליט און דילער

hak's Malt Milk Co.

iggs Avenue :: :: Brooklyn, N. Y.

3

סאַרטען טהעע

זיצען אין אַמעריקא אַנגעקומענע אים די דינסטע פֿון פֿינסטע אַשאַקטע אין די פֿינסטע אַשאַטע טהע צום טרינקען. קען אַיין יעדער אין מיט מיך.

דאָס זיצען זיערע פֿעקלד-דשעס — קוקט זיך צו אין נעקסטע קיין אַנדערע. פֿרעגט אייער גראַסער פֿור —

ציוויליזאַטשני טשאי, קאַלאָמביא טהעע

אויך

וואַהיט לייבאָר טהעע

וועט אידר וויסען דעם רוכטיגען טעם פֿון א רוכטיגער נאָטע טהעע

טויבט וועהרייט. (18 דיוויזיאָן סט. ניו יארק

פֿרישטשעס אַיפּן פּנים?

ס'קומען שקבצים ראָטירלעכע אַלע צום פּנים, ווען אַין בלוט־דיזענגער

$1.00 בייַ מייל, בייַ מייל $1.05 בייַ $1.25 בייַ מייל $1.00

SCHECHTER & CO.
192 E. Hodston Street, N. Y.

מענער און פֿרויען ווען אידר נעבריכט?

הייַנטיגע מיידעך

א ציַטונג פֿון מאָדערנעם לעבען אין נוי־יאָרק. פֿון לעאָן באַנין.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the
ECAH JEWISH PUBLISHING CORPORATION

The Day

דער טאג

„דער טאג"
ביינגם ליכט

MORRIS WEINBERG, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. Bway. Tel. Orchard [illegible]

XI. No. 3345 | Entered as Second Class Matter at Post Office New York, N. Y. | NEW YORK WEDNESDAY, JANUARY 30, 1924. | מיטוואך, כ"ד שבט, תרפ"ד. | מיטוואך, 30סטן יאנואר, 1924. | PRICE THREE CENTS

פאל שטעדט אונטער פאליציי אויפזיכט זינט 20סטן יאנואר

כליאנג, אז עקס-מיניסטער האט געוואלט אנטלויפען

פארחער ווענען 6סטן שוסטין „על" אין אלבאני

אלבאני, יאנ. 30. — דער עלטסטער פאריור פון כאנאדא איז היינט „הוס רול" אסענדסמען, איז ראי נעכטען נע־מאכט געווארען, ווען סענאטאר לייווי האט אדיינגעבראכט צווי בילס, אין וועלכע עס ווערט נעפאדערט צען זאל שוועקנעמען די עלעווייטער כאהן אויף דער 6סטער עוועניו.

צווישען די ווארט זענען דא נעקומען שטיצען די ביים זענען נעווען כארא פרעזידענט מילער אין ווילימס א ווא־לינג, אסיסטענט קראפארישאי קאנ־סול. ביים פארהער ווענען דעם פאר־שלאג זענען אויך אויפגעטאטען מיעלע כע האכען ערקלערט, אויף וויטיעל עם וואלש נעהאלפען העכערען דעם ווערט פון פראפערטי, און פון נעשעפסטען. פרע־זידענט מילער האט כאהויפטעם, אז די ווערטען פון פראפערטי וואלטען אזוי נעשטיגען, אז אין פינף יאהר וואלט די שטארס נעהאט אין יענעם נעענעם א פאדערפערטען אויסגעפאס פון צוואנציג מיליאן דאלער אין טעקסעס.

פאדערט ביאלאנישען עקזאמען פאר אימי־גראנטען

לאנדאן, יאנ. 30. — דר. הערי ה. לאווי, דער פעדעראלייכער פאדערעקטער פון סעקרעטערי אוו לייבאר דייוויס, וועלכער האט די לעצטע 6 מאנאטען אפיציעל שטודירט די אימיגראציע־פראי־גע אין פארשידענע לענדער אין איירא־פא, איז נעקומען צום באשלוס, אז דאס איינציגע וואס וועט רעטען אמעריקע פון דעם פלוץ פון פרעמדע, איז א ביאלאני־שער עקזאמען פון יעדען אימיגראנט אויי־דער בעז לאזט אהם אריין אין אמע־ריקע.

וואשינגטאן — דאס דר. לאווין ער־קלערט פאר זיין אפפאהר נאך־ניו יארק, אין א הערע פאר דער היגער יודזשעניק קאמייעטי — דאס אמאל נייליודע אי־

באק'ס ריכטער האבען נעלייענט בלויז 77

סאציאליסטען דעק
אויף גדוסען שווינדעל

777

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ORBIT GUM

פאר אלע סארטען ביזנעס. עס פארלייכטערט די אנשטרענגונג פון מאך.

Listerated – PEP-MINT FLAVORS

10 NUGGETS 5¢

אין ביזנעס קרייזן

LISTERATED GUM CORPORATION, NEW YORK

זיי שפאלטען זיך אין צווייען—פונקט אויף דער העלפט

א ייִדעם טאקע ליגט די גוטסקיט פון די בעריהמטע טיק-טאַמ-א ביסקוט, בעקאנט אלס די "מאנשיין קרעקער", זיי זיינען ספעציעל אזוי קונסטפול געבאקען, אז זיי צושפאלטען זיך אויף דער העלפט — אין צווייען און ווערען גיט צובראקען. דערביי זיי־נען זיי אזוי נוט און קרוכלע, אז זיי צוגעהן ממש אין מויל.

קויפט היינט א פעקעדוש

מיק-האם-א ביסקוים אין אייער נאטורי כטאר און קיי מענדיג אחיים פאבט עסליכע מעכדווימשעם פאר אייערע קיי דער. וועו אייער כאן קוימט צו סאפער הערלאנט איים צום מיש טש'ן צושפיי עסליכע ק ר ע ק ע ר ס . נעכרויכט זיי אויף אין דער וווּ און מים פארשידענע שפיין. דערלאנגם זיי אייערע נעסט מים טהיי ארער מאפע. עכט זיי מים פון טער. קעז. ארער רושעלי. זיי זיינען מחיח'דיג גים מים אלעם אין אויך אהן אלעמעז.

Tak-hom-a Biscuit
The Sunshine Soda Cracker

פארקויפט בלויז אינם רחמנן פעקעדוש

Loose-Wiles Biscuit Company
Branches in Over 100 Cities

אלע ווערק פון

שלום-עליכם

* * * אבט אין צייאנציג פראבטיבעגד * * *

די לעצטע וואר ייאס מיר גיבען צו כיבסקריבער פאר העש — איינע פון די 3 פ־עמיעס אימיבאס

1. אלע ווערק פון מענדעלע כוכרים סאד א פאלע בעזונדער
2. די אלטע בעזונדע פון נעמען, אין אויסט וי פאלע בעזונדער.
3. די אלטע בעזונדע פון נעמען, אין אויסט וי פאלע בעזונדער.

— ביז דעם 4טען פעברואר —

טעלעפאנירט אונז גלייך: בעווילעאנס 4479
אדער שיקט אינז צי דעם היפאן

Sholom Alchem Foundation,
31 Union Square, New York City.

נאמען _____
אדרעס _____
ווען אין דער הויז _____

אַ דיסקוסיע מיט מאדאם מאַבנאָ וועגען נעבי"ט קאָנטראָל און גלייבבאַרעכטיגונג פון די אַמעריקאַנער פרויען

פון עמא גאלדמאן

[illegible]

ביינעראיינס א יינגער בויר. דער דרום איז נעזעגן אראנדשם נעשעפטנס, נאכדעם וי־ער איבערגעפארען נעזיכטען פון רעם „טעטראָ". די אריבעג אמעריקאנער האבען זיך באשעפטם אין רעם קרוב צרי צי שפּעדירען און הערען פארלעזונגען. מיר האבן דאשטען אויך זעהען פיינען די אמעריקאנער אין פאריז. ער ווייסט פיל וועגען אונז. ער ווייסט אויך אז מיר זיינען אין פאריז נאר אויף א נישט לאנג צייט. ער פרעגט מיך אויב מיר האבען שוין אלעס נעזעהן וואס מען דארף זעהן אין פאריז. איך ענטפער אים אז מיר האבען נאך נישט נעזעהן אלעס. ער פרעגט מיך וואס מיר האבען נאך נישט נעזעהן. איך ענטפער אים אז מיר האבען נאך נישט נעזעהן דעם „מוזע גרעוין". ער ווייסט אויך אז מיר האבען נאך נישט נעזעהן דעם „מוזע גרעוין". ער ווייסט אויך אז מיר האבען נאך נישט נעזעהן דעם „מוזע גרעוין". ער ווייסט אויך אז מיר האבען נאך נישט נעזעהן דעם „מוזע גרעוין".

[illegible]

[illegible]

[illegible]

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Published Every Day by the JEWISH PUBLISHING CORPORATION

דער טאג The Day

"דער טאג" ביינם ליכט

MORRIS WEINBERG, President
HERMAN PALEY, Treasurer
Office: 183 E. Broadway, Near Jefferson Street

XL. No. 8850 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK MONDAY, FEBRUARY 4, 1924 כאנטאג, כ"ט שבט, תרפ"ד. כאנטאג, 4טן פעברואר, 1924. PRICE THREE CENTS

דאם גאנצע לאנד טרויערט אויף זיל סאנס טויט

לויה וועט זיין מיטוואך אדער דאנערשטאג

איז אויסגענאנגען רוהיג, בלויז די פרוי און עלטסטע טאכטער ביים טויטענבעט. — 100 מענשען קניהען אויף דער נאם וועג דאקטאר זאנט אן טרויעריגע בשורה. — פרעזידענט קולידזש אן פרוי די ערשטע אויסצודריקען סימפאטיע. — 30 טעג אפיציעל לען טרויער ערקלערט אין פרעזידענטס פראקלאמאציע. — מרס. מעקאדו און מרס. ווילסאן וועלען באשטימען שטאדט און פלאץ פון ווילסאנ׳ס קבר.—עס וועט נעמען נאך א הר ביז ווילסאנ׳ס נרוסקייט וועט אפגעשאצט ווערען, זאנט לאיד דזשארדזש

ווילסאנ׳ס אידעאלען זיינען געווען צו הויך פאר דער וועלט, און ער איז געשטארבען נים וועהענדיג זייער רעאליזירונג, זאגט מעקראנאלד

קאנגרעס געשלאסען אויס רעספעקט צום פארשטארבע־נעם עקם־פרעזידענט ווילסאן

וואשינגטאן, פעב. 4. — וואדראו ווילסאן׳ס לעכען האט זיך נעכטען, א פערטעל נאך עלף פריה, אויסגעלאשען, נאר א שוהערער נסיטה, וואס האם אננעהאלטען צוויי טעג.

די לעצטע מינוטען פארן טויט האבען אהם שיין קיין ליידען נים פארשאפט. ער איז נעשטארבען רוהיג.

אדמיראל ס. ט. נרייסאן, וואס האט נעוואכט אוכעדט מויטענעבעם, האם שבים, אהן וועקער, נאר מיט׳ן בליק פון־אויגן אנגעזאגט טרם. ווילסאן אין מארגארעט ווילסאן, דער טאכטער, אז דער סוף איז נעקומען. ווייטער האט נרייסאן נים אריינגערעדט קיין איין וואהרט. ביידע פרויען האבען זיך צוזאמענגעקארטשעט פון דער שרעקליכער ידיעה, וואס דעם דאקטאר׳ס אויגען האבען אריינגאזאגט.

אלע נאהענטע פרינ׳ם פארשטארבענעם עקם־פרעזידענט האבען נע־וואוסט נאך טים צוזוי טעת־לעת צוריק, אז דער טויט איז אומפארמיי־ליך. נאך פרייאג פארטאג האבען די דאקטוירים ערקלערט, אז דער עקס־פרעזידענט איז אין נסיטה אין זיין סוף קאן קומען יעדע מינוט.

פרעזידענט קולידזש פראקלמי דרייסיג טעג טרויער נאב׳ן פאר שטארבענעם עקם־פרעזידענט

אנאנסירענדיג דעם טויט פון עקס־פרעזירענט ווילסאן, האט פרעז קולידזש ארויסגענעבען סאלענדע פראקלאמאציע:

פון דעם פרעזידענט פון די פארייניגטע שטאטען:

צום שמש פון די פארייניגטע שטאטען:

דער טויט פון וואדראו ווילסאן, וועלכער איז נעווען פרעזירענט פון פארא שטאטען פון דעם יאהר 1913. ביז׳ן יאהר 1921. וואס איז נעקומען היינט א זייער אינטערעסאנטיר. איז זיין היים, אין וואשינגטאן. דיסטריקט פון קאלאמביע, ב דאס לאנד פון א הייראיסצוזיכנדע בירגער. אין איז א פאטריוט. וואס דופט ארו וועלטליכקיט אין אמעריקע פרעזידענט. פאר מיליאנ פון אינו באזיצים דאס א טיפער אין ליכער וויכטיג.

זיין פרשטסטע פון פריהערדיגע יאהרען. איז לאיער. איז אויסגעצייכענט נעווארען שאפטען אן אקטיוויטעט לעבען. אויך אם דעם אויסגעצייכענטע מצלר האט פר דעם תעכסטען דאנק אים נעלעהרטער אז האט איבערגעלעבט זיין צייטען אויך נים לעבען פון לאנד. פון זיין אכט, אלס פרעזידענט פון פרינסטאן אוניווערסיטעט, איז וויכע סיסטעמיזיר נעווארען נאטיאנאל צו פארנעסען דעם אפט פון נשווינדער פון שט הויפטזיכע. די פרינסטאן פון אם דעם היינטן אפק פר קרעליט אזוי, אז פר תצ עטרויעט פון פארק פון די פארייניגטע שטאטען. אין דאס פארק האט אהם צוי׳ כ וויכהט אים פרעזידענט פון דער רעפובליק.

אלס פרעזידענט פון די פארייניגטע שטאטען פר נעווארם די רייזען די בעסט פערסענאל פון לאנד. וויי פר האט זיי פארשטענדניס. זיינע טאטען זענען נעווען ארויס פון די בעסטע משפחות אין זיין אויפוואקסענדיגים האם נים נעקאנט נעזאוויים׳ם וואר ער האט נעזיהרט די אמעריקאנער נאציאנאל הויך דעם סוראיזעק קאפיע פון דעם קריג פון א הויבען אידעאליזם. וואס האט אהם לייגענאל נים פארלאנגט. פר האט דריקט די שטרענגסטע פון דער פוליטיק פים פארפוואסקיים. וואס האט נעצוצויגען ר פערזונאפקיים פון דער נאציאן. וועלם אין האט נעמכט אמעריק א נייע אין נרויסע פאטם אויפן שיכואל פון פרידהים.

אלס־צייכען פון דעם רעספעקט, פים וועלכען זיין פארטיקען וועלט נעהאלטען ה רעגירונג אן פשלק פון די פארייניגטע שטאטען, בשטהאל איה, אז די פלאג פון וויים אין פון די נעביידען פון די רעגירונג־דעפארטמענטען זאלען זיין אין האלבען פאס

הויפט ריכטער פון סופרים נעריכט ווילסאן ה. טאפט האט נעזאגט, אז דער פארשטארבענער איז אין זיין צייט נע־וועז פים רעכט פארעבענט פאר׳ן נדע־סטען און וויטמענסטען פענשען אין דער וועלט.

דער פינאנץ מיניסטער פעלאן: — „ווילסאן האט זיך מקריב נעווען פאר דער אמעריקאנער נאציאן".

דער קאמערץ מיניסטער הואוור: — „קיינער האט נים נעקענט אינספירירן פאר הויבע אידעען, ווי ווילסאנ׳ם טוט. אנריקלטער מיניסטער וואלאס: — „דער פארשטארבענער איז נעווען די נרעסטע היסטארישע פיגור פון זיין צייט."

דאס זעלבע האט אויך נעזאגט דער פלאץ מיניסטער דעוב.

פרעזידענט קולידזש האט ארויסנע־

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

אפגעציהרטע, הונגעריגע קינדער זיינען געשטאנען אויף אלע באהן סטאנציעס און געבעטלט ברויט

... אדעס האט איסגעזען אין שטאק־פינסטערנים, נאכן גרייסן פייער

פון עממא גאלדמאן

[illegible]

אפיטעל ציילייאן־צוואנציג

אדעס.

[illegible] בשעת בסאנציעס צווישען קיעוו און אדעס איז אייזנבאהן צו וואהרען צאנצע טעג ביז עס [illegible] אייזנבאהנער צו קריגען פאהרבילעטען טיט [illegible] וואגאזען איז דרום. מיר האבען זיך באר [illegible] בשעת עייט צו באווכען די שטעדלאך אוז [illegible] מיר האבען זיך באקענט טיט פיעלע כשנשען. [illegible] בשעציאל אילטערעסירט טיט די מארקעז.

אי [illegible] אבער אין די נרעסטע טייל סון דער [illegible] נישען א אידישע. דאהטען האבען די אידען [illegible] פאראסאן אוז האבען נעלעבט אין איין [illegible] אין זיך ניט וויידערהאלען. דער וועלען צו לע־ [illegible] אוטאקראטיסטאר, פשעציעל ביי אידען. וועז [illegible] ניטען עס לעבען, וואלט ישוין די אידישע [illegible] נעשעטצט נעווארען אין די יאהרהונדערטער, [illegible] ערשטען סון דאראשלאנגען אוז אויסשלאבי־ [illegible] ערשטיגע לעבענסקראפט האט זיך אוי [illegible] : די אידען האבען פאהטענטועצט זייער [illegible] זיין זאך ניט הערפען. די לאנע איז אדעס איז זעהר א [illegible] נעהריקטע אוז עי איז צו באשעפטיגט טיט דרינענדע [illegible] עניגס. די עקספערציע וועט אלזא מוזען אליין זאך זיך [illegible] ארנען. עי האט אינז אבער עריוויזט צו באווכען אלע מאי־ [illegible] וועטראינסטיטוציעס אוז קרינען דאהטען. וואס מיר וועלען [illegible] העגען. עי האבען ניט נעהאהטען בייל סון דעם פעטראגראדער [illegible] מיוזאאום אוז זיין ארכייוו. עי איז נעווען א נעווהנלעכער [illegible] ארכייטער, וואס איז באשטימט נעווארען צו א הויכען דע־ [illegible] ניטנגטאמט, אוז ניט זייענדיג איבעריגע אינטעלינענט, [illegible] איז ער, ווי עס שיינט, נעווען נענגעריג נעשטימט צו יעהרען [illegible] אויפטו סון דער „אינטעלינענציע".

די אייסניכטען זיינען ניט נעווען עדמוטינענד, אבער [illegible] מיר האבען ניט נעקאנט פארשטעהען אדעס ניט פאבענדיג אן [illegible] עריסטע אנשטרענגונג צו ואכלען די רייכע היסטארישע מא־ [illegible] טעריאלען, וואס די שטאדט. וי מיר האבען נעווואוסט, פאר־ [illegible] מאנט. צירקולערהערנדיג זיך פון „רעווקאם" האבען מיר צופע־ [illegible] לינ באמענענט א גרופע יונגעלייט, וואס האבען אונז דער־ [illegible] קענט. ווייל זיי האבען אמאל נעלעבט אין אמעריקא. זיי הא־ [illegible] בען אונז פארזיכערט אז מיר האבען נאדיגס נעקאנט ער־ [illegible] וואהרטען קיין היהף פון דעם פארויצער פון „רעווקאם", וועלי־ [illegible] לער איז באקאנט אלס א שמאלבעפענדער, פאלאטיקערליאון [illegible] פארטיי־טער נעווען פון דער „אינטעלינענציע". איינע [illegible] פון דער נרופע האט זיך אנגעבאטען צו באקענען אונז מיט [illegible] אנדערע באמטע, וואס וועלען העלפן אוז זיין ווילליג אונז צו [illegible] הערפען. מיר האבען זיך דעריבער, אז דער פארויצער פון [illegible] פאלקסקאמיסיע אין אדעס איז אן אנארכיסט אין דער [illegible] פארויצער פון דער זיכער אין מעטאר ארבייטער איז אויך [illegible] אן אנארכיסט. די נייעס האט אונז נעמאכט אז מיר [illegible] מיר וועלען פארט עפעס אויפטאן אין אדעס.

מיר האבען ניט באלאנגען קיין צייט אוז מיר האבען [illegible] באלד באווכט די צוויי מעטשטן. אבער די רעזולטאטען זיינען [illegible] ניט נעווען עריוטינענדע. בייטע זיינען נעווען ווילליג צו העלפ־ [illegible] פען אונז אויף וויפיעל עס ליגט זאר אין זייערע כחות, אבער [illegible] זיי האבען אונז נעווארנט, אז מיר זאלען זיך ניט ריכטען [illegible] אויף רעזולטאטען, ווייל ארטס איז, נוט זייערע וויערטער, [illegible] א שטאדט פון סאבאטאזש.

מיר מוזען ליידער מודה זיין, אז אינזערע ערפאהרונגען [illegible] האבען נעווינען. דאס זיי זיינען נעווען: נערפענט. איך האב [illegible] זיך אנגעוויהנט טיט סאבאטאזש אין ארבייטענע סאוועט־ [illegible] איסטיטוציעס אין אלע שטעדט. וואס איך האב כאוונט. [illegible] אוכעטום האבען פיעלע אנשטרענגונגען צוזאמענצוהאלטען פארי־ [illegible] שוועדט זייער צייט. וויכטיגער טויזענטער אפליקאנטען [illegible] פלענען וואלטען טעג אוז וואכען אין די ארבייטערען אוז קיי־ [illegible] נער האט זיך אויף זיי ניט אופגעוקוקט. די פארבייטען פון [illegible] דער רוסישער באפעלקערונג: דאס נעפאלן איין באשעפ־ [illegible] נונג. צו שטעהן אין די דייזען אין די ניסטע אוז קריגע [illegible] ביוראס אוז וואלטע, ביז מען וועט זיי צוואונן. דאך, ווי [illegible] שרייבט עס איז נעווען עטמוויקלונגען האבען נע־ [illegible] ארבייטער, וואס איז באשטימט נעווארען צו א הויכען דע־ [illegible] ניטנגטאמט, אוז ניט זייענדיג אבעריגע אינטעלינענט, [illegible] איז ער, ווי עס שיינט, נעווען נענגעריג נעשטימט צו יעהרען [illegible] אויפטו סון דער „אינטעלינענציע".

די אייסניכטען זיינען ניט נעווען עדמוטינענד, אבער [illegible] מיר האבען ניט נעקאנט פארשטעהען אדעס ניט פאבענדיג אן [illegible] עריסטע אנשטרענגונג צו ואכלען די רייכע היסטארישע מא־ [illegible] טעריאלען, וואס די שטאדט. וי מיר האבען נעווואוסט, פאר־ [illegible] מאנט. צירקולערהערנדיג זיך פון „רעווקאם" האבען מיר צופע־ [illegible] לינ באמענענט א גרופע יונגעלייט, וואס האבען אונז דער־ [illegible] קענט. ווייל זיי האבען אמאל נעלעבט אין אמעריקא. זיי הא־ [illegible] בען אונז פארזיכערט אז מיר האבען נאדיגס נעקאנט ער־ [illegible] וואהרטען קיין היהף פון דעם פארויצער פון „רעווקאם", וועלי־ [illegible] לער איז באקאנט אלס א שמאלבעפענדער, פאלאטיקערליאון [illegible] פארטיי־טער נעווען פון דער „אינטעלינענציע". איינע [illegible] פון דער נרופע האט זיך אנגעבאטען צו באקענען אונז מיט [illegible] אנדערע באמטע, וואס וועלען העלפן אוז זיין ווילליג אונז צו [illegible] הערפען. מיר האבען זיך דעריבער, אז דער פארויצער פון [illegible] פאלקסקאמיסיע אין אדעס איז אן אנארכיסט אין דער [illegible] פארויצער פון דער זיכער אין מעטאר ארבייטער איז אויך [illegible] אן אנארכיסט. די נייעס האט אונז נעמאכט אז מיר [illegible] מיר וועלען פארט עפעס אויפטאן אין אדעס.

מיר האבען ניט באלאנגען קיין צייט אוז מיר האבען באלד באווכט די צוויי מעטשטן. אבער די רעזולטאטען זיינען [illegible] ניט נעווען עריוטינענדע. בייטע זיינען נעווען ווילליג צו העלפ־ [illegible] פען אונז אויף וויפיעל עס ליגט זאר אין זייערע כחות, אבער [illegible] זיי האבען אונז נעווארנט, אז מיר זאלען זיך ניט ריכטען [illegible] אויף רעזולטאטען, ווייל ארטס איז, נוט זייערע וויערטער, [illegible] א שטאדט פון סאבאטאזש.

מיר מוזען ליידער מודה זיין, אז אינזערע ערפאהרונגען [illegible] האבען נעווינען. דאס זיי זיינען נעווען: נערפענט. איך האב [illegible] זיך אנגעוויהנט טיט סאבאטאזש אין ארבייטענע סאוועט־ [illegible] איסטיטוציעס אין אלע שטעדט. וואס איך האב כאוונט. [illegible] אוכעטום האבען פיעלע אנשטרענגונגען צוזאמענצוהאלטען פארי־ [illegible] שוועדט זייער צייט. וויכטיגער טויזענטער אפליקאנטען [illegible] פלענען וואלטען טעג אוז וואכען אין די ארבייטערען אוז קיי־ [illegible] נער האט זיך אויף זיי ניט אופגעוקוקט. די פארבייטען פון [illegible] דער רוסישער באפעלקערונג: דאס נעפאלן איין באשעפ־ [illegible] נונג. צו שטעהן אין די דייזען אין די ניסטע אוז קריגע [illegible] ביוראס אוז וואלטע, ביז מען וועט זיי צוואונן. דאך, ווי [illegible] שרייבט עס איז נעווען עטמוויקלונגען האבען נע־ [illegible] ארבייטער, וואס איז באשטימט נעווארען צו א הויכען דע־ [illegible] ניטנגטאמט, אוז ניט זייענדיג אבעריגע אינטעלינענט, [illegible] איז ער, ווי עס שיינט, נעווען נענגעריג נעשטימט צו יעהרען [illegible] אויפטו סון דער „אינטעלינענציע".

די אייסניכטען זיינען ניט נעווען עדמוטינענד, אבער [illegible] מיר האבען ניט נעקאנט פארשטעהען אדעס ניט פאבענדיג אן [illegible] עריסטע אנשטרענגונג צו ואכלען די רייכע היסטארישע מא־ [illegible] טעריאלען, וואס די שטאדט. וי מיר האבען נעווואוסט, פאר־ [illegible] מאנט. צירקולערהערנדיג זיך פון „רעווקאם" האבען מיר צופע־ [illegible] לינ באמענענט א גרופע יונגעלייט, וואס האבען אונז דער־ [illegible] קענט. ווייל זיי האבען אמאל נעלעבט אין אמעריקא. זיי הא־ [illegible] בען אונז פארזיכערט אז מיר האבען נאדיגס נעקאנט ער־ [illegible] וואהרטען קיין היהף פון דעם פארויצער פון „רעווקאם", וועלי־ [illegible] לער איז באקאנט אלס א שמאלבעפענדער, פאלאטיקערליאון [illegible] פארטיי־טער נעווען פון דער „אינטעלינענציע". איינע [illegible] פון דער נרופע האט זיך אנגעבאטען צו באקענען אונז מיט [illegible] אנדערע באמטע, וואס וועלען העלפן אוז זיין ווילליג אונז צו [illegible] הערפען. מיר האבען זיך דעריבער, אז דער פארויצער פון [illegible] פאלקסקאמיסיע אין אדעס איז אן אנארכיסט אין דער [illegible] פארויצער פון דער זיכער אין מעטאר ארבייטער איז אויך [illegible] אן אנארכיסט. די נייעס האט אונז נעמאכט אז מיר [illegible] מיר וועלען פארט עפעס אויפטאן אין אדעס.

מיר האבען ניט באלאנגען קיין צייט אוז מיר האבען באלד באווכט די צוויי מעטשטן. אבער די רעזולטאטען זיינען [illegible] ניט נעווען עריוטינענדע. בייטע זיינען נעווען ווילליג צו העלפ־ [illegible] פען אונז אויף וויפיעל עס ליגט זאר אין זייערע כחות, אבער [illegible] זיי האבען אונז נעווארנט, אז מיר זאלען זיך ניט ריכטען [illegible] אויף רעזולטאטען, ווייל ארטס איז, נוט זייערע וויערטער, [illegible] א שטאדט פון סאבאטאזש.

מיר מוזען ליידער מודה זיין, אז אינזערע ערפאהרונגען [illegible] האבען נעווינען. דאס זיי זיינען נעווען: נערפענט. איך האב [illegible] זיך אנגעוויהנט טיט סאבאטאזש אין ארבייטענע סאוועט־ [illegible] איסטיטוציעס אין אלע שטעדט. וואס איך האב כאוונט. [illegible] אוכעטום האבען פיעלע אנשטרענגונגען צוזאמענצוהאלטען פארי־ [illegible] שוועדט זייער צייט. וויכטיגער טויזענטער אפליקאנטען [illegible] פלענען וואלטען טעג אוז וואכען אין די ארבייטערען אוז קיי־ [illegible] נער האט זיך אויף זיי ניט אופגעוקוקט. די פארבייטען פון [illegible] דער רוסישער באפעלקערונג: דאס נעפאלן איין באשעפ־ [illegible] נונג. צו שטעהן אין די דייזען אין די ניסטע אוז קריגע [illegible] ביוראס אוז וואלטע, ביז מען וועט זיי צוואונן. דאך, ווי [illegible] שרייבט עס איז נעווען עטמוויקלונגען האבען נע־ [illegible] ארבייטער, וואס איז באשטימט נעווארען צו א הויכען דע־ [illegible] ניטנגטאמט, אוז ניט זייענדיג אבעריגע אינטעלינענט, [illegible] איז ער, ווי עס שיינט, נעווען נענגעריג נעשטימט צו יעהרען [illegible] אויפטו סון דער „אינטעלינענציע".

חזנים האבען דער שוהל

אם דעם צוטשאנד־האט אפגע

דער חזנים־פאדבאנד, צו וועלכע [illegible] עם באלאנגען במעט אלע חזנים סו [illegible] אמעריקע, ס׳יזערט מאדנען זיין 30 יעה [illegible] ריגען עקזיסטענץ.

אין וואס עם דאדף דערבייי צוב [illegible] אלעם ערשטען נעוואנט ווערען, אדער [illegible] נלאר נעמאכט ווערען צאר דעם בדיר [illegible] טען עולם, איז — אז דער חזנים־פאר [illegible] באנד איז ניט קיין סאציעטי, וואו [illegible] חזנים קומען זיך צוזוף באשען א [illegible] שמועס נלאט אין דער וועלט ארויין, ניט [illegible] קיין סאראיין, וואס סארוואהרנט א חז [illegible] נאר מיט דאקטוירים. רעצטענס אי [illegible] ״שהנע לויה״ס. אויב דער חזנים פאר [illegible] באנד טיט עם יא, איז דאס נאר דער [illegible] צאר, וויייל עס איז די צליבט סון פרייוד [illegible] צו שמיצען א צרייוד אין צייט סון נויט [illegible] און צו עהרען ווי נעהערייט איז, וועלן/ער [illegible] דאדף נעהערט ווערען.

די הויפט אויפנאבע סון דעם חזנים [illegible] סארבאנד איז אפצושאפען די פאקטו [illegible] דענין, וואס וואדפט ארום צו ,,א נידר [illegible] ריגע שטופע די שבידות סון יעדען אזי [illegible] נעם, וואס וועדט באשעפטיגט ביים א [illegible] צווייטען. אין טיידט אויך ניט אויס די [illegible] פראפעסיע פון חזנים אין ביידע הינ [illegible] זיכטען.

דער נאבען סארבאנד איז ניט קיין [illegible] ריכטיגער. עס האט זיך נעדאדפט דופען [illegible] חזנים יונאן, וויייל דער הויפט סונדא [illegible] מצנס פון סארבאנד איז צו סארבעסע [illegible] דען די עקזאקטייטע לאנע סון דעם חזן. [illegible] עס סארשטעהט זיך, אז א סך וועד [illegible] לען קוועשטשן מיט די פלייצעס: וואס [illegible] הייסט סארבעסערען די עקזאקטייטע [illegible] לאנע פון חזן? און טען וועט נלייך [illegible] אנווייזען אויף די עסליכע חזנים, וואס [illegible] חאלטען אן נרויסע שטעלעס, וואו זיי [illegible] ער יפהרליבער נעהאלט דערנדייבט אין [illegible] די שוועדע טויזענטער אין וואס מאבען [illegible] נאך דערצו אן איינעם דוהך וייערע [illegible] קאנצערטען.

דאדף מען אבער ניט סארנעסען, אז [illegible] אם די חזנים זיינען נאר דא עסליבע, [illegible] נעצעהלטע אויף די זינגער. סאר די אי [illegible] בערינע שפיעלט שוין דער טול ניט אזוי [illegible] שהן. אפילו אם־די עסליבע, אם די [illegible] ניט באוואוסטע חזנים דארפען אויך א [illegible] סך צאדצאקען דעם חזנים סארבאנד [illegible] אי סאר דעם וויערע נרויסע סארדינסטען, [illegible] אי סאר דעם וואס זיי ווערען אזוי דעס [illegible] פעקטירט, איבערהויפט וואס זיי ווערען [illegible] אנגעהאלטען אויף זייערע שטעלעס אין וואס [illegible] נאר ווי ווערען אזוי פיל נעדאדפט.

צו באנרייפען דאס, דאס מען זיך [illegible] טאפע אימקערען צו דער צייט, וועז אם [illegible] דער חזנים־סארבאנד האט זיך נעדרי [illegible] דעס — מיט 30 יאהר צוריק.

אין יענער צייט זיינען אין ניויארק [illegible] אויך נעווען נוטע חזנים, שוועבע וואס [illegible] האבען די אירישע נאס נעווטען מיט [illegible] שטודעס. די חזנים איז אבער שווער נע [illegible] ווען אנצוהאלטען א שטעלע אפילו נאר [illegible] איין יאהר צייט.

די אורזאך זיין דעם איז נעווען, וואס [illegible] דער חזן איז יענער צייט איז נעווען דער „פוליערייז". דער חזן איז נעווען דער, [illegible] וואס האט נעדארפט בריינגען דעם [illegible] „קראוד" איז שוהל אום דאש השנה און [illegible] יום כיפור; נעדארפט בריינגען דעם [illegible] „קראוד" איז די אנדערע יום־טובים און [illegible] יעדען שבת דובען יאהר. קיין שפעדי [illegible] נע מיטגלידערשאפט, ווי היינט, האבען [illegible] די שוהלען ניט נעהאט. קיין צוזיכל דיי [illegible] בע בעלייבתים, וואס זאלען זיך סארזי [illegible] נען ארויפצוגעמען פון קעשענע א הויפ [illegible] ביסל מיזוכנים אוז נעבען א נרבה נלאט [illegible] אין דער וועלט ארויין. האט זיך דאן [illegible] אייך ניט נעפינען. די עסליבע וואס זיי [illegible] נען יא נעיגען, האבען נאר אויסנעוואהלט [illegible] יחסנים האבען נעקענט קיבען צום פסוק.

אין כעגנסאץ צוואס האבען נעוואט [illegible] בוך זענען דאן נעווען א סך כעהר ווי [illegible] הייט. דאן איז נעווען די הויפט פע [illegible] ריאדע, וואס הייטיגע שניידער, שיי [illegible] סער, בעלייצלית אין האלידהעקער זיי [illegible] נען ארויין די נעדרייטע אויפנעריבט נע [illegible] דערען, זיינען פלוצלונג אויסנעריבט נע [illegible] וואדפען אוז נעווען אפילו ניט נוט [illegible] אין וועלט ארויין. האט זיך דאן [illegible] אייך ניט נעפינען. די עסליבע וואס זיי [illegible] נען יא נעיגען, האבען נאר אויסנעוואהלט [illegible] יחסנים האבען נעקענט קיבען צום פסוק.

אין כעגנסאץ צוואס האבען נעוואט א סך כעהר ווי [illegible] הייט. דאן איז נעווען די הויפט פע [illegible] ריאדע, וואס הייטיגע שניידער, שיי [illegible] סער, בעלייצלית אין האלידהעקער זיי [illegible] נען ארויין די נעדרייטע אויפנעריבט נע [illegible] דערען, זיינען פלוצלונג אויסנעריבט נע [illegible] וואדפען אוז נעווען אפילו ניט נוט [illegible] אין וועלט ארויין. האט זיך דאן [illegible] אייך ניט נעפינען. די עסליבע וואס זיי [illegible] נען יא נעיגען, האבען נאר אויסנעוואהלט [illegible] יחסנים האבען נעקענט קיבען צום פסוק.

אין כעגנסאץ צוואס האבען נעוואט א סך כעהר ווי [illegible] הייט. דאן איז נעווען די הויפט פע [illegible] ריאדע, וואס הייטיגע שניידער, שיי [illegible] סער, בעלייצלית אין האלידהעקער זיי [illegible] נען ארויין די נעדרייטע אויפנעריבט נע [illegible] דערען, זיינען פלוצלונג אויסנעריבט נע [illegible] וואדפען אוז נעווען אפילו ניט נוט [illegible] אין וועלט ארויין. האט זיך דאן [illegible] אייך ניט נעפינען. די עסליבע וואס זיי [illegible] נען יא נעיגען, האבען נאר אויסנעוואהלט [illegible] יחסנים האבען נעקענט קיבען צום פסוק.

אין כעגנסאץ צוואס האבען נעוואט א סך כעהר ווי [illegible] הייט. דאן איז נעווען די הויפט פע [illegible] ריאדע, וואס הייטיגע שניידער, שיי [illegible] סער, בעלייצלית אין האלידהעקער זיי [illegible] נען ארויין די נעדרייטע אויפנעריבט נע [illegible] דערען, זיינען פלוצלונג אויסנעריבט נע [illegible] וואדפען אוז נעווען אפילו ניט נוט [illegible] אין וועלט ארויין. האט זיך דאן [illegible] אייך ניט נעפינען. די עסליבע וואס זיי [illegible] נען יא נעיגען, האבען נאר אויסנעוואהלט [illegible] יחסנים האבען נעקענט קיבען צום פסוק.

דער וועג פון מענשל בען וואנדער־פויגעל איז ווייט ניט אויסגעשפרייט מיט רויזען

די אויסטוהרען, גרויסע אין קליינע, וואס דער „האובא" באגעגענט אויפן וועג [illegible] בין נ. ב. ליונדער.

[illegible] דער „האובא" אין [illegible] ניט קיין רויזען. [illegible] וואס עטליכע נאר [illegible] נאר קיין גנבות [illegible] אדער רויבעריין אדער אנדערע אוועג [illegible] פארבראכענס. נאר פאר „באפען א [illegible] היטס" אין א „כלינדען קאסטען," דאס [illegible] היטס. סאר נוב'ענען א נסיעה אין א [illegible] פראסטוואגען. עס איז איבריג צו זאנ [illegible] נען, או אזא „שווייס" אליין איז ניט [illegible]

[illegible] ווען ווענען וואויל באפאנט ווערען „האו [illegible] נא." אין דאס איז ניט סאר קיין נגבות [illegible] אדער רויבעריין אדער אנדערע אוועג [illegible] פארבראכענס. נאר פאר „באפען א [illegible] היטס" אין א „כלינדען קאסטען," דאס [illegible] היטס. סאר נוב'ענען א נסיעה אין א [illegible] פראסטוואגען. עס איז איבריג צו זאנ [illegible] נען, או אזא „שווייס" אליין איז ניט [illegible]

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ביינט ליכט

180 East Broadway, N. Y.

Office: 183 East Broadway, N. Y.

No. 2352 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, FEBRUARY 6, 1924. סיטוואך, ב' דר"ח אדר ראשון, תרפ"ד. 1924 ,6 פעב' PRICE THREE CENTS

וואשינגטאן וועט הוינט בלייבען שטיל צווי מינוטען צייט, וועז וואודראו ווילסאן וועט געפירט ווערען צו אייביגער רוה

דאלב נאר 3 וועלען קירך־גלאקען מודיע זיין צווי מינוטענדיגען טרויער.— אלע קארס, אויטאמאבילס, טעלעפאנען און פיס נעהער וועלען זיך אפשטעלען אין מיטענאס.— הספד וועט געהערט ווערען דורך ראדיא.— קלייניע באשיידענע לוה אהן שטאטס צערעמאניעס.— דייטשע צייטונגען אין האס אוף ווילסאנ'ען.

דייטשע אמבאסאדע־נעצוואונגען צו טרויערען אוף ווילסאנ'ס טויט

וואשינגטאן, פעב. 6. — וועז דער לעצטער אינ'ס קריסטופ־זופרעדנעס וועט הוינט, 3.30 בייטאג, אריינגעטראגען ווערען אין עפיסקאפאל קאטעדראל אן די נאציאנאל אבסעקוביס צו קריגען. וועט אפיציעל באוועגונג איז וואשינגטאן זאל זיך אפשטעלען אויף 3 מינוט. אלע קארס, אויטאמאביל, טראלי קארס אין מעטראפאליטאן, דער נאציאנאל קאפיטאל, דער נאציאנאל קאנגרעס אין אפיציעל די מיטגלידער פון מיטענעהל אינ'ס צער פון דער אלמה, ווערען אלע נעכטן קעס, אלס אויסדרוק פון טרויער. אפיצירע וועט זיך דער טרויער אנזאגן 12.30 בייטאג. דאס נעוועז פון 1893, וואס פארוואהרט די רעגירונגס־דעפארטמענטען אפצושטעלען די ארבייט צוליעב דער לוה פון א נעוועזע־נעם באאמטען, אין פון פרעזידענט קר הוידוס אין באצוג צו ווילסאנ'ס לויה אינדארידט נעוואהרען און עס וועט הויגט בייטאג פון די רעגירונגס־אפיסעס קיין ארבייט נים נעמאכט ווערען.

דער פרעזידענט האט אייך ערקלערט אז אלס אויסדרוק פון מיטנעמיהל אינ'ס צער פון דער אלמה, ווערען אלע נע־ועלשאפטליכע אונטערנעמונגען אין ווי־נעטע קעס, אלס אויסדרוק פון טרויער. אפיציר וועט זיך דער טרויער אנ־זאגען וועט זיך דער טרויער פאר־ברייטערן איבער דעם גאנצען פאר־אייניגטע שטאטען. אלע אפיסעס פון דער רעגירונג וועלען פארמאכט ווערען. אלע פאבריקען, מיינעס, אויטאמאביל־פאבריקען, אייזענע־ווארקס, שטיל פארווארפט ווערען. אלע שיפס אין דעם האפען וועלען אויפהערן צו ארבייטען פון 2 ביז 2.30 בייטאג. אלע שולען, קירכעס, אסאציאציעס, קלובס, טעאטערס, מוזיי־מען, ביבליאטעקען, קאנצערט־האלען, קאנצערט־גארטענס, ריזארטס, פול־בארס, ראטהויזער, קאנטרי־קלובס, ספארט־פלעצער, ראדיא־סטאנציעס, קאפעס, רעסטאראנען, קאפע־הייזער

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

No E.G. in Monday's

די טשעקא פלעגט אלע פארטאג שיסען אין דער לופטען פליהענדיג איבער די גאסען פון אדעס

פון עמא גאלדמאן

אויסאשבי, 6טן אקטאבער, 1924.

איך בין אין אדעס אנגעקומען פון מאסקווא דורך אוקראינע. אין אוקראינע האט מען נאך נישט אויפגעהערט צו שיסן. אין יעדן שטעטל איז דא א רעגירונג אנדערש ווי אין דער נעכסטער. אין איין שטעטל איז דא א סאוועטן, אין דעם נעכסטן א הערמאן, אין דעם דריטן א פעטליורא, אין דעם פערטן א דעניקין, אין דעם פינפטן א מאכנא, אין דעם זעקסטן א גרין, אין דעם זיבעטן א פאלאק, אין דעם אכטן א פעטליורא, אין דעם נייטן א דעניקין, אין דעם צענטן א סאוועטן, אין דעם עלפטן א הערמאן, אין דעם צוועלפטן א פעטליורא, אין דעם דרייצנטן א דעניקין, אין דעם פערצנטן א סאוועטן, אין דעם פופצנטן א הערמאן, אין דעם זעכצנטן א פעטליורא, אין דעם זיבעצנטן א דעניקין, אין דעם אכטצנטן א סאוועטן, אין דעם נייצנטן א הערמאן, אין דעם דרייסיגסטן א פעטליורא, אין דעם אייגנדליכן א דעניקין, אין דעם פערציגסטן א סאוועטן, אין דעם איינ־און־פערציגסטן א הערמאן, אין דעם צוויי־און־פערציגסטן א פעטליורא, אין דעם דרייא־פערציגסטן א דעניקין, אין דעם פיר־און־פערציגסטן א סאוועטן, אין דעם פינף־און־פערציגסטן א הערמאן, אין דעם זעקס־און־פערציגסטן א פעטליורא, אין דעם זיבע־און־פערציגסטן א דעניקין, אין דעם אכט־און־פערציגסטן א סאוועטן, אין דעם נייא־און־פערציגסטן א הערמאן, אין דעם פופציגסטן א פעטליורא, אין דעם איין־און־פופציגסטן א דעניקין, אין דעם צוויי־און־פופציגסטן א סאוועטן, אין דעם דרייא־פופציגסטן א הערמאן, אין דעם פיר־און־פופציגסטן א פעטליורא, אין דעם פינף־און־פופציגסטן א דעניקין, אין דעם זעקס־און־פופציגסטן א סאוועטן, אין דעם זיבע־און־פופציגסטן א הערמאן, אין דעם אכט־און־פופציגסטן א פעטליורא, אין דעם נייא־און־פופציגסטן א דעניקין, אין דעם זעכצנטן א סאוועטן, אין דעם איין־און־זעכצנטן א הערמאן, אין דעם צוויי־און־זעכצנטן א פעטליורא, אין דעם דרייא־זעכצנטן א דעניקין, אין דעם פיר־און־זעכצנטן א סאוועטן, אין דעם פינף־און־זעכצנטן א הערמאן, אין דעם זעקס־און־זעכצנטן א פעטליורא, אין דעם זיבע־און־זעכצנטן א דעניקין, אין דעם אכט־און־זעכצנטן א סאוועטן, אין דעם נייא־און־זעכצנטן א הערמאן, אין דעם דרייסיגסטן א פעטליורא, אין דעם אייגנדליכן א דעניקין, אין דעם פערציגסטן א סאוועטן, אין דעם איין־און־פערציגסטן א הערמאן, אין דעם צוויי־און־פערציגסטן א פעטליורא, אין דעם דרייא־פערציגסטן א דעניקין, אין דעם פיר־און־פערציגסטן א סאוועטן, אין דעם פינף־און־פערציגסטן א הערמאן, אין דעם זעקס־און־פערציגסטן א פעטליורא, אין דעם זיבע־און־פערציגסטן א דעניקין, אין דעם אכט־און־פערציגסטן א סאוועטן, אין דעם נייא־און־פערציגסטן א הערמאן, אין דעם פופצנטן א פעטליורא, אין דעם איין־און־פופצנטן א דעניקין, אין דעם צוויי־און־פופצנטן א סאוועטן, אין דעם דרייא־פופצנטן א הערמאן, אין דעם פיר־און־פופצנטן א פעטליורא, אין דעם פינף־און־פופצנטן א דעניקין, אין דעם זעקס־און־פופצנטן א סאוועטן, אין דעם זיבע־און־פופצנטן א הערמאן, אין דעם אכט־און־פופצנטן א פעטליורא, אין דעם נייא־און־פופצנ

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

"דער טאג" ביימט ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel., Orchard 7000

XL. No. 2355 Entered as Second Class Matter at Post Office New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, FEBRUARY 9, 1924. שבת, ר' אדר א', תרפ"ד. שבת, 9טן פעברואר, 1924. PRICE THREE CENTS

ם וועט אייך נעהמען בלויז פיער מינוטען דורכצופיהר
ים אַנטי-אימיגראַציע ביל, אַבער איהר וועט חרטה האָב
אַנצע פיער יאָר"—וואָרנונג צו רעפובליקאַנער פאָליטיקע

רעפובליקאַנער פיהרער אין קאָנגרעס נעמען ערנסט די וואָרנונג, אַז די אורכפיהרונג פון אימ ציע־גזירות וועט זיי קאָסטען מיליאָנען שטימען פון נאַטוראַליזירטע בירגער. — פראָטע פון אידישע און איטאַליענישע אַרגאַניזאַציעס האָבען אַ ווירקונג. — פאַרבאַנד פון פר שפראַכיגע צייטונגען פאַעלירט צום קאָנגרעס נעמען גלעגען דזשאַנסאָן ביל.

רעפובליקאַנער אין איהר צימער; פארשטעלטע עקפרעסליים געזוכט

וואשינגטאן, פעברואר 8. — די שטימונג אין רעפובליקאַנער קרייזען בנוגע דעם דזשאַנסאָן ביל האָט זיך איצט אינגאנצען נעביטען. טיט א וואך צורוק האָט מען נעגלויבט, אז דער קאָנגרעס וועט פיעל רעכטען אָנגענומען דעם ביל ווי ער שטעהט אין נעהט; איצט אבער איז א נרויסע סכרא. אז דער ביל וועט ניט דורכגעהן אין אז די דרייי פראצענטיגע קוואָטא וועט וויטער בלייבען אין קראפט.

די פל.צליינע עקרעראנג איז נעקומען ניט אזוי פלא רעזולטאט פון אן איבערצייגונג, אז דער נייער אימיגראציע־ביל איז ניט ישר־רינ, ווי פון א גלויבען אז דער נעזעץ־פראיעקט, וועלן ער זאָל דורכגעהן, קאָן וועדען נעפערליך פאר די רעפובליקאנישע שאנסען אין די קומענדע פרעזידענט־וואהלען. פארטרעטער־נאר פארטרעטער פון די איסיגראציע־קאָמיטעס האבען נעווארענט די רעפובליקאנישע פאליטיקער אין קאנגרעס, אז די דודבה־הרונג פון דעם רושאנסאן־ביל קאן זיי קאסטען כייליאָנען שטימען פון די פרעמד־נעבוירענע בירגער ביי די קומענדע פרעזידענט־וואהלען. אוים צוים ערשטען כאָל זינט דער רושאנסאן־כיל האָט אנגענומען באלטימאָר וועלכע איז איטאליענישער אין אירישער שפראכיגע אַרגאניזאציעס, האבען אויך קאנגרעסמען וויכטיגע חלק אין ערקלערען די ציינונג, אז דער נייער אימיגראציע־ביל וועט ניט ווירקען אויף די פרעזידענט־וואהלען. אין דעם פאל וועלען זיי אלע זאָלען זיך אויפהאלטען פון א רעכט פארטיזאן פרעזידענטשאפט.

ווי פארמעסטען, וואס זיינען אנגעקומען פון נאנצען לאנד פון אירישע, איטאליענישע אין אנדערע פרעמד־שפראכיגע אַרגאניזאציעס, האבען אויך ביינעפארענען זיינער חלק אין ערקלערען די זיינונג פון די רעפובליקאנער פיהרער זיי זיי זיי פון דורכ־ זועגען דער צוועקמעסיגקייט פון פיהרען דעם אימיגראציע־זועזע ערב די פרעזידענט־וואהלען. קאָנגרעסמען לאנג־וואירט, דער לידער פון דער רעפובליקאנער פארטיי, האָבען אויסגעדריקט זייער שטארקע אָפּאָזיציע צו דעם ביל, אבער ניט אזוי שטארק ווי פריהער. אין דעם פאל וועלען זיי אלע זאָלען זיך אויפהאלטען פון א רעכט פארטיזאן שטימען.

ווי ערקלערט אין ערשטימונג נעווען פון דער רעפובליקאנער פיהרער אין קאָנגרעס, אז דער ביל וועט ניט אויפהאלטען ביי זיך א הונט, ווייל ער וועט ניכער אנגענומען ביי דעם פרעזידענט, ניט באקאָמען מענשען, וואס וועלען זיך נעווארענען אפאיינעם אלעמען.

"שכנים דערצעהלען, אז כיס לאוסאן אין אלע זאכען מיט איהר וואוינונג, איז וויינעל זיי האבען באקומען א פרייטע אין ציינונג־פאבריק. ער האָט אנגעווינקט, וויי זאָל שכיינקל, וויי דאס נאר קוים נעהערט, ווייל די הילדרס שטיפ פון הענט נאר נאר כעי דערזיך אין הענט נאר כעי סרדישר אין הענט ווען קאָמפאניע אין שיפאָגאָ אין אלע זאכען נעווינען אריינכערייט. אין אלע זאכען נעווינען אריינכערייט. אין אלע זאכען אין שיפאָגאָ אין אלע זאכען אין שיפאָגאָ אין אלע זאכען אין שיפאָגאָ

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

די גרויסע נעטומלונג אין די מוחות פון דער רוסישער באָלשעוויסטישער דער באָלשעוויסטישער צענזור

פון עמא גאָלדמאן

[illegible]

ביין צווייקהעדד אין מאסקווע

[illegible] אבער מיר האבען ניט געהאט קיין בריפה. מיר האבען זיך ניט געפאסט האלטן אוף עפעס־דערביי רייצע. איבערהויפט נאך זעהן אונזער ערלויבניס זיך צו באנוצען מיט דעם וואס האט אין קורצען בארעסט אויסגעהן. מיר האבען באשלאסען זיך אימפיקאהרען נאך מאסקוע דורך קיעוו.

אז מיר האבען פארלאזען פעטראָגראד האבען מיר פארשפאבען אונזערע פארהונגערטע סרייער זיי צו ברענגען פון דרום צופער. נרויפען אוז אנדערע זאבען. אין וועלבע זיי האבען זיך נעזונדיגט פאר אהרען לאנג. אויף אונזער וועג אין קיעוו האבען מיר נעפיינען די פרייזען מעהרפאך־ווייניגער ערטרעגליך. אבער איצט האבען זיך די פרייזען נעהויבען עטליבע הונדערט פראצענט. פון אן ארעסע מיר האבען זיך דערוואוס

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

183 East Broadway, N. Y. Tel., Orchard 7000

No. 2859 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

NEW YORK WEDNESDAY, FEBRUARY 13, 1924. מיטוואך, ח' אדר א', תרפ"ד. 1924 פעברואר 13 מיטוואך PRICE THREE CENTS

זעלט שלום מיט אמעריקע׳ם הילף, מעקדאנאלדס צי קולידזש-פארשפרעכט צו באשטראפען שולדיגע

פראפעסאר זשאק לאוב געשטארבען אין בערמודא

העמילטאן, בערמודא, מעב. 13. — פראפעסאר דושאק לאוב, באריהמטער אידישער וויסענשאפטלאר אין היפש זען דער פיזיאלאגיישער אפטיילונג פון ראקעפעלער אינסטיטוט, איז רא נע׳ שטארבען נעכטען בייזאכט נאר א קורצ׳ צער קראנקהייט.

פראפעסאר לאוב איז נעווען באקאנט אלס אן אויטאריטעט אין ביאלאגישער כעמיע. מיט עליכע יאהר צוריק איז ער באריהמט נעווארען דורך זיין ערפ׳ אלגרייכען מארוך אריבערצורופען לע׳ כען דורך קינסטליכע מיטלען.

פראפעסאר לאוב האט נעגוטען אז אקטיוועז אמטייל אין אידישע סילאנט׳ ראפישע טעטיגקייטען. א דאנק זיין ער׳ פי בייס און נעלט איז נעגרינדעט נעווארען די טעכנישע שולע פאר אינגלאר אין ניוריארק. ער איז אויך נעווען דירעק׳ טאר פון פארשיידענע סילאנטראפישע אנשטאלטען.

מעקדאנאלד

פרעזידענט קולידזש האלט זיין ערשטע רעדע אין ניו י

פרעזידענט קולידזש

אמעריקא גרייט צו באטיילגען זיך אין פ באשרענקען באוואפנונג

פרעהס ארון נעפענט; גאלדענער מומיז האמען פארברענט די יוריי

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

א רייזע אין יום כפור נאכט איבער א פינ-סטערן וואלד אין באגלייטונג פון א אידישער מיליטער וואך

פון עממא גאלדמאן

„העל-בענט פאר חע-טערעסאנטע צמערי

איבער דעם ים אין שיפען

מיט איין דאלאר

וויפיעל

DRAKE'S CAKE

786

9009200001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג

The Day

No. 3362 — Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. — NEW YORK SATURDAY, FEBRUARY 16, 1924. — שבת, י"א אדר א', תרפ"ד. — שבת, 16טן פעברואר, 1924. — PRICE THREE CENTS

פאר האָט אויך געוואָלט פּאַרדינגען קוילען פּאר קויין שייכות צוזשען האַרדינגס צימטנג אָן א

דזשאָזעף דיימאַנד אויפֿן וויטנעס סטענד לייקענט אַז ער האָט זיך באַטיליגט אין מאַרד פון באַנק אָנגעשטעלטע

דזשאָזעף דיימאַנד, וועלבער ווערט איצט אין ברוקלינער סופרים קאורט נעכטן פֿאר אסיסטיר־נעהמען אין ערמאָרדען אָן כאַריבן 2 באַנקאָנגעשטעלטע, כיי וועמען זיי האבען אויסגעפֿרוכט 43 טויזענד דאָלער, איז נעכטען (פֿרייטאג) אויף דעם אויפנעמאָנען אלס עדות אין זיין אייגענער פֿאַרטיידיגונג.

ער האָט נעלייקענט יעדע פֿאַרבינדונג מיט די באַריטען וואָס האבען די כיבער־יי אין צאַרט רוכבעפֿערט. ער האָט נעזאָגט, אז ער האָט נאָר נית נעוואוסט וועגען דער כיבערי אין מאַרס. ער האָט נעזאָגען, אז ער איז נעווען אין דער צוזשעבען, אז ער איז נעווען אין דער הויז אין ווילי־אַבערדזוס, וואו — ווי די אנקלאָג באַהויפטעט — עס זיינען נעמאַכט נעווארען די לעצטע פּלענער פֿאר דער כיבערי.

„איך האב נאָר נית נעהאַט וועגען א כיבערי — האָט ער נעזאָגט. — פֿיין ברודער מארים איז אַהין נענאַנגען פֿאר קויפֿען א קאר. איך האָב קיין בזנרוף נית נעהאַט צו וואָס מען וועט די קאָר כאַ־נוצען".

דזשאָזעף האָט אויף אלע פֿראגען נע־ענטפֿערט קירץ און קלאָר און אויסנעווען צוויי מ'ן די ערזת, וואָס זיינען נעב־מען אויסנעהערט נעווארען. האבען נע־רעדט קיינען אויהס.

איין עדות אין נעווען דזשאָזעפֿס נאָר־מאָן, וואָלטער „בילי" קאַנעסטיר, דער האָט פֿאַרנומען פֿון 8 דאָלער

אלטע צדקה־נעבערין איבערנעפאַהרען פון א טעקסי

פֿרס. שרה פּריסקאָן, וואָס פֿלענט פֿאר יאָהרען אין יצהרען קומען יערען פֿרייטאָג אין דער פֿריה אויף קאַרנער 110טע סטריט און מעדיסאָן עוועניו, מיט א קויש ברויט צו צוטיילען פֿאר אריבע לויט, איז נעכטען איבער־נעפאַה־רען־געוואָרען אויף טויט מען א מעקסי, ווען זי האָט נעוואָלט צו פֿאַרלאָזען דעם קאַרנער און אריבערנעהן די גאַס.

א פערטעל שעה נאָך דעם טראַגי־שען צופֿאל איז אנגעקומען אויהר מאַכ־נעניג א מוטער, ארומנערינגעלט פון אן עולם. האָט זי נע'קלש'ט אין מיין

אין דער הלץ פאברין, וואָס באַלאַנגט צו זיינע שוועסטער און וואָו דזשאָזעף פֿלענט אפט קומען. פֿריה האָט דער־צעהלט, אז אין מאָל פון דער רוויבערי איז דזשאָזעף נעווען ועהר נערוועז און עמיצער פֿאַל אויסנערריקט די מורא. אז אויף דעם אויסמאַכל, אויף וועלבען די מערדער פֿון די באַנק־אָנגעשטעלטע זיי־נען אנטפֿאַלען, וויקט מען נעפֿינען זיינע פֿינגער־צייכענס.

אין פֿאַרבינדונג מיט דעמזעלבען פֿראַצעס האָט נעכטען אָנגעפֿאַנגען א שטיקעל סענסאַציע דער פֿלאָנ, אז ער־נעץ עקזעמינער א פֿאַרשוועהרונג צו קיר־נעפען דזשאן פֿאַרינא, וועלכע האָט איהם נעפֿיהרט אין נעריכט. פֿאַרינא איז איינער פון די 4, וואָס וועהרען אָנגער־קלאָגט אין דערוועלבער רויבערעי און מאַרד. דאָנעפֿיהרט אין פֿרייטאָג האָט מען איהם נעפֿיהרט אין נעריכט. וואָו דער פֿראַצעס פון דזשאָזעף דיימאַנד קומט פֿאר. נעכטען האָט מען איהם נע־פֿיהרט אונטער א טאָפּעלער וואַך, און מען אויסמאַכען, מיט דעסטעקטיוון אין נאָבנעפאַהרען רעם וואָגען, אין וועלבען מען האָט פֿאַרינא'ן נעפֿיהרט. די עק־סטרא באַיוואָנט האָט די פּאָליצייי ער־קלערט דערפֿיט, וואָס אן אויטאָמאָביל מיט 4 פֿאַרדעכטינע מענער זיינען נאָכ־נעפֿאָהרען רעם וואָגען, אין וועלבען מען

כצן א נר־נט צו דעבענען, אז עם עקזיס־טירט א פֿאַרשוועהרונג צו קירנעפען אין באַריינען פֿאַלינא'ן. אן עקסטרא וואָר פון פֿאַרייי און דעסעקטיוון האָט זיך אויך ארומנערדעהט צרוס דער נעבייערע אלץ איוס פֿורא פֿאר דער פֿאַרשוערונג.

וואַשינגטאָן, פעברואר 15

א. וואַנדערלים איז הייַנט ער עדות פֿאר דער סענאָם קאָמיטע אונטערזוכט די אויל־סקאַנ־דינאַסיי איז נערופען געווא־לעדען, וואָס ער האָט נעמיי אנצוהערענ־ע. אז דער פֿא פֿרעזידענט הארדינג: צי־ציי אויך נעהאַט א שייכות מיט לייטסעס.

מר. וואַנדערלים האָט ער ער האָט אין זיין דערע א רייטליך נעזאָגט, אז ער וויי פֿאַקטען וועגען דעם פֿאַרקוי־ציי־טונג.

טשערמאַן לעזרוט האָט נע־דינאַסיי אויף א קרייד־פֿאר־זיין דערע דינסטאָג בייגאָכט נינג, וואָו ער האָט באשפּראָכט סקאַנדאַלען אין האָם כאהוי מען וועלט באַהערשט אונטע אומטשטענדען אונטער וועלבע שפּאַרבענעם פֿרעזידענט־ס צ מאַרוען סטאַר", אין פֿאַרקוי דען פֿאר ועהר א הויכען פּ

וואַנדערלים ערשיינט נאָט קאָמיטע און ע אז ער האָט קיינע וועגען דעם פֿאר פֿאַרשטאַרבענעם דענטס צייטונג אין —האַרדינג האָט גע א נרויסען פֿרייז, כד שיצען די אנגעשטע זיין צייטונג, וועיזט ז ארוים.

וואָו איז וויטנעס דזשאָזעף דיימאַנד? — פֿרעגט כיי דער פּאָליצי, דאַרט וויסט מען אויך נית

א צייטונגסדעפּעשע איז נעכטען אריין אין א פֿאַריסטריישאן אין ברוקלין און א זאָל נעסאָפּן צום קעמפֿען בייס דעסטן.

„איר פֿאַרשטעהט, אז איהר וועט א כרוקי־ניער שיידצריכטער פֿון א צוויי־רעגעס דעם האָם דערצו נעשיקט, אז איהר זאָלט אים העלפֿען עסטיכע פֿאַל־לען?"

דער פּאָליסמאַן איז אויפֿגעשפּרונ־גען פון זיין כאַנקעטע. „סטיוועדסאָער" וויי אז אונטערגעשטעגער.

„וואָו — האָם ער כיים אויסגעשפּיקט — אין אויהר..."

„א כייזער. פֿאַרשטעהט איהר, אין די פֿרי וז עוואַקויעשן, וויס אפֿטן?" — האָם דער „פֿאַרשטעהר" וויטער נעפֿרעגט.

„א. יא. — האָם דער פּאָליסמאַן אַ־פֿאַכטיג נעסטיקולירט מיט אין אויהר..."

„א כייזער. פֿאַרשטעהט איהר, אין די פֿרי וז עוואַקויעשן, וויס אפֿטן?" — האָם דער „פֿאַרשטעהר" וויטער נעפֿרעגט.

„א. יא. — האָם דער פּאָליסמאַן אַ־פֿאַכטיג נעסטיקולירט מיט אין אויהר..."

פֿרס. שרה פּריסקאָן, וואָס פֿלענט פֿאר יאָהרען אין יצהרען קומען יערען פֿרייטאָג אין דער פֿריה אויף קאַרנער 110טע סטריט און מעדיסאָן עוועניו, מיט א קויש ברויט צו צוטיילען פֿאר אריבע לויט, איז נעכטען אריבער־נעפאַה־רען־געוואָרען אויף טויט מען א מעקסי, ווען זי האָט נעוואָלט צו פֿאַרלאָזען דעם קאַרנער און אריבערנעהן די גאַס.

א פערטעל שעה נאָך דעם טראַגי־שען צופֿאל איז אנגעקומען אויהר מאַכ־נעניג א מוטער, ארומנערינגעלט פון אן עולם. האָט זי נע'קלש'ט אין מיין

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

די רייזע צוריק נאך מאסקווע און אַ גע-שפּרעך מיט דושעק ריערס אלמנה

פון עמא גאלדמאן

אמעריקאנער וואלקען קראצ

אין נעסט פון אידישען סאציאליזם

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ביינעם ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel., Orchard 7000

XI. No. 3366 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, FEBRUARY 20, 1924. מיטוואך, שושן־פורים־קטן, תרפ"ד. 1924. פעברואר, 20טער מיטוואך, PRICE THREE CENTS

21 רעפובליקאנער קאנגרעסליט פון ניו יארק באשליסן צו שטימען נעגען דושאהנסאנ'ס שטרענגען אנטי-אימיגראציע ביל

טעמוע קעניג שטיצט זייער שטעלונג. — באארד פון אלדערמאן אין ניויארק נעמט אן נאך היצינגער דעבאטע די גרויבארד־דעוואלוציע צו פארשמען דעם דושאנסאן ביל.

— אלדערמאן פון בראנווייל היסט אויפהענגען א מרויער־באנד אויף דער פרייהייטס־סטאטוע, אין א צווייטער אלדערמאן מאכט דערמאך א ביטערע אטאקע אויף בראנווייל אן אויף די פון „רעוואלוציאנערע" לענדער אייננעוואנדערטע אין דען אין בראנווייל. — קיין אינצידענט אין שטים נעמען דער רעזאלוציע.

באארד אף אלדערמען אין מילוואקי האט אנגענומען פונקט אזא באשלוס

(טעלעגראפישע קארעספאנדענץ פון „דעם טאג" פון ארפיציעלע קלוחים)

וויסקאנסין, פעב. 20. —

אייער באהערשער „אם עריאהרען אז אלע רעפובליקאנער קאנגרעסליט פון ניויארק האבען זיך באשלאסען א כפירה'ע צו מאכען, ווי זיי האבען דא מאנהאטען, ברו צו באשטי־מען אימיגראציאנדיגס, נאר לענגער פיר יארען אין באשלאסען נעיוארק, נעמען דעם ביל אין אויפמערקזאמקייט אז עס וועט אין אויסטראליע אזוי ווי אין ניו יארק, אויסגעמאכט ווערען אז אלע אימיגראנטען זאלען דורכמאכען א טעסט אין ענגליש, אדער אין אן אנדער שפראך, אבער נאר דאן וועלן זיי ניט ווערען פון ברוסן. ער איז ארויסגע־קומען זאל זיין די מאכט־צעטלונג פון 1910 אנשטאט 1890.

„מיר וויסן איך וועל נעוואהר, „אז מאנ־כער קעסט, דער ניויארקער רעפובלי־קאנער פארטרער, מודיע נעיוען קאנגרעס־מאן פארבאאן, אז ער איז אראשטענדיג אויפשטימונג מיט דער עכשייוידינג פון דער רעפובליקאנער פארטרעטער אין וואשינגטאן בנוגע רושאנסאנ'ס ביל.

אויף דער קאנווענשאן פון דעם בונד ברוית אדרעס וועלכע קומט דא פרעצ אזאך, וועלכע די פראגע פון אימיגראציע ברויוס דיסקוטירט. נעכטען אי־בער דער פראגע נעריכט פעדעראלער אין לייבער דיוויזיעס. אזה קאנגרעסמאן מאנטאגו, וועלכער האט באשטימט בעפר־דערע פון דעם פעדעראלס באהרוי־סיטען.

(פאנצע־ידיעה באיכעס צום „טאג" פון י. סלאנים)

נאר א ווהר היצינגער דעבאטע, וועל־כע אין ציימענטניי נעוואהרען זיהר נוס־צוג אוו פערזעקיר, האט די ניו יארקער

באשולדיגן, או דאהערטי

הויפט פאנגט זיך אן דער

די אנטי-סאלון האט שוין א ני פארוואלטעו

וואל־סטריט שפיל קינסטלעך נעמט זי דאם לעבען

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

אַרויסאָם די באָלשעוויקעם האָבען זיך פֿרוים איבערגעבעטען מיט דעם אטאמאן מאַכנאָ

פֿון עמא גאָלדמאן

פֿרעדריק

פּראָדקין

וויאָלינסט

העדט אידם

ניו־יאָרק, מאַרקען אוי אידע טאג

בראַנזוויק

Brunswick

קנעפּל־ער רעגירונג נעמט זיך ציוויליזירען די ווילדע עסקימאָסען מיט א תליה

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ביינעם ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel., Orchard 7000

Vol. I. No. 269 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, FEBRUARY 23, 1924. שבת, י"ח אדר א', תרפ"ד. שבת, 23טן פעברואר, 1924. PRICE THREE CENTS

שפאלטונג אין רעפובליקאנער פארטיי צוליעב דאהערטיז

מעקאדאלד ווי ל ענגלאנד זאל בויען ניי ע קריג-שיפען

מקדונאלדיזעס סצענע אין ענגלישען פארלאמענט. וועג קאנסערוואטי־ווען שפיצען מעקדאנאלד אין די לעבעריגע פארדאמען איהם. — ארבייטער דעפוטאטען שווייגען.

א מקדונאלדיזע סצענע האט זיך נעכטען עטמוקעלט אין ענגלישען פארלאמענט ווען דער ארבייטער־פרעמיער בעקדונאלד האט באקאנט געמאכט, אז די רעגירונג יוקט אנגעהן מיט דער פראנצאזישער רעגירונג, צו בויען 5 נייע קריג־שיפען און צוויי קלעקריג. בעקדונאלד אליין איז אן אומפארטייאישער סיסטעם פאר וועלכע שלום אין האט עס נעמאכט פאר א וויכטיגע טייל פון זיין פראגראם, וועג ער האט אויסגעזיכטן די רעגירונג. די ליבעראלען, אויף וועמענס שטיצע מקדונאלד איז אנגעוויזן, האבן כיטער אפאזיציע זיין פראגראם.

א מקדונאלדיזע סצענע האט זיך נעכטען עטמוקעלט אין ענגלישען פארלאמענט ווען דער ארבייטער־פרעמיער בעקדונאלד האט באקאנט געמאכט, אז די רעגירונג יוקט אנגעהן מיט דער פראנצאזישער רעגירונג, צו בויען 5 נייע קריג־שיפען און צוויי קלעקריג. בעקדונאלד אליין איז אן אומפארטייאישער סיסטעם פאר וועלכע שלום אין האט עס נעמאכט פאר א וויכטיגע טייל פון זיין פראגראם, וועג ער האט אויסגעזיכטן די רעגירונג. די ליבעראלען, אויף וועמענס שטיצע מקדונאלד איז אנגעוויזן, האבן כיטער אפאזיציע זיין פראגראם.

אגיד נארפונקע פארדרייט איך ווקס חדשים

שטיפן ראסטוון

ישערמאן פון רעפובליקאנער נאציאנאלער קאמיטע טאדעלט סענאטארן וואס האבען רעקאמענדירט צום פרעזידענט, אז דאהערטי זאל רעזיגנירן. — סענאטע־נעהמט אן רעזאלוציע צו אונטערזוכען דאהערטי'ס מעשים. — דאהערטי סטראשעט ער וועט זיך וועגנדערן ליכער מיינונג געגען רעם סענאט.

וואשינגטאן, פעב. 22. — אלע סימפטומען זייגען פארען, אז אין רער רעפובליקאנער פארטיי האלט עס בייא שפאלטונג צווישן רער פארערונג, אז רער אטורנעי־דזשענעראל דאהערטי זאל רעזיגנירן.

רושען ס. פארקס, טשערמאן פון רער רעפובליקאנער נאציאנאלער קאמיטע, האט היינט אנרוסנעגעבען אן ערקלערונג, אין וועלכער ער האט שארף קלעקריגט די אטארלונג פון די סענאטארען לאדזש אין פעפער, וועלכע זיי נעז נעגאנגען צום פרעזידענט אין איהם נעגאסען צו פארלאנגען דאהערטי'ס רעזיגנאציע.

פארקס האלט, אז די סענאטארען האבען כאנאנען א נרויסען פעהלער אונטערשטיצונג רי דאהערטי'ס שוגאס און אז דאהערטי'ס רעזיגנאציע אונטער די איצטיגע אומשטענדען, וואלט נעווען א שווערער קלאפ פאר די אויסזיכטען פון רער רעפובליקאנער פארטיי צו נעווינען אין די קומענדע וואהלען פאר פרעזידענט.

רי רעפובליקאנער אין סענאט האלטען זיך אבער שלן ביי זייער טיינונג, אז דאהערטי מוז רעזיגנירען, אן וואס שנעלער, שלן בעסער.

די רעזאלוציע צו אונטערזוכען רי הערטי'ס מעשים, וועלכע נעשטופט אין סענאט מיט נרויס ענערגיע, און עס איז נונג, פאר וועלכען איך וועל פרואווען פארטיידיגען מיין אונשולד".

דאהערטי לייקענט אויך, אז זיין רעזיגנאציע וואלט נעווען א טובה פאר רער קרימינאלסטראציע. פארקערט ער גלויבט, אז זיין רעזיגנאציע וואלט נאר אויסנעצוצט נעווארן פון די פאליטישע נעגנער פון רער רעפובליקאנער פארטיי צייטונגעדרען רעם עולם, אז די ארבייטסטראציע האט אליין נעמיוט צוטעבען, אז מען האט זי נעכאפט בייא רער האנט אין רעם אויל־סטאנראל.

דאהערטי'ס אדוואקאט היינט צו נענעבען, אז רער אטארני־דזשענעראל האט אינוועסטיגט נעלט אין אויל־סטאק־זיי ערקלערען אבער, אז דאהערטי האט נישט אין זקאהאנט קיין שום ספעקולאציע אין אן עי ר האט נאר רערלענט צום עסק אנשטאט צו מאכען נעלט.

סענאטאר לענרוט איז היינט נעקומען צו פארטיידיגען פרעזידענט הארדינג אין רעם פאל פון דאהערטי. ער האט נעזאגט, אז ער גלויבט נישט, אז רער פרעזידענט האט נעטאן עפעס אומרעכטס אין רער אנגעלעגענהייט פון רער אויל־לעאזינג פון טיפאפט דום.

יורשים פון קרבנות פון „לוזיטאניא" וועלען באקומען א מיליאן דאלאר.

וואשינגטאן, פעב. 22. — עדוארד ב. פארקער, וועלכער איז באשטימט נעמוארען אלס בורר, האט אריינגענעבען עטשטיינונג זייגען 67 קלאגען.

ב. פארקער האט נעבעטן ארויסנעגעבען זיין ענטשיידונג יוועגען 67 קלאגען פון יורשים פון אמעריקאנער קרבנות, וועלכע האבען אומגעקומען ווייערע לעבענס ווען א דייטשע כאבאראן האט אין 1915 נעזונקען רי שיף „לוזיטאניא."

פארקער איז באשטימט נעווארען אמבאסאדאר אין אכריקא פון סיץ, וואס האט נעראטפט עטשטיידען וועגען רער פיאגע פון שארענערוואף רי אוקעאנקלינע סטעמפע וואס רער האט וויידער פרויסנעפרוווען דייטשלאנד.

בערנסטארף טויט.

בערלין, פעברואר 22. — רוראבאוים נית אמט פון פרעזי סאן האט דייטשלאנד פארלאנ רי כאהויפטמונג, אז דייטשל אויסנעגעבען אייהר מיליטערי

בערנסטארף פו דינט ווילסאנ'ס דייטשען

בערלין, פעברואר 22. — בערנסטארף, רער נעוועזענער אמבאסאדאר אין אכריקא ביט א באראטיינונג פון שטאדטעגעס פרעזידענט ווילסאן רי אוקעאנקלינע סטעמפע וואס רער האט ווידער פרויסנעפרוווען דייטשלאנד.

רוראבאוים נית אמט פון פרעזי סאן האט דייטשלאנד פארלאנ רי כאהויפטמונג, אז דייטשל אויסנעגעבען אייהר מיליטערי

אפילן פריוואן צעמ צוויליינג־בריידע

וואשינגטאן, פעב. 22. אין ערוואקסר נרייוום וועגען צווי נער א צוויליינג־בריידע. יעדע 14 יאהר אלט, אין וויי עם פרעמ צווילינגס. וועגען זיי אויך עכטל זיך, וו עס איז שווער צו רעקע זון צווייסיק).

אויך אייניגס פון רי בריידער א א חסיד, אז ער האט ליב צו מעשהס, ואכען אחן רער רידעק נייש זון רי כאטעמשים פון זיי כען. אין אויך וויי זיי וועגען נע צווייפען זיך, האט סען נים נעווא צו כאשולדיגען).

אבער פיס עקריבע כעג צווי ערוואקסן נעמאכט כיי רער האנט רינ א בייסיקע. רער ריכטער פאראדוקסיס צו. ליטמאן סקוי שכנים האכען זיך כאהויבט, נעפרוווט, אז איצטער וועגען זיי פיס רי זאכען. האט זיי ליינגען נענג כאשיידט. אבער זיי פראפט אלע נעווארען). ווען מען האט רע כרידער. פרעקטיס, נעמאכט נענג פאונטען מען איז א רעפארטסמענ נים נעראטן, זיי צו פראשיקע רע: רער ריכטער האט זיין אנר כרידער אויך איז רער ראכ איבער די שכנים האכען זיך ראכ איבער די צווי נאר אין איוסזוהן. נאר אויך

ווערמאנט פארלאנגט אויסגאבע פון פאפירען

מאנטפעליער, ווט., פעב. 22. — דער סטעיט־סעקרעטער פון ווערמאנט האט היינט אנגעזאגט, אז ער וועט נישט נעהארכזאם זיין צו דעם באפעל פון דער סופרים־קאורט פון די פעראיניגטע שטאטען, וועלכער פארלאנגט, אז ער זאל אפגעבען אלע פאפירען, וועלכע זיי האבען אין זיין פאסעסיע, וואס האבען צו טון מיט דעם פראצעס פון דער פעדעראל רעגירונג קעגען דעם סטעיט פון ווערמאנט.

רכוש־שטרייק פון ארקלערט ניט גילטיג פון נעריכט

די אפעליעט רייוויזשאן האט נעבטען ערקלערט אלס ניט־גילטיג רעם גם וואס מארים משערמאן, פון 70 איסט 108טע סטריט, האט נענעבען דוהד א רב צו זיין וויוב. דער גט איז דורכנעפיהרט נע־

ווערשאל פון רעפובליקאנער נאציאנאלער קאמיטע טאדעלט סענאטארען וואס האבען רעקאמענדירט צום פרעזידענט, אז דאהערטי זאל רעזיגנירען. — סענאט־נעהמט אן רעזאלוציע צו אונטערזוכען דאהערטי'ס מעשים. — דאהערטי סטראשעט ער וועט זיך וועגנדערן ליכער מיינונג געגען רעם סענאט.

וואשינגטאן, פעב. 22. — אלע סימפטומען זייגען פארען, אז אין רער רעפובליקאנער פארטיי האלט עס בייא שפאלטונג צווישן רער פארערונג, אז רער אטורנעי־דזשענעראל דאהערטי זאל רעזיגנירען.

רושען ס. פארקס, טשערמאן פון רער רעפובליקאנער נאציאנאלער קאמיטע, האט היינט אנרוסנעגעבען אן ערקלערונג, אין וועלכער ער האט שארף קלעקריגט די אטארלונג פון די סענאטארען לאדזש אין פעפער, וועלכע זיי נעז נעגאנגען צום פרעזידענט אין איהם נעגאסען צו פארלאנגען דאהערטי'ס רעזיגנאציע.

פארקס האלט, אז די סענאטארען האבען כאנאנען א נרויסען פעהלער אונטערשטיצונג רי דאהערטי'ס שוגאס און אז דאהערטי'ס רעזיגנאציע אונטער די איצטיגע אומשטענדען, וואלט נעווען א שווערער קלאפ פאר די אויסזיכטען פון רער רעפובליקאנער פארטיי צו נעווינען אין די קומענדע וואהלען פאר פרעזידענט.

רי רעפובליקאנער אין סענאט האלטען זיך אבער שלן ביי זייער טיינונג, אז דאהערטי מוז רעזיגנירען, אן וואס שנעלער, שלן בעסער.

די רעזאלוציע צו אונטערזוכען רי הערטי'ס מעשים, וועלכע נעשטופט אין סענאט מיט נרויס ענערגיע, און עס איז נונג, פאר וועלכען איך וועל פרואווען פארטיידיגען מיין אונשולד".

דאהערטי לייקענט אויך, אז זיין רעזיגנאציע וואלט נעווען א טובה פאר רער קרימינאלסטראצ־יע. פארקערט ער גלויבט, אז זיין רעזיגנאציע וואלט נאר אויסנעצוצט נעווארן פון די פאליטישע נעגנער פון רער רעפובליקאנער פארטיי אין רער פרעסע, אז די ארבייטסטראצ־יע האט אליין נעמיוט צוטעבען, אז מען האט זי נעכאפט בייא רער האנט אין רעם אויל־סטאנראל.

דאהערטי'ס אדוואקאט היינט צו נענעבען, אז רער אטורני־דזשענעראל האט אינוועסטיגט נעלט אין אויל־סטאק־זיי ערקלערען אבער, אז דאהערטי האט נישט אין זקאהאנט קיין שום ספעקולאציע אין אן עי ר האט נאר רערלענט צום עסק אנשטאט צו מאכען נעלט.

סענאטאר לענרוט איז היינט נעקומען צו פארטיידיגען פרעזידענט הארדינג אין רעם פאל פון דאהערטי. ער האט נעזאגט, אז ער גלויבט נישט, אז רער פרעזידענט האט נעטאן עפעס אומרעכטס אין רער אנגעלעגענהייט פון רער אויל־לעאזינג פון טיפאפט דום.

רכוש־שטרייק פון ארקלערט ניט גילטיג פון נעריכט

די אפעליעט רייוויזשאן האט נעבטען ערקלערט אלס ניט־גילטיג רעם גם וואס מארים משערמאן, פון 70 איסט 108טע סטריט, האט נענעבען דוהד א רב צו זיין וויוב. דער גט איז דורכנעפיהרט נע־

יורשים פון קרבנות פון „לוזיטאניא" וועלען באקומען א מיליאן דאלאר.

וואשינגטאן, פעב. 22. — עדוארד ב. פארקער, וועלכער איז באשטימט נעמוארען אלס בורר, האט אריינגענעבען עטשטיינונג זייגען 67 קלאגען.

ב. פארקער האט נעבעטן ארויסנעגעבען זיין ענטשיידונג יוועגען 67 קלאגען פון יורשים פון אמעריקאנער קרבנות, וועלכע האבען אומגעקומען ווייערע לעבענס ווען א דייטשע כאבאראן האט אין 1915 נעזונקען רי שיף „לוזיטאניא."

פארקער איז באשטימט נעווארען אמבאסאדאר אין אכריקא פון סיץ, וואס האט נעראטפט עטשטיידען וועגען רער פיאגע פון שארענערוואף רי אוקעאנקלינע סטעמפע וואס רער האט וויידער פרויסנעפרוווען דייטשלאנד.

בערנסטארף פו דינט ווילסאנ'ס דייטשען

בערלין, פעברואר 22. — בערנסטארף, רער נעוועזענער אמבאסאדאר אין אכריקא ביט א באראטיינונג פון שטאדטעגעס פרעזידענט ווילסאן רי אוקעאנקלינע סטעמפע וואס רער האט וויידער פרויסנעפרוווען דייטשלאנד.

רוראבאוים נית אמט פון פרעזי סאן האט דייטשלאנד פארלאנ רי כאהויפטמונג, אז דייטשל אויסנעגעבען אייהר מיליטערי

אפילן פריוואן צעמ צוויליינג־בריידע

וואשינגטאן, פעב. 22. אין ערוואקסר נרייוום וועגען צווי נער א צוויליינג־בריידע. יעדע 14 יאהר אלט, אין וויי עם פרעמ צווילינגס. וועגען זיי אויך עכטל זיך, וו עס איז שווער צו רעקע זון צווייסיק).

אויך אייניגס פון רי בריידער א א חסיד, אז ער האט ליב צו מעשהס, ואכען אחן רער רידעק נייש זון רי כאטעמשים פון זיי כען. אין אויך וויי זיי וועגען נע צווייפען זיך, האט סען נים נעווא צו כאשולדיגען).

אבער פיס עקריבע כעג צווי ערוואקסן נעמאכט כיי רער האנט רינ א בייסיקע. רער ריכטער פאראדוקסיס צו. ליטמאן סקוי שכנים האכען זיך כאהויבט, נעפרוווט, אז איצטער וועגען זיי פיס רי זאכען. האט זיי ליינגען נענג כאשיידט. אבער זיי פראפט אלע נעווארען). ווען מען האט רע כרידער. פרעקטיס, נעמאכט נענג פאונטען מען איז א רעפארטסמענ נים נעראטן, זיי צו פראשיקע רע: רער ריכטער האט זיין אנר כרידער אויך איז רער ראכ איבער די שכנים האכען זיך ראכ איבער די צווי נאר אין איוסזוהן. נאר אויך

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

די נידרי רעסטאָראַנען אין סמאלני אינ- סטיטוט פאַר׳ן דריטען אינטערנאַציאָנאַל און פאַר געווען־הנליבע קאָמוניסטען

פון עמא גאָלדמאן

[illegible]

[illegible] איך האב געפאַרט קיינמאל [illegible] דער „אינטערנאַציאָנאַל האָ- [illegible]טיט אויסלענדישע באזוכער. [illegible] צוזעצט וואס זיי זענען נעקומען [illegible] צוזיצען צום ראָבאָטן. איך זעה זיי [illegible] אין זעלבן אויפ דער ערד. איך דערי- [illegible] אז עס קומט מיט א יונגעניאָן, אן „אי- [illegible]" עד האט מיטגעבראכט מיט זיך אין [illegible] פון עסענאָרע, נאָרמען באזונ- [illegible] עד האט ניט אנדערש געווארט, [illegible] פאר אלע זאכען „אבער איהר [illegible] דאַרפען האבען!" האב איך זיך אפגעזיצט, [illegible] האט נעזואכט, אז אין רוסלאנד האט נע- [illegible] מאנגעל אין די נויטיגסטע ארטיקלען און [illegible] אבער דער פראצעדור איז אזוי לאנג, [illegible] אלין אין אלם אן ארבייטער האט עד נע- [illegible] ווען ריידען אלע. עד האט נעטרויפט וועגען [illegible]. ווי עד איז אויך צו דיזעל און שאָס. עד איז נעווען 15 יאהר אין דער „אידי- [illegible] באיצינג אין עד האט שטארק נעוואלט זיך [illegible] אין שמירקיזם אין הויז. [illegible] האב איך [illegible]פענען אויף אזא נאיווישטעט? איך האב ניט [illegible] אידם צו עקזיסטיר. איך האב נע- [illegible] עס ווען זיך אין א קורצער צייט דערצייגען דעם [illegible] אז עד קען נעווען אויף דער ערד. איך דערי- [illegible] אז עד קען ניט א יונגעניאָן, אן „אי- [illegible]" עד האט ניטגענאכט מיט זיך אין [illegible] ווען ס׳איז [illegible] פאר אלע זאכען „אבער איהר [illegible] דאַרפען האבען!" האב איך זיך אפגעזיצט, [illegible] האט נעזואכט, אז אין רוסלאנד האט נע- [illegible] מאנגעל אין די נויטיגסטע ארטיקלען און [illegible] אבער דער פראצעדור איז אזוי לאנג, [illegible] אלין אין אלם אן ארבייטער האט עד נע- [illegible] ווען ריידען אלע. עד האט נעטרויפט וועגען [illegible]. ווי עד איז אויך צו דיזעל און שאָס. עד איז נעווען 15 יאהר אין דער „אידי- [illegible] באיצינג אין עד האט שטארק נעוואלט זיך [illegible] אין שמירקיזם אין הויז. [illegible] האב איך [illegible]פענען אויף אזא נאיווישטעט? איך האב ניט [illegible] אידם צו עקזיסטיר. עד [illegible]

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

"דער טאג" ברויזט ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel., Orchard 7000

No. 3373 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, FEBRUARY 27, 1924. מיטוואך, כ"ב אדר א', תרפ"ד. 1924 ,27טן פעברואר, מיטוואך PRICE THREE CENTS

דאהערטי געצוואונגען צו רעזיגנירען פון אם

עלים איילאנד באאמטע זוכען הילף אין וואשינגטאן נעגען געריכט-ענטשיידונגען, וועלכע באזייטיגען קוואטא-נעזעץ

אין די לעצטע עטליכע וואכען זיינען אנגעקומען 4,000 אימיגראנטען. — עטליכע טויזענט זיינען אויפ'ן וועג — אלע מעהרסטענס פון איטאליע. — פרעזידענט קולידוש נעמט אייניגע מאסטרעמער פון מאסאטשוסעטס, רעדט צו זיי פערזינלין, אבער זאגט נאכדעם צו. — פרעזידענט פארטיידיגט באשיינקינגען.

אין די לעצטע עטליכע וואכען זיינען אנגעקומען 4,000 אימיגראנטען. — עטליכע טויזענט זיינען אויפ'ן וועג. — אלע מעהרסטענס פון איטאליע. — פרעזידענט קולידוש נעמט אייניגע מאסטרעמער פון מאסאטשוסעטס, רעדט צו זיי פערזינלין, אבער זאגט נאכדעם צו. — פרעזידענט פארטיידיגט באשיינקינגען.

וואשינגטאן, סעב. 27. — א רעפרעזענטאטיוו פון מאסאטשוסעטס האט היינט נעמאלדעט אז פרעזידענט קולידוש האט פערזענליך צוגעזאגט אז ער וועט נישט אונטערשרייבן דעם אימיגראציע-ביל, ווען עס וועט אריינכאפן אין קוואטא-נעזעץ פון 3 פראצענט פון דער אנצאל פון מענטשן פון יעדן לאנד, וואס זיינען אנגעקומען אין 1890. דער רעפרעזענטאטיוו האט נישט אנגעזאגט ווער עס וועט זיך נעמען אן דעם פראבלעם, נאר ער האט נאר נאכדעם אנגעזאגט, אז ער האט נישט קיין אפאזיציע צו דעם פרעזידענט.

דער רעפרעזענטאטיוו האט אויך נישט אנגעזאגט, צי ער וועט אויך אונטערשרייבן דעם ביל, אנדערש ווי דער פרעזידענט, וואס האט אנגעזאגט, אז ער וועט נישט אונטערשרייבן דעם ביל, ווען עס וועט אריינכאפן אין קוואטא-נעזעץ פון 2 פראצענט פון דער אנצאל פון מענטשן פון יעדן לאנד.

וואשינגטאן, סעב. 27. — א דעלעגאציע פון 8 מאסאטשוסעטס מענטשן, וועלכע האבן נעמאלדעט אז זיי וועלן נישט נעמען קיין אנטייל אין דעם פראבלעם פון אימיגראציע, האבן נאכדעם נעהאלטן א קאנפערענץ מיט פרעזידענט קולידוש, וועלכער האט זיי פערזינלין נעבעטן, אז זיי זאלן נישט אפזאגן צו נעמען אן אנטייל אין דעם פראבלעם פון אימיגראציע, ווייל ער האט נישט קיין אפאזיציע צו דעם פרעזידענט.

דער פרעזידענט האט זיי נאכדעם נעזאגט, אז ער וועט נישט אונטערשרייבן דעם ביל, ווען עס וועט אריינכאפן אין קוואטא-נעזעץ פון 2 פראצענט פון דער אנצאל פון מענטשן פון יעדן לאנד.

היטלער פארנטפערט זיך מיט שנאה צו אידן

באשילדיגטער אין מיונכן-פארראט האלם אנטיסעמיטישע רעדע. — די רעקרוטירונג יקלען פרויסטריבען די הונדערט טויזנטע אידישע פליכטלינגע פון רוסלאנד, פוילן און גאליציע.

מיונכען, סעב. 27 (אינא). — די דעשטאס (פאראדענטער) רייכהאלד וואלף, וואס איז אייגער פון די סיקר העפטישען שבת, די אידען. דייר ערקער זיך די דייטשע פאשיסטען באשולדיגט האבען אויף אים, אז ער האט פארראט געטון קעגן דייטשלאנד. ווען ער איז אריינגעקומען אין דעם פאלקסטאג, האבען אלע אפגעזעסענע נאציס אויפגעשטאנען און אנגעהויבען צו שרייען: "היטלער! היטלער!" אבער ווען ער האט אנגעהויבען צו רעדען, האבען אלע אפגעזעסענע נאציס אנגעהויבען צו שרייען: "אידען! אידען!"

בערלין, סעב. 27. — דער דייטשער פרעזידענט (פאראדענטער) רייכספרעזידענט פון דייטשלאנד, פרידריך עבערט, איז היינט נאכמיטאג נעשטארבען נאך א קורצער קראנקהייט. ער איז נעווען 54 יאר אלט.

פאנאמאס גורל היינט אין הענט פון דזשורי

אנגעקלאגטער טרעט אליין אויף אין זיין פארטיידיגונג אין ערקלערט, אז מען האט אים אריינגעצויגען אין מאדנ אין זיי פאלליצי האט בייי אים אריינגעלאזט אונגעזעץ צו יחיד.

אלע עדות אין דעם פראצעס פון דעם פרעזידענט פון דער פאנאמא-קאנאל-קאמפאניע, וועלכער ווערט אנגעקלאגט פון קאנספיראציע קעגן דער רעגירונג פון פאנאמא, זיינען שוין פארענדיגט געווארן, און דער פראצעס וועט מסתמא אנהייבן הייט אדער מאנטאג.

פרעזידענט קולידוש נעמט אייניגע מאסטרעמער פון מאסאטשוסעטס, רעדט צו זיי פערזינלין, אבער זאגט נאכדעם צו. — פרעזידענט פארטיידיגט באשיינקינגען.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

וואס פאר א פנים אַרבאַנגעלסק האט געהאט אונטער דער הערשאפט פון די באָלשעוויקעס

[illegible]

[illegible]

קאפיטל 25.

ריין ארבאנגעלסק און צוריק

[illegible]

ארבאנגעלסק באשטעהט פון צוויי טיילן, נאר שפּאַרט „עבשעסטיע" דעם „צענטער". דער יואַרט האט נעווירקט אז א בויער אין דאָס פאר אונז נעמאכט ווי עס ווייזט אייך, ארץ מוריי.

דער אנפירער פון דער בויזנגם־אפטיילונג איז נעווען א נאכפאלגער־קיבער אין ניטער מענש. נאבדעם ווי ער האט אינו עריבערט מיט ארץ איינצעלייטען די ארבייטען פון זיין אינפּם־פיצירן. האט ער ארויסגעוויזן אין זיין באזונדע פיעלד פון דער עקספּעריענץ אין האט ווי אנטוואוסט צייטליכער ארץ מאבעריאלן ווי אז זאגען צוזייפלדיי כער פאר דעם מוזיאום. ציוישען די באזעטצונגשטעלע איז אייך נעווען אן אנגעריכט ייעוץ נאוט. עס איז פאר כיר נעווען אן איבעראשונג צו נעפינען א נאוט אין א באשטאבט" דער בארויעגדער האט פון אייגראשונג באמערקט אז ער האט נית עקלעדט. אז אין זיין אפטיילונג וויינט אנגעשטעלט א יכשיע צאהל נאוט. ווען די באנאפ־ טרעגן ווינען נאריאבאריזם נעווארן. דאבען די שרויט מרויט ניט נעהאט ייאר צו ציען; אין אייר אייגנעמאלן צו נעבען וויי א נעריכטיגן צו טאן ניצליכע ארבייט אין דער נייער ייעוש. אין ער האט רין אוראר ניט נעריאט שפעטער דאר צו דאבען אייר זיין שרייב: ער האט ניט באפעהרט די נאוטש צום קאמיעס. אבער זיי ווינען נעווארען איבער־ נעבענע. פרייוענע ארבייטער־ען. אין די אינגעריע ווינען אפילו נעווארען אביכטע פאטנעטרינסענער. ער האט מיר אייגנארטיג צו באוונען די ריינסטי־סטיריא. ווא־ פיעלד נאוט ווינען נעריכטן באשעפטינט.

די סטרייא אין נעריכטן צו אייסערעיזלכיבער אוואר. ניט אייך פיר א קונסט ערישען שטארטענט, וויי צוליעב די בעפעהלן ווען דאבען ארטטען נעמרבייט. ארטטען ווינען נעווען צייט נאוט. אייגע פון זיי אין נעווען 40 יאהר אין די צוויישע 25 יאהר; א יונגער אפיציר אין אן עלסטרער ארבייטער. די העצטע צוויי ווינען נעווען ארעסטירט אלס ראוואלוציאניסטן אין ווינען נעווען פאר־משפט צום טויט, אבער דער אפּעריענדער האט זיי נעראטעוועט אין האט זיי נעשיקט באשעפטינגט בוי גיפליכער ארבייט. ער האט נעוואלט נעבען א נעזונדהיים די יונגע, ווען ווינען צופרידן ארבייטן דיזער אומפריבענדיגע נעווען שוואוס פון דער דעיאלוציע. א רעוואלוציאנערע ציים. האט ער באמערקט. דער באוועג ווינען אין ליידער. אבערהויפט, פייזיקלי אין מארעל באראכט. אבער צופרידען האט ער ניט נעווען אויסדרי־ בליך. אין ווי־ן אפטיילונגען בוי גיפליכער ארבייט האט ער נעפונען אויך א נעזונדע אפטיילונג. בוי גיפליכער ארבייט. ער האט נעוואלט נעבען א נעזונדהיים די יונגע, ווען ווינען צופרידען ארבייטן דיזער אומפריבענדיגע נעווען שוואוס פון דער דעיאלוציע. א רעוואלוציאנערע ציים. האט ער באמערקט. דער באוועג ווינען אין ליידער. אבערהויפט, פייזיקלי אין מארעל באראכט. אבער צופרידען האט ער ניט נעווען אויסדרי־ בליך. אין ווי־ן אפטיילונגען בוי גיפליכער ארבייט האט ער נעפונען

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ס'איז ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel., Orchard 7890

Vol. XI. No. 2876 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, MARCH 1, 1924. שבת, כ"ח אדר א', תרפ"ד. 1924. שבת, ז'מער מערץ, PRICE THREE CENTS

מיטשעל פאלמער איז מודה, אז ער איז געווען מעקלין'ס לאיער און לייקענט, אז ער האט „געפיקסט" אנדערוואוד'ן

זאגט אז די אנצוהערנישען אין די מעקלין־טעלעגראמעס אז ער האט געזוכט צו העלפען מעקלין'ען אריסדרעהען זיך פון דער אונטערזוכונג, זיינען פאלשע. — באדויערט וואס ער האט קיינמאל ניט נעהאט צו טאן מיטן איל־מאנאפ דאהעני, ווייל, ווי ס'זעהט אוים, קאן מען ביי אידם מאכען א מטבעה.

מארנאמאו ארויסנעהרן פון סיין לאנדאן

אבזיגן (איסא), פעב. 29. — דער נעזעלשאפט פון דער פעלקער ליגע, דיימאן, האט פעלעגראפיש נע־בעטן רעפרי כארנעגטאן'ן בעלר אפ־צוהאלטן פון לאנדאן. עס איז וואהר־שיינליך, אז אין דער זעלבער צייט וועט אויך אמעריקא פון לאנדאן דער נעזונט־שאפט־קאנסול וועגעזעלצט. זייער בוטש האט, וואהרשיינליך, א צווי־שענאנד כוס דער אויפנאהמע צו כר־מאגן פון נייע אינטערעסענטשאפט. דאהער פעלט נריכעלאנד.

כארנעגטאן וועט זיך אומקעהרען צוריק אין אמהען פון פעב. כאלאנדיקע (איסא), פעב. 29. — די כאלאנדיקע אידען האבען היינט כר־קוים רעכט אנערקענט פון דעם פאר־מעגענס אכטיציאנער פרעזידענט היללאר.

אמעריקאנער נעגען פלעגט עפטאנס פון כיפים פאדע

פאר צוויי פעלטע לאנע פון אידישע אימיגראנטן

שטרעסעמאן ווייל שענלען אויסגליך מיט פראנצוי־

קאמף אין אלבאני צווי שען פארטי פיהרער פארשארפט

א סכרא אז בלום וועט כלייבען אין קאנגרעס

וואשינגטאן, פעב. 29. — עס איז העכסט וואהרשיינליך, אז סראזן דעם מאיאריטעט כאריכט פון דער עלעקשן קאמיטע, מען זאל פסל'נען סאל בלום'ס ערוועהלונג, וועט ער דאך כלייבען אין קאנגרעס. דער קאנגרעס האט היינט כאקומען דעם מינאריטעט כאריכט פון דער קאמיטע, אויף וועלכען דרייי רע־פובליקאנישע מיטגליעדער זיינען אנטערשריבענס, און פילע דימאקראטישע זיינען מיט איהם שטארק כאאיינפלוסט. נעווארען זיינען דעם מינאריטעט כאריכט אויך שטארק כאאיינפלוסט. דער מינאריטעט כאריכט ווייזט אן אז דער מאיאריטעט כאריכט איז כאגרינדעט אויף א טעכנישער קלייניגקייט און ווען מען זאל עס אויף דעם גרונד פסל'נען כלום'ס ערוועהלונג, מען זיינען פארמישט אין דעם „אויל־סקאנדאל" טוען כא־שטראפט ווערען."

שטרעסעמאן ווייל שענלען אויסגליך מיט פראנצוי־

זיי ראטיפיצירונג כיי

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

די ערשטע גליקליבע קינדער אין רוסלאַנד האָט מען געקענט געפינען נאָר אין אַרבאַנגעלסק

פון עמא גאָלדמאַן

[illegible]

און האָט זיך נעשפּילט מיט זיי, אָנו זיי זענען נעווען זייער אינטערעסאַנט קינדער. ער איז אליין נעווארען אינגער פון זיי. זיי האָבען ראָס נעוואוסט אין האָבען זיך נישמיכט מיט אים. עהנליכע שפּעטע כאַציהונגען צווישען אים אין די קינדער האָב איך נעזעהן אין אלע שוהען אין קינדער־הויפען. וואָס מיר האָבען כאוכט. די קינדער האָבען נעשטראַלט וואָס „עקס" האָס זיך כאווינט. רָאס זייגען נעווען די ערשטע גליקליכע קינדער, וואָס איך האָב נעזעהן אין רוסלאַנד. רָאס האָס פּערשטאַרקט מיין אינערצייגונג וועגען רער כאַרישונג פון רער פּערזענליכקייט אין רעי זויכטיגקייט פון גענעגזייטיגען צוטרוי אין כיעכע צווישען לעהרער אין שילער. מיר האָבען באַוויזן פיעלע שוהלען יעגעס כאָס, אין מיר האָבען ערגעץ נים נעזעהן. אין מען זאָל מאָבען אין אונטערשייד צווישען די קינדער. אוכעכוס האָבען די קינדער נעהאָס גרויסע שׂכּלתנות פון כאָסקווע. כוסטערהאָס דיין, מיט נוסע כעמען, נוסע שפּיז אין קליידער. די אכּסכּאָסערע אין די שולען אין נעווען א וווּנדער, אין אינטיס.

מיר האָבען נעפּונען אין אַרכאַנגעלסק א סך היסטאַרישע קאָסטעמען. מיר האָבען צווישען זיי נעפּונען די קאַרעסאָנדענץ פון מישיקאָווסקי, פון רער פּראָוויזאָריישער רעגירונג מיט נענעראל כילער, רעם פּראָוויזאָריישער עלייִם. עס אין נעווען פּאַסעטיש צו לעזען די ככּנה־לידיע כעטעל־כריפען פון רעם פּיאָנער פון רער יוסישער רעוואָלוציאָנערער כעוועגונג, רעם נרינדער פון די טשייקאָווסקי־ פרייהער, רעם מענשען וועלכען איך האָב נעשפּעגט אין פון וועלכען איך האָב נעשפּאַט מיין אינספּיראַציע צו שלח יאַהרען. כפּציעל טערעסירען אין נעווען רער נעווענען בריפען פון א כאַטראָן, שרב זיין הנרייכטונג ריכך די וויסע, אר האָט כאשריבען וויי מען האָס איהם ארעכטירט, רעם ר' פּאָס וואָס ער האָס דורכנעכאַכט, אין די כדוטאלע כאַטערישען, וועו אן ענגליש־אַהרער, צודריפענרע א רעוואָלווער צו זיין כרוסט. צווישען די כאַטעריאַלען, וואָס מיר האָבען רערצו נעווארען טאַלט, האָבען מיר אויך נעפּונען כאַפּיעס פון פּאַרטיירענע נעהייסע רעוואָלוציאָנערע אינכאַכיטע. פון רעם כילדונגס־רעפּאַרטאַמענט האָבען מיר נעקרענען פּאַר פּאַפּען, צייכענונגען־כרשאָנרען, כיכער אין א זאַכלונג פון כוטערען פון רער ארכייס פון רי קינדער. אין רער זאַכלונג אין אויך נעווען א כאַטעפענער טישטוך מיט א זעלירדיכען כילר טון ארכאַנגעלסקער קינדער, נעפּאַכט פון די נאָפּעס. רעם טישטוך האָבען די נאָפּעס פון אכט נעפּעבט אוב נעווען מיט רי קינדער פון אכריקא.

די שולען אין ווייט נותער סיבירער זייגען נים נעווען די אינצינג טערקווירדיגקייטען פון ארכאַנגעלסק. די אנדע טאַווארישען־אינסטיטוציעס זייגען אויך נעווען אן אונגעוויכטיגע. פון רעם ווייטערען פּיעלע שולען יענעס כאָס, וואָס זיי נעהערען צו רי קינדער פון פּאַרטיזאַנען פון רער כאַלטשעוויסטישער רעגירונג. אין רעם ווייטערען פּיעלע שולען יענעס כאָס, וואָס זיי נעהערען צו רי קינדער פון פּאַרטיזאַנען פון רער כאַלטשעוויסטישער רעגירונג. אין רעם ווייטערען פּיעלע שולען יענעס כאָס, וואָס זיי נעהערען צו רי קינדער פון פּאַרטיזאַנען פון רער כאַלטשעוויסטישער רעגירונג.

וועָן ניו יאָרק איז נאָך געהאַט גרעסער

אין פּונקט וויי היינט איז די פּאָליציי דאָן נעווינען אומס

[illegible]

אין דער וועלט פון קונסט

פון
רעי ראסקין

[illegible]

פאַרשוואַרצט די „שוהל"

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ברויכט לימט

183 East Broadway, N. Y. Tel., Orchard 7000

Office 183 East Broadway N. Y. Tel., Orchard 7000

No. 2378 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK MONDAY, MARCH 3, 1924. כאנטאג, כ"ו אדר א', תרפ"ד. 1924 מאנטאג, 3טן מערץ PRICE THREE CENTS

ענגלישער ארבייטער פרעמיער קלאגט אן אפ פראנקרייד אימפעריאליסטישע פאליטיק

בריטאנער זאגט, אז אירע פרעמיער איז ניט גענגען רעכט צוגעד

ין א בריף צו פראנקרייך, זאגט אז עדשט נעכטען פאלעפענטליכט נעווארען, ערקלערט פרעמיער מאקדאנאלד זיך אויף מאכט, ווייל פראנקרייך הויבט־ראנט באפעלקערונג רו בלייבן, אזן דאס אלין פידרט צו מלחמה; ענגלאנד אבער איז א בעסערע ייבערשלאנד אלס די נאציאנס פאר אלגעמיינעם שלום.

פראנקרייך אזן ענגלאנד פון קלייגע מדינות איז ניט גענגען רעכט צוגעד

פאריז, מערץ 3. — נאכדעם ווי פרעמיער מאקדאנאלד האט אויפגענומען דיפלאמאטישע פארבינדונגען מיט סאוועטן־רוסלאנד, האט ער אויך אנגעהויבן פארהאנדלען מיט פראנקרייך וועגן אנערקענונג פון סאוועטן־רוסלאנד. ווי עס איז באקאנט, האט פרעמיער הערריאט אפגעזאגט אנערקענען סאוועטן־רוסלאנד, ביז דאס וועט נעמען אפ זיין פאזיציע אין דער רוהר־פראגע. מען האט שוין אנגעהויבן פארהאנדלען וועגן דעם, אבער עס זעט אויס, אז עס וועט נאך לאנג דויערן ביז מען וועט קומען צו א שלום־אפמאך.

אין דעם צוזאמענהאנג איז פון אינטערעס דער ארטיקל, וועלכן דער פרעמיער מאקדאנאלד האט פארעפענטליכט אין דער לאנדאנער "דיילי העראלד". אין דעם ארטיקל זאגט ער, אז ער האט ניט קיין רעכט צו רעדן אין נאמען פון פראנקרייך, אבער — „פראנקרייך וויל ניט קיין שלום, נאר זי וויל אנקנכרייך פון די כראקטאטען". זיין דעם נאכפלעם די חשיבות פון דעם אלטונג אז די ענגלאנד אפזונדערונג דייך פון סעקרעטאריעט נאלד'ס בריף.

קאנפערענץ נאהענט צווישען מעקדאנאלד אזן פואנקארע

פאריז, מערץ 3. — נאכן פרעמיער דייך האלט אויפ אין לויפענדן די צוויי טעג, ווען דעם וועלן נעמען פון פרעמיער פואנקארע צו פרעמיער מעקדאנאלד אין צוזאמען. אייבערהאופט ווערט כיון נעמען, אפילו אין קרייזען ווערט מען אויך פעסטיק, וועלכע אויפן צווישן ברית דער נעכערשטער מון הויפט דיסקוסיעס.

אפילו די נאציאנאליסטען, וועלכע וועלכע אין איר אויפן שטארק ארויסגעשטעלט אין זיין ברוך, גיבען צו, אז דעם ענגלישען פרעמיער'ס בריף איז א נייטיק מיטל צו שלום.

בריטאנער זאגט, אז אירע פרעמיער איז ניט גענגען רעכט צוגעד

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

זי די באָלשעוויקעס האָבן צושטערט דעם אינטערעס פון די אַרבייטער אין דער עקאָנאָמישער אויפלעבונג פון לאַנד

פון עמא גאָלדמאן

[illegible] אַרבייטער־פאַרטייען [illegible] אַרבייטער אין קאָניגסבערגען [illegible]

[illegible] אַרבייטער־פאַרטייען [illegible] אַרבייטער אין קאָניגסבערגען יעזשים.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

Office: 128 East Broadway, N. Y. Tel. Orchard 7000

Vol. XI. No. 3380 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, MARCH 5, 1924. כימוואר, כ"ט אדר א', תרפ"ד. 1924 ,5טן מערץ ,מיטוואך PRICE THREE

יון אַרגאַניזאַציע אַפּעלירט צו אַמעריקאַנער רעגירונג צו פֿאַרהיטן פּאָגראָם אויף איידן אין בולגאַריע

דייוויד מ. בראון, באריהמטער רעליף טוער וועלט דער אָנפירער פון 1924 קאמפיין פאר דעם קרן היסוד

לעצטע פֿאַרכאַריטונגען פאר דעם קאמפיין זיין געמאַכט. — היטט אויגען וקעט פראפעסאר עהוואוד מי אפּגעבן זיין כאריכט וועגען ארץ ישראל אין האַטעל אסטאר.

א ראנג די כאמיתונגען סון נעוויסע ציוניסטישע סוער, אין זיין באזור לעצ־ טעגס אין ארץ ישראל, האט זיך דער באקאנטער אידישער כלל־סוער סון ריט־ ראים, דייוויד מ. בראון, נעשטעלט אין רייגנס סון דער קרן היסוד אראנאיזא־ ציע.

דר. תיים ווייצמאן, מעהרערע שיהר דער סון דעם קרן היסוד איז ניט יצחק און א רייהע פראמינענטע ציוניסטען האבען כר. כראונען נעכטען כייטאג באי נריסס ביי א „רונדען טיש" קאנפערענץ, וואו די לעצטע פאראריטונגען וועגען קאמפיין סון 1924.

דר. ווייצמאן האט נעהאלטען א קור־ צע, אבער האצינע רעדע. ער האט די פראזעמלט רערצעהלט, ווי וואהרים מען האט איהם איכעראל איינגענומען אויף זיינע לעצטע באזוכען אין פארשיי־ דענע טיילען סון לאנד. ער האט אבער נעפונען, אז די אויגען סון די אידען סון יצחק. פאר זיי, די אידען סון דער פרא־ ווינץ, איז ניט יצחק דער אייגענער כוס־ טער, אין דער פאלעסטינע סון נאכצוי־ איז דערפאר אפהענגיג אן דעם אונטאנ, וואס ניט יצחק וועט פאכטן, און דעם ביוישיש, וואס עם וועט זיי נעבען.

דער ציוניסטישער וועלט־פיהרער

בולגאַרישע פּאַטריאָטען האָבען ארויפגעלייגט אויף די אידען א קאָנטריבוציע פון 15 מיליאן לעוואָם, סטראַשענדיג מיט א פּאָגראָם, אויב דאָס נעלט וועט ניט נעשאפען ווערען. — דאָס נעלט דארף באָנוצט ווערען אויף א קאמף מיט יונג־סלאַווישע. — יונג־סלאַווישע וועט פּראָטעסטירען נעגען אידען פּראָפאַלונג אין בולגאַריע צו אמעריקע, פּראָנקרייך און ענגלאנד.

וואשינגטאן, סערען 5. — די ציוני־ סטישע ארגאניזאציע פון אמעריקע האט זיך נעוועגרעט צו דער אמעריקאנער רע־ ניקונג מיט אן אפיעל צו ראטעווען די בולגאַרישע אידען פון א פּאָגראָם.

אין איהר אפיעל דערצעהלט די ציוני־ סטישע ארגאניזאציע, אז די בולגאַרישע פּאַטריאָטישע ארגאניזאציע, באשטע־ הענד פון נאמען קאמיטאדושי, האט ארויסגעלייגט אויף די בולגאַרישע אי־ דען א קאָנטריבוציע סון 15 מיליאן לע־ וואם. סטראשענדיג, אז זי וועט פּאָכטן א פּאָגראָם אויב דאָס נעלט וועט בשלה־ ניט נעצאָלט ווערען. די בולגאַרישע אידען, וועלכע זענען איצט שטארק פּאר־ ארעמט, האבען נים די מינדעסטע האס־ נונג צו שפּאָלטן די ריזיגע סומע און די פּאָגראָם־נעפּאָר איז ערשטער ווהר־ שטאָנט.

די לאָגע וועגן נאך מעהר אַראָפּלאַ־ טע־ט ערשטים, וואָס די קאָמיטאדושי וויללען זיך כאנוצען מיט דעם נעלט אָפּ־ צוהעלפן א קאמף מיט יונג־סלאַווישע און די יונג־סלאַווישע ערקלערונג, חאָס שוין

עזרא־מענט באַפעהלט אָנצוקלאָגען קאָנ־ גרעסמיט. וואָס האָבען געוועזענע קאָנגרעסלייט האבען גענומען באבאר בייי קרימינעלע פֿאַרברעכער

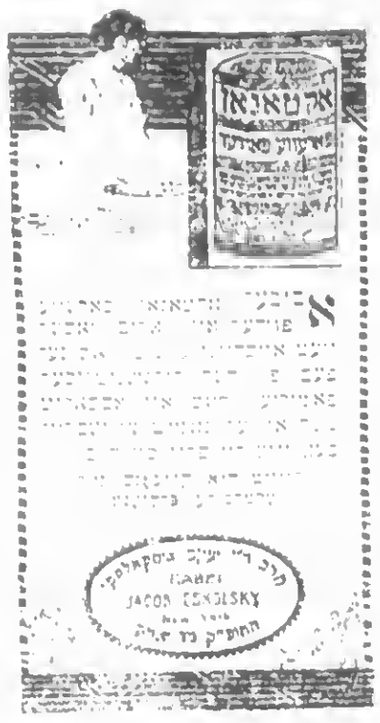
יונגער מעקאַדו זאָגט, אז מיטשעל פּאַלמער האָט פּאַלש עדות געזאָגט

900920001

The Emma Goldman Papers

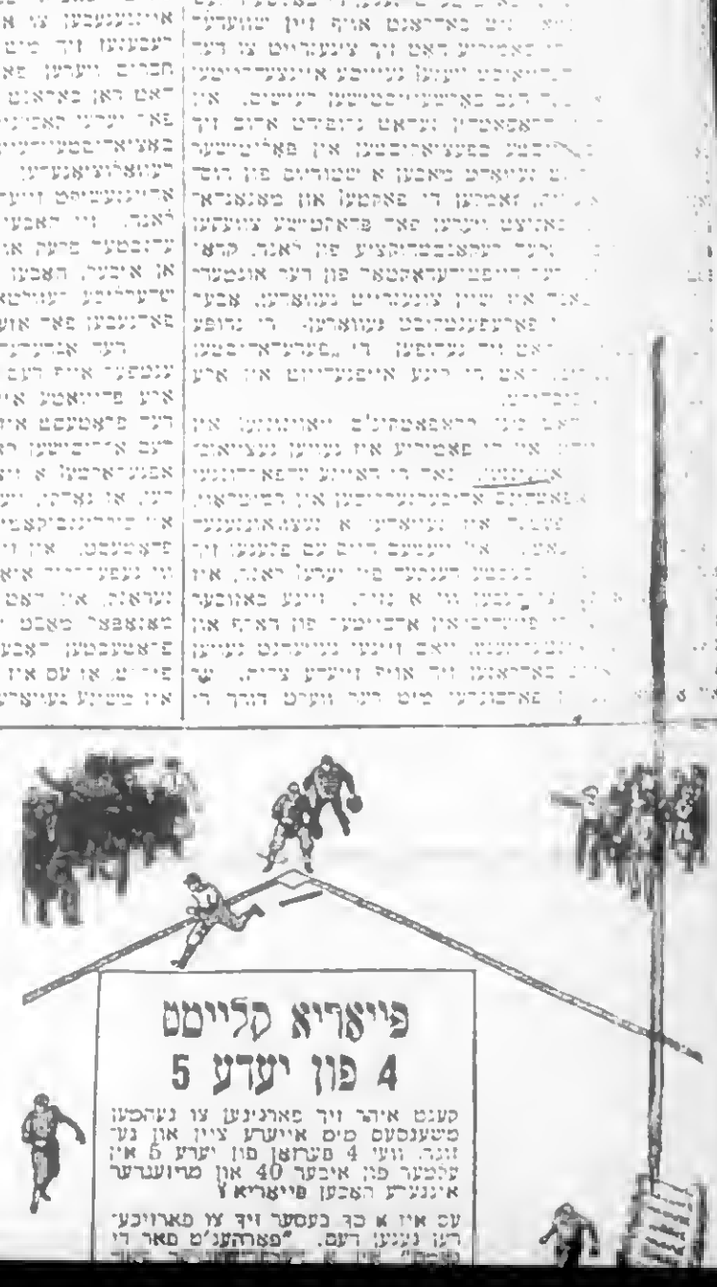
[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

Wolff's
GLUTEN
HEALTH
FOOD
ABSOLUTELY
PURE
WOLFF BROTHERS
PATERSON, NEW JERSEY
U.S.A.

800

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

יינט גרויסע פראטעסט פאַרזאַמלונג אין קארנעגיע האַל נעגען אימיגראַציע גזיר

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאָג

"קר מאנ" ניימעם ליכט

Published

XI. No. 3383 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, MARCH 8, 1924. שבת, ב' אדר ב', תרפ"ד. 1924. שבת, 8טן מערץ PRICE THREE CENTS

זהה און יונאַסלאַוישער מיניסטער אין קאַנפערענץ זוע פאַנראַם שרעק ביי בולגאַריש-סערבישער גרענץ

"טאג" נעוואנדטער אין כריף צום „טאג" פאַריבער נאַכאַמאל שרייַ פאַר אידען אין בולגאַריע

מאַרק קאַמישאַנער אמאלי וויל ווידער קאַנטראַלירן די פעדלערס

אראַבער אָן אינדיער פראַקלאַמיר קעניג חוסיין אלס קאַליף פון

דר. פאַסיטש באַקלאָגט זיך, אז בולגאַרישע אידן ווערען געשלאגען צו געבען גלעלד וואָס ווערט אויסגענוצט פאַר איבערפאַלען אויף יונא־סלאַוישער סערי־טאַריע און אפּעלירט צו אמעריקע אריינצומישען זיך צו פאַרהיטען אַ נייע מלחמה אין די באַלקאַנען.— סעק. יהזו ענטפערט פריינדליך אַבער וואַגט אָן אמעריקע קען זיך נית מישען אין אינערלי־כע אנגעלעגענהייטען פון פרעמדע לענדער.

דאס בילד צייגט קעניג זיסעקי. מיטא קאליף אפטא אין אראַבער אין אינדיע. זיסעקי איז אויך פראַקלאַמירט אלס קאַליף פון אראַבער אין אינדיע.

(טעלעפאָניש צום „טאג".)

וואשינגטאן, סטרען 7. — דר. פאַסיטש פון סערבישער מיניסטער אין וואשינגטאן, האָט היינט נעראַטן אַ די כאַנדעס האבען נעמאכט אויסצורא־טעוען אלע אידען. אויך, זיי וועלען נים צוהלען א קאַנטריבוציע פון 15 מיליאן לעווא.

מיניסטער פאַסיטש האט אנגעוויזען, אז די סעטונקייטען פון די קאַמישאַר־זיבאַנדעס קאַנען לייכט פיהרען צו א מלחמה צווישען בולגאריע און יונא־סלאַוויע אויב נים ערגעסיינעם קרייז אין די באלקאַנען. און ער האט אפּעלירט צו סעקרעטערי היוז צו באאר־בעטן זיין אינפלוס אויף דער בולגאר־שער רעגירונג. אויבצוהאלטען די באר־דעם אויבער ס'אין צו שפּעט. פיעיק־סער פאסיטש האט אויך פּראַטעסטירט נעגען אויספרעגען נעלר פון בולגאריע אידען, וואָס זאל נעהן אויף צו קינאר־צידען אויבערפאלען אויף יונאסלאוי־שער סערי־טאריע.)

סעקרעטערי יוהז האט פרייוודיג אויפנעהערט דעם רענאַוויזיען פון סאַוויעט־רוסלאַנד, ער האט אבער נים צוגעזאגט צו טאָן עפּעס כדי צו עזרה צו ער האט נעענטפערט מיט אַ שרוג פון די אַקסלען.

דער אויסנעמען מיט איהם די פראַגע פון דעם איבערפאַל פון די בולגאַרישע באַנדעס אויף דער בולגאַריש־סערבישער נרענץ, און ספעציעל אין פאַרבינדונג מיט די סטראשונקעס וואָס די באַנדעס האבען נעמאכט אויסצורא־טעוען אלע אידען. אויך, זיי וועלען נים

כירס איבערנעבען אלע פעדלערס אין דעם טעכט פון פאַרקעפּט קאַמישאַנער, אבער עס האט זיך נים איינגענעבען. איצט באַנייט די פאַרקעפּט קאַמיסיע פון באַארד אוו אלדערמען דעם פראַאיהרינען קאַר שלאַנ. עס הייסט, אז „כעו בעפּ" די אלדערמען צו נעבען דעם פאַרקעפּט קאַר קישאַנער די מאַכט. אבער וועד עס בעפּ אין נים קלאר.

נאר א פראבע וועלט נעמאכט צו נעבען דעם פאַרקעפּט קאַמישאַנער אמאלי די לאַנד־אַרע איבער אלע פעדלערס פון ווערק.

איצט הנדלען אלע פעדלערס קאַנטרא־דיים נאר פון ייסעבם קאַמישאַנער. דער פאַרקעפּט קאַמישאַנער האט קאַנטראַלירט די פיס־אַרס ליים אין די פאַרקעפּס.

פראַאיהרען האט כעו שוין פרוי־

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דער גאנצער דאָרף איז געגאנגען נאָך דער אינדרוקספאָלער לויה-פראָצעסיע פון פעטער קראפאָטקין

פון עמא גאָלדמאן

דער היינטיגער ניט פון

דער „בית זקני

גרויסע צו זיין חבר'ס נאָמען, באשוינדעלט רעגירונג און באגעהט ועלבסטמארד

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

"דער טאג" ביימט לייכט

Office : 183 East Broadway N. Y. Tel., Orchard. 7000

Office 183 East Broadway Tel. Orchard 7000

XI. No. 3385 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK MONDAY, MARCH 10, 1924. כאנטאג, ד' אדר ב', תרפ"ד. 1924 מאנטאג, 10טן מערץ PRICE THREE CENTS

30 קאר פערם פון פאר שאטענע מינערס ארויסגעשלעפט; קיין האפנונג פאר איבריגע 145

אויל מאגנאטען האבן געהאלפן מיליאן דאלאר פאנד פאר רעוואלוציע אין מעקסיקא

עדוארד דעבבי

עדוארד דעבבי וועלכער הויפט פראקיורער אונם באלעכאם אויבער דעם גיכטי דעפארטמענט

פ. קראנאשטשאקאוו פאר־משפט צו זעקס יאהר גזורמע

פאטקיע, מערץ 10. — אלעקסאנדער קראנאשטשאקאוו, אפאלגער שר פאנצער לאיער, וועגען וועלכער פרעזידענט פון דער רעפובליק פון וויטען מיזדח אן, איז רעצענט דירעקטאר פון דער סאציאל וו עט בישבראנק אין וויטע געשטונען וועגען שוידלונג אויף די לאנגען פון וועבען אינוסטרענוועהליטע פרוווילע, וועלכע צו זיין בירדער אויפן חשבון פון דער באנק אן פון רעבען צו בריוס אויף די קאסטען פון דער רעגידונג, די ריכטער האבען קראנאשטשאקאוון פאר־משפט צו זעקס יאהר פאסירט.

דער פראקיראר האלטענדיג די שולד דערע האט צוגעגעבען אז קראנאשטשאקאוו האט גרויסע פארדינסטען פאר דער רעוואלוציע, ער האט אבער אויסגעפירט אז טאקע צוליב דעם וואס קראנאשטשאקאוו האט זיך אזוי אויפגעפיהרט אין דער באנק פארנומען אזא פארטיזאנשפון אבער דאס נישט פאר דעם פארטי פאר קאמוניסטישער פארטיי דאס ער זיך באפאסט אויפצופיהרן שטרענג אובייקטיוויש אין ריכטען א פראצעס וויסען נעמט, קומט אויס אז ער האט גים נעטאן, קומט

די רעפובליקאנער נעהמען איבער גריבישע רעגירונג; וועניזעלאס פאהרט אפ

אטהען, מערץ 10. — דער פרעזידענט פון דער רעפובליק, וואס ער האט זיך שטענדיג אנגענומען די פארדרוס פון דער פיהרער דעמאקראטישער אריבער־ גיכטי פארטי, גים אנגעקומען צו דעם רעזולטאט, אז ער וועט נישט ווייטער זיין פרעזידענט פון דער רעפובליק, נים אנפרעגען זיך וועגען דעם ביים פאלק.

אריבער אמעריקאנער דיפלאמאט קאנ קיין מעקסיקא

וועשינגטאן, מערץ 10. (אידטאג). — וויי מיר דערווייסען זיך אין דער עשטער סעקרעטער פון דער אמעריקאנער באטשאפט אין וויען, שרעבעקלה, א א. ד. באאיטיגט נעווארען אלס ראטגעבער צו דער אמבאסאדאר באטשאפט אין מעק סיקא.

קוואטראזאס לויט 1910 וועט דערוועהזן פאר־

פאדערונג אז פונקארע זאל באלד רעזיגנירן; פראנק איצט וועלט 3½ סענט

פאריז, מערץ 10. — די טעגדסטע ציטונגען פון פאר האבען אינגע אנגע הויבען א שטארקע פראפאגאנדע קעגען פואנקארע'ן. פון אינעכטס הערט זיך די פאדערונג, אז פואנקארע זאל רעזיגנירן.

אפילו ביעל פון פואנקארע'ס פרייטע זאגען אפיצה, אז זיין פאליטיק האט אראפגעווארפען דעם ווערט פון פראנ צויזישען נעלט אויף די הויכטיגע.

אונטער'ן פאריזיין פובלם פראנ צויזישען פרעזידענט טילקאן, איז אפ־ געהאלטען נעווארען א מיטינג, בוי וועלכן עס איז אויך אנווועזעד נעווען דער פרעמיער פואנקארע אין גרויסע כאנקי רען אין דער באנקידזראס. עס איז באשלאסען נעווארען אנצונעמען דעם בריף וועגען פינאנזידפארמען אין נאכ־ אמאל אריינגעבען אין עקלעריזע, אז פראנקרייך דערווארטן זאלע אויסנאבען אין וועט אויפגעבען אויהרע פרעגנגי, צו ריידן נעלט צו פרעמיע רעי דער.

אנדאי, מערץ 10. — דא דאכט מען, אז די נידערלעג יראוטע פובלם פראנצויזישען נעלט קאן וועדען א פי אויהרע אפאפאגאנדע פאר נאכן אויסא. אויב דער פראנצויזישער בודזשעט ווערט כאהר נים אויסגעגליכען ווערט־ ואנען הויפ פינאנזידפפארטען—וועט דער פראנס נאך נידעריגער פאלען.

אין נידיארק איז דער פראנק, וואס האט אמאל די ווערט נעהאט 20 סענט, צוליב די וויכטע נים מעהר ווי 3 סים א בויל וועגען פינאנזידפארמען אין נאכ־ האלטען בענדס.

ערשטע 50,000 דאלאר

803

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דער אמת וועגען קראַנשטאַדטער אויפ־שטאַנד, וואָס די באָלשעוויקעם האָבען דערטרונקען אין טייכען בלוט

פֿון עמא גאָלדמאן

קאפיטעל 27.

1, אויב יעמאַנד פֿון אונדזערע לייענער וועט זיך אַמאָל אינטערעסירן, וואָס עס איז פֿאַרגעקומען מיט דער אַנאַרכיסטישער קאָלאָניע, וואָס די באָלשעוויקעס האָבן אויפֿגעמאַכט אין פּעטראָגראַד, וועט ער אָפֿט אָדער שפּעט אָנקומען צו דער מסקנה, אַז עס איז אַ גליק, אַז די באָלשעוויקעס האָבן אונדז אַזוי שנעל פֿאַרניכטעט. דען אויב זיי וואָלטן אונדז נאָך אַ וויַילע געלאָזט לעבן, וואָלטן זיי אונדז אָן אַ ספֿק אויך פֿאַרניכטעט, נאָר מיט אַ גרעסערן חורבן פֿאַר דער רעוואָלוציע. דער פֿאַקט, אַז מיר זענען אַזוי שנעל פֿאַרניכטעט געוואָרן, האָט אונדז אָבער אַ גרויסן דינסט דערוויזן. מיר זענען אַזוי שנעל פֿאַרניכטעט געוואָרן, אַז מיר האָבן נישט גענוג צייט געהאַט, צו זען, וואָס עס טוט זיך אין אונדזער אומגעבונג. מיר זענען נישט גענוג לאַנג געווען אין דער טיפֿער אומגליקלעכער לאַגע, אין וועלכער עס האָט זיך באָלד נאָך דער רעוואָלוציע געפֿונען דאָס גאַנצע רוסישע פֿאָלק, כּדי צו קענען אַרויסגעבן אַ קלאָרן אומפּאַרטייִשן משפּט וועגן דער נייער רעגירונג, וועלכע האָט זיך אויפֿגעשטעלט אויף די רוינעס פֿון דער אַלטער. מיר זענען נישט גענוג לאַנג געווען אין דער לאַגע, צו צו קענען אַרויסגעבן אַ משפּט וועגן דער נייער רעגירונג, וועלכע האָט זיך אויפֿגעשטעלט אויף די רוינעס פֿון דער אַלטער. מיר זענען נישט גענוג לאַנג געווען אין דער לאַגע, צו צו קענען אַרויסגעבן אַ משפּט וועגן דער נייער רעגירונג, וועלכע האָט זיך אויפֿגעשטעלט אויף די רוינעס פֿון דער אַלטער.

2, אין דער צייט, וואָס מיר זענען נאָך געווען אין פּעטראָגראַד, האָבן מיר אַלע אונדזערע קרעפֿטן אַריַינגעלייגט, כּדי צו העלפֿן אָרגאַניזירן אַ פֿאַרטיידיקונג קעגן דער קאָנטרע־רעוואָלוציע, וואָס האָט זיך אָנגעזאַמלט אין פֿינלאַנד. מיר האָבן אַרויסגעגעבן אַ רופֿ צו דער אַרבעטער־קלאַס, אַז זי זאָל זיך אָפּשטעלן פֿון יעדער אַרבעט, וואָס קען העלפֿן דעם פֿײַנט, אַז זי זאָל אַרויסגיין אויף דער גאַס, אויב עס וועט זיך דאָס נייטיק ווייַזן, כּדי צו פֿאַרטיידיקן דעם סאָוועטן־רעגירונג. מיר האָבן אַרויסגעגעבן אַ רופֿ צו דער אַרמיי, אַז זי זאָל זיך אויפֿלעמען קעגן דעם פֿײַנט, וואָס האָט זיך אַרויסגעשטעלט אין פֿינלאַנד

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ביינעם ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel., Orchard 7000

Vol. I. No. 3887 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK, WEDNESDAY, MARCH 12, 1924. טיסוואך, ו' אדר ב', תרפ"ד. 1924 מערץ 12 מיטוואך, PRICE THREE CENTS

קוֹלידוש פאָדערט באַלדיגע שטיער פאַרקלענערונג

פאַרזיצער פון סענאַט אַיל קאָמיטע רעזיגנירט פון אַט

גרויסער שטורם-ווינט הרג'ט פינף מענשען, פיעל ווערן פארוואונדעט; דעכער ארונטערגעריסען, טעלעגראף דראָטען אָפגעשניטען און שיפען אָפגעשטעלט; גרעלט שאָדען ארום ים ברעגעם באמערקט מיליאָנען

אַנדערהאַלבן מיליאָן, ניו יאָרק קרן היסוד קוואָטאַ

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

וואם הערט זיך אין שלום-עליכם פאלקס-אינסטיטוט

אמת וועגען קראנשטאדטער אויפ-סטאנד, וואם די באלשעוויקעס האבען דערטרונקען אין טייכען בלוט

$2,000 נעוואלם אויף וויטלקאום באנקעס פון שטוק עקסט שול פון 5 צאר אן אייגען הויז

פרימארצען קלאסען ווערען נעפעפנט אין ש"ע שול נומ' 15, אין ברוקלין

פעקציעס איבער דערציאונג אין ש"ע שול נומער 15

500 דעלאר גיט דער ש"ע סאלקס-אינסטיטוט אויף א הויז

אברהם רייזען שריפטען אין א פיאצע מתנות אזר דער שול נומ' 5

Field

נעשמאק וועגדעם זיך טאבאק סואליטעט

מיר זאגען עס זייער סיר נליובטן או די באבאקא וואס ווערען נעברו: מיטעסטרסיעדעד זייענען סון א ב קוואליטעט ואון דערפאר האבען די טערצען נעסטאק) וויי אין ועלכען עס דעם פי:

Liggett & Myers Tobacco Co.

esterfield

סיגארעטס

זיי שמעקען צופיעדש

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ברענגט ליכט

Office: 1726 Pitkin Av, Brklyn
Telephone, Dickens 3000

Publication Office: 1726 Pitkin Av, Brklyn
Telephone, Dickens 3000

No. 2890 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, MARCH 15, 1924. שבת, ט' אדר ב', תרפ"ד. 1924. שבת, 15טן מערץ, PRICE THREE CENTS

סענאט קאָמיטע הערט וואַרימען אפיל אָפּצושאפען קוואָטאַ פאַר פרויען און קינדער פון בירגער

ניעיר ביל אין אַלבאַני שלאָגט פאַר צו באַשטראָפען עלטערן פאַר די זינד פון קינדער

אלבאני, נ. י., מערץ 14. — אויב דער נעזונד־פראיעקט, וואס אסעמבלימאן בוירסטיל פון מאנהעטען, האט פאראנלאזט, וועט אננעטומען ווערן, וועלען עלטערן פון מינדערי־יעריגע קינדער וואס שפּילן אויף די גאסן פון ניו יארק שווער באשטראפט ווערן. דער ביל פאראיבעט אז עלטערן וועלען פאראנטווארטלעך זיין פאר אלע אויפטוען פון זייערע קינדער אונטער 16 יאהר, וואס וועלען נעבאשעפּ וועלען אין עלטערן עלטערן אין אפּאַרטמענטס, וואו עס וווינען מער ווי צוויי פאמיליעס אויף איין פלאָר, אדער שלעכטער אויפּפירונג, באַשטראפט ווערן נאך מעהר, ווי די קינדער נופא.

דער נייער ביל איז נעקומען אלס רעזולטאט פון דעם רייכסאנוואלט־פראצעס אין דעדהם וואס "דער טאג" אין צייטונג אנדערע אויסיגע פּרעסע־מענער האבן נעזען פּאראיבעט. ער האט פאראורזאכט דעם "דער טאג" אין צייטונג, אז דער ריכטער קראפּסי האט פּאראורזאכט דעם "דער טאג" אין צייטונג אנדערע אויסיגע פּרעסע־מענער האבן נעזען פּאראיבעט. ער האט פאראורזאכט דעם "דער טאג" אין צייטונג, אז דער ריכטער קראפּסי האט פּאראורזאכט דעם "דער טאג" אין צייטונג אנדערע אויסיגע פּרעסע־מענער האבן נעזען פּאראיבעט.

עלילת דם אין קאָוונע

קאָוונע, מערץ 14 (אינטע). — די אפיציעלע צייטונג פון דער קריסטליך־קאַטהאָלישער פּאַרטיי אין היינט ארויס נעפּראָטעסטירט קעגען מיט אן עלילת־דם קעגען דער אידישער באַפעלקערונג פון קאָוונע. די צייטונג באַהויפּטעט, אז א צוזאַמענקונפט קריסטליך מיידער, וועלכע עלטערן האבען נעוואַרנט אין א אידישן שטיבל נעמען, איז פאַרשווינדען נעווארן, אין אז די אידען האבען זיך באַנוצט מיט איהר ביזון פאר מצות אויף פּסח.

אַנעמט פון יוסטיץ דעפּאַרטמענט איז מודה, אין נעמען כאַבאַר פאַר סמיט'ן

וואשינגטאן, מערץ 14. — נאכמאן ב. סיקס, נעווועזענער אנוואלט פון דער קאמיסיע פון סענאט אין זיך מודה נעווארן אז עס איז נישט נעקענט פאַרטוועזען איהר ערות זאַגן פאר דער סענאט קאמיטע צוליעב דעם פאל פון דזשאן סקוד, וועלכער איז אנגעקלאגט געווארן פון דעם פּאַרברעכן פון מיינאַרישן אפּפּרוּוון אין ברוקלין אין דער צייט וואס ער האט נאך געדינט אין דער מארינע. סיקס האט דערקלערט אז ער האט נישט קיין רעכט צו פּרעסירן דעם פאל, ווייל ער איז שוין נישט אין דער מארינע.

הויפּט דער לעצטער ארויסשיקען אינ טעקס באַריכטע

רעווענוען אפיסעס וועלען זיין אפען ביז האלב־שטראף פון 25 פּראצענט פאר ניט צושטעל־אין צייט. — 5 פּראצענט שטראף פאר ניט טעקס ביז הויפּט 12 ביינאכט.

די אפיסעס פון דער אינטערנאל רע־וועניו ביוראָ פון דער סעקרעטאַלער דע־נירונג וועלען זיין אפען הויפּט, שבת, דעם 15טן מערץ, ביז 12 א זייגער בייד נאכט. מרשנק ק. באוערס, רעוועניו קא־לעקטאר פון 2טען דיסטריקט, האט הויפּט ערקלערט, אז די וואס וועלען ניט אריינשיקען זייערע באריכטען פאר מי־טען נאכט הויפּט וועלען בזוזען צוזאמען 25 פּראצענט פון זייער טעקס שטראף פאר זייער נאכלעסיגקייט. פאר ניט אריינצוהאלטן טעקסעס ביז 12 ביינאכט איז די שטראף 5 פּראצענט פון דער טעקס סומע.

די טעקס באריכטען האבען זיך פאַרמעסעלט און פאַרדרייפאכט אין די לעצטע פאר טעג, זיכט עס איז קלאר געווארען, או קאנגרעס וועט אזוי ניט פארלענגערן די טעקסעס פאר 1923. צו דעם שטענדיגן סטראָם פון 250 קלערקס איז די ניו יארקער אפּי־טע טעג צוגעוויזעט נאך פופציג.

צוליעב דער אומזיבערקייט אין וואר־שינגטאן איבער דער טעקס־פראבלעם, זאגט מר. באוערס, האבען פיעלע טעקס־צאָהלער צוריקגעהאלטען זייערע באר־ריכטען כדי צו לעצטע טעג; דערפאר איז ער זיכער, אז הויפּט זיין א נעלאפּ אין אלע טעקס אפיסעס ביז דער לעצטער בינוס פון דעם טעקס טערמין.

אינטערעסאנט איז, וואס די רייכ־סטע טעקס־צאָהלער אריינלן שטענדיג צוויישען די לעצטע אריינצושיקען זייע־רע באריכטען.

סער אלפרעד מ וואַרשעט אין ו

ירושלים (אינטע), סער אלפרעד מאנד, פּעזולטענער ניסטער פאר עגיפּטען א אויף זיין וועג צוריק פון אי ארץ ישראל, אין עד וועלכ טעג רעזע 17טן מערץ. שטעהן ביים סער הערבערט

807

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דער אמת וועגן קראַנשטאַדטער אויפ-שטאַנד, וואָס די באָלשעוויקעס האָבן דערמרונקען אין טייכן בלוט

אריינאם די קראַנשטאַדטער מאַראַזן האָבען זיך צוביטעריט אין ייאָ זיי האָבען געפֿאַרט.

פֿון עמא גאָלדמאן

[illegible] טייטער דעפּוטירט. איז דער געשיכטע פֿון דער רוסישער רעוואָלוציע וועלכע די נעמען פֿיר מיאָטער, וואָס אויף דעם לעצטן קאָנגרעס פֿון די סאָוועטן אין מאָסקווע האָבן זיי אַ גרויסע ראָלע געשפּילט. דורכגעקוקט מיינע אָפּשריפֿטן וואָס איך האָב געהאַלטן אין מיין הויז אין פּעטראָגראַד, וואָס זיי זענען מיר אָפּגענומען דורך די באָלשעוויקעס אין אָקטאָבער 1917, האָב איך אויך געפֿונען אַ פּאָר בריוו פֿון לענין, וואָס ער האָט מיר געשריבן אין אַ צייט ווען ער איז נאָך געווען אין פֿאַרבאָרגענקייט. איך האָב זיי אָבער נישט אַרויסגענומען פֿון מיין ביבליאָטעק, ווייל איך האָב נישט געוואָלט אַז מיין נאָמען זאָל זיך פֿאָרמישן מיט דעם פֿון לענין.

דאָס ווייזן זיינע בריוו קלאָר אַז לענין האָט אַלע מאָל פֿאָרגעזען אַז ער איז נאָר געווען אַ פֿירער פֿון אַ פּאַרטיי, וואָס האָט נישט געקענט אָנקומען צו דער מאַכט אָן דער הילף פֿון אַנדערע פּאַרטייען. אין אַ בריוו פֿון אויגוסט 1917 שרייבט לענין: "מיר מוזן אַרבעטן מיט אַלע רעוואָלוציאָנערע עלעמענטן, אויך מיט די אַנאַרכיסטן." אין אַן אַנדער בריוו פֿון אָקטאָבער 1917 שרייבט לענין: "מיר מוזן אַרבעטן מיט אַלע רעוואָלוציאָנערע עלעמענטן, אויך מיט די אַנאַרכיסטן, אַפֿילו מיט די וואָס האָבן מיט מיר פּאָלעמיזירט, אַבער נישט מיט די פּראָפֿעסיאָנעלע פּייסיפֿיסטן." — אַבער זיי זענען נישט געווען אַזוי טאָלעראַנט צו אַנדערע פּאַרטייען ווי לענין. זיי האָבן נישט נאָר נישט געוואָלט אַרבעטן מיט אַנדערע פּאַרטייען, נאָר זיי האָבן זיי אויך פֿאַרפֿאָלגט מיט אַלע מיטלען וואָס זיי האָבן נאָר געקענט אָנווענדן.

דאָס ווייזן זיינע ביבעזעס פֿרעזידענט וואָדראָוו וילסאָן, שרייבט אַמעריקאַנער זשורנאַליסט. אַבער דאָס איז נאָר איינער פֿון דעם פֿיל באַווייזן וואָס איך האָב אין מיין בעזיץ. דאָס ווייזן נעמען סאָ פֿון אַנאַרכיסטן, סאָציאַליסטן, פֿון דער פֿרייער פּרעסע, פֿון אַלע פּאַרטייען אין רוסלאַנד, אַחוץ פֿון די באָלשעוויקעס. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרשוואָרענער פֿיינט פֿון דער רעוואָלוציע. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרראָטער פֿון דער סאָציאַליסטישער אידעע. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרשוואָרענער קעגן דער פֿרייהייט. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרראָטער פֿון דער רעוואָלוציע. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרשוואָרענער קעגן דער פֿרייהייט. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרראָטער פֿון דער רעוואָלוציע.

דאָס ווייזן זיינע ביבעזעס פֿרעזידענט וואָדראָוו וילסאָן, שרייבט אַמעריקאַנער זשורנאַליסט. אַבער דאָס איז נאָר איינער פֿון דעם פֿיל באַווייזן וואָס איך האָב אין מיין בעזיץ. דאָס ווייזן נעמען סאָ פֿון אַנאַרכיסטן, סאָציאַליסטן, פֿון דער פֿרייער פּרעסע, פֿון אַלע פּאַרטייען אין רוסלאַנד, אַחוץ פֿון די באָלשעוויקעס. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרשוואָרענער קעגן דער פֿרייהייט. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרראָטער פֿון דער רעוואָלוציע. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרשוואָרענער קעגן דער פֿרייהייט. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרראָטער פֿון דער רעוואָלוציע.

איבערלעבונגען פֿון דער רעוואָלוציע הינריכטונג

די ש־ע־קליבע גייסטיגע לייטען

באַשרייבונג פֿון דער רעוואָלוציע [illegible] דעם אַלגעמיינעם שרעקעל וואָס רוסלאַנד זאָל אַרומגעלייגט האָבן זאָר כּוחות קאָמיסאַר, שיק איבערגעבן פֿון דער רעוואָלוציע, דרוקט אין בערלין. שיק איבערגעבן פֿון דער רעוואָלוציע, דרוקט אין בערלין. שיק איבערגעבן פֿון דער רעוואָלוציע, דרוקט אין בערלין.

דער קלאַץ עפענט אַ מויל און עם צייגט זיך ארוים אז ער איז גאָר אַ קראַקאַדיל

יי פֿון שטודירט דאָס לעבען פֿון חיות אין פֿאַרוואַרפענע ווינקלען פֿון דער וועלט — פֿון ל. באַראַדיל.

דער אמת וועגן קראַנשטאַדטער אויפ-שטאַנד, וואָס די באָלשעוויקעס האָבן דערמרונקען אין טייכן בלוט

אריינאם די קראַנשטאַדטער מאַראַזן האָבען זיך צוביטעריט אין ייאָ זיי האָבען געפֿאַרט.

פֿון עמא גאָלדמאן

[illegible] טייטער דעפּוטירט. איז דער געשיכטע פֿון דער רוסישער רעוואָלוציע וועלכע די נעמען פֿיר מיאָטער, וואָס אויף דעם לעצטן קאָנגרעס פֿון די סאָוועטן אין מאָסקווע האָבן זיי אַ גרויסע ראָלע געשפּילט. דורכגעקוקט מיינע אָפּשריפֿטן וואָס איך האָב געהאַלטן אין מיין הויז אין פּעטראָגראַד, וואָס זיי זענען מיר אָפּגענומען דורך די באָלשעוויקעס אין אָקטאָבער 1917, האָב איך אויך געפֿונען אַ פּאָר בריוו פֿון לענין, וואָס ער האָט מיר געשריבן אין אַ צייט ווען ער איז נאָך געווען אין פֿאַרבאָרגענקייט. איך האָב זיי אָבער נישט אַרויסגענומען פֿון מיין ביבליאָטעק, ווייל איך האָב נישט געוואָלט אַז מיין נאָמען זאָל זיך פֿאָרמישן מיט דעם פֿון לענין.

דאָס ווייזן זיינע בריוו קלאָר אַז לענין האָט אַלע מאָל פֿאָרגעזען אַז ער איז נאָר געווען אַ פֿירער פֿון אַ פּאַרטיי, וואָס האָט נישט געקענט אָנקומען צו דער מאַכט אָן דער הילף פֿון אַנדערע פּאַרטייען. אין אַ בריוו פֿון אויגוסט 1917 שרייבט לענין: "מיר מוזן אַרבעטן מיט אַלע רעוואָלוציאָנערע עלעמענטן, אויך מיט די אַנאַרכיסטן, אַפֿילו מיט די וואָס האָבן מיט מיר פּאָלעמיזירט, אַבער נישט מיט די פּראָפֿעסיאָנעלע פּייסיפֿיסטן." — אַבער זיי זענען נישט געווען אַזוי טאָלעראַנט צו אַנדערע פּאַרטייען ווי לענין. זיי האָבן נישט נאָר נישט געוואָלט אַרבעטן מיט אַנדערע פּאַרטייען, נאָר זיי האָבן זיי אויך פֿאַרפֿאָלגט מיט אַלע מיטלען וואָס זיי האָבן נאָר געקענט אָנווענדן.

דאָס ווייזן זיינע ביבעזעס פֿרעזידענט וואָדראָוו וילסאָן, שרייבט אַמעריקאַנער זשורנאַליסט. אַבער דאָס איז נאָר איינער פֿון דעם פֿיל באַווייזן וואָס איך האָב אין מיין בעזיץ. דאָס ווייזן נעמען סאָ פֿון אַנאַרכיסטן, סאָציאַליסטן, פֿון דער פֿרייער פּרעסע, פֿון אַלע פּאַרטייען אין רוסלאַנד, אַחוץ פֿון די באָלשעוויקעס. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרשוואָרענער קעגן דער פֿרייהייט. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרראָטער פֿון דער רעוואָלוציע. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרשוואָרענער קעגן דער פֿרייהייט. אַלע זענען זיי איינס אין דעם אַז לענין איז אַ פֿאַרראָטער פֿון דער רעוואָלוציע.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

DAILY NEWSPAPER

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

"דער טאג" ביינם ליכט

Office: 183 E. B'way. Tel. Orchard 7.000
Tel., Orchard 7000

Office: 183 East Broadway
Tel., Orchard 7000

XI. No. 3394 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, MARCH 19. 1924. טיסוואר, תענית אסתר, תרפ"ד. 1924 מיכוואר, 19סטן מערץ PRICE THREE CENTS

דאהערטי האט געפיהרט זיינע אויל-געשעפטען אונטער פרעמדען נאמען, דערצעהלט עדות ביי סענאט פארהער

"האוז" נעהמט אן באנום-ביל מיט 355 שטימען נעגען 4

אקאונטענט געפינט אוים אין ביכער פון סטאק־העגרלער, אז דאהערטי'ס סטייטמענט איז פאלש און אז ער האט אין 1922 יא נעקויפט אן.פארקויפט שערס פון דאהעני'ס אויל־קאמפאניע. — ווילאם אר מודה, אז ער האט אויס־נעווארקט דעם „רזשאב" פון אטוודני דזשענעראל פאר'ן נוי־יארקער וויניטער סטייט אטוודני היוואדד און אז ער האט נעגעבען 6,000 דאלאר כאבאר פאר משקה.

וואשינגטאן, מערץ 19. — ווי אין פ. באנק, דער אפאוקאטן פון דער פיר "דראי טיידר באנק־שאן", וואס האט פאר דער דויר בעשטאנד אין אונטערזוכט בי ביכער, פון אויינעץ נדויסע סטאק־מעגן, אז דאהערטי'ס ער־ווארב. "אט באהויפט אזוינע פאק־טען, וויא צייגען, אז דאהערטי'ס ער־הויבען זיך 25סטן סעפטעמבער איז ניט אמת.

דער אסיסטירענדסעקרעטאר פון דער־טרעזשערי דאהט פארטעפניכט אז דאהערטי האט נעפארדערט רויענען פון אלע עסטפער איינ די קאנטען, אז ער האט ערקלערט ביים בעסק פון די אויסקאנטע, וואס "אבער אריינכא־נומען דורך פארשידענע מיטלען, ווי דאהערטי האט נעזאגט, אז ער האט נאר פארטיפט כראקטער קאנכער אויסקרעכטאבען, ער האט אבער נעראטן קיין עסקים מיט עדוואדד ל. דא־הערטי בשעת אין צייט פון 1922.

כד. דאוים באד האט צוער אויפ־נעמינג אי די ביכער פון כסאק הארדוויק, אי דאס וועגן אקטאבער, אין 1923. "אט דאהערטי יא נעקויפט הונדערטס שערס פון דאהעני'ס אויל־קאמפאני אין דאהעני'ס אויל־קאמפאני אי האט ווי פארקויפט נאר ווי ער האט אויסגעפונען, אין אנטדעקט אז ער האט נאר 18 יאהר מיידל

אידישער מיניסטער אין ענגלאנד נעלויבט פון דער פרעסע

לאנדאן, (איטא) מערץ 19. — עסטר טעל שיינוועל, מיטגליער פון מעקדא־נאלד'ס ארבייטער רעגירונג און מיניס־טער פאר די מינען אין ענגלאנד, ווערט היינט שטארק נעלויבט פון דער ענגלי־שער פרעסע נאר זיינע באציהונגן צו פארמיידען א קוילענקריזיס אין ענג־לאנד. שיינוועל איז נעבטען אויסנעטמען ווערען הויכ'ן ענגלישען קענציג מיט ווענען ער האט דיסקוטירט ווענען רער קוילען־אנע.

שונאים פון אימיגראציע־שטיצען זיך אויף ראקעפעלער און זאנגוויל

דער אלטער מיליאנער ערקלערט, אז 1890 צעהנטס איז נויטיג — ישראל זאנגוויל'ס רעדע וויבען נארדיקס נעברעכט שלם באזייט, אז קאמפיין נעגען כיל ווערט אנגעפירט כלויז פין „פרעמדע" נר־פען. — די אירקע האבען זיך ניט אויף צו באקלאגען, זאגט בארייכס.

קאמף נעגען אונ־ווילט נעשטיצט פון פארמירטע נענגסט

וואשינגטאן, מערץ 19. — ביי דער סענסטימונג איבער רעם סאראטאגא־באר נוס ביל, אין דעפרעזענטאנטען־הויז נעבטען האבען 355 קאנגרעסלייט נעד סענגט, אירדער ער נעהט איבער צוס שטימס פאר אין אונטערשרופס.

די אפשם כינג האט זיך אנגעהויבען הירד א קלאק 11.30 פארטיטאג נאך א דעבאטע פון 40 מינוט. דער ביל וואס איז אננענומען נעווארדען אין איבערנייקט נעווארדען צוס סענאט. באווילינס די וואטפראזען פין ווערט קריעג צוואנציג יעהרינע. אפעציאלטע ענדאוטענט אינשיורענס־פאליסיס אין א קיש־אפצאלונג פון 50 דאלאר צי די וועטעראנען, וואס זיינען ניט באראכ־טינט צו מעהר ווי די סומע.

דער נייער ביל באווילינס די סאלדא־טען, ווי דער אלטער ביל, א דאלאר א טאג פאר דער צייט, וואס זיי האבען נע־רינט רא אין דאנר אין א דאלאר טיס 25 סענט א טאג פאר דער צייט, וואס זי האבען נעדינט אויף יעהרי ניס די רעשטע זעכציג טעג, וואס זיי האבען נעדינט אין דער ארמיי, וויערען ניט נע־צייאינעט צו ביהאלטען.

מיטרען. די מיטגליעדער פין יעפרעזענ־טאנטען־הויז האבען אבער נאר ניט לעצטע וואכן; דער ביל דארף עדשט פריהער אננענומען ווערען אין סענאט, אירדער ער נעהט איבער צום פרעזידענט פאר איין אונטערשרופס.

די אפשם כינג האט זיך אנגעהויבען הירד א קלאק 11.30 פארטיטאג נאך א דעבאטע פון 40 מינוט. דער ביל וואס איז אננענומען נעווארדען אין איבערנייקט נעווארדען צוס סענאט. באווילינס די וואטפראזען פין ווערט קריעג צוואנציג יעהרינע. אפעציאלטע ענדאוטענט אינשיורענס־פאליסיס אין א קיש־אפצאלונג פון 50 דאלאר צי די וועטעראנען, וואס זיינען ניט באראכ־טינט צו מעהר ווי די סומע.

דער נייער ביל באווילינס די סאלדא־טען, ווי דער אלטער ביל, א דאלאר א טאג פאר דער צייט, וואס זיי האבען נע־רינט רא אין דאנר אין א דאלאר טיס 25 סענט א טאג פאר דער צייט, וואס זי האבען נעדינט אין דער ארמיי, וויערען ניט נע־צייאינעט צו ביהאלטען.

רוטענבערג מאוישיץ ווערט אוי

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דאָס אויפלעבונג פון קאפיטאליזם און די פּאַרפאלגונגען אויף אנארכיסטען נאך דעם קראַנשטאדטער אויפשטאנד

ווי די באלשעוויקעס האבן אויפגעלעבט די נעמיר־שאפטריכע באריכטונגען וואָס די רעזשיראיצין האט אפגעשאפט

פון עמא גאלדמאן

קאפיטל 28.

די אנארכיסטען פארפאלגונגען

אין א ראָד ווי יוסלאנד, וואו דער שטאַאט איז דער בעריכטיגטער פון האנדלאָוועס אלע, איז כמעט אומטענריך צו גלויבן אין דעם „קרי" פון דער רעגירונג. איך בין צבער נישט ענטשלאסען צו מאכען א פּראָבע. איך האב קיין אר גיט נעוואלט אנגע קומן, אפילו נים דעם בריוו פון זאשא. פון די רעזט וואָס וויינען נישט אין סאוועטן פארשטעהן ניט דעם בלוט פון די בישטע קראנשטאדטער מארטיר. וואס גליק האב איך נר אז איך האב ניט אבסערוירט קיין אנדערע מיט איבערצייגונג. אזוי איך האב ווי נעמאכט אויסצוקלייבן אויך שפיין. איך האב אויך ערפאלגרייך אב סאל נעלט פון מיינע אייגענע אין די סאוויעטן שטאַאטען. האב ווארט מיר נישט נעגלויבט צו לעבער א סענלונקויט צו לעבער א שטיפעל צייט. אין מאסקווע האב איך נעפראגט א קלייניגע צימער, אין ייעלכען עטשער קאָאפּעראַטיוו־טאבנטער האט פריוואט נעוואוינט. פון כאן צו האב איך נעדענקט ווי מיזענטער אנדערע יוסטן, טראנענדיג וואבער, שאפענדיג האלץ, וואשענדיג דעק וועש אין קאבענדיג זאר זיך, אלץ אין מיין קליין צימער. איך האב זיך אבער נעזיכלט צייער און בעסער נעבענדיג אויף אוא שטיינער.

די נייע עקאָאמישע פּאָליטיק האט סארוואנדעלט נאבסטייע אין א ריזענען מארק. האנדער איז נעווארען די נייע רעליגיע. נעשעפטען האבען זיך נעפאסענם גיכער נאבט, אנגעזיכם איזה א נעהיימניספולען שטייגער מיט די גוטע וואבען, וואס מען האט שוין יאהרעלאנג ניט נעזעהן אין רוסלאנד. נרויסע וואפאבען פוטער, קעז און מלייש ווי־ זען אייזענווארען צום קאָוועך; ווייס נעבעקם. ערשטענם איז אלערלי קאנסעקוען האט מע נעקאנט רייכען. אין דער נעבויידע פון דער ערשטער סאוועטרעגי־ רונג איז נעווען נאר ווענם טאג ארייבט אין אירע קאָוועכויזעס ווי אין דער צייט פון דער נרויסער רעוואלוציע. אין דער נעוויסער צייט האבען אלע נעוואוסט אז עס קומט א נרויסע ענדערונג, אבער קיינער האט נים נעוואוסט ווי זי וועט אויסזעהן. אין דער ערשטער צייט פון דער ערשטער סאוועט־רעגירונג האבען אלע נעמיינט אז עס וועט נאר א קורצע צייט דויערן, אז דער קאמוניזם וועט אין א פאר וואכען אנגענומען ווערען, אז אלע וועלען אנהייבען צו לעבען אין איין נרויסער קאָמוניע, אז נעלט וועט אפגעשאפט ווערען, אז אלע וועלען האבען נלייכע רעכטען, אז אלע וועלען ארבייטען נלייך ווי אלע וועלען נלייך פארדינען. אין דער ערשטער צייט פון דער רעגירונג האבען אלע נעמיינט אז דאס וועט נאר א קורצע צייט דויערן, אז דער קאמוניזם וועט אין א פאר וואכען אנגענומען ווערען, אז אלע וועלען האבען נלייכע רעכטען, אז אלע וועלען נלייך פארדינען. אין דער ערשטער צייט פון דער רעגירונג האבען אלע נעמיינט אז דאס וועט נאר א קורצע צייט דויערן, אז דער קאמוניזם וועט אין א פאר וואכען אנגענומען ווערען, אז אלע וועלען האבען נלייכע רעכטען, אז אלע וועלען נלייך פארדינען.

„אויסער די באלשעוויקעס האבען אויך די מיליאָנען נישלאָ־ סקעס אין רוסלאנד נעגלויבט אז דאס וועט נאר א קורצע צייט דויערן. זיי האבען נעהאפט אז ווען זיי וועלען נאר איבערלעבען דעם ערשטען שטורעם, וועלען זיי אויך אנהייבען צו לעבען אין איין נרויסער קאָמוניע. אין אנדער וואָרטען, וועלען זיי אויך ווערען באלשעוויקעס. אין דער ערשטער צייט פון דער רעגירונג האבען אלע נעמיינט אז דאס וועט נאר א קורצע צייט דויערן, אז דער קאמוניזם וועט אין א פאר וואכען אנגענומען ווערען, אז אלע וועלען האבען נלייכע רעכטען, אז אלע וועלען נלייך פארדינען. אין דער ערשטער צייט פון דער רעגירונג האבען אלע נעמיינט אז דאס וועט נאר א קורצע צייט דויערן, אז דער קאמוניזם וועט אין א פאר וואכען אנגענומען ווערען, אז אלע וועלען האבען נלייכע רעכטען, אז אלע וועלען נלייך פארדינען.

„אויסער די באלשעוויקעס האבען אויך די מיליאָנען נישלאָ־ סקעס אין רוסלאנד נעגלויבט אז דאס וועט נאר א קורצע צייט דויערן. זיי האבען נעהאפט אז ווען זיי וועלען נאר איבערלעבען דעם ערשטען שטורעם, וועלען זיי אויך אנהייבען צו לעבען אין איין נרויסער קאָמוניע. אין אנדער וואָרטען, וועלען זיי אויך ווערען באלשעוויקעס. אין דער ערשטער צייט פון דער רעגירונג האבען אלע נעמיינט אז דאס וועט נאר א קורצע צייט דויערן, אז דער קאמוניזם וועט אין א פאר וואכען אנגענומען ווערען, אז אלע וועלען האבען נלייכע רעכטען, אז אלע וועלען נלייך פארדינען. אין דער ערשטער צייט פון דער רעגירונג האבען אלע נעמיינט אז דאס וועט נאר א קורצע צייט דויערן, אז דער קאמוניזם וועט אין א פאר וואכען אנגענומען ווערען, אז אלע וועלען האבען נלייכע רעכטען, אז אלע וועלען נלייך פארדינען.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ORBIT GUM

אין דעמעגדע קייען

Interacted-PEPMINT FLAVORS

10 NUGGETS 5¢

LISTERATED GUM CORPORATION, NEW YORK

א טעם גן עדן ליגט אין מאנשין הייזראקס ביסקוטס

איהר האט נאך אוא מחיהדינג ווסקייט ניט פארזוכט ווי א יהר ווען נעפינען אין די בעדיהמטע

מאנשין הייזראקס ביסקוטס

ייעלבע ווינען נעמאכט פון צווייי טשאפ־לאך הוקיעם און אין מיטען אנגעפילט מיט ייאגילא. ווי דאבען אן אמת'ען טעם גן עדן, ייאם אין פשוט דערקווייקענר. ווי ווינען ווענדערלידי נוט מיט נאבשייזען אוו קאמפאטען אוי גוט ווי מיט פרוכט, טהעע אין קאפע.

איהר וועם ווידער ווען דארפען שמאקטן צו דערלאנגען צום מיט מאנשין הייזראקס ביסקוטס ווען איהר, ווען איהר ווילט עפעס ספעשעל פאר אייער פאמיליע, ווי ווינען אוי נעמען דיכט אויסנערגיט די דעסערט־ייעט. מאסקוט אין אונזער הויכ אויסנערגיט אייער דעם אויסלעכען פון די עיסטע טעפערל פון צייכען. אינטערפלאנעט וועלט ווינען דער פרעג ווינען נעמאכט נעווארען פון ווי ווען מאסקוט פאוט: די אויסרענונג פון די דעפוי מאטען אין נעווען אוי נרויס. אז די „טשעפּא"־פארשטעהער ווינען אונטערגעשריבן נעווארען פון דער מרוכונג. אייניג מאכטוער אנארכיסטיש נרופע האבען אריינגעפ טם א דיעסטינען פראפעסט צו די כאפטע. אוו אין דאקומענט ווייל איך דא ציטירען סילווייו:

„די אונטערגעשריבענע אנארכא־סינדיקאליסטיש אר נאיזאציעס, נאר א פארוכסינער כאראקטונג פון דער לאנג, ווען האט זיך לעפטענס נעטאפען אין פארבינדונג מיט די אנארכיסטען־פארפאלנונגען אין מאסקווע. פעטראג, נאר, כאראקטן אוו אנדערע שטארס אין רוסלאנד אוו אר ייאנע. ווי עס ווערען אונטערדריקט טים נוואלט אנארכיסטישע אריאניזאצ עס. קלוכען אוו ציימונגען — פראפעסטירען עקסטירען אוו עזארניש. פענען דער דעפאפאטישער אייסראפוג טים כליין זין יערער אנימציע אוו פראפאגאנדא־עקסטענקיים, נאר אפילו אלע דיין קולטורעלע ארבייטען פון די אנארכיסטישע ארגאניזאציעס.

„די ביסטעפאטישע יאנר אוף אנארכיסטען אין אל יעמיין, אוו אוף אנארכא־סינדיקאליסטען פפציעיר. ווען דאס נעפירם דיבעי. אז יערע נעפענגניש אין כאוועס־ רוסלאנד אין פעדעראנדאר. די נעפענגנישען ווינען איבערי פירט נעווארען מים די קרכנות. כקעס יערער כאקאנטפר אנארכיסט אין ארפפטירם נעווארען. אוו די אנארכיסטישע בוריכטאכס אין רוסקרעי פון „נאלאס טרודא" אין בוידע שטעדט ווינען פארוינעלט נעווארען פון „פשעקא". די אוקראיניטש אנארכיסטן. ווען ווינען ארפכטירם נעווא־ רען עכ דער כארפאוער קאנפערענץ (כאפט מען האס ווי נאציאנאל־ אוככאדירבארקיים. אין דעם אפמאר טים כאנאלן. ווינען נעכראכט נעווארען קיין מאסקווע אוו אייניטשאפט נעווארען אין דער כומירי, — די דאפאנאוור פטע נעפענגניש האס ווידער נערופען איבר אלטען צוועק. אלע נעפענגניש ווא כען נעווארען רעזאלוציעס ערקלערט, ווי אין דיסקוסיע די דעלעגירטן

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

DAILY NEWSPAPER

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

"דער טאג" ביינגט ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel. Orchard 7000

Office: 183 E. Broadway [illegible] Tel. Orchard [illegible]

Vol. XI. № 3397 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, MARCH 22, 1924. שבת, ט"ז אדר ב', תרפ"ד. 1924 ,22 מערץ ,שבת PRICE THREE CENTS

פרייַנד פון אַמעריקע דזשענעראַל האַט געקראַנגען צוויי הינדערט טויזענט דאָלאַר פאַר משקה פּאַרמיט, זאָגט עדזוי

פרעזידענט פון ניו יאָרקער אַפּטייק־פֿירמע איז זיך מודה, אַז ער האָט פֿאַר צוואַלט 15 דאָלאַר פֿאַר יעדען קאַסטען שנאַפּס וואָס ער האָט אַרויסגענומען פון דעם רעגירונג־סקלאַד לויט אַן ערלויבניש פון דזשעס סמיט, דאָהערטי׳ס בחיים־פּריינר. — משקה איז שפּעטער פֿאַרקויפֿט געוואָרען צו בוטלעגערס. — סינקלערס לאָיער זאָגט אַז אַל־אונ־מערזוכונג איז „לינטש־נערעכטיגקייט".

וואַשינגטאָן, מערץ 21. — צווישן הונדערט טריזענד דאָלאַר זענען אויסגעצאָלט געוואָרען צו אמעריקי נעגערַאל דאָהערטי׳ס בווייס־סרייבר דזשעס סמיט אין זיין תביעה וויַ א. אר אירס כאבאר פאר אן ערלויבניש אריינצוצושמען משקה פון רי יענייגונג־סקלאדעס. די משקה איז שפּעטער פֿאַרקויפֿט געוואָרען צו בוטלעגערס.

פון דער דאוינער פֿרייהייטעניע, האט נאראני נעזאגט, האט ער צוגעגעבן נעבראכט. ער פֿלעגט אריינשמוגלען פון רעגירונגס־סקלאד וויסקי משקה ער האט נאר כאראפס אין צאהלען הערפאר 10 דאלאר פאר א קאסטען. צוזאמען האט ער כאצאהלט כאבאר ארום 200,000 דאלאר.

נאראני האט צוגעגעבען, אז די משקה פלעגט ער שפּעטער פֿאַרקויפֿען צו כוטלעגער זון וועמען ער פלעגט נעמען הויכע פרייזען.

לאיער כאדסין וו. ליטלטאן אויפֿטרעטענדיג פאר דער סענאט־קאמיטע וואָס אונטערזוכט דעם זיל־סאנדאל, האט נעזאגט אז: דער קאמיטע אכער האט נעמען אין אכאכטונג דעם ווינט פֿון צפֿון וועלכער האט אויסגעבלאזן די פֿאנצע פֿון דער סענאט־קאמיטע פֿון דער רעגירונג־סקלאד, אז ער האט נעמען אין אכאכטונג אויך דעם ווינט פֿון מזרח וועלכער האט אויסגעבלאזן דעם רויך פֿון דער פֿאבריק.

ליטלטאן האט אויך נעפֿרוואוט כאשפּען די אונטערזוכונג־קאמיטע האט נישט נעמען אין אכאכטונג דעם פֿאקט אז נאראני האט אים נישט נעזאגט וועגן דעם וואָס ער האט נעטאן מיט דער רעגירונג־סקלאד.

נאראני האט נעזאגט אז ער האט נעקויפֿט אלקאהאל פֿון פֿאַרשיידענע פֿירמעס, אָבער ער האט נישט נעזאגט וועמען ער האט עס פֿאַרקויפֿט.

ליטלטאן האט נעזאגט אז ער האט נישט נעוואוסט אז נאראני האט נעקויפֿט אלקאהאל פֿון אַנדערע פֿירמעס ווי פֿון דער פֿירמע וועלכע האט אים נעגעבן דעם אלקאהאל וואָס ער האט פֿאַרקויפֿט צו בוטלעגערס.

ליטלטאן האט נעזאגט אז ער האט נישט נעוואוסט אז נאראני האט נעקויפֿט אלקאהאל פֿון אַנדערע פֿירמעס ווי פֿון דער פֿירמע וועלכע האט אים נעגעבן דעם אלקאהאל וואָס ער האט פֿאַרקויפֿט צו בוטלעגערס.

קאַנפֿערענץ צווישן סאָווע און רומעניען עפענט זיך אין ווין

ווין, מערץ 21. — די קאַנפֿערענץ צווישן רוסלאנד און רומעניע עפענט זיך הײַנט אין דעם רוסישער רעלעגאציע, קונסקי, האָט ערקלערט צו ציימס קאָרעספּאָנדענט, אז רוסלאנד פֿאדערט בעסאראביע פֿאר זיך און אזוי ווי אין א פֿאַרקויפֿטמונג, איז עכטיידען רעם נודל פון לאנד ווענען דעם רומענישן מלוכה־האָט רעפּרעזענטירט נעזאגט, אז די וועט רעזיגנירן אין גרייס אויב אונ קאָנדרען צו רומעניע, נאכדעם ווי דינע יוגט כאצאנדרען אלין ווען זי ישולדיגן צו רוסלאנד.

די רוסישע און רומענישע דעלעגאציעס ווינען שוין אַנגעקומען. דער הויפּט־קאָנפֿליקט צווישן די צוויי לענדער איז וועגן בעסאראביע, וואָס איז אַ טעריטאריע פון 17,000 קוואדראט־מיל מיט א באפֿעלקערונג פון 2,500,000 מענטשן. רומעניע האָט דאָס לאנד אָנגענומען אין 1918 נאָכדעם ווי רוסלאנד איז אַרויס פֿון דער וועלט־מלחמה. רוסלאנד האָט נישט אָנערקענט דעם אָנשלוס פֿון בעסאראביע, אָבער האָט אויך נישט אָנגעהויבן קריג וועגן דעם לאנד.

18 פון די געפֿאַנגענע אויף דער גענ קענער סאַבמאַרין טעלעפֿאַניר־ווענען זייער צושטאַנד

פֿאַרהאַלטענע בלאַנדינקע מיט אונ־ערגעשרענע האר איז די פרוי פון א

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דאָס אויפלעבונג פון קאפיטאליזם און דער פארפאלגונגען אויף אנארכיסטען נאָך דעם קראָנשטאדטער אויפשטאנד

פון עמא גאלדמאן

ארבעט צאריטש ארדענונג. אין נאר דורך דעם האָרעקטונג, כאטש פון ארט פאליטישע ארעסטאנטן האט זיך צייטענווייז איינגעבעטן צו צייטונגן אויסהרען נעווארט אין ארבעטערן. אויר האט מען דער כוסדרקי נע- קראגן נעווארט קאנצעסיעס פון די כאלשע „אבסטרוקציע" אין רוסלאנד־סאוויעט. אין די פאליטישע דאט זיך אייגענעציג צו שאפען דאלטען א פון אונטערד- טעם, אין זיי האבען נעקראגן דאס רעכט אויפצוהאלטען באזונדער אין קריגען שפיין־ווערקער. דער „טשעקא" וויינט אבער אוועק פרייהייטען ניט געפרעגט נעווארן. אין פיט אכאל. אפן א „וואכניק, איז דאלטען די אנשטענדיגע באר- האנדלונג אפגעשאפט נעווארן. אן אינדיבידואל אין נעמאכט נעווארן אויף דער בייסדקי אפן 400, אריסמאכען וואס וויינט דאלטען נעווארן פון פאליטישע פאליטישע פארטייען - וויינט פיט נוא"ט אריבערגעפירט נעווארן אין אנדערע שטראפ־אריסמאכטיצים. א בדיעה, וואס אין אנגעקומען פון אויסע פון די קרבנות אין יענער צייט, האר טיים דעם לבטען אפטייל, קעגט זיך נוא פאלגט:

„פאלעטאראיזאנס־לאגער, דיאוא. — אין דער נאכט פון דעם 25טען אפריל זיינען אונז אינגעגאלען דוינע טאלאטען אן טשעקיסטען. האבען אונז באוועלען אנצוטאן זיך אן פאלאזען די בוסדקי. אויגעג פאליטיש, וואס נארמאל, אן פען פיהרט זיי הינטכטען. האבען זיך עטאזען נעקאט, אן כען האט זי שטראלך נעשלאגען. אויגעג די בדוזען זיינען נאך ערגער באהאנדעלט נעווארען; אויגעג פון זיי האט מען פאר די האר פון די טשע אריגטערעשלאפט. פויערע זיינען ארבייטס־קאמפ פאר בעשעדיגע נעווארען. איך אליין בין אזוי שטארק צעשלאגען נעווארען, אז פיין נאכט־קערפער איז זוי איין האוט. כען האט אונז נוא"ט אריבערגעפירט אין דער כוסדקי נע- פענגעניש, וויי אכער באלד זיינען מיר אריבער אין אן אנדער פענגעניש, וואו מיר זיינען נאך אן וואך אין אפגעשלאסענע צעל, טשעקיסטען. כיידע. אין דער צעל זיינען מיר נעווען אכט פרויען. אלע פאליטישע. אונזער פענגעניש איז נעווען אונטער דער אויפזיכט פון אן אידישן קאמוניסטישן קאמיסאר, וועלכער האט זיך אויפגעפירט אזוי גראב, אז אפילו די שילדווארט האבען אים אפגעבעטן אים צו פארשאנען. אונזער עסן איז נעווען אזוי שלעכט, אז מיר האבען אפט נישט קענען עסן. אין דער צעל איז נישט נעווען קיין וואסער, אויסער וואס מיר האבען אים אין קריגען פון דער וואך. אין דער צעל איז נישט נעווען קיין בעט, קיין בענק, קיין שטול, קיין טיש, קיין שום זאך. מיר האבען נישט נעהאט קיין ברענוואר, קיין ליכט, קיין בוכער, קיין פאפיר, קיין בלייאנט, קיין פעדער. מיר האבען נישט נעדארפט ארבייטען, מיר האבען נישט נעדארפט שפאצירען, מיר האבען נישט נעדארפט עפעס טון. מיר האבען נישט נעדארפט קיין זאך. מיר האבען נישט נעדארפט קיין זאך. מיר האבען נישט נעדארפט קיין זאך

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

NEWSPAPER
"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

Office : 183 East Broadway, N. Y.
Tel. 1 Orchard 7000

Vol. XL. No. 3401 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, MARCH 26, 1924. מיטוואך, ב' אדר ב', תרפ"ד. 1924 מיטוואך, 26טן מערץ PRICE THREE

גרויס מעניע מיט רוסלאנד

צו מלחמה

— אנטי־דומענישע באוועגונג אין דייטשלאנד. — באפערענט אין דייטשע לעזער אפגעבראכן.

געהיימע מאַנאַרכיסטישע ארמי אָרגאַניזירט אין דייטשלאַנד

גרויסע דער רעפובליק

דער עיסאדעקטער א ריזיגער גראם

אויב מען קען גלויבן דעם עדות, האָט מרם. גראָם זיך אויסגעדריקט אַזוי: „איך ליעב איהם צו שטאַרק, איך וועל איהם גיכער ערמאָרדען, איידער פון איהם אָוועקגעהען"

עסיסיטע עדות טרעפטען איצט אין דעדצעהדיקן, או מרם. גראָם האָט זיך מודה געווען אין מאָרד פון איהר מאן, עס איז אבער טראָץ דעם נאך ניט קלאָר, צי דער הינגע פריי איז שולדיג, ווי די אנקלאגע טייטעט.

דושלעך אין עזעניו „די" נעשאפטן אין א קאמף מיט רויבער

רושקעוויץ ראנדאל, א ווייץ־מאכער, איז נעכטן פארוואנדלט געווארטן אין א דעריזיר־קאמף מיט א באנדע רויבער, וועלכע האבען נעפאלן אין זיין בערל, וועלכע האבען נעפאלן אין זיין בערל, וועלכע האבען נעפאלן אין זיין בערל

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דרוי קלאסען באזוכער וואס ויינען געקומען קיין רוסלאנד צו שטודירען די רעוואלוציע

פון עמא גאלדמאן

דער אמעריקאנער פיידער לויזט אויך אין וואכער אקאנאמן אמעריקע פיידער אין אלע אידישע ווינקלען ניצען ניט ראט נעמען זיין דעם דערלויבטען פאטילוס.

RABBI JACOB ESKOLSKY

פאטילוס

לפני כשר

מאנישעוויטץ EGG NOODLES

א פראדוקט פון דער העכסטער קוואליטעט, געמאכ אין בעשטען

מאנישעוויטץ אייער נודלען

אייער מאנישעוויטץ-מצה

אין ארץ נישט.

מאנישעוויטץ לאקשען

נודסער פארלאגג אין די סטארס פאר „וועך־עוזער" אלמנות מיט קינד

„וועך־עוזער" איז דער יידישער כאראקטער פאר א צווייטע קלאסיפיקאציע פון „וועך־עוזער" מיליך פעיר פאר א שפעטער פריים פון 98 סענט און מיטיגרער פרייז פאר באנוצונג זיך מיט דיין נאך נעלעגענהייט צו שפארען נעלד. רעזולטאט בשפעטער אפער איז נישט בלויז בייז שבת, נאר 29 סענט פארמש.

„וועך־עוזער" מילך פעיר איז נעמאכט פון פאסטעליזיר אייער צוהאלטען מילך. קען עס אויך ניט בריוכט ווערען פאר קינדער אונטער צוויי יאר. ווי „וועך־עוזער" אויסגעצייכנט פאר פרישע אייער, ווען ניט יידיעך אין ווינטער, ווען אין כאוצע שלעכט אין שווער הארבי צוקאכען איז ריזיג, שוין ניט יידיעך פון דן גרויסע קאמפאניע. עס קומט אייער דער פארם, פאר אלע אונזערע קונדען אין מעניע הויזן אלע אינזעלע קראנקע קרייז אי שוועסטער. דער נוץ ווערקער אפיס איז 60 ווענט 114 סט פארטיג.

נעשיות חושים פאר קאנסאמפטיוס

אין אמעריקא פון די אונגעהיילטע קאנסאמפטיוס, ווערטע נעמינג זיך אין דער רעכטער סאנאטאריום, אין אין נאך צען פון די צעהנדליגע, ווערטע וואכטען אויף ווייטע נערוועזע פון אינפיזיטען אין סאנאטאריום, וועלכע ווערען פון דער צו אויף פרוי דער אפיס.

דער העכסטע סאנאטאריום נעמינג זיך אין דער אפיס פון דר. סמיל פון דער צענטראל־פארק, ווערטע וואכטען אויף ווייטע נערוועזע פון אינפיזיטען אין דער אפיס. 50 פויל פון דער וואכטען אין צוריק זיין נאהענטקייט אין דער נעמינג אויפן פון דר. אומליקליכע קראנקע, וואס זיי נישט אויפגעקלערט אין דער אפיס, פון וואכטען פון דר. אומליקליכע קראנקע, וואס זיי נישט אויפגעקלערט אין דער אפיס, פון וואכטען פון דר. אומליקליכע קראנקע, וואס זיי נישט אויפגעקלערט אין דער אפיס.

נודסער פארלאגג אין די סטארס פאר „וועך־עוזער" אלמנות מיט קינד

„וועך־עוזער" איז דער יידישער כאראקטער פאר א צווייטע קלאסיפיקאציע פון „וועך־עוזער" מיליך פעיר פאר א שפעטער פריים פון 98 סענט און מיטיגרער פרייז פאר באנוצונג זיך מיט דיין נאך נעלעגענהייט צו שפארען נעלד. רעזולטאט בשפעטער אפער איז נישט בלויז בייז שבת, נאר 29 סענט פארמש.

„וועך־עוזער" מילך פעיר איז נעמאכט פון פאסטעליזיר אייער צוהאלטען מילך. קען עס אויך ניט בריוכט ווערען פאר קינדער אונטער צוויי יאר. ווי „וועך־עוזער" אויסגעצייכנט פאר פרישע אייער, ווען ניט יידיעך אין ווינטער, ווען אין כאוצע שלעכט אין שווער הארבי צוקאכען איז ריזיג, שוין ניט יידיעך פון דן גרויסע קאמפאניע. עס קומט אייער דער פארם, פאר אלע אונזערע קונדען אין מעניע הויזן אלע אינזעלע קראנקע קרייז אי שוועסטער. דער נוץ ווערקער אפיס איז 60 ווענט 114 סט פארטיג.

מאשעלאכס אין פאלקס לעבן אין זיבן נאכדערג אין שלום עלכם'ס שאפונגען אין בראאקס

מאכט ר

רוקחים

כשר

סקאורינג פוידער

דער יוניאן לייבעל פון די שריפטצעצער

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

EWSPAPER

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

"דער טאג" ביינט ליכט

: 183 East Broadway, N. Y. Tel. : Orchard 7000

No. 3404 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, MARCH 29, 1924. שבת, ב"נ אדר ב', תרפ"ד. 1924. שבת, 29טען מערץ, PRICE THREE CENTS

דאהערטי האט דאך רעזיגנירט פון אמ

אויסאמאביל מיט בלוט-פלעקען געפונען אין נויארק; פאליציי גלויבט, זי האט שפור צום מערדער פון מרס. באואר

ארונטער

דאהערטי

פרעזידענט פון קאמיטע קהלה נעשטארבען

קאמירא, מערץ 28 (אינט). — דער פרעזידענט פון דער אידישער קהלה אין קאמירא, משה קטני, איז הייבט דא נעשטארבען.

25 מיינ פארשא

לאשער, מארסאל און באקאנ נייע מיניסטארען אין פוואנקאר רעארגאניזירטען קאבינעט

צוליב א צערימענעם סוועטער, וואס אסתר האט געשאנ- קען איהר מוטער, האט אוירווינג גראס מערדערליך

BEST COPY AVAILABLE

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ווי די באָלשעוויקעם האָבן גענאַרט די וועלט וועגען דעם צושטאַנד אין דעם קאָמוניסטישען „גן-עדן"

פון עמא גאָלדמאן

צוריק דעם סעסיעהמנט האבען די רעדאקטארן אויפ׳ן נעמעכען דעם נעפראגטען עמעניטריבען פראפעסאר בייס קאנ׳ נידעס. די נרוים איז אבער נעווען ווער אויבערשטונג. ווען בוכאריין, אין נאמען פון דעם צענט־אויסען פון דער קאמוניסטישער פארטיי, האט בייס שלום מיט קאנגרעס שענדר יענר אסאציירט די אזא׳כיסטען. באזונ׳ס אויפ׳ענדישע רעי׳ נענאסטן, אויפ׳ענטפט מיין רעי׳ ע׳ינעקאוואר סירידזש. האר בוין נבצארט׳ס א נעיעהנריים צו עסטיין אויך רעי׳ אמא׳ רין. די צאנדרינג אין באלשעוויקעם נעוואלט אין אמעריקע סיי ווי פון אלע אנדערע לענדער. אבער ווי ער צאלשטענדיג רעי׳ ווי־דערהאלט פון פראפעסטיר.

אין דער באצוג׳ציע צווישן דן די צענטענע פארטיי־ענט׳ען איז ניענען די ארטסטע־טיע אנדרייסטען אין בייז דער בעצטער שטורעריכער זיכהונג פון דעם רוסען טרייד־יניאן קאנגרעס. האט קיין אויפנעמער אמעריקאנער קאמוניסטישער רעפראנאס נית אויפנעדרוכען קיין פראפעסס שטריק. ווי האבען הויך נעפארדערט א פאליטישע אפטעסטע אין אמעריקע. אבער ווי האבען קיין ווארט נית נעוואנט פאר דער כאריאונג פון פאר לימישע ארטסטאנטען אין רוסלאנד. אויפער פון דער אבער־ריקאנער קאמוניסטישער נרופע, ווען מען האט זיך אויפ׳ נעשטעלט פר זאר העלפען די רענירונגס־טייקערס, האט נע־ נטפערט: „וואס מאר א ווערט האבען עטוואס רעבענדס, אדער אפילו עסליכע רובלעך רעבענדס. קענען דער רעוואר־ציע נית נעמאכט אויך נית נעדיכטיקט אדער מענטשן־קרבנות.

אין דער צייט בין דער שוועדסקער נית, ווען מענער, מרינען אן קינדער האבען מיט הונגערנג אויפנן צוגעקוקט וי מען כאפט ווייסברויט אין דער העפערן פון האפעל דער לוקס, האט אויפער פון די אמעריקאנער בריד־יד־יזלינאפאנע, נעשיבען אין א צייטונג אין אמעריקע, או „די יוסטיצ אי־ בייסער קאנט שלייגען די אינהוסטריען אין ירידען די נע־ שעפטען פון לאנד: די קרענען אלן פרייז אין האפען קיין נעריט נית". אט דער נאבעלע רעזיגנאט האט ענ׳איוועט נען דעם פאלען פון א נעשעוועגעם צוקערקעניג פון רוסלאנד אוו האט נענאסטן אייך פון דער נאסטס־יעדקריטיט פון האר כאריבערבען אין כאסקווע. אין ענער צייט פלעגט קיין עלט נית נערעדט פר „טשע־ קא" ידרטו נאס הינטערטון זוכען, אוו אויך טיפערמאי אוו אינ׳ן פוישקין בולייאר, כיום האפעל ריכוסק. ס׳נענוו פראפעסיוטמעם נאפארנו די רעדאנאסע, אי־ די בעסטע קאפטיטער פון די נאבעדטיען וענען ענ׳ינער נאר נית ווי נעווען אויפ׳ן נעוואלד פון הונגער. אויפ׳ן נעוואלד פון אלן עלם ווען ניט נעדאנקט פון ענ׳ינער. ווי ווייט דאס נעקומען איז, זעט מען פון דעם פאלגענדען:

אין דער צייט, וואס איך בין נעווען אין מאסקווע, אין ענ׳ינער פון דער פאמיליע פון אן אמעריקאנער אינזשענ׳ער, וואס איז נעווען פוליטישער פליטלינג פון אמעריקע. אבער ווי ער האט נעהאט א נוטען פאספארט, איז מיט אלע אנדערע פליטלינגס לאנגאם פאנאנדרנעוואקסלט נעווארען אין דער סאוועטן־ענ׳ון: אין דעם רוסען טריבונאל איז ער נ׳ענ׳ינאל אויפנעדרונגען ארץ ענוואלוציאנער, ביי וועלכען א נאנ׳וואציעם פון דער וועלט, מיט מאסקווע, ווי דעם צענטער פון דער אינטערנאציאנאל, ארם ווער ס׳ווייסט אין דער רעוואלוציאנערע ארבייטערבאוועגונג אלע דעלעגאטן פון אלע לענדער זענען אין אנשטאנד זיך דארכצו־ קעמפן קאפיטאליזם, נרופען אין די עקזיסטי־ נ׳ינאל קערסער־שאפטן. דיי נענטשען, וואס האבען ערשט ניט א יאהר מיטער נעווען וויסל אפפטלינגס כאפהאלט כוים די אינאי־ אויר פון אמעריקע, האבען אויסגעזעהן ווי ווילדע־לאנטס" אין דער קו קלוקס קלען האבען אנגעהויבען—אויסצורא־טען פון „אי־ דאלעגיי". די עקסטרעמען באגעגנטען זיך.

אין דער צייט, וואס די קאמוניסטען האבען פעגען די זיעפדע רעזי־ נאנדע פראפעסטרעוואלוציעם פעגען דעם ענ׳ינער פון דער רעזי־ נאנד, וואס האלטען רעוואלוציאנערען אין נעפענגנישען. אין דער אנאדיכסטיע ארבעסאנטען אין די כאלשעוויסטי־ שען נעטרובען נעוואלטן צו נרונדען א נאנ׳וואציע פון ארבייטער־ נעווערקשאפטלער, וואס זאלטען ארבייטען צוזאמען מיט דער נאנ׳וואציע פון אנדערע לענדער. אינזשע האבען אין דער רעזי־ נאנד ניט נעוואוסט, אוו אין אירע טיפערמאי אוו אינ׳ן פוישקין בולייאר, כיום האפעל ריכוסק. ס׳נענוו פראפעסיוטמעם נאפארנו די רעדאנאסע, אי־ די בעסטע קאפטיטער פון די נאבעדטיען וענען ענ׳ינער נאר נית ווי נעווען אין דער נעוואלט פון הונגער. אויפ׳ן נעוואלט פון אלן עלם ווען ניט נעדאנקט פון ענ׳ינער. ווי ווייט דאס נעקומען איז, זעט מען פון דעם פאלגענדען:

אין דער צייט, וואס איך בין נעווען אין מאסקווע, אין ענ׳ינער פון דער פאמיליע פון אן אמעריקאנער אינזשענ׳ער, וואס איז נעווען פוליטישער פליטלינג פון אמעריקע. אבער ווי ער האט נעהאט א נוטען פאספארט, איז מיט אלע אנדערע פליטלינגס לאנגאם פאנאנדרנעוואקסלט נעווארען אין דער קאמוניסטישער רעפובליק: אין דעם רוסען טריבונאל איז ער נ׳ענ׳ינאל אויפנעדרונגען ארץ רעוואלוציאנער, ביי וועלכען א נאנ׳וואציעם פון דער וועלט, מיט מאסקווע, ווי דעם צענטער פון דער אינטערנאציאנאל, ארם ווער ס׳ווייסט אין דער רעוואלוציאנערע ארבייטערבאוועגונג אלע דעלעגאטן פון אלע לענדער זענען אין אנשטאנד זיך דארכצו־ קעמפן קאפיטאליזם, נרופען אין די עקזיסטי־ נ׳ינאל קערסער־שאפטן. דיי נענטשען, וואס האבען ערשט ניט א יאהר מיטער נעווען וויסל אפפטלינגס כאפהאלט כוים די אינאי־ אויר פון אמעריקע, האבען אויסגעזעהן ווי „

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

„דער טאג" ביינעם ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel.: Orchard 7000

Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y.

No. 3408 NEW YORK WEDNESDAY, APRIL 2, 1924. טיטוואך, 2טער אפריל, 1924. PRICE THREE CENTS

וטויט, 25 פאַרוואונדעט אין דעם שניי שטורם

געוועזענער רעגירונגם ארוואָקאַט זאָגט אַז דאָהערטי האָט איהם באפוילן ניט אָנצוקלאָגן לאַנד שווינדלער

טערי סינקלער אַרקסמירט אין נאָבראַסק אויף פינף מיליאָנען דאָלאַר כעיל. — פירמע נאַרט ארויס פאַר האַלבען מיליאָן דאָלאַר לאַנד אין קימט אַף מיט 10,000 דאָלאַר שמראַף.

קיסק (איסט) אפריל 2. — אין דער נייער רעגירונג, וואָס איז נעוועלט נע־ווארען דורך דער קאָנפערענץ פון די סאַ־ ציעטען אין וויים־דוסלאַנד, נעפינען זיך אירגענ אירען.

וויינשטיין אין וויצע־פרעזידענט פון דעם קאָמיסאַרען ראָט; נאָרמאַן אין קאָמיסאַר פאַר אַגריקולטור; רודער מאַן אין דער פיהרער פון דעם לאַנד־ מען א ריכטער־שטוב אין ניו־יארק. ער האָט אבער נאכדעם צוגענעבען, אז ער האָט איהם נעזאָגט, אז צו ווערען א ריכטער, וועט עם איהם אריינכרי־ כען אין א הוצאה פון 10,000 דאָלאַר. ר. ה. ווילסאָן, נעזונדהייטס־דיפע־ באַמטער איבער די סקוהלס אין פא־ לאַהאָמא, האָט נעכטען עדות נעזאָגט, אז דער ערשטער צוילי־מאָנאַט, דזשויק 5, העמאָן, האָט זיך באריהמט, אז ער האָט דורכנעפיהרט הארדינג'ן אויף דער נאמינאציע־קאָנווענשאן אין 1920 אוז איהם נעמאַכט פאר פרעזי־ דענט.

רוש. ע. ריטש, וואָס איז בעזונד הער־ דינג'ס קאַמפיין־מענאַדזשער אין 1920, האָט נעכטען אפנעלייקנט מאר דער סענאַט־קאָמיטע דאָס עדות־זאָגן פון ה. ווילסאָן באהויפטעט, אז דער ר. ווילסאָן באהויפטעט, אז דער מאן האָט כאצאלט א מיליאָן דאָלאַר פאר הארדינג'ס נאמינאציע.

ער האָט אבער יא טורה נעזאָגן, אז העמאָן'ען האָט נעקאָסט טעהר פון 100 סויזער דאָלאַר אויף אריינצוקומען אין דער רעפובליקען נעשאָנאל קאָמיטע.

הערי פ. סינקלער, וואָס האָט כאָר מען די ליימעט פון דעם נעווינעזעס איכ־ לאנד־מיניסטער, אלבערט כ. מאל, און וואָס האָט ניט נעוואלט עניטפערען דער סענאַט־קאָמיטע אויף איהרע פראגען, איז לעצטען מאנטאג אנגענלאגט נעווא־ רען אוז נעכטען ארעסטירט נעווארען. נאכדעם איז ער כאפריים נעווארען אויף 5,000 דאלאר כייל.

די סענאַט־קאָמיטע האָט כיז סינק־ לער'ן נעוואלט אויסנעפינען מאקטען אז ער האָט כאקומען פון דעם לאנד־ שאצמייסטער מעלאָן אין וואשינגטאן, ד"ס 404,000 דאָלאַר, וועלכע זענען נע־ווארען נעמאכט אין 1921 אין צוויי טיילען, איין טייל פאר 200,000 דאָלאַר אין מאי, און דער צווייטער טייל פאר 204,000 דאָלאַר אין יוני.

אידען אין נייער רענ־ רונג פון וויים־דוסלאַנד

קיסק (איסט) אפריל 2. — אין דער נייער רעגירונג, וואָס איז נעוועלט נע־ווארען דורך דער קאָנפערענץ פון די סא־ ציעטען אין וויים־דוסלאַנד, נעפינען זיך אירגענ אירען.

וויינשטיין אין וויצע־פרעזידענט פון דעם קאָמיסאַרען ראָט; נאָרמאַן אין קאָמיסאַר פאַר אַגריקולטור; רודער מאַן אין דער פיהרער פון דעם לאנד־

60 דערטרונ־ אין וואַרשעווער פאַרפליצונג

הונדערטער טויט אויף דער פראָווינץ. — נ גראָפען און טעריפאָנען איבערגעריס פרעזידענט פון רעפובליק חתמ"עט ג סומע פאר פאַרפליצונג־קרבנות.

וואַרשע, אפריל 2. — אפיציעלע צי פערזען נעכען איכער 60 מענשען זיי נען דערטרונקען נעוואָרען אין דער פאר־ פליצונג אין וואַרשע.

צוליב די איבערפלוים־ענע טעריפאר־ נישע אין טעריפאָנישע פאַרבינדונגען אין נים בעזונדר נעווען מעסטושטעלען די צאָהל פון די פאַרפליצונג־קרבנות וואָס נעווינען ביי דער וויייקסעל. כיזן שאצט אבער אז די צאָהל כין בא־ טרעפען אין די הונדערטער.

דער נעראָף פון דער פראָווינץ קיין וואַרשע דאָלט אן. צעהנטיונע טויונ־ טער איינוואוינער פון דערפער און שטעדט וואו די פאַרפליצי אוועקגעטראָגען. אלע זיי אויפ'ן וועג צו דער הויפט־שט פליצונג אין וואַרשע.

צוליב די איבערפלוים־ענע טעריפאר־ נישע אין טעריפאָנישע פאַרבינדונגען אין נים בעזונד נעווען מעסטושטעלען די צאָהל פון די פאַרפליצונג־קרבנות וואָס נעווינען ביי דער וויייקסעל. כיזן שאצט אבער אז די צאָהל כין בא־ טרעפען אין די הונדערטער.

דער נעראָף פון דער פראָווינץ קיין וואַרשע דאָלט אן. צעהנטיונע טויונ־ טער איינוואוינער פון דערפער און

מרס. עסי נראָם אַן עד פאַר זיך אַליין

כאָצעזיצער באריכט פאַרן „כאָנ־ טי א. דעפאַרטער

ערנרוף האָט מרס. אנאַפראָנסטא עסי נראָם, וואָס וועלט נע'משפט פאַרן מארד פון איהר מאַן, אוריווינ־ג נראָם, פאַרברענען מיט וויינעם אנגעפאָסט אין

האָט נעזעהן סימנים פון קלע קערפער פון איהר מאַן. מר. כעקראָנאלד האָט אב אפנעשוואָכט די רעד פון דער יונגער, קליינער פרוי. ערשטע ער נעוואָרען א שאָטען אויף א נעגעס כאראָפטער. די ראזוע

פראָפעסאָר הערי (אוכען) אזן נעזעראר לוהני דאָרט נעעכט. זיינען נעזעהן אנגעפאָסט אין

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

וואם פעלט אונזער קול

:וואם איז דער מעהר מיט דער פיעלריצין קולמור־טעמיגקי

די קולטור־ארבייט אויף דער אידי/ארבייטער מאר לעתיד לבוא און אי
א שטארק, ונעלבע איז ניט ליעב
ניט טייער און עס איז ניטא קיין
בעז אין איהר צוקונפט — ווארט
ווארם איהר ווילט —/פעהלט דער
אין עס נעבען פישוט די הענט ניט

אכת, עס איז נעווען א ציים,
דער חשק און מיה זאר אריישער ק
העלפער פארבייט האט א בליענדע
דער פארטיי — דאם איז נעווען
יאהר 1910 און אין די פאר נאכפאל
רע יאהרען. די פאנטיזיאלער קא
שאן שטעהט מיט א יוסטובדיג די
טיזם פארשריבען אין אונזערע בי
קעם מיט איהר לאנזט. אבער,
סענס, איז דאם נעווען שוין אזוי
ציים.

צוויימענס — און דאם טאר
ניט פארגעסען - זענען דאך יענע
ניטא מיעגליך צו יענע נומע יאהרען
יערליכע י. ענגען שטאנציירט איצט
יעזען א רידעקטער רעזולטאם פון
ווידקונג אוי איינפלום פון איינע
די בעסטע אין נידעסטע אירען.
מיר פארמאגען, דר. זשיטלאווסקי.
בער איז אבער ווידער טאקע א
שיסטס, און נאר א וועלבער!

עס איז א כאדנע זאך מיט די
ערס וועגען אריישער קולטור, זיי כ
זיך איינגענען בלא ירע וועגען דע
טער פון דאם יהאלבען דאם אי
זיך ניט נאנץ דאם פארשטעלען
דאנק ביי דה. זשיטלאווסקי'ן, או
אן עכט פראגרעסיוען אופן מיט
אויס איהר צוקונפט — אוי
וואם איהר ווילט —/פעהלט דער
אין עס נעבען פישוט די הענט ניט

אכת, עס איז נעווען א ציים.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia, In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דעם לעבען אין דער אונטערוועלט
געשריבען פון ם. ברוינשטיין,
פאנגט זיך אן דרוקען

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Office: 183 East Broadway, N. Y.
Tel.: Orchard 7000

דער טאג

The Day

"דער טאג"
ביינגט ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y.
Tel.: Orchard 7000

Vol. XI. No. 3411 — Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. — NEW YORK SATURDAY, APRIL 5, 1924. — שבת, ראש־חודש ניסן, תרפ"ד. — 1924 שבת, 5טער אפריל, — PRICE THREE CENTS

טערקיי איז גרייט אויפצופיהרען אויסנאהם געזעצען פאר פרעמדע

קעמאל פאשא ברעכט 500־יאהריגע טראדיציע פון טאלעראנץ צו פרעמדע פעלקער. — ווייל איינפיהרען נומערוס קלאזוס און וואוירעכט פון ניט־טערקען. — פארבאט פאר פרעמדע צו שאפען קהלות.

פראנצויזען זעצען ארונטער גיסטליבע פון נייעם כאליף

קאנסטאנטינאפאל, אפריל 4 (אינא) — די טערקישע רעגירונג זאל נאך נעמן א שרים וויסער אין אפיקו אויב מיהרען באראנצונגען פארפעסטיגן אויף דעם האט מען ניט וויל נעריכט מען ס'איז העכסט וואהרשיינליך, אז די מילובות, וואס האבען ניסכים נעווען צו דער פאשאפונג פון קאפיטולאציעס זאל נים איינטימיטען מיט א באשרענקונג פון די יעכט פון וויערע בירגער פון טערקיי.

לאנדאן, אפריל 4 (אינא) — די פראנצויזישע רעגירונג האט אנגעזאגט צו קעמאל פאשא, אז ער זאל ניט אנערקענען די הויפטלינגען פון קלעפטישע גרופען אין סיריען, ווי אויך ניט אנערקענען קיין אנדערע פארטייען אין סיריען, וועלכע האבען זיך אויפגעהויבען קעגן פראנצויזישע אויטאריטעט.

אין די טערקישע רעגירונג זאל נאך נעמן א שרים וויסער אין אפיקו אויב מיהרען באראנצונגען פאר פרעמדע־פיהרען באראנצונגען פאר פרעמדע־אויסנאהם פון דעם האט מען ניט נעריכט מען ס'איז העכסט וואהרשיינליך, אז די מילובות, וואס האבען ניסכים נעווען צו דער פאשאפונג פון קאפיטולאציעס זאל נים איינטימיטען מיט א באשרענקונג פון די יעכט פון וויערע בירגער פון טערקיי.

אט אזא מין פעזיץ אין הייגט אריינ־נעטראטען נעווארען דורך דער טערקי־שער רעגירונג. אין דער נאציאנאלער פארזאמלונג אין אנגארא.

אז אנדער נעזיץ, וואס איז אריינ־נעטראטען נעווארען דורך דער רעגירונג פארלאנגט אויך, אז די פרעמדע־שפרא־כיגע פלעפטנטען אין טערקיי זאל פאר־באטען ווערען צו שאפען איינעגע אין־סטיטוציעס דערציעזע פארער נאציאנא־ל־ע נעפיינדען.

דער ראזיגער נייער שריט פון דער טערקישער רעגירונג דירעקט אן ניט נאר די אידען אין טערקיי, נאר אויך א גדול־סע צאהל אייראפעער, וועלכע וואוינען אין פארשידענע סיילען פון דער אימ־

פוילישע אנטיסעמיטען באגיין כאיקאב־אני־סאציע פאר חנאות

וואהרשא, אפריל 4 (אינא) — צוליעב די פארשידענדע קריסטליכע חגאות, וועלכע די באפעלקערונג כאבט נרוימצע איינדרוקען פון שפויז אין מרכושים, האט די פוילישע אנטיסעמיטען באגיין אלטע כארבאראישע אינסטי־טוציעס פאר אידען. אין רעזולטאט פון דעם זענען פיל אידען פארוואונדעט נעווארען, ווי אויך אין ערשטער סטרייק, נאר אין ערשטער סטרייק אין פוילין, וואס האט נים נעדינט קיין אידיש וואהרצייכען. — "ניט קיין אידען!"

א כאוועדדים שאפיצ אנטיאציע אין דער רעגירונג, ווערט אנגעפיהרט דורך דער אנטיסעמיטי־שער פארטיי פון דער אנטיסעמי־טי־שער אריסטאקראטיע, "נאציונאל" אין קיעוו.

פרוי, 3 חדשים נאך דער חתונה, באגעהט זעלבסטמארד

מלס. סילוויא נרין, 27 יאהר אלט פון 1000 וויסטלאך עווענוי, בראנקס, האט ראנערשטאג, 12 אויינער כויטאג נעמאכט א סוף צו איהר לעבען דורך נאז. א האלבע שעה שפעטער איז איהר מאן סעמיועל, וועלכער האלט א סטיי־שענערי סטאר, ארויינגעקומען אריינס און נעפונדן די נאזצע וואוינונג אנגער סיליס מיט נאז. און די פרוי איז נעלעגען אין בעט א טויטע. אלע סימפטים האבען אנגעצייגט, אז דאס איז א פאל פון זעלבסטמארד.

די אויספארשונג האט ניט נעקאנט מעטשטשעלען, וואס עס האט די יונגע פרוי נעטריבען צו אזא שריט. קיין צעי־טעלע האט מען ניט נעפונדן.

פוילישער דיפלאמאט וואס האט זיך פארוינדיגט מיט משקה אין וואשינגטאן ארויסגעוואדפען פון דיענסט

וואהרשא, אפריל 4 — די וויכטיגסטע ראזיונס איז וואשינגטאן, וואו מען האט

אמעריקאנער שיפסקאפיטאן באשולדיגט הוואוויען ער האט באנוצט דעם רעליעף פאנד צו העלפען יודענטש'ען אין קאמף נעגען די סאוועטען

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

רוסלאַנד אונטער די באָלשעוויקעם איז אַ פּרוכטבאַרער באָדן פאַר אַלע מיטעלמעסיקייטן

סין עמא גאָלדמאן

דער פּראָפעסאָר" איז דאס ייעכטינסט קאָר פון די באָלשעוויקעם. ווי די מעהסטע עלטערן, דעמפעו זי אויך. אז זייער מיגד איז באמאכט מיט אויסנאמ פאר דעם נרויסער רעוואָלוציאָנערעם טאלאנט. זיי האלפען דעם „פראָפעסאָר" פאר דעם וועניג. וועמען עם איז באשערט צו באַייבערן די וועלט מיט נייע ייעדעס. פון איצט אן און זייער יעלפען די מאסען מערער נים דאדורשואוער קולטור. פון דעם איינעגעם אשפּגנגס־אָביעקט און דוהר דער איינעגער מיה וועט דער פראָלעטאריאט ארויס בעפעגן נרויסע אוצרות אין ליטעראטור, קונסט אין מוזיק. וזי די מעהרהייט נעגיאלע יונדער, האט אבער דער „פראָלעטקולט" נים עקסיליט זייער נרויסע קינדהיים'ס האפענונגן. כאלער האט זיך אדורכנעזוועזן, אז דער „פראָלעטקולט" איז נידערינער פון דורכשניט. אומפּהיג אויפצוטעפן נייעסען. פיר די טאפעס פון „פראָלעטקולט", לינאטשארסקי און נאך מיר, מיזרה נעזוגן, אז ער איז א דורכפאל.

אין פעטראָנראד, מאסקוע און איף מיינע ייעזן האט איך נעהאט נעלעגענהייטען צו שטודירן דעם אויסטו פון „פראָלעטקולט". די פאפענגעז פון דער פראָלעטאריישער קולטור, סיי אין נידרוסטער פארם, סיי אויף דער ביהנע, אין פּפאטען אדער בילדער, זענען נעווען מרוסקעו. פון אידעען, אהן א וויזיאן און אהן דעם מינדסטען ציבעל פון אינערען דראנג צו שאפענדער קונסט. זיין זענען נעווען האפענונגלאָז נעווארפען. איך צווייפל נים, אז די מאסען וועלען עם אין שאפען א נייע קולטור, נייע פינסטוערסען. נייע פאר־מעז פון שענקייט. אבער זיי וועלען נעפונען וועלען צים דער בעז פון דער אינערער נויט פון שאפן זעלבסט און נים הירר א באשעלל פון אימיצען פון אייבען.

די מעכאניש אויפאפונג פון חונסט און היטעל און די אידעע זיכט, אז קיין זאך מאר נים קומען צים אייסדרוק אייסער דעם רשות פון שפאס. האבען דערפיכט די קולטור־ליגעס פון קונסטלעריש אויסדרוקען און יינישען פארם. אין דער פאעזיע, ליטעראטור, דראמא. מאלערייי און מוזיק אין דיין אייגענ עפיש ווערק פון דער „פראָלעטקולט" נים נעשאפען נעווארען אין די ציגע יאהר. דאס אין נאר בעפר מערקווירדיג, ווען מען נעמט אין אנפאראכט ווי דיך יוסלאנד אין קונסטווערקען ווי נאר אין קיין אנדער אין דער וועלט. אין דער נידעטער ענגען צו דער רוסישער „אלמעכטיגער". אין דער נידעטער איבערמענשליכער „קולטור ליגע".

באלטימאר!

דיק מהאטער

כאטש ראיאל אין מערילאנד עוי. באלטימאר.

א נרויסער יום־טוב!

מאג אוונד דטען אפריל

ייעם נענעבען ווערען א

מע אפשידם פארשטעלונג

FAREWELL PERFORMAN

פון דעם קענג פון דער איקשער בידנע

קב פ. אדלער

בעפער זיין אפרייונג נאך יורצם

יאקאב פ. אדלער שפילען

יין 1 מאל זיין נרויסע כ עסטם אלם נסתלי הערש,

אין יעקב נאהרדינ'ם נרויסע ווערק

ר פרעמדער

ם דער באטשיל ינונג פון פארענדע נרויסע קינסטלער

ארא אדלער סטלא אדלער
שהנגאלד אלעקס מילער
נראף סעמועל אויערבאך

און דו נאנצע קונסטלער

דעטראיט!

YIDDISH PLAYHOUSE

Hastings at Alfred Formerly Circle Theatre Tel. Cherry 2523

AD. ZWEIG, Stage Director. A. LITTMAN, Mgr. I. WERNICK, Stage Mgr.
AB. GRUSHKOFF, Co. Director. HARRY TRAIGER, Bus. Mgr.

היינט

זונטאג, מאיינע און אוונד, 6טען אפריל

שטארקע מעלאדראמע אין 4 אקטען. מים נעואג אין ייעדע

מענשען אהן

דעטראיט!

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York].–(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

„דער טאג" בריינגט ליכט

Office : 183 East Broadway, N. Y. Tel. : Orchard 7000

XL No. 3415 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, APRIL 9, 1924. מיטוואך, ה' ניסן, תרפ"ד. 1924 ,9טן אפריל, מיטוואך PRICE THREE CENTS

„צופיל אימיגראנטן טענה"ט אידישער קאנגרעסמאן

קאנגרעסמאן ראזענבלום פון וועסט ווירזשיניא ערקלערט אז אמעריקא האט זיך איבערגענעמען מיט אימיגראנטן אין היינט פארמאכטן די טויערן.— דעבאטן נעמן כּביל האט שיעך נים געפינדרט צו א פרוסט צווישען צוויי קאנגרעסלייט.— אפשטימונג שבת.

וואשינגטאן, אפריל 9. — דער הויפט־גרונט פאר נעכטען דעבאטירט דושאנ־מאנס אימיגראציאן־ביל עלף שטונדען פארבר. אפט וויינען די דעבאטען נעווען ריזיגע אין די אינטערעסטן ביטערע. בין איין פונקט איז א נעשלאג צווישען דו קאנגרעסלייט וואסהינגטאן אין נארווואל אויסעמידער נעווארען א ראלע די אפ־שטראפונגען פון אנדערע מיטגלידער. דערעפטען. ביידע קאנגרעסלייט זיי־ נען דעבאקאנטע. וואסהינגטאן פארטרעט אנאנאז אוז סטיצט דושאנמאנ'ס אפר־ שיאט. אוז נאליוואן פיהרט אן דעם קאמף פון די מאסאטשוסיטסער אפר־ טרעטער נעגען ביל. זייער דיסקו־ סיע האט נעפוהרט צו שרעזניכע באר־ צערקונגען אין וואסהינגטאן האט זיך נע־ באפט שראנען זיין נענגער.

די אימיגראציאניסטן האבען אויסנעמסטן זייער נאנצע נאר אין די נעכטיגע דעבאטען. אין האבען נעשא־ טען פער אוז שייבער אויף אלע אימי־ נראנטן. זיי האבען נעבאהרט א שרעק־ ליכע בוכר פון אלע נעשיכטע. „לאצט". אין זיי נעווארען אנדערע פליטים פון דעם „ערכיב" פון אויר־ שפע. זיי האבען באשולדיגט דעם אי־

צוריקגעקומען פון ארץ ישראל

נושען שפרוים, וועד ער האט אויסגעלערנט אין אלפיינר קרייז.

ני־יטען שטרוים באגי־סטערט פאר אידיש היימלאנד

שלמער פילאדעלפיא, זאנט באזוך האט איהם נעגעבען 20 יאהר לעב־ נען.— אין נעלבטען צוריקגעקומענע מיט דיר „אדריאטיק".— ליידס ציוניסטישע ארבייט.

„מיין איצטיגע רייזע אין ארץ ישראל האט מיך אזוי ערפרישט, אז

טאנאעדיגען אין איצט טפא רושאנבאנ'ס בויל אין עס איז בעריכטיט, אר זאר הירבענדיג. נעמיינע דעבאטע איז נעענדיג פריזאר וויעס טען אייגענטען מענטש. שבת וועט יואשיינליך רעצטע אפשטימונג.

קולידש און פא־ נעווינען אין פרי־מערי אין מישיגע

רושאנבאן פארלירט די רע־ נער פ־ערידעתט נאסינאצ מישיגען אין סארד נעלוי דעמקראטישע פרימערי־ א קלייגער מאכט נעמ־

דעטראיט, אפריל 9. — וואל

איזען רויפען פון קיעוו אין פאגראם שרעק

מערי נאַרדען נעמט ענדליך אַרויס ערשטע פייפערס, נאָך 40 יאָהר וואוינען אין אמעריקא

די באריהמטע אפערא־זינגערין מערי נארדען, וועלכע וואוינט אין אמעריקא סערציג יאהר אוז אין באקאנט אויף דער נאנצער וועלט אלס אמעריקאנער פרי־ מאדאנא, האט נעכטען ענדליך ארויסנע־ נוסען דא איהרע ערשטע „פייפערס" אוז האט ערקלערט, אז זי ווייל ווערען אז אמעריקאנער בירגערין.

מערי נארדען האט אנגענעכטן, אז זי אין 47 יאהר אלט אוז האט נעוואוינט אין אמעריקא נאהענוג צו 41 יאהר. נע־ נארדען נעווארען אין זי אין אכצעדין. סכאטלאנד, אוז אין נעקומטען ריין אמע־ דערציג יאהר אוז באקאנט אויף דער נאנצער וועלט אלס אמעריקאנער פרי־ מאדאנא. האט נעכטען ענדליך ארויסנע־ נוסען דא איהרע ערשטע „פייפערס" אוז האט ערקלערט, אז זי ווייל ווערען אז אמעריקאנער בירגערין.

מערי נארדען האט אנגענעכטן, אז זי אין 47 יאהר אלט אוז האט נעוואוינט אין אמעריקא נאהענוג צו 41 יאהר. נע־ נארדען נעווארען אין זי אין אכצעדין. סכאטלאנד, אוז אין נעקומטען ריין אמע־

דאהערטים אנקלעגער, אליין אנגעקלאגט

בענאמאר ווילקי באשולדיגט אין נעדמטען נעלד פון מיל קאמפאניס.— 30 מיליאן דאלאר־

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.— *In* Der Tag [New York]. —(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ניי!

אקטאגאן פארעוועט פויד

מאכט דאס געפעס־וואשען א סך לייכטער

דזיער נייער כשרער פארעוידינער פראדוקט איז אייגנארטיג געווארן אין קאלניים אין קאמפאני מיטער דער אידישער פירמע יעקב איסקאלסקי ביאלאסטאק שוהל, נו יארק. אקטאגאן פארעוועט פוידער איז פון דעם גוט־כ קאלניים קוואליטי אין ניטסקיים אין איז כמריקסלי בשר, וויל דאס איז חלב.

בלויז א כיסעל אקטאגאן פארעוועט פוידער אין וואסער וועט אויסרייניגן גאנץ דאס געפעס פון דער הארבשניטליכער פאטליג. כענדעט עס פאר וואשען מילכיגע אדער זליזיגע געפעס. דאס איז פארעוועט.

סייוום די קופאנס פאר פרעזענטען. דער געווענהליכער אקטאגאן פרעמיום קופאן געהט מים יעדען פעקעדזש. דאס האט אן עקסטרא ווערטה. כיי איטער גראסער.

ספעציעלער אפער

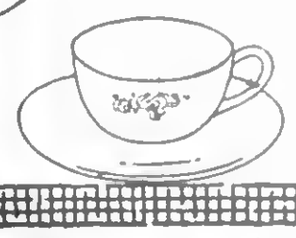
שניידט אויס דיזע אדווערטייזמענט. נעהמט עס צו אייער גראסער. קויפט א פעקדוש אקטאגאן פארעוועט פויד־ אין בעט איהם אונטערצושיידען זיין נאטען אונטן, אויף דעם אדרעס אנגעצייכענטען פלאץ. דיזער ארווערטייזמענט וועט נאר האבען א ווערטה סון סינט קופאנס (וועלכע כיים עם אויס פאר יעדע אקטאגאן פרעמיס.

פרעמיום סטאצ:

נין יארק, נ. י.,	נאשוא, נ. דזש.,
68 — 3טער קוואנט	333 וואשינגטאן סט.
429 וועסט 59טע סט.	דזשוזרזי סיטי, נ. דזש.,
1806 — 3טע אוו.	יארק אין פראספעקט סטס.
בראנקס, נ. י.,	פיטסבורג, פא.,
עלמאזעוי, אן 168טע סט.	109 — 7טע סט.
ברוקלין, נ. י.,	פילאדעלפיא, פא.,
93 נארפאלק סטי	831 נארס 11טע סט
65 וויטהאל סט.	עטטשרסען, נ. דזש.,
ניוארק, אין פאוי	28 וועסט סט
3טע סט. אין 8טע סט.	באסאלא, נ. י.,
יאנקערס, נ. י.,	444 נארפאלק.
68 נארפא נראדוויי.	

ווילבערפליים פאר פסח

איהר קענט מאכען אייער היים טיפ רייך אין ערהאלטען אין טים קרייץ קנ • ען. אויב איהר ווענ בעצירען אייער טיש טים ווילאם ראזענערס עגר כאן ווילבערפליים. דיזעס עכ־ בערפליים האלם לאנג, ווייל עס קומט הערויס אן עקסטרא באוילטע־ רונג אויף דעם פלאץ ווהו עס ניצט ווירד אך אם פערפעקטען. די קאפם איז מעסינ און די קוואליטי איז גיט פרעמט אייער דיזעלבע עד וואך אייר ציינען די לא־פראפס און מעיסע־

ראם טעאטער, דער באלעט און די מוזע־ אומס די איניציגע אינסטיטוציעס וואס ווערען געשטיצט פון די באלשעוויקעס

בין עמא גאלדמאן

[illegible] איינאם אין נעזיכט דער מאסקווער קונסטטעאטער [illegible] ער איינפירונג פון נאציאנ"ס „אוניצע" אין נעזיכט [illegible] אדע"ג פינסט אין אייך מארנעשטעלט נעוואכען [illegible] ראיסק"ס סטודיא. דאס זענען נעזיכט די אייגנ [illegible] אין דער וויסקעגיט פון זיסקאוי. אבער אפילו [illegible] טעאטער האט גיט נעווזיכט קיין צייכען פון ד [illegible] ראוציאנערע מאסרונגען, וואס ריכאוד יעכט [illegible] יעפעדטוער, וואס האט דעם קונסטטעאטער כא [illegible] מיט א פעדטעל יארהונדערט צוריק, ווילט [illegible] נאכט נאר נאכט. עס זענען גיטא ריין [illegible] טארבטאיס אדער כיטעכאוס. וואס זאלען דו [illegible] פאטעסטעו נעמען די נייע איכרען, און ווען עס [illegible] כאזייזען. ווען קיין כאטער טיידט [illegible] ראוען אייסבידען. עס איז נעווטעכר צו מאר [illegible] מ' מארנאנגהיים, ווי צו נעכען אן אויטרוק פון [illegible] ניט קוקענדיג דערוון, וואס דער קונסט [illegible] אט זיך אויסלעכיך אפנענעכען מיט דער מאר [illegible] האט כמאיסלאווסקי אפט נעהאט שווערקייי [illegible] ר כאכסט. ער האט נעליטען פון ארעסטען זיין [illegible] אך עריטט נעראטן אריינגעקליבען אין א נייי [illegible] איך האב אימה באזוכט מיט לואיזע כרייענס, ווען [illegible] מיר שבעטען איך זאל זיין אימר איבערזעצערין. [illegible] האט אויסנעזוכן ענטטוטיטס און מארליינען [illegible] ניט־אויסגעפאקט כאכטעגס ביהנעזאכט. [illegible] אידם אויך נעזוכן נאך א פאר כאל כיי אנדערע [illegible] און איך האב נעשמוגן, אז ער איז כמעט האפ־ [illegible] ער עפעקט פון דער שטיפע איז נעווארען סיעל שטארי [illegible] דער העאריסטישער פיינקיים. וואס כטאניסלאווסקי [illegible] איז דער דראמאטישער קונסט. אבער [illegible] זיאכער זענען נעווען איסשליסליך זייער און פון זייער [illegible] זיי האבען קיין שייכות גיט נעהאט מיט די [illegible] אם, אבער מיט דעם „דראלעמקולט".

עס זענען נעווען אנדערע ניי־ זאבען. וואס האבען זיך [illegible] לאנג איידער די באלשעוויסטס זענען נעקומען צו [illegible] כאכט, אין כמן האט זיי שרלויבט אנצוהאן מיט זייער [illegible] ווייל זיי האבען קיין שייכות גיט נעהאט מיט דער [illegible] שידקייטס. דער קאטער טעאטער כאציייכנט [illegible] נעזען דער לאסט, וואס די דראמע לייגט ארויף [illegible] טשיערער; די רעזשיסיע נעזען דער צרטראפ [illegible] אקטיארס־ענסאציע זין דער דראמאטישער קונסט. [illegible] דעם אויכדרוק פון אקטיאר. דער טעאטער [illegible] כאריטענדע רעזשיסאטען הויך דער נייער שטיי [illegible] ר, א־ייזענשטיין אויסשטאנג פון כיכדער און כוזיק, [illegible] טעכניק איז פיעסעז פון א לייכטערען זשאנר.

[illegible] איזענשטיינ פראבע ווערט נעמאכט אין כעמ [illegible] טעאטער. די דיסקוסיע האלט, אז די נעשיכיכטע [illegible] ראנציצטע די שויטשפיעלערישקעס. פיעסעז, נלויכע [illegible] פיעס דער כוהע אידפראיזידע ווערען—יערלי [illegible] א כיישן אידישדויש העב קונסטלערס כפאנטא [illegible] זיין אינספיראציע און זייער שטימונגען. דער ערסט [illegible] איז, אבער אזוי ווי די אידפראווייזיטע פיעס [illegible] זיך אויך האלטען אין די נרעניצעז פון שמאטס [illegible] די ארבייט פון כעטשראאיטישע דער אידישער קולטור [illegible] אקטיארס פון דער ערסט שעה פון דער נאר [illegible] טיפן, די כייסטער פון „פראלעמקולט".

[illegible] אינטעראסאנטע קילטורעלע פראבע האב איך נע [illegible] אין דער ארבייט פון דער אידישער קולטור [illegible] אקטיארס האב זיך עס מיט אן ארגאניזאציע, וואס [illegible] ידיגט נעווארען אין 1918, צו העלפען די פראפאי [illegible] מען האב זיי נעמוזט פארזארגען מיט וואיזענגס [illegible] פליטלעך. ענגע אידיש לימראטען און א פעדי [illegible] אבער האבען נעבראכט די קולטורלעך אין [illegible] זי האבען זיך גיט כאנוועגס מיט וצרנען צאר די פיי [illegible] פון די אוטליכקייט. [illegible] פראפעסיאנעל, עקספעריס [illegible] האבען זיי איך נעפעלט א סעריאזעז אין א [illegible] נעהאט. דעמיר האבען כאויס רייגיג, האט די קוי [illegible] פראגאנג א דייקעלי אין א בעדיא, אייבער אידי [illegible] ר אידישען עיזיהונגס־אינסטיטוציעס. עס אין זיי איך נע [illegible] ארגאניזיידען 320 אפטייזונגען אין אוקראינע. כיי [illegible] ראשי אייזען א כפעציעלער באיטשלעך [illegible] אט אין אינטיריס נעפראגט רבכוד דער עקספערטיז. דר [illegible] נפאגאנט וועהן דעם אינסטרוקטיוויסטען אינסטי פון [illegible] נעמען.

אלץ דעם ריזערוואציעז אויבנט אין דוכנעפריס נע [illegible] פריס „די ציי כעואנער". אלס א נרופע העטיסטא [illegible] דער עפעדט אין נעווען א שטארקער. די נא [illegible] טיי נייס עכסיט פון סיזהלינג, די מויעל זינגענדע זייער [illegible] רעפעראטואר אין פיעסען פון א לייכטערען זשאנר.

[illegible] אין אינטערעסירט פראבע ווערט נעמאכט אין כעמ [illegible] טעאטער. די דיסקוסיע האלט, אז די נעשיכיכטע [illegible] ראנציצטע די שויטשפיעלערישקעס. פיעסעז, נלויכע [illegible] פיעס דער כוהע אידפראיזידע ווערען—יערלי [illegible] א כיישן אידישדויש העב קונסטלערס כפאנטא [illegible] זיין אינספיראציע און זייער שטימונגען. דער ערסט [illegible] איז, אבער אזוי ווי די אידפראווייזיטע פיעס [illegible] זיך אויך האלטען אין די נרעניצעז פון שמאטס [illegible] די ארבייט פון כעטשראאיטישע דער אידישער קולטור [illegible] אקטיארס פון דער ערסט שעה פון דער נאר [illegible] טיפן, די כייסטער פון „פראלעמקולט".

[illegible] אינטעראסאנטע קילטורעלע פראבע האב איך נע [illegible] אין דער ארבייט פון דער אידישער קולטור [illegible] אקטיארס האב זיך עס מיט אן ארגאניזאציע, וואס [illegible] ידיגט נעווארען אין 1918, צו העלפען די פראפאי [illegible] מען האב זיי נעמוזט פארזארגען מיט וואיזענגס [illegible] פליטלעך. ענגע אידיש לימראטען און א פעדי [illegible] אבער האבען נעבראכט די קולטורלעך אין [illegible] זי האבען זיך גיט כאנוועגס מיט וצרנען צאר די פיי [illegible] פון די אוטליכקייט. [illegible] פראפעסיאנעל, עקספעריס [illegible] האבען זיי איך נעפעלט א סעריאזעז אין א [illegible] נעהאט. דעמיר האבען כאויס רייגיג, האט די קוי [illegible] פראגאנג א דייקעלי אין א בעדיא, אייבער אידי [illegible] ר אידישען עיזיהונגס־אינסטיטוציעס. עס אין זיי איך נע [illegible] ארגאניזיידען 320 אפטייזונגען אין אוקראינע. כיי [illegible] ראשי אייזען א כפעציעלער באיטשלעך [illegible] אט אין אינטיריס נעפראגט רבכוד דער עקספערטיז. דר [illegible] נפאגאנט וועהן דעם אינסטרוקטיוויסטען אינסטי פון [illegible] נעמען.

אלץ דעם ריזערוואציעז אויבנט אין דוכנעפריס נע [illegible] פריס „די ציי כעואנער". אלס א נרופע העטיסטא [illegible] דער עפעדט אין נעווען א שטארקער. די נא [illegible] טיי נייס עכסיט פון סיזהלינג, די מויעל זינגענדע זייער [illegible] רעפעראטואר אין פיעסען פון א לייכטערען זשאנר.

[illegible] אין אינטערעסירט פראבע ווערט נעמאכט אין כעמ [illegible] טעאטער. די דיסקוסיע האלט, אז די נעשיכיכטע [illegible] ראנציצטע די שויטשפיעלערישקעס. פיעסעז, נלויכע [illegible] פיעס דער כוהע אידפראיזידע ווערען—יערלי [illegible] א כיישן אידישדויש העב קונסטלערס כפאנטא [illegible] זיין אינספיראציע און זייער שטימונגען. דער ערסט [illegible] איז, אבער אזוי ווי די אידפראווייזיטע פיעס [illegible] זיך אויך האלטען אין די נרעניצעז פון שמאטס [illegible] די ארבייט פון כעטשראאיטישע דער אידישער קולטור [illegible] אקטיארס פון דער ערסט שעה פון דער נאר [illegible] טיפן, די כייסטער פון „פראלעמקולט".

[illegible] אינטעראסאנטע קילטורעלע פראבע האב איך נע [illegible] אין דער ארבייט פון דער אידישער קולטור [illegible] אקטיארס האב זיך עס מיט אן ארגאניזאציע, וואס [illegible] ידיגט נעווארען אין 1918, צו העלפען די פראפאי [illegible] מען האב זיי נעמוזט פארזארגען מיט וואיזענגס [illegible] פליטלעך. ענגע אידיש לימראטען און א פעדי [illegible] אבער האבען נעבראכט די קולטורלעך אין [illegible] זי האבען זיך גיט כאנוועגס מיט וצרנען צאר די פיי [illegible] פון די אוטליכקייט. [illegible] פראפעסיאנעל, עקספעריס [illegible] האבען זיי איך נעפעלט א סעריאזעז אין א [illegible] נעהאט. דעמיר האבען כאויס רייגיג, האט די קוי [illegible] פראגאנג א דייקעלי אין א בעדיא, אייבער אידי [illegible] ר אידישען עיזיהונגס־אינסטיטוציעס. עס אין זיי איך נע [illegible] ארגאניזיידען 320 אפטייזונגען אין אוקראינע. כיי [illegible] ראשי אייזען א כפעציעלער באיטשלעך [illegible] אט אין אינטיריס נעפראגט רבכוד דער עקספערטיז. דר [illegible] נפאגאנט וועהן דעם אינסטרוקטיוויסטען אינסטי פון [illegible] נעמען.

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ב י ע
אקטאגאן פארעוו פוידר
מאכט דאס גיפעם־וואשען א סך לייכטער

דיזער נייער בשרעד פארעדינער פ׳אמעריק איז איינגעפאריט מיט אלע מעגליכע קאליטעטן אין קאמפאני מיט דרך עקב אויסקאדעמי פ׳ביאליסטאק שיהר, ניו יארק. אקטאגאן פארעוו איז מיר טעג נישט־קיין קוואלמי אין זיי סמרקים אין איז סמרקעט בשר זייער דאס איז חתב.

בכויז א כיסעל אקטאגאן וואשעוו פוידער אין וואריים וואסער וועם אויסרייניגען גיט דאס געפעם פון דער דורכשניטליכער פאטיוויע. בעיצעט עם סאר וואשען פולכיגע אדער פריישיג געפעם דאס איז פארעוו.

סייוועט די קופאנס פאר פ׳רעזענטען. דער געוועהנליכער אקטאגאן פ׳עסיוום קופאן נעהמט מים יעדען פעקעדוש. דאס האם אן עקסטרא יוערסה. ביי אייער גראסער.

ספעציעלער אפער

שנייידט אויס ריזע אדווערטייזמענם. נעהמט עם צו אייער גראסער. קויפט א פעקעדוש אקטאגאן פארעוו פוידער אן בעם איהם אינטערעסירט זיין נאכמן אונטן. אויף רעם אנגעצייכנעטן פלאץ. דיעזער אדווערטייזמענט וועט ראן האבען א ווערטה פון מינד קופאנס וועלן מיר בייס עם אוים סאר יעדען אקטאגאן פרעסיס.

פרעמיום סטאקס:

נין יארק, נ. י.,	נואדק, נ. ד.ש.
63 — 25מע עוקנצי	163 וואשינגטאן סט.
429 וועסט 39מע סט.	דזשוואדזי סיטי, נ. ד.ש.
1906 — 83מע עוו.	יארק אין האיכאגא סטאק
בראנקס, נ. י.,	פיטסבורג, פא.
עלטאן עוו. אין 165מע סט.	109 — 23מע סט.
ברוקלין, נ. י.,	פילאדעלפיא, פא.
93 נרינפוינט עוו.	831 נאדטר בוליוואד סט
55 וויטהאל סט.	פעטערסאן, נ. ד.ש.
ליבערטי עוו. אין פאר 8מע סט.	23 וועסט סט.
יאנקערס, נ. י.,	באסאלא, נ. י.,
68 נאדטה בראדוויי.	(אוי נראדווי).

זילבערפליט פאר פסח

איהר קענט מאכען אייער טיש טיב רייך אין עדהאבען אין מיט קליינע קאסטען. עס איז איהר וועט בעצייכנען אייער טיש מים זילבאם ראדשיינענ ענר סאן זילבערפליט. דיעזע זילבערפליט האלט האנג. מיהל עס קומם דערויף אן עקסטרא באוועלבע־רונג אויף דעם פלאץ וואו עס ניצם זיך אב אם מעהרסטען. די קאסטם איז מעסיג אין די קוואליטי איז גוט. פרענם אייער דועלער ער זאר אייך צייגען די נאמען אין מוסטערס, זיי זיינען איך בייטע גע־פעלען אין וועלען נעהווערען א לע־בענסלאנג.

6 טהעע־קעפעלער — —	$1.75
6 מידיום נאפלען — —	3.50
6 מידיום מעסערס (סאליד הענטעל) — — —	3.75
6 מידיום מעסערס (האלו הענטעל) — — —	9.00
6 מישלקעפל — —	3.50
26־שטיק סעם -	15.00

Wm·Rogers & Son Silverplate

[illegible] אין נאראוסים ביי [illegible] פאנו [illegible] פעייהנט האב. אינטרעסירט ביי די

[illegible]

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

"דער טאג" ביינעם ליכט

Office : 183 East Broadway, N. Y. Tel. : Orchard 7000

Office : 183 East Broadway, Tel. : Orchard 7000

Vol. XI. No. 3418 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK SATURDAY, APRIL 12, 1924. שבת, ח' ניסן, תרפ"ד. 1924 שבת, 12טן אפריל, PRICE THREE CENTS

קאָנגרעס אָפּשטימונג וועגען אימיגראַציע וועט מעגליך הייַנט פּאַרקומען

פּראַנקרייך און רומעניע פּאַנען מיליטעריש בונד

באריכט, אַז אידישע באַנקירען שטיצען אונגאַרישע פּאַראַם רעגירונג

ליפּסקי נעכטען צוריקגעקומען פון לאַנדאָן

פּרינדליכ׳ם אינגעל שוואַכט אָפּ קלאַנג נעגען זיין פּאַטער

ניט צו אויפֿן עדות־שטול, אז וועג זיך אויפגעאָפּט יענעם אינדערפרית, וועג זיין מוטער אין געשטאַרבען, האָט ער ניט געוואָלט זיין פּאַטער׳ם פּנים, נאָר געהערט זיין קול, געוואָלט האָט ער בלויז זיין פּלייצע.

(Stenografisher Bericht fun Yoel Salomon)

לעדושסליטש׳ן אין אַלבאַני שוין געשלאָסען

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman. – *In* Der Tag [New York]. – (Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

דער וועלט

באלשעוויקעם האבען אויסגענוצט עם גרויסען רוסישען הונגער פאר פראפאגאנדע צוועקען

פון עמא גאלדמאן

בראדווייער טעאטערס

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ביינעם ליכט

Office: 183 East Broadway. Tel.: Orchard 7000

Office: 183 E. Broadway. Tel. Orchard 7.000
Tel., Orchard 7000

Vol. XI. No. 3422 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, APRIL 16, 1924. טיטוואך, י"ב ניסן, תרפ"ד. 16טן אפריל, 1924. PRICE THREE CENTS

איינשטימיגער באַשלום פון סענאַט אויסצושלישן יאַפאַנעזער אַפגעשיקט צום פרעזידענט

וואשינגטאן, אפריל 16. — פרעזידענט הארדינג האט הייט באקומען א טעלעגראם פון דער אמעריקאנער קאמיסיע אין יאפאן, אין וועלכן עס ווערט מיטגעטיילט אז דער יאפאנישער קייסער האט באשלאסן צו שיקן זיין ספעציעלן שליח קיין וואשינגטאן, כדי אויסצודריקן זיין באדויערן וועגן דעם אומגליק וואס האט באטראפן אמעריקע. דער שליח וועט אויך איבערגעבן דעם פרעזידענט א בריוו פון קייסער יאשיהיטא, אין וועלכן ער דריקט אויס זיין באדויערן וועגן דעם אומגליק.

דער יאפאנישער שליח וועט אנקומען אין וואשינגטאן אין מיטן מאי.

20 עדות זאגען, אז הערי טהאו איז ביי זיין קלארען פארשטאנד

פלארס, אז זיי גלויבען, אז טהאו איז שוין ניט משוגע. דאס זעלבע האט אויך דורך א הערע פון מעדיצינישען כאראקטער, געזוכט צו הערויזיזען. אז טהאו איז שוין ניט משוגע.

נעכטן זיין כאהריאונג איז נאך נע־ווען דער לאיער פון עוועלין נעסבים, די נעוועזענע פרוי פון הערי טהאו, וועלכע איז שפארט געגען דעם, אז מען זאל איהם כאהריין פון משוגעים הויז. איינער פון די עדות טהאו איז נעווען דר. טשארלס מילס, א ספע־ציאליסט איבער נייטמינע קראנקהייטען. זיי אלע האבען אויס'ן עדות שטיר פיר הערי טהאו.

אידישע טויר זאגען זיך אפ פון פלאן צו גרינדען אויסאנאמען ישוב אין קרים

כאסקווע (אינפא). אפריל 16. — דער "סאוועטסקי" פון אוקראינע האט נע־מאלדעט דער צענטראלער רעגירונג אין כאסקווע, אז ער האט שוין באשטימט א קלענערע לאנד אין דער נאהענט פון שטרעקע לאנד אין דער נאהענט פון ריי אינטערנאציאנאלע אידישע קאלא־ניעס אין אוקראינע אז אין קרים, פאר'ן צוועק דורכצופיהרען א בריטע קאלאני־זאציע פון אידישע נעזעלשאפטליכע און פאליטי־שע קרייזען אין כאסקווע. עס ווערט אלץ מעהר בויגט די טענדענץ, אז דער קאלא־ניזירונגס־פלאן זאל אנגענומען ווערען אויף א קלענערען באזיס אין דער נאהענט פון זיין ציעל זאל זיין בלויז צו פארנעמען דען די שטרעקע פון די שוין עקזיסטי־רענדע אידישע קאלאניעס אין אוידאיע

ענגלאַנד נעמט אָן דאוס׳ס פלאַן

לאנדאן, אפריל 16. — פרעמיער מעקראָנאלד האט נעקראָנען אן אוואציע אין הויז קאמאנס וועגן ער האט נעכ־טען נעמאכט די שרקלעהרונג, או די ענג־לישע רעגירונג האט באשלאסען צו שטי־צען דעם נאנצען פלאן וואס די עקספער־טען האבען אויסגעשטעלט צו דער רעפא־ראציע קאמיסיע, אויב אלע אנדערע פאראינטערעסירטע אויב אלע אנדערע לאנד זאלבע. מר. באלדווין האט דעם פרעמיער נעפרעגט, אויב ער ווייסט, אז דאס נאנצע ענגלישע פאלק ווערט איהם נאבען איהר נאהיינימט שטיצע אין זיין שטעלונג, און דער פרעמיער האט נע־ענטפערט, אז ער האט עס ערווארט, ער איז אבער האנקבאר ווען דער נעוועזע־נער פרעמיער זאגט עס ארוים. טעקרא־נאלד האט דעם פלאן פון די אינטערנא־ציאנאלע עקספערטען באציי־כענט אלס אן אוכאמארטיי־לען מארזוך צו העלפען לעזען די שוועריגקייטען וועלכע זיי האבען. אן לעבענס־וויכטיג־קייט פאר־בונדען מיט דעם ראוועזי־נען פרוידענטאל קריטיקען וואס זיי נעמען פאר אינטערנאציאנאלע פראבלעמען. אין דער מראנצוויישער פרעסע. דער פרעמיער האט נערעדט ביי א דינער פון דער דע מאקראטיש - סאציאל - רעפובליקאנער פארטיי אין וועלכען ער האט נעמאלען צו כילד פון א פראנקרייך וואס זאל קענען לעבען רוהיג אוז פרידליך, און אין דעם עלסר צו פערטיידיגען שלום. פונקטואל אנ־דערע וואס האבען נעזעהן דעם אבי נעריוסעם, אז וועג נויטיג, וועט פראנק־רייך אפילו מאבען נעווישע קאנצעסיע אוים'ן גרונט פון דעם ראוועם פלאן.

א וויכטיגע נייעס איז דא אויך נעב־טען באקאנט נעווארען אין דער עיקלע־

פרוינדליך האַט ויך מודה געווען, זאַגט עדזון

דעטעקטיוו טשארלס ראזענבערג איז נעכטען נעווען וויכטיגסטער עדות. — „האסטו ניט דערזעהן פרעד?" — זאל ראזענבערג האבען נעפרעגט פרייס אין ליכ'ען אין טאג פון מארד אין פרוינדליך זאל האבען ענטפערט: „יא, יא, אידר זיינט נערעכט!". — לא ציקלאפט טענות איך פון אט דעם וויכטינסטען עד

פאציוועלער באריכט — פון זשאל סלאנסקי.

נעכטען איז נעווען א כאר וויכ מיט אויפרעגונג אין מיט סצענעם אין דעם פרוינדליך פראצעס. די עדות וואס זיי נען מאריגרופען נעווארען זען דעם רי סטריקט אסוירטי האבען, ווי עס ווייזט אויס, ניט נעווען דאס, וואס עד האס נעפוינט זיי צו שלעפן זאגען אין עד האס זיך נעזעהען צוזאמ נעקרעכצט אוז נע־ערנערט פון חדש. איין עדות וואנעס, מרס. אפלעבוים, האס עד איין נעניסען אויף א קריזיס־מאהרנעם, ווייל זי האבען אזעלכע נעזעהן. אין דעם ראוועז־צעלע נעווארען קריטיקירט וואס זיי נעמען פאר ריישעל אין דער ווי אזעלכע עדות זאגען. אין דעם ראוועז־

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

וויל שטאלץ מיט אייער פסח׳דיגע וועבער

$1.00
3.50
2.75
5.00
3.50
15.00

Wm·Rogers & Son
Silverplate

PERMANENT SILVER CO.

יידישע סאציאליסטישע רעפובליק
אין פארטריבען די מעשיגסטע
אנארכיסטען פון לאנד

העלפט א יידיש אין פסח!

חול המועד און פסח געברויכט כשר׳ע מילך

דער עיקאר פון דער איינציגער מילך פון א סטרוקטורי בשר׳ען קיך פרעגט יעדן וואס שמועסט וועגען יענע השגחה פון א בעיאבטען רב און ווען משגיחים יאהס שרויבט אין דער סטרוקטורי בשר׳ען קיך פרעגט יעדען וואס וויל וואלטן אויף

טרינקט מילך — עסט

H. SHAPIRO

BEST COPY AVAILABLE

828

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

The Day

דער טאג

"דער טאג" ברייגט ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel.: Orchard 1000

XI. No. 3428 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK TUESDAY, APRIL 22, 1924. דינסטאג, כ' רחוה"ב פסח, תרפ"ד. 1924 אפריל, 22טער דינסטאג, PRICE THREE CENTS

עצטער פאַרזוך געמאַכט דורכצופירען פונקט זועגן ארײנלאָזען קרובים פון בירגער איבער דער קזאַט

הערי פרײנדליך דערצעהלט זיין לעבענס געשיכטע אין געריכט און גיט איבער אַלע איינצעלהייטען פון „יענעם טאָג" וואָס איז געווען אזוי טראגיש פאר זיין לאהן און פאר איהם

הערי האָפּקינס

צעקלאפט אירן וויטנעס סטעגד די טענות פון זיין והן. — דערצעהלט, וויאזוי מען האָט איהם „געגיבען" אין טאָג פון פּאָרד, אין זיי איז מען האָט איהם נע־ טאָקען כדי אריינצוקריגען פון איהם א יידוי.

באַנדיטקע מיט געשוירענע האַר איז זיך מודה אין 17 האַלד־אָפּס

הערי האָפּקינס אנגעקלאָגט פּ אטאקירט

MONDA...

העגע... ונג...

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

וואס די רוסישע רעוואלוציע האט געקענט זיין און וואס די באלשעוויקעס האבן פון איהר געמאכט

פון עמא גאלדמאן

I.

TUESDAY, APRIL

YII
PLA

לכבוד פסח

22סטן אפריל

27סטן א

ORCHE

"YOU CAN"

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

THE NATIONAL EWISH DAILY"

דער טאג The Day

„דער טאג" ביינגט ליכט

183 East Broadway, N. Y. Tel. | Orchard 7000

Office: 183 East Broadway N. Y. Tel. | Orchard 7000

No. 3429 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, APRIL 23, 1924. מיטוואך, 23סטן אפריל, 1924. PRICE THREE CENTS

קולידזש פאר אן אלזועלטליכער ענטוואפנונגם-קאנפערענץ

ערקלערט זעקס הונדערט רעפראקטאריז אין ניו־יארק, אז פרידער מוז איראפא שליכטען די שארפנרויז פראנע.

— לויבט דאס עקספערטן רעקאמענדאציעס.

פארזיכערט די רעדאקטאריז, אז ער איז פאר א קאנסע־רוויזם, נאר פאר א קאנסטרוקטיווער פראגרעס.

— קולידזש־עם רעדע בי דער יעדרליכער פאר־זאמלונג פון דער אמעריקאנער פרעס מאכט קלאר זיין שטעלונג צו אינטערנאציאנאלע פראגען. — איז פאר אמעריקאנער באטיילונג אין דייטשער הלואה.

א נאכט אויף א שיף

ערקלערט זעקס הונדערט רעדאקטאריז אין ניו־יארק, אז פרידער מוז איראפא שליכטען די שארפנרויז פראנע.

— לויבט דאס עקספערטן רעקאמענדאציעס.

פארזיכערט די רעדאקטאריז, אז ער איז פאר א קאנסע־רוויזם נאר פאר א קאנסטרוקטיווער פראגרעס.

— קולידזש־עם רעדע בי דער יעדרליכער פאר־זאמלונג פון דער אמעריקאנער פרעס מאכט קלאר זיין שטעלונג צו אינטערנאציאנאלע פראגען. — איז פאר אמעריקאנער באטיילונג אין דייטשער הלואה.

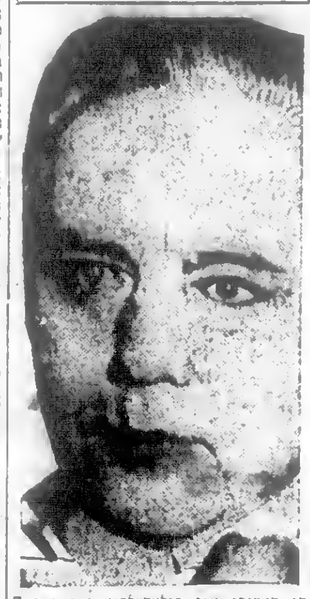
פרעזידענט קולידזש האט פארויר בערט זיינע צוהערער, אז ער נעמט אן די אונטערזוכונג פון מצלח נעגען דער פעדעראל ליג אין די רעפובליקאנער דע־לעגאטן האבען אההה דערפאר נאכן עכטוויסטטיט אפלאדירט. ער האט אבער דערבייַ אנגעוויזען, אז ער איז ניט נעגען אינטערנאציאנאלע קאנפע־רענצען נאר נאכען פירהרען צו פריהלי־כע פארשטעהערישען צווישען די פעל־קער.

דערנעבען וועגען דער דייטשער שא־דענזאך פראגע, האט ער נעלויבט די רוהר־אקספערטיזעס פון דעם דאוס' כאר־טער, אז אמעריקאנער קאפיטאל פלעגט אין דער הואה, נאר דערפון, ווייס דעם קאנסערנס פונקט. נעוויסען וויכ־טיג פאר דייטשלאנד.

מיט אפלאדיסמענטען האבען די פארזאמלטע אויסגעטומלט די ערקלע־רונג פון פרעזידענט, אז ער וועט אנטוון

פריש און נעזונט און מיושב

די דזשורי אין פילאדעלפיא איז נאך ניט שפונדען פראכטען. נעקומטען צו דער אי־בערצייגונג. אז תקרי סאו איז ניט משוגע.

הערי טאו איז בײם קלאָרען פֿאַרשטאַנד

טאו 'נעוהען זיכער מיט זיך באפריי־אונג אוז האט שוין צוניפגעפאר קעהרעם זייער חפצים אין אסיילום. דזשורי האט זיך בארשטעהן פון 3 בייסאַנ בית האלב נאך 10 שהינט.

פילאדעלפיא, אפריל 23. — הערי ק. טהאו, וואס האט אוים אויפערוהק נעמטויס מיט עלף יאהר צוריק זיין פרוי'ס פארטיהרער אוז איז בין איצט נעוהען פארשפארט אין אסיילום אויף די באוויזען, האט עד איז ניט בייס קלאהר רען פארשפאנד, האט נעכטען צוועגט דעם וועהרדיקט פון דער דזשורי, אז ער איז מעהר ניט משוגע אוז עס איז קיין נעפאהר ניט, אז עד זאל וואיטער צויי־שען קלאהרע מענשען.

טהאו האט נאך בייסאַנ זיך נעריכט, אז די דזשורי, וואס האט בארהרטט אהרטייל, צי ער איז נאך משוגע אדער ניט, וועט אויהס באפריען פון דעם אנ־שטאלט, וואו ער איז אפגעזעסן די לעצטע 11 יאהר.

דעם וועהרדיקט האט אויסגעהערט אויך טהאו'ס אלטע כוסער וואס איז אהרום 82 יאהר אלט אוז א נהויסע צאל פרייגד פון דער פאמיליע.

די דזשורי האט זיך לאנג נעאפפערט וועגען דער קויס. פון נעכטען 3 א ווייט נער בייסאַנ אז האט זיך די דזשורי כאר־ראטען. אוז אין דזיוער ציים האט טהאו דערווייל צוזויגעפאקעוועט זייגע חפצים אינ'ס אסיילום, ווייל עד האט זיך נערעכט אויף א ניסטעגען וועהרדיקט אין אויב אפילו עד זאל ניט נעוהען זיין ניסטייג, וואלט די קויס נעבראכט נעוואהרען צו א העכערען נעריכט, אוז אויב די דזשורי וואלט זיך ניט נעוהען נאיויניגע, וואלט דאס נעריכט אהיין באשטימט זיין נוהר.

נעכטען בעת דער ציים, וואס דער פראצעס איז אננענאמען האט טהאו נעפאלגט א פאר פראגעס, וואס האבען נעפאלגט זעהר שלעכט אויסזעהיטט פון דעם אוים, אז עד האט נעהאט א פאר גרויע האר, ריזיג סאו. אז אלץ אין נעריכט האבען דאס

פרוינדליך'ס שיק מעגליך היינט אין העגט פון דזשור

איז נעכטען וויידער נעוועזן אויפן וויטנעס־סטעג ענטפערט אויף פראגען פון דעם דיסטריקט א פרוינדליך האט ערקלערט, אז עס איז נאר ל ליך, אז באנדיטען האבען דערמארדעט זיין כ

ווייטנעס אנדערעס הי נעכטען הערצעהלט, אז א טעגליכע ווינען זיין אויפטרעג אין מאדר פון זיין פרוי דעם 13טען נאר וועכבער, אין זיין האוזוגונג, 272 דע מיט דעם, אז ער נהויכט. צוויי ארום וויכען זיין שוויגער. נעכטען איז ער וויידער אויפגעטרא טען פון דער פאליציי־סטאנציע אין אסיסטענט דיסטריקט אטאדיי אויפן דרויקאָרט, אין ער וועגען אויפן פרוינדליכען ער האט נעפאהרען א אויטא אפציישיא שטעלען אויס ציער. פראצעס, אבער פרוינדליך האט זיך נעראטען בי ארין וואס ער האט דערצעהלט ניט א טאג צוריק.

אראבישע עקזעקוטיוו ווייס ניט וואס זי רעדט

ירושלים, אפריל 23. — (אמא. — די אראבישע עקזעקוטיוו האט צייט שטעלט דער פאליעסטינער־קאנגרעס א 13טען נאוועמבער אין יעפא. פרוינדליכע ווען דער פרעזידענט פון דער אראבישער אויסכוואוסטע אראבער, ווייל צוויי אדרעסן וועלכע זי אדרעסירט זיין אין תל אביב, דער מיטארבעטער פון אדרעסן אין דער שוויץ. דער פאליעסטינער־ קרום, האט די פארשטעהער־קאנגרעס עקזעקוטיוו אויפגערופן אלע אראבער ווען אויפוועקונג אין דער פאליעסטינער־ פרעסע, אז דער מיטארבעטער אין אזוי מיט באשיידענהייט אויפ

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ייאם די רוסישע רעוואלוציע האט געקענט זיין און וואם די באלשעוויקעס האבען פון איהר געמאכט

סין עמא גאלדמאן

שלום וואלבי

1

[illegible]

2

[illegible]

3

[illegible]

אויפן זינדיגען וועג

סין ם ביינשטיין

[illegible]

[illegible]

[illegible]

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

דער טאג The Day

"דער טאג" ברייגט ליכט

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel.: Orchard 7000

XI. No. 3434 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK MONDAY, APRIL 28, 1924. מאנטאג, כ"ד ניסן, תרפ"ד. מאנטאג, 28טן אפריל, 1924. PRICE THREE CENTS

דרײַ נײַע פּלענער פֿאַר גרעניצלאָזע צו מילדערען אימיגראַציע גזירות וועגען יאַפּאַנעזער

אַנטיסעמיטישע פֿאַרטיי רואינירט דיטשלאַנד, זאָגט קאַנצלער מאַרקס

שוהל אין יאַסי, 300 יאָר אַלט, אָפּגעברענט

אידען אין קריסטען האָבען געגלויבט, אז קיין פּויער וועט די שוהל נים פֿארברענען.

יאַסי, אפריל 28 (איטא). — פּייער פֿלאַמען האָבען היינט פֿאַלסטענדיג אָפּגעטיליגט די עלטסטע אידישע שוהל, וואס האט בין איצט עקזיסטירט אין דרי מעניען.

אין א שרפה וואס איז דא אויסגעבראכען צוליעב נישט פֿעסטגעשטעלטע סכות אין אַפּאַרטמענט נעזונדערן רעזידענץ פֿון דער הויפּטשטאָל. די שוהל איז שוין אלט נעזונדן העבער דורך הונדערט יאָהר, איז געווען אייגנטום פון די וויכטיגסטע אין פֿלאַסטענען אידן דער אידישער געשיכטע אין רומעניען. אין סיי וועלכער אידישע סיי דורך די קריסטליכע אין אירופּע באַשאַלטיגונג באַפֿאַלקערונג זענען אידען אלם א נדיסע היילינגקוים. פּויעל פֿעטישן אוז וואונדערליכע קענטער דען וענען באַפֿאַנט צוזוכען דער באַפֿעלקערונג וועגען דער וואונדערבארקייט פון דער אלטער שוהל אוים וועלכער דאס פּייער האט בין איצט נים נעראַטהט מיטן לעבן.

איצואַנען מיט דער אלטער שוהל איז אויך פֿאַלסטענדיג אָפּגעברענט נעווארען די לעצטערע שוהל, וועלכע האט נאָך נים פֿונקציאָנירט אין דער וועלט אופּגענומען.

מרס. קאַרוזאָ'ס צוויי טעג זונג איז ניט נעווען מולדיג

פֿאַרין, אפריל 28. — מרס. אינגרעס, נעזיעזענע אלמנה פֿון עניריקא קאַרוזאָ, נעווארען אוים פֿאַראַרטיילט אין דער פֿאַלגענדער־נאַכט צוליב אויסזיכטן כאַן צו. א. אינ־יאָרק, א קאַפּיטאַל פֿאַן זען דער כרוניסער אלמוני, כּוס וועלכען זי האט נעדריאַט לעצטען דעצעמבער.

אלם אויזער פֿון זייער מאַנאַנדער, נעהן זיך וועלט אננעגעבען דער מאַקס.

אַנטיסעמיטן באַמאַרדירען שול מיט שטיינער אין ערשטער סדר נאַכט

אמרוהען נעגען אידען אין משערנאָוויץ

בוקארעסט, אפריל 28 (איטא). — אונטער א רעגען פון שטיינער און קוי־לען האבען די אידען אין הערמאַנשטאַדט, סיבּיניער און רעווואלווער קוילען. עס איז נעווארען א נדיסע פאניק אין דער שטאָט סדר־נאכט. אזוי ווייזט זיך אַרויס פֿון ירעות ווּאס זיינען אידער אנגע וכען פֿון דער "סאַדס".

די הערמאַנשטאַדטער אידען זיינען צום זיינען די אנטיסעמיטן כאַפּאַלען די שוהל און זי נעגומטן כאַמבארדירען מיט שטיינער און רעווואלווער קוילען. עס איז נעווארען א נדיסע פאניק אין דער שטאָט סדר־נאכט. אזוי ווייזט זיך אַרויס פֿון ירעות ווּאס זיינען אידער אנגע וכען פֿון דער "סאַדס".

די הערמאַנשטאַדטער אידען זיינען צום זיינען די אנטיסעמיטן כאַפּאַלען די שוהל און זי נעגומטן כאַמבארדירען מיט שטיינער און רעווואלווער קוילען. עס איז נעווארען א נדיסע פאניק אין דער שטאָט סדר־נאכט. אזוי ווייזט זיך אַרויס פֿון ירעות ווּאס זיינען אידער אנגע וכען פֿון דער "סאַדס".

ניט נאָר מיט ארסעניק, נאָר אויך מיט באַ־צילען פון ניומאָניא און דיפטעריא האָט רייכער עדפֿינדער געשפּיזט זיין וויב

פּרוי דאָרט באַלד נעפֿאַנגען מיטער. — פּאַטילין־דאָקטאָר היפּש עדות קעגען מאן. — צייטיגע ציי פּאַר־מעסט אין פּראָצעס. — „מארד פּאַרויך ערשטער גראַד" אין די אנקלאַגע.

קלאַרענס א. בערינג, זון 30 פּערס עוועניוע, ווייט פּלוינס, איז אַרעסטירט נעווארען אוים פֿאַראַלטען נעווארען אזוי בייל אויף דער באשולדיגונג, אז ער האט נעוואלט פֿאַרגיפטען זיין ערוי, נע־בעריז איהר ארסענק.

דער דיסטריקט אטוירני דאָוועלעגר האט נעכטען ערקלערט, אז בערינג האט ניט נאר בנונה נעגעבען זיין פּרוי אר־סענק, נאָר אויך פֿאַרגיפטעט איהר מיט ציאַניד פֿון קאַליום, אין אַ פֿלאַש־קע וואַסער, וואָס זי האט נעטרונקען.

בערינג האט נעשטאַמעט אזוי זיין ערוי איז קראַנק נעווארען, אז זי האט נעמוזט נעהן צו בעט, אַ קאַפּי־טל פֿאַר דרי וואָכען. אין דער צייט האָט ער נעקויפֿט פֿאַרשידענע מעדיצינען, אונטער אַנדערע נאַמען, אַזוי אז קיינער זאָל נים וויסען וואָס ער האָט פֿאַר. אַ פֿרייַנד פֿון בערינג, וואָס איז אויך אַ דאָקטער, האָט אים נעזאָגט אז ער זאָל אויפֿהערן מיט דער מעדיצין, ווייל זי וועט נים העלפֿן. בערינג האָט אָבער נעזאָגט אז ער וועט ניט אויפֿהערן, ווייל ער וויל זי לאָזן שטאַרבן.

פּרוי בערינג איז נעווען אַ שיינע פֿרוי, אַ מוזיקאַנטין, אַ פֿאַרטיגע שפּילערין פֿון פּיאַנע, אָרגל, ווייאָלין, מאַנדאָלין, גיטאַר, האַרפֿע, קלאַרנעט, פֿלייט, קאָרנעט, טראָמבאָן, אַלט, באַריטאָן, באַס, סאַקסאָפֿאָן, קלאַרינעט, האָרן, סאַקסהאָרן, טראַפּ, דרומס, סימבאַלס, קאַסטאַנעטן, טריאַנגל, גלאָקנשפּיל, וויבראַפֿאָן, טשיימס, סעלעסטע, אַקאָרדיאָן, מאַנדאָלאָנסעלאָ, אַלט־האָרן, באַריטאָן־האָרן, באַס־האָרן, קאָנטראַבאַס, טובע, פּיקאָלאָ, אָבאָע, קאָנטראַפֿאָגאָט, באַסעט־האָרן, באַסעט־קלאַרינעט, אַלט־קלאַרינעט, קאָנטראַבאַס־קלאַרינעט, קאָנטראַבאַס־סאַקסאָפֿאָן, באַס־סאַקסאָפֿאָן, טענאָר־סאַקסאָפֿאָן, אַלט־סאַקסאָפֿאָן, סאָפּראַן־סאַקסאָפֿאָן, קאָרנעט־אַ־פּיסטאָן, פֿליגעל־האָרן, טענאָר־האָרן, באַריטאָן־האָרן, באַס־האָרן, קאָנטראַבאַס־האָרן

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

ארומאם די רוסישע רעוואלוציע אונטער די באלשעוויקעס, איז דורכגעפאלען

פון עמא גאלדמאן

MONI

ים

BA
21 Milk

מכלים !
רעגנע פון
טאר
טען מאי
L. I
152-1

סיל

H. SHAPI

פסח

Hub Labor

וואס הערט זיך אין די אידישע יוניאנס?

א גוטער הייסער ברעקפעסט און קאסט אזוי ווייניג

קריגט "קוויק קווייקער"

קאכט זיך אפ אין 3 ביז 5 מינוטן

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Office : 183 East Broadway, N. Y. Tel. : Orchard 7890

דער טאג The Day

"דער טאג" ניו יארק

Office : 183 East Broadway, N. Y. Tel. : Orchard 7890

Vol. XI. No. 3436 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, APRIL 30, 1924. מיטוואך, 30סטן אפריל, 1924. PRICE THREE CE

ארבעטער מאבען פאגראם אויף אידען אין טונים

6 מיטגלידער ווילדע ארבעטער בושעווען אום פסח. — פיעל אידען פארוואונדעט, התדערטע היזער און געשעפטען אויפגעבראכען און צעראבירט. — פאגראם פארגעקומען אין טאג פון מאבמעדאנישען יום טוב נאבי מוסא.

כאסקווע, אפריל 30. — א ציטרויען די רעזולטעטע פון דעם פאגראם אויף א אבה אייניגע ווידערכריסטליכע ארבעטער אין קרעמנטשוג, ווי אידישע קהלה אין אוקראיניע מיטגעטיילט. ווען נעמען זיך אין אכט אלע פאקטען, וועלכע זענען באשטעטיגט געווארן דורך אפיציעלע קאמיסיעס, וואס זענען אויפגעשטעלט געווארן פון דער סאוועטן־רעגירונג.

אין קרעמנטשוג, וואו עס לעבען 180,000 נפשות, די אידישע קהלה אין 30,000 מענשען. די טוויסטער אידען, וועלכע אויסערשטיידען זיך ניט פון דער ארבעטער באפעלקערונג, ניט נאר שפראך און קליידונג, זוינען זעהר אלטמעדאנישע אידען. די עלטסטע פון זיי, וועלכע זענען נאכגעגאנגען אלבערט די ארבעטער אין דעם פאבריק, ווען עס איז אויסגעברוכען דער פאגראם, זענען אויך אידען. אין דער פאבריק זענען ארבעטער 2000 מענטשען, פון וועלכע 1000 זענען אידען. אין דער שטאט זעלבסט זענען 40 פראצענט פון דער באפעלקערונג אידען.

דער פאגראם האט זיך ערקלערט דערפון, אז אין דער שטאט איז פאראן א גרויסע פאבריק, וואס קען אויסער דער שטאט ניט פיל באקאנט זיין. דער פאבריק האט אויך א גרויסע פילאל אין דער נאענטער שטאט טולא. אין דער פאבריק זענען ארבעטער פון פארשידענע נאציאנאליטעטן, אבער אין דער שטאט זעלבסט זענען אידען אין דער מערהייט. אין דער פאבריק זענען אידען אין דער מינאריטעט.

דער פאגראם האט זיך אנגעהויבען אין דער פאבריק. אין דער פרי זענען אין דער פאבריק אנגעקומען אסאך פרעמדע ארבעטער, וועלכע זענען אין דער פאבריק אנגעשטעלט געווארן אויף דעם טאג פון דעם פאגראם. אין דער פרי האבען זיי אנגעהויבען צו שרייען, אז אידען האבען אפגעשניטען קינדער קעפ, אז אידען האבען פארגיפטעט דאס וואסער, אז אידען האבען פארשפרייט דעם טיפוס, אז אידען האבען פארשפרייט דעם כאלעראע, אז אידען האבען פארשפרייט דעם פעסט, אז אידען האבען פארשפרייט דעם פאקס, אז אידען האבען פארשפרייט דעם פלעקפיב

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

אויפן זינדיגען וועג

א ראמאן פון היינטיגען אידישען לעבען

פון ס. ברוינשטיין

פאריאם די רוסיש רעוואלוציע אונטער באלשעוויקעם, איז דורכגעפאלען

פון עמא גאלדמאן

WEDNESDAY

דעטראי

אבונג

ORCHE

ווינטער גארטען

ווינטער גארטען

ווינטער גארטען

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

"THE NATIONAL JEWISH DAILY"

Office: 183 East Broadway, N. Y. Tel.: Orchard 7000

דער טאג The Day

"דער טאג" הייסט ליכט

Office: 183 East Broadway Tel.: Orchard 7000

Vol. XI. No. 3443 Entered as Second Class Matter at Post Office, New York, N. Y. NEW YORK WEDNESDAY, MAY 7, 1924. מיטוואך, 7טן מאי, 1924. PRICE THREE CENTS

פרויען און קינדער פון בירגער וועלען אריינגעלאזט ווערען איבער קוואטא, באשליסט אימיגראציע קאמיטע

אשילדיגונג אין סענאט אז קולידזש האט געהיבט פאליטישע נוצען אין פראגע פון מאסעל שאולם און אימיגראציע

עלטערן פון בירגער און פאר־מערס וועלען האבען פאר־צוג בין 50 פראצענט פון קוואטא. — קאנגרעסמאן סאבאט האט אויך אויסגע־ווירקט, אז אימיגראנטען, וועלכע האבען שוין וויזעס, וועלען ניט דארפען קיין סעקרעטיקיטס און וועלען זיין די ערשטע צו קומען אוף די נייע קוואטאס. — אמעריקאן פעדעריישאן אוו ליבאר באניט אידר קאמפ גענגען אימיגראנטען.

פונקט וועגן יאפאנע זער ניט געענדערט

(ספעציעלע טעלעגראמע צום „מאג")

פון אלפרעד קלויז

וואשינגטאן, מאי 7. — נאך 8 רויה־אנסע־עצטען, וואס האבען נעהויערט אנצוהערען, האבען זיך די ספע־ציעלע קאמיטעס פון סענאט און רע־פרעזענטאנטען הויז נאשיינגטאן אויף באלענדע פינקטען אין רעם נייעם אי־מיגרישאן בילל:

בין יולי 1927 וועלען אריינגעלא־זען ווערען צוויי פראצענט איסיגראנ־טען לויט רער 1890 צאלקסצעהלונג פון 1890. רער וויכטיגער פונקט אין רעם נייעם בילל, וואס איז נאך ניט אנגענומען, איז רער פונקט וועגן יאפאנע. רער פונקט איז אויך נאך ניט אויסגע־קלערט. רי קאנגרעסמען פון קאליפארניע האבען פארגעשלאגען, אז יאפאנע זאל אויך האבען א קוואטא פון 100 פערזאנען פער יאר, אבער רי אנדערע קאנגרעסמען האבען ניט וועלען הערען פון אזא זאך. רי קאנגרעסמען פון קאליפארניע זאגען, אז יאפאנע האט אויך אזוי פיל אימיגראנטען ווי אנדערע לענדער, ווייל אין יאפאנע וואוינען אזוי פיל מענטשען אויף אזא קליינעם פלאץ.

דר. חיים ווייצמאן פאהרט היינט אפ מינ דער „אקוויטאניא"; גיט איבער וויכטיגען מעסעדזש צו אמעריקאנער אידן

אמעריקאנער אידישע אנגעסעהענע ציוניסטישע פירער אין אמעריקא אין ענגלאנד, אין פראנקרייך, אין איטאליע אין ארץ ישראל, אין פוילן, אין רומעניע, אין פוילישע גאליציע, אין טשעכאסלאוואקיי, אין יוגאסלאוויע, אין הונגאריע, אין אוסטריא, אין דייטשלאנד, אין האלאנד, אין בעלגיע, אין סקאנדינאוויע, אין דרום־אמעריקא, אין מעקסיקא, אין קובא, אין פאלעסטינע, אין סיריע, אין ארגענטינע, אין בראזיל, אין טשילי, אין פערו, אין אורוגוויי, אין פאראגוויי, אין בוליוויע, אין קאלומביע, אין ווענעזועלא, אין פאנאמא, אין קאסטא־ריקא, אין גואטעמאלא, אין האנדוראס, אין סאלוואדאר, אין ניקאראגוא, אין מעקסיקא, אין קובא, אין האיטי, אין דאמיניקאנער רעפובליק, אין פארטא־ריקא, אין יאמאיקא, אין טרינידאד, אין בריטיש־גויאנא, אין האלענדיש־גויאנא, אין פראנצויזיש־גויאנא, אין סורינאם, אין קוראסאא, אין ווענעזועלא, אין קאלומביע, אין עקוואדאר, אין פערו, אין בוליוויע, אין בראזיל, אין פאראגוויי, אין אורוגוויי, אין טשילי, אין ארגענטינע

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

י. טראַגעדיע פון דער רוסישער רעוואָלוציע
איז די ליידענשאַפט פון באָלשעוויקעם צו פּאַרכאַפּען וואָס מעהר מאַכט

פון עמא גאָלדמאַן

אויפֿן זינדיגען זונ

א דאַכטן פון חיינטיגען אידישען לעבען

פֿון ס. ברוינשטיין

BEST COPY AVAILABLE

838

900920001

The Emma Goldman Papers

[My Disillusionment in Russia. In Yiddish] Meine Tzvei Yar in Sovyet Russland: Die Iberlebungn fun der Barimter Amerikaner Revoluzyonerke unter der Bulshevistisher Diktator / Emma Goldman.– *In* Der Tag [New York]. –(Nov. 7, 1923-May 7, 1924, serial).

Obtained from The University of Chicago. Institutional Location: Special Collections, The Joseph Regenstein Library.

800529014

The Emma Goldman Papers

What Emma Goldman Saw in Russia / Emma Goldman. – p. 9 ; 28 cm. *In* San Francisco Examiner. –(Dec. 2, 1923).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

What Emma Goldman Saw In Russia

The Fiery Red Revolutionist, Who Was Deported from America to the New "Free Russia" Is So Shocked at the Miseries, Terrorism and "Slavery of the Workers" That She Writes a Book Exposing the Shams of Bolshevism

The Revolution, Miss Goldman Claims, Was a Splendid Thing, but the Masses Have Been Robbed of All the Fruits of Victory and She Finds a Little Group of Bolshevik Masters Have Made Slaves of the Workers and Maintain Their Mastery by Terrorism of the Sword and the Gun.

Emma Goldman Found the School Children "Dirty, Full of Vermin, Sleeping on Filthy Mattresses, Fed on Miserable Food."

But to Her Astonishment, Miss Goldman Discovered a Few Well-Kept Schools, Where Everything Was Lavished on the Children, and She Says That These Were Kept for Show to Exhibit to American Visitors.

Emma Goldman, Deported from America to Russia, Who, After Two Years Has Fled from Bolshevism and Exposes Its Shams.

MISS EMMA GOLDMAN, the Red Revolutionist, has spent most of her life trying to stir up American [illegible] discontents to overthrow the government here. After being in and out of various American jails for her [illegible] preachings without accomplishing the very thing she longed for and [illegible] perished in Russia—a real revolution with complete overturn of all constituted authority, the wholesale bloodshed and the mastery of the masses.

[illegible] Goldman, her voice with redoubled effort encouraging [illegible] to follow the example of Russia [illegible] Lenine and Trotsky [illegible] proletariat of Russia. [illegible] December, four years ago, the Federal Courts ordered Miss Goldman deported from the horrid and very unsatisfactory United States to her own glorious heaven-on-earth, Bolshevik Russia.

Emma Goldman shook her fist at the statue of Liberty as she sailed down the bay on a government transport, and with great exultation of spirit stepped on the red soil of Bolshevik Russia.

It was a cold day, with the earth [illegible] of white, but Spring was in our hearts," she says. "Soon we were to be in revolutionary Russia. I preferred [illegible] my exaltation was too great, and I [illegible] might not be able to control [illegible] emotion. I stood as on a [illegible] It seemed strange, fascinating. I had to leave, to draw sustenance and hope from Russia, to lay down my life [illegible] altar of the revolution."

But Emma Goldman has gotten all over [illegible] relative fancies.

She spent two long years going up and [illegible] through the cities and the country [illegible] of glorious revolutionary Russia. [illegible] earned a lot in those two years of observation of Lenin's revolutionary paradise and she decided that she [illegible] her life on the altar of [illegible] revolutionary ideals. So Miss Goldman was especially well prepared to get thorough, to find out the real truth.

Miss Goldman, in her new book, frankly confesses that she believed everything she had heard of Russia about the glorious revolution and its inspiring results. The grand triumph of the proletariat was just what Miss Goldman and her would follow a first-class bloody revolution, where everybody's throat had been cut who believed in the previous government—she was perfectly sure that the fetters had at last been struck from the wrist and ankle of the farmer, the factory worker—everybody. And with this splendid vision of the Bolshevik [illegible] Emma Goldman arrived in Russia, was welcomed by the big men of the Bolshevik Government, and the answer to the first question she asked the leading Bolshevik official whom she shook hands with was—he found out a few days later was an absolute untruth.

This was the first of the long disheartening but illuminating falsehoods, deceptions, misleading information [illegible] pretenses, shams, hypocrisies and disgusting discoveries which steadily unfold[illegible] themselves, day by day and week by week, throughout those two years which finally drove Emma Goldman to flee in disgust from "Free Russia."

[illegible] got through. Miss Goldman writes:

"Then the meeting was thrown open [illegible] discussion. A Menshevik asked for the floor. Immediately pandemonium broke loose. Yells of 'Traitor!' 'Golchak!' 'Counter Revolutionist!' came from all part of the audience, and even from the platform. It looked to me like an unworthy proceeding for a revolutionary assembly.

She was against capital punishment had been [illegible] words. But no [illegible] would explain to her the rifle shot [illegible] walk [illegible] from time to time in [illegible] streets.

In the Lenine [illegible] the workers [illegible] Americans. Emma [illegible] but her [illegible] other of what she called political prisoners" in American prisons. But [illegible] no such thing could happen, and [illegible] to discover that the Russian [illegible] fortresses and jails were jammed with "political prisoners."

She hurried to see some of the great apostles of freedom like Maxim Gorki, the great Kropotkin and others, and demanded to know why they did not raise their voices and sharpen their pens to cry out against these oppressions, which quite outmatched anything she had ever experienced in the United States. But she found these great apostles of freedom indifferent, in dread or in terror of their lives.

Inquiring carefully into the labor situation, Miss Goldman found that exemplary

"The soldiers watched the mill men as if they were galley slaves," Miss Goldman writes. "And the workers, naturally resented such humiliating treatment. They hardly dared to speak.

"'We are here virtual prisoners,' one of the workers said to her. 'We cannot make a step without permission. We are kept hard at work for eight hours with only ten minutes for our kipyatok (boiled water) and we are searched on leaving the mill.'"

In a big government tobacco factory Miss Goldman was shocked at the condition of young girls of the age of fourteen and women about to become mothers, hag-gard, cheeks sunken and black rings under their eyes, eating their tea and black bread at their benches in a stifling, nauseating air.

Miss Goldman was very soon brought to a realization of the utter futility and absurdity of the Bolshevik doctrine of Communism—that everybody is a brother and sister in absolute equality.

Miss Goldman was living in a huge building which housed a beehive of Soviet officials, and, while everybody in Russia was supposed to have exactly the same ration of food, she soon found that those in the "First House of the Soviet" had much better things to eat than the workers in the factories, for instance. Stroll[illegible] one down into the big kitchens of the establishment, she ran across a solemn fact which the Communist theory denies but cannot escape from—the resentment of the servants.

"They were servants, though called comrades, and they felt keenly the inequality; the revolution to them was not a mere theory to be realized in years to [illegible] aware of it.

A servant of the great Bolshevik leader, Zinoviev, a peasant girl, came into the kitchen and asked for vinegar.

"'Vinegar! Who is it calls for such a luxury?' cried several women. The peasant girl, who had not thoroughly gotten through her head what she was entitled to under the theories of Communism, replied that she came from her master, Zinoviev.

"'Master! Is that what we made the revolution for, to wait on to do away with masters?' Zinoviev is no more than we are, and he is not entitled to more.'"

According to the Bolshevik law there was supposed to be no markets, but Miss Goldman found plenty of things on sale

pride, and she was considerably impressed at the moment. She found a Bolshevik college where everything looked preposterous, and later she learned that these favored students were being raised as a special caste—a favored lot, given special privileges, and they considered themselves as superior personages. How could it be, she wondered, under Communism?

Miss Goldman found the children in the schools dirty, full of vermin, sleeping on filthy mattresses, fed on miserable food, punished by being locked in the [illegible] rooms for the night, forced to go without their suppers and often beaten. The [illegible] of officials and employes [illegible] was nothing less than criminal. In one school, for instance, there were 18 Bolshevik officials and employes to 12[illegible] children."

And so Miss Goldman pondered over [illegible] could not resent anything in the rotten, grafting politics she had so loudly cursed in the horrid United States which [illegible] matched this grafting and [illegible] Bolshevik Russia.

But, to her astonishment and [illegible] a few well-kept schools, where everything was lavished on the children, and she found that these were kept for show to exhibit to American visitors who ran over to Russia for a brief visit and were carefully guided around from one special show place to another by the Bolshevik officials and then sent back to the United States to tell of the wonderful things they had seen in Bolshevik Russia.

Summing up the results of her two years' patient penetration of the shams of the Bolshevik Government this revolutionist has this to say in her book:

"Two years of earnest study, investigation and research convince me that the great benefits brought to the Russian people by Bolshevism exist only on paper painted in glowing colors to the masses of Europe and America by official Bolshevik propaganda. As advertising wizards the Bolsheviki excel anything the world had ever known before. But in reality the Russian people have gained nothing from the Bolshevik experiment.

"The Russian workers soon were stripped of their power and placed under the industrial yoke of the Bolshevik State. Chattel slavery became the lot of the Russian proletariat. Try as I might I could find nowhere any evidence of benefits received either by the workers or the peasants from the Bolshevik [illegible]

840

890529014

The Emma Goldman Papers

What Emma Goldman Saw in Russia / Emma Goldman.— p. 9 ; 28 cm. *In* San Francisco Examiner. —(Dec. 2, 1923).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Emma Goldman Found the School Children "Dirty, Full of Vermin, Sleeping on Filthy Mattresses, Fed on Miserable Food."

But to Her Astonishment, Miss Goldman Discovered a Few Well-Kept Schools, Where Everything Was Lavished on the Children, and She Says That These Were Kept for Show to Exhibit to American Visitors.

The Revolution, Miss Goldman Claims, Was a Splendid Thing, but the Masses Have Been Robbed of All the Fruits of Victory and She Finds a Little Group of Bolshevik Masters Have Made Slaves of the Workers and Maintain Their Mastery by Terrorism of the Sword and the Gun.

Emma Goldman, Deported from America to Russia, Who, After Two Years Has Fled from Bolshevism and Exposes Its Shams

MISS EMMA GOLDMAN, the Red Revolutionist, has spent most of her life trying to stir up American [illegible] malcontents to overthrow the

Emma Goldman Found the School Children "Dirty, Full of Vermin, Sleeping on Filthy Mattresses, Fed on Miserable Food."

MISS EMMA GOLDMAN, the Red Revolutionist, has spent most of her life trying to stir up American [illegible] malcontents to overthrow the [illegible]. Miss Goldman [illegible] for her [illegible] was not accomplishing [illegible] the work [illegible] longest for [illegible] happiness [illegible] Russia—a new revolution with counter-revolution of all counter-revolutionary authority, the wholesale bloodletting, the mastery of the masses.

With ecstasies of joy Emma Goldman [illegible] her voice with [illegible] efforts encouraged America to follow the example of Russia in creating a paradise for the masses here as Lenin and Trotsky [illegible] done for the proletariat of Russia. And in December, four years ago, the Federal Courts ordered Miss Goldman deported from the horrid and very unsatisfactory United States to her own glorious heaven-on-earth, Bolshevik Russia.

Emma Goldman shook her fist at the statue of Liberty as she sailed down the bay on a government transport, and how the great exaltation of spirit stepped on the sacred soil of Bolshevik Russia.

"It was a cold day, with the earth a sheet of white, but Spring was in our heart," she says. "Soon we were to behold revolutionary Russia. I preferred to be alone when I should [illegible] my exaltation was too great, and I feared I might not be able to control my emotion. I stood as in a trance. [illegible] strange, fascinating [illegible] were to learn, to love, to live, to hope from Russia, to lay down my life on the altar of the revolution."

But Emma Goldman had gotten all over her ecstatic fancies.

She spent two long years going up and down through the cities and the country-side of glorious revolutionary Russia. Emma had learned a lot in those two years of observation of Lenin's revolutionary paradise and she decided that she could not lay down her life on the altar of Bolshevism. Instead of joining [illegible] Trotsky, Miss Goldman learned enough of the truth of what has been going on in the revolutionary heaven so that she not only decided not to lay down her life for the Russian revolution, but declined to have anything to do with the Bolshevik authorities and finally put on her bonnet and fled from this earthly paradise.

Emma Goldman has very frankly told the truth about what she saw and heard and experienced in her two years in Russia in a book called, "My Disillusionment in Russia," just published by Doubleday, Page & Company.

Miss Goldman had lived in Russia in the days of her youth and speaks the language. She also has a rather wide acquaintance here and there throughout Russia with all shades of political fanatics—the Bolsheviks, Mensheviks, the anarchists, the Communist, and the counter-revolutionists. So Miss Goldman was especially well prepared to get thoroughly into the revolution and find out the truth.

Miss Goldman, in her book, frankly confesses that she had loved everything the Bolshevik name stood for. An idea about the glorious revolution and the inspiring results. The grand triumph of the proletariat was [illegible] Miss Goldman was sure would follow a first-class blood, revolution, where everybody's throat had been cut who believed in the present government. [illegible] that the fetters had at last been struck from the wrists and ankles of the farmer and factory worker everybody. And with this splendid vision of the [illegible] Emma Goldman arrived in Russia, was welcomed [illegible] of the Bolshevik Government and the answer to the first question she asked the leading Bolshevik officials was [illegible] Lenin with [illegible] found out [illegible] later was an absolute untruth.

This was the first of the [illegible] heartening but illuminating [illegible] deceptions, [illegible] informative [illegible] pretense, [illegible] happened [illegible] her discoveries which [illegible] herself, day by day and week by week throughout those two years which finally [illegible] Emma Goldman to flee in disgust from "Free Russia."

Emma Goldman had lived in St. Petersburg as a girl and the brilliant life of the gay capital in the old days remained a vivid picture in her memory. But when she arrived in Bolshevik Petrograd, she found it "quite a different place."

"It was almost in ruins, as if a hurricane had swept over it. The houses looked like broken old tombs upon neglected and forgotten cemeteries," she writes. "The streets were dirty and deserted; all life had gone from them. The population of Petrograd before the war was almost two million; in 1920 it had dwindled to five hundred thousand.

"The people walked about like living corpses; the shortage of food and fuel was slowly sapping the city; grim death was clutching at its heart. Emaciated and frost-bitten men, women and children were being whipped by the common lash, the search for a piece of bread or a stick [illegible] would [illegible] arresting right by day, an oppressive [illegible] night."

Emma Goldman began to look about for many of her old friends and some of the well-known American Reds who had gone over to [illegible]

[illegible] found [illegible] of the old [illegible] hiding [illegible] Bolshevik [illegible] and so with [illegible]

I was [illegible] crowds with [illegible] Tonight recalls [illegible] years ago when [illegible] place [illegible] were compelled to meet in a dingy hall on Orchard street, New York, or in the dark rear room of a saloon. That was in capitalistic America. But this is revolutionary Russia, what the workers have helped to [illegible]. Why should they have to [illegible]

That [illegible] of [illegible], as I listened to a recital of the betrayal of the Revolution by the Bolsheviki. Workers from the Baltic factories spoke of their enslavement. Kronstadt sailors voiced their bitterness and indignation against the people they had helped to power and who had become their masters. One of the speakers had been condemned to death by the Bolsheviki for his anarchist ideas, but had escaped and was now living illegally. He related how the sailors had been robbed of the freedom of their Soviets, how every breath of life was being censored."

But Miss Goldman thought there must be some mistake and that surely she would find free speech in "Free Russia" at the public halls and meeting places. So she attended a meeting of the Petrograd Soviet, where everybody was supposed to be on equal terms and all matters discussed freely in this brotherhood of equality.

After the regular Bolshevik speakers [illegible]

[illegible] political prisoners [illegible] of the Tsar [illegible] Maxim Gorki the [illegible] to know who they were and [illegible] their [illegible] to [illegible] again [illegible] which [illegible] has [illegible] Bolsheviki [illegible] four [illegible]

[illegible] the inner situation, Miss Goldman [illegible] plan [illegible] under [illegible] right to

Miss Goldman [illegible] for the chief [illegible] of the large Moscow factories. The [illegible] for their representative to the Moscow Soviet [illegible] who was promptly ruled out by the Bolshevik authorities. In fact the workers' choice was not only repudiated by the authorities, but the unfortunate man was arrested and imprisoned. [illegible] police, with loaded guns, she found were in the habit of attending the gatherings of the labor unions—nothing among the downtrodden workers of America quite equals the new "freedom" of the happy workers in Bolshevik Russia.

She expected one of the great flour mills in Petrograd and was startled to find the place surrounded with armed soldiers, inside and out.

The soldiers watched the mill men as if they were galley slaves," Miss Goldman writes. "And the workers naturally resented such humiliating treatment. They hardly dared to speak.

"'We are here virtual prisoners,' one of the workers said to her. 'We cannot make a step without permission. We are kept hard at work for eight hours with only ten minutes for our kipyatok (boiled water) and we are searched on leaving the mill.'"

"In a big government tobacco factory Miss Goldman was shocked at the conditions—young girls of the age of fourteen and women about to become mothers, haggard, chalk-sunken and black rings under their eyes, eating their ten and black bread at their benches in a stifling, nauseating air.

Miss Goldman was very soon brought to a realization of the utter futility and absurdity of the fundamental doctrine of Communism—that everybody is a brother and sister in absolute equality.

Miss Goldman was living in a huge building which housed a beehive of Soviet officials, and, while everybody in Russia was supposed to have exactly the same ration of food, she soon found that those in the "First House of the Soviet" had much better things to eat than the workers in the factories, for instance. Strolling down into the big kitchens of the establishment, she ran across a solemn fact which the Communist theory denies but cannot escape from—the resentment of the servants.

"They were servants though called comrades, and they felt keenly the inequality; the revolution to them was not a mere theory to be realized in years to come. It was a living thing. I was made aware of it.

A servant of the great Bolshevik leader, Zinoviev, a peasant girl, came into the kitchen and asked for vinegar.

"'Vinegar! Who is it calls for such a luxury?' cried several women. The peasant girl, who had not thoroughly gotten through her head what she was entitled to under the theories of Communism, replied that she came from Zinoviev.

"'Matushki! I wish we could throw off the yoke of one of the lords we have to do away with here!' Zinoviev is more than we can bear and I could do no more.'

"According to the Bolshevik law there was supposed to be no markets, but Miss Goldman found plenty of things on sale and the truth soon calmly informed her that the police and the Bolshevik officials were grafters and got their percentage from the stuff sold in the markets contrary to law.

She found many of the big officials living in luxurious apartments with servants and plenty of food. Journeying from Petrograd to Moscow, she found the place honeycombed with spies and secret police, just like the old days of the Czar's government. There were the poor and the rich, just the same as before, and the people in the streets told her:

"'The masters have everything, white bread, clothing, even chocolate, while we have nothing. Communism, equality, freedom,' they jeered, 'are lies and deceptions.'"

In Moscow and in Petrograd Miss Goldman was shown several institutions which the Bolshevik officials pointed to with pride, and she was considerably impressed at the moment. She found a Bolshevik college where everything looked prosperous, and later she learned that these favored students were being raised as a special caste—a favored lot, given special privileges, and they considered themselves as superior personages. How could it be, she wondered, under Communism?

Miss Goldman found the orphan [illegible] the schools dirty, full of vermin sleeping on filthy mattresses, fed on miserable food, punished by being locked in the [illegible] rooms for the night, forced [illegible]

[illegible] the schools, for instance, [illegible] Bolshevik officials are employed [illegible] children."

And as Miss Goldman pursued [illegible] could not resist arriving at the [illegible] in the horrid United States which matched this grafting arrangement of the Bolshevik Russia.

But, to her astonishment, [illegible] a few well-kept schools where everything was lavished on the children and found that these were kept for show to exhibit to American visitors who [illegible] to Russia for a brief visit and were carefully guided around from one [illegible] show place to another by the Bolshevik officials and then went back to the United States to tell of the wonderful things they had seen in Bolshevik Russia.

Summing up the results of the two years' patient penetration of the dupes of the Bolshevik Government, this revolutionist has this to say in her book:

"Two years of earnest study, investigation and research convinced me that the great benefits brought to the Russian people by Bolshevism exist only on paper painted in glowing colors to the masses of Europe and America by efficient Bolshevik propaganda. As advertising agents the Bolsheviki excel anything the world had ever known before. But in reality the Russian people have gained nothing from the Bolshevik experiment.

"The Russian workers soon are stripped of their power and placed under the industrial yoke of the Bolshevik state. Chattel slavery became the lot of the Russian proletariat. Try as I might, I could find nowhere any evidence of benefits received either by the workers or the peasants from the Bolshevik regime.

"On the contrary, I did find the revolutionary faith of the people broken, their spirit of initiative crushed, the mechanism of co-operation and mutual helpfulness distorted.

"The argument that destruction, as a terrible part of revolution I do not dispute. I have never denied that violence is inevitable, nor do I gainsay it now.

"Yet it is one thing to employ violence as a means of defence. It is another thing to make a principle of terrorism to institutionalize it, to assign to it the most vital place in the social struggle.

"The Bolshevik State—even as the bourgeois industrial master—uses the sword and the gun to keep the people out. In the case of the Bolsheviki this tyranny is masked by a world-stirring slogan; thus they have succeeded in blinding the masses."

BEST COPY AVAILABLE

841

870924578

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman's Blue Days in Red Russia / Emma Goldman.— pp. 35-36 ; 21 cm.
In The Literary Digest [New York]. —(Dec. 15, 1923).
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

16599

EMMA GOLDMAN'S BLUE DAYS IN RED RUSSIA

ONE OF OUR MOST VOCIFEROUS RADICALS, who spent much time when in this country extolling the régime of Soviet Russia, was deported to her new Utopia of the Bolsheviks, and now she is out with a book in which she denounces Bolshevism and all its works. "I found reality in Russia grotesque," she writes in the introduction of her volume, "My Disillusionment in Russia" (Doubleday, Page), a record which is called "the most sweeping indictment of Bolshevism ever received on this side of the water." The real Soviet Government, she reports, "was totally unlike the great idea that had borne me on the crest of high hope to the Land of Promise." For fifteen months, Emma Goldman, perhaps the most famous anarchist ever deported by America, lived in the land where a "revolution," something like the one she was accustomed to advise for America, had taken place. The "Proletarian government" there pleased her even less, it appears, than had the "Capitalist government" of this country, against which she was always urging the "proletariat" to rise in revolution. Her Bolshevist commonwealth" in action reminded her somewhat of Dante's Inferno. Friends and readers of Miss Goldman will recognize that she always had a gift for strong language, as well as for being "agin the government," whatever that government might chance to be; but she is now in Berlin, where she has had nearly two years to recover from her "ghastly experience" in Russia, and she insists that her denunciation of Bolshevism is not unduly violent.

She begins her story when, in December, 1919, America "stooped to the Czaristic methods of deportation," and sent away a number of radicals, including herself, to Russia. Miss Goldman was not heartbroken to have to go, she says, for "All my life Russia's heroic struggle for freedom had been as a beacon for me," and now "Soviet Russia was luring me." When they crossed the Russian border, and were met by a committee of the Soviet Government, headed by a certain Zorin, she writes: "I preferred to be alone when I touched the sacred soil; my exaltation was too great, and I feared I might not be able to control my emotion." She records, however, that Zorin, a few days later,

> Speaking of the political organization of his party, remarked, "Tammany Hall has nothing on us, and as to Boss Murphy, we could teach him a thing or two."

She soon found, she says, that Tammany Hall methods were pale and pallid as compared with the Bolshevik system. The rulers of Russia constituted a close corporation, bolstered up by persecution, summary arrests and sudden death. Miss Goldman admits that she had expected violence, even terrorism, but the Bolshevik brand of violence was too much for her.

She found, among other things, that graft was quite as popular in the Soviet Republic as in the capitalist republic from which she had recently been turned out. In the so-called "common dining-rooms" the best food went to "a number of officials, commandants and inspectors." The workers, the poor people, had merely changed masters. "The masters have everything," she was told by poverty-stricken citizens. "The masters have white bread, clothing, even chocolate, while we have nothing. Communism, equality, freedom! lies and deception!"

She visited Communist industries where

SWEET SWEET CHILDREN OF A "PREFERRED" SCHOOL

These young Russians are being trained as the future Soviet rulers of the land, and they serve as an exhibit of Soviet educational methods. There are not many of these "show" schools.

NEGLECTED YOUNGSTERS OF THE "COMMON" SCHOOLS

The ragged, underprivileged, diseased and neglected, and they are never on show, but they are said to be typical of the great bulk of children of the school age in the Soviet Republic

BEST COPY AVAILABLE

870924578

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman's Blue Days in Red Russia / Emma Goldman.— pp. 35-36 ; 21 cm.
In The Literary Digest [New York]. —(Dec. 15, 1923).
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

16599

the people owned and operated the means of production." Regarding one of these publicly owned factories, she writes:

"The great flour-mill of Petrograd looked as if it were in a state of siege, with armed soldiers everywhere, even inside the workrooms. The explanation given was that large quantities of precious flour had been vanishing. The soldiers watched the millhands as if they were galley-slaves, and the workers naturally resented such humiliating treatment. They hardly dared to speak. One young chap, a fine-looking fellow, complained to me of the conditions. 'We are here as virtual prisoners,' he said; 'we can not make a step without permission. We are kept hard at work eight hours with only ten minutes for our so-called boiled water, and we are searched on leaving the mill.'

"Is not the theft of flour the cause of the strict surveillance?" I asked.

"Not at all," replied the boy. "The Commissars of the mill and the soldiers know quite well where the flour goes to."

I suggested that the workers might protest against such a state of affair.

"Protest, to whom?" the boy exclaimed. "We'd be called speculators and counter-revolutionists and we'd be arrested."

"But the Revolution gives you nothing?" I asked.

"Ah, the Revolution! But that is no use," he said bitterly.

"The following morning we visited Laferm tobacco factory. The place was in full operation. We were conducted through the plant and the whole process was explained to us, beginning with the sorting of the raw material and ending with the finished cigarettes packed for sale or shipment. The air in the work-rooms was stifling, nauseating.

"The women are used to this atmosphere," said the guide; "they don't mind." There were also pregnant women at work, and girls scarcely more than fourteen. They looked haggard, their cheeks sunken, black rings under their eyes. Some of them coughed and the hectic flush of consumption showed on their faces. "Is there a recreation room, a place where the women can eat or drink their tea and relax a bit during hours?" There was no such thing, I was informed. The women remained at work eight consecutive hours. They had their tea and black bread at their benches. The system was that of piece-work, the employees receiving twenty-five cigarettes daily above their pay, with permission to sell or exchange them. I spoke to some of the women. They did not complain except about being compelled to live far away from the factory. In most cases it required more than two hours to go to and from work. They had asked to be quartered near the factory, and they received a promise to that effect, but nothing more was heard of it.

Life certainly has a way of playing peculiar pranks. In America I should have scorned the idea of social welfare work; I should have considered it a cheap palliative. But in Socialist Russia the sight of pregnant women working in suffocating tobacco air and saturating themselves and their unborn with the poison, inquest me as a fundamental evil. I spoke to Liza Zorin to see whether something could not be done to ameliorate the evil. Liza claimed that "piece-work" was the only way to induce the girls to work. As to rest-rooms, the women themselves had already made a fight for them, but so far nothing could be done, because no space could be spared in the factory.

"But if even such small improvements had not resulted from the Revolution," I argued, "what purpose has it served?"

"The workers have achieved control," Lisa replied; "they are now in power, and they have more important things to attend to than rest-rooms—they have the Revolution to defend." Lisa Zorin had remained very much the proletarian, but she reasoned like a man dedicated to the service of the Church.

The thought oppressed me that what she called the "defense of the Revolution" was really only the defense of her party in power. At any rate, nothing came of my attempt at social welfare work.

The note of Communist propaganda, says Miss Goldman, was "dominant." For instance, she proceeds:

THE CHEERFUL EMMA GOLDMAN AS SHE LEFT OUR SHORES

She expected to find a Utopia in Revolutionary Russia, but, she reports, she found something much more nearly resembling Dante's inferno.

Even the children had to serve that end. The well-kept schools were for show, for the foreign missions and delegates who were visiting Russia. Everything was lavished on these show-schools at the cost of the others.

I remembered how everybody was startled in Petrograd by an article in the Petrograd *Pravda* of May, disclosing appalling conditions in the schools. A committee of the Young Communist organizations investigated some of the institutions. They found the children dirty, full of vermin, sleeping on filthy mattresses, fed on miserable food, punished by being locked in dark rooms for the night, forced to go without their suppers, and even beaten. The number of officials and employees in the schools was nothing less than criminal. In one school, for instance, there were 138 of them to 125 children. In another, 80 to 25 children. All these parasites were taking the bread from the very mouths of the unfortunate children.

In the "preferred" schools, the children were trained with special care in Communistic theory and practise. These schools are expected to turn out the future Communist rulers of the land, and the children benefited by "the system of favoritism and graft that prevailed in the management of the schools and the treatment of the children." The majority of the schools and children's homes were "squalid, dirty and neglected." Those in charge of the "preferred" schools had little difficulty in procuring everything needed for their charges, but the caretakers of the common schools "would waste their time and energies by the week, going about from one department to another, discouraged and faint with endless waiting before they could obtain the merest necessities."

The careless and abrupt way in which the Communist authorities were accustomed to kill people was also troublesome to Miss Goldman. She writes that she "came to realize that the Communists believed implicitly in the formula, that the end justifies *all* means." Any suggestion of the value of human life was repudiated as "bourgeois sentimentality."

The troubles of the Jews in this Russia of the Soviets, it appears, are aggravated by the Communist carelessness for human life. In Poltava, reports Miss Goldman, there were two kinds of pogroms: the loud, violent ones, and the silent ones. Of the two, "the Zionists considered the former preferable," for—

> The violent pogrom might last a day or a week; the Jews are attacked and robbed, sometimes even murdered; and then it is over. But the silent pogroms continued all the time. They consisted of constant discrimination, persecuting and hounding. The Bolsheviki had closed the Jewish hospitals. If a Jew and a Gentile happened to be arrested on the same charge, it was certain that the Gentile would go free while the Jew would be sent to prison and sometimes even shot. They were all the time exposed to insult and indignities, not to mention the fact that they were doomed to slow starvation. The Jews in the Ukrainia were suffering a continuous silent pogrom.

Miss Goldman is especially severe on American Communists, who, without any immediate contact with Russia, are enthusiastically in favor of spreading the conditions prevailing there. "Traveling salesmen of the Revolution," as she calls the writers, who, in and out of Russia, play the rôle of Bolshevik Court functionaries, are also reproved. She concludes:

> Those familiar with the real situation in Russia, and who are not under the mesmeric influence of the Bolshevik superstition, or in the employ of the Communists, will bear me out that I have given a true picture. The rest of the world will learn it.

BEST COPY AVAILABLE

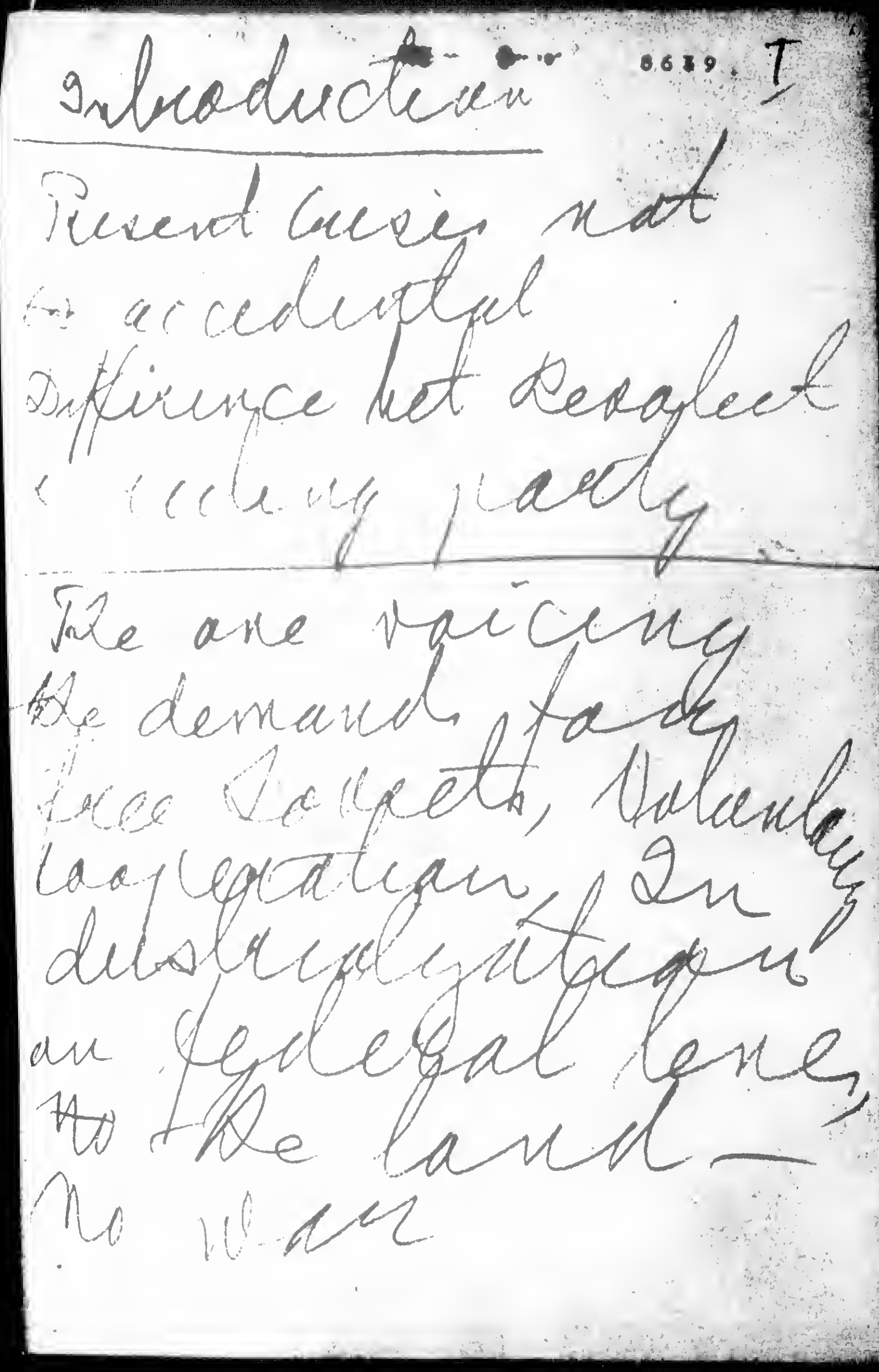
843

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

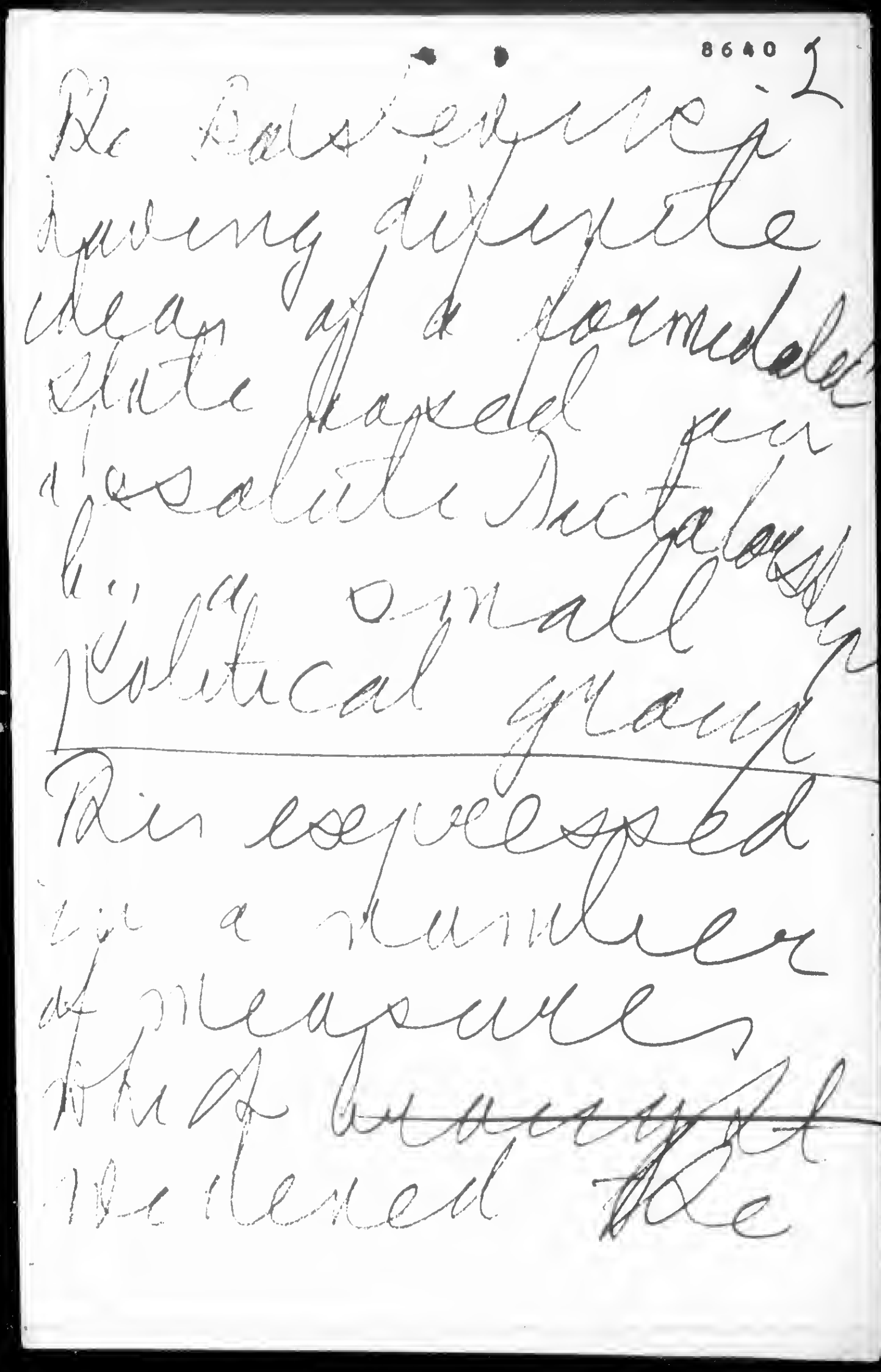
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

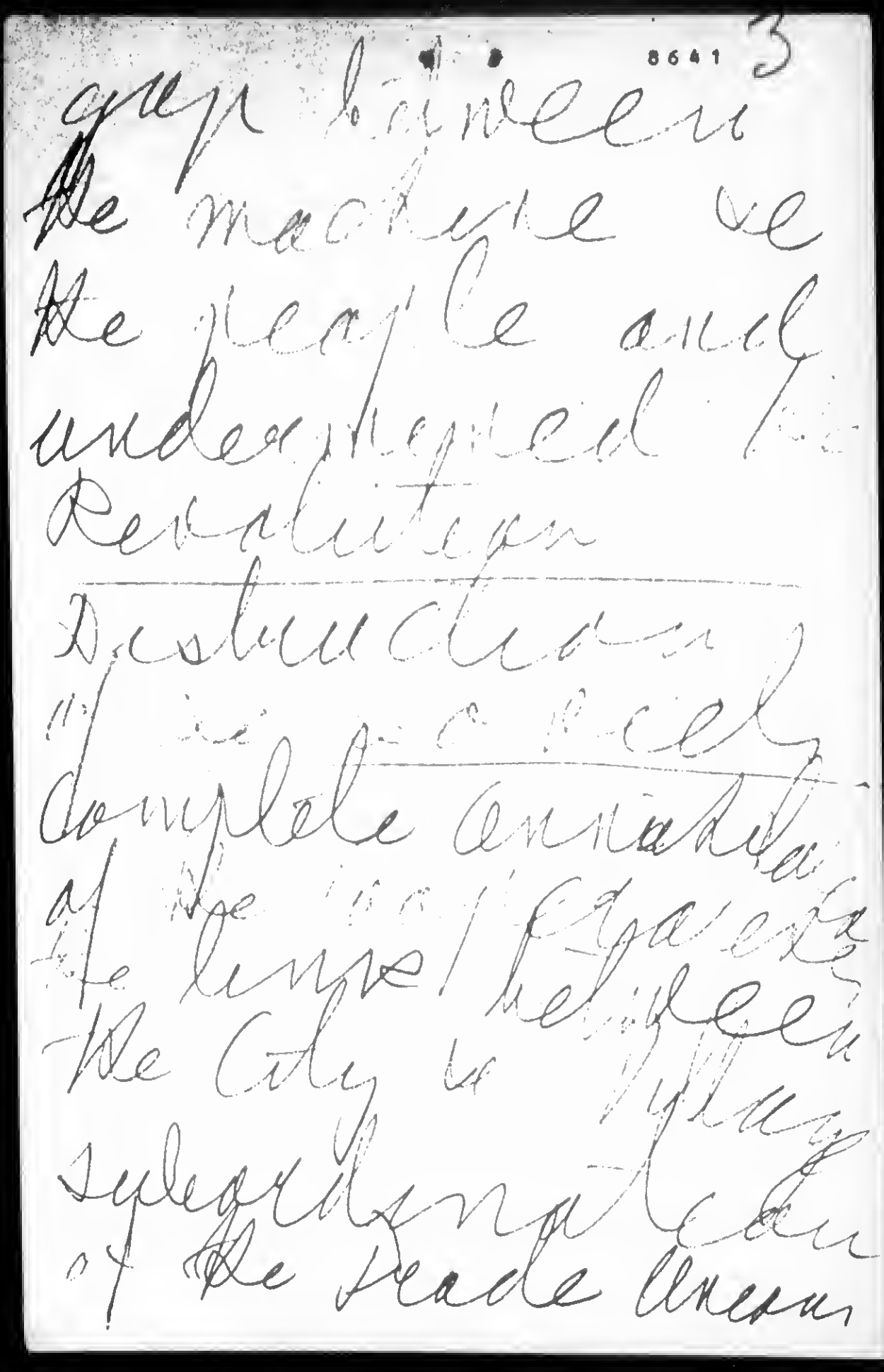
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

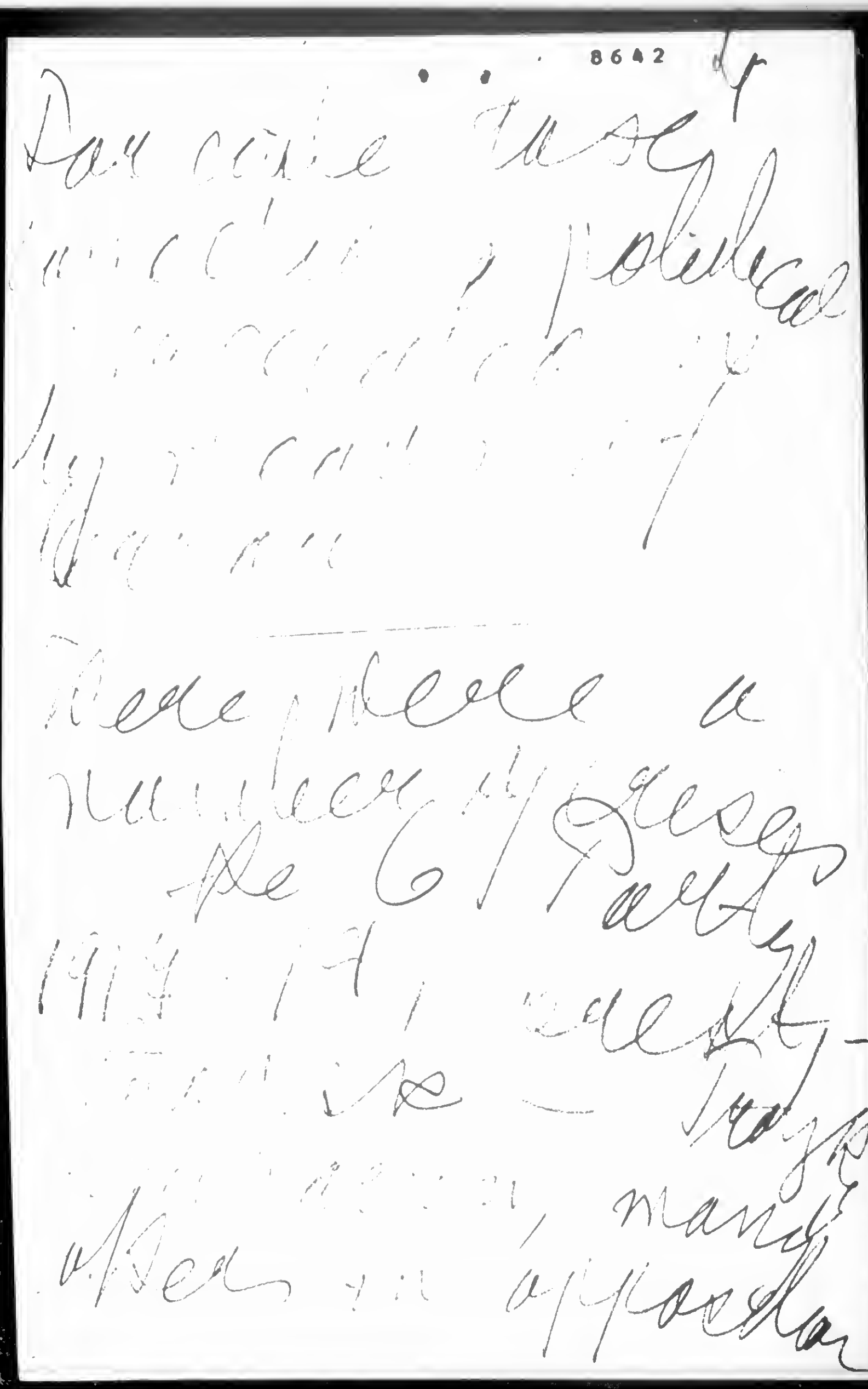
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

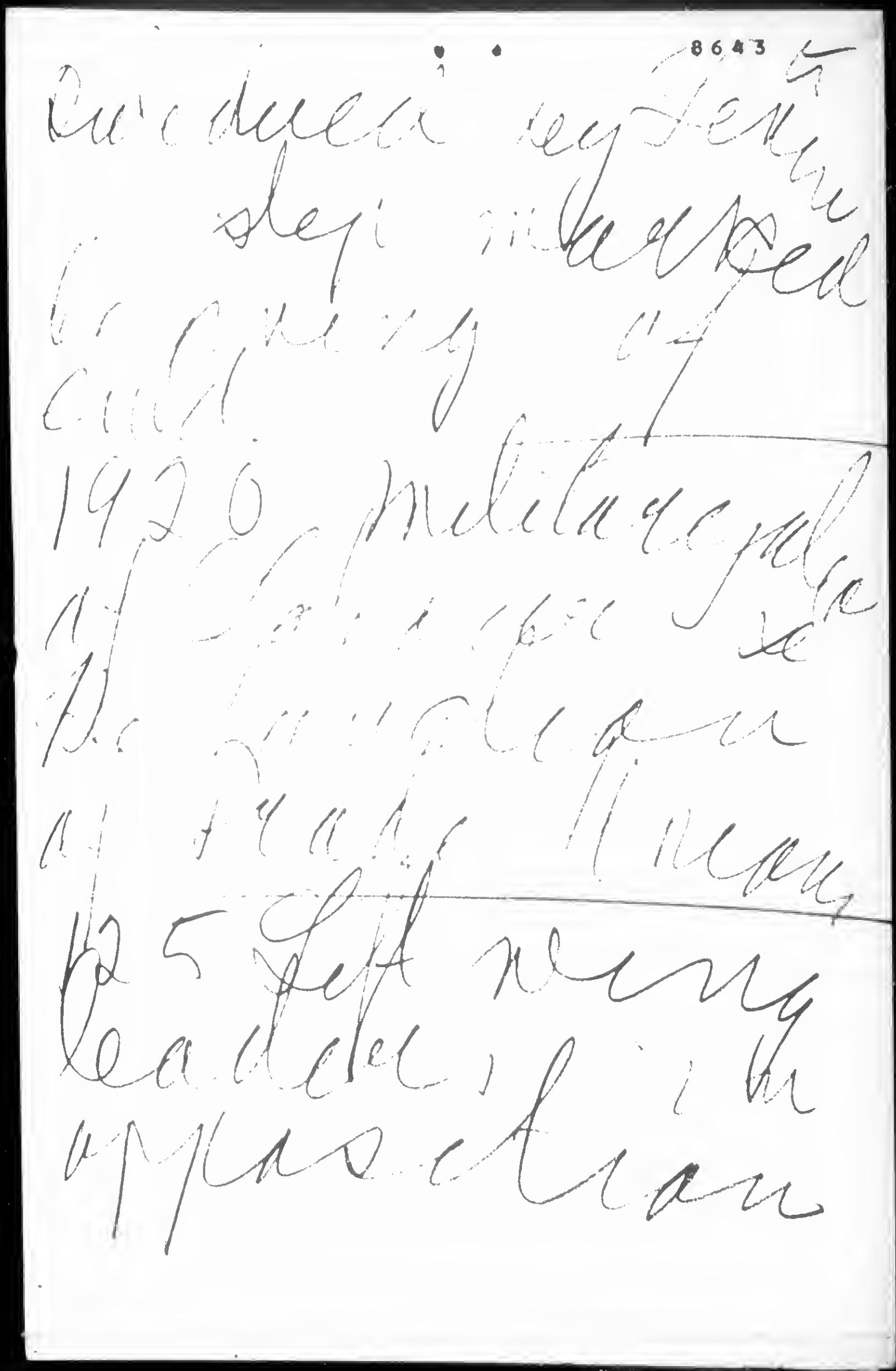
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

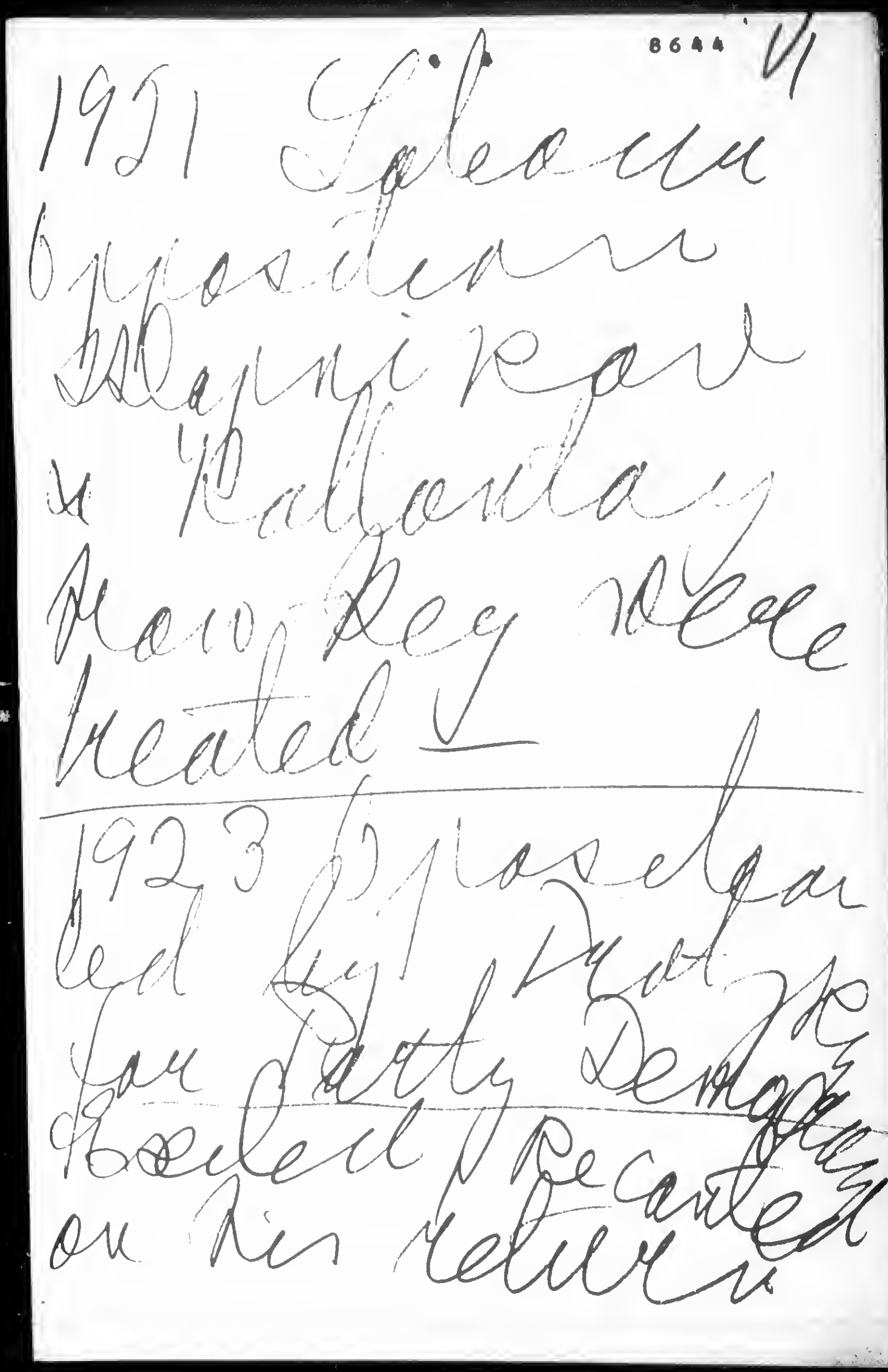
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

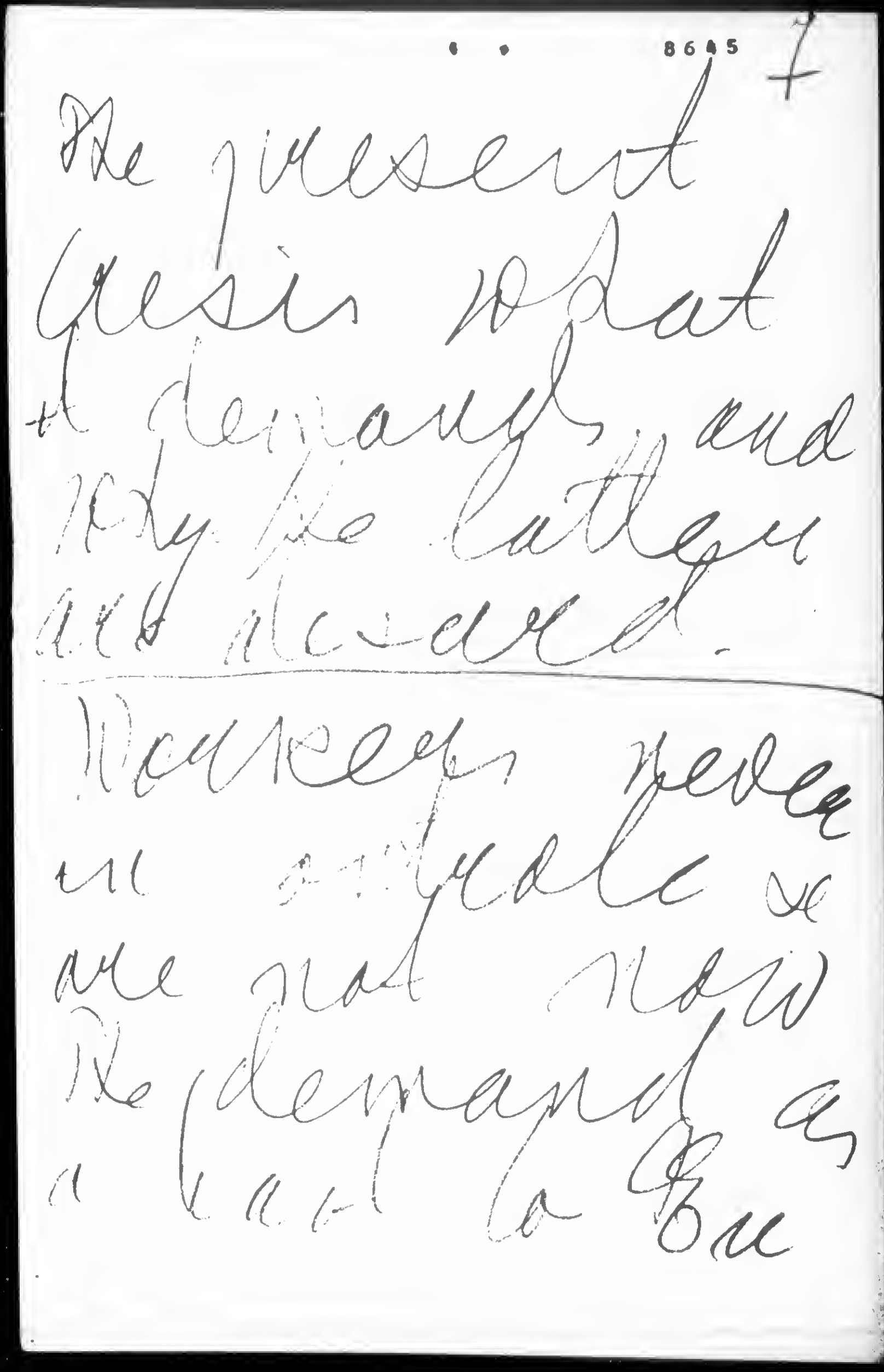
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

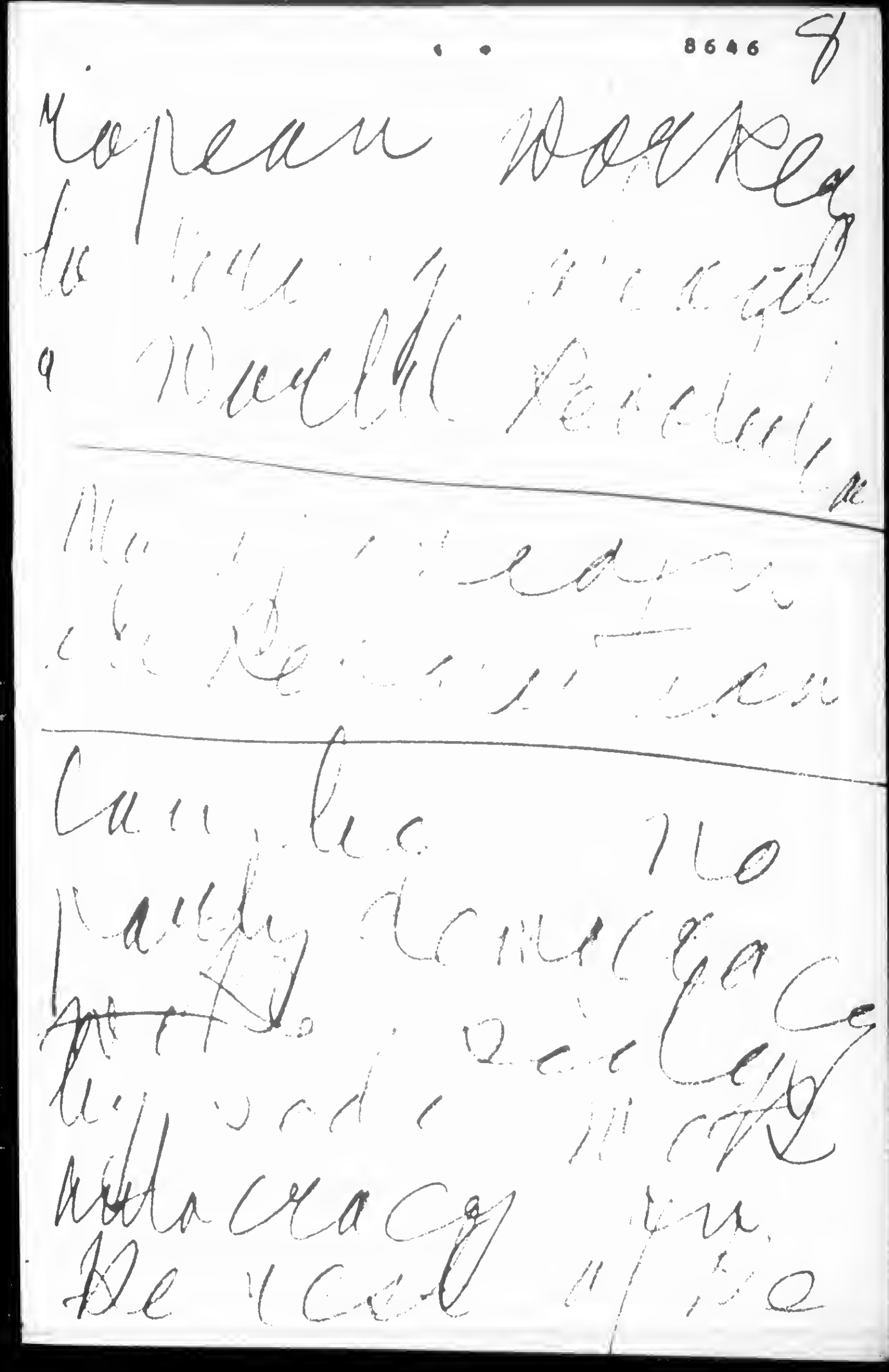
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

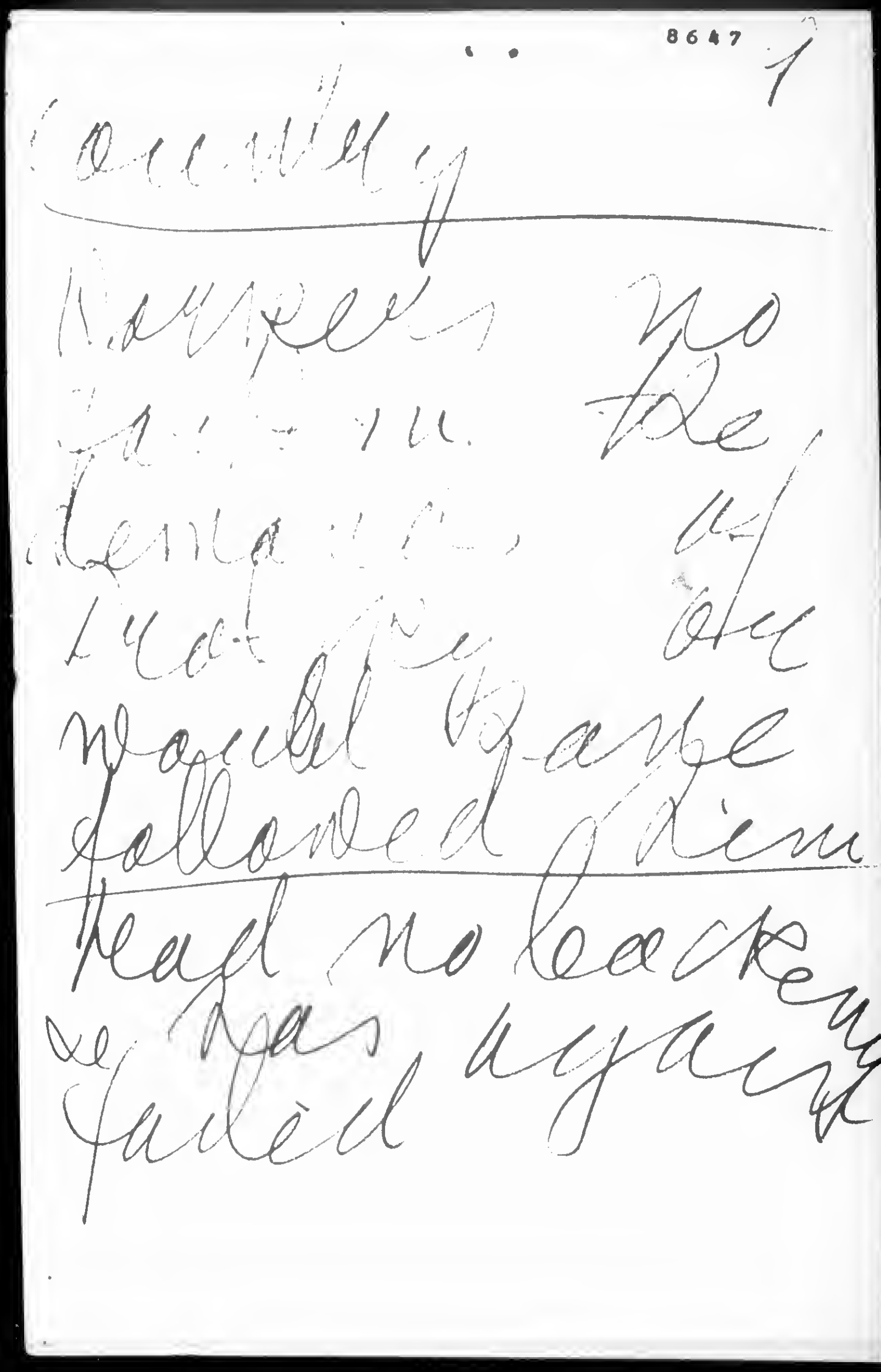
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

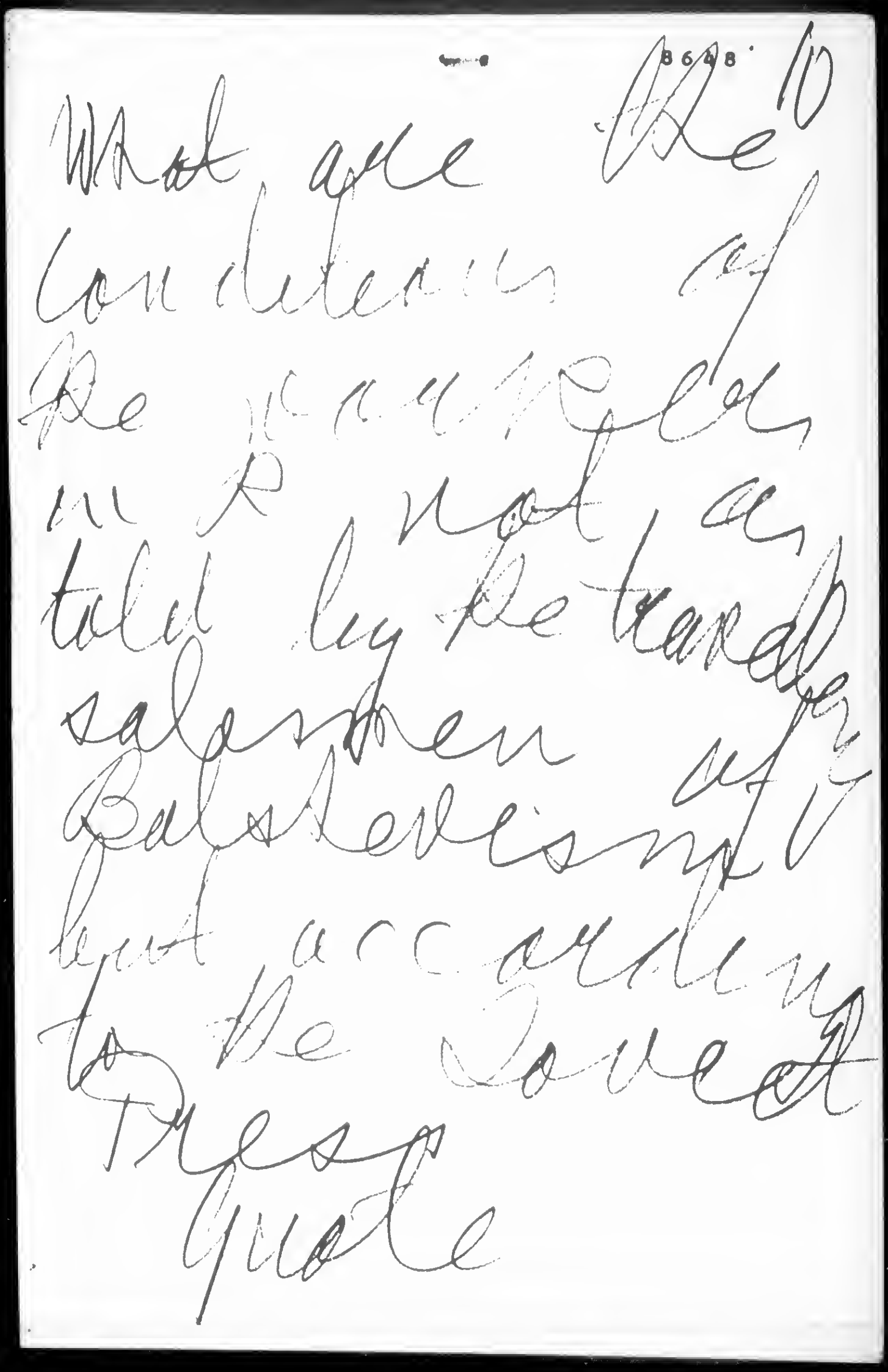
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

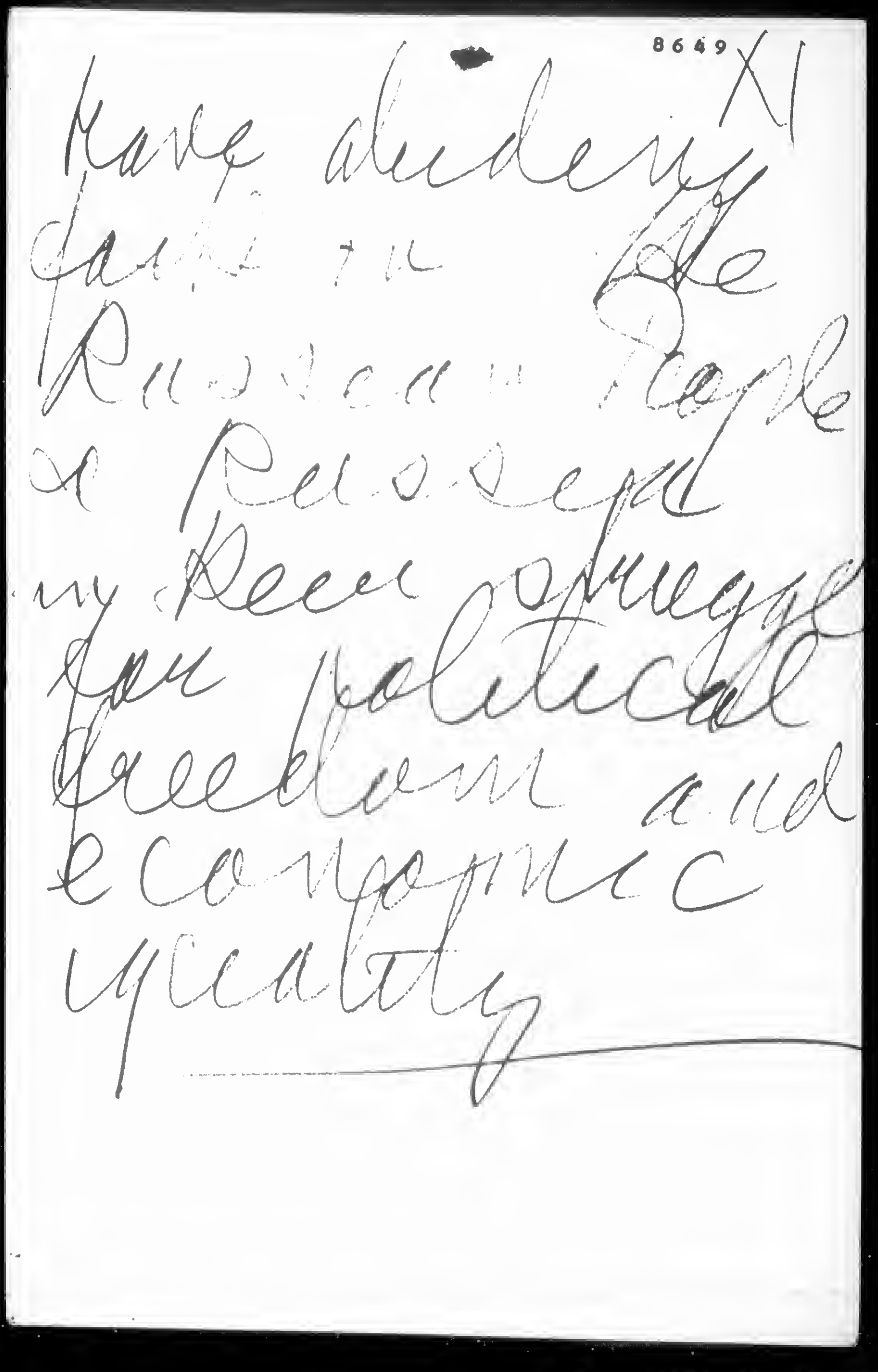
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

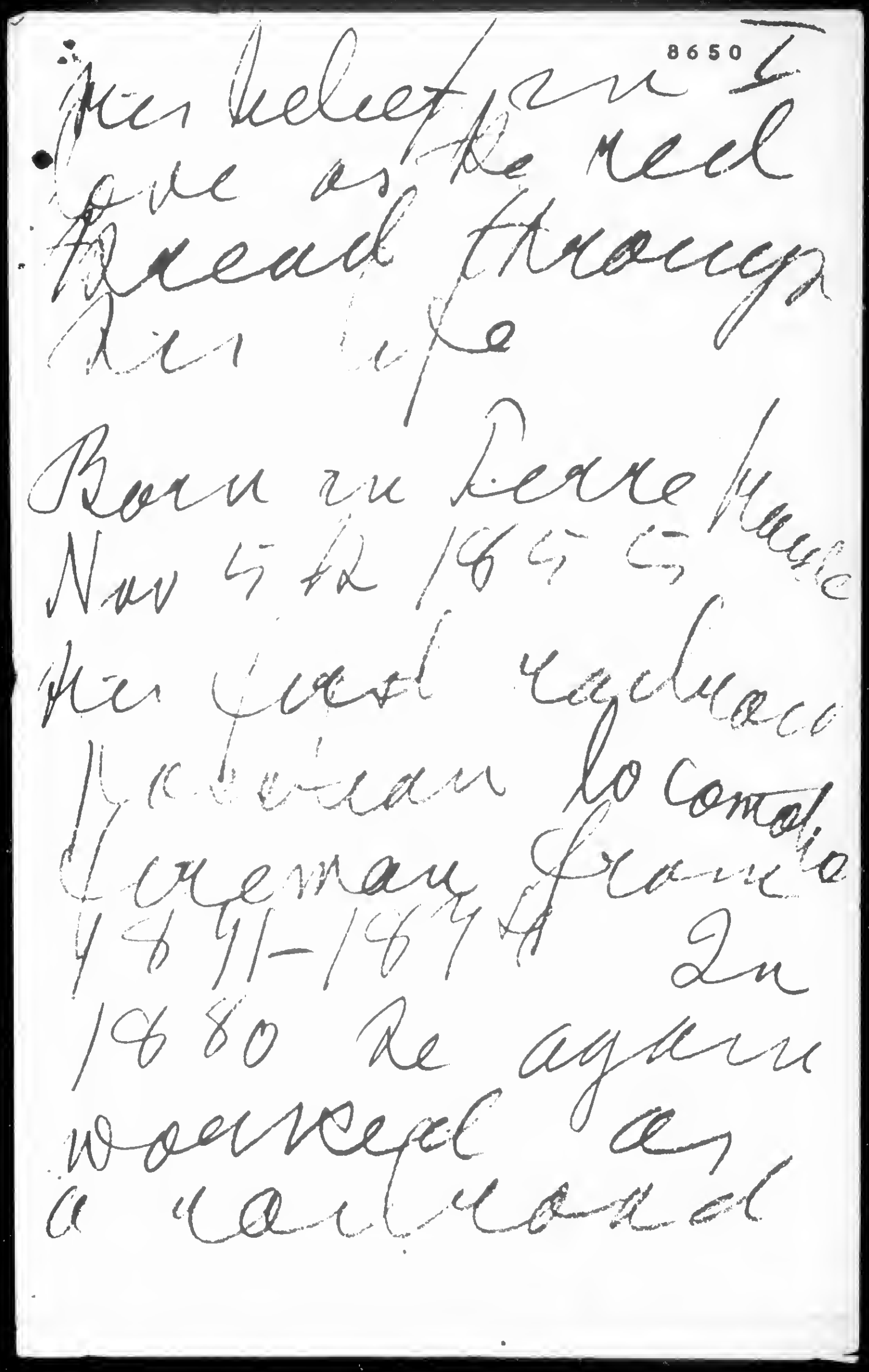
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

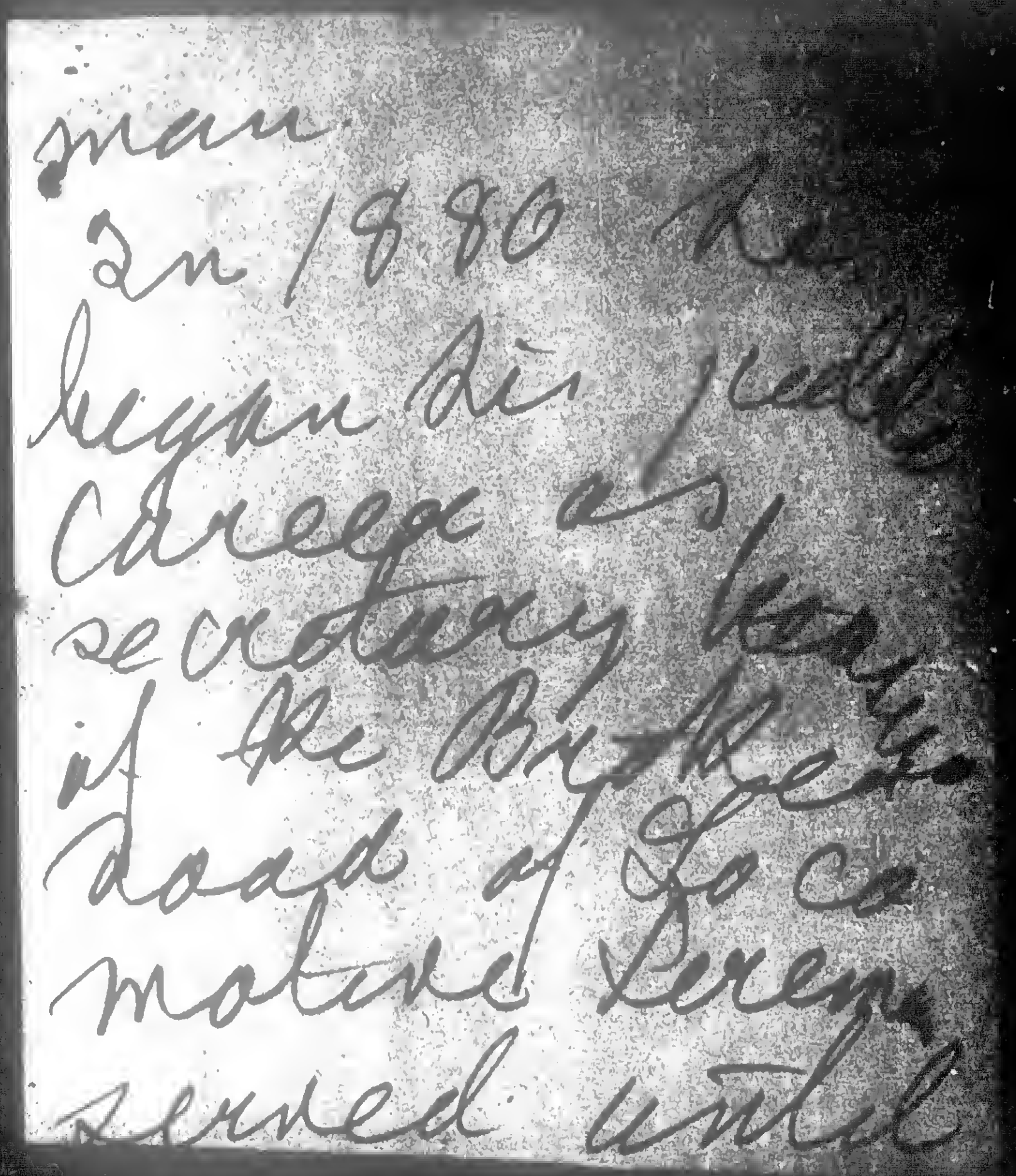
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

8682 B

1893

Les Presidents
et les Rois
Many mellows
dictateurs

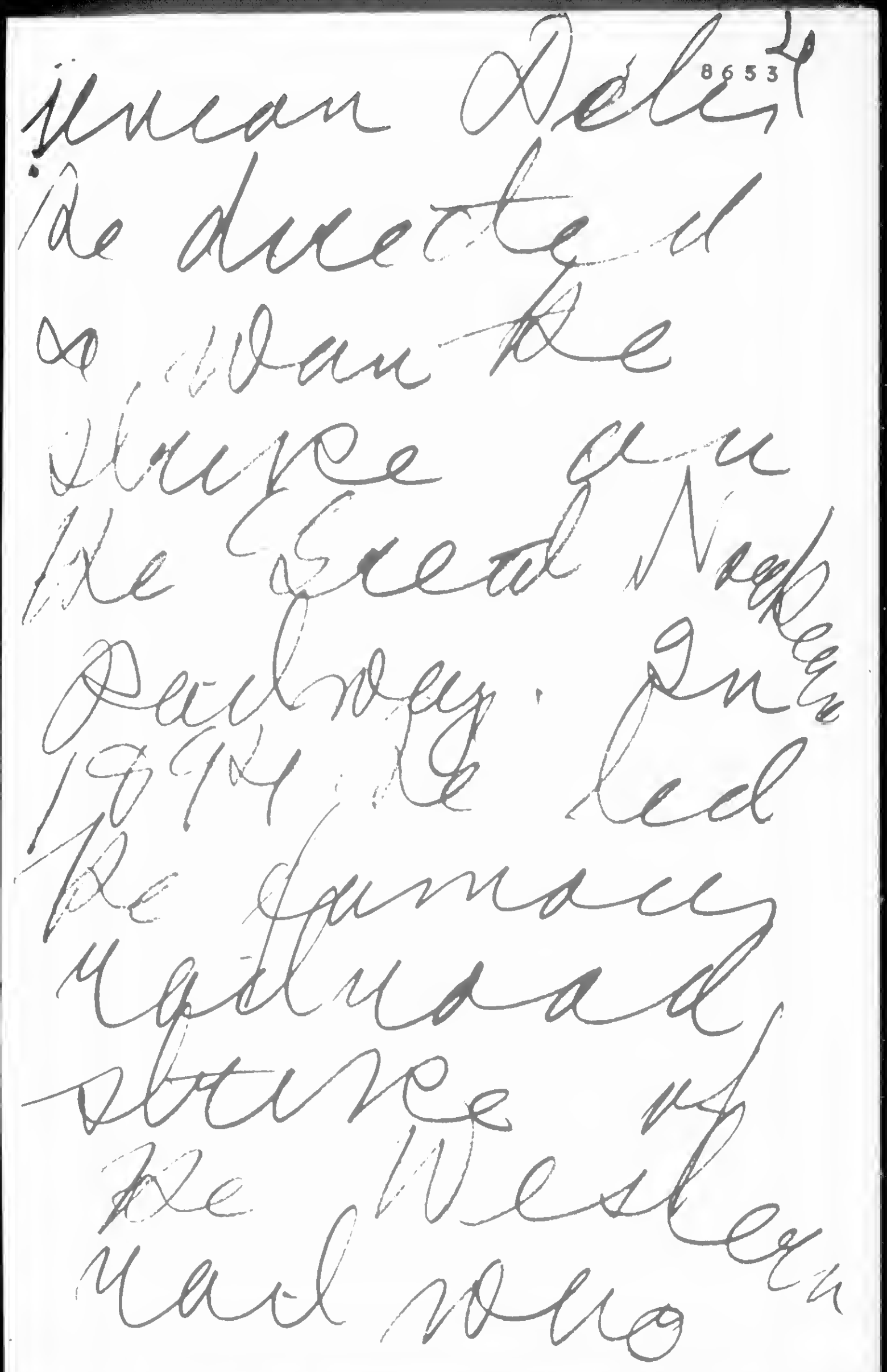
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

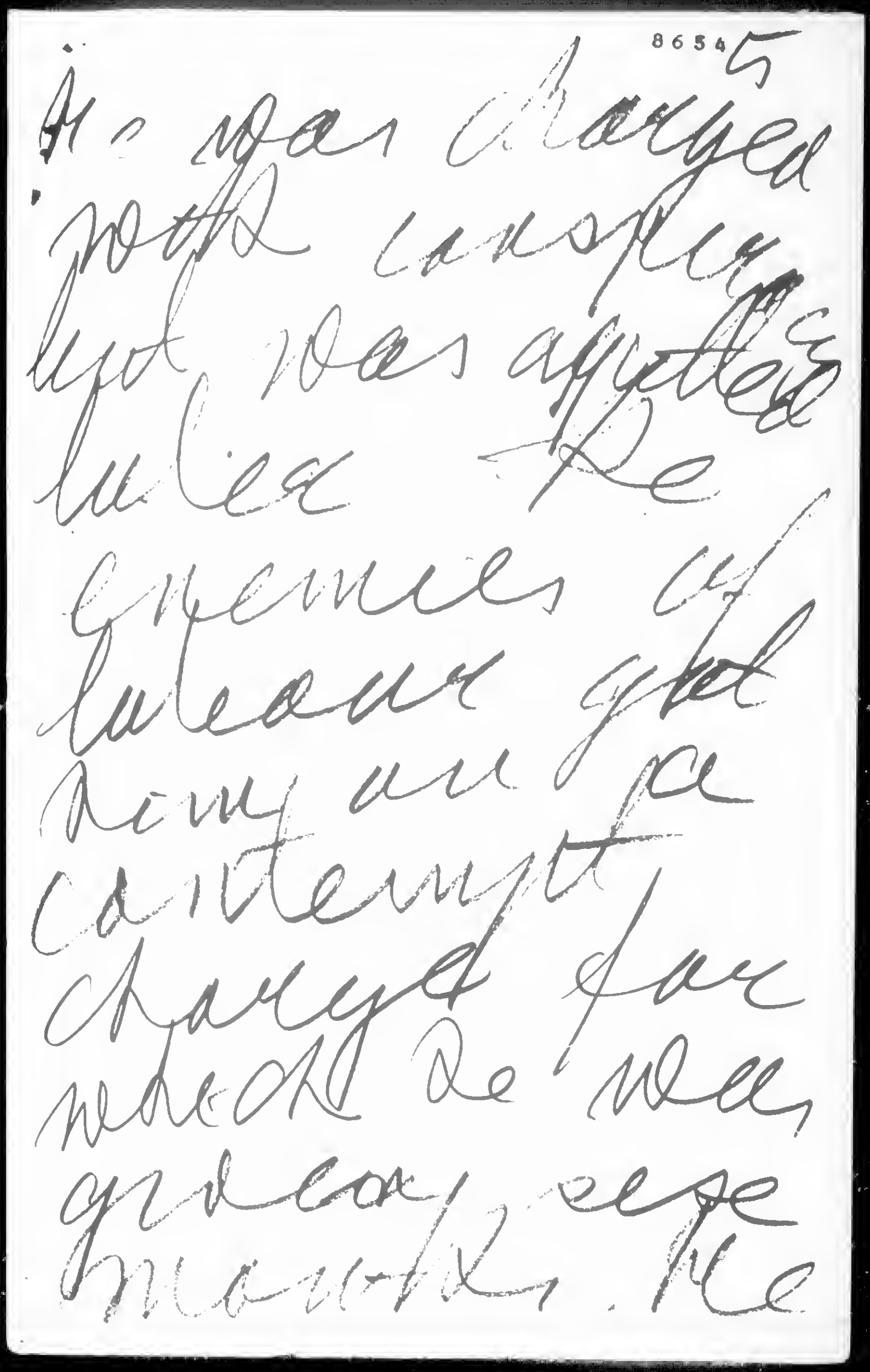
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

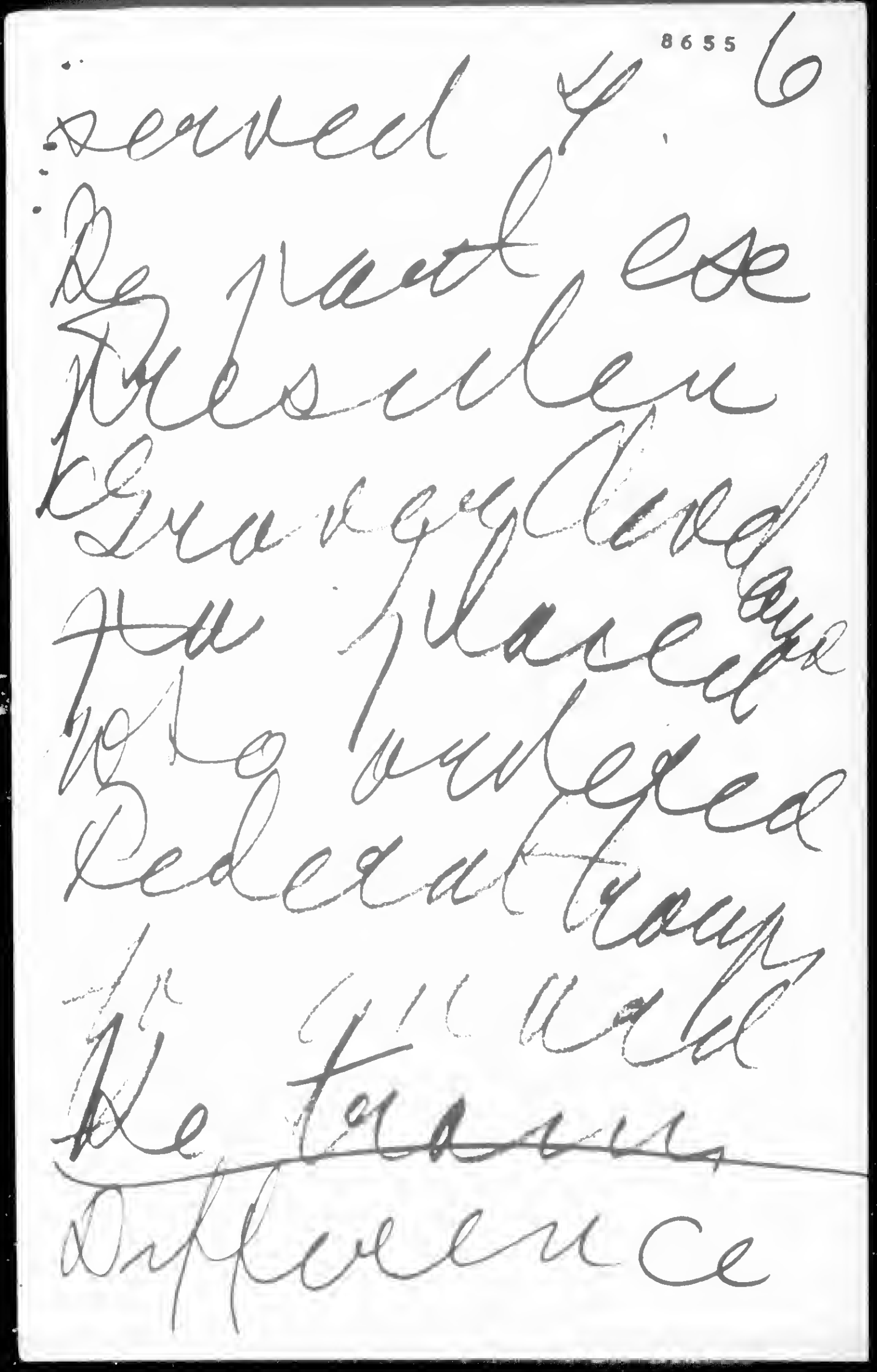
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

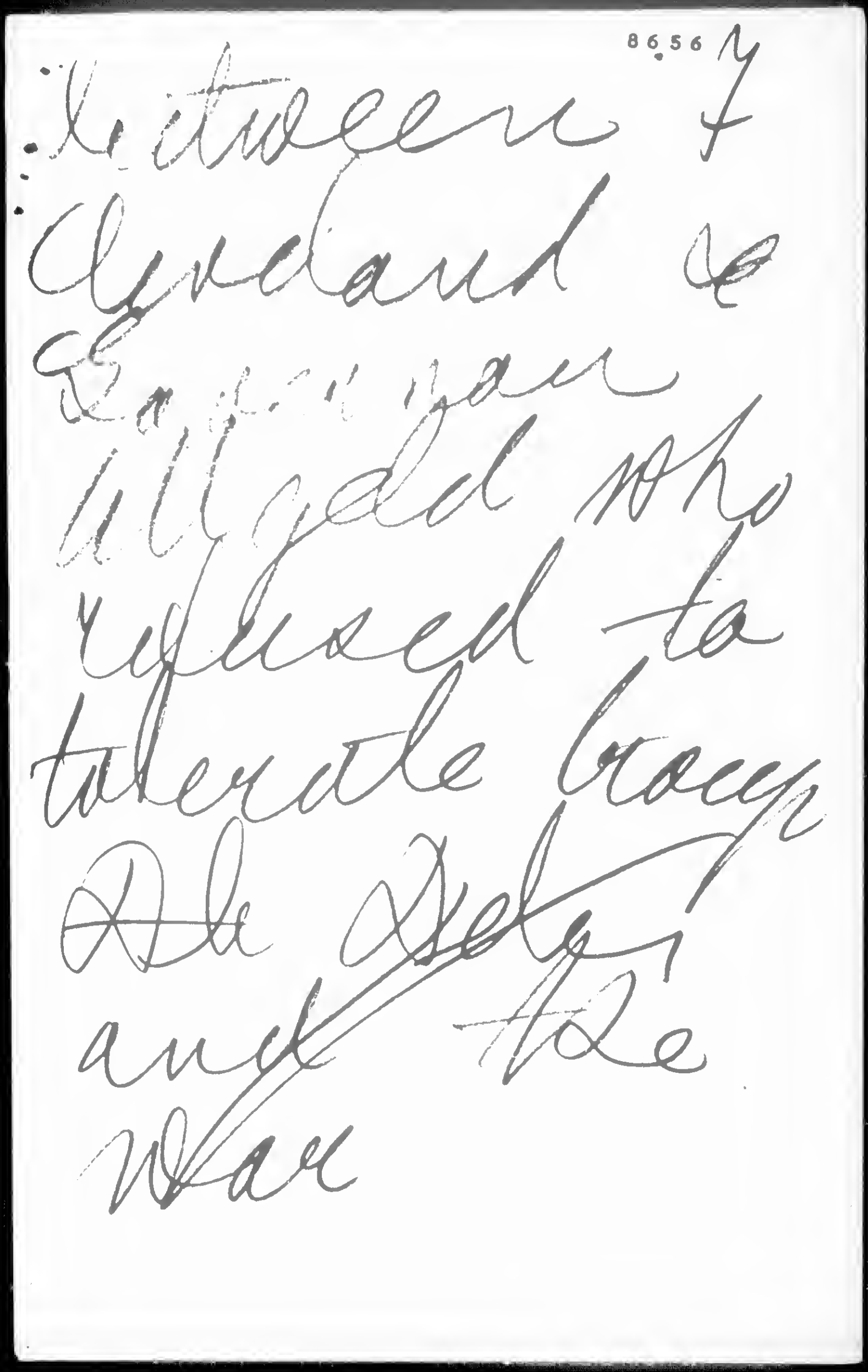
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

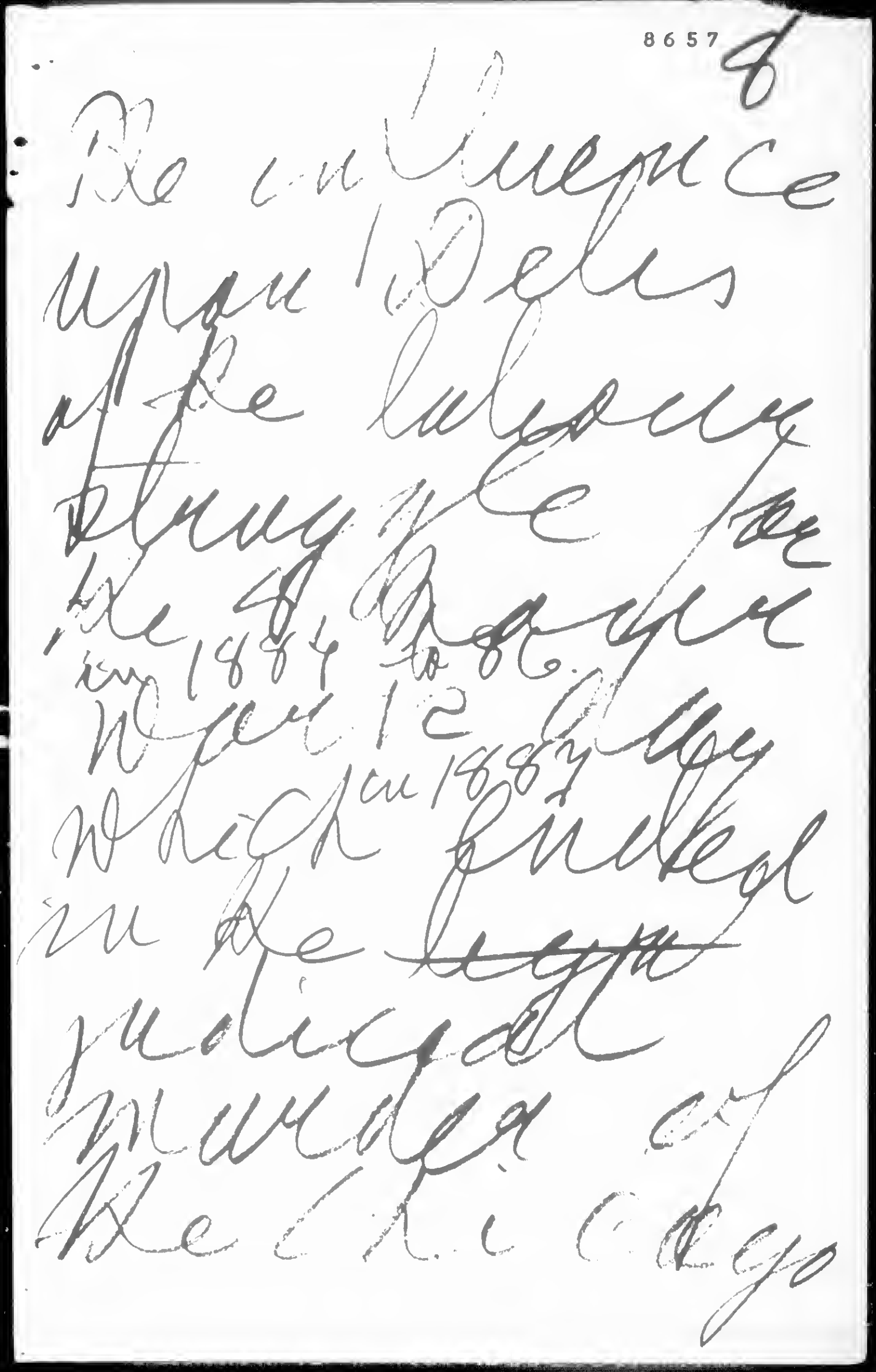
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

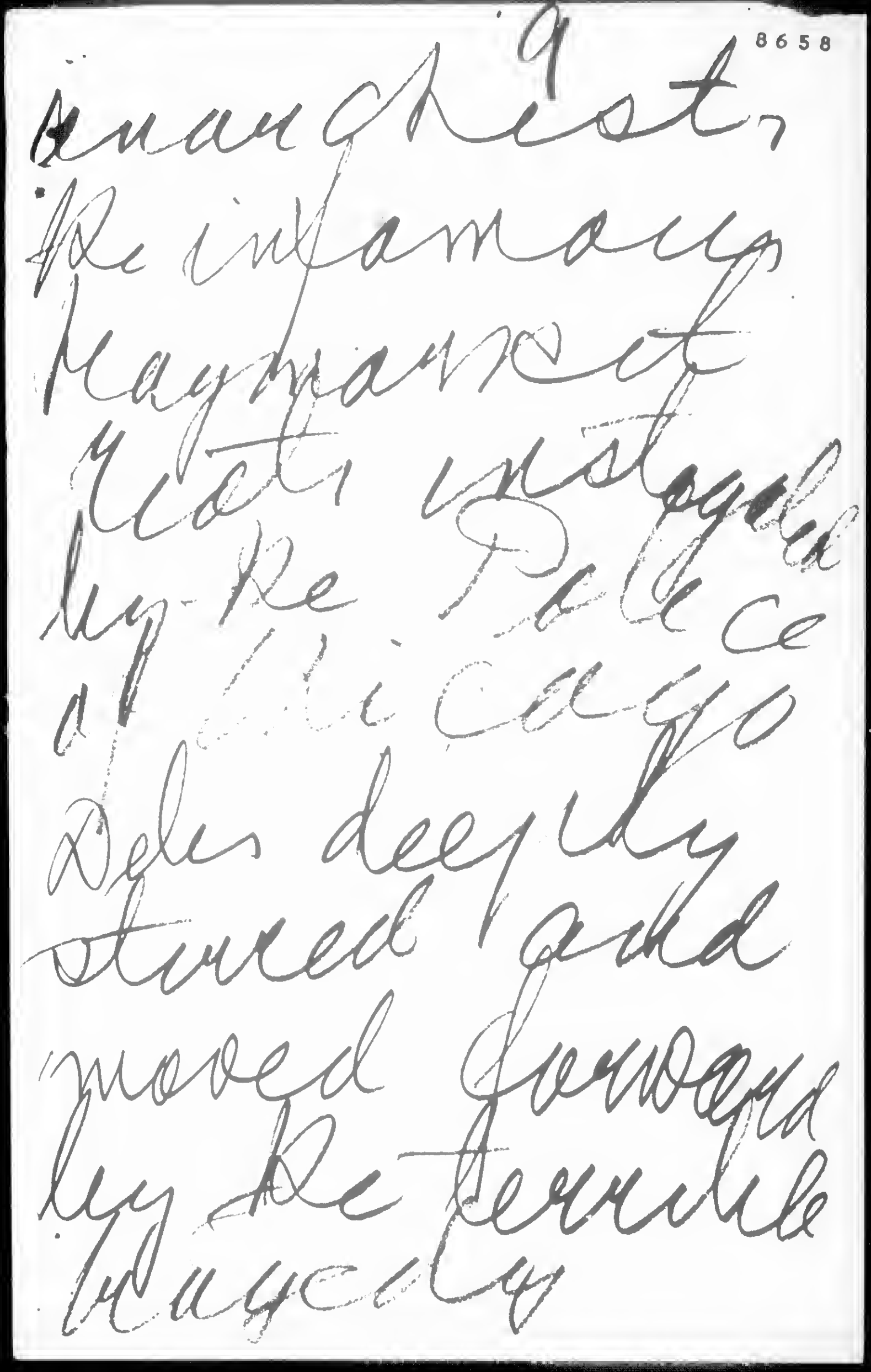
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

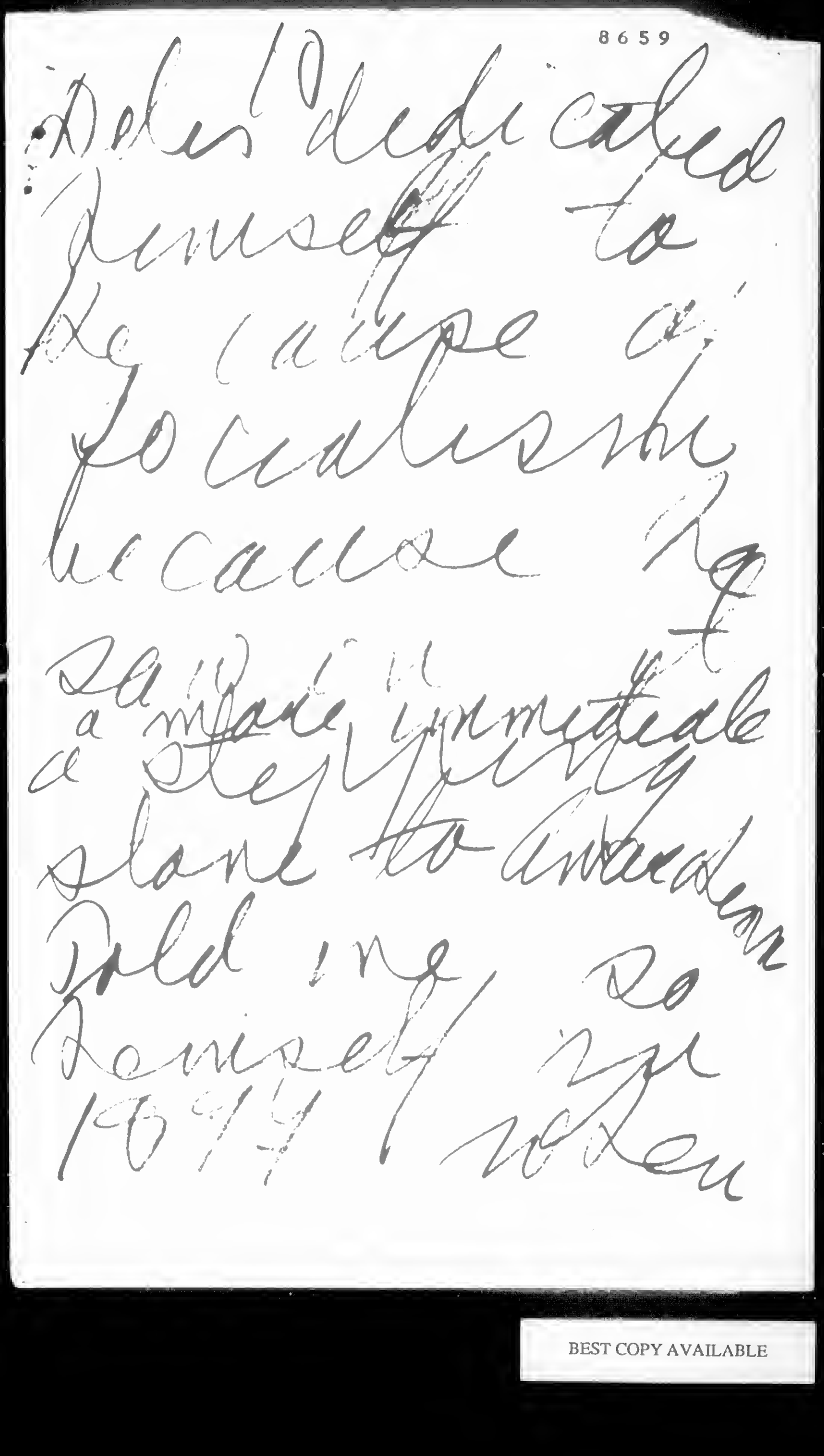
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

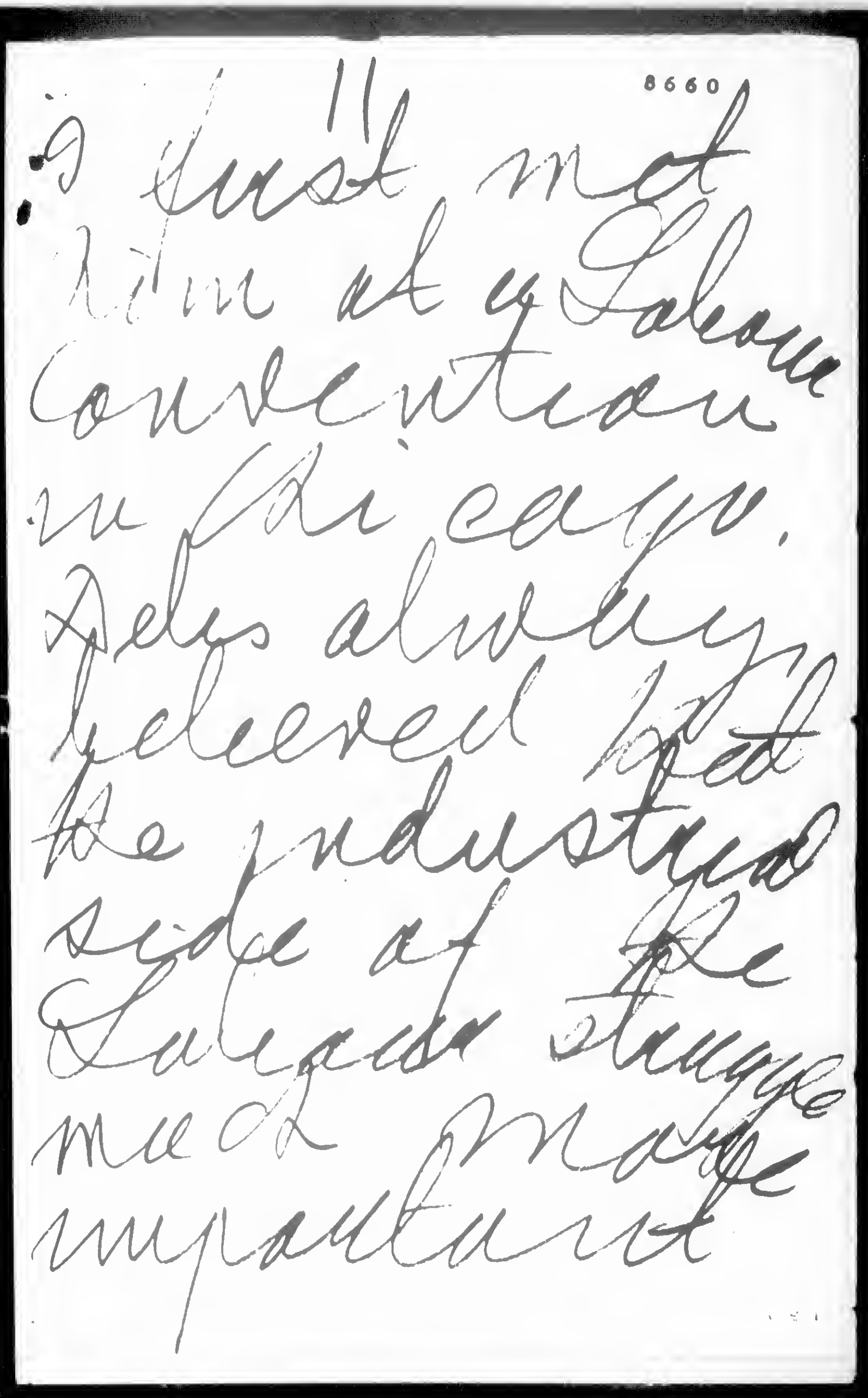
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

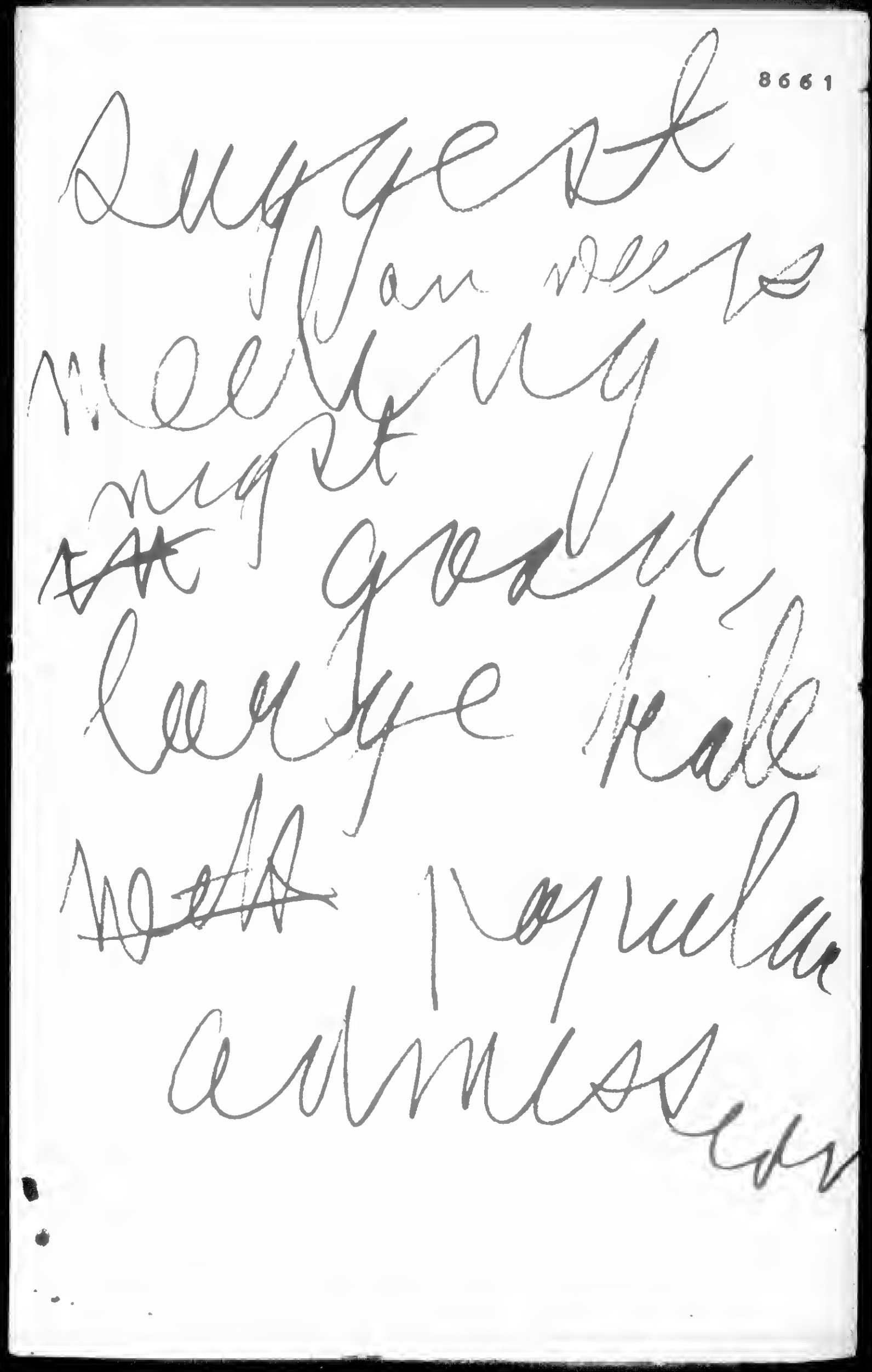
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

8662

12

Hence he may
among the Good
the Bad
and Every
Gradation
Between
Which does
not detract
from his
political

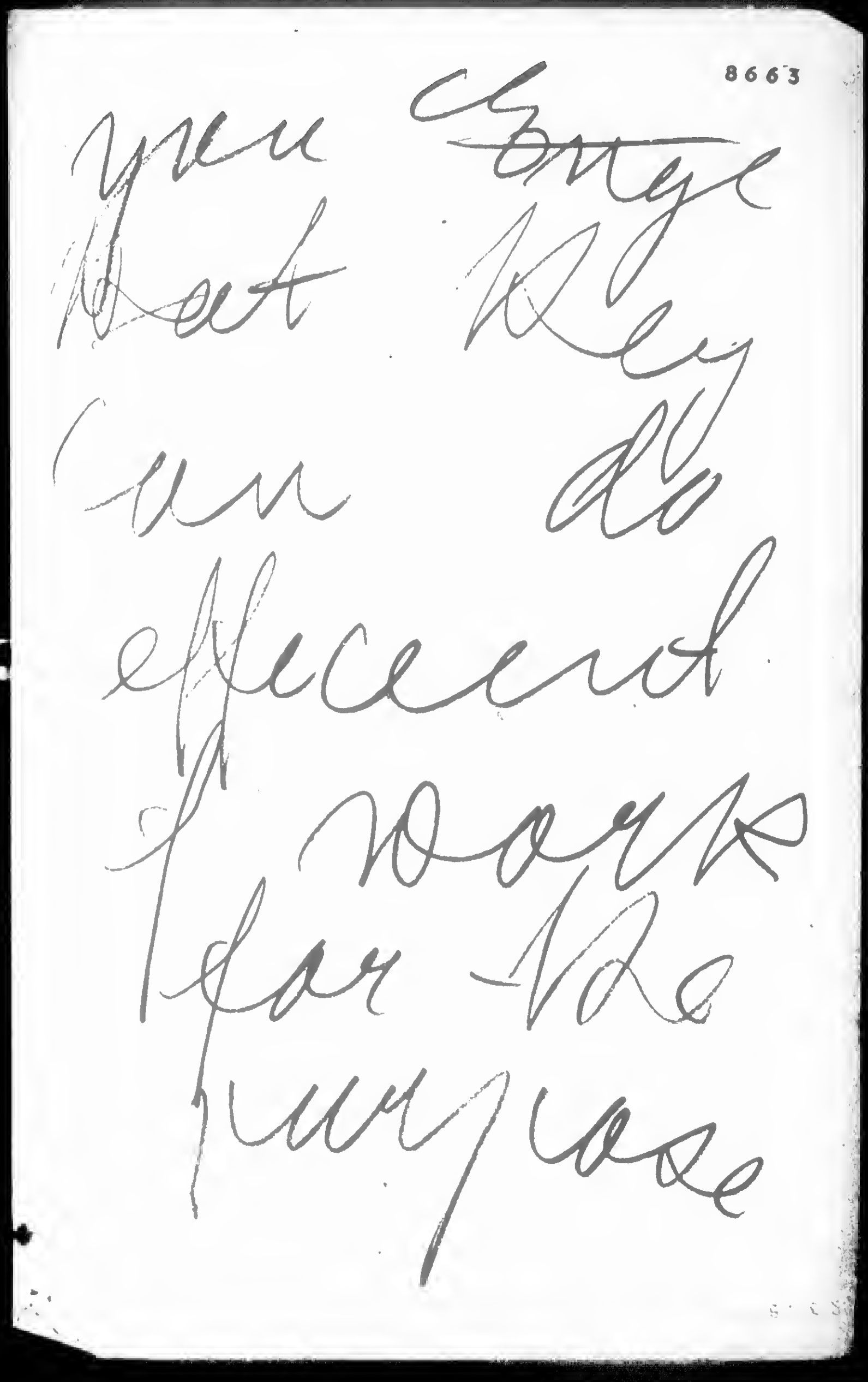
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

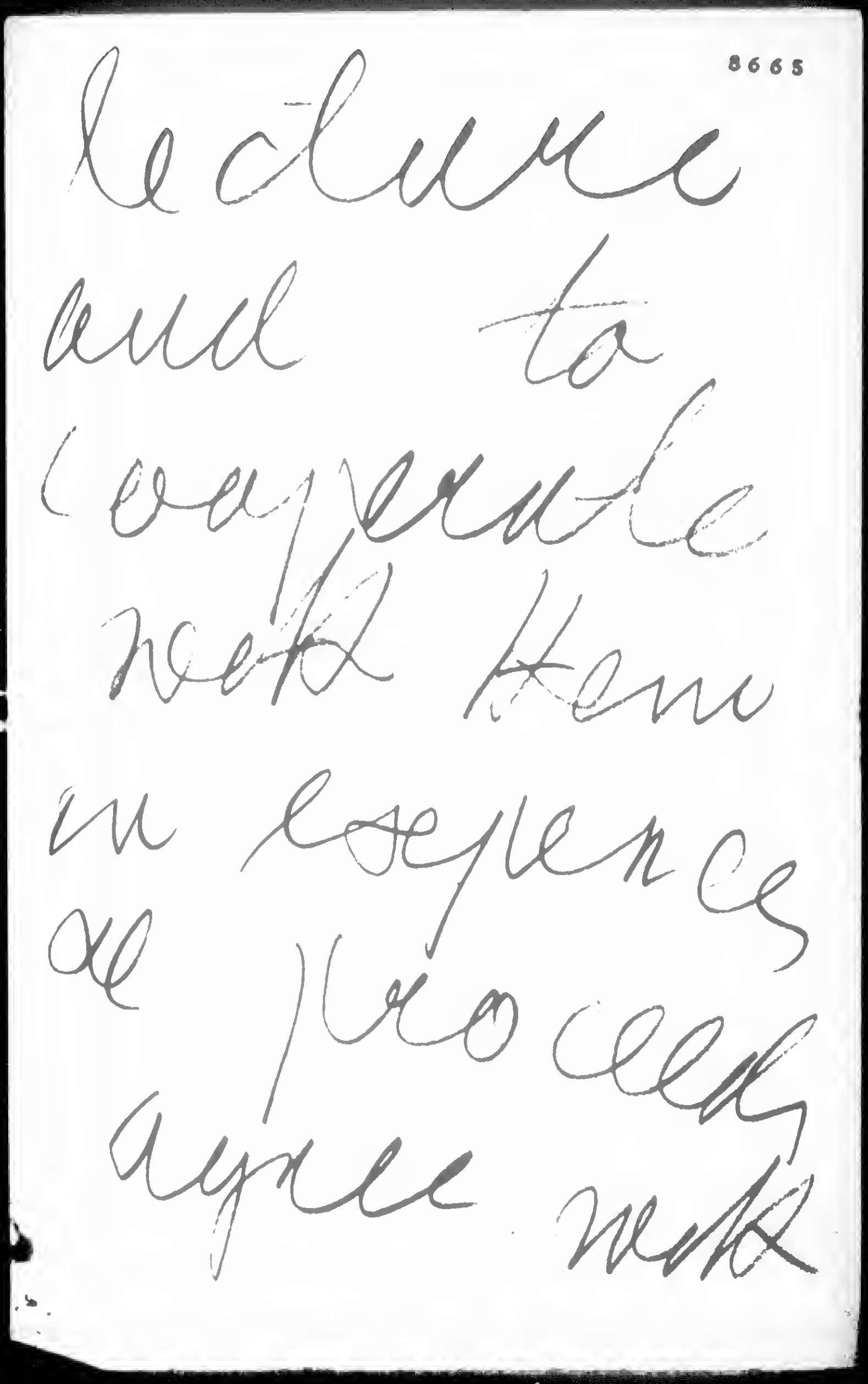
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

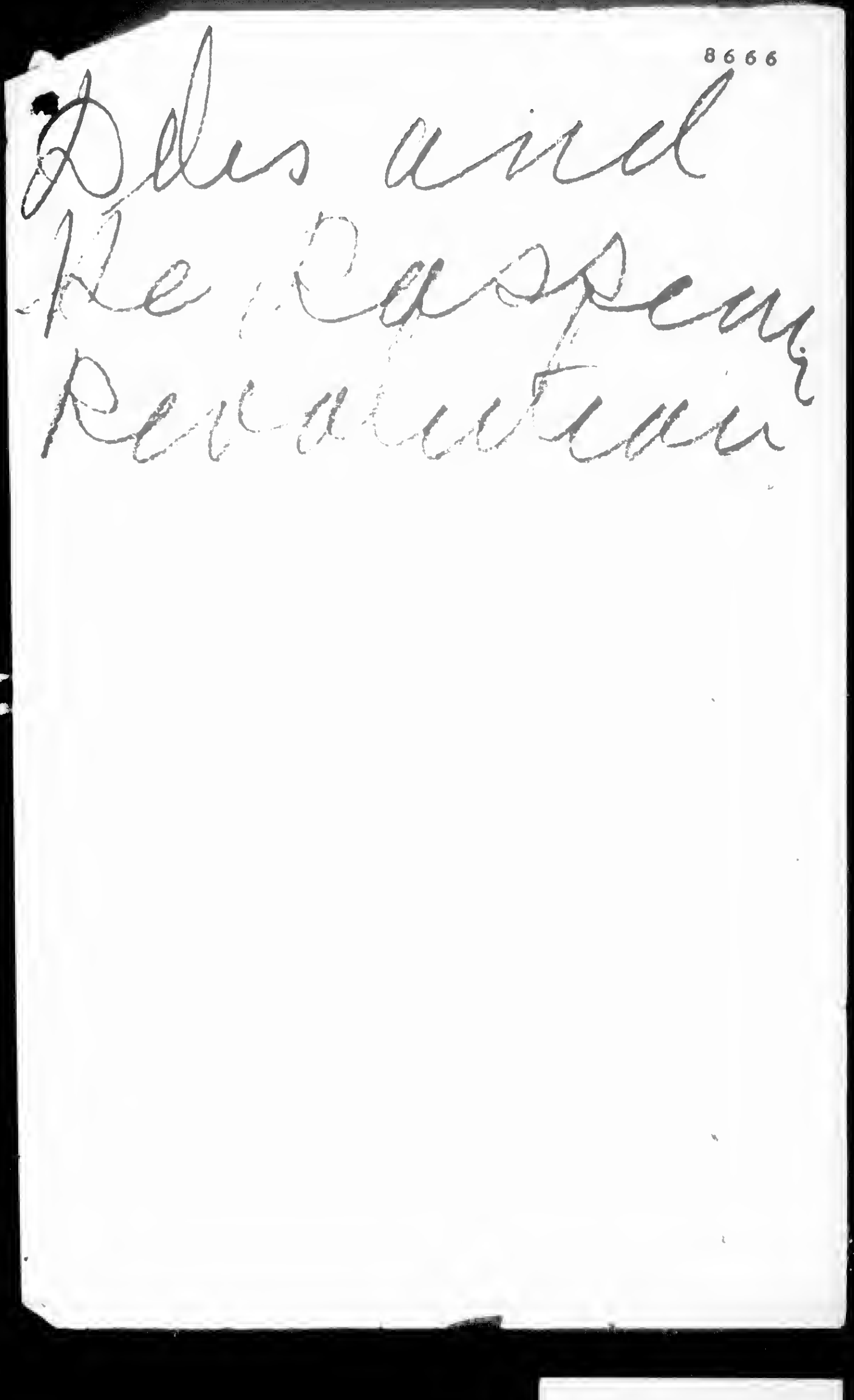
BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

BEST COPY AVAILABLE

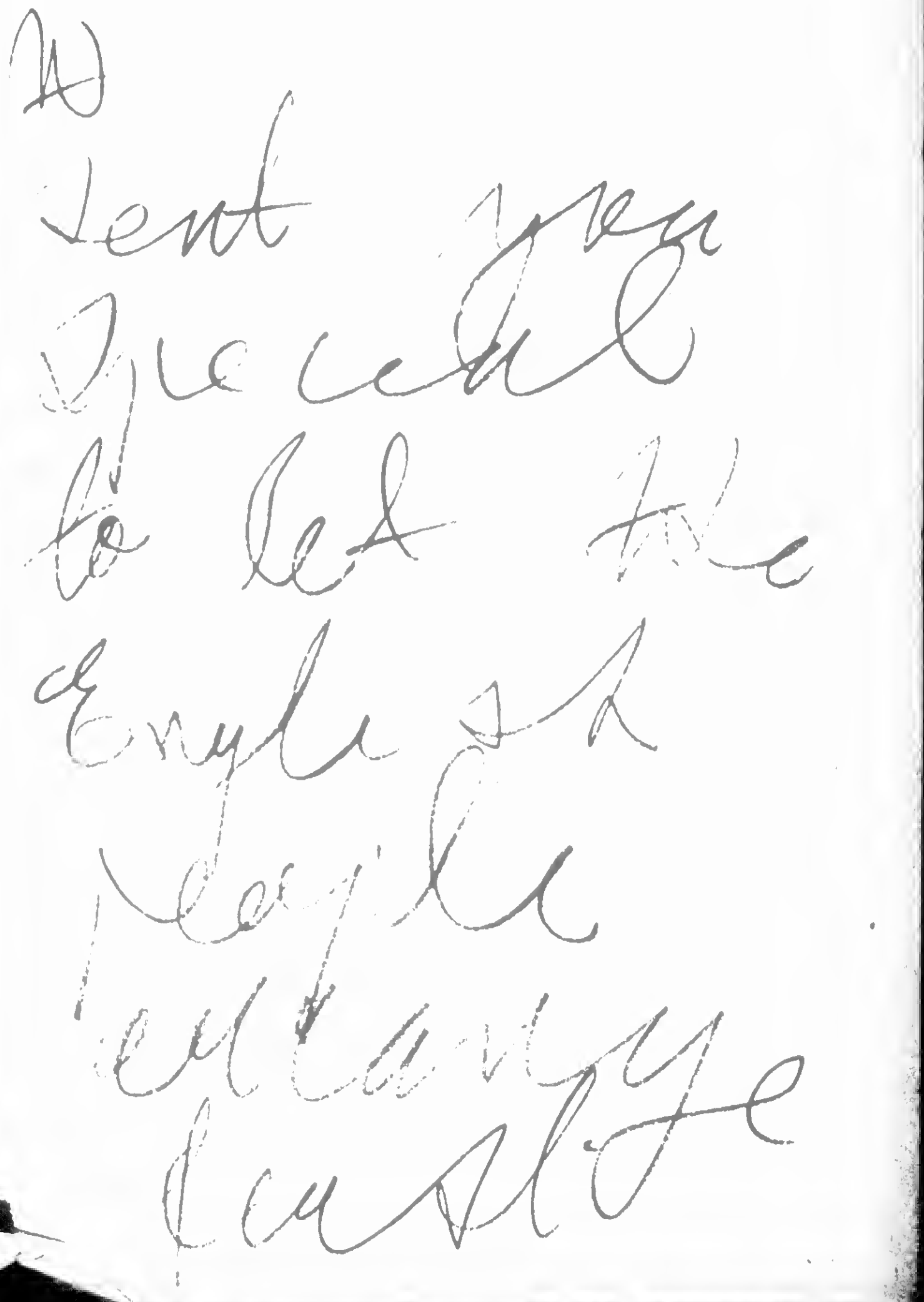
870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

8667

BEST COPY AVAILABLE

870923087

The Emma Goldman Papers

[Present Crisis Not Accidental. Difference between Revolution and Ruling Party] / [Emma Goldman]. – [1924?, draft, fragment]. – 28 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

3348

PREFACE

The annals of literature tell of books expurgated, of whole chapters eliminated or changed beyond recognition. But I believe it has rarely happened that a work should be published with more than a third of it left out and -- without the publishers or reviewers being aware of the fact. This doubtful distinction has fallen to the lot of my work on Russia.

The story of that painful experience might well make another chapter, but for the present it is sufficient to give the bare facts of the case.

My manuscript was sent to the original purchaser in two parts, at different times. Subsequently the publishing house of Doubleday, Page & Co. bought the rights to my work, but when the first printed copies reached me I discovered to my dismay that not only had my original title, "My Two Years In Russia", been changed to " My Disillusionment In Russia" , but that the last thirteen chapters were entirely missing, including my Afterword which is, at least to myself, the most vital part.

There followed an exchange of cables and letters, which gradually elicited the fact that Doubleday, Page & Co. had secured my MS. from a literary agency in the good faith that it was complete. By some conspiracy of circumstances the second instalment of my work either failed to reach the original purchaser or was lost in his office. At any rate, the book was published without any one suspecting its incompleteness.

The present volume contains the chapters missing in the first edition, and I deeply appreciate the devotion of my friends who have made the appearance of this additional issue possible -- in justice to myself and to my readers.

The adventures of my MS. are not without their humorous side, which throws a peculiar light on the critics. Out of almost a hundred American reviewers of my work only two sensed its incompleteness. And, incidentally, one of them is not a "regular" critic but a librarian. Rather a reflection on professional acumen or conscientiousness.

It were a waste of time to notice the " criticism" of those who have either not read the book or lacked the wit to realise that it was unfinished. Of all the alleged " reviews" only two deserve consideration, as written by earnest and able men: Henry Alsberg and H.L.Mencken.

Mr. Alsberg believes that the present title of my book is more appropriate to its contents than the name I had chosen. My disillusionment, he asserts, is not only with the Bolsheviki but with the Revolution itself. In support of this contention he cites Bukharin's remark to the effect that " a revolution cannot be accomplished without terror, disorganisation, and even wanton destruction, any more than an omelette can be made without breaking the eggs". But it seems not to have occurred to Mr. Alsberg that, though the breaking of the eggs is necessary, no omelette can be made if the yolk be thrown away. And that is precisely what the Communist Party did to the Russian Revolution. For the yolk they substituted Bolshevism, more specifically Leninism, with the result as shown in my book -- a result that is gradually being realised as an entire failure by the world at large.

Mr. Alsberg also believes that it was "grim necessity, the driving need to preserve, not the Revolution but the remnants of civilisation, which forced the Bolsheviki to lay hands on every available weapon, the Terror, the Tcheka, suppression of free speech and press, censorship, military conscription, conscription of labor, requisitioning of peasants' crops, even bribery and corruption". Mr. Alsberg evidently agrees with me that the Communists employed all these methods; and that, as he himself states, "the 'means' largely determines the 'end'" -- a conclusion, the proof and demonstration of which are contained in my book. The only mistake of Mr. Alsberg, however -- a most vital one -- is that he assumes

870921523

The Emma Goldman Papers

Preface [to My Further Disillusionment in Russia. 2nd. rev. ed.] / [Emma Goldman].– [1924, draft]– 3 p. ; 30 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

3349

that the Bolsheviki were forced to resort to the methods referred to in order to "preserve the remnants of civilisation". Such a view is based on an entire misconception of the philosophy and practice of Bolshevism. Nothing can be further from the desire or intention of Leninism than the "preservation of the remnants of civilisation". Had Mr. Alsberg instead said "the preservation of the Communist dictatorship", of the political absolutism of the Party, he would have come nearer the truth, and we should have no quarrel on the matter. Mr. Alsberg has failed to consider that the Bolsheviki continue to employ exactly the same methods today as they did in what he calls "the moments of grim necessity, in 1919, 1920 and 1921".

We are in 1924. The military fronts have long ago been liquidated; internal counter-revolution is suppressed; the old bourgeoisie is eliminated; the "moments of grim necessity" are past. In fact, Russia is being politically recognised by various governments of Europe and Asia, and the Bolsheviki are inviting international capital to come to their country whose natural wealth, as Tchicherin assures the world capitalists, is "waiting to be exploited". The "moments of grim necessity" are gone, but the Terror, the Tcheka, suppression of free speech and press, and all the other Communist methods enumerated by Mr. Alsberg still remain in force. Indeed, they are being applied even more brutally and barbarously since the death of Lenin. Is it to "preserve the remnants of civilisation", as Mr. Alsberg claims, or to strengthen the weakening Party dictatorship?

Mr. Alsberg charges me with believing that "had the Russians made the Revolution à la Bakunin instead of à la Marx" the result would have been different and more satisfactory. I plead guilty to the charge. In truth, I not only believe so; I am certain of it. The Russian Revolution -- more correctly, Bolshevik methods -- conclusively demonstrated how a revolution is not to be made. The Russian experiment has proven the fatality of a political party usurping the functions of the revolutionary people, of an omnipotent State seeking to impose its will upon the country, of a dictatorship attempting to "organise" the new life. But I need not repeat here the reflections summed up in my concluding chapter. Unfortunately they did not appear in the first edition of my work. Otherwise Mr. Alsberg might have perhaps written differently.

Mr. Mencken in his rather flattering review believes me a "prejudiced witness", because I - an Anarchist - am opposed to government, whatever its form. Yet the whole first part of my book entirely disproves the assumption of my prejudice. I defended the Bolsheviki while still in America, and for long months in Russia I sought every opportunity to co-operate with them and to aid in the great task of revolutionary upbuilding. Though an Anarchist and an anti-governmentalist, I had not come to Russia expecting to find my ideal realised. I saw in the Bolsheviki the symbol of the Revolution and I was eager to work with them in spite of their governmentalism. However, if lack of aloofness from the actualities of life means that one cannot judge things fairly, then Mr. Mencken is right. One could not have lived through two years of Communist terror, of a regime involving the enslavement of the whole people, the annihilation of the most fundamental values, human and revolutionary, of corruption and mismanagement, and yet remain aloof or "impartial" in Mr. Mencken's sense. I doubt whether Mr. Mencken, though not an Anarchist, could have done so. And could he, were he human!

In conclusion, the present publication of the chapters missing in the first edition comes at a very significant period in the life of Russia. When the "nep", Lenin's new economic policy, was introduced, there rose the hope of a better day, of a gradual abolition of the policies of terror and persecution. The Communist dictatorship seemed inclined to relax its strangle-hold upon the thoughts and lives of the people. But the hope was short-lived. Since the death of Lenin the Bolsheviki have returned to the terror of the worst days of their regime. Despotism, fearing for its power, seeks safety in bloodshed. More timely than even in 1922 is my book today.

BEST COPY AVAILABLE

870921523

The Emma Goldman Papers

Preface [to My Further Disillusionment in Russia. 2nd. rev. ed.] / [Emma Goldman]. – [1924, draft] – 3 p. ; 30 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

PREFACE -- 3

3350

When the first series of my articles on Russia appeared, in 1922, and later when my book was published, I was bitterly attacked and denounced by American radicals of almost every camp. But I felt confident that the time would come when the mask would be torn off the false face of Bolshevism and the great delusion exposed. The time has come even sooner than I had anticipated. In most civilised lands -- in France, England, Germany, in the Scandinavian and Latin countries, even in America the fog of blind faith is gradually lifting. The reactionary character of the Bolshevik regime is being realised by the masses, its terrorism and persecution of non-Communist opinion condemned. The torture of the political victims of the dictatorship in the prisons of Russia, in the concentration camps of the frozen North and Siberian exile is rousing the conscience of the more progressive elements the world over. Almost in every country societies for the defense and aid of the politicals imprisoned in Russia have been formed, with the object of securing their liberation and the establishment of freedom of opinion and expression in Russia.

If my work will help in these efforts to throw light upon the real situation in Russia and to awaken the world to the true character of Bolshevism and the fatality of dictatorship -- be it Fascist or Communist -- I shall bear with equanimity the misunderstanding and misrepresentations of foe or friend. And I shall not regret the travail and struggle of spirit that produced this work, which now after many vicissitudes is at last complete in print.

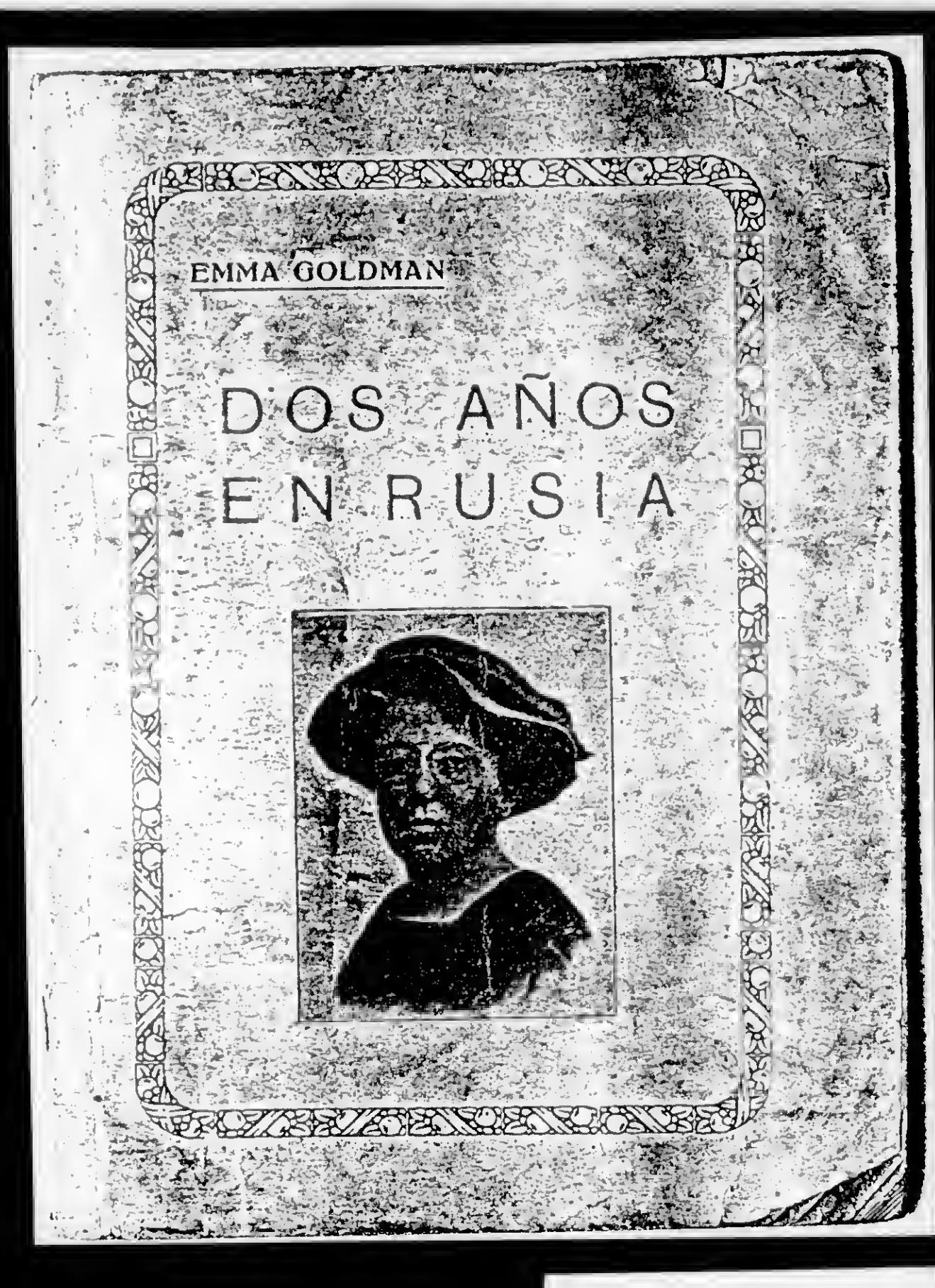
BEST COPY AVAILABLE

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

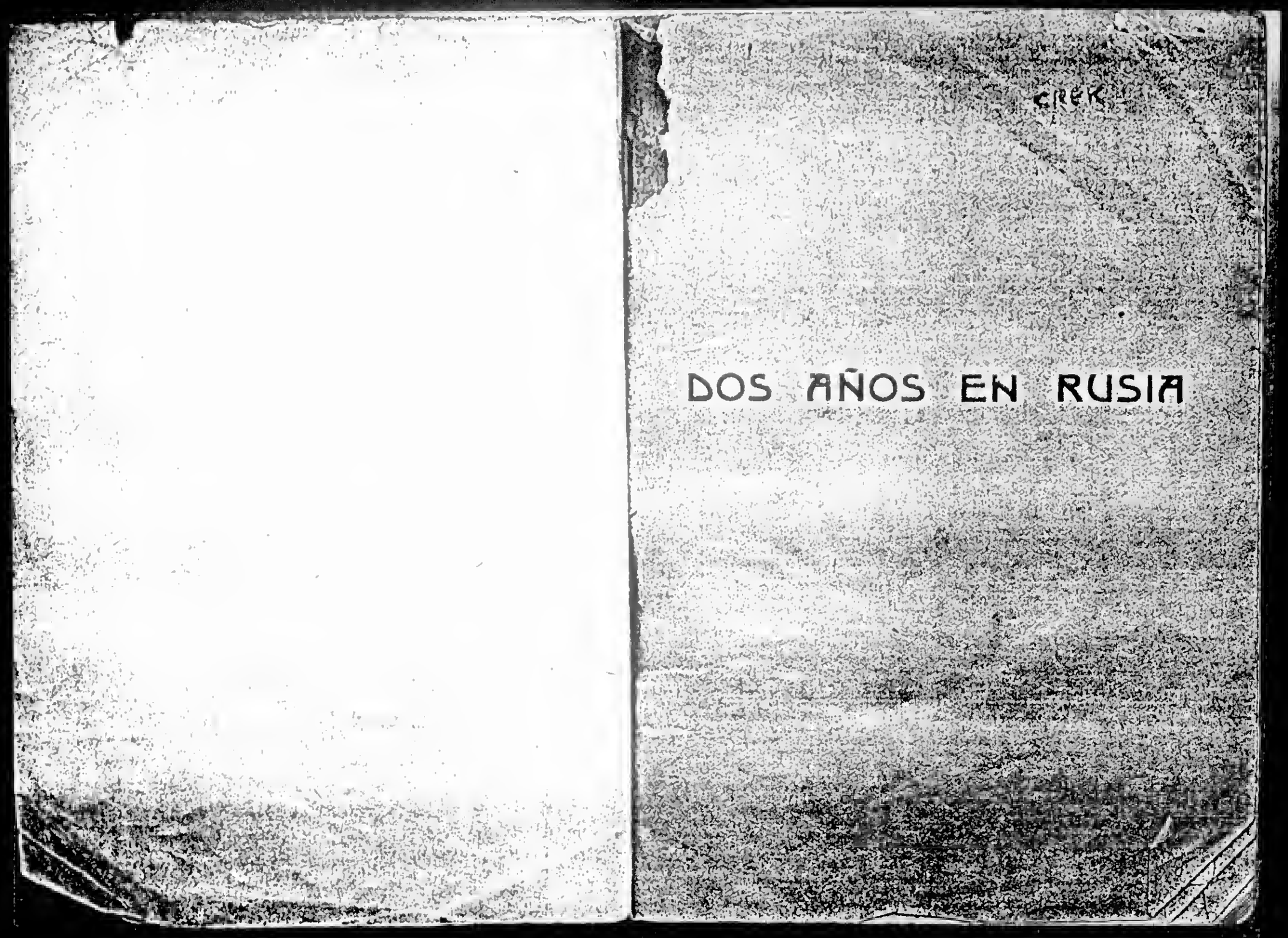
BEST COPY AVAILABLE

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

BEST COPY AVAILABLE

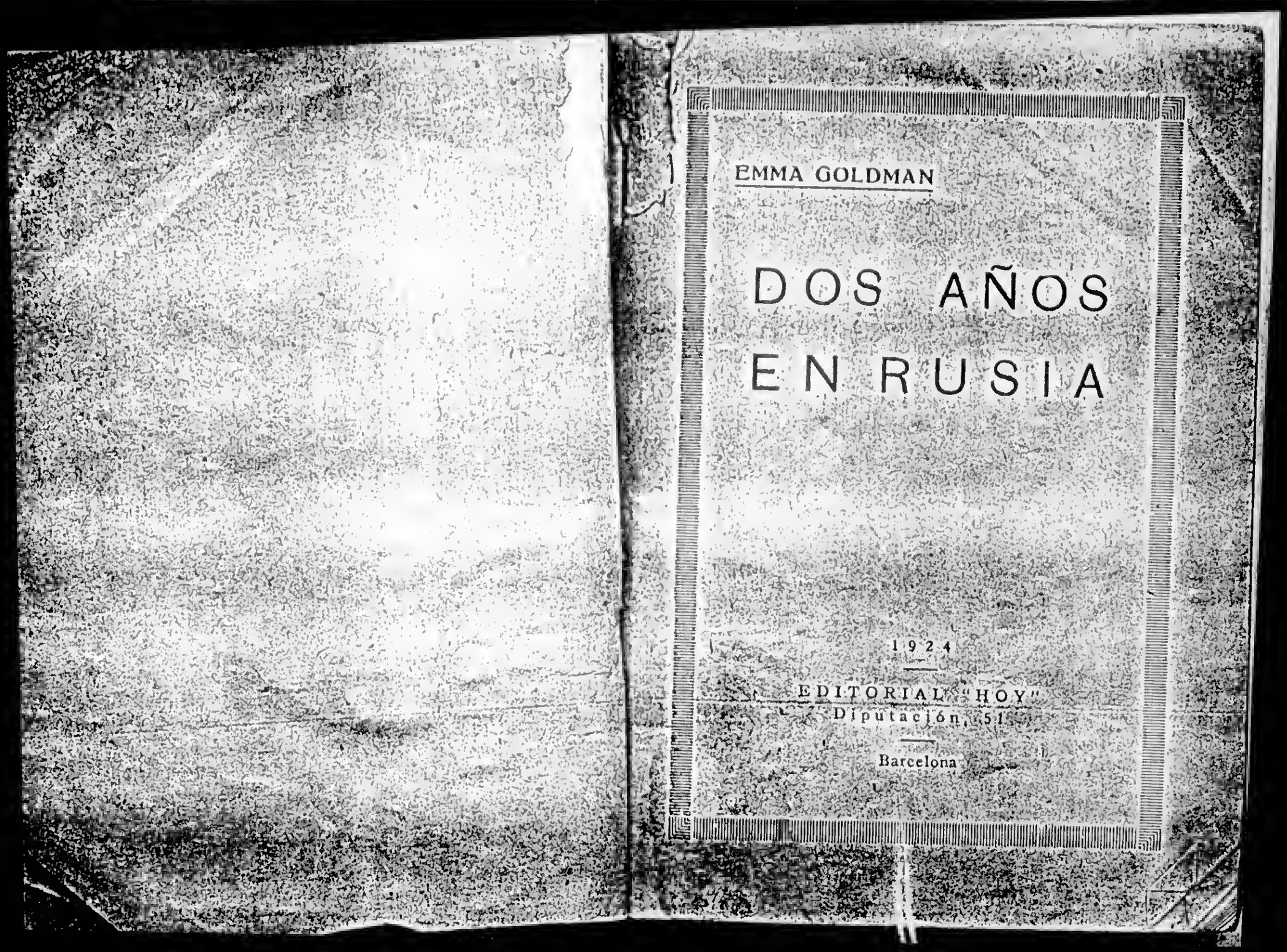
876

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

BEST COPY AVAILABLE

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

descansar y a fabricar secretamente algunos artículos que sus esposas o hijos iban a cambiar al campo por harina y patatas. Esto, incidentalmente, los salvó de la inanición.

Respecto de las oportunidades para traer algo del campo, podría escribirse un libro sobre este tema. Con la prohibición del comercio vino la "Zagregaditelmy stryad", el destacamento de soldados y chekistas en cada estación para confiscar todo artículo traído por particulares a la ciudad. Los infelices que después de dificultades sin cuento para obtener un pase de viaje, después de días y semanas de peligros en las estaciones, después de espantosos viajes en sucios y repletos carros, o en los techos y en las plataformas de los trenes, traían una libra de harina o de patatas, terminaban por ser despojados de ella por la "stryad".

En muchos casos los alimentos confiscados eran repartidos entre los propios defensores del Estado comunista. Las víctimas resultaban afortunadas si escapaban sin mayores molestias. A menudo se los robaba sus preciosos paquetes y eran conducidas a la cárcel por "especulación". El número de verdaderos especuladores aprehendidos era insignificante en comparación con la masa de desgraciados que llenaron las prisiones de Rusia por tratar de defenderse contra la muerte por inanición.

Una cosa se puede decir de los bolcheviques, y es que nunca hacían sus cosas a medias. Tan pronto como llegó a ser ley el trabajo obligatorio, fué hecho efectivo como venganza. Hombres y mujeres, viejos y jóvenes, apenas vestidos y con toscos zapatos o con sólo trapos en los pies, fueron indistintamente arrojados al frío y a la escarcha a barrer **la nieve o a cortar hielo. De cuando en cuando eran enviados por grupos a los bosques a cortar madera.**

Pleuresía, pneumonía y tuberculosis fueron los resultados. Fué sólo entonces cuando los tontos del Kremlin crearon un nuevo departamento para la distribución del trabajo. Este "bureau" decidía, según las aptitudes físicas de los obreros, los clasificaba y distribuía según sus trabajos.

Bajo tales condiciones, degradantes y esclavizadoras, no es raro que los obreros hicieran malos trabajos porque lo odiaban, así como los medios por los cuales se les hacía trabajar. Comenzaron a mirar al Estado comunista como una nueva sanguijuela que les chupaba la sangre de su vida. Los obreros de Petrogrado, los más revolucionarios, los que sostuvieron el esfuerzo de la larga lucha, los que defendieron tan heroicamente la ciudad contra Judenitch, que murieron de hambre y de frío por el ideal, ¡oh, maravilla!, también han

comenzado a loar a los falsos revolucionarios y a solidarizarse con ellos.

No es de ellos la culpa, la cruel máquina bolchevique minó su fe y sus ideales. Esa máquina ha engendrado un sentimiento contra-revolucionario que tardará mucho en desaparecer.

No olvidaré nunca una escena, una reunión del Soviet de Petrogrado. Debía decidirse esa noche el destino de Cronstadt. Después de largos discursos de los dirigentes comunistas, habló un obrero de los arsenales. De la cara a la mesa y la espalda al auditorio. Su voz se extiende con emoción contenida, sus ojos llameaban, toda su figura es vibrante. Se dirige al presidente del Soviet de Petrogrado, Zinovieff:

"Hace tres años y medio — dice — usted fué denunciado como espía alemán, traidor a la revolución, hostilizado y perseguido. Nosotros, los obreros y marinos de Petrogrado, lo salvamos y lo llevamos al puesto que usted ocupa. Hicimos tal, porque esperábamos que usted fuera la expresión del pueblo. Desde entonces usted y su Gobierno se han separado de nosotros. Ahora desde allí se nos tilda con nombres insultantes, osan llamarnos contra-revolucionarios. Usted nos fusila y encarcela porque le pedimos que cumpla la promesa que nos hizo en la Revolución de octubre."

No sé lo que fué de este hombre. Puede estar preso o muerto por su atrevimiento. Su grito cayó en oídos sordos. Sin embargo, fué el grito de un espíritu agonizante, el espíritu de la Rusia colectiva que aspiró y consiguió tal altura en la revolución y que yace nuevamente encadenado por el Estado bolchevique.

La Rusia de antes de la revolución se mantiene única en la historia mundial por el gran número de mujeres que contribuyeron al movimiento revolucionario. Empezando con los Diciembristas, cuyas esposas les siguieron, hace ya casi un siglo, a la deportación, hasta la última hora del régimen del zar, la mujer rusa participó en la más heroica actividad, y fué al suplicio y a la muerte con la sonrisa en los labios. Entre el gran número de ellas, una de las figuras más principales es María Spiridonova.

Durante 1905-1906, existía gran intranquilidad entre los campesinos rusos. En la provincia de Tamboff los campesinos, exasperados por el excesivo impuesto y la brutalidad de los oficiales, se alzaron contra sus opresores y prendieron fuego en algunas fincas. El gobernador de Tamboff, Luzhenovsky, muy conocido por su barbarie, llenó los pueblos de cosacos, los que obligaban a los campesinos a arrodillarse

BEST COPY AVAILABLE

900

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

aun hoy se desea, de lo que siempre se ha deseado. Pero como vemos en los tiempos presentes todo su trabajo no hizo más, que "aplazar". Derrumbadas sucesivamente todas las instituciones que un día se presentaron como ideales definidos al ansia de mejoramiento de los hombres, y que por un momento lograron cubrir las apariencias, hoy nos encontramos de nuevo en el principio, con todos los problemas sin resolver, es verdad, pero con una gran experiencia que nos capacita para llevar a cabo lo que la ignorancia de nuestros mayores les impidió realizar.

Seguros de lo que queremos, y por lo tanto, con conocimiento de lo que no queremos, ya solamente nos falta concretar "la manera de llevarlo a cabo". En esto es en lo que aun divergimos. Los sufrimientos de nuestros abuelos nos mostraron con claridad definida que solamente por medio de "la libertad en todos los sentidos de la vida" era posible la armonía de los hombres y el progreso de la especie. Y esos mismos sufrimientos nos mostraron también que esa libertad tiene que ser conquistada por medio del esfuerzo propio, y que cada uno de los hombres está en el deber de llevar el más alto grado de perfección y amplitud. Pero lo que las luchas y las penas de nuestros mayores no lograron concretar definitivamente es la manera de llevarla a cabo. Hoy ya no hay disparidad en los fines, como antaño, hoy ya es sólo "una cuestión de forma". Pero esa "forma" extravía las mentes, pone odio en los corazones, desvía los caminos y nos impide llegar al fin tanto tiempo deseado, a la meta que tanta sangre costó a las generaciones pasadas definir.

Acordes también en que es sólo una cuestión de forma la que nos separa, cada uno trata de justificar su actuación, acusando al segundo de impedir el acercamiento, y de tratar de llegar al fin por un camino erróneo.

¿Quién de nosotros estará en lo cierto? ¿A quién pertenecerá el triunfo definitivo?

Nosotros no somos profetas ni queremos sentar como bases concluyentes nuestra visión del porvenir. Creemos sinceramente que el porvenir está lleno de sorpresas aun para las mentes más escudriñadoras y que con más capacidad analizan el desenvolvimiento lógico de los hombres y de las cosas. Lo único que sabemos, y que lo sabemos con positiva certeza, es que el porvenir pertenece a los que más se separen del pasado y más lejos miren. Considerando que el hombre de hoy es completamente diferente al hombre de ayer, colegimos que el hombre de mañana ha de ser diferente al hombre de hoy, y que ha de tener otros gustos y otras nece-

sidades. Partiendo de este punto de vista, creemos que el porvenir ha de pertenecer a los que más amplitud ofrezcan al desarrollo de este nuevo ser, y que con visiones más claras de la vida y del progreso, sepan amoldarse mejor al avance de los tiempos. El pasado, y todos los que al pasado miran, quedarán atrás. Y los que fueron los dueños de una hora por haber sabido aprovecharse de la ventaja momentánea que muchas veces ofrece la ignorancia de los pueblos, serán arrollados por esa ola gigantesca, que llamamos nosotros "La Pasión por la Libertad"; y aquellos otros, cuyos ideales eran más grandes que la estulticia de sus épocas y a quienes un día se encadenó, por dementes y trastornadores, tendrán la suprema felicidad de ver realizado lo que se consideró "imposible"; saboreando la íntima satisfacción de ver cómo el pobre goza de su pan y el sabio de su locura.

Por encima de todo y a despecho de todo, la Libertad abrirá su propio camino.

Entre todos los sofismas con que la sagacidad de los pillos del pasado y los no menos del presente trataron de desviar las corrientes revolucionarias de todos los tiempos, ninguno más absurdo que el sofisma de la DEMOCRACIA.

¡La Democracia! Y, ¿qué es la Democracia?

La Democracia fué y sigue siendo la mentira más absurda de todas las épocas.

Los griegos nos hablan de la Democracia como de la institución más santa, sin embargo, sostenían la esclavitud; César cruzó el Rubicón en nombre de ella, en nombre de la Democracia los cristianos anatematizaron a los paganos, y Napoleón asoló Europa y restauró la esclavitud en las Antillas. Con su manto se cubrieron los crímenes más horrorosos; con su nombre se escudaron todos los déspotas, y a su llamada de guerra se derramó la sangre de todos los pueblos. Engrandecida más que todos los reyes, divinizada más que todos los dioses, ella creó dioses e impuso reyes, anuló imperios y levantó pueblos, pueblos que después fueron rebaños, rebaños que sucumbieron al fin en el matadero de la Democracia. Esta última guerra, la guerra más asoladora que recuerda la humanidad, en nombre de la Democracia fué hecha, y en su nombre también estallaron centenares de revoluciones; y para cumplir los altos fines de la Democracia es que ha surgido a la vida nuestro flamante bolchevismo.

¡La Democracia! Y ¿qué es la Democracia?

La Democracia es el gobierno del Pueblo sobre [illegible] nos dice;

BEST COPY AVAILABLE

879

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

Y nosotros, atónitos de que en el siglo XX, después de tantas experiencias, aun se pretenda engañar con las mismas mentiras de hace tres mil años, preguntamos:

Pero, ¿es acaso que el pueblo puede gobernar?

Llámese el dirigente sultán, emperador, rey, presidente, comisario, sea por derecho divino o por gracia de la Constitución, el que gobierna tiene que ser UNO, o cuando más, VARIOS, que complementan las ideas de ese UNO. "El gobierno del pueblo es solamente una palabra..." El pueblo, no importa qué pueblo, jamás podrá gobernar por sí mismo, ni aun siquiera marcar pauta al gobierno, no importa tampoco qué clase de gobierno. Y el gobierno, no importa qué clase de gobierno, tiene forzosamente que legislar para el pueblo y hacer por la fuerza que el pueblo respete y cumpla las leyes que el gobierno imponga. Cualquier otra clase de gobierno habría dejado de ser gobierno; y cualquier otra clase de pueblo no sería "pueblo", y por lo tanto, no necesitaría ni admitiría gobierno. Mientras el gobierno exista, y no importa qué clase de gobierno sea, no podrá existir otra alternativa: "unos que mandan y otros que obedecen". Y mientras haya quien tenga el derecho de mandar, la palabra Democracia no habrá pasado de ser una "palabra"; esto es: una de tantas mentiras sociales con las que se tergiversan los caminos de la finalidad ideal y se engaña a las multitudes.

Y aquí entramos de lleno en el objetivo de este trabajo: El bolchevismo es el moderno campeón de la democracia, el que se dice representante de las aspiraciones de la humanidad y afirma estar en posesión del verdadero camino para llegar al fin.

Dejando a un lado las desviaciones y contradicciones que el bolchevismo ha tenido en Rusia, así como todos los crímenes cometidos, y concretándose al análisis del principio en sí, encontramos que el bolchevismo no sólo no es un ideal; sino que está incapacitado para llevar a cabo cualquiera de las Ideas que como Ideales se tienen en los días presentes. El bolchevismo, además de no bastarse a sí mismo, es una amalgama de diferentes valores que se repudian entre sí y que jamás podrán arribar a una conclusión. Siendo lo que más pronto desaparezca, más pronto también habrá cumplido su misión. Y si no desaparece, si siguiendo las leyes de la naturaleza que muestran que todo lo que nace tiende a conservarse y aumentar su poder; así como es lo más lógico y natural forma su estructura propia y trata de imponerse, proclamando su derecho a la vida, no solamente es un puente

que no conduce a ninguna parte, sino que es una barrera que imposibilita el avance del progreso, y un abismo que cerrará las energías de varias generaciones. Esto es: de ocurrir de esta manera, como es lógico que ocurra y la experiencia nos muestra, el bolchevismo habrá pasado a ser la "Mentira Social", más desastrosa de todos los tiempos y el crimen más imperdonable de todos los siglos.

En este sentido, como quiera que todavía es demasiado temprano, no podemos hacer conclusiones. Pudiera ocurrir que el bolchevismo rompiera todos los precedentes de la Historia, que siguiera su marcha paulatina en busca de su propia desaparición, dejando el paso libre al verdadero concepto de la Libertad. Pero tan imposible nos parece esto, y tan de cerca ha seguido en sus seis años de existencia los métodos adoptados por todas las otras mentiras sociales que lo han precedido, que desde entonces ya es un deber ineludible para todos los hombres de progreso prevenirse contra sus artimañas, y exponer a la opinión universal revolucionaria las contradicciones en que ha caído, los pasos falsos que ha dado, los errores y crímenes sin precedentes perpetrados por su régimen de terror y las tendencias conservadoras con que cada día pretende afianzar su poder y acercarse al régimen capitalista.

Y en esta nuestra obra de "exposición" debemos ser tan inelementos cuanto las circunstancias lo exijan. El compromiso de partido es una conveniencia personal que no reza con nosotros.

Cuando los principios peligran y se trata de suplantar con apariencias lo que tanto trabajo y tanta sangre nos costó construir, dudar sería una traición. Por encima de todas las conveniencias momentáneas tenemos que poner nuestras finalidades ideales, si queremos hacer obra perdurable. Lo demás sería una negación de nuestro pasado y un renunciamiento del porvenir. Tengamos en cuenta que el partido bolchevique ha retardado la abolición del Estado y de la propiedad privada unos cincuenta años, y que si continuamos en esta silenciosa transigencia, por no dar armas a la burguesía universal en contra de Rusia, Rusia se apoderará del movimiento revolucionario, cambiará su trayectoria, lo usará para sus fines y, después de haberse hecho fuerte con las energías que nosotros le hemos prestado, usará ese poder para exterminarnos o impedir que nuestra finalidad ideal de "No Estado" destruya el Estado bolchevique.

* * *

Desde este punto de vista, y como trabajo de "exposición"

BEST COPY AVAILABLE

880

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

es que consideramos los artículos de Emma Goldman dignos de ser leídos y comentados. Tal vez no sea una obra completa; tal vez adolezcan de muchos defectos, digan mucho o no lo digan todo. Pero esa exposición que hace de lo que en Rusia ocurre y el peligro que señala y los errores que muéstra; cosas son que debemos de tener muy en cuenta para el presente y el futuro.

Y nada debe importarnos lo que se ha dicho de la persona de Emma Goldman, ni de los calificativos que se le han dado a sus trabajos. Nosotros sabemos que todo el que trabaja y tiene una pequeña individualidad es criticado, acusado y calumniado. Si a hacer caso fuésemos de "lo que se dice", los mejores camaradas habrían sido espías, y los que más han hecho por las ideas anarquistas, unos traidores, indignos de nuestro aprecio. Leamos los artículos de Emma Goldman, analicemos si son o no ciertos los hechos que ella describe y contestemos con una sonrisa de desprecio a los que por no tener otras armas mejores para defenderse nos dicen que recibió 30,000 pesos por escribirlos. Los que esto dicen eran los primeros en descalificarnos a nosotros porque no estábamos conformes con lo que en Rusia ocurría, y Emma Goldman, anarquista también (y una de las grandes anarquistas, según ellos) estaba en Rusia y no decía nada. Los dicterios que hoy se lanzan sobre ella nada quieren decir en relación con lo que ella ha escrito. Si a analizar fuésemos las personas, los apóstoles de la revolución bolchevique no saldrían muy bien parados. Leamos los hechos; analicemos los conceptos desde nuestro punto de vista social, y dejemos a un lado las pequeñas porquerías con que se trata de hacer desmerecer las grandes obras y justificar todos los crímenes.

* * *

Dejando a un lado las dudas de Emma Goldman acerca de lo que se ha podido hacer en Rusia, yo creo que lo que en Rusia ha sobrado es la dictadura. Tenemos que tener en cuenta que la obra de regeneración social no puede ser impuesta por las bayonetas disciplinadas. Las bayonetas son buenas para destruir lo presente, pero no para crear lo futuro. Lo futuro tiene que ser impuesto por el mejoramiento que ofrece y la educación que explica. En otras palabras: La dictadura, toda dictadura es buena para destruir un sistema y poner en su lugar otro; pero es contraproducente para educar hombres que tienen que regirse, más que por ninguna ley, por la conciencia individual. De ahí el fracaso del partido comunista para la obra de reconstrucción.

La dictadura, toda dictadura, tiene el solo objetivo de suprimir voluntades. Mientras de suprimir se trate, la dictadura es buena. Y cuantas más voluntades se supriman, mejor cumple su objetivo la dictadura. Pero la dictadura no tiene el privilegio de crear o estimular voluntades. Y para todo período de reconstrucción, voluntades es lo que se necesita. La dictadura rusa cumplió demasiado bien su cometido de suprimir la voluntad individual, la iniciativa creadora de los que podrían haber construido lo que el nuevo estado de cosas necesitaba, y cuando esa voluntad, esa iniciativa se hizo necesaria para resolver los nuevos problemas, la iniciativa, la voluntad estaba muerta y no pudo cumplir su cometido. De ahí que la dictadura tuviese que seguir imponiendo por medio de leyes coercitivas lo que sólo puede ser obra de la iniciativa espontánea de voluntades independientes.

Nada mejor para prueba de lo que decimos que la propia historia de la revolución rusa. Radical en sus principios, cambió en unos días, con unos cuantos decretos, el sistema capitalista que costó centenares de años organizar; pero, suprimida al mismo tiempo la iniciativa individual y la individual cooperación de los hombres que conocían lo que se necesitaba para el nuevo estado de cosas, y siendo inhábil por otra parte la dictadura para suplir con nuevos modelos los antiguos moldes, necesitaron otra vez, por medio de unos cuantos decretos, aunque no en unos cuantos días, reponer lo antiguo y servirse de él a fin de continuar produciendo lo que necesitaban para la vida de cada día. Las leyes aboliendo la propiedad privada y confiscando las fábricas que, en 1917 tanto dieron que tomar a la burguesía universal, fueron leyes momentáneas, no se sabe si para captarse las simpatías del movimiento revolucionario del mundo y recabar su apoyo, o simplemente hijas de lo que la Asamblea Constituyente consideraba que se debía hacer. El hecho es que esas leyes en sí lo único que hacían era destruir sin iniciar nada ni explicar nada para el futuro. Abolir la propiedad privada en la tierra y decirle a los campesinos: Ahí tenéis la tierra para trabajar, no es bastante. Y mucho menos cuando se agrega:

—Ahí tenéis la tierra para trabajar, y tenéis que darme a mí una parte de lo que esa tierra produzca.

Y eso fué lo que se les dijo a los campesinos rusos en 1917, y en 1918 se los obligó a que dieran, no una parte, sino todo lo que los encargados de hacer esa recolecta encontraban a mano. Esas leyes, repito, fueron leyes del momento, leyes condenadas a ser revisadas y repuestas. Por eso es

BEST COPY AVAILABLE

881

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

que nos da lugar a dudas la intención con que fueron promulgadas. Pero aun admitiendo que fuese la sinceridad, encontramos en ellas mucho oportunismo, un oportunismo mal encubierto y peor justificado cuando poco después se declaró un fracaso el Comunismo y se repuso otra vez la propiedad privada en la tierra y se devolvieron las fábricas a sus primitivos dueños, alegando que los trabajadores no estaban todavía capacitados para obrar por cuenta propia. ¿Es por ventura que a los campesinos se los dió los medios de trabajar la tierra libremente, ofreciéndoles la ayuda de la industria? No. A los campesinos se les dijo: "trabaja la tierra, y dame una parte". Y al mismo tiempo que se les decía esto, el Gobierno bolcheviquo se apoderaba de las semillas que habían de sembrar y de los caballos con que debían arar la tierra y metía en la cárcel a los campesinos más inteligentes que se negaban a dar esas semillas y esos caballos. Se trata de disculpar este crimen o esta torpeza alegando que el Gobierno necesitaba esas semillas y esos caballos para sostener el ejército que peleaba en la guerra civil y contra los aliados. Discúlpese como se quiera y llámese crimen o error, no debe proclamarse el fracaso del comunismo porque el Gobierno bolcheviquo haya fracasado en sus leyes agrarias. ¿Y es por ventura que se puso las fábricas en manos de los trabajadores para que ellos las hicieran producir? Tampoco. Antes era un individuo que conocía su oficio el que las manejaba; después fué un comisario, que no lo conocía, el que se puso al frente de ellas. Para los obreros todo continuó igual. Primero trabajaban para un amo; después trabajaban para el Estado, amo más terrible que el anterior. ¿Se debe decir que los obreros están incapacitados porque los directores bolcheviques lo estuvieran?

* * *

Es necesario abreviar y concretar.

Lo que en Rusia ha ocurrido es simple, ¡tan simple que no fué otra cosa que una repetición de la Historia! El paganismo, el cristianismo, el absolutismo, el feudalismo, y todos los ismos del pasado hicieron lo que el bolchevismo hizo y está haciendo. Todos ellos se adaptaron al medio para poder triunfar e hicieron dejación de sus bases fundamentales a fin de hacerse accesibles a las mentalidades y costumbres de sus épocas. Ese oportunismo les dió el Poder, y con el Poder, los medios de atacar a todas las concepciones ideales que se opusieron a su sostenimiento. Pero como quiera que hay una ley de gravitación que impele a todos los seres a buscar su propio equilibrio, y el hombre no lo encontró den-

tro de todos esos sistemas, ellos fueron destruídos y suplantados sucesivamente, llevando en su propio triunfo la razón de su derrota, desapareciendo sin haber resuelto ninguno de los problemas que han existido en todos los tiempos y que todavía siguen en pie.

En esta situación el bolchevismo surge a la vida. Tratando de allanar dificultades y de zanjar antagonismos, se presenta como un mediador entre los intereses contrapuestos pasan por él todas las energías nuevas que caminan hacia el porvenir. Si es o no sincero en lo que dice, no lo sabemos, de las diferentes clases y trata de servir de puente para que como tampoco podemos saber si es posible que lo que propaga se lleve a efecto. Lo único que sabemos por hoy es que el bolchevismo debe desaparecer, y que cuanto antes desaparezca más pronto habrá cumplido su misión.

Y si no desaparece, esto es si forma su cuerpo propio y trata de resistir, como es lo más lógico, el bolchevismo habrá pasado a ser La Nueva Mentira Social, condenado de antemano a la muerte por la violencia o por el desprecio, de la misma manera que fueron condenadas a muerte todas las otras mentiras con que los oportunistas de todos los tiempos trataron de desviar las corrientes de progreso que conducían al supremo ideal humano: la Anarquía.

Y nada nos importa lo que hoy se diga y la fuerza aparente que el bolchevismo pueda tener. Cuando la marejada del confusionismo y de las contradicciones haya pasado, el bolchevismo pasará también. Ese es el destino de todas las ideas que pretenden servir de puente entre el pasado y el porvenir. El pasado comienza por temerlas y concluye por adaptárselas. El porvenir comienza por apoyarlas y concluye por destruirlas. Ley humana es que todo lo que se estanca, perezca. Y el bolchevismo no solamente se estanca, sino que es un estanque: el estanque de las fuerzas conservadoras de la revolución que eran demasiado radicales para formar en las filas de la burguesía, pero que eran demasiado conservadoras para seguir la marcha avasalladora de las ideas anarquistas.

Y mientras tanto es el deber de todo hombre sincero que trabaja afanosamente por crear un mundo de libertad y de fraternidad, el señalar al bolchevismo con el dedo y gritar con toda la energía de sus convicciones:

"¡El bolchevismo? ¡La nueva mentira!"

J. DE BORRAS.

BEST COPY AVAILABLE

882

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

DOS AÑOS EN RUSIA

El Cementerio del pensamiento - Mi silencio de dos años en Rusia - Calumnias de la prensa burguesa - Por qué no quise hablar.

Durante mi permanencia de dos años en Rusia aparecieron en la Prensa americana varios artículos que se declaraban otras tantas entrevistas que conmigo habían tenido sus autores. Algunos decían que yo me había transformado, que ya no creía en la revolución, y que me había convencido de la necesidad de un Gobierno. Diario hubo que contó la sensacional historia de una bandera americana puesta en mi cuarto, a la cual yo le había levantado un altar. En una palabra, que había llegado a ser una maestra de escuela dominical, que purgaba arrepentida mis pecados contra el Gobierno americano.

Todo esto, por supuesto, es un solemne absurdo. Nunca he estado más convencida de mis ideas, ni nunca he tenido más pruebas de la lógica y justicia de la Anarquía. Además, no concedí entrevista alguna ni me hubiera sido posible hablar de Rusia durante el primer año de estar en ella. Creía entonces, y sigo creyendo ahora, que el problema ruso es demasiado complicado para poder hablar de él fácilmente. Es por eso que me parece que los libros escritos por personas que estuvieron en Rusia semanas o meses son superficiales.

Mientras yo misma anduve a tientas en la obscuridad, nunca di a la publicidad una opinión definida. Y aun cuando lo hubiera podido hacer, jamás sería a los periodistas. Consideré necesario guardar silencio mientras las fuerzas imperialistas tuvieron cercado a Rusia. Pero aunque no fuera así, una experiencia de treinta años en contacto con periodistas me ha mostrado que no son muy voraces (habiendo, desde luego, sus excepciones), y seguramente que no sería a ellos a quienes expondría mis impresiones en un asunto tan delicado.

Ahora, sin embargo, ha pasado la hora del silencio y considero necesario hablar. No me pasan desapercibidas las dificultades que se me presentan. Sé que voy a ser combatida por los reaccionarios enemigos de la revolución rusa, y excomulgada por los que se dicen sus amigos y que persisten en confundir lastimosamente el partido bolchevique con la revolución. Por eso considero necesario concretar claramente mi posición frente a ambos.

Hace cuatro años el Gobierno de los Estados Unidos me acusó de traición, me arrojó de mi hogar en la obscuridad de la noche y me obligó a salir del país. Y todo ello porque alcé mi voz contra la guerra mundial, la destrucción y la ruina que se avecinaba y la dolorosa pérdida de vidas. Ese fué mi crimen. Y desde entonces hasta hoy muchos se han dado cuenta de que todos los que no nos dejamos arrastrar por el huracán de la guerra teníamos razón, ya que la guerra había sido creada y sostenida por conveniencias capitalistas, y aquello de "guerra por la Democracia y guerra para acabar la guerra" era sólo un cuento.

A despecho del esfuerzo de algunos, el rey-hombre, con la mueca de la Muerte en los labios, pasó orgulloso por los campos arrasados, mientras que los que la habían provocado se gozaban de las ganancias que los proporcionaba la matanza. Y no contentos con los millones de vidas perdidas y la mitad de la tierra devastada, encerraron al mundo en un calabozo, en el cual la Libertad de los pueblos, ganada a costa de tantos sacrificios, quedaba maniatada a su capricho de déspotas.

"La democrata América" en otro tiempo "Tierra de la Libertad, hogar de los héroes"; Inglaterra, antiguo asilo de los rebeldes del mundo; Francia, la que proclamó los derechos del Hombre, cuna de la Libertad, y muchos otros pueblos, ¿qué son ahora sino desiertos espirituales, con sus puertas cerradas a la hospitalidad y a toda iniciativa de progreso?.....

Solamente los rugidos de las multitudes de desocupados

BEST COPY AVAILABLE

883

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

crímenes son lo suficientemente odiosos para condenarlos toda la vida. Los patriotas rusos (monárquicos, demócrata-constitucionalistas) llenaron el mundo con sus clamores de "intervención". ¿Qué les importaba a ellos qué millones de sus conciudadanos y millones de trabajadores de otros países murieses víctimas de la impía guerra contra Rusia?

Ellos vivían seguros y a salvo de las balas de los soldados, de la prisión, de la Cheka y del hambre devastadora. Podían, pues, jugar al "patriotismo". Pero dejemos esto por ser ya demasiado conocido. Lo que no se sabe es que los intervencionistas rusos y aliados no fueron los únicos factores del gran drama social que terminó con la muerte de la revolución rusa. Los otros factores fueron los mismos bolcheviques. Y es acerca de esto que queremos hablar.

Quizás la revolución de Rusia nació ya sentenciada. Llegando arrastrada por los cuatro años de guerra, que habían aniquilado sus mejores valores y devastado sus mejores y más ricas comarcas, es posible que la revolución no hubiese tenido suficientes fuerzas para resistir los locos arrebatos del resto del mundo. Los bolcheviques afirman que fué culpa del pueblo ruso, que no tuvo suficiente perseverancia para resistir el lento y doloroso proceso del cambio operado por la revolución. Yo no creo eso.

Y aceptando que esto fuese cierto, yo insisto, sin embargo, en que no fueron tanto los ataques del exterior como los insensatos y crueles métodos que en el interior estrangularon la revolución y la convirtieron en un yugo odioso puesto sobre el cuello del pueblo ruso. La política marxista de los bolcheviques, alabada en un principio como indispensable a la revolución para ser abandonada después de haber introducido el descontento, el antagonismo y la miseria, fueron los verdaderos factores que destruyeron el gran movimiento é hicieron perder la fe del pueblo.

Si alguna duda puede haber sobre lo que constituye el mayor peligro para la revolución (ataques exteriores, revueltas internas) la experiencia rusa las ha disipado todas. Los contrarrevolucionarios, apoyados por el dinero y el ejército del capitalismo extranjero, fracasaron, no tanto por el heroísmo del ejército rojo, cuanto por el entusiasmo revolucionario del pueblo mismo, que repelió todos los ataques. Sin embargo, la revolución quedó destruida. ¿Cómo, pues, se puede explicar este fenómeno?

Las razones principales no son difíciles de explicar. Si una revolución ha de sobrevivir a pesar de todos los obstáculos, es necesario que su fuego se mantenga siempre vivo

delante del pueblo. En otras palabras: es necesario que las masas sientan constantemente que la revolución es obra de ellas, que ellas están participando la activa tarea de construir la nueva vida.

Durante un breve período de la revolución de octubre, los trabajadores, campesinos y soldados fueron de verdad los dueños de la situación. Pero pronto la invisible mano de hierro del bolchevismo comenzó a manejar los asuntos del Estado y separó la revolución del pueblo; y el pueblo se separó de la revolución. Desde aquel momento comenzó el Estado bolchevique.

Los bolcheviques formaron la "Orden de los Jesuitas de Marx". No quiero decir con esto que los bolcheviques no sean sinceros. Fué su marxismo lo que determinó su actuación. Los diversos métodos empleados destruyeron la realización de su fin. Comunismo, Socialismo, Libertad, Igualdad, por todo lo que el pueblo ruso soportó el sufrimiento e hizo la revolución, cayeron en descrédito por los medios empleados, por la jesuítica disculpa de que "el fin justifica los medios".

El cinismo más desenfrenado tomó el lugar del idealismo que distinguió la revolución de octubre. La inspiración quedó paralizada, el interés popular desapareció; la apatía y la indiferencia sustituyeron el entusiasmo y la energía creadora. No fué ni la intervención ni el bloqueo. Por el contrario: la política del Estado bolchevique es la única responsable del fracaso de la revolución y la única responsable también del odio que el pueblo ruso siente por todo lo que de ella dimana.

"¿Para qué sirven los cambios?—arguyen los campesinos —Todas las leyes son iguales: el pueblo debe sufrir."

Fué este fatalismo, afirmado por centurias de sumisión, que trajo al pueblo a la indiferencia de su propia obra y a su resistencia pasiva en contra del bolchevismo. ¿Aprendieron ahora los comunistas que no siempre "el fin justifica los medios"?

A decir verdad, Lenine se arrepiente a menudo. En cada nuevo Congreso trae su nueva "mea culpa", y en cada nueva Asamblea presenta su "yo he pecado". Un joven comunista me dijo en cierta ocasión:

"No me extrañaría que cualquier día Lenine afirmase que la revolución de octubre fué un error."

Verdaderamente, Lenine reconoce sus errores, lo que no implica que continúe con la misma política. Cada nuevo experimento que se trata de imponer al pueblo es proclamado por Lenine y sus secuaces como el remedio infalible que ha

BEST COPY AVAILABLE

884

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

de traer la paz y la prosperidad a Rusia! y ¡ay! del que ose contradecirlo. Este será un "contrarrevolucionario", un traidor; y como tal, encarcelado.

Después de haber engañado a Rusia y al mundo entero diciendo que la estructura social en Rusia era el comunismo, ahora Lenine, en el último Congreso Pan-Ruso, nos sale con que era un error tal creencia, que en Rusia no existia el comunismo. Por decir tal cosa hay millares de camaradas en la cárcel, y en la cárcel continúan a pesar de reconocer Lenine lo que esos camaradas afirmaban, y lo cual les valió ser sentenciados.

Interesante seria explicar los diferentes métodos empleados por los bolcheviques en su intento de engañar al pueblo; pero no es el objeto de este articulo enumerarlos en detalle. Me concretaré simplemente a exponer los principales.

La paz de Brest-Litvosk marcó el comienzo de todas las posteriores calamidades. Fué una negación deliberada de todo lo que los bolcheviques habian proclamado: paz sin indemnización; libre determinación de todos los pueblos; abolición de la diplomacia secreta. Sin embargo, ellos pactaron con todo esto y actuaron de la misma manera que lo hubiese hecho cualquier Gobierno burgués.

El precio de esta paz fué la traición de Latavia, Finlandia, Wkraine y Byelo-Rusia, o la Rusia Blanca, y como resultado varios años de guerra civil, la disgregación de las fuerzas revolucionarias y el comienzo del terror rojo, que continúa aún.

Los campesinos de Wkraine supieron arrojar al invasor germano, y supieron también no olvidar la perfidia bolchevique. La presencia constante de un millón de soldados de Wkraine para "limpiar a los bandidos", testimonia el cariño de los campesinos de Wkraine por el Estado bolchevique. La ratificación de paz que Trotzky se negó a firmar, que Radek (entonces en una prisión alemana) declaró cómo la bancarrota de la revolución fué la señal de una larga resistencia secreta de los campesinos en contra del Estado.

Los campesinos que estuvieron unidos a los obreros hasta la traición de Brest, se separaron de ellos y del partido comunista, que decia representar a los campesinos y obreros. Lenine exigió la ratificación como una aspiración y un medio de afirmar la revolución. Fué uno de sus errores; pero el más caro, pues que fué el que estranguló la revolución.

RECOLECCION FORZOSA

El error más grande del bolchevismo. Los crímenes de la Cheka.

La Razvyorstka, el sistema de recaparación forzosa de comestibles, siguió muy pronto a la paz de Brest. Los bolcheviques dirán que ellos fueron obligados a apelar a este medio debido á haberse negado los campesinos á surtir a la ciudad. Esto es verdad tan sólo en parte. Los campesinos es verdad que rehusaron entregar sus productos a los agentes del Gobierno. Ellos exigian el derecho de tratar con los trabajadores, pero esto se lo negaron. La ineficacia del régimen bolchevista y la corrupción de su burocracia contribuyó mucho á disgustar a la población rural. Los fabricantes prometieron a los campesinos el cambió de sus productos, pero éstos nunca llegaban, y cuando llegaban, lo eran en mala condición y mal medidos.

En Kharkoff he visto demostrada la ineficacia de la maquinaria burocrática centralizada. En el almacén de una fábrica descansaban fardos de maquinaria agricola. Era una orden recibida en Moscou que debia ser ejecutada en el término de "dos semanas, bajo pena de un sabotaje". Fueron hechas en dicho período, y habían transcurrido ya seis meses sin que las autoridades "centrales" hicieran esfuerzo al-

BEST COPY AVAILABLE

885

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

guno para distribuirlas entre los campesinos que estaban clamando por ellas. Esto fué uno de los innumerables ejemplos de la manera en que "trabajaban" el sistema de Moscou, o mejor dicho, que no trabajaban.

¿Es de extrañar, pues, de que los campesinos hayan perdido toda fe sobre la habilidad del Estado bolchevique para dirigir las cosas, como era debido? Cuando los bolcheviques se dieron cuenta de que los campesinos no admitían engatusación o adulación alguna para imponerles la confianza, fué cuando se inventó la Razvyorstka. Un sistema mejor de enemistar y amargar a los campesinos no podría ser inventado. Este llegó a ser el terror de la población agraria. Les robó todo lo que tenían. Sólo el futuro podrá dar una descripción adecuada de las terribles consecuencias de medidas tan locas, con su gran sacrificio de vidas y destrucción.

Parecerá imposible, pero es un hecho bien conocido en Rusia de que el sistema Razvyorstka fué responsable en parte de la presente famina. Pues los campesinos no fueron tan sólo despojados del último comino de harina, sino que también fueron frecuentemente robados de las semillas que guardaban para la próxima siembra. Por supuesto, que la escasez es la causa principal de la horripilante situación existente en los distritos del Volga. Es, sin embargo, un hecho, que si los campesinos hubieran podido sembrar libremente y a su debido tiempo, por lo menos ciertos distritos podrían aminorar un tanto la famina del Volga. La expedición punitiva que siguió a la resistencia de una aldea contra los colectores de comestibles del Gobierno y siempre a cargo de los comunistas, atacaban a un lugar con las armas y lo destrulan. En vano protestaban los campesinos a las autoridades locales y finalmente a las de Moscou. No les han dado satisfacción alguna. Una anécdota significativa está en boga en Rusia, y la cual aclara el punto de vista de los campesinos hacia el sistema de colección de comestibles bolchevique. Un Comité de campesinos fué recibido por Lenine. "Hola, dedushk" (abuelito)—dijo Lenine al más anciano de los campesinos— "Ya debes estar satisfecho, tienes la tierra, el ganado, las gallinas; ya tienes todo."

"Si—replicó el anciano—; sí, padrecito, el terreno es mío, pero el pan te lo llevas tú; la vaca es mía, pero tú te llevas la leche; las gallinas me pertenecen, pero los huevos son tuyos. Dios te bendiga, padrecito."

Los campesinos así engañados y robados, se rebelaron contra los comunistas. La Razvyorstka, la expedición de castigo, los métodos brutales y las injusticias, dieron como fruto

un fuerte sentimiento contra-revolucionario en el país. Algunos escritores que hicieron estudios sobre Rusia han aceptado como buena la interpretación del Gobierno sobre el antagonismo de los campesinos.

El Sr. Bertrand Russell, el más sincero y honrado crítico que escribió sobre Rusia, dice en "LA PRACTICA Y TEORIA DEL BOLCHEVISMO": "Debo de decirse que las razones de los campesinos para disgustarse con los bolcheviques son muy inadecuadas." Es evidente que el Sr. Russell no ha comprobado los efectos de la Razvyorstka, de lo contrario hubiera recibido otra impresión muy diferente.

La pura verdad es que si los campesinos rusos no fuesen tan apáticos y pasivos, el Estado volchevique no hubiera durado tanto tiempo. Aun así, su resistencia pasiva vino casi a terminar con el régimen bolchevista. Fué esto, y no el hecho de que la Razvyorstka fué inhumana la que forzó a Lenine a su presente sistema de contribución y comercio libre. Las Cooperativas rusas representaban una gran fuerza cultural y económica en la vida del pueblo. En 1918 cubrieron el país de una madeja de 25.000 sucursales, con un total de 9.000,000 de miembros. El capital que tenían invertido en aquella época era de 15.000,000 de rublos; mientras que el negocio hecho durante el año anterior fué de 200.000,000.

Por supuesto que las Cooperativas no eren organizaciones revolucionarias, pero eran un medio indispensable entre el campo y la ciudad.

Cualquier elemento contra-revolucionario que hubiera habido en las Cooperativas, podría ser eliminado sin destruir la entera organización. Pero el permitir que las Cooperativas continuaran sus funciones, sería aminorar el Poder centralizado del Estado. Por lo tanto, la Cooperativa tenía que ser "liquidada" y de ésta forma se destruyó un gran factor de la reconstrucción de Rusia.

Ahora que las Cooperativas ya no existen y un sin número de hombres y mujeres que habían hecho tan espléndido trabajo han extinguido sus vidas en las mazmorras bolcheviques, Lenine vuelve a repetir "el mea culpa". Las Cooperativas vuelven a ser restablecidas, y el cadáver vuelve a resucitar. Poco antes de que las Cooperativas volviesen a ser legalizadas, Pedro Kropotkin—ya enfermo de muerte—expresó el deseo de que los seis cooperadores de Dimitroff debían ser puestos en libertad. El los había conocido íntimamente como buenos y devotos trabajadores.

Habían ya pasado 18 meses en Botirka, prisión de Moscou, por causa de su lealtad hacia el trabajo. Fueron pues-

BEST COPY AVAILABLE

886

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

tos en libertad tan sólo cuando Lenine declaró que la Cooperativa debía ser resucitada. Es casi improbable que las Cooperativas vuelvan a obtener su antigua fuerza e importancia dentro del Estado bolchevique.

El llamar a lá presente Rusia, Rusia Soviet, o al régimen bolchevisque, Gobierno Soviet, es un absurdo. Los Soviets tienen su concepción en la Revolución de 1905, y volvieron a nacer después de la Revolución de Febrero. Tienen tanta relación con el Gobierno bolchevique que con la Iglesia cristiana.

Los Soviets de campesinos, obreros, marinos y soldados fueron la expresión espontánea de las energías libertadas del pueblo ruso. Ellos representaban las necesidades de las masas articuladas después de siglos de silencio. Ya en mayo, junio y julio de 1917 la dinámica fuerza de los Soviets instigaron al obrero a apoderarse de las fábricas y a los campesinos de las tierras.

Los Soviets se esparcieron rápidamente por toda Rusia, alentaron las llamas de la Revolución de octubre y continuaron funcionando durante muchos meses después de aquel hecho. Algunos políticos sociales no pudieron comprender su significación, y los Soviets los barrieron sencillamente. Lo mismo les ocurriría a los bolcheviques si intentaran detener el empujé de esto movimiento.

Pero Lenine es un jesuita muy sagaz y se mezció al grito popular: "Todo el poder a los Soviets". Cuando él y sus satélites estaban firmes en la silla, fué cuando empezó la destrucción de los Soviets. Hoy no son más que—como todo en Rusia—una sombra con la substancia destruida.

Los Soviets ahora propagan solamente las decisiones del partido comunista: No hay más opinión política que pueda ser propagada que ésta. El método de elecciones usado por los comunistas, llenarían el Tammany Hall de envidia. Cuando yo llegué a Rusia, me dijo un prominente comunista que "Boss Murphy" y Tammany Hall no tenían nada que enseñarnos". En un principio creí que el individuo hablaba en broma, pero luego me dí cuenta qué decía la verdad.

Los bolcheviques hacen uso de todos los medios para aumentar el voto comunista. Si los ruegos no resultan, entonces apelan a la amenaza de perder el payok o de arresto. Los electors ya saben lo que esperán, y es evidente el porqué los comunistas obtienen invariablemente una mayoría de votos. A pesar de esto, los mnchevíques, tal cual hacían los antiguos cristianos, tienen a la izquierda a los revolucionarios sociales, y aun los anarquistas tienen sus representantes electos—lo que no es poco decir de la Rusia bolchevista.

Sin Prensa, privados de libertad de palabra y de permiso legal de propaganda en los talleres, es casi un milagro que los partidos opuestos tengan representación en los Soviets. Pero con respecto a expresar sus opiniones y a ser oídos sería casi igual que no estuvieran dentro. Los comunistas se encargan de que nadie que no sea comunista pueda ser oído. En caso de que un anarquista salga electo al Soviet el Gobierno rehusa generalmente el reconocer sus mandatos y pronto encuentra algún pretexto para enviarle la Cheka. En 1920 estuve presente en un mitin de elecciones que tuvo lugar en ua Club de una fabricación en Moscou. Era ya la segunda vez que el Gobierno rehusaba reconocer al candidato de los obreros—un anarquista—. A pesar de que el candidato opuesto en aquel distrito era Semashko, el comisario de Sanidad, los obreros eligieron por tercera vez a un anarquista. En vano Semashko cometía abusos, en vano insultaba y amenazaba a los trabajadores. Estos se reían y se mofaban de él, y eligieron un anarquista. Pocos meses después éste era arrestado con algún pretexto, y fué puesto on libertad después de una prolongada huelga de hambre, y esto porque la Misión inglesa de obreros de Moscou y los bolcheviques estaban ansiosos de evitar el escándalo. Antes de que yo hubiera salido de Moscou, el 10 de diciembre de 1921, tres anarquistas, miembros del Sóviet, habían sido arrestados. Uno fué desterrado de la capital, los otros dos fueron acusados de bandidaje, y "conspiración subterránea"; acusación que castigaban con el fusilamiento, sin juicio o defensa. Habían sido demasiado francos en el Soviet, y por lo tanto había que expulsarlos. Puede verse claramente que ni el Soviet de Moscou ni ningún otro Soviet tienen voz o funcionan independientemente. Ni aun siquiera el comunista ordinario tiene mucha libertad de palabra. En los Soviets, así como también en todo Gobierno bolchevique, la "dictadura del proletariado" está en manos de un pequeño grupo —el círculo interior que él solo gobierna a Rusia y el pueblo—. Lo que fué un ideal, la expresión libre del obrero, el campesino y el soldado, se ha tornado en una farsa de la que el pueblo ni quiere ni entiende.

BEST COPY AVAILABLE

887

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

LA CHEKA

Su objetivo y su manera de actuar. — Más criminales que los esbirros del Zarismo. La pena de muerte.

La Cheka, la Comisión extraordinaria Pan-Rusa es, sin duda alguna, la medida más negra del régimen bolchevique. Fué organizada poco después de haber subido al Poder el bolchevique con el propósito de competir con la contra-revolución, el sabotaje y la especulación. Primeramente la Cheka estaba controlada por el Comisario Interior, los Soviets y el Comité Central del partido comunista.

Gradualmente llegó a ser la organización más poderosa de Rusia. No era tan sólo un Estado dentro del Estado mismo, sino que era un Estado sobre el Estado. Todo Rusia, hasta la más remota aldea, está cubierto con una red de la Cheka.

Todos los departamentos de la extensa maquinaria de la burocracia tienen una Comisión extraordinaria, omnipotente, sobre la vida o muerte del pueblo ruso. Requeriría la pluma maestra de un Dante para explicar al público el infierno creado por estas organizaciones, la brutalidad, el efecto desintegrante que tienen sobre las Comisiones mismas; el temor, desconfianza, el odio, sufrimientos y muertes que ha traído a Rusia.

La cabeza de la Comisión extraordinaria Pan-Rusa, es Dzerzhinsky. El, así como todos los miembros que lo acompañan, son "probados" comunistas. En una manifestación pública, Dzerzhinsky dijo: "Somos los representantes del terror organizado. Aterrorizamos a los enemigos del Gobierno Soviet... Tenemos el poder de asaltar, confiscar las mercancías y el capital; efectuar arrestos, indagar, juzgar y condenar a aquellos que consideramos culpables y ejecutar la pena de muerte".

En otras palabras, la Cheka es espía, policía, juez, carcelera y verdugo. Continúa diciendo, entre otras cosas: "Al tratar con los enemigos de la Rusia Soviet, es necesario usar métodos de tortura para obtener confesiones de ellos, y entonces despacharlos al otro mundo".

El lector no debe creer que la Cheka haya progresado desde 1918. El verano pasado, cuando el que se dice complot del profesor Tagantseff fué descubierto en Petrogrado, se empleó el método de tortura por la sed, se dieron palizas y se tomaron otras medidas eminentemente "revolucionarias". Esta información llegó a mí, no por intermedio de los contra-revolucionarios, sino por mediación de un comunista sincero que fué uno de los arrestados y consecuente testigo de los resultados de los métodos cheklstas. ¿Un comunista arrestado entre los contra-revolucionarios? ¿Cómo se encontraba allí? Es muy sencillo. Cuando la Cheka extiende su red, ésta pesca al inocente como al culpable; la mayoría, inocentes. Pues, ¿cómo puede creerse que sesenta y ocho personas hayan estado envueltas en una conspiración sin que toda la ciudad lo supiese? Sin embargo, sesenta y ocho personas fueron fusiladas el verano pasado en Petrogrado a causa del "complot" de Tagantseff. Y esto es un pequeño porcentaje de los inocentes que murieron en los sótanos de la Cheka. Muchas fueron las veces que se hicieron demandas al Gobierno para que suprimiera los poderes de esta terrible organización. Esto se intentó hacer durante el otoño de 1920 en Moscou, pero inmediatamente "el crimen y la rapiña" se multiplicó. Es natural, la Cheka tenía que probar que ellos eran indispensables al Estado bolchevique. Por cuya causa se dió un voto de gracias a Dzerzhinsky, y fué publicado en el "Pravda".

Zinovieff, en una de las sesiones del Soviet de Petrogrado, manifestó que Dzerzhinsky era "un santo devoto a la revolución". La historia de la edad negra se encuentra llena

BEST COPY AVAILABLE

888

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

de tales "santos". Cuán terrible es que el régimen bolchevique tenga que imitar el negro pasado.

En conexión con esto, es interesante recordar el acuerdo tomado por los bolcheviques en 1917, cuando el Gobierno provisional intentó restaurar la pena capital para los desertores del ejército. En aquel tiempo los bolcheviques protestaron enérgicamente contra tal brutalidad. Manifestaron lo bárbaro que era la pena de muerte y lo degradada que ésta era para la humanidad. Después de la Revolución de octubre, en el Segundo Congreso Pan-Ruso Soviet, los bolcheviques—junto con el elemento revolucionario—votaron la abolición de la pena capital. Ahora el sistema usado por la Cheka es el de las represalias, aprobado por un santo comunista y sancionado por el Estado comunista.

REMINISCENCIAS DE KROPOTKIN

Visita al gran reformista.

Entre los que yo deseaba ver cuando llegué a Rusia en enero de 1920, era Pedro Alexeivitch Propotkin. Inmediatamente averigüé la manera de encontrarlo. Me informaron que el único medio sería cuando fuese a Moscou, pues Kropotkin vivía en Dmitroff, una pequeña aldea a unos 60 versts de distancia de la ciudad. Debido a estar el país tan devastado por la guerra, no me quedó otro recurso que esperar una oportunidad para ir a Moscou; pero, afortunadamente, pronto se me presentó la ocasión.

A principios de marzo varios comunistas prominentes fueron a Moscou, entre ellos Radek y Gorky, y me permitieron ir en su mismo coche. Cuando llegué a Moscou, procuré buscar medios de llegar a Dmitroff; pero volví a encontrar obstáculos. Me enteré de que era casi imposible viajar. El tifus estaba en su apogeo y las estaciones de ferrocarriles estaban abarrotadas de gente que esperaban semanas y semanas la llegada de un tren. Cuando aparecía uno se tramaba una lucha fiera por la posesión de una pulgada de espacio en los vagones. Quinientas personas se aglomeraban en un vagón que tenía capacidad tan sólo para cincuenta. Hambrientos y cansados se subían hasta el techo de los vagones, sin preocuparse del frío intenso y del peligro de caerse; no había viaje que no contase con varias víctimas, que perecían heladas. Yo estaba desalentada, pues había oído decir que Kropotkin se encontraba enfermo y temía que no viviese hasta la primavera; no me atrevía a pedir un carro especial.

BEST COPY AVAILABLE

889

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

ni podía reunir la suficiente energía para ir en la forma ordinaria. Una circunstancia inesperada vino a sacarme del apuro. El editor del "Diario Hèrald", de Londres, acompañado de uno de sus corresponsales, me había precedido a Moscou. También querían visitar a Kropotkin, y se les había otorgado un carro especial. Junto con Alejandro Berkman y A. Shapiro pude reunirme con el Sr. Lansbury y hacer el viaje sin más contratiempos.

La casa de campo de Kropotkin estaba situada detrás de un jardín, a poca distancia de la calle; en la obscuridad de la noche se notaba tan sólo la opaca luz de una lámpara de petróleo que alumbraba el camino hacia la casa. Luego me enteró de que el petróleo estaba escaso en casa de Kropotkin y que era necesario economizarlo. Después de que Pedro hacía su trabajo diario, la misma lámpara tenía que ser usada en la sala donde se reunía la familia por la noche. Fuimos muy bien recibidos por Sofía Kropotkin y su hija, quienes nos condujeron a la habitación donde estaba el gran hombre.

La última vez que le había visto fué en 1907, en París, después del Congreso Anarquista de Amsterdam. Kropotkin, que por muchos años se le había prohibido la entrada en Francia, acababa de recibir permiso para volver. En aquel tiempo tenía ya sesenta y cinco años, pero aparentaba estar tan lleno de vida y estaba aún tan ágil, que parecían mucho más jóven. Fué de gran inspiración para todos los que tuvimos la fortuna de tener algún contacto con él. Nadie podía creer que Pedro Alexivitch fuese viejo, pero no sucedió así en marzo de 1920. Me sorprendí de su transformación; estaba enflaquecido, extenuado. Nos recibió con su característica gracia. Desde un principio comprendimos que nuestra visita no podría ser satisfecha; Pedro no podría hablar con franqueza en presencia de dos desconocidos, y más siendo corresponsales. Después de una hora de conversación general, rogamos a la señora de Kropotkin y Sasha que entretuvieran a los visitantes ingleses, mientras nosotros hablábamos en idioma ruso con Kropotkin. Además de mi interés por su salud, estaba también muy deseosa de recibir de él alguna luz sobre asuntos de importancia que ya comenzaban a perturbar mi mente: la relación del bolchevique con la revolución; los métodos despóticos que, según me aseguraban, habían sido impuestos á los gobernantes por la intervención y el bloqueo. ¿Qué pensaba Kropotkin de ésto y cómo explicaría su largo silencio?

No he hecho nota alguna de nuestra conversación y daré tan sólo la esencia de ella. Esta fué, en efecto, que la Revo-

lución rusa llevó al pueblo a una gran altura y había preparado el camino hácia grandes cambios sociales. Si entonces se le hubiese permitido al pueblo utilizar sus energías, Rusia no estaría ahora en situación tan arruinada.

Los bolcheviques que fueron empujados al frente por la ola revolucionaria, pusieron atención en un principio a los cantos revolucionarios del pueblo, y en esta forma ganaron la confianza de las masas y obtuvieron la ayuda de los militares revolucionarios.

A principios de octubre los bolcheviques empezaron a subordinar el interés de la revolución a la edificación de la dictadura, y esto paralizó toda actividad social. Kropotkin se refería a la Cooperativa como el medio principal que, en su opinión, podría unir los intereses del campesino con los de los trabajadores. Pero estas Cooperativas fueron las primeras que se destruyeron. Habló acaloradamente de la depresión, persecución y cruel acecho de cualquier sombra política u opinión, y citó numerosos ejemplos de la miseria y sufrimientos del pueblo. Sobre todo estaba más firme contra el Gobierno bolchevique por haber desacreditado así el socialismo y el comunismo ante el pueblo ruso.

BEST COPY AVAILABLE

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

LAS RAZONES DE SU SILENCIO

¿Por qué enloceesno había él levantado su voz contra estos males, contra la máquina que estaba absorbiendo la sangre y la vida de la revolución? Dos razones presentó Kropotkia. La primera por estar prohibido en Rusia la expresión de opiniones, la segunda por no obstaculizar la marcha del Gobierno bolchevique en momentos en que éste era atacado por las fuerzas combinadas imperialistas de Europa, y las mujeres y niños se estaban muriendo de hambre debido al criminal bloqueo; por lo tanto, él no podía tomar parte en los gritos de los ex revolucionarios de "CRUCIFIQUEN". El preferia guardar silencio, al menos por el presente.

Y además, protestar en contra del Gobierno era completamente inútil. El Gobierno tenía que sostener su Poder por encima de todo y, por lo tanto, no podía detonerse en consideraciones. Y luego añadió:

"Creo que siempre hemos tratado de hacer comprender a las masas lo que el marxismo es. ¿Por qué sorprendernos ahora?"

Le pregunté si tomaba nota de sus impresiones y observaciones. Seguramente él debía de ver la importancia de tales informes a sus camaradas, a los trabajadores, en fin, a todo el mundo. Kropotkin me miró un momento, y luego dijo:

"No, yo no escribo; es imposible escribir cuando uno se encuentra entre tanto sufrimiento, cuando cada hora que trascurre trae nuevas noticias de miseria que uno no puede aliviar. Además, todo secreto personal y seguridad han des-

BEST COPY AVAILABLE

891

8210221 50

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

aparecido. A cada momento puede haber un asalto. Cheka viene durante la noche, registra todos los rincones de la casa, revuelve todo, y se lleva consigo hasta el último pedazo de papel. En una tensión tan constante es imposible guardar informe alguno. Pero más aun que por todas estas consideraciones, es por mi libro de ética, en el trabajo tan sólo algunas horas diarias, y aun me queda mucho que hacer."

Habíamos ya monopolizado a nuestro camarada por mucho tiempo, y a pesar de que aún había mucho que hablar, tuvimos que conformarnos por aquella noche. La conversación volvió a hacerse general, pero ya era demasiado tarde y nuestro amigo estaba cansado, por lo que nos despedimos en seguida. Quedamos en volver a vernos en la primavera, cuando tuviéramos más tiempo para conversar.

Después de un cariñoso abrazo, costumbre de Kropotkin a todos los que amaba, nos dirigimos a nuestro carro. Mi corazón se sentía pesado al pensar en la gran Rusia, mi espíritu estaba confuso por lo que había oído. También me alarmó la condición física en que encontré al camarada. Temí de que no llegaría a la primavera. El invierno de 1920 había sido de lo más terrible, la gente se moría de hambre, de tifus y del frío, y el pensar que Kropotkin podría irse a la tumba, sin que el mundo supiera lo que él creía de la Revolución rusa, me tenía aterrada. Me sentía impaciente. Kropotkin se había atrevido con todo el despotismo de los zares. ¿Por qué él no podía escribir ahora? Pero más tarde vine a comprender el porqué de que Kropotkin no pudiese escribir sobre los hechos presentes de la Rusia. En julio de 1920 volví a Moscou, estaba con la expedición del Museo de la Revolución de camino a Ukraine. Un día Sasha Kropotkin vino a verme. Había obtenido un auto de un oficial del Gobierno y deseaba que Alexander Berkman y yo fuésemos a Dmitroff. Salimos al día siguiente y llegamos a Dmitroff en pocas horas. El jardín que rodeaba la casa de Kropotkin estaba florecido y el follaje cubría la casa. Kropotkin estaba durmiendo la siesta, pero se levantó tan pronto nos oyó y se juntó a nosotros. Había mejorado mucho, se encontraba lleno de energía y de vida.

Inmediatamente nos llevó al huerto de hortalizas, el que había sido trabajado casi exclusivamente por Sofía Kropotkin, orgullo de Pedro Kropotkin, y principal proveedora de la familia. El se enorgullecía enseñándonos una nueva especie de lechuga desarrollada por Sofía. Kropotkin nos invitó

jovialmente a comer. La primavera había hecho milagros en él. Era ya otro hombre.

Los primeros siete meses de mi estancia en Rusia me habían casi consumido. Había llegado con tanto entusiasmo, con tal deseo de dedicarme por completo al trabajo, a la santa defensa de la revolución, que lo que encontré me descorazonó por completo. No podía hacer nada. La rueda del Estado socialista me había arrollado, paralizando mis energías. Los sufrimientos y desgracias del pueblo, el olvido de sus necesidades, la persecución y represión desconcertó mi mente, y la vida se me hizo insoportable.

¿Había sido la revolución la que transformó a los idealistas en puras bestias? Si fué así, entonces los bolcheviques no eran más que peones de ajedrez en manos de lo inevitable. ¿O sería el carácter frío del Estado que con malas mañas había aparejado la revolución a su carro y ahora la azotaban para encaminarla al estrecho necesario al Estado? No podía yo contestar a estas preguntas, al menos en 1920. Quién sabe si Kropotkin hubiera podido.

BEST COPY AVAILABLE

892

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

ULTIMA ENTREVISTA CON KROPOTKIN

Sus sufrimientos en Rusia y la persecución de que fué objeto. — Casi ciego por carecer de luz. — Su muerte.

Mi segunda visita a Kropotkin duró una hora. Durante ese tiempo Pedro habló en detalles acerca de la Revolución rusa, de la parte llevada a cabo por los bolcheviques y de la lección dada a los anarquistas en particular y al mundo en general. El consideraba que la Revolución rusa era más grande en principios y finalidades que la Revolución francesa, pues a pesar de que el pueblo no estaba tan desarrollado, se adaptaba más a las concepciones de la nueva vida. El espíritu de las masas durante las revoluciones de febrero y octubre demostró que el pueblo entendía los grandes cambios que le esperaba y estaba dispuesto a poner todo de su parte.

El pueblo sabía que tenía ante sí algo tremendo que tenía que afrontar, organizar y dirigir. Aquel espíritu, enfrenado hoy por el hambre y la persecución, aun está en evidencia. La mejor prueba de ello es la resistencia que el pueblo ruso

presenta ante el yugo bolchevique. Los bolcheviques, en su marcha hacia el Poder estaban muy lejos de ser la vanguardia de la revolución, como ellos alegan. Al contrario, fué la compuerta que detuvo la creciente marea de las energías del pueblo.

En su fija idea de que sólo una Dictadura puede dirigir y proteger la revolución, fué fortaleciendo su formidable Estado, el cual está destruyendo la revolución. Como marxistas, nunca se dieron ni se darán cuenta de que la única protección de la revolución depende de la habilidad del pueblo para organizar su vida económica. Por lo demás, Kropotkin añadió que él había presentado su punto de vista sobre la Revolución rusa, que creo ha sido publicado extensamente.

Kropotkin habló también de la parte que los anarquistas tomaron en la revolución; habló de la muerte de unos, del heroísmo de otros, de la lucha de los muchos y de la irresponsabilidad de algunos. Sobre todo afirmó la necesidad de que todos los anarquistas estuviesen mejor organizados para la reconstrucción del trabajo durante la revolución.

Recuerdo claramente sus propias palabras:

"Nosotros, los anarquistas, hemos hablado mucho sobre la revolución social. Pero, ¿cuántos han sido los que se han molestado en prepararse para el trabajo durante y después de la revolución? La Revolución rusa ha demostrado la imperativa necesidad de dicha preparación para un trabajo práctico y constructivo.

En una carta dirigida a uno de sus más íntimos amigos, Kropotkin dijo que había llegado a ver en el sindicalismo la base económica del anarquismo, o sea el medio para la organización económica y expresión de las energías del pueblo durante el período revolucionario.

¡Fué un día memorable! el último que pasara junto al gran hombre. Cuando fuí llamado para cuidarle durante su última enfermedad, llegué a Dmitroff una hora después de su muerte. La acostumbrada confusión, inconciencia y demora burocrática me robaron la oportunidad de ofrecer a Kropotkin algún servicio como pago al mucho bien que me hizo. Dos cosas llamaron mi atención en Kropotkin durante mis visitas. La falta de rencor hacia el bolchevique y el hecho de no haber mencionado sus propios sufrimientos, privaciones. Fué después de su muerte cuando me enteré de algunos detalles de su vida bajo el régimen bolchevique. A principios del año 1918 Kropotkin había agrupado hacia sí algunos de los más hábiles especialistas en varios ramos, de la economía política. Su propósito era el de hacer un estu-

BEST COPY AVAILABLE

893

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

dio minucioso de los recursos económicos de Rusia y recopilar estos recursos en monógrafos para que pudieran servir de auxilio práctico a la reconstrucción de Rusia.

Kropotkin era el editor-jefe de esta empresa. Se preparó un volumen, pero no fué publicado. Este grupo científico era conocido por el nombre de Liga Federalista; fué destruido por el Gobierno y todo el material confiscado. Las habitaciones de Kropotkin fueron requisadas por dos veces, y su familia fué obligada al eterno mutismo. Después de estos trastornos fué cuando Kropotkin se mudó a Dmitroff, donde permaneció en involuntario destierro. Aun en el verano se hacía muy difícil visitarlo, puesto que se necesitaba un permiso especial para viajar, y el obtenerlo requería mucho tiempo y esfuerzo, y en el invierno se hacía casi imposible. Así sucedió que aquel que había reunido en su casa a los mejores pensadores de todo el mundo, estaba ahora obligado a una vida de reclusión.

Sus únicos visitantes eran pobres campesinos, trabajadores de su aldea no muy inteligentes que llegaban a él con sus cuotidianos infortunios. Recuerdo que en la noche de nuestra visita, Kropotkin había recibido una carta de un amigo en Moscou, un científico que vivía con su esposa y dos hijos en una habitación. Una lámpara solamente alumbraba la mesa sobre la cual los niños estudiaban las lecciones: la esposa copiaba algunos manuscritos, mientras que él desde un rincón preparaba sus trabajos químicos. Estaba empleado en un lugar a doce "vorstas" de su casa y tenía que caminar dicha distancia diariamente. Kropotkin, que por medio de numerosas publicaciones en todos los idiomas estaba en comunicación constante con el mundo entero, se encontraba ahora aislado por completo de aquel medio de expansión. Ni aun podía enterarse de lo que ocurría en Moscou y Petrogrado. Sus únicas fuentes de noticias eran los dos periódicos del Gobierno: "El Prayda" y "La Izvestia". Mientras vivió en Dmitroff su trabajo de ética se obstaculizaba. No podía conseguir los necesarios libros científicos. En fin, que Kropotkin sufría un hambre mental que le torturaba, sin duda, mucho más que la mala nutrición física. Recibía mejor "poyok" o ración que la mayoría, pero aun esto no era lo suficiente para mantener su vitalidad.

Afortunadamente Kropotkin recibía auxilios de vez en cuando de sus camaradas del extranjero, así como también de los de Ukrania que le enviaban con frecuencia comestibles. También recibía regalos similares de Makhno, entonces aclamado por los bolcheviques como "terror de las fuerzas

contra-revolucionarias en el Sur de Rusia. Pero las faltas más notables eran las de combustible y luz. Cuando visité a la familia Kropotkin en el año 1920, se consideraban muy afortunados con tener luz en más de una habitación. Durante una parte del 1918 y todo el año 1919, Kropotkin escribió sus "Etiens" a los mortecinos rayos de una lámpara de aceite, lo que estuvo a punto de dejarlo ciego. Durante las cortas horas del día, transcribía sus signos a máquinilla, despacio y con doloroso golpe en cada letra. Sin embargo, no eran sus propios sufrimientos lo que aminoraban sus fuerzas. Era Rusia, los sufrimientos de los que la rodeaban, la supresión de todo pensamiento, la persecución y encarcelación de los que tenían una opinión, el sin fin de iniquidades cometidas con el pueblo, que hicieron de sus últimos años la más profunda tragedia.

Si hubiese podido hacer algo para aliviar los sufrimientos, para traer a los dictadores de Rusia hacia sus propios sentidos...; pero no, él no podía. No podía de ningún modo igualarse a aquellos de la guardia revolucionaria que hicieron causa común con los enemigos de la revolución. Y aunque encontrase un medio de publicar su protesta en la Prensa europea, los reaccionarios harían uso de ella contra Rusia. No; él no podía hacer eso, y sabía muy bien que era inútil protestar ante el Gobierno bolchevique.

Sin embargo, era tan grande su angustia, que en dos ocasiones Pedro Kropotkin se dirigió a oídos sordos. Una vez en protesta contra la terrible costumbre de represalias; la otra, contra la completa supresión de publicaciones que no fueran del Estado.

Desde que la "Cheka" comenzó su siniestra existencia, el Gobierno bolchevique ha sancionado el sistema del terror. Madres, ancianas y jóvenes, padres, hermanas y hermanos, y hasta niños, han sido víctimas de represalias, muchas veces por causas u ofensas de uno de los suyos de las que ellos ni aun estaban enterados.

En otoño de 1920 los mencheviques que emigraron a Europa amenazaron con publicar estos detalles si la represión contra sus camaradas continuaba. El Gobierno bolchevique anunció en la Prensa oficial que por cada comunista que muriese, perecerían diez mencheviques. Fué entonces que los famosos revolucionarios Vera N. Figner y Pedro Kropotkin enviaron su protesta a los poderes diciendo que la costumbre de hacer represalias era un horror sobre la Revolución rusa, un fagón que dejaba resultado terribles a su paso y que el futuro nunca perdonará métodos tan bárbaros. La

BEST COPY AVAILABLE

894

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

segunda protesta se hizo en contestación al atentado de parte del Gobierno de "liquidar" todas las empresas de publicidad, ya fueran políticas, cooperativas o particulares. Esta protesta fué dirigida al Congreso Pan Ruso de todos los Soviets. Es interesante notar que el mismo Gorky, un oficial del Comisariado de Educación, había enviado casi al mismo tiempo desde Petrogrado una protesta similar.

Kropotkin, en sus manifestaciones, hizo mención del peligro de tal ataque hacia el progreso, y más aún, a todo pensamiento. Tal monopolio del Estado sobre el pensamiento haría imposible todo traabjo creativo. La situación de Rusia durante los últimos cuatro meses deja prueba convincente de ello.

Una de las características sobresalientes de Kropotkin era su resistencia en lo que concernía a sí mismo. Durante mi estancia de treinta y seis horas en Dmitroff, ante el cadáver, supo más de su vida personal que durante tantos años que le conocí. Aún entre los amigos de su propio círculo, había muy pocos que supieran que Kropotkin, además de ser un artista, era un músico de considerable talento. Entre sus efectos encontré una colección completa de dibujos suyos de gran mérito. Amaba la música apasionadamente, y era un músico de gran habilidad; en sus momentos de ocio se pasaba el tiempo sentado al piano, donde encontraba sin duda alguna sosiego y paz interpretando los maestros con hondo entendimiento. Su cadáver colocado en el escritorio parecía estar durmiendo el sueño de la paz, y su semblante se conservaba tan afable como cuando en vida. Allí descansaba el gran hijo de Rusia. El que durante luchas y privaciones permaneció siempre leal a la revolución, y no quiso abandonarla. No llegó a ver erigido el monumento capitalista sobre la tumba de la revolución. Pero aún eso no le robaría nunca su ferviente fe en la resurrección del pueblo, en el triunfo final de una revolución libertaria.

LOS GREMIOS DE TRABAJADORES de Rusia son sometidos a la dictadura bolchevique.

Las "Trade Unions" de Rusia, aunque jóvenes, pues comenzaban en el 1905, eran organizaciones muy activas. Tenían que serlo para poder contrarrestar las persecuciones del zar, y a pesar de que en aquel tiempo tenían que trabajar ocultamente, eran, sin embargo, un factor muy importante en la lucha económica del obrero ruso. Este hecho fué demostrado por fuerza poco después de la Revolución de febrero.

Las "Trade Unions", imbuídas con el nuevo espíritu que nació en Rusia, ya no se contentaban con cambios políticos solamente. Su idea era la de que los trabajadores tomasen posesión de la construcción económica del país, para lo cual habían organizado Comités de taller para el control de la vida industrial. En fin, que las "Trade Unions" eran, aún antes del régimen bolchevique, la expresión organizada de las demandas y aspiraciones de los trabajadores. Y así la Tercera Conferencia de las "Trade Unions", que tuvo lugar en Petrogrado en julio de 1917, habían enviado ya 210 delegados, representando una Unión de 1,475,425 miembros.

El advenimiento de la Dictadura del proletariado se hizo sentir en seguida en las "Trade Unions". Se hizo obligatoria la adhesión a las organizaciones obreras, y todo el que trabajara

BEST COPY AVAILABLE

895

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

bajaba era automáticamente registrado en la Unión, y obligado a pagar, bien que le gustara o no. La cuota del 3 por 100 se le descontaba del salario, y de esta forma el obrero ruso tenía que sostener las mismas organizaciones que destruyeron todo síntoma de iniciativa y dirección propia de las "Trade Unions" rusas.

Las Trade Unions Soviets Pan-Rusas están formadas por 120 miembros. El Comité Ejecutivo Central tiene once miembros, y casi todos tienen que ser comunistas para ser electos a estos cuerpos. El resultado es que las Trade Unions han llegado a ser una mera ramificación de la maquinaria del Estado, controlada completamente y dirigida por éste. El miembro ordinario no tiene voz ni voto en las actividades de la organización ni efectúan Juntas con regularidad, exceptuando aquellas que son dominadas por la fracción bolchevique.

Si alguna de los Uniones se aventurara a ejercitar las funciones de una verdadera unión, se le da a entender inmediatamente que no importa lo que las Uniones del Oeste de Europa o América hagan, que las Uniones comunistas deben de obedecer la ley y mantener la boca cerrada. Como ejemplo: Los panaderos de Moscou declararon la huelga en el 1920 pidiendo aumento de ración de pan. El Gobierno no se preocupó mucho del asunto. Simplemente disolvió el gremio, expulsó a los cabecillas, y algunos de los miembros más activos fueron arrestados. A los oradores más eminentes del gremio se les prohibió tomar parte en las reuniones del mismo y ejercer su derecho.

La misma táctica fué usada en otras varias huelgas; fué solamente "insolencia" el efectuar un mitin al que se invitó a la Comisión obrera de la Gran Bretaña.

En aquella Asamblea Chernoff, jefe de los revolucionarios sociales y Dan, un prominente menchevique, cometieron el imperdonable pecado de decir a los obreros británicos algunos hechos sobre las Trade Unions y la situación del obrero en Rusia. Inmediatamente después de esto suspendieron a todos los oficiales de la Unión de tipógrafos, y algunos de ellos fueron llevados a la cárcel. En todos los periódicos oficiales del país se calificaban a los tipógrafos de contra-revolucionarios y traidores, y los denunciaron en tan duros términos que sirvió para aterrorizar al resto del proletariado del país.

Es tan destructora la tiranía ejercida sobre las Uniones, que la más insignificante protesta se califica como falta de disciplina y un crimen contra la revolución. Durante las

huelgas de Petrogrado en 1921, cuando los operarios del taller Baltic protestaron contra el arresto de veintidós de sus miembros, Antsclovitch, presidente de las Trade Unions de Petrogrado, lo dijo a la Cheka; y pocos días después hubo un asalto a los talleres del que resultó la encarcelación de muchos trabajadores. En fin, que las Trade Unions en la Rusia bolchevista han sido absorbidas completamente por el Estado, y no tienen otras funciones que el hacer trabajos policíacos para el mismo.

Naturalmente, tal situación no podía durar mucho tiempo sin levantar el descontento de los trabajadores, y en 1920 llegó el descontento a tal extremo, que amenazaron al Gobierno y se vió éste obligado a considerar seriamente la situación. A últimos de 1920 se trató de las funciones de las Trade Unions, y pronto se hizo aparente de que aun entre el partido comunista existían opiniones diversas sobre esta importante cuestión.

Todos los jefes comunistas participaron en la discusión que decidiría el destino de las Uniones. La tesis presentada descubrió cuatro tendencias primas. Primera, la fracción Lenin-Zinovieff, que sostenía que las "Uniones tienen tan sólo una función bajo el dictado del proletariado", o sea la de servir como escuelas del comunismo.

La segunda tendencia estaba representada por Rasanoff y sus adherentes, quienes insistían que las Trades Unions debían de continuar funcionando como el fórum de los trabajadores y sus protectores económicos.

La tercera fracción era la de Trotzky, el genio militar que no puede pensar más que en términos militaristas. El presentó la tesis de que las Trade Unions llegarían a ser los gerentes y controladores de las industrias, pero que por el presente, la gerencia de las Uniones debía ser nombrada por el sistema militar.

La última y la más importante fué la oposición obrera, encabezada por Mme. Kollontay y Schliapnikoff, que verdaderamente presentó el sentimiento de los trabajadores, y estaba respaldada por ellos.

BEST COPY AVAILABLE

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

REVUELTA DE OPOSICION

Esta oposición insistia que la neutralización de las Trades Unions habia destruido el interés de los trabajadores en la reconstrucción económica del pais, y que habia paralizado la capacidad de producción. Pedian la libertad de las masas del yugo del Estado burocrático y sus corrompidos oficiales, y que diesen al pueblo la oportunidad de ejercitar sus energias creativas. Mencionaron que en la revolución de octubre se luchó para qué las masas pudieran controlar la vida industrial del pais; en fin, que la oposición obrera fué eco de la protesta y del descontento acumulado de la mayoria. Fué una batalla real entre Trotzky y Zinovieff. En Petrogrado la influencia de Zinovieff era tan potente, que Trotzky tenia que luchar para obtener un permiso para hablar en el Local Comunista sobre la controversia. Trotzky habia causado tal impresión, que estuvo a punto de desbaratar el partido comunista. Pero Dios ama a Lenin. Siempre que su posición empieza a tambalearse el Todopoderoso le envia apoyo. La gran inquietud obrera, las numerosas huelgas de febrero de 1921 y la insurrección de Cronstadt vino a ser ese apoyo. La unidad comunista habia que mantenerla a toda costa. Y asi el padrecito llamó a sus hijitos uno a uno, y les dió una leccion.

Lenine calificó la oposición obrera como anarco-sindicalista, ideologia de la clase media, y por lo tanto, ordenó la supresión de ella. A Schliapnikoff, uno de los de más influencia de la oposición, lo calificó Lenine de "comisario incomo-

BEST COPY AVAILABLE

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

dado, y se le hizo callar haciéndolo miembro del Comité Central del partido comunista.

A Mme. Kollantay se la mandó detener, la explicación de la opinión de la oposición fué el pretexto.

A algunas de las menores lumbreras de la oposición se les dió una vacación en la Cheka, y hasta Riasanoff—un viejo y probado comunista—fué suspendido por seis meses de sus actividades con las Uniones. Con respecto a Trotzky, quien Lenine llevó hacia el desprecio del partido, y lo calificó de "ignoramus sobre el marxismo fundamental", fué enviado a Cronstadt a traer la "paz en Warsaw". Lenine y su justo santo Zinovieff tuvieron una victoria. Las Trades Unions quedaron como escuelas del comunismo.

La nueva póliza de economía va rápidamente tomando forma. Las Trades Unions son las primeras en sentir su efecto. En una Asamblea del Comité Central del partido comunista, que tuvo lugar en Moscou en diciembre de 1921, se discutió sobre las funciones de las Trade Unions. Se nombró una Comisión, compuesta por Lenine, Radzyutak y Andreve, para escoger y preparar la tesis al objeto. Más tarde dicha tesis fué aceptada por unanimidad por el Soviet Central Pan-Ruso de todas las Uniones. Entre otras cosas, la tesis contiene lo siguiente:

"1.—El alistamiento obligatorio de los trabajadores en las organizaciones obreras trajo la corrupción burocrática de las Trades Unions, malquistándolas con las masas (por decir la misma cosa muchos trabajadores fueron denunciados como contra-revolucionarios y fueron enviados a la Cheka); y es, por lo tanto, necesario establecer el alistamiento voluntario en las Uniones.

"2.—Los trabajadores que se alisten en las Uniones no deben ser molestados por causas de religión o ideas políticas. (¡Sombras de numerosas víctimas que fueron apaleadas a causa de que sus ideas políticas fueron diferentes a las del bolchevismo!)

"3.—La reconstrucción económica de Rusia necesita la estricta concentración del Poder en manos de un gerente; por lo tanto, las Uniones obreras no deben pretender el control de las industrias contratadas o propiedad de capitalistas particulares."

Es evidente que la póliza económica, apoyada por Lenine, está abriendo la puerta para nuevas complicaciones obreras y conflictos inevitables. El arreglo de todos los conflictos que pudieran ocurrir en lo sucesivo estará en manos de un "cuerpo poderoso" y fuera de las Uniones. La Comisión de Lenin

ha indicado ya que esta alta autoridad de arbitración forzada de disputas no será otra que el partido comunista de la Tercera Internacional. Es aparente que el comunista internacional quiere decir: preservar el dominio del movimiento obrero de Rusia, mientras que al mismo tiempo se trata de ganar el control de las organizaciones obreras del Oeste de Europa y América.

Mientras tanto, el trabajador ruso, bajo la nueva póliza económica, lo va pasando peor que antes de haber empezado la revolución.

El día de ocho horas, casi universal, en Rusia desde hace cuatro años ha sido abolido. De acuerdo con el órgano oficial la "Pravda", de Moscou, de diciembre de 1921, la situación es la siguiente: de 695 establecimientos industriales solamente 86 continúan con el día de ocho horas.

En la mayoría de los otros, el trabajo es de nueve horas, en 44 establecimientos se trabajan de diez a doce horas; en 11, de catorce a diez y seis. Hasta los niños han trabajado en algunos sitios de doce a catorce horas.

Los panaderos son los más explotados y los que trabajan más horas, o sea de doce a diez y ocho. Esta información se refiere a Moscou, la capital de Rusia. En provincias es aun mucho peor. En los distritos mineros trabajan de diez y seis a diez y ocho horas. En las fábricas de cueros del Estado en Vitebsk, doce horas son las normales del día. En las pesquerías de Astrakhan, de acuerdo con representantes locales en la Segunda Conferencia Pan-Rusa de protección al trabajo, el trabajo de un día es de catorce a diez y seis horas.

La Revolución rusa, sin embargo, no ha sido completamente en vano. Ha arrancado muchas nociones antiguas de las masas rusas, y el trabajador ya no es el obediente dócil que era antes. Ha sido alimentado con las pillerías de la política, y ya no cree en ellas. Ahora que podrá mezclarse con sus compañeros en organizaciones, no hay duda que usará de medios más directos para conquistar su puesto.

Lenine y su pandilla van oliendo el peligro. Su ataque a la oposición obrera y anarco-sindicalista continúa con intensidad. ¿Será que la estrella anarquista se va levantando en el Este?

¡Quién sabe! Rusia es la tierra de los milagros!

BEST COPY AVAILABLE

898

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

TRABAJO OBLIGATORIO

La mentira del trabajo obligatorio. De que manera y para quienes se hizo el trabajo obligatorio. — Incapacidad de los gobernantes.

La movilización del trabajo, en realidad la militarización del trabajo, fué anunciada al mundo como el mayor bien del comunismo. "¡Todos deben trabajar en Rusia. No más parásitos!". Aunque Lenine nunca admitió abiertamente que este método, como muchos otros decretados para reconstruir a Rusia, sea un error, yo estoy, sin embargo, inclinada a pensar que él cree que la militarización del trabajo no ha hecho nada para incrementar el "output" de los trabajadores.

Lo que consiguió fué establecer, como existía, la esclavitud de los bienes muebles (?) y reemplazar la burguesía parásita por la maquinaria del parasitismo bolchevique. Su obra fué obligar a trabajar a los obreros hasta la fatiga, pasar por encima de ellos en las faenas, y arrestarlos y a veces fusilarlos por descreción de sus trabajos. Como la mayoría de los trabajadores, ellos iban a los talleres no a trabajar, sino a

BEST COPY AVAILABLE

899

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

descansar y a fabricar secretamente algunos artículos que sus esposas o hijos iban a cambiar al campo por harina y patatas. Esto, incidentalmente, los salvó de la inanición.

Respecto de las oportunidades para traer algo del campo, podría escribirse un libro sobre este tema. Con la prohibición del comercio vino la "Zagregaditelmy stryad", el destacamento de soldados y chekistas en cada estación para confiscar todo artículo traído por particulares a la ciudad. Los infelices que después de dificultades sin cuento para obtener un pase de viaje, después de días y semanas de peligros en las estaciones, después de espantosos viajes en sucios y repletos carros, o en los techos y en las plataformas de los trenes, traían una libra de harina o de patatas, terminaban por ser despojados de ella por la "stryad".

En muchos casos los alimentos confiscados eran repartidos entre los propios defensores del Estado comunista. Las víctimas resultaban afortunadas si escapaban sin mayores molestias. A menudo se les robaba sus preciosos paquetes y eran conducidas a la cárcel por "especulación". El número de verdaderos especuladores aprehendidos era insignificante en comparación con la masa de desgraciados que llenaron las prisiones de Rusia por tratar de defenderse contra la muerte por inanición.

Una cosa se puede decir de los bolcheviques, y es que nunca hacían sus cosas a medias. Tan pronto como llegó a ser ley el trabajo obligatorio, fué hecho efectivo como venganza. Hombres y mujeres, viejos y jóvenes, apenas vestidos y con toscos zapatos o con sólo trapos en los pies, fueron indistintamente arrojados al frío y a la escarcha a barrer la nieve o a cortar hielo. De cuando en cuando eran enviados por grupos a los bosques a cortar madera.

Pleuresía, pneumonía y tuberculosis fueron los resultados. Fué sólo entonces cuando los tontos del Kremlin crearon un nuevo departamento para la distribución del trabajo. Este "bureau" decidía, según las aptitudes físicas de los obreros, los clasificaba y distribuía según sus trabajos.

Bajo tales condiciones, degradantes y esclavizadoras, no es raro que los obreros hicieran malos trabajos porque lo odiaban, así como los medios por los cuales se les hacía trabajar. Comenzaron a mirar al Estado comunista como una nueva sanguijuela que les chupaba la sangre de su vida. Los obreros de Petrogrado, los más revolucionarios, los que sostuvieron el esfuerzo de la larga lucha, los que defendieron tan heroicamente la ciudad contra Judenitch, que murieron de hambre y de frío por el ideal, ¡oh, maravilla!, también han

comenzado a loar a los falsos revolucionarios y a solidarizarse con ellos.

No es de ellos la culpa, la cruel máquina bolchevique minó su fe y sus ideales. Esa máquina ha engendrado un sentimiento contra-revolucionario que tardará mucho en desaparecer.

No olvidaré nunca una escena, una reunión del Soviet de Petrogrado. Debía decidirse esa noche el destino de Cronstadt. Después de largos discursos de los dirigentes comunistas, habló un obrero de los arsenales. Da la cara a la mesa y la espalda al auditorio. Su voz se extiende con emoción contenida, sus ojos llamean, toda su figura es vibrante. Se dirige al presidente del Soviet de Petrogrado, Zinovieff:

"Hace tres años y medio — dice — usted fué denunciado como espía alemán, traidor a la revolución, hostilizado y perseguido. Nosotros, los obreros y marinos de Petrogrado, lo salvamos y lo llevamos al puesto que usted ocupa. Hicimos tal, porque esperábamos que usted fuera la expresión del pueblo. Desde entonces usted y su Gobierno se han separado de nosotros. Ahora desde allí se nos tilda con nombres insultantes, osan llamarnos contra-revolucionarios. Usted nos fusila y encarcela porque le pedimos que cumpla la promesa que nos hizo en la Revolución de octubre."

No sé lo que fué de este hombre. Puede estar preso o muerto por su atrevimiento. Su grito cayó en oídos sordos. Sin embargo, fué el grito de un espíritu agonizante, el espíritu de la Rusia colectiva que aspiró y consiguió tal altura en la revolución y que yace nuevamente encadenado por el Estado bolchevique.

La Rusia de antes de la revolución se mantiene única en la historia mundial por el gran número de mujeres que contribuyeron al movimiento revolucionario. Empezando con los Diciembristas, cuyas esposas les siguieron, hace ya casi un siglo, a la deportación, hasta la última hora del régimen del zar, la mujer rusa participó en la más heroica actividad, y fué al suplicio y a la muerte con la sonrisa en los labios. Entre el gran número de ellas, una de las figuras más principales es María Spiridonova.

Durante 1905-1906, existía gran intranquilidad entre los campesinos rusos. En la provincia de Tamboff los campesinos, exasperados por el excesivo impuesto y la brutalidad de los oficiales, se alzaron contra sus opresores y prendieron fuego en algunas fincas. El gobernador de Tamboff, Luzhenovsky, muy conocido por su barbarie, llenó los pueblos de cosacos, los que obligaban a los campesinos a arrodillarse en

BEST COPY AVAILABLE

900

821022180

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia. Emma Goldman. — Barcelona : Editorial "Hoy," 1924. 33 p. ; 18 - 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library, Interlibrary Location: Special Collections Department

la nieve medio desnudos, en cuya posición los sostenían por horas enteras, mientras que a muchos de ellos los ponían en línea y los fusilaban. María Spiridonova era entonces una joven, y, sin embargo, fué encomendada por su partido, los revolucionarios sociales, para que matase a Luzhenovsky, como escarmiento a la barbarie impuesta a los campesinos. Era un trabajo muy difícil. Luzhenovsky estaba siempre bien vigilado por sus cosacos. El había aterrorizado la población y arrancado a los campesinos hasta sus últimas provisiones para sostener la guerra con el Japón. Pero todas estas dificultades no arredraban a Spiridonova. Disfrazada de campesina, se consagró a seguir a Luzhenovsky. Aparecía en las estaciones de ferrocarriles y en todos los caminos, siempre "buscando", como ella decía, "a su esposo, soldado que había desaparecido". A pesar del inminente peligro y privaciones, siguió siempre en acecho del gobernador hasta que al fin llegó la oportunidad tan apetecida. Cuando el tren que llevaba a Luzhenovsky llegaba a la estación donde Spiridonova había estado esperando pacientemente, y al momento en que Luzhenovsky pisaba la plataforma, rodeado de sus oficiales, María rompió el cordón de guardia que la separaba, y lo mató a tiros.

Los zares rusos nunca fueron parciales sobre el trato de la mujer política. Perseguían sanguinariamente lo mismo a la mujer que al hombre, pero en el caso de María Spiridonova, los acólitos del zar Nicolás sobrepasaron aún los métodos de Iván el Terrible. La sujetaron a barbaridades inexplicables, la arrastraron a la sala de espera de la estación y la azotaron hasta hacerla perder el sentido. Le arrancaron los vestidos y la entregaron a la soldadesca. Estos se entretuvieron en quemarle el desnudo cuerpo con cigarrillos, la patearon y, finalmente, la ultrajaron. Varias semanas estuvo entre la muerte y la vida y luego fué sentenciada a muerte. La noticia de la tortura impuesta a Spiridonova horrorizó al mundo y levantó protestas que la salvaron del patíbulo. Fué enviada a Siberia con cadena perpetua, donde llegó —según dice Gerstein— como una "masa de carne viva". En la prisión sus camaradas la atendieron cariñosamente, devolviéndole la vida. Pero la crueldad y la barbarie de que fué objeto dejáronla tuberculosa, inútil de una mano y con pérdida de un ojo, mas su espíritu aun continuaba en llamas.

La Revolución de febrero abrió la sepultura a todos los presos políticos rusos, entre ellos a María Spiridonova. ¿Quién podrá describir su alegría cuando ella recibió la noticia de su libertad? Y, a pesar de esto no quiso salir de la prisión

hasta estar segura de que todos los presos políticos saldrían. Entre grandes aclamaciones del pueblo, María Spiridonova volvió a Rusia, pero no para vivir en el palacio invernal, no para festejar y descansar sobre sus laureles. Ella volvió para lanzarse entre las energías sueltas de las masas de campesinos, que especialmente la reverenciaban. Llegó a ser presidente del Comité Ejecutivo del Soviet Pan-Ruso de los representantes campesinos. Como tal inspiró, organizó y dirigió el despertado espíritu y actividad de los campesinos. Al contrario de otros muchos que por varios años habían fertilizado el terreno revolucionario con sus lágrimas y con su sangre, pero que a pesar de eso no habían comprendido el nuevo espíritu, María Spiridonova se dió pronta cuenta de que la Revolución de febrero era tan sólo el preludio de un cambio aún mucho mayor.

Cuando la Revolución de octubre, que cual avalancha arrolladora envolvió a muchos de los antiguos revolucionarios, Spiridonova permaneció firme en su fe revolucionaria, y al lado del pueblo en la hora más crítica. Trabajó día y noche al servicio de sus amados campesinos.

Ella era el alma del departamento de Agricultura, y elaboró un plan hacia la socialización del terreno, que era uno de los problemas de más importancia en aquel tiempo. Su cuerpo débil se sostenía tan sólo por su gran voluntad en aquellos momentos aciagos.

En el 1918 ya María Spiridonova se había dado cuenta de que la revolución estaba en mayor peligro en la mano de sus amigos que en la de sus enemigos. Los bolcheviques barrieron con todo y llegaron al Poder con el lema copiado en parte de los anarquistas y de los revolucionarios sociales, y muy pronto se cambiaron a diferente camino. El primer paso fué la paz de Brest-Litovsk. Lenine insistió en la ratificación de aquel "tratado de paz", tan sólo para que la revolución tomase "aliento", pero María Spiridonova, así como también otros revolucionarios de diferente escuela, para quienes la revolución no era tan sólo un mero laboratorio de experimentos políticos, determinaron luchar contra la ratificación. Ellos mantenían que dicha ratificación era una traición hacia Ukrania, que entonces con gran entusiasmo rechazaba la invasión alemana de la parte Sur de Rusia, mantenían también que tal proceder significaba la dominación completa del pueblo ruso por el partido bolchevista y la supresión de todos los demás movimientos políticos, lo que acarrearía una guerra civil, que el "descanso" buscado por Lenine traería consigo la ruina de la revolución.

BEST COPY AVAILABLE

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924. 33 p. ; 18 · 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library Institutional Location: Special Collections Department

PRINCIPIO DEL CALVARIO

En aquel tiempo, Trotzky y muchos otros comunistas eran opuestos a la paz de Brest-Litovsk. Ellos habían visto también el peligro que les amenazaba, pero fueron pronto obligados a aceptarla por la fuerte disciplina del partido. Lenine ganó el día, y de ahí empezó el calvario de la Revolución rusa.

Cuando estaba en América había oído historias confusas de María Spiridonova en la Rusia Soviet, pero a mi llegada muy pronto fui informada por comunistas de responsabilidad de que María estaba enferma de los nervios, enfermedad que la llevó a la histeria, y que por lo tanto había sido conducida a un Sanatorio "por su propio beneficio, y donde recibía muy buenos cuidados". Pero cuando la vi personalmente en julio de 1920 ella vivía ilegalmente en Moscou en una pequeña habitación, disfrazada de campesina como en el tiempo del zar, pues se había fugado del "Sanatorio y del buen cuidado", que resultó ser una prisión bolchevique, no encontré traza alguna de histerismo en ella, sino que, por el contrario, estaba serena y de lo más firme que hasta entonces había encontrado en Rusia. Durante dos días me cautivó la narración de la Revolución rusa, y de cómo las sublimes posibilidades del pueblo habían sido destruídas por la maquinaria del Estado comunista. Fué una historia de gran claridad y fuerza de devoción.

BEST COPY AVAILABLE

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Anos en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924. — 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department

Mé enteré entonces de que dos veces había sido encarcelada por los bolcheviques; la primera vez después de la muerto de Mirbach, cuando los bolcheviques cerraron el quinto Congreso del Soviet y arrestaron a todos los revolucionarios sociales de las izquierdas que eran dirigidos por Spiridonova. Puesta en libertad después de cinco meses, fué arrestada otra vez a fines de enero de 1919 y encerrada en un "Sanatorio"; no por la histeria o debilidad mental, sino porque no se dejó sobornar ni aceptó la llamada Dictadura del Proletariado. Ella habló francamente al pueblo sobre los peligros que acarrearía la nueva política de los bolcheviques, y el pueblo la oía contento. Spiridonova exponía que los bolcheviques pretendían hacer ver al mundo que la fiera persecución de los revolucionarios socialee de las izquierdas que siguió a la ejecución de Mirbach, había sido causada por éstos haber tratado de usurpar el Poder del Gobierno. Ella negó esto firmemente—y sus palabras son sostenidas con pruebas documentales—, de que su partido no había intentado nunca usurpar el Poder comunista. El partido de Spiridonova consideraba la paz de Brest-Litovsk como una traición a la revolución, y consideraba la amenaza imperialista. Pedían abiertamente la muerte de Mirbach y un levantamiento contra la invasión alemana. Predicaban abiertamente sus creencias, pero ni Spiridonova ni ninguno de sus camaradas tenían conocimientos de complot alguno para usurpar el Poder.

Deepuée de la muerte de Mirbach, la misma Spiridonova vino a la sesión del quinto Congreso Pan-Ruso con el propósito de leer la declaración oficial de su partido, que explicaba la necesidad y la justificación de la muerte de Mirbach. Ella y sus camaradas estaban dispuestos a atenerse a las consecuencias de su acto. Los bolcheviques frustraron la lectura de dicho documento cerrando el quinto Congreso y arrestando a la representación completa de los campesinos, con María Spiridonova a la cabeza. En septiembre de 1920, la Cheka volvía a probar sus proezas con uno de sus asaltos y el descubrimiento de complots. En dicho asalto, que tuvo lugar en Moscou, se descubrió accidentalmente el escondrijo de María Spiridonova. Está se encontraba enferma del tifus y no podía mudarse. La casa fué rodeada por los guardias y no se permitía a nadie que la visitase. Cuando pasó la crisis la llevaron a Ossoby Otdeil (Estación de la policía secreta), alojándola en el hospital de la prisión. Su estado era tan grave, que al fin permitieron que la asistiera una antigua amiga de Siberia, y mantuvieron a las dos en completa reclusión, sin que pudieran comunicarse con el exterior. En junio de 1921 se recibió una carta de la prisión en la que describía su miserable vida. La guardia de los "camaradas", los chekistas, el encierro solitario, la privación de alimento mental y físico, iban consiguiendo lo que la tortura del zar no había podido; se apoderó de ella el escorbuto; las piernas se le inflamaron; el cabello y los dientes le caían y, además de esto, se apoderó de ella la alucinación de que era perseguida por los gendarmes del zar y la Cheka de Lenine.

En una ocasión intentó dejarse morir de hambre. La Cheka amenazó con alimentarla a la fuerza, pero al fin aceptaron la proposición de dos íntimos amigos de ella, también prisioneros, de permitirles convencerla para que tomase alimento. Durante los dos Congresos que tuvieron lugar en Moscou en julio de 1921, los camaradas de Spiridonova circularon un manifiesto que enviaron al Comité Central comunista y a los principales representantes del Gobierno, manifestándoles la mísera situación de María Spiridonova y demandando su libertad con el propósito de proporcionarle servicio médico adecuado. Una eminente extranjera, delegada del Tercer Congreso del comunismo internacional, se dice que vió a Trotzky, quien manifestó que Spiridonova era muy peligrosa para dejarla en libertad. Fué entonces, cuando apareció en la Prensa socialista europea relatos del estado en que se encontraba, cuando la dejaron en libertad

BEST COPY AVAILABLE

903

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman. — Barcelona : Editorial "Hoy," 1924. — 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library: Institutional Location: Special Collections Department.

bajo condición de que volvería a la prisión tan pronto recobrara la salud. Los amigos que la atienden se encuentran ahora con la alternativa de dejarla morir, o permitir que la vuelvan a la prisión. Hay tan sólo una forma por la cual podría salvarse: el que tuviera oportunidad de salir de Rusia. Los amigos de ella han pedido esta gracia al Gobierno bolchevique, pero hasta el presente todo ha sido en vano. En 1906, las protestas del mundo civilizado fué lo único que salvó a María, y, es verdaderamente trágico que una protesta similar sea necesaria para salvarla en el presente. Fuera del nocebo de la Cheka, lejos de los desastres de Rusia, en la montaña, donde corre el aire libre, María Spiridonova podría recobrar la salud. Ha sufrido ya cien muertes. ¿Se le permitirá volver a la vida?

Las escuelas de los «defectivos morales» no son mejores que las mismas prisiones.

Solamente he visto a un niño sonreir.

El aniquilamiento paulatino de los niños por el hambre, del cual me fuí enterando poco á poco, era el método general usado en los llamados reformatorios infantiles. Al principio dudé de ello, pero las pruebas eran tan evidentes, que al fin tuve que convencerme de los hechos. En el hotel "Astoria," "Primera Casa de los Soviets") en la habitación próxima a la mía, vivía una mujercita con sus dos niños. Era comunista y, sin embargo, luchó fuertemente contra el método del reformatorio; trabajaba en varias instituciones de niños y no tan sólo pudo corroborar la pésima condición en que encontró la escuela de "Kronversky Prospect", sino que me llevó á otras donde prevalecían tales métodos.

Mi vecina me contó lo que le había ocurrido con sus propios hijos, un niño de tres años y una niña de nueve. Ambos fueron colocados en una colonia donde la madre les enviaba provisiones debido á lo poco que allí les daban. A los seis meses enfermaron los muchachos y tuvo que traerlos á la

BEST COPY AVAILABLE

904

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Anos en Rusia / Emma Goldman. – Barcelona : Editorial "Hoy," 1924. – 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

pequeña habitación en que ella vivía. La niña fué atacada por un sarpullido pernicioso, y el muchacho había quedado casi consumido. Ambos casos fueron diagnosticados como debidos a mala nutrición.

Me hice amiga de mi vecina, y por ella me enteré del estado de los niños, pudiendo ver bien a las claras que los bolcheviques trataban de hacer todo lo que podían en favor de los niños, pero sus esfuerzos eran contrarrestados por la parásita burocracia que su Estado había creado. Sobre todo probé su noción destructiva de que hasta los niños debían ser usados para propaganda. La escuela "demostrativa" resultaba de una influencia diabólica, especialmente en los niños. Emponzoñaban la mente de los muchachos con un sentido de injusto discernimiento. Y mientras estas "demostrativas" escuelas eran usadas como propaganda en el extranjero, las masas de niños en Rusia eran abandonadas, como lo son todos los niños de trabajadores en el resto del mundo. Los privilegiados reciben todas las ventajas donde quiera que sea, y Rusia no está exenta de tal situación.

Dije al principio que me había alarmado cuando por primera vez me enteré de que se aislaba a los niños como "ladrones y defectivos morales", y creí esto proceder causado por la anticuada noción de los médicos a cargo del hotel de L'Europe; pero un artículo en la "Pravda" y varias conversaciones que he tenido con comunistas eminentes, entre ellos Máximo Gorky, Mme. Lilina y otros, me convenció de que todos ellos creían en la moral depravada inherente.

Hasta algunos pedagogos ilustres aconsejaban la prisión para los "Defectivos Morales", pero esto era mucho para Lunacharsky, comisario de Educación. Gorky y otros del elemento más progresista a quienes los bolcheviques acérrimos calificaban como sentimentalistas, Lunacharsky luchó contra la bárbara proposición y afortunadamente tuvo éxito, pero, sin embargo, en septiembre de 1921 aún había 200 jovencitos, entre ellos un niño de ocho años, en la prisión Taganka de Moscou.

Estoy segura de que ni Lunacharsky ni Gorky estaba enterados de esto, y así encierra el curso del círculo vicioso, que hace imposible que los que están a la cabeza se enteren de lo que sus subordinados hacen. Los niños en la prisión de Taganka fueron descubiertos por los prisioneros políticos que enviaron a dicha prisión, éstos denunciaron el hecho a sus amigos en libertad, los que lo notificaron a Lunacharsky y finalmente fueron sacados de la prisión.

Sin embargo, las escuel[illegible] colonias para los defectivos

no son nada mejores que las prisiones. Una investigación llevada a cabo por la Juventud Comunista descubrió casos horripilantes en algunas de estas escuelas de Petrogrado. El informe fué publicado en la "Pravda", de Petrogrado, en mayo de 1920, y corroboraba los cargos hechos frecuentemente; entre ellos lo del reformatorio y el aumento de guardas a expensas de las relaciones de los niños y otros métodos de corrupción y desorden. Por ejemplo, el Comité descubrió que en una escuela de 125 muchachos había 138 guardas; en otra de 25 muchachos, había 38 guardas, y estos no eran casos excepcionales. Además, el informe del Comité decía que los muchachos se encontraban completamente abandonados, vestidos con trapos sucios, durmiendo entre la basura, y que las olorientas camas no tenían ropa blanca alguna; de que muchos de los niños eran castigados encerrándolos en cuartos obscuros durante la noche, otros que los dejaban sin cena, y algunos que los maltrataban. Dicho informe causó gran excitación entre los oficiales.

Se formó una investigación especial para el caso, y por supuesto resultó, como en América, que todo fué descubierto; se reprochó al Comité de la Juventud Comunista, y se le dijo que "exajoraba", que tal artículo no debió haberse publicado, y que todo era propaganda de los contra-revolucionarios, etc.

Discutí el asunto con algunos comunistas, asombrándome de que tales cosas ocurrieran en la Rusia comunista, y recibí la contestación acostumbrada: "falta de dependencia" y de capacidad en los trabajadores". Me ofrecí a trabajar entre los "defectivos morales", y me aconsejaron que viera a la "camarada Lilina, la cual se deleitaría en aceptarme".

Días después recibí una visita de la camarada Lilina, una frágil mujer con facciones duras, la típica Mme. de las escuelas de New England de hace cincuenta años, la que me aseguró que estaba íntimamente familiarizada con los mejores métodos de pedagogía y fisiología, y me atreví a decirle que yo no estaba de acuerdo con las teorías anticuadas de la moral depravada de los niños y de que no existía educador moderno que creyese en ellas, de que los niños defectivos no debían considerarse ni ser marcados como degenerados. Le hablé de los métodos modernos y de los experimentos llevados a cabo en América por el juez Lindsey y otros que han repudiado la concepción moralística del pecador y el santo. "Ah, sí, todo eso está muy bien en una nación capitalista donde abunda el comestible y demás necesidades de la vida, pero en la Rusia hambrienta los de

BEST COPY AVAILABLE

905

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.– Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.– 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

fectivos morales" son el resultado de una guerra larga y es necesario tomar precauciones".

Durante mis cuatro meses de viaje por la Ukrania, he tenido amplia oportunidad de visitar extraoficialmente las escuelas infantiles, escuelas internas y colonias; por supuesto que en todos los lugares encontré la misma condición; una escuela "demostrativa" modelo con niños bien nutridos y bien cuidados, mientras que en las demás instituciones los niños estaban hambrientos. Muchas veces encontré que los hombres y mujeres luchaban con interés contra la máquina burocrática y defendían sinceramente los intereses de los niños, pero todo en vano, pues al fin eran eliminados por la poderosa máquina.

He visto una ilustración clara de esta fase en Moscou, poco antes de salir yo. En cierto distrito existe un "creche" (escuela) la mejor equipada y organizada que encontré en Rusia. La matrona era un tipo poco frecuente en mujer, idealista y educadora de larga experiencia y una trabajadora incansable. Se demostró fuertemente con el reformatorio. No robaba a Pedro para que comiera Juan; no trataba de sobornar a los oficialillos del sub-departamento.

Como de costumbre, se organizó una campaña contra ella, siendo el cabecilla el mismo médico de la institución, un comunista. Se la acusó de todo lo indecible, y ninguna de las acusaciones tenían base alguna. Pero la maquinaria no cejó hasta que la mujer fué expulsada, lo que significa incidentalmente quedarse sin habitación. Dicha mujer tenía un hijo de cuatro meses. Esto ocurría en el mes de noviembre y el tiempo estaba excesivamente frío y húmedo, y sin embargo, una mujer que luchó por la "creche", fué expulsada de ella; rehusó salir hasta tanto le aseguraran una habitación para su hijo, entonces le dieron un cuarto pequeño, húmedo y obscuro en el sótano del edificio. En aquella tumba, el niño se le enfermó, y aun está sufriendo desde entonces. ¿Conoce Lunacharsky estos casos? No hay duda que sabe de algunos, pero se encuentra demasiado ocupado con "asuntos importantes del Estado" y no puede ocuparse de semejantes "pequeñeces". Durante mis dos años en Rusia visité muchas instituciones y encontré muy pocos niños felices. Durante todo el tiempo no he visto más que una sonrisa de felicidad en Arkángel. En otra ocasión podré escribir sobre este niño, pero en general los niños de las instituciones bolcheviques me causaron la impresión de aquellos ancianos, sin color, que se encuentran en los asilos de orfandad.

BEST COPY AVAILABLE

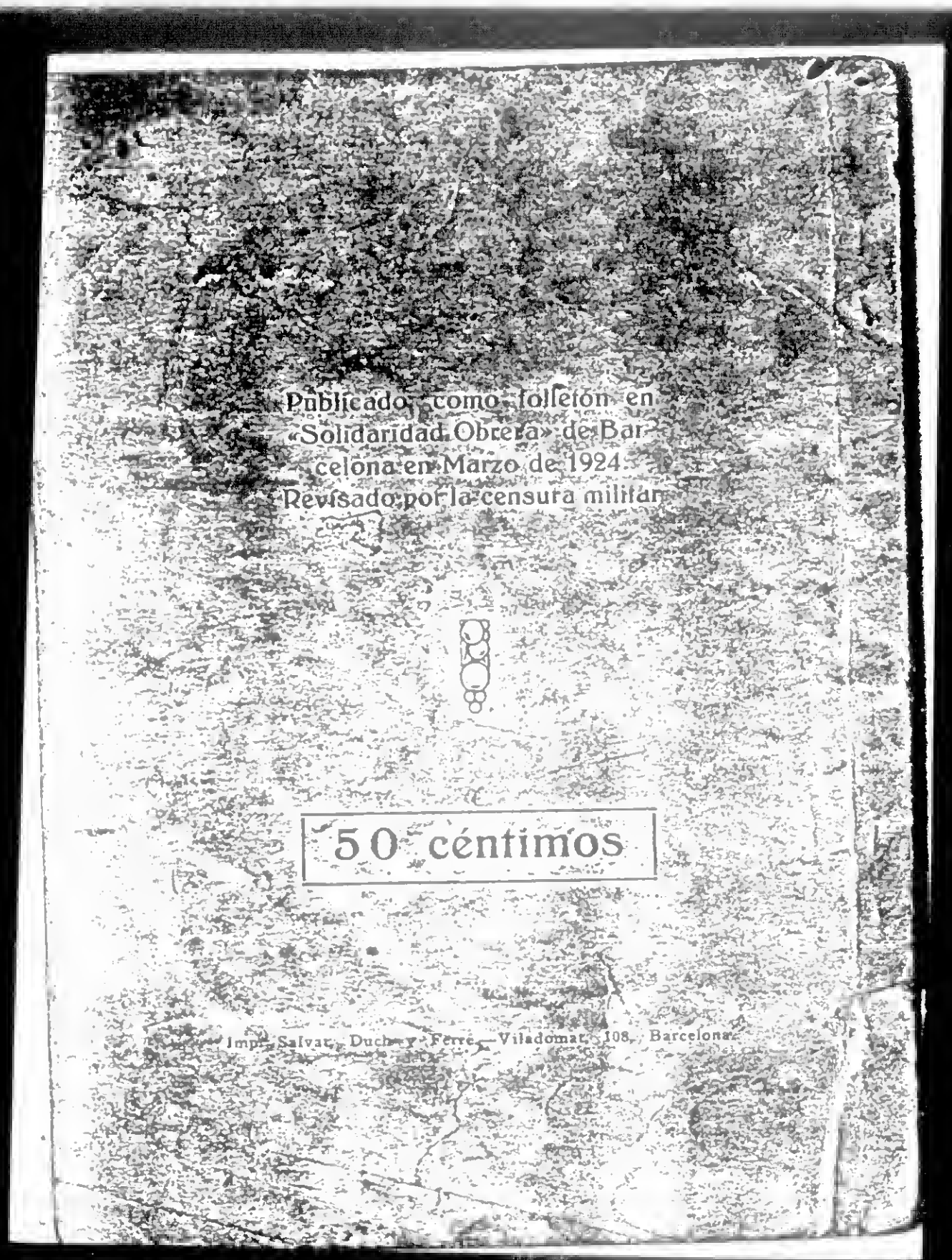
906

821022150

The Emma Goldman Papers

[Two years in Russia. In Spanish] Dos Años en Rusia / Emma Goldman.— Barcelona : Editorial "Hoy," 1924.— 33 p. ; 18 × 23 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Northwestern University Library. Institutional Location: Special Collections Department.

Publicado como folletón en
«Solidaridad Obrera» de Barcelona en Marzo de 1924.
Revisado por la censura militar

50 céntimos

Imp. Salvat, Duch y Ferré.—Viladomat, 108, Barcelona.

BEST COPY AVAILABLE

907

891009001

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture] Experience in Russia / Emma Goldman. – pp. 11-14 ; 21 cm.
In War Against War. – De Bilt : International Anti-Militarist Bureau, 1924.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

coloured race, but deep underneath the most primitive negro, one finds the white intellectual who prostitutes himself for war purposes. While the proletariat has lost in the World War, the bourgeoisie has won 20.000 guilders on each soldier's corpse. Therefore, youth desires neither war nor so-called peace — which, in reality, is nothing more than a new preparation for war — but youth desires revolution, not the kind in which one government is replaced by another, nor one form of militarism substituted for another, but a revolution through which the possessing class is deposed, and the cause of wars is obliterated. War against war! And especially, war of the slave against his master! Up for the liberation of labour from militarism, capitalism, and the state!"

Homage to C.O.'s.

On the proposal of L. J. Bot Jr., the meeting sent a declaration of sympathy to the forty-odd imprisoned conscientious objectors in the special prison at The Hague. As the treatment of these leaves much to be desired, the mother of one of them addressed the parents, present, of the C.O.'s:
Mrs. Van Meekeren proposed that during the pause the parents of the imprisoned conscientious objectors should meet, in order to arrive at some common means for the defence and protection of their imprisoned sons, whose fight they respect and support. This proposal was enthusiastically passed. During the pause, the parents pledged themselves to start the very next day to help support the imprisoned children, with the common aid of all.

Experience in Russia.

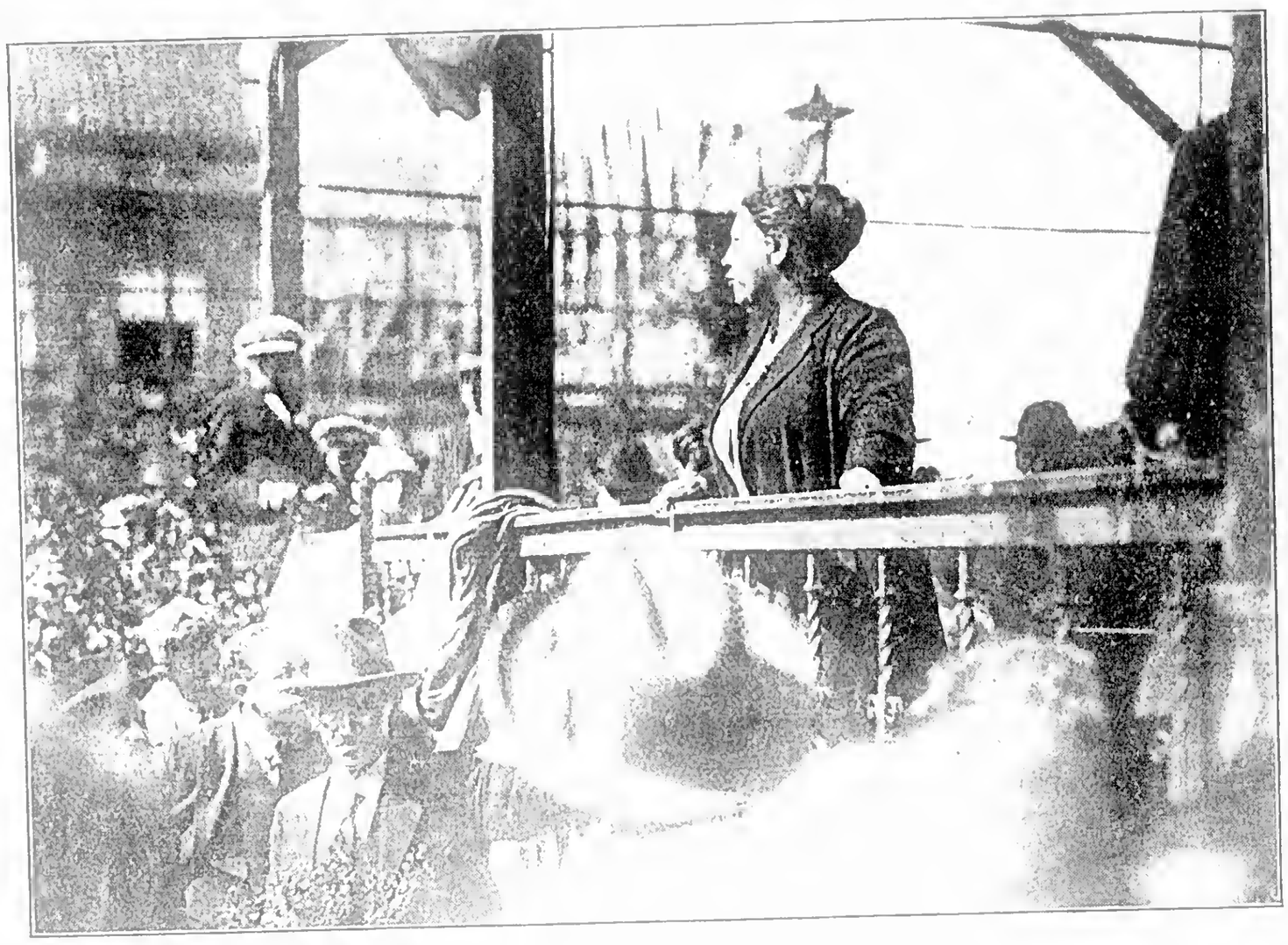
Emma Goldman declared that certainly no one would have believed, in the first days of the International Anti-Militarist Union of 1904, that within a few decennia, militarism would lift its bloodstained hands not only in capitalist countries, but also in a so-called proletarian state.
In Russia, seven years after labourers and peasants — men, women and children — had shed their blood with the hope of achieving a great deal, instead a new state had arisen, as criminal, as militarist, as capitalist as the other states. No one would have believed that after a great revolution, militarism would be consolidated anew, and turned against the revolutionists themselves. Emma Goldman bases her statements on her two years' personal experience, during which time she travelled in Russia, not as an official delegate, but as a Russian born woman, who was able to talk with the people in their own language. After the Romanoffs were expelled, not only a political, but also a social revolution took place. One may say that Russia was not far enough advanced socially when the revolution of 1917 began. But one must not

908

891009001

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture] Experience in Russia / Emma Goldman. — pp. 11-14 ; 21 cm.
In War Against War. — De Bilt : International Anti-Militarist Bureau, 1924.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Mrs. v. Meekeren proposes to the parents of imprisoned C.O.'s to form an organisation for the defence of their sons

891009001

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture] Experience in Russia / Emma Goldman.– pp. 11-14 ; 21 cm.
In War Against War. – De Bilt : International Anti-Militarist Bureau, 1924.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

forget that the Russian people had a revolutionary tradition nearly one hundred years old, and that there was a belief that the communists would establish a really free Russia. When, however, the Bolsheviki gained power in 1918, they began, more and more, to subjugate the institutions under the new state-power, and to oppress the people. So the revolution was killed. Originally, they used revolutionary slogans, which made a deep impression upon the people. But it was not long before they sacrificed everything to restore state, capitalism and militarism. „Some will call me a „counter-revolutionist", Emma Goldman said, „because it is not permitted by the Bolsheviki to say anything against the Russian government." It had taken her fifteen months to convince herself that, what the great majority in Russia was saying about the Bolsheviki, was true, and to realize their wrongs. She had entered Russia with great confidence in the revolutionary intentions of the ruling Communists. But, in the end, she was forced to see things as they were. She now knows from personal experience that in the state prisons, and in the concentration camps Anarchists, Left-Social Revolutionists, and Revolutionary Syndicalists are being martyrized. Everyone who criticises the Russian government and opposes its tyranny is made a prisoner, put to death, or banished. „Here in Holland," she said „you can hold meetings such as these, even though you live under a monarchy, and under capitalism, but in Russia such opportunities do not exist. The revolution in Russia has been crucified by the Bolsheviki." Never have they in reality tried to establish a Communist revolution. Or is it Communism when you make 33 classes of wage-earners? When Lenin imposed the new economic policy, he said himself that none but a fool could believe that communism could be introduced in Russia. Here in Holland, you can openly fight militarism and capitalism, your open foes. But in Russia, the people live under a lie, the lie that this is revolution. And one may not even state this lie. Bolshevism is a new Christianity. Just as the Christian church exists as a lie against the principes of Christ, so the Bolshevist church lies against Communism. Why should the governments wait to recognize their fellow-government? The Third International, the Russian State, and the Red International of Trade Unions form a holy, infallible church preaching world-revolution, but committing the crime of slavery. But although the prisons are crowded with revolutionists, the revolution will resurrect itself. The Russian people will recover their own, and the present political party will be swept away.

Against every State.

What is the lesson we can learn from this? That we must not put our trust in any political party whatsoever. No political party can realize a social revolu-

910

891009001

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture] Experience in Russia / Emma Goldman.– pp. 11-14 ; 21 cm.
In War Against War. – De Bilt : International Anti-Militarist Bureau, 1924.
Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

tion. That must be the work of the people itself. The sole salvation lies in economic self-organization. Therefore, revolution has to do away with state and militarism, first of all. Workers of all countries have to unite with the Russian people. The soul of a people of 100.000.000 cannot be conscripted forever into the executive of a political party. At this very moment it may not be able to free itself, but some day the tide will turn, and then the Russian people will give the world a new social organization, and a really moral culture. Only along these lines will the people come to real, active peace, and to a true, free mankind. — Although this speech was delivered in the English language, the force and conviction of the speaker, and the truthfulness and sincerity of her arguments were so great, that those present felt deeply the great significance of it all, and followed her in intense silence. The translation made by J. Giesen confirmed this impression, and was received with great enthusiasm.

To save Civilization.

Pierre Ramus (Rudolf Grossman) began his speech by conveying the greetings of the Austrian Anti-Militarists. „We live", so he continued, „only in an armistice. Perhaps, the Anti-Militarists will have to show, within the next ten years, what they are willing to sacrifice for their antimilitarism. Then the proletariat will have to save civilization, or else it will itself be destroyed. Rather meet death fighting war, than in favour of war. This promise we all have to make to ourselves, regardless how soon we may have to fulfil it. Only the working class can prevent war by its economic action, and none can accomplish this task for them. The year 1914 has proved that the great, so-called Socialist Parties have no power against war. Their parliamentary rulers are conscious supporters of the state. They knew, also, that, with people whom they had educated for voting-material, no war against war could be waged. Their parties, in critical moments, could not do otherwise than fall down morally. Defence of the country was put above life itself. The masses were sent into death by their own leaders, for an inferior cause. Ten years after 1914, one must again bear in mind that the masses have nothing to hope for from such leaders. Against war, the strength of small vanguards is required, which dare to risk everything in order to get the big masses into real action. If it is necessary to die, then die for your own ideal, as a real human being, rather than as slaughter-cattle for the benefit of banks and profiteers. In Austria, the revolutionary antimilitarists of 1914 have been true to their principle. However few, they have waged war against war, even during the war itself. This is the moral victory of a minority. If the labour movement had not been sacrificed to Marxism, we would not have had a war of such proportions as the last World

911

890801025

The Emma Goldman Papers

[Lozovski lets the cat out of the bag. In German] Losowski lüftet den Vorhang / Emma Goldman. – p. 2 ; 34 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – Vol. 5, no. 17 (1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist vol. 5 no. 17 (1924) Beilage p. 2

96. Winogradowa, Tatjana. Im Solowetzkyklostergefängnis.
97. Zochermann, Moses. Im Solowetzkyklostergefängn.
98. Leochaj, Johann. Verbannt nach Archangelsk.
99. Ulitzkaja. Verbannt nach Archangelsk.
100. Tarassewitsch, Nikolaus. Verbannt nach dem Norden.
101. Odilje, Anna. Verbannt nach dem Norden.
102. Wassiljewa-Schreider, Wera. Verbannt.
103. Batascheff. Seit 1920 im Gefängnis zu Tula.
104. Solowjeff. Seit Juli 1919 im Gefängnis zu Tula.
105. Schukoff, M. Anteilnehmer am Attentat gegen Deetkin. In Verbannung in Mittelasien.
106. Bogajawlenskaja, S. Seit Mai 1921 in Verbannung in Mittelasien.
107. Saper, David. Im Gefängnis zu Moskau seit 1922.
108. Beresceff, I. Erst zum Tode verurteilt, dann begnadigt, jetzt im Gefängnis in Moskau.
109. Sokolowa, A. Erst zum Tode verurteilt, dann begnadigt, jetzt im Gefängnis in Moskau.
110. Iwanoff, I. Erst zum Tode verurteilt, dann begnadigt, jetzt im Gefängnis in Moskau.
111. Popoff, A. Im Gefängnis zu Moskau seit 1922.
112. Guloboff. Im Gefängnis zu Petrograd.
113. Spiridinowa, Marie, eine der bekanntesten Persönlichkeiten der russischen Revolution. Verfolgt unter dem Zarismus, jetzt im Gefängnis zu Moskau von der Welt abgeschlossen.
114. Ismaelowitsch, A., zusammen mit Spiridonowa.
115. Majoroff, Ilja, im Gefängnis zu Moskau.
116. Hahn. Im Gefängnis zu Tscheljabinsk seit 1921.
117. Nowikoff, N. Im Gefängnis zu Moskau seit März 1921.
118. Saekheim, M. Im Gefängnis zu Moskau seit März 1921.
119. Zyplajowa. Im Gefängnis zu Woronesch seit März 1921.
120. Schoprjakoff. Im Gefängnis zu Woronesch seit März 1921.
121. Oreschkin. Im Gefängnis zu Moskau seit März 1921.
122. Woikoff, A. Im Gefängnis zu Moskau seit März 1921.
123. Timkewesky. Im Solowetzkyklostergefängnis.
124. Matwejew. Im Solowetzkyklostergefängnis.
125. Wlassjak. Im Solowetzkyklostergefängnis.
126. Braun, Jakob. Im Gefängnis zu Susdal.
127. Schaiesnoff. Im Gefängnis zu Susdal.
128. Schahalin, F. In Verbannung in Krasnojarsk, nachdem vorher in langjähriger Kerkerhaft.
129. Bogdanoff, M. In Verbannung in Krasnojarsk, nachdem vorher in langjähriger Kerkerhaft.
130. Malm, E. In Verbannung in Krasnojarsk, nachdem vorher in langjähriger Kerkerhaft.
131. Kamknff, B., Theoretiker der linken Sozialisten-Revolutionäre. Seit 1919 in Tscheljabinsk.
132. Romanowa, E. In Tscheljabinsk in Verbannung.
133. Trutowsky, W., bekannter Sozialisten-Revolutionär. Seit 1919 gefangen, jetzt in Mittelasien verbannt.
134. Trulowskaja. In Mittelasien verbannt.
135. Kachowskaja, L., Teilnehmerin am Attentat gegen Eichhorn. Im Kalugagefängnis.
136. Podgorsky, E. Waldina und Borodin. In Wjatka verbannt.
137. Belge, P. In Verbannung in Tscherepowetz.
138. Abremowa. In Verbannung in Ufa.
139. Krassowskaja. In Verbannung in Ufa.
140. Wassjutinsky, W. Verbannt in Rybinsk.
141. Polubujarinoff. In Archangelsk.
142. Zuthart. Seit 1918 in Solowetzky verbannt.
143. Kerbikoff. In Solowetzky verbannt.
144. Pawloff. In Solowetzky verbannt.
145. Popewa In Solowetzky verbannt.
146. Wlassoff. In Solowetzky verbannt.
147. Trotzkaja. In Solowetzky verbannt.

Das ist nur ein kleiner Teil. Die Anzahl der Gefangenen beläuft sich in Tausende, wenn man sämtliche politische Richtungen dazunimmt, die nicht bolschewistisch sind. Die hier verzeichneten sind hauptsächlich Anarchisten, Syndikalisten und linke Sozialisten-Revolutionäre.

* * *

Protest gegen die verfolgten Revolutionäre in Sowjetrußland.

Das Vereinigte Komitee zum Schutze der Inhaftierten Revolutionäre in Rußland teilt mit:

Die Pariser Gruppe zum Schutze der russischen Revolutionäre entfaltete eine glänzende Tätigkeit, um die Aufmerksamkeit der Oeffentlichkeit auf die Verhältnisse in Sowjetrußland zu richten. Die Versammlung, die von dieser Gruppe am 6. März veranstaltet wurde, hat Tausende von Pariser Arbeitern angezogen und machte einen gewaltigen Eindruck. Die bedeutendsten Vertreter des französischen Syndikalismus haben in scharfen Worten das tyrannische Regime Moskaus gegeißelt. Eine Protestresolution wurde einstimmig angenommen.

* * *

Protestresolution gegen die russische Sowjetregierung!

Die am 6. April 1924 in Mülheim (Ruhr) tagende Bergarbeiterkonferenz Rheinlands und Westfalens der Freien Arbeiter-Union (Syndikalisten) nimmt mit Entrüstung Kenntnis von den furchtbaren Verfolgungen und Verurteilungen, welchen die revolutionären Syndikalisten, Anarchisten und linken Sozialrevolutionäre von seiten der russischen Regierung ausgesetzt sind. Als Revolutionäre wissen wir, daß es in kapitalistischen Staaten in der Natur der Dinge liegt, daß Revolutionäre daselbst keine Heimstätte finden, daß aber die sogenannte Arbeiterregierung als angebliche Vertreterin des „Kommunismus" genau so brutal, ja sogar noch schlimmer gegen die Revolutionäre vorgeht, läßt sie in den Augen der Konferenzteilnehmer der Verachtung anheimfallen. In der Erkenntnis, daß kein Staat, wie er sich auch nennen möge, der Menschheit die wahre Freiheit gewährleisten kann, grüßen wir in brüderlicher Solidarität alle verfolgten, verbannten und eingekerkerten Revolutionäre Rußlands und gelobe, nicht ruhen und rasten zu wollen, bis auch sie der Freiheit wiedergegeben sind. Der Regierende in Rußland rufen wir zu: Geht die revolutionären Syndikalisten, Anarchisten und linken Sozial-Revolutionäre frei. Die revolutionäre Arbeiterschaft der Welt fordern wir auf: Erhebt Eure Stimme und schließt Euch unserem Proteste an.

Losowski lüftet den Vorhang.

Während des ersten Kongresses der „Roten Gewerkschaftsinternationale" brauchten Losowski, als Chef jener Organisation, und seine Helfer jedes Mittel, um die ausländischen und besonders die französischen Delegierten zu überzeugen, daß die III. Internationale nicht die Absicht habe, die „Rote Gewerkschaftsinternationale" unter ihre Kontrolle zu bringen. Weit entfernt davon, die R.G.I. zu einem abhängigen Zweig der III. Internationale zu machen, begrüßten sie diese als eine autonome Schwesterorganisation, mit der sie Hand in Hand zu arbeiten gedachten.

Wir, die wir in jener Zeit in Rußland waren und eine enge Fühlung zu der vorbereitenden Arbeit der R.G.I. hatten, wußten es jedoch besser! Wir wußten, daß die R.G.I. dem alten Körper der III. Internationale frisches Blut einflößen sollte, die nur noch aus einer Handvoll intellektueller bestand. In russischen kommunistischen Kreisen war der Zweck, zu dem die R.G.I. bestimmt war, ein offenes Geheimnis; aber es war notwendig, die ausländischen Delegierten und besonders die französischen Anarcho-Syndikalisten, die immer gegen die Bevormundung ihrer Organisationen von seiten irgendeiner politischen Partei waren, glauben zu machen, daß die K.I. frei von solchen Absichten sei, zumindest war das notwendig, bis sie einmal für die R.G.I. gewonnen worden waren.

Ich habe meine Unterredung mit dem russisch-amerikanischen De Leonite, Reinstein, bezüglich der Beziehung der beiden Internationalen noch gut im Gedächtnis.

Viele Jahre hindurch hatte Reinstein in den Vereinigten Staaten gelebt und war immer einer von den Gegnern der I.W.W. und der Anarcho-Syndikalisten gewesen. Im Jahre 1917 ging er nach Rußland und paradierte dort beständig als „Delegierter des amerikanischen Proletariats". Das war während der Blockade, in welcher Zeit es sehr schwer war, nach Rußland hineinzukommen, und als andere selbsternannte amerikanische Delegierte noch nicht entdeckt hatten, wie profitabel es ist, den Moskauern zu dienen. Der arme Reinstein, was er wohl jetzt tun muß, wo doch die amerikanische Konkurrenz so stark ist.

Im Jahre 1921 war Reinstein Vorsitzender der englisch-amerikanischen Kommission für die vorbereitenden Arbeiten des Gewerkschaftskongresses. Reinstein sagte damals, daß es seine Idee gewesen sei, die die Kommunistische Internationale veranlaßte, eine neue Gewerkschaftsinternationale ins Leben zu rufen. Dieses war unumgänglich für die III. Internationale, wenn sie nicht sie bloßer politischer Diskutierklub bleiben wollte, denn damals war die III. Internationale nur aus Russen und Ausländern zusammengesetzt, die vom Ausland abgeschnitten waren, also keine Ahnung hatten von dem, was unter den Arbeitern anderer Länder vor sich ging. „Eine organisierte Arbeiterkörperschaft in Internationalem Maßstabe", sagte Reinstein, „würde der III. Internationale neues kräftiges Blut zuführen und sie so zu einer Weltmacht machen." Schicksal und Funktion der R.G.I. war lange vor ihrer Geburt vorherbestimmt und festgelegt.

Und es muß gesagt werden, daß die R.G.I. ihren Schöpfern Ehre macht. Sie ist nicht nur nach dem Bilde der K.I. geschaffen, sie ist tatsächlich der Abklatsch von allen ihren Träumen und Plänen. Und diese Träume sind nichts anderes als die Herrschaft über die Arbeiter und deren Abhängigkeit vom politischen Staat, was heute „Leninismus" genannt wird. Die R.G.I. hatte keine größere Aufgabe, als diese Weltherrschaft sichern zu helfen.

Die Delegierten des 1. Kongresses der R.G.I. fielen mit Leichtigkeit in die Schlingen, die ihnen von Moskau gelegt waren; einige dank ihrem naiven Glauben, daß die III. Internationale tatsächlich die russische Revolution vertrete; andere — und diese waren in der Majorität — waren klug genug, den Trick zu durchschauen; aber sie hielten es für klüger, den Herren Moskaus, statt ihren Organisationen zu dienen, die sie gesandt hatten, die Rote Gewerkschaftsinternationale zu vertreten gegenüber dem Versuch, sie politischen Zwecken vorzuspannen. Außerdem befanden sich unter den Delegierten ernsthafte Männer, die es ablehnten, sich übertölpeln oder memerisieren zu lassen; aber sie hatten wenig Gelegenheit in dieser Versammlung, die bepackt war von Pseudodelegierten aus Industriezentren wie Palästina, Buchara oder Adher bedhzan beispielsweise, sich durchzusetzen.

Drei Jahre sind seitdem vergangen. Wieder und wieder hat die R.G.I. gezeigt, wer Herr in ihrem Hause ist und wessen Befehle ausgeführt werden müssen. Befehle, die keinen andern Zweck haben, als Chaos, Konfusion und Mißtrauen in den Reihen des internationalen Proletariats zu verbreiten. Dennoch gibt es noch immer gläubige Seelen, die hartnäckig an dem Aberglauben festhalten, daß die kommunistische Internationale nichts weiter wie der gute Bruder der R.G.I. sei, der seine noch schwache Schwesterorganisation gegenüber den Angriffen ihrer Feinde beschütze. Darum mögen sie aus der autoritativsten kommunistischen Quelle, von dem Vorsitzenden der R.G.I. erfahren, welche Rolle die K.I. im Leben der R.G.I. gespielt hat und spielen wird.

Die „Prawda", die dem 5. Geburtstag der III. Internationale gewidmet wurde, enthält folgenden Artikel von Losowski. Er schreibt hier unter anderm folgendes:

„Dadurch, daß die K.I. die Forderung aufstellte, die bestehenden Gewerkschaften von innen zu erobern, anstatt neue kleine, revolutionäre Organisationen zu bilden, ist die gesamte Gewerkschaftsbewegung vor vollständigem Zusammenbruch gerettet worden.

Die III. Internationale hat nicht nur das Verdienst, der Urheber der Roten Gewerkschaftsinternationale zu sein, außerdem ist sie der Führer ihres Weges und ihrer Tätigkeit.

Es ist nur notwendig, sich sorgfältig mit dem Werk der R.G.I., den Resolutionen und Entscheidungen ihres Zentralsowjets zu beschäftigen, um zu erkennen, wie verwebt miteinander diese beiden Internationalen sind. In der Tat, alle Resolutionen wurden von der Komintern in der Linie ihrer Ziele und Methoden erdacht. . . Ebensowenig wie die R.G.I. ohne Hilfe der K.I. nicht geboren werden konnte, so kann sie auch ohne dieselbe und ohne die kommunistischen Parteien in allen Ländern nicht fortfahren zu existieren. Gerade diese enge Wechselbeziehung politischer Auffassungen und Ideen ist es, die die Angriffe der Anarchisten gegenüber der K.I. hervorrief. . . . Aber wir haben keine Zeit, reformistischen und anarchistischen Schwätzereien zuzuhören. Die K.I. ist zu beschäftigt mit der Erziehung einer vereinigten revolutionären Kampffront gegen den reformistischen Block von Amsterdam und der II. Internationale.

Die K.I. hat die Arbeiterbewegung niemals als ein verbotenes Feld betrachtet, daß sie nur betreten durfte bei Aufgabe ihres Programms und ihrer Methoden . . . Solches verlangen Anarchisten und Reformisten dauernd von uns. Aber die K.I. wird diesem Ersuchen niemals nachkommen. Das Ziel unserer Partei ist, die Majorität der Arbeiterklasse zu gewinnen und diese zu organisieren für die Revolution, zu welchem Zwecke die Gewerkschaften unerläßlich sind. Aber die letzteren werden von der K.I. nicht als Ziel, sondern nur als Mittel zum Ziel, als Mittel zur Niederringung der Diktatur des Proletariats betrachtet. Und aus diesem Grunde muß die K.I. dem Losungsruf der französischen Anarcho-Syndikalisten, „Alle Macht den Gewerkschaften", den Kampf erklären.

Seit dem Jahre 1921 scheint Losowski gelernt zu haben, manches Mal mit der Wahrheit herauszukommen und kommunistische Geheimnisse zu verraten. Mit anderen Worten: er erklärt, daß die Komintern niemals die mindeste Idee gehabt habe, daß die Ziele und die Tätigkeit der R.G.I. etwas Besonderes neben ihren eigenen bedeutete, und daß so alles der K.I. zu unterordnen sei, deren Ziel nach Losowski die Eroberung der politischen Macht und die Diktatur des Proletariats ist.

Eines Tages werden die Arbeiter sieberlich zur vollen Bedeutung dieser Diktatur aufwachen. Dann werden sie erkennen, daß sie nur Marionetten gewesen sind auf der Bühne des Kommunismus, und so dazu beigetragen haben, das russische Drama in Szene zu setzen, jenes Drama, das die Revolution begraben, Gedanken und Aktionen der Massen gelähmt und ein System politischer Verfolgungen geschaffen hat, wie die Welt bis dahin es kaum geschaut hat. Dann werden sie erkennen, daß sie es waren, die unter Führung des Kommunismus den Kapitalismus wieder eingesetzt und noch einmal zum Siege verholfen haben.

Man müßte vollständig an den Möglichkeiten der Massen verzweifeln, wenn man nicht leidenschaftlich glaubt, daß dieses Erwachen kommen wird.

Berlin, April 1924. Emma Goldman.

Internationales Bulletin

Aus dem Pressedienst der I.A.A.

Norwegen.

Die Streiklage. Die Streik- und Aussperrungsbewegung ist immer noch im Gange, die Stimmung ist jetzt seit 6 Wochen immer noch ausgezeichnet. Die Metallarbeiter befinden sich bereits seit 26 Wochen im Kampfe und alle Verhandlungen sind an der Hartnäckigkeit der Unternehmer gescheitert, die forderten, daß der ungesetzliche Streik der Arbeiter in der Elektroindustrie erst eingestellt werden und die Arbeiter unter den alten Arbeitsbedingungen zur Arbeit zurückgehen sollen. Davon wollen jedoch die Arbeiter nichts wissen. Das Streikkomitee wurde wegen diesem ungesetzlichen Streik unter Anklage gestellt. Am Tage der Gerichtsverhandlung sammelten sich 7000 Streikende zu einer Demonstration und zogen mit Musik an der Spitze unter dem Singen der Internationale zum Justizgebäude, um die verurteilten Kameraden abzuholen. Es war ein erhebender Anblick, die tausende von Streikern vor den Augen der Polizei aufmarschieren zu sehen. Als die Verurteilten aus dem Justizgebäude kamen, schwenkten alle Demonstranten die Hüte und selbst vom Justizpalaste aus wurden Reden für die Verurteilten gehalten. Die prächtige Stimmung der Streikenden gibt Anlaß zur Hoffnung, daß die Unternehmer bald nachzugeben gezwungen sein werden. Die Solidarität der Syndikalisten hat sich in diesem Kampfe aufs glänzendste bewiesen, unsere Kameraden vom N.S.F. haben 20 000 Kronen für die Streikenden gesammelt.

Zur internationalen Orientierung der Landesorganisation.

Die Urabstimmung in der Landesorganisation Norwegens über den Anschluß an die Rote Gewerkschaftsinternationale ist beendet. Der Anschluß wurde mit ⅔ Majorität verworfen. Das endgültige Resultat ist infolge des Streiks noch nicht herausgekommen. Es soll mit der R.G.I. auf freier Basis zusammen gearbeitet werden. Mehrere Organisationen haben sich auch für die Arbeitsgemeinschaft mit der I.A.A. auf derselben Grundlage ausgesprochen. Das war eine große Ueberraschung für den Vorstand der Landesorganisation, welcher diesen Vorschlag nicht zur Abstimmung bringen ließ. Das Resultat dieser Abstimmung ist eine glatte Niederlage für Moskau, denn man war gerade in Norwegen sicher auf den Anschluß der

900618005
The Emma Goldman Papers
Wladimir Iljitsch Uljanow Lenin / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 44 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – Vol 6, no. 8 (1924).
Obtained from the private collection of Heiner Becker. Institutional Location: the International Institute of Social History.

Der Syndikalist

Organ der Freien Arbeiter-Union Deutschlands (Anarcho-Syndikalisten)
Angeschlossen der Internationalen Arbeiter-Assoziation

„Der Syndikalist",
(hervorgegangen aus der „Einigkeit", die am 8. August 1914 nach 18jährigem Bestehen verboten wurde),
erscheint jede Woche einmal Sonnabends.
Verlag und Expedition:
Fritz Kater, Berlin O. 34, Kopernikusstr. 25, II
Telegrammadresse: „Syndikalist" Berlin.

Nr. 8 - 1924

Abonnementspreis
für die angeschlossenen Gewerkschaften pro vierseitiges Exemplar 0,05 Goldmark, durch die Expedition unter Kreuzband für den Monat Januar 0,40 Goldmark. Ausland 0,60 Goldmark.
Einzelexemplar 0,07 Goldmark.

Redaktionsschluß Montag abend. Beiträge, die später eintreffen, können für die laufende Nummer nicht berücksichtigt werden.

VI. Jahrgang

Zum Fall des Ausnahmegesetzes

Am 13. März richtete der Chef der Heeresleitung, General Seeckt, an den Reichspräsidenten ein Schreiben, in welchem er die außerordentlichen Vollmachten in die Hände des sozialdemokratischen Reichspräsidenten Ebert zurücklegte, aus denen er sie erhalten hatte. Die Aufhebung des Ausnahmezustandes soll jedoch erst den 1. März erfolgen.

Die Bourgeoisie hat erreicht, was sie erstrebte. Der Ausnahmezustand ist erklärt worden, um den Widerstand des klassenbewußten Proletariats lahmzulegen, damit Kapitalismus und Staat unter der sicheren Obhut der Bajonette ihre volksfeindlichen Maßnahmen durchzuführen in der Lage waren. Das geht auch deutlich hervor aus den Worten des Generals Seeckt, der sagt:

„Die Staatsautorität ist so gefestigt, daß die unter dem Ausnahmezustand eingeleitete Sanierung unseres Staats- und Wirtschaftslebens auch ohne ihn weitergeführt werden kann."

Noch deutlicher aber wird der Reichspräsident Fritz Ebert, der in seiner Antwort an General Seeckt ausspricht:

„Als im vergangenen Herbst die durch äußere Bedrückung und innere Schwierigkeiten aller Art erregte Stimmung größerer Volksteile das staatliche Gefüge und die Existenz des Reichs ernstlich bedrohte, haben Sie in selbstloser Einsetzung ihrer Person das schwierige und undankbare Amt übernommen, Ruhe und Sicherheit im Lande wiederherzustellen und damit den Boden geschaffen, auf dem die harten, vom ganzen Volke Opfer erheischenden Maßnahmen unserer wirtschaftlichen und finanziellen Gesundung durchgeführt werden konnten."

Worin bestanden diese Maßnahmen, die unter dem Schutze des militärischen Ausnahmezustandes getroffen wurden? Gegen wen richteten sie sich?

Sie bestanden in der Verlängerung der Arbeitszeit, in der Herabsetzung der Hungerlöhne, in der Stillegung der Betriebe und damit Brotlosmachung von Millionen der Aermsten, im Beamtenabbau und ähnlichem. Die Maßnahmen zur „wirtschaftlichen und finanziellen Gesundung" geschahen ausschließlich auf Kosten der werktätigen Bevölkerung. Den besitzlosen Proletariern zieht man das Fell über die Ohren, die Junker und Industrieritter, die Kriegsgewinnler und Revolutionsschieber aber läßt man ungeschoren. Die Steuern zur Aufbesserung der Reichsfinanzen werden nicht von den besitzenden Klassen bezahlt, sondern von den Arbeitenden. Die Mieten sollen in die Höhe gesetzt werden. Dadurch zieht der Staat auch aus der ärmlichen Hütte, aus dem Dache über dem Kopfe des Proletariats seinen Nutzen.

Die Bourgeoisie hat durch den Ausnahmezustand ihr Ziel erreicht, sie konnte befriedigt seine Aufhebung fordern, und gerade durch das letztere gab sie sich den Anschein einer gewissen Generosität und sicherte sich so gute Chancen für die kommenden Parlamentswahlen.

Mit dem Fall des Ausnahmezustandes nicht verbunden ist das Ermächtigungsgesetz. Die versklavenden Verordnungen dieses Gesetzes werden die Arbeiterschaft auf lange hinaus treffen. Die wirtschaftliche Not wird andauern, wenn auch den Arbeitern politische Bewegungsfreiheit wiedergegeben sein wird. Die aufgelösten Organisationen werden ihre Tätigkeit wieder aufnehmen können, die kommunistische Presse wird wieder in Erscheinung treten. Es ist jedoch damit zu rechnen, daß die „Revolutionäre" der III. Internationale ihre wiedergewonnene Pressefreiheit in den Dienst der Wahlkampagne stellen werden, um bei den bevorstehenden Reichstagswahlen möglichst viel Mandate zu erringen.

Ein Wahlsieg der Kommunisten würde jedoch sein ein Pyrrhussieg des Proletariats. Die soziale Revolution würde dadurch keineswegs gefördert, sondern nur aufgehalten. Es würde wieder einige Legislaturperioden dauern, ehe die arbeitenden Massen die Unfähigkeit der Kommunisten erkannt haben und hinter ihre Schliche kommen. Diese Zeit wird aber kommen, und dann wird auch die Illusion über die Macht des Parlamentarismus und über das bürgerliche Vertretersystem zerstört sein. Die kommunistische Partei weiß, ihre Führer haben es begriffen, daß die Enthaltung von der parlamentarischen Betätigung einem Verzicht auf die Erringung der politischen Macht gleichkommen würde, da die Hoffnung, durch einen militärischen Handstreich die Macht an sich zu reißen, nach dem letzten Hitler-Ludendorff-Putsch immer mehr an Resonanzboden verliert. So ist die antiparlamentarische Arbeiterbewegung Zukunftswerk. Dieses Werk muß aber geleistet werden. Die Syndikalisten erblicken eine ihrer Aufgaben darin, dem Proletariat bei der Ueberwindung der bürgerlichen Ideen des Parlamentarismus behilflich zu sein und an ihre Stelle die Ideen der direkten Aktion zu setzen. Wenn alle Genossen ihre Pflicht tun, dann wird die Zeit des Zusammenbruches des Parlamentarismus nicht mehr fern sein. Dann bricht die Zeit des Syndikalismus an.

Propaganda!

Die politischen Parteien rüsten zum Wahlkampfe. Die Arbeiterschaft soll auf's neue über den Löffel barbiert werden. Die Widersacher des Proletariats sind mächtig. Parteien und Gewerkschaften verfügen über mächtige Organe in allen Teilen des Reiches. Der revolutionäre Syndikalismus allein besitzt gegenwärtig nur eine einzige Wochenzeitung „Der Syndikalist". Auch dieser ist gefährdet, vor allem aber ist er in seiner jetzigen vierseitigen Form völlig unzureichend, um als würdiges Sprachrohr der freiheitlichen revolutionären Bewegung Deutschlands seine Aufgabe zu erfüllen.

Genossen! So darf es nicht mehr weitergehen. Anstatt größere Lebenskraft zu entfalten, schrumpft unsere Bewegung zusammen, solange unser Organ nur vierseitig erscheint.

Revolutionäre Syndikalisten! Wie? Ihr wollt die soziale Revolution durchführen, Ihr wollt die Welt aus den Angeln heben und vermögt nicht einmal die Opfer aufzubringen, eine achtseitige Zeitung wöchentlich herauszubringen? Es ist eine Schande für die Organisationen, wenn sie ihre Mitglieder nicht einmal heranziehen können, allwöchentlich 5 Pfennig für die Zeitung zu opfern. Selbst die Arbeitslosen dürfen nicht ohne Zeitung sein, selbst sie können diesen Bettelpfennig aufbringen. Tun sie es nicht, dann sind sie nicht würdig, revolutionäre Syndikalisten genannt zu werden.

Wir richten einen dringenden Appell an alle unsere Kameraden, an alle unsere Organisationen, dafür Sorge zu tragen, daß sämtliche Mitglieder eine Zeitung beziehen, daß die Arbeitslosen sich vor die Betriebe stellen, daß sie Arbeiterzusammenkünfte besuchen, um unser Organ „Der Syndikalist" zu verkaufen. Entweder unsere Kameraden entfalten mehr Propagandatätigkeit für unsere Ideen oder es ist geschehen um die syndikalistische Bewegung Deutschlands.

Seid endlich rührig in der Propaganda! Vorwärts, Kameraden!

Wladimir Iljitsch Uljanow Lenin.

Wenn ich die Lobeshymnen über Lenin lese, mit welchen einige seiner bittersten Feinde den Toten bedacht haben, kommen mir unwillkürlich die warnenden Worte Angelika Balabanowas in den Sinn, welche diese Klara Sheridian gegenüber gebrauchte, der Dame, die von Lenin, Trotzky und anderen Führern des Bolschewismus Büsten anfertigte. „Wäre Ihnen wohl vor drei Jahren der Gedanke gekommen, Lenin zu meißeln", fragte Balabanowa sie, „damals, als die englische Regierung ihn als deutschen Spion brandmarkte? Lenin hat die Revolution nicht gemacht. Das russische Volk machte sie. Warum meißeln Sie nicht die Männer und Frauen des russischen Arbeitervolkes, die wahren Helden der Revolution? Woher dieses plötzliche Interesse für Lenin?"

Mit Balabanowa frage ich heute die, welche Lenin jetzt mit Lobpreisungen überhäufen, und denen sich sogar einige Menschewiki und Sozialrevolutionäre angeschlossen haben: Woher diese plötzliche Sympathie? Warum dieser verzückte Ausbruch von Huldigungen für den Mann, den man noch gestern mit dem Anathema belegte? Geschieht dies auf Grund jener altersschwachen Maxime, die da behauptet, daß man von den Toten nur Gutes sprechen soll: Oder geschieht es, weil heute schon etwas Mut vonnöten ist, sich der allgemeinen Flut der Heldenverehrung entgegenzustemmen? Oder ist das Ganze nicht mehr wie ein Ausfluß gewöhnlicher Heuchelei? Jene Schreiber wissen so gut, wie Balabanowa es wußte, daß Lenin die Revolution nicht gemacht hatte. Mehr noch, sie wissen, daß er es war, welcher der Revolution ein Ende machte. Schritt für Schritt, von der historischen „Atempause" — dem Frieden von Brest-Litowsk — bis zum März 1921, da er seiner Herde seine neue Wirtschaftspolitik aufzwang, verfolgte Lenin die Aufgabe, die er sich selbst gestellt hatte, versuchte er, die Revolution zum Stillstand zu bringen, sie zu entmannen, sie ihres Zweckes zu entkleiden, ihres Inhalts zu berauben, so daß von ihr bloß noch die äußere Gewandung übrig blieb, welche den Gala-Paraden der Dritten Internationale als Zierstück dienen mußte.

Diese Aufgabe war nicht leicht. Das russische Volk, das sich mit ganzer Seele in die Revolution hineinstürzte, glaubte inbrünstig an ihre Kräfte, ihre Möglichkeiten, ihre Dauer. Lenin war zu scharfsinnig, als daß er sich dieser allgemeinen Begeisterung, diesem tiefwurzelnden Glauben entgegengestellt hätte. Im Gegenteil, er ging mit dem Volke und war für die extremsten Maßregeln. Allein das Ziel, das er verfolgte, war ein anderes und unterschied sich wesentlich von den Zielen, denen das Volk nachging. Es war der marxistische Staat — wie er ihn verstand — eine alles in sich einschlingende, aufsaugende, zermalmende Maschine, deren Hebel Lenin und seine Partei in Händen hielt. Dieser Gottheit hatte Lenin sein ganzes Leben geweiht.

Als die revolutionäre Welle Lenin zur Macht emportrug, war seine Stunde gekommen, die Stunde, in der er seinen Traum in die Wirklichkeit umsetzen konnte. Was machte es, ob die Revolution darüber zugrunde ging? Was schadete es, wenn Tausende Menschenleben dieser monstruösen Maschine geopfert wurden? Was kam es darauf an, ob Rußland in Schutt und Trümmer gelegt wurde? Aus Blut und Asche eines großen Werdens ging der marxistische Staat hervor. Der Ruhm für das Gelingen dieses Kunststücks kommt ausschließlich Wladimir Iljitsch Lenin zu. Niemand arbeitete geschickter und mit so absoluter Ergebenheit für dieses Ziel wie er. Die Zukunft jedoch wird nicht verfehlen, den zweifelhaften Charakter dieses Ruhmes richtig zu würdigen, der auf den toten Führer des Bolschewismus fällt, des Leninismus, wie die zelotische Schar seiner Anhänger heute mit Stolz das autokratisch politische Gebilde nennt, das schwer auf den Schultern des geknechteten Rußland lastet.

Die Beweihräucherer Lenins nennen ihn groß. Aber er besaß sicher nicht jene Größe des Geistes und des Herzens, welche die wesentlichen Vorbedingungen wahrer und allgemeiner Größe sind. Lenin selbst würde diejenigen mit Spott und Hohn übergossen haben, welche ihm heute solche „bürgerlichen" Eigenschaften zuschreiben, Geistesgröße, Großmut des Herzens, Verständnis und Mitgefühl für einen Gegner waren Züge, welche diesem Manne vollständig abgingen, der trotzdem so ungemein menschlich in seinen Fehlern und oft geradezu verbrecherisch in seinen Irrtümern war. Mehr als einmal.

913

900618005

The Emma Goldman Papers

Wladimir Iljitsch Uljanow Lenin / Emma Goldman. – pp. 1-2 ; 44 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. – Vol 6, no. 8 (1924).

Obtained from the private collection of Heiner Becker. Institutional Location: the International Institute of Social History.

bot sich Lenin die Gelegenheit, wahre Größe zu bekunden, aber seine ganze Einstellung erlaubte ihm nicht, die herrliche Gelegenheit wahrzunehmen, noch ihre Bedeutung zu erfassen. In dieser Beziehung ist Lenin sich stets selbst treu geblieben. „Dni" (Der Tag) vom 27. Januar berichtet eine interessante Geschichte. Es war im Jahre 1890, wo Rußland von einer furchtbaren Hungersnot heimgesucht wurde. Die ganze russische Intelligenz, ohne Unterschied der Meinung, vereinigte sich, um Mittel und Wege auszufinden, welche dem hungernden Volke zweckdienlich sein konnten. Leo Tolstoi selbst schrieb einen heißen Aufruf um Hilfe. In Samara, dem Mittelpunkt des Hungerdistriktes, versammelte sich eine Gruppe von Intellektuellen, um über ihre Arbeit für die Hungernden zu beraten. In dieser Versammlung erhob sich ein junger Mann und brachte folgendes zum Ausdruck: „Der Hunger revolutioniert die Massen und erleichtert den Kampf mit der russischen Autokratie. Aus diesem Grunde betrachte ich das projektierte Hilfswerk für ein Verbrechen. Natürlich habe ich kein Verlangen, an diesem Verbrechen mich zu beteiligen". Dieser junge Mann war Wladimir Iljitsch Uljanow Lenin.

Ich weiß nicht, ob der Schreiber dieser Geschichte, der in jener Versammlung anwesend war, die Rede des jungen Lenin ganz richtig zitiert hat, aber sie ist so ungemein bezeichnend für die ganze geistige Einstellung Lenins und spiegelt sein ganzes Verhalten dem Leben und menschlichen Leiden gegenüber so trefflich wider, daß sie wohl wahr sein könnte. Lenin bewies dieselbe kalte Unerbittlichkeit bei einer anderen bezeichnenden Gelegenheit, und zwar Dora Kaplan gegenüber, der Sozialrevolutionärin, die einen Anschlag auf sein Leben ausführte. Er wußte gut, daß Dora Kaplan, die lange Jahre Kerkerstrafe hinter sich hatte, in ihrem Vorhaben weder von persönlichen noch konterrevolutionären Motiven geleitet wurde. Er wußte auch, daß ihr Tod weder zu seiner Genesung noch zu dem Wohlergehen Rußlands beitragen konnte. Mit einer großen Geste hätte er derselben Partei, der Dora Kaplan angehörte, menschliche Achtung vor seiner Person abnötigen können. Er konnte das Leben dieser Frau schonen. Das wäre ein Zeichen von Größe gewesen, das unter Umständen dem ganzen Lauf der Revolution ein neues, lebensstarkes Element beigefügt hätte. Aber keiner kann aus seiner Haut heraus. Lenin, dem jede wahre menschliche Größe versagt war, überlieferte Dora Kaplan seinen Henkern, der Tscheka. Kann man sich auch nur für einen Moment vorstellen, daß ein Tolstoi, ein Bakunin, ein Kropotkin, die drei großen Russen, sich einer so unnötigen und fruchtlosen Grausamkeit hätten schuldig machen können? Aber warum diese universalen Geister zitieren! Hier waren zwei Frauen in der anarchistischen Bewegung — Louise Michel und Voltairine de Cleyre. Auch ihnen suchte man ans Leben zu gehen. Wie handelten sie gegen ihre Angreifer? Bestanden sie auch auf ihr Pfund Fleisch? Nein, im Gegenteil! Beide weigerten sich, an einem Morde teilzunehmen. Sie baten für das Leben der Männer, die ihnen das Leben nehmen wollten. Vergleicht man die Handlung Louise Michels und Voltairine de Cleyres mit der Handlung Lenins, so macht der letztere in der Tat einen recht ärmlichen Eindruck.

Und doch besaß Lenin eine Größe, die ihm niemand abstreiten kann, er besaß die Größe des Jesuitismus, den Willen, seinen Weg mit List und aller Unbedenklichkeit der Mittel zu verfolgen und eine bis zum Extrem gehende Geringschätzung der erstaunlichen Opfer, die er seiner Gottheit darbrachte. In diesem Sinne sind die Torquemadas aller Zeiten groß gewesen. Von einigen ist bekannt, daß sie in Schluchzen ausbrachen, wenn sie ihre Opfer zur Folterkammer oder zum Tode sandten. Vielleicht schluchzte auch Lenin über den Tribut, den er seinen Anfechtungen entrichten mußte. Unglücklicherweise waren solche Tränen der lähmende Faktor für den Geist der Menschheit und verstümmelten jeden Versuch, zu neuen Formen des Lebens, zu neuem Werden. Die Torquemadas sind stets die reaktionärsten und konterrevolutionärsten Kräfte in der menschlichen Geschichte gewesen. Und Lenin war reaktionär. Alle seine politischen Leistungen seit 1917 sind ein lebendiger Beweis für seine konterrevolutionären Bestrebungen. Konterrevolutionär in dem Sinne, daß jedes seiner Mittel zum Scheitern der Revolution beigetragen hat.

Der Frieden von Brest-Litowsk schlug der Revolution die tötlichste Wunde. Die Etablierung der Tscheka verwandelte Rußland in ein menschliches Schlachthaus. Das gewaltsame Eintreiben der Steuern und die damit verbundenen Strafexpeditionen vernichteten Tausender Leben und zerstörten ganze Dörfer. Kronstadt ist der Bluttribut, den seine besten Söhne der Gottheit Lenins entrichten mußten. Das Dekret, das den Krieg bis aufs Messer gegen die Arbeiter-Opposition und die Anarcho-Syndikalisten sanktionierte. (Dieser Geheimbefehl, welcher dem 10. Kongreß der Allrussischen Kommunistischen Partei erteilt wurde, kam erst jetzt ans Tageslicht. Er wurde bei den letzten Auseinandersetzungen mit der Opposition von den Leninisten als Rückhalt herangezogen.) Und endlich die Wiedereinführung des Kapitalismus durch die NEP. (Neue Oekonomische Politik). All dieses und mehr entsprang dem Gehirne des Mannes, der nun als Heiliger von der Kommunistischen Kirche kanonisiert wurde. Und all diese Maßregeln haben dazu beigetragen, die Revolution zu ersticken und die Hoffnungen des russischen Volkes zu zerstören. Aber nicht allein Rußland, die ganze Welt mußte für den Jesuitismus Lenins zahlen, denn er trug überall den Keim der Zersetzung in die Reihen der Unterdrückten. Nur die Zeit wird den Beweis erbringen, welches Chaos und Mißtrauen, welcher Haß, welche Zersplitterung der Leninismus in vollen Zügen verbreitet hat.

Aber Lenin glaubte unbedingt an die Notwendigkeit solcher Methoden, die Verwirrung, Abscheu und Zersetzung aussäen. Er betrachtete dies als einen wesentlichen Teil seiner Doktrin. Wir haben sein eigenes Wort dafür. „Krasnaja Lotopies" Nr. 7 enthält eine Ansprache Lenins an den fünften Kongreß der Russischen Sozialdemokratischen Arbeiterpartei, die seine Verteidigung vor einem Schiedsgericht der Partei wiedergab. Man zieh ihn damals der Schmähung und Verleumdung von einunddreißig Menschewiki, welche die Partei verlassen und mit den Kadeten einen Block geformt hatten. Der Führer dieser Gruppe war F. Dan. Lenin formulierte seine Meinung damals in folgenden Worten: „Bei dem Angriff auf politische Opponenten ist die Form, nicht der Inhalt von Wichtigkeit. In der Tat repräsentiert die Form den Ton, der die ganze Musik macht. Die Form also muß darauf eingestellt sein, bei dem Leser oder Hörer Haß, Verachtung, Abscheu gegen die Angegriffenen herauszurufen. Die Aufgabe der Form ist es, nicht zu überzeugen, sondern die Reihen der Gegner zu zersplittern, nicht ihre Fehler zu verbessern, sondern ihre Organisation und ihre Tätigkeit zu vernichten, von der Erde auszutilgen. Die Form des Angriffs muß eine solche sein, daß sie die schlimmsten Gedanken und den Verdacht wachruft und Chaos und Verwirrung in die Reihen des Proletariats trägt". Als man ihn fragte, ob er nicht denke, daß eine solche Methode tadelnswert sei, antwortete Lenin: „Gewiß, wenn man sie in seiner eigenen vereinigten Partei und gegen seine eigenen Kameraden in Anwendung bringt. Aber im Kampfe gegen alle politischen Gegner ist diese Methode nicht nur nicht tadelnswert, sondern empfehlenswert und notwendig. Ich wiederhole, in meinem Angriff auf die ausgetretene Gruppe der Menschewiki habe ich absichtlich und bewußt diese Form gewählt, welche geeignet ist, die Reihen des Proletariats zu spalten und Haß, Mißtrauen und Abscheu gegen unsere politischen Feinde hervorzurufen".

Kein Mensch kann Lenin den Vorwurf machen, daß er jemals Haarspaltereien betrieben hätte. Aber dies kann die Tatsache nicht verhüllen, daß er sein ganzes Leben lang ein gefährliches Gift in den Reihen des Proletariats verbreitet hat. Die Reihen seiner eigenen Partei wurden allmählich davon angesteckt. So lange Lenin das Szepter des Bolschewismus in seiner Hand hielt, durfte nichts an die Oberfläche kommen. Nun, da der Tod selbst den eisernen Griff gelöst hat, kommt das zurückgehaltene Gift zum Ausbruch und droht das ganze Gebäude zu verschlingen, welches der große Jesuit unserer Zeit so mühevoll aufgebaut hat.

Der Tod ist der große Gleichmacher alles Lebens. Er kam zu Lenin, wie er zu Scharen von Opfern des Leninismus kam, nur daß er zu ihm mit mehr Barmherzigkeit kam. Dora Kaplan, Fanny Baron, Ljew Tschorny und Scharen anderer mußten mehr als einen grausamen Tod sterben, bevor sie Lenins Tscheka an die Mauer stellte. Ihre toten Körper lagen nicht zur Schau ausgestellt. Keine Huldigung wurde ihnen dargebracht. Kein Grabgesang erklang an ihrem Sarge und die Glocken der vierzigmal vierzig Kirchen Moskaus gaben ihnen kein letztes klagevolles Geleite. Sie starben eines schimpflichen Todes, denn sie blieben treu der Revolution, obwohl sie keinen Erfolg hatten. Nicht so Lenin. Er hatte Erfolg. Es war ihm gelungen, seine Maschine aufzurichten. Er hat alle Uebel zu neuem Leben erweckt, welche die Revolution ausrotten wollte — den Kapitalismus, die Ausbeutung und alles, was daraus hervorgeht. Kein Wunder, daß Lenin mit dem Pomp eines Potentaten begraben wurde, und daß sein Königreich heute von den europäischen Mächten anerkannt wird. Und warum nicht? Die Revolution ist tot. Lang lebe der Leninismus!

Der Vatikan, Mussolini, der Patriarch Tixon, die Reaktionäre, Abenteurer und Glücksspieler der Welt zollen nunmehr dem Manne ihren Tribut, den sie vor sieben Jahren getötet hätten, wenn er ihnen in die Hände gefallen wäre. Lügner und Heuchler allel. Der Ausdruck ihres Respektes und ihrer Sympathie ist nur die Maske, hinter der sie ihr Frohlocken verbergen, daß der Leninismus ihnen den Schlüssel zu den Reichtümern Rußlands ausgehändigt hat, die sie nun bereit sind, bis zum Grunde trocken zu legen.

Aber das letzte Wort in der Bestimmung Rußlands ist noch nicht gesprochen worden. Das Volk, so groß in seinem Zorne der Oktobertage, wird sich von neuem erheben und Zeugnis dafür ablegen, daß der Triumph des Leninismus und seines toten Meisters in derselben Zeit seine eigene tragische Niederlage gewesen ist.

Emma Goldman.

Streiks und Aussperrungen.

Zurzeit stehen im Streik, respektive sind ausgesperrt:

Mitglieder der Vereinigung aller Berufe in Nauen, Ziegenhals (Ob.-Schl.), Elberfeld, Barmen und Solingen, Bauberufe in Düsseldorf, Bergarbeiter in Freital-Döhlen auf dem staatlichen Steinkohlenwerk, Zaukerode i. Sa. und das ganze linksrheinische Braunkohlengebiet, die Musikinstrumentenarbeiter Berlins und Umgegend, die Metallarbeiter in Suhl i. Thür., ein Teil derselben in Oberschöneweide b. Berlin, ganz Düsseldorf und sämtliche umliegenden Industrieorte, Barmen, Elberfeld, Remscheid und Crefeld. Die Textilarbeiter der Sammet- und Seiden-Industrie des Krefelder Bezirkes in allen Orten bis zur holländischen Grenze stehen im Streik. Sämtliche Arbeiter der Metallindustrie des Bezirks Hagen-Schwelm schon seit 6 Wochen. Der Zwangsschiedsspruch, der 57 Stunden-Arbeit pro Woche vorsieht, wurde neuerdings von den Arbeitern mit 99 Prozent abgelehnt.

Kameraden, übt Solidarität! — Sendet Gelder zur Unterstützung der Aermsten der Armen! Gebt schnell und reichlich!

Gelder sind an den Solidaritätsfonds der Geschäftskommission zu senden an Fritz Kater, Postscheckkonto Berlin, Nr. 138 928.

Neues über den Achtstundentag.

Fast gleichzeitig haben sich drei verschiedene Seiten und Mächte mit dem Achtstundentag beschäftigt. Das Reichsarbeitsministerium ließ einen Entwurf von Ausführungsbestimmungen zur Arbeitszeitverordnung den Regierungen der Länder zugehen, zu welchem diese Stellung nehmen sollen; zur selbigen Zeit beschäftigte sich eine Tagung des Verwaltungsrats des Internationalen Arbeitsamts in Genf mit der Ratifizierung der Konvention über den Achtstundentag, und außerdem trägt sich die englische Arbeiterregierung mit dem Plane, eine internationale Konferenz aller Länder und Regierungen nach London einzuberufen, auf der Stellung genommen werden soll zum Achtstundentag.

Bekanntlich enthält der Versailler Vertrag auch Bestimmungen über die Arbeitszeit in allen kapitalistischen Staaten. Später fand in Washington eine internationale Konferenz statt, auf welcher der Achtstundentag der Regierungen aller Länder zur Annahme empfohlen wurde. Die Regierungen der Alliierten Länder haben bereits die gesetzliche Verankerung des Achtstundentages bestätigt. Zu den Ländern, die das noch nicht getan haben, gehört in erster Linie Deutschland. Das ist um so bezeichnender, als in Deutschland die Sozialdemokraten eine weit größere Macht gehabt haben als in andern Ländern. Während aber in andern Ländern mit rein kapitalistischen Regierungen der Achtstundentag ratifiziert wurde, haben die mit Sozialdemokraten durchsetzten Regierungen Deutschlands die Ratifizierung des Washingtoner Abkommens über den Achtstundentag verweigert.

Wie in der Vorkriegszeit, so zählt auch heute noch Deutschland trotz Sturz der Monarchie und trotz Revolution zu den rückschrittlichsten Ländern. Die englische Regierung hegt daher mit Recht die Befürchtung, daß dem Achtstundentag gerade von Deutschland her die größte Gefahr droht. In dem Entwurf des Reichsarbeitsministeriums über die Ausführungsbestimmungen zur Arbeitszeitverordnung kann nach § 6 eine längere Arbeitszeit zugelassen werden, soweit sie aus betriebstechnischen oder allgemein wirtschaftlichen Gründen geboten ist. Wenn die Unternehmer die Arbeitszeit verlängern wollen, dann brauchen sie nur einen entsprechenden Antrag bei den zustehenden Reichsbehörden zu stellen. Diesem Antrag auf Zulassung einer erhöhten Arbeitszeit soll stattgegegeben werden, wenn die wirtschaftliche Lage eine Steigerung und Verbilligung der Gütererzeugung erfordert.

Es liegt auf der Hand, daß jeder Unternehmer die Erlaubnis erhalten wird, die Arbeitszeit zu erhöhen, da es ihm sehr leicht fallen dürfte, darzulegen, daß durch erhöhte Arbeitszeit die Gütererzeugung sich erhöhen wird. Die Notwendigkeit der erhöhten Gütererzeugung ist nur eine neue Weise der alten Melodie: Nur Arbeit kann uns retten. Gerade diese Forderung hat sich als die größte Lüge und als größter Betrug des Proletariats herausgestellt.

Die immerwährende Wiederholung über die Notwendigkeit der Produktionssteigerung erweckt den Glauben, als ob die Arbeiterschaft in Deutschland nicht intensiv genug arbeite. Dabei zeigen alle Erhebungen, die in dieser Richtung angestellt worden sind, daß die Arbeitsintensität und auch die Produktion in Deutschland nach dem Kriege sich bedeutend erhöhten gegenüber der Vorkriegszeit. Auf der andern Seite zeigen Vergleiche über die Arbeitslöhne und ihre Kaufkraft, daß die Lebensweise der Arbeiterschaft sich keineswegs besserte, sondern ganz entsetzlich gesunken ist, sodaß die Produktionserhöhung und vermehrte Gütererzeugung einzig und allein den Unternehmern zugute kam.

Als auf der Tagung des Internationalen Arbeitsamts zu Genf die deutschen Industriellen sich gegen eine Bestätigung der Abmachungen über den Achtstundentag aussprachen und die Verlängerung der Arbeitszeit für Deuschland für geboten hielten, um die Reparationen leisten zu können, wandte sich der Vertreter des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes, Leipart, dagegen, mit dem Hinweis, daß es andere Wege zur Erhöhung der Produktion gebe, als die Verlängerung der Arbeitszeit. Es braucht kaum erwähnt zu werden, daß der Vertreter der französischen Unternehmer mit den Vertretern der deutschen Kapitalisten in ein Horn blies, daß er ebenfalls gegen die Bestätigung des Achtstundentages in Deutschland sprach, da die französischen Kapitalisten es um so leichter haben werden, im eigenen Lande die Arbeitszeit zu erhöhen, wenn „Deutschland in der Welt voran" gegangen ist.

Während der „Vorwärts" in seiner Morgenausgabe vom 12. Februar Nr. 71 die Stellungnahme Leiparts auf der internationalen Konferenz der Arbeitsgemeinschaft hervorhebt, nimmt er in derselben Nummer in einem Leitartikel Stellung zu dem bereits erwähnten Entwurf des Reichsarbeitsministeriums in folgenden Worten:

„Für die Notwendigkeit der Verlängerung der Arbeitszeit kann allein Deutschlands traurige wirtschaftliche Lage geltend gemacht werden. Sobald diese aber überwunden ist, gibt es auch nicht einen einzigen stichhaltigen Grund, um nicht wieder zu der sich in der ganzen Welt einbürgernden achtstündigen Arbeitszeit zurückzukehren. Die Rückkehr zum Achtstundentag darf daher nicht durch langfristige Bewilligungen längerer Arbeitszeit verzögert werden."

Hier vertritt das Zentralorgan der V. S. P. D. denselben Standpunkt, wie die Vertreter des deutschen Unternehmertums beim internationalen Arbeitsamt, daß nämlich die traurige wirtschaftliche Lage Deutschlands die Verlängerung der Arbeitszeit notwendig macht. Leipart ist zweifellos Mitglied der V. S. P. D. Als solches hat er die Politik zu verfolgen, die von der Partei getrieben wird. Diese Politik geht aber darauf aus, den Achtstundentag aufzugeben. Die Arbeiterschaft Deutschlands braucht sich also nicht zu wundern, daß der Achtstundentag für sie abgeschafft ist. Sie hat die Verteidigung des Achtstundentages vertrauensvoll in die Hände der Sozialdemokratie und

890801026

The Emma Goldman Papers

["Fahnen" at the Volskbühne in Berlin. In German] "Fahnen" in der Berliner Volksbühne / Emma Goldman. – p. 1 ; 32 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. –Vol. 6, no. 26 (1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Syndikalist

Nr. 26 - 1924 Beilage VI. Jahrgang

„Fahnen" in der Berliner Volksbühne.

(Dramatischer Roman in 19 Bildern von Alfons Paquet.)

Nachdem bereits siebenunddreißig Jahre ins Land gegangen, wurden unsere Kameraden Spies, Parsons, Lingg, Engel und Fischer, deren Namen bereits dem Gedächtnis vieler ihrer eigenen Generation entschwunden und der heutigen Generation kaum noch bekannt sind, der Vergessenheit plötzlich entrissen. „Fahnen" ist der Versuch eines deutschen Dramatikers, die Tragödie des Chicagoer Justizmordes von 1887 künstlerisch zu verwerten. Ich sage absichtlich Versuch, denn dem Autor ist seine Absicht, die große soziale Bedeutung jener historischen Ereignisse zum Ausdruck zu bringen, nur zum Teil geglückt. In seiner Charakterzeichnung der Männer, die an jenem schwarzen Freitag des 11. November 1887 am Galgen erdrosselt wurden, hat er vollständig versagt.

Will man aus den Arbeiterkämpfen der achtziger Jahre, der Rolle der Anarchisten in dieser Bewegung und dem Verbrechen, das von den Vertretern des Staates Illinois begangen wurde, ein Kunstwerk formen, so ist eine genaue Kenntnis des Gegenstandes und ein sympathisches Verstehen der Hauptpersonen, die in jenem Drama eine Rolle spielten, die erste Vorbedingung. Bei Herrn Paquet ist diese Vorbedingung augenscheinlich nur in sehr bedingtem Maße gegeben. Aus diesem Grunde müssen die tiefen Mängel seines Werkes sofort in die Augen springen.

Ich will damit durchaus nicht sagen, daß „Fahnen" überhaupt keinen dramatischen Wert besitzt. Im Gegenteil, ich bin sogar der Ansicht, daß das Stück große Möglichkeiten enthält. Allein es benötigt eine bessere Beherrschung der Ereignisse von 1886—87 und vor allem mehr Konzentration in der Darstellung. So könnte man ganz gut einige Szenen entfernen, wodurch die Darstellung nur gewinnen könnte.

Denjenigen, welche mit dem historischen Hintergrund der sozialen Tragödie von Chicago nicht vertraut sind, mag das Drama auf der Bühne als Kunstwerk erscheinen, in dem die Zeichnung der einzelnen Charaktere und die historische Treue der Personen und Ereignisse fehlerlos wiedergegeben sind. Für uns aber, die wir die schauerlichen Einzelheiten des Verbrechens, das auf Veranlassung der Industriebarone vom Staate Illinois begangen wurde, mit durchlebt haben, und denen der Zusammenprall der wirtschaftlichen Gegensätze und vor allem das Ende der zu Tode gehetzten Märtyrer des großen Dramas zum entscheidendsten Faktor des Lebens wurde, für uns gibt es in „Fahnen" manche falsche Note und viele schmerzliche Mißtöne.

Vielleicht kann ich das, was ich meine, am besten zum Ausdruck bringen, wenn ich hier zwei kurze Zitate wiedergebe, welche die Leitung der Volksbühne als erklärende Einleitung dem Stück vorausschickt:

„Die Hervorhebung einzelner Personen als „Helden" mußte er ablehnen; wo Masse in Bewegung gebracht wird, ist kein Raum für Außenseiter." Und an einer anderen Stelle heißt es: „In „Fahnen" wird keinem Parteiprogramm ein Loblied gesungen."

Diese Auffassung der Tragödie von Chicago ist in vielem verantwortlich für die Mängel, an denen das Stück krankt. Nicht, daß ich in der Kunst lediglich ein Propagandamittel erblicke; als solches könnte sie nur indirekt wirken. Bei einer kraftvollen Darstellung des Lebens und aller Verwicklungen der sozialen Konflikte löst die Kunst stets ein Verständnis für diese Verwicklungen aus. Aber es ist ein Ding, das Heroische in der Einzelpersönlichkeit nicht hervorruhen, oder keinem politischen Programm ein Loblied zu singen, und es ist ein ander Ding, das Bild so zu verwischen, daß es nicht mehr Kunst ist, sondern ein wirres Durcheinander von Begebenheiten, dem man einen künstlerischen Anstrich gibt. Bis zu einem gewissen Grade trifft dies für „Fahnen" zu.

Ueber die Rolle, welche die Masse in der Achtstunden-Bewegung gespielt hat, erübrigt sich jede Auseinandersetzung. Aber den revolutionären Impuls in diesem Kampfe gaben jene Männer, die am 11. November 1887 am Galgen gestorben sind. Sie waren es, welche der Bewegung der Massen ihre soziale Tiefe, ihren Idealismus und ihre Inspiration gaben. Spies, Parsons, Lingg, Engel, Fischer und ihre Kameraden waren die Flammenzeichen auf dem Wege der Massen zu einem neuen sozialen Leben auf der Basis der Freiheit und wirtschaftlicher Gleichheit. Und es war eben jene soziale Philosophie, es war der Anarchismus, welcher die unersättliche Bestie des Kapitalismus dazu trieb, jenen fünf Männern den Tod zu geben und drei andere auf Lebenszeit hinter Kerkermauern zu begraben.

Es ist unmöglich, daß Alfons Paquet nicht wußte, welche Rolle der Anarchismus in der Gefangensetzung, Verurteilung und Hinrichtung dieser Männer gespielt hat. Der Richter Gary wiederholte es immer wieder, und der Staatsanwalt Grinnell und die gedungene Presse betonten bei jeder Gelegenheit, daß nicht die Achtstunden-Bewegung, sondern der Anarchismus vor Gericht stehe. Aus der Furcht und dem Schrecken vor dem Gespenst des Anarchismus wurde der Strick gedreht, den man seinen Verkündern um den Hals legte. Jeder Versuch, diese unumstößliche Tatsache verwischen zu wollen und die hervorragenden Figuren in diesem Verbrechen in gedämpftem Lichte erscheinen zu lassen, um die Bedeutung der Masse mehr hervorzuheben, ist daher nur willkürlich, historisch falsch und unkünstlerisch.

Sehen wir nun, wie Herr Paquet seine Charaktere aufgefaßt hat: Spies erscheint eitel, geziert und sogar schwach im entscheidendsten Moment; Parsons macht den Eindruck eines gutmütigen Tapps; Fischer ist just die Gestalt des Rebellen, wie man ihn in einer Kriminalzeitung abgebildet findet; Lingg, der in seinem rebellischen Trotz die dominierende Figur des Dramas von Chicago gewesen ist, ist kaum zu erkennen. Und doch hätte Herr Paquet nur die Reden zu lesen brauchen, welche die dem Tode Geweihten vor ihren Richtern gehalten haben, aus denen ihre Tiefe, ihre stolze Verachtung und ihre Festigkeit bis zum bitteren Ende klar hervorgeht. Es würde ihm viel geholfen haben, seine Gestalten plastisch herauszuarbeiten und sie in ihrer wahrhaft klassischen Größe erscheinen zu lassen.

Die meisten Szenen leiden an großen Mängeln. Zum Beispiel die Gerichtsszene — die gewaltigste Szene des ganzen Dramas vor nunmehr siebenunddreißig Jahren. Auf den Brettern der Volksbühne wirkt diese Szene leblos und possenhaft. Und doch, welche Möglichkeiten hier geboten waren! Welche gewaltigen dramatischen Kräfte hier am Werke waren! Der prahlerische Richter Gary, der ränkevolle, verschlagene, gewissenlose öffentliche Ankläger, die kompakte Jury, die terrorisierten und gekauften Zeugen! Die ganze Atmosphäre schwanger mit Haß und Rache! Und dann die acht Männer inmitten dieser schwarzen Flut der Gegensätze und des Todes, wie Riesen stehend, gefestigt durch ihren Idealismus, ihren Glauben, ihre allumfassende Liebe zur Menschheit. Welches Material für einen phantasiebegabten Künstler!

In „Fahnen" hätte diese Szene noch verstärkt werden können durch den Eintritt Parsons in die Arena, der seinen sicheren Zufluchtsort verlassen, um von den wilden Bestien verschlungen zu werden. Parsons mit der kindlichen Einfachheit seines Herzens und der tiefen Solidarität des Kameraden begibt sich in den Bannkreis des Todes, um neben seinen Brüdern auf der Anklagebank Platz zu nehmen. Es braucht keiner besonderen Sehergabe, um die gewaltigen dramatischen Möglichkeiten dieses Moments auf den ersten Blick zu erfassen. Alfons Paquet wußte diesen Moment nicht zu nützen, und so bleibt die ganze Szene eindruckslos und erscheint kaum von Bedeutung.

Die letzte Szene in „Fahnen" rettet das Stück davor, ein gewöhnliches Melodrama zu werden. Es ist die Begräbnisszene. Die Arbeiter geleiten ihre teueren Toten zu Grabe. Unzählige Banner, getaucht im Blute der erschlagenen Opfer, das den Weg der sozialen Befreiung betaute, ziehen sich in unübersehbaren Reihen und verschmelzen zuletzt im roten Dämmerlichte des kommenden Morgens. Der alte Dietzgen, der im Leben von den Ermordeten getrennt und ihnen nun im Tode näher kam, gellt den Fluch der Unterdrückten in die feigen Ohren ihrer Verleumder und verkündet den anbrechenden Tag der menschlichen Verbrüderung. Seine Stimme, aufgenommen von der unübersehbaren Masse und begleitet vom Rhythmus einer aufpeitschenden Musik, steigt höher und höher mit den roten Fahnen, die dem roten Dämmerlicht entgegenflattern. Diese Szene ist von einer packenden Kraft und Schönheit.

Und sie ist in derselben Zeit ein Beweis dafür, daß in Herrn Paquet eine dramatische Ader vorhanden ist. Wenn er sich dazu entschließen könnte, die Ereignisse von 1886—1887 gründlicher zu studieren und die wichtigsten Personen jenes Dramas tiefer zu erfassen, so könnte er sogar jetzt noch, „Fahnen" zu einem großen historischen Drama von sozialer Bedeutung und wahrem künstlerischen Wert gestalten.

Vergleicht man die Darstellung von „Fahnen" mit den Aufführungen von „Masse Mensch" und „König Hunger" in der Volksbühne, so mutet sie sehr schwach an. Was mich jedoch mehr interessierte als die Darstellung, war die Tatsache, daß solch ein Stück überhaupt in Deutschland aufgeführt werden kann. Von Amerika, das in der Tragödie von 1887 die Rolle des Erzverbrechers spielte, kann man nicht erwarten, daß es die Auferstandenen ertragen soll. Aber auch in den meisten anderen Ländern wäre die Aufführung eines Stückes wie „Fahnen" wohl kaum möglich. Die deutsche Revolution ist offenbar nicht tief in die Lebenssphäre des Volkes eingedrungen, aber sie hat ohne Zweifel den freien Meinungsausdruck bedeutend gefördert.

Berlin, Juni 1924.

Emma Goldman.

Internationales Bulletin

Aus dem Pressedienst der I.A.A.

Vom bolschewistischen Terror.

Wir erhalten Nachricht aus Moskau, wonach unser Genosse Jefraim Mayr-Rubintschik, einer der Leiter des anarcho-syndikalistischen Verlages „Golos Truda", der lange eingekerkert war, das Versprechen bekam, ins Ausland gehen zu können. Trotz dieser Versprechens durch die Moskauer Tscheka wurde er im Gefängnis weiter behalten. Man versprach ihm baldige Freilassung unter der Bedingung, daß er ins Ausland geht. Statt ihn nun freizugeben, verschickte man ihn aus dem Moskauer Gefängnis nach Susdal ins Konzentrationslager. Nach zwei Tagen transportierte man ihn von Susdal zurück nach Moskau, wo er im Gefängnis-Hospital untergebracht wurde, da er lungenkrank ist und außerdem an der Basedowschen Krankheit leidet. Jetzt wurde ihm mit einem Male eröffnet, daß er weder freigelassen, noch ins Ausland geschickt, sondern im Gefängnis behalten würde. Es blieb ihm nur eine übrig, der Hungerstreik, um gegen diesen Wortbruch und gegen das brutale Verfahren der Tscheka zu protestieren. Er erklärte den Hungerstreik am 17. Juni und befindet sich heute noch darin. Sein Zustand gibt zu größten Besorgnissen Anlaß, weil er durch seine Krankheit größter Pflege bedarf.

Genosse Rubintschik wurde verhaftet, ohne daß man ihm sagte, wessen man ihn anklagte. Auch wurde ihm keinerlei Prozeß gemacht. Er ist durch administratives Willkürverfahren der Tscheka bisher in Gefangenschaft gehalten worden.

Unsere Kameraden aus Moskau ersuchen uns, dieses neue Verbrechen der bolschewistischen Diktatoren bekanntzumachen bei der gesamten Arbeiterschaft. Wir fordern unsere Genossen und die Arbeiter aller Richtungen und Länder auf, gegen diese Barbarenmethoden an Revolutionären Protest einzulegen.

Das Sekretariat der I.A.A. sandte an den Vorsitzenden des Rates der Volkskommissare, Lenins Nachfolger Rykow, an die Rote Gewerkschafts-Internationale sowie an die russischen Gewerkschaften folgendes Telegramm:

„I.A.A. protestiert gegen Gefangenhaltung von Anarcho-Syndikalist Mayr Rubintschik, fordert Freigabe oder Auereisseerlaubnis.

Sekretariat I.A.A.

Italien.

Helft den Kindern der politisch Inhaftierten!

Wir erhalten von der Unione Sindacale Italiana folgenden Aufruf mit der Bitte um Veröffentlichung:

Genossen! Arbeiter!

Der furchtbare Sturm der Reaktion, der das italienische Proletariat und besonders die Avantgarde desselben, die Syndikalisten und Anarchisten, niederzwang, hat eine lange Reihe Opfer gekostet. Am meisten zu leiden haben jene, die in den Galeeren begraben und unter dem Gewicht schwerer Urteile seufzen müssen und schon seit einigen Jahren vergeblich auf den ausgleichenden Akt der Gerechtigkeit warten, der sie der Freiheit, dem Leben und ihren Lieben wiedergibt.

Die Zahl der Leidenden in den Kerkern ist so groß, daß es eine gebotene Pflicht ist, für die Kameraden und für das gesamte Proletariat, ihre Befreiung zu fordern, da es sich ausschließlich um Opfer des Klassenhasses handelt. Am bedauernswertesten aber sind die kleinen Kinder unserer eingekerkerten Genossen, die unschuldig schon jetzt leiden müssen. Dieses herzzerreißende Los der Kleinen zwingt uns, unsere Stimme zu erheben und zur Hilfe und Solidarität für dieselben aufzufordern.

Zerlumpt, mit abgerissenen Kleidern und Schuhen, oft ohne ein Stück Brot und sogar ohne Dach über dem Kopfe sind viele dieser Kleinen in einem mitleiderweckenden Zustande. Sie müssen schon heute die größten Leiden durchmachen, die das Herz ihrer Eltern, die in den Gefängnissen schmachten, zum Zerspringen bringen.

Getrieben vom Glauben an die menschliche Solidarität, erheben wir unsern Protest gegen die Leiden, die den Kleinen zugefügt werden und rufen auf, ohne Zögern das Los dieser Kleinen zu erleichtern, denn es sind unsere Kinder, die Kinder unserer Kameraden, die für unsere gemeinsame Sache leiden müssen. Wir richten an Euch einen brüderlichen Appell, durch Liebesgaben in Lebensmitteln und Kleidungsstücken das Elend der Kleinen lindern zu helfen. Ratten wir die Kinder und erleichtern wir ihr Los, da ihre Eltern zu ungerechten Strafen verurteilt sind.

An Euch, Kameraden und Arbeiter, ist es, Euren väterlichen Arm jenen Kindern zu leihen und ihnen Hilfe gegen die soziale Ungerechtigkeit zu gewähren.

Mailand, den 10. Juni 1924.

Das Hilfskomitee
für die Kinder der politischen Gefangenen.

Das Hilfskomitee hat eine Aktion eingeleitet, um es jedem möglich zu machen, zur tatkräftigen Unterstützung der Kinder von eingekerkerten Genossen beizutragen.

890801027

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture. War to the war. In German] Krieg dem Kriege! / Emma Goldman.— pp. 2-3 ; 34 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. —Vol. 6, no. 35 (1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

"Krieg dem Kriege" Der Syndikalist Vol. 6 no 35 (1924) pp 2-3

cont'd. Vol 6. no. 36 (1924) pp. 2-3

Nationalitäten möchte er werden. Der nationale Ungar träumt von der Macht des Königs Attila im frühesten Mittelalter, dem italienischen Nationalisten schwebt die Gewalt des römischen Weltreichs vor Augen, sowie die Chauvinisten Frankreichs von der Precht ihrer „allerchristlichsten Könige" träumen und wie die deutschen Nationalisten glauben, es wieder bis zur ersten Militärmacht der Welt bringen zu müssen, lauter Ideale, Wünsche und Träume, die in der Vergangenheit liegen, tot und begraben sind und nimals mehr lebendig gemacht werden können, trotzdem die Nationalisten in der Verfolgung ihrer Ziele bereit sind — sie haben es überall bewiesen — über Leichenhaufen zu schreiten. Die Welt geht ihren Gang weiter, und der führt letzten Endes in wirtscheftlicher Hinsicht zum freien Sozialismus und politisch zur Gemeinschaft der Menschheit. Gewiß wird es auf diesem Wege noch große Hemmnisse, Rückfälle, Aufenthalte und Stationen geben, aber das Ziel wird erreicht werden, wenn euch wir nichts mehr davon sehen werden, sondern uns demit begnügen müssen, es vorbereitet zu heben. Wehe der gegenwärtigen kapitalistischen Gesellschaft, wenn die Völker die Lügen, auf die sie sich stützt, erkennt haben und ihr den Dienst verweigern! Die Zeit kommt! F. O.

Der kostspielige Krieg.

Die Berliner Wochenschrift „Die Weltbühne" veröffentlicht eine Betrachtung, die die „Neue Zeit", eine deutsch geschriebene, in Chicago erscheinende Wochenzeitung, angestellt hat: „Der Weltkrieg hat einen teils Bar- teils Materialaufwand im Werte von 186 333 637 097 Dollar gekostet. Das Resultzt desselben war: 12 000 000 Leichen, die Krüppel und Siechen ungezählt; somit kostete es 15 566,25 Dollar, einen Menschen umzubringen. Die Armeen würden, wenn sie produktiv tätig gewesen wären, einen Güterwert im Betrage von 151 646 942 560 Dollar in der Zeit hergestellt haben, die sie an der Front oder dahinter zugebracht. Auf Befehl von einem Dutzend Diplomaten — kein Volk irgendwo wurde gefragt — wurden 337 000 000 000 Dollar ausgegeben, um irgendjemandes nationale Ehre zu retten oder, wie uns gelehrt wurde, „to make the Wnrld save for democrazy" (um die Demokratie in der Welt zu retten), also um eines Phantoms willen. Eine recht kostspielige Geschichte, diese nationale Ehre und Welt-Demokratie!" Das Blatt fügt dann noch hinzu: „Wie Menschen, die sich höchstwahrscheinlich für das „Ebenbild Gottes" halten, das Ermorden von 12 Millionen anderer Ebenbilder verteidigen können und jeden einen „verkommenen Feigling" nennen, der sich nicht erschießen, ersäufen oder mit Gas töten lassen will, das ist eine Sache, die den Irrenarzt angeht."

(Aus dem Pressedienst der Weltjugendliga.)

Der mexikanische Abenteurer-Präsident Calles und der A.D.G.B.

Die Tageszeitungen, insbesondere die sozialdemokratischen, berichteten freudestrahlend von der Ankunft des mexikanischen Staatspräsidenten Calles in Deutschland. Calles hat nämlich bei seiner Ankunft ein Begrüßungs-Telegramm an den Allgemeinen Deutschen Gewerkschafts-Bund gerichtet. Das Telegramm lautete:

„Beim Betreten europäischen Bodens begrüße ich, durch ihre Vermittlung, die deutschen Arbeiterverbände aufs herzlichste und wünsche unseren Brüdern, den Arbeitern dieses Landes, herzlichst Wohlergehen und Erfolg in ihren sozialen Arbeiten.

General Plutzno Elias Calles."

Uebee diese Tatsache, daß der Präsident eines fremden Staates die deutschen Zentralverbände begrüßte, fühlten sich diese derart gebumfiedelt, daß sie dem Herrn Präsidenten folgendes zurücktelegraphierten:

„Im Namen der freien Gewerkschaften Deutschlands danken wir herzlichst für den den deutschen Arbeitern gewidmeten Gruß. Wir erwidern ihn zufs wärmste, weil wir darin einen besonderen Ausdruck der internationalen Arbeitersolidarität erblicken. Wir würden uns freuen, Herr Präsident, wenn uns während ihres Aufenthaltes in Berlin Gelegenheit gegeben würde, Sie persönlich begrüßen zu können.

Vorstand des A.D.G.B. — gez. Geaßmann.

Wenn wir fragen, woher diese katzenfreundliche Sympathie von Calles für die reformistische Arbeiterschaft Deutschlands kommt, so werden wir finden, daß Calles seine Präsidentschaft den Führern der reformistischen Arbeitergewerkschaften in erster Linie verdankt. Wie unseren Lesern noch in Erinnerung sein wird, ist in Mexiko vor nicht langer Zeit eine politische Revolution au Ende geführt worden, die sich awischen Obregon und de la Huerta abgespielt hat. Als nämlich die Revolte awischen de la Huertz und Obregon ausbrach, bot der Vorsitzende des reformistischen Gewerkschaftsbundes Mexikos seine 200 000 Mitglieder Obregnn als Soldaten an, ohne deren Einverständnis zu haben. Calles aber war ein Hintermann Obregons. Durch den Sieg Obregons, den dieser durch die enttäuschten und verratenen Gewerkschaftsmitglieder, die als Kanonenfutter dienten, errungen hat, wurde Calles aum Präsidenten erhoben. Natürlich belohnte Calles aus Dankbarkeit den Vorsitzenden des Gewerkschaftsbundes, Lord Diamants Morones, durch das Versprechen eines gutbezahlten Sekretärpostens im Innen-Ministerium. Ob nun Morones im Besitze des Postens ist, das können wir noch nicht sagen. Jedenfalls hat Calles allen Grund, den Gewerkschaftsführern, die sich überall gleichen, dankbar zu sein. Und daraus erhellt seine Sympathie für den A.G.D.B. Die „sozialen Arbeiten" des Präsidenten Calles bestanden darin, die Arbeiter als Fußgestelle für seine politischen Ambitionen au benutzen. Wir werden noch später, nach Einlaufen der Berichte unserer mexikanischen Kameraden, auf diesen wunderlichen Präsidenten und seine Stellung aur Arbeiterschaft zurückkommen.

Von den Bergarbeitern!

Auf dem Micumschacht in Rauxel, Zeche Viktor I und II wurde das Betriebsratsmitglied Brand entlassen. Da Brand Mitglied des alten Bergarbeiterverbandes ist, hätte dieser Verband die Verpflichtung gehabt, Brand und seine Familie zu unterstützen. Obwar die Zentralgewerkschaften stets mit ihrem Unterstützungswesen bei den Arbeitern hausieren gehen, mußten sie eingestehen, daß sie nicht in der Lage seien, dem entlassenen Brand Gemaßregeltenunterstützung zu zahlen. So ist der alte Verband gewungen gewesen, zu dem Mittel der freiwilligen Solidarität Zuflucht zu nehmen, ein Mittel, das von den Syndikalisten propagiert und weswegen dieselben von den Zentralverbändlern angegriffen werden.

So berief man eine Belegschaftsversammlung zm 3. August ein und akzeptierte mit Freuden den Antrag dez Syndikalisten Seeny, zm kommenden Lohntag eine Sammlung au veranstalten füe den gemaßregelten Betriebarat Brand. Dieser Antrag wurde noch erweitert und die Versammlung beschloß, auch für den gemaßregelten Kameraden Gratzik, Mitglied der syndikalistischen Ortsgruppe, der wegen seines energischen Eintretens füe die Belegschaft schon am 15. Dezember entlassen wurde und immer noch ohne Arbeit ist, zu sammeln. Dieser Beschluß wurde mit Freude begrüßt.

Die Sammlung fand am 11. August statt und es war selbstverständlich, daß laut Belegschaftsbeschluß, alle Gemaßregelten davon unterstützt werden sollten. Unter dieser Voraussetzung zeichneten alle Arbeiter ohne Unterschied der Organisationszugehörigkeit. Die Sammlung brachte den Betrag von 511.— Mk. ein.

Jetzt setzte die Gemeinheit der Zentralverbandsbeamten und -anwärter ein. Anstatt die gesammelten Gelder auszuzahlen an die unterstützungsbedürftigen Gemaßregelten, bekam Brand 60.— Mk., der übrige Teil des Geldes sollte vom altverbändlerischen „Rechtsschutzerteiler" in Sachen Brand verwendet werden. Das ist die Solidarität der Zentralverbändler, auf solche Weise haben die Beamten es verstanden, die Gutgläubigkeit der Kumpels zu mißbrauchen.

Dieselben Zentralverbändler scheuen sich nicht, die Syndikalisten in schofler Weise au verleumden. In der Dortmunder S.P.D.-Presse vom 16. August findet sich ein Artikel eines Zentralorganisierten ohne Unterschrift, in welchem den syndikalistischen Betriebsräten vorgeworfen wird, mit der Verwalrung zusammen für Mitnahme der schmutzigen Kleider am Samstag gestimmt zu haben. Daraus soll nun den Syndikalisten ein Strick gedreht werden. So versucht man, die Anarcho-Syndikalisten verantwortlich su machen für die Folgen der Harmoniedusel der Zentralgewerkschaften mit den Unternehmern. Mögen die Bergarbeiter sich bei dem alten Bergarbeiterverbande bedanken, wenn sie jetzt in Scharen entlassen und die noch Arbeitenden hundsmiserabel entlohnt werden. Josef Rözler.

Französische Demokraten gegen die Kriegshetzer.

Aus der Pariser Zeitung „Oeuvre" von Gustave Téry.

Es gibt bei uns, mehr oder weniger bewußt, mehr oder weniger zynisch, eine wirkliche Kriegspartei. Und es ist kein Trost, zu denken, daß sie bei allen Völkern besteht, selbst bei denen, die dem Imperialismus widerstreben. Man hat gesagt, daß der Krieg das Nationalgewerbe Preußens ist; ja, aber nicht nur Preußens, das ist nicht wahr, überhaupt heute nicht. Es gibt bei uns Leute, die durch den Krieg profitiert haben und die nur wieder anaufangen wünschen. Es gibt Leute, die vom Töten leben und fürs Töten, ob es sich nun um seine Vorbereitung oder seine „Lieferungen" handelt. Selbst der niederträchtigste Arzt begeht wenigstens nur Einzelmorde. Der Nationalist aber

Krieg dem Kriege!

Weg mit dem Militarismus! 1904 — 1914 — 1924.

Anläßlich des 20jährigen Bestehens der Internationalen Antimilitaristischen Vereinigung, Abteilung Niederlande, und zum Gedächtnis an den Ausbruch des Weltkrieges 1914 wurde am Sonntag, den 27. Juli 1924, eine sehr lebhaft besuchte nationale Demonstration im Garten des Volksheims in Den Haag veranstaltet. 30 Abteilungen der I.A.M.V. und an die 60 Genossenschaftsverbände, verschiedene anarchistische Gruppen und Jugendorganisationen waren vertreten. Man sah bekannte anarchistische und tolstojanische Streiter, die ihrer Lebensauffassung seit Ende des vorigen Jahrhunderts treu geblieben waren; viele Dienstverweigerer, die seit 1915 ihren Kampf bis durchs Gefängnis hindurch fortgesetzt hatten, und besonders viele Frauen und junge Mädchen.

Die Versammlung wurde von L. J. Bot eröffnet, dem Vorsitzenden der Sektion Niederlande der I.A.M.V. Er erinnerte daran, daß die I.A.M.V. am 27. Juni 1904 errichtet wurde nach einem Aufruf von Domela Nieuwenhuis auf dem ersten internationalen antimilitaristischen Kongreß in Amsterdam. Seitdem hat diese Organisation in den Niederlanden einen kräftigen und unversöhnlichen Streit gegen Krieg und Militarismus geführt, der durch den Weltkrieg nur noch verstärkt wurde. Sie hat einen bedeutenden Anteil an der sich immer mehr ausbreitenden Dienstverweigerungsbewegung genommen. Das Organ der I.A.M.V. „De Wapens Nedor" erreichte während des Weltkrieges eine Auflage von 35 000 Exemplaren. Es ist nur mit der größten Mühe geglückt, unseren ausländischen Kameraden zu dem notwendigen Visum su verhelfen. Wir heißen sie von Herzen willkommen und danken ihnen, daß sie Zeit und Kraft opfern wollen, um hier einen Augenblick zu verweilen.

B. de Ligt, der Vorsitzende des internationalen antimilitaristischen Büros, beglückwünschte darauf die Versammlung zu dem Gelingen dieser wahrhaft nationalen und internationalen Demonstration. Was besonders erfreulich ist, das ist die überraschend große Anzahl der anwesenden Frauen, den Müttern der gegenwärtigen und zukünftigen Generation, die sich ebenso wie die anwesenden Männer ihrer Verantwortlichkeit bewußt sind, bezüglich des Lebens, das sie tragen, und die das Wort Notzsche a verstehen, daß es die Aufgabe der Eltern ist, in ihren Kindern über sich selbst hinaus su schaffen („Von Kind und Ehe"). Schon im Jahre 1904 begriffen die niederländischen Antimilitaristen, ebenso wie die damals in Amsterdam versammelten ausländischen Kameraden, daß der drohende Weltkrieg ein einziger Anschlag auf die Zukunft der Menschheit sein würde. Kapitalismus, Militarismus und Krieg waren internationale Erscheinungen, die internationale Gefahren mit sich brachten, und darum mußte ein internationaler Kampf gegen den international auftretenden Imperialismus, für Frieden und Freiheit geführt werden. Das wurde aber noch viel su wenig von den Revolutionären aller Länder eingesehen. Vergebens versuchte der zweite internationale antimilitaristische Kongreß in Amsterdam im Jahre 1907, dies dem Weltproletariat zum Bewußtsein zu bringen. Als 1914 der Ausbruch eines Weltkrieges mehr als je drohte, wollten die Holländer einen dritten internationalen antimilitaristischen Kongreß einberufen, als ein Notzeichen gegen den aufkommenden Sturm, aber schon brach das Unwetter los, und der internationale Kontakt war vorläufig nahezu abgebrochen. Im Jahre 1917 waren wir jedoch schon wieder beisammen, gerade noch im Hause von Domela Nieuwenhuis, um zu versuchen, die internationale Verbindung der internationalen Antimilitaristen wieder herzustellen und zu stärken. Ueberall schienen Kerne von konsequenten Kriegsbekämpfern bewahrt geblieben zu sein, und in vielen Orten waren neue erstanden! Im August 1920 fand nach langer Vorbereitung die geheime internationale antimilitaristische Konferenz in Den Haag statt, und so konnten endlich 1921 auf dem dritten internationalen antimilitaristischen Kongreß in Den Haag die Absichten von 1904, 1907, 1914 und 1920 verwirklicht werden. Es wurde gemäß einem Organisationsvorschlag des niederländischen revolutionären Syndikalisten B. Ianaink er, das internationale antimilitaristische Büro gegründet, dessen Kontakt mit der Welt sich immer weiter ausbreitet und das auf diese Weise imstande ist, seinen Streit gegen Krieg und Reaktion stets kräftiger zu führen. Im Namen dieser Tochterorganisation begrüßt Redner deren Mutterorganisation, die I.A.M.V. und wünscht ihr Glück. Er weist auf die eifrige Tätigkeit hin, die jetzt in Norwegen die revolutionären Antimilitaristen entwickeln und die ihre Inspiration auch den Taten der Tausende von Dienstverweigerern in England und der Hunderte in den Niederlanden verdankt.

Sodann stellt De Ligt der Versammlung die angekündigten Redner vor. An erster Stelle nahm N. J. C. Schermerhorn das Wort, der seit Ende des vorigen Jahrhunderts rastlos Militarismus, Krieg und Staat bekämpfte und an der Gründungsversammlung von 1904 und an den Kongressen von 1907 und 1921 teilnahm.

Er weist darauf hin, daß sogar die bürgerlichen Kreise anfangen su begreifen, daß der moderne Krieg aur Selbstvernichtung der Menschheit führt. Daß die Völker sich noch immer gegenseitig ins Kriegselend bringen, ist nur möglich durch die Massensuggestion, die nicht nur der Staat, sondern auch die Kirche ausübt, wie wir jetzt wieder in Amsterdam auf dem prunkvollen Eucharisten-Kongreß sehen. Dem müssen wir nüchtern und kritisch gegenüberstehen und als bestes Mittel hiergegen die menschliche Individualität au erwecken suchen. Hierin liegt die große Bedeutung der persönlichen Dienstverweigerung. Wenn diese früher in den Niederlanden nur eine Ausnahme war, so ist sie nun schon von Hunderten in die Praxis umgesetzt worden. Wenn man früher die persönliche Dienstverweigerung fast als Wahnsinn ansah, so wird heutzutage innerhalb jedes Familienkreises die Frage normal: „Wird mein Sohn nach der Kaserne gehen oder wird er den Dienst weigern?" Tage wie der heutige beweisen, daß die mühsame Arbeit vieler Jahre wirklich Sinn gehabt hat. Laßt uns nicht ruhen, bevor wir an dem Grab der alten Gesellschaft stehen!

Luelen Hausaard, Frankreich, bespricht auf Grund des französischen Kolonial-Imperialismus die kolonialen Methoden vom modernen Kapitalismus im allgemeinen. Im Jahre 1882 begann unter Präsident Julee Perry die koloniale Ausdehnung Frankreichs. Alles unter der Losung, daß es sich darum handelte, die Völker zu zivilisieren. Man versuchte hierdurch, den Raub su vertuschen, welchen man mit Hilfe von Kanonen, Maschinengewehren, Alkohol und Mission vollbrachte. Wie früher Multztull in den Niederlanden, so bringt in unseren Tagen Vigné d'Octon in Frankreich die kriminalen Mißzustände ans Licht. Im Jahre 1901 schrieb Madame Sévéine: „Durch eine mirakelhafte Inkonsequenz sind die eifrigsten Propagandisten für die Verteidigung des vaterländischen Bodens diejenigen, die den Eingeborenen ihren vaterländischen Boden entreißen." Hiermit war man noch nicht zufrieden, sondern man mißbrauchte die Farbigen sogar noch dazu, das Vaterland der Unterdrücker su verteidigen! Die Lücken in den Reihen der weißen Soldaten wurden zu Anfang des Krieges durch „freiwillige" farbige Truppen und später durch solche ausgefüllt, die zum Militärdienst „verpflichtet" wurden. Die farbigen Soldaten wurden häufig durch Umzingelung ihrer Dörfer zum Militärdienst gezwungen. Sobald sie einmal im Kriege waren, wurden die Neger in einen Rausch versetzt. Man reizte ihre primitiven Instinkte an su einem wüsten Fanatismus, in welchem sie sich dazu berufen fühlten, „alle Germanen auszurotten". Zur Entschuldigung der Farbigen muß erwähnt werden, daß sie glaubten, die Kraft des geschlagenen Feindes würde auf sie selbst übergehen. Dieser Aberglaube wurde durch die französischen Offiziere bewußt angefacht und durch den vom Staate beschafften Alkohol aur Raserei getrieben, so daß es sie bei Angriffen su den schrecklichsten Greueltaten führte, Gefangene ermordete usw. Redner hat selbst gesehen, daß ein Negersoldat einen Kopf, ein zweiter einige Ohren zur Schau stellte, andere trugen einen Kranz von aneinandergereihten Teilen des menschlichen Körpers. Zeitungen wie „Le Matin" verherrlichten in ihren Hauptartikeln die Heldentaten der Neger, während sie alle

916

890801027

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture. War to the war. In German] Krieg dem Kriege! / Emma Goldman.— pp. 2-3 ; 34 cm. *In* Der Syndikalist [Berlin]. —Vol. 6, no. 35 (1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

kann unter dem Schein eines falschen Patriotismus ebenso ungestraft auf einen Massenmord hinarbeiten, und im Innern freut er sich darüber, daß der Krieg „unvermeidlich", also unausbleiblich sein soll.

Die augenscheinlichste Tatsache ist doch die: Die Anhänger des Krieges, d. h. die Nutznießer des Krieges, sind auch die geborenen Feinde alles dessen, was den Krieg einschränken oder abschaffen möchte. Alles was aufklärt, was frei macht, was bildet, alles was den Menschen zu einem menschlichen Wesen macht, verabscheut und verfolgt der Nationalist; warum sollte man auch wirklich nicht voraussehen, daß der Mensch an dem Tage, an dem er gebildeter und unterrichteter ist, sich weigern wird, sich gegenseitig totzuschlagen? Mit dem Fortschritt des menschlichen Geistes gibt es kein „Menschenmaterial" mehr, kein „Kanonenfutter"; das ist das Ende des wahnsinnigen Unverstandes, der sich Krieg nennt. Denn der Krieg ist die Summe aller Verbrechen und Schrecken.

Eingesandt.

Wer macht die Lohnbewegung?

II.

Nehmen wir einmal an, diese Vorarbeiten wären restlos geleistet, wie könnte nun ein Vorschlag, eine Bekanntmachung oder ein Aufruf aussehen, den die syndikalistischen Gewerkschaften, die „Freie Arbeiter-Union Deutschlands", dem deutschen Proletariat, oder besser gesagt, den deutschen produktiv Tätigen, machen könnte? Da für den Sieg der sozialen Revolution die Sicherstellung der Ernährungsfrage die Grundbedingung ist, so haben wir vor allem festzustellen, wieviel Lebensmittel, Brennmaterial, Bekleidung usw. befindet sich im Besitze des Volkes, wie lange können wir damit ausreichen und wie groß ist die Kopfzahl der Menschen, die ernährt werden müssen? Wer oder welche zu schaffende Körperschaft käme für diese Aufgabe in Frage? Weiß nicht Frau Schulze ganz genau, was Frau Müller einkauft, was sie anzuziehen hat usw.? Also Schaffung von revolutionären Mieterräten! Diese haben unverzüglich eine Bestandaufnahme vorzunehmen von allem, was sich in ihrem Wohnhause von den Gütern befindet, welche wir für die allernächste Zeit unbedingt gebrauchen; ebenso die Zahl der erwachsenen Bewohner des Hauses sowie die der Kinder und deren Alter. Bei gutem Willen und mit Hilfe aller Hausbewohner läßt sich diese Arbeit schnell erledigen. Ich schildere hier die mögliche Entwicklung in einer Großstadt wie Berlin, da in solcher wohl die größte Not und damit auch die größten Schwierigkeiten bestehen, allen gerecht zu werden. Wir haben in größeren Orten, Klein- und Großstädten, eine Bezirkseinteilung, ähnlich der der Postbezirke, um die Arbeit zu erleichtern. Sofort nach der Bestandaufnahme finden Bezirks-Mieterrats-Versammlungen statt; das zusammengestellte Material wird einem von den Mieterräten aus ihrer Mitte bestimmten Bezirks-Mieterrat übergeben und dieser verfügt sich nach der Arbeiterbörse.

Arbeiter-Börse, was ist das? Arbeiter sind alle diejenigen, welche für die Allgemeinheit produktiv tätig sind, also Hand- und Kopfarbeiter. Börse ist ein nicht deutsches Wort, welches verschiedenartig angewandt wird. So ist Börse z. B. ein Geldbeutel, ein Haus, eine Umhüllung. Ein Zelt, ein Haus, ein Gebäude ist auch eine Umhüllung. Also bedeutet „Börse" in unserem Sinne ein Gebäude, in welchem irgendwelche Angelegenheiten geregelt werden, Geldgeschäfte usw. Sagen wir Arbeiter-Börse, so heißt das, daß die Arbeiter, also die produktiv Tätigen, in der Arbeiterbörse ihre wirtschaftlichen Angelegenheiten regeln. Diese schon jetzt bestehende Arbeiterbörse, welche zur Zeit der Ausgangspunkt der Aufklärungsarbeit ist, verwandelt sich bei der sozialen Revolution in ein statistisches Büro. Hier werden „Rechenaufgaben" gelöst, z. B.: Die Mieterräte von Groß-Berlin haben das Material über die Kopfzahl der Einwohner und der vorhandenen Güter geliefert. In der Arbeiterbörse wird nun schnellstens ausgerechnet, wie lange wir mit den vorhandenen Vorräten bei dem Existenz-Minimum, also bei der überhaupt möglichen Einschränkung ausreichen. Nehmen wir an 8 Tage. Nun sind diese Güter in den einzelnen Bezirken aber ungleichmäßig verteilt, z. B.: Bezirk I hat für 14 Tage, Bezirk V nur für 2 Tage Vorrat. Folglich hat Bezirk I an Bezirk V für 6 Tage Vorrat abzugeben, sodaß Bezirk V auch 8 Tage ausreicht. Derselbe Ausgleich findet in den übrigen Bezirken statt, sofern es nicht gleich möglich ist, überhaupt alle Bezirke aus den Lebensmittel-Magazinen, Markthallen usw. mit Vorrat für 14 Tage zu beliefern. Das Resultat dieser Rechenaufgabe gibt die Arbeiterbörse öffentlich bekannt und die Bezirke nehmen den Ausgleich untereinander vor. Ich denke, diese Einteilungsart kann jedem Menschen, der nicht geistig krank ist, einleuchten, und ausführbar ist sie bestimmt, wenn der Wille der Bevölkerung dazu vorhanden ist. Halten wir also fest, Aufgabe des Mieterrates ist es, den Bestand in seinem Wohnhause festzustellen. Im weiteren Verlaufe übernimmt er die Verwaltung des Hauses. Was alles dazu gehört, wird sich im Laufe der Entwicklung herausstellen. Nun haben wir aber in der Folge natürlich auch weitere Bedürfnisse. Sie werden sich steigern, je sicherer unsere Lebenslage sich gestaltet. Diese Bedürfnisse müssen besprochen, festgestellt und letzten Endes auch befriedigt werden, nämlich von uns selbst, die wir die Forderung nach Befriedigung neuer Bedürfnisse stellen. Wir werden uns also die Art unserer Arbeitsleistung und die Dauer der Arbeitszeit selbst bestimmen. Wie und wo können wir nun Bedürfnisse feststellen? Das geschieht am besten in möglichst kleinen Gruppenversammlungen, wo sich die Menschen untereinander besser kennenlernen und das, was sie auf dem Herzen haben, was sie bedrückt, in Worte kleiden können. Das wirtschaftliche Elend, die geistige Not des bisher geknechteten Volkes wird aus ihren tiefsten Tiefen endlich an die Oberfläche kommen, erst jetzt werden wir erfahren, wie grausam das kapitalistische System auf dem ganzen Volke gelastet hat. Es werden Bedürfnisse zutage treten, zu deren Befriedigung wir die ganze bisherige Art der Arbeit von Grund auf umändern müssen. Nicht nach dem Profit, nach dem Vorteil eines einzelnen oder einer Gruppe von Blutsaugern, sondern nach dem Bedürfnis des ganzen Volkes muß geschafft werden. Was also in diesen kleinen Gruppen an Forderungen zutage tritt, wird von Gruppen-Vertrauensleuten festgestellt, schriftlich niedergelegt und in einer Bezirks-Mitgliederversammlung dem dort zu schaffenden Bezirksrat übergeben, welcher dieses Material wiederum in die Arbeiterbörse bringt. Es sind nun zweierlei Unterlagen für Rechenaufgaben vorhanden. Die erste Aufgabe hat die Arbeiterbörse gelöst und öffentlich bekannt gegeben, nämlich, daß die Bevölkerung von Groß-Berlin, wie wir angenommen haben, auf 8 Tage versorgt ist und daß die einzelnen Bezirke die ungleichmäßig verteilten Güter mit Hilfe der Mieter- und Bezirksräte untereinander auszugleichen haben. Die zweite Aufgabe soll gelöst werden: Die Forderungen oder Bedürfnisse, welche die Bezirksräte der Arbeiterbörse übergeben haben, sind zusammengezogen und müssen nun befriedigt werden. So kommen wir zur Arbeit nach dem Bedarf. Wo arbeiten wir? In den Betrieben! Die Arbeiterbörse müßte also die Forderungen an die betreffenden Betriebe überweisen. Als notwendige Folge ergibt sich die Schaffung von revolutionären Betriebsräten. Da die Ernährungsfrage das Wichtigste ist, kommen in erster Linie die landwirtschaftlichen Betriebe in Frage, weil sich unsere weitere Arbeit auf die Erlangung lebenswichtiger Güter aufbaut. Will die Bevölkerung der noch bestehenden Großstädte bis zu deren Abbau von der Landwirtschaft ernährt werden, so hat sie dieser als Gegenwert Arbeit zu leisten und fehlende Arbeitskräfte zur Verfügung zu stellen. Seien wir einmal ehrlich. Was tut die Mehrzahl der Bevölkerung der Großstädte für die unmittelbare Erhaltung ihres Körpers, nämlich für die Lebensmittel, die sie vom Lande erhält? Nur ein kleiner Teil leistet Gegenarbeit. Wenn wir auch ohne direkte Schuld durch die Profitwirtschaft in dieses Verhältnis geraten sind, so müssen wir aber einsehen, daß wir fast ohne Gegenleistung von der Landwirtschaft ernährt werden. Das enge Zusammenhausen in den Großstädten ist etwas ganz Unnatürliches, und wird es unser Bestreben sein müssen, den Aufbau der Großstädte sobald wie möglich vorzunehmen. Haben wir diese Notwendigkeit erkannt, so wird sich unsere ganze Aufbauarbeit nach dieser Richtung hin entwickeln. Denn nur so kommen wir zum anarchistischen Kommunismus, zur größtmöglichen Freiheit. Es hätten sich also in der Folge alle Industriezweige vorerst hauptsächlich nach dem Bedarf der landwirtschaftlichen Betriebe einzustellen. In diesem Sinne arbeiten die Betriebsräte mit der Arbeiterbörse Hand in Hand.

Die Bedürfnisse der Bewohner der Orts-, Klein- und Großstädte sind von den Arbeiterbörsen durchgesehen, sortiert und zusammengestellt und müssen nun in Form von Aufträgen an die betreffenden Betriebsräte abgegeben werden. Damit alle Aufträge an die richtigen Betriebe gelangen, gehören Fachleute in die Arbeiterbörse, also Berufsräte. Jede Berufsgruppe bestimmt einen Fachmann, welcher als Berufsrat in die Arbeiterbörse delegiert wird. Nun wäre die Verwaltungskörperschaft einer Großstadt, Kleinstadt und überhaupt aller Orte vollständig, denn alle produktiv Tätigen sind in der Arbeiterbörse vertreten. Wir haben Mieterräte und Bezirksräte, welche die Bedürfnisse oder Forderungen übergeben und Betriebsräte und Berufsräte, welche für die Befriedigung der Bedürfnisse oder Forderungen sorgen sollen. Aber . . . wir sind krank, alle Menschen sind krank, körperlich sowohl wie bis zu einem bestimmten Grade auch geistig. Für die Gesun-

---

Deutschen ohne Unterschied Barbaren nannten. Nach dem Kriege erwarteten die Farbigen, infolge ihnen gemachter Versprechungen, die Befreiung ihres Landes. Davon war natürlich keine Rede. Im Gegenteil, die Kolonien wurden auf eine Weise behandelt, daß der Sohn des Königs von Cambodja schrieb: „Stehlen und lügen ist notwendig, um in Cambodja leben zu können." Die farbigen Soldaten werden gegenwärtig immer mehr dazu gebraucht, um die unzuverlässigen weißen Soldaten zu ersetzen, wie bei bewaffnetem Angriff auf Streikende, bei der Ruhr-Besetzung usw. Das, wovon der Mörder der Kommune von 1871, General Gallifet, geträumt hat, droht jetzt Wirklichkeit zu werden; ein Prätorianerheer um die besitzende Klasse herum. Die französischen Herrscher sind dabei, sich mit einem bewaffneten Heer von Negern, Arabern, Indo-Chinesen, Tonkinesen usw. usw. zu umgeben. Die einzige Rettung hiervon ist die Vereinigung der Revolutionäre, der Weißen und Farbigen in Frankreich, den Niederlanden, England und überall zu einem gemeinsamen Kampf gegen Ausbeutung, Krieg und Militarismus. Selbst wenn die große Masse noch zögert, hierzu überzugehen, so ist doch die Pflicht der Revolutionäre aller Länder und aller Rassen, einen Anfang zu machen und Kerne zu bilden von revolutionärem Antimilitarismus, um welche herum sich der Widerstand kristallisieren kann.

Jos. Giesen übersetzte die Rede von Haussard.

A. L. Constandse, der danach das Wort erhielt, erklärt, daß die Jugend bereit ist, die Arbeit der Aelteren zu übernehmen und durchzuführen. Wir kämpfen nicht nur gegen den Krieg, sondern auch gegen den sogenannten Frieden, weil dieser nichts anderes bedeutet als einen Ausbeutungskrieg gegen die Arbeiter. Die Regierungen, die behaupten, den Frieden zu wollen, bereiten sich übrigens auf neue Kriege vor, wie wir nicht nur an Frankreich, sondern auch in England und Rußland sehen. Sozialdemokraten und Bolschewisten helfen hieran mit, was aus der in diesem Jahre erfolgten Gründung der „Vereinigung von Freunden der chemischen Verteidigung" durch Trotzky in Moskau deutlich genug hervorgeht. Man pflegt von der Minderwertigkeit der farbigen Rasse zu sprechen, aber noch tief unter dem primitivsten Neger steht der weiße Intellektuelle, der sich für Kriegszwecke prostituieren läßt. Während das Proletariat in der ganzen Welt den Krieg verloren hat, hat das Weltbürgertum an jeder Leiche 20 000 Gulden verdient. Darum will die Jugend weder Krieg noch den sogenannten Frieden, welcher in Wirklichkeit nichts anderes ist als eine neue Kriegarüstung, sondern Revolution, wobei weder die eine Regierung durch eine andere ersetzt wird, noch der eine Militarismus durch den andern, sondern wobei die besitzende Klasse enteignet wird und so die Grundlage zu einem Krieg verschwindet. Krieg dem Kriege! Aber vor allem: Krieg des Sklaven gegen den Herrn! Auf für die Befreiung der Arbeiter von Militarismus, Kapitalismus und Staat!

Auf Vorschlag von L. J. Bot jr. sendet die Versammlung eine Sympathiebezeugung an die 40 gefangenen Dienstverweigerer in dem speziellen Strafgefängnis in Den Haag. Da deren Behandlung in der letzten Zeit zu wünschen übrig läßt, appelliert eine Mutter an die Eltern aller:

Frau von Meckeren schlägt vor, daß die anwesenden Eltern von gefangenen Dienstverweigerern in der Pause zusammenkommen, um einen gegenseitigen Verband zu etiften zu Schutz und Verteidigung ihrer gefangen gehaltenen Söhne, deren Streit sie ehren und unterstützen.

Dieser Vorschlag wurde von den Beteiligten angenommen. Während der Pause vereinigte man sich, um schon am folgenden Tage den Kampf für die gefangenen Kinder aufzunehmen, wie es scheint, nicht ohne Resultat.

Emma Goldman erklärt, daß wohl niemand in den ersten Zeiten der I.A.M.V. geglaubt hat, daß der Militarismus innerhalb einiger Jahrzehnte seine blutigen Hände nicht nur nach den kapitalistischen Ländern ausstrecken würde, sondern auch nach dem sogenannten proletarischen Staat. Sieben Jahre ist es her, seit in Rußland Arbeiter und Bauern, Männer, Frauen und Kinder ihr Blut für ein großes Ideal vergossen haben, und jetzt schon hat sich wieder ein Staat erhoben, der ebensu verbrecherisch militaristisch und kapitalistisch ist wie die andern Staaten. Niemand hätte geglaubt, daß nach der großen Revolution der Militarismus aufs neue gegen die Revolutionäre selbst begründet und angewandt werden würde. Sprecherin macht diese Mitteilungen auf Grund eigener Erfahrungen während zweier Jahre, in welchen sie Sowjet-Rußland nicht als eine von der Regierung empfangene Delegierte durchkreuzte, sondern als Russin, die mit dem Volk in seiner eigenen Sprache redet. Nachdem die Romanoffs fortgejagt waren, vollzog sich nicht nur eine politische sondern vor allem eine soziale Revolution. Man kann wohl sagen, daß Rußland sozial noch nicht reif genug war, als die Umwälzung von 1907 anfing. Man vergesse jedoch nicht, daß das russische Volk eine revolutionäre Tradition von beinahe 100 Jahren besaß, und daß es mit beinahe religiösem Feuer glaubte, daß die Kommunisten ein wirklich freies Rußland wollten. Als die Bolschewisten 1918 einmal die Macht in der Hand hatten, gebrauchten sie diese immer mehr, um die Staatsmacht wieder herzustellen und dieser das Proletariat unterzuordnen. So wurde die Revolution gebrochen. Ursprünglich gaben sie revolutionäre Losungen heraus, welche beim Volk tiefen Widerhall erfuhren. Aber es dauerte nicht lange, da setzten sie alles aufs Spiel, um Staat, Militarismus und Kapitalismus wieder herzustellen. Manche werden die Rednerin kontra-revolutionär nennen, da man nach der Meinung der Bolschewisten nichts als Gutes von der russischen Regierung sagen darf. Sie hat übrigens 15 Monate nötig gehabt, um das zu glauben, was ihr überall in Rußland von dem Auftreten der Bolschewisten erzählt wurde, um einzusehen, was sie mit eigenen Augen immer unverkennbarer wahrnahm. Sie war mit großem Vertrauen in die revolutionären Absichten der anführenden Kommunisten nach Rußland gekommen. Schließlich aber mußte sie die Dinge sehen, wie sie wirklich waren. Die Rednerin weiß aus eigener Erfahrung, daß in den Gefängnissen des gegenwärtigen Rußlands und in den Konzentrationslagern überzeugte Anarchisten, Syndikalisten und linksstehende Sozialrevolutionäre gemartert werden. Jeder, der in Rußland spezielle Kritik über die Regierung ausübt und sich ihrer oft grausamen Praxis widersetzt, wird gefangengenommen, zum Tode verurteilt oder verbannt. Hier, in den Niederlanden könnt Ihr nun noch diese Versammlung abhalten. Ihr besitzt eine gewisse Propagandafreiheit, trotzdem Ihr unter dem Kapitalismus und einer Monarchie lebt. In Rußland aber ist so etwas unmöglich. Die Revolution wird in Rußland vom Bolschewismus gekreuzigt. Niemals hat man versucht, den Kommunismus wirklich durchzusetzen. Oder ist das Kommunismus, der als politische Partei, die die absolute Macht hat, 33 Lohnklassen einführt? Als Lenin die neue ökonomische Politik, die N.E.P. einführte, sagte er selbst, daß man ein Idiot sein müßte, wenn man meinte, in Rußland den Kommunismus einführen zu können. Hier in Holland könnt Ihr Kapitalismus und Militarismus bekriegen, die Euch klar und deutlich gegenüberstehen. Aber in Rußland kann das Volk das nicht; es liege gekrümmt unter einer Lüge, der Lüge, daß Rußland ein freies komunistisches Land sein soll. Und es darf diese Lüge nicht einmal feststellen. Der Bolschewismus ist wie ein neues Christentum, eine neue christliche Kirche, welcher, ebenso wie diese den Geist Christi täglich verleugnet, im Namen der Revolution den Geist der Revolution verleugnet, aus welcher er selbst hervorgegangen ist. Warum warten die großen kapitalistischen Staaten noch, den russischen Staat anzuerkennen? Im Grunde unterscheidet er sich in nichts mehr von den andern. Die Dritte Internationale, der Russische Staat und die Rote Genossenschafts-Internationale sind zusammen eine heilige, unfehlbare Kirche, welche Unterdrückung ausübt, während sie die Weltrevolution predigt. Aber laßt die Gefängnisse Rußlands auch noch so gefüllt sein von Revolutionären: nicht für ewig ist die Revolution tot in Rußland! Rußland wird überall anerkannt werden. Den Erfolg werden die Bolschewisten noch haben. Aber die Zeit ist nicht mehr fern, daß das russische Volk sich wieder erheben wird, und dann wird es aus sein mit der Herrschaft der jetzigen politischen Partei.

(Schluß folgt.)

900628083

The Emma Goldman Papers

Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin / Emma Goldman.— 1924, Feb., draft.— 6 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

VLADIMIR ILYICH ULYANOV LENIN

When I read the eulogies of Lenin by some of his bitterest foes, I am reminded of Angelica Balabanova's admonition to Clare Sheridan, the lady who made busts of Lenin, Trotsky, and some other Bolshevik leaders. Balabanova said to her: "Would you have thought of sculpting Lenin three years ago when the English Government denounced him as a German spy? Lenin did not make the Revolution. The Russian people made it. Why not sculpt Russian workingmen and women,—they are the real heroes of the Revolution? Why all this sudden interest in Lenin?"

With Balabanova I would say to those who now wax eo laudatory of Lenin (among them one even finds some Mensheviks and Social Revolutionists), why this sudden sympathy? Why this ecstatic outburst of homage to the man who but yesterday was considered anathema? Is it because of the antiquated belief that one must speak kindly of the dead? Is it that one needs courage to go against the tide of popular hero-worship? Or is it just rank hypocrisy? Those writers know as well as Balabanova that not Lenin did not make the Revolution. More, they know that he has unmade the Revolution. Bit by bit, beginning with the historic "breathing spell;" of the Brest Peace, until March, 1921, when he imposed his New Economic Policy upon his chosen, Lenin was at his chosen task to unmake the Revolution, to emasculate it, to rob it of its purpose, to destroy its substance, retaining only the outer garments of the Revolution to be flaunted during dress parades of the Third International.

The task was not easy. The Russian people, who had staked their all in the Revolution, believed fervently in its strength, possibilities, and endurance. Lenin was too shrewd to go against such deep-rooted belief, such popular enthusiasm. On the contrary, he went with the people and was for the most extreme measures. His aim, however, was something quite separate and distinct from the aims of the people. It was the Marxian State -- a formidable, all-inclusive, all-

BEST COPY AVAILABLE

900628083

The Emma Goldman Papers

Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin / Emma Goldman.— 1924, Feb., draft.— 6 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

absorbing, all-crushing machine -- with Lenin and his party at its helm. To this deity Lenin had dedicated with his life.

When the revolutionary waves swept Lenin into power, his hour had come -- the hour to realise his dream. Not even his bitterest enemies can say that Lenin ever stopped at anything to achieve his aim. What if the Revolution was crushed in the process? What if thousands of lives were sacrificed to a monstrous machine? What if Russia was brought to wreck and ruin? The Marxian State emerged from the blood and ashes of a great beginning. The honors for that feat belong entirely to Vladimir Ilyich Lenin. No one worked more diligently and with such complete abandon to his purpose. The future, however, will not hesitate to show up the doubtful character of the honor, which has fallen to the lot of the dead leader of Bolshevism, or Leninism, as his flock now fondly call the autocratic political scheme resting heavily upon the shoulders of fettered Russia.

The eulogists of Lenin call him great. His was certainly not the greatness of mind and heart--two essential fibres in the texture of true greatness. Lenin, himself, would have scoffed at such "bourgeois" attributes to him. Largeness of spirit, generosity of heart, understanding for and compassion with an opponent, were utterly lacking in the man who was yet so very human in errors and often criminal blunders. It was given to Lenin on more than one occasion to demonstrate real greatness, but he was so constituted that he saw neither the glorious opportunity nor its universal significance. In that Lenin remained true to his innermost self. "Dnie" (Day) of January 27 [illegible] tells an interesting story. It was in 1890, during the terrible famine in Russia. The whole Russian intelligentsia, regardless of difference of opinion, united to devise ways and means to minister to the starving people. [illegible] Tolstoy [illegible] wrote a burning appeal for help. In the center of the famine district,

Ital

BEST COPY AVAILABLE

919

900628083

The Emma Goldman Papers

Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin / Emma Goldman.– 1924, Feb., draft.– 6 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

Samara, a group of intelligentsia gathered to discuss their work for the famine-stricken. At that meeting a young man rose who expressed himself as follows: "The famine revolutionizes the masses and facilitates the struggle with the Russian autocracy. I, therefore, consider the proposed relief work of this committee a crime. Of course, I have no desire to participate in this crime." The young man was Vladimir Ilyitch Ulyanov Lenin. I do not know whether the writer of this story (he was present at that meeting) is quite exact in his quotation of young Lenin's speech. But it is so significant of the man's make-up, and so much part of his attitude toward life and human suffering, that the story may well be true. n.P. Lenin has demonstrated the same cold relentlessness on another significant occasion, in relation to Dora Kaplan, the Social Revolutionist who had attempted his life. He knew that Kaplan, with years of intrigue on her back, was promoted in her act by no personal or counter-revolutionary motive. He knew also that her death would add nothing to his recovery, or contribute to the well-being of Russia. He could have delivered himself of a grand gesture which would have endeared him to the very party Dora Kaplan belonged to. He could have spared her life. That would have shown greatness and may have added a new and vital element to the whole course of the Revolution. But no one can get out of his skin. Being bereft of greatness, Lenin turned Dora Kaplan over to his henchmen, the Tcheka. Is it likely that Tolstoy, Kropotkin, or Bakunin, the three great Russians, would have been guilty of such unnecessary and futile cruelty? But why cite these universal spirits. There were two women in the Anarchist movement, Louise Michel and Voltairine de Cleyre. Their lives, too, had been attempted. How did they act towards their assailants? Did they demand the pound of flesh? On the contrary, both refused to be a party to murder; they pleaded for the lives of the men who had come to destroy them. When one compares the action of Louise Michel and Voltairine de Cleyre with that of Lenin, the latter

BEST COPY AVAILABLE

900628083

The Emma Goldman Papers

Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin / Emma Goldman.— 1924, Feb., draft.— 6 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

makes - very poor showing indeed.

Yet, Lenin had greatness, but it was the greatness of Jesuitism, the will to cunning, to unscrupulousness, and an utter disregard for the stupendous sacrifice brought to the alter of his Deity. In that sense the Torquemades of all times were great. Some of them were known to have wept when they sent their victims to the torture chamber or to the stake. Perhaps Lenin, too, has wept over the toll of his obsession. Unfortunately, such tears have been the paralysing factor of the spirit of Man, and have curtailed his attempt at new forms of life. The Torquemades were ever the most reactionary and truly counter-revolutionary forces in human history. And Lenin was reactionary. All his political performances since 1917 are a living proof to his counter-revolutionary inclinations. Counter-revolutionary in the sense that each of his tactics added to the collapse collapse of the Revolution.

The Brest Peace struck the most deadly blow to the Revolution. The formation of the Tcheka turned Russia into a human slaughter house. The forcible tax collection, with its punitive expeditions, destroyed thousands of lives and devastated entire villages. Kronstadt with its bloody toll. The decree of war to the knife against the Labor Opposition and the Anarcho-Syndicalists. (This secret order given to the Tenth Congress of the All-Russian Communist Party has only now come to light. It was used as the a prey by the Leninites in the recent discussion with the Opposition.) Finally, the reintroduction of Capitalism by means of the New Economic Policy. All that and more sprang from the brain of the man who is now canonized as the saint of the Communist Church, and all these measures helped to crush the Revolution and destroyed the hope of the Russian people. But not only Russia, the whole world has paid for the Jesuitism of Lenin, for it has disintegrated the ranks of the oppressed everywhere. Only time will prove the chaos, distrust, hatred, and disruption Leninism has spread broadcast.

BEST COPY AVAILABLE

900628083

The Emma Goldman Papers

Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin / Emma Goldman.— 1924, Feb., draft.— 6 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

But, then, Lenin believed implicitly in the need of sowing confusion, loathing, and disintegration. He considered it a vital part in his doctrine. We have his own word for it. "Krasnaya Letopis", No. 7, contains an address of Lenin to the Fifth Congress of the Russian Social Democrats, the Workers' Party, representing Lenin's defence before a trial committee of the Party. He was charged with libel and slander of thirty-one Mensheviks who had bolted the party and had formed a block with some Cadets. The leader of this group was F. Dan. Lenin said this: [N.T.] "In attacking political opponents, the form and not the substance is of importance. In fact, the form represents the tone which makes the whole music. The form thus must call out in the reader or the hearer hatred, disgust, loathing for those who are being attacked. The aim of the form must be not to convince, but to disrupt the ranks of the opponents; not to improve their mistakes, but to annihilate, to wipe off the face of the earth their organisation and their work. The form of the attack must be such that it should call forth the most evil thoughts and suspision, and spread chaos and confusion in the ranks of the proletariat." [N.P.] When he was asked if he does not consider such a method reprehensible, Lenin replied:-"Yes, if used in one's own united party, against one's own comrades. But in the case of all political opponents, it is not only not reprehensible, it is commendable and necessary. I repeat, in my attack on the bolted group of the Mensheviks I deliberately and consciously used the kind of form which would disrupt the ranks of the proletariat, and would sow hatred, distrust, loathing against our political enemies."

No one can accuse Lenin of ever having minced words. But that does not cover up the fact that all his life Lenin injected a dangerous poison in the ranks of the proletariat. Gradually his own ranks were infected by it. So long as Lenin held the Bolshevik sceptre nothing was permitted to come to the surface. Now, when death itself has relaxed the iron hold, the

BEST COPY AVAILABLE

900628083

The Emma Goldman Papers

Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin / Emma Goldman.– 1924, Feb., draft.– 6 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

poisons so long dammed up, have rushed forward, and is threatening to engulf the whole edifice so painfully built up by the great Jesuit of modern times.

Death is the equalizer of all life. It has come to Lenin as it has come to hosts of victims of Leninism, only in a more merciful manner. Dora Kaplan, Fanny Baron, Lev Teherny, and scores of others were made to die more than one cruel death before they were put against the wall by Lenin's Tikhon. Their bodies did not lie in state. No homage was paid to them. There were no funeral dirges sung, nor did the forty times forty churches of Moscow ring out their mournful sounds. Theirs was an ignominious death, for they remained true to the Revolution, hence unsuccessful. Not so Lenin. He was successful. He has built up a machine. He has resurrected the evils the Revolution had come to slay -- Capitalism, exploitation, and all that follows in their wake. Small wonder Lenin was buried with the pomp of a potentate, and that his kingdom is now being recognized by the European Powers. Why not? The Revolution is dead. Long live Leninism!

The Vatican, Mussolini, Patriarch Tikhon, the reactionaries, adventurers, and gamblers of the world, now pay tribute to the man whom seven years ago they would have killed on sight. Liars and hypocrits all of them. Their display of respect and sympathy is only the cloak to cover their glee over the fact that Leninism is turning over to them the key to the wealth of Russia, which they all stand ready to drain to its uttermost.

However, the last word in the destiny of Russia has not yet been said. The people, so sublime in their wrath during the October days, will rise again to bear witness to the indelible truth that the triumph of Leninism and its dead master was at the same time their tragic defeat.

Berlin, February, 1924 Emma Goldman.

Emma Goldman.
3. Cpy.

Berlin. Feb. 1924.

BEST COPY AVAILABLE

870921522

The Emma Goldman Papers

[Paral[l]el Between the Christian and the Bolshevik Myth] / [Emma Goldman].— [1924 Feb., draft].— 7 p. ; 20 × 16 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Introduction.

Do not speak from hearsay but actual experience of two yea

Tell how I came to Russia, what I saw, where I was.

Paralel between the Christian and the Bolshevik Myth.

The teachings of Jesus an ideal to redeeme the world, to liberate the oppressed from bondage, to create brotherhood and welbeing on earth.

For that ideal Christ died at the Cross and the early Christians wear thrown in the erna. Yet the ideal remind as an inspiration to the multitudes.

When this ideal was raised to a state Religion, institutionalized innthe Christian Church the spirit of the ideal was crushed and only the letter retained. In the name of that cold letter The Christian Church has sancioned and itself commited every imaginable crime and has deceived and betrayed humanity for two thousend years. No intellegent person to day still believes in the Myth that the teachings of Jesus and the Christian Church are synnonymous, in fact we know that the success of the

924

870921522

The Emma Goldman Papers

[Paral[l]el Between the Christian and the Bolshevik Myth] / [Emma Goldman].– [1924 Feb., draft].– 7 p. ; 20 × 16 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Christian Church meanth the death and failure of the teachings of Jesus.

It is the same with the Bolshevik Myth. The birth of the Russian Revolution was the birth of the modern Christ, the Collective Christ come to redeeme Russia, to liberate the Russian people from age long bondage. But not only the Russian people, the whole world saw in the Russian Revolution the inspiration and promise of a new life. And justly so, for the Russian Revolution had all the necessary elements out of which the new house of man was to be built.

Marxian socialits deny that significant fact. They say that the Revolution was doomed to failure because it lacked the industrial factors which according to Marx alone make a successful revolution possible. If that were really true the U, S, A, Germany, France and England should by now have established the Marxian common wealth. Surely Capitalism has reached its zeneath in most of these countries assuredly in the U, S. That no revolution has taken place in any of the mentioned countries is initself proof positive that something more is needed than industrial developement.

870921522

The Emma Goldman Papers

[Paral[l]el Between the Christian and the Bolshevik Myth] / [Emma Goldman].— [1924 Feb., draft].— 7 p. ; 20 × 16 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Spiritual factors are needed which the wast mass in Europe still lacks and which the Russian masses had in abundance, the capacity to rise to the summit, the capacity for utter aboandone and complete concecration. On the other hand the Russian masses were free from the poison of Western political machination, the parlamentary trickery, ~~thex~~ and the faith in politicians and diplomates. The Russians were unofficialized and unpoiled. The fact remains the savage Russian people had the strength and thwe will to make two Revolutions within six months. What European people have so far shown that strength and will.

The actual Revolution ~~didxmakxinxexplxmexxinx~~ took place long before Oct. it began with the revolutionary slogan all pwoer to the Soviets, continued with the expropreation of the land and the factories and with the determination of the masses to set to work to reconstruct Russia. The events of Oct were only ~~thexbabtism~~ only celebrated the babtism of the Russian Revolution, the babtism of the collective Christ who had so miraculously come to redeeme Russia.

The Bolsheviki even as the Church fathers of yore were

870921522

The Emma Goldman Papers

[Paral[l]el Between the Christian and the Bolshevik Myth] / [Emma Goldman].— [1924 Feb., draft].— 7 p. ; 20 × 16 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Shrewd enough to see the potant qualities of the Great Russian uprising. Or rather it was Lenin who saw it and who lost no time in using the released energies of the people and their fiery zeal for his own life long dread, the Marxian State intensified a thousend fold by the fanatism and ~~abs~~ Jesuitism of the Great Jesuite himself.

Lenins steps,
1st, went with the popular slogans, But when swept into power began to immesculate the Revolution,
Brest, Litovsk,
Razverstka. Punitive expeditions.
Theka, Distruction of the Cooperatives,
Subjugation of the Soviets to the purposes of the State.
The Trade unions. And finally, the New Economic policy, all but links in the chain which forged the Leninist State with Statecapitalism as its procuror. In other words, the Bolshevik State did to the Russian Revolution what the Christian Church did to the teachings of Jesus, it slaied the sprit and retained the latter. It is therefore a Myth, a delusion and a snare to see in the Bolsevik or in the Soviet Government the symbol of the Russian Revolution, to believe

870921522

The Emma Goldman Papers

[Paral[l]el Between the Christian and the Bolshevik Myth] / [Emma Goldman]. — [1924 Feb., draft]. — 7 p. ; 20 × 16 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

they are even in the least identical.

The other day, the fo ⁄ der of the Bolshevik stronghold was burried with the pomp of a potentate and has since been cannonized as a saint. And justly so for it was he and no one else who deserves the do ubtful credit for having slayn the Russian Revolution and upon its ruins having established the citadel of Leninism.

He has don more, throgh his Jesuitism the Myth is being perpatuated, the Myth that The Russian Revolution and Le[illegible]. They are nothing of the kind and the sooner the masses everywhere learn this fact the quicker they will be cured from the delusion that Russia still expresses the ~~principles~~ hope and aspirations of 1917, the aspiration for which the Rssian people were and are martyred.And Russia was brought to wreck and ruin.

Bolshevism has done more,

speak of the pdison inculcated in the minds and ranks of the people everywhere, lying, deceit, suspision, murder open and in secrete, the utter innihalation of revolutien ary ethics and idealism, the sanctity of human life, the value of liberty as a basic principle fus the new begining. All that and more Leninism has raised to the

870921522

The Emma Goldman Papers

[Paral[l]el Between the Christian and the Bolshevik Myth] / [Emma Goldman].— [1924 Feb., draft].— 7 p. ; 20 × 16 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

sky as the greatest asset to Communism. It is not difficult to see the havoc such values have wrought in the ranks of the masses.

The Revolution has quite another purpose. Speak of Revolutionary ethics.

The Immaculate conception of the Communist State which by the aid of the Revolution was to redeem the world. Most of the leading Communists did not entertain such a delusion.

Communism never attempted in Russia, unless one con siders thirty three categories of wagges, different food rations, preveleges to some and utter neglect of others as Cummunism.

The inherent tendency of the state to concentrate, to narrown and monopolize all social activities, the inherent tendency of the Revolution is to release to broaden then creative eneggies of the people, the one is static the other fluent. dynamic

Anrcho, Syndicalism. The Cooperatives, The Intellegenzia.

Socialist conception of Revolution a mere mechanical ch change. Dictatorship of Proletariat takes the place of

870921522

The Emma Goldman Papers

[Paral[l]el Between the Christian and the Bolshevik Myth] / [Emma Goldman].— [1924 Feb., draft].— 7 p. ; 20 × 16 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Bourgeoisie, the Imperial Cabinet is rechristianed Soviet of Peoples Commissary, Lenin takes the seat of the Roman offs, Trozky becomes ~~xxxxxxxx~~x Minist r of the~~xxx~~ War. and a worker becomes the the Military General ~~xxxxxxx~~of Moscow

The Revolution a Transvaluer of all accepted Values, not only social but human.

Zinoviev and Zderdzinsky. The end justifys the means which is not true.

810409109

The Emma Goldman Papers

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman.— 1924 March, draft.— 5 p. ; 29 × 21 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

COPY

Lozovsky Lets the Cat out of the Bag.

During the First Congress of the Red Trade Union International, A. Lozovsky, chief of that organisation and his side used every device to impress the foreign delegates, especially the French delegation that the III International had no intention whatsoever to control the Red Trade Union International. Far from making it an adjunct, the Comintern welcomes the Profintern as an autonomous sister organisation and will work with it harmonously side by side.

We who lived at the time in Russia and were in close touch with the preparatory work for the forthcoming trade union congress knew better. We know that the new born babe was to serve for blood transfusion into the anaemic body of the Comintern composed of a handful of intellectuals. In Russian Communist circles no secret was made of the intent and purpose to which the Comintern destined the Red Labor International. But it was necessary to make the foreign delegates, especially the French-Anarcho-Syndicalists, always opposed to any political sponsorship of their organization, believe that the Comintern was free from such designs, at least, until they will have been lured into the R.T.U.I.

I well remember my talk with the Russian-American D. Lasonite, Reinstein, apropos of the relation between the Comintern and Profintern. For many years he had lived and had been active in the States as a rabid opponent of the Industrial Workers of the World and the Anarcho-Syndicalists. In 1917 Reinstein went to Russia and there was constantly paraded as the "Delegate of the American Proletariat". That was during

the

BEST COPY AVAILABLE

810409109

The Emma Goldman Papers

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman.— 1924 March, draft.— 5 p. ; 29 × 21 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

the blockade when it was very hard to enter Russia and other self-appointed American delegates had not yet found out how profitable it is to serve Moscow. Poor old Reinstein, what must he be doing now with so much American competition.

In 1921 Reinstein was head of the Anglo-American Department of the preparatory work for the Labour Congress. In speaking of it Reinstein said that it was really his suggestion which induced the Comintern in 1920 to take up the initiative of calling into life a new trade union International. It was indispensable to the Comintern if it is not to remain a mere political debating club, composed largely of Russians or such foreign Communists who had lived in Russia since 1917 and had been cut off from the rest of the world. "An organised workingman's body of International scope" Reinstein said, "would give new, vigorous blood to the III International, thus making it a world power." The fate and function of the R.T.U.I. had been decided upon and carefully mapped out long before its birth.

It must be said, the Profintern does justice to its creators. It is not only in their image, it is the reflex of all the dreams and schemes of the Comintern. And those dreams are the dominion over the workers and their subjugation to the political state now known as "Leninism". And the Profintern is the medium which is to help secure that world dominion.

The delegates at the first Red Labour congress easily fell into the trap laid for them by Moscow. Some owing to their naiv fate that the III International actually symbolised the Russian Revolution. Others, and they were in the majority, were shrewd enough to see the trick but decided it was wiser to serve the Moscow Masters, than their organisations whom they had come

to

BEST COPY AVAILABLE

810409109

The Emma Goldman Papers

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman.— 1924 March, draft.— 5 p.; 29 × 21 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

to represent against an attempt to hitch the Red Labour International to the political cart. Besides all these, there were earnest men in the delegation who refused to be cajoled, hemmerized, or bribed, but they had very little chance to make themselves felt in the convention packed by fake delegates from such ultra industrial centers as Palestine, for instance, Bokara, or Adjerbedzhan.

Since then three years have passed. Again and again the Red Labor International has demonstrated who is master in its house and whose direction it must follow, directions which have spread chaos, confusion and distrust in the ranks of the International proletariat. Still, there are credulous peoplewho hold tenaciously to the superstition that the Comintern is only the kind brother of the R.T.U.I. guiding and protecting his yet frail sister against her enemies. It may, therefore, be of interest to them to learn from the most authoritative Communist source and the head of the Profintern, A. Lozovsky, just what part the Comintern has already played and will play in the life of its "sister" organization.

The "PRAVDA" dedicated to the fifth anniversary of the III International contains an article by Lozovsky an exaltant tribute to the birthday child for its share and work of the Profintern. He writes among other things:

" In throwing out the slogan that the existing labour unions must be bored from within instead of forming new small revolutionary organizations, the Comintern has saved the entire trade union movement from complete ruin and extinction.....

The III International deserves the great credit not only for being the initiator of the Profintern but also for being the

director

BEST COPY AVAILABLE

933

810409109

The Emma Goldman Papers

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman.– 1924 March, draft.– 5 p. ; 29 × 21 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

---

director of its course and its activities.....

It is only necessary to examine carefully the work done by the Profintern since its inception, the resolutions and decisions of the Central Soviet and its Politbureau to realize at once how interwoven the two Internationals are. In fact, all the resolutions were conceived by the Comintern in line with its aims and methods..... Just as the Profintern could not have been born without its parent who gave it life, so too, it could not continue to exist and function without the directing force behind it, namely, the III International and the Communist Party in every country..... It is precisely this close inter-relation of political concepts and ideas between the two organizations which calls forth the attacks of the Anarchists upon the Comintern..... But we have no time to listen to reformist and Anarchist babblers. The Comintern is too busy creating a united(?) revolutionary fist against the reformist block of Amsterdam and the II International.

The Comintern has never considered the labour movement a prohibited field which communists may enter only by giving up their programs and methods..... The Reformists and Anarchists constantly demand that of us. But the Comintern can and will never comply with such a proposition. The aim of our party is to capture the majority of the working class and to organize the revolution for which the trade unions are indispensable. But the latter are not considered by the Comintern as an end, they are merely the means to the end, the end being the overthrow of Capitalism and the establishment of the Dictatorship of the Proletariat. It is for this very reason that the Comintern must

BEST COPY AVAILABLE

810409109

The Emma Goldman Papers

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman.— 1924 March, draft.— 5 p. ; 29 × 21 cm.

Obtained from the United States National Archives. Institutional Location: Record Group 59.

must wage war on the slogan of the French Anarcho-Syndicalists, the slogan, "All Power to the Syndicalists!....."

Since 1921 Lozovsky has learned to tell the truth sometimes. He has let the cat out of the Communist bag. In other words he openly declares that the Comintern never entertained the slightest idea of recognising the aims and activities of the Profintern as anything separate and distinct from its own aims, to which everything else must be subordinated, And that aim is, as Lozovsky himself emphasises, the capture of political power and the establishment of the Dictatorship of the Proletariat.

Some day the workers are sure to wake up to the full meaning of this dictatorship. They will then see that they have been serving as marionettes on the Communist stage which is rehearsing the repetition of the Russian drama, the drama that has crushed the revolution, has stifled thought and actions of the masses, created a system of political persecution hardly known in the world before - the tragedy of Capitalism reinstated and triumphant in Russia once more.

One would have to despair utterly in the possibilities of the masses if one did not believe fervently that that awakening will come.

Emma Goldman.

BERLIN, March, 1924.

BEST COPY AVAILABLE

935

900628076

The Emma Goldman Papers

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman.— 1924 March, draft.— 4 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

Freedom
24 cents
10 point

Trial

Lozovsky Lets the Cat out of the Bag.

During the first Congress of the Red Trade Union International, A. Lozovsky, chief of that organization and his assistants used every device to impress the foreign delegates, especially the French delegation, that the Third International had no intention whatsoever to control the Red Trade Union International. Far from making it an adjunct, the Comintern welcomes the Profintern as an autonomous sister organization and will work with it harmoniously side by side.

We who lived at the time in Russia and were in close touch with the preparatory work for the forthcoming Trade Union Congress knew better. We knew that the new-born babe was to serve for blood transfusion into the anemic body of the Comintern composed of a handful of intellectuals. In Russian Communist circles no secret was made of the intent and purpose to which the Comintern destined the Red Labor International. But it was necessary to make the foreign delegates, especially the French Anarchist-Syndicalists, always opposed to any political sponsorship of their organization, believe, that the Comintern was free from such designs, at least until they will have been lured into the R. T. U. I.

I well remember my talk with the Russian American De Leonite, Reinstein, apropos of the relation between the Comintern and Profintern. For many years he had lived and had been active in the States as a rabid opponent of the Industrial Workers of the World and the Anarchist-Syndicalists. In 1917 Reinstein went to Russia and there was constantly paraded as the "Delegate of the American Proletariat" That was during the blockade, when it was very hard to enter Russia, and other self-appointed American delegates had not yet found out how profitable it is to serve Moscow. Poor old Reinstein, what must he be doing now with so much American competition!

In 1921 Reinstein was head of the Anglo-American department of the preparatory work for the Labor Congress. In speaking of it, Reinstein said that it was really his suggestion which induced

900628076

The Emma Goldman Papers

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman.– 1924 March, draft.– 4 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

the Comintern in 1920 to take up the initiative of calling into life a new Trade Union International. It was indispensable to the Comintern if it is not to remain a mere political debating club, composed largely of Russians or such foreign Communists who had lived in Russia since 1917 and had been cut off from the rest of the world. An organized workingmens body of International scope," Reinstein said, "would give new, vigorous blood to the Third International, thus making it a world power." The fate and function of the R. T. U. I. had been decided upon and carefully mapped out long before its birth.

It must be said that the Profintern does justice to its creators. It is not only in their image, it is the reflex of all the dreams and schemes of the Comintern. And those dreams are the dominion over the workers and their subjugation to the political State now known as "Leninism." And the Profintern is the medium which is to help secure that world dominion.

The delegates at the first Red Labor Congress easily fell into the trap laid for them by Moscow. Some owing to their naive faith that the Third International actually symbolized the Russian Revolution. Others, and they were in the majority, were shrewd enough to see the trick, but decided it was wiser to serve the Moscow masters than their organizations, whom they had come to represent against an attempt to hitch the Red Labor International to the political cart. Besides all these, there were earnest men in the delegations who refused to be cajoled, mesmerized, or bribed. But they had very little chance to make themselves felt in the convention packed by fake delegates from such ultra-radical industrial centers as Palestine, for instance, Bokhara, or Adjerbaijan.

Since then three years have passed. Again and again the Red Labor International has demonstrated who is master in its house and whose directions it must follow, directions which have

900628076

The Emma Goldman Papers

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman.– 1924 March, draft.– 4 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

spread chaos, confusion, and distrust in the ranks of the International proletariat. Still, there are credulous people who hold tenaciously to the superstition that the Comintern is only the kind brother of the R. T. U.I., guiding and protecting his fair yet frail sister against her enemies. It may, therefore, be of interest to them to learn from the most authoritative Communist source and the head of the Profintern, A. Lozovsky, just what part the Comintern has already played, and will play, in the life of its "sister" organisation.

The Pravda dedicated to the fifth anniversary of the Third International contains an article by Lozovsky, an exultant tribute to the birthday child for its share and work in the Profintern. He writes, among other things:—

"In throwing out the slogan that the existing labor unions must be bored from within instead of forming new small revolutionary organisations, the Comintern has saved the entire trade union movement from complete ruin and extinction.....

"The Third International deserves great credit not only for being the initiator of the Profintern but also for being the director of its course and its activities.....

"It is only necessary to examine carefully the work done by the Profintern since its inception, the resolutions and decisions of its Central Soviet and its Political Bureau, to realise at once how interwoven the two Internationals are. In fact, all the resolutions were conceived by the Comintern in line with its aims and methods..... Just as the Profintern could not have been born without its parent who gave it life, so too it could not continue to exist and function without the directing force behind it, namely, the Third International and the Communist Party in every country. ..... It is precisely this close interrelation of political concepts and ideas between the two organisations which calls forth the attacks of the Anarchists upon the Comintern..... But we have no time to listen to reformist and anarchist babblers. The Comintern is too busy creating a united revolutionary front fist against the reformist block of Amsterdam and the II International.

"The Comintern has never considered the labor movement a prohibited field which Communists may enter only by giving up their programs and methods..... The reformists and anarchists constantly demand that of us. But the Comintern can and will never comply with such a proposition. The aim of our party is to capture the majority of the working class and to organise the revolution for which the trade unions are indispensible. But the latter are not considered by the Comintern as an end, they are merely the means to the end, the end being the overthrow of Capitalism and the establishment of the Dictatorship of the Proletariat...It is for this very reason that the Comintern must wage war on the slogan of the French Anarcho-Syndicalists: the slogan, "All Power to the Syndicates!"

Since 1921 Lozovsky has learned to tell the truth some times. He has let the cat out of the Communist bag. In other words, he openly declares that the Comintern never entertained the

slightest idea of recognizing the aims and activities of the Prof

900628076

The Emma Goldman Papers

Lozovsky Lets the Cat Out of the Bag / Emma Goldman.— 1924 March, draft.— 4 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

intern as anything separate and distinct from its own aims, to whom which everything else must be subordinated. And that aim is, as Lozovsky himself emphasises, the capture of political power and th the establishment of the Dictatorship of the Proletariat.

Some day the workers are sure to wake up to the full meaning of this dictatorship. They will then see that they have been serving as marionettes on the Communist stage, which is rehearsing the repetition of the Russian drama, the drama that has crushed the Revolution, has stifled the thought and actions of the masses, and created a system of political persecution hardly known in the world before.— the tragedy of Capitalism reinstated and triumphant in Russia once more.

One would have to despair utterly in the possib ilities of the masses if one did not believe fervently that that awakening will come.

Emma Goldman

Berlin March 1924

939

831220032

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture] Emma Goldman Urges Workers to Down Soviets / Emma Goldman.— 18 cm. *In* Chicago Tribune. —(April 25, 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Schwimmer-Lloyd Collection, Rare Books and Manuscripts Division.

NY AMERICAN
JULY 27, 1915

EMMA GOLDMAN DUE HERE TODAY

Immigration Officials Are Ready to Deport Other Convicted Anarchists if Liberated.

Emma Goldman, anarchist, sentenced to two years in the Federal penitentiary in Jefferson City, Mo., for interfering with registration under the selective draft law, will arrive in New York this morning.

She and Alexander Berkman, sentenced at the same time, were liberated through an appeal to the Supreme Court of the United States, which was granted by Justice Brandies.

Berkman, Morris Becker and Louis Kramer arrived in New York yesterday from Atlanta, where they had been serving their sentences in the Federal prison. They were taken immediately to the Tombs, where they spent the night.

Counsel for the convicted persons appeared before Judge Manton, in the Federal Court, and said that Emil Selig was ready to offer property, which he asserts is worth $160,000, as surety for Berkman and Miss Goldman. The Court was asked to direct the United States attorney to accept the property as surety.

Harold Content, Assistant United States District Attorney, said that while the property is assessed at $160,000, it carries a mortgage of $140,000, so that the owner has an equity of only $20,000.

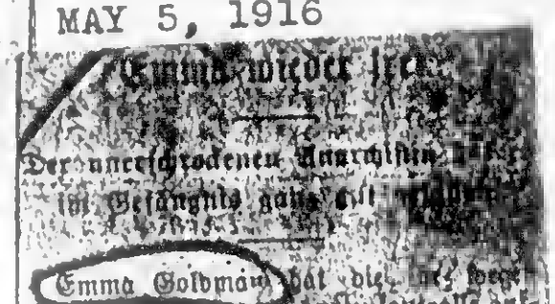
Judge Manton said that when Selig makes formal offer of the property, District Attorney Caffey will make investigation and advise the court within forty-eight hours whether he will accept the property or not. **Frederic C. Howe, Commissioner of Immigration, notified Mr. Content that if the convicted anarchists, Berkman, Becker and Kramer, are freed on appeal to the Supreme Court, the immigration officials will take prompt measures to deport them.**

Emma Goldman cannot be deported under the anarchist law, it is said. This is due to the fact that her father was naturalized while she was a minor, so that she automatically became a citizen.

If bail is accepted for Berkman, he will be arrested immediately be Detective George Barnitz, on a warrant charging him with murder. This is in connection with the San Francisco preparedness parade bomb explosion, in which several persons were killed. Berkman will fight extradition to California.

The Federal authorities are preparing complaints charging that Berkman, Kramer and Becker are in the United States in violation of the recently-passed law barring anarchists.

NEW-YORKER STAATS-ZEITUNG
MAY 5, 1916

Emma wieder frei!

Der unerschrockenen Anarchistin [illegible] im Gefängnis ganz gut [illegible]

Emma Goldman hat die [illegible] ihrer Vorträge über Geburtenkontrolle aufgebrummten fünfzehn Tage stramm abgebrummt und ist gestern früh 8 Uhr 20 aus dem Queens County Gefängnis entlassen worden. Ehe sie in einem gelben Automobil, mit dem sie von Dr. Ben Reitman, Anna Baron und ihrem Bruder Dr. Goldman abgeholt wurde, nach der Redaktion von „Mother Earth" fuhr, nahm sie von den Weibern rührseligen Abschied, die im Gefängnis zurückbleiben mußten.

Als Sachverständige — sie hat vor einigen zwanzig Jahren ein Jahr im alten Penitentiary verbracht — gab sie ihr Urteil über das Queens County Gefängnis ab, das sie als Musteranstalt bezeichnete. Sie lobte die Sauberkeit, die überall herrscht, die Matrone, die ihr möglichstes tut, und den Warden, der sich fein benimmt, nur die ärztliche Behandlung sei miserabel und das Essen einfach unsagbar schlecht. Die Milch sehe wie Kalkwasser aus, die Suppe wie gewöhnliches Wasser, „reichlich, aber schlecht". Der Fisch — ungenießbar, ebenso das Fleisch. Eine Mitgefangene verlor in neun Monaten 75 Pfund an Gewicht, eine andere bekam die Schwindsucht, eine dritte ist dem Verhungern nahe. Emma hat es durchgesetzt, daß die Gefangenen statt bis 4 Uhr, bis 6 Uhr auf den Korridoren sich aufhalten dürfen. Ihre Mitgefangenen haben sie vergöttert und taten alle Arbeit, z. B. Ausfegen der Zelle, für sie. Sie will die Geburtskontrolle-Propaganda fortsetzen und sagte beim Abschied zur Matrone, es könne leicht sein, daß es ein baldiges Wiedersehen geben wird.

CHICAGO TRIBUNE
APRIL 25, 1924

EMMA GOLDMAN URGES WORKERS TO DOWN SOVIETS

[Chicago Tribune Foreign News Service.]

BERLIN, April 24. — Emma Goldman, deported from the United States as an anarchist, in a massmeeting of 5,000 workers in Berlin tonight attacked the soviet government for being capitalists in workers' clothing and for restraining free speech through terrorist methods of the darkest days of the czaristic régime. The purpose of the meeting was to organize workers, anarchists and revolutionists of the world to fight capitalism and bolshevism. Berlin is designated as the headquarters of the new anarchistic organization.

The communists placed members of their party throughout the hall in an effort to break up the meeting. Cat calls and shouts of derision made the speaker inaudible, but Miss Goldman finally succeeded in quieting the house after hearing disturbers call her unprintable epithets.

Her plea to the crowd was for a united effort to release political prisoners freezing and starving in mines and camps in Siberia. She says the soviets demand political amnesty in every country, but they do not practice what they preach, since 100,000 political prisoners are held in Russian jails.

After Miss Goldman's speech the house continued in an uproar for a full hour, other scheduled speakers being unable to make themselves heard.

NOTICE: This material from the Rare Books and Manuscripts Division may be protected by copyright law (Title 17 U.S. Code). THIS COPY IS FOR PERSONAL USE ONLY. No part may be sold, loaned, copied or published without the written permission of the New York Public Library.

850515015

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] Howl Down Emma Goldman / Emma Goldman.– 29 cm. *In* The New York Times. –(April 26, 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

HOWL DOWN EMMA GOLDMAN

Berlin Communists Break Up Meeting for Russian Non-Communists.

BERLIN, April 25.—Several hundred communistic hecklers broke up last night a public protest meeting, staged by Emma Goldman and Alexander Berkman, the American anarchists, in behalf of the imprisoned non-Communist revolutionaries in Russia. Despite her promise given to the German authorities when she chose Berlin as her residence that she would abandon public activities, Miss Goldman consented to make a public plea for the release by May 1 of all radical opponents of the Soviet Government held in prison, including Maria Spiridinova, the social revolutionary.

Miss Goldman was unable to finish her speech, which was punctuated by noisy interruptions from the Communists, who finally succeeded in dispersing the gathering and held a meeting of their own. At the latter meeting Miss Goldman remained on the speaker's stand but made no attempt to continue her speech.

In her plea for the release of the non-Communist prisoners Miss Goldman denounced the Soviet régime in Russia and presented the following resolution:

"It is time to tear the mask from the criminals who rule Russia. It is our highest duty to bring to life the facts about the character of the Communist Government, so that the proletariat of every country may learn the truth. It is time to expose, once and for all, the dangerous myth about the revolutionary character and idealism of the Russian Government and show it in its real reactionary and bourgeois colors."

AMERICA'S FOREMOST THEATRES AND HITS—DIRECTION OF LEE & J. J. SHUBERT

SHUBERT Thea., 44th, W. of B'y. Evs. 8:25 MATINEE TODAY 2:25
"The Perfect Revue." VOGUES
With ODETTE MYRTIL, J. HAROLD MURRAY and Roger Wolfe's Symphony Jazz Orchestra.
Spec'l Midnight Perf. Thurs., May 1

WINTER GARDEN B'way & 50 St. Evs. 8:15 Sharp
MATINEE TODAY at 2:15.
2ND EDITIONAL—SENSATIONAL REVUE
ARTISTS AND MODELS
OF 1923
WINTER GARDEN—SUNDAY NIGHT CONCERT
Roger Wolfe's Symphony Jazz Orchestra and 12 Other Star Acts

Geo. Choos' Screaming Musical Comedy
Mr. Battling Buttler
WITH CHARLES RUGGLES
TIMES SQ., West 42d Street. Mats. Today & Wed.
ONLY ONE BALCONY, 400 Seats, $1, $1.50.

BELMONT 48th St., E. of B'way. Evs. 8:30 Mats. Today & Thurs., 2:30.
Tarnish MAT. TODAY

PRINCESS 39th, East of B'way Evenings, 8:45. Matinees Today & Thurs., 2:45.
SUN UP with LUCILLE LAVERNE

LYRIC Thea., 42nd St., W. of B'way. Evs. 8:20 Mats. Today & Wednesday, 2:20.
William Faversham, Lowell Sherman, Arnold Daly, Jose Ruben, Helen Gahagan, Arnold Korff
in Leah Kleschna By C. M. S. McLellan

MOROSCO Thea., W. 45th St. Evs. at 8:30 Mats. TODAY & Wed., 2:30.
FLAME of LOVE
"Lavish production . . audience gasped with astonishment . . daring."—*Tribune.*

39TH ST. Theatre, E. of B'way. Evs. 8:30. Matinees Today & Wed., 2:15.
FRANCINE LARRIMORE
In the new Harvard prize play "NANCY ANN"
An astonishingly good comedy."—*Telegram.*

SELWYN THEA., W. 42d St. Evs. 8:30. Matinees TODAY & Wed., 2:30.
(NEW SPRING EDITION)
CHARLOT'S Revue of 1924
With BEATRICE LILLIE, GERTRUDE LAWRENCE and NELSON KEYS.

ELTINGE THEA., West 42d St. Evs. 8:30. Matinees TODAY & Wed., 2:30.
FREDERICK LONSDALE'S Comedy Hit
SPRING CLEANING
With Violet Heming, Estelle Winwood, Arthur Byron, A. E. Matthews.

Broadhurst Thea., 44 St., W. of B'way. Evs. 8:30 Mats. Today & Thurs., 2:30.
Beggar on Horseback
with ROLAND YOUNG
POPULAR MATINEE TODAY at 2
F. RAY COMSTOCK and MORRIS GEST Present
WORLD'S BIGGEST PRODUCTION
THE MIRACLE
Staged by MAX REINHARDT—Company of 700
WILL NOT BE PRESENTED IN ANY OTHER CITY IN AMERICA.
600 SEATS $1—500 SEATS $1.50—500 SEATS $2
AT EVERY PERFORMANCE

CENTURY 62d and Cen. Pk. West. Evgs. 8 Pop. Mats. Today & Wed., 2.
MATINEE TODAY $2.50 to $1
GO TO THE SWEET LITTLE DEVIL with CONSTANCE BINNEY
MUSICAL COMEDY HIT

CENTRAL Thea., B'way & 47th St. Evs. 8:30 Mats. Today & Wed. at 2:15.
PLYMOUTH 45th St., W. of B'way. Evs. 8:30 Mats. Today & Thurs., 2:30.
"THE BEST AMERICAN COMEDY OF THE SEASON."—*Heywood Broun, World.*
THE POTTERS By J. P. McEvoy

Jolson's 59th St. Thea., at 7 Av. Evs. 8:30 Mts. Today & Thurs., 2:15
ELEANOR PAINTER in the Musical Comedy Hit, The Chiffon Girl

LITTLE, W. 44 St. Evs. 8:30. Mats. Today & Wed.
LITTLE JESSIE JAMES
WITH THE JAMES BOYS (A PAUL WHITEMAN BAND) | 9th Month

LONGACRE Thea., W. 48 St. Evs. at 8:30 Mats. Today & Wed. at 2:30.
JULIA SANDERSON
In MUSICAL COMEDY GEM 4th MONTH MOONLIGHT

AMBASSADOR Thea., W. 49 St. Evs. 8:30 Mats. Today & Wed., 2:30
Lionel Atwill
in "THE OUTSIDER"

CARLE CARLTON'S Biggest Musical Comedy Hit!
Paradise Alley
CASINO B'way at 39th St. Evs. 8:30. Mats. Today & Wed., 2:15 SEATS 8 WEEKS

NATIONAL THEA. 41st, W. of B'way Evenings at 8. Mats. TODAY and Thursday at 2.
HAMPDEN
as CYRANO 175TH TIME TO-NIGHT
MAIL ORDERS 4 WEEKS AHEAD.

D. W. GRIFFITH'S
"Greatest play ever staged."—*World.*
AMERICA
will not be shown in any other N. Y. theatre this year
44TH ST. Thea., W. of B'way. Daily 2:20 & 8:20. POPULAR PRICES

9th MONTH Today & Tonight, 274 Times. Still THE GREATEST MUSICAL COMEDY HIT OF THE YEAR.
MADGE KENNEDY with W. C. Fields in POPPY
APOLLO, W. 42d St. Evs. 8:30. Mts. Today & Wed.

605 TIMES TONIGHT
SAM H. HARRIS Presents
JEANNE EAGELS

BEST COPY AVAILABLE

881017014

The Emma Goldman Papers

[Lozovsky lets the cat out of the bag. In Russian] Lozovskii Pripodimayet Zavecu / Emma Goldman.– pp. 36-37 ; 26 cm. *In* Anarkhicheskii Vestnik [Berlin]. –no. 7 (May 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

ЛОЗОВСКИЙ ПРИПОДЫМАЕТ ЗАВЕСУ

Во время первого конгресса Красного Профинтерна, глава последнего — Лозовский — использовал со своими помощниками все средства для убеждения заграничных и особенно французских делегатов в том, что III Интернационал не намерен подчинить Красный Профинтерн своему контролю. Будучи-де очень далеки от мысли о превращении Красного Профинтерна в филиальное отделение III-го Интернационала, они приветствовали в нем независимую классовую организацию, думая работать с ней рука об-руку.

Находясь в то время в России и близко соприкасаясь с подготовительной работой Красного Профинтерна, мы хорошо знали истинное положение дел. Мы знали, что Красный Профинтерн должен был влить свежую кровь в хилый организм Коммунистического Интернационала, состоявшего лишь из горстки интеллигентов. В русских коммунистических кругах целью, предназначенной Профинтерну, была секрет полишинеля; но заграничных делегатов, особенно французских анархо-синдикалистов, неспособных проникнуть под внешними организациями со стороны какой бы то ни было политической партии, необходимо было уверить, что Коммунистическому Интернационалу чужды подобные намерения: это было необходимо, по меньшей мере, до того, как эти делегаты окажутся уже вовлеченными в Красный Профинтерн.

В моей памяти хорошо сохранилась беседа моя с русско-американским делегатом Рейнштейном о целях обоих Интернационалов.

Живя много лет подряд в Соединенных Штатах, Рейнштейн всегда был одним из приверженцев И. Р. М. и ярым сепаратистом. В 1917 году он уехал в Россию и народировал там под видом делегата американского пролетариата. Это происходило во время блокады, когда в Россию очень трудно было проникнуть и когда другие самостоятельные делегаты еще не появлялись, вследствие чего Рейнштейну было легко сойти за такового. Но что делать бедному Рейнштейну в вере, когда американская конкуренция стала так сильна.

В 1921 г. Рейнштейн состоял представителем англо-американской комиссии для подготовления конгресса профсоюзов. Рейнштейн говорил тогда, что он приехал в Европу с созданием нового «Интернационала профсоюзов» вместо «Коммунистическим Интернационалом. Этот шаг был необходим для III Интернационала, если он не хотел оставаться только политическим клубом; ибо в то время III Интернационал состоял лишь из русских и нескольких заграничных коммунистов, отрезанных от заграницы и не имевших никакого понятия о том, что происходило в рабочей среде других стран. «Организованное рабочее объединение в интернациональном масштабе», заявил Рейнштейн, — влило бы в III Интернационал молодую свежую кровь и превратило бы его в мировую силу». — Судьбы и функции Профинтерна были, таким образом, предопределены задолго до его рождения.

И надо сказать — Красный Профинтерн оказал честь своим творцам: он не только был создан по образу и подобию Коминтерна, но является простым отражением всех его черт и пятен. Членами же его — ничто иное, как господство над рабочими и подчинение последних политическому учреждению — государству: то, что теперь именуется ленинизмом. Единственная задача Профинтерна — помочь обеспечить это господство в мировом масштабе.

Делегаты 1-го Конгресса Красного Профинтерна должны повеяться в сети, расставленные Москвой: один — благодаря основной черте в том, что III Интернационал действительно представляет русскую революцию; другие — и таких было большинство, — хотя и были достаточно умны, чтобы разгадать трюк, — сочли, однако, за лучшее служить московским господам, в их организациям, поскольку их отсталость позволяет Красному Профинтерну пригнать их к окончательному подчинению Москве. Наивность, впрочем, среди делегатов и серьезные люди, отказывающиеся дать себя подкупить или запугать, но они имели место случайно проявить себя в этом собрании, в большом числе действительно были, например, от исторических центров, как Палестина, Бухара или Азербейджан.

С тех пор прошло три года. Несомненно показавшая Красный Профинтерн, кто является в его доме хозяином, и чье приказание должны в том выполняться, — приказания, не имеющие никакой иной цели, кроме внесения хаоса, путаницы и недоверия в ряды международного пролетариата. И все же чувствуется еще верное биение души, упрямо борющейся за существование.

BEST COPY AVAILABLE

881017014

The Emma Goldman Papers

[Lozovsky lets the cat out of the bag. In Russian] Lozovskii Pripodimayet Zavecu / Emma Goldman.– pp. 36-37 ; 26 cm. *In* Anarkhicheskii Vestnik [Berlin]. –no. 7 (May 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

что Коминтерн является лишь добрым братом Профинтерну, лишенной самую еще рудиментарную организацию от времен первых шагов. Пусть до сих пор узнают из самых авторитетных коммунистических источников, — от самого председателя Красного Профинтерна, — какую роль играл и будет играть Коминтерн в деле Профинтерна.

В «Правде», посвященной пятой годовщине рождения III Интернационала, имеется статья Лозовского, где он, между прочим, пишет следующее:

«... Тов. Бела поставил перед Коминтерном практический вопрос о завоевании всех рядовых профессионалов. Дело идет о массах. Без завоевания масс...»

Разумеется, решающее было сказано. И вот —

«Можно сказать без преувеличения, что этим решением Коминтерн спас мировое революционное движение от распадения на отдельные кружки... Если рассмотреть всю деятельность Коминтерна, т. е. работу его только его конгрессов и расширенных пленумов, но и заседаний исполкома и президиума, мы увидим, какое громадное место занимает вся его работа в профессиональном вопросе. Если конгрессы давали общие директивы, а расширенные пленумы уточняли их, то исполком и президиум Коминтерна приходилось рассматривать практическую деятельность партии в этой области и вскрывать то ошибки, какие делали партии в вопросах профдвижения. Успехи коммунистов в международном профессиональном движении результатом систематического организационного и идейно-политического участия Коминтерна в практической работе международного профдвижения...

«... Коминтерну пришлось вести не только идейно-политическую и организационную стратегическую коммунистических партий по вопросам профдвижения. Коминтерн принужден был вести борьбу с левыми и правыми уклонами в профессиональном движении, с попытками создать параллельные профессиональные организации...

«... Если взять всю работу и достижения Профинтерна, результаты его борьбы и роста, цифры его членов, то мы увидим, что он всегда переживал кризисы в деятельности Коминтерна. Как правило, периоды революционного подъема в капиталистических странах совпадали с периодами наибольшего влияния Коминтерна...

«... Профинтерн не должен был делать того, что должна была сделать Коминтерн. Профинтерн не определял стратегии и тактики рабочего класса, не руководил политической борьбой пролетариата, не был партией. Профинтерн должен был организовать профессиональное движение, которое служит предметом постоянных нападок со стороны анархистов, тем более естественно, что они ведут интернациональную борьбу против этого движения. Интернационал профессиональных союзов должен был стать ареной борьбы Коминтерна с анархизмом и реформизмом. Все время добивался именно такой политики со стороны Коминтерна, что Коммунистический Интернационал за свои победы не должен платить тем, что будет изменять своим основным принципам. Задача борьбы заключается в завоевании большинства рабочего класса и в организационном расколе. Большинство рабочего класса нам надо завоевывать всюду, где имеются рабочие массы, нужно помнить, что историческая отсталость некоторых профессий — необходимое и крайне полезное для социальной революции явление в недрах рабочих организаций. Профессия не самоцель, а средство к цели, т. е. средство для завоевания большинства, установления диктатуры пролетариата и организации коммунистического общества. Вот почему Коминтерн борется против узкого профессионализма, против разложения профессионального движения французскими анархо-синдикалистами и всей вашей стороной...

«... Со времени III конгресса Коминтерн, между прочим, научился, пользуясь опытом прошлого, решать тяжелым образом коммунистические задачи. Точнее говоря, он должен был научиться и научился. Чтобы [illegible] ответственность Профинтерна должен был сам, от своего имени, от имени своих членов, от имени своей организации, а это, больше всего, все должно [illegible] Коминтерна, вплоть до [illegible] Коминтерна в профессиональном движении [illegible]

Наступил момент, когда [illegible] рабочего движения и поднятие [illegible] Коминтерна. Нам хотелось бы, чтобы [illegible] руководящими по коммунистической линии и [illegible] Профинтерна [illegible] Профинтерна, допустившей революцию, [illegible] всех массах и [illegible] Коминтерна, [illegible] Профинтерна [illegible] работу.

Можно было бы сказать [illegible]

Самуил Гольденберг.

BEST COPY AVAILABLE

890801024

The Emma Goldman Papers

[The first of May in Petrograd. In German] Der erste Mai in Petrograd / Emma Goldman.— p. 1 ; 33 cm. *In* Der Frauen-Bund [Berlin]. —no. 1 (May 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

Der Frauen-Bund

Nummer 1 **Monatsbeilage des „Syndikalist"** **Mai 1924**

Der erste Mai in Petrograd.

Es war 1890, da der 1. Mai in Amerika das erstemal als internationaler Arbeiterfeiertag begangen wurde. So wurde der Maitag für mich ein Ereignis von belebender, aufrüttelnder Kraft. Der Feier des 1. Mai in einem freien Lande beizuwohnen, das war ein Traum, der in weiter, weiter Ferne lag und vielleicht nie verwirklicht werden konnte. Und nun im Jahre 1920 sollte dieser Traum so vieler Jahre Fleisch und Blut annehmen im revolutionären Rußland. Ich konnte den Morgen des 1. Mai kaum erwarten. Es war ein herrlicher Tag, und unter den Strahlen der warmen Frühlingssonne schmolz die letzte Kruste des harten Winters dahin. Schon früh am Morgen grüßten mich die Klänge der Musik; Gruppen von Arbeitern und Soldaten marschierten durch die Straßen und sangen revolutionäre Lieder. Die Stadt war festlich geschmückt. Der Uritzki-Platz, welcher sich dem Winterpalast gegenüber ausbreitet, war eine einzige rote Glut, und die benachbarten Straßen erstrahlten in einem wahren Aufruhr von Farben. Große Massen wogten auf und ab; sie bewegten sich alle nach dem Märzfeld, wo die Helden der Revolution begraben liegen.

Obwohl ich eine Zutrittskarte zu der Tribüne hatte, von der aus man das ganze Schauspiel übersehen konnte, zog ich es vor, unter dem Volke zu bleiben; ich wollte mich als ein Teil des großen Heeres fühlen, das die welterschütternden Ereignisse herbeigeführt hatte. Heute war mein Tag, der Tag, den es sich selbst geschaffen hatte. Doch schien es mir, daß diese Massen eigentümlich ruhig waren und in bedrückendem Schweigen verharrten. Es war keine Freude in ihrem Singen, keine Fröhlichkeit in ihrem Lachen. Sie marschierten mechanisch und erwiderten automatisch das Beifallsgeschrei der Claqueure auf der Tribüne, die Hurra schrien, wenn die einzelnen Abteilungen vorbeizogen.

Am Abend sollte eine öffentliche Schaustellung stattfinden. Lange vor der festgesetzten Stunde war der Uritzki-Platz bis hinunter zum Palast und zu den Bänken der Newa mit einer dichtgedrängten Menge gefüllt, die gekommen war, um dem Schauspiel unter freiem Himmel beizuwohnen, das den Triumph des Volkes symbolisch darstellen sollte. Das Stück bestand aus drei Teilen. Der erste Teil gab die Verhältnisse wieder, die zum Kriege führten und charakterisierte die Rolle, welche die deutschen Sozialisten dann gespielt hatten. Der zweite Teil war ein Abbild der Februar-Revolution, die Kerenski zur Macht emporhob. Der letzte Teil behandelte die Oktober-Revolution. Es war ein Stück, das herrlich ausgestattet und in machtvoller Weise vorgetragen wurde, ein Stück voll mit Leben, Wirklichkeit und faszinierender Kraft. Man führte es auf den Stufen der ehemaligen Börse auf, welche dem Platze direkt gegenüberliegt. Auf der höchsten Stufe saßen Könige und Königinnen mit ihren Höflingen, die von Soldaten in prunkvollen Uniformen bewacht wurden. Die Szene stellte eine Gala-Sitzung des Hofes dar; man macht bekannt, daß dem weltumspannenden Kapitalismus ein Denkmal errichtet werden sollte. Die Bekanntgebung wird freudig begrüßt, und nun beginnt eine Orgie von Musik und Tanz. Dann tauchen aus der Tiefe die versklavten und werktätigen Massen auf, und ihre Ketten klingen düster in die Klänge der Musik von oben. Sie folgen dem Befehl ihrer Herren und sind bereit, ein Denkmal zu errichten. „Manche von ihnen tragen Hämmer und Amboase; andere strauchein unter dem Gewicht mächtiger Steinblöcke und riesiger Ladungen von Ziegelsteinen. Die Werktätigen arbeiten in ihrer Welt von Elend und Finsternis, stets zu größeren Leistungen angespornt durch die Peitsche der Sklaventreiber, während oben Licht und Freude herrscht und die Herren Feste feiern. Die Fertigstellung des Denkmals wird bekanntgegeben durch das Aufziehen großer gelber Signalscheiben unter dem Freudengeschrei der oberen Welt.

In diesem Moment sieht man unten eine kleine rote Fahne und eine dünne Figur, welche zum Volke spricht. Zornige Fäuste erheben sich und der Redner und die Fahne verschwinden, um bald darauf in verschiedenen Teilen der Unterwelt wieder aufzutauchen. Und wieder erscheint die rote Fahne bald hier, bald dort. Allmählich faßt das Volk Vertrauen zu sich selbst und nimmt eine drohende Stellung an. Entrüstung und Zorn beginnen zu wachsen — und die Könige und Königinnen werden unruhig. Sie fliehen nach festen Plätzen, um ihre Personen in Sicherheit zu bringen, und die Armee bereitet sich vor, das Bollwerk des Kapitalismus zu verteidigen.

Es ist August 1914. Die Herrschenden feiern wiederum Feste, und die Werktätigen beugen sich unter das Joch der Sklaverei. Die Träger der Zweiten Internationale besuchen die Zusammenkünfte der Mächtigen. Sie verhalten sich taub zu den Bitten der Arbeiter, sie vor den Schrecken des Krieges zu bewahren. Dann hört man die Klänge von „Gott schütze den König!", welche die Ankunft der englischen Armee ankündigen. Russische Soldaten folgen mit Maschinengewehren und Artillerie und eine Prozession von Krankenschwestern und Krüppeln — der Tribut, den man dem Moloch des Krieges entrichten mußte.

Der nächste Akt gab die Februar-Revolution wieder. Rote Fahnen erscheinen überall, Panzerautos rasseln über die Szene. Das Volk stürmt den Winterpalast und holt das Emblem des Zarismus herab. Die Kerenski-Regierung ergreift die Macht, und das Volk wird wiederum in den Krieg hineingetrieben. Dann folgte die wunderbare Szene der Oktober-Revolution; Soldaten und Matrosen hasten über den offenen Raum vor dem weißen Marmorgebäude. Sie stürmen die Stufen empor, die zum Palaste führen; ein kurzer Kampf spielt sich ab, und die Sieger werden von den Massen mit wildem Freudengeschrei begrüßt. Die Töne der „Internationale" flaten durch die Luft; immer höher steigen die Klänge, die sich zuletzt zu einem gigantischen Ausbruch frohlockender Freude entwickeln. Rußland ist frei; Arbeiter, Soldaten und Matrosen sind die Wegführer zur neuen Aera, zum Beginn der großen Weltgemeinschaft.

*

Mächtig aufwühlend war dieses Bild. Aber die breiten Massen verhielten sich schweigsam. Nur ein schwacher Beifall erhob sich aus der ungeheuren Menge. Ich war wie vom Donner gerührt. Wie, war es zu erklären, daß die fesselnde Darstellung so wenig Widerhall fand bei den Tausenden, die hier versammelt waren? Als ich mit Lisa Serin darüber sprach, meinte sie, daß das Volk die Oktober-Revolution praktisch miterlebt habe, und daß die Darstellung daher notwendigerweise nur einen dürftigen Eindruck mache im Vergleich mit der Wirklichkeit von 1917. Allein meine kleine kommunistische Nachbarin gab eine andere Erklärung: „Das Volk hat seit den Oktobertagen von 1917 so viele Enttäuschungen erlebt", sagte sie, „daß die Revolution jeden Sinn für es verloren hat. Die Vorstellung konnte nur die Wirkung haben, den Massen ihre Enttäuschung deutlicher zum Bewußtsein zu bringen."

*

Vier Jahre sind nun vergangen seit jenem denkwürdigen 1. Mai an den Ufern der Newa. Während dieser Zeit wurde die Revolution langsam zu Tode experimentiert im Laboratorium der Kommunistischen Partei. An die Stelle der Revolution trat die „Neue ökonomische Politik", die in ihren Auswirkungen schlimmer ist als der Kapitalismus, der in den Oktobertagen zur Strecke gebracht wurde. Die kommunistische Staatsmaschine entwickelte sich zu einem mit tausend Messern versehenen Streitwagen, der alles niedermäht, was sich ihm in den Weg stellt. Ganz Rußland hat sich wiederum in einen finsteren Kerker verwandelt mit der G.P.U. als erbarmungslosen Wächter. Die Tscheka sitzt auf ihrem Throne, und alles ist „still" in Sowjet-Rußland.

Kein Wunder, daß die Reaktion sich über die ganze Erde verbreitet. Das Beispiel, welches der Leninismus gegeben hat, wurde von der Bourgeoisie aller Länder nachgeahmt. Man hat von Rußland gelernt, wie die Stimmen der Unzufriedenen zu erdrosseln sind.

Aber das revolutionäre Proletariat beginnt ebenfalls zu lernen. Mehr und mehr begreift es die enge Verwandtschaft zwischen der weißen und der roten Reaktion, die von der Arbeiterschaft aller Länder mit vereinter Macht bekämpft werden muß.

Der 1. Mai in „Nep"-Rußland wird wiederum offiziell und zwangsweise gefeiert werden, aber er wird auch diesmal bei den Massen keine Begeisterung auslösen. Die Arbeiter werden auch diesmal kalt bleiben angesichts aller Schaustellungen und Prätentionen. Ihre Gedanken werden zu ihren Brüdern jenseits der russischen Grenze schweifen, wo die Feier des 1. Mai zwar unter großen Schwierigkeiten vor sich geht, wo aber die Idee noch nicht entmannt und gefälscht wurde, wie es in Rußland geschah. Das russische Volk, dessen Glauben übermenschliche Proben zu bestehen hatte, hat trotzdem seine inbrünstige Hoffnung in die ideale Botschaft des 1. Mai noch nicht verloren.

Mai, das ist der Künder eines neuen Lebens, der Frühlingsbote, der Erneuerer großer Hoffnungen. Gerade dieses Jahr, angesichts der Reaktion, die sich über alle Länder ausbreitet, ist dem Proletariat die belebende Kraft des 1. Mai mehr denn je vonnöten. Mehr denn je ist es nötig, die Massen zusammenzuschmieden für den großen Kampf, der sie erwartet, den Kampf, der die Welt befreien wird von jeder Ausbeutung und von allen selbsternannten Diktatoren und Kerkerwächtern der leidenden Menschheit. Und an diesem festlichen Tage wird auch das Proletariat der zahllosen Märtyrer nicht vergessen, welche der Bolschewismus ans Kreuz geschlagen hat.

Emma Goldman.

Antimilitaristische Maifeier in Utrecht.

In einem großen Saal in Utrecht mit nicht allzu vielen Menschen Abendmaifeier der Linksradikalen: der K.P.N. (Kommunistischen Partei der Niederlande) und der religiösen Anarcho-Kommunisten, Parteien von ähnlichem Ziel, auch ähnlicher Wegrichtung, doch getrennt durch die Wahl ihrer Mittel, durch den verschiedenen Glauben an das, was befreit und das Gute bewirkt. Die Stimmung ist matt und gedrückt. Arbeitslosigkeit, verlorene Streiks, wachsende Reaktion in der ganzen Welt. Sonst ist die Zahl der Menschen größer.

Zuerst spricht der Vertreter der Anarcho-Kommunisten, der Gewaltlosen, Gieson, Sekretär des I.A.M.B. (internationalen Antimilitaristischen Büros), warm, lebendig, herzlich, nichts von Parteischlagworten, ein Mensch und ein Kämpfer. Er spricht von der gewaltlosen Revolution und von lebendiger und nicht lebendiger Einheitsfront des Proletariats. Man hört ihn ruhig an, obwohl die größere Zahl der Anwesenden nicht auf seinem Standpunkt steht. Nur hin und wieder ein oppositioneller Zwischenruf. Wieviel ruhiger sind doch die Gemüter in Holland. In Deutschland wäre die Versammlung anders verlaufen.

Dann spricht der Vertreter der Kommunistischen Partei. Er sagt mit vielen Worten nichts. Arme Kommunisten von Utrecht, habt ihr keinen besseren? Und habt ihr nichts anderes zu sagen?

Er redet weiter. Ein Mann und eine Frau stehen leise auf und gehen hinaus. Ich gehe mit ihnen. Der Mann trägt ein Paket Drucksachen unter dem Arm, holländische antimilitaristische religiöse Lieder, keine Kunstdichtung, einfach, innig, inbrünstig, ernst, volkstümlich. Auch ein ganz einfaches Volks- und Kinderreim ist dabei, frei übersetzt:

„Nie, nie sollen wir Waffen tragen.
Nie, nie tun wir wieder mit.
Laßt die großen Herren andre Menschen fragen.
Wir gehen einfach nicht mehr mit."

Es ist ungewöhnlich still in Utrecht. Die Menschen haben wohl den ganzen Tag gefeiert und sind zum Teil noch in den Versammlungen. Der zunehmende Mond leuchtet schwach über den stillen Straßen. Auch die Laternen sind nicht hell. Wundervoll friedlich liegen die kleinen kräftigen Frachtboote auf dem Wasser und träumen die alten Häuser an den Ufern.

Der Mann und die Frau gehen umher und halten Umschau wie ein Jäger, der sein Wild aufspürt. Dort in der Hauptstraße ist zu viel Wagenverkehr. Hier hinter der großen Kirche ist es zu still. Wir gehen weiter, tiefer hinein in das Proletarierviertel Utrechts. In einer schmalen Straße ist ein Menschenauflauf, zwei Schutzmannshelme in der Mitte. Wir gehen näher heran, um zu sehen, was vorgeht. Plötzlich macht der Mann kehrt. „Der alte Schutzmann dort kennt mich. Er hat mich schon zweimal verhaftet. Wir können hier nicht bleiben."

Wir gehen weiter. An einer ganz stillen dämmerigen Straßenkreuzung bleiben wir stehen. Es ist kaum ein Mensch zu sehen. Aber der Mann sagt: „Hier ist es gut. Es zieht hier durch. Die Menschen können von allen Seiten kommen." Und er beginnt zu sprechen, eigentlich ins Leere, in die Luft. Aber auf einmal sind Menschen da. Ein Radfahrer steigt ab und bleibt stehen. Männer und Frauen treten aus den Haustüren. Kinder kommen auf klappernden Holzschuhen gelaufen. Die Jugendlichen rufen und winken einander. Die Erwachsenen hören und stehen still. Unvergeßlich ist mir der Ausdruck des staunenden Gesichter, die dem hellen Gesicht des redenden Mannes aufhorchend zugewandt sind und sich ihm langsam öffnen.

„Ich komme nicht zu euch als Vertretor irgendeiner Partei," sagt der Mann, „sondern als Mensch, um mit einzelnen Menschen zu sprechen von dem, was dem Proletariat not tut, was der ganzen Welt not tut." So spricht er, halb politischer Redner, halb Prediger und ruft auf gegen Ungerechtigkeit und Unterdrückung, gegen den Krieg und gegen die Macht des gottlosen Staates, er ruft auf zu den Waffen der Liebe, zu der radikalen Revolution des gewaltlosen Widerstandes. Dann fragt er die Kinder, ob sie ein Liedchen singen wollen und spricht ihnen den Vierzeiler vor. Die Frau singt mit hoher, zarter Stimme. Der Mann singt mit. Bald stimmen die Kinder ein. Lachend, jubelnd singen sie immer wieder: „Nie, nie sollen wir Waffen tragen". Zwei junge Soldaten sind stehengeblieben. Der eine mit traurigen Augen nimmt ein Buch der antimilitaristischen Lieder. „Ich will sie in der Kaserne verteilen," sagt er. „Arrest bekomme ich doch. Dann wird es eben etwas mehr."

Ein Arbeiter gibt dem Redner ein Zeichen, daß Polizisten kommen. Volksversammlungen und Reden und Singen auf der Straße sind in Holland verboten. Zur Maifeier war ein Umzug erlaubt, aber ohne Gesang. Der Mann spricht weiter. Zwei Polizisten bleiben unschlüssig stehen. Ein dritter kommt, drängt die Menschen beiseite und sagt zu dem Redner: „Boeke, Sie wissen, daß das nicht erlaubt ist. Sie haben doch genug traurige Erfahrungen gemacht. Warum tun Sie immer wieder Verbotenes?"

„Ich tue es wirklich nicht, um Ihnen Unannehmlichkeiten zu bereiten," sagt der Redner mit freundlichstem Lächeln, „sondern meine Pflicht ist, hier zu sagen, daß" . . . . . Und so spricht er, halb zum Polizisten, halb zu den Anderen zugewandt von dem, was „seine Pflicht ist, zu sagen". Er beeilt sich nicht; er spricht ruhig lächelnd eindringlich, bis der Schutzmann ungeduldig wird, dringend Schweigen gebietet und das Volk auffordert, auseinanderzugehen.

Nun schweigt der Redner. Die Polizisten ziehen sich zurück. Es beginnt ein Sturm der Jugendlichen auf die gedruckten Lieder. Der Mann und die Frau verteilen sie, erklären, singen leise ein Motiv. Erneutes Eingreifen der Schutzleute. Wir gehen weiter.

„Früher steckten sie uns gleich ins Gefängnis, wenn wir anfingen, auf der Straße zu reden," sagt der Redner zu mir, „aber nun weiß man überall von uns. Wir sind bekannt und beliebt, und man will das Volk nicht durch unsere Verhaftung reizen. Als wir das letzte Mal im Gefängnis saßen, zogen unsere Freunde Sonntags um das Gefängnis und sangen im Chor die antimilitaristischen Lieder. Wir hörten es in unseren Zellen."

Die Erwachsenen haben sich zerstreut. Die Jugendlichen aber folgen uns, voran der kleine Soldat. Der Rhythmus des Liedes ist ihnen in die Glieder gefahren. Sie tanzen das Lied. Singend, tanzend, lachend sind sie um uns herum. An einer stillen Stelle bleiben wir stehen und singen ein ernsteres Lied. Und der Redner spricht wieder ernste Worte. Dann geht es in Begleitung der Kinder zum Bahnhof.

Als wir einige Tage später wieder nach Utrecht kamen, trafen wir Proletarierjungens, die uns zulächelten und sangen:

„Nie, nie sollen wir Waffen tragen."

Das war die Maifeier, die der gewaltlose Revolutionär Kees Boeke und seine Frau auf den Straßen von Utrecht veranstalteten. Möchten doch alle proletari-

944

850702112

The Emma Goldman Papers

Preface [to My Further Disillusionment in Russia, 2nd. rev. ed.] / Emma Goldman. — 1924 June, draft. — 3 p. ; 36 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Yale University Library. Institutional Location: Harry Weinberger Papers, Department of Manuscripts and Archives.

PREFACE

The annals of literature tell of books expurgated, of whole chapters eliminated or changed beyond recognition. But I believe it has rarely happened that a work should be published with more than a third of it left out and — without the publishers or reviewers being aware of the fact. This doubtful distinction has fallen to the lot of my work on Russia.

The story of that painful experience might well make another chapter, but for the present it is sufficient to give the bare facts of the case.

My manuscript was sent to the original purchaser in two parts, at different times. Subsequently the publishing house of Doubleday, Page & Co. bought the rights to my work, but when the first printed copies reached me I discovered to my dismay that not only had my original title, "My Two Years In Russia", been changed to " My Disillusionment In Russia" , but that the last ~~thirteen~~ twelve chapters were entirely missing, including my Afterword which is, at least to myself, the most vital part.

There followed an exchange of cables and letters, which gradually elicited the fact that Doubleday, Page & Co. had secured my MS. from a literary agency in the good faith that it was complete. By some conspiracy of circumstances the second instalment of my work either failed to reach the original purchaser or was lost in his office. At any rate, the book was published without any one suspecting its incompleteness.

The present volume contains the chapters missing in the first edition, and I deeply appreciate the devotion of my friends who have made the appearance of this additional issue possible — in justice to myself and to my readers.

The adventures of my MS. are not without their humorous side, which throws a peculiar light on the critics. Out of almost a hundred American reviewers of my work only two sensed its incompleteness. And, incidentally, one of them is not a "regular" critic but a librarian. Rather a reflection on professional acumen or conscientiousness.

It were a waste of time to notice the " criticism" of those who have either not read the book or lacked the wit to realise that it was unfinished. Of all the alleged " reviews" only two deserve consideration, as written by earnest and able men: Henry Alsberg and C.L.Mencken.

Mr. Alsberg believes that the present title of my book is more appropriate to its contents than the name I had chosen. My disillusionment, he asserts, is not only with the Bolsheviki but with the Revolution itself. In support of this contention he cites Bukharin's remark to the effect that " a revolution cannot be accomplished without terror, disorganisation, and even wanton destruction, any more than an omelette can be made without breaking the eggs". But it seems not to have occurred to Mr. Alsberg that, though the breaking of the eggs is necessary, no omelette can be made if the yolk be thrown away. And that is precisely what the Communist Party did to the Russian Revolution. For the yolk they substituted Bolshevism, more specifically Leninism, with the result as shown in my book — a result that is gradually being realised as an entire failure by the world at large.

Mr. Alsberg also believes that it was "grim necessity, the driving need to preserve, not the Revolution but the remnants of civilisation, which forced the Bolsheviki to lay hands on every available weapon, the Terror, the Tcheka, suppression of free speech and press, censorship, military conscription, conscription of labor, requisitioning of peasants' crops, even bribery and corruption". Mr. Alsberg evidently agrees with me that the Communists employed all these methods; and that, as he himself states, "the 'means' largely <u>determines</u> the 'end'" -- a conclusion, the proof and demonstration of which are contained in my book. The only mistake of Mr. Alsberg, however — a most vital one — is that he assumes

BEST COPY AVAILABLE

945

850702112

The Emma Goldman Papers

Preface [to My Further Disillusionment in Russia, 2nd. rev. ed.] / Emma Goldman. – 1924 June, draft. – 3 p. ; 36 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Yale University Library. Institutional Location: Harry Weinberger Papers, Department of Manuscripts and Archives.

that the Bolsheviki were forced to resort to the methods referred to in order to "preserve the remnants of civilisation". Such a view is based on an entire misconception of the philosophy and practice of Bolshevism. Nothing can be further from the desire or intention of Leninism than the " preservation of the remnants of civilisation". Had Mr. Alsberg instead said "the preservation of the Communist dictatorship" , of the political absolutism of the Party, he would have come nearer the truth, and we should have no quarrel on the matter. Mr. Alsberg has failed to consider that the Bolsheviki continue to employ exactly the same methods today as they did in what he calls "the moments of grim necessity, in 1919, 1920 and 1921".

We are in 1924. The military fronts have long ago been liquidated; internal counter-revolution is suppressed; the old bourgeoisie is eliminated; the "moments of grim necessity" are past. In fact, Russia is being politically recognised by various governments of Europe and Asia, and the Bolsheviki are inviting international capital to come to their country whose natural wealth, as Tchicherin assures the world capitalists, is "waiting to be exploited". The "moments of grim necessity" are gone, but the Terror, the Tcheka, suppression of free speech and press, and all the other Communist methods enumerated by Mr. Alsberg still remain in force. Indeed, they are being applied even more brutally and barbarously since the death of Lenin. Is it to "preserve the remnants of civilisation", as Mr. Alsberg claims, or to strengthen the weakening Party dictatorship?

Mr. Alsberg charges me with believing that "had the Russians made the Revolution á la Bakunin instead of á la Marx" the result would have been different and more satisfactory. I plead guilty to the charge. In truth, I not only believe so; I am certain of it. The Russian Revolution — more correctly, Bolshevik methods — conclusively demonstrated how a revolution is not to be made. The Russian experiment has proven the fatality of a political party usurping the functions of the revolutionary people, of an omnipotent State seeking to impose its will upon the country, of a dictatorship attempting to "organise" the new life. But I need not repeat here the reflections summed up in my concluding chapter. Unfortunately they did not appear in the first edition of my work. Otherwise Mr. Alsberg might have perhaps written differently.

Mr. Mencken in his rather flattering review believes me a "prejudiced witness", because I - an Anarchist - am opposed to government, whatever its form. Yet the whole first part of my book entirely disproves the assumption of my prejudice. I defended the Bolsheviki while still in America, and for long months in Russia I sought every opportunity to co-operate with them and to aid in the great task of revolutionary upbuilding. Though an Anarchist and an anti-governmentalist, I had not come to Russia expecting to find my ideal realised. I saw in the Bolsheviki the symbol of the Revolution and I was eager to work with them in spite of their governmentalism. However, if lack of aloofness from the actualities of life means that one cannot judge things fairly, then Mr. Mencken is right. One could not have lived through two years of Communist terror, of a regime involving the enslavement of the whole people, the annihilation of the most fundamental values, human and revolutionary, of corruption and mismanagement, and yet remain aloof or "impartial" in Mr. Mencken's sense. I doubt whether Mr. Mencken, though not an Anarchist, could have done so. And could he, were he human?

In conclusion, the present publication of the chapters missing in the first edition comes at a very significant period in the life of Russia. When the " nep", Lenin's new economic policy, was introduced, there rose the hope of a better day, of a gradual abolition of the policies of terror and persecution. The Communist dictatorship seemed inclined to relax its strangle-hold upon the thoughts and lives of the people. But the hope was short-lived. Since the death of Lenin the Bolsheviki have returned to the terror of the worst days of their regime. Despotism, fearing for its power, seeks safety in bloodshed. More timely than even in 1922 is my book today.

BEST COPY AVAILABLE

946

850702112

The Emma Goldman Papers

Preface [to My Further Disillusionment in Russia, 2nd. rev. ed.] / Emma Goldman. — 1924 June, draft. — 3 p. ; 36 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Yale University Library. Institutional Location: Harry Weinberger Papers, Department of Manuscripts and Archives.

When the first series of my articles on Russia appeared, in 1922, and later when my book was published, I was bitterly attacked and denounced by American radicals of almost every camp. But I felt confident that the time would come when the mask would be torn off the false face of Bolshevism and the great delusion exposed. The time has come even sooner than I had anticipated. In most civilised lands — in France, England, Germany, in the Scandinavian and Latin countries, even in America the fog of blind faith is gradually lifting. The reactionary character of the Bolshevik regime is being realised by the masses, its terrorism and persecution of non-Communist opinion condemned. The torture of the political victims of the dictatorship in the prisons of Russia, in the concentration camps of the frozen North and Siberian exile is rousing the conscience of the more progressive elements the world over. Almost in every country societies for the defense and aid of the politicals imprisoned in Russia have been formed, with the object of securing their liberation and the establishment of freedom of opinion and expression in Russia.

If my work will help in these efforts to throw light upon the real situation in Russia and to awaken the world to the true character of Bolshevism and the fatality of dictatorship — be it Fascist or Communist — I shall bear with equanimity the misunderstanding and misrepresentations of foe or friend. And I shall not regret the travail and struggle of spirit that produced this work, which now after many vicissitudes is at last complete in print.

Emma Goldman

Berlin, June 1924

BEST COPY AVAILABLE

881108007

The Emma Goldman Papers

[Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin. In Japanese] Iwan Iri'ichi Reenin Ron / Emma Goldman.— pp. 356-357 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. —no. 4 (June 1924)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

イワン・イリッイチ・レエニン論

（特別寄稿）

一九二四年二月ベルリンにて

エマ・ゴオルドマン

一

彼の恨み重なる敵の或る人達によつて書かれたレエニンの頽徳文を讀む時、私はレエニンや、トロツキイや其他のボルシエヰキ首領共の胸像を作つた貴婦人クララ・シエリングンに與へたエンゲエリカ・パラバノワの忠告文を思ひ出す。

パラバノワは云つた。

「あなたは英國政府が獨探として彼れを摘發したあの三年前に、レエニンを罵倒する考へを持ちましたか？レエニンを罵倒したのです？どうしてさうも俄かに、レエニンに對して興味を喚起されたのです？

二

私は今、バルバノワと共に、レエニンを讃美する人達——其の中にはメンシエヰキの連中や社會革命黨の連中さへある——に云ひたい。この俄かの同情はなぜか？昨日までは被呪咀者と看へられた男に對して、この忘恩的爆發はなぜか？死んだ者は褒めなければならねと云ふ吉兆の信仰からなのか。馬鹿々々しい英雄崇拜の潮流に反抗する勇氣ある人がルないためなのか。或はほんの例の僞善に過ぎないのか？

革命の浪が權力の中へレエニンを運び入れた時、彼れの夢を實現する時が來た。彼れに對する猛烈な反對者でなくとも、レエニンが彼れの目的を遂行するためには、何事にも躊躇しなかつた事は認めるだらう。

革命が其の進行中に粉碎されだらどうだ、百万の生靈が惡ろしい機關の犧牲となつたらどうだ。ロシアが破滅され沒落させられたらどうだ。マルクス派國家は先づ其の手ほどきとして流血と殘骸の中から現はれた。其の功績に對する榮譽は、全くウラジミル・イリツチ・レエニンに歸する。——何人も自分の目的のためにこれ以上熱心氣儘に振舞ひ得るものはない。

けれども、このボルシエヰズム若しくはレエニン主義の、死んだ首領に捧げられてゐる榮譽の正體は、やがて未來が曝露するであらう。——柽梏されたロシアの双肩に重苦しく被ひかぶさつてゐる專制政治機關、しかも彼れの門徒等がこの專制政治機關を心から讃へてゐるこの不思議な出來事の正體を。

四

レエニンの賞讃者は彼れを偉人と呼ぶ。しかし彼れには、其の偉人を形作るに肝要な二要素である意志の强さと深度の廣さを缺いてゐた。レエニン自身は、彼れに對する斯ろの「ブルヂヨア」的形容を嘲つたであらうが。

間違ひをやつたり、度々罪惡的な步策をとつたりした點で、普通の男に過ぎなかつた男には、寬大とか深情とか、敵に對する了解とか崇高とかは全く缺けてゐた。其の偉大を實證し得る機會は一再ならずレエニンに與えられたにも拘らず、彼れはそれが絶好の機會である事も、一般的意義を持つてゐる事も察知出來ない樣に生れついてゐたのだ。其の點にレエニンは、彼れの與底の我儘に悲愛であつた。

五

一月二十七日の「デイス」に、興味ある話が載つてゐる。一八九〇年に於けるロシアの惡ろしい饑饉の時のことだ。全ロシアのインテリゲンチアが、意見の相違などに係らず、饑饉民救濟の手段方法を攻究するために團結した。レオ・ニコライヴイツチ・トルストイは自ら救助に關する熱烈な訴へを書いた。饑饉地方の中心であつたサマラで、インテリゲンチヤの一團は、饑饉民に對する仕事を協議するために集合した。其の集合の席上で、一青年は起つて、次ぎのやうに彼れ自身の立場を說明した。

「饑饉は大衆を革命化し、且つロシアの專制政治に對する闘爭を助長する。だから僕は、この委員會がやらうとする救濟事業は罪惡だと考へる。勿論、僕はこの罪惡に關係する事を欲しない。」

この青年はウラヂミル・イリツチ・ウルヤノフ・レエニンであつた。

六

この話の記者（彼れは其の會合に出席してゐた）の青年レエニンの演說の引用が全く正確であるかどうかは知らない。しかしながら、この作り話には如何にも意義がある。そして彼れの人命や人間苦に對する態度に徹して、この話は恐らく事實であらう。

レエニンはこれと同樣な冷たい殘忍な態度を、他の重要な場合——卽ち彼れを暗殺せんとした社會革命黨員ドラ・カプランに對して示された。彼れは、カプランの行爲が長い間の强制勞働（シベリヤに於ける牢獄生活）からでも、個人的若しくは反革命的動機によつてなされたものでない事も、よく知つてゐた。彼れはまた、カプランを殺したつて彼れの健康恢復の上に何んのたしにもならない事も、またロシアの安寧秩序を增益するものでない事も知つてゐた。

彼れはドラ・カプランの屬した政黨が彼れを德とするやうな大見得をきる事が出來たのだ。彼れは彼女の生命を救す事が出來たのだ。さうする事が彼れの「偉大」を顯はし且つ革命の全行程に新しい活氣を加へる事になつたであらう。しかしそんな事はなかつた。偉大さを持ち合せないレエニンは、カプランを彼の從僕であるチエツカ（高等警察）に引渡した。

ロシアの三大偉人であるトルストイ、クロポトキン、ペクウニンだつたら、こんな不必要な馬鹿氣た侮辱を犯したらうか。無政府主義運動にルイズ・ミツシエルとヴオルタイリス・ド・クライルの二婦人があつた。この二人を喰はれやうとしたロシアの一人の革命家は、レエニンの演說の引用が全く正確であるかどうかとアナルコ・シンヂカリストとに對する血戰的宣言。（やつと此頃明らかになつた全露共産黨の第十回大會に與へた秘密命令。それは最近反對黨との爭に、レエニン主義者によつて心張棒として使はれたものだ。）最後に、新經濟政策による資本主義の再輸入。

それもこれも、總て共產主義の本尊として衆者の列に加へられた男の胸味噌から搾り出されたものであつた。そしてこれ等の政策は、革命を押しつぶし、ロシアの民衆の希望を破壞した。いやたゞロシアだけではなく、全世界がこの陰謀屋に支拂つた犧牲だ。何となれば、それは被壓制者階級を到る所に分裂させた。レエニン主義が廣く傳播した混亂と憎惡と分裂は、やがて證明されるであらう。

九

だがレエニンは混亂や紊脈や分裂を時きつける必要を、時に信じてゐたのだ。彼れはそれを彼れの黒の手だと考へてゐたのだ。それに就いて彼れ自ら云つた事がある。『クラスナヤ・レトプーチアス』第七號に、ロシア社會民主黨部ち勞働黨の第五回大會でやつたレエニンの演說が載つてゐる。この演說は、レエニンが黨の第四委員會での答辯に就いて云つたものだ。彼れは黨を脫退して民主黨員と聯合を組織した三十二名のメンシエヰキを讃美讃歎した席で誇へられた。この果斷の道徑はエン・ダンであつた。

レエニンはかう云つた。

「政治的反對者を取扱ふ場合には、其の結果として、行者に對してどんな態度をとつたか。人肉の塊を要求したらうか。いや二人は人殺しの仲間入りを拒んだ。暗殺しようとした男の命乞ひをした。ミツシエルとクライルの態度とレエニンのそれと比較する時、後者は蒼だ憐むべき正體を曝露するではないか。

七

でもレエニンは偉大であつた。だがそれは狡猾險惡の偉大であつた。彼れの祭壇に捧げる薬嗤らしい犧牲に對する、狡猾と無遠慮と容赦のない侮蔑であつた。この意味でトルコオマド共はいつも偉大であつた。彼等の中には其の犧牲者を拷問所若くは火刑柱に送つた時泣いたものがあると云ふ事だ。レエニンも多分さうだつたに違ひない。不幸にも、斯樣な涙は人間の精神を麻痺させる原因となり、彼の計劃した生活の新樣式を蠹なしにした。

トルコオマド共は、いつでも人類史上に於ける反動的な反革命的な勢力であつた。そしてレエニンも反動的であつた。一九一七年以來、彼れのあらゆる政治的行爲は、反革命的傾向の活きた證據だ。彼れの戰術は革命を失敗させた意味で反革命的である。

八

ブレスト平和條約は革命に最も致命的な打擊を與へた。チエツカの組織はロシアを人間屠殺所にした。其の暗黑的出現と强制變貌とは幾百万の生靈を破滅させ全國各を助長したのであつた。

レエニンが彼れの生涯を通じて全民衆の中に危險な毒素を注射した事實を蔽ふものではない。次第々々に彼自身の階級をそれに感染した。レエニンが彼れの生涯の中に、其の本質はどうでもいゝんだ。事實、組織は全音樂を形ちづくる調子を表はすものだ。で、其の組織を攻擊して第三者に憎惡と怨恨とを起させなければならない。組織の目的は反對者階級を分裂させる事であつて、信服させる事であつてはならない。彼等の團結と事業とを地上から撲滅し掃蕩する事であつて、彼等の組織を改善する事であつてはならない。攻擊の組織は最も强い怨恨と疑惑を呼び起させ、且つ平民階級の中に混亂と狼狽とを擴める底のものでなくてはならない」と。

彼れは斯る方法は憎むべきものとは思はぬか、と尋ねられた時、レエニンは答へた。

「それは自分達の政黨の仲間にやつたのではいけない事だ。だが、政治的反對者に對してやる時には、いけないどころか褒めるべきだ。且つ必要なことだ。繰り返して云ふが、メンシエヰキの脫退組に加へた私の攻擊は、平民階級を分裂させ、政治上の我々の敵に對して憎惡と不信と混亂を起させるであらう方法を、慎重に且つ故意に使つたんだ。」

一〇

何人もレエニンのこちつけを賞めることは出來ないだがそれは、レエニンが彼れの生涯を通じて全民衆の中に危險な毒素を注射した事實を蔽ふものではない。次第々々に彼自身の階級をそれに感染した。レエニンが彼れの生涯の中に、其の本質はどうでもいゝんだ。事實、組織は全音樂を形ちづくる調子を表はすものだ。で、其の組織を攻擊して第三者に憎惡と怨恨とを起させなければならない。組織の目的は反對者階級を分裂させる事であつて、信服させる事であつてはならない。彼等の團結と事業とを地上から撲滅し掃蕩する事であつて、彼等の組織を改善する事であつてはならない。攻擊の組織は最も强い怨恨と疑惑を呼び起させ、且つ平民階級の中に混亂と狼狽とを擴める底のものでなくてはならない」と。

彼れは斯る方法は憎むべきものとは思はぬか、と尋ねられた時、レエニンは答へた。

「それは自分達の政黨の仲間にやつたのではいけない事だ。だが、政治的反對者に對してやる時には、いけないどころか褒めるべきだ。且つ必要なことだ。繰り返して云ふが、メンシエヰキの脫退組に加へた私の攻擊は、平民階級を分裂させ、政治上の我々の敵に對して憎惡と不信と混亂を起させるであらう方法を、慎重に且つ故意に使つたんだ。」

948

881108007

The Emma Goldman Papers

[Vladimir Ilyich Ulyanov Lenin. In Japanese] Iwan Iri'ichi Reenin Ron / Emma Goldman.– pp. 356-357 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. –no. 4 (June 1924)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

大正十三年六月一日發行　　勞働運動　　第五號　6

インスブルック會議

革命的サンヂカリスト國際會議（特別寄稿）

ドイツの同志リーガー君から、我々に宛て特に次の如き論稿を送つて來た。ここに記載して同君の好意に謝ひる。（山崎生）

◆

國際勞働者同盟の創立以來既に一年を經た。此の間に各國に於けるサンヂカリストの全國的團體は同盟に加盟する準備をした。この加盟は單に中央委員會や本部によつて決定され得ないので一般投票か又は大會に俟たねばならなかつた。オランダ、スペイン、アルゼンチン、ポルトガル、メキシコ等は皆これを要したのである。この樣な事情に就いては同盟の事業は漸く緒についたに過ぎない。

スペインに於ては殆んどあらゆるサンヂカリスト團體が加盟について意見を發表した。そしてこのサンヂカリストの大會には同盟の全運動狀態の說明が提示せられて、加盟か否かゝ決定せらるゝ筈であつた。が、軍國主義の反動政策は此の大會を開催せしめなかつた。これがスペインで各地方々々のサンヂカリスト團體の殆んどすべてが加盟に贊成したにも拘はらず、未だ全國的勞働總同盟（CNT）が正式に加盟出來ない理由で

此のイ　ン　タ　ー　ナショナル（國際勞働者同盟）の組織を常圖にし、且つ機能を規定し、執行部と各國の夫々の團體との精神的及び經濟的連絡を緊密にする爲め、一九二三年十二月二日より四日に亙つてドイツのインスブルックに於て國際會議が召集せられた。

出席團體は次きの如くであつた。

アルゼンチン　各國的勞働聯合會（FORA）
ドイツ　自由勞働者聯合會（FAUD）
オランダ　サンヂカリズム勞働同盟會（NSV）
イタリイ　勞働組合同盟會（USI）
ノルウエー　サンヂカリスト聯合會（NSF）
スエーデン　勞働總同盟（SAC）
ユーゴスラヴイヤ　自由勞働聯合會（FOR）
オオストリイ　無主義社會主義同盟を代表して同志二名

ポルトガルの勞働總同盟も昨年既に同盟に加盟した。そして此の會議ではスペインの總同盟の代表者がポルトガルのそれをも兼ねる事になつてゐた、併し遺念な事にはスペイン代表者たるべき同志の逮捕の爲めにどちらも代表されなかつた。またポルトガルとスペインとよりの手紙にまると、別にイベリヤ半島の會議を開きたい希望であつたが、それも不可能となつた。

◆

同志ロッカアの挨拶の後に、同志ロンデイは同盟の動靜を報告して、特別な場合々々に夫々の行動を執ることの餘儀なかつたことを告げた。

同盟の創立大會後數週にしてルール地方占領が突發した。それに關せず同盟が召集した各國からの執行部員の會議には、多くは出席出來なかつた、其の爲めにベルリンの中央事務局にある執行部員は獨斷で行動を取らざるを得なくなつた。此の事は創立大會に決議第四を以つて許されてゐた。そして事務局は直ちにアムステルダムの國際勞働組合聯合會とモスコウの赤色勞働組合國際同盟を訪問して軍隊の跳梁に反抗して共同行動を執らん事を申し出た。更に同盟は全世界の勞働階級に檄を發した。それは主としてフランスとドイツの勞働者に總同盟罷業に出づる事を勸告したものであつたが、遺念ながら此の宣傳は反響がなかつた。そしてアムステルダム、モスコウ兩インタナショナルへの共同行動提議にも何の回答もなかつた。

これに對する代表委員の意見はアムステルダムやモスコウと妥協すべき時期は既に去れりと決定した。

報告は尙ほ革命的サンヂカリズムが各國に於て發展延長しつゝあることを示した。會議第一日は各國委員の報告を以つて終つた。

◆

第二日は同盟の行動に關する討論あり、ドイツの形勢に就いては次の如き決議が通過された（一節を示す）

國際勞働者同盟はドイツに於ける現在の政黨の鬪爭が、只だ政權獲得を目的とするものであつて勞働階級には單に有害なるものであることを宣言する。右黨の目的は軍政と立憲恢復である。ドイツに於けるファシスチ的の興味ある運動はすべての手段を用ひて徹底反對しなくてはならぬ。ドイツの革命的サンヂカリストは非國家的革命要素と共同して反動派と鬪ふを辭さない。社會民主黨と改良的勞働組合は勞働階級を裏切つたのみならず、彼等のマルクス救義にも背を向けたのである。彼等はブルジョアの從順なる下僕である。社會民主黨と其の網引き彼等諸派の示す方針を實現することには全く無能力を曝露した。反共和的軍閥の暴政の前にも資本家の酷使の前にも全く何等の力も有しない。

ドイツ共產黨はプロレタリアを社會革命に導くを欲せず、フアスシスチと共同してクレメルの軍隊獨裁の下にそれを迫かんとしてゐる。彼等はモスコウからの資金で支へられてゐるので、更に最近に於ける諸事件はいづれも彼等の第一方針が共產黨の專制に向つてゐることを明瞭にした。

小資本家に對する宣傳やドイツとポーランドとの共同やソビエトとチュリンゲンに於ける民主黨との共同統治が我等に示す如く、共產黨は革命的階級戰を支持する黨派とは決して云ふことは出來ぬ。ドイツ革命が若し共產黨の專制國家樹立に終るならば、それは一つの政變に過ぎない。それに依つて勞働大衆の困難な經濟上の地位は少しも改善されることはない。

ドイツに於ける革命を勝利の見込あるものにするのは、たゞ都會と全國土の一般勞働者の大衆が聯合主義の精神を以つて、其の信仰と建設の力を振ふことのみである。そして革命的經濟的組織（勞働組合）によつて生產と消費の形式を改造すべく行動するならば、それで革命は必ず勝利となるであろう。

革命的サンヂカリストは左右兩派の政黨のすべての政治的野心的試みに反對し宣戰する。そして國家と專制を仇敵とする革命的要素にのみ信賴を置く。

◆

ポルトガルよりの書翰が動機となつて、其の通告して來た共產黨の所謂『共同戰線』の宣傳に對して次の決議をした。

國際勞働者同盟は全世界の同志に警告する必要を感ずる。卽ちそれは共產黨の指導者等が出入りしたり、共同戰線を宣傳したりする『演習』に對してゞある。此の戰術は共產黨の裏書から生れたものである。彼等は到る所で強がつて居て革命的勞働者やこれに從ふ者を壓迫して來た　革命に臨んでもさうであつた。

そして全プロレタリアに對しては、其の各々の方針を棄てて無條件で共產黨に合併せよと要請してゐた。

そして全亦各國では共產主義インタナショナルの『共同戰線』の爲めに苦い經驗を嘗めた。イタリイ、ドイツ、フランス、スペイン其の他の國々の我等の同志の經驗によれば、『共同戰線』といふ標語は只だプロレタリアを共產黨インタナショナルの主宰の下に服從する武器であると證明された。

共產黨の指導者達は此の外交的方法に依つて統治者たらんとしてゐる。

彼等は我等の廢止しようと欲する政治上の勢力に對らんと企てゝ居る。

◆

革命的サンヂカリストは此の會議を社會革命の日に達成するために全世界の勞働運動の組織及び戰術的連絡を準備する唯一の可能性ある歷史的會議であると認めるに一致した。

スペイン語を含む數ケ國語の新聞を發行することゝ第二回大會を一九二四年十一月までに開く事も可決された。

會議の終りに同志ルドルフ・ロッカアは國際勞働者同盟が第一インタナショナルと全く同じ狀況で進展しつゝある動かす可らざる勢ひを再び力說して注意を促した。一九二〇年十二月に於ける革命的リンヂカリストの國際會議はまだ一プロレタリアの獨裁を承認したが、一九二二年七月の會議では獨裁の思想を否認して自由共產主義を表明した。同年十二月の會議には未だ他の團體との共同に就いてフランスの同志の主張に讓歩した。今度のインスブルックの會議ではアナルコ・サンヂカリズムが代表する所の革命的經濟的組織の上にのみ革命的全プロレタリアの國際的團結が可能であることを悟り始めた。

此の關係でインスブルックの會議は革命的勞働運動史上に特筆大書すべき一進歩である。

各國の革命的勞働團體の仕事は、國家と資本主義からの決定的自由獲得に達するまで、此の道を續けることである。

——四頁から續く——

なかつた。葬儀の挽歌も奏されず、モスクワの四十寺院の四十の鐘も哀しみの聲を立てなかつた。

彼等の死は、不成功に終つた革命に忠實であつたがために、恥づべき死であつたのだ。レエニンはさうではない。彼れは成功した。彼れは機關を作り上げた。彼れは革命を殺す罪惡（資本主義、搾取、及びその復活に伴ふあらゆるもの）を復活させた。レエニンが主者の盛儀を以つて葬られた事も、彼れの主義が今やヨオロッパ列强によつて承認されつゝある事も、驚くに足らぬ。なぜか？　革命は死んだんだ。レエニン主義萬歲！

法主政治、ムツソリニ、パトリアーク・チグソン等世界中の反動主義者、惡物師、詐僞師共は、じ年前には見つけ次第打ち殺さうとした男に、今日では讚辭を捧げて居る。彼等は嘘つきで僞善者だ。彼等の敬意と同情は、ただ彼等の恐れを掩ふ衣に過ぎないのだ。彼等が極度に搾らうとするロシアの富の鍵を、レエニン主義が彼等に渡さうとしてゐる恐れを包む衣に過ぎないのだ。

一二

しかしながら、ロシアの運命に就いての最後の言葉はまだ語られてゐない。十月革命（一九一七年）に當面した問題は、レエニン主義と其の死んだ主人の夢想とは同時に彼等の生涯に於ける革命的リンヂカリストの國際會議はまだ一プロレタリアの獨裁を承認したが、一九二二年七月の會議では獨裁の思想を否認して自由共產主義を表明した。同年十二月の會議には未だ他の團體との共同に就いてフランスの同志の主張に讓歩した。今度のインスブルックの會議ではアナルコ・サンヂカリズムが代表する所の革命的經濟的組織の上にのみ革命的全プロレタリアの國際的團結が可能であることを悟り始めた。

此の關係でインスブルックの會議は革命的勞働運動史上に特筆大書すべき一進歩である。

各國の革命的勞働團體の仕事は、國家と資本主義からの決定的自由獲得に達するまで、此の道を續けることである。

949

900628082

The Emma Goldman Papers

"Fahnen" at the "Volksbuhne," Berlin. A Dramatic Novel in 19 Scenes by Alfons Paquet / Emma Goldman. – 1924, June, draft. – 3 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

Freedom July '24

"Fahnen" at the "Volksbuhne" Berlin.
A dramatic novel in 19 scenes.
by.
Alfons Paquet.

After thirty seven years our comrades Spies, Parsons, Lingg, Engels and Fischer forgotten by many of their own generation and unknown to the generation of our time have been rescued from ob livion. "Fahnen" is an attempt of a German dramatist to utilize the tragedy of the judicial murder of 1887. I say an attempt advisedly because the author has only partially succeeded in bringing out the great social importance of that historic event. While in his characterization of the men strangled on the gallows on the black Friday-Nov.11th,1887. he failed completely.

To fashion a work of art of the labor struggle of the eighties the part plaied by the anarchists and the crime committed by the state of Illinois thereof familiarity with the subject itself is needed- understanding of and sympathy with the personalities of the principle actors in the drama are needed. Mr Paquet seems to be lacking in these essentials. His work, therefore, must needs be deficient.

However, I do not mean to say that "Fahnen" lacks dramtic value altogether. On the contrary; I think the play has great possibilities. But it needs a great master of the events of 1886-1887. and it requires much more concentration of form. Thus several scenes could easily be eliminated with much benifit to the play.

To those unfamiliar with the historic background of the social tragedy in Chicago, the drama on the stage of the "Volksbuhne" may have seemed a work of art- faultless in its delin eation of characters and its historic accuracy. But for us who who have lived through the agonizing details of the crime enacted by the state of Illinois at the behest of its industrial lords, to those to whom the clashing of the economic interests and the tragic death of the martyred protagonists have been the most decisive factor in their lives, "Fahnen" had many discordant notes, painfully jarring.

Perhaps I can best illustrate what I mean by two quotations from the synopsis prepared by the "Volksbuhne" in explanation of Mr Paquets play.They read;

"Die Hervorhebung einzelner Personen als "Helden" musste er ahlehnen;wo Massen in Bewegung gebracht wird, ist kein Raum fur Massenleiter? And again," In dem "Fahnen" wird keinen Partieprogramm ein Loblied gesungen"

This approach to the tragedy of Chicago is mainly responsible for the defects in "Fahnen". Not that I look to art as to the channel of propaganda except in an indirect way. By a forceful interpretation of life and all the complexities of social conflicts art always radiates understanding for itself. But it is one thing not to emphasize the heroic individual personalities, or not to sing ein Loblied of a particular political program. It is another to so blur the picture that it is no longer art but a jumbling together of events glossed over by an artistic veneer. In a measure this has happened to "Fahnen"

There can be no disussion of the part plaied by the mass in the eight hour struggle. But the revolutionary impetus to that struggle was given by the men who died on the gallows on the 11th of Nov.1887. They gave the mass movement social depth, its idealism and its inspiration. Spies, Parsons, Lingg, Engels, Fischer and their comrades were the beacon illuminating the path of the masses towards a new social life based on freedom and equality. It was precisely this philosophy- for which five men were done to death and three imprisoned for life by the insatiable monster, capitalism.

BEST COPY AVAILABLE

900628082

The Emma Goldman Papers

"Fahnen" at the "Volksbuhne," Berlin. A Dramatic Novel in 19 Scenes by Alfons Paquet / Emma Goldman. – 1924, June, draft. – 3 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any fonn must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

It can not be that Alfons Paquet is ignorant of the part anarchism played in the arrest, conviction and murder of these men. Over and over again was it emphasized by Judge Gary, Grinnell the Prosecuting Attorney and by the kept press that it was not the eight hour movement but anarchism which was on trial. Out of fear and terror of the spectre of anarchism was the hate woven which was played on the minds of its proclaimers. Any attempt then to blur this vital fact, or to weaken the outstanding figures in that crime for the purpose of accentuating the importance of the mass seems arbitrary, historically false and inartistic to boot.

Let us see how Mr Paquet conceives his characters. Spies[illegible] appears vain, conceited, even weak in the supreme moment Parsons is a sort of good natured dub. Fischer loks the part of the rebel pictured in the police gazette. Lingg, the most dominat figure of the Chicago drama is barely recognizable. Yet the mere reading of the speeches of the men in court, their depth, their proud defiance, their firmness unto the end should have helped Mr Paquet to bring them out in strong relief- characters of Greek grandeur and pathos.

In the hands of the author of "Fahnen" they become mere puppets, harranguing, lamenting full of meaningless phrase. Thus Albert Parsons when asked what is a proletarian, has this "wise" reply, " a proletarian is a man whose ideas are never realised" This from a man who so fervently believed in the realisation of an ideal and who for five hours held the court breathless with his dessertation and defense of that ideal is so unreal and inartistic and so very unfair to the memory of the man.

Most of the scenes suffer from similar defects. The court scene for instance- the most powerful in the actual drama of 37 years ago- on the stage of the "Volksbuhne" [illegible] becomes lifeless and farcical. Yet what material! What dramatic intensity! The pompous Judge Gary, the scheming, shrewd, unscrupulous Prosecuting Attorney! The packed Jury! The terrorized and bought witnesses! The air thick with hate and vengeance! Then the eight men against this black sea of conflict and death-standing out like giants in their idealism-their faith- their allinclusive love of humanity. What material for the imaginative artist.

In "Fahnen" this scene should have been embraced by the entry of Albert Parsons who comes from his place of safety into the arena to be devoured by the wild beasts. Parsons with the simplicity of a child, the sweet solidarity of the comrade hiking right into death in order to take his place by the side of his brothers on the felons bench. It requires but little vision to see at once the in[illegible] possibilities of that moment. Alfons Paquet fails to avail himself of that moment [illegible] that is indeed hardly of importance.

× Revise the scene in that

The last scene in "Fahnen" is the one that saves the play from being mere melodrama. It is the funeral scene. The workers laying at rest their precious dead. Multitudious banners imbibed in the blood of the martyrs who had strewn the path of social emancipation reaching out unto the red dawn. Old Nietzgen in life separated from the men is now brought close throught their death marches [illegible] and amalgamof the the oppressed into the oneness one of their tradespeers and proclaimes the approach of the coming day of human brotherhood. His voice taken up by the [illegible] vast mass and accompanied by the stirring [illegible] rythm of music rises higher [illegible] ever higher with the red banners flying against a red dawn. It is a scene profoundly moving and beautiful.

and

This scene proves the dramatic fiber in Mr Paquet. If only he will go back to the events of 186-87. and make a deeper study of the personalities of the principle actors of that period " Fahnen" may yet become a great historic drama of social significance, a real

BEST COPY AVAILABLE

900628082

The Emma Goldman Papers

"Fahnen" at the "Volksbuhne," Berlin. A Dramatic Novel in 19 Scenes by Alfons Paquet / Emma Goldman. – 1924, June, draft. – 3 p. ; 26 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Freedom Archive.

a work of real art.

The acting of "Fahnen" compared with that of "Hasse, Hamsun" and "King Hunger" by the ensemble of the Volksbuhne" was very poor. But what interested me more than the acting was the fact that such a play could be given at all in Germany. I know of no other country where it xxxxxxxxx could have been staged. America being the arch criminal in the tragedy of SV, needn't be expected to face the resurrected. But nearly all other countries would refuse to face the revolutionary appeal of "Fahnen". To be sure the German Revolution has not struck deep into the vitals of the masses but it has evidently advanced free expression if "Fahnen" can be given, produced.

Emma Goldman

Berlin, June 1924.

BEST COPY AVAILABLE

870916015

The Emma Goldman Papers

[Lozovski lets the cat out of the bag. In Spanish] Losovski levanta el telón / Emma Goldman.— pp. 3-4 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. —(June 23, 1924).
Obtained from the Biblioteca Popular "José Ingenieros," Buenos Aires, Argentina.

Decimos que es preciso luchar cotidianamente, en todas las épocas, en todas las circunstancias contra el peligro de la guerra y contra la reacción. Sin embargo, si nos preguntaa por los métodos, por la táctica de esa lucha no sabríamos qué responder, na sabríamos definir nuestras actividades.

En el segundo congreso da la Asociación Internacional de los Trabajadores, que se celebrará en Amaterdam el 20 de septiembre de este año, figura a la orden del día un punto sobre la reacción. Esperamos con ansia la respuesta de la A. I. T. a ese problema, tan difícil de abarcar en una resolución y de agotar en un debate. No obstante ha de ser tal vez una guía que concrete en cierto modo en el papel la actitud que los antiautoritarios conservan en su vida cotidiana freate a las olas reaccionarias.

Para que la resolución de la A. I. T. quede encuadrada en la realidad de la vida, no puede proponer o aconsejar un medio único de resistencia y de lucha; todos los medios únicos son parciales, fragmentarios, implican una parte de verdad y unn parte de absurdo fanatismo.

Por nuestra parte simpatizamos con todos los que luchan contra la guerra y la reacción efectivamente, es decir sin el doble propósito de combatir una reacción para instalar otra, o una guerra blanca para defender otra roja. Desde este punto de vista no están en la verdadera lucha contra la reacción más que las fuerzas antiautoritarias, libertarias.

Las mismas fuerzas libertarias adoptan diversas posiciones y métodos. ¿Por cuál debemos pronunciarnos? Después de haberlos examinado en particular podemos responder tranquilamente que nuestras simpatías van hacia todos. Es nuestro temperamento el que se pronuncia, pero sin proclamar que el método favorito es el único que encierra la salvación y todos los demás son pasatiempos. Contra el único método que nos pronunciamos decididamente es contra la pasividad, contra la indiferencia.

Contra la guerra y la reacción nosotros recomendamos desde los libros de Tolstoi a las ametralladoras de Macbno, todos los instrumentos materiales y morales posibles. Nos entusiasma el tolstoianismo, admiramos la propaganda de Domela Nieuwenhuis en pro de la huelga general en caso de declaración de guerra; la resistencia armada de los proletarios de Spezia y de Molinella contra las hordas fascistas nos llenan los ojos de lágrimas y aplaudimos siempre; aplaudimos la negativa individual a tomar las armas, a entrar en los cuarteles, como hacen tantos amigos holandeses; aplaudimos el discurso de Rocker en Erfurt en 1919, cuando grita: "¡Abajo los martillos que forjan las armas!", aplaudimos la estrategia de los machinovistas cuando asestan sus golpes inesperados y terribles a la contrarrevolución de Denikin, de Petlura, de Trotzky; aplaudimos la resistencia del proletariado organizado que esgrime la huelga general; aplaudimos las ideas antimilitaristas de Pierre Ramus, etc., etc. Todo nos parece excelentísima labor contra la guerra y la reacción, lo mismo la que se dirige a los espíritus que la que esgrime los argumentos materiales y contundentes. Pero un solo método no nos parece suficiente y no lo recomendaríamos. La posición de cada individuo o de cada grupo, de cada país decidirán libremente sobre la elección de las armas del combate; lo esencial es entrar en la liza, individual o colectivamente, con ideas o con hechos. Nuestro arsenal es más rico que el de los imperios más poderosos; lo que nos faltan son los combatientes, los hombres de buena voluntad que quieran luchar por una nueva humanidad, sin amos y sin tiranos, y por consiguiente sin guerras y sin el cortejo de males que aportan.

Todos los medios de resistencia y de defensa son buenos y ninguno es suficiente tomado en particular. Por consiguiente, prevengámonos contra la aberración a que había llegado un camarada esperantista que sostenía que la gran guerra de 1914-1918 se hubiera podido evitar con una mayor difusión del esperanto.

E. Abad de Santillán

Shakespare y sus obras

II

MACBETH.—

Esta tragedia de Shakespeare se inspira, como la mayoría de sus producciones, en una leyenda histórica escrita por Hollingshead y supuestamente ocurrida en Escocia. Dice ella que a dos generales del rey Duncan, llamados Macbeth y Banquo, dirigiéndose a Fores, lugar donde se hallaba dicho rey, les aparecieron tres brujas y en un diálogo fantástico que sostuvieron con ellas les vaticinaron el porvenir. Dijeron las brujas a Macbeth que con el tiempo sería señor de Glamis y de Caudor y por último rey de Escocia. A Banquo pronosticáronle que sus descendientes llegarían a reinar también en dicho país. Estas profecías de las brujas pronto se vieron confirmadas, en parte. Pues, por la muerte del padre de Macbeth éste llegó a ser señor de Glamis. Y como un tal señor de Caudor fuera, condenado a muerte por traidor al rey éste nombró a Macbeth heredero de sus bienes y título. Conseguida esta parte de la profecía Macbeth dióse a la intriga con el fin de llegar a ceñirse la corona de Escocia. Y si bien el pronóstico de las hechiceras le infundía ánimo más llegó a infundírselo su esposa, Lady Macbeth, cegada por el deseo de ser reina. Presionado por el influjo agorero de las brujas y por la sed de gloria de su esposa, Macbeth mata a Duncan y se hace proclamar rey de Escocia.

De esta narración histórica, más fantástica que real, Shakespeare sacó los materiales para realizar una de las más fuertes creaciones de su arte, por la recia enjundia que caracteriza a sus principales personajes.

El carácter más psicológicamente delineado de esta gran tragedia es, sin duda, Lady Macbeth. No hay en la literatura universal, una creación femenina de tonos y de líneas más recias que la de esa mujer hija del genio shakesperiano.

La crítica de todas partes ha concedido a esta creación un valor excepcional. Y es que Lady Macbeth pueda figurar al lado de las más grandes creaciones artísticas o históricas de género femenino ya se llamen Dulcinea, Beatriz, Cleopatra, Salomé, Mesalina, etc.

Por su característica psicológica Lady Macbeth es una personificación perfecta del fondo trágico femenino. Porque yerran quienes suponen en la mujer una ausencia completa de ambición y de capacidad para el crimen.

No es posible que la especie se haya complacido en dotar a los hombres de todos los vicios y de todas las ambiciones eximiendo a la mujer de tales atributos. Sólo a un feminismo pueril, divorciado con la raíz orgánica de su propia alma, se le podría ocurrir tamaña simpleza. Pues en el vasto crisol donde se plasma la fauna humana lo bueno y lo malo, lo inteligente y lo obtuso, se yuxtaponen y bifurcan entre lo substancial del hombre y de la mujer. Por esto no halla eco, por lo precario, cierta sensibilidad femenina hiperbolizada que se yergue a veces en nuestro medio, consistente en culpar a los hombres de los males sociales y personales que aquejan a la mujer, absolviéndose ésta, generosamente, a sí misma.

De esta tragedia puede decirse que, sin el genio diabólico de su esposa, Macbeth nunca hubiera llegado al crimen ni descendido al abismo donde lo precipita la ambición de su mujer.

En el segundo acto, de los cinco que tiene la obra, se consuma la tragedia. En ocasión que el rey Duncan descansa en la propia morada de Macbeth, y al amparo de la noche, éste le da muerte instigado constantemente por su consorte. Y ante el terror que la sangre de Duncan y de dos de sus sirvientes, asesinados también, produce en Macbeth impidiéndole terminar la escena, Lady Macbeth, con una serenidad y un dominio absolutos de sí, que pasman, completa, de su propia mano, la obra imperfecta de su vacilante esposo.

La facilidad que tiene lo femenino, para simular tan bien sus pasiones y esa aptitud para pasar de lo trágico a lo risueño, que todos le conocemos, se evidencian admirablemente en Lady Macbeth cuando, apenas realizado el crimen, los acompañantes del rey se percatan del hecho. Y no obstante el destino trágico, de ambos protagonistas, hay en ellos diferencias de carácter bien notables. Macbeth es ambicioso pero quisiera llegar a la gloria por caminos rectos como consecuencia de sus méritos, del azar, o circunstancias favorables. Su esposa, en cambio, no tiene escrúpulos, y lo importante para ella es llegar a reinar por no importa qué medios.

En esta tragedia lo sobrenatural se mezcla, de manera sorprendente, con la realidad produciendo en nosotros un cúmulo de sensaciones tan fuertes que dispensan lo arbitrario y artificioso del argumento. Pero digamos también que las sombras de los muertos y el fallo de las hechiceras, que entrelejen la trama de la obra, no son, en el fondo, más que fuerzas psicológicas, ocultas en los estratos subconscientes de Macbeth y su cónyuge necesarios para darnos a conocer toda la complejidad psíquica de dichos personajes ya que es inadmisible que, Shakespeare, creyera en aparecidos ni fantasmas por más legendarios que fueran. Y es así como vemos que a Macbeth, apenas coronado rey de Escocia, le asalta el temor de que se cumpla la profecía de las brujas y que Banquo o su hijo lleguen a sucederle en el trono. Por esto fragua también su asesinato, esta vez por intermedio de viles cortesanos.

Entretanto Malcolm, hijo principal de Duncan prepara, con apoyo de Inglaterra, un ejército para atacar al tirano que domina en Escocia.

Macbeth, presa siempre de dudas y sobresaltos, en cuanto tiene conocimiento de ello consulta a las hechiceras sobre la suerte de su reinado las cuales le vaticinan lo siguiente: le aseguran que basta que el bosque de Birnán no avance hacia Dunsinania, que es en donde está la fortaleza de Macbeth, nada debe temer del adversario como así tampoco de ningún hijo nacido de mujer.

Pero sucede que cuando el ejército de Malcolm penetra en Escocia, y llegado que hubo al bosque de Birnán, su jefe ordena a los soldados que, para desorientar al enemigo, arranquen cada uno varias ramas del bosque y protegidos por la obscuridad de la noche avancen hacia Dunsinania.

Cuando los centinelas anuncian a Macbeth que el bosque de Birnán avanza hacia ellos el terror que se apodera de él es indescriptible. Pero presto acude a su mente el segundo de los vaticinios que le asegura que nada debe temer de ningún hijo de mujer.

Entonces con arrojo insuitada Macbeth sale al campo raso en busca del adversario para luchar hasta que "arranquen a pedazos la carne de sus huesos."

El primero con quien Macbeth cruza su acero es con el joven Suardo, hijo del jefe de las fuerzas adversarias, y que muere en el lance porque había nacido de mujer. El segundo, con quien topa, es Macduff, amigo de Malcolm.

Al instante de cruzarse las espadas dice Macbeth a Macduff que su vida es invulnerable y que rendirlo no puede quien nació de "mujer". Pero la tragedia shakesperiana de Macbeth culmina hasta el paroxismo cuando Macduff le dice que en esas palabras ve confirmada su sentencia de muerte ya que él fué "arrancado, antes de tiempo, del vientre materno".

La desesperación que se apodera de Macbeth en este instante es de lo más conmovedor que hay en el teatro shakesperiano. Y después de maldecir a los hechizos, por el fin que le depararon y a pesar de que el bosque de Birnán avanza hacia Dunsinania y ante él tuviera a un hombre no nacido de mujer, Macbeth cruza su acero con Macduff quien pronto da cuenta de su existencia.

Este es el desarrollo, el fondo substancial de esta tragedia, una de las más nombradas del teatro universal. Como en todas las obras del genial dramaturgo los personajes se mueven y actúan a lo largo de la tragedia con valores propios de grande importancia.

No ocurre como en la generalidad de las obras teatrales de nuestro tiempo en que un personaje central absorbe la atención del público y los restantes son meros figurones sin rasgos psicológicos que los destaquen del conjunto dramático. Aquí la pasión, el carácter, la ambición, lo quimérico y lo trágico, se entrelazan de tal modo que producen en el espíritu del lector una sensación de cosas tan estupendas que sólo son dables en las producciones inmortales del genio.

CIVIS

Losovski levanta el telón

Durante el primer congreso de la Internacional sindical roja, emplearon, Losovki como jefe de esa organización, y sus colaboradores, todos los medios para convencer a los delegados extranjeros y en especial a los franceses de que la III Internacional no tenía la intención de someter a su control la Internacional sindical roja. Lejos de hacer de la I. S. R. una rama dependiente de la Tercera Internacional, saludaban a esta como a una organización hermana autónoma con la que pensaban trabajar mano a mano.

Nosotros, que estábamos en Rusia entonces y teníamos un íntimo contacto con el trabajo previo de la I. S. R., sabíamos sin embargo más. Sabíamos que la I. S. R. debía inyectar sangre fresca en el cuerpo achacoso de la Tercera Internacional, que solo se componía nun de un puñado de intelectuales. En los círculos comunistas rusos era un secreto a voces el fin a que era destinada la I. S. R., pero era necesario hacer creer a los delegados extranjeros y en especial a los anarco-sindicalistas franceses, enemigos

870916015

The Emma Goldman Papers

[Lozovski lets the cat out of the bag. In Spanish] Losovski levanta el telón / Emma Goldman.— pp. 3-4 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. —(June 23, 1924).
Obtained from the Biblioteca Popular "José Ingenieros," Buenos Aires, Argentina.

de toda tutela sobre su organización por un partido político cualquiera, que la Internacional comunista estaba libre de tales intenciones, al menos era necesario hacer creer hasta que hubiesen sido ganados para la I. S. R.

Conservo bien en la memoria mi conversación con el ruso-americano De Leonile, Reinstein, referente a las relaciones de ambas Internacionales.

Reinstein había vivido muchos años en los Estados Unidos y fué siempre un adversario de los I. W. W. y de los anarquistas-sindicalistas. En 1917 se dirigió a Rusia y figuraba allí constantemente como "delegado del proletariado americano". Esto era en tiempos del bloqueo, durante el cual era muy difícil entrar en Rusia y cuando no habían desembarcado aun otros delegados americanos nombrados por sí mismos cuan provechoso es servir a los moscovitas. ¡Qué hará ahora el pobre Reinstein cuando la concurrencia americana es tan fuerte!

En 1921 era Reinstein presidente de la comisión anglo-americana para los trabajos preparatorios del congreso sindical. Reinstein decía entonces que había sido su idea la que movió a la Internacional comunista a fundar una nueva Internacional sindical. Eso era inevitable para la Tercera Internacional, si no quería ser un mero club de discutidores políticos, pues entonces la Tercera Internacional estaba compuesta solo de rusos y de extranjeros sin absoluto separados del exterior, es decir, que no tenía la menor idea de lo que pasaba entre los trabajadores de otros países. "Una corporación obrera organizada en escala internacional — decía Reinstein —, añadiría a la Tercera Internacional nueva y vigorosa savia y se convertiría pronto en un poder mundial". Destino y fusión predeterminada y prefijada a la I. S. R. largo tiempo antes de su nacimiento.

Y es preciso decir que la I. S. R. hace honor a sus creadores. No sólo ha sido creada de acuerdo al modelo de la I. Comunista, sino que es realmente el colmo de todos sus sueños y planes. Y esos sueños no son otros que la dominación de los trabajadores y su dependencia del Estado político, lo que hoy es llamado "leninismo". La I. S. R. no tiene más misión que la de asegurar esa dominación mundial.

Los delegados del primer congreso de la I. S. R. cayeron con facilidad en el lazo que les había tendido Moscú; algunos, a causa de su ingenua fe en que la Tercera Internacional representaba efectivamente la revolución rusa; otros — y estos constituían la mayoría — fueron suficiente perspicaces para comprender el engaño; pero consideraron más sensato servir a los amos de Moscú en vez de servir a su organización, que los había enviado para defender la Internacional Sindical Roja contra el ensayo de asociarla a objetivos políticos. Aparte de ellos, se encontraban entre los delegados hombres serios que rehusaron dejarse hipnotizar, pero tuvieron poca ocasión para hacerse oír, en esa asamblea dominada por pseudo delegados de centros industriales como Palestina, Buchara o Affaganistán, por ejemplo.

Han pasado tres años desde entonces. La I. S. R. ha señalado más y más quién, ese amo en su casa y qué órdenes deben ser ejecutadas, órdenes que no persiguen otro propósito que esparcir en las filas del proletariado internacional el caos, la confusión y la desconfianza. Sin embargo existen aún almas crédulas que se atienen tenazmente a la superstición de que la Internacional Comunista no es más que la buena hermana de la I. S. R.; esta protege frente a los ataques de los enemigos a su débil organización hermana. Por eso es preciso que sepan de la fuente comunista más autoritaria, del presidente de la I. S. R., qué rol ha desempeñado la Internacional Comunista en la vida de la I. S. R. y qué rol desempeñará.

La "Pravda" dedicada al quinto aniversario de la Tercera Internacional, contiene el siguiente artículo de Losovski. Escribe entre otras cosas lo que sigue:

"Por eso, porque la Internacional Comunista expuso la demanda de conquistar los sindicatos existentes desde dentro, en lugar de formar nuevas y, pequeñas organizaciones revolucionarias, ha elevado, salvado todo el movimiento sindical del completo derrumbamiento.

"La Tercera Internacional, no sólo tiene el mérito de ser la autora de la Internacional Sindical Roja, es, además, el guía de su camino y de su actividad.

"Es necesario ocuparse cuidadosamente de la obra de la I. S. R., de las resoluciones y decisiones de su soviet central para reconocer cuán entrelazadas están ambas Internacionales. En realidad, todas las resoluciones fueron inspiradas por el *Comintern* en la dirección de sus fines y métodos... De igual modo que la I. S. R. no podría haber nacido sin la ayuda de la Internacional Comunista, ésta no podría, sin aquélla, y sin los partidos comunistas, continuar existiendo en todos los países. Justamente ese estrecho intercambio de interpretaciones políticas y de ideas es la que provocó los ataques de los anarquistas contra la Internacional Comunista... Pero nosotros no tenemos tiempo para escuchar las charlatanerías reformistas y anarquistas. La Internacional comunista está muy ocupada en la formación de un frente único de lucha revolucionaria contra el bloque reformista de Amsterdam y de la Segunda Internacional.

"La Internacional Comunista no ha considerado nunca el movimiento obrero como un campo cerrado que no tendría derecho a pisar en razón de su programa y de sus métodos... Tal cosa exigen constantemente de nosotros los anarquistas y los reformistas. Pero la Internacional Comunista no cederá jamás a esa exigencia: El fin de nuestro partido es ganar la mayoría de la clase obrera, y organizar a ésta para la revolución, para cuyo fin son indispensables los sindicatos. Pero éstos no son considerados por la Internacional Comunista como un fin, como un medio para instalar la dictadura del proletariado. Y por esa razón la Internacional Comunista debe declarar la guerra a la evolución de los "anarco-sindicalistas franceses: "todo el poder a los sindicatos".

Desde 1921, Losovski parece que ha aprendido a revelar algunas veces la verdad y a traicionar secretos comunistas. Con otras palabras: declara que la Internacional Comunista no ha tenido nunca la menor idea de que los fines y la actividad de la I. S. R. significan algo especial junto a los suyos propios, y que todo debe subordinarse a la Internacional Comunista, cuyo propósito, según Losovski, es la conquista del poder político y la dictadura del proletariado.

Algún día comprenderán seguramente los trabajadores la completa significación de esa dictadura. Entonces comprenderán que sólo han sido títeres en el teatro del comunismo y han contribuido por eso a poner en escena el drama ruso, aquel drama que ha enterrado la revolución, paralizado el pensamiento y los actos de las masas y que ha creado un sistema de persecuciones políticas como apenas había visto antes el mundo. Entonces reconocerán que bajo la dirección del comunismo han restablecido el capitalismo.

Se debería desesperar por completo de las posibilidades de las masas si no se cree apasionadamente que ese despertar vendrá.

Emma Goldman

Berlín, abril, 1924.

Los grandes artistas de España

VELAZQUEZ

(*Véanse los números* 122, 123 *y* 124)

Ese salvajismo y esa sutileza existían en todos sus pintores. La obra en sí misma es sombría, aunque disimulada; las deformidades del rostro, del cuerpo y del alma se exponen sin pudor. No escogen. La muerte el horror, todo les sirve, y todo consienten en colaborar en sus esfuerzos. Pero en cuanto se mira entre las formas la pesadilla se desvanece, algo de inesperado y desconocido se revela, una circulación de átomos aéreos, una discreta envoltura y una sombra transparente apenas coloreada que flota en torno de ellas y las transfigura. Velazquez, después de los cincuenta años no pintó nunca una cosa definida. Vagaba en torno de los objetos, con el aire y el crepúsculo, sorprendía en las sombras y las trasparencias de los fondos las palpitaciones coloreadas con las cuales hacía el centro invisible de su ainfonía silenciosa. No aferraba ya en el mundo más que los cambios misteriosos que hacen penetrar las unas en los otros a las formas y los tonos, por una progresión secreta y continua, cuya marcha no se interrumpe con ningún choque ni ningún sobresalto. Es como una onda aérea que se desliza sobre las superficies, que se impregna de sus emanaciones visibles para definirlas y modelarlas, llevando por todas partes como un perfume, como un eco de ellas que se dispersa sobre toda la extensión circundante en un polvículo imponderable.

El mundo donde vivía era triste. Un rey degenerado, años enfermos, algunos bufones monstruosos vestidos de príncipes que tenían la función de reír de sí mismos, y de hacer reír a seres fuera de la ley viviente, encerrados por la etiqueta, el complot, la mentira, ligados por la confesión y los remordimientos. En las puertas el Auto de fe, el silencio, el desmoronamiento rápido de una potencia todavía terrible, una tierra donde ni un alma tenía el derecho de crecer. En un país, en una corte donde ninguno, el rey menos que nadie, podía ni quería libertarse de ninguna de las servidumbres impuestas por la fuerza del suelo y de la fe, sólo él sabrá dominar la fatalidad del ambiente. El habrá dominado para sus necesidades el paisaje

VELAZQUEZ — Auto-retrato.

grandioso y lúgubre que ondula a los pies del Guadarrama. Condenado a no pintar jamás sino reyes, bufones, bestias, se posesionó de la materia argentada que lavaba el azul de las llanuras de Castilla para mezclarla con los rostros pálidos, con los trajes sombríos de los príncipes, para tejerla con el aire y el vapor de agua a las cosas flotantes, para asociar la tierra y el cielo a las armonías ligeras que un caballero galopando en el espacio le revelaba a él solo, en el ondular de los estandartes que aparecían entre la armadura o las plumas del sombrero. Poseía todo lo que flota y se estremece en una llanura que las brumas de la mañana o el polvo de la tarde envuelven con velos translúcidos. Y es porque existe un claro azul entre nubes tormentosas que un lazo rosa pone su nota inesperada sobre la coraza de negro acero. En tales gotas plateadas que salpican esa coraza tiembla el brillo difuso del aire. Sobre todo un cuadro gris, un caballo gris, la cola y la crin al viento, franjas flotantes grises, un cielo gris, no hay sino un lazo rosado entre las orejas de la bestia, que lleva a un caballero altivo, vestido de rojo y negro. Las montañas, las llanuras azules, las huellas lejanas de las nieves, la ondulación plomiza o sombría del terreno sembrado de encinas y de olivos, se encuentran en todos los grises, y todos los negros recorridos de azules casi apagados y de rosas que el hombre y el animal erguido le imponen al paisaje o los reciben de él. Cuando hay en la llanura llamas y humo, velan apenas el estremecimiento argentado de las nubes y su reflejo no ensombrece las armonías de los primeros planos. Sus niños enfermizos están rodeados de tal lirismo de color, lirismo contenido, velado y secreto como un alma grande, la luz esparcida y los estremecimientos que la recorren envuelven su bastio con tan bello cortejo aéreo, que parecen llevar solamente una sombra de la corona desplegada.

Un espíritu nostálgico flota, pero no se ve ni la realidad ni la tristeza, ni el sentido fúnebre y cruel de esta infancia aplastada. Que Velazquez siguiera a sus señores a caza y que volviera con ellos al sombrío alcázar, permanecía el amigo silencioso de la raza agonizante que solamente su intelligencia soberanamente libre podía libertar para nosotros de la indiferencia de la muerte. Sólo él sabía, cuando recorría los tristes corredores, conservar en su recuerdo la imágen de una aparición melancólica y sutil, de una armonía errante que daba a la luz el deslumbramiento fugitivo que ella posee sobre las cosas que se ofrecen a su beso. Para él solo, los pequeños infantes no eran seres extinguidos, rostros verdes y enfermizos, mártires encerrados en trajes de etiqueta que trituraban sus pechos, y a quienes se prohibían los juegos, saltar, correr, la vida de pájaro de los niños. Él los amaba. El mismo había tenido dos niñas, de las cuales una había muerto pequeñita. Seguía sobre sus rostros lívidos todos los reflejos del mundo compasivo que mezclaba a la sangre descolorida, a los labios húmedos, a los ojos asombrados, el día de plata deslumbrado por los rojos cortinajes, por los corsets grises y rosa donde a veces un lazo rojo o negro ponía un acento más obscuro, como una corola brillante en un campo de trigo nuevo. Los cabellos rubios, las rosas de los trajes nimban sus frágiles cabezas con una aureola imprecisa que restituye al aire ambarino un poco de la vida entorpecida y encantadora ahogada bajo sus frentes.

Un pañuelo transparente, extendido como el ala de una mariposa, dejaba traslucir negros más pálidos, rosados más ténues, azules lejanos. Sobre un vestido rosa rayado de franjas de plata, avivado con manchas malva, sorprendía con emoción una rosa roja entre los dedos de un niño. La laxitud de esas manos posadas sobre los respaldos de las sillas o sobre los mirlitaques lo llenaba de un fervor tan tierno que acumulaba en ellas, sin confesarlo jamás, todas las profundas caricias que el mundo del aire reserva a todo lo que envuelve. Bajo toda esa plata que tiembla, ese rojo y esos rosados indecisos tienen el aspecto de una capa de flores húmedas de rocío en la

954

881108008

The Emma Goldman Papers

[Lozovski lets the cat out of the bag. In Japanese] Rozofusukii Doro o haku / Emma Goldman. – p. 365 ; 28 cm. *In* Ròdò Undò [Tokyo]. – No. 5 (July 1924)

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: East Asiatic Library.

ロゾフスキイ泥を吐く

（特別寄稿）

ベルリンにて　エマ・ゴオルドマン

一

赤色労働國際同盟第一回大會の會期中に、會長ロゾフスキイ及び其の補助者達は、インタアナショナルは赤色労働國際同盟を支配しようとするやうな、そんな考へは毛頭ないといふことを外國代表者、殊にフランスの代表者によく分らせるために有らゆる術策を弄した。隷屬としようとするところか、コムミタンは自治的團體としてプレフインタンを歡迎し、協力一致相並んで働かうといふにあつた。

當時ロシアに在つて、將さに生れやうとする職業同盟大會の準備事業に親しく接觸してゐた吾々は、よく知つてゐた。新しく生れる兒見は、少數の智惠者で組織されたコムミタンの衰弱した體中に血液を注入を勸めるにあつたのだ。ロシアの共産主義者の仲間の間では、コムミタンが赤色労働國際同盟を自由にしようとする意志と目的とは秘密にされてゐなかつた。だがしかし、外國の代表者、殊にいつも彼等の團體のどんな政治的名づけ親の任にも反對したフランスのアナルコ・サンヂカリストには、兎に角彼等を赤色労働國際同盟に誘致されてしまはない限り、コムミタンがこんな企てに無關係であることを信じさせる必要があつた。

二

私は、コムミタンとプレフインタンとの關係に就いて、ロシア系米人、ラインスタインとの私の會話を能く記憶してゐる。彼れは多年米國にあつて、I・W・W及びアナルコ・サンヂカリストに對する猛烈な反對者として活動してゐた。一九一七年、ラインスタインはロシアに赴き、そこで常に「米國無産階級の代表者」として活躍されてゐた。「偉れな把ラインスタインは、今日では澤山の米人競爭者を持つてゐるが、當時は混亂紛擾を極めてゐて、ロシア入りは困難な時であつたので、他の自稱米國代表者共はまだモスクワで活動する便宜を得ないでゐた時だつた。」

三

一九二一年に、ラインスタインは労働大會準備事業の英米部々長であつた。彼れは、新國際労働同盟を卒先して組織するために一九二〇年コムミタンを招致したのは全く自分の提案であつた事を、演說した。

コムミタンが、主としてロシア人若しくは一九一七年以來ロシアに在住して世界から遮斷された外國共産主義者の、單なる政治的討論機關であるならば兎に角、さうでないなら、新労働國際同盟はコムミタンにとつて必要であつた。

ラインスタインは云つた「國際的に組織された労働者の團體は、世界的勢力にならうとする第三インタアナショナルに、新しい活潑な血液を供給する。」と、

赤色労働國際同盟の運命と役目は、その生れるすつと以前に定まつて居り、用意周到に企劃されてあつたのだ。

四

プロフインタンは、其の創設者には忠實であつたと云はねばならない　それは彼等の幻影であるだけではない、コムミタンのあらゆる夢想と策策との反映でもあつた。しかも其の夢想は、労働者を支配することであり、且つ今日レエニン主義として知られてゐる政治的狀態への彼等の屈服であつて、プレフインタンはこの世界的支配を鞏固にするための手段である。

五

第一回赤色労働者大會の代表者達は、モスクワが投げたワナに容易に引つ懸つた。或る者は第三インタアナショナルはロシア革命を眞に象徴したものであるとの無邪氣な信仰のために。他の或る者は——それが大多數であつたが——彼等はこの計略を看破するには拔目なさ過ぎる程であつたが、赤色労働國際同盟を政治的荷馬車に結びつける計畫に反對する事になつてゐる彼等の團體よりは、モスクワの主人に仕へる方が利巧だと決めたのだ。

そのほか、代表者の中には、籠絡されたり、麻酔されたり、若しくは贈賄されたりしない熱心な人達もあつたが、彼等は例へばアキヤラやアドヂヤーブドヂャン達のやうな、とえらい連業的中心地から來たゴマカシ代表者共の集つてゐる大會に於て、彼等の腕を振ふ機會は滅多少なかつた。

六

その時から三ケ年が經過した　その家の主人でもあり且つ其の命令には從はなくてはならない赤色労働國際同盟は、再三再四、國際プロレタリアートの陣列に大混亂と不信用とを傳播するいろんな命令を出した。猶ほそこには、コムミタンは、敵に對して薄志弱行である姉妹を導いたり保護したりする、赤色労働國際同盟の唯一の親切な兄弟であるとの述信を固執する、輕信的な人々もあつた。だから最も猜疑ある共産主義者の源であり、プレフインタンの長であるエー・ロゾフスキイから、コムミタンが其の姉妹團體に對してやつた罪及びやらうとしてゐる罪が何んな罪であるかを聞くことは、彼等にとつて興味あることであらう。

七

第三インタアナショナル第五回大會に全紙を費した「ブラウダ」に、ロゾフスキイが、プレフインタンに於ける其の分擔及び罪業に關して赤ん坊への得意な文章が載つてゐる。彼れは他の事項の中に書いて云つて居る。

「現在する労働同盟は、新しい小さな革命的團體を組織する代りに、内部から國らせられねばならぬ喊聲を施策することによつて、コムミタンは全労働同盟運動を破壞から救つた。……」

「第三インタアナショナルはプレフインタンの敎導者であるばかりでなく、しかもまた、其の方針と其の活動との指揮者たる、大なる名譽を擔つてゐる。……」

リスボンより

（前略）……僕は無政府主義團體「ラ・ソエーロ」（眞理）の同人だ。

大杉が虐殺されたことは僕等の組合運動の機關紙自刊「ア・バタルラ」に書いた。

僕等の出してゐたエス語文の小雜誌「ラ・ソエーロ」は全世界アナキスト機關紙にするためエス文に直す準備として廢刊した。そして僕等の運動に缺けてゐるエスペラントの採用といふ重大な點を滿たす希望なのだ。

例の「センナツイエーツア・レヴューオ」は僕等とは餘り近くない關係にあり、多くの同志にあれは全くボルセヰキの手先きと認めてゐる。

若し君達東洋の同志が此の僕等の「ラ・ソエーロ」を世界的のものにすることに賛成なら、大いに君の國の機關紙に書いて眞實者を蒐集して呉れないか。多く仕事は眞實者の數によつて決するのだから。……（中略）

別紙でアナキスト運動の事を少し報告するが今後も重大なことは直ぐ知らせよう。（六頁の「ポルトガルの無政府主義運動」參照）

五・一一　リスボンにて　アビリオ・リベイロ

「兩インタアナショナルがどんなに縺り込まれてゐるかを見るには、プレフインタンの遂行した罪業、即ち中央ゾヴイエツトとポリビユーロー（政治部）の議決案と決定とを綿密に調査すればいゝ。……事實、總ての決議案は、其の目的も手段方法も共に、惜なコムミタンによつて目論見られたものである。……恰も生命を與へて呉れた親密なかつたやうに、プレフインタンは其の背後に指揮する力即ち第三インタアナショナルと各國の共産黨なくしては、存在する事も職分を續けて行く事も出來なかつた。……アナキストが全力を擧げてコムミタンを攻撃したのは、まさしく二團體の間の政治的觀念及び思想の相互關係そのものであつた。……しかしながら、我々は改良主義者やアナキストのお喋りに耳をかす暇がない。コムミタンは、第三インタアナショナルとアナキストとの改良主義者共に對して、容圍をかためるのに餘りに忙しかつた。

コムミタンは、労働運動と其の組織と方法を拋棄して一まで入る團體の分野とはおへてゐない。……改良主義者とアナキストとは絶えずそれを我々に要請するのだ。しかしコムミタンはそんな事に從ふことも出來なければ、また從はうともしない。我等の主意は、労働者の大多數を擧へて労働同盟に必要な革命を組織立てることである。だがコムミタンは後者を以つて斷じて目的とは考へない。それは單に目的への手段であるプロレタリアートの獨裁を樹立する手段である。……これがコムミタンが、フランスのアナルコ・サンヂカリストの喊聲——「總ての力をシンヂケートに」といふ喊聲と戰はなければならない所以である。……」と。

八

一九二一年以來ロゾフスキイは時として眞實を語るやうになつた。彼れは共産主義者の本音を吐きだしたのだ。他の言葉で云へば、何よりも先づ從屬せなければならないそれ自身の主意から分離し且つ區別する何にかとして、プレフインタンの主意と活動とを承認することに就いてコムミタンは少しの考へも抱かなかつた。しかも其の主意は、ロゾフスキイ自らが力を入れて語るやうに、政治的權力の獲得とプロレタリアートの獨裁權の樹立である。

九

いつか、労働者がこの獨裁權の全意義に覺醒して其の眞相を知り得る時の來るのは確かである。その時彼等労働者は、前書稀有な政治的迫害の制度——ロシアにも一度資本主義の支配と勝利とを持ち來す悲劇——を創つて、革命を壓し潰し大衆の思想と行動とを殺した芝居、ロシア劇の繰り返しをおさらへする共産獨劇場に於ける、操り人形を動めさせられたことを知るだらう。

若しも労働者が獨裁權の全意義に醒める時か來る事を信じないならば、そして何時かこの醒めた意志が現はされる事を信じないならば、何人も大衆の可能性には全く失望せなければならない。

——青佐作太郎譯——

長椅子の間に引ずり込んで、さんざつばらやりやがつた。

■僕等は生憎くと、ボルセヰキや其の追從者共のやうに聖曲堂を並べ立てる術を知らぬ。事實はまさしく以上の通りだ。奴らが新聞にいくら出鱈目を書かせやうと、事實は決して曲げられはしない。

■奴等が血迷つて、僕が爛次つてゐると思ひ違ひしての暴行沙汰でないことは明白だ。

無政府主義者が、労働階級に哀切つた彼らの卑行暴說を完膚なく剝奪しつゝあること、自由聯合體の組合に奴らの惡事を延ばし得ること々々、正義公道の立場からは到底許が立たないので、この機會を利用して發令人を混亂に陷し入れ、この間隙は態に潛破されてゐる。それに就ては政治研究會が證明されるだらう。それだけの義務は政治研究會にあると信ずる）その實を僞態に著せてやらうぐ會はせて、總同盟の主事、外當目指導部に來てゐた共産黨員にお展々にも、鮮かな悲劇振りを見せて置こう。この一石二鳥主義でやりやがつたのだ。

■いくら、お人よしの僞態にも、奴らのその位のカラクリは觀破出來る。

とにかく僕は、さんざ殴られた、確かにやられた。しかし僕は、奴らが多勢で一人をやりやがつたことを、卑怯呼ばはりはしない。

多勢で無勢をやつつける。成程いゝ戰術だ。確かに、奴らは作戰の妙機を掴んでゐる。だから以後は、てめいらの謂ゆる組織的暴力とかで、てめいらよりも少數のサーベル隊にも當つてみるがいゝ。

■僞態には、奴等のこの卑かな行爲によつて、奴らの尊厳が激成した。

■アナキストがこの"常識の問題に對して、常識的回答の尊嚴をとるかどうか、それは時が事實をもつて證明するだらう。　六・二九　川口虎助

955

900628077

The Emma Goldman Papers

To the Editor [The Commune? The Persecutions in Russia] / Emma Goldman, *et al.* — 1924 July, draft. — 2 p. ; 24 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

Freedom
2 items
10 pages

TO THE EDITOR: The Persecutions in Russia.

The Glasgow "Commune" of June, 1924, contains an article by its editor, Guy Aldred, entitled "Persecution in Russia". The article begins by saying that "it is time to deal boldly and simply with the allegations of despotism and imprisonment of revolutionists that are brought against the Soviet Government of Russia".

How does the "boldness and simplicity" of the editor express themselves? In a eulogy of Lenin and Trotsky and in a slanderous attack on Makhno and the Committee for the Defence of Revolutionists Imprisoned in Russia. We are not aware that "boldness" is necessary for the repetition of the calumnies and villification which Moscow has been spreading against its opponents. What is necessary for a man who acts as an editor is some intelligence and some knowledge of the international events with which every thinking workingman is now conversant. Yet the editor of the "Commune" is woefully lacking in these things. For if it is not ignorance which causes him to rehash the stale Bolshevik lies and to deny the existence of the International Working Men's Association and the groups comprising the Joint Committee of Defence, then it is certainly wilful lying.

The editor of the "Commune" goes even further than the Bolsheviki: he denies things which Moscow admits. For instance, their — in their own words — "relentless war against Anarchists, Anarcho-syndicalists and other political dissenters. That decree was introduced to the Tenth Congress of the Russian Communist Party by Lenin and has been energetically applied ever since.

It is therefore not mere "allegations" on the part of the Defence Committee of the political victims of Soviet misrule; it is a charge backed by facts and figures which have for years been coming from Russia, and which have been carefully sifted, examined and placed before the world as one of the many black pages in the history of Bolshevik treachery and brutality. Thousands of revolutionists who have bled for the Revolution and have helped to put the Bolsheviki upon the throne [illegible] to death or are till this day languishing in Soviet prisons [illegible] frozen North, and in ghastly [illegible] Russia. If Guy Aldred does not know these facts, [illegible] to Moscow. He has no right to impute "fraudulent methods" to those who refuse to cling to the coat-tails of Moscow.

In speaking of Nestor Makhno, Aldred says: "Some time ago the Anarchists made a hero of Makhno. This man proves his revolutionary heroism by serving as general in the Polish White Guards, a tool of French reaction". Where does Aldred get his data if not from the Bolshevik press? If he were a sincere seeker of the truth, as he pretends to be, he would have taken the trouble to investigate these calumnies against Makhno — calumnies the Bolsheviki have maintained for years, except [illegible] the periods when they needed Makhno to help them fight back the counter-revolutionists.

But the whole article of Aldred shows that he is not in the least interested in doing justice to Makhno or to the other politicals in the tender clutches of the Tcheka. His sole aim is to exonerate Moscow at any cost, even at the cost of truth and crying facts. However, the Russian comrades in Berlin, who, after yearlong service to the Revolution, have been deported and set adrift by the rulers of Russia, will themselves pay their "respects" to the editor of the "Commune" concerning Makhno. And we are certain that the "Freedom" and the "Worker's Friend" groups, attacked by Aldred, will also know how to deal with him. We wish in particular to expose the utter ignorance of the man in his statement that the International Working Men's Association "does not exist and the German Syndicalists know it does not exist".

The International Working Men's Association was organised at the Syndicalist Congress held in Berlin in December, 1922. The Congress was attended by delegates from Argentine, Denmark, Germany, France, Holland, Italy, Norway, Portugal, Russia, Sweden, Spain, and Tchecho-Slovakia. The International Working Men's Association is the continuation of the First International

BEST COPY AVAILABLE

900628077

The Emma Goldman Papers

To the Editor [The Commune? The Persecutions in Russia] / Emma Goldman, *et al.* — 1924 July, draft. — 2 p. ; 24 × 17 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Freedom Archive.

The spirit and principles which inspired the Congress and which are the guiding force in the activities of the International Working Men's Association, are those of Bakunin and are irrevocably opposed to the ideas and methods of Marx, now being applied by the Third International.

Indeed, the International Working Men's Association exists and, what is very much to the point, it worries the bosses of the Communist and Red Trade Union Internationals not a little. Lozovsky has done his utmost to induce the organisations affiliated with the International Working Men's Association to join Moscow; and when that failed, he took refuge in the old Jesuitic methods of the Bolsheviki. The press output of the Red Trade Union International is filled with gall and slander against the labor bodies affiliated with the Berlin International. Lozovsky, Bukharin and the other Moscow leaders devote a good deal of their time to denouncing the International Working Men's Association.

If Guy Aldred does not know all these facts, he is very ignorant indeed. But in that case he is not fit to be an editor. We call upon the readers of the "Commune" to demand of Guy Aldred that he inform himself a bit and that he bring proof for his accusations — or that he stand condemned as an ignoramus and liar.

Berlin, July, 1924.

Rudolf Rocker
Agustin Souchy

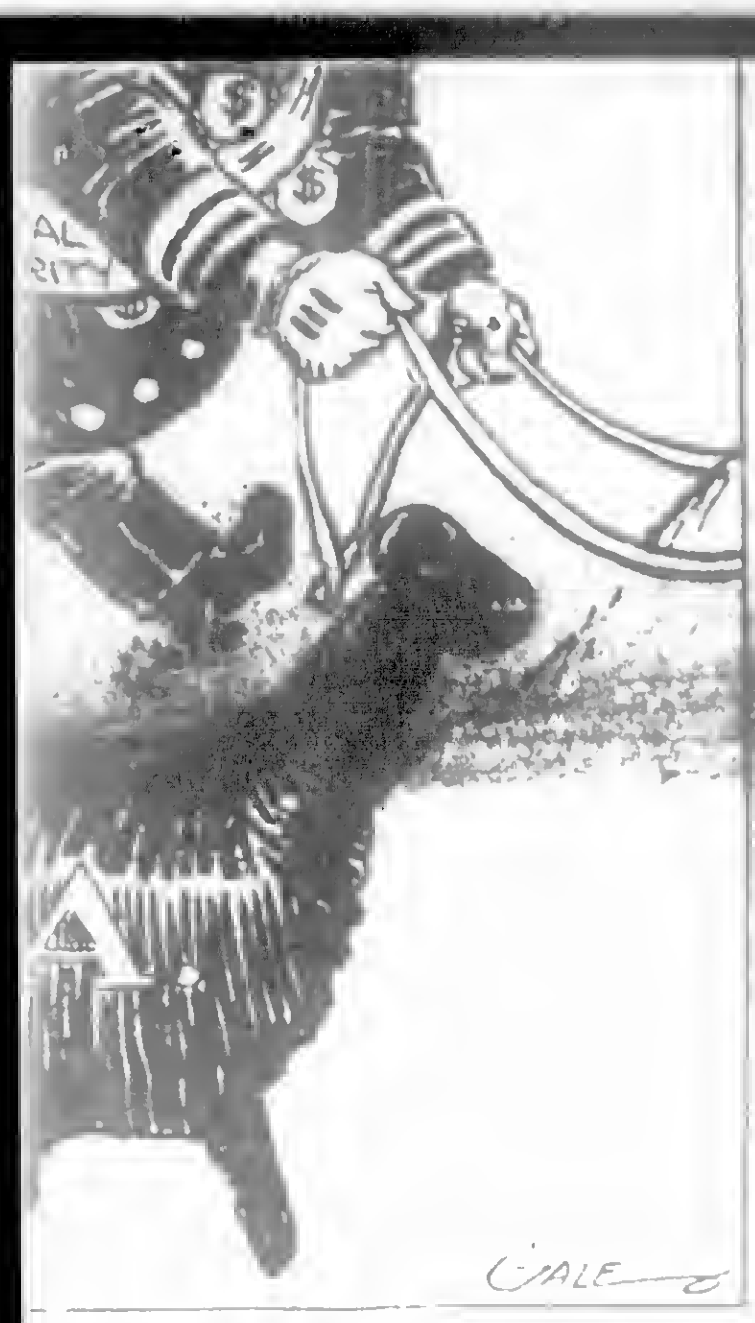
Emma Goldman
Alexander Berkman.

BEST COPY AVAILABLE

830308053

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture] Goldman in Talk Flays Soviet Rule / Emma Goldman. – p. 1 ; 29 cm. *In* The Los Angeles Times. – (July 31, 1924).
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

wing at a conference between the aviators and Rear-Admiral Magruder, commander of the United States light cruiser division scouting fleet and Maj. H. C. Davidson, assistant military attache of the American Embassy in London, on board Rear-Admiral Magruder's flagship, the Richmond.

The departure will be made shortly after 5 o'clock in the morning after the receipt of a message concerning weather conditions from Iceland. The early take-off will give the aviators plenty of daylight for the 550-mile trip which lies before them to Hornafjord, on the southern coast of Iceland.

Rear-Admiral Magruder, who has [illegible] about 200 [illegible] from Houton Bay, where the planes under his command are riding placidly tonight, without any delay. He says he and his companions are now in excellent condition for the task confronting them, that all the planes are in perfect and he is desirous of making the best possible time [illegible] Stars and Stripes and again on the American coast.

The [illegible] and gasoline for the [illegible] through the air is already [illegible] the planes, and it will be a matter of a few minutes to put the craft in the water.

[illegible] at Brough took place at 10:24 o'clock this morning and after an easy flight under [illegible] conditions nearly all the [illegible] planes dropped down [illegible] the waters of Hoton Bay at 1 o'clock this afternoon and taxied to their moorings in the presence of a large part of the population [illegible] and the [illegible] United States [illegible] moored near by.

The [illegible] of about 200 miles from Pyramiden [illegible] about [illegible] the [illegible] were [illegible] and [illegible] greeted [illegible] the [illegible] Richmond [illegible] than [illegible] the [illegible] the [illegible] were [illegible] Richmond [illegible] of Britain and others.

REFUSE FEASTING.

[illegible] and [illegible] on [illegible] They ate [illegible] much of [illegible] They [illegible] have been [illegible] while they [illegible] here.

[illegible] looked on [illegible] spent some

(Continued on Page 2, Column 6)

ULTS

Race to be

GOLDMAN IN TALK FLAYS SOVIET RULE

[illegible]

HOOVER FOR TERMINUS HERE

Secretary of Commerce Joins in Urging That World Flight be Ended at Clover Field

[illegible] Secretary of Commerce Hoover [illegible] Northern [illegible] the [illegible] of [illegible] California, it was learned yesterday in [illegible] that the world-[illegible]-dressing

L. A. Times July 31, 1924

BEST COPY AVAILABLE

870916014

The Emma Goldman Papers

[Fahen, (Banners) at the Volksbühne in Berlin. In Spanish] Fahen, (Banderas) en el Volksbühne de Berlin. (Novela dramática en 19 cuadros), por Alfons Paquet / Emma Goldman.– p. 7 ; 30 cm. *In* La Protesta [Buenos Aires]. –(Sept. 8, 1924).

Obtained from the Biblioteca Popular "José Ingenieros," Buenos Aires, Argentina.

italiano difícilmente habría gustado esos sentimientos en el original. El licor era demasiado fuerte. En cuanto, después de haber leído el vehemente canto de Stecchetti, estaba preparado.

Lo singular del caso, es que no sólo no sirvió el poeta italiano de la idea engastada en ese soneto, sino que le robó al poeta versos enteros que fueron literalmente traducidos. Véase, por ejemplo, cómo comienza Baudelaire:

"Quand tu dormiras sous la terre [grasse"...

Stecchetti, por su parte:

"Quando tu dormirai sotto la terra [grassa"...

Como se ve, los versos son idénticos. Bueno, esto ya no puede caber en la categoría del plagio, sino del calco. La diferencia entre uno y otro es absolutamente capital.

En nuestro teatro criollo muchas veces se ha discurrido sobre los diversos plagios que autores felices cometieron sin mayor franqueza; pero creemos que la palabra fué muy mal empleada. Se trataba de calcos, cuando no de inmundas calcomonías. Podríamos citar ejemplos, aunque demasiado sabemos que nadie se interesaría por ellos. Es que plagio significa esfuerzo, estudio, buen gusto y conocimientos que no todos tienen ni desean tener. Rodin, cierta vez discurriendo acerca de sus "Burgueses de Calais", afirmó que el movimiento que existía en toda la composición escultórica lo había imitado del "Embarquement pour Cithera" de Watteau.

La verdad de lo afirmado es de fácil comprobación. Basta ver el escalonamiento de los grupos en la tela y el escalonamiento de los personajes en la composición escultórica, para darse cuenta que la idea que los inspiró fué casi idéntica. Por otra parte, no hay duda que entre Rodin y nuestros autores teatrales, media un abismo. El primero fué humilde, nunca creyó en los embelecos de la inspiración y sí en el estudio; no quiso ser más que un artesano y se apoyó en los antiguos, mientras los otros todo lo fían a sus extraordinarias facultades y a su más extraordinaria desaprensión por lo ajeno. Calcan de perezosos, pero no plagian, porque para plagiar hay que leer, estudiar.

Florencio Sánchez, por haber bebido ampliamente en la fuente de la gran dramaturgia, les preparó el camino en nuestro ambiente a los Sudermann, Ibsen y otros. Sus obras, con ser nacionales, fueron obras maestras inspiradas en el teatro extranjero.

Examineso la similitud de tendencias, situaciones e ideas que existe entre "Barranca abajo" y "Como le fogile", de Giacosa. Sin embargo, la producción de Sánchez vive tan intensamente como la obra más original.

Plagiemos, entonces, sin miedo. Bernard Shaw, lo hizo en Inglaterra con Shakespeare, aduciendo que había situaciones en esos dramas que necesitaban ser desarrolladas. Plagiemos, pero sin esconder la mano. Comprendamos que no todos podemos ser creadores. Contentémonos con ser artesanos, que en el cuadro de un maestro perfeccionamos ciertos procedimientos.

Pero no hagamos lo que ciertos ladrones, que después de haber saqueado el templo, lo incendian para que no queden rastros... Entonces, aunque parezca paradógico, la escena nacional empezará a regenerarse por la obra de unos cuantos "plagiarios" inteligentes...

BIBLIOGRAFIA

FAHEN, (BANDERAS) en el Volksbühne de Berlin. (Novela dramática en 19 cuadros), por Alfons Paquet.—

Después de treinta y siete años, nuestros camaradas Spies, Parsons, Lingg, Engel y Fischer, cuyos nombres ya se habían borrado de la memoria de muchos de su propia generación y que apenas son conocidos de la generación actual, fueron arrancados repentinamente al olvido. *"Fahnen"* es el ensayo de un dramaturgo alemán capaz de apreciar artísticamente la tragedia del asesinato legal de Chicago de 1887. Digo intencionalmente *ensayo* pues el autor solo logró en parte su propósito de expresar la gran significación social de aquel acontecimiento histórico. En su caracterización de los hombres agarrotados aquel negro viernes del 11 de noviembre de 1887 en el cadalso, ha fracasado completamente.

Si se quiere crear una obra artística de las luchas obreras de 1880-90, de la misión de los anarquistas en ese momento y del crimen perpetrado por los representantes del Estado de Illinois, la primer condición es un conocimiento exacto del objeto y una comprensión simpática de las personas principales que desempeñaron un papel en aquel drama. En el señor Paquet esa condición sólo es dada probablemente en una medida muy mínima. Por esa razón las hondas deficiencias de su obra resaltan de inmediato.

No quiero decir de ningún modo que *Fahnen* carezca de todo valor dramático. Al contrario, soy de opinión que el trozo contiene grandes posibilidades. Pero es necesario un mejor dominio de los acontecimientos de 1886-87 y ante todo más concentración en la exposición. Se podría muy bien suprimir algunas escenas, con lo que la representación ganaría.

Aquellos que no conocen el fondo histórico de la tragedia social de Chicago, pueden considerar el drama en el teatro como una obra artística en la que la descripción de los caracteres individuales y la fidelidad histórica de las personas y de los acontecimientos están expresados impecablemente. Pero para nosotros, que hemos convivido los detalles espantosos del crimen perpetrado en incitación de los barones industriales del Estado de Illinois, y a quienes el choque de las contradicciones económicas y sobre todo el fin de los mártires del gran drama se convirtió en el factor más decisivo de la vida, — para nosotros hay en *Fahnen* algunas falsas notas y muchas dolorosas disonancias.

Tal vez pueda expresar mejor lo que quiero decir, al repetir dos cortos fragmentos que la dirección del *Volksbühne* indica como introducción explicativa del trozo:

"La segregación de personas individuales como "héroes", ha debido ser rechazada; donde son puestas en movimiento las masas, no hay espacio para personalidades exteriores". Y en otro pasaje se lee: "En *Fahnen* no se cantan alabanzas a ningún programa de partido".

Esa interpretación de la tragedia de Chicago es en gran parte responsable de las deficiencias de que padece el trozo. No es que yo vea en el arte un simple medio de propaganda; como tal sólo podría obrar indirectamente. En una vigorosa exposición de la vida y de todas las complicaciones de los conflictos sociales, el arte ofrece siempre una comprensión de esas explicaciones. Pero una cosa es no destacar lo heroico en las personalidades individuales o no cantar ninguna alabanza a un programa político, y otra cosa es emborronar de tal modo el cuadro que deje de ser arte y se convierta en una confusión de sucesos a los que se da una pincelada artística. Hasta un cierto punto, esto se refiere también a *Fahnen*.

Sobre la misión de las masas en el movimiento de las ocho horas está de más toda discusión. Pero el impulso revolucionario de esa lucha lo dieron aquellos hombres que murieron el 11 de noviembre de 1887 en el cadalso. Fueron ellos los que dieron al movimiento de las masas su profundidad social, su idealismo y su inspiración. Spies, Parsons, Lingg, Engel, Fischer y sus camaradas fueron las antorchas en el camino de las masas hacia una nueva vida social sobre la base de la libertad y de la igualdad económica. Y fué justamente aquella filosofía social, fué el anarquismo, lo que movió a la bestia lasciviosa del capitalismo a entregar a la muerte aquellos cinco hombres y a encerrar para toda la vida tras los muros de la prisión a otros tres.

Es imposible que Alfons Paquet no acepte el rol que ha desempeñado el anarquismo en el período de la prisión, en la condena y en el ajusticiamiento de esos hombres. El juez Gary repitió siempre, y el fiscal Grinnell y la prensa servil hicieron resaltar en toda ocasión, que no estaba el movimiento de los ocho horas ante el tribunal, sino el anarquismo. Por el temor y el espanto ante el espectro del anarquismo fué hecha girar la cuerda que se puso al cuello de sus apóstoles. Todo intento de querer confundir ese hecho indiscutible y de hacer aparecer en una luz amortiguada las figuras sobresalientes en ese crimen para destacar más la significación de las masas, es por consiguiente arbitrario, históricamente falso y no es artístico.

Veamos ahora cómo ha concebido el señor Paquet sus caracteres: Spies aparece vanidoso, amanerado y hasta débil en el momento más decisivo; Parsons causa la impresión de un desmañado de buen corazón; Fischer es justamente la figura del rebelde tal como se describe en un periódico de novelas policiales; Lingg, que ha sido la figura dominante del drama de Chicago por su obstinación rebelde, apenas se reconoce. Y sin embargo el señor Paquet sólo habría tenido necesidad de leer los discursos que pronunciaron ante sus jueces los condenados a la muerte, y su firmeza hasta el doloroso fin. Le habría beneficiado mucho la elaboración plástica de sus figuras y su presentación en su verdadera grandeza clásica.

La mayoría de las escenas contienen grandes deficiencias. Por ejemplo la escena del tribunal — la escena más violenta de todo el drama de hace treinta y siete años. En las tablas del Volksbühne esa escena carece de vida y da la impresión de amanerada. Y sin embargo, ¡cuántas posibilidades se habrían ofrecido aquí! ¡Qué fuerzas enormemente dramáticas actuaron en ella! ¡El juez fanfarrón Gary, el fiscal rencoroso, astuto y sin conciencia, el jurado compacto, los testigos aterrorizados y vendidos! ¡Toda la atmósfera preñada de odio y de venganza! Y luego los ocho hombres, en medio de esa negra oleada de las contradicciones y de la muerte, en pié como gigantes, fortalecidos por su idealismo, por sus creencias, por su amor universal a la humanidad. ¡Qué material para un artista dotado de fantasía!

En *Fahnen* esa escena habría podido ser fortalecida por la entrada de Parsons en la arena, después de haber abandonado su seguro refugio para ser devorado por la bestia salvaje. Parsons, con la sencillez infantil de su corazón y la solidaridad profunda del camarada, se entrega al círculo de la muerte para ocupar su sitio en el banco de los acusados, junto a sus hermanos. No se necesita ninguna penetración especial para comprender a la primera ojeada las grandes posibilidades dramáticas de ese momento. Alfons Paquet no supo apreciar esa circunstancia y por consiguiente toda la escena carece de emoción y apenas revela su importancia.

La última escena de *Fahnen* salva a la obra de convertirse en un melodrama. Es la escena del entierro. Los obreros conducen a la tumba a sus queridos muertos. Innumerables banderas, bautizadas con la sangre de las víctimas asesinadas que cubre el camino de la liberación social, se extienden en filas inalcanzables y se confunden finalmente en la luz crepuscular del mañana próximo. El viejo Dietzgen, separado en vida de los asesinados y aproximado a ellos en la muerte, hace penetrar la maldición de los oprimidos en los oídos cobardes de sus calumniadores y anuncia el día de la fraterización humana. Su voz, recibida por la masa inabarcable y acompañada por el ritmo de una música excitante, se eleva más y más con las banderas rojas que ondulan a la roja luz crepuscular. Esa escena es de una fuerza y una belleza arrobadoras.

Y al mismo tiempo es una prueba de que en el señor Paquet existe una vena dramática. Si se quisiera decidir o estudiar fundamentalmente los acontecimientos de 1886-87 y a interpretar bondadosamente las personas más importantes de aquel drama, aún podría hacer de *Fahnen* un gran drama histórico de importancia social y de verdadero valor artístico.

Si se compara la representación de *Fahnen* con la de *Masse Mensch y Konig Hager* en el Volksbühne, se constata muy floja. Lo que sin embargo me interesó más que la representación fué el hecho que una obra como esa pueda ser representada en Alemania. De América, que en la tragedia de 1887 desempeñó la misión del criminal nato, no se puede esperar que soporte a los resucitados. Pero en la mayoría de los países apenas sería posible la representación de una obra como *Fahnen*. Ciertamente la revolución alemana no ha penetrado muy hondo en las esferas de la vida del pueblo, pero sin duda ha fomentado noblemente la libre expresión de las opiniones.

EMMA GOLDMAN

Berlín, junio de 1924.

"Palabras de Renan a un adolescente" — Román Rollan — Ed. Europa — Paris.—

Este último libro de Romain Rolland narra la entrevista que el autor tuvo con Renán en el año 1886, cuando era joven y estudiaba en la Escuela Normal Superior de París.

Renán entonces era ya bastante anciano, pero conservaba la frescura espiritual de un joven. Acogió a Rolland afectuosamente, con toda cordialidad, haciéndole partícipe de sus ideas, contestando a sus preguntas y a sus dudas y dándole consejos. Algunas de sus afirmaciones de aquel lejano tiempo, poseen para hoy un sabor profético.

—Tengo una gran fé sobre la humanidad — dijo, entre otras cosas, al viejo filósofo — pero me inquieta el porvenir de Francia. Los caudillos naturales del pueblo se hallan al margen del movimiento general, y la iglesia poco o nada le enseña a la masa. Esta no tendrá la misma inteligencia de los más cultos, pero en cambio posee el instinto inherente a la raza; es leal y valiente, y si la falta de una severa disciplina que parece causa de

959

870923116

The Emma Goldman Papers

[Interview] "Red Emma" Comes to London / Emma Goldman. – 28 cm. *In* The Daily Express [London]. – (Nov. 10, 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

8723

TO-DAY'S WEATHER.
Mainly Fair.

DON. MONDAY, NOVEMBER 10, 1

YING MORE B

TO

S TO

v. 9.
der of
ne, has
Gari-
'd that
ch in-
istice-
i and
aldi's
ls re-
pal to
g that
ad of
t the
Mus-
li ac-
spon-
ovem-
gestion
ri has
Balbo,
Fascist
me for-
General
a new
known
l adopt
llenge.—
aldi is a
r.
THIS
TO BE
respondent.
y call the
nesday for
ler the Go-
their con-
of the most
o advance
although
between De-
ate of the
the Christ-
rnment will
for the con-
when it meets

"RED EMMA" COMES TO LONDON.

RECEPTION FOR A NOTORIOUS ANARCHIST.

SECRET JOURNEY.

"I SHALL EXPLAIN ON WEDNESDAY."

EMMA GOLDMAN is in London.

She is the "Red Emma," with the "tongue of fire" and the "heart that burns with hate," the "most dangerous woman in the world." She is living in the quietest of back rooms in sedate Regent's Park.

"Red Emma" has only been in London a few weeks. Her presence has been entirely unknown, except to a few chosen souls of anarchy. The High Priestess' official début in England will not be made till Wednesday evening, when there will be a "brilliant gathering of distinguished men and women, including Rebecca West, the Hon. Bertrand Russell, and Edward Carpenter, to welcome and do honour to one who has ever fought strenuously and courageously for ideals of human liberty, and is now seeking asylum in this country."

Emma Goldman.

This woman has propagated the gospel of anarchy in almost every country in the world. She went to America many years ago, and in 1917 was indicted for conspiracy against the United States Government. She was sentenced to a fine of £2,000, two years' imprisonment, and deportation.

DISILLUSIONED.

On her release in 1919 "Red Emma" was deported in the "Red Ark," with 250 other Soviet deportees. She did not stay long in Russia under Soviet rule, but she was there long enough to be

NEW E
M
SUSPEC
A sensa
Forfurshir
terday wh
Dr. Little
sic Medic
visited th
the myste
Nicol, a d
Mr. Nic
ber 25. P
and a port
seat for
was exhu
further po
analysis.
to St. Cyr
been mar
a widow.
GOLD
FIND
M
Workm
Chinese
Melbourn
heart of
gets we
ounces.
The fi
citement
pegged
lodged f
Possib
similar
days.—E
AUS
STRIK
"Dail
The
State ra
only tw
a danger
lor. Dr.
Ministers
meeting
stated fr
restoratio
to the str
The Ca
would

d that
ch in-
istice-
i and
aldi's
ls re-
pal to
g that
ad of
t the
Mus-
li ac-
spon-
ovem-
gestion
ri has
Balbo,
Fascist
me for-
General
a new
known
l adopt
llenge.—
aldi is a
r.
THIS
TO BE
respondent.
y call the
nesday for
ler the Go-
their con-
of the most
o advance
although
between De-
ate of the
the Christ-
rnment will
for the con-
when it meets

ERS.

returns to-day
e has spent the
to the Governo-
l Mayor's Guild-
his list of minor
appointments
rrow
remains to be
in was credited
ntion of includ-
General, a post
illiam Mitchell-
f Crawford is
ommissioner of
uglas King as
rally.
s suggested as
y of Lancaster,
that as Under-
Scotland
l Birkenhead is
tate in the House
on may be regu-
ment of Lord Lu-
retary for Foreign
ising Sir Samuel
ge.
Wholl, who has taken
n education questions
ikely to be Parliamen-
o the Board of Educa-
ill speak this afternoon
Club E. J.

'ORTSMAN" SOLD.

CORPORATED IN THE PORTING LIFE."

Press, Ltd., the proprietors
orting Life," announce that
equired the copyright of
man" newspaper and its
publications and news
sman," which has been
fty-nine years, will co
ts

ANARCHIST.

SECRET JOURNEY.

"I SHALL EXPLAIN ON WEDNESDAY."

EMMA GOLDMAN is in London.

She is the "Red Emma," with the "tongue of fire" and the "heart that burns with hate," the "most dangerous woman in the world." She is living in the quietest of back rooms in sedate Regent's Park.

"Red Emma" has only been in London a few weeks. Her presence has been entirely unknown, except to a few chosen souls of anarchy. The High Priestess' official début in England will not be made till Wednesday evening, when there will be a "brilliant gathering of distinguished men and women, including Rebecca West, the Hon. Bertrand Russell, and Edward Carpenter, to welcome and do honour to one who has ever fought strenuously and courageously for ideals of human liberty, and is now seeking asylum in this country."

Emma Goldman.

This woman has propagated the gospel of anarchy in almost every country in the world. She went to America many years ago, and in 1917 was indicted for conspiracy against the United States Government. She was sentenced to a fine of £2,000, two years' imprisonment, and deportation.

DISILLUSIONED.

On her release in 1919 "Red Emma" was deported in the "Red Ark," with 250 other Soviet deportees. She did not stay long in Russia under Soviet rule, but she was there long enough to be entirely disillusioned about the methods of the Russian Communists, whom she proceeded to denounce.

Emma Goldman discovered in this Utopian Russia "despotism in the highest degree—torture, murder, misuse of power" to an extent which she had not thought possible. So she retired to Berlin, where she was allowed to stay for a short period on sufferance.

"Who told you where to find me?" demanded Emma Goldman when a "Daily Express" representative called on her yesterday morning at Regent's Park. "Red Emma" is neither as fierce as she sounds nor as she is reputed to be. She can smile benignly. You might almost take her for a school mistress but for a certain twinkle behind her thick spectacles. Her hair is greying now, but her figure and her movements show vigour

EXPLANATIONS.

"I am not saying anything till Wednesday evening," she declared. "My presence here in London is not supposed even to be known just yet. On Wednesday I shall make all the statements that are necessary to explain my purpose and motive in coming to England."

Emma Goldman claims to be a naturalised American. In 1901 she was accused of being the instigator of the attempted assassination of President McKinley by a man named Leon Czolgosz. "She set me on fire. Her doctrine that all rulers should be exterminated set me to thinking so that my head nearly split with the pain. Miss Goldman's words went right through me," was Czolgosz's cry when he was arrested.

BRIGHTON TRAIN MISHAP.

PASSENGERS FLUNG FROM TH

visited the
the myster
Nicol, a de
Mr. Nic
ber 25. P
and a port
sent for e
was exhum
further por
analysis.
to St. Cyr
been marr
a widow.
GOLD
FIND I
M
Workme
Chinese R
Melbourn
heart of
gets wea
ounces.
The fin
citement
pegged o
lodged fo
Possib
similar
days.—E
AUS
STRIK
"Dail
The
State ra
only two
a danger
lor. Dr.
Ministers
meeting
stated fr
restoratio
to the str
The Ca
would b
State's
foreign
persist in
The str
German
put Aust
of disord
Powers
but to g
Germany
The re
would
foreign
dence in
A Re
land po
suspend
motor-c
THE
LADY
"D
The
after
Theati
largely
Coopn
and
turn
perso
dual
It
mant
the th
will g
land
cars w
thou
most
Americ

BEST COPY AVAILABLE

810519747

The Emma Goldman Papers

[Speech, Against the Bolshevik Regime, London] / Emma Goldman. – [1924 Nov. 12, draft]. – 4 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Emma Goldman Papers, Rare Books and Manuscripts Division.

Mr Chairman. Friends.

I am sure you are my friends. What other reason than friend ship would have brought you here to welcome one discribed so lutidly in one of your morning papars as "dangerous".

Barring those who came for copy you are here because you want tomake me feel at home in a strange land. I am very grate ful to your kind generous response. It is sucha wonderful feeling to know that one is not alone, that one has friends.

You will want to know just why I came to England and what I mean to do. You see I still believe in your tradit ion ofthe sacred right of asylum for political refugeese. I am quite aware of the havoc the war has plaied with many of the great librarian achievemnts in every country, I know how rampant reaction is everywhere. Yet I like to believe that English men and women still hold high some of their libertarian treasures- the formost among them being hospitality to the worlds exiled political thinkers and dreamers. One has but to recall the names of a few who have in the past found a home here. Mazzini, Marx, Kropotkin and their fellow exiles from all parts of the earth. It cannot be thatth old spirit is no more- that those of us who have been sent adrift by the old autocratic forces in new garb shall find less hospitality than those who came to your shores many years ago.

Need I assure you that in coming here I have no intention of "doing away with all rulers, or in bringing about general distruction". How can I hope to compete with the dis truction and violence carried on by organized authority in the world to day? I dislike work inefficiently done. I feel that those in power today are experts in distruction and violence even if they fail in other lins. I therefore, leave this job to them. I have other work in mind. I can best explain some of that work in the term applied to me by the sergeant who registered me at the Bow St police station.

810519747

The Emma Goldman Papers

[Speech, Against the Bolshevik Regime, London] / Emma Goldman. – [1924 Nov. 12, draft]. – 4 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Emma Goldman Papers, Rare Books and Manuscripts Division.

He asked what I intended to do in England. I told him literary work. " I see said the oficer. " Have you a permit from the Ministry of Labor?" I replied thatmy ork depended more on ability than permission, but that in any event I had not intention of takingany one's job away. My work will consist to a large extent in getting material in the British Museum for a book on"Creative Women" And in looking up the various efforts alogg new cultural lines in England. The good man looked at me quite puzzled at first. Then it seemed to have dawned on him. " I know, you are a student" Now wasn't it nice of him to think me young enough to be a student? I must say I never found the police in dear old America quite so comprehensive — and flatteringg.

It is true that I want to study the social and cultural gropings and strivings in this country and to write about them. Unfortunately I am not quite as imaginative as some writers who come to a country for a brief period and then write big bonks about all the complex issues. It took me two years in Russia to find out my grievious mistake that the ruling power was articulate of the Russian Revolution. And I spent two and half years in Germany to come close to the new undercurrent at work there. I hope I can remain in England long enough to be able to speak authoritavely about the new thinggs that her men and woemn are doing.

Of course this work is not of the moment. There is one however to which I mean to devote my intimate attention. It is the new religious superstition which is clounding some of the finest minds- the superstition that the ruling power in Russia is ~~articulating~~ voicing the ideals and aspirations of the the Russian people raised to the very summit in the Russian Revolution. This superstition has already sown disintegration and disruption in the whole labor world. But more than that it has turned peoples hearts into stones. How else is o ne

810519747

The Emma Goldman Papers

[Speech, Against the Bolshevik Regime, London] / Emma Goldman. – [1924 Nov. 12, draft]. – 4 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Emma Goldman Papers, Rare Books and Manuscripts Division.

one to account for the callous indifference to the appalling conditions of Russian politicals in Soviet prisons and concen tration camps? I am not going to mar your evening by a recital of them. The newest Bulletin giving the terrible facts and issued by the Berlin Committee for the Defense of Revolutionists imprisoned in Russia will be gievn you later in the evening I hope fervently it may arouse you to action.

Eighteen years a go it was Peter Kropotkin who who appealed to the English people, in fact to the whole world in behlaf of the Tsars vicitms. He wrote "The Terrors under the Tsar" a burning indictment of that period. Alas, the Grand old man is no longer with us, and there seems to be no one else of his brain and heart to do what he would most assuredly have done now as he did then, to speak and write against the terror going on in Russia under the new regime. Well, while I do not have Peter Kropotkins great personality and intellect ual quality, I hope I do have his sense of justice. And it is this sense which impells me to take up the cause of countless numbers slowly being done to death in Russia.

In doing so I realize what is awaiting me. I know I shall be burned in oil by the followers and friends of Moscow, I shall be denounced as a counter revolutionist, in the employ of the Whties. On the other hand, I shall most probably be hailed by the reactionary elements. But neither the one or the other can stop me from my determination to aritcualte the dumb misery and sufferigg ofRussia's politicals. My criticism of the regime which is in absolute controle over life and death of the Russian people is from quite a different angle than that of most of its opponants therefore must needa come to different con clusions. Now, whether my conclusions are right or wrong, I know my criticism is based on facts, on the rsult of two years earnest observation and study which I hope to be able to lay before the liberty loving men and women of this country. I feel confident that

810519747

The Emma Goldman Papers

[Speech, Against the Bolshevik Regime, London] / Emma Goldman. – [1924 Nov. 12, draft]. – 4 p. ; 29 × 22 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Emma Goldman Papers, Rare Books and Manuscripts Division.

have examined
when they hear the facts they will be able to understand the
distinction which exists between the aims of the governing
class in Russia, and the people who alone made the Revolution.
This understanding is of utmost moment to all of us, who believe
in fundamental changes in the life and work of the masses.
And understanding they may again be willing to listen to
the agonized cry that comes from Russian prisons, from the
the dreadful Solovky, and from all the remote and desolate
regions now the living grave of men and women who refuse to
hitch their ideal to the red star of Bolshevism. In this aim
I hope to have your cooperation and support.

Emma Goldman
London. Nov. 12/24

870923122

The Emma Goldman Papers

[Speech, Against the Bolshevik Regime, London] / Emma Goldman.— [1924 Nov 12].— 4 p. ; 32 × 20 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

EG speech at dinner given in London 1924

8730

My Chairman. Friends.

I am sure you are my friends. What other reason than friend ship would have brought you here to welcome one discribed so luridly in one of your morning papers as "dangerous".

Barring those who came for copy youare here because you want tomake me feel at home in a stragge land. I am very grate ful to your kindly generous response. It is sucha wonderful feeling to know that one is notalone, but one has friends.

You will want to know just why I came to England and what I mean to do. You see I still believe in your tradit ion ofthe sacred right of asylum for political refugeese. I am quite aware of the havoc the war has plaied with many of the great librarian achievements in every country, I know how rampant reaction is now everywhere. Yet I like to b believe that English men and women still hold high some of their historic libertarian treasures- the formost among them being hospitality to the worlds exiled political thinkers and dreamers. One has but to recall the names of a few who have in the past found a home here. Mazzini, Marx, Kropotkin and their fellow exiles from all parts of the earth. It cannot be thatth old spirit is no more- that those ofus who have been sent adrift by the old fox autocratic forces in new garb shall find less hospitality than those who came to your shores many years ago.

Need I assure you that in coming here I have no intention of "doing away with all rulers, or in bringing about general distruction". How can I hope to compete with the dis truction and violence carried on by organized authority in the world to day? I dislike work inefficiently done. I feel that those men in power today are experts in distructi on and vilence evenif they fal in other lins I therefore leave this job to them. I have other work in mind. I can bestexplain some of that work in the term applied to me by the sergeant who registered me at the Bow St police staton.

BEST COPY AVAILABLE

870923122

The Emma Goldman Papers

[Speech, Against the Bolshevik Regime, London] / Emma Goldman.— [1924 Nov 12].— 4 p. ; 32 × 20 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

He asked what I intended to do in England. I told him literary work. " I see said the oficer. " Have you a permit from the Ministry of Labor?" I replied thatmy ork depended more on ability than permission but that in any event I had not in tention of takingany one's job away. My work will consist to a large extent in getting material in the British Museum for a book on"Creative Women" And in looking up the various efforts alogg new oultural lines in England. The good man looked at me quite puzzled at first. Then it seemed to have dawned on him. " I know, you are a student" Now wasn't it nice of him to think me young enough to be a student? I must say I never found the police in dear old America quite so comprehensive and flatterigg.

It is true that I want to study the social and cultural gropings and strivings in this country and to write about them. Unfortunately I am not quite as imaginative as some writers who come to a country for a brief period and then write big bokks about all the complex issues. It took me two years in Russia to find out my grievious mistake, that the ruling power was articulate of the Russian Revolution. And I sepn spent two and half years in Germany to come close to the new undercurrent at work there. I hope I can remain in England long enough to be able to speak authoritavely about the new thiggs that her men and women are doing.

Of course this work is not of the moment. There is one however to which I mean to devoted my immidiate attention. It is the new religious superstition which is clounding some of the finest minds- the superstition that the ruling power in Russia is varying the ideals and aspirations of the the Russian people raised to the very summit in the Russian Revolution. This superstition has already sown disintegration and disruption in the whole labor world. But more than that

BEST COPY AVAILABLE

870923122

The Emma Goldman Papers

[Speech, Against the Bolshevik Regime, London] / Emma Goldman.— [1924 Nov 12].— 4 p. ; 32 × 20 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Emma Goldman Archive.

one to account for the callous indiference to the appalling conditions of Russian politicals in Soviet prisons and concen tration camps? I am not going to mar your evening by a recital of them. The newest Bulletin giving the terrible facts and issued by the Berlin Committee for the Defense of Revolutionists imprisoned in Russia will be gievn you later in the evening I hope fervently it may arouse you to action.

Eighteen years a go it was Peter Kropotkin who who applealed to the English people, in fact to the whole world in behlaf of the Tsars victims. He wrote The Terrors under the Tsar" a burning indictment of that period. Alas the Grand old man is no longer with us, and there seems to be no one else of his brain and heart to do what he would most assuredly have done now as he did then, to speak and write against the terror going on in Russia under the new regime. Well, while I do not have Peter Kropotkins great personality and intellect ual quality I hope I do have his sense of justice. I mean to And it is this sense which impells me to take up the cause of countless numbers slowly being done to death in Russia.

In doing so I realize what is awaiting me. I know I shall be burndd in oil by the followers and friends of Moscow, I shall be denounced as a counter revolutionist, in the employ of the Whties. On the other hand, I shall most probably be hailed by the reactionary elements. But neither the one or the other can stop me from my determination to aritcualte he dumb misery and sufferingg ofRussia's politicals. My criticism of the regime which is in absolute controle over life and death of the Russian people is from quite a different angle than that of most of its opponents therefore must needs come to different con clusions. Now whether my conclusionns are right or wrong I know my criticism is based non facts, on the rsult of two years earnest observation and study which I hope to beable to lay before the liberty loving men and women of this country. I feel confident that

BEST COPY AVAILABLE

870923122

The Emma Goldman Papers

[Speech, Against the Bolshevik Regime, London] / Emma Goldman.– [1924 Nov 12].– 4 p. ; 32 × 20 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History.
Institutional Location: Emma Goldman Archive.

8733

4.

Today they will see at once the
gap which exists between the
aims & methods of the governing
class & that of the Workers
who alone made the Revolution.
Their misunderstanding of the
most important events in Russia
& the criminal blunders of
the present Russian regime
are not to be repeated
elsewhere - the original idea
that a small political group
can force a whole people &
build a new social structure
since the Russian situation
is really understood, they
now coming out of Russia
Workers - out of the Factories
Soviets & the deserted Villages
in scathe will I am sure
find an echo in your hearts
and a warm response - as the
desperate cry of the oppressed
always does but must.

With in the work I want to
do, and in which I hope to have
your co-operation & support

Emma Goldman
London. Nov. 12/24.

BEST COPY AVAILABLE

831115209

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] Emma Goldman on Russia / Emma Goldman. – 32 cm. *In* The Daily Herald [London]. –[(Nov.? 13?, 1924?)].

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The Houghton Library, Harvard University.

column one of this page, was ca... Nafalgar Square on Sunday, when it w... ...ued up b...

...TE

EMMA GOLDMAN ON RUSSIA

...t"

Campaign Against the Soviet

Daily Herald

TRUTH FIRST

Miss Emma Goldman, the most prominent figure in the Anarchist Movement, was the guest of honour at a dinner in Anderton's Hotel, London, last night, when there was a large attendance, including many notable men and women in art, in literature, and in the trade union world.

Miss Goldman received yesterday in London a communication from the Commissioner of Emigration of America informing her that she was barred from re-entering that country for ever.

In her speech, this little woman, who did 12 months' imprisonment for making a speech on behalf of starving American women cloak-makers on strike, made it clear that if permitted to stay in this country as a political refugee she intends to set out on a vigorous campaign directed against the present Government in Russia.

"The party in power there," she declared, "is emasculating the Revolution and slowly undermining the best in Russia.

"It is my purpose to disclose the facts to liberty-loving men and women in England, so that they, too, will raise their voices against persecution and prosecution of men, of women—aye, and even of children—because they will not hitch their ideals to the red star of the Bolsheviks.

A TRUE REVOLUTIONIST

"My criticism of the Russian system is from a Revolutionary point of view.

"My quarrel with the Bolsheviks is not that they are revolutionary, but because they are not revolutionary at all.

"A revolutionist is one holding high ideals and who instils them into the hearts of others."

When she had mentioned her intentions to friends, she went on, they had said it would be playing into the hands of the reactionaries. What did that matter?

Truth only mattered. Unless the world understood the Russian situation and the cruel blunders and mistakes made in the last seven years, other countries were likely to have a repetition of them.

They must not deceive themselves or go to sleep, because the Communists were not very powerful in England.

It did not require many to destroy things. It required a great many to build up something.

There was no liberty in Russia today, and the principles of liberty and beauty were the two most essential things in human life and in society.

Colonel Josiah Wedgwood, M.P., who presided, proposing the toast of the evening, described Miss Goldman as one of America's greatest speakers and workers. She had led the movement for 34 years, and now she was a refugee. He expressed the hope that she would be permitted to carry on her rousing work for individual liberty.

AFTER THE TRIAL

Gloucester Presentation to Dr. Hadwen

On behalf of 2,000 citizens, a cheque for £224 7s. 4d. was, at a mass meeting at Gloucester, last night, presented to Dr. Walter Robert Hadwen, the well-known anti-vaccinationist and anti-vivisectionist, who was recently tried at the local assizes on a charge of manslaughter, and was acquitted. Dr. Hadwen, who received a tremendous ovation, in replying, said he was amazed by the number of telegrams and cablegrams he had received from every part of the world congratulating him on his acquittal. He tried to ernest... ...d in a...

...ed by ...n of ...ecture ...ociety ...d the ...t into ...r the ...fluen... ...quisi... ...rcum... ...y im... ...r En... ...rcare ...de of ...n any ...high ...upper ...h-rate ...icted, ...dustin ...quite ...would ...n the ...to a ...S ...aby ...own ...s of ...yes... ...much ...ontet ...aders ...the ...the ...be ...of ...n. ...of ...hen ...ex... ...he ...ice ...are ...ry ...ce ...re ...as ...or ...e... ...l, ...3 ...r ...t

...Mr. He... ...tor, of Ch... ...other ap... ...House P... ...connection ...mons all... ...amounting ...Peter D... ...John Fent... ...statement v... ...from time ... ...had been d... ...been draw... ...own purpo... ...knew of it n...

...Mr. Thom... ...Eustace Ful... ...at the Grove... ...that the Ass... ...to the benefit ...on those pres... ...lection that ...the board th... ...met by the m...

...Mr. Fulton ...Fenton had ... ...on account of ...personal accom...

...He (Mr. Tho... ...Fenton was in ...in the first wee... ...moment was ... ...Fenton alone ... ...the first time I...

...Mr. Fulton: ...spite of that v... ...draw upon the ...for his own pu... ...tion?—No.

...Do you know ...between himself ...owed on May 29...

...Do you know ...created by A... ...£421,717?—I kno...

...The hearing ... ...November 21.

HATCHE...

Silent Husba... for

...Following the di... ...in a bedroom at H... ...battered in, and h... ...nelius Hines (27), ...charged with the wi... ...wife, Lilian Mary ...

...It was stated tha... ...married for six year... ...happily together unti... ...trouble arose over a ... ...added that Hines ha... ...up before anyone kne... ...been committed.

...Medical evidence in... ...woman was first felled ... ...and then repeatedly w... ...razor, some of the wo... ...flicted after death.

...Hines, who sat in s... ...out the proceedings, r... ...ment of any kind, and ...for trial at York Assize...

"MARLIN-SPIKE...

Man Who Used ... Constable Fin...

...Known as "the man w... ...glove," George Lindsay ... ...of Haverstock-hill, ...charged, on remand, yeste... ...Willesden Court with ... ...constable, and with being ...person.

...At the previous hearing ...ted ... ...w...

BEST COPY AVAILABLE

969

850806109

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] Woman Anarchist in New Role / Emma Goldman.– 29 cm., *In* The Westminster Gazette. –[(Nov. 13?, 1924)].

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Yale University Library. Institutional Location: Harry Weinberger Papers, Department of Manuscripts and Archives.

Westminster Gazette

WESTMI

EMMA GOLDMAN SAYS SHE CAN COME TO U. S.

N.Y. World Nov 13/1924

But She Won't, Except on Her Own Terms, Welcoming Britons Told.

LONDON, Nov. 12.—(Associated Press).—Emma Goldman, who was deported from the United States in 1919 as an undesirable alien and who now seeks asylum in England, was welcomed by 300 Britons to their country at a dinner given in her honor to-night.

"I have not made any attempt to return to America, but I have been approached more than once by representatives of the United States Government as to whether I would like to go back to the United States on certain terms," she said.

"They don't know Emma Goldman. If I go back to the United States I will demand that all political deportees have a right to return there. If I ever go back to the United States it will be on my own terms."

Miss Goldman began her speech by saying she had come to England seeking one of this country's traditional liberties—the right of asylum. Bertrand Russell held out little hope that she would receive it.

WOMAN ANARCHIST IN NEW ROLE.

VIGOROUS ATTACK ON BOLSHEVISM.

PERSECUTION OF THE MASSES.

Strange are the tides in the affairs of men—and women.

Emma Goldman—an Anarchist and anti-militarist, who has suffered imprisonment for her principles; a deportee from the United States following her anti-war activity; an exile in Europe and a seeker of asylum in this country—appeared in a surprising role at a dinner held in her honour at Anderton's Hotel, Fleet-street, last night: that of an insurgent denunciator of the Soviet rule of her native Russia.

A matronly figure in black, with stubborn determination manifest in her heavy-featured face, she spoke in resonant language. Why was she seeking asylum in England?

"I have come to throw light on the Russian situation," she said. "The masses have been silenced as they never were under the Czar. I want to voice the tragic fate of the thousands of men and women in the prisons and concentration camps of Soviet Russia.

The Soviet Myth.

"I want to appeal to the consciences of the men and women of England to protest against this persecution. Nothing that reactionaries here may say about me, or the friends of Soviet Russia may do, will deter me from my purpose.

"I want to emancipate men and women from the Soviet myth which has confused the Russian revolution with the party in power. Do not delude yourselves because the Communists in England are not many. It does not require many people to destroy; it takes many to build up. Bolshevism is an international disease."

She still believed, she said, that political asylum would be maintained in England. There was a challenge in her voice as she added: "If not, I hope that you here to-night, and your friends, will make yourselves heard sufficiently to rescue the right of asylum from the clutches of——" The word was lost in applause.

Tributes to her work were paid by Colonel Josiah Wedgwood, who presided, Mr. Bertrand Russell, Miss Rebecca West, Mr. W. C. Owen, and Mme. Malmberg.

Mr. Russell cited China as evidence that all Government was in itself an evil, and people lost less from brigandage there than we did in income tax.

Sir William

LEEDS UNITED F.C. MAY DISBAND.

BEST COPY AVAILABLE

970

850515017

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] Emma Goldman in Her New Role / Emma Goldman.— 29 cm. *In* The New York Times. —(Nov. 13, 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

BALDWIN CABINET HOLDS FIRST MEETING

Members Appear Resplendent in Silk Hats Despite Mist and Drizzling Rain.

LONDON, Nov. 12 (Associated Press). —An overcast sky, drizzling rain and mist marked the first meeting at Downing Street today of Prime Minister Baldwin's Cabinet, which assembled to discuss and to frame the statement of policy which will appear in the King's address on the opening of Parliament.

The drab wetness was to some extent offset by the resplendent attire and silk hats which the members of the Cabinet, almost without exception, wore for the occasion, presenting a striking contrast to the every-day working attire adopted by the members of the Cabinet of the Labor Government.

The steps taken by its leaders toward overhauling the Liberal Party, which suffered badly in the last elections, are not viewed with entire favor by those in the party ranks.

About 100 Liberal candidates who were defeated in the recent polling met yesterday to talk over the situation. The candidates criticized the constitution of the committee of experts which Mr. Asquith, the party leader, announced last Monday was working to meet the need for an overhauling of the party "from top to bottom."

Particular criticism was directed against the inclusion in this committee of some members whom the candidates regarded as largely responsible for the poor organiztion which is blamed for the Liberal collapse. Demand was made for wider representation and the appointment of independent investigators on the committee. The "compact" with the Conservatives, by which three-cornered fights were averted in some constituencies to assure defeat of Laborites, was roundly condemned.

BROWN SENIOR WEDS HYACINTH SUTPHEN

F. T. Bowers, Rhodes Scholarship Candidate, and Smith College Student Marry Secretly.

Special to The New York Times.

PROVIDENCE, R. I., Nov. 12.—The marriage on Armistice Day in New York at St. Ignatius's Church of Fredson Thayer Bowers, a Brown University senior of 19 years and Miss Hyacinth A. Sutphen, daughter of Mr. and Mrs. John S. Sutphen of New York, became known on the campus today after rumors of the wedding had been circulated since Monday night.

The bridegroom, who is one of four candidates for the Rhodes scholarship from Rhode Island, has announced his intention to return from Hot Springs, Va., where the couple are spending a short honeymoon, to his fraternity house to resume his studies.

The wedding was arranged with the utmost secrecy, the only person at the

EMMA GOLDMAN IN HER NEW ROLE

Starts in London Her Campaign for Oppressed Russians Against the Bolsheviki.

DENOUNCES RED METHODS

Says She Has Discovered Under Communism That It Is Easy to Destroy, Hard to Build Up.

LONDON, Nov. 12 (Associated Press). —Emma Goldman, who was deported from the United States in 1919 as an undesirable alien and now seeks asylum in England, was welcomed by 300 Britons to their country at a dinner give in her honor tonight.

Miss Goldman has spent a considerable part of her exile in Russia, and tonight she excoriated Russia's Soviet Government. She also declared that if she ever went back to the United States it would he on her own terms.

The oppressed masses in Russia, she said, were being silenced as they never were under the Czar, and all ideals had been discredited by the ruling forces in that country. Bolshevism she characterized as an international disease, and she promised to fight hereafter, wherever she might be, for the principles of liberty, which were the most essential things in human life.

The dinner at which she spoke was presided over by Colonel Josiah Wedgewood, a member of the Cabinet in the late Labor Government, and tribute was paid to her in specches by Bertrand Russell, who called her "one of the foremost friends of freedom in the world," and Rebecca West, the writer, who praised her courage in "climbing down" after she had been disillusioned in her two years' stay in Russia.

"We are very grateful to America," remarked Miss West, "for the loan of Emma Goldman."

"A cable came tonight," said Miss Goldman, "from the head Immigration Commissioner of the United States, which says I have been barred from the United States forever. Forever is a long time, and it shows that the authorities in the United States are just as stupid as they were when I left five years ago.

"I have not made any attempt to return to America, but I have been approached more than once by representatives of the United States Government as to whether I would like to go back to the United States on certain terms.

"They don't know Emma Goldman. If I go back to the United States I will demand that all political deportees have a right to return there. If I ever go back to the United States it will be on my own terms. I think there is going to be a change in the United States, too, some day, just as there will be elsewhere. It may not be in my lifetime. But what difference does it make whether I go back or others? Some day it will

POSED AS AN AMERICAN IN EUROPEAN EXPLOITS

German Then Tried to Pass as a Famous War Ace Only to Blunder Into a Family Reunion in Berlin.

By T. R. YBARRA.

Copyright, 1924, by The New York Times Company.

Special Cable to THE NEW YORK TIMES.

BERLIN, Nov. 12.—"I pretended to be an American" was a sentence that continually bobbed up in a story told in court yesterday by a man who is accused of swindling and says he is Baron von Egloffstein, of a noble German family. It is said that his real name is Oerthel.

The accused sought to explain away the charges brought against him by alleging that he had no criminal leanings, but merely got himself continually into embarrassing scrapes because he loved adventure. His "adventures" constantly led him to palm himself off as an American.

Shortly after the armistice he declared that he was sent from Germany to see Marshal Foch regarding the exchange of prisoners, on which occasion he posed as an American. Later he went to Bucharest, armed with a diplomatic passport, and again in the guise of an American.

He so impressed the Rumanians that, he declares, they received him with a cavalry escort.

Then he told how he tried to engineer the escape from Hungary of the famous German General von Mackensen at the close of the war. This also necessitated his passing as an American. But later, when he appeared at Frankfurt-on-Main in an automobile flying an American flag, the German Reds, who controlled Frankfurt for the time being, refused to believe the stories of his Americanism and kept him a prisoner for four months.

These are only a few of the yarns with which Egloffstein—or Oerthel—regaled the court. The gravest doubts were aroused as to his veracity, but he continued his narrative unabashed. He created the impression that even if he were not Baron Egloffstein he might certainly carry the title of Baron Munchausen.

Once, he said, he varied his usual procedure and posed as Baron von Richthofen, the celebrated German ace.

But it would have been better for him if he had stuck to impersonating Americans, for he went to a hotel in Breslau while pretending to be Richthofen and there stumbled upon the Richthofen family reunion, attended by about thirty of them.

"This is no place for me," said "Baron von Richthofen," as he beat a retreat to another hotel.

TRENTON STOPS HUNT FOR THE ERICSSON

Captain Tells Department Motor Yacht Cannot Be Found in the North Atlantic.

WASHINGTON, Nov. 12.—Convinced that further search in the North Atlantic for the missing American motor yacht

850515017

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] Emma Goldman in Her New Role / Emma Goldman. – 29 cm. *In* The New York Times. – (Nov. 13, 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

T. T. Bowers, Rhodes Scholarship Candidate, and Smith College Student Marry Secretly.

Special to The New York Times.

PROVIDENCE, R. I., Nov. 12.—The marriage on Armistice Day in New York at St. Ignatius's Church of Fredson Thayer Bowers, a Brown University senior of 19 years and Miss Hyacinth A. Sutphen, daughter of Mr. and Mrs. John S. Sutphen of New York, became known on the campus today after rumors of the wedding had been circulated since Monday night.

The bridegroom, who is one of four candidates for the Rhodes scholarship from Rhode Island, has announced his intention to return from Hot Springs, Va., where the couple are spending a short honeymoon, to his fraternity house to resume his studies.

The wedding was arranged with the utmost secrecy, the only person at the university who knew of the plan being a close friend and classmate of the bridegroom who acted as best man. When Bowers left his fraternity house Monday, saying he was going to New Haven, his announcement was regarded with skepticism, and a few of his fraternity brothers, believing he was going to be married, showered him with rice.

Their theory was confirmed by the receipt of a wedding announcement today. Bowers is an honor student, having made Phi Beta Kappa in his junior year. He won preliminary honors in his freshman and sophomore years. He is editor-in-chief of the Brown Daily Herald and leader of the university Glee Club.

Miss Sutphen is a student at Smith College and a member of the Daughters of the American Revolution. Her parents, Mr. and Mrs. John Schureman Sutphen live at 311 West Seventy-second Street.

BRITAIN WILL REOPEN MEXICAN PARLEYS

New Cabinet to Investigate Without Taking Steps to Recognize Republic.

LONDON, Nov. 12 (Associated Press).—One of the first acts of the new Conservative Administration is expected to be the reopening of a complete investigation of the relations between Great Britain and Mexico.

The attitude of the Cabinet, as a consequence of the successful suppression of the De la Huerta revolution and the desire for a resumption of relations by commercial organizations, is said in well-informed quarters to be friendlier than that of the Labor Government at the time of the visit here last March of Señor Rafael Nieto.

Foreign Minister J. Austen Chamberlain is expected to appoint a committee to investigate the relations of the two countries since the Carranza régime, when Great Britain withheld recognition. While it is considered improbable that any advances will be made by England, the investigation will enable the Cabinet to take a definite stand on the question and be prepared for future developments.

Marquis Curzon, former Secretary of State for Foreign Affairs, and former Premier MacDonald after him, decided that recognition negotiations could not be opened until the question of com-

after she had been disillusioned in her two years' stay in Russia.

"We are very grateful to America," remarked Miss West, "for the loan of Emma Goldman."

"A cable came tonight," said Miss Goldman, "from the head Immigration Commissioner of the United States, which says I have been barred from the United States forever. Forever is a long time, and it shows that the authorities in the United States are just as stupid as they were when I left five years ago.

"I have not made any attempt to return to America, but I have been approached more than once by representatives of the United States Government as to whether I would like to go back to the United States on certain terms.

"They don't know Emma Goldman. If I go back to the United States I will demand that all political deportees have a right to return there. If I ever go back to the United States it will be on my own terms. I think there is going to be a change in the United States, too, some day, just as there will be elsewhere. It may not be in my lifetime. But what difference does it make whether I go back or others? Some day it will be a noble place, where all will work for the good of their fellowmen. There will be real freedom, economic, social and humanitarian freedom, the most valuable thing in the world. What are privileges if you do not have liberty?"

Miss Goldman began her speech by saying she had come to England seeking one of this country's traditional liberties—the right of asylum.

Bertrand Russell held out little hope that she would receive it. He said that during the régime of the Conservative Government which preceded the Labor Government he had approached the Foreign Office, seeking asylum in England for Miss Goldman; but the Foreign Office "turned her down indignantly."

Tonight Miss Goldman asked her audience in case she was expelled to make themselves heard sufficiently "to rescue the right of asylum from the clutches of the enemy."

Then she continued: "I have come here to throw some light on Russia. I know the Russian situation better than most people who have written about it. I know the language. I spoke for two years with people high and low, and I have come out to speak for the oppressed masses of Russia, silenced as they never were under the Czar.

"It is superstition that confuses the revolution with the ruling party of today. There are thousands in prisons and concentration camps in Russia, not for opposing the Government, but for opinion's sake. To call the present Soviet Government a workers' experiment is the most preposterous lie ever told. The party in power has emasculated the revolution; it is slowly undermining all that is best in Russia.

"My cause against the Bolsheviki is not that they have been too revolutionary but that they are not revolutionary enough. The Russian Bolsheviki are the arch counter-revolutionaries of the world. For what is revolutionary that does not hold high ideals? All ideals have been discredited in Russia.

"The time has come when silence on the Russian situation makes you a party to the crimes which are being committed there. Unless you understand the mistakes of Russia in the past seven years it is likely there will be repetitions elsewhere.

"One hears remarks that the Communist Party is so small in Great Britain. Remember, it does not require many people to destroy things, but it takes a great many people to build things up."

HUGHES'S RETIREMENT HOPED FOR IN RUSSIA

It Would Indicate Possibility of

hofen, the celebrated German spy.

But it would have been better for him if he had stuck to impersonating Americans, for he went to a hotel in Breslau while pretending to be Richthofen and there stumbled upon the Richthofen family reunion, attended by about thirty of them.

"This is no place for me," said "Baron von Richthofen," as he beat a retreat to another hotel.

TRENTON STOPS HUNT FOR THE ERICSSON

Captain Tells Department Motor Yacht Cannot Be Found in the North Atlantic.

WASHINGTON, Nov. 12.—Convinced that further search in the North Atlantic for the missing American motor yacht Leif Ericsson would be "futile," the cruiser Trenton has decided to abandon the search.

Captain Kalbfus informed the State Department in a wireless message today that in view of the heavy weather which has prevailed during the two months since the Ericsson was last heard of on her voyage from Bergen, Norway, to this country, further efforts would be hopeless.

The message said that Captain Robert A. Bartlett, representing the Cruising Club of America, who is on the Trenton, had concurred in the decision. On the Ericsson were William W. Nutting and Arthur Hildebrand, American writers and Eric Todahl, a painter.

Coincident with receipt of the message, the Navy Department was informed today that the derelict recently reported as having been sighted in the path taken by the missing yacht had been previously sighted as early as Sept. 5, and therefore could hardly be the Ericsson.

The report from the Trenton follows:

"After exhaustive analysis and conference, which included Captain Bartlett, have decided that a single vessel searching in a vast area for a very small craft last heard of two months ago must confine her search to most likely locality based on probable location. Definite plan was drawn up accordingly and the search conducted without success. Am returning to the United States convinced that in view of the elapsed time since Ericsson was last seen and the heavy weather that has prevailed, further search at sea is futile."

SAYS HE'LL EXPOSE FAKES.

Trial of Vigoroux, Art Expert, Begins in Paris Court Today.

PARIS, Nov. 12 (Associated Press).—The alleged French art faking industry again will be aired in the Criminal Court tomorrow when Jean Vigoroux, former New York manager for the late Joseph Demotte, art dealer, will be brought to trial charged with abuse of the confidence of Demotte.

Demotte was killed in September while hunting. Vigoroux, who has been out on bail, surrendered himself to the authorities tonight, according to custom. He will be defended by Paul Boncour, a French delegate to the League of Nations Assembly. Demotte will be represented by his widow.

Vigoroux said today that he was going to take the aggressive in exposing art faking. He said he had insisted on trial before a jury, with the possibility of a heavier penalty, in order to widen the

972

82121222

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] Emma Goldman Says Bolshevik Tyranny Exceeds That of Czars / Emma Goldman. – 30 cm. *In* The Minneapolis Mo[rning?]. – (Nov. 13, 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society.

THE MINNEAPOLIS MO

Emma Goldman Says Bolshevik Tyranny Exceeds That of Czars

11/13/24

Exiled From U. S., Writer Seeks Asylum in England —Is Entertained.

London, Nov. 12.—(By Associated Press.)—Emma Goldman, who was deported from the United States in 1919 as an undesirable alien and now seeks asylum in England, was welcomed by 300 British radicals to their country at a dinner given in her honor tonight. Miss Goldman eloquently excoriated Russia's Soviet government.

The oppressed masses in Russia, she said, were being silenced as they never were under the czar, and all ideals had been discredited by the ruling forces in that country. Bolshevism, she characterized, as an international disease.

The dinner, at which she spoke, was persided over by Col. Josiab Wedgwood, a member of the cabinet in the lata labor government, and tribute was paid to her in speeches by Bertrand Russell, pacifist, and Rebecca West, a writer, who praised her courage in "climbing down" after she had been disillusioned in her two years' stay in Russia.

Barred Forever From U. S.

"A cable came tonight," said Miss Goldman, "from the head immigration commissioner of the United States, which says I have been barred from the United States forever.

"I have not made any attempt to return to America, but I hava been approached more than once by representatives of the United States government as to whether I would like to go back on certain terms.

"They don't know Emma Goldman. If I go back to the United States I will demand that all political deportees have a right to return there, and it will be on my own terms. What are privileges if you do not have liberty?"

Miss Goldman began her speech by saying she had come to England, seeking one of this country's traditional liberties—the right of asylum.

Bertrand Russell held out little hope that she would receive it.

Miss Goldman asked her audience in case she was expelled to make themselves heard sufficiently "to rescue the right of asylum from the clutches of the [illegible]y."

Tyranny Exceeds the Czar's.

Then she continued: "I have come here to throw some light on Russia. I know the Russian situation better than most people who have written about it. I spoke for two years with people, high and low, and I have come out to speak for the oppressed masses of Russia, silenced as they never were under the czar. There are thousands in prisons and concentration camps in Russia, not for opposing the government, but for opinion's sake. To call the present Soviet government a worker experiment is the most preposterous lie ever told.

"The time has come when silence on the Russian situation makes you a party to the crimes which are being committed there."

Employment Conditions Improved.

Washington, Nov. 12.—A general improvement in industrial and employment conditions throughout the country with some states enjoying marked improvement over conditions a month ago, was reported in a bulletin issued today by the United States employment service of the Department of Labor.

850806108

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] Emma Goldman Says She Can Come to U.S. / Emma Goldman.– 29 cm. *In* The World. –(Nov. 13, 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Yale University Library. Institutional Location: Harry Weinberger Papers, Department of Manuscripts and Archives.

Westminster Gazette

WESTMI

EMMA GOLDMAN SAYS SHE CAN COME TO U. S.

N.Y. World Nov 13/1924

But She Won't, Except on Her Own Terms, Welcoming Britons Told.

LONDON, Nov. 12.—(Associated Press).—Emma Goldman, who was deported from the United States in 1919 as an undesirable alien and who now seeks asylum in England, was welcomed by 300 Britons to their country at a dinner given in her honor to-night.

"I have not made any attempt to return to America, but I have been approached more than once by representatives of the United States Government as to whether I would like to go back to the United States on certain terms," she said.

"They don't know Emma Goldman. If I go back to the United States I will demand that all political deportees have a right to return there. If I ever go back to the United States it will be on my own terms."

Miss Goldman began her speech by saying she had come to England seeking one of this country's traditional liberties—the right of asylum. Bertrand Russell held out little hope that she would receive it.

WOMAN ANARCHIST IN NEW ROLE.

VIGOROUS ATTACK ON BOLSHEVISM.

PERSECUTION OF THE MASSES.

Strange are the tides in the affairs of men—and women.

Emma Goldman—an Anarchist and anti-militarist, who has suffered imprisonment for her principles; a deportee from the United States following her anti-war activity; an exile in Europe and a seeker of asylum in this country—appeared in a surprising role at a dinner held in her honour at Anderton's Hotel, Fleet-street, last night: that of an insurgent denunciator of the Soviet rule of her native Russia.

A matronly figure in black, with stubborn determination manifest in her heavy-featured face, she spoke in resonant language. Why was she seeking asylum in England?

"I have come to throw light on the Russian situation," she said. "The masses have been silenced as they never were under the Czar. I want to voice the tragic fate of the thousands of men and women in the prisons and concentration camps of Soviet Russia.

The Soviet Myth.

"I want to appeal to the consciences of the men and women of England to protest against this persecution. Nothing that reactionaries here may say about me, or the friends of Soviet Russia may do, will deter me from my purpose.

"I want to emancipate men and women from the Soviet myth which has confused the Russian revolution with the party in power. Do not delude yourselves because the Communists in England are not many. It does not require many people to destroy; it takes many to build up. Bolshevism is an international disease."

She still believed, she said, that political asylum would be maintained in England. There was a challenge in her voice as she added: "If not, I hope that you here to-night, and your friends, will make yourselves heard sufficiently to rescue the right of asylum from the clutches of——" The word was lost in applause.

Tributes to her work were paid by Colonel Josiah Wedgwood, who presided, Mr. Bertrand Russell, Miss Rebecca West, Mr. W. C. Owen, and Mme. Malmberg.

Mr. Russell cited China as evidence that all Government was in itself an evil, and people lost less from brigandage there than we did in income tax.

Sir William

MAK
CH
PRIN

LEEDS UNITED F.C. MAY DISBAND.

890126128

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] Emma Goldman in London / Emma Goldman.– 22 cm. *In* The Manchester Guardian. –(Nov. 13, 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the International Institute of Social History. Institutional Location: Max Nettlau Archive.

manchester Guardian

S|G M.

NOVEMBER 13, 1924.

EMMA GOLDMAN IN LONDON.

FAMOUS ANARCHIST DENOUNCES BOLSHEVIK TYRANNY.

SEEKING ASYLUM HERE.

(From a Special Correspondent.)

LONDON, WEDNESDAY NIGHT.

Emma Goldman, expelled five years ago from the United States as a dangerous person, expelled since then from Russia, Germany, and Sweden for the same reason, was the guest of honour to-night at a dinner given in London by a large and enthusiastic body of Anarchists. Yet none of those Anarchists that I spoke to knew exactly how the dinner came to be arranged or who was giving it. I wanted to know who was or who were my hosts, but all I could discover was that Anarchists' dinners are neither given nor arranged they just happen.

Some hundred Anarchists had been expected; over two hundred came. Princess Kropotkin and her daughter arrived three-quarters of an hour late the dinner had not yet begun, and were unable to find a place until a process of further intensification was carried out. There were Anarchist men and women of many nations at the present. One man wore a red tie. Emma Goldman (as she was never fully called) wore a blue shawl.

The Home of the Political Refugee.

Colonel Wedgwood presided. Mr. Bertrand Russell and Miss Rebecca West made speeches. Those who had heard of Miss Goldman, of the persecution and imprisonment she has borne for her Anarchist faith, without knowing anything more precise, must have been profoundly impressed to-night by her magnificent oratory and idealism.

"Idealists," she said, "are incurable dreamers. I, myself, have one illusion left—namely, that England has retained some of her traditional liberties, among them the right, the sacred right, of political asylum for political refugees." She pleaded the cases of Mazzini, Marx, and Kropotkin. Even though the war had played havoc with liberty in every country, she still believed in English liberty. At any rate, she was going to test it. "I like a fight."

The Russian Tyranny.

If she was allowed to stay in the country, she said, she was going to study English men and women and to preach the truth about the world, especially about Russia, about "the suppressed masses of Russia who have been silenced as they never were under the Tsar." She stayed in Russia two years after being expelled, speaks Russian, canvassed representative Russians from top to bottom, visited the prisons and concentration camps of Soviet Russia, and had come to speak on behalf of the oppressed Russian people, to protest against "the superstition which confuses the Russian Revolution with the present party which rules in Russia.

"The minds and hearts of the peoples outside of Russia have been turned to stone, and they are indifferent. The present rulers of Russia are undermining what is best and most beautiful in Russia. Men, women, and even children are executed because they refuse to [illegible] the Bolsheviks [illegible] me in oil as a counter-revolutionary, that I shall be accused of being in the pay of Churchill and Baldwin, I shall not be turned from my purpose. My quarrel with the Bolsheviks is not that they are revolutionary, but that they are not revolutionary enough. It is they who are the arch counter-revolutionaries for the people. Russia have seen what crimes can be committed in the name of revolution. The time has come when silence would be criminal. A party crimes which are being committed in Russia Do not deceive yourselves by thinking that in England the Communists are only few. It takes few to destroy, but [illegible] Bolshevism is an international [illegible] and an Anarchist he stands for [illegible] human and individual liberty and create beauty and truth.

Was it a sense of tactics that made Miss Goldman begin her Anarchist campaign here by exposing Bolshevism? It was, at any rate, remarkable that she did not in last night's first public speech definitely say, as did Colonel Wedgwood and Mr. Russell before her, that all government stood. She concentrated on exposing the evil of one form of government, namely, the present Government of Russia.

BEST COPY AVAILABLE

880708012

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture] "Horrors of Soviet Russia." Miss Emma Goldman's Visit to England / Emma Goldman. – p. 12 ; 29 cm. *In* The Times. – (Nov. 13, 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Selfridge & Co., Ltd.

(Editorial Rooms), London.

NOTE.—This space is occupied every day by an article reflecting the policies, principles, and opinions of this House of Business upon various points of public interest.

SELFRIDGE & CO., LTD.

LONDON MUD.

By CALLISTHENES.

This great London of ours is a city of varied moods. What need is there to rush to the Riviera, to Winter in Egypt, and search for change in fashionable foreign hotels? There is an infinitude of variety at home. For London, like a certain capricious juvenile, "when she is nice, she is very, very nice, but when she is not, she is horrid!"

And how much jollier it is to be able to escape from London in her unpleasant moods without being too far away to forgive the wayward city when she smiles again!

London in the rain is hopeless. There's no part of mud like London mud. The mud of the northern counties is ambrosia to it. Anything more awful than the negotiating of a London crossing when the sun has been sulky it is difficult for us fastidious moderns to contemplate. The inquisitors of Old Spain missed a chance which would have made their reputation for ingenuity vastly greater than it is by not condemning their victims to a two hours' tour of London (or what there was of it in those "good old days") in the rain.

Fortunately, we stay-at-home Londoners have a perfect antidote to this plague of Metropolitan mud in Selfridge's.

The great Oxford Street Distributing House is par excellence a "wet-weather refuge." It is not worth while trying to imagine a greater contrast than the light and warmth within to the drab slushiness without, and, besides the friendly shelter of its roof, there is no place which offers such an effective armoury against London in her rainiums as does Selfridge's. Goloshes, Umbrellas, Mackintoshes, Rainproof Coats and Capes are not very inspiring articles, but "familiarity breeds contempt," and we have become so accustomed to regarding them as necessary parts of the English-man's and Englishwoman's impedimenta that we can almost take a grim pride in their adoption as emblems of our national weather.

And, after all, there are goloshes and goloshes. The latest waterproofest, and neatest golosh may be something to be quite "uppish" about, if only by contrast with the clumsy affairs one so constantly encounters "in the" people's feet. Selfridge's see to it that their wet weather garments are not only the best—for London, but are also the neatest and most effective in design.

In a Selfridge Raincoat, holding a Selfridge Umbrella over one's head, and with Selfridge's Goloshes over Selfridge's Boots, one can keep one's self respectable and feel that one is making the best of a bad job even in the wettest and downpourest day.

And in the Girls' Wet-Weather Department you will see the immense amount of attention we have given to the problem of "How to be happy though muddy."

Value and style in the merchandise offered are the best procurable. So do not follow the barometer's example and get "down" whenever London chooses to throw cold water on your plans

Selfridge & Co., Ltd.

The Durward

Entertainments.

THE THEATRES.

PLAYS BY FOREIGN AUTHORS.

The Sunday Players will begin their series of representative plays by foreign authors on November 23 with Mr. August Strindberg's *The Dance of Death*, at St. George's Hall. The cast will include Miss Sybil Arundale, Mr. George Merritt, Mr. Paul Smythe, Miss Shankland, and Miss Leita Verney. Arrangements are being made for the performance of a modern Greek play, as well as Portuguese, Danish, and Yugo-Slav plays.

At the "Old Vic" on Monday evening, *A Midsummer Night's Dream* will be presented, and a chance will be given in this production to the younger members of the company. Mr. John Laurie will appear as Lysander, Mr. Ronald Nicholson as Demetrius, Miss Marie Ney as Helena, and Miss Denise Pordred as Hermia. The opera for next week will be Verdi's *Il Trovatore*.

The *matinée* season at the Holborn Empire will be continued next week with the production of a new modern play, *Angel Unaye*, by Mr. Bruce Winston. The principal parts will be taken by Miss Beatrice Smith, Mr. Trystan Rawson, Miss Buena Bent, and Mr. Dunreay Yarrow.

The opening of the second edition of *Voices* at the Kingsway Theatre, which had been arranged for to-night, has been postponed until Saturday afternoon. Mr. Mark Lester will then return to this revue.

There is to be a mock "Trial of Crochard" at the St. Martin's Theatre on Monday afternoon, when Mr. G. K. Chesterton will be the judge. No charge will be made for admission.

Mr. E. Temple Thurston, the author of *Judas Iscariot*, will be the producer at its performance by the Repertory Players at the Scala Theatre on Sunday, November 23.

Every ticket for the Arthur Roberts Jubilee *matinée* at the Alhambra to-morrow has been sold, and, as there still remains a big demand for seats, it is suggested that those who cannot use their tickets should return them to the management to be re-sold.

The Variety Artists' Ball, in aid of the benevolent fund and institution of the profession, will take place at the Royal Opera House, Covent Garden, next Thursday. Many well-known variety performers have reserved boxes. The Duke of Bedford has placed his box at the disposal of the committee, and it will be sold in aid of the fund.

A special *matinée*, under the patronage of Princess Arthur of Connaught, will be given next Sunday at the Palladium, in aid of the mothercraft schools and day nurseries of the Marylebone Health Society.

After the withdrawal of *The Hour and the Man* from the New Theatre, Mr. Matheson Lang intends to revive, for the Christmas season, Mr. E. Temple Thurston's drama, *The Wandering Jew*. In the spring he will produce an adaptation of M. Eugène Brieux's *L'Avenir*, the English version of which is being prepared by Mr. J. H. Fagan.

The Show-Off will end its run at the Queen's Theatre on November 22; during the following week *Orange Blossoms*, a comedy adapted from the French of M. Henri Birabeau and M. Georges Dolley will be produced at this theatre with Miss Fay Compton in the principal part.

FUTURE ARRANGEMENTS.

To-day	..	*The Young King* ..	Boars Hill
To-morrow	..	Arthur Roberts' Jubilee Matinée ..	Alhambra
Saturday	..	*Yoicks* (2nd edition) ..	Kingsway
Sunday	..	Phœnix in *Epsome* ..	Regent
		500 Club in *Guilty Souls* ..	R.A.D.A. Theatre
Nov. 17	..	*A Midsummer Night's Dream* ..	Old Vic."
		A Grain of Mustard Seed (matinée) ..	Ambassadors
		Angel Unaye (matinées) ..	Holborn Empire
		The Red Kimono — ..	Maddernarket Theatre, Norwich
Nov. 20	..	Repertory Players in *Judas Iscariot* ..	Scala
		Sunday Players in *The Dance of Death* ..	St. George's Hall
Nov. 24	..	*The Lotter* ..	Everyman
		Chaire-Souris ..	Strand
Nov. 29	..	A.D.C. in *The Watched Pot* ..	Cambridge
Nov. 30	..	O.P. Club dinner to Mr. Barry Jackson ..	Hotel Cecil
		Play Actors in *Dear Father* ..	New Scala
Dec. 7	..	Stage Society in *The Man with a Load of Mischief* ..	Trocadero Grill Room
Dec. 8	..	Coppelia	

EASTBOURNE MUSICAL FESTIVAL.

CLASSICAL AND CONTEMPORARY WORKS.

RAMSAY MEMORIAL LABORATORY.

OPENING BY PRINCE ARTHUR.

Prince Arthur of Connaught, who is president of the University College Equipment and Endowment Fund Committee, yesterday opened the Ramsay Laboratory of Chemical Engineering at University College. He was accompanied by Princess Arthur of Connaught. The laboratory, which, as its name implies, is to serve as one of the memorials to Sir William Ramsay, is the first of its kind established at the college. It has been fitted up in buildings next to the School of Tropical Medicine in Gordon-street, and there is access to it from the college grounds. After experience has been gained there, the erection of new and permanent buildings is contemplated.

The opening ceremony took place in the Botanical Theatre of the college. Sir Robert Robertson, chairman of the Chemical Engineering Sub-Committee, presided. He said there was a want in this country of men with the technical training of chemists who were capable of transferring a laboratory operation to a large scale. Dealing with the details of training, he referred to a practice existing in the United States of taking students to works, and urged chemical manufacturers in this country to consider whether they could not afford similar facilities.

Prince Arthur of Connaught, in declaring the laboratory open, said that ceremony was the final act in the provision of a worthy memorial to that great man of science, Sir William Ramsay, who for 26 years, from 1887 to 1913, held the Chair of General and Inorganic Chemistry at that college, and who by his remarkable series of discoveries during that period earned for himself a place in the first rank of the world's scientific workers and brought honour and renown to the college with which he was connected. After his death in 1916 a large circle of friends and colleagues, and not only in this country but in all parts of the world, decided that a fitting memorial should be raised in connexion with his wonderful contribution to chemical science. The appeal was not only of a national character, but of an international character, and met with a ready response from all parts of the British Empire and the world. The memorial had taken two main forms: (1) The foundation of Ramsay Memorial Fellowships in Chemical Science, and (2) the foundation of a Ramsay Laboratory of Chemical Engineering.

The success of the first half of the scheme was shown by the fact that at present the Fellowship Trusts were administering 16 scholarships held by carefully selected Fellows from Great Britain, Canada, Denmark, Holland, France, Greece, Italy, Japan, Norway, Spain, Sweden, and Switzerland. Professor E. F. Williams, of the Universities of Manchester and Leeds, was appointed a year ago to the Ramsay Chair of Chemical Engineering, and it was under his guidance that the laboratories had been reconstructed and equipped. The beginning of work had not been actually delayed until that day, but for some time had been actively in progress. He was gratified to learn that, apart from the support given to the movement by the Ramsay Memorial Fund, which handed over a sum of £26,970, the Laboratory of Chemical Engineering had enlisted the ready and generous support of many of the great firms of this country which were connected with the chemical industry. A sum of approximately £1,300 a year for five years had been provided in this way. Even now further financial support was needed if the department was to be enabled to rise to its full possibilities as the headquarters of the chemical industry of this country.

Mr. W. J. U. Woolcock, president of the Society of Chemical Industry, said the laboratory was the first laboratory in this country for the training of a type of man which must be produced. Referring to the admission of American students to do work in factories, he said that he believed there were certain difficulties in this country at present, but he believed the time would come when Hull ship would not be too big to take.

BIRMINGHAM DOG SHOW

BIG ENTRIES AND GOOD CLASSES.

Birmingham Dog Show claims to be the oldest show of its kind in the world. Though for a long time sporting dogs formed its strongest feature, the executive has been wholly alive to developments of late years. Hut there is now practically no breed in the Kennel Club list that is not liberally provided for. At the exhibition which opened at Bingley Hall yesterday the entries were close on 5,000, and no fewer than 1,700 animals

The Estate Market.

EDGCOTE TO-DAY.

FIXED PRICES.

To-day, at Banbury, Messrs. John D. Wood and Co. (Mount-street) will offer Edgcote, the fine old mansion, of which pictures have appeared in *The Times*, and 2,350 acres. It is a residence of great architectural interest, and the estate has associations with one or two notable men in English history. Perhaps of more practical importance, from the standpoint of the auction to-day, are the shooting, the hunting with the South Oxfordshire and Bicester, and the fishing and boating lake 600 yards long. There is a deer park of 250 acres.

Ashdown Forest sites of various sizes are comprised in 100 lots for auction next Tuesday at Uckfield, by Messrs. John D. Wood and Co., in conjunction with Messrs. Brackett and Sons (Tunbridge Wells and Crowborough). Old Sussex farmhouses, cottages, farms, and small holdings are described in the particulars, and there are woodlands. This sale of 1,138 acres of outlying portions of Maresfield Park should enable buyers to secure residential properties within 40 miles of Victoria and conveniently near the south coast.

Outlying portions of the Cothelstone estate, on the Quantock Hills, in Bishops Lydeard and neighbouring parishes, have been sold, at Taunton, by Messrs. C. R. Morris, Sons, and Peard (North Curry) for a total of £8,670, with additional sums amounting to £392 for growing timber. Tenants bought some of the land.

Lord Wimborne has had a timber sale on the Ashby St. Ledgers estate, Northants, 702 trees, which have to be felled, realizing £3,050, through Messrs. James Styles and Whitlock (Rugby and St. James's-place).

Next Wednesday at Brighton, Messrs. Knight, Frank and Rutley, with Messrs. Graves and Son will offer Hopkins Crank, Ditchling Common, nine acres.

Prices are stated in the case of some of the houses of which pictures appeared yesterday, among them a Brondesbury leasehold for £3,500 and a Berkshire freehold for £3,250, by Messrs. Battam and Heywood (Davies-street, Berkeley-square); and a Gloucestershire property of 18 acres, where hunting may be had with four packs, for £5,000, through Messrs. Harrods, Limited (Brompton-road), who are to dispose of a 16th-century farmhouse in Surrey, with six acres, for £2,750, an example of half-timbered work, in wooded surroundings, high above sea level. Alternative terms, according to the acreage required, are quoted by Mr. A. S. Knight (Lamport, Sons.) for Alford House and land at Castle Cary. Much of the purchase money may remain on mortgage at a low rate of interest.

Eyfield Manor, near Marlborough, an old Tudor house and 47 acres, has been resold by Messrs. Hampton and Sons (St. James's-square), in conjunction with Messrs. Norfolk and Prior (Berkeley-street, Piccadilly). The residence and 28 acres on Ponds Farm estate, near Beaconsfield, may be bought privately, through the St. James's-square firm, who have disposed of lots 3-11 of the estate, as already announced in *The Times*. A Welsh freehold in Montgomeryshire, 440 acres, called Cwmllecoediog; Tudor House and four acres at Leigh; and Coombe Pines, another Surrey residence, at Kingston Hill, that of the late Sir Cyprian Bridge, have been sold by the firm.

Messrs. Hampton and Sons' list of transactions concluded in the last few days includes the sale of Sandhouse, Witley, a modern residence and 37 acres, to a client of Messrs. John D. Wood and Co. (Mount-street); Linksdown and nearly five acres at Streatley-on-Thames; a house and about the same area of land at Cookham Dean; and Hast Hill and 12 acres at Hayes Common, in continuation

OPERA.

LYRIC, Hammersmith. EVENINGS, 8.15.
THE DUENNA.
"BRILLIANT 'DUENNA'; BIG SUCCESS OF SHERIDAN'S OPERA."—*Daily Mail.*
Produced by NIGEL PLAYFAIR.
MATS., WED. and SAT., 2.30. Riverside 142 and 921.

THEATRES.

ADELPHI. Gerr. 2648. Nightly, 8. Thurs., Sat., 2.15.
GLADYS COOPER in
DIPLOMACY.
Seats booked at this Theatre for Gaiety and Apollo.

ALDWYCH. Prop., A.E. Abrahams. Ger. 3029.
Licensees and Managers, Tom Walls and Leslie Henson.
EVENINGS, at 8.15. Mats., Wed. and Friday, 2.30.
"IT PAYS TO ADVERTISE."
By Roi Cooper Megrue and Walter Hackett.
Dodie Kendal, Arthur Elsy, Cecilia Gold
TOM WALLS and RALPH LYNN.

AMBASSADORS. Gerr. 4460.
NIGHTLY, 8.50. Mats., Fri. and Sat., 2.30.
SUPERSTITIOUS MATINEE'S, Wednesday and SAT.
THE PELICAN.
TUESDAY NEXT, Nov. 18th, at 2.15.
THE GRAIN OF MUSTARD SEED.
Four Matinees Weekly.

APOLLO, Shaftesbury-av. Gerr. 6970, 6971.
TO-DAY, 2.30, 8.30. Mats., Thurs. and Sat., 2.30.
FRANK CURZON and HENRY DINLEY present
THE FOOL.
A GLORIOUS MELODRAMA. By Chandler Pollock.
Seats also booked at the Theatre for Gaiety and Adelphi.

COMEDY. At 8.40. Mats., Tues., Fri., Sat.
THE MASK AND THE FACE.
ATHENE SEYLER and FRANK CELLIER.

COURT. Adj. Sloane-square Stn. Gerr. 848.
TO-DAY, 2.15 & 8.15. MATS., WED., THURS., SAT.
THE FARMER'S WIFE.
A Comedy by EDEN PHILLPOTTS.

CRITERION, Ger. 3844. TO-NIGHT, 8.30.
FATA MORGANA.
TOM DOUGLAS. JEANNE DE CASALIS.
Mats., Tues., Wed. and Sat., 2.30.

DALY'S. Evgs., 8.15. Mats., Wed. & Sat., 2.15.
Xmas Angle: Twice Daily, Dec. 20 to Jan. 7 incl.
MADAME POMPADOUR.
A New Musical Comedy.
EVELYN LAYE. IVE GRAY.
HUNTLEY WRIGHT. DEREK OLDHAM.
BERTRAM WALLIS. LEONARD MACKAY.

DRURY LANE. Gerr. 2588-9.
TWICE DAILY, at 2.30 and 8.30.
SUNDAYS, at 3 o'clock.
LAST WEEKS.
DOUGLAS FAIRBANKS.
THE THIEF OF BAGDAD.
Prices of seats, 2s. to 8s. 6d., including tax.

DUKE OF YORK'S. Gerr. 314. Smoking.
Proprietors, Mr. and Mrs. Frank Wyatt.
TO-DAY, 2.30, 8.30. Mats., Thurs. and Sat., 2.30.
Andre Charlot presents, in assn. with Violet Melnotte,
Archibald Bear's Revue,
"THE PUNCH BOWL."
(350 MIXTURES)
In 3 parts, including "Punch and Judy Up-to-Date."
ALFRED LESTER, Blanc and Farrar, Sonnie Hale.
"THE WITTIEST, MOST INTELLIGENT REVUE IN LONDON."—*Weekly Dispatch.*

EVERYMAN. Opp. Hamp. Tube, Hamp. 7224.
NIGHTLY, 8.15. Matinée, Saturday, 2.30.
"CLOGS TO CLOGS."
By John Walton.
FEWLASS LLEWELLYN. SYDNEY FAIRBROTHER.

FORTUNE. Facing Drury Lane Theatre.
Twice Daily, 2.30 and 8.30. Regent 1307.
SINNERS.
By LAURENCE COWEN.

GAIETY. Gerr. 2780. NIGHTLY, at 8.15.
MATINEE, MON. and SAT., at 2.15.
NEW MUSICAL COMEDY,
POPPY.
ANNIE CROFT LUELLA GEAR
REGINALD MARLAND and W. H. BERRY.
Seats Booked at this Theatre for Adelphi and Apollo.

GARRICK. TO-DAY, 2.30, 8.30. Ger. 9513
EVGS., 8.30. TUES., THURS., SAT., 2.30.
IVOR NOVELLO
in
"THE RAT."

GLOBE. Gerr. 8756.
NIGHTLY, 8.15. MATS., WED. & SAT., 2.15.
Anthony Prinsep presents
W. SOMERSET MAUGHAM'S Sensational Play

THEATRES (continued.)

PRINCES. (Ger. 3400.) NIGHTLY, 8.30.
MATINEES, WED. and SAT., at 2.30.
THE BLUE PETER.
By E. TEMPLE THURSTON.
"SHOULD RUN FOR EVER."—*Daily Telegraph.*
GEORGE TULLY. CATHLEEN NESBITT.
Charles Kenyon. Dorothy Minto.

QUEEN'S, Shaftesbury-av. Gerr. 9137.
EVENINGS, 8.30. Mats., Wed., Sat., 2.30.
THE SHOW-OFF.
A New Comedy by GEORGE KELLY.

ROYALTY, 8.30. Wed., Sat., 2.30. Gerr. 3855.
DENNIS EADIE presents
STORM.
By C. K. MUNRO.
JEAN FADELL. HUGH WAKEFIELD.

ST. JAMES'S. Sole Lessees, Hilbert Miller
EVGS., 8.45. MATS., WED. & SAT., 2.30. Gerr. 3601.
GILBERT MILLER in association with
LEWIS and LOUDOUN present
THE NERVOUS WRECK.
A Farce by OWEN DAVIS.
"WE ENJOYED EVERY MINUTE OF IT."—*Observer.*

ST. MARTIN'S. 8.30. Mats., Fri., Sat., 2.30.
IN THE NEXT ROOM.
"An absolutely first-rate thriller."—*Daily Graphic.*

SAVOY. (Gerr. 3300.) TO-NIGHT, at 8.15.
THE SPORT OF KINGS.
A RACING COMEDY by IAN HAY.
Helenan Clark, Basil Foster, Frank Denton, Hector Wright, Mary Jerrold, Eric Cowper-Coles, Evguelle Coghill, etc.
MATS. (ver.) MONDAY and SATURDAY, at 2.30.

SHAFTESBURY. Gerr. 6666.
Lessees & Managers, C. B. Cochran and J. A. E. Malone.
NIGHTLY, 8.15. MATS., Wed. and Sat., at 2.15.
JACK BUCHANAN
with JUNE in
"TONI."
Additional numbers by JACK BUCHANAN and June

STRAND. Lessee & Manager, Arthur Bourchier.
LAST 2 WEEKS. At 8.40. Mats., Tues., Sat., 2.45.
TIGER CATS.
EDITH EVANS. ARTHUR WONTNER.

"THE OLD VIC." Hop. 1290. To-day, 2.
Fri., at 7.30, *OTHELLO.*
TO-NIGHT, at 7.30, TANNHÄUSER.

VAUDEVILLE (Strand). Gerr. 3815.
TO-DAY, 2.30, 8.30. Mats., Thurs. & Sat., 2.30.
ALBERT DE COURVILLE'S NEW REVUE.
"THE LOOKING GLASS."

WINTER GARDEN, Drury-lane. Gerr. 416.
TO-DAY, at 2.45. TO-NIGHT, at 8.15.
NIGHTLY, at 8.15. MATS., THURS. & SAT., 2.15.
GEORGE GROSSMITH and J. A. E. MALONE present
A NEW MUSICAL COMEDY in 3 Acts.
PRIMROSE.
Book by George Grossmith and Guy Bolton.
Lyrics by Desmond Carter. Music by George Gershwin.
HEATHER THATCHER. Marjory Hicklin.
Percy Heming. and
LESLIE HENSON.
Box-office, 10 to 10. GERR. 416.

WYNDHAM'S. Regent 3028.
NIGHTLY, at 8.15. Mats., Wed. & Sat., 2.15.
THE WARE CASE.
A Play by George Pleydell.
GERALD DU MAURIER. BOBBIE LOHR.

VARIETIES, &c.

ALHAMBRA. Gerr. 5064. Leicester-sq.
DAILY, 2.30, 6.10, and 8.45.
JACK HYLTON AND HIS BAND. WILLIE SOLAR.
JENNY GOLDIE, LEO DUDA, ETHEL HOOK, THE ACT BEAUTIFUL, JACK LE HAIR, HUNTER BROS. JACK STOCKS. Popular Prices, 5s. to 9d., plus tax.

COLISEUM, Charing Cross. (Oerrard 7540.)
TWICE DAILY, at 2.30 and 7.45.
First Edition of the MIDNIGHT FOLLIES CABARET of 1924.
The Entire Production from Hôtel Métropole. (By permission of Sir Francis Towle.) Devised, Produced & Presented by Carl Hyson. Lyrics by Patrick Lennard. Music by Earl Thursden. With TERRY & PAT KENDALL.
FAY COMPTON and LEON QUARTERMAINE in a comedy playlet, "A Unique Opportunity."
WILL FYFFE, Scottish Character Comedian.
LOIE FULLER'S BALLET FANTASTIQUES of Shadow, Light & Colour.
THE FAMOUS KEDROFF

CONCERTS, &c.

ROYAL CHORAL SOCIETY,
ROYAL ALBERT HALL.
Patron—HIS MAJESTY THE KING.
SATURDAY, NOVEMBER 15, at 2.30 p.m.
FAUST. *BERLIOZ.*
Miss DORIS VANE.
Mr. PARRY JONES.
Mr. EDWARD HALLAND.
Mr. JOSEPH FARRINGTON.
At the Organ—Mr. H. ARNOLD GREIR.
THE ROYAL ALBERT HALL ORCHESTRA.
Conductor—Mr. HAMILTON HARTY
Stalls, 10s. 6d.; arena, 5s. 6d.; balcony reserved, 5s.; unreserved, 3s. 6d.; gallery, promenade (1,000 seats), 2s.
NOTICE.—Dame Ethel Smyth's Mass in D, originally announced for November 15th, will be sung on Saturday, January 31st, at 2.30. The Mass will be followed by the "Spirit of England" Elgar

STEINWAY HALL. SAT. NEXT, at 3.
CLARISSE SPEED'S
10TH LECTURE CONCERT.
RAVEL'S Trio in A minor
and Trio and Solo Music of Pasquini, Beethoven, Chopin, Violin, WINIFRED SMITH. 'Cello, NORA PARKER.
To-day, 2s. 6d.; tiers, 3s.

QUEEN'S HALL.
CHAPPELL POPULAR CONCERTS.
Director, Mr. William Boosey.
FOURTH CONCERT OF THE SEASON.
SATURDAY AFTERNOON NEXT, at 3.
ARTISTES:
Miss EVELYN SCOTNEY.
(Her last appearance at these concerts this season.)
Miss MARGARET BALFOUR.
Miss BESSIE KERR.
Mr. TUDOR DAVIES.
Mr. ERIC MARSHALL.
SOLO PIANOFORTE
SIGNOR SOLITO DE SOLIS.
NEW QUEEN'S HALL ORCHESTRA.
(150 Performers.)
Conductor—SIR HENRY J. WOOD
Accompanist—Mr. LEONARD R. KINDLE.
CHAPPELL PIONEER GRAND PIANOFORTE.
Popular Prices (including tax): Reserved, 5s. 6d. and 3s. 6d.; Unreserved, 3s. 6d. and 2s. 6d.; of CHAPPELL and Co., Ltd., 50, New Bond-street; Ticket Office, Queen's Hall; and Agents.

QUEEN'S HALL.
Sole Lessees—Chappell and Co., Ltd.
ARNO SEGALL.
LAST VIOLIN RECITAL.
THIS SEASON.
MON., NEXT at 8.15.
ARNO SEGALL.
At the Piano—HAROLD CRANTON.
Chappell Grand Pianoforte used.
Tickets, 12s., 8s. 6d., 5s. 6d., 3s. 6d. and 2s. 6d.
DANIEL MAYER Co., Ltd., Golden-square, W.1

WIGMORE HALL. WED. NEXT AT 5.30.
SUGGIA and *SUGGIA*
VIANNA DA MOTTA.
THE FIVE BEETHOVEN SONATAS.
For 'CELLO and PIANO.
Bosenplatter Piano. Tickets, 12s., 8s. 6d., and 5s. 9d.
IOTA and TILLETT, 121, Wigmore-street, W.1

THE MOTTO QUARTET.
MARIE MOTTO, CHARLES WOODHOUSE.
DORIS HOUGHTON, H. CHILDS-JONES.
FOR R QUARTET CONCERTS AT
5, SUSSEX-SQ., HYDE PARK.
TO-MORROW and Nov. 21, Dec. 12, at 8.30 p.m.
Tickets for Series, 25s.; single, 3s. 6d. each, from Miss Marie Motto, 9, Scarsdale-villas, W.8.

QUEEN'S HALL.
Sole Lessees, Chappell and Co., Ltd.
SUNDAY AFTERNOON CONCERTS
will be resumed
SUNDAY NEXT, NOV. 16th, at 3.
ARMISTICE CONCERT.
In Memory of Our Fallen Heroes.
Overture "Samson" .. .. Handel
"Authorised Prayer" (Birdfall) .. .. Warner
Symphony No. 3 (Eroica) .. .. Beethoven
"There is a Green Hill" .. .. Gounod
Overture, "In Memoriam" .. .. Sullivan
Vocalist—ARTHUR CRANMER.
SIR HENRY J. WOOD, Conductor.
New Queen's Hall Orchestra.
7s. 6d., 5s. 6d., 4s. 6d., 2s. 6d. (plus Tax). Adm. free.
Usual Agents, Chappells, Queen's Hall, and The Sunday Musical Union, 52, Conduit-street, W.
HUBERT NEWMAN, Manager.

ROYAL ALBERT HALL.
SPECIAL SUNDAY CONCERTS.
Directors, Lionel Powell and Holt, London.
SUNDAY NEXT, at 3.
HEMPEL RECITAL.
PART I.
HEMPEL TO-DAY.
PART II.
HEMPEL as *JENNY LIND.*
HEMPEL RECITAL.
NO FREE LIST.
Steinway Grand Pianoforte.
POPULAR PRICES (including Tax).
5s. 6d., 3s. 9d., 2s. 9d., 2s., 1s. 2d. (admits free).
LIONEL POWELL & HOLT, 6, Cork-street, W.1.

QUEEN'S HALL.
Sole Lessees—Chappell and Co., Ltd.

976

880708012

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture] "Horrors of Soviet Russia." Miss Emma Goldman's Visit to England / Emma Goldman.— p. 12 ; 29 cm. *In* The Times. —(Nov. 13, 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Selfridge & Co., Ltd.

The Durward
FAMOUS
FLEECE
OVERCOATS
FOR LADIES & GENTLEMEN

The mention of these well-known Fleeces at once conjectures the feeling of cosiness, warmth, lightness of weight, and all that is desirable in a material for a Winter Coat.

Matchless and exclusive colourings in Greys, Browns, Lovats, Bronze, Brick, and also wonderfully blended mixtures are comprised in the Stock of overcoats now to be sold at the greatly reduced price of

SINGLE BREASTED
£6 6 0
DOUBLE BREASTED
£7 7 0

Clients unable to come to Town can have coats sent on approval on receipt of deposit or London trade reference.

These Coats can be obtained from our accredited Agents in the Provinces. Name and address of nearest Agent on application.

KENNETH DURWARD, Ltd.
ULSTER HOUSE, 37, CONDUIT ST., W.1.

SHAKESPEARE PLAY AT WORKSOP COLLEGE.

Successful performances of *The Merchant of Venice* were given by the Worksop College Dramatic Society on Monday and Tuesday in the school hall. Except for a break during the war, the "school play" has been an important feature of Worksop since 1902. It is presented in the setting for which it was written, the use of the Elizabethan stage having been adopted since the war.

Dec. 8 .. Cappella .. .. .. Trocadero Grill Room

EASTBOURNE MUSICAL FESTIVAL.

CLASSICAL AND CONTEMPORARY WORKS.

Following the successful festival of orchestral music held at Eastbourne last autumn, Captain H. G. Ames, the conductor of the Eastbourne Municipal Orchestra, has this year arranged an even more attractive series of concerts, to be given daily from November 24 to 29. At the first concert Sir Edward Elgar will conduct his Violoncello Concerto (soloist, Miss Beatrice Harrison) and the Enigma Variations; and Mr. J. B. McEwen will conduct his "Solway" Symphony. The festival will open with Hamish McCunn's "The Land of the Mountain and the Flood" Overture.

During the week various guest conductors will appear, including Sir Landon Ronald, who will direct Rachmaninoff's Second Symphony, Sir Dan Godfrey, and Sir Henry Wood. A number of modern works will be given under the direction of their composers; these include "Symphonic Rhapsody" (John Ireland); the suite, "Crossings" (Armstrong Gibbs); "On the Cliffs of Cornwall" (Ethel Smyth); two tone poems (Frank Bridge); The Welsh Rhapsody (Edward German); the Hebridean Symphony (Granville Bantock); and the "Old King Cole" ballet suite (Vaughan Williams). There will be one choral concert, at which Sir Alexander Mackenzie will conduct his *Dream of Jubal*.

A few new works will be introduced in "Pleiades" by Maurice Besly, whose concerto for double basses will also be given with Mr. Victor Watson as soloist, and "Symphonic Studies," by Alexander Brent-Smith. Classical concertos to be played are a violoncello concerto by Borchorst, by Señor Pablo Casals; Rode's D minor Piano Concerto, by Miss Harriet Cohen; Beethoven's Violin Concerto, by Miss Jelly d'Aranyi; and a piano concerto not yet decided on, by Miss Myra Hess.

Among singers, Mr. John Goss, Miss Carrie Tubb, Mr. Arthur Jordan, Miss Clara Serena, and the English Singers have been engaged. The complete programme shows an interesting selection and a judicious arrangement of classical with contemporary, serious with light, and concerted with solo music.

THE SNOW STRING QUARTET.

The careful rehearsal which the Snow String Quartet devote to their programmes ensures a clean ensemble, an intelligent presentation of the music, and in delicate passages some really beautiful playing. In places where a full tone is required the balance is imperfect, the first violinist having a somewhat thinner quality than the colleagues. This was particularly noticeable at their concert at Æolian Hall on Tuesday night, when with the assistance of Mr. Frederick Thurston they played Brahms's clarinet quintet. The violin was unequal to carrying on an effective dialogue with the soft and rich phrases of the clarinet, except in the wistful asides of melody which were spun like a fine thread above the main lines of the design with a light and sure touch. The intonation was not always impeccable. Mr. Thurston understands the difference between chamber and orchestral playing. The concert began with Frank Bridge's E minor quartet and went on to the "Phantasy" Quartet of Eugène Goossens, a clever pasting together of instrumental effects into a design that is coherent but signifies nothing.

THE HUNGARIAN QUARTET.

Through faulty organization there was a good deal of discomfort at Æolian Hall on Monday night when the Hungarian String Quartet gave a programme of three quartets by the Viennese masters. A larger audience came together than the hall would hold, and though it was good to see so much enthusiasm for chamber music and for these particular exponents of it, a good deal of disturbance was the inevitable result during the playing of the C minor quartet of Brahms.

This work suited their general style of playing much better than Mozart. For they do not aim at the silkiness of tone, the smoothness of phrasing, and the restraint of interpretation of their compatriots, the Lener Quartet, who are also to be heard in London at the present time. Their playing is more personal, more energetic, and more pointed. The precision of their *ensemble* was perfect, and in the Romanze movement one hung on every note of their reading of Brahms. But Mozart would have been better left to speak for himself; the "eine kleine Nachtmusik" was pushed too hard, especially by the leader, so that Mozart, of all composers, was made to march on stilts. The concert ended with Beethoven's last quartet in F major.

The Broadcasting Programmes for to-day will be found on page 6.

Birmingham Dog Show claims to be the oldest show of its kind in the world. Though for a long time sporting dogs formed its strongest feature, the executive has been so fully alive to developments of late years that there is now practically no breed in the Kennel Club list that is not liberally provided for. At the exhibition which opened at Ringley Hall yesterday the entries were close on 3,000, and no fewer than 1,700 animals were benched. A novelty this year is a class of ten Papillons, or butterfly dogs, which will probably become popular, as the weight runs between 3lb. and 5lb.

The war caused a temporary setback to the breeding of the big dogs, but it appears that a recovery is being made, and the classes are not only well filled, but thoroughly representative. The best St. Bernard dog was Champion St. Sebastian Pearl, owned by Mrs. J. Redwood, a Shropshire breeder. The quality of the bitches was not up to the average, and no Kennel Club certificate was awarded. Mr. George Bland, Kettering, won the Newfoundland Male Championship with Siki; and the certificate for the best female went to Lady Ferrol, the property of Mr. J. J. Horsfield, Sale, Cheshire. Competition was keen among the Great Danes. The dog championship went to Champion Zorame of Sudbury, owned by Mrs. F. Hatfield, Sudbury; the champion bitch was Tricksey Link, a black of beautiful quality, shown by Mr. J. Pendlebury, Pennington, Leigh, Lancashire.

A strong section of bloodhounds was judged by Mrs. Hipkins, a Staffordshire woman, who has reared these hounds for 30 years. Both championships were won by young hounds, which had not previously won any similar honours. Mrs. Edmonds, Leighton Buzzard, showed the winning dog, Lodgan Radiance, and the winning bitch was Sweet Memory of Peel Mead, shown by Mr. R. Clarke, Brewood, Stafford-shire. Miss A. Dorford, a Smaller-land breeder, took both championships for deerhounds. The winners being Patrick of Rimbault's clogs and Maureen of Rimbault's (bitch). Mrs. Fosse, St. Jude's Vicarage, London, and Messrs. Coombe and Winstone, Rotherhithe New-road, London, were the principal winners in the section for old English sheep dogs.

"HORRORS OF SOVIET RUSSIA."

MISS EMMA GOLDMAN'S VISIT TO ENGLAND.

Miss Rebecca West, Mme. Malmberg, and Mr. Bertrand Russell were among those present at a dinner given at Anderton's Hotel last night to Miss Emma Goldman. Colonel Josiah Wedgwood, M.P., who presided, referred to his visit to Russia, and spoke of the order there as the "order of brute beasts." He said the present dictatorship was as great a tyranny as that of the Tsars.

Miss Emma Goldman said she came to England because she still cherished the illusion that England retained some of its liberties, chief among which was that it was an asylum for politicians. She wanted to know what effort English women were making with regard to education, because that would not only settle the question of war but would also settle the destiny of the English race. She had come to throw some light on the situation of Russia. People in Russia had been silenced—silenced as they never were under the Tsar. It was thought that what was experienced under the Tsar could be condoned under the people because it was an experiment. She hoped to have an opportunity of speaking to audiences in England on the horrors of Soviet Russia. Unless they realized the blunders and crimes of Bolshevism during the last seven years they would have the same state of affairs in every country. To combat this was her real purpose in coming to England.

THE RUSSIAN CHURCH.

Speaking at the annual general meeting of the Anglican and Eastern Churches Association at the Church House, Westminster, last evening, Bishop Gore said they ought never to forget the fate of the Christians of Asia Minor—that vast multitude of miserable refugees gathered now in Greece in appalling necessity, and who had been so terribly deserted. They knew not how many would survive. They were not responsible for the situation in Russia, but they should never forget that the situation of the Russian Church was one of unparalleled horror; there had been nothing like it in the annals of the world for horror. When they thought of the atrocities of the Soviet Government they must always remember that persecution of one kind begat persecution of another, and learn to hate persecution, of whatever kind. There was a great hope for the establishment of a theological academy in Paris; nothing could be so much adapted to help the spiritual re-association of the Russian Church as training for the future industry.

Messrs. Hampton and Sons' list of transactions concluded in the last few days includes the sale of Sandhouse, Witley, a modern residence and 37 acres, to a client of Messrs. John D. Wood and Co. (Mount-street); Linksdown and nearly five acres at Streatley-on-Thames; a house and about the same area of land at Cookham Dean; and Hast Hill and 12 acres at Ifuyes Common, in conjunction with Messrs. Baxter, Payne, and Lepper (Bromley). Wimbledon, Kensington, and other houses have been sold by Messrs. Hampton, whose list comprises one or two Mayfair houses, so many of which have recently been disposed of, the market in Mayfair being more active than it has been for a long period.

RESULTS OF AUCTIONS.

PRICKETT and ELLIS.

MUSWELL HILL.—Tenth Green, "Woodside." Freehold. .. £6,700
GOLDERS GREEN.—12, Hingwall gardens 1,210
HANLEYS.
TOTTENHAM.—High-road, "The Swan" 22,800
R. B. BARGELEY.
WALTHAMSTOW.—Chatham-road and Banyon-road. F.G.R., £46 10s. Reversion 84 yrs. .. 815
HOLCOMBE and BLYTH.
BLACKHEATH.—8, 9 & 12, The Avenue 2,500
CUTHBERT LAKE and SUTTON.
BECKENHAM.—Elwood-lo, High-street 1,575
STREATHAM HILL.—33, Thornton-avenue .. 800
HERRING, SON, and DAW.
HAMMERSMITH.—Richford street. F.G.R., £16. Reversion 47 yrs. 300
BATTERSEA.—Tyneham-road. F.G.R., £54. Reversion 41 yrs. 1,175
HALIFAX.—Verna-road. F.G.R., £26. Reversion 43 yrs. 505
BRIXTON HILL.—Archbishop's-place. F.G.R., £11 12s. Reversion 26 yrs. 320
STREATHAM.—Mitcham-lane. F.G.R., £20. .. 400
BRIXTON HILL.—Nos. 145 and 207. Freehold .. 2,400
WEST NORWOOD.—5 to 11 (odds), Knight's-hill 1,800
BRIXTON.—30, Baylet-road 450
6, Lappett-road 460
STREATHAM.—272, 274, and 274a, 1 and 1a, Mitcham-lane. Freehold 8,500
3, Mitcham-lane. Freehold 850
STREATHAM HILL.—No. 7. Freehold 1,100
EARLE, COLLIER, ELLIS and Co., with C. H. HILL and SON.
DOWNHAM, ESSEX.—"Little Abbotts." Two Cottages and 13½ Acres. Freehold 500
Crossbeath, "Cottages" (two). Freehold .. 200
Pasture 2½ acres. Freehold 305
LEGGETT, FARMER and SONS.
WILLESDEN GREEN.—12, High-road 1,175

AUCTION SUMMARY.

PROPERTY (TOWN, SUBURBAN, AND COUNTRY) SALES THIS DAY.

Auctioneers.	Place of Sale.	Description.
J. D. Wood and Co.	Red Lion Hotel, Hanbury (2.0)	Country Estate
Trollis and Harding	The Mart, E.C. (2.30)	Freehold and Leasehold Properties
C. C. and T. Moore	Do. (2.30)	Freehold and Leasehold Properties
Newbon & Shephard	Do. (2.30)	Freehold Properties
Borrall and Borrall	Do. (2.30)	Freehold Properties
S. D. Whiddington	Do. (2.30)	Leasehold Properties
H. Rutcher and Co.	Do. (2.30)	Freehold Properties
Wheeler & Wheeler	Do (2.30)	Freehold and Leasehold Properties
Ferguson, Taylor, & Mellhuish	Do (2.30)	Freehold and Leasehold Properties

FURNITURE, WORKS OF ART, &c.
SALES THIS DAY.

Whitfield, Baker and Indige Co.	Pavilion, B.E.F., Wembley (10.0)	Miscellaneous Effects
Rogers, Chapman, & Thomas	125, Gloucester-st, & Kenilworth-sq., S.W. (11.30)	Furniture, &c.
Debenham, Storr & Sons	25, King-st., Covent Gdn., W.C. (12.0)	Jewellery, Silver Plate, &c.
Wm Whiteley, Ltd.	32, Kensington-gdns., W. (12.0)	Furniture, &c.
Knight, Frank and Rutley	14, Baldwin's-gdns., E.C. (1.0)	Furniture, &c.
Christie, Manson & Woods	8, King-st., St. James's, S.W. (1.0)	Porcelain, &c.
Robinson, Fisher & Harding	8, King-st., St. James's, S.W. (1.0)	Pictures
Hodgson and Co.	115, Chancery-lane, W.C. (1.0)	Books
Sotheby, Wilkinson and Hodge	34-5, New Bond-st., W. (1.0)	Drawings
Mowatt, Foster	54, Pall Mall, S.W. (11.0)	Old China, &c.
Protheroe & Morris	Baltic Exchange, St. Mary Axe, E.C. (1.0)	Pictures
Phillips, Son and Neale	73, New Bond-street, W. (1.0)	Furniture, &c.
Puttick & Simpson	47, Leicester-square, W.C. (2.0)	Rare Stamps
J. Trevor	20, Basil-st., Knightsbridge, S.W. (2.30)	Furniture, &c.
Plumbridge and Co	61-2, Chancery lane, W.C.	Rare Stamps

MOTOR CARS.
SALES THIS DAY.

Elephant & Castle 16-18, New Kent-rd., S.E. (2.0)		Motor Cars
Major Ingoldsby	3, Earl-st., Jermyn-st. S.W. (2.30)	Horse-Motor Cars
Auto Auctions, Ltd.		

The London and North-Eastern Railway has placed a contract with the Cleveland Bridge and Engineering Company, Limited, Darlington, for the erection of a new steel viaduct at North Seaton, Northumberland, over the river Wansbeck. The new viaduct will take the place of an old wooden structure which has done duty since 1859, and is believed to be the last of the old timber bridges used for heavy traffic in this country.

GARRICK. TO-DAY, 2.30, 8.30. Ger. 9513
EVGS., 8.30. TUES., THURS., SAT., 2.30.
IVOR NOVELLO
in
"THE RAT."

GLOBE. Gerr. 8724.
NIGHTLY, 8.15. MATS., WED. & SAT., 2.15.
Anthony Prinsep presents
W. SOMERSET MAUGHAM'S Sensational Play
OUR BETTERS.
Margaret Bannerman, Constance Collier, Alfred Drayton, Ronald Squire, Stuart Sage, Arthur Wallerley.
LONDON'S LONGEST RUN.

HAYMARKET. Regent 6030.
Lessee and Manager—FREDERICK HARRISON.
TO-DAY, at 2.30 and 8.30 sharp.
MATINEES, TUES., THURS., SATS., at 2.30.
"*OLD ENGLISH.*"
A New Play in 3 Acts. By JOHN GALSWORTHY.
NORMAN McKINNEL.
Lawrence Hanray, H. R. Hignett, Reginald Bach, Louise Hampton, Joan Maude, Irene Rooke.

HIPPODROME, London. (Phone, Gerr. 650.)
R. B. GILLESPIE, Managing Director.
TWICE DAILY, at 2.30 & 8.15.
Mose Empires present the New Wylie-Tate Revue.
"*LEAP YEAR.*"
GEORGE ROBEY. LADDIE CLIFF.
BETTY CHESTER. MAUD FANE.
18 HOFFMAN GIRLS, &c.
All Seats Bookable at Box-office, 10 to 10.

HIS MAJESTY'S. Proprietor, J. Henson.
Licensee: George Grossmith and J. A. E. Malone.
EVGS., 8.15. Mats., Wed. & Sat., 2.30. Gerr. 606
PATRICIA.
CICELY DEBENHAM and BILLY LEONARD
DOROTHY DICKSON.

KINGSWAY. Gerr. 4032. NIGHTLY, at 8.30.
MATINEE TO-DAY & every THURSDAY, 2.30.
YOICKS!
MARJORIE GORDON
Ruth Maitland and Farren Soutar
DONALD CALTHROP.
Punch says:—"I HAVE SELDOM BEEN SO ENTERTAINED, SO FREELY MOVED TO HELPLESS LAUGHTER."
A Revue.
Smoking permitted.

LITTLE. Reg. 2401. 8.30. Wed., Thurs., Sat., 2.30.
THE CREAKING CHAIR.

LYCEUM. Evgs., 8. Mat., Wed., Sat., 2.30.
THE MERRY WIDOW.
EVAN THOMAS, ADRIENNE BRUNE, and GEORGE GRAVES.
Prices, 7s. 6d. to 6d. Bookable from 3s. Inc. Ger. 7617.

LYRIC THEATRE. Licensee, F. W. Tibbetts.
NIGHTLY, 8.30. Mat., Wed. and Sat., 2.30.
THE STREET SINGER.
By Frederick Lonsdale. Music by H. Fraser-Simson.
PHYLLIS DARE.
HARRY WELCHMAN.
A. W. BASKCOMB.
Direction: The Daniel Mayer Co.

NEW OXFORD THEATRE. (Mus. 1740.)
EVENINGS, at 8.30. Mats., Mon. and Thurs., 2.30.
Charles Gulliver presents a musical play,
"*THE FIRST KISS.*"
DESIREE ELLINGER. COURTICE POUNDS.

NEW. (Reg. 4466.) At 8.20. Wed., Sat., 2.30.
A DRAMA OF TO-DAY.
"*THE HOUR AND THE MAN.*"
By Frank Stayton.
MATHESON LANG—JESSIE WINTER.

PALACE. Gerr. 6834.
By arrangement with Charles B. Cochran.
EVENINGS, 8.30. Mats., Wed., Sat., 2.30.
THE CO-OPTIMISTS.
8th New Programme.
"The Co-Optimists at their best, and more brilliant than ever."—*Daily Sketch.* Brighter
4th Year—Going on for Ever.

PALLADIUM. (Gerr. 1004.) At 2.30, 8.15.
THE WHIRL OF THE WORLD.
Billy Merson, Lorna Pounds, Nellie Wallace, Walter Williams, the Co-urette Production. All seats bookable.

PLAYHOUSE. Mole Lessee, Frank Curzon.
"*WHITE CARGO.*"
INSTANTANEOUS SUCCESS.
A Vivid Play of the Primitive by Leon Gordon.
2.30, 8.30. Mats., Thurs., Sat. Gerr. 3970.
Franklin Dyall, Doris Sawyer, Horace Hodges.

PRINCE OF WALES. 8.15. Thurs., Sat., 2.15.
"*CHARLOT'S REVUE.*"
MAISIE GAY. PHYLLIS MONKMAN.
MORRIS HARVEY.
Henry Kendall, Queenie Thomas, Peter Haddon.
Special Matinée, MONDAY NEXT, at 2.15.

The Entire Production from Hôtel Métropole. (By permission of Sir Francis Towle.) Devised, Produced & Presented by Carl Hyson. Lyrics by Patrick Leonard. Music by Earl Thurston. With TEDDY & PAT KENDALL. Dorothy Hurst, Betty Harris, Kon-Kon Duncan. CARL HYSON & PEGGY HARRIS and THE MIDNIGHT FOLLIES BAND. Conductor, Earl Thurston. Full Company of 50 Artistes.

WILL FYFFE, Scottish Character Comedian.

LOIE FULLER'S BALLET FANTASTIQUES of Shadow, Light & Colour.

THE FAMOUS KEDROFF Vocal Quartette.

TOM EDWARDS, Ventriloquist.

EGBERT BROS. FOUR JULIANS. NOVELLI.

PICTORIAL TOPICS ON THE SCREEN.

Managing Director, SIR OSWALD STOLL.

EMPIRE. (Ger. 3327.)—LEE WHITE AND CLAY SMITH, VERA FREDERIKA AND LEONIDE MASSINE, JOE JACKSON, ANN CODEE. TO-NIGHT, 9.30. Mats., Wed. & Sat., 2.30.

MASKELYNE'S MYSTERIES, Oxford-circ. At 3 and 8. WORLD'S WEIRDEST PROGRAMME. E. CLIVE MASKELYNE, FELDIA, SYLVESTER, LEWIS DAVENPORT, &c. Langham 1545.

VICTORIA PALACE. Vic. 6282-5284.
TWICE NIGHTLY, at 6.15 and 8.50.
"OUR CANADA." (NOVEMBER FOLLIES).
TWO RASCALS. ZOMAH.

LECTURES AND MEETINGS.

ARS VIVENDI LEAGUE.—Particulars of lectures, explaining a new Principle in Breathing and its practice, for Health and Mental Energy, and Treatment of Nerve, Throat, Chest, and Spine, Children and Adults, from Mr. Arthur Lovell, 94, Park-street, Grosvenor-square, W.1.

EXHIBITIONS.

ZOOLOGICAL GARDENS. Open 9 a.m. till sunset. Mondays, 6d. Other days: Adults 1s., Children 6d. Additional charge for Aquarium: Mondays, 6d.; other days, Adults, 1s., Children 6d. Sundays, Fellows and Fellows' Orders only.

ART EXHIBITIONS.

"A great landscape painter."—*Morning Post.*
MEMORIAL EXHIBITION of the WORK of the late
MARK FISHER, R.A.
and Exhibition of Caricatures by QUIZ.
LEICESTER GALLERIES, Leicester-sq., 10-6.

AT THE TWENTY-ONE GALLERY, ADELPHI.
Water-colours by M. KNOX, daily 10.30 to 6.

GROSVENOR GALLERIES.
P. and D. COLNAGHI and Co., 14-6, New Bond-st., W.
MODERN BRITISH PAINTINGS.

ARLINGTON GALLERY, 22, Old Bond-st.
PERCY DIXON, R.I.
10-6 (Sats. 10-1). Memorial Exhibition. Last Days.
"With imagination and charming quality of execution."—*The Times.*

WEMBLEY DRAWINGS by DONALD MAXWELL.
GRAHAM GALLERY,
72, New Bond street.

CHARLES JOHN COLLINGS EXHIBITION.
British Columbia under Snow.

CARROLL GALLERY, 10, George-street, W.1.
Admission by Private Card. 10-6., Saturdays 10-1.

ST. GEORGE'S GALLERY,
WATER-COLOURS by EDMUND WHITE.
32a, George-street, Hanover-square, W. 10-6; Sats., 10-1.

ENGLISHWOMAN EXHIBITION,
ARTS and HANDICRAFTS.
CENTRAL HALL, WESTMINSTER.
NOW OPEN 11-7. 1s. 2d. (including tax).

THE FRENCH GALLERY, 120, Pall Mall, S.W. 12th Exhibition. British and Foreign Artists, including selected works by J. E. K. DUFF, ALEXANDER JAMIESON, and W. LEE HANKEY. Sats., 10-1.

BEAUX ARTS GALLERY, Bruton-place, W.
LAST WEEK of Interesting Exhibition, Czechoslovakia. Landscapes by E. A. DALOLISH. TOURAINE. Water-colours by T. HENNEY GIBBS.

R.B.A.: ROYAL SOCIETY OF BRITISH ARTISTS, Suffolk-street, Pall Mall, S.W.1.
162nd EXHIBITION Daily, 10—5. 1s.

CRICHTON BROS.,
22, OLD BOND-STREET.
Exhibition of Old English Silver from the Collection of the Duke of Cumberland.
10.30—5.30.
Saturdays, 10.30—12.30.

FINE ART SOCIETY EXHIBITIONS.
1. *BIG GAME.*
PAINTINGS and ETCHINGS by W. KUHNERT.
2. EARLY PERSIAN CERAMICS AND MINIATURES.
148, NEW BOND-STREET. Daily, 10—6. Sats., 10—5.

THE ABBEY GALLERY, 2, Victoria-street, Westminster, S.W.1. EXHIBITION of WATER-COLOUR DRAWINGS by VERONICA FISHER and the late DUDLEY FOX PITT. Closes Saturday, Nov. 15th.

LEFEVRE GALLERIES.
EXHIBITION OF PICTURES.
FRENCH MASTERS OF TO-DAY.
14, King-street, St. James's. 10—5; Sats., 10—1.

HEMPEL as *JENNY LIND.*

HEMPEL RECITAL.
NO PRICE LIST.
Steinway Grand Pianoforte.
POPULAR PRICES (including Tax) 2s. 6d., 5s. 9d., 4s. 9d., 3s., 1s. 8d. (admits four).
LIONEL POWELL & HOLT, 6, Cork-street, W.1.

QUEEN'S HALL.
Sole Lessees—Chappell and Co., Ltd.
SUNDAY EVENING CONCERTS.
SUNDAY NEXT, at 8.15.
SPECIAL RECITAL BY
BACKHAUS.
PROGRAMME.
Novelette in E major .. .. } Schumann
Variations on a Theme by Paganini .. .. Brahms
Carnaval .. .. Schumann
Scherzo from "Midsummer Night's Dream" Air, by Ernest Hutcheson .. .. Mendelssohn
Nocturne in C minor; Berceuse .. .. } Chopin
Scherzo in B flat minor .. .. }
Bird Song .. .. .. Palmgren
Concert Study in D flat .. .. .. Liszt
Liebestraum; Campanella .. .. .. Liszt

BACKHAUS RECITAL.
Chappell Grand Pianoforte.
Popular Prices (incl. tax), 5s. 6d., 5s. 9d., 3s. 6d., 2s. 6d., 1s. 8d. (admits four).
THE SUNDAY MUSICAL UNION, Manager, ROBERT NEWMAN, 7, Maddox-street, W.
And LIONEL POWELL and HOLT, 6, Cork-street, W.1.

ENTERTAINMENTS.

CHEZ FYSHER. The French Cabaret at ODDENINO'S. Nightly. Tickets, including Supper, Dancing, and Cabaret (extension to-night till 2 a.m.). Gue Gubba. Gerrard 2082.

MADAME TUSSAUD'S EXHIBITION,
Baker-street Station.
Realistic Tableau Models of
Mr. STANLEY BALDWIN,
Mr. WINSTON CHURCHILL,
Mr. AUSTEN CHAMBERLAIN,
And other Political Celebrities.
Adm. 1s (tax 2d.). Children 6d. (tax free), 10 a.m. to 10 p.m.

MIDNIGHT FOLLIES at the METROPOLE.
Autumn Edition. Best Cabaret in the World. Supper, Dancing. Extension to 2 a.m. TO-NIGHT. Gerr. 8121.

PLAYTIME at the PICCADILLY.
Another new programme, BROOKS & Rose, Leo Bill, Heed and Zado, Helene Zanora, Zella Raye and The Chris, Three Dance Bands, Jack Hylton's, Leo Parker's, Piccadilly. De Groot dancing tea in the Restaurant and Grill Room. The Dansant daily (Sunday incl.), 4 to 6.

PICTURE THEATRES.

KING'S CROSS CINEMA (Opposite Met. Rly. Station) at 2.25, 5.15, and 8.30 p.m.
BARBARA LA MARR in
THE SHOOTING OF DAN McGREW.
Also at 1.15, 4.05, and 7.25 p.m.
OWEN MOORE in
"*HER TEMPORARY HUSBAND.*"

LONDON PAVILION.
Proprietors, London Pavilion, Ltd. Manager, Frank Gledhill; and by arrangement with Charles B. Cochran. Rilae Hargard's Famous Romance.
MOON OF ISRAEL.
Twice Daily, 2.30 and 8.30. Owing to the great demand for seats TWO Performances will be given on Sundays, at 5 and 8.30.
FOR THREE WEEKS ONLY.

MARBLE ARCH PAVILION.—3.15, 6.15, 9.15, the glorious Naval epic, "Zeebrugge." Preceded at 2.5, and 8 by "The Heritage of the Desert," by Zane Grey.

PHILHARMONIC HALL, 61, Portland-st., W.
LAST WEEKS.
TWICE DAILY, at 2.30 and 8.30.
SUNDAYS, at 7.45.
W. and F. Insert's
BEGUILE DUPLON,
THE MOST BEAUTIFUL WOMAN IN PARIS.
In
KONIGSMARK.
The greatest French love story ever told.

POLYTECHNIC CINEMA THEATRE,
Regent-street.
The Stoll Film Co., Ltd. present
CAPT. FRANK HURLEY
and his wonder film.
"*PEARLS AND SAVAGES.*"
Daily at 2.30, 6.0, and 8.30.
Prices 1s. 3d. to 6s. 6d. Matinée 2s6d.

RIALTO, Coventry-st., W. 12-11, Sun., 6-11.
Second Week. Exclusive Private Presentation of Laura La Plante and Reginald Denny in THE LIGHT-NING LOVER (Universal), also "The Heritage of the Desert" (Ernest Torrence and Hale Daniels).

STOLL PICTURE THEATRE, Kingsway.
DAILY, from 2 to 10.45.
SYDNEY CHAPLIN and OWEN MOORE in
"*HER TEMPORARY HUSBAND.*"
BEBE DANIELS, NOAH BEERY, and ERNEST TORRENCE in
"*THE HERITAGE OF THE DESERT*"
FELIX, the CAT, &c.

TIVOLI, STRAND. Gerr. 8222.
DAILY, 2.30, 5.30, 8.30. SUNDAY, 6 and 8.30.
MAE BUSCH in
"*BREAD.*"
And BUSTER KEATON in THE NAVIGATOR.
Prices 1s. 3d. to 3s. 6d.

977

830308055

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] Miss Goldman Hits Soviet / Emma Goldman. – 28 cm. *In* Los Angeles Daily Times. –(Nov. 13, 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Nov 13, 1924 Pt I, Pg 4

Los Angeles [redacted] Daily Times.

URE SEEN R AMUNDSEN

from Norwegian in ic is Unfavorable

Drifting Past North May be Blocked

Ship Must Use Sails Work Way Back

[A P NIGHT WIRE]

IANIA Nov 12 —The explorer, Otto Sverd- told the Berlingske at the latest message he d from Raoul Amund- ship the Maud, ersible He expressed that the plan to drift orth Pole in the Ar- would have to be given

of Nansen the explor to interpret the mes the Maud to mean th has abandoned the ex trying to get back in it He believes the exhausted [illegible] depend on her safety

said that apparentl not return to the pres near Cape Chelyuskin for The message from

N SEEN UMBER DERIVAL

MISS GOLDMAN HITS SOVIET

"Red" Deported From America Also Says She Would Only Return on Own Terms

[BY CABLE AND ASSOCIATED PRESS]

LONDON, Nov. 12.—Emma Goldman, who was deported from the United States in 1919 as an undesirable alien and now seeks asylum in England, was welcomed by 300 Britons to their country at a dinner given in her honor tonight. Miss Goldman spent a considerable part of her exile in Russia and tonight she eloquently excoriated Russia's soviet government. She also declared that if she ever went back to the United States it would be on her own terms.

The oppressed masses in Russia, she said, were being silenced as they never were under the Czar and all ideals had been disregarded by the ruling forces in that country. Bolshevism, she characterized as an international disease and she promised to fight heresies wherever she might go for the principles of liberty which were the most essential things in human life.

The dinner at which she spoke was presided over by Col. Joseph Redmond, a member of the cabinet in the late government and tribute was paid to her in speeches by Bertrand Russell, [illegible] who called her [illegible] fearless friends of freedom [illegible] and Rebecca West, writer, who praised her [illegible] fighting spirit after she had been obliged to spend [illegible] years' stay in Russia.

BARRED FROM ENGLAND

by saying she had come to England seeking one of this country's traditional liberties—the right of asylum.

TURNED DOWN

Bertrand Russell held out little hope that she would receive it. He said that during the reign of the Conservative government which preceded the Labor government, he had approached the Foreign Office, seeking asylum in England for Miss Goldman, but the Foreign Office "turned her down indignantly."

To-night Miss Goldman asked for audience in case she was expelled to make themselves heard [illegible] to rescue the right of asylum from the clutches of the [illegible]

She continued:

"I have come here to throw the light of Russia. I know the Bolsheviki better than most [illegible] have written about it. I spoke [illegible] people [illegible] and [illegible] in spite [illegible] Russia. I [illegible]

AGAINST BOLSHEVISM

OPTIMISTIC FOR TEXTILE TRADE

Head of Cotton Association Sees Better Days

Says Industry Has Turned Corner of Adversity

Reports Progress at Annual Meeting in Boston

[BY A P NIGHT WIRE]

BOSTON, Nov. 12.—The cotton industry apparently has definitely turned the corner and is proceeding slowly though steadily toward better days Robert Amory of Boston, president of the National Association of Cotton Manufacturers, said in his address before the annual meeting of the association here today

"The present cotton crop is the largest in four years and we are assured of sufficient raw material for a much greater percentage of our capacity than through the last year," President Amory said

"A word of caution: We are not assured of sufficient raw material for an adequate reserve supply. Therefore price fluctuation is still likely although not to as great extent as during the year past."

"The past year has been one of the most [illegible] through which the cotton manufacturing industry has ever passed at least in the memory of men now engaged in the business," he said. "The principal cause for it has been [illegible] excessive [illegible] cotton crops as the world without an adequate reserve of raw material [illegible] have endured in [illegible] the [illegible] This coupled [illegible] the ease with which [illegible] may be substituted in cotton [illegible] has brought about tremendous and unwarranted price fluctuations."

[illegible]

WOOD USERS TO CONSIDER WASTE CURE

GUNBOATS SENT TO NANKING

BEST COPY AVAILABLE

978

831121184

The Emma Goldman Papers

[Interview] U.S. Election Dims Emma Goldman's Hope of Returning / Emma Goldman. – [(Nov. 16?, 1924, newsclipping)]. – 1 p. ; 12 × 8 cm.

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the University of Michigan, Harlan Hatcher Graduate Library. Institutional Location: Labadie Collection, Emma Goldman Papers, Department of Rare Books and Special Collections.

U. S. Election Dims Emma Goldman's Hope of Returning

LONDON, Nov. 15.—Emma Goldman's hope for a return to the country where she preached revolution and accomplished only her own deportation, dimmed with the victory of President Coolidge, she said today in the first authorized interview she has granted since her return to England.

The anarchist exile charged that the proceedings under which she was deported were fraudulent and would have been revoked if she had appealed to the Supreme Court, an ambition she thought she might have realized had the election "brought in a more liberal government."

"The only way they were able to deport me was to revoke the citizenship of my husband of long ago, whose whereabouts have long been unknown," she declared.

"Through marriage I became an American citizen. But in 1919 I was very anxious to get to Russia, so I did not appeal then and now I cannot because I cannot enter the country."

850515018

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] Tells of Soviet Terror... / Emma Goldman.– 36 cm. *In* The New York Times. –(Nov. 22, 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

PEASANTS AROUSED, RESIST THE SOVIET

Refuse to Turn Over Their Grain and Armed Tax Collectors Are Powerless.

70 CORRESPONDENTS KILLED

Failure of the Bolshevist School Policy Is Admitted by the Commissioner for Education.

Copyright, 1924, by The Chicago Tribune Co.

REVAL, Nov. 21.—After six years of strenuous efforts to promote class warfare in foreign countries and to cause proletarian movements, the Soviet Government has finally awakened, discovering that widespread, intense class hatred has developed in Russia. Today the hated and feared Russian kulaks (peasants owning one or more horses) have awakened to active resistance against the Soviet Government.

Moscow and Leningrad newspapers of Tuesday and Wednesday arriving in Reval report that the entire Russian peasantry is dominated by the kulaks, who now have a two years' flax crop and also this year's grain crop in their hands, refusing to sell on credit to the Soviet Government.

Tax collecting commissions, even when accompanied by armed escorts, are powerless to collect the grain tax, and in the larger Russian cities the Winter grain reserve is reported to be low.

The price of bread in Moscow and Leningrad has risen 500 per cent in two months and for the first time in two years the huge Russian warehouses at Reval, Riga and Leningrad contain no grain destined for export abroad.

Discussing the present situation, the Moscow Isvestia reports that the conflict between the city and country has taken a serious turn for the worse.

According to the latest number of Izvestia, more than seventy village correspondents have been killed. The paper is publishing daily reports of how the peasants burned correspondents' houses, beating them and ejecting them and their families from the villages.

On Wednesday, in a small town near Leningrad, the peasants chopped a local correspondent for the Moscow Izvestia to death with axes.

The paper urges that the Government immediately begin to nationalize the property of the rich peasants, forcibly collecting taxes long overdue.

Copyright, 1924, by The Chicago Tribune Co.

BERLIN, Nov. 21.—Collapse of the Bolshevist education program is admitted by Commissar of Education Lunacharsky, writing in a Moscow paper. M. Lunacharsky proposes freeing the schools and permitting private enterprises in education because the Soviet system is unable to solve the problem.

In Moscow alone there are 160,000 children for whom there are no school accommodations.

TELLS OF SOVIET TERROR..

Emma Goldman Begins Series of Articles in London Weekly.

Copyright, 1924, by The Chicago Tribune Co.

LONDON, Nov. 21.—Emma Goldman begins an exposure of the Soviet Government of Russia in an article in The Illustrated London News, published tomorrow. She tells what she found on her arrival in Russia:

"I found labor conscripted and driven to work like chattel slaves, arrested for the slightest infringement, and even shot for 'industrial desertion.' I found the peasants the helpless prey of punitive expeditions and forcible food collections—the proceeding of which devastated hundreds of villages and destroyed thousands of human lives.

"I found the prison concentration camps overcrowded with men, women and even children, not because they offered any resistance, but for their opinions. I found Russia in wreck and ruin, presided over by a bureaucratic State, incompetent and inefficient to reconstruct the country and help the people restore their huge hopes and great morals. It would be a betrayal of all I stood for in my life, a breach of faith with the Russian people, as well as humanity everywhere, were I to keep silent after all I saw in Russia, all these harrowing things which continue to the present day."

SOVIET STARTS DRIVE AGAINST DRUG SELLING

Prison and Deportation Among the Proposed Penalties—Users to Be Punished Also.

Special Cable to THE NEW YORK TIMES.

MOSCOW, Nov. 21.—The use of cocaine and other narcotics in Russia, which has been spreading to an alarming extent even among children, has induced the Moscow health authorities to embark upon a vigorous anti-narcotic campaign. The sale of cocaine and trafficking in other narcotics will be punishable by prison, deportation and confiscation of property, and even the consumers will be made liable to prosecution. Compulsory detention in special labor anti-narcotic dispensaries is proposed for cocaine consumers. The Moscow Soviet has decided to organize an anti-narcotic hospital for children and ten labor dispensaries for adults.

Recently several cocaine dens and opium haunts were discovered by the Moscow police, and a number of arrests were made. In one instance more than forty persons, including seventeen women, were found on the premises. Dr. Shlomovitsh, head of the narcotic section of the Soviet Health Department, said: "Germany must be held responsible for this European calamity, as German manufacturers of narcotics contrive by many means to supply cocaine and other narcotics to the world markets."

Smith Installed as Detroit's Mayor.

DETROIT, Mich., Nov. 21.—John W. Smith became Mayor of Detroit this afternoon, after a brief ceremony, terminating a bitterly contested city election here. A writ of prohibition preventing the Election Commission from issuing a certificate of election was not dissolved until late this afternoon in the Circuit Court. Charles Bowles, "sticker" candidate for Mayor, abandoned his fight for the office.

Cuba's Debt Cut $36,520,620.

HAVANA, Nov. 21.—Cuba's public debt was diminished by $36,520,620 between May 21, 1921, and Oct. 31, 1924, it was announced today by the Secretary of the Treasury at a meeting of the Cabinet. The Secretary added that at the present time there was $25,060,596 in the National Treasury.

Million Francs to Help Poor Students.

PARIS, Nov. 21.—Baptiste Sauberan, a French resident of Buenos Aires, has given 1,000,000 francs to the University of Paris for the creation of a fund with which to make advances to needy students. A special committee will administer the fund.

Vera Cruz Workers Boycott Pierce Oil.

VERA CRUZ, Nov. 21.—The syndicate of oil workers has decreed a boycott against the Pierce Oil Corporation, which it accuses of aiding the "free" workers. All syndicate members are forbidden to move products of the company.

WANTS AN ACTIVE LEAGUE.

Lord Grey Ready to Sign Protocol, Undeterred by Fear of Us.

Copyright, 1924, by The New York Times Company.

Special Cable to THE NEW YORK TIMES.

LONDON, Nov. 21.—Lord Grey of Fallodon, speaking at a League of Nations Union meeting tonight, denied that he ever said he was opposed to the protocol. What he had said, he explained, was that he would not be a party to anything which gave a foreign tribunal power to order the British Navy about, and the protocol did not give any such power to any foreign tribunal.

They all wished to see Germany included in the League of Nations, he said. They would all rejoice to see the United States become a member of the League, but the United States having refused to join the League, he thought those people were making a great mistake who urged that they should go gently with the League and keep it as quiet and as unobtrusive as possible in order to try to make the United States become a member.

"If the League of Nations," he continued, "is allowed to lie dormant, the United States will despise it, but if we make it a really effective means of reducing armament and securing peace in Europe, the United States may not decide to join it, but they will respect it and be more disposed to help it in its objects."

Lord Grey went on to say he would not be deterred from signing the protocol by any fear that it was likely to get England into trouble with the United States. The idea that such a step would bring the country into conflict with the United States was absolutely unreasonable, he added.

CARTER ON WAY TO CAIRO.

Will Resume Work on Pharaoh's Tomb, Daily Mail Reports.

LONDON, Nov. 21.—Howard Carter is expected to arrive in Cairo within a few days to resume work on the tomb of the Pharoah Tut-Ankh-Amen, according to The Daily Mail.

The work will be controlled by the Antiquities Department of the Egyptian Government.

BRITAIN CANCELS

included with a proposal for impartial arbitration.

830308056

The Emma Goldman Papers

[Summary of Lecture] Emma Lives and Learns / Emma Goldman.— p. 4 ; 29 cm. *In* Los Angeles Times. —(Nov. 22, 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

...reply of the Labor administration in Great Britain to a statement issued by President Coolidge to the effect ...e expected to call the nations of the ... to assemble in a conference for the ...tions of armaments as soon as a practicable solution was found for the vexed question of war reparations.

...ion looked as though MacDonald was ...g to steal Coolidge's thunder. But ...nald has passed and the government which succeeds him not only is unwilling to call such a conference, but is not sure that such a conference should be ...

...this distance it looks as though the Conservative administration is getting off to a bad start. The foreign policy of the MacDonald government, with the exception of the Russian treaty met with general approval among the Christian nations. But the Conservative government is showing reactionary tendencies. It still seems to be living in the past. Its timidity is that of extreme age. It lacks the initiative that is necessary for the British Empire to maintain its present place in the world.

...governments cannot remain static in a world where everything is moving. Times change and the trend is toward progress. Every act that tends to dampen the enthusiasm of those who are working for peaceful understanding among all nations, is a gesture against the great ideal for which the sacrifices of the World War were made. To the people who are willing to work their ideals by legislation tend to convert those ideals into actualities. Conservatives are inclined to talk while going armed to the teeth. That is the kind of policy that caused the World War, and it persisted in will ...ate another of its kind.

...N WITH THE RAT KILLING

...ity's conduct is to be commended for ...mpt and vigorous action in the ...ampaign against the rat. The ... which infest the poorer quarters ...ty and are a constant disease ...ace will either put an end to the ... of bubonic pneumonia in ... the present campaign is a quar... there will be no recurrence of ... epidemic. $5,000 for the use of ... of Health in a war on rats and ... areas the city ... has demonstrated the fact that ... extermination must follow a ... The fat is always an enemy ... menace and a danger wherever he ... attacks human habitations. ... extermination is money ...

... million is not an excessive ... the clean up of our insanitary ... It is more economical ... consideration of health ... to wage a no-quarter war ... and vermin than to continue ... and lodge a large army of ... of the citizens. For ... estimated that it costs $9 ... a full grown rat. Thus the ... annually by the rats ... into millions of dollars ... rodents do in return is ... scatter disease carrying ... the health of their pro...

EMMA LIVES AND LEARNS

...people to question ... take a great many people to build things up.

If one heard these words in a speech by Calvin Coolidge or Herbert Hoover one might think it was ... one would be surprised at their ... But when the words are uttered by Emma Goldman, ... the most virulent of American anarchistic agitators, ... it becomes a ...

She was ... shakers ... all ... small.

... scout ... mobilized ... period ... sent to the ... ing of ... had from it. Now we learn a genuine reason for the freedom ... ing at last the ... Bolshevist ...

"Bolshevism ... she declared ...

Since they have ... version of this ... deportation ... established. But ... freedom of America, a right establishing a personal contact ... the land of her birth she would still be praising the benefactors ... with William Z. Foster and Senator ... joining in the chorus.

It is a pity that some of the other Reds cannot be treated with the hair of the same dog.

THE MERRY GARDEN WAY

If Mary Garden ever becomes weary of opera and desires to turn her talents toward some more remunerative work she should be able to reap a fortune in the anti-fat business. Once before the temperamental ...

ELECTION RESULTS

Wall street ... having some more of its business days ... one of them—right after the election. There was said to be a panic ... This was one of the ... have a ... and the ... was almost unprecedented. ... of the country was to ... and industrials and this means that all classes of ... have confidence in their own city and its future. Radicals may ... the boat, but it is well that we ... are ...

THE WORLD'S WINDOW

...reports are ... by reports from the ... areas. It seems that entire ... areas where nearly ... have been abandoned. The ... with the shelling of ... years of war that the areas have been ... to ascertain to see what profit they ... by extracting from the soil any ... debris of war material, particularly ... steel and iron. The ... are ... labor, mostly Chinese, Polish ... Moors from North Africa, probably the remnants of the war time labor units. Nationality skeletons are frequently uncovered. The workmen are supposed to notify the authorities immediately upon making such finds. The bonus for finding a skeleton is ... two francs, while that of a shell fuse is double that amount. The searchers have little respect for the bones of the heroes of the Chemin des Dames and the Verdun ... and back off bodies and otherwise mutilate the dead in order to get at pieces of jewelry and gold teeth. It must be a ... business, but human beings can grow accustomed to anything it seems. Some of the battlefield ghouls have been arrested and a search of their huts has revealed ... of jewelry and valuables, some of it ... attached to the bones. Every soldier knows the names over the graves signify very little. Men were often buried in great numbers and in haste. Though they lie in common graves and their names appear ... elsewhere on the field, their glory is ...

...to start as ... increased.

Many peop... them made ...

It some re... mess can ... work.

It marriage ... now it is also ... than a frost.

Things have ... until the av... and so her ...

Said to be ... ton crop. Th... spit it are ou...

The movem... Hobo and pat... ated terror in ...

Those enlve... lore can find ... lections on ...

Even a pro... have a hard ... hobbies on a ...

The almanac ... old fashioned ... in the East, b... gloat over.

Women hav... $16 a week, as ... cannot keep ... less money.

BEST COPY AVAILABLE

981

821015200

The Emma Goldman Papers

International News: Greetings from Emma Goldman / Emma Goldman. – p. 5 ; 29 cm. *In* The Road to Freedom [New York]. – Vol. 1, no. 2 (Dec. 1924).
Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

Vol. 1 - No. 2
Dec. 1924
P. 5

the welfare of all based on the welfare of each.

• • •

WE shall always find that when men come to assume the duties connected with official position, their presumption and their arrogance develop at such an amazing rate that they finally make themselves believe that they are infallible, and therefore not accountable for their acts. That is the feeling that is always sure to accompany an increase of power—a belief at last in freedom from all accountability. Power cannot endure criticism, because it is well known to everyone that power has no ground on which to stand consistently. But was there ever a man who could properly be called infallible? If there is not—and everybody knows there is not—then there is no basis on which to justify the exercise of power over anybody at any time. Everybody is in all respects as good as his neighbor. To be infallible, is to be godlike. But there are no godlike men. All claim or pretense to authority under any circumstances is a fraud and a sham—simply a bare-faced and palpable lie. It is a lie so far materialized as to permit of its being grasped and retained till its hollowness can be detected.

International News

GREETINGS FROM EMMA GOLDMAN

London, England.

. . . . That is good news that you are to start a paper. Heaven knows it is necessary after so many years of silence. I confess the fact that nothing was being done in America since our deportation has been harder to bear than many other things that made life so difficult the last seven years. It merely proves to me that my thirty years of hard effort had left no trace whatever, if no one attempted to revive what has been paralyzed with our unwilling departure. You can imagine then how glad I am to learn that you are going to put life into some of our people. I hope fervently that you may succeed. I know if only you will give yourself wholly to the work and hold out, you will succeed in bringing out a truly worth while paper. Of course, I will help you all I can. But just now I cannot write an article, I am so unsettled and restless, I can think of nothing else, except some way of gaining grounds here so that I can once more make my life count for something more than it has meant to me, or anyone else since I left Russia.

—Emma Goldman.

Christmas Adventures of Jesus

By MAX BAGINSKI

SEVERAL weeks before the Christmas holidays Christ decided to descend on earth in human form, in order to inspect his work of salvation.

The first place he came to was Golgotha. He recognized it, as well as the entire neighborhood of Jerusalem, by the poverty and filth prevailing there. Those places had changed little during the two thousand years of Christianity's reign.

The heathens had disappeared; the Romans were not in evidence. Turks, Christians and Jews had taken their place; the disciples of Mohamed and the Nazarene were bickering over the exclusive possession of the Holy Sepulcher. Christ was told that it was the

ing because each side wanted to monopolize the legend of the angels for business purposes.

"Thus I serve these people as an advertisement to attract the gullible; how peculiar the success of my vicarious atonement!"

Then Christ asked to be told about the various relics.

He was shown a bottle containing the blood-drops of Gethsemane—the blood that man's fear had made him shed through the treachery of Judas Iscariot.

"Blood of my bleeding?" thought Jesus, gazing wonderingly at the strange-looking contents of the bottle. He soon learned that that it was the blood of [illegible] to Christ.

"How vicious to preserve those horrible things," thought Christ. He was mistaken, however; the nails he saw were of American manufacture, furnished to the foreign markets at lower prices than at home. They were probably a gift to the pious hucksters of Jerusalem by an American priest—no doubt, a disciple of Cardinal Hayes.

Among other things Christ saw the sacred head bandage—English flannel—and the ointment with which the dead Saviour was anointed—the by-product of a renowned French soap factory.

"Swindle and graft, in my name," groaned Jesus. Depressed and weary, he went on his way.

A begging priest sent curses after the stranger who would not drop a coin into the box to help the Church.

• • •

Christ journeyed to Europe. On the way he made the acquaintance of a missionary, who enlarged upon the growth of Christian civilization among heathen and savage races.

"At first the Bible is introduced to them," said the missionary; "after that they are given in charge of Christian merchants, and finally Christian soldiers and cannons are sent to protect the interests of commerce and missionaries."

Christ marveled at such ingenuity. He pitied his folly in attempting to save these shrewd creatures.

Jesus visited every European country, everywhere hearing the complaint that the military and marine budgets were altogether inadequate to meet Christian demands. Every Christian government, to defend itself against its Christian neighbors, was calling for an increased, well-trained and disciplined army and navy, for the Christian mission of wholesale slaughter.

"Miserable wretches, they have converted my teachings into cannons and torpedoes!"

• • •

At Liverpool Jesus embarked for America. On board he observed that the passengers were rigidly separated into three classes: people of great means, persons with limited income, and those stricken with the plague of poverty.

The latter were treated and fed like

982

880623004

The Emma Goldman Papers

[Excerpt from Lecture] "Red" Emma / Emma Goldman.— p. 34 ; 36 cm. *In* The Commune [London]. —Vol. 2, no. 4 (Dec. 1924, fragment).

Obtained from The Mitchell Library, Glasgow, Scotland. Institutional Location: Guy Aldred Collection, Rare Books and Manuscripts Department.

"RED" EMMA.

Emma Goldman, one time Anarchist propagandist in America, has repeated in Britain her disgraceful Yankee-Penn tactics of pandering to the capitalist press in her denunciation of the Soviet Government.

On Wednesday, November 12 last, a dinner was given to her at Anderton's Hotel, Fleet Street. This was boosted in the "Daily Herald" four days previously. We were told that she had been described as "a moral power, a woman, who, with the vision of a sibyl, prophesies the coming of a new kingdom for the oppressed," and ; *"She is now seeking an asylum in England."*

Seeking an asylum in England, under a Tory Government! When she wrote her disgraceful articles for the capitalist press of America, she was seeking an asylum in America. This woman who has been imprisoned for Anarchism, and knows only too well the methods employed by the capitalist class in its war on labor, at a time when the political agents of that class are planning to crush the workers more ruthlessly than ever, is prepared to purchase a capitalist asylum by joining the legion of white slanderers and enemies of the Soviet Republic. Her desire for capitalist notoriety the yellow-white press exploits and gratifies to the full.

The London "Daily Express," in its issue for Monday, November 10, boosted her reception in a long article, under startling headings. It described her as "Red Emma," with the 'tongue of fire' and the 'heart that burns with hate,' the 'most dangerous women the world.' " It described her "secret visit" :—

"Emma Goldman is in London. She . . . has only been in London a few weeks. Her presence has been entirely unknown, except to a few chosen souls of anarchy. The High Priestess' official debut in England will not be made till Wednesday evening. . . . She did not stay long in Russia under Soviet rule, but she was there long enough to be entirely disillusioned about the methods of the Russian Communists, whom she proceeded to denounce. Emma Goldman discovered in this Utopian Russia 'despotism in the highest degree—torture, murder, misuse of power' to an extent which she had not thought possible."

It reports Emma thus :—

"My presence here in London is not supposed even to be known just yet. On Wednesday I shall make all the statements that are necessary to explain my purpose and motive in coming to England."

The next day the same journal published the following interview with Rebecca West :—

"Emma Goldman, when she makes public her feelings towards the Bolsheviks, will be the best advocate of anti-Bolshevism to whom England has ever listened. . . . She is a disappointed woman. She has come to London thoroughly disillusioned with what she has seen in Russia. Her early anarchist theories have been tested and moderated a great deal in the course of her life. . . . The time spent in Russia has changed her theories to a great extent, and Bolshevism is no longer her great enthusiasm."

And now read the following statement made to a reporter by the notorious Emma, culled from the London "Evening Standard," for November 10 :—

"Some of my friends here in England are giving me a dinner to welcome me. There is a committee. It will be on Wednesday night, and then I shall say all I have to say. Until then no interviews. . . . I have been here seven weeks, and I haven't given an interview yet. You see I am going to do some work. I am not going to say what it is, not until the dinner. Then I shall say all."

That her "work in London" was just White campaigning against the Soviet, her speech at the dinner made perfectly clear.

The "Daily Express" gave striking headings to its report of her speech. We select the two minor ones :—

"CZARDOM BETTER."

"THOUSANDS TORTURED IN PRISON."

The Glasgow "Daily Record" used two headings the chief being:—

"MASSES SILENCED BY SOVIET."

And one of the headlines in the "Daily Herald" was 'Campaign Against the Soviet"

From the "Daily Express" report of her speech we cull the following :—

"I know that I shall be accused of being in the pay or employment of Mr Baldwin or Mr Churchill. . . . But none of these accusations shall deter me from stating the truth about the present Russian Government. . . . I have come here to England to tell the English people the truth about Russia as I saw it and as I know it ; and because I know Russia better than most people who have written about that country. I have come to speak for the suppressed masses of Russia who have been silenced by the powers of Bolshevism as they were never silenced under the rule of the Czar. . . . I saw thousands upon thousands of men, women, and even children in the prison camps of Siberia and all over the country, tortured and slowly dying because they dared to hold an opinion. I have come to England to explode that preposterous superstition that the present Russian Government represents the workers of Russia. It does not. . . . As long as I am permitted to stay in England I shall raise my pen and my power to emancipate the men and women of Russia from Bolshevism."

The "Daily Record" report contained the further Anti-Socialist declaration made by the speaker :—

"Do not delude yourselves because the Communists in Britain are not many. It does not require many people to destroy what takes many to build up. Bolshevism is an international disease."

This sentence also appeared in the "Daily Herald" somewhat eulogistic report, which also said ; "In her speech this little woman . . . made it clear that if permitted to stay in this country as a political refugee she intends to set out on a vigorous campaign directed against the present Government in Russia."

And we find this comment in the "Daily Express" report:—

BEST COPY AVAILABLE

983

871215005

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In Italian] La tragedia dell'emancipazione femminile / Emma Goldman. – 50 cm. *In* L'Adunata Dei Refrattari [New York]. – Vol. 3, no. 48 (Dec. 6, 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from Archivio Famiglia Berneri.

LA TRAGEDIA DELL' EMANCIPAZIONE FEMMINI

Comincerò con una affermazione: lasciando da parte tutte le teorie politiche ed economiche, le distribuzioni di classe e di razze, le frontiere tracciate artificialmente fra i diritti della donna e quelli dell'uomo, mantengo che v'è un punto dove queste divergenze possano incontrarsi e fondersi in un tutto perfetto.

La pace o l'armonia fra i sessi e gli individui non dipende necessariamente da un livellamento superficiale degli esseri umani, esse non esigono neppure le eliminazioni delle particolarità e dei tratti individuali. Il problema che noi abbiamo a trattare oggi e che un prossimo avvenire avrà da risolvere è questo: Come essere sè stesso e ciò nonostante trovarsi in unità, come sentirsi in profonda comunione con tutti gli esseri umani e conservare intatte le proprie qualità caratteristiche? Mi sembra essere il terreno sul quale potrebbero incontrarsi senza autagonismo e senza opposizione e la massa e l'individuo, e il vero democratico e l'individualista vero, e l'uomo e la donna.

La formula non deve essere: perdonarsi l'un l'altro, ma bensì: comprendersi l'un l'altro. La frase così sovente citata da Madame de Stael: "Tutto comprendere, e tutto perdonare" non mi ha mai particolarmente imposto; la frase sente il confessionale; perdonare altrui, evoca l'idea d'una superiorità farisaica. Comprendere il suo prossimo basta ed è questa affermazione che incarna in parte le mie idee sull'emancipazione della donna, ed i suoi effetti sopra il suo sesso intero.

La sua emancipazione dovrebbe dare alla donna la possibilità d'essere umana nel senso il più vero. Tutto ciò che in lei reclama l'affermazione di sè e l'attività dovrebbe raggiungere la sua più completa espressione; e si dovrebbe sbarazzare di tutte le traccie dei secoli di sottomissione e di schiavitù, la strada che conduce ad una libertà più grande.

Fu lo scopo originale del movimento in favore dell'emancipazione femminile. Ma i risultati fin qui ottenuti hanno isolato la donna e l'hanno spogliata delle sorgenti di un benessere che le è così essenziale.

L'emancipazione esteriore ha semplicemente fatto della donna moderna un essere artificiale che fa pensare ai prodotti della alberocultura francese, coi suoi alberi e i suoi arbusti fantastici tagliati in piramidi, in coni, in cubi, ecc. E' specialmente nella sedicente sfera intellettuale della nostra vita che si può incontrare un grande numero di queste artificiali piante femminili.

La libertà e l'uguaglianza per la donna! Quante speranze e aspirazioni, queste parole hanno risvegliato, allorchè sono state pronunciate per la prima volta da qualcuno dei cuori i più nobili e più bravi dei nostri giorni. Il sole in tutta la sua gloria, in tutto il suo splendore era per levarsi su un nuovo mondo ove la donna sarebbe libera, libera d'orientare il suo proprio d[e]stino: scopo certamente degno d'entusiasmo, di coraggio, di perseveranza e dello sforzo incessante della coorte dei pionieri dei due sessi che rischiarono tutto per levarsi attraverso un mondo marcio di pregiudizi e d'ignoranza. Le mie speranze ugualmente tendono a questo fine, ma io mantengo che l'emancipazione della donna, tale e quale si pratica e la si interpreta oggi, ha totalmente fallito.

La donna, attualmente, si trova nella necessità di **emanciparsi dall'emancipazione** se ella desidera affermarsi. Ciò può sembrare paradossale, purtuttavia non è che troppo esatto.

Che ha ella ottenuto grazie alla sua emancipazione? Il diritto di voto in qualche Stato. Questo risultato ha esso purificato la vita politica come l'avevano profetizzato numerosi protagonisti del suffragio femminile? Certo che no. Passando, è realmente molto tempo che le persone dotate di giudizio sano e chiaro, cessino di parlare della "corruzione nel dominio politico" come un tono da salotto ben pensante. La corruzione, in politica, non ha nulla a che fare colla morale o il rallentamento morale delle diverse persoualità politiche. La sua origine è puramente materiale. La politica è il riflesso del mondo commerciale ed industriale, di cui ecco qui le divise: "C'è più felicità nel prendere che nel dare", "comperate a buon mercato e rivendete caro", "una mano sporca lava l'altra". Non c'è affatto da sperare che la donna in possesso del diritto di voto possa purificare l'atmosfera politica.

L'emancipazione ha fatto della donna l'uguale economica dell'uomo; vale a dire ch'ella può scegliere la sua professione o il suo mestiere. Ma siccome la sua educazione fisica passata e presente non l'ha dotata della forza necessaria per fare concorrenza all'uomo, ella è sovente obbligata a consumare tutta la sua energia, a spossare la sua vitalità e a tendere tutti i suoi nervi all'eccesso per raggiungere il suo valore mercantile. Anzi, pochissime arrivano, poichè è un fatto riconosciuto che le istitutrici, le dottoresse, le donne architette e ingegnere non sono accolte colla medesima confidenza dei loro colleghi mascolini e non sovente non ricevono una rimunerazione equivalente alla loro. E per quelle che raggiungono questa uguaglianza ingannatrice è generalmente alle spese del loro benessere fisico o psichico. Quanto alla grande massa delle operaie, quale indipendenza hanno esse guadagnato scambiando la ristrettezza di vedute e la mancanza di libertà del focolare, per la strettezza di vedute e la mancanza di libertà dell'officina, dell'atelier di confezione, del magazzeno o dell'ufficio? Si aggiunga, per numerosi

L'ADUNATA DEI REFRATTARI ANNO III° n°48
6 dicembre 1924

BEST COPY AVAILABLE

871215005

The Emma Goldman Papers

[The tragedy of woman's emancipation. In Italian] La tragedia dell'emancipazione femminile / Emma Goldman. – 50 cm. *In* L'Adunata Dei Refrattari [New York]. – Vol. 3, no. 48 (Dec. 6, 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from Archivio Famiglia Berneri.

L'ADUNATA DEI REFRATTARI ANNO III n° 48 6 dicembre 1924

"La tragedia dell'emancipazione femminile"

donne, la preoccupazione di ritrovare la loro abitazione fredda, glaciale, in disordine ed inospitale, al sortire dei loro rude compito giornaliero. Gliortosa indipendenza in verità! Nulla da stupirsi se centinaia di giovinette si mostrano così premurose d'accettare la prima offerta di matrimonio che si presenta, disgustate e stanche come sono della loro "indipendenza" dietro un banco, una macchina da cucire o una macchina da scrivere. Esse corrono al matrimonio nello stesso modo delle ragazze della classe media che aspirano a rigettare il giogo dell'autorità parentale. Un'indipendenza che ha per iscopo il guadagno d'una sussistenza mediocre non è così attraente ne tanto ideale da poterci attendere che la donna ci si sacrifichi. Dopo tutto, la nostra indipendenza così altamente vantata non è che un metodo lento di addormentare e soffocare la natura femminile nei suoi istinti dell'amore e della maternità.

La strettezza della concezione esistente dell'indipendenza della donna e della sua emancipazione; il timore d'amare un uomo che non è suo eguale al punto di vista sociale; il timore che l'amore la spoglierà della sua libertà o della sua indipendenza; il terrore che la gioia o l'amore della maternità possa nuocere all'esercizio della sua professione; tutte queste apprensioni fanno della donna moderna emancipata una vestale per forza davanti alla quale passa la vita — coi suoi grandi dolori che purificano e le sue gioie profonde che rapiscono — senza che la sua anima ne sia toccata o trascinata.

L'emancipazione femminile tale quale è compresa dalla maggioranza di quelle che l'accettano o l'espongono, occupa un orizzonte troppo ristretto per lasciar posto all'espansione, in piena libertà, alle emozioni profonde della donna vera: amante e madre. Ora, se è vero che la donna economicamente e sovvenentesi da sè stessa sorpassa la sorella delle generazioni remote nella conoscenza del mondo e della natura umana, è precisamente a causa di ciò che ella risente profondamente l'assenza dell'essenziale alla vita: l'amore che può solo arricchire l'anima umana e in mancanza del quale la maggioranza delle donne sono diventate dei semplici automi professionali.

Ogni movimento che mira alla distruzione delle istituzioni esistenti e il loro rimpiazzamento da qualche cosa di più avanzato, di più perfetto, conta dei partigiani, i quali, teoricamente, difendono le idee le più radicali, ma nella pratica della vita quotidiana non sorpassano i Filistini del medio evo, fingenti d'essere rispettabili e ricercanti la buona opinione dei loro avversari. Si trovano così dei socialisti, persino degli anarchici, che sposano l'idea che "la proprietà è un furto" ma che s'indignerebbero se qualcheduno debba loro il valore d'una mezza dozzina di spilli.

Si incontrano Filistini del medesimo genere nel movimento femminista. I giornalisti gialli ed i letterati alla botteguda di pane hanno tracciato della donna emancipata dei quadri da far raddrizzare i capelli del buon cittadino e della sua melanconica compagna.

Si dipingeva ogni aderente a un movimento come una George Sand sotto il rapporto del suo disprezzo per la moralità. Nulla gli era sacro. Emancipazione femminile divenlava sinonimo d'una vita di sregolatezze e di lussuria, accordo, anarchia, amorale. Le partigiane dei diritti della donna s'indignarono d'una tale caricatura, mancanti d'"humor", esse misero tutte le loro energie a provare ch'esse non erano così cattive come le si dipingeva, ma tutto il contrario. Certo, per sì tanto tempo che la donna aveva gemuto sotto il giogo dell'uomo, essa non poteva essere nè buona nè pura.

Ma ora libera ed indipendente ella intendeva mostrare quanto buona poteva essere e provare che la sua influenza avrebbe un effetto purificatore sopra tutte le istituzioni della società.

Il movimento grandioso in favore di un'emancipazione reale non ha trovato sul suo cammino una grande razza di donne capaci di guardare la libertà in faccia. Il loro punto di vista puritano, ipocrita, bandì l'uomo dalla loro vita emotiva come un perturbatore ed un suspetto; è molto se lo si è tollerato come padre del bimbo, perchè non si poteva punto farne a meno. Felicemente che i puritani più rigidi non saranno mai abbastanza forti per uccidere l'aspirazione innata della materialità. Ora, la libertà della donna è strettamente legata a quella dell'uomo e molte delle mie sorelle, redicenti emancipate, sembrano ne liberare il fatto che un figlio nato nella libertà, reclama l'amore e la devozione di tutti gli esseri umani che lo circondano, dell'uomo come della donna. Di grazia! allora, è questa concezione stretta delle relazioni umane che ha prodotto la tragedia che i rappresenta nella vita delle donne e delle uomini contemporanei.

Una ricca intelligenza e una bella anima sono generalmente considerati come gli attributi necessari d'una personalità nobile e ben temperata. In ciò che concerne la donna [illegible] questi attributi servono da ostacolo alla completa affermazione del suo essere. Ecco ben più d'un secolo che l'antica e biblica formula di matrimonio "finchè che la morte li separi" è stata denunciata come un'istituzione implicante sovranità dell'uomo sopra la donna, sottomissione assoluta di quest'ultima ai suoi capricci ed ai suoi ordini, la sua dipendenza completa e per il nome e per le condizioni di vita. Molte e molte volte, si è provato irrefutabilmente che le vecchie relazioni matrimoniali riducevano la donna alle funzioni di domestica dell'uomo e di procreatrice dei suoi figli. E nonostante noi incontriamo un grande numero di donne emancipate che preferiscono il matrimonio, con tutte le sue imperfezioni, all'isolamento di una vita di celibato: vita ristretta ed insupportabile a causa dei pregiudizi morali e sociali che mutilano e legano la natura femminile.

L'esplicazione di simile inconseguenza dalla parte di molte donne avanzate, proviene dal fatto che esse non hanno mai compreso veramente ciò che significa l'emancipazione; si sono immaginate che avevano tutto compiuto rendendosi indipendenti dalle tirannie esteriori. Le convenzioni etiche e sociali, i tiranni interiori ben più dannosi per la vita individuale si lasciarono curar soli. Ed essi sembrano occupare un posto tanto considerevole nelle teste e nei cuori delle più attive delle nostre propagandiste femministe che non nelle teste e nei cuori delle nostre bisavole.

Che importa se questi tiranni interiori si presentino sotto la forma dell'opinione pubblica o di ciò che ne dirà mamma o zia – o i vicini, il padre Pudore, il padrone o il Consiglio di disciplina?... —

Fintanto che la donna abbia appreso a sfidare tutti questi brontoloni, tutti questi "detectives" morali, tutti questi carcerieri dello spirito umano; fintanto ch'ella abbia appreso a restar ferma sopra il suo terreno e a insistere nell'esercizio della sua propria libertà, senza restrizione, d'ascoltare la voce della sua natura, sia la chiami al più grande lavoro della vita: al diritto di mettere un figlio al mondo — fin là non può chiamarsi emancipata.

In uno dei suoi libri, un romanziere moderno ha tentato di dipingere la donna ideale, bella, emancipata. Questo ideale si incarna in una giovane, una dottoressa. Ella discorre con molta abilità e saggezza sulla maniera di allevare i bambini, ella è caritatevole e fornisce gratuitamente dei medicamenti a povere madri. Ella conversa con un giovinotto che conosce sulle condizioni sanitarie dell'avvenire e spiega come i germi saranno sterminati coll'impiego dei pavimenti e dei muri in pietra, con la disparizione dei tappeti e delle tende. Ella è, naturalmente, vestita molto semplicemente, molto praticamente, in nero. Il giovanotto, che al loro primo incontro era stato intontidito dal sapere della sua amica emancipata, impara gradualmente a comprenderla e s'accorge un bel giorno che la sua [illegible] sono giovani; ella è buona e bella, e benchè rigidamente vestita, un collo bianco, immacolato e dei polsini radiolciscono il suo aspetto severo. Ci si aspetterà ch'egli la intrattenga sul suo amore, ma egli non è certo uno da commettere delle assurdità romantiche, non di certo. Ecco che ci impone silenzio alla voce della sua natura e resta corretto. Ella pure continua a mostrarsi esatta, ragionevole, ponderata. Io temo bene che si fossero uniti, che il giovinotto avrebbe risvegliato di [illegible] vivo. Confesso che io non vedo nulla di grandioso in questa "nuova bellà" così fredda quanto i muri e i pavimenti i quali ella sogna. Preferisco le ballate amorose dei secoli romantici, Don Giovanni, i rapimenti al chiaro di luna, le scale di corda, le maledizioni paterne, i gemiti della madre e i commenti dei vicini indignati, a questa correttezza e a questa rigidezza misurata alla cordinella. Se l'amore non sa come dare e prendere senza restrizioni, non è dell'amore, ma una transazione che non manca mai di considerare in primo luogo il beneficio e la perdita che deve risultare dall'operazione.

La salute risiede in una marcia energica verso un avvenire più brillante, più chiaro. Ciò che ci occorre è di sbarazzarci delle vecchie tradizioni, delle abitudini disusate, ed andare avanti. Il movimento femminista non ha compiuto che il primo passo in questa direzione. Bisogna sperare ch'esso guadagni abbastanza forza per farne un secondo. Il diritto al voto, alle capacità civiche uguali, possono costituire delle buone rivendicazioni; ma l'emancipazione reale non comincia nè all'urna nè alla barra. Esso comincia nell'animo della donna.

La storia ci dice che è per il loro proprio sforzo che in tutte le epoche gli oppressi si sono realmente liberati dai loro padroni. E' di tutta necessità che la donna ritenga questa lezione che la sua libertà si estenderà fin dove si estenderà il suo potere di liberarsi e crescerà con esso. E' dunque mille volte più importante per essa di denunciare dalla sua riscenerazione interiore, di lasciar cadere il fardello dei pregiudizi, delle tradizioni, dei costumi. La rivendicazione dei diritti uguali in tutti i campi della vita è equa e giusta, ma, infine, il diritto più vitale e quello d'amare e d'essere amata. Se l'emancipazione [illegible] e parziale, deve trasformarsi in un'emancipazione completa e vera della donna, e a condizione che ella faccia un fascio della nozione ridicola che essere amata, essere amante e madre è sinonimo d'essere schiava o subordinata. Occorre che si sbarazzi dell'assurda nozione del dualismo dei sessi altrimenti detto che l'uomo e la donna rappresentino due mondi antagonisti.

La meschineria separa; la larghezza riunisce. Si sia larghe e generose. Una concezione vera delle relazioni sessuali non ammette nè vincitore nè vinto; essa non riconosce che una cosa: il dono di sè, illimitato, affine di ritrovarsi più affermata, migliore.

Ciò solo può completare il vuoto e trasformare la tragedia dell'emancipazione femminile in una gioia, una gioia senza limiti.

EMMA GOLDMAN.

Traduz. **Maria Pellegrini**

L'ADUNATA DEI REFRATTARI ANNO III n° 48

6 dicembre 1924 "La tragedia dell'emancipazione femminile"

BEST COPY AVAILABLE

985

850515019

The Emma Goldman Papers

[Interview] Emma Goldman Weary of Bolshevism / Emma Goldman.— 29 cm. *In* The New York Times. —(Dec. 7, 1924).

Obtained from the University of California, Berkeley. Institutional Location: Doe Library.

machine," for
wath twenty-
of wheat, and
or three miles
ree miles long
n, thrashes it
agon which is
letached when
raction engine
hauls it, along
it, in a long
to the nearest

ery operation.
done a fleet
h one towing
les along in a
oss the Camp-
Each of these
oil, then cuts
ks and finally
hem and har-
battery can
s—one square

done before?
machines and
have been on
years. Why
d growth al-
farms?" Mr.

ees.

ainst farming
arge amounts
"There seems
farming is a
sing—that the
ater than in,
or steel rails.
that—it's a
research has
of, say, ten
as any other
fer in some
inty of the
the counter-
records care-
in a period
rage up to a
If there are
eason or two
nding rainfall
re ten years
ations in be-
e as a whole.
itions farming
the manufac-
can get along
than they can

nced that the
oduce just as
for the large
any other in-
e big banker
Of course, a
to farmers

Any big corporation operating on a national scale divides the risks by plac-

capital into other industries through the public sale of stock?" the writer asked.

"That's got to come," he answered.

but they also have a voice in the conduct of the business. Our board of di-

That averages up to about $8 a day. Of course we deduct for breakages

advance—he will reach the goal in 1926.

Some idea of the present size and

trained men are increasingly in demand in industry generally, so they are, and

have to han
even now in
present basis
to half a mil
crop cycle, f
harvesting.
a thrilling
blooded man
He has to sp
in the open
office.

"The farm
where the sk
good job, un
ditions and
from now, we
men working
coming when
the farmer a
farmer of the
in the world
great industri

FOR INTE
LA

A SUGGES
the wor
tional
bankruptcy
Stockholm C
tional Law A
meeting brou
lee, Honorary
branch, show
sion on this
E. Leslie Bur

"So long a
as a local or
the assets
jurisdiction
country in
been pronoun
are, alienate
reach of cred
quently local
by local proc
of assets in t
in effect beco
the bankrupt

"For bankr
the sense th
country is a
effect in any
drastic," thou
gested that th
tion, agreed
of the world.
ruptcy all
shall pass fro
of the court
tors generall
er safeguard,
courts of
to apply to
country in w
are situated
cal powers o
and limited
day the

EMMA GOLDMAN WEARY OF BOLSHEVISM

Anarchist From America Finds New Autocracy More Oppressive Than Old

By DIANA BOURBON.

LONDON.

EMMA GOLDMAN, anarchist, disgusted with Russia because it is not "revolutionary enough," has come back a step toward the land that would not have her. She has arrived in England from the Continent, has taken obscure lodgings in London, and is casting homesick glances westward across the Atlantic to the United States, whence she was deported as an undesirable soon after the close of the war.

"America, for all its worship of material things, is not so bad. It has temporarily forgotten the ideals of its founders, but it still has those ideals at heart, and they will be the salvation of the world," she says, in effect, and adds: "America is better than Russia." She has seen Bolshevism close up, and is disgusted with it.

Only a few months ago a British Home Secretary assured Parliament that Emma Goldman would be cast out if she attempted to land on England's shores. Yet she is now in London, writing, studying, seeing her followers, speaking at meetings and even attending a dinner given in her honor.

"How did you succeed in getting here?" I asked her. We sat in the quiet house near Regent's Park where she stays. As she looked out at the rain of a typical British November one could almost fancy that she asked herself why she had tried.

"It was not hard," she answered. "I simply got a visa."

Just like any one else, she had applied at the British Consulate in the land where she was exiled. The visa had been granted as a matter of course, and here she was, comfortably sheltered in a realm that had solemnly vowed never to admit her.

Explains Anarchist Doctrine.

We discussed anarchism, which holds that all government is bad and should be destroyed. At an anarchist gathering the night before I had heard her say that it requires little effort or intelligence to destroy and much to build up again—an unusual admission for a person of unconstitutional leanings. So I asked her what anarchism proposed to do in the building-up line.

"We anarchists do not admit," she said, "that it is government that holds society together. Government, of course, exists on the pretense that it does so, but in reality it is industrial and cultural effort that holds any country together. We propose, therefore, that, instead of being governed, people should learn to govern themselves. Instead of spending more money, as governments do, on punishment than on education, let enough money be spent on education to make punishment unnecessary. Society can be built up securely on a basis of common interests.

"As long as people recognize their common interests (which are order, work, the right to individual freedom, and the material necessities of life), they can live together without a governmental gun held at their heads. Everybody should have just as much freedom as does not impinge on the freedom of others, and government should be from within, not from without. • • • In the same way, education means bringing out the latent good in people, not stuffing into them a lot of external knowledge."

The word "anarchism," according to Miss Goldman, has come into disrepute, and with it the party whose name it is, through loose and wrong use. "Because anarchism means 'without government,' people have come to use the word as synonymous with chaos and destruction," she says. "But people always revile what is new and what they don't understand. In time they will learn better. Already the Standard Dictionary has provided a new definition of the word, and that is a beginning."

Opposed to All Violence.

Anarchism, she adds, is opposed to all violence. In fact, its chief objection to government is that in all its thousands of years of existence government has not succeeded in doing away with violence, its own or other people's; it has not put an end to those crimes it ostensibly exists to prevent and is always punishing. Consequently, any violent acts by professing anarchists, so far from being an accepted part of their philosophy, are directly contrary to it. Miss Goldman offers for these acts the excuse that they are due to the reaction of the sensitive, strained organism of some individual to the injustices of modern social organization. She herself, she declares earnestly, has never preached or urged on any one the commission of an act of violence.

"Partly because I strongly deplore such methods, since violence only begets violence; and, secondly, because if I could conceivably be brought to the point at which I thought what society calls a crime to be necessary, I would far rather go out and commit it myself. I have always taken full responsibility for my actions and my opinions. If I had ever urged such a course on anybody else, I should have felt it to be my unavoidable duty to go to stand beside that person in the dock."

Emma Goldman, "Red Emma," has been creating a small sensation in European revolutionary circles by her denunciation of the Russian Bolshevists. The present Government has given "that unhappy country a far worse tyranny than it ever experienced under the Czar," she says. And revolutionaries gasp and rub their eyes, while conservatives of all nationalities and classes expand visibly and say: "At last some one has started talking sense about Russia."

● *Keystone View.*

Emma Goldman.

Miss Goldman bases her statements on her own experience of two years under Bolshevist rule, during which time she went everywhere and saw everything, including persecutions of "free Russians," not for anything they had done but merely for holding opinions that the new dictators did not like. Her admissions, from a woman who was one of the most enthusiastic supporters of the Russian revolution, a delighted advocate of the new experiment there, have been a blow to the Bolsheviki of her own party.

She is at great pains to say that she censures the new Government of the Russias, not because it is revolutionary but because it is not revolutionary. She says it is killing all the best spirit that underlay Russian thought and life. She condemns it not because it has gone too far but because it has not gone far enough. But naturally the conservative mind in England discounts all that. It merely grasps the fact that here is "one of them" admitting that Bolshevism is wrong.

Perhaps for that reason the English extremists who make up the Goldman followers are bitterly indignant over her attitude, which is uncompromising. They feel that she is delivering the battle to the enemy. She continues, nevertheless, to warn them in the sternest way against indulging any communistic leanings themselves. She describes Bolshevism as a disease that is affecting Europe, and as being a million times worse than what it seeks to destroy.

The Perfect Revolution.

I asked Emma Goldman to define her notion of a perfect revolution.

"It must be an intense product from within," she said, "not an external application. A revolution that is merely external does away with institutions and not with the faiths that produced those institutions. That is worse than useless. It is merely a form of scene shifting. You do away with one painted backdrop and one group of supers, and immediately another backdrop and another group of supers, probably less desirable, take their place."

There is no autocrat more absolute, sometimes more hard and cruel, than the autocrat who has put himself in the position and is not born in it, according to Miss Goldman. That is why she thinks republics are less free than monarchies; why she prefers a constitutional monarchy to any other form of government, so long as we must have governments at all. The most nearly free countries in the world, she thinks, are Denmark, Sweden and Norway, and they have, accordingly, little crime, little political violence, little trouble. England she puts next.

"The two greatest autocracies in the world today," she told me, "are Russia and the United States. There is a startling similarity about them today, and yet they arrived at this position from diametrically opposed outsets. Russia began as a hideously autocratic absolute monarchy. It has stood for years as an example of oppression and lack of freedom. It has had a revolution in the name of freedom, and has returned into a slavery more abject than before.

"The United States, on the contrary, began as the most glorious experiment in liberty that the world has yet seen. The Declaration of Independence is a document that any conscientious anarchist—that I myself—could honestly subscribe to and would be proud to carry out. It might be an ideal of anarchism! And yet, moving away from this point, America has come together with Russia into the position that both occupy today, having the least democracy, the least freedom of all countries, the arch-autocrats of the world.

"For all that," she went on, "my faith in the people of the United States is unbounded. America has advantages that Europe lacks. She is not bound by tradition, for one thing; not subject to the snobbish dislike of change, dislike of any adventure in thought or fact, that tradition produces. These possibilities that the States possess are at present moving in wrong channels. Wealth and prosperity, and the pursuit of these things, have made her the co-autocrat with Russia. But some day the people will take up and use their own instinct for good. American youth is the most promising in the world. The adventurous spirit and mind of the Americans are the world's great hope of salvation."

The Hundred Neediest Cases Appeal Appears today in Section 8. Open your hearts and your purses.

986

821212023

The Emma Goldman Papers

Emma Goldman and Russia / Emma Goldman.– 29 cm. *In* The Star. –(Dec. 8, 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from the Minnesota Historical Society, St. Paul, MN. Institutional Location: Citizen's Alliance of Minneapolis Papers, Division of Archives and Manuscripts.

EMMA GOLDMAN AND RUSSIA

How the mind does twist and squirm to save its face.

Emma Goldman is disillusioned as to Russia but she clings to that chimerical thing she calls the Revolution declaring that the Bolsheviki are its foes.

As nearly as it is possible to make out from her well handled, analytical book, this anarchist woman opposed to all government still looks for the social revolution to solve all the problems of economics and government.

But friends of her ideas—foes of the thoughts she expresses—idealists—practicalists—all will find in her observations and her narratives of experiences in Russia most illuminating passages.

Here for instance is a thing she says of that monstrous weapon, the Tcheka or secret police, by which the few and hated Communists kept their hold upon the throats of 150,000,000 people:

> "It repeatedly happened that the rich relatives of an arrested man would be notified by the Tcheka of his execution. A few weeks later, after they had somewhat recovered from their shock and grief, they would be informed that the report of the man's death was erroneous, that he was alive and could be liberated by paying a fine, usually a very high one. Of course, the relatives would strain every effort to raise the money. Then they would suddenly be arrested for attempted bribery, their money confiscated and the prisoner shot."

And yet—she says—

> "Did not Zinoviev himself canonize Dzershinsky, the head of the bloody Tcheka, as the 'saint of the Revolution'?"

In briefer form, probably, than any other writer she has drawn a graphic word picture of the Russian revolution that will stand out indefinitely:

> "When like a mighty wave the cry swept over Russia, 'All power to the Soviets!' Lenin swam with the tide. When the peasants took possession of the land and the workers of the factories, Lenin not only approved of those direct methods but went further. He issued the famous motto, 'Rob the robbers,' a slogan which served to confuse the minds of the people and caused untold injury to revolutionary idealism. Never before did any real revolutionist interpret social expropriation as the transfer of wealth from one set of individuals to another. Yet that was exactly what Lenin's slogan meant. The indiscriminate and irresponsible raids, the accumulation of the wealth of the former bourgeoisie by the new Soviet bureacracy, the chicanery practiced toward those whose only crime was their former status, were all the results of Lenin's 'Rob the robbers' policy. The whole subsequent history of the Revolution is a kaleidoscope of Lenin's compromises and betrayal of his own slogans."

There is a picture of Russia. There is the story of its revolution, the explanation of Lenin's power, and a powerful character sketch of the man himself, all within the confines of a single paragraph.

Here is her conclusion—one that has a message for revolutionist, radical, progressive, liberal, conservative, or reactionary:

> *"The Russian revolution has made it very clear that both brain and muscle are indispensable to the work of social regeneration.*
>
> "Intellect and physical labor are as closely related in the social body as brain and hand in the human organism. One cannot function without the other."

987

860401007

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik government in Russia. In Italian] Governo Bolscevista in Russia / Emma Goldman.– pp. 27-29 ; 27 cm. *In* La Rivista Internazionale Anarchica [Paris]. –(Dec. 15, 1924).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

ticata ; l'Anarchia è insofferente ed anzi negatrice di arte politica la quale per essere l'abito dell'autorità si distingue anche come strumento di corruzione e di compromesso.

L'Anarchia è negazione della politica e gli anarchici rifuggono dal servirsi di ogni veste politica col non accettare cariche di pubblica autorità, come col non ammettere di trasformare il loro libero movimento autonomo in partito disciplinato e subordinato a gerarchie centrali che ne dettano il verbo ufficiale e ne circoscrivano le attività. Ma non solamente l'Anarchia come dottrina sociale è antagonistica alla politica ; non solamente il movimento anarchico è privo e insofferente di una superstruttura politica, ma gli anarchici rifuggono sdegnati dal servirsi dell'arte politica anche intesa come puro *mezzo* efficace alla realizzazione dell'Anarchia. E ciò è naturale. Poichè se gli anarchici nel condurre la loro lotta incessante contro i partiti dell'autorità per l'affermazione dell'Anarchia, si lasciassero trascinare a servirsi dell'arte politica come di un *mezzo* apparentemente efficace in date circostanze per tentarne la realizzazione ; non v'è dubbio che dovrebbero subito accorgersi di aver realizzato l'Autorità e non la Libertà. Quando l'anarchismo s'infatua di politica, si vizia conseguentemente di spirito d'autorità. E una lotta condotta con spirito d'autorità, con arte politica, porta necessariamente come risultato alla valorizzazione e all'affermazione dei principi d'autorità, alla mortificazione e alla negazione dell'Anarchia.

L'Anarchia che vuol essere veramente — e non può altrimenti intendersi — il nuovo ordinamento sociale di progresso, di civiltà e di ordine nella libertà e nella eguaglianza, non può coesistere con la politica la quale è strumento necessario ai partiti dell'autorità, ai partigiani dello Stato, ai regimi della coazione, della violenza armata, dell'oppressione e del privilegio economico.

Politica : è Autorità, è Governo, è Stato.
Anarchia : è Libertà, è assenza di Autorità, di Governo e di Stato.

AURO D'ARCOLA.

GOVERNO BOLSCEVISTA IN RUSSIA

PERCHÈ IO LO DENUNCIO.

UN TRADIMENTO D'IDEALI.

Io ero andata in Russia animata dalla speranza di trovare un paese rinato, con il suo popolo completamente consacrato al grande, benchè difficilissimo, compito di ricostruzione rivoluzionaria. Ed avevo fervidamente sperato di poter prendere parte attiva all'opera ispiratrice.

Ho trovato la realtà in Russia grottesca, totalmente diversa dal grande ideale che mi aveva sollevato sulla vetta di alte speranze sulla terra promessa. Ci vollero quindici lunghi mesi prima che io potessi esaurire la mia tolleranza. Ogni giorno, ogni settimana, ogni mese aggiungeva nuovi anelli alla catena fatale che tirava giù il mio prediletto edificio. Combattei disperata anche contro la disillusione. Per lungo tempo restai sorda alla voce implacabile che mi spingeva a guardare in faccia i fatti schiaccianti. Vedevo dinanzi a me lo Stato Bolscevista, formidabile, schiacciante ogni sforzo rivoluzionario costruttivo, sopprimente, avvilente e disintegrante ogni cosa.

Mentre ero in Russia non avevo un'idea chiara di quanto era stato scritto a proposito della Rivoluzione russa. Ma i pochi libri che mi pervennero accidentalmente mi apparvero molto inadeguati. Essi erano scritti da genie senza conoscenze immediate della situazione, ed erano tristamente superficiali.

Alcuni scrittori si erano trattenuti da due settimane a due mesi in Russia, non conoscevano la lingua del paese, e nella maggioranza dei casi erano stati pilotati da guide e da interpreti ufficiali. Non mi riferisco qui agli scrittori che, dentro e fuori di Russia hanno recitato la parte di funzionari di Corte. Ho in mente gli amici sinceri della Rivoluzione Russa. L'opera di molti fra essi si è risolta in confusioni ed equivoci incalcolabili. Essi hanno cooperato a perpetuare il mito che i Bolscevisti e la Rivoluzione sono sinonimi. In realtà, nulla è più lontano dal vero.

SOTTO FALSE PENNE

La *vera* Rivoluzione Russa avvenne nei mesi estivi del 1917. Durante quel periodo i contadini s'impossessarono della terra, gli operai delle fabbriche, dimostrando così che bene conoscevano il significato di rivoluzione sociale. Il mutamento di Ottobre era il tocco finale

BEST COPY AVAILABLE

988

860401007

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik government in Russia. In Italian] Governo Bolscevista in Russia / Emma Goldman.— pp. 27-29 ; 27 cm. *In* La Rivista Internazionale Anarchica [Paris]. —(Dec. 15, 1924).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

all'opera iniziata sei mesi prima. Nella grande rivolta i Bolscevisti assunsero la voce del popolo. Così si ammantarono del programma agrario dei Rivoluzionari Sociali e della tattica industriale degli Anarchici. Ma dopo che l'ondata ascendente di entusiasmo rivoluzionario li ebbe portati al potere, i Bolscevisti si spogliarono delle false penne.

Fu allora che la separazione spirituale tra i Bolscevisti e la Rivoluzione russa ebbe principio. Col succedersi di ogni giorno la crepa si allargò, e i loro interessi apparivano maggiormente in conflitto. Oggi non è affatto esagerazione affermare che i Bolscevisti rappresentano i peggiori nemici della Rivoluzione russa.

Le superstizioni si spengono difficilmente. Nel caso di questa moderna superstizione il processo è doppiamente difficile, perchè vari fattori hanno concorso ad amministrarle la respirazione artificiale. L'intervento internazionale, il blocco, e l'efficassima propaganda del Partito Comunista stanno mantenendo in vita il mito Bolscevista.

Quanto sia potente la forza di questa superstizione l'ho compreso dalla mia propria esperienza. Ho sempre saputo che i Bolscevisti erano Marxisti. Per trent'anni ho ritenuto il marxismo per una formula sociale fredda, meccanica ed opprimente. In opuscoli, conferenze e discussioni ho combattuto contro di essa. Ero dunque non del tutto impreparata a quello che poteva attendersi dai Bolscevisti. Ma l'attacco degli Alleati contro di essi li rese il simbolo della Rivoluzione russa, e mi spinse alla loro difesa.

TRADIMENTO DELLA RIVOLUZIONE

Da novembre 1917 fino a febbraio 1918, mentre ero in libertà provvisoria per la mia attitudine contro la guerra, ho girato l'America in difesa dei Bolscevisti ; li ho difesi come personificazione, in *pratica*, dello spirito della Rivoluzione, malgrado il loro teoretico marxismo. Riferisco queste circostanze per indicare che il mio cambiamento di opinione e di sentimento fu un penoso e difficile processo, e che la mia decisione finale di parlare è per la sola ragione che il popolo possa dappertutto apprendere a distinguere tra i Bolscevisti e la Rivoluzione russa. Infatti, non protestare contro il tradimento della Rivoluzione russa mi avrebbe resa complice di quel tradimento.

È stato insinuato che come Anarchica, che insiste nell'importanza della libertà individuale e personale, mi sono rivoltata contro i Bolscevisti perchè non ho trovata realizzata la mia filosofia sociale. Io non andai in Russia aspettandomi di trovare una società Anarchica sulle peste del regime Zarista. Speravo, però, di trovare in Russia almeno il cominciamento dei mutamenti sociali per cui la Rivoluzione era stata operata, alcuni miglioramenti sociali essenziali per gli operai e contadini in generale.

Avevo certamente il diritto di attendermi questo dai Bolscevisti. Ma in realtà il popolo Russo non ha guadagnato nulla dallo esperimento Bolscevista. Certamente, i contadini hanno la terra, non per grazia del potere che governa, ma attraverso ai loro sforzi diretti messi in moto lungo tempo prima del cambiamento di Ottobre.

SCHIAVITU DEL PROLETARIATO

Gli operai russi, come i contadini, impiegarono anch'essi l'azione diretta. S'impossessarono delle fabbriche, organizzarono i loro circumitati di negozio, ed avevano virtualmente il controllo della vita economica della Russia. Ma ben presto furono spogliati del loro potere e collocati sotto il giogo industriale dello Stato Bolscevista. La sorte del proletariato russo divenne una schiavitù abbietta. Esso veniva oppresso e sfruttato in nome di qualche cosa che doveva più tardi dargli conforto, luce, calore. Con tutta la buona volontà di cui disponevo, non mi è riuscito di trovare in alcun luogo il più remoto principio delle esaltate promesse fatte agli operai e ai contadini dai Bolscevisti.

D'altra parte trovai la fede rivoluzionaria del popolo spezzata, lo spirito di solidarietà oppresso, il significato della fratellanza e dell'assistenza reciproca distorto. Bisogna aver vissuto in Russia, vicino agli affari giornalieri del popolo ; aver visto e sentito la sua amara delusione e disperazione per apprezzare al suo giusto valore l'effetto disgregatore del principio e dei metodi Bolscevisti : disgregatore di tutto quanto era una volta l'orgoglio e la gloria della Russia Rivoluzionaria.

TERRORISMO DIVENTATO ISTITUZIONE

Io non contradico che distruzione e violenza fanno parte della Rivoluzione. Si sa che nel passato ogni grande cambiamento politico ha avuto bisogno di violenza. Però, una cosa è impiegare violenza nella lotta, come ultimo mezzo di difesa, e altra farne un principio di terrorismo, trasformarla in istituzione, e affidare ad essa la funzione più vitale nella lotta sociale. Tale terrorismo crea la controrivoluzione e diventa alla sua volta controrivoluzionario.

Raramente una Rivoluzione è stata compiuta con così poca violenza come la Rivoluzione russa. Ma una minoranza insignificante, intenta a creare uno Stato assoluto è necessariamente condotta all'oppressione e al terrorismo.

BEST COPY AVAILABLE

989

860401007

The Emma Goldman Papers

[The Bolshevik government in Russia. In Italian] Governo Bolscevista in Russia / Emma Goldman.— pp. 27-29 ; 27 cm. *In* La Rivista Internazionale Anarchica [Paris]. —(Dec. 15, 1924).

Obtained from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, CA.

Aderenti ed amici dell'esperimento Bolscevista insistono che la Russia è in « *isciopero* » e, indipendentemente da quanto si può sconvenire dai metodi adottati dal regime, è contro l'etica di un Rivoluzionario schierarsi contro i lavoratori quando questi si battono contro i loro padroni. A parte che io rifiuterei di condonare ai lavoratori quello che condanno nei padroni, confermo che questo argomento degli apologisti del regime Bolscevista è pura demagogia, adoperata per far tacere la critica.

Non è vero che il popolo Russo è in « *isciopero* ». Al contrario, la verità dei fatti è che il popolo russo subisce una « *serrata* », e che lo Stato Bolscevista — tal quale come il padrone industriale borghese — usa la spada e il fucile per tenere il popolo fuori. Nel caso dei Bolscevisti, questa tirannia è mascherata da una parola d'ordine che mette il mondo in scompiglio ; e così sono riusciti ad abbacinare le masse. Per me, poco importa se la tirannide governa dal Kremlino, o da qualche altro seggio di potente, io debbo schierarmi contro di essa.

COMPLETO E MISERO FALLIMENTO

Due anni di assiduo studio e d'investigazione mi hanno convinto che i grandi benefici apportati al popolo russo esistono soltanto sulla carta, dipinti a colori smaglianti alle masse d'Europa e d'America da una efficace propaganda Bolscevista. Come maghi della pubblicità i Bolscevisti superano tutto ciò che il mondo ha già consciuto prima di essi.

Nei prossimi due articoli, comunque, esporrò il triste e completo fallimento dell'esperimento Bolscevista, nell'educazione, nei suoi effetti, sui lavoratori, sui Soviets, in fatto, su tutta la vita del paese.

Comprendo che le masse, come l'individuo, possono non imparare rapidamente dall'esperienza altrui. Pertanto coloro che hanno acquistata tale esperienza debbono parlare, non fosse altro, perchè non possono, per giustizia verso sè stessi e i loro ideali, incoraggiare la grande delusione che si è loro rivelata come tale.

EMMA GOLDMAN.

(*Traduzione dall'inglese di San-Culotto.*)

IL BANCHETTO DEI CANCRI

Il fascismo (intendo il fascismo governo) è al suo tramonto. Ignominioso tramonto!

Non c'è chi non lo veda.

I semidei sono là, denudati di tutti gli orpelli e gli addobbi, davanti al mondo incuriosito e trasognato, che si domanda : « son proprio essi? » Gli eroicissimi vivono ancora della vita del cancro, il quale, perchè non divori la parte sana del paziente, lo si alimenta dall'esterno con carne macellata.

Lo spettacolo è nauseante, ma è divertente. Divertente per gli amatori di cose imperiali e magno-romane.

Dov'è il romantiere, il poeta, il pittore zoliano che ci dia il quadro di questa orgia fantastica di dissoluzione e di purulenza, nella quale par di vedere rotolarsi nel brago della bassura in una sadica voluttà di reciproca demolizione, gli eroi a cui Roma eterna sembrava aver affidato il comando supremo, provvisoriamente d'Italia, definitivamente del mondo?

Nessun dubbio che sarebbe stato più estetico, più « storico » vederli cadere sotto i colpi inferociti di un prolelariato sorto in armi a vendicare i suoi tormenti e le sue sciagure ed a conquistare la sua libertà ; libertà che è certamente qualcosa che si può definire esattamente non solo di più e di meglio ; ma anche « diverso » da quella che gli vorranno regalare sopraggiunti flebotomi delle opposizioni sulla maestà il re o di sua onnipotenza il male.

Si ; sarebbe stato più estetico. Ma, in attesa di meglio, soffermiamoci a considerare il lato spettacoloso che ci offrono gli avvenimenti della rinnovata grandezza romana. Perchè, se sarebbe stato più bello vederli cadere attaccati dalla rivolta popolare, sarebbe stato anche meno ignobile per essi e [illegible] la fantasia popolare avrebbe lasciato [illegible] ad un giudizio meno severo della storia. [illegible] sarebbe stato possibile attenuare nella [illegible] del popolo il ricordo di come vilmente [illegible] e di come sconciamente si assisero sulla vittoria.

Ma no. Giove li ha perduti facendoli vincere troppo e così prima ancora della rivolta popolare essi stanno affogando nel fango.

Fango loro.

Fango del loro fango.

Eccoli là, leoni alla mattina, cenci da macero in ventiquattrore.

Eccoli, ombre di sè, condannati a vivere per assistere alla decomposizione della loro carogna politica. Eccoli, carcerieri, padroni di carcerieri, sentirsi inseguiti dalla minaccia della galera essi, che, già sovversivi, non ce li trovammo mai a fianco quando per le nostre idealità noi, a fronte alta passammo dalla tribuna della piazza a quella dei tribunali.

Eccoli, cavalcanti sul cavallo alato della vittoria e della gloria, con ai loro piedi, prostrati, artisti, poeti, lacchè della stampa, principi della reggia e della chiesa, parlamentari, Universitarii, cittadini onorari, professori onorari,

BEST COPY AVAILABLE

990

810409354

The Emma Goldman Papers

Bolshevist Tyrants Have Made Russia a Land of Slaves, Says Emma Goldman / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 28 cm. *In* The New York Herald-New York Tribune. — (Dec. 21, 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Emma Goldman Scrapbook, Rare Books and Manuscripts Division.

THE NEW YORK HERALD
New York Tribune

SUNDAY, DECEMBER 21, 1924 *

Bolshevist Tyrants Have Made Russia A Land of Slaves, Says Emma Goldman

Anarchist Leader, Who Retreated From Moscow in Terror, Denounces Soviet Chiefs as Wreckers of Nation; Declares Workers Are Driven Pitilessly Under the Industrial Yoke, While Misgoverned State Faces Disaster and Financial Ruin

[Miss Emma Goldman is known throughout the world as a leader of anarchist thought. She went to Russia after the revolution in the hope of finding there the promise of immense social betterment for the workers. She found instead that the Russian people were held in the vise of a tyranny more odious in many ways than the Czardom.

She has recently returned to England, and in the following statement, printed in the current issue of "The London Sunday Chronicle," she relates the process of her disillusionment. It is safe to say that no more pitiless and convincing exposure of the brutal and bestial mockery of Bolshevism has ever appeared.]

By Emma Goldman

LONDON.

I went to Russia possessed by the hope that I should find a new-born country with its people wholly concentrated to the great though very difficult task of revolutionary reconstruction. And I had fervently hoped that I might become an active part of the inspiring work.

I found reality in Russia grotesque, totally unlike the great ideal that had borne me upon the crest of high hope to the Land of Promise. It required fifteen long months before I could get my bearings. Each week, each month, added new links of the fatal chain that pulled down my cherished edifice.

I fought desperately against the disillusionment. For a long time I strove against the still voice within me which urged me to face the overpowering facts. I saw before me the Bolshevik state, formidable, crushing every constructive revolutionary effort, suppressing, debasing and disintegrating everything.

While in Russia I had no clear idea how much had already been written on the subject of the Russian revolution. But the few books which reached me occasionally impressed me as most inadequate. They were written by people with no first-hand knowledge of the situation and were sadly superficial. Some of the writers had spent from two weeks to two months in Russia, did not know the language of the country, and in most instances were chaperoned by official guides and interpreters.

Mischief in Misinformation

I do not refer here to the writers who, in and out of Russia, played the role of Bolshevik court functionaries. I have in mind the sincere friends of the Russian revolution. The work of most of them has resulted in incalculable confusion and mischief. They have helped to perpetuate the myth that the Bolsheviki and the revolution are synonymous. Yet nothing is further from the truth.

The actual Russian revolution took place in the summer months of 1917. During that period the peasants possessed themselves of the land, the workers of the factories, thus demonstrating that they know well the meaning of social revolution.

The October change was the finishing touch to the work begun six months previously. In the great uprising the Bolsheviki assumed the voice of the people. They clothed themselves with the agrarian program of the social revolutionists and the industrial tactics of the anarchists. But after the high tide of revolutionary enthusiasm had carried them into power the Bolsheviki discarded their false plumes. It was then that began the spiritual separation between the Bolsheviki and the Russian revolution.

With each succeeding day the gap grew wider, their interests more conflicting. To-day it is no exaggeration to state that the Bolsheviki stand as the arch enemies of the Russian revolution.

Superstitions die hard. In the case of this modern superstition the process is doubly hard, because various factors have combined to administer artificial respiration. International intervention, the blockade and the very efficient world propaganda of the Communist party are keeping the Bolshevik myth alive.

How powerful is the hold of this superstition I realized from my own experience. I always had known the Bolsheviki were Marxists. For thirty years I fought the Marxian theory as a cold, mechanistic, enslaving social formula. In pamphlets, lectures and debates I argued against it. I was therefore not unaware of what might be expected from the Bolsheviki. But the allied attack upon them made them the symbol of the Russian revolution and brought me to their defense.

From November, 1917, until February, 1918, while out on bail for my attitude against the war, I toured America in defense of the Bolsheviki. I defended them as embodying in practice the spirit of the revolution, in spite of their theoretic Marxism.

I refer to these circumstances to indicate that my change of heart and mind was a painful and difficult process and that my final decision to speak out is for the sole reason that the people everywhere may learn to differentiate between the Bolsheviki and the Russian revolution. In fact, not to cry out against the betrayal of the Russian revolution would have made me a party to that betrayal.

System of Slavery Installed

It has been suggested that as an anarchist who insists on the importance of the individual and personal liberty I have turned against the Bolsheviki because I did not find my social philosophy realized. But that is sheer nonsense. I did not come to Russia expecting to find an anarchist society on the heels of the Czarist regime. I did, however, hope to find in

(Continued on page five)

BEST COPY AVAILABLE

991

810409354

The Emma Goldman Papers

Bolshevist Tyrants Have Made Russia a Land of Slaves, Says Emma Goldman / Emma Goldman.— pp. 1-2 ; 28 cm. *In* The New York Herald-New York Tribune. — (Dec. 21, 1924).

Permission to reproduce or quote in any form must be obtained from The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations. Institutional Location: Emma Goldman Scrapbook, Rare Books and Manuscripts Division.

Emma Goldman Says Russia Is Land of S

(Continued from page one)

Russia at least the beginnings of the social changes for which the revolution had been fought—some essential betterment for the workers and peasants as a whole. I certainly had a right to expect that from the Bolsheviki.

But in reality the Russian people have gained nothing from the Bolshevik experiment. To be sure, the peasants have the land, not by the grace of the present ruling power, but through their own direct efforts set in motion long before the October change. The Russian workers, like the peasants, also employed direct action. They possessed themselves of the factories, organized their own shop committees and were virtually in control of the economic life of Russia. But soon they were stripped of their power and placed under the industrial yoke of the Bolshevik state. Abject slavery became the lot of the Russian proletariat.

It was suppressed and exploited in the name of something which was later to bring it comfort, light and warmth. Try as I might I could find nowhere the remotest beginning of the exalted promises made to the workers and peasants by the Bolsheviki.

On the other hand I did find the revolutionary faith of the people broken, the spirit of solidarity crushed, the meaning of comradeship and mutual helpfulness distorted. One must have lived in Russia close to the everyday affairs of the people, one must have seen and felt their utter disillusionment and despair to appreciate fully the disintegrating effort of the Bolshevik principle and methods—disintegrating all that was once the pride and the glory of revolutionary Russia.

The argument that destruction and violence are part of revolution I do not dispute. I know that in the past every great political change necessitated violence. Yet it is one thing to employ violence in combat as the last means of defense; it is quite another thing to make a principle of terrorism, to institutionalize it, to assign to it the most vital place in the social struggle. Such terrorism begets counter-revolution, and in turn becomes counter-revolutionary.

Rarely has a revolution been fought with as little violence as the Russian revolution, nor would Red Terror have followed had the people and the cultural forces remained in control of the Russian revolution. But an insignificant minority bent on creating an absolute state is necessarily driven to oppression and terrorism.

Adherents and friends of the Bolshevik experiment insist that Russia is on strike, and no matter how one may disagree with the methods employed by the regime, it is unethical for a revolutionist to side against the workers when they are striking against their masters. I insist that the contention of the apologists of Bolshevik regime is sheer demagoguery practiced to silence criticism.

It is not true that the ... are on strike. On the contrary, truth of the matter is that the Russian people have been locked out, and that the Bolshevik state—even as the bourgeois industrial master—uses the sword and the gun to keep the people out. In the case of the Bolsheviki this tyranny is masked by a world-stirring slogan; thus they have succeeded in blinding the masses. To me it is immaterial whether tyranny rules in the Kremlin or in any other seat of the mighty. I have to take my stand against it.

Two years of earnest study and investigation convinced me that the great benefits brought to the Russian people exist only on paper painted in glowing colors to the masses of Europe and America by efficient Bolshevik propaganda. As advertising wizards the Bolsheviki excel anything the world has ever known before.

(The World-Wide News Service, Inc., Boston, Mass).

BEST COPY AVAILABLE

The Emma Goldman Papers

A Microfilm Edition

Reel 50

Goldman Writings

January 1, 1925 to January 1, 1926

Edited by
Candace Falk
Ronald J. Zboray
and
Daniel Cornford

CHADWYCK-HEALEY INC.

Alexandria, Virginia Cambridge, England

16X

1.0
1.1
1.25
1.4
1.6
2.8
2.5
3.2
2.2
3.6
2.0
4.0
1.8

END

